

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1897

Годъ 28-й.

А.Ф. МАРКСОВЪ

Малая Морская, № 22.

XXVIII г.

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содрж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣдныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдавъ 5 июля 1897 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со- держащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Лите- ратурныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 25 к., съ перес. изъ город. 3 р. 50 к., на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. изъ город. 3 р. 50 к.									

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. VII (Сборникъ «Нивы» за Іюль); 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ ЗА ІЮЛЬ 1897 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 83 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 40 рис. руководящихъ работъ.

Въ степи. Съ карт. А. Вагнера грав. Кирязе.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

IV.

Елена Борисовна едва досидѣла трапезу у матери Клеопатры. Та во всемъ любила постепенность и торжественность. Ей блюдо за блюдомъ подавали бѣлиды. Она едва ихъ касалась и глазами только приказывала: обноси-де дальше. Справа отъ нея была Александра, слѣва—какая-то прѣзжая изъ города старушка. Должно-быть, изъ такъ-называемыхъ „благодѣтельницацъ“, потому что держала себя гордо и независимо. „Не я-де вамъ, а вы мнѣ кланяться должны“. Игуменья, впрочемъ, сама была сильный человекъ и рядомъ ничьей чужой воли не терпѣла. Благодѣтельница какъ-то выкинула:

— Я тоже думала прежде въ монастырь,—да не ловко.

— Отчего же?—спросила Клеопатра.

— Все-таки, я генеральша!

— Ну такъ что же?

— А у васъ больше мужички!

— Кто же это вамъ сказалъ? Вотъ, напримѣръ, мать Александра—урожденная княжна Балкашинская. Есть у насъ и графиня Напласина! Евдокія, напримѣръ, изъ Смольнаго, да еще съ шифромъ. Покойною императрицей сколько разъ собственноручно обласкана была. Мать Меланія—вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Ей на конвертахъ — „Ея высокопревосходительству“ писали... Нѣтъ, что же, у насъ этого добра—сколько угодно. Разумѣется, передъ Богомъ всѣ равны, и въ обители честь не по паспортамъ, а по заслугамъ. У меня вонъ графиня Напласина цѣлую недѣлю тѣсто мѣсила. Я гордыхъ не люблю, имъ и Господь противится. У Его алтаря титулы сложить надо, и это еще малѣйшая изъ жертвъ. Разумѣется, глупымъ людямъ кажется, что они не вѣсть какъ превозвышены, а Всевѣдущему съ неба — иная мать Степанида, привратница у насъ, неграмотная,—куда прятнѣе, потому она заповѣди Его блюдетъ...

Гостья прикусила языкъ и весь обѣдъ просидѣла молча, падутая. Только знаменитые монастырскіе пироги съ вареньемъ вернули ей хорошее расположеніе духа, и она уже шутя спросила мать Клеопатру:

— Неужели вы бы и меня тѣсто мѣсить послали?

— Отчего же. Я по заслугамъ. У насъ и похуже есть работы. Навозъ сгребать,—удобрять огородъ. Всѣ вѣдь инокини.

— Ну, вы меня извините—это трудъ низкій.

— Смотри на кого... Труда низкаго вообще нѣтъ. Лѣньность низка, дѣйствительно. А тутъ въ обители всякая на Бога въ потѣ лица своего изводится...

— Ну, а княжна, напримѣръ?—кинула та на монахиню справа отъ игуменьи.

— Мать Александра, то-есть?—поправила ее Клеопатра.—Мать Александра?... У нея свой департаментъ. На ея рукахъ наша канцелярія, школа, библиотека. И она не даромъ. Иной день такъ ее замотаетъ, что къ вечернѣ придетъ она—глаза у нея слипаются. И я это вижу и не укоряю ее,—для Бога устала. И Онъ на ней грѣха не попомнитъ.

Когда пироги, наконецъ, были съѣдены и бѣлиды принесли на тарелкахъ самодѣльную пастилу и чай, Елена Борисовна, взглянувъ въ окно, замѣтила посреди монастырскаго двора Софью Владиміровну. Онѣ условились тамъ встрѣтиться. „Должно-быть, пора“. И точно на иголкахъ просидѣла еще полчаса. Ей казалось, что и небо ужъ начинать желтѣть, и края облаковъ за-

гораются... Не солнце ли садится? Нѣтъ—далеко еще. Вонъ часы на стѣнѣ. Они всего половину второго показываютъ... Изъ-за монастырскихъ келій, надъ зеленою, недавно выкрашеною кровлей, поднялась туча. Какъ бы не затянула небо... Ну какъ соберется дождикъ—что тогда? Туча дѣйствительно наливалась, густѣла—вотъ-вотъ просыпнется крупными каплями. Нѣтъ, слава Богу. Когда Леля совсѣмъ этого не ожидала, сѣрыя нѣдра мари разорвались и насквозь—яркое, слѣпящее солнце такъ и облило цѣлый міръ блестящимъ. Засіяли крыши, загорѣлись купола и кресты, словно эмалью засверкали листья капитановъ. Нѣсколько минутъ—и тучи точно не бывало, только оборванные хлопья ея бѣгутъ куда-то по сапфирному сегодня небу...

„Наконецъ-то!“—чуть не крикнула Елена, когда мать Клеопатра грузно встала и начала молитву.

— Леля, ты со мною?—спросила ее мать Александра.

— Я условилась съ Софьей Владиміровной гулять идти...

— Ну идите, идите... Ваше дѣло молодое. А я въ библиотеку разбираться...

Елена чуть не споткнулась на лѣстницѣ. Она даже не замѣтила, съ какою злостью ее проводила Еликонида.

— Поскачи, поскачи,—шипѣла та, краснѣя.—Скоро тебѣ свяжутъ по рукамъ и по ногамъ... Не далеко убѣжишь!.. шелопутка несуразная,—и, не выдержавъ, вдругъ крикнула:—Елена Борисовна!

— Что, голубушка?

— Это „голубушка“ по-сердцу ударило Еликониду. Ей вдругъ сдѣлалось страшно: что она надѣлала.

— Куда вы? Ежели матушка спроситъ.

— Скажите: гулять пошла, недалеко, съ Софьей Владиміровной.

„Тоже—потатчица. Знаемъ мы эту погулянку. Какъ тогда, въ пунькиномъ саду: миловаться да цѣловаться. Что говорить, всякой лестно, потому ежели Николай Львовичъ объиметь... Нѣтъ на тебѣ смерти, проклятущій!—обозлилась она вдругъ на кота, съ мирнымъ мурлыканьемъ, задрать хвостъ, тершагося о ея ноги. Сбросила его на нѣсколько ступеней. Васька горестно удивился, даже голову опустилъ, точно соображал, что бы это значило, да мимо окна мелькнула птичка, и онъ живо перемахнулъ на порогъ, забывъ о только что сдѣланной ему несправедливости.

— Гулять! Вотъ Мосей Лукичъ покажетъ тебѣ, какъ гуляютъ. Погоди.—Точно сама себя старалась опьянить злостью Еликонида.—Накроютъ, точно воробья шанкой, тутъ тебѣ и раздѣлка будетъ... Небось, зготъ не помилуетъ.

А сердце у нея ныло и сжималось. Въ самомъ дѣлѣ, Елена Борисовна всегда была такъ добра съ нею. Брошку ей подарила. Положимъ, въ монастырѣ носить нельзя. Да вѣдь не вѣчно же хорониться здѣсь отъ Милитона Саввича. Обопьется онъ когда-нибудь или въ трактирѣ ушибутъ его... А то офицеръ застрѣлитъ изъ пистолета за невѣжество. Тогда и Еликонида лѣтомъ отсюда, только ее и видѣли. Дня не останется... Брошка-то и пригодится. Потомъ браслетку съ руки отдала ей у Пуни, а она чѣмъ отплатила Копровой? Страшно даже. Бѣлица тихо спустилась на монастырскаго двора. Каштаны кидали длинныя тѣни, недвижныя, потому что вѣтерокъ замеръ и ни одинъ листокъ не похляхалъ. Сквозные точно—солнечные лучи

тщательно вырисовывали переплеты вѣтвей и узорочную листву—зубчикъ за зубчикомъ, заливая золотомъ промежутки между ними. Черпью по горячему желтому фону казались эти живые отпечатки... Большая птица проплыла вверху, широко разбросивъ сѣрыя крылья. Должно-быть высматриваетъ какую-нибудь пташку внизу... Можетъ, бѣдняжка надъ гнѣздомъ ворошится, а ее уже замѣтилъ острый взглядъ хищника и когти выпустилъ въ страстномъ чаяніи близкой добычи. Совсѣмъ какъ Моисей Лукичъ... Также камешкомъ упадетъ и клюнетъ въ голову... „Что я надѣлала, что я надѣлала, проклятуца!“ Небо синее-синее. Такой глубины за это лѣто еще и не бывало. Конца нѣтъ безднѣ. Мысль—на что вольная летунья, и та не найдетъ предѣла. Облачка сползли. Последнее жемчужнымъ краемъ заходить за стѣну обители... Вотъ и зашло... Чистота какая. Святость вверху, а внизу—помыслы злонные, ненависть адская... Еликонида готова была расплакаться. Одно—авось мужикъ не нашелъ Копровыхъ. Уѣхали тѣ—и онъ вернулъ съ ее глупымъ письмомъ. Какъ это она могла рѣшиться? Вѣдь Николай Львовичъ ни разу не общалъ ей ничего. Онъ все равно что ничей, и ужъ во всякомъ случаѣ скорѣе Елена Борисовна можетъ считать его своимъ, чѣмъ Еликонида. Сердце бѣлички трепетало, точно пойманная птица. Что дѣлать? Какъ это она могла, не сообразивъ, вызвать такую бѣду на чужую голову. Точно принадлежащее ей добро защищала. Сдуру „караулъ“ крикнула, а что выйдетъ теперь изъ этого, обороны, Боже!.. Она проходила въ эту минуту мимо монастырской церкви. Двери на паперть были открыты. Въ нихъ темнѣло... Въ потемкахъ дрожали огоньки свѣчей и мерещились серебряные оклады иконостаса... Розовыя стеклышки лампадокъ точно плывутъ въ клубахъ сизоватаго ладана. Еликонида пошла туда. Какъ отяжелѣли ноги. Ступень за ступенью трудно дается, словно гири привѣшены. Видимое дѣло—грѣхъ не пускаетъ. Злонныя мысли удерживаютъ: куда-де тебѣ, ненавистницѣ, въ храмъ Божій. Тутъ миръ, кротость, прощеніе... Она приостановилась въ дверяхъ... Сколько свѣту въ бѣломъ куполѣ... Солнца вволю. Окна большія—и все бѣло. Колонны такъ и загораются... Золотыя дорожками лучи бѣгутъ по церковному полу. Только снаружи чудились потемки. Спасъ милостивый такъ и сверкаетъ вѣнчикомъ и драгоценными камнями оклада. Кто это передъ Нимъ на колѣвнихъ? Мать Евдокія. Проняло ее матушкино наставленіе—отмаливаетъ свой малый грѣхъ монахиня. Черная фигура ея, склоненная и тонкая, такъ и выдѣляется изъ окружающихъ тоновъ... Еликонида зашла за колонну... Постояла-постояла и заплакала. Сначала тихо, а потомъ не удержалась... Забилась, прислонясь къ холодному алебастру; колѣни сами собой подогнулись... Лишь бы не замѣтилъ никто... Нѣтъ—вонъ отъ стѣны отдѣляется что-то черное, точно призракъ—сквозь нее прошедшій... Совсѣмъ иконописная монахиня—вся на олифѣ. Если бы Еликонида подняла голову, она бы сейчасъ узнала ее. Мать Агнія. Она часто въ церкви забывается. Отъ одной до другой службы остается. Все мученичества ищетъ, а тутъ разъ навсегда сложившіяся формы, и не пробиться. Стѣной огородили ея молитвенный экстазъ. Сказываютъ, отмаливаетъ невѣдомый грѣхъ. Вся въ сухихъ складкахъ; или вверху ее тянетъ, и глаза, и душу, или точно замреть и застынетъ. На земное все смотреть злобно. Монахиня безъ доброты. Дониимаетъ—довинаетъ себя, бѣтъ хлѣбъ да воду, зимою босикомъ выстаиваетъ на морозѣ. Носила даже вериги, да архіерей запретилъ... А сердце все не шелохнется и слезъ примирающихъ плѣтъ. Изъ купчихъ она—родная сестра Еликонидному ворогу Милитону Савичу Слонову. Постриглась двадцати семи лѣтъ, послѣ пожара, въ которомъ по-

гибли ея мужъ и дѣти. Съ тѣхъ поръ рѣдко въ комъ она затронула сердце. Какъ нападетъ на нее стихъ—она и замолчитъ—да на цѣлые мѣсяцы... Хмурится на всѣхъ—ведѣ грѣхъ одинъ видить... Развѣ только что зашипитъ, встрѣтивъ другую инокиню...

Еликонида очнулась отъ какого-то прикосновенія.

Поднялась—мать Агнія... Боялась ея бѣлица, пожалуй, такъ же, какъ брата...

— Чего митешься?.. О чемъ плачешь?..— злобно сверкала та глазами.

— Такъ... Такъ я, матушка... Сиротство свое вспоминаючи...

— Подъ черную крышку иди... Постригись... Нечего бѣса тѣшить. Ишь они около тебя торжествуютъ. Тыфу-тыфу!.. Да воскреснетъ Богъ и расточатся... Ты думаешь—прибѣжала сюда и спаслась... Ишь щеки-то... Скоромь! Крови-то, крови. Бушуетъ она... На грѣхъ наводитъ... Огнемъ по тѣлу бѣжить... Смотри, голову отыметь, соблазномъ одурманитъ—пропадеешь... Подъ черную крышку... Я тебѣ говорю...

А костлявымъ пальцемъ такъ и стучитъ въ плечо Еликониды. Больно той, и не смѣетъ шевельнуться. Эти острые, яркіе, злые глаза на сухомъ лицѣ завораживаютъ ее. Только сердце полыхнется и жуть въ груди...

— Братъ писалъ... Известно, пьяная душа! Скажи Еликонидѣ—не уйди отъ меня. Мертвую изъ пролуби достану. Весь вашъ монастырь въ ключья разнесу—а добуду ее... Натѣшусь... Попомнить она меня... И не уйдешь, сама вижу—не уйдешь. Потому, ты не монахиня еще. Въ постригѣ не была—всякій тебя обидѣть можетъ. А изъ-подъ черной крышки не достанетъ. Нѣтъ! Не посмѣетъ изъ-подъ черной крышки. Все равно, что изъ гроба. Изъ пролуби вынетъ—ну, а изъ могилы не смѣетъ. Надъ могилой крестъ... слышь ты... А умкнетъ онъ тебя, да замужъ возьметъ...

— Не пойду я за него.

— Не пойдешь?.. — И еще злѣе мать Агнія сверкнула на нее глазами.— Не пойдешь—запретъ онъ тебя въ подвалъ, да арапникомъ. Слышала ты про такія дѣла. Знаешь, какъ нашу сестру учать. Нѣтъ? Узнаешь—до смерти засѣчетъ, сама въ церковь подъ вѣнецъ запросишься. И не будетъ у тебя счастья. Потому у нихъ и отъ ласки больно. И ласка-то у нихъ звѣриная—съ размаху. Что ему въ томъ—пушай у тебя кости трещать—у него онѣ крѣпкія, ему ничего. Дрожмя-дрожать будешь—въ глаза ему смотрѣть, какъ собака забитая. И навелится же онъ надъ тобою. Станетъ ногами топтать—а ты слѣды ихъ цѣловать будешь... Смерти у Бога запросишь!.. Знаешь что это—когда смерть ненавистенъ?.. А?.. У старухъ зелья заичешь... По ночамъ, проснувшись, не шелохнешься. А въ головѣ: чѣмъ бы его извести. Гдѣ бы отраву такую найти... Дѣти будутъ, и на нихъ закипитъ злоба. Такъ бы и придушила щенятъ... А потомъ мѣла... Черти надъ тобою посмѣются. Что взяла—душу свою погубила... Въ адъ ее, въ адъ. Въ геенну огненную, въ Вельзевулову пасты самую... Ха! Ты такъ думала... Уйдешь отъ Милитона?.. Спрячешься?.. Нѣтъ, онъ тебя и изъ-за стѣны этихъ выудитъ. Небось... Подстережетъ... Подъ черную крышку, слышишь! Въ постригъ... Богу обручись—тогда и онъ отлынетъ. Не посмѣетъ Христову невѣсту на петлѣ къ себѣ тащить.

И постукавъ еще разъ костлявымъ пальцемъ въ ея круглое и твердое плечо—отошла. Рухнула у большой иконы въ богатомъ окладѣ, ея же принесенной монастырю—и забилась въ смертной истомѣ...

Еликонида тихо вышла изъ церкви.

Страхъ ее сдавилъ холодными, безпощадными руками.

„Не уйдешь... Найдеть... Половить... Нелюбимый... Ужли-жъ подъ иноческую шапку схорониться, когда къ жизни такъ и тянетъ“. Всѣ нервы и жилы пере-

XXV передвижная выставка. „Дорога въ усадьбу“.
Съ карт. Е. Е. Волнова (исключ. право воспр. принадл. „Нивъ“) грав. Рашевскій.

XXV передвижная выставка. „У дверей школы“.
Съ картины (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) И. Богданова-Бѣльскаго грав. И. Павловъ.

вились съ этимъ міромъ—оторвись отъ него, изойдешь кровью... Да развѣ можно такъ, силой?.. Кому нельзя— а Слонову законы не писаны— въ каторгу уйдетъ, но сдѣлаетъ по-своему. На такихъ еще узды не выдумали!.. „Да и подѣломъ. Что тебя жалѣтъ — ты сама кого пожалѣла? Теперь Елену Борисовну подъ ножъ подвела. Можетъ-быть Моисей Лукичъ уже скачетъ сюда. Распался весь — до бѣла!.. Господи, не надо, ахъ, не надо, не надо“...

И она заметалась по двору, не зная, куда ей дѣваться.

V.

— Ты меня проведешь туда, Сонечка?—спрашивала Елена Борисовна Агушеву.

— Еще бы! Ты и дороги не найдешь одна.

— Только вотъ что—тамъ-то ты не оставляй меня.

— Боишься его, что ли?

— Его? Нѣтъ. Я никого не боюсь. Я себя боюсь.

— Что-жь... — мечтательно улыбнулась Агушева. —

Хоть одинъ сладкій часъ взять... Коли жизнь не даетъ.

— Нѣтъ—у насъ заведено настоящее, большое дѣло.

Намъ не на часъ, а на дѣлюю жизнь.

— Хорошо... Я на крыльцѣ побуду.

— Вотъ и отлично. Часы съ тобою?

— Да.

— Чтобы къ вечернямъ непременно попасть... А то тетя забеспокоится. Да и не надо, чтобы здѣсь знали.

— Зашипятъ чернички. Одна мать Агнія чего стѣдитъ. Она въ церкви при всѣхъ обличитъ тебя. На нее находить—и какъ найдеть—тогда и Клеопатра только руками разводитъ, ничего съ нею сдѣлать не можетъ. Ты знаешь—разъ она встрѣтила здѣсь богомолку одну съ господиномъ. Гуляла они вмѣстѣ подъ руку, что ли. Что-жь мать Агнія. Оттуда у нея сила взялась, взбѣжала на колокольню— въ набатъ ударила. Потомъ цѣлый день въ безпамятствѣ лежала. Едва отпоили.

Монастырь отходилъ назадъ, за высокіе тополи, изъ-за которыхъ только мерещились его красныя стѣны и купола. Главный горѣлъ недавно позолотою. Такъ была красива зелень деревьевъ. Впереди стлались нивы... Въ желтыхъ иглахъ недвиженъ былъ колось. И его заколдовало свѣтомъ и звономъ. Кое-гдѣ темнѣли одинокія большія деревья, и отъ нихъ далеко ложились широкія тѣни. Небо нѣжно обнимало спѣющую въ поросляхъ землю. Узкая межа ложилась стрѣлкой, и хлѣбъ шуршалъ, раздвигаемый платнемъ Елены Борисовны. Колосья наклонялся къ колосу, точно тихо и сухо спрашивая его: „не знаешь, кто эта красавица, что тревожитъ нашъ сладкій покой и тишину полей, овѣянныхъ Божьей благодатью?“ И они медленно покачивались ей вслѣдъ, опять замирая въ молчаливомъ удивленіи... Голубые огоньки васильковъ и красное полымя мака то и дѣло всныхивало въ прямыхъ черточкахъ соломы. Кое-гдѣ трусливо пробивалась посторонняя трава, не смѣя глушить благословенную ниву, и только на межу выбѣгали—гдѣ было пошире, нахальные, разлапистые лопухи, пряча въ своей тѣни видимо-невидимо всякой мелкой жизни. Трещали кузнечики до полудня— а теперь и они замерли. Только вдали—глазъ хваталъ здѣсь Богъ знаетъ куда—точно комаринные рои подымались сквозными пушинками птицы и уносились въ синюю бездну. Черезъ нѣсколько межей, по такой же, бредеть мужикъ. На его красной рубахѣ такъ неистово горитъ солнце, что глазамъ больно... Откуда-то донеслось и замерло ржаніе жеребенка—звонкое, счастливое, вольное. Должно быть въ лугахъ заигрался и на весь просторъ ореть о своей дѣтской радости. У самыхъ ногъ Елены Борисовны мелькаютъ сѣренькія поленки. У такой только хвостъ замѣтишь, какъ она черкнетъ имъ. Въ сухихъ комьяхъ—черныя дыры—мерещится тамъ что-то,

а что именно, не различишь... Медленно, торжественно и важно, исполнивъ насѣкомаго міра, ползетъ большой черный жукъ. Нечаянно наступила на него Копрора и прошла. Вдавила жука въ мягкую землю. Не жить бы ему—нѣтъ, выбился и, точно оглобли, поднялъ свои рога-бивни, грозитъ ими невѣдомому врагу, и не подозрѣвающему о его существованіи... Бабочки суетятся вверху. Имъ никакая жара ни по чемъ. Вьются одна около другой, заигрываютъ, цѣлуются и опять разлетаются, тренеца бѣлыми крылышками надъ острыми золотыми иглами поспѣвающего хлѣба.

— Вонъ оно!

— Село?

— Да... Я каждый день тамъ. Сегодня только не была еще. Сказала дѣтямъ: шабашъ, братцы, завтра учить не приду. Гуляйте.

За цѣлымъ моремъ колосьевъ бѣлѣла маленькая колоколенка и мерещились темныя кровли. Деревня—отсюда казалось—къ землѣ приникла, точно испугалась чего-то.

— Ты знаешь, Соня... Меня будто крылья несутъ.

— Не испытала...

— И не тянетъ?

— Когда-то... А теперь—я вѣдь насмотрѣлась. Думаю, слава Богу. Ужъ очень дорого достается счастье. Да и счастье ли?.. Всѣ говорятъ, а кто его видѣлъ?

Теперь, когда Елена Борисовна оглянулась, монастырь мерещился позади, весь сбѣжавшійся въ кучку. И стѣны, и башни, и дома, и деревья. Кажется, горстью можно было ихъ покрыть. Звѣздочкою весело сверкала оттуда большой куполь и стройно, точно высокая тонкая свѣчка, горѣла колокольня. Тихо было и тамъ. Зеленныя черточки тополей не шевелились, а ихъ сквозныя и мягкія вершины колышутся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Солнце уже опускалось и жгло въ послѣдніе часы дня. Оно точно густѣло, раскалялось, желтѣло.

— Вотъ зонтиковъ не взяли!—жалѣла горбунья.

— Загорѣтъ боишься.

— Тебѣ, брюнеткѣ, ничего... А у меня—пятнами. Еще красивѣе бываю... Ну, теперь смотри, не ахай.

— А что?

— Кто вопъ тамъ, у первыхъ избъ...

— Не вижу.

— И тотъ не видитъ, хоть сюда смотреть. Я привыкла. Глаза наметались...

— Неужели Семигоровъ?

— А то кому же.

Елена Борисовна прибавила шагу. Горбунья ее удерживала.

— Потихе, потихе.

— Почему?

— Я ему сказала, что такъ пойду съ тобой гулять... Ты и не знаешь, кого увидишь.

— Вотъ еще, стану я лгать. И безъ того—самой противно. Налгалась дома. Пора скинуть съ себя это.

Теперь и Семигоровъ ихъ должно-быть отличилъ. Онъ утонулъ въ морѣ усатыхъ колосьевъ, и только большая сѣрая шляпа его мелькала порою надъ ними—точно плыла сюда навстрѣчу... Копрора пристально всматривалась. Три-четыре дня не видѣлись, а ей казалось, Богъ знаетъ сколько времени прошло. Сердце тревожно стучало. Горячая волна заливала ее всю, и въ ней тонули и разсудокъ, и стыдъ. Она, уже не оглядываясь на Агушеву, чуть не бѣжала къ нему, злясь и на эту межу, ни съ того, ни съ сего ломавшуюся колѣнами, и на рыхлую землю, въ которой подвѣривалась ея нога, и на разстояніе, какъ будто не уменьшавшееся между ними. Еще издали она—ему, радостному, сіяющему, счастливому, протянула руки—и онъ, глядя на нее, угадывалъ и въ ея лицѣ отраженіе той же радости, того же счастья, того же блеска...

— Ахъ, какъ я васъ ждалъ, какъ ждалъ...

— И мнѣ эти дни за цѣлую вѣчность. Какой вы хорошій, что прїѣхали.

— Да развѣ я бы могъ иначе. Гдѣ вы, тамъ и я. Собакой побѣгу за вами.

— Идите впереди—здѣсь рядомъ нельзя.

Софья Владиміровна точно исчезла для нихъ. Она торопилась, задыхаясь отъ усталости. Ея маленькія ноги съ трудомъ поспѣвали, и вѣчный врагъ ея—солнце жгло калѣку, но ей не хотѣлось нарушать ничѣмъ этого концерта, свѣтлою симфоніей любви звучаваго передъ нею. Она съ грустными удовольствіемъ прислушивалась къ нему. Вѣдь ей самой не суждено было ничего подобнаго, и хотъ на словахъ она и благодарила судьбу за это—но сердце у нея болѣло и щемило. Влюбленнымъ, впрочемъ, было не до нея. Они ея не замѣчали вовсе. Точно она, все это устроившая—сквозь землю провалилась. Елена Борисовна не слышала ее позади, хотя та тяжело дышала и, ковыляя, шуршала колосьями. Копровой было не до того. Съ смѣшнымъ ребячествомъ она старалась идти по слѣдамъ Семигорова. Гдѣ его ступня отпечатается, туда—и ея. И притомъ она любовалась его могучей, красивою фигурой. Какая сила и какими линиями она опредѣлялась. Широкія плечи—прямые, могучіи, и какъ на нихъ сидитъ загорѣвшая шея. Лучше поставить нельзя. Черные волосы завиваются на ней круто. То и дѣло оглядывается онъ, обдавая ее нестерпимымъ огнемъ сипихъ глазъ, отъ котораго ей дѣлается и жутко, и сладко, и стыдно. Они все говорятъ—эти глаза, все, чего не осмѣлится сказать его языкъ. Тотъ же взглядъ, который она такъ любитъ, и дерзкій и наивный въ одно и то же время. А талія—тонкая, такъ бы и прижалась щекою къ его груди... И онъ торопится, съ ненавистью оглядываясь на море золотыхъ иголь. Когда ему конецъ?

— Однако, что же это я впереди...

— Идите, идите, Николай Львовичъ.

И какое имя славное—Николай. Она никогда не будетъ звать его уменьшительнымъ Коля. Это такъ глупо звучитъ и пошло. Да и какъ этакую силищу и вдругъ—Колей. Не пристало даже. Слава Богу. Съ каждымъ шагомъ избы растутъ. Въ два порядка онѣ, и на самомъ краю—еще не успѣвшая почернѣть, новая. Ее по рассказамъ Софьи Владиміровны узнала Копрова.

— Это ваша...

— Да, милости просимъ.

И голосъ его дрогнувъ, точно ожиданіе чего-то безконечно прекраснаго перехватило его слова въ горлѣ. Онъ нахмурился и чуть не бѣгомъ вскочилъ въ сѣни. На улицѣ никого. Весь народъ въ лугахъ теперь. Ихъ и не видѣлъ никто... Елена Борисовна, не оглядываясь на Агушеву—за нимъ... Горбуныя, печальная и притихшая—осталась въ сѣняхъ. „Что я тамъ мѣшать буду. Куда пужна такая, какъ я. Понадобится—позовутъ, а теперь, жди своего термину“—какъ говоритъ привратница Степанида. Переступивъ порогъ избы, Елена вся очутилась въ сильныхъ и нѣжныхъ рукахъ Семигорова. „Дорогая, милая!“ только и словъ было, но для нея они звучали такою прелестною музыкой. Другой она и не хотѣла... Дорогая, милая... Заждался, измучился. Она, потупившись и пряча отъ него счастливые и влюбленные глаза, упирается руками въ грудь ему. Но такъ слабо, что онъ смѣло забираетъ ихъ въ свои, и цѣлуетъ ей каждый палецъ... „Спряталась и не вспоминала обо мнѣ“.—„Неправда“, тихо говоритъ она... „Неправда“.... „Все время думала“—хотѣла докончить да не было времени. Онъ ее приподнялъ, перенесъ къ лавкѣ, посадилъ. Она обвила его шею и снизу вверхъ посмотрѣла въ эти синіе горячіе глаза... „Любишь?“ покраснѣла она.—До смерти... Подставила ему високъ. „Какіе мы глупые, чего мы боимся, ради чего отказываемъ себѣ—минуты уходятъ и не повторяются. Другія можетъ быть и лучше будутъ—да этихъ-то жалко вспомнить.

Бѣжала бы ты ко мнѣ—я бы тебя отъ цѣлаго міра спряталъ и замилывалъ до того, что обоимъ оставалось бы задохнуться только...“

— Вотъ еще... Я жить хочу...

— А то въ монастырь ушла.

— Погоди... Некуда будетъ, и къ тебѣ сбѣгу...

„Скорѣе бы“...

Она теперь оглядѣлась...

Стѣны были свѣжія, бѣлыя... Въ трещинахъ балокъ пока не завелось ни грязи, ни чернати. Пахло сосной, и сильно пахло. Бодрило отъ этого воздуха. По казавшемуся еще влажнымъ дереву, точно съ него только что кору содрали, кое-гдѣ выступали, будто потъ, желтыя капли смолы. Въ низенькое окошко—смотрѣло солнце, все здѣсь наполняя безпощаднымъ въ эти часы зноемъ. Въ его горячемъ свѣтѣ—голова Николая Львовича казалась еще красивѣе. Точно изнутри пылала вся...

— Куда ни пойдешь—я за тобою!—шептала она.

Ей теперь доставляло такое наслажденіе знать надъ собой другую силу и слѣпо покоряться ей. Своей воли не было—точно ее отрѣзало.

— Напрасно ты тогда отъ Пуни не увезъ меня.

— Нечего сказать—сама гнала.

— А ты зачѣмъ слушалъ?..

И смѣялась счастливо и радостно. Куда дѣлась осторожность и сдержанность. Точно это и не она совсѣмъ сегодня утромъ разговаривала съ тетей—повторяя свои обѣты ждать и ждать, глуша въ себѣ огонь, пожиравшій ее.

— Дуракъ былъ!—точно самъ себѣ отвѣтилъ онъ.

Имъ даже и въ голову не приходило, что Агушева можетъ слышать ихъ...

Въ сѣняхъ было темно и тихо.

Софья Владиміровна наткнулась на опрокинутую кадку и сѣла. По крайней мѣрѣ усталость пройдетъ. Пока! разумѣется. Она вспомнила, какъ Копрова просила ее—не оставь насъ однихъ, я, вѣдь, сама себя боюсь. Еще будетъ время войти. Пускай они потолкуютъ. Вѣдь оба измучились, и жалость къ чужой тоскѣ незамѣтно слилась въ ней съ сознаніемъ своего сиротства и заброшенности. Ей хотѣлось плакать—все равно тутъ ее никто не увидитъ. Она уронила лицо въ руки и тотчасъ же почувствовала, какъ сквозь ихъ пальцы потекли горячія слезы. Въ самомъ дѣлѣ, за что такая жестокость? Не урони ее нянька, и она бы выросла, какъ всѣ, знала ласку милаго человѣка и сама умѣла бы заплатить за нее такую же. А теперь. Дѣйствительно, кому нужна она? Ну, умри сейчасъ—въ чьей душѣ остался бы больной слѣдъ ея существованія, безцвѣтнаго, согрѣтаго одною дружбою. Плохое утѣшеніе! Поговорили бы на первыхъ порахъ—да и то потому, что на панихиды нужно идти,—а чрезъ сорокъ дней отмолились и до полугодового дня бы не вспомнили, а черезъ годъ—точно ея никогда не существовало! Была капля и слилась съ цѣлымъ океаномъ такихъ же—поди ищи ее..

Въ открытое крыльцо вбѣжала собака. Остановилась—со свѣту ничего не разобрала и, точно ослѣпнувъ въ этихъ потьмахъ, ткнулась носомъ въ ея колѣни. Взвизгнула тихо, и, поджавъ хвостъ—опрометью назадъ...

— Балашка, Балашка!—позвала ее Агушева.

Собака остановилась въ просвѣтѣ.

Узнала, вывернулась кренделемъ и, морща носъ и завивая хвостъ, кружится у ея ногъ. Софья Владиміровна гладитъ ее. Вотъ эта любить—да вѣдь за что. Пожалуй за то только, что одна Агушева ни разу не ударила ее,—а, напротивъ, ласкала. Ей теперь ужъ не такъ скучно въ темнотѣ. Живое существо рядомъ, и она слышитъ его движеніе... Да и въ избѣ—точно проснулись. Заговорили. Она не различаетъ словъ—только ихъ тонъ ее по сердцу бьетъ. Каждый звукъ вздрагиваетъ, будто онъ на солнцѣ отогрѣвается отъ долгой службы... Войти?—жалко мѣшать!... Пусть ихъ еще немного...

— Правда, Балкашка? Погодимъ еще... а?

Но Балкашка вдругъ вскочила на всѣ четыре лапы, обернулась къ крыльцу и, оцетинясь, залаяла.

— Чужой?

Та еще гавкнула и кинулась къ ступенямъ—но тутъ полуотворенная дверь, отброшенная торопливою рукою, ударила въ стѣну. Вся растерзанная и растрепанная, съ отвалившимся назадъ чернымъ платкомъ—вскочила сюда Еликонида.

— Кто тутъ?..—не разобрала она на первыхъ порахъ Агушеву.

— Я... Не узнали? что съ вами?..—испугалась та за годъ.

— Ради Христа... Гдѣ они...

— Кто?

— Да Семигоровъ съ Еленой Борисовной... Господи. Сейчасъ Копровы сюда и еще кто-то съ ними. Накроютъ—бѣда. Убьютъ они ее... Да и его подведутъ... Милая... Ради святителя!

Но Софья Владиміровна уже кинулась въ горницу...

— Леся... Николай Львовичъ... Бѣда. Копровы сюда.

Елена, поблѣднѣвъ, встала, поддерживая сердце рукою и опирая сбитые волосы. Еликонида кинулась къ ней.

— Николай Львовичъ, оставайтесь здѣсь... а мы сюда.

И она вскочила въ слѣдующую горенку...

— Я васъ спасу, Елена Борисовна... Тутъ ходъ на задворки есть,—растерянно шептала бѣлица.— Вы не бойтесь... Не клипите меня. Хотя у меня сердце разорвется, а я васъ спасу... Софья Владиміровна, оставайтесь тутъ. Вамъ ничего не сдѣлаютъ... Потомъ вернетесь, расскажете... Господи—помоги... „Мнѣ бы раздавить тебя, какъ змѣю подколенную“;—вдругъ вспыхивала Еликонида внезапною злобою—и еще сильнѣе держала за рукавъ Копрову... Богъ съ вами... Будьте счастливы. Должно-быть, моя судьба такая. Не съ милымъ миловаться, а въ гробъ... Подъ черную крышку. Вѣдь, насъ, какъ мертвыхъ, отпѣваютъ...

Елена Борисовна сообразить ничего не могла.

Ее вели за руку—она шла. Попала на какой-то дворъ, заставленный телѣгами. Обошла стѣналь—откуда на нее пахнуло паренымъ запахомъ скошенной и недостаточно высушенной на солнцѣ травы. Кинулся подъ ноги поросенокъ и съ визгомъ побѣжалъ куда-то, а вслѣдъ изъ-подъ забора высунула мокрое рыло свинья и захрюкала. Еликонида вскочила на задворки. Сюда избы выходили сарайчиками, баньками, клѣтшниками. Тутъ всюду пробивались лопухи, по разсѣвшимся заборамъ вилась цѣпкая зелень съ лиловатыми колокольчиками.

— Ну, слава Богу... Слава Богу... Мой грѣхъ...

— Какой грѣхъ?—спрашивала ее Копрова.

— Какіе бываютъ... Теперь—сейчасъ тутъ проселокъ будетъ... Онисимъ... Онисимъ!

Издали послышался шорохъ колесъ въ пыли. Осѣдалъ въ ней, мягко подкатила монастырская гитара.

— Садитесь... Спаси васъ Господи!

Копрова сѣла. Съ другой стороны, рядомъ съ ней, помѣстилась бѣлица.

— Какъ узналъ Моисей Лукичъ?—нашлась, наконецъ, Елена Борисовна.

— Какъ? Вы думаете злыхъ людей нѣтъ. Вездѣ—они. Можетъ, Николай-то Львовичъ не одной вамъ поглянулся. И другіи на него зарились. Ну вотъ. Вы-смотрѣли... А только вы и злыхъ пожалѣйте. И вамъ не рай, да и имъ не сладко. Имъ сердце-то, можетъ, лютые тигры истерзали. Во всякій омутъ тянетъ. Ляжетъ спать такая, а у нея подушка подъ головой какъ вертится. Сама своей подлости не рада. Послатъ письмо послала. Съ маху! Развѣ такія дѣла съ разумомъ. А потомъ и вернула бы, да какъ. Зубами бы урвалась, коли могла бы! Отъ счастья этого не бываетъ.

Долго бы она ровяла беспорядочныя и непоявныя Еленѣ Борисовнѣ фразы, да во-время расчихалась. Гитара медленно ползла. Монастырскіе кони, развѣвшіеся и лѣнныя, только мѣсили пыль ногами—и она облакомъ подымалась, скрывая въ его нѣдрахъ двухъ женщинъ и Онисима, давно покрытаго сплошнымъ сѣрымъ налетомъ.

— Онисимъ, да погони ты ради Христа.

Тотъ только шевельнулъ вожжами и головой отмахнулся, точно отъ мухъ.

— Онисимъ—слышишь?

— Нешто, я померъ... Живой—слышу.

— Такъ что же ты!

— А вотъ погони—попробуй. Животная сытая, расудительная. Кого возить—матушекъ. А матушки-то сырыя, грузныя. Поддай пару—развалятся...

— Ты бы кнутомъ.

— Ты ихъ кнутомъ, а онѣ тебя хвостомъ. Тоже свое дѣло чудесно знаютъ.

И въ доказательство правоты дѣйствительно полоснулъ одну. Та тотчасъ же брыкнула его задними копытами, такъ что тѣ съ глухимъ шумомъ ударились о картузъ гитары, а другая смахнула съ Онисимова лица пыль густымъ и пышнымъ хвостомъ.

— Видали?—торжествуя, обернулся онъ.

Еликонида, у которой все внутри кипѣло теперь—недолго выдержала такую ѣзду. Она соскочила и побѣжала къ обители, далеко опередивъ монастырскую гитару. Изъ-подъ чернаго платка бѣлесые лыные волосы ея выбивались непокорными прядями. Раскраснѣлась она такъ, что щеки у нея налились какъ крымское яблоко. Изъ-за тополей монастырь видимо вырасталъ передъ нею. Она на бѣгу зорко вслушивалась, не раздается ли благовѣсть. Съ первымъ ударомъ колокола ей надо быть около матушки Клеопатры. Властная игуменья привыкла къ ней, даже любила ее—но ни за что не простила бы такого упущенія. Квашни въ монастырѣ тяжелыя, большія, тѣсто замѣшано густо—помѣси-во часа два—руки отвалятся. Нѣтъ, слава Богу. Колокольна вверху сквозная. Звонариха, высокая и сильная мать Епистимія—всегда загодя всходитъ туда и съ полчаса любитъ оттуда зелеными уходлихъ въ воздушную даль полей. Въ амбразурахъ—нѣтъ ея чернаго силуэта. Одни колокола недвижно висятъ и безмолвствуютъ.

(Продолженіе будетъ.)

~~~~~
* * *

Бѣлымъ голубемъ утро слетѣло,
Ночь ушла, и блѣдна, и тиха,
И долина, очнувшись, запѣла
Подъ протяжный рожокъ пастуха.

Даль туманится тучкою хмурой,
Но вездѣ по равнинамъ свѣтло.

Смуглый пахарь на лошади бурой
Выѣзжаетъ, крестясь, за село.

И на землю побѣдно и смѣло
День ступаетъ, смѣясь и звеня,
Словно вымолвить хочетъ: «За дѣло!
Гей, вы, пахари, добраго дня!..»

Ал. Будищевъ.

Молодость.

Съ карт. П. Габриели грав. Фрюауфъ.

Панталоны господина казначея.

Исторический очерк Г. Гарбертса.

Если Виллибальд Алексисъ, бранденбургскій Вальтерт-Скоттъ, озаглавилъ одинъ изъ своихъ лучшихъ культурно-историческихъ романовъ „Панталонами господина Бредова“, то и мы, надѣясь, позволительно назвать настоящій маленький очеркъ, заимствованный изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, „Панталонами господина казначея“, такъ какъ упомянутая часть костюма играетъ въ немъ выдающуюся роль. Мало того! Если бы господинъ казначей осторожнѣе обошелся съ своимъ „невыразимымъ“, то одна весьма важная отрасль нашей культурной жизни, а съ нею, быть-можетъ, вся міровая исторія приняла бы совсѣмъ иной ходъ. Подобно тому какъ въ иницѣ Леды скрывалась въ зародышѣ вся троянская война, такъ въ пышныхъ сборкахъ панталонъ господина казначея его католическаго величества императора Карла V скрывалась судьба одного великаго открытія, и когда сборки оборвались, дальнѣйшее развитіе этого открытія было задержано на нѣсколько вѣковъ.

Къ событіямъ, которыми по праву можетъ гордиться девятнадцатое столѣтіе, мы причисляемъ введеніе пароходства; однако, мысль снабдить суда паровымъ двигателемъ отнюдь не принадлежить девятнадцатому столѣтію. Мы привыкли считать отцомъ этого открытія американца Фультона; но задолго до него та же мысль явилась другому, менѣе счастливому изобрѣтателю, который даже осуществилъ ее на дѣлѣ. Пароходство могло быть введено двумя съ половиной вѣками раньше, если бы этому не помѣшали... панталоны господина казначея! Къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ можно также приписать слова раббы Бенъ-Акиба: „Ничто не ново подъ луною“; я глубоко убѣжденъ въ томъ, наипримеръ, что чудеса электричества, которыя мы считаемъ послѣднимъ словомъ научной техники, были уже извѣстны индійскимъ и египетскимъ жрецамъ.

За пятьдесятъ лѣтъ до рожденія американца Роберта Фультона въ Мадридѣ вышла толстая книга, озаглавленная „Сборникъ путешествій испанцевъ въ Индію“. Въ этой книгѣ есть и биографія нѣкоторыхъ мореплавателей, отличившихся особыми заслугами. Въ ихъ числѣ находится и повѣствованіе о жизни и дѣяніяхъ нѣкоего Бласко де-Гарай; этотъ испанскій мореплаватель и былъ первымъ изобрѣтателемъ парохода.

Бласко де-Гарай въ ранней молодости принадлежалъ къ экипажу Колумба и вмѣстѣ съ нимъ высадили въ бухтѣ Гванангани. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ приобрѣлъ купеческое судно и былъ его капитаномъ. Когда недуги старости заставили его, наконецъ, отказаться отъ этого занятія и поселиться навсегда на сушѣ, онъ нанюхалъ свои вынужденные досуги занятіями, имѣвшими хотя бы косвенное отношеніе къ излюбленному имъ мореплаванію. Въ 1543 г. ему впервые пришла мысль попытаться построить такую машину, съ помощью которой можно было бы двигать большіе суда даже къ штѣлю, безъ веселъ и парусовъ. Мысль эта его не оставила; старикъ не имѣлъ покоя до тѣхъ поръ, пока не облекъ ее въ дерево и желѣзо. Бласко де-Гарай имѣлъ всѣкія причины держать свои затѣи въ строгой тайнѣ. Если бы его изобрѣтеніе огласилось, онъ былъ бы обвиненъ въ колдовствѣ, и доминиканцы — *domini canes*, ищедки святой инквизиціи—безъ сомнѣнія, воспользовались бы удобнымъ случаемъ, чтобы „поджарить“ опаснаго колдуна.

Наконецъ, Бласко де-Гарай довелъ свою машину до благополучнаго окончанія. Теперь изобрѣтателемъ овладѣло желаніе представить свое дѣтище на судъ публики. Народъ осмѣлялъ его и называлъ глупцомъ. Такова во все времена участь изобрѣтателей! Доминиканцы оказались снисходительнѣе, чѣмъ ожидалъ Бласко де-Гарай; они пока ограничились тѣмъ, что, въ видѣ предостереженія, издали показали смѣлому изобрѣтателю традиціонный костеръ. Въ концѣ концовъ Бласко де-Гарай все же удалось обратить на свое изобрѣтеніе вниманіе императора Карла V. Императоръ, отъ природы одаренный здравымъ смысломъ, имѣлъ достаточно ясный взглядъ на вещи, чтобы иногда видѣть сквозь густой схоластическій туманъ, которыми пыталась его окружить близкая къ трону монашеская братія. Поэтому ему и въ голову не пришло отдѣлаться отъ изобрѣтенія стараго моряка или признать его колдуномъ, но примѣру святыхъ мужей инквизиціи; напротивъ того, онъ разрѣшилъ изобрѣтателю публичный опытъ съ его машиной и выразилъ желаніе лично присутствовать на немъ.

Опытъ состоялся 17-го іюня 1545 года въ гавани Барселоны. Вся набережная была залита волнами народа, когда показался императоръ на конѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты. Изобрѣтатель провелъ предшествующую ночь въ церкви Монсеррата на колѣняхъ передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, испрашивая благословеніе свыше. Въ то время какъ императоръ въѣзжалъ на набережную, черезъ баръ у входа въ гавань проходилъ большой корабль въ 200 тоннъ, „La Trinidad“. Судно было совершенно незнакомо Бласко де-Гарай, вслѣдствіе чего императоръ приказалъ воспользоваться имъ для предстоящаго опыта съ машиной. Педро де-Скарца, капитанъ судна,

смертельно испугался, когда ему передали приказъ императора. Онъ стоналъ, рвалъ на себѣ волосы и клелся всѣми патронами земель испанской короны, что онъ не переживетъ такого пострашенія прекраснаго корабля, который къ тому же носитъ имя Св. Троицы, и не отдастъ его во власть сатаны. Но императоръ не терпѣлъ противорѣчій. Какъ честный аудалуэцъ, капитанъ, ломая руки и проклиная часть своего рожденія, однако, подчинился приказу императора.

Изобрѣтатель перевезъ свою машину на бортъ „Тринидада“. Онъ никакъ не объяснилъ ей устройства и занялся ея установкой самъ съ помощью нѣсколькихъ рабочихъ. О вышнемъ видѣ машины въ моемъ источникѣ, къ сожалѣнію, упоминается лишь вскользь. Авторъ книги, подробно описывающій прошествіе, врядъ ли что-нибудь понималъ въ устройствѣ машины. Насколько можно судить по скуднымъ указаніямъ, она была построена на принципѣ всѣхъ колесныхъ пароходовъ. Авторъ рассказываетъ: „Бласко де-Гарай положилъ и укрѣпилъ поперекъ налубы ось, къ концамъ которой были придѣланы большія деревянные колеса. Потомъ онъ укрѣпилъ на налубѣ нѣсколько колесъ съ ремнями и, наконецъ, поставилъ большой желѣзный котелъ, который — хотя имѣлъ очию подозрительный видъ—былъ наполненъ только водою изъ святаго колодца въ Монсерратѣ“.

Изобрѣтатель, видимо, изъ всѣхъ силъ старался удалить отъ себя всякое подозрѣніе въ сношеніяхъ съ нечистой силой и не податъ фанатическому духовенству повода возвысить голосъ противъ его изобрѣтенія. Когда установка машины кончилась, Бласко де-Гарай собственноручно развелъ огонь подъ подозрительно выглядѣвшимъ котломъ, и вскорѣ вода изъ святаго колодца закипѣла. Тогда упомянутыя колеса начали вертѣться, и ихъ широкія лопасти дѣйствительно привели судно въ движеніе: оно медленно поплыло черезъ всю бухту Барселоны противъ довольно сильнаго вѣтра. Капитанъ Педро де-Скарца удвоилъ свои стenanія и молитвы къ патрону, прося святого аюстола внезапно появиться съ мечомъ въ рукѣхъ и отсѣчь странному колдуну голову, какъ нѣкогда онъ отсѣкъ ухо слугѣ нерасположеннаго матросовъ. Суетнѣе и теперь достаточно вѣрно въ испанскомъ народѣ; что же было въ тѣ отдаленныя времена! Умалчиваетъ нашъ авторъ и о томъ, какъ отнесся къ испытанію машины императоръ. Очень возможно, что вынесенное имъ впечатлѣніе было благоприятно для изобрѣтателя и изобрѣтенія, но умъ императора былъ въ то время занятъ слишкомъ разнообразными вопросами, чтобы онъ могъ глубже проникнуть въ дѣло. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за опытомъ, приказавъ своему казначею потребовать у изобрѣтателя объясненія устройства машины и доложить ему обо всемъ. Отдавъ этотъ приказъ, Карлъ V уѣхалъ.

Казначей принялся за дѣло съ неохотой. Онъ подѣлхалъ на лодкѣ къ „Тринидаду“, вошелъ на налубу и разспрашивалъ объясненія изобрѣтателя. При этомъ онъ неосторожно подошелъ къ дѣйствовавшей машинѣ: такъ близко, что одно изъ его колесъ захватило зубцомъ его великолѣпные сборчатые панталоны и изорвало ихъ въ лохмотья. Нѣмецкіе студенты обыкновенно проинзируютъ надъ тонкими ногами въ широкихъ ботфортахъ, говоря, что нушки плохо заряжены; когда во времена пышныхъ сборчатыхъ панталонъ эти послѣдніе были снабжены нлохимъ зарядомъ, горю помогали отрубинами или опилками, являвшимися міру несуществующую подногу бедеръ. Господинъ казначей также имѣлъ причины приближаться къ этому средству, и когда зубчатое колесо машины порвало его прекрасные „невыразимые“, отсюда на налубу „Тринидада“ посылались зашитыя въ нихъ опилки. Мой источникъ, явно преувеличивая, говоритъ о трехъ четверникахъ. Господинъ казначей пришелъ въ ярость. Ущербъ былъ нанесенъ не только самой элегантнои части его костюма, но и его престижу. И въ самомъ дѣлѣ, осанистый гидальго теперь имѣлъ нѣкоторое сходство съ выпотрошенной селедкой; ему казалось, что онъ читаетъ это непочтительное сравненіе въ злорадн примуренныхъ глазахъ многихъ изъ присутствующихъ. Въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ господинъ казначей вернулся на берегъ и доложилъ императору, что новое изобрѣтеніе ничего не стонгъ, что судно, снабженное паровымъ двигателемъ, можетъ въ два часа сдѣлать только восемь миль, уступая въ скорости любой каравеллѣ; наконецъ, что котелъ можетъ каждую минуту лопнуть и кипяткомъ обварить добрыхъ христіанъ.

Императоръ принялъ этотъ докладъ на вѣру. Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, умъ его въ то время былъ занятъ слишкомъ разнообразными вопросами, чтобы Карлъ V могъ самъ обстоятельно проникнуть въ дѣло. Онъ положился на отзывъ своего казначея, въ сущности продиктованный поврежденными

„невыразимым“; если машина в своем примитивном виде и выглядела несколько неуклюжей, что вполне естественно, то человек образованный и без предвзятости все же понял бы, если не всю важность, то по крайней мере практическую выгоду нового изобретения. Не таков был господин казначей Карла V, и вот его панталоны лишили мир на целых 250 лет изобретения, которое в наше столетие не только радикально преобразовало мореплавание, но и направило мировую торговлю на совершенно новые пути.

При всем невнимании к великому открытию Бласко де-Гарай, император отнесся довольно гуманно к самому изобретателю. Он, правда, запретил ему продолжать опыты с машиной, зато подарил ему крупную сумму денег и сделал его кавалером ордена Кастильского Голубя. Денежный подарок со стороны Карла V больше всего говорит о том интересе, какой первоначально возбудило в императоре открытие парового двигателя, так как если Карл V и превосходил всех современных государей обширностью своих владений, то его касса была обременена и наибольшими расходами, несмотря на постоянный прилив сокровищ из заатлантических земель испанской короны. Карл V, собственно говоря, всю жизнь боролся с денежными затруднениями; как известно, его нередко выручали из критического положения богатейшие аугсбургские кунцы Фуггеры—Ротшильды того времени.

Новый орденский кавалер, Бласко де-Гарай, однако, не избегал преследований инквизиции, несмотря на благоволение к нему императора. Святые отцы возбудили против него обвинение в колдовстве, и перенутанный старик поспешил собственноручно разломать свою машину на мелкие куски, после чего покинул мир, поселился в пещере у подножия Монсерратской скалы, и провел остаток своих дней как настоящий отшельник. Он умер в 1556 г. В том же году император сложил с себя бремя правления и удалился на покой в монастырь, провозгласив вместе с Соломоном: „Суета сует и всяческая суета“.

Здесь, собственно, можно было бы кончить историю о панталонах господина казначея, сыгравших такую роковую роль в ходе мировых событий; но благосклонный читатель, вероятно, не посетует на меня, если я прибавлю еще несколько фактов, имеющих внутреннюю связь с вышеприведенной поучительной историей.

В начале прошлого столетия в городе Марбург в Гессен-вотторично сделано то же самое открытие одним учителем математики и физики, едва ли имевшим какое-нибудь понятие о Бласко де-Гарай и его машине. Судьба второго открытия была так же печальна, как судьба первого. Доктор медицины Денис Папень, француз, родившийся в 1647 году в Блуа, занимался по склонности преимущественно математикой и физикой и был преподавателем этих наук в Марбург. Его склонность часто увлекала его на путь изобретения. Между прочим, он построил паровую лодку, которую демонстрировал в сентябре 1707 года на Фульде гессенскому ландграфу. И здесь машина двигала большой колеса, который толкали суденышко вперед, против ветра. Хотя, таким образом, опыт и удался, тем не менее изобретатель, бедный гугенот-эмигрант, ни в ком не встретил сочувствия; его многочисленные враги и завистники старались, как только могли, умалить значение его ученых трудов. Когда он выразил желание перевезти свою паровую лодку в Англию, недоброжелатели пустили в ход всевозможные козни, чтобы разстроить его планы. Однако он

заручился рекомендацией своего покровителя, великого Лейбница, и 25-го сентября 1707 года отправился на своем пароходе в Кассель, чтобы отсюда вниз по Везеру пробраться через Немецкое море в Англию. Но ему удалось добраться только до Мюндена. Там грубые чины речной полиции его остановили, и когда он начал настаивать на пропуске, разбили его машину и самого изобретателя посадили в тюрьму. Посредничество того же Лейбница вскоре вернуло ему свободу, он мог вернуться в Марбург к своим любимым занятиям; но там его постигло еще большее несчастье. При опыте с изобретенной им паровой пушкой произошел взрыв с убитыми, осколками которого ранено и убито много людей. Папень должен был бежать в Англию, где в 1714 году умер в крайней бедности, всеми забытым.

В третий раз пароход был изобретен американцем Робертом Фультоном, и на этот раз изобретение имело успех. Фультон родился в 1765 году в Литл-Бритэйн в Пенсильвании; первоначально был художником, впоследствии сделался инженером и в 1804 году предложил Наполеону I при посредстве пароходов в несколько часов перевести флот из Булони к берегам Англии. Годом раньше он построил в Париже пароход для плавания по Сену, но этот пароход потонул вследствие недостаточной конструкции. Сначала Наполеон благосклонно принял представленный ему американцем подробный план предприятия, но очень скоро к нему охладил и резко спровадил изобретателя, быть может несколько смелого в обращении. Император выразился о нем Фуше: „Теперь во всех столицах Европы шатаются всевозможные шарлатаны, которые со своими мнимыми открытиями, существующими только в их возбужденной фантазии, обременяют правительства бесчисленными проектами с целью вымогательства денег. К числу этих некателей приключений и проектировщиков принадлежит и дерзкий американец Фультон. Присматривайте горю за этим человеком!“ Говорят, Наполеон грозил даже посадить Фультона в дом сумасшедших. Фультон вернулся в Америку и в 1807 году построил для Гуссона большой пароход „Клермонт“, в 160 тонн, который был снабжен машиной Уатта, в 20 лошадиных сил, и делал против течения, от Нью-Йорка до Альбани, 120 морских миль в 32 часа. Теперь судьба изобретения была обеспечена. Практическая Америка поняла его выгоды и ревностно бросилась его эксплуатировать. Англия и Франция вскоре последовали ей примеру.

В Германии первый пароход появился в 1816 году; то был „The Lady of the Lake“, пришедший 17-го июля в Гамбург. Появление его произвело необычайную сенсацию. Когда пароход проходил мимо острова Гельголанд, тамошние рыбаки, люди вообще не робкого десятка, бросили свои сети и принялись спасаться, полагая, что черное чудовище, двигавшееся по морю без парусов и в облаке дыма, не что иное, как сам сатана. Годом позже на Везере существовало уже первое регулярное речное пароходство в Германии.

В настоящее время двигатель-пар давно оставил за собою ветер, и во всех отчетах говорится об упадке русского судоходства. Старые моряки и поэты жалуются об этом. Первые сокрушаются о падении настоящего мореходного искусства; вторые неохотно отказываются от традиционной картины „блуждающего в море паруса“; зато все остальное человечество охотно пользуется неисчислимыми выгодами нового двигателя.

Городъ Валдай и его окрестности.

(Со снимками фотографа-любителя Е. Н. Дмитревскаго).

Утвержденная правительством Псково-Бологовская жел. дор. задѣнеть на своемъ пути небольшою, но довольно известнымъ городкомъ Новгородской губернии—Валдай, расположенный въ 48 верстахъ отъ станицы Бологое.

Многие изъ мѣстныхъ жителей, съ проведеніемъ желѣзной дороги, ожидаютъ расцвѣта валдайской торговли и промышленности, находящейся теперь въ крайнемъ упадкѣ. Самый городъ представляетъ картину разрушенія. Жители, потерѣвившіе два крупныхъ пожара (въ 1854 и 1881 гг.), бѣдны и неприспособлены. Изъ мѣстныхъ производителей обращаютъ на себя вниманіе пресловутые „валдайскіе колокольчики“ и большіе церковные колокола, которые отливаетъ на заводѣ П. И. Усачевой и разсылаются по заказамъ во все концы Россіи, а иногда даже въ Болгарію и Сербію. Несмотря на это, заводъ Усачевой весьма не великъ и дѣйствуетъ не паровымъ (какъ напр., Ярославскій и петербургскій колокольные заводы), а конскими силами. Маленькіе поддувные колокольчики льются теперь въ единственной мастерской мѣщанина Нефедова и расходятся въ весьма ограниченномъ количествѣ. Печеніе особаго рода крекелей (баранокъ) составляетъ второй и послѣдній промыселъ мѣстнаго населенія.

Умственная жизнь въ застой. Единственная мѣстная бібліо-

тека земской управы только недавно приведена въ нѣкоторый порядокъ и пополнена.

А было время (до проведенія Николаевской желѣзной дороги), когда Валдай считался едва ли не самымъ бойкимъ городомъ въ Новгородской губерніи, и жизнь въ немъ была кипучою.

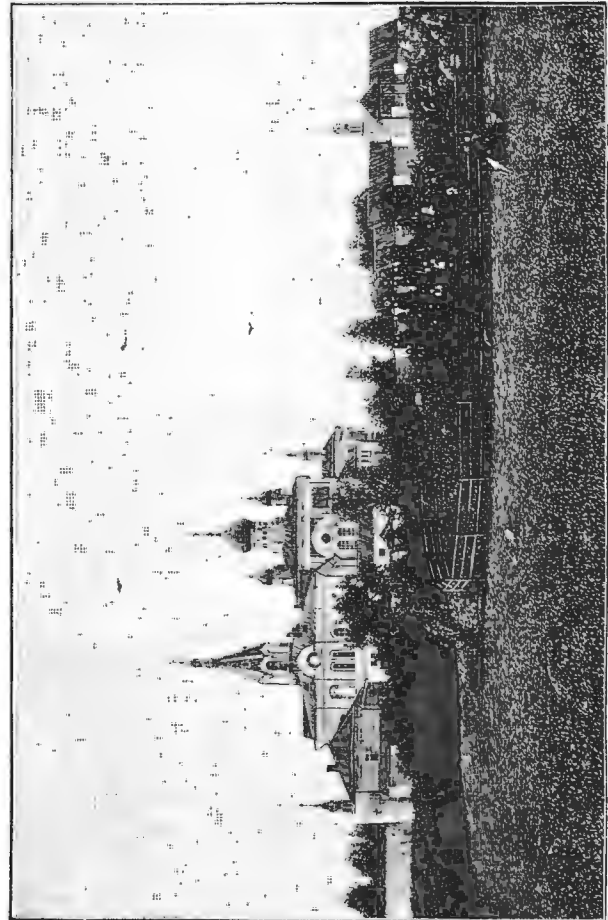
Самое расположеніе Валдай по большой шоссеиной дорогѣ отъ Петербурга въ Москву и притомъ почти на серединѣ между обѣими столицами—способствовало этому. Промышленность и торговля процвѣтали. Кроме трехъ колокольныхъ заводовъ (Смирнова, Лебедева и Стуколкина), были еще два кожевенныхъ, пряничныхъ и солодовыйя заводы, а кредитное (бараночное) производство пользовалось такой известностью, что изъ Ярославской и Псковской губерній парочко прѣзжали закупщики и развозили вредели въ ярмаркамъ въ разные города. Торговля хлѣбомъ могла поспорить съ теперешней рибинской торговлей.

Извозный промыселъ былъ сильно распространенъ. Тройки и возы съ кладеями почти непрерывной вереницей тянулись къ ближайшимъ станціямъ—Ижелбанцамъ и Едрову. Такая оживленная жзда вызвала множество кузечныхъ и поддувно-колокольныхъ мастерскихъ. Нѣкоторые изъ ремесленниковъ и

«Посадъ» — Ареннійшая часть г. Валдая.

Общій видъ Короцкаго женскаго монастыря близъ г. Валдая.
Виды города Валдая. Съ фотогр. Е. Дмитревскаго грав. Рашевскій.

Общій видъ мужскаго Иверскаго монастыря на Валдайскомъ озерѣ.

Видъ на Валдайское озеро съ колокольни Иверскаго монастыря.

Виды города Валдая. Съ фотогр. Е. Дмитревскаго грав. Рашевскій.

Въ лѣтній день. Съ карт. Л. Дегмавъ грав. Эдлеръ.

стойщиков настолько богатыли, что выходили в крупное купечество. В городе стоял полк, был клуб; устраивались литературные вечера, спектакли.

Раскинуть Валдай на склоны Алаупских гор по самому берегу живописнаго Валдайскаго озера, украшеннаго двумя большими островами с цветными хвойными лѣсами. По преданию, на этом озерѣ проѣзжалъ патриархъ Никонъ во время бури и, помолясь Богу, опустил ко дуи бывшіе при немъ крестъ и евангеліе, послѣ чего, черезъ нѣсколько минутъ, буря утихла, и озеро получило названіе „Святое“.

На одномъ изъ острововъ его, въ трехъ верстахъ отъ Валдая, высятся первоклассный мужской Иверскій монастырь, основанный еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ—патриархомъ Никонѣмъ. Въ главномъ храмѣ монастыря—Успенія Пресвятой Богородицы, обрѣтается чудотворная икона Иверской Божіей Матери, которую ежегодно, отъ 21-го мая до конца ноября, носятъ по Валдаю и, кромѣ того, въ города Крестцы, Демьянскъ и Боровичи, а также въ ближайшія мѣста Петербургской губерніи, при чемъ въ городахъ и большихъ попутныхъ селахъ иконы вносятъ въ каждый домъ, или, по крайней мѣрѣ, слушать литію передъ выставленнымъ столикомъ.

Это полугодное шествіе Владычницы, чрезвычайно чтимое всеѣмъ населеніемъ, приноситъ громадныя доходы монастырю. Но, къ сожалѣнію, въ древней Иверской обители, составляющей единственный центръ духовнаго просвѣщенія всего крайне бѣднаго и невѣжественнаго края, и до сихъ поръ нѣтъ ни благоустроенной школы, ни мастерскихъ, ни богадѣльни. Да и самое рыбное озеро, на которомъ расположенъ монастырь, всецѣло имъ владѣющей, эксплуатируется плохо и почти не даетъ никакихъ доходовъ бѣднымъ жителямъ. А какія чудныя дачи могли бы быть построены на этихъ прекрасныхъ островахъ монастыря, въ вѣковыхъ сосновыхъ лѣсахъ! Сколько доходовъ могли бы принести эти дачи, при нѣкоторой предприимчивости, и самой обители, и—черезъ нее—бѣдному населенію города и всей округи!

Въ томъ же храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы нетлѣнно почиваютъ мощи св. Іакова Боровичскаго и хранится часть древа, на которомъ онъ, противъ теченія, плылъ по рѣкѣ Мстѣ. Въ южномъ углубленіи храма, въ четырехъ серебряныхъ ковчеггахъ, покоятся части мощей всей Россіи чудотворцевъ: Петра, Алексія, Ионы и Филиппа. Въ сѣняхъ же храма красуются портреты царя Алексѣя Михайловича и патриарха Никона, во весь ростъ, работы современныхъ имъ мастеровъ.

Объ исторіи Иверскаго монастыря много уже было писано; исторія же города Валдая менѣе извѣстна.

О названіи города существуетъ два преданія. По одному изъ нихъ, въ старыя времена, на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Валдай, была таможня для сбора пошлины съ большихъ стадъ воловъ, которыхъ прогоняли изъ Москвы въ Великій Новгородъ. Съ каждаго стада взималась пошлина живымъ товаромъ: именно, требовалось по одному волу, при чемъ стражники, представленные къ таможенѣ, кричали гуртовщикамъ: *Волы дай!*

По другому, и, кажется, болѣе правдоподобному преданію, слово Валдай произошло отъ финскаго имени *Вада*.

Въ древности, когда берега Святаго озера были покрыты дремучими лѣсами, занимаясь охотой, проживать въ нихъ нѣкій финнъ Вада. Впослѣдствіи, благодаря обилію дичи и рыбы въ озерѣ, привлечены были къ этому мѣсту многіе жители Новгородской земли и образовали село, которое и названо, по имени финна, „Вада“. О селѣ этомъ упоминается въ исповныхъ книгахъ конца XV вѣка, а въ концѣ XVI вѣка тамъ уже была возведена деревянная церковь во имя мученицы Параскевы. Въ этому же времени названіе села было переименовано въ *Валдай*.

Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, по его волѣ, Валдай был сожженъ до основанія, но скоро вновь возведенъ. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ считался дворцовымъ селомъ и былъ населенъ плѣнными поляками.

Императоръ Петръ Великій частью заселилъ Валдай посадскими людьми изъ семействъ стрѣльцовъ, оружіе которыхъ, какъ говорятъ, по сіе время сохранилось въ нѣкоторыхъ домахъ города. Кромѣ того сохранилось и названіе Стрѣлцкой улицы.

Великій преобразователь Россіи удостоилъ однажды своимъ посѣщеніемъ Иверскій монастырь: ѣздилъ по озеру и стрѣлялъ дичь. Пришло это въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла,—29 іюня. Въ память этого событія, день этотъ и по настоящее время празднуется обывателями г. Валдая, при чемъ устраиваются на берегу озера гулянья и стрѣльба изъ ружей.

Только при императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ 1772 году, село Валдай возведено въ степень города. Обыватели стали называться мѣщанами и изъ среды ихъ выбранъ „градской глава“.

Императрица Екатерина II также однажды посѣтила Валдай и, увлеченная красотой мѣстности, въ ознаменованіе своего пребыванія въ немъ, приказала заложить дворецъ, въ новѣйшія времена обращенный въ земскую больницу, и церковь—на

возвышенномъ мѣстѣ, противъ озера, гдѣ нынѣ расположенъ городской общественный садъ.

Церковь эта, наименованная въ честь св. великомученицы Екатерины, отличается оригинальностью своей архитектуры, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Въ ней хранится, между прочимъ, стулъ самой простой работы, на которомъ сидѣла великая государыня. Въ ней же, въ продолженіе сутокъ, покоилось тѣло императора Александра I, при перевезеніи его изъ Таганрога въ Петербургъ, въ 1825 году.

Съ императора Павла начинается самое цвѣтущее состояніе Валдая. Городъ постепенно украсился множествомъ каменныхъ домовъ. Торговля и промыслы развились.

Въ городѣ и въ смежномъ съ нимъ селѣ Зимогорѣ, женщины и дѣвушки по праздникамъ начали наряжаться въ парчу и украшать себя жемчугомъ*).

Въ май 1837 г., Валдай посѣтилъ императоръ Александръ II, бывшій тогда еще наследникомъ цесаревичемъ. Восхищенный Валдайскимъ озеромъ, онъ ѣздилъ на лодкѣ въ Иверскій монастырь. Лодка эта хранится и нынѣ въ особо устроенномъ помѣщеніи.

Валдай попалъ и въ литературу. Въ извѣстной комедіи, пользовавшейся въ свое время большимъ успѣхомъ, „Нерѣшительный“ Хмѣльницкаго, да, кажется, и въ „Воздушныхъ замкахъ“, дѣйствіе происходитъ именно въ Валдай, въ благоустроенной, чуть не во французской гостиницѣ. Между тѣмъ какъ теперь (*sic transit gloria mundi!*) здѣсь нѣтъ не только гостиницы или мало-мальски приличнаго трактира или даже портерной, но господствуютъ одни грязныя кабаки—притоны для золоторотцевъ или, какъ ихъ называютъ „Спиридоновъ на поворотѣ“, выселяемыхъ изъ столицы.

Цвѣтущее состояніе города длилось до проведенія Николаевской желѣзной дороги, послѣ чего онъ началъ быстро падать. Новозанятъ и кузнечный промыслы почти совсѣмъ прекратились. Пожары 1854 и 1881 годовъ окончательно опустошили городъ.

Но здоровый, смолистый воздухъ Валдая и его живописная мѣстность привлекаютъ теперь значительное число дачниковъ. Этому способствуетъ, между прочимъ, и крайняя дешевизна жизни. Квартиры въ Валдаѣ, въ центральныхъ его мѣстахъ, о 6—8 комнатахъ стоятъ отъ 9 до 15 р. въ мѣсяцъ. Мясомъ, дичь и домашнія птица весьма дешева. За проѣздъ со ст. Валдайки, Николаевской желѣзной дороги, въ 38 верстахъ отъ Валдая, мѣстные ямщики берутъ не болѣе 2—3 руб. за тройку. Изъ окрестностей Валдая и поселеній въ его уѣздѣ болѣе пріятельны:

Село *Короцкѣ*, въ пяти верстахъ отъ города, — родина святителя Тихона, задонскаго чудотворца**). Въ этомъ селѣ—церковь, построенная во времена патриарха Никона, а на разстояніи одной версты отъ него—женскій монастырь святителя Тихона.

Деревня *Глыбово*—11 верстъ отъ города, Зимогорской волости, гдѣ въ нежиломъ домѣ помѣщика Копоновича хранится древній образъ Николая Чудотворца, особенно чтимый народомъ. На поклоненіе ему ежегодно, 9 мая, стекается множество народу изъ Валдайскаго и другихъ, смежныхъ съ нимъ, уѣздовъ.

Деревня *Сонки*—по дорогѣ отъ Валдайки въ Валдай, въ 30 верстахъ отъ Валдая, съ прекрасной гористой мѣстностью, куда съѣзжаются въ лѣтнее время дачники.

Село *Лаврово*—въ 50 верстахъ отъ Валдая, на берегу озера Селигера, съ Успенской женской общиной.

Деревня *Варницы*—въ 12 верстахъ отъ Валдая, въ сторонѣ отъ шоссеиной дороги въ Новгородъ. Вблизи этой деревни—поросшія лѣсомъ, живописныя высокія горы съ крутыми обрывами. У подножья ихъ вьется небольшая рѣчка, Подыметъ, съ шумными водопадами, а изъ самыхъ горъ, около ихъ подножія, выбиваются соляныя минеральныя цѣлебныя ключи, врачующая сила которыхъ (отъ ревматизма и друг. болѣзней) признава особая врачебной комиссіей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ командированной отъ правительства.

Но не нашли еще до сихъ поръ предприимчиваго чело-вѣка, который обратилъ бы вниманіе на это въ высшей степени красивое и цѣлебное мѣсто, сдѣлавъ изъ него, хотя бы скромный, но не безвыгодный для предпринимателя дачный уголокъ!

Во всемъ уѣздѣ мѣстность гористая. Въ горахъ Валдайскихъ, въ небольшомъ количествѣ, есть золото, а также встрѣчаются иногда гранаты. Глина въ горахъ, которые подыма своимъ теченіемъ рѣка Подыметъ, — разноцвѣтная: голубая, бѣлая и зеленая.

Ручьи и рѣчки, въ полноводье, наобилуютъ форелью. Иарѣдка въ нихъ попадается жемчугъ.

Въ уѣздѣ много, еще нетронутыхъ, древнихъ кургановъ. Изъ обычаевъ старины, въ Валдайскомъ уѣздѣ и особенно въ самомъ Валдаѣ, въ средѣ мѣщанъ и даже именитаго купечества, сохранился слѣдующій свадебный обычай:

*) Въ селѣ Зимогорѣ и въ настоящее время у многихъ крестьянъ сохранились жемчужныя бусы и серьги, которыя онѣ надѣваютъ во время мѣстнаго праздника—Иванова дня.

**) Въ мѣрѣ—Тимошеи Савичъ Соколовъ, сынъ причетника кородскаго погоста.

Въ мисѣдѣ, на другой день послѣ свадьбы, сваха, съ родней невѣсты, собираются къ жениху и, подвыпивъ, усаживаются въ сани, разбѣгаютъ по улицамъ, машутъ платками и поютъ слѣдующую пѣсню:

По борамъ, борамъ-борикамъ
Убита дорожка кубричкомъ.
А кто дорожку убивалъ?
Убивалъ дорожку (такой-то, имя жениха),
Ходячи, смотрячи (такую-то, имя невѣсты),
Дороги подарки носячи.
Зародилась ягодка буйная;
Пошла (такая-то) ягоды собирать;
Бравши ягоды, пріиснула.
Мимо шелъ бхаль (такой-то),—
Махнулъ плеточкой—не испалъ.
Съ добраго коня слѣзъ и посмотрѣлъ.
„Сии ты (такая-то),—не бойся!
„Не станемъ тебя будить,
„Сердечна твоего знобите.
„Не къ батькѣ пришла, не къ маткѣ,—
„Къ свекру пришла, къ свекрови,
„Къ деверямъ пришла, къ золовкамъ“.

Интересенъ также обычай, что, въ праздничные и воскрес-

Микрофонографъ. Дюссо.

(Рисуи. на стр. 648.)

Попытки усиловать звукъ, подобно тому, какъ увеличиваютъ посредствомъ лупы и микроскоповъ мелкіе предметы, недоступные невооруженному глазу, начались съ тѣхъ поръ, какъ появились въ обращеніи телефоны и фонографы. Самая идея усиленія звука возникла тотчасъ же вмѣстѣ съ появленіемъ фонографа и телефона. Въ самомъ дѣлѣ, оба снаряда передавали звукъ, но въ то же время ослабляли его, особенно телефонъ, который еще и теперь устраняется такимъ образомъ, что приходится прикладывать къ нему ухо, чтобы уловить передаваемый имъ звукъ. Фонографъ передавалъ, правда, почти съ натуральною силою, но только звуки, непосредственно имъ воспринятые и притомъ на близкомъ разстояніи. Изобрѣтателю прежде всего представилась мысль о сочетаніи фонографа съ телефономъ, т. е. объ устройствѣ такого прибора, который бы передавалъ звуки на значительное разстояніе, подобно телефону, и въ то же время въ ихъ натуральной силѣ, подобно фонографу. Такіе приборы и были устроены? Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ можно было видѣть снарядъ г. Охоровича, который очень громко и отчетливо передавалъ голоса, пѣніе и разговоръ. Снарядъ былъ поставленъ въ Солинонъ Городскі, а звуки передавались изъ помѣщенія Малаго театра, на Фонтанкѣ. Такимъ образомъ, этимъ приборомъ и разными другими подобными въ основѣ и развилась задача усиленія звука. Но такіе приборы не были звуковыя микроскопы, а скорѣе звуковыя телескопы. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ телескопъ? Онъ увеличиваетъ отдаленные предметы, тѣ, которые кажутся намъ малыми, потому что они далеки отъ насъ, но не потому, что они недоступны глазу сами по себѣ, но своей натуральной величиной. Солнце во много разъ больше земли, а представляется намъ величиною всего лишь съ просиное зерно. Телескопъ показываетъ намъ его увеличеннымъ въ двѣ тысячи разъ, но увеличиваетъ не дѣйствительный, а лишь видимый нами діаметръ солнца. Работа микроскопа другого рода: онъ увеличиваетъ предметы мелкіе и недоступныя глазу по самой ихъ натурѣ. Звуковой микроскопъ долженъ былъ бы удовлетворять тѣмъ же условіямъ, т. е., онъ долженъ былъ бы усиловать звуки, недоступныя уху въ такой мѣрѣ, чтобы слухъ ихъ отчетливо различалъ. Приборъ, который удовлетворилъ бы такому условію, могъ бы имѣть чрезвычайно существенное значеніе, какъ въ области науки, такъ и въ практической жизни. Въ области науки онъ далъ бы средство къ изслѣдованію тѣхъ неуловимыхъ звуковъ, которыми несомнѣнно наполнена вся природа, но которые до сихъ поръ остаются отъ насъ скрытыми. Человѣческое ухо—аппаратъ столь же несовершенный, какъ и человѣческій глазъ. Эти тонкіе, неуловимые звуки природы давно уже подозрѣвались многими учеными. Нѣкоторые насѣкомыи, какъ, напр., муравьи, разработали усовершенную систему сообщеній между собою. Кто наблюдалъ муравьевъ на ихъ тропинкахъ, по которымъ они всегда движутся взадъ и впередъ непрерывно вереницею, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, замѣтилъ, что между всѣми встрѣчными муравьями идетъ непрерывный обменъ извѣстій. Это съ особенною ясностью выступаетъ при всякой тревогѣ, которая съ удивительною быстротою передается по всей линіи. Спрашивается, какими сигналами пользуются муравьи для передачи извѣстій? Можетъ-быть, они обмѣниваются извѣстіями только путемъ какого-нибудь прикосновенія, но можно также допустить, что между ними происходитъ обменъ неуловимыхъ для нашего уха звуковъ. Какъ проверить такіе тонкости безъ звукового микроскопа, который бы далъ возможность уловить эти тонкіе звуки? Микроскопъ

нѣе дин, въ городскія церкви—соборную и Введенскую—купеческія семейства не ходятъ пѣшкомъ, а ѣздятъ на своихъ лошадяхъ, какъ бы близко ни жили отъ церквей, при чемъ члены ихъ семействъ, разряженные въ праздничные костюмы, отвозятся въ храмъ по очереди, начиная со старшаго въ домѣ.

Таковы скудные свѣдѣнія объ этомъ чудномъ по красотѣ, природѣ и климату, заглохшемъ мѣстечкѣ, полѣвка назадъ обѣщавшемъ широкое развитіе!

Въ настоящее время этотъ городокъ, насчитывающій 4500 жителей, въ осеннее и зимнее время, смотритъ уныло, печально; а случайно занесенному сюда, по службѣ или дѣламъ, человеку представляется чуть ли громомъ всякой умственной жизни.

Ни благоустроенной бібліотеки, ни какихъ-либо образовательныхъ учебныхъ заведеній, кромѣ двухъ городскихъ училищъ—мужского и женскаго, ни книжнаго склада, ни народнаго чтенія, ни расширенныхъ вышѣ по городамъ почти повсемѣстно, ни клуба, ни спектаклей, ни музыки, ни даже порядочнаго церковнаго хора, — словомъ, никакого разумнаго развлеченія. Провѣтываютъ одинъ только винтъ, билетни и пьянство.

Благословенная Богомъ и природой обитель соннаго русскаго гражданина!.. Не оживитъ ли ее хоть Псково-Бологовская желѣзная дорога, которая вскорѣ должна здѣсь пройти?

для уха, вѣроятно, оказалъ бы такую же услугу, какъ и микроскопъ для глаза, т. е. открылъ бы такой же новый міръ, исполненный чудесъ, доселѣ невѣдомыхъ, какъ микроскопъ оптической, который далъ намъ средство ознакомиться съ новымъ міромъ невидимыхъ глазу существъ. О практическомъ значеніи такого акустическаго микроскопа нечего и распространяться. Великому лево, какую громадную услугу онъ могъ бы оказать глухимъ, которые съ его помощью стали бы такъ же удовлетворительно слышать, какъ теперь могутъ смотрѣть и видѣть удрученные слабостью зрѣнія при помощи очковъ.

Мы потому распространяемся здѣсь на эту, какъ бы мечтательную, тему, что она, какъ можно думать, скоро перейдетъ изъ области чистыхъ мечтаній въ область реальныхъ фактовъ. Изобрѣтателемъ новаго снаряда для усиленія звуковъ явился молодой швейцарскій ученый Франсуа Дюссо. Толчкомъ къ его изобрѣтенію послужило чувство сожалѣнія къ одной бѣдной глухой дѣвчонкѣ, которой ему захотѣлось доставить посылное облегченіе ея жалкой участи. Онъ сталъ усердно работать надъ устройствомъ аппарата, усиливающаго звуки, и скоро добился въ высшей степени ободряющихъ результатовъ. Изобрѣтенный имъ микрофонографъ онъ показывалъ сначала въ парижской Сорбоннѣ, а затѣмъ докторъ Лабурдъ, пораженный замѣчательными достоинствами прибора и его многообѣщающею будущаго, демонстрировалъ его въ парижской медицинской академіи.

Микрофонографъ Дюссо состоитъ изъ двухъ существенныхъ частей, какъ бы изъ двухъ отдѣльныхъ, хотя и соединенныхъ другъ съ другомъ снарядовъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ родъ фонографа въ сочетаніи съ микроскопомъ. Эта часть аппарата служитъ для уловленія звуковъ и ихъ усиленія. Вторая часть представляетъ регистрирующій аппаратъ, посредствомъ котораго звукъ, уловленный и усиленный первымъ снарядомъ, записывается на восковомъ цилиндрикѣ, совершенно подобно тому, какъ это дѣлаетъ нынѣшній фонографъ Эдиссона.

Существенная составная часть перваго снаряда—это приспособленіе, посредствомъ котораго воспроизводимый звукъ можно по произволу усиловать или ослаблять въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Онъ можетъ быть едва слышимъ для нормальнаго уха или же, наоборотъ, можетъ быть сдѣланъ невыносимо громкимъ. Вдобавокъ, его напряженіе точно измѣрится. Помимо, какую огромную важность можетъ имѣть такой приборъ во врачебной практикѣ. Имъ можно, значитъ, съ точностью опредѣлить размѣры глухоты простымъ поворотомъ винта, подобно тому, какъ термометромъ опредѣляется въ градусахъ степеней тепла. Для даннаго глухого требуется, положимъ, сдѣлать пять оборотовъ винта, чтобы звукъ сталъ для него уловимымъ, а для другого—пять съ половиною. Вотъ, сдѣловательно, и найдена точная мѣра степеней глухоты. При измѣненіи глухоты такой снарядъ даетъ превосходное средство для опредѣленія усилковъ измѣненій; съ нимъ можно слѣдить шагъ за шагомъ за уменьшеніемъ или увеличеніемъ глухоты. Другая область примѣненія прибора—учебно-воспитательная. Какъ извѣстно, глухіе отъ рожденія остаются само собою разумѣется, и иными, потому что, не слыша человѣческой рѣчи, они не могутъ ее и перенять. Ясно, что съ помощью прибора Дюссо ихъ можно заставить слышать рѣчь съ самаго малаго возраста и, слѣдовательно,—выучить говорить. Въ то же время, съ помощью того же прибора, можно предоставить имъ возможность разговаривать съ кѣмъ угодно, съ другимъ глухимъ или съ нормальнымъ субъектомъ. Собесѣдникъ глухого будетъ

говорить въ снарядъ, этого послѣдній усилить звуки рѣчи и передать ихъ глухому, а тотъ будетъ въ свою очередь говорить либо просто, либо черезъ снарядъ. Получится невѣроятная картина громкаго и свободнаго разговора здороваго человека съ глухонѣмыми отъ рождения или даже двухъ глухонѣмыхъ. Приборъ уже и былъ испытанъ на глухонѣмыхъ. Ихъ приводили съ нимъ въ сообщеніе и наигрывали имъ какую-нибудь мелодію, звуки которой, конечно, были усилены въ степенно невыносимой для нормальнаго уха. При этомъ обыкновенное и равнодушное лицо глухонѣмого мгновенно проявляло всѣ признаки необычайнаго возбужденія, изумленія и удовольствія. Онъ, видимо, тотчасъ же различалъ нѣчто для него неслыханное и даже непостижимое — музыкальный звукъ. Нѣкоторые изъ глухонѣмыхъ принимались даже въ тактъ музыкѣ качать головою или отбивали тактъ ногою.

Другая часть снаряда Дюссо, какъ уже сказано, состоитъ изъ записывающаго аппарата. Эта часть, какъ и въ фонографѣ Эдиссона, состоитъ изъ часоваго механизма и восковыхъ цилиндриковъ. По мѣрѣ того какъ во внутрь снаряда постунаютъ звуки, онъ ихъ записываетъ, отпечатлѣваетъ на своихъ цилиндрикахъ. Послѣ того этотъ цилиндрикъ можно вставить въ первую часть прибора и зарегистрированный звукъ будетъ воспроизведенъ во всей его силѣ. Эти записи, опять-таки, могутъ имѣть чрезвычайно важное практическое значеніе. Такимъ способомъ можно уловить и запечатлѣть, напр., слабые шорохи и скрипы внутри легкихъ или другихъ внутреннихъ органовъ при разныхъ болѣзняхъ. Впослѣдствіи такіе записи могутъ послужить прекраснѣйшимъ средствомъ для демонстраціи на лекціяхъ. Сверхъ того, сдѣланная запись послужитъ мѣриломъ для сравненія силы заболѣванія. Тутъ можетъ имѣть значеніе сила звука, его напряженіе, и всевозможные оттѣнки. Дюссо уже сдѣлалъ не мало наблюданій надъ неувольными для уха звуками природы, надъ голосомъ разныхъ птицъ, которыхъ ны привыкли считать совсѣмъ нѣмыми, лишеными способности издавать какіе бы то ни было звуки. Онъ сдѣлалъ даже попытку опредѣлить тѣ особенные звуки или, лучше сказать, шорохи, которые даетъ сердце при разныхъ формахъ возбужденія чувствъ. Такимъ образомъ его приборъ, повидному, можетъ приобрести значеніе какъ снарядъ для уловленія и распознаванія движеній души. Эдиссонъ, уже узнавшій объ этомъ приборѣ и

сразу заявившій себя его усерднѣйшимъ цѣнителемъ, пошелъ въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ еще дальше. Онъ высказалъ полную увѣренность въ томъ, что при дальнѣйшей разработкѣ идеи Дюссо можетъ быть выработана аппаратура для чтенія мыслей. У него на этотъ счетъ составила даже своя теорія. Онъ говоритъ, что въ минуты усиленной дѣятельности нашего мозга всегда долженъ происходить болѣе или менѣе значительный приливъ крови къ этому органу. Этотъ потокъ крови, направляющійся къ мозгу и распределяющійся по его поверхности, долженъ, разумѣется, сопровождаться шумомъ, который отражается на черепѣ, служащемъ какъ бы резонаторомъ для этихъ микроскопическихъ (быть-можетъ правильнѣе будетъ сказать микроакустическихъ) шумовъ или шороховъ. Основываясь на принципѣ аппарата Дюссо, слѣдуетъ постараться устроить приборъ, который бы улавливалъ и регистрировалъ эти шорохи, а, главное, далъ бы возможность улавливать разницу между ними соответственно разнымъ движеніямъ мысли. И тогда мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи насгонцій записыватель мыслей, такъ сказать, контрольный аппаратъ мысленія. Для того, чтобы такая постановка задачи была основательна, надо, конечно, сдѣлать допущеніе, что основная послышка въ образованіяхъ Эдиссона сдѣлана вѣрно, т. е., что, въ самомъ дѣлѣ, каждому особому движенію мысли отвѣчаетъ струя прилива крови точно опредѣленной мѣры, опредѣленнаго напряженія, и что шумы, порожденные этими струями, въ самомъ дѣлѣ и качественно различаются между собою. Все это, конечно, возможно, и намъ остается только терпѣливо ждать, пока работы, вѣроятно уже предпринятны знаменитымъ американскимъ изобрѣтателемъ въ этомъ направленіи, увѣчатся успѣхомъ.

Дюссо съ своей стороны продолжаетъ работать надъ возможными усовершенствованіемъ своего снаряда. Въ послѣднее время онъ соорудилъ микрофонографъ, который могъ бы служить не для одного наблюдателя, а для цѣлой аудиторіи, для большой публики. Сверхъ того, онъ наобрѣлъ помѣстятъ особый снарядъ на дно глубокаго колодца, для наблюденія надъ звуками и шумами въ нѣдрахъ земли. Такая установка, вѣроятно, дастъ возможность научить внутренніе шумы, предшествующіе землетрясеніямъ, и въ такомъ случаѣ приборъ Дюссо оказался бы самымъ чувствительнымъ сейсмографомъ, т. е. аппаратомъ, предсказывающимъ землетрясенія.

Къ рисункамъ.

Сколько грустной поэзіи представляетъ картина г. Волкова „Дорога въ усадьбу“. Собственно передъ вами только полубогаженный осеннимъ несчастіемъ деревья съ полуразрушенною же перспективою вдаль, туда, гдѣ виднѣется усадьба, также вѣроятно уже сильно тронутая неумолимою рукою времени. Дорога, къ ней ведущая, пострадала отъ распутицы. Въ громадной мѣрѣ отражаются и тѣмъ сохранившейся еще листвы, и свѣтѣ той доли, въ которой виднѣется усадьба. Кто въ ней теперь живетъ? Брошена ли она, какъ многія усадьбы на Руси, своими исконными владѣльцами? Представляетъ ли она такое же запустѣніе, какъ весь ландшафтъ, столь поэтично изображенный художникомъ? Всѣ эти вопросы оставлены имъ безъ отвѣта, но печальная поэзія ландшафта косвенно отвѣчаетъ на нихъ. Въ каждой подробности чувствуется настроеніе человека, съ грустью взвѣсившаго на запустѣніе красивыхъ уголковъ нашей родины, гдѣ прежде цвѣла другая жизнь, гдѣ было больше свѣта и тепла, гдѣ люди еще не махнули на все рукою, ища спасенія вдали отъ родныхъ мѣстъ. А теперь заброшены и усадьба, и окружавшій ее паркъ, и дорога къ ней. Нѣтъ ли средствъ приостановить этотъ процессъ разрушенія, воскресить былую жизнь усадьбы въ новой, облагороженной формѣ съ большею пользою для окрестнаго населенія? Вотъ какіе мысли и вопросы навѣваетъ картина талантливаго художника.

Но пока въ природѣ осень еще не настала. Все еще дышитъ вокругъ часть разгаромъ лѣта, когда жители городовъ проводятъ время въ деревенскомъ уединеніи и наслаждаются благами природы, которыхъ они такъ долго въ теченіе года лишены на сѣверѣ. Желѣзные дороги съ ихъ удешевленными тарифами облегчили переселеніе горожанъ въ деревенскую глушь. Одинъ уголокъ за другимъ становится центромъ оживленной дачной жизни. Но осталось все еще не мало прекрасныхъ уголковъ, которые, представляя чрезвычайно выгодныя условія для дачнаго пребыванія, тѣмъ не менѣе остаются безъ вниманія. Такой уголокъ — Валдай и его окрестности, о которыхъ даютъ читателю понятіе помѣщенные нами выше рисунки и полусительная къ нимъ статья. Можно только пожелать, чтобы тамъ постепенно развилась такая-же привольная дачная жизнь, кака я изображена на картинѣ „Въ лѣтній день“.

Широко раскинулась бурнымъ пологомъ безграничная степь. Ни деревца, ни кустика. Только кое-гдѣ колышется вѣтромъ

чахлые стебельки травы, выжженной солнцемъ и жалобно припавшей къ самой землѣ. Всюду одинъ колоритъ — гризоплато-бурый. Не на чемъ отдохнуть глазу. Ни звука не уловишь въ мертвой дали. Все живое точно припало, заснуло, забылось въ сладкой дремѣ. Даже привычныя къ этому зною и степному безмовію — лошади, и тѣ сблизилъ въ кучу, поближе другъ къ другу, точно боясь щемящаго чувства унынія, одиночества, разлитаго вокругъ.

Крестьянская, народная школа — любимая область наблюденія г. Богданова-Вѣльскаго. Главные же его герои — крестьянскіе дѣти-подростки. И нельзя не признать, — онъ знаетъ и любитъ своихъ маленькихъ героевъ, знаетъ ихъ тяжелую жизнь въ семьѣ, знаетъ ихъ современныя думы... Онъ знаетъ, что горе и пужа ихъ хоть на время замрачаютъ у дверей школы, гдѣ не только сіяетъ „свѣтъ ученія“, но и свѣтъ солнца, широко льющаго свои лучи въ окна „классной“, гдѣ дышится свободно въ просторной комнатѣ, на удобныхъ скамьяхъ, рядомъ съ десятками сверстниковъ... Эту способность читать въ сердцахъ крестьянскихъ дѣтей талантливый художникъ умѣетъ выразить въ своихъ картинахъ, интересныхъ и затрогивающихъ зрителя не только своимъ художественнымъ исполненіемъ, но и содержательностью. Въ помѣщенной здѣсь картинѣ, бывшей на послѣдней передвижной выставкѣ, проведена именно параллель между „свѣтомъ ученія“ и „тьмою неученія“, нужды, горя. Эта жалкая фигура мальчугана, оставившагося у дверей школы и съ завистью засматривающагося на своихъ счастливыхъ товарищей, — воплощеніе того невѣжества, нужды и горя, которое замрачаетъ у дверей школы. Параллель эта будитъ чувства, чувства хороша, свѣтлыя, — и это много значитъ.

Радостныя чувства, хотя и совсѣмъ другого рода, будитъ и картина испанскаго художника, г. Габриэли. Три крестьянскія дѣвочки возвращаются съ праздника домой. Онѣ уже много пѣли и плясали, но молодость неутомима, и веселія у нея неочагитъ уголь. Можетъ-быть, тремъ дѣвчушкамъ предстоитъ еще далекій путь, но онѣ не устали: голоса ихъ раздаются звонко, руки увѣренно владѣютъ тамбуриномъ, и вся окрестность оглашается веселою пѣсней. Кто ее услышитъ, тотъ невольно улыбаются, а кто еще взглянетъ на этихъ дѣвчушекъ, тотъ, если онъ старъ, пожалѣетъ о молодости, если онъ молодъ — невольно начнетъ вторить. Заразительно ихъ веселіе: противъ него трудно устоять...

Малороссійскій театр и труппа М. Л. Кропивницкаго. (Рис. на этой стр).

Малороссійскій театр возникъ въ сравнительно недавнее время. „Наталка Полтавка“ и „Москаль Чаривникъ“, написанныя въ 1819 году И. П. Котляревскимъ,—первыя пьесы, положившія прочное основаніе народной сценѣ въ южной Россіи. Удачный примѣръ нѣвѣстнаго автора „Энеиды Виргилія, переицованной на малорусскую мову“, не оставался безъ подражанія и вызвалъ рядъ новыхъ пьесъ, изъ которыхъ „Запорожець за Дунаемъ“ П. П. Артемовскаго-Гулака (поэта) занялъ видное мѣсто и до сихъ поръ не сходитъ со сцены. Г. О. Квитка-Основьяненко отнесся болѣе непосредственно къ народной жизни, повялъ задачу писателя болѣе сознательно и сталъ искать въ народѣ не однихъ только сюжетовъ для шутки, но также

инымъ талантомъ галерею яркихъ, полныхъ жизни художественныхъ типовъ. Въ одинаковой мѣрѣ онъ хорошъ и въ бытовыхъ роляхъ, полныхъ драматическаго огня. Сразу обративъ на себя вниманіе, онъ съ поразительной энергіей формируетъ въ 1881 г. собственную образцовую труппу, искусно подбравъ даровитыхъ помощниковъ, изъ которыхъ на первыхъ же порахъ выдвинулись такіе крупныя величины, какъ Заньковецкая (артистка съ тонкой нервной организаціей и драматическимъ талантомъ, заставляющимъ зрителя страдать вмѣстѣ съ нею, переживая всѣ перипетіи драмы), Затиркевичъ (само веселье, необходимый противовѣсъ Заньковецкой), Садовскій (блестящій комикъ и драматическій любовникъ), наконецъ, Максимовичъ (нынѣ покойный), Саксаганскій и Манько (на характерныя роли). Эта труппа быстро подняла малороссійскій театр и встрѣтила очень сочувственный при-

1. Рафальскій. 2. Борнсогльбская. 3. Шевченко (Гамалій). 4. Войдѣховская. 5. Ратмирова. 6. Корсакова. 7. Глоба. 8. Кропивницкій. 9. Вукотичъ. 10. Величко. 11. Загорскій. 12. Туманенко. 13. Голубенко. 14. Глазуненко. 15. Бѣлзена. 16. Разсудовъ-Кулябко.

Малороссійская труппа М. Л. Кропивницкаго. Съ фотогр. М. Медвѣдева автотипія „Нивы“.

общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ, намѣченныхъ уже въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“, служившей вообще лучшимъ указателемъ почти всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ украинской народности. „Святаня на Гончаривцѣ“, вѣнецъ творчества Квитки, считается классическимъ произведеніемъ южно-русской литературы. Т. Г. Шевченко („Назаръ Стодола“, неоконченныя сцены), славный пѣвецъ Украины, и А. П. Стороженко („Горкуни“) завершаютъ періодъ шестидесятихъ и начала семидесятихъ годовъ. Въ этотъ же промежутокъ времени началъ свою дѣятельность и композиторъ Н. В. Лысенко, написавшій нѣсколько прекрасныхъ оперъ („Рябляна шчы“, „Утоплена“, „Чорноморци“ и др.), много содѣйствовавшихъ дальнѣйшему росту малороссійскаго театра, то возрождавшагося, то замравшаго на цѣлые годы. Малороссія долго ожидала человека, который съ энергіей поднялъ бы сценическое дѣло и организовалъ постоянную труппу, не боясь никакихъ препятствій. И вотъ въ 1871 году на сценѣ одесскаго „Народнаго театра“ появляется выдающаяся личность Марка Лукича Кропивницкаго. Комикъ по призванію, съ придачей самыхъ разнообразныхъ отбѣтковъ добродушія, онъ создалъ своимъ замѣчатель-

емъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Впоследствии она распалась на вѣскольکو самостоятельныхъ и, какъ водится, враждующихъ между собой товариществъ, число которыхъ достигаетъ теперь почтенной цифры 50. Главнѣйшія изъ нихъ Саксаганскаго, Гайдамаки, Садовскаго, Ивась-Морова, Мировъ-Бедюга, Суслъова и Деркача, предпринимавшаго артистическое турнѣ въ Парижѣ.

Въ настоящее время труппа М. Л. Кропивницкаго состоитъ изъ 70 человекъ; въ числѣ ихъ, кромѣ старой знакомой, г-жи Затиркевичъ-Каринской (къ сожалѣнію, не появившей на фотографическій снимокъ по случаю болѣзни), находится много новыхъ, свѣжихъ талантовъ. Укажемъ на гг. Загорскаго (прекрасный комикъ), Глазуненка (незамѣнимый въ роляхъ комическихъ простаковъ и замѣчательный исполнитель „гопака“ и другихъ національныхъ танцевъ), Ратмирову (паяльная деревенская grande coquette), Шевченко-Гамалій, Рафальскаго, Разсудова-Кулябко, Шенелена и пр. Г. Кропивницкій, воспитавшій столько даровитыхъ учениковъ, примыкаетъ къ плеядѣ лучшихъ малороссійскихъ писателей второй половины XIX столѣтія. Изданный имъ „Сбирникъ творивъ“ заключаетъ въ себѣ драмы

и комедии, пользующаясь большим успехом на всех мало-российских сценах („Дай серпеви волю—заведе у неволю“, „Олеся“, „Понились у дурни“, „По ревизии“, не вошедшая в сборники „Глумъ и Поиста“ и много других). Произведения г. Кропивницкаго отличаются глубоким знанием народного быта, сценичностью и безукоризненным языком.

В концѣ нашей бѣглои замѣтки считаемъ долгомъ прибавить, что 22-го ноября прошлого года въ „Русскомъ театрѣ“, въ Одессѣ, весьма торжественно чествовалось 25-лѣтіе его артистической и литературной дѣятельности, при чемъ юбиляръ удостоился самыхъ сердечныхъ привѣтствій отъ своихъ многочисленныхъ почитателей со всехъ концовъ Россіи.

В. Умановъ-Каллуновскій.

Севастьянъ Кнейпъ. (Портр. на стр. 648)

5-го іюля въ баварской Швабии, въ деревнѣ Вѣрригофенъ, на 77 году отъ рожденія, скончался навѣстный самоучка-лѣкарь, патеръ Севастьянъ Кнейпъ. Непоколебимая вѣра въ цѣлебность примѣняемаго имъ врачебнаго метода была одною изъ отличительнѣйшихъ чертъ этой личности; такая убѣжденность, а въ связи съ нею твердый характеръ и внушительная вѣрность, — все это невольно подчинило вліянію патера всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, и на этой-то именно почвѣ гораздо больше, чѣмъ на численности счастливыхъ исходовъ его лѣченія, создавалась его громкая, по всему міру разнесшаяся врачебная слава и образовался у него цѣлый легионъ послѣдователей и подражателей.

За послѣдніе годы въ Германіи, Австро-Венгрии и Швейцаріи возникло болѣе полтора десятка водолѣчебныхъ заведеній по способу патера Кнейпа, и заведеніями этими управляютъ болѣею частью профессиональные врачи, изучившіе водолѣченіе подъ руководствомъ самого Кнейпа. Тѣмъ не менѣе, голоса критики, протестующей противъ метода вѣрригофенскаго патера, не умолкаютъ, а раздаютъ съ прежней силой.

Предписываемая методомъ патера Кнейпа простота, нормальность во всемъ: въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ—очень разумна и не вызываетъ никакихъ возраженій. Но, признавая ихъ, большинство врачей все-таки не могло и не можетъ вполне раздѣлать взгляды патера; даже цѣлыя тысячи больныхъ, ежегодно стекавшихся въ Вѣрригофенъ со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ государствъ, не въ состояніи склонить ихъ на компромиссъ съ теоріей патера. Профессиональные врачи продолжали и продолжаютъ не безъ основанія утверждать, что во всѣхъ хроническихъ болѣзняхъ, происходящихъ отъ расстройствъ питания, не исключая и тѣхъ, которыя прекрасно поддаются водолѣченію, всегда необходимъ ближайшій надзоръ опытнаго врача, соображающагося съ индивидуальными особенностями даннаго больного. У Кнейпа же этого нѣтъ; у него лѣченіе—общее для всѣхъ пациентовъ, только съ самыми незначительными измѣненіями.

Тѣмъ не менѣе, разумные, здравые принципы, положенные покойнымъ патеромъ въ основу своего метода, никто не отрицаетъ, да и не могутъ быть отрицаемы. Впрочемъ, принципы эти не составляютъ изобрѣтенія Кнейпа, и самъ патеръ никогда не приписывалъ себѣ инициативы въ этомъ; онъ только изобрѣлъ свои способы примѣненія этихъ принциповъ посредствомъ разнаго рода „обливаній“, и въ этомъ его заслуга. Самое же водолѣченіе было известно еще задолго до Кнейпа и пускалось въ ходъ не только простыми людьми, при самовра-

чеваніи, но и многими профессиональными медиками, въ ихъ практикѣ. Даже хожденіе босикомъ, за которое такъ горячо ратовалъ патеръ Кнейпъ, и то кое-гдѣ примѣнялось еще до него, въ качествѣ средства къ закаливанію организма.

Севастьянъ Кнейпъ родился 17-го мая 1821 г. въ мѣстечкѣ Стефансридѣ, принадлежавшемъ къ бенедиктинскому приходу Оттебейренъ. Отецъ его былъ ткачомъ. Самъ онъ, будучи уже тоже ткачемъ-подмастерьемъ, двадцати одного года отъ роду, покинулъ родину и отправился въ Грѣненбахъ. Страстнымъ желаніемъ его было—поступить въ духовное званіе. Грѣненбахскій капелланъ Матвѣй Меркле, познакомившись съ молодымъ человекомъ и узнавъ его завѣтную мечту, взялся приготовить великовозрастнаго, почти совершенно необразованнаго мастерового къ поступленію въ гимназію, и черезъ два года дѣло увѣчалось полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ 1848 г. мы видимъ Кнейпа уже въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ ревностно изучаетъ католическое богословіе.

Занимаясь въ мѣстной придворной публичной библиотекѣ, онъ однажды совершенно случайно наткнулся на сочиненіе доктора Зигмунда Гана: „Руководство къ водолѣченію“. Этой-то книгѣ и было суждено направить жизнь Кнейпа по тому руслу, по которому она мирно протекала.

6-го августа 1852 г. Кнейпъ былъ рукоположенъ въ священникъ, состоялъ въкоторое время при церквахъ въ Бирбахѣ и Аугсбургѣ и, наконецъ, въ 1855 г. былъ переведенъ капелланомъ въ Вѣрригофенъ, а въ 1881 г. былъ назначенъ настоятелемъ мѣстнаго прихода.

За это время Кнейпъ уже успѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣсколько сочиненій для народнаго чтенія, по разведенію кормовыхъ травъ, по пчеловодству и т. п. Но вотъ, въ 1886 г. появляется его книга „Мое водолѣченіе“, и имя Кнейпа быстро разносится по всему міру, а на слѣдующій годъ въ Вѣрригофенъ съѣзжаются со всѣхъ сторонъ больные. Въ 1888 году въ деревнѣкѣ уже высится деревянное зданіе кургауза, а въ слѣдующемъ, 1889 году, больныхъ поваѣхало свыше тысячи. Въ этомъ же году на книжномъ рынкѣ появилось новое сочиненіе Кнейпа: „Какъ намъ надо жить“. Книга эта, такъ же, какъ и „Мое водолѣченіе“, выдержала цѣлый рядъ изданій и была переведена на многие языки.

Въ 1890 г. уже потребовалось устройство каменнаго кургауза съ хорошо оглаживаемыми померами, а кромѣ него въ деревушкѣ возникли двѣ частныя гостиницы. Въ началѣ слѣдующаго года появились первые номера періодическаго изданія: *Газета Кнейпа. Выстникъ естественнаго образа жизни и лѣчебнаго метода, не требующаго врача*. Газета эта была официальнымъ органомъ только-что возникшаго въ 1890 г. Кнейповскаго общества; однородныя съ нимъ общества образовались въ это время и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ томъ же 1891 г. появился и первый выпускъ „Календаря патера Кнейпа“.

Чтобы дать понятіе о количествѣ пациентовъ, стекавшихся въ послѣдніе годы въ Вѣрригофенъ, достаточно сказать, что въ 1892 году было роздано 12,108 экземпляровъ „Правилъ“ для лѣчащихся.

Со смертью Кнейпа Вѣрригофенъ осиротѣлъ. Прежде всего это должно отозваться на Вѣрригофенѣ съ матеріальной стороны. Нужно сказать, что именемъ Кнейпа тамъ сильно спекулировали, создавая червѣдъ совершенно дутыя предпріятія, Понастронія, наиримѣръ, массу дачъ, изъ которыхъ теперь очень немногія найдутъ себѣ панимателей.

Ловля черепахъ на Мадагаскарѣ.

Въ цѣнномъ трудѣ Джемса Сибри „Мадагаскаръ“ говорится очень мало о тамошнихъ черепахахъ. „Здѣсь, — замѣчаетъ авторъ, — встрѣчаются многія породы черепахъ, сродныя съ африканскими. У одной изъ нихъ (Puzos), геометрической черепахи или черепахи-табакерки, щитъ раздѣленъ на большіе прекрасно разрисованные шестигольники. Эти черепахи любятъ грѣться на солнышкѣ, на узкихъ песчаныхъ отмеляхъ, едва возвышающихся надъ поверхностью рѣкъ. Въ одну изъ недавнихъ геологическихъ эръ Мадагаскаръ былъ родиной, по крайней мѣрѣ, двухъ очень большихъ черепашихъ породъ (Testugo abrupta и Emys gigantea), остатки которыхъ Грандиде нашелъ на югѣ острова. На Мадагаскарѣ онѣ, по всей вѣроятности, вымерли; но на Маскаренской группѣ острововъ (св. Маврикія, Бурбоновъ и Родригезъ) онѣ, повидимому, обитали вплоть до появленія человека. Вълѣдствіе необдуманнаго истребленія этихъ полезныхъ животныхъ они теперь встрѣчаются только на маленькихъ необитаемыхъ островахъ Альдебра вблизи Сешельскихъ острововъ“.

Подобный экземпляръ, возрастомъ около 70 лѣтъ и вѣсомъ до 800 фунтовъ, находится еще теперь въ Зоологическомъ саду въ Лондонѣ.—Этихъ свѣдѣній, конечно, очень недостаточно. Но навѣстный путешественникъ дополняетъ ихъ новыми, очень интересными подробностями.

Главную пищу на о. Носи-Бэ составляютъ черепахи, какъ земляныя, вѣсомъ отъ 15 до 20 фунтовъ, такъ и большія морскія, вѣсящія червѣдъ 200 и болѣе килограммовъ. Мясо одной земляной черепахи, — рассказываетъ путешественникъ: — а зачастую ѣтъ нѣсколько дней въ формѣ суповъ, рагу, бифштекса и ростбифа, и это мясо нигдѣ никогда не доѣдало. Лица земляной черепахи, которыя она—употребляли техническое выраженіе— „мечетъ“ въ количествѣ до двухсотъ штукъ, чрезвычайно вкусны и питательны, несмотря на нѣкоторую мучнистость. Большая морская черепаха ловится въ огромномъ количествѣ на островѣ Европа въ Мозамбикскомъ каналѣ, — островѣ, никому не принадлежащемъ и необитаемомъ. Маленькія парусныя суда, отъ 80 до 100 тоннъ, подходятъ къ острову, предвзительно запасшись прѣсной водой для питья, такъ какъ, несмотря на присутствіе на немъ лѣсовъ, онъ почти лишентъ воды, — по крайней мѣрѣ по словамъ капитановъ; вѣрнѣе, однако, что ихъ команды сплоскомъ лѣвны, чтобы нескать воду внутри острова, въ его мало доступныхъ ущельяхъ. При отсутствіи воды, какъ могли бы существовать козы и куры, иногда оставляемыя на островѣ рыбаками; между тѣмъ эти животныя, совершенно одичавъ, сильно тамъ размножились.

Черепаха-самка, щитъ которой такъ великъ, что удобно мо-

жесть служить спячей ванной, пользуется полнолунием и приливом—последній сокращает ей путь по землѣ,—чтобы выбрать себѣ укромное мѣстечко на берегу для кладки яицъ. Самецъ остается въ морѣ и ждетъ возвращенія самки. Эта послѣдняя вырываетъ своими сильными задними плавниками въ песокъ огромныя ямы, края которыхъ сглаживаетъ ударами тѣхъ же плавниковъ, предохраняя ихъ этимъ отъ обвала. Покончивъ съ устройствомъ ямы, она быстро мечетъ одно за другимъ до двухсотъ яицъ, закидываетъ яму пескомъ и сбиваетъ назадъ въ море, гдѣ ее нѣжно встрѣчаетъ самецъ.

Кладку яицъ животное повторяетъ каждыя двѣ недѣли и кладетъ съ октября по апрѣль до 2500 яицъ. Черепаха нужно ловить во время этой процедуры. Она яростно ударяетъ вокругъ себя плавниками, подбрасывая такую массу песка, что застилаетъ глаза, носъ и уши рыбакамъ, которые длинными шестами стараются опрокинуть животное на спину. Лежа на спицѣ, черепаха безпомощна; она уже не можетъ встать на ноги и издыхаетъ подъ ударами дубинъ, направляемыхъ въ ея ничѣмъ не защищенную голову. Неосторожный рыбакъ можетъ, однако, полагаться однимъ или нѣсколькими пальцами, которые черепаха откусываетъ своими сильными челюстями. Морская черепаха, выходя изъ льда, едва больше олады. Она сбиваетъ, насколько ей позволяютъ ея коротенькія ноги, къ морю, чтобы укрыться подъ какимъ-нибудь камнемъ, пока за нею не явится мать и не введетъ ее въ родную стихію, подальше отъ подстерегающихъ ее враговъ, морскихъ птицъ, для которыхъ молодое животное, съ еще мягкою скорлупой, представляетъ особенно лакомый кусочекъ. Но и въ морѣ

черепаха, пока она мала, не застрахована отъ преслѣдованія большихъ хищныхъ птицъ, почему сотни маленькихъ черепахъ цѣлыми мѣсяцами плаваютъ подъ крылышкомъ, или, вѣрнѣе, подъ щитомъ матери. Въ морѣ этихъ симпатичныхъ звѣрковъ (дѣйствительно, симпатичныхъ: я держалъ нѣсколько штукъ въ моей ваннѣ и ежедневно любовался ихъ забавными движеніями) пожираютъ чайки и альбатросы; эти хищники, однако, часто должны уступать добычу фрегату.—птицѣ, которая сама не ловитъ рыбу, но, подкарауливъ другихъ птицъ, отнимаетъ у нихъ добычу; фрегатъ—алѣйшій врагъ черепахъ.

У магагаліевъ,—малайского племени, живущаго на югѣ Мадагаскара, черепаха считается чѣмъ-то запретнымъ, даже оскверняющимъ. Само собою разумѣется, магагаліи не трогаютъ черепаху и даже далеко ее обходятъ. Тотъ, кто дотронется до черепахи, считается нечестнымъ. Хотя они доускаютъ ловлю черепахъ вдоль всего побережья, потому что вывозъ черепахъ приноситъ имъ извѣстный доходъ въ видѣ подарковъ, значительность которыхъ опредѣляется вождемъ, начальствующимъ надъ береговой охраной, тѣмъ не менѣе, они очень неохотно присутствуютъ при ловлѣ черепахъ и никогда не принимаютъ въ ней участія. Лишь при высокочтожественныхъ случаяхъ, наиримѣръ, при очень большихъ празднествахъ въ честь мертвыхъ, вождь магагаліевъ можетъ убить черепаху. Это—церемонія, продолжающаяся нѣсколько дней подъ непрерывную стрѣльбу и сопровождаемая танцами п. льянствомъ. Лодки вождя и другихъ знатныхъ магагаліевъ разрисовываются кровью черепахи, и голову убитаго животного вѣшаютъ на высокомъ шестѣ передъ деревьями.

Политическое обозрѣніе.

23-го іюня французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото, внесъ въ палату проектъ кредита на поѣздку президента республики въ Россію. Напомнивъ о величественныхъ манифестаціяхъ Франціи, вызванныхъ путъ шествіемъ Русской Императорской Четы, министръ прочиталъ выдержки изъ письма Государя къ г. Форю, въ которыхъ приведены высокознаменательныя слова: „вся Россія ожидаетъ Вашего прибытія“—и заявилъ, что правительство предлагаетъ парламенту присоединиться своимъ голосованіемъ къ принятію президентомъ приглашенія, придавъ этому акту характеръ національной манифестаціи. Г. Ганото закончилъ „увѣренностью, что всѣ депутаты воспользуются новымъ случаемъ засвидѣтельствовать симпатіи Франціи къ Россіи, скрѣпивъ еще больше связующія ихъ узы“. Законопроектъ требуетъ представленія въ распоряженіе правительства необходимой для поѣздки президента въ Россію суммы въ пятьсотъ тысячъ франковъ. При горничныхъ рукописаніяхъ палаты проектъ переданъ въ бюджетную комиссію, которая приняла его въ тотъ же день безъ преній, а на слѣдующій день внесла въ палату, требуя неотложности обсужденія, послѣ принятія которой вотировать и самый проектъ подавляющимъ большинствомъ палаты безъ преній. Высесенный въ тотъ же день въ сенатъ докладъ о кредитѣ признавъ также неотложнымъ, и затѣмъ рѣшено немедленно приступить къ преніямъ. Находя сумму недостаточной для такой цѣли, одинъ изъ сенаторовъ предложилъ поправку—ассигновать миллионъ франковъ. Г. Ганото возразилъ, что „Франція достойнымъ образомъ обставила встрѣчу Русскаго Императора, и президентъ республики сумѣетъ достойнымъ образомъ обставить свою поѣздку въ Россію“. При громкихъ знакахъ одобренія, послѣ отклоненія предложенной поправки, кредитъ принятъ сенатомъ единогласно. Такимъ образомъ, по устраненіи всѣхъ формальностей, уже немного остается до пріѣзда къ намъ главы дружественной державы—г. Форя, которого конечно, радостно будетъ привѣтствовать „вся Россія“.

По свѣдѣніямъ изъ Бомбея отъ 12-го іюня, въ Пушѣ, всегда игривей роль центра индійскихъ восстаній, произошло серьезное насиліе надъ англичанами: изъ числа чиновниковъ, примѣняющихъ противочумныя мѣры, нѣкоторые застрѣлены, а иные тяжело ранены, агентъ же сысской полиціи, принявшійся разыскивать виновныхъ, сдѣлался жертвой таинственнаго убійства. Подобные случаи и въ другихъ мѣстахъ Индіи обратили вниманіе англійской печати, усматривающей въ этихъ фактахъ признакъ движенія индусовъ. Указывая на тревожныя свѣдѣнія изъ Индіи, печать выражаетъ опасенія, какъ бы это движеніе не разрослось до размѣровъ кровавыхъ событій 1857 года—тѣмъ болѣе, что теперь у индусовъ гораздо больше средствъ къ восстанію. По бюллетеню *Авентства Рейтера*, на насиліе въ Пушѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на „серьезный симптомъ“, значеніе котораго „не должно быть умаляемо“. Замѣтка эта принимаетъ особенное значеніе въ виду появившихся въ Бомбейѣ и Пушѣ многочисленныхъ экземпляровъ прокламаціи на англійскомъ и индійскомъ языкахъ, отзывающейся объ юбилей коро-

левы въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Прокламація, носящая характерную подпись—„триста миллионныхъ человѣческихъ существъ“, обращается ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, умоляя ихъ выступить за „милліоны арійскихъ братьевъ, имѣющихъ болѣе права на заступничество, чѣмъ Греція и Малая Азія, и положить узду на англійскихъ тирановъ, болѣе столѣтія уже подвергающихъ индусовъ жестокому обращенію, стирая съ лица земли древнюю и благородную націю“. Затѣмъ въ предмѣстьи Калькутты 13-го іюня всѣ англичане подверглись нападенію туземцевъ. Для расцѣпленія скопища бунтовщиковъ вызванъ отрядъ пѣхоты и кавалеріи. Въ Пушѣ тѣмъ временемъ расположились военный отрядъ для экзекуціи. Доизвѣнемъ обнаружено, что движеніе имѣетъ демонстративную цѣль въ виду юбилейныхъ торжествъ; во главѣ движенія оказываются получившіе англійское образованіе индусы и мусульмане, стремящіеся сдѣлать разрозненныхъ туземцевъ противъ британскаго владычества. Безпорядки приняли весьма серьезный характеръ: осыпая бранью англичанъ, бунтовщики бросали въ нихъ камнями; почти всѣ офицеры ранены. Распространившіеся слухи объ оскверненіи мечети усилили движеніе среди мусульманъ, которымъ пассивно симпатизируютъ индусы. Съ прибытіемъ подкрѣпленія кавалеріи удалось разогнать бунтовъ, но скопище вновь образовалось, такъ что пришлось вызвать и новую войска. По свѣдѣніямъ изъ Калькутты отъ 23-го іюня, положеніе въ Индіи довольно тревожное; убитыхъ въ безпорядкахъ насчитываютъ пока до 600 человекъ. Хотя министръ по дѣламъ Индіи сообщилъ англійскому парламенту 24-го іюня успокоительныя свѣдѣнія, увѣряя, что движеніе имѣетъ дѣйствительно чисто мѣстный характеръ и что тревожные слухи преувеличены, тѣмъ не менѣе среди англичанъ—аватокъ Индіи, господствуетъ убѣжденіе, что готовится общее возстаніе индусовъ. На серьезности положенія указываютъ нѣкоторые правительственныя распоряженія: британскимъ офицерамъ отзываются въ продолженіи отпусковъ; отпуски военнымъ, находящимся въ Англій, предположено сократить. Вообще принимаются мѣры, заставляющія думать, что въ Индіи происходятъ событія чрезвычайной важности.

Въ Вашингтонѣ опубликована 22-го іюня отвѣтная нота статс-секретаря Шермана на протестъ Японіи противъ присоединенія Сандвичевыхъ острововъ къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки: заключенный Штатами съ гавайскимъ правительствомъ договоръ не содержитъ-де ничего вреднаго для Японіи; четыре года тому назадъ, при обсужденіи подобнаго же договора, ни одна изъ заинтересованныхъ въ Тихомъ Океанѣ державъ не потребовала сохраненія *status quo*. Поэтому правительство Соединенныхъ Штатовъ не допускаетъ мысли, чтобы съ тѣхъ поръ явился поводъ къ возбужденію такого вопроса или чтобы присоединеніе Сандвичевыхъ острововъ наносило ущербъ чьимъ-либо законнымъ интересамъ. Съ такими отвѣтами протестовавшимъ японцамъ придется волей-неволей примириться.

Разныя извѣстія.

— 22-го іюня, во время параднаго обѣда въ Большомъ петергофскомъ Дворцѣ, Его Величество Государь Императоръ, когда пилъ за здоровье короля Сіамскаго, обратился къ его величеству со слѣдующими словами на англійскомъ языкѣ:

„Я счастливъ привѣтствовать Ваше Величество у Себя и радъ, что могу еще разъ поблагодарить Васъ за многочисленныя знаки вниманія, оказанныя Мнѣ во время пребыванія Моего въ Сіамѣ. Я сохраняю наилучшее воспоминаніе о любезномъ и дружественномъ приемѣ со стороны Вашего Величества. Пью за здоровье Его Величества Короля Сіамскаго“.

Его величество король Сіамскій отвѣтилъ на англійскомъ же языкѣ слѣдующее:

„Я очень радъ, что могъ пріѣхать сюда и лично передать Вашему Величеству мое почтительное привѣтствіе. Вашъ пріѣздъ въ Сіамъ до сихъ поръ свѣжъ въ нашихъ сердцахъ. Весь нашъ народъ воспоминаетъ тѣ нѣсколько дней съ величайшимъ удовольствіемъ, и мы считаемъ Васъ нашимъ вѣрнымъ и могущественнымъ другомъ. Я весьма тронутъ сердечнымъ приемомъ, который былъ оказанъ мнѣ Вашимъ Величествомъ и за который я благодарю Васъ отъ всей души. Пью за здоровье Его Императорскаго Величества Императора Россіи“.

— Въ четвергъ, 26-го іюня, состоялось открытіе въ с.-петербургской духовной академіи курсовъ для учителей и учительницъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ епархій: архангельской, вологодской, олонечкой, с.-петербургской, исковской, новгородской, литовской и полоцкой. На торжествѣ присутствовали: председатель училищнаго при Святейшемъ Синодѣ совѣта, епископъ Гурій, преосвященный Назарій, епископъ гдовскій, исполняющій обязанности оберъ-прокурора Святейшаго Синода товарищъ его сенаторъ В. К. Саблеръ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святейшаго Синода Д. И. Соловьевъ, помощникъ управляющаго синодальною

лей народа русскаго,—да, не легка, конечно, предстоящая вамъ задача, но сильное ея осуществленіе возможно подъ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы вамъ была присуща вѣра въ успѣхъ вашего учительства. Безъ этой вѣры положеніе учителя можетъ быть невыносимо тяжкимъ. Грубость среды, въ которой вамъ придется дѣйствовать, частое непониманіе вашихъ лучшихъ намѣреній, тяжесть

Патеръ Кнейпъ († 5 іюня 1897 г.)
Автогипи Вильборга.

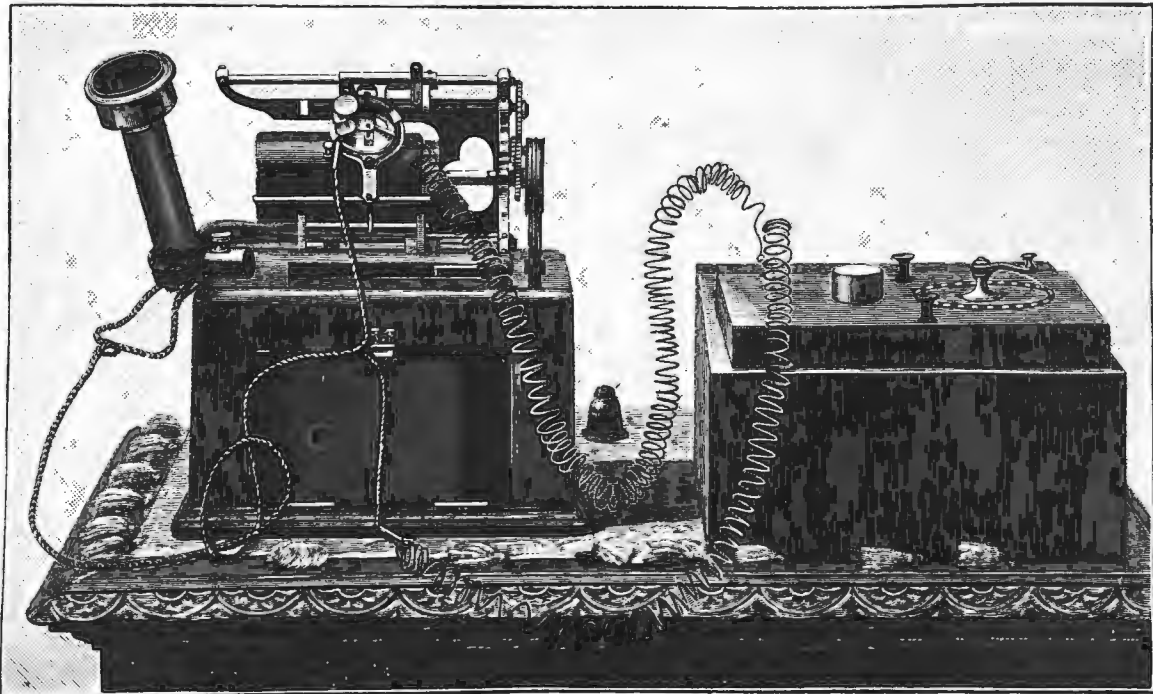
подъемлемыхъ трудовъ, скудость средствъ и обиліе всякихъ лишеній могутъ подавить въ васъ всѣхъ способность къ труду, если васъ не будетъ укрѣплять вѣра въ успѣхъ вашего дѣла. Надежда обогатитъ знаніемъ и воспитать во славу Божию дѣтей бу-

стоянно падающая на камень, оставляетъ на немъ осозательный слѣдъ, такъ и этотъ постоянный, повседневный трудъ учителя остается не безъ важныхъ послѣдствій. Учитель черезъ школу можетъ ввести въ жизнь народа правильныя понятія и взгляды на отношенія общественныя и государственныя. Будущее страны въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ, кому вѣрена школа. И для Россіи православной и самодержавной—церковь, эта лучшая хранительница евангельскихъ и отеческихъ преданій, является и надежнѣйшимъ оплотомъ, сдерживающимъ разрушительное теченіе, направленное противъ историческихъ устоевъ русской земли. Мы твердо вѣримъ, что развитіе національной идеи въ Россіи будетъ, между прочимъ, проявляться и въ развитіи ея начальной церковной школы, въ которой ученіе и воспитаніе неразрывно соединены въ одно стройное цѣло.

„Высокое и многополезное поприще васъ ожидаетъ, вы сознательно посвятили себя служенію великой идеи просвѣщенія народа русскаго; вы знаете, что мѣръ управляетъ идеями, что торжество идеи дается не даромъ, а пріобрѣтается цѣною труда и всякихъ жертвъ. Но эти препятствія не остановятъ васъ, вѣра въ успѣхъ святого дѣла, словно лучъ дальняго маяка, будетъ руководить вами среди разныхъ невзгодъ и лишеній. И какъ не переносить ихъ нынѣ, когда, благодаря отеческой заботливости безвременно угасшаго Царя-Миротворца и Его Вѣнченоснаго Сына, нашего возлюбленнаго Монарха, занялась ясная заря нашей дорогой церковной школы, когда на эту школу даны изъ средствъ государственнаго казначейства значительныя суммы, когда лучшіе люди земли русскаго съ упованіемъ смотрятъ на пробужденіе національныхъ силъ, тающихся въ многомилліонномъ народѣ, огласившемъ русскую рѣчью значительную часть Европы и Азіи.“

„Итакъ, бодро принимайтесь за дѣло. Свѣтъ Христовъ да озаряетъ вамъ просвѣтительный трудъ, и да процвѣтаютъ церковныя школы во славу Державнаго Вождя русской земли и на пользу дорогой родины“.

— 24-го іюня скончался въ Парижѣ извѣстный писатель и французскій академикъ (съ 1888 г.) Анри Мельякъ. Многимъ его имя покажется чуждымъ, но стоитъ только назвать „Птички пѣвчія“, „Прекрасную Елену“, „Герцогиню Герольштейнскую“, „Разбойниковъ“ и многія другія веселыя оперетки или водевилы,—и тотчасъ же въ нашей памяти воскреснутъ имена Оффенбаха, а затѣмъ Галевы и Мельяка, авто-

Микрофонографъ Дюссо. Грав. Шлиперъ.

канцелярію С. И. Миропольскій, инспекторъ академіи Н. В. Покровскій и другія почетныя лица. Послѣ молебна преосвященный Гурій сказалъ собравшимся назидательное слово. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора В. К. Саблеръ пропаносъ рѣчь, заключительную часть которой мы приводимъ дословно:

„Быть-можетъ, намъ скажутъ, что бремена тяжкія и неудобносымыя возлагаются на васъ, учите-

дѣть вашимъ утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты вашей труженнической жизни. А любовь къ дѣтямъ—источникомъ свѣтлыхъ и чистыхъ радостей. Учитель, вѣрующій въ свое призваніе, будетъ разумѣть значеніе своей просвѣтительной дѣятельности. Трудъ его, повидимому, мало замѣчателенъ. Изо-дня-въ-день повторяется онъ съ однообразіемъ, для посторонняго глаза утомятельнымъ. Но, какъ капля воды, по-

ровъ всѣхъ этихъ веселыхъ пьесъ, иногда не лишены общественнаго и политическаго значенія, которая насъ такъ долго забавляла, а отчасти забавляють и до сихъ поръ. Кроме того, Мельякъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Галевы не менѣе извѣстную драму: „Фру-фру“. Вообще, онъ былъ очень плодотворенъ, хотя большинство его пьесъ имѣло лишь кратковременный успѣхъ.“

Смѣсь.

Голландская приманка для рыбъ. Профессиональные удильщики въ Голландіи, такъ же какъ спортсмены, по словамъ *Fischerei-Zeitung*, очень успѣшно пользуются слѣдующимъ средствомъ

притравливать рыбъ: они кладутъ въ бутылку прозрачнаго стекла немного земли, дождевыхъ и другихъ червей и нашкошкхъ, послѣ чего закупориваютъ бутылку такъ, чтобы въ нее могло просачи-

ваться лишь очень немного воды. Привязав бутылку к бичевке, бросают ее в воду, где собираются удить. Бутылка движется и своим блеском привлекает множество рыб, которая с любопытством плавают вокруг нее. Запертая в бутылку насекомая дразнит аппетит, и рыба охотнее идет на приманку.

Опыты над электрическим снатомъ (Тогедео) и его разряженіями, производившіеся на зоологической станціи въ Неаполѣ, дали новыя научныя выводы о природѣ этой интересной рыбы. Скаты были помѣщаемы въ бассейнъ съ проточной водою и дномъ, выложеннымъ свинцовымъ листомъ; этотъ послѣдній былъ соединенъ съ телефономъ, другой конецъ котораго замыкался на поверхности воды. Такое приспособленіе давало возможность слышать электрическіе удары ската, тѣмъ болѣе, что эти животныя имѣютъ привычку лежать плашмя на днѣ, плотно къ нему присосавшись, отчего удары переходятъ почти непосредственно въ телефонный проводъ. Такимъ образомъ были слышны даже самыя слабыя разряженія. Скаты, повидимому, нечувствительны къ своимъ собственнымъ ударамъ и къ ударамъ другихъ рыбъ той же породы; очевидно, сила удара ослабѣваетъ вслѣдствіе того, что въ водѣ электрическіе токи разсѣиваются. Скаты не въ состояніи ни убивать, ни оглушать болѣе мелкихъ рыбокъ; очевидно, электрическій ударъ служитъ только для самозащиты или запугиванія намѣченной добычи, хотя, можетъ статься, что въ морѣ встрѣчаются какіе-нибудь животныя организмы, которыхъ скаты ловятъ при помощи электричества. Древніе употребляли электрическаго ската для лѣченія болѣзней; въ царствованіе Веспасіана ученый врачъ Бассъ совѣтовалъ своимъ коллегамъ лѣчить головную боль прикладываніемъ ската къ вискамъ больного, такъ чтобы пропускать черезъ его голову сотрясенія, исходящія отъ этой странной рыбы. Такимъ образомъ электротерапія была отчасти извѣстна и въ древности, хотя, правда, только въ зародышномъ состояніи.

Дѣйствіе электричества на голосъ пѣвцовъ. Голоса пѣвцовъ, какъ установлено опытами послѣдняго времени, подвергаются довольно сильному измѣненію подъ вліяніемъ электризаціи. Производя опыты надъ пѣвцомъ, его сажаютъ на изолирующую скамью, соеди-

ненную съ отрицательнымъ полюсомъ обыкновенной, но довольно сильной электрической машины, и заставляютъ дышать электрическими истеченіями, извлекая ихъ, на высотѣ его лица, при помощи небольшого вѣничка. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, а нерѣдко даже съ перваго сеанса замѣчается измѣненіе и въ силѣ, и въ высотѣ, и въ тембрѣ голоса. Онъ становится полнѣе, звукъ его сильнѣе. Дыханіе совершенно измѣняется: вдыханія становятся глубже, могучѣе, а выдыханія — равномернѣе и продолжительнѣе. Голосъ поднимается до болѣе высокаго, чѣмъ обыкновенно, регистра, и въ этомъ-то, въ особенности, и сказывается дѣйствіе электризаціи. У артистовъ, не страдающихъ никакими болѣзнями, могущими неблагоприятно отзываться на ихъ голосовомъ органѣ, замѣчается, послѣ болѣе или менѣе продолжительной электризаціи, большая звучность, чистота и гибкость голоса; онъ получаетъ болѣе приятный тембръ и не такъ скоро устааетъ. Электризація, такимъ образомъ, можетъ значительно помогать учащимся пѣнію и дебатантамъ; она придаетъ голосу красоту.

Газопроводныя трубы изъ бумаги. Изъ бумажной массы, какъ извѣстно, уже выдѣлываютъ статуи, лодки, цѣлыя дома, колоде и т. п. Теперь же изъ бумажной массы стали приготавливать и газопроводныя трубы. Нѣсколько не уступая прежнимъ трубамъ въ плотности и непроницаемости, имѣя только немного меньшую твердость, онѣ зато далеко превосходятъ ихъ своею легкостью и дешевизною. Приготавливаются онѣ такимъ образомъ: листы целлюлозной бумаги накатываются одинъ на другой на скалку необходимой толщины, и каждый въ отдѣльности погружается въ расплавленный асфальтъ. Когда достигнута достаточная плотность, всю эту массу высушиваютъ и извлекаютъ изъ нея скалку. Получаемыя такимъ способомъ трубы очень удобны, напримѣръ, для наполненія газомъ воздушныхъ шаровъ, для временнаго освѣщенія въ пути, для временнаго же движенья газомоторовъ и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ бумажныя трубы могутъ приносить неоцѣнимыя облегченія и экономію въ расходахъ, тѣмъ болѣе, что прежнія металлическія трубы имѣютъ несоизмѣримый со своею производительною вѣсъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе). — Стихотвореніе Ал. Будищева. — Панталонъ господина казначея. Историческій очеркъ Г. Гарберга. — Городъ Валадай и его окрестности. (Со снимками фотографа-любителя Е. Н. Дмитревскаго). — Мирнофанографъ Джессо (съ рис.). — Къ рисункамъ: Дорога въ усадьбу. — Въ лѣтній день. — Въ степи. — У дверей школы. — Молодость. — Малороссійскій театр и труппа М. Л. Кропивницкаго (съ рис.). — Севастіанъ Кинель (съ портр.). — Лодка черепакъ на Мадагаскарѣ. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смісь. — О перемѣнѣ адреса. — Объясненія. При этомъ прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. VII (Сборникъ „Нивы“ за Іюль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюль съ 28 рис. и отд. листъ съ 33 черт. выпр. въ натур. вел. и 40 рис. рукодѣльных работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ лавкахъ Россіи и заграничій.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ИЗЪЛЮЩІЕ СУМАИ
ФИЛИГРАНЬ
ДОМА
САКАТЫКЪ
МЕХАНИЧЕСКІЙ БЕЗЪ КЛЮЧА
ПРОДАНА ВЕЗДЕ

Выгодное дѣло
(въ каждомъ губ. и уезд. г.) предлагаю италіанскому лицу, обладающ. небольшою капиталомъ. А. Граге, Москва, Мелганный провъздъ, 15, д. Молчанова, кв. 3.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перекидными лезвиями всѣми-по-наибѣннѣе своимъ качествомъ и реком. какъ наилучшія благодат. и наивыгодн. бритвы. Тисленіи благодарностей. Полная гарантія за достоинство. Обращайте вниманіе на клеймо: A. Arbenz, Jougue, France. Прод. въ лучш. магаз.

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА
Эфедры, травы Кузнецка.
Самая лучшая въ цѣвту, свѣжая, макскаго сбора сего 97 г., высшій сортъ 2 р. и 2-й по 1 р. фун. и 10 р. пудъ. Прилагаю наставленіе, на каждаго деньги пересылки мол. а налож. платеж. перес. на счетъ покупателя. Адресъ: г. Вугурусланъ, Гаврилу Яковл. Попову.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
волоса для борода
БЕЗЪ ЛЯПИСА
ВНОВЕ ПОБЫТНОЕ БЕЗВРЕДНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ БЫСТРАГО ОКРАШЕНІЯ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ ВЪ ЧЕРНЫЙ, РУСЫЙ, ТЕМНЫЙ И СВѢТЛО-КАШТАНОВЫЙ ЦВѢТА ЦѢНА ЗА 1 ФЛАКОНЪ 2 Р. СЪ ПЕРЕС. 2 Р. 50 К. ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКѢ И КОСМЕТИК. МАГАЗИН. ГЛАВ. НЫЙ СЦАДЪ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРС. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, СПб. Болош. Конюш., № 1.

Резиновыя накладки
отъ дождя стѣры съ башмаками длинны 30 вер. по 5 р., черныя по 4 р. — за кажд. вер. длиннѣе или короче по 20 м., изъ матов. висцитина по 2 р. 80 м., за кажд. вер. длиннѣе или короче по 10 коп. предлагаетъ складъ **РИХАРДА КВЕРНЕРЪ**. С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10. Образцы безплатно. Торговцамъ скидка.

Вышла новая книга врача **М. ПАРГАМИНА „НАСЛѢДСТВ. И ТИПЪ БРАКА“**. Ц. 1 р. съ пер. Прод. во всѣхъ книжн. маг. и у авт.: м. Бѣлая Церковь, Киевск. губ.

1 р. 50 к. ЭДИССОНЪ 1 р. 50 к.
Моментальный фотографическій аппаратъ на 12 снимковъ, со съетическою съмѣлкою и фотометромъ. Большой выборъ новостей. Цѣны удешевлены. Центральн. складъ оптик. и фотограф. принадлеж. фоногр. и синематогр. И. Анимовъ и Р. Янобъ. Столешн.-Козьмодемьянскій пер., близъ Тверской, д. Дунаева. Отдѣленіе: Масницкая ул., д. Тульскаго подворья въ Москвѣ. Отд. въ Парижѣ, 99 Rue Richelieu.

ДЛЯ
СПОРТА Костюмы.
СПОРТА Фуфайки.
СПОРТА Куртки.
СПОРТА Брюки.
СПОРТА Пояса.
СПОРТА Чулки.
СПОРТА Подтяжки.
СПОРТА Гамашы.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ З. БУРХАРДЪ СПБ., ГОРОХОВАЯ УЛ., У КРАСНАГО МОСТА, № 17.
ЧАСЫ НИКЕЛЪ ОТЪ 6 Р. 50 ДО 18 Р.
СТАЛЬН. ЧЕРН. ОТЪ 11 ДО 25 Р.
СЕРЕБРЯН. ОТЪ 12 ДО 50 Р.
ЗОЛТЫЕ ОТЪ 21 ДО 50 Р.
РЕГУЛЯТОРЫ ДВУХЪ ДѢЛЬНАГО ЗАВОДА ОТЪ 17 ДО 55 Р.
Высылаю наложн. платежемъ Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

НОВОДЕЛЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **В. Соловьева**. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

Фабрика научковыхъ штемпелей и гравирное заведеніе
И. Д. Левинсона
въ Варшавѣ, Элеваторная ул., № 17. Заказы исполняются скоро и аккуратно. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію безплатно. Агенты приглашаются.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМІСЬ - ПРЕМЬЕ“
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.
Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пишущая машина **„КОСМОПОЛІТЬ“**
Самый красивый шрифтъ. Съ 8 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Поларов. пишущекъ кой 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются безплатно.
Оптика Ф. РИХТЕРЪ
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром. хрон. XVIII в. **В. Соловьева**. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

PARFUMERIE
BOUQUET
du SACRE
GELLE FRERES, PARIS

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
отъ 9 р. за кусокъ широкъ 26/28 аршинъ. Фанза, крѣпъ, платки, че-су-ч. цвѣтныя. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫМЪ** караваемымъ китайск. чай 1 р. 60, 2 р., 3 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ **Д. А. ЕПАМЕШНИКОВА**, Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон. Иногор. высыл. съ налож. платеж. при высылкѣ 10% на суму заказа.

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г. Оружейнаго склада подъ фирмою: **„Центральное депо оружія“** Б. Конюшенная, 29. Эд. Венгъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей.

Потребление **КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНА**, какъ каждодневнаго напитка, замѣняющаго собою обыкновенный шоколадъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Какао Ванъ-Гютена представляетъ собою здоровую, крѣпкую пищу, содержащую въ себѣ достаточное количество бѣлковыхъ и жировыхъ составныхъ частей. Этимъ и объясняется тотъ успѣхъ, которымъ оно пользуется среди другихъ сортовъ шоколада и среди другихъ напитковъ, въ родѣ чая и кофе. Приготовление его очень легко.

В. № 10316

ВЫШЕЛЪ 1 ВЫПУСКЪ, ПОДЪ РЕДАКЦ. П. И. ВЕЙНБЕРГА
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.
164 стр. съ рис. Ц. 1 р. съ перес. За 6 вып. 4 р., съ пер. 5 р. Троицкая, 6, СПБ.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ!!!
СМѢХЪ И ЗАБАВА

для всякаго возраста.
Самодѣйствующій кинематографъ—живая фотография
фигуры вращаются какъ живыя.
I. Супруги (Медовый мѣсяцъ). II. На трапеціи. III. Тонцовщица. IV. Наконецъ одинъ (Нѣжный вечеръ). V. Драма. VI. Фокусникъ.
Цѣна 30 коп. экземпляра.
Оптовая-розничная продажа
Л. № 10310 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** 4-2
„СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“
18, Большая Конюшенная, СПБ.
Всѣ 6 экз. вмѣстѣ высылаются по почтѣ, но прислать 1 р. 50 к.

ПОСТАВЩИКЪ русскихъ винъ къ **ИСПАНСКОМУ ДВОРУ**
НИКОЛАЙ ЗВАРЫКИНЪ,

кромя вышющихъ 30 медалей съ разн. выстав., удостоенъ на послѣдней гигиенической выставкѣ въ Парижѣ 1895 г., за отличное качество своихъ Астраханскихъ винъ, высшей награды: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ золотой медалью.
Пробный ящикъ винъ въ 50 бут. разн. сорт., стоимостью по прейс-курantu 85 руб., высылается только за 25 руб., но при получении задатка 5 руб., а остальные 20 руб. наложеннымъ платежемъ. Провозъ относится на счетъ покупателя. Адресъ: г. Астрахань, Николаю Андреев. Зварыкину, собствен. домъ.

Квартъ въ 50 бут. квартъ около 5 пуд. Трѣхлѣтній сортъ на русскихъ винахъ удостоенъ: свыше 850 в. наугр. Ц. № 10298 по VII классу.

№	Вѣдья вина:	ЦѢНА:	
		БУТ. 1/2 Б.	Копѣйк.
1	Го-Сотеръ	50	30
3	Ижекъ венгерской ягоди	70	40
18	Го-Сотеръ очень стары	90	50
9	Рейскихъ лозъ сухое	80	—
10	Венгерскихъ лозъ то же	90	—
Красныя вина:			
8	Бордо кавказскихъ садовъ	50	30
12	Кагоръ кавказскихъ садовъ	60	—
17	Маграсинское крѣпкое	60	35
16	Кавказское садовъ Шампи	70	40
19	То же старое	80	45
	Русское шампанское	150	—

1897.
МЮНХЕНЪ
VII международная
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
въ Королевскомъ Стекланномъ дворцѣ.
Съ 1-го іюля до конца октября.
Устраиваемая мюнхенскимъ художественнымъ товариществомъ въ союзѣ съ независимыми художниками.

ТРЕБУЙТЕ
НА КАЖДОЙ МѢСТНОСТИ
АНТИПАРАЗИТЪ
ОТЪ **КЛОПОВЪ**
Л. СТОЛКИНДА
Продается въездъ.
Главный складъ Москва
Лубянской профессъ д. Смольянинова.
Нижегород. Ярмарка, Главный домъ №57.
Л. Я. СТОЛКИНДЪ.

ТРЕБУЙТЕ сѣвную, майскаго сбора 1897 г., отборную Эфедру или траву Кузьмича Нижегородскимъ выслаю почтой. Высшій сортъ, отборная Борвалъ по 3 р. и 1 сортъ по 1 р. за фунтъ безъ перес. Можно налож. плат. Адресъ: Вуздузъ, Главн. складъ Эфедры, Николаю Егоровичу Ячовлеву.

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ
превращенія фотографическ. отпечатка на бумагѣ, фарфорѣ и стеклѣ въ живописн. художеств. картину при абсолютномъ неумѣнн рисовать
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
посредствомъ писемъ, споменій этому новому способу всѣхъ, даже совершенн. но незнакомыхъ съ живописью. Желаютъ учиться проспектъ въ видѣ пробнаго урока за одну 7 к. марку.
Адресъ: Москва, Двѣрь пер., д. Бра. Ц. № 10111 совсѣнн. 5-4
Фотография А. С. Шиманскаго.
Давыдовская новѣста. Ист. ром. въ 3 т., 11 соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ код. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

ФИРМА УДОСТОЕНА ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ
на Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.
Ювелиръ К. И. БОКЪ.
МОСКВА, Бузевскій мостъ, № 6.
ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 9.
Громадный выборъ ювелирныхъ и золотыхъ вещей на всѣя дѣны. Наготовленъ жетонн гт. участникомъ Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ по утвержденному рисунку
Всѣя также высылаются наложеннымъ платежемъ по полученіи задатка.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонь — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
Колокольная, 18/19. В. № 9724 16-16
С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕОНГАРДИ
достоверно-наѣвѣстна, единственно настоящія
Алидаринновыя чернила
для письма и копированія
(желѣзисто-орнжиковыя 1-го класса по отозванн государственныхъ учре- жденій), 20-11
ЛЕГКО - СТЕКАЮЩІЯ, ВОЛѢТЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧІЯ.
НАИЛУЧШІЯ:
для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазиннахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.
Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.
Лев. Леонгарди
въ Дрезденѣ,
изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
ИЗЪБГАТЬ ПОДЪВЛОКЪ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спбурѣ.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОК!
 Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ
ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ПАРКИ
 * П. Н. Виноградова. *
 ПОХВАЛНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистымъ. Желatina и патна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлыя. Удостоверъ за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 10267 10-3
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ лучшимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новымъ иллюстрир. прессъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ВИСБАДЕНЬ.
 Лѣчебница д-ра Лесера и купанья Нероталь. Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п. №. 9930 8-6 Д-ръ Шубертъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
 № 27-18 УЛИЦА УЛИЦА
 НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ТВОЕ ЗИНЕМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
 ВЕЗДѢ

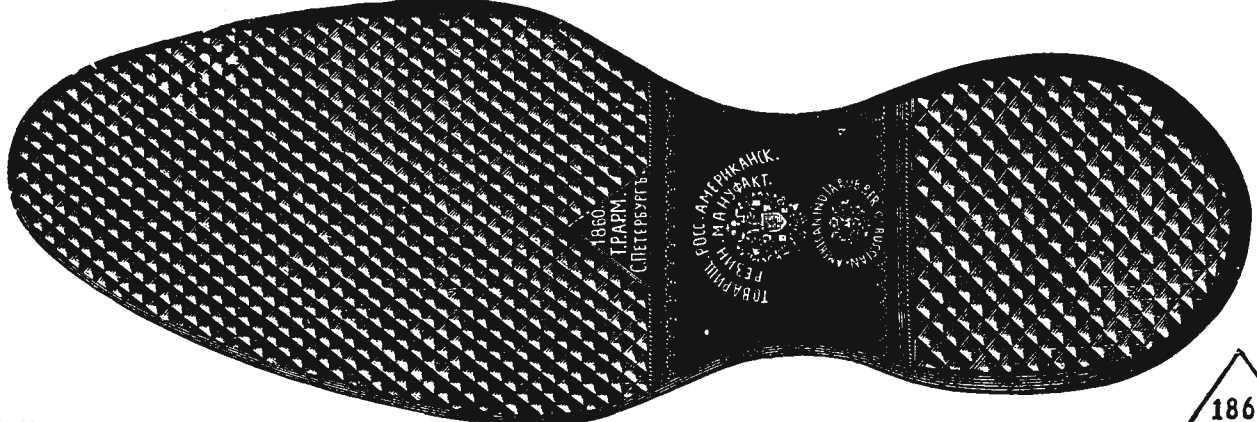
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
 Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6413 (70)
 НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-14 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

МЕХАНИЧЕСКІЕ ИНСТРУМЕНТЫ

въ громаднѣмъ
выборѣ
ОТЪ 5 Р.
ДО
1,500 РУБ.
Прейсъ-курантъ
бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ:
С. Петербургъ, В. Морская, д. № 34. — Москва, Кузнецкій ж., д. Захарьина.

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,

въ Рейнпфальцѣ.
Высшее машиностроительное и электротехническое училище.
6-5

А. БОЛЬТЪ и К^о.

Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:

ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДНИ

мужскіе и дамскіе

изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунковъ сезона 1897 г.

Прейсъ-курантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.

Бумажное бланко Мей и Эдльх.

НОВОСТЫ

духи

ЛЕВКОИ

поставщиковъ
Высочайшаго Двора

А. Ралле и К^о.

За флаконъ
1 руб. 25 коп.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г.
въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Напиталы Общества свыше 29.000,000 руб.

СТРАХОВАНИЕ

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Общество „Россія“ заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

1) Страхуванія отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастныхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, — съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового.

2) Коллективныя страхуванія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Страхователямъ предоставляется участвовать въ прибыляхъ Общества. Дивидендъ страхователей въ 1897 году составляетъ 15%.

Съ открытія операцій по страхуванію отъ несчастныхъ случаевъ по 1 января 1897 года Общество выдало пострадавшимъ вознагражденій по страхуванію отъ несчастныхъ случаевъ на сумму въ 1.570,000 рублей.

Заявленія о страхуваніи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхуванію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на главныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на главныхъ паромныхъ пристаняхъ.

№ 10326 6-1

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго вѣзра, укрѣпляетъ лично и зрѣло профессоръ именованнаго С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской въ Ваз. ул., собственный домъ, № 28.
Условия и брош. (въ 3-хъ стр.) высылаются за одну 7-ми коп. марку.
№ 10289 10-5

Для смачиванія кожи рукъ и лица, а также противъ вѣспушекъ и загару. Ц. 40 к. куд.

ВЫГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ;

59, Невскій, Спб. — 3-2

НА ПОСЛУЖАНІЕ ВОССТАНОВЛЕНІЮ ДѢТЕЙ ВЪ АСЪИЛЪ

СЯЗКАЯ 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ДОБРОТВОРИТЬ СЕБѢ

НЕОБХОДНЫ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ВОСПИТАНІЕ 500 КАРТОНЪ

ТЕЛЕФОНЪ 3672

ТЕЛЕФОНЪ 1141

КУШАЙТЕ

ПЕРКУЛЕСЬ.

Ц. № 10323 4-1

БЪЛЪЕ МОНОПОЛЬ

ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
Воротъ: 45 к. Малыи 66 к. дюж. Малжети 80 к. дюж. нартъ.
Прейсъ-курантъ бесплатно.
Г. ПЕТО С.-Петербургу, Нарванская ул., 16.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ

спора и основательно изуч. всякаго посред. перем., вводитъ замят. устное провед. Услов. выст. бездлат. А. П. Бобырь. Киевъ, Куз. 53.

ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

НОВОСТЫ

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

„Петроль“.

№ 10350 5-4

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 28

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 12 Юля 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержашихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

На Кубани. Съ карт. (собств. „Нивы“) В. Червинскаго, грав. Шлаперъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича - Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

VI.

Николай Львовичъ метался по горницѣ, не зная, что ему дѣлать.

Еще душа не остыла. Распыхало всего — и опять этотъ поганый старичишка. Вотъ онъ видитъ—кто-то прислонился къ окну и смотритъ сюда. А въ сѣняхъ шаги... Топчутся у дверей...

— Николай Львовичъ... Простите... Меня чуть не силкомъ...

Ввалился длинный становой, у котораго отъ старой кавалерійской службы осталась привычка щелкать шпорами. И носилъ-то онъ ихъ не по формѣ.

— Взбаламутили Копровы... Я самъ офицеръ, помилуйте. Понимаю деликатныя обстоятельства.

— Вотъ тутъ-съ! — выкрикнулъ изъ-за спины его Моисей Лукичъ.—За хвостъ ее, стерву...

— Вы про кого?—наступилъ на него Семигоровъ.

— Николай Львовичъ! — раздвинулъ руки становой, защищая старика Копрова.

— Петръ Ѳомичъ, коли вы офицеръ, такъ, по воинской чести, не должны вмѣшиваться въ подлыя дѣла.

— А семья, а семеро дѣтей?..

— Позвольте, Петръ Ѳомичъ... Вы не для того приглашены моимъ сыномъ. Алеша, гдѣ же ты?..

Тотъ бокомъ вошелъ и насунился. Только глаза бѣгаютъ, а сказать ничего не смѣетъ.

— Я сегодня же прикажу ему написать губернатору жалобу на васъ.

— Помилуйте, я что же... Я пріѣхалъ...

— То-то-съ. Вы бы должны за шиворотъ...

— Кого?—вспыхнулъ Семигоровъ.

— А того, кто у себя чужую жену прячетъ.

Николай Львовичъ думалъ, что дамы еще въ другой комнатѣ, и заскрипѣлъ только зубами.

— Она здѣсь, господинъ становой. Я ея запахъ даже слышу. Агледкіе духи! тыфу пакость.

И старикъ Копровъ запылалъ.

Онъ видимо торжествовалъ. Глаза его какъ у озлепной лисицы загорались трусливо, по злобно.

— Видите, никого нѣтъ... И убирайтесь.

— Ха!.. Скажите, дурака нашли... Нѣтъ, мы поиндемъ, поищемъ... Господинъ становой, обратите для протокола вниманіе, сколь растрепаны волосы у помѣщика Семигорова.

— Я тебѣ, подлецу, горло перерву!

Николай Львовичъ въ бѣшенствѣ кинулся на Моисея Лукича. Оскорбленный за Елену Борисовну, Семигоровъ былъ страшенъ, но въ эту минуту ему подвернулся Петръ Ѳомичъ и, желая спасти Копрова, самъ заболтался въ могучихъ рукахъ. Моисей Лукичъ не потерялъ „момента“, какъ онъ любилъ выражаться, юркнулъ въ другую комнату — со слѣна не разглядѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, уцѣпился за чей-то подолъ.

— Выходи... Выходи, дрянъ ты этакая... Выходи поскуда... Я тебѣ, шкурѣ, покажу теперь ваше сіятельство...

Злость его душила. Казалось, у него отнять руку могутъ, отшибить ее, отрѣзать, а онъ не выпуститъ этой темной гарусной матеріи.

— Не брыкайся...

— Да, что вы, въ самомъ дѣлѣ,—и вся красная, ковыляя на маленькихъ ножкахъ, поневолѣ черезъ порогъ переступила горбунья Агушева.

— А?.. — замеръ Моисей Лукичъ, не зная, что это такое.—Оборотень, что ли...

Онъ быстро всунулъ голову въ ту комнату, тамъ никого больше не было. По-рысьи оглянулъ всѣ ея уголки. Ничего!

— Что же это,—растерянно затоптался онъ.—Что же это... Господинъ становой, куда же онъ ее дѣлъ.

— Милостивая государыня... — щелкалъ каблуками Петръ Ѳомичъ.— Повѣрьте, для меня это дѣло деликатное и священное... На мою скромность вы можете вполнѣ-съ. Умереть въ груди!

Алексѣй Моисеевичъ вздохнулъ свободно...

Онъ только не могъ удержаться отъ иронической улыбки.

— Извините-съ... Мы вамъ, кажется, помѣшали... Но это не моя вина... Желаю вамъ всякаго удовольствія.

Николай Львовичъ тяжело дышалъ. Онъ ничего не понималъ, какъ это все обернулось. Гдѣ Леля, куда дѣлась Еликонида? Съ недоумѣніемъ переводилъ взглядъ съ Софьи Владиміровны—красной, растерзанной и смущенной до слезъ, на Петра Ѳомича. Съ него—на Копрова младшаго.

— Папаша пойдете, сами видите—на ложный слѣдъ попали.

— Всякъ молодецъ на свой образецъ... — весь такъ и исходилъ злостью Моисей Лукичъ.—Вотъ ужъ именно хвалю за обычай. Бьетъ и сороку, и ворону... Горбушку—и ту не пропустилъ.

Но тутъ уже Семигоровъ опамитовался.

Петръ Ѳомичъ не успѣлъ еще очнуться, какъ Копровъ-старикъ оказался въ рукахъ у Николая Львовича.

— Караулъ!.. Убиваютъ!..

— Нѣтъ, я тебя, подлеца, убивать не буду. А только вошелъ ты въ двери, а выйдешь въ окно.

Размахнулся, перехвативъ его поперекъ, и головой Моисея Лукича вышибъ раму со стеклами. Та съ дребезгомъ разсыпалась на улицѣ, и тотчасъ же за нею послѣдовалъ Копровъ, застрѣлъ было въ дырѣ, но Семигоровъ живо вшибъ его туда, и ноги старика еще болтались здѣсь, когда руки ужъ нелѣпо размахивали снаружи.

— Вы съ ума сошли?—накинулся на него, схвативъ за воротникъ, Алексѣй Моисеевичъ.

Семигоровъ только отряхнулся, какъ медвѣдь отъ собаки, и тотъ покотился подъ лавку.

— Убью! — скрипѣлъ зубами Семигоровъ.— Уходи добромъ!..

Копровъ-младшій вылезъ въ сѣни, выскочилъ на улицу. Мужики обступили тамъ его отца и старательно отчищали его платье отъ пыли. Все лисье лицо Моисея Лукича было въ ссадинахъ, изъ разбитаго подбородка сочилась кровь. Онъ бессильно дрожалъ, не говоря ни слова.

— Что онъ?—спрашивали, набѣгая, новые мужики.

— Да на Николая Львовича, дай ему Богъ здоровья, ненарокомъ напоролся.

— На Николая Львовича. Ну, этотъ точно что... Онъ-те успокоить можетъ.

Становой, стоя въ почтительной позѣ передъ Семигоровымъ, изъяснялся.

— Помилуйте, я военный человѣкъ. Самъ офицеромъ былъ... Понимаю, но по долгу службы обязанъ удовлетворять претензіи... Мадамъ—надѣйтесь на меня, какъ на каменную гору. Я ничего не видѣлъ.

— Да что вы могли видѣть?

— Помилуйте... Еще Пушкинъ сказалъ: „любви всѣ

возрасты покорны". Преклоняюсь и молчу. Понимаете? Похоронилъ навѣки въ груди, и ни слова больше. Оставляю васъ въ пріятномъ уединеніи...

И, элегантно щелкая каблукѣми, онъ пятился къ дверямъ, застрявъ тамъ - было... Вышелъ: заперъ за собою и, увидѣвъ на улицѣ Копрова-младшаго, почтительно засмѣялся въ горсть.

— Скажу вамъ: исторія! А мы еще полагали... Какъ только это напаша вашъ могъ думать... Не понимаю.

Но Моисей Лукичъ уже садился въ экипажъ, весь разбитый и сумрачный.

Мужики обступили его. Одинъ держалъ лошадей за уздцы.

— Съ вашей милости... бы...

— Что?—съ мѣста зашипѣлъ онъ.

— На чаекъ... Потому, какъ завтра праздникъ.. И мы старались...

— Дай вамъ Богъ и впередъ... Но, ежели бы намъ на четверть. Мы такихъ гостей сколько времени ждемъ.

— Вонъ, мерзавцы... Петръ Ѳомичъ, что-жъ это?

— Народъ избалованный... Пошли, пошли.. Нечего...

— Ваше степенство, ужели-жъ... Господи! въ кои-то вѣки и вдругъ нѣ-сухо...

Но тутъ кучеръ тронулъ лошадей, тройка съ мѣста дернула и вынесла бричку на просторъ.

VII.

— Чтой-то ты это, прости Господи! — отшатнулась подъ воротами Степанида-привратница.

Ничего. Гулять пошла, пока игуменья почивала. Анъ, гляжу, солнце низко, а я-то далеко. Не дай Богъ, думаю, проснется матушка да меня хватится. Бѣжала-бѣжала...

— То-то.. Ишь, молодое-то дѣло... Ты бы пошла исполоснулась.

— А что?

— Безобразно... Такъ и горишь! Для мірскаго человека чегу лучше. Они это любятъ... Ну, а въ обители не полагается. Отъ постнаго масла да грибовъ не очень чтобы зарумянишься.

— Прощай, мать Степанида.

— Бѣги, бѣги... Вонъ и звонариха наша выползла, ишь на солнце журмится... Почешись, почешись, небось, слаще будетъ...

Еликонида быстро пошла черезъ дворъ, заставленный маленькими домиками-келійками. Тутъ помѣщались монахины, у которыхъ было кое-что. Онѣ сдѣлали большіе вклады въ обитель и сами построились, кто въ два, кто въ три окна. Были и такія, что и въ два этажа выводили „палаты“, какъ называли ихъ неизмущія инокини, украшали ихъ узорочными крылечками и расписывали стѣны по собственному вкусу тою или другою краской. Въ общемъ вышло пестро и красиво. Домики были одинъ ниже другого и на разные „фасоны“, но каждый жался къ сосѣду, потому что мѣста оказывалось мало, и даже нѣкоторые выпятились впередъ — посмотри-де на насъ, какіе мы. Своеобразный городокъ этотъ скорѣе походилъ на картину. Несмотря на его оживленный видъ, онъ поражалъ удивительною тишиною и отсутствіемъ движенія. Хоть въ окнахъ зелень и цвѣты, но ихъ только размотришь сквозь стекла, ибо рамы заперты. Случайно откроется одна, шевельнется въ окнѣ блѣлая или красная, или зеленая занавѣска, выглянетъ на минуту блѣдное и худое лицо, мелькнетъ черная фигура, и опять стукнула рама—и никого, ни души. Окна разбѣжались во всѣ стороны. Точно ихъ густо-густо нарисовалъ причудливый ребенокъ и сверху, и внизу, и рядомъ, и одно надъ другимъ, и зигзагами. По всѣмъ четырехугольникамъ келій, одно въ углу у крыши, другое внизу у крыльца... Совсѣмъ сонное царство... Передъ нѣкоторыми цвѣтнички, но и эти малы и скромны. Георгины, астры... Кое-гдѣ

роза. Только нахальные желтые подсолнечники ни съ того, ни съ сего подымались, чуть не заслоня окна, вертясь за солнцемъ яркими и пышными звѣздами. „Не люблю я ихъ,—бурчала про себя мать Степанида.— Совсѣмъ не монашескій цвѣтъ. Все красуется да бахвалится. На-ко, какой я выросъ. Мнѣ и равнаго нѣтъ. То ли дѣло гяцинтъ,—внизу прячется по веснѣ. Въ зелени и не разберешь его, а благоухаетъ—издали услышишь. Настоящая добродѣтель“. Въ двухъ-трехъ домикахъ стѣны заткало плочемъ, зеленія поросли его даже за крышу закинулись и по ея тесу распозлись во всѣ стороны... Бѣжала-бѣжала Еликонида и вдругъ ей въ окно постучали. Остановилась. Рама распахнулась, простоволосая монахиня поманила ее.

— Еликонидушка, голубушка... Какъ нынче матушка-то, милостивая или въ разстройствѣ духовъ?

— Не знаю, не знаю... Сама еще послѣ сна не видела: какъ подыметъ! Коли никто не огорчить...

— То-то... Послала бы ты мнѣ, душечка, вѣсть...

— А что вамъ, мать Меланія?

— Хочу благословиться чай пить... Приказала она недѣлю уже: не смѣй чай пить, пока не разрѣшу. Такъ тоскую, такъ тоскую...

— За что она это?

— Слабость моя... Три заутрени пропустила...

— Я вамъ пошлю сейчасъ...

— То-то. Одна утѣха... Ужъ она хоть въ прикуску благословила бы. Сегодня въ самоваръ гляжу, анъ въ трубѣ паутина. Ажно я заилакала... Не рошцу, не рошцу, — спохватилась монахиня, — но только думаю такъ, по моей слабости довольно бы и недѣли... А то вѣдь гдѣ матушкѣ самой про мое недостоинство вспомнить... Такъ я подожду. Сестры-то, слышь, изъ города клубничнаго варенья прислали, и варенье-то, ахъ, удалось, ягодка къ ягодкѣ, краса да и только.

Еликонида завернула отсюда за уголъ на второй дворъ. Опять ей блеснули въ глаза свѣчи и лампы изъ открытыхъ дверей церкви. Но она уже не забѣгала въ нихъ. Опротью кинулась къ крылечку игуменьи. Метнулась по лѣсенкѣ вверхъ, юркнула къ себѣ, вытерла лицо мокрымъ полотенцемъ. Заглянула въ зеркало, подправила льняные волосы подъ черный платокъ, рада бы была и глаза подправить, чтобы не тарачились очень, обмахнула пыль на платѣ, перетянула черный кушакъ... Подождала, прислушалась...

Спальня матушки за тонкою стѣною. Сюда слышно ровное дыханіе. Спать еще... слава Богу.

Присѣла къ себѣ на кровать и вздрогнула.

На столѣ, около, письмо. Большой конвертъ и по немъ пелѣными буквами,—одна крупнѣе другой,—видимое дѣло, корявые пальцы писали:

„Милостивой государынь

госпожѣ бѣлицѣ

Еликонидѣ Воробіовой

въ собственныя руки самонужнѣйше“.

— Опять!.. Ахъ, ты, несытая твоя душа...

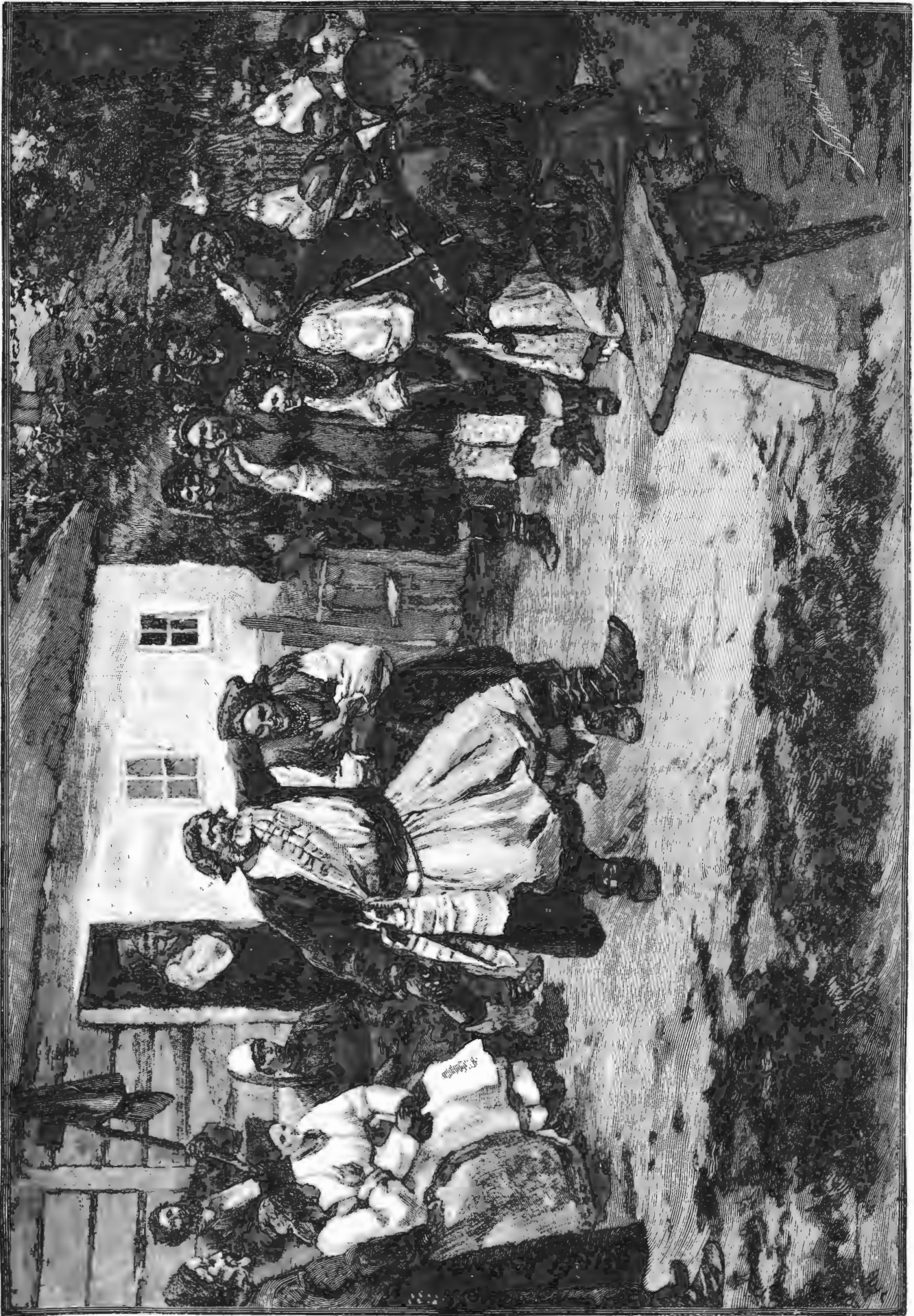
Подержала, подержала... Разорвать бы, не читая. Все равно ничего, окромя глушостей. А вдругъ что-нибудь такое, послѣ пожалѣешь, что во-время не узнала. Распечатала. Задышка даже взяла, какъ начала.

— Нѣтъ на тебя пропасти... клятущій. Отвяжись ты отъ меня, Христа ради.

Письмо было большое. Милитонъ Саввичъ Слоповъ, утѣшившій сестру посланіемъ, очевидно, не хотѣлъ и Еликониду оставить безъ извѣстій о себѣ.

„Извѣщаю васъ при сей okazji, — начиналъ онъ, — что нынѣ господа кунцы и прочее сословіе почтили меня еще на оный трехгодичный срокъ званіемъ городскаго головы, а отъ его превосходительства господина начальника губерніи возложена на меня золотая медаль на аннинской лентѣ, что съ орденомъ Льва и Солнца и бухарской звѣздой хотя и для фотографіи

Малоросійська свадьба. Съ карг. (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) Пимоненко, грав. Ю. Мульгановскій.

Лѣтняя ночь на Рафсзундѣ. Съ карт. А. Нормана грав. Киргасе.

кавалеръ въ полномъ моемъ составѣ. И какъ я не снимаюсь доколе вы не оставите вашихъ глупостей насчетъ черной шапки и прочаго, что надлежитъ болѣе старухамъ, кои къ супружеской жизни не способны, то повторяю еще разъ, вамъ онаго бракосочетанія не избѣжать, ибо, что я въ своемъ умѣ заключилъ, тому и быть, и торпыхаться вамъ не слѣдуетъ—хуже потомъ будетъ. А снимемся мы вмѣстѣхъ—кабинетную карточку для родителей—во всѣхъ царскихъ орденахъ и персидскихъ кавалеріяхъ, а вы въ подвѣчныхъ померанцахъ въ полной красѣ и дородствѣ, какъ купеческой дамѣ и надлежитъ впротчемъ. Юродивой сестрицѣ Агнии я писалъ о семь, но полагаю, что она по невѣроятности своего характера и подлымъ привычкамъ отъ васъ оное умолчить или станетъ отговаривать. И прежде баба была глупая, а нынче, поди, у васъ и еще поглубѣла, потому умѣть у васъ нечего, ибо житейскаго обращенія въ обители нѣтъ, а есть одно притворство и обманъ. Другъ Еликонидушка, лучше же бы вамъ эти комедіи бросить, потому все равно судьбы своей вы не избѣжите, а я васъ и на днѣ морскомъ сыщу, будьте спокойны; нащеть же яко бы моего убойства, то, во-первыхъ, это отъ холостого пиянства и одинокаго развлеченія происходитъ, а, во-вторыхъ, сіи дивертиссементы въ бракѣ, ежели жена хорошая и супругу подражаетъ, не столь страшны. Наконецъ, и то, въ случаѣ неукротимости моей, можно и на чердакъ спрятаться, а съ пьяныхъ-то глазъ развѣ я могу о томъ догадаться. Вы будете какъ роза при мнѣ, ужли же я скотъ безчувственный, чтобы вашу нѣжность истерзать несоотвѣтственными тѣлодвиженіями. Пойми всю свою глупость, Еликонидушка, и спѣши скорѣе въ мои объятія, ибо и теби, какъ простую мѣщанку, и такъ бы обмануть могъ, потому разговаривать съ вами умѣю, а ваша сестра—какъ перепелъ на дудку идетъ. Но для меня вы не мѣщанка, а какъ бы прекраснѣйшій цвѣтокъ, котораго я хочу положить на свое сердце, чтобы онъ тамъ благоухалъ и возрасталъ въ блаженствахъ. Одно скажу вамъ, спальню отдѣлаю золотыми пукетами по красному полю,—у меня въ лавкѣ и обои такіе получены и хотя Скопидомовъ на нихъ и нацѣливался, но я отложить велѣлъ на случай нашего соглашенія. Въ столовой на стѣны вывѣшу деревянныхъ зайцевъ съ таковою же куропотью, а по своей образованности выписывая „Живописное Обозрѣніе“, я столько получилъ Константинополей при вечернемъ освѣщеніи, что въ гостиной больше мнѣ и вѣшать нечего. Лети, лети мое письмо къ вѣрному другу Еликонидушкѣ. Заживемъ мы съ тобой такъ, что черги отъ радости и тѣ цениться будутъ. Сама себя душой обзовешь, что столько времени въ обители спасалась, уже давно бы въ люлькѣ дитѣ баюкала, да на купеческихъ пирогахъ бока себѣ нагуливала. Опять же еще, побой не бойся. Первое дѣло—чердакъ, а второе—привычка всему научить. Не всякая плюха попадетъ, отъ иной и уклониться возможно, а я не свинья, чтобы твоихъ страданіевъ не цѣнить. Ибо, если нѣжныя дамы и должны по закону природы страдать отъ нашей трезвости, то и мы съ своей стороны вознаграждаемъ ихъ за претерпѣніе всячески и золотыми предметами, и мзуръ-антиковыми штуками до бархатныхъ ротондъ на соболяхъ включительно... Объяснивъ сіе, полагаю своевременнымъ просить вашего по сему обстоятельству благополучнаго содѣйствія и съ подлиннымъ вѣрно засвидѣтельствовать вамъ оное.

Съ почтеніемъ

Милитонъ Слоновъ,
карасевской 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ и разныхъ орденовъ, медалей и звѣздъ удостоенный кавалеръ“.

— Тѣфу ты... Банный листъ!—обругалась Елико-

нида, пряча письмо въ сундукъ, стоявшій около въ углу.

— Держи карманъ шире. Такъ я тебя и послушала... перепела! На то папушка съ мамушкой и холили тѣло мое бѣлое, какъ же! чтобы оно тебѣ, изувѣру этакому, доставалось... Нѣтъ, лучше же подъ черную крышку... Спальня... Золотые пукеты... Кабы къ этимъ золотымъ пукетамъ да деревяннымъ куроптямъ кого другого, а не тебя, клятущаго...

Но тутъ за стѣною послышался шорохъ.

Еликонида опростелю кинулась въ двери, чуть хвоста въ нихъ не прищемила.

Въ спальнѣ у матери Клеопатры сильно пахло геранью. Игуменья любила этотъ скромный плебейскій цвѣтокъ за ароматъ его листьевъ. „Дыханіе очищаетъ, говорила она, и въ мозгахъ свѣтлѣе!..“ Въ правомъ углу—въ золотомъ кіотѣ чернаго дерева блистали серебряными окладами и драгоценными каменными старинныя семейныя иконы, передававшіяся отъ ея предковъ изъ рода въ родъ. Особенно одна—Черниговской Богородицы—тамъ и разобрать ничего нельзя было—живопись лупилась, растрескалась и сплылась. Зато подъ тихимъ и кроткимъ свѣтомъ лампадъ лучились на ней брильянты, рубины, изумруды и смарагды. Передъ кіотомъ—аналой, весь обитый чернымъ бархатомъ съ серебряными крестами, и на немъ Евангеліе и молитвенникъ. Въ комнатѣ было жарко. Мать Клеопатра вездѣ жаловалась на холодъ... Когда бѣлица вошла—старуха широко открытыми глазами смотрѣла на дверь.

— Ну?

— Слышу—проснулись?—потунилась Еликонида.

— Руки чисты?

— Сейчасъ мыла.

— Зажги свѣчки у аналоя...

Вспыхнули огоньки передъ кіотомъ. Ярче засверкали драгоценныя камни. Алмазы отбрасывали радужныя лучи, сапфиры мерцали тихимъ синимъ свѣтомъ, точно въ нихъ, въ ихъ таинственную глубину заключены были клочки далекаго южнаго неба... Отъ движенія Еликониды пламя восковыхъ свѣчекъ шевелилось, и уцѣлѣвшіе лики иконъ то выступали, то снова уходили въ потемки. Запахло воскомъ... Одна свѣча пустила густую струйку чернаго дыма...

— Сними, не видишь... Звонили?

— Нѣтъ еще.

— Никто не спрашивалъ?..

— Никого не было.

— Ахъ, искушеніе. Слишкомъ пещамъ поддаешься. Вмѣсто аналоя—въ постели нѣжишься...

— Трудяетесь много...—вставила бѣлица. По лицу видѣла, что сегодня съ Клеопатрой разговаривать можно.

— Это ли труды! Про святого Памфила читала?

— Нѣтъ.

— То-то... Днемъ онъ обителью управлялъ Александрійской, минуты покоя не зналъ. А когда прочая братія спать ложилась, уходилъ къ бѣдному башмачнику около и для него работалъ, облегчая ему содержаніе семьи. И про Теофилакта не слыхала?

— Гдѣ намъ! Только и свѣту въ окнѣ, что въ церкви, да и то иной разъ невнятно читаютъ.

— А ты сердцемъ слушай, а не ушами, и поймешь. Теофилактъ трудился въ Кесарійскихъ скитахъ и, чтобы не спать, ложился на ложе изъ терній... И отъ кровей его они благоухали.

— Такъ онъ бы лучше не ложился—на молитвѣ стоялъ.

— Дура! Братія упрекнула бы его въ гордынѣ...

— Матушка... Я тутъ на дворъ гулять выходила.

— Ну...

— Мать Меланію встрѣтила.

— А, заутренницу!..

И Клеопатра засмѣялась.

— Очень скорбить... Такъ скорбить, такъ скорбить. Въ трубѣ-то самоварной паутина завелась...

— Ступай къ ней, скажи — игуменья благословила чай пить... Да вотъ что. Кренделей мнѣ изъ города одна богомолица привезла. На горчичномъ маслѣ замѣшаны... Вкусные. Отнеси ей отъ меня. Передай: мать Клеопатра прощенія просить, раньше не вспомнила. Пусть не сердится на меня. Впередъ ей зачту... Другихъ наказую, а сама нѣжусь... Такова справедливость!

Она спустила ноги.

— Скоро, Еликовида, новую игуменью выбирать будутъ.

— Чтой такъ?—притворилась та испуганною.

— Да... Ишь опухли какъ. Въ мои-то годы, знаешь, что это обозначаетъ — водянку... Ну, что-жъ, сколько могла—вмѣстила. Буду такъ же вотъ лежать—дверь отворится—и вмѣсто тебя Неотвратимая войдетъ.

— Какая?

— Смерть... Скажетъ: будетъ тебѣ землю бременить. Пора на Судъ. Собирайся, старуха...

— Вотъ ужъ... Да вы бы къ доктору.

— Нѣтъ, пусть ужъ другіе бѣса тѣшатъ. Я и въ свѣтскихъ званіяхъ докторамъ не вѣрила. Одного медика признаю — на Небеси... Иже еси на небеси — да святится воля Твоя... Нужна я Ему здѣсь—буду и съ водянкой жить, а не нужна—ногами впередъ да подъ каштаны рядомъ съ Варлаамой. Мѣсто хорошее, тихое... Идиллическое!

— Что?

— Не поймешь ты этого... Ахъ ты, старость не радость!

VIII.

Обулась, одѣлась и только что подошла къ окну — отворить его — вдругъ торжественно и глухо ударилъ колоколь... другой. Мать Клеопатра и Еликовида перекрестились.

— Да... И колокола такъ же загудятъ и деревья заколышутся, — а мнѣ ужъ не услышать. Тамъ все по иному... У отца моего обителей много, сказано... Ну, веди меня въ церковь...

У крыльца уже стояли монахини. Чинно, молча, по старшинству... Въ два ряда выстроились. Вышла игуменья. Низко-низко поклонились. Она зорко оглядѣлась.

— А мать Любовь?

— Больна сегодня... Разломило всю, — отвѣтила ей сосѣдка по кельѣ.

— Мать Магдалина. Возьмите Евангеліе... Пойдите къ ней—и почитайте во время вечеренъ. Все не такъ жутко будетъ одной...

Инокія вышла изъ ряда и направилась къ себѣ.

— Ну, пойдете...

Она тихо двинулась между ними, и вслѣдъ за нею—пара за парой вступали остальные. Шли важно, торжественно. Слышенъ былъ только стукъ посоховъ о мощный дворъ. Въ медлительномъ движеніи этихъ черныхъ подъ золотомъ заката монахинь было что-то величавое, неизбежное, страшное. Казалось, обрѣкая себя смерти—жизнь сама идетъ къ вратамъ одной громадной могилы. И надъ нею, будто отпѣвая ее, громко и истоно глаголють мѣдныя языки колоколовъ, свидѣтельствуютъ на весь отгорающій въ послѣднихъ отблескахъ мѣр—славу Господа, призывающаго въ небесныя селенія тѣхъ, кто уже не нуженъ Его землѣ... Бѣлицы встрѣтили ихъ на паперти, низко склонясь... Клеопатра шла властно. Куда и слабость дѣлалась! Еликовида чувствовала, что игуменья даже и не опирается на нее. На паперти она остановилась, отдала всѣмъ поклонъ и вступила подъ бѣлые своды храма, залитаго какъ

будто заревомъ далекаго пожара. Въ этотъ священный часъ дня, уходящаго передъ таинственнымъ мракомъ ночи, все здѣсь дрожало въ золотой пыли. Желтѣли колонны, уходя въ глубину блага купола, пламенѣвшаго надъ черными монахинями. Въ большія окна струились свободно царственные лучи, встрѣчаясь, скрещиваясь и расходясь въ высотѣ, гдѣ легкими, едва намѣченными сизоватыми полутонами клубился өнімямъ. Благостно, радостно и ясно сіяли образа высокаго иконостаса,—позолота котораго такъ и играла на всю церковь. Въ боковыхъ дверяхъ старикъ-священникъ ожидалъ игуменью. Она издали поклонилась ему, и онъ исчезъ въ алтарѣ. На клиросѣ собирались пѣвчія... Высокое сопрано вполголоса попробовало себя, и чистая серебряная нотка умерла въ тишинѣ, вызвавъ одобрительную улыбку на желтое лицо матери Клеопатры... Въ открытое окно влетѣла ласточка, затрепетала крыльшками, взвилась въ куполь и исчезла тамъ... Въ ея появленіи было что-то неожиданное и мистическое. Монахини переглянулись... Начиналась служба...

Елена Борисовна—только что доѣхала.

— Ахъ, поздно...—волновалась она.

— Куда жъ тебѣ торопиться?—удивился Онисимъ.

— Мало ли.

— Ужъ такіе кони. Раскормились на монастырскомъ овсѣ. Купчихи, а не лошади!

Она кинулась поскорѣе къ матери Александрѣ. Мимоходомъ взглянула въ церковь, въ ея золотистомъ туманѣ примерещились ей черныя фигуры.

— Пожалуй и лучше. Такъ никто и не увидитъ.

Нѣтъ, вонъ опоздавшая монахиня навстрѣчу.

Увидѣла Копрову, сжала и безъ того тонкія губы, зло сверкнула горячими глазами и обернулась ей вслѣдъ. Та думала—хочетъ сказать ей что.

— Мать Агнія, вы мнѣ?

Но мать Агнія только покачала головою, подняла худую-худую руку и погрозила ей восковымъ пальцемъ...

И прочь пошла...

Елена Борисовна за послѣднее время сдѣлалась суетливою. Она немного испугалась и про себя подумала: „Что бы это значило... Вѣдь мать Агнія не имѣла никакого понятія о томъ, что... Почему она именно теперь погрозила... Или у меня на лицѣ что?..“

Подошла къ зеркалу. На лицѣ ничего. Только въ поту и пыли все. И волосы сбились... Надо переодѣться... Нельзя такъ...

Матери Александры нѣтъ. Тетка ея никогда не позволяла себѣ опаздывать въ церковь, даже своеобразно выражалась на этотъ счетъ: „съ Богомъ надо быть еще вѣжливѣе, чѣмъ съ людьми“. Копрову, когда она раздѣлась, опять охватило знакомымъ ощущеніемъ тишины и покоя. Именно того самаго, котораго она такъ жаждала въ эти два года. Не физическаго покоя только,—а и душевнаго вмѣстѣ съ тѣмъ. Вся жизнь здѣсь заключалась въ опредѣленные рамки, не оставляя ни минуты тому, что волнуешь, мучитъ и тревожитъ. Все было впередъ расписано, распределено. На себя самоѣ, на борьбу съ собственнымъ сердцемъ—если исполнять назначенное—оставалось мало... Разумѣется, не ей. Она не была монахиней, и чуткая, нервная, она даже вздрогнула отъ мысли, что священное молчаніе этихъ маленькихъ кознятъ переполнено теперь ея грѣшными помыслами... Вотъ и сейчасъ, освѣжила лицо водою, убрала волосы, переодѣлась, присѣла на минуту въ большое кожаное кресло—любимая прихоть ея тетки—и вдругъ закрыла лицо руками. На немъ какъ будто загорѣли ея пощѣлуи. Въ ухахъ зазвучалъ милый голосъ... Кажется, открой глаза и встрѣтишь устремленный на тебя горячій, страстный взглядъ. И никуда не уйти отъ него. Ни за какія стѣны не спрятаться. Онъ тутъ—ищетъ, слѣдуетъ за нею—должно-быть и Семи-

горовъ теперь неотступно жадно думаетъ о ней—иначе бы ей не чудился онъ повсюду... „Милая, дорогая!“ да это его голосъ. Точно онъ зоветъ ее, и такъ ясно, что ей хочется крикнуть: „сейчасъ, радость моя, иду-иду!“

Елена Борисовна съ часъ сидѣла такъ у себя, какъ вдругъ ей послышалось, точно рядомъ, въ комнатѣ, кто-то плачетъ.

Она поднялась. Ужъ не тетя ли вернулась изъ церкви, чѣмъ-нибудь огорченная... Тихо подошла къ дверямъ... Взглянула—уронивъ голову на столъ, глухо рыдала Агушева.

— Соня... что съ тобою? Давно ли ты вернулась?.. О чемъ?

— Нѣтъ, подумай, какіе люди!..

— Кто?

Софья Владиміровна сдѣлала усиліе, чтобы справиться, наконецъ, съ собою, и прерывающимся голо-сомъ начала:

— Ты представь себѣ... Этотъ старикъ...

— Мой тестъ, Моисей Лукичъ?

— Ну да. Кому же другому... Онъ меня вытащилъ изъ другой комнаты, и я вдругъ по лицамъ исѣхъ тамъ увидѣла... сообразила... совершенно невозможное даже...

— Соня, голубушка, говори толкомъ.

— Ну, вотъ... Становой даже не стѣснился наме-кать... Будто я тамъ была для Николая Львовича, и онъ... онъ—мой любовникъ.

Елена Борисовна всыхнула. Ей сдѣлалось стыдно. За что она омрачила эту голубиную душу? Ея грѣхъ, а въ немъ обвиняютъ другую. Она въ крайнемъ вол-неніи прошлась по комнатѣ.

— Соня... Я завтра же напишу имъ все, мнѣ стѣсняться нечего...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста. Мнѣ они сдѣлать ни-чего не могутъ... А ты имъ дашь противъ себя оружіе въ руки. Я видѣла — старикъ Копрровъ тебя не по-падать. Онъ такъ весь и исходитъ злобой. Твой тестъ весь дрожмя-дрожалъ. Позеленѣлъ весь и зубы у него одинъ на другой не попадали. Это мнѣ больно только пока... Сплетня сама собой разсѣется. Надо подождать и потерпѣть. Оставь. Мать Клеопатра меня слишкомъ хорошо знаетъ и ничему не повѣритъ. Твоя тети тоже... Чего же мнѣ...

— Такъ нельзя—я вовсе не хочу, чтобы такой слав-ный человекъ, какъ ты, страдала изъ-за меня.

— Не изъ-за тебя. Будь я такая, какъ всѣ. Ну, по-любила... Я бы ни минуты не стыдилась. Бранили бы меня. Ну, побили—у кого власть. А тутъ совсѣмъ, со-всѣмъ другое. Смѣшно вѣдь. Этакой красавецъ — и вдругъ горбуныя, уродъ, калѣка. Воображаю, какъ бу-дутъ разсказывать. И ему станеть совѣстно... А мнѣ—какъ людямъ-то и въ глаза глядѣть... А ты все-таки не смѣй, слышишь, не смѣй. Потому, когда все кон-чится по-хорошему — тогда скажись. А до тѣхъ поръ ни одного слова. Отлично, что все такъ вышло...

И она, уже улыбаясь сквозь слезы, взяла руку Елены Борисовны и крѣпко, нервно сжала ее.

Та ничего не отвѣтила, только у нея сдвинулись брови.

— Одного я не пойму, какъ туда Еликонида попала.

— Встрѣтила ихъ и прибѣжала намъ сказать.

— Почему же она знала, что мы тамъ?.. Положимъ, она видѣла меня съ нимъ у Пуни.

— Я тоже не разберусь.

— Стережетъ она, что ли? И потомъ, кто могъ на-писать обо всемъ Копррову?

Елена Борисовна задумалась.

Предчувствіе близкой опасности, неожиданныхъ уда-ровъ, смутило ее. Есть чей-то глазъ, неотступно слѣ-дящій за нею. И отъ него не спрятаться, потому что не знаешь, кто это, кому нужна ея гибель. Гдѣ этотъ безошадный врагъ,—врагъ, умѣющий ожидать и потому еще болѣе страшный. Или явно и открыто разорвать все... Бросить все, имъ вызовъ и уйти къ любимому человеку. Такъ можетъ-быть вышло бы и честнѣе, и достойнѣе ея. Не лгать, не притворяться. Общество судить тѣхъ, кто его боится. Смѣло смотри въ глаза другимъ, и они же первые опустятъ взглядъ передъ тобою. Разумѣется, она не труситъ. Во всякомъ случаѣ— не этого. Она бы давно сказала, но... Сдѣлаться про-стою, явною любовницей. Ей, съ ея дѣвичьимъ именемъ, съ ея прошлымъ, съ ея гордостью! Сначала вышла за му-жичье отродье, а потомъ кинулась на шею Семигорову, когда есть выходъ, разводъ,—путь прямой и правиль-ный. Ей не чужихъ стыдно. Она права потому, что любить и любима... Но пройдетъ угаръ первыхъ по-цѣлуевъ—и самъ же Николай истерзается тѣмъ, что не посмѣетъ представить ее въ томъ обществѣ, гдѣ его будутъ принимать какъ равнаго. Прятаться ей, пря-таться ему, вѣчно хорониться отъ чужого глаза — не-стерпимо. Какая любовь выдержитъ подобное испыта-ніе? А главное, главное, она, Елена Борисовна, любов-ница, и только любовница, дешево доставшаяся. Сама на шею бросилась — бери-де... Голова закружилась—и все тутъ... Нѣтъ, даже ему, Николаю Львовичу, ничего подобнаго не можетъ придти въ голову. И онъ отшат-нется, чего добраго. Вѣдь это еще не резонъ—порывъ, увлеченіе. Въ такомъ порывѣ страсти сегодня она сама Богъ знаетъ что ему наболтала, но, вѣроятно, теперь, очнувшись, и онъ не повѣритъ этому. Мало ли что ска-жется!.. Нѣтъ... Такъ нельзя...

— Не смѣю даже выговорить, что мнѣ пришло въ голову.

И Соня подняла на нее свои открытые, ясные, те-перь полные ужаса глаза.

— А что?

— А если я не права.

— Развѣ я кому скажу?

— Не Еликонида ли все это?.. Вспомни ея смятеніе, вѣдь она точно въ бреду была. Если она — тогда все понятно...

— Съ чего бы она прибѣжала спасать меня?

— А совѣсть проснулась.

Елена Борисовна задумалась. Ей самой мерещилось это. Изъ-за чего только? Изъ ревности? Не можетъ быть. Эта луноглазая мѣщанка и Николай Львовичъ. На что она могла надѣяться. Вѣдь не даль же онъ ей правъ на себя! Едва ли. А впрочемъ, говорить, мужчины не особенно серьезно относятся къ такимъ вещамъ.

— Все равно. Не долго ждать—скоро узнаемъ. На-чалъ клубокъ развертываться—мигомъ кончится.

(Продолженіе будетъ.)

СЛИШКОМЪ ПОЗДНО.

Разсказъ Сальватора ди-Джаномо.

Обыкновенно считаютъ благоразумнымъ того, кто много ду-маетъ о своихъ дѣлахъ и предусмотрительно ихъ устраи-ваетъ. Поэтому и большинство сосѣдей очень хвалили Кар-мелу Селлетта, когда она, послѣ смерти мужа, бывшаго ме-тельщикомъ, а передъ тѣмъ извозчикомъ, а еще ранѣе хо-зяиномъ мелочной лавки, — помѣстила своего мальчику въ

пріютъ, а дѣвочку отдала въ ученіе къ портнихѣ и оста-вила при себѣ только самаго младшаго ребенка, который день-деньской висѣлъ у ея высохшей груди. Большинство со-сѣдокъ, преимущественно пожилыя, говорили, что она пре-красно поступила, потому что мужъ оставилъ ее одну, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но меньшинство, и въ томъ числѣ

Пчелоядъ, нападающій на шипоносца. Рис. А. Шпехтъ.

самыя молодыя, недавно лишь познавшія радости материнства, находили, что дѣти — лучъ солнца въ домѣ и что надо имѣть очень, очень черствое сердце, чтобы рѣшиться расстаться съ ними.

— Какъ вы можете жить одни? — говорила бѣдной вдовѣ толстенькая блондинка, Нуциата, держа на рукахъ не менѣе, чѣмъ она сама, толстенькаго и бѣлокураго мальчугана.

— А что же прикажете дѣлать, — возражала вдова со слезами: — когда у меня осталось на рукахъ три ангелочка? Вѣдь это значить три рта! Но вѣдь Панинелла приходитъ домой каждый вечеръ и на ночь остается у меня. А вотъ Пеннино... вы говорите... тамъ... въ пріютѣ для бѣдныхъ... не хорошо имъ?

— Я говорю, что у меня не хватило бы духу отдать туда ребенка. Вѣдь вы никогда не видите Пеннино, и онъ не видитъ васъ. А что, если онъ заболѣетъ?

— Какъ!.. Значить, вы ничего не знаете! Они тамъ какъ дома, ни въ чемъ не имѣютъ недостатка! Правда, прибавила она, вздыхая: — о болѣзни мнѣ не пришло въ голову... Но, вѣдь тамъ есть доктора и аптека. Если онъ, чего Боже сохрани, заболѣетъ, мнѣ должны дать знать.

— А я говорю, что они не дадутъ вамъ знать, — возразила многозначительно Нуциата, лаская своего мальчугана и какъ бы желая сказать:

„Ужъ своего-то я не отдамъ ни за что. Онъ мой сынъ и останется со мною!“

Вдова пошла домой и начала такъ крѣпко цѣловать малютку, спавшаго въ корзинкѣ, что разбудила его, и онъ заплакалъ.

— Не плачь, не плачь, сердце мое, — говорила она. — Мы пойдемъ сейчасъ къ Пеннино.

Зима уже наступила. Дни стояли мрачныя и холодныя. Жилище Селлетты, темное, сырое, производило тяжелое впечатлѣніе. Противъ самаго входа видѣлась у стѣны кровать, изъ-подъ висѣвшихъ ключами обоевъ выглядывала сѣрая стѣна. Сырость проникала пазухами. Эта комната и расшатала здоровье Селлетты.

Вдова завернула малютку въ лохмотья, набросила на плечи черныя платокъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ребенку одѣяломъ, и принялась искать ключъ отъ двери. Она нашла его въ оставшей волѣ, потому что накануне мѣшала имъ уголья въ очагѣ.

— Пойдемъ къ Пеннино, пойдемъ къ Пеннино, — повторяла она ребенку, задирая дверь на ключъ.

На узкой улицѣ, кишѣвшей торговцами и сосѣдями, казалось весело.

— Куда это вы? — спросила Селлетту одна изъ сосѣдокъ. — Въ такую-то погоду вышли прогуляться?

— Мы идемъ навѣстить Пеннино, — отвѣтила вдова, пряча ключъ въ карманъ.

— Пеннино? Кто это?

— Пеннино — мой сынъ, котораго я помѣстила въ пріютъ, послѣ смерти мужа. Царствіе ему небесное! Покойникъ самъ желалъ этого. Онъ говорилъ всегда: надо отдать мальчугана въ пріютъ. По крайней мѣрѣ научится ремеслу и не будетъ даромъ-домъ.

— Такъ вы идете навѣстить его?

— Да. Я не видѣла его три недѣли. То-то онъ обрадуется! Не задерживайте меня, красавица, — до свиданья!

И Селлетта пошла дальше, неся на рукахъ своего малютку и волоча по грязи оборванный подошъ.

Въ мѣстѣ мрачной части улицы, гдѣ собралась поболтать кучка женщинъ, вдова увидѣла Панинеллу. Дѣвочка, спрятавъ руки подъ передникъ, съ любопытствомъ смотрѣла на лотокъ торговца сладостями, который, полузакрывъ глаза, покуривалъ трубку.

— Панинелла, что ты здѣсь дѣлаешь? — спросила мать.

Дѣвочка весело подбѣжала къ ней.

— Сегодня у насъ не работаютъ, — отвѣтила она. — У хозяйки праздникъ: женихъ везетъ ее за городъ: она распустила насъ всѣхъ!

— Такъ пойдемъ къ Пеннино, — сказала вдова, беря дѣвочку за руку.

Погода стояла очень холодная. Дѣвочка тонала по временамъ пожатиями, чтобы согрѣть ихъ, и держалась рукой за платье матери, которое закрывало околѣвшіе ей пальцы.

— А далеко еще? — спросила Панинелла, когда онѣ пришли въ широкую улицу Форна.

— Тамъ, въ концѣ улицы, — отвѣчала Кармела. — Вонъ, видите, гдѣ деревья.

— Какъ далеко! — пробормотала дѣвочка.

На углу Соборной улицы имъ повстрѣчалась торговка, у которой была лавочка по сосѣдству съ ними. Вдова не замѣтила сосѣдки, занятая укрываніемъ ребенка; но Панинелла увидѣла ее и закричала, въ отвѣтъ на ея улыбку:

— Мы идемъ къ Пеннино.

— Съ кѣмъ это ты разговариваешь? — спросила мать, оборачиваясь.

— Съ Маріанной, — отвѣчала дѣвочка. — Она отправилась за покупками.

— Идемъ, идемъ живѣе! — торопила мать.

Онѣ подошли, наконецъ, утомившыя, къ пріюту. Дѣвочка едва волочила ноги. Онѣ отыскали большую лѣстницу. На ступеняхъ сидѣли трое маленькихъ старичковъ, шипѣвшихъ изъ Саиъ-Дженнаро, и болтали съ торговкой яблоками.

Вдова подошла къ торговкѣ и заглянула къ ней въ корзинку.

— Купите, красавица, — проговорила торговка. — Я вамъ уступлю три яблока за два сольда. Вотъ, полюбуйтесь.

— Скажи, пожалуйста, — спросила Кармела: — могу я отнести ихъ наверхъ, къ сыну? Позволятъ тамъ? Не знаете ли?

— Отчего жъ не позволятъ? Возьмите, возьмите. Куда вамъ положить?

— Вотъ сюда, — проговорила дѣвочка, подставляя передникъ. — Положите сюда, я понесу сама.

Вдова заплатила два сольда и стала подниматься по лѣстницѣ, въ сопровожденіи Панинеллы. Дѣвочка была въ восторгѣ, что несетъ брату яблоки. Поднявшись на широкую площадку, вдова не знала, куда идти дальше. Дверей было много, и лѣстница вела выше.

— Здѣсь? — спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, выше! Я не знаю... Подождемъ, кто-нибудь покажетъ.

Снизу доносился мужской голосъ. Кто-то шелъ по лѣстницѣ, нагибая. Это былъ молодой человѣкъ. Онъ засунулъ руки въ карманы и несъ списки подъ мышкой. Поровнявшись съ Кармелой, онъ бросилъ взглядъ на нее и на дѣвочку и прошепелъ мимо, продолжая итти.

— Синьоръ, синьоръ, — проговорила Селлетта.

— Что надо? — спросилъ молодой человѣкъ, оборачиваясь и занеся ногу на ступеньку лѣстницы.

— Куда пройти, чтобы повидать... чтобы навѣстить мальчугана? У меня здѣсь сынъ!..

— Рано же вы поднялись! Пріемная еще не открыта. Но, можетъ-быть, вамъ позволятъ повидать ребенка. Поднимитесь выше, къ секретарю.

— А гдѣ его найти? — робко спросила вдова.

— Выше, во второмъ этажѣ, первая дверь направо, въ концѣ коридора.

Молодой человѣкъ продолжалъ подниматься по лѣстницѣ. Селлетта уже не видѣла его, но слышала его голосъ, поднимавшійся влѣдъ за нимъ.

— Въ концѣ коридора, поняли?

— Поняла, синьоръ. Благодарю васъ, синьоръ. Благослови васъ Богъ!..

Секретарь оказался очень благообразнымъ пожилымъ господиномъ, въ золотомъ пенсѣ, съ прекраснымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и подписывалъ бумаги, которыя подавалъ ему одну за другою чиновникъ.

Тонившаяся ищка распроетраняла въ комнатѣ пріятную теплоту.

— Кто вы такая? Что вамъ угодно? — спросилъ секретарь, отводя глаза отъ бумаги.

Вдова отвѣтила не сразу.

— Меня зовутъ Кармела Селлетта, ваше превосходительство... Я хотѣла узнать, нельзя ли... у меня здѣсь сынъ... ему семь лѣтъ... Джузенне Селлетта.

— Ахъ, Боже мой!.. Да не здѣсь это!.. Развѣ здѣсь пріемная? — возразилъ секретарь, держа руку съ перомъ въ воздухѣ. — Ахъ, Господи! Помни терпѣніе!

— Ваше превосходительство, мнѣ сказали... — проговорила вдова обиженно. — Я встрѣтила на лѣстницѣ молодого господина, который указалъ мнѣ эту дверь!..

— Да не здѣсь это, не здѣсь! — настаивалъ секретарь. — И потомъ, мой милая, теперь не пріемная часть.

Вдова молчала.

— Какъ вы назвали? Какъ зовутъ вашего сына? — заговорилъ онъ мягче.

— Пеннино... Джузенне Селлетта.

— Маціа, справьтесь въ архивѣ, если Ларисса уже приметъ: спросите про мальчугана. А еще лучше пошлите мнѣ его самого.

— Какъ имя? — спросилъ чиновникъ въ свою очередь.

— Джузенне Селлетта.

Маціа скрылся за портьерой. Секретарь поправилъ пенсѣ на носу, подышалъ себя на руки и положилъ на письменный столъ серебряную табакерку. Панинелла набралась храбрости и подошла поближе къ письменному столу, съ любопытствомъ разглядывая большую бронзовую чернильницу, на которой двѣ маленькія фигурки съ трудомъ поддерживали колонку для перьевъ. Восхищенные глаза дѣвочки переходили отъ чернильницы къ хрустальному прессъ-папье, изображавшему въ краскахъ церковь св. Петра, съ большимъ куполомъ, площадью и гуляющей по ней публикой.

— Присядьте, — проговорилъ старикъ, громко въсморкавшійся: — вонъ тамъ въ углу есть стулъ. Вотъ, вотъ, садитесь!

Онъ открылъ табакерку, взялъ огромную пощонку табаку и положилъ руки на столъ.

— О, Господи, Господи!..

Потомъ, обращаясь къ вдовѣ:

— Что это у васъ на рукахъ? — спросилъ онъ, прищуриваясь изъ-за пенсѣ.

Вдова приподняла конец платка. Ребенок мирно спал, положив ручонку на грудь матери.

— Ребенок? — спросил старик с улыбкой. — Это ваш сын?

— Да, синьор.

Наишиа приблизилась к братишке. Она протянула руку и хотела поласкать его.

— Тсс! — остановил ее секретарь вполголоса. — Оставь, — ты его разбудишь. Закрой его платком. Бѣдпьякка!.

Тутъ появился изъ-за портьеры Мацциа.

— Ну, что? — спросил старикъ.

— Пожалуйте на мннутку, господинъ секретарь, — проговорилъ перѣшительно Мацциа.

— Ну что еще?

Секретарь всталъ, опираясь обѣими руками на ручку кресла и вытаскивая изъ кармана красный фулярный платокъ.

— Что такое, Мацциа? — повторилъ онъ, подходя къ чиновнику.

Онъ вышелъ за дверь вмѣстѣ съ Мацциа, который опустил портьеру.

— Сейчасъ придетъ Пеппино, — сказала вдова Наишиеллы.

— Онъ сейчасъ придетъ? — переспросила дѣвочка вполголоса.

Вдова сдѣлала утвердительный знакъ. Секретарь перешептывался съ Мацциа за портьерой, но словъ нельзя было слышать.

Онъ, наконецъ, вернулся, казался очень взволнованнымъ и шелъ медленно, устремивъ глаза на вдову. Онъ остановился возле письменнаго стола, взялъ тетрадь и положилъ на нее книгу, потомъ кашлянулъ два-три раза.

— Послушайте, мой милый!..

Вдова поднялась съ мѣста, отодвинувъ стулъ.

— Послушайте, въ эти часы дѣтей нельзя видѣть!.. Я уже сказалъ вамъ, вы пришли слишкомъ рано! Дѣло въ томъ, что!.. въ это время дѣти!..

Секретарь замолчалъ. Вдова вопросительно смотрѣла на него.

— Мацциа, — обратился онъ вдругъ къ чиновнику: — помогите мнѣ объяснить!..

— У мальчика теперь урокъ, — сухо проговорилъ Мацциа.

И онъ сталъ смотрѣть въ окно.

— Ну да, — проговорилъ старикъ съ облегченіемъ: — у него теперь урокъ. Здѣсь очень строго на этотъ счетъ — вы знаете!

Вдова махнула рукой. Она крѣпче прижала къ груди малютку и продолжала стоять, все еще не теряя надежды.

— Значитъ, никакъ нельзя? — проговорила она несмѣло.

— Еще бы! — отвѣтилъ старикъ. — Конечно, нельзя. Вы — его мать?

— Да, синьоръ, я его мать.

— Никакъ нельзя, мой милый, — повторилъ онъ озабоченно. — Какъ же намъ быть? Приходите въ другой разъ. Приходите!.. приходите въ понедѣльникъ, у насъ присутствіе. Не такъ ли, Мацциа?

Мацциа все смотрѣлъ въ окно. Онъ не разслышалъ вопроса и ничего не отвѣтилъ.

Вдова покраснѣла. Она перѣшительно опустила руку въ пердникъ Наишиеллы.

— Извините, — сказала она: — я вотъ принесла!.. мнѣ бы хотѣлось оставить ему!.. эти яблоки. Извините, пожалуйста.

— Давайте сюда, — промолвилъ секретарь.

Дѣвочка уже успѣла положить два яблока на письменный столъ, возле прѣдѣстившей ее чернильницы. Секретарь взялъ третье яблоко и положилъ рядомъ съ остальными.

— Простите, синьоръ, мою смѣлость, — пробормотала вдова.

— Ничего, ничего, — успокоивалъ секретарь мигло.

— Такъ я приду въ понедѣльникъ?

— Да, да, въ понедѣльникъ!.. позожке. Только не сюда, а спросите директора: онъ ужъ объяснитъ вамъ!..

Селестга взяла руку, которую секретарь протянулъ, чтобы приласкать дѣвочку, и хотѣла поцѣловать ее.

— Что вы, что вы! — закричалъ онъ испуганно. — Оставьте, пожалуйста, мой милый!.. Прощайте!.. прощайте!.. всего вамъ хорошаго!..

Вдова вышла изъ комнаты. Секретарь остался у дверей, прислушиваясь къ шелканью стоптанныхъ башмаковъ по лестницѣ. Оттуда доносился голосъ дѣвочки, задававшей какіе-то вопросы.

Мацциа уже стоялъ передъ нимъ, подавалъ ему къ подписи бумагу.

— Ногодите, — сказалъ секретарь. — Вѣдь не къ сѣбѣху!

Секретарь замолчалъ, печально покачивая головой.

— Пусть директоръ скажетъ ей въ понедѣльникъ, — пронесъ онъ, — а я не могу. Я не хочу оиять пережить такіе мннуты!..

Секретарь вытеръ пенснз, надѣлъ его на носъ, кашлянулъ, подымалъ себѣ на руки и взялся за перо.

— О, Господи, Господи! — вздохнулъ онъ. — Боже милостивый!.. Ну, давайте подписывать, Мацциа.

Чѣмъ защищаются животныя отъ своихъ враговъ.

Очеркъ В. Иверсена.

Животнымъ приходилось бы очень плохо въ борьбѣ за существованіе, если бы они не были одарены особыми органами обороны, которыми они защищаютъ самихъ себя, свое потомство и даже своихъ товарищей.

Органы защиты животнаго бываютъ двухъ родовъ: одинъ служитъ собственно для защиты, другіе для нападенія, хотя послѣдніе часто одновременно служатъ и для защиты.

Способы защиты у животнаго въ высшей степени разнообразны. Прежде всего, надо обратить вниманіе на то, что чѣмъ бойчѣе и энергичнѣе движенія животнаго, тѣмъ менѣе нужны ему особые органы защиты, и наоборотъ, чѣмъ оно пассивнѣе, тѣмъ лучше должны быть развиты у него органы защиты. Птицы, быстро летающія насѣкомыя, хорошо плавающія рыбы, но большей части не обладаютъ тяжелыми наружными покровами, которые только служили бы имъ помѣхою при движеніяхъ. То же относится и къ животнымъ, которыя живутъ одиноко, и не только къ ихъ внѣшнимъ органамъ защиты, но и къ органамъ, выделяющимъ ядъ: обыкновенно только медленныя въ своихъ движеніяхъ животныя обладаютъ этими органами.

У самыхъ низшихъ формъ животнаго, составляющихъ переходъ къ растеніямъ, мы встрѣчаемъ перѣдко очень красивые панцири, а у низшихъ, простѣйшихъ животнаго панцири уже несравненно разнообразнѣе.

Трудно провести границу между простыми панциремъ и жилищемъ, и мы будемъ считать, поэтому, наружные покровы панцирями, если животныя движутся вмѣстѣ съ ними, и жилищами, когда они относятся къ покрывкамъ неподвижныхъ. Впрочемъ, намѣ дѣленіе очень произвольно, такъ какъ уже между одними мягкотѣлыми мы встрѣчаемъ всевозможные переходы отъ животнаго, очень быстро движущагося вмѣстѣ со своимъ раковинымъ, къ такимъ, которыя раковины почти на всю жизнь остаются приврѣзанными къ одному мѣсту.

Раковины у всѣхъ почти моллюсковъ неподвижны сами по себѣ; но у многочисленныхъ и очень распространенныхъ жуковидныхъ слизняковъ (хитоновъ), панцирь состоитъ изъ 8-ми крышеобразно покрывающихъ другъ друга кусковъ, благодаря чему эти моллюски могутъ свертываться въ клубокъ.

Какъ раковина моллюсковъ, такъ и весь красивый панцирь суставчатого животнаго, покрывающій снаружи ихъ тѣла, не исключалъ ни малѣйшаго коготка, ни тончайшей вершинки щупалецъ, состоитъ изъ твердѣющаго на воздухѣ выделяющагося

кожи — хитина — вещества, очень долго противостоящаго разрушающему вліянію самыхъ сильнѣйшихъ химическихъ реагентовъ. Вообще же, съ нижней стороны тѣла суставчатого животнаго защищено менѣе прочно, благодаря чему многія изъ нихъ могутъ свертываться въ клубокъ. Такъ наступаютъ мокрицы и многоножки, личинки и шны жуки. При этомъ замѣчательно, какъ эта привычка дѣлаетъ похожими на нихъ жуковидныхъ слизняковъ, даже бронисосцевъ изъ млекопитающихъ, которые до того стойки, что, когда свернутся въ клубокъ, то объ нихъ можно отточить ножъ. Такимъ же образомъ свертываются въ клубокъ и ищеры Старога Свѣта, которые въ свернутомъ видѣ похожи на еловый шишки.

А нашъ ежъ? Онъ тоже въ своемъ голычатомъ панцирѣ и въ способности свертываться въ клубокъ находитъ себѣ прѣкрасный способъ защиты отъ враговъ. Кто не наблюдалъ борьбы собаки со свернувшимся ежомъ, который въ этомъ видѣ похожъ на плодъ дикаго капитана! Ежовыя иглы представляютъ собою особенно сильно развитыя щетинки, которыя при свертываніи ежа складываются въ неопредѣленномъ порядкѣ по всѣмъ направленіямъ, что усиливаетъ ихъ дѣйствіе.

Между позвоночными животными лучше всего защищены щитами черепахи, особенно живущія на землѣ; въ промежутокъ, остающіеся между костными спиннымъ и груднымъ щитами, эти черепахи въ состояніи быстро втянуть голову, ноги и хвостъ, къ чему не способны болѣе быстрыя въ своихъ движеніяхъ морскія черепахи.

Не всѣ животныя довольствуются присутствіемъ имъ отъ природы бойкости, а потому для защиты своего мягкаго тѣла устраиваютъ себѣ изъ разныхъ постороннихъ веществъ, склеиваемыхъ особою слизью, которую они сами выделяютъ, закрытыя жилища. Таковы многіе морскіе кольчатые черви и въ особенности личинки насѣкомыхъ. Гусеница и некоторыхъ бабочекъ, личинки мошекъ устраиваютъ свои жилища изъ песка и придаютъ имъ иногда видъ улитковыхъ раковинъ; другія личинки употребляютъ осколки растительныхъ стеблей или раковинъ.

При постройкѣ всѣхъ этихъ убѣжищъ животныя пользуются выделяеміемъ своего тѣла; но есть и такіе животныя, которыя пользуются чужими, готовыми постройками, напримѣръ, ракиотшельники — эти курьезныя мягкобрюхія морскія ракообразныя. Они прячутъ свое брюхо въ раковины моллюсковъ, откуда выставляютъ только переднюю часть тѣла съ двумя

Поджигатель. Съ карт. Т. Маттеи грав. Гедавъ.

неравными клешнями. В молодости отшельники движутся свободно, и хвост у них тогда покрыт хитиновой оболочкой. Но, вдруг, после линия, хвост оказывается мягким. Для защиты от многочисленных врагов приходится зарываться хвостом в песок, а это не удобно по отношению к добычанию пищи. Тут отшельник выбирает себе из множества лежащих на дне раковин такую, которая подходит под его рост, вкладывает в нее хвост и плавает вместе с нею. По мере того, как растет животное, ему приходится от времени до времени менять свое жилище, при чем надобно делать это ловко и быстро, расчитав предварительно еще и то, насколько может увеличиться объем тела вследствие линия. Может быть, в виду различных опасностей при подобных переселениях, многие отшельники теплых стран переселяются на сушу и живут здесь в улитковых раковинах. Некоторые виды отшельников живут в Ост-Индии в вырытых и выстланных мягкими растительными волокнами земляных порах, покидая их по мере надобности. С течением времени у этих раков исчезает мягкость хвоста, который покрывается хитиновым панцирем.

Обратимся теперь к способам защиты животных посредством противного запаха, дурного вкуса их мяса и их ядовитости—свойствам, к которым часто присоединяются еще или пестрота окраски, или свечение в темноте. Свечение нередко обуславливается выделением особой жидкости, иногда падающей неприятный запах, как, например, у нашего дождевого червя, у которого пахучая и святившаяся жидкость выделяется в так-называемом полске и отпугивает даже столь невоскательных на пищу животных, как саламандры. Свечение Иванова червячка происходит от наполненных жидкостью мшочков, которые заключаются в последних трех брюшных кольцах насекомого и его личинок, по незнанию, ядовитая ли эта жидкость. Самыми ядовитыми насекомыми являются многочленистые, распространенные по всему земному шару виды каптариды или шпанок, которые окрашены в самые пестрые и металлические цвета, отличающиеся, притом, медленностью движений: они не боятся никаких опасностей, потому что их не трогают естественные их враги. Принадлежащая сюда шпанская муха имеет во всей наружной оболочке своей, и даже во всем теле, массу железок, выделяющих ядовитую жидкость, которая натягивает на кожу теплокровных животных нарывные пузыри. Жук *Ericanta crustica*, живущий в Венеццелт, проникает сильными ядом, и от одного его прикосновения появляются на коже пузыри.

У других насекомых органы, выделяющие и сохраняющие ядовитую и пахучую жидкости, помещаются в особые мешочки тела и имеют вид мшочков, которые, при безнокостии животного, выносятся наружу и распространяют дурной запах. Это заметно у личинок жуков-блестянок и листоходов, у которых, по временам, появляется на теле по девяти и более пар железистых возвышений; возвышения эти у некоторых видов падают запах салциловой кислоты. То же замечается и у многих других жуков в совершенно развитом их состоянии. Красивы, пестры гусеницы папируса махаона и парусника, а, впрочем, и гусеницы других мотыльков, при безнокостии их, выпускают за головой значительной величины орашковый раздвоенный отросток; отросток этот железист, подвижен и распространяет запах укрона, которым эти гусеницы, главным образом, питаются.

У многих других насекомых железки, выделяющие пахучую жидкость, не выносятся, а только выделяют по капле жидкость, которая, когда опасность прошла, снова всасывается насекомым. Так поступают многие бабочки, майки, божьи коровки и т. д. Последние выделяют из суставов острую желтую жидкость, которая хотя и пахнет неприятно, но, по химическому составу, ничего общего с ним не имеет. Кланы падают очень дурной запах, но иные из них пахнут тмином, ванилью и т. д. Пахучая жидкость выделяется у них из железки под шейным щитком.

Многие животные могут выбрызгивать ядовитую жидкость на известное расстояние; таковы наши жуки-жужелицы. Некоторые южно-американские жуки-бомбардиры выбрызгивают жидкость, которая с треском переходит в газообразное состояние, образуя голубоватое облако. Муравьи также выбрызгивают из заднего конца тела острую жидкость, которую они вводят в ранку укушенного или человека или животного. Разрывая муравейник, можно видеть, как эта жидкость тучкою поднимается в воздух.

И некоторые из моллюсков обладают также способностью выбрасывать на далеком расстоянии свою слюну; таковы морские боченки, имеющие громадные железы, слюна которых содержит почти до $3\frac{1}{2}\%$ свободной серной кислоты. Морской заяц назрелем славится ядовитостью своей слюны и ее неприятным запахом.

Весьма оригинален способ защиты, практикуемый головоногими моллюсками из семейства каракатиц; они имеют венарную, довольно большую железу, которая открывается в

прямую кишку. Эта железа дает очень мелкозернистый, чернотурый, разбавленный в жидкости пигмент (краска сепия); жидкость выбрызгивается, когда каракатицу преследует какой-либо из врагов ее. Расплывшись в воде, темная жидкость затемняет последнюю настолько, насколько нужно, чтобы каракатица могла скрыться.

Выделение острых ядовитых или пахучих жидкостей свойственно также позвоночным животным—саламандрам, некоторым лягушкам и жабам. У этих животных вся кожа спинки наполнена мелкими железами, которые выделяют острую пахучую жидкость. Всякое сильное раздражение вызывает у саламандры усиленное выделение слизи, по, конечно, не настолько, чтобы саламанда могла жить в огне. Слизь эта действует, как яд, на теплокровных животных, но безвредна для самих саламандр. Выделение пахучих саламандр ничтожно и мало ядовито в сравнении с выделением земноводных жарких стран, которое дикири употребляют для смазывания стрел.

У многих животных органы защиты тела сложны, что представляют собою колючие волоски, внутри которых тянется каналец, сообщающийся с ядовитой железкой. Волоски многих гусениц обламываются, проникают под кожу, в глаза, в дыхательное горло и причиняют нередко опасные страдания людям и животным. Таким свойством отличаются, например, волоски гусеницы походного шелкопряда. Из птиц, этих гусениц есть только одна кукушка, и желудок ее покрыт, поэтому, воткнувшись в него волосками, отчего она походит на кусок хлеба; и наша травяная лягушка поедает таких гусениц: они пробурывают у ней кишку, проникают в брюшную полость и обламываются здесь известковой оболочкой.

Такое же действие вызывают жгучие волоски медуз и полипов, которыми натирают себя кунальники; но с некоторыми из этих животных следует обходиться очень осторожно, так как жгучие волоски их причиняют боль, что свойственно также различным инфузориям, водоврапалкам и некоторым гольям морским улиткам.

С жгучими волосками гусениц сходны, по строению своему, ядоотделительные аппараты некоторых рыб, служащие только для защиты. Иные рыбы из близости к кузовкам и к ежовым рыбам, как, например, колючебрюхи, чрезвычайно ядовиты: достаточно слегка немного их мяса, особенно печени, чтобы умереть. Колючебрюхи, длиною до пяти вершков, окрашены очень пестро и медлительны в своих движениях; предлагают, что ядовитость присуща ему всюду и во всякое время года.

Переходим к другим органам защиты. Разнообразны формы обыкновенных зубов, рога, когти и копыта мы обойдем молчалием и остановимся на тех органах, которые действуют одновременно, как колючие и как отравляющие, и которые расположены в части, в непосредственной ее близости или же на заднем конце тела, сообразно с тем и происхождение их совершенно различно. Первые служат для добычания пищи, последние (за исключением органа защиты скорпиона) преобразованы из органов, служивших прежде вспомогательными органами размножения.

У тысяченожек, называемых сколопендрами, первая пара ног превращена в хищнической ноги, снабженные ядовитой железой. Яд вливается в ранку через маленькую отверстие вблизи кончиков когтей. Укусы наших тысяченожек действуют как ожог крапивой, но троническая форма очень вредна, хотя в расказах об их опасности, несомненно, много преувеличенного. То же можно сказать и про южно-европейского скорпиона, укушение которого причиняет сильную боль, но не смертельно; крупные же виды жарких стран чрезвычайно опасны, особенно в Мексике и в Аджире. Ядоносный аппарат у скорпиона похож по строению на тот же аппарат тысяченожек, но только он находится на заднем конце тела, состоит из двойной железки с двумя отверстиями. Беззвоночные животные очень чувствительны к яду скорпиона, но он приближает к нему только в том случае, когда не может победить свою жертву клешнями.

У пауков очень часто находится ядоотделительный аппарат в конечном суставе сильных челюстных щупалец; аппарат этот устроен как у тысяченожек, при чем железа проникает до грудной полости и открывается на верхнем кончике отрезка щупальца. Яд европейских пауков не так обильен, чтобы эти животные были опасны для жизни человека, но малых животных он быстро убивает. Под трониками же существует масса очень красивых пауков, укушение которых не без основания признается смертельным. Из ядовитых пауков, свойственных южной Европе, наиболее известны тарангулы и мальшпынты. В расказах о ядовитости первого много вымышленного и преувеличенного, последний же, весьма распространенный в теплых странах, своими укушениями ежегодно вызывает несколько человекских жертв. Ужаление нашего степного тарангула — чума — вредно, но не смертельно.

Обратимся к самому страшному ядоносному аппарату, — ядовитым зубам змеи.

Все змѣи могутъ быть подраздѣлены на неядовитыхъ, сомнительныхъ и ядовитыхъ. Железы у змѣй неядовитыхъ представляютъ собою слабую желтоватую пластинку на верхней губѣ; пластинки эти развиты гораздо сильнѣе у сомнительныхъ змѣй, представляя переходъ къ наиболѣе развитымъ железамъ, соответствующимъ околушнымъ слюннымъ железамъ человѣка, у змѣй безусловно ядовитыхъ. Ядоносный аппаратъ состоитъ, кромѣ железы, изъ выводящаго ядъ канала и ядовитого зуба. Железы лежатъ по сторонамъ головы между кусательными и другими мускулами, которые при открываніи пасти давятъ на железы, и, вмѣстѣ съ особыми мускулами близъ вершины своей отверстіями. При открываніи пасти, помощію ряда особыхъ косточекъ, верхняя челюсть приподнимается вверхъ и подвигается впередъ, такъ что зубы нѣсколько выпрямляются, а въ остальное время лежатъ во впадинѣ изъ слизистой оболочки, какъ клинки перочиннаго ножа въ рукояткѣ. Ядоносные зубы у змѣй бываютъ различныхъ размѣровъ, и сила укушенія зависитъ отъ количества яда, выдавливаемого при укушеніи въ ранки. Самые большіе ядовитыя железы имѣютъ змѣи Малайскаго архипелага — очень нестрыя и медленные въ своихъ движеніяхъ; у нихъ железы лежатъ не по бокамъ головы и переднихъ реберъ, а въ передней части полости тѣла и достигаютъ до половины длины всего животнаго.

Составъ змѣйнаго яда точно неизвѣстенъ, и мнѣнія о немъ крайне разнообразны; достоверно только то, что ядъ этотъ представляетъ собою желтоватую маслянистую жидкость. Попадая въ кровь, онъ дѣйствуетъ наподобіе мелкихъ грибовъ, обуславливающихъ разложеніе, разрушаетъ кровяныя тѣльца, разжижаетъ кровь, вызываетъ изліііи крови во внутреннихъ тканяхъ и удушеніе. Интересно наблюденіе, что кровь, умершей отъ укушенія ядовитой змѣей, птицы, будучи привита другой, а затѣмъ отъ нея и третьей птицею, вызвала у всѣхъ одинаковую смерть. Это наблюденіе вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что профильтрованный змѣиный ядъ теряетъ свое дѣйствіе, наводитъ на мысль о томъ, что причиною отравленія являются мельчайшіе организмы.

При первомъ укушеніи змѣи послѣ долгаго покоя ядъ дѣйствуетъ всего сильнѣе, а затѣмъ дѣйствіе постепенно ослабѣваетъ, по мѣрѣ истощенія запаса яда, какъ это доказалъ Бурнеттъ своимъ опытомъ надъ 8-ю молодыми курами, изъ которыхъ первая подохла немедленно послѣ укушенія, послѣующія четыре постепенно чрезъ болѣе и болѣе продолжительные сроки времени, 6 и 7-я болѣли только нѣсколько дней, а на 8-ю ядъ вовсе не подействовалъ.

При укушеніи змѣей (въ британской Индіи пазъ 120 милл. населенія гибнетъ ежегодно 20,000 человѣкъ), необходимо принимать быстрые прижиганіе ранокъ, смазываніе ихъ іодомъ, мѣстныя кровопусканія и т. п. Оказывается, что алкоголь и всѣ кристичкіе спиртные напитки вполнѣ предупреждаютъ разрушительное дѣйствіе змѣйнаго яда.

Уже съ древнихъ временъ нѣкоторымъ животнымъ, именно ихневмону, свищѣ и жуку приписывали полную нечувствительность къ укушенію змѣй, но это мнѣніе основано, повидимому, на неточныхъ наблюденіяхъ, упускавшихъ изъ виду умѣнье названныхъ животныхъ укрываться отъ укушенія или устранить отравленіе своими глазами, щетинками и толстою кожей. Конечно, и количество яда, выщущеннаго змѣею, имѣетъ свое значеніе. Точно такъ же спорнымъ остается еще вопросъ о томъ, дѣйствительно ли змѣиный ядъ не дѣйствуетъ на змѣю, ежели она сама себя укусила бы, и на другихъ особей ея вида.

Намъ приходится разсмотрѣть еще строеніе жала пчелы, осъ и муравьевъ.

У пчелы ядоотдѣлительная железа представляетъ собою длинный тонкій мѣшокъ, переходящій въ расширенный резервуаръ, который суживается въ каналъ, открывающійся въ верхнюю часть жала. Самое жало состоитъ изъ трехъ длинныхъ суставцевъ, одного подвижнаго, желобоватаго, и двухъ боковыхъ, на вершинѣ заостренныхъ и вооруженныхъ 10-ю, обращенными взадъ, острыми колючками. Эти два отростка

подвижны. Когда пчела хочетъ жалить, она сближаетъ кольца брюшка и тѣмъ самымъ выпячиваетъ жало; въ то же время она, съ помощію особыхъ мускуловъ, сжимаетъ железу, и изъ нея выступаетъ капля жидкости, которая попадаетъ въ ранку, проколотую вершинами двухъ подвижныхъ колющихъ щетинокъ. Пчелиный ядъ представляетъ собою смѣсь бѣлая съ муравьиною кислотою. Колющіе органы у всѣхъ шмелей, осъ, муравьевъ и другихъ перепончатокрылыхъ насекомыхъ, въ общихъ чертахъ, построены по этому плану и различаются только строеніемъ отдѣльныхъ частей своихъ.

Въ медицинѣ укушеніе пчелы рекомендуется, какъ средство противъ ревматическихъ страданій. Правда, того же дѣйствія легче достигнуть подкожнымъ впрыскиваніемъ муравьиной кислоты, но укушеніе непосредственно самихъ пчелъ заключается въ себѣ болѣе таинственности, чѣмъ простое подкожное впрыскиваніе.

Послѣдній изъ способовъ защиты животныхъ, подлежащихъ здѣсь нашему разсмотрѣнію, это — защита помощію электрическихъ органовъ.

Электрические органы изслѣдованы только у рыбъ, хотя существованіе ихъ и предполагается также у нѣкоторыхъ насекомыхъ, водящихся въ Вестъ-Индіи и въ Сенегамбіи. Но такъ какъ насекомыя эти (клопы и жуки) не живутъ въ водѣ, то очень вѣроятно, что электрическіе звуки, издаваемые ими, суть не что иное, какъ послѣдствіи выдѣленія остраго, очень летучаго начала. Вообще, электрическіе органы хотя и обращали на себя усиленное вниманіе ученыхъ, но еще далеко не всесторонне изслѣдованы.

Уже древніе были знакомы со свойствами электрическихъ рыбъ, особенно — электрическаго гнуса, который употреблялся въ живомъ состояніи, да и понынѣ еще употребляется по бережью Средиземнаго моря, какъ средство противъ мигрени. Къ этому средству прибѣгаютъ и жители западной Африки. Негры, мѣстами, наполняютъ водою и нѣсколькими электрическими рыбами сосуды и сажаютъ въ нихъ дѣтей, чтобы они съ ними играли.

Впервые былъ изслѣдованъ анатомически гнусъ, при чемъ открыто, что органомъ электричества является у него особый, объемистый парный органъ, помѣщающійся по сторонамъ рыбы, подъ кожей, имѣющій полулуночную форму и представляющій собою видоизмѣнившійся поперечно-полосатый мускулъ, который въ молодости является только мускуломъ, но, съ возрастомъ, постепенно перерабатывается въ электрическій аппаратъ.

Рыбы, обладающія электрическими органами, принадлежатъ къ числу видовъ гнуса и нарциль (послѣдніи водятся только въ тропическихъ странахъ), къ роду *Melapterosus*, виды котораго водятся въ Нилѣ и въ рѣкахъ западной Африки, и къ роду *гипнотовъ*, къ которымъ принадлежитъ самый страшный, достигающій 6-ти-футовой длины, электрическій угорь, свойственный водамъ Южной Америки.

Устройство рыбьяго электрическаго аппарата, въ общихъ чертахъ, одинаково. Онъ представляетъ собою двѣ батареи, состоящія изъ множества трубочекъ, связанныхъ между собою соединительною тканью и снабженныхъ сосудами и нервами. Въ аппаратъ вступаютъ вѣточки пяти черныхъ стволовъ, начинающихся отъ головного мозга; передній изъ этихъ стволовъ представляетъ собою электрическую вѣтвь тройничнаго нерва. Въ моментъ удара спиннаго животнаго представляетъ собою положительный, а брюхо — отрицательный полюсъ. У электрическаго угря электрическіе органы лежатъ по бокамъ громаднаго хвоста и составляютъ до $\frac{1}{3}$ вѣса всей рыбы. У электричника половинки батарей лежатъ на брюшной сторонѣ, также непосредственно подъ кожей, имѣютъ веретенообразную форму и, по вѣсу, составляютъ $\frac{1}{4}$ часть всей рыбы. Мускулы, изъ которыхъ состоятъ электрическіе органы, послѣ долгаго напряженія устаютъ, и аппаратъ послѣ частыхъ разряженій перестаетъ на время дѣйствовать. Нѣкоторые яды (стрихнинъ) и сильно раздражающія средства дѣйствуютъ одинаково на оба половинки аппарата, вызывая онемѣніе его мускуловъ; но органъ продолжаетъ еще нѣкоторое время разряжаться и послѣ отдѣленія его первымъ отъ спиннаго мозга.

* * *

За сельской околицей тихо;

Тамъ верба уныло растеть,

Какъ иней, бѣлѣетъ гречиха,

И перепелъ звонко поеть.

Не разъ по дорогѣ съ охоты

Въ июльскіе жаркіе дни

Ложалъ я въ объятяхъ дремоты

Подъ этою вербой въ тѣни.

На синее небо спокойно

И долго я, долго глядѣлъ,

Свѣтилося солнышко знойно,

И тихо кузнечикъ скрипѣлъ.

И нынче, когда мнѣ случится

Больному устало прилечь,

Все синее небо мнѣ снится

И въ полѣ кузнечиковъ рѣчь...

Ал. Будищевъ.

Къ рисункамъ.

Передъ нами одно изъ многочисленныхъ ущелий на Кубани. По мѣрѣ приближенія къ главному Кавказскому хребту, облеаетъ кубанскихъ казаковъ прорѣзывается все болѣе высокими и обрывистыми горами, которыя тлнутся непрерывной цѣнью вдоль праваго берега быстроводной Кубани. Хвойные лѣса, почти не существующіе въ западной части Кавказскаго хребта, растутъ здѣсь по берегамъ Кубани сплошными группами, то поднимаясь до 4—6 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, то спускаясь въ предгорья. Влажный климатъ способствуетъ богатой растительности, которая мѣстами напоминаетъ тропическую флору. Пирамидальныя пихты, ели, дубы, густыя заросли папоротниковъ, самшита и рододендроновъ составляютъ здѣсь обычное явленіе. На нашемъ рисункѣ изображенъ именно такой уголокъ кубанскаго Кавказа. Перспектива горъ, терпящихся вдаль, стремительно бѣгущая рѣка, великаны-деревья и даже человѣческая фигурка, ничтожная въ сравненіи съ этой громадой дикаго ущелья, невольно приковываютъ вниманіе и переносятъ насъ на благословенный русскій Югъ.

Неподвижный, медлительный малороссъ, флегматикъ по природѣ, крѣпко привязанъ къ родинѣ и не легко разстается съ нею; онъ горячо любитъ языкъ Украины и пристрастенъ къ обычаямъ, которые передаются изъ рода въ родъ во всей патриархальной неприкосновенности. Съ особенной поэтичностью они сохранились въ свадебной церемоніи и представляютъ глубокий интересъ по своему религіозно-мнѣстическому значенію. Малороссійская свадьба обыкновенно совершается въ воскресенье (рѣдко въ другой день). После вѣчанья бываетъ вечеринка съ тапками и угощениями до 12 часовъ ночи, а затѣмъ парубки и дѣвушки удаляются изъ хаты, и молодые направляются въ брачную комнату въ сопровожденіи старшаго дружка и свахи. Старики ипрютъ всю ночь; но едва забрезжитъ утрення заря, дружка и свахи идутъ подымать ново-брачныхъ, и свадьба обыкновенно принимается чрезвычайнаго веселый характеръ. Музыканты играютъ разудалыя пѣсни, а молодая приближается къ матери, кланяется ей въ ноги и поетъ: „Не бійся, матинька, не бійся, у червоны чебигки обійся, тощя вороги уся подъ ноги!“ Гости пьютъ и веселятся до 7 часовъ утра, а затѣмъ выводятъ молодую къ колодезю „покрывать“. На рисункѣ талантливаго художника изображенъ начальный моментъ этого обряда. Молодая съ повязанной головой сидитъ конфузливо на скамейкѣ между одной изъ свахъ, дающей ей наставленія, и мужемъ въ бараньей шапкѣ, съ напряженнымъ выраженіемъ лица. Дѣвушки и парубки не принимаютъ участія въ покрываньи и только падали, столпившись у плетня, посмѣиваются и отпускаютъ прибаутки насчетъ подгуляваго старосты, а тотъ, обнявши лѣвой рукой сваху, которая также повеселѣла, а въ правой держитъ недорознутую бутылку водки, подпоясанный кушакомъ и перевязанный черезъ плечо узорчатымъ полотнищемъ, пеловко приплясываетъ въ тяжелыхъ сапогахъ, готовясь открасить шестивѣ. „Бояринъ“, стоящій за молодыми, уже подпялъ красную „вишу“, возвѣщая о началѣ церемоніи. Доморощенские музыканты играютъ плесовую. Всѣмъ весело; всѣ улыбаются; иныя хохочутъ; только молодые точно застыли въ ожиданіи обряда, боясь пошевелиться. Солнце еще не паритъ, и въ воздухѣ чувствуется лѣтняя прохлада. У колодезца, утопающаго въ зелени вышневыхъ деревьевъ, молодую покрываютъ кускомъ кисен („серпанкой“), и десятки голосовъ громко подхватываютъ старинную пѣсню: „Покрывенька плаче; не такъ покрываться, якъ поцѣловаться“. Общія поцѣлуи, а потомъ и пиръ горой. Между тѣмъ, свахи пойдутъ по сосѣднимъ дворамъ „бить куръ“. Кто не откупится, тому бѣда: всю птицу перебьютъ. У зажиточныхъ крестьянъ свадебное торжество растягивается иногда на цѣлую недѣлю, но обыкновенно оно продолжается трое сутокъ.

Норвежскій художникъ Норманъ съ большимъ мастерствомъ воспроизводитъ красоты фьордовъ. Его картина „Лѣтняя ночь на Рафсзундѣ“ дышитъ поэтической прелестью. Взгляните, какъ серебрится заливъ! Невидимко освѣщаетъ луна изъ-за перистыхъ облаковъ тихо плещущія воды. Рыбачья лодка медленно разсѣкаетъ волны, а ей навстрѣчу мчится парохольдъ, и черныя дымят широкими клубами вьется въ прозрачномъ воздухѣ. Угрюмыя скалы то вѣшваются въ заливъ, то рѣзко поднимаются острыми вершинами къ небу, какъ бы въ гордомъ сознаниіи своего превосходства. Не разъ „почевала тучка золотая на груди утеса-великана“, не разъ странная молнія посылала огненныя стрѣлы въ его могучую голову... Онъ все перенесетъ, и въ эту лѣтнюю ночь отдыхаетъ и думаетъ старую думу.

Скальные берега Норвегіи въ послѣдніе годы сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ различныхъ туристовъ, особенно нѣмцевъ, и даютъ современнымъ художникамъ неисчерпаемый матеріалъ для фантазій.

Въ интересной статьѣ г. Иверсена: „Чѣмъ защищаются жп-

вотныя“, которую мы помѣщаемъ въ этомъ же номерѣ *Ивы*, между прочимъ, указано, что нѣкоторые насѣкомыя успешно выдерживаютъ борьбу съ сильнѣйшимъ врагомъ при помощи выпускаемаго ими яда. Прекрасной иллюстраціей къ этой борьбѣ служатъ намъ рисунки: „Пчелоядъ, нападающій на шипоносца“. Въ сѣверной части алжирской Сахары зимуетъ обыкновенно, большими стаями, красивѣйшая изъ всѣхъ европейскихъ птицъ, такъ называемый пчелоядъ. Пестрыя крылья его отливаетъ всѣми цвѣтами радуги, а стройная, хорошенькая фигурка еще болѣе скрашивается двумя длинными перьями хвоста и тонкими клювомъ. Питается онъ всякаго рода насѣкомыми и, обладая изряднымъ аппетитомъ, нерѣдко уничтожаетъ стаей цѣлый улей пчель, къ немалому огорченію ихъ хозяевъ, которые поэтому и прозвали обжорливую птичку „пчелодождь“. Въ той же самой части Сахары водятся также въ несмѣтномъ количествѣ извѣстный видъ кузнечика съ черными или красными крапинками на синѣи, — шипоносецъ. Толстыя, неворотливыя насѣкомыя эти представляютъ обильную и жирную пищу для надкыхъ на добычу пчелодождь. Они настолько тяжеловѣсны и мало подвижны, что рѣшительно не въ состояніи спастись отъ врага бѣгствомъ. Зато природа наградила ихъ другимъ, оригинальнымъ средствомъ къ отраженію нападений: какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ передняя пара лапокъ соединяется съ толвищемъ, у шипоносца имѣются обращенныя кверху отверстія; черезъ нихъ онъ выбрасываетъ въ нападающаго врага струи ѣдкой, зловонной жидкости, которая часто заставляя неприятеля отступитъ и даетъ шипоносцу возможность спастись. Верхній шипоносецъ на нашемъ рисункѣ изображенъ какъ разъ въ моментъ такой обороны отъ готоваго его схватить пчелояда.

Нигдѣ „красному пѣтуху“ не живется такъ привольно, какъ у насъ, на Русѣ. Въ другихъ цивилизованныхъ странахъ ему давно значительно обрѣзали крылья. Да и разудалыи ему тамъ негдѣ. Деревенскія постройки сооружаются изъ матеріала менѣе горючаго, дома всегда окружены зеленью, пожарные инструменты въ порядкѣ, дороги содержатся въ исправности, даже въ осеннюю и осеннюю распутицу, и наконецъ, — что, можетъ-быть, важнѣе всего — само населеніе обращается осторожно съ огнемъ. Поэтому пожаръ тамъ, дѣйствительно, — случайность и несчастіе, между тѣмъ какъ у насъ онъ, такъ-сказать, неизбеженъ, и можно только удивляться, что наши села и деревни не горятъ еще чаще, чѣмъ теперь.

И правы въ другихъ странахъ не такъ жестоки, какъ у насъ. Тамъ рѣдко человѣкъ рѣшается пустить сосяду „краснаго пѣтуха“. Въ то время, какъ у насъ достаточно иногда пусто го повода, чтобы человѣкъ прибѣгъ къ этому рода варварской мести, въ другихъ цивилизованныхъ странахъ онъ долженъ много выстрадать, чтобы приступить къ подобному акту самосуда. Извѣстный художникъ Маттенъ изобразилъ намъ очень драматическую сцену умышленнаго поджога, вызваннаго сильными душевными страданіемъ. На первомъ планѣ его картины фигурируютъ пострадавшіе отъ пожара. Это — все женщины. Старуха-бабушка озабочена въ роковой моментъ спасеніемъ остатка имущества и уходитъ за дѣтми. Три ея дочери направили все свое вниманіе на приближающагося по дорогѣ поджигателя: одна съ торжествомъ указываетъ на него бабушкѣ, слѣшкомъ однако занятой дѣтворой, чтобы взглянуть на него, и, можетъ-быть, догадывающейся о виновникѣ и безъ всякихъ указаній; другая готова ринуться на него и собственноручно отомстить ему за причиненное семей бѣдствіе; третья безсильно сжимаетъ руки, какъ бы въ ужасѣ отъ совершившагося событія. На пее-то повидному и обращаетъ взоръ поджигателя. Не трудно догадаться, что между этими двумя людьми существуетъ кака-то связь, и что ихъ взаимныя отношенія вѣроятно и привели къ роковой развязкѣ. Данное обѣщаніе, отвергнутая любовь, болѣе счастливый соперникъ, — и результатомъ всего этого тяжелая душевная драма, окончившаяся преступленіемъ. И вотъ поджигатель выступаетъ теперь изъ сумерекъ вечера со связанными руками, освѣщенный зловѣщимъ заревомъ пожара, съ которымъ тѣтно старается справиться кучка людей. Спасти пылающій домъ нѣтъ уже возможности, надо отстоять только сосѣдніе дома. Преступника, впрочемъ, картина вызваннаго имъ бѣдствія не интересуетъ; онъ относится повидному равнодушно къ взглядамъ любовныхъ, къ угрозамъ толпы, готовой его растерзать. Все его вниманіе сосредоточено на той, которой онъ теперь навсегда лишился. Онъ добровольно отдалъ себя въ руки правосудія и не думаетъ сопротивляться ведущему его полицейскому. Пѣсенка его навсегда сѣла. Пожаръ его души вызвалъ и тотъ пожаръ, который пылаетъ въ сторонѣ. И когда послѣдній потухнетъ, оставивъ послѣ себя, послѣ яркаго зарева, лишь черное мрачное пожарнице, у него въ душѣ будетъ такъ же мрачно. Надъ пожарницей взойдетъ утреннее солнце, а въ его душѣ свѣта уже не будетъ.

Да, тяжелая драма разыгрывается тутъ передъ нами.

Таможенный досмотръ съ помощью рѣнтгеновскихъ лучей. (Рисунки на этой стр.)

Извѣстно, что открытые Рѣнтгеномъ такъ-называемые X-лучи, невидимые для нашего глаза, имѣютъ способность освѣщать въ темнотѣ цѣлый рядъ тѣлъ, называемыхъ флуоресцирующими, такъ какъ они обладаютъ свойствомъ, которое до сихъ поръ приписывалось лишь одному плавленному шпату (фтористому кальцію), — поглощать такого рода лучи и пропускать ихъ въ измѣненномъ видѣ. Если взять большой стереоскопъ, вынуть изъ него предварительно увеличительныя стекла, замѣнить заднюю его стѣнку изъ матоваго стекла флуоресцирующимъ экраномъ, т. е., напр., листомъ бумаги, смазаннымъ растворомъ гумми-арабика и посыпаннымъ двойною кальциевой вольфрамово-кобальтовой солью, и затѣмъ пустить въ ходъ Круксову трубку, то экранъ сейчасъ же освѣтится яркимъ, но нѣжнымъ, мягкимъ свѣтомъ. И вотъ, стоитъ теперь помѣстить между трубкою и экраномъ какой-нибудь предметъ, X-лучи проникнутъ его, и онъ сейчасъ проявится силуэтомъ на экранѣ, въ плотныхъ частяхъ — темнѣе.

Директоръ французскаго таможеннаго вѣдомства г. Паллена, познакомившись съ этими свойствами X-лучей, остановился на мысли, что они могутъ сослужить прекрасную службу въ дѣлѣ таможенныхъ досмотровъ. Затѣмъ устроили аппаратъ соответствующихъ размѣровъ, приспособленный къ преслѣдуемой цѣли, и начались опыты.

Таможенный досмотръ съ помощью X-лучей. Досмотръ пассажировъ. Съ рис. „Monde Illustré“ авторства „Нивы“.

Первый опытъ былъ произведенъ въ собственномъ кабинетѣ г. Паллена, въ министерствѣ финансовъ, въ присутствіи многихъ высшихъ правительственныхъ чиновъ, а затѣмъ опыты повторили въ отдѣленіи таможни на вокзалѣ сѣверной жел. дор. Кроме того, произвели опыты на Сентъ-Лазарскомъ и Лионскомъ вокзалахъ, и результаты вездѣ превзошли ожиданія.

Прежде всего произвели опыты надъ почтовыми посылками, которыя несмѣтными грудями ежедневно заполняютъ собою всѣ столы таможни; до сихъ поръ приходилось осматривать лишь часть посылокъ на удачу, такъ какъ вскрывать каждую изъ нихъ — на это потребовалась бы масса времени и, къ тому же, произошла бы сильная задержка. Почтовые посылки — не ручной багажъ, который открывается самимъ пассажиромъ; надъ ними таможенному чиновнику приходится продѣлывать все самому: распечатать, вскрыть, осмотрѣть и снова запечатать. Теперь же ничего этого не потребуется: ни снятія печатей, ни распаковки; прибѣгаютъ къ помощи рѣнтгеновскаго аппарата, и все содержимое посылки вырисовывается передъ глазами.

На Лионскомъ вокзалѣ былъ, напр., такой случай. Берутъ посылку, тщательно упакованную и зашнурованную. Надпись на ней гласитъ, что внутри — пара ботинокъ. Прикладываютъ къ экрану, и дѣйствительно, на немъ сейчасъ же ясно вырисовывается обувь, безъ обертки.

Это была посылка, такъ сказать, добросовѣстная, безъ об-

Таможенный досмотръ съ помощью X-лучей. Досмотръ багажа. Съ рис. „Illustration“ авторства „Нивы“.

мана, и она сейчас же была передана dalje, по назначению. Но вот приступают къ другой. Что въ ней такое? Надпись гласитъ: „ночное бѣлье“... но нескромный стереоскопъ моментально сблуживаетъ внутри послышки ящикъ съ сигаретами и пачки спичекъ. Въ третью, съ надписью: „медикаменты“, оказывается горшокъ съ медомъ и сладкій пирожекъ.

Ясно, что, благодаря новому открытию, получается теперь возможность основательнаго досмотра почтовыхъ посылокъ; до сихъ же поръ, при непрерывно увеличивающемся количествѣ ихъ, многое проскальзывало въ этихъ невнимныхъ съ виду ящикахъ незамѣченными.

Г. Паллэнъ не остановился на первыхъ опытахъ, а продолжалъ ихъ. На Сентъ-Лазарскомъ вокзалѣ, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, поставилъ аппаратъ на длинный столъ, на который было положено множество корзинокъ, бауловъ, чемодановъ, сумдуковъ, картонокъ, только что выгруженныхъ изъ пришедшаго изъ-за границы вагона. Передъ глазами таможенныхъ чиновниковъ начинаютъ быстро проходить на экранѣ: бѣлье, разныя туалетныя принадлежности, бездѣлушки, вещи все самыя невнимныя, а вѣтъ-вѣтъ, тутъ или тамъ покажется и коробка съ табакомъ, и пачка спичекъ. Среди бѣлья ясно вырисовывались разбросанныя сигареты, какия-то жестянки, въ которыхъ, быть-можетъ, было что-нибудь и невнимное, а можетъ-быть и контрабандное. До такой степени пропикивовенія флуоресценціи еще не доходитъ. Не можетъ она также различать сорта матерій, новыя кружева, поддежанія таможенному обложению, отъ старыхъ, которыя никакъ-то сбору не подлежатъ, и т. п.

Примѣненіе экрана не ограничивается, однако, досмотромъ посылокъ и багажа; въ кругъ дѣятельности таможенныхъ чиновниковъ входитъ еще довольно неприятная для обѣихъ сторонъ обязанность личнаго обыска подозрительныхъ пассажировъ. Правда, къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ сравнительно рѣдко, но совершенно обойтись безъ нея все-таки невозможно. При всей деликатности, съ которою производится обыкновенно обыскъ, онъ никогда не обходится безъ протестовъ, жалобъ, а часто даже слезъ. Вотъ какой эпизодъ этого рода рассказываетъ Альфонсъ Каррѣ: „Г-жѣ У. пришлось перенести маленькую таможенную неприятность. Таможенные чиновники, будучи приведены въ смущеніе ея чисто-военною выправкою и маленькими усиками, ни за что не хотѣли допустить, что это женщина. Они рѣшили, что это непременно переодѣтый мужчина, а пышная грудь состроена изъ кружевъ и другихъ дорогихъ товаровъ. Рѣшили удостовериться. Г-жа У., ссылаясь на существующее правило, потребовала, чтобы обыскъ былъ произведенъ лицомъ ея же пола; но надсмотрщика, вполне раздѣляя сомнѣніе чиновниковъ, рѣшительно отказалась обыскивать „такого страшнаго господина“.

Теперь, благодаря X-лучамъ, наступаетъ конецъ такимъ недоразумѣніямъ. На-дняхъ, на Сентъ-Лазарскомъ вокзалѣ одна дама предложила исследовать ее X-лучами. Предварительно она спрячала подъ платье — бутылку спирта. Магическій экранъ, какъ видно на нашемъ второмъ рисункѣ, съ полною отчетливостью проектировалъ бутылку. Все это даетъ надежду, что скоро наступитъ время, когда уже не надо будетъ прибѣгать къ тѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ, которыя теперь практикуются въ таможняхъ; если окажется какой-либо подозрительный пассажиръ, достаточно будетъ пригласить его въ отдѣльный кабинетъ, и тамъ надсмотрщикъ или надсмотрщица, смотря по полу заподозрѣннаго лица, научно обличатъ его въ виновности или признаютъ невнимнымъ.

М. И. Стуковенковъ. (Портр. на стр. 672.)

Русская медицинская наука понесла чувствительную утрату со смертію ординарнаго профессора кievскаго университета Михаила Ивановича Стуковенкова. Заслуги его очень значительны, и мы можемъ отмѣтить здѣсь лишь самыя существенныя.

По окончаніи курса медико-хирургической академіи въ 1866 г. онъ былъ оставленъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ для усовершенствованія, а въ 1869 г. былъ назначенъ ассистентомъ сыпного-отдѣленія клиническаго военнаго госпиталя. Кроме того онъ состоялъ консультантомъ въ свито-тронцкой общинѣ сестеръ милосердія, затѣмъ въ покровской общинѣ, гдѣ въ то же время читалъ курсы дерматологій и сифиллологій на женскихъ медицинскихъ курсахъ, и врачомъ-специалистомъ въ Максимилиановской лѣчебницѣ. Къ тому же же періоду его дѣятельности относится его поѣздка на театр военныхъ дѣйствій (въ русско-турецкую войну 1877—78 гг.) въ качествѣ уполномоченнаго отъ Краснаго Креста, а затѣмъ полевого хирурга, сначала на перевязочномъ пунктѣ подъ Горнымъ Дубникомъ, затѣмъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ при Баготѣ и, наконецъ, въ Плевнѣ, по вѣдѣнію ея русскими

войсками, въ званіи отряднаго врача бургасскаго отряда. Дѣятельность Стуковенкова въ Плевнѣ по устройству и лѣченію больныхъ и раненыхъ арміи Османа-пашы, при самыхъ ужасныхъ санитарныхъ условіяхъ турецкаго города и притомъ еще выдержавшаго продолжительную осаду, была поистинѣ изумительна. Она привела его къ тяжелому сыпному тифу, который оставилъ неизгладимую боль на сердцѣ, мучившую его во всю остальную жизнь и сведшую его въ преждевременную могилу на 54-мъ году жизни, въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ силъ. Но, жестоко пострадавъ самъ, онъ высоко поднялъ знамя русской науки и широкой гуманности, что засвидѣтельствовано въ официальном донесеніи полевого военно-медицинскаго инспектора, который говоритъ: „только благодаря неутомимости, энергіи и разумнымъ распоряженіямъ Стуковенкова, русскіе смѣло могутъ сказать, что они для раненаго врага сдѣлали все“. Турецкіе офицеры и солдаты засвидѣтельствовали свою глубокую благодарность Стуковенкову особыми адресами, напечатанными въ свое время какъ въ русскихъ, такъ и во многихъ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Если на театр военныхъ дѣйствій Стуковенковъ проявилъ себя выдающимся администраторомъ, то въ тиши клиники и кабинета онъ проявилъ себя высокоталантливымъ ученымъ, освѣтившимъ многіе темныя вопросы въ области излюбленной имъ специальности. Рядъ научныхъ работъ, опубликованныхъ имъ въ бытность ассистентомъ клиники кожныхъ болѣзней медико-хирургической академіи, а равно и двѣ пробныя лекціи убѣдили кievскій университетъ, что съ избраніемъ въ 1883 г. Стуковенкова преподавателемъ и завѣдующимъ дерматологической клиникой, университетъ приобрѣтетъ крупную научную силу. И дѣйствительно, изученіе и разработка темныхъ вопросовъ въ области кожныхъ болѣзней и сифилиса въ кievскомъ университетѣ начались только съ переходомъ Стуковенкова въ Кіевъ, гдѣ, въ теченіе 14 лѣтъ, онъ сумѣлъ высоко поставить преподаваніе своей дотошѣ игнорируемой специальности и внушить любовь къ изученію ея молодымъ врачамъ. Устроивъ клинику, обезпечивъ ее всѣми необходимыми пособиями какъ для лѣченія, такъ и для преподаванія и научныхъ занятій, при чемъ, въ виду недостаточнаго отпуска суммъ изъ университета, онъ не щадилъ и своихъ собственныхъ средствъ, покойный профессоръ привлекъ въ свою клинику самыхъ тяжелыхъ и въ то же время самыхъ интересныхъ въ научномъ отношеніи больныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ около себя большой кругъ молодыхъ врачей, которые сдѣлались его помощниками въ веденіи обширнаго научнаго дѣла.

Глубоко предавшись своей специальности, участвуя въ дѣломъ рядъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съѣздовъ врачей, тщательно обрабатывая огромный, собранный имъ, научный матеріалъ, Стуковенковъ познаникомъ русскихъ врачей съ цѣлымъ рядомъ неизвѣстныхъ имъ кожныхъ страданій, до него проходившихъ подъ неправильными діагнозами (Rhinoscleroma, pemphigus, foliaceus, sarcoma pigmentosum, mycosis fungoides и др.) и своими многочисленными работами внесъ много новаго въ науку. Между прочимъ, ему первому принадлежитъ честь выработки рациональныхъ основъ при лѣченіи трутью. Грубо-эмпирической методъ лѣченія, основанный лишь на практическомъ опытѣ, онъ, пользуясь рядомъ точныхъ научныхъ способовъ изслѣдованія (изслѣдованіе крови и анализы ртуть въ выдѣленіяхъ по способу имъ же установленному), возвелъ въ научный методъ лѣченія, вліяніе и результаты котораго теперь уже могутъ обсуждаться не съ узкой субъективной точки зрѣнія каждаго отдѣльнаго изслѣдователя, а при помощи объективныхъ методовъ и общихъ установленныхъ принциповъ.

Неожиданная и трагическая кончина проф. Стуковенкова въ залѣ университета, среди его рѣчи при открытіи новаго имъ созданнаго физико-медицинскаго общества, произвела глубокое впечатлѣніе не только въ Россіи, но и за границей, что видно изъ цѣлага ряда сочувственныхъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ специальныхъ журналахъ. Стуковенковъ оставилъ большой, съ любовью собранной имъ, научный матеріалъ и въ томъ числѣ многія работы, приготовленныя къ печати.

Кievское физико-медицинское общество въ засѣданіи 24-го апрѣля, по выслушаніи подробнаго доклада „о научной дѣятельности проф. Стуковенкова и его клиники“, составленнаго ближайшимъ ученикомъ покойнаго, приватъ-доцентомъ д-ромъ Никольскимъ, и сопровождавшагося демонстраціей цѣлага ряда художественно исполненныхъ рисунковъ и восковыхъ слѣпковъ различныхъ рѣдкихъ и малозаслѣдованныхъ болѣзней кожи, постановило, въ виду высокаго научнаго интереса собранной проф. Стуковенковымъ коллекціи рисунковъ и муляжей, ходатайствовать предъ правленіемъ университета о посылкѣ ея на предстоящій международный съѣздъ врачей въ Москвѣ.

Политическое обозрѣніе.

Въ субботу 21-го іюня состоялось въ Константинополѣ *де сятое* засѣданіе пословъ, обсуждающихъ условія греко-турецкаго мира. Послы сообщаютъ на окончаніи предва-

рительныхъ работъ комиссіи турецкихъ военныхъ делегатовъ и иностранныхъ военныхъ атташе по опредѣленію пограничной черты. Въ виду обычая турокъ затягивать всякія совѣщанія,

пускал въ ходъ всевозможныя проволокки, послы указали Портѣ на промедленіе усто съ оставленіемъ письменныхъ промеморій. Сперва распространилась версія, что султанъ, послѣ безуспѣшной личной попытки въ Петербургѣ и Берлинѣ, согласился на предложенное державами исправленіе границы, но затѣмъ турецкій министр иностранныхъ дѣлъ заявилъ послать, что Порта понимаетъ исправленіе границы въ смыслѣ оставленія за Турціей части Фессалии до Пенел. По сношеніи со своими правительственными, послы отвѣтили 22-го іюня энергичнымъ отказомъ, давая понять туркамъ, что терпѣніе державъ можетъ истощиться. Порта со своей стороны сослалась на настроеніе мусульманъ, заставляющее султана добиваться болѣе крупнаго территориальнаго приращенія. Несмотря на возраженіе пословъ, что принятая турками система проволокки, возбуждая умы, угрожаетъ опасностями, Порта разослала 26-го іюня своимъ посламъ циркулярную депешу, заявилъ, что, по военнымъ соображеніямъ, должна настанавать на пограничной линіи у Пенел. Тѣмъ временемъ стало извѣстнымъ въ Константинополь, что появилась русская нота къ державамъ, предлагающая болѣе энергичный образъ дѣйствій съ цѣлью заставить Турцію скорѣе принять условія мира. Вслѣдъ за этимъ Портѣ вручена была нота, рѣшительнымъ образомъ подтверждающая единеніе и солидарность державъ по вопросу объ исправленіи границы. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны отъ 27-го іюня, султанъ телеграммой обратился за поддержкой турецкаго требованія о фессалийской границѣ „къ добрососѣдскимъ чувствамъ“ австрійскаго императора. „Итающій искренности и честную дружбу къ султану“ императоръ Францъ-Іосифъ „посоветовалъ“, въ интересахъ султана и его имперіи, подписать заключеніемъ мира съ Греціей на основаніи условій, формулированныхъ послами въ Константинополь, такъ какъ установленная пограничная черта соответствуетъ принципу, принятому султаномъ съ самаго начала и составляющему вытектъ съ другими условіями мира максимумъ справедливыхъ уступокъ европейскаго концерта, исполненнаго твердой рѣшимости создать порядокъ вещей, который представлялъ бы устойчивый залогъ мира и спокойствія Европы“. Императоръ германскій также выразилъ надежду, что султанъ не станетъ создавать препятствій для осуществленія единодушнаго желанія Европы. Послѣдовалъ чрезвычайный совѣтъ турецкихъ министровъ и возобновились совѣщанія пословъ въ Константинополь. По свѣдѣніямъ отъ 2-го іюля, всѣ правители великихъ державъ серьезно совѣтуютъ султану уступить въ вопросѣ о границѣ. Винжал этимъ совѣтственностью за принятіе рѣшенія очистить Фессалию. Въ Турціи началось броженіе мусульманъ, особенно среди офицеровъ, чиновниковъ и духовенства. Пошли толпы о предстоющихъ демонстраціяхъ прогнѣвъ иностранныхъ посольствъ. Принимаются мѣры предосторожности, но, въ виду единодушія державъ, Порта, конечно, проявить уступчивость, и дѣло уладится.

Британская абиссинская миссія, о которой недавно говорилось въ *Ивнѣ* (№ 10), вернулась. При обсужденіи бюджета въ палатѣ общины, правительство заявило 13-го іюня, что миссія преслѣдовала особую цѣль — регулированіе границы между Абиссиніей и британскими владѣніями въ землѣ со-

маліевъ. Затѣмъ правительственный ораторъ, отказываясь дать какиъ-либо свѣдѣнія о результатахъ, сообщая, что миссія дѣйствовала безуспѣшно, и что Англія, стремясь къ всестороннему развитію сомаліевъ, не имѣетъ интереса покушаться на независимость Абиссиніи. По извѣстіямъ, однако, *Journal des Debats*, упоминаемъ не удалось убѣдить негуса Менелика отказаться отъ приобритенія земель, на которыя Англія имѣетъ, будто бы, „законныя права“. Во время переговоровъ негусъ указалъ англичанамъ на свой циркуляръ 1891 года, а въ этомъ циркулярѣ императоръ Эѳіопіи надѣется, съ Божьею помощію, вернуть своей имперіи прежнія границы, т. е. раздвинуть ихъ до Харгума и до озера Викторія-Ніаца. Одновременно съ этимъ, опасаясь главнымъ образомъ перехода Эритрея въ руки англичанъ, негусъ сталъ требовать отъ Италіи, чтобы въ текстѣ окончательнаго мирнаго договора, редактируемаго теперь въ Аддис-Абебѣ маіоромъ Нераццини, непременно была включена статья, въ силу которой сопредѣльная съ Абиссиніей территория можетъ быть уступлена Италіей только негусу — и никому другому. Бюлетень *Agentstva Gаваса* свѣдѣніями изъ Джибути подтвердилъ недавно слухи о не исполнѣніи благоприятныхъ результатахъ британской миссії. Предавая забвенію все прошлое, негусъ Менеликъ выразилъ готовность возобновить съ Англіей дружественныя отношенія, но вопросъ о разграниченіи считается весьма сложнымъ. Всѣ прежніе трактаты, по рѣшительному заявленію негуса, для него никакого значенія не имѣютъ послѣ договора съ Италіей. Во избѣжаніе, однако, странныхъ сдѣлокъ въ будущемъ, императоръ Эѳіопіи желаетъ, чтобы въ заключеніи договора о разграниченіи приняли участіе не только Англія, Франція и Италія, какъ сосѣди Абиссиніи, но также Германія и Россія, потому что дѣло идетъ объ установленіи границы между Суданомъ, подвластнымъ Египту — части Оттоманской имперіи, а сохраненіе цѣлости послѣдней входитъ въ задачу европейскаго концерта. Вообще, по извѣстіямъ изъ французскихъ источниковъ, негусъ Менеликъ соблюдалъ въ обращеніи съ британской миссіей большую сдержанность, давалъ только уклончивые, но отрицательные отвѣты, и предоставлялъ лишь незначительныя льготы британскимъ торговцамъ, а также разрѣшилъ устроить почтовое сообщеніе между Харраромъ и Зейлоу.

Недѣлю двѣ спустя послѣ увѣдомленія палаты общины о миссії, британское правительство заявило парламенту, что 2-го мая въ Аддис-Абебѣ подписанъ протоколъ негусомъ Менеликомъ и британскими полномоченными Родомъ. По свѣдѣніямъ *Agentstva Gаваса*, Англія признаетъ независимость Эѳіопіи и обѣщаетъ возобновить съ нею торговлю и другія сношенія, какъ подобааетъ „дружественнымъ націямъ“, но, повидимому, негусъ не обязанъ признавать за Англіей права наиболѣе благоприятствуемой націи. По части разграниченія со стороны Харрара и Огадена Англіей приняты условія негуса, которому дано обѣщаніе открыты для абиссинской торговли Зейлу, Берберъ и Бульхаръ. Отъ урегулированія же границы со стороны Нила негусъ отказался, предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій, до разрѣшенія спорнаго вопроса Европой.

Разныя извѣстія.

— По Высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ внесенъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1895 годъ состоянія Оренбургской губерніи. Въ отчетѣ этомъ Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки послѣдовали: 1) по указанію, что штейная реформа значительно повліяла на уменьшеніе народнаго разгала и пьянства; „*Отрадно!*“ и 2) о томъ, что дѣятельности комитетовъ попечительства о народнотрезности благотворно подѣйствовала на народныя массы, причѣмъ ихъ посѣщать устраиваемыя комитетами народныя библиотеки-читальни, чтенія, спектакли и хоровыя пѣнія, народныя чайныя и другія полезныя развлеченія; „*Тщательное явленіе!*“

— 2-го іюля состоялось знаменательное событіе — открытіе новыхъ судебныхъ установленій въ Сибири. Торжественнѣе всего это событіе отпраздновано, конечно, въ Иркутскѣ. Тутъ новыя судебныя установленія открыты были министромъ юстиціи статсъ-секретаремъ Муравьевымъ, въ присутствіи главнаго начальника края генералъ-отъ-инфантеріи Горемыкина, директоровъ перваго и втораго департаментовъ министерства юстиціи, иркутскаго губернатора, представителей всѣхъ вѣдомствъ и многочисленной публики. Торжество открытія началось словомъ архіепископа иркутскаго и нерчинскаго Тихона, послѣ чего преосвященнѣйшимъ Тихономъ, въ сослуженіи съ епископомъ верховенскимъ и киренскимъ Евсевіемъ,

было отслужено молебствіе. Послѣ молебствія были прочтены: г. министромъ юстиціи Высочайшій рескриптъ о судебной реформѣ, а директорамъ департаментовъ — Высочайше утвержденное 13 мая 1896 г. мѣтніе Государственнаго Совѣта и Высочайшіе приказы о вновь назначенныхъ лицахъ судебного вѣдомства округа иркутской судебной палаты. Министръ юстиціи, въ своей рѣчи, указавъ на значеніе судебной реформы для Сибири, высказалъ тѣ ближайшія задачи, которыя лежатъ на новыхъ судебныхъ дѣятеляхъ: мировыхъ судьяхъ, лицахъ прокурорскаго надзора и судебного вѣдомства. Послѣ объявленія министромъ новыхъ учрежденій открытыми, было исполнено народный гимнъ, покрытый единодушнымъ „ура“. Затѣмъ въ присутствіи министра были приведены къ присягѣ нѣкоторые изъ чиновъ судебного вѣдомства, послѣ чего состоялось первая засѣданія общаго собранія департаментовъ иркутской судебной палаты и общаго собранія отдѣльных окружныхъ судовъ. Торжество открытія происходило въ залѣ окружнаго суда въ зданіи судебныхъ установленій. И залъ, и самое зданіе были роскошно декорированы. Въ ознаменованіе событія 2-го іюля, въ одну изъ стѣнъ зала вѣдлана мраморная доска съ надписью: „Повелѣніемъ Императора Николая II иркутскія судебныя установленія открыты 2-го іюля 1897 года министромъ юстиціи статсъ-секретаремъ Муравьевымъ“. О состоявшемся открытіи министромъ

юстиціи послана всеподданнѣйшая телеграмма въ Петергофъ Государю Императору. По окончаніи торжества открытія новыхъ судовъ, по выходѣ изъ зданія судебныхъ установленій, министръ юстиціи былъ встрѣченъ громкими „ура“ многочисленной публики.

Въ Томскѣ новый судъ былъ открытъ также при торжественной обстановкѣ председателемъ окружнаго суда Дюпомъ, въ присутствіи губернатора Ломачевскаго и многочисленнаго общества. Городъ, чествуя этотъ историческій день, украсился флагами, вечеромъ устроена была иллюминація. Настроеніе томичанъ радостное, всѣ благословляютъ Государя, даровавшаго Сибири судъ скорый, правый (милостивый) и всѣмъ равный.

Въ Красноярскѣ открытіе новаго суда состоялось также въ присутствіи многочисленной публики, всѣхъ представителей мѣстныхъ властей и полнаго состава лицъ судебного вѣдомства, назначенныхъ въ Енисейскую губернію.

— Громадное впечатлѣніе производитъ въ Лондонѣ открытіе англичанами въ Египтѣ древняго папируса съ греческимъ текстомъ, въ которомъ излагается ученіе Христа; считаютъ, что папирусъ этотъ относится ко II или III вѣку. Первые ученые и теологи Англіи занялись изученіемъ этого папируса, который будетъ затѣмъ переведенъ и обнародованъ въ милліонахъ экземпляровъ.

Смѣсь.

Крушеніе брига „Вальянтъ“. Жизнь моряка въ открытомъ морѣ обилна драмами. Но и въ ней не часто бывають такіе трагическіе случаи, какъ постигшій недавно французскій бригъ „Вальянтъ“. 15-го апрѣля въ портъ С.-Шерръ, на островѣ Микелонѣ, къ югу отъ Ньюфаундленда, прибыло французское трехмачтовое судно „Викторъ-Евгений“ и привезло съ собою четырехъ людей, найден-

ныхъ въ открытомъ морѣ, въ маленькой лодочкѣ. Разсказъ этихъ людей, потерпѣвшихъ крушеніе, поистинѣ ужасенъ. 1-го апрѣля, часовъ около 11 вечера, „Вальянтъ“ въ темнотѣ наскокѣ на льдины. Ударъ былъ такъ неожиданъ и такъ силенъ, что остановить течъ въ пробитой носовой части не представлялось никакой возможности. Экипажу и пассажирамъ, всего въ количествѣ семиде-

слити человекъ, не оставалось ничего другого, какъ спастись въ двухъ шлюпкахъ и нѣсколькихъ лодочкахъ, привѣшенныхъ къ борту брига. Охваченные паникой, всѣ въ беспорядкѣ бросаются къ лодкамъ, но спускаютъ ихъ на воду неудачно. Это только усиливаетъ еще болѣе панику: люди начинаютъ бросаться прямо въ воду. Тѣмъ временемъ удается благополучно спустить на воду одну шлюпку; въ нее, по разсказу одного изъ спасшихся, Мобэша, сразу набѣло двадцать два человекъ. Самому ему удалось помѣститься въ небольшую лодочку, гдѣ уже было шесть человекъ. Не помня себя отъ страха, несчастные не запаслись ни провизией, ни даже веслами. Черезъ полчаса или три четверти послѣ удара, „Вальян“ пошелъ ко дну. Ужасную ночь предстояло провести Мобэшу и его товарищамъ по несчастью. Море было бурно; ихъ углую ладью захлестывало водой, а выкачивать ее было нечѣмъ; выручили только помѣстившиеся у одного на ногахъ саногги: они послужили черпаками. Безъ веселъ, несчастные были безсиленною игрушкой бушующей стихіи, и не могли даже спасти одного изъ товарищей, встрѣченнаго ими подъ утро; бѣдняга, цѣпляясь за опрокинутую лодку, напрягалъ всѣ усилии, чтобы доплыть до товарищей, но бесполезно, ихъ лодку относило волнами, и они были пассивными свидѣтелями смерти несчастнаго. 15-го числа они повстрѣчали другую лодку съ пятью человекъ; въ томъ числѣ былъ и капитанъ. Послѣдній успѣлъ сообщить имъ, что, покидая бригъ послѣ всѣхъ, онъ не имѣлъ возможности занести провизію; теперь же онъ намѣренъ-де плыть на востокъ, надѣясь тамъ скорѣе встрѣтить помощь и поспѣшить съ нею къ нимъ. Въ этотъ же день одинъ изъ семерыхъ страдалцевъ, не вынесъ утомленія и холода, умеръ. За нимъ послѣдовала другой. А кругомъ—необъятное морское пространство и нигдѣ никакого признака спасенія. Инстинктъ самосохраненія достигъ крайнихъ предѣловъ; отдавшись ему, оставшіеся въ живыхъ, мучимые нестерпимымъ голодомъ, не задумались—страшно сказать—отвѣдать мяса покойнаго товарища. Вскорѣ послѣдовала третья смерть. Умирая отъ жажды, живые окончательно озвѣрѣли; не задумываясь, они вскрыли грудную полость свѣжаго трупа, чтобы въ области сердца найти хоть сколько-нибудь крови и утолить жажду. Но вотъ, еще нѣсколько часовъ, и вдругъ—о, радость!—на горизонтѣ показывается парусъ. Къ счастью, отчаянные призывные знаки и крики не прошли незамѣченными: въ 4½ часа пополудни къ несчастнымъ подошло трехмачтовое судно „Викторъ-Евгеній“ и приняло ихъ на бортъ, по... въ какомъ видѣ! 19-го апрѣля въ гавань Сенъ-Пьерръ пришла другая шхуна, „Амедей“, и привезла еще четырехъ потерѣвшихъ крушеніе. Эти четверо только и спаслись изъ всѣхъ двадцати двухъ человекъ, бывшихъ въ шлюпкѣ. Остальные всѣ погибли, въ теченіе восьмидневнаго плаванія, отъ голода и жажды. Не будь въ шлюпкѣ собаки, которую спасшіеся четверо въ концѣ концовъ зарѣзали и съѣли, не повстрѣчайся имъ льдина, давшая возможность утолить жажду,—и ихъ постигла бы, вѣроятно, та же участь. Разсказы этой партіи спасшихся о гибели „Вальяна“ совершенно аналогичны съ разсказомъ Мобэша и его товарищей. Эти восемь человекъ—потъ все, что избѣжало смерти. А на „Вальянѣ“ было 23 человекъ экипажа и 47 пассажировъ!

Охота на змѣй въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Сѣверной Америкѣ, въ штатѣ Коннектикутъ, въ особенности въ окрестностяхъ тамошняго городка Гамбургъ, процвѣтаетъ довольно оригинальный охотничій промыселъ. Охота ведется на гремучихъ змѣй, съ цѣлью добыванія изъ ихъ яицъ особаго рода масла, которое дорого дѣлится во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Масло это считается тамъ очень дѣйствительнымъ средствомъ противъ ревматизма, и спросъ на него настолько великъ, что унція его продается по 26—30 долларовъ. Вооруженіе охотника, занимающагося змѣинымъ промысломъ, очень несложно; оно состоитъ изъ длинной палки; на концѣ которой прикрѣплено полукруглое, серпообразное острое лезвіе. Будучи потревожена охотникомъ, змѣя обыкновенно, для нападенія, выплываетъ кверху, а этимъ-то мгновеніемъ охотникъ и пользуется: быстрымъ движеніемъ серпа онъ отсѣкаетъ ей голову. Убивъ змѣю, охотникъ, если она окажется съ льдами, вынимаетъ ихъ и варитъ нѣкоторое время въ кипяткѣ. На поверхности воды появляется при этомъ маслянистая масса; ее осторожно снимаютъ и перегоняютъ въ ретортѣ, чтобы устранить малѣйшую примѣсь воды; профильтрованное затѣмъ масло разливается по силликамъ и рассылается по всѣмъ краямъ. По вышнему виду оно очень похоже на вазелинъ. Если нимъ, въ чистомъ видѣ, ничѣмъ не разбавляя, помазать тѣло, то происходитъ болѣзненное вснасленіе; поэтому-то оно и употребляется всегда въ смѣси съ другими смягчающими маслами. Такъ какъ спросъ на змѣиное масло очень великъ, то количество гремучихъ змѣй въ Коннектикутѣ въ послѣднее время сильно уменьши-

лось, и охотники ужъ начинаютъ выискивать другія, болѣе прибыльные мѣста.

Вліяніе телефонныхъ проводовъ на силу грозы. За границей, гдѣ телефонное сообщеніе развито гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, уже давно задался вопросомъ, имѣетъ ли съ телефонныхъ проводовъ какое-либо вліяніе на грозу, и если имѣетъ, то какое именно. По первоначальнымъ наблюденіямъ въ городахъ, имѣющихъ телефонную сеть, и въ мѣстечкахъ, гдѣ телефоновъ нѣтъ, выяснилось, что телефонная сеть значительно смягчаетъ силу дѣйствія грозы и гарантируетъ отъ катастрофъ, причиняемыхъ молніею. Чтобы окончательно пробѣдить справедливость такого утвержденія, въ Германіи была сформирована спеціальная ученая коммиссія съ задачею—изслѣдовать, какое дѣйствіе на атмосферное электричество производятъ подземные электрическіе провода. Наблюденія этой коммиссіи, производившіяся въ 340 городахъ съ телефоннымъ сообщеніемъ и въ 560 мѣстечкахъ безъ телефоновъ, привели къ тому заключенію, что опасность отъ грозы въ первой категоріи мѣстностей относится къ опасности во второй, какъ 10 къ 46. Такимъ образомъ, теперь точно установлено, что телефонная сеть служитъ довольно вѣрнымъ средствомъ противъ опасностей отъ грозы.

Сахаръ пыльный и колотый. Многія хозяйки держатся, какъ извѣстно, того мнѣнія, что сахаръ, продаваемый въ пыльномъ на мелкіе куски видѣ, менѣе сладокъ, чѣмъ колотый, а сахарная пудра, получаемая при распыливаніи, бываетъ перѣдко почти совсѣмъ не сладка. Оказывается, что мнѣніе это основано не на одномъ предубѣжденіи, а имѣетъ точно теперь опредѣленное научное основаніе. Одинъ изъ французскихъ научныхъ журналовъ приводитъ слѣдующія данныя въ подтвержденіе этого мнѣнія: при распыленіи сахара, части его, прилегающія къ пылю, отъ быстрыхъ движеній послѣдней сильно нагреваются и вслѣдствіе этого превращаются въ глюкозу; послѣдняя же, будучи въ подлота разаваній сахаръ, конечно, отнимаетъ отъ него извѣстный процентъ сладости.

Иллюминація лондонскаго собора св. Павла, устроенная по случаю торжественнаго юбилея королевы Викторіи, обошлась въ очень значительную сумму. Продолжалась она шесть часовъ, и расходъ, потребовавшійся на такое непродолжительное время электрической энергии, стоялъ не дорого—рублей около полутора. Зато гораздо дороже обошлись приспособленія, въ видѣ лампочекъ, проводовъ и т. п.; къ этому слѣдуетъ еще прибавить большіе расходы на рабочихъ, устранившихъ иллюминацію. Въ общемъ, весь расходъ по освѣщенію одного собора электричествомъ достигъ 1,400 фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 13,000 рублей. Такъ какъ иллюминація продолжалась всего шесть часовъ, т. е. 360 минутъ, то каждая минута горѣнія обошлась, такимъ образомъ, почти въ 40 рублей. Англійскія газеты отмѣчаютъ, что такой дорогой иллюминаціи еще нигдѣ не бывало.

Электро-техническая промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ. Общій капиталъ, вложенный въ электро-техническую промышленность Соединенныхъ Штатовъ, превышаетъ, по послѣднимъ исчисленіямъ, 4,000 милліоновъ рублей. Изъ этой суммы 1,400 милліоновъ приходится на долю электрическихъ желѣзныхъ дорогъ; количество электровозовъ на нихъ выражается цифрою 25,000, а протяженіе ихъ линий—18,000 километровъ. Вообще, изъ всего числа городскихъ и подземныхъ желѣзныхъ путей сообщенія (за исключеніемъ, разумѣется, желѣзныхъ дорогъ, идущихъ на далека разстоянія), на долю электрическихъ дорогъ приходится 90 процентовъ. Весь капиталъ, вложенный въ дѣло электрическаго освѣщенія, производствъ двигательной силы и электрическихъ дорогъ простирается до 3,000 милліоновъ рубль; въ эту сумму не входятъ, однако, расходы на устройство и содержаніе фабрикъ для приготовленія всякаго рода принадлежностей электротехники. Итакъ, если принять вышеприведенную цифру 3,000,000,000 принадлежащую только на освѣщеніе, двигательную силу и дороги, то ясно, что общій цифра 4,000 милліоновъ отнюдь не преувеличена, такъ какъ несмѣтная масса телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, пересѣкающихъ страну во всѣмъ направленіямъ, стоитъ, конечно, не менѣе 1,000 милліоновъ.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути въ счастье. Романъ въ двухъ частяхъ Все М. Немиро-вича-Данченко. (Продолженіе).—Сланиномъ поздно. Разсказъ Савьятора де-Дми-ново.—Чѣмъ зачинаются животныя отъ своихъ враговъ? Очеркъ В. Иверсена.— Стихотвореніе Ал. Будицова.—Къ рисункамъ: На Нубани—Малороссійская свадьба.—Лѣтняя ночь на Рафсундѣ.—Пчелодѣль, нападающій на шиповникъ.—Поджигатель.—Томоженный дозоръ съ помощью рентгеновскихъ лучей (съ 2 рис.).—М. И. Стуконенковъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Газетныя извѣстія.—Смѣсь.—Тиражъ погашеннаго билетова 1-го внутренняго съ выигрышами займа 1884 г.—Объявленія.

1 внутр. съ выигр. заемъ 1864 г.

65 тиражъ 1-го июля 1897 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 1 внутренняго съ выигрышами займа 1864 г.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

41	751	1824	2703	3301	4515	5558	7095	8888	9715	11200	11888	12744	14407	15328	16128	17285	18308	19771
68	798	1856	2735	3561	4556	5620	7161	9090	9819	11204	11976	12875	14447	15447	16173	17300	18387	19819
106	831	1917	2750	3845	4756	5682	7546	9217	9913	11222	11998	12900	14463	15466	16311	17378	18705	
129	911	1967	2790	3951	4801	5849	8009	9231	9993	11250	12113	12912	14507	15491	16315	17495	18558	
344	953	2260	2812	3971	4815	5952	8024	9308	10217	11392	12115	13017	14512	15581	16422	17594	18900	
374	1105	2262	2807	3978	4908	6075	8154	9339	10237	11396	12229	13204	14539	15688	16489	17752	18980	
392	1271	2206	2929	4009	5110	6157	8455	9542	10345	11597	12369	13374	14764	15851	16760	17801	19233	
417	1404	2351	3014	4074	5323	6290	8457	9544	10386	11622	12329	13379	14895	15955	16848	17811	19391	
452	1520	2493	3093	4077	5355	6545	8614	9560	10416	11667	12353	13392	14942	15958	16875	17890	19540	
524	1561	2513	3142	4188	5366	6667	8651	9569	10895	11734	12403	14083	15082	15977	17058	18108	19541	
618	1665	2684	3195	4450	5465	6694	8733	9579	10988	11868	12469	14288	15303	16029	17203	18201	19607	
741	1897	2700	3285	4464	5494	6737	8799	9654	11033	11875	12632	14304	15313	16114	17311	18220	19732	

Всего 218 серій, составляющихъ 10,900 билетовъ, на суммѣ 1.417,000 рублей.

Лѣчебница д-ра Эммериха

для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-14
Проспекты бесплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнница въ Берлинѣ. Звѣздн. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

ЛУЧШЕЕ МАСЛО ЕЖЕДНЕВНО ДАРОМЪ!

Даютъ въ 10—15 мин. отъ утренняго кофейнаго молока скопившихся сливокъ или сметаны, патентованная масляюкка „**Р. ФОНЪ ГИНЕР-СДОРФЪ ПРЕМИУМЪ**“ Руб. 50.— Совершенство въ годъ въ самомъ маленькомъ семействѣ доказано и признано первою клас. знатоками.
Цѣна: 2.50, 4.25, 7.83, 9.65, 13.50, 19.50, 36.— руб
ва 1 2 3 5 10 20 30 литръ.
Торговцамъ обычная скидка. Патентъ утвержденъ Правительствомъ.
ВСѢ МАСЛЯЮККИ БЕЗЪ МЕТАЛЛА. Клейма моей фирмы ПОДЪБЛИКИ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
ГЕНРИ КОХЪ, МОСКВА, ТВЕРСКАЯ УЛ. Д. МАТТЕЙСЕНЪ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOUZE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (99)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерскихъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

О С О Б О

УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩЕЕСЯ ПРОЧНОСТЮ
ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ
БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА
только въ специальномъ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ.** Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго.

Срученные въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. При выпискѣ необходимо: задатокъ, мѣра пояса и длины. Менше 3-хъ не высылается.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР. № 21.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
СРЕДСТВО ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ И ПЯСНОТЫ ВѢКЪ.
Глицериновое молоко. Вода дѣ лись и Ирисовое молоко. де Нионъ для ножи.

МАГАЗИНЫ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
НОВОНЕВСКІЙ ПР. УГОЛЪ КАЛАСКОЙ УЛ. Д. № 24-25.
НЕВСКИЙ ПР. № 32. * НЕВСКИЙ ПР. № 66.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ законно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиноса. За двѣ 7 коп. марки высылка условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Ковидарскъ. № 10263 10-4

Новый прейскурантъ иллюстрированъ за 1897 г. Оружейнаго Склада, вождь фирмой: „Центральное депо оружія“ Б. Коммунальная, 29. Эд. Веннагъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высылка бесплатно. Много новостей.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р. иллюстр. прейск. нр. **БЕЗПЛАТНО.**
М. М. ХАЗАНОВЪ.
Варшава, Электр., 17.

ПРОДАЕТСЯ **ВЕЗДѢ Д. СТОЛКИНДА**
ДѢТСКОЕ МЫЛО
НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
МОСКВА, ЦЕННА, к. 50, к. 30.
Складъ: АЛЕКСАНДРЪ ТРОФИМЪ Д. СТОЛКИНДА

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройствъ и перестройки **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Umland, Leipzig.
Испытанные аппараты. Пр-кур. бесплатно.

МАССА БЛАГОДАРН. ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **КРОЙКИ И ШИТЬЯ** ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ПОЛН. ЗАМѢНЯЮЩ. УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ПО НОВѢЙШЕМУ ЛЕГЧАШЕМУ МЕТОДУ. ПО ОКОНЧАНІИ КУРСА СВИДѢТЕЛЬСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА ШИТЬЯ И КРОЯ
Е. Д. АШМАРИНА.
УСЛОВІЯ ПРОБН. ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО.
ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСЛѢХЪ * КІЕВЪ * БЕЗПЛАТНО.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.
Самые красивыя и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющіе свой видъ ни отъ погнѣнія, ни отъ смрой погоды.
Фляконъ 60 к. и 1 р., съ пересылкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10331
Складъ техно-химическихъ специальностей **ГЕБГАРДА**, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES DOCTEUR PIERRE
МАРКА ФАБРИКА
ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.
А. № 9861

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбурзь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНУЮ И КРАСНУЮ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЮ.

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дороже.
 Отъ 7 руб. съ механизмомъ для струнъ. Школа-самоучитель 1, 1½ и 3 руб.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ,
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, 34.
 Москва, Кузнецкій м. д. Захарына.

Международная
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНѢ, ВЪ 1897 Г.
 съ 1-го мая по 30-е сентября.
 В. № 102723 -- 3

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

Цезарь и Минка. Заводъ и продажа породистыхъ собакъ, въ Цанѣ (Пруссія). Удостоены золотыхъ и серебряныхъ медалей.
Чистокровнѣйшія собаки всевозможныхъ породъ (сторожевыя, охотничьи, комнатныя и пр.) отъ громадныхъ ульскихъ договъ до самыхъ маленькихъ болоннокъ.
 Къ предстоящему охотничьему сезону всевозможныя охотничьи собаки (лягавы, борзая, таксы и др.), молодыя и дрессированныя. Испитанія, по желанію, могутъ быть устроены на нашемъ собственномъ участкѣ для охоты. Постоянная выставка собакъ въ Цанѣ, на вокзалѣ. Пересылка во все части свѣта.

НОВОСТЬ!
 Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаетесь письменно: Банкирскаго дома Генриха Блонна. С.-Петербургъ, Пискаревскій, 59.

БѢЛЫЕ МОНОПОЛЬ
 ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
 Ворота. 45 к. Манжки 85 к. дож. Машины 90 к. дож. паръ.
 Прейсъ-курантъ бесплатно.
Г. ПЕТО С.-Петербургъ, Нарвская ул., 18.

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 ВЪДОМЪЛЕНАЯ
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 ДЛЯ РАССКАКАНА ЗУБОВЪ
 ПУСЕТЪ ПОСВѢТЛЕНІЮ РЪДЪ
 С ПЕТЕРБУРГА

К. Шликэйзенъ,
 Берлинъ SO.
 машино-строители, заводъ для кирпичи., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (61)
 Дать: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клееныхъ, миловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

Высоч. Уг. Т. 11
ЭЙНЕМЪ въ Москвѣ.
 Собств. Паров. фабрика въ Симферополѣ (въ Крымѣ)
ПЮРЕТОМАТЬ.
 ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **Компотъ.**

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ!!!
СМѢХЪ И ЗАБАВА
 для всякаго возраста.
 Самодѣйствующій кинематографъ — живая фотография
 фигури вращаются какъ живыя.
 I. Супруги (Медовый мѣсяцъ). II. На трапеціи. III. Танцовщица. IV. Наконецъ одинъ (Нѣжный поцѣлуй). V. Драма. VI. Фокусникъ.
 Цѣна 30 коп. экзemplаръ.
 Оптовое-розничная продажа
 I. № 10310 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** 4-3
„САВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“,
 13, Большая Коммунальная, С.ПБ.
 Всѣ 6 виз. виѣсть высылаются по почтѣ, по прислать 1 р. 50 к.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К.И.ФРЕЛАНДТЪ
 С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
 №27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ПАМЯТЬ
 лица каж. возр. укрѣпляетъ лично и заочно профессоръ немецкии С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственный домъ, № 28.
 Условія и брош. (въ 33 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10269 10-6

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.
 Графа Е. А. Саласа.
 Историческій романъ времени востановленія на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. С.ПБ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коллѣктор. перепл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

МЫЛО
ЧИСТОТЪЛЬ
 Чистодонъ. молюс
Н. ЯКОВЛЕВА
 въ Москвѣ.
 Для смачиванія кожи рукъ и лица, а также противъ неснушекъ и загара. Ц. 40 к. кув.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ керемизующимися лезвиями всемірно-извѣстныя своимъ качествомъ и рекомъ, какъ наилучшія благодат. и наивыгодн. бритвы. Тислени благодарности. Полная гарантія за достоинство. Обращайте вниманіе на клеймо: А. Arbenz. Joume, France. Прод. въ лучш. магаз.

КРАСИВО изучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалей. № 10230 6-5
 За 2 семиклѣбныя марки высылаются пробное письмо и условія, а на 4 семиклѣбныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныхъ условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербясовская, д. № 19.

XXVIII г.

№ 29

Выходитъ еженедѣльно .52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдана 19 июля 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за июль 1897 г.

Третьяковская галерея. Политики. Съ карт. В. Е. Мановскаго грав. И. Павловъ.

На пути къ счастью.
Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

IX.

Мать Александра изъ церкви пришла усталая.

— Никогда еще чаю такъ не хотѣла, — жаловалась она, — должно быть старѣю. Ноги болѣть начали. Кажется, велика ли служба, а такъ заночуютъ, хоть кричи.

Она тяжело опустилась въ кресло.

— Игуменья, какіе годы, а посмотрите...

— Вонъ она по двору идетъ.

— Опять вѣрно на кладбище... Что-то она въ послѣдніе мѣсяцы часто туда заглядываетъ. Не нравится мнѣ это. Только сама себя разстраиваетъ. Сядетъ около Варлаамовой могилы и молчитъ. Спросишь ее — точно сверху упала. Оглянется съ удивленіемъ, а потомъ: „хорошо лежать тутъ, и не сыро, и тихо, и птицы поютъ“...

Мать Клеопатра дѣйствительно пошла было туда. И Еликониду прогнала.

— Не нужна ты мнѣ, я пойду съ друзьями бесѣдовать. Они тебѣ не интересны — въ землѣ лежать.

Но на этотъ разъ, только что она усѣлась подъ большимъ каштаномъ, пристально взглядываясь во что-то одной ей видимое сквозь прозрачныя лазоревыя сумерки, какъ та же Еликонида, встревоженная и блѣдная, окликнула ее.

— Чего тебѣ?

— Къ вамъ, матушка, прѣхали.

— Кто?

— Становой... Петръ Өомичъ.

— Чего ему, козлу, надо.

Мать Клеопатра не любила его за легкость права. „У самого дѣти, а онъ ни одной дѣвицы пропустить не можетъ, спрашиваетъ: бывають ли у васъ сонныя мечтанія и по какому предмету, съ усами или безъ усовъ? Ужь я его шпыняла-шпыняла, а онъ одно: виновать, матушка, дѣйствительно, что мы всѣ во грѣхахъ рождаемся, иначе бы и Христа жида не распяли. Поди, толкуй съ нимъ“...

Она встала и пошла къ себѣ.

Въ приемной комнатѣ, на столѣ, Еликонида ужъ поставила и зажгла свѣчи.

— Вели намъ чаю подать! — распорядилась игуменя.—Тебѣ, грѣшнику, съ ромомъ?

— Отъ насморка хорошо, святая мать.

— Зачѣмъ пожаловаль?

— Маленькое касательство. Сейчасъ у меня Копровы...

Отецъ и сынъ—Духа-то Святаго у нихъ у обоихъ нѣтъ...

— Не кошунствуй, свинопасъ.

— Простите, святая мать. Привыкъ съ подлецами разговаривать.

— Ну, въ чемъ твое дѣло?

— Формальное заявленіе мнѣ подали: сбѣжала-де отъ нихъ супруга Алексѣя Моисеевича—Елена, а куда—неизвѣстно. Коли бы простой обыватель—я бы подъ сукно, а вѣдь Копровыхъ-то сами вы знаете.

— А мнѣ какое до этого...

— Позвольте-съ. Я самъ былъ офицеръ и деликатные вопросы хорошо понимаю. Есть-съ обстоятельства, и есть случаи. Въ случаяхъ мы дѣйствуемъ законнымъ порядкомъ—цапъ за шиворотъ и водворий на мѣсто жительства. Но въ „обстоятельствахъ“ политика нужна. Деликатное обращеніе. У насъ, въ кавалеріи—образованные люди были, мы не можемъ благородную даму полицейскими способами нарушать. Уставъ о пресѣченіи всѣхъ сословій касается—это дѣйствительно, но въ примѣненіи существуетъ разница. Не могу я Елену Борисовну взять, да съ сотскимъ къ супругу для исполненія брачныхъ обязанностей направить. Они завтра помирятся, докажетъ она ему свою любовь...

— Фу, ты!..

— Позвольте, святая мать, я не выхожу изъ предѣловъ законнаго термина. А потомъ мнѣ же beneficy. Убирайся-ко, Петръ Өомичъ, на всѣ четыре стороны, за невѣжество... Такъ и я. Копровы въ своемъ заявленіи пишутъ: дошли до насъ слухи, что она Елена скрывается въ Рождественской обители.

— И вовсе не скрывается. А пріѣхала на богомолье и гостить у своей тетки.

— Матери Александры? Знаю. Достояная особа, съ генералами знакома. Поклониться святынямъ законъ не запрещаетъ, даже въ государственныхъ цѣляхъ поощряетъ, ибо на семь строится духовно-нравственный порядокъ. Столь же заслуживаетъ уваженія и родственная любовь. Такъ мы и отпишемъ господамъ Копровымъ... Мнѣ бы надо было только заявленіе отъ самой отвѣтчицы.

— Какой отвѣтчицы?

— Елены Борисовны.

— Такъ бы и говорилъ. А то путаетъ-путаетъ, плететь-плететь.

— Вы, святая мать, въ сторонѣ отъ теченій живете. Вамъ неизвѣстно-съ, что нынче по всякому пустому предмету мотивировка требуется. Достоинство человѣческое и національная гордость того требуютъ.

— Еликонида... Попроси сюда Елену.

— Слушаю...

„Ну, заварили кашу, не мнѣ бы ее только расхлебать!“—бѣжала Еликонида въ домикъ къ матери Александры, вся блѣдная и дрожа сама не зная отчего.

Когда Елена Борисовна вошла въ приемную къ игуменьѣ, Петръ Өомичъ, стоя передъ столомъ со стаканомъ чаю въ рукахъ, разсуждалъ:

— Позвольте васъ спросить, чѣмъ беретъ столичный чиновникъ? Почему исправникомъ назначенъ не я—офицеръ и Государю Императору моему штабсъ-ротмистръ,—и онъ щелкнулъ шпорами,—а петербургская глиста, безъ году недѣлю въ губернаторской канцеляріи прослужившая?.. Виновать, сударыня!—онъ бросился со всѣхъ ногъ, подкатилъ къ столу широкое, черною клеенкою обитое кресло.

— Мать Клеопатра, вы меня звали?

— Не я, не я... Вотъ ему ты понадобилась.

— Собственно на минутку и по тонкому предмету: супружескую претензію объявить.

— Что вамъ угодно?

— Бумажка ко мнѣ поступила. Насчетъ утраты... Вотъ не угодно ли прочесть и дать отзывъ.

Онъ подаль ей изъ портфеля вчетверо сложенный листъ.

— Только повѣрьте, по долгу благороднаго человѣка и образованнаго офицера я гнушаюсь, но что дѣлать: полицейская служба, какъ роза. Она пріятна, но имѣетъ свои шипы...

Та прочла и усмѣхнулась, даже повторила вслухъ: „въ бѣгахъ пребывающая“...

— Это все старикъ, Моисей Лукичъ. Я здѣсь у тетки.

— Можете опредѣлить, когда ждать васъ подъ супружескій кровъ? Хотя бы предположительно. Думаю-де, а впрочемъ...

— Никогда!

— Чего-съ?

— Никогда. Я не намѣрена вернуться.

— Виновать. Я восхищенъ вашею неумолимостью. Смотрю и вспоминаю, какъ меня въ кадетскомъ корпусѣ за Семирамиду отпорол. Но въ Россійской Имперіи, на основаніи пятнадцати томовъ свода законовъ управляемой, о брачномъ союзѣ выражено весьма ясно...

— Простите меня, я васъ прерву. Вы сообщите Копровымъ мой отвѣтъ, и только.

— Именно-съ. Но, какъ дамскій кавалеръ, я долженъ предупредить васъ о могущихъ быть неприятностяхъ.

— Я съ ними справлюсь сама. И тетя сегодня будетъ писать губернатору.

— Это другой оборотъ, и передъ нимъ я преклоняюсь. Но въ исторіи бывали примѣры-съ... хотя бы Жанна д'Аркъ. Отечество спасла, а все-таки—положимъ, англичане извѣстные подлецы, но они ее сожгли законнымъ порядкомъ. Я это къ тому веду, желая быть вамъ полезнымъ и пріятнымъ (и онъ щелкнулъ шпорами), что не лучше ли прибѣгнуть къ наклоненію неопредѣленному?

— Я васъ не понимаю?

— Видите ли—позвольте мнѣ за васъ отписать такъ: Елена Борисовна дѣйствительно находится въ Рождественской обители на богомольѣ, гдѣ пребываетъ у своей тетки, матери Александры, на изживеніи. Пріѣхавъ сюда по обѣту, она хотѣла вернуться на мѣсто жительства немедленно, но была задержана внезапною болѣзью. Видя въ семь перстъ Провидѣнія, она никакъ не можетъ заранѣе опредѣлить день отбытія, въ чемъ и подишуется. Хорошо?

— Нѣтъ, Петръ Өомичъ, бросимъ эти комедіи. Онѣ недостойны меня.

— Слушаю-съ.

— Отвѣчайте, что вы мнѣ это объявили, а я вамъ рѣшительно сообщила: къ мужу моему, Алексѣю Моисеевичу Копрову, никогда не вернусь...

— А если онъ обратится къ закону?

— Какъ сумѣю, буду защищаться.

— Нилъ и Семирамида! Дозвольте поцѣловать ручку. Этакого сокровища сохранить не умѣли! Да будь я на мѣстѣ его превосходительства—уложилъ бы васъ въ слоновой кости шкатулку, покрылъ розовою ваткою, и пребывали бы вы у меня въ теплѣ, духахъ и холѣ... По долгу службы я общаю отписать, какъ вамъ угодно было объяснить, но тутъ,—дотронулся онъ до груди,—повѣрьте, никогда не угаснетъ удивленіе и преданность... Мать Клеопатра, пріютите меня до завтра... Некуда дѣваться... И прикажите накормить гладнаго...

— Только смотри, козель, чтобы я жалобъ на тебя отъ бѣлицъ не слышала.

— Охота вамъ обращать вниманіе. Онѣ, святая мать, только потому и жалуются, что имъ пріятно.

Когда Елена пошла къ себѣ, ее догналъ Петръ Омичъ.

— Если вамъ нужно будетъ содѣйствіе благороднаго человѣка въ предѣлахъ законной безнаказанности,—я къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ.

— И тетюшку попросите: когда будетъ писать къ его превосходительству господину начальнику губерніи, пусть удостоитъ упомянуть, что я деликатныя порученія исполняю всегда, не оскорбляя тонкаго чувства, безъ упущенія, но со всевозможною почтительною осторожностью.

— Хорошо... Я рада даже, что судьба мнѣ позволила видѣть васъ сегодня же. Вы были у Николая Львовича? Становой захохоталъ.

— Да, вашъ тестюшка сыгралъ дурака. Но и господина Семигорова за выборъ его одобрить невозможно. Можно сказать для журнала „Стрекозы“—игра природы.

— Почему?

— Потому что мы его застали... Объ имени молчу, но предметъ поистинѣ зависти не возбуждающій.

— Знаю, знаю. Это ошибка.

— Какъ ошибка? Собственными глазами всѣ видѣли.

— И все-таки ошибка.

— Позвольте, бываютъ иллюзіи, но онѣ больше за круглыми столами у спиритовъ...

— Нѣтъ. У Николая Львовича сидѣла другая. А Софья Владиміровна пришла передъ самымъ вашимъ появленіемъ. Та, *главная*, убѣжала, а Агушева осталась.

— Ну, это!.. Развѣ только что въ водевиляхъ съ переодѣваніями: „Бѣда отъ пѣжнаго сердца“ или „Катя изъ Тамбова“. Кто же-съ по-вашему?

Елена Борисовна сильно покраснѣла.

— Я понимаю, что вы желаете покрыть г-жу Агушеву—и я ни слова-съ. Даже, мадамъ, о Семигоровѣ молчу, ибо говорится, что у всякаго барона своя фантазія... Притомъ же любовь зажигаетъ сердца даже и у особъ, природою къ этому не подготовленныхъ.

— У Николая Львовича Семигорова была я!—твердо проговорила Копрова.

— Чего-съ?—ушамъ не повѣрилъ становой.

— Повторяю вамъ,—у него была я, а не Агушева.

И пошла впередъ. Петръ Омичъ такъ и остался на монастырскомъ дворѣ.

— Нѣтъ-съ, какова „Жирофле-Жирофля“!—воскликнулъ онъ наконецъ, обрѣвъ даръ слова и невѣдомо къ кому обращаясь.

X.

Дома Елена Борисовна прошла прямо къ себѣ и заперлась.

— Что ты?—постучалась къ ней мать Александра.

— Простите, тетя... у меня голова болитъ... До завтра.

— Ну, Богъ съ тобой. Пусть Онъ тебя наставитъ и умудритъ...

У Копровой дѣйствительно начиналась мигрень. Еле-

на прилегла не раздѣваясь. Хоть на полчаса заснуть—прошло бы. Но мысли за мыслями такъ и роились въ головѣ, не давая забыться. Что предпринять? Вернуться къ мужу—нечего и думать. Она хорошо знала теста. Съ нимъ никакія человѣческія отношенія невозможны, а у Алексѣя Моисеевича не хватить мужества отстоять ее или уйти и создать другую жизнь. Да она и ненавидитъ ихъ всѣхъ. То, что еще недавно примирило бы ее съ своимъ положеніемъ—спокойный уголокъ, сравнительная бѣдность, но безъ этой вѣчной злости и придирокъ подлаго старика, право быть самой собой, не справляясь, какъ отнесется къ этому мстительный тесть—теперь отошло назадъ. Мужъ ея самъ упустилъ это—его вина. Измученная и оскорбленная до сокровенныхъ уголковъ чуткаго сердца, она должна уйти, чтобы спасти душу, иначе притупишься, изолжешься, изгадишься до послѣдней степени. Такою же стала бы, какъ и все окружающее Моисея Лукича, какъ служащіе у него подобострастные воры, какъ безмолвный и втайнѣ ненавидящій его сынъ. Противъ этого подымалось и ея достоинство, и прошлое семьи, въ которой она росла, и вѣра, на зло всему уцѣлѣвшая въ ней, и совѣсть. Она должна уйти, потому что, согласись мужъ на то, что такъ давно и неотступно она отъ него требовала—она уже не любить его и не будетъ притворяться. Прежде долгъ убилъ бы въ ней нарождающееся чувство къ другому, теперь оно слишкомъ ее захватило. И нужно отдать имъ справедливость, этимъ окружающимъ ее людямъ—они съ своей стороны сдѣлали все, чтобы отнять у нея всякое желаніе сопротивляться ему, бороться съ нимъ. Они сами толкали ее на этотъ путь и отрѣзывали всѣ остальные. Она какъ раненая билась, чуть не кричала отъ нравственной боли, бросалась во всѣ стороны... Теперь ей дорога ей ясна, и она смѣло пойдетъ по ней къ доступному ей счастью, счастью во что бы то ни стало, счастью, на которое всякое дыханіе имѣетъ право. Ее ничто и никто не остановитъ. Позади нѣтъ ни одного просвѣта, ничего что бы могло заставить ее пожертвовать собою, будущимъ, чувствомъ, страстью. Никакихъ зацѣпокъ. Тамъ все отвратительно, живо. Мертвецы истлѣвшіе, живому народу тамъ нѣтъ мѣста, къ нимъ нѣтъ возврата. Она подождетъ—пусть Николай Львовичъ добьется ихъ счастья правильнымъ путемъ. Не удастся ему—свѣтъ великъ и путей на немъ много. Они вдвоемъ уйдутъ куда-нибудь, гдѣ ихъ не знаютъ. Лишь бы въ душѣ былъ миръ и покой, а остальное не страшно. Разумѣется, придется поступиться самолюбіемъ, связями, родными. Отъ нея отвернется та же мать Александра. Но вѣдь за счастье нужна плата—даромъ оно не дается никому. Да, наконецъ, мало мѣста на землѣ? Въ Италіи гдѣ-то до сихъ поръ живетъ ея подруга, убѣжавшая съ любимымъ человѣкомъ. То же загнали ее и затравили какъ звѣря въ лѣсной трущобѣ, ну очертя голову и кинулась въ то, что и ей казалось пропастью. А теперь оправилась. Ей хорошо—нашла „свою судьбу“, какъ говоритъ народъ. Безвольное, жалкое, изъ-за чужихъ рукъ глядящее—позади оставила. Забыла и насильниковъ и палачей, крѣпкихъ только общею слабостью. И умно сдѣлала. Живешь разъ и, разумѣется, не для вѣчной муки и нестерпимыхъ униженій. Съ мукою бы еще помириться можно, а вотъ съ униженіями дѣло другое. Душу жалко—ее подъ свинные клыки не швырнешь!..

Она встала съ постели и подошла къ окну, держась за правый високъ. Тамъ нылъ и болѣлъ маленький кусочекъ. Будто вбили гвоздь и вокругъ мозжить все. Сквозь листья и цвѣты олеандра, стоявшаго въ комнатѣ, виденъ былъ за стеклами дворъ, едва облитый тусклымъ свѣтомъ. Луна точно затянулась кисеей—тонкимъ слоемъ бѣлесыхъ облаковъ. Что-то загробное, призрачное было въ этомъ. Ничего опредѣленнаго, яр-

Салонъ Елисейскихъ полей 1897 года. Битва у Рокруа (1643 г.). Съ карт. Л. Руайе грав. Бодъ. Библиотека "Руниверс"

Веселая минута. Съ карт. А. Ржевской грав. Ю. Мульгановскій.

каго—все едва-едва намѣчивалось, сплывалось. Тьма не такъ безнадежна и печальна! Кошка крадется какъ будто чья-то тѣнь влачится по землѣ. Безшумно качаются верхушки тонкихъ, сквозныхъ тополей, и ихъ не разберешь—дѣйствительность или миражъ. Вотъ вотъ исчезнуть—и кругомъ будетъ мѣртвый пустырь, и только. Какая-то птица пролетѣла, а можетъ-быть и ея не было... Сонъ природы, какъ онъ теперь похожъ на умираніе, долгую, томительную, педвижную агонію. Держится ли жизнь или уже вся испарилась въ ея безчисленныя поры—и на лицѣ застыло выраженіе покорной, бездѣйствующей, сознававшей свою собственную слабость тоски... И вверху было то же... Кисея тонкихъ облаковъ густѣла, въ ихъ молочной бѣлизнѣ умирали и растворялись кончающаяся луна...

Нѣтъ, эта природа ничего не могла подсказать ея душѣ.

Елена Борисовна отошла. Миндальный запахъ олеандровыхъ цвѣтовъ сильно напоялъ комнату, онъ даже одурялъ немного — и можетъ-быть потому Копрова начала успокиваться. Медленнѣе вращались мысли въ головѣ, точно и въ ней были тѣ же потемки, мысли слышались, спутывались и падали сонныя и обезсиленные. Еще открытые глаза—видѣли чуть мигающій за розовымъ стекломъ огонекъ лампы, пугливо жмурившейся передъ строгимъ взглядомъ угодника, изображеннаго на старой иконѣ. По спальнѣ ходили странныя тѣни. Вспыхивала лампадка — онѣ тянулись въ углы, подъ столъ, подъ кровать, за цвѣты, за занавѣски. Припадало пламя къ поплаву, и медленно онѣ выползали назадъ, захватывая все кругомъ и даже по стѣнамъ подымались къ образу, колебались около, заглядывая, кто это смотритъ на нихъ изъ потемокъ...

Рѣшиться, и какъ можно скорѣе.

Нельзя такъ долго тянуть этого ненавистнаго положенія. Подъ утро Копровой почудилось, что кто-то стучится къ ней въ окошко. Она быстро приподнялась, тяжело дыша. Возбужденные нервы сказались — ее всю обдало дрожью. Подождала—слушая эту зловѣщую тишину... Опять стукъ. Сухой, точно костлявымъ пальцемъ или ключомъ въ стекло. Встала, подошла и отшатнулась. Въ предразсвѣтной мглѣ мелькнуло что-то длинное, черное, неопредѣленное. Стучить еще... Всмотрѣлась — мать Агнія. Будто по снѣгъ. Лицо блѣдное, неподвижное, глаза широко раскрыты и совсѣмъ остеклѣли... А палецъ продолжаетъ свою работу: тукъ-тукъ-тукъ.

Копрова отворила окно.

Отъ этого шума мать Агнія удивленно оглянулась... Точно увидѣла не то, что ожидала.

— Что вамъ?

— Бѣглая... Суматошница... Ступай назадъ, назадъ... Обители въ попошеніе... Душа-то, душа? Горятъ огни геенскіе — дьяволамъ, дьяволамъ праздникъ. Люютъ бѣсы, душѣ твоей радуются. Ушла отъ мужа—думаешь конецъ — нѣтъ, врешь, отъ Него не уйдешь! — тыкала она въ небо.—Онъ все видитъ, все... И мужа изведешь — отъ Него не спрячешься... Ай, полямя, полямя!.. Крышу захватило. Господи... Дѣти-то—младенцы невинные за что. Смотри въ окно-то, въ окно! Такъ и подыхаетъ... Бѣги... Бѣги... Куда только... Гдѣ тоску схоронить, коли она въ тебѣ самой, въ сердцѣ твоёмъ, какъ въ гробу лежитъ... Нетлѣнная... Кричать... Кричать изъ полямя... Зовутъ меня — зовутъ... Сейчасъ-сейчасъ... Ой... нѣтъ моей мочи—нѣтъ прощенія... Сама горю... Горю.

И такъ же неожиданно — она опустила черный платокъ на лицо и исчезла въ туманѣ.

Елена Борисовна еще нѣсколько времени оставалась въ смущеніи, не зная, что ей дѣлать. Какъ полусумасшедшая мать Агнія могла узнать о ней, что значили ея слова? Но вотъ вдали показались черныя фигуры другихъ монахинь. Отворялись крылечки маленькихъ

домиковъ-келій, оттуда торопливо выходили опоздавшія инокини и точно такъ же, едва-едва выдѣляясь изъ утренняго тумана, сѣвшили въ церковь. Начинаясь заутрени. Вонъ мать Клеопатра, тяжело опираясь на руку Еликоницы, подымается на паперть... Елена Борисовна хотѣла тоже идти, да ее вдругъ сморило. Послѣ всего пережитого опять потянуло въ постель. Какъ всѣхъ, у кого есть на душѣ большое, настоящее горе, ее успокоило соображеніе: все равно ни сегодня, ни завтра не случится ничего. Значитъ, никто и ничто меня не потревожитъ. И она сладко вытянулась подъ одеяломъ. Хотѣла перекреститься, но рука упала безсильно — Копрова заснула какъ убитая. Не слышала даже, когда мать Александра послѣ заутрени стучалась къ ней. Очнулась Елена, когда солнце было уже высоко. Она встала, въ первую минуту задумалась даже, что такое случилось вчера, отчего ея нервы такъ разбиты и ей тяжело дышится... Но какъ разъ въ эту минуту по двору проходилъ Петръ Ѳомиичъ... Скоро она услышала его голосъ рядомъ въ комнатѣ. Становой пользовался всякимъ случаемъ обдѣлать свои дѣла и потому бѣлицу, служившую матери Александрѣ, просилъ:

— Доложи ея сятельству, что здѣшній становой проситъ аудіенціи.

— Какому сятельству?—вытаращила глаза та.

— Ну, твоей барынь...

— Матушкѣ.

— Хотъ и матушкѣ, все равно. Не забудь прибавить: штабсъ-ротмистръ. Слышишь.

— А ужъ я не разберу этого. Идите прямо.

— Какъ... Безъ этикету?

Та еще шире раскрыла глаза.

— Такъ безъ доклада?

Когда Елена Борисовна вышла въ гостиную, Петръ Ѳомиичъ сидѣлъ за чаемъ и разсуждалъ о коньякѣ.

— Собственно говоря, продуктъ-съ иностраннаго ввоза, ибо вотъ на горлышкѣ установленная для сего бандероль. А вѣдь самый національный напитокъ въ Россіи... И называется это, ваше сятельство, круговращеніемъ оборота. Они намъ, а мы имъ — сырые всякое... Радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи!—вскопчилъ онъ передъ Копровой.—То-есть я вчера столь былъ восхищенъ, что долго въ древней исторіи искалъ надлежащаго примѣра для сравненія. И представьте, нашель! Женеваева и Атилла. Въ російскомъ бытописаніи ничего соотвѣтственнаго. У насъ все было грубо. Точно вся наша исторія по уставу „о предупрежденіи и пресѣченіи“ проистекала. Мы въ кадетскихъ корпусахъ въ вольномъ духѣ воспитывались. Разсыпной строй и шагистика со своей стороны развивали отвагу — а цейхаузъ, гдѣ по субботамъ происходила порка—вызывалъ протестъ. Истинно-съ были революціоннаго учрежденія.

— Тетя, я вчера говорила Петру Ѳомиичу, что вы будете писать губернатору...

— По деликатному предмету.

— Копронъ меня чуть не по этапу требуетъ.

— Помилуйте, какое же чуть, когда онъ въ объявленіи изъявляетъ готовность путевыя и кормовыя деньги внести немедленно.

— Я сегодня же...

— Ваше сятельство, при семъ прошу и о личномъ одолженіи.

— Простите. Я теперь только монахиня и сама за была, что когда-то княжной была.

— Вы забыть можете, ибо для васъ вся сила въ подвигѣ—а мы, повѣрьте, помнимъ, и даже весьма цѣнимъ! Такъ вотъ, ежели бы между прочимъ только упомянули, что становой, имя рекъ,—со всею деликатностью, ибо получилъ основательное образованіе и мѣсто ему не въ этой трущобѣ—съ мужиками возитъ.

Тѣмъ болѣе, что въ Новомальскѣ открывалась вакансія помощника исправника...

— Я напишу, что вы сдѣлали все возможное.

— Въ предѣлахъ законной безнаказанности. Ибо я не долженъ и казеннаго интереса упускать.

— Да, да...

— Могу просить еще стаканъ...

— Пожалуйста. Можетъ-быть хлѣба угодно.

— Нѣтъ. Я болѣе для бесѣды. Потому что, не единственнымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ бываетъ. У насъ отецъ-законоучитель—строжайшій пастырь былъ. Ошибешься въ текстѣ—сейчасъ онъ тебя за чубъ, водить по классу, качаетъ и приговариваетъ: „вскую шатающемуся израйлю—ноль“... И такъ-таки и закатитъ его въ журналъ. А въ субботу—пожалуйте въ цейхгаузъ.

Когда онъ, наконецъ, уѣхалъ—Елена Борисовна вышла на монастырскій дворъ.

Ей навстрѣчу шла Софья Владимировна, нѣсколько изумленная, повидимому, и растерянная.

— Что съ тобою?

— Да сейчасъ становаго встрѣтила.

— Ну?

— Ничего не понимаю... Поцѣловалъ мнѣ руку и говоритъ: „сударыня, дозволюте объяснить, что конь о четырехъ копытахъ, и то спотыкается, а я на двухъ бѣгаю“. Я его спрашиваю, что это значитъ. Онъ опять: „то, что человѣкамъ свойственно ошибаться. Ангелы на небеси, и тѣ не всегда правы—иначе и чертей бы не оказывалось—а мнѣ и подавно прощительно. Я тогда, у Семигорова въ избѣ, на васъ Богъ знаетъ что подумалъ, но теперь Семирамида“... Какая Семирамида?

— Дальше что?—краснѣла Копрова.

— „Извлекла, говоритъ, изъ меня кубичный корень, и я имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ полное мое уваженіе—ибо ежели я строю, то и справедлив!“

— Я ему вчера рассказала.

— Что?

— Что у Николая Львовича была не ты, а я.

— Ты съ ума сошла, Леля.

— Нисколько.

— Ты бы, по крайней мѣрѣ, объяснила, что мы строимъ у него...

— Зачѣмъ лгать. Ахъ, ты не можешь себя представить, какъ это тяжело! Лжешь-лжешь, наконецъ, сама себя противна дѣлаешь. Довольно.

— Да вѣдь онъ все въ разскажетъ.

— Пусть.

— И мужу, и тестю?

— О, этимъ я первая объясню все при встрѣчѣ. Ихъ-то морочить не буду. Слишкомъ долго притворялась съ ними... Въ прятки играла. Надоѣло! Хоть бы годъ настоящей человѣческой жизнью пожить, безъ лицемерія и вранья. А такъ, что чувствуешь и думаешь, то и говори, и дѣлай, и ни отъ кого не прячься. Я одну французскую книжку читала. И романъ-то дрянненькій, весь на гадостяхъ построенъ. Это, знаешь, мужъ, Алексѣй меня развивалъ. У тебя, говоритъ, слишкомъ много чистоты, а это прѣсно. Чуть-чуть соли и перцу не мѣшаетъ, ну, и давай пичкать меня Арманъ Сильвестромъ, Маркомъ Монье, Катюль Мандесомъ и другими... Мерзость такая, что вспомнить стыдно. А онъ еще заставлялъ меня вслухъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы и краснѣть, какъ институтка, отучилась. И потомъ, видишь ли, нынче у нихъ въ гостинной щегольнуть циническою фразой считается хорошимъ тономъ. Я слишкомъ „прюдь“, а это хорошо только мѣщанкамъ да гувернанткамъ... Ну, такъ въ этой книгѣ авторъ, должно-быть негодяй порядочный, говоритъ: только тогда и приятно женщиной, когда она лжетъ, а ей вѣрятъ. Удовольствие безъ обману—ничего не стоитъ.

Гдѣ они видѣли такихъ женщинъ. Ну, я понимаю—по необходимости лгутъ иногда—да вѣдь самой при этомъ и стыдно, и противно, и будь у мужчинъ больше прощительности, они бы всегда могли отличить вымыселъ отъ правды.

— Не знаю... Мнѣ не случалось. Я, должно-быть, глупа очень. Соврать не могу. Воображенія нѣтъ.

— Счастье, что ты не нуждалась въ такомъ воображеніи...

XI.

Въ одной изъ монастырскихъ башенъ была лѣсенка. По ней можно было подняться на стѣны. Монахини рѣдко всходили туда. Нѣкоторые оправдывались: „снаружи-то мы точно вороны,—черныя. Не размотришь издали: инокиня или птица. Ну ужъ. Не наше дѣло возноситься“. Елена Борисовна позвала туда съ собою Софью Владимировну, но той оказалось некогда.

— Голубушка, я и то совсѣмъ школу запустила. Я ужъ побѣгу туда. Бѣда вѣдь съ мальчишками. Нѣсколько дней пройдетъ и учи ихъ всему сначала. Дома-то, въ семьѣ; ничто о наукѣ имъ не напоминаетъ.

И направилась въ село.

Копрова медленно поднялась на стѣны и тихо пошла вдоль ихъ затѣйливыхъ двурогихъ зубцовъ. Она часто останавливалась, любила гладью, западавшую Богъ вѣсть куда. Съ этой стороны были луга, и сегодня подъ косыми лучами солнца они горѣли изумруднымъ моремъ. Только островами на немъ мерещились рощицы и хутора съ садами. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что гдѣ-то, въ самой дали, намѣчивалось едва-едва небольшое озерко, не видное обыкновенно. Сегодня вѣяло съ сѣвера и прохладная волна травы одна за другою бѣжали куда-то... Второй разъ ихъ косили въ это лѣто... Вонъ движется рядъ мужиковъ и бабъ. Точно искры вспыхиваютъ. Это взмахи косъ... Двѣ-три яркія красныя точки отъ рубахъ... Какой-то всадникъ скачетъ... За травой и дороги не видать, только позади него пылъ стоитъ... Пошла Елена Борисовна дальше и невольно вздрогнула,—золотое наводненіе поспѣвающаго хлѣба... Матовое, нѣжное... И голубая бездонная пропасть надъ нимъ. Ни одного облачка. Синь нетревожная, безмятежная, богоданная... Заглядѣлась было туда Копрова. Птички мелькаютъ. Весело имъ купаться въ чистотѣ небесной... Никуда не тянетъ отсюда, часы бы оставалась здѣсь, любящая просторомъ. И не она одна. Въ другой угловой башнѣ, прислонясь къ окну, вся, казалось, ушла глазами въ даль бѣличка. Молодая. Но какал блѣдная, печальная... Покорная. Навѣрное и слезъ нѣтъ; вся утонула въ смиренной и молчаливой грусти. Она даже не слышитъ, что къ ней идутъ. Каждую своею мыслью далеко отсюда. О чемъ она?.. Елена Борисовна смотрѣла, смотрѣла на нее, и въ ней самой рождалась сочувственная отвѣтная боль, точно мало было своего горя и чужое бросило на нее легкую тѣнь...

— Здравствуйте!—тихо проговорила Копрова.

Та вздрогнула, отшатнулась. Глаза расширились, испуганно остановились на Еленѣ Борисовнѣ, какъ будто та могла угадать ея думы.

— Я вамъ помѣшала?

— Спаси Господи... Нѣтъ! Какъ же... Здѣсь все въ свободномъ мѣста много.

— Да, разумѣется. И какъ хорошо... Кажется, ничего особеннаго. Такой точки, на которой глазу остановиться, не найдешь, а какая прелесть.

Та молчала, потупясь.

— Это что за село? Вонъ оно чуть-чуть мерещится.

— Долговольево.

— Какой тамъ храмъ большой... Пятиглавый.

— Были когда-то богатые помѣщики... Выстроили.

— Какъ я васъ не встрѣчала здѣсь?

— Я недавно.

— Вы изъ Карасева или Новомальска...

— Нѣтъ. Изъ Москвы. У меня тутъ сестра... Прошу прощенія... Помилуй васъ Богъ.

И тихо пошла прочь, потупясь. Видимое дѣло, чужое общество ей было не по душѣ. Хотѣлось еще одной побыть. Елена Борисовна тоже спустилась—и опять прямо ей навстрѣчу мать Агнія. Копровой вспомнилось сегодняшнее раннее утро. Она было хотѣла повернуть въ сторону, но монахиня вдругъ окликнула ее:

— Васъ ищутъ...

„Опять какая-нибудь выходка“—мелькнуло въ головѣ у Елены Борисовны.

Глаза у Агніи горѣли нестерпимымъ блескомъ. Она точно на подвигъ шла къ Копровой. И лицо монахини еще осунулось и пожелтѣло.

— Васъ ищутъ... Сегодня утромъ... Находить на меня: другихъ осуждаю, а сама хуже всякаго звѣря. Свинья передо мною—и та ангель, вотъ какая я... Вся въ грѣхахъ, вся въ безднѣ, во злѣ... Прости, Христа ради.

И вдругъ повалилась въ ноги Еленѣ Борисовнѣ.

— Что вы, что вы, мать Агнія. Что вы!..

— Нѣтъ... Прости, прости.

— Да я не помню зла... И ничего такого не было.

Она наклонилась поднять ту, но монахиня вдругъ забила головой о-земь.

— Пойми—я муки-мученской жду. Истерзали бы меня здѣсь, чтобы тамъ легче было... А они всѣ лаской, да любовью обходятся... Меня запереть бы въ темницу подземную съ гадами и жабами... И чтобы свѣту тамъ не было... Изъ собачьяго корыта кормить... Нечистью всякой... Измалать до смерти до самой...

— Встаньте, встаньте!

Агнія тяжело поднялась. Глаза у нея потухли.

— Нѣтъ... Не отмолишь... Не отмолишь... И всѣ, всѣ къ одному концу идемъ. Всѣ мы сестры по мукѣ. Ты вверху, я внизу, а дорога одна. Ищешь счастья—грѣхъ находишь... Господи, Господи... Хотѣ бы забыть, чтобы и не ворошилось передъ глазами... И сама я знаю, гонить меня сила бѣсовская. Сегодня съ постели подпала, въ бокъ толкнула. Ступай, ступай, окаянная, проклятая. Прямо къ окошку твоему... И не сама я кричала тебѣ, что-то во мнѣ осуждало тебя. Какъ я сама могу, когда я хуже и грѣшнѣе всѣхъ здѣсь. Ахъ... Нѣтъ—никуда не уйдешь...

И она обернулась назадъ.

Елена Борисовна нарочно отстала. Ей бы тяжело было сегодня возиться еще съ полусумасшедшею монахиней.

Еликонида встрѣтилась и густо залилась румянцемъ. Низко поклонилась и прошла мимо. Елену Борисовну это удивило. Послѣ случившагося вчера—не сказать ни слова! Поневола! закрадывалось въ сердце—въ самомъ дѣлѣ не эта ли вѣчно молчаливая бѣлица выдала ее. Копрова только усмѣхнулась. Не все ли равно—рано или поздно, но мужъ и тестъ должны были узнать правду. Можетъ-быть еще лучше, что это случилось теперь. Скорѣе! Какъ истинно-мужественная натура,

она страдала отъ всякой лжи. Она чувствовала неодолимое желаніе идти навстрѣчу тому, что должно случиться, не игралъ въ прятки, не хоронясь ни отъ кого. Правды—въ чемъ бы она ни оказалась, въ любви или въ подвигѣ—стыдиться нечего. Лишь бы самой въ себѣ быть увѣренной, а какъ на тебя взглянуть тѣ, кого ты ненавидишь или презираешь—не все ли равно. Вѣдь ихъ ничѣмъ не помиришь съ собою...

Когда она вернулась въ келью матери Александры, та дописывала письмо.

— Прочти, такъ ли?

— Вы лучше сумѣете... Я не судья въ этомъ.

— Я надѣюсь, что князь не забылъ меня. Наши семейства даже въ дальнемъ родствѣ... Хотѣ этого и считать нельзя. По крайней мѣрѣ когда онъ проѣзжалъ мимо, завернулъ нарочно ко мнѣ. Такъ всѣмъ объявилъ. Цѣлый день пробылъ здѣсь. Мать Клеопатра обидѣлась даже... Какъ, говорила, меня будутъ чернички уважать, если онъ на меня и вниманія не обратилъ. Я ему намекнула—онъ сейчасъ къ ней въ келью и такъ обошелся, что та въ восторгѣ отъ него осталась. Даже, кажется, въ поминанье его записала...

— Я слышала о немъ. Его не особенно любить.

— Такихъ вообще... Видишь ли—онъ сдѣлаетъ все для тебя, если это ему ничего не будетъ стоить. Ни усилій, ни денегъ. Онъ, какъ всѣ петербургскіе, на дѣло свысока смотритъ. Мнѣ объяснялъ: ей-Богу Россія не пропадетъ—буду ли я стараться или нѣтъ. Все, видите ли, идетъ своимъ порядкомъ и хлопотать,—все равно, что разыгрывать сцены изъ крыловскихъ „Мухи и вола“... Зато у себя, передавали мнѣ, съ канцеляріей—строгъ. Ото всего отписывается, но дѣла не дѣлаетъ... Я думаю, что для насъ онъ все исполнитъ. Вѣдь для этого ему не надо ничего—ни труда, ни хлопотъ.

Нѣсколько дней Елена Борисовна была совершенно спокойна.

Монастырская жизнь была такъ расписана и распредѣлена, что день за днемъ уходили незамѣтно. Казалось, ничего не дѣлала, но зато ни одной минуты не оставалась сама съ собою. Чуть свѣтъ—заутрени. Напьешься чаю, потомъ выйдешь, встрѣтишь какую-нибудь монахиню, та зазоветъ къ себѣ въ келью. Уйдешь въ чужую работу. Покровъ вышиваетъ для алтаря, рукавники духовнику, туфли на продажу, надъ ковромъ передъ царскими вратами изводится. Нужны совѣтъ, помощь—и только разойдешься—ранняя обѣдня. Заблаговѣстятъ. „Ай, опоздаемъ,—захлопочетъ хозяйка.—Поди другія-то ужъ готовы“. Отстоишь раннюю обѣдню—зоветъ мать Клеопатра—„посмотрѣла бы ты, Елена, на нашу школу. Ты посвѣжѣй, можетъ что и посовѣтуешь дѣльное. Мнѣ кажется, что кое-какія книжки и устарѣли... Нелзя ли поновѣй найти. Учмнть объ иномѣ царствѣ—анъ его и нѣтъ совсѣмъ...“ Пойдешь въ школу, займешься—въ трапезу пора,—а тамъ и вздохнуть не успѣешь—вечерня и ужъ ко спу клонитъ.

(Продолженіе будетъ.)

Муза.

Очеркъ Ф. Червинскаго.

I.

...И вотъ, черезъ три года, онъ опять вѣзжалъ въ этотъ городокъ съ его молчаливыми улицами, смѣющимися садиками и невысокими деревянными домами. Да, вотъ тутъ жили Варгины, здѣсь Демьяновы, а тамъ, въ небольшомъ каменномъ домикѣ, за чахлой зеленою насадника...

И неожиданное волненіе овладѣло имъ; онъ смотрѣлъ на этотъ домъ и опять видѣлъ ее, тоненькую фигурку своей „музы“: строгій профиль, дѣтская улыбка, ясные глаза... часто темнѣли они, и взглядъ казался серьезнѣе и глубже. И многое вспоминалось ему—потомъ, когда, уже умытый и переодѣтый, онъ пилъ чай въ уютномъ номерѣ давно знакомой гостиницы.

Правда, воспоминанья были отрывочны и неполны, а кое-что какъ будто и вовсе изгладилось изъ памяти.

Да, какъ онъ встрѣтился съ нею въ первый разъ? Пріѣхалъ онъ осенью—онъ помнитъ брезгливое любопытство, съ которымъ смотрѣлъ на невзрачный городокъ,—онъ, коренной петербуржецъ, молодой, съ будущностью. Помнитъ рядъ обязательныхъ визитовъ—его пріѣзда ждали, имъ интересовались. Первое время онъ бывалъ у многихъ. Какъ-то, вернувшись домой, онъ панель визитную карточку съ нѣсколькими пригласительными строками. Онъ поморщился: перспектива вечера въ этой семьѣ не улыбалась ему, но не идти нельзя,—обидится. Часу въ десятомъ вечера онъ вошелъ въ гостиную и, оки-

Сомнамбула. Съ карт. О. Ширера грав. Геданъ.

пусть бѣглымъ взглядомъ гостей, со скучающимъ видомъ направился къ хозяйкѣ. Кланяясь ей, онъ вдругъ замѣтилъ новое лицо, какую-то бѣленькую барышню, кажется, хорошенькую. Она съ любопытствомъ смотрѣла на него. Его представили, онъ взглянулъ пристальнѣе: почти ребенокъ, но тонкія черты, выраженіе глазъ, и дѣтскіе, и глубокие, и изціпный очеркъ юной головки.—все это остановило его вниманіе. И весь вечеръ онъ чувствовалъ себя легко и радостно.

Потомъ бѣглыя встрѣчи, безосодержательные разговоры... Онъ еще не чувствовалъ ничего, онъ вглядывался пылливо и вслушивался: умна ли она, чутка ли? Такъ ли чиста, какъ кажется? Шла дин, цедьли... Да, да, да,—отвѣчала онъ себѣ на всѣ эти вопросы, но еще не чувствовалъ ничего.

Когда же *это* пришло? Какъ окрѣпло новое, странное, радостное и жуткое чувство? Какъ это было?

Онъ видѣлъ ее иногда на главной улицѣ, потомъ въ томъ же семействѣ встрѣтился и бесѣдовалъ съ ней за ужиномъ, потомъ еще въ коридорѣ суда, на громкомъ процессѣ. И, улыбаясь, онъ вспоминалъ, какъ послѣ рѣши защитника по дѣлу трудному и сложному, надъ которымъ многие ломали голову, она, строго взглянувъ на него своими ясными глазами, сказала съ негодованіемъ: „Какъ можно осудить? Никакихъ уликъ нѣтъ“. И вдругъ ему стало казаться, что уликъ и точно нѣтъ...

Да, да, тогда уже началось это, теперь онъ припоминаетъ. Началось и росло, росло...

Онъ помнитъ катанье на тройкахъ. Она сидѣла противъ него. Тусклый свѣтъ луны, полудраганной сѣрою дымкою облаковъ, бросалъ слабое мерцаніе на ея милое лицо. Ей было холодно, онъ прикрылъ пледомъ ея ножки, и вдругъ странная нѣжность къ ней, слабой и хрупкой, овладѣла имъ; ему хотѣлось теплѣе укутать ее, положить ея голову на свое плечо, дышаньемъ отогрѣть ея маленькія, слабыя ручки. И независимо отъ его воли мягкія ноты зазвучали въ его голосѣ. Заговорили почему-то о Мюссе, о его „Ночахъ“, завязался разговоръ, полный мимолетныхъ намековъ.

Еще нѣсколько встрѣчь—тутъ ужъ голосъ его звучалъ нѣжностью, онъ называлъ ее музой и луннымъ лучомъ... Ея глаза темнѣли, розовѣло милое лицо, нервныя нотки дрожали въ голосѣ. Онъ ничего не сказалъ прямо и грубо: все въ летучихъ намекахъ, фантастическихъ образахъ, въ шуткахъ, проникнутыхъ нѣжностью. О, это онъ умѣлъ дѣлать, это единственный талантъ, котораго онъ не зарылъ въ землю.

Каждая встрѣча несла новыя признанія, замаскированныя, но ясныя. Она дѣлала видъ, что не вѣритъ. Впрочемъ, можетъ-быть, дѣйствительно, оставалось маленькое сомнѣніе.

Любала ли она? Откуда ея волненіе при встрѣчѣ, тревога при прощаніи? Откуда ея искусственное оживленіе въ разговорѣ съ другими? Откуда ея бѣглые, тревожные взгляды, когда онъ долго говорилъ съ другой? Нѣтъ, она не любила еще, нѣтъ, тутъ другое: никто не говорилъ ей того, что осмѣливался говорить онъ—въ такомъ тонѣ и съ тою искренностью, которая исключала возможность обиды. Это, только это пока, волновало ее. И волновалъ вопросъ, всему ли можно вѣрить, и это лѣстило немощно, и пугало...

А имъ уже овладѣвало по вечерамъ знакомое чувство безотчетной печали, тайной ревности и возрастающей нѣжности къ ней. И въ эти минуты онъ становился фаталистомъ; да, да, теперь все ясно, до прозрачности; задолго до встрѣчи съ нею образъ ея сіялъ иногда передъ его глазами, смутный и манящій. Да, о такой именно дѣвушкѣ грезилъ онъ. Въ ней все: строгая чистота души, чуждой всего мелочного и пыльного, свѣтлой, какъ лунный лучъ, души, отразившейся въ ясныхъ глазахъ, стремленіе ко всему благому и доброму, еще безотчетное, никѣмъ не вынужденное... Какъ возвышаетъ это ее надъ другими! Какія земныя онѣ, сѣренькія, ненужныя! И эта красота душевная, въ какой гармоніи она съ красотой ливій тѣла и лица. Какъ выросла она въ этой средѣ? Какалъ таинственная власть бросила ее сюда, чтобы тутъ, въ этомъ ничтожномъ городишкѣ, увидѣлъ онъ яркое олицетвореніе того, что давно уже смутно мелькало передъ нимъ?..

Такъ романтизировалъ онъ, бродя лунными вечерами по своей комнатѣ.

Чѣмъ бы это кончилось?.. И вдругъ оборвалось все: онъ получилъ выгодное назначеніе въ другой городъ. Будущее улыбалось ему—онъ радъ былъ оставить многое, что надоѣло здѣсь. Новыхъ лицъ, новыхъ пейзажей захотѣлось... И онъ простился какъ-то мимолетно, безъ жгучаго чувства скорби, почти равнодушно. Онъ самъ удивился и самъ разъяснилъ себѣ это: онъ недалеко ѣдетъ—всего 200 верстъ по желѣзной дорогѣ—будетъ забывать, развѣ это измѣнитъ что-нибудь?

И вотъ прошли три года. Онъ не видѣлъ ея; иногда какъ будто болно было, потомъ опять угасалъ ея образъ. И вотъ опять этотъ городокъ, и съ новою силою ожило прошлое. И онъ не понимаетъ теперь, какъ могъ онъ такъ рѣдко, такъ равнодушно вспоминать о ней? Правда, и тамъ было маленькое увлеченіе, но такое безслѣдное...

Нѣтъ, онъ долженъ увидѣть ее; теперь она не ребенокъ, ей 21 годъ. Если все прежнее проснется, значитъ счастье здѣсь, и нужно его взять.

II.

На другой день онъ всталъ поздно. Небо было пасмурно, слабое осеннее солнце на рѣдкахъ бросало тусклый свѣтъ на пустынные улицы. Вчерашняго какъ будто было меньше...

Вотъ знакомый напсадникъ и домъ. Тотъ же старый дворникъ...

— А барышня—младшая?..

— А здѣсь же, стало-быть, въ городѣ. Какъ же! Недалечко и жить. Замужемъ онѣ, за поручикомъ Евлампіевымъ. Ничего, живутъ, слава Богу. Два года какъ вышли, аль больше?

Онъ смотрѣлъ на дворника странными глазами. Какъ же такъ? Какъ же взять, вырвать у него его счастье! Вѣдь это значить вся жизнь иначе? Откуда же теперь свѣтъ блеснетъ?

Но, вспомнивъ, что три года онъ здѣсь не былъ—а такъ легко было забыть—онъ понялъ, что по обыкновенію немощно спускаетъ краски...

Только вотъ что странно: поручикъ Евлампіевъ... Онъ не помнитъ его, но... Впрочемъ, можетъ быть исключительная личность, что же тутъ невѣроятнаго? Это бываетъ. Вотъ фамилія только... да нѣтъ, и это пустое. Поѣхать туда? Да, да, непременно. Пусть это будетъ неловко—все равно, онъ долженъ видѣть ее, чтобы ничего не оставалось непонятаго.

Онъ зашелъ домой позавтракать и переодѣться, и не нашелъ въ себѣ силы идти къ ней. Лучше послѣ. Нужно опять все вспомнить.

Нѣтъ, какъ это случилось, что онъ почти не думалъ о ней эти три года. Не любилъ? Гм!.. Нѣтъ, такъ рѣшили бы люди нечуткіе, нѣтъ, тутъ другое. Не равъ воскресалъ передъ нимъ ея образъ, и ему было сладко и больно. Но суетная жизнь, дѣла, маленькое увлеченіе, и вотъ три года! Три года—и она замужемъ. И объ этомъ онъ думалъ иногда и все-таки былъ пораженъ...

Онъ думалъ, думалъ, и увѣрилъ себя, что дѣйствительно любить, что чувство глубокой нѣжности къ ней не исчезло. Ему не удавалось примирить это съ трехлѣтнимъ равнодушіемъ ко всему, что касалось ея, но онъ прибѣгалъ къ обычнымъ приемамъ для объясненія этого явленія: это чувство—вотъ то, что зовутъ любовью, въ немъ столько страннаго и непонятнаго... Но вѣдь нельзя же отрицать того, что онъ испытываетъ теперь!

И онъ готовъ былъ плакать и жаловаться, потому что окончательно убѣдилъ себя, что глубоко любилъ и что во всемъ виновато что-то постороннее, какое-то загадочное *fatum*. И эта мысль успокоила его. Онъ всталъ, переодѣлся... Да, теперь же, сейчасъ же онъ поѣдетъ къ ней. И если она несчастлива...

Небольшой деревянный домъ смотрѣлъ привѣтливо. На порывистый звонокъ вышла испуганная горничная, черннливо, но франтовато одѣтая.

— Барина нѣту!—воскликнула она, прежде чѣмъ онъ успѣлъ спросить что-нибудь, и захлопнула дверь.

Пріемъ этотъ нѣсколько озадачилъ его и какъ будто даже настроеніе испортилъ. Онъ рывкомъ движеніемъ пріоткрылъ дверь и окликнулъ горничную, уже убѣгающую:

— А барыни дома?

Она испуганно смотрѣла на него и молчала.

— Барыни,—наконецъ протянула она:—барыня... я сейчасъ. И она исчезла. Но онъ рѣшилъ не отступать, поднялся на нѣсколько ступенекъ и вошелъ въ прихожую. Изъ сосѣдней комнаты слышался раздраженный шопотъ:

— Да какой онъ—штатскій? Что же ты не сказала, что я не одѣта? Дура.

— Завсегда лаетесь,—возразилъ другой голосъ, довольно громко.

Разговоръ затихъ, хлопнула дверь... Никто не выходилъ къ нему. Онъ стоялъ смущенный. Туда ли поналъ онъ? Вѣдь даже фамиліи онъ не назвалъ, а карточки на дверяхъ не было. Но ждать надоѣло. Будь, что будетъ.

Онъ сіялъ и повѣсилъ пальто и вошелъ въ комнату, откуда за нѣсколько минутъ слышались голоса.

Небольшая гостиная была убрана не безъ претензій: ярко пушистая обивка безвкусной и свѣже отлакированной мебели, новенькій нестрый коверъ, трельяжъ, горка съ бездѣлушками, высокая лампа съ гигантскимъ краснымъ абажуромъ, похожимъ на юбку опереточной примадонны...

За неполюто прикрытой дверью слышался невнятный шопотъ. Знакомыя слова, сказанныя нѣсколько громче, долетѣли до него:

— Завсегда лаетесь.

Онъ сѣлъ къ круглому столу, покрытому визанною скатертью, и взялся за альбомъ: лучшій способъ узнать, куда ли поналъ. Онъ быстро перелистывалъ его и вдругъ дрогнуло что-то въ груди: „Муза!“ Да, его муза—такая, какъ онъ ее помнитъ. Ну, значитъ онъ въ ея квартирѣ. Такъ этотъ голосъ... какъ странно! „Штатскій“... „дура“... Нѣтъ, тутъ какое-то недоразумѣніе.

Дверь скрипнула, послышался шорохъ. Онъ закрылъ альбомъ и всталъ. Передъ нимъ стояла молодая женщина небольшого роста, довольно поднал, съ лицомъ слегка напудрен-

пымъ. Она взглядывалась въ него, прищурившись, и вдруг сдѣлала испуганные и радостные глаза.

— Вы ли это? Боже! Какими судьбами?

„Сейчасъ скажотъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ“, — мелькнула у него мысль.

Она протянула ему обѣ руки.

— Ah, mon Dieu! Сколько лѣтъ, сколько зимъ...

Свершилось. Нѣсколько секундъ онъ молчалъ, потомъ заговорилъ о чемъ-то—кажется, оправдываться началъ,—продолжая взглядываться въ ея лицо. Если бы его спросили, въ чемъ именно перемена, онъ затруднился бы отвѣтить опредѣленно; невозможно попольѣла, поглубѣла — и только. Но неужели эта кокетливо улыбающаяся дама—его муза? Неужели эти смѣющиеся глаза — ея глаза, тѣ, полные лазурнаго огня? Онъ не знаетъ, что случилось съ нею: былъ свѣтъ, струившій отъ всего существа ея — и погасъ.

— Ну, что жъ вы не отвѣчаете? У, скрытный!

„Завсегда лаетесь“ — мелькнуло у него. Онъ провелъ рукой по лицу, еще разъ взглянулъ на нее — и вздохнулъ съ облегченьемъ: „музы“ нѣтъ, а значитъ и ничего сложнаго нѣтъ, — ну а съ этой чужой дамой бесѣдовать не трудно.

И у нихъ завязался одинъ изъ тѣхъ банальныхъ разговоровъ, во время которыхъ можно думать о другомъ. Но и помимо этого разговоръ доставлялъ ему удовольствіе: его забавляло, что она смотритъ на него торжествующимъ взглядомъ побѣдительницы. Его радовали ея жеманно-кокетливые жесты, банальныя французскія фразы, которыми она считала нужнымъ пересыпать свою рѣчь, ея неискренній смѣхъ... Нѣсколько разъ она съ томно-сочувственною миной заговаривала о прошломъ, но онъ упорно мѣнялъ тему: здѣсь, въ этой обстановкѣ, съ этой чужой дамой ему не хотѣлось говорить объ этомъ прошломъ.

Они перешли въ столовую, ему не удалось отказаться отъ чая. Горничную, забывшую подать лимонъ и блюдечки, она

нѣжно назвала душечкой, но глаза ея блеснули злобно. Онъ наскоро осушилъ свой стаканъ, взглянулъ на часы и всталъ. Она сдѣлала испуганно-умоляющее лицо, но онъ былъ твердъ: прикоснулся къ ручкѣ — и вышелъ.

— Ну что „душечка“, — спросилъ онъ у горничной, радуясь, что исчезаетъ: — когда будетъ баринъ?

— Къ обѣду общались.

— Такъ.

Онъ досталъ портмонеъ.

— А что — онъ хорошій баринъ, а?

— Что жъ, навѣстно хорошій.

— Ну, а барыня?

Она смущенно молчала, отвернувшись.

— Ну, прощайте. Вотъ, возьмите на память.

Онъ далъ ей рубль и пошелъ къ выходной двери.

— Ну, такъ какъ же барыня, а? Лается?

Она, обрадованная рублемъ, и все еще смущенная, фыркнула.

— Кабы не баринъ, такъ я бы ни минути... — вдругъ заговорила она: — чистая, прости Господи... Еще и барышней были — житья никому не было: мамашку грызли, сестрицу поѣдомъ ѣли...

И видя, что онъ, остановившійся — было, уходитъ, прибавила уже веселѣе:

— Merci вамъ, прощайте.

Онъ тихо вышелъ, слегка смущенный.

— Гм.. Ну, это она вретъ, насчетъ барышни. Или и тутъ правда?..

Это немножко покоробило его, но не омрачило его безначальнаго настроенія. Какъ все просто и смѣшно вышло: не за что теперь урекать себя, не о комъ думать съ тревогой и нѣжностью. Опять все ровно и ясно... А, вѣдь, онъ только къ этому въ жизни и стремился.

Д. Г. Левицкій.

Биографическая замѣтка Вл. Михневича.

Въ Императорской Публичной библиотекѣ виситъ большой, въ полный ростъ, нѣсколько потускѣвшій отъ времени, но тонко и мастерски написанный портретъ величавой, въ блѣлой, полуантичной одеждѣ, женской фигуры, съ благосклонно улыбающимся молоджавымъ лицомъ, въ совершенно фантастической обстановкѣ. Фигура стоитъ точно въ облакахъ, оазаренная эффектнымъ розовымъ освѣщеніемъ, исходящимъ изъ жертвенника, на огнѣ котораго она „сжигаетъ маки благовонныя“; тутъ и живой государственный орелъ, и книга законовъ, и разные символическіе атрибуты власти.

Кто не узнаетъ въ этомъ образѣ императрицу Екатерину II, несмотря на всю замысловатость и манерность ея театральнo-фантастической обстановки, — въ томъ именно ореолѣ, въ тѣхъ именно чертахъ риторическаго, но часто искренняго обоженія, въ какихъ рисовалась она передъ восторженными современниками, а въ ихъ числѣ передъ глазами поэта, вѣнца „Фелицы“, который, изображая этотъ портретъ, писалъ:

„Сошла со облаковъ жена,
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной...“

Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила Вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству —
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на груди книгъ,
Священныя блюлъ ея уставы...“

Воспѣтый Державиннымъ портретъ „Екатерины-законодательницы“ — одно изъ замѣчательнѣйшихъ и наиболѣе вѣстныхъ произведеній художника Дмитрія Григорьевича Левицкаго, о которомъ мы вспомнили по случаю истеченія 75 лѣтъ со времени его смерти. Портретовъ Екатерины имѣются сотни; ее писали съ натуры знаменитѣйшіе европейскіе художники; есть портреты лучше, вѣрнѣе и реальнѣе написанные, чѣмъ у Левицкаго, но сдѣланный имъ долженъ считаться самымъ популярнымъ и распространѣннымъ. Написанный, по мысли Н. А. Львова и по заказу графа А. А. Безбородко, въ 1783 г., онъ вызвалъ общее удивленіе, у многихъ неспривычный восторгъ, и сразу сдѣлалъ громкую славу художнику. Кроме множества копій (есть повтореніе самого Левицкаго, напримѣръ, въ кофферцѣ-залѣ Академіи Художествъ), портретъ „Екатерины-законодательницы“ выпущенъ въ публлку въ безсчетномъ числѣ гравюръ, литографій и проч.

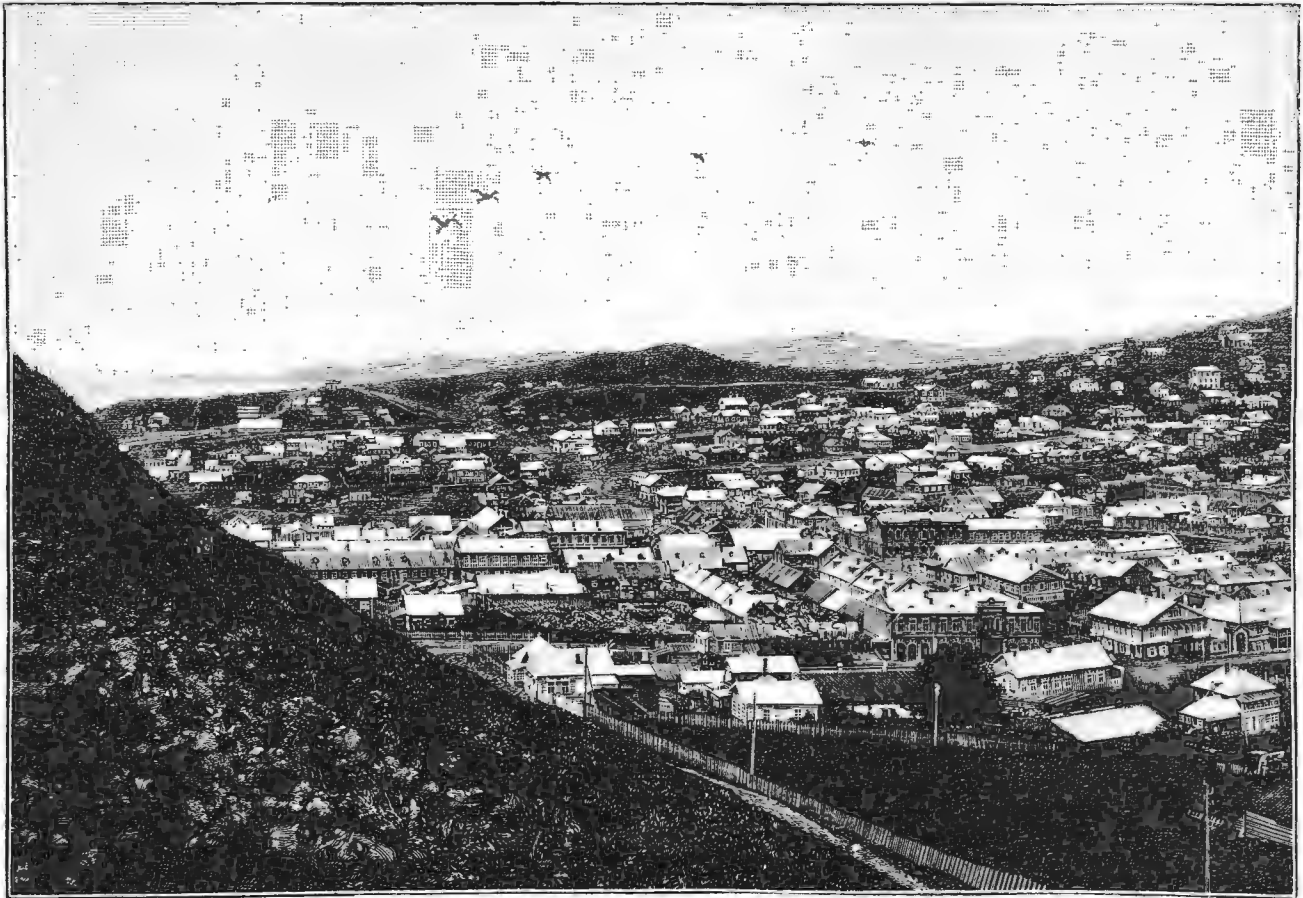
Чтобы достигнуть такого успѣха, особенно въ то время, еще почти непризнанному русскому художнику, мало было пре-

одолѣть задачу портретиста. Левицкій, совершенно справедливо титулуемый „живописцемъ екатерининскаго вѣка“, схватилъ на своемъ портретѣ не столько образъ, сколько отвлеченіе и идеаль „вышненосной добродѣтели“ — въ духѣ, настроеніи и манерѣ того вѣка, въ какой жилъ и писалъ. Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ польстился оригиналу, что дѣйствіе у него перенесено куда-то къ небожителю, на Олимпъ, что аллегорія его слишкомъ вычурна и замысловата. (Догадаться, что императрица, „сжигая на алтарѣ маковые цвѣты, жертвуетъ-де своимъ драгоценнымъ покоемъ для общаго покоя“!) Все это вполнѣ вѣрно, и въ другую пору картина произвела бы только странное впечатлѣніе; но въ то время, когда ее писалъ Левицкій, и идеализація, и сложная аллегорія, и „богоподобная“ Фелица какъ нельзя болѣе отражали и тогъ нѣсколько декламаторскій вѣкъ, и чувства многихъ русскихъ людей, и настроеніе самого художника. Трудно угадать лучше художественнымъ чутьемъ то, что нужно было для данной минуты! Когда землякъ Левицкаго, писатель Богдановичъ, увидѣвъ портретъ Екатерины, отправилъ ему днѣпрямбъ, въ которомъ писалъ:

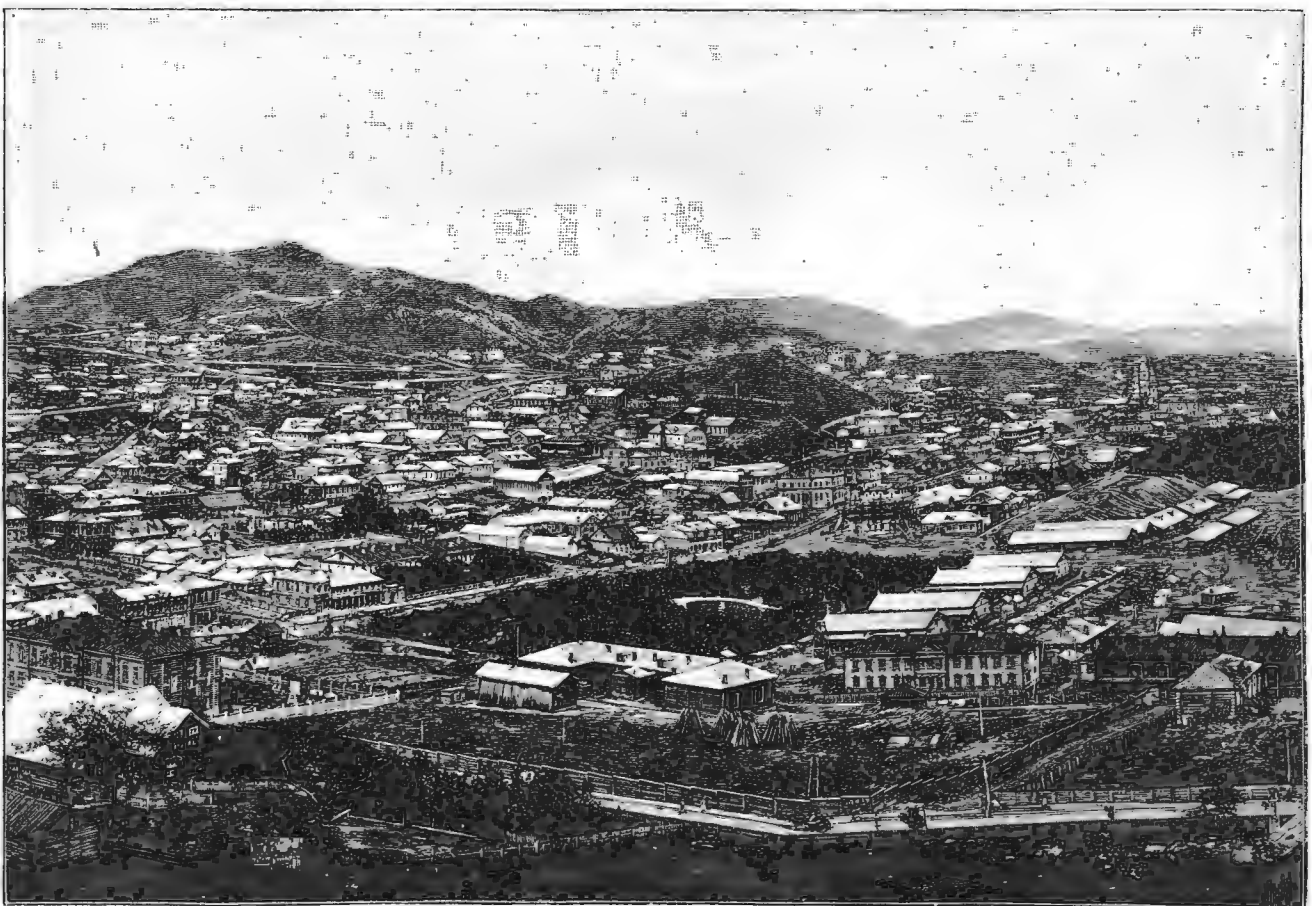
„Левицкой! Начертавъ российско Божество,
Которымъ семь морей покоятся въ отрадѣ,
Твоею кистью ты явилъ въ Петровомъ градѣ
Безсмертныхъ красоту и смертныхъ торжество“, —

скромный художникъ отвѣтилъ, что онъ „упражненъ болѣе удивленіемъ къ писанному имъ Божеству, нежели надеждою изображать оное во всей истинѣ“. Помню доли обычной въ такихъ письмахъ „политики“, нельзя не признать, что Левицкій искренно былъ проникнутъ тѣмъ „удивленіемъ“, о которомъ писалъ. Въ Петербургѣ было тогда нѣсколько первоклассныхъ европейскихъ мастеровъ; изъ русскихъ художниковъ, на которыхъ смотрѣли тогда небрежно и свысока, Левицкій только второй (послѣ Рокотова) удостоился чести писать портретъ съ императрицы. Легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ приступалъ онъ къ этому заказу!

Дмитрію Григорьевичу было въ ту минуту уже пятьдесятъ лѣтъ. Поодио дождался онъ удачи и громкой славы! Правда, онъ не рано и началъ свою официальную артистическую карьеру. Сынъ священника въ с. Малцѣ въ Полтавщинѣ, онъ учился живописи у отца — одного изъ лучшихъ гравировъ кіево-печерской типографіи. Неизвѣстно, когда и какъ былъ онъ посланъ въ Петербургъ — биографическія свѣдѣнія о немъ очень неполны. Вѣроятно, Левицкій прибылъ для поступления въ Академію Художествъ, когда она уже сформировалась, но, кажется, ученикомъ с: не былъ. Не вполнѣ выяснено, у кого изъ профессоровъ онъ доучивался — у Антропова ли, или у Лагрена и Валерьяна; въ лѣтописяхъ же Академіи его имя начинаеть встрѣчаться не ранѣе 1769 г., когда за портреты Козлова и его супруги онъ былъ признавъ совѣтомъ Академіи „назначеннымъ“, а въ 1770 г. „сдѣлавъ ака-

1) Сѣверная часть города.

2) Центральная часть города.

Панорама Владивостока. Съ фот. Лапгода грав. Рашевскій.

3) Бухта «Золотой Рогъ».

4) Выходъ въ открытое море.
Панорама Владивостока. Съ фот. Лангода грав. Рашевскій.

денником" за портрет ректора Академіи А. Ф. Кокорниова. Портрет этот, написанный съ удивительной свѣжестью, свободой и оригинальностью, былъ счастливымъ переломомъ въ карьерѣ Левницкаго. Талантъ его созрѣлъ и на него обратили внимание, но высшаго предѣла своей славы онъ достигъ въ 1783 г., когда написалъ павѣстный уже намъ портретъ „Екатерины-законодательницы“. Императрица засыпала его заказами, вся придворная знать бросилась писать у него свои портреты. Но въ то время, какъ иностраннымъ художникамъ платили огромныя деньги, Левницкаго награждали скудно — по 100, по 300 руб. за портретъ, хотя работы его не уступали лучшимъ европейскимъ знаменитостямъ. Немудрено, что онъ кончалъ ночи въ бѣдности и, ослабѣвъ зрѣніемъ подъ старость, долженъ былъ искать покровительства: въ 1806 году гр. Строгановъ, „въ обезпеченіе состоянія художника, способствовавшаго некогда славіи Академіи“, опредѣлилъ Левницкаго въ члены совѣта Академіи съ окладомъ въ шестьсотъ рублей, съ чѣмъ онъ и оставался до смерти.

Художественная производительность Левницкаго охватывается 25—30 годами, т. е., въ сущности, вѣкомъ Екатерины, который онъ запечатлѣлъ своей кистью съ необыкновенной яркостью, блескомъ и характеристичностью. По призванію, онъ — портретистъ. Поразительное сходство, — хотя иногда, увлекаясь вѣщнымъ, эффектнымъ блескомъ, художникъ выдаетъ на нѣкоторыхъ портретахъ въ нѣсколько условный, манерный тонъ, — дѣлаетъ лица красивѣе натуры; но такова дань вѣку. Затѣмъ, чрезвычайная вѣжость и мягкость кисти, превосходный ри-

сунокъ, безподобный живой колоритъ и несравненное мастерство въ живописи шелка, бархата, кружевъ и всего тогдашняго моднаго костюма — вотъ достоинства Левницкаго. Знатки различаютъ двѣ манеры его письма: — лучшую, раннюю, когда онъ писалъ въ стилѣ Рембрандта и Вандика, и упадочную съ 1792 г., когда онъ сталъ подражать модному тогда художнику Лампи и, по выраженію Ровинскаго, „донельзя заканчивалъ свои портреты“.

Работъ Левницкаго множество. Во время его славы не было вельможи, не было знатной дамы, которые не желали бы имѣть своего портрета его кисти. Большая часть его работъ находится въ частныхъ рукахъ, и списка ихъ до сихъ поръ не составлено. Кое-что, впрочемъ, собрано. Въ галлерей Третьякова въ Москвѣ имѣется до 25-ти портретовъ Левницкаго, въ томъ числѣ считаются лучшими: А. М. Мамонова, княгини Дашковой, кн. Г. Г. Орлова, Храповицкаго, кн. Н. П. Репнина и др. Есть нѣсколько его же портретовъ въ Академіи Художествъ (Кокорниова, кн. Зубова и особенно замѣчательный, по письму, А. С. Протасовой) и въ Румянцовскомъ музеѣ (превосходный портретъ отца художника). Изъ разбѣянныхъ во дворцахъ высоко цѣнится, находившаяся въ Большомъ Петергофскомъ, съюкта изъ шести прелестныхъ портретовъ любимыхъ императрицей Екатериной смольнянокъ перваго вынуска: Алымовой, Борщовой, Левшиной, Ржевской, княжны Хованской и Нелидовой, а также: превосходные портреты великой княжны Александры Павловны, въ Зимнемъ дворцѣ, и Александра I въ отрочествѣ — въ гатчинскомъ.

Работа рѣкъ.

Къ числу наиболѣе дѣятельныхъ силъ природы, вліяющихъ на видоизмѣненіе земной поверхности, слѣдуетъ отнести способность рѣкъ переносить твердыя вещества, какъ пески, гравій и другія твердыя массы, которыя онѣ въ своемъ верхнемъ теченіи, отрывають отъ горъ, и нагромождать внизу у истока. Трудно повѣрить, напр., стоя на берегу горнаго ручья или широкой рѣки, какую массу твердыхъ веществъ несетъ первый, несмотря на незначительное количество воды, втораго, — несмотря на свое медленное теченіе. Но геологическія сдѣланы въ этой области точныя измѣренія и вычисленія, на основаніи которыхъ работа рѣкъ причисляется нынѣ къ сильнѣйшимъ факторамъ, видоизмѣняющимъ земную кору. Приведемъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ.

Съ точки зрѣнія обычныхъ человѣческихъ понятій, происшедшій 11-го сентября 1831 года въ Ельмѣ, въ Швейцаріи, обвалъ, представляеть собою страшное естественное явленіе. Десять милліоновъ кубическихъ метровъ оторвано отъ первоизданной горной породы, 450 метровъ сброшено внизъ, причемъ на противоположномъ склонѣ 100 метровъ нагромождено вновь, частью же отнесено на четверть часа разстоянія: по съ геологической точки это весьма незначительное измѣненіе земной поверхности. Рейсъ каждая 66 лѣтъ собираетъ такую же массу камня въ измѣльченномъ видѣ на одномъ только верхнемъ своемъ теченіи, имѣющемъ всего нѣсколько миль, и, незамѣтнымъ образомъ, выбрасываетъ эту массу въ Урское озеро. Черезъ 20,000 лѣтъ рѣка засыплетъ его совсѣмъ. Ровѣ достаточно пяти лѣтъ, чтобы собрать подобный же матеріалъ въ своемъ верхнемъ теченіи и отнести его въ Женевское озеро, которое также могло бы быть засыпано въ 45,000 лѣтъ. Такъ работаютъ всѣ альпійскія рѣки, стремясь заполнить свои бассейны, лежащіе болѣею частью у подошвы горъ, тѣми милліонами кубическихъ метровъ каменныхъ породъ, которые онѣ отрывають отъ горъ. Тотчасъ по оставленіи альпійскихъ озеръ и выходѣ въ равнину, рѣки снова обременяють себя огромными массами песку, ила и гравія, и текутъ дальше съ этой новой ношей. Такъ напр., воспѣтый поэтами Рейнъ, въ своемъ теченіи по Пфальцу, столь сильно переполненъ твердыми веществами, что на каждый километръ приходитъ милліонъ кубическихъ метровъ или 50 милліоновъ центнеровъ одного гравія, безъ ила. Эти огромныя массы движутся, понятно, не такъ быстро, какъ самая вода, но тѣмъ не менѣе передвигаются на 275 метровъ въ годъ и, при постоянномъ передвиженіи и ретирации, превращаются въ песокъ. Одною ила Рейнъ, за тридцать дней половодья, выбрасываетъ въ море 2 милліона кубическихъ метровъ. Чѣмъ меньше рѣка и чѣмъ низменнѣе мѣстность, тѣмъ незначительнѣе сила теченія. Темза препровождаетъ ежегодно 60,000 кубическихъ метровъ въ море, и Гейки вычислила, принявшая во вниманіе и другія рѣки британскихъ острововъ, что при работѣ рѣчной стѣги, равной настоящей, потребуется нѣсколько милліоновъ лѣтъ, чтобы сравнять Великобританію съ уровнемъ моря.

Надо однако принять въ соображеніе, что въ Европѣ, за исключеніемъ Дуная и Волги, въ сущности нѣтъ большихъ рѣкъ. Оба эти исполна уносятъ въ море поразительныя количества твердыхъ веществъ и способствуютъ обмелѣнію обоихъ восточныхъ прибрежій Средиземнаго моря — Чернаго и Каспійскаго морей. Очень замѣчательный по количеству ила,

Дунай выбрасываетъ ежегодно своими пятью рукавами въ Черное море то 23 милліона кубическихъ метровъ, то вдвое болѣе; работа же Волги безъ сомнѣнія еще значительнѣе. 23 милліона кубическихъ метровъ или милліардъ центнеровъ, какъ результатъ работы одной рѣки въ одинъ годъ, перенесенные къ тому же на сотни, а иногда болѣе чѣмъ на тысячу километровъ, — это-ли не поразительно! Трудно найти подходящее сравненіе, чтобы выразить эту работоспособность теченія рѣкъ. Если бы, напримѣръ, весь австро-венгерскій торговый флотъ былъ нагруженъ до крайней возможности и пущенъ въ ходъ, то онъ не перевезъ бы въ теченіе года и половины того количества песку и ила, которое переноситъ Дунай.

А между тѣмъ работа и этихъ величайшихъ европейскихъ рѣкъ ничтожна сравнительно съ работою рѣкъ Авіи, Африки и Америки. Такъ напримѣръ, Миссисипи, по сдѣланнымъ вычисленіямъ, несетъ ежегодно 100 милліоновъ кубическихъ метровъ твердыхъ веществъ въ Мексиканскій заливъ. Эти вещества — милліарды центнеровъ ежегодно — къ которымъ надо причислить и нереносимыя могучимъ Рио-Гранде, такъ сильно обременяють сѣверный берегъ Мексиканскаго залива, что онъ постоянно опускается. Другая исполнская рѣка Колорадо, въ теченіе тысячелѣтій, вырала дѣлаю систему ущелій и овраговъ въ скалистой западно-американской возвышенности, имѣющую 1,000 — 2,000 метровъ глубины, до 10 километровъ ширины и сотни километровъ въ длину. Массы, которыя несетъ Колорадо въ Калифорнійскій заливъ, составляютъ тысячами кубическихъ километровъ и могли бы составить нѣсколько новыхъ горъ, величиною въ Гарцъ или Тюрингенскія гѣсы. Точно такъ же вычислено, что три крупныя сибирскія рѣки, Обь, Енисей и Лена, уносятъ за каждыя 500 лѣтъ 7,4 кубическихъ миль земли въ Сѣверное Ледовитое море. Относительно же священноу рѣки Индусовъ, Ганга, Либеллы говорить, что почти невозможно составить себѣ вѣрное понятіе о страшной массѣ переносимаго имъ ила. Если распределить то, что онъ несетъ, на всѣ дни года, то онажется, что онъ ежедневно выбрасываетъ въ море сѣверную массу веществъ въ количествѣ 550,000 кубическихъ метровъ. Это могло бы ежедневно образовывать отмель при устьѣ рѣки въ одинъ километръ длины, 50 метровъ ширины и 11 метровъ высоты. Однимъ только количествомъ вещества, которое рѣка выбрасываетъ въ каждый часъ, можно было бы нагрузить 10 исполнскихъ грузовыхъ судовъ. Каковы же видоизмѣненія, которыя должны производить такія рѣки въ геологическія эпохи! Относительно Ганга можно вычислить, что онъ въ каждыя 7,000 лѣтъ отнимаетъ у Гималайскаго хребта массу, равную Этнѣ: а между тѣмъ хребетъ даетъ начало не одной, а нѣсколькимъ подобнымъ рѣкамъ.

Куда же дѣвають рѣки эти исполнскія, сначала измѣльченныя и затѣмъ перенесенныя къ устью массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ такъ-называемыя дельты, то-есть новыя образованія большихъ рѣкъ въ области ихъ устья. Дельты Дуная и Волги — огромныя, болотистыя, поросшія тростникомъ низменности, занимають 2400—4000 квадратныхъ километровъ; эти низменности очень значительны, если принять въ соображеніе, что онѣ возникли изъ ничего, и въ то же время — ничтожны по сравненію съ дельтами большихъ, вѣевропейскихъ рѣкъ. Такъ, напримѣръ, Нилъ имѣетъ дельту въ 22,000,

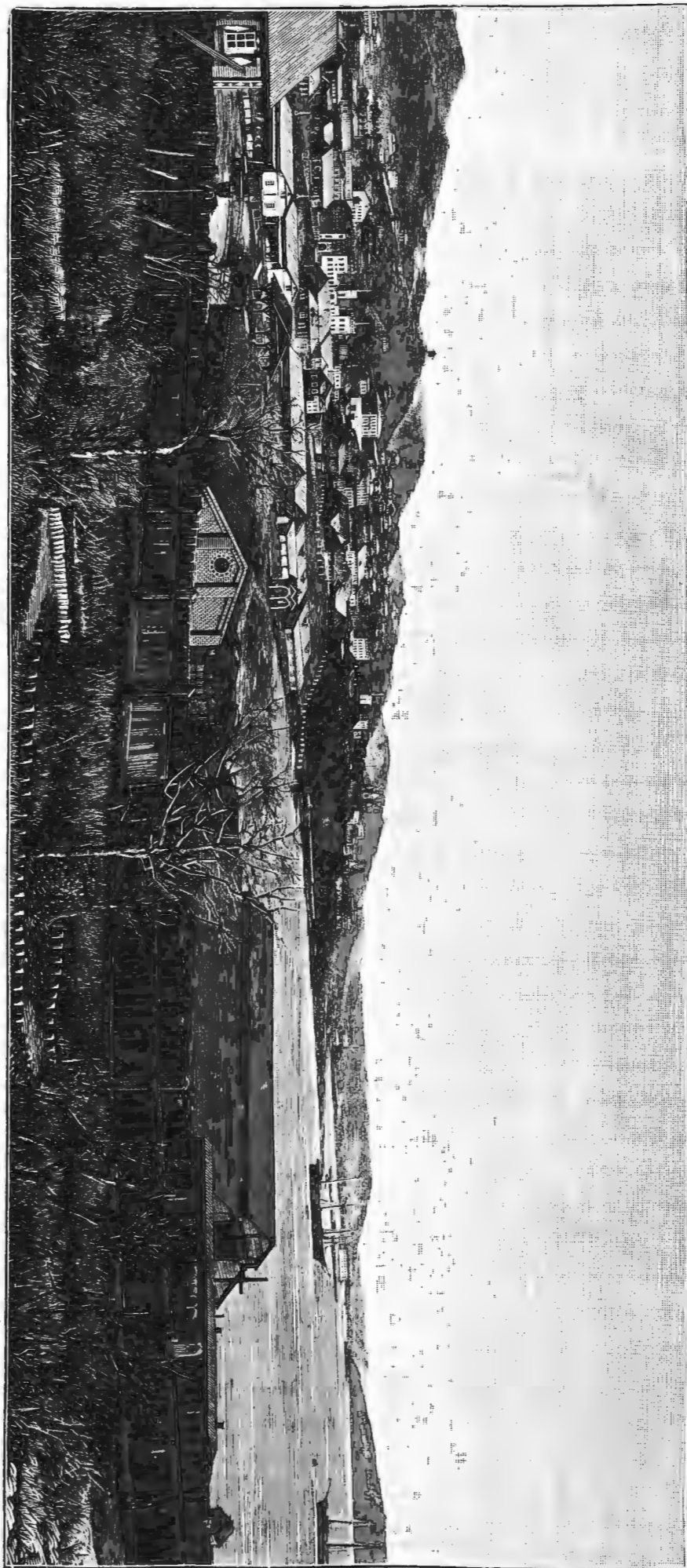

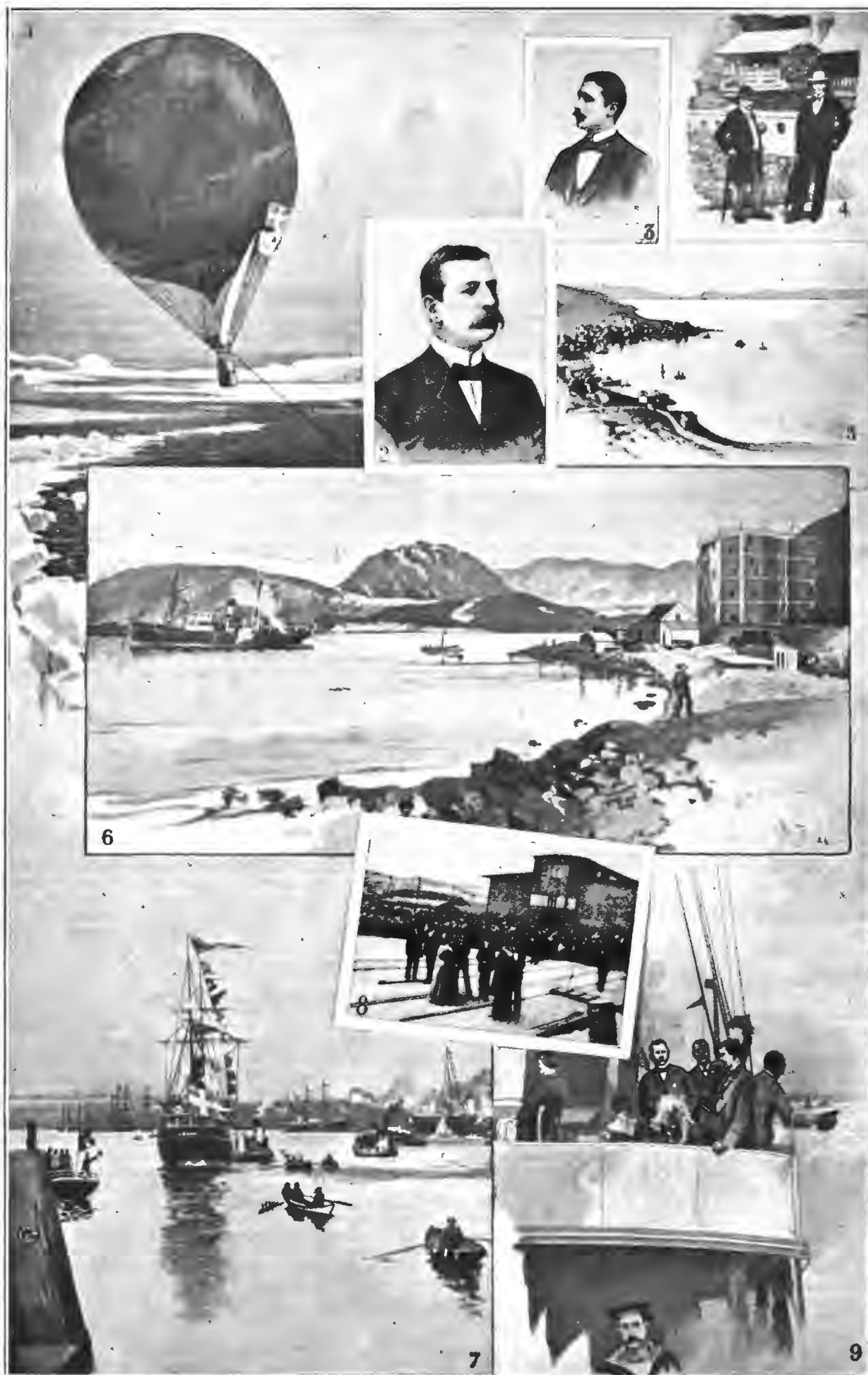
колаевскі быль упраздненъ и переведенъ во Владивостокъ. Съ тѣхъ поръ городъ сталъ еще быстрѣ расти, но жители его состояли преимущественно изъ военнослужащихъ и торговаго люда. Въ 1870 г. во Владивостокъ былъ переведенъ 1-й линейный батальонъ, а грозившая въ 1877 г. война съ Англіей застала городъ совершенно беззащитнымъ. Тогда были возведены въ немъ первыя укрѣпленія, береговыя батареи, и городъ былъ связанъ непрерывнымъ телеграфомъ съ Европейскою Россіей. Въ 1880 г. портъ Владивостокъ переименованъ въ городъ, а въ 1889—въ крѣпость, и съ этого момента начинается его сказочный ростъ. Посѣщеніе крѣпости въ 1891 г. Государемъ Императоромъ и сооруженіе великой сибирской желѣзной дороги, связанное непосредственно съ этимъ посѣщеніемъ, дали въ городъ новыя силы и обратили на него вниманіе всего міра. Наши рисунки сдѣланы по фотографіямъ, снятымъ за самое послѣднее время.

Первыя четыре рисунка (на стр. 688—689), будучи сложены бокъ-о-бокъ въ порядкѣ ихъ нумераціи, составляютъ въ совокупности панораму всего города съ бухтою „Золотой Рогъ“ и съ открытымъ выходомъ въ море. Она убѣждаетъ насъ, что этотъ „городъ будущаго“ и въ настоящее время уже можетъ конкурировать со многими изъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи. Расположенный на холмистыхъ скалахъ гряды горъ, окружающіхъ узкую, глубоко вдавшуюся въ материкъ гавань „Золотого Рога“, городъ съ моря виденъ весь и представляетъ лѣтомъ, въ хорошую погоду, положительно чарующую картину. Цѣстрые деревянныя и каменные дома обывателей, окруженные садами, амфитеатромъ поднимаются въ гору, тогда какъ большинство казенныхъ зданій морского, военнаго и желѣзнодорожнаго вѣдомствъ расположены вдоль берега бухты. Въ глубинѣ ея находятся портовые постройки, плавучій докъ и вновь строящійся, но еще не оконченный, огромный сухой докъ. Въ настоящее время во Владивостокѣ квартируютъ: морской экипажъ, пять артиллерійскихъ крѣпостныхъ ротъ, два батальона и полкъ пѣхоты, а въ лѣтнее время бухта оживляется громадами военныхъ судовъ и коммерческихъ пароходовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ городѣ есть каменный соборъ, прекрасныя морское и военное собранія, мужская и женская гимназіи и музей „Общества изученія Амурскаго края“. Что касается до населенія города, то оно состоитъ изъ войскъ, русскихъ и инородцевъ: китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, которые временно проживаютъ въ краѣ. Общее число населенія простирается до 20 тысячъ, но цифра эта замѣчательна, и лѣтомъ число жителей несравненно болѣе, потому что на работы прибываетъ изъ Китая, Кореи и Японии масса рабочаго люда. Первое, что поражаетъ пріѣзжаго въ городъ, это—обиліе вновь возводимыхъ построекъ, такъ что городъ и до сихъ поръ все еще имѣетъ видъ неоконченный. Но уже не далеко то время, когда онъ сдѣлается кошечною станціей великаго пути и тогда начнетъ развиваться еще быстрѣе.

О жизни Владивостока читатель найдетъ дополнительныя свѣдѣнія въ „Литературныхъ Приложеніяхъ“ къ этому номеру *Нивы*, въ интересныхъ очеркахъ г. Снарскаго: „На дальній Востокъ и обратно“.

Общій видъ Владивостока. Съ фотогр. Лангола граф. Шлегера.

Воздушный полетъ къ сѣверному полюсу. Съ рисунковъ Рейтердама автотипія „Нивы“.

1) Шаръ. 2) Самуэль Андрэ. 3) Капитанъ Стриндбергъ. 4) Г. Лашамбръ, соорудившій шаръ, и кап. Стриндбергъ. 5) Городъ Гаммерфестъ, крайній сѣверный пунктъ, откуда получила телеграмма о полетѣ шара Андрэ. 6) Сарай для храненія шара на Шпицбергенѣ. 7) Пароходъ „Свенскундъ“ въ Готенбургѣ. 8) Публика, собравшаяся у дока, чтобы проститься съ экспедицею. 9) Последнее „прости“.

Воздушный полетъ къ сѣверному полюсу.

(Рис. на стр. 691.)

Смѣлый замыселъ шведскаго инженера Андрэ изслѣдовать сѣверный полюсъ на воздушномъ шарѣ еще съ прошлаго года привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего образованнаго человѣчества. Теперь, когда замыселъ этотъ отчасти уже осуществился и остается только ожидать его результатовъ, вниманіе доходитъ до напряженности. Прежде, однако, чѣмъ сообщить читателю имѣющіяся пока свѣдѣнія о судьбѣ воздухоплателей, прослѣдимъ вкратцѣ предшествовавшую исторію предпріятія Андрэ.

Андрэ теперь 42 года; онъ холостъ и, по профессіи инженера, состоитъ на шведской государственной службѣ въ учрежденіи, завѣдывающемъ выдачею привилегій. Красивая, высокая фигура его, съ светло-блѣклыми волосами и такими же длинными усами, производятъ очень симпатичное впечатлѣніе. Орлиный носъ и свѣтло-голубые глаза придаютъ лицу выраженіе энергіи.

Мысль о полетѣ къ полюсу давно уже занимала ученаго инженера. Два года тому назадъ онъ явился въ Лондонъ съ совершенно готовымъ уже планомъ путешествія. Чуждый какихъ-либо необоснованныхъ предположеній, весь построенный на строго провѣренныхъ метеорологическихъ и другихъ научныхъ положеніяхъ, планъ этотъ, предложенный на разсмотрѣніе цѣлой группы ученыхъ, сразу завоевалъ всеобщее вниманіе и одобреніе. Другіе проекты этого же рода, представлявшіеся равнѣ, не имѣли успѣха, какъ, напримѣръ, проектъ Биссанка и Эрмита, вызвавшій пять лѣтъ тому назадъ бурю возраженій въ парижскомъ воздухоплавательномъ обществѣ; да и денегъ на осуществленіе своего плана у предпринимателей тогда не было.

Андрэ и съ этой стороны посчастливилось. Шведскій король Оскаръ, покойные Нобель и баронъ Диксонъ, соотечественники Андрэ, съ довѣріемъ отнеслись къ его предпріятію и явились къ нему съ денежною помощію на устройство шара и снаряженіе экспедиціи. Шведское правительство, со своей стороны, предоставило въ его распоряженіе пароходъ „Свенскаундъ“. Прощай годъ, однако, не благоприятствовалъ отважному ученому. Долгое время пришлось ему провести въ ожиданіи попутнаго южнаго вѣтра и, не дождавшея его, отложить полетъ до вышшаго года. 6-го мая экспедиція на пароходѣ „Свенскаундъ“ отплыла изъ Гетеборга (рис. 7, 8 и 9). Шаръ и большая часть принадлежностей полета были отправлены на пароходѣ „Вирго“. Оба судна выстѣ вышли изъ сѣвернаго порта Тромзѣ на Шницбергень, куда и прибыли благополучно къ концу мая.

На Шницбергень, на такъ-называемомъ Датскомъ островѣ, къ услугамъ экспедиціи уже былъ готовъ, построенный въ прошломъ году, сарай для выполненія и сохраненія шара (рис. 6). Оставалось и на этотъ разъ дожидаться благоприятнаго вѣтра. Недѣля проходила за недѣлей, а южнаго вѣтра все не было. Въ одной изъ стокгольмскихъ газетъ появилась, наконецъ, телеграмма Андрэ, помѣченная 16-мъ іюня. Въ депешѣ онъ сообщалъ, что произведенныя имъ въ прошломъ году наблюденія заставляютъ его надѣяться на благоприятные вѣтры въ концѣ іюня; если же это не состоится, онъ сочтетъ своею обязанностью съ 4-го іюля воспользоваться первымъ случаемъ для полета, хотя бы вѣтры оказались не особенно благоприятными.

И вотъ, 4-го іюля въ Тромзѣ вернулся со Шницбергена пароходъ „Свенскаундъ“ съ извѣстіемъ, что въ воскресенье, 29-го іюня, Андрэ началъ свой полетъ при благоприятныхъ условіяхъ и попутнымъ легкомъ вѣтрѣ. Самъ Андрэ телеграфировалъ при этомъ: „Согласно рѣшенію, о которомъ сообщено было равнѣ, сегодня, въ воскресенье, въ 10 ч. 35 м. утра, мы завялисъ приготовленіями къ отъѣзду и въ настоящую минуту, въ 2 ч. 30 м. пополудни, готовимся къ полету. Полетимъ мы, вѣроятно, на сѣверо-востокъ и надѣемся постепенно попасть въ мѣста, гдѣ вѣтры окажутся болѣе благоприятными, чѣмъ здѣсь. Отъ имени всѣхъ участниковъ экспедиціи шлю сердечный привѣтъ отчизнѣ и друзьямъ. Андрэ“.

Одновременно съ этимъ по телеграфу же были получены слѣдующія подробности о полетѣ:

„Такъ какъ въ воскресенье утромъ вѣтеръ оказался болѣе благоприятнымъ, то былъ отданъ приказъ поспѣшно готовиться къ отъѣзду. На приготовленія потребовалось 3½ часа. Шаръ, которому дано названіе „Орелъ“, поднялся благополучно при кликахъ „ура“ и пожеланіяхъ. Несмотря на слабый вѣтеръ, шаръ быстро поднялся на высоту 200 метр., но вслѣдъ за тѣмъ опустился на близкое разстояніе отъ поверхности моря. Немного спустя, однако, и послѣ того, какъ выброшено было нѣсколько мѣшковъ съ пескомъ, шаръ опять поднялся и, благодаря южному вѣтру, полетѣлъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Погода была ясная, „Орелъ“ былъ видимъ въ теченіе часа, онъ двигался со скоростью 35 кил. въ часъ на сѣверо-сѣверо-востокъ. Проводы были самые трогательныя, подъемъ шара произвелъ величественное впечатлѣніе. Послѣ подъема шара сталъ дуть южный вѣтеръ. „Свенскаундъ“ оставилъ Датскій островъ 1-го (13-го) іюля вечеромъ и за все время плаванія вплоть до Тромзѣ подвергался дѣйствию сильнаго юго-восточнаго вѣтра“.

Спутникомъ Андрэ явился тотъ же капитанъ Стриндбергъ (рис. 3), который собирался съ нимъ и въ прошломъ году; вторымъ спутникомъ вызвался быть молодой гражданскій инженеръ Френкель. Кромѣ нихъ, въ экспедиціи Андрэ находился еще артиллерійскій офицеръ Сведенборгъ, на тотъ случай, если бы кто-нибудь изъ двухъ первыхъ спутниковъ почему-либо отказался отъ полета. Шаръ Андрэ (рис. 1) прошлую зиму послылся въ Парижъ для увеличенія, такъ что въ настоящее время вместимость его равняется 4,800 куб. метр. Увеличеніе это потребовалось вслѣдствіе того, что тройная шелковая ткань, изъ которой сдѣланъ шаръ, оказалась нѣсколько тяжелѣе, чѣмъ было рассчитано заранее, а потому явилась необходимость увеличить и вместимость шара. Чтобы предупредить всякую возможность улечиванія газа, воздушный шаръ Андрэ, въ отличіе отъ другихъ шаровъ, совершенно закрытъ снизу, зато снабженъ большимъ предохранительнымъ клапаномъ. Какъ только давленіе водорода въ шарѣ начинаетъ пересиливать давленіе окружающаго воздуха, клапанъ открывается и выпускаетъ часть водорода; въ обратномъ же случаѣ воздухъ все равно не можетъ попасть внутрь шара, такъ какъ клапанъ открывается только наружу. При такихъ условіяхъ часть газа должна сейчасъ же вслѣдъ за подъемомъ улечиваться изъ совершенно наполненнаго шара. Но полярному азуросту придется, вообще, подвергаться температурнымъ колебаніямъ лишь въ небольшой степени, такъ какъ полетъ его совершится все время почти на одной и той же высотѣ 200 метровъ отъ земли.

Все снаряженіе шара, инструменты и проч. являютъ со слѣднимъ словомъ аэронавтики и плодомъ многолѣтнихъ опытовъ Андрэ. На полномъ соответствіи другъ съ другомъ всѣхъ частей воздухоплавательнаго снаряженія, у Андрэ и создалась непоколебимая вѣра въ успѣхъ. По его распоряженію, шаръ свободно можетъ нести троихъ людей; на немъ имѣются всѣ необходимыя инструменты для производства наблюденій, лодка, провизія мѣсяца на четыре и балластъ, чѣдъ въ общей сложности составляетъ свыше 175 пудовъ. Провизія, какъ во всѣхъ экспедиціяхъ, состоитъ преимущественно изъ консервовъ; у путешественниковъ вѣтъ даже недостатка въ бѣломъ хлѣбѣ, уложенномъ въ герметически закупоренныя жестянки. Не лишены они и горячей пиши, для приготовленія которой взята спиртовая кухня. Въ сущности, такая вещь на азуростѣ представляетъ страшную опасность: стобитъ частицъ газа изъ шара попасть въ пламя, и все погнбло; но кухня Андрэ—особаго устройства; при ней исключается всякая возможность выпышки газа. Состоитъ она изъ мѣднаго цилиндра, въ которомъ помещается и лампа, и посуда для пиши, а также и механизмъ для зажиганія лампы. Зажиганіе производится лишь послѣ того, какъ кухня спущена на ремнѣ на десять метровъ отъ корзинъ, то-есть на 15 метровъ отъ самой нижней части шара. Вооль ремня протянута резиновая трубка, а внутри ея—шнурокъ, при натягиваніи котораго механизмъ приходитъ въ дѣйствіе, зажигаетъ спичку, а послѣдняя—спиртъ. Съ корзинъ все время можно наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ кухнѣ, съ помощію приспособленнаго къ ней зеркала. Когда кушанье готово, остается только дунуть въ трубку и потушить огонь. Шаръ, по расчетамъ Андрэ, можетъ продержаться въ воздухѣ тридцать дней, а при благоприятныхъ условіяхъ, при умѣренномъ вѣтрѣ, на переѣздъ отъ Шницбергена до Берингова пролива ему понадобится не болѣе шести дней, хотя это и составляетъ, мѣряя черезъ полюсъ, разстояніе въ 2,300 англійскихъ миль. Профессоръ же Эггольмъ, бывшій въ прошломъ году спутникомъ Андрэ и близкаго знакомый съ его предпріятіемъ, высказалъ на этотъ счетъ слѣдующее. По его мнѣнію, вѣтеръ при началѣ полета былъ настолько силенъ, что уже на слѣдующій день воздухоплатели были уже, вѣроятно, на полюсѣ. Но тамъ неминуемо должна произойти аварія: шаръ долженъ идти гораздо медленнѣе, выжидая благоприятнаго вѣтра. Пять различныхъ путей возможны, но трудно сказать, который вѣрнѣе. Если на полюсѣ подуетъ сѣверный вѣтеръ, то Андрэ, по мнѣнію Эггольма, понадобится на все путешествіе не болѣе двѣнадцати дней. Что же касается продолжительности времени, въ теченіе котораго шаръ можетъ держаться въ воздухѣ, то и Эггольмъ подтверждаетъ расчетъ Андрэ. Результатомъ прежнихъ опытовъ Андрэ явилась увѣренность, что съ помощію паруса и гайдроповъ, скользящихъ по льду, можно отклонять направленіе шара на 27 градусовъ отъ направленія вѣтра. Такимъ образомъ шаръ будетъ управляться не только вѣтромъ, но и находиться, до нѣкоторой степени, подъ контролемъ самого воздухоплатателя. Эти же гайдропы должны удерживать шаръ на постоянной высотѣ 200 метровъ. Случайности какого-либо несчастія въ томъ случаѣ, если такой гайдропъ, воочасъ то по водѣ, то по льду, примерзнетъ къ послѣднему, предусмотрѣна воздухоплатателемъ. Какъ разсказалъ проф. Эггольмъ бѣдствовавшему съ нимъ корреспонденту, нижняя часть гайдрона составлена изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, соединенныхъ между собою особымъ механизмомъ, который, въ случаѣ сильной аваріи лежащей ниже части, открывается, и примерзшій конецъ гайдрона обрывается.

Съ нетерпѣніемъ приходится теперь ожидать навѣстій о дальнѣйшей судьбѣ отважнаго ученаго, совершенно безко-

рытно рискующего жизнью на благо науки. Весь культурный мир желает ему, конечно, успеха, вполне заслуженного долгим рядом работ по приготовлению экспедиции и отважным полетом. Къ счастью, по получаемым до сих пор известиям, сама природа содействует Андрэ надъ Шпицбергеномъ, Норвегіей и ледяными пространствами господствуют за послѣднюю недѣлю юго-западные вѣтры. Въ виду этого туземцы полагаютъ, что Андрэ полетѣлъ по направленію къ Восточной Сибири.

Впрочемъ, предположить какую-либо преждевременную оставку трудно; путешествие должно закончиться лишь тогда, когда шаръ приблизится къ какому-либо населенному пункту, и только какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства могутъ побудить Андрэ покинуть шаръ среди полярныхъ льдовъ и возвратиться на лодкѣ или на саняхъ. Лодка, взятая съ собою воздухоплавателями, имѣетъ въ длину 12 футовъ, въ ширину 4 фута, вѣситъ всего около 2½ пудовъ и можетъ выдержать тронхъ людей и до 37 пудовъ груза. Она сдѣлана изъ той же матеріи, что и шаръ, ватянутой на деревянный остовъ. Она складывается, а потому очень удобна во время полета. Для сообщенія о себѣ свѣдѣній, Андрэ взялъ съ собою изъ Тромсѣ 30 почтовыхъ голубей и нѣсколько металлическихъ „поплавокъ“. Послѣдніе представляютъ собою металлические цилиндры, рассчитанные на давленіе 20 атмосферъ, чтобы выносить натискъ льдинъ; они выкрашены въ желтую и голубую краску; сверху прикрѣпленъ флагъ. Назначеніе ихъ — служить для такъ-называемой бутылочной почты, такъ какъ внутри ихъ вкладываются письма, а затѣмъ „поплавокъ“ спускается на воду. Такихъ поплавокъ отъ Андрэ до сих поръ не найдено; что же касается голубей, то на пароходъ „Рагенгильдъ“, въ Ледовитомъ океанѣ, прилетѣли четыре, крайне изнуренныхъ, голубя; у двухъ изъ нихъ на крыльяхъ были штемпели: „Полярная экспедиція, № 65 и № 106“; другихъ же сообщеній при нихъ не было. Кроме того, изъ Ставангера телеграфируютъ, что близъ Севде въ Рифилкѣ пойманъ почтовый голубь съ серебрянымъ кольцомъ на ногѣ и съ помѣткой на крыльяхъ: „Сѣверный полюсъ, 142 W, 47/62“. Прологодий спутникъ Андрэ, докторъ Эггольмъ, заявилъ, что не думаетъ, чтобы голубь, пойманный въ Ставангерѣ, принадлежалъ Андрэ. Онъ полагаетъ, что Андрэ не употребляетъ серебряныхъ колецъ для голубей; затѣмъ надписи на крыльяхъ не носятъ имени Андрэ; наконецъ, неясный способъ отбѣтокъ оставляетъ дѣло подъ сомнѣніемъ.

Андрэ общался, между прочимъ, редактору стокгольмской газеты *Aftonbladet* прислать ему по голубиной почтѣ депешу съ пути, но до сих поръ она еще не получена.

Бернгардъ фонъ-Бюловъ. (Портр. на стр. 694.)

Какъ уже извѣстно читателямъ *Нивы*, въ личномъ составѣ

высшаго управленія объединенной Германской имперіи произошли значительныя перемены. Между прочимъ, вышелъ въ отставку статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, баронъ Маршалъ-Биберштейнъ, который замѣщенъ германскимъ посломъ при римскомъ дворѣ, Бернгардомъ фонъ-Бюловымъ.

Г. фонъ-Бюловъ очень быстро поднялся до высшихъ степеней дипломатической іерархіи. Ему идетъ теперь всего сорокъ девятый годъ, такъ какъ онъ родился 3-го мая 1849 г., въ Клейнфлотбекѣ, въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Службу свою, по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ началъ въ торгово-политическомъ отдѣлѣ его, гдѣ и пробылъ два года. Затѣмъ, послѣ русско-турецкой войны, онъ былъ назначенъ германскимъ представителемъ въ Аѳинахъ. На состоявшемся вскорѣ послѣ того берлинскомъ конгрессѣ фонъ-Бюловъ исполнялъ обязанности секретаря. Въ слѣдующія затѣмъ шесть лѣтъ, съ 1878 г. по 1884 г., онъ состоялъ сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ секретаремъ германскаго посольства въ Парижѣ. На этомъ посту фонъ-Бюлову въ особенности удалось проявить свои знанія и способности; чрезвычайно начитанный, молодой дипломатъ съ горячимъ интересомъ относился ко всѣмъ новымъ явленіямъ въ области литературы и искусства, и у него завязались дружественныя отношенія съ лучшими умами Франціи.

Въ 1884 году фонъ-Бюловъ получилъ новое назначеніе — содѣлникомъ посольства въ Петербургѣ; въ этой должности онъ состоялъ до 1889 г.; затѣмъ назначенъ былъ посланникомъ въ Бухарштѣ, а въ началѣ 1894 г. явился преемникомъ графа Сольмса въ должности посла при Квириналѣ.

Въ Римѣ дворецъ германскаго посла всегда являлся налюбыннымъ сборнымъ пунктомъ избраннаго общества. Въ значительной мѣрѣ содействовало этому гостеприимство супруги посла, рожденной княжны Кампореале, падчерицы итальянскаго государственнаго дѣятеля Мингетти, бывшей ранѣе замужемъ за прусскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ, графомъ Денгофомъ.

Обширный умъ и уравновѣшенная натура г. фонъ-Бюлова служатъ гарантіей, что онъ на своемъ новомъ посту будетъ далекъ какъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній, такъ и отъ односторонняго политическаго доктринерства. Постъ этотъ очень отвѣтственный, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, германскій имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, намѣренъ посвятить себя преимущественно внутренней политикѣ. Какъ говорить, г. фонъ-Бюловъ будетъ сопутствовать императору Вильгельму во время предстоящей его поѣздки въ Россію. Г. фонъ-Бюловъ встрѣтитъ въ Петербургѣ много старыхъ знакомыхъ; онъ самъ сроднился съ столицею Россіи во время своего пятилѣтняго въ ней пребыванія. Можно только пожелать, чтобы все это содействовало упроченію прекрасныхъ отношеній между двумя сосѣдними имперіями.

Политическое обозрѣніе.

Греко-турецкая распря, повидимому, будетъ скоро окончательно сдана въ архивъ. По свѣдѣніямъ отъ 9-го іюля, въ Константинополѣ уже изданъ праде, утверждающій рѣшеніе греко-турецкаго пограничнаго спора. Остаются, слѣдовательно, рѣшить только вопросъ о размѣрахъ военной контрибуціи, представляющей сравнительно уже второстепенный интересъ. Отсюда видно, какъ неуравно соціаллисты и радикалы, выразившіе во французской палатѣ депутатовъ, сѣваніе на бездѣйствіе Франціи, которая могла бы произвести-де демонстрацію передъ Константинополемъ и положить конецъ турецкой медлительности. На запросъ отвѣчалъ 5-го іюля г. Ганото: не одна лишь Франція заинтересована въ восточныхъ дѣлахъ; Франція присоединилась къ совмѣстной дѣятельности державъ; французское вліяніе на Востокѣ не пострадало, такъ какъ католическія общины — въ безусловной безопасности; политика Франціи заключается въ сохраненіи территориальнаго status quo и въ защитѣ идеи справедливости и человечества, что составляетъ общую задачу всѣхъ державъ; война локализована, и Критъ находится на пооченіи державъ; въ прискорбномъ промедленіи мирныхъ переговоровъ не заслуживаетъ упрека та или другая держава, тѣмъ болѣе, что положеніе улучшается, такъ какъ вопросъ о контрибуціи почти улаженъ, а установленіе границы близится къ разрѣшенію; въ настоящее время европейскій концертъ добивается умирности со стороны побѣдителя. Палата отвѣтила на рѣчь министра оживленными рукоплесканіями. Съ юридическими политикой правительства выступилъ и г. Гобла, указывая на то, что вопросы о реформѣ Турціи и автономіи Крита остаются до сих поръ безъ разрѣшенія, Турція же пока эксплоатируетъ Эссалию. Министръ-президентъ Мелинъ отвѣтилъ, что правительство держалось политики соглашенія съ державами и въ этой-то политикѣ — спасеніе, потому что, если бы Франція выступила съ дѣятельною политикою помимо державъ, — республика пошла бы навстрѣчу общей войнѣ. Въ заключеніе г. Мелинъ просилъ палату разрѣшить правительству слѣдовать прежнему пути. Послѣ сочувственныхъ возгласовъ палаты, продолжительная пренія закончились голосованіемъ, при чемъ большинствомъ 334 голоса противъ 114 принята была формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, одобряющая политику кабинета.

Но оппозиція лѣвой съ радикалами и прогрессистами не теряла надежды ниспровергнуть министерство на почвѣ вопроса о податной реформѣ. Разными запросами оппозиція добилась 30-го іюня голосованія, давшаго правительству перевѣсъ большинства лишь въ 13 голосовъ. Министерство высказалось противъ непопулярнаго въ народѣ общаго и прогрессивнаго подоходнаго налога, идущаго, по заявленію г. Меллина, въ разрѣзъ съ политикою кабинета, и поставило вопросъ о довѣртіи. Немедленно пушенъ былъ въ ходъ министерскій проектъ прямыхъ налоговъ на 1898 годъ. 4-го іюля, бюджетная коммиссія внесла проектъ въ палату при благопріятномъ докладѣ, такъ что вечеромъ того же дня начались общія пренія. Оппозиція поспѣшила внести контръ-проектъ, который, однако, отвергнуть былъ палатой при перевѣсѣ въ 33 голоса. Затѣмъ, 8-го іюля, правительственный законопроектъ о прямыхъ налогахъ принятъ большинствомъ 510 голосовъ противъ 7. Послѣ вотированія громаднымъ большинствомъ кредита въ семь миліоновъ на немедленныя надѣрки военнаго флота, прочитанъ былъ декретъ о закрытіи сессіи. Тотъ же декретъ прочитанъ и въ сенатѣ, послѣ вотированія имъ принятыхъ палатою проектовъ безъ всякихъ измѣненій.

Такимъ образомъ, французское правительство вышло побѣдителемъ изъ всѣхъ парламентскихъ затрудненій. Оппозиція отбита на всѣхъ пунктахъ и пораженіе ея усугубляется еще скандальной развлекой дѣятельности парламентской панамской коммиссіи, о сформированіи которой усердно хлопотали прошлою весною всѣ противники кабинета, въ надеждѣ заручиться новымъ матеріаломъ для парламентскихъ атакъ противъ министерства. Недавно, пребывающей въ Англіи герой панамскихъ разоблаченій, Корнелій Герцъ выразилъ готовность дать новыя показанія, если къ нему прибудетъ большинство коммиссіи. Коммиссія постановила отправиться въ Англію въ полномъ составѣ и уже была въ пути, когда получилось новое требованіе Герца, не оставляющее болѣе сомнѣній въ мистификаціи, произведенной этимъ панамистомъ. Комичный инцидентъ вернувшейся коммиссіи далъ пищу французскому осгроумію, обрушившемуся дѣлымъ рядомъ насмѣшекъ по адресу оппозиціи, очутившейся передъ общественнымъ мнѣніемъ въ крайне забавномъ положеніи.

Разныя извѣстія.

— Черниговскій губернаторъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о состояніи Черниговской губерніи за 1895 годъ, между прочимъ, объяснилъ слѣдующее: „При ревизіонномъ объездѣ губерніи повсемѣстно было обращено вниманіе на содержаніе кладбищъ. Надо сознаться, что рѣдко гдѣ достойное всякаго вниманія, ухода, охраненія и уваженія помянутое содержаніе содержится въ томъ состояніи, котораго требовало бы религіозное чувство благоговѣнія предъ памятью отошедшихъ въ вѣчность. Устраненіе настибы скота и свиней на могиллахъ, возобновленіе оградъ, очистка погоста и расчистка дорожекъ были повсемѣстно предписаны къ немедленному исполненію; полиціи строго подтверждено наблюденіе за этимъ, городскимъ управленіемъ предложено заботиться отпускомъ средствъ на это дѣло: сдѣлано сношеніе съ епархіальнымъ преосвященнымъ относительно воздѣйствія въ этомъ отношеніи на мѣстныхъ благочинныхъ, протоіереевъ и священниковъ; вообще замѣчено, что главная причина плохого содержанія кладбищъ лежала въ отсутствіи заботъ частныхъ лицъ о могиллахъ близкихъ имъ людей и въ отсутствіи ассигнованій на сей предметъ со стороны городовъ. Лучшимъ двигателемъ къ исправленію этой ошибки, оказывающейся вину предъ усопшими, должно явиться начавшееся повсемѣстно усиленное объ этомъ напоминаніе духовными отцами при церковной проповѣди“. Противъ этого мѣста отчета Его Императорское Величество соизволило отмѣтить: „Это вопросъ, касающійся всей Россіи“, и слова отчета: „содержаніе кладбищъ“—собственнорочно подчеркнуть. Комитетъ министровъ, куда отчетъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ, объ изясненномъ увѣдомилъ синодальнаго оберъ-прокурора, а имъ предложено Святейшему Синоду. Обсудивъ изложенное, Святейшій Синодъ опредѣлилъ: поручить синодальнымъ канцеляриямъ, епархіальнымъ преосвященнымъ, духовнику Ихъ Величества и протопресвитеру военнаго и морского духовенства предписать подвѣдомственному имъ духовенству: а) имѣть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы состояція въ ихъ непосредственномъ вѣдѣніи кладбища содержались въ благоустроенномъ, опрятномъ и приличномъ видѣ, вполнѣ соответствующемъ христіанскому долгу почтительнаго отношенія со стороны пребывающихъ въ живыхъ къ въ вѣрѣ скончавшихся, прилагая къ сему всячески зависящая мѣры; б) въ сихъ видахъ озаботиться о безотлагательномъ приведеніи въ порядокъ и благоустройство кладбищъ, находящихся по какимъ-либо

причинамъ и въ какомъ-либо отношеніи въ неудовлетворительномъ состояніи, то-есть объ исправленіи обвалившихся могилъ, починкѣ старыхъ и сооруженіи, гдѣ окажется нужнымъ, новыхъ оградъ, заборовъ или плетней, укрѣпленіи насыпей, а также насажденіи, сообразно съ мѣстными условіями, воз-

Академикъ Д. Г. Левкичъ (по поводу 75-лѣтія со дня кончины). Съ портрета, писаннаго самимъ художникомъ, автотипія А. Вильборга.

можно большаго количества деревьевъ, которыя, служа къ вышнему благолѣпію кладбищъ, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ признано медицинскою наукою, лучшимъ средствомъ для обезвреженія на

кладбищъ воздуха, и в) къ покрытію же расходовъ по произведуту такихъ работъ приглашать частныхъ лицъ и городскихъ и сельскія общества, родственники и однообщественники коихъ почивають на кладбищахъ, побуждая ихъ къ сему пастырскимъ увѣщаніемъ и напоминая о лежащей на нихъ нравственной обязанности заботиться о могиллахъ близкихъ имъ покойниковъ, а гдѣ окажется возможность—удѣлять на сіе также часть церковныхъ или кладбищенскихъ доходовъ.

— Въ дипломатическомъ нашемъ корпусѣ произошли слѣдующія важныя перемены: чрезвычайнымъ посланцемъ въ Константинополь назначенъ д. т. с. Иванъ Зинювъ; чрезвычайнымъ посланцемъ въ Римъ—д. т. с. Александръ Нелдковъ; чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмъ—т. с. Евгенийъ Бюцовъ; чрезвычайнымъ посланникомъ въ Тегеранъ—т. с. Кирилъ Аргироду и, наконецъ, министромъ-резидентомъ въ Цетинь—д. с. Губастовъ.

— 8-го іюля состоялось официальное открытіе сельско-хозяйственной и промышленной выставки въ Кіевѣ. Молебствіе совершилъ митрополитъ Іоанникій, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества великаго князя Петра Николаевича, покровителя выставки, генераль-губернатора графа А. П. Игнатьева, губернатора Томара и представителей городского самоуправления. Выставка открыта великимъ княземъ въ аудиторіи, гдѣ будутъ проходить съѣзды предсѣдатель выставки. Князь Репнинъ произнесъ рѣчь о значеніи для края выставки и надеждахъ, которыя она порождаетъ. Затѣмъ последовали обзоръ выставки и завтракъ. Отъ 11-го іюля телеграфируютъ *Новому Времени*: „Выставка печальна и пуста. Подвозъ экспонатовъ вялъ. Въ машинномъ отдѣлѣ подавляютъ иностранныя орудія. Обрабатывающая промышленность еще ожидается. Сахароводчики не спѣшатъ. Ихъ павильоны пусты“. Но за то, „весь день бойко торгуютъ среди пустыхъ павильоновъ рестораны. Вечеромъ концерты Главача“.

— 10-го іюля исполнилось пятидесятилѣтіе литературной и служебной дѣятельности члена совѣта министра финансовъ А. Ф. Раева. Юбіляръ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ *Отечественныхъ Записокъ* въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Его работы: „О продажѣ государственныхъ имуществъ“ и „Буряты“ обратили на себя вниманіе въ административныхъ и ученыхъ сферахъ. Въ послѣднее время онъ посвятилъ себя всецѣло административной дѣятельности въ качествѣ члена разныхъ коммисій и по ревизіи казенныхъ палатъ.

СМѢСЬ.

Чернильныя бациллы. Въ медицинской практикѣ довольно нерѣдко замѣчались случаи опаснаго зараженія крови, происшедшаго отъ укуса стальнымъ перомъ, бывшимъ уже въ употребленіи. Недавно въ лейпцигскомъ бактериологическомъ институтѣ профессору Марману удалось открыть въ чернилахъ особый родъ микроорганизмовъ, производящихъ такіа заболѣванія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что большинство сортовъ чернилъ, главнымъ образомъ изъ числа дешевыхъ „школьных“ и „канцелярскихъ“, содержатъ въ себѣ бактеріи. Изъ шестидесяти семи сортовъ чернилъ, приготовленныхъ изъ чернильныхъ орѣшковъ, большинство сортовъ оказалось содержащимъ или плѣсневые грибки, или бактеріи, или микрококи. Въ одиннадцати сортахъ, приготовленныхъ изъ анилиновой краски „нигрозина“, найдены даже въ свѣжихъ, только что откупоренныхъ стклянкахъ микроорганизмы, и число ихъ росло сообразно съ временемъ, въ теченіе котораго они подвергались дѣйствию воздуха. Изъ одной банки съ анилиновыми чернилами, простоявшей на воздухѣ три мѣсяца, выдѣлили заразныхъ бациллъ и приложи ихъ мышамъ; на четвертый день всѣ мыши подохла при ясныхъ симптомахъ зараженія крови.

Новое объ Эдиссонѣ. Въ числѣ изобрѣтеній Эдиссона называ-

ютъ лампу, при посредствѣ которой Рентгеновскіе лучи превращаются въ бѣлый свѣтъ. Эта лампа не что иное, какъ обыкновенная Круксова трубка, наполненная кристаллами одного самосвѣтящагося вещества—тяжеловѣса. Пройдя сквозь кристаллы, невидимые лучи превращаются въ бѣлые, видимые. Эдиссонъ занялъ теперь усовершенствованіемъ новой Рентгеновской лампы, съ цѣлью дать ей возможно болѣе широкое распространеніе. Далѣе сообщаютъ, что Эдиссонъ изготавлялъ чудесный флюороскопъ, имѣющій по своему устройству нѣкоторое сходство съ общезвѣстнымъ стереоскопомъ. Этотъ аппаратъ, будучи помѣщенъ непосредственно передъ глазами, позволяетъ видѣть человѣческое тѣло насквозь и читать въ немъ, какъ въ открытой книгѣ, не прибѣгая къ нѣсколькимъ хлопотливому фотографированію и прочимъ сложнымъ манипуляціямъ. Достаточно помѣстить между глазомъ и объектомъ, внутренности котораго желаютъ изучитъ, новый аппаратъ такъ, чтобы онъ не допускалъ на стѣтчатую оболочку никакихъ постороннихъ свѣтовыхъ лучей. Превосходное, граничащее съ чудеснымъ дѣйствіе своего флюороскопа Эдиссонъ получилъ благодаря новому, очень чувствительному флюоресцирующему веществу—кристаллизованной волчецово-кислой извести.

Бернгардъ фонъ-Буловъ, новый германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. Автотипія „Нивы“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, 6 р. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. За гра. ницу 10 р.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немчиновича-Диченко. (Продолженіе).—Муза. Очеркъ Ф. Червинскаго.—Д. Г. Левкичъ. Биографическая замѣтка Ва. Михневича. (Съ портр.).—Работа рѣчи.—Къ рисунку: Третьяковская галлерей. Политики.—Салонъ Емисейскихъ полей 1897 года. Битва у Ронкура (1643 г.).—Веселая минута.—Соннабула.—Владивостокъ (съ 5 рис.).—Воздушный полетъ къ сѣверному полюсу (съ рис. и портр.).—Бернгардъ фонъ-Буловъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—О подпискѣ на „Ниву“ 1897 года.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за іюль.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛЪСКОВА,
 новое, 2-е издание, въ 12-ти томахъ,

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И Сементковскаго и съ приложениемъ пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.
 Первое издание сочинений Лѣскова печаталось въ теченіе 1889—1890 гг. и состояло изъ десяти томовъ. Въ 1893 году вышелъ въ свѣтъ XI дополнительный томъ, а въ 1896 году А. Ф. Марксомъ изданы остальные произведенія Лѣскова въ новомъ XII-мъ томѣ, редактированномъ и приготовленномъ къ печати самимъ авторомъ. Первое издание соч. Лѣскова, стоившее 26 руб., быстро разошлось, и въ послѣднее время, когда первые десять томовъ стали библиографическою рѣдкостью, оно продавалось по цѣнѣ отъ 40 до 50 рублей.
 Въ статьѣ Р. И. Сементковскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ соч. Лѣскова, обстоятельно высказаны взгляды, стремленія и идеалы Лѣскова, проводимые имъ въ своихъ произведеніяхъ, и тѣ вліянія ранняго дѣтства и позднѣйшей жизни, подъ которыми сложились эти взгляды. Считая малыми не вѣдать здѣсь подробно въ указанія и перечисленія достоинствъ такого первостепеннаго и извѣстнаго писателя, какъ Н. С. Лѣсковъ, ограничимся лишь слѣдующей выдержкой изъ статьи одного изъ нашихъ наиболее добросовѣстныхъ литературныхъ критиковъ, слѣдующимъ образомъ характеризующаго Лѣскова: „Подходо нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ, не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка“.

Второе издание состоитъ изъ двѣнадцати объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ: т. I LVI+526 страницъ, т. II 519 стр., т. III 565 стр., т. IV 813 стр., т. V 609 стр., т. VI 515 стр., т. VII 575 стр., т. VIII 575 стр., т. IX 505 стр., т. X 507 стр., т. XI 469 стр., т. XII 468 стр.—всего LVI+6846 страницъ. Въ эти 12 томовъ вошли всѣ сочиненія Н. С. Лѣскова, помѣщенные какъ въ первыхъ десяти томахъ перваго изданія, такъ и въ двухъ дополнительныхъ XI и XII томахъ, и такимъ образомъ оно является **первымъ по полнотѣ** собраніемъ соч. Н. С. Лѣскова. Изданіе отпечатано очень изящно, на хорошей бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ.

Содержаніе 12-ти томовъ, соч. Н. С. Лѣскова:

Томъ I. Соборно. Хроника. — На краю свѣта. Рассказъ. — Запечатлѣнный ангелъ. Рассказъ.
 Томъ II. Предисловіе. — ПРАВЕДНИКИ. Одинадцать рассказовъ: Одухотв. Пимей. Кадетскій монастырь. Прибалваніе о Бобровъ. Русскій демократъ. Несмертельный Головакъ. Инженеры-безсребренники. Косой дѣша. Огаровинный странникъ. Человекъ на часахъ. Шерамуръ.
 Томъ III. Обойденныя. Романъ въ трехъ частяхъ. — Островитяне. Повѣсть.
 Томъ IV. Некуда. Романъ въ трехъ книгахъ.
 Томъ V. Смѣхъ и горе. Сатирическіе очерки. — Вонтелимница. Рассказъ. — Леди Грабеть Иценскаго уѣзда. Рассказъ. — Раблемъ. Рассказъ. — Антука. Рассказъ. — Кольванскій мужъ. Рассказъ. — Ранушанскій мелемедъ. Рассказъ. — Бѣлый орелъ. Фантастическій рассказъ. — Чертогонъ. Рассказъ. — Пламенная патриотка. Рассказъ.
 Томъ VI. Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протоганомихъ. — Рассказы и воспоминанія: Оцебимъ. Вестидникъ. — Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Очеркъ первый: Болоритъ Никола Юрьевичъ. Очеркъ второй: Болоритъ Марья Андреевна. Очеркъ третій: Плодомасовскіе варьяки. — Котимъ-девица и Платонида. Рассказъ. — Туевый художникъ. Рассказъ. — Томашье Дука. Изъ отроческихъ воспоминаній.
 Томъ VII. Святые рассказы: Жемчужное ожерелье. Неразвѣнный рубль. Зѣбрь. Привидѣніе въ низвержномъ ваикѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній). Отборное зерно. (Краткая трилогія въ прозе). Обманъ. Штогалыицъ. Жидовская куурология. Духъ господжа Жалыскъ. (Сатирическій слухай). Старый геій. Путешествіе съ выгилестомъ. Маленькая ошбка. (Секретъ одной московской фамиліи). Пугало Фигура. — Рассказы истані: Совѣстители. (Таринные психологи). Интересные мужички. Тапшесткии предѣлѣти. Александритъ.

Загадочное прошествіе въ сумасшедшемъ домѣ. Ужасное сословіе. Голосъ природы.
 Томъ VIII. Загадочный человекъ. (Съ письмомъ Н. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу. 1871 г.) — На поляхъ. Романъ въ шести частяхъ. Части 1, 2, 3.
 Томъ IX. На поляхъ. (Романъ въ шести частяхъ). Части 4, 5, 6 и послѣдъ.
 Томъ X. Гора. Египетская повѣсть. — Легенда о собственности Данилъ. — Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ. — Прекрасная Аза. Легенда. — Сномерокъ Памфалонъ. Легенда. — Левъ старца-Герасима. Восточная легенда. — Асианскій злодѣй. Промѣстивіе въ Проловой томницѣ. — Сназаніе о Фодоръ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамъ-мидовинѣ. — Печерскіе антики. — Чороты нулки. Главн изъ неоконченнаго романа.
 Томъ XI. Часть воли Божіей. Сказка. — Полуощинни. Пейзажъ и жанръ. — Юдоль. Рассказъ. — О кавиреяхъ. Повѣстрипмъ къ „Юдохи“. — Импривизаторы. Картинка съ натуры. — Пустолясы. Святотчій рассказъ. — Дурачокъ. Рассказъ. — Невинный Пруденцій. Легенда. — Легендарные характеры. Опытъ систематическаго обзорѣнія.
 Томъ XII. Зинниі день. Пейзажъ и жанръ. — Рассказы истані. Изъ литературныхъ воспоминаній: 1) Дана и Феола. 2) Заголчъ. — Продуктъ природы. — Сибирскія картинки XVIII вѣка. Изъ дѣлъ сибирской старини. Рассказъ. — Вдохновенные бродяги. Уадеція „скаски“. — Непогрѣшнъ поль. Невѣроятное событіе. Легендарный судъ. Билъ. Изъ недавнихъ воспоминаній. Рондантъ въ рассказѣ „На краю свѣта“. — Язывательный. Изъ гостемельскихъ воспоминаній. Рассказъ чиновирика особымъ порученіемъ. — Домашняя челядь. Историческіе справки по современному вопросу. — Соместіе во адъ. Апокрифическое сказаніе.

Цѣна полному собранію соч. Н. С. Лѣскова въ 12 томахъ 15 р., съ пересылкою 17 р., а въ 12 роскошныхъ коленкоровыхъ переплеткахъ 20 р., съ пересылкою 23 р.

Съ требованіями обращаться: въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Въ старой Москвѣ.
 Графа Е. А. САЛТАСА.
 Историческій романъ времени востанія на престолѣ и начала царствованія императрицы Елизаветы II. Въ 2-хъ част. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкор. перепл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

**НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
 СЛАБИТЕЛЬНАЯ
 ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
 ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.**
 Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
 Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булаештѣ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:
„БОТАНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“.
 Описание интересныхъ растений и поучительныхъ опытовъ съ ними. Сост. Ф. ПЭДО. Переводъ съ французск. подъ редакціей и съ дополненіями В. Я. Добровлянскаго. Съ 200 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 руб.

А. БОЛЬТЪ и К^о.
 Москва, Ильинка.
Непромокаемая одежда:
 ПАЛЬТО,
 МАКФАРЛАНЫ,
 ШИНЕЛИ,
 НАКИДКИ
 мужскіе и дамскіе
 изъ лучшихъ шотландскихъ и шотландскихъ матерій, расунковъ сезона 1897 г.
 Прейсъ-курантъ съ образцами матерій высылаются безплатно.
 Бумажное бѣлье Мой и Эдликъ.

**МЫЛО
 ЧИСТОПЬЛЬ**
Chetidor. majus
 Н. ЯКОВЛЕВА
 въ Москвѣ.
 Для смачиванія кожи рукъ и лица, а также противъ вѣснушекъ и загара. Ц. 40 к. кус.

БѢЛЫЕ МОНОПОЛЬ
 ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
 Вороти. 45 к. Манжети 65 к. Дж. Манжети 80 к. Дж. паръ.
 Прейсъ-курантъ безплатно.
 Г. ПЕТО О.-Петербургъ, Нарванская ул., 16.

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г. Оружіе и снаряды Склада подъ фирмою:
 „Центральное депо оружія“ г. помѣщенная, 29. Эд. Венигъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей.

Новѣйшія каучуковыя передвижныя буквы „Побѣда“
**ПОДУШКА
 НЕВЫСЫХАЮЩЕЙ
 КРАСКОЙ**
 КОМПЛЕКТЪ КЪ 78 ВЪ. ВИДѢ
 которыми составляется наборъ для печатанія карточекъ, книгъ, бланковъ и проч. Пр.-кур. и обр. буквъ безплатно.
Заведеніе штемпелей и печатей
 І. Д. Левинсона
 въ Варшавѣ, Электроральная, 17.

СТОЛКИНДА Москва
 КАПСЮЛИ
ДЕЗОДОРАТЪ для УНИЧОЖЕНІЯ ЗЛОВОНІЯ
 въ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т.д.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ Складъ:
 Аптекарская торговля Л. Столкінда,
 Лубанскій пр. домъ Смольянинова.
 НОВОУРОЖЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
 Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Благодаря приятному вкусу, питательности и легкости приготовления, — наилучшій шоколадъ для потребления въ жидкомъ видѣ.

В. № 10038 4-4

D.O.M + D.O.M

BENÉDICTINE

de de
L'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se defier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M + D.O.M

БЕЗРЕВНАЯ УРБАНА
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРДЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безреводное средство для быстрого окрашивания сѣдыхъ волосъ и борды въ черныя, р. свм, темныя и сѣбло-каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес 2 р. 50 к. Продается въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. Главныя склады: С. ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, С. ПБ. Больш. Конюш., № 1.

Ц. № 10041 15-5

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перемѣняющимися лезвими всемирно-извѣстныя своимъ качествомъ и реком. какъ наилучшяя благод. и невыгодн. бритва. Тысячи благодарностей. Полная гарантiя за достоинство. Обращайте вниманiе на клеймо: А. Arbez, Jougue, France. Прод. въ лучш. магаз.

НАРОСТИТЯНИЕ И УСТРОЙСТВО БЕЗЪ ЛЯПИСА ДИТЕЙ. ВЪ МАСТЕРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

СЛАВЯН
60
ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛОВАТЬ СЕБѢ

ЖЕНУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО ВЪСѢМЪ ВИДАМЪ ВОСПИТАНІЕ

500 АЛТ. ВЪСРЕСНЬЯЯ ШКОЛА

ТЕЛЕФОНЪ 3678. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

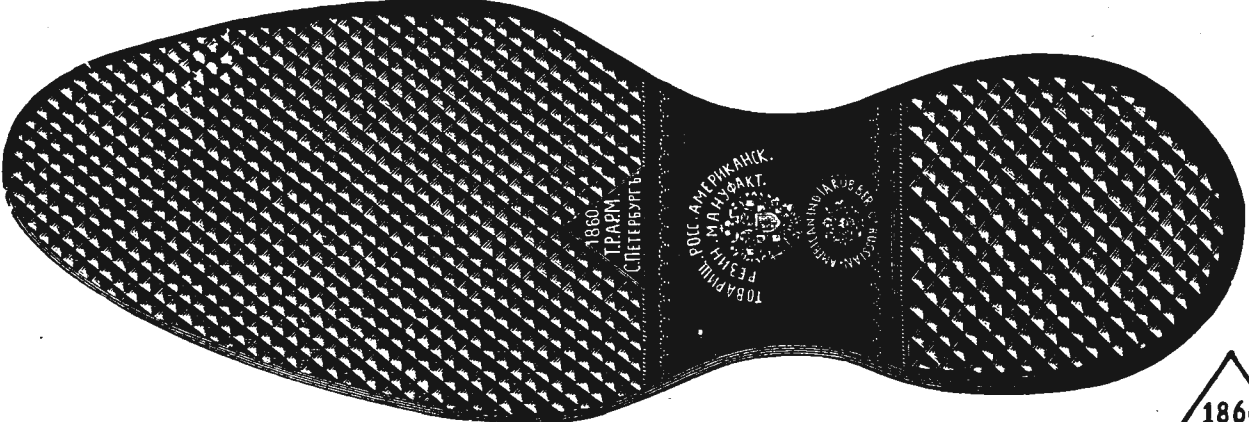
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, учрежденное въ 1860 году,

ПРОСИТЬ ПРИ ПОКУПКѢ РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9651 26-15

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденiя Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенiя Государственнаго Герба.

ЦАРЬ-ДЪВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., в 2-х т. Ц. 3 р., ст. пер. 2 р. 30 к.

Православные Христиане!

Въ 1896 г. прикомандованъ с. Камышевскаго, Ялutorовскаго Округа, Тобольскаго губерніи, началъ постройку новаго каменнаго храма вмѣсто обветшалаго деревяннаго, построеннаго въ 1793 году. Съ Божіею помощію и при содѣйствіи добрыхъ людей, постройка храма шла успѣшно и уже близилась къ концу. Но Господу угодно было испити въѣру и усердіе храмоздателей, живущихъ среди расколѣнниковъ-безбожниковъ. Годомъ 1892 года лишился пастелей всякихъ средствъ, а слѣдствіемъ за нимъ холера оставила множество безвѣрныхъ горемычныхъ сиротъ. Тяжело было все это и не могло не отозваться на постройкѣ храма, которая должна была приостановиться.

Но успѣха еще Камышевца оправиться, какъ 27 августа 1896 года страшный пожаръ истребилъ почти все село, старую деревянную церковь и все, что было доступно огню, въ новой каменной. Мѣстный причтъ и десятки семействъ остались безъ крова: пора страдная, народъ весь въ полѣ, дома старые да малые. Поднявъ сильный стѣнъ... черезъ 5—6 часовъ на мѣстѣ храма и домовъ остались только голышени.

Возлюбленный о Христѣ братъ! можешь ли ты остаться глухъ къ слезному голосу погорѣльцевъ? Думаешь, ибъ! Такъ, но имъ Спасителя нашего, равнодѣлашаго „Прощенію дай“,—не откажи принести послѣднюю лепту на созиданіе храма во имя положенія честнаго раба Господа нашего Іисуса Христа (10 июля). Здѣсь о здравіи и долготѣлтіи благотворителей будутъ возноситься тебѣ и усердными молитвами благодарныхъ прихожанъ къ милосердному Творцу и Его угоднику—Святителю Модесту, катриарху Іерусалимскому (18 декабря). Имени, братъ, что „Будя дающаго не осудитъ“, такъ какъ „У дающаго будетъ и пренебудетъ“, и что „доброхотыя дѣла любятъ Бога“.

Адресъ: Исетское почтовое отдѣленіе, Ялutorовскаго Округа, Тобольскаго губерніи. Причтъ, старостѣ и строителю церкви въ селѣ Камышевскомъ.

Дрезденъ. Королевская музык.-театральная консерваторія.

Въ 42-омъ учебномъ году 1896/97 состояло 1037 учениковъ, исполнившихъ 62 концерта и представленія, и 107 преподавателей, въ томъ числѣ: г.г. Дрангъ, Дрезке, Ферманъ, Фербенксъ, г.г. Фалькенбергъ, Гильдебрандъ-фонъ-деръ-Остенъ, г.г. Геннеръ, Гевалъ, Якобъ, Иффертъ, г.г. фонъ-Кольбу, г.г. Кранцъ, Кюнеръ, Маннъ, г.г. Ортега, Раппольдъ-Кареръ, г.г. Реммеле, Рапполтеръ, Риттеръ, Шмолъ, фонъ-Шрейверъ, Шульцъ-Бейтель, Шераудъ, Штаркъ, Ад. Штерксъ, Феттеръ, Тизонъ-Вольфъ, Вильг. Вольтеръ, выдающихся членовъ королевской капеллы, во главѣ съ г.г. Раппольдъ, Грюндваллеромъ, Фейерломъ, Барингомъ, Фрике, Габлеромъ и др. Всѣ предметы, вмѣстѣ, отношеніе къ музыкѣ и театру. Курсы полные и по отдѣльнымъ предметамъ. Приемъ учениковъ и ученицъ—во всякое время. Главные приемы: 1-го сентября (приемы, состоявшіе 1-го сентября и ст., отъ 8 до 1 ч.) и 1-го апрѣля нов. ст. Программы и списки преподавателей высылаютъ.

Директоръ, профессоръ Евгений Кранцъ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 10267 10-4
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, во В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
 съ самыми рутательными за прочностью механизма и вѣрности хода.
 Новый иллюстрир. прейс-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К.И.ФРЕЛАНДТЪ
 С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК. УЛИЦА УЛИЦА
 № 27-18

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣломурыхъ, желтая вода для брюнетомъ
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
 дрогистовъ Россіи. № 5120 (101)

ФИЛЬМЫ
 ИЗЪЛУЧЕНІЯ
 СУММА
ФИЛИГРАНЬ
САКАТЫКЪ
 МОСКВА
 МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ
 ПРОДАЖА БЕЗДЕЛЪ

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
 ИЗЪ ДЕРЕВА,
 составленный художникомъ
Л. П. СЕРГЬЕВИЧЪМЪ.
 Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ массу рисунковъ разнообразныхъ предметовъ для ажурныхъ работъ.
 Насколько хороши и практичны рисунки, помѣщенные въ этомъ альбомѣ, можно заключить изъ того, что первое изданіе его разошлось въ очень короткое время. Поэтому мы надѣемся, что и это второе, дополненное изданіе будетъ также сочувственно принято публикою.
 Цѣна въ изданій литографированной оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
 Требования адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, 22.

ВАГНЕРОВСКІЕ ТУКИ,

всемірно известныя препараты для усиленія культуры и урожайности плодотворности комнатныхъ, тепличныхъ, огородныхъ, садовыхъ и полевыхъ растений, отпускаются: марка WQ (для садовъ и парниковъ) по 30 к. за фунтъ, марка FKW (для комнатъ и теплицъ) по 50 к. за ф. Фунтовъ жестики достаточно для годового содержанія 60—75 горшечныхъ растений. Склады: въ Петербургѣ—у Штоль-Шмидта, М. Морская, 11; въ Русса. Общ. торг. ант. тов., Казанская, 13; у А. М. Андреевой, В. О., Андреевскій рынокъ, 6 лия, № 15; И. Мальмъ, В. Морская, 34; Г. А. Лауберъ, М. Кожевенная, 5; Герстнеръ, Невскій, 5; Р. Барнъ, Гороховая, 17; А. Г. Рейгерцъ, Гороховая, 26—40; Г. Фришъ (главный складъ), Адмиралтейскій пр., 10. Въ Москвѣ—у А. Г. Зверинсонъ и № Сарептскій магазинъ, Никольская; В. А. Нейманъ, Казанская, собств. домъ, садоводство. Въ Стар. Петербургѣ—у Р. Барнъ, Петерб. ул., д. Луначъ.

Генеральный агентъ и исключительный представитель для всей Россіи
Г. ФРИКЪ, Адмиралт. просп., 10.

ЛЕОНГАРДИ
 достохвално-известна, единственно настоящая
Алициариновыя чернила
 для письма и копирования
 (желтисто-орѣшкова 1-го класса по отзавамъ государственныхъ учре-
 № 9834 жденій), 20—13
 ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ
 ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.
НАИЛУЧШИЕ:
 для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.
 Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.
Лев. Леонгарди
 въ Дрезденъ,
 изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
 ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛКЪ.
 R.R.M.S. № 13867.

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ!!!
СМѢХЪ И ЗАБАВА
 для всякаго возраста.
 Самодѣйствующая кинематографъ—живая фотографія
 фигуры работаютъ какъ живыя.
 I. Супруги (Медовый мѣсяцъ). II. На трапеціи. III. Танцовщица. IV. Наконецъ одинъ (Нѣжный поцѣлуй). V. Драка. VI. Фокусникъ.
 Цѣна 30 коп. экземпляръ
 Оптово-розничная продажа
 Л. № 10810 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** 4-4
„СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“
 13, Большая Кожевенная, СПб.
 Всѣ 6 экз. вмѣстѣ высылаются по почтѣ, по пряславъ 1 р. 50 к.

30%
ЭКОНОМІЯ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
 МАРОСЕЙКА Д. ЛЕБЕДЕВОЙ
 ПРЕСТАВЛЯЕТЪ ДЛЯ ВСЕХЪ РОССІИ
 ГОМАРШЕСТВА ВЕЛИКОЛѢДНУЮ КАНАТАРОВЪ
 Продается во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ и чайныхъ торговыхъ Россіи.

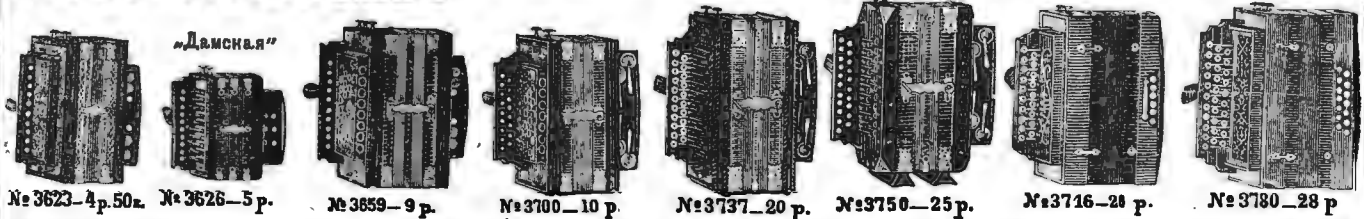
ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Сибургу.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОКЪ!

ГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ І. Ф. КАЛЬВЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р. № 3659—9 р. № 3700—10 р. № 3737—20 р. № 3750—25 р. № 3716—20 р. № 3780—28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕСПЛАТНО**
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕЛО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 31 и 40.
 МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ
„Петроль“ № 10250 5-5

НОВОСТЫ
 духи
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и К^о.
 За флаконъ
 1 руб. 25 коп.

ДЛЯ ЗАЙКЪ!!
 Въ сентябрѣ открывается отдѣленіе спеціального заведенія отъ заимки Нарва Ю. ЭРНСТЪ въ **МОСКВѢ**.
 Адресоваться: СИБ., Невскій пр., 100, кв. 7
 Руководство къ самообученію 3 руб.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
 Son servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
 8, Avenue de l'Opéra
PARIS

Большой и Главный складъ Эфедры, или травы Кузунича
ХВОЙНИКЪ ЯГОДНЫЙ.
 Майскаго набора бальзаматическая, самая излущшая, своего сбора, съ цѣнкою в корзинѣ 5 р. и 3 р. ф. безъ перес., могу послать съ наклад. платож. пудами 40 р. и 25 р. и. Складъ въ Бузулукъ, Самар. губ., Ф. Волкова.

Резиновые накладки
 отъ дождя стрѣлы съ башмаками длинны 30 вер. по 5 р., черныя по 4 р. — за каж. вер. длиннѣе или короче по 20 и., изъ матов. висатины по 2 р. 80 к., за каж. дый вер. длиннѣе или короче по 10 коп. предлагаетъ складъ **РИХАРДА КВЕРНЕРЪ.**
 С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10. Образцы бесплатно. Торговцамъ скидки.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„РОССІЯ“
 Высочайше утвержденное въ 1881 г.
 въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 87.
 Капиталы Общества свыше 29.000,000 руб.
 СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.
 Общество „Россія“ заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:
 1) Страхованія отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованными лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастныхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, — съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового.
 2) Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.
 Страхователямъ предоставляется участвовать въ прибылѣхъ Общества. Дивидендъ страхователей въ 1897 году составляетъ 15%.
 Съ открытія операцій по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ по 1 января 1897 года Общество выдало пострадавшимъ вознагражденій по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ на сумму въ 1.570,000 рублей.
 Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.
 Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на главныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на главныхъ пароходныхъ пристаняхъ.
 № 10326 6-2

ВІРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
 въ Гогенгеймѣ. В. № 10345
 Зимній курсъ 1897/98 г. начинается въ понедѣльникъ, 18 октября с. г. Программы и расписанія лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно.
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
 Гогенгеймъ, июль 1897 г. Представитель — Strebel.

МАРБАХЪ Діетическое лѣчебное заведеніе
 на Боденскомъ озерѣ, въ Германіи.
 первоклассное. Лѣченіе нервныхъ болѣзней, алкоголизма и морфинизма.
 В. № 10302 12-2 Директоръ д-ръ СМІТЪ.

ПАМЯТЬ
 лишь впад. возр. укрѣпляетъ лично и зочно профессоръ именованн С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинскои и Бас. ул., собственный домъ, № 28.
 Условія и брош. (въ 32 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10'63 10-7

ТРЕБУЮТЪ
 для свѣщеніи
НОНИЛИЦА И РУНЪ
 и отъ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
 П. В. ШИМЛЬ
 ЧИНА 20'831. ПРОДАВА ВЕЗДѢ

ЗАЙКАНИЕ
 лѣчится въ лѣчебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера. Москва, Новая Басманная, д. Ланіна. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.**
 Условія высылаются бесплатно.
 Фабрика лѣчебныхъ и аптекарскихъ инструментовъ и граверное заведеніе
І. Д. Левинсона
 въ Варшавѣ, Электральной ул., № 17. Заказы исполняются скоро и аккуратно. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію бесплатно. Агенты приглашаются.

ВЫИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 разныя предаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
 59, Невскій, С.П.Б. 8-3

Волицкій лѣчитъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7.
 Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. з. № 10214 7-6

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 30

Выходит еженедельно 52 № в годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. п. д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выходъ 26 июля 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
На ¼ года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.;	на ½ года безъ дост.	2 р. 50 к.,	съ дост. въ СПб.	3 р. 50 к.,	съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Германскій Императоръ Вильгельмъ II и его супруга, Императрица Августа-Викторія.
Съ карт. Фрейберга авторгипія „Нивы“.

Съ карт. Кизеля авторгипія „Нивы“.

Германская императорская чета.

(Съ 3 портретами на стр. 701 и 708).

Императоръ Вильгельмъ посѣщаетъ Россію выѣшнимъ лѣтомъ уже въ третій разъ со времени своего вступленія на престолъ. Въ первый разъ онъ былъ нашимъ гостемъ тогда, по своему воцаренію въ 1888 г. Второй визитъ состоялся два года спустя. Съ тѣхъ поръ въ Россію произошло перемѣна царствованія. Новый нашъ Государь навѣститъ въ прошломъ году императора Вильгельма въ Бреславль. Такимъ образомъ выѣшній третій прїѣздъ германскаго императора въ Россію составляетъ отвѣтныи визитъ.

Поводы этихъ путешествій императора Вильгельма въ Россію могутъ быть признаны выѣшними. Но на самомъ дѣлѣ они имѣли и глубокое внутреннее значеніе. Чтобы оцѣнить должнымъ образомъ настоящее, надо вспомнить прошлое, въ данномъ случаѣ не особенно отдаленное, но тѣмъ не менѣе весьма поучительное. Мы все еще живо помнимъ тѣ тревожные дни, которые пережили Германія и Россія, а вмѣстѣ съ ними и остальная Европа, въ послѣдніе годы и мѣсяцы царствованія императора Вильгельма I. Это было время септенната, грозныхъ вооруженій, громогласнаго возгласа, что „мы, нѣмцы, никого не боимся, кромѣ Бога“, твердаго отвѣта, что Россіи не страшны соединенныя силы всей лиги мира, рыной таможенной войны, воспринятія германскому имперскому банку принимать подъ залогъ русскія цѣнности, пониженія нашего вексельнаго курса до полтинника за рубль. Да, это было очень тревожное время, и казалось, что европейскій миръ виситъ на волоскѣ, что нашъ материкъ находится наканунѣ небывалаго по своимъ размѣрамъ кровопролитія.

Императоръ Вильгельмъ I скончался. Послѣ стодневнаго царствованія императора Фридриха III, тяжелый недугъ котораго подкосилъ и его жизнь, и возложенныя на него свѣтлыя надежды, вступилъ на престолъ внукъ Вильгельма I, новый молодой германскій императоръ. Первые недѣли его царствованія дали поводъ думать, что положеніе Европы не измѣнится; его рѣчи были воинственны, его настроеніе, по видимому, не предвѣщало примирительной политики. Но вслѣдъ затѣмъ началась эра путешествій, и первое изъ нихъ было посвящено Россіи. Императоръ Вильгельмъ побывалъ въ Петербургѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Неаполѣ, Лондонѣ, Страсбургѣ, Афинахъ, Константинополѣ, и результатомъ всѣхъ этихъ путешествій было, по его собственнымъ словамъ, что онъ „научился судить объ отечественной политикѣ съ выѣшней точки зрѣнія и, благодаря этому, помѣняла опротивѣвшимъ начинаніямъ“. Въ частности по отношенію къ Россіи эта перемѣна настроенія имѣла самыя благотворныя послѣдствія. Грозный призракъ войны исчезъ. Уже первое путешествіе императора Вильгельма въ Россію подѣлствовало на всѣхъ крайне успокоительно, а второе сопровождалось такимъ возрожденіемъ надежды на прочный миръ, что нашъ вексельный курсъ достигъ давно небывалой высоты, свидѣтельствуя о томъ, что весь дѣловой миръ, очень чуткій ко всѣмъ перемѣнамъ въ политикѣ, съ довѣріемъ смотритъ на будущее.

Съ тѣхъ поръ прошло почти семь лѣтъ, и миролюбивыя начинанія императора Вильгельма II нашли себѣ новое подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ памятныхъ событій. Наслѣдіе, принятое имъ отъ знаменитаго своего дѣда, было въ одно и то же время славное и тяжелое. О блескѣ царствованія Вильгельма Великаго, какъ его называютъ нѣмцы, говоритъ нечего: царствованіе это, создавшее объединенную Германію, наполнено такими крупными мировыми событійми, что нѣтъ образованнаго человѣка, который не зналъ и не помнилъ бы ихъ значенія. Но если это царствованіе было славно, то оно было и тяжело по своимъ послѣдствіямъ. Военное могущество Германіи вызывало во многихъ государствахъ опасенія. Пришлось создать „лигу мира“ и приступить къ безконечнымъ вооруженіямъ, вызывавшимъ отвѣтныя вооруженія со стороны другихъ державъ. Пострадали отъ всего этого и вѣковыя дружественныя отношенія съ Россіею. „Лига мира“ вызвала франко-русское соглашеніе, и императору Вильгельму II пришлось сперва въ скрытой формѣ, а затѣмъ и открыто считаться съ этимъ вышнелымъ фактомъ. И что же мы видимъ? Въ теченіе минушаго семилѣтняго періода онъ искренно и добросовѣстно пытался создать почву для добрыхъ отношеній съ восточною и западною своими сосѣдками. Специально по отношенію къ Россіи, благодаря его миротворному впливаю, крупныя недоразумѣнія утратили свою ягучесть. Въ политической области болгарскій вопросъ принялъ другое направленіе: князь Фердинандъ, не находя уже прежней энергической поддержки со стороны „лиги мира“, началъ искать сближенія со страной, которой Болгарія обязана своимъ освобожденіемъ. Въ экономической области послѣдовала отмена запрещенія германскому имперскому банку принимать въ залогъ русскія цѣнности. Лихорадочная таможенная борьба, возгорѣвшаяся между Россіею и Германіею, утратила свой прежній острый характеръ, благодаря состоявшемуся торговому соглашенію. Въ общемъ же успокоеніе умовъ теперь

такъ значительно, что грозный призракъ европейской войны если не совершенно исчезъ, то ступенчался и не пугаетъ уже воображенія даже людей, настроенныхъ очень пессимистично. Послѣднія событія на Востоку—греко-турецкая война, которая при другихъ обстоятельствахъ вызвала бы самыя серьезныя опасенія и переносилась на денежные рынкахъ,—прошли благополучно, не возбуждая особенной тревоги. Достаточно вспомнить герцеговинское возстаніе и его послѣдствія, чтобы понять, какъ сильно теперь измѣнилось положеніе дѣлъ. И если въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, европейскій концертъ не былъ нарушенъ, то, несомнѣнно, заслуга тутъ въ значительной степени принадлежитъ вождю одной изъ самыхъ могущественныхъ державъ въ Европѣ—Германіи.

Все друзья мира, слѣдовательно, не могутъ не сочувствовать дѣятельности императора Вильгельма. Онъ доказалъ свое миролюбіе очевидными для всѣхъ фактами и въ этомъ отношеніи представляетъ прямую противоположность тѣмъ правителямъ, у которыхъ миръ только на устахъ. Несмотря на явное расположеніе германскаго императора къ военному дѣлу, подавшему поводъ считать его воинственно настроеннымъ, онъ въ теченіе 9-ти-лѣтняго своего царствованія постоянно дѣлствовалъ на пользу мира и въ одномъ своимъ начинаніемъ не подвергалъ его опасности. И это насъ не можетъ удивлять, если мы задумаемся въ общее настроеніе императора Вильгельма, уяснимъ себѣ его стремленія, насколько они проявились въ правительственныхъ и законодательныхъ мѣропріятіяхъ. Если императоръ Вильгельмъ твердо помнитъ историческія задачи, наслѣдованныя имъ отъ предковъ, то онъ въ то же время проникнутъ требованіями современности. Изреченіе о „новой эрѣ“ не составляетъ простой фразы. Онъ глубоко понимаетъ истинный смыслъ современнаго социальнаго движенія. „Никакія соображенія“,—говорится въ знаменательныхъ статьяхъ „Имперскаго Указателя“, озаглавленныхъ „Социальная политика“:—не удержатъ императора придти на помощь общественнымъ классамъ, страдающимъ въ настоящее время. Соображенія подобнаго рода не могутъ удержатъ прусскаго короля отъ того, что ему повелѣваютъ разумъ и совѣсть“. Великія же разума и совѣсти состоятъ въ томъ, что „если до новѣйшаго времени основная задача правительства заключалась въ освобожденіи народныхъ массъ, въ отменѣ крѣпостнаго права и въ устройствѣ быта освобожденныхъ крѣпостныхъ, то теперь задача эта измѣнилась только по формѣ, а по существу остается прежней“. Она заключается въ томъ, чтобы обезпечить духовное и матеріальное благосостояніе многомилліонной массы, добывающей участіе въ плодахъ современной цивилизаціи и культуры. На это направлены усилія императора Вильгельма II, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставится понятнымъ, почему миролюбіе его можетъ считаться вполне искреннимъ: война сильнѣе всего подрываетъ благосостояніе народной массы, — даже война успешная. И тотъ, кто заботится о благосостояніи народа, естественно является врагомъ войны. Такимъ образомъ между внутреннею и выѣшною политикою германскаго императора существуетъ тѣсная связь.

Его заботы о народномъ благосостояніи выразились въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій, преимущественно въ его стремленіи добиться путемъ международнаго соглашенія сокращенія рабочаго дня. Затѣмъ онъ при помощи торговыхъ договоровъ всячески старался облегчить и удешевить народное пропитаніе. Наконецъ, онъ цѣлымъ рядомъ финансовыхъ законопроектовъ стремился и къ облегченію податнаго бремени, лежащаго на низшихъ классахъ населенія. Этой симпатичной сторонѣ его дѣятельности соответствуетъ и сочувствіе, которое намъ внушаетъ императоръ Вильгельмъ, какъ человѣкъ. Онъ очень строгъ къ самому себѣ, не знаетъ отдыха въ исполненіи своихъ обязанностей. Съ ранняго утра до поздней ночи онъ находится при дѣлѣ, жадно слѣдитъ за современною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Немногіе часы его отдыха посвящены поучительной бесѣдѣ, чтенію литературныхъ новинокъ, музыкѣ, которую онъ горячо любитъ, отчасти искусству. Кромѣ того, императоръ Вильгельмъ—образцовый семьянинъ. Всякую свободную минуту, которую онъ можетъ урвать отъ многочисленныхъ и сложныхъ своихъ занятій, онъ посвящаетъ семьѣ, и, когда онъ появляется въ дѣтской, она оглашается радостными криками. Впрочемъ, воспитаніе его дѣтей находится въ надежныхъ рукахъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ прекрасную помощницу въ лицѣ своей супруги, императрицы Августы-Викторіи, которая въ нихъ не отлучается отъ дѣтей и тщательно сама слѣдитъ за ихъ воспитаніемъ. Единственное ея развлеченіе составляютъ утреннія прогулки съ императоромъ. Если еще что-нибудь отвлекаетъ императрицу отъ исполненія обязанностей матери, то только забота о бѣдномъ населеніи столицы, среди котораго она поэтому пользуется большою популярностью.

Когда императоръ Вильгельмъ въ началѣ своего царствованія совершалъ многочисленныя путешествія, чтобы овако-

мнѣлся съ странами и людьми, съ которыми ему придется имѣть дѣло, то императрица Августа-Викторія его въ этихъ путешествіяхъ не сопровождала: ее удерживали дома обязанности любящей матери. Нынѣ, какъ слышно, она будетъ сопровождать своего августѣйшаго супруга и вмѣстѣ съ нимъ и двумя старшими своими сыновьями посѣтитъ Россію, которая сочувственно встрѣтитъ, въ лицѣ германской императорской четы и ея старшихъ сыновей, представителей царственнаго

дома, отличающагося семейными добродѣтелями, дорожащаго народнымъ благомъ и защищающаго интересы европейскаго мира. Если императору Вильгельму будетъ сопутствовать и имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, то это только подтвердитъ общую увѣренность, что нынѣшнее путешествіе германскаго императора, какъ и всѣ прежнія его начинанія, предпринято въ духѣ огражденія и сохраненія мира, — этого величайшаго блага государствъ и народовъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

XII.

Елена Борисовна удивлялась, что это значитъ? Сколько дней прошло, а отъ Николая Львовича ни вѣсточки. Какъ-то, по обыкновенію, — ужъ очень ей въ тотъ разъ по душѣ припала эта ширь богоданная, — взмола на стѣны. Теперь она часто бывала здѣсь. Оперлась рукою объ одинъ изъ зубцовъ и чуть не упала — внизу, не видя ея, Семигоровъ спорилъ съ служившимъ въ монастырѣ Онисимомъ. Елена Борисовна прислушалась.

— Да что жъ тебѣ, дураку, трудно что ли?
— Не трудно, а не велѣно.
— Кто не велѣлъ?
— Клеопатра, мать! Вотъ кто.
— Какъ же она узнаетъ?
— Она-то? — Онисимъ заломилъ картузь. — Она сто сажонъ скрозь землю прозираетъ. Вотъ какъ она не узнаетъ. Небось. Ты еще задумалъ что, а она тутъ ужъ... Стрѣла, а не монахиня.

— Видно тебѣ три рубля лишніе?
— Три рубля... Нѣтъ, баринъ... Я бы за нихъ зубами... А только у меня семья, и всѣ мы обителю дышимъ, и мать Клеопатра благодѣтельница намъ... Сама не увѣдомится — Еликонидка у нея есть. Эта, братъ, не гляди, что проста — она те такъ вывернетъ всего. Небось...

— Была бы почта здѣсь, я бы почтой...
— Да ты ступай самъ... Чего тебѣ. Кто тебя смѣетъ не пустить... Иду-де святынямъ поклониться.
— Безъ тебя знаю...

Елена Борисовна засмѣялась.
Николай Львовичъ съ удивленіемъ оглянулся. Откуда бы это? Голову поднялъ. Копрова спряталась. Вверху красные кирпичные зубцы монастырской стѣны да бѣлесое небо... И ничего больше.

— Смѣется кто?
— Монашка какая завелась должно. Ну, прощай, баринъ. На чай бы съ тебя, за разговоръ.

Копрова не выдержала.
— Николай Львовичъ, дайте ему эти три рубля на чай.

— Лели... Вы... Господи, а я какъ звѣрь вокругъ этихъ стѣнъ брожу.

— Чего жъ вы въ самомъ дѣлѣ, какъ Онисимъ совѣтовалъ, святынямъ поклониться не зайдете?

— Не вамъ спрашивать... Мать Клеопатра и васъ выживетъ тогда...

— Ну, вотъ!..

— А то какъ? Это въ родѣ безмолвнаго соглашенія. Я-де ничего не вижу и не знаю. Но и вы не шелохнитесь. Она, какъ это говорятъ, знами высоко держать.

— Погодите я сойду къ вамъ.
— Заверните сюда. Тамъ, съ той стороны наскочить можно.

— На кого?

— Пятый день вижу. То одинъ, то другой копровскій приказчикъ. Моисейкины „вѣрные“ людишки.

— Чему вы улыбаетесь — „вѣрные“?
— А вчера я одному четвертню въ зубы... именно въ зубы. Виновать. Онъ мнѣ и выложилъ на чистоту. За вами-де, Николай Львовичъ, смотрѣть велѣно, ну, и Елену Борисовну, барыню, не упускать. Чуть что — самому.

— Этакая низость!
— А вы высоты ждали отъ него? Нѣтъ, намъ еще придется повоевать. Ну, да не я буду, если...

— Что если...
— Такъ я надумалъ одно.
— Вы должны дать мнѣ слово, что не предпримете ничего, чего бы я...

— Елена Борисовна, — прервалъ онъ ее. — Ей-Богу, такъ нельзя. У меня шея болитъ гласы съ небеси слушать.

— Я сейчасъ сойду, — засмѣялась она. — Только за платкомъ на минуточку.

Торопливо сбѣжала, оглянулась, спугнула даже задумчиваго кота съ порога башни. Зашла къ себѣ.

— Что ты это? — спросила ее мать Александра.
— Надо, тетя, платокъ взять.

— Зачѣмъ?
— Гулять пойду.
— Отлично вздумала. Я тоже засидѣлась — погоди, вмѣстѣ.

— Нѣтъ, только не сейчасъ.
— Почему?

— Я не одна! — покраснѣла Елена Борисовна. Монахиня покачала головою и нахмурилась.

— Смотри, чтобы каяться не пришлось.
— Ничего дурного не будетъ.

— Дай Богъ. Спасибо и за то, что не причесься. Елена Борисовна вышла. Мать Степанида, очень любившая Копрову, остановила ее въ воротахъ.

— Погоди... погоди... молодка... Книжекъ-то пооди до пропасти выучила?

— Ну, положимъ пѣть, а что?
— Поясница у меня... Вотъ, въ этомъ мѣстѣ. Страсть жалится... такъ жалится, такъ жалится. Согнусь — ничего. А какъ на дыбки — сейчасъ и ущемить. Особливо вечеромъ, да передъ дождемъ. Ты про масть какую не читала, случаемъ, въ романцахъ.

— Нѣтъ, про мази не читала.

— А то пиули есть. Хотя и изъ невѣрныхъ государствъ онѣ, а только, если отъ нихъ польза — грѣха пѣть.

— И этого не знаю. Вы бы, бабушка, къ доктору.

— Ну тебя, что онъ можетъ, охальникъ. Я у одного такого спрашивала, а онъ: смолоду-то, мать, вы очень кавалеровъ обожали — ну, вотъ оно и сказывается. Я ему въ бороду плюнула. Экія словеса инокопѣ. Я съ семнадцати лѣтъ въ монастырѣ, — кричу ему, — дуракъ ты неотесанный. А онъ, что же бы ты думала, таково ласкаво, утерся и объявляетъ: что жъ,

XXV передвижная выставка. „Что случилось?“
Съ карт. К. В. Лемоха (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивъ“) грав. Шюблеръ.

XXV передвижная выставка. „Иуда“. Съ карт. н. А. Ярошенко (искл. право воспроизв. принадлеж. „Ильи“) австрийца „Ильи“.

что въ монастырѣ. И въ монастыряхъ грѣшатъ. Дьяволу-то надъ вами особая власть дана. Особенно ежели за сборами на книжку посылають. А впрочемъ, говорить, пейте ромъ на сонъ грядущій, а поясницу перцовой растирайте.

— Прощайте, бабушка.

— Скачи, скачи, до моихъ лѣтъ доживешь, не напрыгаешься.

Сегодня вообще былъ день встрѣчь. Сдѣлала нѣсколько шаговъ—лицомъ къ лицу съ Еликонидай. Лунетка — вся блѣдная, взволнованная, блѣсныя брови хмурить. Увидѣла Елену Борисовну, потемнѣла и вдругъ остановилась.

— Васъ тамъ, — а голосъ такъ и дрожить, обрывается, — васъ тамъ господинъ ждетъ.

И злобно въ глаза ей смотреть, не опускаетъ своихъ, какъ утромъ.

— Знаю, Николай Львовичъ, — спокойно улыбаясь смотрѣла на нее Копрова.

— Онъ самый... красавецъ одинъ — на всю подвселенную. Погубитель... Такъ наша сестра отъ него и дурѣетъ... такъ бы...

И осѣлась.

— Что же, и вы дурѣли? — улыбнулась Елена Борисовна, начиная понимать въ чемъ тутъ дѣло.

— Не я одна, онъ и барынямъ спуску не даетъ. Памъ-то оно не стыдно — мы простыя. Насъ они какъ коршуны. Кокъ клювомъ въ голову и ужъ около другой крыльями машутъ... А вотъ образованнымъ — какъ будто и совѣстно. Бываетъ и накроютъ... Мужья-то не шутятъ въ этихъ случаяхъ. Въ народѣ — дубьемъ до смерти.

— Вотъ что, Еликонида, если вы еще со мною заговорите такимъ тономъ, такъ я попрошу мать Клеопатру избавить меня отъ передатчицъ да переносчицъ.

— Ну, что-жъ... ну, я писала, точно что... Такъ я же и спасла васъ. Другая дала бы, — пусть Моисей-то Лукичъ засталъ...

— Отлично бы сдѣлалъ. Я ничего не боюсь!

И Елена Борисовна пошла дальше.

— Что ужъ вамъ бояться. Княжны, вѣдь. На васъ еще и палка не выросла! — шипѣла ей вслѣдъ Еликонида. — Чему учать-то, чему учать... Хороши выходить!

Отдѣлалась отъ Еликониды, пошла дальше, и вдругъ ей навстрѣчу худой и юркій малый съ прозительными глазами и бородой клиномъ. Увидѣлъ Елену Борисовну и въ траву сѣлъ. Авось-де не замѣтитъ. Та улыбнулась.

— Жилка, это ты?

— Собственно говори, барыня... точно что мы!.. — сбился тотъ.

— Зачѣмъ здѣсь?

— По своимъ дѣламъ.

А глаза такъ и бѣгаютъ, точно мыши въ западнѣ.

— Какія у тебя дѣла? Ты, вѣдь, въ городѣ все?

— Разныя-съ. Известно, специальность торговая — цѣны узнаемъ. Мужика ловимъ, хлѣбъ-то тутъ дешевле.

— И хлѣбъ только сѣбѣ. Да тутъ онъ на корню проданъ. Вотъ что, Жилка. Тебя Моисей Лукичъ выглядывать поставилъ.

— Помилуйте, да мы... да я... Вотъ вамъ Господь праведный. На такое дѣло... ужли же... Ахъ, Боже мой!

— Ничего-ничего, не стѣсняйся. Напротивъ, такъ и скажи: видѣлъ Елену Борисовну. Она вышла изъ монастыря, и они гуляли съ Николаемъ Львовичемъ. Понялъ ты меня?

Жилка обидѣлся.

— Ужъ ежели меня, да въ такихъ подлостяхъ, — онъ себя ударилъ въ грудь. — Я вотъ какъ; я для васъ разорвусь, не то что. Мы, думаете, не понимаемъ. Мы — рабы, точно, а видимъ тоже, — какъ и кто. Мы всѣ васъ такъ цѣнимъ, — да пусть мнѣ теперь Моисей Лукичъ

сто цѣлковыхъ дать, и то не продадимъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, пожалуйста, продавайте. Я вѣдь никого не боюсь. Такъ ему и скажите: Елена-де Борисовна объявила: я этого старика отъ души презираю за всѣ его гадости, а бояться — не боюсь. Ступай, Жилка. Вотъ только что... гдѣ онъ теперь?

— Въ обители у отца Варлаама.

— Съ мужемъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Алексѣю Моисеевичу на службу надо было. Они уѣхадчи.

— Ну, прощай.

— Счастливо оставаться, а только столь низкаго оборота на меня не полагайте. Къ тому же у насъ тоже душа, и мы за ваше здоровье, то-есть, вотъ какъ — до бѣла готовы. Потому люди есть разные. Вотъ Квитковъ, точно что... онъ тутъ. Вонъ по дорогѣ-то поѣхалъ въ телѣжкѣ.

— А, и Квитковъ тутъ?

— Какъ же, дежурилъ три дня, да ничего не видавши, съ тѣмъ и остался.

— Не то, что ты! — смѣлась Елена Борисовна его торжествующему тону.

— Дозвольте, такъ что онъ сдаточная морда выходить. Самъ хвастался хозяйну, я, говорить, ихъ, какъ воробья, шайкой накрою. Мнѣ-ста, да не нымать. Пы-малъ, лошадиная пятка! Точно что, въ натуральную величину дуракомъ себя оказалъ... бахваль...

— Ну, прощай-прощай... Куда-жъ ты?

Глаза у Жилки забѣгали.

— Проводить васъ... на случай...

— На случай чего?

— Происшествіевъ. Мужики здѣсь кругомъ, народъ грубый. Помилуйте, развѣ они могутъ понять.

— Я тебѣ сказала, что пойду съ Семигоровымъ, значитъ твое порученіе исполнено. Кланяйся Моисею Лукичу.

Жилка посмотрѣлъ ей вслѣдъ и плюнулъ.

— Ишь гордыбака! И дуракъ же Квитковъ, — онъ захохоталъ. — Экого сваялъ!.. Ну, теперь хозяйнѣ узнаетъ кто у него съ умомъ!.. Не видѣть тебѣ заготовокъ на отчетѣ, а ты ужъ было и домокъ присматривать началъ, воровская душа... Ай, да Жилка! Подико другой... И смѣлая же барыня. Ну, да ихъ дѣло господское. Чубы не трещать, какъ у нашего брата. Имъ легко храбрость свою оказывать. Ужъ ежели и теперь меня Моисей Лукичъ да не оправдаетъ, — и онъ отъ негодованія при этой мысли сорвалъ шапку съ головы и швырнулъ ее о-земь. — Лучше-жъ бы мнѣ тогда съ Семигорова еще четвертную сорвать!

Елену Борисовну даже и не взволновало все это. Она спокойно пошла къ Николаю Львовичу, но вмѣсто того, чтобы кинуться къ ней, онъ бѣшено взглянулъ туда, откуда она только что явилась, и крикнулъ:

— Я тебя, подлеца, раздавлю, какъ гадину!

Копрова оглянулась.

Тотъ же Жилка стоялъ вдали, держа шапку на отлетѣ, и кланялся.

— Пошелъ вонъ. Чего ты тутъ?

— Какъ же-съ... свою прирожденную госпожу и безъ надзору. Не такъ вы меня, Николай Львовичъ, понимаете.

— Такъ понимаю, что...

И онъ швырнулъ въ него тяжелую палку, которую держалъ въ рукахъ.

Жилка исчезъ.

— Нѣтъ, Елена Борисовна, каково это? Вчера ночью открываю окно и точно что-то упало. Хорошо, что на столѣ графинъ стоялъ. Ударилъ я имъ по вусту — въ самый разъ. Вышло тамъ. Высунулся я, за волосы поймалъ, и въ комнату втащилъ. Смотрю — вашъ Квитковъ. Ну, не обрадовался онъ. Поди и теперь весь перевязанный ходить.

— И вамъ не стыдно?

— Мнѣ?

— Да развѣ эти виноваты.

— А доведись мнѣ теперь Моську вашего изловить, я бы ему такую горящую кулину устроилъ! Не забылъ бы никогда.

Небо затянулось бѣлесю марью. Солнце за нею не жгло, а только парило. Вѣтеръ недавно шуршалъ въ травѣ, шевелилъ ее и точно искалъ въ ней чего-то, а теперь стихъ. И трава, утомленная, медленно подымалась и сквозь нее будто просыпанная пестрѣли желтыя головки курослѣпа и бѣлыя звѣзды полевой ромашки. Взглядъ тонулъ въ одноцвѣтной дали.

— Сто лѣтъ васъ не видѣлъ.

— Я ждала. Думала напишете.

— Какъ же! Вотъ они—четыре письма у меня, видите. Ничего не сдѣлаешь. Вашъ Аракчеевъ холернымъ кордономъ обвелъ монастырь.

— Какой Аракчеевъ?

— Одно сокровище—мать Клеопатра. Хотѣлъ своихъ послать, мужиковъ. Тѣ было толкнулись, а Степанида подъ воротами имъ: „вы, голубчики, несите къ матери Клеопатрѣ, все къ ней. Она распредѣлитъ, какое письмо куда“. А тутъ Квитковъ съ Жилкой на каждомъ шагу путаются. Такъ и смотреть въ карманъ, нѣтъ ли тамъ чего. Жаль, мнѣ эта шельма не поналась.

— Какаля?

— Все тотъ же Жилка. Ну, да—живъ еще, слава Богу—встрѣчу. Фу ты—ну оглянись, ради Христа, посмотри ты.

Дѣйствительно, острая потная Жилкина мордашка плавала надъ травой.

— Вотъ дуракъ-то я... Ружья не взялъ...

— Неужели бы убилъ?

— Какъ Богъ святъ. Развѣ такое добро жалко? Кому оно нужно?

— Сумасшедшій!..

— Сойдетъ. На моемъ мѣстѣ...

Кое-гдѣ сквозь бѣлесые тоны небо голубѣло нѣжно и робко, чуть тронутое кистью, — смутнымъ воспоминаньемъ далекаго-далекаго, но безконечно милого и дорогаго. Затягивало марью въ одномъ мѣстѣ — проступало въ другомъ. Въ травѣ звенѣло и стрекотало, съ сухимъ шумомъ изъ-подъ ногъ высекавали кузнечики, прыгала шурша жесткими крыльями сарапча и надъ зелеными верхушками носились стрекозы. Изрѣдка печально вскрикивала птица и встревоженная выносила изъ кустовъ.

— Куда мы?—спросила Елена Борисовна...

— Есть здѣсь такое мѣстечко. Ты не устала?..

Они сами не замѣтили какъ перешли на „ты“. И странное дѣло — сколько времени не видались — сто лѣтъ—по словамъ Николая Львовича, а теперь точно сторонились другъ друга. Руки встрѣтятся — и прочь сейчасъ. Тропинка сузится — прижаться бы другъ къ другу — нѣтъ, онъ пропуститъ ее впередъ и самъ по слѣду, любясь какъ колеблется ея тонкій станъ и подъ предательскимъ татарскимъ полотномъ обрисовываются и движутся красивыя, сильныя формы. Такъ бы и припалъ къ бѣлой шеѣ, едва-едва подернутой чуть замѣтнымъ пушкомъ — да ужъ очень все открыто въ стороны — видать отовсюду. Жилка отсталъ, — а чортъ его знаетъ, можетъ-быть, онъ въ травѣ ползетъ. Именно, когда его не нужно и объявится, подлая душа. Да вѣдь у этого Моисея Лукича такихъ Жилокъ не мало. Пожалуй, вездѣ разсыпаны! Скорѣ бы до завѣтнаго мѣстечка. Его давно высмотрѣлъ Николай Львовичъ. Вонъ уже намѣтилась глубокая балка. Съ монастырской стѣны ее и не разобрать — слишкомъ высоки ея обрывы; сливаются издали, и щели не отличишь. Тропинка вилась-вилась...

— Ты не устала? — опять первно спрашиваетъ Семигоровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

И онъ въ ея голосѣ угадывалъ то же охватывающее его волненіе. Точно оно передалось ей.

— Я рѣдко устаю...

Передъ балкою—дорожка сузилась совсѣмъ. Кое-гдѣ колючки разбросались около, цѣпляясь за платье Елены Борисовны.

— Я сниму потомъ! — проговорилъ онъ, когда она остановилась.—Тутъ ихъ до пропасти. Смотри сколько...

Затерявшаяся въ нихъ тропа вдругъ точно взбѣжала на небольшой гребень, чтобы тотчасъ же опрокинуться въ балку. Вотъ она—прохладная, тѣнью повитая, вся точно утонула въ деревьяхъ. Мѣсто сочное—внизу потокъ бѣжитъ. Лозняку здѣсь приволье — разросся во всю. Съ гребня Семигоровъ оглянулся. Почудился ему Жилка далеко — и опять пропалъ. Мерещится, должно-быть. Вѣрно полетѣлъ домой — заранѣе радуется удачѣ.

— Не упади тутъ... — предупредилъ Семигоровъ Елену Борисовну.

— Вотъ еще! Лови... — она кинулась, подобравъ платье. Шло круто, загибаясь въ сторону, гдѣ сквозь лозы шумѣла вода.—Лови!

— Боюсь ловить—съ ногъ собью...

— Медвѣдь!..

Она смѣялась, уже счастливая тому, что они здѣсь одни, кругомъ ни души и другъ отъ друга имъ можно будетъ схорониться въ сплошной тѣни.

Отъ потока повѣяло прохладой. Онъ быстро бѣжалъ по наклонному дну, злясь на встрѣчавшіеся ему камни и закидывая ихъ мыльною пѣной. Бережокъ былъ покрытъ свѣжею травой.

— Здѣсь?

— Нѣтъ. Еще нѣсколько минутъ.

Прошла ихъ Елена Борисовна и ахнула.

Балка загнулась и разошлась. Потокъ тоже разлился широкимъ плесомъ. Онъ подъ этимъ бѣлесымъ небомъ казался совсѣмъ молочнымъ. Тишина—все притаилось, припало и ждетъ. Чего? Не этихъ ли счастливцевъ? Не имъ ли суждено оживить это молчаливое царство, свѣтлое, покорное царство ихъ любви. Посреди плеса островъ. И не островъ даже, а перевившаяся масса зелени. Изъ нея рвутся вверхъ деревья, точно задыхаются въ ея объятіяхъ. Воды и берега тамъ не видно.

— Куда же мы?

— Туда! — указалъ Семигоровъ. Тамъ намъ будетъ хорошо и спокойно... „Вдали отъ міра и людей!“ Помнишь ты это?

— Да какъ же туда попасть?

— Очень просто. Погоди.

Онъ разулся и, когда она вовсе не ожидала этого, стоя надъ водою и любясь ею — точно что-то вдругъ вскинуло ее.

— Что это ты?

Но было уже поздно спрашивать. Семигоровъ, поднявъ ее на протянутыхъ рукахъ, бережно переносилъ черезъ потокъ. Вода не доходила ему до щиколокъ. И онъ смѣялся, глядя въ лицо Еленѣ Борисовнѣ.

— Я тебя, какъ Черноморъ, въ свой замокъ... Онъ тоже волшебный—никому не виденъ кромѣ тѣхъ, кто любить... Ишь какъ высоки его стѣны. А башни какія—до неба самаго. Ничего изъ-за нихъ кромѣ неба и не видать. Тутъ нѣтъ земли съ ея мукой и болью. Одна радость и какал—нѣтъ выше ея ничего на свѣтѣ. Да и въ раю не можетъ быть!..

Ноги его, тяжело ступая, во все стороны разбрасывали пѣну.

— Смотри, не поскользнься!—обвила она его сильную шею рукою.—А то уронишь меня.

— Хочешь брошу?—и онъ, взмахивая руками, точно отдавалъ ее потоку.

— Тебѣ не тяжело? Я вѣдь не легкая.
— Своя ноша не тянетъ.
И вдругъ поставилъ ее на землю.
— Пстой минуту.

Обулся. „Иди за мной“. Казалось, и дороги не было. Онъ раздвигалъ чащу, чтобы пройти, и Елена торопилась—иначе эта листва и вѣтви опять бы спутались и сплелись сплошною зеленою завѣсою. Птицы тутъ было! Точно эти влюбленные разбудили заколдованный лѣсъ, и онъ ожилъ весь, каждую вѣткой и звенить тысячами голосовъ имъ навстрѣчу. Все вдругъ воскресло шумною и радостною жизнью. Трепало, стрекотало, свистало вверху, пѣло по сторонамъ, тренькало и точно жемчужомъ разсыпалось внизу, и вдругъ закуковало далеко-далеко, должно-быть, за балкой.

— Пстой, сколько мнѣ жить?—остановила Семигорова Елена Борисовна и вздрогнула. „Ку-ку!“ и оборвалось. — Только годъ,— печально проговорила она.

— А ты вѣришь? Я бы эту проклятую кукушку изъ поганого ружья застрѣлилъ.

Чаща была все тѣснѣе и гуще. Теперь точно сотни корявыхъ, изогнутыхъ рукъ протягивались передъ Николаемъ Львовичемъ, загромождавая ему дорогу, другія сотни рукъ снизу цѣплялись за его платье, недвижными твердыми змѣями перебивались внизу подъ ногами и, только въ темнотѣ спотыкаясь о нихъ, Копрова узнавала старыя сѣрые корни.

— Почему ты знаешь это мѣсто?

— Я... На охотѣ налѣтилъ себѣ. Я думаю, никому другому и неизвѣстно оно. Мой тайникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Кругомъ бѣжитъ вода... Такъ все одиноко, уединенно. Придумать лучше нельзя.

Со стороны и впрямь кто бы доекнулся, что въ этой сплошной гущѣ бьются два счастливыхъ сердца и два человѣческихъ существа напали себѣ радостный пріютъ? Еще нѣсколько шаговъ, и Елена Борисовна остановилась какъ очарованная. Не полянка, а какой-то зеленый колодезь. Срубилъ ли кто деревья тутъ, только отъ нихъ и иней не было. Зеленая трава и посреди черной обгорѣлой стволъ.

— Что это?

— Молнія ударила и сожгла. Ничего кругомъ не тронула,—а этого великана убила.

Въ одномъ мѣстѣ толстыя корни его разошлись, оставивъ ложбинку. Николай Львовичъ снялъ пальто и бросилъ на нее.

— Наконецъ-то... Одни, и никто-никто насъ не видитъ.

Сладко и робко билось сердце. Трепетъ ожиданія охватывалъ всю ее. Небо вверху, деревья кругомъ, эта крохотная полянка внизу—вотъ все, что осталось отъ міра. И они одни, одни здѣсь, и ни впереди, ни позади, ни въ будущемъ, ни въ прошломъ ничего, ничего. Одно настоящее, и это настоящее—онъ и она, оставшіеся вдвоемъ—наединѣ, ничей глазъ ихъ не подсмотреть, ничья воля имъ не помѣшаетъ. Онъ бережно опустилъ ее на землю, и самъ упалъ къ ея колѣнямъ. Она сидѣла теперь, охвативъ ихъ руками и глядя въ эти глубокіе, синіе, загоравшіеся ей одной глаза. Онъ что-то говорилъ ей,—но она не слышала его словъ. Его голосъ какъ музыка ласкался къ ней и отнималъ у нея послѣднюю силу—если она еще оставалась у этой женщины—полюбившей въ первый разъ...

XIII.

Еще прошли двѣ недѣли. Игуменя, утромъ, идя на раннюю обѣдню, передала матери Александрѣ большой пакетъ. „Послѣ прочтешъ, теперь пойдемъ помолитесь“. На немъ значилось: „Отъ начальника губерніи“, и простыя черниці не безъ священнаго ужаса смотрѣли на монахиню, переписывающуюся съ самимъ губернаторомъ. „Охъ, превозвышена мать Александра!—разеуждали онѣ даже въ церкви. — Ты не смотри, что она проста... Въ ней многое заключается“. Елена Борисовна послѣднее время мало была въ монастырѣ. Она почти все время проводила съ Николаемъ Львовичемъ. Ея и сейчасъ не оказывалось. Они вдвоемъ уѣхали куда-то. Точно голову потеряла. Закружило, на все махнула рукою. Будь, что будетъ. Ея стойкость на томъ тихомъ и одинокомъ островкѣ—точно молодой разбилъ. Ничего отъ нея не осталось. Теперь, обезумѣвшая, просыпаясь, она объ одномъ только и думала—поскорѣ одѣться, урваться и убѣжать изъ этихъ скучныхъ стѣнъ, отъ однообразныхъ келій на просторъ, къ далекому лѣсу, въ пустынное село, въ брошенную усадьбу, какихъ было не мало въ этой сторонѣ. Разумѣется, пока ихъ ласки были чисты и цѣломудренны. Но она уже не могла жить, не видя сияющаго блеска его глазъ

и не слыша голоса Семигорова! Жилка съ ума сходила. Никакъ не услѣдишь. Сегодня, только что пьмаешь, анъ, глядя, отъ нихъ и слѣдъ простыль—лови

Германскій наследный принцъ Вильгельмъ.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Германскій имперскій канцлеръ князь Гогенлоз-Шиллингенсфуртъ.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

вѣтеръ въ полѣ. За хвостъ бы ущемить, да караулъ крикнуть—правовъ такихъ нѣтъ. И онъ мотался какъ угорѣлый, ломая себѣ ноги и подставляя лисью мордашку подъ Семигоровскую палку, воя побитою собакой, и все-таки неугомимо выслѣживая „барыню“. Ужъ очень ему хотѣлось заслужить у Моисея Лукича и попасть на отчетъ. „Вонъ Меленковъ на что глупъ человекъ, а съ отчетомъ-то два дома вывелъ на каменныхъ фундаментахъ, человекомъ сталъ. Прежде, бывало, всѣ: Фролка да Фролка. Хорошо еще, если „мошенникъ“ не прибавятъ. А теперь, не угодно ли, Фроль Матвѣевичъ. Откуда у него, у байструка, и отчество оказалось!“ И Жилка ночей не досыпалъ, какъ птица съ разсвѣтомъ ужъ торчалъ у обители... Елена Борисовна совсѣмъ ослѣпла. Иначе она бы видѣла, что дѣло плохо.

Барселона. 1) Продавщицы цвѣтовъ.

и монахини на нее начинаютъ коситься. Мать Александра—та ей вѣрила. „Ну, гуляетъ, не вѣчно же взаперти сидѣть. Разумѣется, съ Семигоровымъ встрѣчается, и это еще не великій грѣхъ. Любовь между ними чистая—оба своего времени ждуть“. Клеопатра потолковала съ ней и тоже успокоилась. Еликонида, было, сунулась къ ней со свѣжими вѣстями, но та на нее застучала посохомъ.

— Опять грязь ко мнѣ на хвостъ таскать!..

— Другія говорили,—осмѣлилась та.

— Не лучше тебя, такія же дуры. Что, Елена Борисовна, мѣшанка, что ли? Княжна прирожденная! Станетъ она ронять себя. Вѣсто того, чтобы другихъ остановить, ты меня этими гадостями волнуешь. Смотри, еще разъ сунешься съ этимъ—выгоню! Ступай на всѣ четыре сто-

Барселона. 2) Памятникъ Колумбу.

роны изъ монастыря. Не монашеское дѣло врать да сплетничать.

И посохъ опять заходилъ по полу.

Еликонида замолчала, какъ убитая, только встрѣчаясь съ Копровой бѣлѣла вся отъ злости и ревности.

Зато остальные монахини все больше и больше смущались. Какими путями доходили до нихъ вѣсти о томъ, гдѣ бываетъ Елена Борисовна,—понять нельзя было, но каждую вечерню онѣ перешептывались, выходя изъ церкви и останавливаясь на монастырскомъ дворѣ, махали руками, кудахтали, изъ кельи въ келью бѣгали, ужъ простоволосыя, и вполголоса сообщали одна другой: „Искушеніе, мать моя... Охъ, искушеніе... Какая дама!.. Сугубая и вдругъ... Господи... На что польстилась-то... Сомнѣваюсь я, матушка. Какъ же теперь это обители, въ поношеніе или такъ обойдется?“ — „Не наше дѣло... Мать Клеопатра должна смотрѣть“. Одна было разлетѣлась къ матери Александрѣ. Сѣла, поджала губы, закачала головой. „Что съ вами?“ — „Охъ, ужъ и не знаю какъ... Такъ мнѣ жаль, такъ жаль тебя!..“ — „Меня?.. О чемъ это...“ — „Племянница-то... Можно сказать, первая дама и вдругъ...“ — „Ну? Право, я васъ не пойму, въ чемъ дѣло?“ — „Весь монастырь говорить.“ — „Да что говорить-то?“ — „Не хорошее. Путається она.“ — „Кто?“ — „Твоя-то Елена Борисовна.“ Мать Александра встала и указала на дверь. Монахиня обидѣлась. „Я къ тебѣ мать съ добромъ, а ты вонъ какъ. Ну, что жъ, Христось теришь, и я претерплю.. Богъ съ тобой...“ Мать Агнія, та совсѣмъ не здѣшной смотрѣла. И безъ того была желта, а тутъ еще больше осунулась, только глаза у нея горѣли нестерпимо. „Грѣхъ округъ ходить, въ ворота стучится, по кельямъ бѣгать, пакостный!“ — бормотала она. Разъ встрѣтила Елену и икнула ей вслѣдъ, а потомъ подошла и давай ее крестить. „Изди, изди... Ступай, ступай! Въ міръ, въ міръ. Неча по монастырямъ Вельзевуду служить! Бѣсова угодница, блудница Вавилонская!..“ Та только съ удивленіемъ посмотрѣла на полусумасшедшую инокиню и сейчасъ забыла о ней. Еще бы, она, Елена Борисовна, теперь все была полна счастья... Какъ полную чашу несла ее, боясь расплескать. Иной разъ ей казалось: она не по землѣ ходитъ. Остановится и слушаетъ: кругомъ еще шумитъ зеленый лѣсъ, тихо качаются его вершины, поютъ птицы. Придетъ, бывало, домой, не раздѣваясь кинется, и переживаетъ только что испытанное, часъ за часомъ, мигъ за мигомъ, и лихорадка ее бьетъ при этомъ. Страшно только на угодника смотрѣть. Его строгій и холодный взглядъ безмолвно осуждалъ ее, и огонь лампадки отъ ужаса совсѣмъ пропалъ, погружалъ комнату во мракъ—трепещущій, злобщій и страшный... Но наступало снова забытье. Она видѣла горячіе голубые глаза, слышала счастливыя рѣчи. Такъ бы и ушла сейчасъ, несмотря на ночь. Заснетъ и то же; а утро встанетъ и сонце подымется.—она знаетъ, что ее ждутъ, торопится одѣться и бѣжитъ опять на назначенное мѣсто, ужъ не оглядываясь на Жилку. „Совсѣмъ баба отъ мужской красоты башку потеряла!—непочтительно думалъ онъ, снимая наотлетъ картузь.—И Алексѣй Мосѣвичъ, правду сказать, ворона-вороной! Только на падаль не садится. Доведись мнѣ, я бы тебя поучилъ. Мордой объ уголь! Ты бы у меня узнала, какая такая струна бываетъ. А то по-благородному—она къ любовнику, а онъ на службу съ портуфелью...“ Даже мать Степанида волновалась. „Ты куда, молодка?—спрашивала.—Помолилась бы, что ли! Богъ отъ грѣха отвратитъ. Ишь, подоломъ-то завихляла, модница! Сладкаго захотѣлось, смотри, потомъ горько будетъ!..“

Елена Борисовна и похудѣла за это время, но еще здоровѣе сдѣлалась, смуглѣе, рѣшителнѣе, смѣлѣе. Глаза смотрѣли увѣрениѣе. Прежняго безпокойства въ нихъ не было. Все опредѣлилось. Все ясно. Не надъ чѣмъ теперь колебаться, мучительно и долго раздумы-

вать. Не понимала только, ради чего она еще ждетъ... И стыдъ заглохъ, и не страшно ничего осужденія. Уйдетъ совсѣмъ къ любимому человѣку. Нѣтъ, что-то еще держать здѣсь, ходу не даетъ. Завтра да завтра. Но завтра приносило съ собою новыя ласки, новую одурь, а вечеръ опять загонялъ ее въ потемочную келью.

Мать Александра въ этотъ разъ стояла въ церкви и сама собою была недовольна. На что строгая монахиня, а сегодня ей и не слушалось ничего. Только очнется на мгновеніе, уловитъ торжественный возгласъ священника, перекрестится спѣшно, сама себя упрекнуть и опять мысли ея Богъ знаетъ гдѣ. Такъ разбило ея настроеніе губерна-торское письмо. Она сама не понимала, что съ нею. Разумѣется, и племянницу было жаль, но это не то. Племянница сумѣетъ постоять за себя. Не слабая душа—хорошая балкашинская кровь въ ней. Не дастся въ обиду...

— Мать... что ты... очумѣла?

Оглянулась съ удивленіемъ. Всѣ монахини на колѣняхъ, она одна на ногахъ. Опустилась скорѣе.

— Спасибо!

— То-то я гляжу, — качала головою простодушная старица Іунія, стоявшая рядомъ. — Мать Клеопатра, и та грозилась.

И опять другія давно встали, а Александра такъ и осталась.

Точно Богъ вѣсть изъ какой дали повѣяло. Зимой это бываетъ. Стоять морозы трескучіе. Деревья всѣ въ филигрань одѣлись,—смерти этой стужѣ еще и не видится и вдругъ потянетъ южнымъ вѣтромъ и на минуту такъ и обнесетъ нѣжною лаской благословеннаго солнечнаго края. Какъ она могла донестись, на зло разстоянію, какъ ея крыльевъ не убили холодныя ледяныя поля, не остановило безпощадное дыханіе полюса? И долго потомъ въ такіе же мертвящіе дни вспоминаешь мимолетный привѣтъ зашагающаго въ недосигаемую даль счастливаго юга. Такъ и на мать Александру отъ этого письма со скучною официальною надписью повѣяло вдругъ воспоминаніями. И подъ ихъ тепломъ отогрѣлось на минуточку застуженное сердце. Въ самомъ дѣлѣ, какъ весело было тогда. Старый домъ такой большой-большой и садъ кругомъ огромный, темный, таинственный, съ загадочною глубиной аллей и зеленою поверхностью поросшихъ осокою прудовъ, съ одинокими скамейками „подъ соловьями“. Какъ будто нарочно веснами слетались пѣть они и именно сюда. Сядешь и слушаешь—разбери, ничего въ ней нѣтъ, въ этой птичьей гаммѣ, въ щеголеватыхъ треляхъ и меланхолическомъ свистѣ, а сердце вздрагиваетъ и сладко-сладко щемитъ потомъ. И свѣтлая грусть охватываетъ всю... И князь тогда былъ молодъ. Только что пажескій корпусъ кончилъ—пріѣзжалъ къ своимъ и по сосѣдству являлся—похватать красными отворотами и новенькими эполетами. Тоже душа была всему раскрыта, потомъ засохла,—а мать Александра хорошо помнитъ, какъ онъ плакалъ передъ нею, уѣзжая. Какія зори были чистыя, ясныя, въ какомъ священномъ пламени отгорали дни и какъ ласково свѣтила на темный садъ блѣдная-блѣдная луна. Въ его задумчивой глубинѣ бродитъ, бывало, мать Александра, и если бы кто-нибудь показалъ ей монахиню „подъ черною крышкою“, она бы сама испугалась...

— Мать, а мать... очнись...

Та же Іунія опять толкаетъ ее.

— То стоишь, лба не перекрестишь, а то всѣ уходить, а ты еще на колѣняхъ.

Мать Александра встала—ноги одеревенѣли совсѣмъ. Послѣднія инокини подходятъ къ кресту, и, тихо выходя между колоннами, удаляются изъ храма.

— Если что интересно, скажи потомъ,—проситъ ее игуменья.

— Я къ вамъ передъ самыми вечернями.

— Хорошо, буду ждать.

(Продолженіе будетъ).

Барселона.

Очерк Г. Диркса. (Ст. 10-ю рисункам.)

Барселона, столица Каталонии, послѣ Мадрида и Кадикса, — самый живописный городъ поэтической Испаніи. Съ какой стороны ни подѣлжаешь къ нему, уже издали чувствуешь, что приближаешься къ городу большому, богатому, промышленному. Со стороны моря передъ глазами путешественника открывается картина многочисленныхъ загородныхъ построекъ, радиусами расходящихся отъ города и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ и уходящихся въ зеленіи все возвышающихся холмовъ. Если же подѣлжать съ суши, то сразу становится очевиднымъ, что городъ этотъ — крупный культурный центръ. Въ послѣдніе полчаса поѣздъ проходитъ вдоль непрерывнаго ряда виллъ и фабричныхъ зданій; глазъ не утомляется, однако, этимъ видомъ: картина скрашивается свѣжею зеленью, окружающею каждый отдѣльный домикъ, каждое фабричное строеніе, и однообразіе, присущее современнымъ улицамъ, вслѣдствіе этого менѣе замѣтно.

Барселонскіе жители и археологи утверждаютъ, что ихъ городъ древнѣе Рима. Доказать это или опровергнуть трудно. Но если даже городъ и основанъ картагенскимъ вождемъ Гамилькаромъ Баркомъ (откуда языковѣды и производятъ его первоначальное названіе Барцино), то, во всякомъ случаѣ, древность за нимъ очень почтенная; а будучи центромъ храбрѣйшаго и почтеннѣйшаго племени иберійской народности, онъ несомнѣнно пользовался еще во время римскаго владычества надъ Испаніей положеніемъ главнаго города провинціи.

Когда пришло, наконецъ, время римлянамъ уступить свое мѣсто германцамъ, Каталонія сдѣлалась театромъ борьбы между этими народами, и Барселона явилась для востготовъ не только прочнымъ опорнымъ пунктомъ, но, въ первое время ихъ владычества, и резиденціею правительства.

Готская земля, Готалаунія (отсюда, по предположенію этимологовъ, Каталонія), и ея главный городъ Барселона не могли, какъ и всѣ остальные части Иберійскаго полуострова, противустоять натиску арабовъ, когда они, въ 711 году, одною побѣдою при рѣкѣ Саладо сразу положили конецъ вестготскому царству. Съ тѣхъ поръ главною гаванью въ сѣверо-западной части Средиземнаго моря стала Бардалуна. Каталонія, однако, была одною изъ первыхъ провинцій, сдѣлавшихъ попытку освободиться отъ арабской власти, и ея население оказывало дѣятельную поддержку восстанію, начавшемуся въ Сарагосѣ. Когда затѣмъ Людовикъ Благочестивый предпринялъ походъ противъ арабовъ, Каталонія снова стала театромъ военныхъ дѣйствій, закончившихся изгнаніемъ магометанъ и учрежденіемъ испанскаго маркграфства. Отступая, арабы снова завилли эту мѣстность; но барселонскіе маркграфы и храбрые каталонцы не давали своимъ врагамъ покоя до тѣхъ поръ, пока постепенно не вытѣснили ихъ окончательно изъ своей страны.

Возраставшее могущество сосѣдней Кастиліи, однако, вызвало чувство зависти въ каталонцахъ и арагонцахъ, соединившихся съ теченіемъ времени подъ властью одного короля. Они не могли потерпѣть, чтобы развивающіеся сосѣднее государство достигло гегемоніи въ христіанской Испаніи, и на этой-то почвѣ и зародилась, сопровождаемая войнами, борьба за первенство на Иберійскомъ полуостровѣ; — борьба, наблюдаемая, къ сожалѣнію, хотя и въ слабой формѣ, и по настоящее время. У Барселоны, впрочемъ, была еще одна особенная причина ненависти къ Кастиліи: послѣдняя, благодаря поддержкѣ, оказанной Колумбу, получила исключительное право на обладаніе Новымъ Свѣтомъ и на торговля сношенія съ нимъ, а потому и перенесла торговлю въ свои гавани: Кадиксъ и Севилью. Прошло четыре вѣка, прежде чѣмъ барселонцы рѣшились водить долгое знаменитому мореплавателю, открывшему Новый Свѣтъ, и соорудить ему памятникъ. Съ вершины этого памятника, изображеннаго на стр. 707 (рис. 2), открывается чудный видъ на городъ, живописныя окрестности, гавань, цитадель и на всегда оживленное море.

Во времена инквизиціи и правленія нетерпимаго Филиппа II преслѣдовались не только религіозное отступничество, но и всякія сколько-нибудь самостоятельныя политическія стремленія. Ихъ старались подавить въ самомъ зародышѣ, а потому демократическія барселонцамъ, привыкшимъ къ свободомыслию и вѣротерпимости, приходилось особенно тяжело.

Памятникъ этой культурной борьбы минувшихъ вѣковъ еще сохранился въ Барселонѣ: это — бывшій замокъ по-тогдашнему просвѣщенныхъ, вѣротерпимыхъ, ноощрявшихъ искусство барселонскихъ графовъ. Дворецъ этотъ, долгое время служившій пріютомъ образованности, поэзіи, музыки, былъ обращенъ въ инквизиціонное судилище и въ темницу, и только въ позднѣйшія времена, по окончательному уничтоженіи варварскаго учрежденія, превратился въ богатыню и пріютъ для слѣпыхъ.

Возраставшее могущество Кастиліи заставило барселонцевъ впервые въ семнадцатомъ столѣтіи, а затѣмъ еще неоднократно, обращаться къ защитѣ Франціи, и каждый разъ Кастилія бывала вынуждена выставить большую армию, чтобы снова

подчинить Барселону своей власти. Во время испанской войны за престолонаслѣдіе Барселоны, конечно, также дѣйствовала наперекоръ ненавистной Кастиліи, ратовавшей за Филиппа V. Каталонія держала сторону австрійскаго претендента и поддерживала его очень дѣятельно. Не довольствуясь природною крѣпостью, имѣющеюся надъ Барселоной, въ видѣ находящейся къ югу отъ города горы Монхунчъ, кастильцы построили непосредственно у самой гавани и противъ городскихъ воротъ арсеналъ Атарассаносъ и цитадель, чтобы во всякую минуту имѣть возможность силою оружія усмирить склонныхъ къ возмущеніямъ горожанъ.

Цитадель, для постройки которой въ половинѣ прошлаго столѣтія пришлось разрушить дѣлѣй городской кварталъ и которая считалась тогда неприступной, въ настоящее время совершенно утратила свое значеніе и только имѣаетъ расширенію прекраснаго парка, примыкающаго къ городу съ сѣверо-востока. Стратегическое значеніе имѣетъ развѣ только фортъ, устроенный на вершинѣ горы Монхунчъ; находящіеся тамъ гигантскія орудія могутъ обстрѣливать и гавань, и городъ, а на юго-западъ и юго-востокъ — окрестности и море на очень далекое разстояніе.

Если красивъ видъ изъ излюбленнаго барселонцами ресторана Миразара, расположеннаго приблизительно на половинѣ вышинъ Монхунча, то еще болѣе величественна панорама открывается передъ глазами зрителя съ вершины форта. Въ мирное время доступъ иностранцамъ въ этотъ фортъ разрѣшается безъ всякихъ затрудненій. Частые салюты, а также выстрѣлы при восходѣ и заходѣ солнца, раздающіеся съ батарей этого форта, безпрестанно напоминаютъ гордымъ барселонцамъ о цѣли, съ которою выстроено это укрѣпленіе, — держать подъ страхомъ неугомонную столицу Каталоніи.

Бывшій дворецъ маркграфовъ, цитадель Монхунчъ и памятникъ Колумбу вызываютъ обще-историческія воспоминанія; памятникомъ же внутренняго политическаго развитія Барселоны и всей Каталоніи является ратуша. Въ этомъ красивомъ зданіи, ведшемъ свое начало съ четырнадцатаго столѣтія, еще сохранились почти въ первобытномъ видѣ тѣ залы, въ которыхъ собирався „совѣтъ ста“ и другіе высшіе городскіе органы управленія, и гдѣ вырабатывалось законодательство, которое содѣйствовало этому портовому городу сдѣлаться властелиномъ западной части Средиземнаго моря. Хотя Барселона и находилась подъ властью графовъ, но основное законодательство ея создано, тѣмъ не менѣе, на чисто республиканской и демократической подкладкѣ. Купцы и промышленники, люди простаго знанія, близкаго знакомые съ практическою жизнью, готовые всегда принести свою опытность на пользу родины, — всѣ, безъ исключенія, могли быть членами корпорацій, которымъ поручалось управленіе городскими дѣлами. Конечно, не было недостатка въ ожесточенной борьбѣ между цехами и отдѣльными сословіями, и исторія этой партійной борьбы, этой политической жизни, этого политическаго развитія Барселоны чрезвычайно поучительна и интересна. Демократическія основы законодательства, участіе рабочихъ классовъ населенія въ управленіи государственнымъ дѣломъ, а рядомъ съ этимъ неутомимое трудолюбіе каталонцевъ, — вотъ что создало величіе и значеніе Барселоны. Въ то время, какъ въ сосѣдней Кастиліи первенствующимъ сословіемъ являлась аристократія, презрительно относившаяся къ труду, преслѣдовавшая вопиющія цѣли и порабощавшая трудолюбивыхъ мауровъ, евреевъ и каталонцевъ, — въ барселонскомъ графствѣ твердо сложился взглядъ, что только трудъ облагораживаетъ человѣка, а при такомъ взглядѣ, понятно, всѣ силы направлены къ обезпеченію благосостоянія страны.

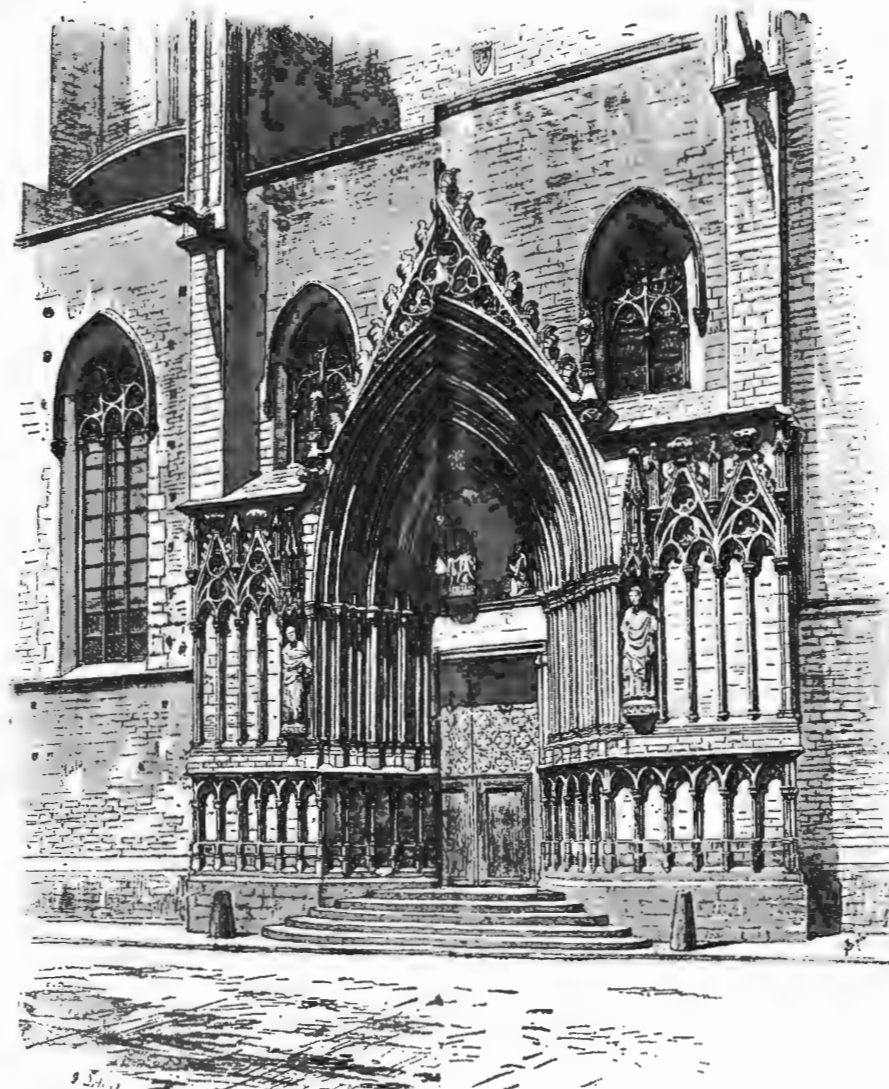
Какъ разъ напротивъ Каза Консидоріаль, т. е. ратуши, на красивой площади Конституціи, въ самомъ центрѣ города и въ узлѣ самыхъ большихъ торговыхъ улицъ, стоитъ такъ-называемая Каза-де-Депутационъ или Аудиенсія, т. е. верховный судъ (рис. 6). Въ благородномъ стилѣ Возрожденія, зданіе это окончено постройкой въ началѣ семнадцатаго столѣтія, а заложено было еще въ четырнадцатомъ. Въ архитектурномъ отношеніи въ этомъ зданіи особенно замѣчательнъ дворъ съ красивыми аркадами и наружною лѣстницею (рис. 8), а также часовня св. Георгія. Съ культурно-исторической же стороны это зданіе представляетъ не менѣе интереса, чѣмъ ратуша. Въ немъ также протекала не малая доля политической жизни столицы.

Самую красивую изъ всѣхъ церквей Барселоны слѣдуетъ, несомнѣнно, признать кафедральный соборъ (рис. 5). Какъ и многіе другіе храмы Испаніи, онъ передѣланъ въ христіанскую церковь изъ древней мечети, которая, въ свою очередь, также, быть-можетъ, создавалась на развалинахъ гораздо болѣе древняго римскаго или даже картагенскаго храма. Настоящее зданіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось до сихъ поръ, возникло въ началѣ четырнадцатаго вѣка. Оно все еще не окончено. Причина этому — недостатокъ денегъ.

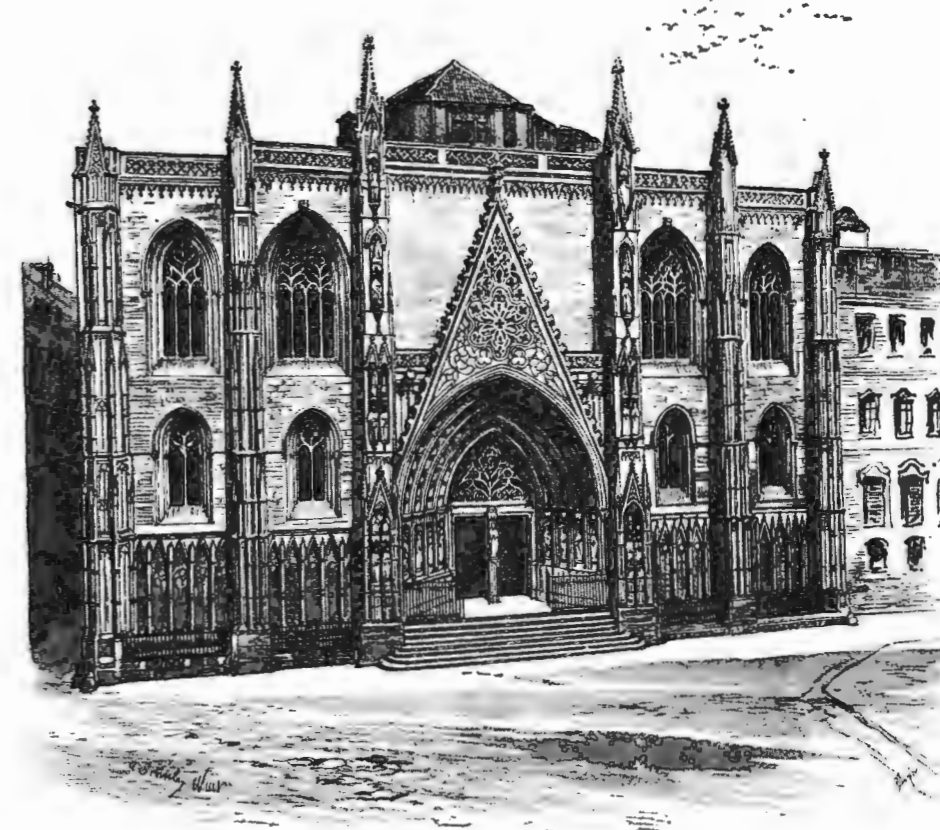
Нѣсколько ступеней наперти ведутъ къ красивому главному

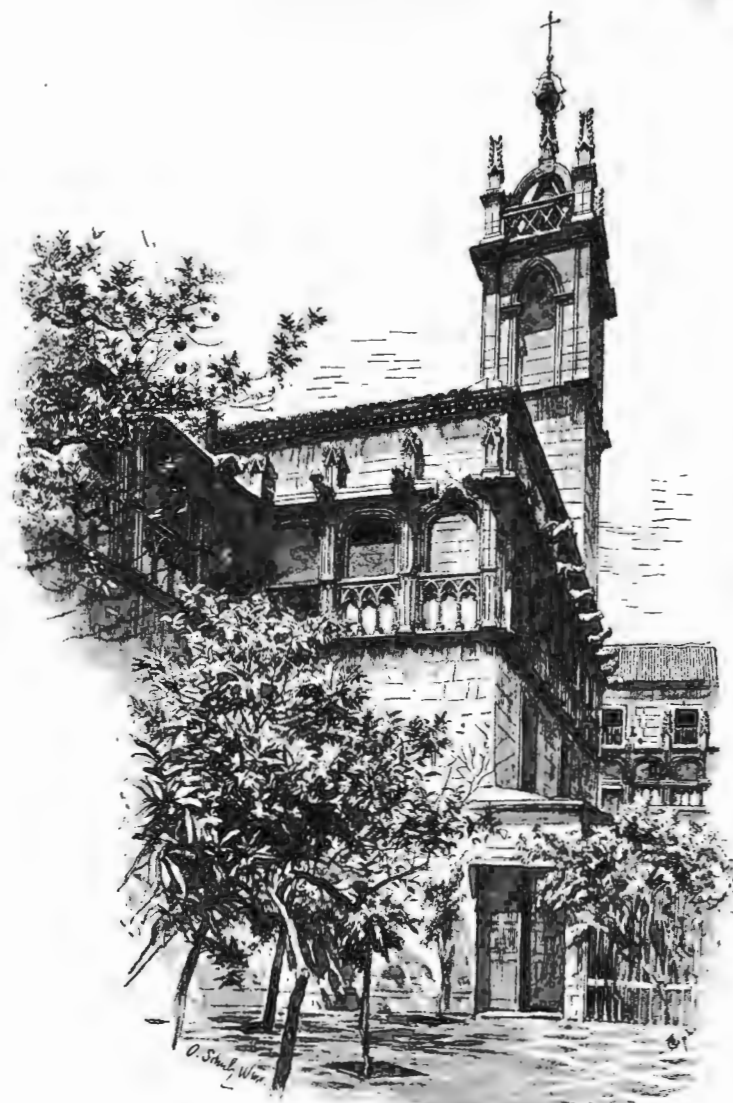
3) Королевский дворец.

4) Главный входъ въ церковь св. Маріи Морской.

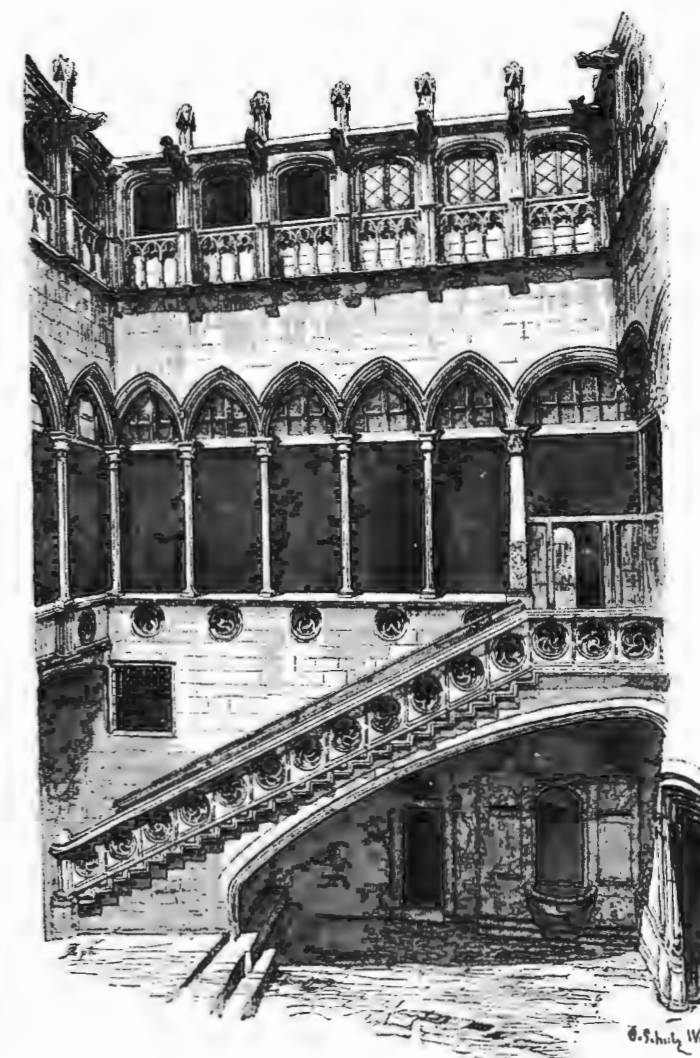
5) Каедральный соборъ.

6) Задній фасадъ зданія суда.

7) Видъ города съ птичьего полета.
Виды Барселоны.

8) Дворъ въ зданіи суда.
Библиотека "Руниверс"

порталу готического, какъ и внутренняго отдѣлка собора, стиля. Но такъ какъ съ теченіемъ времени производилось не мало разнаго рода передѣлокъ и пристроено нѣсколько капеллъ, то въ общемъ чистота готики не сохранилась и получилась стиль нѣсколько смѣшанный. Внутри собора царитъ мракъ, мѣшающій любоваться чудною красотой главнаго алтара, капеллъ, хоръ съ роскошною деревянною рѣзбою; трудно рассмотреть и иконы, рѣзныя фигуры святыхъ и другія произведенія искусства. Зато съ колоколенъ открывается чудный видъ на городъ и окрестности. Сотни голубей ютятся на крышѣ собора и, быть-можетъ, напоминаютъ своимъ присутствіемъ, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь стоялъ храмъ Афродиты, которой, какъ извѣстно, посвящались голуби.

Древнѣе каменнаго собора—церковь св. Маріи Морской, очевидно, построенная на развалинахъ древняго карагенскаго храма (рис. 4). Ея порталъ считается самымъ художественнымъ произведеніемъ готического стиля во всей Каталоніи. Внутренній видъ этой церкви производитъ самое сильное впечатлѣніе; вышина и легкость постройки поражаютъ; кажется, что тонкіе столбы едва поддерживаютъ тяжелую, массивную крышу.

Много еще имѣется церквей и бывшихъ монастырей, большею частью очень древнихъ; архитектурная красота ихъ такъ же разнообразна, какъ и богатство внутренняго убранства. Особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ порталъ монастыря св. Павла. Новыхъ церквей въ городѣ почти вовсе не имѣется; зато ихъ много въ окрестностяхъ, такъ какъ многія предмѣстья возникли только въ позднѣйшемъ столѣтіи, нѣкоторыя даже въ недавнее время, вслѣдствіе громаднаго промышленнаго роста города.

Всемирною извѣстностью пользуется монастырь на Монсерратѣ, зубчатомъ горномъ хребтѣ, который издала бросается въ глаза каждому подъѣзжающему къ Барселонѣ (рис. 10). Монастырь этотъ—мѣсто постоянного стеченія многочисленныхъ богомольцевъ. Каждый путешественникъ считаетъ своимъ долгомъ подняться на вершину горнаго хребта, и, если онъ ревностный католикъ, помолиться тамъ передъ чудотворною иконою Божіей Матери. Многіе мѣстные купцы и промышленники, слѣдя старинною обычаю, пи за что не начнутъ какого-либо новаго дѣла, не совершивъ предварительно восхожденія къ этому монастырю, стоящему на высотѣ, среди суровыхъ утесовъ. Преданіе гласитъ, что чудотворная икона эта писана апостоломъ Лукою, а въ Барселону привезена самимъ апостоломъ Петромъ. При появленіи въ странѣ арабовъ, барселонское духовенство, боясь съ ихъ стороны надругательства надъ иконою, перенесло ее въ одинъ изъ скитовъ, основанныхъ въ то время въ большомъ количествѣ въ дикихъ ущельяхъ и на обрывахъ трудно-доступныхъ зубчатыхъ горъ. Долгое время спустя, когда страна была снова отвоевана христіанами, одинъ изъ епископовъ рѣшилъ возвратитъ икону Богоматери Барселонѣ, но тутъ произошло чудо: икона сама воспротивилась ея перенесенію. На мѣстѣ этого чуда былъ сооруженъ женскій монастырь, который послѣдствіемъ, въ десѣтомъ столѣтіи, былъ преобразованъ въ монастырь бенедиктинскій.

Монастырь этотъ стоитъ на восточной сторонѣ Монсеррата, и изъ него открывается очаровательный видъ на прибрежный ландшафтъ и на Средиземное море; еще величественнѣе видъ изъ развалинъ древнихъ скитовъ, сохранившихся на другихъ, болѣе высокихъ вершинахъ этихъ утесистыхъ горъ, но подъемъ къ нимъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Это утомительное путешествіе начинаютъ обыкновенно со станціи Марторель и, достигнувъ вершины, спускаются черезъ Монистроль къ Барселонѣ.

Свидѣтелями крупнаго значенія Барселоны, какъ торговаго пункта, служатъ съ одной стороны Донха (т.-е. биржа), Адуана (таможня) и многочисленные дворцы богатыхъ коммерсантовъ и судовладельцевъ, а съ другой—громадныя портовые сооруженія, изъ которыхъ, однако, главныя новѣйшаго происхожденія.

Изъ только-что упомянутыхъ зданій особенно выдѣляется красотой биржа. Вѣншій видъ ея, конечно, значительно испорченъ позднѣйшими реставраціями; зато главный залъ и прилегающія къ нему комнаты, обращенныя въ музей, сохранили во всей чистотѣ строго-готическій стиль.

Гавань настолько обширна, что въ ней свободно помѣстился бы цѣлый военный или торговый флотъ, но недостаточная глубина ея лишаетъ, къ сожалѣнію, многія глубокосидящіе суда возможности пользоваться ею. Природа и человеческое искусство соединились здѣсь для созданія одного изъ лучшихъ портовъ Средиземнаго моря. Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ началась дѣятельная работа по увеличенію и огражденію со стороны открытаго моря глубокой бухты, образуемой находящимся какъ разъ противъ города полуостровомъ, на которомъ стоятъ теперь предмѣстье Барселонета. Достигнуто это посредствомъ устройства молвъ и другихъ сооружений. Хорошенькій навильонъ яхтъ-клуба, стоящій на концѣ большого мола, разнообразитъ нѣсколько моногонную картину товарныхъ складовъ, окружающихъ гавань. Въ любое время года сотни всевозможныхъ судовъ, стоящихъ въ гавани, являются живымъ свидѣтельствомъ обширности торговыхъ сношеній Барселоны со всѣмъ міромъ, хотя со времени открытія Америки

гавань ея и утратила свое прежнее значеніе, какъ этапный пунктъ на пути изъ Европы въ Остъ-Индію. Но для Испаніи, во всякомъ случаѣ, Барселона самый важный портъ, и въ то же время центръ ея промышленности и торговли. Самые крупныя въ странѣ пароходныя общества, банкирскіе и торговые дома основаны барселонцами.

Въ Барселонѣ впервые во всей Испаніи было введено книгопечатаніе, и въ ней же впервые намѣлъ практическое примѣненіе паръ. Во всѣхъ областяхъ практической культуры Барселоны шла впереди всей остальной страны, а накопленіе крупныхъ богатствъ давало ей возможность содѣйствовать развитію литературы, науки и искусства. Просвѣщеніе всегда пользовалось въ Каталоніи особенными заботами правительства, и имѣющіеся теперь въ Барселонѣ учебныя и ученныя учрежденія считаются лучшими во всей странѣ. Около двухъ тысячъ студентовъ посѣщаетъ университетъ, въ которомъ особенное вниманіе обращено на положительныя и естественныя науки. Цѣлый рядъ специальныхъ училищъ и академій подготавливаетъ ученыхъ моряковъ, технологовъ, ремесленниковъ, коммерсантовъ, врачей, юристовъ. Ученныя общества, и во главѣ ихъ „Атеней“, къ числу членовъ котораго принадлежатъ почти всѣ люди, имѣющіе нѣкоторое положеніе въ обществѣ, заботятся о распространеніи образованія во всѣхъ классахъ населенія. Академія художествъ воспитала въ своихъ студіяхъ многихъ живописцевъ и скульпторовъ. Основатель и глава новѣйшей испанской художественной школы, Мариано Фортуні, хотя родомъ и не барселонецъ, но художественное развитіе получивъ въ барселонской академіи, въ столицѣ своей родины.

Что касается литературы, то Барселона и въ ней играетъ очень значительную роль, являясь, прежде всего, центромъ книжной торговли. Въ ней сосредоточены самыя крупныя издательскія фирмы, и появляющіеся тамъ въ свѣтъ книги отличаются изяществомъ. Барселонская повременная печать очень вліятельна; беллетристическая литература соперничаетъ съ кастильской, и соперничаетъ не безъ успѣха: произведенія нѣкоторыхъ драматурговъ получили за послѣднее время первыя преміи на устраиваемыхъ всеобщихъ конкурсахъ. Ежегодно устраиваемые цвѣточные праздники, такъ называемые *joes florals*, поддерживаютъ интересъ всего каталонскаго населенія къ поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляютъ и духъ каталонизма. Какъ уже сказано выше, Барселона, при всей своей древности, имѣетъ видъ вполне современнаго столичнаго города. Сильное оживленіе на главныхъ улицахъ города можетъ на первыхъ порахъ привести прѣзжаго въ заблужденіе относительно численности населенія: на не особенно длинной, версты въ полторы, улицѣ Рамбла, красиво усаженной въ нѣсколько рядовъ большими старыми деревьями, во всякое время дня и до глубокой ночи безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ тысячи пѣшеходовъ и сотни всякаго рода экипажей. Убѣвшись на скамеечку около аллеи для пѣшеходовъ, проложенной по серединѣ улицы, можно въ короткое время познакомиться со всѣми каталонскими типами, со всѣми классами общества. Среди элегантныхъ дамъ изъ денежной аристократіи или вышшаго купеческаго общества встрѣчаются простые рабочіе въ блузкахъ и въ фригійскихъ шапочкахъ на головѣ—символь республиканизма. Тутъ и тамъ видятся крестьяне и крестьянки въ простыхъ деревенскихъ костюмахъ. Сотни газетчиковъ и разнаго рода разносчиковъ предлагаютъ свой товаръ, а въ западной части улицы, около Каталонской площади, на опредѣленныхъ мѣстахъ идетъ торговля цвѣтами (рис. 1) и птицами.

На улицѣ Рамбла помѣщаются лучшіе отели, театры, блестящіе кофейни и рестораны; тутъ картина дѣловой жизни крупнаго торговаго города сливается съ картиной общественнаго гулянья.

Настоящая дѣловая жизнь кипитъ, однако, въ сравнительно очень узкой улицѣ Фернандо, соединяющей улицу Рамбла съ площадью Конституціи и съ городскимъ наркомъ. Улица эта сплошь занята роскошными магазинами, не уступающими магазинамъ любой европейской столицы своимъ витринами и качествомъ товаровъ.

Направо отъ улицы Фернандо расположена большая Королевская площадь, подъ аркадами которой пріютилось также множество магазиновъ и кафе. Здѣсь же, въ опредѣленные дни недѣли, даются безплатныя концерты.

Въ городскомъ паркѣ, въ извѣстные часы, собирается вся великосвѣтская Барселона. Гуляютъ по узкимъ, тѣнистымъ, обсаженнымъ тропическими растениями аллеямъ, по широкой аллѣе для ѣзды въ экипажахъ и площадкѣ передъ фонтаномъ, недавно устроеннымъ и стоившимъ большихъ денегъ.

Пройди черезъ паркъ и сквозь прилегающую къ нему съ востока цитадель, попадаешь къ громадному, оригинальному кладбищу; трудно по первому взгляду догадаться, что это такое (рис. 9). Испанцы страшно боятся смерти, не любятъ похоронныхъ процессій и избѣгаютъ кладбищъ. Неприятное впечатлѣніе получается поэтому при видѣ испанскаго кладбища, въ особенности, если путешественникъ видитъ его въ первый разъ. Съ обѣихъ сторонъ длинной, унылой пустынной улицы, лишенной всякой растительности, выдвигаются двѣ семизатѣльные стѣны съ углубленіями; въ каждомъ углубленіи стоитъ лычекъ, въ которомъ и поконитъ тѣло умершаго. Углубленія закрыты мра-

морными досками, на которых начертано то немногое, что обыкновенно желают здесь знать живые о мертвых, т. е. один лишь номер. Каждому такому номеру соответствует запись имени и даты смерти в особой, так сказать, адресной книгѣ покойников, которая ведется состоящими при кладбищѣ чиновниками.

Къ этому большому, общему кладбищу, рассчитанному на десятки тысяч покойников, примыкает другое,—для тѣхъ немногихъ, которымъ богатство позволяетъ послѣ смерти при-

ютиться въ землѣ или въ каменномъ склепѣ. На этомъ кладбищѣ, украшенномъ памятниками и зеленью, посетителемъ не овладѣваетъ то жуткое чувство ужаса передъ смертью, какое испытывается на общемъ.

Въ третью отдѣленіе кладбища лучше и не ходить; тамъ сохрываются кости тѣхъ покойниковъ, которые уже отбыли свой законный срокъ въ ящикѣ подъ навѣстнымъ номеромъ, или такихъ, за которыхъ родные перестали вносить установленную плату.

Графофонъ.

Когда гениальный Эдиссонъ только-что пустилъ въ обращеніе свой фонографъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній нашего столѣтія,—человѣчество сразу заговорило о новомъ удивительномъ приборѣ, закрѣпляющемъ и передающемъ людскую рѣчь. Все сулило ему самое широкое практическое приѣніе во всевозможныхъ сферахъ житейскаго обихода. Въ недалекомъ будущемъ фонографу предстоило, какъ думали, повсемѣстная работа: при изданіи книгъ, журналовъ, при чтеніи лекцій и пропозеніи рѣчей, для воспринятія гдѣ угодно и когда угодно концертовъ, арій изъ оперъ, исполняемыхъ въ театрѣ какого-либо большого города. Словомъ, увлеченіе новымъ изобрѣтеніемъ Эдиссона было полное, и отъ него ожидали небывалыхъ вещей.

Между тѣмъ, съ того времени прошло уже семнадцать лѣтъ, а возлагаемыя на фонографъ надежды осуществились лишь отчасти и очень неудовлетворительно въ техническомъ отношеніи. Причина тому довольно проста и понятна: какъ всякое новое изобрѣтеніе, фонографъ Эдиссона имѣлъ много недостатковъ, на первый взглядъ незначительныхъ и какъ будто бы несущественныхъ, однако, чрезвычайно важныхъ съ практической точки зрѣнія. Первоначальное приспособленіе, состоящее изъ валика, покрытаго оловяннымъ листомъ и приводимаго во вращательное движеніе рукою,—передавало звуки слишкомъ тихо и неразборчиво. Необходимо было улучшить фонографъ, подобрать подходящій металл или сплавъ для покрытія валика, а также измѣнить двигатель такъ, чтобы онъ могъ дать равномерное движеніе и возможность регулировать, по своему усмотрѣнію, быстроту хода всего механизма. Отъ этихъ улучшеній зависѣла чистота и ясность звуковъ, т. е. условіе, помимо котораго онъ не могъ расчитываться на широкое распространеніе.

Девятилѣтній кропотливый трудъ далъ возможность Эдиссону значительно улучшить свой фонографъ и сдѣлать его отвѣчающимъ многимъ требованіямъ практической жизни. Но, къ сожалѣнію, невозможности-высокая цѣна фонографа въ нѣсколько сотъ рублей дѣлаетъ его недоступнымъ для большой публики; впрочемъ, дороговизна фонографа, при сложности его механизма, насъ и не должна удивлять. Замѣтимъ еще, что электрическій двигатель требуетъ для заряженія сильной гальванической батареи и хорошаго знакомства съ электро-техникою отъ управляющаго приборомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ фонографъ мало распространяется, и употребленіе его доступно только лицамъ, очень состоятельнымъ.

Къ счастью, однако, истекъ срокъ привилегіи, выданной Эдиссону, и его изобрѣтеніе стало общимъ достояніемъ.

Тотчасъ же толпа изобрѣтателей принялась улучшать фонографъ Эдиссона, и теперь, благодаря всеобщей дружной работѣ техниковъ и физиковъ, задача примѣненія фонографа къ широкой практикѣ—удачно разрѣшена. Въ настоящее время мы имѣемъ фонографъ, далеко оставившій за собою Эдиссоновскій не только въ техническомъ отношеніи, но и по своей дешевизнѣ и практичности.

Объ этомъ-то новомъ приборѣ, названномъ, для отличія отъ первоначально изобрѣтеннаго Эдиссономъ, *графофономъ*, мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Главнымъ достоинствомъ новаго прибора служить, безъ сомнѣнія, его дешевизна, не говоря уже о чистотѣ его работы. Стоитъ онъ около 120 руб., а слѣдовательно онъ значительно дешевле, чѣмъ обыкновенная пишущая машина или велосип-

едь; между тѣмъ, какъ мы это увидимъ ниже, онъ можетъ приносить неоцѣненные услуги, а если угодно, то можетъ явиться предметомъ развлеченія для любителей декламации и музыки.

Графофонъ занимаетъ небольшое мѣсто; его можно помѣстить на небольшомъ столикѣ или конторкѣ. Онъ не требуетъ электрической батареи, неудобной въ виду развивающагося при ея работѣ газа, запаха котораго, во всякомъ случаѣ, довольно неприятенъ, а главное—въ виду дороговизны ея. Графофонъ приводится въ дѣйствіе при помощи, въ высшей степени простого, очень прочнаго, не подвергающагося портчѣ, часового механизма, который заводится пишущейся при немъ рукояткой.

На восковомъ цилиндрѣ или, для большей прочности, на валикѣ изъ целлюлозы штифтикомъ изъ корунда, прикрѣпленный къ вибрирующей перепонкѣ, наноситъ незамѣтные для глаза черточки, которые являются, такъ сказать, материализованнымъ звукомъ человѣческаго слова или музыки. Цилиндръ можно пересылать по почтѣ, и получатель можетъ выслушать все, что было закрѣплено на цилиндрѣ. Очень простой механизмъ передаетъ написанное; приложивъ къ ушамъ гуттаперчевую трубку, мы вполне отчетливо и ясно услышимъ свой собственный или чужой разговоръ, съ малѣйшими отгѣнками тембра и интонацій голоса, съ удивительной выразительностью. Прикрѣпивъ резонаторъ, мы можемъ передать одновременно разговоръ, пѣніе или музыкальную цѣсу нѣсколькими десятками и даже сотнями лицъ; равно мы можемъ, при посредствѣ графофона на-

Барселона. 9) Кладбище.

слаждаться мелодіями, аріями, исполненными лучшими въ мірѣ артистами, которыхъ мы въ жизни никогда не видѣли и не увидимъ, слышать знаменитыхъ чтецовъ, парламентскихъ ораторовъ и т. д. Въ послѣднее время къ услугамъ публики имѣется громадный выборъ готовыхъ цилиндровъ съ записями (фонограммами), которые можно выписать изъ-за границы или даже достать въ Петербургѣ или въ Варшавѣ за относительно низкую цѣну.

Для людей дѣловыхъ, занятыхъ, особенно же для разныхъ учреждений, которымъ особенно важно сберечь время—графофонъ является очень цѣннымъ снарядами. Начальники большихъ бюро, хозяева фабрикъ и большихъ торговыхъ конторъ и подобныя имъ лица вынуждены ежедневно отвѣчать на громадное количество писемъ, но, за недостаткомъ свободного времени, они даютъ краткія распоряженія своимъ секретарямъ или корреспондентамъ относительно общаго смысла своихъ отвѣтовъ или быстро, скороговоркою, диктуютъ подробно ихъ содержаніе. Такой способъ сохраненія времени довольно практиченъ, но имѣетъ тоже свои неудобства: рѣдкій писецъ въ состояніи успѣвать за быстрой диктовкой, а, слѣдовательно, нужно диктовать довольно медленно и попусту терять много времени. Краткія распоряженія имѣютъ еще большія неудобства и могутъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ, если какъ-нибудь исказится мысль въ письмѣ.

Если же, слѣдуя примѣру практичныхъ англичанъ и американцевъ, мы приобретемъ хорошій графофонъ, то цѣль будетъ вполне достигнута. По полученіи письма принципалъ говоритъ свой отвѣтъ на него обыкновеннымъ голосомъ въ трубку графофона, который автоматически точно закрѣпляетъ каждое его слово. Писцу или секретарю слѣдуетъ только выслушать распоряженіе хозяина посредствомъ того же самаго фонографа и, не сибѣна, слово-въ-слово, переписать, не боясь исказить его смысла.

Подобныя же услуги оказываетъ графофонъ и газетному ре-

портеру, журналисту, нотариусу, рутинно свидетельствующему какой-либо гражданский акт, адвокату, приготавлиющему защитительную рѣчь и т. д.

Въ послѣднемъ особенно случаѣ, когда какая-либо знаменитость въ той или иной области человѣческихъ знаній имѣеть графопонъ, громадный выигрышъ во времени особенно рѣзко бросается въ глаза.

Этотъ приборъ вполнѣ можетъ замѣнить даже самаго быстропишущаго стенографа, но имѣеть передъ нимъ то преимущество, что работа его обходится значительно дешевле, и онъ готовъ къ услугамъ хозяина во всякое время дня и ночи.

Благодаря вышеприведеннымъ преимуществамъ новаго прибора, значительно упрощеннаго сравнительно съ его эдессо-

новскимъ прообразомъ, онъ получилъ значительное распространение за границею среди негодяевъ, банкировъ, въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ и т. п.

Переписка при посредствѣ графопона не требуетъ никакой подготовки, развѣ только незначительнаго упражненія.

Каждый цилиндръ или восковой валикъ стбитъ рубль, а между тѣмъ можетъ быть обтачиваемъ вѣскольکو десятковъ разъ. Такимъ образомъ расходъ на отдѣльную записку не превышаетъ расхода на переписку одного листа писчей бумаги.

Графопонъ можетъ получить широкое распространение и потому, что онъ замѣняетъ обыкновенное письмо: валикъ, снятый съ прибора, можно пересылать по почтѣ съ незначительными издержками.

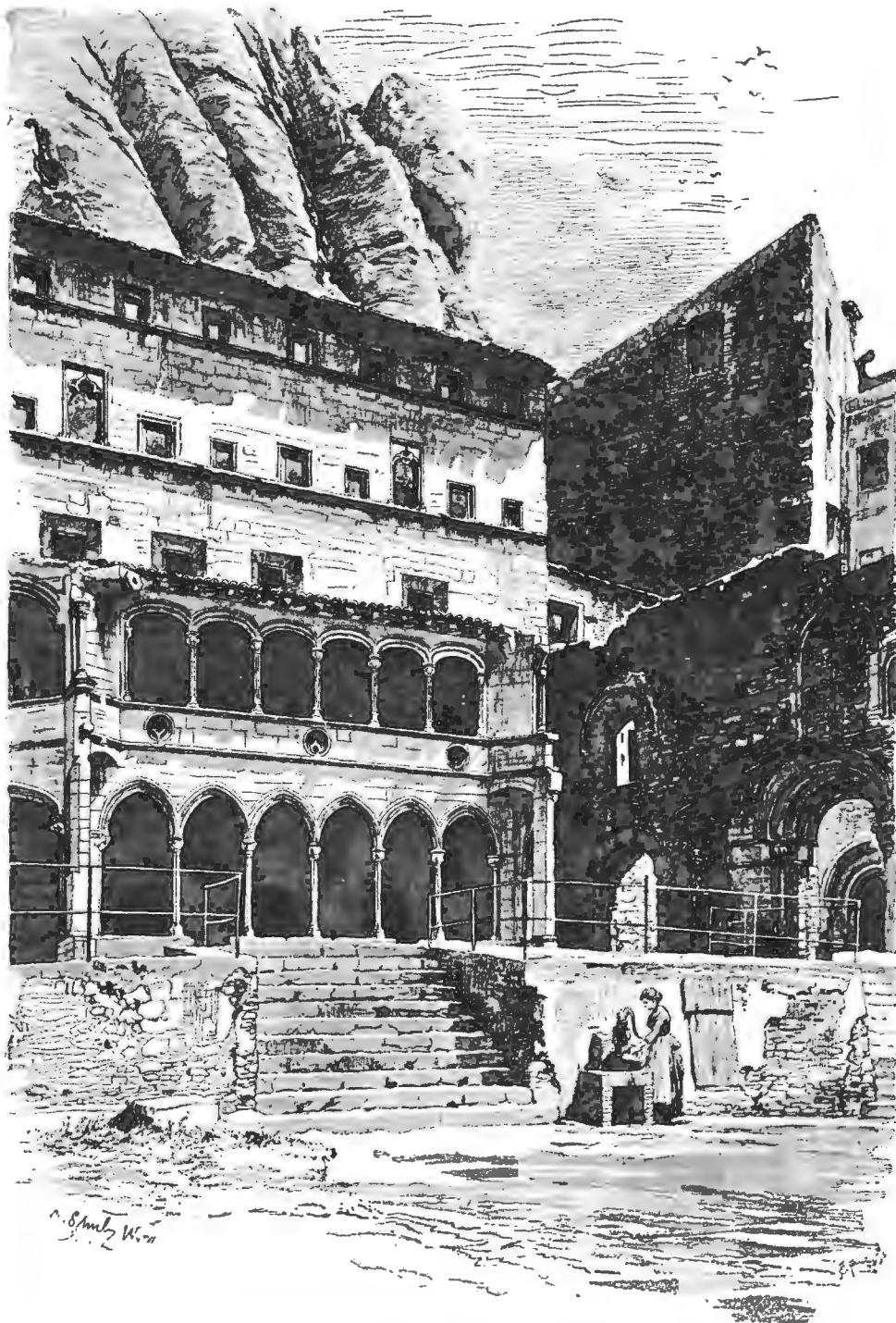
Къ рисункамъ.

Послѣдняя передвижная выставка дала не мало весьма удачныхъ жанровыхъ картинъ. Вотъ одна изъ нихъ, принадлежа-

на лицахъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Солнечные лучи играютъ на занавѣскѣ, на полу и на скамейкѣ, дополняя картину общаго тихаго веселья.

*

Иуда Искариотъ (т. е. чело-вѣкъ изъ города Каріота) единственный изъ 12 апостоловъ, который рѣшился предать своего Учителя. Въ литературѣ существуетъ много разнообразныхъ попытокъ разгадать истинную причину перехода его отъ апостольства къ предательству. Завѣдывая въ обществѣ апостоловъ денежнымъ ящикомъ, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда сбудется пророчество Иисуса Христа объ основаніи Имъ великаго земного царства, гдѣ станутъ княжить иудеи. Обманутый въ надеждахъ, онъ рѣшился предать Мессію. Это было какъ разъ за два дня до праздника пасхи и оубѣновъ. Иуда отправился къ книжникамъ и первосвященникамъ, которые давно уже искали случая взять хитростью и убить Божественнаго Учителя. "Что вы дадите мнѣ? и я вамъ предаю Его", — обратился онъ къ врагамъ Христа, которые совѣщались у первосвященника Каиафы и раздумывали, какъ похитить свой тайный замыселъ.

Барселона. 10) Входъ въ монастырь Монсерратъ.

влетъ слышать подъ барабанъ шаловливую обезьяну, а можетъ, и деревенскій гуляка оглясываетъ трепака... Или уличные мальчишки поссорились и затѣяли драку? Какъ не посмотреть на такую диковинку! Нашему художнику прекрасно удалось схватить то живперадостное впечатлѣніе, которое отразилось

Услышавъ Иуду, они возликовали и за 30 серебряниковъ (24 рубля золотомъ) купили услугу предателя. Условіе заключено. Заговорщики порѣшили выждать удобнаго времени, чтобы привести въ исполненіе преступный планъ, только не въ праздникъ, болъ народнаго возмущенія. Г. Ярошенко

наобразилъ на своей картинѣ именно этотъ моментъ окончательныхъ переговоровъ. Сидящій по срединѣ первосвященникъ съ довольной улыбкой уговариваетъ Иуду принять впередъ деньги, которыя уже протягиваетъ въ кошелькѣ лукавый старецъ. Книжникъ даже привсталъ отъ волненія, убѣждая предателя, что его поступокъ нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ закономъ, такъ какъ именующій себя Царемъ Назарейскимъ—вовсе не Мессія. Два другихъ старика приводятъ, въ свою очередь, горячіе доводы. Въ Иудѣ борются послѣднія сомнѣнія, и голосъ совѣсти еще протестуетъ. Онъ еще не беретъ денегъ, но готовъ ихъ взять, чтобы отмстить Тому, Кто не оправдалъ его себѣ любимой надежды на земную славу.

И. К. Айвазовскій.
(Портр. и рис. на этой стран.).

17-го іюля с. г. исполнилось 80 лѣтъ И. К. Айвазовскому, знаменитому нашему „поэту моря“.

Имя Айвазовскаго давно уже увѣнчано міровою славой, давно уже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду извѣстнѣйшихъ европейскихъ художниковъ. Портретъ его уже болѣе 20 лѣтъ красуется въ галлерей

И. К. Айвазовскій. (По поводу 80-лѣтія дня рожденія.)
Съ фот. Я. Короткова автотипія „Нивы“.

палаццо Питти во Флоренціи, гдѣ собраны портреты всѣхъ знаменитѣйшихъ художниковъ, начиная съ великихъ мастеровъ эпохи Возрожденія—великая честь, которой удостоенъ былъ и нашъ русскій художникъ до Айвазовскаго только одинъ покойный Кириенскій († 1836 г.). Почти всѣ крупнѣйшія иностранныя академіи художествъ увѣнчали Айвазовскаго наградами, медалями и дипломами на званіе почетнаго члена.

И. К. Айвазовскій родился въ Феодосіи и первоначальное образование получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Первымъ, обратившимъ вниманіе на его художественныя способности, былъ городской архитекторъ Кохъ, давшій ему нѣсколько уроковъ по перспективѣ и архитектурному черченію. Благодаря же покровительству одесскаго градоначальника А. И. Казначеева, И. К. былъ опредѣленъ въ симферопольскую гимназію, курса въ которой, однако, ему не удалось окончить въ виду зачисленія его въ 1833 г., по Высочайшему повелѣнію, въ Академію Художествъ. Онъ былъ опредѣленъ пенсіонеромъ Собственнаго Его Величества Кабинета въ классъ пейзажной жи-

Домъ въ загородномъ имѣніи И. К. Айвазовскаго, въ Феодосіи. Съ фот. Я. Короткова автотипія „Нивы“.

воинск профессор М. Н. Воробьева. Съ самаго же начала И. К. избралъ спеціальность мариниста,—родъ живописи тогда еще совершенно новый — и первые цѣнные уроки онъ получилъ у прѣхавшаго въ 1835 г. французскаго мариниста Филиппа Ташвѣра. Въ томъ же году на академической выставкѣ появилась его первая картина „Этюдъ воздуха надъ моремъ“, за которую ему присуждена была единогласно первая серебряная медаль. Два года спустя онъ уже получилъ первую золотую медаль и отправленъ былъ пенсионеромъ Академіи въ Крымъ и на Черное море. Въ 1840 г. Айвазовскій отправился за границу, въ Италію, затѣмъ въ Парижъ, оттуда въ Испанію и Португалію. Вездѣ онъ усиленно работалъ и выставялъ свои картины, обратившія на себя вниманіе и публики, и критики.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Айвазовскому присуждено было Академіей за картины черноморскихъ портовъ званіе профессора живописи морскихъ видовъ. Когда началась война 1853—1856 гг., Айвазовскій посвятилъ себя изображенію подвиговъ русскаго флота. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ и выставилъ тамъ 25 картинъ, за которыя онъ удостоенъ былъ исключительной для русскаго художника награды — ордена Почетнаго Легіона. Вообще Айвазовскій съ особенной любовью иллюстрировалъ своей кистью все наиболее важныя политическія событія, такъ или иначе связанныя съ моремъ; въ томъ числѣ — возстаніе кандіотовъ въ 1866 г., открытіе Суэзскаго канала. Кистью Айвазовскаго увѣковѣчены и боевыя подвиги русскаго флота въ послѣднюю турецкую войну.

Перечислять картины Айвазовскаго почти невозможно, — ихъ болѣе 5.000, и большая часть изъ нихъ трактуетъ безконечно разнообразныя эффекты моря. Въ этой области Айвазовскій занимаетъ исключительное, первенствующее мѣсто. Онъ своими картинами подвѣка тому назадъ открылъ новые горизонты, сумѣвъ соединить подъ своей кистью поэзію отжившаго романтизма и правдивость зарождавшагося реализма. Айвазовскій позналъ море и его жизнь, постигъ тайну причудливаго движенія волнъ, и его картины даютъ полную иллюзію колышущейся массы воды, живого моря.

Это живое, то бурное, свирѣпое, то тихое, вѣчно вздрагивающее мелкою рябью подъ ласкою солнца море Айвазовскій наблюдалъ и изучалъ всю жизнь, во всѣхъ странахъ Европы. Тамъ онъ проживалъ долгіе годы, но душою, сердцемъ онъ былъ привязанъ всегда къ своему родному Черному морю, которое онъ изобразилъ не въ одной сотнѣ картинъ. Черное море и приморскій городокъ Феодосія влекли его всегда къ себѣ. Въ этомъ небольшомъ городкѣ провелъ онъ свое дѣтство, тамъ онъ проявилъ первые проблески своего таланта, которымъ не дали заглухнуть чуткіе, преданные родному искусству люди; тамъ онъ поселился, когда достигъ извѣстности, и продолжаетъ проживать понышѣ, жертвуя много силъ, труда и матеріальныхъ средствъ для процвѣтанія родного города. Тамъ же, въ далекомъ уголкѣ Крыма, и состоялось, 17-го іюля, чествованіе восьмидесятилѣтня для рожденія маститаго художника. Городъ поднесъ И. К. Айвазовскому почетный адресъ съ перечисленіемъ заслугъ, оказанныхъ имъ Феодосіи. Со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы были получены имъ привѣтственные телеграммы.

Деревья-великаны. (Рисунки на стр. 717.)

Неумѣренное лѣсонстребленіе, влекущее за собою обмелѣніе рѣкъ и разнаго рода климатическія измѣненія, вызвало нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, въ Россіи, изданіе особаго закона объ охраненіи лѣсовъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ населеніе также съ недостаточною бережливостію относилось къ лѣснымъ богатствамъ, еще раньше нашего приняли къ сознанію необходимости охраны лѣсовъ. Прежде всего правительство постановило признать извѣстные лѣсные участки національными парками и поставить ихъ подъ охрану специальныхъ военныхъ командъ, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за тѣмъ, чтобы лѣса не подвергались личническимъ набѣгамъ браконьеровъ.

Политическое обозрѣніе.

Какъ мы уже сообщали, переговоры державъ съ Портою относительно заключенія греко-турецкаго мира близятся къ окончанію. Державамъ, однако, остается рѣшить важный вопросъ о способѣ уплаты контрибуціи Греціей. По авторитетному мнѣнію *National Zeitung* отъ 15-го іюля, Германія считаетъ единственными средствомъ уладить затрудненіе текущихъ переговоровъ — установленіе европейскаго финансового контроля надъ казною греческаго королевства. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать, что выходъ изъ затруднительнаго положенія будетъ найденъ, и образъ дѣйствія державъ приметъ болѣе энергичный характеръ. На это указываютъ непоколебимость русской политики въ греко-турецкомъ вопросѣ, идущей, какъ извѣстно, рука объ руку съ мѣтропріятными дружественной Франціи. Совмѣстное дѣйствіе Россіи съ Франціей въ дѣлѣ инициативы по турецкому вопросу въ послѣднее время поддерживается, довидному, Австро-

Пайболѣе извѣстныя и замѣчательныя изъ такихъ національныхъ парковъ и охраняемыхъ лѣсовъ находятся въ Калифорніи. Пронрастающія въ этихъ паркахъ гигантскія деревья являются поистинѣ чудесами природы. Существуютъ двѣ наиболее замѣчательныя разновидности этихъ деревьевъ: секвой обыкновенная и секвой гигантская. Первая разновидность нѣсколько меньше и растетъ по подножью прибрежныхъ горъ; вторая достигаетъ громадной вышины и является, такъ сказать, гигантскимъ деревомъ Калифорніи, имѣя обыкновенно нѣсколько сотъ футовъ вышины. Вдоль хребта Сьерры-Невады встрѣчается не мало отдѣльныхъ группъ и цѣлыхъ рощъ гигантской секвой. Каждый изъ нихъ носитъ свое названіе. Наиболѣе часто постигаемая изъ нихъ — Марипоза. Въ ней всеобщее вниманіе привлекаютъ къ себѣ дерева-гиганты „Вагона“, со сквознымъ дуломъ, чрезъ которое свободно проѣзжаютъ экипажи въ четверку лошадей, и такъ-называемый „Сѣрый гигантъ“ — одно изъ величайшихъ деревьевъ въ мірѣ.

Гигантскій видъ этихъ гигантскихъ деревьевъ производитъ неотразимое впечатлѣніе; естественно поэтому, что многими изъ нихъ даны собственныя имена въ честь какого-либо лица, штата или города. Почти каждый штатъ, почти каждый болѣе или менѣе знаменитый генералъ гражданской войны имѣетъ здѣсь представителя своего имени. „Генералъ Грантъ“ въ паркѣ того же названія и „Генералъ Шериданъ“ въ такъ-называемомъ „Гигантскомъ лѣсу“ — представители самой большой древесной толщины. Трудно опредѣлить, которое изъ этихъ гигантскихъ деревьевъ болѣе, но несомнѣнно, что оба они, да еще „Сѣрый гигантъ“ — величайшіе изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ деревьевъ въ мірѣ. Стволы ихъ въ основаніи имѣютъ въ діаметрѣ по тридцати футовъ.

Гигантскія деревья растутъ иногда въ такихъ малодоступныхъ горныхъ мѣстахъ, что нѣкоторая часть территории, поросшей ими, никогда не была вполнѣ и систематически пасѣдована. Кромѣ участковъ, охраняемыхъ правительствомъ, нѣсколько тысячъ акровъ, поросшихъ такими гигантами, принадлежатъ калифорнійской лѣсональной компаніи. Однажды, объѣзжая какой-то очень мало обслѣдованный участокъ, одинъ изъ служащихъ компаніи наткнулся на громадѣйшее дерево, отличающееся къ тому же замѣчательнѣйшею стройностію; ему дали имя „Генералъ Сикльсъ“. Немного спустя, правительство заказало компаніи доставить къ чикагской выставкѣ обрубокъ дерева. Отправили одного изъ служащихъ отыскать „Генерала Сикльса“. Полтора мѣсяца продолжались поиски, но тщетно. Зато отыскалось другое дерево, которое и выбрали для выставки. Требования правительства сводились къ тому, чтобы бревно было длиною не менѣе тридцати футовъ и почти совершенно правильной цилиндрической формы; разница въ діаметрахъ обоихъ концовъ не должна была превышать одного фута, а меньшій діаметръ — не менѣе двадцати футовъ. Задача была не легкая; толщинѣ соответствовало не мало деревьевъ, но всѣ они такъ быстро суживались къ вершинѣ, что не могли удовлетворить требованіямъ относительной прямой цилиндричности. Наконецъ требуемое отыскалось.

Та же самая калифорнійская лѣсональная компанія доставила громадное дерево къ столѣтнему юбилею независимости Штатовъ. Дерево это было срублено въ паркѣ „Генерала Гранта“, недалеко отъ того мѣста, гдѣ по настоящее время стоитъ во всей своей красѣ колоссальная секвой „Генералъ Грантъ“, изображенная на нашемъ рисункѣ на стр. 717. Въ томъ же паркѣ лежитъ такъ-называемый „Падшій моваркъ“, сквозь дуло котораго можетъ проѣхать всадникъ гораздо свободнѣе, чѣмъ чрезъ двери конюшни. Другой нашъ рисунокъ служитъ иллюстраціей не только величій калифорнійскихъ деревьевъ, но и прекрасной тренировки лошадей военныхъ отрядовъ, охраняющихъ лѣса. Довести лошадей до того, чтобы она вспрыгивала на такую высоту, какъ видно на рисункѣ, требуетъ большого труда и терпѣнія. Но этого достигли, хотя и путемъ очень долгихъ стараній, съ тѣхъ поръ, какъ охрана лѣсовъ была поручена кавалеріи.

Венгріей. Состоящій во главѣ австрійской внѣшней политики графъ Голуховскій, отправившійся во Францію, какъ увѣрила австрійская офиціозная печать, безъ всякой политической цѣли, имѣлъ въ Парижѣ 15-го іюля продолжительное свиданіе съ г. Ганото, отложившимъ по этому случаю свою поѣздку въ Виши. Послѣ дипломатическаго завтрака во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, кромѣ гостя, присутствовали французскіе послы въ Вѣнѣ и Константинополѣ, австрійскій посолъ въ Парижѣ, а также министръ-президентъ г. Мелинъ, офиціозная печать не скрываетъ важности „совѣщанія“ выдающихся французскихъ и австрійскихъ политическихъ дѣятелей по поводу, какъ полагаютъ, дальнѣйшихъ фазисовъ восточнаго вопроса.

Важная перемяна въ русскомъ дипломатическомъ мірѣ — назначеніе посломъ въ Константинополь г. Зиновьева, бывшаго представителя Россіи въ Стокгольмѣ, на мѣсто г. Нели-

дова, переведеннаго посломъ въ Римъ, — признается западно-европейскою печатью также симптомомъ болѣе рѣшительной политики Россіи на Босфорѣ.

Въ англійской палатѣ общинъ происходили 15-го іюля продолжительныя и оживленныя пренія по поводу образа дѣйствія комиссіи по южно-африканскимъ дѣламъ, оправдавшей разбойничій набѣгъ на Трансвааль. Всячески сваливая съ себя отвѣтственность за набѣгъ Джэмсона, Чемберленъ заявилъ палатѣ, что правительство отказывается отъ преслѣдованія Родса, лишеннаго уже должностей и добраго имени. Послѣ этого большинство палаты отвергло предложеніе о порицаніи дѣятельности комиссіи. Такимъ образомъ вопросъ о набѣгѣ флибустеровъ на республику буровъ слѣдуетъ, повидимому, считать окончательно исчерпаннымъ. Начавшіяся въ Лондонѣ, по случаю юбилея королевы, совѣщанія между британскимъ министромъ колоній Чемберленомъ и министрами-президентами колоній о выработкѣ общеимперскихъ законоположеній закончились безуспѣшно. Единодушно требуя участія въ имперскомъ парламентѣ, представители колоній предложили нѣсколько проектовъ, по обсужденіи которыхъ рѣшено, что общее представительство было бы роковымъ для единенія колоній съ метрополіей. Разногласіе увеличилось тѣмъ, что для метрополіи оказалось невозможнымъ принять во вниманіе импотіе интересы колоній, почему и отвергнуты всѣ предложенія.

Официальныя свѣдѣнія изъ Парижа отъ 9-го іюля подтверждаютъ торжество французской политики въ Абиссиніи. При

негусѣ Менеликѣ назначенъ французскій полномочный министръ. Двумя договорами между Франціей и Абиссиніей скрѣплены тѣсныя узы не только дружбы, но и матеріальныхъ интересовъ. Однимъ изъ договоровъ опредѣляется граница Эіопіи и территория Джибути и устанавливается восьмипроцентная пошлина съ французскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Абиссинію. Предметомъ другого договора является конвенція о сооруженіи въ Абиссиніи рельсовой линіи. Известный совѣтникъ негуса Менелика, швейцарецъ—инженеръ Ильгъ учреждаетъ императорское общество эіопскихъ желѣзныхъ дорогъ для постройки и эксплуатаціи пути Джибути-Харрарь-Энтото-Кофра-Бѣлый Нилъ. Обществу, получающему исключительное право постройки рельсовыхъ путей отъ береговъ Чермнаго моря и Индійскаго океана къ Бѣлому Нилу, дается концессія на 99 лѣтъ со дня окончанія работъ; общество обязано построить телеграфную линію вдоль всего пути; подъ дорогу отводится безвозмездно полоса въ километръ шириною съ лѣсомъ, минеральными богатствами и рѣками; перевозка войска и военного матеріала производится только съ разрѣшенія негуса, эіопскія же войска въ военное время перевозятся дорогою безвозмездно; негусъ защищаетъ линію отъ всякихъ нападений; по истеченіи срока концессіи линія становится собственностью Эіопіи, а подвижной составъ переходитъ къ ней по установленной цѣнѣ, и, наконецъ, общество обязуется уплатить негусу Менелику сто тысячъ франковъ акціями предпріятія.

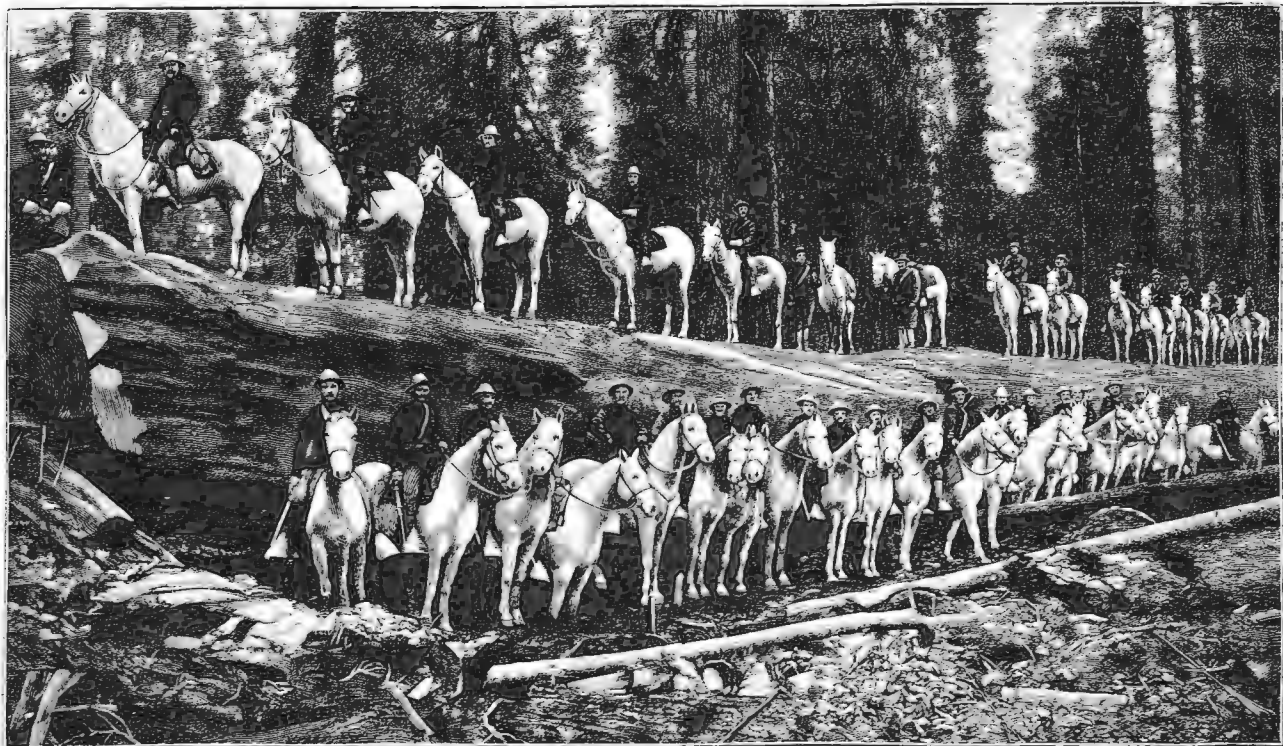

Дерева-великаны. Войска, расположившіяся вокругъ дерева-великана «Генералъ Грантъ». Грав. Рашевскій.

СМѢСЬ.

Вліяніе одежды на дикарей. Лишь только европейская цивилизація коснется какого-либо дикаго племени,—будь то австраійскіе полинезійцы или африканскіе зулусы,—она прежде всего предъ-

являетъ къ дикарю требованіе, чтобы онъ одѣлся. Несомнѣнно, что одѣяніе—вещь хорошая и необходимая тамъ, гдѣ она привилась вѣками; но для племенъ, живущихъ подъ тропиками, не при-

Дерева-великаны. Срубленный стволъ дерева-великана и войска, выстроившіяся на немъ и вдоль него. Грав. Рашевскій.

выпихивать никогда прикрывать одеждою тѣло, — европейская одежда, которая и для насъ-то самихъ бываетъ не всегда гигиенична, является иногда прямо-таки вредною для здоровья и даже смертоносной. Даже вода не такъ вредна для тропическихъ племенъ, какъ наши европейскіе костюмы. Кожа дикарей своею твердостью и выносливостью не уступаетъ звѣриной и издавна привыкла ко вслѣдственнымъ температурнымъ и атмосфернымъ колебаниямъ. Индѣецъ или негръ и повѣтъ не имѣетъ о томъ, что такое простуда, до тѣхъ поръ, пока не надѣнетъ на себя какой-либо одежды. Съ этой поры кожа его уже утрачиваетъ способность приспособляться ко всякой температурѣ, потъ перестаетъ высыхать съ прежнею быстротою, свойственный дикарю жировой тонкій слой на кожѣ совершенно исчезаетъ, и естественнымъ послѣдствіемъ всего этого является жестокая простуда. А это уже обыкновенно бываетъ началомъ конца. Дикарь не умѣетъ ни беречь свое здоровье, ни лѣчиться, когда заболѣетъ; простуда обыкновенно быстро поражаетъ легкія, и больная постепенно угасаетъ. Многія красивѣйшія, сильнѣйшія дикія расы совершенно выродились физически, и все это только потому, что были вынуждены одѣваться по образцу европейскихъ народовъ. Туземцы Сандвичевыхъ острововъ, напримѣръ, сотнями умираютъ отъ чахотки и отъ воспаления легкіхъ, съ тѣхъ поръ, какъ стали носить непривычную и малоприспособленную къ ихъ климатическому положенію одежду.

Женскій университетъ открывается въ скоромъ времени въ Японіи, въ Токио. Инициаторомъ этого дѣла является японскій ученый Низо Наруссе. Въ теченіе слишкомъ года онъ горячо пропагандировалъ свою идею, и наконецъ, 26-го мая т. г. большое собраніе въ Осакѣ выразило полное сочувствіе его намѣренію и рѣшило основать „Нибо сіоши-дайгаку“, т. е. японскій университетъ для женщинъ. Въ собраніи этомъ принимали участіе многіе высшіе государственные чины, между прочими министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Окума, министръ народнаго просвѣщенія маркизъ Хачифука, министръ двора графъ Хишикато, президентъ верхней палаты князь Конобе и еще многіе дворяне, ученые и коммерсанты, всего въ числѣ свыше двухсотъ пятидесяти человекъ. На предварительные расходы по устройству женскаго университета рѣшено составить изъ частныхъ средствъ капиталъ въ 300,000 іенъ (т. е. 300—350 тыс. рублей), изъ которыхъ 100,000 дастъ городъ Осака, 100,000 Токио и 100,000—остальные города имперіи. Императоръ, а въ особенности императрица, — оба очень сочувственно отнеслись къ этому дѣлу, и вѣроятно, что на устройство университета будетъ отпущена крупная сумма и изъ казенныхъ средствъ.

Железнодорожная сѣть земного шара, какъ видно изъ собранныхъ официальныхъ данныхъ, возросла за пятилѣтіе съ 1891 по конецъ 1895 года на 62,465 километровъ, или на 9,8% протяженія, и къ концу 1895 года достигла 698,356 килом. Изъ всего этого протяженія железнодорожныхъ линій приходится на долю Америки 369,685 килом., Европы — 249,899 килом., Азии — 43,279 килом., Австраліи — 22,349 килом., и Африки — 13,143 килом. Европейская железнодорожная сѣть увеличилась за пятилѣтіе 1891—1895 гг. всего на 22,104 килом., т. е. на 9,2 проц. Наибольшая железнодорожная сѣть имѣется въ Германіи — 46,413 килом., и въ ней приростъ за пять лѣтъ выразился цифрою 2,989 килом., или 6,8 проц. Наибольшій приростъ сѣти приходится на долю Россіи — 6,675 килом., т. е. 21,4 проц. Во Франціи железнодорожная сѣть увеличилась на 2,476 килом. (6,5%), въ Австро-Венгріи — на 1,980 килом. (7%), въ Испаніи — на 1,892 килом. (18,3%), въ Италиі — на 1,805 килом. (13,7%) и въ Швеціи — на 1,476 килом. (17,7%). Въ другихъ частяхъ свѣта общая длина железнодорожныхъ линій увеличилась за тѣ же пять лѣтъ слѣдующимъ образомъ; въ Аме-

рикѣ — на 27,356 килом. (7,9%), въ Азіи — на 7,838 килом. (22,1%), Африкѣ — 2,647 килом. (25,2%) и въ Австраліи — на 2,520 килом. (12,7%). Стоимость всѣхъ желѣзныхъ дорогъ земного шара, бывшихъ въ дѣйствиі къ концу 1895 года, простиралась до 123,366 миллионѣвъ рублей, т. е. среднимъ числомъ по 105,000 рублей на километръ.

Разбиваніе градовыхъ тучъ съ помощью выстрѣловъ. Въ Альпахъ существуетъ давнишній обычай — отгонять приближающуюся бурю или градъ стрѣльбою въ тучу. Обычай этотъ до сихъ поръ считался простымъ суевѣріемъ; на самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ отчета одного землевладѣльца, представленнаго имъ въ вѣнскую метеорологическую обсерваторію, стрѣльба въ облака приноситъ дѣйствительно благоприятные результаты. У упомянутого землевладѣльца имѣются въ горахъ обширные виноградники, которыми въ прежнее время приходилось не мало страдать отъ градобитій. Покрывать весь виноградникъ мелкой проволочной сѣткою было бы слишкомъ дорого, а потому землевладѣлецъ и рѣшилъ прибѣгнуть къ простонародному средству — стрѣльбѣ по облакамъ. Съ этою цѣлю онъ устроилъ на шести возвышенныхъ пунктахъ своего рода батарей — деревянныя хижинки съ десятью мортирками въ каждой. При приближеніи градовой тучи изъ всѣхъ этихъ мортиръ начиналась одновременно непрерывная стрѣльба. И вотъ какіе результаты получались отъ этого, по разсказу одного очевидца: „Густая, черная туча спустилась къ намъ съ горныхъ вершинъ. По данному сигналу, со всѣхъ батарей началась вдругъ стрѣльба; не прошло и трехъ минутъ, какъ движеніе тучъ приостановилось, затѣмъ вся масса ихъ раздвинулась, образуя въ серединѣ воронкообразное отверстіе; края воронки заволновались, раздвигаясь все въ болѣе и болѣе широкіе круги, пока, наконецъ, всѣ тучи не разсѣялись; не было не только града, но даже и ливня“. Въ другихъ случаяхъ градовая туча разражалась надъ виноградниками однимъ дождемъ, между тѣмъ какъ на окружающихъ участкахъ вѣду шелъ градъ. Въ теченіе лѣта прошлаго 1896 года пришлось шесть разъ прибѣгать къ такой оборонительной стрѣльбѣ, и каждый разъ съ одинаковымъ успѣхомъ; стрѣльба съ одного участка нерѣдко оберегала отъ града пространство приблизительно въ квадратную милю.

Керосинъ, какъ средство противъ дифтерита. Въ одной изъ миланскихъ газетъ, мѣстный врачъ Луиджи Секондани подтверждаетъ пользу керосина при лѣченіи дифтерита и сообщаетъ слѣдующее: „Вотъ уже много времени, какъ я прибѣгаю при лѣченіи дифтерита къ помощи керосина, и такъ доволенъ полученнымъ до сихъ поръ результатами, что смѣло могу теперь поручиться за благоприятный исходъ при всякомъ заболѣваніи, если больной будетъ строго слѣдовать моимъ указаніямъ. Впрочемъ, за успѣхъ я могу вполнѣ ручаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда больной не моложе шести лѣтъ, т. е. находится уже въ такомъ возрастѣ, когда можетъ все понимать и исполнять все, что отъ него потребуютъ. У дѣтей же болѣе юнаго возраста я примѣняю синоротку, и также съ благоприятными исходами. Керосинъ примѣняется мною въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: и въ видѣ смазыванія, и полосканія, и для вдыханія. Дифтерическіе налеты въ горлѣ при этомъ исчезаютъ, а какъ только снова появятся, операція съ керосиномъ повторяется опять, и такъ до тѣхъ поръ, пока дифтеритъ не прекратится окончательно.“

СОДЕРЖАНІЕ: Германская императорская чета (съ 3 портр.). — Германскій имперскій канцлеръ, князь Гогенлоз. — На чутѣ въ счастье. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немеровича-Данченко. (Продолженіе.) — Барселона. Очеркъ Г. Дириса. (Съ 10 рис.). — Граффонъ. — Въ разсужденіи: Что случилось? — Иуда. — И. К. Айвазовскій (съ портр. и рис.). — Деревья-великаны (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,

въ Рейнпфальцѣ.

Высшее машиностроительное и электротехническое училище.

6-6

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
 № 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

9-01 86701 №

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-15
 Проспектъ безплатно. См. сов. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнца въ Берлинѣ.
 Звѣздиз. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герценъ.

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДЬ

КУШАЙТЕ
ГЕРКУЛЕСЬ.

И. № 10228 4-1

ПИТАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО МЕЛЛИНА MELLIN'S FOOD

ДЛЯ ДѢТЕЙ И
БОЛЬНЫХЪ.
НЕ СОДЕРЖИТЪ
КРАХМАЛА.
ЛЕГКО РАСТВО-
РЯЕТСЯ.
ОЧЕНЬ РАСПРО-
СТРАНЕНО
въ Англии,
Германи,
Америкѣ
и друг. странахъ.
ПРОДАЕТСЯ
въ жестянкахъ по
1 р. 75 к.

Москва, Английскій магазинъ Шанксъ и К^о.
С.-Петербургъ, Английскій магазинъ Р. Друсъ.
Одесса, Английскій магазинъ В. Вагнеръ.

Варшава, Л. Шписъ и сынъ.
Біельъ, Южно-Русское Общество Аптек. Товар.
Харьковъ, Русское Общество Торговли.
Нижній-Новгородъ, Аптека П. Ремлеръ.

Представители ШАНКСЪ и К^о, Москва, Кузнецкій мостъ, № 3.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе
кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫЕ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. 26-15

ПИСАТЬ не только красиво, но и ско-
ро изучаю въ 6 уроковъ
заочно. Методъ удостоенъ золотой медалію
и благодарности короля Эллионъ. За двѣ
коп. марки выяслаю условия и пробное
письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф.
таб. Э. Кошдарисъ. № 10263 10-5

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р.
малюстр. прейс-кур.
БЕЗПЛАТНО.
Д. М. ХАЗАНОВЪ,
Варшава, Электр., 17.

Новый
прейс-
курантъ
иллюстр.
за 1897 г.
Оружей-
наго Склада
кодъ фирмоу:
"Центральное депо оружія"
Б. Голубенная, 29. Эд. Веннгъ. За
приложеніемъ двухъ 7 к. порт. марокъ
высыл. бесплатно. Много новостей.

МАССА БЛАГОДАР. и ПОЧЕТ. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
ВПОЛНѢ ЗАИНТЕРЕСУЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ
ПО НОВѢЙШЕМУ ЛЕГЧАЙШЕМУ МЕТОДУ.
ПО ОКОНЧАНІИ КУРСА СВИДѢТЕЛЬСТВО,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА ШИТЬЯ И КРОЯ
Е. Д. АШМАРИНА.
УСЛОВІЯ ПРОБНОГО ЛЕКЦІИ
ПОДЪ ГАРАНТІЕЙ УСЛОВА
ПРЕДАЕТСЯ СПОСОБЪ

ОГОВОРКА.
Въ объявленіи „о часахъ, фирмы ШАРЛЬ
ГЕЙМЕРЪ въ Варшавѣ“, вышедшемъ въ №
26, напечатано по ошибкѣ „на 4 р. 50 к. и
дороже“, тогда какъ слѣдуетъ читать: „на
4 р. 50 к. дороже“, что проситъ принятъ
къ свѣдѣнію.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
„Малютка“ 5 р. с.
„Юніонъ“ 7 р. с.
„СИЛОСЪВЪТЪ“
по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ за-
висимости отъ велич. объек-
тива. Перес. на счетъ покуп-
ки. „Силосъвътъ“ лучший бинокль
нашего времени, преимущественно его: 1) гро-
моздкое поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе,
3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ:
27. Большая Морская 27.
Сокращенные прейс-курранты бесплатно.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Прейс-кур. высылаются бесплатно.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перемежняющимися
лезвиями всемир-
но-позвѣстны сво-
ими качественъ и
реком. какъ наи-
лучшихъ благод.,
и невыгоди. бритв. Тщели благодарностей.
Полная гарантія за достоинство. Обращайте
вниманіе на клеймо: A. Arbenz, Leipzig,
France. Прод. въ лучш. магаз.

КРАСИВО пишется всякій заочно
(посредствомъ переписки)
въ 15 уроковъ у
профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
Методъ промпрованъ на Парижской
всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
золотой медалію. № 10230 6-6
За 2 семиконвечныя марки высылаются
пробисе письмо и условия, а за 4 семико-
нвечныя марки высыл. пробное письмо
шрифтовъ, подробныя условия и образцы
исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ:
Профессору каллиграфіи Адольфу Кос-
содо въ Одессѣ. Дербасовская, д. № 19.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (71)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ La Violette—Muguet

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ.“
Москва. * Рига. * Спбурзь.

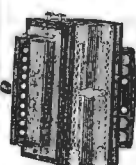
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

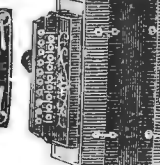
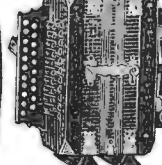
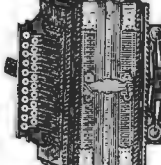
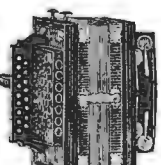
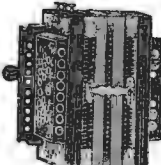
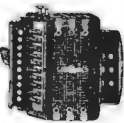
Г-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ.“
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВЪЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

ГАРМОНИИ

ИЗВЪСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ I. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВЪНСКОЙ РАБОТЫ.

„Дамская“

№ 3623—4 р. 50 к.

№ 3626—5 р.

№ 3659—9 р.

№ 3700—10 р.

№ 3737—20 р.

№ 3750—25 р.

№ 3716—20 р.

№ 3780—28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 31 и 40.
МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

НОВОСТЬ!
Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
поставщикъ въ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

Поступила въ продажу новая книга: Жанъ Дюфрэнъ. Руководство ШАХМАТНОЙ ИГРЫ и Эмануэль Ласнеръ „Здравый смыслъ въ ШАХМАТАХЪ“ 12 лекцій, читанныхъ въ Лондонѣ, переводъ Э. С. Шифферъ-а. Изд. М. М. Жеробцова. Цѣна 2 р. 50 к. безъ перес. Складъ изданія въ типографіи В. Ф. Демкова. С.Пб., Новый пер., 7. Можно выписать черезъ редактора „Шахматнаго Журнала“, Э. С. Шифферъ-а (С.Пб., за Невскою заставою, Муравьевскій переулокъ, 20).

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

БЪЛЪЕ МОНОПОЛЬ

ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!

Воротн. 45 к. Манжики 65 к. дож. Манжети 90 к. дож. паръ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Г. ПЕТО О.-Петербургъ, Нарванская ул., 18.

Зубной врачъ

О. ЛУКУСЪ

прекратилъ приемъ въ кабинетѣ покойнаго С. Ф. Линдена и принимаетъ у себя на дому отъ 10—8 ч. Невскій 12, н. 5. Тамъ же ателье для искусственныхъ зубовъ.

„Книга о консервахъ“.

Практическое и теоретическое руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестянкахъ и бутылкахъ, съ 13-ю рисунками, составленное М. РЕДЕЛИНЪ, авторомъ известной книги „Доль и Хозяйство“.

Приготовление консервовъ, составляя важную отрасль домашняго хозяйства, является, однако, весьма труднымъ дѣломъ для хозяекъ въ виду множества свѣдѣній, безусловно необходимыхъ для его успѣшнаго выполненія. Отсутствие этихъ свѣдѣній заставляетъ многихъ совсѣмъ отказаться отъ домашняго заготовленія въ прокъ на зиму такпхъ необходимыхъ продуктовъ, какъ овощи и плоды. Между тѣмъ, вслѣдствіе сдѣлкомъ высокой цѣны въ продажѣ, консервы доступны лишь для людей богатыхъ, и достояніемъ всѣхъ они станутъ только тогда, когда каждая хозяйка сама займется ихъ заготовленіемъ. Помочь хозяйкамъ въ этомъ дѣлѣ, дать имъ возможность легко и толково усвоить себѣ необходимые свѣдѣнія, приемы и искусство консервирования—и имѣетъ задачей „Книга о консервахъ“ М. Ределинъ.

Предлагаемая книга, изданная въ небольшомъ форматѣ и украшенная 13-ю рисунками, содержитъ въ себѣ массу рецептовъ для приготовления всевозможныхъ консервовъ изъ плодовъ и овощей, но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ въ предисловіи: „Недостаточно только передать гласности большое количество рецептовъ, кромѣ того, еще необходимо объяснить и освѣтить даже незначительныя, повидимому, обстоятельства, которыя необходимо принять во вниманіе“. Въ этомъ отношеніи „Книга о консервахъ“, въ простой, ясной и общедоступной формѣ, даетъ множество самыхъ подробныхъ, разнообразныхъ и полезныхъ указаній, основанныхъ на знаніи и опытѣ такой компетентной хозяйки, какъ М. Ределинъ, состоящая редакторомъ „Рижской газеты для хозяекъ“ и начальницей женской хозяйственной школы въ Ригѣ. „Если хозяйка будетъ строго придерживаться данныхъ указаній, говорить авторъ, то можетъ быть вполне увѣрена, что получитъ безподобные консервы, вполнѣ предохраненные отъ порчи“.

Содержаніе книги: Предисловіе. I. Общее понятіе о храненіи консервовъ въ жестянкахъ: 1) Запаянные жестянки. 2) Храненіе остатковъ (овощей и плодовъ) изъ откупоренныхъ жестянокъ. II. Храненіе овощей въ жестянкахъ—16 рецептовъ. III. Храненіе плодовъ въ жестянкахъ—12 рецептовъ. IV. Храненіе плодовъ въ стеклянныхъ банкахъ. А. Варенье—9 рецептовъ. Б. Въ собственномъ соку спаренные плоды (паровые плоды)—7 рецептовъ. В. Пастилы (сухой фруктовый мармеладъ)—3 рецепта. У. Плоды и овощи въ укусахъ—15 рецептовъ. VI. Наливки—10 рецептовъ. VII. Сушеные плоды и овощи—10 рецептовъ.

Благодаря обилію практическихъ указаній, дѣлающихъ искусство консервирования легкимъ и доступнымъ для каждого, книжка г-жи Ределинъ является цѣннымъ вкладомъ въ хозяйственную литературу, и ее можно рекомендовать хозяйкамъ, какъ необходимое и по цѣнѣ вполне доступное нособіе, въ которомъ чувствуется потребность особенно теперь, когда посидѣли плоды и овощи, годные для консервирования.

Книжка издана въ 16 д. л., 116 стр., отпечатана на хорошей бумагѣ четкимъ шрифтомъ и украшена 13-ю рисунками. С.Пб. 1897 г.

Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и злочно профессоръ медицины С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкннской и Баз. ул., собственный домъ, № 28. Условія и брош. (въ 32 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10:20 10—8

К. Шликэйтэнъ, Берлинъ SO.

машинно-строительн. заводъ для кирпичи., торфяного, гончарнаго и известнаго производства, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинны, бегона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (62)

Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разнаго величинъ и проч.

КЪ СВѢДѢНІЮ.

Всѣмъ врачамъ, желающимъ испытать дѣйствіе Л. Я. Столкинда „ДѢТСКОЕ МЫЛО НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ“ и Л. Столкинда капсули „ДЕЗОДОРАТЪ“ для уничтоженія аэроновъ въ комнатахъ, дѣтскихъ, спальняхъ и т. д. отпущаются безплатно въ аптекарскомъ магазинѣ Л. Я. Столкинда, въ Москвѣ, по Дублянскому переулку, д. Смольянинова.

№ 10:46 2—1

СРАВНИМЫ ПО СВОЕЙ ПРОЧНОСТИ НАСТОЯЩЕ ДЖУТОВЫЕ НОСИ И ЧУЛКИ ВЕЗЪ ШВА.

Носки 5 р., чулки 7 р. Самые тонкіе носки 6 р., чулки 9 р. дюжина. Новость! Такіе же черные не линяющие: носки 7 р., чулки 12 руб. дюж.

Ю. ГОТЛИВЪ ВАЛАДИМИРСКАЯ, Д. 2. УГ. НЕВСНАГО ПР. При выпискѣ требуется: задатокъ и штра.

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ЖЕСТИЯНКѢ

АНТИПАРАЗИТЪ

ОТЪ КЛОПОВЪ

Л. СТОЛКИНДА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ. Главн. складъ Москва Лусанскій переулкъ Смольянинова Нижегород. Ярмарка, Главн. домъ № 57. Л. Я. СТОЛКИНДА.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 31

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897.

Выданъ 2 августа 1897 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- ною въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПБ.	1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.,	на 1/2 года безъ дост.	2 р. 50 к.,	съ дост. въ СПБ.	3 р. 50 к.,
				съ перес. иногородн.	3 р. 50 коп.				

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. VIII (Сборникъ «Нивы» за Августъ);** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА АВГУСТЪ 1897 г.** съ 27 рис. и отдѣл. листъ съ 31 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 29 рис. вышивальныхъ работъ.

На пастбищѣ. Съ карт. Дѣба-Понсана грав. Эдлеръ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Торопливо пошла къ себѣ мать Александра и по дороге ужь разорвала конвертъ, посмотрѣла и вздрогнула. Губернаторъ точно и не считаетъ ее монахиней. „Глубокоуважаемая и милая княжна“. Получи она это невзначай, пожалуй, обидѣлась бы. А тутъ, нѣтъ. Память прошлаго слишкомъ настроила ее на мечтательный ладъ. Вѣдь грезять не объ одномъ будущемъ—тѣ, у кого уже нѣтъ его—мечтають о прошломъ, перекраиваютъ его по иному, на тему: „если бы не такъ, а вотъ такъ...“ „Милая княжна“... Вѣдь отъ тебя зависѣло, чего жь ты тогда молчала. Уѣхала и вѣсти о себѣ не дала. Ждала-ждала. А потомъ горе по ногамъ ударило, и ужь нечего было строить свою жизнь, какъ у всѣхъ. Рада, что и въ обители наша покой и тишина. „Милая княжна! Простите, что такъ называю васъ. Мы оба теперь далеки отъ тѣхъ чудныхъ юношескихъ воспоминаній и можемъ ужь говорить о нихъ безъ горечи и сожалѣній“... — Ты, можетъ-быть!—вырвалось у монахини. Она на-скоро отерла слезы, предательскія, на зло ей самой выступавшія изъ тайниковъ ея сердца. Ты, можетъ-быть, а не я. У тебя и позади, и теперь жизнь, и впереди много, а я смерти жду и для нея борюсь сама съ собою. „Безъ горечи и сожалѣній... Видимое дѣло, самъ Богъ направилъ насъ угодными Ему путями, намъ нельзя роптать па нихъ, но для меня вы на всю мою жизнь искренній и хорошій другъ, ради котораго я радъ бы разорваться. И, разумѣется, не вы усомнитесь въ этомъ...“

Мать Александра опустила письмо. Эти строки неприятно поразили ее.

Она вспомнила его, нынѣшняго. Тщательно зачесанная лысина. Выхоленное лицо съ печатною улыбкой. Не скажетъ прямо „нѣтъ“, а сначала позолотитъ его, подойдетъ къ нему съ вывертами, холодными сожалѣніями. На губахъ медъ, а глаза точно стеклянные и видимо по нимъ—языкъ говорить, а сердце спокойно бьется... Этакое пустика прислала...

„Требуйте отъ меня чего хотите, я для васъ поставлю на ноги цѣлую губернію, но... Вы живете въ счастливомъ невѣдѣніи нашихъ общественныхъ теченій и политическихъ вліяній. Вы мнѣ представляетесь вся овіянная омиамомъ, съ очами устремленными къ небесамъ и руками сложенными для молитвы. Прекрасный образъ! Ваша жизнь—силошное священнодѣйствіе, и грубые крики мірской борьбы отскакиваютъ отъ стѣнъ вашей обители, какъ слабые удары дѣтскихъ мечей отъ могучаго щита. Они для васъ низменны — вы ими не интересуетесь, а мы, увы, должны считаться, сообразоваться съ ними, прислушиваться къ тому, что намъ указуютъ сверху, и не отступать ни на шагъ отъ видовъ и предположеній правительства, къ которому я и самъ имѣю честь принадлежать. Видите ли—за эти годы очень многое измѣнилось. Сентиментальность и такъ сказать „политика сердца“ отброшены надолго. Все это были прекрасныя иллюзіи, опьянявшія, но ничего существеннаго не дававшія ни народу, ни его вождямъ. Рулевому нужны твердая рука и вѣрный взглядъ—не такъ ли? Согласно сему—направились новыя вліянія нашихъ правящихъ сферъ. Мы теперь только тѣмъ и занимаемся, что набиваемъ обручи на все. Если бы вы изъ своей святой тишины могли видѣть, какъ я, что случилось въ Россіи за это время—вы поняли бы безъ объясненія. Все расшаталось, развинтилось, расплзлось. Наше дѣло—опять скрѣпить, собрать, склотить—не давая волю чувствительности, которую нынѣ

мой петербургскій другъ и покровитель называетъ—разслабленностью. Но и въ виду сего—я бы немедля сдѣлалъ все, чтобы исполнить ваше желаніе. Ибо нѣтъ правила безъ исключеній. При всякихъ другихъ обстоятельствахъ я бы предписалъ: Елену Борисовну Копрову не трогать—и никто бы не осмѣлился ей коснуться. Но... и мы, облеченные властью, все же не всемогущи. Я уже упоминалъ, что и намъ слѣдуетъ сообразоваться и такъ сказать пользоваться нашею боевою опытностью. И въ данномъ случаѣ—вамъ неизвѣстно, что такое Моисей Лукичъ Копровъ. И вы, и я его считаемъ прирожденнымъ хамомъ. Такъ сказать прообразомъ хамства, его высшимъ выраженіемъ. Но этотъ хамъ—богатъ, этотъ хамъ—уменъ и умѣлъ втереться въ такіе круги, откуда на насъ, начальниковъ губерній, иногда падаютъ молніи. Онъ, видите ли, благотворитель и „столпъ“. Вы не знаете, что такое столпъ, да еще столпъ трезвенный? И такъ, истинно хотѣлъ бы помочь вамъ въ нашемъ маломъ дѣлѣ—но не могу. Въ силу нашихъ старыхъ воспоминаній—не имѣлъ бы жестокости отказать вамъ, но есть палка и надъ нами. Пишу вамъ откровенно, дабы вы на меня не сердились и не роптали. Да и зачѣмъ вамъ дѣлать такъ, когда есть и другіе выходы. Мой совѣтъ опытнаго администратора вотъ каковъ. Пусть ваша красавица Елена Борисовна—вернется немедля къ мужу и ожидаетъ. Моисей Лукичъ не таковъ, чтобы успокоиться. Въ женской тактикѣ и фортификаціи—есть различныя способы и орудія, пользуюсь коими, совершенно незамѣтно онъ могутъ довести насъ до несообразныхъ и неприличныхъ поступковъ. А Копрова-старшаго взвинтить ничего не стѣдуетъ, и главное—при свидѣтеляхъ, и какъ только это совершится—пусть ваша племянница обратится къ надлежащему учрежденію и предоставитъ дѣло его законному и естественному ходу. За справками обратятся сюда, и ужь тогда, ничѣмъ не рискуя, я могу...“

Мать Александра не читала дальше.

— Фу, какъ это гадко... скверно... Дѣйствительно низменно.

Точно изъ затхлаго погреба пахнуло на нее—задохнуться можно.

— Къ какимъ еще средствамъ прибѣгать...

Она прошла по кельѣ. Наудачу развернула Библію: оказалось Исаіа. Прочла.

„Страхъ же ихъ не убойтеся, ниже возмятися. Господа силъ, того освятите, и Той будетъ тебѣ въ страхъ. И аще будеши уповаю на него, будетъ тебѣ во освященіе. Аще бо паки возможете—паки побѣждени будете. И иже аже ащъ совѣтъ совѣщаете, разорить Господь, и слово, еже еще возглаголете, не пребудетъ въ васъ“...

Она успокоилась разомъ. Опять ее объяли и душевный миръ и вѣра. Она опустила на колѣна и, не молясь словами, всей душой унеслась въ страшную высь, подъ которою и звѣзды падаютъ въ бездонныя глубины. Она вся ушла въ порывъ. Тамъ, въ немъ была ея душа, здѣсь—одно тѣло. Она оставалась такъ, пока въ комнату не вошли. Очнулась... Выпила воды...

— Ты, Леля?

— Да, тетя...

Глаза сегодня у Елены Борисовны были какіе-то блуждающіе. Губы улыбались чему-то, что видѣла одна она. Сѣла въ кресло—и мимолетно вздрагивала, хотя ей не было холодно.

— Долго гуляла.
 — Да...
 — Фу, какъ у тебя румянецъ горитъ. Нестерпимо даже. До усталы ходишь, смотри надломишься.
 — Я уже надломилась.
 Мать Александра не поняла ея.
 — Получила сегодня письмо отъ губернатора.
 — Да?
 Монахиню поразило безучастіе этого вопроса: точно это и не относится къ той.
 — Представь себѣ... Вертѣль, вертѣль, наговорилъ, папустословилъ, и все это, чтобы отказать.
 — Въ чемъ это?
 — Господи, Елена, что съ тобой. Ради тебя я писала ему.
 — А, объ этомъ... Я и не догадалась сразу.
 — Ты точно не своя все это время... Или во спѣ что ли?
 — Я и есть не своя. Впрочемъ, это все равно теперь. Отказалъ, такъ отказалъ. Они по-своему—и я тоже.
 — То-есть, какъ же это?
 — Просто, тетя. Мнѣ все это надоѣло. Ни Алексѣй, ни Моисей Лукичъ не заслуживаютъ, чтобы я стѣснялась съ ними и изъ-за нихъ жизни свою портила! Я уйду.
 — Куда, безумная?
 — Къ тому, кто меня любить и кого я люблю.
 — Безстыдныя слова. Помнишь ли ты, гдѣ говоришь это. Что съ тобою будетъ? Какъ тебѣ жить?
 — Какъ жить? Уѣдемъ куда-нибудь. Свѣтъ великъ. А что до безстыдства—то еще безстыднѣе, не любя челоуѣка, дарить ему ласки, жить съ нимъ и на его счетъ. Притворяться и лгать. Нѣтъ—это и лучше, что губернаторъ отказалъ. Скорѣе конецъ. Я уйду, тетя...
 — Какъ?—откуда, изъ монастыря?...
 — Развѣ не все равно откуда?
 — Опомнись. Что съ тобой. Послѣдній умъ потеряла. Хороша обитель, изъ которой... Да и мнѣ въ великую честь поставятъ все.
 — Простите, тетя, я объ этомъ не подумала.
 — А за что себя ты погубить хочешь?
 — Снявши голову по волосамъ не плачутъ...
 — Погоди... Вдругъ точно что-то ударило мать Александру. Скажи ты мнѣ ради Бога только правду. Я тутъ за тебя съ сестрами ссорилась. Приходили корить меня,—что ты каждый день изъ обители къ Николаю Львовичу уходишь. Разумѣется, это была не правда, разумѣется, онѣ лгали, и я хорошо сдѣлала, что заставила ихъ молчать, да?
 Елена Борисовна потушилась и пи слова.
 — Скажи ты мнѣ, наконецъ, что мнѣ думать. Я повѣрю тебѣ. Я знаю, ты никогда не обманывала.
 Копрова хотѣла отвѣтить и запнулась.
 — Нѣтъ? Я права была, защищая тебя?
 — Ахъ, тетя, за что вы меня мучите! За что вы меня терзаете, что я вамъ сдѣлала! Неужели я не вольна располагать собою.
 — Только не здѣсь—гдѣ земля и земныя страсти молчатъ. Не въ домѣ Бога живаго, не въ кельѣ монахини, у которой осталось одно—молитва.
 — Я завтра уйду.
 — Куда?
 — Не все ли равно...
 — Я ужъ говорила тебѣ...
 — Не знаю, не знаю... Только вы можете быть въ одномъ спокойны—не отъ васъ къ нему. Обитель будетъ въ сторонѣ. А что до меня—кому какое дѣло. Ну, погибну я, ну пропаду—не сегодня такъ завтра—вѣдь ни вамъ, ни другимъ не больно.
 — И за это тебѣ спасибо!—горько вырвалось у матери Александры...
 — Тетя родная, милая!—И Елена Борисовна ушла

къ ея погамъ.—Ради Бога, не трогай ты меня. Если бы ты знала, какъ мнѣ самой... И она ловила руки монахини и цѣловала ихъ. Пойми, что мнѣ нѣтъ выхода. Или это, или... Хуже будетъ, если я покончу съ собой. Вѣдь хуже. Хотя, можетъ-быть, и лучше.

Мать Александра безмолвно водила ладонью по ея волосамъ, слушая этотъ безсвязный бредъ.

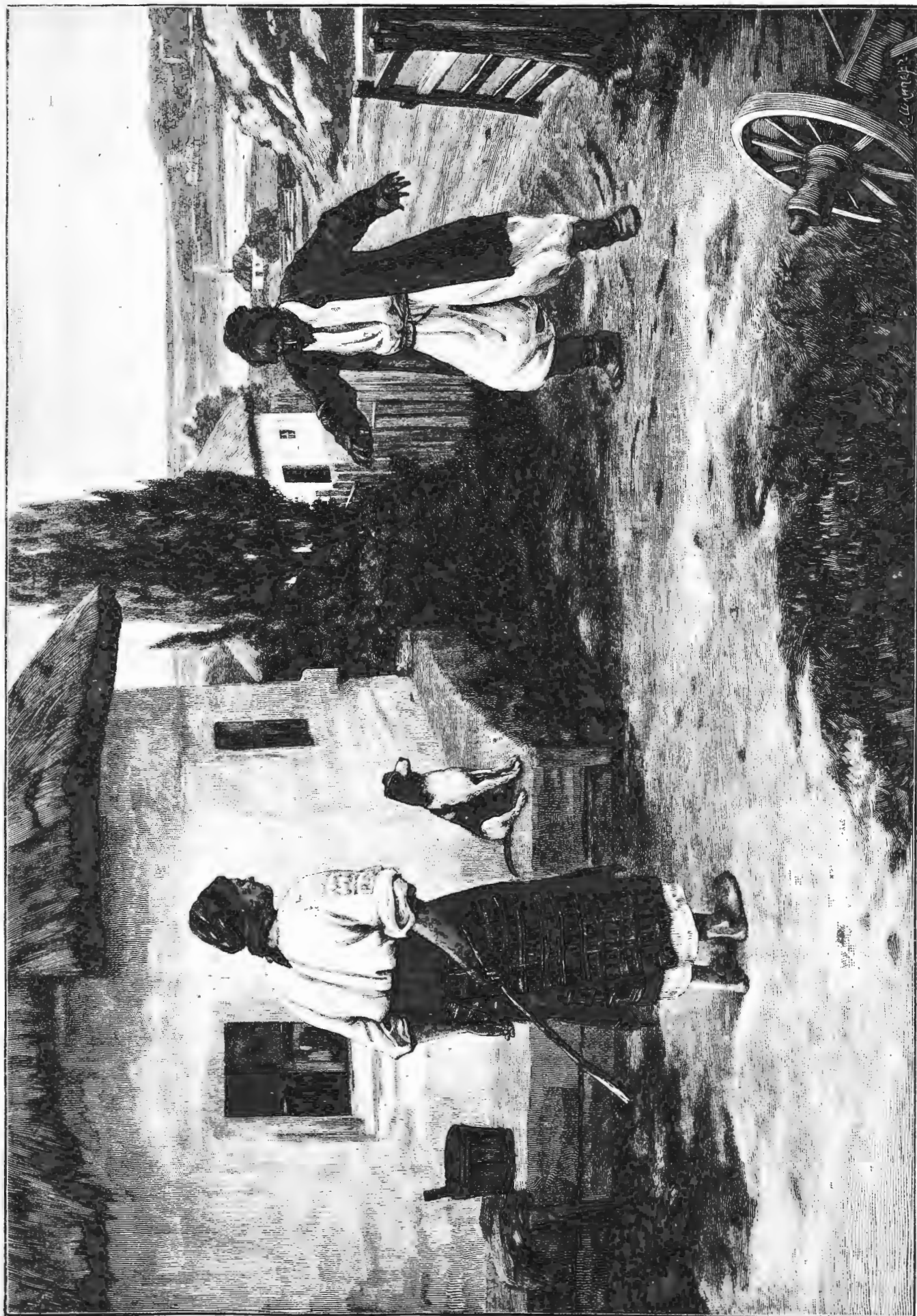
— Говорила я сестрѣ Машѣ—нельзя выдавать тебя за Копрова. Нѣтъ, заладила она одно—у него миллионы. Она за нимъ будетъ счастлива. Онъ хотя и не важнаго рода, зато богатъ. А нынче богатство—все. Вотъ и вышло... Ахъ ты, бѣдная, бѣдная... Поди прилягъ, успокойся, приходи къ вечернѣ помолиться, авось Господь тебѣ внушитъ что дѣлать. Ему виднѣе. Намъ кажется иной разъ—всѣ пути заказаны. А дорога тутъ и есть—только ослѣплены мы бываемъ—смотримъ на нее и не замѣчаемъ... Поди, поди...

Елена Борисовна встала, шатаясь перешла къ кровати и упала на нее.

Она плакала еще нѣсколько времени, потомъ забылась и заснула. Мать Александра подошла къ ней. Смотритъ, та порозовѣла, улыбается чему-то. Что теперь видятъ ея закрытые глаза?

— Ахъ, миръ, миръ...—качала головою монахиня.— Истинно въ грѣхѣ погрязъ и трудно спастись въ немъ. Вѣдь, молода какъ, а сколько уже перемучилась. Другую страданіе-то отъ искушенія отводитъ на путь праведныхъ, а эту... Вѣдпая, и наставитъ ее некому. Я не могу, да и неприлично—Христу обручилась. Миръ и его прелести отвергла, и въ такія дѣла не мнѣ мѣшаться. Одна она. Ну, куда она и къ кому пойдетъ. Знаю я ее—къ мужу бы всего лучше. Со временемъ бы у обоихъ углы стерлись да обколотились, авось бы простились все другъ другу и сжились—да только не ей это. Не отходчива. И сама не забудетъ, и его съ собою не помирить...

Она подняла руку и перекрестила Елену Борисовну.
 „Любовь. Что это за любовь, если съ мукой да съ оглядкой по-воровски все. Не благословенная—какой отъ нея толкъ. Не будетъ счастья здѣсь... Ну, а у тѣхъ, кто черезъ церковь прошелъ—есть счастье? Мать Александра задумалась. Что-то не видѣла она его ни у кого. Веѣ такъ. Въ одномъ тапнество сказывается, прочны узы, налагаемыя имъ. Никакъ сразу не разорвешь ихъ. И удастся ежели—всю жизнь что-то щемить, и поеть, и жалуется въ сердцѣ. Нѣтъ. Счастье только чудится. Можетъ-быть чтобы узнать его—умереть надо. А на землѣ адъ настоящій. Да, вѣдь, было же прежде. Когда впрочемъ? Когда въ теремахъ сидѣли боярскія заточницы? Не тогда ли? Да и то хорошо кажется потому, что какъ оглянешься туда—далеко вѣдь. А на разстояніи все прекрасно. Со стѣны монастырской глядишь на деревенскія кровли, что изъ-за живна мерещутся. Ударить туда солнцемъ. Пѣсни оттуда послышатся. То-то тамъ чудесно. Такъ и тлеетъ живого къ живому. И грѣхъ, а позавидуетъ ипой разъ. Тоже на чужое счастье манить... А приди, да посмотри—ужасъ одинъ. Нужда, побои, шланство, холодъ, пасиліе,—отъ такой радости я не знаю куда не убѣжишь. Или изъ города ѣдешь въ обитель—вечеромъ. Изъ всѣхъ оконъ свѣтъ на улицу струится. Такъ тамъ все уютно, тепло... Кажется—не жизнь, а рай. А они—что живутъ за этими окнами, въ монастырь придутъ и каждой ипокинѣ завидуютъ. Какой у васъ, матушка, покой и тишина. Годокъ бы такъ пожить и помереть. Вотъ оно, земное-то блаженство. Издали маревами обманываетъ. Она вспомнила рассказъ одного паломника Синайскаго. Идешь, солнце жжетъ. Въ горячихъ золотыхъ пескахъ ноги топуть. Языкъ во рту—тряпка сухая. Въ ухахъ звонъ, въ вискахъ молотки стучать. Упадешь лицомъ о-земь—и кричишь: „Господи—смилуйся, пошли смерти!“—а передъ тобой пустыня бѣсовскимъ

XXV передвижная выставка. „До дому“.
 Съ карт. Н. Н. Пимоненко (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивъ“) грав. Шлиперъ.

Канунъ Спаса-Преображенія. „На пасъкъ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. И. Павловъ.

навожденіемъ тѣшится... Воды текуція, голубыя, пальмы надъ ними зеленыя, подъ пальмами шатры и тѣнь тамъ, и прохлада. Дойди—еще ужаснѣе пустыня. И пески глубже, и воздухъ раскаленнѣй, и небо безпощадное, неумолимое...

XIV.

Ударили къ вечернѣ.

Елена Борисовна—нервы-то расшатались—такъ и поднялась.

— Что это?—оглядывается.

— Во-время тебя Богъ разбудилъ. Колокола. Молиться пора... Вставай.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я недолго спала?

— Нѣтъ. Часа полтора—не больше. Во снѣ все смѣялась. Чему это?

Елена Борисовна виновато отвела глаза и начала одѣваться.

Давно ужъ не заходила въ церковь. Пожалуй не дѣлю. Когда она вошла туда—монахини такъ и зашептались. Остановилась—отступили отъ нея. Точно большой кругъ... Пусто около Елены Борисовны. Смutilась бы, если бы замѣтила. Ей, впрочемъ, не до того было. Запало на умъ теткинo: „молись, Онь научить“. Она подняла глаза на Спаса и, не разбирая Его кроткаго лика въ воздухѣ, дрожащемъ отъ огоньковъ свѣчей, допрашивалась: „что мнѣ дѣлать?.. Внуши—Ты все можешь... Прости меня. Вся я въ грѣхѣхъ передъ Тобою—но Ты самъ знаешь. Ты простишь блудницу... „Иди и не грѣши!“ Куда мнѣ идти—укажи дорогу. Гдѣ она?“ И невольно чувствовала, что у нея подгибаются колѣни и что-то всхлипываетъ въ груди. „Куда? Ну, куда я—кому нужна? Ему? Но съ нимъ—грѣхѣхъ передъ Тобою...“ Ея ли глаза полны слезъ или это у Спаса проступаютъ онѣ и катятся искорками по серебрянымъ окладамъ...

Стоять монахини, крестятся. На колѣни становятся и вновь поднимаются, а сами глаза-то все на нее, на Елену Борисовну. Точно она ихъ тянетъ къ себѣ прелестью невидимаго грѣха, соблазномъ мірскаго счастья. Особенно молодыя—тѣ такъ и вшиваются въ ея лицо... Имъ чудится на немъ слѣды преступныхъ ласкъ, горячихъ поцѣлуевъ. Проклятыхъ... Но отъ одной мысли о нихъ и подъ черною крышкою холоניתъ сердце, и неровно волнуется грудь.

— Что ты... Глаза бокомъ лѣзутъ!—толкаетъ старуха Секлетей молоденькую бѣлицу, совсѣмъ обернувшуюся къ Еленѣ Борисовнѣ.

Бѣлица вздрагиваетъ и смятенно начинаетъ отвѣшивать земные поклоны.

— На грѣхъ тянетъ?—шипитъ Секлетей.

А та, и стукаясь лбомъ о-земь, нѣтъ, нѣтъ да и отвернется къ Еленѣ.

И всѣ ужасаются, осуждаютъ, отрекшиваются отъ плотскаго искушенія, а такъ и хочется взглянуть на эту „проклятую Богомъ“ грѣшницу. И какая-то сладость на душѣ—и нѣга въ усталомъ отъ поклоновъ тѣлѣ, и тепло волною бѣжитъ по немъ...

— Соблазнъ, соблазнъ,—ворчитъ мать Агнія.—О, Господи, Господи!.. Въ святой обители—бѣсовка-побѣгушница...

И опять ей чудится занявшійся полымемъ домъ. Огонь выкидываетъ изъ окопъ. Дѣтскій крикъ вверху... И ненавистнаго мужа забыла—голыми руками разнесла бы все это пожарнице...

Упала на землю мать Агнія и бьется... И чудится ей, изъ неодолимыхъ темныхъ безднъ, чей-то насмѣшливый хохотъ, а сверху ангельскіе лики, чуть выдѣляясь изъ сивыхъ клубовъ ладану, поютъ ей: „проклятая, проклятая во вѣки-вѣковъ!“ И въ этихъ ликахъ она узнаетъ сгорѣвшихъ дѣтей, и всю ее точно приподымаетъ съ пола, вновь бросаетъ на него...

— Ахъ ты, Господи, съ матерью Агніей опять,—мятутся бѣлицы.

— Вынесите, уложите въ кельѣ,—приказываетъ Клеопатра.—Знаю вѣдь, еще минута и заголоситъ на всю церковь. Службѣ помѣшаетъ.

Недалеко отъ Агніи всегда становятся двѣ сильныя бѣлицы. Въ монастырѣ онѣ воду таскаютъ, дрова рубятъ; изъ церкви—Агнію поднимаютъ. И теперь подхватили и, строго насухлясь, бережно за плечи и за поги выносятъ ее. А она кривится, корежится и бьется, и на губахъ у нея выступаетъ пѣна.

Кончилась служба... Выходятъ монахини... Огибаютъ Елену Борисовну... Ту опять всю поводитъ отъ рыдающей. Пугливо косятся на нее молодыя, хмурятся и еще неумолимѣе дѣлаются старыя. Мать Клеопатра прошла—и ни слова. Копрова осталась одна. Въ пустой церкви горятъ лампы. Густится сумракъ. Въ немъ едва-едва мерещутся серебряныя ризы и самоцвѣтные вѣнчики.

— Что жъ ты?—возвращается за нею мать Александра. И ласково подымаетъ ее.

Совсѣмъ разбитая, она выходитъ отсюда.

Вотъ и Секлетей бѣжитъ съ ключами въ рукахъ—пора запираеть храмъ. Не окликни ее тетка, пожалуй бы старуха не замѣтила Елену Борисовну и заперла ее въ этомъ мистическомъ полумракѣ.

— Иди, иди домой.

— А вы?

— Меня зачѣмъ-то мать Клеопатра къ себѣ тревожитъ. Я сейчасъ вернусь. Распорядись чаемъ у меня—все тебѣ работа. Легче, что ли, послѣ молитвы?

— Не знаю. Смутно все. Точно туманъ кругомъ. Или я въ пустотѣ какой повисла... одна.

— Ну, подожди меня. Вернусь, поговоримъ.

И мать Александра, одолѣвши усталъ, быстро направилась въ келью къ игуменѣ.

— Что у васъ?—спросила она у Еликониды, попавшей ей на крыльцѣ.—Зачѣмъ я понадобилась?

— Не знаю. Письмо онѣ получили.

— Отъ кого?

— Отъ архіерея... А можетъ и нѣтъ. Матушка мнѣ ничего не говоритъ.

Клеопатра встрѣтила мать Александру тревожно.

— Надѣлала хлопотъ племянница твоя. Я ужъ и не рада, что въ обитель ее пригласила. Такой грѣхъ—такой грѣхъ. Соблазнъ. Монашки шепчутся. Съ молодыми сладу нѣтъ—всюю мнутъ, а тутъ, на-ко вотъ, прочти.

— Что это?

— Отъ самого... Старикъ Копронъ побывалъ у него. Ну, тотъ-то великаго ума человекъ. Не станетъ пустыхъ людей слушать, а только что правда, то правда: не надо плодить дурныхъ слуховъ. Нынѣ и безъ того міръ, аки пещь лютый, на насъ злобитъ... Тининѣ нашей завидуетъ. Ему бы и насъ съуетъ своей приобщить!.. Ты прочти, прочти... И Моисей Лукичъ тоже вотъ ужъ именно злоехидное существо. Все съ лаской да поклономъ, а у самого зубы оскалены, такъ бы и укусилъ...

Мать Александра развернула письмо.

Преосвященный писалъ крупно и размашисто—сильнаго характера и твердой воли былъ—это у него и въ почеркѣ сказывалось... „Ты, мать Клеопатра, сама знаешь, что за фарисей—старикъ Копронъ, злосердеченъ и вредоносенъ, хотя на языкѣ и приятель, но въ семь пріятствѣ всегда заключенъ тонкій ядъ. Только и терпимъ суеслова этого ради аттестаціи и указаній лица, коего и мы всѣ почитаемъ,—ибо Моисей Лукичъ умѣлъ и его очаровать сладкощніемъ, благотворительностью (грошъ—Богу, а тысячу съ бѣднѣхъ—себѣ) и порицаніемъ самоновѣйшаго вольномыслия. Способы дешевые и повидимому неискренныя, но

однако достигающіе цѣли, ежели ихъ употреблять во зло своевременно. Такъ вотъ онъ являлся ко мнѣ, какъ будто за благословеніемъ, а по существу дѣла—съ лбедю. Началъ онъ сладко, а кончилъ горько. Удивлялся строгости, водворяемой мною въ приходскомъ духовенствѣ, ревновалъ о Господѣ, отрицая разнообразныя и пагубныя лжеученія, даже почему-то и къ лютеранской ереси (что ему она!) отнесся высокоумно, отрицая оную; по старой памяти предалъ нигилистовъ апашемъ, а потомъ вдругъ огорчился и сообщилъ, что въ моей епархіи замѣтно особенное паденіе нравовъ. Тутъ-то и должна была послѣдовать настоящая суть, а все до сего было только интродукціей. На мой вопросъ, въ чемъ это обнаружилось, онъ, ничто же сумняшеся и какъ бы вдохновенно, отвѣтилъ: женскіе монастыри у васъ содѣйствуютъ разрушенію союза брачнаго, поощряя и прикрывая развратъ... Тутъ ужъ онъ сдержать себя не могъ и даже съ пѣною на губахъ, потрясая дланями и бѣгая по моей кельѣ, началъ какъ бы обвинительный актъ противу тебя. Ты-де приняла къ себѣ бѣжавшую отъ мужа распутную жонку, Елену Борисовну, отказала выдать ее становому приставу и приютила ее подъ кровлею святыхъ обителей. При семь гнусный языкъ его, направляемый сердцемъ злоехиднымъ и мыслями подлыми—началъ извергать такіе сужеты, яко бы изъ донесеній его соглядатаевъ извлеченные, что я остановилъ неумѣреннаго старца— „мнѣ-де, по сану моему, вѣдать сего не надлежитъ...“ Смутить я его просто: „станового-то вы посылали, а мужъ ея бѣдилъ за ней и кроткими мѣрами старался возвратить ее подъ супружескій кровъ?“ И на сіе онъ отвѣтствовалъ отрицательно. „А сами вы, на правахъ родителей, вмѣсто шпіоновъ, туда для добраго увѣщанія не потщились?“ На это онъ только разразился бранью противу нея. Ну, тогда я его тоже не пожалѣлъ и по пастырскому долгу указалъ ему и его вины, и даже съ намекомъ, что связей его и знакомствъ я не боюсь и страха ради іудейска кривить душою не стану. „Характеръ-де вашъ и несклонность душевная, а также и жестокосердность достаточно мнѣ извѣстны и во всемъ винить вашу невѣстку я не могу. Она преступила законъ, но вы сами ей въ томъ весьма пособили и безъ вашихъ изыскательныхъ поступковъ сего бы не произошло.“ На его возраженіе, что мнѣ обоглали его враги, я отвѣтилъ, что лучше пусть онъ не слушаетъ врага рода человѣческаго, вселившагося въ гордыню его. За симъ я посовѣтовалъ ему добре: послать за Еленою Борисовною карету, съ честью и привѣтливимъ приглашеніемъ обратно въ домъ, для совмѣстнаго дружескаго житія и во всѣхъ дѣлахъ благого попѣшенія. Миръ-де весь во злѣ лежитъ: если мы другъ другу прощать не будемъ, какъ же намъ надѣяться, что Отецъ небесный отпуститъ намъ грѣхи. Хотя, видимо, это его фантазія не соотвѣтствовало, но онъ присмирѣлъ... „Хорошо-де, я попробую принять ее обратно на испытаніе и исправленіе.“ Тутъ и я—тоже не чистъ передъ Господомъ!—далъ волю гнѣву и застучавъ посохомъ спросилъ его: „а ты-то самъ испытывалъ себя и исправлялъ?“ Сообщая тебѣ все сіе по существу—совѣтую убѣдить Копрову оставить обитель. Скорблю душою о бѣдной Еленѣ Борисовнѣ, ибо зналъ еще дѣвушкою ее и остротѣ ума ея не разъ удивлялся, а также и добро-сердечіемъ ея природы былъ неоднократно угѣшенъ, по ей не слѣдуетъ столь долгою отлучкой изъ-подъ супружескаго крова испытывать терпѣніе Божіе. Ежели же совмѣстное житіе съ старикомъ Копровымъ ей не сносно—пусть съ мужемъ удалится. Алексѣй Моисеевичъ въ такихъ дѣлахъ и занимаетъ столь видное положеніе, что и самъ можетъ за себя и за нее отвѣтствовать“.

— Я уже говорила съ нею,—опустила письмо мать Александра.

— Ну?

— Она сказала, что уѣдетъ.

— И слава Богу. Можетъ-быть послѣ разлуки помирятся.

Мать Александра печально покачала головою.

— Мы съ вами этихъ дѣлъ не знаемъ... И слава Богу—мало въ нихъ счастья. Только тутъ ужъ разорваннаго не зашьешь и не заштопаешь.

— Человѣку трудно, но ежели Господь захочетъ...

— Есть такіе пороги, черезъ которые разъ пройдешь—назадъ не вернешься. До чего ее довели! Така ли она была. Чистая, ясная! Я въ ея душу какъ въ безоблачныя небеса смотрѣла и радовалась ей... Лучше бы ей умереть тогда. Воспоминаніе бы по себѣ оставила свѣтлое... И грустно было бы, и радостно, и ей бы тамъ легче было. И что жъ теперь—поцала къ злымъ людямъ, не пожалѣли они ея. Сначала обидами да преслѣдованіями озлобили, отвратили отъ себя и въ смертный грѣхъ ввели... Назадъ ей тоже пути нѣтъ. Вернется—чтобы опять воли искать. Хуже, если тамъ останется. Знаю я ее—горяча, рѣшительна. Чего добраго отчаеся и въ петлю ползетъ... Тоскуетъ по ней мое сердце.

Клеопатра опустила голову. Мать Александра отерла глаза платкомъ, взглянула на игуменью—та тоже плачетъ...

— Миръ, миръ... зловредный, темный, отравы бездна, полымя мстительное!.. Вотъ что... Одно приближище у насъ Богъ—нѣтъ никого кромѣ Него. Онъ отвратится, и мы погибли; воззреть на горе ея, и спасена будетъ... Еликонида...

Та вошла. Вся красная, видимо подслушивала у замка.

— Запри двери. Кто спроситъ, скажи—заняты-де. Некогда—дѣла у игуменьи... Еще бы, что важнѣе бѣсѣды съ Господомъ силъ.

Бѣлица вышла.

— Помолимся вмѣстѣ за нее, мать Александра.

Тяжело опустилась на колѣни мать Клеопатра и гостыя съ нею.

— Боже великій... Утиши силу адову и злобу умри... Возри на мятущихся и измученныхъ... Во тьмѣ бродящія, гдѣ обрящемъ пути свои, ежели Ты не озаришь души лучами благодати Твоей... Се предъ Тобою заблудшая овца стада Твоего. И за нее Христосъ, Сынъ Твой, пролилъ божественную кровь Свою, и ей были даны обѣтованія Его...

Слушавшая у дверей Еликонида скоро отшатнулась.

Двѣ монахини громко зарыдали передъ кіотомъ. Ей стало страшно. Сама въ этихъ дѣлахъ гнусныхъ принимала участіе, и чудилось ей, что въ высотѣ сходятся надъ нею небесныя тучи и на нее падаетъ эта апашея, и надъ ея головою собираются молніи... Задыхаясь, она выбѣжала на дворъ. Ночь уже была тамъ темная, безлунная. Мѣсяцъ на ущербѣ—полвится еще черезъ часъ. Теперь однѣ звѣзды робко и печально мерцали со страшной высоты своей... Во мракѣ чудилось движеніе чьихъ-то большихъ-большихъ черныхъ крыльевъ, бросавшихъ тѣнь на полміра.

XV.

Эту ночь мало спала Елена Борисовна.

Тетя не могла не передать ей того, что писали къ игуменьѣ. Молчать нельзя было. Копрова слушала это, совсѣмъ убитая. Безсильно опустила руки и голову и сидѣла вся блѣдная. Когда мать Александра кончила—она оставалась неподвижной. Ни слова въ отвѣтъ. Въ кельѣ все точно замерло. Тикали только стѣнные часы рядомъ, да порою слегка трещалъ фитиль въ лампадкѣ.

— Ну, что жъ? Лежь, чего ты молчишь.

Копрова встала, подошла къ матери Александрѣ.

— Прощайте, тетя. Вы устали—идите спать.

— А о себѣ-то... какъ рѣшила?

— Пришлютъ за мной—поѣду. Въ самомъ дѣлѣ обители—срамъ... Сама судьба толкаетъ. Такъ, значить, надо...

— Что такъ?

— Устала я... Ахъ, какъ устала!..

И такимъ безнадежнымъ, упавшимъ голосомъ проговорила это, что у монахини духъ захватило.

— На Бога надѣйся. Молись, Онъ поможетъ.

— Да? Гдѣ же... До насъ... Въ нашу грязь... Нѣтъ, тамъ свое... Мы за ошибки сами платиться должны.

— Не доходи до отчаянія. Нѣтъ зла, котораго поборотъ нельзя бы было.

— Да... Батюшка это на проповѣди говорилъ. Молиться, чтобы болѣзнь послала страшную... И смерть...

И она пошла къ себѣ. Только въ дверяхъ схватилась за стѣну, иначе упала бы.

Этому короткому празднику—не веселому празднику—конецъ. Завтра за нею прійдутъ и опять изо дня въ день начнется все это. Опостылѣвшее, горькое, унижительное. Хоть не надолго. Тамъ вѣдь беречь некого. „Свистнеть Николай Львовичъ—и уйду. Утромъ только улучшить время—предупредить... Жаль, сейчасъ нельзя, ушла бы... Обо многомъ условиться надо. Переговорить. Ворота обители отпираются въ четыре—къ этому часу и встать. Онъ будетъ еще—постучусь въ окно. Вернусь съ Софьей Владиміровной...“

Цѣлую ночь тикали часы въ сосѣдней комнатѣ, и вѣтка стучалась въ окно, мягко и нѣжно. Точно это кто-то ладонью поводитъ по стеклу. Елена, случалось, засыпала—будто ее укачивали волны. Мutilось въ головѣ, все пропадало изъ глазъ. Потомъ она разомъ приподымалась и дѣлала мучительныя усилія забыть и долго не могла. Такъ тяжело, такъ тяжело. Душно. Она задыхалась, вставала и босая ходила по комнатѣ. Прижимала горячій лобъ къ стеклу и только въ первое мгновеніе чувствовала его холодъ. Смотрѣла туда... Должно-быть тучи заволокли убывавшую луну—тамъ стояла темень, въ которой едва-едва распускался молочный, тусклый, умирающій свѣтъ. Разбирала вѣтку, шуршавшую у окна. Ея широкіе листья казались черными растопыренными пальцами. Они, словно крадучись, пробовали, нельзя ли пропикнуть къ ней, къ слабому мерцанію лампады. Отходила прочь Елена, ложилась и опять ее охватывала жара, давило одѣяло, подушка такъ сжимала голову, что она нѣсколько разъ прикладывала ко лбу мокрое полотенце. Когда, наконецъ, разсвѣтъ проникъ сюда—она вскочила обрадованная. Одѣлась торопливо. Вышла.

„Что тети подумаетъ?“

— Ахъ, Боже мой, да развѣ это не все равно. Пускай... Вернусь къ обѣднѣ.

Она быстро вышла въ ворота.

— Ишь, равняя птичка, куда?—встрѣтила ее мать Степанида.

— Воздухомъ подышать.

— Нешъ тебѣ въ обители воздухъ мало. У насъ сколько хочешь—истинное благораствореніе.

Но Лея уже была далеко.

Степанида плюнула.

— Ишь ты, рогатый и заутрени не боится. Мапить заблудящую овцу въ лѣсъ. На чистобу... Волкъ настоящей... А тамъ за горло... Искушеніе и съ красотой-то. Великій и тяжкій крестъ—красота. Куда безъ нея спокойнѣе. Есть грѣховное помышленіе, а самаго грѣха и нѣтъ... Такъ чортъ-то на однихъ мечтаніяхъ сонныхъ и отъѣзжаетъ. Простора ему, подлецу, съ нашей сестрой не пайти. Тяжкій крестъ—красота. Спаси отъ нея, Господи, и помилуй.

Елена Борисовна не понимала даже, откуда у нея силы берутся. Такъ бѣжала, что вотъ-вотъ въ груди дыханіе прервется, а ноги все свое дѣло дѣлаютъ.

Роса на травѣ и па хлѣбѣ выпала обильная. Подоль у Копровой—хоть выжми. Мокрый по ступнямъ и колѣнамъ хлопаетъ. На руки тоже. Чуть отодвинетъ игольные колосья—точно въ воду опустила пальцы. Нѣсколько разъ освѣжила ими лицо... Ночныя тучи сползали и краешекъ голубого неба все росъ и росъ. Тронулось и на востокѣ, и вдругъ оттуда солнце брызнуло золотомъ, и все точно волшебствомъ загорѣлось кругомъ. И колосья, и васильки, и красный макъ, и вершины деревьевъ. Засверкала радужными огнями роса—вся въ праздничномъ блескѣ утра земля радостно улыбалась небу. Въ этой бездушной, повидимому, природѣ было истинное счастье, котораго недоставало людямъ. Бездушной—почему? Потому что она не печется объ утра и не волнуется. Не мучится колось о томъ, что завтра придетъ жнецъ, не терзается трава—когда мужики точатъ косы. До послѣдняго дыханія, до самаго мгновенія смерти—жизнь во всю, беззаботная, ясная, безтревожная. Нѣтъ, она умнѣе, эта природа. Все равно—родившееся должно умереть. Значить, надо жить во что бы то ни стало. Пить росу и грѣться на солнцѣ. Не въ этомъ ли настоящая мудрость?

Добѣжала Елена Борисовна до села.

Мужики просыпались. Изъ трубы въ порозвѣншіи воздухъ клубился синевато-лиловый дымъ. Ведро будетъ—не отбиваетъ въ сторону. Скрипѣли телѣги. Слышался чей-то крикъ. Весело ржали кони. Какой-то бабій голосъ оралъ: „отдай мои грабли, подлянка“... А въ отвѣтъ столь же высокое сопрано, не безъ колоратуры, вышѣвало: „раскрой безстыжіе зѣнки, сволочь... У тебя грабли. Вечоръ принесла“... Пѣтухи давно надорвались и теперь только хрипѣли, зато куры раскудахтались во всю.

Копрова вошла въ сѣни. Постучалась въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался сонный голосъ.

— Я.

— Кто „я“? Будягъ, черти.

Какъ ни печально была настроена Елена Борисовна, а расхохоталась.

— Я, Лея.

— Голубушка!

Послышался стукъ, точно тамъ кто-то сорвался съ постели и упалъ.

— Вотъ не ждалъ. Сю минуту. Миѣ привести себя въ порядокъ.

— Я подожду. Только скорѣй, ради Бога. Важное дѣло.

Она остановилась въ дверяхъ. Смотрѣла безучастно на все... И вдругъ вздрогнула. Взбешенный Квитковъ выскочилъ изъ какой-то избы. Посмотрѣлъ на небо, на монастырь, едва-едва видѣвшійся за живьемъ, и торопливо пошелъ туда.

— Опоздалъ, голубчикъ!—И Елена Борисовна, улыбаясь, отодвинулась въ темпоту сѣней.—Счастливой дороги!

Квитковъ сначала торчалъ изъ-за колосьевъ, а потомъ совсѣмъ пропалъ, точно утонулъ въ золотомъ морѣ.

— Ради Бога, прости. Я заставилъ тебя ждать.

Она вошла въ комнату. Семигоровъ бросилъ на постель пледъ, чтобы не видно было ея безпорядка.

— Что случилось?

— Во-первыхъ, изъ монастыря миѣ уйти нельзя.

— Вопа. А сейчасъ ты не ушла?

— Ты меня не понялъ. Вчера миѣ тети объявила. Обители будетъ стыдъ и поношеніе... Во-вторыхъ, отъ губернатора пришелъ отвѣтъ. И архіерей писалъ матери Клеопатрѣ.

— Ну...—нетерпѣливо забѣгала по комнатѣ Семигоровъ.

Она передала ему содержаніе обоихъ посланій.

— Что жъ ты...—остановился онъ передъ нею.

— Что же. Надо ѣхать къ мужу.

Веровочный мостъ въ Тибетъ. Рисунокъ г-жи Крампель.

Николай Львович поблблбл, и глаза у него загорблись.

— Мнѣ легче убить тебя! Какъ ты могла подумать!

— Полно. Тебѣ нечего меня ревновать. Алексѣю Моисеевичу мало будетъ утѣшенія отъ того, что я проведу нѣсколько дней подъ одною кровлей съ нимъ. Когда у тебя все будетъ готово?

— Хоть сейчасъ.

— Нѣтъ, когда ты можешь увезти меня?

— Говорю, сейчасъ.

— Такъ вотъ что. Изъ обители нельзя. Монахини ничего, кромѣ добра, мнѣ не сдѣлали, зачѣмъ я буду подвергать ихъ такимъ неприятностямъ... Черезъ недѣлю жди меня на нашей улицѣ. На углу Вознесенской. Понимаешь? Чтобы тройка была надежная.

— Орловъ запрягу. У меня есть такіе — разнесутъ вдребезги. Только я съ ними и управляюсь.

— Вечеромъ, въ девять часовъ, Моисей Лукичъ уходитъ въ кабинетъ. Увѣряетъ всѣхъ — молиться. А я думаю — векселя и деньги считать да повѣрять кассу. Это самое тихое время въ домѣ — всѣмъ отдыхъ. Я къ тебѣ выйду, и потомъ...

— Ну, ужъ потомъ — только тебя и видѣли. У меня не вырвутъ... Волки голодные погонятся — не достигнутъ. А если какой-нибудь... Шулю въ лобъ, и вся недолга.

— Куда же?..

— А ужъ я это обдумую.

— Къ тебѣ нельзя.

— Почему? У меня мужики надежные. Пусть сунутся, попробуютъ Копровы...

— Я не для того ухожу, чтобы вмѣстѣ съ тобой въ тюрьму... Я тебя знаю... Ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ убьешь.

— А то нѣтъ? Какъ же въ такомъ случаѣ да не убить. Если они хотъ пальцемъ тебя...

— Ну, вотъ видишь.

— Я все потомъ обдумую... Рѣшено, черезъ недѣлю, на углу Вознесенской — съ тройкой. Пока и этого довольно.

— Лучше всего намъ за границу. Миръ великъ.

— И за границу. Мнѣ съ тобой вездѣ хорошо будетъ. Рай...

— Черезъ нѣсколько лѣтъ здѣсь успокоится, тогда вернемся. Въ самомъ дѣлѣ, молодость скоро уйдетъ. И отдать ее...

— Псамъ на растерзаніе! Разумѣется, глупо. Нѣтъ, Лелька — всѣхъ надуетъ. А сунутся — цѣлый миръ вдребезги...

— Ну, мнѣ надо идти... Я къ ранней должна тамъ быть.

— Останься еще часокъ.

— Нельзя. И безъ того монахини косятся. Одна Агнія чего стѣдитъ.

— Все равно. Я позову Ѳедора, онъ заложитъ своихъ коней, — черезъ десять минутъ будешь въ обители.

Елена Борисовна выѣхала на Ѳедоровской тройкѣ, когда, по расчету, монахини сидѣли за трапезой. Теперь она можетъ вернуться, и никто ея не увидитъ. Кони ее дѣйствительно уносили такъ, что пятиглавая церковь обительская точно на глазахъ вырастала за тонкими вершинами тошелей и могучими рамками каштановъ. Семигоровъ, по ея настоянію, остался дома. Ей съ нимъ нельзя было показаться теперь. Слишкомъ ужъ было бы это обидно для инокинь, да и ей зазорно. Отрываясь отъ него, она всегда краснѣла отъ общихъ, связанныхъ съ нимъ воспоминаній. Но стоило ему придти, и отъ ея раскаянія и стыда не оставалось и дыму. Она безумѣла, чтобы потомъ напрасно и по-

долгу корить себя, зная, что это вѣдь ни къ чему и ничего въ ея судьбѣ не измѣнитъ.

За полверсты отъ обители она остановила Ѳедора.

— Я теперь пѣшкомъ дойду. Побѣжай къ Николаю Львовичу, онъ тебя поблагодаритъ.

— Я, барыня, для Николая Львовича и безъ благодарности разорвусь.

— Что такъ?

— Такой ему за мной долгъ есть.

— Не понимаю.

— А такъ, что безъ него не жить бы мнѣ... Вотъ что вамъ скажу: крикни онъ: „умри Ѳедоръ!“ — тую же минуту согласенъ.

— Почему?

— А это вы у него ужъ спросите. Богъ на небесахъ и Семигоровскій баринъ на землѣ — только и всего...

Онъ тронулъ коней, и они живо унесли его вдаль, оставивъ тучу пыли.

Елена Борисовна быстро пошла въ обитель и на поворотѣ вдоль ея стѣны носъ къ носу столкнулась съ Квитковымъ. Тотъ не ждалъ ея съ этой стороны, высматривая выходъ изъ обители. Оторопѣвъ, забывъ шапку снять и кинулся къ ея рукѣ. Едва она съ гадливымъ чувствомъ успѣла ее отдернуть.

— Ты чего здѣсь? Тоже, какъ и Жилка, по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, Елена Борисовна. Я гуляю, ей-Богу гуляю. Даже и въ докторскихъ книжкахъ есть — деревенскій воздухъ, ну притомъ и моціонъ. А тутъ еще святость, колокола — сердце радуется.

— Посмотрю я на васъ. За что вы душу-то свою продаете?

И прочь пошла.

Квитковъ сорвалъ шапку и отиѣшивалъ ей поклоны вслѣдъ.

— Опять прогадалъ. И откуда она это? Подъ небесами что ли на коврѣ-самолетѣ.

Хлопнулъ шапку о-земь и самъ лицомъ въ траву повалился.

— Отниметъ Моисей Лукичъ отчетъ. И все подлецу Жилкѣ отдастъ... Голубчики, что жъ это?

Елена Борисовна прошла къ себѣ. Степанида дремала подъ воротами. Ни въ первомъ, ни во второмъ дворѣ никого не было. Одинъ только громадный и мрачный мужикъ Описимъ мель, какъ Юпитеръ въ облако, кутался въ пыль. Замѣтивъ Копрову, онъ хотѣлъ было сорвать шапку, да разобравъ, что это не монахиня, успокоился. Свѣтскихъ онъ не уважалъ. Онъ жилъ монастыремъ и цѣнилъ и почиталъ инокинь.

— Мнѣ теперь и становой почти что наплевать! — разсуждалъ онъ.

— Накладетъ онъ тебѣ въ зубы.

— И накладывай. Мнѣ что. Я, братъ, самъ при обители, слѣдовательно — духовная особа. Мать Клеопатра, либо казначей Эпистолия — это, братъ, начальство. А становой что?..

Дома Елена Борисовна легла въ постель.

На эту недѣлю она бы рада заснуть и не просыпаться. Не видѣтъ ни Моисея Лукича, ни мужа, — Богъ съ ними. Очнуться только тогда, когда пойдетъ настоящая жизнь. Она уже забывалась, когда дверь къ ней отворилась.

— Вы, тетя? Я всю ночь не спала. Легла отдохнуть.

— А ѣсть не хочешь?

— Нѣтъ. Мнѣ бы заснуть. Измучилась вся, устала.

(Продолженіе будетъ.)

Въ лѣсу.

Очеркъ Э. Вильденбруха.

„Не гонятся ли за нимъ?“

По сѣрому шоссе шель путникъ, поворачивая голову то въ одну, то въ другую сторону, будто прислушиваясь. Вполнѣ онъ не оборачивался: если бы кто-нибудь шель за нимъ, то могъ бы видѣть его лицо, — этого, казалось, онъ хотѣлъ избѣжать. Вмѣсто глазъ онъ пользовался ушами, которыя отставали отъ головы, какъ у петуха, — большія, угловатыя, грубыя. Онъ неудержимо шагалъ впередъ тяжелой неуключей походкой, — дальше, все дальше; онъ шель не такъ, какъ человѣкъ, вышедшій на прогулку или сѣдшій къ определенной цѣли, но какъ бѣглець, позади котораго осталось что-то роковое, отъ чего онъ хочетъ уйти, — скорѣй, скорѣй, чтобы между нимъ и этимъ страшнымъ, роковымъ „нѣчто“ выросло пространство, чтобы „оно“ тамъ осталось, не слѣдовало за нимъ.

Вдругъ онъ замѣнилъ направленіе. Вправо отъ дороги, на самомъ краю канавки, росло большое дерево, дубъ. Однимъ прыжкомъ былъ онъ нозади дерева и прижался къ его стволу.

Прыгать было, собственно, глупо; если кто-нибудь дѣйствительно шель сзади и наблюдалъ за нимъ, то его страшное поведеніе бросилось бы въ глаза. Онъ самъ себѣ говорилъ это. Но иначе онъ не могъ, желаніе было неудержимо; онъ долженъ былъ хоть разъ осмотрѣться. И вотъ онъ осмотрѣлся. Воспаленными глазами, пронизывающимъ взоромъ взглянулъ онъ изъ-за дерева на пройденную дорогу: онъ облегченно вздохнулъ, ничего не види. Ни души на шоссе, ни души въ окрестныхъ поляхъ. Еще слишкомъ рано. Все еще снятъ въ это облачное прохладное лѣтнее утро.

На минуту онъ могъ перевести духъ. Отдыхъ былъ ему необходимъ: онъ шель уже давно. Тамъ, позади, гдѣ туманъ, волнующаясь, будто образуетъ огромный свинцово-сѣрый куполъ, лежить большой городъ, откуда онъ бѣжалъ. Теперь онъ отъ него въ двухъ миляхъ, затерявшись между пригородными мѣстечками и деревнями. А какъ скоро онъ шель! Онъ прислонился, вѣрнѣе, налегъ всѣмъ тѣломъ на древесный стволъ, — сухощавое молодое тѣло, къ которому прилипло пропитанное потомъ платье. Онъ снлъ съ головы шлну и провелъ рукою по волосамъ; капли пота просочились между пальцами и упали на воротникъ; онъ былъ мокръ, хоть выжимъ.

Стоя со шлной въ рукахъ, засаленной продырявленной шлной изъ чернаго твердаго войлока, онъ размышлялъ:

„Куда идти теперь?“

Шоссе вело къ лѣсу; до лѣса всего полчаса ходьбы. Вотъ его цѣль. О, если бы онъ былъ уже тамъ! Тогда онъ свернулъ бы съ большой дороги въ чащу, тогда на время онъ былъ бы въ безопасности. На время, такъ какъ очень скоро начнется погоня; въ этомъ нечего было сомнѣваться.

Нашли ли уже старуху, которая тамъ, въ большомъ городѣ, лежала мертвая въ своей постели?

Вѣроятно. А если нашли, то уже извѣстно, кто ее задушилъ. Почлежникъ, проведшій у ней ночь и сегодня на зарѣ скрывшійся... Это было онъ.

Невольнo онъ снова насторожилъ уши.

Не слыши ли со стороны города глухого фырканія лошадей и человѣческихъ голосовъ? Не раздаются ли звяканье оружія, топотъ лошадиныхъ копытъ, возгласы полицейскихъ и жандармовъ?

Ни шороха, ни звука.

Онъ далеко отъ города, онъ еще въ безопасности. Улыбка промелькнула по его лицу, некрасивому безбородому лицу съ грязновато-блѣднымъ цвѣтомъ кожи.

А, быть-можетъ, онъ сегодня еще ничего не замѣтитъ?.. Въ такомъ большомъ домѣ кому какое дѣло до одиноко живущей старухи? Очень возможно, что ея отсутствіе замѣтитъ не раньше, какъ черезъ нѣсколько дней, выломаютъ двери и — найдутъ трупъ.

Въ это время онъ будетъ уже далеко отсюда.

Деньги у него теперь были. Правда, не столько, сколько онъ ожидалъ. Онъ еще не сосчиталъ, сколько именно. Рванувъ къ себѣ ящикъ комода, онъ нащупалъ и, не глядя, схватилъ набитый деньгами чулокъ старухи; слишкомъ страшно было оставаться одному-на-одномъ со старухой въ полутемной комнатѣ.

Онъ стремительно схватился за свой боковой карманъ, — тамъ ли?.. Да, онъ почувствовалъ подъ пальцами что-то твердое: тамъ. Когда онъ будетъ въ лѣсу, въ укромномъ мѣстечкѣ, тогда онъ примется считать; теперь еще нѣтъ. Теперь только идти дальше, въ лѣсъ. Когда онъ дойдетъ до лѣса, все будетъ хорошо. И такъ, впередъ! Дальше!

Онъ надѣлъ шлну и снова пустился въ путь. Но теперь онъ шель уже не посреди шоссе, а вдоль канавки, по самому ея краю. Онъ теперь не понималъ, какъ можно было такъ неосторожно идти посреди дороги. Онъ шель все скорѣе и скорѣе. Съ каждымъ шагомъ росло давнишее его чувство страха. Да, оно его давило. Ему казалось, будто лѣсъ отъ него отодвигается, будто онъ никогда не дойдетъ до него, и внезапно нмъ овладѣло что-то похожее на отчаяніе, на потребность громко зарыдать. Но онъ крѣпко стиснулъ зубы, — только не это.

Теперь ему оставалось какихъ-нибудь сто шаговъ, — и вдругъ онъ пустился бѣжать. Онъ говорилъ себѣ, что это глупо, почти безумно, но иначе онъ не могъ, онъ долженъ былъ бѣжать. На снпѣ онъ чувствовалъ чью-то руку, неудержимо толкающую его впередъ. Еще одинъ прыжокъ, и онъ достигъ опушки лѣса. Онъ схватился за стволъ ближайшаго тонкаго деревца; ему казалось, что это его личный другъ, его спаситель. И вотъ онъ въ лѣсу.

На мгновеніе онъ остановился, запыхавшись отъ быстрого бѣга, съ широко раскрытымъ ртомъ, тяжело переводя духъ. Потомъ — нѣсколько шаговъ въ сторону отъ шоссе, въ кусты, и новая остановка. Онъ осмотрѣлся. Теперь отсюда, съ дороги, никто не могъ его видѣть. Пусть они явятся на шоссе шпикомъ, верхомъ, въ телѣжкѣ, — его они не увидятъ. Онъ въ безопасности, онъ спасенъ. Спасенъ! Обѣими руками охватилъ онъ суковатое дерево, за которымъ прятался, и началъ раскачиваться; на него пришла безумная радость; крикъ торжества, похожій на вой звѣря, вырвался изъ его груди.

Наконецъ, онъ образумился. Теперь нужно было углубиться въ лѣсъ и непременно влѣво отъ шоссе, такъ какъ вправо былъ городъ. Мысль эта снова повергла его въ ужасъ, такъ какъ онъ, не зная себя, свернулъ съ шоссе налѣво. Такимъ образомъ ему приходилось опять пересѣчь шоссе. Скверно, но дѣлать нечего. Съ замраніемъ сердца оставилъ онъ свое убѣжище и прокрался къ самому краю канавки. Здѣсь онъ зорко осмотрѣлся, не видно ли чего-нибудь? Ничего не видно. Съ опущенной головой, весь какъ-то съежась, проныгнувъ онъ черезъ дорогу, какъ ласка, проскальзывающая изъ одной норы въ другую. На противоположномъ краю широкаго шоссе онъ снова остановился и, прислушиваясь, еще разъ осмотрѣлся. Не замѣтилъ ли его кто-нибудь? Никто его не замѣтилъ. Ему посчастливилось. Все ему удавалось.

Онъ облегченно вздохнулъ.

Успокоившись, онъ продолжалъ путь. Шоссе осталось далеко за нимъ, онъ забралъ влѣво, все болѣе и болѣе углубляясь въ лѣсъ, который развертывался передъ нимъ безконечной зеленой чащей.

Онъ, собственно, еще никогда не былъ въ лѣсу. Онъ выросъ среди каменныхъ громадъ.

Ему казалось, что онъ вступилъ въ какой-то новый міръ. Все здѣсь чуждо, — чуждо, но прекрасно. Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ красиво! Онъ невольно чувствовалъ это, шагая все дальше и дальше. Такъ хорошо и отрадно! Почти какъ будто онъ пришелъ въ гости къ богатому человѣку, который открываетъ свои владѣнія всѣмъ прохожимъ и ласково говоритъ: „войди, здѣсь не спрашиваютъ, богатъ ты или бѣденъ, — войди“.

Почва подъ его ногами — мягкая, мшистая лѣсная почва, устланныя прошлогоднимъ бурнымъ листомъ; какая разница съ твердымъ шоссе или каменной мостовой города! Чистый, ароматный воздухъ освѣжалъ его разгоряченную голову. А надъ нимъ въ вышнихъ могучіе зеленые своды разстилаются, какъ бы желая его укрыть и защитить. На душѣ у него сдѣлалось какъ-то странно; такого настроенія не было у него еще ни разу въ жизни. Вся его жизнь была сплошнымъ мученіемъ; съ нимъ обращались хуже, чѣмъ съ собакой. Сегодня ему казалось, что съ нимъ въ первый разъ обошлись по-человѣчески. Онъ былъ очень доволенъ, онъ самъ не зналъ, чѣмъ именно, и чувствовалъ потребность громко засмѣяться. Но онъ удержался отъ взрыва веселости, такъ какъ въ эту минуту сорвался вѣтеръ и, шумя, пролетѣлъ по верхушкамъ деревьевъ. Онъ невольно остановился. Ничего подобнаго онъ еще не слышалъ, — такого глубокаго потрясающаго гула. Ребенкомъ онъ, правда, бывалъ въ церкви и слышалъ органъ, но здѣсь въ лѣсу было совсѣмъ другое, — это было гораздо величественнѣе органъ.

Въ то время какъ онъ стоялъ и прислушивался, случилось что-то, отчего онъ испугался: на разстояніи ста шаговъ отъ него изъ-за деревьевъ выступило какое-то коричневое животное на длинныхъ стройныхъ ногахъ.

Козуля...

Еще немного, и онъ бы громко вскрикнулъ. Въ витринахъ торговцевъ дичью онъ видѣлъ висящихъ мертвыхъ козуль, — здѣсь въ первый разъ онъ увидѣлъ живую.

Ему казалось, что онъ присутствуетъ при какомъ-то чудѣ; онъ притихъ и старался едерживать дыханіе.

Козуля понюхала воздухъ, повернула голову къ человѣку и нѣсколько времени смотрѣла ему прямо въ лицо своими большими темными любознательными глазами; потомъ, слегка трихнувъ головой, одинымъ прыжкомъ она скрылась въ чащѣ.

Онъ продолжалъ путь. Ему почти жаль было, что козуля убѣжала; зачѣмъ она испугалась, вѣдь онъ ей ничего бы не сдѣлалъ. Онъ все думалъ о томъ, какъ глядѣло на него животное, какими вопросительными, почти изумленнымъ взоромъ, какъ бы желая сказать: „Кто ты и откуда пришелъ?“ И потомъ — какъ оно трянуло головой и скрылось... Всегда ли такъ дѣлаетъ козуля, когда убѣгаетъ? Или это случилось потому, что... она увидѣла его. Какой вздоръ!

У пруда. Съ картины Г. Залетина грав. Эдлеръ.

Смерть оленя. Съ картины Л. Фольда грав. Пэне.

Но, въ самомъ дѣлѣ, это имѣло такой видъ, какъ будто дрожь пробѣжала по нѣжному тѣлу животного и какъ будто оно хотѣло сказать: „Теперь я знаю, кто ты!“

Голова его отяжелѣла отъ странныхъ мыслей; свѣсивъ ее на грудь, онъ болѣе не обращалъ вниманія на то, куда идетъ. Но вотъ чья-то грубая рука внезапно сорвала съ его головы шляпу. Съ крикомъ отскочилъ онъ и взглянулъ вверхъ. То былъ сукъ, на который онъ неосторожно наткнулся. Стоило пугаться! Но онъ дѣйствительно испугался ужасно; всѣ члены его дрожали, когда онъ нагнулся поднять съ земли шляпу, на которой къ прежнимъ дырамъ прибавилась цоная. Теперь онъ рѣшилъ быть внимательнѣе.

Онъ былъ въ лѣсу уже давно; утро прошло, теперь вѣроятно 10 часовъ. Люди давно на ногахъ, въ полѣ и на шоссе. Онъ снова остановился, прислушивался. Не слышно ли чего-нибудь? Ничего не слышно. Ни одинъ звукъ не проникалъ въ безмолвный лѣсъ кромѣ тихаго шшшш да порывовъ вѣтра, пролетавшихъ надъ головой одинокаго странника, будто вздохи чьей-то исполненной груди.

Вѣтеръ не стихалъ. Очевидно, это былъ южный или юго-западный вѣтеръ: онъ былъ теплый, словно выходилъ изъ жарко-нагрѣтой печи. Тучи, которыми утромъ было обложено небо, исчезли. Солнце жгло вершины деревьевъ. Становилось жарко.

Вскорѣ почва сдѣлалась ровной. Поперекъ лѣса шла непрерывная цѣпь холмовъ, дѣлѣй горный хребтъ въ миниатюрѣ. Обливаясь потокомъ, добрался путникъ до вершины и увидѣлъ, отдѣленную узкой долиной отъ первой, вторую гряду холмовъ, еще болѣе высокую, за нею третью и четвертую.

Дѣлать нечего, надо было идти дальше, несмотря на трудности пути.

Онъ начиналъ задыхаться, къ усталости присоединилась мучительная жажда. Голода онъ не чувствовалъ, и это было хорошо, такъ какъ откуда взять въ лѣсу чего-нибудь съѣстнаго. Деньги у него были, но за покупки пришлось бы обратиться къ людямъ. Эту мысль нужно пока бросить. Къ вечеру, когда стемнѣетъ, онъ, быть-можетъ, рѣшится выйти изъ лѣсу и пройтись въ ближайшую деревню, но не теперь, ни за что!

Съ трудомъ вскарабкался онъ на послѣднюю, самую крутую, возвышенность и тутъ услышалъ вѣчно, наполненное его душу радостью,—тихое журчанье и плескъ. Вода, ручей.

Вѣсѣмъ тѣломъ принался онъ къ землѣ и съ жадностью дикаго звѣря началъ пить. Не только губы, все разгоряченное лицо погружалъ онъ въ воду. Фыркая и глотая, подиался онъ наконецъ съ земли съ чувствомъ полного удовлетворенія, точно вновь родился на свѣтъ Божій.

Только теперь онъ осомтрѣлся.

Очевидно, онъ достигъ самаго высокаго пункта въ лѣсу. Онъ стоялъ на поросшей травой возвышенности съ рѣдкими деревьями; у ногъ его разстилалась довольно широкая долина между цѣпью холмовъ. Отъ одного изъ нихъ шелъ въ долину выступъ, покрытый однимъ великимъ кустарникомъ, но толмъ, какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Это было, насколько хватало глазъ, единственное обнаженное мѣсто во всемъ лѣсу, густомъ и тѣсномъ. Долина у подножія холма сплошь поросла деревьями, вершины которыхъ волновались отъ вѣтра, словно зеленое море. Позади была лѣсная чаща, изъ которой онъ только что вышелъ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ. Здѣсь ему нравилось, здѣсь было красиво. Скользящій по травѣ вѣтеръ освѣжалъ и подкрѣплялъ его.

Теперь онъ могъ отдохнуть.

Въ тѣни одного изъ деревьевъ онъ бросился во весь ростъ на землю и спялъ съ головы шляпу. Какъ радостно приняла его измученное тѣло мягкая земля! Какъ было тепло и мягко! Ко всему этому присоединился ароматъ всевозможныхъ лѣсныхъ травъ и дикихъ цвѣтговъ... Онъ буквально зарылся въ траву; онъ потягивался въ ней съ наслажденіемъ, котораго еще никогда не испытывалъ. Теперь онъ могъ сосчитать, сколько именно онъ тамъ захватилъ. Онъ полѣзъ въ боковой карманъ, но, дотронувшись до шерстяного чулка, отдернулъ руку. Ему было противно доставать эту вещь здѣсь. Онъ врядъ ли могъ бы сказать, почему именно; но онъ чувствовалъ, что это было такъ.

Съ минуту онъ раздумывалъ. Но вѣдь все это вздоръ. Когда-нибудь нужно же сосчитать, а здѣсь его никто не увидитъ. Никто? Невольно подиалъ онъ голову и посмтрѣлъ по сторонамъ: нѣтъ, никто.

Итакъ, надо только рѣшиться. Онъ еще разъ полѣзъ въ боковой карманъ и вынулъ странную вещь,—поношенный сѣрый шерстяной чулокъ, завязанный наверху шнуркомъ и наполненный монетами.

Послѣнно сорвавъ шнурокъ, онъ высыпалъ въ шляпу, не глядя, все что было въ чулкѣ, потомъ, приподнявшись на колѣняхъ, свернулъ чулокъ, смялъ и скомкалъ его и изо всѣхъ силъ, какъ только могъ далеко, швырнулъ его съ холма внизъ, въ долину. Онъ не видѣлъ, куда уналъ чулокъ, не хотѣлъ видѣть. Пусть лежитъ гдѣ хочетъ, лишь бы не попался ему на глаза никогда, никогда!

Хотя сдѣланное усиліе не было чрезвычайнымъ, тѣмъ не ме-

нѣе вся кровь, казалось, прилила къ его головѣ, и въ вискахъ застучало; когда онъ снова легъ на спину, онъ долженъ былъ нѣсколько времени лежать не шевелясь,—онъ чувствовалъ себя совершенно измученнымъ.

Наконецъ онъ притянулъ къ себѣ шляпу и заглянулъ въ нее.

Тамъ въ кучкѣ лежало двадцать галеронъ, двѣ золотыя монеты, въ двадцать марокъ каждая, и третья въ десять марокъ. Это было все. Больше старуха не скопила. Все же это было больше, чѣмъ онъ когда-либо видѣлъ и имѣлъ.

Онъ взялъ кучку металла въ руку, взвѣшивалъ его, зажималъ въ рукѣ, потомъ открывалъ ее и давалъ золоту блестѣть на солнцѣ.

Вдругъ онъ судорожно сомкнулъ руку и взглянулъ вверхъ: ему опять показалось, что кто-то на него смотритъ. Никого не было вокругъ, ни одного живого существа, кромѣ него самого.

Однако, чувство безпокойства его не покидало. Ему продолжало казаться, что на него смотритъ что-то безмолвное, недвижимое: оно все видитъ, видитъ каждое его движеніе, даже знаетъ, что происходитъ въ его душѣ,—каждую его мысль.

Онъ взглянулъ направо, налево, назадъ, даже вверхъ, на сучья дерева, подъ которыми лежалъ,—ничего не видно, не слышно. Значитъ, все вздоръ.

Тѣмъ не менѣе деньги везанно ему опротивѣли; онъ бросилъ кучку монетъ возлѣ себя на землю и покрылъ ее шляпой. Теперь онъ словно освободился отъ какой-то тяжести. Онъ вытянулся во весь ростъ. Былъ уже полдень, жгучій полдень.

Усталость давала себя знать, явкі невольно смыкались. Усиліемъ воли открылъ онъ ихъ. Заснуть? Кто знаетъ, что можетъ случиться...

Но ничто не помогало. Его члены будто налиты свинцомъ; жужжаніе и стрекотаніе насекомыхъ кругомъ въ травѣ убавлялось, какъ нѣжная колебательная нѣсія... Голова его погружалась въ траву, онъ заснулъ.

Видѣлъ ли онъ сонъ? Не давилъ ли его кошмаръ? Лежа, онъ безпокойно вскидывалъ руки, черты лица его измѣнялись.

По прошествіи не болѣе часа онъ вскочилъ, какъ отъ толчка, съ громкимъ крикомъ ужаса. Ему показалось, что кто-то позвалъ его страшнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Онъ слышалъ это такъ явственно, что, проснувшись, вскочилъ на ноги и громко отвѣтилъ: „я здѣсь!“ Лишь когда онъ сталъ отыскивать глазами того, кто его позвалъ, онъ замѣтилъ, что ничего не было.

Отуманенная снами голова плохо соображала; потребовалось нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ припомнилъ все, что съ нимъ случилось, какъ онъ сюда попалъ, гдѣ онъ.

Его сердце будто сжимала какал-то рука. Ему казалось, будто непосредственно возлѣ него, сзади него, надъ нимъ, со всѣхъ сторонъ и вездѣ, что-то ужасное за нимъ наблюдало, подглядывало, лишая его всякой свободы движеній. Колѣни у него дрожали и подкашивались; онъ не рѣшался сдѣлать шага; онъ прижался къ стволу дерева.

Это было то самое мѣсто, которое раньше ему такъ нравилось, тотъ самый лѣсъ, который такъ милостиво его принялъ и укрылъ. Но теперь все преобразилось.

Стихнувшій было вѣтеръ сорвался теперь съ удвоенной силой. Ни облачка на небѣ; какъ огромный щитъ изъ раскаленнаго до-бѣла металла разстилался надъ лѣсомъ небесный сводъ. Когда вѣтеръ проносился по лѣсу, прямо ему въ лицо, казалось, что лѣсъ оживаетъ. На холмахъ, по ту сторону долины, деревья раскачивали сучья и трясли листьями. Даже холмы, казалось, покачивались, какъ живыя существа, чѣмъ-то недовольныя, на что-то разгнѣванныя.

И такъ какъ вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо, то получалось такое впечатлѣніе, будто бы сгибавшіяся подъ порывами вѣтра деревья всѣ наклонили свои вершины по направленію къ холму, на которомъ онъ стоялъ; всѣ, точно створившись, одновременно наклонились и выпрямлялись, снова наклонились и снова выпрямлялись, точь въ точь какъ если бы они указывали на противоположный холмъ и на того, кто на немъ стоялъ. И не только деревья напротивъ, но и тѣ, что стояли подлѣ него, дѣлали то же самое. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на томъ же холмѣ, росло огромное дерево: черный тополь, или что-то въ этомъ родѣ, — раздвоенное по серединѣ на два могучихъ сука. Когда вѣтеръ налеталъ на дерево, эти два сука гнулись и вытягивались, какъ двѣ руки, прямо къ нему. Тутъ нельзя было ошибиться: прямо къ нему. При этомъ могучій стволъ издавалъ скрипящіяе, похожее на хриплый стонъ; казалось, дерево указывало на него и говорило: „Здѣсь... здѣсь... здѣсь...“

Ему хотѣлось убѣжать съ холма; но на него напалъ страхъ, прямо-таки страхъ. Да и куда бѣжать?

Назадъ? Туда, откуда онъ пришелъ? Но тогда онъ попадетъ въ руки преслѣдователей. Стѣдовательно, дальше? Сойти въ долину? Онъ посмтрѣлъ внизъ,—подъ нимъ словно бушующее зеленое море; вѣтеръ рветъ и терзаетъ вершины деревьевъ, съ востомъ накидывался на лѣсныхъ гигантовъ.

Хуже всего этотъ нескончаемый вой вѣтра, постепенно перешедшаго въ ураганъ. Природой будто овладѣлъ яростный гнѣвъ, — гнѣвъ, котораго раньше не было, который возникъ везанно; но откуда? Почему?

И въ то время, какъ онъ такъ стоялъ, не зная, что ему

предпринять, и смотрѣлъ внизъ, въ долину, на вершины деревьевъ, бившіяся другъ о друга, будто въ смертномъ бою, онъ своими дальнорычными глазами замѣтилъ что-то странное. Отчасти подкидываемый вѣтромъ, отчасти подбрасываемый сучьями, взлеталъ и опускался какой-то предметъ, очевидно не принадлежавшій къ лѣсу. Это не былъ ни оторвавшійся листъ, ни сломанная вѣтка, а какой-то сѣрый предметъ, то вытягивавшійся въ длину, то свертывавшійся въ комокъ.

Онъ упалъ туда, на вершины деревьевъ, и теперь деревья какъ будто хотѣли во что бы то ни стало отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ предмета. Каждое изъ нихъ бросало его другому, другое противилось и бросало его третьему, которое опять швыряло его въ сторону, и такъ шло дальше, дальше, съ возрастающимъ гнѣвомъ, съ глухимъ ревомъ, похожимъ на хлопотанье водоворота, когда въ него бросягъ предметъ, котораго причина не признается, съ которымъ не можетъ справиться, — ядовитый предметъ.

И вдругъ онъ испыталъ мучительное ощущение стекающихъ съ затылка на спину ледяныхъ капель. Леталъ въ воздухѣ... чулокъ.

Сѣрымъ чулкомъ старухи, отвратительнымъ шерстянымъ чулкомъ, который онъ кинулъ въ лѣсъ, онъ заглянулъ, осквернилъ, отравилъ его!

И не только чулкомъ, онъ отравилъ лѣсъ собою.

Сегодня утромъ, когда онъ входилъ въ лѣсъ, лѣсъ не зналъ, кто онъ такой: только потому онъ такъ ласково его принялъ и укрылъ. Теперь лѣсъ узналъ, кто онъ и откуда пришелъ, — отсюда его везанный гнѣвъ. Вотъ причина, почему деревья на него указывали, каждое порознь и все вместе.

То, что онъ слышалъ, не было бессмысленнымъ шумомъ вѣтра, то были голоса. Одно дерево кричало другому, другое третьему, и такъ дальше, дальше: „Вотъ онъ — убійца, убійца, убійца!“

Что это, воображеніе или дѣйствительность?

Да, да, да, — ужасная дѣйствительность. Онъ нагнулъ голову, съ висковъ катился холодный потъ. Да, теперь онъ ясно понималъ.

Лѣсъ совсѣмъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ его раньше считалъ, — поросшимъ деревьями участкомъ земли, безъ мысли, безъ чувства; нѣтъ, это было существо мыслящее, чувствующее, страшное существо!

Неужели онъ раньше не замѣчалъ того, что теперь такъ ясно видѣлъ? Видѣ лѣсъ имѣлъ лицо. Огромное, ужасное лицо!

Какъ разъ напротивъ него, по ту сторону долины, выступаетъ обнаженный сѣрый холмъ; это носъ чудовища. Надъ нимъ мрачный лобъ, по бокамъ широкая скулы, заросшія густою волнующеюся, трясущеюся бородою.

Надъ всѣмъ этимъ глаза. Но гдѣ же они? Онъ искалъ ихъ, но не видѣлъ. И то, что онъ ихъ не видѣлъ, это и было самое ужасное, такъ какъ онъ ихъ чувствовалъ, чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ; они были, но онъ не могъ сказать, гдѣ. Оттого онъ не могъ и спрятаться отъ нихъ. Ваглялъ ихъ былъ устремленъ на него, давилъ его, пригибалъ къ землѣ. Онъ внезапно понялъ, кто было существо, слѣдившее за нимъ въ то время, какъ онъ взвѣшивалъ и считалъ деньги, — кѣмъ было это недвижимое ужасное нѣчто. То были глаза, страшные, невидимые; они опять тутъ были, опять смотрѣли на него пристальнымъ неподвижнымъ взоромъ, ни разу не моргнувъ; ему казалось, что они пронзываютъ его насквозь, читали въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ больше не могъ выдержать этой пытки; ужасные глаза будто приводили его къ дереву. Онъ съ усилиемъ оставилъ свое мѣсто, перешелъ на другую сторону дерева, — нчто не помогало. Онъ обѣжалъ вокругъ дерева, разъ, два, три, какъ безумный, пока не закружилась голова, не подкосились ноги, и онъ не упалъ на землю. Онъ прижимался лицомъ къ землѣ, хватываясь руками голову, онъ хотѣлъ ничего не видѣть, ничего не слышать...

Но, видно, лѣсъ замѣтилъ, что онъ прячется. Съ десятиреною яростью подвинулся со всѣхъ сторонъ дикій вой, и надъ самымъ его ухомъ, — такъ близко, что ему показалось, будто пеннолискія руки-сучья уже хватаютъ его — раздался хриплый скрипящій голосъ дерева: „Здѣсь... здѣсь... здѣсь!“

Онъ вскопчилъ на ноги; лицо его искажилось отъ ужаса, оно было мертвенно-блѣдно. И вдругъ онъ присоединилъ свой человѣческій голосъ къ реву разбушевавшейся природы: „Убійца! Убійца!“

Почти надъ самой его головой росъ горизонтальный сукъ.

Черезъ недѣлю газеты сообщили, что убійца старухи, которую нашли задуманной въ постели, открытъ. До того времени всѣ поиски были напрасны.

Въ большомъ лѣсу, въ восьми миляхъ отъ мѣста преступленія, его нашли повѣсившимся на деревѣ; намель его лѣсной сторожкой.

Человѣческаго правосудія уже не требовалось.

Къ рисункамъ.

Какое приволье на пастбищѣ, когда жартъ начинается спадать и отъ зеркальнаго ручейка слегка повѣять живительной прохладой! Солнце еще высоко, но, понемногу склонилась къ западу, оно посылаетъ уже не такіе знойные лучи, какъ въ полдень, и коровамъ легче пастись. Онѣ тихо пощипываютъ густую траву, медленно приближаясь къ знаменитому водоему. Утомленная жаркимъ днемъ, ихъ молодая пастушка долго скрывалась подъ тѣнью широкаго дерева, и вѣршій другъ ея, кудлатый пестъ, лежа возлѣ своей хозяйки, тяжело дышалъ, полузакрывъ глаза и еженинугно отмахивая пушистымъ хвостомъ назойливую мушку. Обонявъ стадо дремалось. Вдругъ насторожился пестъ, и на добродушномъ лицѣ дѣвушки отразилось безпокойство. Она вскопчила, оглянулась... Корова отбила съ стада и беззаботно паслась на другомъ берегу. Хорошо, что во-время спохватилась! Повелительнымъ жестомъ указала пастушка своему старому приятелю на ту сторону дужайки, и смѣтливый пестъ, сознавая серьезность положенія и обрадованный возможностью угодить хозяйкѣ, выпадаетъ впередъ, чтобы перенять гладкую поверхность ручья. Онъ отлично знаетъ, что его ждетъ ласка. Картина, схватившая именно этотъ тревожный моментъ, полна движенія и экспрессіи. Бѣглинка, конечно, вернется, и день закончится такъ же спокойно, какъ и начался.

Долго поджидала старуха своего „чоловика“ (мужа). Чуяло ея наболѣвшее сердце, что онъ не вернется „до дому“, какъ другіе, сохранивъ образъ и подобіе Божіи. Всѣ домовитые мужики уже разошлись по хатамъ „вечерить“, только его нѣтъ, какъ нѣтъ. Пригорюнившись вышла она подонть корову, глядя, — а къ воротамъ приближается благовѣршій, пошатываясь то вправо, то влѣво... Земля такъ и ходитъ подъ его ногами, вотъ-вотъ растанутся... Онъ даже разставилъ руки, чтобы какъ-нибудь удержаться. „Горилка“ сдѣлала свое дѣло. „Старый“ все-таки не желаетъ ударить лицомъ въ грязь и выдать себя; для отвода глазъ, онъ цапываетъ какую-то пѣсенку заплетающимися языкомъ, — авось „жилика“ и не догадается. Но она уже поставила домльницу на завалинку, а „дручекъ“ спрятала за спину. Только приближится муженекъ, старуха устроитъ ему хорошую встрѣчу. Маленькая дворничка привыкла къ грѣшкамъ своего хозяина и глядитъ на него, чувствуя, что ему на этотъ разъ не сдобровать. Далеко раскинулся хуторъ. За рѣчкой едва бѣлѣютъ постройки на темномъ фонѣ вишневыхъ садовъ. Вече-

рѣтъ. Въ воздухѣ — благодатная тишина; листья не шелочнутся, и дымокъ изъ трубы отдаленной хаты подымается ровнымъ столбомъ вверхъ къ снѣжному небу...

Какъ извѣстно, у насъ до сихъ поръ, особенно въ крестьянскомъ быту, соблюдается обычай освящать въ день Спаса, въ церквахъ, послѣ богослуженія, груши, яблоки, медъ, послѣ чего они допускаются къ всеобщему употребленію. До Спаса, ни подъ какимъ видомъ, не принято ѣсть ни груши, ни яблоки, ни меда. Медъ пасѣнники, согласно традиціямъ, рассылаютъ на Спаса близкимъ, роднымъ и знакомымъ.

На рисункѣ г. Ижакевича изображенъ крестьянинъ на пастбищѣ у куреня, добывающій первый въ году медъ изъ улья. Дѣти, помѣстившіяся, изъ боины пчелы, нѣсколько поодаль съ любопытствомъ слѣдятъ за его операциями. Они знаютъ, что не дальше, какъ завтра, на Спаса, имъ дадутъ наконецъ вволю полакомиться сладкимъ медомъ. Они знаютъ еще, что завтра же открыты станутъ врать вкусныя „спасовки“, яблоки, носивающіеся какъ разъ къ Спасу; не надо будетъ больше прятаться въ кустахъ при появленіи за плетнемъ высокой батькиной шапки, не зачѣмъ будетъ тайкомъ лазить по деревьямъ стараго огорода. Словомъ, будетъ раздолье.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы простой канатъ могъ служить мостомъ, т. е. средствомъ для переправы людей съ одного берега бурной рѣки на другой. Такой мостъ могъ бы считаться удобнымъ равнѣ только для виртуозовъ эквилибристики, въ родѣ покойнаго Блондена, который переходилъ по канату даже черезъ Ніагару. А между тѣмъ, въ Китаѣ и на Батѣ веревочный мостъ служитъ обычнымъ способомъ переправы людей черезъ очень опасныя рѣки. Принимаются тамъ за дѣло слѣдующимъ образомъ.

Большую частью мостъ состоитъ изъ простаго каната, крѣпко привязаннаго къ двумъ внушительнымъ столбамъ; послѣдніе врыты въ землю аршинъ на тринадцать выше уровня рѣки; такое расположеніе столбовъ достигается очень легко, благодаря обычной въ Тибетѣ кругизѣ рѣчныхъ береговъ. Самый аппаратъ, съ помощью котораго совершается переправа, въ Китаѣ называется „лиу-панъ“ а въ Тибетѣ — „уата“. Онъ состоитъ изъ деревяннаго выдолбленнаго полуцилиндра, исполняющаго роль блока. Въ цилиндрѣ продѣланы отверстія, сквозь которыя пропущена или ляпка, или ремень. Цилиндръ-

блок надвигается на канат, затѣмъ переправляющійся обматываетъ себя ремнемъ вокругъ бедеръ и пояса, завязываетъ концы его у себя за шейю, и готовъ въ путь-дорогу. Ему остается только обернуться лицомъ къ рѣкѣ, откинуть голову и быстро броситься въ пропасть. Двѣ трети всего пути онъ пролетаетъ благодаря тяжести собственнаго тѣла, такъ какъ канатъ, въ особенности на большихъ рѣкахъ, въ родѣ Меконга, натягивается на столбы слабо, съ уклономъ къ серединѣ. При полетѣ этомъ необходимо строго наблюдать, чтобы обѣ руки, сложенные крѣпко вмѣстѣ, плотно обхватывали деревянный полуцилиндръ „уату“; если же, по несчастной неосторожности, онѣ упадутъ на канатъ,—тогда бѣда: вся кожа на нихъ будетъ обожжена и содрана страшнымъ трениемъ, словно раскаленнымъ желѣзомъ. Пролетѣвъ такимъ образомъ двѣ трети пути, приходится уже карабкаться руками и ногами по канату вверху, къ станціи прибытія, т. е. къ противоположному столбу. Если путешественникъ не рассчитываетъ при этомъ на свои силы, то привязываетъ къ поясу нарочно взятую для этого веревку, бросаетъ конецъ ея на берегъ и заставляетъ тащить себя.

Такая своеобразная гимнастика надъ бунующей рѣкою, въ которую — того и гляди — сейчасъ упадешь, провадится, при первыхъ переправахъ, ужасное впечатлѣніе. Но съ теченіемъ времени къ этому привыкають, какъ и ко всему на свѣтѣ. Да въ общемъ и опасности большой нѣтъ. Бываетъ, правда, иногда, что, по неосторожности переправляющагося, недостаточно крѣпко держащаго руками блокъ-цилиндръ, послѣдній, повернувшись въ сторону, соскакиваетъ съ каната; тогда ремень или лямка, понавѣ на канатъ и скользя по нему, быстро перетираются, и бѣдняга летитъ въ рѣку, а послѣдній никогда не возвращаетъ своей жертвы. Но такіе случаи бываютъ не часто и происходятъ, какъ уже сказано, исключительно отъ безвечности и неосторожности самого переправляющагося. Вотъ что рассказываютъ путешественники; но, конечно, можно только благодарить судьбу, что цивилизованный человѣкъ отъ такихъ варварскихъ переправъ давно избавленъ.

Какую мирную, иѣжную идиллію представляетъ картина: „У пруда“! Уже недалеко до осени. Листья желтѣютъ. Прудъ густо заросъ. Въ это время года человѣкъ особенно сильно льнетъ къ природѣ. Скоро съ нею придется проститься, и всѣ наслажденія, которыя она доставляетъ, даже самыя ничтожныя, приобрѣтають особенную прелесть.

Въ этомъ предчувствіи скорой разлуки съ природою находится и дѣвушка, вышедшая изъ богатой виллы на прудъ, чтобы накормить утокъ. Она захватила съ собою кусокъ хлѣба, и при ея появленіи утки тотчасъ же сбѣгаютъ къ ней, весело крикая и привѣтствуя свою любимицу. Она же спокойно ихъ поджидаетъ, вся находясь подъ впечатлѣніемъ прорадальной красоты окружающей ее природы. Картина полна идиллическаго настроенія и иѣжныхъ тоновъ. Трудно повѣрить, что рука, написавшая эту картину, принадлежитъ простому кузнецу. До 25 года отъ роду художникъ, г. Губертъ Залентинъ, былъ простымъ кузнецомъ, и только въ этомъ возрастѣ онъ замѣнилъ наковальню молоткомъ, а молотъ—палитрою и кистью. Еще поразительнѣе то обстоятельство, что успѣхъ ему сразу улыбнулся, и онъ сдѣлался любимымъ художникомъ въ Германіи. Большая часть его картинъ изображаютъ деревенскій бытъ въ прирейнскихъ провинціяхъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній служатъ украшеніемъ берлинской Национальной галлерей.

Послѣ идилліи—трагедія или, точнѣе говоря, идиллія и трагедія разыгрываются рядомъ какъ въ самой жизни, такъ и на страницахъ воспронзодившихъ ее книгъ и журналовъ. Утка—прирученная дичь, свыкшаяся и примирившаяся съ человѣкомъ. Олень по природѣ также не враждебенъ человѣку, но за исключеніемъ крайняго Сѣвера человѣкъ вездѣ его преслѣдуетъ самымъ жестокимъ образомъ, и вездѣ олень ищетъ спасенія въ непроходимую лѣсную глушь — а ея осталось такъ мало въ Европѣ,—или въ гористыя мѣстности, куда человѣку проникнуть трудно. Но и тамъ онъ не въ безопасности. Природа свабдила его необычайно тонкимъ чутьемъ, зрѣніемъ и слухомъ. Поэтому охота на него принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ и требуетъ со стороны охотника большой ловкости, выдержки, хитрости. Такимъ образомъ, охота на оленя, вообще, и, въ особенности, на оленя настоящаго, благороднаго, стала любимымъ спортомъ охотниковъ. Благо-

родный звѣрь—эта краса лѣсовъ и горъ — игдѣ не находитъ себѣ надежнаго пріюта. Даже высокія горы, бездонныя пропасти, головокружительныя кручи не спасаютъ его, и онъ погибаетъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ. Малѣйшій недосмотръ, малѣйшая оплошность — и пули срываютъ его въ самое сердце.

Такую картину смерти оленя изображалъ баварскій художникъ, г. Фольцъ. Трагедія разыгрывается въ тирольскихъ Альпахъ. Убить старый, опытный олень, —этотъ царь горной лѣсной глуши. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы смиряться съ толпою другихъ оленей. Онъ одинокъ и пасется одиноко. Только любовь сводитъ его съ другими оленями, и жгучее чувство ревности заставляетъ его вступать въ борьбу съ опаснымъ противникомъ. Вотъ онъ стоитъ на высотѣ; онъ услышалъ протяжный крикъ другого оленя. Онъ насторожилъ уши, почувывъ соперника, и раздался его могучій отвѣтный крикъ. Въ эту минуту онъ забылъ, что у него есть болѣе опасный врагъ—человѣкъ, и жестоко поплатился за эту минутную забывчивость. Раздался выстрѣлъ опытнаго, профессиональнаго охотника, и, сраженный въ самое сердце, олень палъ, какъ подкошенный. Изъ груди его вырывается послѣдній вздохъ, а охотникъ уже спускается къ нему, чтобы забрать свою жертву. Поэзія смѣшается прозою.

Недавно весь образованный міръ понесъ утрату въ лицѣ известнаго германскаго ученаго и писателя **Бона-Мейера**. Онъ пользовался популярностью не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ, между прочимъ, отчасти и у насъ, въ Россіи. Покойный не отдавалъ всѣхъ своихъ силъ наукѣ; онъ считалъ своимъ долгомъ дѣлиться результатами своихъ изслѣдованій и плодами своего философскаго мышленія съ народными массами. Родился онъ 25-го октября 1829 года въ Гамбургѣ. Изучая въ боиномъ, а затѣмъ въ берлинскомъ университетѣ философію, онъ на первыхъ же порахъ увлекся чтеніемъ Канта и сдѣлался горячимъ его сторонникомъ. Прислушавъ къ другому послѣдователю Канта, Якову Фриксу, онъ задумалъ развить ученіе Канта въ духѣ психологическаго эмпиризма, защищая его отъ нападеній другихъ философовъ и стараясь доказать, что къ апіорному мышленію Кантъ пришелъ путемъ анализа и опыта. Первымъ его литературнымъ трудомъ явился рядъ небольшихъ сочиненій: „Вольтеръ и Руссо и ихъ социальное значеніе“, „Къ вопросу о жизни и духѣ“, „Мысли о своевременности преобразованія германскихъ университетовъ“, „О рѣчахъ Фихте къ германскому народу“ и друг. Въ

Профессоръ Г. Бона-Мейеръ.
Съ фот. авторитія Нивы.

1862 г. Бона-Мейеръ былъ назначенъ преподавателемъ въ берлинскую военную академію, а черезъ шесть лѣтъ получилъ приглашеніе занять кафедру философіи въ Боннѣ, которую онъ занималъ до самой кончины. Здѣсь, прежде всего, имъ выпущено было въ свѣтъ сочиненіе „Психологія Канта“, затѣмъ „Философскіе вопросы времени“, выдержавшее нѣсколько изданій, и „Мировая скорбь“, переведенныя и на русскій языкъ. Кроме того, имъ написанъ цѣлый рядъ сочиненій по вопросамъ педагогикѣ и народнаго образованія. Большинство этихъ статей онъ напечаталъ въ периодическомъ изданіи: „Германскіе спорные вопросы времени“, редакторомъ котораго состоялъ съ 1889 по 1892 годъ.

Не ограничиваясь ролью профессора и писателя, Бона-Мейеръ горячо пропагандировалъ во всѣхъ слояхъ общества пользу просвѣщенія, устройство образовательныхъ союзовъ и, наконецъ, основалъ школьный союзъ, которымъ лично руководилъ до самой смерти. Между всѣми отдѣльными образовательными союзами Рейнской провинціи и Вестфалии онъ установилъ тѣсную связь, такъ что дѣятельность всѣхъ ихъ слилась въ общую, твердо и ясно установленную систему, что, разумеется, не могло не дать постановочныя результаты. Съ цѣлью такого тѣснаго единенія союзовъ, онъ издавалъ „Союзный листокъ“, въ которомъ неумолимо, со свойственной ему компетентностью, обсуждалъ всѣ живогрешущіе вопросы педагогикѣ. Въ послѣдніе годы жизни онъ не разставался съ планомъ составить большую педагогическую бібліотеку, но смерть помѣшала ему осуществить эту благую мысль.

Его неутомимая дѣятельность на поприщѣ воспитанія и просвѣщенія оставила по себѣ глубокий слѣдъ на родинѣ. Но его идеи, получившія широкое распространеніе и въ другихъ странахъ, имѣютъ болѣе общее значеніе и сослужатъ службу, черезъ посредство науки, и тѣмъ, кто покойнаго профессора зналъ лишь по имени.

Пребывание императора и императрицы германскихъ въ С.-Петербурѣ.

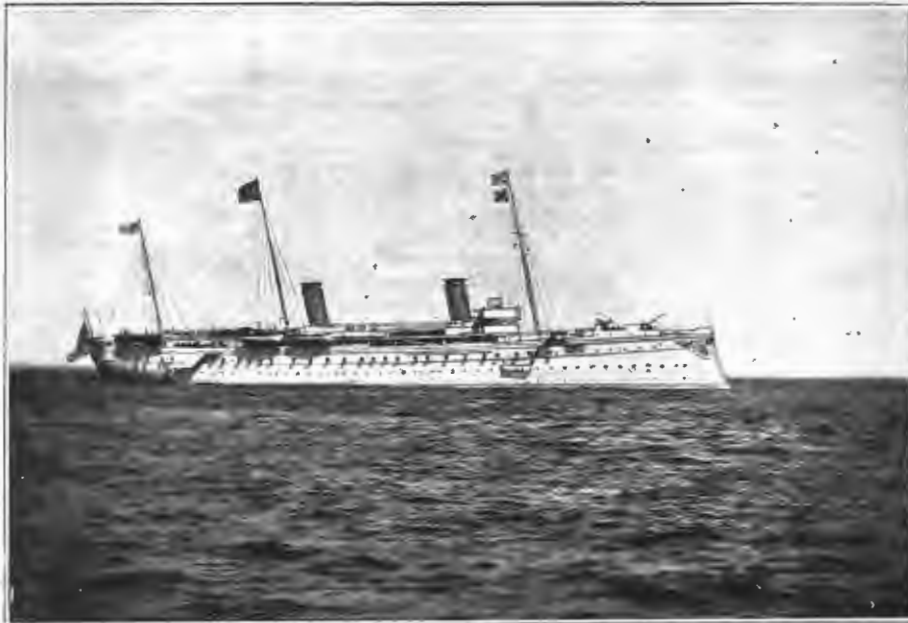
На встрѣчу.

Въ семь часовъ утра мы двинулись отъ Николаевской набережной на маленькомъ частномъ пароходикѣ „Варигъ“ на встрѣчу царственныхъ гостей. Небо еще было заволочено тучами, моросилъ дождикъ. На водѣ было свѣжо, даже поридкомъ. Нева уже готовилась къ встрѣчѣ. По обѣимъ ея берегамъ живописными группами выстроились пароходы, большіе и маленькіе, частные и казенные. Трубы ихъ дымили, но они были еще пусты. У самаго Николаевского моста подъ скудными лучами солнца блѣбеть „кусочекъ Германіи“ — германское

учебное судно „Charlotte“, пришедшее еще наканунѣ, 25-го іюля, въ Петербургъ. Этого длинный, трехмачтовый съ двумя

желтыми трубами, весь блѣднѣй корветъ привезъ къ намъ германскихъ кадетъ. Это ихъ практическая школа. Три съ половиной года плаваютъ они на такомъ учебномъ суднѣ — по образцу „Charlotte“ существуетъ еще три корвета — и затѣмъ держатъ экзаменъ на офицера. Теперь они наши гости, а черезъ пять-шесть дней уйдутъ на маневры въ Киль, оттуда же въ Южную Америку. „Charlotte“ начало уже расцвѣчивать флагами.

Быстро скользили по Невѣ, тихо и величаво несущей свои

Германская императорская яхта «Гогенцоллерн».

Германское военно-учебное судно «Charlotte».

Германскій крейсеръ «Гефіонъ».

Въ виду многочисленныхъ запросовъ со стороны подписчиковъ „Нивы“, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ сообщить, что бесплатное приложение къ „Нивѣ“ на будущій годъ составитъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА,

которое будетъ помѣщено цѣликомъ въ 12 книгахъ „Сборника Нивы“ на 1898 годъ.

А. Ф. Марксъ.

воды къ морю. Вѣтеръ свѣжѣетъ. Ушла угрюмая „дѣловитая“ Николаевская набережная, промелькнули громады верфи съ колоссальными скелетами броненосцевъ, окончательно отдѣляющихся уже на водѣ. Пронесли и скромный „Галерный островокъ“ съ точно сгерегулированными его океанскими гигантами. Вотъ ужь и конецъ Невѣ. Взорѣе. Вонъ чуть золотящіеся солнцемъ лагуны морского канала, скрывающія въ своихъ плоскихъ берегахъ громады кораблей. Скоро пронали вѣтви берега канала. Мы въ „морѣ“. Моряки зовутъ его „маркизовой лужей“. И, правда, какъ-то не видуются съ понятіемъ моря желтыя полосы песку, совершенно обнаженные. Это ужь вовсе не „тайныя мели“. Настоящая „лужа“ для моряка.

Заливъ починаетъ свѣтлѣть. Небо проясняется. Тутъ куда-то унеслись, и солнце брызжетъ яркимъ свѣтомъ на мутно-зеленыя волны, на нашего „Варяга“, идущаго навстрѣчу „сынамъ Эгира“, на цѣлую стаю яхтъ, своими высокими парусами и стройными движеніями напоминающихъ опускавшихся на воду гигантскихъ чаекъ. Всѣ мчатся впередъ, на встрѣчу гостямъ. Только парѣдка промелькнетъ грозный силуэтъ громадной морской купеческой пароходы, направленной въ морской каналъ. Мы идемъ скорымъ ходомъ. Вотъ уже снова занеслись на зеленомъ фонѣ дѣсятыхъ береговъ лонки. Слева — Стрѣльня, за ней новый жилой оазисъ — Петергофъ, Ораниенбаумъ. Глазъ окидываетъ это мигомъ, а вѣдъ между ними цѣлыя версты. А вонъ прямо уже видѣются очертанія Кронштадта. Впереди грозный полукругъ опоясывающихъ его фортовъ. Издали ихъ можно принять за корабль безъ мачтъ. Въ яркихъ лучахъ солнца видны ихъ очертанія, еле воздымающіяся надъ водой. За ними наша твердыня. Гавань, уставленная судами, мрачная черная стѣнка набережной, усеянная огромными, аршинными „номерами“.

Здѣсь вода уже тише. Чуть-чуть рибить гладь залива, пѣжащагося подъ жгучими ласками подымающагося солнца. Тутъ уже жизнь въ полномъ разгарѣ. Катера брандвахты бороздятъ волны и слѣдятъ за пришельцами. Намъ приказываютъ свернуть съ фарватера. Повинуемся и въ почтительно отдаленіи проходимъ мимо разукрашенной Императорской яхты „Штандартъ“. Она стоитъ ближе всѣхъ, слева у военной гавани. Она — исходный, главный пунктъ диспозиціи судовъ русской и германской эскадры. Изящная, стройная, она вся горитъ на солнцѣ своими золотыми украшеніями. Мы подвигаемся далѣе къ Кронштаду, затѣмъ на западъ и выходимъ на рейдъ. Предъ нами вырастаетъ цѣлая эскадра нашихъ броненосцевъ, выстроившихся для встрѣчи своихъ нѣмецкихъ собратьевъ. Ближе къ форту Павла и батареи № 3 стоитъ миноносецъ „Соколъ“, знаменитый своей быстротой, за нимъ три славнѣйшихъ русскихъ адмирала, — броненосцы береговой обороны „Адмиралъ Спиридовъ“, „Адмиралъ Ушаковъ“ и „Адмиралъ Сенявинъ“, — встрѣчающіе новаго русскаго адмирала — Вильгельма II Гогенцоллерна; за бочками, противъ форта „Константия“ — высится колоссальный, крупнѣйшій нашъ эскадренный броненосецъ „Петръ Великій“, а наискосокъ отъ него — крупнѣйшій русскій крейсеръ, гордость и краса нашего флота, „Россия“, недавно привѣтствовавшій англійскую королеву по поводу ея юбилея, а теперь встрѣчающій ея державнаго внука; на „Росіи“ поднятъ флагъ начальника эскадры; замыкаетъ рядъ броненосный крейсеръ „Герцогъ Эдинбургскій“. Все принаряжается и прихорашивается. Небо уже приукрашено по праздничному. Все заголубѣло. Понемногу „царская“ погода. Пестрые флажки, унизавшіе рен военныхъ кораблей и цѣлой флотилии принарядившихся частныхъ пароходовъ и яхтъ, ярко вырываются на залитой солнцемъ голубой равнинѣ водъ. Рейдъ ставовится все оживленнѣе. Мы идемъ далѣе, къ Толбухиному маяку, бѣлющему паздали своей внушительной башней. За нами уже идетъ нѣсколько пароходовъ, бѣгомъ набитыхъ публикой.

Взгляды всѣхъ устремлены въ одну сторону, на то мѣсто горивота, гдѣ видѣется рядъ дымаковъ. Постепенно эти дымки разсѣиваются, и глазъ, въ бинокль, начинаетъ различать какую-то бѣлую сверкающую точку. Точка быстро растетъ, подъ залпъ пушечныхъ выстрѣловъ. Это привѣтственный салютъ съ одной изъ кронштадтскихъ стѣнокъ. Смотримъ на часы — ровно 11 часовъ. Какая замечательная точность. За тысячи версты, за нѣсколько дней пути впередъ назначенъ часъ прибытія, и ничто не могло нарушить по заслугамъ прославленной „нѣмецкой аккуратности“.

Вотъ уже виденъ огромный бѣлый корпусъ передового судна, а за нимъ мачты. Флотъ подвигается мѣрно, торжественно. Точно сталъ мощнымъ лебедь, вытянувшись въ стройный рядъ, другъ за другомъ. Сбоку впереди выдвигается одно бѣлое судно, а остальные, тоже ослѣнительно бѣлые, окутанныя легкой воздушной дымкой, слились въ одно цѣлое, стройное, воздушное. Это было какое-то фантастическое зрѣлище, котораго не можетъ передать перо. Это подъ силу только кисти, и то — большого художника, „поэта моря“, который могъ бы передать это соединеніе яркаго солнца, заливающаго всю водную ширь, съ вознесенностью воздушной перекантывы. Это была дивная поэма, свѣтлый, радостный, мощный, боевой гимнъ Эгиру, властителю морей, подъ звуки пушекъ, главнаго инструмента боевого оркестра.

Вотъ уже видны очертанія всѣхъ десяти морскихъ колосовъ. Впереди императорская яхта „Гогенцоллернъ“ съ развѣвающимися вверху германскимъ императорскимъ штандартомъ съ одноглавымъ орломъ на желтомъ полѣ. Громадная, вся бѣлая, стройная, несмотря на свои огромные размеры, она мѣрно проходитъ на рейдъ подъ привѣтственное „ура“ и „hoch“ многихъ тысячъ голосовъ. Навстрѣчу несутся торжественные звуки національнаго германскаго гимна. Всѣ машутъ платками, снимаютъ шляпы. Всѣ взоры ширятъ на яхтѣ царственныхъ гостей, и больше угадываютъ, чѣмъ видятъ, на верхнемъ мостикѣ, одиноко стоящую, стройную фигуру императора Вильгельма, въ бѣлой фуражкѣ. За „Гогенцоллерномъ“, сопровождаемымъ чернымъ миноносцемъ S 120, идетъ такой же ослѣпительно бѣлый колосъ — крейсеръ „Гедіонъ“ (рис. на стр. 737). Въ равномъ же другъ отъ друга разстояніи слѣдуютъ затѣмъ броненосцы, всѣ окрашенные въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ: „Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ“, „Кёнигъ-Вильгельмъ“ подъ флагомъ начальника всей эскадры контръ-адмирала принца Генриха русскаго, Августѣйшаго брата императора; этотъ громадный крейсеръ, очень глубоко сидящій, не могъ сопустествовать эскадрѣ до самаго Кронштадта и долженъ былъ стать на якорь у Толбухиной маяка. За нимъ прошли впередъ броненосцы „Бранденбургъ“, „Вертъ“, „Вейсенбургъ“, „Саксенъ“, „Вюртембергъ“. Ведѣтъ за тѣмъ на бакбордѣ шли авизо „Ягдъ“ и „Грейфъ“. Всѣхъ ихъ, каждаго въ отдѣльности, встрѣчали шумными привѣтствіями со всѣхъ собравшихся вокругъ пароходовъ и яхтъ, и со всѣхъ отвѣчали и офицеры, и экипажи. Выстроенная у бортовъ команда восторженно махала шапками и платками, офицеры снимали свои черныя треуголки, изъ всѣхъ оконъ высовывались бравыя лица матросовъ, даже въ отверстияхъ, изъ которыхъ грозно торчатъ пушечныя жерла, весело выглядывали головы въ бѣлыхъ матросскихъ шапкахъ съ золотыми литерами. На всѣхъ германскихъ судахъ развѣвались русскіе флаги, на русскихъ подіяты были германскіе. „Россия“ отъ лица всей Россіи первая салоговала вѣнчаннымъ гостямъ и всей германской эскадрѣ; ей уже затворили орудія съ другихъ нашихъ броненосцевъ, фортовъ, съ крѣпости. Звукъ русскаго и германскаго національныхъ гимновъ слился съ выстрѣлами пушекъ, съ кликами и громовыми раскатами „ура“ и „hoch“. Все вдругъ заволокло дымомъ. На салюты отвѣчали салютами, и вся грандиозная картина скрылась изъ виду. Когда пронесло „Гогенцоллернъ“, въ сопровожденіи державшагося отъ него въ почтительно разстояніи крейсера „Гедіонъ“, отдѣлился уже отъ эскадры и направился на малый рейдъ, поближе къ яхтѣ „Штандартъ“. Остальные суда выстроились и стали бросать якорь близъ форта „Константия“. „Вюртембергъ“ и „Грейфъ“ — ближе къ стѣнкѣ коммерческой гавани, остальные, начиная съ „Саксенъ“ и „Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ“ — въ порядкѣ слѣдованія, имѣя на самомъ краю вдаль „Кёнигъ-Вильгельма“. Противъ нихъ, близъ форта Павла — всѣ восемь нашихъ, имѣя на самомъ дальнемъ краю крейсеръ „Азія“, выходившіе встрѣчать царственныхъ гостей въ открытое море еще наканунѣ и сопровождавшій эскадру изъ Голланда.

Въ гостяхъ у гостей.

Но вотъ облака дыма разсѣлились, салюты смолкли. Направляемся поближе къ гостямъ. Тихо покачиваемся у одного изъ самыхъ крупнѣйшихъ морскихъ гигантовъ. Господи, какимъ впечатлѣніемъ кажется въ сравненіи съ этимъ мощнымъ „Курфюрстомъ Фридрихъ-Вильгельмомъ“ нашъ маленький „Варягъ“. Представьте себѣ гиганта футомъ въ 400 длинны и болѣе 60 — ширины. Вышина страннѣйшая; навѣрное 20 футомъ будетъ въ одной надводной части (рис. на стр. 741). На насъ устремлены, по крайней мѣрѣ, тысячъ глазъ. Нѣсколько военныхъ, находившихся въ нашей средѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе офицеровъ и матросовъ. У насъ созрѣваетъ мысль — попросить разрѣшенія осмотрѣть броненосецъ. Строимъ изъ рукъ рупоръ и высказываемъ это прямо одному изъ офицеровъ броненосца. Тотъ нѣмолгу печезаетъ, чтобы испросить разрѣшенія у старшаго офицера (командира, вице-адмирала Томсена вѣтъ, — онъ только что отпавился въ свѣтъ императора въ Петергофѣ), и возвращается съ довольнымъ и привѣтливымъ лицомъ. Разрѣшено. Мы подчаливаемъ. Великолѣпно устроеныя трапы съ высокой массивной, неподвижной дѣстицей. Высадиться могутъ свободно даже дѣти. Подымаемся наверхъ.

Работа еще кинитъ. Шутка сказать, только что пришли съ императоромъ. Можно представить себѣ, какъ у всѣхъ, начиная съ адмирала до послѣдняго матроса, напряжены нервы. Часть команды занята спускомъ якоря, другая несетъ разную постовую службу, а остальные, свободные, все еще возбужденно настроены и отъ встрѣчи, и отъ сознанія, что находится въ Россіи, про которую столько слышали и которую такъ мало знаютъ. Мы первые русскіе, вступившіе къ нимъ на судно, а потому они очень внимательно на насъ смотрятъ, но этотъ интересъ — очень сдержанный, не выдаваемый ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ. Его видны только во взорахъ, которыми они въ первый минуты насъ окидываютъ. Услышавъ отъ насъ нѣмеккую рѣчь, они перестаютъ уже интересоваться нами, какъ русскими диковинками. Офицеръ въ черной съ золотомъ

треугольѣ, въ черномъ мундирѣ съ золотыми широкими лампасами, прелюбезно предлагаетъ намъ разбиться на группы по 2—3 человѣка и дать каждой группѣ по матросу для объясненій.

Пускаемся въ обходъ. Первымъ дѣломъ, понятно, показывается опъ намъ главное — пушки. Много этихъ губительныхъ чудовищъ разбросано по судну, начиная съ огромныхъ пушекъ чуть ли не въ ростъ человѣческой вышины и кончая небольшими сравнительно — скорострѣльными. Мы насчитали около тридцати. На всѣхъ нихъ значится имя эссенскаго митротворца: „Фр. Крупнъ. Эссенъ“. Кто не знаетъ этого главнѣйшаго придворнаго поставщика монарховъ всего міра? Всѣ пушки, какъ и весь броненосецъ, окрашены въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Это придаетъ имъ болѣе радостный видъ, если только можно соединить слово радость съ понятіемъ о пушкѣ. Спускаемся по широкой лѣстницѣ съ двумя бѣлыми пеньковыми канатами вѣсто перилъ внизъ. Тутъ еще рядъ пушекъ. Затѣмъ рядъ торпедометателей — ихъ семь. Сбоку цѣлое отдѣленіе, гдѣ хранятся эти убійственные блестящіе стальные снаряды. Посреди ихъ на каждомъ наклеена широкая полоса какой-то свѣтлой матеріи съ чернымъ германскимъ орломъ. По объясненію матроса, подъ этимъ орломъ скрывается какой-то секретъ механизма. Стоитъ каждое такое торпедо около 18,000 марокъ. Можно себѣ представить, какъ осторожны господу торпедометатели. Дальше на одномъ изъ бортовъ привѣшенъ интересный снасательный снарядъ. Цѣлая система металлическихъ стержней; къ нимъ привѣшенъ красный спасательный кругъ съ сѣткой, а съ другой стороны прикрѣпленъ фонарь. Когда раздается вѣдругъ крикъ: „Человѣкъ за бортомъ“, мигомъ отворяется одинъ лишь крючокъ, и весь аппаратъ падаетъ внизъ въ воду, силою своей тяжести. При этомъ, во время паденія, отрывается веревка, и автоматически зажигается огонь, который не тухнетъ отъ воды.

Затѣмъ, осмотрѣвъ помѣщеніе офицеровъ, — у каждого своя каюта, — каютъ-компанію и офицерскую кухню, мы направились въ помѣщеніе матросовъ. Тутъ ихъ и спалня, и столовая. Въ это время насталъ какъ разъ часъ завтрака или, вѣроятно же всего, обѣда. Мигомъ снуены были съ потолка прикрѣпленные къ нему металлическія транеціи со вставляющимися въ нихъ деревянными досками, — получились длинные обѣденные столы, за которые усажены на такого же рода скамейкахъ матросы. У каждого въ рукахъ металлическія, новинному, мѣдные, миски. Въ нихъ былъ картофель въ „мундирѣ“. Одинъ чистилъ его, другіе ѣли прямо съ кожурой.

Тутъ же въ длинныхъ коридорахъ вдоль стѣнъ обратили мы вниманіе на цѣлый рядъ высокихъ, узкихъ, деревянныхъ ящичковъ, съ привѣшенными на каждомъ замками. На каждомъ ящичкѣ вырѣзана фамилія. Матросъ объяснилъ намъ, что это гардеробные шкафы команды. Здѣсь у каждого хранится по три сѣмьи. Надъ этими ящичками лежитъ у каждого по маленькому ящичку — тамъ хранятся мыло, зубная щетка, гребенка и прочія туалетныя принадлежности. При насъ одинъ изъ матросовъ открылъ свой ящичекъ. Онъ доставалъ себѣ табакъ. Мы полюбопытствовали заглянуть. На внутренней дверцѣ — прекрасный хромолитографическій портретъ императора Вильгельма и гектографированный списокъ вещей. Матросикъ досталъ себѣ изъ коробочки листовъ напирсной бумаги и табакъ, свернулъ, взявъ машинку и мигомъ набилъ себѣ напирсу.

Всюду, гдѣ мы ни проходили, мы наткнулись на дверь съ надписью: Schott 93, Schott 48 и т. д. Оказывается, это — такъ называемыя непроницаемыя для воды переборки. Ихъ цѣлыхъ 120 штукъ.

Заинтересовавшись обѣдомъ матросовъ, заглянули мы и въ ихъ кухню. Чистота поразительная. Два огромныхъ мѣдныхъ котла; въ одномъ варился картофель, въ другомъ супъ и мясо. Чтобы посмотреть продовольствіе экипажа, мы спустились въ самый низъ — въ кладовую. Цѣлыя горы ящичковъ съ провизіей, съ консервами, а вверху подвѣшены ряды окороковъ. Тутъ же мѣшки съ бисквитами-сухарями. Одинъ такой бисквитъ намъ чичероне предложилъ даже намъ въ видѣ сувенира. Это круглая лепешка, толстая и очень твердая. Бѣтъ ее можно не пнать, какъ размочивъ раньше въ водѣ или чаѣ. Есть и запасъ „пигія“ — вина и пива.

Мы были тутъ въ самомъ низу судна. Матросъ отодвинулъ въ углу рѣшетку и, дотронувшись ногой, показалъ намъ дно судна. — „Знаете, на какой мы глубинѣ теперь находимся?“ — спросилъ меня матросъ и тутъ же отвѣтилъ: — „На глубинѣ почти семи метровъ подъ водою“.

Значительную часть корпуса занимаетъ машинное отдѣленіе. Огромныя машины — въ 10,228 индикаторныхъ силъ. Судно легко развиваетъ 16 узловъ въ часъ. Зато и жара же въ этомъ „желудкѣ“ броненосца — нестерпимая. Мы побывали въ немъ вездѣ, спускались всюду, вплоть до самыхъ котловъ, гдѣ температура доходитъ до 50°. Неудивительно, что бѣдвагичкогары и машинисты не могутъ тамъ пробить долѣе часа-двухъ безъ того, чтобы не подняться наверхъ и освѣжиться. Для освѣженія ихъ имѣется особое помѣщеніе. Тамъ совершенно прохладно, и они, раздѣваясь до гола, купаются.

Когда мы выбрались наверхъ, на палубу, — мы вздохнули съ большимъ облегченіемъ. Затѣмъ матросъ повелъ насъ и послѣ-

залъ на палубѣ роскошные апартаменты адмирала, потомъ еще цѣлый ассортиментъ крупновекшихъ яхтъ и, наконецъ, убѣдившись въ нашей неумолимости и неустрашимости, предложилъ намъ подняться внутрь одной изъ высшихъ на палубѣ орудейныхъ башенъ. Но тутъ онъ какъ разъ ошибся, — увидя до вѣвротія узкую лѣстницу, мы благообразно ретировались, повѣривъ ему на слово, что отсюда открывается чудный видъ. Не знаю, какой видъ былъ у насъ въ ту минуту, но матросъ замолкъ и этимъ счелъ свои обязанности выполненными. Мы горячо поблагодарили его и радушнаго офицера. При нашемъ обходѣ броненосца многіе матросы разспрашивали у насъ, когда идетъ пароходъ въ Петербургъ. Имъ страшно хотѣлось скорѣе его увидѣть.

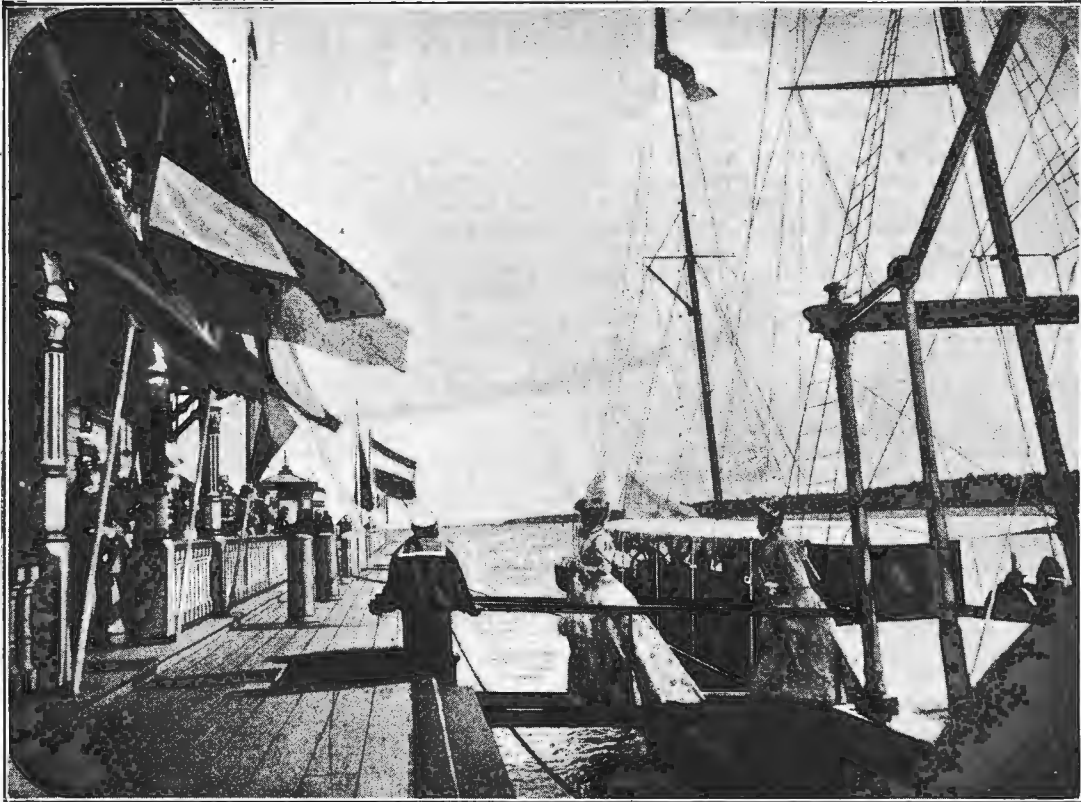
Офицеръ предупредительно подалъ знакъ нашему пароходу, стоявшему скромно издали, чтобы не мѣшать ежеминутно прибывающимъ къ броненосцу русскимъ и нѣмецкимъ катерамъ. При каждомъ такомъ прибытіи раздавался тонкій протяжный звукъ свистка. Это свистѣлъ въ какую-то блестящую свистульку одинъ изъ матросовъ. Но вотъ уже подошелъ къ трапу нашъ „Варягъ“, и мы, сердечно и глубоко растроганные въ высшей степени радушнымъ приемомъ, оказаннымъ намъ всѣмъ этимъ „населеннымъ имѣніемъ“ Германіи въ 552 души матросовъ, подъ командой ихъ радушныхъ и въ высшей степени любезныхъ офицеровъ, покинули бортъ „Курфюрста Фридриха-Вильгельма“. Мы были первыми гостями у нашихъ гостей и увѣрены, что тѣ же отрадныя чувства унесли съ собой съ борта терманскихъ броненосцевъ и всѣ послѣдующіе русскіе гости.

Польщенные этимъ приемомъ германскихъ моряковъ, мы рѣшили уже прямо отъ нихъ отправиться въ гости къ ихъ верховному повелителю.

Тихо, почтительно подошли мы къ „Гогенцоллерну“, стоявшему ближе всѣхъ судовъ къ Петербургу, по направленію къ Морскому каналу (рис. на стр. 737). Поравнявшись съ излучиной, блестящими на солнцѣ сходами, мы выразили желаніе осмотрѣть яхту. Офицеръ, окруженный матросами, выслушалъ насъ и сейчасъ же направился къ начальству за разрѣшеніемъ для насъ. Мы были убѣждены, что намъ будетъ позволено войти на яхту. Мы хорошо помнили слова императора Вильгельма, сказанныя имъ еще въ 1888 г., въ первый прѣздъ его въ Петербургъ. На вопросъ графа Герберта Бисмарка, разрѣшаетъ ли императоръ публичнѣе осмотрѣть „Гогенцоллернъ“, онъ горделиво отвѣтилъ: „Понятно. Вы знаете, что Гогенцоллерны никогда никому не отказывали въ гостеприимствѣ“. Насъ смущало только то, что мы явились сейчасъ же по отвѣдѣ императора, когда на яхтѣ еще не успѣли, такъ сказать, прибраться. Но долго раздумывать намъ не пришлось, — офицеръ уже явился съ разрѣшеніемъ и любезно приглашалъ подняться.

Всходимъ по трапу. Насъ встрѣчаетъ цѣлая шеренга матросовъ съ офицерами во главѣ. На головѣ его уже не треугольная шляпа, какъ у офицера на „Курфюрстѣ Фридриха-Вильгельма“, а черная фуражка съ германскимъ императорскимъ орломъ въ видѣ кокарды. Какъ и на броненосцѣ, онъ даетъ намъ въ чичероне матросовъ. Нашъ матросъ, бѣлокурый, статный красавецъ, съ изящно подстриженной остримъ клиншхомъ бородкой, въ бѣломъ матросскомъ костюмѣ, ведетъ насъ прямо по палубѣ. Это терраса для прогулокъ. Цѣлый просектъ. Достаточно сказать, что вся длина „Гогенцоллерна“ по ватеръ-линии — 82 метра, а ширина — 10½. Все кругомъ блестяще бѣлзной. У самаго входа на верхъ — четыре огромныхъ рулевыхъ колеса, бѣлыхъ, унизанныхъ вокругъ золотыми и черными орлами. „Это только для красы“, — объясняетъ намъ матросъ. Дѣлаемъ нѣсколько шаговъ. Передъ нами стеклянный потолокъ машиннаго отдѣленія. Заглядываемъ туда внизъ. Глобокружительная глубина. Два огромныхъ цилиндра. Эти гиганты развиваютъ 9,000 индикаторныхъ силъ, дающихъ яхтѣ скорость въ 20 съ лишнимъ узловъ въ часъ. Слѣва, вдоль борта устроена маленькая полукруглая веранда. Мягкій диванчикъ. Уютный уголокъ, защищенный отъ стихій — и отъ солнца, и отъ вѣтра.

Проходимъ по палубѣ дальше. Рубка. Императорская столовая. По стѣнамъ картины — морскіе виды главнымъ образомъ. Изящная свѣтлая мебельровка. Посрединѣ, въ длину три отдѣльныхъ стола, покрытыхъ темно-синей скатертью. На одномъ изъ нихъ — еще не убранъ кусочекъ блага хлѣба и недопитый стаканъ вина. Всюду чувствуется, что здѣсь только что былъ императоръ. Вотъ на корнѣ маленькій рабочий кабинетъ императора. Тутъ лежатъ еще даже его морская фуражка, подозрательная труба. Бланки съ конвертами для императорскихъ телеграммъ. Тутъ же аппаратъ для управленія всѣмъ судномъ. Онъ соединенъ электрическими проводами со всѣми машинами. Здѣсь же рядомъ ящички съ алфавитами условныхъ знаковъ, сигналовъ, которыми переговариваются другъ съ другомъ суда. Подъѣзжая къ „Гогенцоллерну“, мы видѣли, какъ два громадныхъ броненосца бесѣдовали другъ съ другомъ. У каждого на вышнѣ стоялъ матросъ съ двумя флагами и продѣлывалъ ими всевозможныя движенія. Но вытгивалъ обѣ руки, то подымалъ одну и опускалъ другую, то подымалъ обѣ. Минуты двѣ говорилъ онъ на своемъ нѣмомъ языкѣ. Но товарищъ съ другого броненосца, очевидно, повилъ его. Онъ

Прибытие Их Величествъ въ Петергофъ. Переходъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны и императрицы германской съ яхты «Александрія» на Царскую пристань. Съ фот. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія «Нива».

сталъ махать ему въ отвѣтъ. У второго, однако, это не вышло такъ красиво, знаки не были такъ отчетливы. Беседа длилась еще долго.

Но продолжаемъ путь по «Гогенцоллерну» все въ томъ же восхищеніи. Если на броненосцѣ мы восторгались замѣчательной чистотой и внушительностью орудій, то тутъ прямо изумляешься этой поразительной красотѣ и вышнему, и внутреннему убранству, изящной простотѣ, ласкающей глазъ. Всюду только свѣтлые тона. Вонъ даже стропила, скорострѣльные крупновекія пушечки, и тѣ такія изящныя, бѣленькія. И даже спереди жерло заткнуто краснымъ шнуромъ съ кисточкой.

Спускаемся внизъ. Почти вдоль всего судна тянется коридоръ съ каютами для приближенныхъ и свиты императора. По вѣсьмъ стѣнамъ развѣшаны картины съ изображеніемъ морскихъ судовъ. Надъ каждой дверью написана фамилія. Тутъ же комната секретари императора. На столѣ вѣнецкія газеты отъ 1-го августа и цѣлый рядъ брошюръ. На самомъ верху тоненькая брошюрка, посвященная прославленію памяти императора Вильгельма I. Это все еще отголоски недавняго 100-лѣтняго юбилея. Въ память его у большинства матросовъ на «Гогенцоллернѣ» виситъ на груди большая бронзовая золоченая медаль съ портретомъ великаго создателя имперіи.

Интересное мѣсто для сбора пожертвований!

Прощаемся и спускаемся внизъ на свой пароходъ. Весело, привѣтливо машутъ намъ съ «Гогенцоллерна» на прощаніе матросы и офицеры, мы отвѣчаемъ имъ сердечнымъ, раскатистымъ «спасибо» и мчимся назадъ въ Петербургъ, мимо расцвѣтываюся флагами, праздничнаго Петергофа. Противъ теченія пароходъ идетъ ту же, да и мы стали тяжелѣе. Такая масса впечатлѣній. Трудно даже сразу разобраться въ нихъ.

Далѣе—каюты—компанія офицеровъ. Когда мы вошли, въ ней сидѣли два офицера. Одинъ германскій, другой русскій,—очевидно явившіяся провѣдать своего знакомаго собрата. Слышны французская рѣчь.

Зашли въ концѣ на императорскую кухню. Огромная плита, вверху вся выложенная фарфоровыми плитками. Тутъ же посуда императорская. Изящный поварь, замѣтивъ нашъ взглядъ, остановившіяся на посудѣ, предупредительно показываетъ намъ тарелку. Совершенно бѣлая, съ небольшимъ чернымъ пятномъ посреди, вокругъ которого внутри тянется надпись: «Honny soit, qui mal y pense». Наверху—инициалы императора.

Направляемся обратно наверхъ. Проходя по палубѣ, замѣчаемъ привѣщенную на вышней стѣнѣ императорской столовой крохотную бѣлую лодку—кружку съ надписью: «въ пользу бѣдныхъ моряковъ». Интересное мѣсто для сбора пожертвований!

Прибытие Их Величествъ въ Петергофъ. Отъездъ Государя Императора и императора Вильгельма съ Царской пристани въ Большой Петергофскій Дворецъ. Съ фот. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія «Нива».

Испытываемъ бодрѣющее чувство довольства и въ то же время утомленіе. Десять часовъ, проведенныхъ на водѣ, на свѣжѣи морскогъ воздухѣ, — даютъ себя знать. Собственно это даже не утомленіе, а просто результатъ быстрой смѣны сильныхъ впечатлѣній.

Въ 6-мъ часу причаливаемъ къ Николаевской набережной. Весь городъ уже ликуетъ. Весь убранный по праздничному. Опъ ждетъ завтрашняго прѣзда монарха и его вѣнценосной супруги.

И. Э—нъ.

Поэтичный, блестящій царственный и роскошью Петергофъ къ торжественному дню встрѣчи Августѣйшихъ Гостей принялъ совершенно праздничный видъ. Повсюду среди изумрудной листвы его раскинулись въѣзжихъ деревьевъ, воздымались колоннады, обелиски, высокія изящныя мачты съ германскими гербами и развѣвающимися флагами. На каждомъ шагу возвышались императорскіе германскіе гербы. Передъ пристанью, почти въ уровень съ вершинами деревьевъ, воздымалась воздвигнутая въ честь германской императорской четы громадная триумфальная арка (рис. на стр. 744а). Подъ сводами ея распростерты германскій гербъ, увѣнчивающій художественно выполненный вѣнзель Ихъ Величества. Огромныя инициалы „А W“ связываютъ внизу дубовыя, пальмовыя и лавровыя вѣтви. На другой сторонѣ арки среди художественныхъ декораций, изображающихъ древнегерманскіе рыцарскіе доспѣхи, подъ такимъ же, какъ на той сторонѣ, изящнымъ вѣнзелемъ и золотымъ орломъ красуется надпись: „Imperatore Regi salve Wilgelmo secundo“. Военная пристань и прилегающія къ ней дамбы утопали во множествѣ флаговъ и русскихъ, и германскихъ. Въ 11 час. 10 м. Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна изволили прибыть на военную пристань и перейти на Императорскую яхту „Александрія“, на которой зависла русскій Императорскій штандартъ. Въ 11 час. 15 мин.

Германскій императоръ Вильгельмъ въ сопровожденіи императрицы Августы-Викторіи и принца Генриха прусскаго, возлагаетъ вѣнокъ на гробницу императора Александра III, въ Петропавловскомъ соборѣ. Ориг. рис. (собств. „Нива“) В. А. Табурина, автогитія „Нива“.

Императорская яхта отошла отъ Императорской пристани и направилась на кронштадтскій рейдъ. Ихъ Величества сопровождали: Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ великій князь Алексѣй Александровичъ, Августѣйшій дежурный флигель-адъютантъ великій князь Сергій Михайловичъ и много численная свита. Его Величество Государь Императоръ и Его Высочество Генералъ-Адмиралъ были въ германскихъ флотскихъ мундирахъ.

За „Александріей“ отошла на кронштадтскій рейдъ яхта Генералъ-Адмирала „Стрѣла“ и Императорская яхта „Маревъ“.

Прошло нѣсколько минутъ, и вдали ясно обрисовались суда германской эскадры. Впереди всѣхъ двигалась собственная яхта императора Вильгельма „Гогенцоллернъ“. Надъ бѣлымъ корпусомъ ея, съ золочеными украшениями, воздымаются двѣ широкія желтыя трубы и три мачты. На верхнемъ мостикѣ виднѣлась

Германскій боененосецъ «Курфюрстъ Филиппъ-Вильгельмъ»

фигура самого императора Вильгельма. Непосредственно за императорскою яхтою слѣдовалъ крейсеръ „Гефюнъ“. Громкіе клики „ура“ и звуки германскаго гимна съ цѣлой флотиліи русскихъ частныхъ и казенныхъ судовъ привѣтствовали Высочайшаго Гостя. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ на привѣтствіи отданіемъ чести.

Проѣзжая подъ громъ салютовъ мимо стоявшей на якорѣ Императорской яхты „Штандартъ“, императоръ Вильгельмъ по-русски поздоровался съ командой ея. Обогнувъ яхту „Штандартъ“, „Гогенцоллернъ“ дѣлаетъ поворотъ къ югу и, подойдя къ только что пришедшей изъ Петергофа Императорской яхтѣ „Александрія“, спускаетъ противъ нея якорь. Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ изволили сойти съ яхты „Александрія“ на снѣгъ гребной 18-ти-весельной катеръ Его Величества, на флагштокѣ котораго моментально поднялся Императорскій штандартъ.

При звукахъ русскаго и германскаго гимновъ, исполнявшихся на пароходахъ, и крикахъ „hoch“ и „ура“, Ихъ Величества, приблизившись къ правому трапу „Гогенцоллерна“, устланному бархатнымъ ковромъ, изволили подняться по трапу. Навстрѣчу Ихъ Величествамъ спустились до площадки германскіе императоръ и императрица.

Встрѣча Ихъ Величествъ Государыни Императрицы и германской императрицы носила самый сердечный характеръ. Императоръ Вильгельмъ II спустился нѣсколько ступеней ниже для встрѣчи Его Величества и трижды облобызался съ Государемъ Императоромъ и поздоровался съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, послѣ чего Ихъ Величества и великій князь Алексѣй Александровичъ поднялись по трапу опять на „Гогенцоллернъ“, гдѣ германскій императоръ и германская императрица представили Ихъ Величествамъ лицъ своей свиты и поздоровались съ прибывшимъ на гребномъ же катерѣ Его Величества германскимъ посломъ свѣтлѣйшимъ княземъ Радолинимъ. Его Величество Государь Императоръ изволилъ здороваться съ командой „Гогенцоллерна“.

Въ 2 ч. 15 мин. пополудни Ихъ Величества и Августѣйшіе Гости сошли съ „Гогенцоллерна“ на Императорскій гребной катеръ и направились къ яхтѣ „Александрія“. Съ „Гогенцоллерна“ раздались восторженные крики „hoch!“, а съ крейсера „Гефюнъ“, вставшаго между яхтами „Штандартъ“ и „Гогенцоллернъ“, послышался грохотъ оружейнаго салюта.

По прибытіи на яхту „Александрія“, Государь Императоръ сообщилъ императору Вильгельму о назначеніи его русскимъ адмираломъ и въ то же время вручилъ ему шелковый адмиральскій флагъ и адмиральскій патентъ, послѣ чего русскія суда, по повелѣнію Его Величества, салютовали въ честь новаго русскаго адмирала. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ представить Высочайшимъ Гостямъ сопровождавшей Его Величество свиты.

При громкихъ крикахъ „ура“ со сгруппировавшихся вокругъ яхты пароходовъ съ публикой, яхта „Александрія“ выслась съ якоря и направились въ Петергофъ. На Царской пристани въ Петергофѣ прибытіи Высочайшихъ Особъ уже ожидали Члены Императорской Фамиліи и многочисленная свита. Когда „Александрія“ подошла къ берегу, оркестръ почетнаго караула заигралъ германскій гимнъ. Ихъ Величества сошли на пристань (рис. на стр. 740). Императоръ Вильгельмъ обошелъ караулъ, вмѣстѣ съ Государемъ, здоровался съ карауломъ и прицѣлъ ординарцевъ, послѣ чего караулъ подъ звуки музыки прошелъ церемониальнымъ маршемъ.

Начался отъѣздъ съ пристани въ Большой Петергофскій дворецъ. Въ первомъ экипажѣ съ русской запряжкой германскій императоръ занялъ мѣсто съ правой стороны Его Величества (рис. на стр. 740). Во второмъ экипажѣ, четверкою лошадей цугомъ (съ жокеемъ), заняли мѣста Ихъ Величества Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и по правую руку Государыни—императрица германская. Въ третьемъ экипажѣ слѣдовали Ихъ Императорскія Высочества великій князь Владиміръ Александровичъ и принцъ Генрихъ прусскій. При входѣ во дворецъ Ихъ Величества были встрѣчены управляющимъ министерствомъ Императорскаго Двора ген.-ад. барономъ В. Б. Фредериксомъ и другими высшими чинами Двора. Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили проводить Своихъ Высочайшихъ Гостей до приготовленныхъ для нихъ покоевъ и удалиться затѣмъ въ Александрію.

Во второмъ часу, въ Бѣлой залѣ былъ поданъ фамиліальный завтракъ. Столъ былъ роскошно декорированъ цвѣтами, во время завтрака игралъ придворный хоръ музыкантовъ. Послѣ завтрака ихъ величества германскій императоръ и германская императрица дѣлали визиты и посѣтили Ихъ Величествъ въ Александрію.

26-го іюля, въ 7 часовъ вечера, въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ состоялся парадный отъѣздъ въ честь ихъ величествъ императора и императрицы германскихъ. Отъѣздъ былъ поданъ въ Петровскыи и Кунеческомъ залахъ. Высочайшій столъ былъ накрытъ покоемъ въ Петровскомъ залѣ на 65 человекъ. Въ центрѣ стола занимали мѣста Ихъ Величества Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и императрица германская, рядомъ съ императрицею германскою — Государь Императоръ, а съ Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною — императоръ германскій; затѣмъ ближайшіи мѣста къ Ихъ Величествамъ занимали великія княгини и княжны, великіе князья, лица свиты Ихъ Величествъ, высшіе чины Двора и сановники русскіе и германскіе и генералитетъ. Всего было приглашенныхъ около 200 человекъ. Высочайшій столъ былъ красиво убранъ живыми цвѣтами и сервированъ золотымъ сервизомъ. Предъ каждымъ куввертомъ лежали изящно отпечатанное меню и программа музыки, украшенные государственными гербами. Во время отъѣзда Государь Императоръ поднялъ бокалъ за здоровье Августѣйшихъ Гостей и обратился къ императору германскому со слѣдующими словами на французскомъ языкѣ:

„Присутствіе вашего величества и ея величества императрицы и королевы доставляетъ Мнѣ весьма большое удовольствіе и Мнѣ очень пріятно выразить вамъ Мою искреннюю признательность. Это новое доказательство связующихъ насъ традиціонныхъ узъ и установившихся добрыхъ отношеній между Нашими сосѣдними государствами служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоценнымъ залогомъ сохранения всеобщаго мира, — что является предметомъ Нашихъ постоянныхъ заботъ и самыхъ пламенныхъ желаній.“

„Я нѣю за здоровье его величества императора и короля Вильгельма, ея величества императрицы и королевы и всей августѣйшей семьи“.

Придворный оркестръ исполнилъ германскій гимнъ. Императоръ германскій сказалъ въ отвѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее:

„Ея величество императрица и я благодаримъ Ваше Величество отъ всей души за оказанный намъ сердечный и великодушный приемъ, а также за милостивыя слова, которыми Ваше Величество насъ такъ любезно привѣтствовали. Одновременно я желалъ бы принести Вашему Величеству мою особую, глубокую и радостную благодарность за новое, меня такъ поразившее отличіе, которое мнѣ оказали Ваше Величество зачисленіемъ меня въ списки доблестнаго флота Вашего Величества. Эта особая почесть оцѣнивается мною во всемъ ея значеніи и является въ то же время особымъ отличіемъ моему флоту. Я вижу въ назначеніи меня русскимъ адмираломъ не только почесть, оказанную моею особѣ, но и новое доказательство нашихъ традиціонныхъ и искреннихъ, основанныхъ на непоколебимой почвѣ отношеній, какъ личнымъ, такъ и нашихъ государствъ. Безповоротное рѣшеніе Вашего Величества сохранять непрежнему миръ на благо Вашего народа паходитъ и во мнѣ самый радостный откликъ.“

„Такимъ образомъ, слѣдуя по однимъ и тѣмъ же путямъ, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы подъ сѣнью мира вести наши народы къ культурному развитію. Съ полнымъ довѣріемъ могу и снова дать Вашему Величеству торжественное обѣщаніе—и этому, я знаю, сочувствуетъ весь мой народъ,— что въ великомъ дѣлѣ сохраненія народовъ мира и всѣми силами буду содѣйствовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку противъ всякаго, кто попытается помѣшать ему или нарушить его.“

„Нѣю за здоровье Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы“. (Послѣдняя фраза была сказана императоромъ по-русски.)

Оркестромъ былъ исполненъ русскій гимнъ. Послѣ отъѣзда ихъ величествамъ императору и императрицѣ германскимъ были представлены высшіе придворные военные и гражданскіе чины. Около девяти часовъ вечера Верхній садъ у дворца и весь Самсоневскій каналъ заблесталъ тысячами огней. Августѣйшіе Гости смотрѣли иллюминацію съ балкона дворца.

На другой день, 27-го іюля, въ девятомъ часу утра, у оконъ императора и императрицы германскихъ, въ Большомъ дворцѣ, была исполнена серенада. У дворца выстроился почетный караулъ л.-гв. с.-петербургскаго Фридриха-Вильгельма III короля прусскаго полка, имѣя на правомъ флангѣ командира полка. Ближе къ окнамъ сталъ военный оркестръ музыки полка. Оркестръ исполнилъ слѣдующія пьесы: „Ständchen“, Шуберта, „День въ Севильѣ“, вальсъ Вальдтейфеля, „Alla Stella confidente“, Рабуди и любимый германскаго императора старинный маршъ германской пѣхоты „Coburger Josias March“. Въ 9½ часовъ утра, императоръ и императрица на Императорской яхтѣ „Александрія“ отбыли изъ Петергофа въ С.-Петербургъ. Ихъ величествъ сопровождали лица германской свиты и назначенныя состоять при императорѣ и императрицѣ.

Послѣ отъѣзда ихъ императорскихъ величествъ, въ Кронштадтѣ отбылъ его высочество принцъ Генрихъ прусскій въ сопровожденіи состоящаго при немъ контръ-адмирала Палтова. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ, принцъ Генрихъ прусскій дѣлалъ въ Кронштадтѣ официальныя визиты высшимъ должностнымъ лицамъ Кронштадта, а затѣмъ проѣхалъ въ кронштадтское морское собраніе, гдѣ къ этому времени былъ сервированъ парадный завтракъ въ честь адмираловъ и офицеровъ германской эскадры. На завтракѣ присутствовало морское начальство, германскій адмиралъ Томсенъ, командиры и офицеры германскихъ судовъ.

Къ пріѣзду царственныхъ гостей наша столица принарядилась. Всѣ зданія богато разукрасились германскими и русскими

флагами; во многих окнах красовались бюсты их величества императора и императрицы германских. Многие дома были убраны вензелями с инициалами германской императорской четы. У Николаевского моста сооружены на средства столичного городского общественного управления мачты, на вершинах которых гербы с инициалами Их Императорских Величеств Всероссийских и германских. Вокзалы красиво украшены флагами, вензелями и двѣтнкою матерією.

Съ самаго ранняго утра набережная и Николаевскій мостъ стали переполняться публикою. Передъ Царскою пристанью стояли двѣ высокія мачты, увѣнчанныя русскими двуглавыми орлами. Съ нихъ ниспадали хоругви съ инициалами русскихъ и германскихъ Императоровъ и Императрицъ. Вся Нева была полна роскошно убраныхъ всевозможными двѣтными флагами судовъ. Передъ Царскою пристанью стало красивое учебное германское судно „Шарлотта“, богато украшенное сигнальными флагами (рис. на стр. 737). На палубѣ бѣлой линією вытянулась команда. На капитанскомъ мостикѣ стали командиръ г. Тиле и офицеры въ парадной формѣ. На стоявшихъ на Невѣ русскихъ военныхъ судахъ у бортовъ на палубѣ были выстроены команды и офицеры.

Въ 10 ч. 45 м. утра до военной пристани съ судовъ стали долетать восторженные клики „ура!“ На суднѣ „Шарлотта“ музыка заиграла германскій гимнъ и люди были посланы по реямъ и вантамъ (рис. на стр. 737). Когда яхта приблизилась къ пристани, музыка почетнаго караула заиграла германскій гимнъ, и солдаты взяли ружья на караулъ. Были положены сходы, у которыхъ сгруппировались всѣ собравшіеся для встрѣчи лица. Первой сошла съ яхты на пристань германская императрица Августа-Викторія. Послѣ встрѣчи городской голова г. с. В. А. Ратьковъ-Рожновъ, по выходѣ на пристань германскаго императора, сказалъ привѣтствіе на нѣмецкомъ языкѣ и поднесъ германской императрицѣ роскошный букетъ изъ розъ, перевязанный бѣлыми лентами съ вышитыми на нихъ гербами Петербурга.

Послѣ этого, с.-петербургскій градоначальникъ ген.-майоръ Н. В. Клейгельсъ подалъ германскому императору рапортъ. Принявъ рапортъ, императоръ Вильгельмъ подошелъ къ фронту почетнаго караула, гдѣ поздоровался съ военнымъ начальствомъ и принялъ рапортъ отъ начальника караула. Обходя фронтъ, его величество здоровался съ карауломъ и принималъ на лѣвомъ флангѣ ординарцевъ. Поблагодаривъ начальство и караулъ, ихъ императорскія величества сѣли въ открытый экипажъ и отбыли по набережной на Петербургскую Сторону въ Петропавловскую крѣпость. Набережная буквально утонала во флагахъ и гирляндахъ изъ зелени и представляла великолѣпную картину. По желанію Августѣйшихъ Гостей, ихъ экипажъ ѣхалъ по набережной шагомъ.

Къ одиннадцати часамъ утра ихъ императорскія величества прибыли въ Петропавловскую крѣпость. По пути къ собору были выстроены шпалерами войска нѣтнаго гарнизона. У входа въ соборъ германскаго императора съ императрицею встрѣтили комендантъ крѣпости генералъ-отъ-инфантерій Элиасъ. Войдя въ соборъ, ихъ величества прошли къ гробницѣ императора Александра III. Чины свиты германскаго императора подали его величеству два роскошныхъ вѣнка изъ бѣлыхъ розъ и орхидей, перевязанные бѣлыми лентами съ инициалами императора Вильгельма и императрицы Августы-Викторіи. Возложивъ вѣнки, германскій императоръ сталъ на колѣни и долго молился у гробницы Царя-Миротворца (рис. на стр. 741). Вслѣдъ затѣмъ ихъ величества поклонились гробницамъ императора Александра II и другихъ погребенныхъ въ храмѣ Особъ Императорской Фамиліи.

Осмотрѣвъ подробно соборъ, ихъ императорскія величества, поблагодаривъ коменданта и простившись съ нимъ, отбыли изъ Петропавловской крѣпости на Васильевскій Островъ въ Александровскій госпиталь германской колоніи.

По случаю торжественнаго дня освященія новаго большаго флагеля имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Александровскій госпиталь германской колоніи былъ нарядно убранъ флагами и зеленью. Въ саду при госпиталѣ были воздвигнуты мачты съ германскими флагами. Посрединѣ сада стояла мраморная статуя, изображающая Россію. Справа отъ нея былъ устроенъ алтарь лютеранскаго вѣроисповѣданія, покрытый изысканнымъ бѣлымъ шатромъ, украшеннымъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ (рис. на стр. 744). На вершинѣ блестящъ золоченый большой крестъ, съ верхней части спускалось широкое кружево. Противъ статуи Россіи подъ изысканнымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ четырьмя золотыми шпалерами, была устроена, утонившая въ тронической зелени и цвѣтахъ, Императорская ложа. Надъ нею красивой декоративной ниспадали изъ громадной германской короны флаги и гирлянда зелени; на этомъ художественно-красивомъ фонѣ выдѣлялся громадный германскій гербъ съ рельефнымъ одноглавымъ чернымъ орломъ. Садъ былъ переноснымъ приглашениемъ на торжество лицамъ. Справа отъ алтари стали члены германскаго общества хороваго пѣнія „Liedertafel“. Среди нихъ не мало прусскихъ бывшихъ офицеровъ, явившихся встрѣтить своего монарха въ военной формѣ. У статуи Россіи расположилась группа сиротъ—воспитанниковъ и воспитанницъ

„Александръ-Штифта“ германской колоніи. Справа отъ алтара была устроена красиво убранная ложа для высокопоставленныхъ дамъ. Внизу, по обѣ стороны Императорской ложи, члены германской колоніи.

Рано утромъ православное духовенство, въ присутствіи директора госпиталя, врачей и членовъ строительнаго комитетъ, совершило молебствіе, по окончаніи котораго новое зданіе было освящено св. водою.

Ихъ величества германскій императоръ и императрица прибыли въ госпиталь въ двѣнадцатомъ часу утра съ набережной, черезъ пясчную, воздвигнутую городомъ, арку изъ германскихъ и русскихъ національныхъ флаговъ и гербовъ. Надъ аркою на широкихъ голубыхъ лентахъ начертана была надпись: „Kaiser Wilhelm, hoch!“

При входѣ ихъ величества были встрѣчены директоромъ госпиталя докторомъ Морницомъ, врачами и правленіемъ германскаго благотворительнаго общества и прошли въ залъ, гдѣ православнымъ духовенствомъ было возглагошено и пропѣто имъ многолѣтіе. Послѣ этого Высокіе Гости прошли въ Императорскую ложу, куда также прибыли великій князь Михайлъ Николаевичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ М. Н. Муравьевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, почетный оекукъ ген.-лейт. В. В. Фольваль и другіе, а также свита германскаго императора во главѣ съ германскимъ имперскимъ канцлеромъ свѣтлѣйшимъ княземъ Готенлоэ-Шиллингерстономъ. Ту да же прошли германскій посолъ свѣтлѣйшій князь Радолинъ и баварскій посланникъ баронъ Гассеръ. По прибытіи ихъ величествъ, „Liedertafel“ сѣбло хоралъ; по окончаніи пѣнія патерь Петропавловской церкви Финдейзель, ставъ у алтари, сказалъ рѣчь, посвященную торжеству. Всѣ собравшіеся затѣмъ сѣли второй хоралъ. Императоръ вмѣстѣ со всѣми громко и лѣтвенно пропѣлъ хоралъ, держа передъ собой одинъ изъ розданныхъ всѣмъ присутствовавшимъ на торжествѣ листовъ съ текстомъ „Gemeindegcsang“. Затѣмъ пасторъ совершилъ литургію, закончившуюся благословеніемъ всѣхъ. По окончаніи литургіи общество „Liedertafel“ сѣбло духовный концертъ. Директоръ госпиталя докторъ Морницъ въ своей заключительной рѣчи нарисовалъ полную и яркую картину возникновенія и развитія госпиталя, а затѣмъ коснулся дѣлей, имъ преслѣдуемыхъ.

Этимъ закончилось торжество. Поблагодаривъ всѣхъ за пріемъ и простившись, ихъ императорскія величества въ 12 ч. 30 м. дня отбыли изъ госпиталя въ Зимній дворецъ. Отдохнувъ тамъ немного и перемѣнивъ туалеты, Августѣйшіе Гости отбыли въ германское посольство, гдѣ собрались депутации отъ германскихъ подданныхъ Петербурга, Москвы, Одессы, Риги, Ревеля и Либавы.

Въ красиво убранномъ тронической веленю парадномъ антрэ ихъ императорскія величества были встрѣчены германскимъ посломъ съ супругою (рис. на стр. 744а и 744б). Послѣ встрѣчи германскій императоръ подъ руку съ княгинею Радолинъ, и князь Радолинъ подъ руку съ германской императрицею, вошли въ залъ, гдѣ находились депутации. Каждая депутация подходила къ ихъ величествамъ и, привѣтствуя рѣчами, подносила изысканно исполненные адреса. Германскій императоръ благодарилъ ихъ.

Послѣ пріема депутатій состоялся въ домѣ посольства парадный завтракъ, по окончаніи котораго ихъ императорскія величества пробывъ въ зданіи посольства до 3 часовъ дня, а затѣмъ уже уѣхали въ Зимній дворецъ.

Къ 3½ часамъ дня въ Зимній дворецъ собрались всѣ находящіеся въ Петербургѣ послы, посланники и члены дипломатическаго корпуса. Ту да же прибыли депутации отъ городского общественного управленія. По пріѣздѣ въ Зимній дворецъ, германскій императоръ съ августѣйшею супругою принялъ депутацию отъ города С.-Петербурга. Городской голова г. с. В. А. Ратьковъ-Рожновъ, сказавъ привѣтствіе, поднесъ ихъ величествамъ на художественной работы серебряномъ вызолоченномъ и эмальированномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. На блюдѣ помѣнены государственный гербъ и гербъ города Петербурга, а также надпись: „ихъ величествамъ императору Вильгельму II и императрицѣ Августѣ отъ города Петербурга“ (рис. на стр. 744в). Послѣ думской депутатіи ихъ величества приняли иностранный дипломатическій корпусъ. Послѣ пріема германская императрица осталась въ Зимнемъ дворцѣ, а германскій императоръ былъ съ визитами у иностранныхъ пословъ, состоящихъ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ.

Въ 5 час. 45 мин. дня послѣдовала отъѣздъ ихъ величествъ въ Красное Село по балтійской желѣзной дорогѣ.

Въ Петербургѣ въ это время, а затѣмъ въ слѣдующіе два дня, городъ чествовалъ германскихъ моряковъ обѣдомъ. Мѣстомъ для этого былъ избранъ Зоологическій садъ, который могъ вмѣститъ въ себѣ сразу нѣсколько сотъ приглашенныхъ германскихъ матросовъ. Всего обѣдало 750 матросовъ ежедневно. Гостей встрѣчали и угощали самъ городской голова и члены городской управы. В. А. Ратьковъ-Рожновъ привѣтствовалъ матросовъ теплою рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ, которая была восторженно привѣтствуема ими. Матросы устроили городскому головѣ шумную овацію, пожмали ему руки, а одинъ изъ нихъ съ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ держалъ отвѣтную благодарственную рѣчь. Матросы угощались и ве-

Прибытіе императора и императрицы германскихъ къ Александровскому госпиталю германской колоніи, на углу 15 линіи Васильевского острова. Проѣздъ ихъ величествъ черезъ триумфальную арку.
Съ фот. Бродерсена автотипія „Нивы“.

селлись въ саду съ 4½ час. дня до самыхъ сумерекъ и затѣмъ на специальныхъ пароходахъ отправлялись на свои суда.
Въ 6 ч. 15 м. къ платформѣ противъ Царскаго навильона

Императоръ Вильгельмъ былъ въ формѣ 85-го пѣхотнаго вѣборгскаго имени своего полка. Императрица Августа была въ изящномъ платьѣ легкой шелковой матеріи свѣтло-зеленаго

красносельскаго вокзала, роскошно убраннаго коврами, флагами и зеленью, подошелъ Императорскій поѣздъ, съ которымъ прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, съ Ихъ Императорскими Высочествами и лицами ближайшей Свиты Ихъ Величествъ.

Государь Императоръ былъ въ лагерной формѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, а Государыня Императрица въ блонъ атласномъ платьѣ, вышитомъ спереди серебромъ, и въ накидкѣ изъ кованой золотой парчи съ бѣлыми кружевами. Ровно въ 6 ч. 30 м. прибылъ второй императорскій поѣздъ и остановился у платформы Царскаго навильона. Изъ вагонъ-салона вышли сперва германская императрица, а затѣмъ и императоръ.

Освященіе новаго флигеля въ Александровскомъ госпиталѣ германской колоніи, на Васильевскомъ острову, въ присутствіи императора и императрицы германскихъ. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

цвѣта, отдѣланномъ бѣлыми кружевами, и въ такого же цвѣта шляпѣ. Въ томъ же поѣздѣ прибыли принцъ Генрихъ прусскій, герцогъ саксенъ-альтенбургскій и лица свиты германскаго императора. Государь Императоръ, императоръ Вильгельмъ и принцъ Генрихъ прусскій сѣли на коней. Ихъ Величества Государыня Императрица и императрица германская заняли мѣста въ открытомъ фаэтонѣ, запряженномъ четверкою рыжихъ лошадей пугонъ, съ шкеромъ впереди и двумя камеръ-казаками на заняткахъ. Во второмъ шестимѣстномъ фаэтонѣ сѣли великія княгини и великія княжны.

Высочайшій объѣздъ красносельскаго лагеря состоялся въ седьмомъ часу. Тысячныя массы публики собрались къ этому времени въ Красное Село, чтобы полюбоваться рѣдкой картиной объѣзда стройныхъ рядовъ русскихъ войскъ двумя Державными Вождями. Публика все прибывала, направляясь къ такъ-называемой Царской ставкѣ, находящейся близъ лагернаго расположенія лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Здѣсь на небольшой площадкѣ, украшенной цвѣтами, была разбита палатка для Августѣйшихъ Особъ. Передъ палаткой огромныя четырехугольникомъ построились все хоры музыкантовъ и трубачей войскъ лагернаго сбора, въ числѣ болѣе 1,000 человекъ. Непосредственно за музыкантами возвышалась огром-

Прибытіе императора и императрицы германскихъ къ дому германскаго посольства. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

Прибытіе императора и императрицы германскихъ изъ Петергофа въ Петербургъ, на Царскую пристань у Николаевскаго моста. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

ная трибуна, переполненная публикой; вторая такая же трибуна съ публикой примыкала къ лагерной церкви и, наконецъ, третья была возведена на линии Царской ставки лѣвѣе последней. Ожиданіе публики все росло. Наконецъ, около 8 часовъ живая стѣна войска раздвинулась, и предстала предъ всѣми, рядомъ съ Государемъ Императоромъ, видная, статная фигура Августѣйшаго Гостя, верхомъ на гвѣдомъ конѣ, внимательно осматривавшаго ряды нашей арміи. Могущее „ура“ войскъ и публики грянуло по всему полю и не прекращалось

Домъ германскаго посольства въ Петербургѣ, на углу Большой Морской ул. и Исаакіевской площади.

во все время Высочайшаго объѣзда. Солнце уже опускало свой красный шаръ, и пѣть-за лѣса на сѣбѣ ему лила ровный, блѣдный свѣтъ луна. Еще настолько свѣтло, что можно видѣть, какъ музыканты взились за инструменты и ждутъ взмаха дирижерской палочки. Но вотъ знакъ поданъ. Раздался мощный звукъ встрѣчи. По дорогѣ къ Царской палаткѣ двигалась блестящая кавалькада всадниковъ. Впереди императоръ Вильгельмъ, бодрый, веселый, довольный, ѣдетъ и здоровается съ войсками, почти не отымая руки отъ шанки. За Ихъ Величествами — экипажи Государынь Императрицъ и великихъ князей, по сторонамъ которыхъ ѣдутъ верхами великіе князья, а сзади — многочисленная и блестящая свита.

Въ началѣ девятаго часа окончился объѣздъ лагеря. Ихъ Величества и свита направились въ бѣлѣвшіе среди поля палатки. Снова раздался, въ водарившейся тишинѣ, сигналъ горниста, ему заворочилась раскатистая дробь барабана. Тысячеголосый оркестръ заигралъ маршъ. Затѣмъ было исполнено восемь пьесъ, изъ которыхъ вторымъ было сыграно произведение Царственнаго Гостя — извѣстный „Гимнъ Эгипту“. Программа закончилась „маршемъ-фанфаръ“. Августѣйшіе Гости, пробывъ нѣсколько минутъ на площадкѣ, удалились въ шатеръ, гдѣ былъ сервированъ чай и десертъ.

Но вотъ съ появленіемъ Ихъ Величествъ взвилась змѣйкой въ темную высь неба ракета, за ней вторая, третья. Внизу прорывали воздухъ огоньки двухсотъ орудій, изрыгнувшихъ громовый залпъ, отъ котораго содрогнулась земля и все закуталось густымъ дымомъ. И въ унисонъ съ пушечными выстрѣлами тысяча музыкантвъ начала бить зорю. Поилились ласкающіе звуки „Коль славенъ“.

Уже начало смеркаться; въ воздухѣ была замѣчательная тишина, и чудные звуки молитвы далеко разнеслись по окрестностямъ. Вся публика на трибунахъ встала съ своихъ мѣстъ, и всѣ какъ бы замерли, боясь нарушить торжественность этой минуты. Но вотъ раздалась команда: „музыканты и трубачи шанки долой“. Выбѣгъ съ ними обнажили головы и всѣ присутствовавшіе, и старшій горнистъ громко и отчетливо прочелъ молитву „Отче нашъ“. Последніе мощные аккорды оркестра — отбой, и „заря съ церемоніей“ кончена.

Къ Царской палаткѣ поданы экипажи, и похъ дружное, раскатистое „ура“, Августѣйшіе Гости направляются въ Красносельскій дворецъ, а оттуда около 10 часовъ вечера въ Красносельскій театръ, на торжественный спектакль.

Всѣ партеры театра занимали лица военной и морской свиты императора Вильгельма, дипломатической кортуса, русскіе высшіе военные чины и офицеры. Ложи бенуара и бельэтажа — сплошной цвѣтникъ дамъ высшего общества.

Спектакль начался въ 10 часовъ. Шелъ 3-й актъ оперы-буффъ „La vie parisienne“, исполненной французскими артистами труппы Рауля Гюнсбурга. Затѣмъ было поставлено семь номеровъ балетнаго дивертисмента съ участіемъ нашихъ

лучшихъ балеринъ петербургской и московской сцены. Послѣ спектакля въ помѣщеніи Красносельскаго дворца, занимаемомъ императоромъ германскимъ, состоялся фамильный ужинъ.

28-го іюля состоялся, въ присутствіи его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Вильгельма II, высочайшій смотръ войскамъ, состоявшимъ изъ 72 батальоновъ, 43 эскадроновъ, 14 сотенъ и 42 батарей, 162 пѣшихъ и 38 конныхъ орудій, 1,425 офицеровъ и 32,425 нижнихъ чиновъ. Всѣмъ парадомъ командовалъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками великій князь Владиміръ Александровичъ.

Въ 10 ч. 30 м. позволили прибыть Ихъ Императорскія Величества. Въ первой коляскѣ ѣхали Государь Императоръ съ императоромъ германскимъ, а во второй — Государыня Императрица Александра Θεодоровна съ императрицею германскою Викторіей. Поздоровались съ великими князьями и Святою, Ихъ Величества сѣли на коней, а Государыня Императрица Александра Θεодоровна съ императрицею германскою заняли мѣста въ открытой фазтонѣ, запряженной четверкою бѣлыхъ лошадей съ жокеями, съ никеромъ впереди и двумя камеръ-казакми на запяткахъ. Въ 10 ч. 35 м. начался объѣздъ. Впереди слѣдовали оба Монарха, за ними — фазтонъ Ихъ Величествъ, а затѣмъ великіе князья и многочисленная блестящая свита. Войска отдавали честь, знамена склонялись, и, вѣдѣть за отъѣздомъ привѣтствіемъ Государю Императору, раздавалось восторженное громовое „ура“, сливавшееся съ торжественными звуками германскаго національнаго гимна. Высочайшій объѣздъ продолжался болѣе часа. Послѣ того Государь Императоръ съ императоромъ германскимъ подъѣхали къ Царскому валнику и остановились около восточной его подшвы, а Государыня Императрица Александра Θεодоровна съ императрицею германскою, выйдя изъ экипажа, подиались на Царскій валникъ. По сигналу, данному Его Величествомъ, начался церемониальный маршъ (рис. на стр. 744а). Впереди войскъ красносельскаго и усть-пжорскаго лагерей прошелъ Собственный Его Величества конвой, имѣя впереди командующаго Императорской главной квартирою. Во главѣ же войскъ сопровождалъ съ Его Императорскимъ Величествомъ Государь Императоръ, за Его Величествомъ ѣхали Августѣйшіи генералъ-фельдцейхмейстеръ и генералъ-инспекторъ кавалеріи военный министръ, великіе князья и лица свиты. Государь Императоръ, прослѣдовавъ мимо императора германскаго, изволилъ салютовать Своему Высокому Гостю и захватить передъ его императорскимъ королевскимъ величествомъ. Войска проходили церемониальнымъ маршемъ одинъ разъ. Когда подходилъ 85-й пѣхотный Выборгскій полкъ, императоръ германскій сталъ во главѣ своего полка и, пройдя передъ Государемъ Императоромъ, салютовалъ Его Величеству. Церемониальный маршъ войска

Театръ на Ольгиномъ островѣ. Приготовленіе къ спектаклю 28 іюля. Съ фотогр. ген. А. А. Насѣтевича автотипія „Нивы“.

проходили блистательно, и всѣ части были осчастливлены Царскимъ „спасибо“. На смотрѣ блязъ Царской палатки и Царскаго валника присутствовали также всѣ офицеры судовъ германской эскадры. Офицеры были въ полной парадной формѣ, въ синихъ мундирахъ съ бѣлыми лацканами и золотымъ приборомъ и штыремъ и треугольныхъ шляпахъ. У Царскаго валника они были представлены Государю Императору (рис. на стр. 744б).

Вѣдѣть за окончаніемъ парада, въ палаткѣ на Царскомъ валникѣ состоялся Высочайшій завтракъ. Во время завтрака

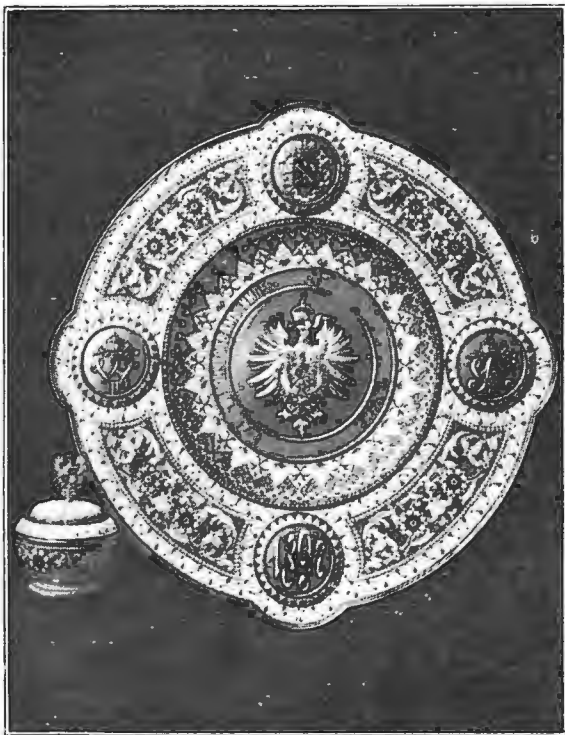
Государь Императоръ изволилъ пить за здоровье императора и императрицы германскихъ, а императоръ Вильгельмъ II подиалъ бокаль за здоровье Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.

Въ началѣ 3-го часа Ихъ Величества, вмѣстѣ съ Августѣйшими Своими Гостиами, отбыли на красносельскій вокзалъ, откуда направились въ Петергофъ.

Вечеромъ въ Петергофѣ состоялся въ честь Августѣйшихъ Гостей парадный спектакль. Мѣстомъ для него выбранъ былъ поэтичный Ольгинъ островъ. Обстановка чисто-сказочная. Дорога вокругъ озера была роскошно иллюминирована; по краямъ пути стояли залитыя огнями колонны, берегъ озера окаймляла гирлянда синихъ лампюновъ. У береговой пристани, на четырехъ высокихъ мачтахъ, увѣнчанныхъ золотыми орлами, на гирляндахъ цвѣтовъ была укрѣплена Императорская корона изъ зелени, освѣщенная огнями. Ольгинъ и Царицынъ острова были превращены въ троническіе сады, залитые электрическими огнями и свѣтомъ цвѣтныхъ лампюновъ. Среди пальмъ, розъ, дикаго винограда и плюща возвышались колонны древне-греческихъ развалинъ, образуя на берегу двѣ пристани, а съ одной стороны острова — амфитеатръ съ мѣстами для зрителей. Съ Ольгина острова на берегъ и на Царицынъ островъ были перекинуты плывучіе мосты, окаймленные рядами пальмъ и лавровыхъ деревьевъ и освѣщенные гирляндами бѣлыхъ лампюновъ. Амфитеатръ былъ устланъ голубыми коврами; по ступенькамъ стояли золотые кресла и стулья. Передняя сторона сцены, устроенной на водѣ, также изображала развалины, соединялась, вмѣсто занавѣси, разрушенной стѣной. На озерѣ возвышались искусственныя скалы, а декорациями въ глубинѣ сцены служили дубовыя и липовыя аллеи, идущія вокругъ озера (рис. на стр. 744б).

Въ 9 ч. 30 м. вѣч. подъѣхали въ катерѣ къ Ольгину острову Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Θεодоровна, императоръ и императрица германскіе, принцъ Георгій прусскій и Ихъ Императорскія Высочества великія княгини и великіе князья. Государь Императоръ былъ въ морскомъ германскомъ мундирѣ, а императоръ германскій въ мундирѣ русскаго адмирала.

При входѣ Ихъ Величествъ въ театръ, раздались звуки германскаго гимна. Въ первомъ ряду заняли мѣста Ихъ Величества и Ихъ Высочества великія княгини; во второмъ ряду сидѣли великіе князья, члены дипломатическаго корпуса и высшіе чины свиты германскаго императора, въ третьемъ — посланники и высшіе чины германскаго и русскаго Двора.

Серебряное, вызолоченное и эмалированное блюдо и солонка, на которыхъ были поднесены императору и императрицѣ германскимъ хлѣбъ-соль отъ города С.-Петербурга городскимъ головой В. А. Ратьковымъ-Рожиновымъ. Съ фот. Здобнова автотипія „Нива“.

Представленъ былъ балетъ М. И. Петина въ одномъ актѣ „Фетиды и Пелей“. Въ немъ изумительно красиво задуманы и исполнены были танцы, группы и передвиженіе танцовщицъ по водѣ (рис. на стр. 744б). Поэтичное содержаніе балета дало возможность талантливому балетмейстеру проявить присутній ему художественный талантъ и вкусъ. Этотъ балетъ на водѣ

представлялъ феерическое зрѣлище. Тихій, ясный вечеръ, фантастическое огнистое убранство всего острова вокругъ довершали грандіозное впечатлѣніе этого рѣдкостнаго спектакля.

Послѣ спектакля Ихъ Величества и всѣ приглашенные направились на Царицынъ островъ, откуда послѣ ужина Ихъ Величества отбыли на Правленскую пристань.

Триумфальная иллюминаціонная арка въ честь императора и императрицы германскихъ, воздвигнутая у Самсоновскаго канала въ Петергофѣ. Съ фототр. ген. А. А. Насвѣтвенча автотипія „Нива“.

29-го іюля, утромъ, въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора и императора германскаго, состоялся ученый: уставное 85-му пѣхотному выборгскому полку и тактическое — сводному кавалерійскому корпусу.

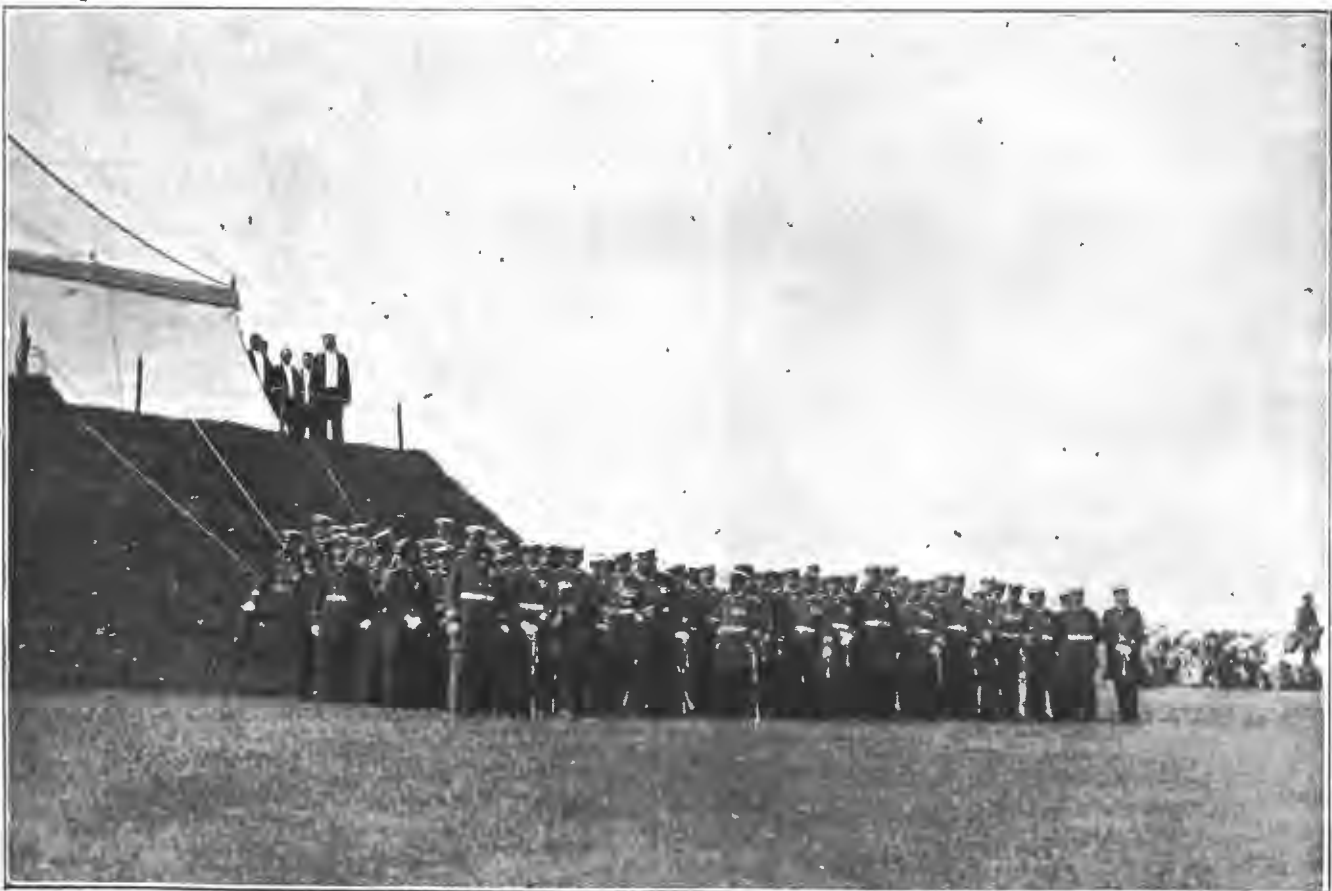
Въ третьемъ часу дня Государь Императоръ и императоръ германскій наводили отбыть съ Императорскимъ поѣздомъ въ Петергофъ, гдѣ въ 7 ч. 15 м. вѣч. состоялся парадный прощальный обѣдъ, на который были приглашены всѣ офицеры съ судовъ германской эскадры. Во время обѣда Государь Императоръ, подиавъ бокаль сказалъ слѣдующее: „Я очень радъ видѣть у Себя въ гостяхъ офицеровъ германскаго флота, къ которому я Самъ имѣю честь принадлежать, и пью за ихъ здоровье и за процвѣтаніе прекраснаго германскаго флота.“ Тотъ этотъ былъ произнесенъ на нѣмецкомъ языкѣ. Императоръ германскій на нѣмецкомъ же языкѣ отвѣтилъ: „Отъ имени моего флота выражаю Вашему Величеству свою глубокую признательность. Я пью за здоровье и процвѣтаніе прекраснаго и доблестнаго флота Вашего Величества, адмираломъ котораго я теперь имѣю честь состоять.“

Вечеромъ въ Петергофѣ зажжена была блестящая иллюминація и на рейдѣ сожжены роскошный фейерверкъ.

30-го іюля состоялся отъѣздъ императора и императрицы германскихъ со всей эскадрой за границу. Въ 11 ч. 15 м. утра Ихъ Величества съ Августѣйшими Гостиами отбыли на яхтѣ „Александрія“ изъ Петергофа въ Кропшгадтъ. Осмотрѣвъ Императорскую яхту „Штандартъ“, Ихъ Величества на яхтѣ „Александрія“ пошли вдоль линіи судовъ германской эскадры къ крейсеру „Кёнигъ Вильгельмъ“, гдѣ находился уже принцъ Георгій прусскій. На крейсерѣ состоялся Высочайшій завтракъ. Около часу дня мимо эскадры изъ Петербурга прошло въ море, салютуя Императорскимъ штандартамъ, учебное судно „Charlotte“. Юные кадеты стояли на рейхъ вплоть до верхушекъ мачтъ и приветствовали Ихъ Величества громкимъ „ура“. Въ 4 ч. 30 м. подавъ былъ съ „Кёнига Вильгельма“ стоявшимъ вдали судамъ сигналъ къ отъѣзду. Четвергъ часа суеты двинулась мимо „Кёнига Вильгельма“ вся линія броненосцевъ съ „Курфюрстомъ Фридрихъ-Вильгельмомъ“ во главѣ. Музыка играла бранденбургскій маршъ. Выстроенные шеренгами матросы каждаго судна, проходя мимо Ихъ Величествъ, приветствовали Ихъ громовымъ „ура“. Государь Императоръ прощался съ каждымъ судномъ отдѣльно. Въ отвѣтъ раздавалось новое мощное „ура“ и лились звуки нашего національнаго гимна. Въ 5 час. подошли яхта „Гогенполлернъ“ и крейсеръ „Гефюнъ“. Ихъ Величества перешли на „Гогенполлернъ“, гдѣ простились съ Августѣйшими Гостиами. Государь Императоръ и Государыня Императрица на яхтѣ „Александрія“ направились въ Петергофъ. Ровно въ 6 ч. яхта „Гогенполлернъ“ со всей эскадрой, при громѣ салютовъ, двинулась въ море.

Высочайшій смотръ войскамъ въ Красномъ Селѣ въ честь императора германскаго. Смотръ Собственному конвою Его Величества. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

Высочайшій смотръ войскамъ въ Красномъ Селѣ въ честь императора германскаго. Германскіе морскіе офицеры у Царскаго валика, наблюдающіе за смотромъ войскъ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

Парадный спектакль, въ честь императора и императрицы германскихъ, въ Петергофѣ, на Ольгиномъ островѣ. Сцена изъ балета М. И. Петипа „Фетида и Пелей“. Орхъ рис. (собств. „Нивы“) в. А. Табурина, авторъ пьесы „Нивы“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**ОСЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА**
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и алтарскихъ магазинахъ России и Заграничьи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ВОЛИЦНИЙ дѣлать наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—3 и отъ 6 7/2 ч. в. № 10214 7—7.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перемѣняющимися лезвиями всемирно-пѣвственныя своимъ качествомъ и реком. какъ наилучшія благод. и наивыгодн. бритвы. Тисычи благодарностей. Полная гарантія за достоинство. Обращайте вниманіе на клеймо: A. Arbenz, Jouigne, France. Прод. въ лучш. магаз.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ фирмы и фабрич. имени поддѣлки.

со шнур. въ замшевомъ чехолѣ. 8 р. 50 к съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени. Удобно помѣщается въ карманъ жилета или между дуговцами мундира и вынось замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, болѣе и тѣлесно бинокли.

Б. КРАУСЪ и К^о.
Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.
СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2—1
Излюст. пр.-кур. высыл. за сем.-коп. марку.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. назъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ВИСБАДЕНЪ.

Лѣчебница д-ра Леера и купанья Нероталь.
Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п.
Д-ръ Шубертъ.
И. 9930 8—7

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.

Самые красивыя и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и незыблительности своей видъ и отъ потѣвн. ни отъ сырости погоды.

Флаконъ 60 к. и 1 р., съ пересланою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10356
Складъ техно-химическ. спеціальностей ГЕБГАРДА А. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96—14, уг. Надеждинской.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К.И.ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстныя, единственно настоящія

Алидариновыя чернила для письма и копирования

(желѣзисто-орѣшковая 1-го класса по отзывамъ государственныхъ ур-дъ № 9834 жденій), 20—18

ЛЕГКО - СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Лев. Леонгарди
въ Дрезденѣ,
изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немчиновича-Данченко. (Продолженіе.)—Въ лѣсу. Очеркъ Э. Вильденбруха.—Къ ркункамъ: На пастбищѣ.—До дому.—На пастбищѣ.—Веревоочный мостъ.—У пруда.—Смерть оленя.—Профессоръ Г. Бона-Мейеръ (съ портр.).—Прѣбываніе императора и императрицы германскихъ въ С.-Петербургѣ (съ 18 рис.).—Завлеченіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. VIII (Сборникъ „Нивы“ за августъ); 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за августъ съ 27 рис. и отд. листъ съ 31 черт. выир. въ натур. вел. и 29 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

Вышло изъ печати 2-ымъ изданіемъ Руководство

въ изученіи кройки БѢЛЬЯ

дѣтскаго, дамскаго и мужскаго,
составл. **А. А. БАЗАРОВОЮ.**
118 рисунковъ съ подробн. объяснен. Ц. 1 руб 50 коп. Прод. во всѣхъ кн. маг. и въ школахъ кройки Базаровой, С.-Петербургъ, Литейная, 45. Москва, Арбатъ, д. кн. Обаленской.

Занятія въ школахъ и пріемъ ученицъ и пансіонерокъ круглый годъ. Условия въ особ. программахъ.
Ц. № 10362

Высоч. Угв. Т. II

„ЭЙНЕМЪ“ въ МОСКВѢ.

Собств. Царов. Фабрика въ СИМФЕРОПОЛѢ (въ Крымѣ).

ПЮРЕТОМАТЬ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **Компотъ.**

И. № 10123 10—9

ПАТЕНТЪ
Девисъ и Меткафъ

Ихжекторы
РАБОТАЮЩЕ

МЯТЫМЪ ПАРОМЪ.

Большая выгода при варѣхъ паровыхъ машинныхъ требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. Большая экономія топлива и питательныхъ веществъ при варѣхъ паровыхъ машинныхъ требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. Большая экономія топлива и питательныхъ веществъ при варѣхъ паровыхъ машинныхъ требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Л. Ф. ПЛО
ВЪ МОСКВѢ,
Мясницкая, № 17.

И. № 9750 4—3

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ **ДИСПОЗЕ** БЕЗЪ
ВОДЪ * П. Н. Виноградова. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года, требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БЕЛЬЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удовольствіе за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въездъ Олт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

И. № 10324 6—3

А. БОЛЬТЪ и К^о.

Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ

мужскіе и дамскіе
изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунковъ сезона 1897 г.

Прейс-курантъ съ образцами матерій высылается безплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдмундъ.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Варшавы и воцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. колекц. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Потребленіе какао Ванъ-Гутена, какъ пріятнаго напитка, растетъ съ каждымъ днемъ. Это—наилучшій шоколадъ для питья.

Р. № 10388

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

Ц. № 10380 5-1

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 10247 10-5

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

◆ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ◆
съ подлиннымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новымъ изобретеніемъ прочно-чирчатъ колеса, по требованію, безплатно.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOUZE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5121 (100)

Его избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.

ЛУЧШЕЕ МАСЛО ЕЖЕДНЕВНО ДАРОМЪ!

Дать въ 10—15 мин. отъ утренняго кофейнаго молока скопившихся сливокъ или сметаны, патентованная маслбойка „**Р. ФОНЪ ГИНСДОРФЪ ПРЕЕМНИКЪ**“ Руб. 50.— Сбереженіе въ годъ въ самомъ маленькомъ семействѣ доказано и признано первою клас. знатоками.

Цѣна: 2.50, 4.25, 7.85, 9.65, 13.50, 19.50, 36.— руб
за 1 2¼ 3 5 10 20 30 литръ.

Торговцамъ обычная скидка + Патентъ утвержденъ Правительствомъ.
ВСѢ МАСЛОБОЙКИ безъ металла, клейма моей фирмы ПОДЪЯНИ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ Представитель для всей Россіи
ГЕНРИ КОХЪ, МОСКВА, ТВЕРСКАЯ УЛ. Д. МАТТЕЙСЕНЪ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9:31 20-16

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Гербъ.

ТОВАРИШЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Валага. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОКЪ! Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

НОВОСТЫ
 ДУХИ
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
 1 руб. 25 коп.

Лучше инструменты для духовной и свѣт-
 ской музыки, весьма легкіе для изученія.
ФИСГАРМОНИИ
 знаменитой фабрики
ШИДМАЙЕРЪ,
 рекомендованныя Глазачемъ, Гензель-
 тоемъ, Листомъ,
 Американскія извѣстной фабрики
КАРЕНТЕРЪ
 и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ
 въ 85, 100, 110, 125, 130, 140, 150, 160,
 180, 190, 200, 250, 275, 300, 325, 350, 400,
 450, 500, 700, 1000 и 1800 руб.
 Самоучитель Паже 2 руб.
 Иллюстрированный прейс-курантъ и ка-
 талогъ нотъ безплатно.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо и фабрика
 МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.
 Москва, Бульваръ Мостъ, д. Захарьина.

(Карпентеръ въ 160 руб.)

ПРОДАЕТСЯ
Д. Столкинда
ДѢТСКОЕ МЫЛО
 НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
 МОСКВА ЦЕНА 1/2 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.
 СКЛАДЪ АПТЕКАРСК. ТОРГОВ. Д. Я. СТОЛКИНДА

КЪ СВѢДѢНІЮ.
 Всѣмъ врачамъ, желающимъ
 испитать дѣйствіе Л. Я. Стол-
 кинда **ДѢТСКОЕ МЫЛО НА РЫ-**
БЬЕМЪ ЖИРУ и Л. Столкинда
 capsules **ДЕЗОДОРАТЪ** для
 уничтоженія зловонія въ комна-
 тахъ, дѣтскихъ, свѣдѣнъ и т. д.
 отпущаются безплатно въ апте-
 карскомъ магазинѣ Л. Я. Стол-
 кинда, въ Москвѣ, по Лубяцкому
 проѣзду, д. Смольянинова.
 № 10348 2-2

ТРЕБУЮТЪ
 для свѣдѣній
НОЖИЦА ИРУНЪ
 и **ОТЪ ЗАГАРА**
КРЕМЪ ОРИЗА
 ПР. В. ШМОЛЬ
 ЦЕНА 20 КОП. ПРОДАВА ВЕЗДѢ

Поступила въ продажу новая книга: **Иванъ**
Дюфренъ. Руководство ШАХМАТНОЙ ИГРЫ
 и **Эмануэль Ласкеръ. Здравыя мысли въ**
ШАХМАТАХЪ (12 лекцій, читанныхъ
 Э. С. Шиффера. Изд. М. М. Жеребцова.
 Цѣна 2 р. 50 к. безъ перес. Складъ издаваній
 въ типографіи В. Ө. Демакова. СПб., Новый
 пер., 7. Можно выписать черезъ редактора
 „Шахматнаго Журнала“, Э. С. Шиффера
 (СПб., за Невскою воставой, Муравьевскій
 переулокъ, 20).

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ
 провращенія фотографическ. отпечатка
 на бумагѣ, фарфорѣ и стеклѣ
 въ живописи. художеств. картину
 при абсолютномъ отсутствіи рисована
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
 посредствомъ писемъ. сношеній этому
 новому способу всѣхъ, даже совершенно
 незнакомыхъ съ живописью. Жела-
 ющимъ выславъ просвѣтъ въ видѣ проб-
 наго урока за одну 7 к. марку.
 Адресъ: Москва, Давыдъ пер., д. Бра-
 Ц. № 10111 совсѣтъ. 5-5
 Фотографія А. С. Шиманскаго.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„РОССІЯ“
 Высочайше утвержденное въ 1881 г.
 въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.
 Капиталы Общества свыше 29.000,000 руб.
СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.
 Общество „Россія“ заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:
 1) **Страхованія отдѣльныхъ лицъ** отъ не-
 счастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахо-
 ваннымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, про-
 гулокъ; при несчастіяхъ въ домахъ, храмахъ, фабри-
 кахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при испол-
 неніи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и
 внѣ дома, — съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ вне-
 сейныхъ премій или безъ такового.
 2) **Коллективныя страхованія** служащихъ
 и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.
 отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при
 исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.
 Страхователямъ предоставляется участвовать въ при-
 былкахъ Общества. Дивидендъ страхователей въ 1897 году
 составляетъ 15%.
 Съ открытіемъ операций по страхованію отъ несчаст-
 ныхъ случаевъ по 1 января 1897 года Общество выдало
 пострадавшимъ вознагражденій по страхованію отъ несчастныхъ
 случаевъ на сумму въ 1.570,000 рублей.
 Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣ-
 дѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая
 Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ
 городахъ Имперіи.
 Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчаст-
 ныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ
 и на пароходахъ выдаются также на главныхъ станціяхъ
 желѣзныхъ дорогъ и на главныхъ пароходныхъ пристаняхъ.
 № 10326 6-3

ПАМЯТЬ
 лица каждаго возр. укрѣпляетъ лично и
 зочно профессоръ мнемоники С. Файн-
 шейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Вас.
 ул., собственн. домъ, № 28.
 Условія и брош. (въ 33 стр.) вы-
 смл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10263 10-9

НА ВОСПИТАНІЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ
СИБИРЬ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 ПРОСИТЬ
 АБРЕВЪ ЛЮДЕИ
 ЖЕЛѢЗОВАТЬ
 ему
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ
 ПО СТРАХОВАНІЮ
 ВОСПИТАНІЮ
 ДО 500 ЛЕТЪ
 ВОСКРЕСЕНСКИЙ КОЛОДЦЪ
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
 ВОЛОСЪ И
 БОРОДЫ
 БЕЗЪ
 ЛЯПИСА
 Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быст-
 раго окраски волосъ и бороды въ
 черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣта
 цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
 ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКЪ И КОСМЕТИЧ. МАГАЗИНАХЪ. ГЛАВ-
 НЫЙ СКЛАДЪ С ПЕТЕРБУРГА, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ
 А. Урбанъ. СПб. Большая Конюш., № 1.

ИЛЬЗЫ
 ИЗЪЛУЧЕНІЮ
 СУМКИ
ФИЛИГРАНЪ
САКАТЫКЪ
 МОСКВА
 МЕХАНИЧЕСКАЯ
 БЕЗЪ
 ВЪЕДЪ
 ПРОДАВА ВЕЗДѢ

Новый
 прейс-
 курантъ
 иллюстр.
 за 1897 г.
 Оружей-
 наго Склада
 водъ фирмою:
„Центральное депо оружія“
 Б. Конюшеша, 29. Ә. Веннгъ. За
 приложеніемъ духа 7 к. почт. марокъ
 высл. безплатно. Много новостей.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“
 Скорость, прочность,
 удобство. Последніи
 усовершенствованія.
 Цѣна 250 рублей и
 275 рублей.
 Пишущая машина
„КОСМОПОЛИТЪ“
 Самый прасив. прѣхотъ. Съ 3 разными рус-
 скими и 3 разными латинскими алфавитами.
 Цѣна 95 р. Великол. лѣнцкъ въ вый 10 р.
 Описанія и образцы прѣхотъ обѣихъ ма-
 шинъ выслаются безплатно.
Опшхтъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ. Адми дательскій просп., № 4.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. ХАРДЪ С ПБ.
 ГИРЪ СЧАУЛ, у Краснаго моста, № 17.
 Часы никель отъ 6 р. до 15 р.
 „стальн. черн. отъ 11 до 25 р.“
 „серебряныя отъ 12 до 50 р.“
 „золотыя отъ 26 до 500 р.“
 „регуляторы двухъ медальнаго
 завода отъ 17 до 100 р.“
 Высылаю наложен. платежемъ иллюстр.
 прейс-куранты безплатно.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ
 старшихъ и рѣдкихъ книгъ безплатно
 высылаетъ каталогъ книжнаго торговаго С.
 Каминцова. Москва, Мокшова, д. Бенкен-
 дорфа, № 26. Просить сообщать адреса.

XXVIII г.

№ 32

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертожей и выкроекъ.

Выданъ 9 августа 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается под-
писка на 1897 годъ.
Подробности см. въ концѣ
этого №.

Наши француз- скіе гости.

Въ честь нашихъ дорогихъ французскихъ гостей, пріѣзжающихъ падѣлхъ въ Россію, мы посвящаемъ этотъ номеръ *Нивы*, за исключеніемъ текущаго матеріала, всецѣло Франціи и ея симпатичному народу. Пусть, по возможности, каждая страница нашего журнала напоминаетъ читателю о томъ единеніи между Франціею и Россіею, которое возникло, такъ-сказать, въ силу вещей, помимо всякихъ дипломатическихъ переговоровъ, и только подтверждено ими. Представители французскаго государства: президентъ республики Феликсъ Форъ и ея министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, конечно, обратятъ на себя главное вниманіе нашихъ читателей, такъ какъ пріѣздъ ихъ, главнымъ образомъ, служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ существующей между двумя странами дружбы. Не менѣе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой дружбы и вѣнчаніемъ ея символомъ служитъ сооружаемый нынѣ въ Парижѣ мостъ императора Александра III, закладка котораго состоялась въ прошломъ году во время посѣщенія Государемъ Императоромъ столицы Франціи, и сооруженіе котораго будетъ окончено на рубежѣ XIX-го и XX-го столѣтій, ко дню открытія всемірной парижской выставки. Но, независимо отъ этихъ вѣнчаній проявленій существующей дружбы, пусть читатель увидитъ на страницахъ *Нивы* картины столичной и деревенской жизни Франціи, — жизни народа, съ которымъ Россію соединяютъ чувства живой симпатіи.

Давно ли, однако, политическая дружба между Россіею и Франціею казалась если не невозможной, то очень мало вѣроятной? Давно ли опытные государственные люди строили свои дипломатическіе расчеты на естественной будто бы противоположности ихъ интересовъ? Съ небольшимъ десяти лѣтъ

Люксембургскій музей въ Парижѣ. Молитва передъ обѣдомъ.
Съ карт. Вальтера Гэ, авторія „Нивы“.

тому назад и въ Россіи, и во Франціи люди, щеголявіше своимъ патриотизмомъ и своимъ глубокимъ пониманіемъ государственныхъ интересовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ возставали противъ всякаго сближенія между двумя странами. Но на ряду съ этою проповѣдью отчужденія и розни шла другая, вначалѣ мало замѣтная, работа, плоды которой мы цыпѣ и познаемъ. Въ то время какъ политическіе мудрецы, выставявшіе себя испытанными патриотами и охранителями истинныхъ интересовъ Россіи, злобно отвергали всякое единеніе съ Франціею, единеніе это постепенно, но неотразимо крѣпло и, вначалѣ невидимое для неопытнаго или предвзятаго челоѣка, стало общепризнаннымъ вѣрунтельнымъ фактомъ, предъ которымъ вынуждены были преклониться и тѣ, кто ему наименѣе сочувствовалъ. Великіе историческіе факторы не всегда ясно сознаются современниками; но за ними всегда остается побѣда.

Оставимъ, однако, исторію, оставимъ прошлое и будущее, сосредоточимъ наше вниманіе на настоящемъ... Пусть оно царствуетъ въ нашихъ мысляхъ и чувствахъ, наполнитъ ихъ радостнымъ сознаніемъ, что осуществился одинъ изъ наиболѣе надежныхъ залоговъ охраненія европейскаго мира въ полной неприкосновенности. Если въ прошломъ году посѣщеніе Государемъ Императоромъ Франціи ознаменовалось провозглашеніемъ всѣмъ памятныхъ словъ: „миръ и братство“, — то и посѣщеніе въ нынѣшнемъ году Россіи президентомъ Французской республики, конечно, будетъ проникнуто тѣмъ же достойнымъ и высокимъ чувствомъ. Привѣтствуя нашихъ дорогихъ гостей, мы будемъ привѣтствовать представителей того государства, которое словомъ и дѣломъ намъ помогаетъ охранять наиболѣе цѣнное благо народовъ — спокойное и мирное ихъ развитіе.

Быть-можетъ, трудно приискать челоѣка, который служилъ бы болѣе полнымъ выразителемъ такого настроенія, какъ нынѣшній президентъ Французской республики, Феликсъ Форъ. Вся его жизнь была непрерывнымъ трудомъ. Онъ всецѣло принадлежитъ промышленной, трудолюбивой Франціи, — той Франціи, которая своими солидными качествами внушаетъ уваженіе всему цивилизованному міру. Въ личности Феликса Фора удивительно какъ соединяется умѣнье служить семьѣ, обществу и государству, работать на пользу всего, чѣмъ держится личное благополучіе и благо общественное. По профессіи простой кожевникъ, сынъ бѣднаго столяра, онъ сумѣлъ приобрести свою дѣятельностью на пользу общественную симпатіи всего бѣднаго населенія города Гавра, въ которомъ онъ первоначально жилъ и трудился, — рабочихъ, моряковъ, жителей окрестныхъ деревень. Широко развивая свое предпріятіе въ сознаніи, что личное благополучіе каждаго отдѣльнаго гражданина обезпечиваетъ и общее благополучіе, онъ своимъ онытомъ, своими званіями, своими выдающимися способностями приходилъ на помощь всѣмъ, кто въ нихъ нуждался. Такимъ образомъ онъ былъ однимъ изъ столбовъ преуспѣянія своего города и той мѣстности, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Всякое справедливое и дѣльное начинаніе находило въ немъ горячаго защитника. Когда для Франціи настало тяжелое время борьбы съ вѣдшимъ врагомъ, онъ храбро защищалъ отечество, гдѣ и въ чемъ только могъ: закупалъ оружіе, организовалъ защиту Гавра, стоялъ съ оружіемъ въ рукахъ на аванпостахъ и, даже опасно заболѣвъ скарлатиною, не покидалъ ихъ. Послѣ войны, онъ, сознавая свой долгъ гражданина по восстановленію вліянія и богатства разоренной Франціи, предпринялъ цѣлый рядъ путешествій, всюду изучая экономическіе и финансовыя вопросы. Результатомъ всѣхъ этихъ работъ, посвященныхъ общественному благу, была книга, озаглавленная: „Бюджеты Франціи и главнѣйшихъ европейскихъ государствъ“, — книга, написанная съ такимъ знаніемъ дѣла, что французская академія присудила ея автору, бывшему кожевнику, премію. И дѣйствительно, Феликсъ Форъ проявилъ въ этой книгѣ такія знанія и такое глубокое пониманіе практическихъ интересовъ своего отечества, что не могъ не быть признанъ выдающимся знаткомъ экономической жизни всей Франціи, какъ раньше всѣ его признавали выдающимся знаткомъ экономическихъ интересовъ города Гавра и его окрестностей. Такимъ образомъ изъ частнаго дѣятеля постепенно

выросъ дѣятель обществешій, а затѣмъ и государственный. Феликсъ Форъ является представителемъ тѣхъ людей, которые, начиная съ малаго, доходятъ до великаго, которыхъ ни обойти, ни устранить нельзя, потому что въ нихъ гармонически сливается все, въ чемъ болѣе всего нуждается общество и государство, потому что они полнѣе всего понимаютъ общественныя и государственныя цѣли и во всякое время умѣютъ указать на наиболѣе вѣрныя средства ихъ достиженія. Въ законодательномъ собраніи, въ работахъ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе, онъ строго набѣгалъ всякой политической борьбы, вызываемой честолюбіемъ или доктринерствомъ, шумныхъ, но безплодныхъ вопросовъ, служилъ исключительно дѣлу, удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ нуждъ населенія. Что Франціи наиболѣе сочувствуетъ именно такимъ дѣятелямъ, а не героямъ звонкихъ, но пустыхъ фразъ, она доказала, избравъ представителемъ государственной власти челоѣка, который всю жизнь неутомимо трудился и теперь, будучи президентомъ, ежедневно встаетъ въ 5 ч. утра и работаетъ до поздняго вечера.

Къ такому же типу людей принадлежитъ и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото. Онъ, какъ и Феликсъ Форъ, всѣмъ обязанъ самому себѣ. Съ раннихъ лѣтъ онъ посвятилъ себя дипломатической карьерѣ и съ рѣдкимъ постоянствомъ и выдержкою трудился надъ изученіемъ вѣдшихъ интересовъ Франціи. Честолюбіе ему чуждо; онъ живетъ исключительно для избранной спеціальности; въ политическихъ передразиваніяхъ и интригахъ разныхъ партій онъ не принимаетъ никакого участія. Но, благодаря своему трудолюбію, способностямъ и глубокимъ знаніямъ, онъ сталъ одинаково необходимымъ всѣмъ партиямъ или, лучше сказать, онъ сталъ необходимымъ Франціи, интересы которой онъ научилъ и горячо принимаетъ къ сердцу. Дѣйствовалъ ли онъ въ Константинополѣ въ качествѣ члена посольства, состоялъ ли въ Парижѣ вице-директоромъ политическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ или директоромъ консульствъ и коммерческихъ дѣлъ въ томъ же министерствѣ, защищалъ ли онъ въ Брюсселѣ интересы Франціи при рѣшеніи вопроса о Конго, занималъ ли онъ, наконецъ, двоекратно отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, онъ всегда и во всѣмъ проявлялъ такую компетентность и дѣловитость, что приобрѣлъ уваженіе и признательность всѣхъ своихъ соотечественниковъ, къ какой бы партиі онъ ни принадлежалъ.

Вообще, между Франціею недавно прошлаго и современной Франціею существуетъ громадная разница. Прѣжніе политическіе дѣтели съ ихъ громкими словами, необузданною партийною борьбою, пренебреженіемъ къ практическимъ интересамъ родины отодвинуты жизнью на второй планъ. Выступили новые дѣтели, на видъ скромные, воздерживающіеся отъ громкихъ словъ, отъ минныхъ подвиговъ, но всецѣло преданные живому, реальному дѣлу. Эти дѣтели и пользуются сочувствіемъ страны. Къ числу ихъ принадлежатъ и наши дорогие французскіе гости. Привѣтствуя ихъ отъ всего сердца, мы привѣтствуемъ не только друзей, не только представителей страны, съ которою мы совместно защищаемъ интересы европейскаго мира, но и представителей трезвой, трудолюбивой Франціи, убѣжденной, что въ упорной дѣятельности, направленной къ обезпеченію интересовъ народной массы, и въ предписываемомъ подобною дѣятельностью воздержаніи отъ политическихъ утопій и вызываемой ими безплодной борьбы партій заключается залогъ благополучія собственной страны, а вѣсть съ тѣмъ и благополучія всей семьи народовъ. Вступленіе Франціи на этотъ, повидимому, столь прозаическій путь привело къ осуществленію блестящей идеи, представлявшейся еще недавно недостижимой, утопической — къ тѣсному франко-русскому сближенію. Восторженно встрѣчая нынѣ нашихъ французскихъ гостей, мы, слѣдовательно, не только даемъ волю воодушевляющему насъ чувству патриотизма, но воздаемъ должное трезвому отношенію къ дѣятельности, трудолюбію, истиннымъ гражданскимъ заслугамъ, — словомъ, всему, чѣмъ держится миръ, что одинаково необходимо для процвѣтанія отдѣльной личности, общества, государства и совместной жизни всѣхъ народовъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

XVI.

Какъ въ монастырѣ ожидали, такъ и случилось. Во время вечерни Елена Борисовна оглянулась и певольно вздрогнула.

Неподалеку отъ нея стоялъ на колѣняхъ и усердно клалъ поклоны Моисей Лукичъ. Одѣтъ онъ былъ по-

дорожному. Пальто въ родѣ женской ретонды, и, устроившись посреди храма, чтобы всѣмъ и отовсюду его было видно, онъ разложилъ эту хламиду кругомъ широкими складками. Руки у него были зябки, и потому въ пути онъ таскалъ муфту, которая и сейчасъ висѣла у него съ шеи на черной лентѣ. Бритое бабье лицо — все из-

ображало молитвенный восторгъ. Онъ и воздѣвалъ очи горѣ, и вздыхалъ на всю церковь, и отличному хору послушницъ и монахинь вторилъ осипшимъ, старческими теноркомъ не въ тактъ и не въ ладъ. И бровями помавалъ, точно одобряя все происходившее вокругъ, и разъ даже своимъ восклицаніемъ: „о, Господи, доколѣ!“—сбилъ съ толку священника. Вообще употребилъ всѣ усилія, дабы быть благолѣпнымъ и вся прочая паства поучалась бы у него и удивлялась ему. Елена Борисовна покосилась на него еще разъ. Около ротонды на землѣ лежала котиковая шапка съ ушами, издали очень похожая на капоръ. Еще когда они были сравнительно въ мирѣ, она позволяла себѣ шутить надъ нимъ и спрашивала его:—„батьюшка, когда вы одѣнетесь какъ слѣдуетъ?“—„А развѣ это не какъ слѣдуетъ?“—оглядывалъ онъ себя.—„Лишь бы наготу прикрыть, дабы не соблазнялось око, а чѣмъ—это все равно!..“ Чье это око могло бы соблазниться его красотою, едва ли онъ самъ могъ отвѣтить.

Замѣтивъ Елену Борисовну въ числѣ молящихся, онъ сжалъ и безъ того тонкія, безкровныя губы, и точно на этомъ лицѣ ротъ пропалъ. Сверкнулъ въ ея сторону злобно глазами и замолился еще усерднѣе. Матери Клеопатрѣ онъ поклонился, не подымаясь съ колѣнъ, но она показала видъ, что не замѣчаетъ его. Когда служба кончилась, онъ всталъ, платкомъ оббилъ себѣ колѣни, запахнулъ своимъ широкимъ пальто и—ни съ мѣста. Елена Борисовна должна была проходить мимо, его взглядъ загодя пронизывалъ ее, и ей дѣлалось отъ него все жутче и жутче. Мать Александра замѣтила это и взяла племянницу за руку, заслонивъ собою отъ лукаваго старика.

— Мать Александра!—нелѣпо воскликнулъ онъ, вскинувъ руками, такъ что муфта на его шеѣ замоталась.—Вотъ ужъ истинно... Мы, вѣдь, по мирскому-то въ родствѣ, и васъ я, видить Богъ сердце мое, ни въ чемъ не виню.

Та ему низко, по-монашески, поклонилась и прошла было мимо, но онъ вдругъ оказался опять противъ нея.

— Меня она не замѣчаетъ, и я ее тоже... Хотя бы голова-то отъ поклона не отвалилась, почти лицо старче. Вы бы внушили ей... Отъ мужей бѣгать умѣютъ, а заповѣдь забываютъ.

— Церковь не мѣсто для вашихъ счетовъ...—внушительно проговорила мать Александра.

— Я все, все забылъ. Господу сложилъ всѣ счета мои. Пусть Онъ по нимъ заплатитъ коемуждо по дѣломъ его сторицей, сторицей! А я что же... Я передъ Нимъ перстъ предстоящій, но только не ожидалъ, не ожидалъ, чтобы столь почтенна и уважаемая обитель, такъ сказать святыня, гдѣ между прочимъ угодники почиваютъ, и вдругъ—помилуйте! Ну, понимаю,—бабенка-то въ трактиръ забѣгать можетъ. Отдѣльные кабинеты есть для того... А то нашла гдѣ прятаться!..

Это онъ уже выкрикивалъ другимъ монахинямъ, потому что мать Александра и Елена Борисовна вышли.

— Ты что это?—поравнялась съ нимъ нарочно отпущившая другихъ ранѣ себя мать Клеопатра.

— Въ обличеніе зла-съ... Въ обличеніе зла-съ... Всяческая.

— Кто ты таковъ, чтобы обличать? Ты знаешь, Кто здѣсь невидимо въ алтарѣ присутствуетъ?

Моисей Лукичъ позеленѣлъ.

— Вы, святая мать, извините. А я даже съ членами святѣйшаго правительствующаго синода...

— Ты гдѣ безпорядокъ заводишь? Что ты на фабрику у себя, что ли, или въ лавкѣ?

И она по своему обычаю стучала на него посохомъ. Удары его въ плиты пола отзывались далеко.

— Мать Клеопатра, я васъ всегда уважаю, но ежели...

— Ты не меня, святотатецъ, уважай, а Бога бойся. Мнѣ твоего уваженія не надо. И безъ него проживу. Ступай, ступай вонъ... крикунъ... Ишь ты вырядился какъ, да посередь церкви на колѣна, самъ поклоны отбиваетъ, а въ сердцѣ злобу хранить. И тутъ же, гдѣ инокини только что молились, по-мужицки разорался. Ступай, ступай, хамъ...

— Я не хамъ... У меня крестъ на шеѣ, звѣзда...

— Со звѣздой хамъ, со звѣздой! Вонъ, вонъ ступай! Онисимъ!

Громадный мужикъ точно выросъ рядомъ съ нею.

— Убери.

— Этого барина?

— Да.

Тотъ зацалъ было его за мѣховой воротникъ ротонды-пальто.

— Здѣсь, ваше почтеніе, бунтовать не то чтобы очень...

— Я самъ... я самъ...—шипѣлъ весь блѣдный отъ злости Моисей Лукичъ.—Я самъ, но вы это вспомните, мать Клеопатра, вспомните... Я къ вамъ всей душой, а вы меня, дѣйствительнаго коммерціи совѣтника...

— Хорошо, хорошо.

— Тѣмъ болѣе,—доканчивалъ онъ уже на паперти,—я имѣю къ вамъ персональное дѣло.

— Для дѣла пожалуйста ко мнѣ въ келью, а не въ церкви...

— Слушаю-съ. Здѣсь я не могу ничего... Но только, говорю, помните это, мать Клеопатра. Моисей Копровъ не простить.

— Нужно мнѣ ваше прощеніе. Пусть меня Богъ проститъ. Авось довольно будетъ.

— Не монашеское сужденіе. Монахиня должна считать себя передъ всѣми виноватой и всякому кланяться. Ежели и несправедливо обличаютъ ее—смирись—ей же въ честь будетъ,—перешелъ онъ въ наставительный тонъ.—А впрочемъ, Богъ съ вами... Хотѣлъ вкладъ—но извините—денежки почетъ любятъ. Насъ съ отверстными сердцами встрѣчаютъ, а не то что „Онисимъ—убери!“ Что-жъ, пять тысячъ у меня же останутся. Отпу Геронтію, быть-можетъ, онѣ нужнѣе...

Елена Борисовна вернулась въ келью и точно замерла. Она знала, что Моисей Лукичъ пріѣхалъ за нею, и вся перешла въ ожиданіе. Еще немного, и она уйдетъ изъ дому. Впереди можетъ быть хуже, но этой тюрьмы не будетъ, не будетъ вѣчнаго издѣвательства, насилія, оскорбленій. О, она готова вынести все—лишь бы не присутствіе забитаго, безвольнаго мужа и этого старика, взглядъ котораго, подозрительный, злобный, ехидный, преслѣдуетъ ее даже здѣсь, сквозь стѣны обители. Елена Борисовна сидѣла сложа руки. Ее звала за чѣмъ-то мать Александра. Она даже не отвѣтила. Монахиня вошла къ ней. Копрова скорѣе угадала ея заплаканные глаза, но ей не хотѣлось очнуться, выйти изъ этого оцѣпенѣнія. Тетка, впрочемъ, хорошо поняла ея настроеніе.

— Никто какъ Богъ, Леля. Поручи себя Ему. Онъ все устроитъ. Онъ лучше насъ видитъ, что намъ нужно.

Елена Борисовна и не шелохнулась. Она ждала. И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ за нею пріѣхала Еликонида. Лупетка вся такъ и сіяла, и большіе глаза ея радостно сверкали, и дыханіе въ горлѣ перехватывало, а румянецъ такъ и заливалъ всю.

— Мать игуменья просятъ...

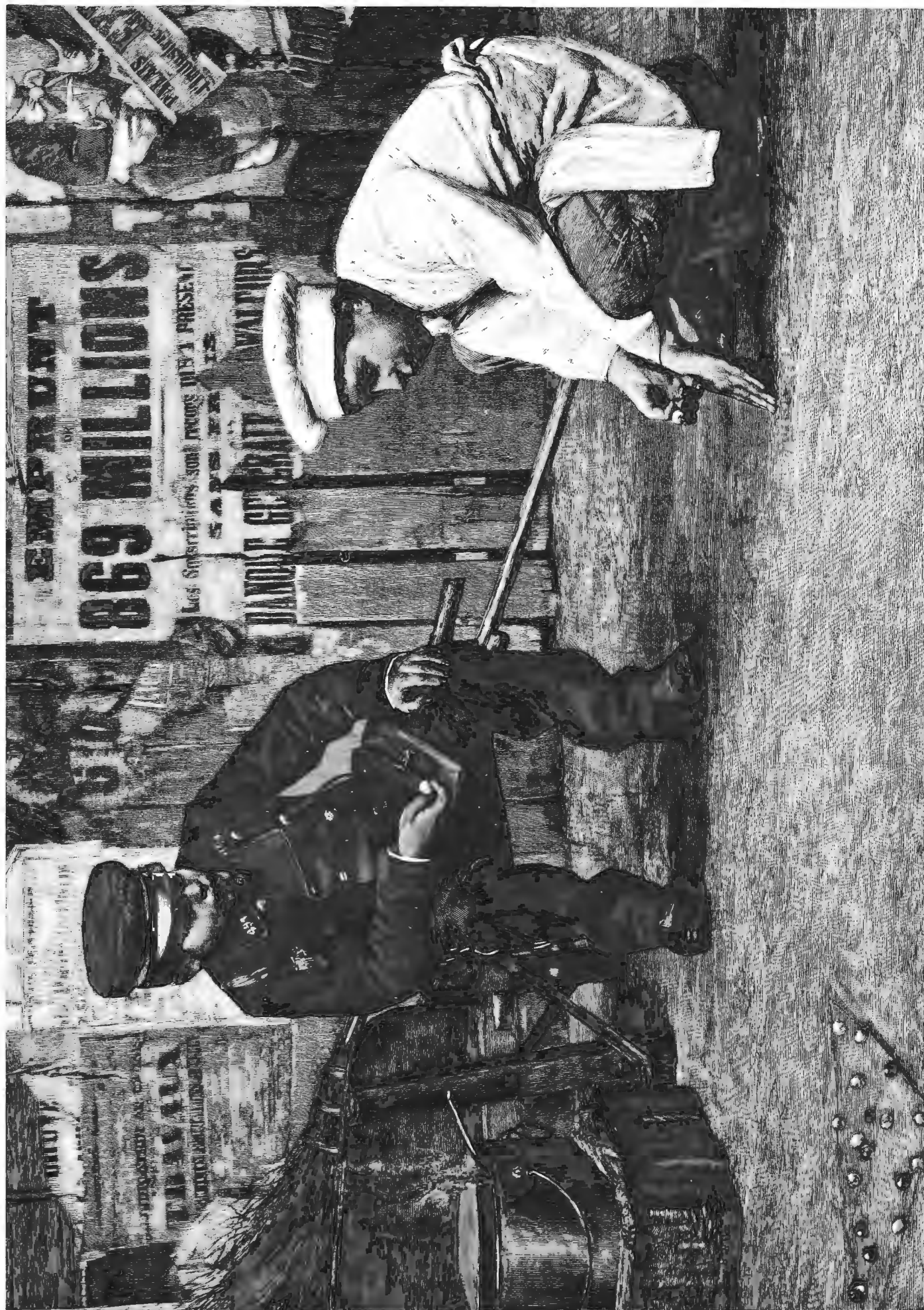
— Скажи, сейчасъ. Ну, что же? Ступай!.. Ишь какъ тебя поводитъ. Чему ты это веселишься?

Мать Александра пошла съ Еленой Борисовной.

Моисей Лукичъ овладѣлъ собою. Его еще подергивало, но онъ уже спокойно сидѣлъ у стола за чаемъ, не вскакивалъ, не бѣгалъ. Только глаза отвелъ, когда вошла Елена Борисовна.

Салонъ Елисейскихъ полей. Продавецъ четырехъ временъ года. Картина Л. де-Шрлвера, автотипія „Иива“.

„Слъшная телеграмма“. Съ карт. Шокарь-Моро грав. Бодъ.

— Такъ вотъ-съ, святая мать, какое время нынѣ, воистину вскую мятущееся... Всѣ союзы разорваны, всѣ заповѣди нарушены и даже такъ, что съ посмѣяніемъ и охальствомъ. Побѣдоносно!..

— Всегда хорошо было. Стара—помню—то же самое.

— Ну, нѣтъ-съ, извините. Мы страхъ знали. Жена да повинуется мужу—помнили.

— Ты была женою, что ли?—опять вспыхнула Клеопатра.—Такъ же все. Обманывали больше. Нынче народъ откровенный. Дѣлаетъ и не причется. Какое есть—такого и бери. А прежде по-воровски. Тайкомъ да тишкомъ... Только одни мужья въ открытую безпутствовали... А жѣны...

— Я говорю, страхъ знали... боялись. Блюли себя.

— Страхъ-то какой былъ—іудейскій.

— Страхомъ государство держится. Не будь страху—сейчасъ бы меня Жилка зарѣзала.

Мать Клеопатра видимо желала укоротить свиданіе. Оно ей было тяжело.

— Леля, за тобою вотъ тесть пріѣхалъ. Ты готова?

— Да, мать Клеопатра. Спасибо, что пріютили, отдышаться дали... — И голосъ Копровой дрогнувъ отъ внутренняго волненія.

Моисей Лукича точно хлыстомъ ударили.

Вскочилъ, пробѣжался по комнатѣ.

— Изволите видѣть, каковы нынѣшнія. Имъ дома-то, въ супружескихъ апартаментахъ, дышать не даютъ. Скажите, какія мученицы своего характеру! Въ муслипахъ да бархатахъ!

— И впередъ милости прошу,—спокойно продолжала мать Клеопатра.—Помни, что Христосъ сказалъ: „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы“. А монастырь—домъ Христовъ.

— Поощряйте, поощряйте, мать Клеопатра!

— И еще,—тихо вступилась Александра,—будетъ не по силамъ—помни, у меня остались кое-какія заручки въ Петербургѣ. Мать Клеопатра благословить—сама поѣду похлопотать.

— Вотъ-вотъ!—бѣсновался Моисей Лукичъ.—Истинно слово напутственное! Вы бы о смиреніи, о почитаніи старшихъ... А впрочемъ этому мы и сами теперь научимъ. Научимъ-съ... научимъ... Не то что „скакаша и играша“. Сдѣлайте одолженіе—и даже такъ, что на всю жизнь будетъ памятно.

Онъ засмѣялся и опять сѣлъ.

— Ты не грози... Ты лаской старайся. Угрозой ничего не возьмешь... Только ожесточишь.

— Христосъ, мать Клеопатра, вервѣмъ на торжищѣ...

— Такъ то Христосъ, неразумная твоя голова. Къ кому приравнялъ себя! Кошунственный старикъ, опомнись. Видѣла я разныхъ людей во всѣхъ сословіяхъ, но такихъ, прости Господи, не удавалось. А тебѣ, Елена, совѣтую—побѣди мужа добротой, прощеніемъ, лаской.

— Повиновеніемъ,—вставилъ Моисей Лукичъ.—Пальцемъ шевельнешь—слушай. И меня тоже.

— Это ужъ издѣвательство... Такъ вотъ—утихомирить васъ Господь милостивый—отпиши, а мы за тебя молиться будемъ... Прощай, родная!—и она благословила Елену, прижавшую къ ея рукамъ.

— Вотъ вы, мать Клеопатра, какъ людей не цѣните. Хотя вы меня и обидѣли въ церкви передъ всею паствой, но я по заповѣди зла на васъ не помню и всей душой къ вамъ.

— Спасибо тебѣ.

— И даже такъ, что хотѣлъ отвезти сумму отцу Геронтію, но отдумалъ. Все же Елена—Копровой прозывается, а даромъ Копровы ничѣмъ не пользуются. Насъ выискала Господь милостью, и мы Христа ради другимъ тоже. Вотъ получите—отъ щедротъ.

Онъ положилъ конвертъ на столъ.

Мать Клеопатра поклонилась ему.

— Да вы сочитите... Ахнете!

— Зачѣмъ? Казначел сочтетъ и въ книгу запишетъ отъ вашего имени.

— Тутъ, помилуйте, пять тысячъ. Цифру-то и выговоришь не сразу. На свѣтское дѣло пожертвуешь—сейчасъ въ газетахъ... обнародывается на всю Россійскую имперію и даже съ разными философіями. Щедрый датель, великодушный жертвователь, неистощимый благодѣтель...

— Это ужъ ты самъ старайся обнародовать. Не наше, не монастырское дѣло.

— Я не для того... А только видя ваше равнодушіе.

— Ты Богу даешь—отъ Бога и жди. Жаль тебѣ—возьми назадъ. А мы не гонимся.

Елена по знаку матери Клеопатры встала.

Прощаясь съ ней и съ тетей, она разрыдалась.

Моисей Лукичъ нетерпѣливо постукивалъ палочкой. Вышли, по дворѣ новая задержка. Прибѣжала Софья Владиміровна и кинулась къ Еленѣ.

— Ну, разверзлись источники водные,—негодовалъ Моисей Лукичъ.—Не на смерть веду.

— Иная жизнь хуже смерти!—тихо проговорилъ кто-то около.

Оглянулись, изъ темноты медленно выдвинулась мать Агнія, худая, длинная. Подошла къ Еленѣ Борисовнѣ.

— И я тебя обижала. Прости... не помни. Сама стражду...

Вдали мелькали другія фигуры, черныя, смутныя.

Изъ всѣхъ келій выходили монахини.

— Прощайте, Елена Борисовна... прощайте. Благослови васъ Богъ.

— Любить васъ здѣсь, какъ любятъ!—восхищался Копровъ.—Слаже прощайтесь—скоро не увидите. Ишь какія чернички-то добрыя. Слезорыдательныя инокини,—должно-быть, у каждой-то въ міру тоже хвостъ былъ замаранъ, потому и сочувствуютъ. Свой своему... Однако, госпожи монахини, дозвольте намъ наконецъ уѣхать. Угасите пламень сердець, очень ужъ это избыточественно.

Оторвалась Елена Борисовна отъ послѣдней, какъ опять Софья Владиміровна у нея на шеѣ повисла.

— Госпожа Агусева, — разозлился Копровъ.—Полегче. Горбъ повредите. Послѣ наплачетесь—вся ночь впереди.

— Что бы ни случилось, тетя, не обвиняй меня...

Только потомъ мать Александра вспомнила послѣднія слова племянницы.

— Бога помни!—напутствовала мать Степанида подъ воротами.

— Ну и эта, чуха, туда же!—ужъ у кареты восклицалъ Копровъ.—Мать привратница, не зѣвайте вы ради Бога, и безъ васъ тошно.

— Бога бойся!—не обращала та никакого вниманія на него.—Вѣсовскія искушенія крестомъ покрывай. Страсть онъ, чортъ-отъ, креста не любитъ. Только ты дойдешь до „силоу Честнаго Животворящаго“,—а онъ ужъ гдѣ. Одинъ хвостъ у него, у мерзавца, мелькаетъ!..

Сѣли въ карету. На облучкѣ Жилка съ кучеромъ. Вдали изъ темноты показались четверо конныхъ.

— Почетный конвой! Вотъ мы какъ,—хитро подмигивалъ Моисей Лукичъ матери Клеопатрѣ, и потомъ, вдругъ принявъ смиренный видъ:—Время, матушка, почное—злые люди стариковъ пугаютъ. Ну, такъ я для вѣрности. Флегонтъ!

Громадный бородатый мужикъ подѣхалъ.

— У тебя ружье?

— Точно такъ.

— Чуть-что... пали!—И Моисей Лукичъ засмѣялся.—Вотъ мы какъ нынче сокровище бережемъ. Красавица—всякому лестно. Волки-то за чужой овцой какъ гоняются. Иной и во образѣ и подобіи человѣческомъ

хуже волка, а тутъ ему сейчасъ свинцовую штучку въ лобъ. Понимай. Ночнымъ-то временемъ всякій въ правѣ. Я почему знаю кто... Помяни, Господи, душу раба Твоего, боярина Николая, и учини ее въ селеніяхъ праведныхъ.

И довольный своей шуткой, откинулся въ уголь кареты.

— Трогай!.. Флегонтъ, выйдемъ, ты попалъ. Такъ, для острастки. Пусть слышитъ. Ну, съ Богомъ!.. Жилка, гляди... Чуть что... Заслуживай отчетъ, каналья!

XVII.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи.

Елена Борисовна сначала смотрѣла безучастно въ окно, но потомъ зажмурилась. Ей хотѣлось притвориться спящею. Бесѣда съ тестемъ не могла доставить ей ничего, кромѣ новой муки. Въ окно кареты нельзя было разобрать ничего. Въ одномъ только мѣстѣ мелькнуло далеко-далеко желтое пятно. Должно-быть гдѣ-то въ сторонѣ горѣла деревня, и зарево пожара чуть-чуть мерещилось сюда, зловѣще нарушая тяжелый мракъ. Фонари кареты выхватывали изъ него, — колосившіяся нивы, странно отбрасывая свой бѣлый отсвѣтъ на ихъ золотыя иглы. Онѣ точно рождались въ темнотѣ, чтобы тотчасъ же умереть въ ней. Такая же смутная непроглядъ была и въ душѣ Елены Борисовны. Она съ нѣкоторымъ трепетомъ думала о томъ, что эту ночь и завтра, и всю недѣлю нужно пробыть въ ненавистной обстановкѣ. Послѣ короткаго отдыха, „домъ“ казался ей издали адомъ. Хорошо, что она предупредила Николая Львовича, а то бы онъ погнался за нею и наткнулся на пулю. Флегонтъ — она слышала о немъ. Его нарочно для этихъ проводовъ вызвалъ Моисей Лукичъ. Онъ былъ у старика лѣснымъ сторожемъ вдали. Крестьяне его ненавидѣли, но ничего не могли сдѣлать. Мужичище отличался страшною силою и жестокостью. Онъ стрѣлялъ по порубщику, какъ по медвѣдю, и на его душѣ было уже нѣсколько такихъ грѣховъ. Самъ Копровъ называлъ его „псомъ“, только прибавлялъ „вѣрный“, при чемъ не могъ удержаться никогда отъ замѣчанія: „пока кормлю. А то и меня уложитъ...“ Что-то теперь Семигоровъ? И Елена Борисовна, несмотря на свою печаль, улыбнулась, воображая какъ тотъ бѣснуется, суетится, мечется...

„Заснуть бы! — думала она, — хорошо бы до завтра!.. А тамъ...“ — и вдругъ вздрогнула.

Въ углу въ каретѣ Моисей Лукичъ смѣлся тихимъ, злымъ хохоткомъ, дѣланнымъ, какъ всегда, нарочно, чтобы его слышали другіе и встревожились.

— Что-жъ ты у меня о мужѣ не спросишь.

— О мужѣ? О какомъ мужѣ? — очнулась и въ первую минуту ничего не поняла Елена Борисовна.

— Ай, да мы... О какомъ!.. О законномъ. Объ Алексѣѣ... — и опять тотъ же противный крадущійся смѣхъ.

— Объ Алексѣѣ. Не интересуюсь, потому и не спрашиваю.

— Откровенно.

И Моисей Лукичъ, подскочивъ, ступнулъ мягкой, похожей на капоръ шапкой въ верхъ кареты.

— Откровенно. Хвалю за обычай!.. Настоящій въ Бобелинѣ... Не Бобелина, а Бобелинъ. Въ молодости моей продавали, — греческую дѣвицу Бобелину, за безстрашіе. На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ висѣла... Ну, а вы куда безстрашнѣе, значитъ, вы какъ бы кавалеръ Бобелинъ.

Она молчала, рѣшившись терпѣть.

— Да... истинная супружеская любовь! Не интересуюсь да и только.

— И любви нѣтъ... Все, что было — вышло...

— Ловко! Весь товаръ распроданъ. Ничего въ лавкѣ не осталось! Чудесное дѣло. Значитъ, Алешка на пу-

стомъ мѣстѣ. Что же ты теперь, съ какими чувствами къ нему?

— Ни съ какими.

— И еще того лучше. Въ наше время тоже бывало только на другой манеръ. Супруги пошаливали. Я еще на ногахъ не стоялъ, только духомъ прорасти началъ, а пера настоящаго не было. Ну, извѣстно, холостой съ хозяйской бабой спутался. Только та куда добрѣе была. Сколько разовъ сказывала: не люблю я мужа. Тебя люблю, а его жалю. Страсть какъ жалю. На-супитса онъ, — у нея подъ ложечкой сейчасъ. А у тебя и жалости нѣтъ.

— Ему не нужна моя жалость!..

— Бухгалтерія въ порядкѣ, — не нужна и не надо, и нѣту... Вся не долга... И ты это не боишься... такъ просто...

— Чего же мнѣ бояться? — тихо, точно сама себя отвѣтила она.

Моисей Лукичъ опять захохоталъ про себя. Даже съежился и руками въ муфтѣ за животь схватился.

— Ну, какъ знать — сюрпризы бываютъ тоже. Думаешь, на одно — анъ глядъ выходитъ другое. И никого не боишься. Меня напимѣрь?

— Васъ, нисколько.

У нея вышло рѣзко и сильно, точно она давно хотѣла ему сказать это.

— Благодарю... А не мѣшало бы, ежели по Божьему.

— Я бы васъ любила, будь вы настоящій человекъ.

— А то какой же, аплике?

— Я выходила замужъ, — Господи какъ глупа была, — думала, найду семью, гдѣ меня полюбятъ, и сама давала обѣщаніе жить для мужа и для васъ. Первое время въ глаза вамъ смотрѣла, привычки изучала, чтобы пріятной быть. Дома избаловали меня, и ломала себя самою, чтобы не испортить вамъ жизни. Мужемъ — гордиться хотѣла. На словахъ онъ орелъ былъ. Распусти крылья, казалось, вселенной ему мало. Воображала — вотъ сила! Рядомъ съ нимъ ничего не страшно. И что-жъ, году не прошло...

— Ну-ну! — поощрялъ Моисей Лукичъ. — Ну-ко. Не стѣсняйся, невѣстушка, выкладывай. Накипѣло вѣдь, — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Не жалѣй насъ, дураковъ.

— Да и я не жалю теперь. Не стѣбить... Я помню, разглядѣла васъ обоихъ, — въ какой ужасъ пришла. Вѣдь это тюрьма, ахъ! Алексѣй Моисеевичъ, развѣ это человекъ! Кукла въ вашихъ рукахъ. У него при васъ и языкъ отымается. Онъ и думать не смѣетъ своимъ умомъ... Шарманка настоящая: не вертять ручку — молчить.

— Ну, ну... еще... Описывай, какіе мы.

— Орелъ! Да такихъ и курятъ нѣтъ. И чего боитса... Васъ. Господи, да развѣ вы сила?

— Я! — взвинулъ Моисей Лукичъ. — А что-жъ я потвоему, черная немочь, что ли.

— Нѣтъ... Нарывы такіе есть. Болить-болить, наливается-наливается и никакъ лопнуть не можетъ. Ну, какая вы сила — оглянитса на себя. Вы только и сильны потому, что все окружающее васъ слабо и подло. Для меня вы теперь — ничто. Понимаете. Не только болтъся васъ, но и думать о васъ я не буду. Ноль — и только. Посмотрите: ну кто васъ любитъ? Вѣдь между Жилкой и Алексѣемъ Моисеевичемъ — никакой разницы. И того, и другого только деньги ваши да собственная ихъ низость держать около васъ. Оба они — обрадуются, когда васъ не будетъ... Сила! Говорю я Алексѣю: „уйдемъ отъ старика... Жить намъ вмѣстѣ нельзя“. Что-жъ онъ? Жалъ оставить васъ, огорчить васъ — ничуть. „А миллионы кому пойдутъ? Думаешь онъ оставить мнѣ — какъ же“. Вотъ въ чемъ ваша сила, да и то для тѣхъ, кому эти проклятыя деньги нужны... А кто ихъ не цѣнитъ, да тотъ и вниманія на васъ не обратитъ. Мнѣ смѣшно даже, что я изъ-за васъ когда-то мучилась... Вотъ

тоже. Вы сами спасуете передь настоящей силой. Вѣдь, чтобы имѣть возможность другихъ мучить безнаказанно, что вы дѣлаете? каждому кто властенъ — чуть не въ ноги! Кому вы кланяться ѣздите? Не вы ли говорили — знаю, что мерзавцы, а все заручиться нужно — пригодятся. Развѣ это настоящая сила? Да явись такая — она васъ къ ногамъ прибьетъ, въ пыль затопчетъ!.. Уважать васъ?—за что, скажите. За то, что вы буслаевскихъ сиротъ такъ опекали, что они изъ миліонеровъ нищими стали? За то, что воинскіи команды у насъ отъ вашихъ подрядовъ чуть ли не цѣлкомъ на кладбище перешли. Или, можетъ, за пожары?.. Отлично застраховались! — Семушкинъ видѣлъ, какъ вы въ подвалахъ-то стружки керосиномъ обливали. Самъ онъ умеръ странною смертью. Можетъ-быть, и она вамъ на счетъ у Бога записана. Сила! Развѣ силѣ нужна подлость. А въ голодные годы кто взбилъ хлѣбъ до цѣны, которую вашъ же сынокъ называлъ жидовской!.. Сила!.. Хороша сила..

Въ каретѣ — молчало все. Мягко шуршали колеса по пыльной дорогѣ. Тяжело дышалъ Копрровъ.

— Я вамъ должна была высказаться. Васъ не исправиль — не для того. А чтобы разъ навсегда вы знали, что мнѣ уважать васъ не за что и бояться васъ не стоить. Поняли?..

— Понялъ... Довольно! Ну, постой—теперь и ты у меня запоешь... Оно и лучше—такъ-то. Руки у меня развязаны. Я тебѣ покажу, какая я сила. Натѣшусь и я надъ тобой. Каждое твое слово у тебя бокомъ да сокомъ выльзетъ. Ты у меня въ ногахъ пополазешь... Виниться будешь, а я тебя сапогомъ въ зубы... Ты ужъ заодно скажи. Полюбовника завела?

— Она опять замолчала, откинувшись въ уголокъ кареты.

— Ай, храбрости не хватило? Пыжилась баба, да брюхо лопнуло... Все знаю, все знаю. И какъ въ село бѣгала къ нему, и по лѣсу пряталась... Все знаю. Храбра, а тутъ испугалась...

— Поймите разъ навсегда: ничего и никого я не боюсь. Молчала потому, что женщины не говорятъ объ этомъ. Ну, ужъ разъ хотите вы знать—такъ вотъ вамъ: да, люблю другого! Кого? — Николая Львовича. Видѣлась съ нимъ? Да, видѣлась, къ нему ходила и по лѣсу пряталась. Хотя и ничего дурного между нами не было!

— Дстойно и праведно.

Онъ сорвалъ свой котиковый капоръ и поклонился ей.

— Спасибо, благодаримъ съ сыномъ. А мы, дураки, хотѣли васъ на испытаніе и исправленіе. Авось-де обломаетъ. А вы вотъ какъ. Ну, что-жъ. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Меня не хотѣли почтить — Флегонту поклонитесь. Онъ рабъ вѣрный. Ему оглобли-то гнуть въ лѣсу за пустое дѣло. И васъ согнетъ. Ничего что княжна. Онъ и надъ княжной, по моему приказу, поломается, да еще какъ! А чуть что—гука не знаете? Что такое гука? Ну такъ вотъ погодите: скоро... Повоюете. Красоту онъ съ лика сбавитъ.

— Не говорите глупостей, Моисей Лукичъ.

— Да ты что, дура, шучу я, воображаешь. Возьми глаза въ руки. Думаешь, мы въ городъ ѣдемъ?

И вдругъ расхохотался во всю, торжествующимъ, наглымъ смѣхомъ, и закашлялся.

— А то куда же?—оторопѣла та.

— Ахъ ты, поскуда. Ты такъ со мной говорить... Ахъ ты...

— Моисей Лукичъ, еще одно слово, и...

— Ну, ну.

— Я выйду и пойду пѣшкомъ одна.

— Попробуй. Ты посмотри, куда мы ѣдемъ.

Фонари отъ кареты бросали желтоватый колеблющійся отсвѣтъ на толстые сѣрые стволы. Иной разъ они пропадали, и только тутъ Елена Борисовна разсмотрѣла густую листву, стучавшуюся въ окно, хлеставшую по верху кареты, отгибавшуюся подъ ея напоромъ въ стороны съ такимъ шорохомъ, на который минуту назадъ она не обращала вниманія. Потомъ опять шли корявые деревья, большого и видимо стараго лѣса...

— Куда мы ѣдемъ? Куда вы меня везете?

— А, заплѣла птичка... Въ хорошее мѣсто... Слышала ты, что въ лѣсахъ потайны есть. И стоять въ этихъ потайнахъ у насъ, у лѣсовщиковъ, дома... И что въ этихъ домахъ дѣлается—одинъ лѣсъ видить и никому не скажется. Молчить дубрѣва—не ея дѣло. Забей, убей, зарѣжь, измучь — не шелохнется, не ея дѣло. Поняла?.. Поняла теперь? Ну-ко, отчитай меня еще... Отчитай! Ничего. Я все вытерплю, все... За меня тебя Флегонтъ постегаетъ... Мужикаго кнута попробуешь.

Елена Борисовна хотѣла отворить окно... Оно оказалось забито. Она дергала за ремень, подъ тотъ же торжествующій смѣхъ Моисея Лукича, но рама вздрагивала и не поддавалась...

— Прикажете сейчасъ остановить карету... Слышите!

— Вотъ-вотъ. Прикажи сама. Авось послушаютъ.

— Чего же вы хотите отъ меня?

— Истиранить тебя, измучить, извести гадину. Чтобы въ навозѣ не шуршало...

Елена Борисовна замерла на мгновение и вдругъ съ силой ударила кулакомъ по окошку. Не замѣчая, что ея рука вся изрѣзалась объ осколки стекла и облилась кровью, она закричала:

— Остановитесь... Стой!..

Но въ отвѣтъ ей былъ тотъ же тихій смѣхъ въ углу.

— Спасите!.. Кто тутъ?!

— Кричи, кричи... Авось, медвѣдъ тебя услышитъ. Тутъ мое царство. Нѣсть власти, аще не моя! Думалъ я честь-честью утопилась и насъ отъ себя избавила—нѣтъ, шельма. Ну, такъ мы тебя сами... У насъ тутъ всякія мѣры найдутся. Пополочемъ тебя. Узнаешь, княжецкое отродье!..

Елена Борисовна опять смолкла, но тотчасъ же и гнѣвъ, и презрѣніе закружили ее, точно она въ вихрь попала. Не зная сама, что дѣлаетъ, кинулась на Моисея Лукича и схватила его за плечи.

— Жилка... Флегонтъ!—послышался испуганный голосъ Копррова.—Стой!

Карета сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и остановилась.

(Продолженіе будетъ.)

Уродъ.

Разсказъ Леона де-Тенсо.

Каждый разъ, когда я возвращаюсь изъ заграничнаго путешествія, я задаю себѣ вопросъ, хотѣлось ли бы мнѣ окончить дни въ средѣ того народа, который я только что покинулъ? Правда, можно прожить всю жизнь въ увѣренности, что Франція рай земной, но въ такомъ случаѣ, лучше не дѣлать кругосвѣтнаго путешествія. Возвращаясь во-свои, я всегда удивлялся пренебреженію, съ какимъ относятся французская администрація къ удобствамъ публики.

Тѣмъ не менѣе—и это льститъ моему патріотическому чувству — я нахожу и въ другихъ странахъ извѣстныя слабья стороны, которыя убиваютъ во мнѣ желаніе сдѣлаться ихъ

гражданиномъ. Англія мокаетъ въ дождяхъ и туманахъ; Швейцарія — страна гостиницъ; Испанія, сама того не замѣчая, не умѣетъ ни ѣсть, ни умываться; Италія—жестоко злоупотребляетъ музеями и развалинами, не говоря уже о развалинахъ собственныхъ финансовъ; Германія—подавлена методичностью; Россія... по, тсс... Россія наша союзница!..

Если я не ошибаюсь, Америка представляетъ собою наиболѣе соблазновъ. Проведи нѣсколько недѣль въ этой странѣ, — которая могла бы избрать себѣ девизомъ: „все для путешественниковъ!“—вы очарованы легкостью жизни, дотолъ вамъ незнакомой. Вы говорите себѣ: „Вотъ, гдѣ я хотѣлъ бы соста-

Президентъ французской республики Феликсъ Форъ. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

ряться!..“ Но стѣбитъ проникнуть поглубже въ мѣстную интимную жизнь, чтобы испытать разочарованіе; у американцевъ есть своя скрытая рана: это—прислуга. Или, вѣрнѣе сказать, у нихъ вовсе нѣтъ прислуги. Довольно того, что несчастные американцы находятъ возможнымъ завидовать намъ въ этомъ отношеніи!..

Вотъ, для примѣра, небольшой рассказъ, относящійся къ весьма недавнему времени.

I.

Въ одной изъ двухъ милыхъ отъ Гартфорда, на склопѣ, господствующемъ надъ хорошею рѣчкой, приткомъ Коннектикута, находится резиденція достойнѣйшаго Томаса Корбинса, составившаго себѣ значительное состояніе на производствѣ револьверовъ, а можетъ-быть, и велосипедовъ.

Томасъ Корбинсъ имѣетъ одно большое несчастье: онъ вдовъ, и одно большое достоинство: онъ отличается простотой вкуса. Можно было бы сильно ошибиться, если бы судить о состояніи достойнаго мистера Корбинса по размѣрамъ его дома или той ногѣ, на которую онъ поставленъ. У Томаса Корбинса — единственная дочь, красавица, и двѣ младшія сестры, изъ которыхъ каждая обзавелась двумя дѣтьми. Все это общество пріѣзжаетъ погостить недѣли на двѣ, во время вакацій.

Такимъ образомъ, коттеджъ мистера Корбинса былъ набитъ не хуже швейцарскаго отеля въ то жаркое сентябрьское утро, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь. Миссъ Корбинсъ рано спустилась внизъ, чтобы распорядиться по хозяйству. Она была нѣсколько удивлена, увидѣвъ, что ея кухарка-прландка продолжаетъ; при ея появленіи, сидѣть въ креслѣ и обмахиваться вѣеромъ съ томностью креолки, ожидающей, чтобы ей подали шоколадъ. Но мы все знаемъ, какъ спиходительно, чтобы не сказать подобострастно, приходится относиться къ кухаркамъ, особенно, когда домъ биткомъ набитъ гостями. Дороти Корбинсъ нахмурила свои хорошенькія черныя бровки, но сдѣлала видъ, что не находитъ въ манерахъ ирландки ничего необыкновенно.

— Что, Бриджетъ, жарко?—проговорила она съ кротостью.

— Жарко! — повторила прландка. — Вы называете это „жарко“, миссъ? А я называю это нежломъ, адомъ кромѣшнымъ, и потому ужоу.

— Полно, милая моя, вѣдь солнце не менѣе печетъ во всякомъ другомъ домѣ въ Коннектикутѣ. Не могли же вы ожидать, что въ сентябрѣ будетъ прохладно.

— Можетъ-быть. Но я не ожидала также, что мнѣ придется готовить и мыть посуду на десять человѣкъ.

— Наши родственники пріѣхали только пять дней тому назадъ и останутся двѣ недѣли,—отвѣчала бѣдная Дороти.— Не могу же я изъ-за васъ выгнать ихъ изъ дому.

— И не надо, миссъ. Держите ихъ не то что двѣ недѣли, а хоть два мѣсяца, хоть два года. Мнѣ все равно: я сейчасъ ужоу.

— Но вы „должны“ мнѣ еще недѣлю, Бриджетъ.

— Это пустоел. Вы можете вычесть у меня изъ жалованья за недѣлю. Здоровье мнѣ дороже денегъ.

Часть снугія ирландка уже исчезла, и Дороти Корбинсъ принялась готовить завтракъ на десять персонъ или, лучше сказать, на девять, такъ какъ отецъ ея завтракалъ обыкновенно въ городѣ, но сѣдѣству со своимъ заводомъ.

Юная американка энергично взялась за дѣло. Кромѣ сбѣжавшей Бриджетъ, на весь домъ была только одна служанка, родомъ изъ Новой-Шотландіи, не безъ труда согласившаяся мыть посуду, но съ условіемъ, чтобы ее не заставляли подходить къ печкѣ. Она, по ея словамъ, была подвержена сильнѣйшимъ мигренямъ; въ сущности же, она боялась испортить свой цвѣтъ лица, который ея „молодой человѣкъ“ называлъ цесравненнымъ.

Надо замѣтить, что задача Дороти была менѣе тяжела, чѣмъ оказалась бы въ Европѣ. Миски, булочки, бакалейники, зеленники, продавецъ фруктовъ, масла и дичи, приходили за приказаніями сами и приносили всю провизію на домъ. И Дороти, одѣтая въ самое легкое платье, еще болѣе хорошея въ своемъ ослѣпительно бѣломъ передничкѣ, не жаловалась и сохранила прекрасное расположение духа, особенно въ тѣ дни, когда вся семья завтракала на одной изъ виллъ, въ окрестностяхъ Гартфорда.

Въ одинъ изъ такихъ счастливыхъ дней миссъ Корбинсъ оставалась одна на кухнѣ, занятая приготовленіемъ sponge cake, составлявшаго вѣнецъ ея обѣденнаго меню. Всѣ составныя части были уже отвѣшены, отмѣрены и разложены въ порядкѣ на столѣ: сахаръ, мука, лимоны и яйца лежали отсчитанные въ мискѣ, рядомъ съ автоматической машинкой для сбиванія бѣлковъ. Сбѣшить было некуда, и прекрасная миссъ Корбинсъ, элегантная, несмотря ни на что, въ своемъ тонкомъ полотняномъ передничкѣ, расхаживала по просторной кухнѣ, устланной толстымъ линолеумомъ, который придавалъ эластичность шагамъ. Посуда красной мѣди висѣла кругомъ, начиная съ маленькой формочки для шпрожанаго и кончая огромнымъ резервуаромъ для кипяченой воды, привѣшеннымъ, по американскому обычаю, къ стѣнѣ, подъ самымъ потолкомъ. На этомъ горничемъ фойѣ смуглая красота Дороти выдѣлялась еще выгодиѣе, чѣмъ среди менѣе яркихъ тоновъ гостиной.

Вѣроятно, молодая дѣвушка сама сознавала это, потому что легкая улыбка открывала по временамъ ея пунцовыя губки, показывая рядъ жемчужныхъ зубовъ.

II.

Между тѣмъ къ дому подѣхалъ вагонъ электрической желѣзной дороги, напоминая, своимъ длиннымъ шестомъ, направленнымъ къ воздушному кабелю, гигантскаго рыболова, сбѣнащаго домой. Вагонъ остановился почти моментально, и изъ него вышелъ молодой человѣкъ съ бѣлоклыми усами и голубыми глазами, но такими бѣлоклыми усами и такими голубыми глазами, въ которыхъ не было ничего англо-саксонскаго. Онъ былъ хорошо одѣтъ, но на костюмѣ его не было безличнаго отпечатка элегантности американца, для котораго быть хорошо одѣтымъ значитъ: надѣть въ первый разъ новое платье. Впрочемъ, и покрой бѣлья и въ особенности фасонъ галстука достаточно ясно выдавали обитателя Парижа, и дѣйствительно, виконтъ Максъ де-Резаль явился прямо, или почти прямо, изъ Парижа.

Отворивъ калитку, продѣланную въ красноватой изгороди, рядомъ съ большими воротами, молодой человѣкъ направился къ дому, по усыпанной бѣлымъ пескомъ дорожкѣ, на которую бросали пятна тѣни большія деревья. На ходу, онъ разсматривалъ зданіе. Въ общемъ, вилла Томаса Корбинса была одна изъ наименѣе грандіозныхъ въ Гартфордѣ; тѣмъ не менѣе, за ея безпретенціозными стѣнами чувствовался комфортъ и зажиточность.

Ландская лайка, спавшая на одномъ изъ креселъ на верандѣ, залаяла при появленіи Резаля, и лай этотъ въ парившей вокругъ мертвой тишинѣ прозвучалъ точно набатный колоколъ. На балкончикѣ одной изъ мансардъ, въ стилѣ королевы Анны, появилась служанка, съ волосами куделью. Она, казалась, ожидала вопроса посѣтителя.

— Мосея Корбинсъ?—повторилъ нѣсколько разъ молодой человѣкъ, дѣлая отчаянныя усилія произнести слово повѣрнѣе.

Онъ попробовалъ и Корбинсъ, и Курбинсъ, и Кербинсъ, и, наконецъ, Корбенеъ, но все съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Собственныя имена составляютъ камень преткновенія для всякаго мало знакомаго со страной... и съ языкомъ. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя.

— Да что, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ по-французски,—вѣдь мы въ домѣ Корбинса: кондукторъ указалъ мнѣ. Такъ, кажется, можно догадаться, что я спрашиваю его, а не Джоржа Вашингтона!

Острота молодого посѣтителя пронала даромъ. Особа съ волосами куделью сдѣлала только круговую жестъ рукой, проговоривъ какую-то фразу, изъ которой Максъ понялъ одно только послѣднее слово: кухня. Затѣмъ она скрылась.

— Ну, что-жъ, поощемъ кухню,—сказалъ Максъ про себя.— Но я скажу Пьеру, что онъ направилъ меня въ очень страннй домъ. Только бы не напрасно потерять время!

Идя боковымъ фасадомъ, Максъ заглянулъ въ гостиную, черезъ большое сводчатое окно. Гостиная, убранная въ своемъ родѣ элегантно, казалась пуста. Газовая люстра, убійственной формы, могла бы воцѣпъ въ обморочъ человѣка со вкусомъ. Зато по стѣнамъ висѣли полотна лучшихъ мастеровъ. Тутъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, становилось очевиднымъ, что мистеръ Томасъ Корбинсъ обладаетъ большимъ состояніемъ и умѣетъ съ толкомъ тратить его.

Вскорѣ Максъ замѣтилъ, подъ широкимъ навѣсомъ, открытую дверь и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вошелъ въ нее.

Въ полусвѣтѣ кухни, съ открытыми отъ жары и мухъ ставнями, двигалась какая-то женская фигура. Она обернулась и увидѣла въ просвѣтѣ дверей молодой, стройной и элегантной мужской силуэтъ.

— Это вы, кузенъ Вилли? — спросила кухарка на своемъ родномъ языкѣ.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что я не Вилли,—отвѣчалъ Максъ, цеская въ ходъ все свое знаніе англійскаго языка, весьма, впрочемъ, умѣренное. — Я иностранецъ, желающій повидать мистера Корбинса, и, клянусь Юпитеромъ, въ этомъ домѣ очень трудно добиться чего-нибудь.

Миссъ Дороти разбивала яйца, очень внимательно отдѣляя желтки отъ бѣлковъ.

— Никого нѣтъ дома, — возразила она спокойно, нисколько не смущаясь высказаннымъ ей упрекомъ. — А мистеръ Корбинсъ по обыкновенію на заводѣ. Туда вамъ бы и слѣдовало направиться.

— Я къ мистеру Корбинсу не по дѣлу.

— У васъ есть рекомендаціи?

— Конечно; вотъ она.

Миссъ Корбинсъ выла незапечатанный конвертъ, вынула вложенную въ него карточку и прочла содержимое, къ величайшему изумленію Резаля, который никакъ не предполагалъ, несмотря на все слышанное имя, чтобы безцеремонность американской кухарки могла доходить до такихъ предѣловъ. На карточкѣ было всего три строчки: Маркизъ де-Сенъ-Сибаръ напоминалъ о себѣ мистеру Томасу Корбинсу и представлялъ ему своего лучшаго друга, виконта Макса де-Резаля, отправляющагося на нѣсколько мѣсяцевъ въ Америку.

Надо сказать, что Пьеръ де-Сенъ-Сибаръ самъ перешлыъ

океанъ два или три года тому назадъ, нисколько не скрывая отъ своихъ знакомыхъ, что онъ рискуетъ морской болѣзью, въ надеждѣ найти богатую невѣсту. И богатая невѣста дѣйствительно нашлась въ лицѣ одной некрасивой дѣвушки, покорить которую было очень легко такому опытному практику, какъ Шеръ. Увезенная тотчасъ послѣ свадьбы въ Парижъ, Бѣдная Лили Эверсонъ не чувствовала себя счастливой, какъ видно было даже изъ ея писемъ. Дороти, хотя и не близкая пріятельница новой маркизы, слышала тѣмъ не менѣе отъ общихъ знакомыхъ о поведеніи Сень-Сибара, отрекомендованнаго когда-то какъ образецъ мужа—въ будущемъ, конечно.

Миссъ Корбинсъ положила на столъ карточку ненавистнаго человека и продолжала разбивать яйца, поспѣивалась про себя коичности положенія. Уголки губъ ея поднялись въ полу-улыбкѣ и сдѣлали ее еще очаровательнѣе.

„Вотъ молодой виконтъ, — размышляла она, — который, навѣрное, тоже ищетъ богатую невѣсту. Возмутительный Сень-Сибаръ, навѣрное, далъ ему цѣлый списокъ. И не обидно ли подумать, что этотъ интриганъ непременно найдетъ себѣ виконтессу, тѣмъ болѣе, что онъ недурень собой; этого цѣлѣн отррицать. Во всякомъ случаѣ, Дороти Корбинсъ не для него. Я не такъ глупа, чтобы увеличить собою число несчастныхъ изъ-за удовольствія имѣть графскія короны на мѣткахъ!“

Бѣдной Дороти не трудно было принять рѣшеніе не выходить замужъ за Макса де-Резаль; но неужели она принуждена будетъ готовить для него обѣды? Если онъ пойдетъ на заводъ къ мистеру Корбинсу, можно быть увѣреннымъ, что его привлекутъ обратно къ обѣду. Пріятная перспектива принимать иностранца, француза, виконта, когда нѣтъ кухарки!.. Какъ быть, чтобы набавиться отъ незваннаго посетителя?

Дороти сама возобновила разговоръ. Не отрываясь отъ дѣла, она придумала средство не дать Максѣ засидѣться въ Гаргфордѣ, и заранѣе забавлялась театральнымъ эффектомъ, который отобьетъ у искателя невѣсты охоту къ ближайшему знакомству съ Корбинсами.

— Въ самомъ дѣлѣ,—спросила она, переходя на французскій языкъ, которымъ владѣла весьма прилично, — вы не по дѣлу желаете видѣть мистера Корбинса?

Максъ въ удивленіи простеръ руки къ небу. „Этого недовѣдало!.. Она говоритъ по-французски!..“

— Мадемузель, если бы мы были во Франціи, я подумалъ бы, что вы—перодебная принцесса. Но, съ тѣхъ поръ, какъ я путешествовалъ по Америкѣ, я далъ себѣ слово ничему не удивляться. Если бы мнѣ сказали, что отъ хорошей кухарки въ Соединенныхъ Штатахъ требуютъ дипломъ капитана дальняго плаванія, я бы и это нашелъ весьма естественнымъ. Я видѣлъ за этотъ мѣсяць столько поразительнаго! Тѣмъ не менѣе, если мнѣ позволено будетъ употребить англійское слово, я скажу, что рекордъ за вами!.. Такъ и говорилъ,—если у меня осталась еще искра сознанія,—что я намѣренъ сдѣлать достойнѣйшему мистеру Корбинсу визитъ простой вѣжливости.

— Гм! Когда онъ на заводѣ, онъ не любитъ, чтобы его беспокоили изъ-за „простой вѣжливости“.

— Весьма естественно,—возразилъ молодой человекъ. — Но, такъ какъ онъ весь день на заводѣ, то для подобныхъ мнѣ „туристовъ“, онъ, значитъ, окончательно невидимъ?

— Туристы рѣдко появляются въ Америкѣ,—проговорила же-кухарка недоувѣрчивымъ тономъ.—А въ особенности французы никогда не прѣзжаютъ ради одной прогулки.

— Могу дать вамъ; однако, честное слово,—проговорилъ Резаль, усаживаясь на тростниковый стулъ,—что я не инженеръ, и не пѣвецъ, и не художникъ, и не романистъ.

— Въ такомъ случаѣ я угадываю, зачѣмъ вы прѣехали въ Америку,—продолжала Дороти, приводя въ движеніе машинку для сбивки.— Вы ищете богатую невѣсту. О!.. Вы можете не скрывать этого передъ простой служанкой.

— Всѣ молодые люди ищутъ богатыхъ невѣстъ,—произнесъ Максъ въ видѣ аксіомы.

— Въ жаркое время года всѣ богатые невѣсты въ Нью-портѣ, милостивый государь. Вотъ куда вамъ слѣдовало направиться.

— Я прямо оттуда! Я провелъ тамъ пятнадцать дней и пятнадцать ночей, если только это можно назвать ночами. Я умираю отъ усталости. Еще такая жара, и меня не было бы въ живыхъ! Я только сегодня утромъ покинулъ это прелестное... по ужасное мѣстечко. Вы, конечно, бывали въ Ньюпортѣ?

— Корбинсы жили тамъ въ прошломъ году,—пояснила Дороти, забавляясь не менѣе самого Макса.— И что-жъ, безъ всякаго результата?

— Безъ малѣйшаго. И, однако, видите Богъ, сколько я тапцовалъ, бывалъ на завтракахъ, обѣдахъ, бѣдиль въ лодкахъ, игралъ въ теннисъ, сколько прослушалъ концертовъ, въ сколькихъ участвовалъ пикникахъ!.. Но ни одна изъ невѣстъ не обратила на меня ни малѣйшаго вниманія.

„Какое! — подумала миссъ Корбинсъ.—Французъ и не фатъ!“

Потомъ, какъ бы въ видѣ утѣшенія, проговорила вслухъ: — Ньюпортскія невѣсты черезчуръ богаты для виконта. Вотъ, если бы вы были хотя маркизомъ!.. Мосе де-Сень-Сибаръ очень скоро обдѣлалъ свое дѣло. Я почти присутство-

вала при заключеніи этой... сдѣлки. Вы знаете, слуги видятъ очень много!.. Бѣдная Лили Эверсонъ!.. Она убѣдилась теперь, что маркизская корона еще не даетъ счастья!..

— Сень-Сибаръ ведетъ себя неозвонительно,—проговорилъ Максъ.—Впрочемъ, онъ никогда не любилъ своей жены. Я такъ не женюсь.

— Какъ, вы хотите жениться на американкѣ безъ денегъ? Что-жъ, есть и такія!..

— Я самъ не имѣю средствъ,—просто отвѣчалъ Максъ,—и не умѣю зарабатывать. Слѣдовательно, я долженъ жениться на богатой. Но я хочу жениться по любви; я хочу, чтобы оба мы были счастливы. И право, мнѣ кажется, что со мной это возможно.

— Вотъ очень хорошія слова, милостивый государь,—проговорила Дороти, и въ черныхъ глазахъ ея мелькнулъ лукавый огонекъ.—Повѣрьте, что они не брошены на вѣтеръ; я отлично понимаю, что мнѣ остается дѣлать.

— Какъ!—воскликнулъ Резаль,—вы думаете!..

— Я ничего не думаю, но я не дурочка. Вы желаете моей помощи; можете быть спокойны. Миссъ Корбинсъ узнаетъ ваши взгляды отъ слова до слова. А пока, поглядите ея паненку; не бойтесь побеспокоить его. Бѣдняга! У него не каждый день просить руки его дочери. Да еще виконтъ! Боже праведный! Можете быть увѣрены, что затрудненія будутъ не съ его стороны.

Максу казалось, что онъ спитъ съ открытыми глазами. Услышавъ эти слова, чреватая опасностью, онъ сразу очнулся.

— Что вы хотите сказать? Развѣ миссъ Корбинсъ?..

— Миссъ Корбинсъ ангелъ доброты и образецъ всѣхъ добродѣтелей. Если бы только физическая сторона соответствовала нравственной!..

— Значитъ, она уродъ?—проговорилъ Максъ, подходя ближе.

— Ахъ, Боже мой, надо знать, что вы называете уродомъ! Некоторые называютъ ее горбатой; но по-моему это преувеличено. Я могу сказать только, что шея ея ушла въ плечи, а ростъ нѣтъ вовсе. Къ сожалѣнію, и цвѣтъ лица соответствуетъ росту. Но имѣйте въ виду, что у насъ судятъ очень строго; у насъ не женятся на деньгахъ. Вотъ почему и повторю, вы имѣете всѣ шансы быть хорошо принятымъ, по крайней мѣрѣ, отцомъ.

Хитрая душа не сомнѣвалась, что Максъ отвѣтитъ:—„Какъ жаль, что она такъ некрасива!.. Но, такъ какъ она образецъ всѣхъ добродѣтелей!.. и такъ какъ другіе обстоятельства вознаграждаютъ недостатки въ наружности!.. Вѣдь въ женитьбѣ всегда надо съ чѣмъ-нибудь мириться!..“ Какой эффектъ!.. Какъ этотъ прощаръ будетъ смущенъ, когда она объявитъ!.. Милостивый государь, передъ вами Дороти Корбинсъ!.. Бѣдный виконтъ! Если онъ послѣ этого всего останется обдѣлать, значитъ, у него очень хорошія аппетиты!..

Но Максъ, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ кармана лундоръ. Онъ приближеть къ подкуну; это еще хуже цинизма. Дороти уже протянула руку, чтобы указать ему на дверь.

— Милый мой,—проговорилъ онъ,—можете вы оказать мнѣ одну услугу? Не говорите никому о томъ, что я былъ здѣсь.

— Отчего? Что вы хотите дѣлать?—пробормотала она, смущенная его неожиданной просьбой.

— Я хочу быть къ вечеру въ Нью-Йоркѣ. Вѣдь это въ трехъ часахъ отсюда, не правда ли?

Богатая невѣста не вѣрила своимъ ушамъ. Желая продлить испытаніе, она проговорила:

— Не забываятъ, милостивый государь, что старикъ Корбинсъ даетъ за дочерью миллионъ, миллионъ чистагогого! Очень можетъ быть, что онъ согласится дать и два, если это будетъ необходимо.

— Вы огорчаете меня,—сказалъ Резаль, кладя лундоръ на столъ.—Я ожидалъ отъ васъ болѣе возвышенныхъ чувствъ. Но, это ваше дѣло. Постарайтесь только не проговориться. Мнѣ не хотѣлось бы показаться невѣжливымъ въ глазахъ миссъ Корбинсъ!

— Вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что она единственная дочь. Никто не можетъ знать, сколько она будетъ имѣть со временемъ. Отецъ ея отложилъ въ прошломъ году восемьдесятъ тысячъ долларовъ только какъ доходъ съ одной движимости.

— Очень радъ и за отца, и за дочку. Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія всю жизнь видѣть передъ собой урода.

— Вы можете поступать, какъ, говорить, поступаютъ всѣ мужья во Франціи. Вы можете поменьше смотрѣть на жену, а ея деньги дадутъ вамъ возможность развлекаться въ домъ.

— Мнѣ очень жаль, что о моихъ соотечественникахъ сложилось здѣсь такое представленіе.

— Отчего же? Ихъ находятъ очень милыми, пріятными собесѣдниками, но людьми легкомысленными, которые считаютъ намѣну пустяками и не могутъ видѣть хорошенькую женщину, чтобы не начать за ней ухаживать.

— Зачѣмъ вы это говорите? Вотъ уже полчаса, что мы съ вами стъ-глазу-на-глазъ, а я даже не сказалъ вамъ, что вы хорошия. Зато теперь, въ наказаніе, я говорю вамъ это.

Молодой виконтъ, очевидно, думалъ, что говорилъ, потому что не двигался съ мѣста, желая подольше полюбоваться оча-

Послѣдніе колосья. Съ карт. академичка Жюли Бретона, грав. Бодх.

Люксембургскій музей въ Паринѣ. „Урокъ катехизиса“. Съ карт. Мелье, авторизованъ „Нива“.

рвагельнымъ существомъ, стоявшимъ передъ нимъ. Что же касается до Дороти, то она была, вѣроятно, смущена своимъ черезчуръ смѣлымъ сужденіемъ. Иначе, почему бы дрожала ея рука, выливаяшая тѣсто въ мѣдную форму? Послѣ краткаго размыслиенія, которое Максъ не считалъ нужнымъ прерывать, она проговорила уже съ менѣе высокомерной поткой въ голосъ:

— Мнѣ очень жаль, что я огорчила васъ, высказавъ о васъ невѣрное сужденіе. Но, мнѣ кажется, мы квиты. Вы сочли меня способной скрыть отъ моихъ господъ, что кто-нибудь приходилъ къ нимъ въ ихъ отсутствіе. Нѣтъ, милостивый государь, я преданная слуга. Мистеръ Корбиасъ узнаетъ, что вы были здѣсь, но, даю вамъ слово, онъ не узнаетъ, *зачѣмъ* вы приходили. Что же касается его дочери...

— О! — возразилъ Максъ, — съ этой стороны я спокоенъ. Я могъ бы тоже поразсказать вашей госпожѣ, съ какими талантами вы описали ея наружность. Но, если вы скажете обо мнѣ, вы заставите меня придти во второй разъ.

Резаль старался, хотя не совѣмъ усѣбно, принять видъ человѣка, которому неприятенъ предстоящій визитъ. Но приговоривъ себя успѣшила утѣшить его:

— Завтра вы будете приняты въ гостиной, а не въ кухнѣ, — сказала она.

— И вриды ли такъ хорошо проведу время, — возразилъ онъ. — Ахъ, зачѣмъ я не Поль Бурже! Какую хорошенькую главу я посвятилъ бы „Сѣверо-американской кухаркѣ!“

— Не смѣшите жъ своихъ сужденійхъ. Вы могли бы ошибиться точно такъ же, какъ и авторъ *Outre-Mer'a*.

— Ну, такъ я и зналъ! — воскликнулъ молодой человѣкъ въ раздуміи. — Вы читали Бурже!.. Что за страна, Боже праведный!.. И подумать только, что я, вѣроятно, не увижу васъ больше!..

— Отчего же? Вы можете увидѣть меня завтра же, если это васъ интересуетъ. Вѣдь я интересна, не правда ли?

— Очень интересны, — сказалъ Резаль, послѣ вѣкотораго колебанія, какъ будто онъ находилъ, что другія прилагательныя лучше передали бы его мысль.

Онъ еще разъ взглянулъ на Дороти и съ глубокимъ вздохомъ удалился, оставивъ свой лундоргъ на столѣ.

Вернувшись въ свой номеръ въ „Гейблейнъ“, онъ попробовалъ собраться съ мыслями, но, видя, что это ему не удастся, вышелъ на улицу, посѣтилъ Капитолій, Атенеи и постарался, по возможности, лучше убить время до обѣда. Вечеромъ, при послѣднихъ лучахъ великолѣпнаго сентябрьскаго солнца, онъ поѣхалъ кататься по довольно пыльной дорогѣ, усаженной великолѣпными деревьями. Оставшись самъ съ собой и получивъ возможность думать — вещь весьма рѣдкая въ путешествіи — онъ увидѣлъ, что очень мало поминяется о ньюпортскихъ красавицахъ и немногимъ болѣе объ „уродѣ“, которого ему предстояло увидѣть на другой день.

О, униженіе!.. Женщина, занимавшая его мысли, возбуждавшая его любопытство, удивлявшая, забавлявшая и почти увлекавшая его — не болѣе, какъ кухарка!

(Окончаніе будетъ.)

Состязаніе.

(Изъ Хозе-Маріи Эредіа.)

Такимъ, какъ нѣкогда бѣжалъ передъ толпой
На играхъ греческихъ при крикахъ восхищенья, —
Лидасъ бѣжитъ теперь быстрѣ дуновенья
И топчетъ цоколь свой чеканною стопой.

Рука напряжена, застылъ пытливый взоръ,
Струится мѣдный потъ, мелькаетъ бѣгъ проворно,
И кажется, атлетъ живымъ сбѣжалъ изъ горна,
Когда онъ плавился и ждалъ его скульпторъ.

Дрожить, трепещетъ грудь въ огнѣ соревнованья,
Ей мало воздуха для жаркаго дыханья,
Всѣ мускулы живутъ усиленъ стальнымъ.

Его влечетъ порывъ борьбы неупорной,
И вихремъ онъ летитъ надъ цоколемъ своимъ
Туда, за славою, за пальмою любимой.

В Жуковскій.

Мостъ императора Александра III въ Парижѣ.

(Съ 2 рисунками на стр. 759 и 760.)

Въ 1900 году, ко времени открытія парижской всемірной выставки, Парижу, какъ извѣстно, предстоитъ обогатиться еще такимъ грандіознымъ сооруженіемъ, какъ мостъ черезъ Сену, заложенный въ октябрѣ прошлаго года Государемъ Императоромъ и названный, въ память Его Незабвеннаго Родителя, мостомъ императора Александра III.

Этотъ грандіозный мостъ будетъ соединять площадь Иваллидовъ съ улицей выставочныхъ зданій и придастъ всей картинѣ очень величественный видъ. Богатія украшенія его своимъ изществомъ еще болѣе усилятъ впечатлѣніе, которое должно получаться, если смотрѣть на дворецъ Иваллидовъ съ шоссе, проложеннаго между двумя новыми выставочными дворцами. А съ другой стороны, если смотрѣть съ моста Согласія, онъ совершенно измѣнитъ характеръ перспективы, представляемой теперь Сеной. Его легкій силуэтъ будетъ красиво выдѣляться надъ поверхностью рѣки; массивные пилоны его упрутся въ массу зелени, на правомъ берегу покрывающей такъ-называемый Cours-la-Reine, а на лѣвомъ — Орсейскую набережную; а стоящій въ отдаленіи дворецъ Трокадеро еще больше выиграетъ своимъ видомъ, вырисовываясь сквозь ажурную, украшенную гирляндами арку моста.

Вообще, можно заранѣе предвидѣть, что новый мостъ не только не нарушитъ красоты Елисейскихъ полей, но, задуманный и исполненный съ самымъ тонкимъ изществомъ и роскошью, еще многое прибавитъ къ прелести этой чудной мѣстности.

По первоначальному проекту предполагалось устроить мостъ шириною въ шестьдесятъ метровъ; но за мостомъ Согласія Сена дѣлаетъ довольно круглой изгибъ, а потому строители и были вынуждены уменьшить ширину до сорока метровъ, чтобы мостъ не угрожалъ опасности судоходству, довольно бойкому въ этомъ мѣстѣ рѣки.

По тѣмъ же самымъ, вѣроятно, соображеніямъ инженеры пришли и къ рѣшенію выстроить мостъ въ одну арку, перекинувъ ее съ одного берега на другой.

Мостъ, строящійся въ память Царственной Особы, да къ тому же и ко времени открытія выставки, само собою разумѣется, долженъ отличаться не одною прочностью и удобствомъ, но и соответствующею вышностью. Строители прекрасно это поняли. Оба они — Жанъ Резаль и Альби — уже рекомендовали себя равнѣ постройкой замѣчательнаго по сво-

ей конструкціи моста Мирабо. При разсмотрѣніи послѣдняго ихъ проекта въ вѣдомствѣ мостовыхъ и шоссевыхъ сообщеній онъ сразу вызвалъ всеобщее одобреніе.

Единственная арка, сложенная изъ сводовыхъ камней, скрѣпленныхъ между собою — словно гигантскимъ позвоночникомъ — изъ литой стали, перекинется надъ рѣкой съ одного берега на другой. Къ такому способу металлической постройки прибѣгаютъ въ первый разъ.

Верхній настилъ будетъ поддерживаться столбами изъ прокатной стали, а весь остовъ состоятъ изъ литыхъ одинаковыхъ фермъ, плотно скрѣпленныхъ между собою. Карнизъ и прибрежныя подпорки — чугунныя, а перила и декоративныя украшенія — изъ бронзы.

Полная длина моста будетъ равняться 107½ метрамъ, а ширина, какъ уже сказано выше, 40 метрамъ; изъ нихъ 20 метровъ въ серединѣ для ѣзды и по 10 метровъ съ каждой стороны для пѣшеходовъ. Общая тяжесть всего сооруженія составитъ 5,400,000 килограммовъ, т. е. около 337,500 пудовъ.

Всѣ металлическія составныя части изготовляются на заводѣ Дейде и Пилле, въ Крейлѣ, который уже равнѣ поставлялъ то же самое при постройкѣ моста Мирабо.

Арка будетъ опираться на обоихъ берегахъ на гранитные быки, тщательно залитые норландскимъ цементомъ; въ горизонтальномъ направленіи каждый быкъ будетъ занимать площадь въ 1,420 квадр. метровъ. Они будутъ построены на песчаной почвѣ, наименѣе подвергающейся осадкамъ, на десять метровъ глубже обычнаго уровня Сены. Работы по установкѣ этихъ быковъ будутъ производиться съ помощью кессоновъ, которые теперь сѣбно строятся тутъ же на мѣстѣ. Предварительныя работы уже сильно подвинулись на правомъ берегу, а теперь приступили къ работамъ и на лѣвомъ. Работы ведутся довольно сѣбно; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя не торопиться, такъ какъ три года — время совѣмъ не большое для такого крупнаго сооруженія.

Техническая, строительная работа инженеровъ Резаля и Альби дополняется декоративною работою архитекторовъ Кассенъ-Бернара и Кузена. На обоихъ берегахъ, на концахъ моста воздвигаются четыре пилоны по 20 метровъ вышины, составленные изъ нѣсколькихъ колоннъ бѣлаго ирамора. На кровляхъ этихъ пилоновъ будутъ красоваться бронзовыя статуи Славы. На гранитныхъ пьедесталахъ будутъ помѣщены

четыре мраморныя фигуры: со стороны площади Согласія— Россія и Франція съ атрибутами мира, а со стороны дворца Иваллидовъ— тѣ же фигуры, но въ военныхъ доспѣхахъ. Передъ пилонами, на пьедесталахъ изъ розоваго мрамора, отъ которыхъ пойдетъ рѣшетка набережной, будутъ поставлены бронзовые ипогрифы.

Парапетъ моста, состоящій изъ баллюстрады чеканной бронзы, будетъ украшенъ четырнадцатью парами цоколевыхъ тумбъ, съ гениями, держащими въ рукахъ каждый по фонарю. Прикрѣпленные у вершины арки, посредникъ моста, съ верховой и низовой стороны рѣки, гербовые плиты завершаютъ декоративное убранство моста.

Вечеромъ, когда безчисленное множество электрическихъ фонариковъ начнетъ разливаться свой яркій свѣтъ, мостъ императора Александра III долженъ будетъ представлять собою фантастическое зрѣлище.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что постройка моста обойдется сравнительно очень недорого—около шести милліоновъ франковъ. Изъ этой суммы 1.800,000 уйдутъ на каменныя работы, 2.700,000 на металлическія, а остальное— на украшенія.

Къ рисункамъ.

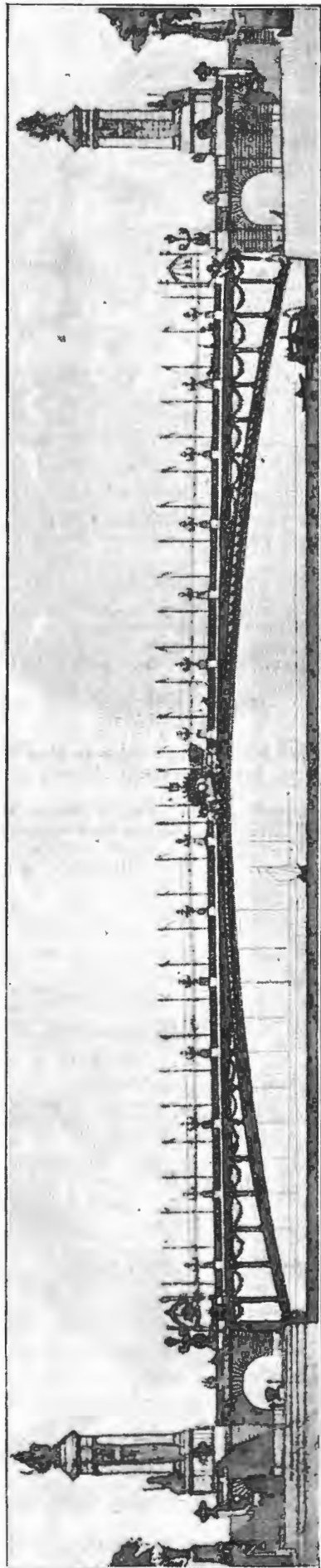
Въ то время какъ въ различныхъ городахъ Европы разбросаны музеи и галлерей, въ которыхъ собраны сотни и тысячи художественныхъ произведеній, оставшихся намъ въ наслѣдство отъ старыхъ мастеровъ, имѣется очень мало такихъ галлерей, которыя были бы посвящены только современному искусству. Если иногда такія галлерей и попадаются, то почти всегда отличаются случайнымъ подборомъ произведеній, обусловленнымъ то неожиданнымъ пожертвованіемъ, то личнымъ вкусомъ и капризомъ собирателя, или хранителя музея. О какомъ-нибудь осмысленномъ, сознательномъ выборѣ, намѣреніи составить собраніе въ вліяніи партій, направленій, сектанства въ искусствѣ, почти нѣтъ и рѣчи. Между тѣмъ въ Европѣ есть такія галлерей съ произведеніями старыхъ мастеровъ, какъ музей Прадо въ Мадридѣ, Лувръ въ Парижѣ, Британскій музей въ Лондонѣ, Уффици и Пити во Флоренціи, Ватиканъ, Эрмитажъ, Мюнхенская Пинакотекка; если, покупая художественныя произведенія, собиратели этихъ галлерей не всегда наадали на лучшія вещи, то во всякомъ случаѣ, благодаря огромной массѣ ихъ, явилась уже позже возможность классифицировать эти грандіозныя коллекціи, и въ каждой изъ нихъ нашлось мѣсто для представителей всѣхъ школъ. Въ особенности въ послѣднее время европейскіе музеи щеголяютъ одинъ передъ другимъ стараніемъ тщательно подбирать художественныя произведенія, пополнять пробѣлы, приобретать изъ частныхъ рукъ произведенія извѣстной школы, болѣе характерныя и типичныя для того или другого мастера. Галлерей, въ которыхъ также систематично были бы подобраны произведенія современнаго искусства безъ различія національностей,—нѣтъ. Лучшее изъ національныхъ собраній—знаменитая Третьяковская галлерей въ Москвѣ, созданная усиленными и нечеловѣческой энергіей одного человѣка, имя котораго будетъ благословлять потомство. Она посвящена русскому искусству, такъ какъ одну залу, въ которой собрано нѣсколько перловъ западно-европейской живописи, нельзя назвать галлерей въ смыслѣ систематической коллекціи картинъ, статуй, рисунковъ. Изъ другихъ національныхъ галлерей лучше подобранъ Берлинскій національный музей. Изъ галлерей не исключительно на-

ціональнаго оттѣнка единственная, отличающаяся серьезнымъ и сознательнымъ подборомъ—это Люксембургскій музей въ Парижѣ.

Люксембургскій музей—самая старая изъ галлерей Франціи, и ея начало восходитъ ко времени, когда Лувръ еще не существовало. Въ 1750 г. „Люксембургскія галлерей“ были по желанію народа открыты для обозрѣнія публики. Это было случайное собраніе картинъ, въ которомъ преобладали старыя мастера. Здѣсь же впервые стала извѣстна публикѣ знаменитая серія „Исторія Маріи Медичи“—Рубенса. Въ 1818 году Людовикъ XVIII велѣлъ перенести всѣ картины старыхъ мастеровъ изъ Люксембургскихъ галлерей въ открытый уже тогда Лувръ и посвятить Люксембургскій музей исключительно новому, національному искусству Франціи. Начиная съ половины этого столѣтія музей постепенно именовалъ свой національный характеръ, и въ немъ находить мѣсто для лучшихъ иностранныхъ художниковъ. Въ настоящее время это музей, въ которомъ собраны лучшія произведенія искусства нашей эпохи, живописи (масляными красками, акварель, рисунки, пастель и т. п.), скульптуры, медальернаго искусства, гравюры и такъ-называемыя objets d'art—изящныя золотыя издѣлія, керамика, эмаль, стеклянныя издѣлія, ткани, рѣзба по дереву и т. д. Правительство тратитъ огромныя средства на приобретение новыхъ произведеній, и каждый годъ на стѣнахъ музея является цѣлый рядъ новыхъ вещей, въ свое время обратившихъ на себя всеобщее вниманіе въ салонахъ или на частныхъ выставкахъ.

Сравнительно съ недавнихъ поръ на европейскіхъ выставкахъ очень видную роль стали играть американцы, и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ такой интересъ, что для ихъ произведеній нашлось мѣсто и на стѣнахъ Люксембургскаго музея. Сгарійшій американскій художникъ послѣдняго поколѣнія—Вальтеръ Гэ*), живущій, какъ и большинство его соотечественниковъ, собравъ по искусству, въ Парижѣ. Принадлежа къ числу самыхъ видныхъ учениковъ Бонна, онъ приобрѣлъ въ мастерской своего учителя любовь къ формѣ, къ которой со временемъ присоединилась и страсть къ чисто художественнымъ и живописнымъ задачамъ. Для него не прошло беслѣдно вліяніе Бенара и цѣлой школы такъ-называемыхъ „люминистовъ“, созданной послѣднимъ, и Вальтеръ Гэ, оставивъ мастерскую Бонна, начинаетъ искать свѣтъ и воздухъ. Его любимыя темы—одна или нѣсколько фигуръ на фонѣ большого свѣтлаго окна. Эту же задачу художникъ старался разрѣшить и въ произведенной здѣсь картинѣ, находящейся въ Люксембургскомъ музеѣ „Молитва передъ обѣдомъ“—это крупное произведеніе въ лѣтписи искусства, несмотря на то, что въ картинѣ всего одна фигура. Въ комнатѣ, въ которую сквозь большое окно врывается мягкій серебряный свѣтъ сѣраго дня, сидитъ передъ обѣденнымъ столомъ старушка, крестьянка какой-нибудь деревушки западной Франціи, и произноситъ про себя молитву. Вся картина задумана чрезвычайно просто, безъ всякихъ излишнихъ эффектовъ, безъ ненужныхъ подробностей, которыя объясняли бы и дополняли эту несложную сцену. И такими простыми средствами художнику удалось достигнуть какого-то несомнѣннаго настроенія, которымъ проникнута картина. О томъ, какой оштырой рукой построена эта фигура, какъ справился авторъ съ рисункомъ,

Мостъ императора Александра III, сооружаемый въ Парижѣ. Профиль моста.

*) Родился въ Бостонѣ въ 1846 г.

и говорить нечего: онъ не даромъ столько времени занимался у Бонна.

Не правда ли, чѣмъ-то необыкновенно отраднымъ, какой-то задушевностью, теплымъ, добрымъ чувствомъ вѣетъ отъ всей этой сцены. Старому аббату пришло въ голову перенести свою школу изъ душистой комнаты на воздухъ, и они успѣли всѣ, онъ и его четыре ученика, въ маленькомъ уютномъ садикѣ, и урокъ катехизиса начался. Здѣсь такъ все выдержано, такъ естественно и умѣстно все, начиная съ выражена слегка прищуренныхъ глазъ аббата, съ его спокойной неподвижной фигуры и кончая фигурками дѣтей, ихъ движеніями, малѣйшими деталями пейзажа. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ фигурокъ больше удалась автору: они всѣ одинаково хороши, и тотъ, который отвѣчаетъ, и та, которая повторять урокъ по книжкѣ, и другая, такъ пристально всматривающаяся въ лицо аббата и думающая не о катехизисѣ, а о томъ, отчего у стараго аббата такъ страшно прыгаетъ нижняя губа и дрожать вѣки. Очень хорошъ и мальчикъ, не думающій ни о катехизисѣ, ни объ аббатѣ, и предпочитающій всему удовольствію вырвать изъ земли стебелекъ и смотрѣть, какъ разбѣгаются крошечные червячки и жучки по травѣ. Здѣсь такъ много настроенія, такъ много той сельской тишины, простой, уютной, которая знакома каждому, кто подолгу жила въ

Французскій министр иностранныхъ дѣлъ Ганото.
Съ фотогр. автотипія „Нива“.

своего товара. Все же это должна быть зелень, овощи, потому что безъ зелени и овощей не мыслимо существованіе перваго парижскаго миллионера и послѣдняго пищика.

Шриверъ въ послѣдніе годы выставляетъ въ салонѣ Елисейскихъ полей картины изъ жизни парижской улицы и окрестностей Парижа. Несмотря на нѣкоторую сухость и жесткость его картинъ, ему никакъ нельзя отказать въ большомъ умѣнии и въ известномъ мастерствѣ.

„Спѣшная телеграмма“... Эти слова раскрываютъ весь юморъ картинъ... Юный телеграфистъ забылъ дѣло службы за веселой игрой. Сосредоточенно слѣдитъ онъ за рукой своего партнера. Лица обоихъ напряжены, серьезны. Всѣ ихъ интересы и помыслы сосредоточились теперь тутъ, у этого дощатаго забора, въ укромномъ уголкѣ улицы. Нужно во что бы то ни стало попасть въ шаръ. Развѣ это не важное дѣло, развѣ можно думать о какихъ-то спѣшныхъ телеграммахъ и о какихъ-то блюдахъ въ такія минуты. „Попадетъ поваренокъ или промахнется“ — вотъ что теперь и важнѣе всего, и интереснѣе, и неот-

Мостъ императора Александра III, сооружаемый въ Парижѣ. Видъ моста со стороны площади Согласія.

деревнѣ, что картина производитъ чарующее впечатлѣніе. Менѣе является постояннымъ участникомъ салона Марсова поля съ самаго его возникновенія, и „Урокъ катехизиса“

мать о какихъ-то спѣшныхъ телеграммахъ и о какихъ-то блюдахъ въ такія минуты. „Попадетъ поваренокъ или промахнется“ — вотъ что теперь и важнѣе всего, и интереснѣе, и неот-

ложнѣ... Ну равнѣ можно осуждать или негодовать на этихъ мальчугановъ!.. Чѣмъ виноваты они, что такъ рано захватила ихъ дѣтскую душу проза жизни, что имъ такъ еще хочется поиграть и порѣвнаться? Развѣ это забвеніе обязанностей, долга?.. Ничуть, — это еще неподготовленность къ пониманію ихъ, это требованіе дѣтской природы, не научившейся еще заглушать свои порывы. И невольно улыбеишься, глядя на этотъ своеобразный способъ доставки спѣшныхъ телеграммъ.

„Когда будешь жать жатву на землѣ твоей, не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшагося отъ жатвы твоей не подбирай; бѣдному и пришельцу оставь сіе“. Слова эти, сказанныя Господомъ Моисею (Левитъ, гл. XXVII), имѣли очевидно въ виду извѣстный французскій художникъ Бретонъ въ своей картинѣ „Послѣдніе колосья“. Предъ нами исполненный завѣтъ Господень: вдали смутными силуэтами выдѣляются фигуры жницъ, а впереди уже сжатое поле съ остатками жатвы, съ ворохами послѣднихъ колосевъ, которые подбираютъ бѣдныя жницы и дѣти. Каждый колосъ здѣсь напоминаетъ о великомъ завѣтѣ милосердія Божія, вызываетъ чувства благодарности къ людямъ, свято чтущимъ этотъ завѣтъ. Вся картина дышитъ жизнью, движеніемъ; въ ней виденъ большой мастеръ, выдающійся поэтъ сельской жизни, трудовой, полевой жизни. Жюль-Адольфъ Бретонъ давно завоевалъ себѣ славу выдающагося пейзажиста, бытописателя французской деревни. Его картины уже сорокъ лѣтъ тому назадъ считались шедеврами; знаменитая его картина „Благословеніе полей“, написанная въ 1857 г., красуется на стѣнахъ Люксембургскаго музея, на ряду со многими другими его позднѣйшими произведеніями.

Адмиралъ Жерве.
Съ гравюры автогипія „Нивы“.

Адмиралъ Жерве, генералъ де-Буадефрѣ и генералъ Гагронъ. (Портр. на этой стр.)

Во главѣ свиты, сопровождающей президента Форя, при поѣздѣ его въ Россію, находятся три выдающихся французскихъ военныхъ дѣятеля — адмиралъ Жерве, генералъ де-Буадефрѣ и генералъ Гагронъ.

Имя адмирала Жерве уже широко извѣстно всей Россіи въ теченіе шести лѣтъ. Знаменитая историческая встрѣча французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ въ 1891 г., составившая собою эпоху въ міровой политикѣ, навсегда запечатлѣлась въ сердцахъ двухъ братскихъ народовъ, и имя Жерве, стоявшаго тогда во главѣ французской эскадры, заняло одно изъ первыхъ мѣстъ на страницахъ исторіи франко-русскаго союза. Появленіе почтеннаго адмирала снова въ Россіи, въ качествѣ участника новаго знаменательнаго акта франко-русскаго сближенія, воскрешаетъ въ памяти всего русскаго народа тѣ глубокія симпатіи, которыя онъ сумѣлъ завоевать себѣ во дни франко-русскихъ празднествъ 1891 г.

Генералъ де-Буадефрѣ.
Съ гравюры автогипія „Нивы“.

выдающуюся энергію и бодрость духа. На семнадцатомъ году получилъ онъ уже первый офицерскій (гардемаринскій) чинъ, двадцати лѣтъ былъ мичманомъ. Въ 1860 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ Франціи съ Китаемъ и два года спустя былъ произведенъ въ лейтенанты. Съ 1864 по 1870 г. состоялъ ординарцемъ при командирѣ восточно- и западно-африканской эскадры, а въ 1870 г. отличился при защитѣ Парижа. Въ 1871 г., не въ примѣръ прочимъ, сидящимъ въ лейтенантахъ по 15—20 лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а въ 1878 г. назначенъ военно-морскимъ агентомъ при французскомъ посольствѣ въ Лондонѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отличенъ чиномъ капитана 1-го ранга и въ 1880 г. состоялъ командиромъ судна въ тихоокеанской эскадрѣ. Въ 1882 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта морскихъ работъ и гидрографической комиссіи, но два года спустя снова вернулся къ активной военной дѣятельности, въ качествѣ командира одного изъ броненосцевъ эскадры Средиземнаго моря; затѣмъ онъ былъ призванъ въ морской совѣтъ, въ 1886 г. состоялъ начальникомъ морского штаба и директоромъ кабинета морского министра. Въ 1887 г., уже въ чинѣ контръ-адмирала, назначенъ былъ командиромъ брестской эскадры и затѣмъ снова начальникомъ морского штаба. Въ 1889 г. онъ получилъ постъ главнаго командира сѣверной броненосной эскадры и, въ качествѣ такого, облеченный высокими полномочіями со стороны всей Франціи, явился въ 1891 г. съ эскадрой въ Кронштадтъ, засвидѣтельствовать Россіи и русскимъ морякамъ братскія чувства Франціи и ея доблестнаго флота. Въ 1892 году онъ былъ назначенъ вице-адмираломъ и призванъ на постъ начальника главнаго штаба морского министерства, а два года спустя сдѣланъ начальникомъ резервной эска-

дры Средиземнаго моря. Весной прошлаго года онъ былъ назначенъ адмираломъ.

Генералъ де-Буадефрѣ также уже извѣстенъ въ Россіи. Его имя стало особенно популярно у насъ за послѣдніе два года. Находясь въ ряду высшихъ руководителей французской арміи, генералъ де-Буадефрѣ неоднократно исполнялъ политическія миссіи, главнымъ образомъ по отношенію къ Россіи, являясь истолкователемъ дружескихъ чувствъ и горючихъ симпатій егоотчества къ Россіи. Какъ извѣстно, генералъ де-Буадефрѣ, отъ лица всей Франціи и ея президента, посѣщалъ находившагося во Франціи НасѣдникаЦесаревича великаго князя Георгія Александровича, привѣтствовалъ

Генералъ Гагронъ.
Съ гравюры автогипія „Нивы“.

вмѣстѣ съ президентомъ Форомъ Государыню Императрицу Марію Теодоровну во время недавняго пребыванія Ея Величества въ Ниццѣ и провожалъ Ея Величество при отъѣздѣ Государыни Императрицы обратно въ Россію, на коронаціонныя торжества, на которыя самъ явился, какъ извѣстно, главою чрезвычайнаго французскаго посольства. Но и ранѣе того ему пришлось провести въ Россіи цѣлыхъ четыре года (1878—1882), въ теченіе которыхъ онъ состоялъ военнымъ атташе при тогдашнемъ французскомъ послѣ въ Петербургѣ — генералѣ Шаванн. Генералу Буадефрѣ теперь 58 лѣтъ. Родился онъ 6-го февраля 1839 г. въ Алансонѣ, въ родовитой, старинной фамиліи, большинство членовъ которой принадлежало къ военному сословію. Въ 1862

году Буадефрѣ съ чиномъ подпоручика былъ вынужденъ первымъ ученикомъ изъ Сень-Сирской школы, въ слѣдующемъ году былъ причисленъ къ генеральному штабу, а въ 1866 г., будучи уже капитаномъ, назначенъ адъютантомъ къ генералу Шанзи. Состоя въ 13-мъ армейскомъ корпусѣ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, онъ принималъ участіе въ Седанской битвѣ и былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которымъ удалось отбиться отъ многочисленнаго непріятеля. Терпя вмѣстѣ съ другими осаду въ Парижѣ, онъ блестяще исполнилъ данное ему порученіе — подняться на воздушномъ шарѣ и отвезти сообщенія къ генералу Шанзи, командовавшему Дуарской арміей. Съ тѣхъ поръ вся военная карьера его была тѣсно связана съ карьерой Шанзи. Въ 1873 г. послѣдній былъ назначенъ губернаторомъ Алжира и командиромъ 19-го армейскаго корпуса и снова принялъ къ себѣ въ адъютанты майора Буадефра. Съ назначеніемъ генерала Шанзи посломъ при Русскомъ Дворѣ, Буадефрѣ, какъ уже сказано выше, явился вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ въ качествѣ военного атташе, а въ 1882 г., когда Шанзи оставилъ посольскій постъ и принялъ на себя командованіе шестымъ армейскимъ корпусомъ, Буадефру — тогда уже полковнику — былъ порученъ постъ помощника начальника штаба корпуса. Произведенный въ 1887 году въ генералы и получивъ въ командованіе бригаду, а затѣмъ дивизию, въ 1893 г. генералъ Буадефрѣ, за смертью генерала Мирабеля, выступилъ его преемникомъ на посту начальника генеральнаго штаба, на которомъ остается и понынѣ.

Генералъ Гагронъ, исполняющій при президентѣ республики обязанности главнаго секретаря кабинета, назначенъ на этотъ постъ недавно, а передъ тѣмъ состоялъ командующимъ 4-ю пѣхотную бригадою въ Алжирѣ. Генералъ Гагронъ не только одинъ изъ самыхъ выдающихся французскихъ генераловъ, но и одинъ изъ самыхъ молодыхъ во всей французской арміи. Еще не вполне достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Гагронъ окончилъ курсъ Сень-Сирской военной школы первымъ въ своемъ выпускѣ, а затѣмъ поступилъ въ высшее военное училище при генеральномъ штабѣ. Въ походѣ 1870 г. онъ участвовалъ въ качествѣ офицера и состоялъ при главномъ штабѣ генерала Лефевра, а впоследствии отличился при усмирении возставивъ въ Алжирѣ. Пробывъ четыре года въ чинѣ полковника, 22-го декабря 1894 г. онъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ 4-й пѣхотной алжирской бригады. Въ арміи генералъ Гагронъ считается однимъ изъ способнѣйшихъ военныхъ дѣятелей, и выборъ его на новый постъ къ президенту былъ встрѣченъ всѣми очень сочувственно. Два года тому назадъ онъ включенъ въ число офицеровъ ордена Почетнаго Легиона.

Въ лицѣ этихъ трехъ главнѣйшихъ лицъ свиты президента Форя Россіи будетъ чествовать крушнѣйшихъ представителей французской арміи и флота.

Передвижная пожарная выставка.

(Рис. на стр. 764.)

20-го іюня состоялось открытіе въ С.-Петербургѣ первой передвижной пожарной выставки, организованной, по инициативѣ князя А. Д. Львова, соединеннымъ русскимъ обществомъ пожарнаго дѣла, состоящимъ подъ почетнымъ председательствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Выставка эта устроена на ладѣ „Первенецъ“, сооруженной по чертежу техника Свидольма въ 6 мѣсяцевъ и достигающей размѣромъ 22 саж. въ длину и 4—въ ширину. Она находилась на Невѣ передъ дворцомъ великаго князя Владиміра Александровича. 1-го же августа вышла въ плаваніе на буксирѣ съ пароходомъ министерства путей сообщенія „Озерной“, направляясь вверхъ по теченію въ Шлиссельбургъ; далѣе, заѣзжая по пути въ Новую-Ладогу, Бѣлозерскъ, Череповецъ и другія мѣста, выставочная баржа прослѣдуетъ по Мариинской водной системѣ, черезъ Свирь, Вытегру и Шексну, въ Рыбинскъ, а оттуда по Волгѣ и ея притокамъ въ Ярославль, Кострому и прочіе города. Зимовка предполагается въ Нижнемъ-Новгородѣ съ октября, а затѣмъ, послѣ возобновленія навигаціи, путешествіе снова начнется въ той же послѣдовательности до Царицына. Затѣмъ она будетъ перегружена въ вагоны и продолжитъ путь по желѣзнодорожнымъ линіямъ.

Ближайшее наблюденіе надъ выставкой, состоящей подъ августѣйшимъ покровительствомъ великой княгини Маріи Павловны, поручено особому комиссару, г. Торрингу, въ вѣдѣніи котораго состоятъ какъ личный персоналъ вѣнскихъ служителей выставки, такъ и образцовая команда для практическаго ознакомленія деревенскихъ жителей съ современными приемами тушенія пожаровъ. Вообще во время остановокъ на пути предполагается цѣлый рядъ разнообразныхъ бесѣдъ объяснительнаго характера относительно средствъ и способовъ предупрежденія пожаровъ (въ томъ числѣ объ огнеупорныхъ постройкахъ), относительно снарядовъ и приборовъ для тушенія пожаровъ, способовъ водоснабженія (между прочимъ, устройство артезианскихъ колодезевъ), относительно подачи первой помощи пострадавшимъ, обезпеченія пожарныхъ на случай смерти и увѣчій и т. п.

Выставка привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе уже своимъ внѣшнимъ видомъ. Украшенная впереди, на носу ладьи, сверкающей исполненной каской и развѣвающимися флагами вдоль всего зданія, съ установленной посрединѣ баржи образцовой пожарной каланчей (вмѣсто мачты), съ дежурнымъ пожарнымъ наверху, она представляетъ величественное зрѣлище.

При входѣ въ центральную часть ладьи, украшенную портретами Государя Императора, великаго князя Владиміра Александровича и великой княгини Маріи Павловны, расположены: справа — планъ передвиженія выставки, а слева — карта состава соединеннаго русскаго пожарнаго общества. Выставка раздѣлена на шесть отдѣловъ: 1) средства и способы предупрежденія пожаровъ (система постройки жилыхъ и общественныхъ зданій, устройство отопленія, освѣщенія и громоотводовъ, приданіе невоспламеняемости строительнымъ и другимъ материаламъ), 2) приборы и средства для обнаруженія пожаровъ и увѣдомленія о нихъ (сигнализациа), 3) снаряды, приборы и составы для тушенія пожаровъ (ручныя и паровыя пожарныя трубы, насосы, химическіе составы и пр.), 4) спасательные снаряды и приборы для подачи первой помощи пострадавшимъ (лѣстницы, мѣшки, врачевныя и санитарныя средства), 5) средства передвиженія огнегасительныхъ снарядовъ и людей къ мѣсту пожара (ручныя и конные обозы, конскіе уборы) и 6) устройство городскихъ и сельскихъ пожарныхъ командъ (администраціа, уставы, зданія, обмундировка, снаряженіе людей и ихъ обученіе).

Самая баржа состоитъ изъ четырехъ залъ (три на палубѣ въ особомъ зданіи и одна въ трюмѣ). Центральная зала наполнена множествомъ разнообразныхъ противопожарныхъ принадлежностей и моделей (спасательные блоки, складныя лѣстницы, фонари, щиты и др.), а также собраніемъ произведеній по литературѣ пожарнаго дѣла.

Вторая зала предназначена для павильоновъ Густава Листа изъ Москвы (чугунно-мѣдно-литейный и машино-строительный заводы), Ад. Претцера изъ Варшавы (заводъ огнегасительныхъ снарядовъ и насосовъ) и для громадной коллекціи пожарныхъ трубъ, насосовъ и образцоваго пожарнаго обоза; тутъ же экспонируется и товарищество русскаго-американскаго резиновой мануфактуры.

Въ третьей залѣ сгруппированы пожарныя принадлежности петербургскаго чугуно-мѣдно-литейнаго завода Лаггенаппенъ и К^о и пенковыя рукава и тесьма для пожарныхъ поясовъ Высочайше утвержденного товарищества русско-французскихъ заводовъ „Проводникъ“ и двухъ московскихъ фабрикъ.

Послѣдняя, четвертая зала, расположенная въ трюмѣ, включаетъ въ себѣ не мало предметовъ, представляющихъ особый интересъ для публики, а именно — здѣсь помѣщена пожарная аптека, въ которой можетъ рапораться даже неграмотный, такъ какъ всѣ средства размѣщены въ разноцвѣтныхъ склянкахъ и пакетахъ, кровельная черепица, дымовыя трубы и полныя кирничъ новгородской земской управы, пожарный ходъ г. Ландезена, образцы новаго огнеупорнаго строительнаго матеріала „уралита“ (русскаго изобрѣтенія) и выдѣланные изъ него предметы, пожарные ломы и топоры и кровельное оцинкованное желѣзо. Тутъ же, между прочимъ, собраны и наглядныя модели различныхъ сельскихъ построекъ и кровельныхъ матеріаловъ, желательныхъ и нежелательныхъ, позволяющихъ судить о преимуществахъ тѣхъ или другихъ крышъ.

Всѣ наиболѣе значительныя фирмы, выставившія свои произведенія, приняли участіе въ устройствѣ выставки и внесли на расходы по нему до 4,000 руб.

Храмъ во имя св. Андрея Критскаго на линіи Сибирской желѣзной дороги. (Рис. на стр. 765.)

Станція „Тайга“, на которой подъ наблюденіемъ строителя средне-сибирской желѣзной дороги Н. П. Меженнинова сооружается въ настоящее время храмъ во имя св. Андрея Критскаго, расположена на соединеніи вѣтви, идущей на Томскъ, съ великой сибирской желѣзной дорогой. Затерянная въ глухой тайгѣ, по которой ни весной, ни осенью нѣтъ проѣзда, въ 50 верстахъ отъ ближайшаго села, станція эта особенно нуждается въ церкви, такъ какъ здѣсь, на узлѣ двухъ дорогъ, собираются сотни желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Въ настоящее время на возведеніе здѣсь церкви обращены 30,000 руб., пожертвованные А. М. Новиковымъ, пожелавшимъ, чтобы на эти средства былъ построенъ въ Сибири храмъ во имя св. Андрея Критскаго, въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 г. Еще недавно глухая тайга стояла мертвая и безлюдная на пути переселенцевъ, но теперь она оживла, прорѣзанная стальной лентой сибирской дороги, и скоро надъ зеленымъ моремъ ея деревень заблеститъ крестъ православнаго храма.

Не легка трудовая жизнь переселенца на новыхъ мѣстахъ, но если теперь онъ можетъ принести въ Божію церковь свои заботы и печали, то это великая заслуга тѣхъ лицъ, которые со всѣхъ концовъ Россіи приносятъ посильныя жертвы на благо дѣло церковнаго строительства въ далекой Сибири.

Политическое обозрѣніе.

Со дня закрытія сессіи французскаго парламента, съ устраненіемъ всѣхъ партійныхъ придирокъ, выразившихся въ цѣломъ рядѣ запросовъ, имѣвшихъ цѣлью поколебать устойчивость нынѣшняго министерства г. Меліна, французское правительство получило полную возможность всецѣло сосредоточить свое вниманіе на текущихъ событіяхъ политической жизни и прежде всего — на ожидаемомъ небываломъ путешествіи главы французскаго государства. Вавѣщенный со всѣхъ сторонъ политической актъ, получившій авторитетное одобреніе страны, продолжалъ служить предметомъ обсуждения и послѣ закрытія сессіи парламента. Какъ сообщалось изъ Парижа отъ 19-го іюля, русскій военный агентъ въ Парижѣ и нѣскольکو членовъ русскаго посольства обсуждали въ Гаврѣ съ президентомъ республики подробности его поѣздки въ Россію. Наконецъ, въ Парижѣ появилось официальное сообщеніе, что президентъ выѣдетъ изъ Дюнкирхена въ Россію 6-го августа. Г. Феликсъ Форъ подниметъ свой флагъ главы государства на брѣвеносномъ крейсере „Rothsua“ и прибѣдетъ въ Кронштадтъ въ сопровожденіи броненоснаго крейсера „Vigil“ и миноноснаго крейсера „Surcouf“. Эскадра подъ командою контръ-адмирала маркиза де-Куртилъ пройдетъ разстояніе въ 1,300 морскихъ миль къ 10 августа; торжественное вступленіе на кронштадтскій рейдъ послѣдуетъ 11-го августа. Въ первый день приѣзда, какъ повѣщаетъ министерскій органъ *Temps*, въ честь высокаго гостя данъ будетъ въ Большомъ петергофскомъ дворцѣ торжественный обѣдъ и парадный спектакль въ Петергофѣ. На слѣдующій день по приѣздѣ въ Кронштадтъ, президентъ прибѣдетъ въ Петербургъ. Депутация отъ городского управленія представитъ г. Фору въ зданіи французскаго посольства; тамъ же будутъ приняты также депутация французскихъ колоній столицы и провинціальныхъ городовъ Россіи. Президентъ посѣтитъ столичные соборы, начиная съ Петропавловскаго, гдѣ возложитъ вѣнокъ на гробницу императора Александра III. Затѣмъ высокой гость будетъ присутствовать на закладкѣ новой французской больницы. Приемъ членовъ иностраннаго дипломатическаго корпуса будетъ въ Зимнемъ дворцѣ; послѣ приема данъ будетъ большой обѣдъ въ зданіи французскаго посольства, затѣмъ президентъ обѣдетъ иллюминированную столицу. На третій день приѣзда президентъ будетъ присутствовать на большомъ красносельскомъ смотру, во время котораго состоится производство юнкеровъ въ офицерскій чинъ. На четвертый день назначено посѣщеніе судовъ французской эскадры, и послѣ завтрака на Императорской яхтѣ „Штандартъ“, г. Феликсъ Форъ, переехавъ на „Rothsua“, простится съ Россіей.

Передъ отъѣздомъ изъ Франціи президентъ республики предпринялъ 19-го іюля вечеромъ путешествіе изъ Парижа по юго-востоку, въ сопровожденіи министровъ Дарлана, Буше и Рамбо. Прибытіемъ г. Фора, утромъ 20-го іюля, въ Валенсію началось, можно сказать, триумфальное шествіе главы французскаго государства, вездѣ встрѣчавшее горячія привѣтствія всего населенія. Во время представленія въ Валенсіи мѣстныхъ властей, президентъ генеральнаго совѣта Дромскаго департамента Лубэ высказалъ, что сердце Франціи будетъ съ президентомъ въ Россіи. Благодаря за патриотическія чувства, г. Форъ отвѣтилъ, что эти чувства облегчатъ выполненіе его

задачи въ Россіи. Изъ Валенсіи президентъ выѣхалъ 21-го іюля внизъ по теченію Роны, черезъ Оранжъ и Лионъ въ Гренобль, повсюду вызывая восторженныя оваціи со стороны множества народныхъ массъ. Въ превосходно убраннымъ Греноблѣ состоялся 23-го іюля банкетъ муниципалитета: въ своей застольной рѣчи г. Форъ выразилъ испытываемую имъ радость, что получилъ возможность удостовѣриться, какъ во всѣхъ углахъ Франціи все глубже и глубже проявляется преданность республиканскимъ учрежденіямъ.

Выѣхавъ въ тотъ же день вечеромъ, г. Форъ прибылъ 24-го іюля въ Модану, а оттуда на лошадяхъ — въ Терминьонъ. Около полудня президентъ верхомъ прибылъ въ Коль-Сольеръ, расположенное близъ границы, на высотѣ 2½ тысячъ метровъ, и присутствовалъ при окончаніи маневровъ, послѣ чего произвелъ войскамъ смотръ. За завтракомъ въ Терминьонѣ въ честь генераловъ президентъ заявилъ, что поѣздкой въ Альпы онъ хотѣлъ показать войскамъ, что страна слѣдитъ за ихъ работами съ патриотическимъ волненіемъ и заботливостью; отзвываясь съ похвалой о необычайномъ пылѣ и энергіи войскъ, президентъ заявилъ, что Франція съ увѣренностью предоставляетъ имъ охрану своихъ горныхъ границъ; выражая довѣріе страны, г. Форъ провозгласилъ тостъ за армію и альпійскія войска.

Послѣ присутствія на чрезвычайно смѣлыхъ маневрахъ альпійскихъ егерей въ Коль-Вануазъ, президентъ прибылъ 28 іюля черезъ Мутье въ роскошно убранный флагами Шамбери, при восторженномъ привѣтствіи населенія. Тамъ же оваціи сопровождали президента на пути черезъ Аннеси въ Э-ле-Бенъ, гдѣ г. Форъ 29 іюля присутствовалъ на банкетѣ отъ муниципалитета, а вечеромъ выѣхалъ въ Парижъ, благополучно возвратившись въ Елисейскій дворецъ утромъ 30 іюля.

Черезъ все это путешествіе президента красною нитью проходитъ какъ бы напутствіе народныхъ массъ и арміи, которое хотѣлъ получить глава французской республики, на предстоящее отбытіе президента за предѣлы Франціи. Безпримѣрная важность поѣздки г. Фора въ Россію рельефно обрисовалась на фонѣ текущей жизни Франціи. Снова отчетливо выступили на сцену устойчивыя узы франко-русской дружбы. Министръ Дарланъ роздалъ въ Парижѣ 30 іюля двадцать золотыхъ и десять серебряныхъ медалей, присланныхъ Государемъ Императоромъ президенту Фору для лицъ, которые спасали погибавшихъ на пожарѣ благотворительнаго базара. Г. Дарланъ напомнилъ въ своей рѣчи о симпатіяхъ, высказанныхъ Государемъ Императоромъ по случаю пожара.

Радостное біеніе французскихъ и русскихъ сердецъ становится осязательнѣе. День великаго событія настааетъ. Встрѣча высокаго нашего гостя — верховнаго представителя дружественной Франціи, безъ сомнѣнія, будетъ блестящимъ праздникомъ, который превзойдетъ своей искренностью, сердечностью — всѣ бывшія доселѣ торжества. Выѣстъ съ официальнымъ нашимъ міромъ горячо встрѣчаетъ дорогаго гостя Россія весь русскій народъ, подхватывая съ береговъ Невы могучимъ эхомъ по всему необъятному отечеству нашему глубоко задумевный привѣтъ искренняго русскаго сердца: „да здравствуетъ президентъ Форъ, да здравствуетъ Франція!“

Къ приѣзду президента Феликса Фора.

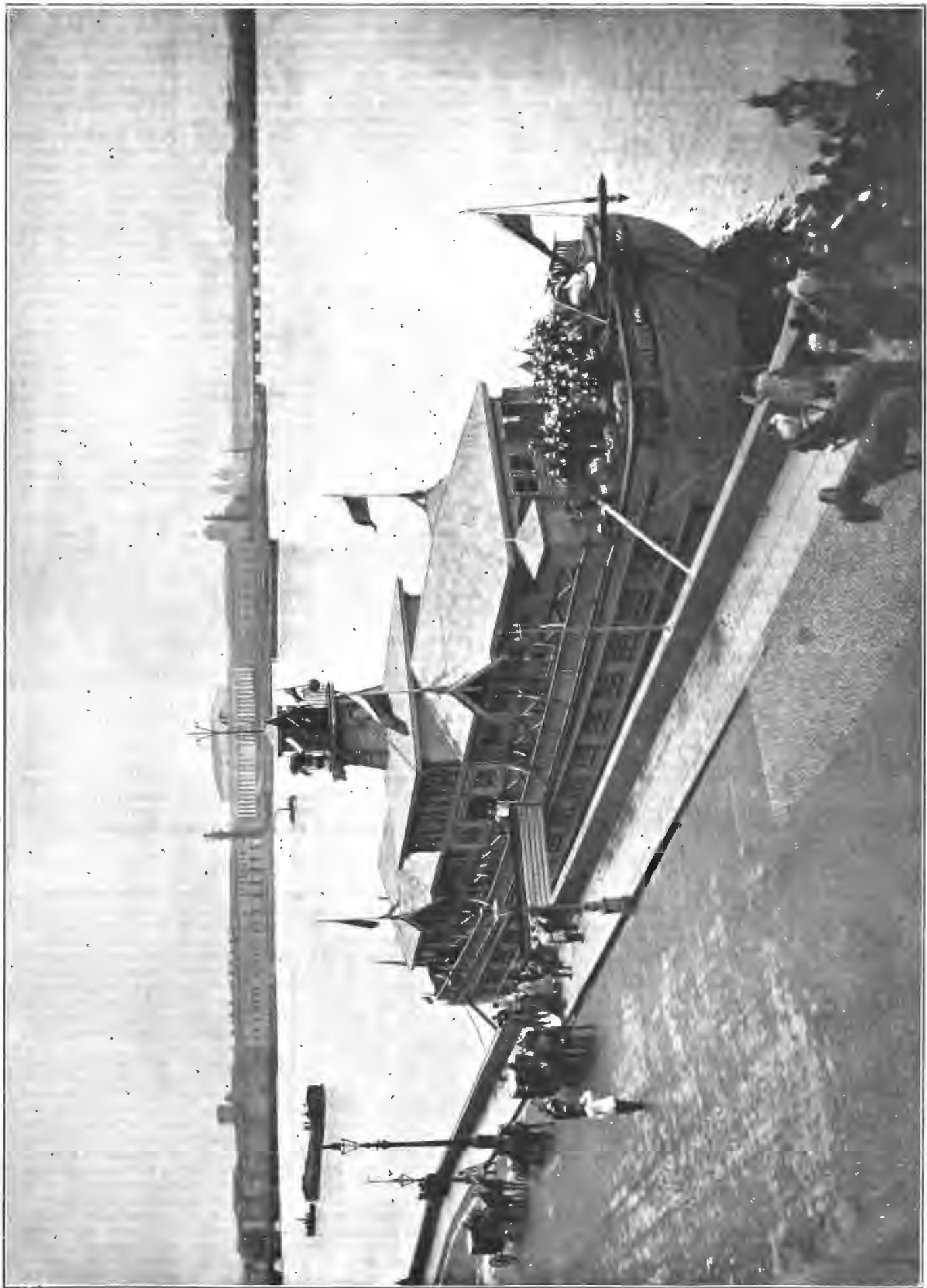
Населеніе столицы готовится съ подобающею торжественностью встрѣтить дорогаго гостя. Составленіе проектовъ украшеній поручено известнымъ художникамъ и архитекторамъ: г-нъ Каравину, Бенуа, Померанцеву и фонъ-Гогену. Въ трехъ мѣстахъ города — на Измайловскомъ проспектѣ у Троицкаго собора, на Невѣ противъ 12-й линіи и у зданія французскаго посольства сооружаются грандиозныя, богато украшенныя арки. Двѣ изъ нихъ, на Невѣ, вечеромъ будутъ блестяще освѣщены электрическими лампочками. Такія же арки, но меньшихъ размѣровъ, строятся и на островахъ, гдѣ будетъ устроена роскошная иллюминація и фейерверкъ. Особеннымъ изыществомъ отличается арка, устраиваемая передъ зданіемъ французскаго посольства архитекторомъ фонъ-Гогеномъ. Легкая сѣнь ея, выдержанная въ строго-національномъ стилѣ, вся затянута темно-малиновымъ сукномъ, обшитымъ золотою бахромой и кистями. На вершинѣ ея вздымается легкой, ажурной работы французскій гербъ подъ острокопечной башенкой съ золоченымъ орломъ наверху. Подъ нимъ — электрическое солнце.

На арки эти и на все украшеніе города требуется множество флаговъ, изготовленіе которыхъ поручено городомъ дому трудолюбія общества дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и домовъ трудолюбія. Несмотря на массу работающихъ въ мастерской женщинъ, съ исполненіемъ заказа, при его громадности, приходится сильно торопиться, хотя шитье и проваживается исключительно машинами.

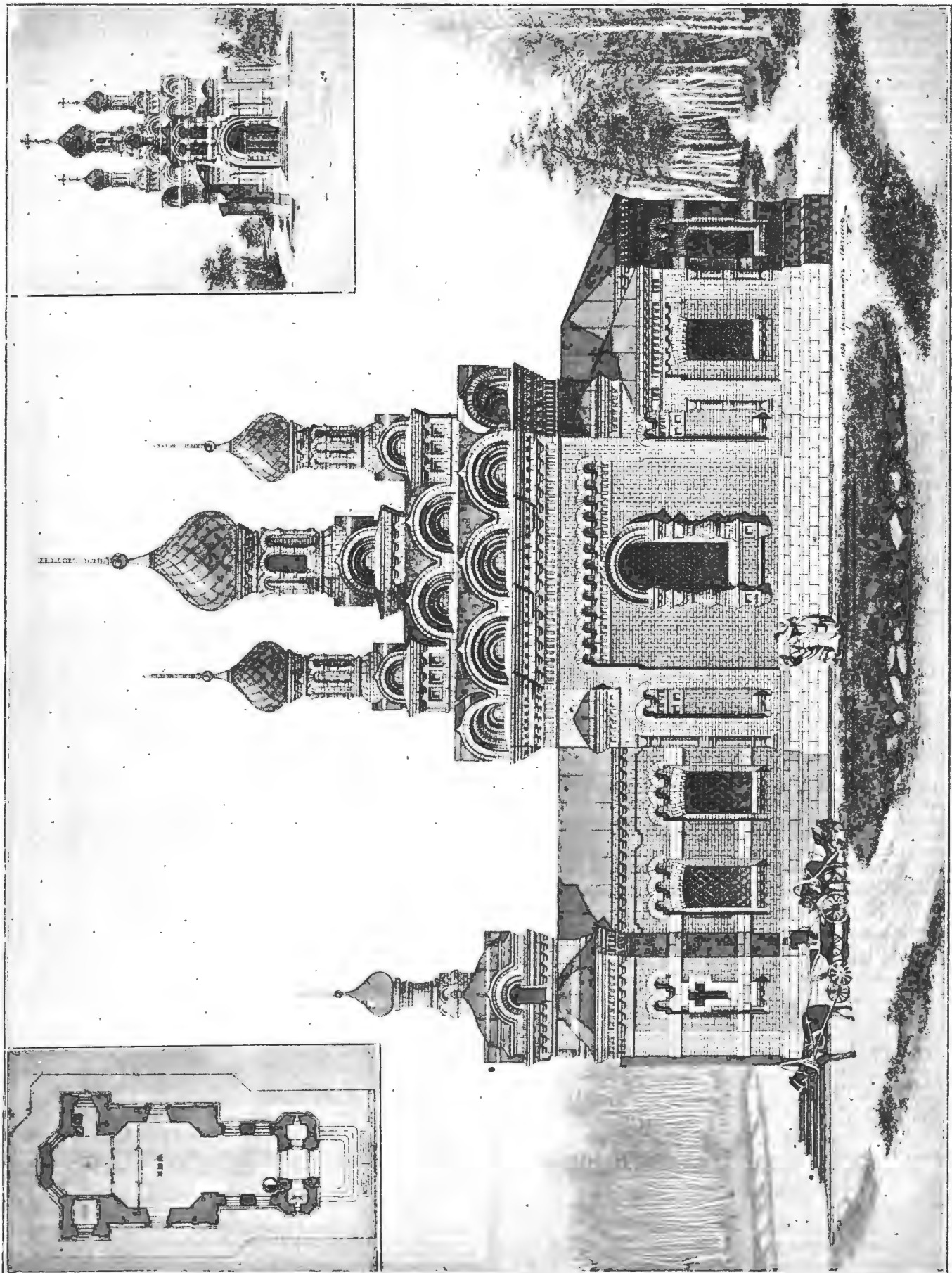
Уже теперь замѣчается энтузіазмъ, съ которымъ столица готовится встрѣтить президента. Во многихъ типографіяхъ печатаются брошюры съ жизнеописаніемъ и характеристикой Феликса Фора; брошюры эти будутъ отпечатаны въ количествѣ

двухъ милліоновъ экземпляровъ и будутъ частію раздаваться бесплатно. Всевозможныя общества, благотворительныя и ученые, одно передъ другимъ, стараются какъ можно теплѣе встрѣтить иностранныхъ друзей и оказать имъ наибольшій почетъ, а многие провинціальные города постановили поднести президенту Феликсу Фору званіе своего почетнаго гражданина. Даже простой народъ, и тотъ принимаетъ дѣятельное участіе въ выраженіи дружескаго сочувствія французамъ. Такъ, наволоцкіе кустари, изъ Нижегородской губерніи, изготовили для подарковъ французскимъ морякамъ цѣлую серію стальныхъ желѣзныхъ вещей.

Для моряковъ французской эскадры городъ устраиваетъ праздники въ нѣкоторыхъ изъ городскихъ увеселительныхъ садовъ; при этомъ будутъ фейерверки, представленія по самой разнообразной программѣ и шедро, хлѣбосольное угощеніе. Особенно усиленныя приготовленія къ этому идутъ въ „Аркадію“. Тамъ, въ день прибытія французской эскадры, будетъ устроенъ „франко-русскій праздникъ“, приглашеніе на который разослано черезъ французское консульство 500 морякамъ. Передъ садомъ строятся три арки съ привѣтственными надписями, всѣ зданія декорируются матеріями русскихъ и французскихъ національныхъ цвѣтовъ, и все это вечеромъ будетъ освѣщено безчисленнымъ множествомъ электрическихъ лампочекъ. На открытой сценѣ сада будетъ, между прочимъ, представлена въ апоѳеозѣ живая картина, изображающая Россію и Францію, окруженныхъ лаврами мирныхъ побѣдъ. Въ закрытомъ театрѣ, въ „Обозрѣніи Петербурга“ будетъ изображена встрѣча французскихъ моряковъ въ Петербургѣ; въ сценѣ этой приметъ участіе свыше 400 человекъ.

Передвижная пожарная выставка в С.-Петербурге, на Невѣ, у Дворцовой набережной. Съ фог. К. Булга автотипія „Нивка“.

Планъ церкви.

Церковь во имя св. Андрея Критскаго на станціи „Тайга“ сибирской желѣзной дороги. По проекту архитектора К. Лыгина, автотипія „Нивы“.

Главный входъ.

Представители русской печати рѣшили торжественно чествовать своихъ французскихъ собратьевъ по перу. Въ собраніи редакторовъ и издателей петербургской печати рѣшено: 1) оставить французскимъ журналистамъ даровые номера въ гостиницѣ „Hôtel de France“; 2) устроить 9-го августа, накануне прѣзда г. Фора, завтракъ; 3) нанять пароходы для всѣхъ журналистовъ и поѣхать въ Кронштадтъ навстрѣчу французскому президенту; 4) 13-го августа устроить торжественный банкетъ, на который пригласить кромѣ журналистовъ, въ качествѣ почетныхъ гостей, французскихъ адмираловъ и офицеровъ французской эскадры. Для организаціи торжествъ выбрана слѣдующая коммисія: председатель—г. Комаровъ, редакторъ *Сенца*, члены: г. Алфераки отъ Россійскаго телеграфнаго агентства, г. Загуляевъ отъ *Journal de St.-Petersbourg*, г. Коломинъ отъ *Новаго Времени* и г. Худековъ отъ *Петербургской Газеты*. Въ кандидаты набраны гг. Голицы и Скроботовъ.

Зданіе городской думы будетъ чрезвычайно эффектно иллюминировано электричествомъ; по всѣмъ линиямъ зданія проводится цѣлая цѣпь электрическихъ лампочекъ, а надъ среднею нишей, въ которой помѣщены бюсты Государя Императора и Феликса Фора, будетъ красоваться огненный гербъ. Разставленные вдоль зданія обелиски будутъ также освѣщены электричествомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города будутъ поставлены особой формы колонны, съ пылающими жертвенниками. На красной материи вышита надпись: „добро пожаловать, дорогие гости“; лавровый вѣнокъ соединяетъ два герба—Парижа и Петербурга.

Москва и многіе провинціальныя города отправляютъ въ Петербургъ депутаціи для привѣтствованія президента. Особенно многочисленны депутаціи отъ Москвы, Одессы и Кіева. Въ Москвѣ двадцать четыре гласныхъ городской думы подали городскому голову заявленіе, въ которомъ просили князя Голицына предложить на обсужденіе городской думы вопросъ о томъ, какимъ образомъ Москва можетъ выразить свои симпатіи главѣ французскаго народа. По поводу этого заявленія князь В. М. Голицынъ заявилъ, что въ программу пребыванія въ Россіи президента французской республики не включена поѣздка президента въ Москву. По предложенію городского головы, дума постановила избрать особую депутацію для привѣтствія президента отъ города Москвы. Депутація составлена изъ городского головы и семи гласныхъ: Н. А. Найденова, М. И. Липина, П. П. Боткина, И. Е. Гучкова, А. Шилова, А. А. Бахрушина и кн. С. М. Голицына.

Но и маленькіе города не отстаютъ отъ большихъ. Такъ, напримѣръ, городомъ Угличемъ заказанъ роскошный адресъ для поднесенія президенту. Очень изящная вышивка этого адреса исполнена акварелью; въ верхней части ея, по обѣимъ сторонамъ, расположены гербы русской и французской, а въ нижней—гербъ города Углича. Текстъ адреса написанъ на двухъ языкахъ.

Для болѣе удобнаго сообщенія городскихъ жителей съ кронштадтскимъ рейдомъ, гдѣ будетъ стоять на якорѣ французская эскадра, приморская жѣззная дорога открываетъ усиленное и безпрерывное движеніе поѣздовъ и пароходовъ между Новой Деревней и Кронштадтомъ.

Сначала предполагалось устроить передъ Каванскимъ соборомъ фонтанъ, но затѣмъ эта мысль была оставлена и рѣшено воспользоваться уже готовымъ фонтаномъ, находящимся въ Александровскомъ саду, противъ зданія Адмиралтейства. Къ прѣзду французской эскадры фонтанъ этотъ роскошно декорируется различными эмблематическими изображеніями, а вечеромъ будетъ освѣщаться электричествомъ.

Петербургское купечество, со своей стороны, также не жалѣетъ средствъ на достойный приемъ гостей. На украшеніе зданія биржи ассигнована очень значительная сумма, а купеческая управа отпустила на убранство своего зданія и на поднесеніе хлѣба-соли 5,000 рублей. Солонка и блюдо заказаны ея наѣвственной фабриктъ художественныхъ издѣлій Грачева. Вообще всѣ мастерскія и фабрики серебряныхъ и золотыхъ издѣлій страшно заняты въ настоящее время изготовленіемъ массы подарковъ и подношеній, какъ со стороны общественныхъ учреждений, такъ и частныхъ лицъ, которые предназначаются для представителей дружественной державы.

Въ присутствіи президента Феликса Фора произойдетъ закладка новаго постоянного моста черезъ Неву, на мѣстѣ прежняго Троицкаго. На лѣвомъ берегу рѣки, противъ памятника Суворову, водвигается изящный павильонъ въ 10 сажень вышиною, отдѣлываемый въ смѣшанномъ стилѣ русскаго съ французскимъ рококо. Вершина этого павильона будетъ увѣнчиваться русскимъ двуглавымъ орломъ, а по бокамъ его размѣстятся громадные гербы—русскій и французскій.

Ко дню прѣзда французской эскадры въ продажѣ появились всякаго рода бездѣлушки, приуроченныя къ этому событію. Такъ, напр., у разносчиковъ-мануфактуристовъ продаются теперь въ Петербургѣ платки съ портретомъ Феликса Фора и надписью: „Vive la France!“ Платки эти изготовлены, въ громадномъ количествѣ, на одной изъ фабрикъ въ Иванново-Вознесенскѣ. Петербургскіе ювелиры выпустили въ свѣтъ жетоны въ память прѣзда Феликса Фора. Особеннымъ усѣхомъ пользуется жетонъ, на одной сторонѣ котораго вычеканено пылающее сердце, а надъ нимъ—двѣ братски пожимающія другъ друга руки.

На одномъ изъ судовъ французской эскадры будетъ найдено нѣсколько почтовыхъ голубей. Послѣ торжественной встрѣчи президента въ Кронштадтѣ, крылатые вѣстники, снабженные краткимъ описаніемъ встрѣчи, первые принесутъ эту радостную вѣсть во Францію.

Для ускоренія доставленія вѣстей въ редакціи, многіе изъ прѣбывавшихъ въ Петербургѣ французскихъ корреспондентовъ также привезли съ собою дессированныхъ почтовыхъ голубей.

Ко дню прибытія эскадры уже теперь зафрахтовано множество пароходовъ, яхтъ и катеровъ. Наибольшимъ спросомъ пользуются буксирные пароходы, и цѣны на нихъ, поэтому, сильно поднялись. Въ общемъ, французскую эскадру, кромѣ казенныхъ и официальныхъ пароходовъ, встрѣтитъ по меньшей мѣрѣ полтора десятка частныхъ.

Президентъ французской республики везетъ съ собою въ Россію специально отчеканенныя медали для раздачи тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые будутъ составлять его почетную стражу. На одной сторонѣ медали изображена голова французской республики съ надписью „République Française“, на оборотной сторонѣ—вѣнокъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей и посредной надписи „Aout, 1897“. Медалей отчеканено: 300 штукъ серебряныхъ, 80 бронзовыхъ и 20 золотыхъ. Всѣ медали матовыя.

СОДЕРЖАНІЕ: Наши французскіе гости (съ 2 портр.). — На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немнровича-Данченко. (Продолженіе.)—Уродъ. Рассказъ Леона де-Тенсо. — Состязаніе. (Изъ Хозе-Маріа Эредіа.) Стих. В. Муконскаго. — Мостъ императора Александра III въ Парижѣ (съ 2 рис.). — Къ рисункамъ: Молитва передъ обѣдомъ.—Урокъ натѣхизма.—Продавецъ четырехъ временъ года.—Спѣшная телеграмма.—Последніе новости.—Адмиралъ Морве, генералъ Бюадеръ и генералъ Гагронъ (съ 3 портр.). — Передвижная пожарная станція (съ рис.).—Храмъ во имя св. Андрея Критскаго на линіи Сибирской желѣзной дороги (съ рис.).—Политическое обозрѣніе. — Изъ прѣзду президента Феликса Фора.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

Патентованный Шиндлера АНТИКОРСЕТЪ или БЮСТГАЛЬТЕРЪ.

Извѣстное и признанное во всѣхъ европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ изобрѣтеніе, вполнѣ замѣняющее корсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ, даетъ въ продолженіе цѣлаго дня полное свободное движеніе и рекомендуется всѣмъ безъ исключенія дамамъ и даже страдающимъ, беременнымъ, кормящимъ грудью, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ, занимающимся всякаго рода спортомъ и т. д., въ чемъ свидѣтельствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.—Бюстгальтеръ изготовляется изъ лучшихъ корсетныхъ матеріаловъ, наиболѣе практичныхъ и модныхъ цвѣтовъ.

ЦѢНЫ: А. А. В. С. D. D. шек.
3,50. 4,50. 5,75. 6,75. 9,50 к.

Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ съ причисленіемъ за пересылку всего за 2 фута.

При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, вершкахъ, или тесьму П. № 10367 3—1 мой по рисунку:

1) Полную окружность груди (со спиной), мѣра на платѣ подъ мышкой отъ А до В. — 2) Полную окружность талии отъ С до D. — 3) Высоту бока отъ А до С.

Адресъ для наименьшихъ заказовъ:

Варшава, „ШИНДЛЕРА-БЮСТГАЛЬТЕРЪ“
Сенаторская, 26.

ЗАМОКЪ
МАРБАХЪ
на Боденскомъ озерѣ въ Германіи.

Діетическое лѣчебное заведеніе
первоклассное. Лѣченіе нервныхъ болѣзней, алкоголизма и морфинизма.
В. № 10302 12-8 Директоръ д-ръ Смитъ.

Касимовская невеста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.
ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
супругатъ материнскаго молока.

Цѣна жестянки 1 р. 50 к.
СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.
Цѣна мест. 1 руб. 10 коп. 6-6

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Оптовый складъ въ центральной депо перевалочныхъ и хирургич. матеріаловъ торговаго дома АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ въ С.-Петербургѣ, Гороховая, 33. Въ С.-Петербургѣ можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

D.O.M † D.O.M

BENEDICTINE

de de
l'Abbaye de Fécamp

MONACHORUM MONACHORUM

La Meillare des Liqueurs
Se defier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M † D.O.M

Ц. № 10041 15-6

арман. ЧАСЫ отъ 2 р. истр. прейс-кур. **БЕЗПЛАТНО.**
И. Ш. ХАЗАНОВЪ.
Аршава, Электр., 17.

ПИСАТЬ не только красиво, но и экономно. Методъ удостоенъ золотой медали благодарности короля Эдмунда. За двѣ коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса. Екатерининская, № 7. Проф. кал. Ф. Кошдаристъ. № 10263 10-6

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѢ, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что каталоги деревьевъ, растений, цвѣточнымъ луковичкамъ и пр. на № 10369 1897-1898 г. изданы и высылаются по требованію бесплатно. 4-1

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
А. № 9861 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26-16

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗ МАЙЛОВСКОГО ПР. № 27.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ

СРЕДСТВО ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ВАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ И КРАСНОТЫ ЛИЦА.

Глицериновое молоко Вода де Лисъ
и Ирисовое молоко. де Нинонъ для кожи.

МАГАЗИНЫ въ С. ПЕТЕРБУРГѢ:
Вознесенскій пр. пр. уг. Казанской ул. № 105
НЕВСКІЙ пр. № 30

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9551 26-17

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

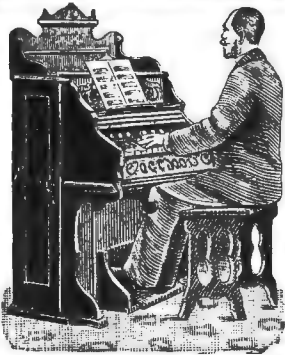

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ТОВАРИШЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ.“
 Москва. * Рига. * СПбурзь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ
 ФИРМОЮ: „ПРОВОДНИКЪ.“
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЮ.

(Фабрики Карпентера съ 160 руб.)

ФИСГАРМОНІИ

извѣстныхъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ хорошихъ фабрикъ въ 85, 100,
110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225,
240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500,
550, 750, 800 и 1000 руб.

Прейсъ-куррантъ безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика
музыкальныхъ инструментовъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Международная

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНѢ, ВЪ 1897 Г.

съ 1-го мая по 30-е сентября.

Р. № 102725-4

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

КУРСЫ РАПГОФЪ, основанные въ 1882 году.

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 7.

ПѢНІЕ:
 Г-жа О. Н. Нардуччи (Хомутова).
 Д. Н. Марская.
 А. Р. Дюфферъ (Низманъ).
 Г-нъ Р. Ф. Нуваль Норди.

ОМРИПНА:
 Г-нъ С. П. Коргуецъ.

ВИОЛОНЧЕЛЬ:
 Г-нъ А. П. Нуанъ.

ТАЛЕНТЪ.

ФЛЕЙТА:
 Г-нъ Э. Келеръ.

МЕДИО-ДУХОВ. ИНСТРУМЕНТЫ:
 Проф. Тюрнеръ.

Исторія музыки:
 Г-нъ П. А. Перелецкий.

Эстетика и исторія искусства:
 Г-нъ П. А. Перелецкий.

Хоровой классъ для взрослыхъ:
 Г-нъ К. К. фонъ-Бахъ.

ФОРТЕПИАНО:
 Г-нъ Е. П. Рапгофъ.
 А. Е. фонъ-Дрейеръ.
 А. И. Полетика.
 П. П. Фоссъ.
 В. Б. Минусъ.
 П. И. Юргенсъ.
 А. Ф. Якобъ.
 А. Г. Гинкель.

Г-жа В. В. Яриушъ.
 В. П. Семенова.
 Е. А. Горюхова.
 Е. Ф. Блюкъ.
 О. Я. Турянна.
 Е. Г. Герунгъ.
 Е. А. Башкова.
 Н. В. Лейшъ.
 С. Г. Моллеръ.

Педагогика фортеп. игры:
 Г-нъ Е. П. Рапгофъ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО:
 Г-нъ А. А. Нильскій.

МИМИКА И ТАНЦЫ:
 Г-нъ Н. С. Анстовъ.

ГРИМИРОВА:
 Г-нъ А. К. Воскресенскій.

Теорія и Соль-феджио:
 Г-нъ К. К. фонъ-Бахъ.
 Н. А. Соколовъ.

Теорія и дѣтскій хоръ:
 Г-нъ Э. Н. Борманъ.

MUSIQUE D'ENSEMBLE:
 Г-нъ Е. П. Рапгофъ.
 К. К. фонъ-Бахъ.

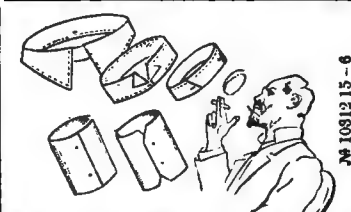
Обязат. на фортепиано:
 Г-нъ К. К. фонъ-Бахъ.
 Э. Н. Борманъ.

Итальянскій языкъ:
 Г-жа Лаваньо-Вампелло.

Пріемъ вновь поступающихъ съ 20 августа ежедневно отъ 10 ч. до 6 ч. веч., по пріяди и воскресен. дн. отъ 12-2 ч. дн. Подробнѣя программы высылаются и выдаются безплатно. Письм. заявк. о поступл. прос. адрес. на имя Директора „Курсовъ“ ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ. № 10388

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и этически профессоръ мнемоника С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Баз. ул., собственн. домъ, № 28. Условія и брош. (въ 32 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10269 10-10

БЪЛЪЕ МОНОПОЛЪ

ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
 Боротъ. 45 к. Манички 65 к. джж. Мажети 90 к. джж. паръ. Прейсъ-куррантъ безплатно. Г. ПЕТО С.-Петербургъ, Нараванская ул., 16.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генриха Блония. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

ЛѢЧЕВНИЦА ДЛЯ ЗАЖКЪ

Москва, Никитскій бул., д. Прибылова.

НОВОСТЬ!
 Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (102)

СТОЛКИНДА Москва
 КАПСЮЛЯ
ДЕЗОДОРАТЬ
 для уничтоженія
 ЗЛОВОНІИ
 въ ДѢТСКІХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т.д.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Складъ:
 Аптекарская торговля Л. Столкинда,
 Лубянской прудомъ Смольянинова.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
**ПАТОЧНЫХЪ И
 ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhland, Leipzig.
 Испытанные аппараты. Пр.-кур. безплатно.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
 ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
 ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 въплоть замѣняющаго устное преподаваніе
 по окончаніи курса свидѣтельство
 преподавательница шитья и кроя
Е. Д. АШМАРИНА.
 Высшая школа шитья и кроя
 КІЕВЪ безплатно.

ДЛЯ
СПОРТА Костюмы.
СПОРТА Фуражки.
СПОРТА Куртки.
СПОРТА Брюки.
СПОРТА Пояса.
СПОРТА Чулки.
СПОРТА Подтяжки.
СПОРТА Гамашы.

Ю. ГОТЛИБЪ.
 Владимірская, 2, уголъ Невского.
 Иллюстрированный прейсъ-куррантъ
БЕЗПЛАТНО.

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ ВЪЗДѢ
СВѢДѢНІЯ
 60
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧАТНОЕ ДѢЛОВОЕ ИСКУССТВО
 ПРОСИТЪ
 добрыхъ людей
 желавшихъ
 ему
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ
 АМЛОНЪ
 по египетскимъ
 ВОСПИТАНІИ
 500 страницъ
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 3141.

Новый
 прейсъ-
 куррантъ
 иллюстр.
 за 1897 г.
 Оружейнаго
 Склада
 водъ фирмою:
 Центральное депо оружія
 Б. Кошюнина, 29. Эд. Веннгъ. За
 приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ
 высл. безплатно. Много новостей.

ДЛЯ ЗАЖКЪ!
 Съ 1 сентября спеціальное заведеніе для
 приходящихъ и пенсионеровъ отъ заведенія
 И. Ю. ЗРНСТЪ переводится въ МОСКВУ,
 Больш. Никитская, д. бывш. Чернова, кв. 6.
 Руководство къ самообученію 3 руб.

XXVIII г.

г. XXVIII

№ 33

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Соорника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣдннхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 16 августа 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печновской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ доставкою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/4 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПБ.	1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.,	на 1/2 года безъ дост.	3 р. 50 к.,	съ дост. въ СПБ.	3 р. 50 к.,
				съ перес. иногородн.	3 р. 50 коп.				

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемѣдннхъ литерат. приложеній» за августъ 1897 г.

Въ лѣсной глуши. Съ картини Бервута грав. Геданъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Торопливый топотъ коня, и кто-то сорвался съ козелъ. Въ одно и то же время показались въ дверцахъ и Флегонтъ, и Жилка. Первый не сходилъ съ сѣдла, и тяжело дышавшая лошадиная морда чуть не обрѣзывалась объ осколки стекла.

— Отворите-ка... Думалъ до хутора подождать, да рано невѣстущка характеръ показывать стала. Флегонтъ, веревка есть?

— Есть.

— Вяжите ее. Жилка, тащи ее изъ кареты... Квитковъ — дурень. Не умѣлъ смотрѣть — умѣй визать. Бери ее!

Совсѣмъ обезумѣвшая Елена Борисовна попробовала было защищаться, но громадный Флегонтъ въ лапы задалалъ ее. Что она могла со своей комариной силой?.. Вытащили...

— Крутите-ка... Ну... какъ вола на бойню. Вотъ такъ. Круче руки назадъ. Готово?

— Готово! — мрачно отвѣтилъ Флегонтъ.

— Жилка!

— Чего изволите?

— Плюнь ей въ морду.

Жилка отшатнулся. Что-де съ нимъ станется, если Елена Борисовна когда-нибудь освободится и пожалуется. Суда пуще всего боялся Жилка.

— Не смѣю-съ, Моисей Лукичъ.

А самъ дрожить.

— Плюй, говорю...

— Никакъ не смѣю-съ. Повелите околѣть—тую же минуту околѣю... А плевать не смѣю-съ... Пусть Квитковъ.

— Не смѣешь... Флегонтъ, плюй. Сходи съ коня—плюй... Ничего. Пусть узнаетъ, какова мужицкая слюна.

— Не муское дѣло... Прикажи повѣсить—повѣшу. А плевать—самъ плюй!

Моисей Лукичъ забормоталъ какія-то проклятія, подскочилъ и плюнулъ въ лицо Елены Борисовны.

— Получай задатокъ... Сажай ее въ карету.

Елену посадили. Колеса опять мягко покатались по лѣсной дорогѣ. Мѣрно пофыркивая, бѣжали кони. Позади слышался топотъ Флегонтовой лошади.

— Поняли, ваше сіятельство?

Елена Борисовна вздрогнула... Она точно омертвѣла вся. Чудомъ билось сердце, чудомъ дышала самая грудь. Ни мысли въ головѣ, ни искры сознанія...

Жилка на козлахъ продолжалъ трепетать.

„Господи,—думалъ онъ про себя,—уголовицной пахнетъ дѣло-то. Въ Сибирь угодишь, пожалуй. Онъ-то, Моисей Лукичъ, откупится. Ему что, — а мы, подневольные, въ отвѣтъ будемъ. Ой, не ладно“...

— Егоръ!—обратился онъ къ кучеру.

— Ну?...—хмуρο оглянулся тотъ.

— Будь другъ... Я у тебя сына крестилъ.

— Знаю... Что еще?

— Отпусти ты меня. Я камешкомъ—свалюсь будто.

А ты и не замѣтишь.

— Ну, нѣтъ, врешь. Бунту подыму. Такое дѣло — всѣмъ къ отвѣту. Со всѣхъ не такъ спросать. Мое дѣло что? Я при коняхъ — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Мое дѣло—напоилъ, накормилъ. Приѣхали—выводилъ... А ужъ это вы. Вы вѣдь присные при господахъ...

— О, Господи!

— Да, братъ Жилка. Тутъ и въ каторгу попадешь—живо. Что ей: она померла — и всего тутъ. А вамъ страдать. Да и куда ты побѣжишь?

— Въ лѣсъ.

— А въ лѣсу медвѣди?..

Жилка смолкъ сразу и точно къ мѣсту приросъ. Вверху подымался вѣтеръ, важно и медленно качались лѣсныя вершины. Сплошной гулъ и шорохъ въ дубравѣ. Гдѣ-то вдали грохотало. Стороною гроза двигалась... Сюда и отблескъ отъ молній не достигалъ. Столѣтніе великаны во мракѣ просыпались. Въ сторонѣ завылъ волкъ. Отчаянно, жалобно. Другой отвѣтилъ ему еще пронзительнѣе и жутче.

— О, Господи,—метался Жилка.—Ну его и съ отчегого. Лишь бы самому уцѣлѣть. Какія дѣла! Какія дѣла, Егоръ!

— Ваши дѣла—не мои...—резонно отвѣчалъ тотъ.— Вы съ ними и возитесь. Мое дѣло—кони. За нихъ съ меня и спрашивай.

— Ну, нѣтъ, врешь!

— Чего такого?

— И ты отвѣтишь. Всѣ скажемъ: Егоръ тоже видѣлъ. Пропадать—такъ не мнѣ одному.

— Видѣлъ? Что я видѣлъ? Я коней держалъ. Хвосты видѣлъ. Спины тоже, а больше ничего.

— Небось... намъ въ Сибирь—и тебѣ тоже.

— Божья воля!..

Моисей Лукичъ насупился, завернулся въ свое пальто-ротонду, нахлобучилъ капоръ и замолкъ.

„На первый разъ ей довольно. Остальное въ хуторѣ. Самое бы настоящее дѣло въ отчаянность придти ей да на первый крикъ. Веревочъ тамъ предостаточно и крюковъ набито, сколько хочешь. И не такую сдержатъ!.. И насъ бы освободила, и самой легче. Ну, какая такая ея жизнь будетъ теперь? Изведу

вѣдь. Запру, яко бы на излѣченіе. Сосновый боръ де — воздухомъ лѣчится. Сто лѣтъ проживи — не отомкну. Какъ червь въ деревѣ. Позабудутъ. И не такихъ забывали. Да куда — не выстонтъ! Подохнеть, волчья отравка! И Семигоровъ тоже — попрыгаетъ-попрыгаетъ, и къ другимъ побѣжить. Очень ему надо вязаться. Получилъ свое — и будетъ... Мало бабъ! До пропасти!“

Онъ покосился на Елену Борисовну.

Та широко открытыми глазами смотрѣла во мракъ передъ собою...

Въ горлѣ жгло... Какія-то спазмы въ груди. Зарыдать бы, — что-то хлюпаетъ тамъ, — а плачу нѣтъ и слезъ не найдется подъ сухими и горячими вѣками. Веревки врѣзываются въ живое тѣло. Руки, перевязанныя ими, пухнуть. Больно. Но ей легче отъ этой боли. Хотя куда-нибудь направляется едва-едва пробуждающаяся мысль... И вдругъ рядомъ съ этимъ точно огонекъ въ темную, безвѣздную ночь, замерцавшій вдали слабою надеждой... Подождать только два дня. Онъ узнаетъ. Не пойдетъ въ городъ—все подыметъ. Развѣ можно скрыть. И мать Александра тоже. Будутъ искать—найдутъ... А до тѣхъ поръ? Какихъ только мукъ не придумаешь этотъ злобный старикъ! Какихъ оскорблений! О! Онъ съ нею разсчитается за все. Она слишкомъ поддавалась негодованію и много высказала ему. Теперь нѣтъ путей назадъ... И опять бѣшенство одуряющей волной поднялось и охватило ее.

— Негодяй, негодяй! Подлый, старый мерзавецъ! За все, за все поплатишься ты... Погоди!

Тотъ тихо засмѣялся и еще глубже засунулъ руки въ муфту.

— Такъ поплачусь, да? — спрашивалъ онъ ее отъ времени до времени и опять тихо смѣялся.

— У насъ здѣсь, въ лѣсахъ, мѣсто вольное... Прикажу тому же Флегонту удавить тебя — и удавить. А ужъ я бы на похороны не пожалѣлъ. Сбрую-то факельщикамъ изъ Питера бѣлую выписалъ бы. Со всѣхъ шляпокъ страусовыя перья на катафалкъ обобралъ. Гробъ бѣлаго газету, покровъ золотой парчи. Лежи въ свое удовольствіе. Поминки — весь городъ опейся. Попамъ новыя ризы. За сорокоустъ — и всю тыщу отдамъ. Мнѣ на тебя не жалъ—только помри! Вотъ какъ мы тебя любимъ. На кладбищѣ монастырскомъ, у самой церкви,—склепъ—кирпичная стѣна, бетономъ залю, чтобы невзначай не вышла оттуда. Ты вѣдь бѣгать любишь. Пожалуй, и изъ могилы, какая полегче, побѣжишь. Такъ ужъ надо мраморъ поосновательнѣй сверху!..

Елена Борисовна ничего не слышала. Она смотрѣла въ темноту передъ собою. Въ головѣ шумѣло. Откуда-то чудились колокола. Точно монастырь близко, и тамъ звонять. Подъ фонарями кареты, у дороги, мерещилась та же лѣсная потайна. Тѣ же листья и вѣтви шуршали о кузовъ экипажа, стучались въ его окна. Позади, какъ и до тѣхъ поръ, слышался тяжелый бѣгъ громадной Флегонтовой лошади. Порою Копровой казалось, что она погружается на мягкое дно, и вверху тихо-тихо, беззвучно несутся въ таинственную даль широкія, упругія, полого-выгибающіяся волны. Вся жизнь тамъ надъ этими волнами и на нихъ. Внизу — все неподвижно. Лежатъ золотыя пески, стоятъ, вытягиваясь вверхъ, тонкія, безцвѣтныя водоросли... Жива ли она сама? И тотчасъ же острое воспоминаніе только что нанесенной ей обиды вдругъ выводило ее изъ оцѣпенѣнія. Она опять чувствовала боль въ связанныхъ рукахъ и слышала тихій, торжествующій смѣхъ Моисея Лукича.

— Егоръ!—крикнулъ онъ въ разбитое стекло.—Гони скорѣй! Чего шагомъ ползешь?

— Никакъ нельзя, Моисей Лукичъ.

— Чего еще?

— Колеса вязнуть, страсть тяжелая дорога. Кабы мощеная была.

— Стану для тебя, дурака, мостить лѣса.

— А тутъ невозможно. Коней зарѣжемъ.

Сколько времени прошло—Елена Борисовна едва ли могла опредѣлить потомъ. Путь казался безконечнымъ, лѣсъ безпросвѣтнымъ—настоящая дебрь вѣковал! Соннымъ царствомъ легла. Не проснется ни отъ волчьего воя, что порою дико и пронзительно раздается вдали, ни отъ странныхъ звуковъ, точно кто, тяжелый и грузный, быстро проносится въ чащѣ, въ вершинахъ старыхъ деревьевъ. Разъ Елена вздрогнула. Надъ самымъ ухомъ, казалось, треснуло—и глухо замерло въ глубинѣ молчаливаго бора. Что-то на мгновение заревомъ освѣтило лѣсъ и погасло.

— Это ты, Флегонтъ?

— Я-ста!

— Кого нащупалъ?

— Волкъ стороной подбирался.

— Ну?

— Готовъ.

— Хорошо это, когда сразу готовъ...—вдругъ засмѣялся Моисей Лукичъ.—И тебѣ не мучиться, и душа въ рай, потому что пострадала. А мы молиться будемъ. Вотъ бы Флегонтъ въ тебя этакъ... Посерединѣ груди, въ нацѣлованное мѣсто. Въ грѣшное самое.

И опять смолкалъ—лѣсъ и на него дѣйствовалъ. Только поводило всего, да рука сжималась хищно и цѣпко, точно Моисей Лукичъ чью-нибудь шею давить принаравливается. Опять тишина, наполняемая мягкимъ шорохомъ колесъ въ пескѣ и тяжелымъ бѣгомъ Флегонтова коня. „Какъ дать знать Николаю Львовичу?—вдругъ блеснуло въ головѣ у Елены Борисовны.—Какимъ путемъ? На Флегонта разсчитывать нечего... Егоръ тоже—онъ кромѣ своихъ лошадей и знать ничего не хочетъ. Жилка... Да, именно онъ... Пугливъ, подлѣ, его купить можно или испугать. А лучше и то и другое вмѣстѣ“. Она закрыла глаза, размышляя, какъ это устроить. Иначе Моисей Лукичъ продолжалъ бы изводить ее и не далъ бы ей очнуться. Онъ и сейчасъ, то и дѣло, наклоняется и смотритъ на нее въ упоръ, такъ что на своемъ лицѣ она чувствуетъ его короткое дыханіе.

— Почиваете, ваше сіятельство, или такъ, съ мужиками не хотите бесѣдовать? Что же, послѣ этакого почета, какой я вамъ оказалъ, и заснуть хорошо. Райскихъ сновъ. Миль-сердечный другъ привидится—все пріятнѣе...

Но, замѣтивъ, что Елена Борисовна не открывастъ глазъ, откинулся опять и замолчалъ.

Лѣсъ очевидно рѣдѣлъ, потому что вдругъ стало свѣжѣе.

Копровъ глубже засунулъ руки въ муфту и осѣлъ съ головой въ воротникъ своего пальто.

Колеса уже двигались по затвердѣвшему грунту, лошади скорѣе бѣжали и громче били копытами въ засохшія колеи. Полуоткрывъ глаза, Елена Борисовна уже не видала деревьевъ. Они отошли, очистивъ большую поляну. Подъ свѣтомъ фонарей на ней едва-едва мерещились старые, почернѣвшіе пни. Экипажъ сдѣлалъ большой кругъ, и Егоръ, сдерживая коней, подкатилъ къ чему-то несуразному, чернѣшему посреди этой порубки.

— Ну, слава Богу!.. Пріѣхали!..

Моисей Лукичъ толкнулъ Елену Борисовну локтемъ въ бокъ.

— Просыпайтесь, ваше сіятельство, во дворецъ пожаловали... Ужъ простите за то, что безъ музыки и шампанскаго встрѣчаютъ. У насъ и квасу напросишься. Народъ живетъ строгій...

Онъ вышелъ изъ кареты.

— Вынимай ее... Да потише. Неравно разобьешь, со-

кровище. Дама хрупкая... Коли ты ей, ненарокомъ, Флегонтъ, да синякъ подсадишь—двугривенный награжденія.

Но Флегонтъ хмурился и молчалъ.

— Что же ты?

— Я тебѣ, хозяйинъ, сказывалъ, что надъ душой не издѣваюсь.

— Ахъ ты, полотырь... Это у васъ въ часовнѣ, у колодца, такъ положено?

— У колодца, да святѣй вашего будетъ.

Елена Борисовна, почувствовать себя на ногахъ, вдругъ обратилась къ Моисею Лукичу:

— Куда это вы меня привезли?

— Въ надежное мѣсто—не бойся.

Она посмотрѣла, тутъ ли Жилка.

— Не жалѣете вы себя—пустъ, а за что ихъ губите?—указала она на людей.

— Кого ихъ?—оторопѣлъ въ первую минуту Копровъ.

— Да хоть того же Жилку. Вѣдь у него дѣти, жена. За что его въ Сибирь сошлютъ?

Жилка помертвѣлъ и сталъ оглядываться...

„Кругомъ вода, — шепталъ онъ бѣлыми губами.—Кругомъ вода. Куда уйдешь сейчасъ. Живо Флегонтъ нагонитъ. Убѣтъ еще“.

— Да потомъ и не надолго вѣдь!—разсуждала она про себя.

— Какъ не надолго? На всю жизнь!—взвизгнулъ обрѣвшій даръ слова Копровъ.

Она принудила себя засмѣяться.

— Ты думаешь, тебѣ кто-нибудь вырветъ изъ моего царства, отсюда?..

— Не думаю, а убѣждена.

— Кто, кто? Говори, поскуда!

— А хоть бы тотъ, кто и тысячь не пожалѣетъ за вѣсть обо мнѣ. Николай Львовичъ... Да и человѣка этого къ себѣ возьметъ.

У Жилки уши заходили. Онъ и носъ вверхъ поднималъ, точно воздухъ нюхалъ, и ноздри у него задвигались.

— Хоть бы тотъ же Флегонтъ... Пусть пріѣдетъ къ Семигорову...

— Мы, барыня, не продажные,—отрѣзалъ Флегонтъ. Онъ ей и не былъ нуженъ.

— Знаю, знаю. Потому и жалѣю!..

Жилка возился съ ключами у дверей. Громко скрипал, словно на простуженныхъ, ржавыхъ петляхъ, повернулись онѣ, и оттуда пахло непріютомъ, холодомъ, сыростомъ. Точно въ этой тѣмѣ кромѣшной еще и не жилали люди.

— Несите ее,—приказывалъ Копровъ.

— Сама пойду..

У нея болѣли израненныя осколками стекла руки. Она чувствовала, что изъ нихъ еще сочится кровь, но твердо шла въ большія сѣни.

— Эй, кто-нибудь, фонарь!

Флегонтъ взялъ огарокъ изъ кареты и, по-медвѣжьей ступая по шатавшимся половицамъ, не вошелъ, а подлинно влѣзъ сюда. Елена Борисовна оглянулась. Вездѣ голо. Балки, доски, изъ щелей торчатъ мохъ. У стѣны лавка. Въ глубинѣ лѣстница.

— Веди, веди ее вверхъ!

— Ступай, что ли?—бокомъ подобрался къ пей Флегонтъ.

Она—не боролась же было со связанными руками—пошла. Лѣстница старая. Каждая дощечка на ней жалется и перила отъ движенія людей качаются. Вверху—дверь. Отомкнули—горенка. Въ ней старая и ветхая постель. Грязи не оберешься. Шуршаніе чудится. Должно-быть, тараканы ползаютъ. Окно забрано рѣшеткой.

— Никто къ тебѣ не влѣзетъ сюда,—смѣется Копровъ.—Ну, сымай съ нея веревки. Да не бросай. По-

При лунномъ свѣтѣ. Съ карт. Гюло грав. Геданъ.

Литературный альбомъ. „Рыбани“. Романъ Д. В. Григоровича. Проводы новобранца.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) и. Имаевича, грав. Цистушкевичъ.

надобятся... Привяжемъ къ воротамъ, по-мужицки, да вожжой и постегаемъ, коли не уймется... А пока—прощай... Обо мнѣ не печалься. Я тутъ же, внизу... Флегонть—запри.

Въ замѣкъ шелкнуло... Елена осталась одна. Огарокъ на столѣ, догорить—темно будетъ. Подошла къ постели—отшатнулась. Нѣтъ, ужъ лучше на полу просидѣть... И на полу черно отъ таракановъ. Сила ихъ—такъ и наползаютъ отовсюду. Холодный ужасъ охватываетъ Елену Борисовну. Внизу замираютъ шаги... Гаснутъ голоса. Тихо... Только слышно, какъ на просѣкѣ поляны шумятъ лѣсныя вершины, качаются, шуршатъ... Что-то пискнуло... Должно-быть, ночная птица пролетѣла мимо... Чу!.. кто это всхлипываетъ, тонко, по-дѣтски... Елена Борисовна прислушалась—ручей, должно-быть, въ оврагѣ. То замираетъ, то опять. Пламя огарка колышется, ужъ очень дуетъ въ окно—кромѣ рѣшетки—ничего въ пемъ. Ни рамы, ни стекла. Хорошо—столъ есть. Она взобралась на него и сѣла. До утра рѣшила остаться такъ,—все здѣсь таракановъ меньше. Она начала припоминать, что случилось съ нею, и чувство бѣшеной злобы охватило ее такую одурью, что она должна была крикнуть, иначе задохнулась бы... И внизу услышала. Ей показалось даже, что Копровъ смѣется... И вдругъ, она вздрогнула—снаружи, въ рѣшетку окна, влетѣло что-то и шлепнулось объ полъ. Елена Борисовна наклонилась. Камень, завернутый въ клокъ бумаги. Развернула...

„Коли вы точно жалѣете служающаго человѣка, который во всемъ своемъ составѣ этому не причиненъ, и ежели нацѣтъ тысячъ не пустыхъ слова были, потому что нынче на это лавку съ галантереей и бакалеей при кредитѣ открыть можно,—то бросьте камень назадъ, а я пойму эту фантазію, и ежели медвѣди мой хладный прахъ не съѣдятъ, то отъ господина Копрова сбѣгу, только, въ случаѣ чего, въ судебному слѣдователю мою невинность объявите. А Егоръ, мерзавецъ, онъ все зналъ и даже на мою совѣсть отвѣтилъ: „наплевать; пушай съ нее шкуру деруть—наше дѣло мужицкое!“

Елена Борисовна почувствовала, что вся кровь хлынула ей въ голову.

— Жилка?—спросила она въ окно.

Въ темнотѣ что-то шелохнулось. Точно къ землѣ припало.

Она сообразила, насколько неосторожно говорить здѣсь. Подняла камень и бросила его.

Должно-быть, и тамъ услышали... Она уловила шорохъ чьихъ-то шаговъ, и тотчасъ громкій голосъ Жилки раздался внизу, вѣрно ужъ въ комнатахъ у Моисея Лукича.

XVIII.

Милитонъ Саввичъ Слоновъ уже нѣсколько дней какъ недоумѣнно моталъ лохматой головой и разводилъ свои лапищи.

— Вотъ поди жъ ты, какая заворожка!—объяснялъ онъ безчисленнымъ пріятелямъ.—Хочу оправдать себя, какой я есть человѣкъ,—честно-благородно въ законный бракъ вступить... И батюшка тоже напутствуетъ: „не добро городскому головѣ быти единому“. А она отъ меня въ монастырь вдарилась,—выцапай-ко ее оттуда.

— Еликонида?..

— Одна дура! Другой нѣтъ.

— Да что тебѣ, въ городѣ невѣсть мало. Вонъ у Бубнова растутъ... Скоро въ календарѣ именъ не хватитъ.

Милитонъ замоталъ рыжими лохмами.

— Нѣтъ, братъ, завязала она меня, такъ завязала. Сплю и вижу, какъ она буркалами-то меня оглядываетъ. Ужъ я ей и писалъ, потому тоже глупа—мужского побую опасается.

— Еще бы да не бояться. Мужчиннице—косая сажень... Пудовъ десять одной рукой...

— И двѣнадцатью перекрещусь.

— И глаза у тебя...

— Что глаза... Глаза натуральные.

— Какъ у волка, изъ-подъ рыжихъ лохмъ горять, не больно-то лестно дамѣ съ тобою.

— Другъ! Ужели-жъ я не понимаю. Одна учительша здѣсь помирала по мнѣ. Вы, Милитонъ Саввичъ, настоящая сила, а потому я васъ и люблю... По образованному изъяснялась. И собой, надо прямо говорить, не къ нашему рылу крыльцо. Ахъ, хороша, но рамкато у нея больно жидка. Я ей говорю: „никакъ этого невозможно, сударыня, потому что мы, православные купцы—народъ дикій. Ежели васъ, да по портрету смаху,—что отъ васъ останется? Намъ пужна баба крѣпкая, стоялая баба, какъ бы на каменномъ фундаментѣ. А то еще такія кобылы есть—семьдесятъ пять пудовъ вали на телѣгу—выдержать“. Такъ и отстала. Потомъ за учителя замужъ вышла... Бѣгала ко мнѣ по-малости. Нѣтъ, братъ, завязала меня Еликонида, такъ завязала, такъ завязала... Точно петлей сердце захлестнула. Кажется, построй стѣну вокругъ—разнесу, а добуду.

— За это тоже вашего брата...

— Пойми, истерзала она меня. Мѣщанка, простая, должна бы, дрянъ, за счастье почитать, что первая гильдія по ней страдаетъ. А она ни къ чему. Какъ-то передала черезъ приказчика: у него борода по поясъ—точно огнедышащая. Что же бы ты думалъ, обстригъ я... Сколько смѣху было. Однихъ зубовъ и вышибъ по этому самому дѣлу до дожины. У мирового судился. И она опять—„какъ мнѣ за васъ идти, какъ вы столь невѣроятны, что надъ образомъ и подобіемъ карахтеръ свой показываете“. Хорошо? Обучилась у матушекъ въ обители. Ну, да что—все одно на одно выйдетъ. Моя будетъ.

— Изъ-за монастырскихъ стѣнъ?

— Да вѣдь такъ живеть... И не бѣлица еще... Выкраду.

— Ты-то?.. Развѣ ты можешь? На это, братъ, нужно знаешь кого,—тонкаго да ловкаго. Ограбить на большой дорогѣ, силкомъ взять—твое дѣло.

— Что-жъ... И силкомъ возьму.

— А окружной судъ.

— Вона! Я, братъ, и попа сговорилъ одного. Обвѣячаетъ—поздно будетъ. Еликонида и сама не побѣжитъ жаловаться. А потомъ—что-жъ судъ. Развѣ я для разврата,—я на всю жизнь, для законнаго брака, во всемъ естественъ... Что-жъ мнѣ—третье трехлѣтіе городской голова, медалью почтенъ, въ Туречину пять иконоставовъ послалъ. Персидскому шаху на мечеть деньги пожертвовалъ—Льва и Солнца получилъ, колоколовъ отлил—счету нѣтъ, и вдругъ помирать въ одиночествѣ? Гдѣ это показано, господа судьи?

— Такъ ты по согласу?..

— По согласу! Развѣ онѣ понимаютъ. Потомъ, какъ сладость узнаеть,—сама не отвяжется.

Въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ своихъ настроеній Милитонъ Саввичъ мотался за городомъ.

„Хоть бы мнѣ жуликъ какой попался... Или кто ограбить меня захотѣлъ. Изорвалъ бы его...“—мечталъ онъ про себя, а пока до грабителя вывертывалъ молодья деревья съ мясомъ изъ земли.

— Или съ медвѣдемъ встрѣтиться, что ли... Отошло бы малость...

Ругалъ онъ Еликониду всячески и вдругъ падалъ о-земь и ревѣлъ какъ баба, уткнувшись лицомъ въ траву. Подымался еще страшнѣе, и казалось ему въ эти минуты—воздуху мало, грудь разорвется,—такъ ему жутко, тошно. Смерклось. Вызвѣздило. Небо было чистое. Шелъ, шелъ—да какъ криветь. Вблизи мужикъ со страху въ канаву сѣлъ и замеръ. Потомъ

разсказывалъ:—„идеть нечисть, косматая, страшная... Темно, а глаза горятъ. Помру, думаль...“

— Запить, вотъ что... Двѣ недѣли крѣпился...

И точно найдя разрѣшеніе мучившей его задачи, круто вернулся въ городъ. Вонь и огни его. Въ темнотѣ тихой ночи бѣлая колокольня, черное пятно большого сада... И вдругъ тройка по пути... Милитонъ Саввичъ—точно воскресъ.

— Стой!—заоралъ онъ.

Тройка ѣхала.

— Стой, говорятъ... А то тутъ тебѣ и конецъ.

А самъ про себя думаетъ: „напужаю до смерти. Пусть думаютъ, что грабитель...“

Кучеръ сдержалъ коней. Тихо осадилъ ихъ. Ни колокольчика, ни бубенцовъ. Диву дался Слоновъ. Кому бы? Точно воры ѣдутъ.

— Кто таковъ?

Изъ тройки поднялась, въ темнотѣ показавшаяся громадною, фигура. Даже Слонова осадило.

— Кой чортъ суется безъ пути?

— Батюшки! Николай Львовичъ. Баринъ, ты это?

И Слоновъ, внезапно обрадовавшись, полѣзъ цѣловаться. Сунулся—и опять его отшатнуло. Лицо Семигорова было искажено внутреннею мукой. Глаза вспухли. Голосъ хриплъ.

— Чего тебѣ надо?..

— Ишь ты... И тебя, должно, захлестнуло. Душа!—И Слоновъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.—Въ цѣлой подселенной одного тебя уважаю. Скажи: „Слоновъ, умри!“—въ ту же минуту! Вотъ какъ мы тебя любимъ... У тебя горе—даромъ-то Семигоровъ ревѣтъ не станетъ,—и у меня тоже. Давай пополамъ... Мнѣ теперь такъ: либо человѣка убить, либо себѣ самому башку камнемъ вдребезги. Иначе лопну—потому, изнутри она меня претъ. Засѣла, подлая, въ сердце... Пропадну на нее, лупоглазую, нѣтъ... И красоты-то всего, что мяса сколько угодно. Антрикотами всю городскую управу накормишь и еще на думу останется...

И уже не сдерживаясь, Милитонъ глупо, дико, не заплакалъ, а завылъ передъ Семигоровымъ.

Тому почудилось въ несуразномъ великанѣ настоящее горе.

— Ну, нечего... —останавливалъ онъ.—У каждого есть. Мое, поди, горше твоего...

— Всякому псу свой хвостъ дорогъ!..

— Ты за себя, а я за себя, да и за другую...

— Вотъ что, баринъ, вертай ко мнѣ. Авось, что-нибудь придумаемъ, потому я тоже въ отчаянности... Кучеръ, назадъ, къ городскому головѣ Слонову. И закружимъ же мы сегодня! Всю слободу сожгу—пропадай она, треклятая! Вѣдь Еликонида—изъ слободы. Пойми ты! Николай Львовичъ, разнесемъ слободу, а? Со всѣми родственниками и свойственниками...

— Потолкуемъ сначала... Можетъ, другъ другу поможемъ.

Но толковать съ Слоновымъ оказалось трудно. Онъ то и дѣло останавливалъ кучера, со всего размаху билъ въ ставень понавшагося дома и оралъ пріятелю, жившему тамъ: „Ермолай Лукичъ, живымъ манеромъ, къ головѣ бѣги. Кучу нынѣ!“—„Пронаду на васъ нѣтъ!—визжалъ оттуда женскій голосъ.—Нѣтъ Ермолай Лукича—уѣхалъ!“ Но тотчасъ же дамскій дискантъ покрывался обличающимъ мужскимъ басомъ: „Не вѣрь, Милитонъ. Я тутъ—вотъ, сейчасъ къ тебѣ.“—„То-то!“ И Слоновъ радостно стремился дальше. Изъ одного дома выскочила купчиха и яростно накинулась на него: „Ты что, мерзавецъ, народъ мутить. Мы въ семьѣ благообразно трапезуемъ и вдругъ—какой объявился! Не пуцу я мужа!“—Но тотъ мѣшкомъ неожиданно упалъ изъ окна и безъ шанки, какъ былъ, полѣзъ въ фаэтонъ къ Слонову.—„Ай, да мы!“—возрадовался Милитонъ Саввичъ и, показавъ купчихѣ шить, заоралъ: „на-ко—

выкуси, мадамъ. Ты что, въ вавилонскомъ плѣненіи супруга держишь, что ли?.. Вотъ выйдемъ, да завернемъ тебѣ сопча хвостъ. Будешь помнить!“ Еще изъ одного дома на него выпустили пса. Злющій былъ—такъ и залился хрипомъ и пѣной. Точно этого только и ждалъ Слоновъ.—„Видалъ ты, какъ Самисонъ льва задралъ?“—крикнулъ онъ Семигорову, вытѣзъ изъ фаэтона, свалился въ одинъ громадный комъ съ собакой. Ничего нельзя было разобрать въ немъ, гдѣ кончался человекъ, гдѣ начинался песъ. Слышны были только остервенѣлый вой животного и дикіе выкрики Слонова: „Вотъ, погоди, я тебѣ покажу,“—и вдругъ, выпрямившись, онъ швыркомъ перекинулъ четвероногого борца за заборъ обратно. Тамъ послышался визгъ... Издали летѣли сюда городовые. У сосѣдей открывались окна, высовывались встревоженные люди и спрашивали: „что случилось?..“ Справившись, полицейскіе вѣжливо брали подъ козырекъ и, вытягиваясь, отвѣчали обывателямъ: „ничего-съ, ваше высокоблагородіе. Только что голова—съ собакой подрался. А то все въ порядкѣ. Не извольте беспокоиться“.

Тройка уже была далеко.

— Ты совсѣмъ съ ума сошелъ!—останавливалъ Слонова Семигоровъ.

— Спятишь... Отъ женской прелести и не то бываетъ. Братъ возстаётъ на брата, сынъ на отца.

— Да ты въ крови весь.

— А то нѣтъ. Ты думалъ, она, собачка-то, шутить станетъ. Ну, да и ей не сладко. Оба уха я ей такъ закрутилъ. По крайности, у меня сердце отошло. Теперь не такъ трудно!.. А то бы въ уголовщину влѣзъ. Слободку разнесъ бы, да и тебя судъ тоже бы не помиловалъ.

Подкатили къ Слоновскому дому—весь онъ въ глубинѣ двора за высокимъ заборомъ прятался. Еще издали, разслушавъ шорохъ колесъ и топотъ коней, собаки на цѣпяхъ такъ и залились.

— Ишь ты, какъ меня моя гвардія встрѣчаетъ,—радовался Слоновъ.—Голубчики, обижаютъ!—заоралъ онъ.

Послышался лязгъ цѣпей и остервенѣлый лай.

— Теперичи спусти ихъ—отъ человѣка одна слюпа останется! Вотъ какъ я живу. Можешь ты понимать это?..

И Слоновъ моталъ рыжими лохмами и радостно сверкалъ волчьими глазами...

Не прошло и часу, какъ въ большихъ покояхъ его дома начался настоящій содомъ. Даже для Милитона Саввича это было рѣдкостью. И онъ, въ минуты нападавшаго на него просвѣтлѣнія, съ изумленіемъ обводилъ всѣхъ налитыми кровью глазами и восклицалъ: „ну и компанія, Господи!..“—И тотчасъ же остервенѣло оралъ: „Пей въ мою голову... Ѳедька, иностранныхъ винъ, по прейсъ-куранту, вали въ кучу! Господа купцы разберутъ какое куда...“ Откуда-то появился хоръ пѣвчихъ, и рябой регентъ, стучая камертономъ по головамъ дискантовъ, командовалъ: „слаще, подлецы, чтобы сердца трепетали!“—„Ты мнѣ слезу дай!—паскакивалъ на него Слоновъ.—Еройства у насъ и безъ тебя много!“ Пѣвчіе запѣвали грустное, и Милитонъ Саввичъ схватывалъ рыжія лохмы корявыми пальцами и раскачивался. „Плачь! Ермолай Лукичъ—плачь!“—требовалъ онъ у совсѣмъ осовѣвшаго пріятеля.—„По комъ плакать-то?..“ „По комъ?—удивлялся Слоновъ.—Какъ по комъ, душа каменная. По обидѣ... Всѣ мы въ обидѣ. Развѣ мы люди, ты оглянись: окромѣ Семигорова—человѣка нѣтъ. Одна дикость въ насъ торжествуетъ. Отчего же у другихъ иначе?—Безобразія нѣтъ. По себѣ плачь, дяволь“,—и онъ подымалъ надъ его головою бутылку со столь краснорѣчивымъ выраженіемъ озвѣрѣвшаго лица, что Ермолай Лукичъ какъ ни былъ пьянъ, а понималъ, что дѣло плохо, и мгновенно начиналъ плакать. Рука съ бутылкой слабѣла, опускалась, Слоновъ обнималъ

Ермолай и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ. — „Вся-то жизнь такъ... — всхлипывалъ онъ. — Пойми, вся жизнь... Младенцами-то мы какими были? Въ чистотѣ, невишности. Ангеламъ подобны. А теперь. Которая свинья — и той лучше — она безмысленная. А мы куда ввязли, куда? У мужиковъ кровь сосемъ, грабимъ ихъ, только и существуемъ, что людскимъ горемъ, потому, ежели бы всѣмъ хорошо стало, — намъ пропадать надо бы. Другъ, да что же это, съ чего же такая обида всеобщая. Ужли же нельзя иначе? Вѣдь мы съ живья шкуру деремъ. Вѣдь никто насъ не любитъ... Клянутъ, Господи!.. За что... Доколь...“ И регентъ, зная свою публику, командовалъ: „заламывай, ребята, изъ-подъ сердца... Вы-ворачивай купцамъ потроха. Гриша, въ высъ больше!.. Колокольчикомъ въ небесахъ звони. Вотъ такъ, милка! Сенька, пали ихъ огнемъ! Видишь — купецъ терзаться хочеть... Соколовъ, а еще теноръ! Вои!..“ — И Гриша звенѣлъ серебрянымъ колокольчикомъ, Сенька палилъ огнемъ, а теноръ вопилъ до того, что Слоновъ, уже въ совершенно сверхъестественномъ восторгѣ, искаживалъ взбудораженный, искаженный, блѣдный какъ стѣна и оралъ: „Что жъ это, братцы, Господи!.. Ой, не могу... Берите душу мою, окаинные, жгите ее въ гееннѣ огненной...“ И со всѣхъ ногъ, плашмя, падалъ на полъ, такъ что домъ вздрагивалъ... Семигоровъ не уходилъ отсюда. Чѣмъ больше онъ лилъ въ себя, тѣмъ ему становилось на душѣ тяжелѣй. Онъ только что ждалъ въ назначенномъ мѣстѣ Елену Борисовну. Вечеръ насталъ, ночь наступила — ея не было. Прощель къ дому — тамъ во всѣхъ окнахъ темно. Постучалъ — ея горничная вышла.

— Дома барыня?

— Елена Борисовна? Да ихъ и нѣтъ вовсе.

— Гдѣ же она?..

Та вдругъ залилась слезами.

Сердце захолонуло у Николая Львовича. Онъ почувствовалъ близкое несчастье. Даже за стѣну схватился, — зашатало его.

— Слушай, Глаша. Озолочу — въ чемъ дѣло.

— Николай Львовичъ... Да я и такъ... Господи! Слышала — Моисей Лукичъ приказывалъ Егору коней готовить и за Флегонтомъ въ лѣсъ посылалъ... Жилку тоже съ собою взялъ... Алексѣю Моисеевичу сказывалъ, что увезетъ ее, Елену Борисовну, въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не найдетъ.

И она, отвернувшись, тихо и безсильно зарыдала. Очень ужъ любила барыню.

Семигоровъ помертвѣлъ весь.

— Гдѣ онъ? — только и могъ выжать изъ себя въ первое мгновеніе.

— Кто?

— Моисей...

— Нѣту. Самъ съ ней уѣхалъ...

— Ну... Не жить ему... Найду гадину... замучу...

Онъ самъ не зная, какъ сошелъ съ крыльца, добрался до тройки, сѣлъ и поѣхалъ...

И сейчасъ, среди этого пьянаго развала, онъ мигъ за мигомъ переживалъ все случившееся съ нимъ за послѣднее время: и ужасное сегодня, и такое головокружительно-счастливое „вчера“. Пилъ что-то, но отъ этого ему становилось еще горше и тяжелѣе... Уйти? Не тянуло. Все же здѣсь на міру — и шумъ, и суматоха. Хоть немного да одуряють, и вдругъ онъ вздрогнулъ. Громадная фигура Милитона Саввича валилась ему въ ноги.

— Николай Львовичъ, тебѣ — земно! Вотъ, братцы, одного его уважаю и кланяюсь...

И онъ совсѣмъ ужъ глупо хватался за сапоги Семигорова и прижимался къ нимъ губами, точно это было его единственное прибѣжище на всей землѣ.

— Другъ... Давай уговоръ. Навѣки-вѣковъ.

— Встань, Милитонъ... Полно...

— Нѣтъ, дай я еще поѣлкую.

— Да ну тебя къ чорту... Отстань, а то изувѣчу.

Слоновъ подымался въ новомъ приливѣ восторга.

— Слышали, братцы. Ну, кто тутъ — да чего тутъ, а во всей Россійской имперіи — можетъ сказать Слонову: „изувѣчу“. А Семигоровъ и сказалъ, и изувѣчить. Вотъ за что я его люблю и уважаю. Только ты вотъ что. Я не даромъ тебѣ въ ноги кланялся. Это какъ бы въ зада-токъ.

— За что?

— Слышали мы. Ты думаешь, я ничего не знаю... Попалъ бычокъ на веревочку!.. Обо всемъ увѣдомился достаточно... Ну, да что... Алешка-то Копрровъ плюнь-кисляй. Одна ему цѣна. Ему ли, слякоти, владеть этакою... Вотъ что, Николай Львовичъ, ты думаешь, я пьянъ — нѣтъ. Такой посудины еще не выдумали, чтобы Слонова спойть. А только что душа у меня въ пареніи — это точно. Давай, братъ, руку. Обоймъ намъ жутко... Оба въ обидѣ... Что-жъ, будемъ стараться... Такъ не хотять — силкомъ. Я для тебя разорвусь. Моську эту, старика Копрова на воротахъ повѣшу. Проклята душа моя, если я Елену для тебя не выкраду.

Николай Львовича Семигорова точно озарило. Дѣйствительно, съ такимъ помощникомъ, какъ Слоновъ, чего не сдѣлаешь. Всякія стѣны разнесешь и камня на камнѣ не оставишь.

— Ты это не на вѣтеръ?

— Николай Львовичъ, баринъ, ужли-жъ ты души моей не понимаешь. Вотъ те крестъ — Елена будетъ у тебя. На смертное убойство пойду!..

Семигоровъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Ее увезъ старикъ, Богъ вѣсть куда.

— Не иголка въ стогу. Найдемъ. У меня есть такіе людишки... Когда увезъ?

Николай Львовичъ рассказалъ ему все, что слышалъ отъ Глаши.

Слоновъ сверкалъ глазами, дышалъ какъ горнъ и теребилъ лохмы.

— Постой! Сказывала — за Флегонтомъ посылалъ?

— Да.

— Ур-ра!

— Чего ты?

— Знаю гдѣ. Въ Заовражьихъ лѣсахъ у себя спря-талъ, въ дѣбри въ самой. Тамъ у него домъ въ по-тайнѣ есть... Николай, чортъ тебя возьми, радуйся, дьяволъ, наша взяла! Будь спокоенъ. Ну, и ехида — Моська эта самая. Только вотъ что: я — тебѣ, ты — мнѣ. Потому, у насъ тамъ настоящее страженіе будетъ и даже съ геройскими подвигами. Да ты не опасайся. Я подберу компанію. Не этихъ пропойцъ. Эти только пьяные и смѣлы. У меня есть...

— Да и у меня найдутся. Одинъ мужикъ около мо-настыря.

— Намъ бы пятерыхъ да настоящихъ.

— Ну, и мои люди.

— Дѣло, значитъ, готово. Только опять: я — тебѣ, а ты — мнѣ.

— Слушай, коли ты это обрабатываешь — умру за тебя.

— Зачѣмъ помирать! У насъ обоихъ такая жизнь пойдетъ — душа-радость, вотъ кака. Я тебѣ Елену, а ты мнѣ Еликониду. Тоже выкрасть надо. Только вѣдь въ обитель-то не сунешься съ дубемъ. Мы вдвоемъ съ тобой. Идетъ?

— А она?

— Кто? Еликонида? Слышь! Ей-Богу, любить меня, н-но опасается.

— Чего?

— Побой муского. Потому вы, говоритъ, Милитонъ Саввичъ, — безъ разуму, съ маху, — а мнѣ поврежде-ніе. И вретъ, потому я ее въ холѣ буду лелѣять, на сладкихъ кускахъ да на перинахъ. Въ пуху.

(Продолженіе будетъ.)

Въ вѣнкѣ изъ розъ. Съ карт. А. Зейферта грав. Годаиъ.

Уродъ.

Рассказъ Леона де-Тенсо.

(Окончаніе.)

III.

На другой день Резаль опять былъ у виллы Корбинса.

Дороти со своей стороны желала повидать его съ-глазу-на-глазь. Она отослала всѣхъ своихъ гостей на конкурсъ игры въ мячъ, приводившій въ волненіе всѣ окрестности. При появленіи Макса, миссъ Корбинсъ выразила удовольствіе, но ни малѣйшаго удивленія.

— А! Вы пришли за отвѣтомъ на вашу карточку?—сказала она.—Вотъ вамъ записка, написанная собственной рукой миссъ Корбинсъ. Самой ей опять пришлось выѣхать. Дѣйствительно, вамъ не везетъ!

— Можетъ-быть, не такъ страшно, какъ думаетъ миссъ Корбинсъ,—отозвался молодой виконтъ, пряча записку въ карманъ.

— Какъ! Вы не интересуетесь даже узнать, что вамъ писать?..

— Уродъ? Еще успеете! Есть одна вещь, которая гораздо болѣе заинтересуетъ меня. Послушайте, вы читали Бурже. Вы знаете, что онъ упоминаетъ о бѣдныхъ студенткахъ, которые въ канікулярное время берутъ мѣста служанокъ, чтобы заработать средства на продолженіе курса. Вѣдь это бываетъ?

— Да, я сама знала одну горничную, которая читала Виргили и Ксенофонта. И она полагалась за то: ей отказали.

— Я убѣжденъ,—продолжалъ молодой человѣкъ взволнованнымъ голосомъ,—что вы—одна изъ этихъ... интересныхъ особъ.

Онъ съ видимой тревогой ждалъ отвѣта, который долженъ былъ рѣшить его судьбу. Онъ свободенъ, у него нѣтъ ни отца, ни матери, чтобы помѣшать сдѣлать то, что свѣтъ назоветъ безуміемъ. Можно ли, однако, поставить ему въ упрекъ, если онъ женится на прелестной дѣвушкѣ, имѣвшей мужество изъ любви къ наукѣ взять мѣсто кухарки.

Дороти взглянула на него страннымъ взглядомъ, менѣе ленивымъ, чѣмъ прежде. Она, казалось, искала отвѣта на его слова.

— Вы приписываете мнѣ честь, на которую я не имѣю права,—проговорила она, наконецъ.—Я останусь всю жизнь тѣмъ, что я теперь. Но развѣ мало быть хорошей кухаркой?—прибавила она, смѣясь.

Последнее соображеніе мало тронуло Резаль.

— Какъ жаль!—произнесъ онъ, не замѣчая, что говоритъ вслухъ.

— Почему жаль?

— Я думалъ, что Богъ создалъ васъ... для другой участи,—добавилъ онъ грустно, рѣшивъ не высказывать своей тайны.—Но вы, по крайней мѣрѣ, довольны своей судьбой?

— Очень довольна, совершенно довольна,—отвѣчала Дороти, и горничій румянецъ залилъ ей щеки.

— Въ такомъ случаѣ, все прекрасно! Что это вы дѣлаете?—спросилъ молодой человѣкъ, чтобы перевести разговоръ на болѣе подходящую почву.

— Это желе на хересѣ,—полезла она, стараясь говорить спокойно.—Кстати, какія ваши любимыя кушанья? Вѣдь эта записка, которая такъ мало интересуетъ васъ—приглашеніе на завтра къ обѣду.

— Къ чорту этотъ обѣдъ! Онъ ничуть не привлекаетъ меня! Я сейчасъ вернусь въ отель, паншю „уроду“, что, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ ѣхать въ Нью-Йоркъ сегодня же вечеромъ, по важному, неотложному дѣлу. Мнѣ бы слѣдовало, конечно, послушаться перваго движенія и уѣхать вчера. Право, жизнь слишкомъ коротка, чтобы терять дни, ожидая, когда господамъ Корбинсъ вздумается пригласить васъ къ обѣду!..

— Они заботились о васъ же. Сегодня вы очутились бы среди цѣлой толпы сестеръ и кузеновъ, весьма мало интересныхъ. Завтра же вы будете одни.

— Одинъ съ „уродомъ“? Очень благодаренъ! Вотъ это рѣшаетъ вопросъ окончательно. Я хотѣлъ бы сидѣть уже въ вагонѣ Пульмана, и жалѣю, что, вообще, пріѣзжалъ въ Гартфордъ...

Максъ всталъ. Давно пора было положить конецъ этому положенію, противоположному всякому здравому смыслу. Но тутъ бѣдному виконту представилось арлекинъ, котораго онъ не въ силахъ былъ перенести. Наклонивъ свою хорошенькую фигурку и напрягая всѣ мускулы движеніемъ, которое, хотя нѣсколько поздно, объяснило ей яркій румянецъ, Дороти тѣтно старалась откупорить бутылку хереса, предназначеннаго для желе. Молодой человѣкъ почти гнѣвно отинялъ бутылку изъ маленькихъ, безпомощныхъ ручекъ и вытанилъ пробку.

— Богъ создалъ васъ совсѣмъ не для этого рода дѣятельности, бѣдное дитя. Вамъ, при вашемъ развитіи, такъ легко было бы найти что-нибудь лучшее. Позвольте сказать вамъ, что вы поступаете нехорошо.

Дороти нѣсколько секундъ молча смотрѣла на Резаль.

— А вы думаете, мосье Резаль, что свѣтъ не нашелъ бы нехорошѣе то, что вы дѣлаете теперь? Во всякомъ случаѣ, вы добрый человѣкъ...

— О!—пробормоталъ онъ, пожимая плечами.—Я вовсе не добръ: я—мужчина, и больше ничего. Если бы вы были некрасивы и горбаты, какъ дочь Корбинса, неужели вы думаете, что я сталъ бы помогать вамъ въ вашей стриппѣ? Но вы правы, говори, что я показался бы смѣшнымъ. Это доказываетъ только, какъ общество извратило естественные законы. Женщины съ вашими умами, съ вашей... съ вашей наружностью, съ извѣстной долей образованія, которая замѣтна въ васъ, прямо позорно прозябать въ такой низменной сферѣ. Въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ кастъ, нѣтъ предразсудковъ, вамъ было бы такъ легко выбиться изъ этой колѣи.

— Полноте, милостивый государь! Вы не знаете, какое положеніе я занимаю въ этомъ домѣ.

— Очень грустный доводъ въ вашихъ устахъ. Развѣ вы не понимаете, что служанка всегда... однимъ словомъ, останется служанкой?

— Прибавьте, г. виконтъ, служанкой, которая никогда не забудетъ, какъ мы стрипали вѣбѣ!.. Отчего вы такъ разсердились? Развѣ я сказала что-нибудь не такъ?

— Вы прекрасно говорили, дитя мое. Лучше меня, потому что я не убѣдилъ васъ... Прощайте! Я не скоро забуду Гартфордъ.

Дороги, облокотившись обѣими руками на спинку стула и наклонивъ впередъ станъ, смотрѣла на Макса такими глазами, которые окончательно сводили его съ ума.

— Пожалуйста, я васъ прошу!—сказала она.—Не уѣзжайте, не пообѣдавъ у... моихъ господъ.

— Чтобы увидѣть, какъ вы стрипаете? Я найду, что отвратительнее... Вы—кухарка!.. Я не могу свыкнуться съ этой мыслью... Прощайте!

— Исполните мою просьбу. Оставайтесь до завтра, и, слово американки, я постараюсь „выбиться изъ колѣн“.

— Но, если я останусь, что я выиграю. Вѣдь я буду въ обществѣ „урода“. Я даже не увижу васъ.

— Приходите только. Увѣрю васъ, что вы увидите меня.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ.

— Бѣгите!—воскликнула Дороти.—Нани вернулся.

Максъ мгновенно очутился въ саду, стараясь скрыться за деревьями, для того, чтобы не быть замѣченнымъ „уродомъ“.

IV.

Часъ спустя миссъ Корбинсъ получила письмо, очень вѣжливое, но холодное, въ которомъ сообщалось, что виконтъ де-Резаль принимаетъ ея любезное приглашеніе.

На слѣдующій день онъ выходилъ изъ вагона въ Гартфордъ, разбитый и измученный, такъ какъ не спалъ всю ночь. Тогда какой-то господинъ сказалъ ему по-французски:

— Если не ошибаюсь, г. виконтъ де-Резаль?

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ Максъ сердито.—Развѣ мы гдѣ-нибудь встрѣчались?

— Нѣтъ, но мнѣ извѣстно ваше пребываніе въ Гартфордѣ, и я не знаю здѣсь никого, ктѣ бы такъ походилъ на француза, какъ вы. Я—Томасъ Корбинсъ. Часъ тому назадъ, дочь сказала мнѣ, что пригласила васъ сегодня къ обѣду.

Пожимая руку своему новому знакомому, видному человѣку, еще полному силъ, Резаль въ то же время отыскивалъ въ толпѣ женское существо, достаточно безобразное для указающихъ ему примѣтъ; но онъ не нашелъ никого, кого бы можно было назвать уродомъ, при всей доброй волѣ, въ которой у него не было недостатка. По всей вѣроятности, богатая невеста бережетъ къ обѣду свой цвѣтъ лица. И дѣйствительно, когда отомель поѣздъ, Максъ остался на платформѣ одинъ съ мистеромъ Корбинсъ.

— Не желаете ли поѣхать сейчасъ къ намъ вѣбѣ? со мной? Вы побѣдите съ моей дочерью. Она знакома съ вашей родной. Она не могла пріѣхать проводить тетокъ изъ-за хлопотъ по хозяйству. Пришлось взять новую кухарку.

— Возможно ли?—воскликнулъ Максъ съ необычайнымъ интересомъ.—Такъ прежней нѣтъ больше?

— Чему я очень радъ. Барышня! Вѣлоручка, которая жаловалась, что ей слишкомъ жарко! Милостивый государь, чтобы представить себя, до чего могутъ доходить претензіи американской прислуги, надо изучить ее на мѣстѣ. Я желалъ бы, по примѣру многихъ нью-йоркцевъ, жить въ отелѣ, чтобы не имѣть дѣла съ этимъ отродеемъ!

Максъ готовъ былъ отколотить себя за свою глупость. Онъ принужденъ ѣхать на обѣдъ, даже безъ надежды увидѣть кухарку, выгнавшую, можетъ-быть, по его винѣ. Это была послѣдняя капля. Онъ наскоро простился съ хозяйствомъ, увѣривъ его,—что было въ сущности совершенно вѣрно,—что онъ немощаетъ отъ усталости и хочетъ отдохнуть нѣсколько часовъ у себя въ отелѣ.

Сама судьба клала конецъ его безумству. Максъ спросилъ расписаніе поѣздовъ и рѣшилъ ѣхать съ курьерскимъ, проходящимъ черезъ Гартфордъ незадолго до полуночи. По амери-

канскому обычаю, онъ взялъ билетъ въ отель, занявъ спальное мѣсто, сдалъ багажъ и, захвативъ съ собою ружной чемоданчикъ, чтобы переодѣться въ вагонѣ на слѣдующее утро, надѣлъ фракъ и отправился къ Корбинсамъ. Ему, какъ и слѣдовало ожидать, открыла дѣвушка, съ волосами куделью. Обѣ половинки двери въ гостиную стояли широко открытыми, и онъ твердой, рѣшительной походкой вошелъ въ договинце урода.

На первый взглядъ комната показалась ему пустою, и онъ подумалъ даже, что явился слишкомъ рано. Но, присмотрѣвшись, онъ замѣтилъ въ полутьмѣ сводчатого окна сидящую женскую фигуру. Рѣшивъ отрекомендоваться самому, онъ направился прямо къ ней, не сомнѣваясь, что передъ нимъ миссъ Корбинсъ. Но, сдѣлавъ три шага, онъ остановился. Незнакомка показалась ему замѣчательно красива, хотя лица ея нельзя было разглядѣть.

Въ ту же минуту послышались мужскіе голоса изъ курительной комнаты, откуда, съ вѣсомъ полузакрытыя стеклянныя двери, виднѣлись цѣлыя облака дыма. Несомнѣнно, эта женщина жена одного изъ курильщиковъ. Человѣкъ, привычный къ французскимъ обычаямъ, при видѣ ея туалета и брилльянтовъ, не могъ сомнѣваться, что она замужняя. Поэтому Резаль ограничился молчаливымъ поклономъ, какъ не представленный официально.

„Миссъ Корбинсъ могла бы, кажется, одѣться пораньше и быть готовой къ приему гостей“, подумалъ онъ и еще разъ послалъ „урода“ къ чорту.

Онъ уже направился въ курительную комнату, въ надеждѣ найти тамъ мистера Корбинса, но въ это время незнакомка обернулась. Молодой человѣкъ остановился, какъ окаменѣлый, задавая себѣ вопросъ, вѣтъ ли у знакомой ему кухарки сестры-близнеца, которой лучше, чѣмъ ей, повезло въ жизни. Тѣ же прелестные глаза, тѣ же губки, готовыя тонко улыбаться, несмотря на серьезное выраженіе лица. Однимъ словомъ, это была та же красавица, но съ новымъ блескомъ, который придаютъ цвѣты, брилльянты и корсажъ, вышедшія изъ рукъ великой модистки.

„Боже!—вздохнула бѣдный Максъ,—я начинаю видѣть ее вездѣ!“

Боюсь, что смущеніе его покажется смѣшнымъ, онъ оторвался отъ созерцанія красавицы и отступилъ къ курительной комнатѣ, гдѣ бесѣдовали двое мужчинъ: мистеръ Томасъ Корбинсъ и пожилой священникъ, который не могъ, не преступая всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, быть мужемъ этой величавой красавицы.

Хозяинъ принялъ Резаль съ чисто американскимъ радушіемъ. Представивъ его священнику, онъ проговорилъ:

— Миѣ бы слѣдовало быть въ гостиницѣ, чтобы принять васъ. Но тамъ моя дочь, съ которой вы уже знакомы.

— Миссъ Корбинсъ нѣтъ въ гостиницѣ, — возразилъ Максъ, не находя нужнымъ объяснить, что онъ незнакомъ съ хозяйкой дома.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, опять что-нибудь въ кухнѣ! У васъ, во Франціи, обѣдъ дѣлается самъ собой, но здѣсь!.. Моей дочери чуть не пришлось и сегодня стрипать обѣдъ самой!

— Какъ и сегодня?..—повторилъ виконтъ, чувствуя, что подъ погамъ его отвергается пропость.

— Да, именно! Она цѣлую цѣдью надѣвала передникъ и отправлялась въ кухню въ то время, какъ домъ былъ полонъ гостей!.. Вы точно съ неба упали, г. виконтъ. Что дѣлать? Америка страна удивительная, прекрасная, единственная!.. но только падали. Вблизи!.. Но вотъ и моя дочь.

На порогѣ комнаты появилась та самая красавица, съ которой Резаль раскланялся минуту тому назадъ.

— Идите обѣдать,—сказала она весело. Дороти взяла руку виконта, какъ знакомаго, представленнаго уже раньше, и повела его черезъ залу. Самъ онъ не въ состояніи былъ бы тронуться съ мѣста.

— Смѣлѣе!..—сказала она, смѣясь, въполголоса.—Развѣ я погнушила неблагородно? Я обѣщала вамъ выбиться изъ прежней колѣн: обѣщала, что мы увидимся сегодня. Вы не можете сказать, что я не сдержала слова!..

— Да,—возразилъ несчастный.—Вы настолько сдержали его, что миѣ остается только выскочить въ окно и броситься въ Коннектикутъ.

Однако, бѣлая, круглая ручка, покоившаяся на его рукѣ, способна была лучше всякихъ цѣпей удержать его отъ бѣгства. Какъ бы то ни было, виконтъ былъ приведенъ въ столбовую и, окончательно уничтоженный, безсильно опустился на свое мѣсто. Резаль ничѣмъ не оправдалъ репутаціи остроумца, выпавшей на долю его соотечественникамъ. Можно было подумать, что онъ сраженъ какой-нибудь ужасной вѣстью. Напрасно мистеръ Корбинсъ навелъ разговоръ на предметы, способные заинтересовать его. Дороти приходилось давать за него отвѣты, что она и исполнила съ полной готовностью.

Послѣ кофе, оба американца вышли въ садъ покурить. Миссъ Корбинсъ объявила, что вечерній воздухъ слишкомъ свѣжъ для ея открытыхъ плечъ.

— Но я не требую, чтобы вы оставались въ гостиницѣ,—обратилась она къ французу, — если васъ болѣе привлекаетъ напираса.

— До сихъ поръ вы не насмѣхались надо мной, — проговорилъ Максъ.

И види, что онъ остался наединѣ съ молодой дѣвушкой, прибавилъ:

— По крайней мѣрѣ сегодня.

— Если я не ошибаюсь,—продолжала Дороти, — вы увозите отсюда дурныя воспоминанія. А между тѣмъ я сдѣлала все отъ меня зависящее, чтобы остаться съ вами добрыми друзьями. Судите сами: я даже не говорила отцу о томъ, что... вы сообразили писать особую главу о „Североамериканской кухаркѣ“. Онъ думаетъ, что вы видѣли меня въ первый разъ въ роли настоящей миссъ Корбинсъ.

— Что миѣ за дѣло, — возразилъ Максъ, — если бы я показался смѣшнымъ въ глазахъ всей Америки! Вѣдь въ томъ, что я въ вашихъ глазахъ являюсь пошлымъ дуракомъ. Воображаю, какъ вы позабавились на мой счетъ!.. Съ какой необычайной глупостью я рассказалъ вамъ мои тайные помыслы!.. Жалкія дураки!.. Если бы у меня лежало на совѣсти убійство, однимъ взглядомъ вашихъ глазъ вы заставили бы меня сознаться въ моемъ преступленіи!..

— Развѣ я плохо сохранила ваши признанія?

— Вы сохранили ихъ настолько хорошо, что я принужденъ сегодня же убраться. Я не смѣю смотрѣть вамъ въ глаза!..

— На васъ не угодилъ!.. Васъ увлѣряютъ, что Дороти Корбинсъ уродъ, вы бѣжите укладывать чемоданъ. Теперь вы видите, что тутъ было нѣкоторое... преувеличеніе, и опять не дождетесь отхода поѣзда!.. Право, есть отъ чего придти въ отчаяніе.

— Вамъ хорошо шутить. Вотъ уже три дня, что вы забавляетесь компичнымъ для васъ приключеніемъ. Завтра вы, конечно, поспѣете о немъ съ вашими знакомыми... съ кузеномъ Вилли!.. А черезъ недѣлю все будетъ забыто. Тогда какъ я... — Вы? О, Боже!.. Вѣдь я не напускаю на себя излишней скромности и готова думать, что вы будете помнить меня двѣ недѣли. Но вѣдь вы французъ!.. Можетъ-быть вы сѣли бы на пароходъ сегодня же, если бы здѣсь былъ портъ. Къ счастью, для этого надо ѣхать въ Нью-Йоркъ. По пути отсюда до вокзала, находящагося въ сорокъ-второй улицѣ, вы успеете одуматься, а такъ какъ погода стоитъ очень жаркая, найдете, что лучше укрыться отъ жары въ Саратоѣ или въ Кэтскиллѣ, смотри по тому, куда адресованы ваши рекомендательныя письма. Я полагаю, что запасъ ихъ еще не исчерпанъ?

— Да, есть еще, — возразилъ молодой человѣкъ, сдерживая порывъ бѣшенства и открывая бумажникъ. — Вотъ они: миѣ они больше не нужны.

Онъ изорвалъ конверты съ письмами въ мелкіе кусочки. Дороти нѣсколько мгновеній молча смотрѣла на принесенную ей жертву, потомъ проговорила слегка дрогнувшимъ голосомъ: — Я могу дать вамъ гораздо лучшія рекомендаціи!..

Она не докончила фразы. Она взглянула на Резаль, и такъ какъ она не отличалась жестокостью, то сердце ея невольно сжалось. Максъ поднялся съ мѣста.

— Еще шестьдесятъ минутъ, и я навсегда потеряю васъ изъ виду. Вотъ почему я позволю себѣ сказать вамъ то, чего вы никогда бы не услышали отъ меня, если бы вамъ суждено было увидѣться завтра. Не думайте, что я увожу отсюда дурныя воспоминанія. Намѣренно вы не сдѣлали миѣ никакого зла: всему виной моя злая судьба. Тяжело переносить внезапныя разочарованія. Представьте себѣ, я до сихъ поръ былъ увѣренъ, что родился подъ счастливою звѣздой!.. Я очень наивно радовался нѣкоторымъ удачамъ въ жизни и, въ особенности, тому, что никогда не страдалъ отъ любви. Я ѣхалъ въ Америку не за тѣмъ, чтобы найти ту или другую невѣсту, а чтобы найти свою суженую. Я надѣялся найти ее, рассчитывая, конечно, на свою удачу, но еще болѣе на свое честное, серьезное намѣреніе быть счастливымъ и сдѣлать счастливой мою жену.

Мѣрными, мягкимъ движеніемъ обмахиваясь вѣеромъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, Дороти не проронила ни одного слова, сказаннаго Максомъ. Наконецъ, она произнесла точно въ утѣшеніе ему:

— Можно, право, подумать, что вы годами обшаривали страну. Америка велика.

— Она была велика три дня тому назадъ; теперь она удивительно уменьшилась. Теперь она все заключается въ одномъ штатѣ, а штатъ—въ одномъ только городѣ, а городъ—въ одномъ только домѣ, въ которомъ мы теперь находимся. Въ стѣнахъ этого дома суждено было рѣшиться моей судьбѣ. Если бы вы знали, что я почувствовала при первомъ взглядѣ!.. Какіе идиоты тѣ, которые сравниваютъ такое ощущеніе съ ударомъ грома!.. Это былъ не громъ, а мгновенное, но сладкое очарованіе. Приходилось ли вамъ слышать пьесы, начинающіяся съ одной только нотки? И вдругъ вступаетъ другой инструментъ, и все измѣняется: то, что было простой, монотонной ноткой, становится гармоніей, божественно прекрасной и таинственной!.. Вотъ что я ощутилъ, вотъ что я почувствовалъ въ глубинѣ сердца, когда увидѣлъ васъ. Я говорилъ себѣ: ка-

Журни. Съ карт. А. Риччи граф. Брендамуръ.

кой поворот. Вѣдь она простая служанка!.. По гармоническое сочетание звуковъ, по неподражаемый аккордъ попрежнему пѣлъ въ моей душѣ. Развѣ вы не замѣтили, какъ я хотѣлъ уйти и не могъ?

— О!.. Вы преспокойно ушли бы, если-бъ я сама не подержала разговоръ.

— Да, вы поддержали разговоръ... на мое несчастіе. И я попалъ въ западню, тяжело, неловко, какъ слѣнецъ... Увы!.. Я слишкомъ хорошо видѣлъ васъ!.. Я открылъ вамъ свои тайны; я рассказалъ вамъ свой боевой планъ. Воображаю, какъ вы смѣялись надо мной, послѣ моего ухода!.. Вы предупреждены: вы знаете, что я пріѣхалъ сюда, чтобы жениться на васъ или, все равно, на любой богатой дѣвушкѣ!.. Какъ вы думаете, могу я теперь сказать, что люблю васъ?

Дороти сдѣлала смѣшную гримасу, какъ бы желая возразить:

„Миѣ кажется, вы уже полчаса ничего другого не дѣлаете“.

— Если я позволилъ себѣ говорить такъ откровенно,— продолжалъ Максъ, отлично понимая ея мысль,—то только потому, что поѣздъ, на которомъ я уѣду, уже недалеко. По крайней мѣрѣ я буду имѣть грустное утѣшеніе въ томъ, что напишу эпитафію на моемъ счастьѣ. Гартфордъ—его могила.

— Предупреждаю васъ, что я вѣрю въ воскресеніе мертвыхъ, а тѣмъ болѣе живыхъ. Въ одинъ прекрасный день мы вѣроятно узнаемъ, что ваше сердце чувствуетъ себя превосходно, тамъ, во Франціи, гдѣ такъ скоро излѣчиваются сердечныя раны.

— Хорошо,—сказалъ Резаль,— не будемъ больше говорить объ этомъ. Чѣмъ я могу доказать вамъ, что не лгалъ сегодня весь вечеръ? Ужъ не ролюю ли моей искатели богатыхъ невѣстъ? Какъ жаль, что какой-нибудь Эдиссонъ не придумалъ машинку для провѣрки любви. Если завтра ваша молочница прибавитъ вамъ въ молоко ложку воды, вы имѣете полную возможность обнаружить фальсификацію. Если же я скажу вамъ, что люблю васъ и никогда не забуду,—никакая человѣческая наука не въ состояніи будетъ провѣрить, лгу я или говорю правду... Но пѣтъ; я надѣюсь, что Эдиссонъ направитъ свою изобрѣтательность въ другую сторону. Если бы любовь стала *видима*, мы лишены были бы величайшаго счастья — признаваться въ любви. Этого счастья, по крайней мѣрѣ, злой рокъ не можетъ отнять у насъ!.. Но вотъ и конецъ моимъ мечтамъ!.. Я слышу, что вашъ отецъ и священникъ идутъ назадъ. Добрѣйшій священникъ!.. какъ я ему благодаренъ!..

— Вамъ слѣдовало бы, прѣжде всего, поблагодарить меня,—сказала Дороти,— вѣдь я пригласила его сюда. Я считала себя обязанной, по справедливости, дать вамъ возможность объясниться.

Мистеръ Корбинсъ и гость его уже входили въ комнату. Въ сущности, этотъ турнеъ, такъ мало увѣющій дѣлать достоинства Гартфорда, очень мало интересовалъ ихъ. Изъ вѣжливости, разговорили еще немного о Франціи, и священникъ откланился. Мистеръ Корбинсъ пошелъ проводить его до трамвая, а Дороти попыталась еще разъ поддѣйствовать на Резала и помѣшать ему „сдѣлать глупость“, какъ она выражалась.

— Зачѣмъ вамъ сокращать ваше путешествіе? — говорила она. — Что скажутъ ваши знакомые, если вы вернетесь такъ скоро? Неужели вы думаете, что я осуждаю васъ за крайнее желаніе жениться или за то, что вы предпочитаете взять жену съ деньгами? А тѣмъ болѣе, могу ли я порицать васъ за желаніе выбрать американку? У меня есть очень хорошенькія пріятельницы, которыя мечтаютъ о томъ, чтобы пожить во Франціи. Обдумайте этотъ вопросъ, по пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ, и тогда скажите только одно слово, и я примусь дѣйствовать.

Дѣлая эти дружескія предложенія, коварная думала про себя:

„Если онъ согласится, я забуду о его существованіи“.

Но Резаль былъ совершенно искрененъ.

— Вы хотите, чтобы я сказалъ одно слово? Такъ выслушайте же его въ послѣдній разъ: я люблю васъ!.. Вы можете предполагать, если хотите, что я забуду васъ со временемъ, но крайней мѣрѣ настолько, чтобы обзавестись семьей. Но чтобы я женился на американкѣ!.. Послушайте, неужели вы не понимаете, что я скорѣе готовъ жениться на китайкѣ? Я долженъ уѣхать! Здѣшняя земля жжетъ мнѣ ноги. Въ субботу, французскій пароходъ увезетъ меня изъ Америки, за исключеніемъ одной частички моего существа, можетъ-быть далеко не худшей, которая останется у васъ.

Хозяинъ дома вернулся, объявивъ, что заказанный виконтомъ экипажъ ждетъ у подъѣзда. Максъ простился совершенно просто и уѣхалъ.

— Вотъ чудакъ!..—проговорилъ американецъ, пожелавъ до-

черп доброй ночи.—И зачѣмъ только онъ пріѣзжалъ въ Гартфордъ!..

— Миѣ кажется, онъ самъ хорошенько не знаетъ, зачѣмъ,—отвѣчала молодая дѣвушка со вздохомъ, въ которомъ не было ничего печальнаго.

Въ пятницу, Дороти отправилась къ отцу на заводъ, что составляло весьма рѣдкое событіе.

— Что случилось? — спросилъ мистеръ Корбинсъ. — Опять потеряла чековую книжку? Или опять украли твои серьги? Я всегда безпокоюсь, когда ты приходишь ко мнѣ сюда.

Дороти съ грустной пѣжностью посмотрѣла на отца, думая, что онъ правъ, ожидалъ катастрофы. Но прежде всего, ей хотѣлось узнать, не пустой ли болтунъ Резаль, какъ всѣ эти французы. Она отвѣчала равнодушнымъ тономъ:

— Успокойтесь, папа. Я пришла только поговорить по телефону.

— Вотъ что значить не имѣть телефона дома!

— Но вѣдь вамъ не давали бы ни минуты покоя! А я забочусь о вашемъ удобствѣ, потому что люблю васъ, папочка!..

Три минуты спустя, она уже выходила изъ телефонной комнатки, убѣдившись, что виконтъ де-Резаль дѣйствительно находится въ спискѣ пассажировъ „Турени“, и что пароходъ снимается съ якоря на другой день.

На слѣдующее утро, въ восемь часовъ утра, она выѣзжала изъ Гартфорда, въ сопровожденіи солидной подруги, которую иногда увозила съ собой, во время своихъ экскурсій въ Нью-Йоркъ. На этотъ разъ, по словамъ миссъ Корбинсъ, она не намѣревалась бѣгать по магазинамъ, а ѣхала проводить на пароходъ кузину, а можетъ-быть и кузена: на англійскомъ языкѣ и то и другое выражается однимъ и тѣмъ же словомъ, что позволяетъ, при случаѣ, не договаривать правду, не прибѣгая въ то же время ко лжи.

Такъ или иначе: но Максъ, окончательно устраиваясь на пароходѣ, столкнулся въ „машинномъ отдѣленіи“ съ молодой дѣвушкой, которая вскрикнула отъ удивленія, увидѣвъ его.

— Какъ, это вы?—воскликнула она.—Такъ вы дѣйствительно уѣзжаете? Я никогда не повѣрила бы.

— Очень печальное свойство—не вѣрить другимъ,—сказалъ Максъ.

— Вы не можете упрекнуть меня въ немъ, потому что я именно *вѣрила*, что вы... что вы полюбили. Но, когда любить... — Что тогда?

— Тогда не уѣзжаютъ. Я знаю въ Гартфордѣ одну самую важную особу, которая воображала себѣ, что вы не уѣдете, не повидавъ ея.

— О!.. Если бы я могъ думать, что она желаетъ меня видѣть!..

— Можетъ-быть и желаетъ. Но сознайтесь, что она не права.

Максъ дрожалъ, какъ листъ, не смѣя *повторить* въ свою очередь. Онъ едва могъ пробормотать, прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Можете вы сказать мнѣ... имя этой особы?

— Извольте, готова для васъ сдѣлать нескромность,—отвѣчала Дороти съ улыбкой. — Имя ея—Гарриетъ Бичеръ-Стоу, авторъ „Жизни млада Тома“.

Прелестная миссъ Корбинсъ такъ и не разыскала на пароходѣ свою кузину или кузена, въ числѣ пассажировъ „Турени“. По всей вѣроятности онъ или она опоздали къ отплытію парохода. Но, что всего удивительнѣе, виконтъ де-Резаль тоже не оплылъ на немъ въ этотъ день. Зато, два мѣсяца спустя, онъ опять находился на „Турени“, вмѣстѣ съ миссъ Корбинсъ, которая за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ перестала быть миссъ Корбинсъ. Когда они вошли въ свою каюту, большую и комфортабельную, какъ настоящая комната новобрачныхъ, молодая виконтесса сказала своему мужу:

— Кстати, у меня въ карманѣ лундоръ, принадлежащій по праву вамъ. Вы дали его нѣкоей кухаркѣ, чтобы она избавила васъ отъ пугавшаго васъ уroda. Но такъ какъ кухарка не выполнила порученія, то вы имѣете право получить свой лундоръ обратно. Вотъ онъ!

— Дорогая моя, обожаемая, ты можешь быть увѣрена, что я никогда не разстанусь съ нимъ.

— И хорошо сдѣлаете, потому что васъ арестовали бы, какъ фальшиваго монетчика. Вашъ лундоръ пустой внутри. Посмотрите.

Крошечная пружинка, надавленная концомъ булавки, отворила монету, и внутри ея оказался прелестный портретъ вицятгоры. Максъ привлекъ жену въ свои объятія.

— Иди сюда, милый уродъ!.. Иди получить мою благодар-

ность. Берега Америки давно скрылись изъ виду. Могучая зыбь открытаго моря давно убаюкивала пассажировъ огромнаго судна, а благодарность все еще не была получена до конца!..

Млекопитающія, кладущія яйца.

Очеркъ. (Съ 2 рис. на стр. 784.)

Австралія, съ тѣхъ поръ какъ она была открыта, не переставала изумлять представителей европейской науки своими странными произведеніями. Въ этой новой части свѣта оказа-

лись еще въ живыхъ такіе формы животнаго и растительнаго міра, о которыхъ думали, что онѣ уже давно исчезли съ лица земли, превратились въ палеонтологическіе ископаемые,

вошли въ область допотопнаго міра. Но въ ряду всѣхъ австралийскихъ чудесъ особенное впечатлѣніе на ученыхъ произвели два звѣря, утконось и ехидна, встрѣчающіеся только въ этой странѣ и представляющіе собою, несомнѣнно, самыя странныя изъ всѣхъ извѣстныхъ зоологическихъ формъ. По паружному виду оба животныя отвѣчаютъ нашимъ обычнымъ представлениямъ о четвероногомъ млекопитающемъ: у нихъ четыре обыкновеннаго вида лапы, тѣло покрыто у ехидны иглами, какъ у нашего ежа, а у утконоса—шерстью. Но при ближайшемъ наружномъ обзорѣ тотчасъ выступаетъ у обоихъ звѣрей одна и та же чрезвычайная особенность, именно, оба они обладаютъ птичьимъ носомъ, замѣняющимъ у нихъ обычную морду млекопитающихъ. Утконось обладаетъ широкимъ клювомъ, очень напоминающимъ утиный,—чему животное и обязано своимъ оригинальнымъ пнемемъ; у ехидны цоць такой же, только поуже. Но этимъ однимъ наружнымъ признакомъ не исчерпывается сходство обоихъ животныхъ съ птицами. Въ ихъ внутренней организаціи есть особенности, которыя самымъ страннымъ и загадочнымъ образомъ сближаютъ этихъ тварей съ птицами и наводятъ на догадки о томъ, что эти существа составляютъ какъ будто бы какіе-то немнѣрные переходные типы между птицами и млекопитающими. У обоихъ животныхъ имѣется дуговидная косточка, всегда такъ охотно захватываемая дѣтьми, когда за столомъ подается жаренаго гуся, у котораго эта косточка—„дужка“ или „душка“, смотри по тому, отъ какого корня производитъ это слово,—особенно аппетитно выглядящая. У всѣхъ млекопитающихъ ключицы отдѣлены одна отъ другой, а у птицъ онѣ, срастаясь, образуютъ эту косточку, дужку. Ехидна и утконось, оба обладаютъ этой косточкою въ ея птичьей формѣ. Далѣе, у млекопитающихъ, какъ извѣстно, органъ, несущій зародышъ, такъ-называемый яичникъ,—двойной, состоящій изъ правой и лѣвой вѣтви. У птицъ правый яичникъ совсѣмъ не развивается, такъ что остается одинъ только лѣвый, и вотъ опять-таки, эта особенность птичьей организаціи выступаетъ на сцену у ехидны и утконоса. Вдобавокъ и весь остальной аппаратъ плодоносенія устроенъ у этихъ животныхъ не какъ у млекопитающихъ, а именно по тому же типу, какъ у птицъ. Въ довершеніе всего, у обоихъ животныхъ совсѣмъ не замѣчается сосковъ, составляющихъ совершенно необходимую, существеннѣйшую составную часть тѣла каждаго млекопитающаго, безъ которой оно не оправдывало бы этого названія. На мѣстѣ сосковъ у ехидны и утконоса видны какіе-то бугорки, железки, на которыхъ кожа какъ бы вся продырявлена мелкими отверстиями. Эти участки кожи покрыты волосомъ и не имѣютъ обычнаго вида кормового аппарата млекопитающихъ. Но всего удивительнѣе были рассказы австраійскихъ туземцевъ, конечно, хорошо знавшихъ особенности этихъ странныхъ представителей ихъ родной фауны. Эти люди самымъ положительнымъ образомъ удостовѣрили, что утконось и ехидна не рожаютъ живыхъ дѣтеннышей, а кладутъ яйца, какъ птицы. Съ перваго раза такіе рассказы показались совершенно невѣроятными и ни съ чѣмъ не сообразными, хотя и не возбудили особаго удивленія, потому что мало ли разной чепухи можно услышать отъ дикаго человека. Ученые до поры до времени такъ и порѣшили, что эти животныя, при всѣхъ ихъ странностяхъ, все же не болѣе, не менѣе, какъ млекопитающія, а въ виду ихъ особенностей имѣть отъ него въ зоологической системѣ особое мѣсто, и затѣмъ уснокоились. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до тѣхъ поръ, пока въ руки европейскихъ ученыхъ не попали живые экземпляры этихъ чудныхъ звѣрей, надъ которыми, наконецъ, можно было произвести точныя наблюденія. Въ 1834 году происходилъ конгрессъ извѣстной британской ассоціаціи ученыхъ, въ главномъ городѣ Канады, Монреалѣ. На одномъ изъ засѣданій предсѣдателемъ было прочтено только что полученное имъ сообщеніе профессора Лайверенджа въ Сидней, который увѣдомлялъ, что англійскій зоологъ Калдуэлль самымъ положительнымъ образомъ подтверждаетъ басню австраійскихъ туземцевъ:—утконось и ехидна, по наблюденіямъ этого ученаго, въ самомъ дѣлѣ несутъ яйца, какъ птицы. Калдуэлль имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ воочию на живыхъ животныхъ, и сомнѣній у него никакихъ не могло оставаться. Въ концѣ того же 1834 года первое несомнѣнное яйцо ехидны, найденное директоромъ музея въ Аделаидѣ, въ Австраліи, было имъ показано въ засѣданіи королевскаго ученаго общества южной Австраліи. Случилось такъ, что около того же времени яйца ехидны попались двумъ-тремъ разнымъ ученымъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Австраліи. Тотчасъ же между ними возникъ споръ, кому принадлежитъ

право первенства на это любопытнѣйшее открытіе? Такъ какъ, по всей справедливости, первенство принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно австраійскимъ дикарямъ, съ незапамятныхъ временъ сдѣлавшимъ это открытіе, то мы здѣсь и не будемъ входить въ разборъ претензій европейскіхъ ученыхъ. Скажемъ только, что первенство въ томъ и строго научно изслѣдованіи этого факта принадлежитъ нѣмецкому ученому Вильгельму Хааке, сообщеніемъ котораго мы здѣсь и воспользуемся, чтобы дать читателямъ понятіе о новооткрытомъ чудѣ природы—млекопитающихъ, кладущихъ яйца.

Хааке добылъ пару живыхъ и здоровыхъ ехидъ—самку и самца. Это было въ концѣ 1834 года. Не задолго передъ тѣмъ Хааке подалась подъ руку статья извѣстнаго англійскаго зоолога Оуена объ ехиднѣ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, упоминалось о томъ, что на животѣ у этого животнаго имѣются двѣ железки, устроенныя нанодобіе молочныхъ железъ, такъ что можно думать, что ихъ назначеніе въ томъ именно и состоитъ. Теперь, когда въ распоряженіи Хааке оказались живыя ехидны, онъ, конечно, неспѣшилъ сдѣлать проверку этого обстоятельства. Дѣло оказалось, однакоже, не легкое. Ехидна, подобно нашему ежу, при малѣйшемъ прикосновеніи немедленно свертывается въ плотнѣйшій клубокъ, со всѣхъ сторонъ защищенный острыми иглами животнаго. Осматривать такой клубокъ съ цѣлю точныхъ научныхъ наблюденій было не совсѣмъ удобно. Долго и упорно упражнялся любознательный ученый надъ упрямымъ звѣркомъ, прежде чѣмъ наловчился такъ его схватывать, чтобы онъ не успѣлъ свернуться въ клубокъ. Когда Хааке въ первый разъ добился успѣха, онъ тотчасъ увидѣлъ на животѣ звѣрка тотъ мѣшокъ, въ которомъ сумчатая животныя донашиваютъ своихъ дѣтеннышей, рождающихся на свѣтъ обыкновенно въ видѣ почти безформенной массы. Многие изъ читателей несомнѣнно видали въ зоологическихъ садахъ австраійскихъ кенгуру, самыхъ обычныхъ представителей этой любопытной зоологической группы двуутробныхъ животныхъ. Въ петербургскомъ зоологическомъ саду бывали самки кенгуру, носившія дѣтеннышей въ своей сумкѣ, изъ которой выглядывали ихъ изящныя головки. Утконось и ехидна оба принадлежатъ къ этой же группѣ. Хааке съ большимъ любопытствомъ запустилъ руку внутрь мѣшка, рассчитывая, что быть-можетъ тамъ найдутся зародыши звѣрковъ, которыхъ будетъ весьма любопытно изслѣдовать. Каково же было его изумленіе, когда изъ мѣшка было извлечено имъ настоящее яйцо. Оно было такъ поражено этой находкой, что въ первые минуты не зналъ, что и дѣлать, и стоялъ съ этимъ яйцомъ въ рукѣ какъ истуканъ. Оправившись отъ перваго изумленія, онъ изслѣдовалъ это яйцо. Оно имѣло очень небольшой размѣръ:—15 миллиметровъ длины и 13 ширины. Его покрывала кожистая оболочка, подобная той, которою покрыты яйца пресмыкающихся. Она походила на пергаментъ, въ которомъ можно было подозрѣвать присутствіе нѣкоторой примѣси извести, какъ въ личной скорлупѣ птичьаго яйца.

Эта сумка у ехидны не представляетъ постоянного органа, чѣмъ и можно объяснить себѣ то обстоятельство, что она долго не была замѣчаема натуралистами на тѣхъ рѣдкихъ экземплярахъ, которые попадали имъ въ руки. Сумка развивается у животнаго лишь въ періодъ кладки яицъ. Въ ней яйца и вынашиваются. Температура внутри этой сумки значительно выше температуры остальнаго тѣла. Какъ только молодъ вылупляется изъ яйца, тотчасъ же поссѣваютъ и сосцы. Они формируются именно изъ тѣхъ бугорковъ съ ситовидно пробурванною кожей, о которыхъ упоминалъ въ своей статьѣ Оуенъ. Соски ехидны и должны отличаться отъ обычныхъ, потому что они предназначаются для итенцовъ, у которыхъ вмѣсто рта природа сдѣлала клювъ. Когда же, наконецъ, періодъ кормленія окончивается, и уже вполне развились звѣрки оставлять эту внѣшнюю материнскую утробу, она начинаетъ постепенно уменьшаться въ объемѣ и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ, до слѣдующей кладки яицъ.

Такимъ образомъ, фактъ кладки ехидною яицъ, замѣняющей живорожденіе другихъ млекопитающихъ, теперь поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній. Утконось и ехидна являются пока единственными извѣстными намъ представителями класса млекопитающихъ, которые не производятъ на свѣтъ живыхъ дѣтеннышей. Эта странная особенность ставитъ обоихъ животныхъ совершенно особнякомъ въ зоологической классификаціи, производитъ путаницу въ установившихся научныхъ воззрѣніяхъ и невольно наводитъ на вопросъ: какими еще сюрпризами угрожаетъ намъ Австралія, эта до сихъ поръ еще такъ мало изслѣдованная часть земнаго шара?

Къ рисункамъ.

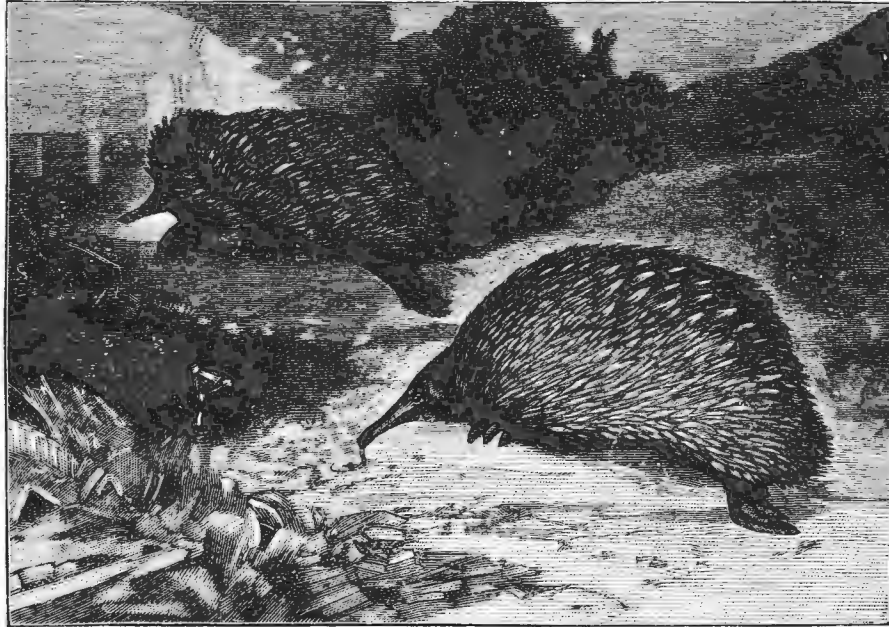
Какъ привольно дѣломъ въ лѣсной глуши! Солнце не жжетъ; вѣтеръ живительной прохладой подѣ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ; вы чувствуете, какъ „растетъ и шепчетъ трава“, слышите стрекотанье кузнечиковъ, крикъ пвоглы, тихій шелестъ листьевъ, и уже не отдѣляетъ себя отъ природы, живете съ ней одной жизнью, и въ вашей чуткой душѣ отдаются отголоски всѣхъ этихъ звуковъ, близкихъ вамъ и родныхъ. Въ васъ подымается

вѣчно новый вопросъ: „о чемъ шумитъ дремучій лѣсъ, какія въ немъ сокрыты думы“, и мысли за мыслями вереницей пронесаются въ вашей головѣ. Художникъ Бернцутъ удачно уловилъ эту пріятельную таинственность лѣсной глуши, теряющейся далеко въ темной перспективѣ дремучей заросли сросшихся деревьевъ.

*

...Ночь была
Упоительной ильги полна;
Въ облака погружалась, луна,
И изъ нихъ выливая, была
Такъ тепла, такъ волшебна свѣтла“..

Невольно вспоминаются эти стихи нашего маститого поэта, Я. П. Полонского, при взглядѣ на картину Гюйо. При лунномъ свѣтѣ, чудная итальянская природа кажется еще величественнѣй и прекраснѣй. Развалины древняго храма, выступающія изъ кущи гигантскихъ кипарисовъ, стоятъ какъ завоженные и видятъ отрядные сны изъ отдаленнаго прошлаго. Блуждающій плещъ обвиваетъ бѣлую каменную балюстраду; вдали мелькаютъ мирты и сплещетъ лавровый лѣсъ; синяя и зеркальное озеро въ полночь безмолвна, а лунный столбъ далеко типется по гладкой поверхности дремлющихъ водъ. Въ такія ночи стихаютъ душевные мѹки, рой поэтическихъ грѣзъ охватываетъ все существо, и въ таинственной тишинѣ чувствуешь присутствие божества.

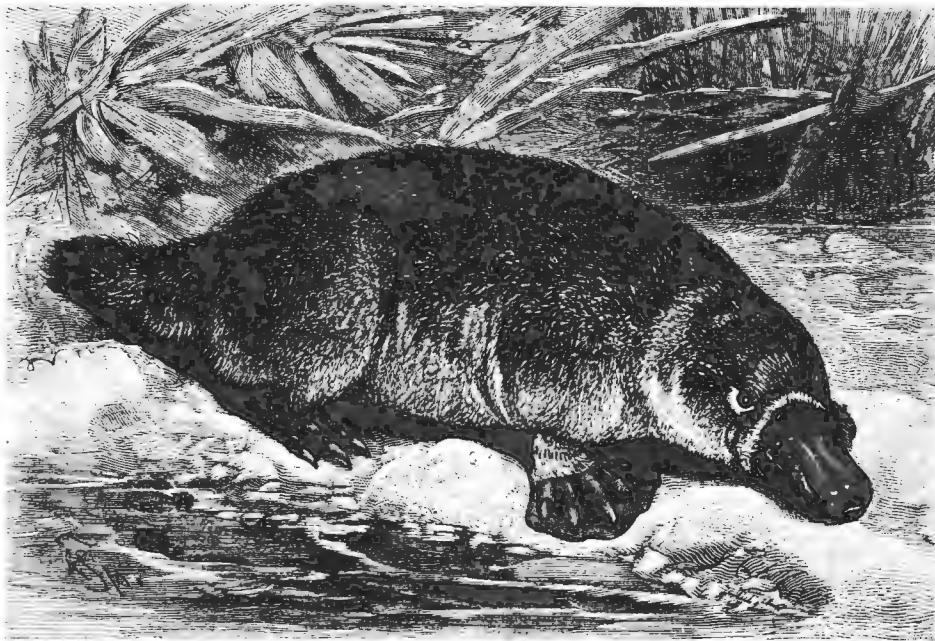
Млекопитающія, кладущія яйца. Ехидна. Рис. Неймана.

Одна изъ лучшихъ повѣстей нашего маститого беллетриста, Д. В. Григоровича, „Рыбаки“ дала мысль художнику Ижакевичу воспроизвести проводы новобрачна, — трогательную картину прощанья молодого парня съ семьей и родными кровями. Въ этотъ грустный день окрестность парочно, казалось, приняла самый тусклый, сѣренькій видъ, чтобы возбудить въ сердцѣ Ванюши поменьше сожалѣній при расставаньи съ дороги мѣстами. Если бы не теплота воздуха, не запахи только что распустившейся зелени, то можно было бы подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Д. В. Григоровичъ, съ присущей ему поэтической образностью, сравниваетъ ихъ съ задумчивымъ, прекраснымъ лицомъ молодой дѣвушки. И вотъ на этотъ уныломъ фонѣ сѣренькаго дня, когда вся природа вдругъ стихла, какъ рѣзвый ребенокъ, вынужденный на волю, который вдругъ, утомленный, падаетъ на траву и сладко засыпаетъ, — тихо подымались въ гору дѣдушка Кондратій и Ваши съ узелкомъ за спиной, поддерживая тетку Анну, матушку новобрачна. Глѣбъ (старикъ-отецъ) пошелъ впередъ быстрымъ шагомъ, чтобы истомой уюмонить навзойливую тоску, которая гложетъ сердце. Глаза его сухи; опущенная голова и морщины, которыхъ уже не перечтешь на высокомъ лбу, достаточно показываютъ, что душа стараго рыбака непереноситъ тяжелое исны-

таніе. Достигнувъ вершины высокаго хребта, онъ остановился и, когда Ванюша и дѣдушка Кондратій, все еще поддерживавшіе Анну, поднялись на гору, подошелъ къ нимъ. — „Ну, старуха, пошло тебѣ... протнсь, да ступай съ Богомъ! Лишніе проводы—лишніи слезы...“ Старуха вдругъ встрепенулась: забытые исчезло, силы воскресли. Откинувъ исхудалыми руками платокъ, покрывавшій ей голову, она окинула безумнымъ взглядомъ присутствующихъ, и вдругъ бросилась съ быстротою молнии на сына и перекрестила руки черезъ его голову. Крикъ, сопровождавшій это движеніе, надрѣзалъ, какъ ножомъ, сердца двухъ стариковъ. Въ зѣта дѣдушки Кондратія уже не плачутъ: слезы все выплаканы; давно уже высохъ и самый источникъ. Но Глѣбъ мало еще вѣдалъ гора; онъ не осилить. Круныя капли слезъ своеобразно брызнули изъ очей его и серебрили и безъ того уже носѣ дѣвную его бороду... „Прощай мать! прощай родина, дѣтство, воспоминанія, — все прощай!“ Картина, полная глубокой правды, схвачена художникомъ съ замѣчательной живостью и со-

губѣ искреннимъ чувствомъ.

Въ вѣнѣ изъ розъ, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, такъ и кажется, что она сошла съ пьедестала, какъ Галатея, оживленная любовью Пигмаліона. Въ ея большихъ вдумчивыхъ глазахъ столько глубокаго чувства! „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“, когда молодая красавица влезла изъ душистый вѣпокъ. Она—всечистота, и къ ея лицу, сохранившему черты древне-греческихъ богинь, соединенному въ себѣ тонкій профиль античной каменъ съ любящей душой христіанки, такъ идутъ эти благоуханнѣе цвѣты!

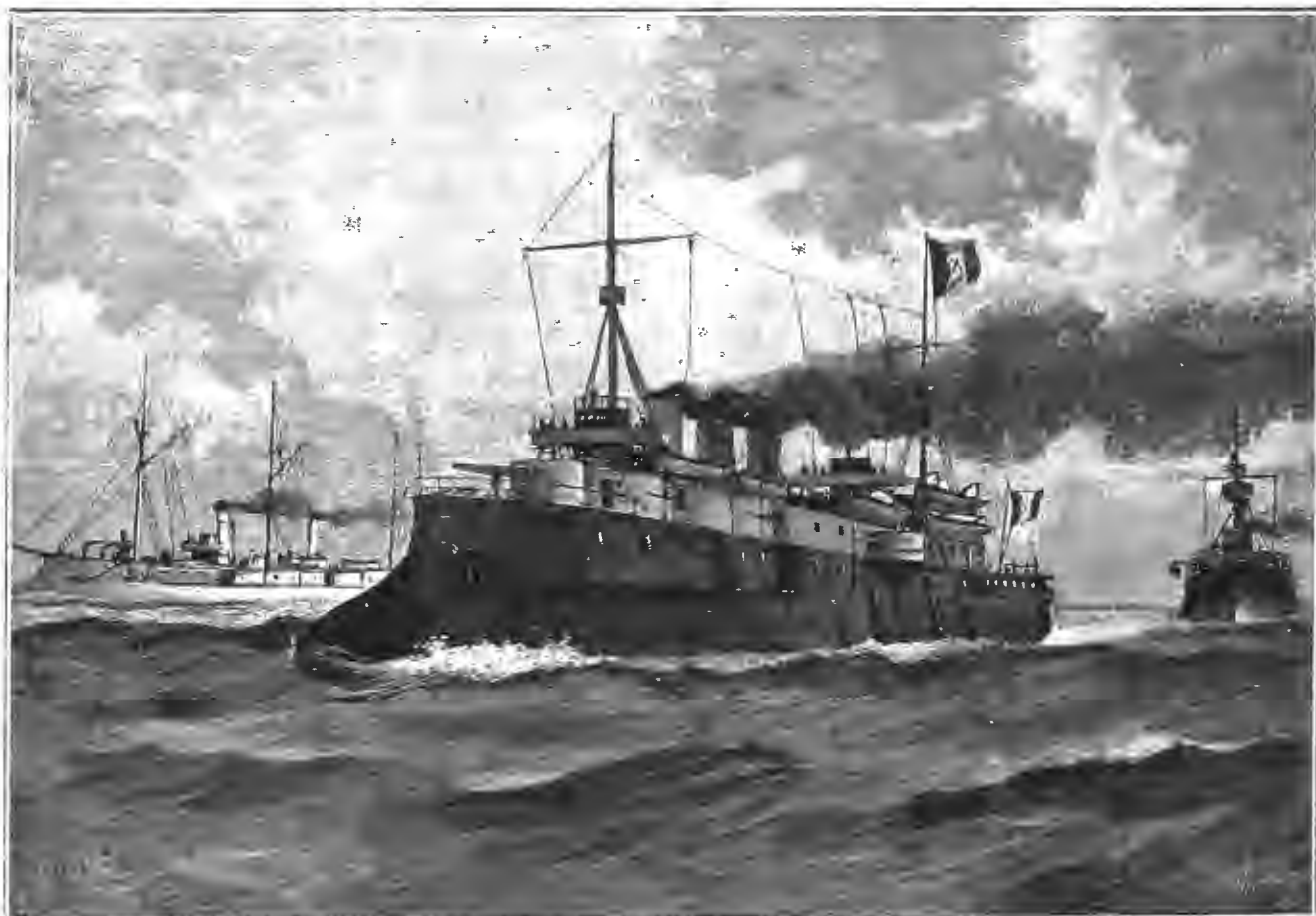

Млекопитающія, кладущія яйца. Утконосъ. Рис. Ф. Шлехта.

Не одни только дѣти любятъ ее, эту прелестную, граціозную игру: и взрослые иногда не прочь поиграть въ шмурки. Правда, они играютъ немножко иначе; они не бѣгаютъ по компатѣ безъ всякаго смысла съ единственнойцѣлю—поймать кого бы то ни было, будь это даже бабушка или старая ключница, случайно проходящая со сливками въ рукахъ и растянувшая во весь ростъ на паркетѣ къ общему удовольствію дѣтвора. Взрослые тоже бѣгаютъ и тоже хотятъ поймать, но, какъ парочно, всегда случается такъ, что они ловятъ однихъ и тѣхъ же: онъ всегда ее, а она всегда его. Больные они не желаютъ ловить никого; это имъ не доставляетъ никакого удовольствія. Они ловятъ только другъ друга. Вотъ и этотъ юноша съ завязанными глазами, онъ очень хорошо знаетъ,

Памятник Н. И. Пирогову, открытый 3 августа с. г. въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, противъ зданія факультетской хирургической клиники. Съ фотогр. К. А. Фишера автотипія „Нивы“.

Французскій броненосецъ «Потю», на которомъ прибылъ президентъ Форъ. По грав. съ III. автотипія „Нивы“.

кого ему надо поймать, знаетъ гдѣ та, которую надо поймать, и прямо идетъ къ ней; онъ слышитъ ея голосъ, узнаетъ ея шаги; конечно, она сейчасъ, сію минуту будетъ въ его рукахъ.

Открытие памятника Н. И. Пирогову въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 785.)

3-го августа с. г., на Дѣвичьемъ полѣ, противъ здания факультетской хирургической клиники, состоялось торжественное открытіе памятника великому русскому хирургу и педагогу Н. И. Пирогову. На это торжество собрались всѣ профессора медицинскаго факультета съ деканомъ и ректоромъ во главѣ, почетель учебнаго округа, городской голова кн. Голицынъ, масса врачей, съѣхавшихся въ Москву со всей Россіи, а также и много иностранныхъ врачей и ученыхъ, прибывшихъ на международный съездъ врачей. Почетное мѣсто во время торжества отведено было вдовѣ Н. И. Пирогова, его сыну и не-вѣсткѣ.

Въ 12 час. дня отслужена была передъ памятникомъ панихида по Н. И. Пирогову, протоіерей Елеонскій сказалъ краткое слово въ память покойнаго, а затѣмъ председатель комитета по устройству памятника проф. П. И. Дьяконовъ наложилъ исторію возниженія памятника и ходъ его работъ. Памятникъ сооруженъ на пожертвованія, сборъ которыхъ произво-дился съ января 1891 года. Было собрано 13,462 руб. Этой суммы оказалось недостаточно, и на помощь строительному комитету пришла московская дума, ассигновавшая на окончательную отдѣлку памятника 1,600 руб., и московскій университетъ, давшій комитету 500 руб. Весь расходъ по устройству памятника достигъ 15,600 руб. Работы велись подъ наблюдениемъ покойнаго художника В. І. Шервуда, затѣмъ его сына архитектора В. В. Шервуда. Памятникъ сооруженъ на кирпичномъ фундаментѣ. Цоколь его облицованъ полевымъ гранитомъ, пьедесталъ — финляндскимъ гранитомъ. Самый памятникъ отлитъ изъ бронзы. Въ заключеніе своей рѣчи проф. Дьяконовъ сказалъ:

„Комитетъ передаетъ новый памятникъ Императорскому московскому университету. Пусть старѣйшій разсадникъ просвѣщенія въ Россіи присоединитъ къ прочимъ своимъ сокровищамъ это изображение одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ; пусть питомцы университета смотрятъ на вдохновенное лицо Н. И. Пирогова и поучаются, подобно ему, безкорыстно и самоотверженно служить правдѣ и наукѣ“. При этихъ словахъ съ памятника спало покрывало, и глазамъ присутствовавшихъ предстало бронзовое изваяніе Н. И. Пирогова.

Н. И. Пироговъ представленъ, какъ передаютъ *Русск. Вѣд.*, сидящимъ въ креслѣ съ зондомъ въ правой рукѣ и черепомъ въ лѣвой; задумчивое лицо его обращено къверху. Съ четырехъ сторонъ пьедестала приделаны 4 бронзовыхъ вѣвча, внутри которыхъ на мѣдныхъ доскахъ начертаны золотыми буквами выдержки изъ различныхъ сочиненій Н. И. Пирогова.

Одна изъ надписей представляетъ слова, сказанныя Пироговымъ по поводу избранія его почетнымъ гражданиномъ Москвы: „Можетъ ли быть что нравственно выше того, когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сыновъ и при томъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители гор. Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ, мѣсту моего рожденія и воспитанія“. По всѣмъ угламъ пьедестала поставлены бронзовыя же вазы, съ обитыми вокругъ нихъ вѣтвями. Вокругъ памятника, на основаніи изъ финляндскаго гранита, установлена массивная чугунная литая рѣшетка. Высота всего монумента 3 саж. 1¼ арш., а высота бронзоваго изображенія Н. И. Пирогова—1 сажень.

Затѣмъ сказалъ рѣчь ректоръ московскаго университета П. А. Некрасовъ. Онъ благодарилъ всѣхъ просвѣщенныхъ виновниковъ настоящаго торжества, вложившихъ свою лепту и свой трудъ на устройство монумента, въ даръ университету художественнаго изображенія „одного изъ русскихъ богатырей, воодушевленнаго святыми идеалами, самоотверженно послужившаго Царю и Отечеству на ратномъ полѣ въ качествѣ хирурга, на кафедрѣ профессора, на поприщѣ административно-педагогическомъ и оставившаго намъ въ своихъ ученыхъ

и литературныхъ трудахъ великіе добрые завѣты“. Депутади отъ различныхъ учреждений положили у подножія пьедестала вѣвчи: металлическіе, изъ живыхъ цвѣтовъ, зелени и лавровъ. Въ числѣ вѣвчовъ находились огромный лавровый съ пальмовыми вѣтвями и живыми цвѣтами отъ московскаго университета, университета св. Владиміра, отъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, отъ общества русскихъ врачей его имени, отъ факультетской хирургической клиники (московскаго университета), отъ глазной клиники, отъ психіатрической клиники московскаго университета, отъ московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ, отъ московскаго физико-медицинскаго общества, отъ военныхъ врачей московскаго округа, отъ врачей московскихъ тюремныхъ больницъ, отъ общества врачей Восточной Сибири, отъ общества ярославскихъ, кременчугскихъ, нѣмецкихъ врачей въ С.-Петербургѣ, отъ врачей различныхъ больницъ, родныхъ покойнаго и друг.

Всѣ присутствовавшіе почетные гости перешли затѣмъ въ аудиторію хирургической клиники, гдѣ торжество закончилось засѣданіемъ, посвященнымъ памяти Пирогова. Первую рѣчь произнесъ проф. А. А. Бобровъ, сообщившій биографическія свѣдѣнія о покойномъ; слѣдующимъ ораторомъ былъ проф. Л. Л. Левшинъ, очертившій „Заслуги Н. И. Пирогова въ хирургіи, въ особенности отечественной“. Затѣмъ блестящую рѣчь произнесъ проф. Н. В. Склифасовскій.

„Народъ, имѣвшій своего Пирогова,—сказалъ проф. Склифасовскій,—имѣетъ право гордиться, такъ какъ съ этимъ именемъ связанъ цѣлый періодъ учебнаго вѣдѣнія“.

„Начала, внесенныя въ науку (анатомія, хирургія) Пироговымъ, останутся вѣчными вкладомъ и не могутъ быть стерты со скрижалей ея, пока будетъ существовать европейская наука, пока не замретъ на этомъ мѣстѣ послѣдній звукъ богатой русской рѣчи. У насъ цѣтъ своего русскаго храма славы, но если когда-нибудь создается народный „памятникъ“, тамъ отведено будетъ мѣсто великому врачу и гражданину“.

За рѣчью проф. Склифасовскаго, встрѣченной громомъ аплодисментовъ, слѣдовали приветственные рѣчи депутатовъ отъ всѣхъ русскихъ университетовъ, ученыхъ обществъ, больницъ и прочихъ медицинскихъ учреждений. Въ томъ числѣ депутатъ петербургской военно-медицинской академіи проф. Круглевскій, деканъ юридическаго факультета киевскаго

университета проф. Романовичъ-Славотинскій, проф. казанскаго университета Догель, проф. харьковскаго университета Кульчидскій и проф. томскаго университета Введенскій. Министръ народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ прислалъ приветственную телеграмму, въ которой выразилъ сожалѣніе по поводу невозможности присутствовать на торжествѣ и благодарилъ инициаторовъ по сооруженію памятника. Явившійся на торжество въ числѣ делегатовъ представитель общества врачей Восточной Сибири заявилъ, что общество открываетъ въ Иркутскѣ въ память Н. И. Пирогова бесплатную хирургическую лѣчебницу съ постоянными кроватями. Профессоръ московскаго университета Безобразовъ увѣдомилъ телеграммой о своемъ желаніи почтить заслуги Н. И. Пирогова предоставленіемъ четыремъ врачамъ-хирургамъ, нуждающимся въ отдыхѣ, помѣщенія на лѣто въ своемъ подмосковномъ имѣніи. Профессоръ А. А. Макгевъ подіалъ вопросъ о желательности устройства въ Москвѣ „Пироговскаго дома“, въ которомъ объединились бы всѣ московскія медицинскія общества, устраивали бы тамъ засѣданія и имѣли бы свою библиотеку.

Антонио Кановасъ дель-Кастильо.

(Портр. на этой стр.)

Жертва итальянскаго анархиста Анджелилло, испанскій министръ-президентъ Антонио Кановасъ дель-Кастильо, о смерти котораго сообщается въ „Политическомъ обозрѣніи“, представляетъ собою одну изъ наиболѣе выдающихся личностей среди политическихъ дѣятелей Испаніи за послѣдніе десятилетия. Родившійся въ 1828 г. въ Малагѣ и получивъ образование въ мадридскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ философію и юриспруденцію, онъ, еще будучи студентомъ, обратилъ на себя вниманіе рядомъ патристическихъ стихотвореній, проникнутыхъ горячею любовью къ родинѣ. Появленіе такихъ стихотвореній ясно свидѣтельствовало, что авторъ ихъ не останется чуждъ политической дѣятельности. И дѣйствительно, въ 1854 г. молодой Кановасъ избирается представителемъ отъ Малаги

Испанскій министръ-президентъ Антонио Кановасъ дель-Кастильо, убитый анархистомъ 27 июля с. г. Съ грав. автотипія „Нивы“.

въ кортесы и въ то же время получаетъ назначеніе по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ качествѣ представителя испанскаго правительства въ Римѣ. Пробывъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ на административномъ посту начальника гор. Кадикса, Кановасъ въ 1864 г. принялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ министра колоній. Въ качествѣ политическаго дѣятеля, онъ являлся яркимъ борцомъ за возстановленіе въ Испаніи Бурбоновъ, въ лицѣ Альфонса XII, воспитателемъ котораго онъ самъ же и состоялъ, и былъ душою этого политическаго направленія. Въ 1874 г. онъ принялъ на себя предсѣдательство въ регентствѣ надъ Альфонсомъ и, по достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія, остался во главѣ министерства. До 1881 г. онъ твердо держался на этомъ посту, лишь на время, по своимъ же соображеніямъ, уступая его другимъ лицамъ. Но въ 1881 году противоположная ему партія, недовольная его нѣсколько реакціоннымъ управленіемъ, одержала верхъ, и Кановасъ долженъ былъ уступить портфель министра-президента Сагастѣ. Въ томъ же году Кановасъ былъ снова избранъ въ кортесы и явился въ нихъ руководителемъ консервативно-либеральной партіи и оппозиционеромъ Сагасты. Въ 1884 году, послѣ паденія мини-

стерства де-Херреры, ему снова было поручено составить кабинетъ, и онъ опять явился президентомъ. На этотъ разъ онъ совершенно ясно выставилъ дѣлю своей политики упорченіе въ Испаніи монархической власти; встрѣтивъ нѣкоторый отпоръ въ кортесахъ, онъ распустилъ ихъ и, составивъ новые, создалъ себѣ прочное, подавляющее большинство. Но кончина Альфонса XII и начало регентства королевы Маріи-Христины заставили его отказаться отъ роли министра-президента и снова уступить ее Сагастѣ; зато при открытіи новыхъ кортесовъ въ 1885 г. онъ былъ избранъ ихъ предсѣдателемъ. Выступивъ горячимъ противникомъ всеобщаго избирательнаго права, онъ возбудилъ къ себѣ во многихъ непріязненные отношенія, и это обстоятельство заставило его оставаться въ сторонѣ отъ государственнаго управленія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока, наконецъ, въ 1890 году, когда пало министерство Сагасты, составленіе новаго кабинета не было поручено снова ему. Но въ 1892 году онъ опять долженъ былъ уступить Сагастѣ, затѣмъ, чтобы въ 1895 году снова взять у него обратно портфель и стать министромъ-президентомъ, которымъ онъ и оставался до неожиданной кончины.

11 августа 1897 года.

Петербургъ, весь Петербургъ всталъ уже на ноги въ 6 часовъ утра и весь устремился въ одно мѣсто — къ Невѣ, къ Николаевской набережной. Улицы, обыкновенно пустыня въ этотъ ранній часъ, были полны движенія, грохота экипажей и извозчиковъ. Въ воздухѣ стоялъ еще утренній холодокъ, солнце еще не поднялось. Набережные были совершенно заиружены спѣшными экипажами и пѣшеходами. Николаевскій мостъ издали былъ неузнаваемъ. Весь онъ потонулъ въ зелени, перерубленной гирляндами во всю длину моста отъ фонаря къ фонарю по обѣимъ сторонамъ. И на фонѣ этой зелени были видны только три цвѣта, три общія національных цвѣта Россіи и Франціи. Они были всюду на флагахъ и декораціяхъ, они нестрѣли среди всей публичности. Тысячи флажковъ, бутоньерокъ, кокардъ продавались разносчиками тутъ же на мосту и тутъ же прикрѣплялись къ пальто, платью, шляпѣ.

Золотая оливковая вѣтвь, возложенная президентомъ Форомъ на гробницу Императора Александра III въ Петропавловскомъ соборѣ. Съ фотогр. автогипія „Нивы“.

Постепенно съ каждой минутой эта тысячная толпа, вся одухотворенная однимъ порывомъ, однимъ стремленіемъ видѣть, летѣть навстрѣчу дорогимъ друзьямъ, наполнила парходы, стоявшіе у дѣлой амфилады пристаней. Длиннымъ хвостомъ, спускавшимся съ панели набережной, стояла публика у входа на трапъ въ ожиданія очереди. Ни малѣйшаго шума, неудовольствія. Всѣ спокойны, ждутъ своего чередъ и живою перекликаются другъ съ другомъ привѣтствіями.

— Вы на „Котлинѣ“?

— Да, а вы?

— На „Кивачѣ“! тамъ интереснѣй, тамъ вся пресса, наша и французская. Ей будетъ всюду честь и мѣсто.

Оба пархода — „Котлинѣ“ и „Кивачѣ“ стоятъ тутъ же у пристани рядомъ.

Проходимъ по трапу на „Кивачѣ“. Восьмой часъ въ началѣ, а народу уже видимо-невидимо. Все полнымъ полно, ни одного стула не только на палубѣ, но даже на всѣхъ трехъ обширныхъ вышкахъ. „Пресса“ потонула въ общей публикѣ. Кое-гдѣ только мелькаютъ трехцвѣтные кокарды съ ленточками въ петлицахъ у скромныхъ рядовыхъ побѣдоносно-мирной свинцовою арміи. Выбираемся на одну изъ вышекъ и пристраиваемся на совершенно исключительномъ положеніи — у одной изъ спасательныхъ шлюпокъ, привѣшенныхъ наверху, на двухъ кронштейнахъ. Эта спасательная шлюпка и спасаетъ насъ отъ полной невозможности лицезрѣть рѣдкое, небывалое торжество. Помѣщаемся на своемъ наблюдательномъ посту, и глазамъ нашимъ открывается чудная картина. Вся Нева расцвѣчена и разукрашена. Глазомъ не окинуть всѣхъ судовъ, на ней собравшихся. Безконечной пестрой лентой протянулись они вдоль набережныхъ, красивыми яркими группами разѣстались они въ нѣсколько рядовъ и посреди рѣки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ даже воды не видно. Кажется, найдись

сильчакъ, перешелъ бы по судамъ съ одного берега на другой.

Всѣ парходы, лхты, баркасы, катера, все уже готово къ отплытію, точно ожидал, чтобы кто-нибудь двинулся первый. Этимъ первымъ были французы — французская колонія. Ровно въ 7 ч. 30 м. колонія двинулась первая на парходѣ „Нева“, роскошно убранномъ цвѣтами и зеленью. Всѣ борты и мачты пархода, всѣ окна каютъ, парходныя колеса вверху — сплошь увѣшаны французскими и русскими флагами, цвѣтами и гирляндами. На двухъ большихъ мачтахъ прикрѣплены русской и французской гербы и развѣваются огромные флаги съ надписью „Colonie Française“. Весь парходъ биткомъ набитъ публикой — на немъ болѣе 500 человекъ. Русская публика вся какъ одинъ человекъ со всѣхъ парходовъ встрѣтила ихъ громовымъ „Vive la France“, „Vive le président Faure“, махала шляпами, платками, тысячами флаговъ съ надписью „Vive la France“, музыка играла „Марсельезу“, французы отвѣчали тѣмъ же, восторженно крича „Vive la Russie“. Это была поистинѣ достойная прелюдія къ тому свѣтлому гимну восторга и радости, который огласилъ затѣмъ воды Кронштадта.

Ровно въ 8 часовъ „Кивачѣ“ отошелъ отъ „Котлина“ и двинулся въ путь. При звукахъ „Марсельезы“ проходили мы мимо судовъ, весело привѣтствовавшихъ насъ гимномъ. Мелодичные звуки гимновъ сливались въ воздухѣ и уносились въ высь въ одномъ аккордѣ любви и братства.

Весь нуть прошелъ въ заботахъ и приготовленіяхъ. На столахъ появились планы съ диспозиціями судовъ эскадры на рейдѣ, полнились рассказы и воспоминанія о франко-русской недѣлѣ въ Парижѣ, о встрѣчѣ эскадры Жерве въ Кронштадтѣ въ 1891 году. Видно, что сердца жаждутъ изліяній, полны чувствъ и въ предвкушеніи близкаго будущаго какъ бы еще болѣе воодушевляются славнымъ, дорогимъ прошлымъ, приведшимъ къ этому фантастически-блестящему настоящему и еще болѣе счастливому свѣтлому будущему. Природа, море точно спорятъ съ настроеніемъ этихъ десятковъ тысячъ русскихъ сердецъ, движущихся навстрѣчу тридцати шести миллионамъ бьющихся съ ними въ униссонъ французскихъ сердецъ, сконцентрированныхъ въ одномъ сердцѣ ихъ славнаго избранника, главы ихъ правительства, представителя ихъ чувствъ и интересовъ. Солнце ярко блещетъ на чуть колышущейся зыби залива, и для всѣхъ сияющая впереди даль полна очарованій.

Многихъ интересуетъ исторія съ однимъ изъ сопровождавшихъ президента судовъ — „Брюн“, испортившимъ себѣ машину и вернувшимся обратно. На мѣсто его быстро снаряженъ былъ совершенно не подготовленный къ тому броненосецъ „Дюпю де-Ломъ“. Идутъ догадки, подоспѣетъ ли онъ или нѣтъ. Вѣдь

Новый Греницкий мостъ, замѣлка котораго состоялась 12 августа с. г. въ присутствіи Государя Императора и президента Фора. По фотограф. съ проекта, авторства „Нивы“.

онъ вышелъ изъ Дюнкерхена на 22 часа позже—приходилось перегружать находившіеся на „Брюн“ подарки президента.

Быстро пролетѣли въ бесѣдѣ полтора часа. Мы шли къ Кронштадту, нагоняемые цѣлой эскадрой пароходовъ и яхтъ. Всѣ стремились туда, къ этому „глазу“ Россіи, которому первому суждено увидѣть дорогихъ гостей.

Вотъ мы уже миуемъ „вомера“ кронштадтской стѣнки, проходимъ мимо красавицы Императорской яхты „Штандартъ“. Вблизи вырисовывается гигантскій корпусъ „Герцога Эднбургскаго“, дальше и четырехтрубный великанъ „Россія“, какъ вдругъ загрохотали выстрѣлы.

— Господа, мы опоздали,—президентъ ужъ прѣхалъ!—запротестовали въкоторые.

— Видите съ фортовъ уже дымил салютовъ! — поддерживали ихъ другіе...

И не успѣли мы разобраться, правы ли они, какъ съ нашей спасательной шлюпки раздался голосъ:

— Господа, „Vive la France!“—вонъ идетъ намъ навстрѣчу французскій броненосецъ. Вѣдь это „Потю“, значитъ!

— Да вѣтъ, не можетъ быть,—замѣтили многіе, но уже вострепнувшись.

— Да вонъ, видите, черныи, снизу бѣлыи, съ зеленой подводной частью! Вотъ онъ надвигается!

Но эти слова не успѣли еще замереть въ воздухѣ, какъ ихъ накрылъ раскатистый, широкій крикъ, крикъ души, сердца, крикъ „Vive la France“... Да, сознаюсь, мы не знали навѣрное, „Потю“ ли это, но мы чувствовали, что это „онъ“, они, мчашіеся къ намъ уже пять дней съ оливковой вѣтвью въ рукахъ, съ сердцами, раскрытыми для братскаго привѣта... И сердце насъ не обмануло... Это былъ „Потю“, и на немъ, наверху, эта высокая статная фигура старика во фракѣ, съ синей лентой черезъ плечо—былъ Форъ.

Это было всего нѣсколько моментовъ—пароходъ нашъ глупо пронесся впередъ, не замедливъ хода, но мы видѣли „ихъ“, наши клики „Vive la France“ встрѣтили ихъ во-время, а теперь вслѣдъ имъ несся съ парохода звуки „Марсельезы“...

Безпрерывно лились звуки дружественнаго гимна, заглушалъ общее, совершенно справедливое негодованіе на администрацію парохода, не замедлившаго ходъ во-время. Но развѣ мыслимо было въ такія свѣтлыя, рѣдко въ жизни повторающіяся минуты негодовать, попрекать... Все слилось въ одномъ требованіи: „назадъ! Вслѣдъ за „Потю“ для новыхъ привѣтствій!“

И мы двинулись назадъ быстро, но никакія индикаторныя силы паровыхъ машинъ не въ состояніи были поспѣть за работой такой маленькой машинки, какъ восторженно бьющееся человѣческое сердце. Громадный пароходъ несся, обгоняя другіхъ, спѣшившихъ туда же, а намъ казалось, что онъ еле движется... И неумолимыми кликами „Vive la France“, мощными аккордами „марсельезы“ мы стараемся какъ бы подогнать его, заполнить то разстояніе, которое отдѣляетъ насъ отъ дорогихъ друзей и которое заполнили уже наши сердца. Мы ихъ выслали впередъ въ своихъ привѣтственныхъ кликахъ и застали уже на Маломъ рейдѣ ластящимися у ногъ своихъ друзей, вмѣстѣ съ яркими лучами сѣвернаго солнца, вмѣстѣ съ зеленоватыми волнами, лобызавшими мощное бѣлое тѣло броненосца.

Когда мы придвинулись къ „Потю“, онъ съ развѣвающимися на фокъ-мачтѣ русскимъ военнымъ флагомъ и флагомъ президента на гротъ-мачтѣ, уже подходилъ къ „Штандарту“, въ ожиданіи Императорской яхты „Александрія“. Красивой, цвѣтной лентой окружили броненосецъ пароходы и яхты, всѣ переполненные народомъ, всѣ зывающіе къ небу „о здравіи дорогой Франціи“, всѣ сливающіеся въ гармоніи „марсельезы“, всѣ машущіе платками, флагами, шляпами... Скромно держа руки подъ козырекъ отвѣчали команда и офицеры на всѣ наши привѣтствія. Дисциплина не позволяла ихъ кипучимъ сердцамъ кинуть такой же шумный, радужный отвѣтъ своимъ сѣвернымъ братьямъ. Только одинъ президентъ все время раскланивался и благодарилъ за нихъ и за себя.

Но вотъ отъ подошедшей и остановившейся невдалекѣ „Александріи“ отошелъ гребной катеръ и, видимо, направляется къ „Потю“. Минута, двѣ, и широкіе взмахи веселья прибли-

жают катеръ къ самому трапу. Сотни тысячъ глазъ обращена туда въ эту минуту. Всѣ вскочили на стулья, на столы. Дамы безстрашно становятся рядомъ со мной на борту спасательной лодки, забывая все вокругъ, кромѣ одного желанія увидѣть самимъ, своими глазами встрѣчу Президента. Одной рукой я ухватился за дѣпю, на которой виситъ лодка, въ другой держу бинокль. Какъ на зло, пароходъ нашъ стоитъ довольно далеко, и только сильное стекло даетъ возможность видѣть все, что происходитъ тамъ. Вотъ по трапу поднимаются пѣсколко лндъ въ блестящихъ мундирахъ. Впереди высокая статная фигура въ морской формѣ, очевидно Августѣйшій генералъ адмиралъ, великій князь Алексѣй Александровичъ. Президентъ встрѣтилъ Его Высочество у трапа и поднимается съ Августѣйшимъ гостемъ и свитой на верхъ. Болѣе пяти минутъ длилось томительное ожиданіе. Всѣ съ нетерпѣніемъ, превращавшимъ минуты въ часы, ждали знаменательнаго момента встрѣчи Президента съ Государемъ Императоромъ.

Вотъ наконецъ снова ожилъ трапъ „Потюю“, показались впереди Президентъ и великій князь, сопровождаемые свитой, и, войдя въ катеръ, двинулись къ „Александрин“, на которой былъ поднятъ желтый Императорскій штандартъ. Но и на этомъ краткомъ пути цѣлая флотилія шлюпокъ и катеровъ съ русскими офицерами окружила катеръ, когда онъ обогналъ броненосецъ, и громкими криками „ура“, подхваченными со всѣхъ судовъ, привѣтствовала вступленіе дорогого гостя въ русскія воды на русскомъ суднѣ. На Императорскомъ катерѣ развѣвался въ честь Президента его флагъ — двѣ скрещенныя буквы F, издали напоминавшія римскую цифру X.

Президентъ взомель на яхту „Александрія“. И въ этотъ моментъ всѣ десятки тысячъ народа слились въ одно существо, въ одно русское, громовое широкое „ура“, въ одинъ символъ восторга и умиленія. Это былъ одинъ моментъ — моментъ, начертанный на скрижали мировой исторіи, въ присутствіи всей Россіи, съ ея верховнымъ вождемъ во главѣ, въ лицѣ представителей ея первой столицы, ея „чульса“, бывшагося въ тактъ, съ одинаковой неравномѣрностью, съ одинаковымъ возбужденіемъ, съ сознаниемъ великаго значенія этой минуты. Кронштадтскій рейдъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, не слыхалъ такого „ура“, да и во всей мировой исторіи не много было такихъ блестящихъ моментовъ единоподушнаго народнаго восторга.

Подъ это громовое „ура“ поднять былъ на „Александрин“ штандартъ Президента Французской Ресублики на ряду съ Императорскимъ. Спусти нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ не прерывались ни на секунду звуки пушечныхъ салютовъ, спорившихъ съ громовыми раскатами „ура“, „Vive la France“, „Vive la Russie“, „Марсельезы“ и нашего гимна, — спусти нѣсколько минутъ двинулась яхта „Александрія“ впередъ, по направленію къ Петергофу. Въ тотъ же моментъ, точно угадавъ ея намѣреніе, двинулись за нею кругомъ всѣ частныя суда, которыя только были на рейдѣ. Все, что было широко раскинуто на обширной глади рейда, все теперь кинулось впередъ, сблизилось въ одномъ стремленіи слѣдовать за своимъ Царемъ и дорогимъ высокимъ гостемъ. Картина была неописуемая. Всѣ суда, всѣ тысячи народа слялись, окрасились только въ три цвѣта — три общихъ національных цвѣта Россіи и Франціи. Встрѣтились въ дружественномъ жожатіи двѣ великихъ могущественнѣйшихъ руки перваго Русскаго и перваго французскаго, встрѣтились — и слились сердца подвластныхъ имъ народовъ, скрестились національные флаги Россіи и Франціи, слялись въ одно трехцвѣтное полотнище, которое осыпало миромъ весь міръ. Невольно наирашивалась въ голову мысль, что если соединить эти милліоны трехцвѣтныхъ флаговъ въ одинъ покровъ, то его хватило бы, чтобы завернуть на глухо всѣ пушки всего міра. А развѣвавшіеся впереди вверху, на мачтѣ „Александрин“, Императорскій и президентскій штан-

дарты, весело, радостно шелестя по вѣтру, свивались въ одинъ, знаменуя этимъ соединеніемъ великое мирное событіе 11-го августа 1897 г. Эта дата будетъ занесена въ хронологію мировой исторіи, и наши дѣти и внуки будутъ заучивать ее на урокахъ всеобщей исторіи на ряду съ крупнѣйшими ея событіями.

Долго сопутствуемая вольнымъ эскортомъ сотенъ судовъ, „Александрія“ все болѣе и болѣе уходила отъ нихъ и постепенно исчезала въ свѣтлой дали. Большинство судовъ послѣдовало за ней въ Петергофъ, другая часть направилась назадъ къ „Потюю“, а мы въ шумномъ обществѣ другихъ пароходовъ, при несомнѣемомъ ура, направляемся въ Петербургъ, не переставая оглашать воздухъ звуками гимновъ.

Всѣ пароходы, иностранцы и русскіе, дамы и даже дѣти всѣ органиауютъ импровизированный хоръ и поютъ „Боже Царя Храни“ и „Марсельезу“.

Въ каютахъ, буфетахъ, на палубѣ, рубкахъ, всюду гдѣ только можно сѣсть, органиуются кружки, раздаются тосты, здравіи въ честь дорогихъ гостей, друзей и братьевъ-французовъ, гулко хлопаютъ пробки шампанскаго. Съ бокалами искрометной влаги въ рукахъ, начинаютъ дѣлиться впечатлѣніями, оцѣнивать ихъ значеніе, и надъ всѣми этими напильніями парятъ высоко въ воздухѣ краснорѣчивѣйшіе „Vive la France“ и „Vive la Russie“, увѣнчиваемые звуками гимновъ.

Шумно привѣтствуютъ насъ со стѣнки Кронштадта тысячи народа... Слышно раскатистое „ура“, музыканты играютъ гимнъ, ясно видимъ, какъ джрижуретъ капельмейстеръ, но звуки гимна таютъ неслышно въ общемъ гулѣ кликовъ и восторговъ.

Быстро уходитъ назадъ берега Петергофа, Стрѣльпы. Часть незамѣтной общей бесѣды, и мы уже минуемъ морской каналъ и входимъ въ Неву. Все пестрѣетъ флагами: берега набережныхъ, барки, ялики, пристани. Вотъ и наша пристань. Ровно 2 часа дня. Подъѣзжаемъ подъ звуки нашего гимна. Всѣ пароходы, обнаживъ головы, поетъ „Боже Царя храни“. Тысячи народа, наполнившая пристань и набережную, — всѣ съ обнаженными головами умиленно-безмолвно внимаютъ звукамъ гимна. Громовое „ура“, уносящееся куда-то вдаль по Невѣ и на дальнія линіи Васильевскаго острова, завершаетъ звуки гимна.

Поданъ уже трапъ, но публика не двигается съ мѣста. „Марсельезу!“ Раздаются звуки марсельезы, и всѣ веселые, оживленные, поютъ французскій гимнъ. Съ послѣдними его звуками публика начинаетъ сходить съ парохода. Народъ

встрѣчаетъ насъ „ура“, привѣтствуя находящихся на пароходѣ французовъ-корреспондентовъ. У входа на набережной вдругъ охватываетъ всю толпу какой-то патриотическій энтузіазмъ, и, завидѣвъ французскаго журналиста, обступаютъ его, радостно жмутъ ему руки, обнимаютъ. „Vive la France“, „Да здравствуетъ Франція“, „Да здравствуетъ Форъ“ — раздается гуломъ со всѣхъ сторонъ, и въ отвѣтъ имъ десятки голосовъ французовъ привѣтствуютъ „Vive la Russie“, „Vive le Tzar“. Народъ стоитъ сплошной стѣной... Тутъ и блестящій цилиндръ, и богатая дамская шляпка, и скромный картузъ мелочного торговца, и барашковая шапка солдатика, и скромное платьице молоденькой мастерицы — всѣ рвутся, протискиваются поближе къ французамъ, чтобы пожать имъ руку...

А со всѣхъ сторонъ, на панели, на мостовой, цѣлыя тучи продавцовъ разныхъ сувенировъ, флаговъ, кокардъ, жетончиковъ, брошюрочекъ, портретовъ президента Фора... И на все это спрость огромный, — достаточно посмотрѣть на толпу, — всюду такъ и пестрѣютъ трехцвѣтные значки и флажки. Все живетъ, веселится, дикуеть... Всѣ знаютъ и чувствуютъ, что сегодня великій свѣтлый праздникъ на Руси, сегодня къ намъ пожаловали дорогие, родные, близкіе сердцу гости... „Vive la France!“ „Vive le président Faure!“

И. З.—н.

Въ честь дорогихъ гостей.

Сегодня, 11 августа, наступила долгожданная „французская педѣля“. Она будетъ длиться всего четыре дня, но за эти четыре дня всѣ русскія сердца переживутъ годы, — годы свѣтлыхъ, радостныхъ чувствъ, годы неизяснимыхъ восторговъ.

Въ силу техническихъ условій, мы должны сегодня начать ужъ печатаніе настоящаго нумера, чтобы не задержать его выхода на нѣсколько дней, и потому мы вынуждены были ограничиться описаніемъ лишь этого перваго дня „французской педѣли“, — описаніемъ убранства нѣкоторыхъ главнѣйшихъ частей города и описаніемъ встрѣчи французской эскадры. Всѣ послѣдующія торжества будутъ описаны и иллюстрированы въ слѣдующемъ нумерѣ.

За нѣсколько дней Петербургъ, этотъ истинный пульсъ Россіи, сталъ усиленно биться въ радостномъ ожиданіи своихъ дорогихъ друзей-гостей. Два дни неустанно съ утра до ночи столица обряжалась по-праздничному, обряжалась съ необычайной роскошью, съ невиданнымъ усердіемъ. Все разукрасилось, расцвѣтилось. На каждомъ домѣ развѣвается французскій флагъ, у всѣхъ на устахъ только одно — французы и Форъ. Весь городъ преобразился. Куда дѣвались лѣтнее затише, лѣса „лѣсовъ“, облежавшихъ фасады зданій, неуклюжія рогаги, загороживавшія цѣлыя улицы, горы булыжника и торцовыхъ шашекъ, два антагонизирующихъ материала нашихъ столичныхъ мостовыхъ? Все убрано съ глазъ долой, все прилажено, пригла-

жево и даже красиво. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ такъ прямо залобуешься. Появляю, на первомъ планѣ обѣ „красы“ Петербурга: сухопутная—Невскій и водная—Нева многоводная.

Весь Невскій, на всемъ своемъ многоверстномъ протяженіи, превратился въ дивную декорацию. Вывѣски и балконы совершенно исчезли подъ красивыми складками цвѣтныхъ матерій, подъ гирляндами зелени, подъ веназелями, щитами и флагами. Тамъ и сямъ выставлены бюсты Ф. Фора и гербы двухъ дружественныхъ державъ. Широко, не жалѣя затратъ, принарядились дома и помѣщенія общественныхъ и частныхъ учреждений и частныхъ лицъ. Красиво убранство арки Главнаго Штаба и нѣкоторыхъ домовъ на углу Морской и Невскаго. Въ одномъ изъ нихъ на балконѣ, въ нишѣ изъ тронической зелени и цвѣтовъ, выставлены три бюста—Государи Императора, Государыни Императрицы и президента Фора. Банкирскій домъ Юнкера устроилъ чудную электрическую иллюминацію. Надъ входомъ красуется семидвѣтвный веназель „В. Е.“, который при свѣтѣ электричества будетъ отливать всѣми цвѣтами радуги. Дранирочное убранство также роскошно. Съ большимъ вкусомъ и изысканствомъ убранъ домъ, гдѣ помѣщается коммерческое собраніе. Архитектурныя линіи унизаны цвѣтными электрическими лампочками, а нижняя часть фасада—въ разнообразныхъ по формѣ и рисунку веназеляхъ Фора. Богато разукрасилось у Полидейскаго моста зданіе Лионскаго Кредита. У Казаискаго собора красиво перекинутъ вверхъ черезъ Невскій рядъ широкихъ большихъ флаговъ (рис. на стр. 789). У думы воздвигается роскошная арка, богато украшаемая и убираемая флагами, гербами, цвѣтами и зеленью. Здѣсь же, близъ думы, взоръ переносится на зданіе Гостинаго двора. Весь фасадъ его изящно убранъ зеленью, коврами и матеріей. Вверху, подъ изящнымъ вѣнкомъ, роскошный гербъ и буквы К и Е. Почти напротивъ, на Михайловской улицѣ воздвигается колоссальная статуя Мира, въ видѣ женщины, одной рукой опирающейся на изящный, овальной формы бѣлый щитъ,—а въ другой держащей пальмовую вѣтвь. Вверху рѣютъ цѣлыя гирлянды флажковъ, перекинутыхъ черезъ Невскій проспектъ. Чѣмъ дальше, открываются все новыя картины. Бюсты и бюсты, цѣлыя группы бюстовъ, роскошные веназели, надписи съ инициалами президента Феликса Фора, гербы французской республики и французскихъ городовъ. Все это роскошно обрамлено цѣлыми цвѣтниками зелени, точно по волшебству выросшими изъ земли. На всемъ протяженіи пути—отъ Балтійскаго вокзала до Невскаго проспекта, по ту и другую сторону, поставлено 200 матъ со штандартами. У Измайловскаго моста публика любуется чрезвычайно красивою аркою, построенною по проекту художника фонъ-Гогена. Вечеромъ она будетъ освѣщаться электрическимъ солнцемъ.

Величественныя набережныя—Дворцовая, Англійская и Гагаринская—тоже разукрасились въ ожиданіи пріѣзда дорогихъ гостей. Ихъ убранство не блещетъ яркостью, все серьезно, горделиво, прилично. Особенное оживленіе царитъ на Гагаринской набережной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ высится домъ французскаго посольства (рис. на стр. 792). Тутъ не ограничились украшеніемъ дома, а воздвигается напротивъ, у самой набережной, роскошный павильонъ, который будетъ весь убранъ матеріями національныхъ цвѣтовъ и унизанъ разноцвѣтными лампочками. Вечеромъ, когда они засвѣтятся и ихъ разноцвѣтные огни отразятся въ зеркальной глади Невы, это будетъ представлять очаровательное зрѣлище. Въ часы посѣщенія посольства президентомъ Форомъ, въ павильонѣ будетъ играть оркестръ музыки. Такой же оркестръ будетъ играть и около зданія Думы, гдѣ воздвигается огромный шатеръ.

Еще богѣе чудную, богѣе яркую по краскамъ и широтѣ картину представляла наканунѣ Нева отъ Николаевскаго моста до Балтійскаго судостроительнаго завода.

Тысячная толпа гуляющихъ на набережной росла съ каждою минутой, такъ что къ шести часамъ вечера по широкому тротуару уже невозможно было двигаться, и приходилось ходить по торцовой мостовой. На первой линіи, вдоль набережной, у пристаней, стоятъ подъ парами казенныя яхты, готовящіяся къ отплытію (рис. на стр. 789). Со стороны адмирал-

тейскаго завода раздались звуки военного оркестра; публика сбросилась туда. Оказалось, что идетъ почетный караулъ со знаменемъ отъ гвардейскаго экипажа. Почетный караулъ остановился противъ пристани яхты „Онега“; знамя подъ звуки оркестра было перенесено въ дежурную комнату, и матросы перешли на яхту, готовую къ отплытію на Кронштадтскій рейдъ, для встрѣчи дорогихъ гостей.

Рядомъ съ Императорскою присталью помѣстилась яхта „Нева“, а далѣе цѣлый рядъ другихъ казенныхъ судовъ.

Середину Невы занимаютъ частныя яхты и суда изъ-за границы съ туристами; между ними и берегомъ поддерживается успешное сообщеніе на яликахъ. Всѣ суда, а особенно тѣ, которыя близко стоятъ къ мѣсту пробада президента Фора, украшены флагами и цвѣтною матеріей.

Въ серединѣ Невы сталъ на якорь только что прибывшій французскій двухтрубный пароходъ „Verzailles“ съ туристами-французами; пароходъ очень большой и выдѣляется въ общей картинѣ расположенныхъ на Невѣ судовъ роскошнымъ убранствомъ; масса маленькихъ и большихъ флаговъ украшаютъ его мачты; кромѣ того, весь пароходъ убранъ лентами изъ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ.

Еще дальше, ближе къ противоположному берегу Невы, размѣстились десятки, вѣрнѣе сотни, судовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ; все это убрано флагами, гирляндами и вѣтвѣтъ съ роскошной декорацией набережной представляетъ рѣдкую по своей красотѣ картину. Берега Невы съ красивой лентой протянувшихся по нимъ рядовъ матъ съ орлами и французскими гербами наверху и громадными хоругвями съ изображеніемъ золотомъ инициаловъ Французской республики,—представляютъ красивый бордюръ, изящную раму къ очаровательной картинѣ разукрашенной Невы.

Въ толпѣ снуютъ торговцы, бойко продающіе всевозможные сувениры въ видѣ бутоньерокъ, перевязанныхъ лентами французскихъ национальныхъ цвѣтовъ, кокарды и т. д.

Все живетъ, волнуется, веселится. Что значитъ—сердце заговорило, что значитъ всколыхнулась широкая русская душа!

На второй день пребыванія президента Феликса Фора въ Россіи, назначены посѣщеніе имъ Петропавловскаго собора для возложенія вѣнка на гробницу императора Александра III и торжество въ присутствіи президента—закладка новаго Троицкаго моста. Въ виду этого, еще до помѣщенія описаній этихъ торжествъ, мы спѣшимъ воспроизвести рисунки, къ нимъ относящіеся.

Видѣсто обычнаго, традиціоннаго вѣнка Президентъ Французской Республики возложитъ на гробницу Царя-Миротворца оливковую вѣтвь, сдѣланную изъ тончайшаго золота и скопированную съ натуры (рис. на стр. 787). Каждый листъ отдѣланъ съ изумительнымъ тщаніемъ. Вѣтка перевита лентой, переплетающей листья и плоды ея. У самаго основанія помѣщаются двѣ золотыя медали, на лицевой сторонѣ первой—гербъ Россіи, а на оборотѣ—числа „Octobre 1894—Août 1897“; на лицевой сторонѣ медали изображеніе Французской Республики, въ каскѣ, а на оборотѣ надпись: „Le président de la République Française à la memoire Alexandre III“. На золотой лентѣ, которая скрѣпляетъ медали со стеблемъ оливковой вѣтви, выгравирована слѣдующая латинская фраза: „In pace concepta firmat tempus“ (задуманное во имя мира—утверждается временемъ). Вѣтвь эта хранится въ большомъ ящикѣ черного дерева; внутренность ящика изъ бѣлаго бархата. Большая золотая доска рѣзной работы приделана къ крышкѣ ящика. Она изображаетъ собою шифръ въ Божѣ почивающаго императора; надъ шифромъ Императорская корона и два вѣнка: дубовый и оливковый. Корона и вѣнки перевиты пальмовой и оливковой вѣтвями. На этихъ вѣтвяхъ надписи: „manet ultima seculo“ (высшая награда на небесахъ).

На стр. 788 помѣщенъ утвержденный и прилѣпленный проектъ новаго Троицкаго моста, воздвигаемаго въ ознаменованіе 25-лѣтія бракосочетанія въ Божѣ почивающаго Императора Александра III и Императрицы Маріи Феодоровны. Строителями моста будутъ французы—фирма Батиньоль, матеріалъ же и рабочіе удуть всѣ русскіе.

Политическое обозрѣніе.

Въ то время какъ одно теченіе европейской международной жизни всецѣло направлено за французскою эскадрой, везущей въ Россію оливковую вѣтвь мира, другое охватило два другихъ государства: Германію и Англию. Между ними произошелъ торговый разрывъ: британское правительство сообщило германскому, что торговый договоръ, существовавшій съ 30 мая 1865 года, считается прекратившимся 30-го мая 1898 года. Одновременно съ этимъ Англія отказалась также и отъ договора съ Бельгіей. Лондонскіе влиятельные кружки ожидаютъ со стороны Германіи объявленія англичанамъ таможенной войны съ цѣлю отбить отъ Англии торговлю другихъ государствъ. По общему мнѣнію, министерство рѣшилось на неожиданный торговый разрывъ изъ желанія угодить Канадѣ, пригрозившей, въ случаѣ невниманія метрополи къ интересамъ колоніи, дѣйствовать самостоятельно. Конечная цѣль принятой Англіей мѣры сводится къ удаленію конкуренціи

германскихъ товаровъ въ британскихъ владѣніяхъ. Возможность возникновенія таможенной войны между Англіей и Германіей едва ли останется безъ серьезнаго вліянія на внѣшнюю политику этихъ державъ.

Къ подавленію броженія въ Индіи британское правительство приняло строгія мѣры: въ Пунаѣ арестованы видные туземцы по обвиненію въ подстрекательствѣ къ убійству англійскихъ чиновниковъ; нотабли эти—представители богатой класса индусовъ, получившіе образованіе въ Англии. „Standard“ отбѣчаетъ по этому поводу господствующую среди индусовъ несправедливую къ англичанамъ, возрастающую съ каждымъ днемъ, и одновременно съ этимъ констатируетъ исчезновеніе въ Индіи всякой боязни строгихъ мѣръ со стороны правительства.

Какъ бы въ связи съ движеніемъ въ Пунаѣ, вспыхнуло возстаніе въ Читралѣ: по официальнымъ донесеніямъ изъ Симлы 17-го іюля, туземцы напали на англійскій постъ Чакдара въ

Малкандъ; неприятель отброшенъ лишь послѣ упорнаго боя. въ теченіе 18 часовъ; были убиты и ранены съ обѣихъ сторонъ, причѣмъ пало нѣсколько британскихъ офицеровъ; недалеко отъ англійскаго поста стали образовываться значительныя скопища туземцевъ. Вслѣдъ за этимъ возстали сосѣднія съ Афганистаномъ племена: позднѣйшія донесенія констатировали новыя потери въ англійскихъ отрядахъ. Сформированіе новыхъ воинскихъ частей и отправка англійскихъ войскъ въ Индію указываютъ на серьезность событий. По достовернымъ даннымъ, между британскими солдатами и мусульманами распространяется прокламація о священной войнѣ съ гяурами. По итнвню англійскихъ политическихъ кружковъ, возстаніе вдохновляется поддержкой изъ Афганистана. Такимъ образомъ, британскому правительству предстоитъ новая работа о безопасности англичанъ въ Индіи.

Въ Испаніи въ г. Санта-

Домъ французскаго посольства въ С.-Петербургѣ, на Гагаринской набережной. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

Агедѣ однимъ анархистомъ-итальянцемъ, тремя выстрѣлами изъ револьвера, убитъ 27 іюля испанскій министръ-президентъ Кановасъ дель-Кастильо. Анархистъ „успѣлъ“ за своихъ единомышленниковъ — казенныхъ барселонскихъ динамитчиковъ. Вся Испанія глубоко опечалена трагической кончиной выдающагося государственнаго дѣятеля: отовсюду получены выраженія сожалѣванія. Чрезвычайный министерскій совѣтъ назначилъ временнымъ президентомъ Азкарраги и постановилъ воздать погибшему премьеру величайшія воинскія почести. Декретомъ королевы повелѣно отдать Кановасу почести маршала. Съ кончиной Кановаса неблагоприятность политическихъ дѣлъ Испаніи усиливается, такъ какъ партійныя несогласія возгорятся, по всей вѣроятности, съ новою силой. Предстоящая борьба съ анархистами и продолженіе усмиренія Кубы еще болѣе заутяжаютъ критическое положеніе испанскихъ дѣлъ.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.)—Уродъ. Разсказъ Леона де-Тенсо. (Окончаніе.)—Млекопитающія, кладущія яйца. Очеркъ. (Съ 2 рис.)—Есть рисунки: Въ лѣсной глуши. — При лунномъ свѣтѣ. — Проводы новобранца. — Въ вѣнѣ изъ розъ.—Журки.—Открытіе памятника М. И. Пирогову въ Москвѣ (съ рис.)—Антоніо

Кановасъ дель-Кастильо (съ портр.)—11 августа 1897 г.—Въ честь дорогихъ гостей (съ портр. и 5 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за Августъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ, въ Будапештѣ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ. Основанные въ 1882 году.

Утвержденные Министерствомъ Внутр. Дѣлъ

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 7.

Пріемъ вновь поступающихъ съ 20 августа ежедневно отъ 10 ч. у. до 6 ч. веч., по праздн. и воскрес. днѣмъ отъ 12—2 ч. днѣ. Начало занятій 2-го сентября. Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно. Письменныя заявленія просить адресовать на имя Директора ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ. САДОВОЕ ЗАВѢДЕНІЕ въ РИГѣ, самъ имѣетъ честь довезти до свѣдѣній любителей, что каталоги деревьевъ, растений, цвѣточныиъ луковичицъ и пр. на № 10869 1897—1898 г. выданы и высылаются по требованію бесплатно. 4—2

Цезарь и Минка.

Заводъ и продажа породистыхъ собакъ, въ Данѣ (Пруссія).

Поставщики Его Велич. императ. Германскаго, Его Велич. султана Турецкаго и многихъ королевскихъ и княжескихъ Дворовъ. Удостоены золотыхъ и серебряныхъ медалей. Гарантируютъ благополучную доставку собакъ на мѣсто.

Чистокровнѣйшія собаки, сторожевыя, охотничья, компанійныя и пр. отъ крупныхъ ульскихъ догговъ и горныхъ собакъ до самыхъ маленкихъ компанійныхъ. Охотничья собаки, гдавыя, борзья, таксы, молотды и дрессированныя. Большой иллюстрированный каталогъ высылается по требованію бесплатно.

ЖУРНАЛЫ ПОСЛѢДНЕЙ МОДЪ

В. Н. Альшвангъ. МОСКВА, Неглинная, д. Миссон. Общ., противъ Малаго театра. ПОДПИСНА на всѣ модныя журналы иностранныя и русскія. Продажа отдѣльными номерами. Выкройки всевозможныя по послѣднимъ моделямъ, готовныя и на заказъ, отъ 15 до 50 коп. Сезонныя книги и картины. Альбомы модъ. **НОВОСТЬ:** Журналы для верхняго платья, модели лондонскія, парижскія, вѣнскія и берлинскія. **„DIE WELTMODE“.** Отправка во всѣ города наложеннымъ платежемъ. 2—1 Каталогъ высылается бесплатно.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

П. П. Гнѣдича.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 496 стр., на зелен. бумагѣ, и украшенный масляной вышивкою. Цена этому изданію изданію 3 р., съ пересыл. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПАРОВАЯ НОТОПЕЧАТНЯ

(существ. съ 1867 г.)

МЕТАЛЛОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ И ТИПОГРАФІЯ

П. ЮРГЕНСОНА,

Колпачный пер., № 7, собств. домъ, удостоенная на выставкѣ 1896 г. высшей наградой

ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА,

принимаетъ заказы на изданіе нотъ и музыкальныхъ книгъ по новымъ шрифтамъ съ особымъ на металлѣ, камнѣ или наборомъ.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

МОСКВА,

Тверская, домъ Толмачева

И. А. ВЕРВЕРЪ.

Фонографы электротрическ. заводныя разныхъ системъ.

Синематографы Эдисона

съ картинками Люмьера. 4—1

Кинематографы Ньютона и др.

Громадный выборъ лучш. ваклювъ. Гарантія на 3 года. Обученіе. 20.0 машинъ продано въ Россіи.

XXVIII г.

№ 34

Выходить еженедельно 152 № в годъ; съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 23 августа 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на 1897 г.
 Подробности см. въ концѣ этого №

Рыбачка съ Лидо. Съ карт. Блааза грав. Пэне.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
 Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Странно было Николаю Львовичу. Еще не особенно давно та же Еликонида чуть на шею ему не кидалась. Да мало ли что бываетъ. Отвадилъ онъ ее — сердце дѣвичье переменчиво. Опомнилась — Милитона Саввича полюбила. Бойтся — да въдь и этотъ не сразу же. Успѣетъ мало-по-малу попривыкнуть. У купцовъ эта бойня вездѣ идетъ. Въ большихъ городахъ да столицахъ они отполировались. Лаку на себя навели, подъ Европу отдѣлались. А тутъ, въ глуши, еще дичь царить невѣроятная. Повальное невѣжество, жестокость звѣриная. Этотъ Слоновъ хоть любить. Пожалѣть иной разъ, а вотъ эти животныя, что разошлись теперь во всю, — одно только и понимаютъ: кто ихъ сильнѣе, тотъ ихъ давить, кого они могутъ — въ свою очередь не дадутъ пощады! И не изъ злобы, а ужъ такъ, обычай. Всякій долженъ страхъ чувствовать. Кто подъ ними — отъ нихъ; они отъ тѣхъ, кто выше.

— Ну, такъ что-жъ? — добивался Слоновъ.

— Какъ ты сказалъ: ты — инѣ, я — тебѣ...

— Вотъ что, Николай, помни, я тебѣ на всю жизнь... Слышишь... и въ этомъ, и въ будущемъ. А вдвоемъ насъ никто не ослдитъ. Всѣхъ завражыхъ медвѣдей сломимъ. Куда ты увезешь ее?

— Елену? Къ себѣ.

— Ну и дуракъ. Ты меня прости на этомъ словѣ. Накроютъ тебя живо. И отымутъ. Вези въ... Молчать будешь?

— Буду...

— Я тебѣ письмо дамъ. Матери Милетин. Старушка такая... скить у нея. Отъ Самого Бога спрячетъ кого угодно. И ужъ оттуда брать — ау!.. Длинны руки у полиціи, а странника Силантія не могли взять... Тихая старушка... Боголюбивая.

— Гдѣ же этотъ скить?

— Такъ я тебѣ и сказалъ раньше — держи карманъ.

— Кто тамъ еще есть?

— Наши купеческія дѣвцы, которыя семьюю заповѣдь преступили. Ихъ Милетія спрячетъ на вѣскольکو мѣсяцевъ тихо, благородно... Живи до разрѣшенія узъ, а тамъ опять въ родительскій домъ... Вдовы за тѣмъ же у нея спасаются. Одна, братъ, все съ заграничнымъ паспортомъ ѣздила. Да поймали ее. Листки такіе въ паспортѣ есть. При выѣздѣ и при вѣздѣ рвутъ ихъ, а она, не сообразивши-то, въ простотѣ души, цѣлую вернула.

— И дѣти тамъ?

— Пріючастъ ихъ мать Милетія... Живутъ у старушки—на вольномъ воздухѣ растутъ. Ну, разумѣется, отъ купцовъ ей положеніе. Даяніе благо. Поди, поищи—и на тебя тамъ похожіе найдутся... Про Словареву купчиху слыхалъ? Ну, такъ она каждый годъ, какъ бы въ Кіевъ, на нѣскольکو мѣсяцевъ къ матери Милетіи. Особая келья у нея—Словаревская, такъ и называется.

— Еще Богъ знаетъ, что говорить стануть.

— Про кого?

— Да про Елену Борисовну.

— А тебѣ наплевать! Ты думаешь, и такъ не говорить. Рты-то не купленные. Человѣкъ не собака—на всякаго лаеетъ, сдѣлай одолженіе, и тебя съ ней не помиловали. У насъ грязи сколько хошь. Всякаго замазатъ можемъ. Воды отмыть, пожалуй, не хватить, а грязи—хоть захлебнись.

Николаю Львовичу былъ противенъ этотъ развалъ. Слишкомъ ужъ грубо и дико пилъ обыватель. Поймали чиновника и напоили. Тотъ все увѣрилъ, что онъ надворный совѣтникъ, и самъ царь его знаетъ.

— Потому, понимаешь, у меня въ формуляръ благоволеніе записано.

— Ну, ну, ладно; глотай, совѣтникъ.

— Захочу—всякаго погубить могу... Захочу—спасу. Человѣка убей, скажи мнѣ, я—прощу!

И онъ гордо откидываясь, оглядываясь всѣхъ посоловѣлыми глазами, не замѣчая, что ему темя поливаютъ мадерой.

— Подай прошеніе—я распоряжусь...

— Что говорить, персона...

Потомъ вдругъ эта персона оказалась раздѣтой, но и въ этомъ неподходящемъ видѣ надворный совѣтникъ оставался вѣрять себѣ.

— У меня на каждый палецъ по закону. Захочу—задаю тебя большимъ, а захочу—мизинцемъ. Поняли вы, купцы?... Уважаете вы меня?..

Но купцы шептались, задумывали что-то, и взволновались, когда приказчикъ внесъ миску меду.

— Липецкій!—радовался Ермолай.—Ваше высококордіе, мы васъ теперь какъ невѣсту обрядимъ.

— Валяй!—соглашалась персона.—Только—съ уваженіемъ. Потому—на мнѣ санъ. Поняли?

— Еще же бы да не понять. Слава Богу, не маленькіе. „Властемъ повинуйтесь“—знаемъ.

— Мажь его, братцы. Милитонъ—вали перину сюда... Вспоремъ ей брюхо и зашьемъ туда совѣтника...

— А потомъ на базаръ его... Тепло въ перинѣ—отлично проспится.

— Городовые подымутъ. Смѣху-то!..

Семигоровъ отвелъ Слонова.

— Гдѣ ты меня положишь?

— А тутъ есть горенка... Чисто тамъ, не бось. Что же ты—не съ нами?

— Ну васъ къ чорту. Претить ваша дикость.

— Точно. Съ непривычки—на свѣжаго человѣка страхъ нагонимъ. Нашъ изъ Питера пріѣзжалъ коммерсантъ. Безъ шапки на желѣзную дорогу выскочилъ. Ну, васъ, говоритъ, пріѣхалъ по сурьезному дѣлу, а тутъ, пожалуй, подѣ судъ попадешь.

Изъ окна горенки черезъ часъ Николай Львовичъ видѣлъ торжественное шествіе. Впереди медленно двигались пѣвчіе, старательно выводя:

„Ахъ, Настасья, ахъ, Настасья,
Отвори-ка ворота“...

Позади, господа купцы, аки трость, вѣтромъ колеблемая, торжественно несли, какъ флаги на швабрахъ, одѣлія надворнаго совѣтника. За симъ слѣдовалъ онъ самъ, зашитый въ перину съ головою паружу. Его, раскачивая, влекли на пустынный въ этотъ часъ базаръ всѣ наличные слоновскіе приказчики. Позади, для пущей важности, кучера вели подѣ узды двухъ коней... Какъ ни велико было горе Семигорова—а и онъ не выдержалъ, расхохотался и затворилъ раму...

Что-то теперь съ Еленой?

Ему вдругъ сдѣлалось душно. Онъ зналъ, до какой ненависти дошелъ Моисей Лукичъ. Старикъ, разъ почувствуетъ, что у него руки развязаны и за Елену вступится некому,—пойдетъ на все. Можетъ-быть и сейчасъ онъ издѣвается надъ нею съ приказчиками и лѣсными промышленниками. Тамъ вѣдь, въ дебри этой, онъ царь и Богъ. Кого ему бояться? Семигоровъ заходилъ изъ угла въ уголь. Сейчасъ бы кинуться туда. Да одному ничего не сдѣлать, а домой смахать, безъ толку день пропадетъ. Поднять Слонова—да его теперь такъ въ темя ударило, что до завтра онъ ни на какое дѣло не способенъ. И притомъ тамъ ли она, гдѣ Милитонъ Саввичъ думаетъ? А какъ лукавый Моська (такъ его Слоновъ окрестилъ) только на ложный слѣдъ всѣхъ навелъ, а самъ теперь Богъ знаетъ гдѣ. Пріютовъ-то у него много. Есть куда запереть. Какъ и у матери Мелетіи, никакая полиція не найдетъ... Господи, хоть бы утро скорѣй... Все развѣтъ хоть чему-нибудь научить. А то во тѣмъ этой—жутко самому... А каково ей, бѣдняжкѣ! Хоть головою стѣны разбей—ничего не добьешься.

XIX.

Милитонъ Саввичъ возвращался подѣ утро.

Пріятели онъ растерялъ въ слободкѣ, надворнаго совѣтника оставилъ благополучно на базарѣ зашитымъ въ перину и для вѣрности поручилъ его наблюденію полицейскаго. Тотъ, узнавъ городского голову, не посмѣлъ ослушаться и замеръ надъ злополучнымъ чиновникомъ, вокругъ котораго были водружены, въ видѣ флаговъ, части его туалета. Персона поконилась мирно и даже храпѣла, такъ что городской, обязанный бодрствовать, искренно ей завидовалъ. Слоновъ шелъ домой еще мрачнѣе, чѣмъ вечеромъ.

„Ахъ ты, Господи!—воздыхалъ онъ, мотая рыжими лохмами.—Мнѣ бы теперь съ супругою покониться по православному обычаю, а я вотъ каковъ. А завтра будетъ еще хуже!“

Онъ зналъ свою натуру и соображалъ, что завертится не менѣе какъ на недѣлю. Еще бы, Елену Борисовну выкрасть—легкое дѣло! Его, да не запить! А потомъ на Еликониду облаву. Съ заштатнымъ попомъ похоровадиться придется. Не сразу тоже его обломаешь. Положимъ, жалобы не будетъ. Сама лупетка не посмѣетъ, ну, а родные вотъ какъ обрадуются: „Дуръ Богъ счастья послалъ, и они черезъ нее съ головой породнились. Смотришь, иной разъ лишній кусокъ и имъ попадетъ“. А все-таки у духовныхъ въ такихъ случаяхъ поджилки трясутся. Моталъ-моталъ лохмами Милитонъ Саввичъ и ужъ задумывался, чѣмъ бы ему развлечь себя. Въ псуразномъ мозгу Слонова складывалось: ударить въ набатъ и вызвать пожарныхъ, да сдѣлать имъ ночью, невзначай, смотръ по тревогѣ. Тѣмъ болѣе, что на брантмейстера онъ былъ золь. Тотъ его въ думѣ „необразованной Азіей“ назвалъ, а на вопросъ: „ты-то, кишка, гдѣ просвѣтился?“ весьма резонно отвѣтилъ: „Я? Я по повелѣнію въ Бозѣ почившаго императора Николая I, Незабвеннымъ именуемаго, школу военныхъ кантонистовъ сполна прошелъ!“ Такъ какъ Слоновъ не зналъ, что такое кантонисты, то

школа ихъ ему чуть ли не за университетъ попричиталась, и возраженіе показалось столь побѣдительнымъ, что онъ замолчалъ, затая про себя: „погоди, я те покажу Азію“. На первыхъ порахъ, по его настоянію, дума отказала обновить пожарнымъ костюмы.— „Что же имъ, оборванцами бѣгать?“— „А можетъ въ необразованной Азіи такъ и полагается!“— „Я губернатору...“— „Сколько угодно. Мы будемъ писать да отписываться, а опи пусть безъ штановъ модничаютъ“. Набатъ—набатомъ. Дѣлю отличное, да не очень ли опасно. Слоновъ все-таки чувствовалъ надъ собою палку и зналъ, что за надворнаго совѣтника ему придется отвѣтить, ну, да онъ кандалы въ пересильную пожертвуетъ—авось простятъ. А съ пожарной командой и самого по шанкѣ. Шель-шелъ онъ. Свѣтало. Изъ темноты выступали ряды сѣрыхъ домиковъ. Начинались городскія улицы. Вонъ каланча вдали обрисовалась, и на ней, какъ галка, одинокой солдатъ. Кошка крадется. Запустилъ въ нее камнемъ—и еще скучнѣе. Какая-то закутанная въ ковровый платокъ бабенка выскочила изъ калитки молодого купца Шмелева, испуганно оглянулась во всѣ стороны. Слоновъ только кончикъ ея носа разобралъ. Обернулся—куда она, но отъ той и слѣдъ простылъ.— „Ишь, точно мышь отъ кота!— усмѣхнулся и позавидовалъ Шмелеву.—Поиди, цѣловала, да миловала, а его, хоть онъ десять такихъ Шмелевыхъ продастъ и купитъ, и поласкаетъ некому. Вонъ батюшка идетъ, широко размахивая громадными рукавами рясы. Увидѣлъ издали Слонова, грозитъ. Тотъ ему подъ благословеніе.

— Чего безстыдничаетъ? Христіане къ заутренѣ, а ты, поиди, и отъ вечерней-то еще не очухался.

— Такая у меня, отче, природа. Меня Богъ убилъ!

— А ты помолись Ему, авось, опять воскресить...

Слоновъ задумался и потнулъ башкой.

„Нѣтъ, братъ-попъ, не такія у меня мысли на умѣ...“

Разсвѣло. Пустынная площадь. Домики на краю точно къ землѣ припали—пространства болтаетъ. Изъ одного ужъ и дымокъ пошелъ. Прямо ниточкою вытянулся изъ трубы. Хорошая погода будетъ, а ни души кругомъ. Жутко сдѣлалось Милитону Саввичу, и вдругъ точно Господь его вспомнилъ: бѣжить кличонка крестьянская, а на ней, безъ сѣдла, мотается знакомая жердь.

— Жилка! Ты?..

— Я самый, Милитонъ Саввичъ!..

Навалился грудью на шею коню и мѣшкомъ шлепнулся о-земь.

— Откуда, чортова перешница? Ишь тебя перекосило всего.

— Прости, Господи! Всю ночь на кобылкѣ тормозусь. Кости она мнѣ перебила. И то слава Богу. А то бы медвѣди либо волки заѣли.

— Тебя-то? Небось, братъ. Любой медвѣдь такой костью подавится. Что они, шкуры твоей не видали?

— Такъ натерпѣлся, такъ натерпѣлся. Какіи у насъ дѣла, Милитонъ Саввичъ!

И хотя они были одни на пустырѣ, онъ наклонился къ самому уху Слонова.

— Ну, что еще? Выкладывай свою хурду-мурду.

— Таки дѣла, таки дѣла, что, пожалуй, слѣдователя по особо важнымъ происшествіямъ пришлютъ.

— Ну! Фальшивыхъ монетчиковъ накрыли, что ли? Сказываютъ, трехрублевки объявились.

— Нѣтъ, тутъ позиче. Тутъ человѣческой душой пахнетъ. Мосей Лукичъ-то... Обманомъ, будто домой, Елену Борисовну въ Заовражье увезъ. Вережками вязалъ, въ лицо плевалъ. Грозился къ косяку у воротъ гужомъ приторочить да вожжой стегать... Книжну! А?

Жилка даже поблѣднѣлъ опять при этомъ. Но онъ никакъ не ожидалъ эффекта, который произвели его слова. Милитонъ-было замеръ, а потомъ какъ схватить

Жилку за шиворотъ. И не только схватилъ, но и закрутилъ его, такъ что Жилка языкъ чуть не высунулъ. Не будь у него такъ тоща шея—не жить.

— Тебя-то мнѣ и надо!

— Ваше степенство, господинъ купецъ, городская голова!.. Да и-то при чемъ? Я собственно жалѣючи барыню сюда гналъ. Сквозь лѣсъ—помру, думалъ, отъ ужастей... Ваше благословеніе, Милитонъ Саввичъ, что же вы, мнѣ надо безперечъ къ Семигорову...

— Оно и есть!—торжествовалъ Слоновъ.

И ужъ не отвѣчая Жилкѣ и не выпуская его изъ рукъ, повелъ приказчика черезъ весь городъ. Позади, меланхолически опустивъ голову и всюю своею четвероногою особой обнаруживая покорность Провидѣнію, слѣдовала усталая кобылка. Поводъ ея болтался вольно. Шкуру точно заплатали всю, даже хвостъ обѣли у нея.

— Милитонъ Саввичъ! Помилуйте, за что же?

— Ступай, ступай, нечего.

— Да иѣдъ кто увидитъ, подумаетъ, вора ведете. Вѣдъ это по всему городу. Житья мнѣ не будетъ.

Милитонова лапа разжалась. Шиворотъ оказался на свободѣ. Жилка задышалъ часто-часто.

— Семигоровъ-то у меня!

— Неужели? Вотъ радость-то!

— Погоди радоваться. Сколько у Моисей Лукича народу?

— Егоръ-кучеръ, Флегонтъ-лѣсникъ...

— Знаю. Медвѣдь-медвѣдемъ. А со мною не смо- жеть. А еще?

— А еще двое космачей съ топорами.

— Ладно. Ну, Моська, задамъ я тебѣ пару. Будешь ты меня помнить. Жилка, ты, братъ, воръ, я тебя насквозь вижу, сколь у тебя душа подлая. Ишь, глаза—тебя бы за нихъ на кобылкѣ посередь площади драть... Хочешь ко мнѣ на службу?

— Милитонъ Саввичъ, да я...

— Не ври, не ври. Самъ знаю—красть будешь во всю. А только я вдругъ полюбилъ тебя.

— Господи!..

— Бога-то чего призываешь? Аль, думаешь, и Его падуешь? Нѣтъ, Онъ-то тебя сверху такъ ушибетъ.

— Да и, помилуйте, къ вамъ сейчасъ. Точно въ рай.

— Ну, братъ, это какъ когда. Ежели съ полицнымъ изловлю, да подъ тяжелую руку—бѣда. Загоди саванъ заказывай—дешевле обойдется. По крайности, въ живѣ примѣришь его, чтобы сидѣлъ по-модному.

— Помилуйте, и вамъ собираюсь вѣрой и правдой...

— Ни въ вѣру, ни въ правду! Я, братъ, Жилка, во всемъ сомнѣваюсь. Что-то я этой вѣры и правды нигдѣ не видалъ. Какаа она такая? Можетъ, и есть, только мимо нашего города проѣхала... Я мужика давлю, ты меня сосешь, тебя бабенка какаа-нибудь вокрутъ пальца мотаетъ, и называется это, другъ, коммерческой оборотъ—попалъ? Воровать—воруй, только честно, Бога помни. И не понадайся. Я тебѣ горенку у себя велю отвести...

Подошли къ дому. Небо порозовѣло. Облачко посерединѣ точно всѣми краями затлѣло. Вотъ испыхнетъ золотымъ огнемъ и сгоритъ до-тла. Пѣтухи давно орутъ. Гдѣ-то скрипятъ ворота. Извозчикъ по мостовой трещить. Смотритъ Милитонъ Саввичъ—у Семигорова окно настезе, и самъ онъ—блѣдный, измученный, вскло- ченный. Только синіе глаза такъ и пылаютъ, жгутъ весь просторъ передъ собою, будто доискиваются въ немъ кого-то.

— Николай Львовичъ!..

Тотъ наклонился.

— Вотъ, подлецы говорятъ—Бога нѣтъ. Апъ, врешь...

И опять цапъ за шиворотъ Жилку.

— Видишь... Хорошъ гусь?.. Ты посмотри, что у него на мордѣ написано... Сколь прекрасна. Вѣдъ это

Догадливая сестрица. Съ карт. Климма авторини Шюлера.

За урокомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Иманевича, грав. Цехомскій.

копровскій Жилка... Скажу тебѣ одну вещь—расцѣлуешь его, хоть собственно, но дѣламъ судя, задавить его мало.

— Говори толкомъ, не пойму.

А у самого сердце бьется.

— Вѣдь онъ, на кобылкѣ-то... Ишь, кобылка позади. Умный конь—самъ шель. Овса тебѣ за это сейчасъ. Вѣдь онъ на ней, на голубушкѣ, изъ Заовражья. Какъ я вчера догадался-то. Отъ Елены Борисовны... Хватай его за жабры, чтобъ не сбѣжалъ. Онъ теперь дороже денегъ.

Николай Львовичъ былъ уже внизу.

— Жилка! Ты ее видѣлъ?

— Помируйте... Прикажите Милитону Саввичу пустить меня. Вѣдь они отъ нѣжпости своей задавить человѣка могутъ. Точно что. Привезли мы ее въ дебрь самую—къ медвѣдямъ да волкамъ. Связанную...

— Какъ связанную? За что?

— Всего было... Но какъ я въ ономъ преступномъ дѣяніи участвовать не согласенъ, ибо хоть я и здѣшній мѣщанинъ, но твердо помню свою совѣсть, то я сейчасъ вывелъ изъ хутовки Ермошкина коня, которая кобыла сама, и ей камнемъ въ окно...

— Кому, кобылкѣ?—оцумѣлъ Милитонъ Саввичъ.

— Зачѣмъ кобылкѣ! Еленѣ Борисовнѣ!..

— Да ты не путайся. Выплюй слюну сначала. Рассказывай толкомъ. Чего ты слюну жалѣешь. Никто ее у тебя не купитъ, не бойся.

— Милитонъ, дай ты ему говорить.

— А вотъ я сейчасъ!

Слоновъ встряхнулъ Жилку. Тотъ даже взвизгнулъ. Это подѣйствовало. Очевидно, Милитонъ Саввичъ хорошо зналъ Жилкину психологію. Жилка отряхнулся, какъ собака изъ воды, и дѣйствительно началъ связно рассказывать „прощестіе“, выдѣляя себя и даже присваивая роль благороднаго защитника Елены Борисовны.

— Я ему, Мосей Лукичу, столь убѣдительно — пожалѣйте вы невѣстущку. Богъ-то вѣдь -- вотъ Онъ гдѣ!—И Жилка, вертясь, тыкалъ перстомъ въ небо.—А хозяинъ за это меня объ это мѣсто. Скулу самую. Изволите видѣть—вотъ она, скула. И даже такъ, что въ поврежденіи. Я что-жъ! Я клопъ. Все долженъ претерпѣвать! Я ему: „благодаримъ покорно, Моисей Лукичъ, за вѣрную службу...“ Но только у меня въ душѣ вопль. Потомъ, осмѣлюсь доложить, Елена Борисовна такія слова: „есть человѣкъ, который тысячь не пожалѣетъ за вѣсть обо мнѣ“.

— Вотъ оно, гдѣ самое и есть!—хлопнулъ Слоновъ по плечу Жилку, такъ что тотъ присѣлъ даже.

— Мы люди бѣдные. Только отъ вашихъ щедротъ на дыбахъ и стоимъ.

— То-то. Канальи вы, точно. Ну,—дальше. Твое — твоимъ будетъ. Старайся.

— Какъ нитка изорвусь..

Николай Львовичъ едва ли не въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя безсильнымъ. Его пугала участь Елены Борисовны. Разумѣется, они вызволятъ ее оттуда. Но не сейчасъ, не сію минуту. А изъ словъ Жилки видно было, что Моисей Лукичъ ни передъ чѣмъ не остановится. Можетъ-быть, теперь она Богъ знаетъ что выноситъ въ этой лѣсной трущобѣ отъ дикихъ и жестокихъ людей. Конровъ, тотъ на все способенъ. Радовался же онъ ея самоубійству, точно празнику! Семигорова жгло нетерпѣніе. Чего ждать еще? Туда пути безъ малаго часовъ десять. Да и то на хорошихъ коняхъ. Но Слоновъ былъ другого мнѣнія.

— Пѣтъ, братъ! Тутъ надо ловко принятъся. Ты дубравныхъ-то нашихъ мужиковъ знаешь? Подлинно—образъ звѣринный. Они тебя уколонируютъ разомъ, потому у нихъ одна совѣсть: кому служить, тотъ и правъ.

— Никогда не повѣрю...

— Вѣрно. Спроси у Жилки.

— Точно что... не народъ, а рожонъ! Прямо надо говорить, Николай Львовичъ, осатанѣлые люди.

— Слышь, Жилка. Андрона знаешь? Коряваго.

— Который на кулачныхъ бояхъ? Побѣдоносцемъ его зовутъ.

— Еще бы! Одна у насъ цапа! Валяй за нимъ. Чтобы сейчасъ былъ у меня. Скажи, дѣло есть. Нахомку изъ Сиволова по дорогѣ прихватимъ. Ерошку бы, ужъ больно ловокъ. Да, поди, и такъ обойдемся...

Милитоновскую тоску какъ рукою сняло. Еще бы—предстояло дѣло, на которое, пожалуй, потребуется и его физическая сила. Во всякомъ случаѣ, будетъ гдѣ разойтись во всю. Даже не опохмелился онъ сегодня. Не зачѣмъ было. „Мы, братъ, какъ на войну. Питъ-то не приходится — надо въ полномъ разумѣ. Я себя тоже знаю—пальнешся и готово къ вечеру. Пѣтъ, ужъ лучше переждать заворожку-то. Голова трещитъ, да чортъ съ ней. Я зарокъ такой на себя накладываю—до свадьбы чтобы ни единого глотка. Сейчасъ послѣ Елены Борисовны словимъ мою шельму — подѣ честной вѣнецъ, и тогда ужъ разрѣшеніе вина и елея“. Семигоровскіе копи отлично отдохнули, и теперь въ конюшнѣ у Слонова нетерпѣливо скребли копытами землю и фыркали... „Смотри, чтобы готовы были къ полудню“, — приказывалъ Николай Львовичъ.— „Помируйте, — обижался за нихъ кучеръ,—да они сейчасъ въ полномъ суставѣ. Хоть куда. Выпусти—шамбомъ разнесутъ.“—До назначеннаго часа Семигоровъ не зналъ, куда ему дѣваться. Совался и къ Слонову, но тотъ былъ мраченъ и только сверкалъ на него глазами; ходилъ къ копровскому дому, вызывалъ Глашу. Та ничего новаго сказать ему не могла. Алексѣй Моисеевичъ тоже уѣхалъ куда-то. По пути Семигоровъ заглянулъ въ садъ. Тѣнистыя аллеи были полны покоя и кротости; сквозь зеленыя сѣти вершинъ густо синѣло небо. Песокъ слегка хрустѣлъ подъ чьими-то шагами. Старая, полуразвалившаяся бесѣдка, опутанная всякою порослью, казалась чудовищнымъ гнѣздомъ. Лихорадочное состояніе у Семигорова росло — ему не по душѣ было таинственное безмолвіе сада, — онъ выбрался на улицу. Полицеймейстеръ проѣхалъ на парѣ пожарныхъ коньковъ. Тоже изъ кавалеристовъ былъ, установился.

— Николай Львовичъ, слышали?

— Что? — разсѣянно спросилъ Семигоровъ.

— Моисей-то Лукичъ. Заперъ, вѣдь, Елену Борисовну.

— А вы почему знаете?—изумился Николай Львовичъ.

— Я? Да я и не то еще... Насчетъ предполагающейся ночной экспедиціи мнѣ тоже извѣстно.

Николай Львовичъ вздрогнулъ.

— Вы не беспокойтесь. Мы вѣдь съ вами одноканники. Въмѣстѣ корнетскія эполеты вспрыскивали. Я на этотъ крестовый походъ, вотъ какъ!—И онъ растопыривъ передъ глазами пальцы.—Только вотъ что Слоновъ съ вами. Смотрите, какъ бы уголовщины не вышло. Онъ, вѣдь, иначе не можетъ. Ну, желаю вамъ успѣха!

Пожаль руку, послалъ вслѣдъ летучій поцѣлуй и, молодцовато шевеля бедрами, полетѣлъ дальше, соколомъ поглядывая по сторонамъ, всѣ ли городовые въ порядкѣ.

XX.

У Слонова Семигоровъ застала Андрона. Кулачный боецъ былъ широкъ и коротокъ. Волосы щетиною и росли отъ бровей. Глаза на этомъ плоскомъ лицѣ смотрѣли наивно и кротко. Борода кудрявилась. Лапа была, какъ онъ самъ выражался, законная. Слоновская передъ нею дѣтской казалась. Милитонъ Саввичъ встрѣтилъ Семигорова хмуро.

— Ну, что новаго? А у меня сейчасъ вчерашній

чинникъ съ участковымъ былъ. Какъ бы для протокола. Выложилъ я ему катеньку — ступай, говорю, съ Богомъ, не прокладжайся. Потому, мы тебя въ перину для тепла, по твоей собственной просьбѣ, зашили. Это, говорить, ничего,—а зачѣмъ меня медомъ мазали. Едва въ банѣ его отпарили... Вотъ, не угодно ли— Андронъ зовуть.

Тотъ поднялъ на Семигорова добрые, почти дѣтскіе глаза.

— А по прозвищу — улица. Потому, гдѣ сквозь народъ прошелъ — тамъ улица.

Кулачный боецъ усмѣхнулся... „Мало ли что!“ — сконфуженно проговорилъ онъ.

— Какъ „мало ли что“? — вспылилъ Слоновъ, — вру я, что ли?

— Извѣстно... Если господа купцы угощаютъ... Развѣ я могу.

— Тутъ какой случай былъ... Татары прѣзжали — народъ крѣпкій. Надо правду говорить — точно въ желѣзныхъ обручахъ. Прослышали про Андрона... Ну, купецъ ихній Абдуль Махатаевъ — изъ Казани онъ — ко мнѣ. Чего тебѣ, спрашиваю, бритая башка? — Давай парей, говорить. — Какой тебѣ, шалабала, парей? — А такой, что нашъ Касимко вашего Андрона побьетъ. — Тутъ меня взорвало. — Да ты, спрашиваю, въ умѣ, татарская морда? — Смѣется. — А все-таки, упорствуетъ, Касимко сильнѣй... Такъ это меня обидѣло, что мы всей компаніей въ Луговое уѣхали — подальше отъ полиціи, потому она должна, въ случаѣ чего, препону нашему патриотизму... Ну, собрались въ Луговомъ, Ермолай-то Андрону напустивше по церковному: — Дерзай! Любимѣйшее чадо!.. Постою за насъ за всѣхъ... Ужли-жъ отечество да въ обиду давать... Андронъ плачетъ — мы тоже. Сквозь приняло. На что Ермолай — еюнопъ въ своей жизни, и тотъ на губы слюну пускаетъ. — Озолочу тебя! — стучитъ себя кулакомъ въ грудь... Андронъ всѣмъ въ ноги кланяется: — простите, православные, ежели чѣмъ васъ обидѣлъ. Все какъ слѣдуетъ, благообразно. Касимка, слышимъ, себѣ особымъ масломъ жилю мажетъ. Ахъ ты, прохвость. Зачѣмъ бы ему? Додумался кто-то. — Это онъ, для склизкости!.. Поросячій хвостъ, примѣрно — большая ему цѣна? Гроша никто не дастъ, а окуни въ масло — никто не удержитъ. Штучка, а? Мы на дыбы. А Андронъ смѣется. — Ничего, говорить, авось... Вы только песочку сухого навезите, а тамъ поглядимъ. Навезли. Насыпали. Собрались. Абдуль Махатаевъ красный халатъ надѣлъ, тубетейку золотомъ шитую, золотую медаль вывѣсилъ на шею — картина. Ноги поджалъ. Сидитъ на коврѣ нележа. Мы кругъ сдѣлали... Сердца-то у насъ полыхаются. Разожгло. Думаемъ: ужли-жъ паршивый татаринъ да русскаго побѣдитъ. А Ермолай на это: „отъ того зависитъ, съ какими вы мыслями здѣсь предстоите.“ А у Андрона какія мысли. Сгонитъ, разинувъ ротъ, точно на именинахъ. Касимко — по поясъ голый. — Скидавай рубаху! кричитъ Андрону. Ну, тутъ мы на дыбы. Какую моду нашель — обнаженіе господамъ купцамъ показывать. А и Касимко — то, надо правду — морда настоящій чугунный котель. Плечи — мезонинъ выведи, удержатъ. И на цѣлую голову выше Андрона. Я Андрону-то косвенно: не пужаешься? — Какъ его, подлеца, не пужаться, отвѣчаетъ. — Очень даже боюсь... Но только не опасайтесь — со страху я еще отчаяннѣй... Закрутилъ гашникъ покруче — въ тѣло врѣзался. Думали, пузыри у него лопнутъ. Перекрестился. И пошли они другъ на друга. Касимко-то ему — тоже модникъ — руку ребромъ протягиваетъ. А Андронъ, не будь глупъ, какъ развернулся да далъ — по правой мордѣ. Думали, челюсть вывернулъ, — нѣтъ, только удивился Касимко. — Развѣ такъ, кричитъ, полагається. А то какъ еще! Ну, тутъ Андронъ навалился на него, руками-то его зацѣпилъ и какъ будто нарочно подскользнулся и упалъ, Касимко — на него, и радуется. А Андрону только

того и надо было. Онъ сейчасъ обернулся съ нимъ колесомъ, и всего его склизкаго въ песокъ вывалялъ. Теперь, говорить, мы съ тобой, татарва, по христіански, безъ обману. Только мы тогда и поняли, сколь Андронъ умствененъ. Поди, придумай другой. Да какъ — впоныхахъ-то и подъ мышками у Касимки песочкомъ подсыпалъ... Схватились... Живъ буду — не забыть. Абдуль Махатаевъ важничаль-важничаль, сидѣлъ-сидѣлъ, не выдержалъ, вскочилъ на всѣ четыре копыта и ореть по-своему: „улалай, да малалай“, и глаза точно ложки — вотъ сейчасъ лопнуть. Присѣдаетъ на корточки, урюкаетъ, потъ съ него — хоть въ чумичку собирай. Нашъ еюнопъ — Ермошка зубами скрипитъ, ореть: — Лучше-жъ тебѣ, Андронъ умереть, чѣмъ Россію посрамить. Я чувствую одно: земля подо мною колеблется и точно затменіе солнечное. И что-жъ бы вы думали... Какъ взвизгнетъ Касимко, да гаркнетъ. Андронъ въ ту же минуту столь испугался, что поднялъ его да о-земь!.. Глядимъ, а у Касимки кровь изо рту хлещетъ. Едва отлили. На кошмахъ унесли. Абдуль Махатаевъ до того озвѣрѣлъ, на меня претъ, ну, я'его, признаться, тоже не помиловалъ. Подмялъ казанскую первую гильдію подъ себя... Получай расчетъ полнымъ рублемъ, а процентовъ желаешь — и проценты будутъ; у насъ — честно. Отлежался Касимко — увезли его. Сказывали, потомъ померъ. Все кровью кашлялъ... Вотъ каковъ Андронъ-то!

Кулачный боецъ конфузливо смотрѣлъ въ сторону и беспорядочно ронялъ:

— Я точно что, ежели спужаюсь... Не дай, Господи...

— То-то и оно. И пили же мы тогда! Андронъ дара слова лишился — такъ мы его уважили. Ермолай ореть — дочь за тебя отдамъ! Еще бы — кривая у него да горбатая — самому не жалко. Суровцевъ — полную шапку серебра. Я ему домъ новый въ слободѣ поставилъ... Настоящему ему бы Егорія на грудь за побѣды-одолѣніе... Молодой Савостѣевъ у насъ — изъ коммерческаго училища, онъ — образованный! Хогѣлъ Андрона-то въ Америку везти въ циркахъ показывать. Большіе миліоны нажить грозился. Да Андронъ спятилъ.

— Помилуйте, какъ же иначе. У насъ мастерство. Я въ Америку, а кузница моя куда?

— Портреты съ него снималъ. Въ „Ниву“ послали — не напечатали. А то бы на всю Россію обнародовали, какой у насъ гражданинъ объявился. Ермолай-то — скряга, а до сихъ поръ за него всѣ подати платить. Чувствуй. У насъ, братъ, такъ. Угодилъ ты купцамъ — дыши, сдѣлай одолженіе. Мы тебя взыщемъ щедротами. А не угодилъ — бѣда. Какъ рака вышелушати и скорлупы не останется. Вся Россія, братъ, нашимъ купечествомъ держится.

Андронъ неожиданно возмутился. Даже странно было видѣть, когда этотъ скромный челоѣкъ показалъ зубы.

— Ну, это тоже, — по-своему издалека подходилъ онъ.

— Что тоже?

— Купцы-то. Положимъ, жалости у васъ точно нѣтъ. А только безъ мужика и вамъ конецъ.

— Да мужикъ у меня вотъ гдѣ! — и Слоновъ сжалъ кулакъ. — Разожму — дышитъ, зажму — кровь брызнетъ.

— А я про что?.. Сосете вы кровь...

— Намъ отъ Бога велѣно. Онъ положилъ купцу ото всѣхъ питаться.

— Точно комару.

— Ты думаешь, мужику награжденія не будетъ? По-мремъ — тамъ, братъ, онъ на первое мѣсто, у самаго престола... Получай свое, миляга!

Чѣмъ ближе былъ назначенный часъ, тѣмъ первное состояніе Семигорова становилось невыносимѣе.

Жилка откуда-то достала ржавую пистоль и, вооружась ею, прицѣливался на дворъ въ собаку, чуть не рвавшуюся въ куски отъ злости.

— Ты это зачѣмъ?—крикнулъ ему сверху, съ галереи, Милитонъ Саввичъ.

— Съ собой возьми!

— На Моську? Что надумалъ, брось. Потому ежели по нашему характеру да огнестрѣль—сейчасъ, братъ, па Сахалинъ попадемъ. Нѣтъ, мы такъ, по-христиански обойдемся.

Андронъ уныло ходилъ по тому же двору и самъ себя настраивалъ—пужался.

— Сказываютъ, у Флегонта силища?—добивался онъ у Жилки.

— Борони Боже! Медвѣдя сломить!

— О, Господи!—вздыхалъ Андронъ.—Что-то будетъ...—И чувствовалъ, что у него колѣни жалуются и подъ ложечкой—тоска.

Вывели коней—напоили. Налившимися кровью глазами они косились на кучера. Отъ сосѣда привели двухъ волкодавовъ. На всякій случай—авось и они пригодятся, и посадили тутъ же на цѣпь. Свой песь въ первую минуту былъ изумленъ до столбняка. Сѣлъ на задъ и самъ не знаетъ, что ему дѣлать: то хвостомъ вильнетъ, то пасть раскроетъ... Подумалъ, подумалъ, должно-быть обида дѣйствительно представлялась ему неизмѣримой—завылъ, какъ на покойника. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, во дворѣ поднялся такой концертъ, котораго ни одно ухо смертнаго не слышало. Остервенѣлые псы, греми здоровыми цѣпями, кидались другъ на друга издали, мотая мордами, раскидывая слюну и задыхаясь отъ бѣшенства.

„Вотъ бы теперь собачкамъ—Моську Копрова бросить!“—фантазировалъ Слоновъ.

— А ужъ за Еликонишкой—мы съ тобой вдвоемъ,—объявлялъ онъ Семигорову.—Одинъ вызоветъ, а другой—къ рукамъ приберетъ... И закрутимъ же. Спаси Господи. Какъ бы изъ городскихъ головъ не вылетѣть. Чего добраго.

Почему-то Милитону Саввичу нравилось соблести всевозможную таинственность. Когда близокъ уже былъ назначенный часъ, онъ шопотомъ подозвалъ Андрона и Жилку. Выслушавъ его, они медленно побрели куда-то. Жилка былъ особенно значителенъ. Нюхающей воздухъ обыкновенно, теперь онъ ужъ такъ держалъ носъ по вѣтру, что и непосвященному было ясно: Жилка задумалъ нѣчто важное, загадочное и опасное. Андронъ тоже блѣднѣлъ, нервничалъ, разминалъ персты, зайчикомъ оглядывался, вообще продолжалъ пужаться. Когда они исчезли, Слоновъ сталъ передъ иконою.

— Помози Господи... Чего-жъ ты?—оглянулся онъ на Семигорова.

— Ну тебя! Тянешь душу.

— Нельзя. На супостата идемъ. Теперь и намъ пора.

— А тройка?

— Вона, да она давно у Невзоровскихъ колодцевъ ждетъ насъ.

— Это зачѣмъ?

— Чтобы никто не видалъ.

И онъ необыкновенно значительно помоталъ рыжими лохмами, зачѣмъ-то надѣлъ медаль на шею, Льва и Солнца и бухарскую звѣзду на бокъ подъ пальто, цѣпь городского головы въ карманъ положилъ.

— Во всѣхъ регалияхъ. Все станому не такъ ужъ ловко будетъ за шиворотъ папать. Одно у меня горе: бухарской звѣздой эмиръ обидѣлъ. Прислалъ бы большую... Совсѣмъ бы я тогда генераломъ былъ.

Николай Львовичъ быстро шелъ къ Невзоровскимъ колодцамъ, за городъ. Ему все казалось, что онъ опоздаетъ. Онъ не замѣчалъ кланявшихся ему знакомыхъ, не видѣлъ домовъ съ раскрытыми окнами, откуда на него заглядывалась не одна женская головка. Вчерашній надворный совѣтникъ встрѣтился. Вспыжился—было павлиномъ, да не выдержалъ.

— Я тебя, подлеца, еще поучу!—пугнулъ онъ Слонова.

— Своимъ бокамъ...

— До сихъ поръ медомъ пахну.

— Еще-жъ бы... Липецкій—первый сортъ, Шатуновской очистки... Женѣ слаще цѣловать тебя будетъ.

Чиновникъ плюнулъ.

— Будь я на дѣйствительной службѣ, а не въ отставкѣ—засудилъ бы тебя за оскорбленіе должностного лица.

— То-то что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

— Думаешь—катенькою отдѣлался?

— Ступай, не глазъ, чортова перечница!—зашипѣлъ на него Милитонъ. Того точно смело.—Ишь ты... аппетитъ разыгрался!..

Дома становились меньше, приземистѣе, заборы чаще и старѣе, улицы пыльнѣе и безлюднѣе. Черезъ одну бѣжалъ мѣдникъ Сергѣй. Слоновъ окликнулъ его.

— Что несешь?

— Капусту.

— Да вѣдь смердитъ, дьяволы! Вы подыхать будете, а городской управѣ забота.

— Ничего, ваше степенство. Человѣкъ не свинья—все съестъ.

Наконецъ, послѣдніе дома точно отбѣжали назадъ. Безлюдная дорога легла стрѣлкой. Вдали подъ солнцемъ мерещилась рощица. Было жарко. Солнце некло во всю. Кое-гдѣ сожженная зелень подергивалась пыльными зѣточками. Трепались высохшія былинки. Въ падяхъ, гдѣ такія попадались, дозрѣвали огороды. Крупными шарами безильно лежали на заскорузлыхъ гридахъ арбузы, золотились дыни, непомѣрно вздувались тыквы, точно купеческая дама, затянута въ корсетъ. Снизу вверхъ по откосамъ бѣжала цѣпкал быстовица, ухитрившаяся и теперь покрыться цвѣтами. Въ зноѣ что-то звенѣло—невидимое. Точно безчисленное множество крохотныхъ колокольчиковъ летало надъ томившеюся землей. Слоновъ смахивалъ потъ ладонью.— „Точно что—бранился онъ—сунуло меня отослать тройку. Теперь пекись“. Но роща все вырастала и вырастала. Вонь и часовенка въ ней видна. Подперли ее по сторонамъ, точно бабушка ветхая деньми стоитъ на костыляхъ. Отыми—сейчасъ рассыплется. Надъ самыми колодцами она. Дверь растворена. Икона полинявшая. Кто-то ее зелеными вѣтками украсилъ. Высохли онѣ, и листъ весь смялся, сморщился и обвисъ. Тихо какъ. Слышно только—фыркаютъ кони въ сторонѣ, да Андронъ сопитъ около. Жилка изъ травы змѣемъ взвился навстрѣчу.

— Готово-съ,—забѣжалъ онъ къ Слонову сбоку.

— И безъ тебя знаю... Не шури.

— Я такъ... для порядку. Чтобы хозлева наше усердіе видѣли... Для кого-жъ стараемся?

— Ладно, ползи... Ты безъ дѣла не лѣзь... А то слово клещъ... Я вѣдь не собачье ухо тебѣ.

— Извѣстно-съ.

— Эй, подавай!—крикнулъ Семигоровъ, у котораго все внутри полошилось отъ нетерпѣнія.

Тихо подѣхалъ экипажъ. Жилка взвился на возлы. Андрона усадили внутрь.

— Сопи у меня еще!

Андронъ нахмурился. Его всего холодомъ поводило. Разминаетъ, разминаетъ ноги, а онѣ у него все дрожмя дрожатъ.

— Пугаешься?—заемѣлся Милитонъ Саввичъ.

— А то нѣтъ? Вы думаете легко... человѣковъ повреждать.

— А ты такъ обходишь—деликатно.

— Нешто со своей силой сообразишь. Поди-ко—на заводахъ бывалъ?—Удержи маховое колесо. Оно тебя самого въ дригъ. Нашель у кого деликатности искать—у кузнеца.

Николаю Львовичу показалось, что тройка ѣдетъ слишкомъ тихо.

Продавщица цвѣтовъ. Съ карт. Эйсман-Семеповскаго грав. Веберъ.

— Да погоняй ты!
Кучерь обернулся.
— Никакъ нельзя. Застоялись. Бѣшенныя—тронь, пока не устанутъ—расхлещуть...
Семигоровъ хмурился и не зналъ, куда ему дѣвать тоску.
— Вѣдь ее тамъ убить могутъ! — вырвалось у него.

— Это Моська-то убьетъ — небось! Поопасается. Тишкомъ извести мало-мала—другой разговоръ. Это нашъ братъ возьметъ ножъ да единымъ махомъ въ случаѣ ежели... А Копрровъ комаринымъ жаломъ годъ будетъ колотъ. Подзюзя извѣстная. На то взить...
(Продолженіе будетъ.)

Союзъ рыжеволосыхъ.

Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ.

А. Конанъ-Дойль.

Зайдя однажды осенью прошлаго года къ своему другу, м-ру Шерлоку Холмсу, я засталъ его въ оживленной бесѣдѣ съ поджигателемъ, полицымъ, краснощекимъ господиномъ, голова котораго была покрыта огненно-рыжими волосами. Извинившись, что помѣшалъ, я уже собрался было удалиться, какъ Холмсъ втащилъ меня поспѣшно въ комнату и заперъ за мною дверь.

— Вы не могли бы придти въ болѣе благоприятное время, мой дорогой Уатсонъ,—произнесъ онъ радушно.

— Я боюсь, вы заняты.

— Да, и очень.

— Въ такомъ случаѣ я могу обождать въ соседней комнатѣ.

— Совсѣмъ вѣтъ. М-ръ Уильсонъ, этотъ господинъ былъ моимъ сотрудникомъ и помощникомъ во многихъ моихъ наиболѣе удачныхъ предпріятіяхъ, и я не сомнѣваюсь, что и въ вашемъ дѣлѣ онъ окажетъ мнѣ самую существенную пользу.

Полный господинъ наполовину приподнялся на стулѣ и, кивнувъ головою въ знакъ пріивѣтствія, окинулъ меня быстрымъ вопрошающимъ взглядомъ своихъ маленькихъ, замалывшихъ жпромъ глазъ.

— Располагайтесь на кушеткѣ, — продолжалъ Холмсъ, бросаясь опять въ кресло.—Я знаю, дорогой мой Уатсонъ, вы раздѣляете мою любовь ко всему своеобразному, ко всему, что не напоминаетъ собою обыденности и влою рутинны повседневной жизни. Вотъ, м-ръ Джеббъ Уильсонъ былъ настолько добръ, что зашелъ ко мнѣ сегодня утромъ и началъ повѣствованіе, обнимающее быть однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ, которыя мнѣ приходилось слышать. Вы помните, я говорилъ, что самыя странныя и исключительныя явленія весьма часто сопряжены не съ болѣе значительными, но съ небольшими преступленіями, и иногда, дѣйствительно, съ такими, въ которыхъ возможно даже сомнѣваться—было ли вообще совершено преступленіе. Изъ того, что я услышалъ теперь, я никоимъ образомъ не могу вывести заключенія, кроется ли въ настоящемъ случаѣ преступленіе, но обстановка совершенно исключительная. Можетъ-быть, м-ръ Уильсонъ, вы будете такъ добры и снова начнете вашъ разговоръ. Я прошу васъ, не только потому, что мой другъ, докторъ Уатсонъ, не слышалъ вступленія, но также потому, что своеобразный характеръ этой исторіи побуждаетъ меня узнать изъ вашихъ устъ всевозможныя подробности.

Полный господинъ, выставивъ съ нѣкоторою гордостью грудь, вытащилъ изъ внутренняго кармана своего широкаго пиджака гризюю помятую газету. Въ то время, какъ онъ, наклонивъ впередъ голову и развернувъ газету на колѣняхъ, пробѣгалъ глазами объявленія, я основательно осматривалъ его и старался, слѣдуя способу моего друга, вывести заключенія изъ указаний, которыя могли бы быть мнѣ даны его одеждою и наружностью.

Однако, я не много вынесъ изъ своихъ наблюденій. Нашъ посетитель соединилъ въ себѣ всѣ признаки обыкновеннаго, простаго британскаго коммерсанта, тучнаго, плотнаго и методичнаго въ движеніяхъ. На немъ были довольно мѣликоватыя сѣрыя клѣтчатыя брюки, пиджакъ, не щеголявшій чистотою и разстегнутый на груди, и замаскированный жилетъ съ массивною мѣдною цѣпочкою, на которой болтался въ видѣ украшения небольшой, продырявленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, металлическій квадратикъ. Помятый цилиндръ и полинявшее коричневое пальто со сморщеннымъ бархатнымъ воротникомъ лежали на стулѣ возлѣ него. Однимъ словомъ, я не нашелъ бы въ немъ ничего замѣчательнаго, кромѣ его ярко-рыжей головы и выраженія крайней досады и недовольства на лицѣ.

Шерлокъ Холмсъ, взглянувъ на меня, сразу понялъ, чѣмъ я былъ занятъ, и, замѣтивъ мое недоумѣніе, улыбнулся и покачалъ головою:

— Кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, что онъ когда-то занимался ручнымъ трудомъ, что онъ нюхаетъ табакъ, что онъ франкмасонъ, что онъ былъ въ Китаѣ и что за послѣднее время онъ поридочно писалъ, и я не могу вывести ничего болѣе.

М-ръ Джеббъ Уильсонъ привскочилъ на своемъ стулѣ, уставивъ указательный палецъ въ газету и вытаращивъ глаза на моего товарища.

— Какимъ образомъ, во имя всего святаго, узнали вы все это, м-ръ Холмсъ? — спросилъ онъ. — Какъ узнали вы, напримеръ, что я занимался ручнымъ трудомъ? Это совершенно вѣрно. Я началъ корабельнымъ плотникомъ.

— Ваши руки, сударь. Ваша правая рука на дѣлѣй палецъ болше лѣвой. Вы работали ею, и ея мускулы болше развиты поэтому.

— Хорошо, а нюханіе табаку и франкмасонство?

— Не желая оскорблять вашего самолюбія, я не скажу вамъ, изъ чего я это вывелъ, тѣмъ болѣе, что, вопреки строгимъ правиламъ вашего ордена, вы носите булавку въ видѣ дуги и компаса на груди*).

— А, конечно, я забылъ про это. Ну, а писаніе?

— Что же иное можетъ означать вашъ правый обшлагъ, лоснящійся на протяжении пяти дюймовъ, и лѣвый, точно отполированный на доктѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы опираетесь имъ на конторку?

— Хорошо, ну, а Китаѣ?

— Рыба, которая татуирована какъ разъ надъ кистью вашей правой руки, могла быть сдѣлана только въ Китаѣ. Я составилъ небольшую брошюрку знаковъ татуировки и даже писалъ кое-что по этому предмету. Этотъ способъ окрашивать рыбую чешую въ фиолетово-розовые пятна практикуется только въ Китаѣ. Затѣмъ, если, въ довершеніе всего, я вижу на вашей часовой цѣпочкѣ китайскую монету, дѣло становится еще болѣе яснымъ.

М-ръ Джеббъ Уильсонъ громко разсмѣялся.

— Богъ ты мой! — произнесъ онъ. — Я полагалъ вначалѣ, что вы какой-то чудодѣй, оказывается, что ничего мудренаго въ этомъ не было.

— Я начинаю думать, Уатсонъ,—произнесъ Холмсъ,—что я поступаю ошибочно, объясняя вамъ, какъ я вывожу свои заключенія. Вы знаете — „Omne ignotum pro magnifico“**), и, при дальнѣйшей моей откровенности, моя бѣдная маленькая репутация, чего добраго, скоро совсѣмъ рухнетъ. Вы не можете пойти объявленія, м-ръ Уильсонъ?

— Вотъ я и нашелъ его, — отвѣтилъ онъ, покрывъ своимъ толстымъ, краснымъ пальцемъ добрую половину столбца. — Вотъ оно. Съ этого все началось. Прочтите-ка сами, сэръ.

Я взялъ у него газету и прочелъ слѣдующее:

„Союзъ рыжеволосыхъ. Въ силу духовнаго завѣщанія покойнаго Гезекіа Гоккинса изъ Лебаиона (Пенсильванія, Соединенные Штаты, Америка), вновь открывшаяся вакансія предоставляется одному изъ членовъ союза получать жалованье въ размѣрѣ четырехъ фунтовъ стерлинговъ еженедѣльно за крайне незначительную работу. Всѣ совершеннолѣтніе рыжеволосые, находящіеся въ полномъ здравіи и твердой памяти, могутъ быть избираемы. Обратитесь лично, въ понедѣльникъ, въ одиннадцатый часъ утра, къ Дункану Роосу, въ конторѣ союза, № 7, Понсе-Кортъ, Флитъ-стритъ“.

— Что, скажите на милость, можетъ это означать? — воскликнулъ я, послѣ того, какъ дважды прочелъ это необыкновенное объявленіе.

Холмсъ покатывался со смѣху.

— Это немного отклоняется отъ обыденнаго пути, не правда ли? — сказалъ онъ.—А теперь, м-ръ Уильсонъ, начинайте съ мѣста въ карьерѣ и расскажите намъ все о себѣ, о вашемъ домашнемъ обиходѣ и о томъ, что принесло вамъ это объявленіе въ матеріальномъ отношеніи. Сперва вы замѣтите, докторъ, названіе газеты и число.

— Это номеръ *Утренней Хроники* отъ 7-го августа 1890 г. Какъ разъ два мѣсяца тому назадъ.

— Отлично. Мы слушаемъ, м-ръ Уильсонъ.

— Ну, я вамъ сообщалъ уже, м-ръ Шерлокъ Холмсъ,—произнесъ Джеббъ Уильсонъ, вытирая лобъ. — Я веду небольшое ломбардное дѣло въ „Кобургъ-скверѣ“, недалеко отъ Сити. Дѣло мое не поставлено на широкую ногу и за послѣдніе годы не дало мнѣ ничего, кромѣ необходимаго для жизни. Прежде я былъ въ состояніи держать двухъ помощниковъ, но теперь я имѣю только одного; и ему мнѣ трудновато было бы платить жалованье, если бы онъ не выразилъ готовности служить за половинную плату для того, чтобы научиться дѣлу.

— Какъ зовутъ этого услужливаго юношу? — спросилъ Шерлокъ Холмсъ.

— Его имя—Винцентъ Сполдингъ, но онъ не совсѣмъ-таки юноша. Трудно опредѣлить его возрастъ. Я не желалъ бы бо-

*) Чтобы болѣе уяснить эти слова, необходимо прибавить, что правилами ордена масоннамъ предписывается носить свои отличительныя значки, въ числу которыхъ принадлежатъ и булавка, изображающая дугу и компасъ, не на видномъ мѣстѣ.

**) Все невѣдомое кажется возвышеннымъ.

лѣ ловкаго помощника, м-ръ Холмс; и я отлично знаю, что онъ могъ бы еще болѣе палочиться и зарабатывать вдвое больше, чѣмъ я въ состоянн платить ему. Но въ концѣ концовъ, если онъ доволенъ, съ какой стати стану я ему объяснять это.

— Дѣйствительно, съ какой стати? Вы можете считать себя крайне счастливымъ.

— О, онъ имѣетъ свои недостатки также, — сказалъ м-ръ Уильсонъ. — Никогда еще не было человека, преданнаго до такой степени фотографн. Уленегнуть со своею фотографическою камерою вмѣсто того, чтобы набивать себѣ руку въ месъ дѣлѣ, и нырнуть въ погребъ, какъ кротъ въ свою нору, чтобы проявлять снимки, — на это онъ мастеръ. Это его главный недостатокъ. Но въ общемъ онъ хорошнй работникъ. И ничего не могу сказать про него худого.

— Онъ все еще служитъ у васъ?

— Да, сэръ. Онъ и четырнадцатилѣтняя дѣвочка, которая стряпаетъ для насъ и слѣдитъ за чистотою въ домѣ, — вотъ всѣ, кого я имѣю у себя — я вдовецъ и никогда не имѣлъ дѣтей. Мы живемъ очень тихо, сэръ, мы трое, и если и не дѣлаемъ ничего особеннаго, то все-таки имѣемъ свой уголокъ и улачиваемъ наши долги.

«Первое, что забудоржало насъ, было это объявленне. Въ одинъ прекрасный день, какъ разъ восемь недѣль тому назадъ, Сполдингъ приходитъ въ контору съ этою самою газетою въ рукахъ и говоритъ:

— Господи, какъ желалъ бы я, м-ръ Уильсонъ, быть рыжеволосымъ.

— Это почему?—спрашиваю я.

— Какъ же, — говоритъ онъ, — вотъ опять открылась новая вакансн въ союзѣ рыжеволосыхъ. Вѣдь это дѣло состоянне, между тѣмъ мы говорили, что вакансн больше, чѣмъ кандидатовъ на нихъ, такъ что душенрикачки и не придумаютъ, что предпринять съ капиталомъ. Если бы только мои волосы перемѣнили свой цвѣтъ—былъ бы у меня свой домикъ.

— Какимъ образомъ? Что же это такое?—спросилъ я. — Вы должны знать, м-ръ Холмс, я большой домосѣдъ, и такъ какъ мое дѣло такого рода, что люди приходятъ ко мнѣ, а не я къ нимъ, то я часто по цѣлымъ недѣлямъ не переступалъ порога своей квартиры. Такимъ образомъ, я не зналъ многого, что происходило внѣ моего дома, и всегда былъ радъ услышать какн-либо новости.

— Вы никогда не слыхали о союзѣ рыжеволосыхъ?—спросилъ онъ, широко раскрывъ глаза.

— Никогда!

— Однако, меня это удивляетъ, потому что вы сами можете быть избраны на одну изъ вакансн.

— А что она мнѣ можетъ принести?—спросилъ я.

— О, только парочку сотенъ фунтовъ въ годъ, но работа легкая и можетъ не мѣшать другимъ постороннимъ занятнмъ.

«Ну, вы легко себѣ можете представить, какъ меня это извѣстне встревожило. При моихъ дѣлахъ, лишннхъ пара сотенъ фунтовъ была бы мнѣ очень на руку.

— Расскажите-ка мнѣ все, по подробнѣ, — сказалъ я.

— Ну, — возразилъ онъ, показывая мнѣ объявленне, — вы сами видите, что въ союзѣ открылась вакансн, и вотъ адресъ, куда слѣдуетъ обратиться за подробностями. Какъ мнѣ помнтся, союзъ былъ основанъ американцемъ-миллионеромъ, по имени Гезекнемъ Гонкинсомъ, который былъ большимъ оригиналомъ. Онъ самъ былъ рыжеволосый и питалъ большую симпатю ко всѣмъ рыжеволосымъ. Когда онъ умеръ, оказалось, что все свое громадное состоянне онъ отказалъ душенрикачкамъ, съ тѣмъ, чтобы они на процентъ съ капитала доставляли легкнй заработокъ людямъ, волосы которыхъ одинаковаго съ нимъ цвѣта. По всѣмъ слухамъ, жалованье порядное, а работа очень несложная.

— Но, — вставилъ я, — найдутся миллионы рыжеволосыхъ, чтобы занять вакансн.

— Далекое не миллионы, — возразилъ онъ. — Видите ли, завыщанне это относится только къ жителямъ Лондона и ко взрелымъ. Этотъ американецъ въ молодости началъ свою карьеру съ Лондона и пожелалъ воздать добромъ старому городу. Затѣмъ, онягъ-таки, и слышалъ, что не зачѣмъ и думать занять вакансн, если волосы ваши свѣтло-рыжне или темно-рыжне, или какого бы то ни было цвѣта, кромѣ настоящаго, яркаго, пламенно-огненнаго цвѣта. Вотъ если бы вы, м-ръ Уильсонъ, пожелали занять вакансн, вы навѣрно были бы сразу приняты; но, можетъ-быть, вы и не вздумаете хлопотать изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ сотъ фунтовъ.

«Какъ вы сами можете убѣдиться, господа, мои волосы, дѣйствительно, имѣютъ очень полную и богатыю окраску, поэтому мнѣ показалось, что если въ этомъ дѣлѣ должно быть какое-либо соревнованне, то я могу считать не маленькую, но крайней мѣрѣ, надежду попасть въ союзъ. Вицентъ Сполдингъ, повиднмому, былъ снабженъ всѣми свѣдѣннми и, вѣролтно, могъ бы оказаться полезнымъ; поэтому я приказалъ ему притворнть ставнн на этотъ день и, не отлага дѣла въ долгнй ящикъ, отправиться со мною. Онъ очень обрадовался неожиданному празднику, и, закрывъ лавочку, мы отправились по адресу, указанному въ объявленн.

«Врядъ ли я когда-либо увижу такое зрѣлище, какое было въ тотъ день, м-ръ Холмсъ. Съ сѣвера, юга, востока и запада, всякнй, кто имѣлъ хоть тѣнь рыжаго цвѣта въ волосахъ, притащился въ Сити по этому объявленню. Флитъ-стритъ была запружена рыжеголовою толпою, а Понс-Кортъ напоминалъ собою логокъ торговнн анельснами. Я никогда не предполагалъ, что во всей Англн существуетъ столько рыжеволосыхъ, сколько тогда было собрано однимъ этимъ объявленнемъ. Тамъ были цвѣта всѣхъ оттѣнковъ: соломы, лимона, апельсина, кирпична, ирландской ищейки, пены, глины; но, какъ замѣтилъ Сполдингъ, не много было такихъ, у которыхъ былъ бы настоящнй, живой, пламенно-рыжнй цвѣтъ. Увиди, сколько ожидается очереди, я сталъ уже терять великую надежду, но Сполдингъ и слышать не хотѣлъ. Какъ ему удалось, я не могу себѣ представить, но онъ толкался, протискивался, работалъ и головою, и локтями до тѣхъ поръ, пока не протискалъ меня черезъ толпу къ самой лѣстницѣ, веднней въ контору. На ней образовались два течения — однихъ, поднимавшихся въ надеждѣ, другихъ — возвращавшихся отвергнутымъ; но мы кое-какъ пробрались и вскорѣ очутились въ конторѣ.

— Ваша исторн крайне занимательна, — замѣтилъ Холмсъ, въ то время, какъ его клиентъ прервалъ свой рассказъ, освѣживъ память громадною щепоткою табаку.

«Въ конторѣ не было ничего, кромѣ пары деревянныхъ стульевъ и словаго стола, за которымъ возсѣдалъ маленькнй человекъ, имѣвшнй еще болѣе рыжне волосы, чѣмъ я. Онъ обращался съ нѣсколькими словами къ каждому посетителю, подходившему къ столу, и затѣмъ всегда ухитрялся пайти въ ихъ волосы какой-нибудь недостатокъ, въ силу котораго они не могли быть приняты. Добнться вакансн, оказалось, въ концѣ концовъ, было совсѣмъ не такъ легко. Однако, когда наступила наша очередь, маленькнй человекъ выказалъ болѣе благосклонности по отношенн ко мнѣ, чѣмъ къ другимъ, и, какъ только мы вошли, заперъ дверь, чтобы поговорить съ нами наединѣ.

— Это м-ръ Джеббъзъ Уильсонъ, — произнесъ мой помощникъ,

и онъ согласенъ занять вакансн въ союзѣ.

— И онъ удивительно подходитъ къ ней!—отвѣтилъ тотъ. — Онъ отвѣчаетъ всѣмъ требованнмъ. Я не припомню, когда я видѣлъ что-либо до такой степени прекрасное!

«Онъ отступилъ на шагъ и, наклонивъ голову на бокъ, не отрывалъ глазъ съ моихъ волосъ, пока я совершенно не смутился. Затѣмъ, бросившись внезапно впередъ, онъ погрнлъ меня за руку и сердечно поздравилъ съ успѣхомъ.

— Было бы несправедливою медлить, — сказалъ онъ. — Тѣмъ не мѣше, вы, я надѣюсь, извините меня, если я произведу маленькое испытанне.

«Съ этимъ словомъ онъ схватилъ меня обнми руками за волосы и тербилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока я не сталъ орать отъ боли.

— Ваши глаза покрылись влагою, — произнесъ онъ, выпуская меня. — Я замѣчаю, что все обстоитъ такъ, какъ должно быть. Но мы обязаны быть осторожными, такъ какъ дважды были обмануты париками и однажды краскою. Я могъ бы рассказать вамъ цѣлая исторн о примѣненн воска и другихъ уловкахъ для того, чтобы обмануть насъ.

«Подойди къ окну, онъ выкрикнулъ что было мочи, что вакансн занята. Ропотъ разочарованн пронесся въ толпѣ, и немногого все сборнне разбрелось въ разныя стороны, пока не осталось ни одной рыжей головы, кромѣ моей собственной и управляющаго.

— Мое имя, — продолжалъ онъ, — м-ръ Дунканъ Россъ, и я самъ одинъ изъ счастливецовъ, получающихъ пенсню изъ суммъ, оставленныхъ нашимъ благодѣтелемъ. Вы женаты, м-ръ Уильсонъ? Имѣете семью?

— Я отвѣтилъ, что не имѣю.

«Его лицо мгновенно измѣнилось.

— Ай, ай! — произнесъ онъ съ серьезнымъ видомъ, — это крайне затруднителъ дѣло. Мнѣ жалъ слышать это. Фондъ, безъ сомнѣнн, назначенъ какъ для поддержки рыжеволосыхъ, такъ и для увеличенн и распространенн ихъ числа. Обстоятельство, что вы холостякъ, въ высшей степени неблагоприятно стуетъ вамъ.

Меня это очень огечалило; я уже думалъ, что въ концѣ концовъ не получу вакансн, но, поразмысливъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ, что все можетъ быть устроено.

— Случись это съ другимъ, — произнесъ онъ, — препятствне могло бы быть фатальнымъ, но мы должны оказать маленькое снисхожденне человеку съ такою шикарною волосъ, какъ вына. Когда можете вы приступить къ вашимъ новымъ обязанностямямъ?

— Ну, это немногое неудобно, потому что я имѣю уже свое дѣло, — отвѣтилъ я.

— О, это ничего не значнтъ, м-ръ Уильсонъ! — произнесъ Вицентъ Сполдингъ. — Я постараюсь позаботиться за васъ объ этомъ.

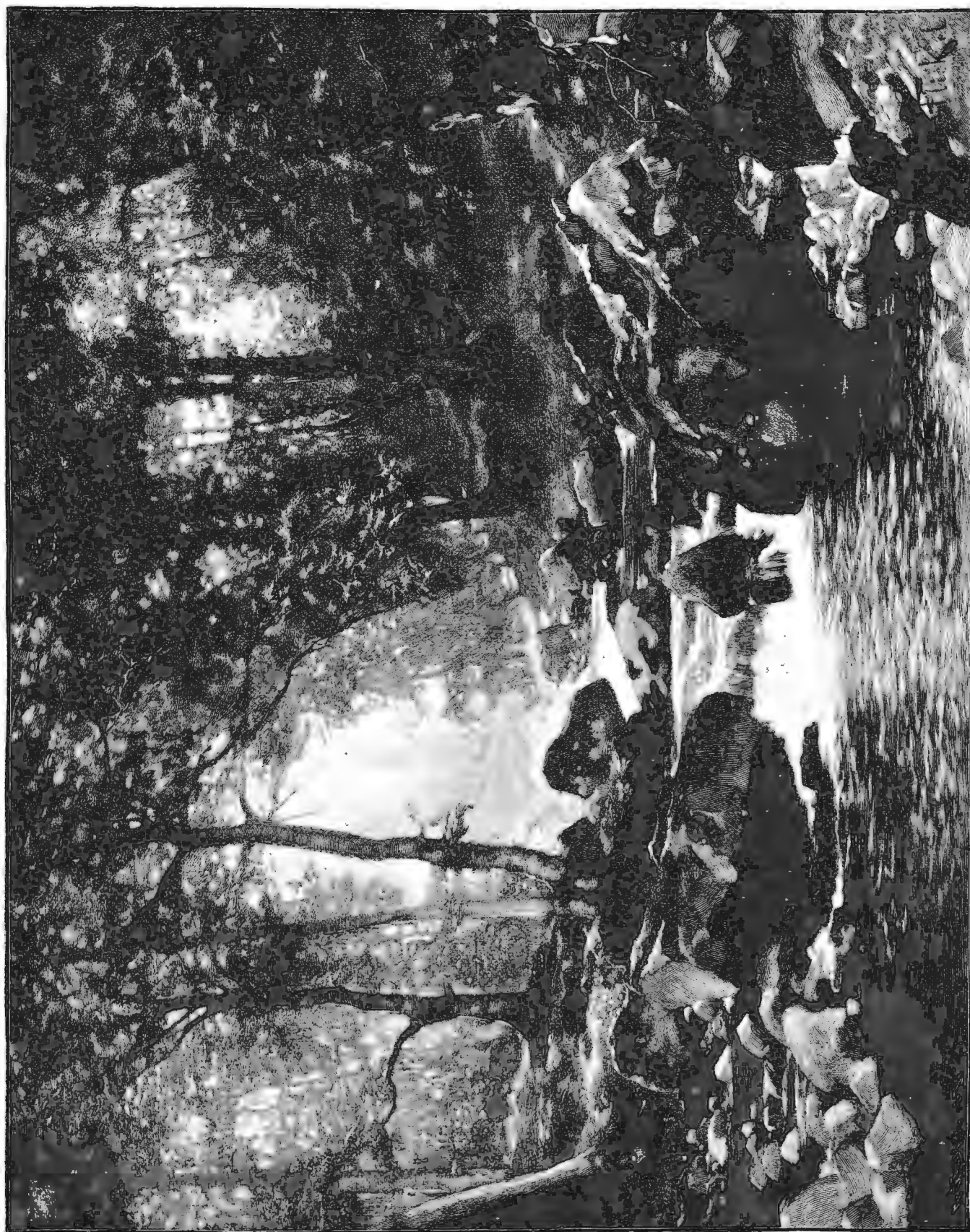
— Въ какне часы буду я занятъ?—спросилъ я.

— Отъ десяти до двухъ.

«Ну-съ, дѣла въ лонбардѣ болѣею частью производятся по

На стойкѣ. Съ карт. Шперлинга грав. Гедалъ.

Льсной ручей. Съ карт. Флнкелл грав. Геданъ.

вечером, м-ръ Холмсъ, въ особенности въ четвергъ и пятницу вечеромъ, въ дни, предшествующіе платажамъ; такъ что это не мѣшало мнѣ новымъ занятіямъ. Кроме того, я зналъ, что мой помощникъ хорошій человекъ, и что онъ усмотритъ за всѣмъ, въ чемъ явится необходимость.

— Часы эти для меня очень удобны, — сказала я. — А каково жалованье?

— Четыре фунта въ недѣлю.

— Ну, а работа?

— Совершенно несложная.

— Что вы называете совершенно несложною работою?

— Ну, вы должны находиться въ конторѣ или, по крайней мѣрѣ, въ зданіи въ продолженіе всего этого времени. Если вы выйдете, вы навсегда теряете всю вашу пенсію. Завѣщаніе весьма ясно упоминаетъ объ этомъ пунктѣ. Вы не исполните заключенныхъ условій, если тронетесь съ мѣста въ теченіе назначеннаго времени.

— Это составляетъ только четыре часа въ день, и я не подумую выходить, — возразилъ я.

— Никакое извиненіе не приметъ во вниманіе, — продолжалъ м-ръ Дунканъ Россъ, — ни болѣзнь, ни дѣла, ни что-либо другое. Вы должны быть на мѣстѣ, или вы теряете право на пенсію.

— А какова работа?

— Работа будетъ состоять въ переписываніи „Британской Энциклопедіи“. Вънѣ въ томъ пресѣ находится первый томъ. Вы должны обавестись вашими собственными чернилами, перьями и пропускною бумагою, а мы даемъ этотъ столъ и стулъ. Будете ли вы готовы къ завтрашнему дню?

— Конечно, — отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія, м-ръ Джеббъ Уильсонъ, и позвольте мнѣ еще разъ поздравить васъ съ важнымъ положеніемъ, котораго вамъ посчастливилось достигнуть.

Онъ поклонился мнѣ, какъ бы давалъ знать, что переговоры окончены, и я отправился домой со своимъ помощникомъ, едва зная, что сказать или предпринять — такъ я былъ доволенъ своимъ успѣхомъ.

„Однако, въ теченіе дня я обдумалъ это дѣло и къ вечеру вновь уналь духомъ, убѣдивъ себя совершенно, что вся эта исторія должна быть какимъ-нибудь вымысломъ или обманомъ, хотя, какаа цѣль преслѣдовалась этими людьми, я не могъ себя объяснить. Казалось въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь могъ оставить такое завѣщаніе или чтобы они вылачивали такую сумму за столь простую работу, какъ переписка „Британской Энциклопедіи“. Винцентъ Сполдингъ подбодрилъ меня, какъ только могъ, по къ тому времени, какъ нужно было ложиться спать, я окончательно убѣдилъ себя въ неправдоподобности всей этой исторіи. Тѣмъ же мѣсяце, утромъ слѣдующаго дня я рѣшилъ заглянуть, во всякомъ случаѣ, въ контору; купивъ поэтому на пенни чернилъ и захвативъ съ собою гусиное перо и семь листовъ писчей бумаги, я отправился въ Понсъ-Кортъ.

„Но, къ моему удивленію и радости, все было въ самомъ желательномъ порядкѣ. Выдвинутый столъ ожидалъ меня, и м-ръ Дунканъ Россъ находился тамъ, чтобы лично убѣдиться, что я, какъ слѣдуетъ, приступилъ къ работѣ. Указавъ мнѣ для начала букву А, онъ оставилъ меня, но отъ времени до времени навѣдывался посмотреть, занимаюсь ли я своимъ дѣломъ. Въ два часа онъ простился со мною и, поздравивъ меня съ количествомъ переписаннаго, закрылъ за мною дверь конторы на ключъ.

„Такъ продолжалось изо-дня-въ-день, м-ръ Холмсъ, и по субботамъ управляющій входилъ ко мнѣ и выкладывалъ предо мною четыре золотыхъ совершенно за мою недѣльную работу. Такъ было во вторую недѣлю и такъ же недѣлю спустя. Каждое утро я приходилъ въ контору въ десять утра и каждый день уходилъ въ два часа. Постепенно м-ръ Дунканъ Россъ сталъ навѣщать меня только одинъ разъ въ продолженіе утра, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, онъ пересталъ совершенно приходиться. Несмотря на это, я все-таки не рѣшался покинуть комнату ни на минуту, не зная навѣрное, когда онъ можетъ появиться, а мѣсто мое было настолько хорошо и такъ подходило ко мнѣ, что я не рискнулъ бы потерять его.

„Восемь недѣль прошли такимъ образомъ, и я уже писалъ объ аббатахъ, и объ армятурѣ, и объ археологій, и объ архитектурѣ, и Аттикѣ и надѣялся уже, что съ прилежаніемъ скоро приступлю къ буквѣ В. Бумага мнѣ стояла порядочно, и я почти наполнилъ цѣлую полку своимъ писаніемъ. Какъ вдругъ все это дѣло дошло къ концу.“

— Къ концу?

— Да, сэръ. И не далѣе, какъ сегодня утромъ. Я отправился на работу, какъ обыкновенно, въ десять часовъ, но привороченная дверь была закрыта на ключъ, а небольшою картонной квадратикъ былъ прибитъ штифтомъ посерединѣ косяка. Вотъ онъ, вы сами можете прочесть.

Онъ приподнял кусокъ бѣлаго картона, величину въ листъ записной книжки. На немъ значилось слѣдующее:

„Союзъ рыжеволосыхъ упрямцевъ
октября 9-го 1890.“

Шерлокъ Холмсъ и я уставились на это краткое объявленіе

и на его печальную физиономію, но комическая сторона всей этой исторіи до такой степени затмила всѣ другія, что мы оба разразились страшнѣйшимъ хохотомъ.

— Я не вижу въ этомъ ничего смѣшнаго! — вскричалъ нашъ посѣтитель, багровѣя до корней своихъ огненныхъ волосъ. — Если вы не можете сдѣлать ничего лучшаго, какъ смѣяться надо мною, я могу обратиться куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричалъ Холмсъ, усаживая его обратно на стулъ, съ котораго тотъ было приподнялся. — Увѣрю васъ, я ни за что не отказался бы отъ вашего случая, ни за что на свѣтѣ. Онъ крайне необыкновененъ. Но въ немъ есть, если вы позволите мнѣ такъ выразиться, кое-что, что чуточку комично. Пожалуйста, какія мѣры приняли вы, когда вы нашли эту карточку на дверяхъ?

— Я былъ ошеломленъ, сэръ. Я не зналъ, что предпринять. Затѣмъ я зашелъ во всѣ конторы по соседству, но никто, какъ оказалось, ничего не зналъ объ этомъ. Наконецъ, я отправился къ домовладѣльцу, бухгалтеру, занимающему первый этажъ, и спросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ сообщить, что стало съ союзомъ рыжеволосыхъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что никогда не слыхалъ о чемъ-либо подобномъ. Тогда я спросилъ его, кто былъ м-ръ Дунканъ Россъ. Онъ возразилъ, что имя это ему совершенно незнакомо.

— Ну, — сказала я, — господинъ въ четвергомъ номерѣ?

— Что, рыжеволосый?

— Да.

— О, — произнесъ онъ, — его имя было Уилліамъ Моррисъ. Онъ былъ ходатай по дѣламъ и помѣстился у меня въ компанію только временно, пока его новое помѣщеніе не будетъ готово. Онъ въѣхалъ вчера.

— Гдѣ могу я найти его?

— О, въ его новой конторѣ. Онъ сообщилъ мнѣ адресъ. Да, 17, Книгъ-Эдуардъ-стритъ, близъ собора св. Павла.

— Я отправился туда, м-ръ Холмсъ, и прибылъ по этому адресу, оказалось, что это была мануфактура искусственныхъ колѣсныхъ чашечекъ, и никто никогда не слыхалъ ни о м-рѣ Уилліамѣ Моррисѣ, ни о м-рѣ Дунканѣ Россѣ.

— А что вы постѣ этого предприняли? — спросилъ Холмсъ.

— Я отправился домой въ Саксъ-Кобургъ-скверъ и посоветовался съ моимъ помощникомъ. Но тотъ ни въ чемъ не могъ помочь мнѣ. Онъ только сумѣлъ сказать мнѣ, что, если я подожду, я, вѣроятно, узнаю объ этомъ по почтѣ. Но это не удовлетворило меня, м-ръ Холмсъ. Я не хотѣлъ потерять такого мѣста безъ борьбы; поэтому, слыша, что вы настолько добры и даете совѣты бѣдному люду, нуждающемуся въ нихъ, я прямо отправился къ вамъ.

— И вы поступили очень благоразумно, — отвѣтилъ Холмсъ. — Ваше приключеніе въ высшей степени замѣчательно, и я буду счастливъ заняться имъ. Оно, во всей вѣроятности, будетъ имѣть серьезныя послѣдствія.

— Даже весьма серьезныя! — сказала м-ръ Джеббъ Уильсонъ. — Какъ же, я лишился четырехъ фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю.

— Что касается васъ лично, — замѣтилъ Холмсъ, — я не скажу, чтобы вы могли жаловаться на этотъ необыкновенный союзъ. Напротивъ, вы, какъ я вижу, обогатились приблизительно тридцатью фунтами стерлинговъ, помимо цѣнныхъ, глубокихъ познаній, приобретенныхъ вами о каждомъ предметѣ, который начинается буквою А. Вы лично ничего не потеряли изъ-за нихъ.

— Нѣтъ, сэръ. Но я желаю узнать о нихъ, и кто они такіе, и какую цѣль преслѣдовали они, сыгравъ такую шутку со мною, — если это была шутка. Эта забава дорого стоила мнѣ, потому что обоблась мнѣ въ тридцать два фунта стерлинговъ.

— Мы постараемся разъяснить вамъ эти пункты. А сперва одинъ или два вопроса, м-ръ Уильсонъ. Этотъ помощникъ у васъ, первый обратившій ваше вниманіе на объявленіе, — какъ долго служилъ онъ у васъ?

— Около мѣсяца тогда.

— Какъ онъ попалъ къ вамъ?

— По объявленію.

— Былъ онъ единственнымъ желающимъ?

— Нѣтъ, была цѣлая дюжина.

— Почему вы избрали его?

— Потому что онъ былъ ловокъ и согласился служить за дешевую плату.

— Дѣйствительно, за половинную плату.

— Да.

— Какъ онъ собою, этотъ Винцентъ Сполдингъ?

— Небольшого роста, плотно-сложенный, очень быстръ въ своихъ движеніяхъ, безъ единого волоска на лицѣ, несмотря на то, что ему подѣ тридцать лѣтъ. На лбу у него бѣлое пятно, выжженное кислотою.

Холмсъ сидѣлъ на стулѣ въ замѣтномъ возбужденіи.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ онъ. — Замѣтили ли вы, что его уши проколоты для сережекъ?

— Да, сэръ. Онъ сказалъ мнѣ, что цыганка проколола ему ихъ, когда онъ былъ мальчикомъ.

— Гм! — произнесъ Холмсъ, откидываясь на спинку стула и глубоко задумываясь. — Онъ все еще у васъ?

— О, да, сэръ; я только что отъ него.
 — А какъ шло ваше дѣло во время вашего отсутствія?
 — Я ни въ чемъ не могу пожаловаться, сэръ. По утрамъ у насъ никогда не приходится много работать.
 — Этого достаточно, м-ръ Уильсонъ. Я буду счастливъ сказать вамъ свое мнѣніе по этому предмету черезъ одинъ или два дни. Сегодня суббота, и я надѣюсь, что въ понедѣльникъ мы сможемъ разъяснить это дѣло.
 — Ну-съ, Уатсонъ,—обратился Холмсъ ко мнѣ, когда нашъ поѣздъ оставилъ насъ,—что вы скажете на все это?
 — Ничего не скажу,—открыто признался я.— Эта исторія замѣчательно таинственна.
 — Обыкновенно,—продолжалъ Холмсъ,—чѣмъ болѣе загадочно какое-нибудь явленіе съ виду, тѣмъ менѣе таинственнымъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ. Что дѣйствительно загадочно, такъ это ваши обыкновенныя, безцвѣтныя преступленія, точно такъ же, какъ изъ лица трудящаго всего распознавать простое лицо. Но я долженъ поторопиться съ этимъ дѣломъ.
 — Что же вы намѣреваетесь дѣлать?—спросилъ я.
 — Курить,—отвѣтилъ онъ.—Этой задачи навѣрное хватить

на цѣлыхъ три трубки, и я прошу васъ, не говорить со мною около пятидесяти минутъ.

Свернувшись въ комокъ на стулѣ, закрывъ глаза и притупивъ тонкія колѣна къ своему ястребиному носу, онъ точно замеръ въ этой позѣ и своею торчащею изъ рта черною глиною трубкою напоминалъ клювъ какой-то странной птицы. Я подумалъ уже, что онъ заснулъ, и самъ даже клевалъ носомъ, какъ вдругъ онъ вскочилъ со стула съ жестомъ человѣка, принявшаго какое-то рѣшеніе, и положилъ трубку на каминъ.

— Саразате играетъ сегодня днѣтъ въ Сентъ-Джемсъ-Холъ,—замѣтилъ онъ.—Какъ вы полагаете, Уатсонъ, могли бы ваши пациенты обойтись безъ васъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ?

— У меня нѣтъ никакого дѣла сегодня. Практика моя никогда не была особенно обременительна.

— Въ такомъ случаѣ надѣньте вашу шляпу и отправитесь. Я иду сперва черезъ Сити, и по дорогѣ мы можемъ позавтракать. Какъ видно, программа изобилуетъ итальянскою музыкою, а она болѣе въ моемъ вкусѣ, чѣмъ итальянская или французская. Она глубока, а я желаю углубиться. Пойдемте!

(Окончаніе будетъ.)

Спасительная вѣсть.

(Изъ Брегъ-Гарга.)

Прошедшей ночью вѣтеръ вылъ
 И съ вѣтромъ шумъ дождя сливался;
 Дождь въ стекла оконъ зорю билъ,
 По кровлѣ дробью разсыпался.
 Какъ ревъ воинственной трубы,
 Звучалъ мнѣ бури ревъ мятежный,
 Но въ этихъ звукахъ злой борьбы
 Я слышалъ чей-то голосъ нѣжный.

«О, братья!—голосъ говорилъ.
 Того прославьте громкой славой,
 Кто нивы ваши пошадилъ,
 Ихъ не покрылъ росой кровавой!
 На мѣстѣ битвы я видалъ
 Цвѣты и травы полѣвые,
 Но дождь, который жизнь имъ далъ,
 Лилъ изъ глазъ людей впервые.

«Не съ тѣмъ являюсь я съ небесъ,
 Чтобъ пятна смывать, убрать руины.
 Мои знамена—рощи, лѣсъ,
 Деревьевъ гордыя вершины.

Гдѣ только юная весна
 Свои пикеты воздвигаетъ,
 Тамъ рать цвѣтовъ и травъ она
 Моею дробью пробуждаетъ.

«Въ долинахъ полный мнѣ просторъ,
 Я жизнь даю росткамъ, побѣгамъ,
 А на вершинахъ высшихъ горъ
 Ложусь я бѣлымъ, чистымъ снѣгомъ.
 Но таютъ и снѣга мои
 И подымаются туманомъ,
 Изъ нихъ потоки и ручьи
 Бѣгутъ, чтобъ слиться съ океаномъ.»

И такъ всю ночь: и вѣтра вой,
 И голосъ дождика пріятный,
 Подъ шумъ тревоги боевой
 Летящій съ вѣстью благодатной.
 То громъ воинственной трубы,
 То нѣжно-сладостная лира;
 То грохотъ бѣшеной борьбы,
 То пѣсня радости и мира!

Д. Михаловскій.

Васко де-Гама.

(По поводу 400-лѣтія открытія морского пути въ Индію.)

(Съ 2 рис. на стр. 808.)

Въ первой половинѣ XV столѣтія, благодаря смѣлымъ морскимъ походамъ принца Генриха Мореплавателя, европейцамъ былъ уже достаточно хорошо знакомъ западный берегъ Африки. Во второй половинѣ, въ 1486 году, португальцу Бартоломео Диасу удалось даже обогнуть мысъ Доброй Надежды, а Ковильямъ, въ это же время, черезъ Красное море, успѣлъ изучить арабскіе торговые пункты по восточному берегу Африки вплоть до Софалы. Оставалась теперь задача—обогнуть всю Африку, дойти до Софалы и оттуда отыскать ближайшій путь въ Индію. Четыреста лѣтъ тому назадъ, 8-го іюля 1497 г., изъ Лиссабона вышла снаряженная съ этою цѣлью королемъ Эммануиломъ Великимъ эскадра изъ трехъ кораблей, обильно нагруженныхъ запасами для экипажа и всякаго рода дорогими матеріями, богатыми орудіями, оружіемъ и другими произведеніями европейской промышленности—для подарковъ восточнымъ владыкамъ. Начальство надъ этой эскадрой было поручено королемъ молодому, двадцативосьмилѣтнему Васко де-Гама, родившемуся въ 1469 году въ португальской провинціи Алемтехо и уже въ молодыхъ годахъ успѣвшему заслужить себѣ славу опытнаго и отважнаго мореплавателя. Изъ великии были корабли его эскадры: наибольшій изъ нихъ имѣлъ въ длину всего 25 метровъ, а подъемную силу—не болѣе 120—150 тоннъ. Двадцать пушекъ, которыми была снабжена эскадра, были, конечно, тоже маленькаго калибра. На парусахъ кораблей, въ серединѣ, красовался черныи крестъ Генриха Мореплавателя, а на гротъ-мачтахъ развѣвался вымпелъ короля Эммануила. Экипажъ эскадры состоялъ не болѣе какъ изъ подуроста человѣкъ, но все это былъ народъ бывалый, опытные моряки. Всѣ три корабля были названы именами трехъ архангеловъ: первый, на которомъ шелъ самъ Васко,

„Гаврииломъ“ (см. рис. на стр. 808), второй—„Рафанломъ“ и третій—„Михаиломъ“.

20-го ноября того же 1497 года эскадра, не безъ жестокой борьбы съ бурями, обогнула мысъ Доброй Надежды и направилась къ устью рѣки Замбези, во временахъ приставалъ къ берегу и вступалъ съ туземцами въ мѣбовую торговлю или, въ случаяхъ столкновеній, обстрѣливалъ ихъ. Поразившій команду Васко де-Гама скорбуть заставилъ его остановиться у устья Замбези на болѣе продолжительное время. При первой же возможности, однако, эскадра снова двинулась далѣе, приставала по пути къ берегу Мозамбика и зашла наконецъ въ Мамбасъ. Мѣстные мавры, боясь торговой конкуренціи европейцевъ, встрѣтили ихъ враждебно, и положеніе Васко де-Гама оказалось здѣсь небезопаснымъ. Только по приходѣ въ Меллиду, населенную абиссинцами-христианами, удалось ему вступить въ болѣе дружественныя отношенія съ туземцами и заручиться знающими мѣстное море лоцманомъ. Подъ его руководствомъ эскадра достигла 20-го мая 1498 г. Каликута, на западно-индійскомъ, малабарскомъ берегу, главнаго центра торговли съ Европою индійскими пряностями. И здѣсь туземцы возстали-было противъ появленія европейцевъ, но Васко де-Гама удалось богатыми подарками склонить въ свою пользу каликутскаго владыку Самудрина, заключить съ нимъ торговый договоръ, и дѣло было улажено. Путь европейскимъ судамъ въ Индію былъ теперь открытъ; де-Гама, считая свою задачу выполненной, пустился въ обратный путь, и въ сентябрѣ 1499 года вернулся въ Лиссабонъ. Благодарный король даровалъ ему титулъ „дона“ и званіе „индійскаго адмирала“.

Немного спустя, король Эммануилъ снаряжалъ новую эскадру, подъ командой Педро Альвареса Кабрала, и отправилъ ее въ

Индю для устройства по пути и въ самой Индиі португальскихъ торговыхъ факторій. Задача эта оказалась, однако, труднѣе, чѣмъ предполагали: факторія удалась устроить лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, въ большинствѣ же мѣстностей туземцы противились, а въ Каликутѣ, гдѣ настроеніе Самудрина къ португальцамъ уже успѣло перемѣниться, дѣло дошло до того, что сорокъ человекъ изъ команды Кабрала были убиты. Желая отомстить за такое насиліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить будущее торговли съ Индіей, король снарядилъ новую эскадру, на этотъ разъ изъ двадцати судовъ, и командова-

Васко де-Гама.
Съ современнаго портрета.

ніе надъ нею снова поручилъ Васко де-Гама. Де-Гама благополучно доплылъ до восточнаго берега Африки, основалъ на Мозамбикѣ первую факторію и направился въ Индію. Счастье сопровождало его по всему пути. Потопивъ и взявъ въ плѣнъ нѣсколько индійскихъ судовъ, онъ подступилъ къ Каликуту и началъ обстрѣливать его. Двадцать девять индійскихъ судовъ пали жертвою его выстрѣловъ; городъ находился въ безпомощномъ состояніи, и Самудрину не оставалось больше ничего, какъ покориться. Такая блестящая побѣда сразу возвысила могущество португальцевъ въ глазахъ мавровъ, и заключеніе торговыхъ договоровъ съ различными ихъ владыками уже не представляло затрудненій. Съ богато нагруженными добычею тринадцатю судами, оставивъ остальныхъ на мѣстѣ, Васко де-Гама вернулся въ декабрѣ 1503 года снова въ Лиссабонъ, а въ Каликутѣ Португалія посадила вице-короля. Щедро одаренный и окруженный вслѣдствіе почестями, знаменитый мореплаватель удалился на покой, всецѣло отдавшись жизни мирнаго гражданина.

Жъ рисункамъ.

Полюбуйтесь на рыбацку съ Лидо, когда она, кокетливо прислонившись къ каменной стѣнѣ, поросшей ихомъ, вызывающе смотритъ на васъ ласковымъ, томнымъ взглядомъ! Инаячю приподнятая юбочка, корсетъ, вырисовывающій тонкую талію, крошечныя попки въ туфелькахъ,—все это такъ граціозно и мило. Яркіе кораллы отблещаютъ смуглую шею и спорить въ цвѣтѣ съ пушистыми губами. Въ ожиданіи покувателей, рыбацка разстала свои корзины съ товаромъ. Конечно, онъ будетъ разобранъ безъ остатка, а если и нѣтъ, красавица-итальянка не загрузитъ отъ такой неудачи. Очаровательная лазурь адриатическихъ волнъ съ розовыми парусами далекихъ лодокъ и чудные тѣнистые сады Лидо дѣлаютъ ее совершенно счастливой.

Долго собирались они открыть другъ другу тайну своего сердца. Полуважлады, полунамеки уже давно краснорѣчиво говорили о ихъ чувствахъ, но не доставало смѣлости признаться. Имъ помогла догадливая сестрица. Дѣти часто понимаютъ женскія отношенія не хуже взрослыхъ. Не разъ подыгрывала она, какъ ей старшая сестра ищетъ случая погулять въ саду съ молодымъ „лядей“, да и онъ только и дѣлаетъ, что смотритъ на нее и вздыхаетъ. Въ головѣ маленькой шалуньи сложился цѣлый планъ, и она выполнила его съ

изумительной послѣдовательностью. Едва влюбленнаго парочка удалилась въ тѣнистую аллею дремлющаго сада и усѣлась на скамейку подъ развѣсистымъ деревомъ, дѣвочка уже оказалась тутъ какъ тутъ. Снова начались окольные безконечные разговоры, не имѣющіе ничего общаго съ желаніями молодыхъ людей. Вотъ они наклонились другъ къ другу... Кажется, сейчасъ сорвется съ языка рѣшительное слово... Улыбающаяся шалунья помогла имъ и осторожно сблизила ихъ головы. Не знаю, замѣтили ли они это движеніе, но ихъ руки соединились точно сами собой, и въ горячемъ пожатіи было сказано въ тысячу разъ больше, чѣмъ въ продолжительныхъ бесѣдахъ.

За урокомъ — любопытная жавровая картинка изъ современнаго быта мало-россійской деревни. Подъ соломеннымъ навѣсомъ незагороженнаго сарала, гдѣ при случаѣ и сушатся бѣлье, и подчасъ кормится корова или лошадь, за полуразвалившимся дикимъ, замѣняющимъ столъ, усѣлось двое мальчишекъ,—одинъ совсѣмъ маленькій, другой побольше, и урокъ чтенія начался. Тотъ, что постарше, старается всѣми силами передать своему юному ученику трудное искусство читать по складамъ. Онъ самъ едва только научился и читаетъ съ немалыми передышками, еле-еле преодолевая тяжелую задачу. Шустрый ученикъ куда понятливѣе учителя! Онъ живо схватываетъ все на лету и не сегодня — завтра заткнетъ за поясъ неповоротливаго наставника. Урокъ тянется съ должною серьезностью. Оба мальчугана поглощены занятіями и не промолвятъ ни одного лишняго слова, пока не окончатъ намѣченной страници. Добровольное ученье всегда идетъ легче, чѣмъ принудительное.

Блондинка съ голубыми глазами, мечтательная дочь Сѣвера, случайно перенесенная капризной судьбой подъ жгучіе лучи южнаго солнца... Васъ невольно поражаетъ странный контрастъ этого скандинавскаго тина молодой продавщицы цвѣтовъ и ея восточнаго костюма съ металлическими побрякушками и серьгами наподобіе колецъ. Въ чужой сторонѣ блуждая сѣверянка не забыла своей далекой родины, и на ея нѣжномъ лицѣ часто появляется тѣнь затаенной грусти. Вотъ она вышла на улицу продавать свѣжіе цвѣты,—дары благодатнаго Юга, и, право, трудно рѣшить, какой изъ нихъ лучше, въ особенности, если поймешь взглядъ самой дѣвушки. „Глядитъ—и небеса играютъ въ ея божественныхъ глазахъ“...

Милая сердцу охотника картина. Хищно-напряженно уставились сетерь съ пойнеромъ куда-то въ даль, очевидно по направленію къ логовищу какого-нибудь несчастнаго зайца или стаи бѣдныхъ куропатокъ. Они дѣлаютъ стойму. Малѣйшее движеніе намѣченной жертвы, и они вынуты на нее въ дикомъ порывѣ. Художникъ представилъ на картинѣ только эти двѣ фигуры собакъ, — человѣка, охотника нѣтъ здѣсь,—но онъ здѣсь чувствуется;—вѣдь для него стерегутъ добычу эти собаки, вѣдь по его наущенію онѣ протравиваютъ, точно окаменѣлыя, на „стойку“ полчаса, иногда и болѣе; вѣдь онъ дрспруетъ ихъ, культивируетъ ихъ „злостью“, устраивалъ для нихъ вслѣдствіе испытаній, современнаго „садки“. Картина Шперлига очень яркая иллюстрація къ осязаемой вѣкамъ „злой забавѣ“, именуемой охотой.

Извиваясь, какъ чешуйчатая змѣйка, перескакивая съ камня на камень, рассыпаясь въ мелкихъ брызгахъ, безъ устали днемъ и ночью бѣжитъ проворачивая лѣсной ручей. Деревья наклонились надъ нимъ зелеными верхушками, длинными цѣпкими вѣтвями и глядятъ въ него, прислушиваясь къ немолочному серебристому журчанью. Вѣтъ прохладой отъ кристальнаго ручья, а онъ себя бѣжитъ и напечатываетъ ласковыя рѣчи:

„Когда солнце зайдетъ, когда мѣсяцъ взойдетъ,
И звѣзда среди моихъ закачается надъ,
Приходи ты тайкомъ, ты узнаешь о томъ,
Что бываетъ порой здѣсь въ туманѣ ночномъ!“

«Св. Гаврииль», корабль Васко де-Гама.
Съ современной гравюры.

Прибытие французского броненосца „Потю“ на Большой рейдъ Кронштадта, 11 августа 1897 г.
Ориг. рис. (собств. „Нива“) В. А. Табурина, авторship „Нива“.

Пребываніе президента Фора въ Россіи.

(Съ 19 рисунками.)

На встрѣчу французской эскадрѣ съ президентомъ Формъ во главѣ Императорская яхта „Александрія“ вышла въ 9 ч. 20 м. Яхта шла подъ брѣйдъ-вымпеломъ Государя Императора. На яхтѣ находились: Его Величество въ морской формѣ и французской лентѣ ордена Почетнаго Легиона, генералъ-адмиралъ великій князь Алексѣй Александровичъ, командующій Императорской Главною Квартирою ген.-адъют. Рихтеръ, министр иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ, управляющій морскимъ министерствомъ вице-адмиралъ Тирговъ 1-й, дежурные: ген.-адъют. Костанда, свиты ген.-майоръ Сперанскій и флиг.-адъют. князь Барятинскій, начальникъ главнаго морского штаба вице-адмиралъ Авеланъ, ген.-адъют. Гессе, ген.-лейт. Вильдерлингъ, французскій посолъ графъ Монтебелло, генералъ Буадефрѣ и военный агентъ де-Муленъ. „Александрія“ пришла на Малый рейдъ около 10 ч. утра и была встрѣчена главнымъ командиромъ Крошгадтскаго порта вице-адмираломъ Казнаковымъ.

Когда „Потюю“ вступилъ на Малый рейдъ, яхта „Штаудартъ“ привѣтствовала его салютомъ; на крейсерахъ „Азія“ команда выстроилась на реяхъ. Съ рей „Азія“ и съ борта „Штаударта“ грянуло „ура“, подхваченное со всѣхъ пароходовъ. Весь рейдъ огласили звуки марсельезы. Публика махала шляпами, платками. У „Потюю“ на фокъ-мачтѣ—русскій военный флагъ, а на гротъ-мачтѣ флагъ президента республики. На всѣхъ русскихъ судахъ развѣваются французскіе флаги. Красивая картина на Маломъ рейдѣ была повтореніемъ столь же величественной, описанной уже нами (рис. на стр. 809), картины встрѣчи на Большомъ рейдѣ, когда „Потюю“ и „Сюркуфъ“ проходили мимо линіи нашихъ военныхъ судовъ и частихъ пароходовъ.

„Потюю“ сталъ на якорь между крейсерами „Азія“ и яхтою „Штаудартъ“, ближе къ „Азія“. Президентъ Феликсъ Форъ, во фракѣ, съ лентою ордена Андрея Первозваннаго, стоялъ на мостикѣ и раскланивался.

Отъ борта „Александрія“ отвѣтили Императорскій гребной катеръ, въ которомъ находились августѣйшій генералъ-адмиралъ великій князь Алексѣй Александровичъ, французскій посолъ, генералъ Буадефрѣ и французскій военный агентъ, министр иностранныхъ дѣлъ, управляющій морскимъ министерствомъ и начальникъ главнаго морского штаба, а также ген.-лейт. Вильдерлингъ и назначенныя состоять при президентѣ лица.

Катеръ подошелъ къ „Потюю“. Президентъ встрѣтилъ великаго князя у трапа. Всѣ поднялись наверхъ, и затѣмъ, минувъ семь ступей, въ катеръ сошли президентъ съ великимъ княземъ и свитою, а также и ген.-ад. баронъ Фредериксъ, прибывшій съ президентомъ. Катеръ обогнулъ броненосецъ и, неся флагъ президента Фора, шелъ къ борту „Александрія“. Кликъ „ура“ неслся по всему рейду. Вотъ онъ присталъ къ борту „Александрія“. Президентъ, держа въ рукахъ шляпу, поднялся по трапу наверхъ. Государь встрѣтилъ президента у трапа. Прозвонилъ сердечная встрѣча. Президентъ и президентъ пожали другъ другу руки и дважды поцѣловались.

Какъ только президентъ вступилъ на „Александрія“, съ гротъ-мачты ея спустился брѣйдъ-вымпелъ Его Величества и одновременно подняли Императорскій штандартъ и флагъ президента республики. На „Штаудартъ“ грянуло первый выстрѣлъ салюта, и ему завторили со всѣхъ судовъ, со всѣхъ фортовъ. Президентъ Форъ представилъ Его Величеству Государю Императору свою свиту.

Вскорѣ яхта „Александрія“ двинулась въ Петергофъ. Двѣ голубыя миноноски понеслись впередъ. „Александрія“, такъ же, какъ и при выходѣ ея изъ Петергофа въ Крошгадтъ, конвоировали Императорскія яхты „Стрѣла“ и „Марево“.

Кликъ „Vive la France“ и звуки марсельезы неслись за президентомъ вслѣдъ, обгоняя десятки пароходовъ и яхтъ, устремившихся къ Петергофу за „Александріей“.

Въ 11 часъ 10 мин. яхта „Александрія“ подходила къ пристани петергофской военной гавани. Со стѣнки гавани батарея открыла салютъ.

Вся военная пристань, весь паркъ на пути отъ пристани къ Большому дворцу были къ тому времени сильно запружены народомъ, разодѣтымъ по праздничному. Не находилось ни одной дамы, у которой бы не было французскаго флага или украшенія французскихъ національныхъ цвѣтовъ.

Всюду въ толпѣ видѣлись небольшіе трехцвѣтные флаги. На шляпахъ у многихъ находились трехцвѣтныя французскія кокарды. Толпа публики росла съ каждой минутой. Звуки салютовъ наполняли сердца всѣхъ трепетомъ ожиданія пріѣзда Государя Императора съ дорогихъ гостей.

На аллеѣ къ пристани красною полоскою протянулась шпалера казачьей конвои Его Величества и черная линія сводно-гвардейскаго батальона. Выводы Собственнаго Его Величества конвой съ трубачами верхомъ выстроились у въѣзда на пристань. Лицомъ къ морю, на пристани, вытянувшись въ линію почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа со знаменемъ и

хоромъ музыки. На флангѣ караула стоялъ командиръ экипажа.

На пристани уже собрались, въ парадной формѣ, для встрѣчи президента великіе князья, лица свиты Государя и адъютанты и свита великихъ князей.

Когда Императорская яхта „Александрія“ подошла къ пристани, всѣ отдали честь; раздалась команда: „на караулъ!“ Музыка заиграла „марсельезу“.

Государь Императоръ и президентъ Форъ вышли на берегъ, и послѣдовало обмѣнъ привѣтствій съ великими князьями. Президентъ пошелъ къ почетному караулу. Государь шелъ съ правой стороны. Президенту отданы были императорскія почести, какъ главѣ государства. Музыка играла „марсельезу“. Звоня склонилось. Президентъ снялъ шляпу и прошелъ по линіи; войска кричали „ура“. Затѣмъ караулъ пропущенъ былъ церемониальнымъ маршемъ (рис. на стр. 812).

Впередъ выстроился конвой. Государь вѣстѣ съ президентомъ помѣстился въ открытой коляскѣ, запряженной сѣрыми лошадьми въ русскую упряжку (рис. на стр. 813).

Выводы конвои замыкали Императорскій кортежъ, проѣхавшій съ пристани Военной гавани по аллеѣ парка ко второму Самоніевскому мосту, отсюда къ площади Петра, затѣмъ къ Шахматной горѣ и черезъ подъемъ прямо къ Большому дворцу.

Все на пути президента было разукрашено со скаочной роскошью. Весь Петергофъ, всѣ улицы, весь путь отъ вокзала и Александрія преобразились точно по волшебству. Всѣ дома были украшены и утопали въ зелени.

По всему пути, гдѣ только было возможно, стояла публика и восторженно привѣтствовала президента и проѣзжавшихъ. На пристани группа дамъ бросала цвѣты.

Государь и великіе князья проводили президента до Большого дворца.

Во дворцѣ, у отведенныхъ президенту апартаментовъ его встрѣтили управляющій министерству Императорскаго Двора ген.-ад. баронъ Фредериксъ, оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій, въ должности гофмаршала свиты генер.-майоръ графъ Бенкендорфъ и управляющій дворцомъ и гор. Петергофомъ ген.-майоръ Плѣшко.

Апартаменты для президента Фора (рис. на стр. 816) отведены были въ той части дворца, который носитъ названіе „Флигеля подъ гербомъ“, и убраны были видимо заботливою рукой, чтобы дать возможность дорогому гостю находиться въ обстановкѣ, напоминающей его родину. Вся амфилада комнатъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ обмѣлирована съ замѣчательнымъ вкусомъ и царственною роскошью. Всѣ покои отдѣланы во французскомъ стилѣ Людовиковъ XV и XVI и дѣлились на парадные покои и дѣловую половину.

Вскорѣ, въ 12 час., президентъ поѣхалъ въ Александрію для посѣщенія Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Президентъ сѣдѣлъ въ коляскѣ съ генер. Вильдерлингомъ (рис. на стр. 816) и почти не надѣвалъ шляпы, отвѣчал на восторженные привѣтствія.

По возвращеніи президента изъ Александрія въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ, въ Бѣломъ залѣ, былъ поданъ завтракъ, на которомъ присутствовали Государь Императоръ и президентъ, великіе князья, находившіеся при встрѣчѣ президента, и высшіе чины французскаго посольства и Двора, французскій министръ Ганотъ, генералъ Буадефрѣ, адмиралъ Жерве и министры.

Послѣ завтрака президентъ дѣлалъ визиты.

Въ три часа президенту представлялась депутація отъ гор. Петергофа, поднесшая хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Бургомістеръ г. Петровъ привѣтствовалъ президента рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой высказалъ, что Петергофъ, городъ, основанный Петромъ Великимъ, гордится, что на его долю выпало первымъ въ Россіи привѣтствовать представителя великой Франціи, этой передовой націи человѣчества, въ лицѣ ея президента—человѣка труда.

Въ 7 часовъ вечера состоялся въ Высочайшемъ присутствіи въ честь президента Фора парадный обѣдъ въ Петергофскомъ дворцѣ. Обѣдъ былъ поданъ въ Петровскомъ залѣ. Высочайшій столъ былъ накрытъ на 64 персоны. Въ центрѣ стола заняла мѣсто Государыня Императрица Александра Теодоровна, слѣва отъ Ея Величества—Государь Императоръ, справа—президентъ Форъ. Затѣмъ мѣста заняли за столомъ великіе князья и княгини, высокопоставленныя лица, сопровождавшія президента, лица его свиты, старшіе чины французской эскадры, министры, статсъ-секретари, высшіе чины Двора и французскаго посольства. За другими столами занимали мѣста высшіе придворные, военные и гражданскіе чины, лица свиты Государя Императора и прочія особы, сопровождавшія президента.

За обѣдомъ Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, обратился къ президенту со слѣдующими словами:

„Вашъ пріѣздъ, господинъ президентъ, доставляетъ Мнѣ особое удовольствіе, и Я благодарю васъ за ваше посѣщеніе, при-

вѣтствуемое всей Россіей съ живою единодушною радостью. Прекрасное воспоминаніе о слишкомъ короткихъ дняхъ, проведенныхъ во Франціи въ прошломъ году, остается неизгладимо запечатлѣннымъ въ нашихъ сердцахъ, Моимъ и Императрицы. Мы рады надѣяться, что ваше пребываніе среди Насъ и искренность чувствъ, вызванныхъ имъ, могутъ лишь укрѣпить еще узы дружбы и глубокой симпатіи, соединяющія Францію и Россію.

„Я пью за ваше здоровье, господинъ президентъ, и за процвѣтаніе Франціи“.

Оркестръ исполнилъ марсельезу.

Президентъ, поднявъ бокаль, отвѣтилъ слѣдующее:

„Вашему Императорскому Величеству угодно было вспомнить слишкомъ короткіе дни, проведенные Вашимъ Величествомъ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею въ Парижѣ въ октябрѣ прошлаго года. Вся Франція, съ своей стороны, сохранила объ этомъ пребываніи самую дорогія воспоминанія.“

„Побуждаемый глубокимъ чувствомъ всей націи, президентъ республики явился въ столицу Имперіи Вашего Величества, чтобы утвердить и еще болѣе укрѣпить столь могучія узы, соединяющія наши страны.“

„Вступивъ на русскую землю въ моментъ, когда сердца обоихъ народовъ сливаются въ мысли о взаимной вѣрности и

скаго порта Н. И. Казнаковымъ парадный завтракъ. Кромѣ чиновъ французской эскадры на завтракъ приглашены были наши адмиралы, командиры стоящихъ на рейдѣ судовъ и другія начальствующія лица. Большая часть французскихъ моряковъ послѣ этого посѣтила морское собраніе, гдѣ было танцевальное утро.

Въ первый же день пребыванія президента Фора въ Россіи, устроенъ былъ русскими журналистами въ честь своихъ французскихъ собратьевъ и офицеровъ французской эскадры роскошный банкетъ въ залахъ ресторана Контанъ.

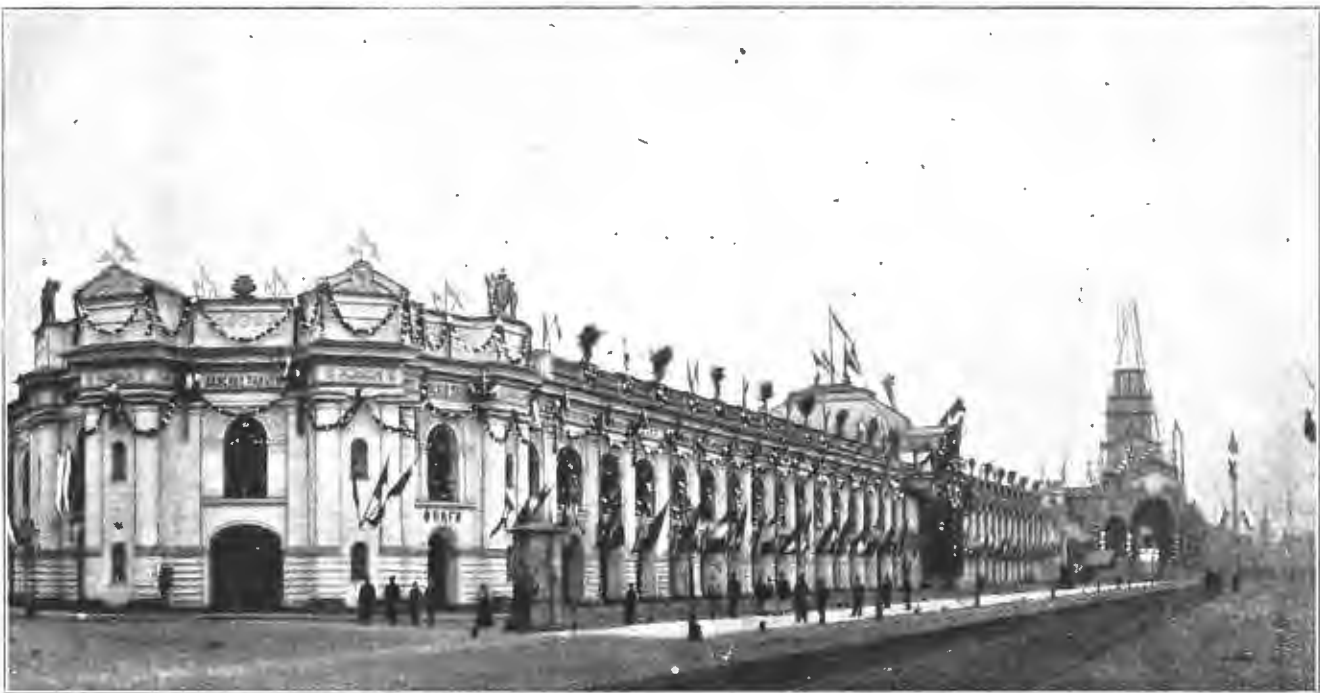
На другой день, 12 августа, утромъ президентъ Форъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ посѣтилъ въ Петергофѣ находящуюся въ своемъ лѣтнемъ помѣщеніи военную школу Императора Александра II.

Затѣмъ президентъ въ сопровожденіи состоявшаго при немъ генераль-лейтенанта Бильдерлингга отправился на военную пристань, гдѣ его ждала Императорская яхта „Александрія“.

На всемъ пути слѣдованія по парку раздавались восторженные клики „ура“, „Vive la France“, „Vive le président“, не смолкавшие до самой пристани.

Въ моментъ вступленія президента на яхту „Александрія“ ввились на ней президентскій флагъ.

Прогремѣлъ салютъ, и Императорская яхта „Александрія“ направилась въ Петербургъ.

Убранство Гостиного двора. Съ фот. К. Булда автотипія „Нивы“.

миръ, я поднимаю бокаль въ честь Его Величества Императора Всероссийскаго, Ея Величества Государыни Императрицы и всей Россіи“.

Оркестромъ былъ исполненъ русскій народный гимнъ.

По окончаніи обѣда президенту Французской республики были представлены министры, предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта, главноуправляющіе, первые чины Высочайшаго Двора и статсъ-секретари.

Въ 9^{1/2} час. вечера, въ петергофскомъ театрѣ состоялся парадный спектакль (рис. на стр. 815). Къ девяти часамъ начали собираться приглашенныя въ театръ придворныя и имѣющія пріѣздъ ко Двору дамы, чины дипломатическаго корпуса, высшіе придворные, гражданскіе и военныя чины и лица свиты Государя Императора и великихъ князей. Въ десятомъ часу раскатилось по улицамъ Петергофа громкое „ура“: публика привѣтствовала французскихъ гостей, направлявшихся изъ Большого дворца въ театръ. Въ 9^{1/2} час. вечера, Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Феодоровна и президентъ Французской республики вошли въ большую Царскую ложу; оркестръ исполнилъ марсельезу.

Въ большой парадной ложѣ, налѣво отъ Государыни Императрицы занялъ мѣсто Государь Императоръ, а направо—президентъ. Въ театрѣ давали второй актъ оперы „Жизнь за Царя“ и балетъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

Вокругъ театра, въ роскошно убранныхъ цвѣтами трельяжныхъ галлерейхъ, были устроены открытые буфеты. По окончаніи спектакля былъ поданъ ужинъ. Весь театръ, путь отъ театра ко Дворцу, верхній садъ и Самсоніевскій каналъ были залиты десятками тысячъ разноцвѣтныхъ огней.

Въ тотъ же день, въ Кронштадтѣ, въ честь чиновъ французскаго флота былъ данъ главнымъ командиромъ кронштадт-

Петербургъ въ этотъ день вмѣстѣ въ себя павѣрное болѣе милліона людей, заполонившихъ всѣ улицы, весь путь слѣдованія французскаго президента, для того, чтобы вмѣстѣ со всей Россіей привѣтствовать прибытіе высокаго гостя въ русскую столицу.

Можно сказать,—вся Россія встрѣтила въ этотъ день французскаго президента. Тутъ были налицо представители всѣхъ русскихъ городовъ, и жители столицы вѣрно выражали то, что въ этотъ день чувствовали русскіе всѣхъ другихъ городовъ, всѣхъ мѣстечекъ, селъ и поселковъ. Всѣ они восторженно привѣтствовали главу французскаго народа.

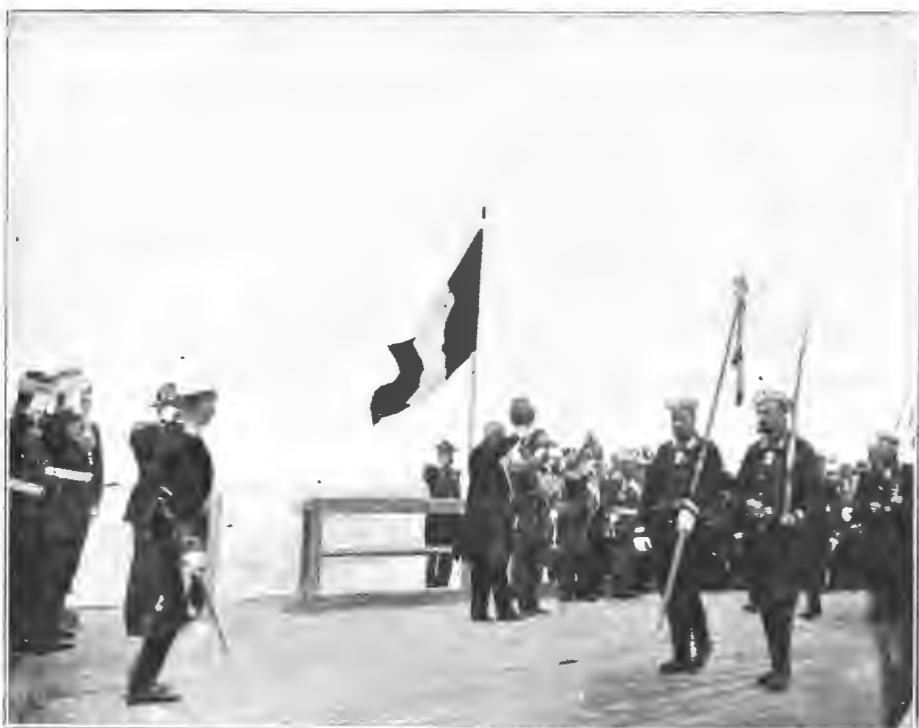
Столица широко раскрыла двери на пути слѣдованія высокаго гостя и принесла ему на его путь все, чѣмъ богата ея фантазія. Улицы въ гирляндахъ, дома и зданія въ волшебныхъ декораціяхъ, все въ зелени и цвѣтахъ украшаетъ бюсты Русскаго Царя и французскаго президента.

Несмотря на пасмурную погоду, тротуары Гагаринской, Дворцовой и Англійской набережныхъ и Васильевскаго острова представляли сплошныя стѣны народа.

Всѣ любовались красавицей Невой. На ней выросла безчисленная флотилія судовъ, не поскупившихся на украшенія. Всѣ пароходы, лодки, баржи, красиво декорированные и нестрѣвшіе милліонами флаговъ, были усажены тысячами публики.

Такое же оживленіе царило и на пристани. Вотъ при звукахъ музыки прошелъ и выстроился вдоль набережной почетный караулъ отъ 145-го пѣхотнаго Новочеркаскаго Императора Александра III полка съ знаменемъ и хоромъ музыки. У флага его собрались начальствующія лица. Здѣсь же собрались члены французскаго посольства съ французскимъ посломъ графомъ Монтебелло во главѣ.

Но вотъ уже приближается яхта „Александрія“. По всей

Прибытие Государя Императора и президента Форэ 11 августа в Петергофъ, на военную пристань. Почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа проходитъ церемональнымъ маршемъ передъ Государемъ Императоромъ и президентомъ Форомъ. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

Статуя „Мира“ на Михайловской улицѣ, у Невскаго проспекта. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

Убранство городской Думы. Съ фото К. Булла автотипія „Нивы“.

Невѣ, съ ея водной гладью, съ бережныхъ встрѣчаютъ президента и несутся ему вслѣдъ восторженныя клики: „Vive la France“ „Vive le président“, „ура!“ Президентъ, стоявшій на палубѣ, кланялся въ отвѣтъ на привѣтствія, которыя все росли и росли. По прибытіи Императорской яхты президентъ Форэ прослѣдовалъ на пристань, гдѣ

Отбытіе Государя Императора и президента Форэ съ Петергофской военной пристани, 11 августа. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

лицъ свиты прошелъ на набережную. Здѣсь появилась дѣвочка, одѣтая въ легкое газовое платье, и подала президенту букетъ живыхъ розъ, азалий и жасмина. Президентъ былъ очень тронутъ, ласково посмотрѣлъ на нее и подаль ей руку. Невольно вспомнилась при этомъ подобная же сцена, разигравшаяся нѣсколько дней тому назадъ, въ Дюнкеркѣ, при отъѣздѣ президента въ Россію. Когда президентъ Форэ уже

Арка, воздвигнутая въ честь президента Форэ, на набережной Васильевскаго Острова у вѣзда въ 12 и 13 линіи, на пути къ мѣсту закладки новаго Французскаго госпиталю. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

направлялся из „Потю“, на встрѣчу ему вышли съ цвѣтами двѣ дѣвочки, изъ которыхъ одна изображала Францію, другая — Россію. Президентъ ласково поблагодарилъ ихъ и на прощаніе поднялъ дѣвочку въ русское платье и поцѣловалъ. Эта двѣнадцатилѣтняя русская дѣвочка въ Петербургѣ передала президенту привѣтъ отъ своей великой матери — Россіи и благодарила за ласку, оказанную ей французской сестрицѣ, облекшейся въ русскій нарядъ.

Президентъ направился къ почетному караулу, а подъ ноги его съ обѣихъ сторонъ сыплются цвѣты. Вотъ президентъ прошелъ къ фронту почетнаго караула (рис. на стр. 816). Звукъ „ура“ смѣняются звуками марсельезы. Президентъ съ генералъ-лейтенантомъ Бильдерлингомъ сѣли въ открытый экипажъ, а въ другихъ экипажахъ заняли мѣста лица свиты. Впереди экипажа президента ѣхалъ ваводъ уральскихъ казаковъ.

Не успѣлъ президентъ сѣсть въ экипажъ, какъ послѣдовалъ нескончаемый рядъ народныхъ овацій, сопровождавшихъ его и лицъ его свиты на всемъ пути слѣдовація въ теченіе всего дня. Мѣнялись лица, костюмы, по настроенію всюду было то же, всюду раздавалось „Vive la France“, „Vive le président Faure“.

И хмурая погода не удерживала радостнаго настроенія толпы. Экипажъ среди шумныхъ овацій слѣдовалъ по набережной. Не успѣвалъ онъ проѣхать одной площади, какъ на другой ей сторонѣ его встрѣчали снова русское сердечное „добро пожаловать“ и нескончаемыя клики „ура!“, „Vive la France“, „Vive le président“, „Vive Faure“.

Президентъ и его свита то и дѣло снимали шляпы, отвѣчая на привѣтствія. Съ пристани президентъ отбылъ въ Петропавловскій соборъ.

Вся Дворцовая набережная близъ Троицкаго моста и вся мѣстность близъ дома Петра Великаго были сплошь усыяны народомъ.

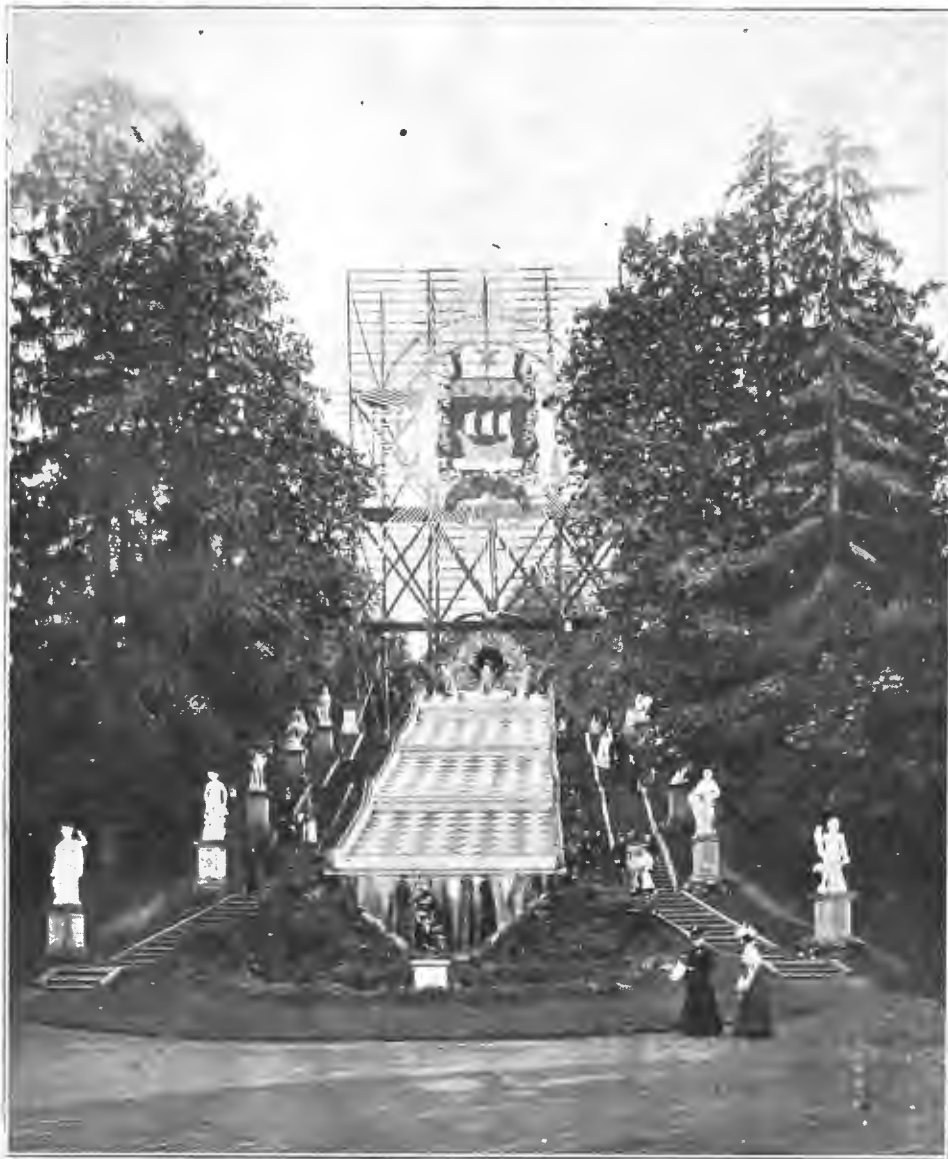
Въ 12 час. дня президентъ Форъ прибылъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости были выстроены войска мѣстнаго гарнизона. При входѣ въ Петропавловскій соборъ президентъ былъ встрѣченъ комендантомъ крѣпости съ состоящими при немъ чинами. Президента сопровождали всѣ лица его свиты.

Къ пріѣзду президента въ соборъ были вынесены вѣнки, возложенные на гробъ Императора Александра III различными представителями французской націи. Подойдя къ гробницѣ Царя-Миротворца, президентъ Форъ остановился въ благоговѣніи и затѣмъ возложилъ на гробницу эмблему мира — золотую оливоковую вѣтвь. Послѣ этого, посѣтивъ гробницы покоящихся тамъ Членовъ Императорской Фамиліи, президентъ подробно осматрѣлъ соборъ. Въ 12 ч. 20 м. дня президентъ отбылъ изъ собора и при крикахъ „ура“ среди шпалеръ выстроенныхъ войскъ проѣхалъ черезъ Троицкій мостъ по набережной на Васильевскій островъ, въ 13

линію, гдѣ воздвигается новый госпиталь для французскихъ гражданъ. Госпиталь этотъ будетъ состоять при богадѣльнѣ, содержимой французскимъ благотворительнымъ обществомъ. Кромѣ богадѣльни, въ которой приаръвается въ настоящее время 34 человека, общество это содержитъ пріютъ, гдѣ воспитывается 20 сиротъ мальчиковъ и дѣвочекъ (рис. на стр. 816e).

Дѣти поручены надзору католическихъ монахинь ордена св. Іосифа въ Савойѣ, которыя, въ числѣ шести сестеръ, находятся безотлучно при нихъ, сами ихъ учатъ и надзираютъ за ихъ играми. Завѣдывающимъ всѣмъ обществомъ состоитъ предсѣдатель французскаго общества взаимной помощи г. Л. Кастильонъ, на долю котораго и выпало привѣтствовать президента.

По обѣимъ линіямъ, 12-й и 13-й, гдѣ помещается благотворительное общество, всѣ дома были роскошно декорированы цвѣтными матеріями и флагами. У вѣзда въ линіи, со стороны набережной Невы, была воздвигнута громадная красивая арка (рис. на стр. 813). Еще задолго до пріѣзда президента на закладку, народъ густыми шпалерами тѣснился по тротуарамъ обѣихъ линій. Въ раскрытыхъ окнахъ, перенесенныхъ зрителями, мелькали маленькіе національные французскіе флаги. Проѣздъ президента къ дому французскаго благотворительнаго общества сопровождался единодушными кликами „Vive la France“. При входѣ президентъ былъ встрѣченъ покровителемъ общества графиней Монтебелло и предсѣдателемъ общества, а также членами комитета. Мѣсто закладки въ саду было окружено декорациями и

Убранство Петергофа въ честь пріѣзда президента Форъ. Шахматная (Драконовая) гора, украшенная иллюминационнымъ транспарантомъ съ гербомъ Парижа. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

транспарантами съ изображенными на нихъ гербами и инициалами, а посрединѣ сооружена была роскошная палатка. Вокругъ развѣвались на мачтахъ хоругви съ тѣми же изображеніями. Вездѣ по саду нестрѣли флаги. На Богослуженіи, совершенномъ передъ закладкою, присутствовали министръ внутреннихъ дѣлъ, начальникъ французскаго главнаго штаба, генералъ Буадефрѣ, членъ французскаго главнаго морскаго совѣта, адмиралъ Жервэ, и многія почетныя приглашенныя лица, въ томъ числѣ члены французскихъ колоній Россіи.

Патеръ Кюни прочелъ загѣтъ надпись на закладномъ камнѣ (рис. на стр. 816d). Президенту были поданы на блюдѣ монеты, которыя онъ положилъ на мѣсто закладки, за нимъ положили монеты министръ иностранныхъ дѣлъ Ганотъ, генералъ Буадефрѣ, французскій посолъ графъ Монтебелло и друг. Вложивъ закладную доску, президентъ лопаткой положилъ сурьякъ и ударилъ молоткомъ. Закладка совершилась. Президентъ прошелъ въ палатку, гдѣ подписалъ актъ закладки. Молотокъ и лопатка, специально изготовленные для этого торжества, выдѣляются своей роскошью и изяществомъ работы (рис. на стр. 816e). Молотокъ русскаго фасона, двухконечный, подобный тому, ка-

кой употребляется нашими каменщиками; на тупом концѣ вшита въ сталь и зашлифована надпись, обозначающая годъ и число времени закладки. Рукоятка молотка слоеной кости, на ней большая золотая монограмма президента, но сдѣланная рельефно; рукоятка сверху и внизу отдѣлана разноцвѣтной эмалью, на верхнемъ концѣ ея гербъ С.-Петербурга, на нижнемъ — гербъ Франціи. Лопатка матовая серебряная. На верхней сторонѣ голубой эмалью изображена слѣдующая надпись, которую приводимъ въ русскомъ переводѣ: „12/8 августа 1897 г. Во время царствования Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II и Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Феликсъ Форъ, президентъ Французской Республики, заложилъ въ Петербургѣ первый камень французскаго госпиталя св. Магдалины, при графѣ де-Монтебелло—посланникѣ Французской Республики, Иосифѣ Беланъ—консулѣ, Львѣ Кастильонѣ — президентѣ французской колоніи и графѣ П. де-Сюзорѣ — архитекторѣ“.

почившаго императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

До прибытія Его Величества, президента Форъ и Ихъ Высочествъ къ мѣсту закладки прибыли Особы Императорской Фамиліи, духовенство съ крестами и хоругвями и иконою Спасителя и чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери. Во главѣ духовенства находился высокопреосвященный Паладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. Тутъ же находились министры, высшіе чины Двора, высокопоставленные лица и гласные городской думы

Мѣсто закладки находится внизу, саженяхъ въ двухъ отъ края набережной. Здѣсь въ углубленіи лежалъ большой гранитный монолитъ,—первый камень основанія будущаго моста. Саженяхъ въ трехъ отъ него, на возвышеніи, раскинутъ былъ Царскій шатеръ. Увѣнчанный государственнымъ золотымъ орломъ, изящный, подбитый палевымъ шелкомъ, громадный шатеръ весь былъ убранъ внутри группами растеній. Вокругъ него возвышались красивые стлги цвѣта морской воды, изукрашенные золотомъ

Петергофскій театръ въ день параднаго спектакля въ честь президента Форъ, 11 августа. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

Тутъ же на рисункѣ изображено золотое перо, съ монограммой президента, которымъ президентъ подписалъ актъ совершенной закладки госпиталя.

По окончаніи закладки исполнены были русскій и французскій гимны.

Съ Васильевскаго острова президентъ отправился черезъ Николаевскій мостъ, по набережной Невы и черезъ Троицкій мостъ къ домику Петра Великаго. По всему пути слѣдованія президента народъ, непрерывными шпалерами стоявшій по набережной, восторженно встрѣчалъ кортежъ президента. Только по раскатамъ „ура“ можно было знать, въ какомъ мѣстѣ находится экипажъ высокаго гостя, эскортируемый спереди и саади звонами уральцевъ, въ черныхъ папахъ, въ малиновыхъ мундирахъ съ наклоненными впередъ на руку шкани.

Осмотрѣвъ домикъ Петра, президентъ прошелъ къ пристани у часовни Спасителя, гдѣ уже находился на катерѣ „Петергофъ“ Государь Императоръ съ великими князьями. Когда на катеръ вошелъ президентъ, явился французскій штандартъ, изъ Петропавловской крѣпости и съ военныхъ судовъ, стоящихъ на Невѣ, загремѣлъ пушечный салютъ, громкіе клики „ура“ слились съ звуками „марсельезы“. Государь Императоръ съ президентомъ и великими князьями прослѣдовали къ мѣсту закладки новаго каменнаго моста черезъ Неву, сооружаемаго городомъ въ память 25-лѣтія бракосочетанія въ Бозѣ

съ инициалами Н. А. и Р. Ф. Въ отдаленіи съ боковъ тянулись трибуны для почетныхъ гостей, убранныя французскими и русскими флагами, розетками, гербами и опоясанныя лентой декоративныхъ растеній. За памятникомъ Суворову, лицомъ къ Невѣ, высились обширная трибуна для платной публки. Тысячи народа на нихъ представляли дивный фонъ этой величественной картины. Все время, съ утра, шелъ мелкій, осенній дождь, небо было все заволочено тучами, но хмурая погода ничуть не испортила торжества. Дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ стоически боролись съ дождемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что онъ мочитъ платье, шляпу. Не всѣ даже раскрыли зонтики. Проникнутые торжественностью минуты, никто не думалъ о погодѣ.

Но еще красивѣе картина развертывалась на Невѣ. Прямо противъ мѣста закладки, на Невѣ, красиво протянулась линия военныхъ судовъ, миноносцы съ тонкими мачтами, и остроконечныя миноносцы, которыя едва видны отъ воды.

По другую сторону противъ линіи миноносекъ возвышались на водѣ украшенныя флагами, трибуны съ публкой. Красиво развѣшались на реяхъ и вантахъ кораблей легкія гирлянды цестрыхъ сигнальных флаговъ, плавно колыхалась на водѣ огромная гошдола, какъ бы влекомая парой гигантскихъ лебедей, изображенныхъ по бокамъ ея, и увѣнчанная посрединѣ наверху бюстами Ихъ Величествъ и высокаго гостя (рис. на стр. 816).

Ровно въ 1 ч. 20 м. при неуможаемыхъ кликахъ „ура“ вы-

Президент Форъ съ состоящимъ при немъ генераль-лейтенантомъ Бильдерлингомъ привѣтствуется публикой на пути изъ Большого Петергофскаго дворца въ Александрію. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

Привытіе президента Фора въ Петербургъ, 12 августа. Президентъ обходитъ почетный караулъ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

Фейерверкъ.
Дворецъ Марли.

Аллея парадная.

Золотая гора.
Иллюминаціоннаѣ арка на Самсоніевскоѣ каналѣ.

Иллюминація въ Петергофѣ, въ честь президента Фора, 13 августа.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автотипія „Нивы“.

Библиотѣка "Руниверс"

шли на пристань Государь Императоръ, президентъ Форъ и Августѣйшія Особы.

Дождь прекратился.

Государь Императоръ и президентъ подписались на возвышеніе въ шатеръ, послѣ чего митрополитъ Палладій въ сослуженіи архіепископа Антонія и епископа Назарія совершилъ чинъ освященія. Духовенство затѣмъ спустилось къ мѣсту закладки.

Вблизи мѣста закладки стали Государь Императоръ и президентъ Форъ, за ними стали великіе князья, дежурство и лица Свѣты Государя и президента.

Окропивъ св. водою воздвигнутый на мѣстѣ работъ крестъ съ образомъ Спасителя и матеріалы, митрополитъ положилъ нѣсколько серебряныхъ монетъ въ основаніе моста, за нимъ положили монеты президентъ и Государь Императоръ (рис. на стр. 816а), за ними великіе князья, министръ Ганото, военный министръ ген.-ад. Ванновскій, генералъ Буадефрѣ, управляющей морскимъ министерствомъ вице-адмиралъ П. П. Тиртовъ и адмиралъ Жерве.

Затѣмъ протоіерей Смирновъ прочелъ надпись закладной доски, и Государю и президенту были поданы закладныя доски.

Президентъ первый положилъ доску и, скрѣпивъ ее цементомъ, ударилъ молоткомъ; за нимъ положилъ доску и ударилъ молоткомъ Государь Императоръ.

Затѣмъ началось молебствіе, по совершеніи котораго было возглаголено многоглаголіе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, а также вѣчная память въ Возѣ почивающему императору Александру Третьему. Послѣ этого было возглаголено многоглаголіе президенту французской республики Феликсу Фору и всему французскому народу. Это возглаголеніе съ высоты амвона многоглаголія президенту и представляемому имъ народу глубоко тронуло всѣхъ и еще болѣе приблизило къ высокому гостю русскія сердца. Пронесенное въ присутствіи Царя и представителей столицъ и всей Россіи, оно какъ бы освятило высокой политической актъ прибытія президента въ Россію, подтвердивъ передъ лицомъ высшихъ іерарховъ благословеніе, уже ранее данное президенту глубоководнымъ всей Россіей о. Иоанномъ Кроуштадтскимъ, въ первый же день прибытія президента къ Кроуштадту. О. Иоаннъ, какъ повѣстно, выѣхалъ изъ Кроуштадта встрѣчать президента на специальномъ пароходѣ „Любезный“, и въ то время, какъ президентъ шелъ на катерѣ съ „Потюю“ къ яхтѣ „Александрія“ для встрѣчи съ Государемъ Императоромъ, о. Иоаннъ снялъ шляпу и издала благословилъ главу дружественнаго народа крестнымъ знаменіемъ.

Затѣмъ городской голова, т. е. В. А. Ратьковъ-Рожновъ привѣтствовалъ президента рѣчью. Музыка исполнила гимны, и Государь Императоръ, простившись съ президентомъ при ликованіяхъ народа, прошелъ вмѣстѣ съ великими князьями и лицами Свѣты на катеръ „Петергофъ“ (рис. на стр. 816а), на которомъ отбылъ на яхту „Александрія“, и на ней прослѣдовалъ въ Новый Петергофъ.

Президентъ же съ лицами свѣты направился изъ шатра къ Суворовской площади, гдѣ уже ждала его коляска съ положеннымъ въ нее букетомъ цвѣтовъ, а вокругъ ждали его на разстояніи цѣлыхъ верстъ сотни тысячъ народа. Плотнымъ кольцомъ окруживъ публича выходъ. Всѣ притаили дыханіе и съ напряженнымъ любопытствомъ устремили глаза въ одну точку.

„Ura! Vive Felix Faure!“ „Да здравствуетъ президентъ!“

Вотъ онъ среди расшитыхъ золотомъ мундировъ — высокой, съ обвѣшенной съдой головой, весь въ черномъ, съ Андреевской голубой лентой черезъ плечо. Онъ ласково кланяется на всѣ стороны и любезно улыбается. Крики сливаются въ могучій стройный аккордъ и гремятъ, не умолкая. Президентъ, продолжалъ кланяться, садится въ коляску, и она медленно удаляется.

Такіе же оглушительные взрывы привѣтствій раздаются при появленіи адмирала Жерве, командира эскадры адмирала де-Куртиля, генерала Буадефра и другихъ французскихъ офицеровъ. Все дальше и дальше несутся раскаты „ура“ и „Vive la France“, валоплины и оживляя своимъ радостнымъ гуломъ цѣлая улицы, площади, весь городъ, высланный сюда на улицы все свое населеніе, привлеченный къ себѣ на этотъ день десятки тысячъ народа со всѣхъ окрестностей.

Послѣ закладки моста президентъ посетилъ франко-русскій механическій заводъ, находящійся на берегу Невы, при впаденіи въ нее р. Пряжки, и экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ пять часовъ въ Зимнемъ Дворцѣ президентъ Форъ принималъ членовъ иностраннаго дипломатическаго корпуса, а затѣмъ, въ седьмомъ часу, президенту въ Гербовомъ залѣ представлялись депутаты для принесенія привѣтствій отъ дворянствъ С.-Петербургской и Московской губерній, отъ петербургскаго земства, отъ городскихъ обществъ С.-Петербурга, Москвы, Новгорода и Кроуштадта, петербургскаго купеческаго и ремесленнаго обществъ и двѣ депутации отъ волостей Петербургскаго уѣзда. Депутации подносили хлѣбъ-соль, иконы и адреса.

Начинало уже смеркаться, когда президентъ выѣхалъ изъ Зимняго Дворца. Публика силою покрывала собою всѣ набереж-

ные вылоты до отеля французскаго посольства, блиставшаго уже электрическими огнями и снаружи, и внутри.

Въ 7 ч. 25 м. вечера со стороны Дворцовой набережной раздались клики „ура“, „Vive la France“, „Vive le president“. Показался заводъ 1-го уральской казацкаго сотни, за нимъ коляска президента и экипажи его свѣты.

Въ отелѣ посольства президентъ былъ встрѣченъ посломъ графомъ Монтебелло и его супругою, въ сопровожденіи которыхъ направился черезъ амфиладу роскошныхъ гостиницъ, утонавшихъ въ тропической зелени. Въ большой столовой отеля состоялся обѣдъ. Столъ былъ сервированъ на 54 куверта.

Около 10 час. вечера обѣдъ окончился, и президентъ вмѣстѣ со всѣми приглашенными перешелъ въ гостиницу. Въ одной изъ нихъ, малиновой — собрались къ этому времени депутаты отъ французскихъ колоній Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Французскій посолъ графъ Монтебелло поочередно представлялъ главѣ республики депутации его согражданъ. Каждый председатель колоній прочитывалъ адресъ, вставленный въ роскошную панку, и представлялъ затѣмъ президенту депутатовъ. Многія депутации вмѣстѣ съ адресами подносили г. Фору и подарки.

Президентъ въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ депутации.

Около 11 час. вечера президентъ отбылъ изъ посольства на вокзалъ балтійской дороги для слѣдованія въ Петергофъ.

Дождь окончательно пересталъ, и публика, званная маршировать президенту, покрывала навелю Литейнаго, Невскаго, Большой Морской и Вознесенскаго проспектовъ вылоты до Балтійскаго вокзала.

Весь городъ былъ блестяще иллюминированъ.

Силою толпы народа съ трудомъ двигались не только по тротуарамъ, но и по срединѣ главныхъ улицъ. Во многихъ мѣстахъ движеніе экипажей было совсѣмъ прекращено. Безчисленные электрическіе и газовые огни заливали яркимъ свѣтомъ весь Невскій проспектъ и придавали особенную красоту роскошному убранству аданій. Здѣсь, среди отблѣнныхъ аданій, особенно выдѣлялись полнотою своей иллюминаціи Большой Гостинный дворъ и городская дума: они были силою унизаны электрическими разноцвѣтными лампочками и шкалками. Красивую картину представляли также фронтоны многихъ частныхъ банковъ. На массѣ домовъ огни лампочекъ образовывали инициалы Государя Императора и „R. F.“, а также подписи „Боже Царя храни“ и „Vive la France“. Углы Большой Морской улицы иллюминировались цѣлымъ скрещивавшихся разноцвѣтныхъ электрическихъ огней. Эффектенъ былъ видъ также одного изъ угловъ Сергіевской и Литейной, гдѣ поставленные въ пики изъ зелени тропическихъ растений бжеты Государя Императора и президента были освѣщены подвижными снопами лучей электрическаго солнца, исходящими отъ фонаря съ крыши Главнаго Артиллерійскаго Управленія. Такіе же лучи электрическаго свѣта лились съ судовъ на Невѣ на домъ французскаго посольства, богато декорированный флагами и гербами и украшенный разноцвѣтными электрическими лампочками. На Исаакіевской площади были воздвигнуты двѣ колонны, унизанныя лампонами. Съ вершины аданія Главнаго Адмиралтейства направлялись въ разныя стороны полосы электрическаго свѣта. На установленныхъ на Измайловскомъ проспектѣ, при въѣздѣ на Измайловскій мостъ, и на набережной Невы, между 12-й и 13-й линиями Васильевскаго острова, аркахъ и обелискахъ выдѣлялись освѣщенные электрическими лампочками Государственный гербъ и инициалы Франціи. На зданіи военной электротехнической школы, на углу Садовой и Инженерной улицъ, на громадномъ малиновомъ бордюрѣ переливались разноцвѣтными огнями инициалы „Н. А.“ и „R. F.“. Красивую картину представляли также Балтійскій вокзалъ, многие дома по Англійской набережной, Литейному и Вознесенскому проспектамъ. На Невѣ столпнія суда украсили свои борта и мачты разноцвѣтными огнями. Зданіе биржи было залито электрическимъ свѣтомъ фонарей съ маякомъ. Вездѣ по улицамъ, на столбахъ, по проволокамъ у тротуаровъ тянулись цѣны разноцвѣтныхъ фонариковъ. Иллюминація распростирилась также и на окраины столицы, гдѣ множество фонариковъ и лампонавъ свидѣтельствовали объ единодушномъ стремленіи населенія внести свою лепту въ происходящее торжество.

Въ 11 ч. вечера президентъ съ сопровождавшими его лицами выѣхалъ изъ посольства по направленію къ Балтійскому вокзалу для слѣдованія въ Петергофъ. Весь этотъ длинный путь былъ однимъ триумфальнымъ шествіемъ президента и его свѣты. „Ура“ и „Vive la France“ не умолкали ни на минуту все время. Эти сердечныя, восторженные оваціи не прекращались до самаго момента отъѣзда президента. Весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ. Всѣ стремились проводить дорогого гостя такъ же шумно, такъ же горячо, какъ и встрѣтили. Президентъ, поблагодаривъ городского голову за любезный приемъ со стороны города и выразивъ градоначальнику удовольствие по поводу образованаго порядка столицы, вошелъ въ салонъ-вагонъ въ сопровожденіи г. Ганото, генералъ-лейтенанта Вильдерлинга, контръ-адмирала Кригера и другихъ лицъ свѣты, и поѣздъ двинулся.

Въ этотъ моментъ клики „ура“, „vive la France“ и „vive le président“ достигли своего апогея. Они неслись далеко по полотну и не смолкли до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не скрылся изъ виду.

Иллюминація была потушена лишь за полночь, и долго еще улицы были полны народа, ликующаго, чествующаго своихъ друзей, своихъ дорогихъ гостей. Сцены овацій со стороны всего народа по адресу французскихъ моряковъ поражали своей восторженностью и задумчивостью. Изысканнѣйшій „интеллигентъ“ и простой чернорабочій сошлись въ одномъ сердечномъ порывѣ, въ одномъ стремленіи выказать, проявить свои чувства къ французамъ. Каждый выражалъ ихъ по-своему,—одни подарками, другіе—угощеніемъ, наконецъ третьи и—шумными манифестациями, оглашавшими улицы всѣ три дня и придавшими незабвенной „французской недѣлѣ“ тотъ характеръ „народности“, тотъ широкій размахъ національнаго восторга, который признала вся Европа.

12-го августа с.-петербургское городское общественное управленіе чествовало прибывшихъ къ намъ офицеровъ французской эскадры обѣдомъ. На обѣдѣ присутствовали также представители французской печати, хозяева обѣда—представители общественаго городского управления и много почетныхъ приглашенныхъ лицъ.

Всѣ три дня, 11, 12 и 13 августа, городское общественное управленіе угощало матросовъ въ саду „Акваріумъ“. Здѣсь въ эти дни, отъ 3 до

7 часовъ, матросамъ, прибывавшимъ въ Петербургъ на заказанныхъ управленіемъ пароходахъ общества финляндскаго легкаго пароходства, предлагались закуски, вино и напитки. Во время угощенія, по единодушному требованію французскихъ и сопровождавшихъ ихъ русскихъ моряковъ, оркестръ исполнялъ попеременно русскій и французскій гимны. Среди матросовъ замѣчалось рѣдкое единодушіе, выражавшееся во взаимныхъ тостахъ и возгласахъ: „Vive la Russie“ и „Vive la France“.

На садовой сценѣ исполнялись разныя пѣсни и пляски.

Но ярче всего сказались восторги народа на улицѣ. Стоило появиться гдѣ-либо на улицѣ, въ саду или ресторани французскому офицеру или матросу, какъ его мигомъ обступала толпа и съ крикомъ „Vive la France“, „ура!“ принималась качать. Народъ носилъ французовъ „на рукахъ“, въ буквальномъ смыслѣ слова.

Вотъ, на углу Малой Морской и Исаакіевской площади, толпа остановила коляску, въ которой сидѣли французскіе адмиралъ и моряки; публика взяла подъ уздцы лошадей и, при крикахъ „ура“, „да здравствуетъ Франція“, сопроводила экипажъ. Одинъ изъ офицеровъ поднялся въ экипажъ, спялъ шляпу и крикнувъ по-русски:

— Спасибо, мы будемъ долго помнить встрѣчу и чувствуемъ вашу любовь.

Все это онъ произнесъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, но его поняли, остановили коляску, подхватили офицера на руки и повесли по улицѣ. Толпа была довольна тѣмъ, что онъ обился по-русски. Когда его отпустили, всѣ сидѣвшіе въ коляскѣ офицеры вышли и, взявъ на руки проходящаго гимназистика, подбрасывали его вверхъ, крича:

— Vive la jeunesse de la Russie!.. (да здравствуетъ русская молодежь). Офицеры дѣловали гимназистика; у одного изъ нихъ оказалась миниатюрная карточка его маленькой дочери, которую онъ тутъ же и передалъ гимназисту; послѣдній прослезился отъ восторга.

На шляпкахъ у многихъ французскихъ моряковъ были ленточки съ русскими надписями; то и дѣло на французскихъ матросскихъ шляпкахъ красовалось золотыми литерами: „Флотскій экипажъ“, „Штабартъ“, „Полярная Звѣзда“.

Они обмѣнялись ленточками съ нашими матросками. У васъ, въ Россіи, — говорили французскіе моряки, — для того, чтобы братьями сдѣлаться, нужно крестами обмѣниться; у матроса ленточка съ надписью его судна — та же святиня, мы ею и обмѣниваемся!“

Къ французамъ были приставлены штабартъ-матросы, которые ходили за ними, какъ няньки, оберегая отъ всякихъ неурядицъ. Хотя они и обмѣнялись съ французами болѣе мимикой, но все-таки хорошо понимали другъ друга.

Одинъ французскій матросъ, обремененный, очевидно, чрезвычайными націями симпатій, пріѣхалъ въ загородномъ саду на скамеечку у театра и отъ усталости вдремнулъ.

Его стали будить два русскихъ матроса. Публика, окружившая эту франко-русскую группу, стала уговаривать русскаго матроса оставить француза въ покоѣ:

— Вѣдь усталъ... пусть поспитъ...

Матросъ удивился самымъ искреннимъ образомъ такому предположенію и громко воскликнулъ:

— Поспитъ? Нѣтъ-ѣтъ!! Развѣ французъ для того пріѣхалъ въ Россію, чтобы спать? Нѣтъ, его надо еще чествовать...

Другая сцена происходила тоже въ загородномъ саду, въ 12 часовъ ночи. Французскаго моряка ведутъ подъ руки два матроса. Онъ уже еле передвигаетъ ноги. Отъ усталости или отъ чрезвычайныхъ „чествованій“—неизвестно. Скорѣе отъ того и другого вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ публики совѣтуютъ дать матросу поспѣть немного.

— Пусть отдохнетъ!

Но матросы были неумолимы въ проявленіи своихъ симпатій:

— Нѣтъ, нѣтъ! пусть французъ ходитъ, пока можетъ еще

ходить!! а какъ не сможетъ, такъ мы его на рукахъ домой доставимъ!

Пробовала публика еще уговаривать матросовъ, но всѣ попытки были тщетны:

— Ужъ не покойтесь, господа! — поляснял наши бравые моряки. — Мы вѣдь порядокъ знаемъ: когда мы стояли въ Шербургѣ, такъ французы насъ, русскихъ, вотъ точъ-въ-точъ такъ же вели... Ничего, очнется онъ и чудно пойдетъ...

И дѣйствительно, минутъ черезъ пять французъ-морьякъ свободно прогуливался по саду безъ всякой помощи.

Во время проѣзда президента, на углу Морской, почтенный, весь сѣденскій и круглый старичокъ, стоялъ и умиленно смотрѣлъ на изумительныя сцены проявленія народнаго восторга, народной любви.

На глазахъ у него были слезы, и онъ, всхлипывая, бормоталъ: — Да вѣдь это... это Богъ знаетъ что... Я... я не понимаю... Но мнѣ хочется кричать, обнимать ихъ, качать...

Да, этого народнаго восторга нельзя было понимать, его можно было только чувствовать. Недаромъ одинъ французскій журналистъ, растерянно-изумленный этими оваціями, замѣтилъ: „Послушайте, вашъ народъ... если онъ такъ дружить, то какъ же онъ враждуетъ!..“

На третій день пребыванія президента, 13 августа, состоялся подъ Краснымъ Селомъ въ честь президента Французской республики Высочайшій смотръ войскамъ красносельскаго и усть-изорскаго лагерныхъ сборовъ. Въ этотъ день, въ ожиданіи прибытія Высочаго Гостя, Красное Село принарядилось: всѣ штабы, управленія и частные дома расцвѣтились русскими и французскими флагами. У самаго выѣзда на Военное поле, лейбъ-гвардіи кирасирскимъ Его Величества полкомъ возведена грандіозная арка въ 13 сажень вышины — въ видѣ триумфальныхъ воротъ, убранная матеріей цвѣтовъ полка и полковой артиллеріей. На самомъ Военномъ полѣ, около Царскаго валика были возведены: палатка для членовъ дипломатическаго корпуса, трибуна министерства Императорскаго Двора для почетныхъ гостей и рядъ частныхъ трибунъ.

Съ утра трибуны начали наполняться многочисленной публикой. Полюбоваться величественной картиной смотря приглашены были и всѣ офицеры французской эскадры. На парадѣ участвовало 70 батальоновъ, 43 эскадрона, 13 сотенъ, 42 батареи, а всего 51 генералъ, 1411 штабъ и оберъ-офицеровъ и 31,824 нижнихъ чина. Всѣми войсками командовалъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками великій князь Владиміръ Александровичъ.

Въ 11 часовъ утра, съ Императорскимъ поѣдомъ прибыли

„Флигель подъ гербомъ“ Большаго Петергофснаго дворца, въ которомъ находились аппартаменты президента Фора. Съ фот. Бродерсена автотипія „Нивы“.

изъ Петергофа Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна вмѣстѣ съ президентомъ Французской республики и въ сопровожденіи управляющаго министерствомъ Императорскаго двора, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ и лицъ Свѣты Ихъ Величества и президента.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа, со стороны Краснаго Села, показались Царскіе экипажи. Въ первой коляскѣ ѣхали Государь Императоръ съ президентомъ Французской республики, во второй — Государыня Императрица съ великою княгиней Марією Павловною. Какъ только Государь Императоръ съ президентомъ подъѣхали къ правому флангу общаго построения, войска, по командѣ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго, взяли на-параулъ, а затѣмъ, по знаку великаго князя, всѣ хоры музыки и трубачей разомъ заиграли марсельезу, и Военное

Торжество закладки новаго Троицкаго моста черезъ Неву 12 августа, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора и президента Французской республики Фора. Укладка монетъ въ углубленіе основнаго камня. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтевича авторія „Нивы“.

и въ Андреевской лентѣ стоялъ на Царскомъ валикѣ рядомъ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной и предъ каждымъ салютваніемъ приподнималъ шляпу. За прохожденіемъ всѣ части удостоились „Царскаго спасибо“.

По окончаніи церемоніальнаго марша, передъ Царскимъ

поле огласилось громовымъ „ура“, къ которому присоединила свои восторги и вся масса публики. Картина была поразительная. При неумолкаемыхъ кликахъ Ихъ Величества со своимъ Высочайшемъ Гостемъ подъѣхали къ Царскому валику. Государыня Императрица съ президентомъ поднялись на валикъ, а Государь Императоръ съѣлъ на коня. Его Величество былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка и въ лентахъ ордена Почетнаго Легіона. Велѣдъ затѣмъ начался церемоніальный маршъ.

Во время прохожденія войскъ все вниманіе было приковано къ статной фигурѣ Феликса Фора, который во фракѣ

Торжество закладки новаго Троицкаго моста черезъ Неву. Отбытіе Государя Императора и Августѣйшихъ Особъ на паровомъ катерѣ отъ пристани у мѣста закладки. Съ фот. К. Булла, авторія „Нивы“.

валкомъ были собраны всѣ выпускные пажи и юнкера военныхъ училищъ и построены покоемъ на три фаса.

Государь Императоръ изволилъ обойти юнкеровъ, милостиво нѣкоторыхъ разспрашивалъ, а затѣмъ, обратясь ко всѣмъ имъ, поздравилъ ихъ съ проаводствомъ въ офицеры въ слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ: „Желаю вамъ, господа, усѣха и счастья въ вашей будущей службѣ. Поздравляю васъ офицерами“. Трудно описать восторгъ молодыхъ людей въ эту минуту. „Ура“ долго не прекращалось. Фельдфебеля и вахмистры военныхъ училищъ, произведенные въ этотъ день въ офицеры, были представлены президенту, который тутъ же передалъ имъ знаки отличія.

Около половины второго поданы были Царскіе экипажи.

Въ первомъ экипажѣ, съ камеръ-казакомъ на козлахъ, заняли мѣста Государыня Императрица Александра Феодоровна и великая княгиня Марія Павловна. Во второй сѣли Государь Императоръ и президентъ (рис. на этой стран.).

Шумно привѣтствовала публика проѣздъ Государя Императора и французскаго президента.

Французскіе офицеры были все время предметомъ восторженныхъ оваций. Путь ихъ засыпалъ цвѣтами.

Ихъ Величества и президентъ отбыли въ Красное Село, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ, въ большой палаткѣ, состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были удостоены приглашенія начальники отдѣльныхъ частей и старшія начальствующія лица.

Во время завтрака Государь Императоръ поднялъ бокалъ и обратился къ президенту и представителямъ французской арміи со слѣдующими словами:

„Я поднимаю бокалъ въ честь нашихъ соотечественной доблестной французской арміи, ко-

Торжество закладки французскаго госпиталя, въ присутствіи президента Фора. Моментъ чтенія патеромъ Юни надписи на закладномъ камнѣ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нива“.

Отъѣздъ Государя Императора и президента Фора, по окончаніи Высочайшаго смотра войскъ въ Красномъ Селѣ, 13 августа. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтвичавтотипія „Нива“.

торую я былъ счастливъ любоваться въ Шалонѣ, и достойныхъ представителей которой Я радуюсь видѣть здѣсь.“

Президентъ отвѣтилъ: „И въ Парижѣ, и на Альпахъ во время моего послѣдняго путешествія, и, наконецъ, въ Дюнкерхенѣ, когда я отплывалъ, чтобы принести привѣтъ Россіи и ея Августѣйшему Государю, вездѣ французская армія выражала мнѣ единодушное желаніе, чтобы я повторилъ вновь русской арміи искреннія увѣренія въ ея задушевной дружбѣ.“

„Съ восторгомъ и волненіемъ выражаю Вашему Величеству эти увѣренія и прошу передать ихъ войскамъ Вашего Величества.“

„Ихъ военныя доблести намъ были давно извѣстны. Незабвенное арміи, котораго мы только что были свидѣтелями, убѣдило насъ въ ихъ достоинствахъ, выносливости и въ ихъ могучемъ устройствѣ.“

„Французская армія, которую Ваше Величество видѣли въ Шалонѣ, привѣтствуетъ надежда русскую армію и выражаетъ въ этотъ торжественный день чувства взаимнаго доверія и братства по оружію.“

„Я поднимаю бокалъ въ честь Вашего Императорскаго Величества, Ея Величества Государыни Императрицы и всей Августѣйшей Семьи. Отъ имени французской арміи пью за армію русскую.“

Около 3-хъ часовъ дня Ихъ Императорскія Величества и президентъ Французской республики отбыли съ Императорскимъ поѣздомъ въ Новый Петергофъ.

Въ 8 часовъ вечера, въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ состоялся, въ Высочайшемъ присутствіи, обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ офицеры французской эскадры. Обѣдъ былъ поданъ въ Петровскомъ и Купеческомъ залахъ. Всего приглашенныхъ было около двухсотъ человекъ. Высочайшій столъ былъ накрытъ въ Петровскомъ залѣ на 66 персонъ. Налѣво

отъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны занималъ мѣсто Государь Императоръ, а направо — президентъ Французской республики.

За обѣдомъ Государь Императоръ поднималъ бокаль и обратился къ президенту и представителямъ французскаго флота со слѣдующими словами: „Мнѣ въ высшей степени отраднo пить за процвѣтаніе прекраснаго французскаго флота среди его достойнѣйшихъ представителей.

„Я съ удовольствіемъ вспоминаю, что блестящая эскадра, представлявшаяся въ Шербургѣ, положила начало ряду незабвенныхъ впечатлѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ теченіе всего Нашего пребыванія во Франціи“.

Президентъ отвѣчалъ: „Я счастливъ видѣть еще разъ братское единеніе представителей русскаго и французскаго флотовъ.“

„Да позволено мнѣ будетъ Вашимъ Величествомъ слить ихъ воедино въ чувствѣ глубокой любви.

„Я поднимаю бокаль въ честь русскаго флота“.

Послѣ обѣда, Ихъ Величества, президентъ, великія князья, великіе князья, лица свиты президента и офицеры французской эскадры слушали въ Купеческомъ залѣ Большаго дворца хоръ балабачниковъ-любителей подъ управленіемъ г. Андреева. Вечеромъ весь петергофскій паркъ былъ роскошно иллю-

Молотокъ и лопатка, поднесенные президенту Форю для закладки французскаго госпиталя, и перо, которымъ президентъ подписалъ актъ закладки. Съ фот. Д. Здобнова автотипія „Нивы“.

миновант, а въ Монле-зирѣ сожжены грандіозный фейерверкъ.

Несмотря на пасмурную погоду, уже съ 7-ми часовъ вечера петергофскій паркъ началъ наполняться тысячами народа, прибывшаго изъ столицы и окрестностей полюбоваться на чудное зрѣлище. Сказочно-волшебный уборъ Петергофа, въ который онъ вырядился въ день пріѣзда президента, еще болѣе выдѣлился въ феерическомъ блескѣ иллюминаціи (рис. на стр. 816а). Вся военная пристань была унизана безчисленными разноцвѣтными огнями. У Большаго петергофскаго дворца сіяли, въ видѣ колоссальныхъ факеловъ, высокія колонны, окруженныя цѣнью фонариковъ. Террасы Самсоніевскаго канала были чудно иллюминированы подъ водою электрическими лампочками, переливавшимися надъ ними струи воды яркими блестками. По бокамъ канала прогнаны

лись балюстрады изъ бѣлыхъ молочнаго цвѣта фонарей. Тутъ высились роскошныя вазы, въ которыхъ вмѣсто цвѣтовъ свѣтились прихотливыми линиями разноцвѣтные огни, въ общемъ составившіе то, что свѣтилось въ душѣ каждого изъ этой стотысячной толпы:— „Vive la France“.

На самомъ каналѣ сіяла огнями исполнинская арка, ступени которой омывались водой. Вверху—цѣлое сіяніе изъ стрѣлъ. Внутри красная отдернутая

Зданіе французскаго благотворительнаго Общества, строящаго госпиталь для бѣдныхъ французскихъ гражданъ, закладка котораго состоялась въ присутствіи президента Форя, 12 августа. Съ фот. К. Вудла автотипія „Нивы“.

завѣса, а пасть вей на створѣхъ, обращенной къ морю, изъ блѣлыхъ и темно-синихъ зеркалацъ выдѣлялась надпись: „Vive la France“. Деревья, арки изъ живой зелени и цвѣтотъ, куртины, аллеи парка—все это было унизано сияющими электрическими фонарей и лампонами. Въ грандіозной завѣдѣ, сооруженной надъ Драконовою горой, переливался волшебными огнями гербъ Парижа, а подъ нимъ выступала надпись: „Fluctuat nec mergitur“. Фонтанъ Самсона, выкидывавшій столбъ воды въ громадную высь, каскады и многочисленная группа окружававшихъ ихъ фонтановъ играли мириадами разноцвѣтныхъ огней. Милліарды брилліантовъ какъ бы влетали на воздухъ и виспали на землю.

Около дворца Марли иллюминаціи изображала всевозможными огненными знаками франко-русское единение. Россійскій государственный гербъ изъ разноцвѣтныхъ лампонавъ соединился широкою огненною лентою съ гербомъ французскимъ. Слово „ура!“ какъ бы сотканное изъ мельчайшихъ брилліантовыхъ нитей, тѣсно сплеталось съ фразою: „vive la France“.

Многотысячная толпа народа съ рѣдкимъ энтузіазмомъ привѣтствовала президента и его свиту, любовавшихся на иллюминацію. Во время пути ихъ по парку, клики „Vive la France“ и „Vive le président“ не умолкали. Въ заключеніе праздника былъ сожженъ грандіозный фейерверкъ.

Въ послѣдній день пребыванія президента, 14-го августа, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Θεодоровна, президентъ, великіе князья и великіи княгини, въ 11 часовъ утра, отбыли на Императорской яхтѣ „Александрія“ изъ Петергофа на Кронштадтскій рейдъ, гдѣ состоялся смотръ французской эскадры и завтракъ на броненосцѣ „Потю“ у президента Французской республики.

Во время завтрака президентъ поднимъ бокаль и обратился къ Ихъ Величествамъ со слѣдующими словами:

„Я благодарю Ваше Императорское Величество и Ея Величество Государыню Императрицу за столь милостивое согласіе посѣтить одно изъ судовъ нашего флота. Я тѣмъ болѣе счастливъ, что это даетъ мнѣ возможность скаать Вашему Величеству, подъ сѣнью нашихъ флаговъ, какъ я тронутъ гостеприимствомъ, оказаннымъ намъ Вашимъ Величествомъ, и насколько мы благодарны русскому народу за великолѣпный приемъ, который былъ оказанъ президенту Французской республики. Ваше Величество пожелали прибыть во Францію въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ моряковъ, среди ихъ же я, глубоко тронутый, шлю Россіи прощальный привѣтъ. Французскій флотъ и русскій флотъ могутъ гордиться тѣмъ, что съ перваго же дня принимали участіе въ великихъ событіяхъ, послужившихъ началомъ къ тѣсной дружбѣ Франціи и Россіи. Они сблизили протягивавшія руки и дали возможность двумъ дружественнымъ и союзнымъ народамъ, руководимымъ однимъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, законности и справедливости, соединиться, какъ братья, въ самомъ чистосердечномъ и искреннемъ общеніи. Я поднимаю бокаль въ честь Вашего Величества и Ея Величества Государыни Императрицы въ минуту разлуки и прошу принять мои горячіи пожеланія счастья Вашему Величеству и всей Царской Семѣ.“

„Отъ имени Франціи я нью за величіе Россіи“.

Его Величество Государь Императоръ отвѣтилъ:

„Слова, съ которыми вы только что обратились ко мнѣ, господинъ президентъ, находятъ живой откликъ въ Моёмъ сердцѣ и совершенно соотвѣтствуютъ чувствамъ, которыми водрушевляютъ какъ Меня, такъ и всю Россію. Я счастливъ, что ваше пребываніе между Нами создаетъ новыя узы между Нашими двумя народами, дружественными и союзными, одинаково рѣшившимися содѣйствовать всѣми своими силами сохраненію всеобщаго мира, основаннаго на законности и справедливости. Позвольте мнѣ благодарить васъ за ваше посѣщеніе, господинъ президентъ, и осушить бокаль въ честь васъ и за процвѣтаніе Франціи“.

Послѣ завтрака, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, великіи княгини и великіе князья простились съ президентомъ и со всѣми французскими гостями. Загремѣлъ салютъ съ крѣпости, фортовъ и стоявшихъ на рейдѣ военныхъ судовъ. Французская эскадра направилась въ море. Ихъ Императорскія Величества на „Александріи“ отбыли обратно въ Петергофъ.

Президентъ Форъ исполнилъ свою миссію. Онъ привезъ намъ 36 милліоновъ французскихъ сердець. Они слились теперь съ ста двадцатью милліонами родныхъ русскихъ. Четыре дня близили они въ унисонъ, преисполненные чувства восторга. Дай Богъ, чтобы сотни лѣтъ впредь близили они согласно и ровно въ груди благодарствующаго русскаго и французскаго народа за мирной работой. Между Россіей и Франціей состоялся, какъ выразился кто-то, „бракъ по любви“. Эти четыре незабвенныхъ дня были медовымъ мѣсяцемъ. За нимъ теперь потянется счастливая совместная жизнь двухъ народовъ, соединенныхъ громогласно предъ всѣмъ міромъ объявленнымъ союзомъ, жизнью культурнаго труда на благо всего цивилизованнаго міра.

Высочайшая милость.

Издатель журнала *Нива* А. Ф. Марксъ удостоенъ Высочайшей милости—возведенъ въ потомственное дворянство.

Въ № 56 *Сенатскихъ Вѣдомостей* отъ 15 іюля 1897 г. опубликовано: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу помощника главнаго почечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, Всемилоостивѣйше соизволилъ, въ 17 день мая 1897 года, на предоставленіе издателя журнала *Нива*, потомственному почетному гражданину Адольфу Марксу, состоящему почетнымъ членомъ подвѣдомственнаго Императорскому Человѣколюбивому Обществу попечительства для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, въ С.-Петербургѣ, правъ и преимуществъ по полученному имъ 1 февраля 1895 года ордену св. Владимира 4-й степени, указанныхъ въ ст. 37 зак. о сост. IX т. св. зак., над. 1876 года, и ст. 143 учр. орд. т. I, ч. II, изд. 1892 года.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи министр юстиціи, 29 мая 1897 года, предложилъ Правительствующему Сенату.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича Данченко. (Продолженіе.) — Союзъ рыжеволосыхъ. Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ А. Коппингъ-Доула. — Спасительная вѣсть. (Изъ Брестъ-Литовска.) Стих. Д. Михаловскаго. — Васко де-Гама. (По поводу 400-лѣтняго открытія морскаго пути въ Индію.) (Съ 2 рис.) — Къ рисункамъ: Рыбачья съ Лудо. — Догадливая сестрица. — За урокомъ. — Продащица цвѣтовъ. — На стойкѣ. — Лѣсной ручей. — Пребываніе президента Фора въ Россіи (съ 19 рис.) — Высочайшая милость. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

Патентованный Шиндлера
АНТИКОРСЕТЪ или БЮСТГАЛТЕРЬ.

Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложнымъ платежомъ съ причисленіемъ за пересылку всего за 2 фунта.

ЦѢНЫ:	A. A.	A.	B.	C.	D.	D.	шелк.
	3.50.	4.50.	5.75.	6.75.	9.50.		к.

При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верш. кахъ, или тѣсмой по рисунку:

1) Полную окружность груди (со спинкою), мѣра на платъ подъ мышкой отъ А до В. — 2) Полную окружность талии отъ С до D. — 3) Высоту бока отъ А до С.

Адресъ для письменныхъ заказовъ:
Варшава, „ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛТЕРЬ“
Сенаторская, 26.

I. № 10388 3—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѣ, сямъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что каталога деревьевъ, растений, цвѣтущихъ луковичныхъ и пр. н. № 10369 1897—1898 г. изданы и высылаются по требованію бесплатно. 4—3

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
спеціальнаго магазина бѣлья
Ю. Готлибъ.
Владимірская, 2, уголъ Невскаго.

Письменное извѣщеніе двойной и простой итальянской
БУХГАЛТЕРІИ.
Ручаются за отличные услуги.
Проекты и пробныя письма высылаются
БЕЗПЛАТНО.
Обратиться къ
Вас. Вас. Рауэру
въ ЛИБАВѢ.

II. № 10386 5—1

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (101)
Его избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА
МОСКВА,
Тверская, домъ Толмачева
И. А. ВЕРНЕРЪ.
Электрическіе заводные разныя системы.
Фонографы
Синематографы Эдисона
съ картинами Льюера. 4—2
Кинетографы Ньютона и др.
Громадный выборъ лучш. пластинокъ.
Гарантія на 3 года. Обученіе.
20 0 машинъ продано въ Россіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

ТОВАРИШЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“

Москва. * Рига. * СПбурзь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-го СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Ц. № 10361 5-3

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЦИТРА съ патентованными подкладными листами, на которой каждый незнакомый съ чтеніемъ нотъ можетъ тотчасъ же играть по подкладнымъ листамъ. Цѣна безъ листовъ 9 р. Подкладные листы по 20 и. рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ. Основанные Министерствомъ Въ 1882 году.
С.-Петербургъ, Малая Морская, № 7.

Пріемъ вновь поступающихъ съ 20 августа ежедневно отъ 10 ч. у. до 6 ч. веч., по праздн. и воскрес. днѣмъ отъ 12-2 ч. днѣ. Начало занятій 2-го сентября. Подробная программа высылаются и выдаются бесплатно. Письменные заказы просить адресовать на имя Директора **ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ.**

НОВОСТЬ!
Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
поставщиковъ Рысочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ 60 к. и 1 р.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащѣ кислотъ.

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ. ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

СТАЛЬНЫЯ ПЕРЬЯ ЗАКСЪ И ЯРРЕСЪ:
Очень хороши и дешевы. На каждой коробкѣ и на каждомъ перѣ полная фирма. Цѣна заgrossъ:

№ 591. Перо для училищъ	42 к
801. Канцелярск. перо тонк.	50 "
802. " туное	50 "
86/В. Универсал. перо бѣл.	57 "
86. " желт.	57 "
86/Т. " синее.	57 "
742. Канторское перо	80 "
611. Купеческое	72 "
710ЕФ. Выржевое перо тонкое	70 "
711 " среднее	70 "
712М. " туное	70 "
830. Гардабовое перо.	45 "
84. Для канцелярїи перо	48 "
19/20. Бухгалтерск. перо	80 "

Купите коробку и попробуйте. Спрашивать во всѣхъ магазинахъ письменныхъ принадлежностей во всей Россіи. Оптовая продажа у Торговаго Дома Заксъ и Яррессъ, Москва. Торг. Домъ отпускаетъ исключительно торговцамъ.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р. налѣстр. прейсъ-мур **БЕЗПЛАТНО.**
М. М. ХАЗАНОВЪ.
Варшава, Электр., 1.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ вачино. Методъ удостоенъ золотой медалі и благодарности короля Эдлинго. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса. Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Конидарисъ. № 10263 10-7

„БЛИКЕНОДЕРФЕРЪ“ новѣйш. пишущ. машина. По прочности и красивому шрифту равна самымъ дорогимъ машинамъ; по удобству превосходитъ таковыя. Цѣна 80 р.
♦ Каталогъ бесплатно. ♦ 5-1
Э. Мининъ и Ко. СПб., Гороховая, 17.

30% ЭКОНОМІИ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
МАРОСЕЙКА Д. ЛЕБДЕВОЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕХЪ РОССІИ ТОВАРИШЕСТВО БЕЛГОСКИХЪ КАПИТАЛОВЪ

Продается во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ и чайныхъ торговыхъ Россіи.

НА ВОСПИТАНИЕ И УСТРОЙСТВО ДѢТЕЙ ВЪ СЕМЬИ И НА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЯ ЦѢЛИ
СВОЕОБЪЯВЛЕНІЕ
60. ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ПРОСИТЬ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ СЪФЕКТОВАТЬ ему

НЕЖУЖНЫЯ ВЕЩИ
АУДИОНЪ ПО СТРАЖАМЪ ВОСПИТАНІЕ 500 катокъ

ЗАЙКАНИЕ
лѣчится въ лечебномъ учрежденіи И. П. Гимиллера. Москва, Новая Басманная, д. Лапина. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.**
Условія высылаются бесплатно.

ПРОДАЕТСЯ **ВЕЗДЪ Д. СТОЛКИНДА**
ДѢТСКОЕ МЫЛО
НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
МОСКВА ЦѢНА 1/2 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.
СКЛАДЪ АНТОНОВЪ ТОРГОВАЯ Д. СТОЛКИНДА

БѢЛЫЕ МОНОПОЛЬ
ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
Воротн. 45 к. Манжеты 65 к. дош. Манжеты 80 к. дош. нарт. Прейсъ-куррантъ бесплатно.
Г. ПЕТО С.-Петербургъ, Мараванная ул., 16.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ:
Мебель, картины, нѣмецко. рѣдкости, полная обстановки и все проч.
А. Генке и Ко.
Москва, Пассажъ Солодовникова (ходъ съ Неглиннаго).

ЛѢЧЕБНИЦА ЗАЙКЪ
ДЛЯ ЗАЙКЪ
Москва, Никитскій бул., д. Прибылова.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 35

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 30 августа 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ нар. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержашихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Дома трудолюбія. Домъ трудолюбія въ Царицынѣ.
Съ фотогр. Бр. Эрдманъ автотипія „Нивы“.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

XXI.

Роша осталась позади.

— Ну, теперь благословясь—дорога-то стрѣла.

Кучеръ крѣпче надвинулъ шапку, воззрился вдаль и чуть тронулъ вожжами.

Жилка свѣту не взвидѣлъ. Схватился за облучокъ. Лошади кинулись, точно цѣлый рой ось жалить ихъ позади. Неслись будто со слѣпу—одна передъ другой забирая впередъ. По сторонамъ что-то мелькало, вѣтеръ свисталъ въ ухахъ, комки земли со страшною силою впивались въ лица, экипажъ точно по воздуху стремился куда-то, оставляя позади тучи пыли... Еще минуту, и казалось, что кони совсѣмъ къ дорогѣ припали. Стелются, пристяжные вкось, коренникъ пространство жжетъ горячимъ дыханіемъ. За ногами не услѣдишь, точно это не тройка, а одно чудовищное животное на невидимыхъ крылахъ. Вотъ-вотъ оторвется отъ почвы и взвоетъ въ высоту—поминай какъ звали. Справа и слѣва изъ травы скидываются птицы. Мелькнетъ мгновенно—и нѣтъ ея. Впереди изъ какой-то бахчи выбѣжала собака—и морды разнять не успѣла—а экипажъ Богъ знаетъ гдѣ, такъ что громкій лай задохся въ его пыли. Оглянись теперь—чуть не до самыхъ Невзоровскихъ колодцевъ стоитъ эта пыль, не садится. Солнце ее радугою красить, золотить, а изъ-подъ тройки новые и новые клубы ея взвиваются. „Усидимъ?“—трепетно спрашиваетъ Жилка у кучера. Но тому не до него. Зорко за конями слѣдитъ. Зафывайся только—все развалится... Вожжи натянуты какъ струны и даже звенятъ порою глухо, но шорстко. Переборъ копытъ—гдѣ земля покрѣпче—своя музыка. Даже ритмъ въ нихъ есть. Гривы развѣваются—красота настоящая—точно въ тучѣ позади родились эти фантастическіе звѣри. Ноздри—круглы, трубами навстрѣчу бесконечности открылись. Хвосты по вѣтру раскинуты. Сила, удалъ, отвага!.. Животное счастье въ нихъ, въ этихъ коняхъ, которымъ теперь чортъ не братъ. Даже тоску Семигоровскую придавили—молчитъ она. У самого глаза разгорѣлись во всю. Слоновъ тотъ не знаетъ, гдѣ онъ—не на небѣ ли. Откинулъ рыжія лохмы назадъ, ротъ открылся—не надышится. Волкодавы позади—стрѣлами несутся въ пыли. Если и мелькнутъ, такъ совсѣмъ сѣрые отъ нея—вытапулись въ струну... Гдѣ тегива позади? Отчего не звенитъ она? Примерещится верстовой столбъ—и назадъ. Другой ему навстрѣчу. Что впереди: смерть или жизнь? Не все ли равно, если настоящий моментъ пьянитъ отъ ужаса и восторга, если ему равнаго нѣтъ въ душѣ человѣческой. „Ухъ!“ только и вырывается у Слонова... Тянишь душа вслѣдъ! Даже на Николая Львовича не смотреть. Всѣ нервы такъ возбуждены, что, и не видя, онъ чувствуетъ и въ томъ такую же бездну восторга... Одинъ Андронъ супится и про себя разсуждаетъ: „Есть ли на свѣтѣ такой силачъ, чтобы сейчасъ эту тройку, за колесо схватяся, остановилъ. Нѣтъ, не должно быть... Во всей подвселенной нѣтъ такого и быть не можетъ.“ А даль еще раздвигается, и чудится, вѣкъ будутъ скакать эти кони и ни до чего не доскачутъ.

— Рѣжь коней въ мою голову! — оралъ Милитонъ Саввичъ, совершенно позабывшій, что копи не его. — Разъ жить, братцы, да за то во всю!—оглядывался онъ безумѣвшими глазами на Николая Львовича.

— Ты погоди праздновать, что-то выйдетъ.

— Выйдетъ. Все равно попремъ... Сейчасъ хорошо—и вали въ кучу!.. Теперь бы мою шельму на колѣпа—

и за тридевять земель въ тридештое царство... Гляди-гляди—волкодавы-то стараются. Ай, голуби—не догнать... Ангелы!.. Господи, да что-жъ это! Совсѣмъ раскосился онъ отъ счастья... „Страшной!“ „Бодрыга!“—оборочивался онъ къ собакамъ—вывертывайся на изнанку. Чего еще...

— Послушай-ка... Ты слова понимать можешь?

Слоновъ сдѣлалъ надъ собою усилие... Сморщился весь и отмахнулся.

— Ну-те... Ничего сейчасъ не пойму...

Ѣхали-Ѣхали. Въ этотъ часъ—лошади съ угару влетѣли въ рошу, и не успѣлъ еще Семигоровъ сообразить, чья это, какъ она точно отбѣжала назадъ. Вонъ сипею тучкой мерещится. Вихремъ село пронизали—только и остались въ памяти ребятишки—какъ воробы, рассыпавшіяся по сторонамъ—да свинья, завизжавшая благимъ матомъ, должно-быть колесомъ ее тронуло. Церковь неслась навстрѣчу, вся бѣлая съ бѣлою колокольней, будто въ длинной рукѣ высоко крестъ держала. Поровнялась, обернулась на тройку всеми своими большими окнами, и ужъ Богъ знаетъ, гдѣ она... А кони такъ и глотаютъ просторъ. Сѣрый хищникъ въ поднебесьи—широко раскинулъ крылья и застылъ—что это стремится по землѣ и куда?.. Намѣтилъ было себѣ добычу, — а тутъ цѣлымъ облакомъ пыли защитило ее. Поди, высматривай еще... Нивы пошли—удивленные колосы въ золотыхъ иглахъ вытягиваются одинъ изъ-за другого—васильки такъ и горятъ синими огнями, а макъ краснымъ пылемеетъ отъ нетерпѣнія: что за люди?.. Опять село... Еще. Вонъ монастырь вдали. Дорога къ нему отдѣлилась отъ этой, сдѣлала кругъ по живью и тоже стрѣлкой легла. За монастыремъ лѣсъ... Балка съ рѣчущою—взглянулъ туда Семигоровъ, и сердце захолоуло. Давно ли они были такъ счастливы тамъ?.. И островокъ тотъ стоитъ, заколдованный солнцемъ и тихими заклинаніями чистыхъ, быстро бѣгущихъ струй. И гнѣздо посреди—цѣло, ждетъ. Поди, и деревья наклонились, смотря на траву у разбитаго молніей дуба и думаютъ, гдѣ же эти блаженные люди, что цѣлые часы проводили тамъ въ тѣни и прохладѣ, забываясь подъ тихій задумчивый шелестъ листовъ и меланхолическое посвистываніе иволги... Но лѣсъ мало-помалу тускнеть и сливается съ далью—какъ старое воспоминаніе, теряющееся въ такихъ же другихъ, а впереди намѣтился другой. Только далеко еще до него. Пожалуй, это и не онъ. Такъ, марь какая-то меледится... Воздухъ загустѣлъ, паръ поднялся отъ земли... Вотъ Жилка, весь блѣдный отъ ужаса—все еще какъ котъ на собакѣ цапается тонкими пальцами за все что можетъ,—обертывается къ Николаю Львовичу и киваетъ туда. А у самого языкъ высохъ, сказать ничего не можетъ. Но Семигоровъ понимаетъ и такъ. Во всякомъ случаѣ, что бы то ни было,—а сейчасъ все разрѣшится, опредѣлится, оправдается. Неизвѣстности конецъ! Впрочемъ, какое же это сейчасъ. До лѣсу—поди, часа полтора, да лѣсомъ сколько?... Обернулся Николай Львовичъ, на кулачанаго богатыря смотритъ,—а тотъ рукава заворачиваетъ.

— Чего ты?

Зубами скрипнуть, и еще нѣсколько минутъ назадъ кроткіе глаза его—кровью налились.

— Что ты?

Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Готово... Господа купцы. Давай мнѣ его, Флегонта. Гдѣ онъ, дьяволь... Готово. Я ужъ теперь совсѣмъ спужался. Въ клочки изорву!..

— Погоди, — вступился Слоновъ. — Всего будетъ. И флегонтовыхъ лапъ не минуешь.

— То-то что. Скорѣйша бы...

— Ладно-ладно...

Бѣжали-бѣжали кони и точно уgomоняться начали. Быстро уносятъ, — а все-таки пыль позади то и дѣло что область Семигорова. Значить, „мѣряютъ“ потише прежняго. И кучеръ уже успокоился — разминается. Видимое дѣло, — руки затекли. Плечами поводить.

— Пару-то попустили, — оглянулся онъ. Теперь ровно пойдутъ. А то борони-Боже... День постоятъ — душу выворотятъ!.. Бѣда... Держишь, — а самъ думаешь, какъ бы жила не лопнула...

Они все еще забирали крупною рысью — но это ужъ было не то. Даже Жилка отошелъ, перекрестился, и обернулся на Николая Львовича.

— Ваше скобродіе... Что мнѣ въ голову пришло...

— Ну?

— Милитону Саввичу надоть бы одному къ Моисею Лукичу спачала... По дѣламъ.

— Ночью, какія дѣла?

— Запоздали. Въ селѣ останавливались. Въ лѣсную потайну потому и пріѣхали такъ. Будто лѣсъ торговать. А тѣмъ временемъ я стороной увѣдомлюсь, какъ и что. А то вѣдь бунтъ... Скажутъ съ разбоемъ.

— Умственный ты человекъ, Жилка! — ободрилъ его Слоновъ. — Мы все норовимъ лбомъ стѣны ворочать.

— Кто чѣмъ можетъ, Милитонъ Саввичъ. Вы по торговой части, — а тѣмъ временемъ... мы пошущаемъ. Какъ что. Флегонку-то въ лѣсъ вытянемъ. Онъ страсть охочъ силу пробовать. На Андрона его напустимъ. Пуцай они промежь собой... бодрятся да оглобли вяжутъ, черти несуразные.

— Погоди, братъ. Какъ еще придется... А ежели онъ какъ солдатъ на часахъ. Моська-то тоже не дуракъ, знаетъ съ кѣмъ игру завелъ. Семигорова по сердцу ударилъ — значить, будь на чеку. Нѣтъ, братъ, вижу, Жилка, что и ты глупъ.

Жилка завялъ, но только на минуту.

— А вотъ я вамъ, Милитонъ Саввичъ, докажу свою умственность. Сами увидите.

— Ладно-ладно... Посмотримъ... Не долго осталось.

— Недолго-то недолго, — оглянулся кучеръ, — да лошадамя на опушкѣ вздохнуть надо бы.

— Братцы!..

И Жилка взвился какъ одурѣлый, даже Слоновъ испугался.

— Что ты, ну?

— Я глупъ... Нѣтъ, братцы, былъ глупъ одинъ такой.

И вдругъ Жилка сдѣлался необычайно гордъ.

— Мнѣ, братцы, по плечо-то еще и пощещь. Вотъ что. — Каргузь его взлетѣлъ самъ собою на затылокъ, козырькомъ въ небо. — Я глупъ!.. Топоръ-то съ нами есть?

— Нѣтъ, топора нѣтъ.

— Ну вотъ. Благодареніе Господу! Я глупъ. Вотъ вы увидите, какъ я глупъ. Достать надо — топоръ-отъ. Ты деревня рубилъ когда? — обернулся онъ къ Андрону.

— Не случалось...

— Ну такъ попробуешь. Нѣтъ, мы этого Флегонку вотъ какъ въ силокъ возьмемъ. Ахъ ты, тетеревъ-тетеревъ! Думаешь, орисина, медвѣдя ломаешь — такъ и выше тебя нѣтъ. Лѣсное чучело. То-есть Милитонъ Саввичъ какъ мы этого Флегонку полонимъ... Такую я сейчасъ планту — какъ бы полководецъ. Всѣхъ изъ дому вызволимъ. Ахъ вы, дураки-дураки, — и Жилка искренно заливался хохотомъ. — Стадо баранье. Съ кѣмъ связались, съ Жилкой. Нѣтъ, это, братцы — погодить надо. Жилка-то не вамъ чета...

Слоновъ вдругъ и самъ засмѣлся.

— Поняли, Милитонъ Саввичъ?

— Ну, и штукатуръ ты, братъ...

— Нѣтъ, вы меня поняли, сколь я высокъ.

— Да ужъ... Что говорить. Такъ ты Флегонку-то какъ перепела на дудку вызвать думаешь.

— Сами увидите. Какъ по нотама. Настоящее будетъ у насъ паргесное пѣніе. Вы только меня слушайте.

По пути къ лѣсу — выросъ маленькій выселокъ. Должно-бытъ недавно построились — избы еще сосной пахли и бревно смолой потѣло. Кучеръ привернулъ туда — надо было отдохнуть коняма...

— Какъ солнце станеть садиться — мы и поѣдемъ.

— Ладно.

Тяжело вывалился Слоновъ изъ экипажа. Сунулся въ одну избу — бѣдно. Къ другой — получше.

— Самоваръ-то у васъ, у чертей, есть?

— Самъ-то ты изъ раю, что ли? — опросилъ его голось съ небеси.

Милитонъ Саввичъ поднялъ голову къ полатамъ.

— Ты, медвѣдь, чего урчишь? Гостей принимай.

— Батюшки, да это Слоновъ.

— Онъ и есть. Самоваръ ставъ!

— Ладно... Куда Господь несетъ?

— Къ Копрову въ лѣса... Хочу на срубъ покупать.

— Такъ онъ тебѣ и далъ, какъ же. Самъ, братъ, Божьи деревца съѣсть. У него у самого апекиту на нихъ сколько хошь. На моей памяти вереть на пятьсотъ дубравъ извелъ. Душа окаянная. Ты, будемъ такъ говорить, хорошъ. Тоже нашему брату отъ тебя ой тошно. Чуть что — за горло. Купецкая повадка у васъ. Съ издѣтства на мужика вы натасканы. На обиду на самую — но ужъ до Мосея Копрова куда тебѣ. У него подлинно несеть, а не душа. Ты пьешь-пьешь кровь да и отвалишься — сътъ значить, а у него, шалишь. Онъ-те дойдетъ. Ну, да, братъ, и мужикъ тоже не дуракъ. При случаѣ и онъ свое возьметъ. Вотъ тебѣ теперича — самоваръ нужень? Поставить его гривенникъ, — а безъ рубля я и съ полатай не слѣзу! Понялъ?

— Ладно и пятиалтыннымъ подавишься.

— Нѣтъ. Такая у меня душа. Я что разъ присудилъ, такъ тому и быть. Къ чаю-то сливокъ понадобится. Ну такъ за воду, да за сливки — еще рубль... Да услуженіе опять же рубль... Вотъ тебѣ и сказъ. Хочешь чай пить — три отдашь. А нѣтъ — ступай дальше.

— Крестъ-то на тебѣ есть?

— На мужикѣ всегда крестъ. Мы, братъ, и на себѣ носимъ его, и какъ Христосъ несемъ... А вотъ у васъ, у купцовъ, точно что. Поискать-то надо кресты. Я, вѣдь, не сдуру тебѣ это. Ты что думаешь! Возилъ я опрошлый годъ сѣно тебѣ дѣлое лѣто. Ты меня на три рубли при расчетѣ надулъ. Вотъ теперь ихъ и выкладывай обѣ это мѣсто. А иначе я и не шелохнусь. Легъ брюхомъ вверхъ на полати и буду лежать. Жужжи, какъ муха, внизу... У меня мухъ много.

Слоновъ засмѣлся.

— Кузьмой тебя звать.

— Да, видно что такъ. Небось вспомнилъ, какъ я посередь твоего двора лалялся...

— Вспомнилъ.

— То-то, господинъ купецъ. Еще будь счастливъ, что я пятерку съ тебя не спросилъ.

— А можетъ я тебѣ ее и дамъ.

— Ты-го?..

И мужикъ такъ изумился, что даже ноги спустилъ съ полатай.

— Я...

— Н-ну... Ты это тоже, выдумалъ. А что-жь... На милость закона нѣтъ. Только что я такихъ купцовъ еще на вѣку не видывалъ... Господа — точно. Барину угодишь, у ево деньги глупыя, рожонныя деньги. Онъ, братъ, ихъ хребтомъ не выотѣлъ... Онъ тебѣ и десятку бросить — особенно ежели на міру, — чтобъ повеличатся, вотъ де какой я Соломонъ. А чтобы купецъ да охотой. Такого у васъ поведенія нѣтъ!

Радуга. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижаневича, грав. Пястускевичъ.

Устный счет. Съ карт. Н. Богданова-Бѣльскаго грав. Павловъ.

— Ну вот на тебѣ...

Слоновъ вынулъ синенькую бумажку...

Мужикъ мгновенно выросъ передъ нимъ... И даже почтительный видъ припалъ, что очень этому фило-софу не шло.

— Топоръ у тебя, разумѣется, есть?

Мужикъ оторопѣлъ... Посторонился даже.

— Чего ты?—засмѣялся Милитонъ Саввичъ.

— Не ровень часъ... Ишь ты какое придумалъ—топоръ!

— Да что-жъ я тебя, зарублю, что ли, дура.

— Зачѣмъ онъ тебѣ понадобился?

— Въ лѣсъ поѣдемъ. На всякій случай отъ волковъ.

— Ружьемъ отъ волковъ надо... Есть, есть... Только, братъ, за самоваръ съ топоромъ пяти рублей мало. Почему я знаю, какихъ ты волковъ въ лѣсу ищешь. Съ другимъ волкомъ, пожалуй, и я влечу.

— Ну, разговаривай еще... Жилка—поищи топоръ и въ телѣгу...

— Ахъ, купцы, купцы, — сокрушался мужикъ. — Съ вами сговоришь развѣ.

А самъ наклонился куда-то подъ лавку и вытащилъ.

— Вотъ опъ ты—получай. Только ежели что—я, братъ, не въ отвѣтъ. Мое дѣло сторона. Лѣсъ тоже темный. Поди-ка, разберись тамъ. Сказываешь—дерево рубить, я тебѣ вѣрю... Ты это помни...

— Помню, помню. Нечего дурака валять... Тоже и я вижу—ловокъ прикидываться. Пять рублей получилъ и молчи.

— Потому у васъ, господа купцы,—не унимался мужикъ,—замѣсто души-то ржавый гвоздь...

— Тресну я тебя по уху, будешь ты помнить.

— Зачѣмъ по уху... Ухо Божіе. Ты мое ухо рожаль, что ли? Нѣтъ, братъ, по нынѣшнимъ временамъ ухо оставить надобно...

Николай Львовичъ отъ чая отказался. Ему не терпѣлось.

— Я пойду пѣшкомъ въ лѣсъ. Вы меня нагоните,—предложилъ онъ.

— Ступай, ступай. Самъ вижу—кипитъ у тебя. Все равно не усидишь. Ты только не уходи далеко—не ровень часъ... Медвѣдей тутъ въ копровской дубравѣ, волковъ—воинство цѣлое.

— Ладно... Очень я испугался!

— Ты-то не испугаешься, я знаю, только ежели Михаилъ Ивановичъ съ затылка тебѣ шкуру сдеретъ да портретъ завѣситъ, такъ Еленѣ Борисовнѣ пропадать. Кто за нее вступится?

XXII.

„Это правда“,—подумалъ Семигоровъ и вышелъ изъ избы. Кудлатый щенокъ подкатился ему подъ ноги, завивая хвостъ кренделемъ, какаля-то баба съ подоткну-тыми подолами бѣжала издали, на удивленіе вселенной показывая похожая на бревна ноги. „Грибовъ не угодно ли, боровики у меня!“—кричала она. „Спроси въ избѣ!“ Пыль по дорогѣ, позади, еще стояла, вся золотая отъ косыхъ лучей солнца. Впереди было тихо, спокойно. Кротко въ вечернемъ свѣтѣ спѣли нивы. Едва-едва шелестѣли колосья, когда вѣтерокъ собирался про-снуться и, только вздохнувъ, засыпалъ опять. Длинную тѣнь бросали на востокъ большія одинокія деревья—они точно сквозъ золотую сѣтку зеленѣли—такимъ живымъ, желтымъ отблескомъ охватывалъ ихъ закатъ. Оглянувшись на западъ Семигоровъ—и какъ ни тоско-вало, какъ ни болѣло его сердце—залибовался неволью. Точно огнемъ охватывало полнеба, и въ этомъ червон-номъ полымѣ совсѣмъ уже черными казались избы вы-седка и зубчатымъ рубчикомъ на горизонтѣ чудился женскій монастырь. Вѣяло свѣжестью. Востокъ, весь сизый, будто холодѣлъ въ ожиданіи медленно подступавшей ночи. Тамъ ужъ собирались призрачныя, лазо-

ревыя сумерки... Семигоровъ быстро шелъ по дорогѣ. Ему надо было уговорить себя, а то дышалось трудно, грудь съ большою ширилась, словно хотѣла все, что было передъ нею, заключить въ свою крѣпкую кѣтку. Кровь горячо лилась по жиламъ, такъ горячо, что ноги горѣли... Думалъ ли онъ о чемъ-нибудь—едва ли. Разъ даже поймалъ себя на томъ, что шаги считаетъ. До двухсотъ восьмидесяти шести дошелъ и очнулся. Въ нивахъ звонъ и въ головѣ тоже. Точно всѣ эти кузне-чики собрались подъ его черепъ и трещать тамъ во всю. И въ воздухѣ пѣло—сотни птичекъ взвивались вверхъ, носились въ вечерней теплой чистотѣ темными точками, радостно трепетали крылышками и серебря-нымъ дождемъ роняли на землю—наивныя, простенькія, какъ полевые цвѣты и какъ они казавшіяся счастли-выми, рулады... Мужикъ ѣдетъ навстрѣчу. Въ лѣсу былъ—ишь сколько валежника набралъ. Заходящее солнце зажгло его рубаху—такъ и горитъ, и ва-лежникъ весь убрался яркими красками... Когда телѣга поровнялась съ Семигоровымъ, оттуда вдругъ подня-лась кудлатая дѣтская головенка. Волосы свѣтлѣе лица, а глаза свѣтлѣе волосъ... Мужикъ поклонился, почему-то задергалъ вожжами, такъ что жалкая четве-роногогая кляча какъ-то бокомъ—бокомъ поскокала, от-топыривая дугою хвостъ и мотая шершавою головою. Лѣсъ все ближе и ближе. Теменью обложили дали и супится оттуда, синій, мрачный, зловѣщій. Еще ничего не разобрать въ немъ—туча тучею пока, но Семиго-ровъ не можетъ оторвать глазъ отъ него. Тамъ, гдѣ-то, въ таинственной глубинѣ—она. Ждетъ ли его Елена? Должно-быть. Не можетъ она думать, что онъ оставитъ ее, дорогую, родную, милую, въ рукахъ жестокаго и причудливаго старика-тестя... Сидитъ у окна, вѣрно, и пристально-пристально смотреть въ лѣсную муть и глубь—не покажется ли тамъ въ безмолвіи и сумракѣ знакомая фигура. И сердце у нея бьется, и слезы на глазахъ. Такъ бы и выкинулась въ окно навстрѣчу. А и къ окну ей подойти нельзя. Въ горницѣ—тесть, и пилить, пилить ее, ругается надъ нею. Только ли это? Копровъ на все способенъ. Скотина безпощад-ная. По-мужицки къ веревкѣ привяжетъ да какому-нибудь изъ „рабовъ“ своихъ прикажетъ у себя на глазахъ учить ее вожжей. И кровь кидалась въ голо-ву Николаю Львовичу, и ноги быстрые шли къ си-зой тучѣ далекаго лѣса, а глаза оборачивались. „Что-жъ они не ѣдутъ, чего ждутъ, развѣ можно медлить такъ. Кони не выдержатъ! Пусть колѣютъ—лишь бы изъ лѣсу вывели—а тамъ не до нихъ.“ Что-то шарахну-лось въ нивѣ—по тому направленію, куда оно пробѣжало, колеблются усатые колосья, шуршатъ... Не зайць ли векинулся. Хорошо, что дороги не перебѣжалъ—сквер-ный знакъ. Семигоровъ поневолѣ дѣлался суевѣрнымъ... Чу, что это? Точно скрипятъ... Должно-быть въ оврагѣ коростели... Изъ травы далекаго луга перепада рѣзко и отчетливо, точно команду свою выкрикиваютъ: „спать-пора, спать-пора“. Ночь близится и близится съ своей сы-рою тьмою, сновидѣніями, кошмарами, съ ужасами про-сыпающейся совѣсти и покоемъ отходящей усталости. Вонъ и солнце точно громадная золотая капля опускается въ розовый океанъ—перерѣзалось темною черточкою непо-движно вытянувшася облачка, коснулось края земли... „Ахъ, ты, Господи—да когда же они выѣдутъ? Не вер-нуться ли поторопить ихъ?.. Нѣтъ—они скоро вѣрно. Не могутъ же забыть въ самомъ дѣлѣ... Нельзя этого—она ждетъ... А если они раздумали? Все равно—онъ одинъ разнесетъ подлое гнѣздо... „Замокъ Черномора!“—по-чему-то пришло ему въ голову, хоть онъ гораздо болѣе былъ похожъ на Руслана, чѣмъ старикъ Копровъ, бри-тый и хилый, на волшебника...

И онъ еще быстрѣе шелъ впередъ въ загадочную область вечернихъ сумерекъ... Онѣ были уже близки, ему даже казалось, что суровый, молчаливый лѣсъ на-

двигается на него отовсюду. Еще недавно дубрава выступала на горизонтѣ, а теперь точно обнимаетъ поля. Николай Львовичъ видѣлъ ее и направо, и налево. Оттуда онъ охватывалъ Семигорова, будто хотѣлъ заключить его въ очарованный кругъ, а передъ нимъ самимъ отступалъ въ глубину. Солнце сѣло. Червонное золото заката гасло. Небо, точно обморочное, блѣднѣло. Краски жизни сбѣгали съ него, и что-то немощное, покорное, болѣзненное сказывалось въ этотъ часъ въ обмирающей передъ строгимъ взглядомъ ночи, усталой за день природѣ. Тускли пивы — кое-гдѣ между колосьями блесовѣлъ туманъ, словно тамъ расплзлась вата. Спрятались васильки. Голубыхъ огоньковъ ихъ не замѣтилъ бы даже и внимательный взглядъ. Одурѣвшій отъ своего собственнаго, снотворнаго дыханія, пыльный макъ свертывался и засыпалъ. Все силывалось, распускалось, таяло, и ночь — безмолвная, спокойная, царственно величавая, одна уже подымалась съ востока, влача въ складкахъ своей мантии мириады звѣздъ... Въ ея призрачномъ обаяніи лѣсъ казался еще выше, и когда Семигоровъ вошелъ сюда, когда надъ нимъ поднялись могучіе гиганты старой дебри — его обьяло чувство — не страха, нѣтъ... а того благоговѣйнаго трепета, который закрадывается въ вѣрующаго, когда среди мистическаго безмолвія храма раздается невѣдомо гдѣ рождающееся и куда уносится: „свѣте тихій“. Дѣйствительно, такой „свѣте тихій“ струился сюда изъ безднъ вѣчности. Яркій дневной отошелъ, и въ сумракѣ таинственнаго лѣса лился другой, нездѣшній, видоизмѣнявшій формы, дѣлавшій сущность призракомъ и призракъ сущностью. Въ немъ и мерцаніе звѣздъ, и что-то еще болѣе далекое, задумчивое, непонятное, и грустное, и страшное въ одно и то же время. Шель, шель Семигоровъ, и вдругъ ему показалось, какъ онъ малъ и какъ велики эти сосны. Точно колонны безпредѣльнаго храма, онѣ подымались въ чудившуюся недостигаемую высоту и тамъ сплетались легкими сводами, не настолько густыми, чтобы кое-гдѣ въ нихъ не мерцала робкая звѣзда — какъ отблескъ надежды, утѣшающей во мракѣ. Тишина, какая тишина! Только въ соборахъ да въ лѣсу така! Слышишь свое сердце, видишь свои думы и мысли — потому что кругомъ міръ чудеснаго, онъ воплощаетъ незримое, а зримое тонетъ въ его глубинахъ. Онъ самъ васъ слушаетъ, пристально, внимательно — подымая въ высотѣ надъ вашею головою могучія благословляющія руки. Эти руки облиствѣло. Ночь ихъ сливается съ другими такими же, но вы ихъ чувствуете надъ собою. Глубже и глубже уходилъ въ лѣсъ Семигоровъ — вольнѣе дышалось ему въ этомъ мракѣ, исполненномъ неразрѣшимой тайны... Вѣтра не было совсѣмъ — ни одна вѣтка не колыхалась. Листья и тѣ погружены въ недвижное созерцаніе чего-то видимаго не человѣку, но той природѣ, которую мы въ высокомѣрїи зовемъ неодушевленной. Изрѣдка съ высоты, мягко шурша сквозь стебли, падала глухо въ песокъ шишка, и этотъ звукъ на мгновеніе наполнялъ собою цѣлый лѣсъ... Чу... Что это?.. Точно сквозь чашу протискивается что-то большое, сильное, грузное?.. Или волокутъ его. Топота не слышно — одно сплошное шуршаніе... Дорога чуть видна... Просѣкою — прямо у самыхъ ногъ — дальше она сплывается. Точно тамъ и міру конецъ, и бездна. Ступишь еще нѣсколько шаговъ и полетишь въ нее... Сосна отошла — не видать этого Николай Львовичъ, но ощущаешь запахъ березы... Должно-быть тутъ-то и начинаются настоящія чащи. Все переплелось, перепуталось. Зеленью воздухъ гонитъ прочь — такъ она густа. Истинно несосѣдимое царство, гдѣ днемъ вокругъ васъ цѣлый изумрудный міръ самыхъ неожиданныхъ формъ, сочетаній, изрѣдка раздающихся, чтобы пропустить солнечный лучъ, который пишетъ на всей этой листвѣ загадочные іероглифы. Постоянно смѣняющіяся золотыя письмена

его говорятъ что-то — но взору смертнаго не разгадать ихъ смысла. Тутъ свѣжѣе. Семигоровъ чувствуетъ на своемъ лицѣ влагу. Пьетъ ее дыханіемъ. Въ самомъ воздухѣ странное движеніе. Онъ стоитъ, но вы угадываете въ немъ трепетъ какихъ-то крохотныхъ крыль, точно мириады эльфовъ проснулись и купаются въ ночной прохладѣ — радостные, но безмолвные... Чу, что это? Николай Львовичъ невольно вздрогнулъ... Какой это шумъ позади?.. Наконецъ-то.

Они!.. Онъ подождалъ. Тройка подвигалась тихо. Видимо, боялись пропустить его. Гдѣ тутъ разберешь, въ этой жути!

— Николай Львовичъ!..

Онъ отозвался.

— Ну, слава-те Господи. А я ужъ думалъ — не разминулись ли. Лѣсъ, братъ, окаянный. Въ немъ точно пылинка утонешь. Садись, миляга... Ну, Андронъ. Ты какъ?

— Спужамшись, господа купцы.

— И того лучше. Значить, дѣло будетъ какъ слѣдуетъ. Жилка — дышишь?

— О, Господи! — отозвался тотъ съ козелъ, съ трепетнымъ голосомъ. Видимо не по себѣ человѣку.

— Дыши, дыши! — ободрилъ его Слоновъ. — Показывай свою умственность. Долго еще?

— Да... Лѣсъ-то не сразу осилишь...

Завыло въ глубинѣ... Жилку такъ и дернуло. Тихо ѣхали, а онъ за облочокъ уцѣпился.

— Это что? Волки? — спросилъ Андронъ.

— Да. Ты-то городской... Никогда не слышалъ?

— Не случалось. Страшные?.. А?.. Какъ не страшные — поди... А тоже и волку ѣсть-то хочется, и ему жить указано... А медвѣди?

— Медвѣди ночью спятъ. Медвѣдь, братъ, какъ купчиха на хорошихъ хлѣбахъ. Чуть смеркнетъ, онъ ужъ и заваливается до утра. Покой любить — гдѣ помгче.

— Что ты даве сказать мнѣ хотѣлъ?.. — обернулся Слоновъ къ Николаю Львовичу.

— Когда? — не сообразилъ онъ.

— А какъ мы изъ городу ѣхали.

— Постой, я ужъ забылъ... Да... Вотъ что. Мнѣ — ты меня прости, — а твою мать Мелетія не съ руки.

— Почему? Старица обстоятельная!

— Да... Но Еленѣ Борисовнѣ тамъ не покажется.

— Это ты насчетъ грѣшныхъ купецкихъ дѣвицъ? Дѣйствительно. Жизнь у нихъ веселая. Нашъ братъ заѣдетъ — не знаетъ Мелетія чѣмъ угодить благодѣтелю... И сама кренделемъ ходитъ, и дѣвицы пѣсни поютъ, которыя не по тайности... Ну, а тѣ — по лѣсу хоронятся въ куткахъ такихъ.

— Вотъ видишь. Я другое надумалъ. Барсуковыхъ знаешь?

— Пуню съ Нюней? Дѣвицъ-мироносицъ... Блаженныхъ иже въ чалнѣ жениха...

И Слоновъ захохоталъ на цѣлый лѣсъ, да такъ, что Жилка, и тотъ перепугался и взволновался.

— Помилуйте, Милитонъ Саввичъ, ужи-жъ такъ-то... Медвѣдей и тѣхъ подымете.

— Ничего, подумаетъ, лѣшій по лѣсу ходить.

— Лѣшій. Нѣтъ, тутъ одинъ лѣшій и есть, Флегошка-оглашенный. Онъ-те лѣшаго покажетъ.

— Пуня съ Нюней, какъ не знать. Пуня-то у меня въ лавкѣ сигары забираетъ — для воображенія...

Семигоровъ усмѣхнулся.

— Ну, такъ вотъ на первые дни къ нимъ. Пока не догадаются.

— А потомъ?

— А потомъ — уѣдемъ. Отдѣльный видъ похлопочемъ.

— На жительство, это такъ, правильно. А то отъ одной полици не отчихаешься. Какъ банный листъ пристанетъ.

— Послѣ за границу.

— Во всё Европы? Для легкаго воздуха?

— Нѣтъ, а пока здѣсь не позабудется и въ норму не войдетъ.

— Плакали наши денежки!

— Что?—не понялъ Семигоровъ.

— Въ Европахъ-то рублю—полтинникъ цѣна, да и за тѣмъ находишься... Пусти меня туда—пропалъ челоуѣкъ. „Папы съ мамой“—не скажу. Какъ бы въ обалдѣннн—видишь напитки,—а какъ спросить, не знаешь. Нашъ Лососевъ ѣздилъ. Вернулся—пуда полтора въ вѣсѣ потерялъ. Полгода пилъ, чтобы въ себя придти. Вотъ какъ нашему брату въ Европахъ. Еленѣ-то Борисовнѣ что—она, поди, на всѣхъ языкахъ. Да и ты ученъ. А меня титенька, не тѣмъ будь помянуть—больше палкой... Страхъ Божій внушалъ,—а остальное, говаривалъ—само приложится. Я, братъ, въ настоящемъ россійскомъ университетѣ. Съ десяти лѣтъ до девятнадцати изъ синяковъ не выходилъ. И слѣдуетъ, и не слѣдуетъ,—а покойникъ, царство ему небесное—безперечь дупить: „ежели не заслужилъ—Богъ тебѣ зачтетъ!“—говаривалъ. Умный былъ старикъ. Всѣмъ нашимъ капиталамъ первоисточникъ. Вотъ только сестру обидѣлъ. Силкомъ замужъ выдалъ. Въ ногахъ она у него валялась,—а опъ зубами скрипѣлъ только... Ну, и кончилось—борони Боже.

И Слоновъ вдругъ замолкъ...

Поблѣднѣлъ даже, вспоминая, какъ нынѣ благополучно замаливающая грѣхи смиренная старика мать Агннн—распорядилась съ постылымъ и жестокимъ супругомъ. Какъ бы и Еликонида не ударило въ голову то же. „Одно,—думалъ онъ,—по нашимъ мѣстамъ, у бабъ спасеніе. Либо керосиномъ облить да спалить, либо у деревенской повитухи снадобья выпросить—да мужу въ водкѣ подать. Кушай, другъ любезный! На здоровье...“

— И называется это,—вслухъ уже окончилъ онъ,—супружеская любовь!.. Да, братъ, Николай Львовичъ—много еще дикости. Сказано: миръ во злѣ лежитъ. Вамъ-то, господамъ, это не такъ видно, ну, а мы довольно хорошо увѣдомлены: ходи опасно. Супруга-то изъ нѣжныхъ ручекъ рюмку подносить—ангелъ стоящій,—а въ рюмкѣ со святыми упокой раба твоего Милитона. А впрочемъ, какъ и имъ отъ насъ не защищаться. Истерзается, измучится, ополоумѣетъ,—либо самой въ пролубь, либо супруга въ горннн. Такъ ужъ лучше супруга. Читалъ я въ газетѣ вчера, будто кушець у насъ облагогородился и такихъ, какъ прежде, орасинъ нѣтъ. А я тебѣ скажу, что къ Питеру да Москвѣ поближе, пожалуй, и отполировалась первая гильдія, а по нашимъ мѣстамъ—нѣтъ. Тѣ же единороги, что и прежде. Хоть бы Лососева взять—двухъ женъ забилъ—на третьей женился. А и та ужъ кашляетъ. А Пудовиковъ—отъ него супруга-то въ петлю полѣзла—едва выручили. Ну, и я хоть бы. Люблю Еликонидку. Хорошо, что она въ тѣлѣ. Сбита—первый сортъ. А думаешь я ее пожалѣю. Коля тверезый—да... А пьяному всякая вина вивовата. И съ чего это, братцы,—такая неукротимость? Откуда экіе Георгинн-побѣдоносцы объявились. Я такъ думаю—глубоко въ насъ обида засѣла, ну, мы за нее и спрашиваемъ съ тѣхъ, кто послабѣй. Меня титенька дубасилъ. То-есть такого дерева нѣтъ, которое по мнѣ не ходило. Всякимъ полировалъ. Ну, сталъ я на дыбы, а внутри жжетъ. На подобіе жажды въ пустынѣ. Тамъ елень источникъ водныхъ ищетъ, а мы—на комъ бы обиду сорвать. Просто-напросто—дивіе мы народы...

И Слоновъ горестно задумался, мотая во тѣмѣ лохматою головой.

Все молчало. И лѣсъ, и люди... Только колеса мягко катились по дорогѣ да переборъ лошадиныхъ копытъ раздавался въ этой тишинѣ.

— Милитонъ Саввичъ, Николай Львовичъ... — обернулся Жилка.

— Ну?

— Теперь скоро... А у самого голость, какъ козій хвостъ, такъ и торшывается.

— Жилка... Дамъ я тебѣ по шеѣ и ставовую жилу оборву!—пригрозилъ ему Слоновъ.— Съ нами ѣдешь да трусишь, изуитская душа!

— Помилуйте, смертоубойствомъ пахнеть.

— Съ тебя перваго и начнемъ. Осину отыщемъ и повѣсимъ Іуду... Андронъ, повѣсишь?

— Ежели прикажете, господа купцы, повѣшу... —немедленно согласился онъ.

— Ну вотъ, Жилка, слышишь... Я тебя, Андронъ, за то и люблю, что хоть ты и Самсонъ Самсонычъ,—а своего разуму у тебя нѣтъ. Что дитѣ малое. Какъ это ты, братъ, съ кротостью своей на Сахалинъ не угодилъ. Ну, да погоди—будешь съ нами ввязаться и отъ Сахалина не уйдешь. Въ теченіе времени. Надѣйся.

Проѣхали еще. Вслушивается Милитонъ Саввичъ... Что это?

— Жилка, ты? Смѣешься?

— Я-съ.

— Чему?... Аль спятилъ.

— Нѣтъ... Рано еще пятить мнѣ. Планта моя готова... Тому и смѣюсь. Я къ вамъ за минуточку. Онъ живо перемахнулъ въ коляску и, хоть ниотъ чужой его не слышалъ, зашепталъ на ухо Слопову. Семигоровъ только и слышалъ... „Флегошка-то, оглашенный, туды... И вы съ Мосеемъ... А ключикъ подъ подушечкой... Николаю Львовичу—въ коляскѣ... Точно и нѣтъ...“ И опять шопотъ... Кончилъ Жилка, откинулся...—Ну-съ?

Милитонъ удивленно моталъ лохмами.

— Нѣтъ, какъ я это,—восхищался Жилка.— Точно генералъ на страженнн.

— Д-да... Быть тебѣ министромъ, братъ... Либо на каторгу угодишь. Точно что, не перешибешь теби. Экая изва, прости Господи... Моська-то, Моська озлится... И концовъ нѣтъ...

— Лишь бы Андронко не скиксовалъ.

— Андронко... Слышь...

Тотъ мотнулъ головою.

— Ну, теперь—цыцъ... Умерли быдто.

Нѣсколько минутъ ѣхала коляска. У Семигорова такъ билось сердце—думалъ, за версту слышно; весь народъ у Моисея Лукича на хуторѣ перебудить. Онъ схватился за грудь отъ боли. И дышать дѣбается труднѣе. Сейчасъ должно все окончиться. Натомилась, намучилась бѣдняжка—ну, да близокъ часъ. Воля—любовь—радость. Фу, какъ хорошо. Потемки останутся назади—впереди все свѣтомъ затонить. Слѣбитъ загоди и издали. Что имъ до другихъ! Пусть говорятъ. Миръ великъ, есть гдѣ спрятаться отъ злыхъ языковъ и подлыхъ людей, пока можно будетъ все привести къ разводу и свадьбѣ. Надоѣтъ же Алексѣю Моисеевичу мыкаться. Придушить бы эту гадину—старика. Да ужъ очень противно. У него вѣдь всё концы и узлы. Одинъ, какъ паукъ, держитъ ихъ! Тихо, тихо подкатилась коляска къ большой полянѣ. Посреди ея не видать дома, только что-то темное и большое мерещится, и въ этомъ темномъ и большомъ внизу огонекъ. Должно-быть, старикъ сидитъ, занимается дѣлами. Опъ всегда въ этотъ часъ повѣряетъ счеты.

— Николай Львовичъ... Откинись въ уголъ и умри, слышишь. Нѣтъ тебя... А ты, братъ,—обернулся Слоновъ къ кучеру,—проѣзжай лошадей, да подальше. Ну—помози Боже!

Слоновъ перекрестился. Всѣ послѣдовали его приѣзру.

— Андронъ!..—ткнулъ его въ шею Жилка.

— Н-ну?

— Не ори, дура! Меня слушай. Видишь вонъ большое дерево...

Новая игрушка. Съ карт. Клейншмидта грав. Брендамуръ.

— Игдѣ?

— Вонъ... Обломъ несуразный... Видишь. Слава-те, Господи. Прозрѣлъ. Бери топоръ. Становись туда. За дыловину, чтобы тебя не видѣли. Какъ я свистну— начинай рубить— да во всю. Безъ всякаго страха, чтобы тебя далеко слышно было. Понялъ, жди свисту...

— Чего не понять.

— Веревокъ прихвати... на случай... Ну, теперь все ладно.

Слоновъ дождался, когда тѣнь Андрона исчезла за назначеннымъ деревомъ. Волкодавы подняли оглушительный лай... Моисеевы собаки отозвались тоже... Волкодавы уже привыкли къ нашимъ путникамъ. Одна изъ нихъ подбѣжала къ Андрону— скорѣй разняховъ его, чѣмъ отличивъ въ ночной тьмѣ; ткнулась ему подъ руку— поласкай-де... Другая стала передъ выходомъ изъ коляски, грозно скали зубы невидимому врагу.

— Эй, кто тутъ живъ человѣкъ...—заоралъ Слоновъ такъ, что и мертвые бы проснулись.

Весь лѣсъ будто охнулъ въ отвѣтъ—далеко въ молчаливыя дубравы унесся голосъ Милитона Саввича.

Жилка пристально смотрѣлъ въ окно, гдѣ должна быть Елена Борисовна. Тамъ мелькнуло бѣлое что-то.

— Она и есть. Все, значить, какъ по нотамя.

— Эй... Вы. Лѣсные черти... Дьяволы!

Крыльцо отворилось... Громадная фигура Флегонта оказалась въ немъ.

Жилку отъ одного его вида въ потъ ударило. „Кулакомъ ушибеть до смерти, чучело!“—сообразалъ онъ.

— Кто тамъ?

— Моисей Лукичъ—тутъ?

— Тутъ. А ты что за человѣкъ будешь?

— Поди, дуракъ, доложи, купецъ Слоновъ собственной персоной, дерево стоеросовое.

— Ругайся,—ворчалъ Флегонтъ.

— Такъ ли еще тебя. Человѣкъ усталъ съ дороги, дѣло имѣеть, а ты разговариваешь.

— Ладно...

— И я тутъ,—пискнулъ Жилка.—Я ужъ къ хозяину прямо...

Они прошли. Слоновъ вылѣзъ. Волкодавъ потерялъ у его ногъ.

— Молодецъ собачка!—похвалилъ онъ ее. Потонулся въ коляску, отыскалъ руку Семигорова. Пожалъ. Она была холодна и дрожала.

(Продолженіе будетъ.)

Союзъ рыжеволосыхъ.

Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ.

А. Кононъ-Дойля.

(Окончаніе.)

Мы доѣхали по подземной желѣзной дорогѣ до Алдергэта; короткая прогулка привела насъ къ Саксъ-Кобургъ-скверу, мѣсту, гдѣ разыгралась своеобразная исторія, услышанная нами сегодня утромъ изъ устъ Джеббъ Уильсона. На небольшомъ, обнищавшемъ прострѣтѣ, претендовавшемъ, однако, мѣстами на роскошь, сгущались четыре ряда темныхъ, двухэтажныхъ кирпичныхъ строеній съ маленькими, обнесенными оградой, садиками, въ которыхъ лужайка сорной травы и нѣсколько групп увядшихъ лавровыхъ деревьевъ тѣсно боролись съ дымящою атмосферою, пропитанною всевозможными запахами. Три позолоченныхъ шара и коричневая доска съ бѣлою надписью „Джеббъ Уильсонъ“ на угловомъ домѣ сообщили намъ о мѣстѣ, гдѣ нашъ рыжеволосый клиентъ велъ свои дѣла. Шерлокъ Холмсъ остановился передъ домомъ и, наклонивъ голову на бокъ и прищуривъ вѣки, сталъ оглядывать его сверху до низу жадно сверкающими глазами. Затѣмъ, пройдя медленно вверхъ по улицѣ, онъ повернулъ обратно, не отрывая глазъ отъ строеній. Наконецъ, онъ возвратился къ дому ломбардщика и, сильно ударивъ тростью два или три раза по тротуару, подошелъ къ двери и постучался. Ее сейчасъ же отворилъ молодой человѣкъ съ чисто выбритымъ и сияющимъ лицомъ и попросилъ его войти.

— Благодарю васъ,—сказалъ Холмсъ,— я только желалъ узнать, какъ пройти отсюда до Стрэнда.

— Третья улица направо, четвертая налево,— быстро проговорилъ помощникъ, заперъ дверь.

— Ловкій паренъ,—замѣтилъ Холмсъ, удаляясь со мною отъ дома.

— Очевидно,—замѣтилъ я,—помощнику м-ра Уильсона принадлежить немаловажная роль въ этой таинственной исторіи союза рыжеволосыхъ. Я увѣренъ, что вы спросили его, какъ пройти къ Стрэнду, только съ дѣлюю увидѣть его самого.

— Не его.

— А что же тогда?

— Колѣна его брюкъ.

— И что увидѣли вы?

— То, что я ожидалъ.

— Почему вы ударили тростью по тротуару?

— Мой дорогой докторъ, время теперь для наблюдений, а не для разговоровъ. Мы нионы въ неприятельской территоріи. Кое-что мы уже знаемъ о Саксъ-Кобургъ-скверѣ. Исследуемъ же теперь части, лежащія позади.

Улица, на которой мы очутились, повернувъ за уголъ уединеннаго Саксъ-Кобургъ-сквера, представляла такой же разительный контрастъ, какъ передъ картиною къ ея обратной сторонѣ. Это была одна изъ главныхъ артерій, соединяющихъ Сити съ сѣверомъ и западомъ. Мостовая была загромождена возами, экипажами, дилижансами, а панели чернѣли слѣдившей толпою пѣшеходовъ. Дѣйствительно трудно было представить себѣ, что эта линия великолѣпныхъ магазиновъ и представительныхъ дѣловыхъ конторъ граничитъ на противоположной сторонѣ съ заглохшимъ и соннымъ мѣстомъ, только что покинутымъ нами.

— Позвольте,—сказалъ Холмсъ, остановившись на углу и

окидывая взглядомъ рядъ строеній,—я хотѣлъ бы запомнить порядкомъ домовъ здѣсь. Моя слабость—подробно знать Лондонъ. Вотъ это домъ Мортимера, табачнаго торговца, за нимъ лавочка газетъ и журналовъ, далѣе Кобургское отдѣленіе „Центральнаго банка“, затѣмъ ресторанъ вегетарианцевъ и, наконецъ, экипажная фабрика Макъ-Фарлэна. Это приводитъ насъ какъ разъ къ другому концу. А теперь, докторъ, мы сдѣлали свое дѣло; поэтому пора послушать немного музыки. Сандвичъ и чашку кофе, а затѣмъ въ царство скрипки, гдѣ насъ ожидаютъ блаженство и гармонія и гдѣ вѣтъ рыжеволосыхъ клиентовъ, которые могли бы сердить насъ своими выходками.

Мой другъ былъ увлекающимся музыкантомъ и не только отлично передавалъ произведенія классиковъ, но самъ былъ также выдающимся композиторомъ. Весь полдень просидѣлъ онъ въ креслѣ, наслаждался самымъ реальнымъ счастьемъ и слегка помахивалъ своими длинными, тонкими пальцами въ тактъ музыки; между тѣмъ какъ его спокойно улыбающееся лицо и его тонныя, мечтательныя глаза были совершенно не похожи на черты лица Холмса, этой неутомимой ищейки,—Холмса, немилосерднаго, проинициальнаго, ловкаго уголовного агента. Въ его двойственной натурѣ черты своеобразнаго характера, смѣнялись, исполняли другъ друга, и его крайнія находчивость и хитрость представляли, какъ мнѣ часто казалось, реакцію поэтическаго и мечтательнаго настроенія, временами преобладавшаго въ немъ. Порывы его природы перебрасывали его отъ крайней апатіи къ всепоглощающей энергіи, и я хорошо зналъ, что никогда онъ не былъ такъ погружающе страшенъ, какъ послѣ того, какъ дилемъ безъ конца бездѣйствовалъ въ креслѣ среди своихъ музыкальныхъ импровизаций и своихъ дневниковъ. Видя его въ этотъ день въ Сентъ-Джемсъ-Холѣ, поглощеннымъ до такой степени музыкою, я почувствовалъ, что плохое время наступитъ для тѣхъ, кого онъ намѣтилъ для своего преслѣдованія.

— Вы желаете, безъ сомнѣній, отправиться домой, докторъ?— замѣтилъ онъ, когда мы выходили изъ концерта.

— Да, я думаю, это лучше всего.

— А мнѣ предстоитъ дѣло, которое займетъ нѣсколько часовъ. Это дѣло въ Кобургъ-скверѣ серьезно.

— Почему серьезно?

— Значительное преступленіе находится въ зачаткѣ. Я имѣю основаніе предполагать, что намъ въ-время удастся отграбить его. Но обстоятельство, что сегодня суббота, порядочно осложняетъ дѣло. Мнѣ нужна будетъ ваша помощь сегодня.

— Въ которомъ часу?

— Десять не будетъ поздно.

— Я буду въ Бэкеръ-стритѣ въ десять часовъ.

— Отлично. И потомъ, докторъ, очень можетъ-быть намъ будетъ угрожать небольшая опасность, поэтому захватите, пожалуйста, съ собой вашъ револьверъ.

Онъ махнулъ мнѣ рукою, повернулся на каблукъ и мгновенно исчезъ въ толпѣ.

Удивительное дѣло,— въ своихъ сношеніяхъ съ Шерлокомъ Холмсомъ я всегда былъ подавляемъ сознаніемъ своей собственной глупости. Вотъ, напримѣръ, я слышалъ то же самое,

что онъ, я видѣлъ то, что видѣлъ онъ, и все-таки изъ его словъ было очевидно, что онъ ясно видѣлъ не только случившееся, но и то, что можетъ случиться, между тѣмъ какъ для меня вся эта исторія все-таки оставалась запутанною и неправдоподобною. На возвратномъ пути къ себѣ, въ Кенсингтонъ, я обдумалъ все это дѣло, начиная съ необыкновеннаго разказа рыжеволосаго перепищика „Энциклопедіи“ и кончая визитомъ въ Саксъ-Кобургъ-скверъ и аловѣщими словами, съ которыми Холмсъ разстался со мною. Что означаетъ эта ночная экспедиція, и почему долженъ я отправиться вооруженнымъ? Куда предстоитъ намъ отправиться и что предпримемъ мы? Холмсъ намекнулъ мнѣ, что этотъ гладколицый помощникъ ломбардщика ужасный человѣкъ,—человѣкъ, способный сыграть опасную шутку. Какъ я ни пытался разгадать все это, но долженъ былъ, наконецъ, отказаться отъ этого дѣла въ отчаяніи и отложить до тѣхъ поръ, пока ночь не дастъ какого-нибудь объясненія.

Было четверть десятаго, когда я вышелъ изъ дому, и, пройдя черезъ паркъ и Оксфордъ-стритъ, пробрался въ Вэкеръ-стритъ. Двѣ пролетки стояли у дверей, и яри входѣ въ коридоръ я услышалъ шумъ раздававшихся наверху голосовъ. Войдя въ комнату, я засталъ Холмса въ оживленной бесѣдѣ съ двумя господами, въ одномъ изъ которыхъ я призналъ Питера Джонса, правительственнаго полицейскаго агента, между тѣмъ какъ другой былъ длинный господинъ съ грустнымъ лицомъ, съ сильно лоснящейся шляпой на головѣ и не въ особенно представительномъ сюртукѣ.

— Ага! наша партія въ полномъ составѣ,—сказалъ Холмсъ, застегивая свою коротенькую визитку и снимая съ вѣшалки свою тяжелую охотничью дубинку.—Уатсонъ, мнѣ кажется, вы знакомы съ м-ромъ Джонсомъ изъ Скотландъ-Ярда. Позвольте мнѣ представить васъ м-ру Мерриуэверъ, который будетъ нашимъ товарищемъ въ нашемъ походе сегодняя ночью.

— Мы охотимся понароно опять, докторъ, какъ видите,—сказалъ Джонсъ съ своеобразною ему манерою заключенія.—Нашъ другъ удивительный человѣкъ, что касается устройства травли. Онъ имѣетъ свои собственные маленькіе методы, которые, если они позволяютъ мнѣ такъ выразиться, немного слишкомъ теоретичны и фантастичны, но онъ выѣщаетъ въ себѣ зачатки сыщика. Я не преувеличу, сказавъ, что однажды или дважды, какъ, напримеръ, въ этомъ дѣлѣ убійства Шолто и въ кладѣ Агра, онъ былъ почти болѣе правъ, чѣмъ правительственная сысканая комиссія.

— О, если вы это говорите, м-ръ Джонсъ, тогда я спокоенъ!—почтительно отвѣтилъ незнакомецъ.—Тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что я терю свой робберъ. Это первый суббота за двадцать семь лѣтъ, что я вечеромъ не сыграю своего обычнаго роббера въ карты.

— Мнѣ кажется, вы найдете,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ,—что будете играть сегодня по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ когда-либо вамъ приходилось, и что игра будетъ болѣе возбуждающею. Для васъ, м-ръ Мерриуэверъ, ставка превыситъ тридцать тысячъ фунтовъ, а у васъ, Джонсъ, въ рукахъ будетъ человѣкъ, котораго вы давно уже желаете изловить.

— Джонъ Клэй, убійца, воръ, взламыватель и поддѣлыватель. Онъ молодой человѣкъ, м-ръ Мерриуэверъ, но находится на высотѣ своей профессіи, и я болѣе желалъ бы падѣть свои браслеты на него, чѣмъ на любого преступника въ Лондонѣ. Онъ замѣчательный человѣкъ, этотъ молодой Джонъ Клэй. Его дѣдъ былъ королевскимъ принцемъ, а самъ онъ былъ въ Итопъ и Оксфордъ. Его мозгъ такъ же подвиженъ, какъ его пальцы, и хотя мы на каждомъ шагу пытаемся на его слѣды, мы никогда не знаемъ, гдѣ искать его самого. Въ одну недѣлю онъ взламываетъ кладовую въ Шотландіи, а въ слѣдующую собираетъ деньги въ Кориваллисѣ, чтобы построить пріютъ для сиротъ. Я шелью не его слѣдамъ цѣлыми годами и никогда еще не видалъ его въ лицо.

— Надѣюсь, я буду имѣть удовольствіе представить его вамъ сегодняя ночью. И я также имѣлъ одно или два дѣла съ м-ромъ Джонъ Клэй и согласенъ съ вами, что онъ находится на высотѣ своей профессіи. Однако, уже одиннадцатый часъ, и давно пора намъ двинуться въ путь. Вы двое возьмете первую пролетку, Уатсонъ и я послѣдуемъ за вами въ другой.

Шерлокъ Холмсъ былъ не очень общителенъ во время ѣзды и полулежалъ въ пролеткѣ, прислонившись спиной и напѣвая мелодіи, которыя онъ слышалъ днемъ. Мы пролегли черезъ безконечный лабиринтъ освѣщенныхъ газомъ улицъ и выбрались, наконецъ, въ Фарингдонъ-стритъ.

— Мы находимся уже довольно близко теперь,—замѣтилъ мой другъ.—Этотъ господинъ Мерриуэверъ—директоръ банка и лично заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Я думалъ, что намъ не помѣшаетъ захватить съ собою и Джонса. Онъ не плохой парень, хотя круглый невѣжда въ своей профессіи. Но онъ имѣетъ одну положительную добродѣтель. Онъ отваженъ, какъ бульдогъ, и цѣнокъ, какъ омаръ, когда вѣрнется въ когтибудь своими когтями. Вотъ мы и прибыли, и они ждутъ насъ.

Мы доѣхали до той же самой запертой улицы, въ которой находились утромъ. Наши пролетки были отпущены, и, слѣдуя указаніямъ м-ра Мерриуэвера, мы оупустились въ узкій

проходъ и вошли въ боковую дверь, которую онъ намъ отперъ. За нею тянулся небольшой коридоръ, оканчивавшійся очень массивною желѣзною дверью. Последняя также была отперта и веда рядомъ спиральныхъ каменныхъ ступеней ко второй страшнѣ тяжелой двери. Здѣсь м-ръ Мерриуэверъ остановился, чтобы зажечь фонарь, и затѣмъ повелъ насъ внизъ по темному коридору съ землянымъ запахомъ и, отворивъ, наконецъ, третью дверь, ввелъ насъ въ громадный сводчатый подвалъ, который кругомъ былъ заваленъ тюками и массивными ящиками.

— Вы не очень уязвимы сверху,—замѣтилъ Холмсъ, приподнявъ фонарь и осматриваясь кругомъ.

— Снизу точно такъ же,—отвѣтилъ м-ръ Мерриуэверъ, ударивъ палькою по плитамъ, которыми былъ выложенъ полъ.—Однако, Богъ Ты мой, онъ звучитъ совершенно пустымъ,—замѣтилъ онъ, поднимая глаза въ изумленіи.

— Я дѣйствительно долженъ попросить васъ быть немного потише,—строго замѣтилъ Холмсъ.—Вы можете подорвать весь усилъхъ нашей экспедиціи. Могу я васъ попросить быть настолько любезнымъ, сѣсть на одинъ изъ этихъ ящиковъ и не выѣшиваться?

Представительный м-ръ Мерриуэверъ вообразился на одинъ изъ ящиковъ съ выраженіемъ крайнеи обиды на лицѣ, между тѣмъ какъ Холмсъ оупустился на колѣна и съ помощью фонаря и увеличительнаго стекла сталъ подробно разсматривать трещины между плитами.

Нѣсколько секундъ было достаточно, чтобы удовлетворить его; затѣмъ онъ вскочилъ опять на ноги и положилъ свое стеклышко въ карманъ.

— Мы по крайней мѣрѣ располагаемъ еще цѣлымъ часомъ,—замѣтилъ онъ,—такъ какъ едва ли они примутъ какія-либо мѣры прежде, чѣмъ старый ломбардщикъ благополучно уляжется въ кровать. Тогда они не станутъ терять ни минуты, потому что чѣмъ раньше они окончатъ свое дѣло, тѣмъ болѣе времени останется у нихъ для бѣгства. Мы находимся въ настоящую минуту, докторъ, какъ вы, вѣроятно, уже угадали, въ подвалѣ центральнаго отдѣла одного изъ главныхъ банковъ Лондона. М-ръ Мерриуэверъ состоитъ главнымъ директоромъ и объяснитъ вамъ, почему болѣе отважные преступники Лондона такъ сильно заинтересованы въ настоящее время этимъ подваломъ.

— Здѣсь лежитъ наше французское золото,—прошепталъ директоръ.—Насъ уже нѣсколько разъ предупреждали, что будетъ сдѣлана попытка похитить его.

— Ваше французское золото?

— Да. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ намъ представился случай подкрѣпить наши ресурсы, и мы заняли поэтому тридцать тысячъ наполеондоровъ у банка Франціи. Стало извѣстно, что мы до сихъ поръ еще не имѣли случая распаковать эти ящики, и что они все еще лежатъ въ нашемъ подвалѣ. Ящикъ, на которомъ я сижу, содержитъ двѣ тысячи наполеондоровъ, ушакованныхъ между пластинками листовои жести. Нашъ запасной капиталъ не перелитыхъ монетъ въ настоящее время гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно хранится въ отдѣленіяхъ банка, и это обстоятельство причинило директорамъ сильное безпокойство.

— Которыя были крайне основательны,—замѣтилъ Холмсъ.—А теперь намъ пора привести наши маленькіе планы въ исполненіе. Я ожидаю, что по прошествіи часа дѣла придутъ къ концу. Въ ожиданіи этого момента, м-ръ Мерриуэверъ, мы должны задвинуть фонарь плитомъ.

— И сидѣть въ темнотѣ?

— Онасаюсь, да. Я захватилъ съ собою колоду картъ, думая, что, пока они явятся, мы сможемъ сыграть нѣсколько партій, и вы не будете лишены своего роббера. Но непріятельскія ириготовленія, какъ я замѣчу, такъ далеко забѣжали впередъ, что мы не можемъ рисковать присутствіемъ огня. И, прежде всего, намъ нужно избрать наши позиціи. Это отчаянный голловъ, и, хотя мы застанемъ ихъ врасплохъ, они все-таки могутъ причинить намъ вредъ, если мы не будемъ осморгительны. Я встану за этимъ ящикомъ, а вы спрячьтесь за тѣмъ. Затѣмъ, когда я направию на нихъ свѣтъ, быстро сходитеъ. Если они станутъ стрѣлять, Уатсонъ, не задумывайтесь пристрѣлять и ихъ также.

Я положилъ свой револьверъ со введеннымъ куркомъ на верхнюю деревяннаго ящика, позади котораго я сталъ. Холмсъ задвинулъ передокъ фонаря щиткомъ и оставилъ насъ въ темнотѣ, такой темнотѣ, какой я никогда раньше не испытывалъ. Звонахъ нагрѣтаго мегалла распространялся по холодному, сырому погребу и свидѣтельствовалъ о томъ, что фонарь все еще горитъ, готовый освѣтить все пространство въ мгновеніе ока.

— У нихъ только одинъ путь къ отступленію,—прошепталъ Холмсъ.—Это обратнo черезъ домъ въ Саксъ-Кобургъ-скверъ. Надѣюсь, вы сдѣлали то, о чемъ я васъ просилъ, Джонсъ?

— Я приказалъ писектору и двумъ полицейскимъ чинамъ ждать у парадной двери.

— Тогда мы заткнули всѣ выходы. А теперь мы должны молчать и ждать.

Какъ тянулось время! Вислѣдствіи оказалось, что мы ждали

Дома трудолюбія. Дешевая столовая въ Варшавѣ. Одинъ изъ 9-ти бараконъ у Вольской заставы. Съ фот. Рембрандта въ Варшавѣ, автотипія „Нивы“.

Дома трудолюбія. Орловскій домъ трудолюбія. Видъ съ Никитской уллицы. Съ фот. Денисова въ Орлѣ, автотипія „Нивы“

Дома трудолюбія. Царицынскій домъ трудолюбія. Столярныя и токарныя работы. Съ фот. Бр. Эрдманъ, автотипія „Нивы“

Дома трудолюбія. Кіевскій домъ трудолюбія. Столовая. Съ фотогр. В. Высоцкаго въ Кіевѣ, автотипія „Нивы“.

Дома трудолюбія. Кіевскій домъ трудолюбія. Ткацкая. Съ фотогр. В. Высоцкаго въ Кіевѣ, автотипія „Нивы“.

всего часть съ четвертью, но тогда я думалъ, что уже миновала ночь и наступилъ разсвѣтъ. Ноги и руки мои устали и одеревятели, такъ какъ я не рѣшался измѣнить своего положеія. Съ своей позиціи я могъ видѣть все, что происходило за лицикомъ. Вдругъ глаза мои были прикованы сверкнувшимъ свѣтомъ.

Вначалѣ это было не больше, какъ слабая искра на каменномъ полу. Затѣмъ, постепенно удлиняясь, она превратилась въ желтую линію и, наконецъ, безъ всякаго шума, образовалось отверстіе, въ которомъ появилась рука и стала ощупывать вокругъ маленькаго освѣщеннаго пространства. Около минуты или немного больше рука съ ея изгибающимися пальцами высовывалась изъ-подъ пола. Затѣмъ она была отдернута такъ же внезапно, какъ и появилась, и все вновь погрузилось въ темноту, кромѣ маленькой звѣздочки, показывавшей трещину между плитами.

Прошло нѣсколько мгновений, и со скрипомъ и звукомъ чего-то разрывающагося, одинъ изъ широкихъ бѣлыхъ камней повернулся на бокъ. Образовалось квадратное зияющее отверстіе, изъ котораго полился свѣтъ фонари. Надъ краемъ выступило чисто-выбритое, юношеское лицо и прозорливо осмотрѣлось, а затѣмъ, схватившись обѣими руками о край отверстія, стала приподниматься до плечъ и полонницы фигура человека и уперлась однимъ коленомъ о край. Въ слѣдующее мгновение человекъ уже стоялъ у края отверстія, влеча за собою товарища, такого же ловкаго и маленькаго, какъ онъ самъ, съ бѣдыми лицомъ и шапкою очень рыжихъ волосъ.

— Ну? очистишь,—прошепталъ онъ.—Захватилъ ты отмычку и мѣшки? Скажи, Арчи, скажи, а я раздѣлаюсь.

Шерлокъ Холмсъ выскочилъ и схватилъ торгнувагося за вороты. Другой выринулъ въ отверстіе. Я услышалъ звукъ разрывающейся одежды; это — Джонсъ вѣшилъ въ его фалды. Свѣтъ фонари упалъ на дуло револьвера, но охотничья дубинка Холмса опустилась на кисть руки сопригнывающагося, и оружіе звякнуло на каменномъ полу.

— Сопротивляеіе ни къ чему не поведетъ, Джонъ Клей,— замѣтилъ Холмсъ ласково,—вы не имѣете никакихъ шансовъ на спасеніе.

— Я это вижу,— отвѣтилъ тотъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.—Полагаю, что мой товарищъ благополучно улизнулъ, хотя, какъ я вижу, вы удержали концы его одежды.

— Трое поджидаютъ его у дверей,—сказалъ Холмсъ.

— О, дѣйствительно. Кажется, вы сдѣлали свое дѣло мастерски. Я долженъ поздравить васъ.

— А я васъ,—возразилъ Холмсъ.—Ваша идея рыжеволосаго союза была очень нова и оригинальна.

— Вы сейчасъ увидите съ вашимъ товарищемъ,—сказалъ Джонсъ.—Онъ скорѣе нырнетъ въ углубленіи, чѣмъ я. Противите-ка ваши руки, пока я прикрѣплю дерби *).

— Я прошу васъ не прикасаться ко мнѣ вашими грязными руками,—замѣтилъ нашъ плѣнникъ въ то время, какъ поручи зазвенѣли на его рукахъ.—Вамъ, быть-можетъ, неизвестно, что въ моихъ жилахъ течетъ королевская кровь. Также будьте добры, обращаясь ко мнѣ, говорить „сэръ“ и „пожалуйста“.

— Отлично,—отвѣтилъ Джонсъ, вытирашивъ глаза и усмѣхнувшись.—Ну-съ, не будете ли вы любезны, сэръ, пожаловать наверхъ, гдѣ мы можемъ нанять пролетку, чтобы препроводить васъ высочество въ участокъ.

— Это звучитъ лучше,—весело проговорилъ Джонъ Клей.

Онъ размахисто поклонился намъ тронмъ и спокойно удалился въ сопровожденіи сыщика.

— Положительно, м-ръ Холмсъ,—началъ м-ръ Мерриуверъ, когда мы вышли за нимъ изъ подвала,—я не знаю, какимъ образомъ банкъ можетъ отблагодарить или вознаградить васъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вы накрыли и устроили самымъ искуснымъ способомъ одну изъ самыхъ отчаянныхъ попытокъ ограбленія банка.

— Мнѣ нужно было снести личные счета съ м-ромъ Джономъ Клей,—сказалъ Холмсъ.—Мнѣ пришлось сдѣлать малень-

кія издержки по этому дѣлу, которыя, надѣюсь, банкъ мнѣ возвратитъ, но сверхъ этого я за глаза вознагражденъ тѣмъ, что былъ очевидцемъ приключенія, во многихъ отношеніяхъ единичнаго, и что услышалъ крайне замѣчательный разсказъ о союзѣ рыжеволосыхъ.

— Вы видите, Уатсонъ,—объяснялъ онъ мнѣ на слѣдующее утро, когда мы сидѣли за стаканомъ виски и соды въ Бэкеръ-стритъ,—было совершенно ясно съ самаго начала, что единственно-возможною цѣлью этого довольно фантастичнаго объявленія союза и переписыванія „Энциклопедіи“ должно было быть удаленіе этого не особенно веселаго ломбардчика на нѣсколько часовъ въ теченіе дня. Это былъ странный, оригинальный сносочъ, но, дѣйствительно, трудно было бы придумать что-нибудь лучше. Идея эта пришла въ гениальную голову Клея, вѣроятно, благодаря цвѣту волею его сообщника. Четыре фунта въ недѣлю представляли приманку, на которую ломбардчикъ долженъ былъ позариться, а что составила эта сумма для тѣхъ, которые домогались тысячь? Они помѣщаютъ объявленіе; одинъ изъ магурниковъ принимаетъ временную контору, другой подстрекаетъ ломбардчика попытаться получить вакансію, и совмѣстными силами имъ удается заручиться отсутствіемъ его въ продолженіе каждаго утра. Лишь только я услышалъ, что помощникъ согласился служить за половинную плату, мнѣ стало ясно, что у него имѣлись уважительныя причины получить это мѣсто.

— Но какъ могли вы догадаться, въ чемъ заключались эти причины?

— Если бы въ домѣ находились женщины, я заподозрилъ бы просто любовную интригу. Объ этомъ, однако, не было и рѣчи. Дѣло этого господина было небольшое, и въ домѣ не было ничего такого, что объясняло бы столь законченныя приготовленія и такіе издержки, какими они жертвовали. Стало-быть, они преслѣдовали что-нибудь въ домѣ. Что же это могло быть? Я вспомнилъ страсть помощника фотографировать и его ловкость, съ какою онъ исчезалъ въ погребѣ. Въ погребѣ!—Вотъ конецъ этой запутанной исторіи. Онъ что-то творилъ въ погребѣ, и это „что-то“ продолжалось ежедневно по многу часовъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Очевидно, онъ копаетъ туннель къ какому-нибудь другому зданію. До этого я дошелъ, когда мы отправились осматривать мѣсто дѣйствія. Я удивилъ васъ, ударивъ налку по панели. Я хотѣлъ удостовериться, находится ли погребъ передъ домомъ или позади его. Онъ не находился передъ домомъ. Тогда я позвонилъ, и, какъ ожидалъ, на звонокъ явился помощникъ. Мы когда-то имѣли нѣсколько стычекъ, но никогда не видѣли другъ друга въ лицо. Я едва взглянулъ на него, но зато очень внимательно—на коленъ его брюкъ. Вы сами должны были замѣтить, какъ они были изношены, сморщены и запятнаны. Они свидѣтельствовали о часахъ, проведенныхъ за копаньемъ. Оставалось только установить, подъ какое зданіе они подкапывались. Я повернулъ за уголъ, увидѣлъ, что „Центральный банкъ“ примыкаетъ къ владѣнію нашего рыжеволосаго друга, и заключилъ, что загадка рѣшена.

— А какимъ образомъ вы догадались, что они произведутъ свое нападеніе сегодня ночью?—спросилъ я.

— Ну, обстоятельство, что они закрыли контору своего союза, было знакомъ, что присутствіе м-ра Джебба Уильсона ихъ болѣе не беспокоитъ, другими словами, что они окончили свой подвѣтъ. Но для нихъ было крайне важно воспользоваться потайнымъ ходомъ какъ можно скорѣе, потому что онъ могъ быть открытъ или же запасъ золота могъ быть перенесенъ въ другое мѣсто. Суббота лучше всякаго другого дня подходила имъ, потому что тогда они имѣли два дня на бѣгство. Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, я полагаю, что они явятся сегодня ночью.

— Знаете, что,—воскликнулъ я,—вы благодѣтель человечества!

Онъ повелъ плечами.

— Ну, можетъ-быть, въ концѣ концовъ, я и приношу маленькую пользу,—замѣтилъ онъ.—L'homme, c'est rien—l'œuvre, c'est tout *), какъ писалъ Густавъ Флоберъ — Жюль Зандъ.

Дома трудолюбія.

(Съ 7 рисунками.)

Въ *Нивѣ* (№ 5 за 1896 г.) была напечатана историческая справка объ основаніи и развитіи въ Россіи Домовъ трудолюбія. Теперь мы даемъ описаніе дѣятельности Домовъ трудолюбія: Кіевскаго, Орловскаго и Царицынскаго, а также благотворительныхъ учрежденій и Домовъ трудолюбія въ Варшавѣ и С.-Петербургѣ.

Кіевскій Домъ трудолюбія (рис. на стр. 829) открытъ, подобно многимъ другимъ, по инициативѣ и при содѣйствіи барона О. О. Буксгевдена, стяжавшаго себѣ крупную извѣстность въ дѣлѣ благотворительности и состоящаго членомъ комитета «Попечительства о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ». 7 декабря 1887 г. предложеніе барона О. О. Буксгевдена объ учрежденіи въ Кіевѣ Дома трудолюбія сочувственно было принято въ общемъ собраніи членовъ кіевскаго благотворительнаго общества. Вслѣдъ за тѣмъ, при участіи кіевскаго губернатора А. П. Тамары, образовалось самостоятельное «Общество Домовъ Трудолюбія въ Кіевѣ». Уставъ этого

*) Дерби—ручьию оковы на языкѣ англійскихъ сыщиковъ.

общества утверждено министромъ внутреннихъ дѣлъ 10 мая 1888 г. И только 15 декабря того же года, на собраныи жертвованія, въ суммѣ 4986 руб. 40 коп., былъ открытъ первый въ Кіевѣ Домъ трудолюбія. Но не долго пришлось существовать этому благу учрежденію. Въ ночь на 17 февраля 1889 г. пожаръ уничтожилъ помѣщеніе и имущество Дома. Благодаря энергіи нѣкоторыхъ членовъ попечительнаго общества, Домъ трудолюбія былъ возобновленъ, но, за недостаткомъ средствъ, просуществовавъ около года, закрытъ по постановленію общаго собранія членовъ общества 15 апрѣля 1890 г. За короткое время существованія Дома трудолюбія, въ немъ работало въ среднемъ въ день 10 человекъ. Цѣлыхъ четыре года городъ Кіевъ не имѣлъ у себя Дома трудолюбія. Въ 1894 г. на личныя средства графини С. С. Игнатьевой былъ основанъ «Временный Рабочій Домъ». Добрый починъ нашелъ поддержку. Членъ благотворитель-

*) Человѣкъ—ничто, трудъ его—все.

наго общества З. П. Минович, тоже на свои средства, построил на землѣ, отведенной городомъ, большое 3-х-этажное зданіе для Дома трудолюбія, который и былъ освященъ и открытъ 11 декабря 1894 г. Съ этого именно времени и нужно считать начало существования и дальнѣйшаго развитія кievскихъ Домовъ трудолюбія. Усадьба Дома занимаетъ пространство въ 954 кв. саж. Домъ трудолюбія занимаетъ два этажа, а въ третьемъ помѣщается, согласно волѣ жертвователя, дневной дѣтскій пріютъ. 23 октября 1894 г. въ общемъ собраніи членовъ общества было избрано для завѣдыванія Домомъ трудолюбія новое правленіе, предсѣдательницей котораго избрана была жена инженера-технолога В. Н. Гудисонъ. Графиня Игнатъева, ставъ членомъ правленія, уступила обществу для вновь открытаго Дома Трудолюбія инструменты и прочее имущество своего «Рабочаго Дома» за 400 р. Съ теченіемъ времени при Домѣ одна за другой открыто было шесть образцовыхъ мастерскихъ: ткацкая — для изготовления, на ручныхъ станкахъ, изъ бумажной и льняной пряжи, полотенецъ, холста, скатертей, занавѣсей и др. издѣлій; кулечная — для приготовления изъ бумаги кулечковъ или мѣшковъ для бакалейной и фруктовой торговли съ опечатаніемъ ярлыковъ и этикетовъ торговыхъ фирмъ; гильзовая, — въ которой изготовляются на особой машинѣ, безъ клея, изъ лучшей французской бумаги, гильзы для папиросъ; коробочная и перешетная, швейная и корзиночная. Въ этой послѣдней выдѣлывались всевозможныя корзинки изъ ивы. Производство это въ Кіевѣ явилось новинкою, такъ какъ раньше этого рода работъ не было, и, корзины выписывались изъ другихъ мѣстъ. Для сбыта издѣлій при Домѣ открытъ собственный магазинъ. Въ кулечной и гильзовой мастерскихъ работаютъ почти исключительно дѣти, отправляемая въ извѣстныя часы въ дѣтскій пріютъ для обученія школьнымъ предметамъ. Уже въ первые мѣсяцы въ Домѣ было ежедневно 60—80 трудящихся разнаго возраста, званія и вѣроисповѣданія. Работы, начинаясь съ 7 час. утра, продолжаются до 8 час. вечера, съ 2-х-часовымъ перерывомъ для обѣда и отдыха. Вознагражденіе за трудъ выдается или за сдѣланную работу, или поденно по 15 коп., при чемъ рабочіе получаютъ, кромѣ этого, здоровую пищу, стоящую Дому 10 к. на каждого человѣка. Нѣкоторымъ, далеко живущимъ, пришлось разрѣшить ночевать въ мастерскихъ; это вызвало мысль объ устройствѣ ночлежнаго пріюта. Съ развитіемъ дѣятельности Дома, при немъ были разбиты огородъ, садъ, заведены плантаціи тутовыхъ деревьевъ. Послѣднія дали возможность занимать труженниковъ лѣтомъ разведеніемъ шелковичныхъ червей, а зимой — разматываніемъ коконовъ. Не желая конкурировать съ издѣльями свободнаго труда и подрывать благосостояніе представителей этого послѣдняго, Домъ трудолюбія работаетъ, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе нуждъ и потребностей призрѣваемыхъ и по особымъ заказамъ. По примѣру перваго Дома трудолюбія, въ Кіевѣ уже открытъ второй, который принимаетъ большіе размѣры, иди навстрѣчу все растущимъ требованіямъ бѣдняковъ.

Мысль объ открытіи Орловскаго Дома трудолюбія явилась еще въ 1887 году. По порученію министерства внутреннихъ дѣлъ баронъ О. О. Буксгевденъ прибылъ въ Орель 10 ноября 1887 года въ собраніи, подъ предсѣдательствомъ городского головы Д. С. Волкова, сдѣлавъ сообщеніе о Домахъ Трудолюбія, въ которомъ указалъ, «что среди цѣлага ряда благотворительныхъ учреждений: дешевыхъ столовыхъ, ночлежныхъ пріютовъ, убѣжищъ для сиротъ и немощныхъ стариковъ и калѣкъ, существуетъ замѣтный пробѣлъ. Послѣдній заключается въ отсутствіи организованной помощи для способныхъ къ труду, не находящихъ никакого заработка и стыдящихся просить милостыню». Симпатичное предложеніе встрѣтило среди присутствующихъ горячее сочувствіе. Присутствовавшій въ засѣданіи преосвященный Симеонъ немедленно открылъ подписку, которая въ одинъ вечеръ дала крупную сумму въ 3,000 руб. Но, къ сожалѣнію, добродѣлю не суждено было осуществиться ранѣе 1891 года. Многие жертвователи, потерявъ надежду на осуществленіе задуманнаго ими предпріятія, отказались отъ подписки, и учредители вмѣсто 3,000 едва могли собрать половину. Дѣло погубило бы, если бы не городской голова Д. С. Волковъ, привлечшій къ дѣлу много новыхъ членовъ и собравшій до 10,000 руб. На эти средства 22 сентября 1896 года былъ открытъ наконецъ давно ожидаемый Домъ трудолюбія. Онъ помѣщается въ собственномъ 2-х-этажномъ каменномъ домѣ (рис. на стр. 828). При Домѣ открыты мастерскія для мужчинъ и женщинъ. Первые изготовляютъ бумажныя коробки, веревочныя кошелі и другія несложныя, но требующія особенныхъ инструментовъ, издѣлія. Вторыя заняты разными рукодѣльями. Кромѣ того, и тѣ, и другія исполняютъ всѣ многочисленныя работы во всѣхъ учрежденіяхъ Попечительнаго общества. Во дворѣ, въ особыхъ зданіяхъ устроены кухня, прачечная, баня, амбары, ледникъ и другія, необходимыя въ большомъ хозяйствѣ, постройки. Домъ трудолюбія въ 1892 году имѣлъ уже пять собственныхъ домовъ, въ которыхъ были сосредоточены всѣ благотворительныя учрежденія общества. Судя по отчетамъ, Дома трудолюбія и соединенныя съ нимъ другія благотворительныя заведенія вызвали не только сочувствіе общества, но значительно повліяли на уменьшеніе нищенства.

Царыцынскій Домъ трудолюбія (рис. на стр. 817 и 828), предназначенный для обученія нуждающагося населенія разнаго рода ремесламъ и предоставленія ему производительной работы, открытъ 14 сентября 1894 г. Основателемъ Дома трудолюбія явился мѣстный комитетъ общества улучшенія народнаго труда въ память

Царя-Освободителя Александра II, при чемъ значительное содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ оказали своими пожертвованіями глубокочтимый о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) и своими цѣнными указаніями и содѣйствіемъ баронъ О. О. Буксгевденъ. Для удовлетворенія настоятельныхъ требованій бѣднаго нуждающагося люда въ какомъ-либо заработкѣ, комитетъ еще до официальнаго открытія Дома трудолюбія устроилъ сапожную и столярную мастерскія и прачечную, гдѣ, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, дана была возможность небольшому числу бѣдняковъ честно заработать себѣ дневное пропитаніе, не прибѣгая къ растлѣвающему душу прошенію милостыни. Съ открытіемъ же Дома трудолюбія дѣятельность его, понятно, сильно возросла. Для того, чтобы облегчить мѣстному и пришлому бѣдному люду получить какую-либо работу и виѣ Дома трудолюбія, при немъ учреждено справочное и посредническое бюро для нанимателей и рабочихъ.

Въ постоянныхъ заботахъ по искорененію нищенства и въ виду настоятельной потребности въ помощи неимущимъ бѣднякамъ, ген.-маіоръ Н. В. Клейгельсъ, въ бытность свою оберъ-полицеймейстеромъ въ Варшавѣ, во время холеры, въ 1892 году, задумалъ основать рядъ благотворительныхъ, не существовавшихъ тамъ до того времени, учреждений, цѣлью которыхъ было бы не только оказаніе помощи нуждающимся, но созданіе условій и почвы для энергичной борьбы съ нищенствомъ.

Варшава, какъ громадный торгово-промышленный центръ края, съ полу-милліоннымъ населеніемъ, подобно всѣмъ большимъ городамъ, всегда давала заработокъ бѣднякамъ, желающимъ трудиться, и въ то же время служила магнитомъ для туеяндцевъ. Съ одной стороны, шли въ Варшаву на заработокъ цѣлыя толпы рабочихъ всевозможныхъ профессій, — а съ другой — любители легкой и, по преимуществу, темной наживы чрезмѣрно переполняли столицу и эксплуатировали милосердіе ближнихъ. Чтобы поддержать рабочихъ, которые находили въ городѣ тяжелую и непосильную для себя обстановку жизни, а также парализовать вредную, зачастую небезопасную для жителей, дѣятельность нищихъ, и были открыты въ разныхъ частяхъ города на суммы (19 тысячъ руб.), отпущенныя по распоряженію г. варшавскаго генералъ-губернатора, а, главнымъ образомъ, за пожертвованія (всего на 60 тысячъ руб.) разнообразныя благотворительныя заведенія.

За четыре года (съ 1892 по 1895 г.) было основано 4 ночлежныхъ пріюта, 9 дешевыхъ столовыхъ (рис. на стр. 828) и 3 Дома трудолюбія.

Ночлежный пріютъ сразу завоевалъ симпатіи бѣднаго люда, и количество ночлежниковъ росло съ каждымъ днемъ. За 4 года въ пріютахъ перебывало 248,362 человѣка. Эта внушительная цифра сама по себѣ говоритъ о пользѣ этихъ общественныхъ заведеній. Въ этихъ пріютахъ за 4 коп. бѣдняки пользовались чистымъ, теплымъ помѣщеніемъ для отдыха и сна и получали чай съ хлѣбомъ вечеромъ и утромъ, при чемъ эта небольшая плата вполне покрывала всѣ расходы по содержанію ночлежныхъ пріютовъ.

Изъ 9 дешевыхъ столовыхъ были открыты двѣ исключительно для евреевъ на средства, собранныя самими евреями, которые, какъ извѣстно, чутко и энергично относятся къ нуждѣ своихъ единовѣрцевъ. Столовыя отдавались частнымъ предпринимателямъ, съ установленіемъ надъ ними строгаго, фактическаго контроля и при условіи продажи по утвержденнымъ цѣнамъ. Достаточно сказать, что въ 1894 г. изъ этихъ общественныхъ столовыхъ отпущено 3½ милліона порцій, чтобы установить громадное значеніе этихъ благотворительныхъ учреждений. Кружка кофе съ молокомъ и порція рубцовъ стоить въ столовой 4 к., все же остальное дешевле, порція горячаго — 3 к.

Намѣченная система разумнаго благотворенія трудящимся и рациональная борьба съ нищими и туеяндцами закончилась основаніемъ трехъ Домовъ трудолюбія. Они были открыты для всѣхъ желающихъ трудиться, безъ различія пола, возраста, вѣроисповѣданія и націи. За 10 часовъ труда лѣтомъ и за 8 часовъ зимою рабочимъ выдается 15—20 коп. (не исключая воскресеній и праздниковъ), съ тѣмъ расчетомъ, чтобы заработокъ обеспечивалъ необходимыя потребности бѣдняковъ и въ дни отдыха. Въ Домахъ трудолюбія занимаютъ плетеніемъ корзинокъ и матовъ, шитьемъ бѣлья и холщевыхъ мѣшковъ, а также флаговъ, выплетаніемъ ступеней, клейкой каргужовъ, сортировкой старой бумаги и другими несложными работами по особымъ заказамъ. Привлекая все больше и больше рабочихъ, Дома трудолюбія развивали свою дѣятельность, и въ 1894 г., въ которомъ трудящихся было свыше 10 тысячъ человѣкъ, выработали разныхъ издѣлій на 18 тысячъ рублей. Съ учрежденіемъ Домовъ трудолюбія пришлось начать бороться съ упорившейся привычкою людей — подавать ручную милостыню безъ разбора, чѣмъ поддерживается и даже развивается нищенство. Рядъ приказовъ ген.-маіора Н. В. Клейгельса, обращенныхъ къ жителямъ столицы о прекращеніи неразборчиваго подаянія и просьбъ о поддержаніи основанныхъ учреждений, а также энергической и неослабной надзоръ полиціи за нищими, скоро оказали свое дѣйствіе, и въ Варшавѣ въ настоящее время нищенство значительно сократилось. Преслѣдованіе туеяндствующихъ нищихъ является не только законоу, но и нравственною мѣрою, такъ какъ организованныя общественныя благотворительныя учрежденія предлагали ежедневно четыремъ стамъ человѣкъ работу, 800 — давали пріютъ и снабжали бѣдняковъ дешевой и питательной пищей.

Назначенный на должность с.-петербургскаго градоначальника, генералъ-маіоръ Н. В. Клейгельсъ рѣшилъ и на новомъ своемъ

посту продолжать свою дѣятельность, направленную къ искорененію нищенства, путемъ правильной организаціи работной помощи. Въ Петербургѣ еще до нынѣшняго градоначальника, какъ извѣстно, были Дома трудолюбія, но они были приспособлены главнымъ образомъ къ трудоспособности городского населенія и мало рассчитаны на предоставленіе занятій для простаго рабочаго и въ то же время небольшими размѣрами своихъ помѣщеній не соответствовали численности нуждающагося въ трудовой помощи населенія. Новый Домъ трудолюбія, освященный, какъ мы уже сообщали (Разн. Извѣстія, № 8 *Нивы*), 9 февраля с. г., имѣлъ цѣлью заполнить хотя бы въ извѣстной мѣрѣ этотъ пробѣлъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) принимать людей, преимущественно способныхъ къ труду, и только въ исключительныхъ случаяхъ лицъ, утратившихъ трудоспособность, для обезпеченія которыхъ много уже сдѣлано въ столицѣ; 2) мастерству обучать примѣнительно къ потребностямъ и условіямъ сельско-хозяйственнаго быта, такъ, чтобы Работные Дома, во-первыхъ, предоставляли занятіе каждому приходящему, совершенно даже незнакомому съ приемами какаго-либо мастерства или ремесла, и считали бы ихъ не лишними, но полезными членами обширной рабочей семьи, и,

сумму въ 40,000 р., на безвозмездно отведенномъ городомъ участкѣ земли изъ бывшаго Измайловскаго плацъ-парада, выходящаго на Обводный каналъ, подъ № 145, въ размѣрѣ $44\frac{1}{2}$ кв. сажени (рис. на этой стр.). Зданіе имѣетъ 15 саж. въ длину и 7 саж. въ ширину. Стѣны дома сложены на цементномъ растворѣ, а фасады выложены изъ облицованнаго кирпича. Вокругъ дома разбитъ садъ. На обширномъ дворѣ, въ 18 сажень длины и 15 сажень ширины, предполагается построить баракъ для черныхъ работъ на лѣтнее время, дезинфекціонную камеру и прачечную съ ваннами, или баню. Домъ можетъ вмѣстить въ себѣ до 250 человекъ, при чемъ въ нижнемъ этажѣ отведено 9 комнатъ: одна для раздѣвальной, двѣ для мужской и женской уборныхъ, двѣ—для мужской и женской столовыхъ и при нихъ кухня, комната для черныхъ работъ и двѣ кладовыхъ, для матеріаловъ и готовыхъ издѣлій; въ первомъ этажѣ—вестибюль, канцелярія и пріемный покой и 4 зала для производства работъ; во второмъ и верхнемъ этажѣ—4 зала для работъ и комната для смотрителя. Каждый бѣднякъ можетъ здѣсь найти работу, при чемъ за полный рабочий день, съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, съ двухчасовымъ промежуткомъ, ему выдается по 15 коп., съ удержаніемъ 7 коп. за обѣдъ и чай.

Дома трудолюбія. Первый домъ трудолюбія С.-Петербургскаго столичнаго попечительнаго общества о Домахъ Трудолюбія.
Съ фот. К. Булла грав. Рашевскій.

во-вторыхъ, служили бы школой труда и обогащали своихъ поспитителей познаніями, могущими улучшить ихъ матеріальный бытъ; 3) стараясь возможно короткое время держать на работѣ однихъ и тѣхъ же лицъ, администрація должна заботиться о подысканіи для своихъ рабочихъ соответственныхъ занятій, для чего слѣдовало бы при домахъ учредить особый столъ, въ родѣ справочнаго бюро, сосредоточивъ въ немъ спросъ и предложеніе труда.

Новый «Первый Домъ Трудолюбія С.-Петербургскаго столичнаго попечительнаго общества о Домахъ Трудолюбія», какъ мы упоминали, сооруженъ на ассигнованную комитетомъ попечительствъ

Этотъ новый петербургскій Домъ трудолюбія можетъ служить образцомъ для всѣхъ провинціальныхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, еще очень немного. Назначеніе этого Дома Трудолюбія—оказывать нуждающимся срочную, по возможности недолговременную помощь, путемъ предоставленія имъ работы и пріюта, вперѣдъ до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы опредѣленіемъ къ постояннымъ занятіямъ и помѣщеніемъ на постоянное призрѣніе. Эта временная поддержка, въ тяжелую минуту, удержать многихъ нуждающихся отъ протягиванія руки за милостыней, и такимъ образомъ является единственнымъ и наиболее совершеннымъ путемъ къ искорененію нищенства.

Къ рисункамъ.

Талантливой кисти г. Изакевича принадлежить не мало художественныхъ рисунковъ, представляющихъ въ томъ или другомъ видѣ природу Малороссіи и бытовые картинки изъ жизни ея обитателей. Предъ нами новый его рисунокъ, который снѣго можетъ быть названъ картиной. Радуга! На мѣстномъ нарѣчій это—«веселка». «Нечеловѣчьими руками жемчужный разноцвѣтный мостъ натъ водѣ построены надъ водами». Молодой парень, дѣвка и небольшой мальчуганъ по-

бросали уборку сѣна и много оцутились у плетня, отдѣляющаго левяду отъ горнаго ската. Все ихъ вниманіе сосредоточено на дивномъ зрѣлищѣ. Они видятъ въ немъ Божій знакъ, что наступитъ вѣдро, и, полные удивленія, стараются себѣ объяснить это чудо, неподдающееся ихъ уму. Какъ красиво выдѣляется яркій полукругъ на темномъ небосклонѣ, заволаченомъ синими тучами!.. Въ сторонѣ уже начинаеть свѣтлѣть, и радуга постепенно блѣднѣетъ, теряясь въ голубой выси.

*
Картина Н. Богданова-Вильскаго „Устный счет“ находилась на прошлогодней передвижной выставке и привлекала къ себѣ общее вниманіе. Не выходя изъ любимой талантливый художникомъ области „народнаго“ жанра, картина эта выдѣляется экспрессивностью и живостью фигуръ. Предъ нами народная школа: Старичокъ-учитель задал довольно мудреную задачу. Мудрость вся въ томъ, что нужно рѣшить ее устно. Каждому хочется рѣшить поскорѣе, первымъ. Сотни такъ и мелькаютъ въ головѣ, растутъ, но вдругъ ускользаютъ куда-то, и приходится снова начинать счетъ. Кто помыслитъ, да погорюхаетъ, тотъ ужъ со-считалъ и твердить про себя полученный „ответъ“. Твердитъ-твердить, да и не утерпѣвъ, втихомолку подѣлится имъ съ учителемъ. Тотъ слушаетъ, но ничего не прочтешь на его лицѣ, — вѣрно или не-вѣрно... А пока другіе ученики напрыгаютъ мозгъ и считаютъ. Вотъ одинъ изъ нихъ на первомъ планѣ. Уставясь куда-то вдалѣ, въ одну точку, онъ весь ушелъ въ эти цифры. Вся его фигура — одно выраженіе пытливаго ума, желающаго добиться желаемаго во что бы то ни стало. Его бойкіе, пронизательные глаза ясно говорятъ, что онъ рѣ-шится задачу, что онъ добьется... Другой, съ глазами мечтателя, уставившійся куда-то вверхъ, врядъ ли опередитъ своего товарища... Видно плохо дается ему устный счетъ... Даже за голову держится. Остальные устремились къ доскѣ и не могутъ оторваться отъ цифръ... Имъ, видно, кажется, что если цифры будутъ у нихъ все время передъ глазами, легче рѣшить. Всѣ фигуры такъ и дышатъ жизнью, прямо схвачены съ натуры.

Совершенно неожиданное происшествіе. Тети Нелли

Графъ Л. Н. Толстой.
Съ фототипіи Шереръ и Набогольдъ въ Москвѣ, автотипія „Нивы“.

Графъ Л. Н. Толстой. (Портр. на этой стр.)
28-го августа графу Льву Николаевичу Толстому исполнилось

69 лѣтъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Левъ Толстой продолжаетъ упорно работать до сихъ поръ. Недавно онъ окончилъ большую повесть „Воскресеніе“, которая, къ сожалѣнію, едва ли появится въ печати въ скоромъ времени. Требовательный авторъ, по прочтеніи повѣсти, остался недоволенъ своимъ произведеніемъ и отложилъ его. Въ настоящее время онъ ко-нчаетъ большой

Грузинскій поэтъ кн. Р. Д. Эриванскій.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Грузинскій поэтъ кн. И. Г. Чавчавадзе.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

труд по искусству, который появится в одном из русских журналов.

Работает Лев Николаевич медленно, настойчиво и всыскательно, переписывал часто по нескольку раз одно и то же место. Лучшим временем для работы он считает утро. Эти часы графиня С. А. Толстая бережно и ревниво охраняет от всяких тревог и безчисленных посетителей Ясной Поляны и Хамовнического переулка в Москве.

После обеда Л. Н. редко пишет, а посвящает это время чтению и прогулкам пешком, верхом, на велосипеде. Ходит он быстро и легко. Из развлечений ему очень нравятся шахматы и подвижные игры на воздухе. В лаун-теннис он играет, как юноша, с жаром и увлечением. Фотографические портреты не передают его характера. Он жив, нервный и подвижен; охотно вступает в беседу и живо увлекается предметом собеседования.

Преобладающей темой бесед бывает литература, искусство и религия. Он внимательно слѣдит за современной литературой и с молодым оживлением относится к появлению всякого талантливого произведения.

Один из его знакомых недавно спросил:

— Лев Николаевич, неужели вас не тянет теперь беллетристическое творчество?

Л. Толстой ответил, что голова его кишит художественными образами и добавил:

— Но где взять времени? Работать надо много, а жить осталось каких-нибудь несколько дней.

Пожелаем от всего сердца, чтобы эти „несколько дней“ растянулись в долгие годы на пользу людям, на славу родины.

Грузинские поэты. Кн. Р. Д. Эристовъ и кн. И. Г. Чавчавадзе. (Съ 2 портр. на стр. 833.)

Окраины великаго отечества нашего весьма разнообразны во всех отношениях. От степени их культурной, духовной близости с господствующей народностью зависят не только безопасность русских границ и надежды на нормальное, неизбежное в будущем их расширение, но и общее благополучие нашей родины, материальное и духовное. Нужно, прежде всего, знать тех, с кем желательно такое сближение, проникнуть в их дух, так как в духе стигивной связи быть не может. Высшим же выражением духовной жизни всякаго народа является его литература, как воплощение исторически сложившихся вѣрованій, быта, потребностей и задач. Из народностей, населяющих наши окраины, конечно, ближе других будут те, которые связаны с нами общностью духовнаго содержания, теми, которые при столкновениях России с другими государствами представляли красноречивые и дѣйствительные доказательства своей непоколебимой надежды. Къ числу этих послѣдних принадлежат грузины, издавна тяготѣвшие къ Россіи; во времена войны на Кавказѣ они были нашими естественными этническими, стихийными союзниками вначалѣ, а затѣм вѣрными слугами Россіи. Сказанное может быть отнесено и къ самому послѣднему времени — къ русско-турецкой войнѣ, когда успѣхъ нашего батискаго маневра долженъ былъ значительной мѣрѣ приписать патриотизму русских грузинъ. Но помимо этой стороны дѣла, грузинская литература имѣет значение, как интересное явление, близкое нам по духу и являющееся плодомъ сперва взаимодѣйствія религіи и народной самобытной организаціи, затѣм мировъ византийскаго и персидскаго и, наконец, несомнѣннаго русскаго вліянія, какъ это будетъ видно ниже.

Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся бѣглым очеркомъ жизни и творчества двухъ выдающихся грузинскихъ поэтовъ, князей Р. Д. Эристовъ и И. Г. Чавчавадзе, многолѣтняя почтенная дѣятельность которыхъ въ области этнографическаго самосознания была всегда проникнута такими высокими началами, что должна быть почитаема за заслугу и передъ русскимъ государствомъ и народомъ.

Кн. Рафиэль Давидовичъ Эристовъ, потомокъ грозныхъ некогда феодаловъ, владѣвшихъ верхнимъ и среднимъ течениемъ рѣки Арагвы, родился въ Тифлисской губерніи въ 1824 году и получилъ образование въ мѣстной гимназій, довершивъ его затѣмъ многолѣтней самостоятельной работой и весьма разнообразной практической дѣятельностью, благодаря которой близко узнавалъ различные отрасли своей народности. Служилъ онъ и въ „тушинно-пшаво-хевсурскомъ окружномъ управленіи“, и въ Имеретіи и Мингреліи по администраціи и судебному вѣдомству, потомъ занимался адвокатурой. На всѣхъ этихъ поприщахъ онъ былъ такъ популяренъ, что, напримеръ, въ хевсурскихъ деревняхъ *поютъ пѣсни о немъ, какъ заступникъ темнаго, бѣднаго люда*. И поэтическая дѣятельность его, начавшаяся въ 1845 году, имѣетъ особенную цѣнность, именно какъ отраженіе народной жизни, которую онъ проникновенно понималъ. Въ „Сборникѣ“ его стихотвореній, вышедшемъ 2-мъ изданіемъ въ 1894 году, почти всѣ пьесы такого рода могутъ быть названы „хрестоматійными“, отличающагося простонародной колоритностью и наивностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ „просвѣщеннаго“ искусства; стихотворенія „Родина

хевсура“, „Жатва“ и др. вошли въ пословницу, какъ образцы такой тонкой работы. Того же нельзя сказать о его чисто-лирическихъ и драматическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ авторъ проявилъ меньшую самобытность и силу. Весьма интересны и цѣны для русскаго „кавказовѣднія“ его бытовые рассказы и фелетоны, талантливо рисующие жизнь различныхъ уголковъ Грузіи и печатавшиеся много лѣтъ назадъ по-русски въ газетѣ *Кавказъ*. Научная дѣятельность кн. Р. Д. Эристова выразилась въ редактированіи толковаго грузинскаго словаря кн. Саввы Орбелиани и въ составленіи краткаго грузинско-русско-латинскаго словаря по естественной исторіи.

22-го октября 1895 года торжественно былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности кн. Рафиэла Давидовича, и въ этомъ грузинскомъ празднествѣ приняли горячее участіе какъ представители другихъ народностей Кавказа, такъ, само собою разумѣется, и русскіе, которыми жизнь и дѣятельность такого человѣка не можетъ не быть поучительна и дорога...

Перейдемъ теперь къ другому крупному поэту Закавказья, кн. И. Г. Чавчавадзе, литературно-общественное значеніе котораго очень высоко оцѣнено его земляками, но русскому обществу недостаточно извѣстно. Кстати, въ сентябрѣ нынѣшняго года исполняется сорокалѣтіе его дѣятельности. *Князь Илья Григорьевичъ Чавчавадзе*, можно сказать, является главою всей грузинской интеллигенціи, наиболее выдающимся представителемъ своей народности, какъ поэтъ, публицистъ и общественный дѣятель. Онъ происходитъ изъ знатной туземной семьи, состоявшей въ родствѣ съ грузинскими царями и издревле славившейся героизмомъ и вмѣстѣ культурностью. Заслуги же этой семьи передъ русскимъ государствомъ извѣстны всякому, кто знакомъ съ исторіей покоренія Кавказа. Кн. И. Г. родился 27-го октября 1837 года въ селеніи Кварели, славившемся лучшимъ кахетинскимъ виномъ, и получилъ образованіе сперва въ тифлисской гимназій, а затѣмъ въ с-петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. Университетскіе годы (1857—1861), совпавшіе съ періодомъ особеннаго подъема русскаго общественнаго самосознания, наложили неизгладимый отпечатокъ на всю дальнѣйшую умственную жизнь нашего поэта. Въ 1863 году кн. И. Гр. поселяется въ Тифлисъ и начинаетъ издавать замѣчательный для своего времени журналъ *Грузинскій Вѣстникъ*, но черезъ годъ, по независящимъ обстоятельствамъ, прекращаетъ это изданіе и служить болѣе 10 лѣтъ мировымъ судьей и затѣмъ мировымъ посредникомъ въ Душетѣ; къ этому времени относится жемчужина кн. И. Гр. на княжѣ Ольгѣ Фаддеевнѣ Гурамовой. Въ 1874 г. тифлисское дворянство поручаетъ кн. И. Гр. составить уставъ мѣстнаго земельного банка и исходатайствовать его утверженіе. Успѣшно выполнивъ эти задачи, кн. Чавчавадзе избирается въ предсѣдатели правленія банка и остается въ этой должности по сіе время. Не менѣе, чѣмъ къ поэзіи, онъ проявляетъ неужеримое стремленіе и громадную способность къ общественной дѣятельности. Въ разное время, а иногда и одновременно, онъ является предсѣдателемъ драматическаго общества, общества распространенія грамотности среди грузинъ и вице-предсѣдателемъ кавказскаго сельско-хозяйственнаго общества. Помимо этого всего, онъ съ 1877 года состоитъ редакторомъ-издателемъ главной въ краю грузинской газеты *Иверія*, въ которой и самъ помѣстилъ рядъ замѣчательныхъ статей (напр. „Земель и жизнь“, „Хизанскій вопросъ“ и т. д.). Какъ литераторъ, кн. И. Гр. чрезвычайно интересенъ, будучи многостороннимъ крупнымъ поэтомъ и вмѣстѣ не менѣе крупнымъ беллетристомъ. Кромѣ чисто-грузинскаго элемента, выражающагося въ яркости красокъ и задушевности элементовъ, на его поэзіи видно сильное вліяніе русской и персидской литературы. Первое его стихотвореніе, написанное въ 1856 году („Кварельскимъ горамъ“), дышитъ удивительнымъ непосредственнымъ лиризмомъ; затѣмъ студенческая жизнь, вліяніе модныхъ въ ту пору Чернышевскаго, Некрасова и т. п. направляютъ дарованіе нашего поэта въ другую сторону. Къ этому, такъ сказать, „некрасовскому“ періоду относится поэма „Тень“, „Рассказъ нищаго“, стихотвореніе „Нахаръ“ и др. вещи, имѣвшія сильное благотворное вліяніе въ пору освобожденія крестьянъ, коего кн. И. Гр. былъ горячимъ и краснорѣчивымъ пионеромъ. Второй періодъ, пожалуй, наиболее типичный для нашего поэта, можетъ быть названъ „патриотическимъ“: какъ сынъ Кахетин, наиболѣе страдавшей въ недавнемъ прошломъ отъ набѣговъ персѣвъ и лезгинъ, поэтъ не могъ не оплакать этихъ страданій; лучшимъ произведеніемъ этого періода — поэмы „Дмитрій Самоотверженный“ и „Мать и сынъ“. Третій періодъ отличается въ некоторомъ усложненіемъ, продуманнымъ глубокимъ дидактизмомъ, тщательной художественной отдѣлкой и по временамъ чисто-лирическимъ подъемомъ творчества. Грозы отшумѣли, поэтъ-боецъ задумывается, подводитъ итоги пережитому, по временамъ чувствуя наплывъ новыхъ стремленій, доступныхъ лишь предчувствующей юности и вспоминающей старости. Лучшая эпическая вещь этого періода — поэма „Отшельникъ“, дидактическія же пѣсни въ духѣ Омара Хойяма, Ансоори и другихъ персидскихъ поэтовъ-мыслителей по красотѣ формы соперничаютъ съ повѣчными чисто-лирическими его произведеніями.

Избранные стихотворения кн. И. Гр. Чавчавадзе собраны в двух томах (Тифлиси, 1893 г.), и многие из них переведены на русский язык (гг. Тхоржевским, Величко, Опочининым, Сибирским и др.), на немецкий (Арт. Лейстом и др.), французский и английский языки.

Как беллетрист, князь И. Гр. без преувеличения может быть назван грузинским Гоголем, в несколько уменьшенном виде. — Гоголем „Вечеров на хуторах“ и нескольких глав „Мертвых душ“. Кругозор в несколько меньше, как и самая сфера наблюдений, но юмор тонок, впечатлительнее глубоко. Бытовые рассказы кн. Чавчавадзе доставили ему не только в местной интеллигенции, но и *въ народной массе* едва ли не большую славу, чѣм стихотворения. О размерах же популярности кн. И. Гр. можно судить по тому, что въ каждой грузинской сакль почти повѣрное можно встрѣтить его портрет и услышать цитаты изъ его произведений.

Заканчивая этот краткий очерк жизни и деятельности двух грузинских поэтов, нам остается пожелать им дальнейшей успешной работы на благо не только их народности, но общаго нашего великаго отечества. Развитие самобытной литературы окраинъ есть вкладъ въ нашу общую жизнь, въ сокровищницу нашей литературы.

В. Величко.

Сельско-хозяйственная и промышленная выставка в Кіевѣ.

(Съ 7 рисунками.)

Сельско-хозяйственная и промышленная выставка в Кіевѣ, состоящая подъ Августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя Петра Николаевича и устроенная мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства, открыта была, какъ мы уже сообщали въ № 26 („Разныя извѣстія“), 8-го іюля с. г.

Цѣль выставки—ознакомленіе съ положеніемъ сельскаго хозяйства и промышленности въ Юго-Западномъ краѣ. Извѣстно, напримеръ, какое огромное значеніе имѣетъ для всего этого края свекло-сахарная промышленность, а также какъ широко разрастается въ немъ желѣзная и машинная промышленность,—ознакомить публику съ ихъ развитіемъ по нагляднымъ образцамъ производствъ—задача очень серьезная и почетная, и нельзя не признать, что комитетъ по устройству выставки не пожалѣлъ средствъ для этого.

Задумана выставка была уже давно, еще въ 1890 г.; предполагали устроить ее осенью 1895 года, но не удалось,—въ слѣдующемъ году общее вниманіе Россіи привлекла всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ, и такимъ образомъ кіевское общество сельскаго хозяйства рѣшило устроить выставку въ нынѣшнемъ году. При этомъ нельзя не замѣтить, что главнѣйшую роль въ устройствѣ выставки играли крупнѣйшіе мѣстные помѣщики, собравшіе по подпискѣ 140,000 рублей; остальная часть расходовъ по выставкѣ была покрыта субсидіей отъ министерства земледѣлія (10,000) и суммой въ 50,000 р., вырученной отъ продажи мѣста.

Выставка занимаетъ семнадцать десятинъ, и на этомъ пространствѣ размѣстилось болѣе 50 общественныхъ и частныхъ павильоновъ; изъ нихъ послѣднихъ болѣе 30. Число экспонентовъ также весьма значительно; изъ выставочныхъ отдѣловъ богаче всего представляеть фабрично-заводскій—въ немъ уча-

ствуетъ 900 экспонентовъ; за нимъ по количеству экспонентовъ (около 500) слѣдуетъ сельско-хозяйственный, а на остальные отдѣлы, въ томъ числѣ на научный и кустарный, приходится болѣе 400 экспонентовъ.

Мѣстоположеніе, занимаемое выставкой, очень живописно; центральная ея часть высится на горѣ и украшена цѣлымъ рядомъ красивыхъ, изящныхъ павильоновъ. Притомъ, — нельзя не отдать справедливости частнымъ экспонентамъ,—общественныя зданія по красотѣ, легкости и граціозности значительно уступаютъ частнымъ павильонамъ. Особенно красивы павильоны графа I. А. Потодкаго и графовъ Браницкихъ, явившихся въ то же время главными жертвователями на устройство выставки.

Павильонъ вице-предсѣдателя комитета выставки гр. I. А. Потодкаго справедливо считается однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки. Павильонъ построенъ въ такъ-называемомъ стилѣ „rustique“, и матеріаломъ для него послужили нѣсколько древесныхъ породъ: дубъ, тополь, ясень, сосна и береза (рис. на стр. 837). Изъ другихъ павильоновъ выдѣляются своей вышностью павильоны В. П. Кочубея и собственниковъ крупныхъ въ Кіевѣ винокуренныхъ и свекло-сахарныхъ заводовъ графа В. Браницкаго и графини М. Браницкой (рис. на стр. 836 и 837). Кроме того, заслуживаютъ упоминанія по своему вышнему виду павильоны: Н. А. Терещенко (въ швейцарскомъ стилѣ) и С. Залѣскаго, принимавшихъ дѣятельное участіе въ расходахъ по устройству выставки, а также павильоны: пивовареннаго завода Бродскаго, I. Андрѣеовскаго, В. Ф. Разевскаго, кондитерской Семаден и книжнаго магазина I. Идзиковскаго. Павильонъ Идзиковскаго, въ строго-норвежскомъ стилѣ, расположенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ выставочной территоріи и своими красивыми строениями лишила какъ бы царить надъ всѣми остальными.

Затративъ огромныя средства на устройство выставки, комитетъ ея заботился о привлеченіи столь возможно большаго числа публики и, по образцу иностранныхъ выставокъ, устроилъ на ряду съ выставкой дѣльный рядъ увеселительныхъ „приманокъ“. Одной изъ симпатичнѣйшихъ и притомъ оказавшейся наиболѣе дѣйствительной приманкой—явился прекрасный оркестръ подъ управленіемъ В. И. Главача. Ежедневныя концерты этого оркестра привлекаютъ на выставку очень много публики. Сообщеніе съ выставкой очень удобно,—выставочную территорію прорѣзаетъ электрической трамвай, которымъ Кіевъ можетъ пока гордиться передъ всею Россіей, даже передъ ея обѣими столицами.

Недавно посѣтилъ Кіевъ и подробно осматривалъ выставку министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ т. с. А. С. Ермоловъ. 17-го августа комитетъ выставки удостоился, по словамъ мѣстныхъ газетъ, получить отъ министра слѣдующую телеграмму: „Убѣдившись лично въ прекрасномъ устройствѣ кіевской сельско-хозяйственной выставки и увѣренный въ благотворномъ вліяніи ея на сельское хозяйство Юго-Западнаго края, назначаю на покрытіе вызванныхъ ею наиболѣе неотложныхъ расходовъ по уплатѣ рабочимъ дополнительное пособіе въ пять тысячъ рублей изъ суммъ министерства земледѣлія. Надѣюсь, что остальное будетъ пополнено добровольными пожертвованіями мѣстныхъ землевладельцевъ, прежде всего заинтересованныхъ въ успѣхѣ и благополучномъ окончаніи сдѣланнаго ихъ инициативою предпріятія. Министръ земледѣлія Ермоловъ“.

Политическое обозрѣніе.

Великое историческое событіе — небывалый торжественный приемъ Россіей главы Франціи — отодвинуло на второй планъ всѣ очередные вопросы международной жизни европейскихъ державъ. Провозглашеніе тѣснаго единенія двухъ союзныхъ народовъ пронеслось захватывающими раскатами эхо по всей Западной Европѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, вся Франція откликнулась проявленіемъ глубокаго патриотическаго чувства. Краснопольскій гость Государя Императора „въ честь нашихъ сотоварищей доблестной французской арміи“ отозвался во Франціи „живой радостью и законной гордостью“. Послѣ же опубликованія тостовъ на „Потю“, въ которыхъ русскій и французскій народы названы дружественными и союзными, во Франціи начался дѣльный рядъ національныхъ празднествъ. Правительство рѣшило сдѣлать день возвращенія президента въ Парижъ — національнымъ праздникомъ. Города украсились флагами и пюминованы. Повсюду стала проявляться небывалый энтузіазмъ: по улицамъ устроены были процессіи съ факелами, музыкой и пѣніемъ національныхъ пѣсенъ при восторгахъ несметной народноты толпы. Словомъ, пріѣздъ президента Фора на родину привалъ характеръ триумфальнаго шествія. Провинція стала соперничать въ энтузіазмѣ съ Парижемъ. Президенту Фору посланы со всѣхъ концовъ Франціи многочисленные адреса. Министры выѣхали встрѣчать президента 18-го августа въ Дюнкирхенъ. На слѣдующій день утромъ президентъ и Гаито сошли въ Дюнкирхенъ на берегъ

при радостныхъ привѣтствіяхъ народа. Министръ-президентъ г. Мелинь отъ имени кабинета принесъ поздравленіе главѣ Франціи по случаю счастливаго исхода путешествія. Городской совѣтъ устроилъ банкетъ. Отвѣчая на тостъ мэра, преидентъ сказалъ, что „мыслью онъ уносится къ великой Имперіи, устроенной французской республикѣ грандіозный приемъ, воспоминаніе о которомъ всегда будетъ вызывать во французскихъ сердцахъ патриотическій трепетъ; честностью, благородіемъ и политическимъ духомъ французская демократія сумѣла возратить Франціи подобающее ей среди другихъ народовъ мѣсто; своей вѣрностью демократіи сумѣла привлечь и удержать привязанности народа и создать въ мирномъ идеалѣ одно изъ значительнѣйшихъ событій конца нашего столѣтія—сердечное единеніе двухъ великихъ народовъ“. Въ заключеніе своей рѣчи, прерывавшейся знаками одобренія, президентъ республики поднялъ бокалъ „за благоденствіе Дюнкирхена и за величіе отечества“, послѣ чего раздался кликъ въ честь президента Фора, Франціи и Россіи.

По прибытіи въ Дюнкирхенъ президентъ Форъ обратился къ Государю Императору съ слѣдующей телеграммой: „Его Величеству Императору Николаю. Въ моментъ, когда я вступаю на французскую почву, первая моя мысль обращается къ Вашему Величеству, къ Ея Величеству Императрицѣ и ко всему русскому народу. Великодушный и сердечный приемъ, который оказалъ былъ президенту республики, вызываетъ во

Здание комитета выставки.

Отдѣль домашства.

Отдѣль рыбоводства и рыболовства.

всей Франціи чувство волненія и радости. Онъ оставитъ въ нашихъ сердцахъ неизгладимое воспоминаніе. Я прошу Ваше Величество снова принять мою благодарность и мои пожеланія счастья Вашему Величеству, Императрицѣ и Императорской Фамиліи, величію и благоденствію Россіи. *Феликсъ Форъ*."

Телеграмма эта была послана президентомъ въ Варшаву, куда Государь Императоръ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной отбылъ 17 августа.

Государь Императоръ послалъ слѣдующій отвѣтъ: Варшава. Даенки, 31-го (19) августа, 11 час. 50 мин. вечера, Феликсу Фору, президенту французской республики. Парижъ. "Императрица и Я очень вамъ признательны за добрыя слова, съ которыми вы къ Намъ обратились. Мы съ удовольствіемъ сохранимъ воспоминаніе о посѣщеніи президентомъ республики Россіи, сердце которой еще разъ билось въ унисонъ съ сердцемъ Франціи. *НИКОЛАЙ*."

При восторженныхъ оваціяхъ всего населенія, въ тотъ же день президентъ республики выѣхалъ въ Парижъ. По всей дорогѣ рабочіе каменно-угольныхъ коней размахивали трехцвѣтными флагами, привѣтствуя президента криками: "Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Россія!"

Въ Парижѣ встрѣча президента публично не поддается описанію. На сѣверномъ вокзалѣ къ пріѣзду г. Форы съѣхались министры, президенты палаты и сената, члены генерального и городского совѣтовъ. По дорогѣ къ Елисейскому

дворцу громадная толпа устроила президенту патристическую манифестацию. Комитетъ парижскихъ торговцевъ пригласилъ президента на роскошную эстраду на площади Оперы, выразивъ въ поднесенномъ адресѣ патристическую радость и благодарность за освѣщеніе мирнаго единенія, позволяющаго надѣяться на эру благоденствія и мира—самого дорогого желанія народа. Сопровождаемый виватами въ честь Франціи, Россіи и "союза", президентъ продолжалъ путь подъ коннымъ эскортомъ кирасиръ и республиканской гвардіи между знаменами солдатъ — въ Елисейскій дворецъ.

По отзывамъ французской печати, Парижъ ин-

Общій видъ выставки.

когда не выказывалъ такого энтузіазма, какъ въ нынѣшнее торжество. По доносеніямъ изъ провинцій, во всѣхъ главныхъ городахъ праздникъ прошелъ блестящимъ образомъ при безконечныхъ крикахъ народа: "Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ союз!" *Journal des Débats* высказалъ взглядъ, что теперь и невѣрующіе люди измѣнили тонъ съ необыкновенною гибкостью. Такъ, даже газета *Times*, считавшая визитъ президента Форы лишь требованіемъ приличія, теперь послѣшла-де заявить, что двойственный союзъ заставитъ замолчать скептиковъ во Франціи и клеветниковъ въ другихъ странахъ.

Упомянутая французская газета огничаетъ правдивый результатъ тостовъ на "Потюко": они-де "категорически отвѣчаютъ тѣмъ, кто упрямно утверждалъ, что никогда самодержавная имперія не скомпрометируетъ себя формальнымъ договоромъ съ республикой, что франко-русскія демонстраціи были будто бы лишь международнымъ флиртомъ, въ которомъ Франція играла глупую роль". Газета *Gaulois* привела мнѣніе одного изъ дипломатовъ, что "самый замѣчательный и счастливый результатъ послѣднихъ событийъ" заключается-де въ томъ, что "Англія совершенно изолирована".

Признавая неожиданность франко-русскихъ торжествъ, берлинская печать подчеркнула неизмѣнность европейской политики, такъ какъ Германія исполнена-де твердой рѣшимости вмѣстѣ съ Россіей охранять общій миръ. Тѣмъ не менѣе эффектъ послѣднихъ тостовъ, послѣ красносельскихъ здравницъ за армию и флотъ, оказался поразительнымъ.

Берлинская *Nation Zeitung* полагаетъ, что Германія не видитъ перемѣны въ политическомъ положеніи: "союзъ", по заявленію высокыхъ ораторовъ, "долженъ служить миру, цивилизаціи, праву и справедливости". Разностороннія сужденія о тостахъ пронесли бы въ Германіи иное впечатлѣніе, если бы иѣмцы не были-де подготовлены, по словамъ Мольтке, защищать послѣдствія 70-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 50-ти лѣтъ.

Kölnische Zeitung, по даннымъ изъ Берлина, высказыва-

Павильонъ графовъ В. и М. Бранитскихъ.

Сельско-хозяйственная и промышленная выставка въ Кіевѣ. Павильонъ В. Кочубей. Съ фотогр. Л. Краевского въ Кіевѣ, авторціи "Нивы".

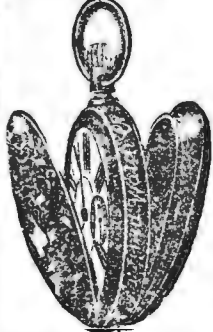

Павильонъ гр. Г. А. Потоцкаго.

Цѣны означены съ уплаченною пошлиною.

Мужские часы цѣна 10 руб., съ никелевымъ механизмомъ и 3 крышками. Реформа, двойная мужская цѣлочка 3 руб. Фирма существуетъ съ 1867 г. и удостоена на многихъ выставкахъ первыхъ отличій. Пр. дост. режени: настоящие только съ фабричною маркою „J. Rix.“

„Реформа“ часы звѣзда NORWICH WATCH COMPANY.

Цѣны означаются съ оплаченною пошлиною. Часы „Реформа“ составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ действительныхъ золотыхъ часовъ. Мы принимаемъ на себя за часы „Реформа“ полнѣйшую гарантию въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ. Анжерный антимагнетическій механизмъ часовъ „Реформа“ устроенъ съ такою точностію и тщательностію, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ. Въ Австріи часы эти заведены среди врачей, офицеровъ, государственныхъ и железнодорожныхъ чиновниковъ. Въ каждомъ часамъ прилагается письменная трехлѣтняя гарантія. Дамскіе часы „Реформа“ съ 3-мя крышками, изящно гравиров. 12 р. Дамская „Реформа“ цѣлочка 3 р. Съ требов. можно обратит. на русскои языкѣ. Заказы исполн. по получ. денегъ или нал. плат. Адресъ: ANTON RIX & BRUDER Wien, II. Praterstrasse, 25.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАЙНЕРЪ. САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѢ, сими имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что каталоги деревьевъ, растений, цвѣточнымъ луковичкамъ и пр. на № 10869 1897—1898 г. изданы и высылаются по требованію бесплатно. 4—4

ОСОБО

Удобнаго усовершенствованнаго покрова, ручной работы, отличающіеся прочностію ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА только въ специальномъ магазинѣ бѣлья Ю. ГОТЛИБЪ. Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго. Бручение въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. При вышесл. необходимы: нитки, вѣра волоса и дѣрка. Мелко 3-хъ не выслается.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЮ

EAU DE LYS DE LOHSE

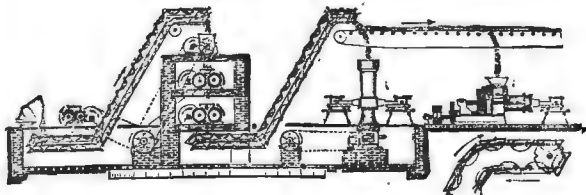
Сѣлая и розовая вода для блондинокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптегистовъ Россіи. № 5121 (103)

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ

Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ,

патентованныя въ Россіи, Германіи и друг. странахъ. Подъемныя цѣпы для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, известня, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы. Предохранительные ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленныхъ государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ. Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнишныхъ изразцовъ. При двухъ опытныхъ работниковъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ. Кроме того выдѣлываетъ: кровельная черепица всякаго рода, глиняныя трубы разныхъ сортовъ; бетонныя издѣлія, брикеты, цѣпные кирпичи, плиты для половъ, глиняныя и цементныя. Давильныя машины и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и миловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль за Берлинскую промышлен. выставку 1896 года.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10267 10-7. Поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Певскій пр., д. № 23. Невскя, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнѣйшимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прес.-куронтъ высыл. по требован. бѣзплат. т. н.

СѢМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ

А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ,

Мясницкая ул., д. Кузнецова, предлагаетъ ГОЛЛАНДСКІЯ ЦВѢТОЧНЫЯ ЛУКОВИЦЫ, какъ то: гладиолы, тюльпаны и др. въ отборныхъ экземплярахъ по умѣрен. цѣнамъ. Иллюстрированный каталогъ бесплатно.

Поступила въ продажу новая книга Э. А. Андреева: НЕДОСТАТКИ РЪЧИ и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Физіологія рѣчи. Гигіена рѣчи. Курсы для заикающихся: 1897 г. 182 стр. 8 рис. Цѣна съ перес. 2 руб. Складъ над. Кр. Крош-штадтъ. Розовая ул., № 132, кв. № 5.

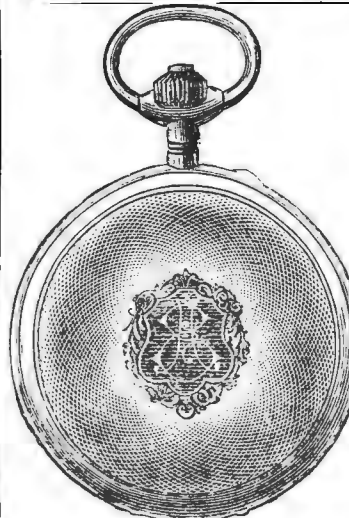
БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ БЕЗЪ ЛЯПИСА. Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашенія свѣдлыхъ волосъ и бороды въ черныя, русыя, темныя и сѣдо-каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕК. И КОСМЕТИЧ. МАГАЗИНАХЪ. ГЛАВ. НЫЯ СКАДЪ С.-ПЕТЕРБУРГА. АПТЕКАРС. МАГАЗИНЫ: А. Уроше. СІВ. Вохши. Конош., № 1.

СТОЛКИНДА КАПСУЛИ ДЕЗОДОРАТЬ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ЗЛОНІЯ въ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т. д. ПРОДАЕТСЯ ВЪ СКАДѢ: АПТЕКАРСКАЯ ТОРГОВЛЯ Д. Столкинда, Лубянской пр. домъ Смольянинова.

КАСХИМОВСКАЯ НЕВЪСТА.

Вс. Соловьева. Историческій ром. въ 3-хъ част. Изданіе II. СІВ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ДЛЯ ТУАЛЕТА АLCОOL DE MENTHE DE RICQLÈS ДЛЯ ЗУБОВЪ. Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный ароматъ. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ. Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и публичныхъ магазинахъ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ въ моей женевской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 июля с. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖСКОЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличаемо, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анверъ на 28 камняхъ, механизмы самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. мед.-лѣн на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасномъ цѣпочкомъ, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб. Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМСКІЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Выслать вполнѣ анжерныя часы по полученію задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежемъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а. Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10406 4—1

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ

1896 г.

ВЪ МОСКВѢ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ

1896 г.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА В. И. АСМОЛОВЪ и К^о

въ Ростовѣ на Дону
звѣщаетъ гг. покупателей, что, въ предупрежденіе задержки заказовъ, съ 15-го іюля сего года всѣ отдѣлы фабрики значительно расширены, при соответствующемъ увеличеніи машинъ новѣйшей конструкціи.

ФАБРИКА ЕЖЕДНЕВНО ВЫРАБАТЫВАЕТЪ:

!!! 21,000 фун. ТУРЕЦКАГО ТАБАКУ !!!

!!! 1,500,000 ПАПИРОСЪ !!!

Покупка листовыхъ табаковъ производится на мѣстѣ произрастанія. Въ собственныхъ складахъ постоянно находится двухъ-годичный запасъ табаку приезного турецкаго, южнаго берега Крима, Кавказскаго и Черноморскаго округовъ, что даетъ возможность постоянно вырабатывать табакъ РАВНАГО качества, дейной ферментациіи НЕЗАВИСИМО отъ случайности урожая.

Просимъ обратить вниманіе на вновь выпускаемые табакъ въ круглыхъ коробкахъ подъ названіемъ: **„СУЛТАНЪ-ФЛОРЪ“**

№ 24-й, за фунтъ 2 руб. 40 коп. и № 32-й Б., 3 руб. 20 коп. за фунтъ.

Папиросы высшаго достоинства въ портъ-папироскахъ **„ИЗЯЩНЫЯ“** 10 шт. — 6 коп., **„СУВЕНИРЪ“** 10 шт. — 6 коп. и **„КАРМЕНЪ“** 10 шт. — 6 коп.

„БРИЛЛЯНТЪ“ 10 шт. — 6 к. въ коробкахъ, и **„МУСНАТЪ“** 10 шт. — 6 коп. въ коробкахъ.

Въ скоромъ времени особое вниманіе заслужатъ выпускаемые папиросы самаго крупнаго формата въ честь Франціи **„ФОРЪ“** 10 штукъ 6 коп. и **„ГЕРКУЛЕСЪ“** 10 штукъ 3 коп.

Въ 1896 году выработано:

!!! 4,080,000 фунтовъ табаку !!!

!!! 350,000,000 папиросъ !!!

Удѣлено за бандероль

2,157,290 руб. сер.

Кромѣ вышесказанныхъ новыхъ сортовъ табаковъ и папиросъ всѣ прежніе сорта табаковъ и папиросъ **ЗНАЧИТЕЛЬНО УЛУЧШЕНЫ.** — Главное депо табаковъ по особому заказу для любителей попрежнему находится у **М. Г. ЗИМИНА**, Москва, Софійка, д. Захарына. — Эти же сорта нѣются также въ продажѣ у **Бр. Шемшурныхъ** и у наследниковъ **В. А. Вѣлюсова Сыновья.**
Продажа нѣдѣлій находится во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи и въ главнѣйш. город. Германіи, Англіи, Даніи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи и Америки. Прейсъ-курранты высылаются по требованію бесплатно.

ГИТАРЫ

въ
3,
5,
7,
10,
15,
20, 25, 30,
40, 50 р.
Отъ 7 руб.
и дороже
съ меха-
низмомъ
для струнъ.
Самоучи-
тель 1, 1 1/2
и 3 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (1) Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный каталогъ, прейсъ-куррантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“

Скорость, прочность, удобство. Послѣднія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „ВОСМОПОЛНЕНА“

Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полиров. ящикъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются безплатно.

Оптъ О. РИХТЕРЪ. С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г. въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37. Капиталы Общества свыше 29.000,000 руб.

СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Общество „Россія“ заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

1) Страхованія отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, — съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового.

2) Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Страхователямъ предоставляется участвовать въ прибылхъ Общества. Дивидендъ страхователей въ 1897 году составляетъ 15%.

Съ открытія операціи по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ по 1 января 1897 года Общество выдало пострадавшимъ вознагражденій по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ на сумму въ 1.570,000 рублей.

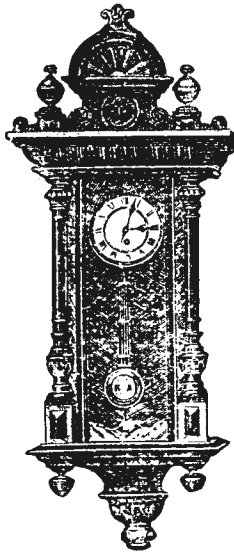
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на главныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на главныхъ пароходныхъ пристаняхъ.

№ 10326 6-5

НОВОСТЫ ДУХИ ЛЕВКОЙ
поставщиковъ Высочайшаго Двора
А. Раллетъ №.
За флаконъ 1 руб. 25 коп.

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ,
С.-Петербургъ, Невскій, 78.
Подробн. прейсъ-куррантъ высл. безплатно.

XXVIII г.

№ 36

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдасть 6 сентября 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 20 к., съ изр. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. IX (Сборникъ «Нивы» за Сентябрь)**; 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА СЕНТЯБРЬ 1897 г.** съ 27 рис. и отдѣл. листъ съ 29 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 31 рис. руководѣльных работъ.

Въ раздумьи. Съ картины Гримбергъ грав. Брендамуръ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Жилка вошелъ въ кабинетъ къ Моисею Лукичу.

Кабинетомъ называлась просто-на-просто голая комната, бревна которой и не стесали. Посрединѣ стоялъ столъ, тоже сбитый изъ бѣлыхъ досокъ. Въ сторонѣ кровать. На столѣ горѣли двѣ свѣчи. Копровъ сидѣлъ за какими-то бумагами. Поднялъ на шумъ — бритое лицо... У него подслѣповатые глаза болѣли, и надъ ними торчалъ большой зеленый козырь.

— Кто тамъ... Ты, Жилка?

— Точно такъ-съ. Какъ Милитонъ Саввичъ собственно къ вамъ поѣхали, я и примостился на облучокъ. Не будетъ ли отъ вастъ приказу какого.

— Напрасно старался. Надняхъ самъ буду. А Слоновъ зачѣмъ пожаловалъ?

Копровъ не любилъ его. Милитонъ Саввичъ не разъ становился ему поперекъ дороги.

— Подрядъ у нихъ на шпалы... Ну, такъ лѣску нужно. А у кого же лѣсъ, какъ не у вастъ.

— Занудобилось! — усмѣхнулся Моисей Лукичъ.

— И такъ даже, — конфиденціально наклонился къ нему Жилка, — что очень вы прижать его можете.

— Выкладывай...

— У нихъ контрактъ и неустойка—ахъ, Боже мой!—совсѣмъ петля!

— Понимаю. Чего же онъ ночью?

— Въ монастырь къ сестрѣ заѣзжали. То-есть, такъ имъ приспичило, такъ приспичило...

— Попомнить онъ меня. Прости, что ли!

Но Слоновъ самъ ввалился.

— Хочешь не хочешь, а принимай гостя.

— Вы слыхали, Милитонъ Саввичъ, что гость-то не въ пору, — хуже татарина. Народную мудрость нашу знаете, пословицы-то. Признаться, я васъ сюда никакъ не ожидалъ.

— Да и я не очень-то стремился къ вамъ, Моисей Лукичъ. Мнѣ ваши чувства хорошо извѣстны.

— Никакихъ у меня чувствъ къ вамъ нѣтъ... Я, знаете, дѣломъ занятъ. О пустыхъ людяхъ не думаю. Я вотъ сейчасъ въ Петербургъ письмо писалъ о развращеніи нравовъ. До васъ ли мнѣ тутъ? И даже удивительно, какъ это такъ вы беспокоите ночнымъ временемъ серьезныхъ людей, у коихъ государственныя мысли въ головѣ.

— Коли бы мнѣ не петля — я бы и не ѣхалъ.

— И до вашей петли собственно—какой мнѣ интересъ. Всякій получаетъ по дѣламъ его.

— Вотъ что, лѣсу продашь?

— Какого лѣсу?

— На шпалы мнѣ, сотенку десятинокъ я бы у тебя того... Только сейчасъ. Время дорого.

— Благоразумное правило — время всегда дорого, и мнѣ тоже.

— Не гони, не гони. Снимай шкуру съ вола—самъ къ тебѣ пришелъ.

— И шкуры съ васъ снимать я не собираюсь, идите вы себѣ своей дорогой.

— Такъ не продашь?

И Слоновъ поднялся.

— То-есть.. Не продамъ... Все на свѣтѣ продать можно,—а только цѣна вамъ моя дорогой покажется.

— Уфъ! — облегченно вздохнулъ Слоновъ и сѣлъ.— Ну, свѣжуй живее! Какая твоя милость будетъ.

— Я вамъ говорю, что въ покупателяхъ не нуждаюсь. Самъ себѣ берегу лѣсъ. Но разъ такія исключительныя обстоятельства, и вамъ, сами вы говорите, петля, то отчего же не нажить. По двѣ тысячи на десятинку пожалуйста.

И Копровъ тихо и зло засмѣялся, потиралъ руки, точно ему самому стало холодно.

— Что?—не вѣря ушамъ, уставился на него Слоновъ.

— Я, кажется, вамъ весьма лъстивно: по двѣ тысячи за десятинку, а за сто, значить, двѣсти тысячъ.

— Ты слушай... Ты ночнымъ временемъ не шути.

— Я и миллиона не возьму шутить съ пустыми людьми.

— Ты, вѣдь, самъ по сту заплатилъ.

— Мало ли что. Торговое дѣло.

— Вижу насквозь твою душу. Прямо безъ торгу говорю — половину сымай. А то поѣду искать по другимъ мѣстамъ. Либо объявлюсь банкротомъ, — вотъ и все. Лучше рубль разломать, чѣмъ экую машину денегъ вывалить.

Копровъ задумался.

— Собственно, зачѣмъ я буду лѣсъ продавать. Господь меня и безъ того выискалъ милостью. Лежачихъ капиталовъ у меня — до конца жизни не прожить. А умру, кому оставлю?

— Сынъ-то у тебя есть?

— Сынъ? Это макса, а не сынъ. Налимья печень. А лѣсъ — благословенный, старый лѣсъ. Положимъ, его тутъ десятки верстъ. Отъ ста десятинъ не убудеть. Вотъ что, Милитонъ Саввичъ. Завтра я буду въ городѣ. Хотѣлъ послѣ завтра—ну, да разъ вамъ надо, потороплюсь. Тамъ и сговоримся окончательно. Я отбавлю, вы прибавите. Тоже и о душѣ слѣдуетъ... Отчего же не вы-

ручить. Хотя вы меня и ненавидите всѣ, по я, видите Богъ, зла на васъ не помню. Всѣмъ простилъ, всѣмъ. Христось велѣлъ, и я прощаю, и злобу, и лютость, и умышленія супротивныя, и неповиновеніе—все, все... Пусть за меня Богъ наказываетъ. Въ Его десницу отдаюсь. Онъ всѣмъ за меня заплатитъ, всѣмъ... По завѣту: во сто кратъ! За добро—добромъ, за зло—зломъ. А я въ сторонѣ. Я съ своей стороны всѣмъ простилъ... Слышите—и вамъ. Мнѣ сказывали, какъ вы меня попустили, но я что-жъ. Я смиренъ. Я предъ Господомъ моимъ послѣдній изъ послѣднихъ. Долотомъ вы меня обозвали, да къ тому же долоту Богъ-то васъ и направилъ. И платите долоту... Во сто кратъ... Во всемъ-съ премудрость Его... Что обѣщано, то и будетъ...

— А ты бы совѣсть вспомнилъ.

— Онъ видитъ мою душу.

— Такъ, значить, завтра станешь съ меня шкуру драть?

— Если вамъ угодно пазывать такъ дѣяніе законами не воспрещенное...

Жилка, подслушавшій у двери, счелъ моментъ подходящимъ. Онъ вышелъ на крыльцо и свистнулъ.

„Какъ бы не забылъ Андронко“. И онъ опасно взглянулъ во тьму вѣкового лѣса. Тамъ ничего не было видно.

Но Андронъ свою роль твердо помнилъ. Еще бы—стоя у дерева, всѣ уши прослушалъ, ожидая условленнаго знака.

Что-то ухнуло. Да такъ, что, казалось, весь этотъ древній боръ отозвался... Ухнуло еще. Въ страшной тишинѣ, окружавшей копровскую потайну, каждый звукъ выросталъ до небывалыхъ размѣровъ. А тутъ Андронко-то очевидно не жалѣлъ силы. Со всего маху рапилъ дерево остриемъ топора, и оно стонало въ отвѣтъ, гудя всѣмъ своимъ кондовымъ стволомъ подъ смертельными ударами.

— Что это?—вскочилъ Копровъ.

— Лѣсъ рубить!—спокойно отвѣтилъ Милитонъ Саввичъ. — Ишь у тебя работники—и по ночамъ стараются.

— Какой!.. Воры это. И дерзость же. Подъ самыми окнами. Ахъ, мерзавцы. Флегонтъ!

Но несуразная масса Флегонтова уже ломилась въ дверь.

— Что это у тебя?

— Отродясь такого охальства не бывало. Ну, да постой—я тебя... обломаю...

И онъ чуть зубами не скрипѣлъ.

— Да, да... Приструни... хорошенько... Слышишь... На смерть бей—ночное время, ни за что не отвѣчаешь. Потому разбой...

Флегонту нечего было повторять, онъ уже летѣлъ туда, откуда по всей этой дубравѣ разносились мѣрные и сильные удары. Копровъ въ возбужденіи забѣгалъ по комнатамъ. Теперь лѣсъ, казалось, стоналъ и жаловался на тяжкую обиду.

— Пойду-ко и я!—всталъ Слоновъ.

— Куда?

— А поглядѣть, какъ твой медвѣдь челоуѣка ломать станеть.

— Какъ же я... одинъ...

— Чего пужаешься—вмѣстѣ хочешь, на міру? Отнюдь не страшно.

Жилка только и молилъ этого. Копровъ, торопливо сѣменя ногами, послѣдовалъ за Милитономъ Саввичемъ. Приказчикъ дождался, когда тотъ, держась за руку Слонова, сошелъ со ступеней, и шмыгнулъ къ нему, просунулъ руку подъ подушку. Ключъ былъ тамъ. Выхватилъ его, мигомъ взбѣжалъ по хрустѣвшей и скрипѣвшей лѣстницѣ и отворилъ дверь.

— Елена Борисовна, голубушка... матушка.

— Что?.. Кто тамъ?

Въ темнотѣ видимо забился кто-то испуганно и растерянно.

— Скорѣйча. Николай Львовичъ... въ коляскѣ ждуть... Ради Христа... Моментъ...

— Николай! — и Копрова чуть не задохнулась.

— Ни минуты нельзя... Живо...

Она шмыгнула мимо. Жилка дрожавшими руками заперъ дверь опять, сбѣжалъ за бѣлымъ призракомъ внизъ, вскочилъ стрѣлой въ хозяйскій кабинетъ, сунулъ ключъ подъ подушку, и, весь осатанѣлый, трепещущій, скинулся съ крыльца поймать ее за платье. „Сюда, сюда!“ Она сама не знала, куда бѣжить, зачѣмъ. Спотыкалась, падала и опять вскакивала на ноги. Разбила себѣ лицо было о какой-то пень, руки изодрала. И вдругъ что-то высоко-высоко подняло ее, какъ пушинку. Она чутьемъ узнала руки любимаго человѣка. Обвилась вокругъ его шеи.

— Въ коляску скорѣйча, скорѣйча... — полыхался около Жилка. — Готово... ухъ...

— Какъ я измучилась, какъ изстрадалась. Какъ меня оскорбляли... — безпорядочно роняла она, забывая все въ эту минуту. — Держи меня, держи, чтобы они не вырвали. Они отымутъ. Милый, Коля, они опять возьмутъ меня — на бѣду, на позоръ, на ужасъ. Крѣпко держи. Не отдавай. Они сейчасъ, сейчасъ... Лучше ты убей, самъ...

— Тихе, моя радость, тихе. Услышать. Они близко — тутъ сейчасъ. Успокойся. Я съ тобою вѣдь.

Но она билась еще пуще. Долго терпѣвшая, она теперь не могла совладать съ собою. Рыданія рвали грудь, хрипѣли въ горлѣ, крикомъ рвались вопъ. Николай Львовичъ, впрочемъ, напрасно опасался за Елену Борисовну. Ее бы теперь никто не услышалъ. За деревьями поднималось такое столпотворение павилонское, что голосъ Копровой безслѣдно утонулъ бы въ немъ. Оралъ Флегонтъ, визжалъ Жилка, улюлюкалъ Слоновъ, нылъ Моисей Лукичъ и, главное, два волкодава заливались такимъ отчаяннымъ лаемъ, такъ гремѣли и грозились на всю эту лѣсистую потайну, что домашнія собаки Копрова забились въ конуры и громко отзывались оттуда воинственнымъ вызовомъ, сами не рѣшаясь носу показать на поляну. Даже лошади запрядали ушами, храпя оглядывались назадъ и порывались унести въ тѣмъ прямой просѣки. Кучеръ натянулъ вожжи какъ струны...

Флегонтъ какъ выбѣжалъ, такъ и свѣта не взвидѣлъ.

Сколько лѣсникомъ былъ, а такой дерзости, чтобы у него рубили у самаго дома, — еще не случалось. Онъ шибко кинулся туда, споткнулся о волкодава, отшибъ его кулакомъ прочь — и прямо къ рапенному дереву. Не сообразилъ даже, что тотъ, воръ-то, съ топоромъ, а онъ въ пылу ничего не захватилъ съ собою. Налетѣлъ на Андрона... дыхание прерывается, только и жожеть:

— Ты... ты что!

Андронъ разсудилъ, что больше рубить нечего. Положилъ топоръ, засучился.

— Давай!.. Выходи... ну...

— Какое такое право, какъ ты смѣлъ!

— Что-жъ что... Иди-ка сюда. Я те покажу...

И вдругъ Флегонту показалось, что его молніей ударило.

— Получилъ? — резонно спросилъ Андронъ. — И еще будетъ.

Вторая молнія, — но тутъ уже и лѣспикъ внезапно обрѣлъ соображеніе.

— А, ты такъ... — засипѣлъ онъ, наваливаясь всею своею массой на вора.

Но Андрона свалить нельзя было. Держался крѣпко парень, да къ тому же, по собственному признанію, такъ спужался, что его бы теперь и паровикомъ пожалуй не свернуть. Сдѣшались. Объялись крѣпче братьевъ, долго не видѣвшихъ другъ друга. Тѣло у

обоихъ скрипѣло, казалось, жилы рвутся отъ натуги, глаза наливались кровью, въ виски молоткомъ стучала она. А ноги не поддавались, прочно стояли, точно въ землю ихъ врыли обоихъ. Набѣжалъ Слоновъ и съ видомъ знатока сталъ въ сторонѣ. Любуется.

— Моисей Лукичъ, этого, братъ, и въ театрѣ не увидишь. Господи! Ай да народъ! Вымогай, вымогай... Ухъ!.. Выноси душу...

Хотѣлъ было даже Андрона по имени назвать, да языкъ нарочно себѣ прикусилъ. Соблазнъ — такъ и хочется заорать: „Вали его на бокъ, Андронка! Сунь-ка ему туза въ брюхо!“ — но слова замираютъ въ горлѣ.

Копровъ бѣсится:

— Флегонтъ, ломай его!

Вынырнулъ Жилка, и тутъ же всѣмъ на глаза мечется:

— Я издѣсь, Моисей Лукичъ. Изволите замѣтить. Я издѣсь!

— Жилка! — въ отчаяніи зоветъ его тотъ. — Неси ружье скорѣй!

Жилка мигомъ улечувивается. Находитъ ружье, вихремъ мчится назадъ.

— Вотъ она, ваше степенство, фузен-то!

— Стрѣлай, Жилка, стрѣлай въ мою голову.

— Въ вашу? — недоумѣваетъ Жилка.

— Дуракъ! Вора убей!

— Никакъ нельзя, не заряжено, — строитъ онъ дурака. — Прикладомъ, если дозволите!

— Вали прикладомъ!

Жилка беретъ дуло, размахивается и, насколько у него было силишки, хлоааетъ Флегонта по затылку. Получи-де, милый человѣкъ, и радуйся. Слоновъ себя не помнитъ отъ восторга.

— Вотъ не во-время-то услалъ народъ — злится Копровъ и самъ было суется, по волкодавы, почему-то не вмѣшивавшіеся въ благородный поединокъ Андрона съ Флегонтомъ, показываютъ Моисею Лукичу такіе зубы, что тотъ отступаетъ за Слонова.

— Милитонъ Саввичъ, да помогите хоть вы!..

— Я?.. Что ты думаешь — очень лестно мнѣ, городскому головѣ, да по зубамъ отъ мужика получить? Сунься самъ, коли не жалко...

Ходили, ходили обнявшись Флегонтъ съ Андрономъ и вдругъ лѣспикъ почувствовалъ, что ноги его отдѣляются отъ земли.

— Что, лѣшій! — торжествовалъ кулачный боець.

— Погодишь еще, чортъ! — свирѣпѣлъ Флегонтъ. — Дай мнѣ тебя за горло ухватить!

И сильнымъ движеніемъ опять становится на землю, но тутъ Андронъ уже окончателно испугался, такъ испугался, что повалилъ лѣспика подъ себя и давай его мять по обычаю, въ такихъ случаяхъ свято исполнявшемуся въ слободкѣ. Едва ли не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Флегонтъ себя помнилъ, съ нимъ случился такой казусъ. Когда Андронъ его освободилъ, онъ поднялся ошалѣлый, помутившійся.

— Ну, Моисей Лукичъ, прощай, братъ. Значитъ, до завтра?

— Да, да... — бессмысленно повторялъ онъ.

— Приѣдешь въ городъ шкуру съ меня драть? Дери, дери. Не жалѣй купца-то. Что чужихъ потроховъ жалѣть. Авось опять нарастутъ.

Жилка подобрался къ Андрону, шепнулъ ему что-то. Пока Флегонка почесывался, отфыркивался, да разминалъ вывихнутыя мѣста, — глядь, отъ порубщика и слѣда не осталось. Точно темень проглотила его. Только вдали слышится бѣгъ. Будто медвѣдь лѣсомъ несется.

— Ушелъ? — злобно спросилъ Копровъ.

Флегонтъ хмуро молчалъ.

— Ушелъ? Орясина!

— Видно, что такъ...

— Чего-жъ ты не остановилъ его?

Осенній туманъ. Съ карт. Руса грав. Кирязе.

Литературный альбомъ. „Умереть—уснуть“, повѣсть П. Д. Боборыкина. Смерть Елкина.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Табурина. автотипія „Нивы“.

— Попробуй самъ. Я такого чорта еще... Думалъ умру.

— Даромъ только деньги тебѣ платятъ!

— Не держи меня, Моисей Лукичъ... Прощай, братъ. Еще надо въ монастырь попасть на ночлегъ,—подошелъ къ нему Милитонъ Саввичъ.

— Хозяинъ...

— Тебѣ чего?—оглянулся на Жилку Копровъ.

— Дозволите мнѣ остаться, или въ городъ повелите ѣхать?

— Какой отъ тебя толкъ... А впрочемъ, погоди. Завтра вмѣстѣ...

— Слушаю-съ.

Жилка покорно пошелъ въ домъ. Копровъ поплелся провожать Милитона Саввича.

— Подавай!—крикнулъ тотъ.

Мягко подкатился экипажъ. Кузовъ былъ поднятъ. Тамъ стояла тьма. Слоновъ отъ полноты чувствъ обнялъ даже Моисея Лукича и тяжело ввалился въ коляску.

— Трогай!

Лошади дернули. Только ихъ и было видно!..

Копровъ вернулся домой. Тамъ все было тихо и въ порядкѣ.

— Ну, и разбойникъ народъ здѣсь!

— Точно что,—вытянулся у дверей Жилка.

— Флегонку-то должно быть здорово помяли?

— Повалился на лавку—стонеть. Не извольте беспокоиться—къ утру очухается. Живъ будетъ.

— Я и не безпокоюсь. Въ городѣ видѣлъ Семигорова?

— Видѣлъ. Они заходили къ памъ-съ... Только несолопо хлебавши ушли-съ. А теперь, я прослышалъ, уѣхали.

— Куда?

— Кто ихъ знаетъ! Развѣ они говорятъ. Баринъ шалый. Что ему влетитъ въ банку, то и хорошо.

Копровъ засмѣялся и потеръ руки.

— Елена-то Борисовна на него, какъ на каменную гору, а каменная гора отъ нея прочь. Чтѣ ему—получилъ свое удовольствіе и къ другой сбѣжалъ. Известная у нихъ у всѣхъ одна привычка. Бабы только дуры... Такъ сказываешь, что Слонову нужда неминуемая въ лѣсѣ?

— Сами мнѣ они говорили. Развѣ только что отдышаться ему дадутъ господа инженеры.

— Ну, гдѣ... Пусть сначала мнѣ за всѣ свои дерзости заплатитъ. Я ему сразу счетъ-то за все подамъ. Плати, хворостяная душа!

XXIII.

У дѣвицъ Барсуковыхъ настоящій праздникъ. Пуни—та разговалась во всѣ стороны, испорченная, суетливая, какъ курица, которую вѣтухъ клюнулъ въ самое темя. Съ тѣмъ только различіемъ, что она чувствовала себя вполне счастливою. Еще бы, Альфредъ де-Монтегю, нѣтъ... то-есть, Николай Львовичъ—привезъ ночью и сдалъ имъ съ рукъ на руки Діану де-Пуатье, или иначе—Елену Борисовну.

— Сестрица—романъ у насъ, да еще какой: похищеніе во мракѣ или торжество разлученныхъ любовниковъ.

Она было и Семигорова пригласила остаться—но Нюня, въ свои пятьдесятъ шесть лѣтъ, болѣе благоразумная, удержала ее:

— Ты еще молоденькая, что про тебя скажутъ—сторонній мужчина у насъ подъ кровомъ. Развѣ *она* когда-нибудь повѣритъ, что это не для тебя.

Онъ—у нихъ являлся лицомъ отвлеченнымъ. *Онъ* обозначалъ того самаго счастливаго, который „впослѣдствіи времени“ долженъ былъ явиться къ Барсуковымъ и потребовать руки сорокадвухлѣтней Пуни. И Нюня, и Пуни вѣрили въ *него* и потому терпѣливо ждали. Тѣмъ

не менѣ Семигоровъ не успокоился. Онъ опять съѣздилъ въ то село, гдѣ жилъ еще недавно около монастыря. Разбудилъ мужика Федора, когда-то возившаго Копрову въ обитель.

— Ну, братъ, за тобой, ты знаешь?

Тотъ только радостно сверкнулъ глазами.

— Колѣтъ буду—вспомню. Кабы не ты, баринъ—гдѣ бы я теперь былъ.

— Вотъ и ты мнѣ понадобился. Стеречь барыню одну.

— Не Елену ли Борисовну?

— Ее самоѣ.

Федоръ быстро обрядился и къ утру былъ уже у Барсуковыхъ. Его помѣстили въ саду, въ бесѣдкѣ.

— Ты, Николай Львовичъ—вотъ какъ, будь покоемъ—ежели что, помру, а у живого не отымутъ.

— То-то. Мнѣ въ городъ дня на два.

— Вали! Пока прознаютъ—я тутъ что песъ вѣрный сторожить стану. Прикажешь—по ночамъ лаять буду округъ дома... Ну, а ежели кто сунется—его горе!

Николаю Львовичу надо было устроить многое. Елену Борисовну ждало одно: ясно было, что Моисей Лукичъ не дастъ ей покоя—надо ѣхать въ Петербургъ хлопотать объ отдѣльномъ видѣ. Тамъ у княжны Балкашинской были связи, которыми она и думала воспользоваться. Пуня и Нюня пока оставили ее. Онѣ сначала все тормозились около—но Копрова была такъ измучена, что имъ сдѣлалось жалко. Нюня ушла первая. Пуня еще посидѣла минуты двѣ.

— Душечка... Я сейчасъ, сейчасъ. Ахъ, какой романъ, даже такой, какихъ нынче и не пишутъ!.. Ахъ... А герой-то, герой. Душечка, дайте я васъ поцѣлую—куда онъ цѣловалъ. Вотъ сюда—тутъ у васъ на щечкѣ пятнышко. Нѣтъ, ужъ когда я буду выходить замужъ, сдѣлайте одолженіе. Пусть онъ подѣдетъ на тройкѣ. Иначе я не согласна—пусть онъ меня похититъ.

— У кого?

— У сестры, у Нюни. Она будетъ играть несклонную роль... Я какъ бы невинная жертва—и въ окно—ночью. А онъ внизу—сейчасъ въ объятія. Вы представьте, душечка, я въ подиѣвечномъ платьѣ съ флеръ-д'оранжами и вся въ слезахъ, а онъ, жестокой, ничему не внимаетъ, и притомъ самыя отборныя слова...

Когда Пуня исчезла—Елена Борисовна съ наслажденіемъ вытянулась подъ одеяломъ.

Она такъ истомилась за это время, что все ея тѣло болѣло и жаловалось. Она никогда не думала, чтобы простая, мягкая постель могла дать столько радости. Пока ей ничего не надо было больше. Только сна и покоя... Знать, что еще нѣсколько дней—ты останешься никому неизвѣстной здѣсь, никто тебя не потревожитъ... Молчаніе, тишина! Она слушала эту тишину. Неужели вблизи не раздаются шаги противнаго и подлага старика? Неужели лѣстница не скрипитъ подъ его ногами? Онъ не подкрадывается къ ея дверямъ, не прикладывается къ замку ухомъ, не подслушиваетъ и потомъ въ безмолвіи, зловѣщемъ и таинственномъ, не раздается нежданно-негаданно его тихій, воровской смѣхъ. Неужели подъ окномъ не покажется Флегонтъ—суровый, хмурый,—вѣрный сторожъ, жестокой сторожъ, у котораго для нея были только взглядъ исподлобья, да ворчаніе злобнаго пса. А она такъ хотѣла любви, ласки, привѣта!.. И все это кончилось—все, въ ту минуту, какъ она себя почувствовала на рукахъ у любимаго человека! Поди, и теперь Моисей Лукичъ у ея дверей и слушаетъ... Она даже вздрогнула отъ этихъ воспоминаній... Какъ хорошо кругомъ, какая неизреченная прелесть въ этомъ одиночествѣ. Звѣздочка свѣтитъ въ окно... Пахнетъ геранью. Она такъ любитъ этотъ запахъ, часто даже постельное бѣлье брызгала вервеной. Гдѣ-то въ дальнихъ комнатахъ шуршитъ платье—должно-быть Пуня еще не успокоилась—о ро-

манѣ мечтаетъ. Половица скрипнула.. Ахъ, какъ мирно, какъ кротко все кругомъ,—и глаза оскорбленной женщины невольно слиплись... Сколько времени она спала—едва ли сама дала себѣ отчетъ въ этомъ. Проснувшись, смотритъ — занавѣска спущена — въ ея комнату входили, а она этого и не знала. Но и сквозь холстинку солнце такъ и заливаєтъ все теплымъ золотомъ. Золотые зайчики дрожатъ на стѣнѣ, блгутъ по полу, огоньками вспыхиваютъ лучи на флаконахъ... Юноя хлопочетъ—сюда даже доносится ея заботливый голосъ: „ты мнѣ такъ кулебяку загни, какъ для отца Геронтія дѣлала, помнишь? Поперекъ рубчиками, а на углахъ рожками, да чтобы рыба не какъ-нибудь, а звеньями—звено около звена, а промежду—рисъ, яйца и вязига. Появля? Да звенья-то выбирай жирныя...“ Елена Борисовна вдругъ почувствовала адскій аппетитъ. Она въ лѣсной потайнѣ, у тестя, Богъ знаетъ что ѣла, да и ѣла ли еще? Ей приносили въ деревянной мискѣ. Самъ Копровъ разъ притащилъ „хлебово“ и поставилъ въ уголь, какъ собакѣ. Елена Борисовна задрожала отъ безсильнаго гнѣва. „Ничего, ничего, и цесь твореніе Божіе, — шипѣлъ Моисей Лукичъ, — иной песь-то лучше человѣка!..“ И съ тѣмъ ушелъ. Ее угаромъ охватывало чувство обиды. Она задыхалась—приводила себѣ на память всѣ мелочи этихъ нѣсколькихъ дней. Больше бы она не выдержала—разбила бы себѣ голову о стѣны или о желѣзную рѣшетку окна. И теперь вдругъ жизнь ея опять представилась ужасной и мрачной.. Еще бы, какъ вести ее съ такими оскорбленіями въ прошломъ! Дверь полуотворилась—Елена Борисовна зажмурилась. Сейчасъ ей не хотѣлось видѣть никого. Даже добродушное лицо Пуня, съ круглымъ носомъ налѣво и круглыми наивными глазами—было бы ей неприятно...

— Проснулись?—послышалось въ дверяхъ.—Нѣтъ?.. Ну, спите, спите, мое сокровище!..

Комната опять затворилась, и тихіе шаги хозяйки замерли вдали. Елена дѣйствительно сейчасъ же заснула опять. Молодой организмъ, памучившійся и усталый, бралъ свое.

XXIV.

Черезъ день послѣ описанныхъ событій этой ночи—Семигоровъ заѣхалъ къ Слонову.

Милитонъ Саввичъ былъ сегодня мраченъ и дикъ.

— Я думалъ ты по-барски... Свое-то получилъ и отлыпнять полагаешь!

— Насчетъ чего?—не понялъ его Николай Львовичъ, отстраняя отъ себя подвинутую къ нему бутылку съ мадерой.

— Одинъ у меня гвоздь—Еликонида.

— Когда хочешь—я съ тобой. Мое слово вѣрно. Что общано—то свято. Да и тебѣ я обизанъ.

— Ну, то-то и оно. Такое мое воображеніе, чтобы завтра. Слышь... Къ вечернямъ тамъ будемъ.

— Ладно... Ты опять запилъ? Ишь ты—цѣлый винный погребъ на столѣ. Прейсъ-курантъ повѣряешь, что ли?

— Нѣтъ, такъ. На старья дрожжи люю... Скушно, ай какъ скушно.

И онъ по обыкновенію заматалъ лохмами.

— Хорошъ женихъ!.. Ты полюбуйся на себя въ зеркало. Да тебя невѣста до смерти испугается.

— Не бось, завтра буду въ законѣ, какъ слѣдуетъ. Цѣлую банку реzeda вымажу на голову—завьюсь. Да, братецъ ты мой—Жилка объявился.

— Ну, что Копровъ?

— Ничего еще не знаетъ.

— Какъ это можно!

И Семигоровъ даже вскопчалъ отъ неожиданности.

— Онъ утромъ ключъ-то отъ комнаты, гдѣ Елена Борисовна сидѣла, Флегонту отдалъ. Строго-настрого приказалъ не выпускать изъ хутора, а самъ сюда. И

сейчасъ мнѣ объявку—пріѣзжай-де лѣсъ покупать. Ну, я ему въ отвѣтъ: хочешь дѣсти за десятипу, потому-де мнѣ господя инженеры отдышаться дали, у другихъ по сосѣднимъ губерніямъ лѣску поищу. Жилка-то говоритъ, съ ума сошелъ старикъ. Нацѣлился на мои капиталы. У меня, кричить, дѣла въ потайнѣ, я все бросилъ, да сюда пріѣхалъ... Ради чего?.. Жилка просится ко мнѣ—я ужъ общалъ ему, да боюсь.

— Чего?

— Умствененъ. Не по Сенькѣ шапка. Обведетъ онъ меня. Ишь вѣдь онъ, дѣйствительно, надо такъ говорить—настоящій полководецъ. Какое дѣло оборудовалъ. Моисей Лукичъ-то, пока не вернется туда, не узнаетъ, потому Флегонту отлучиться нельзя, а письмо прислать не можетъ — не грамотенъ. То-то чортова кукла обрадуется.

На другой день, въ монастырѣ, только что собрались къ вечернямъ, молоденькая дѣвушка, жившая у одной изъ старицъ, чуть не со слѣзу разогналась къ Еликонидѣ.

— Сестрица... Зовутъ тебя.. Ступай за уголь... Знаешь, гдѣ башня старая.

— Къ зоветь?

— Ахъ, красавецъ, милушка. Большой-большонный... Синеглазый, а кудерки-то смоль-смолюю...

— Сказывалъ имя?

— Семигоровскій баринъ... Пымалъ онъ меня. Такъ безъ стыда за хвостъ закрутилъ, да и смѣется. Вотъ что, голубка,—шепчетъ.—Я не за тобой охочусь—не бойся. Нисколько ты мнѣ не нужна. А поди-ко вызови сюда игуменьеву дѣвицу Еликониду. Страсть, скажи, зандобилась. Я камушкомъ къ тебѣ... Ступай, радость!

Еликониду точно зарей обдало. Даже руки обезсилѣли. Дрожить вся.

— Николай Львовичъ?

— Онъ, онъ! И картина же. Сама-то я полыхаюсь, а глазъ отвести отъ него не могу. Такъ бы на грудь къ нему и припала. Что-жъ, я въ монашки не собираюсь, мнѣ что—я вольная, захотѣла—живу, захотѣла—ушла, ищи меня.

— Постой, постой.. Сказываешь, за башней... За Егорьевской?

— Оно самое. Говорить: пусть поторопится.

— Ахти мнѣ. А еще матушку игуменью обрывать къ вечернямъ надо.

И вся растерявшаяся и смятенная, Еликонида кинулась назадъ. Наскоро надѣла новое черное платье, набросила шелковый черный платокъ на голову. Въ зеркало взглянула и сама себя обругала: „эки буркалы-то, не даромъ тебя, дѣвушка, лунеткой зовутъ. Настоящая лупетка и есть. И крови-то! Будто піонъ-цвѣтъ.“

А сердце такъ и стучить... Колотится и духъ заходить. Съ чего бы Семигорову въ голову ударило за нею. А въ ея любовь вспомнилъ и потянуло. Правда, она три зари собирала росу и умывалась ею, приговаривая: „росышка моя свѣтлая, гостышка поднебесная—повели сударю моему Николенькѣ по мнѣ ветосковатися!“ Ужли-жъ подѣйствовало. А она думала—такъ это, одѣя бабы враки. Вотъ и вышло наоборотъ.

— Что съ тобой?—строго крикнула на нее мать Клеонатра.

— Родные изъ города пріѣхали, повидаться зовутъ.

Взглянула еще разъ на нее старуха, и жаль ей стало Еликонидкиной молодости.

— Чего-жъ ты волнуешься? Ну, пріѣхали—порадуешься. А тормошиться нечего.

— Благословиться пришла. Обрядить васъ—да иди къ нимъ.

— Ступай сейчасъ. А ко мнѣ пришли Марію, она поможетъ.

Еликонида не заставила повторять себѣ вторично.

Вскочила точно съ угару. И вздрогнула. Ударилъ

благовѣсть, на крылечкахъ отдѣльныхъ келій показались черныя монахини... Вотъ мать Агнія... Идетъ—шатается. Опять должно-быть не въ себѣ.

— Ишь ты... Чему радуешься?—остановила она Еликонида.—Чего заторыхалась точно птица на живнѣ... Бѣса тѣшишь... Бѣсу веселишься...—И она застучала посохомъ.—Смотри—душу потеряешь, не вернешь потомъ...

Но Еликонида, не слушая ея, неслась на всѣхъ парахъ.

И Степанида ее не одобрила подъ воротами.

— Ишь разговалась... Яблонная! Нешь ты въ міру ликуешь?

— Оставьте, мать Степанида, не до васъ.

— То-то, не до меня!—разомъ успокоилась та.—Кому до меня. Могилѣ развѣ, да та молчить,—знаеть, что ея отъ нея не уйдетъ.

Усѣлась въ тѣнь и опять зажмурилась. Ужъ очень солнце на закатѣ заливало веселымъ огнемъ окрестныя поля.

Николай Львовичъ спокойно стоялъ за башней. Поравнялась съ нимъ Еликонида—вся пожаромъ загорѣлась. Потушилась, ждетъ. И тотъ — „пройда, прости Господи, — думаетъ она про-себя, улыбается.— Побѣду свою видить и неgleжа любитъся—палки на васъ нѣтъ, идола. Ужъ обманилъ бы скорѣй, знаетъ, что вся я тутъ и нѣтъ меня больше...“

— Дѣвушка одна сказывала—звали...

— Да!.. Спасибо—ждать не заставили вы меня.

— Неучливо было бы.—А сама глазъ поднять не смѣетъ.—Я вотъ, здѣсь. Что угодно?

— Васъ самихъ!.. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, прокажитесь вмѣстѣ. Вонъ мои лошади. До села. Никто насъ не увидитъ.

— Что вы, что вы?

А у самой духъ перехватило и подъ ложечкой засало. Такъ бы и шварнулась ему на шею. Вотъ она „роса-то, росынька“!

— Отчего-жь? Идемте что ли...

Беретъ ее за руку. Обожгло ее. Теперь бы на край свѣта за нимъ пошла. Хоть подъ ножъ—все равно.

„Только что онъ самъ-то. Будто совѣстится или не очень ужъ желаетъ. Всѣ они таковы. Издали—орлы-орлами, а какъ придется до дѣла—совѣютъ...“

Онъ молчитъ, молчитъ и она. Тихо. На поляхъ безмолвіе, только колокола звонятъ во всю, точно кричатъ ей: „Опомнись, куда ты, зачѣмъ, на погибель идешь. Вернись къ намъ скорѣе. Тутъ миръ и благоволеніе...“ Поздно ужъ. Досадно ей, сдержаться не можетъ, ея рука дрожи дрожитъ въ его. Даже онъ ласково смѣется. Только какой-то будто не свой. Никто вѣдь не видить—обнялъ бы да поцѣловалъ. Вѣдь она, какъ цвѣтокъ къ солнцу, всея душой къ нему. Неужели онъ этого не замѣчаетъ? Коляска стоитъ поднятымъ верхомъ сюда. Сердце бы не разорвалось. Вдвѣмъ они будутъ тамъ. Лошадей не видать — они за кузовомъ впереди. Вихремъ унесутъ. Куда? Э, да не все ли равно, часъ да мой, а тамъ будь что будетъ. Изъ-за такого и пропасть не боязно. Пусть хоть завтра бросить—все одно.

— Не страшно?—наклоняется онъ.

— Съ вами? Нѣтъ!..

Едва осмѣлилась поднять глаза и, встрѣтивъ его взглядъ, зажмурилась.

— Я для вашего счастья же. Послѣ сами будете меня благодарить. Васъ любить, а вы знаете, любовь совѣмъ людей передѣлываетъ. Сумѣйте только взяться.

„Что это? О чемъ онъ? Непонятное совѣмъ“.

Но думать ей некогда. Они уже у коляски. Поднялъ онъ ее. Она только руки вскинула ему на шею, какъ онъ бросилъ ее туда, въ чужія, сильныя, какъ сталь, неотмычныя, безжалостныя. Взглянула—и обмерла.

— Ань не ждала? Сказывалъ, моя будешь.

Рыжія лохмы мотаются. Волчій взглядъ жадно смотритъ на нее.

— Отъ судьбы, дѣвушка, не уйдешь.

Она забилась, рвется. Крикнула бы, да громадная лапица ротъ ей зажала.

— Пустите, пустите, Милитонъ Саввичъ. Господи, что-жь это? Обманомъ!.. Ужли же я?.. Мать Клеопатра...

— Ладно, ладно, зови! Услышитъ...

А лошади летятъ точно въ угарѣ.

— Да не полыхайся, дьяволъ! — рычитъ Слоновъ.— Не на-смерть—на свадьбу везу, дура!

— Хуже смерти, хуже. Противный, постылый, изведу тебя. Оставь.

Она освободила руку, уперлась ему въ грудь, но локоть бессильно согнулся—и она обмерла. Сидитъ, какъ убитая.

„Вотъ оно, вотъ оно,—носится въ ея головѣ,—дѣвичье счастье наше—туманомъ расходится. Нигдѣ-то своей воли... Все изъ-подъ чужой руки. И берутъ-то какъ барана подъ ножъ — иди не брыкайся. Все одно, не сегодня, такъ завтра шкуру драть будутъ. Вся жизнь подневольная. Пришелъ, схватилъ—и шевелиться не смѣй...“

— Что-жь ты? Скажи что-нибудь. Лапушка моя бѣлая.

Точно мертвая. Куда и руминець сбѣжалъ. Да вдругъ какъ заляется, какъ зарыдаетъ.

— Ну, разверзлись хляби небесныя!—засмѣялся Слоновъ, не выпускалъ ея руки.

— А васъ, Николай Львовичъ, Богъ накажетъ! — вдругъ обернулась она къ нему.—Одинъ только и былъ на свѣтѣ дорогъ, да и тотъ силкомъ въ волчью пасть швырнулъ... Припомните вы еще мои слезы. Отзовутся онѣ вамъ. Не будетъ и вамъ счастья. Меня загубили, да и васъ жизнь не порадуетъ—обманетъ... Всякій часъ, всякую минуту проклинать васъ буду. Эла такого нѣтъ, чтобы я вамъ не пожелала, да и ей, Еленѣ Борисовнѣ вашей. Вамъ обоимъ Господь за меня заплатитъ.

— Ладно, ладно, каркай ворона! — смѣялся Милитонъ Саввичъ. — Что взяла, шельма? Въ монастырь укрылась? Нѣтъ, врешь, у насъ руки длинныя. Выволочемъ. Сама потомъ смѣяться станешь. Не уйтить тебѣ отъ насъ никуда. Еще Богъ-то и заборовъ такихъ не поставилъ, чтобы дѣвье отъ насъ за ними схорониться могло... Сказано „плодитесь и множитесь“, а не то, что въ обители прятаться. Ушла, шельма?—торжествуя, смѣялся онъ.

Еликонида совѣмъ смолкла. Съ этой минуты ея воля точно отвалилась отъ нея.

(Продолженіе будетъ.)

Судъ Божій.

Разсказъ.

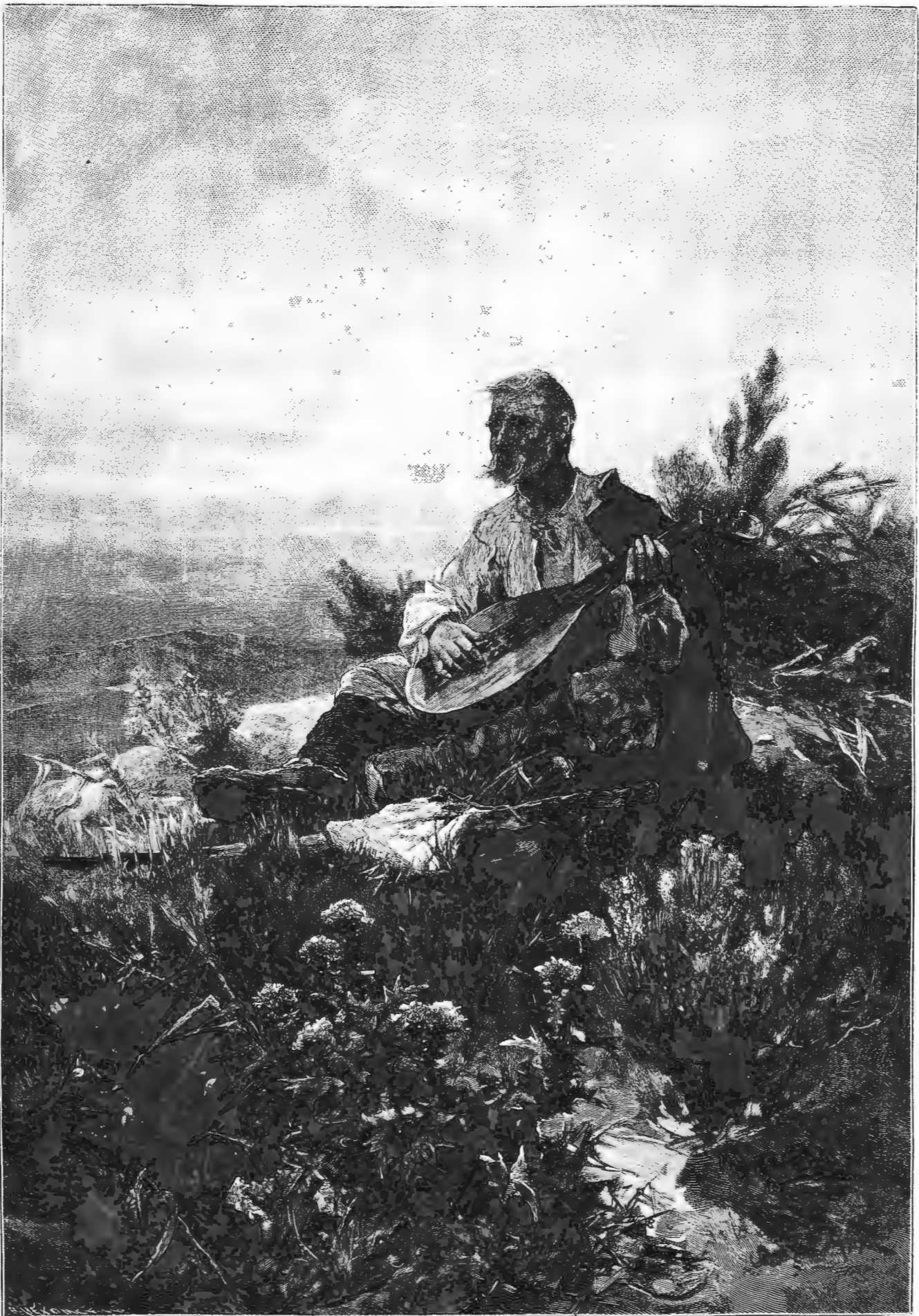
(Съ англійскаго.)

Въ Монбизу, въ хорошевькомъ имѣніи полковника Анструэра, находящемся недалеко отъ города Гольуэи, собралось однажды погостить довольно избранное общество. Тутъ были: молоденькая вдовушка миссъ Эффингэмъ, миссъ Винингъ — крупная, красивая брюнетка, миссъ Дженни — сестра хозяйна, извѣстный кругосвѣтный путешественникъ сэръ Ричардъ Бернардъ, адвокатъ Джонсонъ, гвардейскій офицеръ Спиклеръ, членъ

греческаго посольства Киланосъ и многіе другіе дамы и кавалеры.

Нѣкоторые изъ гостей пріѣхали со своею прислугою, а такъ какъ у самого сэра Анструэра было тоже множество домашнихъ, то въ настоящее время домъ его былъ биткомъ набитъ жильцами, вплоть до послѣдней каморки гдѣ-нибудь на чердакѣ. Все шло спокойно, весело, какъ вдругъ совершенно

Литературный альбомъ. „Перебендя“, Т. Г. Шевченка.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Иманевича, грав. В. Цехомскій.

неожиданно случилось нечто, что сразу огняло у всех и покой, и веселье.

Однажды, вечером, часов около десяти, когда все гости и хозяйки, собравшись в кружок, беседовали в салоне, одна из хозяйских горничных, обходя приготовленные для гостей покои, наткнулась в комнате миссис Эффингэм на валявшийся на полу пустой футляр из-под брони. Странной показалась ей такая находка; она решила сейчас же сообщить об этом Элизе, французенк-камеристк-миссис Эффингэм. Оставив футляр в том же положении, в каком она была, она уже готова была направиться к Элизе, но за дверью на лестнице послышались шаги, и французенка сама вошла в комнату. Горничная сейчас же поспешила рассказать ей о находке. Элиза заволновалась. Вѣдь сегодня барыня не надевала этой брони. А броня очень дорогая, все из смарагдов и рубинов, и всегда хранится в этом футляре. Теперь она обязана сейчас же сообщить обо всем барыне.

Самые тщательные поиски по всей комнатѣ не привели ни къ чему: брони не было. Внимательно осмотрѣли все окна, въ надеждѣ найти на нихъ хоть какіе-нибудь слѣды вора, но напрасно: окна были такъ же плотно затворены, какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Мужчины, спокойно бесѣдовавшие между тѣмъ въ курительной комнатѣ, были удивлены и даже поражены, узнавъ о пронажѣ.

— Значитъ, кража, насколько я понимаю,—задумчиво произнес полковникъ.—И, что всего прискорбнѣе, тутъ, очевидно, дѣйствовалъ домашній воръ. Что ты скажешь на этотъ счетъ, Джонсонъ?

— Повидимому, такъ,—спокойно отвѣчалъ адвокатъ, уставившись глазами въ потолокъ и неторопливо закурилъ новую сигару.

— Вотъ чего я не люблю въ васъ, юристахъ: никогда вы не сдѣлаете ничего просто такъ, по дружбѣ. Отъ тебя-то я ожидалъ болѣе обстоятельнаго отвѣта.

Но адвокатъ оставался непреступенъ.

— Если это кража, такъ не лучше ли сейчасъ же послать за сыскной полиціей?—замѣтилъ гвардеецъ Спиклеръ.

— Ну, дружище, не забывай, что вѣдь мы не въ Лондонѣ,—возразилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да, здѣсь дѣйствительно нигдѣ не найдемъ сыщика ближе, какъ въ Гольуэзъ; а вѣдь туда нѣсколько часовъ пути. Да и тамъ-то еще найдемъ ли!

— Ну, такъ хоть простого полицейскаго!—предложилъ кто-то.

— Да и полицейскаго-то здѣсь нѣтъ,—возразилъ полковникъ Анструзеръ,—есть простые патрульные, правда, изъ оставшихъ солдатъ, славные малые, но воровъ ловить не мастера. Что же тутъ дѣлать?

Не успѣвъ послѣдовать отвѣту, какъ дверь курительной комнаты отворилась, и вошелъ Финлинь, дворецкій полковника. Лѣтъ тридцати, съ интеллигентной физиономіей, серьезнымъ взглядомъ, спокойными, полными достоинства манерами, онъ какъ разъ подходилъ подъ тѣ требованія, какія англійскими аристократами предъявляются обыкновенно къ лицамъ, желающимъ занять должность дворецкаго.

— Сэръ,—началъ онъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось сдерживаемое волненіе,—сэръ, прошу простить меня; но, вслѣдствіе происшедшей кражи, я и другіе служащіе... я говорю не только отъ себя, но отъ общаго имени... мы бы хотѣли, чтобы вы изволили произвести обыскъ въ нашихъ вѣщахъ. Мы даже настаиваемъ на этомъ, сэръ, прежде чѣмъ...

— Тихе, тихе,—прервалъ его полковникъ,—все придетъ въ свое время. Да я и не знаю, право, какъ же это? можемъ ли мы...

— Ты позволишь мнѣ отвѣчать за тебя?

Вопросъ этотъ раздался изъ отдаленнаго угла комнаты, гдѣ, сквозь густое облако табачнаго дыма, неясно вырисовывались выразительныя, унылыя черты лица сэра Ричарда Бѣрнарда. До сихъ поръ казалось, что знаменитый путешественникъ шло мало не интересуется происходящимъ передъ нимъ.

— Могу я за тебя отвѣчать, Анструзеръ?—повторилъ онъ вопросъ.

Полковникъ на мгновение задумался, но сейчасъ же поспѣшилъ отвѣтомъ:

— Если желаешь—пожалуйста!

— Теперь ступайте,—обратился сэръ Бѣрнардъ къ дворецкому,—а черезъ пять минутъ приходите снова.

Выждавъ, пока дворецкій выйдетъ за дверь, сэръ Ричардъ продолжалъ:

— Я, господа, нисколько не вѣрю въ возможность успѣха отъ обыска вещей прислуги. Если дѣйствительно брешку украсть кто-нибудь изъ слугъ,—хотя я далекъ отъ мысли обвинять кого-либо изъ нихъ,—такъ, разумѣется, первою заботою вора было—спрятать украденное такъ, чтобы оно не нашлось при обыскѣ въ его вѣщахъ. Нѣтъ, ужъ если намъ приходится справляться съ дѣломъ самимъ, безъ сыщиковъ, вообще безъ всякой посторонней помощи, то намъ, мнѣ кажется, останется только одинъ путь...

— Какой?—въ одинъ голосъ спросили окружающіе.

— Видите ли: я знаю, вамъ покажется невѣроятнымъ то, что я вамъ предложу.

— Все, что бы ни сказала сэръ Ричардъ Бѣрнардъ, будетъ во всякомъ случаѣ выслушано съ полнымъ почтениемъ.

— Очень мило съ твоей стороны, Анструзеръ, что ты такъ говоришь; но вѣдь господа еще не знаютъ, что имѣю я предложить.

— Ну, такъ говори.

Все съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта. Сэръ Ричардъ Бѣрнардъ, не торопясь, нѣсколько разъ глубоко затянулся изъ длинной трубки.

— Видите ли,—началъ онъ, глубже прижимая пальцемъ табакъ въ трубкѣ;—только, прошу васъ, не пугайтесь. Дѣло въ томъ, что я предлагаю отыскать вора посредствомъ своего рода Божьяго суда.

— Что?!

— Ужъ не хотите ли вы прислугу на горячія плиты поставить?

— Или побросать ихъ всехъ въ море, и тотъ, который...

— Такъ ужъ лучше настоящую пытку устроить!

— Почтительнѣйшіе друзья мои,—улыбнулся сэръ Ричардъ Бѣрнардъ,—если вы хотите считать меня какимъ-то безчеловѣчнымъ варваромъ, такъ совершенно напрасно. Лучше потерпите еще нѣсколько мгновений и выслушайте повнимательнѣе, въ чемъ состоитъ предлагаемый мною планъ. Божій судъ, о которомъ я говорю, это самая простая и самая безобидная вещь въ мірѣ. Я былъ свидѣтелемъ его въ одномъ изъ трущобныхъ уголковъ Индіи; устроилъ его тогда одинъ факиръ. Конечно, я не знаю, какъ это подѣйствуетъ на насъ, просвѣщенныхъ европейцевъ, но въ Индіи такой судъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Но вообще-то вѣдь во всехъ людяхъ сидитъ одна и та же человѣческая натура, и я надѣюсь, что то, что произвело эффектъ въ Индіи, при тѣхъ же обстоятельствахъ произведетъ эффектъ и на европейцевъ. Вопросъ сводится теперь только къ одному: позволено ли ты мнѣ, Анструзеръ, устроить у тебя такой судъ?

— Подъ вѣрнымъ обезпеченіемъ, что онъ будетъ совершенно безобиденъ?

— Да вѣдь я уже сказалъ это.

— Ну, тогда пожалуй. Только сначала тебѣ нужно заручиться отъ прислуги полнымъ согласіемъ подвергнуться твоему суду.

— Само собою разумѣется. Но я не думаю, чтобы могло встрѣтиться противорѣчіе, такъ какъ вѣдь тотъ, кто воспротивился...

— Тотъ, вѣроятно, и окажется виновнымъ?

— Вотъ именно; а потому, я думаю, все согласится. Да, вотъ еще что,—прибавилъ сэръ Бѣрнардъ;—мнѣ хотѣлось бы сказать прислугѣ, что и господа, со своей стороны, согласились вѣдь за ними подвергнуться испытанію.

— Я думаю, что не ошибусь, если выражу на это согласіе отъ лица всехъ присутствующихъ,—отвѣчалъ Анструзеръ, окидывая вопросительнымъ взглядомъ гостей и читая въ ихъ глазахъ утвердительный отвѣтъ.

— Благодарю васъ. Но постойте,—продолжалъ сэръ Бѣрнардъ, тонкимъ ухомъ слышавъ за дверью приближающіеся шаги,—вотъ идетъ Финлинь. Скажи ему, Анструзеръ, что ты раздумалъ производить обыскъ, а чтобы прислуга, вмѣсто этого, черезъ четверть часа собралась въ музыкальномъ залѣ.

Услышавъ отъ барыни, что обыскъ производится не будетъ, дворецкій видимо огорчился, но, какъ хорошо воспитанный слуга, не осмѣлъ противорѣчить волѣ хозяйки; онъ обѣщавъ, что черезъ четверть часа вся прислуга соберется въ музыкальномъ залѣ.

— Да, теперь мнѣ нужно только еще согласіе дамъ. Оно мнѣ такъ же необходимо, какъ и вамъ.

И съ этими словами сэръ Ричардъ вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова вернулся.

— Все въ порядкѣ,—отвѣчалъ онъ на обращенные къ нему вопросительныя взгляды.—Все согласилось на мое предложеніе. Одна только—вогъ, забылъ ея имя—колебалась немного, говоря, что истерична, легко волнуется и не знаетъ, вынесутъ ли ея первы такое испытаніе. Но другія дамы уговорили ея, и она скоро согласилась. Теперь, господа, пойдемте все въ музыкальный залъ, а тамъ ужъ навѣрное насъ ожидаетъ наша жертва.

Сэръ Ричардъ Бѣрнардъ привелъ мужчинъ въ большую, выскокую залу. Дамы уже собрались тамъ ранѣе. Прислуга стояла въ рядъ вдоль противоположной стѣны. Проницательнымъ взглядомъ сэръ Бѣрнардъ быстро, но пристально окинулъ эту сторону комнаты; въ одно мгновение онъ замѣтилъ все: и главногаго, совершенно безъ всякаго выраженія, лицо младшаго дворника, и правильныя черты Тонидеса, камердинера-грека, прѣхавшаго съ мистеромъ Киланосомъ, и несомнѣнно ирландскій складъ физиономіи дворецкаго Финлиня, и нѣжно-опущенныя глаза французенки-камеристки, и строгое, теперь нѣсколько первно подергивающееся лицо горничной, первой открывшей пронажу, и еще немного характерныхъ физиономій прислуги всякаго разряда.

Остановившись въ серединѣ залы, сэръ Ричардъ Бѣрнардъ торжественно помолчалъ немного, а затѣмъ обратился къ слугамъ съ такою рѣчью:

— Въ этомъ домѣ, какъ вамъ извѣстно, совершена кража. Мы всѣ стремились къ тому, чтобы отыскать вора; вопросъ лишь въ томъ, какъ это сдѣлать. Вы всѣ просили подвергнуть ваше имущество обыску; но это только причинило бы многомѣтныя неприятности, а въ концѣ концовъ все-таки оказалось бы пустою тратою времени. У меня нѣтъ другаго, лучшее, мнѣ думается, средство отыскать преступника, и я буду очень радъ, если вы всѣ согласитесь подвергнуться этому средству. Долженъ замѣтить при этомъ, что всѣ господа, находящіеся здѣсь въ гостяхъ, дамы и кавалеры, со своей стороны уже дали мнѣ обѣщаніе подвергнуться, вслѣдъ за вами, одинаковому съ вашими испытанію. Состоитъ же оно въ слѣдующемъ: видите на томъ концѣ залы пишу съ портьерами? Я попрошу каждаго изъ васъ по очереди, одинъ за другимъ, войти въ пишу и задержать за собою портьера, какъ можно плотнѣе, такъ, чтобы отсюда нельзя было видѣть ни одного вашего движенія. Затѣмъ, когда вы это сдѣлаете, я попрошу каждаго изъ васъ взять обѣими руками вотъ эту палку... Я положу ее тамъ на стулъ. Палка, какъ видите, самая обыкновенная, просто обломокъ удочки. Такъ вотъ: возьмите палку въ обѣ руки и переверните ее три раза, вотъ такъ, а затѣмъ спокойно положите ее на стулъ, откуда взяли, и выходите вонъ. Но только прошу васъ обратить вниманіе вотъ на что,—возвысилъ голосъ сэръ Ричардъ Бѣрнардь: — тотъ, кого мы ищемъ, преступникъ, все равно, мужчина или женщина, воръ, укравшій броню, онъ одинъ не будетъ въ состояніи положить палку на мѣсто: она прирастетъ къ его пальцамъ, и никакая сила не въ состояніи будетъ отодрать ее, пока я не приду и не выну ее изъ руки. Итакъ, я васъ еще разъ спрашиваю: согласны ли вы подвергнуться такому испытанію?

Сэръ Ричардъ замолкъ и ожидалъ отвѣта.

Лакеи, горничныя и прочая прислуга переговаривали между собой вполголоса, и черезъ минуту Финлянтъ, отъ имени всѣхъ, отвѣтилъ:

— Да, сэръ, мы согласны.

Получивъ отвѣтъ, сэръ Бѣрнардь отправился въ пишу и положилъ тамъ палку на стулъ. Задержавъ портьера, онъ остался на нѣсколько мгновеній въ пишѣ, а затѣмъ снова вышелъ въ залъ и приступилъ къ суду.

Первымъ пришлось подвергнуться испытанію камердинеру миссисъ Эффингэмъ, бойкому малому съ открытой, симпатичной физиономіей. Легкою поступью подошелъ онъ къ пишѣ и вступилъ въ нее, тщательно задержавъ, какъ было приказано, портьера. Всѣми присутствующими овладѣло до крайности напряженное волненіе: что-то будетъ?

Не прошло и минуты, портьера раскрылась, и камердинеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ пиши и бодро зашагалъ, какъ ему приказано было раньше, прямо въ противоположный конецъ зала, къ выходнымъ дверямъ. Сэръ Ричардъ Бѣрнардь стоялъ какъ разъ въ дверяхъ.

Слѣдующимъ вызвался идти на испытаніе Тонидесъ, камердинеръ-грекъ. И онъ, подобно своему предшественнику, вернулся здоровъ и невредимъ.

За нимъ послѣдовалъ слуга самого сэра Ричарда, веселый, улыбающійся мальчикъ-золушкѣ, съ блестящею брильянтовой булавкою въ галстукѣ, которую онъ видимо очень гордился. Его испытаніе сопровождалось тѣмъ же результатомъ, какъ и предшествовавшій.

Дошла очередь до горничной, нашедшей пустой футляръ. Въ общемъ всегда спокойная, хладнокровная дѣвушка, на этотъ разъ она сильно волновалась; ей казалось, что вотъ-вотъ она-то сейчасъ не сладитъ съ собой и возбудитъ къ себѣ подозрѣніе. Собранныишь, однако, съ силами, она подавила въ себѣ волненіе и проскользнула за портьеръ, а немного спустя снова показала и пошла къ выходу, такъ же невредима, какъ и другіе.

Цѣлый рядъ другихъ служанокъ и слугъ перебывали вслѣдъ за нею въ пишѣ, а вонъ, между тѣмъ, все не отыскивался. Наконецъ, осталась очередь только за двоими: Элизой, французскою-камеристкой, и дворцкимъ Финлянтъ.

Первою пошла дѣвушка. Подходя къ пишѣ, она что-то недовольно пробормотала, въ родѣ: "Quelle bêtise!", но все-таки быстро впрорхнула за занавѣску. Прошло, какъ и у другихъ, нѣсколько мгновеній, и Элиза вышла въ залъ; на губахъ ея играла улыбка, а въ рукахъ не было ни малѣйшаго признака удочки.

Оставался теперь послѣдній — Финлянтъ. Пробывъ за занавѣскою какъ разъ столько же времени, какъ и всѣ предшествовавшіе, онъ вышелъ наружу, а удочки и у него въ рукахъ не было.

Когда онъ проходилъ черезъ залъ къ выходу, полковникъ Австрозеръ и сестра его перекинулись радостными улыбками; они были довольны, что никто изъ прислуги не оказался замѣшаннымъ въ грязномъ преступленіи.

Но лишь только Финлянтъ скрылся за дверями, улыбка на лицѣ миссъ Австрозеръ сразу смѣнилась выраженіемъ страшнаго смущенія. Она раньше совсѣмъ забыла, что вѣдь если прислуга окажется невиновной, то очередь идти на испытаніе дойдетъ и до гостей. А вдругъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ.. О, объ этомъ страшно даже и подумать! Она первю вдрагив-

вала и уже глубоко раскандалась, что позволила брату поступиться на такую затѣю.

Но что же случилось вдругъ съ сэромъ Ричардомъ Бѣрнардомъ? Гдѣ же онъ?

Уже нѣсколько минутъ общество ждало его возвращенія въ музыкальный залъ, съ волненіемъ и нетерпѣніемъ готовясь къ продолженію судбища. Царило мучительное молчаніе. Но вотъ, наконецъ, дверь отворилась, и вошелъ сэръ Бѣрнардь.

Онъ быстро приблизился къ полковнику и проговорилъ ему почти на ухо:

— Нельзя ли мнѣ поговорить наединѣ съ тобою и съ миссисъ Эффингэмъ?

Сильно заинтересованный такою таинственностью, Австрозеръ поспѣшилъ провести сэра Бѣрнарда и миссисъ Эффингэмъ въ свой кабинетъ.

Сэръ Бѣрнардь не заставилъ долго дожидаться объясненій.

— Вы позволите мнѣ, сударыня, возвратитъ вамъ вашу броню?—сказалъ онъ, протягивая миссисъ Эффингэмъ небольшой пакетикъ, завернутый въ бумагу.

Дама быстро развернула пакетъ и не вѣрила своимъ глазамъ.

— Какъ,—воскликнула она,— ради Бога скажите, какъ вы нашли ее?

— О, очень просто.

— Да вы, должно-быть, чародѣй!

— Если и чародѣй, то безсознательный, самъ этого ранѣе не подозревавшій.

— Скажите: значить, броня была дѣйствительно украдена?

— Конечно.

— Кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ?

— Да.

— Кѣмъ же?—въ одинъ голосъ спросили и миссисъ Эффингэмъ, и полковникъ.

— Мнѣ грустно сказать это:—твоимъ дворцкимъ Финлянтъ.

Въ первое мгновеніе полковникъ былъ такъ пораженъ, что не могъ произнести ни слова; онъ только постепенно собрался съ силами.

— Финлянтъ сознался?—спросилъ онъ.—Если онъ самъ не сознался, такъ я не могу, не хочу этому вѣрить.

— Да, онъ самъ сознался.

— Сознался?! Такъ скажи же, Бога ради, скажи намъ, какъ это могло случиться?

— Успокойся, Австрозеръ, я тебѣ все расскажу по порядку. Когда Финлянтъ вышелъ изъ-за портьера, онъ, какъ и всѣ остальные, направился къ выходу, въ противоположную дверь. Я стоялъ у дверей и дожидался его возвращенія. Съ нимъ я продолжалъ то же самое, что дѣлалъ и со всѣми другими: взялъ его руки и приблизилъ ихъ къ своему лицу. Выбѣгъ съ тѣмъ, и пристально уставился ему прямо въ глаза и вдругъ спросилъ:—Зачѣмъ вы это сдѣлали? Онъ моментально ослѣбѣлъ, уперся въ меня безмысленными глазами, а я, не давая ему опомниться, снова задалъ ему вопросъ:—Скажите, что васъ къ этому побудило?

Не успѣлъ я задать ему третьяго вопроса, какъ онъ самъ произнесъ:

— Простите... это шутка... я бился объ закладъ... я хотѣлъ броню положить обратно...

— Ну, дальше,—подбодрилъ я его,—сознавайтесь во всемъ. Чѣмъ откровеннѣе вы будете, тѣмъ лучше для васъ.

— Я шелъ сегодня вечеромъ по лѣстницѣ,—сталъ онъ мнѣ рассказывать понотомъ,—навстрѣчу никто не попался. Вижу, комната миссисъ Эффингэмъ открыта, никого въ ней нѣтъ, и я... я не знаю... что я сдѣлалъ... какъ я сдѣлалъ... я взялъ ее...

Тутъ ужъ онъ больше не выдержалъ.

— Но, какъ же вы могли знать, что Финлянтъ—воръ?—воскликнула миссисъ Эффингэмъ.—Вѣдь вы же сами говорили, что кто украдетъ броню, такъ у того палка къ рукамъ прирастетъ. А вѣдь я сама, своими глазами видѣла, что у Финлянта не было въ рукахъ палки, когда онъ вышелъ изъ-за занавѣски.

— Чтобы объяснить вамъ это, я долженъ, господа, познакомить васъ съ сущностью моего суда,—отвѣчалъ сэръ Ричардъ.—Я дѣйствовалъ вотъ какимъ образомъ: люди видѣли, какъ я положилъ на стулъ въ пишѣ палку, но никто изъ нихъ не зналъ, что я при этомъ принялъ особую предосторожность: предварительно вымазалъ ее однимъ сильно пахучимъ восточнымъ масломъ, которое я большею частью возю съ собою. Каждый изъ прислуги, входя въ пишу, бралъ палку въ руки, какъ и имъ передъ этимъ показывалъ...

— Да какъ же вы можете знать, что творилось за портьерою, если она все время была такъ плотно завѣшена?

— А послѣ испытанія я вѣдь бралъ каждаго за руки и подводилъ ими у себя передъ лицомъ, какъ-будто колдуя что-то. На самомъ же дѣлѣ, я приближалъ къ этому затѣмъ только, чтобы убѣдиться, пахнетъ ли масломъ отъ пальцевъ. Невиннымъ нечего было бояться исполнить мое наставленіе, а потому я и ощущалъ запахъ масла на всѣхъ рукахъ, пока очередь не дошла до Финлянта. У него не чувствовалось ни малѣйшаго слѣда знакомаго мнѣ запаха, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что жертва попала въ мои руки. Онъ побоялся, что

Кошачьи игры. Съ карт. Ю. Алана грав. Веберъ.

Выездъ на охоту. Съ карт. Г. Бюгнера грав. Кирлае.

палка, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пристанетъ къ его рукамъ! Ужъ лучше дѣйствовать павѣрника. Ну, вотъ онъ и не прикоснулся къ палкѣ. А тутъ ужъ миѣ только и оставалось ударить его, какъ обухомъ, по головѣ. Результатъ всего этого

вамъ извѣстенъ. Такъ вотъ, почтеннѣйшая сударыня и мой милѣйшій другъ Анструареръ, — закончилъ сэръ Ричардъ Пёрнарди, поднимаясь со стула, — вотъ въ чемъ весь секретъ моего Божьяго суда.

XII международный съездъ врачей въ Москвѣ.

Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возникъ международный съездъ врачей; двѣнадцать разъ собиралъ онъ въ крупнѣйшіе центры Европы лучшія силы медицинской науки; съ каждымъ разомъ все въ большемъ числѣ, все съ большимъ запасомъ научныхъ работъ. Назначеніе этого съезда — представить всему міру — не только небольшому сравнительно міру врачей, но и всему обширному міру людей — итогъ, резюме современнаго состоянія медицинской науки, дать авторитетную критическую оцѣнку основныхъ ея началъ, указать значеніе всѣхъ новыхъ открытій, волнующихъ общество, чутко прислушивающагося къ каждой такой мирной побѣдѣ, отвоёванной здоровьемъ человѣчества.

XII-й международный съездъ врачей, открывшійся въ Москвѣ 8 августа и длившійся до 14 августа, по общему мнѣнію превзошелъ всѣ предыдущіе и по научному значенію, и по количеству участниковъ (болѣе 7000), среди которыхъ были такія знаменитости, какъ Вирховъ, Крафтъ-Эбингъ, Лейденъ, Ломброзо, Гергардъ, Ланелонгъ, Мечниковъ, Циммеръ, Кало.

Всѣ страны мира прислали на съездъ своихъ врачей, при чемъ богаче всѣхъ другихъ представлены были Германія (около 800 ученыхъ), Франція (400), Англія и Італія (300) и Америка (120).

Около тысячи научныхъ докладовъ представлено было на съездѣ, въ преобладающемъ большинствѣ иностранцами; русскіе врачи, которыхъ было болѣе 3000 человекъ, любезно уступили мѣсто своимъ коллегамъ-иностранцамъ.

Первымъ открылъ занятія съезда патриархъ современной медицины Рудольфъ Вирховъ докладомъ „О непрерывности жизни, какъ основѣ биологическаго міровоззрѣнія“. Разобравъ разныя рѣшенія вопроса о сущности жизни, данныя Парацельсомъ, Гарвеемъ, Марчело Мальпиги, маститый патологъ доказывалъ, что для происхожденія какого бы то ни было живого существа, даже для зародка новой кѣтки требуется кѣтка — matrix; что самозарожденія не существуетъ, а имѣется наследственная послѣдовательность происхожденія кѣтчатки, представляющая собою догматы непрерывности жизни.

Второй докладъ прочитанъ былъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Ланелонгомъ на тему „о хирургическомъ лѣченіи туберкулоза вообще“. По мнѣнію проф. Ланелонга, лѣченіе туберкулоза далеко отстало отъ великихъ открытій, сдѣланныхъ относительно происхожденія этой болѣзни; притомъ лѣченіе это настолько неопредѣленно, что приходится придерживаться самыхъ различныхъ, измѣняющихся направлений. Предлагаемое имъ хирургическое лѣченіе бугорчатки, локализирующейся во внутреннихъ органахъ — легкихъ, печени, почкахъ, мозгу, — такое же, какъ и для пораженія костей и суставовъ. Послѣ того, какъ открыта была Кохомъ въ мартѣ 1882 г. бактерія бугорчатки, болѣзнь эта получила точную и неоспоримую форму, волиѣ выяснилось ученіе о зараженіи, и явилась необходимость въ быстромъ вмѣшательствѣ, по возможности, въ самомъ началѣ болѣзни. Захвативъ болѣзнь въ зачаткѣ, можно предотвратить распространеніе ея по всему организму.

Въ виду того, что вначалѣ болѣзнь является чисто-гнойной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей природѣ инфекціонной, — необходимо удалить первоначальный очагъ, и выставляемый имъ основной принципъ оперативнаго лѣченія сводится къ слѣдующей задачѣ: „Освободить организмъ одновременно отъ бактерий и ихъ продуктовъ, т. е. отъ живыхъ и мертвыхъ, сухихъ или жидкихъ веществъ, или произведенныхъ“. Этотъ интересный докладъ, касающійся „главнаго бича человѣчества“ — чахотки, былъ выслушанъ врачами съ большимъ вниманіемъ.

Дальнѣйшіе доклады были сдѣланы по отдѣльнымъ секціямъ, которыхъ было пятнадцать. Засѣданія большинства секцій происходили въ зданіяхъ университета и въ благородномъ собраніи; нѣкоторые (патологическая анатомія и др.) — на Дѣвичьемъ полѣ.

Изъ громаднаго массы докладовъ мы позволимъ себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся и притомъ имѣющихъ болѣе или менѣе общій интересъ; при этомъ мы постараемся держаться хронологическаго порядка.

Въ первый же день, въ секціи антропологій, знаменитый итальянскій антропологъ, профессоръ туринскаго университета Ломброзо, сдѣлалъ сообщеніе о вліяніи климата на измѣненія характерныхъ особенностей расы. Основное положеніе его доклада то, что, при смѣшеніи расъ, приняая раса можетъ измѣнить признаки болѣе древней, но затѣмъ, подъ вліяніемъ условій климата и вообще окружающей среды, прежній типъ снова восстанавливается у извѣстной части населенія. Съ другой стороны, различныя типы (расы), живя вмѣстѣ, подъ одинаковыми условіями, приобретаютъ между собою болѣе сходства. Въ видѣ примѣра того, что подъ вліяніемъ климата видоизмѣняются антропологическія расовыя особенности, Лом-

брозо указалъ на свреевъ, которые, въ зависимости отъ той или другой мѣстности, бываютъ бѣлокурыми — среди народовъ славянскаго племени, и настоящими брюнетами — въ южныхъ странахъ. Затѣмъ еще онъ указалъ на румынъ; по его словамъ, настоящихъ румынъ, сохранившихъ въ неприкосновенности свой типъ, во всей Румыніи насчитывается не болѣе 15 тысячъ человекъ.

Блестящюю, талантливою рѣчью открылъ проф. В. Ф. Снегиревъ секцію гинекологій. Поблагодаривъ пріѣзжихъ членовъ за то, что они послѣдовали приглашенію, прибыли „къ намъ въ гости, какъ привыкли выражаться, на праздники науки и, какъ я позволю себѣ сказать, на разработку „истины“, прибыли, чтобы подѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и обмѣняться мнѣніями“, — проф. Снегиревъ продолжалъ: „Вамъ, людямъ, прибывшимъ издалека, вамъ, нашимъ учителямъ, вамъ, конечно, интересны принципы и мнѣнія здѣшнихъ туземныхъ людей. Вамъ интересно видѣть ихъ учрежденія, и мы съ радостью постараемся ознакомить васъ съ ними, заранѣе прося васъ быть безпристрастными: для насъ дорога всегда, вездѣ и повсюду истина. Мы, молодой народъ, едва только восемь лѣтъ заведшіе у себя, въ старѣйшемъ университетѣ, женскую клинику, мы исповѣдуемъ, что наука, обогативъ духъ человѣческой, расширяя горизонтъ его міровоззрѣнія, уменьшаетъ, а иногда уничтожаетъ страданія и несчастія. Мы вѣримъ и убѣждены, что слова: война, насиліе, страданіе и вырожденіе спадаютъ на землѣ архаическими, какъ стали слова: инквизиція, пытка и т. д. Мы вѣримъ потому, что наука, требующая „искренній истинны“, требуетъ людей мирныхъ, уважающихъ другъ друга и облегчающихъ работу совѣстными трудомъ, совѣстными собраніями, подобными сегодняшнему. И такъ, да царствуетъ миръ на землѣ и да исчезнетъ навсегда война! Да царствуютъ любовь и трудъ! Предметомъ сегодняшняго собранія являются важныя отдѣлы гинекологій, этой науки, занимающейся изученіемъ *всей женщины*, въ здоровомъ и больномъ ея состояніяхъ, какъ *антропология* занимается изученіемъ човѣка. Изученіе женщины или наука о ней имѣетъ предметомъ изученія половину рода човѣческаго: нашей матери, жены, сестры, дочери и, мы скажемъ — колыбели рода човѣческаго. Сдѣлайте эту колыбель здоровой, сильной, бодрой, и вы устраните много страданій, и вы уничтожите на землѣ много несчастій. Вы воскресите красоту и истину и приблизите Царство Божіе на землѣ. Взгляните на картину Рафаэля „Сикстинская Мадонна“: на рукахъ у женщины, полной гармоніи, находится младенецъ, въ глазахъ котораго свѣтится истина, а въ глазахъ матери его — красота и та жизневостная гордость, которая перѣдко бываетъ у перво-женитицы и которую такъ отгнѣшилъ безсмертный Рафаэль. Красота держитъ и прижимаетъ къ груди истину и, прижимая, торжествуетъ. Предъ этой картиной люди стоятъ и наслаждаются и думаютъ, что это, — увѣ! — недосыгаемый идеалъ, что это вѣнъ гениі. Такъ ли это? Нѣтъ, такое мнѣніе было бы равносильно отрицанію „ума и разума“; оно было бы равносильно отрицанію науки, прогресса и торжествомъ смерти. Картина ясно указываетъ путь, какимъ должно идти човѣчество. Оздоровьте колыбель рода човѣческаго; оздоровьте красоту, и красота родитъ истину. И такъ, будемъ полны заботы объ этой колыбели, будемъ убѣждены, какъ мы есть, что здоровье даетъ красоту, красота — истину, истина — счастье, и что міръ будущаго или счастье на землѣ состоитъ въ умѣнн сохранивъ силы, дарованныя природой, и развить гармонію, основанную на любви другъ къ другу. Въ настоящемъ собраніи и вижу зачатки этого. Люди пришли изъ разныхъ концовъ земли для торжества науки — истины, и въ частности для здоровья женщины, этого источника счастья на землѣ. Если это все такъ, то колыбель рода човѣческаго, женщина, должна добиваться не равенства съ мужчиною, а, по нашему мнѣнію, она должна имѣть больше правъ и меньше обязанностей. Къ этому должны мы стремиться, если желаемъ, чтобы красота родила истину. И такъ, вотъ наши принципы, вотъ одинъ изъ голосовъ обширной той страны, которая зовется Русью. Этому мы научились у васъ, и это мы исповѣдуемъ“. Затѣмъ проф. Снегиревъ указалъ на важнѣйшіе вопросы, которые предложено обсудить на секціи, и закончилъ словами: „Отъ вашей опытности ждутъ эти вопросы разработки и разрѣшенія. Лучшіе умы въ этой области, гордость страхъ своихъ и всего човѣчества, здѣсь засѣдаютъ. Сюда собрались, чтобы подумать, что предпринять противъ этихъ бичей, убивающихъ жизнь и разрушающихъ здоровье женщины. Въ этомъ собраніи и нахожу надежду, что работа ваша будетъ успешна, и міръ прислушается къ нашему мнѣнію. И такъ, примите нашу благодарность и позвольте резюмировать все сказанное, соответственно нашимъ убѣжденіямъ.“

Миръ — въ истинѣ, истина — въ правдѣ и красотѣ; а наука есть корона мира“.

Вопросу о хирургическомъ леченіи бугорчатки, разобранному еще въ общемъ засѣданіи проф. Лапелонгомъ, посвятили также свои доклады въ секціи хирургіи профессора Тюфье, Макъ-Юэнъ, д-ръ Дуайенъ и др.

Большой интересъ вызвалъ въ секціи внутреннихъ болѣзней докладъ проф. Ле-Жандра „О происхожденіи тучности“. Какъ извѣстно, тысячи людей лѣчатся отъ тучности и тысячи врачей лѣчатъ отъ этой болѣзни, но совершенно безуспѣшно, потому что неизвѣстна самая причина появленія тучности. Проф. Ле-Жандръ если не нашелъ эту причину, то вполнѣ близокъ къ этому.

Несомнѣнно, образъ жизни, извѣстная пища, нѣкоторыя болѣзни предрасполагаютъ человѣческой организмъ къ лишней выработкѣ жира, къ повышенію объема и накопленію жировыхъ веществъ. Приведа цѣлый рядъ случаевъ ожирѣнія у людей и искусственной тучности у животныхъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что ссылаться на такія общія вѣста, какъ образъ жизни и пр., мы можемъ только потому, что незнакомы съ сущностью дѣла. Одна изъ самыхъ послѣднихъ работъ извѣстнаго химика Аврѳо доказала, что въ крови чловека находится ферментъ липазъ, въ высокой степени обладающій свойствомъ омылять жиры, и такимъ образомъ способствовать ихъ окисленію, сгоранію и выведенію изъ организма. Недостатокъ этого-то фермента и является главной, если не единственной причиной тучности. Но это еще не объясняетъ намъ, почему у одной особи этого фермента больше, а у другой меньше. Не подлежитъ сомнѣнію, что наследственность играетъ здѣсь очень важную роль: есть масса примѣровъ, когда, безобразная, чудовищная тучность передается по наследству. Съ другой стороны, вліяніе нервной системы имѣетъ также большое значеніе: у истеричныхъ часто замѣчается съ усиленіемъ болѣзни увеличеніе тучности: невралгіи, параличи и др. первичныя болѣзни также способны вызывать ожирѣніе. Вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ, наследственности и состоянія нервной системы, обуславливается уменьшенное количество липаза въ сывороткѣ крови, а слѣдовательно и ожирѣніе.

Въ томъ же засѣданіи проф. Грунмахъ представлялъ цѣлый рядъ интересныхъ снимковъ рентгеновскими лучами глубоко лежащихъ органовъ: легкаго, сердца, печени, почки и др. Изъ соответствующихъ исторій болѣзней ясно, что никакіе способы не давали возможности поставить діагнозъ, всѣ оказывались слишкомъ грубыми, неспособными уловить начальныя измѣненія пораженныхъ органовъ. Въ подобныхъ случаяхъ рентгеновскіе лучи являются незамѣнимымъ средствомъ; они схватываютъ и передаютъ самыя тонкія патологическія измѣненія органа. Этимъ путемъ проф. Грунмаху не разъ удавалось распознать, въ самомъ началѣ развитія, чахотку легкиихъ, циррозы печени и почечку, растройства и расширенія сердца, гидронефрозъ и другія болѣзни.

Въ секціи военной медицины сдѣланъ былъ очень любопытный докладъ д-ромъ Оффре „О переноскѣ раненыхъ на корабляхъ“. Представленная имъ модель носилокъ-тачки заслужила всеобщее одобреніе. До сихъ поръ на корабляхъ, гдѣ масса лѣстницъ, переноска больныхъ была сопряжена со многими затрудненіями и требовала массы прислуги; изобрѣтенный д-ромъ Оффре аппаратъ устраняетъ всѣ эти недостатки и требуетъ для управленія только одного чловека. Тотъ же д-ръ Оффре возбудилъ очень важный вопросъ, въ обсужденіи котораго приняла участіе почти всѣ представители военной медицины. Вопросъ этотъ — объ учрежденіи морского Краснаго Креста, или о распространеніи дѣятельности существующаго уже на флотѣ. До сихъ поръ флотъ является паспикомъ этого благотѣльного учрежденія.

Крупнѣйшіе доклады, и притомъ на темы интересныя и близкія всѣмъ врачамъ, читались въ общихъ засѣданіяхъ съѣзда. Во второмъ общемъ засѣданіи съѣзда представили свои доклады знаменитый невропатологъ Крафтъ-Эбингъ и извѣстный бактериологъ, нашъ соотечественникъ Мечниковъ.

Темой доклада Крафтъ-Эбинга была „Этіологія прогрессивнаго паралича“. Несмотря на спеціальныя характеръ темы, рѣчь вѣнскаго профессора по простотѣ, популярности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блеску изложенія, могла съ большимъ интересомъ быть прослушана и людьми мало знакомыми съ медицинскою. Крафтъ-Эбингъ началъ съ характеристики современнаго общественнаго строя. Онъ указалъ на то, въ какомъ постоинномъ первичномъ напряженіи держитъ чловека современная жизнь. Развитіе торговли, промышленности, земледѣлія, непрерывныя успѣхи культуры, новыя изобрѣтенія — все это создаетъ необходимость быстро приспосабливанія къ мнѣющимся условіямъ жизни и постояннаго напряженія. Сюда присоединяются развивающаяся полигическая жизнь, образованіе партій, борьба мнѣній, конкуренція отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ націй, одновременно заставляющія сильно работать умъ и разжигающія страсти. Нервная система находится въ постоинномъ возбужденіи, которое еще увеличивается отъ злоупотребленія чаемъ, кофе, табакомъ, алкоголемъ. Нужда, исны-

тываемая многими слоями городского населенія, служить однимъ изъ факторовъ физическаго вырожденія, которое, проявляясь въ видѣ рахитизма, золотухи и другихъ болѣзненныхъ формъ, дѣлаетъ изъ молодого поколѣнія организмъ мало стойкій въ нервномъ отношеніи. Условія женскаго существованія и женскаго труда не менше, чѣмъ условія труда мужскаго, способствуютъ разстройству нервной системы. Все это вмѣстѣ, создаетъ постоянное переутомленіе. Не надо быть пессимистомъ, чтобы констатировать, какую благодарную почву даетъ современная жизнь для потери нервной устойчивости и для нервныхъ заболѣваній. Послѣ этого введенія, давшаго блестящую характеристику условій современной жизни, съ точки зрѣнія невропатолога или психіатра, Крафтъ-Эбингъ перешелъ къ выясненію причинъ той болѣзни, которая принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, затрогивая постоинно растущій контингентъ лицъ.

Проф. И. И. Мечниковъ избралъ для своего доклада животрепещущую тему — „о чумѣ“. Въ своемъ докладѣ онъ выступилъ въ качествѣ убѣжденнаго сторонника серотерапіи и познакомилъ слушателей съ послѣдними успѣхами, сдѣланными этимъ методомъ при леченіи чумы. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — сказалъ профессоръ, — на чуму смотрѣли какъ на болѣзнь историческую, не представляющую теперь никакого интереса. Но появленіе ея въ Гонгъ-Конгъ и въ Индію измѣнило отношеніе къ ней всего міра“. Избравъ предметомъ своей рѣчи эту болѣзнь, профессоръ исполнилъ миссію, возложенную на него Пастѣровскимъ институтомъ, — познакомиться съ труданіи института, касающимися діагностики и леченія чумы. Самые главные труды въ этой области принадлежатъ Иерсену и Ру. Въ 1894 году Иерсенъ отпиривился въ Гонгъ-Конгъ, гдѣ въ то время свирѣпствовала чума, съ цѣлью познакомиться съ этой болѣзью и найти, если можно, производящаго ее агента. Пользуясь методомъ, указаннымъ предыдущими работами Пастѣра и Коха, Иерсенъ нашелъ чумную бактерію (одновременно съ французскимъ ученымъ болѣзнетворный агентъ чумы былъ найденъ японскимъ врачомъ Китагато, который прибылъ въ Гонгъ-Конгъ за нѣсколько дней до Иерсена). Микробомъ чумы оказалась маленькая палочка съ закругленными краями, очень похожая на микробы куриной холеры.

Когда первыя культуры бактеріи были присланы Иерсеномъ въ Парижъ, то Ру и другіе, работающіе въ Пастѣровскомъ институтѣ, стали производить опыты надъ прививкой этихъ бактерій. Этими опытами установлено, что сыворотка животныхъ, невосприимчивыхъ къ чумѣ, дѣлаетъ невосприимчивыми другихъ животныхъ, склонныхъ при нормальныхъ условіяхъ къ заболѣванію чумой. Первые опыты, производившіеся Иерсеномъ надъ леченіемъ чумы, были очень успѣшны: на 26 случаевъ, въ которыхъ онъ примѣнилъ вырскиваніе сыворотки больнымъ чумой, были только 2 случая смерти (7,7%). Точно также къ самымъ благотворнымъ результатамъ приводятъ работы русской миссіи въ Индіи, производившей опыты надъ вырскиваніемъ чумы обезьянамъ. Кроме лечебнаго, сыворотка имѣетъ и предохранительное значеніе. Впрыснувъ сыворотку болѣе чѣмъ 500 здоровымъ людямъ, Иерсенъ констатировалъ заболѣваніе только у пяти; изъ послѣднихъ двое заболѣли на другой день, слѣдовательно до вырскиванія уже находились въ инкубаціонномъ періодѣ болѣзни; умерли только эти два субъекта. Заимѣщая теперь Иерсена въ Индіи Симсонъ сообщаетъ, что на 200 предохранительныхъ вырскиваній не было ни одного заболѣванія. Такимъ образомъ, въ сывороткѣ чловека имѣетъ хорошее средство въ борьбѣ съ чумой. Недостаткомъ этого способа леченія является приобрѣтаемая чловекомъ такъ-называемая *immunité passive*: вырскиваніе необходимо возобновлять черезъ 15 — 28 дней; это вырскиваніе не представляетъ никакой опасности для организма и не сопровождается никакими разстройствами.

Такимъ образомъ, изслѣдованія надъ чумнымъ микроорганизмомъ дали богатые результаты: они позволяютъ поставить діагнозъ чумы очень рано и, слѣдовательно, позволяютъ своевременно воспрепятствовать распространенію болѣзни. Лекторъ указалъ прежніе способы опредѣленія болѣзни; благодаря несовершенству этихъ способовъ, даже Боткинъ могъ поставить ошибочный діагнозъ чумнаго заболѣванія у сдѣлавшагося въ свое время извѣстнымъ дворника Наума Прокофьева; въ настоящее время безошибочный діагнозъ можетъ поставить каждый студентъ, знакомый съ бактериологіей.

Недавно прославившійся своимъ оперативнымъ способомъ вырскиванія горбовъ молодой французскій врачъ Каю произвелъ въ клиникѣ проф. Левина нѣсколько операций надъ горбатыми дѣтьми съ блестящимъ успѣхомъ. Въ *Нивѣ* (въ № 12 с. г.) было уже помѣщено описаніе его операций. Нужно только добавить, что самыя операции не произвели на присутствующихъ тяжелого впечатлѣнія, — не слышно ни криковъ и стоновъ оперируемыхъ дѣтей, ни хруста позвонковъ, какъ описывали прежде. Боли при операціи, очевидно, весьма незначительны, такъ какъ всѣ дѣти послѣ операціи очень быстро успокаиваются и перестаютъ даже жаловаться на сильныя боли.

(Окончаніе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Какою безнадежно грустью вѣетъ отъ картины „Въ раздумьи“. Только-что развѣло. Пасмурный день вступаетъ въ свои права и будитъ временно забытыя тревоги. Отдыхъ молодой дѣвушки былъ непродолжителенъ. Сонъ помянуто нарушался ожиданіемъ наступившаго безотраднаго утра. Жизнь ея и такъ уже была не красна, но до сихъ поръ ей удавалось сохранить за собою пристанище съ его жалкою обстановкою. А сегодня придется и съ нимъ разстаться. Гдѣ искать пріюта? Въ чемъ спасеніе? Работала она до изнуренія силъ, тяжелымъ трудомъ поддерживала безотрадное существованіе. Но вотъ настало роковое утро, платитъ за убогую комнату печалью. На какой путь теперь вступитъ? Такъ безотрадна была до сихъ поръ ея жизнь, но все-таки дѣвушка сохраняла цѣнное благо—чистую совѣсть. Неужели она потеряетъ и ее и вступитъ на путь менѣе тяжелый, но позорный! И вотъ она стоитъ въ тяжеломъ раздумьи предъ окномъ и смотритъ на разстилающійся подъ нею городъ, ища отвѣта на мучительный вопросъ. Безотрадно на душѣ, и безотрадныя кажутся ей и наступившій пасмурный день, и городъ, въ которомъ она, несмотря на свои юные годы, уже испытала такъ много горя, и все, что ее окружаетъ. Никто не приходитъ ей на помощь, рассчитывать надо исключительно на себя. Хотѣлось бы вѣрить, но вѣра исчезаетъ; хотѣлось бы надѣяться, но до сихъ поръ всѣ надежды оказались обманчивыми...

Лето миновало. Съ самаго утра поднялся осенній туманъ, густой, мокрый, холодный, пронизывающій насквозь. Мрачныя мысли вытѣсняють вчерашнія грѣзы, и думы за думами, одніе тяжелѣе другихъ, „жалать, извять и кружастя“, „только прогоняешь одну, а ужъ въ сердце влилася другая“. Деревья грустно наклонили вѣтви, точно предчувствуя длинные томительные дни безъ солнца, безъ тепла, подъ свищевыми тучами... Острый вѣтеръ, палетающій порывами, захватываетъ духъ. Даль, прежде голубая, приняла теперь тусклый сѣропалый цвѣтъ. Печальная картина! По дорогѣ медленно тащится фургоны. Усталые лошади еле плетутся, закутанная фигура продорожнаго возницы, идущаго рядомъ съ ними, придаетъ осеннему пейзажу еще болѣе унылый видъ.

„Умереть—уснуть“ — одинъ изъ самыхъ захватывающихъ разсказовъ нашего маститаго беллетриста г. Воборыкина. Какъ извѣстно, у него большіе романы, воспроизводящіе широкія картины современной русской жизни, часто смѣняются краткими этюдами, очерками и разсказами, въ которыхъ онъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ схватываетъ изъ современной жизни тотъ или другой моментъ, бытовой, социальный или психологическій. Эти краткіе разсказы иногда по художественной законченности и цѣльности вызываемаго ими впечатлѣнія превосходятъ длинныя его романы, посвященные преимущественно изображенію общественныхъ злобъ и вѣдній. Къ такимъ краткимъ разсказамъ принадлежитъ и тотъ, заключающій сцену котораго иллюстрируетъ г. Табурицъ. Сцена эта полна не только вѣшного, но и внутреннего драматизма. Внутренній драматизмъ даже далеко превосходитъ вѣшній. Молодая женщина, красивая, уравновѣшенная, жившая только для семьи, вдругъ въ послѣдній роковой моментъ узнаетъ, что она вызвала пламенную страсть, восторгъ, просвѣтлѣніе въ душѣ человѣка, обреченнаго злою хаткою на смерть. Этотъ человѣкъ умираетъ передъ нею, и она безсилна чѣмъ-нибудь ему помочь. Все разлагается предъ ея пораженнымъ взглядомъ съ какою-то стихійною силой. Исходъ можетъ быть только одинъ—смерть, а между тѣмъ смерть уноситъ съ собою такой избытокъ молодыхъ силъ, такую страстную любовь, внезапно охватившую душу человѣка, какъ послѣднія неустойчивая вѣнчика угасающей жизни!.

А самъ умершій?—и для него эта любовь была полною неожиданностью. Онъ жилъ для другого, для науки, которая служила ему высшимъ идеаломъ. Онъ дорожилъ тѣми подвѣдами, мѣсяцами и днями, которые ему оставалось еще доживать, только потому, что надѣялся кое-что сдѣлать для науки. Онъ желалъ жить, только чтобы ей служить. И вдругъ, накануне смерти, эта неожиданная встрѣча, открывшая ему новый источникъ наслажденій и приковавшая его къ жизни. Умереть надо, а жизнь забрала въ его сердцѣ такимъ живымъ ключомъ. И на научномъ поприщѣ онъ имѣлъ успѣхъ, и случайно встрѣтилъ женщину, какихъ мало на свѣтѣ. „Ужасно это великое злодѣйство природы“, замѣчаетъ самъ авторъ.

Но въ то же время какая красота во всей этой сценѣ смерти бѣднаго профессора Елкина, сколько движеній, сколько истинной поэзіи! Цвѣтущая жизнь, ясная, спокойная,—и тутъ же смерть, озаренная этою цвѣтущею жизнью, облагороженная страстнымъ порывомъ къ высшему воплощенію человѣческой красоты. Красота собственно и царитъ надъ драматическимъ моментомъ, изображеннымъ въ заключительной сценѣ разсказа. Поэтому насъ уже не удивляетъ, что, когда художникъ Рощинъ, войдя въ свою мастерскую, увидѣлъ на полу мертве-

ца, а возлѣ него бездыханную молодую женщину, онъ не испугался, а, напротивъ, на губахъ его вспыхнула улыбка. Смерть была неизбежна, красавица очнется, но это соединеніе смерти и цвѣтущей жизни, эта близость двухъ враждебныхъ силъ, сочетавшихся въ неожиданной, яркой гармоніи, вызвали эстетическій восторгъ, и все лицо, все поза Рощина говорили, какъ художникъ внезапно и мощно овладѣлъ *целовкомъ*: онъ любовался, картина была найдена, и не только картина, а нечто болѣе значительное,—было найдено то внутреннее воодушевленіе, тотъ трепетъ души, который вызывается лицезрѣніемъ загадки жизни и смерти и помимо котораго нѣтъ ни значительнаго творенія искусства, ни значительнаго художника.

Вѣтеръ вѣтеръ, завѣваетъ,
По полю гуляетъ;
На могилѣ одиноко
Дѣдъ-кобзарь играетъ...
Впереди-то степь сияетъ,
Вольная, какъ море;
За могилами—могилы,
А на сердцѣ—горе...
Бѣлый чубъ, усы сѣдые
Вѣтеръ развѣваетъ,
То, прислушиваясь къ шѣпѣ,
Какъ дитя, стихаетъ,
И кобзарь поетъ, не видя,
Какъ слезятся очи...
Въ головѣ роется думы,
Сумрачныя ночи...
Вотъ такой-то **Перебендя!**

Перебендя—художественное созданіе великаго малороссійскаго поэта, петый типъ украинскаго слѣпца-кобзаря, „старый та хмырный, засниває, засміється, а на слези зверне“. Онъ знаетъ всѣ пѣсни,—и „Горлицю“, и про „Чагого“, „Грыпи“, „У гаю“, „Сербына“, и „Шынкарку“, про „Лазаря“, но лучшія пѣсни скрываетъ отъ людей и, причась въ степи, на заброшенныхъ могилахъ, тихо поетъ подъ вой вѣтра, уносясь вдохновенной мечтой далеко-далеко за моря и горы. Онъ слѣпъ, но видитъ духовными глазами все, незримое простыми смертными, и слагаетъ чудныя пѣсни, въ которыхъ дышитъ широкая воля казацкой жизни; въ нихъ и черпобровая подруга съ карими глазами, и сверкающее Черное море, и неизмѣримая степь отъ Тамани до Дуная, и тонущіе въ безпредѣльной глубинѣ неба лебеди и журавли. Такія пѣсни, по словамъ Гоголя, „слышали только одні украинскіе степи; только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной жезлѣздавѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя одними стениными чайками, вереницами жаворонковъ и степными пюльгами“. Рощинскъ г. Ижакевича живо передаетъ картину, описанную Шевченко въ его поэмѣ.

Нѣмецкій художникъ Юліи Адамъ—внукъ извѣстнаго баталиста Альбрехта Адама, скончавшагося въ 1862 г. Ученикъ Вильгельма Дитца, жанристъ по специальности, Юліи Адамъ особенно прославился изображеніемъ кошекъ. Изучивъ до мельчайшихъ подробностей ихъ жизнь, онъ въ своихъ картинахъ доходитъ прямо-таки до совершенства. Глядя на нихъ, прямо забываешь, что это картина, а не сама жизнь. Воспроизведенная здѣсь его картина „Кошачьи игры“ должна еще болѣе упрочить за нимъ славу виртуоза въ этой области жанра.

Въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ осеннихъ дней, когда легко и бодро дышится полной грудью, знатный пельможа назначилъ **выѣздъ на охоту**. Еще накануне собралась именитые гости, все больше друзья-сосѣди... И вотъ, едва забрезжило утро, съ громкимъ лаемъ и тивкашемъ вылетѣли изъ псарин борзья на сворахъ. „Нора, нора! Рога трубятъ“. Егеря въ парадныхъ уборахъ уже сидѣли на коняхъ, ожидая послѣднихъ приказаній. Наконецъ, поданъ знакъ и

„Въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ
Бѣгутъ псары по холмамъ и оврагамъ;
Стало свѣтать; пробѣгаютъ селомъ—
Дымъ поднимается къ небу столбомъ“...

Не обращая вниманія на дивныя картины природы, которые открывались имъ вдаль при блескѣ зари, они завернули въ ближайшій кабакъ, чтобы подкрѣпиться передъ охотой, сулицей имъ безчисленные развлечения. Одинъ изъ егерей срыгнувъ съ сѣдла и побѣжалъ къ трактирщику. Веселый и ликующій—онъ тотчасъ же вынесъ пѣнистую кружку и что-то съдобное для своего товарища. Тѣмъ временемъ расторопная служанка уже успѣла притащить воды и поить блага скакуна; но и жадный борзья не даютъ ей покою, то и дѣло напоминали о себѣ...

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Варшавѣ. Высочайшій смотръ войскамъ на Мокотовскомъ полѣ. Царскій павильонъ.
Съ фотогр. І. И. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

Прибытіе Ихъ Величествъ въ Варшаву. Триумфальная арка. Видъ отъ генераль-губернаторскаго замка на мостъ черезъ Вислу.
Съ фотогр. І. И. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Варшавѣ.

(Съ 5 рис. и портр.).

Знаменательныя петербургскія торжества сѣнились давно небывалымъ праздникомъ на улицахъ Варшавы. Какъ ни различны причины, заставившія сердца усилеио биться въ Петербургѣ и Варшавѣ, есть и нѣчто общее, соединяющее въ одинъ прекрасный аккордъ памятные дни, пережитые этими двумя городами.

Петербургскіе праздничные дни были посвящены радостнымъ событіямъ въ области внѣшней политики. Императоръ германскій носѣтилъ нашу столицу съ твердымъ заявленіемъ: „Я снова могу дать торжественное обѣщаніе—и этому, я знаю, сочувствуетъ весь мой народъ,—что въ великомъ дѣлѣ сохраненія мира я вѣдун силами буду содѣйствовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку противъ всякаго, кто попытается ему помѣшать или его нарушить“. Президентъ Французской республики г. Феликсъ Форъ уюминулъ не менѣе торжественно о томъ, что онъ вступаетъ на русскую землю въ моментъ, когда „сердца двухъ народовъ сливаются въ мысли о взаимной вѣрности и мирѣ“. Такимъ образомъ, высокие наши гости явились въ русскую столицу съ однимъ чувствомъ, — съ надеждою, что имъ при содѣйствіи Россіи удастся упрочить за Европою блага мира.

Никто не станетъ отрицать, что и знаменательный варшавскій праздникъ былъ не только праздникомъ, поразившимъ многихъ неожиданнымъ порывомъ сердечныхъ чувствъ, но и праздникомъ искренняго примиренія. „Государь приѣзъ съ собою въ Варшаву все, самое близкое Его сердцу, Августѣйшую Супругу и Дѣтей, и поэтому мы все жители Варшавы и Царства Польскаго выходимъ, Всемилостивѣйшій Монархъ, на Твою встрѣчу съ тѣмъ, что намъ дороже всего“. — „Мы прошли черезъ тяжелыя испытанія и пришли къ убѣжденію, что можно быть хорошимъ полякомъ, оставаясь одновременно вѣрноюдушнымъ русскаго государства. Въ нашемъ энтузіазмѣ нѣтъ никакихъ иллюзій, никакихъ излишнихъ надеждъ, никакихъ мечтаній“. — „Самое горячее желаніе нашего общества состоитъ въ томъ, чтобы подкрѣпить наши чувства поступками, способными доказать, что мы умѣемъ связывать любовь къ народности и вѣрѣ предковъ съ преданностью и вѣрностью Нашему Августѣйшему и любимому Государю“. — „Событіе это является знаменательнымъ не только для населенія нашего края, но и для всѣхъ остальныхъ славянскихъ народностей, солидарность которыхъ никогда еще не чувствовалась такъ сильно, какъ въ настоящую минуту. Поляки молятъ Бога, да благословитъ онъ начинанія Августѣйшаго Государя и да даруетъ Ему силу на многія дѣла озарить любовью всю страну и сердцемъ говорить сердцамъ своихъ подданныхъ“.

Такими привѣтствіями, благопожеланіями и общими воодушевленіемъ были наполнены варшавскія газеты въ памятные дни пріѣзда Государя. Отдѣльные голоса печати служили, однако, только однимъ изъ выраженій чувствъ, овладѣвшихъ всемъ польскимъ народомъ. Трудно въ немногихъ словахъ резюмировать картину той встрѣчи, которая была подготовлена Варшавою и собравшимся въ ней со всѣхъ сторонъ польскимъ народомъ своему Монарху. Наши читатели составятъ себѣ о ней понятіе изъ подробнаго отчета о памятныхъ варшавскихъ дняхъ и иллюстрацій къ нему. Здѣсь мы только скажемъ, что чувства, воодушевившія все слои польскаго населенія, нашли себѣ отголосокъ въ сердцѣ Государя. На рѣчь графа Велепольскаго, стоявшаго во главѣ депутаціи, которая удостоилась чести передать миллионныя кантаты, собранный населеніемъ съ цѣлю ознаменовать какимъ-либо благотворительнымъ дѣломъ пріѣздъ Ихъ Величествъ въ Варшаву, Государь отвѣтилъ изъясненіемъ благодарности за тотъ щедрый даръ, участіе въ которомъ приняли все слои населенія, и за выраженные чувства преданности, прибавивъ: „Я вѣрю вполне искренности ихъ“.

Легко себѣ представить, какое отрадное впечатлѣніе произвели эти высокознаменательныя слова на нашихъ согражданъ-поляковъ. Варшавскія событія были для многихъ неожиданными, но не для тѣхъ, кто внимательнѣе слѣдитъ за настроеніемъ польскаго общества. Въ жизни цѣлаго народа случайныхъ явленій не бываетъ. Если Варшава встрѣчала своего Монарха съ рѣдкимъ воодушевленіемъ и восторгомъ, если она удостоилась услышать высокоинтеллигентнаго Его слова, то думая, когда состоялись эти знаменательныя событія, предшествовала долгая предварительная работа ума и сердца. Недаромъ старѣйшая изъ варшавскихъ газетъ писала въ своей привѣтственной статьѣ, что поляки прошли черезъ тяжелыя испытанія, тяжелую историческую школу, и что въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили своего Монарха, нѣтъ никакихъ иллюзій, никакихъ мечтаній. Недаромъ другая газета, наиболѣе распространенная въ Варшавѣ, заявила, что польскій народъ видитъ основаніе развитія своего будущаго благосостоянія единственно въ трудѣ и въ честномъ исполненіи долга. Да, поляки прошли черезъ тяжелую историческую школу. Но со времени послѣдней войны ихъ иллюзій, они вступили сперва истинно, а потомъ вполне сознательно на

путь, — путь труда и честнаго исполненія долга. Тѣ люди — ихъ было сперва мало, но число ихъ съ каждымъ годомъ возрастало, — которые въ самой Польшѣ самоотверженно и упорно защищали мысль о культурномъ трудѣ на законной почвѣ и съ довѣремъ ожидали результата этого труда и которые въ Россіи посвящали свои силы распространенію идеи о примиреніи на той же почвѣ и старались возбудить соответственныя чувства, пожинаютъ теперь плоды своей неутомимой дѣятельности. Они дожили до того радостнаго дня, когда ихъ предположенія оправдались и ихъ мечта стала дѣйствительностью. Польша и Россія слились въ одномъ великомъ примирительномъ чувствѣ, и все, кто работалъ на пользу этого примиренія, найдутъ въ высокознаменательныхъ варшавскихъ событіяхъ новое поощреніе для своей дѣятельности, одинаково полезной съ точки зрѣнія какъ общаго нашего отечества, такъ и самой Польши.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Ихъ Императорскими Высочествами великими князьями Ольгою Николаевною и Татьяною Николаевною прибыли въ Варшаву 19 августа.

Городъ богато разукрасился къ встрѣчѣ своего Царя и Царицы. Для встрѣчи и охраны Ихъ Величествъ населеніе горда образовательно обывательскій комитетъ, который распорядился и украшеніемъ Царскаго пути — отъ вокзала до дворца. Вокзалъ нестрѣль флагами и гирляндами, Царскія комнаты превратились въ чудные дворцы.

На улицахъ — сотни тысячъ народа, миллионъ флаговъ и безконечная цѣнь гирляндъ, обвивающихъ балконы, подъзды, украшающихъ стѣны домовъ, перекинутыхъ черезъ улицы и отъ мачтъ къ мачтамъ, вьющихся вокругъ фонарныхъ и триумфальныхъ столбовъ, виснающихся съ разставленныхъ колоннъ и обелисковъ, спускающихся съ крышъ домовъ и триумфальныхъ арокъ.

Весь Царскій путь отъ вокзала вплоть до Лазенковскаго дворца съ обѣихъ сторонъ обставленъ былъ высокими мачтами съ флагами и обелисками; на нихъ въ перемежку помѣщены золотые рельефные государственные гербы и инициалы Ихъ Величествъ. Все это вмѣстѣ связано безконечною линіею гирляндъ изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтговъ. На Царскомъ пути устроены цѣлый рядъ триумфальныхъ арокъ, одна красивѣе другой. Первая арка черезъ мостомъ черезъ Вислу сооружена была мѣстными фабрикантами; она состоила изъ двухъ древнегреческихъ колоннъ, связанныхъ между собою гирляндой зелени, на которой въ дубовомъ вѣнкѣ виситъ Императорская корона. Колонны перевиты гирляндами зелени и украшены продуктами мѣстныхъ заводовъ: мѣдными трубами, машинными колесами и сельско-хозяйственными стальными инструментами. Около этой арки стояли фабриканты въ черныхъ фракахъ и близъ галстукахъ. Рядомъ съ ними толпы празднично одѣтыхъ рабочихъ и съ ними оркестръ рабочихъ. Мостъ черезъ Вислу, благодаря массѣ мелкихъ флаговъ и гирляндъ зелени, представлялъ также красивую картину. Надъ его въѣздомъ и въѣздомъ высились громадные гербы города Варшавы, украшенные живыми цвѣтами. Съ моста виднѣлся другой желѣзнодорожный мостъ, съ надписью на рѣшеткѣ несолидскими буквами: „Боже, Царя храни“. Дивный видъ открывался отсюда на разнающуюся Вислу, на берегъ Варшавы съ королевскими замками, башнями, шпильцами, горой повисающихъ домовъ, убѣгающихъ въ разные стороны улицъ, нестрѣющихся праздничнымъ убранствомъ.

У моста, близъ перваго костела на Прагѣ, на эстрадѣ, въ блестящихъ облаченіяхъ собралось мѣстное католическое духовенство съ крестомъ, члены костельскаго братства и дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами.

Черезъ мостъ и до дворца — опять вездѣ тянулись шпалеры народа. У въѣзда на Краковское предмѣстѣе — ворота, сооруженныя городомъ и украшенныя его гербомъ (рис. на стр. 857). У моста близости королевскаго замка — обширная эстрада, гдѣ собралась артиста театровъ, оркестръ и два хора: одинъ Большаго театра, другой — Малаго. Отъ мостовыхъ воротъ до слѣдующей арки стояло коническое и ремесленное сословіе во фракахъ, со своими цеховыми значками — цѣлая линія знаменъ. На Краковскомъ предмѣстѣе, возлѣ палаты графа Потоцкаго и князя Четвертинскаго воздымались грандіозныя триумфальныя ворота, ослѣпя краснымъ сукномъ; на пиластрахъ ихъ помѣщены были 10 большихъ гербовъ польскихъ губерній; верхъ воротъ украшенъ громадною золоченою Императорскою короною, лежащею на подушкѣ, изъподъ которой спускается красная съ золотымъ бордюромъ сѣнь; но бокамъ — арматуры изъ флаговъ. Возлѣ этихъ воротъ стояли члены комитета по сбору пожертвованій на учрежденіе благотворительнаго заведенія въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Величествами Варшавы. Во главѣ комитета — председатель, шпальмейстеръ маркизъ Велепольскій, графъ на-Мировѣ Гошаго-Мышковскій (управляющій Ловичскимъ вѣлѣствомъ) (портр. на стр. 860). На улицѣ Новый Свѣтъ, на триумфаль-

ныхъ воротахъ, изображена крыша крестьянской избы; здесь — группы помѣщиковъ и шналеры крестьянскихъ представителей. На эстрадѣ — оркестръ Намысловскаго изъ крестьянъ Кѣледской губерши.

Дальѣ, между палатами графовъ Гранickaго и Косаговекаго, на величественной аркѣ — грандіозный бюстъ Государя; арка убрана эмблемами охоты, водного и всякаго рода спорта. Отъ этой арки тянулись шналеры членовъ мѣстныхъ обществъ: гребного, конькобѣжель и велосипедистовъ.

Уяздовская аллея съ ея красной перспективой домовъ и деревьевъ приняла роскошный видъ, окаймленная шналерами кадетъ, воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній; за этими красивыми живыми шналерами — густыя стѣны народа.

Встрѣтитъ Ихъ Величества на платформу станціи собрались: министръ внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Горемыкинъ, супруга генераль-губернатора свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, помощники генераль-губернатора шталмейстеръ князь Оболенскій и генераль-майоръ Опориненко, губернаторъ д. с. с. Мартыновъ, президентъ города Варшавы генераль-майоръ Бибииковъ и депутация отъ города съ хлѣбомъ-солью на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ. Блюдо это — верхъ рѣзанаго искусства, въ стѣлѣ рококо: сбоку сирена (гербъ Варшавы) держитъ щитъ съ датой года; справа амуръ держитъ розу; сверху — дѣвушка, переправляющаяся на лодкѣ, и выше выступаетъ рельефный Царскій вензель „Н“ подъ короною; на плафонѣ блюда зрѣланъ видъ Лазенковскаго дворца. Деревянная соломка изображаетъ сирену въ раковинѣ, держащую въ рукѣ пальмовую вѣтвь (рис. на стр. 861).

Фронтонъ къ полотну вытянулся почетный караулъ отъ 170-го пѣхотнаго резервнаго остроленскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки.

Въ 4 ч. 55 м. подошелъ Императорскій поѣздъ. Изъ него вышелъ генераль-губернаторъ свѣтлѣйшій князь Имеретинскій и сталъ на флангѣ почетнаго караула. Когда вышли Государь Императоръ и Государыня Императрица, музыка заиграла встрѣчу. Государь поздоровался съ начальствующими лицами и пошелъ по фронту почетнаго караула, здоровался и принялъ ординарцевъ. На лѣвомъ флангѣ караула Государю имѣла счастье представиться депутация отъ 65-го московскаго Его Величества пѣхотнаго полка, который квартируетъ въ Хомякѣ и въ которомъ Государь состоитъ Шефомъ со дня рожденія.

Затѣмъ Государь подошелъ къ городской депутации. Президентъ города поднесъ Его Императорскому Величеству хлѣбъ-соль, сказавъ при этомъ привѣтствіе. Принимая хлѣбъ-соль, Государь Императоръ отвѣтилъ слѣдующими словами:

„Я очень радъ, что въ первый разъ вмѣстѣ съ Императрицею прѣѣзжаю на пребываніе въ Варшаву. Съ особымъ удовольствіемъ принимаю ваше подношеніе“.

Между тѣмъ свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская имѣла счастье поднести Ея Величеству роскошный букетъ изъ желтыхъ розъ и орхидей, переливаный желто-коричневою лентой, затканной золотомъ — старинное произведеніе Слуцка, выдѣлывавшаго польскіе кушакки. Подъ звуки музыки караулъ прошепелъ перемональнымъ маршемъ, удостоившись Царскаго „спасибо“.

Съ Царскимъ поѣздомъ прибыли Ихъ Императорскія Высочества: великія княжны Августѣйшия Дочери Ихъ Величества, великія князья Владиміръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Николаевичъ, а также военный министръ генераль-адъютантъ Ванновскій, министръ путей сообщенія князь Хилковъ, генераль-адъютантъ Гессе, князь Долгорукій, гофмаршалъ свиты генераль-майоръ графъ Бенкендорфъ, лейб-хирургъ Гиришъ, статсъ-дама гофмейстерина свѣтлѣйшая княгиня Голицына и фрейлины княжны Оболенская и Барятинская. Съ вокзала Государь и Государыня поехали въ Лазенковскій дворецъ.

Царскій поѣздъ, сопровождаемый вереницею экипажей, всѣ 5 верстѣ слѣдовалъ среди непрерывныхъ живыхъ стѣнъ народа, при неумолкаемомъ „ура“, колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей и Императорскомъ салютѣ пушекъ Александровской цитадели.

На протяженіи двухъ верстѣ по обѣимъ сторонамъ пути стояли обыватели, фабричные, ремесленники, купцы, всѣ въ цилиндрахъ, во фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ. Эту шпѣ прерывали эффектные кружевные сутаны духовенства и группы дѣвушекъ, державшихъ хоругви и иконы и одѣтыхъ въ бѣлыя платья съ фатою и номерациевыми вѣнками. У арки съ шпобой — стояла группа дворницъ въ мундирахъ. У Хмельной улицы пестрыми шналерами протянулись депутации спортивныхъ обществъ: съ одной стороны — въ своихъ синихъ мундирахъ, съ веслами и флагами — гребное, съ другой — длинная линия велосипедистовъ съ велосипедомъ. Отъ костела св. Александра на протяженіи цѣлой версты стояли дѣти — дѣвочки и мальчики во всевозможныхъ одѣжкахъ. При этомъ въ разныхъ пунктахъ играли оркестры: рабочихъ, желѣзнодорожный, крестьянъ, артистовъ, учениковъ.

У церкви литовскаго полка выходило на встрѣчу Царскому кортежу православное духовенство съ крестами и хоругвями.

У Лазенковскаго дворца Государь Императоръ принялъ второй почетный караулъ отъ 171-го греховскаго пѣхотнаго резервнаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки.

Въ 5 ч. 30 м. Его Величеству представлялись во дворцѣ всѣ военные начальники отдѣльныхъ частей до полковаго командира включительно.

Во дворцѣ Государь Императоръ изволилъ выразить главному начальнику края свое особое удовольствіе по поводу всего видѣннаго Его Величествомъ по пути слѣдованія отъ вокзала до дворца и высказать желаніе, чтобы объ этомъ поставлено было въ извѣстность населеніе города Варшавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было обратить вниманіе на образцовый порядокъ въ городѣ.

Лазенковскій дворецъ — мѣстопробываніе Ихъ Величествъ въ Варшавѣ — снаружи замѣчательно красиво былъ убранъ трудами мѣстныхъ садоводовъ-художниковъ. Дворецъ Лазенки выстроенъ въ итальянскомъ вкусѣ въ два этажа. Онъ стоитъ въ паркѣ, гдѣ нѣкогда охотились польскіе короли. Дворецъ соорудилъ Станиславъ Пошитовскій въ концѣ XVIII вѣка. По обѣимъ фасадамъ его: лицевому и тыльному — пруды; на второмъ пруду, на мосту черезъ него, поставленъ въ 1788 г. извѣстный памятникъ Яну Собѣскому (конная статуя). Лицевой фасадъ выходитъ въ паркъ. Среди пруда — микроскопической острова, на которой исполненная латанія во всѣ стороны разбросала свои пальцевидныя вѣтви. Вдоль видны искусственныя развалины Пальмиры и открытый театръ, сцена котораго — на островѣ, а мѣста для зрителей устроены въ видѣ древняго амфитеатра. Подобно этому сооруженъ былъ театръ въ Петергофѣ, на Ольгинскомъ островѣ, къ прѣѣзду императора Вильгельма II. Кругомъ пруда красивыя декоративныя группировки деревьевъ. Терраса у пруда украшена двумя аллегорическими группами, изображающими Нѣманъ и Вислу. Между ними статуя сатира. На площадкѣ передъ дворцомъ, мраморныя солнечныя часы. Чудныя аллеи каштановъ окружаютъ дворецъ. Входная веранда дворца убрана кашаисами, лаврами, рѣдкостными орашжерейными деревьями тропическихъ странъ; по сторонамъ выдѣляются среди зелени двѣ бѣлыя фигуры гладиаторовъ; на базавхъ лѣстницы — величественныя львы. Входныя стѣны, живописно убранныя развѣстными ильмами и драценами, украшены въ шпашахъ статуями польскихъ королей: Яна III, Стефана Баторія, Сигизмунда I и Казиміра III.

Всѣ нижній этажъ занимаютъ парадныя комнаты. Въ верхнемъ этажѣ находились собственныя покои Ихъ Величествъ: по лѣвой сторонѣ — Государя Императора, съ правой — Государыни Императрицы; центръ занятъ былъ помещеніемъ для великихъ князей.

Въ Бельведерскомъ дворцѣ, находящемся въ Лазенковскомъ паркѣ и построенномъ въ 1822 году при великомъ князѣ Константиѣ Павловичѣ, находились апартаменты Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича (въ нижнемъ этажѣ), Павла Александровича и Николая Николаевича (въ верхнемъ); тутъ же находилась ихъ свита, придворныя чины, статсъ-дамы и фрейлины Государыни.

Вечеромъ въ честь прѣѣзда Ихъ Величествъ на всѣхъ улицахъ Варшавы была зажжена полная художественнаго вкуса и разисобразія иллюминація. Многотысячныя толпы народа гуляли по иллюминированнымъ улицамъ, стягиваясь къ Лазенковскому дворцу, гдѣ хорвое общество Варшавы „Лютни“ съ калишскимъ гребнымъ обществомъ устроили на дворцовомъ пруду серенаду. Послѣ обѣда Ихъ Величества вышли на террасу. Съ ними вмѣстѣ вышли великіе князья Владиміръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Николай Николаевичъ, варшавскій генераль-губернаторъ и лица ближайшей свиты Государя Императора. „Варшавская лютня“ заняла національнныя мѣста. При этомъ по озеру стройною линіею потонули гребни суда калишскаго гребного общества. Всѣ суда были красиво убраны флагами и иллюминированы разноцвѣтными фонарями. Сидя на веслахъ, гребцы стройно плыли. Сотни огней красноречиво отражались въ зеркальной поверхности озера. Всѣ суда были залиты яркимъ свѣтомъ бенгальскихъ огней. Государь Императоръ благословилъ всѣхъ участниковъ за этотъ праздникъ.

Второй день Высочайшаго пребыванія въ Варшавѣ начался съ посѣщенія Ихъ Величествами православнаго собора Св. Троицы, на Долгой улицѣ.

Когда Государь съ Государынею вступили въ соборъ, архіепископъ Флавіанъ привѣтствовалъ Ихъ рѣчью и освѣтилъ крестомъ. Вмѣстѣ съ Ихъ Величествами прибыли великіе князья Владиміръ Александровичъ и Павелъ Александровичъ.

Послѣ привѣтствія архіепископа благословилъ и окропилъ Ихъ Величества, и, при пѣніи „Спаси, Господи, люди Твоя“, Ихъ Величества прошии впередъ и выслушали краткое молебствіе съ Царскимъ многолѣтіемъ; затѣмъ высокопресвященный Флавіанъ благословилъ и вручилъ Ихъ Величествамъ иконы святителя Николая и царицы Александры. Осѣненные св крестомъ и приложившись къ принятымъ иконамъ, Ихъ Величества вышли изъ собора при звонѣ колоколовъ, среди живыхъ стѣнъ народа, и прибыли къ мѣсту постройки новаго православнаго собора св. Александра Невскаго, на Саксонской площади.

Въ двѣнадцатомъ часу дня на Мокотовскомъ полѣ произведенъ былъ Высочайшій смотръ войскамъ — частямъ, не участвовавшимъ въ маневрахъ.

На смотрѣ прибыли: командующій войсками и генераль-

губернаторъ края съ своими помощниками и штабомъ. Въ числѣ лицъ Свѣты Государя выходили военный министр и начальникъ главнаго штаба, а также управляющій министерствомъ Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, генералъ-адъютантъ Гессе, князь Долгорукій и лица Свѣты.

На Мокотовскомъ полѣ устроенъ былъ для смотра Царскій павильонъ, по сторонамъ котораго высились трибуны для публики. Въ павильонѣ находились придворныя дамы и гражданская свита: оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій, гофмейстеръ графъ Гендриковъ (рис. на стр. 857).

При звукахъ музыки, салютѣ пушекъ и кликахъ войскъ, совершился Царскій объѣздъ линіи войскъ. Государь Императоръ былъ въ формѣ 65-го московскаго пѣхотнаго Его Ве-

личества полка. Государыня Императрица при объѣздѣ слѣдовала въ экипажѣ à la Daumont съ гофмейстершою. Послѣ объѣзда состоялся церемониальный маршъ. Войска вели командовавшій пара-

Графъ Сигизмундъ Велепольскій, предсѣдатель комитета по сбору пожертвованій на учрежденіе благотворительнаго заведенія въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Величествами В. ршавы. Съ фот. І. И. Глибовскаго автотипія „Нивы“.

домъ, начальникъ войскъ лагернаго сбора, генералъ-отъ-инфантерій Крживоблоцкій.

Прохожденія войскъ удостоились Царскаго спасибо.

Послѣ смотра Ихъ Величества отбыли въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ состоялся Высочайшій завтракъ для начальниковъ отдѣльных частей.

Въ 4 часа дня собрались въ Лазенковскомъ дворцѣ для представленія Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ духовныя лица, придворныя и гражданскія чины, иностранныя генеральныя консулы и члены комитета по сбору пожертвованій на учрежденіе благотворительнаго заведенія въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Величествами города Варшавы. Депутация отъ комитета

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Варшавѣ. Лазенковскій дворецъ со стороны пруда. Съ фотогр. І. И. Глибовскаго автотипія „Нивы“.

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Варшавѣ. Убранство города: Краковское предмѣстье. Съ фотогр. І. И. Глибовскаго автотипія „Нивы“.

Рѣзное деревянное блюдо, на которомъ поднесъ Государю Императору хлѣбъ-соль отъ г. Варшавы президентъ города.

Съ фот. I. И. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

состояла изъ 45 лицъ. Глава депутаціи маркиз Веленовскій прочелъ слѣдующую рѣчь:

„Государь!
„Отъ глубины души благодаримъ Тебя, Всемилостивѣйшій Государь, за радость видѣть Тебя посреди насъ вмѣстѣ съ нашею Августѣйшею Императрицею.

„Благодаримъ Тебя, что Ты не отвергнулъ скромнаго поднесенія здѣшняго края: радостная и посылная лепта всѣхъ жителей Царства Польскаго, безъ различія сословій и происхожденій, да будетъ залогомъ взаимнаго довѣрія Твоихъ подданныхъ, соединенныхъ любовью къ Царю и Отечеству.

„Прими въ даръ тоже, Всемилостивѣйшій Государь, миллионы нашихъ сердецъ, безгранично уповающихъ на Тебя.

„Въ Твоемъ великодушномъ Самодержавіи, во внутреннемъ мирѣ государства, во славіи и могуществѣ Имперіи весь польскій народъ видитъ лучезарную будущность и готовъ, въ счастьи и среди испытаній, вѣрно, непоколебимо служить

Тебѣ, Государь, Своему возлюбленному Монарху“.

Государь Императоръ соизволилъ отвѣтить на привѣтственную рѣчь председателя комитета:

„Отъ имени Императрицы и Моего выражаю вамъ, господа, Наму искреннюю благодарность за тотъ щедрый даръ, участіе въ которомъ приняли всѣ слои польскаго населенія, и за чувства преданности, о которыхъ вы Намъ заявили. Я вѣрю вполне искренности ихъ. Вчера Мы оба были глубоко тронуты горячимъ приемомъ, оказаннымъ Намъ здѣсь. Встрѣча Варшавы оставитъ въ насъ самое отрадное воспоминаніе о Нашемъ первомъ посѣщеніи ея. Еще разъ сердечно благодарю васъ, господа“.

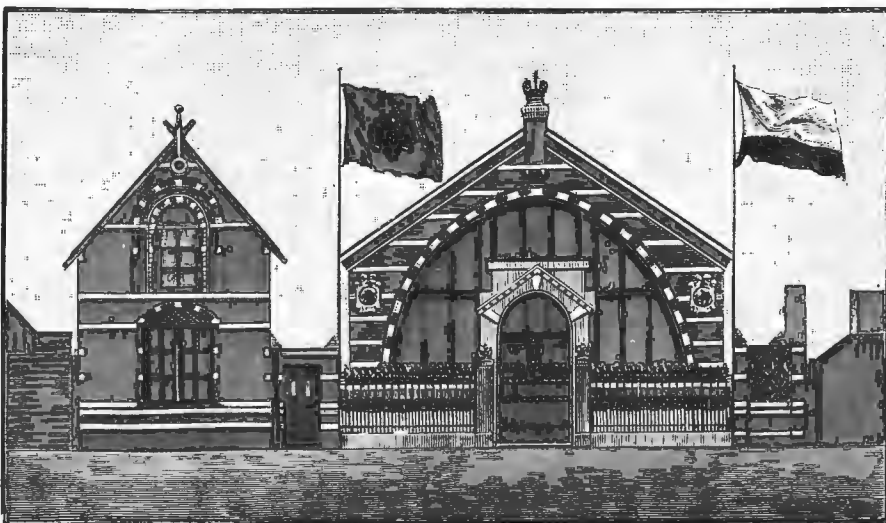
Всѣхъ представлялъ Государю Императору князь Долгорукій. Въ 5 часовъ дня въ томъ же залѣ представлялись Государынѣ Императрицѣ имѣющія пріѣздъ къ Высочайшему двору дамы. Каждая дама подходила къ Государынѣ Императрицѣ. Гофмейстерина свѣтлѣйшая княгиня Голицына представляла ее Го-

Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ. Домикъ и сооруженія надъ нимъ въ разрѣзѣ. Изъ альбома нашего вице-консула въ Амстердамѣ г. Ловягина. Грав. Шляперъ.

сударынѣ. При этомъ дамы цѣловали у Государыни Императрицы руку. Первой была представлена супруга варшавскаго генералъ-губернатора свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, а затѣмъ уже остальные дамы. Въ шестомъ часу окончился приемъ въ Лазенковскомъ дворцѣ.

Вечеромъ состоялся въ замкѣ генералъ-губернатора блестящій раутъ, на который собрались положительно всѣ видные представители польскаго народа. Всѣхъ приглашенныхъ на раутъ было около 2.000 персонъ. Наружный фасадъ замка былъ красиво иллюминированъ цвѣтными электрическими лампами, которыми были увязаны большая и малая башни; терраса замка была залита пріятнымъ нѣжно-матовымъ свѣтомъ и, благодаря массѣ экзотической зелени и цвѣтовъ, представляла собою чарующій зимній садъ. Красиво задранированный парадный входъ въ замокъ

Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ. Фасадъ сооруженій, воздвигнутыхъ по повелѣнію Государя Императора. Изъ альбома нашего вице-консула въ Амстердамѣ г. Ловягина. Грав. Шляперъ.

былъ зашитъ лучами электрическихъ рефлекторовъ. Въѣзды города были иллюминированы такъ же роскошно, какъ и наканунѣ, тротуары были полны народа, пришедшаго со всѣхъ мѣстъ посмотреть на съѣзжавшую на раудъ парадно одѣтую публику. Ровно въ 10 часовъ вечера звуки гимна возвытились, что Ихъ Величества прибыли въ замокъ. При вхождѣ Государь Императоръ, Государыня Императрица и великіе князья были встрѣчены свѣтлѣйшимъ княземъ Имеретинскимъ съ супругою и состоявшимъ при немъ лицами. Послѣ встрѣчи Ихъ Величества прошли въ одно изъ залъ, гдѣ принимали не служащихъ дворянъ съ ихъ супругами и дочерьми. Затѣмъ Ихъ Величества перешли въ концертное зало. Ихъ Величества сѣли въ центрѣ противъ оркестра. Государь Императоръ былъ въ формѣ уланъ Его Величества, а Государыня Императрица поверхъ своего туалета имѣла ленту ордена св. Андрея Первозваннаго. По прибытіи Ихъ Величества начался концертъ, въ которомъ участвовали братья Иванъ и Эдуардъ Ренке, скрипка С. Барцевичъ и виолончельистъ Цинкъ. Послѣ концерта Ихъ Величества прошли въ соседнюю съ портретнымъ заломъ, превращенную въ зимній садъ, гостию, гдѣ былъ сервированъ открытый буфетъ. Въ 12 ч. ночи Ихъ Величества, при ликующихъ народа, отбыли въ Лазенковскій дворецъ.

21 августа Государь Императоръ посѣтилъ новогеоргіевскую крѣпость и укрѣпленіе Зегржъ. Его Величество и великіе князья выѣхали въ Новогеоргіевскъ въ 9 часовъ утра, въ сопровожденіи военнаго министра, генералъ-адъютанта Ванновскаго, вавианскаго генералъ-губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Крживоблоцкаго, начальника окружнаго штаба генералъ-лейтенанта Пузыресскаго и Свиты Его Величества.

Въ Новогеоргіевскѣ Государь Императоръ встрѣтилъ комендантъ генералъ-лейтенантъ Бурманъ съ начальникомъ крѣпостнаго штаба генералъ-майоромъ Макѣевымъ и другими начальствующими лицами. Его Величество принялъ почетный караулъ и просѣдовалъ въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ мѣстнымъ духовенствомъ, а изъ собора—въ госпиталь, гдѣ Его Величество обошелъ всѣ палаты и многихъ ошачествилъ милостивыми разспросами. Затѣмъ Государь Императоръ проѣхалъ въ Ивановскую башню, откуда обозрѣвалъ общее расположеніе фортовъ. Послѣ завтрака во дворцѣ Его Величество отбылъ изъ крѣпости.

Изъ Новогеоргіевска Государь Императоръ отъ ст. Яблонной проѣхалъ въ укрѣпленіе Зегржъ, а оттуда въ усадьбу Зегржъ, — дѣтнюю резиденцію генералъ-губернатора. На дачѣ генералъ-губернатора Его Величество кушалъ чай и вернулся въ Варшаву около половины пятаго часа вечера. Народъ весь день толпился на улицахъ, въ ожиданіи Царскаго проѣзда.

Между тѣмъ Ея Величество осматривала благотворительныя учрежденія Варшавы: только что выстроенный двоякій домъ имени Императрицы Маріи Θεодоровны въ предмѣсткѣ Прага, дѣтскій пріютъ и отдѣленіе для престарѣлыхъ сестеръ милосердія и домъ трудолюбія. На Прагѣ Ея Величество осматрѣла еще трѣе учрежденія—дешевую столовую, откуда проѣхала въ городъ, въ дѣтскій пріютъ варшавскаго благотворительнаго общества. Закончился день посѣщеніемъ Ея Величествомъ дѣтской больницы и института глухонемыхъ и слѣпыхъ.

Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества посѣтили Уздовскій военный госпиталь, гдѣ обошли всѣ номѣщенія и палаты. Ихъ Величества останавливались у постели каждаго больного, милостиво разговаривали съ нимъ и Своимъ высокимъ вниманіемъ облегчали ихъ страданія. Послѣ Высочайшаго завтрака въ Лазенковскомъ дворцѣ Ихъ Императорскія Величества проѣхали въ католическій костелъ св. Александра. На встрѣчу Ихъ Величествамъ вышелъ архіепископъ Поппель съ епископами и многочисленнымъ духовенствомъ. Архіепископъ привѣтствовалъ Ихъ Величества рѣчью. Собрывшаяся вокругъ собора публика восторженно привѣтствовала Ихъ Величества. Многія изъ дамъ усыпали Царскій путь цвѣтами. Послѣ посѣщенія костела св. Александра, Ихъ Величества

посѣтили Маріинскій дѣвичій институтъ и затѣмъ проѣхали въ офицерскій лазаретъ общества Краснаго Креста, гдѣ своимъ сердечнымъ участіемъ и милостивыми словами вызвали у присутствующихъ слезы умилевія и радости. Передъ отъѣздомъ въ Лазенковскій дворецъ Ихъ Императорскія Величества посѣтили 1-ю и 3-ю классическія мужскія гимназіи, которыя подробно осмогѣрили. Въ 7 часовъ вечера въ Лазенковскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ.

День 22-го августа закончился параднымъ спектаклемъ въ Большомъ театрѣ. Когда Государь Императоръ и Государыня Императрица вошли въ ложу, — весь залъ всталъ, какъ одинъ человекъ, и всѣ повернулись въ сторону Ихъ Величества. Государь былъ въ мундирѣ уданскаго Его Величества полка и Андреевской лентѣ, Государыня — въ свѣтломъ платьѣ съ Андреевскою лентою черезъ плечо.

Поднялся занавѣсъ, и на сценѣ всѣ артисты и огромный хоръ въ живописныхъ костюмахъ оперы „Донжигитъ“ исполнили вмѣстѣ съ оркестромъ гимнъ „Боже, Царя храни“.

Смолкло „ура“, пролетѣвшее нѣсколько разъ по залу, запылало опустели. Сыграли увертюру изъ „Донжигитъ“ и два акта—I и III; въ двухъ картинахъ исполнили парціи: король—Эдуардъ Ренке, Донжигитъ—Ивъ Ренке, Эльза — г-жа Ольгиня-Юзефовичъ. Слѣдующій по программѣ въ оперою—балетъ весь сосредоточился въ одной малуриѣ, которую исполнила балетная труппа. Въ антрактахъ въ театральномъ буфетѣ былъ устроенъ открытый чайный буфетъ для публики, съ кофеями и прохладительными и мороженными.

При кликахъ „ура“ Ихъ Величества оставили театръ въ двадцать минутъ перваго и возвратились въ Лазенки. Спектакль закончилъ циклъ варшавскихъ торжествъ.

23-го августа, утромъ, Варшава проводила Царя и Царицу, отправившихся въ Бѣлостокъ на маневры.

Погода въ день прощанья стояла такая же чудная, какъ и во все дни. Настроеніе народа такое же возвышенное. Уже съ 7 часовъ утра, т.-е. за три часа, весь путь отъ Лазенокъ до вокзала былъ заполненъ народомъ.

На всемъ пути слѣдованія Царскаго экипажа, за которымъ ѣхалъ другой экипажъ, съ великими князьями Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной, привѣтствовали Ихъ Величества и Ихъ Высочества восторженныя, неумо каемые клики „ура“. Ихъ Величества не переставали кланяться. Кланялась и великая княжна Ольга Николаевна. Подъ экипажъ бросали цвѣты, листья, и Царскій экипажъ слѣдовалъ по сплошному морю зелени.

По прибытіи къ вокзалу Ихъ Величества были встрѣчены главнымъ начальникомъ края генералъ-адъютантомъ свѣтлѣйшимъ княземъ А. К. Имеретинскимъ и высшими начальствующими лицами. Все, что есть чиновнаго и выдающагося въ Варшавѣ, вся польская знать, военные чины и дочери чиновныхъ лицъ, — всѣ собрались проводить Ихъ Величества.

Ихъ Величества изволили обходить присутствовавшихъ, удостоивая милостивымъ разговоромъ. Государыня Императрица Александра Θεодоровна обходила дамъ, при чемъ каждой подавала руку. У каждой изъ дамъ были въ рукахъ букеты цвѣтовъ, Государыня не переставала принимать букеты. Ихъ Величества обходили присутствовавшихъ, удостоивая разговоромъ всѣхъ. Великіе князья Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна были перенесены въ вагонъ Царскаго поѣзда. Когда Ихъ Величества обошли группу, громкое „ура“ пронеслось по рядамъ. Кричали всѣ—дамы и мужчины. Когда Ихъ Величества прошли въ вагонъ, весь убранный цвѣтами, зарежало громкое, прорывальное „ура“. Въ отвѣтъ на эти сердечныя проявленія чувствъ Ихъ Величества кланялись изъ вагона. И громкіе раскаты „ура“ все росли и ширились. Въ нихъ выражали свой восторгъ облаченные Царскимъ словомъ и привѣтомъ горожане и дворяне Варшавы; въ нихъ слала вся Варшава, все Царство Польское добрыя, сердечныя и участивія медленно удалявшимся Царскому поѣзду.

Петръ Великій въ Заандамѣ.

(Съ 2 рисунками.)

Въ августѣ нынѣшняго года исполнилось и торжественно отпраздновано двухсотлѣтіе со дня посѣщенія голландскаго города Заандама Петромъ Великимъ.

„Минувшаго восемнадцатаго августа, Dominica II post Trinitatem, въ восемь часовъ утра, прибылъ сюда, въ Заандамъ, никогинто, на небольшомъ кельскомъ корабликѣ, царь или великій князь Московскій Петръ Алексовичъ, съ шестью московцами, и прожилъ недѣлю на Кримнебергѣ, у Бѣ-Тиссевова куанца. Потомъ поѣхалъ въ Амстердамъ, куда прибыло его многочисленное посольство. Росту оиъ семи футовъ и одѣтъ въ простое сардацское крестьянское платье. Оиъ глотничаетъ на адмиралтейской верфи и оочень любитъ корабли.“

Такая памятка записана подъ 1697 годомъ въ метрической книгѣ одной изъ лютеранскихъ церквей Заандама нагоромъ Петра.

Тотъ фактъ, что изъ всѣхъ городовъ Голландіи могучій вли-

стителъ великаго царства остановилъ свой выборъ именно на Заандамѣ, чтобы въ немъ изучить то, что оиъ считалъ полезнымъ и необходимымъ для своей страны, имѣлъ для себя подготовку еще въ прешествовавшее время. Съ дивныхъ уже поръ заандамцы приняли на себя не легкую задачу — отправляться въ далекія сѣверныя моря, на охоту за большими медвѣдями и китами. Многіе изъ заандамцевъ такъ и поселились на сѣверѣ, гдѣ, будучи опытными судостроителями, быстро находили себѣ работу. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи многіе изъ нихъ жили въ нашемъ Архангельскѣ. Тамъ-то Петру и удалось съ ними близко познакомиться. Высоко цѣня ихъ трудолюбіе и знаніе дѣла, оиъ, во время своего пребыванія въ Архангельскѣ, охотно сходилъ съ ними, запросто посѣщая рабочихъ, нередко одѣтый въ такое же платье, какъ и оиъ; лично являлся Петръ и на биржу для подписанія контрактовъ съ купцами или для зафрахтованія какого-либо судна съ сукномъ для его новой арміи. Любилъ оиъ также посѣщать гол-

ландскія суда и знакомиться съ моряками. Среди послѣднихъ познакомился онъ съ двумя зааандамцами: Яномъ Питерсономъ и Броеромъ и Яковомъ Исбрандсомъ.

Прѣхавъ затѣмъ въ Голландію, онъ естественно захотѣлъ повидать Заандамъ и ознакомиться съ его населеніемъ. Въ Амстердамѣ онъ пробылъ всего лишь день и въ тотъ же вечеръ отправился далѣе. Но, не доѣхавъ до Заандама, пришлось переночевать въ дорогѣ. Раннимъ утромъ царь снова пустился въ путь. „Часу въ шестомъ, подѣлывая къ Форзану въ Керкероуфъ,—разсказываетъ Устриловъ,—царь замѣтилъ стараго знакомаго кузнеца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловившаго угрей, и кликнувъ его. Кистъ не вѣрнулъ глазамъ своимъ, увидѣвъ російскаго монарха въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстиновыхъ шароварахъ, съ лакированной шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда великій царь московскій изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его смиренной хижинѣ, съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тѣтно отгоняивался кузнецъ бѣдностью и тѣсною своего жилища: онъ долженъ былъ уступить непригодной волѣ царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую занимала вдова какого-то поденщика. Кистъ побѣждалъ впередъ уговорилъ вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ за 7 гульденовъ.“ Четверо членовъ свиты царя наняли себѣ отдѣльное помѣщеніе.

Домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій въ Заандамѣ и принадлежавшій первоначально Кисту, переходилъ изъ рукъ въ руки, сначала къ потомкамъ Киста, затѣмъ, въ 1818 г., къ голландцу Бюльенгу, у котораго купилъ его за 60.0 флор. нидерландскій король Вильгельмъ I съ тѣмъ, чтобы подарить своей супругѣ, великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, вышедшей въ 1816 г. замужъ за бывшаго въ то время кронпринцемъ, впоследствии короля Вильгельма II.

Домикъ пришелъ отъ времени въ ветхость, и первой заботой русской великой княжны было предохранить отъ разрушенія этотъ историческій и столь любимый ею домикъ. Поэтому поверхъ него была сооружена каменная постройка съ открытыми арками, въ зимнее время заставлявшимися ставнями, предохранявшими такимъ образомъ домикъ отъ вліянія непогоды. Несмотря на это, домикъ сильно пострадалъ отъ бывшаго въ 1825 г. въ Заандамѣ наводненія.

По кончинѣ королевы Анны Павловны домикъ перешелъ въ собственность принца Георга нидерландскаго, приказавшаго въ 1865 г. соорудить надъ нимъ деревянную со всѣхъ сторонъ закрытую постройку. Въ 1879 г., по смерти принца, домикъ перешелъ къ королю нидерландскому Вильгельму III, который подарилъ эту дорогую историческую реликвию въ Боннѣ почившему императору Александру III.

Въ 1890 г., по повелѣнію его величества, были сдѣланы деревянные и желѣзные подпорки, для поддержки домика съ боковъ, при чемъ весь домъ былъ поднятъ и поставленъ на каменный фундаментъ. Съ этихъ поръ онъ былъ предохраненъ отъ вліянія сырости почвенныхъ выдѣленій. Наконецъ, съ переходомъ этого драгоцѣннаго памятника въ собственность нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, въ 1895 г., построить надъ нимъ каменный домъ, съ каменной стѣной вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, и тѣмъ на вѣчныя времена сохранить его, какъ отъ вліянія стихійныхъ условій, такъ и отъ пожара, могущаго произойти въ соедѣнныхъ постройкахъ. Кроме того, рядомъ былъ построенъ новый каменный домикъ для привратницы. На сооруженія эти было ассигновано 30.000 флоринтовъ.

Воспроизведенные здѣсь (на стр. 861) рисунки этого историческаго домика заимствованы нами изъ спеціальнаго альбома „Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ“, издавнаго въ этомъ году въ Амстердамѣ нашими вице-консуломъ А. Е. Довыгинимъ.

Внутренній видъ домика поражаетъ своей незатѣйливостью. Пристроенный при входѣ чуланчикъ, глухая каморка для крогати и двѣ небольшія комнатки въ два окна, съ разнакою печью для приготовленія пищи,—вотъ и все. Покрываетъ домикъ черепицею; около—маленькій садикъ.

Въ этомъ простомъ жилищѣ простаго корабельщика, Петръ Великій прожилъ съ воскресенья 8 (18) по воскресенье 15 (25) августа 1697 года, работая на корабельныхъ верфяхъ подъ именемъ Петра Михайлова. О цѣли его пребыванія въ Голландію всего лучше свидѣльствуютъ слѣдующія строки письма къ московскому митрополиту, написаннаго поддѣе, изъ Амстердама: „мы въ Нидерландахъ въ городѣ Амстердамѣ, благоствію Божію и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся: что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Исуса Христа побѣдителя, а христіанъ тамъ будущихъ свободителямъ, благодатию Его, быть. Чего до послѣдняго выдыханія желать не перестану.“

Съ топоромъ въ рукахъ, работалъ Петръ на ряду со всѣми

другими рабочими и безпрекословно подчинялся всѣмъ приказаніямъ мастера.

Въ свободное время Петръ началъ посѣщать женъ и матерей тѣхъ заандамцевъ, которыхъ звалъ въ Архангельскѣ. Утромъ въ праздники бывалъ онъ у Маріи Гитмансъ; бѣдная старуха, радуясь гостю, принесшему извѣстіе о сынѣ, угостила его стаканчикомъ вина, и плотникъ-царь весело выпилъ его. Пообѣдалъ онъ въ этотъ день запросто у жены Яна Рензена, котораго въ Россіи высоко цѣнилъ, какъ корабельнаго плотника. Тутъ же встрѣтилась ему жена заандамца Местье, бывшаго также въ Россіи, и спросила о мужѣ. Оказалось, что гость и его хорошо знаетъ, такъ какъ работалъ съ нимъ вмѣстѣ.

При всей, однакоже, строгости тайны, окружавшей царя, она не долго оставалась скрытой: въ Заандамѣ было слишкомъ много людей, бывавшихъ въ Россіи, видѣвшихъ Петра и даже бесѣдовавшихъ съ нимъ. При такихъ условіяхъ жизнь въ городѣ становилась для него нѣсколько неудобной; въ довершеніе всего произошелъ еще такой случай. Гуляя однажды по городу, Петръ купилъ себѣ сливы и вынулъ ихъ себѣ въ шляпу. Толпа уличныхъ мальчишекъ бѣжала, по обыкновенію, за нимъ. Одному изъ нихъ онъ далъ сливу. „Хочешь еще?“—спросилъ онъ и сталъ раздавать сливы, по мальчишки поднимали шумъ, крики, и кончили тѣмъ, что стали бросать въ Петра грязью; ему ничего болѣе не оставалось, какъ укрыться въ одну изъ гостиницъ.

У Петра успѣлъ уже составиться въ Заандамѣ кружокъ знакомыхъ, среди которыхъ онъ спокойно проводилъ время. Чаще всего бывалъ онъ въ домѣ купца Корнелиуса Кальфа, гдѣ и обѣдалъ обыкновенно. Но выходы уличныхъ мальчишекъ и вообще все болѣе возрастающее вниманіе къ нему заставляли его все-таки рѣшиться покинуть Заандамъ, перебраться въ Амстердамъ и тамъ поступить на верфь ость-индской компаніи.

Живымъ напоминаніемъ о пребываніи Петра въ Заандамѣ служилъ еще менонитская церковь, которая въ то время только-что была отстроена. Царь заходилъ въ эту церковь и попросилъ однажды пастора произнести передъ нимъ проповѣдь, только какъ можно покороче. Пасторъ Кальфъ поднялся на кафедру и произнесъ слѣдующее: „Думай доброе, говори доброе и твори доброе! Амми.“ Петръ признался, что никогда не слышалъ проповѣди болѣе краткой, но въ то же время и болѣе содержательной. „Ты и самъ такъ же дѣйствуй,“—прибавилъ онъ при этомъ пастору.

Другимъ памятникомъ Петра является мельница неподалеку отъ Заандама. Въ его время она еще строилась. Пробѣжалъ мимо и увидѣвъ постройку, царь рѣшилъ помочь рабочимъ, взявъ за инструменты и принялся рубить да пилить. Такъ съ тѣхъ поръ за этой мельницей и сохранилось названіе „царской“.

Заандама Петръ не забывалъ. Явившись нѣсколько лѣтъ спустя въ Голландію уже съ супругою Екатериной, онъ прѣхалъ къ Корнелиусу Кальфу, желалъ, чтобъ тотъ его и принялъ непринужденно, попросту. После пріема Кальфъ съ сыномъ поѣхали съ царемъ на яхтѣ по Заану до Коога. Петръ самъ стоялъ на рулѣ. За столомъ онъ весело и съ любовью говорилъ о Заандамѣ.

Послѣ этого Петръ еще разъ прѣхалъ въ Заандамъ, и Кальфъ снова долженъ былъ по настоянію царя принимать его запросто. Трогательно было прощаніе царя съ его заандамскими друзьями. „Господь съ вами!“—говорилъ онъ, цѣлуя каждого въ лобъ.

Историческій домикъ Петра посѣтили въ прошломъ столѣтіи, въ 80-хъ годахъ, императоръ Іосифъ II, шведскій король Густавъ III и великій князь Павелъ Петровичъ. Въ 1811 г. прѣхалъ его осматривать Наполеонъ I съ Маріей-Луизой, а въ 1814 г. осматривалъ его императоръ Александръ I, собственноручно вѣтвявшій въ стѣну надъ очагомъ мраморную доску съ надписью „Petro Magno Alexander, 1814.“ Наконсцѣ 17-го апрѣля 1831 г. посѣтилъ домикъ императоръ Александръ II (тогда наследникъ Престола). Объ этомъ посѣщеніи гласитъ вставленная въ стѣну мраморная доска. Тутъ же на стѣнѣ карандашомъ написаны были Жуковскимъ, сопровождавшимъ великаго князя, знаменитые стихи:

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! Благодѣй:
Здѣсь колыбель иперни твоей,
Здѣль родилась великая Россія“.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ В. С. У. Немировича Давыденко. (Продолженіе.) — Судъ Еоміра. Рассказъ. (Съ англійскаго.) — XII между народный съѣздъ вр. ченъ въ И. Ф. мѣстѣ. — Къ рисункамъ: Въ рѣзюмѣ. — Осенній туманъ. — „Увереть—уснуть“. — „Перо, обѣдалъ“. — Кошачья игра. — Вытѣтъ на олоту. — Прѣбы въ Елкіи въ Заандамѣ (съ 2 рис.). — Объясненія.
При этомъ № прилагаются: 1) сочиненія П. Д. Боборича, т. IX (Сборникъ „Литература за сентябрь“); 2) „А. РИЖСКИЙ ЛЮДЫ“ за сент. бр. съ 27 рис. и отд. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. вел. и 31 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ВЫГРЫШ.
 НЫЕ 1, 2 и 3 займы продает
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СІВ. 4-2

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р.
 иллюстр. прейсъ-кур.
БЕЗПЛАТНО.
И. М. ХАЗАНОВЪ.
 Варшава, Электр., 17.

УДОБНО ВЫГОДНО и ВКУСНО
ЭКСТРАКТЫ
 ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНАГО ПРИГOTOBA
 СЛАДКИХЪ БЛЮДЪ:
 1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
 2) ИР МЪ И
 3) МОРОЖЕННОЕ
 СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ МОРОЖЕННИЦАМИ
 ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ
Д. ВРАЙНИНЪ
 МОСКВА, Большая Лубянка 26.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. В. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в.
 Время паденія Бирона и возцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р 50 к.;
 въ роскош. колент. перекл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

БЕЗПЛАТНО
 ВЫСЫЛАЕТЪ
 ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ
 специальный магазинъ бѣлыя
Ю. Готлибъ.
 Владимірская, 2, уголъ Невского.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhlend, Leipzig.
 Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

НЕОБХОДИМО
 ВЪ КАЖДОМЪ СЕМЕЙСТВѢ
ЗНАНИЕ КРОЙКИ И ШИТЬЯ.
 Обучаю вполнѣ основательно заочно по-
 средствомъ лекцій и переписки. Науче-
 ніе по своей легкости и удобству до-
 ступно для каждаго. Первый мѣсяць
 обученія *бесплатно*. Утренняя плата.
 Для желающихъ разсрочка. Продолжи-
 тельность курса 3-4 мѣсяца. По окон-
 чаніи установленное свидѣтельство.
 МОСКВА, 2-1
 Малая Дворянская, д. Базякина,
Е. И. Венедиктовой.

НОВОУДѢНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
 В. С. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

КАЖДАЯ ДАМА, желающая
 быть одѣтой изящно и аккуратно,
 должна употреблять исклю-
 чительно „ИДЕАЛЬ“,
 патентованную бархат-
 ную подшивку подъ
 подолю. Получать
 можно во всѣхъ
 прикладныхъ
 магазинахъ
 Россіи.

№ 10425
 26-1
 ГЛАВНОЕ ДѢЛО
ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА
 МОСКВА,
 Тверская, домъ Толмачова
И. А. ВЪРНИВЪ.
 Фонографы электрическіе
 заводные разныхъ системъ.
 Синаматографы Эдисона
 съ картинками Люмьера. 4-4
 Кинетографы Ньютона и др.
 Громадный выборъ лучш. вальковъ.
 Гарантія на 3 года. Обученіе.
 2000 машинъ продано въ Россіи.

СЪМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ Москвѣ,
 Мясницкая ул., д. Кузнецова, предлагаетъ
 голландскія цвѣточныя луковичи, какъ-то: гладиолы,
 тюльпаны и др. въ отборныхъ экземплярахъ по умѣрен. цѣнамъ.
 Иллюстрированный каталогъ бесплатно.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
 Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6413 (72)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ EDELVEILCHEN
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
 магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Каждый САМЪ ПОЗОЛОТИТЬ
 съ помощью
ВОДЯНОЙ ПОЗОЛОТЫ.
 Посредствомъ этой водяной позолоты можно позолотить
 прочно и съ превосходнымъ глянцемъ различные комнатные
 предметы, игрушки, алебастровыя фигуры, рамы, лю-
 стры, лампы, корзинки, вообще всѣ предметы изъ де-
 рева, жести, бумаги, кожи и пр. Ц. № 10425
 За флаконъ 80 коп., 50 коп. и 1 руб.
 За пересылку въ Европ. Россіи, по всякому заказу до 5 р.
 присчитывается 40 к.; въ Азиатской Россіи по разстоянію.
 Окладъ Техно-химическихъ специальностей
ГЕНГАРДА.
 Спб., Невскій пр., № 90-14, уг. Надеждинской.

ТРЕБУЙТЕ
 на каждой жестянкѣ
АНТИПАРАЗИТЪ
 ОТЪ КЛОПОВЪ
Л. СТОЛКИНДА
 ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ.
 Главный складъ Москва
 Лубянский провъздъ д. Смольянинова.
 Нижегород. Ярмарка, Главный домъ № 57.
 Л. А. Столкиндъ.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.
 В. С. Соловьева.
 Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ
 пер. 2 р. 30 к.
 Одерферръ
 новѣйш. пишущ. машина.
 По прочности и красиво-
 му шрифту равна самымъ
 дорогимъ пишущимъ; по
 удобству превосходитъ
 таковыя. Цѣна 80 р.
 Каталоги бесплатно. 5-2
 Э. И. Игнатьевъ и СІВ., Гороховая, 17.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержаще
 кислотъ.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Ц. № 10361 5-5

ВЕЗДЬ

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ
DE RICQLÈS
 Сообщаетъ водѣ приятную свѣжесть и восхитительный ароматъ.
 Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капелекъ въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освѣжающій и мало стоющій напитокъ.
 Фабр. въ Монъ. Дене въ Парижѣ, rue Vieher, 19 et 18.
 Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ОСНОВ. ВЪ 1888 ГОДУ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Садовая, уг. Усачева, д. 66—2, кв. 6.

Пріемъ въ школу по классамъ, — пѣнія соло, игры на фортепiano, скрипкѣ и виолончели производится во все продолженіе учебн. года. Открывшійся одногодичный курсъ методики фр. игры подъ руководствомъ Стан. Фед. Шлезингера предназначенъ для молодыхъ лицъ, желающихъ развить себя научно-критически для самостоятельной работы, для учителей и учительницъ фр. игры, равно какъ и для матерей, желающихъ слѣдить за успѣхами своихъ дѣтей, обучающихся фр. игрѣ. Школа общедоступна. Контора школы открыта ежедневно съ 12 до 6 ч. Ц. № 10418

Директоръ школы: своб. худ. **ШЛЕЗИНГЕРЪ.**

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы,
СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.
 Для норм. пріема достаточно 1/2 обмык. стакана.
 Горькая вода Саксленера
 Источника „Гуниади-Яносъ“
 Пріемъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.
 Владелецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
 ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
 № 10415 **ПРОСИТЬ ТРЕБОВАТЬ** 12-1
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОМЪ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ
ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
 ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года, требовать куска съ этикетомъ утверждено ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтjena и лѣтна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлыя. Удостоенъ № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа всѣхъ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ТОВАРИЩЕСТВО

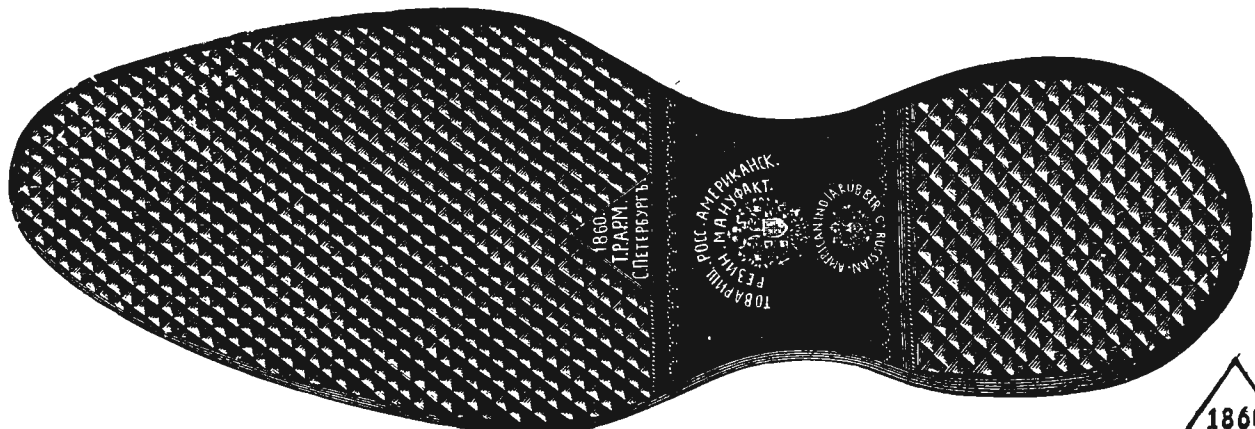
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,

въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНО.
Играет посредством верчения ручки, а также можно играть как на обыкновенном пианино.
Цена 550, 600, 700 и 800 руб.
Ноты по 1 р. 25 к. за ноту (1 1/2 арш.).
Списокъ пьесъ и прейсъ-курантъ безплатно.
Юли Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Складъ нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 24 и 40.
Москва, Кваленкй мостъ к Захаркина.

Искусственные пальмовыя РАСТЕНІЯ
изъ натуральныхъ листьевъ,
С.-Петербургъ, Караванная, 8.

никогда не измѣняющіяся и не требующія за собою никакого ухода.
Высылаю въ провинцію.
Прейсъ-курантъ безплатно.
Отдѣлка зимнихъ садовъ, вѣстиябуль и т. п.

ТРЕБУЕТСЯ
для снабженія
КОМИЛИЦИРУЮМЪ
И ОТЬ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
ПР. В. ШМОЛЬ
ЦЕНА 20 КОП. ПРОДАВА БЕЗД.

СТРАНА ЗВЮПОВЪ
(АВТОКНИГА)
Е. Долганова
Исторія просвѣщенія абсолютнаго племена и возвышеніе изъ государства, политическая и церковная исторія Звюповъ, подробное описание гражданскаго и церковнаго устройства, просвѣщенія, богослуженія абсолютнаго племени, нравствъ и обычая абсолютнаго племени.
Съ портр. Абсолюта Императора, рукоп. письма церкви и народа Звюповъ, музыка, слогарезъ и карты Абсолюта.
Цена 3 руб. Склады: С.-Петербургъ, Николаевъ, 24, к. 10, у. 6. Корсаковъ. Выписки изъ склада изъ перес. по платит. Можно и платит. платителю.

ВЕРХНИЙ ЧЕРНЫЙ ЛЮБИ
изъ черн. ябл. Шпеса 6 р., изъ черн. шевелье Булке 7 р., изъ черн. Бюръ на водку 8 р. 50 к. Высылаются съ пакоченъ платкомъ. Цѣны обозначены безъ пересылки. При заказѣ требуются: мѣра талии и длины спереди и сзади. Адресъ въ С.-Петербургѣ, въ Гостиный дворъ, по Садовой № 10410
Литин. № 81.

ЯБЛОНИ,
годные кустарники, хвойныя и лиственные деревья, розы, люны, крестовыя для зимнихъ городовъ и пр. продается по складной книгѣ питомника М. Шмеллера, Выб. ст., толь Лабораторія, шоссе и Покровск. пр. Каталогъ съ объясненіемъ культуры высылаются безплатно.

Фридрихъ Винтеръ
ФАБРИКА И ДЕПО ЧАСОВЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 78.
На Нижегородской выставкѣ въ 1896 г. получена золотая медаль.
Подробныя прейсъ-куранты высылаются безплатно.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
КИТАЙСКИХЪ, ЦЕЙЛОНСКИХЪ И ЯПОНСКИХЪ
МОСКОВСНАГО НУПЦА
И. Е. ДУБИНИНА.
(Фирма существуетъ съ 1886 года).
Москва, Покровка, д. Тажелова.
Краткій прейсъ-курантъ
ИЗЪБРАННЫХЪ ЛУЧШИХЪ СОРТАМЪ ЧАЕВЪ:

ЧАЙ КИТАЙСКІЕ:	Цѣна	
	рознич.	оптовой.
№ 9 Чай Семейный высочій	1.60.	1.35.
№ 5 Чай Царская Роза	2.	1.60.
№ 7 Чай Черный Ландишъ—самыяталый	2.50.	1.90.
ЧАЙ ЦЕЙЛОНСКІЕ:		
№ 13. Розантый, съ сильнымъ настоемъ	1.60.	1.35.
№ 14. Букеый, чрезвычайно ароматный	2.	1.60.
№ 25. Букеъ Ландиша, рѣдкій сортъ	2.80.	2.20.
ЧАЙ ЯПОНСКІЕ:		
№ 26. Чай Брокеъ съ сильнымъ букеомъ	1.60.	1.35.
№ 27. Чай Конгу мягкій и ароматный	2.	1.60.
№ 28. Чай Пекко самый высочій	2.80.	2.20.

Предлагаю вниманію гг. любителей вновь полученныя, избранныя и по своему качеству, вкусу и аромату выдающіяся сорта чаевъ китайскихъ, цейлонскихъ и японскихъ, мы можемъ удостоверить, что эти сорта чаевъ представляютъ какъ бы экстрактъ главныхъ и лучшихъ чаевъ всего міра. Каждый сортъ чай имѣетъ свою особенность, свой вкусъ и ароматъ, присущій чаю известной страны, всѣ же сорта вмѣстѣ составляютъ самый полный и совершенный ассортментъ чаевъ, изъ которыхъ каждый любитель можетъ выбрать по своему вкусу, по мѣстной водѣ и климатическимъ условіямъ. Никакой отдѣльный сортъ мы не рекомендуемъ, но даемъ возможность желающимъ ознакомиться со всѣми сортами чаевъ, для чего мы предлагаемъ слѣдующую льготу:
На пробу можно выписать по оптовой цѣнѣ не меньше какъ три фунта всѣхъ или нѣкоторыхъ сортовъ чая, причемъ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чаевъ не меньше 25 ф.—особо-выгодныя условія. Подробный прейсъ-курантъ, состоящій изъ 29 сортовъ чая, а также условія и описаніе японскаго чая желающимъ высылаются безплатно.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. R. № 10345
Зимній курсъ 1897/98 г. начинается въ понедѣльникъ, 18 октября с.г. Программы и расписанія лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго звѣденія высылаются по желанію безплатно.
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, сентябрь 1897 г. Представитель—Strobel.

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НОЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Роговая пудра нежирная и неслезливая.
ED. PINAUD
PARIS

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Шлионъ. За двѣ 7 к.п. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кат. Ф. Коидирисъ. № 10263 10-8

НОВАЯ КНИГА:
XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ.
Ц. 60 к. Изданіе ред. журн. „ЧИТАТЕЛЬ“. (Подписная цѣна 5 руб. въ годъ, съ пересылкою 6 р.—50 книгъ до 200 стр. въ годъ.) Выписывающіе изъ ред. „Читатель“ (Москва, Страстной бульв.) за перес. не платятъ.

ЖУРНАЛЫ послѣднихъ **МОДЪ**
В. Н. АЛЬШВАНГЪ.
МОСКВА, Неглинная, д. Миссонъ, Общ. протѣвъ Малаго театра.
ПОДПИСНА на всѣ модныя журналы иностранныя и русскія.
Продажа отдѣльными номерами.
Выкройки всевозможныя по послѣднимъ модѣямъ, готовыя и на заказъ, отъ 15 до 50 коп.
Сезонныя книги и картины.
Альбомы модъ.
НОВОСТЬ:
Журналы для верхняго платья, модныя лондонскія, парижскія, вѣнскія и берлинскія.
„DIE WELTMODE“.
Отправка во всѣ города наложеннымъ платежемъ. 2-3
№ 10871
Каталогъ высылается безплатно.

НОВОСТЬ!
Цѣточная вода
ЛЕВКОЙ
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. Галле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

ВЪЛЪЕ МОНОПОЛЬ
ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
Вороты. 43 к. Манжеты 65 к. дж. Манжеты 80 к. дж. паръ. Прейсъ-курантъ безплатно.
Г. ПЕТО С.-Петербургъ, Караванная ул., 18.

„ПЧЕЛОВОДНЫЙ АТЛАСЪ“.
Подробное объясненіе см. въ № 29-мъ журн. „Нива“ 1897 г. Проспектъ безплатно. До 15 ноября сего года допущена для желающихъ распродажа платка по предварительному согласенію съ издателемъ. Адресъ: Старо-поль-Кавказскій, Георгію Васильевичу Парадизу.

Нашъ Дюфрессъ. Руководство ШАХМАТНОЙ ИГРЫ и Знаменъ Ласеръ. „Здравый смыслъ въ шахматахъ“. Въ одномъ томѣ. Препр. Э. Шеффера. Изданіе М. Жеребцова. Ц. 2 р. 50 к. безъ перес. Можно получить во всѣхъ книжн. маг. Склады изданія въ типогр. В. Ф. Демкова; СПб., Новый пер., 7. Можно выписать на платокъ въ 3 р. черезъ редакц. „Шахматнаго журнала“, Ф. С. Шеффера, СПб., за Невской заставой, Муравьевскій пер., 20.

XXVIII г.

№ 37

Выходит еженедельно 52 № в год, с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИЧА, 12 выпусков ежем. литературных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

г. XXVIII

1897

Выданъ 13 сентября 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ нр. 29 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Без доставки въ Петербургъ 5 р.   Без доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи. 6 р.   Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.   Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р.   За гра-лицу 10 р.

Поздравительные стихи. Гравюра М. Гёнемана.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

XXV.

Нюня съ ногъ сбилась сегодня. Еще бы — Елена Борисовна уѣзжала, надо было приготовить ей на дорогу по меньшей мѣрѣ столько, сколько хватило бы на кругосвѣтное плаваніе. Старшая Барсукова иначе не могла. Ей самой иногда казалось, что перестанъ люди ѣсть и пить — не зачѣмъ и существовать на свѣтѣ, если ужъ угощать некого. Теперь она, вся красная, распаренная, шарикомъ каталась изъ кладовой въ кухню, изъ кухни въ погребъ, изъ погреба въ какія-то ей одной извѣстныя клѣтушки, гдѣ въ рѣшетахъ, въ жбанахъ, ящикахъ и корзинахъ хранилось Богъ знаетъ что, по имѣвшее несомнѣнное касательство къ ѣдѣ и питью. Иногда на минуту она растерянно садилась, вытирала лобъ, задумывалась, по точчасъ же схватывалась, сама себя укоряя — „а куриць-то и забыла! Въ дорогѣ первое дѣло курицы... Безъ куриць развѣ доѣдешь куда?“ И летѣла стремглавъ на кухню, гдѣ тотчасъ же властно и увѣренно раздавался ея громкій голосъ. Тамъ она чувствовала себя на мѣстѣ и распоряжалась, не терпя рядомъ со своею пичей иной воли. Нуня, вошедшая было туда — въ первое мгновение и различила сестру. Она вся окуталась паромъ и газомъ, точно Юпитеръ, задумавшій соблазнить нимфу.

— Сестрица... Вы бы къ намъ пришли — поговорить.

— Уйди ты ради Христа — не стой надъ душою. Сама видишь, какой у меня Севастополь. — Потомъ, замѣтивъ сквозь паръ

огорченное лицо сестры — смягчилась. — Какие ужь у меня разговоры. Это тебе съ пей—объ молоденькія!..

Сорокадвухлѣтняя Пуня счастливо улыбнулась и ушла. Что-то варили, что-то жарили, пекли, строгали, рубили, мѣшали... Этакого хаоса не было здѣсь со дня прїѣзда матери Клеопатры... „Надо обо всемъ подумать,—оправдывалась сама предъ собою Нюня.—Захочетъ Елена Борисовна съ гори варенья, — ашь опо у пей и есть, да еще какое, вишневое съ косточкой... Взгустнется ей— тоже и ея жизнь!—потянетъ ее къ мочеіному, — ашь тутъ и яблоки въ банкѣ“. Барсукова никакаго огорченія понять не могла, чтобы оно не позывало на тотъ или другой родъ лакомства или ѣды. Она даже психологію нравственныхъ состояній человѣка распределяла по собственному опыту, на ту или другую страничку повареной книги. — Такъ: „обида“ всегда соотвѣтствовала заливному поросенку. Ее по крайней мѣрѣ тянуло на него, когда она терѣла отъ людской клеветы. Гусь съ канустой — въ ея словарѣ шель рядомъ съ несбывшеюся надеждой; блины со сметаной унимали грустныя воспоминанія, а бараній бокъ съ гречневою кашей былъ могущественнѣйшимъ средствомъ противъ горечи любовныхъ разочарованій. Никакая безпредметная тоска, недовольство настоящимъ и мучительное стремленіе къ недостижимому идеалу не могли устоять противу хорошо испеченной подрумянившейся кулебяки съ рисомъ и яйцами, и та же кулебяка съ мясомъ помогала въ тѣ минуты, когда она мысленно упрекала родителей, зачѣмъ они породили ее на свѣтъ, осудивъ тѣмъ самымъ на одиночество и скуку... Теперь, обдумывая положеніе Елены Борисовны и представляя себѣ всевозможныя душевныя настроенія Копровой, она готовила для пей своеобразную кулинарную аптечку...

— Да куда это мяѣ, Бога ради. Что я со всѣмъ съ этимъ сдѣлаю...

— Будьте спокойны, душевочекъ. Мы вамъ уложимъ въ корзину столь аккуратно. И притомъ вѣдь это какой багажъ—чѣмъ дальше ѣдете, тѣмъ его меньше. И сами не замѣтите, какъ онъ растаетъ во рту...

— Хорошіе кавалеры попадутся по дорогѣ—угостите!—вмѣшивалась Пуня.

— Очень нужно! У васъ, сестрица, по легкомыслію все мужичны на умѣ. А по мяѣ хоть бы ихъ всѣхъ громомъ убило!

— Ахъ, нѣтъ...—мечтательно вырвалось у Пуни.

— Ну, это ужь твое дѣло. Ты—молода вѣдь.

И она опять уходила къ себѣ жарить, печь, варить, потомъ, точно вспомнивъ что-то, возвращалась и, на минуту остановясь въ дверяхъ гостинной, совѣтовала Еленѣ Борисовнѣ:

— По дорогѣ ежели плакать захочется—паша сестра глупа вѣдь!—такъ у меня на этотъ случай щучьи котлеты будутъ. Ахъ — хороши холодныя! Такъ хороши, такъ хороши! Когда тутъ около помѣщицы Полтавскія жили—ихъ особенно архіерей уважалъ,— такъ бывало только онъ къ нимъ, опѣ — за мною, щучьи котлеты ему готовить... Ихъ выхолодить и на столъ несутъ, а онъ издали носомъ почуетъ—смѣется: „лакомство барсуковское“ и сейчасъ мяѣ: „много тебе, глупой, Богъ проститъ за эти за самыя котлеты...“ Любилъ пошутить. Теперь, сказываютъ—въ Синодѣ засѣдаетъ и на шести бѣлыхъ животныхъ ѣздитъ, а народъ шапки снимаетъ и крестится...

Разъ въ этотъ день она было разволновалась... Только посадила что-то въ печку, какъ вдругъ Липка влетѣла точно оглашенная.

— Матушка-барышня. Ёдутъ!

— Кто!—даже руки у пей задрожали.

— Отецъ Геронтій... Изъ монастыря.

— Ахъ, чтобы его!—сдва ли не въ первый разъ въ жизни она не радовалась гостю.

Но разсуждать было печего и некогда. Такъ же картинно, какъ всегда, соединивъ руки и распустивъ внизъ „благолѣпно“ широкіе рукава ясы, сидѣть въ тарантасикѣ отецъ-казначей, стараясь быть неподвижнымъ, чтобы клобукъ какъ-нибудь не съѣхалъ на сторону и такимъ образомъ не нарушилъ истинно иноческой торжественности всей его фигуры. Онъ и головою кивалъ осторожно. Именно не кивалъ, а помавалъ. Такъ что мантия, падавшая позади, даже не колебалась. Пуня по глупости ему обрадовалась.

— Что-жъ вы не выходите... Милости просимъ... А у насъ гостить ваша знакомая.

— Знаю-знаю... И о семъ увѣдомился своевременно!— И отецъ Геронтій сжалъ губы, какъ бы показывая этимъ, что „онъ собственно не одобряетъ, хотя и не осуждаетъ“.

Онъ всегда старался охватывать предметъ отовсюду и, порицая съ одной стороны, съ другой находилъ ему оправданіе, и такимъ образомъ всѣмъ былъ приятенъ.

— Отецъ Геронтій! Пожалуйте! — выскочила всл въ поту Нюня.

— Ахъ, Марѳа-Марѳа—обо многомъ печешься. Отъ плиты, поди?

— Да... что дѣлать... Слабость наша... Вамъ по святости оно смѣшно можетъ-быть...

— Ну, нѣтъ, отчего же... Получилъ вчера пирогъ съ рыбою и вкушалъ опый съ превеликимъ удовольствіемъ. Заѣхалъ — поблагодарить... И за что только вы меня балуете...

Нюня расцвѣла.

— А впрочемъ, кому же и баловать монашествующую братію какъ не благороднымъ дѣвицамъ, кои къ обителямъ прилежать... Мы за васъ молимся, а вы насъ лакомите. Опо и выходить—рука руку моетъ и обѣ чисты бывають... Я вотъ что — въ городѣ ѣду. Жарко. Вспомнилъ, что у васъ квасы хороши...

— Ахъ, сію минуту... Я вамъ со льда.

— Да ужь... Особенно малиновый... Вы бы мяѣ бутылочки дѣй. До городу-то часовъ пять будетъ... А на возвратномъ и къ вамъ, для чревоугодія — потому среда, день постный, и вы скоромнаго не приготовите. Значить ипоку-то и не грѣшно.

— Не позвать ли Елену Борисовну?—суетилась Пуня.

— Остави!.. Она теперь въ такихъ духахъ. Не до меня ей. Ты только ей помяни: вспоминалъ де Геронтій—и, не осуждая, молиться общалъ... Что-жъ, міръ грѣху подверженъ, плаче всѣ мы были бы какъ ангелы!.. А насчетъ землицы вы подумали съ сестрой?

— Насчетъ какой?

— А вашей? Мы бы купили, и живите вы на пей, пока Богъ не пошлетъ по вашу душу.

— Это вы, отецъ Геронтій, съ сестрой ужь.

— То-то... Я такъ думаю, мать Клеопатра тогда не сбила ли ее? Такъ это у насъ шло все хорошо, дружественно, единомышленно... Во благовременіи мы бесѣдовали, и дѣло къ концу подвигалось... И вдругъ. Богу тогда, значить, не угодно было—ну, а теперь можетъ и благословить! А?.. Потому госножи вы скромныя, богобоязненныя, о земномъ и тѣлесномъ пѣтъ вашей фаптази,—а такое воображеніе, какъ будто въ обители спасаетесь... Такъ ужь лучше вамъ загодя. Вы только подумайте: кругомъ земля монастырская, благословенная — и только по середкѣ ваша... А вотъ и Марѳа съ квасомъ... У, какой холодный... Ну, помоги тебе Богъ. Ты что-жъ это шесть бутылокъ. Куда же мнѣ ихъ... Развѣ вотъ Іону попочуете. Тоже инокъ... Пей, пей, Иона — благословляю! Во утоленіе жажды. Не столь лестно для чрева, сколь для просвѣтленія разума въ зной и для ободренія изнемогающей плоти. Я вотъ съ твоей сестрой, насчетъ землицы. И монастырю бы удобно, и для васъ не душевредно. Поѣду назадъ—потолкуемъ.

Юния ничего не отвѣтила. Она вспомнила совѣты матери Клеопатры.

— Тогда-то намъ игуменья помѣшала. А то бы сладились.

— Погодить надо, отецъ Геронтій.

— Чего еще?.. Помнишь, что сказано: „не вѣсте ни дни, ни часа, егда придетъ“. Съ того-то свѣту полюбуется, какъ сидеть здѣсь, посреди монастырскаго благолѣпія, офицеръ при саблѣ и заведеть буптъ...

— Какой офицеръ?

— А наслѣдникъ? Ты такъ думаешь, у васъ наслѣдниковъ не окажется? А Господь надъ тобою посмѣется. Живете вы тихо, благообразно — а гдѣ-нибудь сидитъ поручикъ, играетъ на гитарѣ и воображеніе свое на эту самую землю простираетъ. И сейчасъ найдутъ у него утѣхи... Монахамъ соблазнъ да и вамъ на томъ свѣтѣ не утѣшеніе...

— И помру—сестра останется. Да она молода. Можетъ, еще и партія найдется.

Отецъ Геронтій вытаращилъ глаза на обѣихъ Барсуковыхъ, даже отъ неожиданности клобукъ на затылокъ вздернулъ.

— Вотъ ты о чемъ помышляешь...—наконецъ обрѣлъ онъ даръ слова. Живете вы въ тишинѣ и святости, и ангелы небесныя вамъ радуются. Невинность соблюли, чистоту сердца—аки сосудъ благопотребный до старости донесли, не расплескали, и вдругъ такой помыселъ... Ахъ, Марѳа, Марѳа. Всѣ соблазны одолѣла, себя, можно сказать, до такой высоты вознесла—а сестру въ помойную яму вознамѣрилась.

— Отчего же яму!—вспыхнула „молоденькая“ Пуня.

— Что у нея, спина по мужней палкѣ стосковалась, что ли?

— Помилуйте, отецъ Геронтій. Есть такіе кавалеры...

— Кавалеры-то и мимо не ѣздятъ. А если сюда и завернется кто, такъ именно съ такимъ намѣреніемъ, чтобы васъ подъ свою державу взять, и на бабихъ хлѣбахъ откормиться. Ну, а откормится и почнетъ онъ васъ строжить — и будете вы у него какъ жида въ плѣненіи вавилонскомъ. „Тамо сѣдохомъ и плакахомъ!“ А Отецъ вашъ Небесный и вниманія не возьметъ, потому что ради земныя сладости и утѣхи — вы чистоту душевную отдали. И ангелы-хранители огорчатся... Ты что думаешь? Онъ-то, кавалеръ твой, Линкой удовольствуется? Нѣтъ, онъ себѣ такое заведетъ. Не прилично инокъ—а то и бы тебѣ рассказалъ про гаремы турецкіе. Ну, да пока, простите, тороплюсь. Купецъ одишь въ городу — представляется! Зоветъ на кончину свою праведную... Миѣ-то онъ родственникъ будетъ. Дѣтей у него нѣтъ, одинъ какъ цѣрсть. Пора и ему о Божьемъ подумать... а вы, пока что, себя поберегите. На бабихъ-то хлѣба — перенеловъ не мало... Только клините, особенно въ наши времена. У него — на ваше иждивеніе-то подъ ложечкой сосетъ, только смотрите... А, впрочемъ, до свиданія, за квасъ благодарю и Еленѣ Борисовнѣ поклонъ. Трогай, Иона...

Отвѣхавъ, отецъ Геронтій вдругъ засмѣялся... Даже Иона оглянулся, что-де это съ казначеемъ. Но тотъ вдругъ сосредоточился, раскинулъ рукава, поправилъ клобукъ, принявъ благообразное положеніе...

— Ахъ, люди-люди!—воздохнулъ онъ.— О земномъ помышляютъ. — Мнутъ и посягаютъ, а чтобы сокровище свое сберечь—о томъ не заботятся.

— Извѣстно—плотъ! — не одобрилъ съ козелъ и Иона.

— Что?

— Говорю, плотъ. Плотъ грѣхомъ живетъ. Ее бы, дуру, за хвостъ, закрутить, да по затылку: очухайся-де. Въ сатанинскую пасть идишь, анаѳема!

Геронтій покачалъ головой; хотя онъ и не одобрялъ образа выраженія Юны, но къ предложенному тѣмъ способу дѣйствій почувствовалъ нѣкоторое благожеланіе.

— Точно что... Не мѣшало бы!.. Хотя сколько разъ

я тебѣ говорилъ, Иона: инокъ приличествуетъ изъясняться плавно. Самъ не можешь — округленно и тихо-струйно — почерпай изъ благочестивыхъ книгъ. А не хватить на сіе разуму—безмолвствуй, содержи въ себѣ самомъ сокровенно глупость свою оную... Понялъ ты мепя?

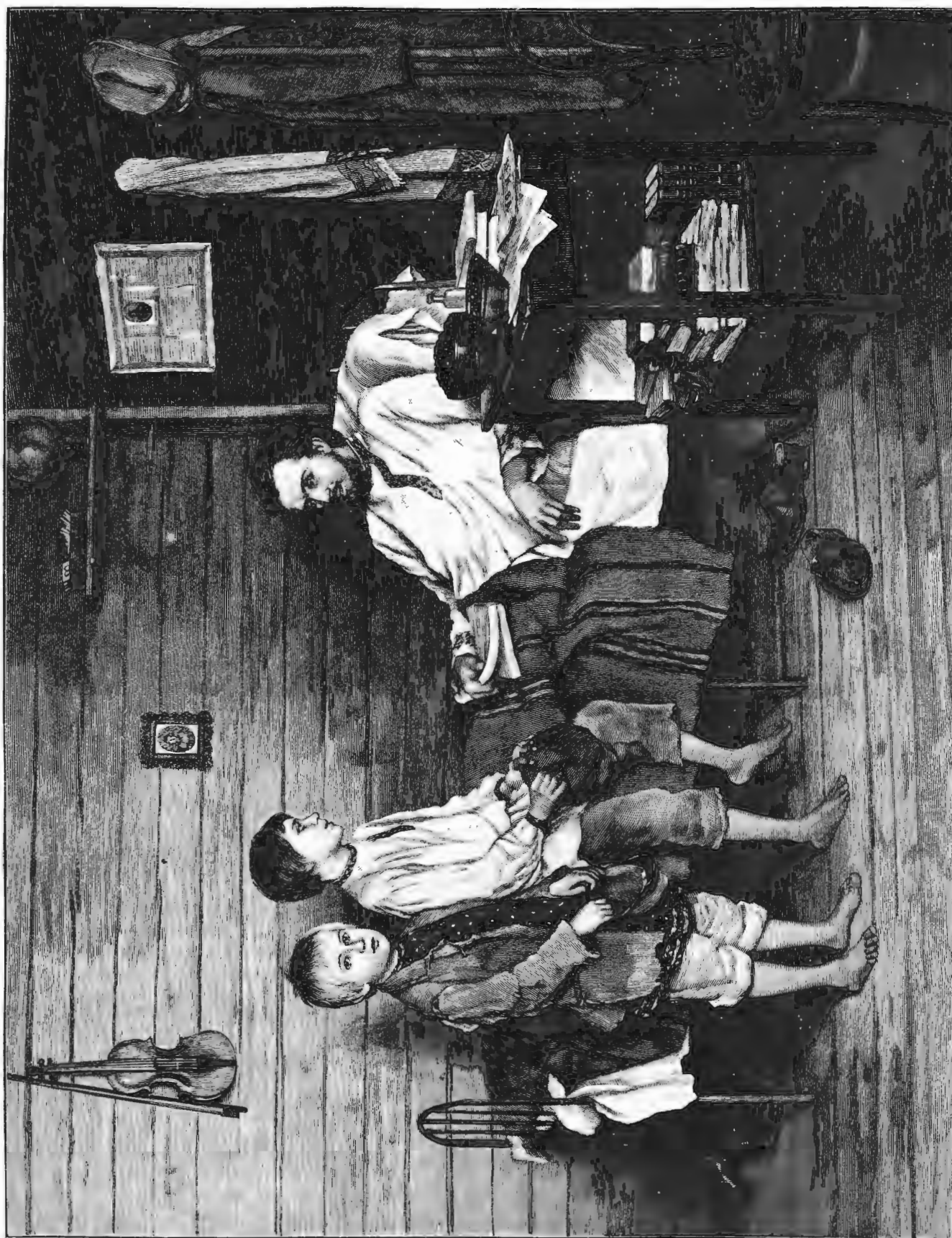
Но Иона только сердито дернулъ лошадей, и сытенькіе коники вскинулись, такъ что даже благообразный отецъ Геронтій поколебался на сидѣніи и долженъ былъ снова поправить клобукъ и раскинуть широкими складками рису...

XXVI.

Елена Борисовна все это время была какъ во спѣ.

Она знала только одно — свободу и право жить ей можетъ дать только Петербургъ. Здѣсь — Моисей Лукичъ всеилень, и если онъ ее не тормозитъ и не мучитъ въ ея убѣжищѣ у сестеръ Барсуковыхъ, такъ только потому, что не знаетъ еще, гдѣ она спряталась. Она было хотѣла въ первыя минуты обратиться къ мужу. Но когда она вспомнила его молчаливую фигуру, опущенные передъ отцомъ глаза, когда она точно въявь услышала вздрагивающій голосъ младшаго Копрова и его обыкновенное: „потихе, пожалуйста, потихе — напаша услышитъ“ — ей вдругъ сдѣлалось противно. Она опустила перо. Нѣтъ, пусть они думаютъ, что хотятъ, и ищутъ ее, какъ могутъ. Авось руки у нихъ окажутся коротки и до Петербурга не дотянутся. Одинъ судороги, бѣжавшія по лицу Алексѣя Моисеевича, всякій разъ, когда рядомъ раздавалась отцовская рѣчь — кружили ей голову негодованіемъ... Еще недавно она жалѣла мужа—но теперь! У нея, у жещины, безправной, загнанной, одинокой — пашлась въ душѣ сила разорвать все, пойти противъ этой, угнетавшей всѣхъ окружающихъ, воли старика, не поступиться ничѣмъ, что было ей дорого и свято... А онъ— которому цѣлый свѣтъ открытъ, уйди только, отряси прахъ отъ ногъ, сдѣлайся самимъ собою... Нѣтъ, пусть онъ думаетъ, что хочетъ, ищетъ ее гдѣ ему угодно— ей нѣтъ до него дѣла. Онъ ей чужой, совѣмъ чужой. Тѣмъ болѣе: около нея другой, которому она отдалась—каждую своей мыслью... Ихъ существованія теперь сплелись, ихъ и не раздѣлить. Точно два дымка въ небесахъ. Ей казалось даже оскорбительнымъ для Николая Львовича, если она начнетъ думать теперь о комъ-нибудь другомъ, тѣмъ болѣе о постыломъ, ненавистномъ ей мужѣ. Ну его—совѣмъ.

Всѣ эти дни время тинулось страшно медленно. Часъ за часомъ, минута за минутою длились безъ конца. Но она была почти рада этому. Надо успокоиться, одуматься, придти въ себя; постѣ всего, что судьба ей послала на долю, нервы ея распатались, сердце изволѣло такъ, что она дышать не могла, точно оно вотъ-вотъ должно разорваться. Въ головѣ мутилось, всю ее туманомъ обволакивало. Она часто ловила себя на томъ, что цѣлый часъ простояла, прислонясь горничимъ лбомъ къ стеклу окна, не замѣчая даже, что тамъ на дворѣ дѣлается. И спроси ее въ эту минуту: „день теперь или ночь?“ — она не могла бы сразу отвѣтить. И о чемъ она думала—тоже. Такъ—какая-то пустота въ мозгу, но пустота мучительная. Отъ нея ныла грудь, плакать хотѣлось и надо было сдерживать себя, чтобы въ самомъ дѣлѣ не разрыдалась. Она закирчалась и ложилась въ постель и долго смотрѣла въ потолокъ, не слыша, что влюбленная въ нее, романтическая Пуня, стучится къ ней. Да и когда слышала— не отзывалась. Та ее терзала восторгами и разпросами: „душенька, расскажите...“ Копровой такъ было хорошо ощущать вокругъ безмолвіе, видѣть неподвижность. Все внутри точно надало, и неизвѣстно изъ какихъ глубинъ усталой души подымалось: „какъ хороша смерть, не лучше ли умереть сейчасъ, чѣмъ еще жизнь можетъ

XXV передвижная выставка. „У больного учителя.“
Съ карт. Н. П. Богданова-Бельского (исключит. право воспроизв. принадлеж. „Нивъ“) грав. Шюблеръ.

Юаннъ III, великій князь московскій, побираетъ грамоту ханскую и отказываетъ посламъ въ уплатѣ дани.
 Съ картины А. Кившенко авторитипи „Цивы“.

ее обмануть". Въ самомъ дѣлѣ, ей показалось, что она уже все въ ней, въ этой жизни, испытала. И мѣку и счастье, и торжество и позоръ, и любовь и ненависть, и радость и отчаяніе. Не будетъ ли то, что ей еще осталось, только повтореніемъ, блѣднымъ и ничтожнымъ, какъ всякое повтореніе? Хватить ли ей силъ на новые удары? Не помирится ли она, не уступитъ ли, уставъ бороться? Часто за окномъ при этомъ меркло. Солнце заходило, ночь медленно подступала, окутывая старый барсуковскій садъ загадочною тьмою. Начиналась осень, и птицы не пѣли. И тамъ застывала печальная тишина умирающей природы. Мракъ сгущался въ ея комнатѣ. Ей чудилось, что потолокъ опускается надъ нею и сдвигаются стѣны. Она—въ гробу. Неподвижная, безсильная... Надъ нею—дѣлая гора земли и камня. Не подняться изъ-подъ нея навстрѣчу солнцу и голубому небу. Но зато и къ ней не достучится, не дороется никто... И въ такія минуты печали и отупѣнія ей бы не хотѣлось ни проснуться, ни воскреснуть... Остаться такъ на самомъ днѣ, остаться навсегда! И когда тотъ же голосъ Пуни, по уже настойчиво звалъ ее: „Елена Борисовна, къ вамъ прѣѣхали!“—она вставала съ такимъ же ощущеніемъ чисто-физической мѣки, съ такимъ же отвращеніемъ къ свѣту и бытію, съ какимъ возвращаются къ жизни спасенные утопленники. Прѣѣжалъ къ ней не кто иной, какъ Семенъ Гордеичъ Лелечкинъ. Въ собственныхъ глазахъ онъ необыкновенно выросъ за послѣднее время. Ему даже такъ казалось, что самъ отецъ Гермогенъ, на чтѣ орисина—и тотъ передъ нимъ малъ. Посему, говоря съ нимъ, Лелечкинъ смотрѣлъ ему на саногі, точно онъ былъ гдѣ-то вверху, а монахъ внизу. Онъ не только превознесся, но бывшему актеру теперь представлялось, что еще ни разу въ жизни онъ не игралъ столь величественной роли. И голосъ его поэтому сдѣлался необычайно громокъ и звученъ, точно было необходимо, чтобы каждое слово его явственно и съ подобающимъ выраженіемъ достигало послѣднихъ рядовъ райка. Приемы его округлились. Онъ не ходилъ, а шествовалъ, не говорилъ, а изрекалъ, не думалъ, а мыслилъ. „Можешь ли ты понять, кто я?—не смотрѣлъ, а взиралъ онъ на каждого встрѣчнаго. — Достоинъ ли ты, рабъ, видѣть меня?“ И когда разъ одинъ изъ простодушныхъ монаховъ, изумленный его преображеніемъ, въ самомъ дѣлѣ спросилъ:

— Да кто жь ты? Чипъ получилъ, что ли?

— Придворный фаворитъ! Вотъ кто! Понялъ?

Монахъ поморгалъ, поморгалъ, плюнулъ и прочь пошелъ.

Необыкновенно возвысился въ собственныхъ глазахъ Сеничка потому, что Николай Львовичъ черезъ него спосился съ Еленой Борисовной. Онъ былъ, такъ сказать, мостомъ между ними. Самъ себя онъ рекомендовалъ Пуни всякій разъ:

— Скажите Еленѣ Борисовнѣ, „что придворный фаворитъ и наперсникъ“ пришелъ.

Когда та, блѣдная, выходила къ нему, онъ, читая печаль и тоску въ ея чертахъ, и тутъ не могъ освободиться отъ театральности. Отступалъ на три шага, глубоко кланялся, дѣлалъ шагъ—кланялся опять и уже тогда подавалъ письмо, думая „не прилично ли, какъ на сценѣ, съ королевой шотландской, преклонить колѣно“. Говорилъ онъ съ нею не иначе, какъ въ высокомъ тонѣ, вытягиваясь на цыпочкахъ и закинувъ голову назадъ, такъ что у него долго потомъ болѣлъ кадыкъ. Онъ не прощался, а откланивался и отступалъ къ дверямъ спиною, не поворачиваясь. Нюня, въ простотѣ души, сочла его, при первой встрѣчѣ, чѣмъ-то высшимъ.

— Ужъ не переодѣтый ли?

— Какой?—спросила Пуни.

— Какіе бываютъ. Сама ты въ романахъ читала. Принцъ или герцогъ.

Пуни задумывалась.

— Вотъ бы тебѣ женихъ. И аппетитъ у него отличный. Сегодня полпирого съѣлъ.

— А у кого аппетитъ хорошъ, вѣрь мнѣ, я ужъ знаю, у того и душа соответственная.

Сегодня Сеничка явился такимъ козыремъ, какимъ его даже во времена опы не созерцала царевкокошайская публика, хотя онъ ей показывалъ и Отелло, и короля Лира, и принца Гамлета. Лелечкинъ даже надѣлъ жабо, закрывъ имъ уши до половины. Маленькая головка его, съ послѣднимъ кокомъ, паноминала въ немъ засохшій цвѣтокъ въ великолѣпномъ портбукетѣ. Говоря съ Пуней, онъ приложилъ руки къ сердцу и раскланялся, точно позади былъ занавѣсъ, а впереди, за рампой, восторженно привѣтствовала его публика. Пуни, вспомнившая сохвѣт сестры: „вотъ бы женихъ тебѣ“, покраснѣла и застыдилась.

— Доложите: придворный фаворитъ и наперсникъ!

И опять руки къ сердцу и глубокій поклонъ.

Елена Борисовна съ трудомъ оторвала большую голову отъ подушки и вышла, приглаживая волосы.

— Здравствуйте, Семенъ Гордеичъ!

— Рѣшительныя событія приближаются... — самъ не замѣтивъ, началъ онъ изъ монолога, когда-то производившаго въ Астрахани невообразимый фуроръ.— Ужъ вѣстники гибели стоятъ на порогѣ твоего дворца...

— Простите... Я не совсѣмъ понимаю.

— Это я виноватъ. Перепуталъ... Я хотѣлъ сказать— рѣшительныя событія приближаются. Николай Львовичъ ухалъ сегодня утромъ и просилъ вамъ передать это письмо.

И онъ медленно поднесъ ей, опять-таки съ глубокимъ поклономъ, конвертъ.

— Кто-нибудь изъ знакомыхъ былъ въ вокзалѣ?

— Кто-жъ его не знаетъ? Всѣ даже удивлялись.

— Чему?

Сеничка вдругъ онамятовался и покраснѣлъ.

— Чему удивлялись?

— Нѣтъ, это я такъ... По глуости. Черни вѣдь чуждо благородство высшихъ натуръ... Люди пресмыкаются въ прахъ, и если избранникъ Божій... Нѣтъ, это я опять... Извините.

— Вы мнѣ скажите, что ихъ удивило? Вѣроятно то, что меня съ нимъ не оказалось.

— Да!.. Только вѣдь это-съ, помилуйте...

— Былъ кто-нибудь изъ копровскихъ?

— Пара приказчиковъ пресмыкалась около. Это я замѣтилъ.

Она усмѣхнулась.

— Не успокоился еще Моисей Лукичъ! Они у него всегда парами!

— Благородные лорды!

И Сеничка засмѣялся.

— Что такое?

— Я говорю, благородные лорды. Въ старыхъ пьесахъ они всегда подлости дѣлали и тоже являлись парами. А только знаете что, — и Сеничку всего передернуло. Очевидно „придворный фаворитъ и наперсникъ“ очень волновался.—Вотъ вы теперь уѣзжаете, и такъ мнѣ это будетъ горько. Потому, чтѣ я опять послѣ васъ? Тутъ хоть хорошимъ людямъ чѣмъ могъ содѣйствовать, положимъ, на вторыхъ роляхъ. Да вѣдь ужъ старъ я на первый-то. Ну, а послѣ васъ—рыбу опять монахамъ ловить?

— Вы мнѣ позволите?—распечатала она письмо.

Николай Львовичъ сообщалъ, что онъ выѣдетъ раньше и будетъ ждать ее въ Москвѣ. Тамъ у него былъ домъ. Онъ обѣщалъ встрѣтить ее въ вокзалѣ. Просилъ не садиться на поѣздъ въ городѣ, а проѣхать въ коляскѣ станціи за двѣ впередъ. Потому что отъ копровыхъ можно всего ожидать. Они способны на публичный скандалъ съ участіемъ полиціи и жандар-

мовъ, при чемъ старикъ явится самъ. „Онъ такъ и пишеть несъ, тѣмъ болѣе, что объяснить не можетъ самъ себѣ, какъ вамъ удалось уйти отъ него сквозь запертую дверь. Ну, говоритъ, муха была бы—понятно сквозь рѣшетку въ окно вылетѣла. А то—ключъ у меня, все время, и другого такого нѣтъ. Да и некому—Семигоровъ и на двадцать верстъ не показывался... Изловлю ее—вымучу, пока не узнаю, и ужъ не жить тому человѣку, который меня оболванилъ“. Это Жилка докладывала Слопову... Относительно лошадей вамъ устроить Семень Гордеичъ. Золотая душа, и для насъ онъ готовъ разорваться...”

— А что же вы думаете, не разорвусь? — вдругъ подскочилъ Сеничка, когда та прочла ему это мѣсто.— И даже съ большимъ удовольствіемъ разорвусь. Вы какъ полагали, всю жизнь я такимъ былъ сѣденькимъ да слабенькимъ? Нѣтъ-съ! — И онъ ударилъ себя въ грудь кулачкомъ. — Кто Струментову похитилъ? Я!

— Какую Струментову?

— Гдѣ же вамъ знать. Васъ, поди, и въ проектѣ тогда не было. Актриса у насъ такая играла, красавица, изъ крѣпостныхъ! Кто Шейкину у мужа стащилъ и даже такъ, что съ бенгальскимъ огнемъ, потому что опъ, подлецъ, намъ вслѣдъ изъ пистолетовъ налилъ. Еще бы—трагикъ былъ. Ему нельзя безъ этого. Кто дѣвицу Слезкину подъ самымъ носомъ у мамыши увезъ? Да вѣдь у какой мамыши—у театральпой! А это—особый сортъ. У нихъ, у театральныхъ-то мамышъ, глаза вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта-съ наворочены. И на затылкѣ, и на вискахъ. Всевидяція, и...

— И все это вы для себя?—удивилась Елена Борисовна.

— Ну, вотъ.—И Сеничка отъ одного такого предположенія покраснѣлъ.—Какъ же это можно? Для жениховъ. Струментову—для офицера. Слезкину—тоже. Ну, а Шейкину—для товарища... Я это могу-съ... Меня ободрить только... А я и сейчасъ на бисъ готовъ, по требованію публики—въ первый разъ по возобновленіи.

— Это письмо вамъ когда передано?

— На вокзалѣ-съ. Сегодня...

— Значить, на-дняхъ и мнѣ трогаться. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось захватить въ монастырь—помолиться. Вѣдь это послѣдній шагъ, рѣшительный.

— А что же... Кто мѣшаетъ.

— Отецъ Варлаамъ недоволенъ будетъ. Вѣдь какой скандалъ вышелъ.

— Вы не къ отцу Варлааму, а къ Богу прибѣгаете. Сегодня возьмите у Барсуковыхъ у дѣвицы лошадку и поѣзжайте.

XXVII.

Копрова такъ и сдѣлала. Въ монастырѣ звонили къ вечернѣ. Когда она вошла подъ темный сводъ глубокихъ воротъ, подъ которыми свѣтилась только лампада у образа Николая Чудотворца—у нея захолоуло сердце. Ей не хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь изъ знавшихъ увидѣлъ ее. Не то чтобы ей было стыдно. Она понимала, что совѣститься ей нечего. Она честно любила и хотѣла прямого выхода безъ лжи и притворства изъ запутаннаго положенія. Нѣтъ, по жутко и больно. Тотъ же Варлаамъ—такую ли ее помнить—пришибленной и оскорбленной. На то ли нанутивалъ, провожая ее въ послѣдній разъ. Ему, монаху, хорошо такъ разсуждать. Она вѣдь пробовала, какъ онъ говорилъ,—и къ чему же повели ея объясненія? Не съ мужемъ. Мужъ, что—пѣшка! Она бы его въ одну минуту свернула. Нѣтъ, а вотъ пусть бы кто-нибудь съ Моисеемъ Лукичемъ попытался! Проходя мимо иконы, она благоговѣнно подняла глаза на нее, и подъ колеблющимся огнемъ лампады изглядъ угодника показался ей строгимъ, а поднятая для благосло-

венія рука точно грозила ей. Она быстро пробѣжала въ монастырскій дворъ. Вонъ черные, сливающиеся съ потемками, иноки тихо движутся къ собору, въ открытыя двери котораго изнутри мерцаютъ десятки восковыхъ свѣчей и мерещится позолота иконостаса. Со всѣхъ сторонъ эти темныя фигуры. Что-то въ нихъ таинственное. Точно въ самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, а только чудятся онѣ. Мигъ еще, и пропадутъ... Опираясь на посохъ, прошелъ игумень. Смотрѣлъ въ сторону, гдѣ была Копрова, но ничего въ сумракѣ не разобралъ... Вонъ отецъ Гермогенъ, и идетъ будто еще въ строю, даже шагъ отбиваетъ... А это кто, тонкій? Вотъ-вотъ согнется. Неужели Антонинъ. Елепъ Борисовнѣ такъ хотѣлось подзвать его, но она удержалась. Онъ шелъ, опустивъ голову, видимо, неразлучный со своею тоскою. И вдругъ одна мысль поразила Копрову, мысль, которая прежде никогда не приходила ей въ голову: да гдѣ же счастье, въ самомъ дѣлѣ—когда всѣ, всѣ, кого она ни знаетъ, всѣ несчастны. Гдѣ же настоящая радость, истинный свѣтъ душевный? Куда спрятались они отъ міра, отъ миллионовъ ищущихъ ихъ глазъ, жаждущихъ сердецъ, мечтающихъ, зовущихъ! Вѣдь не въ сладкой одури, не въ этомъ они? Не въ ураганѣ страсти, что сбиваетъ съ толку, кружитъ голову и заставляетъ жить тѣломъ и для тѣла... Нѣтъ... Гдѣ это тихое мерцаніе, которое все существованіе насквозь проникаетъ, на каждую мысль свѣтитъ тепло и чисто? И не желать бы больше ничего, развѣ только, чтобы и другимъ было такъ же легко въ этомъ громадномъ и мрачномъ мірѣ. Гдѣ же счастье, гдѣ счастливы? Неужели—одна тьма, и въ ней слѣпо и наудачу сходятся и расходятся люди, точно примѣряя другъ друга и разставаясь съ еще болѣе тяжкою горечью несбывшихся надеждъ, обманувшихъ очарованій и съ болью стыда и раскаянія.

Она тихо шла въ церковь. Сеничка былъ рядомъ съ нею, но у этого собора онъ казался такъ малъ, что она почти его забыла, но крайней мѣрѣ, не видѣла, хотя, вѣрный роли придворнаго фаворита и панперсника, онъ выступалъ гордо и даже величественно. Будь кто-нибудь еще меньше его здѣсь, пожалуй, удивился бы ему, любовался бы имъ и позавидовалъ. Въ церкви, когда свѣтъ уналъ прямо на нее, Елена Борисовна почувствовала, что ноги подкашиваются. Ей казалось, что именно ее видятъ всѣ въ эту минуту, нарочно на нее смотрятъ—одни съ укоризной, другіе съ сожалѣніемъ... Она замѣшалась скорѣе въ толпу богомолковъ, стоявшихъ у стѣнъ и истово крестившихся, не отрывая воспаленныхъ глазъ отъ яркаго иконостаса. Служба началась. Въ громадномъ храмѣ, подъ царственные своды могуче уносился басъ іеродіакона, точно вздыхалъ и всхлипывалъ слабый теноръ старика-священника. Елена Борисовна всмотрѣлась и узнала отца Стефана. Когда-то она исповѣдывалась у него. Какъ ей было легко тогда. И грѣхи казались такими крошечными, и сѣдой попикъ отечески улыбался и гладилъ ея голову. Чего бы она не дала теперь за то, чтобы эта тонкая и сухая рука съ тою же кроткою ласкою опустилась на нее. Да, именно, ей нужна была *такая* ласка. Не страстная, жгучая, иссушающая душу, а тихая и вѣжкая! Она бы—Елена Борисовна—ожила. Но гдѣ искать ея, у кого просить?... Шѣвчіе волнами звуковъ подхватили ее и, качая, понесли за собою въ безконечную даль. Стройно и вдохновенно росли тенора и баритоны. На глухомъ и торжественномъ фонѣ басовъ, серебряными колокольчиками рассыпались дисканты. Залетали жаворонками въ необъятную высь, гдѣ, казалось, пропадали своды купола и открывалась многозвѣздная бездна неба. Радостно, въ согласіи съ ними, поблескивали огоньки свѣчей и лампадокъ, мерцало серебро и золото окладовъ, лучились въ тысячахъ радужныхъ отблесковъ драгоценныя

камни вѣнчиковъ, и благостно сквозъ всю эту чарующую, прозрачную, воздушную свѣтовую симфонію смотрѣли прямо въ душу Еленѣ Борисовнѣ очи Богоматери и Спасителя. Сама не зная, какъ—она опустилась на колѣна. Вошла сюда уничиженною, смятенною, сомнѣвающейся и колеблющейся—и вдругъ точно что-то въ самой душѣ ея загорѣлось, бросило ея тѣло на холодныя плиты, лбомъ къ ихъ безжизненному камню, и унесло ея мысль Богъ вѣсть въ какую страшную высоту—гдѣ ни земли, ни ея страданій, ни ея обмановъ и слѣда не было. Елена Борисовна теперь, сейчасъ, ничего не хотѣла, ни о чемъ не просила. Вся ея молитва была въ этомъ стремительномъ, молніеносномъ порывѣ, когда кажется, вотъ-вотъ еще минута и на землѣ уже не останется ничего... Что-то, уносясь въ довременную бездну, плакало въ ея душѣ и радовалось. Какіе-то новые токи струились въ ней, чуждые грубымъ движеніямъ праха. Она уже ничего-ничего не видѣла. Лапоть богомолки упирался ей въ голову. Рядомъ другая—старуха сбросила ей на ноги свой кошелекъ съ собраннымъ за день подаяніемъ... Это ея не касалось, не давило. Земля и все земное были далеко-далеко. Тутъ ея безмолвную молитву, молитву безъ надеждъ, безъ желаній, безъ покаяній, безъ горечи—перегоняли только чьи-то большія-большія сквозныя крылья, вѣявшія на нее живительною прохладою... Она, Елена Борисовна, вѣсьма, что въ ней было чистаго, святаго, тянулась за ними. Ей страшно казалось остаться внизу, не дать этому порыву дорваться до самаго средоточія вселенной, до таинственной глубины бездны, гдѣ видѣло, слышало и понимало ее нѣчто до такой степени страшное и въ то же время близкое, грозное и радостное, великое и мистическое, что она только въ эту минуту узнала, до какой степени ограничены догадки о Немъ, всѣхъ вѣрь и всѣхъ вѣковъ, всѣхъ печалей и мукъ, всѣхъ мыслей и вдохновеній... О, если бы смерть застигла ее теперь. Могло ли быть счастье выше и чище. Душа, все равно, уже оставила оболочку и неслась въ вѣчномъ просторѣ. Не дать ей вернуться назадъ, пусть бы рѣяла въ родной безконечности, отряхнувъ приставшую къ ней грязь и гадость темнаго и ужаснаго, обвитаго тяжкими испареніями грѣха и страданія шара, уныло возвращающагося въ низшихъ слояхъ мірозданія...

Долго ли продолжалась эта молитва безотчетнаго порыва? Елена Борисовна сама потомъ не могла опредѣлить. Очнувшись она, когда кругомъ зашевелились и какая-то нищя, расталкивая богомолковъ и пробираясь впередъ, наступила ей на ногу. Копрова оглянулась и вздрогнула. И эта церковь, и эти лица—точно впервые явились ей, возвратившейся изъ глубины небесъ къ суетѣ и смятенію міра. Она подпалась, пристопилась къ колоннѣ, поддерживавшей громадный сводъ купола, стараясь вслушаться въ священные слова, раздававшіяся въ тишинѣ храма, но уже не паходила въ душѣ еще недавняго восторга. Вихремъ налетѣло, унесло въ страшную высь и сбросило оттуда внизъ. Она чувствовала себя даже нѣсколько разбитою, утомленною. Ноги ея дрожали. Отъ сотенъ горѣвшихъ здѣсь свѣчекъ, огоньки которыхъ въ клубкахъ оміама казались безчисленными золотыми звѣздочками, сіявшими сквозъ туманъ—она испытывала напряженіе, почти боль въ глазахъ, и невольно жмурилась. И по мѣрѣ того, какъ небо отъ нея уходило, земля все больше и больше притягивала къ себѣ ея вниманіе. Она всматривалась въ стоявшихъ около. Сѣрое марево казавшихся разнообразными лицъ. Богомолки, нищія, бабы изъ деревни—и на всѣхъ одно и то же—забота и страданія. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ни одной счастливой, радостной. Вонъ старуха—подняла слезящиеся глаза на икону Богородицы, оторвать ихъ не можетъ, а по щекамъ текутъ слезы, и всхлипываетъ она, точно сейчасъ только по-

чувствовала страшную обиду, змѣиными кольцами опутавшую всю ея долгую и трудную жизнь... И рядомъ, молодая бабенка—та сплошной ужасъ. Она и не жалуется, а стоитъ испуганная, застывшая, точно вотъ-вотъ раздастся громъ и пришибетъ ее, такъ что ей и не подняться. И опять сплошная забота, сплошная мѣла. Нѣтъ, не отъ счастья, не отъ радости пришли сюда эти измученные, измотавшіеся люди. Не благодарить, не улыбаться святымъ ликамъ—всѣ они припесели сюда молчаливое горе, только пожалуй и понятое ими здѣсь. Каждый изъ нихъ точно показываетъ свои душевныя раны, мысленно восклицая: „Господи, Ты видишь, за что же это и доколѣ?“ Да гдѣ же счастье, гдѣ радость?—повторяла Елена Борисовна, все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываясь въ эту толпу. Дѣти,—можетъ-быть имъ вродно? Нѣтъ, вотъ они, отупѣлыя, изморенныя, блѣдныя... Одинъ розовый и суетливый. Ему должно-быть недурно на свѣтѣ. Ишь шмыгаетъ въ отповскихъ сапогахъ и путается въ длинныхъ ему полахъ пальто. Нѣтъ. Окрикнула его богомолка и погрозила, и ребенокъ вдругъ точно припалъ, въ землю вросъ и также пугливымъ зайчикомъ озирается, даже уши у него какъ у зайца къ затылку прижались. Счастливые такими не бываютъ. Счастье не знаетъ ужаса. Ему чуждъ страхъ—а тутъ соображеніе: съ которой стороны влетитъ, должно-быть со всѣхъ бывало, потому что онъ и оглядывается на всѣ. Только что онъ снѣе другихъ и теплѣй одѣтъ!.. А настоящей радости тоже не знаетъ. Вонъ молодая баба... Красивая—кровь съ молокомъ. Здоровье такъ и претъ изъ нея, а глаза вспухли, тоже плакала дома... На мопаховъ и смотрѣть нечего. Это что еще за счастье въ затворѣ да отреченіи отъ самого себя и своей воли. Тутъ все подѣ чужую указку. Ломай себя и мучь, хочешь не хочешь—вдвинься въ готовую форму, заключись въ нее, да такъ, чтобы и локоть у тебя изъ нея не вышелъ! Она уже знала по своему двоюродному брату и отцу Гермогену, что и тутъ нѣтъ покоя. Когда, кажется, только бы и отойти отдохнуть, на смѣну труду и мѣлкѣ приходятъ воспоминанія, блѣдными призраками становятся у жесткаго изголовья и, заглядывая въ очи, печальныя или грозныя, спрашиваютъ, безъ словъ: ты не забылъ? И сердце, какъ раненая птица, начинаетъ биться смятеніемъ, тоскою, позднимъ раскаяніемъ. Вѣдь примириться можно съ живыми, съ мертвыми—нѣтъ. У нихъ не выпросишь прощенія, ихъ не отыщешь въ безконечности, куда уходятъ измученныя и обиженныя души. Нѣтъ, если есть адъ—такъ онъ здѣсь, на землѣ, и каждый изъ насъ носитъ его въ душѣ своей. Адъ ожиданія, адъ сожалѣнія, адъ воспоминанія. И не разстаться съ нимъ, потому что только смерть одна освобождаетъ душу. Право,—думалось Еленѣ Борисовнѣ,—ужъ не были ли мы въ иномъ мірѣ великими злодѣями и преступниками—и потѣ это существованіе и является съ ея мучкой, заботой, смятеніемъ—истинною карою за прошлое, его искупленіемъ, обѣтованнымъ адомъ... И нигдѣ нѣтъ спасенія. Сверху до низу всѣ слои жизни, какъ губка водою, пропитаны страданіемъ. Только въ томъ и разнища, что у тѣхъ оно одно, а у этихъ другое. А настоящаго счастья—нигдѣ. Ну развѣ Моисей Лукичъ, съ его вѣчною злобой—счастливъ. Вѣдь онъ съ нею—какъ съ открытой незаживающей раной, и эта рана болитъ, болитъ... И ему жутко, и онъ носитъ въ душѣ своей адъ, и онъ искупаетъ что-то содѣянное Богъ вѣсть когда и гдѣ!.. Народъ зашевелился, богомолки точно изъ мѣшка просыпались изъ собора на паперть, гдѣ уже, несмотря на ночь, въ два ряда сидѣли нищія, подставляя деревянныя чашки „доброхотнымъ дателямъ“. Пожалуй у этихъ, въ ихъ грязи, всего меньше настоящаго горя. Они низвели потребности до того, что и заботы настоящей нѣтъ у нихъ. И спокойнѣе они—пи къ чему не тянетъ. Развѣ вотъ только воспоминанія?..

Имениница. Съ акварели Липстова грав. Бонгъ.

Елена Борисовна подождала.

Вонъ отецъ Варлаамъ, все такой же осунувшійся, желтый, стучить посохомъ на какого-то монаха. Провинился, должно-быть, передъ властнымъ игуменомъ, у котораго все на ладони. „На сто сакопъ скрозь землю видить“, — говорятъ они... Оба на паперти—инокъ и оправдываться не смѣетъ, только какъ рыба, выброшенная на берегъ, откроетъ ротъ и опять его замкнетъ. „Смотри ты у меня, я тебѣ покажу какъ съ богомольцевъ на поминъ души собирать! Захочетъ, самъ запишется! Не зятѣмъ его за шиворотъ тянуть. Еще услышу—въ скитъ отираю. Спасайся тамъ въ затворѣ!“ И пошелъ, широко и нервно размахивая черными рукавами рясы.

— Что это онъ? — спрашиваетъ около Елены Борисовны одинъ монахъ у другого.

— Извѣстно, немощъ наша, — вздыхаетъ тотъ. — Искушение. Тоже, вѣрно, чайку захотѣлось, а гдѣ ему взять, отцу Симеону. У него ни родныхъ, ни знакомыхъ. Да и такъ, чтобы улестить богомольца не дано ему—косноязыченъ. Ну, и согрѣшилъ, миляга! Не хорошо!

— Извѣстно, развѣ я говорю, что хорошо. А только у нашего отца Варлаама всякая вина виновата. Настоящій стратигъ!..—И прочь пошли.

Теперь въ церкви пусто. Вонъ отецъ Антонинъ и тотъ точно изъ темноты родился, выросъ на срединѣ храма и медленно идетъ къ паперти. Все такой же блѣдный, понурый, только глаза пылаютъ, точно жжетъ его всего изнутри.

— Отецъ Антонинъ! — шелохнулась она.

Ей казалось, что она крикнула, а тотъ даже и не слышалъ.

— Отецъ Антонинъ!..

Монахъ недоумѣнно оглянулся. Въ церкви никого. Нѣтъ, вонъ у бѣлаго столба тѣнь какая-то. Отдѣлилась отъ него—къ нему идетъ. Отецъ Антонинъ всматривается пристально.

— Елена—ты... Вы, Елена Борисовна...

— Да—я...

— Какъ поздно!.. Вы одинъ.

— Одна.

— А мужъ?

Господи! вотъ ужъ истинно монахъ не отъ міра сего. Все знаютъ — онъ одинъ чуждъ всему совершающемуся кругомъ.

— Да развѣ ты... Вы не знаете ничего... Вѣдь я... — у нея голосъ въ горлѣ перехватило. — Вѣдь я оставила совѣмъ Алексея.

— Разошлась... — онъ задумался. — Разошлась. Что же... Такъ-то, можетъ-быть, и лучше... Чѣмъ лгать, притворяться, обманывать, — а потомъ вдругъ неожиданно все и обнаружится.

И воспоминанія судорогою пробѣжали по блѣдному лицу монаха.

— Такъ лучше. Меньше горя и ему, и тебѣ... Вамъ, то-есть, — уже упавшимъ голѣсомъ окончили онъ. — Только слѣдовало бы правильно. Церковь тоже въ этихъ случаяхъ... Разводъ есть...

— Вы ихъ не знаете развѣ, отецъ Антонинъ... Моисея Лукича?

— Да вѣдь не съ нимъ толковать, а съ Алексѣемъ Моисеевичемъ.

— Алексѣй сдѣлаетъ то, что ему отецъ скажетъ.

— Да! Вездѣ злоба, неистовство, метительность... Всякій на другомъ срываетъ. Тебѣ, Леля, вижу поговорить хочется... Душу отвести, — вдругъ перешелъ онъ въ ласковый тонъ и точно по сердцу ударилъ Копрову.

Она вздрогнула и заплакала, тихо-тихо.

— Братъ, — подошелъ хромой монахъ съ ключами у пояса. — Запираться пора. Шли бы. Ишь, я ужъ и свѣчи потушилъ.

И правда: у образовъ и у иконостаса мигали робко-робко одні лампады, точно ихъ пугалъ страшный сумракъ, густившійся кругомъ, и давило что-то еще болѣе ужасное, чудившееся въ темнотѣ подъ высокими сводами. Едва выдѣлился вверху, пропадали тамъ бѣлыя колонны. Въ широко открытыя двери съ паперти смотрѣла темносиняя прохладная ночь.

— Вотъ что, Леля... Ко мнѣ теперь — не стѣить... Душно. Келья и меня давитъ... Хочешь въ садъ? Ты здѣсь остановилась, въ нашей гостинницѣ?

— Нѣтъ, я прѣехала. У меня лошади. Я пока у Барсуковыхъ пріютилась.

— Ахъ, это тѣ, что монаховъ все закармливаютъ... Слышалъ, какъ же.

— Онѣ милыя, — доброта одна.

— Да, что-жъ — дай имъ Богъ. Каждый чѣмъ можетъ. Надо судить не по тому, что выходитъ, а по тому, что человекъ хочетъ... Къ малому дѣлу душу приложишь, и то хорошо.

Онъ попрежнему не говорилъ, а какъ-то задумчиво ронялъ слова. И шелъ такъ, точно рядомъ съ нимъ не двигалось другое существо, теперь измученное и страдавшее не меньше его. На паперти темная бездна почти раскрылась передъ ними. Они медленно спустились по широкимъ ступенямъ. Елена подняла голову. Вонъ отъ изсиня-чернаго неба оторвалась звѣздочка, покатила и погасла. Какія-то неразличимыя большія крылья пронеслись въ высотѣ. Свѣжо. Съ сѣвера, должно-быть, потянуло чужою осенью. Не видать, — а, вѣрно, листья кленовъ сжались теперь — смерть чувствуютъ. Все это осыплется скоро, и околѣютъ на зиму деревья. Этотъ вѣтеръ тысячи жизнью унесетъ съ ихъ вѣтвей, засыплетъ ими остуженную землю — точно золотистымъ ковромъ покроетъ ее, пока не налетитъ другой вѣтеръ и не погонитъ ихъ. Огоньки въ кельяхъ тусклы-тусклы, точно щурятся на эту ночь. Тамъ за стеклами — тишина. Пусто все. Апалон, простыя постели, грубые столы. Черныя фигуры отдыхающихъ иноковъ. Холодная, суровая жизнь. Постоянное умирание какое-то. И опять эти призраки прошлаго — неотступные, неумолимые и тоже холодные, и тоже суровые!..

(Продолженіе будетъ.)

Грѣза.

Эскизъ Н. А. Лухмановой.

Я остался холостымъ. Почему? не знаю. Впрочемъ, у всякаго есть своя судьба, и для моей души, очевидно, не нашлось на землѣ наркъ, хотя и вовсе не мизантропъ, не циникъ, не циничный женщикъ — напротивъ, я страстно люблю ихъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую порознь. Я люблю женщину глубокой пѣжностью, разволнованно и оживленно, я люблю все, что касается женщины, что идетъ отъ нея, люблю женщину какъ она есть и во всемъ, въ чемъ она проявляется: люблю ея паряды, игрушки, ея хитрость, наивность, коварство, ея ласку, ложь и смѣхъ. Люблю брюстоекъ, блондинокъ, рыжихъ, шатенокъ; люблю большіе свѣтлые глаза, осѣненные темными рѣсницами, загадочные, коварно-прозрачные, какъ „адовы окна“ — чаруса, какъ называютъ сибиряки бездонныя стоячія воды, которыя вдругъ, какъ зеркало въ изумрудной рамѣ, встрѣчаются въ ихъ

непроходимыхъ лѣсахъ; люблю черные глаза бархатные, мягкіе, затягивающіе въ свою непроницаемую глубину; люблю зеленовато-сѣрые дрожащія, насмѣшливые, полные призыва и отказа. Безъ скуки, безъ усталости, безъ критикъ люблю разговоръ, болтовню женщинъ, могу слушать ихъ, умѣю понимать и догадываться. Съ первыхъ словъ, съ перваго взгляда, съ одной улыбки глазъ женщины понимаю уже, что я ихъ люблю, онѣ чувствуютъ мою жажду нравиться имъ, и для меня онѣ инстинктивно, не скупясь, проявляютъ все чары своей женственности. Между ними и мною сразу устанавливается симпатія, тинственное товарищество, средство душъ, и завязывается какъ бы турниръ кокетства, веселая перестрѣлка, полная намековъ и недоговоренныхъ словъ. Я люблю женщину, случайно встрѣченную на вокзалѣ, въ су-

толокѣ двухъ отходящихъ въ разные стороны поѣздовъ, и ту, задумчивый блѣдный профиль которой я лѣтѣмъ вижу въ открытомъ окнѣ, на дачномъ балконѣ, среди цвѣтущихъ розъ и азалий; я люблю грустную, задумчивую дѣвушку, что сѣвннѣ на вѣрокъ съ своею панкою, люблю румяную, нарядную, пролетѣвшую мимо меня въ экипажѣ, сверкнувшую дерзко открытыми, черными глазами, и для каждой бѣгел мое сердце, волнуется умъ. И женщины знаютъ, что я жажду ихъ, хочу, зову, жду, что я ихъ другъ, рабъ; любовь мою къ нимъ онѣ читаютъ въ моихъ глазахъ, губахъ, слышатъ въ бѣшеніи сердца, чувствуютъ въ пожатіи руки. Вотъ почему, вѣроятно, любя всѣхъ, я не сумѣлъ полюбить одну, вотъ почему каждый изъ бросавшихъ мнѣ крупицу своей любви, даже не подумала отдать всего сердца. А между тѣмъ, разъ, я былъ влюбленъ, безусловно, иѣжно, предано и — можетъ-быть навсегда, хотя ту, которая вызвала мое волненіе, полное юношеской иѣжности, преданности и грусти, я не видѣлъ никогда, и никогда не узналъ, кто она... Я слышалъ только ея голосъ, и онъ вошелъ въ меня, овладѣлъ мною, и если бы я, умирая, теряя связь своего исчезающаго я съ окружающимъ міромъ, услышалъ его снова, я задержалъ бы самую смерть, чтобы крикнуть: «Она! Вотъ она!» Видѣть ее, узнать, кто она была — неисполнимая мечта, несбывшаяся грѣза всей моей жизни. Это было давно, хотя для меня все это такъ же ярко и живо, какъ вчера.

Я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Старый Петергофъ и, не заставъ моихъ друзей дома, рѣшившись дожидаться ихъ возвращенія изъ Петербурга, расположился въ приготовленной мнѣ комнатѣ. Когда снала жара, я вышелъ въ паркъ; побродивъ по его занушеннымъ дорожкамъ, я наткнулся на большой прудъ, замкнутый высокими стройными вязами и соснами; солнце садилось, и уголокъ принималъ чарующій видъ. Прудъ, густо-зеленый отъ покрывающихъ его дно травъ, отъ глядящихся въ его глубъ деревьевъ, посредничъ игралъ волшебнымъ свѣтомъ; вся синева яснаго лѣтняго неба опрокинулась въ него, синева, испещренная кровавымъ заревомъ послѣднихъ лучей солнца, весь пурпуръ заката, все иѣжно-розовое оггѣвки облаковъ, вся зелень, все синѣ, все золото, вся фиолетовая тѣнь надвигающейся ночи, — все блестяло, дрожало, смѣшалось и тонуло въ глубокихъ водахъ недвижнаго пруда. И вдругъ все тѣни смѣшались, послѣдній разъ прудъ всыхнулъ, перелллся миллионами искръ растопленного золота и загасъ подъ покровомъ распростершейся надъ нимъ ночи.

Я опустился на ближайшую скамейку, весь охваченный ароматомъ высокой травы и скрытыхъ въ ней полевыхъ цвѣтѣвъ. Ночная дрема охватывала густой паркъ; съ тихимъ, иѣжнымъ щебетомъ, на деревьяхъ и кустахъ засыпали птицы; на темномъ небѣ вырисовался тоненькій серпъ зарождающагося мѣсяца и измѣлчивой золотой полоской оразился въ центрѣ пруда; направо, лѣво отъ него всыхнули таинственные очн-звѣзды, и меня охватила такая жажда любви и ласки, что я готовъ былъ вскрикнуть отъ сердечной боли. Я всталъ и, едва разбирая дорогу, пошелъ обратно къ покинутой мною дачѣ. Отъ быстрой ходьбы въ густомъ, таинственномъ и чуждомъ паркѣ, мнѣ стало жарко, и чувствовалъ, какъ кровь бѣжитъ въ моемъ тѣлѣ, бѣжитъ быстро, горячо, весело, ритмически, какъ иѣня, бѣтаетъ въ жилахъ, шумитъ въ ушахъ, и я прислушивался съ наслажденіемъ къ ощущенію чисто физическаго счастья — сознанія силы и молодости. Легко, быстро дошелъ я до крошечнаго домика, гдѣ жилъ сторожъ, и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Сбоку у домика вдоль дороги шелъ невысокій заборчикъ, охватывавшій клочокъ земли, преращенный въ садикъ, довольно густой и распространеннѣйшій душистый запахъ цвѣтѣвъ; окно около самаго забора было отворено настежь, и я неясно различалъ въ немъ двѣ блѣлы легкія тѣни.

— Господи, какъ хорошо, хорошо, хорошо! — услышалъ я молодой, звучный женскій голосъ.

— Ты слышишь? Да неужели ты дремлешь? Оля! Оля!

— Оставь ты меня въ покоѣ! — отвѣчала другой, тоже женскій, но болѣе густой и менѣе гибкій голосъ. — Каждый восхищается по-своему. Ты — тѣмъ, что кричишь на всю улицу, и — что блаженно дремлешь.

— Я кричу? Да понимаешь ли ты, что у меня все поетъ вотъ тутъ въ груди. Гляди! Дай руку. Чувствуешь? Это слезы, слезы блаженства, восторга. Эта ночь, эти звѣзды, этотъ серпъ мѣсяца входятъ въ меня, сливаются со мной. Мнѣ хотѣлось бы такъ крикнуть, чтобы разбудить всѣхъ людей. Какъ можно спать въ такую ночь! Оля, слушай, слушай, какъ хорошо! Я надоѣдаю тебѣ, да?

— Нѣсколько ты мнѣ не надоѣдаешь, болтай какъ хочешь, только не тронь ты меня, не шевели! Будь довольна тѣмъ, что ты не одна, что тебя слушаютъ. Ну, називайся!

— Оля! какъ мнѣ хочется любить!

Въ отвѣтъ послышался тихій, засквозный смѣхъ.

— Ты смѣешься? Оля, вѣдь я никогда не любила, меня никто не любилъ, а мнѣ уже 20 лѣтъ. Понимаешь, ни одного флирта, ни одного бѣшенія сердца, ни-ни.

— Полюбишь, не безпокойся.

— Полюблю? А меня?

— И тебя полюбить. Да въ тебѣ такая масса этой самой порывистости, эстаза, что если только ты полюбишь, то навѣрно влюбишь любовь къ себѣ.

— Да? Конечно, да, я сама такъ думаю, только я хотѣла бы не такъ, а чтобы оба вмѣстѣ, сразу. Такъ: встрѣтились бы, ну, просто, какъ всѣ, начали бы говорить и вступать случайно. Богъ знаетъ почему, оба почувствовали бы смущеніе, тревогу, всыхнули бы, а сердце бѣгел, бѣтаетъ, руки холодѣютъ, хочется бѣжать и не сойти съ мѣста. Ахъ, вотъ такъ, вотъ такъ! Пережить это хоть разъ... Ты меня понимаешь? Безъ всякаго участія разума, воли, чуждаго вліянія, изнутри себя почувствовать любовь. Понимаешь?

— Однако, ты ярко описываешь!

Теперь засмѣлилась другая.

— Это я такъ, въ теоріи, по романамъ и... по инстинкту.

— Та-акъ. А если ошибешься?

— Какъ ошибешься? Да вѣдь инстинктъ, это самая непосредственная, самая вѣрная сила человека... Ну, да зачѣмъ ты говоришь: ошибешься, — не надо! Хотѣ бы пришло только, пережить бы... Вѣдь, вотъ, относительно природы испытываю же я неподдѣльный восторгъ. Ты любишь природу, такъ, до боли, до слезъ?

— Господи, какая ты смѣшная!

— Вовсе я не смѣшная, я чувствую, что природа — это моя сила, что если въ жизни я буду страшно-страшно несчастна, если сердце будетъ разрываться отъ страданій, но мнѣ удастся куда-нибудь уйти, удалиться отъ людей и остаться съ-глазана-глазъ съ лѣсомъ, съ моремъ или просто съ густымъ-густымъ заросшимъ садомъ — я выйду и даже... буду счастлива.

— Завидую тебѣ.

— О, да! Мнѣ иногда кажется, что во мнѣ соединились инстинкты всѣхъ животныхъ, что именно они-то меня и связываютъ неразрывно съ природой. Я люблю воздухъ и небо, какъ жаворонокъ, и бы купалась въ немъ, если бы у меня были крылья. Люблю темный, сырой, густой лѣсъ, какъ волкъ, и бы желала ныть тамъ свое логово и часами лежать, закрывъ глаза, дына всей влагой и всѣмъ ароматомъ земли и лѣса; я, какъ заяцъ, люблю высокую траву и частый кустарникъ, какъ рыба — прозрачную, холодную воду, въ которой плывутъ облака. Я люблю всю землю, все небо, весь воздухъ, — не умю, не словами, а иשמъ сознаніемъ, что я составляю часть земли — отъ земли ванта и въ землю уйду. Да, умру и снова буду землей, и, вѣрннш ли, это приводитъ меня въ восторгъ.

Голоса смолкли, но теперь я не рѣшался выдвинуться изъ тѣни свѣннншей крыши, шагнуть и скриномъ неса выдать говорившимъ похищенную тайну ихъ думъ. Мнѣ казалось, что сердце мое стучитъ такъ громко, что выдаетъ имя мое присутствіе, и въ то же время... не любонитство, о, нѣтъ, но какое-то иѣжное, совѣмъ робкое чувство толкало меня впередъ, сказать слово, услышать милый голосъ, обращенный ко мнѣ, а главное увидѣть говорившую.

— Оля!

— Что тебѣ?

— Оля, я любить хочу, цѣловать хочу, прижаться къ чѣй-нибудь груди, нѣтъ ни къ чѣй — къ „его“, и чувствую, что „его“ сердце, вѣрное сердце, мое навсегда, на всю жизнь до смерти, за смертью, что въ немъ мой покой, моя отрада!

— Ой-ой-ой, какъ много хочешь! А если разлюбитъ?

— Разлюбитъ? Не вѣрю! не вѣрю! Эти пазнны, обманъ, это — все ложь! клевета на людей, это... литература. Хорошіе люди не обманываютъ и любятъ — разъ въ жизни... навсегда.

— Идемъ спать, фантазерка, вѣдь съ тобой всю ночь можно сидѣть, ты все будешь на мѣсяцъ смотрѣть и бредить.

— Оля, ты вѣдь знаешь меня съ колыбели, ну скажи, какъ ты думаешь, я обману когда-нибудь, если полюблю?.. Скажи!

Я ждалъ отвѣта, пританъв дыханіе.

— Оттого-то я и боюсь за тебя, что ты ни на какой обманъ не способна... Идемъ спать... поздно!

Окно захлопнулось, и садикъ съ дорожкой, бѣжавшей мимо, погрузился въ полную тишину.

На другое утро я проснулся поздно; въ соседней комнатѣ звонко, весело пробило 10; за окномъ звучала иѣсня малиновки, слышалось воркованіе голубей, задорный крикъ воробьевъ. Я открылъ окно, дыханье лѣта ворвалось ко мнѣ и своимъ благотворнымъ тепломъ, свѣтомъ, ароматомъ, наполнило весь подслушанный мною разговоръ. Я мигомъ одѣлся и, къ удивленію иѣмки-домоправительницы, ожидавшей меня въ столовой за шнѣвнымъ саловаромъ, пробѣжалъ мимо и черезъ три минуты стоялъ у домика сторожа.

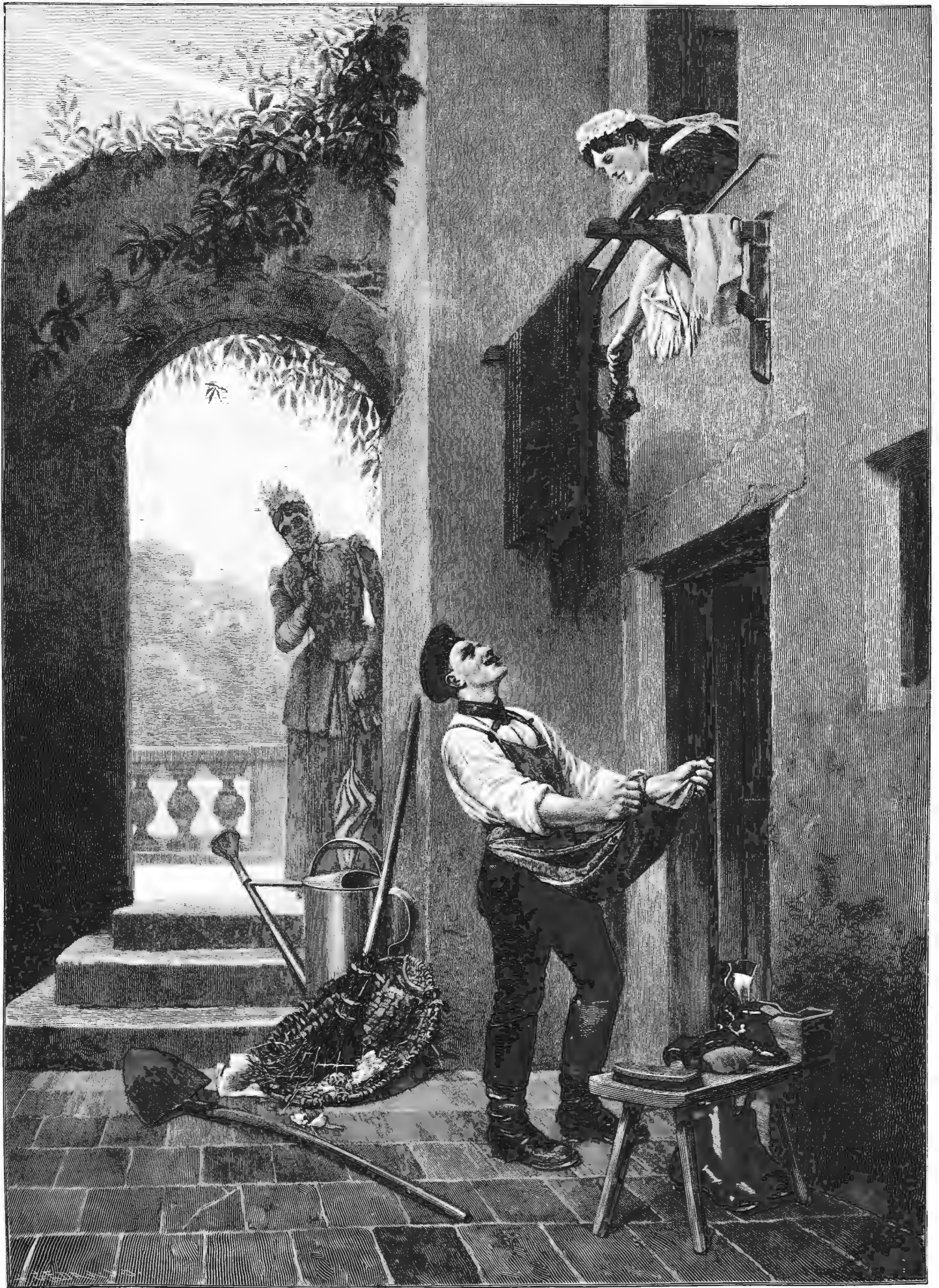
— Твой домикъ?

— Домокъ-отъ?.. дворцовый, я, значитъ, тутоншій, въ сторгжахъ состою, отъ конторы, значитъ, по найму...

Благообразный старикъ отвѣчалъ обстоятельно, глядя мнѣ въ глаза и опираясь на метлу, которою только-что пугнулъ съ своего крылечка облако пыли.

— Кто-жъ у тебя живеть тутъ?

— Живеть? Гдѣ жить, одна комнатка да куфонька, живу самъ съ дочкой Аннушкой; ну та при ранжеряхъ дворцовыхъ въ работницахъ состоитъ.

Попались, Съ карт. Крауса грав. Геданъ.

Первый урок. Съ карт. г-жи Торпаиъ грав. Бодъ.

— А... а еще кто?

— А еще, докладываю, сударь, никого. Коли вы начнете дачки, так это у дворцовых служителей толкнитесь, ть сами-то на дѣто по сарайчикамъ, а комнаты въ наемъ, а мнѣ куда же, и дѣться некуда,—вотъ все на ладони.—Онъ указалъ на крошечный чистый дворикъ, садикъ съ двумя кустами махровато шиповника, да грядкой репеды, и грушечный домикъ, въ которомъ дѣйствительно можно было жить развѣ вдвоемъ.

— Такъ какъ же...—началъ я совѣтъ сконфуженный, и сердце мое словно отъ испуга дрожало и билось,—такъ какъ же вчера у тебя вотъ тутъ...—и хотѣлъ сказать ночью и занулся,—вчера я видѣлъ... гостей.

— Барышень, кто ли? Такъ это вѣрно гости изъ Петербурга, двѣ сестры, что ли? Хорошія барышни, гулять приѣзжали, да на вечерній-то поѣздъ и опоздали, а у меня-то онѣ раньше были, молоко кували,—коровку по малости держу,—ну и того, толкнулись... нусти, говорятъ, переночевать... въ гостиницу намъ несприлично... оно и точно двумъ барышнямъ... нустилъ... Почти всю ночь на оконцѣ просидѣли—я въ кухнѣ спалъ,—слышалъ все лютотали, а тамъ легли вдвоемъ на Аннушкину, значить, кровать, а утречкомъ съ первымъ поѣздомъ встали, заплатили, хорошо заплатили, и уѣхали.

XII международный съездъ врачей въ Москвѣ.

(Окончаніе.)
(Рис. на стр. 880.)

Однѣ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ современной медицины, глубоко интересующій послѣдніе годы весь научный міръ и принесящій уже человечеству нечисленные благодарительные результаты — „о сывороточномъ леченіи дифтеріи“ — обсуждался на съѣздѣ въ соединенныхъ секціяхъ дѣтскихъ и горловыхъ болѣзней. Докладчикомъ по этому вопросу явился нашъ знаменитый педиатръ, директоръ дѣтской больницы принца Ольденбургскаго въ С.-Петербургѣ, д-ръ К. А. Раухфусъ. Выступивъ горячимъ поборникомъ серотерапіи, д-ръ К. А. Раухфусъ указалъ на громадное терапевтическое ея значеніе при дифтеріи и въ подтвержденіе своего мнѣнія представилъ многочисленныя и тщательно составленныя данныя русскаго и иностраннаго происхожденія и рядъ очень наглядныхъ картограммъ. Обширный докладъ д-ра Раухфуса продолжался около 1½ часа.

Въ засѣданіи секціи внутреннихъ болѣзней привлекли также общее вниманіе членовъ съѣзда сообщенія знаменитыхъ парижскихъ терапевтовъ, проф. Шоффара и Жильбера. Темой ихъ докладовъ было: „о циррозахъ печени“. Интересъ этихъ докладовъ заключался по столько же въ спеціальномъ его предметѣ, но сколько въ тѣхъ общихъ принципахъ леченія, поборниками которыхъ выступили проф. Шоффаръ и Жильберъ. За послѣдніе годы во французскомъ медицинскомъ мірѣ явился цѣлый рядъ работъ и наблюденій, главная цѣль которыхъ оживить въ медицинѣ то, что осталось еще въ ней, такъ сказать, схоластическаго и мертваго. Патолого-анатомическая картина всевозможныхъ болѣзней измѣтъ безусловно громадное значеніе, но со времени водруженія въ медицинѣ новаго знамени съ девизомъ: „лечить больного, а не болѣзнь“, — довольствоваться въ изученіи болѣзней только анатомическими измѣненіями стало уже невозможно. По мнѣнію того, какъ растутъ наши знанія, являются все и болѣе и болѣе строгія требованія, и горизонтъ врача долженъ расширяться во всѣ стороны. Яркими представителями этихъ взглядовъ являются два упомянутые профессора, и взгляды эти они неуклонно проводятъ въ жизнь научными трудами. Въ своихъ докладахъ они рѣзко высказались противъ современной классификаціи заболѣваній печени, основанной на изученіи трупа, и рекомендовали всѣмъ клиницистамъ обращать какъ можно болѣе вниманія на самого больного, на ходъ болѣзни и причины, ее вызвавшія.

Въ той же секціи весь свѣтилъ медицины — Цимсенъ, Лейденъ, Сенаторъ — съ необычайной рѣшительностью высказались противъ столь шумнаго недавно леченія чахотки туберкулиномъ Коха. Какъ ни уговаривали ихъ одинъ изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ клиницистовъ, берлинскій профессоръ Гергардъ, не сдѣлать опредѣленнымъ рѣшеніемъ такого важнаго вопроса и продолжать еще наблюденія надъ туберкулиномъ, общимъ голосомъ признано было, что туберкулинъ Коха ничѣмъ не превосходитъ всѣ остальные существующія средства для леченія бугорчатки. Такое рѣшеніе было равносильно полному признанію его абсолютной неэффективности, такъ какъ и прочія существующія шибъ средства совершенно безсильны въ дѣлѣ излеченія чахотки. Самого Коха, къ сожалѣнію, на съѣздѣ не было; онъ находится теперь въ Африкѣ.

Нѣсколько цѣнныхъ докладовъ было представлено въ секціи главныхъ болѣзней по вопросу о крайне распространенной болѣзни глазъ — трахомѣ. Вопросъ этотъ, въ виду повсемѣтнаго распространенія названной крайне заразительной болѣзни, ведущей часто къ полной слѣпотѣ, возбуждалъ огромный интересъ и вызвалъ у присутствовавшихъ оживленный обменъ мыслей. Подробно говорилъ объ этомъ берлинскій проф. Гиршбергъ, который въ своемъ докладѣ привелъ статистическія

— Да кто же онѣ такіе?

— А ужъ не знаю я этого, впервой видѣлъ.

— Ничего не сказали, гдѣ живутъ, какъ фамиліи?

— Ни-ни, да и мнѣ ни къ чему, побыли и уѣхали...

— Можеть, дочь твою, Аннушка, знаешь?

— Аннушка на работѣ, по утрамъ приходитъ коровку доить.

Вчера-то гости позже заявились, а сегодня еще спали, какъ она ужъ обрѣдлась и ушла. Да вамъ на что, баринъ? Дѣвушки не такіе, чтобы чего, оборони Боже! Дѣвушка сама семейственный, и вы баринъ себя не тревожьте.

И поглядѣлъ на сторожа, на домикъ и побрѣлъ назадъ.

Ни на вокзалѣ, ни у ребятишекъ, носившихъ багажъ, ни въ соседнихъ дачахъ, я не узналъ ничего, и дѣвушка, единственная можеть-быть дѣвушка, которой я повѣрилъ бы, что она никогда не солжетъ, полюбитъ, никогда не разлюбитъ, воплотилась для меня въ мечту и грѣзу. Ея голосъ остался навсегда въ моемъ сердцѣ, и бывають минуты, когда я вызываю его, а онъ говоритъ со мною, будитъ тоску, дремлющую на днѣ всякой человѣческой души, и шепчетъ слова ласки, утѣшенія и вѣры, что есть на свѣтѣ люди, которые никогда не лгутъ и любятъ разъ въ жизни и навсегда.

свѣдѣнія о распространеніи трахомы въ различныхъ мѣстахъ земного шара и, на основаніи этихъ данныхъ, высказалъ увѣренность, что трахома не есть болѣзнь, присущая однимъ народамъ и шадящая другимъ, но что она зависитъ лишь отъ климатическихъ условій, расовыя же особенности не имѣютъ на нее никакого значенія. Затѣмъ, отмѣтивъ, что трахома чрезвычайно легко распространяется, докладчикъ указалъ на настоятельную потребность слѣдить за состояніемъ глазъ учениковъ, такъ какъ въ школахъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, встрѣчается моментомъ, способствующихъ переносу этой болѣзни съ одного ребенка на другого.

Вопросъ о пѣнии, пѣвцахъ и объ учителяхъ пѣнія, имѣющій несомнѣнно общественное значеніе, послужилъ предметомъ горячаго обсужденія въ секціи горловыхъ болѣзней. Берлинскій проф. Краузе сдѣлалъ докладъ „О происхожденіи и леченіи потери голоса для пѣнія“. Указавъ на главнѣйшія общія причины заболѣванія голоса для пѣнія — хлорозъ (блѣдная немочь) и непронатическое расположеніе, — знаменитый ларингологъ подробно остановился на частныхъ причинахъ, раздѣливъ ихъ на два рода. Во-первыхъ, чисто физическія — вслѣдствіе неправильнаго и недостаточнаго развитія гортани и дыхательной трубки. По мнѣнію проф. Краузе, безусловно правильное развитіе всѣхъ органовъ, принимающихъ участіе въ образованіи голоса, встрѣчается крайне рѣдко. Довольно часто у пѣвцовъ встрѣчаются болѣзненные измѣненія на голосовыхъ связкахъ (краснота, легкое утолщеніе), но они часто пропадаютъ, такъ сказать, выравниваются послѣ пѣнія. Между прочимъ, проф. Краузе сильно настаивалъ на вредномъ вліяніи корсета на голосовой аппаратъ. Во-вторыхъ, — причины, зависящія отъ недостаточно разумнаго отношенія пѣвцовъ къ своимъ голосовымъ средствамъ, отсутствіе самостоятельнаго контроля надъ упражненіями голосового аппарата, невращенія, нехоты. Сюда же онъ относитъ неправильное преподаваніе пѣнія, недостаточную подготовленность преподавателей къ своему дѣлу, незваніе ими основъ физиологіи и анатоміи. Въ виду этого поднятъ былъ вопросъ объ установленіи правительственнаго контроля надъ преподавателями пѣнія.

Третье общее засѣданіе съѣзда, 14 августа, было и послѣднимъ. Предсѣдателемъ собранія, по предложенію предсѣдателя организационнаго комитета съѣзда проф. Склифасоваго, избранъ былъ англійскій делегатъ Магъ-Корманъ. Докладчиками выступили профессоръ Лейденъ и Ломброзо.

Темой доклада проф. Лейдена было: „о современномъ леченіи туберкулеза“.

Вопросъ о леченіи чахотки, какъ одинъ изъ самыхъ ягучихъ и плохо поддающихся разрѣшенію, былъ предметомъ цѣлаго ряда докладовъ ученыхъ во все время съѣзда. Такъ, 9 августа, въ секціи внутреннихъ болѣзней, извѣстный мюнхенскій клиницистъ проф. Цимсенъ сдѣлалъ сообщеніе о климатическомъ леченіи чахотки, и на ту же тему говорилъ въ секціи фармакологіи, бальнеологіи и климатологіи московскій врачъ Яковлевъ.

„Чахотка, — началъ проф. Лейденъ, — встрѣчающаяся во всѣхъ странахъ и при всякихъ условіяхъ жизни — среди богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — должна считаться настоящею народною болѣзью, болѣе интернаціональною, чѣмъ какое-либо другое страніе. Лѣченіе ея есть вопросъ первостепенной важности. Можно считать, что въ одной лишь Европѣ погибаетъ отъ чахотки свыше милліона людей ежегодно. Съ такимъ врагомъ нужно бороться общими силами; въ такой борьбѣ должны участвовать всѣ народы и сословія. Прошло время, когда чахотка считалась неизлѣчимою. Д-ръ Бремеръ, всю жизнь неутомимо работавшій надъ этимъ вопросомъ, доказалъ, что излѣченіе возможно, и постепенно выработалъ ме-

тодь лѣченія въ своей всемирно-извѣстной лѣчебницѣ въ Гербердорфѣ (Силезія). Его система, съ тѣми улучшениями, которыя постепенно были выработаны, должна считаться въ настоящее время наилучшей по результатамъ, и принята почти всеми врачами. По образцу этой санаторіи, устроены въ Германіи рядъ лѣчебницъ въ Reiboldsgrün, Rehberg, Andreasberg и др. Вебъ онѣ сообщаютъ, что въ 1/3 случаевъ наблюдается полное излѣченіе, въ 1/2—улучшеніе, и мы можемъ выразить надежду, что число излѣченій будетъ возрастать, чѣмъ лучше и систематичнѣе будетъ проводиться методъ Бремера. Можно сказать, что теперь всякій случай въ началѣ заболѣванія имѣетъ все шансы быть излѣченнымъ. Но до настоящаго времени все это доступно лишь богатымъ, менѣе же имущіе и бѣднѣе остаются безъ помощи и должны съ ужасомъ ждать гибельнаго конца, который неминуемо унесетъ ихъ въ могилу. Пора придти на помощь этимъ несчастнымъ, этого требуетъ гуманность, составляющая лучшее украшеніе уходящаго вѣка.

Основы бремеровскаго лѣченія, называемаго гигиеническо-дietetическимъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) выборъ подходящаго климата; 2) чистый, свободный отъ пыли воздухъ; 3) достаточное питаніе; 4) движеніе; 5) методическое лѣченіе пациентовъ въ закрытыхъ санаторіяхъ; 6) лѣкарства, которыя лишь поддерживаютъ остальное лѣченіе, но не имѣютъ преобладающаго значенія. Лейденъ отрицаетъ высказанное нѣкоторыми врачами мнѣніе о томъ, что горный и морской климаты обладаютъ иммунитетомъ противъ туберкулезныхъ bacillus. Воздухъ въ этихъ мѣстахъ только потому имѣетъ благопріятное вліяніе на больныхъ, что тамъ нѣтъ пыли и скученности населенія, и потому туберкулезъ встрѣчается тамъ рѣдко, но встрѣчается. Лесное небо и солнце также благопріятны для больныхъ. На хорошемъ вліяніи плаваній по морю особенно настаивалъ извѣстный русскій терапевтъ О. О. Мочутковскій. Лейденъ утверждаетъ, что можно съ одинаковымъ успѣхомъ лѣчить туберкулезныхъ больныхъ и въ нашемъ климатѣ. Больше того, часто лѣченіе больныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны жить, имѣетъ лучшее вліяніе на нихъ, чѣмъ переселеніе въ непривычный климатъ и новыя условія. Что касается втораго пункта—воздуха и его значенія—то вся роль его сводится къ тѣмъ моментамъ, которые указаны были выше по поводу климата. Самый лучший и чистый воздухъ не имѣетъ специфическаго вліянія на больныхъ, а есть лишь одно изъ гигиеническихъ средствъ лѣченія. Питаніе туберкулезныхъ больныхъ въ настоящее время слѣдуетъ положеніямъ, которыя выработалъ Бремеръ. Опытъ показалъ, что туберкулезные больные лучше чувствовали, если питаніе ихъ въ хорошемъ состояніи. Въ настоящее время питаніе такихъ больныхъ имѣетъ опредѣленную цѣль—поднять ихъ вѣсъ до того, какимъ онъ былъ въ состояніи полного здоровья, а, если возможно, то еще превзойти первоначальный вѣсъ. Жиры и даже молоко не играютъ уже прежней роли. Пища должна быть такова, чтобы уравновѣшивать дневную трату больного. Существеннымъ пунктомъ метода Бремера является „закалиніе“ больныхъ. И проф. Лейденъ придаетъ этому большое значеніе въ смыслѣ укрѣпленія больного организма, придавая ему болѣе устойчивости, усиленія его сопротивляемости и поддержанія всего остального лѣченія. Остается еще упомянуть о систематической гимнастикѣ, однако, осторожной и не чрезмѣрной. Таковы методъ Бремера. Лучшее всего онъ можетъ быть осуществленъ въ санаторіи, но при благопріятныхъ условіяхъ и дома. Затѣмъ проф. Лейденъ перешелъ ко второй, чрезвычайно важной части своего доклада,—о повліеніи движенія въ пользу устройства народныхъ лѣчебницъ для хроническихъ больныхъ. Движеніе это началось лѣтъ 10 тому назадъ и имѣло въ виду лѣчить уже заболѣвшихъ и предостеречь еще здоровыхъ отъ зараженія. Первая лѣчебница на 80 больныхъ устроена была близъ Франкфурта, потомъ еще въ 20-ти мѣстахъ. Самъ Лейденъ всюду пропагандировалъ эту мысль. Въ Англіи существуютъ нѣсколько лѣчебницъ, могущихъ въ общемъ вмѣстить 4,900 человекъ. Подобное же движеніе замѣчается во Франціи, Австріи, Венгріи, Швейцаріи, Америкѣ; Россія также сочувственно отозвалась на это доброе дѣло. По волѣ императора Александра III, въ 1892 г. устроена лѣчебница въ Финляндіи и въ 1893 г.—вторая тамъ же. Въ 1895 г. великою княгиней Александрой Юсифовною устроена третья лѣчебница. Императоръ Николай II отдалъ лѣтній дворецъ Таицы, вблизи Гатчины, для такой лѣчебницы. Подобная же лѣчебница есть также въ Финляндіи. Необходимость и цѣлесообразность такихъ лѣчебницъ стоитъ внѣ сомнѣній. Многія семьи въ состояніи еще существовать, пока все члены семьи здоровы, но тотчасъ выбиваются изъ колеи, когда кто-нибудь заболѣваетъ. Дома нѣтъ возможности лѣчиться, и такія лица погибаютъ, когда могли бы быть спасены своевременною помощью. Помощь этому можетъ частная благотворительность, и къ послѣдней прежде всего обращаются общества, посвятившія себя распространенію этой идеи. Въ Германіи во главѣ движенія стоитъ императрица Августа. Средства, необходимыя для такихъ лѣчебницъ, не такъ велики: устройство кровати обходится около 1,200 руб., содержаніе въ день около 1 рубля. Лѣчебница на 100 больныхъ можетъ быть устроена на сумму около 150,000—200,000 руб. Центральныи комитетъ Германіи находится въ Берлинѣ;

кромѣ того, основаны два общества, преслѣдующія тѣ же цѣли: 1) берлинско-бранденбургскій фрейльхъ для устройствъ лѣчебницъ и 2) фрейльхъ Краснаго Креста, который уже устроилъ лѣчебницу въ Грабовзее. Первый фрейльхъ имѣетъ своею задачею помогать не однимъ бѣднымъ, но и малосостоятельнымъ, которые въ здоровомъ состояніи не нуждаются въ помощи. Въ Германіи уже собрано нѣсколько сотъ тысячъ марокъ, послѣдники Блейхредера пожертвовали 1,000,000 марокъ на лѣчебницу. Таково положеніе этого важнаго дѣла, которое вызвано лучшими культурными и гуманными стремленіями нашего вѣка. Въ заключеніе профессоръ Лейденъ выразилъ надежду, что не въ очень далекомъ будущемъ повсюду возникнутъ такія учрежденія, которыя дадутъ убѣжище и спасеніе необезпеченнымъ легочнымъ больнымъ. „Этимъ путемъ мы возвратимъ многимъ больнымъ здоровье, многимъ семьямъ—ихъ кормильцевъ, а государству—рядъ усердныхъ работниковъ“,—такъ закончилъ свою рѣчь проф. Лейденъ.

Вторымъ выдающимся докладомъ была рѣчь проф. Ломброзо „о повліеніи завоеваній психіатріи“. Скромная служанка, Сандрильона медичины, психіатріи, — сказала знаменитый антропологъ,—вторглась въ такое количество отдѣловъ познанія, что немногое можетъ съ ней сравниться въ этомъ отношеніи. Она дала медицинѣ новую и совершенную классификацію истеріи, она расширила кругъ эпилепсій, разоблачила этиологию меланхолическаго, алкоголизма, эрготизма, открыла въ претинизмѣ, зобѣ и микседемѣ цѣлую серію вырожденій, доставивъ въ то же время средства предупредить, а иногда лѣчить эти вырожденія. Для литературы она открыла, имѣетъ съ Додэ, Зола, Тургеневымъ, Достоевскимъ и Толстымъ, плодотворное поле, гдѣ въ первый разъ эстетикъ заключаетъ тѣсный союзъ съ ученымъ. Она объяснила психологамъ и историкамъ причины появленія юродивыхъ, также какъ образованіе многочисленныхъ эпидемическихъ проявленій фанатизма. И какъ въ былыя времена она открыла государственнымъ людямъ и юристамъ, что такъ-называемыя „одержимые“ и колдуны, сжигавшіеся на кострахъ и подвергавшіеся пыткамъ, были въ дѣйствительности только несчастными истерическими субъектами, — такъ въ настоящее время она стремится показать, что многіе изъ признанныхъ преступниковъ въ дѣйствительности только больные, которыхъ надо лѣчить и удалить отъ сопркосновенія съ другими, вмѣсто того, чтобы наказывать. Какъ новый Прометей, она стремилась, наконецъ, похитить секретъ, который, оказалось, навсегда былъ отнятъ у человѣческаго рода, — секретъ, касающійся природы мышленія.

Весь докладъ былъ посвященъ вопросу о вліяніи, которое оказала психіатрія въ юридической сферѣ и въ области психологіи.

Этимъ рѣчами закончился съѣздъ. Затѣмъ секретарь съѣзда проф. Ротъ прочиталъ отчетъ комиссіи по присужденію преміи въ 5,000 франковъ отъ города Москвы за наилучшіе полезныя труды для страждущаго человечества. По предложенію Вирхова, премія присуждена была единогласно основателю Краснаго Креста Анри Дюану. Мировыя заслуги этого великаго филантропа были указаны въ прошломъ году въ *Нивѣ* (№ 1), въ спеціальномъ очеркѣ его жизни.

Въ заключеніе магистръ профессоръ Вирховъ обратился къ съѣзду съ послѣднимъ привѣтствіемъ (на французскомъ языкѣ):

„Отъ имени иностранныхъ членовъ я говорю, — залывитъ проф. Вирховъ,—чтобы въ послѣдній разъ привѣтствовать достославныхъ и уважаемыхъ людей, которые находились во главѣ конгресса и которые устроили намъ не поддающейся никакимъ сравненіямъ пріемъ, который навсегда живо сохранится въ нашей памяти. Мы встрѣтили здѣсь президента, авторитетъ котораго признается представителями всѣхъ отраслей медицинскіи науки, человѣка, который съ полнымъ знаніемъ всѣхъ требованій врачебной практики соединилъ въ себѣ также и качества врача души, обладаетъ духомъ братства и чувствомъ любви ко всему человечеству. Въ членствѣ исполнителяго совѣта, въ людяхъ, стоящихъ во главѣ больницъ и клиникъ, во всѣхъ служащихъ мы встрѣтили истинныхъ друзей, которые съ удивительнымъ спокойствіемъ удивлялись всѣмъ нашимъ стремленіямъ, увеличивавшимся съ каждымъ днемъ. Наконецъ, мы встрѣтили молодежь крѣпкую, умную, вполне подготовленную къ прогрессу будущаго — надежду этой великой и доблестной націи. Благодаримъ всѣхъ за постоянныя выраженія братскаго сочувствія. Тысячу разъ благодаримъ. Желаетъ все пережить снова на будущемъ конгрессѣ“.

Проф. Макъ-Корманъ, предѣлительствовавшій въ собраніи, присоединился къ отзыву своего берлинскаго коллеги. „XII конгрессъ оконченъ, — сказалъ онъ, — цѣль его достигнута. Услѣхъ его фепоменаленъ. Его труды произведутъ шумъ какъ на Западѣ, такъ и на Востоку. Что же до общественныхъ собраній, то наши русскіе собраты показали намъ примѣры, подражать которымъ трудно. Они привѣтствовали насъ въ самомъ сердцѣ Россіи всѣмъ, что только есть прекраснаго и великолѣпнаго въ этомъ огромномъ царствѣ. И такъ, принесемъ же самую искреннюю и самую глубокую благодарность нашимъ добрымъ русскимъ соотечественникамъ и пожелаемъ всѣмъ снова свидѣться въ Парижѣ“.

Парижъ, который былъ въ 1867 г. мѣстомъ перваго международнаго сѣзда врачей, избранъ вновь мѣстомъ будущаго XIII сѣзда. Предсѣдателемъ организационнаго комитета предстоящаго сѣзда избранъ проф. Ланелонгъ, а почетнымъ секретаремъ проф. ШOFFаръ.

Большинство членовъ сѣзда послѣдовало приглашенію петербургской думы и посѣтило затѣмъ Петербургъ, гдѣ въ честь ихъ былъ устроенъ рядъ празднествъ.

Члены сѣзда осматривали въ Петербургѣ всѣ выдающіяся медицинскія учрежденія столицы, въ томъ числѣ институтъ экспе-

риментальной медицины, пользующійся громкой извѣстностью во всемъ мѣрѣ, какъ единственное въ своемъ родѣ медицинское учрежденіе. Съ проф. Вирховымъ во главѣ и въ сопровожденіи проф. Склифасовскаго, почетнаго лейбъ-медика Бергенсона и д-ра Раухфуса, они встрѣчены были самимъ Августѣйшимъ попечителемъ института, прицемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и супругой Его Высочества, принцессой Евгеніей Максимиліановной Ольденбургской. Изображенная здѣсь на нашемъ рисункѣ группа снята именно у здаіи института экспериментальной медицины, на Антекарскомъ острову.

Къ рисункамъ.

Бываютъ въ жизни дни, часы, когда хочется говорить стихами. Это — дни большихъ торжествъ. Такого мѣня всѣ, не только дѣти и юноши. Что за торжество безъ стихотворныхъ

автора и которыя въ то же время, вслѣдствіе симпатичности этого замысла, устанавливаютъ сразу сердечную близость между лицомъ, созерцающимъ картину, и художникомъ. При

Августѣйшій Попечитель института, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Проф. Склифасовскій.

Проф. Вирховъ.

Лейбъ-медикъ Бергенсонъ.

Д-ръ К. А. Раухфусъ съ супругой.

Члены международного сѣзда врачей въ Петербургѣ, передъ зданіемъ Института экспериментальной медицины. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

привѣтствій, что за именины безъ похвальныхъ стиховъ. Кому изъ насъ въ дѣтствѣ не приходилось заучивать эти умерительные, наипущенные стихи, кому изъ насъ не доводилось цѣлыми часами затверживать ихъ накануне маминныхъ или тетинныхъ именинъ. Какъ трепетно билось наше дѣтское сердечко, когда наступалъ долгожданный „день ангела“, и мы медленно, твердо на ходу въ послѣдній разъ стихи, бездумно приближались къ маминной комватѣ, чтобы „неожиданно“ распахнуть двери и начать свое мудреное привѣтствіе. Кому изъ насъ не впамятны эти тревожныхъ, но сладкихъ минуты промелькнувшаго дѣтства изображенная здѣсь дѣвочка съ похвальныхъ стихами? Они у нея тутъ, въ рукѣ, бережно, старательно написанные, въ изцѣленномъ атласномъ конвертикѣ; они у нея уже на устахъ...

Картина г. Богданова-Бѣльскаго „У больного учителя“ была однимъ изъ украшеній XXV-ой передвижной выставки. Она, дѣйствительно, и по идеѣ, и по исполненію очень хороша. Это — одна изъ тѣхъ картинъ, въ которыхъ все ясно, которыя не допускаютъ никакихъ сомнѣній относительно замысла

подобныхъ картинахъ чувствуешь невольно, какая глубокая неправда заключается въ теоріи, будто бы все равно, что изображаетъ намъ художникъ, — благо форма была бы совершенна. Мы здѣсь не станемъ отмѣчать замысла художника: онъ слишкомъ очевиденъ, не будемъ указывать на бѣдную обстановку, въ которой разыгрывается изображенная сцена, на всѣ тѣ детали, въ которыхъ выражается душа больного народнаго учителя: на столикъ съ любимыми его книгами, висящую на стѣнѣ скринку, покосившіяся маленькій глобусъ, на то, что учитель и во время болѣзни не выпускаетъ изъ рукъ книги. Не будемъ мы останавливаться и на любовномъ, умиленномъ взглядѣ старшаго ученика, который смотритъ на своего учителя, какъ на человѣка, наиболѣе ему дорогого въ жизни, на его товарищѣ, славномъ, симпатичномъ мальчуганѣ, какіе, слава Богу, часто встрѣчаются въ нашей деревнѣ, собравшемъ ягоды, чтобы чѣмъ-нибудь порадовать своего наставника. Не будемъ мы останавливаться и на выраженіи лица самого больного учителя, который въ своей отшельнической, невзрачной жизни имѣетъ одну отраду, одно утѣшеніе, правда, вознаграждающія его сторицею за

всѣ лишены — любовь этой дѣтвора, убѣжденіе, что онъ принеситъ родицѣ пользу на самой благодарной и плодородной нивѣ, сознание честно исполненнаго долга гражданина. Все это слишкомъ ясно выражено художникомъ. Но мы, все-таки, не можемъ не отгнѣять хотя бы однимъ словомъ того возвышеннаго настроенія, того подъема духа, который вызываютъ подобныя картины. Если картина г. Богданова-Вѣльскаго имѣла большой успѣхъ, если на Руси встрѣтится мало людей, которые не взглянуть на нее съ умиленіемъ и не пожелаютъ отъ всей души быстрого выдворенія большому учителю, то, значить, мы всѣ болѣе или менѣе создаемъ, какъ необходимы нашей родицѣ подобныя дѣятели, какъ сильно въ насъ желаніе, чтобы ихъ было побольше и чтобы между ними и учащейся деревенской дѣтвора установились такія же теплыя отношенія, какія изобразилъ намъ художникъ на своей картицѣ.

*

Помѣщаемая нами въ нынѣшнемъ № *Нивы* историческая картина покойнаго художника Кившенко, — такъ рано окончившаго свою блестящую художественную карьеру, — изображаетъ одинъ изъ выдающихся по важности моментовъ въ исторической жизни русскаго народа. Моментъ этотъ, вѣроятно, относится къ концу 1479 года, когда острожный и тонкій политикъ, Іоаннъ III, великій князь московскій и основатель будущаго могущественнаго Московскаго государства, рѣшился, наконецъ, сбросить съ себя позорное иго зависимости отъ хановъ Золотой Орды. Зависимость эта, въ концѣ XV вѣка, давно уже перестала быть непосильно-тяжкой и обременительною для разбогатѣвшаго и окрѣпшаго великаго Московскаго княжества: она выражалась только въ томъ, что московскій великій князь, одинъ разъ въ годъ, передавалъ въ руки присланнаго къ нему ханскаго посольства небольшую дань отъ всей земли Русской и прсклонился передъ изображеніемъ (басмю) хана, которое послы татарскаго владыки приносили съ собою вмѣстѣ съ ханскою милостивою грамотою къ князю. Посольству ханскому обычно устраивалась торжественная встрѣча по пути къ Кремлю, и, вѣроятно, поэтому именно одна изъ московскихъ улицъ до сихъ поръ носитъ древнее названіе *Басманной*; затѣмъ посольство ханское съ большимъ почетомъ бывало принято и угощаемо въ великокняжескихъ хоромахъ и, получивъ дань, отправлялось во-сво-ю-ю. И вотъ, въ концѣ 1479 или, быть-можетъ, въ началѣ 1480 г., это обычное теченіе дѣлъ было нарушено; посольство ханское было принято безъ всякихъ почестей и къ крайнему изумленію и досадѣ важныхъ татарскихъ сановниковъ, входившихъ въ составъ посольства, Іоаннъ III отказалъ хану въ уплатѣ обычной дани, отказался преклониться передъ *басмю* хана, а грамоту ханскую бросилъ на полъ и попиралъ ногами. По-

слы возвратились къ хану съ пустыми руками, а ханъ Ахметъ, задумавшій наказать великаго князя московскаго за его „продерзости“, увидѣлъ себя совершенно безсильнымъ передъ тѣмъ многочисленными и стройными ратями, которыми великій князь московскій оградилъ предѣлы своего княжества отъ татарскаго вторженія. Известно, что въ 1480 г. татарскія полчища простояли безъ дѣйствія на берегахъ р. Угры до поздней осени въ виду московскихъ полковъ и затѣмъ отступили въ свои заводскія степи. Вотъ почему этотъ 1480 годъ и считается годомъ „сверженія татарскаго ига“ въ русской исторіи. Причиною долгихъ колебаній Іоанна III (который, собственно говоря, могъ и ранѣе избавиться отъ зависящихъ отношеній къ ослабѣвшей Ордѣ) было то, что Іоаннъ III не былъ вовсе вопиющъ и постоянно дѣйствовать какъ осторожный и тонкій политикъ, заранѣе разсчитавъ всѣ шансы будущаго успѣха... Воевать и вѣрять оружію судьбу государства, которое онъ создалъ съ удивительною мудростью и величайшею осторожностью, было не въ его духѣ. Онъ опасался разоренія и неистовствъ, которымъ татарское нашествіе могло подвергнуть русскія княжества, уже давно забывшія объ ужасахъ подобныхъ нашествій, и пригомъ Іоаннъ, видимо, представлялъ себѣ Орду гораздо болѣе сильною, нежели она была въ дѣйствительности въ концѣ XV вѣка. Историки утверждаютъ (и, кажется, есть полное основаніе этому вѣрить), что перѣшительный Іоаннъ III былъ окончательно побужденъ къ сверженію ханскаго ига своею умною и гордою супругою, прирожденною царвеною византійскою... П.

*

„Праздникъ жизни — молодости годъ“, — воскликнешь невольно при видѣ этой сияющей свѣжестью, радостью, красотою дѣвушки, проснувшейся въ ожиданіи поздравленій. Да, это — настоящія именины и настоящая имениница, еще способная по молодости дѣтъ безраздѣльно воспринимать радости жизни. Она только что проснулась, и ее уже окружаютъ цвѣты, передъ ней лежитъ поздравительное письмо. Можно быть увереннымъ, что она получитъ еще много цвѣтовъ и много поздравленій. Своимъ лукавымъ взглядомъ, своею милою улыбкою и рѣдкою граціею, — этими дарами природы, столь щедро ей удѣленными, она можетъ внести лучъ свѣта въ жизнь всякаго человѣка,

хотя бы даже самаго зако-реннаго мизантропа. Нельзя взглянуть на нее, чтобы не улыбнуться хорошему, доброю улыбкою и привѣтствовать ее ласковыми словами. Пожелаемъ же ей къ наступающему дню Вѣры, Надежды и Любви не надежды — развѣ дѣвушка съ такимъ лицомъ можетъ и уждаться въ ней, —не любви, которою она навѣрное окружена, и, можетъ-быть, даже не вѣры, потому что въ молодости вѣра дается такъ легко, — а счастья и радости.

Король Швеции и Норвегии Оскаръ II (по поводу 25-лѣтія царствованія). По фот. автотипія „Нивы“.

Новгородскій Антоніевскій монастырь (по поводу 300-лѣтія его существованія). Съ современной литографіи автотипія „Нивы“.

всѣхъ этихъ благъ, безъ которыхъ жизнь человѣческая такъ печальна,—и въ лицѣ ея пожелаемъ того же всѣмъ другимъ именинницамъ, потому что красота отвѣщаетъ, а вѣра, надежда и любовь всегда скрашиваютъ и озаряютъ человѣческую жизнь.

*

Попались! И сунуло же барыню взглянуть во дворъ! Такъ все шло у нихъ ладно и складно. Его баринъ невзыскательный, цѣлый день въ расходѣ; утромъ ученье, а потомъ,—потомъ кто его знаетъ, гдѣ онъ пропадаетъ. Только и дѣла, что поутру амуницію исправить его благородію, во время разбудить его да чаю „покрѣпче“ приготовить. А потомъ цѣлый день хоть сиди сложа руки. Завидное житье! Не то что сосѣдкиной прислугѣ. День-деньской извиваетъ бѣдника отъ работы. Со стороны смотрѣть жалко, а въ такой близости и подавно. Что стоить ему лишнюю пару ботинокъ вычистить, или дѣствицу подмести, или за чѣмъ въ лавочку для нея сбѣгать. Ахъ, смотришь, и облегченіе, и услужилъ собесѣдкѣ. И та тоже не идолъ безчувственный. Должна же она отплатить за добро услужливому „кавалеру“. На взаимности услугъ весь мѣръ держится. А, подите, объясните это барынь. Распечетъ да еще отъ мѣста откажетъ.

*

Талантливая датская художница написала семейный портретъ, но при этомъ сумѣла сдѣлать изъ него цѣлую картину, и картину, полную содержания, выразительную, говорящую за себя безъ всякихъ похвалъ. Развѣ не мило передано это капризное личико маленькой блондуры дѣвочки, нехотя идущей пальчикомъ по алфавиту? Это — ея первый урокъ, ея первые горькіе часы въ жизни. Прощай беззаботныя игры, безпредѣльное веселье! Пора учиться. Даже ея добрая, славная мама, которая ее вѣчно балуетъ, — и та заставляетъ теперь бѣдную дѣвочку цѣлый часъ сидѣть за этими противными буквами. И скучно, и обидно!

Оскаръ II, король Швеціи и Норвегіи.

(Портр. на стр. 881.)

5-го сентября начался въ Стокгольмѣ рядъ торжественныхъ празднествъ. Швеція чествовала своего масгатаго короля Оскара II по поводу 25-лѣтія его царствованія, исполнившагося 6-го сентября. На торжество это съѣхались въ столицу Швеціи представители всѣхъ европейскихъ державъ. Представителемъ нашего Государя явился Его Высочество великій князь Константинъ Константиновичъ.

Нужно побывать въ Швеціи, присмотрѣться къ ея народной жизни, чтобы понять, какъ дорого для Швеціи это торжество, какъ тѣсно связано благоденствіе Швеціи съ дѣятельностью ея короля. Если только мыслить король, какъ образецъ государственнаго дѣятеля, мыслителя, оратора, ученаго и человѣка въ высшемъ значеніи этого слова, то онъ воплотился для шведскаго народа въ лицѣ короля Оскара II. Нынешній шведскій король — не только Божій избранникъ, но пастырь народа, — народной любви и гордости.

Эта народная любовь складывалась постепенно, за четверть вѣка его мирнаго, выдающагося культурными побѣдами царствованія.

Король Оскаръ II вступилъ на престолъ сорока двухъ лѣтъ, съ богатымъ запасомъ житейскаго опыта, съ основательнымъ знаніемъ государственныхъ дѣлъ, съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ и съ горячимъ желаніемъ всего отдать себя служенію народу. Рядъ предпринятыхъ имъ крупнѣйшихъ внутреннихъ реформъ (главнѣйшія изъ нихъ: законъ о народномъ образованіи 1882 г., значительно улучшившій матеріальное положеніе народныхъ учителей и въ силу того поднявшій все дѣло народнаго образованія, сильное распространеніе обществъ трезвости, постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ, цѣлый рядъ мѣръ къ развитію торговли и промышленности), сдѣлали Швецію, эту безплодную, каменную страну, благоденствующей, одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ, во многомъ служащей образцомъ для другихъ странъ.

На ряду съ заботами о народномъ образованіи король Оскаръ явился просвѣщеннымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. Король преобразовалъ академію наукъ и художествъ, а также и академію музыки (консерваторію), причемъ въ основѣ этихъ преобразованій лежало стремленіе короля приблизить науку и искусство къ народной массѣ, обезпечить ихъ воздѣйствіе на развитіе въ ней художественнаго вкуса. Въ то же время король не жалѣлъ даже своихъ личныхъ средствъ для новыхъ завоеваній науки, для цѣлаго ряда морскихъ экспедицій, обогатившихъ науку. На средства короля еще въ 1861 г., въ бытность его принцемъ, была снаряжена полярная экспедиція Торелли, а затѣмъ и знаменитая экспедиція Норденшильда; горячее участіе принялъ король Оскаръ въ снаряженіи экспедицій Пансена и Андрэ. Король являлся медрымъ жертвователемъ на поддержку старинныхъ памятниковъ архитектуры и старѣйшихъ шведскихъ университетовъ — Упсальскаго и Лундскаго. Въ Упсальскомъ университетѣ закончилъ король свое высшее образованіе (съ 1849 по 1849 г.), а двадцать лѣтъ спустя, Лундскій уни-

верситетъ, празднующъ столѣтній юбилей своего существованія, поднесъ принцу Оскару за его выдающуюся научную дѣятельность дипломъ доктора философіи honoris causa. Главнѣйшія области научной дѣятельности короля Оскара — математика и отечественная исторія. Историческія изслѣдованія короля Оскара являются крупнымъ вкладомъ въ національную литературу. Кроме того, король, еще будучи принцемъ, съ 1859 по 1863 г. читалъ въ академіи наукъ публичные лекціи по исторіи шведскаго флота и арміи. Въ нихъ онъ выказалъ умѣнье ярко освѣщать историческіе факты и выдающіяся ораторскія способности. Рѣчи короля Оскара, произнесенныя имъ за четверть вѣка его управленія страной, отражаютъ въ себѣ его выдающійся умъ, разностороннее образованіе и возвышенность мысли и души.

За королемъ Оскаромъ давно уже установилось имя талантливаго поэта. Сборники стихотвореній „Оскара Фредерика“ (псевдонимъ короля Оскара II) переведены на иностранные языки, въ томъ числѣ (въкоторыя) и на русскій (г. Головинъ). Прекрасно владѣя пятью иностранными языками, король Оскаръ занимается переводомъ выдающихся иностранныхъ поэтическихъ произведеній. Такъ, онъ перевелъ два такіа обширныхъ классическихъ произведенія, какъ „Торквато Тассо“ Гёте и „Сидъ“ Гердера (по испанскимъ романсамъ). Крупнѣйшимъ сборникомъ оригинальныхъ стиховъ короля считается „Ursvenska flottens minnan“ (изъ воспоминаній о шведскомъ флотѣ), увѣнчанный почетнымъ отзывомъ шведской академіей, не знавшей истиннаго имени автора стихотвореній. Это — гимнъ морю и морякамъ, близкимъ и роднымъ сердцу короля съ самаго дѣтства. Море — вся краса Швеціи, ея кормилица, поприще ея былыхъ побѣдъ и современнаго мирнаго благосостоянія. Море — родная стихія шведа, отъ короля до крестьянина, флотъ — его главный оплотъ.

Морю отдался король Оскаръ съ 12-лѣтняго возраста. Изучать морское дѣло началъ онъ на ряду со всѣми простыми кадетами и постепенно выслуживалъ чины и повышенія, вплоть до адмирала, вмѣстѣ съ другими держалъ экзамены на офицера, вмѣстѣ съ сослуживцами ходилъ въ плаванія.

Эта неразрывная связь съ народомъ не порвалась и послѣ того, какъ принцъ Оскаръ сталъ королемъ Оскаромъ II, — она даже еще болѣе окрепла. Залывъ въ своей первой тронной рѣчи, что корона для него является символомъ монаршаго долга, заключающагося въ способствованіи благоденствію обоихъ братскихъ народовъ, онъ твердо и свято исполняетъ этотъ тяжелый долгъ, несмотря на всѣ препятствія, на противодѣйствіе его начинаній со стороны Норвегіи, соединенной со Швеціей подъ его скипетромъ, но стремящейся къ отдѣленію отъ нея во всѣхъ сферахъ государственной жизни. Такъ, даже чествованіе юбилей своего короля Норвегія рѣшила тоже особо, недѣлю спустя. Но крупнѣйшимъ звеномъ между обоими государствами является самъ король, общая ихъ любовь къ королю, старающемуся быть справедливымъ и безпристрастнымъ, не щадящему силъ для процвѣтанія всей Скандинавіи. Чтобы быть какъ можно ближе къ народу, къ его нуждамъ — король предпринимаетъ частыя поядки по государству, вступаетъ въ бесѣды съ общественными дѣятелями, представителями печати и даже частными лицами. Въ заботахъ о томъ, чтобы надъ подданными его творился судъ правый и милостивый, король часто лично посѣщаетъ суды, слушаетъ разборъ дѣлъ и нерѣдко тутъ же пользуется своимъ верховнымъ правомъ помилованія.

Каждый шведъ знаетъ, что всегда найдетъ защиту и прибрежнше у самого короля. Какъ открыта душа короля Оскара, такъ доступенъ и его дворецъ. Двери королевскаго кабинета разъ въ недѣлю, по вторникамъ, открыты для всѣхъ. Безъ всякихъ процедуръ и прошеній, проситель идетъ безпрепятственно во дворецъ, записывается въ приемной свое имя и изъ нея, черезъ галлерею, попадаетъ затѣмъ прямо въ кабинетъ короля. Бесѣда происходитъ съ-глазу-на-глазъ, безъ свидѣтелей. Король каждый внимательно выслушиваетъ, записываетъ его просьбу и отпускаетъ съ ласковыми, бодрящими словами утѣшенія.

Король занятъ съ утра до вечера. Частныя аудіенціи отнимаютъ у короля цѣлое утро, затѣмъ онъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ и занимается дѣлами. Въ третьемъ часу, послѣ завтрака, онъ отправляется на прогулку, въшкомъ; при этомъ король осматриваетъ выставки или что-либо новое, выдающееся въ городѣ, посѣщаетъ общественныя учрежденія или же совершенно запросто заходитъ навѣстить своихъ друзей. Затѣмъ, по возвращеніи во дворецъ, король садится за чтеніе или пишетъ. Библиотека короля Оскара одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Въ библиотекѣ король проводитъ часа два, вилотъ до обѣда, который подается обыкновенно въ шесть часовъ. Во дворцѣ имѣется интересная питиная столовая короля: маленькая узенькая комната, убранная очень просто; у стѣны — диванъ и передъ нимъ круглый столъ. Здѣсь обѣдаютъ король съ королевой. Вечеромъ король ѣдетъ въ театръ или въ концертъ или же принимаетъ гостей у себя. Король большой знагокъ и любитель музыки, и на дворцовыхъ частныхъ вечерахъ главнымъ образомъ занимается музыкой, при чемъ король нерѣдко выступаетъ въ числѣ исполнителей — играетъ

или поетъ. Вечеръ заканчивается легкимъ ужинкомъ, и король уходитъ въ свои покои, гдѣ еще часа два-три занимается чтеніемъ и подписываніемъ государственныхъ бумагъ.

Такъ просто живетъ и правитъ своимъ народомъ король Оскаръ. Простъ онъ во всемъ, въ обхожденіи со всѣми, проста обстановка, его окружающая. Дворецъ короля можно свободно осматривать и желающихъ побывать въ немъ всегда масса, и это не любопытные, равнодушные иностранцы-туристы, а коренные шведы, жители окрестныхъ городовъ и деревень, считающіе своимъ долгомъ навѣстить королевскій дворецъ при каждомъ своемъ посѣщеніи Стокгольма. При осмотрѣ дворца впереди идетъ дворцовый служитель и указываетъ наванія залъ, даетъ объясненія по поводу сосредоточенныхъ въ нихъ предметовъ роскоши. Но нужно созваться, что объяснять ему приходится не много. Апартаменты поражаютъ простотой своего убранства. Покои королевы нѣсколько роскошнѣе, а король живетъ совсѣмъ въ простой обстановкѣ. Личныхъ, собственныхъ комнатъ очень не много, и избалованный глазъ европейца прямо таки не находитъ въ нихъ роскоши, той дворцовой роскоши, дивиться которой обыкновенно и приходять во дворцы. Почти всѣ выдающіеся художественныя предметы во дворцѣ: равны мозаичные, мраморные столы, картины, статуи, рѣдкостныя вещи подарены, по словамъ дворецкаго, російскими императорами и императрицами. И каждую вещь осматриваютъ съ любовью, съ какой-то веприсущей шведу нѣжностью. Рассказываютъ, что иногда король самъ показываетъ посѣтителю свою дворцовую коллекцію. Если это и рассказы только, то достаточно, что имъ вѣрятъ, считаютъ ихъ вполне правдоподобными. Королевскій дворецъ лучше, выше всѣхъ домовъ въ Стокгольмѣ, къ нему обращены всѣ взоры города, къ нему приведетъ васъ каждый шведъ, какъ къ первой достопримѣчательности Стокгольма. Можно себѣ представить, какимъ единодушнымъ восторгомъ наполнилъ сердца всего шведскаго народа юбилей ихъ короля. Это общее, національное шведское торжество.

И. З.

300-лѣтіе новгородскаго Антоніевскаго монастыря. (Рис. на стр. 881.)

3-го августа новгородскій Антоніевскій монастырь отпраздновалъ двойное торжество: семисотъ-пятидесяти-лѣтіе со дня кончины своего основателя, преподобнаго Антонія Римлянина, и трехсотлѣтіе открытія его честныхъ мощей и возобновленія разореннаго монастыря.

Изъ жизни преподобнаго, написанной ученикомъ его Андреемъ, видно, что особая чудодѣйственная сила Промисла Божьяго сопутствовала его путешествію изъ отдаленной Италіи въ нашу мало-нѣвѣстную тогда сѣверную страну—Русскую. Незнакомство съ славяно-русскимъ языкомъ на первое время затрудняло преподобнаго при соотношеніяхъ съ жителями и при управленіи богослуженія, но тутъ въ помощь ему явился одинъ изъ новгородскихъ купцовъ, знавшій иностранные языки; при усердныхъ занятіяхъ этого купца съ преподобнымъ, вскорѣ имъ изученъ былъ мѣстный разговорный и письменный языки, такъ что преподобному легко было принятыя за устройство обители.

Первая церковь была деревянная, небольшая, построенная въ честь праздника Рождества Пресвятыя Богородицы, но въ 1117 году на мѣстѣ ея была воздвигнута каменная того же имени.

Послѣ сооруженія соборнаго храма, преподобный Антоній построилъ вторую церковь въ честь праздника Срѣтенія Господня и при ней трапезу для братіи.

Кромѣ того, былъ устроенъ странноприимный домъ, гдѣ богомольцы, пришедшіе изъ другихъ мѣстъ, имѣли приютъ и содержаніе отъ монастыря.

По смерти преп. Антонія, послѣдовавшей въ 1147 г., монастырь, основанный имъ, видѣлъ не мало превратностей: набѣги шведовъ и ливонцевъ, осады отъ московскихъ царскихъ войскъ, пожары, повальные болѣзни, особый гнѣвъ и особую милость царя Грознаго, который первоначально его почти уничтожилъ, а потомъ наградилъ и возвелъ въ санъ. За многолѣтній періодъ времени монастырь былъ и въ богатомъ, благоустроенномъ состояніи, и близокъ къ ищетѣ и совершенному упадку.

Особенно выдающимся въ исторіи монастыря отмѣчается 1597 годъ. Въ этотъ годъ Богъ прославилъ преподобнаго Антонія открытіемъ мощей его. Это было въ царствованіе благочестиваго царя Θεодора Иоанновича, при всероссійскомъ патріархѣ Іовѣ.

Въ настоящее время монастырь находится въ благоустроенномъ состояніи. Онъ имѣетъ соборную церковь въ честь праздника Рождества Пресвятыя Богородицы; храмъ этотъ, если не цѣликомъ дожилъ до нашихъ дней отъ первостроителя его, пр. Антонія, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя части стѣнъ могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ его постройки. При входѣ въ храмъ, на цперти или въ предхрамѣи, съ правой стороны видѣнъ въ стѣну тотъ камень, на которомъ, какъ гласитъ преданіе, прибылъ пр. Антоній по морю въ Россію.

Онъ аршина полтора въ діаметрѣ, изъ породы крупнозернистаго гранита. Съ правой стороны, у иконостаса, почиваютъ мощи преподобнаго; здѣсь же, въ витринѣ на стѣнѣ, его облаченіе и вѣтвь, съ которою, по преданію, онъ прибылъ.

Вторая церковь, трапезная, въ честь праздника Срѣтенія Господня; въ этой церкви еще менѣе сохранилось что-либо отъ первыхъ вѣковъ ея постройки.

Монастырь обнесенъ каменной оградой и имѣетъ нѣсколько каменныхъ корпусовъ братскихъ келій. На южной сторонѣ построена красивая трехъярусная колокольня, съ сѣверной же стороны помѣщается за оградой обширное трехэтажное зданіе духовной семинаріи.

Иннокентій, митрополитъ московскій.

(Портр. на стр. 884.)

26-го августа исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія митрополита московскаго Иннокентія, просвѣтителя алеутовъ и инородцевъ Восточной Сибири. Его подвиги среди этихъ народовъ были такъ велики, что еще при жизни создали ему славу ревностнаго миссіонера.

Митрополитъ Иннокентій, въ мѣрѣ Іоаннъ, родился 26-го августа 1797 г. Отецъ его, Евсевій Поповъ, былъ понамаремъ села Ангинскаго Иркутской епархіи. Девяти лѣтъ мальчишка отвезли учиться въ Иркутскъ, гдѣ онъ прошелъ обычный курсъ ученія для дѣтей духовенства сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ—въ семинаріи. Блестящія успѣхи, обнаруженные Поповымъ въ семинаріи, обратили на него вниманіе начальства, которое отличило его обычнымъ въ то время способомъ—перемѣною фамиліи: въ честь незадолго предъ тѣмъ скончавшагося архіепископа Иркутскаго Веніамина Іоаннъ Евсевіевичъ былъ прозванъ Веніаминнымъ. Съ 1818 г. началась служебная дѣятельность Веніаминова: онъ былъ сначала діакономъ, а потомъ (съ 1821 г.) священникомъ при Благовѣщенской церкви въ Иркутскѣ.

Въ началѣ 1823 г. въ Иркутскѣ полученъ былъ указъ Святейшаго Синода, которымъ предписывалось избрать священника и послать его въ колонію тогдашней русско-американской компаніи—на островъ Уналашку, и о. Іоаннъ Веніаминъ добровольно согласился отправиться на Дальній Востокъ. Прибывъ на мѣсто своего служенія, онъ тотчасъ же съ необыкновенной энергіей приступилъ къ миссіонерской дѣятельности. Онъ началъ съ того, что тщательно изучилъ мѣстный языкъ и нарѣчіе алеутовъ и скоро на природномъ языкѣ сталъ учить тамошнихъ инородцевъ и проповѣдывать имъ ученіе Христово. Но этимъ не ограничивалась дѣятельность заботливаго пастыря: онъ входилъ во всѣ нужды алеутовъ, помогалъ имъ, училъ ихъ разнымъ полезнымъ мастерствамъ и въ короткое время приобрѣлъ ихъ неограниченную любовь и довѣріе. Кромѣ того, дѣятельный миссіонеръ успѣлъ показать себя и съ учено-литературной стороны. Онъ написалъ много сочиненій, которыя были столь новы, интересны и основательны, что тотчасъ же обратили на себя общее вниманіе и вызвали самыя лестныя отзывы со стороны компетентныхъ ученыхъ. Одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“, было напечатано нашей Академіей Наукъ и удостоено Демидовской преміи. Высокое научное достоинство имѣютъ также и филологическія сочиненія о. І. Веніаминова: „Опытъ грамматики алеутско-лисейскаго языка“ и „Замѣчанія о коломенскомъ и кадьякомъ языкахъ“, изданныя Академіей Наукъ и переведенныя на иностранные языки.

Послѣ 15-лѣтней неутомимой миссіонерской дѣятельности въ Америкѣ, о. Іоаннъ Веніаминъ прибылъ въ Россію. Тутъ вскорѣ въ жизни пастыря случилось событіе, которое сильно повліяло на его дальнѣйшую судьбу: скончалась его супруга. Слѣдствіемъ этого было то, что о. Веніаминъ 29-го ноября 1840 г. принялъ монашество съ именемъ Иннокентія, а на другой день былъ посвященъ въ санъ архимандрита. Въ самый день посвященія состоялось опредѣленіе Св. Синода объ открытіи самостоятельной камчатской епархіи. Епископомъ новооткрытой епархіи, въ составъ которой вошли Камчатка, Охотская область и всѣ русско-американскія владѣнія, былъ назначенъ архимандритъ Иннокентій съ наименованіемъ камчатскаго, курильскаго и алеутскаго, а мѣстопробываніемъ ему былъ назначенъ Ново-Архангельскъ на о. Ситхѣ.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія, преосвященный Иннокентій съ прежней ревностью принялся за миссіонерское дѣло. Въ 1852 году къ камчатской епархіи причислена была Якутская область, и преосвященный Иннокентій переѣхалъ въ Якутскъ. Съ присоединеніемъ Амурскаго края, его кафедра въ 1862 году перенесена была въ Благовѣщенскъ, а для Ситхи и Якутска поставлены особые епископы, его викаріи. Ровно 27 лѣтъ Иннокентій въ епископскомъ санѣ трудился на миссіонерскомъ поприщѣ въ отдаленныхъ странахъ Сибири, и труды его сопровождался полнымъ успѣхомъ. Какъ истинный миссіонеръ, онъ мало придавалъ значенія одному только виѣшнему обращенію язычниковъ въ христіанство; сущность миссіонерства онъ полагалъ въ сознательномъ и разумномъ усвоеніи новообращенными истинъ вѣры и прав-

ственности, и средством для достижения этой цѣли считалъ проповѣдь и отправление богослуженія на туземныхъ инородческихъ языкахъ. Вотъ почему, по прїѣздѣ въ Якутскъ, пресвященный Иннокентій ревностно принялся за изученіе якутскаго языка и, кромѣ того, составилъ особый комитетъ, которому поручилъ сдѣлать переводъ на этотъ языкъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ.

19-го ноября 1867 г. скончался святитель московскій Филаретъ, и преемникомъ ему былъ назначенъ архіепископъ Иннокентій, который въ новомъ званіи оказалъ едва ли не самую важную услугу миссіонерскому дѣлу. Менѣе чѣмъ черезъ два года по прибытіи въ Москву, онъ открылъ здѣсь православное миссіонерское общество, которое впервые дало нашему миссіонерству правильную организацію и призвало къ участию въ немъ весь православный русскій народъ. Кромѣ того, митрополитъ Иннокентій не мало заботился объ облегченіи пуждъ мѣстнаго духовенства и о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи.

Покойный архіепископъ дожилъ до глубокой старости: онъ скончался 31-го марта 1879 г. и погребенъ въ обители св. Сергія, въ церкви Филарета Милостиваго, рядомъ съ митрополитомъ Филаретомъ.

Первопрестольная и Дальній Востокъ не забыли заслугъ своего пастыря: 26-го августа были совершены заупокойныя литургии и панихиды во всѣхъ храмахъ столицы. Миссіонерское общество устроило чрезвычайное засѣданіе. Въ Хабаровскѣ торжественно отпраздновано столѣтіе со дня рожденія высокопреосвященнаго Иннокентія. Послѣ заупокойной литургии и панихиды въ городскомъ соборѣ, въ военномъ собраніи, въ присутствіи властей, интеллигенціи города и учебныхъ заведеній, однимъ изъ членовъ мѣстнаго отдѣла географическаго общества сдѣлавъ докладъ, посвященный памяти архіепископа: его биографіи, трудамъ, подвижнической жизни, просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности среди дикихъ племенъ крайняго Сѣверо-востока. До и послѣ доклада хорамъ городскихъ училищъ исполнены были духовные концерты. Городская дума увѣковѣчиваетъ памятный день учрежденіемъ женской приходской школы, съ присвоеніемъ ей наименованія Иннокентіевской. Кромѣ того, на родннѣ покойнаго архіепископа, въ селѣ Ангинскомъ, предложено устроить двухклассную церковно-учительскую школу съ ремесленными при ней классами, которая также будетъ именоваться Иннокентіевскою. Хабаровскимъ комитетомъ народныхъ чтеній было устроено народное чтеніе со свѣтовыми картинками; посвященное памяти Иннокентія. Стечение слушателей было громадное.

Печальная случайность. Ровно черезъ недѣлю послѣ этого торжества, скончался 2-го сентября одинъ изъ преданнѣйшихъ сотрудниковъ Иннокентія, по миссіонерской дѣятельности, казанскій архіепископъ Владиміръ.

Политическое обозрѣніе.

Издающаяся на Дальнемъ Востокѣ англійская печать непрестанно твердитъ чуть ли не объ обрусеніи Кореи. Между тѣмъ, по недавнимъ свѣдѣніямъ корреспондента *Нов. Врем.*, основаннымъ, повидимому, на достовѣрныхъ мѣстныхъ данныхъ,

со времени возвращенія корейскаго короля къ себѣ во дворецъ, наше вліяніе въ Корейскомъ королевствѣ не усиливается. Король оставилъ адміра русскаго посольства по настоянію министровъ, сославшихся на народныя петиціи да на возможность народнаго бунта, тогда какъ петиціи эти и воображаемые бунты — плодъ дѣятельности мандариновъ японской и американской партій, дѣйствующихъ противъ короля угрозами и запугиваніями. Въ Корейскомъ дворцѣ стала неумолимо дѣятельность японцевъ, орудіемъ которыхъ являются обучающіеся въ Японіи корейцы, совѣтующіе своимъ соотечественникамъ оставить мысль о довѣрїи къ Россіи и брать примѣръ съ Японіи. Въ Сеулѣ теперь 400 японскихъ солдатъ, въ Гензанѣ и Фузанѣ по 200, къ тому же проживающая въ Корейскомъ масса японцевъ въ любое время можетъ быть призвана къ оружію; во всѣхъ своихъ стоянкахъ японцы строятъ казармы, разбѣгая въ нихъ своихъ солдатъ подъ видомъ кули-рабочихъ. Въ Чемульпо дѣйствуетъ японская администрація,

превратившая этотъ портъ въ японскій городъ. Съ цѣлью занять, по крайней мѣрѣ, половину Кореи, японцы добиваются концессіи на постройку желѣзной дороги Сеулъ—Фузанъ; въ виду лишь особеннаго значенія этой линіи, корейцы пока не соглашаются, но едва ли устоятъ. Вообще японцы держатся въ Корейскомъ королевствѣ вызывающаго образа дѣйствій. Лишь король корейскій съ большинствомъ простого народа и съ немногими мандаринами настроены миролюбиво, но и это настроеніе непрочное, такъ какъ корейцы не знаютъ, насколько могутъ разсчитывать, въ случаѣ нужды, на поддержку другихъ государствъ. Главные совѣтники короля—американцы, изъ которыхъ одинъ — природный кореецъ, издающій двѣ газеты на англійскомъ и корейскомъ языкахъ. Выдающіяся правительственные мѣста заняты англичанами. Большинство иностранцевъ въ Корейскомъ королевствѣ работаетъ, разумеется, не въ пользу Россіи.

Концессія на постройку дороги Сеулъ—Чемульпо продана американцами Японіи. Корейское

правительство, снова, повидимому, сблизилось съ японцами, и не отротествовало переходу дороги въ японскія руки.

Уступая систематическому давленію, Корея открыла еще два порта для иностранцевъ, т. е. для англичанъ и японцевъ: англичане устроили таможену, посадивъ въ нихъ своихъ же англичанъ и сосредоточивъ управленіе въ рукахъ начальника китайской таможену—тоже англичанина; японцы же снѣхаютъ заполнить открытые порты своимъ населеніемъ, чтобы затѣмъ организовать администрацію и сформировать гарнизонъ для охраны подданныхъ микадо. Словомъ, мирное завоеваніе Кореи въ полномъ ходу, и эта страна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе переходитъ на положеніе японской провинціи, чему способствуетъ въ сильной степени энергичная работа просвѣщенныхъ мореплавателей Европы и Азии надъ искорененіемъ всякаго другаго вліянія въ Корейскомъ королевствѣ.

По недавнимъ свѣдѣніямъ, въ Сеулѣ открытъ новый дворцовый заговоръ, имѣвшій цѣлью умертвить любимую жену короля, семь министровъ и многихъ выдающихся лицъ, перевести короля въ другой дворецъ, провозгласивъ новаго короля. По допосу объ угрожающей королю опасности, главный зачинщикъ и 27 видныхъ корейскихъ аристократовъ арестованы.

Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, митрополитъ московскій, первый епископъ намчатскій, курильскій и алеутскій (по поводу 100-лѣтія со дня рожденія).

Съ фот. грав. Ротъ.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ Нашему министру финансовъ.

Именнымъ указомъ Нашимъ 3-го января сего года повелѣли Мы чеканить и выпускать въ обращеніе золотую монету съ означеніемъ на имперіалахъ 15 рублей и на полумперіалахъ 7 рублей 50 копеекъ. Мѣра эта, приведа нарицательное достоинство золотой монеты въ соотвѣтствіе ея цѣнъ, опредѣленной для обмѣна на кредитные билеты, утвердила оцѣнку государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золото и установила обращеніе этихъ билетовъ и золотой монеты на одинаковыхъ основаніяхъ.

Съ постановленіемъ приведеннаго указа Нашего остаются несогласными изданныя ранѣе узаконенія относительно обезпеченія золотомъ выпускать государственныхъ кредитныхъ билетовъ.

Вслѣдствіе сего и для установленія твердаго основанія выпуска государственныхъ билетовъ въ обращеніе, постановляемъ нижеслѣдующее:

Государственные кредитные билеты выпускаются государственнымъ банкомъ въ размѣрѣ, строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія, подъ обезпеченіе золотомъ; сумма золота, обезпечивающаго билеты, должна быть не менѣе половины общей суммы выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, когда послѣднія не превышаютъ 600 мил. рублей. Кредитные билеты, находящіеся въ обращеніи свыше 600 мил. рублей, должны быть обезпечены золотомъ, по крайней мѣрѣ, рубль за рубль, такъ чтобы каждымъ 15 рублямъ въ кредитныхъ билетахъ соотвѣтствовало обез-

печеніе золотомъ на сумму не менѣе одного имперіала.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Бѣловѣжскій дворецъ, 20-го августа 1897 года.

— Женскій медицинскій институтъ, открытіе котораго предполагается 15-го сентября с. г., обогатился новымъ крупнымъ пожертвованіемъ. Въ пользу его завѣщано около 20,000 р. недавно скончавшимся отставнымъ генераль-майоромъ Г. Г. Григоровичемъ.

— По сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей*, одинъ изъ петербургскихъ аристократовъ-благотворителей, обладающій весьма солидными средствами, задумалъ устроить нѣсколько совершенно оригинальныхъ народныхъ школъ передвижнаго типа. Каждая школа будетъ состоять изъ четырехъ домиковъ-фургоновъ, приспособленныхъ и для зимняго жилья. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ будетъ жить учитель, въ другомъ помѣстится библиотека, третій предназначается подъ амбулаторію и четвертый домикъ явится складомъ для тѣхъ главнѣйшихъ материаловъ, которые потребуются при постройкѣ школьныхъ помѣщеній. Домики будутъ приспособлены такимъ образомъ, что не представляютъ затрудненій при перевозкѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ, а тамъ, гдѣ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ, они будутъ становиться на колеса или полозья и передвигаться лошаадьми, которыхъ подъ каждый домикъ понадобится по шести. Добравшись до назначеннаго мѣста, села или деревни,

подвижная школа представитъ самостоятельный поселокъ—и не только просвѣдательный, но и лечебный, такъ какъ при упомянутой выше амбулаторіи будутъ находиться врачъ и фельдшеръ-фармацевтъ. Что касается собственной аудиторіи для дѣтей, то такую предполагается устраивать изъ дешевыхъ мѣстныхъ материаловъ, заботясь только о помѣстительности, воздухѣ и теплѣ. Эти главнѣйшія школьныя удобства предполагается достигнуть при помощи тѣхъ запасныхъ предметовъ, складъ которыхъ, какъ уже сказано, будетъ помѣщаться въ четвертомъ домикѣ-фургоновъ: готовыхъ оконъ, дверей, переносныхъ печей, вентиляторовъ и школьной мебели. Еще одна характерная особенность: при выборѣ педагогическаго персонала для организуемыхъ школъ, предполагается отдавать предпочтеніе людямъ съ высшимъ образованіемъ, а изъ нихъ тѣмъ, которые уже состояли преподавателями въ учебныхъ заведеніяхъ. Недостатка въ такихъ людяхъ не будетъ, такъ какъ жалованье учителямъ предполагается назначить настолько солидное, что ему повзвѣдуть иные учителя и среднихъ учебныхъ заведеній. Общая сѣмь расходовъ, потребныхъ на организацию подобныхъ школъ, опредѣлена въ полмилліона. Въ настоящее время намѣчена уже и мѣстность, гдѣ будутъ, въ случаѣ ихъ осуществленія, подвизаться передвижныя школы,— это Архангельская губернія, гдѣ народное образованіе находится въ плачевномъ состояніи, и гдѣ передвижныя школы, благодаря громаднымъ разстояніямъ между населенными пунктами, являются наиболѣе отвѣчающими мѣстнымъ условіямъ.

2 внутр. 5% съ вышр. заемъ 1866 г.

63 тиражъ 1-го сентября 1897 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 2 внутренняго съ выигрышами займа 1866 г.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

20	1733	2697	3243	4468	5239	6367	7587	9366	10220	11274	12469	13502	14987	16124	17398	18338	19422
428	1878	2721	3264	4498	5482	6373	7669	9369	10764	11278	12508	13532	15184	16134	17565	18414	19473
581	1898	2749	3265	4591	5523	6505	7766	9410	10774	11371	12691	13685	15196	16151	17623	18464	19541
987	1935	2767	3408	4606	5599	6772	7865	9545	10882	11455	12823	13745	15379	16237	17721	18653	19573
1108	2050	2778	3432	4658	5737	6785	8163	9653	10927	11477	12866	13848	15389	16294	17728	18775	19586
1155	2302	2785	3621	4678	5819	6921	8280	9693	11015	11836	12918	14248	15526	16364	17773	18830	19595
1238	2347	2785	3623	4707	5856	7124	8399	9775	11082	11837	12992	14251	15515	16419	17918	18847	19783
1354	2376	2839	3791	4728	5888	7172	8488	9777	11090	12114	13049	14443	15749	16759	17943	18945	19978
1430	2448	3000	3871	4742	5909	7213	8555	9897	11103	12146	13253	14464	15767	16792	18007	19020	
1453	2476	3030	3876	4799	6111	7233	8717	9975	11128	12352	13393	14800	15976	17195	18042	19102	
1471	2501	3053	3943	4834	6264	7271	8771	10004	11130	12400	13418	14816	16008	17223	18077	19343	
1559	2627	3196	3988	5158	6321	7373	8892	10148	11211	12405	13446	14915	16118	17301	18207	19349	

Всего 212 серій, составляющія 10,600 билетовъ, на сумму 1,378,000 рублей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Мещерявичи-Данченко. (Продолженіе.)—Грѣза. Эскизъ Н. А. Лукмановой. — XII междуна-родный сѣздъ врачей въ Москвѣ. (Окончаніе.) (Съ рисункомъ.) — Въ рисункѣхъ Подарительные стихи.—У больного учителя.—Юань III, великій князь московскій, побираетъ грамоту ханскую и отказываетъ послать въ уплатѣ дань.—Именинница.—Попались.—Первый урокъ.—Оскаръ II, король Швеціи и Норвегіи (съ портр.).—300-лѣтіе новгородскаго Антоніевскаго монастыря (съ рис.).—Митрополитъ московскій Иннокентій (съ портр.).—Политическое обзрѣніе.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Только что отпечатано и поступило въ продажу роскошное иллюстрированное изданіе in quarto

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Г. Э. ЛЕССИНГА.

Съ 85 рисунками и 11 эстампами.

Переводъ съ нѣмецкаго ВИКТОРА КРЫЛОВА. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библиографическимъ указателемъ.

Это роскошное изданіе „Натана Мудраго“ отпечатано на превосходной веленовой бумагѣ, крупнымъ, красивымъ шрифтомъ и украшено 11-ю эстампами и 35-ю рисунками, исполненными спеціально для него или выбранными изъ наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ изданій.

Тексту знаменитаго произведенія предпосланъ составленный В. Крыловымъ обширный историко-литературный очеркъ (состоящій изъ пяти главъ), въ которомъ говорится о жизни и дѣятельности Лессинга, какъ объ элементахъ, породившихъ „Натана“, налагается подробная история этого драматическаго произведенія и дается критика его внутренняго содержанія и художественнаго выполненія. Въ концѣ, переводъ „Натана“ снабженъ обстоятельными примѣчаніями, объясняющими трудныя мѣста оригинала, и библиографическимъ указателемъ, который, знакомя читателя съ обширною литературою о „Натанѣ“, выстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на то, какъ относиться къ этому произведенію самые выдающіеся нѣмецкіе писатели и ученые.

Большой томъ въ 4-ю долю листа, 404 стр. СПб. 1897 г.

Цѣна этого роскошнаго изданія 6 руб., съ переслѣю 7 руб.

Для любителей особо роскошныхъ изданій нѣтъся небольшое количество экземпляровъ, въ которыхъ всѣ эстампы отпечатаны на китайской бумагѣ, по цѣнѣ 15 руб., съ перес. 17 руб.

КУРСЫ ПРУШИНСКАГО, ЗАОЧНО
Троицка, 6.
исправляю почерки: чѣмъ хуже почеркъ, тѣмъ результатъ поразительнѣе. Плата 2 рубля.
Прушинскій. № 10450

ПОВѢСТИ И РАССКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (2)
Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Ния. Публ. Библиотеки.
Подробный каталогъ, прѣд-куррантъ по востреб. бездѣлан-но. Пересылка на счетъ мага-зина. Ручательство на 2 года.
Трошечный продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ горькая вода источника **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.**

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Будапештѣ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (102)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикеткѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

О С О Б О

УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ПРОЧНОСТЮ
ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ
БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА
только въ специальномъ магазинѣ бѣлья
Ю. ГОТЛИБЪ. Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго.
Крупные въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. При выпискѣ необходимо: задатокъ, мѣра пояса и длина. Менѣе 3-хъ не высылается.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ принятый въ 1801 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ бесплатно. Монитор отправки нижеслѣдующихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬБРУННЪ** **ФУРБАХЪ** и **СТРИБОЛЬ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
5-4 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 10156

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ въ моей женеваской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 июля с. г. самыя элегантныя и прочныя **МУМОНІЕ ЧАСОВЪ** американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ, — крытыя анкеръ на 28 камняхъ, механизмъ самой лучшей конструкціи (удостоен. серебр. медалью на женеваской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, въ цѣнѣ 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вплоть вышесказанные часы по полученіи задатка 2 р., остальное же по обыкновенной платежкѣ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Фабричный складъ женеваскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆
Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбой фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10406 4-2

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ,
Мясницкая ул., д. Кузнецова, разсылаетъ
по требованію бесплатно богато иллюстрированный каталогъ **ЦВѢТОЧНЫХЪ ЛУКОВИЦЪ**, какъ: гладиаторъ, тюльпановъ и проч., съ объясненіемъ культуръ, содержащій большое количество интересныхъ новостей. Залась луковицъ громадный. Цѣны умеренныя.
За отличное качество товара имѣется много благодарностей.

Эссенція для завивки волосъ
ГРАЦІОЗА.
Самыя красивыя и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющей свой видъ ни отъ потѣи, ни отъ сырой погоды.
Флаконъ 60 к. и 1 р., съ пересылкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. П. № 10438
Складъ техно-химическихъ специальностей **ГЕБГАРДА**. С.-Петербургъ. Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

В. № 10267
10-8
ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечскаго моста.
◆ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ◆
съ лопными ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ. ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ**
ИЗ МАЙЛОВСКОГО ПР. № 21.

ДУХИ высшаго качества, самыя модныя:
Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
Новая Фіалка Букетъ Флориды
пріятный и долго сохраняющійся запахъ.

МАГАЗИНЫ: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул., домъ № 24-25,
НЕВСКІЙ ПР. № 28. — НЕВСКІЙ ПР. № 66.

ГОТОВАЛЬНИ
отъ 2 руб. до 50 р. завода Шеннера въ Нюрнбергѣ и другіе чертежныя инструменты по фабричнымъ цѣнамъ предлагаются
А. Полько
Фонтанна, № 99, С.-Петербургъ.
Иллюстрированные прейсъ-курранты при высылкѣ 7-ми копѣечной маркой № 10407 бесплатно. 2-1

НА ВОССТАНОВЛЕНІЕ РАСТВОРОВЪ ВЪ ДѢТЯХЪ И ВЪЗРАСТНОМЪ ПОСЛЕДСТВІИ
СЛАДКАЯ ВОДА
60 ЦЕНТОВЪ
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКАГО
УЧЕБНОГО ЗАВѢДѢНІЯ
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
АМЕРИКАНЦЕВЪ
ЖЕЛТОВАТЬ
СМУ
НЕОУЖИВШИЕ ВЕЩИ
ПРОСИТЪ
АМЕРИКАНЦЕВЪ
ЖЕЛТОВАТЬ
СМУ

ТРЕБУЙТЕ отборную эфедрю или траву Кузнецка. Изящно упакована высылка почтой. Высшій сортъ отборная борवाल по 3 руб. и 1 сортъ борवाल по 1 р. за 1 фунтъ безъ пересылки; можно наложен. платеж. Складъ эфедры: Николаю Егоровичу Яковлеву, въ Бузулукѣ.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
волосъ и бороды
БЕЗЪ ЛЯПИСА
ВНОВЕ изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черныя русыя темныя и въ блѣдо-каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. ПРОДАЕТСЯ въ аптекахъ и косметич. магазинахъ ГЛАВ. НЫЙ СМЛАДЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. СПб. Больш. Кокош., № 1.

В. № 10092 4-3

**ЧИСТЫЙ,
легко растворимый
КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА.**

MAISON DE FABRIQUE
GARANTI NE CONTENIR QUE DU CACAO SOLUBLE
ET DE PREMIER CHOIX ET LE POIDS NET

ЗНАМЕНИТЫЕ ВАГНЕРОВСКИЕ ТУНИ
лучшее удобрение для комн. и тепл. культур, совершенно без запаха. Цена за пакет (на 60-75 раст.) 50 к.
W.G. лучшее удобрение для садовых и парник. култ., без запаха, держится годами. Цена за пакет (на 50-60 раст.) 30 к.
Складъ у Штоль-Шмидта, М. Морская, 11; Русси. Общ. торг. ант. тов. Казанская, 12; К. Мальмъ, В. Морская, 34; въ цветочн. магазинахъ Герстнеръ, Фрейндику, Ремпель и др.
Г. ФРИКЪ, Адмиралъ пр., 10.

**ВНИМАНИЕ
ОСОВЕННОЕ**
заслужили у публики слѣдующ. новости
выпущенныя кондит. фабрикой
Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ
I. АНАНАСЪ (натур.) въ мармел. „ДВОРЯНСК.“
II. ЗЕФІРЪ фруктовый „ДВОРЯНСКІЙ“
III. ДЕССЕРТЪ фрукт., „ПЫШНЫЙ“
Продается въ лучшихъ магаз. Россіи.

МАССА БЛАГОДАР. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ
КРОИКИ И ШИТЬЯ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
ПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ
ПО НОВѢЙШЕМУ ЛЕГЧАЙШЕМУ МЕТОДУ
ПО ОКОНЧАНИИ КУРСА СВИДѢТЕЛЬСТВО,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА ШИТЬЯ И КРОЯ
Е. Д. АШМАРИНА.
УСЛОВІЯ ПРОБ-Н. ВЫСЛАЮТЪ
НОВАЯ ЛЕКЦІЯ * КІЕВЪ * БЕЗПЛАТНО.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши яхлюстр. прейс-курантъ, высл. бесплатно, Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Спирова.

Высоч. Уг. Т. 111
„ЭЙНЕМЪ“ ВЪ МОСКВѢ.
Собств. Паров. фабрика въ Симферополь (въ Крым.)
ПЮРЕТОМАТЪ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **КОМПОТЬ.**

Ш. № 10122 10-7

PRECIOSA VIOLETTE
Прелестныя нѣжныя духи, долго сохраняющіе свой запахъ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незамѣтная и неослабляем.

ED. PINAUD
PARIS

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ
DE RICQLÈS
Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат.
Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.
Фабр. въ Луввѣ. Дено въ Парижѣ, rue Bleher, 10 et 12.
Во лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Ш. № 10108 14-3

ВИСБАДЕНЬ.
Лѣчебница д-ра Леера и купанья Нероталь.
Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п.
Р. 9930 8-8 **Д-ръ Шубертъ.**

Цѣны означены съ уплаченною пошлиною.

Мужскіе часы цѣна 10 руб., съ никелевымъ механизмомъ и 3 крышками.
Реформъ, двойная мужская цѣпочка 3 руб.
Фирма существуетъ съ 1867 г. и удостоена на многихъ выставкахъ первыхъ отличій.
Предостереженіе: настоящіе только съ фабричною маркою „J. Rix.“

Новости! **„Реформъ“ часы звѣзда**
NORWICH WATCH COMPANY.
Цѣны означаются съ оплаченною пошлиною.

Часы „Реформъ“ составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ действительныхъ золотыхъ часовъ. Мы принимаемъ на себя за часы „Реформъ“ полнѣйшую гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ.

Анжерский антимагнетическій механизмъ часовъ „Реформъ“ устроенъ съ такою точностію и тщательностію, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ.

Въ Австріи часы эти заведены среди врачей, офицеровъ, государственныхъ и железнодорож. чиновниковъ. Въ каждомъ часамъ прилагается письменная трехлѣтняя гарантія.

Дамскіе часы „Реформъ“ съ 3-мя крышками, изъ цѣно гравиров. 12 р. Дамская „Реформа“ цѣпочка 3 р. Съ требов. можно обращаться на русскомъ языкѣ. Заказы исполн. по получ. денегъ или нал. плат.

Адресъ: **ANTON RIX & BRUDER**
Wien, II. Praterstrasse, 25.

D.O.M + D.O.M
BÉNÉDICTINE
de l'Abbaye de Fécamp
MONACHORUM MONACHORUM
La Meilleure des Liqueurs
Se defier des contrefaçons.
Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville.
D.O.M + D.O.M

Ш. № 10031 15-7

ЛУЧШИХЪ ЗДѢШНИХЪ И ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ:
РОЯЛИ отъ 525 до 1500 руб. — ПИАНИНО отъ 375 до 600 руб.

ЗНАМЕНИТОЙ ФАБРИКИ БЛЮТНЕРЪ

JULIUS BLÜTHNER, LEIPZIG.

РОЯЛИ въ 900, 1000, 1100 и 1250 руб.
ПИАНИНО въ 600, 700 и 800 руб.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. ||| С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.

НОВОСТЫ
духи
ЛЕВКОЙ
поставщиковъ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ЧАЙ
МОСКОВСКАГО КУНЦА
И. Е. ДУБИНИНА
МОСКВА, Покровка, д. Тяжелова.
Необыкновенно выгодныя условия для по-
требителей и торговцевъ.
Подробное объявленіе смотри №№ 19 и
№ 10429 36 "Нивы". 3-1

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, СПБ.
Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель отъ 6 р. 50 до 15 р.
" " черн. отъ 11 до 25 р.
" " серебряные отъ 12 до 50 р.
" " золотые отъ 25 до 500 р.
" " регуляторы двухнедельнаго
завода отъ 17 до 55 р.
Высылаю наложк. платежемъ иллюстр.
прейсъ-курранты бесплатно.

КАЖДАЯ ДАМА, желающая
быть одѣтой изящно и аккуратно,
должна употреблять исклю-
чительно **"ИДЕАЛЪ"**,
патентованную бархат-
ную подшивку подъ
подолъ. Получать
можно во всѣхъ
прикладныхъ
магазинахъ
Россіи. 26-2

ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ Л. СТОЛКИНДА
ДѢТСКОЕ МЫЛО
НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
МОСКВА ЦЕНА 1/2 к. 50 н. 1/2 к. 30 к.
СКЛАДЪ: АПТЕКАРСКАЯ ТОРГОВЛЯ Л. Я. СТОЛКИНДА

БУХГАЛТЕРІЯ.
Высылаются бесплатно пробныя лек-
ціи-корреспонденціи и условия заочнаго
изученія бухгалтеріи по прейс-про-
бл. 3-хъ медалью методу. С. Я. Ли-
пенталь, Москва, Бутарки, № 49.
Ц. № 10397 10-2

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
"РОССІЯ"
Высочайше утвержденное въ 1881 г.
въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.
Капиталы Общества свыше 29.000.000 руб.

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.
Общество "Россія" заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:
1) Страхованія отдѣльныхъ лицъ отъ не-
счастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахо-
ваннымъ лицомъ во время путешествія, поѣздокъ, про-
гулокъ; при несчастныхъ въ домахъ, храмахъ, фабри-
кахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при испол-
неніи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и
вне дома, — съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ вне-
сенныхъ премій или безъ такового.
2) Коллективныя страхованія служащихъ
и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.
отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при
исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.
Страхователямъ предоставляется участвовать въ при-
быляхъ Общества. Дивидендъ страхователей въ 1897 году
составляетъ 15%.
Съ открытія операцій по страхованію отъ несчаст-
ныхъ случаевъ по 1 января 1897 года Общество выдало
пострадавшимъ вознагражденій по страхованію отъ несчастныхъ
случаевъ на сумму въ 1.570.000 рублей.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣ-
дѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая
Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ
городахъ Имперіи.
Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчаст-
ныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ
и на пароходахъ выдаются также на главныхъ станціяхъ
желѣзныхъ дорогъ и на главныхъ пароходныхъ пристаняхъ.
№ 10326 6-6

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10-2
мѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробкѣ
отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляется по утвержденному книжеской
Центральной администраціей прейсъ-курранту (высылаемому по требованію)
Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/kh.

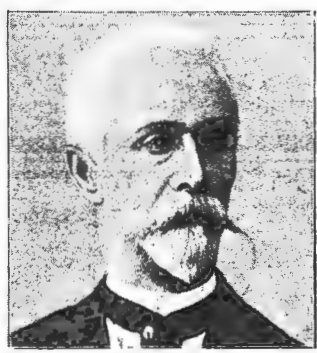
И. Г. Карлсонъ въ Воронежѣ.
ОБШИРНЫЙ
ДРЕВЕСНЫЙ ПИТОМНИКЪ И СКЛАДЪ СѢМЯНЪ.
Вышелъ изъ печати и разсматривается всѣмъ желающимъ бесплатно, большой, обстоя-
тельно составленный и иллюстрированный въ текстѣ множествомъ рисунковъ, ната-
логъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, розъ, теличныхъ, оран-
жерейныхъ, комнатныхъ и многолѣтнихъ грунтовыхъ растений и цвѣтущихъ луковичъ.

ПАМЯТЬ
лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и
заочно профессоръ мнемоники С. Файн-
штейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз.
ул., собственный домъ, № 28.
Условия и брош. (въ 32 стран.) вы-
сыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-1

ЗАЙКАНИЕ
лѣжится въ лечебномъ учрежденіи
И. И. Гимиллера, Москва, Новая
Басманная, д. Ланіна. **ПЛА-**
ТА ПО ИЗЛѣ-
ЧЕНІИ.
Условия высылаются бесплатно.

ВЫИГРЫШ.
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
50, Невскій, СПБ. 4-3

ВЕРХНЯЯ ЧЕРНЫЯ ЮБКА
изъ черн. англ. Шикса 6 р., изъ черн. швей-
ц. Букле 7 р., изъ черн. Бюръ на водк. 8 р.
50 в. Высылаются съ наложк. плат. ге-
жомъ. Цѣны обозначены безъ пересылки.
При заказѣ требуются: мѣрка талии
и длины спереди. Я. Яковлевъ въ С.-Пе-
тербургѣ, въ Гостиный дворѣ, по Садовой
№ 10410 линіи № 31. 2-2

Теофиль Игнатьевич
ПРЖИЛЕНЕЦКІЙ
58 лѣтъ, С.-Петербург. Дворянской Олени на-
значенъ, прослужившій въ оной въ этой долж-
ности 16 лѣтъ. Съ помощью похищеннаго
или поддѣльнаго ключа похитилъ изъ кассы
1.12.000 руб. сиротскихъ денегъ. Равно-
скивается судебнымъ слѣдователемъ по важ-
нѣйшимъ дѣламъ С.-Петербур. Окружн. Суда.
Тому, кто его задержитъ и передастъ въ
руки правосудія, СПБ. Дворянская Олена
уплатитъ 4 ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 38

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 20 сентября 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержашихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за сентябрь 1897 г.

Встрѣча на охотѣ. Съ карт. Р. Френца граф. Цехомскій.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Ночью было очень темно въ саду монастырскаго кладбища. Большая аллея перерѣзывала его пополамъ, и здѣсь стоялъ силовитый мракъ. Сколько холодный сѣверный вѣтеръ ни срываетъ листьевъ, ихъ оставалось еще довольно для того, чтобы въ мистическую глубину сюда не свѣтила ни одна звѣздочка. Слышался только таинственный и печальный шорохъ переплетающихся вѣтвей, тихое, словно крадущееся шуршаніе уже подсыхающей листвы, да изрѣдка глухіе удары шишекъ, падавшихъ о-земь. Направо и нѣлво отъ этой аллеи, подъ огромными земляными горбами, деревянными крестами, да сѣрыми плитами спали отмучившіеся иноки, но ихъ могилы въ этой тьмѣ не было видно вовсе.

— Вамъ не жутко тутъ? — тихо спросилъ ее отецъ Антонинъ. — Я потому, что другіе боятся.

— Чего?

— Такъ! Не знаютъ, что тамъ настоящій покой и радость истинная, и никому не захочется возвращаться отсюда въ нашу скверну.

— Нѣтъ, я никогда не пугалась кладбища и мертвыхъ. Живые страшнѣе!..

Отецъ Антонинъ чутьемъ отыскалъ скамейку, гдѣ онъ цѣлыми часами просиживалъ днемъ, уходя весь въ далекое прошлое. Онъ указалъ ее Еленѣ Борисовнѣ. Та сѣла. Какая странная тишина. Это не сонъ, не покой утомившейся за день природы. Эта тишина подслушивается, подстерегается. Она припала, какъ звѣрь передъ рѣшителнымъ прыжкомъ, въ комокъ собралась, всѣ силы сосредоточила и ждетъ. Жуткая тишина. Сердце не умиряется отъ нея и тоска не унимается. Напротивъ—полошится и думаетъ: вотъ-вотъ, сейчасъ. А что вотъ-вотъ, и самъ не знаешь... Слава Богу, издали говоръ слышался, двое монаховъ идутъ сюда. Ихъ не видно совсѣмъ. Они уже поравнялись почти съ Еленой Борисовной, а въ окружающей тьмѣ ихъ черные силуэты даже и не выступили.

— Отецъ Александръ, вы? — тихо спросилъ Антонинъ.

— Да... Вотъ съ братомъ Иннокентіемъ на сонъ грядущій проминаемся. Чтѣ дѣлать, слабость тѣлесная.

Отецъ Александръ говорилъ жирнымъ баскомъ, былъ толстъ, или, какъ онъ самъ выражался о себѣ: „одержимъ египетскими мясами“. Ему докторъ прописалъ ходить, и онъ съ уныніемъ ежедневно исполнялъ это. „Сказывалъ, иначе ударомъ меня Богъ обидитъ. Я что же, я готовъ, монахъ вѣдь. Меня и живѣв отпѣли, какъ бы въ могилу. Ну, такъ думается, что будто бы рано. Еще годковъ пять помолитесь за старые грѣхи. У насъ-то ихъ, сдѣлайте одолженіе, не исчислить. Все не такъ страшно будетъ предстать.“

Антонинъ не спрашивалъ его больше ни о чемъ, и отецъ Александръ пошелъ далѣе. До Елены Борисовны только донесли слова:

— Вотъ этотъ-то раскаявшійся издоимецъ и восхотѣлъ въ ангельскій чинъ. А отецъ Варлаамъ ему: ты, спрашиваетъ, хищенія свои неимущимъ роздалъ? У того языкъ-то и прильпе. Понимаешь? Туда, сюда—я-де стараюсь, дѣлюсь чѣмъ могу. А самому страсть капиталовъ своихъ жалко. Ну, игуменъ ему кротко: иди, говоритъ, сосуди грѣховный... Отдай все и возвращайся нищимъ. Тогда я тебя здѣсь сначала на черныхъ работахъ года два продержу. Посмотрю, поспѣлъ ли ты. Онъ, разумеется, давай Богъ ноги—только его и видѣли.

— Трудно съ деньгами разставаться.

— Къ душѣ онѣ, подлыя, липнуть...

Голоса все тише и тише... Замерли въ глубинѣ аллеи... Не видать, гдѣ она—эта глубина. Ни начала ей, ни конца.

— Я о томъ, Антонинъ,—вотъ что, позволь мнѣ попрежнему на ты, а то я стѣсняться буду.

— Какъ хочешь. Родные вѣдь и близкіе. Однако и измѣнилась ты.

— Развѣ замѣтно?

— Еще бы... Давно ли, кажется, ко мнѣ въ келью ворвалась. Секунды на мѣстѣ посидѣть не могла, и меня затормошила... Ушибло и тебя жизнью.

— Такъ ушибло—голову поднять трудно.

— А ты и не подымай.

— Какъ это?

— Такъ и лежи, жди конца. Зачѣмъ бороться. Все равно не побѣдишь.

Въ голосѣ отца Антонина было столько унынія, что сердце Елены Борисовны еще пуще сжалось и заболѣло.

— Ну, это какъ же можно! Поддаваться всему.

— Бьетъ тебя молотомъ—значитъ нужно такъ. Огненными брызгами изъ тебя всякое зло...

— Нѣтъ, я не о томъ. А вотъ скажи ты мнѣ, гдѣ счастье настоящее?

— Гдѣ? Малаго ты захотѣла! Здѣсь его нѣтъ. А если оно и есть, такъ тлѣнное, порченное...

— Не понимаю.

— Какъ въ орѣхѣ: крѣпкій кажется, разбей его—тамъ гниль одна, и жирный червякъ ужъ въ гнили этой не ворочается, выползъ. Такъ и счастье. Каждый изъ насъ былъ счастливъ хоть недолго. А потомъ какъ это счастье оборачивалось? Обманомъ, позоромъ, преступленіемъ... Не радуйся счастью, если и придетъ оно—это дьяволъ тебя маревомъ привораживаетъ, голову закружить, обольститъ, зачаруетъ и прямо въ бездну толкнетъ, не удержишься. Не за что отъ счастья-то будетъ и захватиться. Счастья нѣтъ здѣсь,—миръ не для счастья созданъ. Жизнь испытующая, горнило—все что хочешь...

— Адъ?

— Пожалуй и адъ. Счастье въ немъ—призракъ зловѣщій. Кто спастись хочетъ—бѣги отъ него прочь. Нѣтъ въ немъ прочной и долгой отрады. Ты знаешь, и вѣдь не все по себѣ сужу. Читалъ когда-то много. Думалъ и до сихъ поръ думаю, и по мнѣ такъ—самые умные люди на свѣтѣ стоятъ на двухъ крайностяхъ: или эпикурейцы они—живутъ минутою и для минуты. Завтра, можетъ-быть, имъ мука, смерть, поношеніе—все равно, они отъ сегодняшняго дня возмуть, чтѣ онъ можетъ дать имъ и чего не можетъ даже. Но это умы короткіе, земные умы. А другіе—это аскеты, проклявшіе жизнь, какъ скверну, ушедшіе въ пустыню, возненавидѣвшіе прелесть міра сего... Они дальше смотрятъ. Они думаютъ, что тутъ имъ назначено измучиться, и во всей полнотѣ хотятъ исполнить свое предопредѣленіе—изстрадаться, известись до конца, чтобы наследовать жизнь вѣчную... Тѣло терзаетъ всически, теритъ его не могутъ, потому что развѣ можно любить тюрьму. Вѣдь они знаютъ, что въ него безсмертный духъ заключенъ для того, чтобы окрѣпнуть въ испытаніяхъ... Смерть имъ освобожденіе. Они ей рады.

— Тогда лучше самоубійство.

— Нѣтъ. Никто не воленъ надъ жизнью и смертью.

Каждому указано, сколько ему надо и сколько онъ может претерѣть. Стой на часахъ, пока не придетъ смѣна. И вотъ въ этихъ-то двухъ полюсахъ, въ земномъ и краткомъ умѣ эпикурейцевъ и въ аскетизмѣ—весь умъ. Всѣ, кто посрединѣ, кто хочетъ помирить землю съ небомъ, ищеть счастья здѣсь и думаетъ заслужить тамъ—всѣ они вскую мнутъ. Какъ народъ говорить: ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.

— Какой страшный взглядъ на жизнь. Безнадежный, мрачный.

— Все и свѣтъ и надежда—тамъ, а не здѣсь. Тутъ одно испытаніе. Млатъ кующій.

— Нѣтъ, это не то...

— Какъ тебѣ понять. Много ли ты испытала и въ комъ ты извѣрилась? Въ томъ, кто все равно этой вѣры не стоилъ... А вотъ когда тотъ, кого любишь, тебѣ изорветъ сердце обманомъ, когда братъ твой отниметъ у тебя лучшее, безъ чего тебѣ жизнь не мила, когда даже въ прошломъ ты будешь бродить какъ слѣпецъ подъ солнцемъ, встрѣчая одну тьму и пугаясь, гдѣ-жъ была правда—тогда и ты поймешь... Скажи мнѣ—ты любима теперь, да?

— Еще бы!—И вдругъ ее обняло неожиданно-негаданно такою радостью, что она привстала и задышала глубоко-глубоко.

— И ты любишь?

— Люблю... Какъ никогда... никого... Жить безъ этого не стоить, каждый день...

— Постой-постой. Такъ при этихъ-то условіяхъ ты бы должна другихъ всѣхъ ослѣплять блескомъ жизни, жечь счастьемъ, — а ты въ церкви стоишь блѣдная, измученная, ко мнѣ—разбитому и убитому приобѣгаешь и спрашиваешь: „гдѣ счастье?“ Ты сама намъ должна указать, гдѣ оно...

Елена Борисовна опять сѣла и потупилась.

— Значить—ты его не чувствуешь, этого счастья. Нѣтъ его у тебя.

— Когда онъ, Николай Львовичъ, со мною — тогда нѣтъ для меня радости выше.

— А разошлись на день — сейчасъ вопросъ: гдѣ счастье? Хорошо это счастье—нечего сказать. Вдвоемъ— всегда обманъ. Людямъ такъ хочется обмануться, что они другъ друга надуваютъ. Я тебѣ расскажу одну притчу...—И вдругъ голосъ его упалъ. Чуткой Еленѣ Борисовнѣ послышалось въ немъ что-то до такой степени печальное — точно душа въ немъ рыдала...—Да... Одну притчу... Простую самую. Былъ мужъ — вѣрилъ женѣ своей и любилъ ее такъ, какъ теперь любить не умѣютъ. Она его любила тоже, и счастье казалось безоблачнымъ. Лѣтомъ въ зной небеса бываютъ такія... передъ грозой... Послала имъ судьба друга... Лучше, казалось, и человѣка на свѣтѣ не было. Иной братъ— хуже. Вѣрилъ ему мужъ, какъ... ну, какъ Богу, что ли. И тотъ другъ обманомъ взялъ у него жену, и жена продолжала жить, какъ и прежде, вся уйдя въ ложь и притворство — и не выдержала ни того, ни другого — умерла. Мужъ молился ея памяти... Какъ святой. Отъ всего міра заперся — чтобы ничто чуждое и грубое не ворвалось въ благоговѣйную тишину его воспоминаній — и вдругъ, разбирая ея вещи, нашелъ письма... Ты понимаешь, что перенесъ онъ? Старые черти въ аду могутъ выдумать муку подобную этой? За ложное призрачное счастье чѣмъ онъ заплатилъ? Вѣдь если онъ остался жить, такъ кары нѣтъ хуже этой жизни. Друга онъ убилъ—тотъ тоже въ сущности ни минуты счастливъ не былъ, хотя вся декорация такого счастья налицо оказывалась... А она — она вдвое несчастнѣе была, обманывая мужа, котораго любила, и принадлежа человѣку, заморочившему ее... Вотъ кто изъ этихъ трехъ, тебѣ кажется, больше зависти заслуживаетъ? У каждаго изъ нихъ было то, что называютъ счастьемъ, то-есть обманъ, призракъ... И знаешь—иной разъ мнѣ

такъ кажется—прости мнѣ Господи, если я ошибаюсь—каждый изъ нихъ изъ трехъ въ сущности можетъ-быть исполнять свое назначеніе на землѣ, служа источникомъ муки для другого... Зачѣмъ! Какъ намъ знать. Мы черви—въ навозѣ, можемъ ли мы судить...

— Адъ, адъ, вездѣ адъ...

— Да, здѣсь!..

— И все-таки я чувствую, что буду счастлива. Когда все это кончится... Когда мы будемъ вмѣстѣ, свободные...

— Дай Богъ... Отъ души порадуюсь за васъ... Прости меня ради Создателя.

— За что?

— Тебѣ и безъ того тяжело. Мнѣ не слѣдовало бы смущать тебя. Зачѣмъ до времени открывать глаза людямъ... Слѣзцами бродить можетъ-быть лучше. Дополняешь, чего не видишь, воображеніемъ.

Вдали опять послышались голоса.

Отецъ Александръ возвращался назадъ...

— Я ей и говорю,—повѣствовалъ онъ собесѣднику жирнымъ баскомъ. — Купчиха ты не разумная. Ужели ты думаешь, что если по первой гильдіи значишься, то смерть о тебѣ забыла? Да она, дура ты этакая, и сейчасъ быть-можетъ у тебя за спиною стоить... Я это ей спроста знаешь,—а она какъ чубурахнется на полъ, какъ завопіетъ. Едва ее водой отлили. Съ тѣхъ поръ шабашъ—ни соленыхъ рыбъ въ обитель мнѣ не посылаетъ, ни трехрублевымъ чаемъ не даритъ... Отцу Геронтію жаловалась, невѣжей меня называла...

— Тоже и съ ними, съ благодѣтельницами, политика нужна.

— А то какъ. Ты думаешь ей на пользу — и самъ безъ лакомства останешься. Вотъ отецъ Геронтіи. Это голова—министръ... Онъ всякаго такъ уместитъ и околдуетъ. И тихо-тихо... Точно ручей журчащій. Какъ-то уетъ меня полюбилъ. Сталъ у себя чаемъ поить. Такъ я сажу-сажу. Слушаю журчаніе это, а самъ себя за колѣнку щиплю—не заснуть бы... Потому такъ и клонить, такъ и клонить.

Монахи ушли. Опять тишина. Только шуршаніе листы вверху. Вдали въ устьѣ аллеи сверкнулъ огонекъ и пропалъ... Чу... Гулко и торжественно ударилъ колоколъ. Круглые, тягучіе, медлительные звуки поплыли упругими волнами въ высь. Все дрогнуло отъ нихъ. Казалось, въ воздухѣ повсюду протинулись невидимыя струны, и онѣ отвѣчаютъ, колеблясь, на таинственный кличъ бронзовыхъ языковъ...

— Пора тебѣ ѣхать! — всталъ отецъ Антонинъ. — Прощай...

— До свиданія... Благослови меня...

— Не могу. Не принесетъ тебѣ радости благословеніе мое. Не такая у меня рука. Много на ней...—Голосъ его едва былъ слышенъ. — И не до свиданія — а прощай.

— Почему? Развѣ, ты думаешь, мы больше не увидимся?

— Да. Есть у меня намѣреніе одно. Прошу Бога укрѣпить меня въ немъ.

— Какое?..

— Такъ. Если Господь допуститъ — услышишь. Молиться за тебя буду...

И чего такъ страстно жаждала сегодня Елена—случилось. Отецъ Антонинъ положилъ ей на голову руку. Точно теплые ласковые токи побѣжали по всей Копровой отъ этой руки... Елена Борисовна такъ и замерла...

— Прощай... Люби, пока любится... А придетъ пора—утѣшайся тѣмъ, что все на свѣтѣ миражъ. Вѣчный миражъ. Не ты одна — всѣ прошли мимо него и были имъ обмануты...

Отецъ Антонинъ довелъ ее до воротъ... Постоялъ-постоялъ — посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Оглянулся на сіяшее безчисленными звѣздами небо... „Многоочитое“, —

Шалуны. Оригин. рис. (собств. „Нивы“) И. Иванова, грав. Шюблеръ.

Душеспасительная беседа. Съ карт. А. Наумова граг. Цехомскій.

тихо проговорилъ онъ. И ему показалось, что всѣ эти неизсчитанныя очи смотрятъ ему въ душу и читаютъ въ ней. Ему не хотѣлось шевельнуться, точно онъ могъ помѣшать имъ разобрать, что въ немъ творится... Да, читаютъ и ждутъ, когда, исполнивъ все на землѣ, онъ унесется въ ихъ бездну свободнымъ духомъ. И видятъ даже, что ему самому не совсѣмъ ясно, отчего онъ сейчасъ вздрогнулъ и похолодѣлъ. Да, именно это такъ. Въ притчѣ, которую онъ рассказалъ сейчасъ мятущейся Еленѣ Борисовнѣ—незамѣтно для него самого прокралось осужденіе женѣ своей. Точно она не изстрадалась больше его. Именно—больше его. Онъ мучится, не обманывая никого. А она терзалась, притворяясь передъ нимъ счастливою, чтобы не убить его страшною правдою жизни... Душа ея также читаетъ въ немъ—и сегодня она узнала, что ненависть къ ея памяти еще не умерла въ Антонинѣ... Ненависть къ ней, бѣдной, облитой его слезами, на дивную высоту поднятой его молитвой... Боже мой—когда же умрутъ эта злоба и осужденіе. Неужели мало онъ рыдалъ надъ ея далекою могилой... Онъ быстро пошелъ къ себѣ въ келью... Тутъ горѣла лампада—мягкій полумракъ стоялъ кругомъ. Въ немъ свѣтилась одна икона...*

Отецъ Антонинъ ушелъ передъ нею...

Онъ зналъ, о чемъ онъ молился. Это не былъ порывъ души въ надзвѣздную бездну. Нѣтъ, онъ молилъ у милой тѣни—простить ему, помочь ему одолѣть самого себя, опять переживая обманчивыя радости прошлаго, все погружался въ глубину ея страданій и только объ одномъ и мучился сейчасъ—какъ бы его воля не погасла передъ страшнымъ подвигомъ, который онъ хотѣлъ поднять на свои слабыя, усталыя плечи.

XXVIII.

Былъ десятый часъ. Отцу Варлааму не спалось. Мысли роились въ головѣ и не давали покоя. Все о монастырѣ заботы. Озеро осушилъ—подъ пашню разработать... Хлѣбъ въ цѣнѣ упалъ, задумалъ масличныя растенія садить. Отъ купца одного по завѣщанію болото досталось. Наслѣдники и не спорили, кому такая сыреть нужна. Ну ее! Пускай монастырь владеетъ, по крайности, за папенькину душу монахи будутъ молиться... Но отецъ Варлаамъ уже раскинулъ умомъ, что должна принести обители эта „негодящая мокрина“, какъ называли ее монахи. Дренировать ее. Каналами воду вывести къ монастырскимъ мельничнымъ запрудамъ, которыя изсыхать начали. Одна—польза! Другая—подсохнетъ, торфъ разработать. Дрова-то по нынѣшнимъ временамъ кусаются, а торфу тамъ сколько угодно, и рабочихъ рукъ тоже. Самъ потрудится игумень—никому и роптать въ голову не взбредетъ. Впрочемъ, на ропотниковъ и ослушниковъ у него тоже есть оружіе. Еще вѣженку, ежели покается, простить можно—а кто около его воли—свою захочетъ на дыбы подымать—того онъ въ бараній рогъ согнетъ. Торфу хватить на десятки лѣтъ. Заповѣдныя лѣса монастырскіе отецъ Варлаамъ трогать не хотѣлъ. Божій уборъ. Страшно его съ земли снимать. Ознобишь ее, какъ это сдѣлали въ другихъ мѣстахъ, и рожать она перестанетъ, какъ та самая библейская еврейка, у которой „сосцы изсохли и чрево мертво есть“. Нѣтъ, ужъ лѣса пускай стоятъ. Глазъ только за ними нуженъ. Недавно чуть пожарищемъ не спяло здоровый уголь вѣковой дубравы. Развѣ Гермогена послать туда смотрѣть. Во-первыхъ, человѣкъ вѣрный, во-вторыхъ, самъ говорилъ мнѣ: въ трущобѣ-то, что медвѣдю, ему легко и вольно. И еще: никакой порубщикъ или смутьянъ, что со зла чужіе лѣса палить, его не осилить. Такъ какъ отцу Варлааму никогда съ его замыслами не терпѣлось до другого дня, сейчасъ надо было все сдѣлать, хоть роди да подай—онъ, долго не думая, обвелъ рядъ иноческихъ оконъ. Вопль тамъ, седьмое должно быть—келья

Гермогена. Испугается, поди—самъ настоятель къ нему. Отецъ Варлаамъ усмѣхнулся. У этихъ медвѣдей всегда страха много!.. Спать только, пожалуй. Ну, чтожъ, подыму. Утромъ онъ можетъ и уходить въ лѣсъ. Съ Иннокентіемъ, такая же дубина,—смѣяться будетъ. Недѣлю онъ, недѣлю—Иннокентій... Отецъ Варлаамъ быстро поднялся по темной лѣстницѣ и вошелъ въ длинный коридоръ, гдѣ пахло постнымъ масломъ и ржанымъ хлѣбомъ. Заслышавъ шаги, какой-то монахъ высунулось было острую бороденку въ двери—да рассмотрѣвъ самого отца Варлаама, такъ ихъ съ испугу захлопнулъ, что во всѣхъ кельяхъ отозвалось. Келейникъ выскочилъ...

— Отчего у тебя на лѣстницѣ фонаря нѣтъ?

— Никогда не приказывали-сь,—оторопѣлъ тотъ.

— А самъ догадаться не можешь, Азія ты этакая... Которая Гермогенова келья?..

Послушникъ полетѣлъ впередъ, такъ что у него полы подрясника, точно крылья у ночной сѣрой бабочки, разметывались. Постучалъ...

— Ну, чего еще!—недовольно отозвался отецъ Гермогенъ.—Кому я нуженъ... Уйди. Не засти—иноку и на покой пора.

Но назойливый посѣтитель не только не ушелъ, а, напротивъ, спокойно, точно къ себѣ, влѣзъ къ нему въ келью и, усмѣхаясь изумленію этого Самсона, сѣлъ къ нему на кровать. Отецъ Гермогенъ былъ въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ. Такъ онъ совсѣмъ походилъ на отставного фельдфебеля, и ничего иноческаго въ немъ не оказывалось.

— Хорошъ!—обвелъ его веселымъ взглядомъ игумень.—Нечего сказать, въ подходящемъ мундирѣ начальство встрѣтилъ!

Отецъ Гермогенъ кинулся-было къ рясѣ—уронилъ деревянную миску на полъ. Поднялъ ее—табуретъ со всѣхъ четырехъ ножекъ полетѣлъ.

— Будетъ, оставь. Не суетись—не къ лицу тебѣ. Ишь ты какой... А мятешься какъ молодой послушникъ. Да и въ рясофорѣ у меня такъ не спотыкаются!..

Тотъ безильно моргалъ глазами, соображая: „что-то мнѣ теперь будетъ“. Винавать онъ или нѣтъ, объ этомъ Гермогенъ не думалъ. Еще николаевская служба его приучила къ мысли, что всякій человѣкъ всегда винавать, и наказаніе его можно поэтому въ любую минуту.

— Вотъ что, отецъ... Я пришелъ къ тебѣ ходатаемъ—ото всей обители...

Монахъ ушамъ не вѣрилъ. Потомъ сообразилъ: „ну, теперь съ такимъ подходомъ влетитъ мнѣ“.

— Да ты не пугайся. Точно беременная баба на рожонъ наткнулась. Слушай—вотъ, братъ, въ чемъ моя къ тебѣ просьба. Лѣсъ у меня мужики портятъ. А настоящей на нихъ грозы нѣтъ. Я и задумалъ тебя съ Иннокентіемъ... Да кстати, кто изъ васъ сильнѣе?

— Брату Иннокентію не выстоять, у него жила слаба.

— Ну, вотъ—такъ вамъ обоимъ по очереди лѣсъ сторожить... Сегодня тебѣ, завтра ему. Нѣтъ, впрочемъ. Такъ одна оторопь и суета выйдутъ. Недѣлю тебѣ, недѣлю ему.

— Что же, коли благословишь—я радъ послужить.

— Ну, спасибо... Что это за стоны рядомъ? Антонинова келья тамъ?

— Его. Молится. А то нашло на него. Бываетъ—ночью плакать начнетъ и кричать. Задышка тоже...

— Такъ собирайся съ завтрашняго дня. Слышишь. И Иннокентію объяви.

— Радъ стараться.

— Ну, то-то, прощай.

Онъ благословилъ Гермогена и вышелъ. Оставшись одинъ, монахъ взглянулъ на себя и ужаснулся. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ мундирѣ игумена принялъ—и воротъ разстегнуть, и косматая грудь съ деревяннымъ

крестомъ вся на виду. Вотъ такъ картина! „Батюшки, да у меня и поги-то босыя. Господи, помяни царя Давида и всю кротость его. Одно слово—благолѣпный инокъ. Не выдержишь игуменъ, расскажетъ завтра всѣмъ. Что смѣху будетъ“. Ну, да отцу Гермогену ни почемъ этотъ смѣхъ. Онъ на цѣлую недѣлю въ лѣсъ уйдетъ. Сторожка тамъ—поселится въ ней, какъ пещь вѣрный, сторожить монастырское добро. Онъ очень любилъ лѣсъ. Точно зеленый храмъ стоитъ. На вершинахъ своды небесныя покоятся, и Богъ незримо присутствуетъ тамъ повсюду. Ручьи хвалу Ему поютъ, туманы оимиамами подымаются. Каждый цвѣтокъ—въ травѣ его не видать,—а онъ точно кадило благоуханное. Тоже безъ словъ молится по-своему. Особенно ландышъ—весною. Жаль, теперь осень—впрочемъ, что-жь, и въ ней краса: каждое дерево точно въ золотую ризу облаченное. Своя краса—зори алыя за вѣковыми великанами отгораютъ—точно заревомъ лѣсъ охватываютъ. Тутъ ли не молиться!..

Отецъ Варлаамъ тихо постучался въ Антонинову дверь. Молодой монахъ не слышалъ, зато послушникъ уже обѣжалъ кое-кого, и въ другія двери нѣтъ-нѣтъ да и выглянуть озабоченныя иноческія головы. „Спите, отцы, отдыхайте—не до васъ мнѣ!—успокойте ихъ игуменъ.— Что вы, отродясь, не видали меня, что ли?.. Запирайтесь съ Богомъ“. Постучалъ еще разъ—и отворилъ двери. У Антонина горѣла лампада и свѣча на столѣ. Самъ онъ лежалъ на постели лицомъ въ подушку. Варлаамъ остановился надъ нимъ. Ишь плечи вздрагиваютъ—и что-то точно хрипитъ въ горлѣ. Игуменъ слегка коснулся руки отца Антонина. Тотъ поднялъ голову. Привыкъ Варлаамъ къ тому, что на лицѣ Антонина кровинки не было—ну, а такимъ мертвеннымъ, измученнымъ и онъ его не видѣлъ. Молодой монахъ всталъ быстро.

— Простите...—тихо проговорилъ онъ.

— Богъ простить... Ты все своего пережить не можешь... Сказалъ бы я тебѣ отъ писанія... Да ты лучше меня знаешь, что отчаяніе—смертный грѣхъ. Все оглядываешься; назадъ тебя тянетъ. Неужели—сколько лѣтъ прошло, а внутренній огонь твой не спалилъ въ душѣ всего, что оставалось тамъ... И молишься ты—весь въ мукѣ, и живешь такъ. Отпущенъ тебѣ грѣхъ твой—о чемъ же ты?

— Это не то все.

— Простые умами куда счастливѣе насъ,—задумчиво проговорилъ отецъ Варлаамъ.—Вѣрить онъ, что съ него сняли все—и спокоенъ. Богъ простилъ—и думать нечего. А ужъ съ тонкими нервами да богатымъ воображеніемъ! Жаль, теперь не средніе вѣка—пошелъ бы ты въ крестовый походъ, заморилъ бы себя смертною усталю, подвигами—поймали бы тебя невѣрные и сожгли—и никогда бы ты себя такимъ спокойнымъ не чувствовалъ, какъ передъ костромъ. А теперь—все у насъ правильно. Распределено—каждому свое мѣсто, душѣ и дѣваться некуда. Вонъ китайцы католическія миссіи рѣжутъ, да мы своихъ туда не посылаемъ, а то бы я не удерживалъ тебя. Смерть одна, и всѣ мы идемъ къ ней прямою дорогой. Трепетать ей нечего... Да, въ средніе вѣка, и еще будь ты въ Римѣ, изъ тебя вышелъ бы—картинный монахъ. Съ такими глазами—да съ твоимъ огнемъ палящимъ—толпа држала бы, когда ты заговорилъ бы ей съ амвона.

— Отецъ Варлаамъ, я утромъ къ вамъ собирался.

— Вотъ видишь, а я къ тебѣ раньше... Въ чемъ дѣло?

— Отпустите меня на день въ городъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ понадобился? Ты что въ немъ забылъ? Знаешь, я не люблю отлучекъ этихъ.

— Мнѣ въ городѣ нечего дѣлать... Я на кладбище—проститься хочу навсегда... Съ могилой ея...

Отецъ Варлаамъ потупился. Слишкомъ его охватило тоскою этого монаха. Не хотѣлось показать—что у самого на опухшихъ вѣкахъ глазъ слезы выступили.

— Ну, Богъ съ тобой, иди... куда сердце зоветъ. Только почему же въ послѣдній разъ?

— Проситься у васъ буду... Въ затворъ.

— Что!—И игуменъ всталъ, изумленно оглядывая монаха.—Да ты знаешь ли, что старики-схимники, у которыхъ и душа-то истиннымъ чудомъ въ дрябломъ тѣлѣ держится, и тѣ боятся затвора... Съ ужасомъ о немъ помышляютъ. Высшій иноческій подвигъ,—а тебѣ вѣдь и тридцати пяти лѣтъ нѣтъ. Та же могила—только хуже. Въ могилѣ не чувствуютъ. А тутъ тебя заживо схоронять.

— Не могу я иначе. Съ ума сойду—и то мутится все.

— Видишь ли... Будь это не ты, я бы и слушать не сталъ. Съ тобой—другой разговоръ. Поперекъ—я не стану и противъ твоего желанія не пойду. Если это Богъ ведетъ тебя къ мученическому подвигу—и передъ волею Его преклоняю главу. Быть—можетъ—Онъ тебѣ и покоя здѣсь не даетъ, потому что уготовалъ тебѣ болѣе яркій вѣнецъ... А ярче тернового—еще вѣдь и отъ сотворенія міра не было. Всѣ царскіе алмазы—погасли передъ нимъ! Ну, а если это гордыня суетная, бѣсовское навожденіе—самъ поймешь и вернешься смиренный и раскаявшійся. Побывай на кладбищѣ, поклонись ея могилѣ—и постарайся-ка позабыть все, примириться съ прошлымъ... Впрочемъ, что же я „постарайся“—легко сказать, когда это прошлое, какъ огненная буква передъ Валтасаромъ, вѣчно передъ тобою. Еще у кого настоящее есть—тому легко съ прошлымъ—сладить... Ну, а у кого, какъ у тебя, одно прошлое... Я прикажу лошадей тебѣ, и завтра будемъ служить соборнѣ заупокойную обѣдню и панихиду по ней. Не забудь захватить съ собой эпитрахиль и ризу старенькую, да кадило съ ладаномъ. Ты самъ на ея могилѣ отслужи тоже... Горе почившимъ, кои на землѣ забыты. А вернешься—о затворѣ поговоримъ. А теперь ложись—спи... До утра далеко... Ты къ ночи вернешься—или въ городѣ останешься у насъ на подворьѣ?

— Не знаю, какъ благословите.

— Какъ тебѣ удобнѣе. Если будетъ слишкомъ поздно—тамъ пробудь. Да вотъ что—повѣрь выручку и просмотри счета у Ионаана. Онъ по безграмотству своему путается въ цифрахъ, какъ въ лѣсу дремучемъ. И пусть бы его! Все равно—честный инокъ. Монастырская копейка къ нему не пристанетъ. Это я знаю. Да для Синода—отчетности эти и оправдательные документы. Точно у насъ много времени, чтобы на канцелярскую работу его тратить.

А у самого отца Варлаама въ это время въ головѣ было другое: „измучаешься завтра и истерзаешься. Ночью-то чего тебѣ въ мысль не вскочитъ въ этомъ состояніи,—а я тебя за цифры—считай. Поневоли разойдется настроеніе—поспокойнѣ будешь“.

— Ну, прощай...

Отецъ Антонинъ наклонился было къ его рукѣ, но Варлаамъ тихо обнялъ его и поцѣловалъ какъ сына... Благословилъ—и пошелъ къ себѣ, довольный сегодняшнимъ днемъ.

(Продолженіе будетъ.)

Ламирскіе киргизы.

Очеркъ Б. Л. Тагъева.

(Съ 5-ю рисунками.)

Населеніе Памира, если не включать въ составъ его прилегающія ханства, состоитъ преимущественно изъ кочевниковъ-киргизовъ и изъ очень небольшого числа таджиковъ, бѣжавшихъ

отъ козней афганцевъ изъ Вахана, Шугнана и Рошана и скрывающихся въ самыхъ малодоступныхъ частяхъ суровой, горной пустыни. Здѣсь, въ пещерахъ или сложенныхъ изъ

плитяка маленьких сакюшкахъ, живутъ они со своими семьями и занимаются ловлей птицъ и охотой на дикихъ авърей, при помощи самого первобытнаго оружiя, или же вы-

Памирскіе киргизы. Жены памирскаго волостнаго правителя. Съ фотогр. капитана Муравьева автотипія А. Вильборга.

ходить на ловлю просто съ голыми руками. Но этихъ скрывающихся бѣглецовъ очень не много на Памирѣ, и теперь, когда Россiя, занявъ Памиръ, взяла подъ свою опеку ханства, бывшія подъ афганскимъ игомъ, участь бѣдныхъ таджиковъ значительно улучшилась, и многіе изъ укрывавшихся въ дебряхъ Памира вернулись въ свои киблаки.

Главное же населеніе нагорной площади, кочующее въ долинахъ ея рѣкъ, состоитъ изъ киргизовъ, по происхожденію родственныхъ кочевникамъ долины Большаго Азия и другихъ степныхъ и горныхъ пространствъ Ферганской области.

Въ 1892 году, когда впервые на Памиръ вступилъ русскій отрядъ и падъ населеніемъ его была учреждена администрація, во главѣ которой находился извѣстный дѣятель въ Средней Азiи подполковникъ В. Л. Громбчевскій, бывший въ то время и начальникомъ Омскаго уѣзда, кочевого населенія насчитывалось до 200 кибитокъ, т. е. не болѣе 2,000 мужчинъ; но цифра эта оказалась неверною и въ настоящее время киргизовъ насчитываютъ чуть ли не въ пять разъ больше. Живутъ памирскіе

киргизы въ юртахъ, а во время суровыхъ морозовъ забираются въ сложенные изъ камня зимовки, поставленныя въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ вѣтра. Тамъ проводятъ они зиму, питаясь запасами сыра и мукою, вымѣненной у китайцевъ и таджиковъ на скотъ.

Ужъ сама природа Памира и высота, доходящая до 13,000 футовъ, на которой хлѣбъ не вырѣвается, не дала возможности кочевнику заниматься хлѣбопашествомъ, и онъ, пользуясь травкою, растущею въ долинахъ, по берегамъ большаго рѣкъ, сталъ скотоводомъ и вымѣнивалъ скотъ на необходимыя жизненные продукты, предоставивъ своимъ женамъ вести все главное хозяйство.

По природѣ лѣтний, киргизъ проводитъ дни свои въ раз-

Памирскіе киргизы. Типы кочевого населенія. Съ фотогр. капитана Муравьева автотипія А. Вильборга.

Памирскіе киргизы. Скачка на верблюдахъ. Передъ сигналомъ. Съ фотогр. капитана Муравьева автотипія А. Вильборга.

ѣздахъ по ауламъ, собирая и распространяя разныя повости, и единственная забота его—накормить свою жалкую, малорослую лошаденку. Зато на охотѣ за архарами или кинками—онъ просто неузнаваемъ.

Съ рассвѣта и до глубокаго вечера, безъ устали, карабкается киргизъ по утесамъ, надъ страшными пропастями, выслѣживая свою добычу и, убивъ ее, часто тащитъ на своихъ плечахъ въ аулъ убитое животное.

Изъ юбилейнаго альбома А. Ф. Маркса. И. И. Шишкинъ и' его рисунокъ. Авотниія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Интересное зрѣлище представляет собою киргизъ, когда онъ, замѣтивъ архаръ, наставляетъ на рогатину свой мултукъ (ружье) и цѣлитъ въ бѣгущее животное, выбирая моментъ, чтобы приложить фугиль.

Но вотъ раздается выстрѣлъ, и архаръ падаетъ; киргизъ рѣдко промахнется. Да и досадно было бы давать промахи, когда съ такимъ трудомъ заряжается его первобытное ружье. Засыпавъ порохъ, онъ откусываетъ кусочекъ свинца и шомполомъ загоняетъ его въ малокалиберное дуло, иногда прибѣгая даже къ камню, которымъ колотитъ по концу палки. Эта утомительная работа иногда длится съ четверть часа, и занявшійся киргизъ, закинувъ за плечи свой мултукъ, двигается въ путь. Въ настоящее время нѣкоторымъ изъ киргизовъ русское правительство выдало карабины Бердана, но старые охотники, попробовавъ ихъ, все же обратились къ ружью, съ которымъ охотились ихъ отцы и дѣды.

На видѣ намирскіе киргизы очень безобразны. Почти безъ признаковъ растительности, съ сильно выдающимися скулами и узкими прорѣзьями глазъ, очень небольшого роста, они такъ похожи другъ на друга, что первое время вамъ кажется, что все население Памира принадлежитъ къ одной семьѣ, связанной близкими родствомъ.

Постоянный холодъ и отсутствие теплаго жилища заставляютъ кочевника быть всегда одѣтымъ въ теплую одежду, которою служатъ ему ватный халатъ и тулунъ на овечьей шерсти, что порождаетъ страшную нечистоплотность, и особенно въ зимнее время киргизы отвратительны; они падаютъ такой специфическій запахъ и изобилуютъ такимъ количествомъ насѣкомыхъ, что положительно противно стоять въ это время около обитателя Памира. Конечно, главной причиной этому обстоятельству является крайняя бѣдность населения, и болѣе зажиточные кочевники значительно чистоплотнѣе и наряднѣе одѣты.

Среди киргизскихъ женъ встречаются довольно красивые тины. Румяныя, полныя, съ великолѣпными бѣлыми зубами, киргизки представляютъ полный контрастъ своимъ мужьямъ. Всегда занятая своимъ хозяйствомъ, а иной разъ и грудными ребятами, киргизка никогда не теряетъ благообразнаго вида. На ней всегда чистая рубашка и вымытый халатъ. Волосы ея всегда заплетены во множество длинныхъ косичекъ со вилетенными въ нихъ украшениями. Въ пятницу (джума — еженедѣльный праздникъ), киргизка отдыхаетъ отъ трудовъ и, исполнивъ только самую необходимую работу, надѣваетъ свой лучший туалетъ и навѣшиваетъ на себя украшения. Появляется на сцену осколокъ добытаго ею откуда-то зеркала, кусокъ отъ котораго отломленъ для какой-нибудь франтихи-подруги, и киргизка занимается своимъ туалетомъ, чтобы блеснуть имъ передъ гостями. Но самый счастливый день для женщинъ, это — перекочевка съ одного мѣста на другое. Придется проѣхать по новымъ мѣстамъ, встрѣтить много батырей (юношей), проѣхать черезъ нѣсколько ауловъ. И, разобравъ свои юрты и навьючивъ все имущество на верблюдовъ и на намирскихъ иловъ, киргизки одѣваютъ свои шелковые халаты, сере-

бряныя прижки, украшенные бирюзою, коралловыми бусы. На голову наворачивается огромная чалма, перевязанная разноцвѣтными лентами. Въ косы вилетаются серебряныя побрикушки, и вотъ, смѣясь и скаля свои здоровые, ровные зубы, садятся они на украшенныхъ ленточками и лоскутками верблюдовъ.

Обыкновенно впереди поѣзда на осѣданномъ якѣ ѣдетъ глава семейства, указывая дорогу. Мирное животное, покачивая своею головою, мѣрно ступаетъ неуклюжими ногами, повидному, совершенно равнодушно относясь и къ всаднику, и къ продѣтому черезъ его ноздри толстому волосному аркану. Далѣе слѣдуютъ верблюды, завьюченные разною домашнею утварью, поверхъ которой возсѣдаютъ, покачиваясь, киргизки. За верблюдами шествуютъ яки съ навьюченными на нихъ юртами и скотъ, погоняемый остальными членами аула. Лошадей очень мало употребляется для перевозки груза, на нихъ гартуетъ молодежь, да къ тому намирскія лошади малорослы, очень некрасивы и дороги; поэтому-то кочевники зачастую ѣздятъ на якахъ, которые вполне замѣняютъ имъ лошадей, а къ тому еще во время большихъ перекочевъ удобны тѣмъ, что даютъ прекрасное, густое, какъ сливки, молоко. Мнѣ никогда не приходилось пробовать молока вкуснѣе ячьего.

Скотъ намирскаго кочевника состоитъ преимущественно изъ небольшого числа яковъ, нѣсколькихъ барановъ, мадорослыхъ быковъ и коровъ, да двухъ-трехъ верблюдовъ, а иногда и лошадей. Конечно, количество скота зависитъ отъ средствъ киргиза, который, собственно говоря, и измѣряется у мѣстнаго населения количествомъ верблюдовъ и барановъ. Зажиточныхъ кочевковъ на Памирѣ встрѣчается очень немного; наоборотъ, бѣдность такъ и проглядываетъ вездѣ, несмотря даже на вѣншія наряды киргизокъ во время кочевки съ мѣста на мѣсто, — это просто женское кокетство. Киргизка лучше будетъ голодать нѣсколько дней, чѣмъ откажетъ себя вымѣнять на турсуку кумысу или смру какое-либо украшение у проѣзжаго таджика, направляющагося черезъ Памиръ въ Афганистанъ или Бухару.

Въ большинствѣ же случаевъ намирское население очень бѣдно. На Кизиль-Джинкѣ я зналъ киргиза, у котораго считалось 1,900 барановъ, да 250 яковъ, т.-е. всего на сумму по нашимъ деньгамъ — тысячъ на десять. Этотъ киргизъ считался на всемъ Памирѣ самымъ богатымъ человекомъ. У прочихъ же киргизовъ обыкновенно насчитывается скота отъ 20 до 600 барановъ и отъ 2 до 30 яковъ. Верблюдовъ очень немного, и они дорого цѣнятся.

Такое незавидное матеріальное положеніе населенія явилось слѣдствіемъ постояннаго хозяйничанья на Памирѣ китайцевъ, кашгарцевъ и другихъ народовъ, окружающихъ эту страну, которые сильно разоряли киргизовъ поборами и различными налогами.

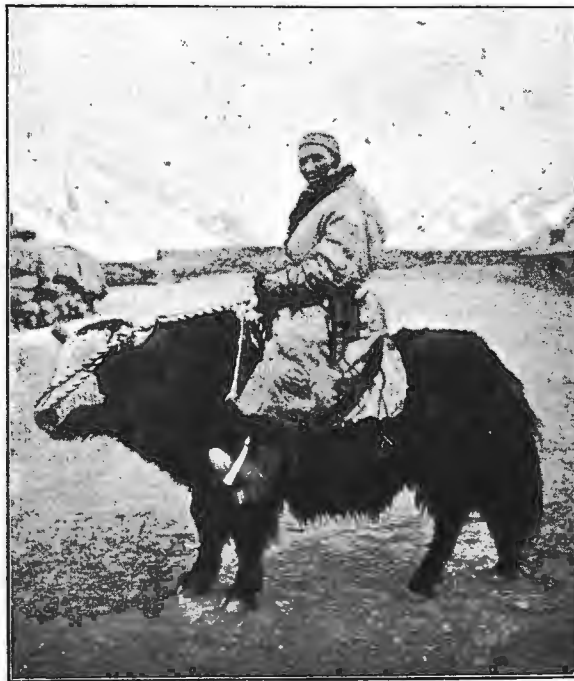
Интересный рассказъ, передаваемый однимъ изъ намирскихъ ашиновъ бекъ-Бузатомъ, очень характеристиченъ въ этомъ отношеніи.

Въ дѣтствѣ бекъ-Бузатъ помнилъ себя среди зажиточной семьи своего отца, жившаго около озера Рангъ-Кули и бывшаго намирскимъ бекомъ (княземъ), которому подчинилось все

Памирскіе киргизы. Первый памирскій волостной управитель Тууръ-бекъ и его помощникъ.

Съ фотогр. капитана Муравьева автотипія А. Вильборга.

Памирскіе киргизы. Глава аула на якѣ при перекочевкѣ.

Съ фотогр. капитана Муравьева автотипія А. Вильборга.

население. Долго правил отец бекъ-Булата и былъ любимъ всѣмъ народомъ.

Но вотъ въ 60-хъ годахъ пришли на Памиръ кокаанды и подчинили себѣ киргизовъ. Отецъ бекъ-Булата, по требованію Худояръ-хана, отравился въ Кокаандъ, гдѣ и былъ милостиво принятъ властителемъ, который одарилъ его и, увидавъ быть вѣрнымъ кокаандскимъ подданнымъ, оставилъ попрежнему бекъ-Булата, съ тѣмъ, что отнынѣ Памиры будутъ принадлежать кокаандскому хану. Конечно, тотъ и не прекословилъ, къ тому же кокаанды были весьма обходительны съ покоренными, и хотя и брали подати, но весьма незначительныя. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ мирѣ и спокойствіи, и отецъ бекъ-Булата умеръ, передавъ правленіе своему старшему сыну.

Въ это время на кашгарскій престолъ вступилъ знаменитый въ исторіи Якубъ-бекъ, который послалъ на Раиғъ-Куль войско, во главѣ съ Кули-бекомъ, для занятія этого мѣста. Кули-бекъ неожиданно палъ на намирцевъ, убилъ бека и, разграбивъ его имущество, назначилъ управителемъ бекъ-Булата, котораго заставилъ присягнуть кашгарскому владыкѣ. Видя до смерти Якубъ-бека прослужилъ ему вѣрно бекъ-Булатъ, а когда Кашгаръ былъ занятъ китайцами, онъ исправно продолжалъ платити подати богдыхану.

Но не долго пришлось бекъ-Булату пребыть въ такомъ положеніи. Китайцы, боясь его вліянія на киргизовъ и сношеній съ русскими, когда по Памиру, въ 1889 г., путешествовалъ подполковникъ Громбчевскій, напали на кочевки правителя Памира и, разграбивъ его имущество и отобравъ женъ, сослали бекъ-Булата въ Кульджу. Однако, ему удалось какимъ-то образомъ, послѣ полугодового плѣна, бѣжать на Памиръ, гдѣ въ это время былъ генералъ Юшовъ со своими отрядами. Бекъ-Булатъ просилъ покровительства русскихъ и остался подъ защитой ихъ на Раиғъ-Куль, куда вскорѣ и былъ назначенъ аминомъ (старшиной).

Вслѣдствіе такихъ метаморфозъ и грабежа, у бывшего князя, обладавшаго огромными богатствами, осталась одна юрта, четыре яка и сотня барановъ.

Но такимъ образомъ былъ разоренъ не только бекъ-Булатъ, и прочіе кочевники потеряли не меньше, и до сихъ поръ населеніе не можетъ еще оправиться, несмотря даже на поддержку русскаго правительства.

Въ настоящее время на Памирѣ организовано правильное управленіе, подчиняющее кочевое населеніе одному управителю, назначенному русскимъ правительствомъ, и имѣющему также помощниковъ въ видѣ аульныхъ старшинъ — аминовъ. Первымъ такимъ управителемъ былъ назначенъ Тукуръ-бекъ, изъ хорошаго, когда-то вліятельнаго, киргизскаго рода на Алаѣ.

Тукуръ-бекъ — высокій, красиво-сложенный мужчина, съ небольшою черною бородкою, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ, съ ушками прорѣзанными глазу, — съ самаго присоединенія Памира былъ ревностнымъ помощникомъ русской администраціи и начальнику намирскаго поста, шевдалекѣ отъ котораго и помѣстился его кибитки. Жены у Тукуръ-бека двѣ: обѣ онѣ дебелия, румяныя, съ прекрасными черными глазами, лукаво выглядывающими изъ узкихъ щелокъ, обрамленныхъ длинными рѣсницами; обѣ онѣ очень веселыя и обходительныя и не особенно застѣнчивы, что даетъ возможность и побесѣдовать съ этими представительницами прекраснаго пола на Памирѣ.

Сверкая глазами и улыбаясь во весь ротъ, обнаруживая при этомъ необыкновенно бѣлые, крѣпкіе зубы, онѣ всегда очень довольны прібытію кого-нибудь изъ русскихъ; тогда онѣ быстро наряжаются, нацѣпляютъ на себя разноя украиненія, и потчуютъ гостей произведеніями своего домашняго хозяйства.

Вообще, кочевники Памира, своимъ добродушіемъ и гостеприимствомъ, оставляютъ по себѣ пріятное впечатлѣніе. Бывало, когда ѣдешь въ какой-нибудь аулъ навѣстити знакомаго киргиза, видишь уже версты за двѣ, что хозяинъ садится на лошадь и ѣдетъ встрѣтить гостя и радостно приветствуетъ васъ улыбкой и обычными кулдуками (поклонами).

Подъѣзжаешь къ юртѣ — сейчасъ же какой-нибудь киргизенокъ возьметъ коня и начинаетъ водить взадъ и впередъ, заблаговременно взглядомъ осматривая вспотѣвшую лошадь. Войдешь въ юрту и только усѣнешь усѣться на коню (войлокъ), какъ сейчасъ же начинается угощеніе чаемъ, баурсаками*), и не усѣнешь оглянуться, какъ ужъ тащатъ рѣзать барана. Еле-еле удастся убѣдить шой разъ хозяина, что вовсе не для того пріѣзжаешь, чтобы они празднество какое-то устраивали, а просто поговорить на ихъ житье-бытьѣ; и иногда удается отклонить угощеніе; но бываетъ, что никакія просьбы и убѣжденія не ведутъ ни къ чему — ну, тогда форменный праздникъ.

Въ юрту откуда-то набирается цѣлая куча народа, ожидающаго угощенія, и каждый, чѣмъ можетъ, помогаетъ хозяйвалу. Кто тащитъ дрова, кто налаживаетъ котелъ, кто рѣжетъ барана или помогаетъ киргизкамъ переливать въ чашки молоко и т. д., а прочіе стараются разговорами занять своего гостя.

Между этими добродушными людьми встрѣчались мнѣ и не глупые, весьма здраво рассуждавшіе на нѣкоторыя интере-

*) Тѣсто, вареное въ салѣ.

сующія ихъ темы, по зато находились и крайне ограниченныя и ни къ чему не способныя, праздныя шатающіеся изъ аула въ аулъ и занимающіеся только лишь сплетнями. Болтая съ киргизами въ юртѣ, сидишь, пока не начнетъ гостеприимный хозяинъ угощать цѣлымъ ядомъ блюдъ, состоящихъ изъ баранины во всѣхъ видахъ. Подаютъ и супъ — просто немного соленый мясной наваръ съ такимъ огромнымъ количествомъ краснаго перцу, что попомъ долго горитъ во рту, и вареную баранину, или же мелко наръванную кусочками и жареную въ салѣ, а то иногда и просто кусокъ мяса, жаренаго на вертелѣ. Все общество принимается съ аппетитомъ жевать своими здоровыми зубами кушанья, и скоро, отбросивъ свои руки объ сапоги или о полы засаленныхъ халатовъ, проговоривъ обычное „Алла“ и рыгнувъ нѣсколько разъ, что обозначаетъ благодарность хозяину и полное довольствіе его обѣдомъ, снова принимается за чай. Вся компанія расходится только тогда, когда самъ гостешъ и, поблагодаривъ хозяина и поочередно попрощавшись съ каждымъ изъ присутствовавшихъ, выходишь изъ юрты. Цѣлая толпа провожаетъ васъ на лошадахъ почти до дому, не переставая засыпать цѣлымъ градомъ вопросовъ.

Въ свою очередь, и киргизы пріѣзжаютъ къ вамъ, ну, и тогда ихъ стараешься угостить на славу. Но самое большое удовольствіе для вашего гостя, если вы подарите ему немного пороку. Занимался охотой, онъ очень пуждается въ огнестрѣльныхъ принасахъ, такъ какъ добыть ихъ очень трудно. Ужъ непремѣнно, разъ вы снабдили киргиза порокомъ, или одолжили ему ружье, онъ привезетъ вамъ кинка, а иногда и архара, и расскажетъ цѣлую исторію о томъ, съ какими препятствіями удалось ему достать убитое животное. При этомъ онъ не содретъ ни канли, описывая тѣ ужасы, когда онъ на арканѣ спускался за убитымъ кинкомъ. Надо увидѣть самому тѣ страшныя пропасти или скалы, по которымъ лазаютъ охотники за горшымъ звѣремъ, чтобы вполне повѣрить описывающему разныя трудности охоты кочевнику.

Мнѣ приходилось довольно часто самому охотиться на кинка и архара, и я удивлялся, глядя на киргизовъ, по какимъ карнизамъ пробрались они и съ какихъ отвѣсовъ спускались въ пропасти.

Единственнаго охотника, безусловно безстрашнаго, я встрѣтилъ только одного, который, не взирая ни на какія преграды, охотился на Памирѣ — это генерала Юшова. Ну, зато его имя и гремитъ среди самыхъ ярыхъ охотниковъ Туркестана, а иностранцы, пріѣзжавшіе поохотиться и отжившіеся ѣхать съ нимъ въ горы, приходили въ недоумѣніе и не рѣшались слѣдовать за отважнымъ охотникомъ.

Кромѣ охоты, намирскіе кочевники очень любятъ спортъ. Въ виду того, что сильно разрѣженный воздухъ Памира и почти полное отсутствіе хорошихъ лошадей не даетъ имъ возможности устраивать любимую игру прочимъ киргизовъ, улакъ и бойгу, они, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, замѣнили ихъ скачками на верблюдахъ.

Это оригинальное дикое развлеченіе является такимъ интереснымъ явленіемъ среди намирскаго населенія, что я считаю не лишнимъ посвятить нѣсколько словъ этому спорту.

Задолго до ежегоднаго праздника, богатые киргизы начинаютъ подготавливать горбатыхъ животныхъ къ предстоящей скачкѣ. Ихъ, каждый день, гоняютъ по нѣсколько часовъ рысью и такимъ образомъ мало-по-малу приучаютъ животное привыкать къ этому аллюру, который обыкновенно оно избѣгаетъ примѣнять и только въ случаѣ какой-либо опасности прибѣгаетъ къ нему, спасаясь бѣгствомъ. Приученные бѣгать верблюда передъ состязаніемъ держатся по нѣсколько дней безъ пищи и питья, и вотъ въ назначенный день они немного получаютъ корму.

Со всѣхъ концовъ Памира стекается множество любопытныхъ, всѣ сплываютъ на предстоящую таману (увеселеніе). Теперь обыкновенно собираются киргизы около русскаго укрѣпленія на Мурабѣ, близъ переправы Шаджанъ, гдѣ три года, какъ выросъ туземный базарчикъ, имѣется караванъ-сарай и чай-ханъ.

Версты на четыре, а иногда и больше, расчищается мѣсто, и вотъ спортсмены садятся на горбы своихъ верблюдовъ. Цѣлою шеренгою стоятъ они со своими всадниками и, издавая невозможный ревъ, ожидаютъ сигнала, чтобы броситься рысью впередъ.

Но вотъ данъ знакъ, и киргизы заработали локтями.

Не сразу тронулись всѣ верблюды, нѣкоторые артачатся, но веревка, прикрѣпленная къ продѣтой черезъ воздю налѣкъ, оказываетъ свое дѣйствіе. Верблюдъ страшно реветъ и бросается догонять уже умчавшихся всадниковъ. Съ боковъ раздаются гортанные крики скачущихъ на своихъ лошадахъ или якахъ киргизовъ, подбодряющихъ верблюдовъ. Крикъ, гиканье, свистъ, удары нагаекъ и поощреніе зрителей — все сливается въ ужасный гулъ.

Но вотъ одинъ изъ верблюдовъ споткнулся и рухнулъ на землю — сѣдокъ, не удержавшись на горбѣ своего животнаго и совершивъ довольно продолжительное воздушное путешествіе, падаетъ на землю. Кругомъ поднимается хохотъ, на несчастнаго спортсмена такъ и сыплются насмѣшки, а онъ, ругаясь, подходитъ къ лежащему верблюду и старается подшить

Въ роцѣ. Съ карт. Амберга грав. Гедапъ.

Пристань въ Флиссингенѣ. Съ карт. Петерсена-Ангельнъ грав. Унионъ.

его—но животное только жалобно воет. У него сломана нога.

Между тѣмъ сближающіеся достигаютъ конечнаго пункта. Крики и гиканье усиливаются. Впередѣ несется рыжій верблюдъ съ сѣдокомъ въ остроконечной шляпѣ. Глаза его лихорадочно горятъ, и кажется, что онъ не замѣчаетъ ни того, что дѣлается съ боковъ, ни тѣхъ криковъ поощренія, которые раздаются ему вслѣдъ. Онъ видитъ, что разстояніе между нимъ и коломъ, вбитымъ въ землю и обозначающимъ предѣлъ бѣга, все уменьшается и уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышитъ, какъ тонотъ настаивающаго верблюда становится все отчетливѣе и отчетливѣе.

Онъ напругаетъ свое горло, поощряя гиканьемъ верблюда. Вотъ нѣсколько сажень осталось только до цѣли. Вотъ онъ взмахиваетъ еще разъ пагайкой и мысленно уже вкушаетъ торжество побѣдителя...

Вдругъ съ лѣвой стороны мелькнула вытянутая шея бураго верблюда. Вотъ и весь верблюдъ показался съ сидящимъ на немъ киргизомъ. Еще моментъ, и несчастный побѣдитель видитъ уже спинку своего противника.

Вѣкъ себя отъ злобы, онъ бьетъ изо всей силы по головѣ несчастнаго животное—по задку. Впередѣ слышны крики привѣтствія, и счастливцевъ побѣдителей, привѣтствуемый толпою, идетъ получая призовой халатъ.

Чины памирскаго гарнизона за послѣднее время принимали участіе въ этомъ оригинальномъ спортѣ, при чемъ призы были розданы офицерамъ.

Вообще памирскіе киргизы весьма охотно участвуютъ во всевозможныхъ скачкахъ и состязаніяхъ и иногда, для присутствованія на какой-нибудь бойкѣ, ѣдутъ за цѣлыя сто версты, а иногда и дальше.

Однако, между мирнымъ кочевымъ населеніемъ Памира встрѣчаются и люди, занимающіеся грабежомъ. Къ этому разряду кочевниковъ принадлежитъ семья извѣстнаго памирскаго разбойника Сахинъ-Назара, игравшаго довольно видную роль во время событій въ памирскомъ ханствѣ, извѣстныхъ подъ названіемъ афганской смуты.

Внутренность земного шара.

Великое открытіе спектральнаго анализа дало человечеству возможность изслѣдовать составъ небесныхъ тѣлъ, съ которыми мы никогда не приходимъ въ матеріальное соприкосновеніе. При этомъ выяснился поразительный фактъ, что они состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ частей, какъ и наша земля, хотя, быть-можетъ, и не въ одинаковой пропорціи. Очень вѣроятно, что на солнцѣ и на другихъ неподвижныхъ звѣздахъ водородъ имѣется въ гораздо большемъ относительномъ количествѣ, чѣмъ у насъ на землѣ, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто далеко не изъ первыхъ среди элементовъ. При всѣхъ глубокіхъ вканываніяхъ въ землю замѣчается, что количество воды становится все меньше, а выкапываніе нефтяныхъ фонтановъ ясно показало, что земная кора уже на глубинѣ одного километра совершенно не содержитъ въ себѣ воды. Поэтому всѣ наши рѣки и моря, носившія въ воздухѣ облака и другія испаренія составляютъ вмѣстѣ ничтожную массу въ сравненіи съ громаднымъ водороднымъ пламенемъ, окружающимъ, въ видѣ солнечныхъ протуберанцевъ, всю необлитуемую поверхность солнца. Но еще гораздо большее содержаніе водорода замѣчается на другихъ, еще болѣе отдаленныхъ неподвижныхъ звѣздахъ, которыя гораздо больше солнца; въ ихъ спектрѣ водородныя линіи занимаютъ большую часть преобладающее мѣсто. По изслѣдованіямъ Стонея, наибольшія небесныя тѣла притянули къ себѣ легчайшіе элементы, а отсюда слѣдуетъ вывести предположеніе, что остальные небесныя тѣла—чѣмъ меньше, тѣмъ меньшимъ количествомъ и обладаютъ водородомъ и его соединеній. Наилучшимъ подтвержденіемъ такого предположенія служитъ луна, которая, по наблюденіямъ, совершенно лишена водорода и совершенно суха. Фактъ этотъ даетъ новое направленіе въ разрѣшеніи давно интересующаго человечество вопроса о населенности остальныхъ міровъ.

Не останавливаясь, однако, на этомъ вопросѣ, вернемся къ тому важному результату спектральнаго анализа, который показываетъ, что всѣ небесныя тѣла составлены качественно такъ же, какъ и наша земля. Но, помимо спектральнаго анализа, есть еще одинъ путь, дающій намъ возможность дѣлать заключенія о природѣ небесныхъ тѣлъ; путь этотъ—изслѣдованіе метеоритовъ. Относительно происхожденія послѣднихъ въ настоящее время уже не существуетъ болѣе никакихъ сомнѣній. Мы достоверно знаемъ, что они являются къ намъ изъ небеснаго пространства, и что они не что иное, какъ осколки большихъ, пришедшихъ въ разрушеніе небесныхъ тѣлъ и, какъ таковыя, находятся въ ближайшемъ отношеніи къ многочисленной группѣ такъ называемыхъ малыхъ планетъ. Особенно интересно при этомъ, что всѣ метеориты раздѣляются на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга класса: одни состоятъ изъ силикатовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ у себя на землѣ, другіе же—изъ сплава металловъ, и именно желѣза съ никелемъ.

Нѣмецкій ученый Клеменсъ Вилклеръ, въ своемъ докладѣ,

Интереснѣе всего, что разбойникъ этотъ, грабля караваны кочевниковъ, не подвергался притѣсненію ни русскаго, ни афганскаго правительства. Наоборотъ, афганскій эмиръ записывалъ у него, пользуясь его помощію. На некоемъ рѣкѣ Кудары, въ почти неприступномъ мѣстѣ, стоятъ зимовки этого разбойника, гдѣ семья его проводитъ обыкновенно суровыя памирскія зимы, а лѣтомъ откочевываетъ въ долину Алаш.

Въ 1892 г. я посѣтилъ эти зимовки и видѣлъ Сахинъ-Назара. Это былъ рослый, крѣпко сложенный киргизъ съ длинною сѣдою бородою, при видѣ котораго невозможно было и представить себѣ, что этотъ почтенный старецъ занимался грабежами. Его два сына, наоборотъ, имѣли весьма разбойничій видъ.

Обыкновенно, прослѣдивъ богатый караванъ, направляющійся въ Бухару или Туркестанъ съ контрабандой, шайка Сахинъ-Назара нападала на него и, разграбивъ имущество, или откусала на всѣ четыре стороны возчиковъ, или брала ихъ въ рабство. Рѣдко разбойникъ нападалъ на одиночныхъ людей, и вообще грабежи его не отличались кровопрлитіемъ.

Въ 1894 году Сахинъ-Назаръ умеръ, заставляя своимъ сыновьямъ заниматься мирнымъ промысломъ и навсегда оставить разбой. Но развѣ могли люди, которые съ молокомъ матери всосали разбойничій духъ, отказать отъ лихого промысла, и они попрежнему продолжали производить нападенія на караваны, пока, наконецъ, русское правительство не приняло энергичныхъ мѣръ и не заставило братьевъ навсегда отказаться отъ легкой наживы.

Познакомившись ближе съ памирскимъ кочевымъ населеніемъ и его бытомъ, во всякомъ случаѣ, можно вывести заключеніе, что этотъ народъ, при всей своей наружной невзрачности и бѣдности, представляетъ собою весьма отрядное явленіе среди народовъ Средней Азии своею честностью, добротой, гостеприимствомъ и оставляетъ прекрасное впечатлѣніе на гостившаго Памирь путешественника, побывавшаго въ средѣ радужныхъ кочевниковъ этой дикой страны.

чптанномъ имъ въ прошломъ году,—объ открытіи новыхъ элементовъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе, указалъ на то, что метеориты подтверждаютъ намъ тотъ фактъ, который ранѣе уже указывался спектральнымъ анализомъ, т. е. что остальные небесныя тѣла не содержатъ въ себѣ никакихъ элементовъ, которыхъ не имѣла бы наша земля. На землю не падаетъ изъ небеснаго пространства никакой матеріи, которая не была бы свойственна и ей. На одно докладчикъ, однакоже, не обратилъ вниманія, по это, впрочемъ, и не входило въ область разсматриваемаго имъ вопроса, для насъ же теперь имѣетъ существенную важность. Дѣло въ томъ, что метеориты приносятъ намъ дѣйствительно присущія землѣ вещества, но въ такой формѣ, въ какой на землѣ тѣ же вещества никогда не встрѣчаются. Желѣзо и никель никогда еще не были найдены на землѣ въ совершенно чистомъ видѣ; если иногда и думалъ, что найдено чистое желѣзо, то по ближайшемъ изслѣдованіи всегда оказывалось, что оно не земного, а космическаго происхожденія. Такимъ образомъ, металлическіе метеориты оказываются совершенно различными, въ некоторыхъ отношеніяхъ, отъ металловъ, находимыхъ на землѣ, и это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что со своей стороны метеориты, состоящіе изъ силикатовъ, не представляютъ по своему составу ничего страннаго. Какія же заключенія можно вывести изъ этихъ фактовъ?

Англійскій ученый Кларкъ занялся недавно вычисленіемъ относительнаго количества элементовъ въ земной корѣ, толщину которой онъ принялъ въ десять англійскихъ миль. Вычисленія его привели къ тому результату, что преобладающее мѣсто въ ряду элементовъ земной коры занимаютъ кислородъ и силиціи или кремній; изъ ихъ первый составляетъ около половины, а второй—около четверти земной коры. Остальные элементы, въ томъ числѣ водородъ и всѣ металлы, составляютъ собою остальную четверть. Такимъ образомъ земная кора, взятая въ цѣломъ, представляетъ собою тѣло съ большимъ содержаніемъ кремневой кислоты, силикатъ, и этому соответствуетъ и удѣльный вѣсъ, 2,5, который Кларкъ опредѣлилъ для коры.

Между тѣмъ, по направленію пути земли вокругъ солнца и по быстротѣ ея движенія, съ полной достовѣрностью вычислено, что удѣльный вѣсъ земного шара во всемъ его цѣломъ равняется 5,58. Сооставляя цифры, неминуемо приходишь къ выводу, что внутренность земного шара имѣетъ совершенно другой составъ, чѣмъ кора его. На это указалъ и Вилклеръ въ своемъ докладѣ, добавивъ при этомъ, что природа внутренней земли останется, вѣроятно, навсегда загадкою.

Хотя ученый и не былъ неправъ, высказывая такое мнѣніе, тѣмъ не менѣе предположенія о внутренней земли этимъ мнѣніемъ не исключаются; и любознательно прослѣдить, насколько такія предположенія согласуются съ уже извѣстными, точно обоснованными фактами. При составленіи этихъ гипотезъ слѣ-

дуетъ прежде всего руководствоваться соображеніями объ удѣльномъ вѣсѣ тѣлъ. Если удѣльный вѣсъ всего земного шара настолько выше удѣльнаго вѣса коры, то ясно, что внутренность земли состоитъ преимущественно изъ такихъ элементовъ, удѣльный вѣсъ которыхъ выше 5,58, т. е. равняется 6 или того болѣе.

Если взглянуть теперь на таблицу удѣльнаго вѣса отдѣльных элементовъ, то окажется, что для насъ въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе только металлы, да и то не всѣ. Алюминій, наиримѣръ, и кальцій, въ больномъ количествѣ содержащіеся въ земной корѣ, во внутренности земли должны совсѣмъ отступить на второй планъ, вслѣдствіе своего слишкомъ низкаго удѣльнаго вѣса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится разочаровать и тѣхъ людей съ пылкой фантазіей, которые представляютъ себѣ внутренность земли переполненной драгоцінными металлами: золотомъ, серебромъ. Пѣтъ, и ихъ удѣльный вѣсъ слишкомъ малъ; къ тому же трудно и предположить, чтобы внутри земли было обиліе металловъ, которыхъ и въ корѣ-то ея находится немного. Невозможно допустить и мысль, чтобы при постепенномъ прогрессѣ охлажденія могло произойти такое сильное раздѣленіе, при которомъ то, что составляетъ главную часть зерна, почти совершенно исчезло бы изъ коры.

По этой же самой причинѣ нельзя также допустить, чтобы внутри земного шара были элементы, которыхъ мы, на поверхности, не знаемъ. То, чего мы не можемъ найти во всей вселенной, т. е. элементъ, котораго не было бы на нашей земной поверхности, не можетъ, конечно, отыскаться и внутри земли.

Для болѣе правильнаго разрѣшенія разсматриваемаго здѣсь вопроса, слѣдуетъ прежде всего предположить, что содержащее внутренности земли состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, которые мы находимъ и въ земной корѣ и удѣльный вѣсъ которыхъ немного выше 6. Подъ эти условія подходитъ прежде всего желѣзо, которое въ расплавленномъ состояніи (а вну-

тренность земли мы и не представляемъ себѣ иначе, какъ въ расплавленномъ видѣ) имѣетъ удѣльный вѣсъ 6,88. Предположимъ теперь, что металлы земной коры съ удѣльнымъ вѣсомъ менѣе 5, лежатъ еще нѣсколько ниже, чѣмъ 16 километровъ (10 англійскихъ миль), которые Баркъ принялъ за толщину земной коры; тогда внутренность земли, съ удѣльнымъ вѣсомъ расплавленнаго желѣза, сведетъ общій удѣльный вѣсъ на цифру 5,58, которая и опредѣлена для земного шара.

Главнымъ же основаніемъ къ предположенію, что внутренность земли состоитъ изъ расплавленнаго желѣза, служить вышеописанная природа метеоритовъ. Она объясняется очень просто. Силикатовые метеориты своимъ составомъ вполне соответствуютъ составу нашей земной коры и созданы изъ коры разрушившихся небесныхъ тѣлъ, желѣзные же метеориты—остатки внутренности этихъ тѣлъ и тоже по составу вполне согласуются съ предполагаемою нами внутренностью земного шара.

По изложенному здѣсь представленію (вполнѣ, разумѣется, гипотетическаго характера) земля является шаромъ расплавленнаго желѣза, на поверхности котораго плаваетъ уже застывшая накипь. Накипь эта служитъ намъ ночью, это наша земная поверхность. И какъ на сталелитейныхъ заводахъ, гдѣ иногда скопившіеся газы прорываютъ накипь и съ шипѣніемъ вылетаютъ сквозь нее, такъ и на землѣ происходятъ изверженія, когда поддающіяся разложенію частицы коры приходить въ соприкосновеніе съ расплавленнымъ желѣзомъ, слоннымъ къ реакціямъ. Будь внутренность земли наполнена драгоцінными металлами, мало способными къ реакціямъ, къ изверженіямъ не было бы поводовъ.

И точно такъ же, какъ на заводахъ, желѣзная накипь содержитъ въ себѣ немалый процентъ желѣза въ окисленномъ состояніи, такъ и земная накипь—кора—болѣе всего богата такимъ желѣзомъ.

Къ рисункамъ.

На фонѣ осенняго пейзажа сочной кистью художника брошена веселая жизненная группа. Молодой охотникъ, пробродившій съ ружьемъ за плечами въ лѣсу, вернулся съ пустой сумкой, впрочемъ, не особенно жалѣя о потерянномъ времени—въ немъ осталось пріятное воспоминаніе о днѣ, проведенномъ на лонѣ природы. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, бодрящій воздухъ и напѣивалъ любимую пѣсенку. Медленнымъ шагомъ, какъ человѣкъ вполнѣ удовлетворенный, возвращаясь онъ къ излетку, гдѣ была привязана лошадь; пара борзыхъ понуро возвращалась вмѣстѣ съ нимъ, отлочно сознавая неудачу своего безпечнаго господина. Охотникъ уже собирался вскочить на лошадь, какъ вдругъ добродушный, звонкій смѣхъ двухъ деревенскихъ молодухъ, возвращавшихся домой, привлекъ его вниманіе. Онъ бросилъ поводья и, облокотившись о перила, началъ всматриваться въ нихъ. Румяныя, здоровыя лица заставили его невольно улыбнуться, и завязался разговоръ. Болѣе шустрин бабенка стала подсмѣиваться надъ неудачей охотника, а другая, поскромнѣе, только косматривала на него съ пачнымъ любознательствомъ. Охотникъ не конфузился и не стыдился своей неудачи—былъ молодцу не укоръ. Онъ смѣло отражаетъ отъ себя насмѣшливыя стрѣлы деревенской красавицы и любитъ ея. Эта неожиданная встрѣча на охотѣ, мимолетная, какъ лазурное облачко, испустила неудачи и привела охотника въ наилучшее настроеніе.

*

Что можетъ быть перенячивѣе страсти къ куревію. Всѣ кругомъ курятъ, курить съ наслажденіемъ, всасось, до одуренія, курятъ дѣти и старики, мужчины и женщины, мужикъ и интеллигентъ, курятъ для развлеченія и съ горя. Не даромъ сложилась русская пословица: „въ трубочку табачку—все горе закурчу“. И эта страсть растетъ, главнымъ образомъ въ силу врожденной намъ раздражительности. Кто не знаетъ, какъ сильна эта раздражительность въ дѣтскіе, юные годы, кто не знаетъ, что именно въ эти годы и зарождается страсть къ куревію. И дѣйствительно, нужна сильная дѣтская натура, чтобы противостоятъ ей. Скажемъ даже болѣе: — если мы въ раніе юные годы, въ училищѣ или гимназій, не втянемся въ куревіе, не поспѣдимъ примѣру другихъ, не позаримся на запретное удовольствіе, то уже врядъ ли станемъ мы курить потомъ, въ зрѣлые годы, по собственному почину. Понятно, страсти этой мы подвержены болѣе въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ, на волѣ; но и тутъ находятъ шалуны, которыхъ не столько тянетъ желаніе покурить, сколько именно пошалить, почувствовать себя хоть минутку взрослыми.. Эта девниная съ виду шалость обыкновенно приводитъ къ тому, что мы пристраиваемся къ куревію. „Нѣсть грѣха въ куревіи табака“,—говоритъ Кутейкинъ въ „Недорослѣ“, но для недорослей это грѣхъ,—грѣхъ непростительный.

*

Въ домѣ еще не старой, богобоязненной вдовы, любящей поголковать о страшномъ судѣ, святыхъ угодникахъ и вообще

о монастырской жизни, появился неожиданный гость—инюкъ сосѣдней обители, и гостепрійная хозяйка сейчасъ же поспѣшила угостить его свѣжимъ чайкомъ, чтобы какъ можно долѣе удержать у себя и завести душеспасительную бесѣду. Взвѣсивъ визанье, она сама усѣлась на диванъ въ красномъ углу, подъ старинными кѣтами и лапшами, а дорогому гостю предоставила мѣсто волеѣ книжкаго самовара. Инюкъ не прочь угоститься, не прочь и поговорить о томъ, о другомъ. Любитъ онъ, когда его слушаютъ съ такимъ вниманіемъ и относятся съ уваженіемъ къ его „духовному сану. Потихоньку, не слыша, отпивая глотокъ за глоткомъ изъ блюдечка, онъ разскажетъ все, что произошло въ монастырскихъ стѣнахъ отъ древнихъ временъ до послѣднихъ дней, какія чудеса совершались у мощей святителей, кто сколько пожертвовалъ на монастырь, какимъ великимъ грѣшникамъ приходилось искать угѣшенія въ обители и въ глубинѣ тихой кельи какіе люди, когда-то властные и богатые, покорно несли послушаніе и, сложивъ гордыню, отдавались служенію Богу. Слушаетъ хозяйка и удивляется премудрости своего собесѣдника, не пророчивъ ни одного слова. Время между тѣмъ идетъ; самоваръ весело поетъ, а разговоръ такъ и льется изъ устъ краснорѣчиваго гостя.

Авторъ описанной картины (недавно скончавшійся), Алексѣй Аввакумовичъ Наумовъ (род. въ 1840 г.), извѣстный живописецъ-жанристъ, составилъ себѣ прочное имя такими художественными работами, какъ „Вѣликій передъ смертью“ (1882 г.) и „Дуэль Пушкина“ (1834 г.). Послѣдній хранится въ Императорскомъ Александровскомъ лицей. Изъ прочихъ его картинъ обращаютъ на себя вниманіе: „Курная изба“ (1874 г.), „Проводы масленицы въ Тифлисѣ“ (1876 г.) и принадлежащая Академіи Художествъ—„Старый другъ“ (1889 г.). Наумовъ, кромѣ жанровъ, писалъ также портреты и образа для различныхъ храмовъ и давалъ уроки рисованія въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Душеспасительная бесѣда“ (1895 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ послѣднихъ его произведеній.

*

Что сказать объ И. И. Шишкинѣ? Что лучше его никто не передаетъ холоднаго мрака лѣсной глуши? Что лучше его никто не умѣетъ рисовать сосны и елки? Что никто не знаетъ „анатомію“ дерева такъ, какъ знаетъ ее онъ, цѣвѣць холодной сѣверной природы? Кому это не извѣстно? Кто не стоялъ часами передъ его лѣсами, выхваченными художникомъ изъ природы и перенесенными на холстъ?

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ уроженецъ Вятской губерніи. Онъ выросъ подъ сѣрымъ небомъ, среди дремучихъ таинственныхъ лѣсовъ и, полюбивъ ихъ съ дѣтства, уже всю жизнь не могъ ихъ разлюбить. Онъ не промѣнилъ бы сѣрыхъ, унылыхъ, однообразныхъ красокъ своей родины на самыя яркія, самыя радостныя, самыя волшебныя краски юга. Онъ былъ на этомъ югѣ, и его давило солнце, угнетала цвѣтущая зелень и ликующая природа наводила тоску. Онъ и тамъ, на югѣ, среди кипарисовъ и виноградныхъ садовъ отыскивалъ уголки, напоми-

нави́е ему дале́кій сѣверъ, выжидалъ сѣрыхъ облачныхъ дней и тогда писалъ. Онъ писалъ сѣверъ на югъ. Его палитра не блестя иркими красками, какъ не блестя ими и природа, которую онъ пишетъ. Онъ не гонится за разнообразіемъ въ своихъ пейзажахъ, давал только то, что онъ любитъ. А онъ любитъ опушку лѣса съ черными пни, торчащими надъ землей, съ зеленѣющими косягъ молодыми деревьями; онъ любитъ странную, мрачную глушь, черную и вѣную, съ свалившимися отъ старости столѣтними дубоми; онъ любитъ широкую, просторную поляну съ уходящими въ небо тонкими и стройными соснами, дорожку, бѣлѣющую въ травѣ и убѣгающую змѣей въ котловину, поросшую орѣшникомъ. Любитъ онъ еще оврагъ, покрытый березникомъ, съ журчащимъ и бѣгущимъ по камнямъ ручейкомъ, любитъ зеленѣющее поле, желтѣющую ниву,—вотъ что еще онъ любитъ и сумѣлъ заставить насъ полюбить.

И. И. Шишкинъ принадлежитъ къ числу лучшихъ у насъ рисовальщиковъ не только среди пейзажистовъ, но и жанристовъ. Нарисовать цѣлую сочную осень, сохранивъ весь ихъ характеръ — задача не изъ легкихъ. Кромя картинъ масляными красками, И. И. Шишкину принадлежатъ масса рисунковъ углемъ, карандашомъ и перомъ. Тутъ онъ — большой мастеръ. Но гдѣ онъ не знаетъ себѣ соперника, такъ это въ офортѣ. До такого мастерства, каковыя владѣетъ художникъ въ этой области, у насъ еще никто не доходилъ. Мы отсылаемъ тѣхъ, кто интересуется офортами И. И. Шишкина, къ превосходной статьѣ Вас. И. Немировича — Даиченко, посвященной знаменитому пейзажисту и помѣщенной въ *Ниву* за 1895 г. (№ 12).

И. И. Шишкинъ выдвинулъ цѣлый рядъ учениковъ, въ числѣ которыхъ были такіе, какъ знаменитый Васильевъ, ко-

Подарки президента Форы Государю Императору. Фарфоровыя группы „Охота на кабана“.

Подарки президента Форы Государю Императору. Сѣверскія вазы съ живописью.

не даетъ имъ долго горевать. Правда, въ лицѣ одной изъ нихъ, прислонившейся къ дереву, такое задумчивое выраженіе, что такъ и кажется, вотъ-вотъ заблещутъ слезы и покатаются изъ-

того смертъ унесла въ расцвѣтѣ силъ, и О. А. Лагода — Шишкина, жена И. И., умерла въ 1881 г.; русское искусство потеряло въ ея лицѣ одного изъ крупныхъ художниковъ. Последнимъ ученикомъ И. И. Шишкина является А. Шильдеръ.

И. И. Шишкинъ родился въ 1832 г. Поступивъ первоначально въ московское училище живописи и ваянія, онъ вскорѣ перешелъ въ петербургскую академію и уже въ 1857 году получилъ малую серебряную медаль, а въ слѣдующемъ году — большую. Послѣ малой золотой (1859 г.) онъ награжденъ былъ въ 1860 г. большой золотой за знаменитый пейзажъ „Видъ на островъ Валаамъ“, который находится въ музеѣ Академіи. Въ 1865 г. онъ былъ признанъ академикомъ и, наконецъ, въ 1873 г. профессоромъ. Со времени основанія передвижныхъ выставокъ онъ участвуетъ на нихъ ежегодно, и тутъ появились всѣ лучшія произведенія художника. Послѣ введенія новаго устава въ Академіи художествъ въ 1895 г. онъ былъ приглашенъ въ нее профессоромъ пейзажной живописи.

Въ роцѣ, подъ густою тѣнью вѣковыхъ буковъ, куда еле-еле пробивается палицей солнечный лучъ, то играя порой на широкомъ стволѣ дерева и его зеленыхъ листьяхъ, то перескакивая на траву, увидишь двѣ молодыхъ дѣвушки отдохнуть отъ дневного жара, помечтать въ сторонѣ отъ общества. Ихъ свѣтлыя грѣзы такъ далеки отъ дѣйствительныхъ тревоженій жизни, и горе-злосчастье еще не коснулось своимъ чернымъ крыломъ этихъ юныхъ, неопытныхъ сердецъ. Оно только темнымъ призракомъ мерещится имъ гдѣ-то вдали, но возможность близкаго счастья

Подарки президента Форы Государю Императору. По рис. М. Ш. автотипія „Нивы“.

Фарфоровыя группы „Урокъ Амура“.

Китайскій сервизъ.

поля длинных, красивых рёсниц по иёжнымъ, слегка поблёгившимъ щекамъ. Цёттокъ, сорванный ею по дорогѣ, вызвалъ столько горячихъ воспоминаній объ отсутствующемъ другѣ!.. „Вернется ли?“—волнуетъ ея душу неотвязчивый вопросъ. Но въ этомъ ли еще горе? Молодая дѣвушка переживаетъ еще не мало другихъ впечатлѣній, болѣе сильныхъ и глубокихъ. Ея подруга знаетъ лучше жизнь и, уютно усѣвшись на травкѣ, доказываетъ ей всю неосновательность внезапной грусти. Въ рошѣ тихо, тихо; не шелхнется листва и такъ тепло, привольно. Молодымъ существуетъ только бы жить да радоваться, ожидая того дня, когда житейская волна захватитъ и ихъ и понесетъ съ собой въ иёжнящую пучину на счастье или на горе...

*

Извѣстный на Западѣ маринистъ-художникъ Петерсенъ-Ангельтъ воспроизвелъ чудную картину приморскаго уголка—пристань въ Флиссингенѣ, съ волшебной панорамой безграничнаго моря. Спокойная водная гладь покрыта чуть замѣтной выбюю. Начинаетъ вечерѣть. Солнце только что закатилось, а золотой мѣсяцъ, выглядывая изъ-за прозрачныхъ облаковъ, борется съ послѣднимъ проблескомъ умирающихъ сумерекъ. Вотъ уже показались и лунная дорожка... Извиваясь тонкой спиралью, она далеко-далеко побѣжала по морю, весело играя лучезарными огоньками, а беззаботная бѣлая чайка летитъ къ ней навстрѣчу, спускаясь все ниже и ниже къ притихшей безднѣ. Ея крылья орошаются прохладной влагой. Идали видѣются темный сплвтъ приближающагося парохода и, точно черные призракн, парусныя лодки рыбаковъ. Беззвучно, какъ тѣни, движутся онѣ, разсѣкая дремлющія волны; пароходъ выбрасываетъ клубы дыма, и на пристани нетерпѣливо сплвютъ человѣческія фигуры, ожидая прибытія новыхъ людей. Картина Петерсена, помимо своихъ чисто-художественныхъ достоинствъ, весьма интересна и по своему вполне современному сюжету, такъ какъ Флиссингенъ (находящійся на одномъ изъ главнѣйшихъ нидерландскихъ острововъ, Валькеренѣ, между устьями Шельды и Сѣвернымъ моремъ) въ послѣднее время все болѣе приобретаетъ значеніе крупнаго торговаго порта и важнаго пункта въ транзитной торговлѣ съ Англійей. Овъ насчитываетъ болѣе 250 доцмановъ.

Подарки президента Фора Государю Императору.

(Рис. на стр. 904.)

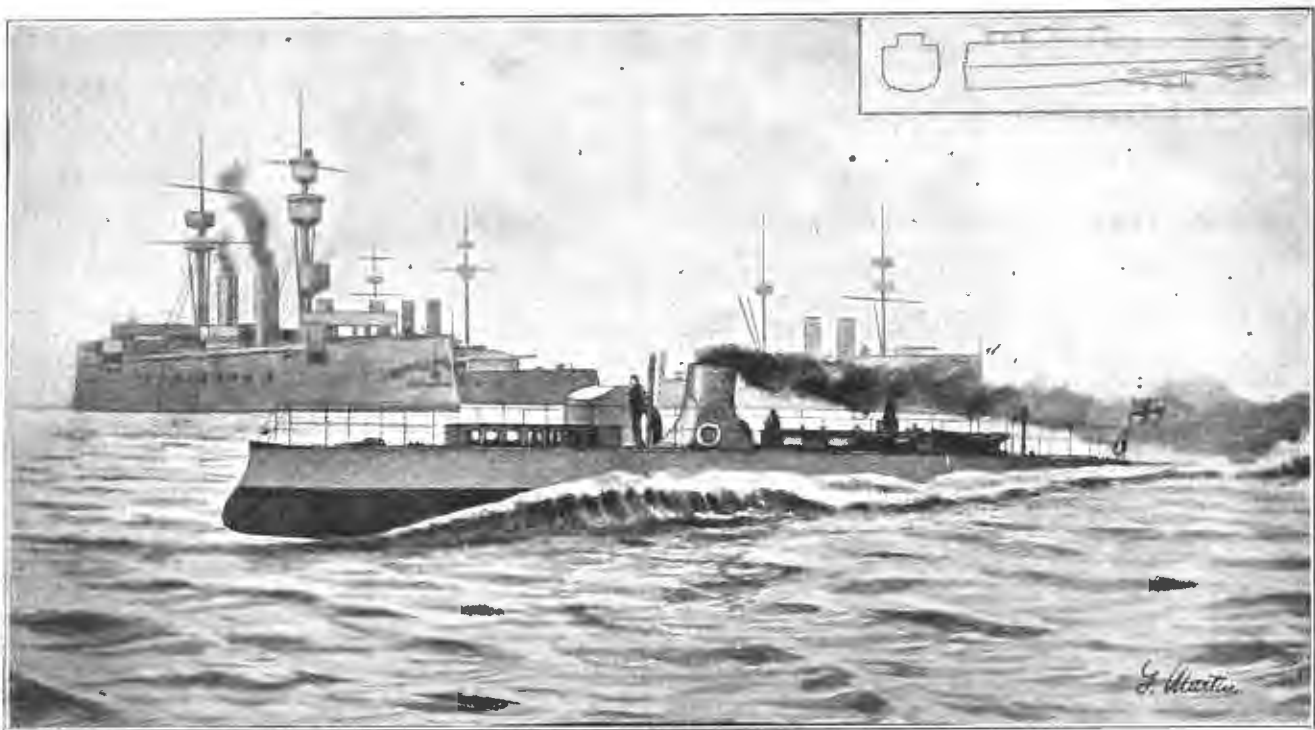
Подарками, привезенными президентомъ Форомъ Государю Императору, послужили главнымъ образомъ произведенія знаменитой Сэврской фарфоровой мануфактуры, давно уже всемирно славящейся художественностью своихъ надѣлій. Выбранные самимъ президентомъ изъ всего имѣвшагося на фабрикѣ заиаса, подарки его, естественно, представляютъ собою высшій образецъ фарфороваго производства. Мы воспроизводимъ здѣсь четыре изъ этихъ подарковъ, общее число которыхъ доходитъ до семидесяти одного, и именно тѣ, которые особенно отличаются художественностью своего исполненія. На стр. 904 изображенъ столовый приборъ, представляющій охоту на волка. Состоитъ онъ изъ трехъ отдѣльных частей, въ общемъ составляющихъ одну гармоничную, полную движенія группу. Въ средней части—разъяренный звѣрь отчаянно обороняется отъ нападающихъ на него псовъ, а въ двухъ боковыхъ—напряженно слѣдящія за борьбою исаги готовятся каждое мгновение спустить на волка новыя своры собакъ, жадно рвущихся къ бою. Другой столовый приборъ (рис. на стр. 904), состоящій также изъ трехъ совершенно отдѣльных, связанныхъ лишь внутреннимъ содержаніемъ группъ, носитъ названіе „Урокъ Амура“. Третій подарокъ (рис. на стр. 904)—кофейный сервизъ въ китайскомъ стилѣ, замѣчательный удивительной тонкостью мелкаго рисунка. Наконецъ, воспроизводимъ (рис. на стр. 904) двѣ великолѣпныя сэврскія вазы, работы г-жи Анцаль, съ роскошною по нимъ живописью. Сверхъ этихъ произведенныхъ у насъ, подиотеній, президентомъ Форомъ привезены еще Государю Императору въ подарокъ: столовый приборъ, изображающій Бахуса, „Купальница“ Фалькоизъ, сѣланина изъ такъ-называемаго „бисквита“, группы „Обезоруженный Амуръ“, „Амуръ въ роли врача“, „Урокъ игры на флейтѣ“, двѣ статуи Екаторины II и много другихъ художественныхъ предметовъ.

В. И. Буслаевъ († 31 июля 1897 г.).

В. И. Буслаевъ. (Портр. на этой стр.)

31-го іюля русская литература, наука и искусство попелли тяжелую, невознаградимую утрату,—скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей въ области изученія русскаго языка, народно-словесности и исторіи искусства, академикъ и заслуженный профессоръ московскаго университета Федоръ Ивановичъ

„Турбинія“, самое быстроходное судно въ мірѣ. По рис. Г. Мартина автотипія „Нивы“.

Буслаевъ. Кто не знаетъ имени Буслаева, кто еще со школьной скамьи не считаетъ его лучшимъ русскимъ языковѣдомъ. Труды Буслаева не только представляютъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу, они ознаменовали собой цѣлую школу въ изученіи нашего народнаго языка; въ лицѣ Буслаева русская наука и вмѣстѣ съ нею молодые русскіе лингвисты лишились цѣннаго, незамѣнимаго изслѣдователя и руководителя, истолковавшаго намъ нашу народно-поэтическую старину, впервые поставившаго изученіе ея на научную почву и раскрывшаго ея памятники въ старой письменности. Въ этой обширной области труды Буслаева увѣковѣчили его имя.

Ф. И. Буслаевъ родился 13-го апрѣля 1818 года въ уѣздномъ городѣ Керенскѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ секретаремъ земскаго суда. Лишившись отца въ 1823 г., онъ вмѣстѣ съ матерью переселился въ Пензу и поступилъ въ гимназію, гдѣ въ младшихъ классахъ одно время преподавалъ ему русскій языкъ Бѣлинскій, находившійся въ старшихъ классахъ и временно замѣнявшій учителя. По окончаніи гимназическаго курса онъ поступилъ въ 1834 г. казенно-комитетскій студентомъ въ Императорскій московскій университетъ по словесному (теперь историко-филологическому) факультету. Въ 1838 г. Ф. И. окончилъ курсъ и занялъ мѣсто преподавателя русскаго языка во 2-й московской гимназіи; годъ спустя, онъ отпраздновалъ за границу, въ качествѣ наставника, съ семействомъ тогдашняго попечителя учебнаго округа, гр. С. Г. Строганова. За границей пробылъ онъ два года, побывавъ въ Германіи, Франціи и Италіи, и въ это именно время зародился въ немъ интересъ къ изученію искусства, которому онъ ревностно, бесцѣнно прослужилъ болѣе полулѣта. Всѣ свои досуги онъ посвящалъ изученію памятниковъ классической старины, приведшему его вскорѣ затѣмъ и къ изслѣдованіямъ русской старины. Возвратившись въ Москву въ 1841 г., онъ снова занялся за преподавательскую дѣятельность — въ 3-й гимназіи, а черезъ годъ былъ назначенъ помощникомъ къ профессорамъ С. П. Шевыреву и И. И. Давыдову для просмотра письменныхъ работъ студентовъ по русскому языку.

Въ то же время онъ специально занялся историческимъ изученіемъ русскаго языка, и результатомъ этихъ работъ былъ его первый научный трудъ, вышедшій въ 1844 г. и сразу завоевавшій ему громкую извѣстность, — «О преподаваніи отечественнаго языка». Это была первая попытка воспользоваться новыми данными сравнительной филологіи и исторіи языка для преподаванія и научнаго изслѣдованія русскаго языка, — попытка, увѣнчавшаяся блестящимъ успѣхомъ. Вслѣдъ за этимъ подробнымъ разборомъ данныхъ по русской исторической грамматикѣ и стилистикѣ, Ф. И. Буслаевъ написалъ новый трудъ, «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», представленный имъ для полученія магистерской степени въ московскій университетъ, гдѣ онъ уже началъ съ 1847 г. читать лекціи русскаго языка и словесности. Если первый трудъ Буслаева содержалъ въ себѣ обширный и разнообразный подборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ нашей древней словесности, съ мѣткимъ объясненіемъ всего въ нихъ темнаго и непонятнаго, — то второй его трудъ представлялъ уже значительный шагъ впередъ. Это былъ опытъ исторіи языка на основаніи Остромирова Евангелія. Исходя изъ данныхъ сравнительнаго изученія готскаго перевода Священнаго Писанія, онъ возстановилъ бытовые и нравственныя понятія народа и переводчиковъ той отдаленной эпохи, и доказалъ, что славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меодія подвергся вліянію христіанскихъ возрѣній и что переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ относится къ той эпохѣ народной жизни, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ въ языкѣ готскаго и древне-нѣмецкаго переводовъ Священнаго Писанія замѣчается гораздо большее развитіе понятій государственныхъ. За такую задачу не брался до него ни одинъ ученый, и имя Буслаева стало уже съ того времени крупнымъ авторитетомъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ появился цѣлый рядъ капитальныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій Буслаева въ той же области. Въ 1855 г., въ юбилейномъ изданіи Императорскаго московскаго университета: «Материалы для исторіи писемъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ», появился его: «Палеографическіе и филологическіе материалы для исторіи писемъ славянскихъ» — рядъ грамматическихъ и словарныхъ извлеченій изъ рукописей, болѣею частью русской редакціи, съ прекрасно исполненными снимками. Три года спустя, появилось его образцовое изслѣдованіе: «Опытъ исторической грамматики русскаго языка», выдержавшее много изданій. Этотъ единственный въ своемъ родѣ трудъ остается лучшимъ и по сіе время, давая цѣнный историческія объясненія всѣмъ особенностямъ русскаго языка. Историческая грамматика Буслаева легла въ основаніе безусловно всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдованій, посвященныхъ русскому языковѣдѣнію. Въ тѣсной связи съ этимъ обширнымъ двухтомнымъ трудомъ стоитъ его: «Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ», вышедшая въ 1861 году.

Незадолго до того Ф. И. приглашенъ былъ гр. Строгановымъ преподавать исторію русской литературы имѣ въ Бозѣ почи-

вающему Цесаревичу Николаю Александровичу. Съ декабря 1859 по декабрь 1860 года, онъ прочиталъ сто лекцій, изъ которыхъ шестьдесятъ уцѣлѣли въ спискахъ и хранятся въ московскомъ публичномъ музеѣ, а оригиналы хранятся въ кабинетѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра III. По словамъ близкаго къ Буслаеву лица, помѣтившаго свои воспоминанія о немъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, покойный болѣе всего гордился любовью Царственного юноши къ наукѣ и просвѣщенію. Наслѣдникъ не пропустилъ ни одной его лекціи, даже когда пользовался отдыхомъ въ Царскомъ Селѣ. Часто Ф. И. удостоивался обращеній къ нему Цесаревича по частнымъ и общественнымъ вопросамъ, возбуждавшимся тогдашней печатью.

Удостоенный Императорскимъ московскимъ университетомъ, въ 1861 г., степени доктора русской словесности, покойный былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Онъ занималъ кафедру до 1881 г., неутомимо трудясь преимущественно въ области древне-русскаго и византійскаго искусства. Результатомъ дѣятельности его въ этой области явился, между прочимъ, въ 1884 г. превосходный трудъ: «Толковый Апокалипсисъ», составленный по рукописямъ VI—XVII вѣковъ, съ атласомъ въ 400 рисунковъ, представляющей весьма цѣнный вкладъ въ исторію русской иконографіи.

Ослабленіе, а затѣмъ и совершенная потеря зрѣнія, постигшія Ф. И. нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лишили его возможности продолжать книжныя занятія и занятія старинными рукописями, но работать онъ не переставалъ до послѣдней минуты жизни. Такъ, подъ его диктовку, написаны были его «Воспоминанія», печатавшіяся въ *Вѣстникѣ Европы* (за 1890, 1891 и 1892 гг.) и въ литературномъ сборникѣ *Починъ* (за 1896 г.). Очень много небольшихъ статей и очерковъ его помѣщено было въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за время съ 1851 по 1881 годъ. Все это было собрано и издано въ 1886 г. подъ заглавіемъ: «Мои досуги», въ двухъ томахъ; въ первый томъ вошли мелкія статьи по исторіи искусства, во второй — преимущественно историко-литературнаго содержанія: «Иллюстраціи стихотвореній Державина», «Переходъ повѣсти», «Значеніе романа въ наше время» и др. Кромѣ этого сборника изданъ былъ имъ еще ранѣе, въ 1861 г., другой, подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Этотъ трудъ, состоящій изъ двухъ объемистыхъ томовъ, заключаетъ въ себѣ изслѣдованія по народной поэзіи славянскихъ племенъ, сравнительно съ поэзією другихъ народовъ, и по русской поэзіи, народныя элементы древне-русской литературы и искусства. Съ 1862 по 1871 годъ покойный печаталъ въ разныхъ изданіяхъ болѣе мелкія изслѣдованія, которые были изданы въ 1887 г. подъ общимъ заглавіемъ «Народная поэзія».

Изслѣдованіе нашей народно-поэтической старины представляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ Буслаева. Онъ открывалъ неиссякаемые родники народной поэзіи, о существованіи которыхъ никто и не зналъ ранѣе, онъ указалъ и разъяснилъ цѣлый рядъ памятниковъ народно-поэтической старины: легенды, житія, поэтическія сказанія, пословицы, заговоры и т. д. И слѣдомъ за нимъ пошли по проторенному имъ пути новые молодые изслѣдователи нашей старины, заинтересовавшиеся памятниками народнаго творчества и продолжающіе труды своего незабвеннаго учителя, увлекавшагося русскою стариною, безавѣтно любившаго ее. Эта любовь его къ народу и его творчеству была, по мѣткому выраженію А. Н. Пыпина, «съ одной стороны теоретическая, съ другой идеалистическая: онъ хотѣлъ сберечь только лучшія впечатлѣнія народнаго творчества; настроеніе Буслаева было какъ бы цѣломудренное охраненіе чистоты народнаго поэтическаго идеала, въ которомъ заключалось и достойное нравственное содержаніе... И никому изъ изслѣдователей нашей народной поэзіи не удавалось лучше очертить этотъ поэтическій идеалъ русскаго народа».

На ряду со своими лингвистическими и археологическими занятіями, Ф. И. касался, хотя и рѣдко, новѣйшей, современной литературы. Такъ, выше было уже указано на его интересный трудъ «Значеніе романа въ наше время», кромѣ того и въ другихъ его трудахъ можно встрѣтить очень мѣткія характеристики произведеній извѣстныхъ современныхъ писателей и художниковъ.

Крайне характерна его оцѣнка произведеній Тургенева. По словамъ А. Н. Пыпина (*Вѣстн. Европы*, № 9), постигшаго Буслаева въ сентябрѣ прошлаго года, «онъ, совершенно лишенный зрѣнія, сохранилъ всю живость своихъ литературныхъ и художественныхъ интересовъ; ему читали Тургенева, и онъ собиралъ замѣтки для работы, которую ему хотѣлось исполнить: это должна была быть характеристика художественнаго стиля Тургенева. Усиливаясь болѣе не дозволяла ему исполнить этого плана. Литературныя взгляды Буслаева были очень своеобразны и иногда неожиданны, — продолжаетъ г. Пыпинъ. — По поводу своего желанія опредѣлить стиль Тургенева онъ высказывалъ мнѣ свое представленіе, что Тургеневъ былъ именно первая большая сила нашей литературы послѣ Пушкина».

„Турбинія“, самое быстроходное судно въ мірѣ.

(Рис. на стр. 905.)

Мы въ послѣднее время уже привыкли къ тому, что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности то и дѣло вводятъ разлчичнаго рода новшества. Не всегда, однакоже, эти новшества оправдываютъ тѣ надежды, которыя на нихъ возлагаются. Зато, время отъ времени, являются и очень существенныя. Такая новинка предстала въ Англии передъ глазами публики на торжественномъ параде флота, устроенномъ по случаю недавняго празднества юбилея королевы Викторіи. Всѣмъ поразило изобрѣтеніе англійскаго инженера Персона, задавагося цѣлью положить конецъ прежней системѣ пользования паромъ для передвиженія морскихъ судовъ и создать новую, способную придать судамъ и большую скорость, и другія преимущества, совершенно недостижимыя при прежней системѣ. Чтобы оцѣнить все значеніе мысли Персона, для челоѣка, мало знакомаго съ судостроеніемъ, достаточно только представить себѣ, что съ помощью его новой машины путь изъ Европы въ Америку совершается вдвое быстрее, чѣмъ на судахъ существующей доннынѣ конструкторіи. Разница между прежнею паровой машиною и персоновскою состоитъ въ томъ, что въ послѣдней паръ дѣйствуетъ на гораздо болѣе обширную поверхность, а вслѣдствіе этого быстрота оборотовъ винта значительно усиливается. Пароходъ названъ изобрѣтателемъ „Турбинія“. Приводится онъ въ дѣйствіе девятью винтами, укрѣпленными по три на каждой изъ трехъ же осей, выходящихъ изъ корпуса корабля вназадъ, наружу, подъ острымъ угломъ. Такое устройство винтовъ потребовало, чтобы мѣсто для руля было перенесено на бакбортъ. Преимущества новой, турбинной паровой системы передъ прежней очень разнообразны. Прежде всего бросается въ глаза поразительная быстрота хода, въ сравненіи съ судами прежней конструкторіи. Самыя быстроходныя изъ нихъ проходили около двадцати морскихъ миль въ часъ; „Турбинія“ же при первомъ пробномъ

рейсѣ шла съ быстротою 29, при второмъ—31 и при третьемъ—32,75 морскихъ миль. Если принять въ соображеніе, что „Турбинія“ имѣетъ въ длину только 30,5 метра, а въ ширину 2,75, то расчетъ Персона достигнуть съ судномъ большихъ размѣровъ быстроты по крайней мѣрѣ сорока морскихъ миль въ часъ представляется вполне вѣроятнымъ. Но, кромѣ такой почти баснословной быстроты, есть у „Турбиніи“ и еще очень существенныя преимущества: сотрясенія судового корпуса отъ дѣйствія машины на ней совсѣмъ почти не чувствуется, а если и замѣчается, то лишь самое незначительное. А эти сотрясенія до сихъ поръ составляли истинное зло какъ военнаго, такъ и пассажирскаго мореходства; на военныхъ судахъ они лишаютъ возможности правильно, безошибочно обращаться съ орудіями и инструментами, а на заокеанскихъ пассажирскихъ причиняютъ такое множество неприятностей пассажирамъ, предотвратить которыя рѣшительно невозможно. Наконецъ, новая машина Персона имѣетъ и то громадное преимущество, что она занимаетъ очень немного мѣста и вѣситъ гораздо меньше, чѣмъ дѣйствующія теперь машины.

Вѣншиимъ своимъ видомъ „Турбинія“, въ сущности, очень мало отличается отъ судовъ прежняго типа; только идя на всѣхъ парахъ, она представляетъ собою совсѣмъ иную, чѣмъ они, картину. Волненія воды у носа ея, столь характернаго при ходѣ виннососокъ, совсѣмъ не замѣчается; вмѣсто него, по обѣимъ бортамъ парохода вадываются бѣлые пѣныя валы, а широкія, размашистыя волны появляются лишь нѣскольکو мгновеній спустя по проходахъ „Турбиніи“. Эти могучіе валы образуются килемъ ея и буквально поднимаются снизу, изъ глубины, куда въ первое мгновеніе были глубоко откинута гигантскою силою паровыхъ винтовъ.

Съ изобрѣтеніемъ этой новой машины передъ нами открывается совершенно новая эпоха въ судостроеніи сообщеніи, вѣроятныя послѣдствія которой не могутъ быть предусмотрѣны въ настоящую минуту.

Статистическій съѣздъ въ Петербургѣ.

(Съ портр. на стр. 908.)

Почти одновременно съ международнымъ съѣдомъ врачей въ Москвѣ, привлечшимъ къ намъ въ Россію крупнѣйшія силы медицинской науки всего міра, состоялся въ Петербургѣ два другихъ съѣзда,—статистическій и геологическій,—на которые собрались также выдающіеся европейскіе ученые—статистики и геологи. Если геологическій съѣздъ и имѣлъ специально научный интересъ, то нельзя сказать того же про статистическій, имѣющій и громадное общественное значеніе. Общество, его строй и всѣ жизненныя отправленія, однимъ словомъ все, что совершается въ обществѣ во всей его совокупности, представляетъ собою предметъ изслѣдованія статистики. Статистика даетъ возможность обществу исполнить высокую задачу—„позвать самого себя“, она не только, подобно другимъ наукамъ, констатируетъ научные факты, но и отыскиваетъ причины существованія и наступленія общественныхъ явленій и опредѣляетъ законы дѣйствія этихъ явленій.

Для исполненія этой сложной и трудной задачи статистика нуждается въ дружномъ содѣйствіи со стороны самаго общества, въ соединенныхъ усиліяхъ очень многихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи статистика сходна съ метеорологіей и климатологіей и прямо противоположна наукамъ естественнымъ. Натуральность можетъ производить точныя и цѣнныя изслѣдованія одинъ, безъ посторонней помощи, статистикъ же нуждается въ результатахъ массоваго наблюденія, которые ему можетъ доставить лишь цѣлая армія наблюдателей и притомъ пользующихся однообразными приемами наблюденія. За необходимостью такого сотрудничества статистиковъ для успѣшнаго развитія статистическаго дѣла въ отдѣльныхъ государствахъ слѣдуетъ далѣе необходимость общенія статистиковъ всѣхъ странъ во имя интересовъ всего человѣчества.

Необходимость общенія статистиковъ различныхъ странъ, ихъ личнаго знакомства между собою и совместнаго обсужденія статистическихъ вопросовъ была сознаана давно, но только въ 1853 году эта мысль была осуществлена впервые, по инициативѣ знаменитаго статистика Кетлэ. Сначала международное общеніе статистиковъ имѣло форму періодическихъ конгрессовъ, которыхъ было всего 9: въ Брюсселѣ въ 1853 году, въ Парижѣ—въ 1855 г., въ Вѣнѣ—1857, Лондонѣ—1860, Берлинѣ—1863, Флоренціи—1867, Гаагѣ—1869, Петербургѣ—1872 и послѣдній, девятый—въ Будапештѣ—въ 1876 году.

Практика конгрессовъ скоро однако показала, что эта форма общенія имѣетъ нѣкоторыя серьезныя неудобства, а неудавшаяся попытка создать конгрессъ въ Римѣ въ 1878 г. положила конецъ конгрессамъ. Какъ все полезное и необходимое для жизни, мысль о международномъ общеніи статистиковъ не умерла окончательно съ прекращеніемъ конгрессовъ: она вступила только въ новый фазисъ своего развитія, и вмѣстѣ періодическихъ конгрессовъ, возникло постоянное учрежденіе—международный статистическій институтъ.

Международный статистическій институтъ учрежденъ въ 1885 году въ Лондонѣ, во время празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея лондонскаго статистическаго общества. На этомъ праздничѣ старѣйшаго изъ ученыхъ статистическихъ обществъ, гдѣ присутствовали представители статистики всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и были выработаны общія основанія института,—уставъ его, по которому институтъ является постояннымъ учрежденіемъ съ ограниченными числомъ дѣйствительныхъ членовъ (150), независимымъ по своему положенію и функционирующимъ, какъ свободная ассоціація ученыхъ и практиковъ статистиковъ и экономистовъ всего цивилизованнаго міра. Въ силу этого онъ не подчиненъ руководству какого-либо отдѣльнаго правительства и независимъ отъ официальной (административной) статистики отдѣльныхъ государствъ.

Въ настоящее время институтъ насчитываетъ до 140 членовъ, среди которыхъ Россія имѣетъ 17 представителей: трое изъ нихъ считаются почетными членами института—П. П. Семеновъ, И. И. Вильсонъ и А. фонъ-Эттингенъ, и 14—дѣйствительными членами: А. С. Ермоловъ, Н. А. Тройницкій, А. И. Чупровъ, И. И. Явужлъ, И. И. Кауфманъ, Д. А. Тимирязевъ, И. А. Стрѣльбицкій, И. Ф. Борковскій, П. В. Охочинскій, А. Бокстремъ, К. Ф. Игнаціусъ, В. О. Струве, А. А. фонъ-Вендрихъ и А. А. Штейнъ.

Институтъ устраиваетъ свои засѣданія черезъ каждые 2 года, и если не послѣдуетъ приглашенія отъ какого-нибудь правительства устроить очередную сессію въ одной изъ столицъ Европы или Америки, то сессія можетъ быть устроена по усмотрѣнію института или его бюро въ любой городѣ.

Составившей въ Петербургѣ и принятой подъ покровительство августѣйшаго президента Академіи Наукъ великаго князя Константина Константиновича, статистическій съѣздъ (съ 18 по 25 августа) представлялъ именно одну изъ сессій международного института, шестую по счету: первая была въ Римѣ въ 1887 г., вторая—въ Парижѣ въ 1889 г., третья—въ Вѣнѣ въ 1891 г., четвертая—въ Чикаго въ 1893 г. и пятая—въ Бернѣ въ 1895 году.

Во время своего существованія институтъ, состоящій изъ лицъ, входящихъ во главѣ статистическихъ учреждений или составившихъ себѣ имя учеными своими трудами по статистикѣ, успѣлъ уже заслужить вниманіе и симпатіи всѣхъ правительствъ и завязать прямую и живую связь черезъ своихъ членовъ съ официальными статистическими учреждениями всѣхъ странъ. То и другое имѣетъ немаловажное, конечно, значеніе для развитія статистическаго дѣла и для достиженія цѣлей института.

Эти цѣли института сводятся къ четыремъ главнымъ: 1) онъ стремится установить однообразіе въ собраніи, обработкѣ и обнародованіи статистическихъ данныхъ, такъ какъ лишь при условіи такого однообразія результаты, получаемые въ различныхъ странахъ, становятся удобосравнимыми; 2) въ цѣ-

лхъ развитія административной статистики, институтъ имѣетъ въ виду обращать вниманіе правительства на желательность разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ съ помощью статистическихъ наблюдений; 3) онъ издаетъ труды, выясняющіе статистическіе вопросы, и 4) старается распространить въ обществѣ вѣрныя понятія о статистикѣ и заинтересовывать государственныхъ людей и ученыхъ въ изученіи социальныхъ явленій.

Только что закончившаяся сессія международного института привлекла къ намъ въ Петербургъ выдающихся представителей научной статистики: товарища президента института проф. Левассера, исполнявшаго на съѣздѣ обязанности президента, за отсутствіемъ президента Роусона, проф. Лексиса, Керези, Штида, Бодіо, а также значительное число представителей административной статистики, при чемъ Франція прислала на съѣздъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ почти своихъ министерствъ. Изъ русскихъ ученыхъ дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда принимали: главный представитель нашей административной статистики, директоръ центрального статистическаго комитета Н. А. Тройницкій, наши политико-экономы профессора: Чупровъ, Яропкій, Кауфманъ, извѣстные статистики: П. П. Семеновъ, Н. Ф. Анненскій, Д. А. Тимирязевъ, В. И. Покровскій и др.

Изъ цѣлага ряда докладовъ, представленныхъ въ сессію, выдѣлились доклады Гильома, Керези и проф. Чупрова, предложившихъ грандіозный планъ производства всемірной переписи населенія въ 1900 г. Проф. Чупровъ полагаетъ, однако, что одной всемірной переписи не достаточно, и что нужно одновременно съ ней произвести подробныя мѣстные обследования. Эту мысль развиваетъ онъ въ своемъ докладѣ „Объ организаціи въ началѣ XX вѣка изслѣдованій объ условіяхъ существованія массъ населенія, вообще, и сельскаго населенія, въ частности“. „Настоящая секція института международной статистики,—такъ началъ свою рѣчь А. И. Чупровъ,—совпадаетъ съ концомъ XIX столѣтія. Начало XX вѣка отмѣтитъ самую замѣчательную стадію въ исторіи развитія народовъ. Если юбилей правителей и знаменитыхъ ученыхъ и художниковъ волнуютъ цѣлыя націи, то неужели тотъ юбилей всего человѣчества, который называють XX столѣтіемъ, не побудитъ современное общество увѣковѣчить его какимъ-нибудь колоссальнымъ и грандіознымъ трудомъ? Работающимъ въ области статистики можно назвать этотъ трудъ. На предшествовавшей сессіи международного статистическаго института былъ намѣченъ прелиминарный планъ производства всеобщей переписи въ Европѣ въ 1900 г. Можно надѣяться, что, благодаря усиліямъ статистическаго института, XX вѣкъ откроется всеобщей переписью населенія, которая вездѣ будетъ произведена по одной и той же программѣ и въ одно и то же время. Но эта всеобщая перепись населенія, при всемъ ея громадномъ значеніи, является далеко не достаточною. Общая статистика населенія является тѣмъ скелетомъ, который могутъ облечь въ плоть и кровь только одни изслѣдованія о жизни народныхъ массъ. Мы только тогда въ достаточной мѣрѣ ознакомимся съ жизнью народныхъ массъ, когда мы на мѣстѣ изучимъ, какъ онѣ ведутъ свое хозяйство, въ какихъ жилищахъ онѣ живутъ, какъ онѣ питаются, одѣваются и т. п. Всѣ главныя государства Европы уже имѣютъ мѣстные изслѣдованія о жизни народныхъ массъ, но они производились въ разное время и по разнымъ программамъ и теперь уже являются въ значительной степени устарѣвшими. Въ высшей степени было бы важно для науки, если бы по случаю „юбилей всего человѣчества“ были произведены подобныя изслѣдованія одновременно и солидарно во всѣхъ государствахъ Европы въ 1900 г. или, по крайней мѣрѣ, въ тѣ годы, которые будутъ слѣдовать непосредственно за 1900. Въ такомъ случаѣ этотъ грандіозный трудъ совпадалъ бы со всеобщей переписью населенія и одновременно являлся бы торжествомъ человѣческой мысли на „юбилей всего человѣчества“. Представили точную фотографію жизни народныхъ массъ въ началѣ XX вѣка,—эти изслѣдованія представляли бы собою лучшее украшеніе того монумента, который будетъ воздвигнутъ на склонѣ XIX вѣка, если только удастся привести въ исполненіе въ 1900 году задуманный институтомъ планъ всеобщей переписи населенія въ Европѣ. Осуществленіе проекта такихъ изслѣдованій едва ли встрѣтитъ серьезное прелѣтствіе. Кромѣ того, во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы необходимо подновить и возобновить самыя главныя изъ этихъ изслѣдованій, а именно: изслѣдованіе о положеніи массъ сельскаго населенія“. Планъ такихъ изслѣдованій, по мнѣнію проф. Чупрова, уже въ достаточной мѣрѣ испробованъ на опытѣ. Затѣмъ проф.

Чупровъ сдѣлалъ краткій обзоръ замѣчательныхъ по своей тщательности и добросовѣстности работъ нашихъ земскихъ статистиковъ о положеніи сельскаго населенія въ Россіи. По его словамъ, до сихъ поръ опубликованы результаты обследованій только 200 уѣздовъ. Большинство работъ относится къ 80-мъ годамъ и потому рисуютъ картину жизни прошлаго, успѣвшаго уже измѣниться. Для Россіи широкое изслѣдованіе народной жизни было бы безусловно интереснымъ. Въ народномъ быту произошли крупныя перемѣны; жизнь крестьянства не успѣла еще послѣ реформъ 60-хъ годовъ выработать себѣ нормальнаго теченія. Сельское хозяйство перестаетъ быть исключительнымъ занятіемъ крестьянъ, увеличивается количество фабрикъ и заводовъ, города привлекаютъ сельское населеніе, да и сельское хозяйство само по себѣ мало-по-малу видоизмѣняется путемъ перехода къ многопольному хозяйству, обработкѣ усовершенствованными машинами, приобретаемыми товариществами и пр. Крестьяне соединяются въ союзы, чтобы на общія средства арендовать земли или приобрести ихъ въ собственность. Въ виду всего этого общія переписи, по мнѣнію почтеннаго политико-эконома, несомнѣнно облегчатъ статистическое изслѣдованіе народнаго быта. Докладъ этотъ вызвалъ оживленныя пренія и переданъ былъ для обсужденія во вторую секцію института.

Всѣ эти грандіозные проекты очень интересны по мысли и существенны по задачамъ, но зато требуютъ и очень крупныхъ издержекъ и огромнаго сочувствія населенія всего міра, которое должно выставить изъ своей среды по крайней мѣрѣ миллионъ счетчиковъ. Все это—дѣло болѣе отдаленнаго будущаго. Но на съѣздѣ обсуждалась одна изъ крупнѣйшихъ работъ, уже предпринятая по указаніямъ международного института и уже выполненная,—это труды по исполненной въ нынѣшнемъ году всеобщей переписи населенія Россіи, которыми былъ посвященъ докладъ т. с. Н. А. Тройницкаго, поздравившаго членовъ съѣзда съ подготовкой и производствомъ переписи, а также и съ ея результатами. Докладъ этотъ прослушанъ былъ съ неослабнымъ интересомъ и вызвалъ рядъ заслуженныхъ овацій по адресу Н. А. Тройницкаго.

Въ лицѣ Н. А. Тройницкаго съѣздъ привѣтствовалъ одного изъ самыхъ энергичныхъ и талантливыхъ представителей нашей отечественной статистики. Многолетняя дѣятельность Н. А. Тройницкаго, состоявшаго председателемъ организационнаго комитета съѣзда, почти совпала съ исполненнымъ въ нынѣшнемъ году тридцатипятилѣтіемъ его государственной дѣятельности. Въ виду этого мы считаемъ уместнымъ здѣсь же привести краткія біографическія свѣдѣнія о немъ и указать на главнѣйшія его заслуги въ дѣлѣ организаціи русской статистики.

Н. А. Тройницкій, окончивъ курсъ въ 1862 году въ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ, большую часть своей тридцатипятилѣтней службы проходилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ въ провинціи, гдѣ занималъ различные должности и, наконецъ, былъ губернаторомъ сначала въ Вяткѣ, а потомъ въ Рязани, откуда графъ Д. А. Толстой, въ 1885 г., пригласилъ его на должность директора центрального статистическаго комитета. Съ этого времени комитетъ значительно развился и расширилъ свою дѣятельность и предпринималъ новыя статистическія изслѣдованія; такъ, между прочимъ, по инициативѣ и стараніямъ Н. А., приступлено было къ составленію крайне важной у насъ поземельной статистики.

Извѣстно, что всякаго рода статистическія данныя получаютъ полный смыслъ и практическое значеніе, только когда выяснены численность и составъ населенія; поэтому вѣрныя свѣдѣнія о численности и составѣ населенія играютъ весьма важную роль какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ статистическимъ даннымъ. Между тѣмъ, свѣдѣнія о населеніи находились у насъ въ Россіи, до недавняго времени, въ весьма примитивномъ состояніи, и Н. А., во все время своего директорства, постоянно указывалъ на необходимость всеобщей переписи населенія, какъ единственнаго научнаго способа получить вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Долголѣтнія старанія его въ этомъ направленіи, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ, и всеобщая одиодневная перепись населенія, организованная согласно всѣмъ требованіямъ статистической науки, произведена была, какъ извѣстно, 28 января т. г. Главная масса труда по этой, производившейся у насъ впервые, сложной и трудной операціи, требовавшей весьма обширныхъ подготовительныхъ работъ,—выпала на долю Н. А., который, какъ управляющій дѣлами Главной переписной комиссіи, долженъ былъ организовать все дѣло переписи отъ начала до конца. Чтобы составить себѣ понятіе, какого труда и

Директоръ Центрального статистическаго комитета Н. А. Тройницкій.
Съ фот. Левицкаго автогнія А. Вильборга.

какой распорядительности требовало это дѣло, достаточно указать, что менѣе чѣмъ въ полгода нужно было напечатать до 100 милліоновъ листовъ и разослать ихъ во всѣ мѣстности Имперіи, начиная отъ Калиша и до Сахалина и отъ Колы до Памира. И съ этимъ гигантскимъ дѣломъ Н. А. справился вполне успѣшно, и передѣлы повсемѣстно могла быть произведена въ назначенный срокъ.

Съ давнихъ поръ занимался статистикой, Н. А., задолго еще до своего назначенія на настоящій высокой постъ, завязал тѣсныя сношенія съ иностранными статистиками-учеными и принималъ дѣятельное участіе въ работахъ статистическихъ конгрессовъ.

Въ 1885 г. онъ былъ командированъ въ Лондонъ, какъ представитель Россіи на юбилей лондонскаго статистическаго общества, и принималъ тамъ самое дѣятельное участіе въ выработкѣ устава международнаго статистическаго института, членомъ котораго онъ и состоитъ съ тѣхъ поръ.

По установленному обычаю, на членовъ той страны, въ которой должна происходить сессія института, возлагается обязанность по ея организаціи; поэтому русскіе члены инсти-

тута образовали организаціонный комитетъ, подъ предѣтельствомъ Н. А., на которомъ и лежало исполненіе всѣхъ подготовительныхъ работъ, какъ по обезпеченію дароваго проѣзда членовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и устройству соответствующаго приема, такъ и по составленію программы занятій.

16-го августа, Высочайшимъ указомъ, Н. А. Тройницкій назначенъ предѣдателемъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ за нимъ управленія центральнымъ статистическимъ комитетомъ; такимъ образомъ, отнынѣ въ его опытныхъ рукахъ сосредоточены оба высшія въ государствѣ статистическія учрежденія.

Выѣстъ съ тѣмъ, на послѣднемъ засѣданіи сѣзда, Н. А. Тройницкій избранъ вице-президентомъ международнаго статистическаго института. Значеніе этого почетнаго избранія очень крупное. Въ этомъ не только сказалося признаніе выдающихся заслугъ Н. А. Тройницкаго въ дѣлѣ развитія статистики, но и принесена всѣмъ научнымъ статистическимъ міромъ дань глубокаго уваженія къ Россіи, къ ея статистическимъ работамъ.

Библиографія.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга. Переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу, библиографическимъ указателемъ, 35 рисунками и 11 эстампами. СПб. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 6 р.

Драма Лессинга „Натанъ Мудрый“ составляетъ классическое произведеніе не только нѣмецкой, но и всемірной литературы. Это—одно изъ величайшихъ созданій философско-художественнаго творчества; оно до сихъ поръ сохранило всю свою свѣжесть и заставляетъ людей задумываться надъ вопросами нравственныхъ основъ нашей жизни. Духъ, которымъ оно проникнуто, мѣтко охарактеризованъ составителемъ историко-литературнаго очерка, приложеннаго къ русскому изданію „Натана“, и его переводникомъ, извѣстнымъ драматургомъ г. В. Крыловымъ. „Всякій, — говоритъ онъ: — кому доводится ближе подойти къ этой сокровищницѣ нравственной силы, невольно чувствуетъ какую-то отрадную бодрость, вѣру въ непоколебимость труда, живучесть прогресса, невольно глядитъ на все грубое, пошлое, низкое, не столько съ ненавистью и злобой, сколько съ жаждой, по мѣрѣ хотя бы самыхъ малыхъ силъ, способствовать уменьшенію зла“, или, какъ выражается одинъ критикъ: „Натанъ Мудрый“ есть евангеліе любви и терпимости“.

Приобщить такой трудъ въ достойной формѣ къ русской литературѣ, сдѣлать его прочнымъ достояніемъ русскаго читателя—задача столь же почетная, какъ и отвѣтственная. Мы должны признать, что она исполнена съ рѣдкою добросовѣстностью и компетентностью. Переводъ „Натана Мудраго“, предлагаемый въ настоящемъ изданіи, былъ впервые напечатанъ въ *Вѣст. Евр.* 1868 г. Съ тѣхъ поръ прошло почти 30 лѣтъ, и если сличить тогдашній переводъ, уже весьма цѣнный, съ нынѣшнимъ, то не трудно будетъ убѣдиться, что переводчикъ воспользовался этимъ продолжительнымъ промежуткомъ вре-

мени, чтобы дать своему переводу вполне законченную форму. Мало того, онъ за это время внимательно слѣдилъ за литературою, посвященною Лессингу и его великому творенію. Такимъ образомъ обширный его историко-литературный очеркъ соединяетъ въ себѣ и полноту, и компетентность, и ту любовь къ дѣлу, которая сообщаетъ изложенію особенную привлекательность. Библиографическій указатель всѣхъ трудовъ, посвященныхъ Лессингу и его „Натану“, поражаетъ богатствомъ, и можно сказать, въ немъ не пропущено ни одного сколько-нибудь существеннаго указанія. Наконецъ примѣчанія къ переводу значительно облегчаютъ русскому читателю пониманіе драмы Лессинга въ тѣхъ ея мѣстахъ, которыя требуютъ особенныхъ поясненій. И такъ, русскій читатель имѣетъ теперь возможность познакомиться на родномъ языкѣ съ „Натаномъ“ Лессинга и со всѣми комментаріями, необходимыми для полнаго его уразумѣнія и историко-критической его оцѣнки.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ изданія. Оно принадлежитъ къ числу роскошныхъ. Превосходная бумага, крупный шрифтъ, художественно исполненные рисунки и эстампы,—все это сливается въ одно изящное цѣлое. Рисунки отчасти исполнены специально для русскаго изданія, отчасти почерпнуты изъ каульбаховской галереи въ Мюнхенѣ или изъ лучшихъ иностранныхъ иллюстрированныхъ изданій сочиненій Лессинга. Они въ значительной степени содѣйствуютъ уясненію себѣ эпохи, въ которую жилъ Лессингъ, нравственнаго его облика, насколько онъ выражается въ наружности человека, и, наконецъ, дѣйствующихъ лицъ его драмы, нашедшихъ себѣ въ художникахъ комментаторовъ, иногда болѣе краснорѣчивыхъ, чѣмъ сами критики безсмертнаго произведенія Лессинга.

Въ общемъ, нельзя не признать, что русское изданіе „Натана Мудраго“ удовлетворяетъ самымъ высокимъ требованіямъ.

Политическое обозрѣніе.

Неожиданность официальнаго провозглашенія двойственнаго союза вызвала нѣкоторое движеніе среди участниковъ тройственной лиги. Въ то время, какъ двойственный союзъ сталъ именоваться „международнымъ бракомъ по любви“, о союзѣ Германіи съ Австріей авторитетная печать обмолвилась, какъ о бракѣ, въ которомъ стороны живутъ „на разныхъ половинахъ“. Дѣло въ томъ, что, по всѣмъ признакамъ, борьба національностей въ Австріи должна разрѣшиться побѣдой славянскаго элемента надъ нѣмецкимъ, что едва ли можетъ служить прочной основой для продолжительности сердечныхъ отношеній между союзными имперіями. Съ другой же стороны, со времени врученія маркизомъ ди-Рудини портфеля итальянскаго министерства иностранныхъ дѣлъ испытанному дипломату г. Висконти-Веноста, пошли уорные слухи о нескрываемомъ желаніи Италіи сблизиться съ Франціей.

Какъ бы въ устраненіе всевозможныхъ политическихъ кризисовъ, въ отвѣтъ на провозглашеніе двойственнаго союза, послѣдовало официальное „подтвержденіе“ тройственнаго союза.

Въ Гомбургѣ въ концѣ августа произошла встрѣча германскаго императора съ итальянскимъ королемъ. На парадномъ обѣдѣ, провозглашая тость за своихъ высокихъ гостей, императоръ Вильгельмъ II привѣтствовалъ своего „вѣрнаго союзника“, прибытіемъ своимъ въ Германію вновь показавшаго міру „непоколебимое существованіе тройственнаго союза, узъ котораго корни пускаютъ корни въ сознаніе народовъ и даютъ плоды“. Отвѣчая на французскомъ языкѣ, итальянскій король благодарилъ за приглашеніе въ Гомбургъ, давшее воз-

можность доказать существованіе дружбы и союза между Италіей и Германіей, отмѣтивъ при этомъ стремленіе императора Вильгельма къ сохраненію мира, что является „самымъ горячимъ желаніемъ“ короля Гумберта.

Вслѣдъ за этимъ событіемъ въ политическихъ кружкахъ стали ожидать встрѣчи германскаго императора и съ австрійскимъ императоромъ — для „подтвержденія“ неизбѣжности тройственнаго союза. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, императоръ Вильгельмъ II отправился на маневры въ Венгрію—въ Тотисъ. Однако, застольныя рѣчи союзниковъ на этотъ разъ имѣли чисто военный характеръ. Дальнѣйшее цѣлью путешествія императора Вильгельма II былъ Буда-Пештъ. Пріѣздъ его туда чрезвычайно польстилъ патриотизму венгерцевъ. Вся венгерская печать восторженно привѣтствовала императора Вильгельма II, какъ вѣрнаго союзника и друга австро-венгерскаго монарха, ожидая „дружественныхъ увѣреній высокой важности и новаго укрѣпленія тройственнаго союза“.

Такая прочность тройственной лиги едва ли въ состояніи смутить искреннихъ друзей мира; напротивъ, можно надѣяться, что выяснившаяся общность миролюбивыхъ стремленій обѣихъ политическихъ комбинацій континентальной Европы явится надежнымъ ручательствомъ въ томъ, что европейскій концертъ серьезно займется разрѣшеніемъ текущихъ международныхъ вопросовъ, ожидающихъ своей очереди.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ уже близится къ желанной развязкѣ: по извѣстіямъ изъ Константинополя, 6-го сентября под-

писаны предварительныя условия мира между Турціей и Греціей. Сущность результатов европейскаго внимательства сводится къ слѣдующему: не позже двухъ недѣль послѣ ратификаціи предварительнаго договора, въ Константинополь должны прибыть греческіе уполномоченные, которые вмѣстѣ съ турецкими делегатами заключать окончательный миръ; недоразумѣнія между сторонами разрѣшаются безапелляціонно третейскимъ судомъ европейскихъ державъ, контроль которыхъ сохраняется до окончательнаго разрѣшенія греко-турецкаго вопроса; въ пользу Турціи будутъ установлены небольшія стратегическія измѣненія греко-турецкой границы; греческіе подданные продолжаютъ пользоваться въ Турціи прежними льготами, но въ дѣлахъ опредѣленія формы пользования этими льготами, предоставляется сторонамъ войти въ особое соглашеніе; Греція уплачиваетъ Турціи военную контрибуцію въ четыре милліона турецкихъ лиръ; для урегулированія греческихъ финансовъ учреждается въ Афинахъ международная коммиссія изъ представителей великихъ европейскихъ державъ по одному члену отъ каждой державы-посредницы; вниманіе и употребленіе доходовъ по всѣмъ займамъ Греціи подчиняется безусловному контролю коммиссіи, о дѣятельности которой греческое правительство позаботится издать, съ утвержденія великихъ дер-

жавъ, особый законъ. Въ понедѣльникъ, 8-го сентября, въ Константинополь официально объявлено о подписаніи предварительныхъ условий и о прекращеніи военнаго положенія между Турціей и Греціей. Султанъ получилъ поздравленія отъ многихъ государей. Турецкая печать признаетъ заключеніе мира успѣхомъ, достигнутымъ султаномъ, на самомъ же дѣлѣ это—крупный успѣхъ европейской дипломатіи, вызванный искреннимъ миролюбіемъ державъ.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Меширова-Данченко. (Продолженіе.)—Памирскіе киргизы. Очеркъ Б. А. Тагтова. (Съ 5-ю рисунками.)—Внутренность земнаго шара.—Къ рисункамъ: Встрѣча на скотѣ.—Шалуны.—Душеспасительная бѣда.—И. И. Шишкинъ и его рисунки.—Въ рождѣ.—Пристань въ Флиссингент.—Подарки президента Фора Государю Императору (съ 4 рис.).—В. И. Буславъ (съ портр.).—„Турбинъ“, самое быстроходное судно въ мірѣ (съ рис.).—Статистическій съездъ въ Петербургѣ (съ портр.).—Библиографія. „Натанъ Мудрый“.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

При этомъ не прилагаются выпускъ „Еженѣтъ литературы. прилож.“ за Сентябрь.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сементиковскій.

Только что отпечатано и поступило въ продажу роскошное иллюстрированное изданіе in quarto

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Г. Э. ЛЕССИНГА.

Съ 35 рисунками и 11 эстампами.

Переводъ съ нѣмецкаго **ВИКТОРА КРЫЛОВА**. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библиографическимъ указателемъ.

Это роскошное изданіе „Натана Мудраго“ отпечатано на превосходной велевовой бумагѣ крупнымъ, красивымъ шрифтомъ и украшено 11-ю эстампами и 35-ю рисунками, исполненными специально для него или выбранными изъ наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ изданій.

Тексту знаменитаго произведенія предпосланъ составленный В. Крыловымъ обширный историко-литературный очеркъ (состоящій изъ пяти главъ), въ которомъ говорится о жизни и дѣятельности Лессинга, какъ объ элементахъ, породившихъ „Натана“, налагается подробная исторія этого драматическаго произведенія и дается критика его внутренняго содержанія и художественнаго выполненія. Въ концѣ, переводъ „Натана“ снабженъ обстоятельными примѣчаніями, объясняющими трудныя мѣста оригинала, и библиографическимъ указателемъ, который знакомитъ читателя съ обширною литературою о „Натанѣ“, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на то, какъ относились къ этому произведенію самые выдающіеся нѣмецкіе писатели и ученые. Большой томъ въ 4-ю долю листа, 404 стр. СПб. 1897 г.

Цѣна этого роскошнаго изданія 6 Р., съ перес. 7 р.

Для любителей особо роскошныхъ изданій нѣтъ небольшое количество экземпляровъ, въ которыхъ всѣ эстампы отпечатаны на китайской бумагѣ, по цѣнѣ 15 Р., съ перес. 17 р.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Мариса, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саласа.

Историческій романъ времени восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ т. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колонкор. перекл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп. Съ требованіями обращаться въ контору А. Ф. Мариса, С.-Петербургъ, Мал. Морская, № 22.

Письменное преподаваніе двойной и простой итальянской

БУХГАЛТЕРІИ.

Учатся за отличное устѣхъ. Проспекты и пробныя письма высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Обратиться къ

Вас. Вас. Раурту въ ЛПВАВЪ.

П. № 10386 5-3

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Предворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 519 (104)

ЛЕОНГАРДИ

достоинственно-наѣвѣстна, единственно настоящія

Алицариновыя чернила для письма и копированія

(мѣлѣнисто-орѣшковаго 1-го класса по отзванію государственныхъ учрежденій), 20-16

ЛЕГКО - СТЕКАЮЩІЯ, ЦВѢТЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

ПАУДРОШН:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно почистить почти во всѣхъ нагавныхъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденъ,

изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.

ИЗБѢГАТЬ ПОДѢЛОНЪ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОНЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

ИЗЪ МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ ПАРИЖѢ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

А. № 9861 26-19

СТОЛКИНДА Москва
КАПСУЛИ
ДЕЗОДОРАТЬ ДЛЯ УНИЧОЖЕНІЯ ЗЛОВОНІА
ВЪ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ И Т. Д.
ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ Складъ:
Аптекарская торговля Л. Столкинда,
Лубянский перемь Смольянинова.

Зажокъ
МАРБАХЪ Діетическое лечебное заведеніе
на Боденскомъ озерѣ, въ Германіи.
первоклассное. Лечение нервныхъ болѣзней, алкоголизма и морфинизма.
Н. № 10302 12-4 Директоръ д-ръ Смитъ.

PRECIOSA VIOLETTE
Прелестные нѣжные духи, долго сохраняюще свой запахъ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисова я пудра негальтальная и неослабляя.
ED. PINAUD
PARIS

КАЖДАЯ ДАМА, желающая быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исключительно „ИДЕАЛЪ“, патентованную бархатную подшивку подъ подошв. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ
№ 10426 Россіи. 26-3

С. ПИНСКОЕ ОДЕРФЕРЪ
новѣйш. пишущ. машина.
По прочности и красноречиву прифту равна самымъ дорогимъ машинамъ; по удобству превосходитъ таковыя. Цѣна 80 р.
◆ Каталогъ бесплатно. ◆ 5-3
Э. Книжничъ и К°. С. ПБ., Гороховая, 17.

Главное депо
Фонографовъ Эдисона
МОСКВА,
Петровскіе линіи, д. Полякова, подъ № 7.
И. А. ВЕРНЕРЪ.
электрическіе заводные различныя системы.
Фонографы
Синематографы Эдисона съ картинками Ланора. (1)
Кинетографы Ньютона и др.
Громадный выборъ лучш. валиковъ.
Гарантія на 3 года. Обученіе.
2000 машинъ продано въ Россіи.

Поступила въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ **НОВАЯ КНИГА:**
ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. ГЕРЦЕНА
ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Биографическій очеркъ Смирнова. С. ПБ.
1897 г. 160 страницъ. Цѣна 1 рубль.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІА
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРЯМЪ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКУСОУЪ.
РАВНОВѢСНЫМИ КОСМЕТИЧЕСКИМИ СВОЙСТВА ВТОГО СОСТАВА СДЕЛАЛИ ЕГО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
Туалетный Укусъ Виолетъ де Пармъ
Карболовый Туалетный Укусъ
Туалетный Укусъ де ла Ноблель.
МАГАЗИНЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ: ВЪ НЕВСКОМЪ ПРЯМЪ, у гдѣ Казанской ж. д. № 24-54. НЕВСКІЙ ПР. № 2. НЕВСКІЙ ПР. № 6.

ПОТКРЫТЬ СЕКРЕТЪ!
играть на фортеп. и фисгармон. не зная нотъ. Книжка 20 к. На пробу 7 легк. вещей съ подробност. и перес. 1 р. (можно марк.). Руководство 2 р. Складъ изд. С. ПБ., Вознесенск. 47. Попереновъ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Испытанные аппараты. Пр-кур. бесплатно.
ЦАРЬ-ДВВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-кром. XVII в., въ 3-тъ т. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р.
часостр. прейсъ-мур.
БЕЗПЛАТНО.
И. Ш. ХАЗАНОВЪ.
Варшава, Электр.. 17.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.
Доступная плата. Условія выслаются немедленно. Москва, Малая Дворянская, д. Базанина,
Ф. И. Венедиктовой.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,
просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-19
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІА ЕДИНСТВЕННО** Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

НОВОСТЬ!
Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

Необходимо для издателей и вообще для всѣхъ дѣлателей печати:

Адресная книга книгъ-продавцевъ, издателей, торговцевъ нотами и редакцій газетъ и журналовъ въ Россіи.

Первый годъ изданія 1897—98 гг. Цѣна въ коленкор. верооятно 2 р. Кроме того: Адреса книгъ-продавцевъ въ алфавитномъ порядкѣ (приблизительно 2000 готовыхъ для наклеиванія адресовъ). Цѣна 1 руб. 50 коп. Для книгъ-продавцевъ уступка. Продаются въ книжн. магазинѣ „Новаго Времени“, Карбасникова, Степановича и другихъ. Складъ у издателя Р. Эд. Ганкевича: СПб., Столарный пер., 7, кв. 4; въ Москвѣ, въ книжн. магазинѣ И. Девьера.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra
PARIS

Мать Дюфрэнъ. Руководство **ШАХМАТНОЙ ИГРЫ** и Зануиаль Л. снерь. „Здравая мысль въ шахматахъ“. Въ одномъ томѣ. Перев. Э. Шаффера. Изданіи М. Жеребцова. Ц. 2 р. 50 коп. безъ перес. Можно получить во всѣхъ книжн. маг. Складъ изданія въ типогр. В. Ф. Демакова, СПб., Новый пер., 7. Можно выписать нал. платж. въ 3 р. черезъ редакц. „Шахматнаго журнала“, Э. С. Шаффера, СПб., за Невскою заставою, Муравьевскій пер., 20.

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 ваими предметъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб. 4—4

ДЛЯ ЗАЖКЪ!
Спеціально заведеніе отъ занкаіа Карла Ю. ЭРНСТЪ для приходящихъ и пансіонеръ, МОСКВА, В. Никитская, д. бывш. Чернова, кв. 6. Руководство къ самообученію 8 руб.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМІСЬ-ПРЕМЬЕ“
Скорость, прочность, удобство. Послѣднія усовершенствованія.
Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пишущая машина „КОСМОПОЛЪТЪ“
Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полноразмѣрный въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Фрихтеръ Ф. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

ГАРМОНИИ фабрики **И. Ф. Кальбе.**
ГИТАРЫ
въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дороже. Отъ 7 руб. и дороже съ механизмомъ диаструнъ.
Школа-самоучитель 1, 1 1/2 и 3 руб.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАТОКЪ
(С.-Петербургъ, на углу Новосаианіевской ул. и Конногвардейскаго пер., № 24/4, кв. 1) рекомендуетъ вставщицъ и учительницъ по языкамъ и предметамъ. Пріемные часы ежедневно отъ 2-хъ до 5-ти, исключая вторника, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Кроме того доводится до свѣдѣній публики, что ищущіе вставщицъ и приходящихъ учительницъ могутъ обратиться за справками и рекомендаціями на Николаевскую 16. кв. 41, по вторникамъ и четвергамъ отъ 1—3 ч.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.
ЗАМОКЪ BEAU-CÈDRE ВЪ СОЛОГНУ, БЛИЗЪ ЖЕНЕВЫ.

Первообразный пансіонъ для дѣвицъ изъ высшаго общества. Основательное изученіе французскаго, англійскаго, итальянскаго и др. языковъ, научныхъ предметовъ музыки, живописи и пр. Наставленія, какъ держать себя: самый тщательный физическій уходъ. Лучшія преподавательскія силы. Большой паркъ, красивое, здоровое положеніе на берегу озера, чудный видъ на горы. Ближайшія подробности высланы по директрисамъ: г-жею Эстербе изъ Парижа (им. дипломъ Академіи) и г-жею Шульдъ (выдерж. госуд. экз. на званіе преподав. вѣдом. женск. учил.). Сборъ для ученицъ для отправки въ пансіонъ—въ октябрѣ, въ Берлинѣ. Подробности свѣдѣній можно полу- чить у супруги и дѣвицы г-жи Байковской, въ Берлинѣ.

ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS
Сообщаетъ воиъ пріятную свѣжесть и воспитательный ароматъ. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоящій напитокъ.
Фабр. въ Лионѣ. Депо въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

С. КНЕЙПЪ. МОЕ ВОДОЛѢЧЕНІЕ.
Цѣлебное лѣченіе богицей простой горячей и холодною водою. Съ портр. и рисунк. Ц. 50 к., съ пер. 65 к. Складъ: Москва, Моховая ул., книжн. магаз. М. В. Наумовъ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА**
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1811 году СПб., Владимірскаго, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 911, 800, 730, 600 и 550 рублей **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 450 р. Прейсъ-курanty высылаются бесплатно.
Депо въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина; въ Ригѣ: О. Зигельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугаи; въ Елаку: Ф. И. Шребель; въ Тиф- лисѣ: В. № 10443 лискъ: В. М. Мирманіанъ. 18—1

ПАМЯТЬ
лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и злочно профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и База ул., собственн. дома, № 28. Условія и брош. (въ 31 стран.) высылаются за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20—3

ТРЕБУЕТСЯ
ДЛЯ СМѢНЫ
НОЖИЦА И РУКЪ
и ОТЪ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
Пр. В. ШМОЛЬ
Цѣна 20 руб. Продажа въ раз- ныхъ мѣстахъ.

ЧАИ
МОСКОВСКАГО ВУДЦА
И. П. ДУБИЖИНА
МОСКВА, Покровка, д. Тяжелова.
Необыкновенно выгодныя условія для потребителѣй и торговцевъ.
Подробное объявленіе смотри № 19 и № 10429 36 „Нивы“ 3—2

УМЫВАЛЬНИКИ
и **КРОВАТИ**
А. Е. ПРЪЛОВСКІЙ
ГОРОХОВАЯ № 27.
ИЗДѢЛІА СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ
ДѢТСКІЯ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.
КОЛЯСКИ.

НА ВОСПИТАНІЕ И МУЗЫКАЛЬНУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ТОПЕНИНЪ
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПРОСИТЪ
АБОРЯХА ЛЮДЕЙ
ЖЕЛѢЗОВАТЬ
ему
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АУДИОНЪ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ
ВОСПИТАНІЕ 500 руб.
ТЕЛЕФОНЪ 3692

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочн. Методъ удостоенъ золотой мѣдали и благодарности короля Эдварда. За двѣ 7-ми мѣсяца высланы условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. ел. Э. Шендеръ. № 10263 10—9

УДОБНО ВЫГОДНО и ВКУСНО
ЭКСТРАКТЫ
ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНАГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ
СЛАДКАХЪ БЛЮДЪ:
1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
2) КР. МЪ И
3) МОРСКИЕ
СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ МОРЖЕННИЦАМИ
ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ
Д. ВРАЙНИНЪ
МОСКВА, Большая Лубянск. 28.

XXVIII г.

№ 39

Выдана 27 сентября 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Старый лѣсъ. Съ карт. И. И. Шишкина. по фот. П. Чоглокова авторинія „Нивы“.

Продолжается подписка на 1897 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

На пути съ счастьемъ.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

XXIX.

Съ страннымъ чувствомъ на другой день ѣхалъ отецъ Антонинъ въ городъ, гдѣ когда-то жизнь обманула его короткимъ счастьемъ, какъ она продолжаетъ обманывать и многихъ другихъ. Тишина и покой монастыря во все эти годы держали инокъ въ замкнутомъ кругѣ молитвы и воспоминаній. Все его существованіе длилось тамъ въ туманѣ, гдѣ пропадали твердыя и рѣзкія очертанія дѣйствительности и все походило на призракъ, на миражъ, на сонъ, граничащій съ явнью. Въ осеннія утра бываетъ такъ на низменныхъ поляхъ. Не то паръ подымается отъ нихъ, не то дымка спускается сверху и окутываетъ все передъ вами, придавая самымъ обыкновеннымъ предметамъ воздушность, неопредѣленность... Все сквозить, сливается съ общими тонами, едва-едва намѣчено, и надо всеѣмъ только чудится блѣдная, нѣжная и грустная лазурь... Отецъ Антонинъ съ удивленіемъ оглядывался на давно, съ дѣтства знакомыя ему усадьбы... Теперь онѣ едва мерещились изъ тумана, заслонившись отъ большой дороги — порѣдѣвшими деревьями. Тамъ, гдѣ туманъ не такъ былъ густъ — куда солнце проникало горячими лучами — эти деревья казались убранными въ осеннее золото, и точно остатки

стершейся эмали радовали взглядъ. Даль настраивала на грусть... Взглядъ тонуть въ ней, не встрѣчая ничего яснаго, опредѣленнаго. Вонь намѣтился городъ. Сквозной какой-то, призрачный. Всѣ его колокольни видны—но едва-едва, точно тамъ въ странную форму сгустился туманъ и на минуту остался такъ, дразня невозможнымъ маревомъ. Купола собора плаваютъ въ воздухѣ. Самого собора не видно—они одни въ дымкѣ висятъ. Что-то сказочное мерещится... Вонь проступила кладбищенская церковь — тамъ въ углу, гдѣ лежатъ князья и княгини Балкашинскіе, похоронена и его жена. Кладбищенская церковь вся изъ краснаго кирпича,—а сквозь этотъ туманъ она кажется сѣрою. Колокольня ея вытягивается до небывалыхъ размѣровъ,—а куполь точно растворился въ воздухѣ и только чуть темнѣетъ съ одной стороны... Да, именно — тамъ, за колокольней. Старая ржавая рѣшетка обогнула цѣлый участокъ земли съ ивами и тополями, и въ ихъ тѣни лежитъ черный мраморъ. Все, что у него было дорогого, святого и милого — все, чѣмъ его обморочила жизнь, ея обманъ и призрачное счастье — все сложено тамъ. И только что онъ увидѣлъ эту въ туманѣ точно колышавшуюся колокольню — какъ съ нимъ совершилось нѣчто непонятное. Что-то мягкое, кроткое—проникло въ его душу, проступило слезами въ глаза, застилая передъ нимъ воздушный призракъ города... Сердце какъ будто распустилось въ жаждѣ прощенія, примиренія, въ какой-то безконечной жалости и къ ней, и къ себѣ, и къ тому, кто былъ когда-то имъ погубленъ, ко всему—ко всей землѣ съ каждымъ ея дыханіемъ, съ каждымъ пульсомъ, бьющимся въ ея безчисленныхъ жизняхъ. О, если бы можно было всѣхъ ихъ обнять и оплакать, каждому сказать „прости“ — и только что это настроеніе охватило его свѣтлою грустью, какъ онъ почувствовалъ себя не однимъ... Около тѣнью неслася вслѣдъ за нимъ другая душа, чьи-то призрачные глаза заглядывали ему въ самое сердце, точно ласкали его исхудавшее лицо тонкіе сквозные пальцы. Кто-то рядомъ и плакалъ и радовался этому свиданію и тоже молилъ: „прости и забудь“. И хоть городъ съ каждымъ мгновеніемъ все надвигался и надвигался на молодого монаха, хотя теперь изъ тумана—уже неприглядною сѣрою дѣйствительностью вырастали широко раскинувшіяся слободы—убогія, запущенныя, ослизлыя, съ ослизлыми людьми, чего-то сновавшими у ослизлыхъ заборовъ — но отецъ Антонинъ ихъ не видѣлъ вовсе. Онъ не чувствовалъ, какъ монастырскій расшатавшійся тарантасикъ скоро затрещалъ и запрыгалъ на безобразныхъ булыжникахъ городскихъ улицъ; не замѣчалъ, какъ передъ нимъ кучеръ изъ богомольцевъ, оставшихся при обители, подсакивалъ на козлахъ, бранясь и чертыхаясь. Ему было не до двухъэтажныхъ домиковъ, старѣвшихъ за палисадниками, не до пустынныхъ площадей съ мертвыми лавками. Милая тѣнь—не оставляла его. Она была съ нимъ—и онъ мысленно говорилъ ей и слушалъ, что она шептала ему его собственными думами, точно незримыми пальцами она касалась его мозга, какъ клавишей, и подъ ними рождались ему одному слышныя, ему одному понятныя слова. Кто бы обратилъ вниманіе теперь на него — изумился бы — чему это монахъ улыбается, — а на глазахъ у него слезы? Что шепчутъ его губы и кому? Очевидно, не кучеру въ скуфейкѣ, потому что тотъ сидитъ себѣ прямо идоломъ на козлахъ и ничего не слышитъ... Отецъ Антонинъ—съ полчаса такимъ образомъ одолевалъ городскую мостовую, не обращая на нее вниманія, хотя клубокъ его сбѣзжалъ то на бокъ, то на затылокъ, и мантия скидывалась то направо, то налево. Онъ безсознательно поправлялъ ихъ, продолжая свою бесѣду съ обманчивымъ призракомъ, бывшимъ для него гораздо болѣе близкою дѣйствительностью, чѣмъ всѣ эти дома и улицы кругомъ. Ъхалъ, ъхалъ отецъ Антонинъ — и вдругъ ему на-

встрѣчу — такая же монастырская бричка съ рясофорнымъ инокомъ Іоной на облучкѣ и за нимъ съ картиннымъ и благоблннымъ отцомъ Геронтіемъ, который теперь подлинно источалъ отъ себя на поднебесный міръ всещедрыя токи благоволенія и любви...

— Стой, стой!—крикнулъ онъ Антонининой кучеру.

Тотъ, замѣтивъ отца казначея, весь откинулся назадъ, натягивая вожжи... Содралъ скуфейку... Лошади замотали головами, заобмахивали бока и спины длинными хвостами и потомъ однѣ къ другимъ протянули морды, точно привѣтствуя встрѣченныхъ товарищей по общей конюшнѣ.

— Отецъ Антонинъ — ты?.. — будто не узналъ его... Въ голосѣ у Геронтія звучало непритворное удивленіе. — Тебя-то что въ городъ потянуло? Куда тебя отецъ-игуменъ благословилъ?.. „Ну, полоумный совсѣмъ! — мысленно обругалъ его казначей, замѣтивъ, что тотъ смотрѣтъ на него смотреть, и въ упоръ даже, а не видитъ или, если и видитъ, такъ не узнаетъ... Ну тебя!.. Тоже и я—точно съ настоящимъ человѣкомъ“. — Сергѣй, куда везешь инокъ?

— На кладбищу, ваше благословеніе...

— Ну, прощай... вези-вези! Одержимаго! — уже про себя закончилъ Геронтій и опять принялъ соответственное сану положеніе, кивая благостно встрѣчавшимся знакомымъ и всѣмъ своимъ ликомъ сіяя, точно его только что отлакировали заново.

„Кажется, отца Геронтія встрѣтилъ? — соображалъ про себя Антонинъ, когда бричка казначея уже свернула за уголъ. — Что ему нужно отъ меня было?“ Но эта мысль не долго заняла его. Вся сквозная на свѣту среди порѣдѣвшаго тумана кладбищенская колокольня близилась и росла и точно манила его: скорѣе, скорѣе. Кто-то изъ-подъ чернаго мрамора за ржавою рѣшеткою кричалъ ему: „милый... торопись. Сколько времени не видались мы. Спѣши сюда — я тебя заждаюсь, измучилась, наконецъ-то...“ И весь наклонясь впередъ—онъ зорко всматривался, какъ изъ-за колокольни показался зеленый куполь и красный фасадъ церкви... Какъ на этомъ фасадѣ сначала примерещилась, а потомъ проступила да такъ и осталась „Богородица съ младенцемъ Христомъ на рукахъ“, мѣстнаго письма... У Младенца рука поднята, точно Онъ благословляетъ всѣхъ лежащихъ внизу подъ земляными горбами, бѣлыми и сѣрыми крестами, плитами.

Пока онъ ѣхалъ, туманъ надъ городомъ приподнялся. Все сдѣлалось необыкновенно рѣзко, отчетливо и близко, зато вверху между небесами и землей точно разостлалась сквозная завѣса. Солнечные лучи распускались въ ней, не проникая внизъ, и потому уже у самого кладбища все казалось полно невыразимаго унынія. Пожелтѣвшія стояли деревья, безсильно опустивъ сухіе листья. Пустыри тоскливо тянулись въ дали, повитые мертвою неподвижностью. Безлюдная дорога упиралась въ большія ворота съ крестомъ надъ ними, и пыль на ней лежала густо и покойно. Никто не ворочилъ ей сегодня. Никому не пришло еще въ голову придти сюда и помолиться надъ послѣднимъ убѣжищемъ когда-то милыхъ и дорогихъ, но теперь такъ глубоко позабытыхъ людей. Монастырскій тарантасикъ подкатилъ къ кладбищу. Сергѣй, опять откинувшись назадъ, удержалъ коней, точно они грозили ему стремительнымъ уносомъ въ эту безжизненную сѣроватую гладь. Опять захлестали хвосты и замотались морды. Отецъ Антонинъ торопливо вышелъ. Внимательно осмотрѣлъ ворота. Тотъ же старикъ подъ ними. Сидитъ, сгорбясь и полузакрывъ глаза, а сѣдая борода какъ-то нучками расползается отъ морщинистаго лица во всѣ стороны. Онъ такъ же сидѣлъ здѣсь и тогда, когда балдахинъ съ бѣлымъ глазовымъ гробомъ остановился около. Такъ же его и тогда сморило, даже пѣнія „Святый Боже“ не слышалъ. Едва разбудили его.

Отец Антонинъ вспомнилъ, съ какимъ ужасомъ вслѣдъ за покойницей онъ переступалъ эти ворота. Еще до нихъ былъ мѣръ. Какъ будто она не совсѣмъ разсталась съ его солнцемъ, просторомъ, шумомъ и движеніемъ. Гробъ еще былъ здѣсь, жилъ, принадлежалъ великому царству бытія. Но тутъ, за этими воротами съ крестомъ наверху, начиналось царство смерти. Жизнь останавливалась у порога,—разъ взятаго оно не возвращало назадъ. Тутъ все говорило: за нами нѣтъ надежды. Того, что прошло подъ нашимъ сводомъ, ты уже не увидишь болѣе никогда, никогда. И это „никогда, никогда“, онъ его слышалъ... Оно какъ отголосокъ далекаго колокола носилось надъ нимъ и кругомъ, онъ его слышитъ и теперь,—„никогда, никогда“, зловѣщее, увѣренное, точно незримымъ молотомъ пришибающее къ землѣ. „Никогда, никогда!“

— Отецъ Антонинъ! — крикнулъ ему вслѣдъ кучеръ. — Отецъ Антонинъ!..

Монахъ оглянулся.

— Чего тебѣ, Сергѣй?

— А узелокъ-то съ ризкой и кадиломъ для панихиды забыли.

— Въ самомъ дѣлѣ!

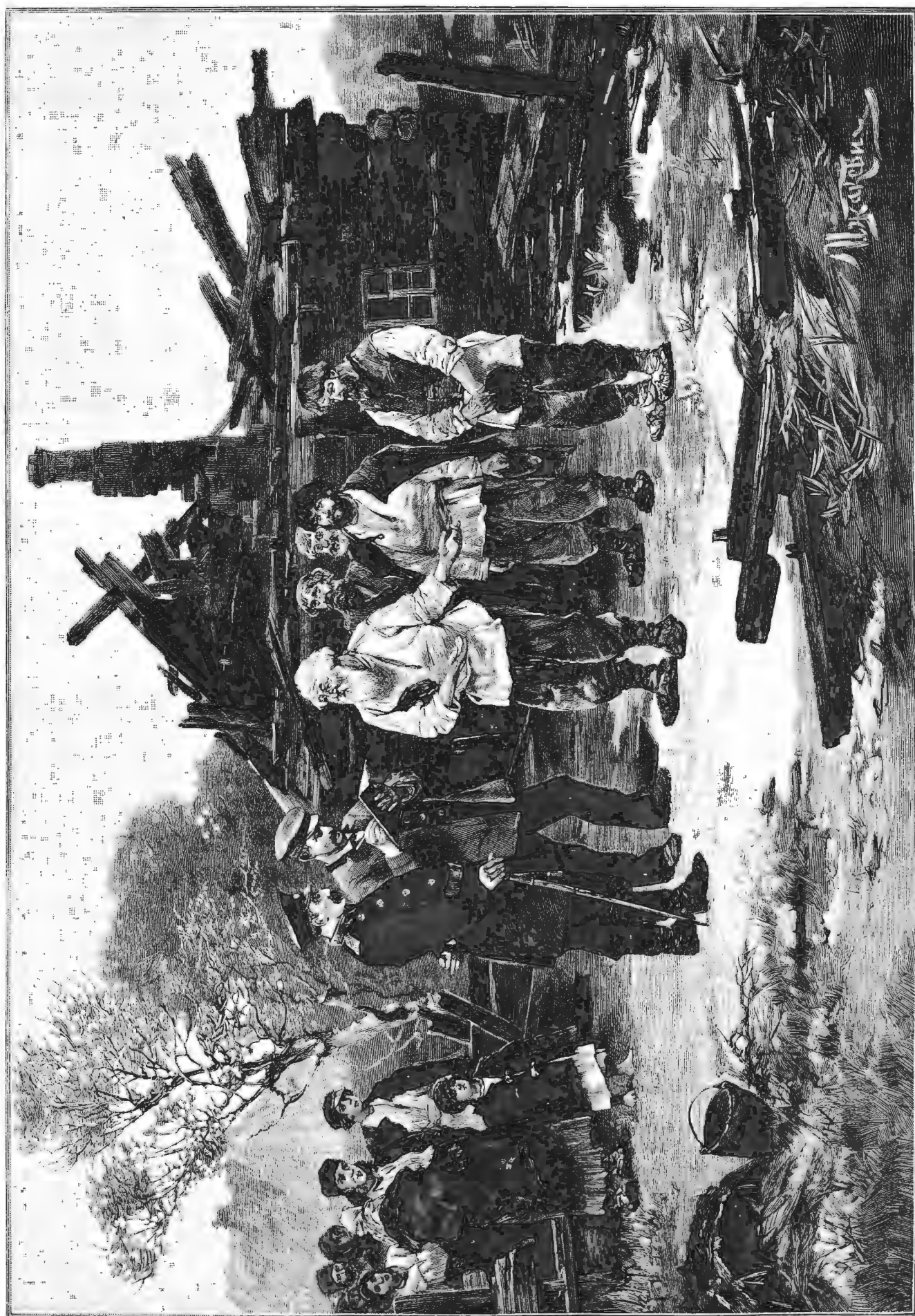
И почему-то вдругъ точно только что родилось въ умѣ у монаха: не это важно, это даже совсѣмъ не важно... Одни и тѣ же слова, тысячи лѣтъ одинаково повторяемыя, и чаще всего языкомъ безъ сердца. Она такъ много страдала здѣсь, что не ему молиться о ней, а ей о немъ. Въ этой безрадостной жизни каждая минута бѣдной была отравлена страхомъ, раскаяніемъ, горечью несбыточныхъ надеждъ, сожалѣніемъ объ ошибкахъ прошлаго, отвращеніемъ къ настоящему, чувствомъ вины передъ тѣмъ, кто любилъ ее, сознаниемъ, что ради его покоя надо лгать, лгать и лгать, притворяться, улыбаться, когда на глаза просятся слезы, казаться спокойной, когда все кругомъ тревожитъ, мучить, терзаетъ. Бояться даже сна, чтобы въ бреду языкъ не сказалъ чего-нибудь, трепетать каждой минуты впереди, чтобы она не обнаружила сокровеннаго... И послѣ такой ужасной жизни, послѣ этой адской кары—еще и тамъ страданіе... Нѣтъ. Она тысячу разъ искупила все—и дѣйствительно не ему читать надъ нею установленные молитвы, а ей благоговѣть его изъ вѣтвенной бездны, изъ того міра, „идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, по жизнь безконечна.“

Какая грусть въ этотъ осенній день царила на кладбищѣ! Тишина. Каждому невольно слышались здѣсь голоса, замирающіе при малѣйшемъ звукѣ дѣйствительности. Чудилось движеніе подъ безмолвными крестами. Отовсюду вѣяло тайною загадочныхъ существованій, послѣдній аккордъ которыхъ оборвался здѣсь у черныхъ ямъ, засыпанныхъ потомъ сѣрыми однообразными горбами. Что схоронено подъ ними? Сколько тутъ неудовлетворенной жажды любви, счастья, нѣжности, сколько сердецъ разбитыхъ обманомъ, истерзанныхъ мукою! Была ли для нихъ смерть освобожденіемъ, или они все-таки ждали, искали, надѣялись. Какое одиночество, какая заброшенность!.. Вонъ ряды старыхъ могилъ, кресты ихъ давно упали, насыпи, сожженные солнцемъ и ознобленные холодами зимы, сухи и сѣры, ни одна травка не пробьется сквозь ихъ потрескавшуюся кору. Забыты, совсѣмъ забыты. Ничье сердце теперь не сжимается печально, ничьи глаза не наполняются слезами, ничья рука не складывается для крестнаго знаменія при видѣ этихъ послѣднихъ стѣдовъ безплодныхъ существованій, затерявшихся, какъ однообразныя капли въ безмѣрномъ океанѣ вѣчности. Забыты, совсѣмъ забыты, какъ забыто будетъ все на землѣ. Живутъ еще люди, опускавшіе въ темную, зловѣщую, таинственную яму тѣло дорогого существа, и память о немъ бьется въ ихъ сердцахъ, туманитъ ихъ мысли порою кроткимъ воспоминаніемъ. Опустятъ и ихъ въ свою очередь, и

самый отблескъ когда-то быть-можетъ богатой событіями жизни погаснетъ. Вся земля—одна великая могила. Мы живемъ, рождаемся и умираемъ тамъ, гдѣ до насъ жили, рождались и умирали миллионы невѣдомыхъ людей. Нѣтъ отъ полюса и до полюса падени, гдѣ хотя бы во мракѣ временъ не хоронили такихъ же, какъ и мы, и на мѣстѣ нашихъ могилъ впоследствии точно такъ же беззаботно и радостно влюбленные пары обмѣняются поцѣлуемъ, заслушаются соловья и подъ звѣзднымъ мечтательнымъ покровомъ дадутъ начало новой жизни, которая, какъ и они, оборвется и исчезнетъ, не оставивъ по себѣ и дымки. Отецъ Антонинъ тихо шелъ между могилами, весь отдаваясь прошлому. Прежде чѣмъ совсѣмъ отречься отъ земли, а слѣдовательно и отъ ея воспоминаній, ему хотѣлось, его манило, властно и неотразимо звало проститься съ ними еще разъ. Завтра, послѣзавтра въ ужасномъ затворѣ онъ станетъ гнать отъ себя какъ злого демона это прошлое, которое сегодня заставляетъ его тонуть въ печали, плакать и мучительно искать въ памяти каждой черточки, каждаго неувидимаго звука, когда-то его радовавшего.. Вѣтеръ просыпался подъ сѣрымъ осеннимъ небомъ... Гналъ передъ собою пыль. Завивалъ ее вдали, точно съ тѣхъ могилъ приподымались задумчивые призраки... Былинки на сѣрыхъ горбахъ тоскливо трепались во всѣ стороны. Казалось, имъ страшно тѣхъ, къ которымъ въ вѣчный мракъ пробивался ихъ корень, и онѣ торопились оторваться, унести прочь отсюда, скорѣе, во что бы то ни стало... Съ запоздалыхъ цвѣтовъ тяжело слетали желтыя пчелы и осы. Точно струна въ воздухѣ, звучало ихъ одинокое жужжаніе, странно и нѣжно въ этой области безмолвія. И по мѣрѣ того, какъ отецъ Антонинъ шелъ къ церкви, за которой, обведенный желѣзною рѣшеткою, ждалъ его „княжескій уголъ“, какъ называли въ городѣ балкашинскія могилы, чудилось, что вслѣдъ ему подъ этими крестами, плитами и памятниками, подъ цвѣтами и сѣрыми забытыми горбинами, тихо-тихо, одному ему слышный, раздается плачь, полный тоски, ужаса и жалобы...

Вонъ свѣжія могилы. На нихъ еще ярки вѣнки... Какъ они нелѣпы тутъ, среди печали и смерти... Съ ними тогда только и мириться, когда они поблекнутъ, увянутъ, покроются пылью; когда цвѣты ихъ сожмутся и повиснутъ, уронивъ половину лепестковъ на землю. Еще безобразнѣе металлическіе. Вѣтеръ, трепля ихъ, въ бронзѣ, жести и латуни воскрешаетъ тихій загадочный звонъ и убѣгаетъ дальше, самъ испуганный, точно ему навстрѣчу заговорили и зашли мертвецы. Кое-гдѣ обнажаемая осенью деревья простираютъ въ высь трепещущія вѣтви, будто молящія о чемъ-то костлявыя руки. Можетъ-быть онѣ знаютъ и видятъ больше, чѣмъ мы, и страхъ ихъ въ этомъ мѣстѣ сноивѣднѣй и грѣзъ не напрасенъ? Можетъ-быть въ темной ночи, когда тутъ нѣтъ живыхъ—подъ ними мерцаютъ призраки, летятъ куда-то бѣлые фантомы, сквозные, легкіе, какъ вѣтеръ, сплывающіеся загадочными дымками отъ малѣйшаго движенія воздуха. Можетъ-быть!..

Какъ идутъ этому кладбищу желтые, упавшіе съ деревьевъ, листья... Они чуть-чуть шуршатъ подъ ногами отца Антонина и вмѣстѣ съ могилами говорятъ ему: того, что было, уже никогда не будетъ! Разъ смежившіяся очи—не откроются болѣе... Кто такъ любилъ солнце и небо, кто отдавался сладко грусти среди поблекшихъ цвѣтовъ осени—не увидитъ ни солнца, ни неба, ни цвѣтовъ. Кто жилъ—тотъ не воскреснетъ на землѣ, которая въ страшную даль безконечности летитъ, вся повитая сожалѣніемъ и тоскою такъ рано оставляющихъ ее существованій! Послѣдніе цвѣты, какъ они скромны, точно прячутся въ траву отъ чего-то ожидающаго и ихъ, отъ общей смерти и уничтоженія... Невѣдомо къ чему судьба сплетается здѣсь, какъ

Литературный альбомъ. „Переселенцы“, романъ Д. В. Григоровича. Слѣдствіе.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Иваневича, грав. Шюблеръ.

Печальная перспектива. Съ карт. в. в. Бухгольца (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

и въ жизни, однихъ съ другими... Вызываетъ любовь, дружбу. Сливаются вмѣстѣ уже благоуханія—и вдругъ одно хирѣетъ и умираетъ, когда другое стоитъ еще рядомъ въ обманчивомъ блескѣ красокъ, въ миражѣ наслажденій... И медленнѣе и медленнѣе колыхались былинки, ниже и ниже подымалась пыль. Вѣтеръ падалъ, и царство смерти дѣлалось все неподвижнѣе и тише...

Темны и загадочны большія окна церкви, точно за ними цѣлый міръ отпѣтыхъ когда-то жизней. Таинственно сіяютъ лампы. Отсюда онѣ только мерещатся проходящему мимо монаху. Онъ по привычкѣ крестится. Сердце его не при чемъ. Сама рука поднялась—онъ даже и не замѣтилъ. Вонъ дверь... Притворъ. Сюда, вмѣстѣ съ другими, онъ вносилъ бѣлый глазетовый гробъ, и тяжесть его не казалась ему трудной—потому что въ немъ лежала дорогая, милая поща. И все время, пока они несли ее—она ему говорила, неслышно для другихъ... Да! За этими дверями—они ее поставили и покрыли парчей... Она, закрывъ глаза и сложивъ на недвижной груди тонкія, бѣлыя, восковыя руки, слушала въ послѣдній разъ молитвы, внимательно слушала, ловила чей-то плачь, и подъ колеблющимися огнями перевязанныхъ чернымъ крепомъ восковыхъ свѣчей казалось: рѣсницы ея шевелится и губы сияютъ отвѣтить что-то... Но огни были потушены, тяжелый покровъ снятъ, бѣлая глазетовая крышка надвинулась на нее, а она ничего не сказала и глазъ не раскрыла. Обманъ жизни окончился обманомъ смерти... Въ чемъ же правда, гдѣ она? Или этому вѣчному, окружающему насъ миру нѣтъ предѣла ни здѣсь, ни... тамъ!..

Церковь осталась позади. Здѣсь начиналась та часть кладбища, которую мѣстный священникъ почему-то называлъ „фамильной“. Тутъ все памятники, плиты, кресты мало, а которые и есть—чуть не гнутся подъ тяжестью старыхъ металлическихъ вѣнковъ, скинувшихъ внизъ черныя ленты, съ вылинявшими отъ солнца или смытыми дождями надписями. Тутъ каждая семья отгородилась отъ другой рѣшетками. Тутъ всякій камень, бронзовыми или высѣченными на немъ буквами, кричитъ о тѣхъ, которые нашли подъ ними успокоеніе. Тутъ тексты, стихи, восклицанія и верхъ безумія, своего рода юморъ смерти надъ тщеславіемъ живыхъ, перечисленіе титуловъ, возрастовъ, свидѣтельства вѣчной памяти, гаснущей равнше, чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, любви—которая и при жизни знала только ложь, измѣну и притворство... Вонъ пирамиды со стихами конца прошлаго столѣтія... Ихъ камни потрескались, почернѣли... Часто отъ великолѣпныхъ строкъ только и дразнить глазъ: „Почто“ или „зане“ — остальное все съѣла сырость, покрылъ мохъ. Иногда надъ ними треплется деревцо. Вѣтеръ занесъ сѣмя—оно попало въ трещину, пустило въ нее корень. Вонъ одинъ такой заставилъ расколотся цѣлую плиту, сѣрою змѣей выползъ наружу, обвилъ ее, точно для того, чтобы она не распадалась еще больше, и ушелъ въ землю... А вверху онъ рисуется на сѣромъ сегодня туманномъ фонѣ—тонкими вѣтвями и румяными отъ осени листьями. Черныя мраморныя кресты, бѣлыя урны, простуженныя мраморныя бюсты съ сизыми носами и цѣлыми слоями грязи въ волосахъ. На одинъ такой, на самое темя забралась ворона и смотритъ бокомъ на подходящаго инока. Такой же черный, какъ она... Она зацѣлкала нбсомъ, чистя его о старый мраморъ, и протяжно, жалобно каркнула; отецъ Антонинъ вздрогнулъ. Ему въ этомъ крикѣ послышалось: никогда, никогда!.. Да, именно никогда, ни здѣсь, ни тамъ... Ни въ ограниченномъ мірѣ всякихъ миражей, ни въ безконечности мрака, тишины и покоя... Никогда, никогда!.. Судьба свела, сплела и оторвала на цѣлую вѣчность. Зачѣмъ?.. Этою именно дорогой несли гробъ. Тогда падалъ снѣгъ и все кругомъ было бѣло... Пустынно... Но все-таки не такъ печально, какъ теперь. Онъ жадно

всматривался налѣво. Вонъ высокая сквозная балкашинская рѣшетка... Вонъ колонна, подъ которой сгорѣлъ князь екатерининскихъ временъ, пораженный всѣхъ своимъ великолѣпиемъ и причудами. Рядомъ, на черномъ пьедесталѣ—бронзовый бюстъ его сына... За ними что-то въ родѣ часовни съ неугасимыми лампадами. Суевѣрные люди увѣряютъ, что видѣли въ ней, въ сумерки, колѣнопреклоненную бабушку его жены, въ фижмахъ, парикѣ и мушкахъ. А тамъ вонъ—и сердце отца Антонина дрогнуло и глаза опять отуманились слезами—уголкомъ мерещится черная плита съ серебрянымъ вѣнкомъ на ней... Сколько лѣтъ прошло—а точно вчера еще зіяла здѣсь сырою, черною, жадною пастью безобразная яма, выложенная внизу кирпичомъ. Будто онъ наканунѣ несъ туда въ жертву ей забитую подъ глазетовую крышку жену... Во мракъ и одиночество—ее, такъ боявшуюся мрака и одиночества!.. Точно вчера! И міръ живетъ, и дни рождаются, смѣняясь ночами, и солнце свѣтитъ, и цвѣты благоухаютъ, а ея нѣтъ, нѣтъ цѣлаго міра сознанія и ощущеній, и вслѣдъ ему та же черная, какъ и онъ, ворона, выкрикиваетъ свое: „никогда, никогда!..“ Вотъ у этого угла рѣшетки была паутина. Она и теперь колыхнется по воздуху... Не тотъ же ли жирный и желтый паукъ на ней уцѣпился тонкими колѣнчатыми лапами и терпѣливо ждетъ. Можетъ-быть это онъ тогда смотрѣлъ на нихъ, когда вслѣдъ за пѣвчими и старикомъ-священникомъ они несли сюда покойнику...

Отецъ Антонинъ быстро прошелъ къ могилѣ жены. Толкнувъ сквозную калитку рѣшетки. Онъ зналъ, что она давно ужъ не запирается. Не обратилъ вниманія на чью-то новую могилу рядомъ, пестрѣвшую ярко и нагло глупыми надписями и вѣнками. Въ Балкашинскомъ углу—лучше было. Тутъ все говорило о далекомъ времени, объ отжитыхъ былыхъ. Вотъ треснувшая плита. Изъ нея жесткимъ гребнемъ поднялась трава. Только ея кончики пожелтѣли. Что-то шуршитъ въ ней. Поздняя бабочка сорвалась съ колонны екатерининскаго князя и, быстро-быстро трепеща бѣлыми крыльшками, перелетѣла на одинокое деревцо. Вонъ черный крестъ надъ могилою матери Елены Борисовны, и отецъ Антонинъ точно къ землѣ приросъ надъ темною плитою съ серебрянымъ вѣнкомъ. Въ немъ одно ея имя „Вѣра“, и ничего больше. Тутъ еще тише, печальнѣе и торжественнѣе, чѣмъ на остальномъ кладбищѣ. Или это ему только кажется? Онъ сталъ у нея въ головахъ. Опять въ его ушахъ этотъ глухой шумъ, когда падала земля въ ея могилу. Слушала ли она изъ-подъ своей крышки? Можетъ-быть, крикнуть хотѣла: „погодите... Я свѣта хочу. Я боюсь мрака!..“ Какъ все молчитъ кругомъ. Въ сквозной амбразурѣ колокольни—виситъ темный колоколь. Зеленый куполъ церкви высоко подымается къ облакамъ золотой крестъ. Красныя кирпичныя стѣны и большія окна съ таинственнымъ сумракомъ за ними. Слезъ нѣтъ,—а глаза жгутъ. Къ ней пришелъ вѣдъ—упасть на этотъ камень, дать волю рыданіямъ,—а ноги точно приросли къ мѣсту, и шевельнуться страшно, чтобы не помѣшать чему-то... Чему? Что скажется въ этомъ безмолвіи, какая тайна разрѣшится неожиданнымъ признаніемъ. Онъ у нея здѣсь... Вокругъ плиты—остовы цвѣтовъ... Высохли—лѣтомъ все благоухало здѣсь. На черной плитѣ и на ея вѣнкѣ опавшія листья, желтые, мертвые... Нѣкоторые сквозятся, должно-быть, черви проточили ихъ... Ласточка низко-низко черкнула по воздуху, чуть крыломъ не задѣла большую балкашинскую колонну... „Здравствуй, радость моя... Я пришелъ къ тебѣ!“—хочется крикнуть ему,—но вмѣсто того только что-то хрипитъ въ горлѣ и ни слова... „Долго ждалъ—стремился сюда... Прости меня... Ото всего замкнусь—и не увижу больше твоей могилы...“ И вдругъ его рѣшеніе показалось ему такимъ чудовищнымъ, ужаснымъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, на всемъ свѣтѣ, въ этой громадной и чудной ему пустынѣ, вѣдь только и остался что этотъ оазисъ, этотъ черный камень, — а онъ и его хочетъ забыть, и отъ него уйти. Самая горечь ея обмана, вся пережитая имъ мука нежданной правды, открывшейся ему — слаже этого затвора, этого убійства всего его прошлаго. Какъ, ни разу болѣе — если ему суждено прожить еще долгие годы — онъ не придетъ сюда, въ этотъ истинный храмъ его жизни, его воспоминаній?

Онъ не будетъ тутъ молиться! И рядомъ съ нимъ не станетъ она — какъ, ему чудится, стоитъ она теперь легкимъ призракомъ, шевеля нѣжною рукою волоса на его головѣ и тихо-тихо шепча ему на-ухо: „я здѣсь, опять съ тобою — не уходи, не оставяй меня одну, мой милый, дорогой. Мнѣ такъ страшно тишины, одиночества, мрака...“

(Окончаніе будетъ.)

Искатель коралловъ.

Разсказъ Вольдемара Урбана.

(Съ 4 рисунками.)

I.

Въ маленькомъ калабрійскомъ городкѣ Паола была ярмарка. Она бывала только два раза въ годъ, если не считать мартовской, на которой торговали свиньями. Осенняя ярмарка, приходящаяся въ день св. Варооломея, отличалась особеннымъ оживленіемъ. Въ этотъ день въ Паолу, которая была портовымъ городомъ, собирались жители окрестныхъ горныхъ деревушекъ, каждый за какими-нибудь закупками. Иногда эти закупки дѣлались на цѣлый годъ, въ виду того, что ни въ одномъ изъ затерянныхъ среди горъ поселковъ не было своей лавки; туда не заходили даже корабельники съ краснымъ товаромъ, основательно опасаясь плохого сбыта среди рѣдкаго и бѣднаго населенія. Вотъ почему такъ шумно и весело въ Паолѣ въ день св. Варооломея, и почему этотъ день считается у деревенскаго люда такимъ большимъ праздникомъ.

Такого мѣсяца былъ и молодой Андреа Тинотти изъ Санта Маріи деи Монти; онъ былъ очень веселъ и возбужденъ, возвращаясь подъ вечеръ въ свою уединенную рыбацкую деревушку, на осликѣ, нагруженномъ разными закупками. Андреа охотно остался бы еще на часокъ въ Паолѣ. Тамъ было столько хорошихъ вещей, о которыхъ въ Санта Маріи деи Монти никто и не поминялъ. Тамъ были остеріи, куда люди собирались, чтобы приятно провести время, распивали вино и играли въ „alle Vosse“ или „alla Moga“; тамъ были веселыя дѣвушки, танцовавшія на улицѣ тарантеллу подъ звуки тамбурина и флейты; кругомъ разставлена и развѣшена для продажи всякая пестрая мишура, и самъ Андреа не устоялъ противъ соблазна купить себѣ за семь сольди маленькій тамбуринокъ. Онъ надѣялся произвестъ своимъ тамбуриномъ эффектъ въ Санта Маріи деи Монти.

Дюжины двѣ жалкихъ, кое-какъ сложенныхъ изъ камня лачужекъ, которыя носятъ названіе Санта Маріи деи Монти, ютятся среди прибрежныхъ скалъ какъ гнѣздо пиратовъ и, далекая отъ остального міра съ его кипучей жизнью и жгучими интересами минуты, знаютъ только шумъ волнъ, разбивающихся о крутыя красновурья скалы, да однообразныя картины величавой природы. Жители Санта Маріи деи Монти жалеютъ спать съ заходомъ солнца, такъ какъ не могутъ позволить себѣ роскоши искусственнаго освѣщенія своихъ домишекъ, и встаютъ съ восходомъ солнца, чтобы тотчасъ же приступить за свои обычныя занятія — плетеніе сѣтей, починку лодокъ, приготовленіе веселъ и парусовъ. Такъ жили отцы и дѣды, такъ живутъ сыновья, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе ту же работу, тотъ же жизненный опытъ, то же мировоззрѣніе; какъ въ природѣ происходитъ смѣна одного года другимъ, такъ здѣсь смѣнялись поколѣнія.

И такъ, Андреа имѣлъ полное основаніе предполагать, что своимъ тамбуриномъ произведетъ въ родной глуши нѣкоторую сенсацию.

Въ данную минуту этотъ инструментъ, грубо сработанный, пестро раскрашенный, съ прицѣпленными къ нему красными и желтыми лентами, лежалъ въ рогажномъ кулѣ, перекинутомъ черезъ спину ослика, въ мирномъ сосѣдствѣ съ конченымъ окоромомъ, бутылкой оливковаго масла, моткомъ краснотканыхъ нитокъ для починки сѣтей, новой красной шерстяной шапочкой, какую носятъ въ Италіи рыбаки, кускомъ шерстяной матеріи на рубашку и другими покупками. Самъ обладатель этихъ сокровищъ сидѣлъ на осликѣ и шѣлъ на туземный ладъ протяжную, заунывную пѣсню, которой вторило въ горахъ эхо. Было жарко. Бѣдный осликъ, тяжело дыша подъ непосильной ношей, взбирался все выше и выше по горной тропинкѣ.

Вдругъ заунывная пѣсня Андреа оборвалась на полусловѣ; онъ послѣшнью выхватилъ изъ мѣшка тамбуринокъ и принялся громко выбивать по немъ тактъ, звеня бубенчиками.

— Сантина! Сантина! — весело крикнулъ онъ.

Вверхъ по боковой тропинкѣ, сбѣгавшей отъ дороги прямо къ морю, къ маленькой бухтѣ, которая служила гаванью рыбакамъ Санта Маріи деи Монти, шла молоденькая дѣвушка. Она несла на головѣ свернутыя сѣти, которыя вѣсѣтъ съ прицѣпленными къ нимъ пробочными поплавками хотя и не представляли большой тяжести, зато по своимъ внушительнымъ

размѣрамъ казались слишкомъ тяжелой ношей для такого хрупкаго созданія. При всей своей простотѣ дѣвушка невольно приковывала взоры. Гордая осанка, грація движеній, смуглое личико того особеннаго бархатистаго отгѣнка, который довольно часто встрѣчается въ южной Италіи, какъ результатъ смѣшенія арабской расы съ европейской, свѣтло-каріе глаза, обрамленные длинными темными рѣсницами, пѣсиня черные волосы, замѣчательно изящныхъ очертаній шея и плечи, тонкая стройная фигурка, — все въ наружности молодой дѣвушки послало печать благородства и нимало не гармониовало съ ея крестьянскимъ, грубымъ и поношеннымъ нарядомъ. Руки, шея и плечи были открыты. На шеѣ, на шнуркѣ коралловъ, висѣлъ бронзовый амулетъ, образокъ Мадонны, отличавшійся отъ другихъ подобныхъ украшеній тѣмъ, что онъ былъ, хотя и довольно плохо, выгравированъ на мѣди, тогда какъ другіе амулеты обыкновенно представляютъ отпечатанныя изображенія святыхъ. На оборотной сторонѣ была вырѣзана надпись: „Pirro *) a Santina“.

Подойди ближе и увидѣвъ смѣющееся и покрасѣвшее отъ вина лицо молодого парня, который задорно билъ въ тамбуринокъ, Сантина также невольно разсмѣялась.

— Что у тебя тамъ, Андреа? — спросила она.

— Тащуй, Сантина, тащуй! Я буду бить въ тамбуринокъ.

— Вотъ такъ танцы съ сѣтями на головѣ! Показал-ка мнѣ свой тамбуринокъ.

Онъ продолжалъ смѣяться и все быстрее и быстрее билъ въ туго натянутую на рамку козлиную шкуру; все громче звенѣли бубенчики, все ярче и оживленнѣе сверкали глаза Андреа. Сантина, невольно поддавшись заразительной веселости парня, шаловливо схватила тамбуринокъ, чтобы его отнять. Тогда онъ подалъ его ей, и она тотчасъ же принялась отбивать тактъ, ритмично двигая по пыльной дорогѣ своими маленькими босыми ножками.

Это была прелестная картинка. Со всей живостью молодости, но и съ извѣстнымъ достоинствомъ, Сантина, прильсывая, двигалась по дорогѣ впереди Андреа. Она смѣялась, и блестящіе бѣлые зубки, сверкавшіе изъ-за полныхъ коралловыхъ губокъ, придавали ей странное выраженіе, которое ей чрезвычайно шло. Она, казалось, совсѣмъ не чувствовала усталости и все шла да шла впередъ, танцуя. Дыханіе ея становилось все быстрѣе, грудь участливо поднималась, движенія стали порывистыми; въ ея тапцѣ было теперь что-то увлекательное, манищее, о чемъ она сама, конечно, не подозрѣвала.

— Basta, bravo, bravissimo! Довольно, Сантина! — крикнулъ ей Андреа. — Поди сюда, сидь на осла и отдохни.

Она остановилась и взглянула на него. Онъ, повидимому, предложилъ ей отдохнуть безъ всякой задней мысли, но она была недовѣрчива.

Онъ слѣзъ и остановилъ ослика, чтобы дать ей сѣсть.

— Садись же! — сказалъ онъ.

— Убирайся, негодный! — крикнула она съ плутовской усмѣшкой.

Онъ пошелъ рядомъ съ нею, ведя ослика на поводу.

— Отчего же ты не хочешь, Сантина? Ты думаешь, что старая Тамбури увидитъ, какъ ты будешь вѣзжать въ деревню на моемъ ослѣ? Ты боишься?

— Отстань! — отрѣзала она. Потому, чтобы перевести разговоръ на другую тему, сказала: — Ты мнѣ подарить тамбуринокъ, Андреа? Не правда ли?

— А что ты мнѣ за него дашь?

— Ничего.

— Это мало, Сантина. Ничего не дашь, ничего и не получишь. Что это у тебя?

Онъ смотрѣлъ на амулетъ, висѣвшій у нея на шеѣ. Она вспахнула и быстро закрыла амулетъ рукою.

— Ничего. Поди прочь, Андреа, это тебѣ не касается.

— Покажи же мнѣ, — сказалъ онъ вѣтернѣливо. — Неужто ужъ нельзя и посмотреть? Dio mio, я вѣдь не украду!

— Пусты, Андреа. Отстань, убирайся!

Однако, она не могла ему помѣшать взять амулетъ въ руки

*) Пиппо — народное сокращеніе имени: Филиппъ.

и рассматривать его. Она, видимо, не знала, что ей дѣлать, а можетъ-быть, и боялась, чтобы какъ-нибудь въ борьбѣ съ Андреа не порвать витки коралловъ.

Истиникомъ быстро зарождающейся любви и ревности Андреа угадалъ, въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ надпись на амулетѣ, но не могъ ей прочесть,—онъ не умѣлъ читать.

— Это отъ Пиппо, — сказалъ онъ, однакоже, тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Отъ кого бы ни было, это тебя не касается. Пусть, Андреа! Слышишь? Поди прочь! Клянусь Мадонной деи Монти, ты принесешь мнѣ несчастье, если сейчасъ не оставишь моего образа!

Она была такъ возбуждена, что ея прелестное личико совсемъ искажилось. Одной рукою она съ угрозой потрясала тамбуриномъ, другою старалась отогнать свой амулетъ, который онъ все еще держалъ въ рукахъ.

Случайно ли, или вслѣдствіе порывистаго движенія, витка коралловъ развязалась, и образокъ остался въ его рукъ.

— Смотри, смотри, Сантина! Сама судьба хочетъ, чтобы образокъ у меня остался.

— Андреа! — угрожающе крикнула она видъ себя отъ гнѣва.

На глазахъ ея показались слезы.

— Basta! Я оставляю его себѣ, Сантина! Ты получишь другой и въ придачу къ нему тамбуринокъ. Но образокъ у меня останется.

— Мой образокъ, Андреа! — кричала она, поблѣднѣвъ, какъ полотно: — отдай мой образокъ! Понимаешь? Не думай, что ты можешь его украсть! Образокъ мой, и никто не имѣетъ на него права, кромѣ меня. Это моя святыня, я не смѣю ее потерять.

— Святыня! — насильственно подхватилъ онъ. — Можетъ-быть потому, что тебѣ его подарилъ Филиппо? Я тебѣ подарю образокъ красивѣе, и онъ будетъ не менѣе святъ. Сама увидишь.

Теперь она уже плакала въ самомъ дѣлѣ, и ея руки такъ дрожали, какъ будто она собиралась каждую минуту перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное.

— Андреа, мнѣ ничего отъ тебя не нужно, ни тамбурина, ни амулета; я хочу только свой образокъ, который ты у меня отнял силой, — съ трудомъ выговорила она, усиливаясь быть спокойной.

— Выслушай меня, Сантина, — отвѣчалъ Андреа. — Что тебѣ въ этомъ Пиппо Тамбури? Я ничего противъ него не имѣю: онъ — добрый мальчикъ; онъ — мальчикъ богатый. Но онъ дѣло лѣто не даетъ о себѣ знать, пропаваетъ гдѣ-то вотъ уже седьмой мѣсяцъ, и вѣрно люди говорятъ правду... Ты вѣдь знаешь, что про него говорятъ?

— Мой образокъ, Андреа! — повторила она, тяжело дыша и держа его обѣими руками такъ крѣпко, что онъ не могъ двинуться.

— Говорятъ, что близъ Трапани они попали въ береговой бурю, лодка опрокинулась, и Пиппо утонулъ. Съ тѣхъ поръ о немъ не слышала ни одна душа. Да спроси лучше его мать: ей ты ужъ должна повѣрить.

— Мой образокъ! — повторяла Сантина съ тупымъ упорствомъ.

— Нѣтъ, Сантина. Образокъ я оставляю себѣ именно потому, что ты такъ горячо настаиваешь на томъ, чтобы его получить обратно. Онъ стоитъ два сольди, не больше. Вотъ тебѣ за него тамбуринокъ...

— Вотъ тебѣ твой тамбуринокъ! — проинимала она и съ быстротою молніи ударила Андреа тамбуриномъ по головѣ такъ сильно, что шкура съ трескомъ прорвалась, и деревянный обручъ застрялъ на его головѣ, какъ шипа безъ дна.

Андреа, подавивъ свой гнѣвъ, громко расхохотался и схватилъ Сантину за плечи.

— Вотъ теперь образокъ уже совсемъ мой, Сантина, и ты непременно будешь моей женой, какъ бы долго ни упрямилась, — крикнулъ онъ ей на ухо, стараясь ее подшучивать.

Она нависала въ его рукахъ, какъ ужъ, біла его по лицу, кусала ему руки, однако, въ концѣ концовъ ему все-таки удалось подшучивать ее въ губы. Она вся горѣла отъ волненія и стыда, она готова была его убить, если бы могла. Гнѣвная и взволнованная, она безъ оглядки побѣжала по направленію къ деревнѣ.

Нѣсколько смущенный, Андреа провожалъ ее восторженными взглядами. Онъ охотно побѣждалъ бы за нею, но не могъ оставить на большой дорогѣ осла со всеми покунками, а такъ скоро, какъ бѣжала Сантина, нагруженное животное не было въ состояніи бѣжать. Наконецъ пареня опять затасулъ свою дѣсно, прерванную появленіемъ Сантины:

Tu sei tost', è vero, ma sei troppo bella.
Chi t'a conosciuta, non ti può scordar'.

II.

Это случилось вблизи церкви Санта Марія деи Монти, которая по отношенію къ деревнѣ, съ ея тремястами жителей, считалась въ жалкихъ лачугахъ, была настоящимъ дворцомъ, — съ колоннадой, старыми мраморными плитами и картинами, полуразрушенными надгробными памятниками и часовней. Часовня была украшена восковыми и деревянными псалтиями свитыхъ, разодѣтыми въ пестрые наряды во вкусъ деревенскихъ прихожанъ. Церковь была древняя и построена, какъ полагали, герцогомъ Гузильмо Браччаферро послѣ изгнанія изъ этой мѣстности сарациновъ. Но объ этомъ историческомъ событіи, такъ же какъ о строителѣ церкви, жители Санта Марія деи Монти имѣли довольно смутное понятіе, разумеется, соответствующее скорѣе ихъ живой фантазіи, пристрастью къ сказкамъ и легендамъ, чѣмъ дѣйствительности. По рассказамъ стариковъ, церковь была построена съ цѣлью заклясть исполненное морское чудовище, которое простирало изъ глубины моря шесть головъ съ шестью отвратительными пастьми и пожирало все живущее, что только къ нему неосторожно приближалось. И дѣйствительно, со времени сооруженія церкви чудовище уже не осмѣливалось показываться со дна моря, и деревенскіе жители могли быть совершенно спокойны подъ защитой святыни. Лишь въ особенно бурные дни или ночи, когда море ходитъ-ходуномъ и бросается на скалы Санта Марія деи Монти волны, вырывающія съ дномъ, шестиголовое чудовище высовываетъ свои головы изъ соленой пѣны и реветъ такъ, что его голосъ разносится далеко по соседнимъ долинамъ. Страшный ревъ чудовища слышали всѣ жители

Искатель коралловъ: Сантина.

Санта Марія деи Монти, и хотя иѣкоторые старые опытные моряки и утверждали, что этотъ ревъ не что иное, какъ отголосокъ буруна, разбивающагося въ расщелинахъ скалъ и подводныхъ пещерахъ, однако всѣ остальные обитатели Санта Марія деи Монти были твердо убѣждены въ томъ, что реветъ чудовище, и реветъ оно отъ голоду, не дерая искать себѣ жертвъ въ сосѣдствѣ съ церковью.

Когда Сантина стремительно побѣжала къ церкви, она увидѣла на каменныхъ ея ступеняхъ мать Пиппо Тамбури; старуха сидѣла и шептала молитвы, а быть-можетъ дремала или мечтала. Сантина быстро подошла къ ней и крикнула:

— Матушка Карули, матушка Карули!

Старуха подняла голову. Лицо ея было замѣчательно типично, — морщинистое, темное, обвѣренное, какъ тѣ скалы, на которыхъ она прожила свою долгую жизнь, никогда ихъ не покидая. Глаза въ болѣзненно-красномъ ободкѣ смотрѣли пронзительно и неприязненно; губы отъ старости были синеватаго цвѣта, беззубый ротъ будто что-то жевала. Когда Сантина остановилась передъ нею, старуха туло кивнула головой, и ея глаза приняли недовѣрчивое выраженіе.

— Ebbene, что такое? — спросила она, — что тебѣ нужно?

— Ты ничего не слышала о Пиппо?

— А тебѣ что за дѣло? — отвѣтала старуха.

— Матушка Карули, — отвѣчала молодая дѣвушка нѣсколько сконфуженно, но мягко и сердечно: — говорить, онъ умеръ.

— А хотя бы такъ?

— Не говори этого, матушка Карули, ты не знаешь, какъ мнѣ это больно.

— Гм! какъ не знать! Точнѣе ляссы съ другими, пѣть и плясать на улицѣ, а потомъ выйти замужь за богатаго парня — всѣ вы на это мастерицы...

*) Ты недоступна, это правда — но ты слишкомъ хороша. Кто тебя увидѣлъ, никогда тебя не забудетъ.

Уголокъ музея Императорскаго Общества поощренія художествъ.
Гравюра по собственному рисунку И. Глухова, удостоенная на конкурсѣ первой преміи.

— Матушка Карули! — испуганно перебила Сантина.

Безъ сомнѣнй, старуха видѣла съ высоты церковной панерти ея невпныя шутки съ Андреа, въ которыхъ она теперь такъ горько расканвалась.

— Пошла своей дорогой, обезьяна! — ворчала старуха. — Заботься о себѣ, а не о другихъ. Что тебѣ за дѣло до Пиппо. Убирайся лучше, не то бѣду паклячешь.

Круныя слезы выступили на прекрасныхъ глазахъ маленькой Сантини. Она ничего не сказала, но быстро схватила морщинистую руку Карули и вѣжно прижала ее къ своимъ горячимъ свѣжимъ губкамъ.

— Ты ко мнѣ несправедлива, матушка Карули, я спрашиваю не изъ любви.

— Знаю, знаю, не проведешь!

— И не изъ расчета. Я умру, матушка Карули, если съ Пиппо случилось несчастье.

— Болтай больше! Такъ легко не умираютъ. Иди своей дорогой и не заботься о томъ, что тебѣ не касается.

Сантина вздохнула.

— Я иду, матушка Карули, — сказала она и еще разъ поцѣловала руку старухи. — Не буду больше тебѣ сердить, и если ты не хочешь мнѣ ничего сказать о Пиппо...

— Не хочешь, не хочешь! — раздраженно передразнила старуха. — Я ничего не знаю.

— Ну, такъ ты мнѣ не поѣдешь молиться за Пиппо.

Съ этими словами Сантина поднялась по ступенькамъ на панерть и вошла въ церковь.

Карули посмотрѣла ей вслѣдъ, покачала головой и, что-то пробормотавъ, снова погруилась въ свое обычное занятіе: старуха уже много недѣль подрядъ дѣльными глазами смотрѣла съ высоты церковной лѣстницы вдаль, на безграничное море, которое разстилалось передъ нею безмолвное, загадочное, величественное. Когда на горизонтѣ показывался парусъ, она приходила въ величайшее волненіе и старалась рассмотреть, не парусъ ли это ея сына, который она такъ хорошо знала. Когда сгустились тучи или поднимался шквалъ, и въ прибрежныхъ скалахъ ревѣла и завывала буря — а по понятіямъ матушки Карули *mostro* *) — она плелась въ церковь, бросалась на колѣни передъ статуей Мадонны и плакала, и молилась до тѣхъ поръ, пока не проходила буря. Такъ она ждала своего сына, который еще въ началѣ марта отправился съ двумя лодками на поиски коралловъ къ сицилійскимъ или сѣвероафриканскимъ берегамъ. Такъ долго онъ еще никогда не бывалъ въ отсутствіи, и по всей деревнѣ уже шептали, что Пиппо Тамбурри погибъ во время бури. Никто не дѣлился своими опасеніями съ старой матерью Пиппо, тѣмъ не менѣе она ихъ раздѣлила сама. Отсюда ся грубость въ обращеніи, ея враждебное отношеніе къ людямъ. Забота о сынѣ, страхъ за Пиппо, дѣлали ее больной и озлобленной.

Наконецъ Сантина вышла изъ церкви. Глаза ея были заплаканы.

— Addio, матушка Карули, — тихо сказала она, — я иду домой.

— Могла давно уже быть тамъ, — грубо отвѣтила старуха. — Чего ты здѣсь сложаешься, да илинешь на улицѣ? Убирайся къ чорту, вѣтреная дѣвчонка!

— Матушка Карули...

— Чего тебѣ нужно отъ меня? Сказала: убирайся!

Сантина вздохнула и быстрымъ шагомъ направилась къ деревнѣ. Солнце уже стояло низко; огненный шаръ его готовился погрузиться въ бирюзовыя волны моря. Изъ расклинъ береговыхъ скалъ тамъ и сямъ поднимались уже легкія полоски тумана. Ночь быстро наступала. Вечерній звонъ къ Ave Maria пронесся надъ землей и моремъ и замеръ гдѣ-то вдалекѣ.

III.

На другое утро съ восходомъ солнца маленькая гавань Санта Марія деи Монті была необычайно оживлена; сюда собралась почти вся деревня, и пустынная скала огласилась радостными кликами множества голосовъ.

— Пріѣхали, пріѣхали! — передавалось со скалы на скалу,

*) Mostro — чудовище.

изъ дома въ домъ. — Пиппо Тамбурри вернулся ночью съ богатымъ грузомъ коралловъ, такихъ прекрасныхъ и вѣжныхъ, какихъ еще никогда не видѣли!

Вся деревня радовалась возвращенію односельчанъ, которыхъ уже считали погибшими; не было конца выраженію удивленій, толкамъ и разговорамъ, какъ будто вернувшіеся воскресли изъ мертвыхъ.

Въ маленькой бухтѣ, защищенной съ сѣвера исполинскими скалами, кипѣла жизнь и движеніе. Лодки разгружались и распащивались; загорѣлые рыбаки и матросы, спутники Пиппо Тамбурри, дѣловали своихъ женъ и дѣтей и показывали имъ сокровища, отнятыя ими у моря съ опасностью жизни. Всѣ изумлялись богатству привезенной добычи и восхилялись Пиппо Тамбурри и его счастьемъ: онъ былъ собственникомъ лодокъ, и потому ему принадлежала львиная доля добычи.

Самъ Пиппо стоялъ на выступѣ скалы и распоряжался разгрузкой лодокъ и уборкой коралловъ, сѣтей, веселъ и свастей. Это былъ красивый парень лѣтъ двадцати пяти. Засушенные выше колѣнъ панталоны, обнаруживавшіе смуглыя сильныя ноги, легкій свѣтло-коричневый плащъ, отороченный краснымъ пинуркомъ и подбитый красной матеріей, поверхъ полосатой,

черной съ бѣлымъ рубахи, надѣтая на-бекрень красная рыбацья шапочка, изъ-подъ которой вырывалась непокорная волна черныхъ локоновъ, коричневый поясъ, перехватывавшій гибкое строиное тѣло, — весь этотъ живописный нарядъ дѣлалъ его похожимъ на театральнаго Мазаниелло. Съ своими темными глазами, здоровымъ круглымъ лицомъ и тонко очерченными ртомъ, надъ которымъ чуть вилась молодая усь, — живой, дѣлительный, пылкій, Пиппо уже не разъ бывалъ предметомъ вѣжнаго вниманія деревенскихъ красавицъ, къ немалой досадѣ и зависти молодыхъ парней.

Его отецъ, жертва своего ремесла, погибъ у береговъ Марокко, когда Пиппо былъ еще крохотнымъ мальчуганомъ. Онъ унаследовалъ отъ отца два баркала со всѣми принадлежностями, а такъ какъ Пиппо былъ парень прилежный и травяной, то его достатокъ значительно увеличился съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ началъ выѣзжать на поиски коралловъ. Въ Санта Марія деи Монті его считали богатымъ; онъ былъ богатъ, конечно, только въ сравненіи съ большою бѣдностью другихъ.

— Тоннино! — крикнулъ Пиппо одному рыбаку голосомъ, привычнымъ заглушать шумъ моря. — Свѣжи вѣстѣ весла. Ихъ возьмутъ наверхъ. Лодки привязывайте вотъ тамъ. Если будетъ буря, ихъ можно вытащить на берегъ. Ринальдо, вотъ идиеть твоя жена! Да гдѣ же Сантина? Неужто еще спитъ?

Ринальдо сдѣлалъ не особенно лестное для Сантини замѣчаніе. Вдругъ Пиппо проворно соскочилъ со скалы, на которой стоялъ, и огромными прыжками, черезъ воду, кинулся навстрѣчу старухѣ, которая поспѣшно, задыхаясь отъ радости, сходилла съ троникки, ведшей изъ деревни къ бухтѣ.

— Матушка! Матушка! — раздался его мощный голосъ, въ которомъ дрожали радостныя ноты.

Онъ крѣпко обнялъ старую Карули и поцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Изъ глазъ старухи хлынули слезы, и она не могла произнести ни слова. Она только ощупывала сына своими дрожжащими морщинистыми руками, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что онъ здравъ и невредимъ.

— Я знала, Пиппо, что ты вернешься, — сказала она накопецъ, осмотрѣвъ своего любимца со всѣхъ сторонъ, какъ будто все еще сомнѣвалась въ томъ, что это онъ. — Я всегда это знала. Съ самой Тронны и каждый день сидѣла тамъ наверху, у церкви, смотрѣла на море и ждала. Каждую недѣлю я ставила Мадоннѣ двѣ свѣчки. Я знала, что это поможетъ. Я всегда это знала.

— Гдѣ Сантина, матушка? Почему ея нѣтъ здѣсь? — спросилъ Пиппо.

— Оставь ее, Пиппо! — поизивъ голосъ, отвѣчала старуха.

Пиппо взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Что ты говоришь, матушка? — спросилъ онъ.

— Оставь ее! Это вѣтреная дѣвчонка, которая танцуетъ на улицѣ съ первымъ встрѣчнымъ...

Искатель коралловъ. Игра „въ монетку“.

— Сантина?—переспросил Пиппо.

Онъ нѣсколько поблѣднѣлъ. Губы его слегка вздрагивали, а устремленные на мать глаза выражали почти страхъ.

— Да, Сантина! Развѣ я этого сама не видѣла, своими собственными глазами? О, я еще хорошо вижу, когда захочу; спроси лучше Андреа.

— Андреа!—крикнулъ Пиппо.

На его лбу вздулась жила, и глаза припили злобное, угрожающее выраженіе. Мать съ безпокойствомъ замѣтила происшедшую въ немъ перемену и заговорила вполголоса убѣдительно тономъ:

— Послушай ты меня, Пиппо, послушай свою мать, которая тебя любитъ и хочетъ твоего счастья. Откажись отъ Сантины, или она составитъ твое несчастье. Она вѣтренница, сегодня такая, завтра другая. Вѣдь я сама видѣла, своими глазами, какъ она вышлась передъ Андреа на улицѣ. Она для тебя не годится, Пиппо.

— Молчи, матушка!—сердито крикнулъ Пиппо.

— Милое дити мое...

— Молчи, говорить тебѣ! Я ничего не хочу слышать. Идемъ домой. У меня много работы, большой уловъ.

Казалось, онъ чувствовалъ облегченіе, показывая матери свой уловъ, обращая ея вниманіе на особенно красивые и цѣнные экземпляры, предлагая ей взглянуть въ ящики, въ которыхъ еще хранились кораллы. О Сантинѣ больше не было рѣчи. Старая Карули не рѣшалась болѣе о ней заговаривать, Пиппо видимо искалъ другихъ темъ для разговора. Его друзья и товарищи толпились вокругъ него, пожимали ему руки, поздравляли съ возвращеніемъ на родину и желали ему удачнаго сбыта улова; но онъ мало слышалъ изъ того, что ему говорили, а когда говорилъ или смѣялся самъ, казалось, что его мысли гдѣ-то далеко.

Наконецъ, бухта начала пустѣть, рыбаки толпами направлялись къ деревнѣ, почти все съ какой-нибудь пошеи. Одинъ тащить весла, сѣти, шести, другой—кораллы, паруса и снасти. На каждомъ поворотѣ дороги Пиппо тайкомъ оглядывался по сторонамъ. За каждымъ камнемъ ему чудилось личико Сантины, по каждый разъ приходилось разочаровываться.

„Гдѣ она? — не выходило у него изъ головы въ то время, какъ онъ говорилъ съ другими о постороннихъ вещахъ.— Почему она не выходитъ его встрѣчать? Развѣ она не рада его возвращенію? Можетъ-быть, она его больше не любитъ? Можетъ-быть, мать права?“

При одной мысли о возможности измѣны любимой дѣвушки, сердце его сжалось и углы рта вздрогнули. Но вдругъ, обогнувъ одну скалу, онъ остановился какъ вкопанный,—къ нему бѣжала изъ деревни Сантина. Они почти одновременно увидѣли другъ друга. Шагахъ въ трехъ отъ него Сантина остановилась, прижала руку къ сильно бившемуся отъ бѣга и волненія сердцу и съ минуту смотрѣла на него глазами, сіявшими счастьемъ.

— Пиппо!—крикнула она.

Казалось, она вотъ-вотъ бросится ему на шею, но вдругъ ея глаза опустились подъ его взглядомъ, темный румянецъ покрывъ ея смуглое личико, и она тихо, застѣчиво выговорила, протягивая ему руку:

— Съ прїездомъ, Пиппо.

Онъ взялъ ея руку въ свою и посмотрѣлъ ей въ глаза строгимъ, испытующимъ взглядомъ, какъ бы желая прочесть ея мысли.

— Я тебѣ что-то привезъ, Сантина. Хочешь посмотреть?—сказалъ онъ, немного помолчавъ.

Счастливая улыбка пробѣжала по ея нѣжному смуглому личику. Она слегка прижалась къ нему и просто отвѣтила:

— Какъ ты добръ, Пиппо, что подумалъ обо мнѣ!

Онъ сложилъ у дороги весла, которые несъ на плечѣ, и остановился; она также остановилась. Старая Карули, что-то проворчавъ, медленно пошла дальше. Пиппо опустилъ руку во внутренний карманъ своего плаща и вынулъ отсюда великолѣпный причудливо изогнутый кусокъ коралла, похожій на тѣ, какіе обыкновенно носятъ въ южной Италіи отъ „джеттатуры“—дурного глаза.

— Я самъ досталъ его изъ моря, Сантина, съ опасностью жизни,—тихо сказалъ онъ.—Это было недалеко отъ Азинелло. Никто не рѣшался спуститься въ воду изъ боязни акулъ, которые тамъ много. Я нырнулъ и добылъ этотъ кусокъ коралла, который въ ту же минуту покладся привезти тебѣ.

Она смотрѣла на него, будто очарованная. Она и боялась, и любила этого человѣка, и въ эту минуту чувствовала себя несказанно счастливой. Она знала, что онъ можетъ раздавить ее одной рукой, если захочетъ, и все-таки прижималась къ нему, нѣжная, любящая, съ сознаніемъ своей любви къ нему и своей слабости передъ нимъ. Онъ обвилъ рукою ея станъ, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку. Потомъ отдалъ ей кораллъ и уже хотѣлъ поднятъ весла и продолжать путь къ деревнѣ, какъ вдругъ его взглядъ упалъ на ея шею.

— Гдѣ твои бусы?—сурово спросилъ онъ.

Она покраснѣла и смущенно пробормотала, не глядя на него:

— Пиппо, я право не виновата... я... и хотѣла...

— Гдѣ амулетъ?

Она смертельно испугалась. Она хорошо знала его пылкой, необузданный нравъ, по еще надѣялась предотвратить надвигающуюся бурю своими взглядами, тихими любовными рѣчами.

— Я... О, ты не долженъ сердиться, Пиппо! Пойдемъ, я тебѣ все расскажу. Но не здѣсь, не теперь. Пойдемъ, туда наверхъ, къ Мадоннѣ...

— Гдѣ амулетъ?—повторялъ онъ въѣ себя, не двигаясь съ мѣста.

Она разрыдалась. Какъ какал-нибудь каючаяся грѣшница, предавшая, покорная, она наконецъ отвѣтила:

— Прости, прости меня, дорогой мой! Я потеряла амулетъ... Вѣрно какъ-нибудь развѣялся шпурокъ... словонъ, я не знаю, какъ это случилось...

Ни за что на свѣтѣ не рассказала бы она ему въ эту минуту, какъ было дѣло.

— Потерила?—недовѣрчиво повторилъ онъ.

Она кивнула головой и хотѣла взять его руку. Но онъ быстро отшатнулся, поднявъ свои весла и пошелъ дальше, холодно обронивъ на прощанье:

— Такъ ищи!

Она послѣдовала за нимъ, рыдая. Она знала, что значить у него этого короткій пренебрежительный отвѣтъ.

Сантина была неутѣшна. Она еще нѣсколько разъ заговаривала съ нимъ, пробовала его смягчить, какъ бывало прежде, когда ей часто удавалось разогнать его дурное настроеніе; но сегодня онъ былъ неумолимъ.

IV.

Жители Санта Марія деп Монти проявляли, какъ обыкновенно водится въ такихъ маленькихъ деревушкахъ, живое участіе къ иронизавшимъ столько времени и теперь счастливо вернувшимся односельчанамъ. На маленькой площади за церковью, единственномъ мѣстѣ сборищъ рыбаковъ, цѣлый день толпились народъ. Пиппо былъ героемъ дня. Его рассказы выслушивались съ жаднымъ вниманіемъ, и если къ всеобщей радости тамъ и сямъ примѣшивалась зависть, то перья все же преобладала. Андреа былъ въ особенной поразенности—и пораженъ неприятно—внезапнымъ возвращеніемъ опаснаго и счастливаго соперника. Онъ охотно испортилъ бы чѣмъ-нибудь всеобщее радостное настроеніе; въ немъ кивнула глухая злоба при видѣ того, какъ Пиппо, сидя на стѣнкѣ колодца, весело рассказывалъ свои приключенія, а всѣ толпились вокругъ него и внимательно слушали. При каждомъ новомъ рассказѣ Пиппо, при каждомъ взрывѣ смѣха или знакѣ одобренія, сопровождавшемъ его рѣчь, Андреа презрительно пожималъ плечами, глаза его загорались недобримъ огонькомъ, и онъ исподтишка металъ ядовитые взгляды на ничего не подозревавшего Пиппо.

Въ десяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Пиппо въ кругу своихъ слушателей, нѣсколько мальчиковъ-подростковъ играли „въ монетку“; они подбрасывали монеты и отыскивали разстояніе, отдѣлявшее одну упавшую монету отъ другой, на основаніи чего опредѣляли выигрышъ того или другого изъ участвующихъ. Это одна изъ тѣхъ древнихъ игръ, которыя сохранились въ южной Италіи изъ временъ грековъ и римлянъ.

Андреа подошелъ къ мальчишкамъ и вмѣшался въ игру; по онъ бросалъ вверхъ не мѣдное солъдо, а бронзовую монетку, амулетъ—тотъ самый, который отнялъ у Сантины. Никто не обращалъ на это вниманія, такъ какъ игра допускаетъ камешки, черенки, вообще всевозможные мелкіе предметы; вся суть въ разстояніяхъ, въ которыхъ лежатъ эти предметы одинъ отъ другого.

Андреа игралъ дурно, его монетка каждый разъ ложилась слишкомъ далеко, и играющіе съ каждымъ разомъ все приближались къ тому мѣсту, гдѣ на стѣнкѣ колодца сидѣлъ Пиппо.

Вдругъ онъ всталъ. Глиняная трубка, которую онъ курить, дрогнула въ его рукѣ. Казалось, онъ хотѣлъ броситься и схватить лежавшую неподалеку монетку Андреа, но Андреа, все время за нимъ наблюдавшій, предупредилъ его, быстро поднявъ монету и сунувъ къ себѣ въ карманъ.

— Я больше не играю,—равнодушно сказалъ онъ и отвернулся.

Пиппо медленной поступью направился къ нему, не спускалъ съ него мрачнаго, пронизательнаго взора.

— Андреа!—крикнулъ онъ безпечнымъ, почти засковымъ голосомъ.

Андреа повернулъ къ нему голову. Лицо его искривилось презрительной усмѣшкой.

— Что такое?—отрывисто спросилъ онъ.

— Какая тамъ у тебя монета?

— Это не твое дѣло.

— Ты ее взялъ у Сантины?

— Говорю тебѣ, не твое дѣло. Basta!

Каждое слово Андреа вивалось, какъ кинжалъ, въ душу Пиппо. — Образокъ принадлежитъ мнѣ, Андреа. Давай его сюда!—поведительно сказалъ Пиппо.

Андреа засмѣялся и, предоставивъ сопернику терзаться злобой и ревностью, спокойно зашагалъ дальше, напѣвая пѣсенку.

Сельскій празникъ въ Испаніи. Съ карт. П. Салинаса грав. Брендамуръ.

Пинпо съ минуту смотрѣлъ на него, потомъ пошелъ за нимъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, но съ такою увѣренностью въ движеніяхъ, точно онъ только-что принялъ рѣшеніе слѣдовать за нимъ по пути хотя бы цѣлую вѣчность.

— Образокъ, Андреа!—тихо, но твердо повторилъ онъ.

Тотъ повернулся къ нему, все еще презрительно улыбался, и съ минуту пронизывалъ его глазами. Онъ зналъ, что его соперникъ потрясенъ до глубины души, и это доставляло ему удовольствіе. Онъ развязно остановился передъ Пинпо, вазунулъ руки въ карманы и сказалъ:

— А съ какихъ это поръ отдають залоги любви сопернику?

— Залоги любви?—пробормоталъ Пинпо врезавши побѣлѣвшими губами.—Давай его сюда, яжецъ! Онъ мой.

— Возьми его, если посмѣешь!—съ вызовомъ въ тонѣ процѣдилъ сквозь зубы Андреа, игралъ выглядывавшею изъ-за пояса рукояткою ножа, украшенной перламутровою инкрустаціей.

Секунду оба парня мѣрили другъ друга вызывающими взорами. Они были почти однихъ лѣтъ и одного роста, Андреа чуть-чуть ниже своего противника, зато шире въ плечахъ.

— Хорошо же!—сухо отвѣтилъ Пинпо послѣ небольшой паузы.—Сегодня въ девять часовъ вечера на террасѣ.

— Идешь.

— Приготовься, Андреа. Оттуда уйдешь живымъ только одинъ изъ насъ.

Съ этими словами Пинпо повернулся на каблукъ и медленно пошелъ, раскуривалъ трубку, на свое прежнее мѣсто у колодца. Никто, даже самый внимательный наблюдатель, не догадался бы, что между парнями только-что условленъ поединокъ на жизнь и на смерть, и что только одинъ изъ нихъ могъ дожить до слѣдующаго дня; а между тѣмъ слово Пинпо было такъ же твердо и непоколебимо, какъ та земля, на которой онъ стоялъ.

Незадолго до звона къ Ave Maria Пинпо пошелъ домой. Погода нѣсколько намѣнилась. Воздухъ былъ душень, небо заволочилъ тучи, будто передъ грозой. Жаркій южный вѣтеръ кидалъ волны на скалы съ такой силой, что брызги долетали чуть не до деревни. Шагахъ въ ста отъ своего дома Пинпо увидѣлъ сидѣвшую на камнѣ Сантину. Она плакала и очевидно ждала его, такъ какъ онъ, чтобы попасть домой, долженъ былъ непременно пройти мимо нея. Онъ видѣлъ ея возненіе, ея робкій, молищій взглядъ. Красивые темные глаза газели, въ которыхъ блестѣли слезы, смутили бы святого; Пинпо молча и угрюмо прошелъ мимо.

— Пинпо!—услышалъ онъ ея воевъ, полный тоски и страха. Онъ въ раздумьи остановился, потомъ поднялъ голову и пошелъ къ ней.

— Что тебѣ нужно?—сухо спросилъ онъ.

Она робко подошла къ нему съ сложеными руками и опущенными глазами, какъ святая. Но онъ не смотрѣлъ на нее. Онъ смотрѣлъ на небо, которое все больше и больше затягивалось тучами, набѣгавшими со стороны моря и разрывавшимися о скалы, высоко надъ деревней Санта Марія ден Монти.

— Зачѣмъ ты на меня сердилась, Пинпо? Я, ей-Богу, не виновата,—прошптала она.

— Такъ? Стало-быть ты потеряла образокъ?

— Пинпо!..

— Въ карманѣ Андреа потеряла? Удивительный случай.

— Я все тебѣ скажу! Пожалуйста, выслушай меня, Пинпо!

— Молчи! Я не хочу слушать ложь.

— Клянусь всѣми святыми, Пинпо..

— Танцовала ты передъ нимъ на улицѣ? Да или нѣтъ?

— Она дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Право же, у меня ничего худого не было на умѣ,—пробормотала она.

Онъ съ быстротой молніи схватилъ ее за руки, притянулъ къ себѣ и крикнулъ ей въ лицо:

— Ты это сдѣлала?

— Да!—сказала она чуть слышно.—Выслушай меня, Пинпо!

Охваченный гнѣвомъ, онъ отбросилъ ее отъ себя такъ сильно, что она упала.

— Будь проклята ты и твое легкомысліе,—крикнулъ онъ и быстро пошелъ дальше.

Ему казалось, что она еще равъ позвала его слабымъ, испуганнымъ голосомъ, но онъ не хотѣлъ больше думать о ней и пошелъ безъ оглядки домой.

Домъ Андреа былъ такой же простой, невзрачный, какъ и всѣ дома въ Санта Марія ден Монти. Въ нижнемъ этажѣ была только одна комната, раздѣленная по серединѣ занавѣской на два помещенія. За занавѣской была спальня его и матери; по эту сторону занавѣски была столовая и вмѣстѣ рабочая комната.

Пинпо ничего не говорилъ. Онъ ѣлъ „пинпо“ кусокъ за кускомъ, ѣлъ рыбу, дѣлалъ отъ времени до времени глотокъ вина, сильно разбавляя его водой, и нарѣдка кивалъ головой, чтобы мать думала, что онъ слушаетъ ея болтовню.

Когда стемнѣло, Пинпо заперъ дверь; старая Каруля пошла спать за занавѣску, а онъ легъ на скамью въ передней комнатѣ и сдѣлалъ видъ, что также собирается спать. Но онъ не смыкалъ глазъ. Онъ слышалъ, какъ на церковной башнѣ пробило восемь, потомъ девять, потомъ половину десятого. Тогда онъ тихо всталъ и отперъ дверь.

— Пинпо!—крикнула изъ-за занавѣски его мать.

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Онъ думалъ, что мать спитъ и не услышитъ, какъ онъ уйдетъ.

— Что, матушка?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ ты отпираешь дверь? Ты хочешь уйти?

— Я долженъ посмотреть, что съ лодками. Начинается буря.

Онъ вышелъ изъ дому и очутился во мракѣ беззвѣздной ночи. Буря дѣйствительно начиналась. Душный влажный вѣтеръ съ воемъ несся надъ моремъ, гудѣлъ въ ущельяхъ и разсѣливахъ прибрежныхъ горъ и вадымалъ огромныя голны, пѣнистыя верхушки которыхъ переплывали черезъ скалы въ нѣсколько саженъ вышины. Буруны у берега катились съ такимъ шумомъ, что нельзя было слышать собственнаго голоса, и дѣйствительно напоминали ревъ какого-то чудовища. Пинпо не пошелъ къ берегу, гдѣ лежали его лодки, а началъ карабкаться на крутизну за своимъ домомъ, все выше и выше, пока не достигъ выступа скалы, который далеко выдавался въ море и кончался крутымъ обрывомъ. Этотъ выступъ деревенскіе жители называли „tagrazza“.

Взобравшись на „террасу“, Пинпо увидѣлъ у края ущелья чью-то темную тѣнь.

— Андреа?—крикнулъ онъ.

Тѣнь кивнула и подошла ближе.

(Окончаніе будетъ.)

Тишина.

Рыдала тишина беззвучными слезами

И тишина въ душѣ истерзанной росла.

И тѣни вечера свивались съ тѣнями

Угрюмой памяти, роились безъ числа.

И скоро ночь сошла надъ спяшею природой,

И въ душу ночь сошла,—и неба было два:

Одно манящее огнями и свободой,

Другое темное—безъ звѣздъ и божества.

И былъ прикованъ я очами къ ночи звѣздной,

Прикованъ памятью былъ къ ночи безъ огня,

И бездна свѣтлая баюкала надъ бездной

Непроницаемой меня!

К. Фофановъ.

Успѣхи желѣзнодорожнаго дѣла.

Какъ ни удобны наши современныя желѣзныя дороги въ сравненіи съ прежними, старинными способами сообщенія, но и онѣ имѣютъ свои отрицательныя стороны. Одной изъ существенныхъ такихъ отрицательныхъ сторонъ является тряска и толчки, которые приходится испытывать пассажирамъ въ пути. Вызываются они, какъ извѣстно, тѣмъ, что отдѣльные рельсы соединены другъ съ другомъ не вплотную, а съ маленькимъ промежуткомъ. Соображая, на основаніи извѣстнаго физическаго закона, что лѣтомъ рельсы должны расширяться и удлиняться, а зимою стягиваться,—до сихъ поръ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, не рѣшались скрѣпить рельсы плотно одинъ къ другому, а оставляютъ между ними промежутокъ въ нѣсколько миллиметровъ. Такого рода скрѣпленіе какъ нельзя лучше содѣйствуетъ достиженію цѣли—дать рельсамъ возможность безпрепятственно измѣнять объемъ при перемѣнѣ температуры, но зато вызываетъ цѣлый рядъ недостатковъ, которые становятся тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше расширяется желѣзнодорожное сообщеніе, чѣмъ тяжелѣе становятся локомотивы и вагоны и чѣмъ болѣе увеличивается быстрота хода поѣздовъ.

Уже одинъ падежь за миллионами скрѣпокъ, соединяющихъ между собою рельсы, причиняетъ страшную массу заботъ, такъ какъ всякое искривленіе, всякая поломка винта въ такой скрѣпѣ можетъ повлечь за собою крушеніе поѣзда. Къ тому же толчки рельсовъ, задерживая движеніе колесъ, этимъ самымъ вызываютъ необходимость усиливать работу машины, а слѣдовательно увеличивать и расходы, прежде всего на топливо. Каждое переходящее черезъ скрѣпку колесо локомотива придавливаетъ конецъ рельса на три, а колесо вагона—на два миллиметра книзу и должно затѣмъ сдѣлать маленькій скачокъ, чтобы попасть на слѣдующій рельсъ. Каждое колесо продѣлываетъ это въ теченіе часа пять тысячъ разъ, а цѣлый большой поѣздъ—пятьсотъ тысячъ разъ. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ отъ ничтожной причины происходятъ иногда очень крупныя печальныя послѣдствія. Потребная для движе-

ния поезда сила должна быть, вследствие этих маленьких сотрясений, увеличиваема на 20—30 лошадиных сил, концы рельсов быстро обтираются, а главное — странно страдает полотно, в особенности шпалы, приходящиеся под скрѣпками; бывает, что эти шпалы совершенно расщепляются отъ постоянных толчков еще задолго до того времени, когда предполагается перестилка полотна. Материальный убытокъ на шпальных рабочихъ, надорѣ, топливѣ и водѣ, причиняемый влосчастными толчками рельсовъ, достигается на всей желѣзнодорожной сѣти Имперіи миллионной суммы ежемѣсячно.

И вотъ недавно появилось новое изобрѣтеніе, которому, повидимому, суждено произвести переворотъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и устранить только-что упомянутые его недостатки. Дѣло въ томъ, что произведенные за послѣднее время опыты опровергли непереложность того мнѣнія, будто бы плотно соединенные между собою рельсы должны неминуемо лѣтомъ расширяться въ стороны, а зимою опять сдвигаться. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ американскій инженеръ произвелъ подл. Ленчбургомъ опытъ соединенія желѣзнодорожныхъ рельсовъ гораздо болѣе прочнымъ способомъ, чѣмъ это производилось раньше, не принимая при этомъ вовсе во вниманіе установившагося мнѣнія объ измѣненіи рельсовъ подл. вліяніемъ температуры. На протяженіи пяти километровъ рельсы были соединены имъ между собою также съ помощью скрѣпокъ, но послѣднія не привинчивались къ рельсамъ, какъ это сдѣлано теперь на нѣкоторыхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а плотно заклеивались къ нимъ. Такимъ способомъ была исключена всякая возможность подкакиванія рельсовъ, а также и изгибовъ скрѣпокъ, да къ тому же еще устранялась необходимость постоянного осмотра и испытанія послѣднихъ. Ни одно изъ предсказаній, которыми сухіе теоретики встрѣтили вначалѣ замыселъ упомянутого инженера, не сбылось. Ни лѣтомъ рельсы не покривились отъ жары, ни зимою отъ холода не полопались. И вотъ, чтобы еще разъ доказать безопасность плотнаго скрѣпленія рельсовъ, въ 1892 году сдѣлали такой опытъ: одну линію желѣзнодорожной колеи, на небольшомъ разстояніи, скрѣпили обычными, ввинчивающимися скрѣпками, а другую — вновь изобрѣтенными, вклеиваемыми. Наблюденія производились при различной температурѣ, отъ +32 градусовъ и до —12 градусовъ. И что же? Плотное скрѣпленіе линій рельсовъ сохранила ту-же прочность, какъ и свинчанная, но при этомъ выказала гораздо больше выносливости передъ проходившими по данному участку поездами.

Одновременно съ этимъ зародилась мысль сдѣлать между собою рельсы безъ всякихъ скрѣпокъ, путемъ простаго электрическаго сплавленія. Въ Джонстонѣ сейчасъ же устроили же-

лѣзную дорогу, протяженіемъ въ пять километровъ, сплавивъ рельсы ея между собою электрическимъ способомъ. Никакого сотрясенія при бѣздѣ по этимъ рельсамъ, разумеется, не ощущалось, такъ какъ каждая линія ихъ состояла изъ одной стальной полосы длиною въ 5,000 метровъ. Но въ суровую зиму 1893—94 годовъ шесть процентовъ сплавленныхъ мѣстъ не выдержали стужи и полопались. Такая неудача не разочаровала, однакоже, изобрѣтателей; вмѣсто того, чтобы отказаться отъ принятой системы, они постарались усовершенствовать способъ сплавленія, и съ тѣхъ поръ всѣ городскіе желѣзнодорожныя и конно-желѣзные пути уже не свинчиваются въ Джонстонѣ, да и во многихъ другихъ городахъ, а сплавляются. Помимо того, что на такихъ рельсахъ нѣтъ триски, они имѣютъ и то преимущество, что ихъ можно выдѣлывать гораздо тоньше, а слѣдовательно и дешевле, чѣмъ обыкновенныя. Объясняется это тѣмъ, что главный порча рельсовъ вообще происходитъ не отъ тренія колесъ, а отъ сотрясеній; тутъ же послѣднихъ нѣтъ, а слѣдовательно не требуется и той прочности, толщины рельса.

Особенно широкое примѣненіе нашель себѣ способъ сплавленія рельсовъ съ 1894 года, когда фирма Фальке въ Мильвокѣ ввела новую разновидность его. Она стала производить сплавленіе слѣдующимъ образомъ: отполированные концы рельсовъ, сложенные другъ съ другомъ на незначительномъ разстояніи, сдавливаются съ боковъ въ особую форму и сильно накаляются электричествомъ. Изъ передвижной плавильной печи въ промежуткѣ между концами рельсовъ и краями формы пускаютъ струю расплавленной стали. Такого рода скрѣпленіе настолько прочно, что въ этихъ сплавленныхъ мѣстахъ рельсы въ одинаковой степені не поддаются растрескиванію, какъ и въ литыхъ. Въ теченіи первой зимы, температура которой нѣрѣдко понижалась на 62 градуса ниже наивысшей лѣтней температуры, рельсы Фальке съ честью выполняли свое назначеніе, и только $\frac{1}{7}$ процента сплавленныхъ мѣстъ подверглась дѣйствію мороза.

Такимъ образомъ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ появились за послѣднее время новшества, которымъ несомнѣнно должны значительно повліять въ будущемъ какъ на удобство желѣзнодорожнаго сообщенія, такъ и на быстроту и безопасность движенія. Теперь во главѣ пропаганды этихъ новшествъ могутъ, конечно, стать предприниматели, устраивающіе городскіе и вообще узкоколейные пути; ихъ дѣло еще впередъ, и чѣмъ дешевле и удобнѣе они его устроятъ, тѣмъ лучше. Желѣзныя дороги далекихъ протяженій не могутъ, разумеется, теперь же братья за такую крупную и дорого сдѣляющую реформу, но придетъ, конечно, время, когда и онѣ ей послѣдуютъ.

Къ рисункамъ.

Картина „Старый лѣсъ“ — одна изъ послѣднихъ картинъ И. И. Шишкина, фигурировавшая на юбилейной XXV-й передвижной выставкѣ. Не далѣе, какъ въ прошломъ номерѣ, у насъ была дана характеристика таланта маститаго художника и указаны, между прочимъ, излюбленныя имъ картины лѣса. Помѣщенная здѣсь картина — одинъ изъ такихъ любимыхъ его лѣсныхъ мотивовъ — дикая, пѣшая лѣсная глушь со свалившейся отъ старости вѣковой сосной. Уныло, безпомощно распростерши голыя, засохшія вѣтви, лежитъ, догнивая, лѣсной великанъ, а кругомъ него высются озаренныя яркими лучами солнца еще крѣпкія сосны... Это — жизнь и смерть, это — пѣшая драма въ лѣсной глуши, которую постигъ своей чуткой душой художникъ п образно передалъ намъ на полотнѣ.

Произведенія нашего выдающагося беллетриста Д. И. Григоревича представляютъ богатый матеріалъ для кисти художника. Мастерскія описанія природы, полныя поэтической прелести, живые образы дѣйствующихъ лицъ, мѣтко очерченные въ нѣсколькихъ словахъ, даютъ обильную пищу его вдохновенію. Г. Ижакевичъ уже не въ первый разъ беретъ иллюстрировать романы маститаго писателя. Со свойственнымъ ему талантомъ онъ далъ намъ на этотъ разъ правдивое произведение одного изъ драматическихъ эпизодовъ романа „Переселенцы“, именно моментъ слѣдствія, когда пріѣзжіи становой приставѣ вачалъ отбирать свидѣтельскія показанія по поводу почного пожара въ усадьбѣ богатаго гуртовщика Карякина. Вес доревни Панфиловка въ минуту была на погахъ, когда, верстахъ въ двухъ за ней, показалось красное зарево, которое быстро разгоралось и трепетно вадратывало, служа несомнѣннымъ знакомъ, что огонь получаетъ съ каждой секундой болѣе силы. Слышался тотъ глухой безпокойно волнующій сердце шумъ, какимы обыкновенно сопровождается пожаръ даже въ тихую погоду. Съ противоположнаго конца степи поехали вадругъ учащенные удары колокола; то били въ набатъ въ приходскомъ селѣ. Крики: „пожаръ!“ раздавались изъ конца въ конецъ улицы и увеличивали суматоху; ворота скрѣпили; калитка хлопала; испуганныя дѣти плакали. „Ахъ, батюшки! ахъ, отцы мои! ахъ! да вѣдь это Федоръ Ивановичъ горитъ!“ — „Съ чего же это загорѣлось-то?“ — слышался голоса, между тѣмъ какъ подлужныя молодцовъ стояли по угламъ горѣ-

наго амбара и рубили заданіе, а другіе бѣгали за водой. Молодой Карякинъ, слытъ гуртовщика, исчезавшій куда-то, минутъ пять спустя бѣжалъ, какъ потерянный; языкъ его не ворочался, по вадѣтъ руки и ноги его дрожали, и вся фигура, ярко освѣщенная пламенемъ, выражала сильнѣйшее замѣшательство. „Рѣбята!“ — крикнулъ онъ, — „меня обокрали!.. подожгли и обокрали! Бросьте все это, чортъ съ нимъ, пускай горитъ!.. Шкатулку съ деньгами вытащили!“ Минуты черезъ двѣ шестеро мужиковъ и Федоръ Ивановичъ выѣхали изъ околицы, замыкавшей усадьбу, и полетѣли враспынную по степи искать разбойниковъ. Пойманнымъ оказался Филиппъ и Степка; деньги же у нихъ были отобраны. Столяръ Иванъ, спасавшій отъ огня карякинское добро, узналъ своего бѣлаго одновельца — и не могъ удержаться отъ восклицанія: „Филиппъ!.. какъ—это ты?..“ и фразы этой было достаточно, чтобы прісѣнникъ и помощникъ молодого Карякина въ дѣлахъ волокитства, горбуны Егорка, крикнувъ въ отвѣтъ: „Хватайте его, ребята!.. Они заодно...“ Связали виновныхъ и хотѣли вязать невпняга, да Андрей вступился. „Онъ и самъ знаетъ, что суда теперь не минуетъ... Такая, знать, его доля... А вязать его не къ чему, — онъ и такъ пойдетъ“. Первымъ распорихеніемъ Карякина, какъ только всѣ принли въ усадьбу, было тотчасъ же послать верховаго къ становому приставу, который, къ счастью, находился верстахъ въ восьми. Требовалось прежде всего на самомъ мѣстѣ преступленія слытъ показанія: какъ отъ разбойника, такъ отъ свидѣтелей и лицъ, знавшихъ его. Филиппа и Степку, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, посадили врозь, — одного въ домъ, другого въ конюшню, подл. присмотрѣ мужиковъ, которыми Карякинъ обѣщалъ щедро заплатить за хлопоты. Въ полдень пріѣхалъ становой, и начался допросъ. Къ вечеру всѣ показанія были отобраны, написаны на бумагу и скрѣплены свидѣтелями. Въ ту же ночь всѣ лица, сопрічастныя дѣлу, посажены были на подводы, напалты гуртовщикомъ, и отправлены въ уѣздный городъ. Развалены обгорѣвшаго амбара, сосредоточенный видъ станового и оторопѣвшіи лица свидѣтелей въ изображеніи молодого художника — полны жизненной экспрессіи.

Предъ нами большой чиповникъ, можетъ-быть, даже не чиповникъ, семья котораго имѣетъ все-таки въ перспективѣ

скудную пенсію, а человекъ, находящійся на частной службѣ. Пока онъ былъ здоровъ и могъ работать дѣльный день, семья сводила концы съ концами. Но онъ заболѣлъ отъ работы, незаметно, годами подтачивавшей его организмъ, его силы истощались, и онъ слегъ. Пошли лѣкарства, докторъ, предстоило потерять мѣсто; онъ собрался съ силами, превозмогъ себя и снова принялся за работу. Но это продолжалось недолго; онъ снова слегъ въ постель и, видно, не встанетъ. Печальная перспектива... Не правда ли, это—старая исторія, очень старая; сколько романовъ написано на эту тему, сколько ихъ пишется, сколько будутъ еще писаться... Тема стара, но, право, по временамъ не мѣшаетъ ее вспомнить. Это и сдѣлаю художникомъ.

Императорское общество поощренія художествъ, существующее въ Петербургѣ съ 1820 г., принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ общественныхъ учреждений столицы. Признавая безусловно вѣрнымъ тотъ фактъ, что Императорская Академія художествъ всегда давала возможность массамъ молодыхъ людей научиться грамотѣ искусства, т. е. умѣнью владѣть карандашомъ и кистью, стекой и рѣзцомъ, нельзя также не признать, что упомянутое общество постоянно заботилось о доставленіи академическимъ художникамъ

и т. д.); наконецъ, въ музей есть отдѣлы китайскій, японскій, средне-азиатскій (гдѣ, напр., хранятся писанные иррацы XIII и XIV вѣковъ изъ мечетей Самарканда, золотыя украшенія старой хивинской работы); есть также много образцовъ и новаго русскаго художественно-промышленнаго производства.

На помѣщеніи здѣсь рисунокъ изображенъ какъ бы уголокъ этого интереснаго музея—нѣсколько характерныхъ предметовъ его, собранныхъ вмѣстѣ: китайская фарфоровая ваза временъ династіи Мингъ (1368—1644 гг.), блюдо мѣдное, обронной (чеканной) венеціанской работы XVII столѣтія, ларецъ итальянской работы XVI столѣтія (style de la renaissance), аллебарда XVII вѣка (въ коніи) и образецъ стараго шитья.

Пикники и выѣзды изъ душнаго города „на лоно природы“ въ больномъ ходу въ Испаніи. Предпринимаются такія увеселительныя прогулки обыкновенно въ ближайшія къ городу селенія, въ какую-нибудь маленькую „венту“ или „мерендеро“—нѣчто среднее между трактиромъ и пивной. Ыда и питье въ такихъ „вентахъ“ очень не важныя, да и не въ нихъ сила. Испанцы вообще въ этомъ отношеніи народъ очень скромный и непритязательный; въ „вентѣ“ самыми простыми народными блюдами, самымъ обыкновеннымъ виномъ остается доволенъ и простой крестьянинъ, и важный свѣтъ-

Братины. новши, жбаны, умывальныя чашки, чарки, солонки и пр., изготовленныя изъ хрустала, по рисункамъ Е. М. Бѣмъ, на Мальцевскомъ хрустальномъ заводѣ. Съ фот. П. Чернышева автотипія А. Вильборга.

средствъ къ дальнѣйшему развитію и, что всего важнѣе, являлось, такъ сказать, посредникомъ между ними и тою частью нашей публики, для которой дороги успѣхи русскаго искусства. Высокое значеніе Императорскаго общества поощренія художествъ явно подтверждается тѣмъ фактомъ, что, напр., Академія и общество имѣли общіихъ президентовъ (покойныхъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и супругу его великую княгиню Марію Николаевну) и общіихъ секретарей (покойнаго В. И. Григоровича и Ѳ. Ѳ. Львова). Плодотворная дѣла общества всегда обращала вниманіе нашихъ Государей, и одною изъ послѣднихъ Царскихъ милостей было пожалованіе въ Возѣ почившимъ императоромъ Александромъ III обществу 200 т. р. на капитальную перестройку дома общества, составляющаго также Царскій подарокъ—императора Александра II.

Смѣло можно сказать, что выставки, устраиваемыя обществомъ, не только ободряютъ таланты, но служатъ также однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для распространенія въ публикѣ любви и уваженія къ искусству.

Нынѣ общество состоитъ подъ предѣлительствомъ Е. И. В. Евгеніи Максимиліановны, принцессы Ольденбургской; секретарь общества—Н. П. Собоко; при обществѣ—мастерскія, рисовальная школа (съ 1857 г.) и прекрасный музей, директоромъ котораго состоитъ нашъ завѣстный писатель и знатокъ искусства Д. В. Григоровичъ. Въ этомъ музей, пачало которому положено было еще въ 1868 г., и который съ 1878 г. переведенъ въ собственный домъ общества (Большая Морская, № 38), въ настоящее время находится до 10,000 предметовъ художественныхъ и художественно-промышленнаго производства, частью въ оригиналахъ, частью въ копіяхъ. Большинство предметовъ пожертвовано Высочайшими Особами и ревнителями просвѣщенія. Теперь музей обладаетъ, напр., собраніемъ разныхъ драгоценныхъ предметовъ по всемъ родамъ западно-европейскаго прикладнаго искусства; кромѣ того, музей имѣетъ „русскій отдѣлъ“, въ составъ котораго вошли собранія древнихъ иконъ, образцовъ древне-русскаго искусства (напр., шитья, окладовъ, металлическихъ, гончарныхъ и стеклянныхъ издѣлій, мебели

скій левъ мадридскихъ салоновъ. Къ тому же приѣзжаетъ въ эти деревенскія кабачки испанская молодежь не столько, чтобы поѣсть и поить на вольномъ воздухѣ, сколько чтобы повеселиться на волѣ, вдали отъ городскихъ условностей, отъ вѣчно однообразнаго городского этикета, чтобы провести свободный денекъ въ пѣсняхъ, играхъ и танцахъ. Безъ „сорпа“,—импровизацій народныхъ пѣсенокъ—и праздникъ такой не въ праздникъ. И какъ только послышатся мелодичныя звуки этихъ пѣсней,—со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съѣздитъ народъ, и начинается настоящій сельскій праздникъ. Грустные, мягкіе звуки гитары или бандури, порывистые удары кастаньетъ оживляютъ лица, зажигаютъ веселые огоньки въ глазахъ, уже ярко, горно свѣтящихся отъ добраго, згучаго вина. Пѣсня объединяетъ всѣхъ, и каждый старается поддержать общее веселье, кто чѣмъ можетъ, то игрой на мандолинѣ, то забавными разсказами, то веселыми шутками. Такую живую, яркую картину сельскаго праздника въ Испаніи и изобразилъ здѣсь на нашемъ рисункѣ испанскій художникъ Салинасъ. Предъ нами въ одномъ углу, слѣва, уже начинаются оживленные танцы; двѣ юныя красавицы въ свѣтлыхъ, эфирныхъ туалетахъ, граціозно изогнувшись и кокетливо выставивъ впередъ крохотную попку, наловливо выслушиваютъ любезности отъ своихъ кавалеровъ и отвѣчаютъ имъ съ присущимъ испанкамъ остроуміемъ и находчивостью, а тутъ же рядомъ съ ними нѣжно и грустно поютъ струны бандури подъ искусными пальцами юности, бытъ-можетъ вспомниваго въ кругу веселья о своей „novia“, о находившейся вдали возлюбленной; къ ней шлетъ онъ въ этихъ звукахъ, тѣмнѣйшихъ другихъ, свои мечты... Онъ думаетъ только о ней, и не слышитъ, не видитъ, что творится вокругъ, какой шумъ и веселье царитъ за сосѣднимъ столомъ, гдѣ приѣзжіе знатные городскіе господа съ интересомъ смотрятъ на новеселѣвшаго крестьянина, ловко и забавно пьющаго вино прямо изъ кувшина. Громкій говоръ сливается съ нѣжнымъ моногамъ сладкихъ рѣчей, сливается въ одно общее веселье.

Е. М. Бёмъ завоевала себѣ широкую извѣстность, перешедшую далеко за предѣлы Россіи, своими небольшими рисунками акварелью, итальянскимъ карандашомъ и перомъ. Въ этомъ родѣ живописи Е. М. Бёмъ сумѣла придать своимъ произведеніямъ первостепенное художественное значеніе и привлечь къ нимъ вниманіе художественнаго міра всей Европы и даже Америки. Кто не знаетъ силуэтовъ Бёмъ? Это—ея художественная специальность, которую она довела до совершенства. Кромѣ того, всѣ кто мало-мальски интересуется искусствомъ, любовались за послѣдніе годы ея граціозными акварелями, изображающими дѣлныя группы и сцены, гдѣ дѣйствующими лицами являются тѣ же палубенныя художницы дѣтскія фигуры, наряженныя то въ пышные, старинныя боярскіе костюмы, то въ доспѣхи богатырей, то въ рубища калитъ-перехожихъ. Наши читатели знакомы съ обоими этими родами художественныхъ работъ Е. М. Бёмъ. Въ этихъ аквареляхъ, поражающихъ гармоническимъ сочетаніемъ самыхъ разнообразныхъ красокъ, сказалось глубокое знаніе художницей нашей русской старины, пониманіе нашего народнаго духа. Это стремленіе воскресить нашу своеобразную русскую старину сказывается и въ другихъ работахъ г-жи Бёмъ, характернымъ образомъ которыхъ могутъ служить изображенныя здѣсь древне-русскія братины, ковши, чарки, солони и проч. Эти предметы, изготовленные изъ хрустала по рисункамъ Е. М. Бёмъ, представляютъ своего рода новшество; своимъ стилемъ и изяществомъ они заслуживаютъ вниманія каждаго любителя русской старины.

Графъ Ѳ. П. Литке. (Съ портретомъ.)

17-го сентября исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія адми-

Графъ Ѳ. П. Литке (по поводу столѣтія со дня рожденія).

рала графа Ѳедора Петровича Литке. Имя графа Литке—одно изъ славнѣйшихъ научныхъ именъ XIX вѣка, и вся жизнь этого знаменитаго русскаго моряка-ученаго служить яркимъ примѣромъ того, какого выдающагося положенія можетъ достигнуть человекъ съ жаждой знанія и самоотверженной преданностью наукѣ.

Родовачальникъ семейства Литке, дѣдъ графа Ѳедора Петровича, прибылъ изъ Германіи въ Россію въ половинѣ XVIII вѣка и, начавъ службу при академической гимназій, остался въ Россіи навсегда; отецъ же графа Ѳ. П. Литке совершенно обрусѣлъ; онъ служилъ адъютантомъ при князѣ Н. В. Рѣпинѣ и былъ въ большой дружбѣ съ знаменитымъ Е. А. Болховитиновымъ, впоследствии митрополитомъ Евгеніемъ.

Съ первыхъ же лѣтъ жизни Ѳ. П. Литке позналъ всю горечь сиротства—его рожденіе стоило жизни его матери, а отецъ его, скоро женившійся вторично и мало интересовавшійся дѣтми, скончался въ 1808 г., когда мальчику еще не минуло 11 лѣтъ. Съ семи лѣтъ онъ былъ отданъ изъ дому въ плохенькій пансіонъ, гдѣ могъ научиться очень не многому. Единственно, что онъ вынесъ изъ школы, это отрывочныя свѣдѣнія по англійскому языку, впоследствии, впрочемъ, очень ему пригодившіяся. Но этимъ и закончилось все его четырехлѣтнее школьное образованіе, прерванное смертью отца. Попавъ на попеченіе къ дядѣ Ѳ. И. Зигелю, онъ остался такимъ же одинокомъ, безъ всякаго руководства. Четыре года прожилъ онъ въ этой обстановкѣ или, какъ онъ самъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ, «въ обществѣ лакеевъ и курьеровъ». Но ненасытная любознательность даровитаго мальчика искала себѣ подходящей ниши, и онъ накинудся на чтеніе, понятію, безъ всякаго разбора. Въ возрастѣ отъ 11 до 15 лѣтъ онъ поглотилъ всю огромную

Почаевская Успенская лавра (по поводу 300-лѣтія). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

библиотеку своего дяди, ознакомявшись съ произведеніями, совершенно не подходящими для его возраста и даже вредными; но добрал цѣльную патуру и хорошие зачатки мальчика оградили его душу от развитія въ ней дурныхъ наклонностей.

Въ 1812 году наступилъ для Θ . П. новый періодъ жизни. Онъ снова попалъ въ семью, въ родную семью своей сестры Сульменевой, пріѣхавшей съ мужемъ въ Петербургъ. Сульменевъ былъ морскимъ офицеромъ и жилъ въ Кронштадтѣ. Θ . П. въслѣдствіи вспоминалъ эти дни пребыванія у сестры, какъ лучшіе въ жизни. Цѣлыми часами просиживалъ онъ на стѣнкѣ купеческой гавани, внимательно слѣдилъ за маневрами парусныхъ судовъ, помогалъ рабочимъ при разгрузкѣ судовъ, а также страстно любилъ кататься по морю. Здѣсь зародилась въ немъ та любовь къ морю, которая опредѣлила направленіе всей его послѣдующей жизни. Когда возгорѣлась война 1812 года, Сульменевъ былъ посланъ въ Свеаборгъ, куда вскорѣ пріѣхала и его жена съ братомъ. Здѣсь, въ кругу моряковъ, окончательно рѣшилась судьба Θ . П. Онъ рѣшилъ себя посвятить морскому дѣлу и сталъ ревностно заниматься. Весною 1813 года онъ выдержалъ сравнительно легкій экзаменъ и принятъ былъ гардемаринномъ во флотъ. Въ первое же плаваніе онъ выказалъ необычайную храбрость и отвагу, при блокадѣ крѣпости Данцигъ, занятой французами.

Послѣдующіе три года Θ . П. провѣлъ въ Петербургѣ и Свеаборгѣ, гдѣ усиленно занимался общими предметами для пополненія своего образованія. Въ 1817 г. капитанъ Головинъ принялъ молодого мичмана на шлюпъ: „Камчатка“, который отправился въ кругосвѣтное плаваніе. Плаваніе это подъ руководствомъ Головина, человека очень образованнаго по своему времени и строгаго къ себѣ и другимъ, было очень полезной школой для Θ . П., вложившей отпечатокъ на всю его жизнь. Продолжительные наружные переходы того времени изъ порта въ портъ дали возможность Литке еще пополнить свое образованіе, а обиліе англійскихъ сочиненій въ командирской библиотекѣ побудило его вспомнить когда-то изучавшійся у Мелера англійскій языкъ; такимъ образомъ, 3-х-лѣтнее плаваніе оставило глубокіе слѣды: изъ молодого, безпечнаго мичмана выработался серьезный и уже умудренный опытомъ морякъ и изслѣдователь природы. Результаты этого плаванія не замедлили скоро сказаться: совершивъ одно плаваніе изъ Архангельска въ Петербургъ, въ 1820 г. Литке, по рекомендаціи В. М. Головина, еще въ чинѣ лейтенанта, былъ назначенъ начальникомъ гидрографической экспедиціи, на которую была возложена серьезная обязанность описать берега Новой Земли. Литке съ избыткомъ оправдалъ довѣріе Головина. Кромѣ описанія Новой Земли, Литке описалъ много мѣстъ по Мурманскому берегу. Богатые результаты этихъ плаваній были обработаны самимъ Литке очень скоро, черезъ 1½ года, и изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, совершенное по повелѣнію императора Александра I на военномъ бригѣ „Новая Земля“ въ 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. флота капитаномъ-лейтенантомъ Федоромъ Литке“. Этотъ научный трудъ очень важенъ какъ первое научное изслѣдованіе данной части Ледовитаго океана. Трудъ Литке вскорѣ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ Эрманомъ и изданъ въ Берлинѣ (въ 1835 г.).

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ плаванія къ Новой Землѣ, какъ онъ былъ назначенъ начальникомъ новой экспедиціи. Въ августѣ 1826 года вышелъ Литке на шлюпѣ „Сеявинъ“ изъ Кронштадта въ трехлѣтнее плаваніе и, обогнувъ мысъ Горнъ, перешелъ Тихій океанъ до Камчатки, откуда ходилъ въ Берингово море и въ тропическую полосу Тихаго океана. Возвратился онъ въ Кронштадтъ въ августѣ 1829 г., во кругъ мыса Добрая Надежды. Литке опредѣлилъ много пунктовъ въ Беринговомъ морѣ, описалъ и описалъ группу о-въ Бонинъ-Сима, произвелъ обширныя изслѣдованія въ Каролинскомъ архипелагѣ, описалъ тамъ 26 группъ. Кромѣ того, онъ произвелъ рядъ наблюденій магнитныхъ: надъ колебаніями давленія атмосферы въ теченіе сутокъ въ тропикахъ и температурою воды на поверхности и, что особенно важно, сдѣлалъ рядъ весьма точныхъ опредѣленій силы тяжести въ семи точкахъ въ Тихомъ океанѣ. Эти наблюденія по своей точности навсегда сохраняютъ свое важное значеніе для науки. Описаніе кругосвѣтнаго плаванія и результаты всѣхъ наблюденій были обработаны и изданы Литке въ 1834—36 гг., подъ заглавіемъ: „Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію императора Николая I на военномъ шлюпѣ „Сеявинъ“ въ 1826—29 гг. флота капитаномъ Федоромъ Литке“; то же сочиненіе было издано и на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ „Мемуарахъ Академіи наукъ“ была имъ помѣщена статья о приливахъ въ Ледовитомъ океанѣ. Важное научное значеніе всѣхъ этихъ работъ доставило Θ . П. званіе члена-корреспондента Академіи наукъ, а самое описаніе его путешествія было увѣнчано высшею наградою — Деиндовскою преміею.

Съ этимъ періодомъ жизни Θ . П. совпадаетъ важное событіе, совершенно измѣнившее его дальнѣйшее служебное поприще. Нравственные качества его характера и научныя заслуги обратили на него вниманіе императора Николая Павловича, и онъ приглашенъ былъ въ воспитатели будущаго генераль-

адмирала великаго князя Константина Николаевича. Въ теченіе 16 лѣтъ, которыя Литке провелъ въ качествѣ воспитателя великаго князя, онъ продолжалъ неутомимо трудиться, пополняя чтеніемъ и наученіемъ пробѣлы своего образованія, не только съ цѣлью достойно занимать свое мѣсто, но и желая оставаться на высотѣ современныхъ научныхъ возрѣшій. Эти научныя занятія, естественно, поддерживали знакомство и общеніе Литке съ научными кружками Петербурга. Такое общеніе выразилось весьма плодотворно — учрежденіемъ въ Россіи, въ 1845 г., Географическаго общества, которое въ теченіе первой части своего существованія очень многимъ обязано графу Литке, сумѣвшему не только направить дѣятельность молодого общества по вѣрному пути, но и привлечь въ него всѣхъ выдающихся дѣятелей того времени. Графъ Θ . П. занималъ мѣсто вице-предсѣдателя съ основанія общества до 1850 г. и затѣмъ непрерывно съ 1856 по 1873 годъ, когда графъ сложилъ съ себя это званіе.

Въ 1850 г. Θ . П. былъ назначенъ главнымъ командиромъ ревелскаго порта и ревелскимъ военнымъ губернаторомъ. И въ этомъ званіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ своего Августѣйнаго воспитанника, совѣтовавшася съ нимъ о многихъ реформахъ по морскому вѣдомству. Литке представлялъ великому князю на каждомъ вопросу обстоятельныя записки, свидѣтельствующія о серьезномъ и тщательномъ изученіи даннаго вопроса.

Со времени назначенія Θ . П. въ Ревель начинается періодъ его усиленной государственной дѣятельности, но за все это время онъ находилъ возможность внимательно слѣдить за наукою. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ на такую же должность, гдѣ и оставался до осени 1855 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Принимая близко къ сердцу всѣ государственныя вопросы, Θ . П. Литке желалъ сознательно служить государству и, понимая, какъ существенно можетъ отозваться на рѣшеній высшихъ государственныхъ вопросовъ его голосъ, нерѣдко предварительно обращался по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ признавалъ себя не компетентнымъ, за указаніями къ специалистамъ. До чего интересовался онъ наукой вообще, можетъ служить слѣдующій фактъ: сознавая свое малое знакомство съ юриспруденціей, Θ . П. Литке 60-лѣтнимъ уже старикомъ принялся за изученіе права.

Съ начала 1864 г. до смерти Θ . П. Литке занималъ мѣсто президента Академіи наукъ. За этотъ 18-лѣтній періодъ имъ много было сдѣлано какъ для академіи вообще, такъ и для астрономической и физической обсерваторій въ частности. Физическая обсерваторія своимъ развитіемъ и устройствомъ образцовою во всемъ мірѣ магнито-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ всецѣло обязана вліянію и работамъ графа Литке. Въ воздаяніе за его разносторонніе труды, стяжавшіе ему во всемъ ученюмъ мірѣ обширную извѣстность, Θ . П. Литке, 28-го октября 1866 года, сънисходительнымъ потовствомъ возведенъ въ высшее достоинство Россійской Имперіи. Послѣдніе два года долгой жизни графа Θ . П. были омрачены двумя тѣлесными недугами: ослабѣли его слухъ и зрѣніе, и онъ лишился двухъ своихъ любимѣйшихъ наслажденій — музыки и чтенія.

Θ . П. Литке скончался 8-го августа 1882 г.

Почаевская Успенская лавра. (Рис. на стр. 929.)

7-го и 8-го сентября совершенно съ чрезвычайною торжественностью, при огромномъ стеченіи богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи, празднованіе трехсотлѣтія Почаевской лавры. На празднество прибыли: высокопреосвященный Іоаннскій, митрополитъ кievскій и галицкій, высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волынской и житомирской, викарій волынской епархіи, епископы Меводій острожскій и Пансій владимиро-волынской, протоіерей Іоаннъ Сергіевъ (кронштадтскій), настоятели волынскихъ соборовъ, архимандриты, игумены и игуменши волынскихъ монастырей, кievскій генералъ-губернаторъ съ супругою, волынской губернаторъ, генералъ-майоръ Θ . Θ . Треновъ съ супругою, кievскій губернаторъ, волынской предводитель дворянства и много другихъ почетныхъ гостей.

Почаевская лавра находится въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, въ восьми верстахъ отъ австрійской границы. Въ числѣ существующихъ въ Россіи православныхъ лавръ, Почаевская, по старшинству, занимаетъ четвертое мѣсто. Но по живописному мѣстоположенію своему, по красотѣ, громадности и массивности церковныхъ зданій, а, главное, по историческому и культурному значенію своему, — Почаевская лавра занимаетъ едва ли не самое видное мѣсто и принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ и чтимыхъ святыхъ не только въ Россіи, но и во всемъ православномъ мірѣ. Находящаяся въ лаврѣ чудотворная икона и цѣлебная „стона“ Божіей Матери привлекаютъ въ нее десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, особенно изъ Галиціи, а также изъ Босніи, Сербіи и Болгаріи.

Особенно важное значеніе имѣетъ Почаевская лавра для Галиціи, на рубежѣ которой она стоитъ. Галичане тысячами стекаются сюда, и ежегодно сотни ихъ возвращаются въ пра-

вославие и поселяются среди братского, едновѣрнаго парола. Кто и когда основал Почаевскій монастырь — достоверно неизвѣстно. Извѣстно, однако, что обитель православная существовала здѣсь уже въ началѣ XIII вѣка.

Основание обители приписываютъ иноку-греку Меоводию, который съ другимъ инокомъ Иваномъ Божиимъ видѣлъ Божию Матерь въ столпѣ огненномъ на горѣ. Молва объ этомъ явленіи дала горѣ названіе „Поча здѣ Дѣво“ (подразумѣвается — творитъ чудеса). По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась Матерь Божія, остался слѣдъ Ея правой ноги, наполненный водой. Съ тѣхъ поръ это мѣсто свято охраняется въ обители.

До конца XVI вѣка обитель владѣла только пещерами въ горахъ, источникомъ въ цѣлебной столпѣ и каменной церковью во имя Успенія Богоматери.

Въ 1597 году, т.-е. ровно триста лѣтъ тому назадъ, помѣщица Анна Гойская надѣлила Почаевскую обитель землю, лѣсомъ, крестьянами и дала средства для учрежденія при ней типографіи. Это событіе имѣло важное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу православія въ западныхъ русскихъ областяхъ, и недаромъ Почаевская лавра ведетъ свое начало именно отъ этого событія, окончательно укрѣпившаго ея вліяніе. Съ тѣхъ поръ вся дальнѣйшая судьба православія въ западной Руси тѣсно связана съ судьбой Почаева. Только тогда православіе было низвергнуто здѣсь, когда Почаевъ съ его святынями очутился во вражьихъ рукахъ. И затѣмъ, тогда только дѣло возстановленія православія въ западно-русскихъ областяхъ стало на твердую почву, когда Почаевская обитель была возстановлена. Совершилось это въ царствованіе Николая I, въ 1831 году.

Въ 1833 году Почаевская обитель, въ виду историческаго и культурнаго значенія ея, была возведена на степенъ лавры и послѣ этого скоро достигла того величія и благолѣпія, въ которомъ мы видимъ ее нынѣ. Генеральнымъ благоустройствомъ лавра обязана своему намѣстнику архимандриту Филарету. Въ лаврѣ всей братіи болѣе 100 человекъ.

Мѣстоположеніе лавры очень красиво; съ ея террасы открывается чудный видъ на даль полей и на австрійскую границу. И самая дорога въ лаврѣ отъ Кременца очень живописна. Она идетъ у подножія отроговъ Карпатъ, то зеленѣющихъ травой, то оголенныхъ, то лѣсистыхъ, и, наконецъ, у лавры, посредникъ чуднаго дубоваго лѣса, громадныя дубы распростираютъ свои могучія вѣтви почти надъ самою дорогою. И вдругъ за лѣсомъ открывается гора Почаевская съ ея высокими золотыми куполами лаврской колокольни и величественнаго собора. Мѣстность, занимаемая лаврой, приводитъ въ восхищеніе всѣхъ посѣщающихъ эту обитель. Покойный императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ лавру, былъ такъ очарованъ красотой ея мѣстоположенія, что воскликнулъ: „Вотъ моя Швейцарія!“

Три юбиляра. (Портреты на стр. 932.)

На этихъ дняхъ исполнилось тридцать пять лѣтъ со времени основанія нашей консерваторіи; изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ и продолжающихъ понинѣ состоять профессорами въ ней, только трое удѣляло, это: гг. фанъ-Аркъ, Цабель и Черни. Поэтому они имѣютъ право праздновать вмѣстѣ съ консерваторіей свой тридцатипятилѣтній юбилей. Они были приглашены еще А. Г. Рубинштейномъ, когда послѣдній организовалъ составъ профессоровъ и преподавателей для возникшихъ въ 1862 г. музыкальныхъ классовъ, впоследствии переименованныхъ въ консерваторію. Въ „Автобиографіи“ Рубинштейна находимъ любопытныя данныя, относящіяся ко времени созданія этой музыкальной школы; но не о школѣ теперь рѣчь, а о тѣхъ, кто способствовалъ Рубинштейну въ осуществленіи его задачъ.

Каждый изъ названныхъ выше юбиляровъ имѣетъ свое прекрасное прошлое и пользуется отличною репутаціею въ музыкальномъ мѣрѣ вообще, и на педагогическомъ поприщѣ въ осо-

бенности; а между тѣмъ педагогическое поприще одно изъ самыхъ тяжелыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ неблагоприятныхъ; продолжать эту дѣятельность въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, способствуя музыкальному развитію и процвѣтанію искусства, — заслуга не малая. Почти у каждого изъ нашихъ юбиляровъ есть ученики, занявшіе видное мѣсто среди русскихъ музыкальныхъ дѣятелей и выдвинувшихся на томъ или другомъ поприщѣ дѣятельности, кто въ качествѣ виртуоза, кто какъ педагогъ, унаслѣдовавъ отъ своего профессора методу его преподаванія. Позволимъ себѣ сказать о каждомъ изъ юбиляровъ нѣсколько словъ.

К. К. фанъ-Аркъ. Карлъ Карловичъ фанъ-Аркъ — уроженецъ Петербурга (род. въ 1839 г.); научное музыкальное образованіе получилъ въ нашей столицѣ. Послѣ окончанія петербургскаго училища, К. К., по совѣту А. Г. Рубинштейна, поступилъ ученикомъ къ извѣстному Лешетницкому, у котораго и окончилъ музыкальное образованіе. Лешетницкій рекомендовалъ г. фанъ-Арка Рубинштейну, какъ прекрасно подготовленнаго музыканта и талантливаго педагога. Въ теченіе своей дѣятельности у насъ въ консерваторіи, нашъ юбиляръ выпустилъ цѣлую серію пианистовъ и пианистовъ, изъ которыхъ многіе составили себѣ имя въ музыкальномъ мѣрѣ; такъ, извѣстенъ профессоръ московской консерваторіи г. Шишкинъ; не менѣе извѣстны г-жи Нарбутъ, Дунканъ, Фридляндская, Кускова и др. Въ послѣднее время выдѣлился талантливый молодой артистъ г. Кошъ.

А. Г. Цабель. Имъ Альберта Генриховича Цабеля, этого первокласснаго виртуоза на арфѣ, хорошо извѣстно не только въ Россіи, но и въ Европѣ, какъ одно изъ первоклассныхъ въ музыкальномъ мѣрѣ. Онъ родился въ Берлинѣ въ 1835 г., гдѣ и получилъ общее образованіе, а музыкальное въ королевскомъ училищѣ, находившемся подъ дирекціей автора „Гугенотовъ“ Мейерабера. Окончивъ училище, А. Г. съ 1849 по 1852 г. концертировалъ съ оркестромъ извѣстнаго въ то время Гунгла въ Америкѣ, Англии, Германіи и Россіи. По возвращеніи на родину, былъ приглашенъ солистомъ въ Берлинскую королевскую оперу, и въ этой должности состоялъ до 1855 г., когда онъ перешелъ солистомъ въ петербургскую итальянскую оперу. Съ тѣхъ поръ начинается его плодотворная дѣятельность у насъ, въ особенностяхъ со времени открытія консерваторіи въ 1862 г. Изъ извѣстныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ его класса, назовемъ гг. Помазанскаго и Фейта, г-жъ Штейнбергъ и Кюне, составившихъ себѣ солидную извѣстность, Фрейманъ и др. Съ 1875 г. онъ состоитъ солистомъ и пользуется большою симпатіей публики въ качествѣ виртуоза. Г. Цабель написалъ много сочиненій для своего любимаго инструмента.

Ф. Ф. Черни. Францъ Францовичъ Черни извѣстенъ въ публикѣ не только, какъ педагогъ по главнымъ образамъ, какъ дирижеръ петербургскихъ хоровыхъ обществъ (Singacademie, Liedertafel и др.). Родился въ 1830 г. въ Богеміи, въ Хвалковицѣ, гдѣ обнаружилъ музыкальныя способности съ самыхъ раннихъ лѣтъ и занимался у своего отца, обучавшаго его пѣнію, игрѣ на фортепиано и скринкѣ. Гимназію онъ окончилъ въ Прагѣ, а музыкальное образованіе въ славящейся тамъ Orgelschule, откуда вышли и гг. Направникъ, Главачъ и другіе извѣстные дѣятели. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ качествѣ преподавателя музыки, сначала въ Умань (Кіев. губ.), а потомъ въ Кременчугъ (Полтав. губ.); отсюда онъ перѣхалъ въ Петербургъ въ 1856 г., гдѣ Рубинштейнъ, обративъ вниманіе на талантливаго молодого музыканта, пригласилъ его сначала въ качествѣ адъюнкта къ теоретнику Герке, а потомъ, по смерти послѣдняго, въ качествѣ профессора. Г. Черни также пользуется любовью публики и подлѣ его руководствомъ весьма часто исполняются хоровыми обществами трудныя классическія произведенія.

Остается только пожелать нашимъ юбилярамъ еще много лѣтъ продолжать свою полезную дѣятельность.

В. Басинъ.

Разныя извѣстія.

— Изъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими дочерьми великими княжнами Ольгою и Татьяною Николаевнами, прибыли 7 сентября изъ Бѣловѣжа, который Ихъ Величества посѣтили послѣ пребыванія въ Бѣлостокѣ, — въ Спалу.

— 7-го сентября въ Петербургъ прибыли стоящіе во главѣ абиссинскаго чрезвычайнаго посольства извѣстный русскій путешественникъ Н. С. Леонтьевъ и секретарь абиссинскаго негуса Ато-Иосифъ. Съ вокзала желѣзной дороги, прибывшіе, по сообщенію „Россійскаго телеграфнаго агентства“, въ присланномъ отъ Высочайшаго Двора экипажѣ, отправились въ гостиницу „Франція“, гдѣ для нихъ за счетъ Высочайшаго Двора наняты покои.

— 8-го сентября праздновалась столѣтняя годовщина Императорскаго клиническаго повивальнаго института. Плодотворная дѣятельность этого учрежденія, основаннаго 8-го сентября 1797 года въ Бозѣ почивающей императрицей Маріей Феодоровной, проявлялась, главнымъ образомъ, въ оказаніи акушерской помощи бѣдному люду. Институтъ преслѣ-

довалъ также и научныя цѣли, какъ, примѣръ, научное усовершенствованіе врачей. При немъ возникли: первые въ Россіи курсы для врачей-акушеровъ и, 1½ года тому назадъ, повторительные курсы для акушеровъ. Для подготовки будущихъ акушеровъ, почти съ самаго основанія института, при немъ учреждена повивальная школа. Наконецъ, при институтѣ оказывались бесплатная акушерская помощь роженницамъ на дому и пособия страдающимъ женскимъ болѣзнями. Особенно много сдѣлано въ этомъ направленіи въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ.

— Изъ отчетовъ о письменныхъ работахъ по русскому языку, исполненныхъ на испытаніяхъ артели въ гимназіяхъ с.-петербургскаго учебнаго округа въ 1896 учебномъ году, *Выржеюля Владомости* замѣчаютъ характерныя свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ. Такъ, изъ общаго числа сочиненій, предложенныхъ на выпускномъ экзаменѣ въ правительственныхъ гимназіяхъ, признаны хорошими—24% и слабыми—27%, въ вѣмецкихъ училищахъ 31%—хорошими, 24—слабыми

и, наконецъ, въ частныхъ гимназіяхъ 17—хорошими и 37%—слабыми; такимъ образомъ, лучшими оказались работы учениковъ вѣмецкихъ училищъ.

— Недавно въ Полтавѣ состоялось засѣданіе думской комисіи по постройкѣ дома для просвѣдительныхъ учреждений имени Н. В. Гоголя. Рѣшено принять субсидію губернскаго комитета попечительства о народной трезвости въ размѣрѣ 45,000 р. на предложенныхъ комитетомъ условіяхъ съ тѣмъ, однако, чтобы ходатайствовать предъ комитетомъ о разрѣшеніи помѣстить въ проектируемомъ домѣ естественно-историческій музей губернскаго земства лишь въ томъ случаѣ, если земство со своей стороны ассигнуетъ какую-нибудь сумму для этой цѣли. Согласно выработанному комисіей плану расположенія просвѣдительныхъ учреждений въ проектируемомъ головескомъ домѣ, тамъ будетъ помѣщаться: 1) народная аудиторія, состоящая изъ помѣщенія для 1,000 зрителей, оркестра, сцены, отъ 4 до 6 уборныхъ, кладовой для декораций, гардеробной, курьерскія лабораторіи для приготоленія опытовъ, фойе и буфета; 2) обществнная бібліотека, состоящая изъ

Ф. Ф. Черни.

К. К. фань-Аркъ.

А. Г. Цабель.

Три юбиляра. Съ фотогр. автогипсия „Нивы“.

зала для отпуска книгъ, читальнаго зала, комнаты для консерватора музея, распачковочной комнаты и 4 заловъ для помѣщенія отдѣленій музея и 4) чай-

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.) — Искатель коралловъ. Рассказъ Вольдемара Урбана (съ 4 рис.). — Тишина. Стих. Н. М. Фюфанова. — Успѣхи желѣзнодорожнаго дѣла. — Къ рисункамъ: Старый лѣсъ. — „Переселенцы“, романъ Д. В. Григоровича. Слѣдствіе. — Печальная легспентива. — Уголонъ музея. — Сельскій праздникъ въ Испаніи. — Братины, ковши, чарки, солонки и проч., изготовленные изъ хрустала по рис. Е. М. Бешъ. — Графъ Ф. П. Литке (съ портр.). — Почаевская Успенская лавра (съ рис.). — К. К. фань-Аркъ, А. Г. Цабель и Ф. Ф. Черни (съ 3 портр.). — Разныя извѣстія. — О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Маркса.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Только что отпечатано и поступило въ продажу большое иллюстрированное изданіе А. Ф. Маркса:

„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“.

Соч. К. К. Смуговскаго.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ, XX+XII+1064 страницы большаго 8°, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Авторъ этого капитальнаго сочиненія имѣлъ счастье соуществовать Е. И. В. В. К. Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ 1884—88 годовъ по сѣверу и западу Россіи. Собранныя во время этихъ шести путешествій, въ многочисленныхъ посѣщеніяхъ городахъ и мѣстностяхъ, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, провѣренныя, обработанныя и дополненыя впоследствии данными изъ другихъ источниковъ, а равно непосредственныя наблюденія автора и послужили матеріаломъ для вновь изданной книги, первая изданія которой (1886 и 1888 гг.), подъ заглавіями „По Сѣверу Россіи“ и „Валтійская Сторона“, нынѣ совершенно распроданы.

Въ новомъ, второмъ изданіи включены всѣ подробности, имѣвшія лишь временный интересъ, и, напротивъ, сохранены и отчасти дополнены существенныя части книги.

Вслѣдствіе исключительно благоприятныхъ условий, въ которыхъ находился авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ рѣдко бываеетъ доступно. Благодаря этому книга К. К. Смуговскаго включаетъ въ себя чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автогипсияхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

Изданіе отлич. на превосх. бумагѣ, четк. шрифтомъ. СПБ. 1897 г. Цѣна изданія, несмотря на его большой объемъ и на обиле иллюстрацій, назначена весьма умеренная — 7 руб. за оба тома, съ пересылкою — 8 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА. С.-Петербургъ. Малая Морская, № 22.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„Альбомъ ХХV-лѣт. Т-ва передвиж. худож. выставокъ“

Изданіе худож. фотографіи К. А. Фишеръ (подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комиссіи Т-ва) Кузнецкій Мостъ, № 11.

Альбомъ выйдетъ въ 6-ти вып., по 30 табл. въ каждой.

ВСЕГО 270 СЮЖЕТОВЪ.

Цѣна на все изданіе: 12 руб., съ перес. 15 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 8 руб., съ пер. 10 руб. и при получеши IV вып. 4 руб., съ перес. 5 руб. (можно налогъ пл.)

ВЫШЛИ I, II и III вып.

При VI вып. будутъ приложены: 1) Общее оглавл. картинъ съ указ. ихъ владѣльц., разм., года написанія и проч.; 2) описаніе движен. выставокъ за 25 лѣтъ; и 3) планка для помѣщенія всей коллекціи. № 10483

Сладъ изданія: Москва. Кузнецкій мостъ, № 11. 2 - 1

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ

СЛАВИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА

ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграници.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

1200

стильзовки, узоровъ для вышиванія, углубленной и рельефной рѣзкой, вышиванія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки вышиваются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета „Дилетантъ“.

Иллюстр. прейсъ-курanty высылаются за 80 пр. почт. марк. Mey & Widmayer. München.

ГЛАЗЫ

ИЗЪЛУЧЕННЫЯ СЪМЯКИ

ФИЛИГРАНЬ

САКАТЫКЪ И КО

МОСКВА

МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ КЛЕЯ

ПРОДАНА ВЪСЯДЬ

ВЪ СЪМЯННОЙ ТОРГОВЛѢ

Е. И. РОТЬ

въ Москвѣ, продаѣ Большаго театра, д. Засѣнокъ

имѣются на продажу изъ Голландіи Пѣтушій лувочки глянцовыя пераго разбора въ сортахъ, за 10 л. 1 р. 40 к., въ колерахъ за 10 л. — 1 руб., за 100 л. — 9 р. Исполненіе аккуратное.

Швейная машина

Цѣна 295 р.

„Талмонгъ“

ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ

М. И. ТАГЕНЪ

МОСКВА.

БОЛЬШАЯ ЛУБЯНКА № 3. ПОСЛАНИЕ ПОСЫЛКА 1000 штукъ

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстр. прейсъ-куранта, высл. безплатно. Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Сметова.

ЗАМОКЪ BEAU-CEBRE ВЪ SOLOGNY, БЛИЗЪ ЖЕНЕВЫ.

Первоклассный пансіонъ для дѣтви изъ высшаго общества. Основательное изученіе французскаго, англійскаго, итальянскаго и др. языковъ, научныхъ предметовъ, музыки, живописи и пр. Наставленія, какъ держать себя: самый тщательный физическій уходъ. Лучшія преподавательскія силы. Большой паркъ, красивое, здоровое положеіе на берегу озера, чудный видъ на горы. Ближайшія подробности высылаются директрисамъ: г-жею Эстербе изъ Парижа (им. дѣтвомъ Академіи) и г-жею Шульцъ (выдѣръ госуд. ака. на завліе препода. высш. женск. учил.). Собръ для ученицъ для отправки въ пансіонъ — въ октябрѣ, въ Берлинѣ. Подробныя свѣдѣнія можно получить № 10454 чить у супруги и дѣвочкина г-жи Байковской, въ Берлинѣ. 3-2

ЛЮБИМЫЕ ВАЛЬСЫ

для фортепiano въ 2 руки:

- „Страданіе“, соч. Маркмана . . . д. 40 к.
- „Ожиданіе“, соч. Кизлера . . . д. 30 к.
- „Герольдъ“, соч. Левандоскаго. . . к. 60 к.

Высылаются съ налогомъ плат. книжный и музык. маг. Л. Изидиновскаго, въ Кіевѣ. Каталоги нотъ высылаются безплатно.

КАСАШОВСКАЯ НЕВЪСТА.

Вг. Соловьяна.

Историческій ром. въ 3-хъ част. Паданіе II. СИБ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колекц. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НОВЪЙШАЯ народная ЦИТРА

съ патентованными подкладными листами. На этой цитре каждый незнакомый съ цитрою нотъ может тотчас же играть разна пьесу по подкладнымъ листамъ. Цена безъ листа 9 р. Подкладные листы по 20 коп. (на каждомъ двѣ пьесы). По получении заказа, приблизительно 1/3 стоимости, т. е. объемъ высылаетъ съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ

для кирпичнаго, торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ
РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя въ Россіи, Германіи и друг. странахъ.

Подъемныя цѣпи для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, шибящія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительное режение шкивомъ (патентъ во всѣхъ главнѣйш. промышленныхъ государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машинъ, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.

Ручной прессъ для нечистыхъ изразцовъ (патентъ въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнизныхъ изразцовъ. При двухъ омытныхъ работникахъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.

Кромѣ того имѣются: кровельная черепица всякаго рода, глиняныя трубы разныхъ сортовъ; бетонныя надѣлы, браконъ, цѣвныя кирпичи, плиты для половъ, глинашия и цементныя.

Далѣе имѣются дѣлательныя и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль за Берлинскую промыш. выставку 1896 года.

ПАМЯТЬ

для кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской в. Ваз. ул., собственный домъ, № 28. Условія и брош. (въ 32 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-3

Большое депо часовъ
Невскій пр. № 32.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

домъ Католическ. церкви противъ думы С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейсъ-Куръ высыл. безпл.

ЧАИ

МОСКОВСКАГО КУЛДА

И. В. Дубинина

МОСКВА, Покровка, д. Ткацкова.

Необходимо выгодныя условія для потребителей и торговцевъ.

Подробное объявленіе смотри № 19 и № 10469 36 "Нивы". 3-1

НОВОСТЮ ДУХИ ЛЕВКОЙ

поставщиковъ Высочайшаго двора

А. Ралле и Ко.

За флаконъ 1 руб. 25 коп.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И УСТРОЙСТВО БОЛЬШИХЪ ДЕТЕЙ ВЪ СЕМЬИ

СВОБОДА

60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ему

НЕОУЖИВЪЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО СТРАННОСТИ СОСЛИТАНІЮ

500 АРАТЪ

ТЕЛЕФОНЪ 114

ВНИМАНИЕ ОСОБЕННОЕ

заслужива у публики сл. дующ. новостя выпущенныя кондит. фабрикой

Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ

1. АНАНАСЪ (натур.) въ мармел., "ДВОРЯНСКЪ"
2. ЗЕФИРЪ фруктовый "ДВОРЯНСКІЙ"
3. ДЕССЕРТЪ фрукт., "ЛЫШЫЙ"

Продается въ лучшихъ магаз. Россіи.

П. № 10178 7-3

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МЪХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА МУЖСКІЯ И ДАМСКІЯ МЪХОВЫЯ ВЕЩИ

новѣйшихъ фасоновъ и изыскаго покроя.

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ сезона 1897—1898 г. высылается бесплатно.

Ф. Д. МЕРТЕНСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и Гостиный дворъ, № 58.

КАЖДАЯ ДАМА, желающая быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исключительно "ИДЕАЛЬ", патентованную бархатную подшивку подъ пальто. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.

№ 10426 26-4

Жанъ Дюфрель. Руководство ШАХМАТНОЙ ИГРЫ и Эмануэль Л. смерть. "Здравый смыслъ въ шахматахъ". Въ одной томъ. Перев. Э. Шиффера. Изданіе М. Жеребцова. Ц. 2 р. 50 к. безъ перес. Можно получить во всѣхъ книж. маг. Складъ изданія въ типогр. В. Ф. Демакова, СПб., Невскій пер., 7. Можно выписать отд. платж. въ 3 р. черезъ редакт. "Шахматнаго мурвала", Э. С. Шиффера, СПб., за Невскою заставой, Мурвьевскій пер., 20.

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, Слѣ.

Невскій просп. № 6 противъ М. Морской Гороховая ул. у Краснаго Моста № 17.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Высылка наложен. платежемъ. Иллюстр. Прейсъ-Куранты бесплатно.

ВОЛИЦЫНЪ дѣлаетъ наружныя, внутреннія большыя акваріеры. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 10481 6-1

БЕЗБОРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безборедное средство для быстрого окрашенія въдыкъ волосъ и бороды въ черныя русыя темныя и свѣтлыя каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. продается въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. Главныи складъ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. СПб. Гельш. Коншт., № 1.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ СВИДЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 7.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта. Зубныя порошоки. Зубная паста.

МЕДИЦИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Вознесенскій просп. у угла Казанской ул. домъ № 24-52

НЕВСКІЙ ПР. № 25

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. В. С. Соловьевъ. Романъ-хроника XVIII в. Врѣмя паденія Вирона и водворенія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. въ роскош. колѣнк. перекл. 2 р. 7 1/2 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ЖЕСТИКЪ АНТИПАРАЗИТЪ

ОТЪ КЛОПОВЪ

Л. СТОЛКИНДА

Продается всездъ. Главныи складъ Москва Лубянской протвздъ Д. Смольникова. Нижегород. Ярмарка, Главныи домъ № 57. Л. А. СТОЛКИНДА.

МАССА БЛАГОДАРЪ. ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **КРОЙКИ И ШИТЬЯ**

ПОСРЕДСТВЪ ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ УСТАВЪ ПЕРВАГО ПО НОВЪЙШЕМУ ЛЕТАРШЕНУ МЕТОДУ. ВО ОКОНЧЕНІИ КУРСА СВИДЕТЕЛЬСТВО. ВОВЕДАТЕЛЬНА ШИТЬЯ И КРОЙ

Е. Д. ДАШМАРИНА.

УСЛОВІЯ ПРОБНОГО КУРСА

★ КІЕВЪ ★

ВЫСТРО и ХОРОШО.

Пріятный вкус,
Питательныя свойства,
Быстрота приготовления

**КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА**

создаютъ изъ него превосходѣйшій предметъ питанія.

Чайной ложки какао Ванъ-Гутена достаточно для приготовления чашки превосходнаго шоколада на водѣ или на молокѣ.

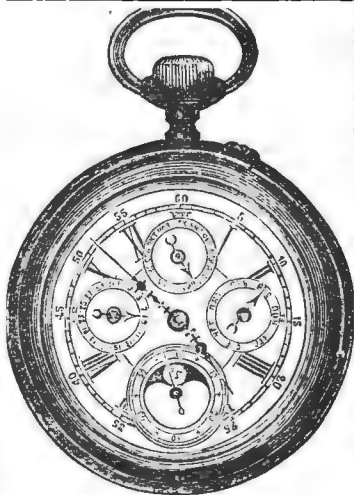
В. № 10015 3-2

Всѣмъ подписавшимся получать журналъ съ № 1-го съ естѣна поименованіи. Остается немного экземпляровъ, цѣна будетъ возвышена. Продолжается подписка на 1897-й годъ (задача годъ 3-8) на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

для пѣнія, однокласснаго и хорowego, фортепiano и другихъ инструментовъ. 1895-й годъ Одобренъ Уч. Ком. при Св. Синодѣ для библ. духовн. семин., мужск. дух. и женск. еп. уч., Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для учен., средн. и стар. возр. библ. ср. уч. зав. мужск. и женск. Реноменованъ Гл. Упр. Военно-Учебн. зав. кадетск. корп. для проб. в библ. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадами по 14 страницъ большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и дается подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальных произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешовымъ цѣнамъ сороку рублей. Вышелъ № 11-й. Содержаніе: Отд. I текстъ: 1) Городъ maestro и пѣвцовъ. 2) Банкетъ печати. 3) О положеніи музыки дѣла въ Россіи. 4) Истор. замѣтка о рус. нар. гимнѣ. 5) Объ английской гимнѣ. 6) О марсельскѣ. 7) Франц. пѣсня на мот. „Внизъ по мат. по Волгѣ“. Отд. II пѣнія: 8) „Въ Венеціи“. Пѣсня ар. Н. П. Бранскимъ; 10) У дорожнаго доб. молодца. 11) Во Донскихъ, во лѣсахъ. 12) Какъ со вечера. 13) Какъ на улицѣ. Отд. III, легкія пѣсни для форт.: 14) Гурлитъ, К. Воспоминаніе. 15) Геншальск. К. У озера. Отд. IV, пьесы д. форт. ср. трудн.: 16) Ивановичъ, I. Метеоръ, вальсъ. 17) Ивановъ, М. Фантазія на стар. франц. пѣсни. 18) Го ольдъ, Ф. Пампа, увертюра. 19) Lange, G. Grand' маман. Отд. V, для разн. instr.: 20) Герольдъ, Ф. Пампа, уз. Для скрипки съ форт. 21) Тоже. Для фл. съ форт. 22) Тоже. Для вѣлокон. съ форт. 23) Тоже. Для корнета съ форт. Эту увертюру можно исполнять какъ дуэтъ, трио, кварт. и квинтетъ. 24) Приложение: Карасевъ, А. Нотная грамота. Опытъ самоучебника пѣнію 25) Объявленія Цѣны проблаго-ч 50 к. съ перес. 71 к., съ наклад. плат. 81 к. Подробныя объясненія, содержанія 1-го и 2-го года изданія и начала мелодій высылаются бесплатно. Открыта подписка на 1896-й годъ. Издаваніе годъ 4-й. Подписной годъ начинается съ 15 ноября. Допускается рассрочка. Первый взносъ одинъ рубль. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Іадовая, 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. Б. Селива-рстова. Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

ПОД ПИСАННА ЦѢНА
на годъ безъ дот. 4 р.,
съ дот. и перес. по всей
Россіи 5 р., за границу
6 р. Допускается рас-
срочка.

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ.

Фабричный складъ жевевскихъ часовъ въ Варшавѣ.
Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу приготовления часовъ въ моей жевевской фабрицѣ, я имѣю возможность продавать съ 10-го іюня с. г. самыя практичныя прочныя и изящныя паряныя МУЖСКІЕ ЧАСЫ черныя вороненой стали, открытыя, анкеръ 15 лини., съ вѣчнымъ календаремъ и элегантною цѣпочкой, американскаго золота chateleine, съ брегетомъ, вмѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны.

Такіе же серебряныя крытые, всѣ три крышки 84 пробы, на 4 руб. 50 коп. дороже.

ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬНОСТЬ НА ШЕСТЬ ЛѢТЬ.

Высылаю по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ.

Адресъ:

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10267
10-9

Поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 22. Мѣсна, по В. Лубанск., № 8, противъ Кузнечнаго моста.
◆ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВЪ ЧАСОВАХЪ собственной фабрики ◆
съ самыми ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курнтъ высыл. по требован. озапн. тн.

**ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ НИЗЧИ БЫВАЕГЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.
БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА**

Одинъ изъ большихъ американскихъ заводоу издѣній изъ блага металла „Бретамъ“ (British Silver), который по виду и по качеству нисколько не уступаетъ настоящему серебру, вынужденъ былъ ликвидировать окончательную распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.

Ликвидация находящагося въ Вѣвѣ склада этого завода поручена мнѣ. Поэтому желающіе могутъ долучить отъ меня за ничтожную цѣну 12 руб., въ которую включена уплата пошлины, ниже-сѣдующія вещи:

- 6 штукъ амер. патентован. (British Silver) столовыхъ ножей съ настоящими английскими клинками
- 6 штукъ амер. патент. (Brit. Silver) столовыхъ ложекъ. вилокъ.
- 1 " " " " " чайныхъ ломочекъ.
- 1 " " " " " большая разливная ложка.
- 1 " " " " " малая " "
- 2 " " " " " подставокъ для яицъ.
- 6 " " " " " английск. хрустальныхъ тарелокъ „Винторія“.
- 2 " " " " " америк. патентован. сто омыхъ подсѣчника.
- 1 " " " " " стѣна-ложка для чая.
- 1 " " " " " стѣна-ложка для сахара.

Всего 44 штуки; стоятъ только 12 руб.

Желающіе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить поспѣшить своими заказами, ибо продажа будетъ производиться только покуда хватитъ наличнаго запаса товара. Съ требованіями можно обращаться на русскоу языкъ. Вещи высылаются по полученіи денегъ или наложеннымъ платежомъ. Адресовать письма просить: RIX. EXPORTHAUS, Wien, II. Praterstrasse, 25.

Всѣ письменныя 44 штуки стоятъ съ улавнокою и съ уплаченною пошлиною только руб. 12. № 10166 2-1

ВНИМАНИЮ ДАМЪ И МОДНЫХЪ МАСТЕРСКИХЪ!

На русскоу языкъ ИЗЯЩНОЕ и самое ДЕШЕВОЕ изданіе

НОВЫШІХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ

при газетѣ „НОВОСТИ СЕЗОНА“.
МОДЫ выходятъ еженедѣльно ОДНОВРЕМЕННО въ Парижѣ и Москвѣ, представляя на русскоу языкъ точную копию распространѣннѣшаго парижскаго моднаго журнала, расходящагося во Франціи въ 800000 экземплярахъ. Въ каждомъ номерѣ 8 страницъ, до 25 рисунковъ, обширный текстъ на русскоу языкѣ и одна страница въ краскахъ.
При каждомъ № бесплатно ВЫРЕЗНАЯ ВЫКРОЙКА, которая отдѣльно не продается.

Годовые подписчики получаютъ:
300 номеровъ газетъ съ романами, ||| 53 номера модъ (до 1300 рисунк.). повѣстями, разсказами и т. п. ||| 52 вырѣзныя выкройки.
На годъ съ газетомъ: въ Москвѣ 6 руб., на города 7 р., за 4 мѣс. (съ 1 сент. 1897 г. по 1 января 1898 г.)—3 р. Пробные №№ модъ высылаются за три 7-ми копеечки марки.
Главная контора: Москва, Тверская ул., домъ Гюшманъ, № 27.

**Патентованный Шиндлера
АНТИКОРСЕТЪ или БЮСТГАЛЬТЕРЪ.**

Извѣстное и признанное во всѣхъ европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ изобрѣтеніе, вполнѣ замѣняющее корсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ, даетъ въ продолженіе цѣлаго дня полное свободное движеніе и рекомендуется всѣмъ безъ исключенія дамкамъ и даже страдающимъ беременнымъ, исправляя грудь, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующимъ, занимающимся всякаго рода спортомъ и т. д., въ чемъ свидѣтельствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.—Бюстгальтеръ изготовляется изъ лучшихъ корсетныхъ материаловъ, наиболее практичныхъ и модныхъ цвѣтовъ.

ЦѢНЫ: А. А. В. С. D. Д. шелк.
3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 8.50 к.

Детальные заказы высылаются почтоу повсемѣстну наложеннымъ платежомъ съ причисленіемъ за пересылку всего за 2 фута.

При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхнихъ или тесьмой по рисунку:

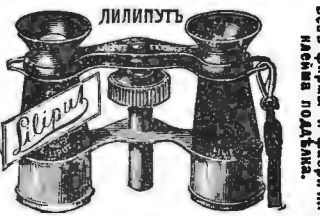
1) Полную окружность груди (со спинкою), мѣра на платъ подъ мышкой отъ А до В.—2) полную окружность талии отъ С до D.—3) Высоту бока отъ А до С.

Ц. № 10166 6-1

Адресъ для письменныхъ заказовъ:
Варшава, „ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ“
Сенаторская, 26.

МИНИАТЮРН. А. РО. АТАЧ. БИНОКЛЬ

Безъ фирмы и фабрич. имени подделка.

со широк. въ замшевомъ кошелкѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Европ. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дороже. „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени. Удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

К. КРАУСЪ и К^о.

Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ. СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССИИ С.-Петербургъ, Мойка, 42.

Иллюстр. пр.-кур. высш. за сем.-коп. марку.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

МОСКВА,

Петровскія линіи, д. Полякова, подъѣздъ № 7.

И. А. ВЕРНЕРЪ.

Фонोगрафы элентрическіе заводныя разныхъ системъ. Синематографы Эдисона съ картинами Люмьера. (2)

Кинетографы Ньютона и др.

Громадный выборъ лучш. пластинокъ.

Гарантия на 3 года. Обученіе.

2000 машинъ продано въ Россіи.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

„КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ?“

„Какъ создать доходное и самостоятельное занятіе?“

Сочиненіе Инездирбъ.

Переводъ А. И. В.

480.000 экзemplаровъ. 48-е американское изданіе. Переводъ съ англійскаго.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Занятія, дѣла, нѣдѣля, производства, приведеніе въ исполненіе которыхъ не требуетъ никакой особенной обстановки или таковой, которая не представляетъ никакихъ затрудненій и можетъ быть учреждена дѣмой или мужиной при самыхъ незначительныхъ расходахъ (5 р. и бол.)

II. Множество интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по хозяйственному и домашнему отдѣлу, которыя позволяютъ каждому необходимыми средствами въ этой книгѣ найти соответствующее и подходящее; здѣсь указаны пріемы обращенія времени и труда въ денежную единицу. № 10155:4-1

Цѣна книги съ перес. 2 руб.

Для полученія книги, высылать деньги г-ну директору издательской фирмы „Полиглотъ“, Нѣжинская, 26. Одесса.

НОВОСТЬ!

АНШАРАГЪ МИНИОНЪ ДЛЯ УСОВЪ,

придающій мгновенно всякую железу пушистую форму. Цѣна 1 р., съ пересылкою въ Европ. Росс. 1 р. 40 к. Шведская безопасная бритва, единственно удовлетворяющая всякаго по качеству и практичности, 3 р.

„Вазаръ польза и забава“. Г. Габгардтъ. СПб., Симеоновская ул., 5

НОВОСТЬ!

Машинка для набивки крученыхъ напирозъ разныхъ размѣровъ „ВОЛГА“ 10 шт. напирозъ въ минуту. Всѣхъ съ упаковкою 7 ф.

Цѣна 6 рублей.

Можно получать у:

Липанъ и Риксъ, Б. Морская, 28. Братъ Ш. Пшаль, Невскій, 30. Н. Чернохостовъ, Гостиный Дворъ, Зеркальная лин., 31. Гл. Представитель. КОНСТ. РОДЕ, С.-Петербургъ, Б. Подъячская, 23.

PRECIOUSA VIOLETTE
 ПРЕЛСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неалкальная и неослабляющая.

ED. PINAUD
 PARIS

НОВОСТИ!
 Безопасная бритва „Роза“ изъ самой лучшей стали. Въ употребленіи свыше 20000 штукъ, цѣна 2 р. 90 к.

ВОЛШЕБНОЕ КАРМАННОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ
 съ появленіемъ разныхъ фигуръ, какъ-то: „Веселаго кутяма“, „Танцовщицы“ и мл. др., слѣдуетъ только слегка подуть на зеркальце. Забавно, погѣшно и практично. Цѣна 55 коп.; 3 шт. 1 р. 50 коп.

ГИБКАЯ ДЕРЕВЯКА ПРАКТИКЪСОЪ
 изъ англійской никелированной стали, служитъ болѣе 25 лѣтъ. Прелестное украшеніе письменнаго стола. 1 шт. 1 р. 25 к., 3 шт. 3 руб. Высылаютъ наложеннымъ платежомъ Германъ Рейхель. Складъ новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82.

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ

DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуется также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Монъ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12.
 Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ОСОБО

УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩЕЯ ПРОЧНОСТЬЮ

ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ

БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА ТОЛЬКО ВЪ СПЕЦІАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ БЪЛЪЯ

Ю. ГОТЛИБЪ. Владимірская, д. 2, уголъ Невскаго.

Крученые въ 2 нити 1 р. 50 к., въ 3 нити 1 р. 75 к., въ 4 нити 2 р. При выпискѣ необходимо: вѣздатокъ, мѣра пояса и длина. Менѣе 3-хъ не высылаются.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (73)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

УМЫВАЛЬНИКИ И КРОВАТИ

А.Е.ПРЪЛОВСКІЙ

ГОРОХОВАЯ № 27-
 ИЗДѢЛІЯ СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

ДѢТСКІЯ КОЛЯСКИ.

ПРОШУ ИСПРОБОВАТЬ!

ДУХИ НА ВСѢХЪ.

Кавказскіе, лотъ	— 20 к.
Французскіе	— 25 к.
Англійскіе	— 35 к.

Высшій сортъ англійск. лотъ 50 к. Флаконы отъ 1 р. до 10 р. За добротачивенности ругаемъ. Имѣется 120 разныхъ запаховъ.

АЛЕКСАНДРЪ И К^о
 С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 15.
 Каталоги высылаются бесплатно.

ПРЕВОСХОДНЫЕ ОВОЩИ и ФРУКТЫ

помогъ получить каждый при рациональномъ употребленіи вагнеровскихъ тушовъ, марки AG, PKN и СВК: пудъ—по 6 р. (безъ доставки). Наставленіе прилагается въ каждомъ отправленіи.

Главн. складъ **Г. ФРИКЪ**, С.-Петербургъ, Адмиралт. пр., 10.

БУХГАЛТЕРІЯ.

Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по прѣпискѣ. Бол. зол. медалью методу. С. Я. Липантъ, Москва, Бутырскі, № 49. Ц. № 10397 1—3

СТЕПНОЙ КУМЫСЪ.

Серебр. мед. на Всерос. вост. 1896 г. Специально для экспорта (не портится) Личикъ (80 бут.) 30 р. съ доставкой по ливнямъ ж. д. Пробн. бутылка и наставка. 1 р. Адресъ: Самаро-Златоустовск. ж. д., ст. Смишляевка, Постиникову.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (3)
 Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр № 52 прот. Имп. Публ. Библиотекы. Подробный каталогъ, прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Вышелъ новый прейсъ-курантъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,
 Москва, Петровка, № 2,
 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ на ОСЕННІЙ сезонъ 1897 г.

Высылаются БЕЗПЛАТНО всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи. При выпискѣ на 50 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ. Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, но вслѣдствіе громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.

Ц. № 10471 2—1

Замечено, что бѣгъ на лыжахъ, требуя усиленнаго движенія на вольномъ воздухѣ, весьма благотворно отражается въ физическомъ отношеніи на организмъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ: блѣдный цвѣтъ болѣзненное или унылое выраженіе лица уступаетъ мѣсто здоровому румянцу и прекрасному расположенію духа, глаза получаютъ блескъ, грудь расширяется отъ притока чуднаго зимняго воздуха и все тѣло пріобрѣтаетъ замѣтельную гибкость и ловкость.

ЛЫЖНО-ПАРУСНЫЙ СПОРТЪ.

Незамѣнно эффектный подарокъ къ Рождеству для взрослыхъ и дѣтей.

Народившійся въ связи съ бѣгомъ на лыжахъ (см. рефераты К. Кометса „О бѣгъ на лыжахъ“ въ № 6 *Нивы* 1893 г. и въ суб-ботнемъ приложеніи *Новая Времени* отъ 18 января 1897 г.) новый лыжно-парусный спортъ, по заманчивости своей, справедливо называемый „Паремъ зимняго Спорта“, возбудилъ небывалый интересъ всѣхъ спортсменовъ. Столь увлекательный лѣтомъ парусный спортъ находитъ теперь громадное примѣненіе въ зимнее время среди лыжебѣжцевъ. Лыжно-парусный спортъ несравн. интересенъ одиород. водяного, въ виду его абсолютной безопасности и удобства примѣненія. Въ настоящее время каждый лыжебѣжецъ имѣя норвеж. бѣговья лыжи—скороходы и патентов. лыжный парусъ, можетъ производить всевозм. яхтенныя эволюціи съ парусомъ на снѣжной поверхности (см. рис. 1 и 2), напр. лавировку (катиться на лыжахъ подъ боковымъ вѣтромъ) и пр. Изъ массы нашихъ спортсменовъ навѣрно никто не имѣлъ еще случая испытать дивныя ощущенія—летѣть на парусахъ, какъ птица, съ распушенными крыльями, по занесеннымъ снѣгомъ полямъ, дугамъ, стенамъ, озерамъ и рѣкамъ.

Для лыжно-паруснаго спорта пригодны лишь норвеж. бѣговья лыжи—скороходы (норм. типа), изготовляемая по особому указанію для снабженныя обязательно норвеж. паточными ремнями съ механич. регуляціей, усоверш. образца (пружинящія). Безъ означенныхъ ремней невозможно направлять (переключать) лыжи при лавировкѣ и дрейфѣ, такъ какъ пятка ноги, лишняя точка опоры, легко выступитъ изъ лыжной колоды и въ подобныхъ случаяхъ лыжебѣжецъ неминуемо падаетъ.

На парусныхъ лыжахъ, не снабженныхъ патентов. рѣзцами, можно лавировать лишь по снѣгу (но не по льду, на которомъ лыжи „разбѣгаются“), если края лыжъ не притупились (не округлились). Въ противномъ случаѣ притупш. края лыжъ не представляютъ достат. упора при лавировкѣ (когда парусныя лыжи склоняются на бокъ, вѣрзаясь краями въ снѣгъ) и замѣч. дрейфъ, т. е. при лавировкѣ лыжи, вслѣдствіе недост. бокового упора, начинаютъ сносить въ сторону. Описанное неудобство устраняется патентов. лыжными рѣзцами, которые не только препят. дрейфу (сносу), но даже даютъ возможность произв. лавировку на тѣхъ-же лыжахъ и по ледяной поверхности. Последнее преимущество патентов. лыжныхъ рѣзцовъ неопцимно въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходится кататься на парусныхъ лыжахъ не исключ. по одному снѣжному покрову, но также и по ледяному пространству, мѣстами занесенному снѣгомъ, причѣмъ патентов. лыжные рѣзцы функционируютъ въ подобныхъ случаяхъ какъ копыла.

Патентованный парусъ для лыжебѣжцевъ изготовл. специал. покроя, легко-равноборнаго типа. Несоставную оснастку патентов. лыжнаго паруса образ. крестовина (съ поперевной въ нижней половинѣ) изъ двухъ длинныхъ бамбуков. палокъ. Въ виду неудобства транспортир. къ мѣсту катанія на парусахъ длинныхъ палокъ, спец. складъ лыжъ К. Кометса предлагаетъ патентован. составную бамбуковую оснастку для лыжнаго паруса, удобно складывающ. и замѣняющую въ пути лыжные палки. Оснастка лыжнаго паруса должна быть обязательно бамбуковая, въ виду чрезвыч. легкости и замѣч. прочности японск. бамбука, имѣющаго кольцеобраз. выступы (козлы), которые образуютъ прекрасную, невыскальзыв. опору для рукъ. Оснастка изъ друг. породъ дерева слишкомъ непрочна для напора вѣтра, а вмѣстѣ съ тѣмъ тяжеловѣсна и обремен. для лыжебѣжца.

Натяжка патентован. лыжнаго паруса производится слѣдующ. образомъ: развѣнувъ парусъ, втыкаютъ въ кольца, находящіяся на верхнихъ углахъ паруса, верхніе концы парусной оснастки. Нижніе концы оснастки вкладываются въ патентов. металл. регуляторы, висящіе на нижнихъ углахъ паруса. Цѣпочка съ засовомъ, прикрѣпленная также къ нижнимъ угламъ паруса, пропускается въ кольцо регулятора и, потянувъ, получается требуемая натяжка паруса. Чтобы удержать цѣпочку въ натянут. положеніи въ колечкѣ патентов. регулятора, слѣдуетъ просунуть въ ближайшее къ колечку звено цѣпочки засовъ, которымъ заканчивается цѣпочка.

При наступившемъ штлѣ (безвѣтрн) для моментал. разборки патентов. паруса необходимо лишь выдернуть означенный засовъ изъ звена цѣпочки, послѣ чего парусъ отходитъ отъ оснастки, свертыв. въ трубочку и закидыв. чрезъ плечо лыжебѣжца, который и продолжаетъ свой путь на лыжахъ, превращая оснастку паруса въ лыжные палки.

Для быстрой остановки летящаго на парусахъ лыжебѣжца слѣдуетъ отпустить парусъ по вѣтру.

Для сварженія лыжебѣжца рекомендуемъ: 1) Нормальныя шапки д-ра Нансена (рис. 3 и 4) съ откиднымъ козырькомъ и откидными же наушниками и затылочникомъ, кото-

рые прекрасно защищаютъ какъ глаза отъ вреднаго вліянія солнечнаго свѣта, или блеска снѣга на сѣточку глаза, такъ уши и шею отъ холода. Нормальныя шапки д-ра Нансена замѣняютъ какъ мѣшковой воротникъ, такъ шарфъ и башлыкъ, лишь затрудняющіе въ движеніяхъ. Какъ наиболее практичный и красивый головной уборъ, нормальныя шапки д-ра Нансена сразу всѣмъ пользуются и замѣчательно быстро вытѣсняють извѣстныя у насъ до сего некрасивыя шапки безъ козырька (барашковыя, мерлушковыя, суконныя). Цѣна: драп. или сукон. на теплой подклад.—2 р. 25 к.—2 р. 50 к.; съ опушкой чернаго или сѣ-

Въ новомъ иллюстрированномъ массовъ рисунковъ изданіи „Фритъофъ Нансенъ“ помѣщено описаніе единственнаго въ мірѣ путешествія „На лыжахъ чрезъ Гренландію“. 363 стр. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 3 руб. Выписыв. лыжи изъ склада К. Кометса за перес. книги не платятъ. Бѣговья, охотничьи и парусныя лыжи и перечисленная принадлежности къ нимъ, представляющія небывало эффектный подарокъ къ Рождеству, высылаются налож. платеж. при задаткѣ 1/2 стоимости заказа (можно почтовыми марками).

При заказахъ желателно сообщать вѣсь покупателя и описаніе характера жѣстности (равнина, гористая, лѣсистая) для выбора лыжъ и парусовъ соответствующаго размѣра и типа.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ЛЫЖЪ К. КОМЕТСА.

Контора: С.-Петербургъ, Ждановская ул., № 17—19, кв. 3.

Въ виду усиленныхъ требованій къ началу зимняго сезона, заказы необходимо присылать заблаговременно. Для отвѣта на запросы прилагать двѣ 7 коп. маркы.

Въ отвѣтъ на поступающіе многочисленныя запросы симъ объявляется, что норвежскія бѣговья лыжи-скороходы, снабженныя норвежскими пятчочными ремнями (усоверш.), считаются самымъ быстроходнымъ типомъ лыжъ, наиболее подходящимъ для климатическихъ и территоріальныхъ условій Россіи. При выпискѣ не менѣе 5 паръ лыжъ—скидка 10%.

При этомъ не прілагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Л. Я. Столкина въ Иоскѣ.

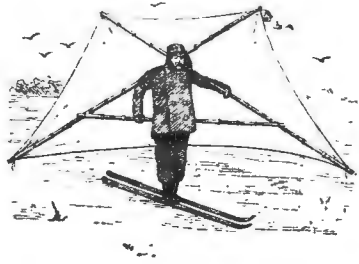

Рис. 1. Лыжебѣжецъ въ нормальной шапкѣ д-ра Нансена, подъ прямымъ вѣтромъ.

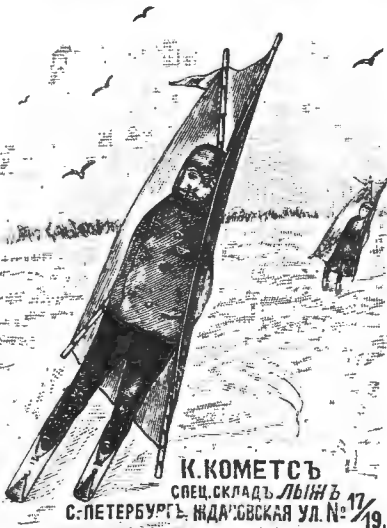

Рис. 2. Лавировка при боковомъ вѣтрѣ.

К. КОМЕТСЪ
СПЕЦ. СКАДЪ ЛЫЖЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЖДАНОВСКАЯ УЛ. № 17/19.

Рис. 4.

2) Для ногъ—патентов. лыжные ботинки (рис. 5) изъ англ. фильца, съ подошвой изъ несколькихъ рубчатой резины и эластич. резинов. каблукомъ, при которомъ не ощущается сотрясеніе. Цѣна 3—4 р. При заказ. прилаг. очертаніе ноги съ надѣтымъ чулкомъ. (См. № 6 *Нивы* 1896 г.)

3) Для рукъ—толпыя самоѣдныя рукавицы (см. № 6 *Нивы* 1896 года) изъ двойнаго оленьяго мѣха (волосами внутрь и наружу), за пару 2 р. 50 к.—3 р. Для заказа рукавицы прил. очертаніе руки съ вытнут. пальцами. Изъ бѣговьяхъ лыжъ длиной 6—7 фут. считаются дѣтскими, 8—9 фут.—дамскими и 10—11 фут.—мужскими.

Норвежскія бѣговья лыжи—скороходы (нормал. типа) для бѣга и паруснаго примѣненія. Наиболее элэг. и быстроход. типъ бѣговьяхъ лыжъ, съ значит. загибомъ передка. Лакиров. 6'—5 р., 7'—5 р. 70, 8'—6 р. 25, 9'—7 р., 10'—7 р. 50, 11'—8 р.

Норвежскія телемаріенскія лыжи (горныя), съ большимъ загибомъ передка. Лакированныя 8'—7 р. 10, 9'—7 р. 50.

Японскія бѣговья лыжи для бѣга по равнинамъ, съ малымъ загибомъ передка. Импрегниров. 6'—1 р. 50, 7'—2 р. 40, 8'—3 р., 9'—3 р. 50, 10'—4 р., 11'—4 р. 50.

Калискія лѣсовыя (охотничьи) лыжи, для лѣсныхъ мѣстъ. Импрегнирован. 7'—3 р. 50, 8'—4 р. 20, 9'—4 р. 70.

Изъ казенныхъ лыжъ лакиров. или выборныя (охлаждающія) на 50—75 к. дорож. Лак. сорта на 35—50 к. дешевле. Самоѣдныя лыжи съ бѣговой поверхностью, подбитой оленьимъ мѣхомъ. Чрезвыч. удобный подъемъ въ гору. 6'—3 р., 7'—3 р. 50.

Патентованныя лыжные паруса съ патентов. металл. регуляторами для момент. сборки или разборки: а) съ несост. вной—бамбуковой оснасткой: для субьекта въсомъ 2 1/2 пуда—8 р., 3 пуда—9 р. 50 к., 3 1/2 п.—10 р. 25 к., 4 1/2 п.—11 р. 50 к., 5 п.—12 р., 5 1/2 п.—12 р. 50 к., 6 п.—13 р. 75 к., 6 1/2 п.—14 р. 50 к. б) Также-же паруса съ патентов. составн. бамбуковой оснасткой, чрезвыч. удобной въ пути, на 2 руб. дорож. Патентован. лыжные рѣзцы для парусныхъ лыжъ 2—3 руб. за комплектъ.

Продажа патентованныхъ лыжныхъ парусовъ и рѣзцовъ къ паруснымъ лыжамъ производится исключительно специальнымъ складомъ лыжъ К. КОМЕТСА въ С.-Петербургѣ (Ждановская ул. 17/19), который является единственнымъ собственникомъ заявленнаго въ Россіи привилегіи на означенные предметы. Поддѣлка привилегіи преслѣдуется закономъ.

Принадлежности: носковые ремни—25, 40 и 55 к. за пару. Норвежскіе носковые и пятчочные, усоверш., съ механич. регуляціей, для свободнаго и элэгант. бѣга—2 р. 50 к. Лыжные палки съ камыш., переплет. кожей, кружкомъ (тарелкою) на ниж. концѣ, препятствующимъ палкѣ уходить въ снѣгъ: парныя (короткія)—55 и 65 к. Японск. бамбука—2 р. Одночныя (длиныя) простыя—35 и 50 к. Японская бамбука—1 р. 10 к. Палки съ захваткой—упоромъ для рукъ, недопускающей скользитьъ рукъ по палкѣ, на 10 коп. дорож. Лыжня мазь—35 коп. Щетка для смазки лыжъ—12 коп.

Рис. 5.

Рис. 3.

XXVIII г.

г. XXVIII

№ 40

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выдана 4 октября 1897 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. X (Сборникъ «Нивы» за Октябрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ОКТЯБРЬ 1897 г. съ 30 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 29 рис. вышивальныхъ работъ.

Юродивый. Съ карт. К. Пынѣва (собств. „Нивы“), грав. Хелмицкій.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. М. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе.)

XXX.

Елена Борисовна сегодня вся—лихорадка ожиданія. Третьяго-дня уѣхалъ Николай Львовичъ. Раньше, какъ было условлено. Сегодня, поздно вечеромъ, сидеть она въ вагонъ за двѣ станціи отъ города. Сеничка утромъ являлся съ сообщеніемъ, что копровскіе приказчики безперечъ сторожать въ вокзалѣ. И, разумѣется, вдвоемъ, и Слоновъ передалъ ей быть поосторожнѣе—потому Моисей Лукичъ свыше всякой мѣры ехидствуетъ и злоумышляетъ что-то... Еликонида—та ей поклонъ посылаетъ, хоть Семень Гордеичу дивно было, чего она такъ блѣднѣла при этомъ. И дергало ее всю, и луповатые глаза такъ и свѣтились, какъ у кошки.

— У васъ съ нею—ничего не было?

— Нѣтъ... А только она боится Слонова и, вѣрно, на Николая зла?

— И то можетъ быть... Хоть съ Милиономъ Савичемъ—она совѣмъ какъ энженю...

Елена Борисовна засмѣялась. Лупетка, монастырская келейница—и вдругъ въ столь несвойственной ей роли.

— Ей-Богу—энженю. Лукавить, кокетничаетъ. На купеческій манеръ, разумѣется, да гдѣ же ей другого достать. Простая мѣщанка!

Пуни и Нюня съ ногъ сбились. Одной корзины для припасовъ оказалось мало. Понадобилась другая.

— Да куда мнѣ это, ради Бога!

— Сами не съѣдите—офицера угостите.

— Какого офицера?—удивилась Елена Борисовна.

— Какъ какого? На желѣзной дорогѣ всегда офицеръ есть. Вы ему предложите курицу или пирога... Посмотрите, какъ благодарить будетъ. Вамъ цѣлую скамейку для спанья устроить. Посторожить васъ. Сунься вашъ Моисей Лукичъ—онъ его такъ встрѣтитъ. Лишній кусокъ въ пути много значить.

— Ну, сестрица,—негодовала чувствительная Пуня.— Елена Борисовна изъ себя такаа красавица, совѣмъ какъ Аделаида у Ксавье-де-Монтенена. Она и безъ курицы найдетъ себѣ вѣрнаго рыцаря. Каждый за счастье почтеть—умереть у ея ногъ...

— Зачѣмъ умереть?

— Вы, сестрица, отстали. Въ благородныхъ романахъ—всегда у ногъ умирають. Такъ говорится по изящному. Или изнемогають отъ чувствъ.

— Ну, тебѣ это лучше знать. Ты—молоденькая. Поѣхала бы сама по желѣзной дорогѣ. Можетъ и тебѣ бы встрѣтился, который...

— Ахъ, что вы. Стыдъ какой!

И цѣломудренная Пуня почему-то кинулась на шею Еленѣ Борисовнѣ и замерла.

— Душоночекъ,—шептала она ей на-ухо,—когда она будетъ обнимать васъ—вспомните про меня... Пожалуйста вспомните... Дайте слово, что вспомните,—а я здѣсь думать объ этомъ буду и какъ только почувствую толчокъ въ сердце—сейчасъ же пойму, что вы вспомнили... Вспомните, да?

Елена Борисовна, смѣясь, готова была дать какія угодно обѣщанія.

Сеничка стоялъ около, смущенный и печальный.

Онъ видѣлъ, что „на этомъ праздниѣ жизни“ ему собственно не было мѣста. Ну, куда съ разорваннымъ картузомъ въ рукахъ ему думать о томъ, что такъ легко доставалось другимъ... Онъ скромно отошелъ въ сторону, не замѣчая даже, что черезъ голову сидѣвшей Елены Борисовны Пуня кидала на него нѣжные взгляды. Она—даже разъ окликнула его:

— Семень Гордеичъ!

— Чего-съ,—отозвался онъ, повернувъ свою хохлатую, какъ у трясогузки, головку.

— Что вы такой грустный?

— Мнѣ нельзя иначе...

— Почему нельзя? Вонъ у Габоріо виконтъ де-Лармиеръ тоже все ходилъ мрачный, пока не встрѣтилъ свою судьбу въ образѣ простой крестьянской дѣвицы Розины...

Семень Гордеичъ не нашелся-было. Только потомъ вдругъ встрепенулся и, вылупивъ грудь до послѣдней возможности, произнесъ:

— Я, сударыня, въ свое время, тоже королей и герцоговъ изображалъ... Однихъ убійствъ, дуелей и благородныхъ поступковъ на моей памяти—не счесть, и за всѣ удостоивался аплодисментовъ. Меня въ любовныхъ сценахъ публика ободряла даже до неистовства. Купчиха одна, Шематонова—та на весь театръ кричала: „Возьми меня, вся—я твоя“. Не глядя на мужа—а тотъ при этомъ тоже присутствовалъ въ ложѣ и мужчина былъ столь обстоятельный, что антрепренеръ нашъ отвелъ меня въ сторону и говорить: „Ну, Лелечкинъ, заказывай, братъ, заранѣе по себѣ панихиды!“ Теперь я въ ничтожествѣ пребываю, ибо судьба меня очень даже ушибла. Я не что иное, какъ червь пресмыкающій,—но высоту чувствъ въ груди сохранилъ. Это, наприимѣръ, Николаю Львовичу извѣстно, и тотъ меня удостоилъ дружбы не даромъ. На что Слоновъ. Нѣкоторымъ образомъ—крокодилъ, а и тотъ вчера говорить: „тебѣ, Лелечкинъ, цѣны не знаютъ... Не между нами, дураками, жить бы тебѣ.“ Что-жъ,—я терплю пока.

Укладываться Еленѣ Борисовнѣ много не приходилось. Все, что у нея было, оставалось въ домѣ у Моисея Лукича; изъ его лѣсной потайны выскочила она какъ была—и, разумѣется, не посылала въ городъ за гардеробомъ. Въмѣсто него сюда бы явился старикъ съ полиціей и мужемъ на придачу. Она и то боялась, чтобы Еликонида, за которой водились эти грѣхи, не написала Копрову о томъ, гдѣ Елена Борисовна и когда она собралась выѣзжать. Ее успокоило только увѣреніе Семена Гордеича, что лупетка ничего этого не знаетъ. Милитонъ Савичъ самъ отвелъ его въ сторону и предупредилъ: „ты, при бабѣ-то, языкъ себѣ мертвымъ узломъ свяжи. Потому у нихъ всякій секретъ сейчасъ налицо. И безграмотный прочтетъ. Напоргить—поди, учи ее потомъ по скулѣ—дѣла-то не поправишь. Напугаетъ нашъ братъ, сейчасъ опомнится и развязаетъ, а наслѣдитъ да навертитъ узловъ баба—самъ чортъ въ нихъ растеряется. Такаа у нихъ сноровка, у подлыхъ“. Какъ только пробило четыре часа—Елена Борисовна начала прощаться. Дѣвицы Барсуковы искренно расплакались. Копрона все-таки оживляла ихъ однообразное, безцвѣтное существованіе.

— Кому мы опять нужны будемъ!—всхлипывала Пуня.—Никто на насъ и взглянуть не захочетъ. Развѣ отецъ Геронтій—такъ и онъ изъ своихъ видовъ, спасибо матери Клеопатрѣ—та намъ разъяснила все. Хоть бы вы заглянули когда, Семень Гордеичъ.

— Что-жъ,—шаркалъ тотъ,—я всегда-съ... Гдѣ понимаютъ истинное благородство.

— Пообѣдать!—приглашала его по своей части Нюня.—Вы скажите намъ, какія блюда любите.

Но Семень Гордеичъ былъ обидчивъ, даромъ пользоваться чужимъ столомъ ему казалось несогласнымъ со своимъ достоинствомъ.

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ, въ свободное время, на чашку чаю...

— Когда хотите.

— А я вамъ за это мопологи изъ старыхъ возвышенныхъ пьесъ наизусть читать буду съ соответственными тѣлодвиженіями.

До города часа полтора. Елена Борисовна упросила Лелечкина, чтобы тотъ не провожалъ ее даромъ. Ему отъ Барсуковыхъ къ себѣ было рукой подать,—къ тихому озеру и рыбнымъ ловлямъ. А отъ города—когда бы онъ еще попалъ! Наконецъ, у Нюни есть еще лошадь и бѣговья дрожки, и она мигомъ доставить его въ обитель. Копрова поручила ему на досугѣ передать ей письма матери Александрѣ, игуменѣ Клеопатрѣ и Софьѣ Владиміровнѣ Агушевой. Ей не хотѣлось уѣхать отсюда, быть-можетъ навсегда, не простившись съ ними. Вѣдь въ скукѣ и тоскѣ ея прошлаго ихъ ласка давала ей немногія минуты отрады и забвенія. Сенника обѣщала все, шаркала ножкой, вскидывала хохолокъ и, когда она садилась въ экипажъ, онъ, вспомнивъ старое, поцѣловалъ ей руку...

— По-элегантному!—объяснилъ онъ.— Я въ „Смерти отъ чести“ королевѣ Розамундѣ всегда такъ почтеніе оказывалъ.

Когда она въ отвѣтъ коснулась губами его лба — Лелечкинъ гордо оглянулся и понесъ этотъ лобъ, какъ величайшую святыню. Чуть не утонувъ въ слезахъ дѣвицы Барсуковыхъ—Елена Борисовна, наконецъ, приказала трогать, не зная куда ей дѣвать ноги отъ корзины со всякою ѣдою и нитьемъ. Можно было подумать, что Нюни представилась возможность неожиданной остановки поѣзда въ безлюдной пустынѣ, по крайней мѣрѣ, на недѣлю—столько она наготовила куръ, яицъ, пироговъ, котлетъ, банокъ съ вареньемъ, моченьемъ — всего не перечестъ даже. Елена Борисовна откинулась назадъ, приказавъ поднять верхъ. Ей теперь не хотѣлось быть узанной. Въ цѣломъ городѣ не было никого, съ кѣмъ ее тянуло бы проститься. Она, полузакрывъ глаза, задумалась о томъ, что ее ждетъ въ туманной дали, чѣмъ закончится вся эта мучительная, мелкая, унижающая ее борьба... Оттуда — изъ-за этой завѣсы будущаго, только и свѣтили ей горячо и нѣжно темно-синіе глаза любимаго человѣка, и, вспоминая его, она невольно страстно вздрагивала и думала про себя: еще два дня ожиданія, воображаю, какъ онъ волнуется и тоже считаетъ часы и минуты, бѣдный... И она потягивалась, какъ озябшая кошка, выпрашивающая ласки, не имѣя силы совладать сама съ собою. Всѣ эти дни, на глазахъ у чужихъ — она сдерживалась и притворялась и только сейчасъ, оставшись одна, не противилась больше волнамъ нахлынувшихъ на нее одуряющихъ воспоминаній.

Не долго только пришлось ей отдаваться этому настроенію.

Отецъ Геронтій былъ очень доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Пугнуль апонлексического купца жуеюломъ и геенной огненною, обстоятельно изобразилъ ему чертей, точно былъ хорошо знакомъ съ ними, и получилъ большую скидку на дрова для обители. Купецъ и по его отъѣздѣ трепеталъ всѣмъ чревомъ и никакъ найти себѣ мѣста не могъ. Потомъ монахъ съѣздилъ къ поставщику крупы и масла, улепетилъ его очаровательнымъ видѣніемъ Станислава 3-й степени въ петличку и тоже добился не малыхъ выгодъ для монастырской казны. Купчиха Симферопова давно жаждала чѣмъ-нибудь ознаменовать свое вдовство. „Поми-луйте,—сознавалась она, — десятый годъ по мнѣ мужняя палка не ходитъ, должна я это чувствовать или нѣтъ?“ Втайнѣ къ картинному отцу Геронтію она была равнодушна и иначе его себѣ не воображала, какъ монументомъ на Конной площади, гдѣ цыгане дуракамъ всякую калѣчу сбывали. Геронтій и къ ней заѣхалъ, пообѣдалъ съ нею, отслужилъ у нея панихиду о супругѣ (ей больше хотѣлось благодарственного мо-

лебна за его своевременную кончину), а потомъ, вздыхая, объявилъ: „живоносный источникъ у насъ. Многимъ богомольцамъ исцѣленіе приноситъ и даже такъ, что съ явнымъ воздѣйствіемъ, особенно кто ревматизмомъ жалуется или у кого жила не въ порядкѣ. Часовенку бы надъ нимъ каменную съ куполомъ — да денегъ у насъ нѣтъ. Работниковъ сколько угодно, а на матеріалъ финанцу—ахъ—мало!“ Купчиху осѣнило. Она немедленно заявила согласіе придти на помощь обители. Геронтій сначала почелъ долгомъ изумиться ея „все-щедрости“, но потомъ немедленно утѣшилъ ее тѣмъ, что Богу дать денегъ — самое лучшее помѣщеніе для капитала. Ибо ежели въ частныхъ банкахъ до пяти процентовъ даютъ—то тамъ тебѣ, вдовица благочестивая, во сто кратъ отплатятъ. Теперь онъ возвращался въ монастырь съ полнымъ спокойствіемъ человѣка, сверхъ мѣры исполнившаго свои обязанности, и одно только отуманивало его радость: какъ бы отецъ Варлаамъ насчетъ часовенки не заартачился. „Онъ вѣдь у насъ, что единорогъ. Упрется — ничѣмъ его не сдвинешь“. Дрова, крупа и масло—это было по части самого отца казначея, объ этомъ онъ и говорить не станеть. Изъ отчетовъ увидятъ, сколь онъ о монастырѣ печется. Былъ бы онъ игуменомъ—такъ ли бы обитель изукрасилъ. Да вѣдь не минуетъ его чаша сія. Рано или поздно—а придется ему взять ее подъ свою властную руку. „Что говорить, отецъ Варлаамъ — орелъ, но какъ орелъ слишкомъ высоко парить, земли-то иной разъ и не видитъ!“ Темнѣло — выѣхалъ онъ изъ слободки—видитъ, навстрѣчу барсуковскій фаэтонъ. Ужъ не дѣвицы ли собрались куда, а онъ къ нимъ на вечерній чай съ подовыми пирогами намѣревался. Что за чудо? Куда это „мироносица“ потянуло? И опять у него въ головѣ мелькнуло: „не завелся ли въ самомъ дѣлѣ офицеръ въ предмѣстѣ. Этакъ, пожалуй, и земли-то отъ монастыря уйдетъ“... Онъ замахаля руками кучеру.

— Стой, стой!

Тотъ сейчасъ же узналъ „барышнинаго“ обычнаго гостя и осадилъ коней.

— Господи... Вотъ не ожидалъ!—Отецъ Геронтій разсмотрѣлъ Елену Борисовну, откинувшуюся въ самый уголь.—Думалъ, у дѣвицы повидать васъ, и вдругъ какой сюрпризъ... Не къ мужу ли?

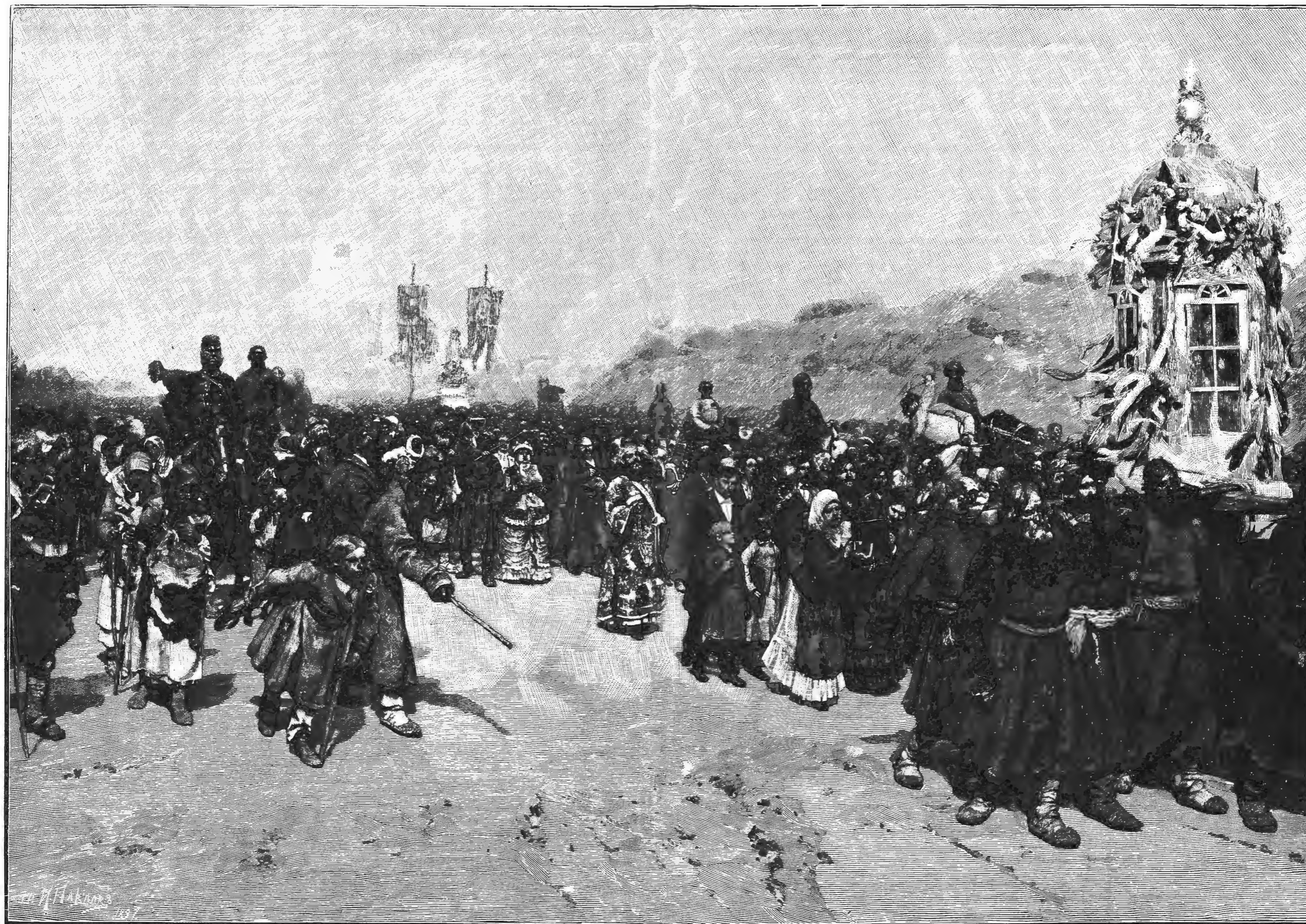
— Нѣтъ...—коротко отвѣтила она.

— Должно-быть по всѣмъ вѣдомостямъ, что нѣтъ. Самъ виноватъ Алексѣй Моисеевичъ. Далъ ему Богъ счастье—удержать не умѣлъ. Да и старикъ—точно полѣно въ колесѣ!..

Елена Борисовна молчала.

— И потому, что ежели иные осуждаютъ васъ по невѣжеству и малоумію, то въ томъ ихъ вина. Мнѣ Копровыхъ характеръ весьма извѣстенъ и даже такъ, что вчера еще я одну персону столь въ немъ убѣдилъ, что... А, впрочемъ, зачѣмъ вамъ дразни эти... Николая Львовича я всегда уважалъ и уважаю, у него душа открытая. Увидите—скажите, отецъ Геронтій какъ папеньку ихняго, такъ и ихъ весьма понимаетъ и цѣнитъ. Ежели и грѣхъ — такъ вѣдь грѣховъ много, и которые по естеству, тѣ грѣхи легкіе — особливо при покаяніи. И грѣхъ-то не на васъ, а на нихъ. Дай разводъ по чести. Обнаружъ свое благородство, окажи дамъ снисхожденіе, особливо, ежели изъ княжецкаго рода и къ мужицкому сиволапству не склонна. У Соломона премудраго шестьсотъ женъ было, и царица Савская въ томъ числѣ — что изъ сего слѣдуетъ?.. А то, что по наклонностямъ и грѣхъ судится. Нельзя каждаго однимъ и тѣмъ же кнутомъ стегать; другого, хоть и преступилъ онъ законъ—по головѣ поладь, ибо ему такъ указано... — и запутавшись въ своихъ выводахъ и посылкахъ, отецъ Геронтій протянулъ руку Еленѣ Борисовнѣ.—На счастье! дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь. Куда ѣдете?

Третьяковская галерея. „Крестный ходъ“. Съ картины И. Е. Рѣпина, грав. И. Павловъ.

Та чуть-было не сказала, да опомнилась.

— Заѣду въ городъ къ родственницѣ, а потомъ къ матери Клеопатрѣ.

— Почтенная особа!.. Подлинно, что изыскалъ ее Господь...

Геронтій, величественно покачиваясь на упругихъ подушкахъ монастырскаго тарантасика, покатылъ далѣе, а Елена Борисовна, вѣзжая въ городъ, опустила на лицо густую вуаль. Узналъ же ее отецъ казначей, могъ бы разглядѣть и Моисей Лукичъ. Зато такъ ея лица не отличить было въ сумеркахъ.

— Тутъ, пожалуйста, скорѣе... Черезъ городъ... Потомъ опять можешь тише. Подгони коней...

— Слушаю!

И онъ захлесталъ по неповиннымъ хребтамъ, такъ что лошади рванулись и мигомъ вынесли фаэтонъ изъ слободы на главную улицу. Вонъ домъ Моисея Лукича. Ни въ одномъ окнѣ свѣта нѣтъ. Стоитъ мертвый, точно никого живого тамъ. Старикъ Копровъ, вѣрно, въ церкви. Къ вечернямъ ударили, когда она еще была въ слободѣ, ну, а Алексѣй Моисеевичъ пообѣдалъ въ клубѣ да тамъ и остался. Заѣхать развѣ — вызвать горничную. Хоть пальто теплое захватить на всякій случай! Нѣтъ! Скандалъ подымется... Достаточно накидки, взятой ею у Шуни. Вонъ и слоновская хоромина. Издали слышно, какъ собаки во дворѣ за заборомъ на цѣпяхъ бѣсуются. Какъ она могла жить здѣсь? Терпѣть это все?.. И такъ долго! Два офицера идутъ по тротуару—обычные спутники ея поѣздокъ. Не узнали бы!.. Нѣтъ, — пристально посмотрѣли и не разглядѣли подъ вуалью вспыхнувшего лица Елены Борисовны. Великовозрастной гимназистъ, влюбленный въ нее, черезъ улицу перебѣжалъ. Все стихи сочинялъ ей, гдѣ слезы риювались съ розами — при чемъ первая теки изъ его очей, риюмававшихся съ бессонными ночами, а вторья, несмотря на хладъ ея сердца, цвѣли на ея щекахъ.

Кому-то онъ теперь будетъ писать ихъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ—еще два дня, и она никогда больше не увидитъ этого скучнаго гнѣзда, гдѣ такъ долго и безмолвно она мучилась. Большая площадь. Посреди соборъ, весь бѣлый, въ этихъ сумеркахъ—онъ кажется еще громаднѣе. Дома отъ него разбѣжались подальше, чтобы между нимъ и тѣми осталось какъ можно болѣе пустырей. Остановились на краю и только поблескиваютъ оттуда красноватыми глазами освѣщенныхъ оконъ. И площадь точно отошла. Новая улицы поскромнѣе. Смѣхъ слышится. Визгливые голоса. Гармоника неистовствуетъ... Скрипнуть дверь кабака, выскочила оттуда баба, подпоясанная подъ самыя груди, машетъ платкомъ, топчется и оретъ что-то несообразное, и вдругъ тишина, длинные заборы, рѣдко-рѣдко покосившійся домикъ, у воротъ на скамьѣ старикъ-мѣщанинъ. Телѣга, застрявшая посреди, и лошадь, опустившая голову, и никого больше...

Боже мой! Неужели она могла забыть? Только кладбищенская колокольня и напомнила ей. Вѣдь тутъ скоронена въ Балкашинскомъ углу ея мать... Та самая, ради покоя и благополучія которой она, Елена Борисовна княжна Балкашинская, вышла замужъ за Алексѣя Моисеевича Копрова. Бѣдная старуха скоро умерла. Счастливица—она по крайней мѣрѣ не видѣла и не знала, какое великое горе выпило изъ всего этого, а то бы измучилась и истерзалась вся—очень ужъ любила свою Лелю. Одна вѣдь у нея и была. Ни сына, ни дочери больше. Да, впрочемъ, при ней и старикъ Моисей Лукичъ только злобно сверкалъ глазами, но характера не показывалъ. Ему льстило, что у него каждый вечеръ чай разливаютъ сама княгиня Балкашинская, вдвойнѣ княгиня—потому что урожденная она княжна Борисовская-Огнева. И на обѣдахъ, которые на первыхъ порахъ задавалъ Копровъ цѣлому городу,—знайде нашихъ,—старуха-княгиня подавалась какъ самое

дорогое и рѣдкое блюдо. Она же снабдила его письмами въ Петербургъ и помогла завязать тамъ такія связи, что теперь его и рукою не достанешь. Деньгами бы ихъ не купить никакъ. Деньги на нихъ потомъ понадобились, и большія, но сначала онѣ развѣ только до швейцаровъ этихъ замкнутыхъ домовъ довели бы Моисея Лукича, не больше.

— Постой у кладбища... Не заперто оно?

— Въ церкви вечерня идетъ... Гдѣ ему запереться. Постѣ развѣ.

Дѣйствительно, изъ большихъ оконъ кладбищенскаго храма струится тихій и слабый свѣтъ. Даже, вслушавшись, Елена Борисовна различила отголосокъ какого-то пѣнія тамъ. Когда Копрова вышла и переступила черезъ ворота, ей стало жутко. Кругомъ густился сумракъ. Въ немъ все преобразалось, тяжелый камень дѣлался точно сквознымъ и воздушнымъ, размѣры увеличивались, линіи вытягивались. Большіе бѣлые кресты вдали казались призраками, поднявшими руки, изъ-за нихъ кто-то манилъ ее, кивая ей головою... Чьи-то широкіе рукава колебались въ воздухѣ. Часто ей, когда она шла между рядами могилъ, казалось, что впереди кто-то точно къ землѣ припадаетъ, ожидая, когда она пройдетъ, а позади, напротивъ, съ земли подымается, потому что она ужъ прошла... За церковью было еще темнѣе. Недвижно стояли призраки бѣлыхъ крестовъ, насупясь дремали старые памятники... Вонъ Балкашинскій уголъ. Она приостановилась, любясь въ потемкахъ его печальною и торжественною красотою. Почти уже безлистныя деревья не застигли его. Напротивъ, сквозь ихъ сѣтку онъ казался еще величавѣе со своими колоннами, пирамидами, бюстами и плитами... Да, тутъ всѣ, кто жилъ раньше ея, изъ сильнаго и богатаго когда-то рода, дивившаго чудачествомъ, а порою и преступленіями, для того, чтобы она, послѣдняя изъ Балкашинскихъ, вышла за Копрова и всею жизнью заплатилась за совершенное ими. Какая тамъ тишина. Странная! Тишина вездѣ бываетъ, но на кладбищахъ она особенная. Въ ней чудится. Какъ будто все притаилось и подъ этимъ наружнымъ безмолвіемъ и недвижностью своимъ порядкомъ течетъ иная жизнь, бьются невидимые пульсы, скользятъ воздушными путями неразличимые призраки, рождаются и умираютъ тысячи смутныхъ неопредѣляющихся желаній. Точно слабыя отраженія того, что чувствовалось и ощущалось давнымъ-давно, когда все это жило, дышало, любило и ненавидѣло. Кажется, надъ этимъ пустыннымъ уголкомъ еще витаютъ несбывшіяся надежды, разрушившіяся уюванія, неудовлетворенная жажда славы, счастья, сила, не отыскавшая себѣ никакихъ путей. Все, что родилось, росло—и оборвалось, не успѣвъ ничего сдѣлать, ни на чемъ оставить по себѣ памяти... Елена Борисовна оглянулась. Въ сумеречный часъ безконечное уныніе кладбища захватывало и ее въ замкнутый кругъ. Вонъ позади тихо струится слабый свѣтъ изъ церкви. Колокольня тонетъ во мракъ, и только въ сѣрой амбразурѣ ея чудится, точно висящій удавленникъ, старый разбитый колоколь. Какъ онъ печально звонилъ, медленно, рѣдко повторяя ударъ за ударомъ, когда хоронили ея мать. Грустнымъ привѣтомъ онъ встрѣтилъ ее еще тогда, когда ея гробъ только показался въ началѣ кладбищенской улицы, и все время повторялъ: сюда, сюда, сюда!.. Зашептали сухія вѣтви. Должно-быть, вѣтеръ чуть-чуть шелохнулся сонными крыльями и опять заснулъ... Нѣтъ, это не шопотъ вѣтвей. Кто-то говоритъ тихо-тихо... Кому бы? Елена Борисовна пристально всмотрѣлась въ Балкашинскій уголъ — тамъ между памятниками мелькнуло что-то черное, длинное, странное. Мелькнуло и къ землѣ припало, исчезло. Копрова вздрогнула-было, но она вообще не пугалась такъ легко. Сама даже улыбнулась надъ собою. Экъ нервы расшатались, и не мудрено—послѣ всего пере-

житаго ею! Она пошла туда, сливаясь сърымъ платьемъ съ господствовавшимъ здѣсь въ этотъ часъ колоритомъ. Такъ же съры были насыпи, памятники, кресты. Такъ же съры тучи на позднемъ вечернемъ небѣ, такою же съброю казалась церковь позади... Только съ каждымъ мгновениемъ все темнѣе и темнѣе ложились тѣни, и все гуще и гуще сосредоточивался сумракъ, прикрывая завѣсами дальнія могилы... Скоро она одно и видѣла передъ собою: рѣшетку Балкашинскаго угла. Странно, дверь ея была настежь отворена. Кому бы тутъ быть? Во всемъ городѣ не осталось никого изъ ихъ рода. Отецъ Антонинъ въ монастырѣ, да она—и больше никого. И Антонинъ не ихъ, а былъ только женатъ на ихней. Когда-нибудь и ее также подъ унылые и рѣдкіе удары колокола принесутъ сюда и сложатъ въ могилу, рядомъ съ ея матерью. Мѣста здѣсь еще много. Гораздо больше, чѣмъ осталось въ живыхъ князей Балкашинскихъ. Она безшумно двигалась между памятниками, припоминая ихъ и бессознательно уходя въ преданія ихъ рода, связанныя съ тѣмъ или другимъ мертвецомъ, лежащимъ здѣсь. Въ сущности, какъ всѣ онѣ, эти старыя легенды блѣдны. Ничего поэтическаго, похажога на то, что она читала въ средневѣковыхъ хроникахъ и романахъ. Или католическій міръ иначе настраивалъ людей. На ту же грубость, на тотъ же произволъ, на то же насиліе—онъ точно изящное кружево бросалъ, потому они и кажутся иными. А тутъ? Вонъ этотъ, подъ черной колонной, на которой еще не стерты его титулъ и кавалеріи. Засѣкалъ крѣпостныхъ, даже вѣшалъ ихъ; на глазахъ у жены держалъ гаремъ изъ грубыхъ и толстыхъ дѣвокъ, и когда княгиня, возмущенная, выведенная изъ себя, выговаривала ему — билъ ее арапникомъ, травилъ своимъ любимымъ псомъ “Налетомъ”—и, какъ оканчиваютъ сказанія, — когда она ему окончательно надоѣла — утопилъ ее въ старомъ прудѣ своей вотчины... И другіе были не лучше, только характеромъ послабѣе. Кровь стала жиже. Что тотъ дѣлалъ явно и смѣло, они—то же самое исподтишка, тайкомъ, по-воровски... Елена Борисовна опять вздрогнула. Тотъ же шопотъ, но уже болѣе ясный... Она пошла прямо на него. Черная плита чуть мерещится въ сумракѣ, надъ нею—распростертая черная тѣнь. Елена Борисовна наклонилась, дотронулась до плеча... Лежавшій лицомъ къ надгробному камню человекъ чуть шевельнулся... Боже мой! Да она узнаетъ его... Отецъ Антонинъ. Это онъ. Копрова еще сильнѣе коснулась его, тотъ, точно отягченную сномъ, тяжело поднялъ голову и опять уронилъ ее...

— Отецъ Антонинъ... Саша... Что съ тобой?..

Человѣчскій голосъ ударилъ его, хотя видимо словъ онъ не слышалъ. Быстро всталъ—дико оглянулся. Остановилъ большіе, полные слезъ, глаза свои на сѣромъ силуэтѣ, стоявшемъ рядомъ. Вѣки его приподнялись еще. Онъ протянулъ руки—дрожавшія, странныя въ этотъ часъ, въ широкомъ черномъ сукнѣ рясъ... Точно защищался ими отъ какого-то призрака... Задрожалъ весь, хотѣлъ крикнуть—но пересохшее горло захрипѣло, и, вдругъ закрывъ себѣ лицо, кинулся прочь.

— Отецъ Антонинъ!—звала она его.—Это я... Елена Борисовна...

Шестель его платья слышался уже вдали.

— Копрова... Постой, Саша... Неужели ты не узналъ меня?..

Какой-то звукъ послышался, не то сдвоенное рыданіе, не то хрипъ нечеловѣческаго ужаса. Въ послѣдній разъ мелькнула длинная черная тѣнь между сѣрыми крестами.

— Что это съ нимъ?

Она припомнила его лицо, глаза, какими она ихъ видѣла сейчасъ, сію минуту. Безумные, совсѣмъ безумные. Неужели онъ помѣшался. Или былъ тутъ надъ плитою, подъ которою похоронена его жена, и, невзначай увидѣвъ Елену Борисовну, принявъ ее за призракъ,

за выходца съ того свѣта. Неужели онъ такъ суевѣренъ. А впрочемъ, что онъ сдѣлалъ съ своими нервами—не мудрено. Завтра, при свѣтѣ Божьяго дня, самъ пойметъ все... А теперь. Да еще если долго оставался здѣсь, казился, плакалъ, весь въ прошломъ былъ и мыслью, и сердцемъ. Опять часъ за часомъ, мигъ за мигомъ переживалъ грустныя были... Да, разумѣется, такъ. Она наклонилась къ чему-то лежавшему на плитѣ. Что это такое? Черезъ блѣднѣе вѣнокъ ея—брошено кадило... холодный пепель ладана... Должно-быть, отецъ Антонинъ служилъ панихиду... У черной плиты на землѣ лежитъ риза...

Можетъ-быть, вернется... Опомнится, наконецъ...

Елена Борисовна отыскала мраморный крестъ своей матери, упала передъ нимъ на колѣна, прижалась горячимъ лбомъ къ его холодному камню, и вся ушла въ молитву... „Мама — прости... Ты видишь сама—могу ли я иначе. На всемъ этомъ большомъ свѣтѣ—нѣтъ мнѣ иного пріюта...“ Что-то еще безсвязно шептала она, крестилась торопливо, прислушивалась—и опять оставалась такъ безъ словъ, вся застывшая, вся недвижимая, точно ожидая чего-то... „Я уйду къ нему,—опять начинала она,—уйду къ нему. Онъ одинъ вѣдь. Я люблю его! Другого пристанища не найти. Я не могу съ ними, не могу. Ради тебя я терпѣла ихъ. Но теперь они не нужны тебѣ, не нужны—мама. Прости, прости!..“ Въ отвѣтъ ей что-то шуршало въ травѣ. Гдѣ-то уныло посвистывалъ вѣтеръ и съ сухимъ шорохомъ гналъ черезъ могилы опавшіе листья... Пора... Больше ждать некогда. Пропустишь поѣздъ. Еще долго придется ѣхать на лошадахъ... Она вытерла глаза, встала, въ послѣдній разъ припала губами къ мрамору памятника—и прошептала ему: „если бы ты знала, дорогая, какъ я несчастна!.. Какъ несчастна!“ — и торопливо пошла прочь—на тусклый свѣтъ церковныхъ оконъ. Вечерня окончилась. Священникъ тихо направлялся къ выходу. Какія-то старухи шмыгали въ сторонѣ. Прихожанъ было здѣсь не много.

— Батюшка!

Старикъ остановился. Пытливо взглянулъ во мракъ и, различивъ даму, спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Я матушкиной могилѣ приходила поклониться и застала въ Балкашинскомъ углу—родственника нашего, монаха, отца Антонина. Онъ женатъ былъ на моей кузинѣ... Надъ ея могилою застала. Должно-быть онъ разстроенъ былъ или потрясенъ. Только, увидѣвъ меня, испугался и кинулся прочь... Тамъ на плитѣ онъ оставилъ кадило и ризу...

— Бываетъ... все бываетъ... ежели человекъ не въ себѣ... Бываетъ.

— Не прикажете ли отослать ихъ въ подворье монастырское... Тутъ недалеко.

— Хорошо. Я скажу сторожу... Бываетъ, все бываетъ... Елена Борисовна?

— Да! А вы меня знаете?

— Матушку и батюшку вашего хоронилъ. Помню... Особенно батюшку... Я и дѣда вашего зналъ. Какъ въ старое время поэтъ Державинъ такихъ же изображалъ: „великоблѣнный князь Тавриды“... Да, все уходитъ изъ міра и вновь приходитъ, чтобы также уйти. Васъ тоже дѣвочкой встрѣчалъ и взрослую хорошо помню. Сколько разъ видѣлъ! Панихиды вы пріѣзжали служить. Ну, дай вамъ Богъ счастья.

Старикъ говорилъ слабымъ голосомъ, но необыкновенно искренно и сердечно... Что-то точно по сердцу ударило Елену Борисовну. Она вдругъ наклонилась...

— Батюшка, благословите меня...

Онъ воззрѣлся на нее... Подумалъ... Поднялъ руку.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!.. Не плачь, не плачь. Все пройдетъ, какъ они прошли,—оглянулся онъ на потѣмнѣвшее кладбище.—Все пройдетъ—и ничего не останется... И горе пройдетъ, и ра-

дость... Одно добро жить будетъ въ памяти людской... Не плачь... Скажи: „Господи, помилуй“, вотъ и все... Другого ничего не надо. Онъ услышитъ. Ему слова не нужны—Онъ порыву сердечному радуется... Все было—тысячи такъ же плакали, какъ и ты плачешь—и смолкли... Все было и все прошло. Эти кресты,—показалъ онъ въ сумракъ дрожавшею отъ старости рукою,—многому учать... А другія тысячи радовались—и тоже лежать—суднаго дни ждутъ... Все было, и все будетъ опять, все прошло и вновь пройдетъ. Одна слава Его вѣчна... Помилуй насъ, Господи!..

И, еще разъ благословивъ ее, онъ пошелъ прочь.

Лошади били копытами въ землю... Огоньки въ городѣ

разсыпались внизу, точно сотни золотыхъ цѣфтовъ вспыхнули тамъ въ сплошномъ жракѣ... Вверху было мутно. Тучи ползли низко, низко... Елена Борисовна съѣла въ фаятошъ.

— Трогай, голубчикъ! Да поскорѣй!

Кучеръ шевельнулъ вожжами—лошади быстро, быстро побѣжали въ казавшуюся слѣпою даль...

Начиналась новая, неизвѣстная жизнь. Она видѣла ее передъ собою. Старая отходила назадъ. Далеко, далеко...

КОНЕЦЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Закончивъ исполнѣ этотъ періодъ жизни своихъ героевъ, авторъ расскажетъ новую жизнь и судьбу Елены Борисовны въ слѣдующемъ своемъ романѣ: „На пути къ вѣчности“, который появится въ „Нивѣ“ въ будущемъ году.

Искатель коралловъ.

Рассказъ Вольдемара Урбана. (Съ 4 рисунками.)

(Окончаніе.)

Пиппо вынулъ свой ножъ изъ складокъ шарфа, служившаго ему поясомъ. Убѣдившись въ томъ, что клинокъ сидитъ крѣпко, онъ снялъ шарфъ и намоталъ его на лѣвую руку такимъ образомъ, чтобы оставались свободными оба конца, которые должны были при движеніяхъ руки представлять родъ запявѣски, скрывающей его тѣло отъ противника и задерживающей при случаѣ удары ножа.

Ножъ онъ крѣпко взялъ въ правую руку.

— Готово? — крикнулъ онъ противнику.

— Одно слово, Пиппо, — отвѣчалъ Андреа.

— Что еще?

— Только одинъ изъ насъ уйдетъ отсюда, поминишь?

— Разумѣется.

— Хорошо. Но прежде чѣмъ уйти, онъ долженъ бросить другого туда, въ ущелье, и потомъ—будь, что будетъ.

— Ладно! Готово?

Андреа отступилъ на нѣсколько шаговъ. Онъ снрядился къ поединку на пожахъ совершенно такъ же, какъ Пиппо.

— Готово! — отвѣчалъ онъ.

Держа передъ собою, на подобіе щита, лѣвую руку съ развѣвающимся шарфомъ и нѣсколько наклонивъ впередъ туловище, Пиппо, съ занесеннымъ для удара ножомъ въ правой рукѣ, медленно подкрадывался къ противнику. Андреа ждалъ его, подавшись туловищемъ назадъ и помахивая передъ собою лѣвой рукой съ намотаннымъ на нее шарфомъ; каждый его мускулъ былъ напряженъ, какъ у тигра, собирающагося прыгнуть на свою жертву. Въ каждомъ ихъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ, сквозила самая непримиримая ненависть другъ къ другу. Вся сцена носила характеръ первобытной дикости—правовъ, оставившей негладимый отпечатокъ на всемъ складѣ жизни населенія Калабріи.

Оба противника были босы; земля сдѣлалась нѣсколько скользкой отъ влажнаго южнаго вѣтра, и какъ разъ въ ту минуту, когда Андреа хотѣлъ сдѣлать прыжокъ, чтобы съ ножомъ въ рукѣ броситься на наступавшаго Пиппо, онъ поскользнулся и упалъ на колѣни. Страшное проклятіе вырвалось изъ его усть, такъ какъ по обычаю, дозволявшему пользоваться въ бою всѣми преимуществами, Пиппо оставалось только нанести ему смертельный ударъ. Но едва Пиппо увидѣлъ паденіе противника, какъ тотчасъ же остановился.

— Встань! — крикнулъ онъ ему, — я не хочу убивать беззащитнаго. Между нами идти долженъ честный бой.

Андреа вскочилъ на ноги и, съ дикой злобой бросившись на Пиппо, ударилъ его ножомъ подъ руку, цѣла въ грудь. Но Пиппо былъ на-сторожѣ. Быстрый прыжокъ въ сторону спасъ его, и ударъ Андреа пришелся въ воздухъ, проколовъ только шарфъ.

Онъ еще нѣсколько разъ пытался поразить другъ друга, но кромѣ легкой царапины на лѣвой рукѣ Пиппо, которою онъ отражалъ ножъ Андреа, дѣло еще не доходило до ранъ. Противники все болѣе и болѣе разгорячались. Но вотъ Пиппо удалось отвести лѣвой рукою ударъ Андреа и подбросить вверхъ его правую руку. Это былъ конецъ. Въ слѣдующій моментъ ножъ Пиппо поразилъ Андреа въ самую грудь.

Раненый, хрипя, упалъ на землю, тогда какъ Пиппо въ первую минуту отскочилъ назадъ, чтобы уклониться отъ возможнаго со стороны противника послѣдняго удара. Но когда онъ увидѣлъ, что Андреа упалъ, онъ съ громкимъ вздохомъ облегченія поднялъ обѣ руки къ небу, какъ бы благодаря Бога за одержанную побѣду. Потомъ онъ сталъ на колѣни воалъ побѣжденнаго врага, чтобы удостовѣриться въ его состояніи. Со стопами и проклятіями Андреа нѣсколько разъ перевернулся на землѣ, но не прошло и минуты, какъ онъ затихъ. Ударъ Пиппо, — мастерской ударъ прямо въ сердце, — успокоилъ его навѣки.

Когда Пиппо опуналъ рану, онъ почувствовалъ на рукѣ что-то теплое и клейкое и съ отвращеніемъ отдернулъ руку. Кровь прилипла къ его ногу, — густая клейкая масса, уже начавшая застывать. Онъ вытеръ ножъ о платье покойника, снова поднялся шарфомъ и спряталъ ножъ за поясъ. Наконецъ, онъ принялся изслѣдовать карманы Андреа. Онъ нашелъ въ нихъ не много. Въ одномъ карманѣ панталонъ было нѣсколько мѣдныхъ солдатъ; онъ положилъ ихъ обратно. Въ другомъ онъ нашелъ желанный амулетъ и спряталъ его къ себѣ. Потомъ онъ поднялъ тѣло убитаго и бросилъ черезъ скалы въ kloкотавшую нучину, какъ распорядился самъ Андреа. „Чудовище“ получило свою жертву.

У.

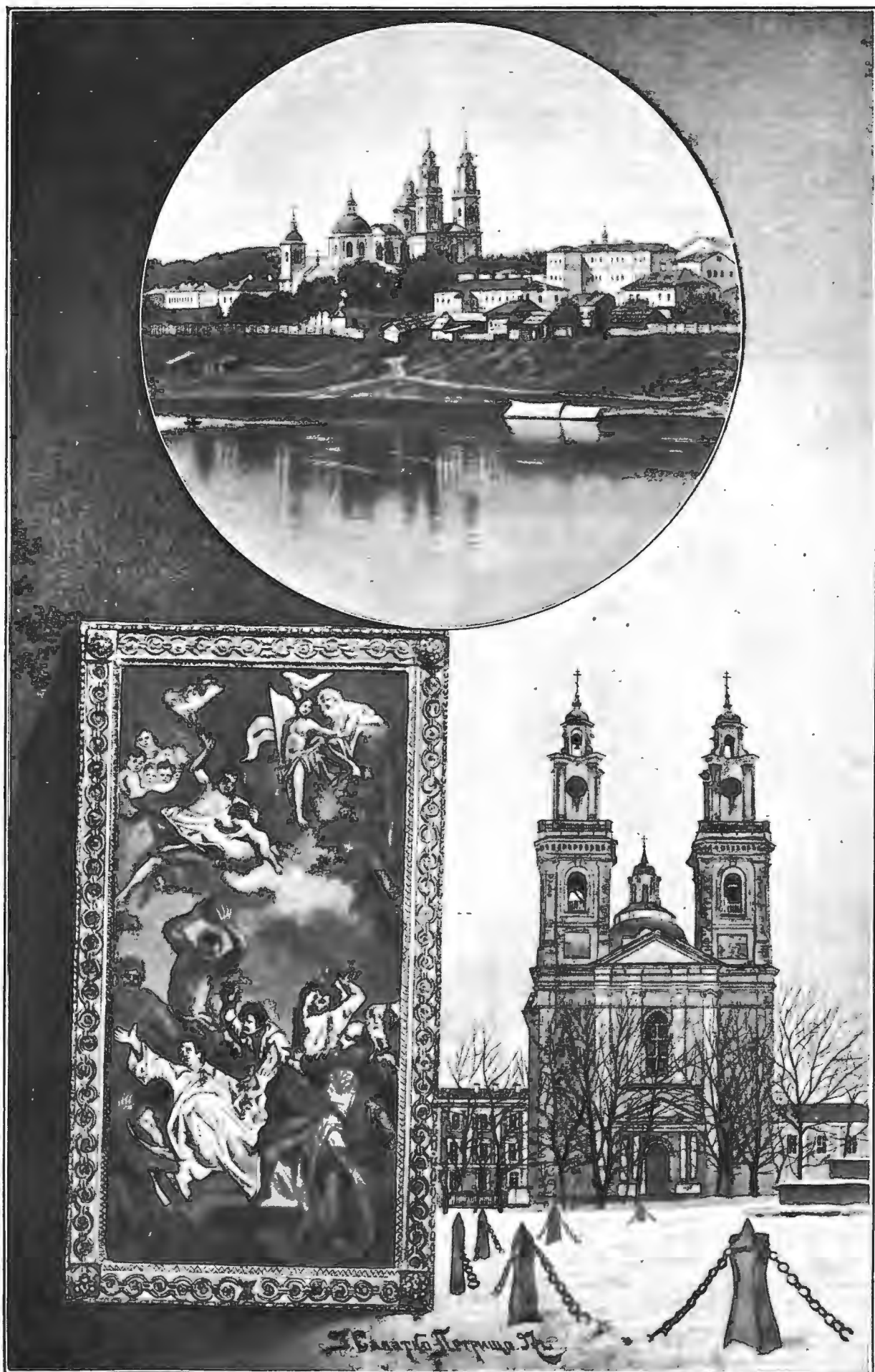
Сантина проплакала всю ночь и на другое утро встала съ-горѣвшимъ рѣшеніемъ положить конецъ ужасному недоразумѣнію. Она любила Пиппо всѣми силами души, и ей невыносима была мысль, что онъ составилъ себѣ о ней ложное мнѣніе. Если онъ ее больше не любитъ, онъ можетъ ее бросить, но не долженъ ее презирать. И вотъ она пошла, лишь только разсвѣло, къ родителямъ Андреа. Она хотѣла говорить съ самимъ Андреа, хотѣла сказать ему, что ему нечего на нее рассчитывать, и во-что бы то ни стало отобрать свой амулетъ. Но она не нашла Андреа.

Сантина подумала, что онъ, можетъ-быть, въ гавани, гдѣ его могла задержать буря, и побѣжала туда. Но его и тамъ не было. Она уже хотѣла вернуться въ деревню, какъ передъ нею, будто изъ-подъ земли, выросъ Пиппо.

«Искатель коралловъ». Поединокъ Пиппо съ Андреа.

Находящаяся въ соборѣ картина „Убіеніе св. Стефана“. Видъ г. Полоцка. Видъ собора.
Николаевскій соборъ въ Полоцкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) І. Салатко-Петрицо, автогнція „Нивы“.

— Сантина! — позвалъ онъ ее ласково. — Сантина, я тебя искалъ, гдѣ ты была?

— Я хотѣла поговорить съ Андреа, Пиппо, — сказала она рѣшительнымъ тономъ. — Ты правъ, Пиппо, я не потеряла амулетъ; его силой отгналъ у меня Андреа, и теперь я его всюду ишу, чтобы потребовать мою собственность обратно.

— Оставь все это, Сантина!

— Клянусь Пречистой Мадонной, я не выповна во всемъ этомъ, Пиппо! Я только не хотѣла тебя разсердить, вотъ почему сначала сказала не то, что было.

— Оставь, Сантина! — повторилъ онъ. — Дай мнѣ руку. Я былъ несправедливъ къ тебѣ вчера. Я былъ разгнѣванъ. Хочешь теперь помириться?

Она дала ему руку и почувствовала, какъ лихорадочно горѣла его рука.

— Предоставь Андреа самому себѣ, — продолжалъ онъ все такъ же торопливо. — Что намъ до него? Развѣ ты меня не любишь, развѣ я тебя не люблю, Сантина? Чего же еще нужно? Зачѣмъ тебѣ бѣгать за амулетомъ, который не стоитъ и пяти сольди? Пойдемъ къ твоему отцу. Я уже говорилъ съ нимъ. Все уже слажено. Пойдемъ!

Она продолжала молчать, страхъ сжималъ ей горло. Она такъ охотно радовалась бы, дала бы волю избытку счастья, которое переполнило ея душу, но ей почему-то больше хотѣлось плакать, чѣмъ смѣяться. Она озабоченно посмотрѣла на него.

— Что съ тобою, Пиппо? — тихо спросила она. — Ты боленъ?

— Боленъ? — повторилъ онъ, принужденно смѣясь. — Да, Сантина, я боленъ тоской по тебѣ, по твоимъ поцѣлуѣмъ. Вѣдь ты не дашь мнѣ умереть этой болѣзью?

Онъ склонился къ ней и поцѣловалъ ее. Она не отвѣтила на его поцѣлуѣ, дивясь сама себѣ. Она провела своей маленькой крѣпкой ручкой по его лбу, откинула волосы и испуганно посмотрѣла ему въ глаза. Какимъ огнемъ горѣли эти воспаленные глаза!

— Клянусь Мадонной, Пиппо, — испуганно сказала она, — ты не такой, какъ всегда. Ты боленъ.

— Глупенькая! Я не могъ уснуть всю ночь, — буря мѣшала. Вотъ и все. Идемъ къ твоему отцу. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ сыграемъ свадьбу. У насъ будетъ пиръ горой. Вѣдь я привезъ богатую добычу. Все это твое, Сантина, только люби меня, крѣпко люби. Будешь?

Онъ утомленно вздохнулъ, какъ будто ему стоило большого труда говорить; потомъ, спохватившись, придавъ своему лицу прежнее выраженіе и нѣсколько разъ поцѣловалъ молодую дѣвушку.

— Идемъ, Пиппо, — сказала она, наконецъ, — идемъ къ отцу.

На другой день по деревнѣ разнеслась вѣсть о помолвкѣ Пиппо Тамбури съ Сантиной Рамадотти; свадьба была назначена черезъ мѣсяцъ.

Но эта новость не произвела должнаго впечатлѣнія. Вся деревня была охвачена день-от-дня возрастающимъ волненіемъ по поводу безслѣднаго исчезновенія молодого Андреа Типотти. Попски велись самымъ тщательнымъ образомъ цѣлыми днями, недѣлями; производились допросы, составлялись протоколы, — но все безуспѣшно. Андреа пропалъ безъ вѣсти.

При этихъ условіяхъ свадьба Пиппо прошла тише, чѣмъ прошла бы въ обыкновенное время. Почти незамѣченной осталась и переимѣна въ характерѣ Пиппо, а тамъ, гдѣ ее замѣчали, приписывали ее женитбѣ.

Одна Сантина видѣла, что происходило съ Пиппо. Съ того самаго часа, какъ она встрѣтилась съ нимъ въ гавани послѣ исчезновенія Андреа, она считала его больнымъ и была отчасти права. Пиппо былъ боленъ. Ночью во снѣ онъ вдругъ вскакивалъ и съ ужасомъ озирался кругомъ; днемъ то поражалъ непонятною боязливостью, то проявлялъ какую-то болѣзненную торопливость или чрезмѣрную ласковость и оживленіе,

странно противорѣчившія его бллой примоу и чистосердечію. Даже его бурная любовь къ Сантинѣ казалась ей странной и нѣсколько ее пугала.

Черезъ годъ она подарила мужу дочь. То было прелестное дитя, на которое мать возложила все свои надежды, полагая, что теперь Пиппо будетъ покоише, и счастье вернется въ ихъ домъ. Надежды не оправдались.

Около этого времени Пиппо снова пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ на сицилійскомъ берегу, и когда вернулся, Сантина съ ужасомъ замѣтила, что онъ искалъ въ винѣ то успокоеніе, котораго она не могла ему дать. Пиппо сдѣлался пьяницей. Когда она начинала его усовѣщивать, онъ приходилъ въ страшную запальчивость.

Характеръ Пиппо дѣлался все болѣе раздражительнымъ и желчнымъ. Однажды, послѣ сильной ссоры съ женой, онъ объявилъ ей, что хочетъ переселиться изъ Санта Марія денъ Монти въ Трапани, такъ какъ въ состояніи больше выдерживать этой жизни.

— Но почему же? — спросила она. — Почему ты не хочешь здѣсь оставаться?

Онъ сурово взглянулъ на нее. Въ его недовѣрчивомъ взглядѣ было что-то растерянное, безумное.

Сантина все еще не подозревала о томъ, что тяготило душу Пиппо. Лишь слѣдующимъ лѣтомъ, когда они дѣйствительно уѣзжали изъ Санта Марія денъ Монти, чтобы поселиться въ Трапани, случай помогъ ей открыть тайну. Когда выносили ихъ вещи, которыя нужно было доставить въ Трапани на лодкахъ, маленькой Маріеттѣ, двухгодовалой дочкѣ Сантины, попался въ руки амулетъ, нѣкогда украденный Андреа. Дитя съ радостнымъ смѣхомъ принесло блестящую вещь матери. Сантина тотчасъ же узнала свою монету.

— Откуда это у тебя? — спросила она, блѣдная.

Дѣвочка указала своимъ толстенькимъ пальчикомъ на старый заброшенный шарфъ. Она была такъ поражена сдѣланнымъ открытіемъ, что не могла выговорить ни слова и сдѣла, совершенно растерянная. Въ эту минуту вошелъ Пиппо.

— Откуда у тебя амулетъ? — дрожащимъ голосомъ спросила Сантина.

— Нашелъ! — отвѣтилъ онъ отрывисто.

Она вздрогнула. Это была та самая ложь, которую она когда-то сказала ему. Теперь ей все стало ясно, — исчезновеніе Андреа, переимѣна въ характерѣ Пиппо, все!..

— Пиппо, заклиная тебя всѣми святыми, скажи мнѣ, что ты сдѣлалъ съ Андреа? — выговорила она, задыхаясь отъ волненія.

— Молчи! Поскорѣ бы уѣхать отсюда! Ты не слышишь выстрѣловъ? Они уже идутъ сюда. Бѣдемъ скорѣе. Они не должны меня захватить здѣсь.

— Пиппо! — крикнула она голосомъ, полнымъ душевной муки, и, какъ спонъ, упала безъ чувствъ на землю.

Убитая горемъ Сантина не видѣла мужа цѣлыми днями. Онъ шатался по тавернамъ Трапани и окрестныхъ городишекъ, и нилъ до потери сознанія и, казалось, не понималъ о возвращеніи домой. Его возбужденное состояніе все усиливалось, и однажды, послѣ четырехдневнаго нишества, съ нимъ сдѣлался припадокъ бѣшенства, перешедшій въ глубокой обморокъ. Онъ болѣе не приходилъ въ себя; параличъ сердца положилъ конецъ его мученіямъ.

Послѣ смерти мужа Сантина не долго оставалась въ Трапани. Она снова вернулась въ Санта Марія денъ Монти, гдѣ примирилась со своею свекровью, благодаря маленькой Маріеттѣ, которую донна Карули страстно любила. Каждое 19-е декабря, день смерти Пиппо, три осиротѣвшихъ съ его смертью существа — мать, жена и ребенокъ — идутъ въ большую церковь Санта Марія денъ Монти, ставятъ Мадоннѣ двѣ свѣчи и молятся за души Андреа и Филиппо Тамбури, котораго онѣ такъ любили.

«Искатель коралловъ». Сцена съ амулетомъ.

Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Въ популярномъ изложеніи П. П. Гитдича.
(„Иллюстрированная бібліотека *Нивы*“ на 1897 г.).

Томъ II (вып. 5—8) съ 674 рисунками, 5-ю раскрашенными таблицами и 15 рисунками на цвѣтномъ фонѣ. Подписалъ цѣна за все издавіе, состоящее изъ 12 выпусковъ въ 3 томахъ—12 р.; съ пересылкой—14 р.

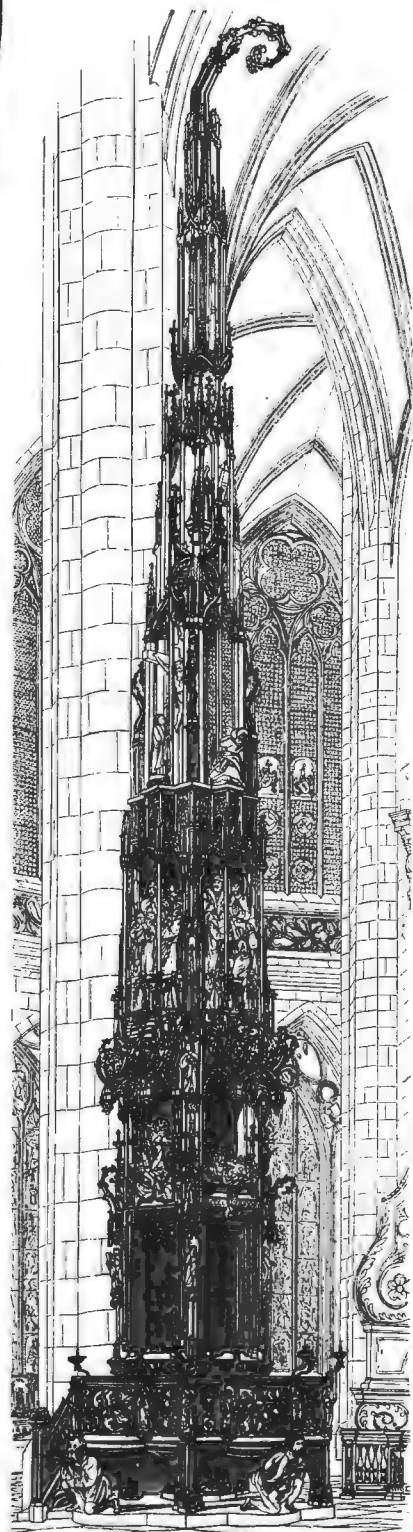
Второй томъ этого роскошнаго издавія, представляющаго собою въ русской литературѣ первую вполне удавшуюся попытку ознакомить читателей со всемірною исторіею искусства въ живомъ популярномъ изложеніи и при

Шлемъ чеканной работы. Парижъ, Лувръ.

Гольбейнъ-младшій. Портретъ Юрга Гизе. Берлинскій королевскій музей.

Адамъ Крафтъ. Дарохранительница въ Лоренцирхе въ Нюрнбергѣ.

Дюреръ. Портретъ Иеронима Хольцшюэра. Королевскій музей въ Берлинѣ.

Замокъ Фредериксборгъ въ Копенгагенѣ.

Ванъ-Дейкъ. Лордъ Филиппъ Wortонъ. С.-Петербургскій Эрмитажъ.

Тениръсъ. Курильщикъ. Дрезденская галлерей.

Мурильо. Благовѣщеніе. С.-Петербургскій Эрмитажъ.

Тениръсъ. Алхимикъ. Дрезденская галлерей.

помощи художественно-исполнительных снимков съ великих произведений кисти и рѣзда, по возможности еще богаче и полнѣе перваго тома. Мы не станемъ здѣсь указывать на значеніе всего труда, такъ какъ это недавно нами сдѣлано въ № 18 *Нивы*. Мы тогда отмѣтили, что трудъ этотъ не только въ высшей степени занимателенъ, доставляя высокое наслажденіе глазу, сердцу и уму, но въ то же время и очень полезенъ, какъ подспорье къ изученію исторіи и какъ книга, развивающая путемъ нагляднаго воспроизведенія лучшихъ твореній искусства эстетическій вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствующая устраненію безвкусицы въ произведеніяхъ нашей промышленности. Дѣйствительно, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства достиженія этихъ важныхъ цѣлей, какъ наглядное ознакомленіе съ мастерскими твореніями кисти и рѣзда великихъ всемирныхъ и отечественныхъ художниковъ. Посѣщать музеи и галереи, гдѣ хранятся эти сокровища, доступно лишь весьма небольшому числу людей. Роскошныя изданія, въ которыхъ они воспроизведены, также доступны немногимъ вслѣдствіе высокой ихъ цѣны. „Исторія Искусствъ“ г. Гвѣдича, независимо отъ популярнаго изложенія, поражаетъ и крайней своей дешевизной, при чемъ, однако, — смѣло можно сказать, — въ ней не упущено ни одно существенное произведеніе всемирнаго искусства.

Второй томъ всецѣло посвященъ одной изъ самыхъ блестящихъ художественныхъ эпохъ, такъ-называемой эпохѣ Возрожденія. По громадному своему значенію для искусства эта эпоха дѣйствительно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Достаточно сказать, что къ ней принадлежатъ такіе художники, какъ Рафаэль, Леонардо-да-Винчи, Микель-Анжело, Тицианъ, Корреджо въ Италіи, Рембрандтъ, Рубенсъ, Вандейкъ, Тенирсъ-младшій въ Нидерландахъ, Мурильо и Веласкесъ въ Испаніи, Дюреръ и Гольбейнъ-младшій въ Германіи, чтобы уяснить себѣ, почему эпохѣ Возрожденія посвященъ въ „Исторіи Искусствъ“ г. Гвѣдича отдѣльный томъ. Если же принять

во вниманіе, что около этихъ свѣтилъ искусства группировались многіе другіе художники, имена которыхъ, хотя и не столь извѣстны, но тѣмъ не менѣе занимаютъ выдающееся положеніе въ искусствѣ, — такіе художники, какъ Кранахъ, Бенвенуто Челлини, Боттичелли, Веронезе, Донатело, Физоло, Чимабуэ, Гальст, Рейсдалъ и многіе другіе, — то мы составимъ себѣ ясное понятіе и о громадномъ значеніи эпохи Возрожденія, и о богатствѣ втораго тома „Исторіи Искусствъ“. Независимо отъ 612 снимковъ съ картинъ разныхъ художниковъ этой эпохи (картинъ Рафаэля воспроизведено 73, Рембрандта—43, Рубенса—60 и т. д.), 62 снимка посвящены произведеніямъ скульптуры, зодчества и утвари той же эпохи. О художественности этихъ снимковъ читатель составитъ себѣ сужденіе по образцамъ, воспроизведеннымъ въ этомъ номерѣ *Нивы*, и убѣдится, что они даютъ ясное представленіе объ оригиналахъ, — этихъ шедеврахъ портретной, религиозной и жанровой живописи величайшихъ мастеровъ искусства. Снимки же съ произведений зодчества и скульптуры могутъ служить указаніемъ, какое ясное представленіе „Исторіи Искусствъ“ даетъ намъ о совершенствѣ, достигнутомъ уже въ ту знаменательную эпоху и въ этой области искусства.

Но это только отрывочные образцы того, что читатель найдетъ въ книгѣ г. Гвѣдича. Мѣсто намъ не позволяетъ полнѣе ознакомить читателя съ ея художественнымъ содержаніемъ, а техническія условія препятствуютъ намъ воспроизвести здѣсь хотя бы одинъ изъ рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ или одну изъ раскрашенныхъ картинъ. А между ними есть такія, какъ „Мадонна Сикстинская“ Рафаэля, „Зачатіе Богоматери“ Мурильо, „Жена Товія“ Рембрандта, „Святая ночь“ Корреджо, „Венера и Адонисъ“ Рубенса и т. д. Мы не упомянули и о текстѣ книги. Скажемъ здѣсь только вкратцѣ, что живость изложенія, компетентность и полнота составляютъ неотъемлемыя качества втораго тома, и что онъ въ этомъ отношеніи не только не уступаетъ первому, но скорѣе превосходитъ его.

Изъ жизни колюшки.

Зоологическій очеркъ В. А. Фрей.

Въ скучные осенніе дни, когда на дворѣ цѣлыми недѣлями, словно сквозь сито, льетъ несносный дождь, а дома, кромѣ чтенія, положительно не придумаешь, чѣмъ бы завязаться, не мало развлеченія могутъ доставить, между прочимъ, наблюденія надъ любопытною жизнью вѣкоторыхъ обитателей воднаго царства.

— „Совсѣмъ не интересно!“ — воскликнуть бытъ-можетъ многіе изъ нашихъ читателей, прочтя эти строки. — „Авторъ очевидно хочетъ посовѣтовать намъ устроить аквариумъ! Старая, дѣтская забава, требующая, притомъ, массы хлопотъ и терпѣнія!“

Вполнѣ согласенъ, ибо въ юные годы самъ забавлялся этимъ и много испортилъ крови прежде, чѣмъ устроилъ болѣе или менѣе сносный аквариумъ. Вотъ поэтому-то и не рѣшусь рекомендовать никому, а въ особенности лицамъ, не обладающимъ достаточнымъ запасомъ терпѣнія, устроить „полваго большого аквариума“, въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать это всѣми. Для проверки нижеприводимыхъ мною фактовъ, погребутся самый простой аквариумъ, содержащій въ себѣ лишь одну невазыскательную породу рыбокъ. Устроить это можно безъ хлопотъ, скоро, легко и дешево.

Самая обыкновенная колюшка (*Gasterosteus aculeatus*), являющаяся главной героиней настоящаго очерка, отнюдь не претендуетъ на особенное удобство своего помѣщенія, да и въ другихъ отношеніяхъ не причинитъ большихъ заботъ и расходовъ тому, кто не побрезгаетъ приютить у себя дома нѣсколько разнополыхъ особей этой простой, презираемой многими рыбки, съ цѣлью прослѣдить ея любопытную семейную жизнь.

Насколько просто и дешево устроилъ я для нихъ помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что почти все необходимое для этого мнѣ пришлось купить, читатели сейчасъ убѣдятся. Даже самую бавку для своего маленькаго аквариума, за наимѣнѣе подходящей дома, мнѣ пришлось приобрести въ одномъ изъ многочисленныхъ въ С.-Петербургѣ магазиновъ, исключительно торгующихъ разными принадлежностями для аквариумовъ. Впрочемъ, и это обстоятельство не имало увеличилось мои расходы, такъ какъ за круглый цилиндрической сосудъ, семи вершковъ въ диаметръ и 6 вышиной, съ меня взяли всего только 1 рубль. Небольшой развѣръ, гладкое строго горизонтальное дно и блѣое прозрачное стекло банки, — наилучшія условія для нашихъ наблюденій. Тамъ же въ магазинѣ оказался и хорошо промытый гравій, т. е. крупно-зернистый рѣчной песокъ, котораго на двугривенный мѣ въ отсыпалъ болѣе, чѣмъ достаточно. Признаюсь, что соблазненный дешевизною и помилъ, какъ когда-то въ дѣтствѣ я усраивалъ себѣ настоящій большой аквариумъ по всѣмъ правиламъ искусства, я приобрѣлъ себѣ также предметъ, совершенно лишній, а именно небольшой гротъ изъ красиваго туфа, который съ первыхъ же дней наблюденій долженъ уже былъ удаленъ изъ банки, такъ какъ онъ мѣшалъ мнѣ слѣдить за движеніями и работой рыбокъ.

Въ томъ же магазинѣ нашлось и нѣсколько необходимыхъ, для успѣшности опытовъ, породъ болотныхъ и водяныхъ растений, какъ-то: красиво, густымъ дерномъ, растущій болотникъ (*Callitriche vernalis*), водяной мохъ или ручейникъ (*Fontinalis*), такъ-называемое водное перо (*Hottonia*), съ миловидно-нѣжными, въ воду погруженными перистыми листочками и, наконецъ, такъ-называемый „водяной подорожникъ“ (*Alisma Plantago*), возвышающійся надъ всѣми остальными растениями. Дома оставалось только насыпать на дно банки тонкій слой гравія, сверху его слой захваченной вмѣстѣ съ растеніями земли, посадить въ нее корнеплодные растенія, въ заключеніе прикрыть землю болѣе толстымъ слоемъ гравія, и нехитрый аквариумчикъ былъ готовъ.

Самымъ труднымъ, противъ ожиданія, оказалось приобретение самихъ субъектовъ будущихъ наблюденій, а именно протыхъ, такъ-называемыхъ трехиглыхъ колюшекъ (*Gasterosteus aculeatus*). Несмотря на то, что подъ Петербургомъ, въ Невѣ и Невкахъ и въ прилегающихъ къ нимъ рѣчонкахъ и прудкахъ ихъ такое множество, что дѣти ловятъ ихъ просто на кусочки хлѣба или червей, привлачные на интку, въ продажѣ ни въ одномъ изъ специальныхъ магазиновъ колюшекъ не нашлось. Въ виду ихъ громаднаго количества, ими никто не только не интересуется, но, напротивъ того, каждый даже пренебрегаетъ. Противъ перваго сказать ничего нельзя, такъ какъ трехиглая колюшка дѣйствительно въ страшиломъ множествѣ водится почти во всѣхъ рѣкахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей; въ Англіи ее вылавливаютъ въ такомъ количествѣ, что отправляютъ на рынки цѣлыми возами, какъ матеріалъ, годный для удобрения и для корма домашней птицы. Относительно же обаяго пренебреженія колюшками, нельзя не возразить, что онѣ принадлежатъ къ числу немногихъ, едва ли даже не самыхъ любопытныхъ, рыбокъ, строящихъ для своего потомства гнѣздо, подобно тому, какъ дѣлаютъ это макроподы, гурами, радужныя и другія экзотическія рыбки изъ семейства лабиринтовыхъ.

Дѣлать нечего, охота, какъ говоритъ пословица, лучше неволи, пришлось отправиться, съ сачкомъ, самому на Петровскій островъ и на одномъ изъ множества маленькихъ прудковъ его завязаться ловлею этихъ интересныхъ рыбокъ.

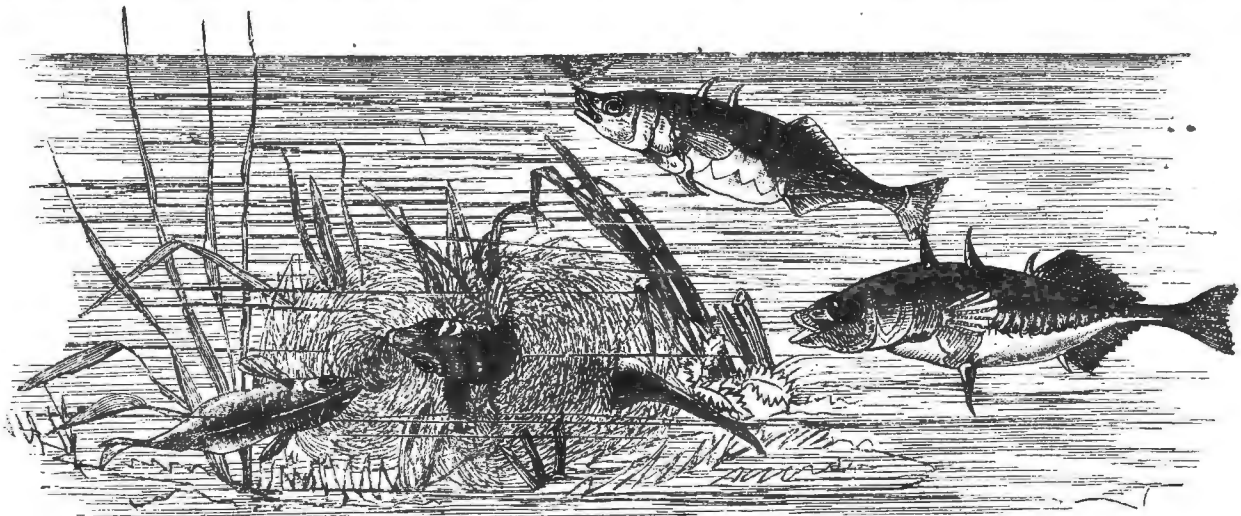
Наконецъ-то мой миниатюрный аквариумъ наполнился обитателями: четырнадцать красивыхъ маленькихъ рыбокъ безпокойно сновали въ немъ взадъ и впередъ, какъ бы изслѣдуя свое новое жилище. Въ первые дни однако я ничего особеннаго не замѣчалъ и любовался только быстротою ихъ движеній и весьма замѣтнымъ намѣненіемъ наружной окраски отдѣльныхъ частей ихъ тѣла и роговыхъ пластинокъ, которыми, какъ извѣстно, покрыто тѣло колюшекъ. Во вѣнбрачное время цвѣтъ этихъ рыбокъ былъ довольно скромненъ. Спина зеленовато-бурая, у нѣкоторыхъ даже черноватая, бока и брюшко серебристыя, грудь и горло блѣдно-розовыя. Что придаетъ не мало прелести рыбокъ, такъ это глаза: большіе, зеле-

новатые, съ замѣчательно сильной игрой. Но ко времени мета икры, т. е. переста, всѣ эти цвѣта рѣзко переижаются. Спина принимаетъ синеватые оттѣнки, тѣло отлиываетъ серебромъ, а брюшко, губы, щеки и основанія плавниковъ, изъ бѣловатыхъ или желтоватыхъ, переходятъ все въ болѣе и болѣе красный цвѣтъ. Въ это время рыбка бываетъ такъ красива, что по яркости красокъ походитъ скрѣпе на какое-то эффектно-расцвѣщенное пасѣкомое, чѣмъ на рыбу. Вдругъ предъ моими глазами разыгралась цѣлая драма. Одному изъ самцовъ пришлось должно-быть въ голову овладѣть поправившимся ему мѣстечкомъ дна, и онъ тотчасъ же началъ отгонять отъ него своихъ соотаваршей. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно похрабрѣе, осмѣлился воспротивиться такому желанію, и вмгъ разыгралась яростная битва. Оба соперника тотчасъ же заплывали съ величайшею быстротой, кружась другъ за другомъ и стараясь такъ или иначе пронзить одинъ другого своими грозно-растопыренными колючками. Надо было видѣть мстительную ярость, съ какою настойчиво и неустанно въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ гонялъ самецъ своего обидчика изъ одного угла банки въ другой до тѣхъ поръ, пока тотъ не выбился совершенно изъ силъ. Тогда пущевы были въ ходъ колючки, и побѣдитель настолько сильно изранилъ побѣжденнаго, что вскорѣ онъ уже плавалъ на поверхности воды кверху брюшкомъ. Впрочемъ, такая заносчивость свойственна только самцамъ, самки же,

шимъ стараніемъ, подобно какому-нибудь архитектору, добивающемуся постройки зданія по извѣстному плану, заботясь о томъ, чтобы придать ему нѣвѣстное направленіе. Оказалась ли работа чѣмъ-нибудь неудачной — ловкій строитель вытаскиваетъ все неудавшееся, располагаетъ болѣе удобнымъ образомъ и передѣлываетъ всю работу снова до тѣхъ поръ, пока все не устроится такъ, какъ нужно. Оказался ли принесенный матеріалъ по размѣру или по формѣ неудобенъ, рыбка подвергаетъ его тщательному испытанію, подбрасывая его вверхъ ртомъ, и, если былинка быстро падаетъ на дно, колюшка употребляетъ ее въ дѣло; если же былинка падаетъ медленно, то или подвергаетъ ее новому испытанію, или окончательно отбрасываетъ въ сторону, удостовѣрившись въ полной ея непригодности. Но это еще не все. Устроивъ основаніе гнѣзда, колюшка приводитъ плавники свои въ быстрое движеніе и, производя искусственное теченіе, удостовѣряется такимъ образомъ, достаточно ли плотно прилегаютъ былинки ко дну и не могутъ ли онѣ быть унесены водою.

Вообще въ выполненіи своего труда колюшка выказывала безустанную дѣятельность и при этомъ зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не приблизился къ ея зачатной постройкѣ, и съ ожесточеніемъ накидывалась на своихъ товарищей, осмѣлившихся показаться въ районѣ ея работъ.

Но до сихъ поръ заложены только одиѣ основы зданія. Чтобы

„Изъ жизни колюшки“. Гнѣздо колюшки.

отличающіяся обыкновенно своею дородностью и постояннымъ отсутствіемъ яркой вѣшней окраски, далеко не такъ воплотивши.

Но вотъ наконецъ наступило время метанія икры или переста. Битвы и распри забыты и всѣ помыслы и стремленія колюшки направляются только на построение гнѣзда, на продолженіе и сохраненіе своего потомства. Колюшка-самецъ начинаетъ искать подходящаго для гнѣзда мѣстечка, заботливо плаваешь взадъ и впередъ, толчется то тамъ, то сямъ. Видно, что онъ чѣмъ-то особенно озабоченъ. Наконецъ, мѣсто это подыскано. Самчикъ останавливается, изслѣдуетъ его, наклоняетъ концы рыльцемъ находящійся на двѣ палъ и кончаетъ тѣмъ, что погружается въ него всѣмъ тѣломъ. Двигаясь съ силой и вращаясь съ изумительной быстротой вокругъ себя, онъ образуетъ вскорѣ углубленіе, въ родѣ ямки, стѣнками которой служитъ выброшенная вращеніемъ тѣла земля. Окончивъ эту первую работу, рыбка удаляется и, поглядывая во всѣ стороны, какъ бы ищетъ чего. Но вотъ она, наконецъ, нашла, что ей нужно: скоро видишь ее уже съ травинкою во рту, направляющеюся прямо къ ямкѣ, которую она только что вырыла. Положивъ здѣсь травинку, она утверждаетъ ее рыльцемъ, иногда же, когда травинка не хочетъ почему-либо держаться, рыбка накладываетъ на нее, чтобы придержать, песчинки и придавливаетъ ко дну даже своимъ брюшкомъ. Затѣмъ, увѣрившись, что легкая былинка не можетъ быть унесена водою, она отправляется за новой, приноситъ и укрѣпляетъ ее такъ же, какъ и первую. Эту работу она повторяетъ до тѣхъ поръ, пока дно ямки не будетъ густо устлано травинками и всѣ части этой настланны не будутъ достаточно плотно связаны другъ съ другомъ; достигаетъ она этого треніемъ своего тѣла, покрытаго клейкою слизью, выделяющеюся у нея изъ особнхъ боковыхъ отверстій.

Уже одно это начало постройки въ состояніи привести въ восторгъ каждаго внимательнаго наблюдателя, но что еще болѣе поразительно, это — тѣ проблемныя ума, которые проглядываютъ всюду, во всѣхъ даже мельчайшихъ деталяхъ этой работы. Такъ, укладывая матеріалъ, рыбка сначала, кажется, хочетъ только собрать его въ кучу, однако, какъ только сдѣлаетъ первую настланны, располагаетъ его уже съ боль-

закончить его, своеобразному архитектору приходится еще много поработать. Рвеніе его тѣмъ не менѣе не ослабѣваетъ ни на минуту. Онъ продолжаетъ собирать и сносить матеріалъ, и вскорѣ бока ямки, дно которой было уже устлано, начинаютъ мало-помалу складываться изъ крѣпко-слипченыхъ и скученныхъ травиннокъ. Колюшка съ прежнимъ стараніемъ склеиваетъ ихъ выделяющеюся изъ ея тѣла слизью и затѣмъ пролѣзаетъ между вновь образовавшимися стѣнками, чтобы оставить внутреннее отверстіе, достаточно обширное для помѣщенія и безпрепятственнаго прохода самки. Теперь дѣло доходитъ до крыши: сносятъ новые матеріалы для устройства потолка, накладываютъ на построенныя уже стѣнки и закрѣпляютъ ихъ концами. Рыбка продолжала свою работу тѣмъ же способомъ: укрѣпляла и загибала травинки рыльцемъ, сглаживала стѣнки, пропитывая ихъ слизью, путемъ многократнаго тренія о нихъ своего тѣла. При этомъ внутренность гнѣзда составляла, по-видимому, предметъ ея особенныхъ заботъ: она влѣзала туда множество разъ до тѣхъ поръ, пока стѣнки отверстія не сдѣлались совершенно гладкими.

Построенное такимъ образомъ гнѣздо имѣло два отверстія: одно нѣсколько поменьше, другое, очевидно предназначенное для входа въ гнѣздо, попросторнѣе. Особенно рыбка старается надъ вторымъ: — ни одна былинка не выдается надъ другою, края его густо покрыты слизью и сглажены съ замѣчательною предосмотрительностью, чтобы входъ въ гнѣздо отнюдь не представлялъ бы никакихъ затрудненій. Наконецъ, гнѣздо было совершенно окончено.

Къ этому времени рыбка (самецъ) достигла уже полной красоты своего брачнаго одѣянія и цвѣта ея приняла поразительную яркость. Разукрашенный такимъ образомъ самчикъ устремился къ толпѣ самокъ и началъ ухаживать за той, которая казалась ему болѣе готовою къ метанію икры. Онъ началъ кружиться вокругъ нея, видимо ласкаясь и какъ бы зови ее слѣдовать за собою. Самка съ своей стороны кокетничала съ нимъ и на ласки отвѣчала ласками. Тогда самчикъ, очевидно увѣренный, что она готова слѣдовать за нимъ, устремился къ гнѣзду и расширилъ въ него входъ. Самочка дѣйствительно немедленно же поняла, не задумываясь влѣзла внутрь гнѣзда и почти вся исчезла въ немъ, только кончикъ хвоста ея торчалъ наружу.

Минуты три оставалась она въ гнѣздѣ, выражая порывистыми движеніями своими, что выметывать икру составляетъ для нея порядочныя усилія. Наконецъ, она вырвалась стремглавъ наружу въ отверстіе, противуположное тому, чрезъ которое вошла, и по сильною поблѣднѣвшему цвѣту ея, а также и по слабому ея послѣдующимъ движеніямъ, не трудно было замѣтить, что она крайне устала. Между тѣмъ, самчикъ, все время, пока она сидѣла въ гнѣздѣ, находился въ страшномъ волненіи: плавалъ быстро взадъ и впередъ, то и дѣло подплывалъ къ самочкѣ и дотрогивался до нея рыльцемъ, а едва лишь она успѣла удалиться, какъ тотчасъ же устремился въ гнѣздо и поилъ икру молоками.

Однако, гнѣздо—предметъ столькихъ заботъ и трудовъ—предназначается не для одной самки. Въ скоромъ времени самчикъ отправился на поиски другой, третьей и т. д., началъ съ ними заигрывать такъ же, какъ и съ первой, и успѣшно добился того, что всѣ онѣ одна за другой оставили въ гнѣздѣ запасы своей икры. Такимъ образомъ въ маленькомъ гнѣздышкѣ мало-по-малу скопилось цѣлая масса икринокъ, расположенныхъ по числу кладокъ кучками. Фактъ такого многоженства объясняется тѣмъ, что количество самокъ у колюшекъ значительно больше числа самцовъ. Но вотъ гнѣздо цѣлкомъ наполнено икрой, кладки самочекъ, повидному, оконченны, но бѣднѣйшій самчикъ предостояло еще много трудовъ. Первымъ дѣломъ ему пришлось закрыть отверстія, служившія входомъ и выходомъ для самокъ, а затѣмъ онъ сталъ бдительнымъ стражемъ у самодѣльной колыбели своего потомства и, удаляясь отъ нея лишь на небольшія разстоянія, ревниво оберегалъ гнѣздо отъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ враговъ. Вѣрный своему долгу, самчикъ знаетъ, что прожорливый матері сейчасъ же проглотитъ свою икру, а потому и вѣжныхъ молодыхъ рыбокъ, если ихъ не приметъ подъ свое покровительство болѣе благонамѣренный отецъ. Впрочемъ, въ банкѣ съ малымъ числомъ своихъ же товарищей самцу легко еще было справляться, на свободѣ же упомянутая отеческая любовь проявляется гораздо рельефнѣе. Тамъ ему то и дѣло приходится отгонять и съ яростью преслѣдовать множество разныхъ рыбъ и даже насѣкомыхъ, привлекаемыхъ этии складами икры, до которой всѣ вообще водные обитатели такъ

лакомы. При этомъ, если врагъ слишкомъ силенъ и многочисленъ, бѣдному самчику приходится употребить даже хитрость. Желая обмануть нападающихъ, и отвлечь ихъ отъ гнѣзда, онъ дѣлаетъ видъ, что обращается къ бѣгству. Однако, зачастую и эта хитрость не удается, и тогда бѣдняга или самъ гибнетъ жертвою своего мужества и любви къ своему потомству, или весь запасъ икры пожирается, гнѣздо разрушается, а ему приходится всю работу начинать опять сънова. Такие случаи, впрочемъ, ничуть не ослабляютъ его энергіи, и онъ съ прежнею же охотой приступаетъ къ возобновленію своей разрушенной постройки.

Охрана гнѣзда продолжалась около 15 дней, въ теченіе которыхъ самчикъ каждую минуту подплывалъ къ отверстию гнѣзда, заглядывая туда, какъ бы осмѣдомляясь, все ли тамъ въ порядкѣ, и, приводя плавники свои въ сильное движеніе, производилъ искусственное волненіе воды, чтобы воспрепятствовать засоренію икринокъ и развитію на нихъ губительной рыбей плѣсени. Но вотъ наступилъ, наконецъ, и моментъ выхода изъ икры маленькихъ рыбокъ, т. е. такъ-называемыхъ „мальковъ“. Цѣлыя тучи прозрачныхъ, какъ стекло, колюшекъ-малютокъ всплыли одна за другою на поверхность, неся каждая своей громадный личинный пузырь—мѣшочекъ съ кормомъ, которыми снабдила ихъ на первые дни жизни заботливая мать-природа. Впослѣдствіи сознавая слабость своихъ новорожденныхъ, заботливый отецъ зорко слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями и не спускалъ съ нихъ глазъ, какъ насѣдка со своихъ цыплятъ; старательно загонялъ ихъ въ гнѣздо, лишь только онѣ черзачурь, по его мнѣнію, далеко отъ него уплывали и ухаживалъ за ними до тѣхъ поръ, пока рыбки не были въ состояніи уже сами, благодаря скоро приобретаемой ими рѣвности, живо удирать отъ преслѣдованія прочихъ колюшекъ. Замѣтивъ, напри- мѣръ, что какаля-нибудь колюшка намѣревается пожрать его мальковъ, храбрый отецъ тотчасъ же прогонялъ ее, схватывая за плавники и нанося ей удары въ голову и глаза. Надо было видѣть, до какой степени бѣдный отецъ выбивался изъ силъ, загоняя въ гнѣздо разбунтовавшіеся дѣтей тогда, когда малыи начали уже подрастать и у нихъ являлась страсть къ странствованіямъ по всей банкѣ.

(Окончаніе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Юродивыхъ народъ нашъ очень чтить, считаетъ ихъ Божьими людьми, нерѣдко находя въ ихъ безсознательныхъ поступкахъ глубокий смыслъ, даже предвидѣніе. Ихъ безиощадность, убожество плоти и духа трогаетъ и привлекаетъ къ себѣ сердца простого народа. Эти несчастные представляютъ собою олицетвореніе немощности: изможденные, слабые ютятся они гдѣ-нибудь на окраинѣ деревни, въ крохотной каморкѣ на охапкѣ соломы, питаются чѣмъ Богъ пошлетъ, что принесутъ имъ вѣрующіе въ ихъ пророчанство... Главная же пища юродиваго—духовнал—священная книга, текстами изъ которой онъ иногда пользуется въ своихъ „пророчествахъ“. Одинъ изъ такихъ юродивыхъ и изображенъ художникомъ на нашемъ рисункѣ.

Имя Рѣпина настолько широко извѣстно всему міру, что всякія указанія и опредѣленія его художественной дѣятельности, составляющей гордость русскаго искусства, совершенно излишни. На страницахъ *Нивы* въ разное время помѣщены были почти всѣ выдающіяся его картины, давно уже завоевавшія ему славу одного изъ первыхъ русскіхъ жанристовъ и безусловно перваго современнаго портретиста. Помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ картина Рѣпина „Крестный ходъ“ написана сравнительно уже давно (въ 1883 г.) и украшаетъ собою знаменитую Третьяковскую галерею въ Москвѣ. Это—одна изъ лучшихъ его картинъ. Не говоря уже о „Горбунѣ“ и „Протоіакопѣ“, всѣ фигуры, по своей выразительности и индивидуальности, представляютъ громадный интересъ. Мощная фигура „Протоіакона“ была воспроизведена недавно и въ *Нивѣ* (№ 49, 1896 г.). „Крестный ходъ“, поражающій мастерствомъ группировки огромнаго числа лицъ, очень трудно поддается воспроизведенію въ гравюрѣ, и приобретаемая нами исключительно

удачная гравюра этой картины, исполненная* талантливымъ молодымъ граверомъ И. Н. Павловымъ, дала намъ возможность познакомиться съ нею нашихъ читателей.

Полоцкъ*), существовавшій уже при Рюрикѣ, бывшій при потомкахъ Владиміра столицей Полоцкаго княжества, игравшій впослѣдствіи такую громкую роль въ исторіи іезуитскаго ордена, всемірною столицей котораго онъ былъ въ концѣ XVIII вѣка,—представляетъ теперь довольно грязный убогій городокъ, жители котораго ведутъ торговлю съ Ригою, куда посылаютъ хлѣбъ, ленъ, кожи и другія мѣстныя произведенія.

Вся интеллигентная жизнь Полоцка сосредоточивается въ кадетскомъ корпусѣ и духовной семинаріи.

Кадетскій корпусъ, основанный въ 1835 г. въ іезуитскихъ здачійхъ, является одною изъ двухъ главныхъ достопримѣчательностей Полоцка. Другую гордость города составляетъ Николаевскій соборъ, бывшій іезуитскій св. Стефана.

Огромный, царящій надъ всѣмъ городомъ, соборъ представляетъ прекрасную постройку итальянскаго стиля XVII столѣтія, съ двумя колокольнями впереди и куполомъ сади. Внутри соборъ отличается грандіозностью, красотой пропорцій и обиліемъ свѣта. У лѣваго, ближайшаго къ алтарю, икона находится очень изящное возвышеніе для проповѣдей (польская амбона), украшенное бронзовыми барельефами и прекрасною статуей „Вѣры“. Главнаго же достопримѣчательность собора—запрестольный образъ „Убіеніе св. Стефана“. Въ Вѣлоруссіи, гдѣ его ошибочно приписываютъ Сальватору Розі, онъ очень популяренъ, особенно среди польскаго общества, и

*) Вѣрѣе—Полотскъ, такъ какъ названіе свое получилъ отъ рѣки Полоты.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при этомъ № прилагается **подписной бланкъ и конвертъ** съ адресомъ конторы редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на журналъ „Нива“ въ **1898** году. Требованія и деньги просимъ присылать въ обыкновенныхъ денежныхъ письмахъ, а не почтовыми переводами (см. подробнѣе въ концѣ объявленія на стр. 957).

о немъ ходитъ много слуховъ, между прочимъ, на примѣръ, что лѣтъ 40 тому назадъ прїѣзжіе англичане давали за него 30,000 руб.

Огромная (7 арш. 14 вершк. высоты) заброшенная картина эта безусловно заслуживаетъ вниманія. Она прекрасно характеризуетъ художественную эпоху XVII вѣка, ея достоинства и недостатки: разсчитанность на эффектъ, отвращеніе къ убійцамъ святаго, изображеннымъ какими-то чудовищами, жидковатая „настилка“, происходящая, вѣроятно, отъ спѣшности работы, — но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлая, широкая, сочная манера, свѣжей колоритъ, сильная тѣпка и масса движенія и страсти.

Помѣщенный здѣсь рисунокъ передаетъ содержаніе и общую композировку картины.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще слѣдующее обстоятельство. Соборъ, какъ и всѣ старинныя католическіе храмы, устроенъ безъ печей. Теперь же, для отопленія собора, по обѣимъ сторонамъ картины (менѣе, чѣмъ въ двухъ аршинахъ отъ нея) поставлены двѣ громадыя желѣзныя

Герцогъ мекленбургъ-шверинскій Фридрихъ-Вильгельмъ († 10-го сентября 1897 г.).

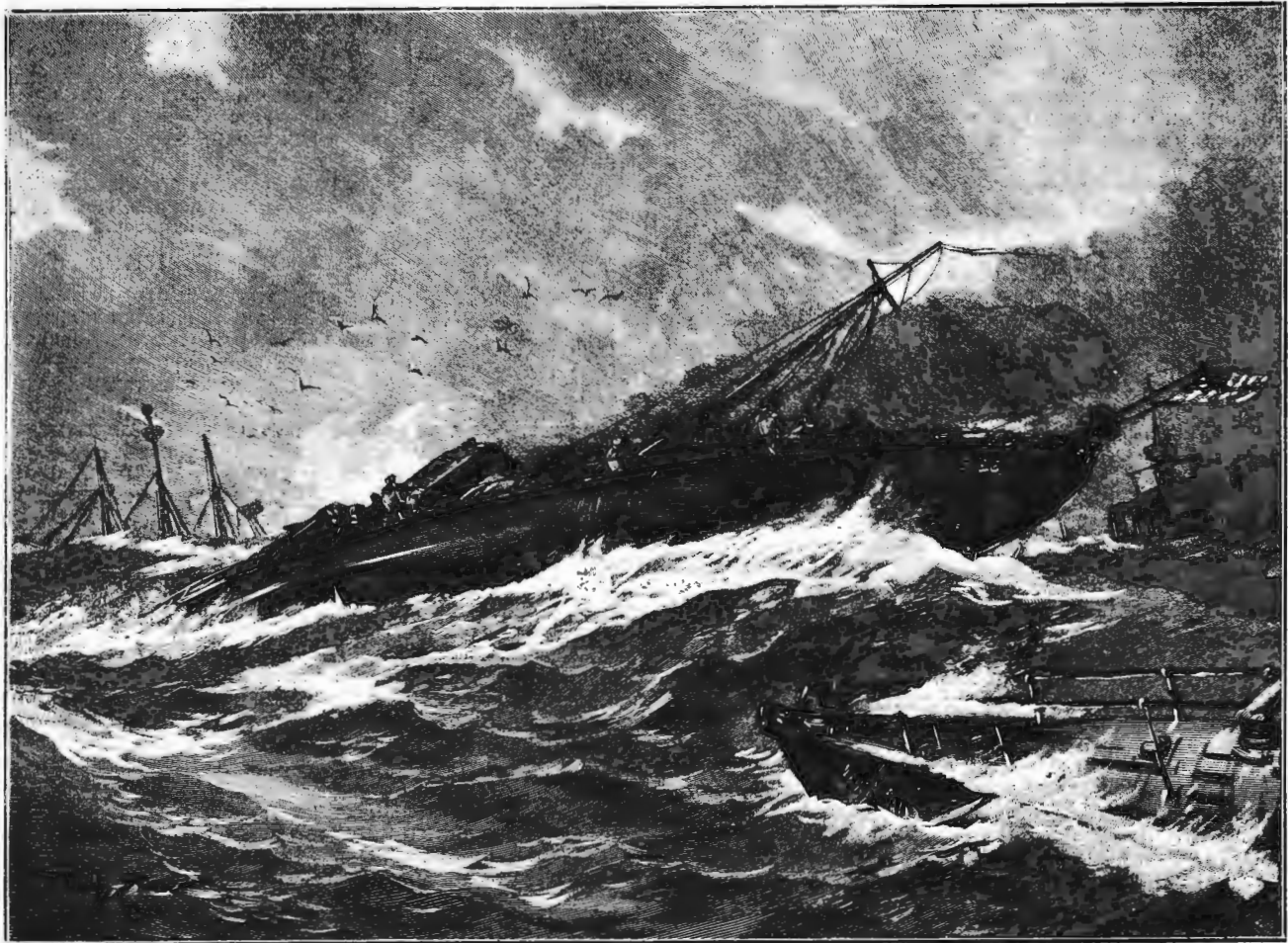
десятковъ тысячъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ характерную страницку въ исторіи искусства.

Кромѣ „Убіенія св. Стефана“, въ соборѣ, на правомъ клиросѣ, есть образъ св. Екатерины, — манерное, не лишнее своеобразнаго вкуса, типичное произведеніе средины XVIII столѣтія, — и нѣсколько картинъ, популярнаго у поляковъ, польскаго художника Чеховича. Художественной цѣнности эти послѣднія произведенія не имѣютъ.

Крушеніе миноноски и гибель герцога Фридриха-Вильгельма.

(Рисун. и портр. на этой стр.)

10-го сентября произошло новое крушеніе миноноски при особенно трагическихъ обстоятельствахъ. Погибъ командиръ миноноски, членъ царствующей семьи. Мекленбургскій великогерцогская семья уже вторично въ нынѣшнемъ году оплакиваетъ тяжкую утрату: 29-го марта скончался великій герцогъ Фридрихъ-Францъ III, а 10-го сентября разнеслась вѣсть, что утромъ этого же дня совершенно неожиданно

Крушеніе германской миноноски S. 26, 10-го сентября 1897 г.

печи, и такъ какъ въ зиму ихъ топятъ только разъ или два въ недѣлю, то эти рѣзкія перемены температуры неминуемо должны уничтожить картину, которая, если даже и не стоить

погибъ одинъ изъ молодыхъ членовъ великогерцогской семьи, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Состоя на службѣ во флотѣ, покойный герцогъ командовалъ миноноскою S. 26. 10-го сентября была

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ предупрежденіе постоянно поступающихъ отъ гг. подписчиковъ просьбъ о высылкѣ имъ второго экземпляра подписнаго бланка на „Ниву“, Контора при этомъ № разсылаетъ подписной бланкъ въ двухъ экземплярахъ. Второй экземпляръ можетъ быть переданъ знакомымъ, которые съ своей стороны пожелаютъ подписаться на „Ниву“ 1898 года.

сильная буря. Недалеко от маяка, стоящего у входа из Буксгафена в Эльбу, миноноска потерпела крушение, и герцогъ, вмѣстѣ съ семью членами команды, погибъ въ волнахъ.

Герцогъ былъ сыномъ великаго герцога Фридриха-Франца II отъ третьяго брака и родился 5-го апрѣля 1871 года. Еще въ самомъ юномъ возрастѣ герцогъ почувствовалъ въ себѣ любовь и призваніе къ морскому дѣлу. Въ апрѣлѣ 1888 года онъ явился въ Киль и поступилъ во флотъ. Въ концѣ 1892 году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ слѣдующемъ году ушелъ въ тихоокеанское плаваніе, продолжавшееся около двухъ лѣтъ. Еще 2-го сентября герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ присутствовалъ на спускѣ броненосца перваго класса „Императоръ Вильгельмъ II“, въ Вильгельмсгафенѣ, и весело бесѣдовалъ за обѣдомъ, сопровождавшимъ это торжество.

Герцогъ мастерски управлялъ миноноской, но и его умѣнь не въ состояніи было спасти ее, при очень неглубокой осадкѣ, отъ свирѣпствовавшей бури. По разсказу единственнаго спасшагося матроса Лекебуша, слѣдуетъ предположить, что герцогъ, находившійся до катастрофы у самой башни на верхней надубѣ и державшійся обѣими руками за желѣзныи прутья, въ критическій моментъ былъ отброшенъ въ пространство между деками. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что герцогъ, видя опасность, крикнулъ рулевому какой-то приказъ. Чувство долга до послѣдней минуты руководило герцогомъ и было причиной его смерти. Отъ сильнаго удара герцогъ, вѣроятно, пробылъ безъ сознанія нѣсколько времени, и когда онъ поднялся, то былъ замѣченъ кочегаромъ. Послѣдній разсказываетъ, какъ спокойно и съ какимъ самообладаніемъ зиялъ съ себя герцогъ плавательную куртку, но отъ непромокаемаго платья онъ освободиться не могъ. На глазахъ команды, обреченной вмѣстѣ съ нимъ на вѣрную смерть, герцогъ не принялъ никакихъ мѣръ къ собственному спасенію. Сознаніе, что не все спасется, не позволило ему серьезно думать о себѣ лично. Послѣднія его слова были: „Ну, молодцы, все погибло, помолимся же вмѣстѣ“. И затѣмъ онъ вслухъ сталъ читать молитву: „Господи, возьми наши души на небо и даруй намъ скорую и легкую смерть!“ Остальные люди молились молча. Послѣ молитвы герцогъ настоятельно требовалъ, чтобы кочегаръ сдѣлалъ попытку спастись, и сказалъ ему: „Если вы будете спасены, то скажите, что я вахожусь между деками“. Врядъ ли смерть герцога и людей команды была мучительною. Вода быстро поднялась, а воздухъ, котораго и безъ того было между деками немного, испортился, вѣроятно, такъ, что все люди должны были впасть немедленно въ безсознательное состояніе.

Потерпѣвшая крушеніе миноноска затонула на глубинѣ 22 метровъ; мѣсто ея гибели отмѣчено теперь буйкомъ. Братья безвременно погибшаго герцога, герцогъ Адольфъ-Фридрихъ и Генрихъ, на другой же день послѣ катастрофы, прибыли въ Буксгафенъ, чтобы присутствовать при извлеченіи изъ воды тѣла покойнаго. Миноноска герцога принадлежала къ ряду самыхъ старыхъ германскихъ судовъ этого типа, строившихся въ періодъ времени отъ 1883 по 1889 г. на судостроительномъ заводѣ Шихау, въ Эльбингѣ. При водоизмѣщеніи въ 85 тоннъ, она имѣла въ длину 39 метровъ, въ ширину—4,8, а осадку— въ 2 метра. Она принадлежала къ первой германской торпедной флотиліи.

S. 26—уже третья миноноска, которую пришлось потерять германскому флоту за короткій, двухлѣтній періодъ времени. 16-го августа 1895 г., точно такъ же, во время сильной бури и тоже на пути изъ Вильгельмсгафена въ Киль, потерпѣла крушеніе миноноска S. 41, причѣмъ половина ея экипажа погибла; въ апрѣлѣ 1896 г. произошло столкновеніе между миноносками S. 46 и S. 48, и послѣдняя изъ нихъ затонула. Главною причиною несчастій съ этого рода судами служитъ ихъ слишкомъ неглубокая осадка, которая, во время сильной бури, даже при соблюденіи всѣхъ правилъ предосторожности, легко приводитъ къ катастрофѣ.

Гаэтано Доницетти.

(Портр. на этой страницѣ.)

Въ Италіи недавно началось торжество по поводу столѣтія рожденія одного изъ ея безсмертныхъ оперныхъ композиторовъ—Гаэтано Доницетти. Продолжаться эти торжества въ разныхъ мѣстахъ будутъ нѣсколько недѣль; начались они на родинѣ покойнаго композитора, въ прелестномъ городкѣ

Бергамо, куда къ этому дню собрались въ полномъ составѣ все представители музыкальнаго міра Италіи и множество композиторовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, музыкальныхъ критиковъ и литераторовъ со всѣхъ концовъ Европы. Программу торжества составили три наиболѣе популярныя оперы композитора: „Любовный напитокъ“ („L'elisir d'amore“), „Лючія“ и „Фаворитка“ и цѣлый рядъ блестящихъ вокальныхъ и инструментальныхъ концертовъ, участіе въ которыхъ приняли и известные у насъ, въ Россіи, артисты: профессоръ Іоахимъ, пѣвица Мельба, скрипачка Терезина Туа и многіе другіе. Собственно говоря, торжества въ Бергамо опережаютъ день столѣтія Доницетти на цѣлые два мѣсяца слишкомъ, такъ какъ великій итальянскій композиторъ родился 29-го ноября 1797 года. Родители думали сдѣлать изъ молодого Доницетти адвоката, самъ онъ болѣе всего лннулъ къ архитектурѣ, а всесильная судьба рѣшила по-своему и сдѣлала изъ него музыканта. Первоначальные его шаги на этомъ поприщѣ были пройдены подъ руководствомъ композитора и капельмейстера Симона Майра, бывшаго завѣдывающимъ церковною музыкою при бергамской базиликѣ Санта-Марія-Маджоре, имѣвшаго музыкальную школу и состоявшаго директоромъ музыкальнаго общества „Unione Filarmónica“.

Гаэтано Доницетти. (По поводу столѣтія со дня рожденія.)

Въ то время изученіе музыки давалось гораздо проще и быстрѣе, чѣмъ теперь, и къ двадцати годамъ отъ роду у Доницетти уже имѣлась написанная имъ опера. Хотя успѣха она и не имѣла, но во всякомъ случаѣ представляла собою вполне законченное музыкальное произведеніе, со всѣми необходимыми въ то время формами: тутъ были и длинныя, пѣвучія аріи и каватинны, и головоломныя рулады, и колоратуры, и неизбежныя ансамбли, дуэты и хоры. Доницетти, однакоже, не только поразительно быстро и легко изучилъ теорію композиціи, но и писалъ потомъ съ не менѣе поразительною быстротою и легкостью. Къ двадцати шести годамъ имъ уже было написано шестнадцать оперъ. „Любовный напитокъ“ написанъ въ теченіе двухъ недѣль, „Донъ Пасквале“—въ двѣнадцать дней, а „Марія Роганская“—всею въ одну недѣлю. Разумѣется, весь техническій аппаратъ, съ помощью котораго работала Доницетти, былъ несравненно проще, чѣмъ сложная партитура выѣшшаго композитора; тѣмъ не менѣе, творчество этого незабвеннаго таланта просто поражаетъ, въ особенностн, если вспомнить, что въ то время существовалъ обычай, въ силу

котораго композиторъ долженъ былъ самъ дирижировать оперою при первомъ ея представленіи. Въ силу этого обстоятельства Доницетти былъ вѣчно въ разѣздахъ: то онъ жилъ въ Римѣ, то въ Венеціи, Миланѣ и Флоренціи, то въ Парижѣ, то въ Вѣнѣ. Окончательную славу ему составила совершенно забытая оперъ „Анна Болонъ“, написанная имъ въ 1831 году и явившаяся его тридцать второю, по счету, оперою. Вмѣстѣ съ Россини, бывшимъ всего на пять лѣтъ старше его, онъ наполнилъ своими произведеніями ту эпоху въ итальянской оперной музыкѣ, которая раздѣляется Белини отъ Верди. Самую блестящую пору своей дѣятельности провелъ Доницетти въ Парижѣ, гдѣ имъ написаны „Фаворитка“, „Дочь полка“, „Донъ Себастьянъ“ и „Донъ Пасквале“, и въ Вѣнѣ, гдѣ онъ явился преемникомъ Моцарта и Россини, въ качествѣ императорско-королевскаго камеръ-композитора и дирижера придворныхъ концертовъ. Для вѣнской оперы имъ были написаны „Марія Роганская“ и „Линда“. Наиболѣе выдающимися произведеніями изъ первыхъ оперъ Доницетти можно считать „Лукрецію Борджіа“ и „Лючію“, но музыкальные авторитеты ставятъ его комическія оперы „Любовный напитокъ“, „Донъ Пасквале“ и „Дочь полка“ гораздо выше остальныхъ, такъ-называемыхъ „трагическихъ“ произведеній плодовитаго композитора. Невыразимая прелесть произведеній Доницетти заключается, конечно, прежде всего въ ихъ чудесной мелодіи—этомъ рѣдкомъ дарѣ, присутствіемъ прежнимъ композиторамъ, который встрѣчается все рѣже и рѣже по мѣрѣ приближенія къ созданіямъ нынѣшнихъ композиторовъ съ ихъ сложною гармонизаціею и сочнымъ оркестровымъ аккомпанементомъ. Теперь уже не создаютъ такихъ мелодій, какъ, на примѣръ, арія Леоноры въ третьемъ актѣ „Фаворитки“ или романсъ короля, въ которомъ такъ безподобно хороши Баттистини. Зато, конечно, нѣтъ теперь и такого обліія терца и секста въ аккомпанементѣ. Но, помимо мелодичности Доницетти, до сихъ поръ приходится поражаться его удивительнымъ знаніемъ голосовъ и чудною пѣвучестью его музыки. По настоящее время лучшіе профессора ибнія упражняютъ своихъ учениковъ и ученицъ не на вагнеровскихъ мотивахъ, а на наивѣшнихъ и простѣйшихъ аріяхъ и каватинахъ изъ какой-нибудь „Анны Болонъ“, „Маріи Роганской“ или другой

какой-либо оперы, самое название которой почти совсѣмъ забыто. Если поэтому говорить, что старинные композиторы обязаны успѣхомъ своихъ оперъ только такимъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, какъ Патти, Гриви, Рубини, Тамбурини, Ляблэшъ, Дезпрэ, Арто, Кальдолари, Эверарди и др., то нельзя при этомъ забывать и того, что пѣвцы, въ свою очередь, не могли бы найти лучшаго матеріала для развитія своего вокальнаго искусства, чѣмъ въ этой чистѣйшей вокальной музыкѣ. Взаимность услугъ здѣсь была полнѣйшая.

Доницетти не пришлось дожить до преклонной старости. Непомѣрная, изъ ряда вонъ выходящая творческая сила композитора вдругъ, сразу оборвалась. Это случилось въ 1843 году. Доницетти слишкомъ переутомилъ свои душевные силы; неутомимая дѣятельность, постоянные разъѣзды, необходимость часто бывать въ обществѣ, развлечения, не всегда умѣренные, и наряду съ ними лихорадочная музыкальная работа — надорвали его организмъ, и въ слѣдующемъ 1844 году, находясь въ Парижѣ, знаменитый композиторъ, къ ужасу всѣхъ знавшихъ его, лишился разсудка.

Извѣстный музыкальный критикъ и историкъ Гансли къ разсказываетъ, по воспоминаніямъ Эскюде, слѣдующія трогательныя подробности о послѣднихъ дняхъ Доницетти.

„Положеніе его быстро ухудшалось; нашли наконецъ неизлѣжимыя отъ боли большаго въ домъ для душевно-больныхъ, въ лѣчебницу доктора Моро, въ Иври. Но какъ склонить къ этому Доницетти? И вообще, какъ его увезти изъ Парижа? Однако, дружба бываетъ иногда необрѣтательна. Написали подложное письмо, будто бы изъ Вѣны, запечатали его по-польскому печатью и передали Доницетти. Австрійскій императоръ приглашалъ въ этомъ письмѣ маэстро вернуться въ Вѣну и снова взять обязанности придворнаго композитора.

Несчастный больной попался въ ловушку. Обрадованнымъ приглашенію, онъ позабылъ свои страданія и приказалъ слугѣ

Антонио укладывать лошадей. Карета Доницетти, запряженная парною почтовыми лошадьми, немедленно пустилась въ путь. Въ некоторомъ отдаленіи за нею слѣдовала другая карета; въ ней сидѣли племянникъ Доницетти, двое друзей композитора и вѣрный слуга Антонио. Какъ только первая карета вѣхала въ Иври, кучеръ нарочно поднялъ лошадей на дыбы, остановилъ карету, ругаясь спустился съ козелъ и разбудилъ дремавшаго Доницетти, говоря, что сломалась ось, и что теперь, среди ночи, ничего другого не остается, какъ переночевать въ гостиницѣ, которая, къ счастью, находится тутъ же, возлѣ. Заспавный маэстро выходитъ изъ экипажа, а докторъ Моро, разыгрывая роль хозяина гостиницы, любезно встрѣчаетъ его и ведетъ въ уютную комнату. На слѣдующее утро появляются племянникъ, друзья и Антонио, пріѣхавшіе, будто бы, по посланной имъ хозяиномъ гостиницы телеграммѣ о крушеніи экипажа, навѣстить Доницетти. Уговорили его остаться еще на одинъ день, потомъ на другой, на третій, на четвертый, пока наконецъ докторъ не завладѣлъ совсѣмъ пациентомъ, и объ отъѣздѣ не могло уже быть и рѣчи. Самый тщательный медицинскій уходъ, къ сожалѣнію, не поборолъ болѣзни, перешедшую въ размягченіе мозга. Бѣднаго, безнадежно больнаго Доницетти перевезли наконецъ изъ больницы сначала на небольшую дачку близъ Елисейскихъ полей, въ Парижѣ, а потомъ на родину, въ Бергамо“.

Тамъ онъ и скончался 8-го апрѣля 1848 года. Странный и трогательный фактъ сопровождалъ его кончину. За нѣсколько минутъ до нея — онъ, нужно сказать, уже давно былъ безъ сознанія, относился ко всему безучастно и никого не узнавалъ — подъ окномъ его дома случайно остановился шарманщикъ и заигралъ финальный секстетъ изъ „Лучія“. Огонекъ сознанія блеснулъ вдругъ, при этихъ звукахъ, въ потухшихъ глазахъ больнаго; по губамъ пробѣжала легкая радостная улыбка. Вдругъ больно откинулъ голову на подушку, и черезъ нѣсколько мгновеній его не стало.

Къ юбилею шведскаго короля Оскара II.

Никогда еще, за все время существованія шведской столицы, не происходило въ стѣнахъ ея такого единодушнаго торжества, какъ отпразднованный 6-го сентября двадцатипятилѣтній юбилей короля Оскара II. Не одна лишь Швеція чествовала своего монарха-юбилара; вся Европа принимала участіе въ его празднѣніи.

Блестящая группа особъ царственной крови, собравшаяся въ столицѣ Швеціи ко времени юбилейныхъ торжествъ, несомнѣнно съѣхалась на это сѣверное rendez-vous не исключительно въ силу родственныхъ связей съ юбиляромъ. Присутствіе этихъ особъ явилось не простымъ визитомъ вѣжливости къ юбиляру-государю двухъ странъ, а яркимъ и высокоцѣннымъ признаніемъ заслугъ и успѣховъ его двадцатипятилѣтняго, по временамъ очень тяжелаго, царствованія. Но еще характернѣе для славы шведскаго короля, что на его юбилей явилось множество депутацій отъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ учрежденій, съѣхавшихся на дальній Сѣверъ, чтобы привѣтствовать въ лицѣ юбиляра ученаго, поэта и философа.

Окруженный цѣлою свитою выдающихся ученыхъ, король принималъ депутацій тѣхъ иностранныхъ университетовъ, въ почетные члены которыхъ онъ избранъ. Депутація, члены которыхъ обозначены были частью въ тоги, частью въ присвоенные имъ университетамъ мундиры, расположились въ хронологическомъ порядкѣ избраніи короля въ почетные члены каждаго университета. Порядкомъ установился слѣдующій: Вѣна, Лейденъ, Мюнхенъ, Болонья, Оксфордъ и Страсбургъ. Вѣвскій университетъ прислалъ, кромѣ ректора и декана философскаго факультета, еще особаго третьяго делегата, — что служитъ рѣдкимъ знакомъ отличія. Предсѣдатель каждой отдѣльной депутаціи обратился къ королю съ привѣтствіемъ, въ которомъ воздавалось должное юбиляру за его заслуги передъ наукою и искусствомъ. Всѣ говорили на родномъ своемъ языкѣ, за исключеніемъ голландскаго делегата, произнесшаго свою рѣчь по-французски. Всѣ рѣчи были проникнуты глубокой симпатіей къ юбиляру, и каждая въ отдѣльности служила цѣннымъ вкладомъ въ біографію короля, какъ челоука науки. По окончаніи всѣхъ рѣчей, королю были вручены почетные дипломы. Король отвѣчалъ общемо для всѣхъ делегатовъ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за оказанную ему честь. Вслѣдъ за этимъ гофиаршалъ представилъ королю каждаго члена въ отдѣльности, и король долгое время бесѣдовалъ съ ними; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ знакомъ уже ранѣе. Весь этотъ приемъ произвелъ на присутствующихъ самое сильное впечатлѣніе своею простотою; къ тому же это было чествованіе, каковаго еще ни разу не воздавалось ни одной коронованной особѣ. Нѣкоторые изъ поднесенныхъ королю дипломовъ отличаются замѣчательною роскошью отдѣлки.

Почти одновременно съ только что описаннымъ приемомъ

депутацій, король Оскаръ получилъ телеграфное сообщеніе отъ ректора Императорскаго с.-петербургскаго университета, въ которомъ тотъ извѣщаетъ, что совѣтъ университета избралъ его величество короля своимъ почетнымъ членомъ. Университетъ проситъ въ телеграммѣ, чтобы король принялъ это отличіе, какъ доказательство глубокаго уваженія, питаемаго университетомъ къ его величеству за непрестанно подтверждаемую имъ просвѣщенную и самоотверженную любовь къ наукѣ и за тѣ особенныя заслуги, которыми онъ оказалъ географіи, Берлинскую академію искусствъ и наукъ король Оскаръ также избралъ почетнымъ членомъ. Въ своемъ посланіи къ королю академія выражаетъ сожалѣніе, что она, по случаю канікулъ, въ настоящее время не въ состояніи отправить въ Стокгольмъ депутацію для принесенія личныхъ поздравленій.

Шведская столица отпраздновала юбилей своего короля чрезвычайно торжественно. Украшенія города были блестящи, особенно по вечерамъ, во время иллюминаціи. Повсюду развѣвались флаги, нестрѣли цвѣты и всякаго рода другія декоратіи. Движеніе по улицамъ было очень оживленное, напоминая парижское. Во время юбилейныхъ торжествъ Стокгольмъ былъ дѣйствительно настоящимъ большимъ столичнымъ городомъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею и торговыми чинами, принявшими на себя трудъ собрать статистическія данныя о числѣ пріѣзжихъ, оказывается, что за пять дней въ Стокгольмѣ пребывало почти двѣ пятыхъ всего населенія Швеціи. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ дѣло дошло до того, что комнату нельзя было достать ни за какія деньги. Множество крестьянъ и мелкихъ провинціаловъ, имѣвшихъ неосторожность отправиться въ столицу, не занесясь предварительно помѣщеніемъ, принуждено было проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Уже въ полдень хлѣбъ во всѣхъ пекарняхъ бывалъ совершенно распроданъ, а въ воскресенье всѣ рестораны принуждены были закрыться, такъ какъ наплывъ народа въ нихъ былъ слишкомъ силенъ. Всѣ эти невзгоды, неизбежно связанныя съ чрезмѣрнымъ переносеніемъ города, нѣсколько, однакоже, не повливали на настроеніе толпы. Этому въ значительной степени содѣйствовала и прекрасная погода, стоявшая во все время юбилейныхъ торжествъ. Что касается до вѣшннго блеска, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать воскресной иллюминаціи и прогулкѣ королевской четы и высокихъ гостей въ экипажахъ по городу. Въ corteжѣ было до сорока экипажей. Во второмъ изъ нихъ, по порядку, ѣхали король и королева, восторженно привѣтствуемые ликующимъ народомъ. Въ третей колѣскѣ ѣхала Ея Высочество великая княгиня Елисавета Мавриковна съ наслѣднымъ принцемъ датскимъ. Августѣйшій Супругъ Ея, Его Высочество великій князь Константины Константиновичъ слѣдовалъ въ шестомъ экипажѣ, съ княгиней Вальдекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Вступая въ двадцать девятый годъ своего существованія, «Нива» дастъ своимъ читателямъ и въ 1898 г. тщательно избранный и обширный литературный, художественный и популярно-научный матеріалъ для семейнаго чтенія.

Главная цѣль «Нивы»—служить въ области печатнаго слова культурнымъ задачамъ дорогаго нашего отечества. Въ этомъ она полагаетъ и все свое значеніе, и все свое често-

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Какъ много говоритъ это имя сердцу и уму русскаго читателя! Тургеневъ—слава и гордость русской литературы. Родное слово оное обогатилъ произведениями, которыя по художественному своему значенію упрочили за нимъ мѣсто среди нашихъ классическихъ писателей и создали ему европейское имя; русскій народъ называетъ его однимъ изъ вдохновеннѣйшихъ и стойкихъ борцовъ своего освобожденія отъ крѣпостнаго права; русская женщина признаетъ его истолкователемъ возвышеннѣйшихъ своихъ стремленій; наконецъ, все русское общество видитъ въ немъ писателя, который далъ самое полное и вѣрное выраженіе тому, чѣмъ оно живетъ, къ чему стремится, что его волнуетъ, заботитъ... Сколько неувядаемыхъ лавровъ въ вѣнкѣ славы одного человѣка, и какая благодарная задача содѣйствовать широкому распространенію произведеній такого писателя!

«Нива» будетъ и въ другихъ своихъ частяхъ слѣдовать избранному ею пути. Талантливые писатели, трудящіеся въ духѣ великихъ своихъ предшественниковъ, слава Богу, на Руси не вывелись. Они встрѣчаютъ въ «Нивѣ» радушное гостепримство, и редакціонный ея портфель постоянно пополняется ихъ произведениями, которыя, попрежнему, будутъ печататься въ самой «Нивѣ» и въ «Ежемесячныхъ Литературныхъ Приложеніяхъ». Открывая свои столбцы не только старымъ, испытаннымъ силамъ, но и всякому новому таланту и представляя въ критической своей части по возможности полную и безпристрастную оцѣнку литературныхъ трудовъ, «Нива» вполне обеспечиваетъ свое *литературно-общественное* значеніе.

Журналъ долженъ быть зеркаломъ жизни, отражая ее въ неискаженномъ видѣ, содѣйствуя этимъ сознательному къ ней отношенію и постепенному ея усовершенствованію. Могущественнымъ подспорьемъ

любие; этимъ опредѣляется и содержаніе ея приложений. *Содѣлатъ выдающихся нашихъ писателей общедоступными*—одно изъ вѣрныхъ средствъ достиженія этой плодотворной цѣли.—«Нива» уже дала своимъ подписчикамъ цѣлый рядъ выдающихся русскихъ писателей, старыхъ и новыхъ. Нынѣ, не пощадивъ усилий и значительныхъ жертвъ, «Нива» можетъ предложить своимъ читателямъ на будущій годъ въ видѣ безплатнаго приложения

служать тутъ наука и искусство. Поэтому «Нива» всегда стремилась къ *популяризаціи* на ряду съ *произведеніями искусства* и *научныхъ свѣдѣній*. Такъ будетъ и въ наступающемъ году. Иллюстрированныя для наглядности статьи этнографическаго, естественно-научнаго, сельско-хозяйственнаго и техническаго содержанія восполняютъ богатый запасъ чтенія, представляемый «Нивою», и придутъ на помощь всѣмъ, желающимъ трудиться въ жизни для жизни, чтобы обезпечить собственное благополучіе и благополучіе родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть ея культурные успѣхи.

Особенное вниманіе, какъ и до сихъ поръ, будетъ обращено «Нивою» на освѣщеніе словомъ и рисункомъ всѣхъ существенныхъ *текущихъ событий*. Отзывчивость «Нивы» въ этомъ отношеніи хорошо извѣстна читателямъ. Въ истекающемъ году она дала, между прочимъ, чрезвычайно обстоятельное описаніе такихъ событий, какъ приѣздъ въ Петербургъ сперва германскаго императора Вильгельма II, а потомъ главы дружественнаго и союзнаго намъ народа, президента французской республики, Феликса Фора, торжественная встрѣча, устроенная городомъ Варшавою Ихъ Величествамъ, и т. д.

Остальные отдѣлы журнала получаютъ также дальнѣйшее развитіе. Въ ежегодныхъ объявленіяхъ о подпискѣ на «Ниву» отмѣчаются только главные фазисы постепеннаго совершенствованія журнала, указываются только наиболѣе существенные изъ достигнутыхъ имъ успѣховъ. Но читатель, конечно, самъ видитъ ту многотрудную и сложную работу, которая въ концѣ концовъ дала журналъ, пользующійся довѣріемъ публики, потому что оны удовлетворяетъ ея потребности въ популярномъ органѣ для семейнаго чтенія. Прошлое служитъ ручательствомъ за будущее.

Разсрочка подписной платы за «Ниву» 1898 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:
ДЛЯ Г. Г. ГОРОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“
 ВЪ ДВА СРОКА: при подпискѣ 3 р. 1 мая 1898 г. 2 р. 50 к. при подпискѣ 3 р. 50 к. 1 мая 1898 г. 2 р. 50 к. и при подпискѣ 3 р. 50 к. 1 мая 1898 г. 2 р. 50 к. и
 ВЪ ДВА СРОКА: при подпискѣ 3 р. 1 мая 1898 г. 2 р. 50 к. и при подпискѣ 3 р. 50 к. 1 мая 1898 г. 2 р. 50 к. и
 Лицамъ, пользующимся разсрочкой, журналъ будетъ, при аккурратной высылкѣ взносовъ, высылаться съ всѣми приложениями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСКАМИ.
 Для г. г. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, (въ СПб., Москвѣ и др. городахъ) допускъ разсрочки на болѣе льготныхъ условіяхъ, въ ручательствѣ г. г. владѣльцъ, и управляющ. для приема подписки на 1898 г. ежедневно (кромя воскрес. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“
 СО СВОИМЪ ПЕРИОДИЧЕСКИМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 ВЪ АДО-... 5 р. 50 к. ...
 Съ доставкою въ Москву и Петербургъ...
 Съ пересылкою въ Москву и Петербургъ...
 Главная контора журнала „НИВА“, СПб., Малая Морская, № 22, открыта для приема подписки на 1898 г. ежедневно (кромя воскрес. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч.

Послѣднее (посмертное) «Полное собраніе сочиненій Тургенева», въ 10 томахъ, было просмотрѣно самимъ авторомъ, снабжено биографическимъ очеркомъ и предисловіемъ М. М. Стасюлевича, нынѣ дополненнымъ нами его же «Воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева и его похоронахъ», а также подробными алфавитнымъ и хронологическимъ указателями. Оно распадается на 5 отдѣловъ. Въ первый вошли безсмертные «Записки охотника»; во второй—капитальнѣйшія произведенія знаменитаго нашего писателя, большіе его романы, составившіе каждый эпоху въ нашей литературѣ и въ общественномъ нашемъ самосознаніи: «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунъ», «Отцы и дѣти», «Дымъ» и «Новъ»; въ третій—всѣ повѣсти и рассказы, изъ которыхъ большинство—истинные перлы художественнаго творчества и общественнаго проникновенія; въ четвертый—сцены и комедіи; наконецъ, въ пятый—литературная и житейскія воспоминанія, критическія статьи, некрологи, переводы и т. д. Продажная цѣна этого пол-

наго собранія сочиненій Тургенева составляетъ 15 р. Но **ПОЛНЫМЪ** его, въ дѣйствительности, назвать нельзя. Въ него не вошли «Стихотворенія» Тургенева, въ томъ числѣ поэма «Параша», положившая начало его славы и вызвавшая восторженный отзывъ со стороны такого критика, какъ незабвенный Бѣлинскій. Всѣ стихотворенія Тургенева распадутся на 4 отдѣла: поэмы, въ томъ числѣ очень значительныя, какъ «Параша» и «Андрей», небольшія стихотворенія, преимущественно лирическаго характера; переводы изъ Байрона и Гете; неоконченныя стихотворенія и эпиграммы. Продавались они до сихъ поръ отдѣльно отъ полного собранія сочиненій за 1 р. 50 к.—, **НИВѢ** удалось приобрести для своихъ подписчиковъ и эти цѣнныя произведенія Тургенева.
 Такимъ образомъ подписчики «НИВЫ» получаютъ какъ «Сочиненія», такъ и «Стихотворенія» бесплатно, въ объединенномъ видѣ, и «Сборникъ» «НИВЫ» на 1898 г. составитъ фактически—

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ собрание сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА ВЪ 12 ТОМАХЪ.

Сборникъ „НИВЫ“ на 1898 г. будетъ отпечатанъ на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще болѣе четко, чѣмъ въ предыдущіе годы, и будетъ выходить, какъ всегда, въ началѣ каждаго мѣсяца. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

- ТОМЪ I:** Портретъ и факсимиле И. С. Тургенева.—Предисловіе къ 1-му посмертному изданію 1883 г. и по поводу второго изданія М. Стасюлевича.—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Биографическій очеркъ М. Стасюлевича.—Предисловіе автора къ I тому изданія 1880 г.—Записки охотника: 1) Хорь и Калинычъ. 2) Ермолай и мельничиха. 3) Малиновая вода. 4) Уѣздный лѣкарь. 5) Мой сосѣдь Радиковъ. 6) Олдоворецъ Овсянниковъ. 7) Льговъ. 8) Бѣжинъ лугъ. 9) Касьянъ съ Красивой Мечи. 10) Бурмистръ. 11) Контра. 12) Вирюкъ. 13) Два помѣщика. 14) Лебедянь. 15) Татьяна Борисовна и ея племянникъ. 16) Смерть. 17) Пѣвцы. 18) Петръ Петровичъ Карагаевъ. 19) Свиданіе. 20) Гамлетъ Шигровскаго уѣзда. 21) Чертопхановъ и Недопюскинъ. 22) Конецъ Чертопханова. 23) Живыя мощи. 24) Стучить. 25) Эпиграмм.—Лѣсъ и степь.
- ТОМЪ II:** Предисловіе автора къ собранію его романовъ, 1880 г.—Отцы и дѣти. Романъ.—Наканунъ. Романъ.
- ТОМЪ III:** Дымъ. Романъ.—Дворянское гнѣздо. Романъ.
- ТОМЪ IV:** Новъ. Романъ.—Рудинъ. Романъ.
- ТОМЪ V:** Андрей Колосовъ. Разск.—Бретѣръ. Повѣсть.—Три портрета. Повѣсть.—Индъ. Разсказъ.—Пѣтушокъ. Повѣсть.—Дневникъ лишняго человѣка. Повѣсть.—Три встрѣчи. Разсказъ.—Муму. Разсказъ.—Постоялый дворъ. Повѣсть.
- ТОМЪ VI:** Два пріятели. Повѣсть.—Затишье. Повѣсть.—Переписка. Разсказъ въ письмахъ.—Яновъ Пасынковъ. Разсказъ.—Фаустъ. Разсказъ въ девяти письмахъ.—Пѣздка въ Польшу. Разсказъ.—Ася. Разсказъ.
- ТОМЪ VII:** Первая любовь. Разск.—Призраки. Фантазія.—Довольно. Отвержокъ изъ записокъ умершаго художника.—Собака. Разсказъ.—Исторія лейтенанта Ергунова. Разсказъ.—Бригадиръ. Повѣсть.—Несчастная. Разсказъ.—Странная исторія. Разсказъ.—Степной Король Лиръ. Повѣсть.
- ТОМЪ VIII:** Весниа воды. Повѣсть.—Стукъ!.. стукъ!.. стукъ! Студія.—Пунинъ и Бабуринь. Разсказъ.—Часы. Разсказъ старика.—Сонъ. Разсказъ.—Разсказъ отца Алексія.
- ТОМЪ IX:** Клара Миличъ. Повѣсть.—Стихотворенія въ прозѣ.—Стихотворенія.
- ТОМЪ X:** Вмѣсто предисловія.—Неосторожность. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи.—Безденежье. Сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина.—Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Ком. въ 1-мъ дѣйствіи.—Нахлѣбникъ. Ком. въ 2-хъ дѣйствіяхъ.—Холостякъ. Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ.
- ТОМЪ XI:** Завтракъ у предводителя. Ком. въ 1 дѣйствіи.—Мѣсяцъ въ деревнѣ. Ком. въ 5 дѣйствіяхъ.—Провинциалка. Ком. въ 1 дѣйствіи.—Разговоръ на большой дорогѣ. Сцена.—Вечеръ въ Соррентѣ. Сцена.
- ТОМЪ XII:** Литературныя и житейскія воспоминанія.—Критическія статьи и рѣчи.—Некрологи, письма.—Переводы: 1) Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ, Густава Флобера. 2) Иродіада, Флобера.—Хронологическій указатель къ сочиненіямъ И. С. Тургенева.—Алфавитный указатель къ 12 томамъ.

При первомъ томѣ будутъ приложены два автографа и портретъ И. С. Тургенева, гравированный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Обращаемъ вниманіе г. г. подписчиковъ, что въ силу договора, заключеннаго съ собственниками «Сочиненій» Тургенева, принадлежащія имъ сочиненія могутъ быть приложены къ «Нивѣ» **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ теченіе 1898-го подписнаго года и **отдѣльно отъ журнала продаваться не будутъ.**

По примѣру прежнихъ лѣтъ, при Нивѣ 1898 г. будетъ приложенъ **Ежемесячный модный журналъ**, заключающій въ себѣ 12 №№ новѣйшихъ Парижскихъ модъ и болѣе 300 прекрасно выполненныхъ модныхъ гравюръ и рисунковъ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ. На отдѣльно приложенныхъ 12 большихъ листахъ будетъ помѣщено болѣе 300 рисунковъ рукодѣльныхъ и вышитыхъ работъ и около 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину.
 По заключенному «Нивою» контракту съ одной изъ лучшихъ фирмъ въ Парижѣ, модныя гравюры при «Нивѣ» и въ 1898 году будутъ выходить **ОДНОВРЕМЕННО** съ парижскими изданіями, и, такимъ образомъ, въ модномъ отдѣлѣ «Нивы» будутъ появляться послѣднія новинки лучшихъ фасоновъ «Парижскихъ модъ».

Многіе изъ помѣщаемыхъ въ этомъ модномъ журналѣ рисунковъ исполнены французскими художниками-граверами по фотографіямъ съ моделей, шитыхъ у лучшихъ парижскихъ портныхъ, и поэтому являются не только художественными картинками, но и съ величайшей точностью передаютъ и общее впечатлѣніе, производимое нарядомъ, и всѣ подробности отдѣлки.
 Въ томъ же модномъ журналѣ читатели найдутъ въ отдѣлѣ «Почтовый ящикъ» цѣлую серію статей по хозяйству и домоводству, одинаково полезныхъ для людей какъ богатыхъ, такъ и не располагающихъ значительными средствами.
 При первомъ № Нивы подписчики получаютъ **стѣнной календарь**, отпечатанный въ нѣсколько красокъ.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ слѣдуетъ обозначать непременно на самомъ переводѣ (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также адресъ (подробный и четкій). Но, во избѣжаніе недоразумѣній и въ интересахъ самихъ подписчиковъ, Контора **убѣдительно проситъ** присылать требованія и деньги въ обыкновенныхъ денежныхъ письмахъ, а не почтовыми переводами, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточнаго размѣра отрывныхъ купоновъ, подписчикамъ трудно подробно и ясно изложить на нихъ свои требованія, а при значительномъ скопленіи такихъ купоновъ съ неясными адресами и требованіями для Конторы возникаютъ серьезныя неудобства.

Политическое обозрѣніе.

Ожидавшееся новое подтвержденіе троїтвеннаго союза состоялось. На парадномъ обѣдѣ въ Буда-Пештѣ, 9-го сентября, въ честь германскаго императора, императоръ Франца-Иосифа, „привѣтствовалъ вѣрнаго друга и союзника, неуспѣшно сотрудничавша въ великомъ дѣлѣ мира“. Въ отвѣтъ своемъ на это привѣтствіе германскій императоръ отнесся сочувственно „къ патриотизму венгерскаго рыцарскаго народа“, горячо отозвался о пріемѣ въ венгерскій столицѣ, произведемъ глубокое впечатлѣніе, и прибавляя, что, „благодаря мудрости маститаго австрійскаго государя, союзъ, заключенный на благо народовъ, существуетъ неразрывно“, обезпечивая Европѣ миръ и въ будущемъ.

Парламентская жизнь въ Австріи отодвинула на задній планъ вопросы внѣшней политики. Преобладающими факторами внутрѣнной политической жизни Австріи становятся славянскія группы подданныхъ императора Франца-Иосифа. Чехи энергично ведутъ агитацію въ пользу признанія ихъ національныхъ требованій. По мнѣнію органа Ригера *Politik*, чехи-депутаты должны быть непреклонными въ отстаиваніи автономіи чешскихъ земель и полное уравненія чеховъ съ нѣмцами. Младочехи высказались въ томъ же смыслѣ въ своемъ органѣ *Narodny Listy*, заявивъ категорически, что будутъ поддерживать правительство въ томъ лишь случаѣ, если оно приметъ за осуществленіе политической программы перехода дуалистическаго строя имперіи — въ федерацію всѣхъ славянскихъ областей Габсбургской монархіи.

Новая сессія рейхсрата открыта 11-го сентября графомъ Бадени, котораго нѣмецкіе націоналисты встрѣтили ироническимъ возгласомъ „hoch“. По предложенію министра-президента, старѣйшій изъ депутатовъ занялъ предсѣдательское мѣсто и, постоянно прерываемый оппозиціей, обратился съ рѣчью къ палатѣ, прося ее поддерживать взаимное согласіе и оставить безплодные вопросы; рѣчь эта вызвала троекратное „hoch“ въ честь императора. Оппозиція, однако, не унималась и довела свои нападенія до размѣровъ крупнаго скандала: въ палатѣ

раздался кликъ одного изъ вождей оппозиціи: „да здравствуетъ германскій народъ!“ а лѣвая фракція бурно подхватила этотъ, по меньшей мѣрѣ, странный возгласъ въ австрійскій палатѣ. На слѣдующій день, 12-го сентября, засѣданіе продолжалось среди сильнаго волненія палаты. Дебаты о выборахъ въ делегацію вызвали новые протесты нѣмцевъ и социаль-демократовъ. Дальнѣйшія пренія приостановлены были закрытіемъ засѣданія, причѣмъ графу Бадени нанесено было оскорбленіе рѣкимъ браннымъ выраженіемъ. Инцидентъ этотъ разрѣшился 13-го сентября дуэлью между однимъ изъ депутатовъ нѣмецкой національной партіи и министромъ-президентомъ графомъ Бадени, испрошившимъ на это телеграммой разрѣшеніе императора. На дуэли, происходившей на пистолетахъ, графъ Бадени былъ раненъ въ плечо. Императоръ выразилъ своему министру живое сочувствіе; нѣкоторые клубы рейхсрата вотировали графу Бадени свои симпатіи. Парламентская оппозиція подняла шумъ, обвиняя министра-президента въ нарушеніи закона, запрещающаго поединки. По этому преступленію прокуратура начала было слѣдствіе, но должна была прекратить его по повелѣнію императора. Вообще этотъ крупный инцидентъ упрочилъ положеніе кабинета графа Бадени. По общему мнѣнію, нѣмецкой партіи угрожаетъ крушеніе на всѣхъ пунктахъ, чѣмъ и долженъ расчиститься путь для дальнѣйшихъ успѣховъ славянскихъ народностей.

Политические кружки Англии нѣсколько оживлены радостнымъ для нея новостіемъ о недавнемъ занятіи Бербера „дружественными арабскими племенами“, открывающемъ свободный путь съ береговъ Краснаго моря къ рѣкѣ Нилу. Это событіе заставило англичанъ забыть о невагодахъ въ Индіи, гдѣ британскія войска ведутъ упорную борьбу съ горными племенами на афганской границѣ. Съ занятіемъ Бербера облегчается задача англо-египетскихъ войскъ, движущихся противъ махдистовъ. Движеніе англичанъ къ Нилу находится въ связи съ грандіознымъ планомъ распространенія британскаго владычества на всю восточную Африку.

Разныя извѣстія.

— Изъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ августѣйшими дочерьми отбыли изъ Спалы въ Дармштадтъ, куда прибыли 20 сентября и были встрѣчены великогерцогиней фамилией. Послѣ привѣтствованія лишь, явившихся для встрѣчи. Высочайшія Особы прослѣдовали въ Новый дворецъ. Государь Императоръ изволилъ отклонить военную встрѣчу и конвой.

— Ея Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна съ августѣйшими дѣтьми Ихъ Императорскихъ Высочествами великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великой княжнцой Ольгой Александровной прибыли изъ Даніи 17-го сентября на Императорскій хвѣтъ „Штадартъ“ въ Либаву. Прослѣдовавъ затѣмъ на вокзалъ Либаво-роменской жел. дор., Ея Величество съ августѣйшими дѣтьми отправилась въ Одессу, куда прибыла 20 сентября и въ тотъ же день отбыла на броненосцѣ „Георгій Побѣдоносецъ“ въ Батумъ и оттуда въ Боржомъ и Абхазію — мѣсто пребыванія Наслѣдника Цесаревича великаго князя Георгія Александровича.

— Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ издано 13 сентября с. г. слѣдующее распоряженіе по почтовой части:

По дѣйствующимъ правиламъ, звонкая монета принимается въ пересылкѣ по почтѣ лишь заглавной въ кожаные узлы; въ денежныя же пакетахъ, т. е. въ бумажныхъ или холщевыхъ обложкахъ допускается пересылка звонкой монеты въ небольшомъ количествѣ, а именно: золота на 21 рубль, серебра

на 95 коп. и мѣди до 9¹/₂ коп.

Въ виду распространяющагося нынѣ обращенія полноцѣнной серебряной монеты и предстоящей заимъ сею монетою кредитныхъ билетовъ одного и трехрублеваго достоинствъ, означенныя правила являются стѣснительными для лицъ, имѣющихъ надобность въ пересылкѣ такого количества серебряныхъ рублей, которое нельзя будетъ замѣнить кредитными, а потому, въ отмѣну существующихъ постановленій, дозволяется въ денежныя пакеты вкладывать отъ одного до четырехъ серебряныхъ рублей, причѣмъ за пересылку сего количества рублей (отъ 1 до 4), вмѣстѣ съ бумагомъ, въ которую они должны быть завернуты, чтобы не повредить обложки, взимается однообразный вѣсовый сборъ въ 7 копеекъ. Затѣмъ, въсь пакетъ со всѣми остальными вложеніемъ (письмо, золотая монета, кредитные билеты, разныя серебряная монета, документы и проч.) подлежитъ оплатѣ по дѣйствующему тарифу.

Вмѣстѣ съ симъ устанавливается, что вложеніе звонкой монеты въ одинъ денежный или открытый цѣнный пакетъ не должно превышать слѣдующаго общаго количества: а) четырехъ полуимперіаловъ или двухъ имперіаловъ; б) четырехъ серебряныхъ рублей и 95 коп. разнѣрной серебряной монеты, и в) 9¹/₂ коп. мѣдной монеты.

— 20-го сентября, при проѣздѣ со скорымъ поѣздомъ николаевскій жел. дор. на рыбинско-бологовскую линію, министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ произвелъ, по сообщенію *Ирж. Вѣд.*, неожиданнаго контроля пассажирскихъ билетовъ въ по-

ѣздѣ, причѣмъ обнаружилось, что лучшія мѣста въ отдѣленіяхъ занимались лицами, имѣвшими бесплатные билеты, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ пассажировъ, съ платными билетами, оставались безъ мѣста. По распоряженію министра, первымъ тутъ же было предложено занять общія мѣста въ вагонахъ, а отдѣленія были предоставлены пассажирамъ платнымъ. Подобный безпорядокъ былъ извѣстенъ министру въ развѣ, и нѣсколько времени тому назадъ министромъ путей сообщенія былъ отданъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ управленіямъ приказъ, чтобы при проѣздѣ служащихъ и вообще всѣхъ лицъ съ бесплатными билетами, они уступали бы мѣста пассажирамъ и, въ случаѣ недостатка мѣста, пассажиры переходили въ вагоны низшаго класса, но на это, какъ видно, дорогами мало обращается вниманія.

— Настоятель старо-афонскаго Андреевскаго подворья въ С.-Петербургѣ, архимандритъ Давидъ, и гвардія капитанъ Николай Турчаниновъ отъ имени лица, пожелавшаго остаться ненавѣстнымъ, представили 100,000 руб. для учрежденія общества попеченія объ улучшеніи быта питомцевъ обоаго пола Императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома, вскармливаемыхъ и воспитываемыхъ въ деревняхъ округовъ, расположенныхъ по линіи николаевской желѣзной дороги, по примѣру одиородныхъ обществъ, существующихъ по линіямъ другихъ желѣзныхъ дорогъ близъ С.-Петербурга, съ тѣмъ, чтобы доходъ съ 25,000 р. изъ указаннаго капитала былъ употребляемъ на содержаніе первыи по имя Рождества Христова съ придѣломъ во имя святаго Инокентія.

портр.). — Завлеченіе. — Изъ юбилею шведскаго короля Оскара II. — О подвигѣ на „Нилу“ 1898 г. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Объясненія. При этомъ не прилагаются: 1) Сочиненія П. А. Боборыкина, т. X (Сборникъ „Мвы“ за октябрь); 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за октябрь съ 30 рис. и отд. листъ съ 30 черт. вынр. въ натур. вел. и 29 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Семантовскій.

Мамъ Дюфренъ. Руководство ШАХМАТНОМЪ ИГРЪ и Эмануэлъ Ласкеръ. „Здравый смыслъ въ шахматахъ“. Въ одномъ томѣ. Перев. Э. Шифферса. Изданіе М. Жеребцова. Ц. 2 р. 50 к. безъ перес. Можно получить во всѣхъ книж. маг. Складъ изданія въ типогр. В. Ф. Демакова, СПб., Новый пер., 7. Можно написать нал. платж. въ 3 р. черезъ редакц. „Шахматнаго журнала“, Э. С. Шифферса, СПб., за Невскою заставой, Муравьевскій пер., 20.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдварда. За датъ 7 коп. марка высылка условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7, Проф. кал. Э. Кошадарскъ. № 10263 10-10

Вышло новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
О ВЪРОВАНІИ.
Популярно-философскіе очерки Юлія Пейо, автора книги „Воспитаніе воли“. Переводъ съ французскаго М. Энгельгардта. СПб. 1897 г. 198 стр. Цѣна 50 коп. (Рязаніонимъ върованіемъ отдѣлено въ книгѣ лишь 10 страницъ).

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и гдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА. Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля и заключаетъ въ себя массу превосходныхъ рисунковъ — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ изданіи, литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

ТРЕБУЮТЪ
АДЪИКАЦИИ
КОМИЛИЦА И РУКЪ
И ОТЬ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
П. В. ШИМЪЛЬ
Цѣна 20 коп. Продажи нѣтъ

Южно-русское индигоздательство
Ф. А. ЮГАНСОНА
КІЕВЪ и ХАРЬКОВЪ.
Поступили въ продажу 2 испр. изданія
Старый морякъ
Поэма С. Колыриджа, въ переводѣ Корнияскаго, съ картин. Доре.
Раскопное изданіе большаго формата съ 38 рисунками Угуста Доре, составляетъ украшеніе всякой гостиной. К. 1897. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ роскошномъ колленкоромъ переплетѣ ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Возвратъ изъ-за границы
обучая по послѣдней и самой легкой французской методѣ „БОРТА“, кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ народныхъ и верхняго платья, кройкѣ того разнаго рода бѣлья и корсетовъ, у себя и заочно, посредствомъ корреспонденціи.
Плата впередъ не взымается.
По окончаніи установленное свидѣтельство.
Адресъ: Невъ, Фрунзеуская № 27. Е. А. Ашмарина.

ВОДОСНАБЖЕНІЕ САМОАЧНАМИ ДМРОЗУА.
Единств. предств. Д. И. Трешбовскій. Адресъ: ст. Беково, Саратовскій губ.

ПРОШУ ИСПРОБОВАТЬ
ДУХИ НА ВѢСЪ.
Кавказскіе, хотъ . . . . . — 20 к.
Французскіе . . . . . — 25 к.
Английскіе . . . . . — 35 к.
Высшій сортъ англійск. хотъ 50 к. Флаконы отъ 1 р. до 10 р. За добросовѣстность ручаемся. Имѣется 120 разныхъ запаховъ.
АЛЕКСАНДРЪ П. К°
С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, № 15. Каталогъ высылается бесплатно.

Вниманію занимающихся канцелярскимъ дѣломъ.
Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу практическое руководство къ самостоятельному изученію письма шрифтомъ „РОНДЪ“ П. С. ВЫШИНСКАГО.
Руководство это даетъ возможность каждому безъ посторонней помощи учителя въ короткое время научиться писать шрифтомъ „рондъ“. Цѣна рукоб. съ двумя тетрадами для упраж. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 40 к. Требуя. адресовать: въ Варшаву, ул. Ценкна № 18. П. С. Вышинскоу.

Испробовать и найдены превосходным голландский

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всех лучших аптекарских и колониальных торговлях.

Главный представитель для России
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.

В. № 10486 15-1

Только что вышли изъ печати знаменитыя пьесы въ легкой арражи-
ровкѣ для фортепiano въ 2 руки:

Цена каждой пьесы 15 коп. Бахъ: Два знаменитыя гавота; Beht: Serepada Mauresque; Бетховенъ: Сонатина Sol maj., Траурный маршъ; Бизе: Габанера, Торедоръ изъ оп. „Карменъ“, Menuet de l'arlequinne, Луно: Вальсъ изъ оп. „Ромео и Джульета“, Вальсъ, Маршъ изъ оп. „Фаустъ“, Au printemps; Веберъ: Приглашение къ танцамъ; Ganschals: Amour paisant; Lichner: Conte; Lill: Polka des Roses; Мендельсонъ: 1-я баркаролла, 2-я баркаролла, Весенняя пьеса; Morley: Illustration—Valse; Моцартъ: Турецкій маршъ и серенада изъ оп. „Донъ-Жуанъ“; Вагъ: Polka de la Reine; Spindler: Sonatina mit Trueteigstueck; Приближеніе весны; Шмайтъ: Венеціанскій карнавалъ; Шопенъ: знаменитый вальсъ; Шуманъ: Грезы, Колебельная пьеса. Цена каждой пьесы 15 коп. Каталогъ бесплатно. Гг. иногородніе, выписывающіе отъ издателя, присылая при заказѣ деньги или марки (часть рубля) за пересылку не платятъ. СПб., Садовая, 22, книжно-музыкальный магазинъ Н. К. Селиверстова.

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-известныя, единственно настоящія

Алигарниновыя чернила для письма и копирования

(железисто-оршкочкова 1-го класса по отавкамъ государственныхъ учре- жденій), 20-17

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

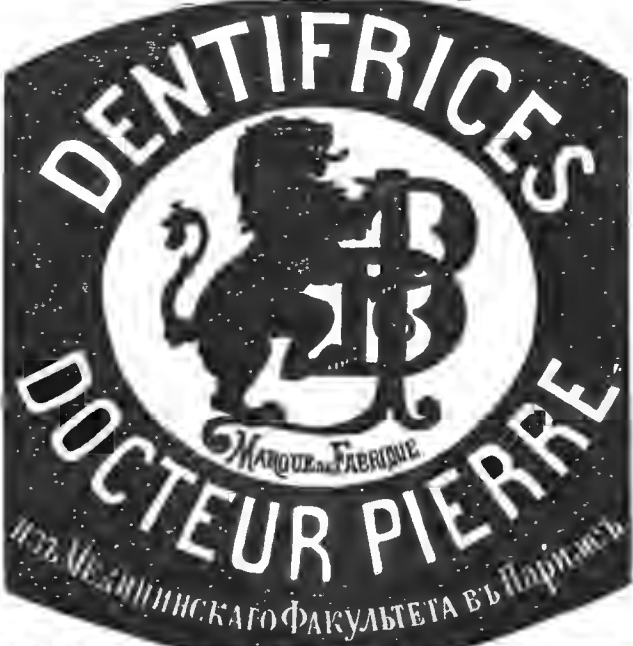
для книгъ, актовъ, документовъ и писемъ всаго рода, можно по- лучать почти во всѣхъ магазинахъ кан- целярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранитель- ной маркой.

Левъ Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель и единственный фабрикантъ. ИЗБѢГАТЬ ПОДЪВЛОНЪ.

18 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОНЪ, совершенно не содержаще кислотъ.

ШАМПУНЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

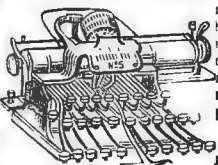
А. № 9861

28-20

ПАРОВАЯ КРАСИЛКА А. ДАНЦИГЕРЪ.

ОСНОВАНА въ 1866 г. въ ГИЛЬ Магазинъ—Малая Конюшенная, 16. Фабрика—Грязск. просп., 48. Наибольшее заведеніе въ этомъ родѣ. Ручаюсь за наилучшую работу и исполненіе всѣхъ возможныхъ за- казовъ. 4-1 Въ ХИМИЧЕСКУЮ ЧИСТНУ и ОНРАОНУ вещи принимаются по большей части нераспоротыи. КРАШЕННЫЯ ВЕЩИ не пачкаютъ, а въ химически вычи- щенныхъ патла болѣе не показыва- ются и вещи не теряютъ ни цвѣта, ни фасона. Заказы изъ провинцій исполняются точно и скоро.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „БЛИККЕНСДЕРФЕРЪ“

пешій прифтъ, 24 буквы и зна- ки, прочностъ, скоростъ, писан- ное всегда вид- ное. Малойкій размѣръ, легкій вѣсъ. Дешево! 80 руб. только!

Задатокъ 10 руб., остальное налож. платъ Г. ПЕТО. С.-Петербургъ. Караванная № 16.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ОБУЧАЮ ЗАОЧНО

КРОЙКЪ и ШИТЬЮ. Доступная плата. Условія выносятся по- медленю. Москва, Малая Дворанская, д. Базилкина, Е. И. Венедиктовой.

ALCOOL DE MENTHE DE RICQLES

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромать. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освѣжающій и мало стоющій напитокъ. Фабр. въ Монъ. Доло въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

PRECIOSA VIOLETTE ED. PINAUD PARIS

ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неалкальнивая и неослабляемая.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОМЪ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЪ * П.Н.ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. БѢЛБЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и патла уничтожаются ЭКОНО- МІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ престога. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удовольствіе за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въездъ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ. Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (103) Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под- дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму: **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ** 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмаръ. Можно получить во всѣхъ плафоніерныхъ магазинныхъ и въ всѣхъ аптекахъ Россіи.

ГОРЬКАЯ ВОДА СAKCЛЕНЕРА

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собой продуктъ природы, СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго из- вѣстно. Для норм. приема достаточно 1-2 обмѣн. стакана. Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ СAKCЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ. ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. № 10415 ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ СAKCЛЕНЕРА.

Варшавское часовое заведение

I. ВУЗЕРА

РЕКОМЕНДУЕТЪ

предстие металлических карманные часы, заводъ безъ ключа, наладного злата, къ шимъ цѣнъ того же металла и парижскій компасъ въ изящномъ футлярѣ за 4 руб. 50 коп., двѣ шт. 8 руб. 50 коп. Вышеупомянутые часы выставляются тщательно проверенные и прилагается печатное ручательство на 2 года.

◆ Требования выполняются немедленно и безъ задатка. ◆

Прому адресовать: въ ЧАСОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

I. ВУЗЕРА

Варшава, Грибная ул., 6.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждое отпущаемое часы снабжаются пломбой фирмы, утвержденной Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ. Прейсъ-курранты безплатно.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 7.

О-де-Колонъ двойной
О-де-Колонъ № 4
О-де-Колонъ тройной

КАЧЕСТВЪ ПИЩАВА НЕ
УСТАВАЮЩІЙ ИЗОБЪЩАЮЩІЙ
ПРОДВИЖАЕТЪ.

МАГАЗИНЫ: ПЕТЕРБУРГЪ,
БОЛШЕВЪ ПР. УГОЛЪ КАЗАНСКОЙ УЛ. ДОМЪ № 74-75
НЕВСКІЙ ПР. № 82. НЕВСКІЙ ПР. № 86

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛѢ ГУВЕРНАНТОКЪ

(С.-Петербургъ, на углу Новоисаавіевской ул. и Конногвардейскаго пер., № 24/4, на. 1) рекомендуетъ наставницъ и учительницъ по языкамъ и предметамъ. Приемные часы ежедневно отъ 2-хъ до 5-ти, исключая вторника, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Кромѣ того доводится до свѣдѣнія публики, что ищущіе наставницъ и приходившихъ учительницъ могутъ обращаться за справками и рекомендаціями на Николаевскую 16, кв. 41, по вторникамъ и четвергамъ отъ 1—3 ч.

Каждый САМЪ ПОЗВОЛИТЪ СЪ ПОМОЩЬЮ
ВОДНОЙ ПОЗОЛОТЫ.
Посредствомъ этой водной позолоты можно позолотить прочно и съ превосходнымъ глянцемъ различныя комнатныя предметы, игрушки, алебастровыя фигуры, рамы, люстры, лампы, корзиночки, вообще все предметы изъ дерева, жѣлѣза, бумаги, кожи и пр. Ц. № 10490

За флаконъ 30 коп., 50 коп. и 1 руб.
За пересылку въ Европ. Россію, ко всякому заказу до 5 р. присчитывается 40 к.; въ Азіатской Россіи по разстоянію.

Складъ Техно-химическихъ специальностей
ГЕВГАРДТА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 80, уг. Надеждинской.

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ по 4, 8, 12, 18, 25, 40 и 70 руб.

въ которыхъ включены все для елки необходимыя вещи, свѣщныя и заграничныя новосты, какъ равно и любимыя хлопотушки.

Высылка наложеннымъ платежомъ.

Если Вы далеко живете отъ С.-Петербурга или желаете получить коллекцію по жел. дорогѣ, то покорѣйше прошу Васъ прислать заказъ немедленно.

Адресъ для писемъ: **ГЕРМАНУ РЕЙХЕЛЬ, Складъ новостей, СПБ., Невскій, 82.**
" " телеграммъ: **Рейхель, Петербургъ Невскій 82.**

Существуетъ съ 1849 г.

Телефонъ № 1337.

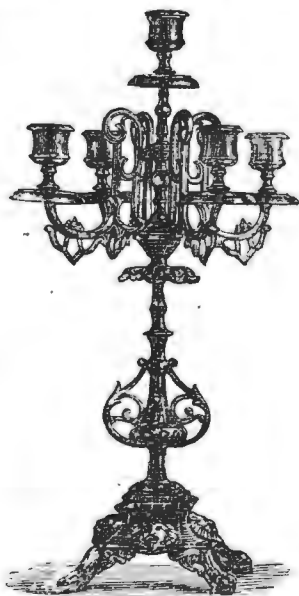
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ИВАНА ЕКИМОВИЧА

МОРОЗОВА.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, №№ 85, 86 и 87 (противъ Пажескаго корпуса).

**БРИЛЛАНТОВЫЯ,
ЗОЛОТЫЯ
И
СЕРЕБРЯНЫЯ
ВЕЩИ**
изготовляются
въ собственныхъ мастерскихъ.

**БРОНЗОВЫЯ
ИЗДѢЛІЯ**
изготовляются
въ собственныхъ мастерскихъ.

**ЛАМПЫ
ВИСЯЧІЯ,
СТОЛОВЫЯ,
половые,
КАБИНЕТНЫЯ
и
СТѢННЫЯ**
изъ
БРОНЗЫ,
фарфора, маіолики
и
композиціонныя.

**МЕЛЬХІОРОВЫЯ
ВЕЩИ**
въ большомъ
выборѣ
ЛУЧШАГО
посеребренія.

Постоянно громадный выборъ готоваго товара. Приемъ заказовъ.

◆ Торговля оптомъ и въ розницу. ◆

— Торговый домъ нашъ не имѣетъ никакихъ отдѣленій. —

Подробные прейсъ-курранты высылаются безплатно.

При заказахъ слѣдуетъ высылать 1/3 стоимости товара.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ
НОВАЯ КНИГА

„КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ?“

„Какъ создать доходное и само
стоятельное занятіе?“

Сочиненіе **Инездирибъ.**

Переводъ **А. И. Б.**

480,000 экзemplаровъ. 48-американско-
изданіе. Переводъ съ англійскаго

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Занятія, дѣла, задѣлкі, производствъ приведеніе въ исполненіе которыхъ не требуетъ никакой особенной обстановки или та кой, которая не представляеть никакихъ за трудней и можетъ быть устроена домо или мужичной при самыхъ незначительныхъ расходахъ (5 р. и бол.)

2. Множество интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по хозяйственному и домашнему отдѣлу, которыя позолотительно каждому необходимы. Всякій найдетъ въ этой книгѣ много соответствующее и подходящее; здѣсь указаны приемы обращенія времени и трудъ въ денежную единицу. № 10155, 4—1

Цѣна книги съ перес. 2 руб

Для получения книги, высылать деньги г-ну директору издательской фирмы „Полиглотъ“, Нѣжинская, 26 Одесса.

„БЛИКЕНМОДЕРФЕРЪ“
новѣйш. пишущ. машина.
По прочности и красивому прифту равна самымъ дорогимъ машинамъ; по удобству превосходить таковыя. Цѣна 100 р.
◆ Каталогъ безплатно. ◆ 5—3
Э. Миниманъ и №. СПБ., Гороховая, 17.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р.
напостр. прейсъ-кур.
БЕЗПЛАТНО.
М. М. ХАЗАНОВЪ.
Варшава, Электр., 17.

УДОБНО ВЫГОДНО и ВКУСНО
ЭКСТРАКТЫ
ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНАГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ
СЛАДКИХЪ БЛЮДЪ:
1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
2) КРЕМЪ И
3) МОРОЖЕННОЕ
съ БЕСПЛАТНЫМИ МОРОЖЕННИЦАМИ
ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСИ
Д. ФРАЙНИНЪ
МОСКВА, Большая Лубянка 26.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1817 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 730,
600 и 550 рублей
ПИАНИНО въ 650, 500 и 450 р.
Прейсъ-куранты высылаются
бесплатно.

Дено въ Москвѣ: Юл. Георг. Циммерманъ, Кузнецкій м., Д. Захарьина; въ Рязь:
О. Зигальманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугамъ; въ Бату: Ф. И. Шрёберъ; въ Тиф-
ли: № 10443 лисъ: В. М. Мирончикова. 18-я

ЗАМОКЪ ВЕАУ-СЕДРЕ ВЪ СОЛОГНУ, БЛИЗЪ ЖЕНЕВЫ

Первозрадный пансионъ для дѣтви изъ высшаго общества. Основательное изуче-
нiе французскаго, англійскаго, итальянскаго и др. языковъ, научныхъ предметовъ
музыки, живописи и пр. Наставленiя, какъ держать себя; самыя тщательныя физиче-
скiя уходъ. Лучшия преподавательскiя силы. Большой паркъ, красивое, здоровое по-
дошенiе на берегу озера, чудный видъ на горы. Ближайшия подробности высылаютъ:
директрисами: г-жею Эстербе изъ Парижа (им. дилломъ Академiи) и г-жею Шульцъ
(выдерж. госуд. экз. на званiе преподав. высш. женск. учил.). Сборъ для ученицъ для
отправленiя въ пансионъ—въ октябрѣ, въ Берлинѣ. Подробныя свидѣнiя можно полу-
чить у супруги полковника г-жи Байковской, въ Берлинѣ. 3—

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
„ЧУДЕСА БОЖИИ ВЪ НАШИ ДНИ“.

Цѣна 50 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ издавiя: С.-Петербургъ, Больш. Морская, 65. Типо-литографiя А. Лейферта.
Выписывающiе изъ склада за пересылку не платятъ.

Вышелъ новый преиъсъ-курантъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,

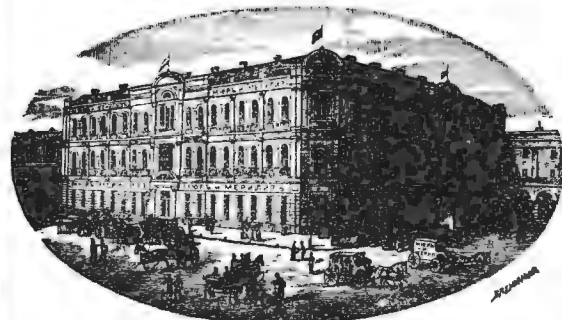
Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕИЪСЪ-КУРАНТЪ

на ОСЕННIЙ СЕЗОНЪ

1897 г.

Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россiи.
При выпискѣ на 50 руб. (въ Европ. Россiи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.
Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерiй, но вслѣдствiе громаднаго выбора просимъ всегда точно
обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ пред-
назначается. Ц. № 10471 2—2

СТЕПНОЙ КУМЫСЪ.

Серебр. мед. на Всерос. вист. 1896 г. Спе-
циально для экспорта (не портится). Ичикъ:
(60 бут.) 30 р. съ доставкой по днвямъ ж. д.
Пробн. бутылка и наставл. 1 р. Адресъ
Самаро-Златоустовск. ж. д., ст. Смышляевка
Постининовъ.

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА

ЭКОНОМIЯ СЪ ИЗЫЩЕСТВОМЪ.
Очки и пенсне со стеклами изъ новаго со-
стала „Remingtonglass“ съ эксцентрической
шлифовкой по поверхности „à lax“, укрѣ-
пляютъ зрѣнiе, въ оправѣ изъ американ-
скаго золота, трудно отличимые даже спе-
циалистами отъ настоящихъ золотыхъ, и
когда не чернѣютъ, съ пересылкой 4 руб.
Единственная продажа этихъ стеколъ и
оправъ у оптика-механика

И. Вурцельдорфа

Королевская, № 48/8, въ Варшавѣ.
При заказахъ указать возрастъ. Преиъсъ-ку-
рантъ бесплатно; для оптиковъ и купцовъ
оптовъ преиъсъ-курантъ.

1865.

1870.

1882.

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покушкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманiе на клейма на подошвахъ:

№ 9:51 26 20

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденiя Товарищества „1860“,

въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ**
ИЗДѢЛIЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россiйско-Американской Резиновой Мануфактуръ удостоено
высшею наградою, т. е. повторенiемъ права изображенiя Государственнаго Герба.

НОВОСТЬ!
Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
поставщиков
Высочайшего Двора
А. Ралле и К^о.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

Вышло из печати новое провѣренное издание употребленных въ столичных консерваторияхъ и музыкальных училищахъ

Школа этюдовъ
профессора СПВ. Консерватори
К. Лютшъ
двѣнадцать тетрадей, каждая по 1 р. 50 к.
Большая школа этюдовъ
профессора СПВ. Консерватори
К. Фанъ-Аркъ
восемь большихъ тетрадей, каждая по 2 р. с.
Издание В. Бессель и К^о.
С.-Петербургъ, Невскій, 54. Москва, Петровка, 12.

ROYAL-MONDAIN
EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
Parfumeurs
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

КАЖДАЯ ДАМА, желающая быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исключительно **„ИДЕАЛЬ“**, патентованную бархатную подшивку подъ подолю. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.

№ 10426 26-57

ГЛАВНОЕ ДЕПО
ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА
МОСКВА,
Петровскія линіи, д. Полкова, подъ № 7.
И. А. ВЕРНЕРЪ
Фонографы электрическіе заводные разныхъ системъ.
Синематографы Эдисона съ картинами Люмьера. (3)
Кинематографы Ньютона и др.
Громкий выборъ лучш. звуковъ.
Гарантия на 3 года. Обученіе.
2000 машинъ продано въ Россіи.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Umland, Leipzig.
Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО.
Прекрасный и практичный инструментъ. Можно играть какъ на обыкновенномъ піанино, а также перта-ручку отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы.
Цѣны 550, 600, 700 и 800 руб.
Ноты по 1 р. 25 к. за метръ.
Списокъ пьесъ бесплатно.

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
„Альбомъ ХХУ-лѣт. 7-ва передвиж. худож. выставокъ“
Изданіе худож. фототипіи Н. А. Фишеръ (подъ непосредственнымъ наблюдениемъ комиссіи 7-ва Кузнецкій Мостъ, № 11.
Альбомъ выйдетъ въ 6-ти вым., по 30 табл. въ каждой,
ВСЕГО 270 СЮЖЕТОВЪ.
Цѣна на все изданіе 12 руб., съ перес. 15 руб.
Допускается расрочка: при подпискѣ 8 руб., съ пер. 10 руб. и при полученіи IV вым. 4 руб., съ перес. 5 руб. (можно налож. пл.)
ВЫПУСКЪ I, II И III ВЫП.
При VI вым. будутъ приложены: 1) Общее оглавл. картинъ съ указ. ихъ владѣльц., разм., года написанія и проч.; 2) описаніе движен. выставокъ за 25 лѣтъ и 3) напка для помѣщенія всей коллекціи. № 10483
Складъ изданія: Москва, Кузнецкій мостъ, № 11. 2-2

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

Ц. № 10504 4-1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ
НА МУЖСКИЯ И
ДАМСКИЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ
новѣйшихъ фасоновъ и
изящнаго покроя.

**Новый иллюстрирован-
ный прейсъ-курантъ се-
зона 1897—1898 г. высы-
ляется бесплатно.**

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и
Гостиный Дворъ, № 58.

ОТВѢТЬ
на многочисленныя запросы нашихъ покупателей, что выѣмъ ли мы въ продажѣ тотъ **ДРАПЪ** изъ чистой верблюжьей шерсти, полныхъ два аршина ширины, натурального сѣраго цвѣта, пушистый, теплый, прочный и легкій, цѣною по 1 р. 50 к. за аршинъ.

ДА, ИМЪЕМЪ!
и высылаемъ по первому требованію, можно и наложеннымъ платежомъ. Исключительно въ нашемъ фабрично-розничномъ магазинѣ
А. ИВАНОВА,
Москва, Тверская, пассажъ Постникова.

Понуйте только
Продается вездѣ
извѣстное своимъ качествомъ
усовершенствованное
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
ТОВАРИЩЕСТВА
БРОКАРЪ и К^о.

Остерегаться поддѣлокъ.

ПАМЯТЬ
лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и
заочно профессоръ мнемоники С. Файн-
штейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Бах.
ул., собственный домъ, № 28.
Условія и брош. (въ 33 страниц.) вы-
сыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-4

ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ Л. СТОЛКИНДА
ДѢТСКОЕ МЫЛО
НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
МОСКВА ЦѢНА К. 50 К. 1/2 К. 30 К.
СКЛАДЪ ЛЕНТАРСК. ТОВАР. Л. СТОЛКИНДА

400 до 1000 р. с.
въ годъ можно заработ. работ. дома на нов.
издѣльн. машинъ. Чувств. выжестъ въ 1/4 ча-
са. Маш. оч. проста; даже ребенокъ мож. работ.
на ней. Ищутъ агентовъ. Корресп. по
франц., нѣм., англ., шведск. Подр. объявл.
бесплатно. M. NAVY. 67 Southwark str. 67.
LONDON. S. E. (1)

НА ВОСПИТАНИЕ УМСТВЕННЫХЪ ДЕТЕЙ
САНДРА
60
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
сѣтовать
ему
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ

ТЕЛЕФОНЪ 3872

КРАСИВО пишется некимъ заочно
(достоинствомъ переписки)
въ 15 уроковъ у
ПИСАТЬ
профессора каллиграфіи
А. БОССОДО.
Методъ преподаванія на Парижской
всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
золотой медали. № 10495 6-1
За 2 семилѣтнюю марку высылаются
пробное письмо и условія, а за 4 семилѣ-
тнюю марку высыл. пробное письмо
шрифтовъ, подробныя условія и образцы
неправильнаго почерка, заочн. учен. Адресъ:
Профессору каллиграфіи Адольфу Боссо-
до въ Одессѣ. Дербасовская, д. № 19.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ И. И. Матвѣева въ Бузулукъ.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 41

Выходитъ еженедельно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 11 октября 1897 г.

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со-
держащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ прило-
женій“, и пр., и пр.

Безъ до- ставки въ Петербургѣ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговая линія.	6 р. 25 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу. 10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г.
№№ „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Къ открытію женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ. Главное зданіе института.
Съ фотогр. К. Булда автотипія „Шивы“.

Удаль.

Историческая повесть

В. М. Михеева.

У новгородскихъ людей есть человѣч-
ность и благородство.

Герберштейнъ.

I.

Липовый листъ.

Въ 1215 году для Новгорода Великаго настала тяжкая пора.

Управлялись въ ту пору новгородцы князьями, а выбирало князей вѣче, всенародное собраніе. И часто бывало, что разные люди, — бояре, гости, — какъ въ ту пору въ Новгородѣ называли купцовъ, и разные духовныя лица желали разныхъ князей. И шли оттого распри и споры. Такъ было и въ этомъ году.

Былъ въ ту пору у новгородцевъ любимый князь Мстиславъ Удалой, сынъ также пришедшагося имъ по сердцу князя Мстислава Храбраго, который много хорошаго сдѣлалъ Новгороду и отличился доблестью и добротой: былъ онъ и похороненъ въ Новгородѣ, у святой Софіи, въ главномъ новгородскомъ храмѣ. Мстиславъ же Удалой былъ и еще болѣе добръ и доблестенъ, чѣмъ степь его. И Новгородъ онъ любилъ. Былъ онъ прежде князь торопецкій, но самъ, по доброй волѣ, безъ зову, пришелъ въ Новгородъ и сказалъ новгородцамъ:

— Земно кланяюсь святой Софіи и гробу отца моего; кланяюсь и вамъ, всѣ люди новгородскіе; слышалъ, терпите вы насилье отъ князей своихъ; жалко мнѣ своей вотчины!

И такъ обрадовались новгородцы его приходу, такъ полюбили удалого князя, что, бывало, говаривали ему:

— Куда ты, князь, глянешь очами, туда мы обернемся головами!

Больно тяжки имъ пришлось послѣ смерти его отца другіе князья. Но недолго ужился у нихъ Мстиславъ Удалой. Ратная дѣла ихъ онъ всѣ уладилъ. Стало его тянуть въ другія русскія мѣста: помочь и тамъ своей боевой удалью.

— Есть у меня дѣла на Руси, — сталъ говорить онъ новгородцамъ.

Да и кромѣ того, мирная жизнь въ Новгородѣ была не совсемъ мирная. Шли въ ту пору нелады изъ-за того, кому быть новгородскимъ архіепископомъ: любимцу ли Мстиславу Антонію Ядрейковичу — или другому, недругу удалого князя. Хоть и возвели Ядрейковича въ санъ архіепископа, но все же жило изъ-за этого въ нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ новгородцахъ недовольство. Тяжело это было князю Мстиславу съ его широкой, доброй душой, — не вытерпѣлъ онъ, ушелъ изъ Новгорода дѣлать другія доблестныя дѣла на Руси.

А противники его держали сторону тогдашняго суздальскаго князя. И какъ только Мстиславъ покинулъ свою вотчину, позвали они княжить въ Новгородъ сына суздальскаго князя — князя Ярослава. И приняли, какъ подобаетъ, съ почетомъ. Но сторонники Мстислава не унялись. Да и самъ Ярославъ поджегъ: первый началъ гнать ихъ. И когда онъ захватилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и заключилъ въ темницу, а другихъ его любимцы, по его наущенію, ограбили, всталъ Великій Новгородъ. Пошли убійства, поджоги, драки.

Разгнѣвался да и оробѣлъ князь Ярославъ. Покинулъ Новгородъ, уѣхалъ въ новгородскій пригородъ Торжокъ и задумалъ сдѣлать его стольнымъ городомъ. И сталъ онъ въ злобѣ на новгородцевъ не пускать хлѣбные обозы изъ Суздальской земли въ Новгородъ.

А въ ту пору какъ разъ и насталъ голодъ въ землѣ Новгородской. Сильный морозъ побилъ озими, и кормиться своимъ хлѣбомъ не пришлось. Когда же гнѣвный князь Ярославъ сѣлъ въ Торжокъ и не сталъ че-

резъ него пропускать ни одного воза съ зерномъ, захолонули сердца у новгородцевъ. Все вдругъ вздорожало. Катъ овса продавали по три гривны, а ржи по 10 гривенъ; катъ рѣпы стоила двѣ гривны. Цѣны эти въ ту пору были неслыханныя: гривна новгородская равнялась фунту вѣсомъ; а половинка ея — гривна пополамъ разрубленная — звалась рублевой гривной, оттуда и рубли пошли. Стало немоготу новгородцамъ покупать хлѣбъ или овощъ; только у богачей еще и были запасы.

Иные просто умирали отъ голода, такъ ихъ трупы и валялись на торговыхъ площадяхъ. Не до подбирания ихъ было новгородцамъ. Занимались этимъ собаки; много ихъ заводили тогдашніе люди; въ однихъ добрыхъ псахъ была въ ту пору охрана домашняго добра отъ злыхъ людей — грабителей. Бѣгали эти псы (нарочно ихъ съ цѣней, съ веревокъ спускали) по площадямъ, по улицамъ, обѣдали мертвыя тѣла, самыя кости растаскивали.

А кто изъ небогатыхъ новгородцевъ не умеръ тогда, тотъ ѣлъ сосновую кору, мохъ. Но больше всего лакомились липовымъ листомъ. По осени да и ранней зимой плелись новгородцы, старъ и младъ, въ липовые лѣса, — были они въ ту пору близъ Новгорода большіе, дикіе; лѣтомъ въ нихъ только охотники да пчеловоды по заповѣднымъ пасѣкамъ ходили; а теперь цѣлыя толпы шли — даже дѣти и женщины, и звѣря дикаго не боясь, потому что голодъ хуже звѣря: тотъ хоть сразу загрызеть, недолго терзать. Гдѣ лопатами, а гдѣ и руками отрывали изъ-подъ снѣжнаго наста прошлогодній обвалившійся листъ, набивали имъ мѣшки, полы одежды и несли его, какъ драгоценную находку, домой.

Сосновая кора была горька и жестка, да и обдирать ее на остывшихъ заледевшихъ деревьяхъ не такъ легко. Мохъ, — хоть доставать его приходится такъ же, какъ и листъ, отрывая изъ-подъ снѣга, — мягче, но какъ-то прѣсенъ, и при ѣдѣ такъ раздражаетъ горло, точно щекоча, что у нѣкоторыхъ дѣлались схватки удушья. Липовый же листъ, въ снѣгу увлажившійся и мягкій, все же пріятно-кисловатъ и отъ него идетъ хоть и слабый, и отдающій тлѣніемъ, но все же пріятный липовый духъ. Если же его немного отварить, то инымъ, спервоначалу, онъ казался въ ту голодную пору, дѣйствительно, чуть не лакомствомъ. Потомъ и отъ него, конечно, бывало тошно и голодно.

Но наступило, наконецъ, совсемъ суровое зимнее время. Былъ январь 1216 года. Стояли крещенскіе морозы. Трупы кинутыхъ на площадяхъ умершихъ стыли и дѣлались точно обледенѣлыя колоды; собаки съ трудомъ грызли и растаскивали ихъ. Лѣса и липовыя рощи подъ Новгородомъ стояли точно въ тонкой серебристой сѣткѣ отъ инея и морознаго пара, который шелъ отъ земли. Никому и въ голову уже не приходило идти туда за корой и за листомъ: кора была почти вся ободрана, листъ обобранъ изъ-подъ снѣгу. Почва, уже безлистная, голая, была покрыта новымъ снѣгомъ, смерзшимся отъ сильныхъ морозовъ въ плотный, бѣлый, ослѣпительно сверкающій пластъ.

Вотъ по этому-то пласту на лыжахъ скользялъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, одѣтый въ мѣховую ошанень, крытый хорошимъ нѣмецкимъ сукномъ темно-краснаго, теперь сильно полинявшаго, цвѣта и подбитый лисьимъ мѣхомъ. На ногахъ этого человѣка были мѣховые поршни, на головѣ мѣховая шапка съ верхомъ, свисшимъ на подобіе колпака, изъ того же сукна, какъ и ошанень. Красивый колчанъ желтой кожи, съ мѣдными бляхами, подернутый теперь, точно

бѣлой мукой, отъ мороза, висѣлъ на спинѣ, на ременной привязи. Въ рукахъ, въ зеленыхъ кожаныхъ рукавицахъ, былъ большой лукъ, на который человекъ слегка опирался, скользя на лыжахъ по лѣсу.

Можно было подумать, что это охотникъ. Но его молодое, блѣдное какъ смерть, даже на морозѣ, лицо показывало, что, если онъ и охотникъ, то не ради забавы или выгоднаго торга дичиной, а просто съ голоду. Ни за спиной, ни у пояса въ торокахъ у него не было никакой дичи. Охота не удалась. Въ эту несчастную годину и звѣрь бѣжалъ изъ новгородскихъ лѣсныхъ пущей. Можетъ-быть, отпугнули звѣря и угнали дальше на сѣверъ толпы, обдиравшія въ лѣсу кору или отрывавшія въ снѣгу листь,—но ни кабана, ни козы теперь не попадалось. Не попалось и этому охотнику. А скользили онъ на лыжахъ по лѣснымъ тропамъ и тропинкамъ уже долго, ноги едва несли его отощавшее, избѣшенное тѣло.

Наконецъ, онъ ослабѣлъ окончательно. Онъ вдругъ какъ-то разомъ, точно ему подсѣкли ноги, опустился на снѣгъ подъ неподвижными деревьями, сѣлъ, уронивъ на поднятыя колѣни голову, и застылъ въ этомъ положеніи. Лицо его сдѣлалось совсѣмъ блѣднымъ и безжизненнымъ, какъ окружающій его снѣгъ. Нѣкоторое время, дѣйствительно, не замѣчалось никакого признака жизни въ его скорчившемся тѣлѣ.

Только вдругъ что-то заблестѣло подъ его большими впалыми темными глазами,—глазами теперь какъ-то мертвенно-безнадежно тоскливыми. То заблестѣли тяжело, скупо хлынувшія слезы. И онъ сейчасъ же ледяными полосками застыли на его ввалившихся щекахъ, обрамленныхъ темной обмерзшей бородой. Этотъ молодой, когда-то сильный и статный, человекъ плакалъ отъ голода, среди тихаго заиндѣвшаго лѣса, въ мертвой тишинѣ дня, который какъ будто самъ умираетъ отъ крещенскаго мороза.

Но едва онъ почувствовалъ, что онъ плачетъ, какое-то изступленіе овладѣло имъ. Онъ вдругъ, отбросивъ лукъ, повалился ничкомъ на снѣгъ, впился въ него руками, врылся ими глубоко-глубоко—и, точно самъ не вѣря себѣ, вытащилъ быстро руки изъ снѣга. Онѣ были безъ рукавиць. Рукавицы остались въ снѣгу. Рылся въ снѣгу онъ уже голыми руками. И вотъ въ этихъ ознобленныхъ, иссиня покрасѣвшихъ пальцахъ торчало что-то мокрое, темное, смятое. И это мокрое, темное, смятое онъ началъ беспорядочно совать въ ротъ и жевать...

Онъ случайно попалъ на неглубокій пластъ снѣга и отрылъ въ немъ остатки прошлогодняго листоваго листа... Когда онъ сгрызъ и изсосалъ то, что досталъ, онъ снова сунулъ руки въ снѣгъ. Но сколько онъ ни рылся, какъ ни знобилъ свои несчастныя руки,—подъ снѣгомъ листа больше не было. Очевидно, это были послѣдніе, самые жалкіе остатки ужъ обобраннаго листа. И тогда, точно все-таки немного подкрѣпившись, онъ, шатаясь, всталъ на ноги, поднялъ лукъ и, опираясь на него, побрелъ... Но на мгновенье онъ остановился. Слезы снова брызнули изъ его глазъ и снова ледяными полосками и крупинками застыли на его густой бородѣ. И точно ломая въ своей груди послѣднимъ тяжкимъ усиленіемъ что-то дорогое, святое, онъ весь какъ-то дрогнулъ, сталъ будто ниже, осѣлъ и совсѣмъ стариковскимъ шагомъ побрелъ снова.

— Что жъ, одерень, такъ одерень!—хрипѣлъ онъ осипшимъ на морозѣ голосомъ.—Не пронадать же съ голоду. Губы его тряслись, слезы паплывали на глаза и застывали на его лицѣ. Онъ плелся, опираясь на лукъ, который гнулся подъ тяжестью его ослабѣвшаго тѣла. Онъ плелся по направленію къ Великому Новгороду продаваться въ холопы: онъ—вольный потомокъ новгородскихъ обдѣвѣвшихъ бояръ.

Заиндѣвѣвшій тихій лѣсъ, питавшій его уже около двухъ мѣсяцевъ своимъ прошлогоднимъ листомъ, провожалъ его мертвой тишиной.

II.

Одерень.

Новгородскій бояринъ Иворъ Михайловичъ былъ печаленъ. Но печаль его походила на глубоко подавленный гнѣвъ. Онъ былъ дружинникомъ Мстислава Удалого, вѣрнымъ его приверженцемъ. И только потому не ушелъ онъ изъ родного города съ этимъ княземъ, что любилъ свою родину все же больше, чѣмъ князя.

Но когда, по уходѣ Мстислава, сторонники суздальскихъ князей водворили въ Новгородѣ Ярослава, Иворъ Михайловичъ понялъ, что, пожалуй, лучше было бы и ему уйти съ Удалымъ. Даже когда Ярославъ переѣхалъ въ Торжокъ и, карая новгородцевъ, морилъ ихъ голодомъ, его приверженцы несовсѣмъ потеряли силу въ Новгородѣ. Пользуясь всеобщимъ уныніемъ и безсиліемъ отъ голода, они все еще крѣпко поддерживали Ярославова намѣстника и его дворянъ, которые и правили голодающимъ городомъ.

Всѣ же, державшіеся мыслей Ивора Михайловича, чувствовали, съ глубокой скорбью, что едипственное спасенье Новгороду умиловитивъ кротостью князя Ярослава; никакого другого исхода они ни откуда не видѣли; другимъ князьямъ, занятымъ своими усобицами, было не до Новгорода; гдѣ былъ Мстиславъ—никому не было вѣдомо; правда, ужъ нѣкоторое время, вѣрные люди, тайкомъ и тишкомъ посланные изъ Новгорода, искали на Руси этого князя, но ни одинъ изъ нихъ еще не вернулся: можетъ-быть, и они погибли въ своихъ поискахъ.

Площади и улицы съ трупами, раздираемыми собаками, голодающіе, которые бродили, точно тѣни, съ опухшими лицами, остеклѣвшими глазами, землистыми губами и руками, напоминающими грабли, моля о подаяніяхъ, также больно бередили сердце Ивора Михайловича. Погибать на его глазахъ родной городъ, умирать народъ; казалось, что недалеко то время, когда Ярославъ, изморивъ новгородцевъ въ конецъ, объявитъ стольнымъ городомъ Торжокъ и будетъ оттуда править, попирая новгородскія вольности; пожалуй, сокрушитъ и самое вѣче.

Ни слуху, ни духу не было о князѣ Удаломъ, любимцѣ Ивора Михайловича. Живъ ли еще онъ? Трудно ли такому смѣльчаку положить жизнь и на полѣ ратномъ, да и въ какой-нибудь кровавой усобицѣ, которыми кипѣла въ ту пору вся Русь.

Тяжко бродили въ курчавой головѣ Ивора Михайловича всѣ эти горькія мысли, когда онъ въ этотъ день сидѣлъ въ низенькой бревенчатой горницѣ своихъ боярскихъ хоромъ, на Прусской улицѣ, въ загородномъ концѣ Новгорода: тамъ жили почти всѣ новгородскіе бояре. Горница, гдѣ сидѣлъ Иворъ, тускло освѣщалась двумя волоковыми окнами: въ нихъ были вставлены синеватыя, пузырчатая стекла; вставилъ ихъ нѣмецъ съ Варецкой улицы, выдувавшій эти стекла для боярскихъ жилищъ въ небольшой мастерской, похожей на кузницу, съ мѣхами и горнами.

Стекла въ ту пору были большая рѣдкость въ Новгородѣ. Но Иворъ былъ богатъ. Еще дѣды его вели торговлю мѣхами и кожами съ Готландомъ. Одинъ изъ нихъ первый положилъ начало постройкѣ русской церкви на Готландѣ. До сихъ поръ готландцы, жившіе въ Новгородѣ, въ Варяжскомъ дворѣ, умножали богатство Ивора, скупая шкуры и кожи у его управителей.

У самого у него душа мало лежала къ торгу. Если бъ его слуги не любили его и не были такъ честны—его доходы давно бы перешли въ убытки. Но Иворъ, возлюбившій боевое дѣло, былъ самый добрый и мягкій

Свадьба карликовъ въ 1710 г.

По современной голландской гравюрѣ Филлиса. Рис. (собств. „Нивы“) Н. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Рыбачья деревня въ Голландіи. Съ карт. Г. Германа, грав. Кирмзе.

человѣкъ дома, въ мирное время, и вся его челядь была предана ему до глубины души.

Еще отецъ Ивора полюбился Мстиславу Храброму, отцу Удалого; благодаря вліянію у князя и пріобрѣтенію большихъ земель, онъ перешелъ изъ купцовъ-гостей въ люди вѣщіе, какъ тогда говорили новгородцы про большихъ своихъ людей; сынъ же его Иворъ, при отцѣ выдвинувшійся на линію боярина, былъ принятъ Удалымъ въ дружинники, бился бокъ-о-бокъ съ княземъ въ новгородскихъ походахъ и теперь былъ истымъ бояриномъ, которому, по нуждѣ, не отказали бы и въ воеводствѣ ратью.

Но теперь онъ и другіе сторонники Удалого сидѣли по своимъ угламъ, какъ отравленные медвѣди, сосущіе въ берлогахъ свою собственную лапу. Иворъ же, кромѣ того, былъ человѣкъ одинокій. Въ ранней молодости былъ онъ женатъ; но жена, совсѣмъ дитя еще возрастомъ, померла родами на пятнадцатомъ году жизни; ребенокъ не выжилъ тоже; вторично жениться Иворъ не собрался. И не было въ его теперешнемъ уныломъ житѣ-бытѣ никого, съ кѣмъ бы вполне подѣлиться отягощенной душой.

Такъ и теперь сидѣлъ онъ совершенно одинъ въ полутемной горницѣ передъ столомъ, на которомъ на деревянномъ блюдѣ лежало нѣсколько печеныхъ рѣпъ, въ берестиномъ буракѣ талъ янтарный медъ съ собственныхъ пасѣкъ, а въ жбанѣ изъ липовой коры, раскрашенномъ въ зеленые узоры, стояла домашняя брага. Въ то голодное время ѣда и вѣщныхъ людей была довольно скудна. Всякій невольно берегъ запасы для себя и для другихъ. Но и къ этой скудной ѣдѣ Иворъ почти не прикоснулся.

Грузный, тяжелый (онъ былъ въ ту пору уже нѣсколько тучень), мрачно навалился онъ могучимъ тѣломъ на край низкаго дубоваго стола, съ ножками крестъ-накрестъ, хитро вырѣзанными изъ цѣльнаго дуба тонкой рѣзбой на ганзейскій ладъ. Курчавая, съ легкой просѣдью, голова Ивора тяжело покоилась на его крупной ладони, локоть могучей руки упирался въ столъ; откидныя прорѣзные рукава темнолиловаго охабня съ мѣховой опушкой (тоже работа шведа съ Варецкой улицы, дѣлавшаго боярамъ одежду изъ ганзейскаго рытаго бархата), повисли почти до плитняковаго пола горницы.

Долго въ такомъ положеніи, погружаясь въ думы, не трогая пищи, сидѣлъ бояринъ Иворъ, перебирая пальцами другой руки свою окладистую бороду. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Кто-то осторожно, почтительно позвалъ его. Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ старикъ-управитель, слуга еще его отца. Иворъ неохотно, угрюмо поднялъ глаза на стараго слугу. Онъ молча вопросительно смотрѣлъ своими гордыми, выпуклыми зрачками въ кроткіе глаза старика.

— Осударь бояринъ,—тихо началъ управитель:—пѣкій человѣкъ пришелъ въ одерни кабалиться.

— Небось съ голоду!—мрачно сказалъ бояринъ.

— Съ чего какъ не съ голоду?—вздохнулъ старикъ.

— Веди его сюда, Олекса,—повелѣлъ бояринъ, еще угрюмѣе опустивъ свои мрачныя глаза, точно избѣгая глазъ стараго слуги.

Олекса вышелъ не надолго изъ горницы и, когда вернулся, за нимъ вошелъ, пошатываясь, тотъ охотникъ, что плакалъ въ это утро въ лѣсу отъ голода. Свой мѣховой шлыкъ онъ держалъ теперь въ рукахъ, колчана и лука съ нимъ не было. Та же мертвая блѣдность покрывала его лицо. Волосы висѣли темными густыми лохмами; когда-то они были, по новгородскому обычаю, подстрижены въ одинъ густой чубъ посрединѣ черепа, теперь же безпорядочно отросли, слегка кудрявясь надъ высокимъ, красивымъ лбомъ; глаза большіе, темные, лихорадочно сверкали точно непримиримую ненавистью къ кому-то.

— Въ одерни, въ холопы пришелъ къ тебѣ, бояринъ,—глухо прохрипѣлъ нежданный гость, едва шагнулъ въ горницу, точно торопясь сказать это, точно боясь, что не рѣшится сказать.

Мрачныя, гордые глаза Ивора уставились на него. Управитель почтительно стоялъ у двери.

— А кто ты таковъ?—сказалъ, наконецъ, медленно Иворъ.

— Голодный, бояринъ,—еще глуше прохрипѣлъ вошедшій.

— Вольный смердъ?—тихо спросилъ Иворъ.

— Не смердъ, а боярскій сынъ, Добрыня Данславичъ!—крикнулъ въ внезапномъ гнѣвѣ пришлецъ.

— Товарищъ Зуболомца?—вдругъ, задавъ этотъ вопросъ, откинулся назадъ Иворъ, чѣмъ-то пораженный.

— Да, бояринъ, товарищъ Якупова сына. Были и мои дѣды и прадѣды вѣщіе новгородскіе люди, и земли были у насъ на Ижорѣ не малыя, да расплодились мы больно,—дѣлились, дѣлились по кончинѣ родителей, да и додѣлились, что изъ бояръ въ боярскія дѣти писаться пришлось. Но все еще не нищими были и я съ матерью: былъ и свой дворъ на Людиномъ концѣ; да какъ, по уходѣ князя Мстислава, захватили Якуна Зуболомица съ сыномъ, да сослалъ ихъ князь Ярославъ въ Тверь въ оковахъ, да пограбили ихъ,—и меня по міру пустили; какъ былъ я въ дружбѣ съ Якуповымъ сыномъ, и меня пораззорили; а какъ настала голодь, и послѣднее мы съ матерью съѣли, да старуха-то съ ѣды сладкой, голодной занедужила да померла, и остался я одинъ какъ перстъ; и землю всю на Людиномъ концѣ за хлѣбъ отдалъ, самъ изъ милости на своемъ же дворѣ притулился, липовый листъ жевалъ; но и этому конецъ пришелъ,—бери, бояринъ, въ холопы, въ одерни, за кусокъ хлѣба, за...

Добрыня вдругъ загнулся. Слова свои онъ произнесъ въ какомъ-то изступленіи, но не выдержалъ, не могъ продолжать. Глаза его будто въ внезапномъ безуміи уставились на рѣпу, на медъ, на брагу на столѣ боярина.

— Вотъ за это!—указалъ онъ на столъ,—бери въ одерни, въ холопы! Веди къ тиуну, въ одрину*), крестнымъ цѣлованіемъ продамъ тебѣ, поклянусь за себя и за родъ свой,—будутъ всѣ Добрыничи Данславичи холопы одерноватыя рода твоего Иворова.

И Добрыня, отдаваясь въ холопы боярину, вдругъ вмѣсто того, чтобы покорно склонить голову, потрясъ кулаками надъ ней. Иворъ молча пристально смотрѣлъ на него. Потомъ вдругъ всталъ во весь свой высокой ростъ.

— Полно, Добрыня Данславичъ, убиваться. Былъ ты другъ Зуболомицамъ, за дружбу ты потерялъ, а они потеряли за дружбу къ князю Мстиславу,—такъ не въ одерноватыя ко мнѣ приму я тебя, не въ холопы, а въ гости, друзья желанныя! Садись сюда къ столу,—гостемъ будешь! Живи, пей, ѣшь у меня,—другомъ будешь! А придетъ время, авось оба мы пригодимся Великому Новгороду!

И сказавъ это, бояринъ Иворъ шагнулъ къ Добрынѣ, протянувъ къ нему обѣ руки. Но Добрыня, точно весь потрясенный, вдругъ рухнулъ своей молодою головою на грудь боярина и зарыдалъ на этой широкой и высокой груди. Было Добрынѣ 23 года, но рыдалъ онъ какъ малое дитя на груди отца, пайди въ немъ защиту и ласку. И сорокалѣтній бояринъ тихо гладилъ голову Добрыни своей сильной, полной рукой.

А управитель Олекса уже суетился, радостный и оживленный, около жбана съ брагой, разливая ее въ двѣ серебряныя съ чернью чары для своего господина и его неожиданнаго друга—гости. Но этимъ чарамъ не было суждено быть выпитыми. Вдругъ что-то будто толкнулось въ небольшія обмерзшія окна горницы, и издали, сотрясая стекла этихъ оконъ, понеслись гудя-

*) Въ избѣ.

пце, глухіе звуки. Они дребезжали, ныли, точно то-скливо и настойчиво звали издадека. И Добрыня, и Иворъ разомъ подняли головы. Что-то загорѣлось въ глазахъ того и другого.

— Вѣче!—вдругъ прошепталъ, точно не вѣря себѣ, Иворъ.

— Вѣче!—подтвердилъ и Добрыня; грудь его все еще колыхалась отъ недавнихъ рыданій.

— Вѣче, осударь-бояринъ, вѣче! — восклицалъ и Олекса.

Бояринъ посмотрѣлъ на молодого боярскаго сына.

— Чуетъ мое сердце, чуетъ вѣще, — вдругъ воскликнулъ онъ, взмахнувъ руками надъ головой:— очнулся Новгородъ Великій! Зоветь онъ насъ съ тобой, Добрыня! А ты въ одерни, въ холопы! Нѣтъ еще, ступай, вольный боярскій сынъ, на вольное новгородское вѣче, слышишь, слышишь: зоветь, зоветь, Олекса! Посохъ, опасень!—кричалъ уже бояринъ управителю, быстро выходя изъ горницы.

Добрыня шелъ за нимъ, какъ пьяный. Ему точно не вѣрилось, что онъ не рабъ, запродавшійся боярину Ивору, а вольный равноправный членъ общины Великаго Новгорода... Онъ забылъ все: свой голодъ, свои слезы. Въ его сердцѣ проснулось точно такъ же, какъ и у Ивора, какое-то радостное, вѣщее предчувствіе. А Иворъ, уже выйдя на улицу, вдругъ обернулся къ нему и весело воскликнулъ:

— Ну, одерень Добрыня! Аль еще разъ захотѣлось не по-холопы на вѣчѣ пошумѣть?!

III.

Вѣче.

А вѣче дѣйствительно шумѣло. Вся площадь Ярославова двора,—названнаго такъ въ память Ярослава Мудраго, который княжилъ въ Новгородѣ лѣтъ за сто передъ тѣмъ и далъ новгородцамъ грамоту о ихъ вольностяхъ,—была полна народа.

Когда Иворъ и Добрыня шли отъ Прусской улицы къ Дѣтинцу (кремлю), гдѣ былъ Ярославовъ дворъ, храмъ св. Софіи и вѣчевой колоколь, —шли, увлекаемые неудержимо встрѣчной толпой, они не узнавали захирѣлыхъ, наголодавшихся новгородцевъ. Правда, большинство лицъ было блѣдно и худо, но румянецъ горячо испыхивалъ на нихъ, впалые, обведенные синевой глаза загорались, какъ угли, и толпа двигалась, напирала впередъ, махала изступленно руками. Въ морозномъ воздухѣ отъ нея шелъ паръ, и сквозь дымку этого пара, на лобномъ вѣчевомъ мѣстѣ, которое нѣсколько возвышалось надъ землей, Иворъ и Добрыня увидали фигуру человѣка, который кланялся на всѣ стороны, спивъ съ головы мѣховой шлыкъ и махая имъ.

Въ то же время вѣчевой колоколь, помѣщавшійся близъ возвышенія, неустанно гудѣлъ. Очевидно, другой человѣкъ, не видный теперь изъ-за толпы, усиленно звонилъ въ него медленнымъ мощнымъ раскачиваемъ языка. Гулъ колокола издали, особенно же въ домѣ Ивора, за плотно заледенѣвшими окнами, казался глухимъ, ноющимъ, призывно зовущимъ. Здѣсь же, вблизи, на самомъ Ярославовомъ дворѣ, онъ гремѣлъ какъ-то угрожающе, властно, почти гнѣвно. И шумъ нараставшей толпы не могъ его заглушить, онъ только слился съ нимъ, какъ согласный съ нимъ, сдержанно вторящій ему хоръ.

Когда Иворъ и Добрыня протѣснились нѣсколько къ вѣчевому возвышенію, Иворъ узналъ того, кто стоялъ на этомъ возвышеніи. И вдругъ все лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ и, вскинувъ надъ толпой руками, онъ громко, въ неудержимой радости, воскликнулъ:

— Бояринъ Іевъ! Іевъ Поповичъ!

И кланявшійся на вѣчевомъ возвышеніи богатырь, ибо это былъ человѣкъ мощнаго сложенія и громад-наго роста, услышалъ крикъ Ивора Михайловича. По-

крывая и гулъ колокола, и шумъ толпы, онъ закричалъ зычнымъ, полнымъ восторга голосомъ:

— Добылъ князя, добылъ князя, Иворъ!

Едва этотъ выкликъ пронесся надъ толпой, она застонала, точно море въ бурю, неудержимымъ ликова-ніемъ. Иворъ же поднялъ руки высоко надъ головой и, потрясая посохомъ, точно мечомъ, отозвался воплемъ, полнымъ страшной радости:

— Добылъ! Князя Мстислава?!

Но въ это время позади Ивора и Добрыни произошло сильное волненіе. Они оглянулись. Черезъ толпу тѣснилось нѣсколько бояръ, въ богатыхъ опасныхъ и высокихъ шапкахъ. Увидѣвъ ихъ, толпа зарычала, какъ дикій звѣрь.

— Пришли Луготичи, Оветратичи, Мирошкины! Потомили народъ голодомъ! Помститъ вамъ князь Мстиславъ!.. Гони ихъ! Гони! Бей! Въ дубѣ, въ камень!—свирѣпымъ воемъ понесся ревъ толпы.

Пришедшіе бояре, тѣснившіеся впередъ, отшатнулись назадъ, торопясь снастись отъ разъярившейся толпы. Имъ бы, вѣроятно, не пришлось избѣжать гибели тутъ же, на площади. Проголодавшіеся, не видѣвшіе ни откуда исхода, новгородцы, услышавъ, что имъ добыли князя Мстислава, вдругъ разомъ, какъ звѣри, передъ которыми открыли клѣтку, почували желаніе вырваться на волю, разнести своихъ тюремщиковъ—сторонниковъ Ярослава.

Родичи же бояръ Оветрата, Луготы и Мирошкиныхъ уже знали, что значитъ народная ненависть. Еще при первомъ появленіи Ярослава Суздальскаго въ Новгородѣ, по уходѣ оттуда Мстислава, народъ въ отместку за преслѣдованіе княземъ Зуболомица, убилъ Оветрата и Луготу, растерзавъ ихъ на дворахъ ихъ хоромъ. И эта еще недавняя расправа новгородцевъ со своими угнетателями ярко вспомнилась теперь въ толпѣ, и страшной ликующей угрозой пронеслись ея крики:

— Гони ихъ! Бей! Въ дубѣ! Въ камень!

Иворъ это понялъ. Онъ все еще держалъ посохъ высоко надъ головой въ поднятой рукѣ и потрясалъ имъ. Уже не въ состояніи удержать мстительнаго восторга своей наболѣвшей души, онъ швырнулъ своей сильной рукой посохъ въ ту сторону, куда бросились бѣжать прочь сторонники Ярослава. Когда этотъ посохъ пролетѣлъ надъ головами толпы и ударилъ въ спину одного изъ бѣгущихъ, злоба толпы окончательно возликовала. Въ крикахъ уже нельзя было разобрать словъ; въ нихъ слышались и гиканье, и свистъ, и вопли, и только колоколь, все еще призывая новгородцевъ, гудѣлъ мѣрно и величаво.

И снова, покрывая и этотъ гулъ, и вопли толпы, пронесся окрикъ богатыря Іева съ вѣчевого возвышенія.

— Други—товарищи! Люди вѣщіе и меньшіе! Бояре и смерды вольные! Повелѣлъ вамъ князь Мстиславъ до его прихода не трогать ничьей головы. Не поволите ли послушать меня: бо отъ князя Мстислава прибѣжалъ поклониться Софіи святой и всему Новгороду Великому!—точно громъ боевой трубы несся надъ толпою голосъ богатыря.

И толпа, разомъ отхлынувъ отъ убѣгавшихъ бояръ снова къ вѣчевому возвышенію, вынесла совсѣмъ впередъ Ивора и Добрыню. И вдругъ захолонула, замерла, слушая посланца Мстислава. Затихъ и колоколь: звонившій въ него, очевидно, ухватился за его языкъ и прекратилъ звонъ. Только на мгновеніе, слышно вблизи, въ стѣнкахъ колокола прозвенѣлъ еще глухой негодующій отзвукъ, похожій на жужжаніе большого шмеля.

Іевъ говорилъ между тѣмъ, не останавливаясь:

— Новгородъ Великій! Други-товарищи! Люди вѣщіе и меньшіе! Бояре, гости и смерды вольные! Былъ я посланъ добрыми людьми Новгорода Великаго: князя Мстислава сыскомъ искать, мольбой молить, да помо-

жесть онъ вотчинѣ своей Новгороду Великому! Не мало претерпѣли мы въ пути, про князя сыскивая, развѣдывая. Долго нудились по Руси. Но помогъ Богъ—нашли князя желаннаго! И какъ прослышалъ князь про вотчину свою горькую, сплеснулъ руками и крикомъ крикнулъ: „ступай Іевъ въ Новгородъ Великій, а я за тобою слѣдомъ, съ дружиною своею ратною. Скажи дѣтямъ моимъ новгородцамъ: да не будетъ Торжокъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, а гдѣ святая Софія, тамъ и Новгородъ. Поищемъ мужей своихъ, вашу братію, вернемъ волость вашу! Ибо во многомъ Богъ и въ маломъ Богъ и правда!“ Такими словами велѣлъ бить вамъ челомъ князь Мстиславъ! А еще повелѣлъ онъ сказать: пойдутъ съ нимъ заодно люди Смоленской земли, да люди Ростовской земли, съ княземъ ихъ Константиномъ. А и мало дней пройдетъ—отворятъ Новгородъ Великій широко ворота, принимай князя желаннаго, веди подъ руки ко гробу родителя въ Святую Софію!

Кончилъ Іевъ свою рѣчь и, взмахнувъ своей большой бородатой головой, низко отвѣсилъ поклонъ во всѣ стороны.

Толпа новгородцевъ на мигъ точно не могла опомниться отъ того, что услышала. Но потомъ вдругъ раздался протяжный ликующій крикъ и пошелъ перекликаться по всей толпѣ отъ головы къ головамъ. Слезы брызнули изъ многихъ глазъ. Сосѣди, по мѣсту въ толпѣ, бросились обниматься.

Иворъ повернулся къ Добрынь; Данславичъ стоялъ въ какомъ-то сладостномъ изнеможеніи, точно пьяный, все еще смертельно блѣдный, горящими глазами вливаясь въ боярина Іева, который спускался съ вѣчевого возвышенія, опираясь на руку своего слуги; этотъ слуга и звонилъ раньше въ вѣчевой колоколъ.

— Добрыня! Въ добрый часъ ты пришелъ ко мнѣ!—воскликнулъ Иворъ и, сейчасъ же оборачиваясь къ Іеву, крикнулъ: — Другъ Іевъ! Добылъ князя! Добылъ князя!

— Добылъ, Иворъ!—отозвался бояринъ-богатырь, и два соратника, участники походовъ Удалого, сжали другъ друга въ сильномъ объятіи.

Добрыня смотрѣлъ на это могучее объятіе болгар-воеводъ, и что-то неиспытанное до сихъ поръ загоралось въ его молодой, изстрадавшейся душѣ. Точно огонь прорвался въ ней, наконецъ, изъ-подъ пепла и высоко взмылъ яркими свѣтлыми языками, какъ побѣдной хоругвью. Жегъ этотъ огонь всю душу Добрыни, въ глазахъ его сыпались точно искры. Онъ стоялъ среди ликующей, обнимающей между собою толпы новгородцевъ, онъ не дѣлалъ ни движенія—точно застылъ.

А новое пламя росло въ его душѣ, и ему уже казалось, что не въ его душѣ горитъ это пламя, а обняло всѣхъ, весь Великій Новгородъ. Будто алыя полотнища этого пламени, этой побѣдной хоругви его восторга засверкали передъ его глазами,—онъ пошатнулся и едва не упалъ. Ужли же отъ голода? Ослабѣлъ?—мелькнуло у него въ головѣ. Ему казалось, что вѣчевой колоколъ все еще гудитъ въ его ухахъ. Потъ выступилъ по всему его тѣлу.

Но онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, весь выпрямился и чуть не крикнулъ громко: „Не голодъ это, а...“ Но онъ не зналъ, что это такое. Въ это время взглядъ Іева, только что освободившагося отъ объятій Ивора, упалъ на Добрыню. И, положивъ мощную руку на плечо Добрыни, бояринъ-богатырь воскликнулъ:

— Ну, удалцы, добры молодцы! Повоемъ теперь!

(Продолженіе будетъ.)

Въ положеніи невидимки.

(Признанія одного очень молодого человѣка.)

Рассказъ Б. П. Никонова.

I.

Я уѣхалъ отъ Заволжскихъ... Я уѣхалъ внезапно, не предупредивъ никого... Если-бъ я заявилъ, что уѣзжаю, меня стали бы удерживать, стали бы разспрашивать о причинѣ такого страннаго отъѣзда.

— Развѣ у насъ вамъ плохо? Можетъ-быть, неудобно?.. Убѣжать Богъ знаетъ куда—къ роднымъ, которыхъ вы терпѣть не можете? Что это значитъ?

Боже мой!. Если бы м-те Заволжская заговорила такъ со мной, если-бъ она начала только говорить со мной своимъ добрымъ, въ душу проникающимъ голосомъ, я, право же, не смогъ бы солгать ей. Я сказалъ бы ей прямо: „не могу жить у васъ, потому что безконечно, отчаянно люблю Лелю, Лели же любить не меня, а своего кузена, Николая Львовича, который живетъ здѣсь же, въ Мулянкѣ“... Я сказалъ бы, что мученія мои достигаютъ предѣла, за которымъ человѣкъ перестаетъ быть самимъ собой, и что для превращенія терзаній, уничтожающихъ всю мою духовную природу, мнѣ остается одно средство—постараться забыть Лелю... Я, можетъ-быть, даже расплакался бы передъ ней, Лелиной матерью: да, всѣ остальные души во мнѣ не чаютъ, но Лели меня не любятъ... А это-то и есть самое главное, и оттого-то я жертвую всѣми остальными, милыми мнѣ людьми, чтобы выбросить изъ сердца мучительную любовь.

Но я не могъ сказать этого Лелиной матери... Моя гордость, мое самолюбіе не допустили меня до такой „слабости“. М-те Заволжская все равно не помогла бы мнѣ въ моемъ горѣ, какъ и никто въ мірѣ мнѣ не поможетъ! Стало-быть, нечего и плакаться передъ ней и устраивать сцены!

Я уѣхалъ изъ Мулянки, точно ворюшка, никого не предупредивъ, ни съ кѣмъ не попрощавшись.

Теперь я далеко отъ дорогихъ мнѣ людей... Солнце садится, зажигая рѣку миллионами огненныхъ точекъ, которыя искрятся и мелькаютъ въ ослѣпительной полосѣ свѣта, тянущейся по водѣ навстрѣчу низко стоящему свѣтлу... Пароходъ уноситъ меня все далѣе и далѣе отъ Мулянки... Спокоенъ ли я? О, да! Я спокоенъ, и мнѣ кажется, что я даже счастливъ... Я живу теперь полной жизнью, наслаждаюсь природой; я вижу ее, радуюсь ей... Я точно будто выпутался изъ сѣти, стягивавшей меня все время, пока я жилъ тамъ. Мнѣ не хочется даже думать о нихъ... Что они дѣлаютъ тамъ? Не знаю и не хочу знать... Я до того замался за послѣднее время съ этой сума-

шедшей любовью, ревностью и познѣвшимъ, выгнавшимъ меня изъ Мулянки открытѣмъ, что малѣйшая возможность жить другими житейскими интересами, помимо Лели, представляется мнѣ почти счастьемъ... Въ Мулянкѣ я не видѣлъ ни рѣки, ни солнца, ни неба—все застирала любовь и ревность; теперь же я созерцаю солнце, воду, лѣсъ, ощущаю дивный ароматъ рѣки и луговыхъ травъ и хочу, во что бы то ни стало, наслаждаться всѣмъ этимъ... Какая благодать—чувствовать себя независимымъ и свободнымъ отъ душевной тоски и сливаться всей душой съ природою!..

Нормальное ли это однако состояніе духа? Не есть ли это лишь простое отупѣніе, какъ реакція послѣ слишкомъ большого нравственнаго возбужденія? Не проснется ли во мнѣ съ прежней силой любовь? Не потянетъ ли „тайная сила“ меня опять къ Заволжскимъ? Не знаю и не хочу ничего знать! Ровно ничего!..

Да!.. Во мнѣ проснулась моя любовь!.. „Тайная сила“ потянула меня неудержимо опять туда, въ Мулянку... Образъ Лели все время не давалъ мнѣ покоя... Я видѣлъ ее каждую ночь во снѣ. „Неужели,—думалось мнѣ:—я такъ-таки ея и не увижу?“ И послѣ долгой борьбы съ собой, снова покинувъ родныхъ, я поѣхалъ въ Мулянку...

Но у меня былъ особый планъ увидѣть Лелю и остальное семейство Заволжскихъ.

Я не могъ показаться къ нимъ послѣ принятаго разъ навсегда рѣшенія исчезнуть для нихъ съ лица земли. Да и кромѣ того мнѣ казалось неслыханно педеликатнымъ предстать передъ ними, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣ своей выходки, т. е. исчезновенія, навѣрное, не на шутку поразившаго ихъ... Но, съ другой стороны, я не могъ и не ѣхать къ нимъ... Поэтому я рѣшилъ повидать Заволжскихъ, не показывая имъ своей собственной персоны. Я затѣялъ провести въ ихъ имѣніи ночь, побородить по милымъ мнѣ мѣстамъ, заглянуть въ окна тѣхъ комнатъ, гдѣ я вѣкогда обиталъ, и, можетъ-быть, увидѣть гдѣ-нибудь Лелю. Такимъ путемъ я успокоилъ бы свою тревогу, узналъ бы, здоровы ли они, живы ли, что дѣлаютъ?.. Я узналъ бы, все ли на мѣстѣ въ моемъ краю... Я еще разъ увидѣлъ бы его.

Итакъ, я ѣду къ нимъ опять... Ѣду съ тѣмъ, чтобы невидимой тѣнью пройти мимо нихъ, услышать дорогіе голоса и уви-

Въ праздничномъ уборѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Лоренца, автотипія Апгерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

дѣть дорогія лица. Но меня они не увидятъ, или, вѣрнѣе говоря, хотя и увидятъ, но не узнаютъ меня... Я, словно духъ, не имѣющій пристанища на землѣ, буду бродить около нихъ. Меня не будетъ тамъ: я буду считаться исчезающимъ, но въ то же время я тамъ буду и увижу ихъ. Если бы мертвецы въ самомъ дѣлѣ вставали изъ могилъ и навѣщали своихъ близкихъ, оставшихся въ живыхъ, они были бы въ такомъ же положеніи, въ какое хотѣлъ поставить себя я. Это странное „положеніе невидимки“ увлекаетъ меня. Но что же далѣе?.. А то, что я уѣду, поглядѣвъ на нихъ, уѣду обратно... Не могу же я оставаться въ Мулянкѣ послѣ всего случившагося.

Сегодня рано утромъ я пріѣхалъ въ Н. Мнѣ пришлось проѣхать мимо Мулянки, въ которую я понаду значительно поздне, отправившись изъ Н. на „Дачникъ“. Этотъ пароходикъ ходитъ отъ Н. до Мулянки два раза въ сутки: въ 11 часовъ утра и въ 9 часовъ вечера. Утромъ мнѣ ѣхать на немъ неудобно: въ Мулянкѣ меня все знаютъ и при дневномъ свѣтѣ сразу узнаютъ меня, хотя я и надѣну для пощощенія Заволжскихъ другой костюмъ, даже, если понадобится, повяжу себѣ лицо платкомъ и постараюсь измѣнить походку. Какъ все это романтично, подумаешь!..

Остается ѣхать съ вечернимъ рейсомъ. „Дачникъ“ приходитъ въ Мулянку въ 10 часовъ вечера. Это прекрасная пора для меня: будетъ достаточно темно, достаточно поздно, но ниго изъ Заволжскихъ еще не ляжетъ спать. Будутъ гулять по берегу, будутъ пить чай на террасѣ, и я ихъ увижу всѣхъ!

Сегодня утромъ я уже видѣлъ Мулянку, когда мы проходили мимо нея. Какъ забилось мое сердце, когда я увидѣлъ рядъ знакомыхъ домиковъ на высокомъ берегу. За послѣдніе два-три года пустынный и мало-культурный Мулянка превратился въ своего рода курортъ. Прежде здѣсь было въ густомъ сосновомъ лѣсу одно лишь небольшое имѣніе Заволжскихъ, но съ ихъ легкой руки Н-скихъ семейства одно за другимъ стали населять—сначала собственно имѣніе Заволжскихъ (Александръ Георгиевичъ понастроилъ нѣсколько дачъ и сталъ сдавать ихъ на лѣто своимъ знакомымъ), а затѣмъ и прилегающую къ Мулянкѣ мѣстность, все въ томъ же лѣсу, но просѣкѣ вдоль берега. Названіе „Мулянка“ отнынѣ распространилось съ имѣнія Заволжскихъ на все, выросшее такимъ образомъ, дачное поселеніе.

Пароходъ шелъ такъ близко отъ берега, что можно было рассмотреть лица людей, шедшихъ мимо дачъ. Я съ замираніемъ сердца ожидалъ встрѣтить какую-либо знакомую фигуру, но видѣлъ лишь нѣсколькихъ крестьянъ. Дачники спали; было еще очень рано: всего 5 часовъ утра. Низкое солнце заливало яркимъ свѣтомъ бѣлые и желтые домики съ вычурной рѣзьбой крышъ и верандъ. Кругомъ нихъ зеленѣли сосенки. Какъ вздрогнуло мое сердце, когда изъ-за деревьевъ мелькнула красная крыша дома Заволжскихъ. Они здѣсь! Такъ близко отъ меня!..

Я не спалъ всю ночь, боясь прозѣвать Мулянку, но чувствовала себя свѣжимъ и бодрымъ. Погода стояла прекрасная, и можно было надѣяться, что мой планъ удался мнѣ какъ нельзя лучше.

Городъ Н.—конечный пунктъ пароходнаго рейса. Пароходы стоятъ здѣсь сутки, а затѣмъ идутъ обратно. Я имѣлъ обратный билетъ и рѣшилъ ѣхать назадъ на томъ же пароходѣ, на которомъ пріѣхалъ, проведи ночь въ Мулянкѣ. Разумѣется, я могъ и не всю ночь бродить тамъ, но, покуда Заволжскихъ, уйти лѣшкомъ по почному холоду въ Н, сухимъ путемъ, по берегу: 12-13 верстъ не значили для меня ровно ничего. Но я могъ почевать и въ Мулянкѣ, забравшись въ каюту „Дачника“, который, обыкновенно, почевалъ у мулянской пристани и уходилъ оттуда въ Н. въ 7 часовъ утра, носивъ къ Любимовскому пароходу (на которомъ ѣхалъ я). Послѣдній путь былъ опасѣе: на „Дачникѣ“ могли встрѣтиться какіе-либо знакомые мулянки, которые, чего добраго, узнали бы меня.

Капитанъ парохода согласился оставить каюту за мной на все время стоянки въ Н. (до 9 часовъ утра слѣдующаго дня). Ключъ отъ каюты былъ оставленъ у меня, и я предполагалъ провести все время до вечерняго рейса „Дачника“ на пароходѣ: пообѣдать на немъ, переодѣться, а затѣмъ, часовъ въ 8 вечера переселиться уже на „Дачника“.

II.

Наступалъ жаркій іюльскій день... На пароходѣ производилась чистка и уборка для пріема завтрашнихъ пассажировъ... Я напился чаю, позавтракалъ, такъ какъ пароходный буфетъ все время былъ открытъ, а затѣмъ отправился побродить по пристани, несмотря на удушющую жаръ поудни.

Я прошелъ до пристани „Дачника“, и тамъ мнѣ сказали, что сегодня вечерняго рейса не будетъ.

Это меня обезкуражило!.. „Дачникъ“ уже ушелъ въ Мулянку. Что мнѣ было дѣлать?

— Да вы, баринъ, ежели горюпитесь — переѣзжайте на ту сторону на паромѣ,—посоветовалъ мнѣ приставаской матросъ:—

тенея много крестьянъ обратно изъ города ѣдутъ черезъ Мулянку: они вѣсь подвезутъ туда!

Въ самомъ дѣлѣ это отлично! Я направляюсь въ Мулянкѣ на полуостровъ, куда вся компанія Заволжскихъ ѣздитъ купаться, заберусь на то мѣсто, гдѣ купаются мужчины, залезу въ травѣ и проведу тамъ время до вечера... И, навѣрное, я увижу, или, по крайней мѣрѣ, услышу тамъ Заволжскихъ: они непременно поѣдутъ купаться!..

Мнѣ, вообще, не сидѣлось въ Н... Ждать до вечера! Такъ долго!.. Тутъ, по крайней мѣрѣ, я буду уже въ Мулянкѣ!

Не теряя времени я отправился на паромъ, быстро переодѣлся въ цвѣтную рубаху и въ старыя брюки, заправленные въ грубые, смазные сапоги... Я надѣлъ старую шляпу котелкомъ, накиннулъ на плечи истрепанное пальто (весь этотъ костюмъ хранился въ моемъ чемоданѣ) и захватилъ котомку и палку. Котомка была отчасти декоративною вещью, отчасти же я бралъ ее для дѣла — положилъ въ нее провизію. Призахоюсь, мнѣ было немножко стыдно передъ самимъ собой за эту комедію, но она меня увлекала!..

Пароходные лакеи меня не видали. Двое матросовъ, мывшихъ навабрами полъ въ коридорѣ, удивленно взглянули на меня, но я быстро прошелъ мимо нихъ.

Вотъ я и на паромѣ. Я стою среди лошадей, воевъ, крестьянъ, въ душевой атмосферѣ, напоенной запахомъ навоза, дегтя и пота—и все мы медленно полземъ за буксирующимъ насъ пароходикомъ по ослѣпительной ширинѣ Камы — точно по расплавленному металлу, отливающимъ лазурью неба и огнемъ солнца. Противоположный низкій берегъ, заросшій ольхой и лознякомъ, подвигается къ намъ. Еще нѣсколько усилий ныхтигаго впередъ насъ пароходика—и нашъ паромъ пристаеетъ къ мосткамъ. Я пробираюсь влѣдъ за возами по прыгающимъ и хлюпающимъ въ водѣ доскамъ на берегъ... Вотъ я и на берегу! До Мулянки отсюда 12 верстъ по береговой дорогѣ.

— Ты черезъ Мулянку поѣдешь? — спрашиваю я крестьянина, впрягающаго свою лошадеку въ телегу, на которой лежатъ два-три мѣшка и свернутый армякъ. Я выбралъ его потому, что онъ ѣхалъ одинъ на своей телегѣ: — Подвези меня!

Онъ съ угрюмымъ видомъ, понуря голову, нехоти соглашается. Тридцать копеекъ, которыя я даю ему въ видѣ задатка, заставляютъ его повеселѣть. Онъ разстилаетъ для меня армякъ.

— Дорога-то больно тряска! Вотъ коли бы сѣнца подожить. Да сѣнца-то у меня нѣту! Погоди!—сказалъ онъ, подумавъ:—я вѣтокъ парву!

Мы влѣстѣ съ нимъ навали ольховника, паложки его въ телегѣ, разошлись сверху армякъ... Я сѣлъ—и мы поѣхали.

Крестьянинъ оказался не изъ разговорчивыхъ... А меня разбирала такая тревога при мысли, что я ѣду въ Мулянку, что слова совершенно не шли у меня съ языка, и мы ѣхали молча. Лишь по временамъ мой возница нарушалъ это молчаніе, покрикивая на лошадь, осторожно пробиравшуюся по отвратительной, глинистой дорогѣ. Трудно было даже говорить о дорогѣ: это было скопленіе выбоинъ, корней, высунувшихся изъ земли, и кочекъ, которыя заставляли насъ почти все время ѣхать шагомъ.

Боже мой, какъ медленно мы тиемся!.. Я вынимаю часы: мы ѣдемъ всего лишь какой-нибудь часъ... До Мулянки минуть еще часъ такой ѣзды. Версты здѣсь не поставлены, но я по мѣсту, гдѣ мы ѣдемъ, знаю, что полдороги сдѣлано... Только полдороги!..

Я закрываю глаза и впадаю въ полусонъ. Я лежу съ закинутой назадъ головой, и меня такъ трясетъ, что голова, того и гляди, отвалится отъ туловища... Нечего сказать, путешествіе!..

— Скоро ли пріѣдемъ?

— Теперь скоро! — хладнокровно отвѣтилъ мой возница, принимаясь шагать рядомъ съ подпрыгивающей телегой.— Вотъ ужъ избы видно.. На горѣ-то крышнъ видишь, али нѣтъ?

— Мулянку видно!.. О, Господи!..

Теперь мнѣ уже не сидится на мѣстѣ... Я слѣзая съ телеги и иду лѣшкомъ... Даже жара теперь ва меня не дѣйствуетъ. Вотъ они „знакомыя, печальныя мѣста“! Вотъ и лѣсъ, за который сейчасъ же начинается рядъ мулянскихъ построекъ... Сердце такъ и прыгаетъ въ груди!

У лѣса я разстался съ моимъ возницей, отдавъ ему деньги. Я захватилъ пальто, котомку и направился, минуя лѣсъ, по хорошо знакомой мнѣ тропинкѣ на полуостровъ, гдѣ купается мужская полъ мулянскихъ дачниковъ!..

На лугу трава мѣстами уже скопена... Теперь пужно подойти вонъ къ той „нашей“ нѣтѣ, стоящей у самаго края луговины — тамъ, гдѣ начинается склонъ къ песчаной полосѣ побережья — и осторожно посмотрѣть, нѣтъ ли кого-нибудь изъ мулянцевъ на берегу... Быть-можетъ Заволжскіе уже тамъ!

Я раздвинулъ вѣтки нвы и взглянулъ туда—вишь. На берегу было пусто. Зелелая скамеечка, на которой мы раздѣва-

лись, все еще стояла на своем мѣстѣ. Вода сильно убывла: прибрежье расширилось на несколько саженъ, и по водѣ отъ берега уже протянулись песчанья косы. Вокругъ было тихо, тихо... Лишь кузнечики безъ умолку стрекотали въ еще песчаной у самого берега, высокой травѣ...

Подъ ивой находилась довольно глубокая яма, размытая весенней водой. Кругомъ нея высились кусты ольхи, и вся она съ краевъ заросла травой. Забравшись въ нее и стоя въ ней, я могъ, высунувъ голову за ея край, видѣть весь берегъ, не будучи замѣченъ оттуда самъ. Тутъ-то я и рѣшилъ дожидаться вечера... Было уже около пяти часовъ...

Но только что я вошелъ въ яму, какъ увидѣлъ выплывавшую изъ-за оконечности полуострова лодку... Боже мой! Это были они — Заволжскіе!.. Несмотря на разстояніе цѣлой версты, я узналъ знакомую синюю лодку и различилъ, кто сидѣлъ въ ней. Солнце прямо ударило на нее. Въ лодкѣ бѣжало все семейство — барышни, дѣти, мужчины — вся семья, нагружавшая лодку чуть ли не до потопленія...

Вотъ они пристали къ заливику, гдѣ купаются дамы... Вотъ мелькаютъ розовыя и бѣлыя платки... По фигурамъ, по походкѣ я узнаю всѣхъ... Боже мой! Не Елена ли Александровна поднимается сейчасъ на берегъ?.. Не ея ли я вижу? Значитъ, она жива и здорова!

Грунна крохотныхъ розовыхъ и бѣлыхъ фигурокъ остается на берегу... Другія фигурки остаются въ лодкѣ и начинаютъ двигаться сюда — ко мнѣ! Видятъ ли онѣ меня? Несомнѣнно! Узнаютъ ли меня?..

Я ясно различалъ ихъ лица, слышалъ ихъ разговоръ... Всѣ они — и г. Заволжскій, и братъ, и кузень Дели — Николай Львовичъ, и трое мальчиковъ — сыновей Заволжскаго, разговаривая и смѣясь, расположились на привычномъ мѣстѣ. Берегъ оживился — лодкой, одеждой, разбросанной кругомъ, и людьми, копошившимися частью на лодкѣ, частью на берегу. Я слышала все, что они говорили... Я узнавала всѣхъ по голосу... И подумать, что вечеромъ я буду слышать такъ же близко и голосъ Дели!

Былъ тутъ же и онъ — мой врагъ, мой соперникъ... И его голосъ звучалъ въ моихъ ушахъ, но волненіе подавило неприязнь къ нему... Я дрожалъ и задышался, не смѣя взглянуть на берегъ...

Два или три раза въ продолженіе кушанья дѣти вѣбгали на лугъ, къ ивѣ, и вертели около ямы... Тогда я ложился на самое дно ея, подъ прикрытіе густой травы, и трава меня, должно-быть, прекрасно укрывала... Лишь подъ самый конецъ кушанья одинъ изъ мальчиковъ, уже одѣтый, подошелъ къ ямѣ, остановился въ двухъ шагахъ отъ меня и съ любопытствомъ смотрѣлъ на то мѣсто въ травѣ, гдѣ лежалъ я... Можетъ-быть, онъ видѣлъ что-то чернѣющее, неподвижное, и это его заинтересовало... Я съ замираніемъ сердца старался лежать, не шевелясь... Но вотъ лодку стали сдвигать на воду, и мальчуганъ сбѣжалъ опять внизъ. Разговаривая и смѣясь, компанія поѣхала обратно. Раздавались веселые голоса. Дѣти ссорились изъ-за того, кому грести... Дамамъ кричали:

— Скоро ли вы?..

III.

И вотъ я опять одинъ.

Время тянется странно долго. Я выдѣлъ изъ ямы и пробовалъ заняться флорой, но мнѣ кусокъ въ горло не лѣзъ отъ волненія... Солнце стояло уже совсемъ низко... Жизнь, кипѣвшая кругомъ, начинала стихать. Ласточки пролетали рѣже, чирканье разной мелкоты на берегу прекращалось. Кузнечики лишь по временамъ возобновляли свое монотонное стрекотанье. Мимо меня проходили мужчины съ косами и котомками и подозрительно оглядывали меня, не говоря ни слова...

Стемпло... На моихъ часахъ уже половина десятого. Пора идти. За соснами, окаймляющими муляискую гору, краснѣютъ голоса заря, и сосны на фонѣ яркаго неба кажутся совершенно черными... Сейчасъ тамъ, подъ этими соснами, гуляютъ муляицы, тамъ, навѣрное, можно встрѣтить и Заволжскихъ... Оттуда доносится смѣшанный шумъ.

Въ окнахъ свѣтятся огни... Въ тишинѣ вечера слышатся голоса, смѣхъ, звяканье посуды... На террасѣ прямо противъ меня какіе-то люди пьютъ чай. Что со мной? Сердце внезапно сжалось и замерло, кровь ударила въ виски... Боже мой! Видѣть это же дача Заволжскихъ! Какъ быстро и незамѣтно и дошелъ до нея! Вонъ и скамейка на берегу подъ соснами! И близко, близко отъ меня раздается милый, знакомый голосъ, за который и отдалъ бы все на свѣтѣ, всю свою жизнь, все свое существо!

Я безильно опустился на скамью, задыхаясь отъ волненія. Деля съ т-те Заволжской подходила ко мнѣ... Я съжился, надвинулъ шляпу на лицо и старался не шевелиться... А сердце такъ и разрывалось отъ ударовъ... Она! она!..

Она и ея мать замолчали, увидѣвъ меня издали. Деля испуганно взглянула на мою, должно-быть, ужъ очень подозрительную фигуру... Голосъ одного изъ мальчиковъ Заволжскихъ позвалъ ихъ съ балкона.

— Деля, мама! Идите же чай пить!

...Меня не узнали! А какую тревогу я переисеть!

На этой скамейкѣ и прежде частенько сживали разные прохожіе, такъ что мое присутствие на ней не должно было особенно удивить Заволжскихъ: по берегу проходила проѣзжая дорога, и скамейка стояла уже за ней, на самомъ краю горы.

Я прокрался къ оградѣ, окружающей дачу Заволжскихъ, и, спрятавшись подъ прикрытіемъ сосенокъ, видѣлъ всю семью Заволжскихъ близехонько отъ себя. Я видѣлъ ихъ, я слышалъ всѣ ихъ разговоры... Они долго пили на террасѣ чай, разводили дымъ для защиты отъ комаровъ... Я видѣлъ Делю: она сидѣла прямо противъ меня; свѣчка оазаряла ея черты, выступавшія чрезвычайно отчетливо на темномъ фонѣ окружающаго насъ вечера... О, какъ долго, какъ безконечно долго я смотрѣлъ только на нее одну! Она и теперь стоитъ въ моей памяти такую, какою я видѣлъ ее тогда — въ бѣломъ, легкомъ платкѣ, кутающейся въ пуховой платокъ, смѣющейся своимъ добрымъ, милымъ смѣхомъ... Я помню выпуклость ея лба, вьющіеся волосы, выбившіеся изъ-подъ строгой, античной прически, и ея глаза — такіе глубокие и ясные, такъ хорошо умѣвшіе сразу объяснить все то доброе и славное, что таилось въ ея думѣ...

Она часто заглядывала въ ту сторону, гдѣ я стоялъ, прижавшись къ оградѣ, съжившись всѣмъ своимъ существомъ. Иногда она смотрѣла прямо на меня — и, конечно, ничего не могла видѣть во тьмѣ, освѣщенной садъ и казавшейся еще гуще отъ свѣчъ, горѣвшихъ на террасѣ; но мнѣ вдругъ началось казаться, что она меня замѣтила, что видитъ меня, и тогда меня охватывалъ страхъ, — но я не могъ оторваться отъ оградъ...

Я долго бродилъ вокругъ дачи.

Я обошелъ дачу и остановился у забора около ея задней стороны. Здѣсь, около нагорды тянулась неглубокая канава, заросшая травой. Отсюда, сбоку дачи, при брезжившемъ свѣтѣ поздней и невозной луны я видѣлъ все ту же скамейку, около которой группировались дорогіе мнѣ люди. Когда они стали расходиться отсюда, я подошелъ снова къ берегу, крадучись вдоль нагорды, остававшейся въ темнотѣ. Когда вся компанія прошла уже въ калитку дачи, и на дорогѣ оставалась лишь шестилѣтняя сестренка Дели — Соня со своей боной, я не выдержалъ и, Богъ знаетъ, почему, крикнулъ ей во весь голосъ:

— Соня!

Онѣ остановились. Дѣвочка сразу узнала мой голосъ, и не отдавая себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ я могъ здѣсь оказаться, кинулась ко мнѣ навстрѣчу. Бонна съ недоумѣніемъ остановилась, а потомъ, болтая что-то по-нѣмецки удивленнымъ и испуганнымъ тономъ, бросилась за ней и стала звать ее. Соня остановилась на подорожѣ и, не отвѣчая на зовъ нѣмки, побѣжала къ дачной калиткѣ, крича во все горло:

— Вася прѣехалъ!.. Вася прѣехалъ!..

Господи, что я надѣлалъ! Ахъ, какъ приливаетъ кровь къ моимъ вискамъ, какъ забилось сердце! Не слѣдуетъ ли мнѣ убраться сейчасъ же какъ можно дальше? Не забрать ли на лодку, стоящую у берега, и спрятаться тамъ до утра?

Но мной овладѣло страстное желаніе узнать, что будетъ дальше: какъ отнесутся Заволжскіе къ Сонину открытію. И я, улегшись прямо на дорогѣ у оградъ (еслибъ я стоялъ, меня могли бы замѣтить при свѣтѣ мѣсяца), ожидалъ съ замираніемъ сердца, что произойдетъ на дачѣ?

Черезъ цѣсколько минутъ дверь на заднюю террасу (выходившую во дворъ) отворилась, и я по голосамъ, раздавшимся оттуда, отгадалъ, кто вошелъ на террасу. Это были т-те Заволжская, бонна, Соня и двое мальчиковъ, которые, какъ оказалось, тоже слышали мой голосъ. Всѣ (особенно дѣти) были очень возбуждены; я прекрасно слышалъ все, что они говорили:

— Не можетъ быть этого, дѣти! Вамъ послышалось! — говорила т-те Заволжская.

— Да право же, мамочка! Мы ясно слышали его голосъ... Онъ крикнулъ: „Соня!“

Бонна подтверждала это.

— Онъ прѣехалъ, прѣехалъ, — твердила увѣреннымъ тономъ дѣвочка: — онъ, навѣрное, сейчасъ придетъ сюда... Подождемъ его, мама!

— Что за чудеса такіе! — произнесла т-те Заволжская.

Наступило молчаніе.

— Вдругъ онъ опять крикнетъ! — тихо проговорилъ другой мальчикъ.

— Что такое случилось? — раздался голосъ г. Заволжскаго, который, очевидно, также вышелъ на террасу. Ему объяснили, въ чемъ дѣло: дѣти, пугаясь и сбиваясь, а т-те Заволжская — обстоятельно, съ отгѣнкомъ легкой насмѣшки надъ своей дѣтвой.

А я все лежалъ на дорогѣ. Меня душили слезы отъ волненія и отъ той мысли, что меня здѣсь любятъ и желаютъ видѣть, и даже ждутъ меня, хотя было такъ трудно повѣрить, чтобы я могъ появиться здѣсь въ такую несвоевременную пору.

Салонъ Елисейскихъ полей 1897 г. „Друзья“. Съ карт. Е. Мейманъ, грав. Бодъ.

„Осиротѣли“. Съ карт. Л. да-Ріосъ, грав. Кенлейшъ.

Но постепенно всё разошлись. Соня плакала, уверяя, что она ясно слышала мой голос, и что я несомненно здѣсь. Бѣднѣйка, какъ она была права!

И вотъ терраса опустѣла. Въ домѣ все затихло, хотя въ окнахъ все еще свѣтился огонь. Можетъ-быть, тамъ или разговоры обо мнѣ!

Я всталъ и, пошатываясь, хотѣлъ-было уйти на „Дачникъ“, почеваннѣй у Мулянки, чтобы провести на немъ эту ночь; Но тихій шорохъ, раздавшійся неподалеку, привлекъ мое вниманіе.

Черезъ секунду я услышалъ голоса. А еще черезъ секунду по двору прошли мимо нагороди, рука объ руку, Лѣля съ Николаемъ Львовичемъ. Слабій свѣтъ луны озарилъ ихъ обоихъ. Я не слышалъ, о чемъ они говорили, находясь въ какихъ-нибудь шести-семи шагахъ отъ меня. Я былъ словно пришибленъ этимъ зрѣлищемъ. Задыхался отъ гори и ревности, я слѣдилъ за ними: они прошли къ дому—и тамъ Лѣля со смѣхомъ прижалась къ своему спутнику и... они поцѣловались!

Что же мнѣ было еще нужно? Я видѣлъ своими глазами то, что въ моемъ только представленіи уже вызывало нестерпимыя муки гнѣва и ревности. Не для того ли я явился сюда, чтобъ еще разъ, наглядно, до жестокости очевидно—убѣдиться въ страшной для меня истинѣ? Какая дурацкая мысль скитается здѣсь безъ смысла и цѣли, прикидывается бродягой, причась отъ людей для того только, чтобы увидѣть эту, разбившую все мое существо, картину? Жалкій мальчишка! комедіантъ! фигляръ!

Въ одно мгновеніе все на свѣтѣ показалось мнѣ и ничтожнымъ, и глупымъ, и осталось одно только важное и существенное—моя великая любовь и еще болѣе великая скорбь. И ради нея я мгновенно сбросилъ весь свой стыдъ и свою боязнь быть открытымъ, и отчаянно крикнулъ:

— Лѣля!!..

Какъ дико, какъ странно прозвучалъ мой голосъ! Я слышалъ, какъ онъ пронесся кругомъ и замеръ. Но я не видалъ, что произошло вслѣдъ за тѣмъ: сраженный страшною сердечной болью, я повалился ничкомъ на землю и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ.

— Вотъ для чего я пріѣхалъ сюда!..

IV.

Я рыдалъ, лежа у нагороди, а между тѣмъ, на террасѣ опять послышались встревоженные голоса. Хлопнуло окно, закрипѣли двери. Я различилъ голосъ Заволжскаго, а также и голосъ его жены. Голоса спустились съ террасы и приближались ко мнѣ. Я остался на своемъ мѣстѣ и сразу затихъ.

Ужъ это была не комедія! Это становилось чѣмъ-то дурнымъ, нечестнымъ съ моей стороны. Меня звали, меня искали по всему двору съ фонарями. Выходили за ворота, проходили совсѣмъ близко около моей канавы. Меня настойчиво звали, очевидно, будучи уже вполнѣ убѣждены, что я здѣсь. На террасѣ опять зазвенѣли дѣтскіе голоса. Пронеслось настоящее смутеніе, виною котораго былъ я. И что стоило мнѣ огрызнуться на эти настойчивыя призывы, на тревогу этихъ милыхъ людей, такъ желавшихъ обрѣсти меня? И какъ больно и тяжело мнѣ было, что я все-таки принужденъ былъ скрываться и молчать? А принужденъ къ этому я былъ тѣмъ, что не могъ придти къ Заволжскимъ и быть среди нихъ, когда я не существовалъ теперь для Лѣли. Она разбила теперь всякую возможность моего появленія въ ихъ средѣ. И, несмотря на терзанія меня муки стыда и скорби и любви къ тѣмъ, которые меня призывали, несмотря на раскаяніе въ своей неотзывчивости, и все-таки не отзывался и молчалъ, стараясь подавить одолѣвавшій меня рыданіе.

И вотъ всё они—и Заволжскій, и его жена—остановились почти около меня и все еще звали меня. Но, видя тишину своихъ призывовъ и убѣдившись, что тревога была напрасной, Заволжскій послѣ кратковременной паузы сказалъ:

— Видно, его нѣтъ! Пойдемте домой!

О, какое раскаяніе охватило меня, когда онъ произнесъ грустнымъ тономъ эти слова! Они вѣрили, что я могъ явиться, они желали этого, но этого не случилось—и они горевали!

Зачѣмъ я тогда не отозвался на ихъ зовъ? Зачѣмъ я встревожилъ ихъ? Зачѣмъ я пріѣхалъ въ Мулянку?!

Все стихло кругомъ. Всё разошлось. Была уже глухая ночь—тусклая, сырая и холодная. Я попрежнему лежалъ на травѣ, не чувствуя ни сырости, ни холода. Нѣтъ! Нельзи мнѣ было войти въ эту дорожку мнѣ семью, потому что та, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, не любила меня, а любила другого, и этотъ другой жилъ тутъ же—и не могъ я жить съ нимъ вмѣстѣ! Мнѣ стало невыразимо больно, и я зарыдалъ.

Вдругъ ко мнѣ подошла какая-то темная личность... Вѣроятно, это былъ какой-нибудь „бѣгуночъ“, удравшій на волю ссыльный, пробравшійся черезъ эти мѣста. Этихъ господъ понадалось здѣсь не мало! Въ окрестныхъ деревняхъ существовали даже обычай оставлять кое-какую їду на ночь на завалянкахъ набѣ для этихъ „несчастнѣйшихъ“. Вели себя они очень смѣрно,

Я не пытался разглядѣть этого субъекта—каковъ онъ? Не

до него мнѣ было! Онъ же, вѣроятно, воображалъ, что я изъ такихъ же несчастнѣйшихъ, какъ и онъ. Незвѣстный чело-вѣкъ стоялъ нѣкоторое время надо мной, а потомъ кашля-пультъ, вздохнулъ и, опустившись рядомъ со мной на землю, заговорилъ:

— О чемъ, почтенный, плачешь? Ахъ потерялъ что?

Я не отвѣчалъ ему, продолжая рыдать.

— Эхъ, ты, сердечный! Али голоденъ?

Я не могъ отвѣтить ему ни слова. Встать и уйти я тоже не могъ: я, казалось, потерялъ всякую способность двигаться.

— Да ты изъ какихъ? Откуда?—полюбопытствовалъ мой собесѣдникъ.

Я продолжалъ молчать.

— Лежить и плачешь... Вонъ вѣдь что!—сталъ философствовать невѣстный.—Какія, братъ, дѣла-то бываютъ!

Потомъ онъ прибавилъ:

— Всякій отъ своей бѣды плачетъ! У меня ихъ—бѣдъ-то этихъ самыхъ—тоже въ сколько! А я не плачу!.. Ну, ихъ! Слабость это одна!

— А что, нѣтъ ли у тебя табачишку малость?—прибавилъ онъ совершенно другимъ тономъ, неожиданно обращаясь опять ко мнѣ.

Молчаніе.

— Али поѣсть чего? Сутки путемъ не ѣлъ!

Я судорожно бросилъ ему мою котомку. Онъ торопливо раз-вязалъ ее и, оцупавъ содержимое, сказалъ довольнымъ тономъ:

— Огурчики! Ишь ты! Парочку получу? Можно?

Спусти нѣсколько минутъ, онъ опять спросилъ меня:

— А ну-ка, нѣтъ ли у тебя денюжатъ? Хоть копеечку бы!

Я чрезъ силу подвинулся, вынулъ изъ кармана серебряную мелочь и, отдавъ ее ему, пошатываясь и придерживаясь за ограду, пошелъ прочь отъ него. Онъ, получивъ деньги, пови-димому, чрезвычайно удивился. Должно-быть, его поразило то, что у такого оборванца, какъ я, могла оказаться такая масса денегъ, а главное то, что я былъ такъ щедръ!

— Эхъ, чудной! Да ты себѣ-то оставилъ ли?—кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.—Эхъ, забавный!

Я торопливо шель вдоль ограды, а онъ кричалъ мнѣ:

— Котомку-то возьми! Забылъ ты котомку! Котомку-то!

Я шель туда, куда вела меня моя сердечная боль. Я шель (можетъ-быть, даже противъ воли—теперь я этого не помню) опять къ дачѣ Заволжскихъ. Меня тинула невѣдомая сила къ окну моей бывшей комнаты, въ которой, какъ я это зналъ, жила Лѣля.

Для меня теперь ничего не существовало въ мірѣ, кромѣ этого окна.. За нимъ находилась та, которая обрушила на меня всё мои муки, и отъ которой я такъ и не могъ уйти. Я вспомнилъ ея лицо, и видѣлъ ее ясно и отчетливо—такою, какой она показалась мнѣ тогда—на террасѣ. Я видѣлъ ея улыбку, ея глаза, и я любилъ ее больше прежняго и не могъ уйти отъ нея!

— Лѣля, Лѣля!—стоялъ я отъ невыразимой боли, прижавшись къ рундуку дачи, подъ окномъ, и обливая его слезами. У меня не было болѣе словъ, кромѣ ея имени, и не было другой мысли, кромѣ тяжелой думы о ней.

— Лѣля, Лѣля! Лелечка!..

И вдругъ окно надо мной раскрылось—и раздался крикъ ужаса... Ея крикъ.

Я не помню, какъ я перелетѣлъ черезъ ограду... Охваченный какимъ-то паническимъ ужасомъ, объяснить котораго я до сихъ поръ не могу, я бѣжалъ опрометью, не слыша подъ собою ногъ, задыхался—бѣжалъ изъ Мулянки по начинавшей уже бѣлѣть въ полусвѣтѣ зарю дорогѣ. На мнѣ не было шапки; я изорвалъ о шиновникъ рубанку и сбросилъ, не помню, когда и гдѣ, свое пальто. Я бѣжалъ, какъ сумасшедшій... Мулянка уже оставалась далеко за мной, по я не могъ остановиться, обернуться и взглянуть назадъ: мнѣ казалось, что я увижу за собой искаженное ужасомъ лицо Лѣли и услышу опять ея крикъ. Мнѣ страшно было бы взглянуть на крыши домовъ и группы деревьевъ, обозначающихъ то мѣсто, гдѣ была Мулянка. Едва не падалъ отъ усталости и боли въ ногахъ, я бѣжалъ навстрѣчу разгоравшейся зарѣ, вдоль стѣнъ шиновника и ольхи, бѣжалъ, подхлестываемый необъяснимымъ страхомъ.

Я не помню, много ли я пробѣжалъ такимъ образомъ, пока совершенно не задохнулся и не обезсилѣлъ. Я споткнулся, упалъ въ кусты ольхи, поранилъ руку и потерялъ сознание.

Но свѣжесть зари и пронизывающая сырость росы привели меня въ чувство. Когда я очнулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Вставало солнце, охотившее розовымъ блескомъ верхушки кустовъ надо мной. Чиркали лтицы. Я былъ совершенно разбитъ; голова была мутна и тяжела, на сердцѣ было невыносимо тяжело.

Я не помню, много ли я пробѣжалъ такимъ образомъ, пока совершенно не задохнулся и не обезсилѣлъ. Я споткнулся, упалъ въ кусты ольхи, поранилъ руку и потерялъ сознание.

Но свѣжесть зари и пронизывающая сырость росы привели меня въ чувство. Когда я очнулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Вставало солнце, охотившее розовымъ блескомъ верхушки кустовъ надо мной. Чиркали лтицы. Я былъ совершенно разбитъ; голова была мутна и тяжела, на сердцѣ было невыносимо тяжело.

Спусти нѣкоторое время я трясся опять на телѣтѣ, опять по той же убійственной дорогѣ въ Н. Только крестяишичъ, везишъ меня на этотъ разъ, былъ уже другой. Онъ такъ же, какъ и тотъ, былъ убѣжденъ, что я боленъ... И онъ былъ правъ. Но мнѣ что-то порвалось и было и ежеминутно давало о себѣ знать тоскливымъ и сосущимъ сердце ощущение-

нием... Перебравшись на пароходъ въ N, переодѣвшись и протиравъ большыя ноги на койкѣ, я не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, никого не видѣлъ и не слышалъ.. Я не замѣтилъ той сенсаціи, которую произвело мое появленіе на пароходѣ — въ моемъ, въ высшей степени странномъ видѣ... Я узналъ позднѣе, что меня впустили на пароходъ лишь благодаря догадкѣ одного изъ лакеевъ, а затѣмъ и капитана, что я — сыщикъ... Оказалось, что меня видѣли не одни матросы, мышіе полъ въ коридорѣ, когда я вчера вышелъ, переодѣвшись, въ своей каюты 1-го класса и заперъ ее за собой на ключъ... Къ тому же, какъ разъ объ эту пору, въ N произошло какое-то кровавое происшествіе, такъ что пароходная команда связала мое прибытіе въ N и странное переодѣваніе съ этимъ событіемъ...

Я не помню, какъ мы проѣзжали мимо Мулянки... Я все равно не могъ бы рѣшиться теперь взглянуть на нее. Я про-

лежалъ въ своей каютѣ весь день и всю ночь въ какомъ-то полубреду... Я смотрѣлъ въ одну точку передъ собой и сжималъ руками грудь, въ которой ныло и разрасталось большое чувство...

Вечеромъ слѣдующаго дня я вышелъ на палубу... Вдали — за синеватою дымкой угасаващаго дня вырисовывались горы, отъ которыхъ мы уходили все дальше и дальше къ другимъ такимъ же синѣющимъ лѣснымъ горамъ. Затѣмъ я прѣзжалъ въ Мулянку?

Для того ли и прѣзжалъ туда, чтобы внести въ жизнь дорогихъ мнѣ людей тревогу непонятнаго явленія? Для того ли я бродилъ тамъ ночь, стоналъ, звалъ Делю, чтобы возбудить въ ней страхъ предъ сверхъестественнымъ и вырвать у нея тотъ крикъ ужаса, который до сихъ поръ стучитъ у меня въ ушахъ? Для того ли я прѣзжалъ, чтобы свести ее съ ума, чтобы къ своему горю прибавить чужое?.. Душа чело-вѣческая — потемки.

Изъ жизни колюшки.

Зоологическій очеркъ В. А. Фрей.

(Окончаніе.)

Время перераста у трехъплой колюшки на волѣ длится обыкновенно отъ апрѣля до іюля, хотя, впрочемъ, это нѣсколько зависитъ и отъ погоды; такъ, напримѣръ, иногда встрѣчаешь самочекъ, наполненныхъ икрой, даже въ концѣ августа. Что же касается до комнатнаго аквариума, то тамъ зачастую, если, конечно, соблюдены при этомъ необходимыя условія, перерастъ можно наблюдать въ любое время. Число икринокъ, выметываемыхъ каждой самочкой, доходитъ отъ 100 до 150 штукъ. Икра колюшки сравнительно крупна и замѣтельно прозрачна. Крайне интересно наблюдать въ этихъ икринкахъ развитіе зародыша рыбки, а также и развитіе болѣзни, поражающей большинство нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ и извѣстной подъ именемъ „рыбьей плѣсени“.

Наблюденія эти лучше всего производить съ помощью микроскопа, положивъ икринку, вмѣстѣ съ каплею воды, подъ объективъ. Прежде всего можно замѣтить какъ въ икринкѣ, свернувшись клубочкомъ, растетъ зародышъ колюшки; потомъ икринка начинаетъ какъ будто портигься: изъ совсѣмъ прозрачной, какою она была прежде, становится мутной. Посмотримъ на нее въ эту минуту попристальнѣе — и что же? Мы различаемъ на икринкѣ множество мельчайшихъ бѣловатыхъ крапинокъ, и мѣстами даже комки бѣловатыхъ ниточекъ. На завтра эти нити сольются и покроютъ икринку, какъ сѣточкой. Икринка дѣлается легче, оболочка ея слабѣе и лопается отъ малѣйшаго къ ней прикосновенія. Нити эти — болѣзнь икринки: рыбы плѣсень — болѣзнь смертельная. Сливъ часть ихъ, мы увидимъ, что бѣдный зародышъ колюшки уже очень боленъ: сердце у него бьется рѣже, а нѣкоторыя части зародыша или вовсе не выросли съ того времени, какъ мы его наблюдали, или, хотя и выросли, но неправильно. Между тѣмъ рыба плѣсень принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры: на концѣ каждой нити образуется по клѣточкѣ, наполненной множествомъ крупинки, изъ которыхъ каждая покрыта особой оболочкой. Крупинки эти остаются, однако, въ клѣточкѣ не долго. Не проходитъ и часа, какъ онѣ прорываютъ оболочку и выливаются, какъ живыя, наружу, бѣгаютъ по водѣ взадъ и впередъ, обгоняютъ другъ друга, толкаются. Потомъ рѣзвая толпа эта какъ бы устаевъ, движенія ея становятся все тише и тише, и она вдругъ совсѣмъ замираетъ. Два усика, съ помощью которыхъ крупинки двигались, опадаютъ, сами же крупинки вытягиваются, прижимаются къ большой икринкѣ и пускаютъ въ нее свои корни. Корни эти прорываютъ оболочку и врастаютъ въ плѣсень тѣлце колюшки. Теперь настала ея послѣдняя часть. Бѣдная колюшка въ икринкѣ съедивается, сердце начинаетъ биться все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихаетъ. Все кончено: — плѣсень убива рыбу.

Колюшки любятъ проточную воду, а потому мнѣ въ первое время доставляла много хлопотъ частая перемѣна воды въ банкѣ. Но вскорѣ я устранилъ и это неудобство, увеличивъ количество водныхъ растений нѣсколькими экземплярами валлиснеріи (*Vallisneria spiralis*). Воткнувъ прямо въ песокъ, онѣ много способствовали поддержанію постоянной чистоты воды въ банкѣ. Къ тому же и сама валлиснерія оказалась также принадлежащею къ весьма любопытнымъ обитателямъ (хотя и другого царства) прѣсноводнаго міра. Процессъ ея цвѣтенія, извѣстный подъ именемъ „свадьбы валлиснеріи“, обнаруживалъ такой замѣчательный инстинктъ этого представителя растительнаго царства, какой рѣдко можно наблюдать даже и среди животныхъ.

Валлиснерія — растеніе двудомное. И женскіе, и мужскіе цвѣтки сидятъ у него на отдѣльныхъ особяхъ: женскіе на длинной, закручивающейся спиралью ножкѣ, а мужскіе — на очень коротенькомъ, ломкомъ стебелькѣ. Когда наступаетъ самая „свадьба“, спиралью ножекъ женскихъ цвѣтковыхъ вытягиваются и самые цвѣтки всплываютъ на поверхность, мужскіе же цвѣтки, скученные тѣмъ временемъ во множествѣ у подножія растенія, отрываются отъ своихъ стебельковъ и

также всплываютъ на поверхность. Здѣсь они останавливаются вблизи женскихъ цвѣтковъ, которые плывутъ къ нимъ, какъ бы навстрѣчу, и, раскрывъ широко свои вѣнчики, осыпаютъ ихъ своею золотистою цвѣтенью. Затѣмъ мужскіе цвѣты блекнутъ и припадаютъ (если дѣло происходитъ на волѣ, то просто уносятся теченіемъ), а женскіе, все круче и круче стигивая спираль, опускаются снова на дно и, принявъ здѣсь оригинальный видъ штопора — съ цвѣткомъ, вмѣсто острия, на концѣ, продолжаютъ свое существованіе до полнаго вырѣванія сѣмянъ.

Въ заключеніе нашего очерка укажемъ нѣсколько характерныхъ чертъ изъ жизни двухъ другихъ обитателей прѣсныхъ водъ, инстинктъ которыхъ заслуживаетъ не меньшаго вниманія и въ иныхъ случаяхъ приноситъ даже своего рода пользу людямъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная порода оригинальныхъ рыбокъ подъ названіемъ „вьюны“ (*Cobitis fossilis*), отличающаяся своею изумительною чуткостью къ измѣненію погоды, можетъ служить живымъ барометромъ. Многие слышали, вѣроятно, что подобно же способностью отличается также и обыкновенная лягушка, для чего лишь держатъ ее въ баночкѣ съ маленькою плѣсенкой, опущенной въ воду. Передъ наступленіемъ дурной, дождливой погоды, лягушка вылезаетъ обыкновенно по этой плѣсенкѣ на верхъ сосуда, давая тѣмъ знать о наступленіи бѣдствія. Но вьюны въ этомъ отношеніи куда превосходятъ лягушку. Онѣ съ дурной погодой, очевидно, самый ярый, непримиримый врагъ! Обыкновенно въ хорошую погоду это змѣеобразное животное спокойно лежитъ гдѣ-нибудь на днѣ, подъ камешкомъ или въ тишѣ. Чуть же только вьюны почувтъ наступленіе вѣтренно-дождливой погоды, какъ тотчасъ же безпокойно заплываетъ по дну, начнетъ неимоვნно мутить воду, вскапывая илъ, и бѣшено засуетъ туда и сюда, какъ бы одержимый мучительною болью, отъ которой ему хотѣлось бы убѣжать. Какъ бы ни была превосходна въ данный моментъ погода, но если удумливый воздухъ обѣщаетъ грозу, то бѣдые вьюны такъ терзаются муками, съ такимъ судорогами, обличающими страшную боль, подергиваніями и корчами мечутся въ сосудѣ, высоко подпрыгивая надъ водой, что подъ конецъ остаются на поверхности безъ движенія, какъ мертвые, пока не возвратитъ ихъ опять къ жизни, нѣкоторое время отливая свѣжею водою. Латинскій эпитетъ вьюна — „fossilis“ какъ нельзя болѣе подходитъ къ нему, такъ какъ обыкновенно большую часть времени вьюны мирно и усердно копаются въ тишѣ, въ которой и проводятъ цѣлую зиму. Это обстоятельство наводило даже на ошибочное предположеніе, что только этой тишѣ они и обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ.

У меня былъ тоже такой живой барометръ. Я посадилъ обыкновенную древесную лягушку въ небольшой стеклянный цилиндръ и вставилъ туда деревянную плѣсенку. Обязавъ отверстие цилиндра бумагою, я сдѣлалъ по срединѣ ея крестообразный надрѣзъ, какъ для лучшаго доступа воздуха, такъ равно и для удобства кормленія. Ежедневно въ опредѣленное время впускалъ сквозь это отверстие мухъ, до которыхъ лягушки, какъ извѣстно, большія лакомки, и скоро настолько приручилъ свою узницу, что она уже сама, взбираясь по плѣсенкѣ, прорывала снизу бумагу и, выпрыгивая изъ цилиндра, садилась на бумажную его крышку, какъ бы поджидая, когда я принесу ей лакомое блюдо. Частенько даже лягушка, въ ожиданіи своего корма, сыривала на доску камня, гдѣ стоялъ цилиндръ, соскакивала на полъ, и прыгая и лазая далѣе, добиралась до окна; усѣвшись на подоконникѣ, она наслаждалась красотами природы, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ домашнихъ не водворилъ бѣглику на прежнее мѣсто.

Какъ-то разъ утромъ, подойдя къ сосуду, я не нашелъ тамъ лягушки; всѣ поиски оказались безуспѣшны. Животное исчезло окончательно, и мы потеряли уже всякую надежду найти его. До поздняго вечера банка оставалась пуста. Какъ вдругъ на слѣдующее утро кто-то изъ дѣтей таинственно объявилъ мнѣ, что въ сосудѣ копошится что-то черное. Посидѣвши въ банкѣ,

я обрѣлъ тамъ нашу проказницу, которая была однако черна, какъ трубочистъ. Оказалось, что, спрыгнувъ съ камня, она попала въ очагъ и, забравшись въ печную трубу, просидѣла тамъ цѣлый день, никѣмъ не замѣченная. Потребность въ водѣ заставила ее, однако, употребить всѣ свои акробатическія способности, чтобы такъ или иначе выбраться изъ камня. Случай, очевидно, помогъ ей, такъ какъ она опять оказалась на своей квартирѣ, отдѣлавшись за неосторожность только неожиданнымъ превращеніемъ въ брюшкетку. Этотъ урокъ не послужилъ ей однако на пользу, такъ какъ послѣ того времен-

ная отлучка ее сдѣлалась еще чаще, пока, наконецъ, она не пропала уже окончательно, спрыгнувъ, вѣроятно, съ подоконника въ садъ.

Всѣ приведенные факты свидѣтельствуютъ, что даже и у низшихъ организмовъ бываетъ если и не умъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ замѣчательная сообразительность, или инстинктъ, которымъ въ достаточной мѣрѣ надѣлала ихъ заботливая мать-природа. Убѣдиться въ этомъ можетъ всякій: стоитъ только ближе присмотрѣться къ ихъ жизни.

Къ рисункамъ.

Женскій медицинскій институтъ, открытіе котораго состоялось 14-го сентября т. г., является первымъ и единственнымъ учрежденіемъ этого рода въ Европѣ. Какъ известно, врачебные курсы существовали у насъ уже ранѣе. Они были учреждены при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, но дѣлать лѣтъ спустя состоялось Высочайшее повелѣніе объ ихъ постепенномъ упраздненіи при госпиталѣ. Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ,—пятнадцать лѣтъ упорной борьбы большого кружка лицъ, предавшихъ идеѣ женскаго медицинскаго образованія и стремившихся возстановить медицинскіе курсы. Главнымъ къ тому препятствіемъ былъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, но русское общество побороло и его: со всѣхъ концовъ Россіи поступали щедрый пожертвованія на это полезное дѣло. Петербургская дума сдѣлала начинъ въ дѣлѣ возрожденія курсовъ. Дума открыто заявила въ 1886 г. о своемъ сочувствіи курсамъ и обѣщала оказать имъ матеріальную поддержку. Это сразу подвинуло дѣло и перенесло его на практическую почву. Многие города прислали съ своей стороны въ думу адреса съ выраженіемъ сочувствія дѣлу женскаго медицинскаго образованія, и результатомъ этого было Высочайшее повелѣніе 3-го февраля 1892 г. о внесеніи устава женскаго медицинскаго института на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Выстъ съ тѣмъ учреждена была при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая комиссія, опредѣлившая всѣ предстоящіе по учрежденію женскаго института расходы. При этомъ на устройство здания и первоначальное оборудованіе института исчислено 220,238 р. 63 к. и на его содержаніе по 63,000 руб. въ годъ. На покрытіе этихъ расходовъ имѣется—обязательство с.-петербургской думы о ежегодномъ отпускѣ на содержаніе института по 15,000 р., пожертвованныхъ капиталовъ въ размѣрѣ 576,490 р. и обязательствъ частныхъ лицъ на сумму 173,000 р. Такимъ образомъ женскій медицинскій институтъ вполнѣ обезпеченъ частными и общественными пожертвованіями.

Новый женскій медицинскій институтъ имѣетъ громадное преимущество предъ прежними женскими врачебными курсами: онъ самостоятеленъ. Прежніе курсы существовали какъ-то временно; у нихъ не было собственныхъ аудиторій, имъ приходилось ютиться сначала въ медико-хирургической академіи и клиническомъ военномъ госпиталѣ, а затѣмъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ; у нынѣшняго же института — все свое.

Институтъ построенъ на городской землѣ, безвозмездно уступленной городской думой, и состоитъ изъ трехъ большихъ и нѣсколькихъ малыхъ зданий. Изъ нихъ главное зданіе, въ 4 этажа, выходитъ своимъ фасадомъ, длиною въ 30 сажень, на Архіерейскую улицу. Въ этомъ зданіи помѣщаются три громады аудиторій въ два свѣта, съ мѣстами расположенными амфитеатромъ, большой актовъ залъ въ 9 арш. вышины, кабинеты и лабораторіи (для химіи, физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, гистологіи, общей патологіи и гігіены), бібліотека, канцелярія и квартира директора, проф. В. К. фонъ-Аурена.

Лекціи будутъ читаться въ аудиторіяхъ: химической, ботанической, клинической и анатомической, громадной залѣ съ массой свѣта и воздуха, съ иллюминаторомъ въ потолокъ. Двери изъ обширной химической аудиторіи ведутъ въ лабораторію, снабженную всевозможными приспособленіями и аппаратами, составляющими послѣднее слово науки. Для ботанической аудиторіи устроенъ будетъ небольшой ботанической садъ.

Второе зданіе, въ 20 саж. длины и 16 саж. глубины, тоже 4-хъ-этажное, предназначено для занятій анатоміею и патологіею. Здѣсь помѣщаются: анатомическій залъ, допускающій одновременное занятіе до 40 лицъ, и четыре кабинета для нормальной анатоміи. Другіе этажи предназначены для патологической анатоміи, съ обширнымъ помѣщеніемъ, приспособленнымъ для микроскопическихъ занятій, оперативной хирургіи и бактериологіи.

Третье 2-хъ-этажное зданіе предназначено для казармъ служащихъ, четвертое—электрическая станція, рассчитанная на дѣйствіе до 2,400 лампочекъ, по 20 свѣчей каждая, и остальные три—для различныхъ службъ.

Клиническія работы слушательницъ женскаго медицинскаго института будутъ производиться въ городской Петропавловской больницѣ, находящейся рядомъ съ институтомъ. Для этого при больницѣ устроенъ будетъ на средства института

новый операціонный залъ со всѣми необходимыми для совершенія операцій приспособленіями и инструментами.

Въ центральной части здания института устроена будетъ церковь и рекреационный залъ.

Рядомъ съ зданіемъ института строится и общежитіе на 100 слушательницъ. На сооруженіе общежитія отпущены по Высочайшему повелѣнію спеціальныя средства — 65,000 руб. Участокъ земли, предназначенный для зданія приобрѣтенъ уже давно за 68,000 руб. изъ суммъ общества для усиленія средствъ института. Зданіе общежитія въ настоящее время уже возведено до второго этажа.

Самое зданіе института также еще не вполнѣ закончено отдѣлкой (все зданіе начато постройкой 14-го іюня прошлаго года); но это не помѣшало открытію лекцій въ институтѣ, послѣдовавшему 14-го сентября. Торжественное открытіе отложено до половины октября.

Число слушательницъ института, принятыхъ на первый курсъ, равняется 165; изъ нихъ большая половина прибыла изъ провинціи. Изъ числа этихъ 165 слушательницъ, 47 получили образованіе на высшихъ женскихъ курсахъ, 17 — бывшія воспитанницы Рождественной школы дѣвчарскихъ помощницъ, остальные — гимназистки и нѣсколько институтокъ. Средній возрастъ поступившихъ значительно превышаетъ допущенную норму 20-лѣтняго и равняется 24½ годамъ; самой старшей слушательницѣ 37 лѣтъ. Есть не мало замужнихъ; племенной составъ даетъ до 90% православныхъ, не болѣе 4% католичекъ, 3% евреекъ и 3% лютеранокъ.

Эти сто шестьдесятъ пять русскихъ женщинъ открываютъ новый свѣтлый періодъ въ исторіи женскаго медицинскаго образованія, — въ исторіи движенія русской женщины на пути прогресса и самостоятельности, онѣ прокладываютъ дорогу, — какъ выразился въ своей рѣчи къ слушательницамъ В. К. Ауренъ, — тысячамъ русскихъ женщинъ въ ихъ стремленіи къ высшему образованію и къ равноправности въ различныхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Учрежденіе женскаго медицинскаго института представляетъ собой „торжество для всѣхъ, стремящихся къ свѣту и знанію, для всѣхъ, кому дороги немоги и недуги народныя“. Эти слова г. Аурена найдутъ живой откликъ во всей мыслящей Россіи.

*

Свадьба карликовъ — одна изъ оригинальнѣйшихъ затѣй Петра Великаго. Вадумалось ему развести въ Россіи породу карлика Якина Волкова на карлицѣ царицы Прасковьи Теодоровны. 19-го августа 1710 г. царь издалъ слѣдующій оригинальный указъ: „Карлы мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближайшихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25-го дня, а въ тотъ отпустъ, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дію на ихъ, карль, платье: на мужеской полѣ кафтаны и камзолы нарядные, цвѣтные, съ позументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шапки, и португезы, и шляпы, и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическѣ полѣ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякій прекрасный добрый уборъ, и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки“ и проч.

Указъ былъ строго выполненъ. Собрано было болѣе 70 карликовъ и карлицъ, но для этого потребовалось не мало времени и труда, такъ что свадьбу можно было отпраздновать не ранѣе 14-го ноября. Известный знатокъ и изслѣдователь русской старины С. Н. Шубинскій въ своихъ „Историческихъ очеркахъ и разсказахъ“ даетъ характерное описаніе приготовленій къ этому оригинальному торжеству, а также и самой свадьбы. „Накаундъ ея, двое карликовъ, исполнявшие обязанность шаферовъ, ѣздили приглашать гостей въ колесочкѣ о трехъ колесахъ, запряженной одной маленькою лошадыю, убранный разноцвѣтными лентами и предшествуемой двумя верхними придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные гости собрались въ назначенный домъ, молодые отправились къ вѣнцу торжественнымъ шествіемъ. Впередъ шелъ карликъ, исправившій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго былъ привязанъ большой букетъ изъ лентъ. За нимъ шествовали женихъ и невеста съ шаферами, въ самыхъ нестрыхъ костюмахъ; потомъ царь, многія дамы, нѣко-

торые иностранные министры и знатные особы. Шествие замыкалось 72-ми карликами и карликами, по-парно; карлики были одеты в светло-голубые или розовые французские кафтаны, с треугольными шляпами на головах и при шпагах, а карлицы—в бѣлыя платья с розовыми лентами. Послѣ церемоніи бракосочетанія всѣ отправились на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меншикова, гдѣ молодыхъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Карлы сидѣли въ среднѣхъ; надъ мѣстами жениха и невесты были сдѣланы шелковые балдахны, убранные, по тогдашнему обычаю, вѣнками. Маршалъ и восемь шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, по стѣнамъ залы, сидѣла царская фамилія и прочіе гости. Праздникъ кончился илѣской, въ которой принимали участіе только карлы и карлицы“.

Бракъ этотъ, помню того, что не привелъ къ задуманной Петромъ дѣлѣ, кончился очень печально. Молодая карлица въ тяжкихъ страданіяхъ умерла отъ родовъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Овдовѣвшій карликъ Якимъ Волковъ сталъ пьянствовать и умеръ въ концѣ января 1724 года.

Голландія, столь излюбленная геніальнымъ Петромъ Великимъ, портретами котораго до сихъ поръ еще украшаются тѣмъ стѣнамъ многихъ домовъ, по мнѣнію однихъ, есть переходъ отъ земли къ морю, по обильнейшую другихъ — перерожденіе океана въ землю, по Амчису—Китай Европы, по Наполеону—наносъ французскихъ рѣкъ, наконецъ, по Анри Авару—топкая и веичная земная кора, осѣвшая въ водахъ. Въ этой странѣ не было ничего постояннаго. Когда океанъ успокаивался и отходилъ прочь, выступала земля, покрытая зеленью и песками, когда же опять подымался онъ, грозный и бѣшеный, надъ пустынными

берегами—и дѣся, и несли являлись ложемъ для его всеразрушающихъ валовъ. Конечно, только грозный врагъ могъ выгнать сюда изъ германскихъ дремучихъ дѣсовъ полудикое племя, которое промышляло здѣсь охотой да рыбной ловлей.

Вѣчная борьба съ моремъ выработала изъ этихъ поморовъ настоящихъ людей, съ замѣчательной силой характера, предприимчивыхъ и отважныхъ. Нерѣдко рыбацья деревня въ Голландіи совершенно пустуетъ, въ ней не остается даже женщинъ—всѣ онѣ, вмѣстѣ съ мужчинами, работаютъ въ морѣ на своихъ корытообразныхъ лодкахъ. Картина Ганса Германа наглядно представляетъ вѣншій видъ рыбацьяй деревни, аккуратно вымощенной, опрятной, правильно застроенной изящными, хотя и простенькими домиками, крытыми черепицей. Посмотрѣвъ на такія постройки, сразу можно опредѣлить нравственную физиономію ихъ владѣльцевъ, трудолюбивыхъ, честныхъ, беззаветно преданныхъ своему дѣлу.. А это дѣло дается имъ не легко!. У голландскаго рыбака всегда стоитъ передъ глазами неутомимый стихійный врагъ—безопасное море. Въ Голландіи нѣтъ ни одной старой фамиліи, которая бы не насчитывала нѣсколькихъ десятковъ родичей, погибшихъ въ волнахъ разъяреннаго океана.

В. И. Даль (по поводу 25-лѣтія со дня кончины).
Съ граф. Вейермана автотипія „Нивы“.

Художникъ Лоренцъ дасть намъ въ своей картинѣ типъ русской красавицы, красавицы бывлыхъ временъ въ праздничномъ уборѣ. При взглядѣ на нее вспоминаются стихи нашего великаго поэта:

„На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ илвно—будто лебедушка,

Закладка зданія столовой для бѣдныхъ, соорушаемаго Императорскимъ челоѣколюбивымъ обществомъ въ Галерной гавани.
Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

Смотрит слово, как голубушка,
Молвить слово— соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіейхъ...

Ненастная осень наступила. Деревья поубоажены. Двемъ солнышко иногда еще грѣетъ, но ночью бываютъ заморозки и все покрывается инеемъ... Живыя существа тѣснятъ другъ къ другу. Наступаетъ зима, природа откажетъ имъ въ своихъ дѣлахъ. Человѣкъ предусмотрительнѣе и дѣлаетъ запасы на зиму. Коза и козленокъ это чувствуютъ и льнутъ къ своей пастушкѣ. Коза уже пережила не одну зиму и знаетъ, что пастушка о ней позаботится. Поэтому она увѣренно стоитъ возлѣ нея. Но козленокъ смотритъ на нее вопросительно: каково-то теперь будетъ? Напрасныя сомнѣнія—друзья останутся друзьями. У пастушки такое доброе выраженіе лица. Она ли позабудетъ о своихъ любимцахъ, не согрѣетъ и не накормитъ ихъ въ зимнюю стужу?

Бѣдная молодая мать, съ уснувшимъ на плечѣ ребенкомъ, смотритъ на прозрачныя спокойныя воды, которыя въ бурный мигъ поглотили ея отважнаго мужа. Въ усталомъ измученномъ лицѣ любящей матери и неутѣшной жены разлита безнадежная грусть. Дѣти малы, а впереди еще такъ много различныхъ испытаний. „Онъ не вернется, не вернется“,—шепчутъ ея поблѣднѣвшія губы. „Осиротѣли“,— скажемъ мы съ грустью, проникаясь поэзіею, которою дышитъ мастерская картина испанскаго художника.

В. И. Даль. (Портр. на стр. 977.)

22-го сентября г. г. Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ послалъ дочери покойнаго писателя Владиміра Ивановича Даля, О. В. Демидовой, слѣдующую телеграмму: „Сегодня, черезъ 25 лѣтъ со дня кончины вашего родителя, память о которомъ жива въ сердцахъ каждаго русскаго, не могу не вспомнить васъ“.

Память о В. И. Далѣ будетъ жить въ русскомъ народѣ до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ русскій народъ, пока будетъ существовать русскій языкъ, лучшимъ знатокомъ и толкователемъ котораго считается Даль до сихъ поръ. Кто не знаетъ Даля, автора знаменитаго „Толковаго словаря великорусскаго языка“? Этотъ словарь, заключающій въ себѣ всю исторію, этнографію и почти всю устную литературу русской живой рѣчи,—лучшій, прочтѣннѣйшій памятникъ Далю.

Какъ ни странно, но лучшій знатокъ русскаго языка былъ не русскаго происхожденія. Отецъ его былъ датчанинъ, а мать—полу-нѣмка, полу-француженка, урожденная Фрейтагъ, изъ рода гугенотовъ де-Мальи.

Отецъ В. И. Даля служилъ въ горномъ вѣдомствѣ и жилъ на Луганскомъ заводѣ, въ Екатеринославской губерніи, гдѣ и родился 10-го ноября 1801 г. В. И. Даль.

Тринадцати лѣтъ В. И. отданъ былъ въ морской кадетскій корпусъ, и въ 1816 г. произведенъ былъ въ гардемаринны. Въ 1819 году онъ былъ выпущенъ мичманомъ въ черно-морскій флотъ, въ которомъ и пробылъ около трехъ лѣтъ, а затѣмъ перешелъ въ балтійскій и поселился (въ 1823 г.) въ Кронштадтѣ. Въ 1825 году, оставивъ морскую службу навсегда, онъ отправился въ Дерптъ, гдѣ съ 1826 по 1829 годъ состоялъ студентомъ медицинскаго факультета. 29-го марта 1829 года, еще будучи студентомъ, Даль былъ зачисленъ во вторую дѣйствующую армію, такъ какъ въ полковыхъ врачахъ ощущалась сильная нужда; онъ былъ назначенъ въ главную квартиру ординаторомъ при подвижномъ госпиталѣ.

Въ это время уже зрѣла въ головѣ Даля мысль, прославившая его имя. Еще въ ранней юности Даль замѣтилъ разладъ въ рѣчи образованныхъ людей и простолюдина. Постепенно все съ большей внимательностью наблюдая за этой раздвоенностью русскаго языка, онъ пришелъ къ выводу, что современные ему составители русскихъ грамматикъ „неизученный, неислѣдованный въ его законахъ живой языкъ взяли да и втиснули въ латинскія рамки, сълепленныя нѣмецкимъ клеенъ“.

Впервые опредѣленную форму приняла эта мысль его въ 1819 г. Юнымъ мичманомъ вѣхалъ онъ на почтовыхъ изъ Петербурга въ Москву. День былъ морозный, и юноша въ своемъ легкомъ мичманскомъ мундирѣ продрогъ до костей. Ямщикъ-новгородецъ замѣтилъ, какъ скрючилось отъ холода барина, и какъ бы въ утѣшеніе ему, указавъ кнутовищемъ на пасмурное небо, сказалъ: „замолаживаетъ“. Дая странно заинтересовало это никогда не слыханное имъ слово. Онъ переспросилъ ямщика, и тотъ пояснилъ, какъ могъ, значеніе „замолаживанья“. Точно забывъ о морозѣ, юноша быстро выхватилъ изъ кармана записную книжку и занесъ въ нее: „Замолаживать—иначе пасмурить— въ Новгородской губерніи значить заволакиваться тучами, говоря о небѣ; клониться къ ненастью“... Эта запись была первой основой будущему знаменитому „Толковому словарю“; въ этотъ памятный морозный вечеръ народился у насъ первый лексикографъ русской народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ записныя книжки Даля стали расти и увеличиваться, заполяемые областными словами, особенными обо-

ротами народной рѣчи, пословицами, присловьями и прибаутками.

На театрѣ русско-турецкой войны, въ 1829 г., въ рукахъ Даля было уже вмѣсто прежней записной книжки нѣсколько большихъ томовъ, сплошь исписанныхъ его характернымъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ. Въ походной палаткѣ, во время турецкой, а затѣмъ и польской кампаніи 1831 г., Даль занесъ много слышанныхъ имъ мѣстныхъ говоровъ русскаго языка. „Живо хватая на лету родныя рѣчи, слова и обороты,—говорить Даль:—когда они срывались въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, я записывалъ ихъ...“

По окончаніи польской кампаніи Даль поступилъ ординаторомъ въ с.-петербургскій военно-сухопутный госпиталь, гдѣ приобрѣлъ пзвѣстность окулиста-хирурга. Къ этому времени относятся дружба Даля съ авторомъ „Монастырка“—Погорьльскимъ (А. А. Перовскимъ) и сближеніе со знакомымъ ему еще по Дерпту В. А. Жуковскимъ и черезъ послѣдняго—съ А. С. Пушкинымъ, Н. М. Языковымъ, А. А. Дельвигомъ, И. А. Крыловымъ, Н. В. Гоголемъ, кн. Одоевскимъ и другими писателями. Знакомство это послужило ему, наконецъ, рѣшительнымъ толчкомъ къ литературной дѣятельности, которой онъ затѣмъ посвятилъ себя исключительно. Въ 1830 г. Даль напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевого первый свой литературный опытъ. Первыми трудами его были „русскія сказки“, обратившія на себя вниманіе своимъ своеобразнымъ народнымъ языкомъ. Весь литературный міръ съ Пушкинымъ во главѣ заинтересовался этими произведеніями.

Въ 1832 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ его „Русскія сказки изъ преданій народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приуроченныя и поговорками ходячими разукрашенныя *Казакъ* Владиміромъ *Луганскимъ*“ (Пятокъ первый, СПб.). „Казакъ Луганскій“—сталъ его литературнымъ псевдонимомъ.

Оставивъ затѣмъ навсегда службу въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, В. И. Даль принялъ приглашеніе В. А. Перовскаго, бывшаго главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, и отправился на берега Урала.

Въ Оренбургѣ В. И. Даль энергично принялся за пополненіе и пересмотръ собранныхъ богатствъ живого русскаго слова. Въ это время, кромѣ первой книжки „Сказокъ“, въ печати появились уже рядъ его рассказовъ изъ народнаго быта; за этими произведеніями Казака Луганскаго послѣдовала серія уральскихъ его рассказовъ.

Въ 1841 году Даль перешелъ на службу въ министерство удѣловъ. Когда же товарищъ министра удѣловъ Л. А. Перовскій назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Даль сталъ домашнимъ секретаремъ и ближайшимъ помощникомъ этого просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля. Имѣя широкую возможность заниматься своими трудами по собиранію русской рѣчи, Даль не удовольствовался спокойными кабинетными занятіями. Его тянуло въ провинцію, ближе къ источнику народнои жизни. Командировка въ южныя губерніи дала ему возможность пополнить существенный проблѣлъ въ его избранномъ трудѣ. Въ 1849 году В. И. Даль, оилять-таки по собственному желанію, перевелся въ Нижній-Новгородъ на должность предсѣдателя казенной палаты. Вога широко обогатила его „Словарь“ своеобразными красотоми народной рѣчи. Въ Нижнемъ онъ привезъ въ порядокъ нзвѣстное свое собраніе 37,000 русскихъ пословицъ и поговорокъ, которыя, однако, могли выйти въ свѣтъ только въ 1862 году.

Въ 1858 г. В. И. вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ въ маленькомъ домикѣ на Прѣснѣ и былъ окончательнью обработанъ его „Толковый словарь“—результатъ его сорока-семилѣтнихъ неустанныхъ трудовъ. Ради этого труда онъ отказался даже отъ своей литературной дѣятельности, прославившей уже имя Казака Луганскаго и съ самаго начала очень сочувственно встрѣченной критикой съ Бѣлинскимъ во главѣ. За мастерскій очеркъ Даля „Русскій мужикъ“ Бѣлинскій назвалъ его „необыкновеннымъ талантомъ, не имѣющимъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы“.

Въ 1861 г. вышло въ свѣтъ „Полное собраніе сочиненій В. И. Даля“ и вмѣстѣ съ тѣмъ появился первый выпускъ перваго тома и перваго изданія „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“. Первое изданіе „Словаря“, состоявшее изъ четырехъ огромныхъ томовъ въ четвертую долю листа (до 330 печатныхъ листовъ), выходило съ 1861 по 1867 гг. Весь ученый міръ былъ пораженъ колоссальностью этого труда. Какъ-то не вѣрилось, что это создано однимъ человѣкомъ. Одинъ изъ наиболѣе строгихъ критиковъ Даля признавалъ, что для составленія такого труда должна была бы потребоваться совмѣстная работа цѣлой академіи въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Въ 1864 г. представленъ былъ Государю Императору первый томъ „Словаря“, и всѣ издержки по изданію были приняты на счетъ Его Величества.

Когда вышелъ послѣдній томъ, академикъ М. П. Погодинъ писалъ: „Словарь Даля конченъ. Теперь русская Академія наукъ безъ Даля немислима. Но вакантныхъ мѣстъ ординарнаго академика нѣтъ. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ бросить жребій, кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднив

шеся мѣсто предоставилъ Далю. Выбывшій займетъ первую, какая откроется вакансія". Въ отвѣтъ на это, Академія избрала Дала единогласно въ свои почетные члены и присудила его „Словарю“ Ломоносовскую премию. Императорское русское географическое общество, самая мысль о которомъ возникла въ кружкѣ, собиравшемся въ 40-хъ годахъ у Даля, увѣнчало колоссальный трудъ его Константиновскою золотою медалью.

До послѣдней минуты жизни В. И. Даль не переставалъ дополнять и исправлять свой словарь, и всѣ эти дополненія включены во второе изданіе „Словара“, вышедшее въ 1880—82 гг.

Послѣднимъ произведеніемъ Даля были его „Очерки русскаго быта“, напечатанные въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867—68 г. Неустанный, кропотливый трудъ сказался въ 1870 г. на здоровьѣ В. И. Даля. Въ 1871 г. съ нимъ сдѣлался ударъ, въ 1872 г. ударъ повторился нѣсколько разъ, и 22-го сентября 1872 г. онъ тихо скончался. За годъ до кончины В. И. пожелалъ присоединиться къ православію. Прахъ его похороненъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Закладна столовой Императорскаго человѣколюбиваго общества. (Рис. на стр. 977).

Императорское человѣколюбивое общество, неуклонно преслѣдующее свою благотворную христіанскую задачу облегченія участи всѣхъ униженныхъ горемъ и обиженныхъ судь-

бою, всѣхъ нуждающихся и беспильныхъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе, приступило недавно къ новому добродѣлю—учрежденію столовой для бѣдныхъ въ Петербургѣ. Начало этому благотворительному учрежденію положено Государемъ Императоромъ, Высочайше повелѣвшимъ въ 1895 году отпустить ежегодно въ распоряженіе совѣта общества по 5,000 р. на выдачу ежедневно 100 бесплатныхъ обѣдовъ столичнымъ бѣднякамъ. Совѣтъ общества, принявъ Высочайшій даръ, ассигновалъ такую же сумму и, такимъ образомъ, со дня открытія столовой въ ней будетъ кормиться ежедневно 200 человѣкъ. На сооруженіе дома для столовой, помѣщающейся въ частномъ домѣ, поступили пожертвованія отъ городского головы В. А. Ратькова-Рожнова, Л. С. Полякова, И. А. Баусова и др.

Мѣстомъ для этой столовой избрана самая бѣдная окраина столицы, наиболѣе нуждающаяся въ такой помощи—Галерная Гавань. Закладка дома столовой (по Большому проспекту, № 35) состоялась 7-го сентября. Въ часть дня на мѣстѣ постройки было совершено молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ и всему Царствующему Дому. На торжествѣ закладки присутствовали: помощникъ главнаго попечителя Императорскаго человѣколюбиваго общества, сенаторъ А. Н. Марковичъ, с.-петербургскій градоначальникъ Н. В. Клейгельсъ, многие жертвователи и главныя заинтересованныя въ этомъ учрежденіи лица—толпа бѣднаго люда. Зданіе, сооружаемое по проекту архитектора г. Марфельда, предполагается окончить къ ноябрю текущаго года.

Политическое обозрѣніе.

Уступая коллективному давленію великихъ европейскихъ державъ, Порты обнаружила, какъ извѣстно, нѣкоторую сговорчивость въ греческомъ вопросѣ, согласившись съ предложеннымъ Европой мирнымъ условіемъ. Зато, какъ бы отстаивая свой престижъ побѣдительницы, Турція стала стремиться къ разрѣшенію вопроса о Критѣ исключительно въ свою пользу, игнорируя, повидимому, данныя Портой обѣщанія въ пользу критскихъ инсургентовъ. Еще лѣтомъ посланъ былъ Портой на Критъ Джевалъ-паша, который въ попыткахъ присвоить себѣ всѣ прерогативы главнаго начальника острова, повелъ дѣло такъ, какъ будто никакихъ особыхъ перемиръ не должно произойти на Критѣ. Но державы дали понять Портѣ, что автономія острова рѣшена безповоротливо: Турція обязана лишь согласиться, а устройство автономіи—дѣло державъ, и съ этою цѣлью между державами начались переговоры, причемъ равнѣе всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о выборѣ лица на постъ критскаго генералъ-губернатора.

Что же касается до инсургентовъ, то они, мирясь съ предлагаемой автономіей, поставили главнѣйшей задачей своихъ стремленій—удаленіе съ Крита прежде всего турецкихъ войскъ, на что, однако, до сихъ поръ не могли согласиться державы, такъ какъ международный десантъ является слишкомъ недостаточнымъ для водворенія порядка. Тѣмъ временемъ бездѣйствіе Европы въ связи съ сильной константинопольской агитаціей среди критскихъ мусульманъ, подогреваемой необыкновеннымъ подъемомъ турецкаго патриотизма послѣ ессалийскихъ побѣдъ, — вызвало рядъ новыхъ осложненій. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя отъ 30 сентября, Порты разослала турецкимъ представителямъ при кабинетахъ великихъ европейскихъ державъ циркуляръ, которымъ предлагаетъ рѣшить критскій вопросъ обезоруженіемъ христіанъ и мусульманъ острова, при содѣйствіи международного десанта, турецкими войсками, численность которыхъ, съ этою цѣлью, имѣетъ быть увеличена, причемъ командованіе войсками на Критѣ должно быть возложено на турецкаго генерала изъ европейцевъ, вѣдѣть должно послѣдовать назначеніе султаномъ губернатора и сформированіе жандармеріи.

Готовясь, повидимому, къ важному дипломатическому шагу, Турція успѣшила подчеркнуть свои близкія дружескія отношенія къ Германіи. Султанъ поднесъ въ подарокъ императору Вильгельму II нѣсколько греческихъ орудій, отбитыхъ турецкими войсками въ Эссалин. Слѣдствіемъ этого изъ ряда вонъ выходящаго подарка было собственноручное письмо гер-

манскаго императора, переданное султану на торжественной аудіенціи въ Ильдызъ-Кіоскѣ, причемъ германскому послу и членамъ его семьи пожалованы султаномъ высокія награды.

Между тѣмъ въ Греціи начинаютъ сознавать необходимость примириться съ печальнымъ исходомъ безумной политики аѳенскаго правительства. При врученіи русскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ—старшиной дипломатическаго корпуса — предварительнаго мирнаго договора, греческому министру иностранныхъ дѣлъ передана была нота съ заявленіемъ державъ, что онѣ считаютъ свою задачу посредничества оконченною, почему и предлагаютъ аѳенскому правительству назначить своихъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ объ окончательномъ мирѣ. Въ виду не прекращающейся, однако, воинственной агитаціи со стороны непримиримыхъ партій, греческій парламентъ, для услоковенія общественнаго мнѣнія, возобновилъ свою сессію, нѣсколько разъ откладывая ее, 18-го сентября. Внося въ палату предварительный мирный договоръ, министръ-президентъ Ралии въ длинной рѣчи высказалъ горькую жалобу и сѣтованія по поводу предлагаемыхъ мирныхъ условій, особенно коснувшись исправленія границы и установленія европейскаго контроля надъ греческими финансами. Въ заключеніе, не настаивая на принятіи палатой договора, министръ потребовалъ выраженія палатой довѣрія кабинету и отсрочки засѣданія парламента. Послѣ сильныхъ возраженій со стороны Делианиса, предложеніе о довѣртіи кабинету отвергнуто громаднымъ большинствомъ, и министерство подало въ отставку. По свѣдѣніямъ изъ Аѳинъ новое министерство сформировалось съ г. Замиссомъ во главѣ и вступило уже въ управленіе страной, предложивъ свою программу, сводящуюся къ „скорому разрѣшенію иностраннаго и фискальнаго вопросовъ“.

Въ Турціи уже мирятся съ авторитетнымъ рѣшеніемъ державъ греко-турецкаго вопроса: турецкая печать считаетъ исправленіе границы надежнымъ олотомъ противъ всякаго вторженія со стороны Греціи; контрибуція является безпримѣрнымъ денежнымъ результатомъ за послѣднія два столѣтія существованія оттоманской имперіи; проектированныя конвенціи съ Греціей о подданныхъ обѣихъ сторонъ обезпечиваютъ права и интересы мусульманъ. Разбирая причины законченной войны, одинъ изъ придворныхъ органовъ печати рѣшительнымъ тономъ указываетъ на интриги Англии, парализованныя, однако, политикой прочихъ великихъ державъ, ставшихъ на стражѣ европейскаго мира.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ, въ видахъ воспособленія населенію, претерпѣвавшему нужду отъ неурожа сего года, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 15-го сентября, въ Спалѣ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволивъ допустить нуждающихся крестьянъ и другихъ сельскихъ обывателей въ неурожайныхъ мѣстностяхъ къ бесплатному пользованію въ казенныхъ дѣсныхъ дачахъ, въ теченіе настоящей осени и предстоящей зимы, дровами и хворостомъ изъ валежнаго лѣса, съ тѣмъ, чтобы отпускаемый безденежно лѣсъ былъ употребляемъ на домашнія надобности обывателей, а не на продажу. Кромѣ того, управляющій министерствомъ земледѣлія, въ дѣлахъ оказанія помощи населенію

губерній, пострадавшихъ отъ неурожа (Астраханской, Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской), предписалъ управляющимъ государственными имуществами въ названныхъ губерніяхъ: предлагать нынѣ же къ продажѣ часть лѣсовыхъ, назначенныхъ къ отпуску на 1898 г.,—въ тѣхъ казенныхъ дачахъ, въ которыхъ такая продажа можетъ способствовать увеличенію заработковъ нуждающагося населенія путемъ усиленной разработки казеннаго лѣса; распорядиться о производствѣ, по усмотрѣнію управленій, въ этомъ году, на имѣющихся въ управленіяхъ кредитахъ, тѣхъ лѣсныхъ работъ, которыя предполагаемы къ производству не только въ текущемъ

1897 году, но и въ 1898 году, и озаботиться усиленіемъ, по возможности, работъ по производству въ казенныхъ дѣсахъ прочистокъ и прорѣживаній, гдѣ такіа прочистка и прорѣживанія оказываются необходимыми.

— 26-го сентября торжественно праздновалось въ Феодосіи 60-лѣтіе художественной дѣятельности И. К. Айвазовскаго. Императорская академія художествъ отправила обіядару орденъ св. Александра Невскаго, Высочайше пожалованный ему въ возданіе за выдающиеся заслуги на художественномъ поприщѣ; кромѣ того, академія командировала въ Феодосію, въ качествѣ депутата для присутствованія на чествованіи И. К. Айвазовскаго, дѣйствительнаго своего члена А. П. Соколова. Чествованіе мастигаго

художника открылось торжественнымъ актомъ, начавшимся съ чтенія постановленія еоюдосійской думы о чествованіи юбиляра. Постановленіе это написано на серебряной палитрѣ. Затѣмъ были прочитаны привѣтствія: таврическаго губернатора—отъ имени губерніи, А. П. Соколова—отъ академіи художествъ, Зюлова—отъ министерства народнаго просвѣщенія, адмирала Остелецкаго—отъ морского вѣдства. Еоюдосійскій городской голова прочелъ письмо Ея Высочества принцессы Евгеніи Максимилановны, привѣтствовавшей юбиляра отъ имени Императорскаго общества поощренія художествъ. Затѣмъ гнзъ произнесъ рѣчь отъ лица общества южно-русскихъ художниковъ. Князь Вобутовъ говорилъ отъ имени петербургскаго армянскаго общества. Затѣмъ шли мѣстная депутація отъ духовенства, дворянства, мѣщанъ, армянскаго общества, ремесленнаго, караннскаго и еврейскаго, отъ земства и учебныхъ заведеній, представленныхъ учителями и учениками. Затѣмъ въ 6 часъ вечера состоялся въ концертномъ городскомъ залѣ парадный обѣдъ. Залъ былъ роскошно разукрашенъ; посреди общей декорировки ярко выдѣлялась надпись изъ цвѣтовъ: „Слава нашему маститому юбиляру“. За обѣдомъ первый тостъ былъ провозглашенъ за Государя Императора, второй — за Царственную

Семью, затѣмъ за министровъ, приславшихъ привѣтствія. Городской голова провозгласилъ тостъ за Авазовскаго, назвавъ его отцомъ города. Получено было множество депешъ отъ высокопоставленныхъ почтателей таланта юбиляра; въ томъ числѣ—отъ великой княгини Александры Іосифовны, отъ председателя комитета министровъ Дурново, отъ католикоса, отъ министра финансовъ. Вечеромъ въ городской думѣ состоялся балъ. Роскошная иллюминація города завершила собой это рѣдкое по сердечности и торжественности чествованіе русскаго таланта.

— Казанскій университетъ получаетъ въ даръ въ полномъ составѣ извѣстную въ ученое мѣрѣ дрезденскую частую астрономическую обсерваторію В. П. Энгельгардта, возведеннаго, 10 лѣтъ назадъ, казанскимъ университетомъ въ степень почетнаго доктора астрономіи, получившаго потомъ почетное званіе члена-корреспондента петербургской академіи наукъ и доктора философіи кидскаго университета. Совѣтъ казанскаго университета постановилъ возвести Энгельгардта въ почетные члены, украсить его портретомъ залъ университетской обсерваторіи и залъ совѣтскихъ собраній и присвоить жертвуемымъ инструментамъ наименованіе энгель-

гардтовскихъ. Благодаря этому весьма цѣнному дару, казанская обсерваторія становится первой въ Россіи послѣ Пулковской.

— 15-го сентября состоялось открытіе новой столовой для студентовъ военно-медицинской академіи. Подъ столовою отведено большое, чистое и свѣтлое помѣщеніе, вмѣщающее до 450 человѣкъ. Помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе дается студентамъ казенно, а провіантъ и все нужное для кухни закупаютъ сами студенты. Завѣдываетъ всѣми дѣлами кухни комиссия изъ пяти студентовъ, подъ наблюденіемъ г. инспектора академіи. По сообщенію *Сына Отечества*, студенты вносятъ деньги въ столовую кассу по истеченіи мѣсяца, въ которомъ они столовались. На долю каждаго студента въ мѣсяцъ приходится около 7 р., но можно имѣть столъ и еще дешевле; такъ, если обладающій съѣсть: порцію супа—7 к., порцію мяса (около 2/3 ф.)—4 к., или порцію кулебяки—4 к., и на третье стаканъ чаю—3 к. или кофе и какао—7 к., то обѣдъ обойдется въ 15—17 к., что въ мѣсяцъ составитъ около 5 р. Провіантъ всегда покупается свѣжій, такъ какъ за этимъ наблюдаютъ сами студенты; въ кухнѣ также готовитъ подъ наблюденіемъ дежурнаго студента. Каждый день, кромѣ праздниковъ, готовится на 400 человѣкъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1898 Г.

СЪ БЕСПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Подробное объявленіе помѣщено въ № 40 „НИВЫ“. Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Удалъ. Историческая повѣсть В. М. Михеева.—Въ положеніи невидимки. (Призванія одного очень молодого человѣка.) Разсказъ Б. П. Никонова.—Изъ жизни келюшки. Зоологическій очеркъ В. А. Фрей. (Ожогъ.)—Къ рисункамъ: Женскій медицинскій институтъ.—Свадьба нарядно.—Рыбачья деревня въ Голландіи.—Въ праздничномъ уборѣ.—Друзья.—Осиротѣли.—В. И. Далъ (съ портр.).—Заказка столовой челоѣлюбиваго общества.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

ПРОШУ ИСПРОВОБАТЬ

ДУХИ НА ВСѢХЪ.

- Кавкаскіе, лотъ . . . . . — 20 к.
- Французскіе . . . . . — 35 к.
- Англійскіе . . . . . — 35 к.

Высшій сортъ англійскъ лотъ 50 к. Флаконъ отъ 1 р. до 10 р. За доброту качества и рачуась. Имѣется 120 разныхъ запаховъ.

АЛЕКСАНДРЪ И К^о
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 15.
Каталоги высылаются безплатно.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ
ПРИВИЛЕГІЙ

на изобрѣтенія и усовершенствованія составляемъ чертежи и описанія, а также рисунки на клейма, ярлыки, этикетки и проч. Товарные знаки для заявки въ Департ. Торг. и М-ръ и получена права исключительнаго ими пользованія.—ИРУГЪ и ДЕНЪ, Москва, Покровка, д. 51. Шинелова.

ВОЛИЦНІЙ хѣтитъ нарушима. внутренн. болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 10481 6—2

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
В. БУРХАРДЪ С^нб.
Невскій просп. № 6 противъ М. Марской
Гороховой ул. у Краснаго Места № 17.
ОГРОМНЫЯ БИБІОТ^к ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Высылка наложен. платежемъ. Иллюстр. Прессъ-Купанты безплатно

КАЖДАЯ ДАМА, желающая

быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исключительно „ИДЕАЛЪ“, патентованную бархатную подшивку подъ поделъ. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ

№ 10426 Россіи. 26—6

лучшая пишущая машина

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

лучшій прирѣтъ, 84 буквы и знака, прочность, скорость, писаніе всегда всегда вид-но. Маленькій размѣръ, легкій вѣсъ. Дешевое! 80 руб. только!

Задатокъ 10 руб., остальное налож. плат. С.-Петербургъ. Г. ПЕТО. Караванная № 16.

СТОЛКИНДА МОСКВА
КАПСУЛИ
ДЕЗОДОРАТЪ
ДЛЯ Уничтоженія ЗЛОВОНІА
въ ДѢтскихъ, СПАЛЬНыхъ, ГОСТИНИЦАХъ, КУХНяхъ и т.д.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ Складъ:
Аптекарская торговля А. Столкинда,
Лубянский пр. домъ Смольянинова.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современ. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к

Американскія Фисъ-гармоніи

имѣются постоянно въ большомъ выборѣ въ слѣдующихъ магазинахъ:
Въ Москвѣ: у главнаго представителя І. Ф. Мюллеръ, Петровка.
С.-Петербургъ: у П. Борнана, Вознесенскій проспектъ.
Вильнѣ и Новно: у І. Завадскаго.
Ригѣ: у Эд. Цетмана.
Нивнѣ: у Нертгольцъ и сынъ.
Харьковѣ: у А. Гейнце.
Полтавѣ: у Т. В. Каландова наса.
Одесѣ: у Э. Ватцмана.
Ростовѣ н/Д: у Л. Г. Аалеръ.
у Ю. и Я. Н. Гершковичъ.
Тифлисѣ: у А. Копль. 6-1

НА ВОСПИТАНІЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢТЕЙ ВЪ ЦѢЛЮ ПОЛУЧЕНІЯ
СВОБОДЫ
60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВѢДЕНІЯ
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
Жертвовать ему
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ
Аукционъ по вѣрному воспитанію
500 р.
ПРОСРЕДСТВОМЪ
Телефонъ 3692

CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служить для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдкрема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствию.

J. Simon, 13, Rue Grange Batellière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16—1

КУШАЙТЕ
ГЕРКУЛЕСЬ.

Санаторія д-ра Ремплера
для страдающ. грудными болѣзнями
въ ГЕРБЕРСДОРФЪ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфская дѣтская, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія слабыми болѣзнями воздухомъ, представляетъ самую благоприятную условія для лѣченія, въ умѣренныхъ дѣняхъ. Объявленія высылаются бесплатно д-ръ Ремплеръ. R. № 10580 4-1

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для брнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Предворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5120 (105)

Новыя полныя коллекціи елочныхъ украшеній

4. 8. 12. 18. 25 и 40 рублей.

Эти коллекціи въ нынѣшнемъ году опять улучшены, безъ возвышенія цѣны, такъ напримѣръ, въ составѣ 4-хъ рублевой коллекціи входятъ слѣдующія украшенія: 1) блестящая шпика для верхушки, пачка свѣтъ, зажигаемая нитка, свѣтъ магніа, золота и серебра для окрашенія орѣховъ и другихъ предметовъ, 12 флаговъ разныхъ государствъ, 12 забавныхъ хлопучекъ, 30 подсвѣчниковъ, 30 разноцвѣтныхъ свѣчей, 36 волшебныхъ звѣздъ, 40 разнообразныхъ превосходныхъ картонажей, между прочимъ, красныя, оригинальныя, вызолоченныя и высеребренные украшенія, какъ-то: вечерняя звѣзда, голубушка, рыба, кошка, баранъ, собачка, лошадь, черепаха и другія.

Затѣмъ 75 проволочекъ для привѣшанія предметовъ, золотой и серебряный дождь, изящныя стеклянныя вѣщи и маленькіе, красивыя китайскіе фонари. На все это назначена цѣна только въ 4 руб., чтобы коллекція была всѣмъ доступна. Остальная же коллекція по 8, 12, 18, 25 и 40 руб. отличаются своими богатѣйшими выборомъ всевозможныхъ изящныхъ украшеній; въ нихъ включены, смотря по цѣнѣ, желатиновые и другіе картонажи въ видѣ листоэта, арфи, саней, домикъ съ лестницею и т. д. Затѣмъ включены преміальныя ангельчики съ передвижными крыльями, колокольчики со звономъ, а также стеклянная труба съ музыкою, натуральная столбовая лампочка, потомъ имѣется еще большое количество блестящихъ вещей, воздушныхъ шаровъ съ ангеломъ и флагомъ, корабль съ ангеломъ, якорь съ красивыми дѣтскими цвѣтами, рогъ изобилія и много другихъ.

Любимыя хлопучки въ каждой коллекціи! Кромѣ того, къ каждой коллекціи прилагается бесплатно аппаратъ для зажигания и тушенія свѣчей по вышеприведенному рисунку.

Собраніямъ, Обществамъ, школамъ и большимъ семьямъ рекомендуется выслать заказы на большія коллекціи немедленно, дабы успѣть выслать ихъ по дешевому желѣзнодорожному тарифу. Цѣны безъ пересылки. Упаковка бесплатно. Высылка налож. платежомъ.

GERMANЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей.

С.-Петербургъ, Невскій, 82.

Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82.

Благодаря большому сбиту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ въ моея женевской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 іюля с. г. самыя элегантныя и прочныя МУНОМЕ ЧАСОВЪ американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистамъ, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ, — крытые анкеръ на 28 камняхъ, механикамъ самой лучшей конструкціи (удостоенъ серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ браслокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, выѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящея золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Выслать мною избранные часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежемъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый вземши, снабженъ лямбобо фирми, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. П. № 10406 4-8

СОВѢТЬ ПАВЛОВСКАГО ИНСТИТУТА, озабочиваясь, въ виду исполняющагося 23 декабря 1896 г. столѣтія со дня учрежденія сего заведенія, составленіемъ его исторіи, обращается къ бывшимъ воспитанникамъ и служившимъ при Институтѣ лицамъ съ покорнѣйшею просьбою — сообщить Начальницѣ Института, Баронессѣ Маріи Васильевнѣ Розель (Знаменская ул., д. 8) или д. с. с. Евгению Савостьяновичу Шумигорскому (Казанская ул., д. 7) свои воспоминанія, записки, или др. матеріалы, касающіеся институтской жизни былаго времени, въ какомъ бы черномъ видѣ они ни были. Выѣсть съ тѣмъ, Совѣтъ проситъ бывшихъ воспитанниковъ Института, окончившихъ въ немъ курсъ, не отказывать ему въ сообразеніи съдѣланій объ общественной дѣятельности, въ какомъ бы видѣ она ни выражалась, какъ въ самикъ, такъ и къ подругѣ на Институту. № 1052.

Только что вышли изъ печати новыя полныя изданія

опера для фортепiano въ 2 руки:
"ФАУСТЪ" муз. Ш. Гуно, съ прибавленіемъ полнаго балета "Вальпургиева ночь"; 9 номеровъ, которые пропущены во всѣхъ прочихъ изданіяхъ. 225 стр. Ц. 1 р. 50 к.
"НАРМЕНЪ" муз. Ж. Бизе, съ прибавленіемъ полнаго балета. 200 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Изданія вновь пересмотрѣны, допознены и исправлены по оркестровымъ партитурамъ. Къ каждой оперѣ приложено портреты и автографы композитора. Единственныя полныя изданія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Изданіе книжно-музыкальнаго магазина П. К. Секиверстова, СПб., Садовая, 22. Гг. иногородніе выписывающіе отъ издателя и выслано при заказѣ деньги или марки (часть рубля) за пересылку и печать. Каталогъ бесплатно.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ВИКАТИНОВЫХЪ НАКИДОКЪ ПИХЛАУ, БРАНТЬ

Высылаетъ первой почтой съ наложеннымъ платежемъ (пересылка за счетъ покупателя)

за 2 р. 25 к.

ВИКАТИНОВУЮ ЧЕРНУЮ НАКИДКУ

длиною 26 вершк. За болѣе длинную прилагивается по 20 к. за каждые 2 вершка.

Москва, Ильинка.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР-УЛ.

ХИМНАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

С.-ПЕТЕРБ., ВРАЧЕВЪ, УПРАВЛ. ИЗОТОВЪ, и ПРОДАЖА ВЫШЕ-ОЗНАЧЕННОЙ ВОДЫ КАЖДЪ НО СЕБѢРЖ. въ своемъ составѣ: Вѣтъ, ЗАСОР. Вѣтъ, РАВНОМЪ. на основ. основан. торг. Вода Филодоръ. Шампунъ (Мильнъ, эссен.) Тоническая вода. для мытья головы.

УПАКОВАНІЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: НЕВСКОЕ ПР-УЛ. № 12. НЕВСКОЕ ПР-УЛ. № 12.

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ

для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производства

РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя въ Россіи, Германіи и друг. странахъ.

Подъемныя цѣны для глины, торфа, неску, различныхъ рудъ, угли, известки, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительныя решеніе шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышлени. государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая движательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.

Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карназныхъ изразцовъ. При двухъ опытныхъ работниковъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.

Кромѣ того имѣются: железная черепица всякаго рода, глиняныя трубы разныхъ сортовъ; бетонныя издѣлія, брикеты, дѣтныя кирпичи, плиты для половъ, глиняныя и цементныя.

Далѣе имѣются давленныя и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и миловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

R. № 10518 12-1

ФИЛИГРАНЬ
ИЗЪЯВЛЕННАЯ
СЪЮЗНЫМИ
ОРГАНОВ.
ДОМА
САКАТЫКЪ И К°
МОСКВА
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ФАБРИКА
ПРОДАНА ВЪСЬДУ

КАРАМЕЛЬ
изъ СРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-1

БУХГАЛТЕРІЯ.
Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по прѣписов. боа. зол. медалью методу. С. Я. Алліантъ, Москва, Бугарки, № 49.
Ц. № 10897 10-4

ЛУЧШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.
Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пищушая машина **„КОСМОПОЛЬ“**.
Самый краси. шрифтъ. Съ 3-ми русскими и 3-ми латинскими алфавитами.
Цѣна 95 р. Полноров. шрифтъ къ ней 10 р.
Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ. Адмиралтейскій просп., № 4

ЗАИКАНИЕ
дѣлится основательно въ специальномъ заведеніи К. Ю. ЭРНСТЪ, для приходящихъ и пансіонеровъ.
Москва, Бол. Никитская, д. бывш. Чернева.
Руководство къ самообученію 3 рубля.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (4)
Специальность хронометровъ, СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный каталогъ, прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

изъ САМОИХЪ ЦЕНЪ Г. САРАТОВА, на углу Нѣмецкой и Александровской ул., въ домъ Самина, отдается въ наемъ отдельный дворъ съ постройками **ДЛЯ ЦИВНОГО СКЛАДА.** 2-1
БЕЗПЛАТНО
ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
специальный магазинъ бѣлыя
Ю. Готлибъ.
Владимирская. 2, угол Невского.

НА ЛОТЕРЕЮ
въ пользу Попечительства ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА (Садовая, 60) **ВЪСЬ** билеты распроданы; о днѣ розыгрыша будетъ объявлено. № 10521

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самого тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисова я пудра нежная и неослабляющая.
ED. PINAUD
PARIS

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф. А. ЮГАНСОНА ВЪ КІЕВѢ И ХАРЬКОВѢ.
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
Рибо. Психологія чувствъ, въ 2 част., 388 стр. К. 1897. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Нольбъ, Ф. Исторія человѣческой культуры, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
Милль, Д. Основанія политической экономіи. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
Зевортъ. Исторія новаго времени. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
Дреперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
Бьернстернъ-Бьернсонъ. Полное собраніе соч. 12 т. Ц. 4 р. 20 к., съ пер. 5 р.
Нордау, М. Вирожденіе. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Высоч. Утв. Трѣ
„ЭЙНЕМЪ“ ВЪ МОСКВѢ.
Собств. Паров. Фабрика въ Симферополѣ (въ Криму).
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **Компотъ.**

Цѣны означены съ уплаченною пошлиною.

Мужскіе часы цѣна 10 руб., съ нильевымъ механизмомъ и 3 крышками.
Реформъ, двойная мужская цѣпочка 3 руб.
Фирма существуетъ съ 1867 г. и удостоена на многихъ выставкахъ первыя отличія.
Предостереженіе: настоящіе только съ фабричною маркою „J. Rix.“

Новости
„Реформъ“ часы звѣзда
NORWICH WATCH COMPANY.
Цѣны означаются съ оплаченною пошлиною.
Часы „Реформъ“ составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ часовъ. Мы принимаемъ на себя за часы „Реформъ“ положительную гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ.
Анжерскій антимагнетическій механизмъ часовъ „Реформъ“ устроенъ съ такою точностію и тщательностію, что имъ можемъ ихъ самимъ убѣдительно образомъ рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ.
Въ Австріи часы эти заведены среди врачей, офицеровъ, государственныхъ и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Къ каждому часу прилагается письменная трехлѣтняя гарантія.
Дамскіе часы „Реформъ“ съ 3-ми крышками, изящно гравиров. 12 р. Дамская „Реформъ“ цѣпочка 3 р. Съ требов. можно обратит. на русскомъ языкѣ. Заказы исполн. по получ. денегъ или нал. плат.
Адресъ: ANTON RIX & BRUDER
Wien, II. Praterstrasse, 25.

В. № 10267
10-10
ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Мясна, по В. Лубяна, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственнаго фабрики ♦
съ полнѣйш. ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыла. по требован. безплатно.

СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1880 Г.

ФАБРИКА
БРИТАНСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ
Е. КЛЕММЪ.
Г. Подъяческая, 31.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Продажа издѣлій изъ британскаго металла, въ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.
ПРЕМЪ ЗАКАЗОВЪ
НА МУЖСІЯ И
ДАМСІЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ
новѣйшихъ фасоновъ и
изящнаго покроя.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАН-
НЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ се-
ЗОНА 1897—1898 Г. ВЫСЫ-
лается безплатно.
Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и
Гостиный дворъ. № 58.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, прѣкраснѣйшій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.
№ 4711 du Rhin.
№ 4711 Sachets violette du Rhin.
Всѣ одинаковаго качества.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

400 до 1000 р.с.

в год можно заработать, работ. дома на нов. мазельн. машин. Чужокъ вьется въ 1/4 часа. Маш. оч. проста; даже ребен. мож. работ. на ней. Ищутъ агентоу. Корресп. по франц. нѣм., англ., шведск. Подр. объявл. бесплатно. M. NAVY. 67 Southwark str. 67. LONDON. S. E. (2)

ВЫГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, Спб. 11-1

Безъ фирмъ и фабрич. надписей подлинн.

со шкур. въ замшевомъ кошелек. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азиат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дороже. „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени. Удобно помещается въ карманъ жилета или между пуговицами мушкетера и вполнѣ замкнута, какъ для похода, охоты, путешествія или театра, больше и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К^о. Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ. СКЛАДЪ ФАБРИКЪ ДЛЯ РОССИИ С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2-2 Издѣст. пр.-хур. высш. за сем.-коп. марку.

ПАРОВАЯ КРАСИЛЬНЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА А. ДАНЦИГЕРЬ

ОУСТАНОВЛЕНА въ 1866 г. въ Ригѣ Магазины—Малая Кошуневная, 16. Фабрика—Рижск. просп., 48. Наибольшее заведеніе въ этомъ родѣ. Ручаюсь за наилучшую работу и исполненіе всѣхъ возможныхъ заказовъ. 4-2

Въ ХИМИЧЕСКОЮ ЧИСТКУ и ОНРАВНУ вещи принимаютъ по большей части нераспоротыи. КРАШЕННЫЯ ВЕЩИ не пачкаютъ, а въ химически вычищеннымъ патна болѣе не показываются и вещи не теряютъ ни цвѣта, ни фасона. Заказы изъ провинціи исполняются точно и скоро.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

„КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ?“ „Какъ создать доходное и самостоятельное занятіе?“

Сочиненіе Инедирбръ. Переводъ А. И. Б. 48-е американское изданіе. Переводъ съ англійскаго. 480.000 экзemplаровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Занятія, дѣла, надѣла, производств., приведеніе въ исполненіе которыхъ не требуютъ никакой особенной обстановки или таковой, которая не представляеть никакихъ затрудненій и можетъ быть устроена дамой или мужчиной при самыхъ незначительныхъ расходахъ (5 р. и бол.) II. Множество интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по хозяйственному и домашнему отдѣлу, которыми положительно каждому необходимо. Всѣмъ найдеть въ этой книгѣ что соотвѣтствующее и подходящее; здѣсь указаны пріемы обращенія времени и труда въ денежную единицу. № 10455 4-3

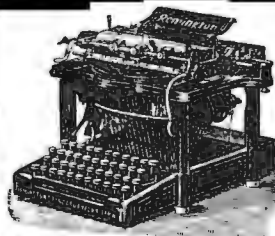
Цѣна книги съ перес. 2 руб.

Для полученія книги, высылать деньги г-ну директору издательской фирмы „Полиглотъ“, Нѣжинская, 26. Одесса.

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10-3 жѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробѣ отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляеть по утвержденному княжеской Центральной администраціей префек-курату (вмыслаемому по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Rh.

АLCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитательный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ. Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ, распространяемая подъ названіемъ: „усовершенствованная Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п. Какъ единственныя представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентоу, нами специально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество

Правленіе: Москва.

Отдѣленія

С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Копенгага, Ростовъ н/Д.

М. Блокъ

МУЗЫКА! ВСЯКАГО РОДА! МУЗЫКА!

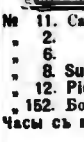
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

МОСКВА, ПЕТРОВКА.

Занавѣ исполняются по полученіи 1/3 стоимости наложеннымъ платежомъ.

Скрипки въ 2, 3, 5, 8, 10, 15, 25 р. и до 100 р. Смычки для нихъ въ 50, 75 к., 1, 2, 3 р. и до 25 р. 1/2 и 3/4 скрипки въ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10 и 15 р. Мандолины въ 8, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. отъ 15 р. итальянской работы. Цитры обыкновенныя концертныя и электричныя въ 8, 15, 20, 30, 45, 60, 75 и 100 р. Цитра „Эрато“ съ 36 аккордами въ 18 и 25 р. 48 35 Самочувствитель въ нѣмъ 50 коп. Корнетъ-а-пистоны въ 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 руб. Флейты отъ 2 р. Кларнетты отъ 6 р. Барабаны дѣтскіе, школьныя, концертныя и военныя. Валдгорны, роины, бубны и тарелки. Народныя цитры, на которыхъ въ теченіе 1 часа можно выучиться играть, 6 и 8 р. Пьесы въ нѣмъ 14 альбомовъ по 50 коп.

Самоиграюще и механическіе инструменты съ ручками.

Музыкальные ящики малые отъ 2 до 10 руб. „Средіе“ въ 16, 20, 30 и 40 р. „Большіе“ въ 50, 60, 70 и 90 р. Такіе же съ колокольчиками 90, 100 и 130 р. и съ перемѣн. залами въ 150, 200 и 350 р.

„Симфоніоны“

№ 1. Съ ручкой 4 р. 50 к. Пьесы по 20 к. № 2. Самочувствитель. 9 р. „ 20 к. № 3. Самочувствитель. 17 „ „ 30 „ № 4. Самочувствитель. 27 „ „ 45 „ № 5. Самочувствитель. 36 „ „ 60 „ № 6. Sublime harmonie „ 65 „ „ 75 „ № 7. Piccolo 100 тонный „ 90 „ „ 90 „ № 8. Бол. рѣз. малый. шкафа съ 164 тон. 300 р. Пьесы по 3 р. Часы съ музыкой 200 руб. Пьесы по 90 коп.

Механическія піанино, въ которыхъ можно играть руками какъ на обыкновенномъ, а также и посредствомъ вертеша ручки 550, 600, 650 и 700 руб.

Лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ. РОМЛИ отъ 550 руб. до 1000 руб. ПІАНИНО отъ 350 руб. до 700 руб.

Исполненіе всѣхъ заказовъ СКОРОЕ и ДОБРОСОВѢСТНОЕ.

Народныя цитры съ подкладными нотами 8 руб. Подкладные листы съ 2-ми пьесами по 30 коп.

Гитары:

въ 3, 5, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р. Гитары отъ 7 р. съ машинкой для струнъ. Школа для гитары Сырцова ч. I и II по 2 р. 50 к. Любавина ч. I по 1 р. Благаяли въ 2, 3, 4, 7, 10 и 15 руб.

Ручныя гармоніи

наилучшія въ настоящее время

„Прелесть аккордеоны“.

Двухрядныя въ 5 р., обыкновен. размѣр. 8, 10 и 14 р. Двухрядныя въ 20 и 30 р. Трехрядныя 40 р.

Кремона-аккордеоны:

Однорядныя въ 8, 10, 12 р. Двухрядныя 16 и 20 р. Гармоніи являютъ русскаго и нѣмецкаго строя.

Аристонъ дѣтскій. . . 5 р. Пьесы по 15 к.

Органъ Дольчина. . . 8 „ „ 25 „

Митона органъ. . . 8 „ „ 30 „

Серафинъ органъ. . . 12 „ „ 30 „

Аристонъ большой. . . 17 „ „ 45 „

Герофонъ большой. . . 22 „ „ 45 „

Налофонъ со стальными голосами 22 руб. Пьесы по 60 коп.

Каллестонъ со стальными голосами съ барабаномъ и колокольчик. 35 р. Пьесы по 80 коп.

Ориестръ Манолапъ 50 руб. Пьесы по 90 коп.

Піано Мелодико въ 65 и 70 руб. Пьесы различной длины за то же форма стола 85 руб. одиакъ метръ 60 коп.

То же самоиграющее въ 200 руб. Пьесы за одиакъ метръ 85 коп.

Піано Мелодико концертное 150 руб. Пьесы за одиакъ метръ 85 коп.

То же самоиграющее 400 руб.

Фисгармоніи.

Американской фабрики Сторм и Кларкъ въ 180, 200, 250, 300, 400 и до 1000 руб.

Нѣмецкія въ 90, 110, 130, 160, 200, 300 и 400 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ Ц. № 10529 бесплатно. 3-1

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Благодаря приятному вкусу, питательности и легкости приготовления, — наилучший шоколадъ для потребления въ жидкомъ видѣ.

(ФАБРИКИ КАРПЕНТЕРЪ въ 160 руб.)

ФИСГАРМОНІИ
извѣстнѣйшихъ фабрикъ
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА
и другихъ лучшихъ фабрикъ
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175,
190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400,
450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.
Школа самоучитель Пахе 2 руб.
Прейс-курантъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика
музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

НОВОСТЫ
духи
ЛЕВКОЙ
поставщикъ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ВНИМАНИЕ
ОСОБЕННОЕ
заслужилъ у публики съ дѣланою, новосты
выпущенныя кондит. фабрикой
Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ
«АНАНАСЪ (натур.) съ маршмеллоу, «ДВОРЯНСКІЙ»
«И. ЗЕФИРЪ» фруктовый, «ДВОРЯНСКІЙ»
«И. ДЕССЕРТЪ» фрукт. «ВЫШНИЙ»
Продается въ лучшихъ
магаз. Россіи.

ПРЕЛЕСТНЫЕ ДУХИ
„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“.
!НОВОСТИ!
ДУХИ: „OEUillet ROYAL“
„ВЕР. ЭСС. ВІОЛЕТЬ“
ТОВАРИЩЕСТВА
БРОКАРЪ и К^о
№ 10515 Остерегаться поддѣлокъ! 2-1

УДОБОВАРИМОЕ Цѣна 20 коп., не считая
ПИТАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО у К. Ф. ДЕПРЕ,
для СЛАБЫХЪ дѣтей и взрослых. Мойка, 43.
и во всѣхъ погребкахъ
СГУЩЕН. СОЛОДОВ. ПИВО Т. ДЕНКЕРЪ и К^о.
Пивн. завода И. А. Брунсъ, Стрѣльна.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примененный съ 1601 г.
Анализомъ и подробности объ источникѣ высладеать не платя
Контора отправки минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЕНЪ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
5-5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 10154

БОЛѢЕ 200,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!
Требуйте вездѣ
карманные часы изъ настоящаго американскаго новаго волюта, крытые, съ тремя крышками, мужскіе, анкерные, механикамъ
высшаго сорта (удостоены медали на вист. въ Женевѣ 1896 г.)
Цѣна 10 руб. и 12 руб.
Такіе же дамскіе дороже на 1 руб. Во набѣжаніе поддѣлокъ требовать на часахъ пломбу „Женева“, утвержден. Департам. Торгов. и Мануф. за № 16359.
Выписывающіе изъ фабричнаго склада часовъ „ЖЕНЕВА“ въ Варшавѣ
за пересылку не платятъ.
При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт. — 1 рубль.
АДРЕСОВАТЬ:
ФАБРИЧНОМУ СКЛАДУ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“,
ВАРШАВА, Бѣльянская, 20.
Заказы высылаются наложеннымъ платежемъ.
Задатокъ не требуется.

ПАМЯТЬ
лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и
зачто профессоръ именинни С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваз.
ул., собственныи домъ, № 28.
Условия и бромъ (въ 32 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-5

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
ДОМЪ
КАТОЛИЧЕСКАГО ЦЕРКВИ
ПРОТИВЪ ДУМЫ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-курантъ высылка безпл.

ЧАИ
МОСКОВСКАГО КУНДА
И. В. ДУБИНИНА
МОСКВА, Поворова, д. Тихонова.
Необыкновенно выгодныя условия для по-
требителей и торговцевъ.
Подробное объявленіе смотри №№ 19 и
№ 10469 36 „Новы“ 3-2

ПРИГЛАШАЮТЪ 1-1
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкирскій домъ Генрихъ
Блюмъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Швейная машина
„Талмонъ“
представитель
И. И. Тагенъ
МОСКВА, ул. Мясницкая, 13.
Большая любительница и 3-хъ
1000 штукъ

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ 2 объявленія: 1) отъ книжнаго магазина А. Ш. Земскаго въ Москвѣ; 2) отъ „Базара шарокъ“ въ СПб.

ЖЗВ

ИЛлюстрированный
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 42

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выдавъ 18 октября 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за октябрь 1897 г.

Блондинка. Съ карт. К. Е. Маковского, грав. Цехомскій.

Удалъ

Историческая повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

IV.

Княжій бердышъ.

Точно сказка случилась съ Новгородомъ Великимъ.

Вскорѣ послѣ прибытія Іева Поповича съ вѣстью объ удаломъ князѣ, явился и самъ спаситель новгородцевъ. Когда отворили ему городскія ворота и онъ вѣхалъ на суховаромъ буланомъ конѣ, который побрякивалъ серебряными подвѣсками узды, новгородцами овладѣла какая-то тишина умиленія. Всѣ только жадно смотрѣли въ знакомое лицо князя, темное и обвѣтренное на морозѣ, во время походовъ, полускрытое тѣнью тяжелаго островерхаго шишака, металлъ котораго потускнѣлъ отъ долгой службы въ бояхъ.

У самаго края короткаго налечника, прикрывавшаго лобъ, виднѣлись темныя брови князя и его глубоко впалые большіе тихіе глаза. И эти глаза съ величавой лаской покоились на толпѣ, обнажившей головы и сдержанно гудѣвшей:

— Князь! князь! осударь князь!

За Мстиславомъ ѣхала его дружина. Среди нея виднѣлись Іевъ Поповичъ и Иворъ Михайловичъ. Они выѣхали раньше за городъ навстрѣчу князя. Оба въ боевыхъ одеждахъ, на тяжелыхъ боевыхъ коняхъ, они ѣхали съ тихой радостью на суровыхъ лицахъ. Нѣсколько отступя, ѣхала свита дружины, посадничьи и боярскія дѣти; между ними, какъ товарищъ боярина Ивора, сидѣлъ на конѣ Добрыня, вооруженный и одаренный Иворомъ. Его тонкая статная фигура казалась самой стройной въ этой толпѣ конной молодежи. Блѣдность съ его лица исчезла, и свѣжій румянецъ заливалъ его щеки, опущенныя небольшою круглою, расчесанною теперь бородой. Глаза его горѣли, какъ угли, подъ легкимъ шлемомъ, и тонконогій конь щеголевато покачивалъ его, точно гордился своимъ молодымъ всадникомъ.

Приверженцы суздальскихъ князей заперлись въ своихъ домахъ или прикинулись друзьями Мстислава.

До прибытія князя никто изъ народа не тронулъ этихъ людей. Помнили ли новгородцы завѣтъ князя, переданный Іевомъ, овладѣло ли ими при мысли о скоромъ свиданіи съ желаннымъ княземъ мягкое настроеніе, по они ждали его мирно и спокойно. Они только зорко слѣдили, чтобы намѣстникъ Ярослава и его дворяне не бѣжали изъ города, оставляя, впрочемъ, этихъ людей, какъ-то притаившихся, на свободѣ.

Но едва князь вѣхалъ въ городъ, два боярина отдѣлились изъ его дружины, съ небольшимъ отрядомъ боярскихъ дѣтей, поѣхали по домамъ намѣстника и его дворянъ и всѣхъ ихъ заковали и посадили въ вѣчевую башню. Такъ было повелѣно ранѣе самимъ княземъ.

Мстиславъ же, съ дружиной — боярами, доѣхалъ, среди умиленно счастливой толпы, до Ярославова двора, тамъ слѣзъ съ коня, взошелъ на лобное мѣсто, повелѣлъ звонить въ колоколъ, и когда народъ тучей сгрудился вокругъ него, снялъ шишакъ, широко осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, оглянувшись на храмъ святой Софіи, потомъ сдѣлалъ степенный поклонъ народу и поднялъ голову. Чело его, теперь, безъ шишака, открытое, поражало своей обширностью, чубъ волосъ густо разсыпался со середины черепа по головамъ темными прядями, обнажая только лобъ. Длинные усы висѣли широкой тѣнью надъ крупными, плотно сжатыми губами, которыя закруглялись въ углахъ въ мягкія углубленія, дыша какой-то вдумчивой добротой.

Князь поднялъ голову, стоя на лобномъ мѣстѣ, и сказалъ негромко, но внятно:

— Братія! Поищемъ мужей своихъ, вольностей своихъ. Гдѣ святая Софія, тамъ и Новгородъ Великій! И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда! Послалъ князь Ярославъ рать свою не пускать меня въ отчину мою, да передалась мнѣ эта рать. Вразумилъ Господь воиновъ честныхъ. Ибо во многомъ Богъ и въ маломъ Богъ и правда!

И точно шелестъ листьевъ, когда тронетъ дубраву мимолетный вихрь, пробѣжалъ радостный трепетъ по всей громадѣ новгородской.

Потомъ князь съ боярами пошли въ храмъ святой Софіи поклониться гробу Мстислава Храбраго. Тамъ ихъ съ клирнымъ пѣніемъ, въ полномъ облаченіи, встрѣтило духовенство.

Но князь молился недолго. Закипѣла работа въ его могучихъ рукахъ. 11-го февраля прибылъ онъ въ Новгородъ, а 1-го марта уже повелѣ новгородскую рать въ походъ на Ярослава. Тутъ только, когда князь выступилъ въ походъ, перебѣжали изъ его стана въ Ярославоу тайные его враги, еще нѣсколько дней назадъ цѣловавшіе ему крестъ, клянясь въ вѣрности. Но это его не смутило. Онъ точно и ожидалъ этого. Онъ точно былъ радъ втайнѣ, что освободился отъ измѣнниковъ. Ни гнѣва, ни скорби не обнаружилъ.

Безъ труда взяли новгородцы городъ Зубцовъ. Потомъ стали станомъ на Волгѣ. Тутъ подошли къ нимъ смоляне, союзники Мстислава, съ княземъ ихъ Володиміромъ. Отсюда Мстиславъ послалъ сказать Ярославу, что онъ готовъ и на миръ, если Ярославъ дастъ настоящую управу Великому Новгороду. Но злой и мрачный Ярославъ, только что разославшій по своимъ городамъ въ окнахъ много новгородцевъ, бывшихъ съ нимъ въ Торжкѣ, крикнулъ гнѣвно послу:

— Не хочу мира! Идите на меня, коль пришли!

Тогда Мстиславъ двинулся на Тверь. Онъ разрѣшилъ рати по пути, по землѣ Ярославовой, жечь и грабить. Самъ онъ ѣхалъ въ челѣ рати, среди своей дружины, рядомъ съ Володиміромъ Смоленскимъ, молчаливый и спокойный, какъ будто немного грустный. Но рука его въ боевой рукавицѣ уже слегка играла бердышемъ, который висѣлъ на ней на ременной петлѣ — повороzkѣ.

Ярославъ изъ Торжка тоже вышелъ къ Твери. Онъ послалъ небольшой отрядъ изъ вѣрныхъ ему новгородцевъ навстрѣчу врагу. Но воевода Мстислава Ярунъ разогналъ эту рать безъ труда. Мстиславъ послалъ боярина Явольда съ частью псковичей и смолянъ къ Ростовскому князю Константину, его союзнику, повелѣвъ дорогой все жечь и уничтожать. Брови его стали хмуриться, губы, обыкновенно твердо сжатые, сжались еще плотнѣе. И онъ уже высоко взмахивалъ рукой въ боевой рукавицѣ, вертя около нея на ремнѣ бердышъ.

Самъ онъ пошелъ съ остальными новгородцами на саняхъ по льду. Деревянные полозья беззвучно скользили по матовой синевѣ льда, а князь сидѣлъ молча и поглядывалъ въ даль — въ холодную зимнюю мутную даль. На пути онъ уже жегъ цѣлые города. Такъ погибли Шексна, Дубна. Скоро ледъ сталъ таять. Сани бросили, опять сѣли на коней. Константинъ Ростовскій послалъ Мстиславу пятьсотъ ратниковъ. Мстиславъ двинулся къ Переяславлю. Было слышно, что Ярославъ тамъ. Подошелъ и самъ Константинъ со всѣми ростовцами.

Но въ Переяславлѣ не было Ярослава. Плѣнникъ, взятый здѣсь, сказалъ, что Ярославъ у князя Юрія,

его брата, во Владиміръ. При этой вѣсти, Мстиславъ тихо улыбнулся и, уже снявъ ремень бердыша съ руки, высоко подкинулъ бердышъ вверхъ и поймалъ. Онъ повелъ свою рать къ Юрьеву. Тамъ и сталъ станомъ, пославъ сотскаго Ларіона во Владиміръ къ Юрію, брату Ярослава. Онъ велѣлъ сказать, что на Юрія нѣтъ у него обиды, а обида только на Ярослава.

— Мы одинъ братъ съ Ярославомъ,—отвѣтилъ Юрій Ларіону.

Тогда Ларіонъ сказалъ самому Ярославу:

— Отпусти нашихъ новгородцевъ, верни наши вольности и не станемъ проливать крови!—такъ поручилъ ему сказать Мстиславъ.

— Не хочу мира! Далеко вы зашли, а выйдете, какъ рыба на сухо,—гнѣвно крикнулъ Ярославъ.

Ларіонъ вернулся и передалъ все это своему князю. Мстиславъ угрюмо опустилъ голову и послалъ еще разъ къ Юрію сказать:

— Не будемъ проливать кровь. Мы—единое племя. Отдай Владиміръ Константину, дай намъ управиться съ Ярославомъ, и бери себѣ всю землю Суздальскую.

Но Юрій отвѣтилъ вызывающе:

— Дѣлайте то, зачѣмъ пришли. Одолѣйте насъ, вся земля станетъ ваша.

У него во Владиміръ начали пировать и веселиться, точно заранѣе празднуя побѣду. Только старые бояре суздальскіе покачивали головами: справедливо, по праву и по обычаю требовалъ Мстиславъ, и не хорошо поступали Юрій и Ярославъ. Но суздальцы знали, что ихъ рать больше, и кричали:

— Сидлами забросаемъ новгородцевъ!

Слышалъ про все это Мстиславъ. Опять поднялъ онъ голову. Не игралъ онъ ужъ на этотъ разъ бердышемъ, а только гладилъ медленно усы. Его большіе глаза начали щуриться. Отъ суздальцевъ явились послы вызвать новгородскихъ витязей на поединокъ, назначая для него мѣстомъ побережье рѣчки Липицы.

Поединокъ этотъ былъ, по тогдашнему обычаю, не человѣкъ на человѣка, а рать на рать, безъ засадъ, безъ обходовъ, на избранномъ ранѣе мѣстѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ. Онъ все болѣе гладилъ усы и все уже щурилъ глаза.

Тихой апрѣльской ночью двинулись къ Липицѣ. Пахло уже весной. Наледь на рѣкѣ треснула, и льдины плыли, уже рѣдкія, тихія. По побережью, въ липовой поросли, набухали почки; вѣяло сырой влагой, травянистой и сладкой отъ прошлогоднихъ листа и травы, только что обнажившихся отъ снѣга, мокрыхъ и темныхъ.

Мстиславъ ѣхалъ, поднимая глаза на небо, гдѣ ярко, въ слегка зеленоватой, по весеннему, синевѣ, горѣли звѣзды. Голыя еще вѣтки тонкихъ липъ задѣвали лица всадниковъ, обдавая слабымъ горько-сладкимъ духомъ. Издали доносились звуки бубновъ и трубъ въ войскѣ суздальцевъ, которое шло по ту сторону рѣки. Но когда разсвѣло раннимъ весеннимъ разсвѣтомъ, за легкимъ туманомъ рѣки, на назначенномъ для боя мѣстѣ, суздальцевъ не было. Они миновали то мѣсто, которое сами назначили, вызывая первые на бой, и стали на другомъ.

У Мстислава не дрогнула въ лицѣ ни одна жилка. Только глаза опять сощурились. И онъ повелъ свою рать на другое мѣсто, на Юрьеву гору, къ ручью Тунегу. Вражки полки стали наконецъ другъ противъ друга. Трубы наигрывали въ обоихъ станахъ, весело звеня въ холодномъ весеннемъ воздухѣ. Но ни одинъ ратникъ не двигался. Мстиславъ, сидя на конѣ, гладилъ усы. Всѣ воеводы молча смотрѣли на него. Среди нихъ были Иворъ Михайловичъ и Темъ Поповичъ. Наконецъ князь подозвалъ одного изъ дружины и тихо повелѣлъ ему ѣхать въ суздальскій станъ и сказать:

— Дайте миръ, либо пойдѣмъ на мѣсто, назначенное для боя.

Дружинникъ уѣхалъ. Когда онъ вскорѣ вернулся, то передалъ такой отвѣтъ Юрія:

— Вы сами пришли на нашу землю. Перешли же черезъ нее, перейдете и черезъ эту заросль, и черезъ это болото—свиньямъ вѣдь это привычно!

Мстиславъ совсѣмъ закрылъ глаза, выслушавъ своего посланнаго; мгновеніе онъ помолчалъ и вдругъ, раскрывъ глаза широко, какъ зѣнцы проснувагося орла—сказалъ громкимъ голосомъ:

— Молодцы, удалцы! Посадничьи и боярскія дѣти! Добрые кметы! Кто помоложе да духомъ повеселѣй,—спускайся въ оврагъ, выходи въ бой!

И онъ высоко швырнулъ свой бердышъ, такъ что тотъ раза два перевернулся надъ головой и все-таки былъ пойманъ княземъ на лету.

Добрыня шагъ за шагомъ ѣхалъ въ походѣ вслѣдъ Ивору и все время не спускалъ очей съ князя, едва тотъ появлялся среди войска на его глазахъ. Услышавъ слова князя, онъ вдругъ ударилъ лошадь вразъ обѣими ногами—и первый, неожиданно для самого себя, выѣхалъ впередъ. Нѣсколько молодыхъ воиновъ двинулись за нимъ слѣдомъ. Конь, шагнувъ легко, какъ на пружинахъ, вынесъ Добрыню на очи удалого князя. Впервые очутился Добрыня лицомъ къ лицу съ княземъ. Орлиныя очи князя впились въ него въ тотъ самый мигъ, какъ Удалой поймалъ свой бердышъ. И вдругъ, протягивая этотъ бердышъ Добрынь, Мстиславъ сказалъ:

— Бери, добрый молодецъ! Поработай имъ. А послѣ работы принеси его мнѣ въ цѣлости. Самъ я порубилъ имъ не мало враговъ. По нраву ты мнѣ. Соколомъ смотришь! Пугни-ка съ товарищами это воронье!

И вытянувъ руку, онъ властно указалъ за ручей на рать суздальцевъ. Добрыня не помнилъ, какъ въ его рукѣ очутился княжескій бердышъ. Взмахнувъ имъ, весь какъ-то похолодѣвъ отъ восторга, онъ уже мчался по наклону берега, къ оврагу, гдѣ протекалъ ручей. Ноги его впились въ бока лошади, княжескій бердышъ сверкалъ въ его рукѣ, и топотъ коней слѣдовавшихъ за нимъ молодыхъ воиновъ точно опьянялъ его.

А Мстиславъ смотрѣлъ вслѣдъ имъ зорко и пристально.

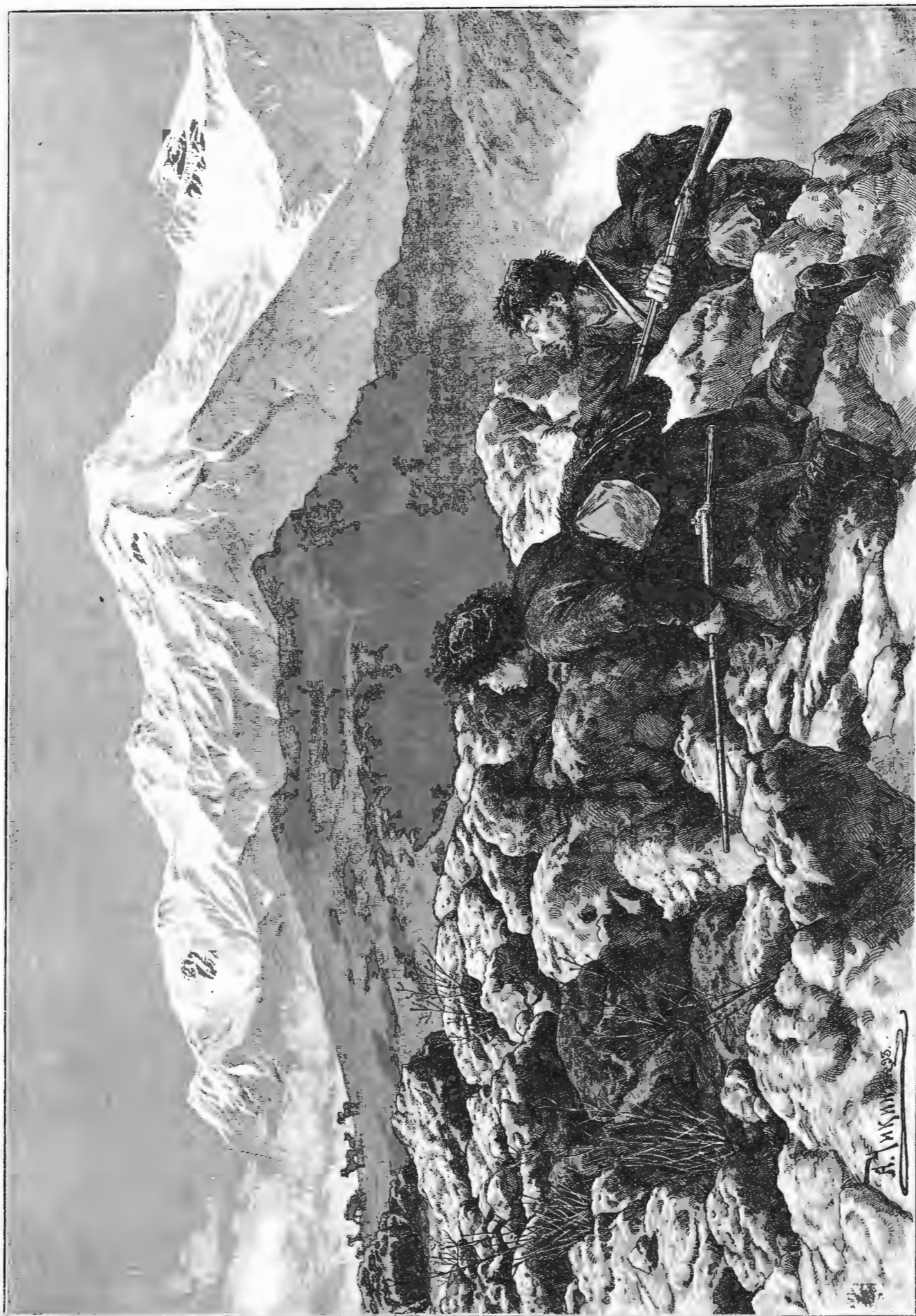
V.

Бой кметей.

Конь Добрыни не чувствительно для него самого провесся по отлогости къ оврагу, потомъ, прижавъ уши, какъ заяцъ, и весь собравшись въ комокъ, сильнымъ толчкомъ ногъ перелетѣлъ черезъ небольшой оврагъ, гдѣ внизу, среди топи, поросшей жидкими кустами талины, слабо серебрился ручей Тунегъ. Взлетѣвъ на противоположный край оврага, конь зацѣпился за него передними копытами, и было мгновеніе,—Добрынь показалось, что онъ вмѣстѣ съ конемъ слетитъ внизъ въ воду, онъ какъ-то всѣмъ тѣломъ почувствовалъ, что конь сейчасъ сорвется, но всѣмъ же тѣломъ, неожиданно для самого себя, ощутилъ почти въ то же мгновеніе, что летитъ съ быстротою вѣтра, но не внизъ, а вверхъ на подъемъ отъ оврага.

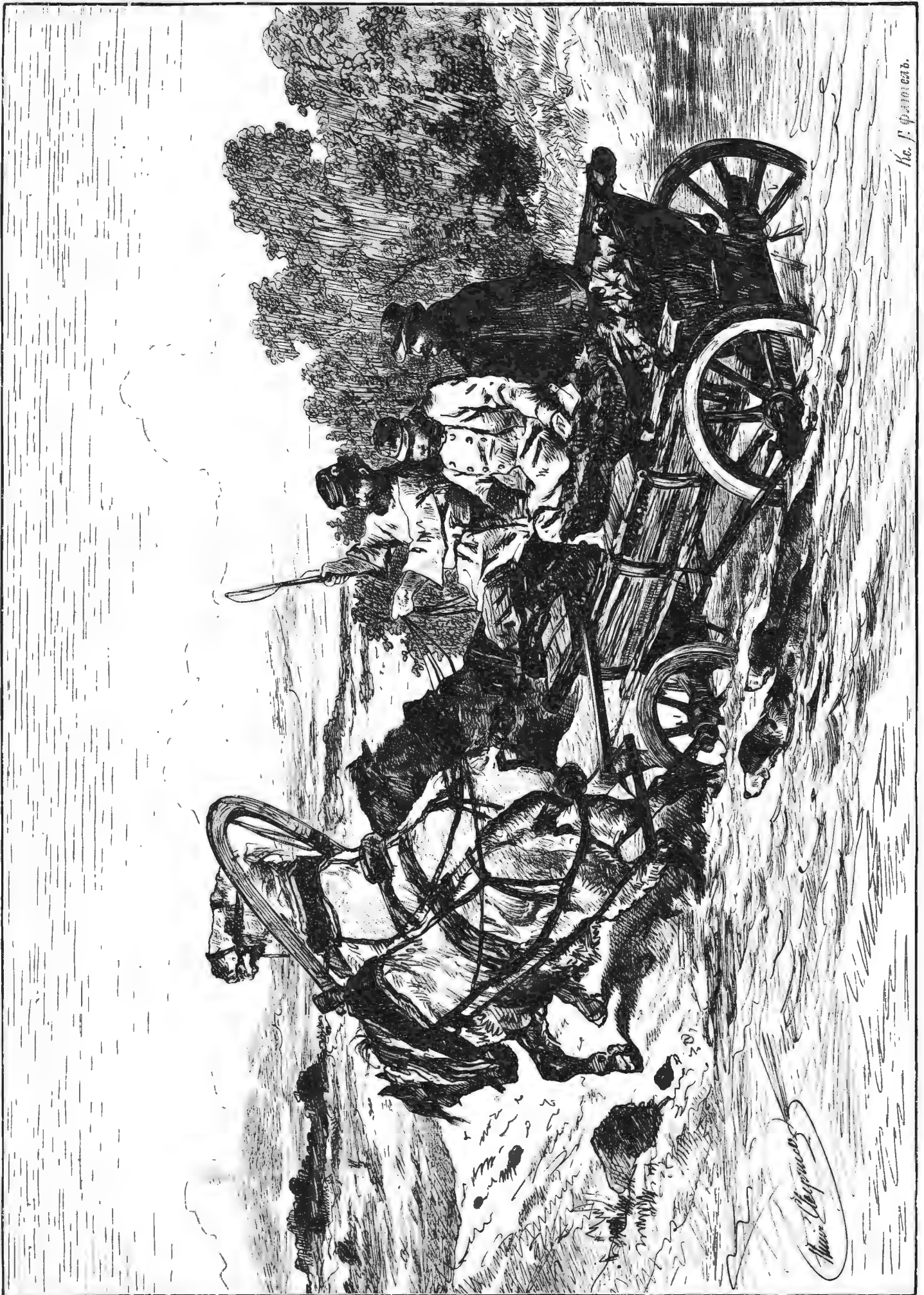
Конь вскинулъ себя черезъ край оврага и теперь летѣлъ, какъ стрѣла, почувствовавъ, что одолѣлъ препятствіе. Добрыня весь прилежъ къ шеѣ коня. Онъ закричалъ неволью дикимъ боевымъ кликомъ, отъ котораго конь еще больше прижалъ уши и весь вытянулся. Добрынь казалось, что не онъ летитъ, а отъ него несутся кусты, поле. За полемъ открывался передъ нимъ станъ враговъ, гдѣ гудѣли бубны и свистѣли.

Но не успѣлъ онъ совсѣмъ подняться на конѣ по наклону, которымъ мѣстность углублялась къ оврагу,

Охота за турами. Ориг. рис. (собств. "Нива") А. Чикина, автотипии Ангерера и Гёшля вь Вьнн.

Осенью на охоту. Ориг. рис. Н. Сверцова, грав. Флюгелъ.

онъ замѣтилъ, что сверху, отъ суздальскихъ шатровъ, ужъ дѣйствительно на него съ его товарищами несется ватага молодыхъ витязей. Не успѣлъ онъ осмыслить въ своей головѣ это ощущеніе, какъ увидѣлъ совсѣмъ близко морду лошади съ раздутыми поздырями и особенно ярко схватилъ взглядомъ ремень съ серебряной насѣчкой, раздиравшій опѣненный, мясистый, блѣдно-сизый, усѣянный темными точками уголь губъ этой лошади.

Онъ уже слышалъ спертое на бѣгу сопѣніе вражьяго коня. И точно противъ своей воли, онъ повернулся на своей лошади бокомъ, закрылъ себя до самыхъ глазъ большимъ кожанымъ щитомъ, притиснувъ его почти къ самой груди лѣвой рукой, правую же, вооруженную бердышемъ Мстислава, вскинулъ вверхъ. И въ то же мгновение онъ почувствовалъ, что его врагъ, незнакомый витязь, поравнялся, на той сопящей лошади, съ нимъ, почти притиснулся къ нему, бокъ о бокъ, такъ что ихъ щиты прошуршали одинъ о другой мѣдными бляхами.

Что-то тяжело засвистѣло и закрутилось надъ головой Добрыни. Но и рука Добрыни съ бердышемъ размахнулась. Что-то теплое, почти горячее, брызнуло въ лицо Добрыни и чрезъ мгновение врагъ на своей сопящей лошади пролетѣлъ уже мимо; его тяжелая палица-булава, пѣвшая пѣсню смерти надъ буйною головой Добрыни, валялась на землѣ. И Добрыня вдругъ понялъ, что разсѣкъ бердышемъ князя поднявшуюся на него руку врага. Брызги теплой вражеской крови стыли на лицѣ Добрыни. Онъ почувствовалъ ихъ сладковатый запахъ, ноздри его невольно раздулись.

Онъ вдругъ сильнымъ движеніемъ лѣвой руки, на локтѣ которой висѣлъ его щитъ, осадилъ своего коня и, едва удержавъ равновѣсіе въ сѣдлѣ, завертѣлъ коня на одномъ мѣстѣ, оглядываясь во всѣ стороны. Онъ искалъ, съ кѣмъ бы схватиться. Это первое боевое столкновение, эта первая пролитая имъ кровь — точно сразу опьянили его. Непобѣдимая жажда боя закинула въ его груди подъ тяжелой броней — похожей видомъ на стеганое одѣяло.

Вокругъ него, на покатоности склопа къ оврагу, покрытой мѣстами, еще спѣгомъ, мѣстами, глубоко взбуравленной конскими копытами, измявшими остатки шершавой рыжей прошлогодней травы, происходила дѣлный рядъ схватокъ. Его товарищи, молодые кмети, бились съ удалцами суздальскихъ князей. Одинъ гнался за врагомъ, на скаку пуская стрѣлы съ лука въ спину убѣгающаго воина, который уже безъ шлема, сбитаго въ бою, съ развѣвавшимися волосами, летѣлъ на конѣ, мотаясь на немъ и прижимая руку къ груди, — рука была отъ крови ярко-красная, а лицо бѣглеца блѣлое, какъ снѣгъ.

Два другіе воина, одинъ новгородецъ, другой суздалецъ, кидались другъ на друга на тяжелыхъ коняхъ, ударяли въ щиты тяжелыми пудовыми палицами и, пошатнувшись сами на пошатнувшихся отъ столкновенія лошадяхъ, отскакивали другъ отъ друга, чтобы снова наскочить. Кожа ихъ щитовъ, сухая и туго натянутая, точно ворчала, когда палица громычала объ нее, а лица витязей были угрюмы, серьезны и спокойны, точно они не на смерть бились, а дружно дѣлали общее нужное дѣло.

Въ одномъ мѣстѣ конь катался по землѣ, вздымая пыль, и протяжно жалобно ржалъ, точно плакалъ громкимъ затяжнымъ плачемъ. Вблизи него бились сѣкирами двое пѣшихъ. Другой конь, прихрамывая, подпрыгивалъ въ сторонѣ и ловилъ отвисшими губами сухіе стебельки травы. Отъ сѣкиръ спѣшившихся бойцовъ летѣли искры и слышался звонкій лязгъ, точно били тонкое стекло.

Добрыня уже хотѣлъ броситься на пѣшаго суздальца,

чтобы помочь его противнику-новгородцу, но въ тотъ же мигъ новгородецъ, бившійся палицей, громко охнулъ и скатился, какъ куль, къ ногамъ осѣвшей отъ толчка лошади. Рука со щитомъ безсильнымъ взмахомъ откинулась отъ его лица и груди, но лица у него уже не было: расплющенное палицей врага, оно являло одинъ огромный сгустокъ крови.

Побѣдитель его, суздалецъ, какъ-то восторженно зарычалъ и засвисталъ палицей надъ своей головой. Изъ груди Добрыни вылетѣлъ злобный стонъ, точно его самого повергли съ коня. И оба, побѣдитель-суздалецъ и Добрыня уже мчались другъ на друга. У бедра Добрыни висѣла также палица съ нѣсколькими острыми наконечниками, но, имѣя въ рукѣ бердышъ князя Мстислава, онъ точно забылъ про всякое другое оружіе. Вѣсь пригнувшись къ копу, почти не прикрывая себя щитомъ, онъ помчался на суздальца.

Тотъ взмахнулъ палицей, но бердышъ Добрыни какъ-то сбоку впился въ его шею между ременными завязками шлема и нагрудной брони. Палица врага грохнулась на плечо Добрыни, но ударъ былъ уже ослабленъ. Суздалецъ упалъ съ лошади. Онъ не былъ убитъ, хотя широкій кровавый разрѣзъ сбоку и отчасти спереди шеи, доходя до гортани, раскрылся во время паденія, какъ большія окровавленные губы, извергая густую, медленно плывшую по груди, темную кровь. Суздалецъ еще цѣплялся за стремяна; одна нога его застряла въ стремени. Но конь его, закусивъ удила, метнулся въ сторону.

И Добрыня, весь сотрясаясь отъ жестокаго упоенія, видѣлъ, какъ этотъ конь мчался по сухой травѣ и остаткамъ снѣга, а грузное тѣло суздальца, прищемленное за одну ногу стремянемъ, прыгало подъ конемъ, роняя хлопья крови. Они расплывались на травѣ — темными, на снѣгу — алыми, постепенно блѣднѣющими пятнами.

Но въ это мгновение точно кто запылъ жужжащимъ стопомъ надъ самымъ ухомъ Добрыни. Стрѣла, коснувшись своими перьями мочки уха, пролетѣла дальше. Добрыня будто оглохъ на мгновение. Онъ весь похолодѣлъ холодомъ близкой смерти, повѣявшимъ на него отъ этой стрѣлы. И сейчасъ же кровь прилила къ его щекамъ — и злора, почти ярость — къ его сердцу.

Онъ привсталъ на стремянахъ, выткнувъ голову впередъ, и увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, всадника изъ вражьяго стана, почти юношу. Тотъ, съ коня, точно неподвижно врывшагося конятами въ землю, готовился пустить въ Добрыню новую стрѣлу. За спиной Добрыни былъ также лукъ и колчанъ, но онъ опять точно забылъ о всякомъ оружіи, кромѣ бердыша князя Мстислава. Онъ засвисталъ протяжнымъ свистомъ, и конь его, самъ, подобно стрѣлѣ, помчался на врага.

Одна, другая, третья стрѣла прожужжала около Добрыни, онъ только мигалъ отъ ихъ звона и мчался впередъ. Онъ не замѣтилъ, что щитъ его сталъ тяжелѣе: въ щитъ впилась и на скаку мѣрно качались нѣсколько тяжелыхъ стрѣлъ. Врагъ Добрыни, наконецъ, вида, что ни одна его стрѣла не поражаетъ противника, закинулъ на спину лукъ. Онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ и гордо ждалъ теперь рукопашной схватки. Когда морда лошади Добрыни, вся въ пѣнѣ, почти поравнялась съ мордой его лошади, онъ только крикнулъ веселымъ юношескимъ голосомъ:

— Въ сѣкиры?!

— Въ сѣкиры! — прохрипѣлъ Добрыня, разомъ оживая лошадью, которая даже присѣла на заднія ноги.

И бердышъ князя завертѣлся въ рукѣ Добрыни. Небольшая изящная сѣкира, сверкала сипеватой сталью, встрѣтила его быстрые, ловкіе удары. Оба врага точно начали веселую, со стороны, красивую игру. Сталь оружія сверкала, сшибалась, звенѣла, кидала искры. Коня, врывшись ногами въ землю, настороживъ уши и по-

водя большими дымчатыми глазами на выкатѣ, слушали этотъ звонъ и это веселое пѣніе металла.

Противникъ Добрыни былъ топокъ даже въ своей тяжелой бронѣ. Еще безбородый, съ золотистымъ пухомъ на щекахъ, онъ сіялъ открыто-свѣтлыми голубыми глазами и, точно дитя, какъ будто не понималъ, въ сущности, что онъ дѣлаетъ. Но биться онъ уже былъ мастеръ. Добрыня это понялъ сразу. Бердышъ Мстислава въ рукъ Добрыни и сѣкира юноши-суздальца долго ни разу не миновали другъ друга. Они звенѣли, пѣли, точно смѣялись.

Но вдругъ Добрыня рванулъ бердышъ вверхъ и, хотя ощутилъ острую боль на своей лѣвой щекѣ, но почти не замѣтивъ ея, сейчасъ же опустилъ бердышъ внизъ. Разсѣченный племъ юноши раздвоился, золото его кудрей глянуло на его затылкѣ, и изъ-подъ этого золота выплыла алая, какъ рубинъ, горячая струя. Юноша, точно внезапно уставъ, уткнулся вмигъ поблѣднѣвшимъ лицомъ въ густую гриву коня. Его милые сіяющіе глаза закрылись, и только легкая свѣтлая пѣна блеснула на его почти дѣвическихъ губахъ. И онъ медленно своимъ легкимъ тонкимъ тѣломъ скатился съ коня на землю и, откинувъ голову назадъ, лежалъ теперь передъ Добрыней—точно спалъ, свѣжій, спокойный, только блѣдный, какъ снѣгъ.

Добрыня нагнулся на конѣ надъ нимъ. Странная жалость къ этому ребенку и уже такому смѣльчаку и умѣлому воину змѣйкой вползла въ сердце новгородца. И точно испугавшись этой жалости,—она болѣе всего могла страшить его на полѣ битвы,—Добрыня помчался прочь, жадно ища глазами враговъ для новой схватки, по которой, казалось, особенно тосковало теперь его сердце, тосковало съ какой-то щемящей жестокой болью.

И онъ носился по ратному полю, какъ вѣтеръ, сбиваясь съ тѣмъ, съ другимъ, повергъ не одного врага на смерть, жестоко ранилъ многихъ. Онъ уже не понималъ, что дѣлается въ его душѣ. Онъ плавалъ въ какомъ-то тепломъ, пахнувшемъ кровью, туманѣ. Временами этотъ туманъ точно стылъ, ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу Добрыни. То—или стрѣла проносилась мимо него, или вражья палица, сѣкира готова была опуститься на его голову.

Но руки его, который ужъ ломило въ суставахъ, вертѣли княжескій бердышъ, все его уже изнемогающее тѣло двигалось каждымъ мускуломъ въ смѣлыхъ неожиданныхъ поворотахъ, конь его, хрипя и роняя пѣну, скакалъ, становился на дыбы, садился на заднія ноги—и смерть вихремъ проносилась надъ головой витязя, не тронувъ его.

Къ вечеру стало очень холодно. Трава и земля покрылись легкой наледью, точно стекломъ. Конята коней и ноги людей начали скользить. Оружіе почти замерзало къ рукамъ, которые костенѣли. Бой молодыхъ кметей прекратился поневолѣ самъ собою. Суздальскіе витязи или лежали повергнутыми, или отъѣзжали къ своему стану. Много и новгородцевъ уснуло вѣчнымъ сномъ. Накопецъ, уже въ темнотѣ вечера, изъ новгородскаго стана трубы заиграли отбой.

Суздальцы такъ и не двинули главнаго войска.

Когда Добрыня, съ оставшимися въ живыхъ товарищами, медленно перебрались на вздрагивавшихъ отъ холода и усталости коняхъ черезъ подмерзшій Тунегъ, проваливаясь въ него копытами, и вскарабкались по отъѣсу оврага къ своему стану,—первый ихъ встрѣтилъ Мстиславъ. Спокойный и величавый, онъ поглаживалъ усы; ласковая улыбка раздвигала его губы; но глаза были задумчивы и грустны. Добрыня вдругъ подѣхалъ къ нему и протянулъ ему бердышъ.

— Княже, спасибо!—прохрипѣлъ онъ изнеможеннымъ голосомъ.

Мстиславъ взялъ изъ его рукъ бердышъ, внимательно посмотрѣлъ на лезвее, все покрытое присохшей кровью

и небольшими зазубринами. Потомъ князь поднялъ глаза на Добрыню. Онъ долго пристально, своимъ взглядомъ орла, озирающаго міръ со скалы, въ царственномъ спокойствіи, смотрѣлъ на Добрыню. Онъ замѣтилъ на его щекѣ шрамъ, запекшійся кровью.

— Вижу, поработалъ, добрый молодецъ,—сказалъ онъ:—спасибо, что и бердышъ вернулъ. Владѣй имъ, заслужилъ!

И Удалой князь протянулъ бердышъ назадъ Добрынѣ. Что-то горячее всплыло въ груди молодого Давславича. Радостныя слезы набѣжали на его глаза. Онъ видѣлъ позади князя боярина Ивора, который, гордый за своего товарища, не безъ сдержаннаго волненія поглаживалъ бороду. Но одна изъ неожиданныхъ радостныхъ слезъ скользнула по щекѣ Добрыни и, добѣжавъ до его шрама, ужалила болью эту еще свѣжую, хотя и легкую рану.

И вдругъ Добрынѣ вспомнился златокудрый юноша, сѣкира котораго нанесла ему эту рану и который лежалъ теперь тамъ, за оврагомъ, подернутый инеемъ мороза, въ разстилавшемся мракѣ холодной и сырой ночи.. Опять какал-то жалящая змѣйка шевельнулась въ груди Добрыни. И онъ, точно съ воплемъ, вскинулъ высоко руку и потрясая княжескимъ подаркомъ, воскликнулъ:

— Спасибо, княже! Поработаемъ и еще!

VI.

Побѣда.

Прошла ночь. Суздальцы не трогались.

На утро, когда иней еще покрывалъ бѣлымъ налетомъ кожу боевыхъ одеждъ и желѣзо оружія, рѣшили двинуться на городъ Владиміръ, стольный городъ Юрія, брата Ярослава. Тогда суздальцы поневолѣ должны будутъ принять бой.

Но суздальцы, замѣтивъ движеніе въ новгородскомъ станѣ, радостно завопили:

— Бѣгутъ, бѣгутъ!

И толпы ихъ стали спускаться къ Тунегу, думая перейти ручей и ударить въ тылъ отступающему врагу. Ростовскій князь оробѣлъ за своихъ людей.

— Не дерзки они у меня на бой! Какъ бы въ самомъ дѣлѣ тылъ не показали!—говорилъ онъ Мстиславу.

Мстиславъ хмурился и гладилъ усы.

А ростовцы, между тѣмъ, уже роптали на приказъ идти къ Владиміру. Отходить отъ Ростова далеко, оставляя свой городъ безъ рати, они не хотѣли. Чтобы двинуть всѣхъ союзниковъ къ Владиміру, Мстиславу пужно было сперва одержать побѣду здѣсь. Онъ это понялъ. Онъ вдругъ поднялъ голову, выѣхалъ впередъ, повернулъ коня къ войску новгородцевъ и ихъ союзниковъ и воскликнулъ громовымъ голосомъ, который по силѣ хотя и уступалъ голосу Лева богатыря, но какой-то бархатной удалой властностью укорялъ всѣхъ:

— Братія! Чего намъ стоять на горѣ. Гора ни намъ, ни имъ не дастъ побѣды. Не на гору воззрите, а на правду, на силу честнаго креста.—И вынувъ свой большой прямой мечъ изъ ноженъ, поднялъ его, держа за лезвее, высоко крестообразною рукояткою вверхъ.—Пойдемъ къ врагу!—крикнулъ онъ еще болѣе громко, и такъ смѣло и ясно обвелъ всю рать засверкавшими глазами, что, точно шелестъ густого бора, пробѣжалъ по рядамъ воиннонъ ропотъ изумленія и готовности идти за княземъ.

Войска начали строиться въ боевой порядокъ, воеводы появились на челѣ своихъ отрядовъ. Богатырь Іевъ и Иворъ Михайловичъ поражали величавостью и дорожностью въ новгородскомъ строю у своихъ полковъ. Александръ Поповичъ, Рязаничъ, Золотой Поясъ, да Нефедъ Дикупъ выступили передъ ростовскими полками. Золотой Поясъ, такъ и прозванный, сверкалъ зо-

лотой литой опояской, добытой имъ гдѣ-то на югѣ въ бою съ „погаными“. Дикупъ, лохматый, какъ дикій зубръ, весь обросъ бородой до маленькихъ и свирѣпыхъ глазъ.

Мстиславъ медленно поѣхалъ по рядамъ. Останавливаясь недолго передъ полками, онъ говорилъ своимъ властно мягкимъ голосомъ:

— Братія! Вошли мы въ землю сильную. Воззрѣмъ на Бога и станемъ крѣпко. Назадъ не оглядывайтесь: побѣдимъ—отъ врага не уйдемъ! Забудемъ женъ и дѣтей и дома свои. Бейся кто конный, кто пѣший,—кому какъ вольготно!

Вдругъ все войско загудѣло:

— Мы на коняхъ не поидемъ! Тутъ по горамъ, по оврагамъ не ходъ коню! Мы поидемъ пѣшие, какъ отцы наши на Колокшѣ.

И необычайное движеніе охватило рать. Всадники прыгивали съ коней, сбрасывали верхнюю тяжелую одежду, обувь, чтобы легче было босикомъ карабкаться по обрывамъ и откосамъ. И съ крикомъ пѣшие, босые, махая копьями, сѣкирами, палицами, ринулись ратники черезъ оврагъ, черезъ Тунегъ. Смоленскіе полки, болѣе легкіе на ногу, опередили новгородцевъ. Это увидалъ Иворъ Михайловичъ. Не сойдя, по своему сану восводя, съ коня, онъ ринулся впередъ своей рати въ оврагъ. Конь споткнулся, повалился грудью внизъ на откосъ, и Иворъ тяжело повалился съ конемъ въ заросль.

Добрыня, пѣший, бросившійся вслѣдъ за своимъ бориножъ, хотѣлъ кинуться поднять его, но полкъ Ивора, разъярясь, стѣной налетѣлъ сзади на Добрыню и понесъ его впередъ, мимо воеводы, который отъ ушиба лежалъ въ забытѣ. Внизу, у ручья, уже тѣснились суздальцы, махали дубинами и топорами. Добрыня взмахнулъ княжескимъ бердышемъ, и первый врѣзался въ толпу суздальцевъ частыми ударами стального лезвія. Весь полкъ увидѣлъ его, призналъ въ немъ какъ-будто предводителя вмѣсто упавшаго Ивора и съ криками налетѣлъ на суздальцевъ.

Ожесточенная схватка закипѣла на Тунегѣ. Добрыня, ловкій и верткій, неутомимо работалъ бердышемъ въ массѣ неуклюжихъ суздальцевъ, прочищалъ среди нихъ себѣ дорогу, точно топоромъ въ лѣсной заросли. Онъ былъ весь въ поту и тяжело хрипѣлъ, нанося удары. Ратники же Иворова полка, скатившись по наклону, какъ лавина, толкали другъ друга, падали, теряли изъ рукъ оружіе, но, вскакивая, безоружные, кидались на суздальцевъ и вырывали у нихъ изъ рукъ топоры и дубины. На днѣ оврага люди бурлили и кипѣли, какъ вода въ котлѣ.

Мстиславъ смотрѣлъ сверху. Орлиныя очи его горѣли, поздри крупнаго прямого носа раздувались, какъ и ноздри его коня, который, повернувъ голову къ оврагу и навостривъ острые уши; вдругъ весело, вызывая заржалъ.

Князь потрепалъ его шею, точно умѣряя боевое нетерпѣніе коня, и вдругъ закричалъ:

— Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!

И ринулся на конѣ впередъ. За нимъ, какъ море, хлынула вся рать его и его союзниковъ. Добрыня почувалъ, что сзади что-то налетѣло и понесло его съ его отрядомъ вверхъ, впередъ. Онъ видѣлъ, какъ удалой князь съ высоко поднятымъ мечомъ, все еще крестообразной рукояткой вверхъ, пронесся мимо, оглядываясь назадъ на свое войско сверкающимъ взглядомъ широко открытыхъ глазъ, полныхъ повелительнаго гнѣва.

Когда войско новгородцевъ, со своимъ княземъ впереди, ударило на станъ суздальцевъ, пронеслись ураганомъ черезъ оврагъ и Тунегъ, суздальцы побѣжали. Но Мстиславъ своимъ боевымъ чутьемъ сразу понялъ, что это хитрость. Враги покидали свой станъ, чтобы

увлечь новгородцевъ его разграбленіемъ и потомъ ударить на нихъ, занятыхъ этимъ.

— Братья! Не пристойте корысти, пристойте бою!— грянулъ голосъ удалого князя. — Оборотитесь врагъ и изомнетъ насъ.

И еще болѣе, какъ ураганъ, понеслось все войско Мстислава за нимъ, вслѣдъ бѣгущимъ суздальцамъ. Наконецъ, новгородцы врѣзались въ рать враговъ. Мстиславъ опустил свой мечъ въ ножны, могучей рукой крѣпко стиснулъ рукоятъ топора, висѣвшаго на ременной поворожкѣ на его рукѣ, зажѣвивъ отданный Добрынѣ бердышъ, и трижды пронесся онъ назадъ и впередъ по войску Ярослава и Юрія, поражая, какъ молнія, топоромъ и воеводъ, и простыхъ ратниковъ. Губы его были плотно сжаты, глаза горѣли гордымъ и властнымъ опьянѣніемъ.

Но опьянѣли боемъ всѣ, не онъ одинъ. Враги перемѣшались между собой, перестали узнавать своихъ и чужихъ. Ростовскій богатырь Александръ Поповичъ, равный дородствомъ и силой богатырю Поповичу новгородскому, Іеву, въ ратномъ изступленіи, налетѣлъ, какъ на врага, на Мстислава. Но Мстиславъ, ловкимъ ударомъ обуха топора отклонивъ занесенную надъ нимъ палицу Александра, крикнулъ:

— Я князь Мстиславъ!

И, поблѣднѣвъ, воззрѣлся на него богатырь.

— Не дерзай, князь!—ослабѣвшимъ отъ испуга голосомъ проговорилъ онъ. — Не бейся! Убьютъ тебя, голову, куда дѣнемся мы!?

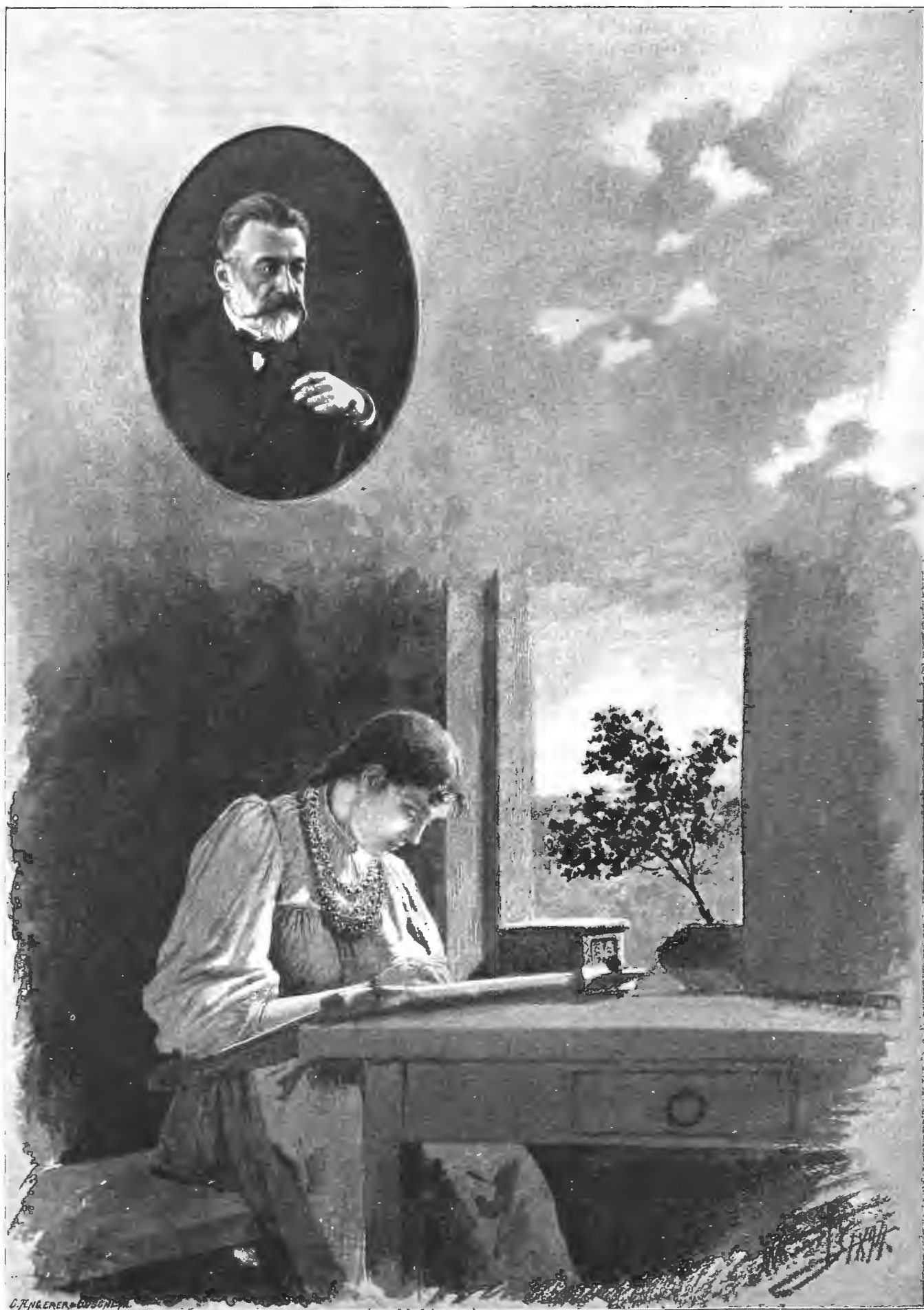
Мстиславъ только усмѣхнулся и помчался далѣе. Но за его шоломомъ, сверкавшимъ въ бою тамъ и здѣсь, жаднымъ неутомимымъ взоромъ слѣдилъ Іевъ, носясь какъ Божья гроза по вражью войску. За Іевомъ слѣдовалъ его слуга Несторъ, какъ за Александромъ Ростовскимъ—слуга его, Торопъ. Оба слуги богатырей были также надиво дородны и сильны, и бились многими хуже своихъ господъ. Іевъ съ Несторомъ, какъ два буйвола, повергающіе все рогами, прокладывали широкую прогалину передъ собой, гонясь вслѣдъ за Мстиславомъ, охваченнымъ неудержимой боевой удалью.

И за ними неся, вскочивъ на вражьяго коня, который потерялъ убитаго всадника, Добрыня, сверкая бердышемъ князя. Вдругъ туча стрѣлъ, точно стал пернатыхъ, съ звономъ и ноющимъ воемъ, налетѣла отъ сотни суздальцевъ, притаившихся за кустами. И Іевъ, и Несторъ, и Добрыня были осыпаны этими стрѣлами. Добрыня долженъ былъ сильно трянуть своимъ щитомъ, чтобы сбросить съ его кожи вшившіяся стрѣлы: держать щитъ стало отъ нихъ тяжело. И когда онъ приподнялъ облегчившійся щитъ, его поразило то, что онъ увидалъ передъ собой.

Іевъ и Несторъ и ихъ лошади лежали на землѣ. Нѣсколько стрѣлъ трепетали, какъ живыя, длинными древками и въ груди двухъ лошадей, упавшихъ на бокъ, вытянувъ морды, держа судорожно ногами, и въ груди Іева. Съ раскрытыми, точно удивленными, глазами, простерся онъ навзничъ, раскинувъ могучія руки. Эти удивленные внезапной смертью очи богатыря были мертвы и стекловидны. Несторъ же, въ послѣднемъ издыханіи, съ двумя стрѣлами въ боку, навалился грудью на тѣло своего господина и, въ послѣдній разъ, ловилъ коснѣющими губами оледенѣвшіе пальцы богатыря, которые еще крѣпко стискивали палицу невѣроятной величины.

Добрыня точно не вѣрилъ своимъ глазамъ, не вѣрилъ тому, что два такихъ могучихъ тѣла, только что за мигъ поражавшія его въ бою своей мощью,— были теперь безжизненны... И вдругъ тонкое тѣло золотокудраго юноши суздальца, пораженнаго имъ, опять встало въ его очахъ. И, снова, уколотый уже знакомой непонятной болью въ сердцѣ, онъ ударилъ коня ногами изо всѣхъ силъ.

Изъ юбилейнаго альбома А. Ф. Маркса. М. П. Клодтъ и его рисунокъ. Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Конь отшатнулся и захрипел предъ тѣлами Іева и Нестора, потомъ сильнымъ скачкомъ пронесся надъ ними и понесъ Добрыню, какъ молнія, туда, гдѣ сверкалъ шишакъ удалого князя. Добрыня помнилъ теперь одно: Іевъ мертвъ, Иворъ, можетъ-быть, также; кому оберегать князя Мстислава въ его неукротимой боевой удали?.. И онъ несся туда, гдѣ видѣлъ шлемъ князя, стискивая въ рукѣ бердышъ князя. Онъ вдругъ почувствовалъ, какая могучая любовь выросла въ его душѣ къ Удалому во время этого похода, во время этого дни... Но суздальцы уже вездѣ били отбой. Они безпорядочными толпами бѣжали въ Суздаль, въ Юрьевъ, въ Переяславъ. Битва прекратилась сама собой. Побѣда Мстислава была несомнѣнна. И, уже опустивъ руку съ топоромъ, медленнымъ шагомъ гордо похрапывающей лошади ѣхалъ удалой князь по полю сраженія, сопровождаемый союзными князьями и уцѣлѣвшими воеводами. Добрыни не было вблизи.

Вдругъ взглядъ князя упалъ на тѣла Іева и Нестора. Онъ мгновенно осадилъ лошадь, медленно слѣзъ съ нея, сталъ на колѣни передъ трупомъ богатыря, снялъ шлемъ, и вдругъ закрылъ глаза руками. Его могучія плечи поднялись и опустились. Онъ глухо, отрывисто рыдалъ. Всѣ молча окружили его. Наконецъ, онъ всталъ, отвелъ руку отъ глазъ и повелъ этими, полными недавнихъ слезъ, глазами вокругъ себя.

— А Иворъ? А этотъ юноша, его товарищъ? — слѣтѣло съ губъ князя мучительнымъ вопросомъ.

Но въ то же мгновенье, черезъ тѣснившуюся вокругъ князя дружину, показался двигавшійся къ нему Добрыня. Онъ шелъ пѣшій. Онъ велъ въ поводу лошадь, на которой, тяжело опираясь обѣими руками о сѣдло, сидѣлъ блѣдный, изнеможенный Иворъ Михайловичъ, безъ шлема и оружія. Едва бой кончился, удава Добрыня понялъ, что кончилась и опасность для удалого князя, онъ поворотилъ лошадь и помчался къ оврагу на Тунегъ. Тамъ онъ нашелъ, около убившейся въ паденіи лошади, сильно расшибленнаго, но уже пришедшаго въ сознаніе Ивора. Онъ съ трудомъ усадилъ боярина на свою лошадь. Иворъ слегка стоналъ и только бормоталъ умиленно и радостно:

— Не забыть, не забыть...

Но когда Добрыня сказалъ ему о полной побѣдѣ, Иворъ точно весь ожилъ и потребовалъ, чтобы молодой воинъ везъ его къ князю... И вотъ они предстали передъ князя. Мстиславъ, едва увидѣвъ Ивора, подошелъ къ нему, обнявъ поощре тѣло боярина одной рукой и, показывая другою на распростертаго у ихъ ногъ Іева, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Видишь, Иворъ?

— Вижу, княже! — подавляя рыданія, отозвался Иворъ.

Но князь уже поднялъ высоко голову.

— Хоть ты-то, Иворъ, остался мнѣ и Новгороду Великому: ты и всѣ они, — князь указалъ рукою на всю дружину.

— И ты, — повернулся онъ къ Добрынѣ: — отнынѣ мой товарищъ и дружинникъ, братъ по бою, братъ и по горю! Видѣлъ я тебя, удалого, въ бою! Видѣлъ, дружинникъ мой и товарищъ!

И князь крѣпко сжалъ плечо Добрыни могучей рукой, глядя въ глаза молодого воина уже полными радости глазами. Добрыня не понималъ, что съ нимъ происходитъ. Колѣни его подкосились какъ-то сами собой, — и онъ въ землю поклонился князю, безмѣрно радостный и счастливый... А князь уже самъ поднималъ его сильной рукою съ земли.

— Не мнѣ кланяйся, удали своей кланяйся, — говорилъ онъ громко, властно, весело. И вдругъ крикнулъ на всю стѣснившуюся вокругъ рать:

— Братья! Спасибо за удалъ вашу. Побѣда, братія! Говорилъ я: и въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!

— Спасибо, княже! — грянули тысячи голосовъ, и ликующими возгласами понесся этотъ крикъ по всѣмъ полкамъ.

А огромный недвижимый мертвый Іевъ все еще удивленными глазами смотрѣлъ въ весеннее небо, и вѣрный его слуга грузно лежалъ на его богатырской груди, припавъ остывшими устами къ оледенѣвшей рукѣ богатыря.

То было 21-го апрѣля, въ четвергъ на второй недѣлѣ послѣ Святой.

(Продолженіе будетъ.)

Исторія одной бороды.

Разсказъ Арпада Берчина.

Венеціа, 15-го апрѣля.

Я замужемъ всего три дня. Сегодня утромъ, когда Лео хотѣлъ меня поцѣловать, я почувствовала, какъ что-то укололо мнѣ лицо. Я взглянула на него и, къ своему великому изумленію, замѣтила, что его всегда такое гладкое лицо покрыто колючими щетинками. Я укоризненно покачала головой.

— Лео, ты не брился уже болѣе двухъ дней!

Лео наклонился ко мнѣ, улыбаясь (о, онъ умѣетъ очень мило улыбаться!), обнялъ меня за талію и шутливымъ тономъ сказалъ:

— Итакъ, милая женка, я тебѣ такимъ не нравлюсь?

— Во всякомъ случаѣ не столько, какъ въ гладкомъ видѣ. Фу, какой ты противный!

— Ужъ развѣ я такъ ужасенъ? — подтрунивалъ Лео надо мной.

— Увѣрю тебя, — ужасенъ, честное слово!

— Ей-ей? Развѣ ты пошла за меня только ради моей красоты?

— Конечно, она была одной изъ побудительныхъ причинъ. Мое тщеславіе было бы очень оскорблено, если бы мой мужъ не имѣлъ права на названіе красиваго мужчины.

Лео громко расхохотался, взялъ ручное зеркальце и, смотря въ него, задорно сказалъ:

— Послушай, моя маленькая женушка, я вѣдь ужъ вовсе не такъ безобразенъ, напротивъ... Я даже начинаю себѣ нравиться. Изъ зеркала смотритъ на меня очень красивый молодой человекъ.

— Ну, а я совсѣмъ другого мнѣнія и надѣюсь, что въ этомъ случаѣ ты повѣришь вкусу твоей жены болѣе, чѣмъ своему! — сказала я самымъ вѣжливымъ голосомъ и прибавила, кокетливо взглянувъ на него: — Ахъ, пожалуйста, иди къ парикмахеру, пожалуйста, дорогой Лео!

Я была твердо увѣрена, что послѣ такой вѣжливой просьбы онъ тотчасъ вскочитъ, поцѣлуетъ меня и побѣжитъ къ первому

попавшему парикмахеру, а черезъ четверть часа, съ самымъ гладкимъ лицомъ въ мірѣ, будетъ стоять передо мной на колѣняхъ и воскликнетъ: „Твое желаніе — для меня законъ!“

Но онъ сегодня въ самомъ непонятномъ настроеніи — его глаза хитро блестятъ — очевидно, онъ что-то замышляетъ... О, онъ не бѣжитъ къ парикмахеру, но спокойно объявляетъ, что онъ намѣренъ проходить нѣсколько дней съ этой щетиной.

— Но, дорогой, — сказала я, — я тебя не понимаю!

— Ничего нѣтъ проще... Я воображалъ, что покорилъ твое сердце своимъ умомъ и характеромъ, и вдругъ дѣлаю открытіе, что ты влюбилась въ мою красоту. Я не могу оставить это безъ вниманія, а хочу испытать тебя, можешь ли ты любить меня и небритаго. А теперь, мое сокровище, охъвайся поскорѣй, вѣдь мы еще ничего не видѣли въ Венеціи... Посмотри, какой чудный видъ изъ окошка!.. Воиъ дворецъ дожей... Поторонись, черезъ часъ я вернусь!

И онъ исчезъ.

Я въ изумленіи посмотрѣла ему влѣдъ. Какая перемена! Мы женаты всего три дня — и онъ уже не исполняетъ моего желанія! Неужели онъ забылъ, какъ былъ преже вѣженъ со мной? Неужели это правда, что съ той минуты, когда мужчина получаетъ передъ алтаремъ согласіе своей избранницы, онъ измѣняетъ свое ласковое обращеніе? Неужели правда, что женщина бываетъ счастлива только рать — когда она невѣста, что мужчина только тогда и вѣженъ, послушенъ и внимателенъ. Правда, что бракъ — и самый счастливый — не что иное, какъ борьба двухъ враждебныхъ натуръ! Но кто могъ ожидать этого отъ него? Онъ казался такимъ слабымъ и уступчивымъ!

Флоренція, 20-го апрѣля.

За все время пребыванія въ Венеціи, я ни разу не упоминала о бородѣ... Я надѣюсь, что онъ ощутитъ угрызенія совѣсти и подъ конецъ все-таки выбрѣтается... Напрасна была моя

надежда. Его советъ, повидимому, совершенно спокойна, но борода расстегъ съ каждымъ днемъ, лицо все больше колется... Ясно—онъ не хочетъ покориться. Борода—это только предлогъ для объявленія войны моему владычеству! О, Эльвира, Эльвира, какъ ты была права, предупреждая меня, что Лео не такой мужъ, чтобы покориться женѣ, что подъ маской вѣжливаго и ласковаго обращенія скрывается деспотъ! И моя подруга посоветовала мнѣ поэтому еще до свадьбы приручить его, чтобы послѣ было легче. Мы дома обсуждали, съ чего начать... Эльвира укротила своего мужа тѣмъ, что отучила его отъ постоянного качанія ногой. У него была привычка при сидѣннй класть ноги одна на другую и верхнюю постоянно болтать. Эльвира просила его отучить себя отъ этого, говоря, что вѣчное качаніе ногой ее раздражаетъ; но у него привычка успѣла такъ глубоко вкорениться, что стоило ему забытья, какъ нога сама собой начинала качаться. Тогда Эльвира бросала на него выразительный взглядъ—ихъ взоры встрѣчались—и беспокойная нога мгновенно останавливалась. Такимъ образомъ подруга приучила своего мужа слушаться одного ея взгляда, и повенногу она советамъ забрала его въ руки.

— Но Лео не качаетъ ногой,—сказала я.

Но Эльвира тотчасъ возразила мнѣ:

— Моп Dieu, имѣетъ же онъ какую-нибудь привычку? Напримеръ, курить—отучи его курить... Ахъ, ностой, возъ иде! Ты должна убѣдить его сбрить бороду!

Я въ ужасѣ посмотрѣла на мою подругу: что за ужасная мысль! Борода Лео—настоящій chef-d'oeuvre красоты: такал шелковистая, прекрасная, внушающая уваженіе. И какъ она ему идетъ! Онъ, конечно, гораздо лучше съ бородой, чѣмъ безъ нея!

— Этого я не могу отъ него потребовать,—возразила я.

— Мнѣ все равно, но тогда ты должна отказаться отъ своего первенства въ домѣ.

— Что же изъ этого, я не властолюбива,—отвѣчала я.

Но Эльвиру не такъ легко было успокоить. Она мнѣ ясно доказала, что женщина должна управлять своимъ мужемъ не изъ властолюбія, а для домашняго спокойствія, иначе мужъ дѣлаетъ, что ему угодно, поддается вліянію товарищей и подъ коверъ превращается въ легкомысленнаго субъекта; если же онъ остается подъ благотворнымъ вліяніемъ жены, то за него нечего опасаться.

— Между прочимъ,—прибавила она,—ты можешь судить по этой жертвѣ, любить ли онъ тебя, или нѣтъ.

Итакъ, я рѣшилась. Я такъ нѣжно просила его, увѣряла, что съ бородой онъ мнѣ совѣмъ не правится... и онъ принесъ мнѣ эту жертву.

Когда Эльвира провожала насъ на желѣзную дорогу (мы отпраздновали въ Италію проводить нашъ медовый мѣсяцъ), она шепнула мнѣ на ухо:

— Берегись, чтобы Лео не вернулся съ бородой!

Какъ будто она предчувствовала будущее!

Флоренція, 21-го апрѣля.

Мое положеніе въ самомъ дѣлѣ очень затруднительно: что мнѣ дѣлать? Женщина можетъ поставить на своемъ или слезами, или ссорой, или капризами; но я не могу рѣшиться ни на что,—моя советъ возмущается противъ этихъ средствъ. Охотнѣе всего я бы уступила желанію Лео,—пусть онъ носитъ свою бороду, какъ ему угодно! Но Эльвира... Я вижу ея ехидную улыбку, я слышу, какъ при видѣ бороды она насмѣшливо протягиваетъ, значительно глядя на меня: — „А, Лео опять носитъ бороду?“ Кроме того, я боюсь потерять свое вліяніе на Лео, такъ какъ женщина потеряетъ вліяніе значитъ потерять мужа... „Такъ нужно! Онъ долженъ выбраться“, — сказала я себѣ, когда, полюбивавшіе на Madonna della Sedia, мы шли вѣшкомъ къ Piazza della Signora, гдѣ мы рѣшили позавтракать въ нѣмецкомъ ресторанѣ. Въ эту минуту я какъ разъ увидѣла шагахъ въ десяти парикмахерскую. Я тотчасъ остановилась и сказала:

— Милый Лео!

— Что прикажешь, милочка?

— Ты знаешь, что со времени нашего отъѣзда изъ Венеціи я не упоминала о твоей бородѣ. Ты хотѣлъ иснить мою любовь, теперь ты, вѣроятно, убѣдился, что не одна твоя красота привлекаетъ меня, такъ что ничто не можетъ помѣшать тебѣ—я указала на парикмахерскую.

— Теперь у насъ нѣтъ времени, я голодею, какъ волкъ,—сказалъ онъ уклончиво.

— Какъ тебѣ только не стыдно показываться на улицѣ: въ такомъ тренаномъ видѣ,—замѣтила я съ досадой.

— Здѣсь меня никто не знаетъ, я путешествую инкогнито!—отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Его смѣхъ вывелъ меня изъ себя.

— Ну, такъ я не пойду завтракать раньше, чѣмъ ты не выбрѣшься.

Лео сухо отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ придется завтракать ко мнѣ въ комнату. Такъ и случилось. Онъ довель меня до отеля, проводилъ до комнаты, отправился затѣмъ въ буфетъ, приказавъ подать мнѣ завтракъ въ номеръ, и я должна была завтракать одна. О, медовый мѣсяцъ! о, свадебное путешествіе! какъ иначе я васъ себѣ представляла!

Пицца, 24-го апрѣля.

Я даже не видѣла падающей бани! У меня нѣтъ большаго желанія осматривать что бы то ни было, я въ самомъ скверномъ настроеніи! Все удовольствіе путешествія для меня отравлено!

Зато Лео въ прекраснѣйшемъ настроеніи. Онъ — олицетворенная веселость, постоянно готовъ шутить и смѣяться! Онъ дѣлуетъ меня, хотя бы даже насильно! Онъ не обращаетъ вниманія ни на мою досаду, ни на гнѣвные взгляды; его сумасшедшія выходки заставляютъ меня иногда противъ воли смѣяться. О, какое это несчастье, когда не умѣешь сдѣлать сердитое лицо, когда требуется! Постоянное выраженіе моего лица—веселое и довольное, и я должна употреблять усиліе, если хочу казаться серьезною. И такимъ образомъ я не внушаю Лео никакого почтенія къ себѣ.

Если же я все-таки бываю серьезна, онъ говоритъ:

— Прелесть моя, не старайся казаться такой сердитой, это тебѣ вѣдь все равно не удастся!

Разсержусь я:

— Не кипятись, куколка!

Постоянно я для него „куколка! куколка!“ Онъ смотритъ на меня, какъ на куклу, съ которой можно лишь играть. Ну, онъ въ этомъ ошибется!

Генуя, 26-го апрѣля.

На ужинъ Лео заказалъ шампанское, но я почти не дотрогивалась до него. Когда мы были одни, онъ меня нѣжно обнялъ, но я закрыла лицо, отстраняя его.

— Что съ тобой, моя куколка?—спросилъ онъ удивленно.

— Куколка просто не намѣрена дѣловать щетинистое лицо!—рѣшительно отвѣчала я.

— Опять эта борода!

— Да, опять, потому что ты не хочешь выбраться!

Я должно-быть говорила очень энергично. Лео удивленно взглянулъ на меня. Его розовое настроеніе мгновенно исчезло, и онъ посмотрѣлъ на меня серьезно, почти гнѣвно, какъ бы желая проникнуть въ самую душу. Я не опустила глазъ. Но тотчасъ же онъ опять повеселѣлъ и воскликнулъ:

— Ты дѣйствительно не намѣрена меня дѣловать, пока я не прибѣгну къ помощи парикмахера?

— Да, конечно!

— Ну, такъ пусть она падетъ, моя чудная борода, но зато ужъ подѣлуй меня!—попросилъ онъ нѣжно.

— Правда?—воскликнула я, ликуя.

— Завтра рано утромъ!

У меня голова закружилась отъ радости. Не побѣда моя наполняла меня такимъ счастьемъ, не то, что Лео покоряется мнѣ, а то, что онъ меня любитъ, дѣйствительно любитъ. О, какой добрый и благородный человекъ мой мужъ! Онъ любитъ меня, онъ еще находится подъ моимъ вліяніемъ, я его не потеряю! Я буду наблюдать, чтобы онъ не испортился!

Но я не стану злоупотреблять своей силой, я его буду только едва замѣтно направлять. Когда мы вернемся домой, пусть онъ дѣлаетъ съ своей бородой, что ему вздумается!

Я бросилась ему на шею... Наши уста слились въ долгомъ, жаркомъ поцѣлуѣ... Шенча нѣжные слова, мы помирились... О, какъ прекрасно примиреніе!

Пицца, 27-го апрѣля.

Какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Лео выбрился на слѣдующій же день! Но побѣдъ уходилъ очень рано, когда всѣ парикмахерскіе были еще заперты, и мнѣ пришлось отказаться отъ своего желанія.

— Неправда ли, милый Лео, въ Пиццѣ?..

— Конечно!

Какъ восхитительно, какъ невыразимо хороша Ривьера, особенно когда путешествуешь по ней съ любимымъ человекомъ—да еще на другой день послѣ примиренія! На каждомъ шагѣ—туннели...

Въ нашемъ купѣ сидѣлъ англичанинъ. Послѣ десятиго туннели онъ всталъ и перешелъ въ другой вагонъ.

— Мы его прогнали, — разсмѣялся Лео, — онъ бѣжалъ отъ нашихъ поцѣлуевъ!

— Но онъ ничего же не видѣлъ, мы цѣловались вѣдь только въ туннеляхъ?

— Онъ не видѣлъ, но—все слышалъ!

— О, злодѣй! Зачѣмъ ты меня громко цѣлуешь!

Пицца, 28-го апрѣля.

Измѣна!

Я обманута!

Лео перехитрилъ меня!

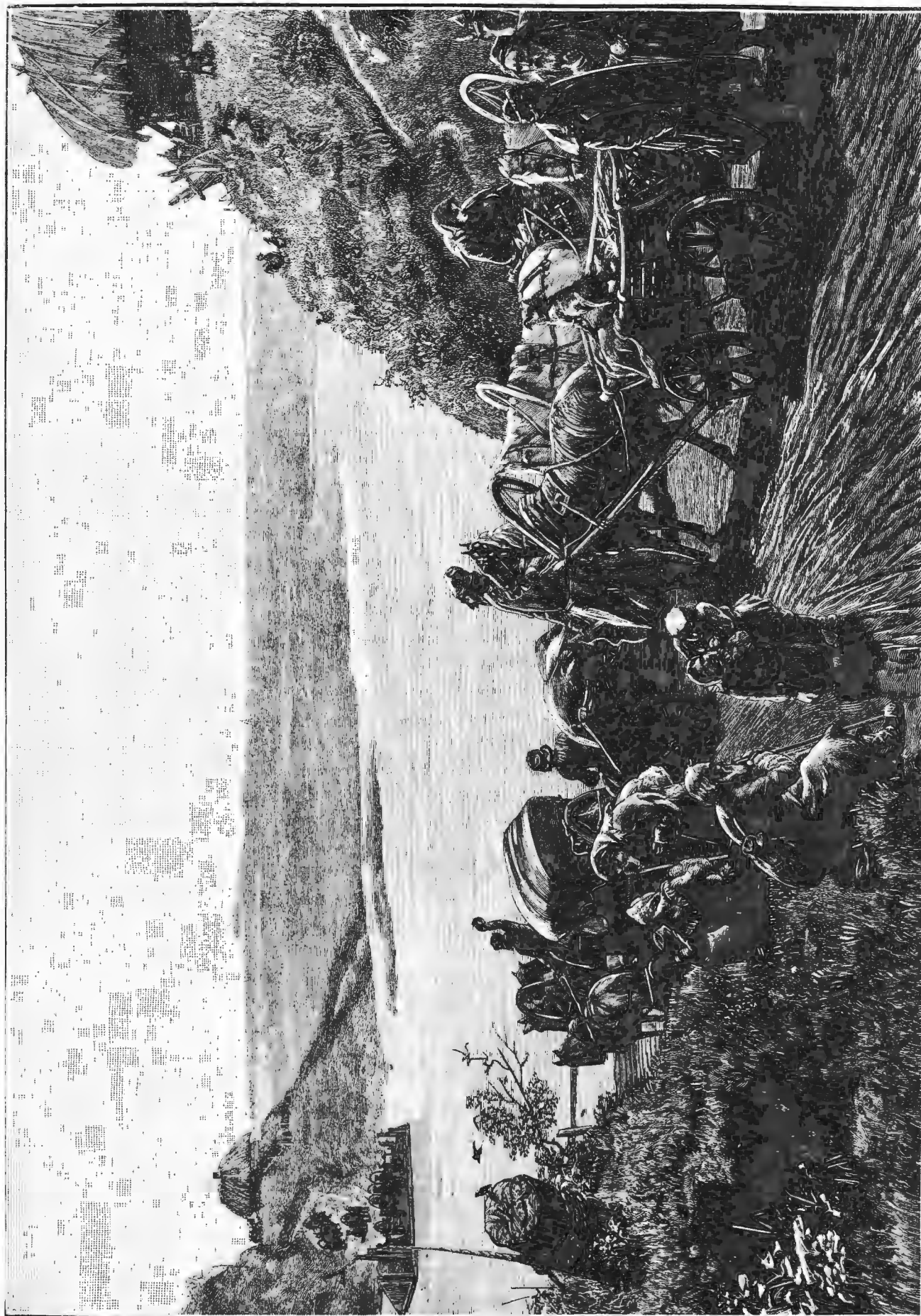
Сегодня утромъ я велѣла позвать парикмахера (я какъ разъ одѣвалась), Лео какъ будто и не замѣтилъ его, вышелъ, возвратился, но—съ бородой. Я едва вѣрила своимъ глазамъ.

— А что же обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?—спросилъ онъ съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Развѣ ты не обѣщала мнѣ, нѣсколько дней тому назадъ, въ Генуѣ, — знаешь, въ тотъ чудный вечеръ, — что ты выбрѣшься?—спросила я съ гнѣвнымъ упрекомъ.

— Конечно, я далъ тебѣ обѣщаніе,—отвѣчалъ онъ съ хитрой улыбкой,—но только заранѣе намѣревался не исполнять его.

У парома. Ориг. рлс. (собств. „Нивы“) Н. Шаховскаго, грав. Флюгель

Ганнибалъ у воротъ Рима. Съ карт. К. Шютли, автотипія „Нивы“.

Я остолбенѣла.
— И такъ ты отказываешься отъ своего слова?—воскликнула я въ негодованіи.

— Я бы охотно сдержалъ его, но съ нѣкоторыхъ поръ у меня сильно болятъ зубы, я, должно-быть, простудилъ ихъ, сбривъ бороду. Теперь я твердо рѣшился, что ни одна бритва до нея больше не коснется!

Я молча смотрѣла на него, уничтоженная.

— Ну, куколка, хочешь идти со мной гулять?—спросилъ онъ съ плохо скрываемаго злорадства.

— Нѣтъ!—отвѣчала я коротко и рѣзко.

— Ну, такъ до свиданія!

И онъ удалился легкимъ, небрежнымъ шагомъ. Онъ провелъ меня, нарочно обманувъ меня для того, чтобы похитить мои поцѣлун! А я ему ихъ такъ щедро расточала... О, если бы я могла ихъ вернуть!.. Я могу себя представить, какъ онъ теперь мною доволенъ, злорадно потираетъ руки и при этомъ бормочетъ: „О, я славно перехитрилъ куколку, но она была тогда слишкомъ мила, слишкомъ очаровательна!“

Вернувшись, онъ напелъ мою дверь занертой, и на его ступъ я отвѣчала, что у меня болитъ голова и я не хочу, чтобы меня тревожили.

Поздно вечеромъ онъ вернулся. Онъ былъ въ Монте-Карло, гдѣ, повидному, очень хорошо провелъ время, такъ какъ онъ очень хвалилъ мѣстность и подробно рассказывалъ свои приключенія.

Я ничего не отвѣчала.

Нидца, 29-го апрѣля.

Что изъ этого будетъ? Оскорбленіе такъ велико, что о примиреніи не можетъ быть и рѣчи. Я до сихъ поръ не думала о главенствѣ, но теперь должно выясниться, кто изъ насъ сильнѣе. Сегодня я останусь дома, скажусь больной, быть-можетъ, онъ почувствуетъ ко мнѣ жалость.

Но очевидно, онъ къ этому вовсе не расположенъ!

Цѣлый день я проскучала одна въ своей комнатѣ, въ то время, какъ онъ слонялся по городу.

Вечеромъ онъ вернулся въ сопровожденіи пожилой дамы—самой невыносимой особы въ мірѣ! Это г-жа Блауме, совѣтница изъ Будапешта; Лео встрѣтилъ ее за табльдотомъ и возобновилъ знакомство. Она жестоко скучаетъ и безчеловѣчно радуется моему нездоровью, которое представляетъ ей возможность досыта поговориться.

— Я вамъ буду очень обязана, если вы немного развлечете мою милую Викторину,—сказала ей мой мужъ.

Каковъ измѣнникъ! Онъ прекрасно знаетъ, какъ ужасна эта совѣтница и какъ я ее всегда терпѣть не могла!

— Съ радостью,—отвѣчала она слащавымъ голосомъ,—я обещаю каждый день навѣщать вашу жену, пока она не будетъ въ состояніи выходить изъ комнаты.

— О, какъ вы любезны! Вы доставите этимъ моей женѣ большое удовольствіе! Неправда ли, мое сокровище?

— Безъ сомнѣнія!—(Что мнѣ было больше отвѣтить?)

— Теперь я могу спокойно удалиться, я знаю, что тебѣ не будетъ скучно. Благодарю васъ, madame, за ваше любезное участіе. До свиданія, мой ангелъ!

Когда онъ былъ уже въ дверяхъ, онъ бросилъ на меня взглядъ—въ немъ играла демонская насмѣшка!

Нидца, 30-го апрѣля.

Какіе ужасные дни! Быть въ Нидцѣ въ самое лучшее время—и быть принужденной сидѣть цѣлый день въ комнатѣ, да еще въ обществѣ старой болтушки! Долго ли я еще буду въ состояніи выдерживать эту пытку? Мои нервы совершенно разстроились отъ нетерпѣнія!

Сдаться? Я сама начала войну, обрекла себя на затворничество и не могу теперь выйти изъ комнаты, не добившись побѣды! А эта борода!..

О, эта борода, какъ она растетъ, какъ она ежедневно густѣетъ!

Это положительно будетъ чудо, если я не сойду съ ума!

Нидца, 2-го мая.

Я объявила ему, что не въ состояніи больше сидѣть въ Нидцѣ—мы должны уѣхать въ Парижъ!

— Но, куколка, вѣдь ты еще совсѣмъ не видѣла чудную Нидцу?

„Я испугаю его“,—подумала я, и небрежно объявила, что Нидца меня не интересуетъ.

Изъ ста мужей девяносто девять, навѣрно, не дали бы женѣ уѣхать изъ Нидцы, не предложивъ ей хоть разъ погулять по Promenade des Anglais, — только Лео былъ на это способенъ. Онъ велѣлъ укладываться, заплатилъ—и мы уѣхали.

Мое сердце разрывалось, когда я покидала дивную Нидцу, о которой мечтала всю жизнь. Но моя гордость была слишкомъ оскорблена. Генуэзскіе поцѣлунъ горятъ на моихъ губахъ,—я должна уничтожить ихъ слѣды.

Парижъ, 10-го мая.

Сегодня мы провели вечеръ въ Comédie Française, и мой супругъ божественно провелъ время. Онъ вообще вполнѣ наслаждается своимъ свадебнымъ путешествіемъ, у него прекрасный аппетитъ, шампанское ему очень нравится,—только я несчастна!

Или я, или онъ!

Возвратившись въ свою гостиницу, я бросилась со слезами на глаза въ кресло, мое сердце сжималось отъ обиды, а Лео преспокойно улегся спать и даже началъ храпѣть.

Лео—храпѣлъ!

Я была возмущена! Въ то время, какъ я плачу, онъ спитъ сномъ праведника и храпѣть.

Видѣ себя, я бужу его и объявляю:

— Я укладываю свои вещи и ѣду домой!

— Какъ хочешь, я остаюсь,—отвѣчаетъ чудовище.

— Тогда я поѣду одна!

— Какъ тебѣ будетъ угодно,—и онъ засыпаетъ.

— Ты не долженъ спать, я не допущу, чтобы ты теперь спалъ!

— О, я очень усталъ!

— Все равно! — Едва владѣя собою, я бросаюсь въ слезахъ ему на шею со словами: — Вѣроломный! Отчего ты меня разлюбилъ? О, Боже, отчего ты меня больше не любишь?

— Изъ чего ты это заключаешь?—нѣжно спросилъ онъ, прижимая меня къ своей груди.

— Какъ ты еще можешь спрашивать? Ты отлично знаешь самъ,—отвѣчала я укоризненно.

Лео помолчалъ, потомъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Ахъ, борода!

— Ну, конечно!

— Отчего тебѣ не нравится моя борода?

— Когда я была невѣстой, достаточно было одного моего слова—и ты ее сбрилъ... Теперь же мои самыя убѣдительныя просьбы напрасны,—конечно, вѣдь я теперь твой жена!

Лео поднялся съ постели, взялъ меня за обѣ руки и пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, спросилъ, улыбаясь:

— Эту жертву требуешь ты отъ меня?

— Кто же другой?

— Быть-можетъ, Эльвира?—сказалъ Лео съ удареніемъ.

Какъ громомъ, поразилъ меня этотъ вопросъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, сердце замерло. Онъ все знаетъ, я поймана! Я хотѣла освободиться изъ его рукъ, но онъ, объявивъ меня еще нѣжнѣе, вынулъ изъ своего портфеля письмо и передалъ его мнѣ со словами:

— Прочитай это, мой ангелъ!

Я прочла:

„Будапештъ, 12-го апрѣля.

Милый другъ! Ты, конечно, удивишься, получивъ мое письмо уже въ Венеціи—на первой станціи твоего свадебнаго путешествія. Я бы не безокопалъ тебя въ медовый мѣсяцъ своимъ письмомъ, если бы не имѣлъ сообщить тебѣ нѣчто важное. Къ счастью, я знаю названіе отеля, гдѣ ты остановишься. Итакъ, въ двухъ словахъ: тебѣ угрожаетъ большая опасность. Я услышала отъ Х. важную тайну. Его жена узнала отъ моей супруги Эльвиры военную хитрость, которую она посоветовала твоей милой женѣ—объявить гоненіе на твою бороду. Вернешься ты съ бородой—ты господишь въ домѣ, безъ бороды—ты подъ баннакомъ супруги. Я тутъ же узнала, что моя Эльвира только для того отучила меня отъ качанія ногой, чтобы забрать меня въ руки—я тотчасъ побѣжалъ въ свое бюро, чтобы написать тебѣ эти строки для предостереженія. Теперь, какъ прежде, я буду качать ногой и могу тебѣ только посоветовать отрастить бороду какъ можно длиннѣе.

Твой любящій другъ и товарищъ по несчастью

Артуръ.⁴

Я была уничтожена, прочитавъ письмо. Но Лео великодушенъ, онъ не сталъ злорадствовать, обнялъ меня и покрывъ мое лицо поцѣлуями.

— Никто изъ насъ не будетъ господствовать, мы будемъ дѣлать нашу власть,—сказалъ онъ нѣжно.

О, Лео!

Будапештъ, 30-го мая.

Эльвира съ мужемъ посѣтила меня въ первый разъ сегодня. Когда они вошли, Эльвира обняла меня и остановилась передъ Лео въ удивленіи.

— Вѣдь это твой мужъ?

— Конечно!

— Я его едва узнала съ такой бородой!—И она лязвительно прибавила:—А, онъ опять носитъ бороду?

— Да,—отвѣчалъ Лео,—у меня болѣли зубы, и Викторина просила меня отпустить бороду, въ надеждѣ, что боль перестанетъ; боль дѣйствительно унялась.

Я бросила на него благодарный взглядъ... Славный у меня муженекъ!

Мы сълн. Артуръ начинаетъ качать ногой.

Эльвира бросаетъ на него выразительный взглядъ.

Артуръ не замѣчаетъ ничего и продолжаетъ еще сильнѣе качать ногой.

Моя подруга закусываетъ губы и блѣднѣетъ, какъ молотко.

— Артуръ, твой ужасная привычка совершенно разстраиваетъ мои нервы,—не выдерживаетъ она, наконецъ.

— Pardon!—вослицаетъ Артуръ; нѣсколько минутъ онъ сидитъ смиренно, потомъ качаніе ногой снова начинается.

Сегодня праздник у меня:
Дождлся я ея отвѣта;
Въ немъ нѣтъ любовнаго огня,
Но столько ласки, нѣги, свѣта.
Ей не легко сказать мнѣ «да»;
Но если бь сердце не мѣшало

Отвѣтитъ холодно, тогда
Она легко бы «нѣтъ» сказала.

Кто сердца женскаго языкъ
Понять умѣлъ, живя на свѣтѣ,
Тотъ безъ смущенія привыкъ
Читать отвѣтъ въ полуотвѣтѣ.

Алекс. Кругловъ.

Новое дѣленіе въ кольцѣ Сатурна.

Среди цѣлаго ряда чудесъ небеснаго свода, доступныхъ человѣческому глазу благодаря телескопу, однимъ изъ величайшихъ представляется, несомнѣнно, планета Сатурнъ. Это единственное изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ небесныхъ тѣлъ, имѣющее вокругъ себя свободно плавающее, чрезвычайно широкое, но очень тонкое кольцо. Такое странное, не замѣчаемое у другихъ звѣздъ явленіе ставило втупикъ многихъ астрономовъ, въ томъ числѣ и Галилея, такъ какъ бывшіе въ прежнія времена въ употребленіи неусовершенствованные телескопы не давали возможности основательно прослѣдить за всѣмъ происходящимъ въ небѣ; астрономы не могли даже опредѣлить, кольцо ли это дѣйствительно, или что-нибудь другое. Только въ 1655 году знаменитый астрономъ Христіанъ Юидженсъ, самъ устроивъ усовершенствованный телескопъ, ясно увидѣлъ въ него, что Сатурнъ дѣйствительно окруженъ кольцомъ.

Въ 1675 году другой астрономъ, Кассини, наблюдавшій въ еще болѣе усовершенствованную трубу, замѣтилъ, что кольцо Сатурна раздвоено, такъ какъ по серединѣ его проходитъ темная полоса. Съ тѣхъ поръ полоса эта такъ и носитъ названіе „Кассиніева дѣленія“.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія послѣдовало новое открытіе, показавшее, что внѣшнее кольцо въ свою очередь также дѣлится темною полоскою надвое. Полоска эта, въ честь открывшаго ее астронома, названа „дѣленіемъ Энке“.

Всеобщее вниманіе астрономовъ было еще болѣе обращено на Сатурнъ, когда, въ 1850 г., Бондъ и Лассель открыли новое, матовое кольцо, составляющее продолженіе средняго свѣтлаго по направленію къ самой планетѣ. Въ сущности говоря, это болѣе темное кольцо было замѣчено еще за двѣнадцать лѣтъ до того астрономомъ Галле, но онъ мало обратилъ на него вниманія и не изслѣдовалъ его. Англичане называли это кольцо креповымъ, такъ какъ оно своимъ видомъ напоминаетъ нѣсколько креповую вуаль. Вообще же оно извѣстно подъ названіемъ кольца С, внѣшнее — кольца А, а среднее, наиболѣе блестящее, — кольца В. Годъ спустя (въ 1851 г.) нашъ астрономъ Струве замѣтилъ и въ темномъ кольцѣ раздѣленіе, подобное Кассиніеву, но при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ это явленіе обнаружилось всего лишь одинъ разъ, въ 1884 г.

Въ нынѣшнемъ году французскій астрономъ Антоніади обратился къ директору обсерваторіи въ Лусинггикко, г. Бреннеру, — изъ письма котораго въ „St.P.-Z.“ мы и заимствуемъ эти данныя, — съ сообщеніемъ, что онъ какъ будто бы замѣтилъ новое раздѣленіе въ кольцѣ В, и просилъ г. Бреннера проверить, такъ ли это на самомъ дѣлѣ. Г. Бреннеръ сразу нашелъ новое раздѣленіе и назвалъ его, въ честь впервые открывшаго, „дѣленіемъ Антоніади“. Нѣсколько дней спустя онъ открылъ еще второе раздѣленіе въ томъ же кольцѣ В.

При дальнѣйшихъ наблюденіяхъ оказалось еще новое явленіе: кольцо С совершенно отдѣлилось отъ кольца В, и между ними образовалась черная, отчетливо видимая и широкая раздѣлительная линія, которую г. Бреннеръ, въ честь основательницы и владѣлицы завѣдываемой имъ обсерваторіи, назвалъ „дѣленіемъ Маноры“.

2-го іюня нов. ст. благоприятный воздухъ позволилъ г. Бреннеру произвести микрометрическія измѣренія всей системы Сатурна; при этомъ ему удалось опредѣлить и ширину отдѣльныхъ раздѣлительныхъ линій. Дальнѣйшія измѣренія въ послѣдующіе дни подтвердили первоначальныя, и теперь г. Бреннеръ положительно заявляетъ, что въ системѣ колецъ Сатурна произошло въ послѣднее время значительное и странное измѣненіе: темное кольцо, прежде непосредственно связанное со свѣтлымъ и служившее въ извѣстной степени продолженіемъ послѣдняго, въ самомъ дѣлѣ отдѣлилось и отстоитъ теперь отъ него на 3,500 километровъ, что почти вполне соответствуетъ длинѣ діаметра нашей луны. Одновременно съ этимъ темное кольцо приблизилось къ планетѣ на 7,000 километровъ болѣе, чѣмъ показываютъ прежнія измѣренія другихъ астрономовъ. Не вывести ли изъ этого заключеніе, что въ концѣ концовъ темное кольцо должно пасть на самую планету?

Для того, чтобы судить объ этомъ вопросѣ, необходимо прежде всего ясно представить себѣ свойства Сатурновыхъ колецъ и опредѣлить дѣйствительную величину всей системы ихъ. Такъ какъ вычисленія самого г. Бреннера еще не закончены, то онъ и приводитъ среднія цифры изъ прежнихъ вычисленій другихъ астрономовъ. По этимъ вычисленіямъ

длина оси Сатурна по экваторіальному направленію равняется 123,000 километровъ, слѣдовательно почти въ десять разъ длиннѣ экваторіальнаго діаметра земли, а въ полярномъ направленіи, вслѣдствіе сильнаго сплюсненія, свыше 110,000 километровъ. Если усть эти цифры такъ громадны въ сравненіи съ соответствующими цифрами нашего земнаго шара, то ихъ далеко превосходятъ размѣры системы колецъ. Внѣшній діаметръ ихъ опредѣляется въ 285,000 километровъ, слѣдовательно окружность имѣетъ приблизительно 900,000 километровъ, тогда какъ земля наша имѣетъ въ окружности всего 40,000 километровъ. Если бы, поэтому, провести по внѣшнему кольцу Сатурна желѣзную дорогу и пустить по ней безостановочно поѣздъ со скоростью ста километровъ въ часъ, то ему потребовалось бы 375 дней, чтобы объѣхать кругомъ, тогда какъ для проѣзда вокругъ земли съ такою же скоростью достаточно было бы всего 16²/₃ дней. Ширина обонхъ свѣтлыхъ круговъ внѣшнѣ опредѣляется въ 96,000 километровъ, темнаго — въ 42,000, а внутренній объемъ послѣдняго — въ 450,000 километровъ.

Какъ видно изъ только что приведенныхъ цифръ, намъ приходится имѣть дѣло съ кольцомъ колоссальныхъ размѣровъ. Тѣмъ замѣчательнѣе поэтому, что толщина его по отношенію къ размѣрамъ, не больше, чѣмъ толщина листа писчей бумаги къ его величинѣ. Кольцо настолько тонко, что не представляется возможности точно измѣрить его толщину; даже на взглядъ нельзя приблизительно судить о ней, такъ какъ, повернутое ребромъ къ землѣ, кольцо становится совершенно невидимымъ для глаза. Только предполагая, что субстанція его имѣетъ одинаковую плотность съ шаромъ Сатурна, можно заключить, что кольцо имѣетъ въ толщину около двадцати пяти километровъ. Хорошій пѣшеходъ могъ бы, слѣдовательно, пройти сквозь него, не напрягая силъ, не болѣе какъ въ теченіе пяти часовъ.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, трудно представить себѣ, чтобы кольцо Сатурна было твердой массой, какъ думали прежде. Не можетъ оно быть также ни жидкимъ, ни вязкимъ, такъ какъ это противорѣчитъ многимъ наблюденьямъ и законамъ природы. Остаеся только принять гипотезу Максуэлли-Гирна, по которой кольцо состоитъ изъ безчисленной массы безконечно малыхъ тѣлъ, изъ коихъ каждое имѣетъ независимое движеніе. Въ противномъ случаѣ, кольцо не могло бы держаться, должно бы разорваться и обрушиться на Сатурнъ.

Что эта гипотеза соответствуетъ дѣйствительности, доказалъ недавно американскій астрономъ Килеръ, которому удалось спектроскопическимъ путемъ опредѣлить движенія Сатурнова кольца; при этомъ оказалось, что внутреннія частицы его, согласно законамъ природы, движутся значительно быстрее, чѣмъ внѣшнія. Такимъ образомъ несомнѣнно, что кольцо Сатурна, если бы взглянуть на него вблизи, оказалось бы совершенно схожимъ съ нашимъ туманомъ, который, какъ извѣстно, тоже состоитъ изъ множества самостоятельныхъ безконечно малыхъ частицъ.

При такомъ представленіи намъ легче яснить себѣ дѣленіе на нѣсколько колецъ и различную силу свѣта ихъ. Что касается послѣдней, то по ней можно отличить четыре кольца разной плотности: самый плотный — потому что онъ самый свѣтлый — занимаетъ пространство между дѣленіями „Кассини“ и „Антоніади“; за нимъ слѣдуетъ менѣе плотный — такъ какъ онъ менѣе свѣтлый, — далѣе внѣшнее кольцо и остатокъ внутренняго, между дѣленіями „Антоніади“ и „Маноры“. Наименьшею плотностью обладаетъ, наконецъ, темное кольцо, въ которомъ отдѣльныя частички едва ли даже настолько близко держатся другъ къ другу, какъ въ нашемъ воздушномъ шарѣ, который иногда заволакиваетъ звѣзды; установлено, по крайней мѣрѣ, что черезъ это кольцо просвѣчиваетъ иногда шаръ Сатурна и другія звѣзды.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, если движущіеся вокругъ кольца частицы спутниковъ (луны) Сатурна производятъ иногда измѣненія въ кругѣ, отягивая, при извѣстныхъ условіяхъ, частицы его отъ Сатурна. Что такія измѣненія несомнѣнно происходятъ, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что узкія дѣленія (Энке и Антоніади) иногда совсѣмъ не видны, иногда же очень отчетливо, а иногда бываетъ видно лишь одно которое-нибудь; при этомъ и широкое Кассиніево дѣленіе кажется колеблющимся. Но, при образованіи

новаго дѣленія Маноры дѣло было нѣсколько иначе. Измѣренія г. Бреннера показали, что съ одной стороны свѣтлое кольцо отодвинулось теперь дальше отъ планеты, чѣмъ показывали прежнія измѣренія, съ другой же стороны темное кольцо приблизилось къ Сатурну, и даже почти на цѣлыхъ 7,000 ки-

лометровъ. Если даже и объяснитъ удаленіе свѣтлаго кольца притягательнымъ дѣйствіемъ спутниковъ планеты, то приближеніе темнаго кольца не можетъ быть объяснено ничѣмъ подобнымъ. Дальнѣйшее послѣдованіе причинъ этого явленія и составляетъ теперь задачу г. Бреннера.

Къ рисункамъ.

Если К. Е. Маковскій давно уже стяжалъ себѣ славу талантливѣйшаго представителя современной русской живописи, какъ авторъ картинъ историческо-бытовыхъ, чисто-жанровыхъ и фантастическаго содержанія, наконецъ, какъ портретистъ, то, конечно, въ воспроизведеніи женскихъ головокъ онъ положительно въ настоящее время не имѣетъ соперниковъ. Вотъ хотя бы его **блондинка**. Сколько наивной прелести въ этомъ выразительномъ лицѣ молодой очаровательницы! Въ кружевной легкомъ платочкѣ, небрежно накинутаго на бѣлокурые вьющіеся волосы, падающіе волнами на обнаженную шею и плечи, въ лѣтнемъ свѣтломъ одѣяньи, она мечтательно смотритъ вдаль съ немножко грустной улыбкой. Взгляните на эти глаза!

Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!
Погунить ихъ съ улыбкой Деля—
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество,
Подниметь—ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ божество!

Картина г. Маковского — прекрасная иллюстрація къ высокопоэтическому стихотворенію Пушкина.

Туръ упоминается еще въ лѣтописяхъ: „Храбръ бо бѣ яко и туръ“, „Вуй-туръ Всеволодъ“. Турій рогъ въ старину былъ въ большомъ почетѣ; на ихрахъ шли изъ него зелено-вино. Въ прежнія времена туры водились почти повсемѣстно, въ настоящее же время они водятся только на Кавказѣ. Собственно туры — разновидность дикихъ козловъ. Они живутъ на горныхъ вершинахъ. Очень темногія жвачныя животныя слѣдуютъ за ними въ горы владѣнія. Только неутомимый человѣкъ, это кровожаднѣйшее изъ всѣхъ животныхъ и опаснѣйшій врагъ ихъ, настигаетъ туровъ въ ихъ горныхъ убижищахъ. Главная забота туровъ — природа снабдила туровъ чуткостью, осторожностью, зоркостью, силой и въ то же время быстротою и легкостью движеній. Никакое другое животное не можетъ сравниться съ этими дикими козлами въ умѣнны карачкаться по самымъ крутымъ утесамъ. Для нихъ достаточной опорой служитъ шероховатость, едва замѣтная человѣческому глазу; крохотныя щели въ скалѣ — для нихъ ступени къ подъему на непреступныя вершины. Охота за турами поэтому чрезвычайно трудна и опасна; на нее способны только смѣлые и цѣпкіе горцы, выросшіе на вершинахъ, съ изощренными зрѣніемъ и унаслѣдованной ловкостью и неутомимостью. Обыкновенно на такую охоту идутъ вдвоемъ или втроемъ, съ необходимыми съѣстными припасами, такъ какъ перѣдко приходится провести въ горахъ нѣсколько дней, прежде чѣмъ удастся подстрѣлить одного изъ этихъ осторожнѣйшихъ животныхъ.

„Бѣдныя мученики!“ — воскликнетъ невольно читатель, взглянувъ на картину Сверчкова: „Осенью на охоту“. Холодно, дождь льетъ подчасъ какъ изъ ведра, тѣлѣга неспово подбрасываетъ сѣдоковъ, мало того, приходится преодолевать естественныя препятствія, въ родѣ вадушейся отъ осенняго ненастья рѣчки, рискуя выкупаться въ мутной, ледяной ея водѣ. Но все это не устрашаетъ ретивыхъ охотниковъ. Вотъ гдѣ оправдывается пословица: „охота пуще неволи“. Что же прельщаетъ этихъ добровольныхъ мучениковъ? Надо ли указывать, что вознагражденіемъ имъ служитъ та поэзія, которая заключается въ охотничьихъ подвигахъ, какъ бы они для посторонняго зрителя ни казались тяжелыми. Вырваться изъ однообразія обыденной жизни, натолкнуться на разныя приключенія, бороться съ невзгодами, пережить зѣвря, промокнуть, проголодаться и затѣмъ съ двойнымъ удовольствіемъ паить тѣладо пристанище и заморить червяка, — все это соблазняетъ охотника, заставляетъ его внослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминать о перенесенныхъ лишеніяхъ, и бѣдный мученикъ на самомъ дѣлѣ оказывается счастливымъ смертнымъ. Это чувствуется въ картинѣ художника, и въ этомъ заключается ея поэзія.

Михаилъ Петровичъ Клодтъ, баронъ фонъ-Юргенбургъ, родился въ С.-Петербургѣ, 17-го сентября 1835 г. Сынъ знаменитаго скульптора, автора „Дѣдушки Крылова“ и конныхъ статуй Анчелина моста, барона П. К. Клодта, онъ уже съ дѣтства постоянно вращался въ кругу художниковъ и рано почувствовалъ склонность къ рисованію. Первымъ его руководителемъ въ рисованіи былъ навѣстный А. А. Агивъ, отдавав-

шій все свое свободное время для занятій съ необыкновенно способнымъ ученикомъ. Результаты этихъ занятій не замедлили обнаружиться: въ 1852 г. М. П. Клодтъ уже поступилъ въ Академію Художествъ и былъ принятъ въ число учениковъ А. Т. Маркова. Черезъ три года послѣ поступленія въ академію онъ получилъ малую серебряную медаль, а еще черезъ два года (1857 г.) — большую серебряную, обѣ за картины изъ финскаго быта. Въ 1857 г. М. П. отправился за границу и жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ. Вернувшись на родину, онъ написалъ картину „Большой музыкантъ“, бывшую на академической выставкѣ 1859 г. и купленную П. М. Третьяковымъ. Въ слѣдующемъ году за картину изъ быта нормандскихъ рыбаковъ ему присуждена малая золотая медаль и въ 1861 г. за знаменитую картину „Послѣдняя весна“ (Третьяковская галлерей) онъ получилъ большую золотую медаль. „Послѣдняя весна“ (умирающая въ чахоткѣ дѣвушка) — это лучшее произведеніе барона Клодта. Въ этой картинѣ столько чувства, настроенія, души, что она пронзаетъ на всякаго чарующее и глубокое впечатлѣніе. Живопись „Послѣдней весны“ тоже очень мало напоминаетъ живопись, какал существовала въ Россіи въ 1861 г.: у М. П. Клодта, побывавшаго въ Парижѣ, много насмотрѣвшася, появились новые взгляды и новыя задачи, о которыхъ у насъ очень не много имѣли въ то время представленіе. Услѣхъ „Весны“ былъ огромный. Автору предоставлено было право отправиться на три года за границу и три года посвятить изученію быта Россіи. Въ 1862 году М. П. уѣхалъ въ Парижъ и вскорѣ перебрался въ Мюнхенъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ работалъ подъ руководствомъ профессоровъ Фольда, Пилоти и Каульбаха. Въ 1863 г. онъ прислалъ изъ Мюнхена на академическую выставку картину „Приха“. Въ томъ же году онъ усиліемъ работалъ надъ картиною „Шпальни монаховъ Францисканскаго монастыря“. Кроме того, онъ написалъ для этого монастыря образъ св. Франциска. Онъ не дождался трехъ лѣтъ, которыя имѣлъ право провести за границей, и въ 1865 г. вернулся на родину. Его потянуло въ Россію, ему хотѣлось поѣздить по стариннымъ русскимъ городамъ, изучить памятники старины, приглядѣться къ жизни и быту русскаго народа. Сначала онъ принялся изучать дворцовыя галлерей Петербурга и его окрестностей. Въ 1867 г. онъ отправился въ Москву, побывалъ во Владимірѣ, Нигалемъ-Новгородѣ, познакомился съ волжскими краемъ и жилъ въ Орловской губерніи. Результатомъ его поѣздки явились картины „Возвращеніе съ поля“ и „Молитва передъ крещеніемъ“. За нихъ онъ получилъ званіе академика (1867 г.) и, сверхъ того, Академіи Художествъ исходатайствовала для него, по случаю кончины отца, часть пенсіи, которую получалъ послѣдній, въ видѣ пожизненной ренты. Около этого времени онъ окончилъ картину на сюжетъ изъ русской исторіи: „Княжна Е. А. Долгорукая во время ея заточенія въ Горепкомъ монастырѣ“. Начиная съ 1871 г. онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ передвижныхъ выставкахъ, на которыхъ каждый годъ появляется какое-нибудь новое его произведеніе. Въ послѣднее время М. П. Клодтъ имѣетъ преимущественно картины изъ русской исторіи; читатели не забыли еще, втроемъ, забавную фигуру толстаго боярина, вернувшася домой съ отрыванной по повелѣнію Петра бородой („Начало реформъ Петра Великаго“); гравюра съ этой картины была напечатана въ *Июль*, на страницахъ которой былъ помѣщенъ и цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ М. П. Клодта, большого знатока и любителя русской старины.

Небезызвѣстный итальянскій живописецъ Шигги выбралъ для своей исторической картины одинъ изъ наиболѣе характерныхъ эпизодовъ второй пушеческой войны. Величайшій полководецъ всѣхъ временъ, сынъ Гамильяра Барки, Ганнибалъ, унаслѣдовавшій отъ своего знаменитаго отца страшную ненависть къ Риму, еще будучи 9-лѣтнимъ мальчикомъ, какъ извѣстно, далъ торжественную клятву предъ алтаремъ оставаться непримиримымъ врагомъ римлянъ до самой смерти, и честно сдержалъ общаніе. Считая каррагеніемъ достаточно подготовленнымъ къ войнѣ съ могущественнымъ Римомъ, онъ нарушилъ миръ, нававши на Сагунтъ, которымъ и овладѣлъ. Римскій сенатъ потребовалъ тогда выдачи Ганнибала, но каррагеніе отказалось его выдать, и, такимъ образомъ, началась вторая пушеческая война. Совершенно неожиданно Ганнибалъ перевелъ свои войска черезъ Альпы и сталъ одерживать рядъ блестящихъ побѣдъ при Тицино и Требін. Съ 26,000 человекъ, почти неспособныхъ къ битвѣ, вслѣдствіе тяжелаго перехода по свѣжымъ вершинамъ, онъ все-таки разбилъ на-голову двѣ римскихъ арміи подъ предводительствомъ Сципіона и Семпро-

ни. Наконецъ, въ рѣшительномъ боѣ при Каннахъ былъ уничтоженъ Ганнибаломъ весь цѣвъ римской арміи, находившейся подъ предводительствомъ такихъ опытныхъ полководцевъ, какъ консулы Эмилиі Павелъ и Теренцій Варронъ. Ужасъ объялъ Римъ, и жители его уже полагали, что Ганнибалъ у воротъ вѣчнаго города. Рѣшено было вооружаться, чтобы нести защиту до послѣдней капли крови. Селать три дня не расходился, обдумывая планъ спасенія отечества и проявляя необычайную твердость духа. Онъ не хотѣлъ и говорить о мирѣ или какъ-либо сдѣлкахъ съ побѣдителемъ. Въ то самое время, когда жрецъ, подымая руки надъ курящимся треножникомъ, возносилъ горячія молебны къ небу, а сенаторы тревожно совѣщались, предполагая признать въ оружію все мужское населеніе, не исключая рабовъ и понавшихъ въ кабалу за долги, явились римлянки и съ самоотверженіемъ натротокъ принесли свои драгоценныя украшенія, жертвуя ими для блага родины. Описанный моментъ и изображенъ на яркой картинѣ итальянскаго художника.

Знакомая, обычная картина. Кто изъ пробѣжавшихъ по російскимъ дорогамъ не наткнулся на сцены „у паромъ“, давно уже увѣковѣченныя въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей. Знаменитый бытописатель русскаго крестьянства, маститый авторъ „Проселочныхъ дорогъ“, Д. В. Григоровичъ, далъ намъ нѣсколько яркихъ описаній этихъ сценъ, этого терзательнаго, безконечнаго выжиданія столпившихся на берегу вожовъ, этого вѣчно несправнаго, грузнаго, еле-двигающагося паромъ. Художникъ наобразилъ намъ одну изъ такихъ сценъ.

Н. Р. Чернявскій.

(Портр. на этой стр.)

20-го сентября т. г. исполнилось тридцатипятилѣтіе служебной дѣятельности с.-петербургскаго почтъ-директора и члена губернскаго распорядительнаго комитета по дѣламъ, относящимся до почтоваго вѣдомства, тайнаго совѣтника Николая Родіоновича Чернявскаго.

Почтовому дѣлу Н. Р. Чернявскій посвятилъ значительную часть своей служебной дѣятельности, и имя его займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи развитія почтоваго дѣла въ Россіи за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Вступивъ на службу въ почтовое вѣдомство двадцать семь лѣтъ тому назадъ, 3-го января 1869 г., Н. Р. Чернявскій сразу занялъ отвѣтственную должность дѣла производителя почтоваго департамента, въ которой быстро успѣлъ занять свои недюжинныя администраторскія способности и необыкновенную преданность и любовь къ избранному дѣлу. Приобрѣвъ обширный опытъ въ почтовомъ дѣлѣ, Н. Р. вскорѣ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ помощниковъ покойнаго начальника главнаго

управленія почтъ и телеграфовъ, генерала Н. А. Безака, и многія изъ важныхъ и полезныхъ преобразованій въ нашемъ почтовомъ дѣлѣ были предприняты при содѣйствіи, а нерѣдко и по почину Н. Р. Чернявскаго. Отдавалъ всѣ свои силы и способности почтовому дѣлу, Н. Р. всегда чутко прислушивался къ мнѣніямъ и сужденіямъ общества и печати о дѣятельности почтовыхъ учрежденій и, никогда не забывая главнаго назначенія почты—служить на пользу общества, съ необыкновенною предупредительностью встрѣчалъ и продолжаетъ встрѣчать всякія заявленія неосредственно отъ публики, касающіяся какъ-либо несовершенствъ почтоваго дѣла.

Назначенный 11-го іюля 1886 г. на должность с.-петербургскаго почтъ-директора, Н. Р. Чернявскій еще болѣе расширилъ свою полезную административную дѣятельность въ почтовомъ вѣдомствѣ и своими неустанными трудами въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ упроченію современнаго положенія почтоваго дѣла въ Россіи.

Н. Р. Чернявскій родился въ 1840 г. Высшее образованіе Н. Р. получалъ въ петербургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ по юридическому факультету со степенію кандидата правъ въ 1862 году, и въ томъ же году, 20-го сентября, поступилъ на службу въ Правительствующій Сенатъ, въ канцелярію межевого департамента, гдѣ онъ прослужилъ семь лѣтъ вплоть до перехода своего на службу въ почтовое вѣдомство.

За свою долговременную почтенную служебную дѣятельность Н. Р. Чернявскій удостоенъ былъ дѣла ряда орденовъ и отличій, русскіхъ и иностранныхъ.

С.-Петербургскій почтъ-директоръ Н. Р. Чернявскій. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Высочайше одобренный проектъ памятника Мицкевичу въ Варшавѣ. Графъ Шюблеръ.

Памятникъ Мицкевичу.

(Рис. на этой стр.)

Надняхъ комитетъ по сооруженію памятника Мицкевичу въ Варшавѣ получилъ официальное извѣщеніе о томъ, что Государь Императоръ Высочайше утвердилъ соизволивъ исполненный г. Гюдебскимъ проектъ памятника съ надписью „Адаму Мицкевичу—сородичи“ и разрѣшилъ поставить его на Краковскомъ предмѣстьѣ противъ Трёмбацкой улицы.

Поводомъ къ сооруженію этого памятника служитъ наступающа въ будущемъ году столѣтняя годовщина дня рожденія знаменитаго польскаго поэта, который, какъ извѣстно, родился 24-го декабря 1798 г., за пять мѣсяцевъ до рожденія его друга молодости, нашего великаго поэта, Пушкина. Желая должнымъ образомъ отпраздновать эту знаменательную

годовщину, поляки задумали поставить памятник Мицкевичу в столице русской Польши, Варшавѣ, и на этот предмет была открыта подписка. Она дала блестящій результатъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ комитетъ по устройству памятника поступило слишкомъ 230,000 рублей, т. е. на 30,000 болѣе, чѣмъ требовалось для сооруженія памятника, и подписку пришлось объявить закрытою, такъ какъ не предвидѣлось конца взносовъ. Затѣмъ назначенъ былъ конкурсъ на составленіе проекта памятника. Наиболее удачнымъ оказался проектъ художника Киприана Гудебскаго. Его проектъ и былъ одобренъ комитетомъ и нынѣ утвержденъ правительствомъ. Намъ рисунокъ дать читателю ясное представленіе объ этомъ проектѣ. Онъ составленъ въ строгомъ, благородномъ стилѣ. Фундаментъ его образуетъ четырехугольникъ, стороны котораго имѣютъ 18 метровъ длины; надъ фундаментомъ возвышается самый памятникъ въ 14½ метровъ вышины, при чемъ на статую поэта отведено слишкомъ 4 метра. Вышина всего памятника соответствуетъ вышинѣ окружающихъ домовъ, такъ что онъ будетъ имѣть весьма внушительный видъ. Фундаментъ предполагается соорудить изъ мѣстнаго темно-сѣраго гранита, нижній цоколь — изъ итальянскаго блѣдно-розоваго гранита, напояющаго мрамора, съ надписью: „Адаму Мицкевичу — сородича“. Изъ такого же гранита будетъ сооруженъ и верхній цоколь съ обозначеніемъ года рожденія и смерти поэта, и на немъ уже будетъ возвышаться фигура поэта, отлитая изъ бронзы, съ высоко поднятою головою, прекрасно выражающею возвышенное настроеніе творца „Папа Тадеуша“ и „Дядювъ“.

Мѣсто, избранное для памятника, — одно изъ самыхъ лучшихъ въ Варшавѣ, на главной ея улицѣ, въ самомъ центрѣ города. Работы по сооруженію памятника идутъ весьма успѣшно, и не подлежитъ сомнѣнію, что открытіе его послѣдуетъ въ самый день годовщины рожденія поэта.

Не можемъ по этому поводу не вспомнить знаменитаго стихотворенія Пушкина, посвященнаго Мицкевичу:

... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...

Съ тѣхъ поръ, какъ написано это стихотвореніе нашего гуманнаго Пушкина, прошло 63 года. Мицкевичъ „ушелъ на Западъ“, и русскіе друзья „проводили его благословеніемъ“. Затѣмъ „издалека доходилъ къ нимъ знакомый голосъ злостнаго поэта“, и Пушкинъ поэту закончилъ свое стихотвореніе словами:

... О, Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Такіе люди, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, являются выразителями настроенія своихъ народовъ. Чувства и мысли, которыя ихъ волновали, волновали и лучшихъ людей ихъ времени. Они „съ высоты зазирали на жизнь“, и потому ихъ взоръ проникалъ далеко вглубь „грядущихъ временъ“. Голосъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался пророческимъ. Нынѣ, когда въ Варшавѣ готовятся къ сооруженію памятника польскому поэту,

не мѣшаетъ вспомнить о дружескихъ чувствахъ, воодушевившихъ двухъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ, и нельзя не порадоваться, что постепенно осуществляются „чистыя мечты“ обоимъ поэтовъ о „соединеніи народовъ, позабывшихъ распри, въ великую семью“.

Новое зданіе двѣнадцати городскихъ начальныхъ училищъ. (Рис. на стр. 1004.)

5-го октября состоялось на Васильевскомъ островѣ освященіе новаго громаднаго зданія, выстроеннаго думою для помѣщенія двѣнадцати городскихъ начальныхъ училищъ. Зданіе поражаетъ какъ своими грандіозными размѣрами, такъ и удобствомъ расположенія комнатъ и классовъ. Весь домъ занимаетъ площадь въ 260 кв. саж.; изъ нихъ около 55 кв. саж. оставлены подъ дворъ, на остальномъ же пространствѣ сооружено четырехэтажное, съ подваломъ, зданіе, выходящее фасадомъ на Средній проспектъ и Сельскую линію, и съ дворовымъ флигелемъ, примыкающимъ къ сосѣднему дому по Седьмой линіи. Первый этажъ отведенъ подъ раздѣвальни учащихся. Здѣсь же находится квартиры учителя, завѣдывающаго всѣми школами, и его помощницы, а также комната для врачебнаго приема, смежная съ ванной. Во второмъ этажѣ — пять классовъ и учительская, въ третьемъ — шесть классовъ, въ четвертомъ — просторный залъ, церковь и классы. Классы выходятъ въ длинныя и широкіе коридоры. Вездѣ радуется глазъ просторъ, обиліе свѣта и чистота. Отопленіе зданія — водяное, приспособленное къ вентиляціи каждой отдѣльной комнаты. Черезъ небольшія отверстія въ наружной стѣнѣ чистый воздухъ входитъ въ пространство между рамъ и здѣсь нагревается помощью трубъ. Нагрѣваясь, онъ поднимается и расширяется по комнатамъ. Воздухъ испорченный вытягивается при помощи отдушинъ, соединенныхъ съ широкой вытяжной трубой. Вентиляція устроена такъ, что каждое окно даетъ 1½ куб. саж. въ часъ чистаго нагрѣтаго воздуха. Классныя комнаты очень просторны. На каждого учащагося приходится около кубической сажени воздуха. Въ общемъ новое школьное зданіе своими удобствами для учащихся производитъ вполне отрадное впечатлѣніе. Подобныхъ школьныхъ зданій въ Петербургѣ почти не имѣется, если не считать Петровскаго коммерческаго училища и пристроенъ послѣднихъ лѣтъ въ приютѣ принца Ольденбургскаго.

На освященіи зданія присутствовали г. градоначальникъ ген-майоръ Клейгельсъ, и. д. городского головы П. К. Лонгиновъ, предѣдатель училищной коммисіи М. М. Стасюлевичъ, особенно много потрудившійся при постройкѣ этого зданія; благодаря старшіимъ М. М. Стасюлевича, почти ежедневно посѣщавшаго работы, зданіе городскихъ училищъ было воздвигнуто замѣчательно быстро. Кроме того, присутствовали: предѣдатель ревизіонной коммисіи Х. Х. Крюгеръ, члены городской управы, гласные думы, строители во главѣ съ профессоромъ архитектуры А. Р. Гешвендомъ, по плану котораго строилось зданіе, и многіе другіе. Благодарственный молебень былъ отслуженъ священникомъ о. Орнатскимъ, причѣмъ пѣлъ хоръ дѣвочекъ изъ приюта общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Послѣ молебна зданіе было окроплено святою водою и осмотрѣно г. градоначальникомъ и всѣми присутствовавшими.

Классныя занятія въ училищахъ начались 6-го октября. Пока принято въ училища 540 учениковъ; изъ нихъ 240 дѣтей совершенно неграмотныхъ.

Библиографія.

Б. Б. Случевскій. По Сѣверо-Западу Россіи. Томъ первый: „По Сѣверу Россіи“. Съ картою Сѣвернаго края, отпечатанною въ шесть красокъ, и съ 146 рисунками. — Томъ второй: „По Западу Россіи“ съ картою Западнаго края, отпечатанною въ шесть красокъ, и съ 159 рисунками. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. Цѣна за оба тома 7 р.; съ пересылкою 8 р.

Описывая прибалтійскій край и останавливаясь на обширной литературѣ, посвященной изученію этого края, авторъ книги: „По Сѣверо-Западу Россіи“ очень мѣтко замѣчаетъ: „Если бы хотя малая часть подобной разработки для изученія нашихъ широкіхъ палестинъ могла имѣть мѣсто у насъ, то писать о нихъ не представляло бы тѣхъ трудностей, съ которыми приходится встрѣчаться на каждомъ шагѣ“.

Въ этихъ словахъ заключается печальная и, въ то же время, горькая истина. Русскіе люди, всегда готовые жертвовать своимъ достоинствомъ и даже жизнью для отечества, дѣлаютъ очень мало для изученія своей родины. До сихъ поръ оправдываются слова Лермонтова, что мы „любимъ отчизну“, но „странною любовью“... Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что „ни слава, купленная кровью“, ни „темной старины завѣтныя преданья“ не „шевелитъ“ въ немъ „отраднаго мечтающаго“, но что онъ наоборотъ любитъ „холодное молчанье ея стѣнъ“, любитъ встрѣчать „дрожащія огни печальныхъ деревень“, любитъ „дымокъ спаленной жинвы“ и

„на холмѣ чегу бѣлѣющихъ березъ“. Лермонтовъ называетъ этого патриотизма „страннымъ“. Но, можетъ-быть, еще болѣе „странно“, что такая любовь къ отчизнѣ, раздѣляемая очень многими людьми, не только прогнорирована всей нашей исторіей, но и всему, что мы видимъ вокругъ себя. Мы любимъ „лѣсовъ безбрежныхъ колышанье“, — а много ли осталось отъ нашихъ лѣсовъ? Мы любимъ деревню, — а много ли мы заботимся о ней? „Слава, купленная кровью“, и „темной старины завѣтныя преданья“ создали великую и могучую Россію. Но въ то же время памятники этой „темной старины“ безпощадно нами разрушаются.

Дѣйствительно, это — „странная“ любовь, и при такой любви нечего удивляться, что мы родную, въ сущности, мало знаемъ. Большая заслуга автора разсматриваемой нами книги, что онъ преодолѣлъ всѣ трудности и вполне воспользовался представившимся ему случаемъ для того, чтобы подробно изучить значительную часть нашего отечества и познать по результатамъ своихъ работъ русскаго читателя. Такимъ образомъ его любовь къ роднѣ получила иное выраженіе, чѣмъ отмѣченное въ знаменитомъ стихотвореніи Лермонтова, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникла книга, которая позволяетъ основательно ознакомиться съ тѣмъ, что русскій читатель любитъ, но мысли поэта, горячо, но безотчетно.

Скажемъ, прежде всего, два слова о внѣшнемъ поводѣ со-

ставления книги: „По Северо-Западу Россіи“. Авторъ сопутствовалъ великому князю Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ по Северо и Западу Россіи, а также по нѣкоторымъ центральнымъ губерніямъ съ 1884—1888 гг. Эти путешествія были имъ описаны въ двухъ книгахъ: „По Северо-Россіи“ и „Балтійская сторона“, нынѣ давно уже распроданныхъ. Онъ приступилъ ко второму заданію этихъ двухъ книгъ, исключивъ изъ нихъ всѣ подробности, касавшіяся интересовъ дня, дополнивъ ихъ свѣдѣніями историческими, географическими, этнографическими и объединивъ ихъ въ одно цѣлое. Такимъ образомъ и возникла нынѣ появившаяся книга.

Отправляясь въ путь, авторъ собралъ богатый матеріалъ, касающійся тѣхъ мѣстностей, по которымъ предполагалось совершать путешествія. Это было необходимо для того, чтобы сознательно отнестись къ посѣщаемымъ мѣстностямъ въ бытовомъ, экономическомъ, географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, путешествія совершались во всеоружіи знаній, какия только могла дать общія и специальная литература. При такихъ условіяхъ обзорные посѣщаемыхъ мѣстностей не могло не быть особенно интересно и поучительно. Путешествія совершенно всего шесть. Исходнымъ пунктомъ перваго было знаменитое село Груаино, а конечнымъ пунктомъ его Шлессельбургъ черезъ Череповецъ, Бѣлозерскъ, Петрозаводскъ, Кивачъ. Второе началось съ Острова и кончилось Пудожемъ, черезъ Новоржевъ, Валдай, Рыбинскъ, Ярославль, Устюгъ, Архангельскъ, Кемь, Колу, Мезень, Повенецъ. Третье было посвящено Нижнему-Новгороду, Владиміру и завершилось въ Усть-Ижорскомъ лагерѣ. Эти три путешествія описаны въ первомъ томѣ. Во второмъ томѣ описано четвертое путешествие, начавшееся съ Выборга и кончившееся Ямбургомъ черезъ Вильманстрандъ, Иматру, Ревель, Гапсаль, Перновъ, Ригу, Митаву, Двинскъ, Псковъ, Юрьевъ; пятое, начавшееся

съ Луги и кончившееся Валаамою черезъ Порховъ, Великіе-Луки, Старую-Руссу, Тихвинъ, Олонецъ и, наконецъ, шестое, начавшееся съ Ковно и кончившееся Троицко-Сергіевскою лаврой, черезъ Юрбургъ, Гродно, Варшаву, Брестъ-Литовскъ, Калугу, Тулу. Изъ маршрутовъ этихъ шести путешествій, въ которыхъ нами обозначены только главные пункты, уже видно, какой громадный районъ они обнимаютъ. Если же принять во вниманіе, что всѣ сколько-нибудь достопримѣчательные пункты, находившіяся на пути, описаны во всѣхъ подробностяхъ, со всѣми историческими воспоминаніями и особенностями въ бытовомъ или экономическомъ отношеніи; и, кроме того, что для наглядности текстъ иллюстрированъ снимкомъ 300 прекрасно исполненными рисунками, не говоря уже о картахъ, то мы получимъ ясное представление о богатомъ содержаніи книги и о той пользѣ, которую она можетъ оказать всякому, кто любитъ родину истинною любовью и желаетъ съ нею ознакомиться, чтобы любить ее сознательно. Туристы, лица, изучающія Россію въ бытовомъ или экономическомъ отношеніи, историки, археологи — всѣ найдутъ въ книгѣ г. Случевского весьма цѣнныя указанія. Добавимъ еще, что литературный талантъ автора, — столь хорошо известного публикѣ, въ качествѣ поэта и беллетриста, — служитъ ручательствомъ за прекрасное изложеніе и придаетъ въ высшей степени полезной и поучительной книгѣ еще и большую занимательность.

Мы уже вскользь упомянули о томъ, что многочисленныя рисунки, украшающіе книгу, исполнены прекрасно. Намъ остается еще упомянуть, что вообще книга задана не только изящно, но даже роскошно. Къ тому же объемъ книги очень значителенъ (болѣе 1000 страницъ большого формата, напечатанныхъ убористымъ, но очень четкимъ шрифтомъ). Такимъ образомъ и цѣна книги болѣе чѣмъ умѣренна.

Политическое обозрѣніе.

Устойчивость нынѣшняго министерства во Франціи заставила оппозиціонныя партіи не мало поработать надъ подысканіемъ различныхъ поводовъ къ тому, чтобы чѣмъ-нибудь поколебать кабинетъ г. Мелина. Всѣ усилія въ этомъ направленіи оказались вполнѣ безуспѣшными. Правительство, съ своей стороны, сдѣлало все, чтобы поставить страну въ извѣстность относительно благоприятнаго теченія внутренней и внѣшней политики республики. На одномъ изъ обычныхъ банкетовъ 28-го сентября министр-президентъ г. Мелинъ произнесъ замѣчательную рѣчь-программу, въ которой энергично отвергъ взводимое оппозиціей на правительство обвиненіе въ дробленіи республиканской партіи, — въ чемъ, по словамъ премьера, виноваты радикалы, ищущіе содѣйствія социализму. Отклонивъ далѣе упрекъ въ клерикализмъ, г. Мелинъ признавалъ къ сосредоточенію всѣхъ республиканцевъ, не допускающихъ ни революціи, ни реакціи. Затѣмъ, указавъ на предстоящую задачу парламента — проведеніе административной децентрализаціи и обезпеченіе рабочаго класса организаціей кассъ, — министр-президентъ закончилъ рѣчь блестящей запиской внутренней и особенно внѣшней политики Франціи. „За границей, — заявилъ премьеръ: — министерство утвердило за собою характеръ правительства, ведущаго разсудительную политику, оберегаемую отъ увлеченій и неосторожныхъ требованій оппозиціи; на Востокѣ удалось весною потушить пожаръ, ради чего понадобилось употребить въ дѣло искусство, упорство и авторитетъ г. Ганото, съ непоколебимою твердостью державшагося якоря спасенія—европейскаго концерта; концертъ этотъ, считавшійся до послѣдняго времени пустымъ звукомъ, теперь сталъ осязательной дѣйствительностью, что оказывается великимъ историческимъ событіемъ, открывающимъ для будущности исполненныя надежды горизонты“. Этотъ концертъ сталъ возможнымъ, вследствие единенія Франціи съ Россіей, становящагося все болѣе и болѣе тѣснымъ съ каждымъ годомъ, благодаря общности взглядовъ и дѣятельности между французскою дипломатіей и дипломатіей дружественной и союзной націи, съ которою французское правительство дѣйствительно сходится на всѣхъ пунктахъ земного шара. „Единеніе окончательно освящено и провозглашено на глазахъ всего міра великодушнымъ Государемъ, вложившимъ свою честную руку въ руку Франціи, которую это обстоятельство глубоко тронуло, вызвавъ въ ней чувство законной гордости. Не намѣревался извлекать изъ этого событія выгоды для внутренней своей политики, кабинетъ, не приписывая себѣ исключительной чести, воздастъ должное всѣмъ предшествовавшимъ правительствамъ, послѣдовательно съ искусствомъ и патриотизмомъ погрудившимся надъ законченными нынѣ дѣломъ; особенно слѣдуетъ воздать должную справедливость странѣ, благодаряму, трудолюбію и мужеству которой удалось покончить съ послѣдними остатками французскихъ бѣдствій“. Затѣмъ, указывая на свое право гордиться ответственною ролью во время столь важнаго событія, г. Мелинъ замѣтилъ, что признательности страны заслуживаютъ личныя дѣйствія главы государства, которыми г. Фе-

ликсъ Форъ послужилъ своему отечеству. Наконецъ, министр-президентъ заявилъ, что, не требуя никакихъ наградъ, нынѣшніе правители Франціи имѣютъ лишь одно притязаніе — быть честными людьми, хорошими гражданами, сердечно любящими свою страну патриотами, преданными демократіи, откуда вышли, и желающими исполнить своей долгъ.

Рѣчь-программа г. Мелина, прерываемая многократными одобреніями, покрыта была единодушнымъ выраженіемъ сочувствія со стороны всѣхъ присутствовавшихъ.

На многолюдномъ парижскомъ банкетѣ, который давали 2-го октября коммерсанты въ честь президента республики, темой застольныхъ рѣчей было все то же недавнее историческое событіе. Въ своемъ ответномъ тогѣ г. Феликсъ Форъ вполнѣ точно очертилъ нынѣшнее положеніе современной Франціи: „великой мудрости страны и ея политическому духу обязана французская демократія тѣмъ, что она можетъ радоваться достигнутыми результатами и создала положеніе, въ силу котораго республиканскія учрежденія, гарантируя внутренней миръ, обезпечиваютъ навѣдъ послѣдовательность видовъ и намѣреній, безъ которыхъ немисливо создать и внутри страны ничего прочнаго и долговѣчнаго“.

Слова главы государства вызвали сердечный откликъ, придавшій банкету характеръ выдающейся политической манифестаціи. Какъ бы въ отвѣтъ на авторитетныя заявленія официальныхъ лицъ, 4-го октября произошло въ Сентъ-Кентенѣ манифестація въ честь министра иностранныхъ дѣлъ г. Ганото: въ лицѣ, гдѣ воспитывался министръ, жители города поднесли г. Ганото почетную шляпу академика при торжественной обстановкѣ, восхваляя министра за учрежденіе франко-русскаго союза и воздавая должное труду и патриотизму и самоотверженію талантливаго французскаго дипломата. Парижская печать посвятила чествованію министра прочувствованныя статьи.

Всѣ эти событія указываютъ, насколько симпатична большинству французской націи политическая программа нынѣшняго правительства. Неудивительно послѣ этого, что программа радикаловъ, выраженная въ рѣчи г. Леона Буржуа на банкетѣ 5-го октября, устроенномъ въ честь вождя радикаловъ республиканской ассоціаціей въ Шалонѣ на Марнѣ, — не имѣла того успеха, какого ожидали всѣ оппозиціонныя фракціи. Полнаго сочувствія встрѣтила лишь та часть рѣчи бывшаго радикальнаго премьера, которая звучала горячимъ выраженіемъ симпатіи къ недавнему событію, вызвавшему въ свое время усиленное бленіе всѣхъ французскихъ сердецъ.

Парламентская сессія возобновилась 7-го октября въ полномъ спокойствіи. Чтобы не замедлять законодательной дѣятельности палаты безпрудными прѣвими по всевозможнымъ запросамъ, палата рѣшила, по предложенію г. Мелина, посвящать обсужденію запросовъ правительству всего одинъ лишь день въ недѣлю. Такимъ образомъ, внутренній дѣла республики складываются настолько благоприятно, что кабинетъ г. Мелина можетъ продолжать энергичное воздѣйствіе Франціи на ходъ очередныхъ вопросовъ внѣшней политики.

Разныя извѣстія.

— 4-го (16) октября, въ одиннадцатомъ часу вечера, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи великаго герцога Гессенскаго съ супругою и принца Альфреда Кобургскаго, отбыли изъ Дармштадта въ Кобургъ, куда и прибыли на другой день, въ 9 час. утра. 7-го октября Ихъ Императорскія Величества, вмѣстѣ съ великимъ герцогомъ и герцогиней Гессенскими, въ 9 ч. утра, возвратились изъ Ко-

штадтъ. Императоръ Вильгельмъ провожалъ Государя Императора на вокзалъ, гдѣ Монархи сердечнѣйшимъ образомъ на прощаніе обнялись и облобызались. Въ 4 часа дня Государь Императоръ, великій герцогъ Гессенскій и принцъ Адольфъ Шаумбургскій съ супругою прибыли въ Дармштадтъ и были встрѣчены на вокзалѣ Государыней Императрицей и великой герцогиней. На другой день, въ 5 час. дня,

лова-Давыдова „Отрада“ (Серпух. у., Московской губ.) памятникъ императрицы Екатерины II.

— 3-го октября, въ г. Вильдѣ, въ Свято-Духовскомъ монастырѣ состоялась торжественная закладка памятника графу М. Н. Муравьеву.

— 7-го октября исполнилось 150 лѣтъ со дня смерти знаменитаго русскаго паломника по св. мѣстамъ Европы, Азии и Африки, Василия Григорьевича Григо-

Новое зданіе двѣнадцати городскихъ начальныхъ училищъ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

бурга въ Дармштадтъ. 8-го октября Государь Императоръ и великій герцогъ Гессенскій прибыли въ Висбаденъ въ 12 ч. 30 м. и встрѣчены были императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Шаумбургскимъ. Оба Императора обнялись и облобызались и при бурныхъ кличкахъ „ура!“ народной массы отбыли во дворецъ, гдѣ состоялся завтракъ. Въ тотъ же день Государь Императоръ, въ сопровожденіи великаго герцога Гессенскаго, выѣхалъ въ 2 ч. 30 м. обратно въ Дарм-

штадтъ германскій императоръ Вильгельмъ и на вокзалѣ встрѣченъ былъ Государемъ Императоромъ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій оба Императора въ одномъ экипажѣ отбыли въ Новый дворецъ, гдѣ вмѣстѣ съ прочими Августѣйшими Особами кушали чай. Въ 6 час. всѣ Августѣйшія Особы поужали на представленіи „Валькирія“ въ придворномъ театрѣ.

— 30-го сентября открытъ въ имѣніи гр. А. В. Ор-

ровича-Варскаго. Въ продолженіе 24-хъ лѣтъ (1723—1747) неутомимый „пѣшеходецъ“ посѣтилъ почти всѣ болѣе или менѣ замѣчательныя своими святынями мѣста этихъ трехъ частей свѣта, подробно описывая все видѣнное и слышанное. Путевыя записи В. Г. Григоровича-Варскаго представляютъ обширный трудъ, являвшійся для современнаго ему русскаго общества прекраснымъ источникомъ для ознакомленія съ церковною жизнью православнаго Востока.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1898 Г.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Подробное объявленіе помѣщено въ № 40 „НИВЫ“. Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Удалъ. Историческая повѣсть В. М. Михеева. (Продолженіе). — Исторія одной бороды. Разказъ Арпада Еврчина. — Стихотвореніе А. Друглова. — Новое дѣленіе въ мѣстѣ Сатурна. — Къ рисункамъ: Блондина. — Охота за турами. — Осенью на охоту. — М. П. Илюдъ и его рисунокъ. — У ларома. — Гаминьбалъ у воротъ Рима. — Н. Р. Чернышевскій (съ портр.). — Памятникъ Мицкевичу (съ рис.). — Новое зданіе двѣнадцати городскихъ начальныхъ училищъ (съ рис.). — Библиографія. М. М. Случевскій. „По Сѣверо-Западу Россіи“. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г. — Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Емешъ. Литературн. прилож.“ за октябрь.

НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ВОЗРАСТА ДО 12 ЛЕТЪ ВЪЗРАСТА ДО 12 ЛЕТЪ

СОБЕЖИ

ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ СМУ

НЕУЖИВЪНЫ ВЕЩИ

АММОНИАКЪ ПО ВТОРНИКАМЪ ВОСПИТАНИЕ 500 Коп.

ТЕЛЕФОНЪ 3672

ТЕЛЕФОНЪ 1141

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНАГО ТОВАРИЩЕСТВА

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

1896

ГОДА

ПОНУШНАЯ НАГРАДА

(НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ)

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТА НОВАЯ КНИГА

„КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ?“

„Какъ сдѣлать доходное и самостоятельное занятіе?“

Сочиненіе **Инеэдирибъ**.

Переводъ **А. И. Б.**

480.000 экзemplаровъ. 48-е американское изданіе. Переводъ съ англійскаго.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Закупка, дѣла, купчая, производство, приведеніе въ исполненіе которыхъ не требуетъ никакой особенной обстановки или такой, которая не представляетъ никакихъ затрудненій и можетъ быть устроена дѣмой или мужчиной при самыхъ незначительныхъ расходахъ (5 р. и бол.)

II. Множество интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по хозяйственному и домашнему уходу, которыя положительно каждому необходимы. Всякій найдетъ въ этой книгѣ много соответствующаго и подходящаго: въ сущности приемы обращенія времени и труда въ денежную единицу. № 10155 4-4

Цѣна книги съ перес. 2 руб.

Для полученія книги, высылать деньги г-ну директору издательской фирмы „Полиглотъ“, Нѣжинская, 26. Одесса.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платяновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (74)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ГРОТЪ-КОЛЛЕКЦІИ.

Кабинетныя вещи, какъ-то: письмен. приборы, шкатулки, прессъ-папье, подчасники и проч., сработанныя мозаично-резьбеными способами изъ сибирско-уральскихъ минераловъ изъ природно ихъ видѣ, въ число которыхъ входятъ между прочими: александриты, аквамаринъ, агатъ, гранаты, изумруды, кристаллы, малахитъ, яшма шифоновъ. Возможно цѣтовъ и множество другихъ интересныхъ породъ минераловъ.

Прейс-курантъ высланъ безплатно.

Адресъ: г. Екатеринбургъ, Мастерская каменныхъ вещей

А. Н. Насонову. 2-1

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАТОКЪ

(С.-Петербургъ, на углу Новосаианской ул. и Конногвардейскаго пер., № 24/4, кв. 1) рекомендуютъ заставницъ и учительницъ во азымамъ и кредитамъ. Приемные часы ежедневно отъ 2-хъ до 5-ти, исключая вторника, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Кромѣ того доводится до свѣдѣній публики, что шкучіе заставницы и приходившія учительницы могутъ обращаться за справками и рекомендаціями на Николаевскую 16, кв. 41, по вторникамъ и четвергамъ отъ 1-3 ч.

УДОБНО ВЫГОДНО И ВКУСНО

ЭКСТРАКТЫ

ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНАГО ПРИГOTOBA СЛАДКИХЪ БЛЮДЪ:

1) МЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
2) МРЪМЪ И
3) МОРОЖЕННОЕ

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ МОРОЖЕНИЦАМИ ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ

Д. ВРАЙНИКЪ

МОСКВА, Большая Лубянна 26.

Ц. № 10165 8-5

НОВОСТЬ!

Необходимо для всѣхъ носящихъ очки и пенснэ.

ГЛАЗОЛИНЪ (паста).

Связанные этой пастой ОЧКИ НЕ ПОТЮТЪ ПРИ ПЕРЕХОДѢ ИЗЪ ХОЛОДА ВЪ ТЕПЛО, что очень важно для зрѣлаго сезона, и кромѣ того стекла получаютъ особую прозрачность.

Цѣна 25 к. за жестянку.

Единственная продажа для всей Россіи:

А. БОЛЬТЪ и К°.

Москва, Ильинка.

Получать можно во каждомъ аптекарскомъ и оптическомъ магазинѣ.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 Savon violette
№ 4711 Sachets violette

Всѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парюмерныхъ магазинахъ.

Ц. № 10508 14-8

ГЛАВНОЕ ДЕПО

ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

МОСКВА, Петровскія линіи, д. Полякова, подъ № 7.

И. А. ВЕРНИКЪ

Фонографы электрическія заводные разныхъ системъ.

Синематографы Эдисона съ картинками Люмьера. (5)

Кинематографы Ньютона и др.

Громадный выборъ лупъ, увелич. Гарантия на 3 года. Обученіе. 2000 машинъ продано въ Россіи.

Народная ЦИТРА.

Очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.

Въ 1 часъ можно научиться играть. Звукъ очень мягкій и приятельскій. 7-миллиметровыя съ приспособленіемъ для настройки только 8 руб. Лучшей работы и сильнѣе въ толь 8 р. Ноты—14 альбомовъ по 50 к., переписка за 15 ф.

Корнетъ-а-пистоны и всѣ другіе духовные инструмента и деревянные инструмента, а также **РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНІИ.**

Скрипки отъ 2—100 р.
Гитары . . . 8—75 р.
Балалайки . . . 1—20 р.
Мандолины . . . 8—75 р.
Цитры . . . 8—75 р.

и всѣ прочіе струнные а также механическіе и само играющіе инструмента и принадлежності рекомендуютъ

И. Ф. МЮЛЕРЪ.

Месечъ, Петровка, домъ Волкова. Требуется иллюстр. прейс-курантъ.

СТЕПНОЙ КУМЫСЪ, консервированный. Запасъ для зимы выслается до 1 ноября. Самаро-Златоустовск. ж. д., ст. Смышляевка, Постиниковъ.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро изучивъ въ 6 уроковъ азачно. Методъ удостоенъ золотой медали и близодарности короля Эллиновъ. За дѣл 7 коп. марки высланъ условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Кошдарисъ. № 10541 10-1

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „БЛИККЕНСДЕРФЕРЪ“

лучшій приборъ. 84 буквы и знаки, прочность, скорость, писаніе всегда видно. Маленькій размеръ, легкій вѣсъ. Дешевый! 80 руб. только!

Задатокъ 10 руб., остальное налож. платъ С.-Петербургъ.

Г. ПЕТО. Караважная № 16.

НЕОБХОДИМО ВЪ КАЖДОМЪ СЕМЕЙСТВѢ **ЗНАНИЕ КРОЙКИ И ШИТЬЯ.**

Обучаю людей основательно азачно посредствомъ лекцій и переписки. Изученіе по своей легкости и удобству доступно для народа. Первый мѣсяцъ обученія безплатно. Утреннее плато. Для желающихъ разсрочка. Продолжительность курса 3—4 мѣсяца. По окончаніи установленное свидѣтельство.

МОСКВА, 2-2
Малая Дворянская, д. Базилкина,
Е. Н. Венедиктовой.

Возвратись изъ-за границы

обучаю по послѣдней и самой легкой французской методѣ „ВОРГА“, кройки и шитья дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ и верхняго платья, кромѣ того разнаго рода бѣлья и заростовъ, у себя и азачно, посредствомъ корреспондентіи.

Плата впередъ не вынимается. По окончаніи установленное свидѣтельство.

Адресъ: Невъ, Фундуклеевская № 27. **Е. Д. Ашмаринъ.**

ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ Вв. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Кармен. ЧАСЫ отъ 2 р. иллюстр. прейс-кур. **БЕЗПЛАТНО.**

М. Ш. ХИЗАНОВЪ. Варшава, Влестор., 17.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

съ картин. 1 р. 75 к., 3, 4, 5, 8, 10 р. и хор.

Волшебные аппараты съ интерес. коллекц. 1 до 10 р.

Флейты и клавиры со шкеломъ и нотами по 1 р.

Корнетъ-а-пистонъ со шкеломъ и нотами 1 р. 50 к. и 2 руб.

Живая фотографія

самый большой выборъ интересныхъ и юмористическихъ сценъ, которыя посредствомъ простого отпусканія пальцемъ листовъ, кажутся живыми и движущимися. 36 сюжетовъ отъ 15 к. и дороже, за всею коллекцію 10 р.

Многочисленные заказы до праздниковъ просить признать заблаговременно.

ВАВАРЪ ПОЛЬЗА И ЗАБАВА Г. Гебгардтъ, СПб., Симеоновская ул., 5.

НОВЫЙ (зимній) ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

вышелъ 15-го октября.

Голландскій магазинъ бѣлья спб. № 5 владимирская № 5.

По сообщеніи адреса высылается безплатно.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
В. № 10486 15-2

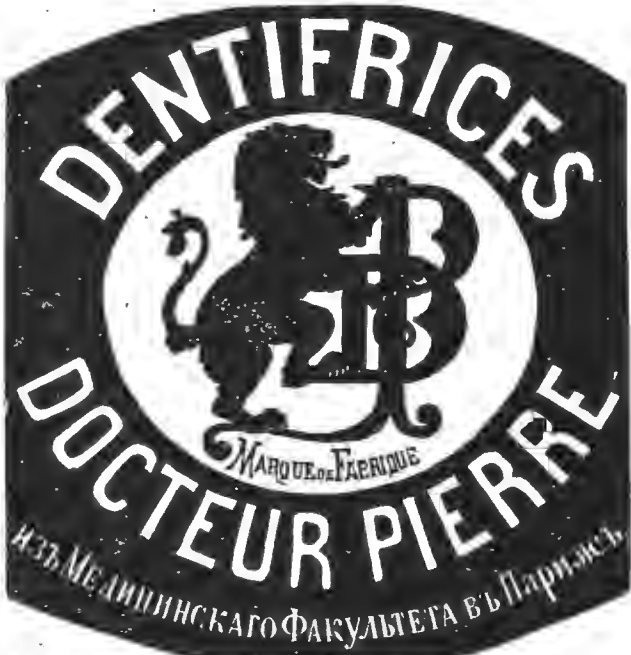
ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДА ПѢНІЯ:

„Do-re-mi-fa-mi-re-do“

последовательными нотами упражненія для класснаго пѣнія Н. П. Брэнскаго. Ц. 1 руб. Одобрена Художественнымъ Советомъ С. П. Б. Консерваторіи. Его-же: Для школы и хорошихъ обществъ, 5 пѣсенъ для свѣтланнаго хора: 1) Городъ чудный, 2) Горныя вершины, 3) Не гордись, 4) Черкесская пѣсня, 5) День встаетъ. Ц. 75 к. Муравьевъ, А. В.: 6 пѣсенъ для 3-хъ одиор. голосовъ: 1) Садовничья, 2) Птичка Воюя, 3) Нива, 4) Ангелъ, 5) Утѣсь, 6) Сосна. Ц. 40 коп.

Поверенная книга 600 спорныхъ и постылыхъ жульманствъ, раздѣленныхъ на 365 трехблюдныхъ обѣдовъ круглаго года. Сост. К. А. Авдѣва, десятое изданіе, дополненное, 400 стр. Ц. 1 р. Складъ изданій: С. П. Б., Садовая, 22, книжно-музыкальный магазинъ П. К. Селверстова. Гр. многолюдные выписывающіе изъ склада и выписывающіе при закладѣ деньги или марки (части рубля) за пересылку не платятъ. Каталогъ бесплатно. Магазины высылаютъ всѣ книги и ноты кѣмъ бы то ни было изданныя по получеши за-датка не менѣе 1/3 стоимости заказа. № 10338

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе
ниспотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
А. № 9861 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26-21

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстная, единственно настоящія

Алигардиновыя чернила
для письма и копирования

(желтѣсто-орѣшковаго 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учре- жденій), 20-18

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и ниспещенностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Лег. Леонгарди
изъ Дрезденъ,
изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
избѣгать поддѣлокъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писемно: Балнскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

КРАСИВО ПИСАТЬ изучивается всякій заочни (посредствомъ пераписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ промыванъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалі. № 10495 6-2
За 2 семиклѣтнихъ марки высылаются проносе письмо и условия, а за 4 семиклѣтнихъ марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условия и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Носодо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

ВЪ САМОМЪ ЦЕНТРѢ г. САРАТОВА, на углу Дѣвочей и Александровской ул., въ домѣ Сакина, отдѣляется въ наемъ отдѣльный дворъ съ помѣщеніями **ДЛЯ ЦИВНОГО СКЛАДА.** 2-2

КАЖДАЯ ДАМА, желающая

быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исклю- чительно „ИДЕАЛЪ“, патентованную бархат- ную подшивку подъ подошву. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи. 26-7

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —
ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ въ Министерств. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во **М. Блок**
Правленіе: МОСКВА

ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Копенгагенъ, Рязань и /Д.

ОСОВЫЯ ЛЕГКОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ

И. № 10547 12-1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ на МУЖСКІЯ И ДАМСКІЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ новѣйшихъ фасоновъ и изыскающаго покроя.

Новый ИЛЛЮСТРИРОВАН- НЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ се- зона 1897—1898 г. высъ- лается бесплатно.

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и Гастинскій дворъ, № 52

Золотошвейное депо церковн. и придев. вещей ШАДРИНА.
Москва, Тверская.

Иконами, хоругви, воздухи, нарча, облачени, шитри, панатги, кресты, корона, и др. церк. вещи.

Знаки вѣд. Учр. Импер. Марш (юбилейные). Знаки, ордена и всѣ знаки. Всѣ вещи самой лучшей работы, выкупаются по требованію налог. платежей. № 10553

Мундир, шитя въ мундир. вс. вѣдом. Шляхи, шапки, пугонцы, шапки и кѣли кир. суд, и др.—Знаки доктор. медики и врачей.

СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1880 Г.

ФАБРИКА БРИТАНСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ Е. КЛЕММЪ.

Б. Подъячская, 31. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Продажа издѣлій изъ британскаго металла, въ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ.

Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра изысканная и неослабляющая.

ED. PINAUD
PARIS

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ
DE RICQLES

Сообщаетъ водѣ приятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освѣжающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Депо въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12.
Во лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІА
ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР. МЗ.

ЖИРНАЯ ПУДРА
БѢЛАЯ, РОЗОВАЯ и РАШЕЛЬ, 50 н. кор.

Пудра Велютиль Пудра де Нинонъ
Пудра Донгола Вѣлида и Руняна.

МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Вознесенскій пр. уголъ Казанской ул. домъ № 24-25
ЧЕВСКІЙ ПР. № 2. — НЕВСКІЙ ПР. № 66.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

В. № 10448
13-3

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1813 году
Спб., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
600 и 550 рублей
ПИАНИНО въ 450, 500 и 480 р.
Прейсъ-куррантъ высылается
бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Бузнецкій м., д. Захаркина;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Бѣлѣ: Ф. И. Шрейбъ;
въ Тифлисѣ: В. М. Мирманіанъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 20-21
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІА ЕДИНСТВЕННО** Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о.

НОВОСТЫ

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

„Петроль“

№ 10543 8-1

НОВОСТЫ!

Дѣтоточная вода

ЛЕВКОЙ

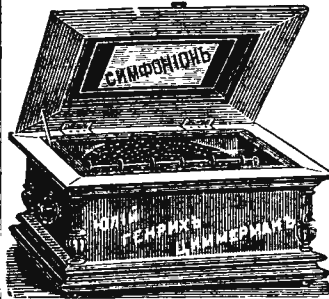
ПОСТАВЩИКОВЪ

Высочайшаго Двора

А. Ралле и К^о.

За флаконъ

60 к. и 1 р.

СИМФОНІОНЫ

съ ручкой 4 р. 50 к. Пьесы по 20 к. Заводы. 40 тонн. 9 р. Пьесы по 20 к. Заводы. 60 тонн. 27 р. Пьесы по 45 к. Заводы. 84 тонн. 36 р. Пьесы по 60 к. Заводы. 84 тонн. Sublime Harmonie 65 р. Пьесы по 75 к. Заводы. Sublime Harmonie Piccolo 90 руб. Пьесы по 90 к.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ

цѣна 5 руб. Ноты по 15 коп.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

цѣна 17 руб. Ноты по 45 коп.

Заказъ изъ провинцій исполняется немедленно и аккуратно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ГЕРОФОНЪ съ приснос. для громкой и тихой игры 23 руб. Ноты по 45 коп.

ИНТОНА (МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ)

цѣна 8 руб. Ноты по 30 коп.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

цѣна 23 руб. Ноты по 60 коп.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 50 р. Ноты по 90 к., 1 р. 30 к. и дороже.

ПИАНО-МЕЛОДИКО

(новый механизмъ, инструментъ со струнами) цѣна инструмента безъ нотъ 65 и 70 р. Ноты отдѣльно по 60 коп. за метръ (= 1 1/2 арш.).

САМОИГРАЮЩІЙ

ПИАНО-ОРКЕСТРІОНЪ

механической музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цѣна безъ нотъ 200 и 250 р. Ноты по 60 коп. метръ.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и значно профессоръ иеомония С. Физинштейнъ. Одесса, ул. Пущинской и Бах. ул., собственнй домъ, № 28. Условія и брош. (въ 33 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10431 20-6

TEINTURE

Instantanée

NIGRITINE

NOIR, CHATAIN, BRUN

GELLÉ FRÈRES

6, Avenue de l'Opéra, 6

PARIS

ЗАЙКАНИЕ

дѣлится въ лечебномъ учрежденіи И. И. Гиммлера. Москва, Новая Басманная, д. Данина. ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІЮ

Условія выслаются бесплатно.

400 до 1000 р.с.

въ годъ можно заработ., работ. дома на пов. извѣстн. машинѣ. Часокъ вынется въ 1/4 час. Маш. оч. проста; даже ребен. мож. работ. на ней. Ищутъ агентовъ. Корресп. по Франц., нѣм., англ., шведск. Подр. объявл. бесплатно. M. NAVY, 67 Southwark str. 67. LONDON. S. E.

БЛИКЕНОДЕРФЕРЪ новѣйш. вышущ. машина. По прочисти и красиво-му шрифту равна самымъ дорогимъ машинамъ; по удобству превосходить таковыя. Цѣна 100 р. Каталогъ бесплатно. 5-3 З. Наппманъ и К^о СПБ, Горюхова, 17.

ПОЛЕЗНЫЯ и необходимыя вещи въ каждомъ хозяйствѣ найдете, если выпишете мастеръ. прѣдъ-курать торговою фирму

С. Чертовъ, Ростовъ н/Д, который высылается за 4 сем. коп. марки, каковая сумма возвращается при первомъ заказѣ на сумку не менѣе 3 руб.

ПАРОВАЯ КРАСИЛКА ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА А. ДАНЦИГЕРЪ.

ОСНОВАНА въ 1867 г. въ РИГѣ Магазины—Малая Кокошечная, 16. Фабрика—Рижск. просп., 48. Наибольшее заведеніе въ этомъ родѣ. Ручное за наилучшую работу и исполненіе всѣхъ возможныхъ заказовъ. 4-3 Въ ХИМИЧЕСКОМУ ЧИСТКУ и ОНРАОНУ вещи принимаются по большей части нераспороченыя. КРАШЕННЫЯ ВЕЩИ не пачкаются, а въ химически вычищенныя патна болѣе не показываются и вещи не теряютъ ни цвѣта, ни фасона. Заказы изъ провинцій исполняются точно и скоро.

ВИНО

„SAINT-LÉON“

признано

наилучшимъ

изъ тоническихъ винъ.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

КУШАНТЕ ГЕРКУЛЕСЪ.

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб. въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшения, какъ равно послѣднія дѣлкія и заграничн. новости. Любимыя елочныя въ каждой коллѣкціи! Кроме того исключительно въ этой коллѣкціи приложены оригинальныя китайскія фонарики, и затѣмъ еще весьма практичный и удобный аппаратъ для замиганія и тушѣнія свѣчей, во вышерозведенному расуку. Болѣе подробныя свѣдѣнія благоволите усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г. Высылка наложеннымъ платежомъ. ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцовъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА: ХАРАКТЕРЪ И ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ. Составилъ Кейрѣ. Переводъ съ фр. подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. Цѣна 40 г.

ТРЕБУЙТЕ для свѣтлой КОЖИ ЛИЦА ИРУНЪ и ОТЪ ЗАГАРА КРЕМЪ ОРИЗА Пр. В. ШКОЛЬ Цѣна 20 и 35. Прѣдлагаются

Дѣшевая продажа эфедры, травы Нутрии. Самый высшій сортъ, въ цвѣтѣ, боровая и тонкая 3 р. и 2-й сортъ 2 р. ф., 10 р. пудъ; за наличныя деньги поросма ноз, а наложеннымъ платеж. верос. въ счетъ купона. Прилагаю наставленіе о приготоян. и употребл. ея. Адресъ: г. Бугурусланъ, Самарск. г., Гаврилу Яковлевичу Попову.

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОМЪ МѢСТѢ АНТИПАРАЗИТЪ ОТЪ КЛОПОВЪ Л. СТОЛКИНДЪ

Продается безд. Главныи складъ Москва Лѣвнскій прѣздъ д. Смольянинова Нижегород. Ярмарка, Главныи домъ № 37. Л. Я. СТОЛКИНДЪ.

На выставкѣ 1897 года въ Стокгольмѣ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ Братья К и С Поповы получена ВЫСШАЯ НАГРАДА—золотая медаль „ЗА ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ ЧАЙ“.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 43

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 25 октября 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое наданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ первое полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За границу.	10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Последніе листья. Съ акварели С. Ендогурова (собств. „Нивы“), грав. Хелмицкій.

Удалъ.

Историческая повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

VII.

Братчина.

Вскорѣ послѣ этой великой побѣды Мстиславъ пожалъ и плоды ея.

Князь Юрій съ поля битвы бѣжалъ во Владиміръ. Тамъ рѣшили отбиваться отъ новгородцевъ, которые 29-го апрѣля подступили къ этому городу. Въ ту же ночь, какъ они обложили Владиміръ, въ немъ загорѣлся княжескій дворъ. Новгородское войско, при видѣ зарева на ночномъ небѣ, надъ вражьемъ убѣжищемъ, такъ все и всколыхнулось. Всѣ сердца еще горѣли воодушевленіемъ недавней побѣды, всѣ рвались къ новому бою, всѣ требовали приступа.

Но Мстиславъ, поглаживая медленно усы, впрочемъ, уже больше не прищуривая своихъ ясныхъ глазъ, удержалъ рать. Между тѣмъ, во Владиміръ пошли пожары за пожарами. Зареву такъ и стояло надъ нимъ всѣ ночи до разсвѣта. Смольняне, думая не покоряться Мстиславу, чужому князю, добыть городъ—своему, снова потребовали приступа. Но Владиміръ, ихъ князь, взглянувъ пристально на Мстислава и видя, что тотъ продолжаетъ молча гладить усы, удержалъ своихъ людей. Городъ Владиміръ продолжалъ горѣть. Князя Юрія вообще не любили и, можетъ-быть, сами владимірцы выживали его отъ себя этими поджогами: малоспособный и надменный, онъ только тиготилъ ихъ.

Понявъ это, вѣроятно, и Юрій. Наконецъ, онъ прислалъ Мстиславу челобитие о готовности сдаться. Мстиславъ только усмѣхнулся. Онъ это предвидѣлъ. Онъ рѣшилъ посадить на княженіе во Владиміръ Константина Ростовскаго, а Юрія въ утѣшеніе отдать Городецъ. Все такъ и произошло. Юрій сдался и покорился во всемъ.

Между тѣмъ, братъ его, Ярославъ, бѣжалъ съ разгрома на Тунегѣ въ Переяславль. Тамъ онъ заковалъ всѣхъ бывшихъ въ городѣ новгородцевъ и смольнянъ, и засадилъ ихъ въ подвалы и душные землянки. Больше ста человекъ при этомъ задохнулось. Это была послѣдняя вспышка безсильной ярости мучителя новгородцевъ. Мстиславъ двинулся отъ Владиміра къ Переяславлю. При вѣсти о поступкахъ Ярослава онъ поблѣднѣлъ и опять сощурилъ глаза.

Но и Ярославъ смирился. 9-го мая онъ бѣжалъ въ передовой отрядъ своихъ враговъ, къ брату своему Константину, отдавшись на его полную волю, умоляя не выдавать его только Мстиславу. Но Мстиславъ съ главнымъ войскомъ вскорѣ подошелъ. Видя полное униженіе Ярослава, онъ опять пересталъ щурить глаза. Онъ даже не выказалъ никакого гнѣва и мстительности къ Ярославу, онъ только, съ холоднымъ презрѣніемъ къ этому трусу-злодѣю, потребовалъ, чтобы всѣ задержанные новгородцы были выпущены, и не позволялъ больше оставаться у Ярослава его женѣ, своей дочери. Ярославъ покорился всему, содрогаясь отъ безсилія и злости.

Тогда новгородцы, съ Мстиславомъ во главѣ, и его дочерью, увезенною отъ мужа,—въ обозѣ, двинулись полными побѣдителями въ Новгородъ Великій. Ликованіе было безмѣрное. Сама природа, сама весна, поздняя въ этомъ году, но, наконецъ, расцвѣтшая во всей своей силѣ, помогала счастью побѣдителей. Липовыя почки распустились на деревьяхъ, и войско шло въ родной городъ, обвѣваемое ихъ первымъ нѣжно-сладкимъ благоуханіемъ. Забытъ былъ прошлогодній полустлѣвшій листъ этихъ деревьевъ, питавшій новгород-

цевъ голодной зимою, при видѣ новой, юной, легкой, какъ свѣтлозеленый пухъ, свѣжей, утопающей въ солнцѣ зелени деревъ.

Не вспоминали даже, что недостатокъ припасовъ не устраненъ вполнѣ; походъ, хотя и побѣдоносный, поглотилъ много средствъ, и безъ того въ ту пору не обильныхъ у Новгорода. Не обращали вниманія и на то, что поздняя, какъ-то разомъ, послѣ долгой задержки, хлынувшая весна, вслѣдъ за богатой снѣгами зимою, грозила наводненіями, столь часто сокрушавшими мосты на Волховѣ и затоплявшими въ Новгородѣ цѣлыя улицы. Полноводность рѣкъ, текшихъ бурливо, только что сбросивъ оковы льда, какъ будто не пугала возвращавшихся домой воиновъ, а наоборотъ веселила, соотвѣтствуя ихъ ликующему настроенію своимъ сильнымъ, сверкающимъ на солнцѣ, играющимъ волнами и пѣной теченіемъ.

Забывалась самая трудность пути по почвѣ, полной влаги, какъ тундра: какъ ни трудно было идти по такимъ мѣстамъ, какъ ни вязли ноги и „товары“ (по тогдашнему—военный обозъ), лужи и мокрая проталины блестя особенно радостно на черной, сочной, взрытой ногами воиновъ землѣ, на которой пробивалась всюду юная, короткая травка. Когда же приходилось артелью вытаскивать безнадежно погружившіеся везы,—какъ это ни было тяжело, это дѣлалось съ оживленными криками, прибаутками, хохотомъ, пѣснями, на которыя новгородцы были большіе мастера и охотники.

Дни же стояли солнечные, теплые, отъ земли поднимался густой влажный паръ. И не хотѣлось вѣрить, что его веселыя „лебяжьи“ облака грозятъ скониться въ тучи и грянуть продолжительнымъ ливнемъ, который вызоветъ неизбежное наводненіе. Какое дѣло новгородцамъ до этого, когда позади ихъ великая побѣда, а впереди—спасенный со всѣми своими вольностями родной городъ, а главное: этотъ князь, этотъ всѣмъ сердцемъ горячо любимый, вновь обрѣтенный и всѣхъ еще болѣе восхищавшій своими подвигами—Удалой.

Вонъ онъ ѣдетъ на конѣ, небрежно опустивъ поводъ, рядомъ съ повозкой своей дочери, жены Ярослава, и ясными глазами, подернутыми какой-то поволокой счастья, смотритъ въ кроткіе глаза молодой жѣнщины, не любившей мужа и обожавшей отца, на котораго она такъ походила глазами, большими, свѣтлыми, лазурными. Ее выдали ребенкомъ, по тогдашнему обычаю, за дружественнаго тогда князя; она покорилась, терпѣла, и вотъ, наконецъ, освобождена своимъ побѣдоноснымъ чародемъ-отцомъ. И оба они счастливы: и отецъ, и дочь, она—тѣмъ, что онъ пожалѣлъ ее, наконецъ, вырвалъ изъ рукъ Змѣя Горыныча, онъ—тѣмъ, что понялъ свою вину передъ дочкой и поправилъ властной рукой ея бѣду.

И смотреть на нихъ рать, и ликуетъ, точно и освобожденіе Мстиславовны отъ Ярослава—не меньшее счастье, чѣмъ освобожденіе отъ Ярослава самого Великаго Новгорода. И Добрыня, ѣдущій верхомъ рядомъ съ повозкой Ивора, гдѣ лежитъ все еще не оправившійся отъ паденія въ оврагъ воевода, смотритъ на князя, на княгиню, и что-то нѣжное шевелится въ его груди, жажда чего-то неиспытаннаго, еще непонятнаго; и уколъ боли вонзается въ сердце Добрыни: почему-то теперь, среди такого расцвѣта весны, при взглядѣ на счастливыхъ отца и дочь, ему опять, нѣтъ, нѣтъ, да

и вспомнится златокудрый юноша-суздалецъ, павшій подъ его ударомъ. И занеетъ сердце, и захочетъ чего-го.

Это ощущение томило Добрыню весь путь до Новгорода. Когда же рать вошла въ городъ, при ливющемъ звонѣ колоколовъ, пѣннн церковныхъ клировъ, радостномъ гулѣ толпы, которой, улыбаясь, какъ красное солнышко, киваль съ своего коня Удалой князь, Добрыня забылъ все. Онъ самъ ликоваль всѣмъ сердцемъ. Возликоваль онъ еще больше, когда князь, вскорѣ послѣ прибытія въ Новгородъ, позваль его къ себѣ, въ княжой дворъ, объявилъ его торжественно своимъ дружинникомъ, подарилъ ему „вѣно“—землю въ Водской волости Новгорода, и отсыпаль изъ боевой добычи хорошую долю гривенъ.

— Не меня благодари! Удадь свою благодари!—весело твердилъ князь на его низкіе поклоны.

Добрыня сейчасъ же выкунилъ обратно свой дворъ на Людиномъ концѣ, и зажилъ своимъ хозяйствомъ, ухаживая, впрочемъ, какъ сынъ, за медленно оправлявшимся Иворомъ. И когда онъ устроился совсѣмъ хозяйственно,—ему вдругъ опять вспомнился мертвый юноша-суздалецъ,—и жажда чего-то тайной болью опять заняла въ его груди. Онъ былъ одинокъ на своемъ дворѣ. Онъ принималъ вольныхъ смердовъ-наймитовъ для хозяйства своего и въ Новгородѣ, и въ своей новой Водской усадьбѣ. Но среди слугъ одиночество его сказалося какъ будто еще болѣе.

Оно начало, наконецъ, такъ томить Добрыню, что ему захотѣлось забиться въ чемъ-нибудь. Особенно когда грянулъ, почти на недѣлю, ливень, и пришлось сидѣть въ избѣ—Добрыня совсѣмъ истосковался. Но ливень, веселый весенній ливень, прекратился, оставивъ зеркально сверкающія лужи; новгородцы повалили на улицы. Душа у нихъ, особенно у молодежи, все еще колыхалась отъ недавняго ликованія. Отъ пѣсенъ, плясокъ, смѣха на улицахъ стонъ стоялъ. Цѣлыя артели, товарищества, братчины, столь обычные въ ту пору въ Новгородѣ, толпами, безцѣльно, съ пѣснями и прибаутками, бродили по городу, мѣся часто босыми ногами свѣжую весеннюю грязь.

То и дѣло устраивались братчины-пиры. Товарищи по полку, по ремесленному цеху, по церковному приходу, наконецъ просто уличане, жители одной улицы, выбирали день, болѣею частью день приходскаго праздника, по голосамъ избирали старшину пира-братчины, которую и называли по празднику: Никольщиной, Покровщиной и т. п., налагали на каждого „ссынь“—доставку части провизии, хлѣба, миса, овоща, рыбы, брати, меда, и устраивали или за городомъ, или на площади общій для побратенниковъ пиръ.

Тѣшились въ промежутки пира удалыми играми, особенно же разбиваіемъ бочекъ дубинами, кивутыми издалека. Послѣ пира пѣли хоромъ. Почти каждый новгородецъ, съ молодыхъ лѣтъ, въ школахъ, при церквахъ, обучался пѣнію—одному изъ первыхъ предметовъ науки въ Новгородѣ Великомъ. Голосистыхъ тоже было много среди здоровыхъ, жизнерадостныхъ новгородцевъ. На пѣніе сходились дѣвушки уличанки. Подтягивали добрымъ молодцамъ. Начинались хороводы, пляски.

Вотъ про такую-то братчину, наавтра, послѣ того, какъ стихъ ливень, услышалъ Добрыня. Затѣяли ее его уличане. Онъ тотчасъ же послалъ выбранному старшинѣ свою долю „ссыни“, и послалъ очень большую, не желая уронить чести новаго любимца князя, да какого князя! Ему хотѣлось прочь отъ своего одиночества на народъ, въ шумъ, толкотню.

Пиршество было устроено на лужайкѣ, между ручьевъ Гзени и Копони. Поставили длинный, сколоченный изъ досокъ столъ, обставили его для сидѣнья обрубками деревъ, заставили блюдами, сулеями, туязами, коври-

гами, стопами. Послѣ обѣдни въ приходѣ, молодежь, окружая приходскаго попа, повалила на мѣсто братчины. Подъ благословилъ снѣдь, выпилъ чарку браги и ушелъ, чтобы не видѣть „бѣсовскихъ потѣхъ“, противъ которыхъ сильно вооружалось старшее духовенство Новгорода.

А братчики, въ томъ числѣ и Добрыня, разряженный, даже съ особенно устроенной, модной въ ту пору, прической (по названью кикой), приличной молодому дружиннику-щеголю, сѣли за пиръ. Но пили пока и чокались золочеными стопами и турьими рогами (мнogie были даны на время братчинъ изъ новаго обзаведенья Добрыни) умѣренно. Предвидѣлись удалыя игры и послѣ уже настоящій пиръ горой. Потомъ всѣ встали и еще сдержаннѣе, осторожнѣе, сохраняя молодое достоинство, какъ будто вяло, съ лѣнливой раскачкой, побрели на лужокъ, гдѣ стояли и лежали разной величины бочки.

Началась борьба: бились на кулакахъ, боролись, ухвативъ другъ друга подъ-мышки, тянулись на палкахъ; все прилично, въ шутку, весело. Впрочемъ, иногда уже увлекались и мяли другъ другу бока изрядно. На нѣкоторыхъ расчесанныхъ и умащенныхъ душистыми маслами головахъ появились сыняки и подтеки, которыми, впрочемъ, только гордились.

Добрыня не принималъ участія во всемъ этомъ. Онъ только любовался; впрочемъ, его ретивое уже загоралось жаждой помѣряться съ добрыми молодцами. Но онъ выдерживалъ достоинство боевого героя и дружинника. Только когда всѣ отошли подальше отъ бочекъ къ самому широко разлившемуся теперь ручью Гзени, Добрыня почувствовалъ, что теперь не выдержитъ.

Одинъ, совсѣмъ молодой паренекъ, первый взялъ дубинку изъ кучи ихъ, лежавшей на берегу. Онъ взвѣсилъ дубинку, прицѣлился ею, поднесъ ее къ самому глазу, въ одну изъ бочекъ, и вдругъ, осѣвъ на ногахъ назадъ, взмахнулъ дубинкой и пустилъ ее въ бочку. Дубинка просвистѣла по воздуху и пролетѣла мимо. Взрывъ всеобщаго хохота покрылъ неудачника. Тогда выступилъ другой, постарше, покрупнѣе. Онъ взялъ дубинку побольше, цѣлился очень долго и, когда короткимъ, отрывистымъ взмахомъ руки пустилъ дубину, она пролетѣла такъ быстро, что точно даже не успѣла свистнуть. Громыхнувъ объ дно бочки, она растреснула его и ушла внутрь, глухо загудѣвъ.

Добрыня не выдержалъ. Онъ сбросилъ легкій, франтоватый опашень изъ алой камки на-земь, засучилъ рукава исподняго платья изъ сиреневаго полубархата, для свободы движенія разстегнулъ серебряныя застежки на груди, и врылся покрупнѣе желтыми сапожками съ острыми носками въ землю, мокрую и жидкую. Одинъ изъ братчиковъ подаль ему предупредительно дубинку, тщательно выбравъ ее получше. Добрыня кивнулъ ему, взвѣсилъ дубинку на рукѣ, вытянулъ съ нею руку и сказалъ:

— Не хитрость пробить плоское днище, вотъ бокъ пробей. Онъ горбомъ. Попробуй-ка его!

И, еще не кончивъ этихъ словъ, съ которыми сейчасъ же согласилась вся братчина, одобрительно загудѣвъ, онъ какъ-то слегка дернулъ дубину, прищуривъ одинъ глазъ, и дубина ужъ летѣла, какъ стрѣла. А черезъ мгновенье она ударилась молніей въ бокъ небольшой платной бочки, и бочка, какъ стеклянный стаканъ, разлетѣлась въ мелкія щепы, вся кракнувъ рѣзкимъ, короткимъ звукомъ.

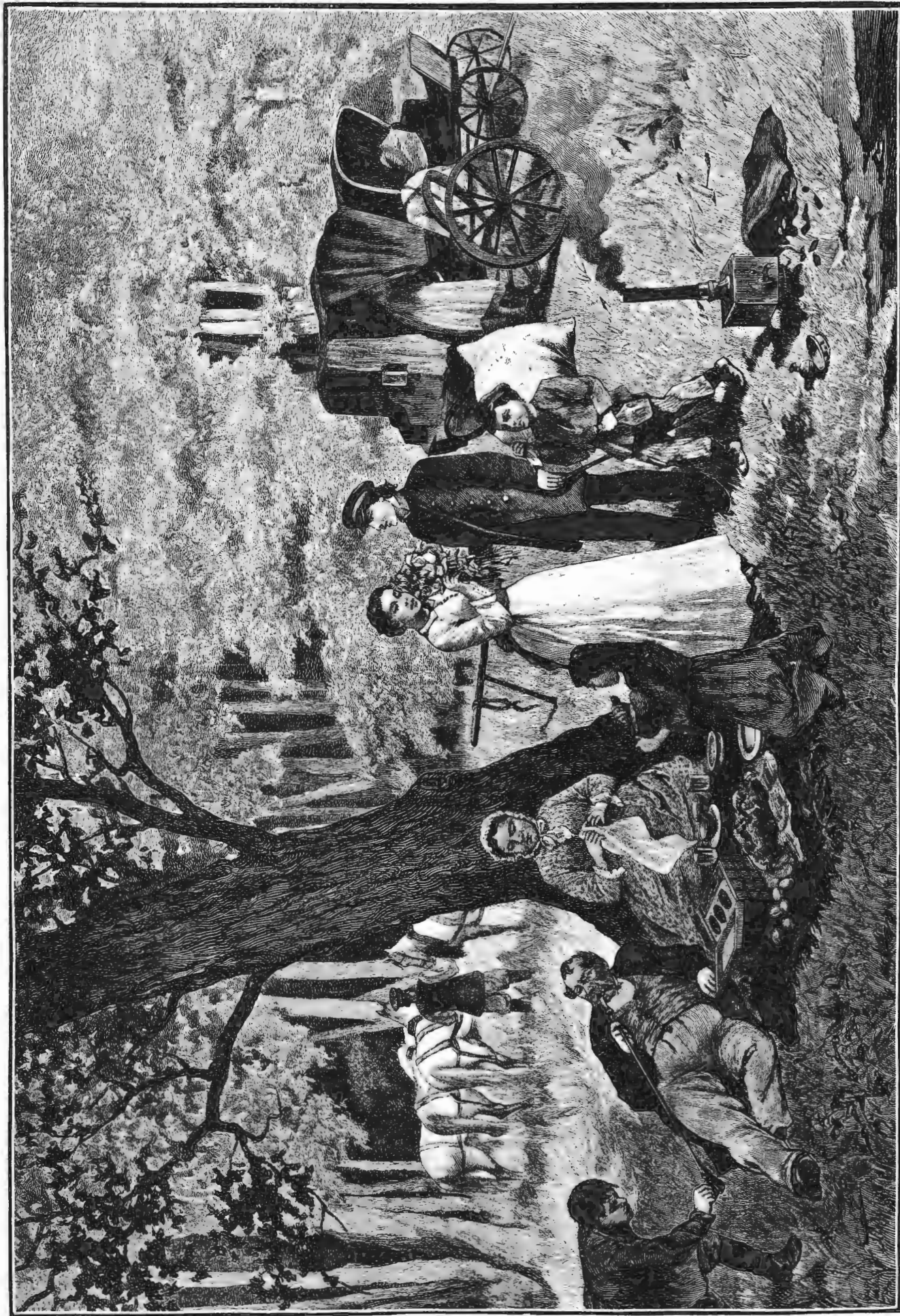
Братчина возликовала, дивясь этому образцовому удару. Всѣ закричали, зашумѣли. Но въ то же время раздались совсѣмъ другіе звуки. Изъ города на лужайку бѣжала цѣлая безпорядочная, напуганная толпа.

— Потопаемъ!—кричали въ смятеніи эти люди.—Захмелѣлъ Волховъ-батюшка!

Мимоходомъ. Съ карт. Г. Раиъ, грав. Креель.

Старый помѣщикъ въ дорогѣ (на долгихъ). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) к. Труговскаго, грав. Флюгелъ.

VIII. Русалка.

Когда добрыня, весь еще въ гордомъ торжествѣ своего удара дубинкой въ бочку и радостный отъ успѣха этого удара въ глазахъ побратенниковъ, услышалъ крикъ: „Волховъ-батюшка захмелѣлъ!“, въ его головѣ мелькнуло одно: Иворъ, еще слабый, не совсѣмъ владѣющей ногами, можетъ легко погибнуть въ наводненіе.

Забывъ все: свое недавнее торжество, веселую братчину, опасность разлива Волхова для собственнаго, такъ недавно еще пріобрѣтеннаго, благодаря князю, имущества, онъ бросился бѣжать, даже не поднявъ кинутаго на землю опашня, къ Прусской (или Порусской, какъ говорили еще задолго до Ярослава Мудраго) улицѣ, гдѣ стоялъ дворъ Ивора Михайловича.

Добрыня для удобства и сокращенія пути побѣжалъ по берегу ручья Гзена, который уже и тамъ, гдѣ пирировала братчина, бурлилъ и зловѣще надувался. Добрыня, не помня себя, не замѣтивъ какъ разсѣялась вся братчина и прибѣжавшіе изъ Новгорода испуганные люди, летѣлъ стрѣлой по рытвинамъ размытаго ручьемъ побережья. Онъ перескакивалъ черезъ проталины со всею быстротою своихъ сильныхъ молодыхъ ногъ воина, привыкшаго къ бѣгу во время пѣшихъ схватокъ.

По берегу Гзена онъ добѣжалъ до Наревскаго конца города. Тамъ, протекая у самаго крѣпостнаго вала, Гзень впадалъ въ Волховъ. Но передъ Добрыней теперь была не рѣка, а цѣлое бурное темно-свинцовое, мутное и пѣнное, несмотря на солнечный день, какъ будто отражающее тучи, озеро. То былъ несомнѣнно старикъ Волховъ, который, дѣйствительно, охмелѣлъ отъ недавняго ливня, перескочилъ всѣ берега и бушевалъ на просторѣ, кувыркая въ своихъ волнахъ обломки крышъ, заборовъ, цѣлыя деревца яблонь, тополей и липъ, вырванныхъ изъ почвы съ корнемъ, землистымъ, мохнатымъ, точно съ наслажденіемъ обмывавшимся въ бѣшевыхъ волнахъ разлива.

Остановившись передъ этимъ бурнымъ воднымъ пространствомъ, за которымъ виднѣлись, точно острова, зданія и храмы города, — Добрыня не зналъ, что ему дальше дѣлать. Набатный звонъ церковныхъ колоколовъ несся призывной жалобой подъ яснымъ голубымъ небомъ. Вдали были слышны крики, вопли. Добрыня не ожидалъ, что разливъ въ такое короткое время дойдетъ до такихъ размѣровъ. Давно ли онъ безмятежно веселился съ братчиной у береговъ, правда, вздувагося Гзени! Разлива уже нѣсколько дней всѣ боялись. Но когда ливень прекратился, всѣ какъ-то легкомысленно подумали, что и опасность миновала. Разливы были часты въ Новгородѣ и много вредили его жителямъ. Бывало, задолго, замѣчая ихъ признаки, новгородцы принимали отъ нихъ возможныя мѣры. Но теперь, утопая въ восторгѣ своихъ побѣдъ и успѣховъ, они пренебрегли опытомъ прошлаго. Они точно не хотѣли знать ни про какую опасность, ни про какую возможность новаго горя. Да и состояніе рѣкъ и ручьевъ, которыхъ въ ту пору близъ Новгорода было много (гораздо болѣе многоводныхъ, чѣмъ теперь), не было, до самаго послѣдняго часу, такъ устрашающе, чтобы, дѣйствительно, ждать неперемѣнно скорого разлива.

И Добрыня, стоя теперь на валу у слиянія Гзени и Волхова, обратившись въ одно бурное озеро, — только тогда понялъ внезапность разлива, когда замѣтилъ прежде имъ не замѣченный сильный вѣтеръ. Онъ трепалъ волосы Добрыни, безжалостно разрушая его прическу — кичу. Онъ гналъ неудержимо воды Волхова въ одну сторону, кидая ихъ одну на другую такъ быстро, что онѣ разбивались другъ о друга и пѣна ихъ и брызги долетали до лица Добрыни, точно сѣкли это лицо холодными мокрыми прутьями. Сперва Добрыня

подумалъ, что этотъ вихрь происходитъ отъ самого разлива, отъ движенія воды, но понялъ, что онъ не могъ въ тогда быть такъ силенъ. Очевидно, онъ поднялся внезапно — и разомъ двинулъ накопившіяся воды Волхова.

Но что же было дѣлать Добрыню? Прямой путь на Прусскую улицу пресѣкалъ разливъ. Бѣжать по валу, — опишешь только бесполезный кругъ. Броситься по валу хоть до своего Людинаго конца? Но тамъ разливъ, вѣроятно, сильнѣе: тамъ и безъ того есть цѣлое озеро, называемое Жидическимъ плесомъ.

Въ то время какъ Добрыня соображалъ все это, — онъ вдругъ увидѣлъ, что издали, прямо на него, волны разлива мчатъ пустой, полуразбитый ушкой, длинную узкую легкую лодку, изъ тѣхъ, какія новгородцы употребляли въ походахъ: эти лодки были и очень легки, чтобы перетаскивать ихъ волокомъ, когда нужно, по суху, и очень вертки, чтобы быстро поворачиваться въ водѣ во время боя. Ушкой, летѣвшей теперь по волнамъ къ Добрыню, былъ, очевидно, старый, кончившій свою боевую службу и сданный для домашнихъ дѣлъ какимъ-нибудь рыбакамъ, съ пристани которыхъ его и оторвало разливомъ. Онъ былъ совсѣмъ черепъ отъ ветхости и вѣвшея смолы. Черной полоской рѣзко выдѣлялся онъ на мутно-синихъ волнахъ, и пѣна, взбиваясь у его высоко поднятаго носа, бѣлѣла особенно ясно.

Вдругъ Добрыня понялъ, что ему надо сдѣлать. Пристально смотря на приближавшійся ушкой, онъ сбросилъ свой синелевый камзолъ, нѣсколько нѣмецкаго фасона (работы того шведа съ Варецкой улицы, который шилъ и боярину Ивору). Сорвавъ желтые сапожки съ ногъ, при чемъ на ступняхъ оказались синія обертки изъ мягкой камки, которыя онъ также стряхнулъ, Добрыня остался въ блѣдно-розовой шелковой рубахѣ-косовороткѣ и темныхъ штанахъ плотной матеріи, напоминавшей саржу — босой, съ засученными рукавами рубахи (онъ засучилъ ихъ еще, когда готовился бросить дубинку въ бочку).

И слегка нагнувшись, уже готовясь къ предстоящему прыжку, онъ жадно слѣдилъ, когда ушкой поравняется съ мѣстомъ, гдѣ онъ стоялъ. И едва ушкой поравнялся, сильнымъ толчкомъ ногъ въ землю Добрыня взвился надъ валомъ, надъ водой и, перелетѣвъ аршина два съ половиной, рухнулъ въ ушкуй такъ, что тотъ взбросилъ высоко носъ надъ волнами и едва не захлебнулся водой. Но Добрыня, который и не сомнѣвался въ ловкости своего прыжка, — онъ былъ мастеръ и на это — уже стоялъ на днѣ ушкуя, крѣпко балансируя на разставленныхъ ногахъ.

Когда онъ привелъ лодку въ полное равновѣсіе, — уже пролетѣвъ на ней сажени двѣ по водѣ, — онъ приступилъ къ тому, что ему теперь слѣдовало дѣлать и что онъ уже заранѣе обдумалъ. Быстро наклонившись, онъ сильнымъ движеніемъ обѣихъ рукъ разомъ оторвалъ отъ дна ушкуя длинную, тонкую и узкую доску, которая была прибита къ дну, какъ это обыкновенно, хотя и не безусловно всегда, дѣлалось для того, чтобы на углубленномъ днѣ было удобнѣе стоять. Потомъ онъ повернулъ эту доску, на его счастье довольно еще крѣпкую, какъ длинное весло въ рукахъ и, опуская то одинъ, то другой ея конецъ въ воду, началъ грести ею и направлять лодку.

Сперва это ему не удавалось. Доска гнулась и вырывалась изъ его рукъ при напорѣ на нее воды. Но онъ быстро изловчился, поставивъ доску какъ-то полудребромъ къ теченію — и лодка, содрогаясь и безсильно сопротивляясь повороту, пошла туда, куда онъ хотѣлъ — то-есть къ Прусской улицѣ. Убѣдившись, что онъ успѣлъ въ своемъ желаніи и продолжая неумоимо грести, перекидывая доску съ одного борта ушкуя на другой, Добрыня теперь оглядѣлся.

Разлившійся Волховъ плескалъ и пѣнился вокругъ него на довольно большое пространство. Обломки крышъ, заборовъ, стѣнъ, въ видѣ досокъ и бревень, мелькали все чаще и нерѣдко сильно толкались въ лодку, вагреннивая ее и задерживая. Но Добрыня ловко балапсировалъ на ней и ногами, и всѣмъ тѣломъ, и доской-весломъ.

„А знатный бы изъ меня вышелъ ушкуйникъ, — подумалось ему. — Да, чего добраго, и сталь бы ушкуйникомъ, возьми меня Иворъ Михайловичъ не въ други, а въ рабы-одерни, какъ я просилъ. Не стерпѣлъ бы неволи, хоть съ голода изъ-за куска и кипулся въ нее, — бѣжалъ бы изъ Великаго Новгорода въ какой-нибудь Хлынвъ-городъ, рѣчнымъ разбоемъ жить!“

Но пока эти думы, подобно быстрымъ взволнованнымъ водамъ Волхова, мелькали въ его головѣ, глаза его ужъ присматривались къ чему-то бѣлому, что трепетало надъ самой поверхностью Волхова, точно надъ самыми волнами летѣла чайка, которая взмахивала бѣлыми крыльями. Въ первое мгновеніе онъ и подумалъ, что это чайка. Но потомъ вдругъ понялъ, что это такое.

И быстро, чуть не переломивъ согнувшуюся доску-весло, повернулъ лодку къ этому бѣлому предмету. Зоркій взглядъ воина и охотника уже рассмотрѣлъ человѣческую голову съ длинными свѣтлыми волосами и еще чѣмъ-то бѣлымъ на нихъ. Она сейчасъ же поняла, что это женщина, изнемогая, борется съ волнами, — и взмахами крыльевъ ему показались въ отдаленіи взмахи ея бѣлыхъ рукъ.

Онъ быстро убѣдился въ своей догадкѣ. Едва ушкуй, направляемый имъ, почти коснулся этой ныряющей головы своимъ острымъ чернымъ носомъ, — Добрыня вмигъ разглядѣлъ полуовязанную бѣлымъ платкомъ, въ родѣ убруса, женскую голову. Волны уже покрывали ее своими всплесками. Всего яснѣе бросилась въ глаза Добрыни взмахнувшая блѣдная рука. Но эта рука, — нѣжная, небольшая, ослѣпительно бѣлая, — только взмахнулась и сейчасъ же погрузилась въ воду.

И вдругъ въ памяти Добрыни вспыхнула яркимъ видѣніемъ нѣжная, почти женская, блѣдная рука убитаго имъ юноши-суздальца, — рука мертвая и безжизненная, — такая, какую онъ видѣлъ, кидая послѣдній взглядъ на тѣло своего поверженнаго врага. Мгновенная боль прожгла сердце Добрыни — и еще болѣе мгновенно, вышустивъ доску-весло, которая упала на дно лодки, онъ нагнулся надъ волнами и выхватилъ изъ нихъ, высоко поднявъ, женское тѣло въ намокшей одеждѣ.

Вода градомъ хлынула на него съ промокшаго насквозь лѣтника, волосъ, съ которыхъ теперь свалился убрусъ, и они, свѣтло-лѣняные, хотя и потемнѣвшіе отъ воды, мокрымъ каскадомъ повисли съ женской головы, — длинные, необычно длинные и густые. Добрыня опустилъ въ лодку это молодое, стройное нѣжное тѣло, прелестныя формы котораго ясно очерчивала обмокшая, облипшая ихъ одежда.

Небольшія ступни ногъ, бѣлыхъ какъ лебяжій пухъ, но теперь посинѣвшихъ, были босы. Утопавшая, вѣроятно, сбросила обувь уже въ водѣ. Теперь она находилась въ безпачетствѣ, въ которое впала, можетъ-быть, въ тотъ самый мигъ, какъ Добрыня выхватилъ ее изъ воды, не успѣвшую еще захлебнуться.

И вотъ она лежала на днѣ челна лицомъ вверхъ, къ небу, съ закрытыми глазами, блѣдная какъ воскъ, нѣжная, безсилая, почти мертвая. Добрыня глядѣлъ на это юное омертвѣвшее лицо, съ темными тонкими бровями, съ длинными темными рѣсницами, упавшими бархатной тѣнью отъ полукруглѣй блѣдныхъ вѣкъ, опу-

щенныхъ на еще болѣе блѣдныя, слегка пушистыя, даже въ ихъ влажности, щеки.

Добрыня сталь на одно колѣно и смотрѣлъ на это лицо, забывъ грести и управлять челномъ, какъ будто теперь ему было все равно, куда понесетъ его бушующій разливъ. Грудь его жгла непонятная боль. На мгновеніе ему показалось, что онъ спитъ или бредитъ.

Ему казалось, что онъ видитъ не лицо неизвѣстной женщины, а лицо суздальца-юноши, мертвое, безнадежно-мертвое, прелестное лицо.

Но это лицо не было мертво. Нѣжныя полукруглѣй вѣкъ и бархатныя рѣсницы уже замѣтно двигались. И вдругъ темные большіе женскіе глаза разомъ открылись. Они были мутны. Тупое недоумѣніе стояло въ нихъ. Оно перешло въ испугъ... Глаза прояснѣли и, очаровательные въ своей жалобной мольбѣ, остановились на глазахъ Добрыни, склоненнаго надъ очнувшейся женщиной. Потомъ все восковое лицо сдѣлалось алымъ, розовымъ, щельныя губы тоже порозовѣли и, точно непроизвольно, прошептали:

— Я знаю тебя!

— Меня!? — изумился Добрыня; голосъ его дрожалъ.

— Тебя. Ты Добрыня Данславичъ! — уже громче прошептала дѣвушка и приподнялась на одномъ локтѣ на днѣ лодки.

— А ты... ты кто? — слетѣло съ губъ Добрыни.

— Я Олена Олексовна, — тихо отвѣтила дѣвушка — и, совсѣмъ приподнявшись въ лодкѣ, съ ужасомъ оглянулась вокругъ, на бурныя воды разлива.

— Не бойся, Олена Олексовна, выплывемъ! — воскликнулъ онъ, хватая со дна лодки свою доску-весло и управляя снова ушкуйемъ.

Олена сидѣла на днѣ лодки и все еще обводила полными страха глазами бушующій Волховъ. И вдругъ она начала говорить точно сама съ собой.

— Пошла я къ подружкѣ. Хотѣли вмѣстѣ идти братчину поглядѣть. Да вышли, гляжу — вода такъ и хлещетъ. Побѣжала по валу, думаю добѣгу до дому — Настя-то тоже домой вернулась. Бѣгу, бѣгу, — а вода такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Сорвалась, на бѣду, съ вала... Завертѣло меня... Да я дѣвушка сильная. Плавать могу... Поплыла... Плыву, плыву, только ужъ и не знаю, куда плыву. Духъ занялся — нырять зачала... Очи заводить стало... И вотъ, и завело.

И Олена въ изнеможеніи закрыла глаза, точно себѣ самой, для уясненія сознанія, разказавъ все это. Добрыня жадно смотрѣлъ на нее, неутомимо работая доской, и вдругъ, странно счастливо улыбувшись, сказалъ:

— А я ужъ думалъ... ты русалка? — голосъ его прозвенѣлъ слабой, нѣжной, ласкающей нотой.

Она широко открыла глаза — темно-каріе большіе, теперь совсѣмъ ясные, радостные, и остановила ихъ на Добрыни.

— Нѣтъ, тихо покачала она головой на нѣжной лебизьей шеѣ, — я дочь Олексы, Иворова Михайловичева Олексы. Оттого и тебя знаю. Видала изъ окошечка въ свѣтлицѣ, какъ ты къ боярину ходилъ.

И она, сказавъ все это съ какой-то наивной простотой, опять вся вспыхнула розовой краской и потушила глаза.

Что-то кольнуло Добрыню. Дочь Иворова Олексы! — значить — раба! Добрыня похолодѣлъ. Онъ не сказалъ больше ни слова. Онъ началъ усиленно грести. Ушкуй какъ бѣшенный прыгалъ по волнамъ, неся къ Прусской улицѣ княжого любимца и холопку-русалку.

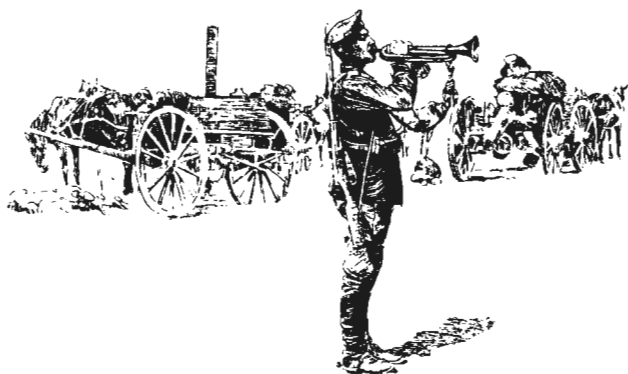
(Продолженіе будетъ.)

Большіе маневры подъ Бѣлостокомъ.

(Съ 19 рисунками Э. К. Соколовскаго.)

Смысль и значение маневровъ. — Составъ войскъ. — Историческія воспоминанія о мѣстности маневровъ. — Планъ маневровъ. — Управление арміями. — Нововведенія и усовершенствованія. — Ходъ маневровъ. — Дневка. — Бытовые сценки. — Картина главнаго боя. — Парадъ войскамъ. — Заключеніе.

Сигналъ послѣ отдыха.

I.

Большіе маневры, приводящіе въ движеніе огромныя массы войскъ, съ давнихъ временъ, считались совершенно необходимыми военнымъ упражненіемъ въ мирное время, основаннымъ на извѣстномъ изреченіи: „хочешь мира, готовься къ войнѣ“. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ образовалась „лига мира“ и возникъ ей противобѣсъ — франко-русское соглашеніе, миръ не былъ ни разу нарушенъ и — дасть Богъ — еще долго не будетъ нарушенъ, а маневры остались единственною боевою школою для войскъ „вооруженнаго мира“. Дѣйствительно, симулируя войну, большіе маневры даютъ полную возможность всемъ заинтересованнымъ лицамъ провѣрить боевую готовность войскъ съ различныхъ и многообразныхъ точекъ зрѣнія. За это, сравнительно короткій промежутокъ времени, повѣряется планъ мобилизаціи, способность желѣзныхъ дорогъ перевезти и доставить къ мѣсту дѣйствія сотни тысячъ людей, способность войскъ дѣлать продолжительныя и быстрыя переходы, выносливость солдатъ и лошадей, дѣятельность интендантской, медицинскій и обозной части, служба генеральнаго штаба, развѣдочная и авангардная служба кавалеріи, способности высшихъ командующихъ лицъ, саперная дѣятельность инженерныхъ войскъ по приведенію мостовъ и дорогъ въ исправность, дѣятельность желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ, воздухоплавательныхъ и велосипедныхъ командъ, наконецъ, — самый духъ приведенныхъ въ движеніе войскъ. Движеніе — это нервъ, самый жизненный нервъ арміи. „Вѣчный покой существуетъ только на кладбищѣ“ — и эта любимая цитата нашего энергичнѣйшаго генерала М. И. Драгомирова, какъ нельзя больше подходитъ для опредѣленія истиннаго духа военного сословія.

Въ рациональномъ примѣненіи и болѣе или меньше развитіи того или другого рода оружія играетъ, конечно, огромную роль общее культурное развитіе воюющихъ странъ. Военные успѣхи идутъ рука объ руку съ культурными успѣхами.

Чтобы яснѣе выразить эту мысль, укажемъ хотя бы на пути сообщенія. Чѣмъ эти пути совершеннѣе, тѣмъ передвиженіе арміи по нимъ быстрое; а отъ быстрого передвиженія войскъ зависитъ, конечно, успѣхъ военныхъ дѣйствій. Передвиженіе наполеоновскихъ полчищъ по нашимъ промерзлымъ и некультурнымъ, въ то время, дорогамъ, конечно, не то, чѣмъ было передвиженіе войскъ во время послѣдней франко-прусской войны по хорошо организованнымъ и оборудованнымъ желѣзнымъ дорогамъ, или хотя бы и по обыкновеннымъ, но отлично устроеннымъ и исправно содержимымъ шоссе, съ прочными и широкими мостами. Такимъ образомъ, по мѣрѣ вѣшняго культурнаго измѣненія страны, измѣняются и потребности арміи и способы ихъ обученія, снаряженія и до-вольствія.

Но со времени франко-прусской войны прошло болѣе четверти вѣка — періодъ не малый въ жизни арміи. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о передвиженіи войскъ въ военное время сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Такъ, напримѣръ, во время большихъ маневровъ подъ Бѣлостокомъ, наши желѣзныя дороги, перевезшія огромныя массы войскъ при образцовомъ порядкѣ, заслужили весьма лестный отзывъ въ недавнемъ приказѣ министра путей сообщенія.

Дѣйствительно, для бѣлостокскихъ маневровъ было собрано весьма внушительное количество войскъ. Западная армія, подъ начальствомъ командира VI армейскаго корпуса, генерала Кульгачева, состоявшая исключительно изъ войскъ варшавскаго военнаго округа, считала въ своемъ составѣ 82 батальона, 61 эскадронъ и 332 орудія. Восточная же, подъ начальствомъ

командующаго войсками виленскаго военнаго округа, генерала Троцкого, состоявшая главнымъ образомъ изъ войскъ этого же округа, заключала въ себѣ 70 батальоновъ, 79 эскадроновъ и 240 орудій. Въ общемъ же итогѣ обѣ арміи считали въ своемъ составѣ, говори общепонятнымъ языкомъ, около 4500 генераловъ и офицеровъ и 122,000 нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія, при 644 орудіяхъ.

Мѣстность, гдѣ происходили маневры, неоднократно бывала театромъ военныхъ дѣйствій. Въ 1702 году здѣсь одержалъ побѣду надъ русскими войсками Карлъ XII, и по 1708 году, въ этомъ краю, ежегодно, появлялись шведскія войска, чтобы дѣйствовать противъ русскихъ отрядовъ, выступавшихъ на защиту короля польскаго Августа. Здѣсь же, русская армія въ 1806 г., подъ начальствомъ Беннигсена, одержала побѣду надъ маршаломъ Ланномъ; а въ 1831 г. фельдмаршалъ графъ Дибичъ сражался, въ пространствѣ между рѣками Наревомъ и Западнымъ Бугомъ, съ поляками. Такимъ образомъ, въ этомъ обширномъ, растянутомъ съ запада на востокъ, треугольномъ мѣстѣ весьма много пунктовъ, дорогихъ русской арміи по своимъ военно-историческимъ воспоминаніямъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ гор. Остроленка, гдѣ, въ 1702 году, происходила рѣдъ боевъ между шведами и нашими тогдашними союзниками поляками; здѣсь же, въ 1807 году, русскіе бились съ французами, которыми командовалъ Удино и, наконецъ, въ 1831 году, русскіе одержали здѣсь важную побѣду надъ генераломъ польскихъ войскъ, Сквжинецкимъ. Въ память этой побѣды, на полѣ бывшей битвы, воздвигнутъ памятникъ, съ соответствующими надписями. Другой памятникъ находится близъ мѣстечка Снядово, у деревни Якаць, къ юго-востоку отъ г. Остроленки. Онъ напоминаетъ о сраженіи съ поляками въ 1831 году, въ которомъ участвовалъ русскій гвардейскій корпусъ. На памятникѣ находится слѣдующія двѣ надписи: „Мужественный отпоръ гвардейскаго корпуса приготовилъ пораженіе мятежниковъ подъ Остроленкой“ и „Отчаянное наступленіе главныхъ силъ мятежниковъ не одолѣло русской гвардіи“. Офицеры л.-гв. семеновскаго полка, у селенія Желтки, въ двѣнадцати верстахъ отъ Бѣлостока, также поставили памятникъ чинамъ своего полка, убитымъ въ дѣлѣ 11-го мая того же года.

Къ числу интересныхъ пунктовъ этого района принадлежатъ и крѣпости Новогеоргиевскъ, Осовець и Зегржъ. Послѣдняя воздвигнута недавно на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго Наполеонъ, обозрѣвая въ 1807 году окрестности, сказалъ знаменитую фразу: „Здѣсь я могу удержать всю Европу“. И кто знаетъ! Если бы, въ дополненіе къ удобной стратегической мѣстности, въ его распоряженіи были бы тѣ усовершенствованныя дороги, то великолѣпное оружіе и всѣ результаты современнаго прогресса арміи — быть-можетъ, эта фраза, оставшаяся фразой, получила бы болѣе реальное значеніе. Мѣстность эта, кромѣ того, очень красива. Великолѣпный домъ, окруженный роскошнымъ паркомъ, находится въ 28 верстахъ отъ Варшавы и составляетъ лѣтнюю резиденцію генералъ-губернатора. И домъ, и паркъ были куплены казною у князя Радзивилла за триста тысячъ рублей и были оставлены, согласно Высочайшей волѣ, въ прежнемъ видѣ, какой имѣли при старомъ владѣльцѣ. Что же касается самыхъ укрѣпленій Зегржа, то они составляютъ послѣднее слово инженернаго искусства.

На этихъ-то историческихъ поляхъ и происходили большіе маневры, во второй половинѣ августа настоящаго года, планъ которыхъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ. Объектомъ дѣйствій войскъ былъ гор. Бѣлостокъ. Западная армія, переправивъ черезъ рѣку Наревъ, должна стремиться къ овладѣнію Бѣлостокомъ; восточная же, защищающая его, — отбросить наступающаго непріятеля. Въ первый день предположено столкновение авангардовъ западной арміи съ авангардами восточной; во второй день восточная армія дѣлаетъ попытку, занявъ позицію, задержать наступленіе непріятеля; третій день — наступленіе западной и отступленіе восточной арміи; четвертый день — дневка; пятый — упражненія въ мѣрахъ охраненія и развѣдочная служба кавалеріи; шестой — продолженіе наступленія западной арміи къ переправѣ на рѣкѣ Наревѣ и попытки восточной арміи отойти за Наревъ, удержавъ противника у переправы; въ седьмой день — западная армія переходитъ рѣку, а восточная — отступаетъ къ Бѣлостоку; въ восьмой день — бой подъ Бѣлостокомъ и переходъ восточной арміи въ наступленіе, благодаря полученному подкрѣпленію резервными корпусомъ; въ девятый день — вторая дневка и, наконецъ, въ десятый — Высочайшій смотръ войскамъ обѣихъ арміи, подъ Бѣлостокомъ.

II.

Управленія арміями были организованы примѣнительно къ полевою управленію войскъ въ военное время и, въ теченіе

маневровъ, пользовались случаемъ для самыхъ широкихъ онытовъ въ хозяйственной и тактической области военного дѣла. При современныхъ условіяхъ войнъ между европейскими арміями, главное вниманіе обращается на быстрое и сосредоточенное движеніе боевыхъ массъ, часто принужденныхъ находиться вблизи непріятеля. Въ прежнее время тому очень мѣшала тяжелый и огромный обозъ. Поэтому, на минувшихъ маневрахъ, на этотъ вопросъ было обращено очень серьезное вниманіе и введенъ въ дѣйствіе новый обозъ, облегченный

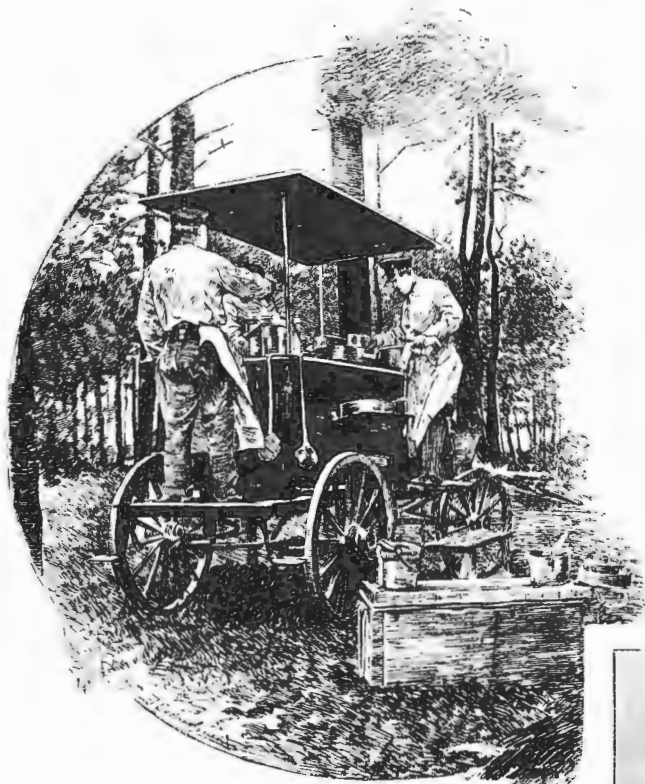

Подвозъ воды во время маневровъ.

ни задачу кавалеріи, на которой лежитъ и такъ уже не мало всякаго рода задачъ, помимо специально ей одной принадлежащихъ.

Прежняя кавалерія, закованная въ латы и обремененная громоздкимъ оружіемъ и доспѣхами, годилась только для атаки, лицомъ къ лицу, сплошной стѣной. Она развивалась медленно, отрѣшалась, съ теченіемъ времени, отъ самого имени „тяжелой кавалеріи“ и становилась все легче и легче, т.-е. подвижнѣе. Последняя франко-прусская война была эрой новаго развитія кавалеріи и новаго ея примѣненія на театрѣ войны. Конница стала отрѣшаться отъ своей обособленности и приближаться къ другимъ родамъ оружія. Такъ, между прочимъ, не потерявъ ни одного чисто-кавалерійскаго свойства, она приближалась къ сапернымъ войскамъ, въ вопросѣ разрушенія желѣзныхъ и иныхъ дорогъ и устройствъ военно-полевыхъ почтъ и телеграфовъ.

Въ нашемъ журналѣ, въ свое время, подробно говорилось о саперной службѣ кавалеріи, и интересующихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ указанному источнику (см. *Ниву* 1895 г., № 39). Здѣсь же мы ограничимся уже сказаннымъ. Помѣщенный на этой страницѣ рисунокъ изображаетъ самокатчика изъ

Царская походная кухня.

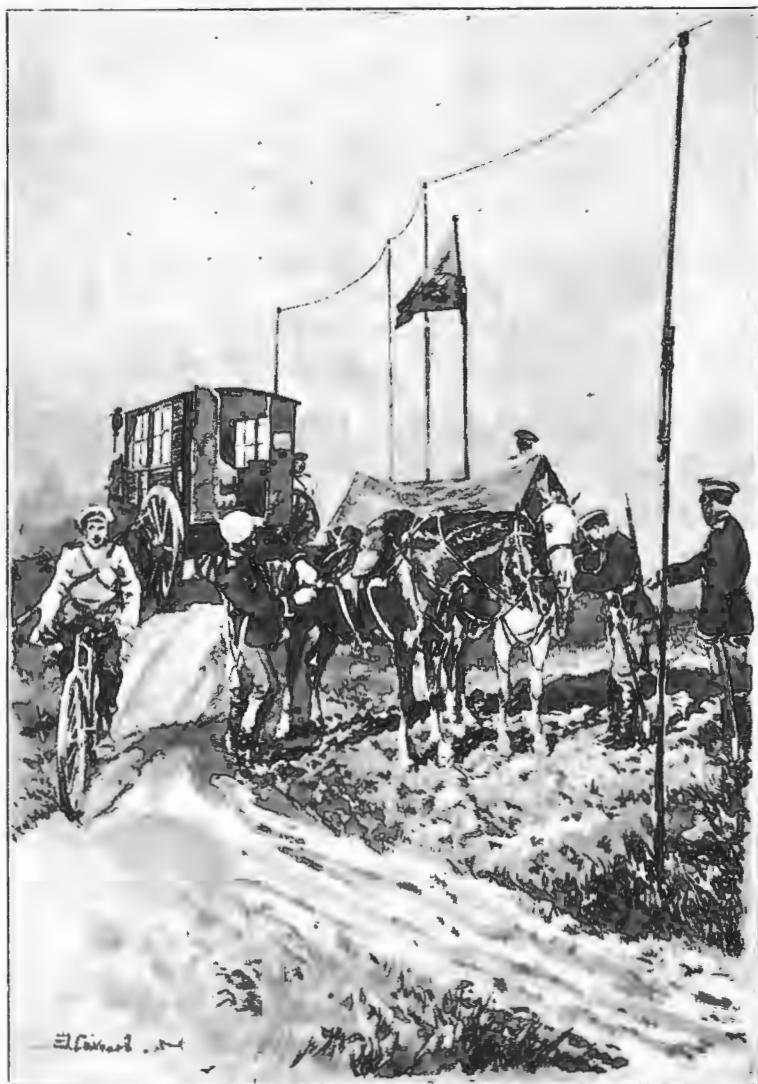
и сильно ограниченный дѣйствительными и насущными потребностями; введены были также походныя кухни, дабы установить окончательный взглядъ относительно того, могутъ ли эти кухни, двигаясь въ обозѣ перваго разряда, правильно исполнять свою задачу — снабженіе войскъ горячей пищей тогда же по ихъ остановкѣ на отдыхъ, безъ стѣсненія ихъ тактической дѣятельности. Въ восточной арміи производились, независимо отъ опыта съ походными кухнями, еще опыты подвоза войскамъ горячей пищи въ котлахъ, на форменныхъ парныхъ повозкахъ, и свѣжей воды на однокошныхъ повозкахъ.

Эти опыты оказались удачными, сослужили большую службу маневрировавшимъ войскамъ и рѣшили вопросъ о горячей пищѣ для военного времени въ положительномъ смыслѣ.

Одна изъ походныхъ кухонь слѣдовала и за штабомъ Государя Императора; очень удобная, легко перевозимая, она всюду носилась во-время, и въ ней была приготовлена завтракъ, милостиво предложенный офицерамъ, 24-го августа, Державнымъ Вождемъ русской арміи.

Кромѣ того, въ составъ охотничьихъ командъ при полкахъ была введена конные ординарцы и самокатчики (велосипедисты). Самокатчики находились въ западной арміи.

Вопросъ о самокатахъ давно уже занимаетъ военную сферу. Самокаты казеннаго приготовленія были признаны неудовлетворяющими своему назначенію, и въ Варшавѣ была образована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ профессора инженерной академіи, генерала Плюцискаго, на которую была возложена задача изслѣдованія всевозможныхъ системъ, приемовъ служебной дѣятельности и нѣкоторыя подробности снаряженія самокатчиковъ. Эта команда, въ составѣ полуроты, изъ которой одинъ взводъ былъ посаженъ на складные самокаты системы французскаго капитана Жерара, должна была выяснитъ на практикѣ вопросъ о способности пѣхоты, посаженной на стальныхъ коней, нести специальную тактическую службу, составляющую до послѣдняго време-

Военно-полевые почта и телеграфъ.

вновь организованной команды и военно-полевую почтово-телеграфную станцию.

Кроме всего этого, в минувшие маневры испытаны были еще почтовые голуби ротмистра Фальковского, санитарный обоз для подъема мостовых нарков, экипажи-бюро, принятые для штабных работ на поход в французской армии, антисептические перевязочные пакеты, которыми были снабжены нижние чины, и служба собак — по преимуществу овчарок и „шотландок“, приученных подавать солдатам в цѣпи боевые патроны.

Все эти опыты, испытанія и изслѣдованія дали болѣе, чѣм благоприятные результаты. Но особенный, совершенно выдающийся успѣх имѣло введеніе горячей ищи во время похода. Несмотря на очень тяжелые переходы, на утомительныя и продолжительныя дѣйствія, люди все время чувствовали себя бодрыми, здоровыми, веселыми, совершенно не уставшими, такъ что отсталихъ, какъ случилось прежде, совершенно не было за все время маневровъ. Даже въ послѣдній день маневровъ, когда, казалось бы, утомленіе, во всякомъ случаѣ, должно было бы сказаться, такъ или ина-

На наблюдательномъ посту.

На шоссе.

че, — все явились на Высочайшій смотръ молодцами. Правда, присутствіе Царя и Царицы придавало бодрости и воодушевленія солдатамъ, и это воодушевленіе было настолько велико, что когда Государь приказалъ трубить отбой и продолжительный звукъ сигнала, повторенный трубачами, сталъ обходить части одну за другой, заставляя смолкать грохотъ выстрѣловъ и движеніе войскъ, — то солдаты, послѣ отбой, бѣжали цѣлыми верстами, чтобы успѣть выстроиться у большого шоссе ко времени проѣзда Ихъ Величествъ и еще разъ увидать привѣтливыя лица обожаемаго Монарха и Его Августѣйшей Супруги.

III.

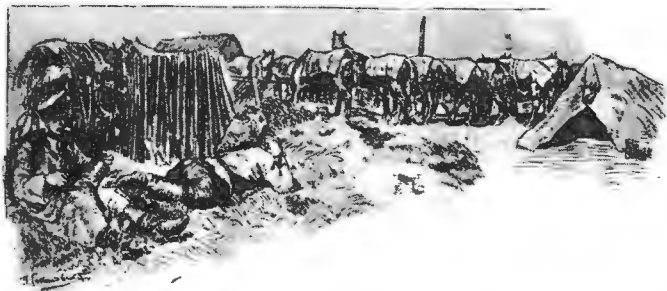
Какъ и было предположено, къ началу маневровъ, войска западной армии переправились черезъ Наревъ въ трехъ пунктахъ, выславъ впередъ авангарды и наблюдательныя кавалерійскіе посты.

На второй день, 19-го августа, западная же армія начала атаку у Червоноборской позиціи.

Это была лихая атака кавалеріи, одно изъ тѣхъ захваты-

Кавалерійская схватка подъ Червонымъ Боромъ, 19-го августа.

Кавалерійскій бивуакъ.

важкихъ духъ зрѣлищъ, которыя становятся все рѣже и рѣже, благодаря дальнѣйшимъ ружьямъ усовершенствованнымъ системъ, дающимъ возможность сражаться съ непріятелемъ на-дали, почти не видя его. Нѣтъ сомнѣній, что съ теченіемъ времени, когда ружья будутъ еще болѣе усовершенствованы, лихія кавалерійскія атаки отойдутъ въ область преданій, будутъ причислены къ „дѣламъ давно минувшихъ дней“. Это будетъ большимъ и чувствительнымъ ущербомъ для батальнаго живописца. Кавалерійская атака полна движенія и настроенія. Звукъ сигнальной трубы, командные крики офицеровъ, топотъ лошадиныхъ копытъ, мчащихся въ карьеръ лошади, лягтъ оружія, блестящая на солнцѣ сталь шашекъ, клубы пыли, неудержимо рвущіеся впередъ люди и кони и, наконецъ, сшибка тѣхъ и другихъ лицомъ къ лицу и грудью съ грудью,— сколько трагическихъ моментовъ для батальнаго живописца!

Рисунокъ художника Соколовскаго даетъ одинъ изъ эпизодовъ этой атаки кавалеріи подъ Червонымъ Боромъ, 19-го августа.

На другой день главныя силы западной арміи перешли на правый берегъ рѣки Гадки, а восточная армія принуждена была отступить за рѣку Сливу.

На четвертый день назначена была дивека.

Дивека — это передышка для маневрирующихъ войскъ и всегда является пріятнымъ и желаннымъ днемъ. „Подбившіися“ за время похода лошади отдыхаютъ, разные недочеты спѣшно исправляются, люди чистятся и приводятъ въ должный видъ амуницію и оружіе. Кавалерія располагаетъ бивуакомъ; солдаты отдыхаютъ, улегшись на сѣнѣ, или загибаютъ ибси, или дѣлятся другъ съ другомъ впечатлѣніями дня; кто чинитъ прорвавшійся сапогъ, кто пришиваетъ пуговицу, кто приводитъ въ порядокъ сѣдло. Собираются въ кружки. Хохотъ, анекдоты не прекращаются. Въ одномъ углу идутъ рассказы о лихой червоноборской атакѣ.

— Наши-то, наши лихіе молодцы! — повѣствуетъ какой-нибудь убѣжденный „патріотъ“ своего полка. — Налетѣли на „бѣлоголовыхъ“, ажъ земля затряслась...

„Бѣлоголовыми“ называютъ „западниковъ“, т.-е. войска западной арміи, котораго, для отличія отъ восточной, имѣла бѣлые чехлы на фуражкахъ.

— Такъ разожглись, — продолжаетъ солдатъ, замирая отъ восторга: — что какъ-будто и вправду на турка наткнулись. Полка командиръ охрипъ ажно, кричавши „стой!“ Гдѣ тутъ!.. Такъ наперли, что сшиблись, чуть до рукопашной не дошло! Самы, значить, „посредственники“ ничего не могли подѣлать.

„Посредственниками“ опъ называетъ такъ-называемыхъ „посредниковъ“, т.-е. лицъ, облеченныхъ властью разрѣшать, выяснять и прекращать на мѣстѣ всевозможныя недоразумѣнія между частями обѣихъ армій, а также оцѣнивать съ военной точки зрѣнія распоряженія начальствующихъ лицъ и дѣйствія войскъ. При каждомъ отрядѣ есть свой посредникъ, обыкновенно офицеръ генеральнаго штаба.

Пѣхотнымъ солдатикамъ меньше работы. Кавалеристъ заботит-

ся о конѣ — его нужно вычистить, задать ему корму, напоить, когда и выкупать; нужно устроить коновязь. У пѣхотинца на дневкѣ одна забота — оружіе. Ружье пѣхотинца — это лошадь кавалериста по той заботливости и бережности, которая опъ тратитъ на него. Но ружье не проситъ вѣсть... и вычистить его можно въ четверть часа. Поэтому у пѣхотинца времени больше, и опъ отдыхаетъ „во всю“. Когда опъ вычиститъ ружье и „поставитъ“ его „въ пирамидку“, ему уже больше не о чемъ заботиться, и опъ или лежитъ, высоко задрывъ отекшія отъ ходьбы ноги, или „калякаетъ“ съ пріятелемъ, или куритъ свою „посогрѣйку“. Иногда курить такъ хочется, что, при первомъ удобномъ случаѣ, начинается раскуриванье трубки, и рѣдкій товарищъ откажетъ пріятелю въ огонькѣ и даже въ самомъ „зельѣ“, хотя и существуетъ весьма распространенная поговорка: „хлѣбъ-соль вмѣстѣ — табачокъ врозь“.

Часы бѣгутъ, время летитъ незамѣтно. Все переговорено, обо всемъ рассказано. Пополдничаютъ, поужинали. Время осеннее — быстро темнѣетъ. Пробили зорю, пропѣли молитву — пора на покой. Завтра чуть свѣтъ — опитъ въ дѣло!..

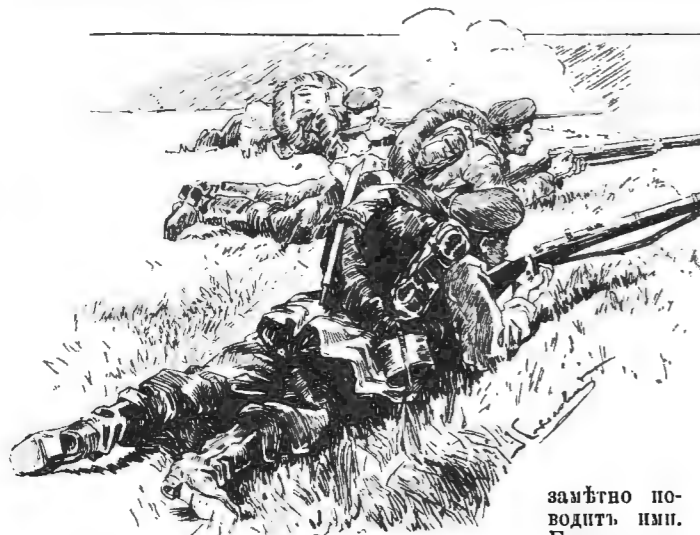
Вдали замелькали городскіе огни. Наступила ночь. Часы полкового фельдшера, вѣрнымъ ходомъ которыхъ опъ не упускаетъ случая похвастаться, указываютъ поздній часъ. Время ложиться. У ставки старшаго начальника красный флагъ, установленный для ея обозначенія, спущенъ и замѣненъ краснымъ же фонаремъ; въ непріятельскомъ лагерѣ этотъ фонарь — спитъ.

Еще темно и не всѣ звѣзды ушли съ облачнаго неба, какъ уже раздается дробь барабана, слышатся звуки сигнальных рожковъ. Чу!.. Тревога!.. Непріятель оказывается близко. Дивека кончилась, пора въ путь. Торопливо сѣдаютъ коней, слышится лягтъ оружія, звонъ шпоръ, кое-гдѣ крѣпкое русское слово. Пѣхота выслала дѣнь. Залегли стрѣлки въ травѣ; скоро по всей линіи завяжется перестрѣлка... Вотъ она уже отпрыглась — замелькали огни выстрѣловъ, закружились колючкомъ дымокъ около ружейныхъ дулъ. Кавалерія спѣшила своихъ стрѣлковъ; рысью подошли „коноводы“ и увели лошадей спѣшившихся всадниковъ въ укромное мѣстечко. Стрѣлки „повалили“ коней, сдѣлавъ изъ нихъ живой брустверъ, и начали отстрѣливаться. Смирнехонько лежитъ добрый конь, задумчивый товарищъ кавалериста, его вѣрный преданный другъ и сподвижникъ. Выстрѣлы раздаются одинъ за другимъ и дымы начинаютъ густѣть, превращаясь въ слѣзый, низко ползущій туманъ. Надъ самой головой коня раздается выстрѣлъ, но конь не шелохнется — только чутко насторожить уши и чуть

Казакъ на развѣдкахъ.

По неприятелю в цѣли.

По неприятелю наѣдает. Идетъ пятый день маневровъ. Главныя силы западной арміи остались на мѣстѣ, выславъ кавалерію на развѣдки переправъ на верхнемъ Наревѣ. И восточная армія, съ своей стороны, выслала кавалерію, чтобы „освѣтить“ расположение неприятеля. Отсюда — рядъ мелкихъ кавалерійскихъ боёвъ и стычекъ. Одни, въ виду своей малочисленности, отступаютъ передъ превосходными силами противника, другіе — наступаютъ и, не довольствуясь тѣмъ, что сдвинули съ мѣста неприятеля, еще преслѣдуютъ его, отправляя за нимъ погоню. И кавалеристы, съ шапками на-гого,

замѣтно поводить ими. Ему не впервой! Ночь видаль виды...

Погоня!

мчатся карьеромъ за уходящимъ рысью неприятелемъ: отступление въ карьеръ не признается кавалерійскимъ уставомъ и считается „бѣгствомъ“.

На шестой день восточная армія отошла за Наревъ, а западная, продолжая наступленіе, расположилась на правомъ берегу Слны. Аррьергардъ восточной арміи прикрывалъ отступление главныхъ силъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Нарева, началась постройка саперами восточной арміи огромнаго моста (около 800 сажень длины), перекинувагося черезъ рѣку и прошедшаго по тонкой, болотистой мѣстности, — для перехода главныхъ силъ арміи.

На седьмой день, западная армія переправилась черезъ Наревъ, и восточная принуждена была отступить къ Бѣлостоку. Государь съ Императрицей присутствовали при аррьергардномъ боѣ восточной арміи за Наревомъ. Въ этотъ день особенно отличилась кавалерія: ей пришлось дѣлать огромныя обходы и фланговые движенія.

25-го августа всѣ силы западной арміи направились на Бѣлостокъ. Восточная армія, въ то же время, получила подкрѣпленіе и сама быстро перешла въ наступленіе. Подкрѣпленія, въ видѣ резервнаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Перлика, были подвезены въ теченіе двухъ дней изъ Барановичей къ Бѣлостоку; двадцать шесть поѣздовъ въ день непрерывно подвозили войска. Железная дорога исполнила эту трудную военную задачу блестяще, нисколько не нарушивъ порядка обыкновеннаго пассажирскаго движенія.

И вотъ, наконецъ, наступилъ финалъ этой грандіозной военной симфоніи. На огромной равнинѣ, съ высокой пыльною шоссею по серединѣ, сошлись двѣ арміи. Вдали, по краямъ холмистой мѣстности, сивѣли таинственной далью густые лѣса; вѣтряная мельница, стоявшая на одномъ изъ холмовъ, дѣлала свое обычное дѣло, разсѣкая воздухъ огромными крыльями; красиво рисовался богато убранный Царскій навильонъ, воздвигнутый для парада въ Высочайшемъ присутствіи.

По обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожной насыпи показались изъ-за холмовъ, выступая изъ таинственной синевы лѣсовъ, цѣпи стрѣлковъ. Все чаще и чаще раздавались отдѣльные выстрѣлы; наконецъ поднялся сплошной трескъ, выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, безъ перерыва. Обѣ цѣпи надвигались другъ на друга, сбѣгалъ съ холмовъ, выдвигался изъ-за толстыхъ стволовъ деревьевъ лѣсной чащи.

Не дремала и артиллерія. Батареи давно выкатили свои орудія на позицію. У опушки лѣса блеснулъ огонекъ; глухо, протяжно грянулъ первый выстрѣлъ. Другой... третій... Съ ряда батарей, занявшихъ склоны холмовъ восточной позиціи, имъ отвѣчали усердно. Ожесточенная канонада загремѣла съ обѣихъ сторонъ.

Восточный отрядъ наступалъ. Все ярче и ярче свѣтились огоньки ружейной пальбы; орудія грохотали, артиллерійскій бой разгорался; стрѣлки сомкнули цѣпь. Пѣхота, сомкнутыми звоздами, ожидала команды пальбы залпами. Люди взяли ружья „на руку“, барабанщики

Покурить захотѣлось.

приготовились бить сигналъ.

Вотъ сигналъ раздался. Сплошная линия огня точно огненнымъ полемъ охватила пѣхоту. Восточная армія, къ которой продолжали прибывать подкрѣпленія, прекратила наступленіе и предпочла укрѣпиться на позиціи подъ

Бѣлосткомъ, чтобы выждать натиска противника и лихо отразить его.

И вотъ, наконецъ, шесть кавалерійскихъ полковъ восточной арміи ринулись въ атаку на пѣхоту западной. Земля содрогнулась отъ тонаго копыта летѣвшихъ вскачь эскадроновъ. Гулъ пошелъ по полю. Но гвардейская кавалерійская бригада не дремала. Она вяла во флангъ неприятельскіе эскадроны. Трудно представить себѣ эту эффектную военную картину. Пѣхота сбѣгается съ обѣихъ сторонъ, покрывая поля „стальной щетиной“, грохочутъ пушки батарей, бьютъ барабаны, играетъ музыка и громовое „ура“ перекатывается по дугамъ, эхомъ звеня въ сосновомъ бору. Полкъ за полкомъ идетъ въ сквозную атаку... Воодушевленіе растетъ, первые разыгрываются, сильно бьется солдатское сердце, все менѣе ясно сознавая, что впереди не неприятель, а свой братъ, такой же „православный солдатикъ“. Въ эту минуту каждый изъ нихъ сознаетъ себѣ настоящимъ воиномъ, и маневры кажутся ему настоящей войной, и „бѣлоголовая“ армія — настоящей неприятельской арміей.

Выкатка орудія на позицію.

Наступленіе.

Отстрѣливается.

Но вот Государь приказывает трубить отбой. Громъ выстрѣловъ постепенно, какъ бы цехотя, смолкаетъ; движеніе войскъ останавливается; сигналъ отбоя повторяется безчисленными звуками въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ войскъ. Но страсти возбужденны, кое-гдѣ бой еще продолжается; кто — не въ силахъ отрѣшиться отъ охватившаго его возбужденія, кто — не слышитъ сигнала. Мало-по-малу, однако, все успокаивается. Разсыпанныя по полю войсковыя части собираются, формируются, перестраиваются въ колонны, по обѣимъ сторонамъ, высоко рисуяся на фонѣ поля, шоссе.

Государь, съ огромною свитою, далеко отбѣгаетъ позиціи, собираетъ начальниковъ частей, выслушиваетъ доклады посредниковъ и общее заключеніе главнаго посредника маневровъ, Его Императорскаго Высочества, генераль-фельдмаршала, великаго князя Михаила Николаевича.

Въ это время съ поля, по шоссе, возвращалась Государыня Императрица въ парадномъ шарабанѣ, à la Daumont, и подъѣзжала къ Царскому павильону.

Обширное поле теперь измѣнило свой видъ. Бѣлыя и черныя фуражки, разнообразныя мундиры кавалеріи и пѣхоты перестраиваютъ его.

Грандіозный парадъ 27-го августа достойнымъ образомъ заканчивается грандіозные маневры.

Всѣ 122,000 человекъ участвовали на парадѣ. Справа отъ вѣзда въ павильонъ стала восточная армія, слѣва — западная.

Главный посредникъ—великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Г. офицеры на Царскомъ завтракѣ 24-го августа.

Направо идетъ черная полоса, вальво, точно свѣже выпавшій снѣгъ покрываетъ холмы: такое впечатлѣніе производятъ бѣлыя фуражки западнаго отряда.

Въ 10¹/₂ часовъ прибылъ Государь Императоръ съ Государыней Императрицей. Государь сѣлъ на коня, Государыня пересѣла въ шарабанъ, запряженный четверкою прекрасныхъ лошадей золотистой масти, съ жокенми и пикерами впереди. Государь былъ въ формѣ Своего уланскаго полка. Въ свитѣ находились между прочими лицами великіе князья Владимиръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ, сямскій принцъ Шира, военный министръ, начальникъ главнаго штаба, командующій Императорской главной квартирой, управляющій министерствомъ двора, командующій войсками варшавскаго округа, главный военно-медицинскій инспекторъ, всѣ посредники, адъютанты и т. д. Августѣйшій генераль-фельдмаршалъ съ золотымъ жезломъ въ рукѣ рапортовалъ Государю. Государь и всѣ генералы были въ сюртукахъ при шарфахъ; войска—въ мундирахъ и фуражкахъ.

Заиграли „встрѣчу“, и всѣ знамена и штандарты сложились передъ Монархомъ. Государь началъ объѣздъ восточной арміи съ праваго фланга. На прівітствіе Императора гулъ отъѣтныхъ

кликать ежeminутно оглашалъ воздухъ и, вслѣдъ за нимъ, изъ одного края въ другой, веселись торжественные звуки народнаго гимна. Послѣ объѣзда войскъ, который продолжался часъ слишкомъ, Ихъ Величества вернулись къ Царскому павильону, куда вошла Государыня. Государь же остался на конѣ. Взялся на флагштокъ желтый Императорскій штандартъ, и всѣ 644 орудія обѣихъ армій дали оглушительный залпъ.

Начался церемониальный маршъ. Войска велъ Августѣйшій генералъ-фельдмаршалъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, салютуя фельдмаршалскимъ жезломъ Государю Императору. Идетъ восточная армія, во главѣ съ генераломъ Троицкимъ, котораго Государь поздравилъ во время парада генералъ-адъютантомъ. Идутъ голубые полевые жандармы, пѣхотныя дивизіи, резервный корпусъ, саперная бригада, артиллерія, наконецъ кавалерія, въ сомкнутыхъ эскадронныхъ колоннахъ. Новороссійскій драгунскій полкъ ибѣтъ во главѣ своего шефа, великаго князя Владимира Александровича. Вслѣдъ затѣмъ появляются донцы съ ихъ своеобразнымъ видомъ: съ высокими шаками въ рукахъ, съ нагайками на боку, на маленькихъ выносившихъ лошадакахъ. Замыкаютъ парадъ восточной арміи конные артиллеристы.

Государыня перешла на другой балконъ, а Государь со свитой переѣхалъ на другую сторону павильона.

Начался церемониальный маршъ западной арміи, во главѣ которой шелъ генералъ Кульгачевъ. Лихой кубанскій казачій дивизионъ открылъ шествіе; за нимъ опять полевые жандармы, команда самокатчиковъ, возбуждая общее любопытство; одинъ за другимъ проходили пѣхотные полки, блестя стальной петлюю штюковъ и оглашая воздухъ радостными кликами, въ отвѣтъ на „Царское спасибо“; обозный батальонъ, въ своихъ оригинальныхъ сѣрыхъ мундирахъ, слѣдовалъ за пѣхотой; затѣмъ пошли артиллерія и кавалерія. Гродненскихъ гусаръ велъ ихъ шефъ, великій князь Павелъ Александровичъ. Такъ же, какъ и въ восточной арміи, парадъ закончился дефилированьемъ конной артиллеріи.

Послѣ парада состоялся Высочайшій завтракъ въ полѣ. Государь шалъ за здоровье войскъ. Крестьяне окружили завтракавшихъ и съ любовью глядѣли на Царя и Царицу.

Послѣ завтрака состоялся Высочайшій отъѣздъ, и сердечное, задушевное „ура“ проводило Монарха съ Его Августѣйшей Супругой до вокзала.

Такъ закончились большіе маневры подл Бѣлостокомъ, надолго оставивъ въ памяти участвовавшихъ въ нихъ войскъ свѣтлое, отрадное воспоминаніе. Маневры 1893 г. назвали иностранныхъ военныхъ агентовъ, присутствовавшихъ на нихъ; съ тѣхъ поръ прошло около четырехъ лѣтъ, и только что ми-

нушіе маневры снова доказали, что русская армія неустанно идетъ впередъ по пути военнаго прогресса, зорко слѣди за всѣми усовершенствованіями своего сложнаго дѣла и своей разносторонней дѣятельности. Долго еще будутъ вспоминать солдаты объ этихъ трудныхъ, но пріятныхъ „десяти дилхъ“;

Въ ожиданіи команды.

долго будутъ передавать другъ другу офицеры рассказы о томъ, какъ гостеприимно и милостиво, чисто по семейному, угощали ихъ русскій Царь, 24-го августа, на завтракъ въ лѣсной чащѣ, а иностранные военные агенты не замедлили сообщить своимъ правительствамъ объ успѣхахъ доблестной русской арміи.

Къ рисункамъ.

Покойный Ендогуровъ, гравюру съ акварели котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ акварелистовъ. Русская живопись, вообще говоря, не сильна акварелью; послѣднія начала у насъ развивались сравнительно очень недавно, и всякаго талантливаго акварелиста художники и публика всегда привѣтствуютъ восторженно. Ендогуровъ совѣтъ юношей дебютировалъ своими акварелями и не только обратилъ на себя всеобщее вниманіе, но и сразу занялъ мѣсто среди лучшихъ акварелистовъ. Его сочную кисть можно было издали узнать на любой акварельной выставкѣ. Онъ писалъ главнымъ образомъ пейзажи, деревья, улицы разныхъ городковъ у насъ и за границей, горы, море; вотъ его любимая атмосфера. Одинъ изъ такихъ пейзажей этого художника, умершаго въ самомъ началѣ расцвѣта своихъ силъ, мы даемъ здѣсь. Это — „Послѣдніе листья“: осенній воздухъ, осенній деревья, осеннее настроеніе. Главная сила Ендогурова была въ краскахъ, всегда очень сочныхъ; гравюра, какъ бы она ни была совершенна, не можетъ передать красивыхъ тоновъ, которыми изобилуетъ вся акварель.

Странное свойство человѣческой природы. Когда человѣкъ долго не можетъ на что-нибудь рѣшиться, онъ обыкновенно принимаетъ рѣшеніе менакомъ, мимоходомъ. Такъ случилось и съ бравымъ померанскимъ рыбакомъ. Сколько лѣтъ онъ любовно присматривался къ миловидной рыбацкѣ, ходилъ вокругъ да около, но никакъ не могъ рѣшиться сказать ей, что онъ ее любитъ. И вотъ сегодня утромъ онъ, возвращаясь съ рыбной ловли, держа нарусу въ рукѣ, встрѣтился съ ней, — съ предметомъ своей упорной любви. Слово за слово, — и признаніе какъ-то неволью сорвалось съ его устъ. А она давно ждала, давно знала, что дѣло этихъ кончится, и тѣмъ не менѣе встрѣтила признаніе, какъ дорогую, радостную вѣсть. Вѣдны они оба, но стоить взглянуть на нихъ, чтобы увѣриться, что бѣдность не помѣшаетъ имъ быть счастливыми.

Выдающийся художникъ К. Трутовскій (нынѣ покойный), извѣстный зватокъ какъ природы, такъ и нравовъ Малороссіи, въ своей оригинальной картинѣ „Старый помѣщикъ въ

дорогѣ (на долгихъ)“ далъ яркую, полную жизни иллюстрацію того отшедшаго уже въ область преданій дореформеннаго помѣщичьяго быта, который такъ удивительно типично отраженъ въ „Запискахъ охотника“ и другихъ блестящихъ произведеніяхъ И. С. Тургенева. Гениальное перо великаго романиста создало цѣлую коллекцію дворинъ-помѣщиковъ съ ихъ причудами, слабостями, пороками и иногда рѣдкими душевными качествами. Вѣроятно, какая-нибудь изъ страницъ этой помѣщичьей эпохи вдохновила и нашего художника. Сюжетъ самой картины сразу захватываетъ зрителя своей жизненностью. Старый помѣщикъ съ женой и со всѣми чадами и домочадцами поѣхалъ на долгихъ къ отдаленному сосѣду въ гости или, можетъ-быть, еще дальше, въ другую губернію. Все благопріятствовало путешествію. Погода стояла чудная. Ъхали, ъхали, — пора и самимъ перекусить и дать отдыхъ лошадакамъ. На чистомъ привольномъ воудухѣ такъ разогрывается аппетитъ. Привалъ былъ назначенъ въ ближайшемъ лѣсу. Кудрявыя деревья мѣстами давали густую тѣнь. Беззаботный помѣщикъ съ молодецкими усами, любящій предаться кейфу, велѣлъ разостлать пледъ подл въковымъ дубомъ и улегся съ блаженнымъ видомъ, потягивая дымокъ изъ длиннаго чубука. Ловкій казачокъ уже закурилъ ему трубку по всѣмъ правиламъ искусства. Сколько лѣни и барскаго самодовольства въ неуклюжей фигурѣ помѣщика! Между тѣмъ, хозяйственная супруга, сяди рядомъ со своимъ повелителемъ, бросала опытный взоръ на подающую провізію и, новидямому, собирается приступить къ приготовленію яничницы, тѣмъ болѣе, что походная кухня дымитъ на славу. Матери помогаютъ мальчикъ и дѣвочка; зато взрослая дочь, нервнодушная къ цвѣтамъ, отдаетъ все свое вниманіе букету, поднесенному ей скромнымъ поклонникомъ, студентомъ-репетиторомъ. Вдали отъ описанной группы виднѣтся четверикъ бѣлыхъ лошадей, которыхъ ведетъ унитавный кучеръ къ ближайшему водоюку. Прислужница-дѣвка по очереди вынимаетъ изъ возка съѣстные припасы. Солнце льетъ горячіе лучи сквозь зеленую листву, и высокая трава волнуетъ отъ легкаго теплаго вѣтерка, какъ потревоженное море. Любо глядѣть на это безоблачное житие, чуждое, по крайней мѣрѣ, въ настоящій моментъ, всякихъ житейскихъ буръ и напастей.

Больше маневры подь Бѣлостономъ. Парадъ подь Бѣлостономъ, 27-го августа. Ориг. рис. Э. К. Соколовскаго, автотип. „Иллы“.

Протоіерей А. И. Парвовъ. (Портр. на этой стр^а)

25-го сентября скончался одинъ изъ наиболѣ видныхъ представителей нашего столичнаго духовенства и выдающійся дѣятель на поприщѣ духовнаго просвѣщенія юношества, председатель духовно-учебнаго комитета при св. Синодѣ протоіерей Алексѣй Ивановичъ Парвовъ.

Сынъ бѣднаго священника Новгородской епархіи почившій получилъ образование въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, закончивъ его въ 1857 г. въ с.-петербургской духовной академіи. Какъ лучший воспитанникъ (3-й магистръ), А. И. былъ оставленъ при академіи, гдѣ съ 1859 г. читалъ лекціи по каноническому праву. Въ 1860 г. онъ принялъ санъ священника. Какъ профессоръ, онъ много потрудился надъ разработкой своей науки, тогда еще почти не тронутой. Благодаря своему ораторскому таланту и богатому природному юмору, онъ умѣлъ привлечь вниманіе слушателей; аудиторія на его лекціяхъ всегда была полна. Въ 1864 г. онъ издалъ замѣчательный трудъ: „Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику при совершеніи церковныхъ требъ“. Въ то же время въ *Христіанскомъ Читаніи* онъ напечаталъ: „Охраненіе православной вѣры въ древней вселенской церкви“, „Изложеніе каноническихъ постановленій о бѣгомъ духовенствѣ“ и „Постъ св. четьрдесятницы по древнимъ правиламъ и обычаямъ“.

Въ 1865 г. о. Алексѣй перешелъ на службу священника, законоучителя и профессора церковнаго права въ Императорское училище правовѣдѣнія. О. Алексѣй пользовался здѣсь всеобщей любовью и глубокимъ уваженіемъ. 6-го мая 1869 г. онъ возведенъ былъ въ санъ протоіеря, а 6-го ноября 1882 г. получилъ званіе заслуженнаго профессора Императорскаго училища правовѣдѣнія.

22-го января 1883 г. о. А. Парвовъ назначенъ былъ на высочайшій постъ председателя духовно-учебнаго комитета, который онъ занималъ до самой своей кончины. Слѣдить за ходомъ духовно-учебнаго дѣла, руководить имъ и направлять его къ извѣстной дѣли, выбирать преподавателей и воспитателей, устанавливать приемы обученія—вотъ сфера дѣятельности послѣдняго пятнадцатилѣтія высокочтимаго о. протоіеря. И здѣсь онъ не мало потрудился; при немъ произведена была реформа духовно-учебныхъ заведеній въ 1884 г., такъ много внесшая улучшеній въ ихъ строй.

Какъ человекъ, о. Алексѣй обладалъ многими симпатичными чертами. Это былъ неутомимый труженикъ, весь отдававшійся своему дѣлу, не знавшій никогда покоя и отдыха. Всѣмъ доступный и благожелательный, онъ въ то же время не могъ терпѣть лжи и обмана, пороки бичевалъ нещадно, не обращая вниманія на положеніе лица, подверженнаго ему. Кромѣ того, о. Алексѣй былъ человекъ рѣдкой честности, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень независимый въ своихъ сужденіяхъ. Миръ его праху и вѣчная ему память!

Протоіерей П. А. Смирновъ.

(Портр. на этой стр.)

На вакантнiю (за смертью протоіеря А. И. Парвова) должность председателя духовно-учебнаго комитета при св. Синодѣ назначенъ настоятель петербургскаго Исаакиевскаго кафедральнаго собора, помощникъ председателя училищнаго совѣта при св. Синодѣ, главный редакторъ и цензоръ *Церковныхъ Вѣдомостей*, издаваемыхъ при св. Синодѣ, почетный членъ петербургской духовной академіи, протоіерей Петръ Алексѣевичъ Смирновъ.

Новый председатель учебнаго комитета высшее образование получилъ богословское, въ московской духовной академіи. На службѣ о. протоіеря состоитъ уже 43 года (съ 9-го октября 1854 г.). Санъ священника онъ принялъ 29-го марта 1859 г.;

въ протоіерекъ возведенъ 20-го марта 1874 г. 15-го апрѣля 1896 г. назначенъ былъ помощникомъ председателя училищнаго совѣта, а теперь занялъ постъ председателя учебнаго комитета.

О. П. Смирновъ извѣстенъ, какъ талантливый ораторъ. Многочисленные статьи, помѣщенные имъ въ разныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ на страницахъ *Церковныхъ Вѣдомостей*, отличаются дѣловитостью, популярностью изложенія, правильнымъ и въ то же время простымъ языкомъ. Всѣ онъ носитъ богословско-философскій характеръ. О. Петръ много писалъ и теперь продолжаетъ писать, между прочимъ, по вопросамъ дидактики и педагогики; много статей посвятилъ онъ церковно-приходскимъ школамъ, ихъ исторіи и значенію. Въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ о. Петръ не разъ выступалъ въ качествѣ публичнаго оратора съ рѣчами, въ которыхъ рѣшалъ самые щекотливые и трудные вопросы. Къ новой своей дѣятельности онъ вполне подготовленъ и потому можно надѣяться, что вѣренное ему духовно-учебное дѣло найдетъ въ немъ опытнаго руководителя и будетъ стоять при немъ на должной высотѣ.

Гоголевскіе типы въ исполненіи артистовъ-малороссовъ.

(Съ 3 портр. на стр. 1026.)

Въ иностранной и русской литературѣ существуетъ не мало сочиненій, трактующихъ о томъ, какъ надо гримироваться; конечно, никакое руководство не научитъ художественной гримировкѣ, такъ какъ она есть результатъ не одной техники рисовальника, безъ которой, разумеется, тоже нельзя обойтись,—это искусство требуетъ и безусловнаго знанія соответствующихъ эпохъ, и пониманія характеровъ изображаемыхъ лицъ, особенно историческихъ, и умѣнья пользоваться мимикой, но (самое главное!) необходимо природное дарованіе истиннаго артиста. Имена такихъ художниковъ на перечетъ: Айра Ольриджъ, Сальвини, Ирвингъ, Россел, Поссартъ, братья Коклэны, у насъ В. В. Самойловъ, П. М. Садовскій, С. В. Шумскій, въ повѣйшее время В. Н. Давыдовъ.

Среди артистовъ-малороссовъ также имѣется нѣсколько человекъ, обладающихъ рѣдкимъ талантомъ гримировки, вытекающимъ, несомнѣнно, изъ ихъ выдающихся артистическихъ способностей. На первомъ планѣ долженъ быть поставленъ, конечно, М. Л. Кропивницкій.

Чтобы ознакомить читателей нашихъ съ современнымъ искусствомъ гримировки артистовъ малорусской сцены, все болѣе и болѣе обращающихъ на себя вниманіе общества прекрасной игрой, полной жизненной экспрессіи, мы помѣщаемъ на страницахъ *Нивы* три живыхъ иллюстраціи къ произведеніямъ Гоголя, передѣланнымъ для малороссійскаго театра,—три яркихъ образа, созданныхъ М. Л. Кропивницкимъ („Тарасъ Бульба“ въ драматической переработкѣ г. Ванченка), А. П. Затыркевичъ-Карпинскою („Хивря“ изъ оперетты г. Старикаго „Сорочынскій ярмарокъ“) и С. А. Глазуновомъ („Панъ хорунжий“ изъ фантастической комедіи въ стихахъ г. Кропивницкаго „Вій“).

При первомъ взглядѣ на нихъ, вы тотчасъ же чувствуете, что передъ вами раскрывается прошлое и встаютъ знакомые люди.

Вотъ—старый упрямый полковникъ Бульба, сынъ Запорожля, какъ бы созданный для бранной тревоги, съ грубой прямою казацкаго нрава, одинъ изъ тѣхъ характеровъ, что могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы. Съ момента подвигія занавѣса, когда Бульба ожидаетъ сыновей и затѣмъ вступаетъ съ старшимъ (г. Вукотичъ) въ кулачное единоборство, до послѣдней сцены, когда, вернувшись за потерянной люлькой, онъ попадаетъ въ джуги руки непріятелей и, привязанный къ огромному бревну, виденъ всѣмъ войскамъ, какъ трофей побѣды, г. Кропивницкій своей

Протоіерей А. И. Парвовъ († 25 сентября 1897 г.)
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Протоіерей П. А. Смирновъ.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

вдохновенной игрой захватывает зрителя. Наэлектризованная публика притихает, как один человек, когда этот широкоплечий южно-русский богатырь съ развѣвающимися бѣлыми волосами, забывъ о себѣ, вперяетъ орлиныя очи въ ту сторону, гдѣ отстрѣливаются казаки. „Проходите, паны-браты товарищи!“ кричитъ онъ имъ, радостно сверкая глазами: „вспоминайте иной часъ обо мнѣ, объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь; я знаю, что меня живо разнимутъ по кускамъ и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ, да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять, да погуляйте хорошенько!“

Въ опереттѣ „Сорочинскій ярмарокъ“ г. Кропивницкій съ удивительнымъ юморомъ проводитъ роль кума, казака Цыбули, и въ комедіи „Вій“—роль сотника, полвую трогательнаго драматизма, особенно въ заключительномъ монологѣ надъ гробомъ умершей панночки.

Но вотъ передъ вами „Хивря“...

Развѣ это не дородная деревенская щеголиха въ ситцевомъ цвѣтномъ очинкѣ, описанная безсмертнымъ „наскыномъ“ Рудымъ Панькомъ? Тонкая исполнительница ролей комическихъ старухъ, пьяницъ, а также сварливыхъ и бойкихъ бабъ, А. П. Затыркевичъ-Карниевская вполнѣ можетъ себя считать создательницей гоголевской Хиври, типомъ весьма

эти служить необходимымъ дополненіемъ къ произведеніямъ Гоголя, такъ какъ объясняютъ намъ созданные имъ типы, дорогіе и близкіе сердцу русскаго человѣка.

Пользуемся случаемъ привести изъ жизни троихъ выдающихся артистовъ малороссійскаго театра нѣсколько наиболее интересныхъ фактовъ.

Маркъ Лукичъ Кропивницкій родился 25 апрѣля 1840 г. въ селеніи Бешбайракахъ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Играть онъ началъ съ 14-лѣтняго возраста, учась въ уѣздномъ училищѣ, причемъ первыми его ролями, исполненными на любительской сценѣ, были роли гоголевскаго „городничаго“ и „Стецька“ (изъ комедіи Квитки „Сватання на Гончаривцѣ“). Последняя, какъ известно, служитъ такимъ же краеугольнымъ камнемъ для малороссійскаго актера, какъ роль „Гамлета“—въ репертуарѣ артиста европейскаго театра. Вывѣсивъ тогда въ ссылкѣ въ Бобринцѣ Мусий-Пушкинъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на выдающійся способности юнаго любителя драматическаго искусства и совѣтовалъ ихъ развивать; но отецъ его не хотѣлъ и слушать о театрѣ и, въ концѣ концовъ, убѣдилъ его опредѣлиться въ гражданскую службу; но служба не пришлась ему по душѣ, и Кропивницкій записался въ число вольнослушателей по юридическому факультету кievскаго университета. Черезъ два года, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, пришлось бросить начатое и опять опредѣ-

Г. Кропивницкій въ роли «Тараса Бульбы». (Драм. перед. Вацаренка.) Съ фот. Бѣлявскаго, автотипія „Нивы“.

Г-жа Затыркевичъ въ роли «Хиври» (опер. Старикаго „Сорочинская ярмарка“). Съ фотогр. Бѣлявскаго, автотипія „Нивы“.

Г. Глазуенко въ роли «пана хорунжаго». (Фантастич. комедія г. Кропивницкаго „Вій“). Съ фот. Бѣлявскаго, автотипія „Нивы“.

распространеннымъ на Украинѣ. Несговорчивая, вѣчно ворчащая то на медлительнаго мужа, Солопія Черевика, то на безвинную падчерицу, Параску, грозная баба становится такой кроткой и любезной, когда угощаетъ поповича, Аеанасія Ивановича (въ артистическомъ исполненіи талантливаго г. Глазуенка). Всѣ сцены съ Хиврей согрѣты такимъ яркимъ огнемъ комизма, такъ глубоко задуманы, что г-жа Затыркевичъ положительно переноситъ зрителя на лоно малороссійской природы и заставляетъ забывать окружающую его повседневную суету. Равнымъ образомъ она не имѣетъ соперницъ и въ небольшой характерной роли шинкари пѣть „Вій“,—превосходный жанровый типъ добраго-старогаго времени.

Наконецъ, передъ нами фигура „Пана хорунжаго“ съ длинными богатырскими усами, въ шароварахъ, широкихъ, какъ Черное море... Сколько могучей удали южно-русской натуры, „вышнбленной“ (по выраженію Гоголя) „изъ народной груди огнивомъ бѣдъ“, и въ то же время безконечнаго добродушія, не апающаго удержу, сквознягъ въ каждой складкѣ этого тиничнаго лица! Панъ хорунжій появляется всего въ одномъ дѣйствіи (въ III-емъ), но въ исполненіи С. А. Глазуенка это, поистинѣ, художественный перлъ. Такъ и шлетъ жизнью отъ мощной фигуры браваго казака, переходящаго отъ шумнаго веселья, бьющаго черезъ край, къ быстрой грусти, даже къ слезамъ, выливающимся изъ глубины чувствительной души. „Вино—казаккал потѣха“, и хорунжій пьетъ его и за здравіе, и за упокой и, слѣди за ходомъ бурсацкой интермедіи, поражаетъ контрастами своей вѣбальшойшой, но все-таки симпатичной натуры. Сцена завершается тѣмъ гонакомъ, который, выказывая всю ширь и мощь могучаго русскаго народа, захватываетъ духъ и влечетъ, точно меудержимой волной, въ просторъ синихъ степей.

Создать такіе образы—громадная заслуга артистовъ. Образы

латься на службу, урывками продолжая участвовать въ любительскихъ спектакляхъ, которые приносили ему не мало служебныхъ неприятностей. По смерти отца, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и 22 ноября 1871 г. дебютировалъ съ шумнымъ успѣхомъ въ излюбленной роли „Стецька“ въ одесскомъ народномъ театрѣ. Съ этого дня для него началась обычная кочевая жизнь русскаго актера, рядомъ съ которой шло рука объ руку и литературное творчество (первая пьеса „Дай сердце волю“ была написана въ 1862 г., а поставлена въ 1873 г.). Кропивницкій побывалъ и въ Галиціи, и во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ Россіи; одно время онъ даже не только игралъ на сценѣ, но и дирижировалъ оркестромъ, занимаясь оркестровкой и самъ писалъ декорации (въ родномъ уѣздѣ). Въ 1881 г. онъ ходатайствовалъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи сыграть нѣсколько малорусскихъ пьесъ и, получивъ его, выступилъ уже въ качествѣ организатора южно-русскаго театра, основавъ три товарищества (въ 1881 г., 1888 г. и 1894 г.), изъ которыхъ, въ свою очередь, начали отдѣляться и возникать новыя. Поѣздки въ 1886—87 гг. въ Петербургъ и Москву обратили вниманіе общества на малороссійскій театръ и его образцовую труппу. Кропивницкій въ полномъ ея составѣ игралъ и въ Мариинскомъ театрѣ („Наталка Полтавка“ и „Бувальщина“), и въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ во дворцѣ, причемъ за художественное исполненіе ролей „Назара Стодоли“ и „Шповьки“ („Якъ ковбаса та чарка, то месетця її сварка“) удостоился Царскаго подарка. О 25-лѣтнемъ юбилейѣ его литературно-артистической дѣятельности мы уже сообщали въ № 27 „Нивы“, прибавивъ только, что изданный имъ „Повный сборникъ творивъ“ (выданаго трете, Харьковъ 1895) далеко не обнимаетъ всѣхъ написанныхъ имъ драмъ и комедій (не вошли: „Глушь и Помста“, „Доки сонце зійде—роса очи выиеть“, „Глытай,

абожъ навуку“, „Вій“ и друг.). Тонкій добродушный юморъ и драматическій паосъ одинаково свойственны этому малоросійскому Сальвини, составляющему гордость южно-русской сцены. Такіе образы, какъ „Тарасъ Бульба“, „Шпонька“, „Иванъ Карась“, „Лейба“ и десятки прочихъ, созданныхъ замѣчательнымъ талантомъ Кропивницкаго, навсегда останутся неизгладимыми въ лѣтописяхъ театра. Плотный, здоровый, съ густыми русыми усами, какъ у Тараса Шевченка, М. Л. Кропивницкій представляетъ изъ себя истого малоросса, въ высшей степени скромнаго и трудолюбиваго. Всѣ свои роли онъ знаетъ на память и всегда играетъ безъ помощи суфлера.

Анна Петровна Затиркевичъ, по мужу Каринская-Кравцова, пользовавшаяся вполнѣ заслуженной павѣстностью, какъ исполнительница цѣлаго ряда комическихъ ролей („Лымерыха“, „Рывдычка“, „Хивря“, „Мылашка“, „Секлета“, „Дробинька“, „Фена Степановна“ и др.), родилась въ помѣщичьей семьѣ въ 1856 г. въ мѣстечкѣ Сребномѣ, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губ. До 10-лѣтняго возраста она росла подъ наблюдениемъ няни-хохлушки, которая своими живыми разказами развила въ ней фантазію и пріучила понимать и любить народъ, знать его нужды и въ совершенствѣ владѣть малоросійскимъ языкомъ, а затѣмъ была помѣщена въ кievскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ и получила аттестатъ въ 1871 г. Сцена всегда была ей любимой мечтой, успѣхъ же, выпавшій ей па долю 9-го декабря 1882 г., когда она впервые выступила въ любительскомъ спектаклѣ въ Ромнахъ (роль „Одарки“), окончательно утвердилъ ее въ наміреніи поступить на сцену. Молодая Затиркевичъ рѣшила обратиться письменно къ Кропивницкому съ просьбой принять ее въ число артистовъ, и тотъ не замедлилъ отвѣтомъ, приглашая для дебюта.

Степанъ Александровичъ Глазунико (изъ фамиліи Глазуновыхъ), одинъ изъ самыхъ молодыхъ артистовъ-малороссовъ, но уже составившій себѣ прочное имя, благодаря даровитому исполненію многочисленныхъ ролей довольно разнообразнаго амбула,—и бытовыхъ, и характерныхъ комиковъ, и комическихъ простаковъ, обладавъ, кромѣ того, искусствомъ ловкаго танцора съ изящными пластическими движеніями,—родился 23-го декабря 1869 г. въ Куликовомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Почти все дѣтство провелъ онъ въ Харьковѣ и уже съ 10 лѣтъ сталъ посѣщать театръ, къ великому неудовольствію своихъ родителей. 19-лѣтнимъ юношей онъ оставилъ отчий домъ и бѣжалъ въ Бѣлгородъ (Курской губ.), гдѣ опре-

дѣлился въ труппу Кропивницкаго. Каждое лицо, одухотворенное молодымъ артистомъ, является живейшимъ типомъ. Изъ главныхъ его ролей отмѣтимъ слѣдующія: „Унтеръ-офицеръ Сергѣя“, „Степко“, „Голохвостый“, „денщикъ Хведотъ“, „Шкандыбенко“, „Шыло“, „Иванъ Непокрытый“, „Панъ хоружій“ и др.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Электричество и колокольный звонъ.

(Рис. на стр. 1028).

Въ пью-йоркской церкви Милосердія сдѣлано новое, до сихъ поръ не практиковавшееся, примѣненіе электрической силы. Звонъ въ тяжелые колокола этой церкви производится теперь посредствомъ электричества; электричество же поднимаетъ гири большихъ церковныхъ башенныхъ часовъ, производитъ въ послѣднихъ бой четвертой и цѣлыхъ часовъ, а къ вечеру, на склонѣ дня, играетъ на часовыхъ колоколахъ цѣлый гимнь. Часовыя гири приводятся въ движеніе небольшимъ электрическимъ двигателемъ. Самые часы находятся вмѣстѣ съ наборомъ колоколовъ въ небольшомъ помѣщеніи башни. Въ томъ же помѣщеніи имѣется особая клавиатура, на которой каждое утро, въ 9 часовъ, и передъ обыною воскресною службою разыгрываются цѣлыя духовныя пьесы. Клавиатура эта, какъ видно на нашемъ рисункѣ, соединена электрическими проволоками съ колоколами. Наборъ колоколовъ принесенъ церкви въ даръ одною дамою, и на электрической клавиатурѣ ихъ играетъ также дама. Всѣхъ колоколовъ — 10; наибольшій изъ нихъ вѣситъ 75 пудовъ, а наименьшій — 8 худ. 10 фун. Для навлеченія изъ большого колокола звука, который былъ бы слышенъ на надлежащее разстояніе, требуется не менѣе 4-хъ лошадиныхъ силъ.

Что же касается до часовъ, то внутри ихъ помѣщается небольшой электрической двигатель, токъ къ которому идетъ отъ особаго аккумулятора, питаемаго большою электрическою машиною и достаточно сильнаго, чтобы двигать колеса часовъ въ теченіе двухъ недѣль. Пособиемъ тока не только подвигаются совершенно правильно стрѣлки, но приводятся въ движеніе, въ надлежащую минуту, и языки колоколовъ. Благодаря другому очень остроумному механическому приспособленію, часы въ 9 час. вечера играютъ, какъ уже сказано, гимнь и затѣмъ замолкаютъ до утра, чтобы не тревожить сна обывателей.

Политическое обозрѣніе.

Въ Висбаденѣ произошла 8-го октября сердечная встрѣча Государя Императора съ императоромъ Вильгельмомъ. На слѣдующій день германскій императоръ прибылъ въ Дармштадтъ, гдѣ повторилась та же задушевная встрѣча Императоровъ. Германская печать радостно привѣтствовала это событіе. По отзывамъ газеты *Post*, свиданіе монарховъ, кромѣ семейнаго характера, имѣетъ и политическое значеніе, какъ доказательство дружбы между дворами обѣихъ имперій. Вслѣдъ за этимъ свиданіемъ графъ Муравьевъ имѣлъ аудіенцію у императора Вильгельма, а имперскій канцлеръ князь Гоенлоэ и статъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Буловъ были приняты Государемъ Императоромъ. Это обстоятельство дало поводъ общественнымъ и политическимъ кружкамъ ожидать совмѣстнаго разрѣшенія Германіей и Россіей въ которыхъ на-зрѣвшихъ вопросовъ международной политики.

Въ Австріи парламентскія неурядицы отодвинули на задній планъ всѣ прочіе вопросы государственной жизни. Упорная оппозиція нѣмецкой партіи не дала до сихъ поръ рейхсрату возможности заниматься законодательной работой: меньшинство палаты систематически тормозитъ парламентскую дѣятельность, а большинство предъявляетъ министерству цензурный запасъ требованій. Почти всѣ партіи налагаютъ на правительство. Въ случаѣ же явнаго расположенія министерства къ славянскимъ группамъ, послѣднія неохотно выступаютъ въ защиту правительства, что объясняется желаніемъ ихъ дать новѣйшему графу Бадену, что поддержка большинства будетъ энергичнѣе въ томъ лишь случаѣ, если правительство открыто высказается за федеративный строй имперіи. Скандальныя засѣданія рейхсрата производятъ на правительство крайне тягостное впечатлѣніе. Вообще, по отзывамъ западно-европейской печати, чрезвычайно затруднительно разобратся въ австрійскихъ дѣлахъ. Незавидное положеніе правительства усугубляется еще тѣмъ, что временное соглашеніе съ Венгріей относительно общенимперскихъ расходовъ должно быть утверждено въ законодательномъ порядкѣ къ новому году, между тѣмъ это едва ли достижимо при нынѣшнемъ составѣ австрійской палаты. Съ другой стороны официозный органъ *Pester Lloyd* высказался въ томъ смыслѣ, что неутвержденіе соглашенія къ сроку положить конецъ дуалистическому строю имперіи Габсбурговъ: смѣта общихъ расходовъ, подлежащихъ обыкновенно разсмотрѣнію въ делегацияхъ, будетъ утверждена будапештскимъ парламентомъ, и въ такомъ случаѣ Венгрія получитъ фактически государственную самостоятельность, оставаясь связанной съ Австріей лишь личной уніей. Австрійская официозная пе-

чатъ возражала на это, что въ крайнемъ случаѣ соглашеніе будетъ утверждено Императорскимъ указомъ, въ силу 14 статьи австрійской конституціи. На эту полемику откликнулось венгерское правительство 9-го октября въ засѣданіи венгерскаго парламента при обсужденіи вопроса объ австро-венгерскомъ соглашеніи.

По категорическому заявленію венгерскаго министра-президента барона Банфи, правительство и законодательное собраніе Венгрии придерживаются той точки зрѣнія, что соглашеніе съ Австріей должно состояться парламентскимъ порядкомъ, предусмотрѣннымъ въ законѣ 1867 года; этотъ законъ обязателенъ для обонхъ парламентовъ имперіи; что бы ни произошло въ Цислейтаніи, правительство Транслейтаніи не допуститъ, чтобы соглашеніе состоялось согласно австрійской конституціи. Послѣ заявленія главы венгерскаго министерства проектъ временнаго соглашенія Венгрии съ Австріей принять налагаю въ томъ видѣ, въ какомъ былъ выработанъ министрами обѣихъ сторонъ.

Тѣмъ временемъ въ рейхсратѣ шли бурныя пренія о преданіи суду министра-президента графа Бадену за введеніе равноправности чешскаго языка съ нѣмецкимъ. На этотъ разъ смѣлымъ защитникомъ министерства выступилъ вожакъ младочеховъ Герольдъ, который въ блестящей рѣчи выставилъ неирѣшимымъ условіемъ успокоенія умовъ—возстановленіе равноправности всѣхъ народностей Австріи. По словамъ этого славянскаго дѣятеля, теперешнія событія составляютъ лишь „одну изъ стадій великой исторической борьбы всѣхъ народностей Австріи противъ преобладающей политической роли нѣмцевъ“. Единодушныя протесты нѣмецкой оппозиціи были заглушены восторженными одобреніемъ всѣхъ славянскихъ депутатовъ палаты. Послѣ рѣчи г. Герольда, десятичасовыя пренія по обвиненію правительства были закончены, и палата поименнымъ голосованіемъ, большинствомъ 161 голоса противъ 141, приняла 8-го октября простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Но оппозиція не унималась и 10-го октября внесла новое предложеніе противъ правительства за проишествія въ Эгерѣ, гдѣ нынѣшнимъ лѣтомъ со скандаломъ была разстроена сходка нѣмцевъ. Продолжительныя пренія прекращены принятіемъ палатой предложенія чешскаго депутата Странскаго о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Затрудненія палаты нѣсколько усложнились отказомъ президента ея отъ должности изъ-за недоразумнѣй съ правительствомъ, упрекавшимъ президента въ снисходительномъ отношеніи къ оппозиціи. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны отъ 15-го октября, желалъ ускорить дѣятельность,

палата приняла предложение вожака польских депутатов Аврора собирать на вечерние заседания специально для рассмотрения проекта австро-венгерского соглашения.

В политических кружках продолжают надеяться на благоприятный для графа Бадени исход парламентской борьбы, ожидаем, в противном случае, решительного вмешательства императора Франца-Иосифа.

В Сербию вернулся из заграничного путешествия король Александр в сопровождении родителю своего, и министерство Симица подало в отставку.

Сформировано новое либеральное министерство Владана Георгиевича, бывшего посла в Константинополе. По сведениям западно-европейской печати, кризис вызван ех-королем, сведшим счеты с кабинетом Симица за его расположение к королеве Натали, пребывание которой в Сербии служит причиной помехой к частым появлениям Милана в Бельград. Кроме того, бывший кабинет напомнил королю об его обещании приступить к введению нового государственного устава, то-есть конституции. Во всяком случае падение кабинета

принимается всецело влиянию ех-короля, неожиданный приезд которого снова обострил борьбу партий. В комитетных кружках предсказывают Сербии прежнюю экономическую зависимость от Австро-Венгрии. Поэтому задача нового правительства сводится, будто бы, главным образом к борьбе с радикалами—противниками австрийского влияния. Для успокоения сербов появился 11-го октября следующий королевский рескрипт к новому министру-президенту: "События на Востоке и миролюбие Европы дают Сербии надежду, а на короля налагают долг прекратить бесплодную партийную борьбу, поставить королевство на твердый политический, экономический и военный фундамент, сдлав из Сербии сильный и надежный элемент на Балканском полуострове; заручившись доверием Европы и сохранив за собой ее дружбу, Сербия получит возможность доказать, что сербские интересы нельзя будет решать без самой Сербии; выражая готовность посвятить всю жизнь осуществлению идеала, унаследованного от предков, король дает новому кабинету время для выполнения задачи правительства".

Разныя извѣстія.

— Императорское человеколюбивое общество, о деятельности которого было недавно упомянуто в *Иже* (въ № 41) по поводу закладки учрежденной имъ безплатной народной столовой, въ настоящее время прислало намъ отчетъ о своей дѣятельности въ теченіи первой половины текущего года, свидѣтельствующій о постепенномъ расширеніи дѣятельности этого симпатичнѣйшаго благотворительнаго общества, оказывающаго самую разнообразную и разностороннюю помощь столичному бѣдному люду. Всего общество израсходовало за полгода изъ благотворительныхъ своихъ суммъ 191,891 р. 59 к., изъ которыхъ истрачено: 1) на содержаніе подвѣдомственныхъ обществу 6-ти воспитательныхъ заведеній, 7-ми приютовъ, 3-хъ богадѣльнъ, одного учрежденія безплатныхъ квартиръ, одного убѣжища и учрежденія дешевыхъ квартиръ, всего 19 заведеній, въ которыхъ состояло 1,300 немущихъ; а равно на содержаніе 4-хъ швейныхъ мастерскихъ и на уплату за содержаніе 23 пенсионеровъ въ учрежденіяхъ, неподвѣдомственныхъ обществу, —114,633 р. 83 к.; 2) по медико-филаантропическому комитету оказано медицинскій помощи и пособій чрезъ посредство врачей для бѣдныхъ 14,837 лицамъ, на 5,176 р. 69 к.; 3) по попечительству для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, которое

видъ заведенія 44 ученицъ, въ мастерской дамскихъ нарядовъ 31 ученицу, въ приютѣ попечительства 37 дѣтей обоего пола, имѣло подъ своимъ покровительствомъ въ частныхъ мастерскихъ столицы 354 дѣ-

панькадила, кто-то крикнулъ „пожаръ!“ Вся масса народа, переполнявшая церковь, устремилась къ выходу, и въ теченіе пяти минутъ пятьдесятъ человекъ были задавлены на смерть, девять человекъ получили тяжкія поврежденія, сто пятьдесятъ—легкія; преимущественно пострадала женщина. Свѣдѣнія эти подтверждены, по словамъ *Нов. Вр.*, официально. Изъ Тамбова посланы къ мѣсту несчастія пять сестеръ милосердія и перевязочные материалы.

— Попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа утвержденъ проектъ положенія открываемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, въ помѣщеніи общества „Дѣтская помощь“, подготовительныхъ профессиональныхъ классовъ для дѣвочекъ, цѣль которыхъ укрѣпить и пополнить свѣдѣнія окончившихъ курсъ начальныхъ школъ дѣвочекъ, въ промежутокъ времени между окончаніемъ начальныхъ школъ и поступленіемъ въ промышленныя заведенія или низшія профессиональныя школы. При двухлѣтнемъ курсѣ въ классахъ будутъ преподаваться занятія ежедневно по слѣдующимъ предметамъ: закону Божію, русскому языку, арифметикѣ, геометріи, исторіи, географіи, естествознанію, черченію и рисованію, пѣнію, кройкѣ и шитью. Материальными источниками для существованія классовъ будутъ единовременные и ежегодные взносы казенныхъ учреждений, частныхъ заведеній и лицъ, пособій, пожертвованій и взносовъ платы за ученіе (80 коп. въ мѣсяцъ).

— Въ ноябрѣ нынѣшняго года откроется въ Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ Международная выставка художественныхъ афишъ. Такого рода выставка впервые появляется у насъ, и судя по интересу, который такая же выставка вызываютъ за границею, надо полагать, что и у насъ она будетъ имѣть успѣхъ. Дѣйствительно, примѣненіе искусства въ дѣлѣ рекламы уже лѣтъ двадцать съ лишнимъ получило право гражданства почти во всѣхъ государствахъ Европы и Америки. Художники съ извѣстными именами, какъ, напримеръ, Пювиль де-Шаванъ, Детайль, профессоръ Гизисъ, Стужъ, Вальтеръ Крайнъ и многие другіе охотно рисовали афиши и тѣмъ самымъ распространяли художественныя произведенія въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, содѣйствуя этимъ развитію въ народѣ художественнаго вкуса. На этой оригинальной выставкѣ появятся произведенія четырнадцати государствъ въ этой специальной отрасли искусства. Собраніе афишъ доходить до восьми сотъ экземпляровъ, и по своему разнообразію обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

Электричество и колокольный звонъ. Наборъ колоколовъ и проводы къ нимъ.

тей обоего пола, платило въ постороннія благотворительныя учрежденія за воспитаніе 1-го малолѣтняго, выдало бѣднымъ родителямъ и роднымъ на прокормленіе и воспитаніе 32-хъ бѣднѣйшихъ дѣтей и значнаго денежное пособие окончившимъ ремесленное обученіе, 19-ти своимъ питомцамъ, — всего оказана была помощь 518-ти дѣтямъ на 47,605 р.; 4) роздано денежныхъ пособій бѣднымъ изъ кассы совѣта общества ежемѣсячныхъ на 10,603 р. 85 к. и единовременныхъ на 10,427 р. 22 к., и 5) выдано изъ народной столовой въ Галерной гавани безплатныхъ обѣдовъ на 3,020 р.

— Въ селѣ Хмелевомъ, Коловскаго уѣзда, Тамбовской губер., произошло 12 октября страшное несчастье. Во время всеобщей на-

СОДЕРЖАНІЕ: Удалъ. Историческая повѣсть В. М. Михеева. (Продолженіе). — Большие маневры подъ Бѣлостокомъ. (Съ 19 рисунками Э. И. Соколовскаго). — Къ рисункамъ: Последніе листья. — Мимолетное. — Старый помѣщикъ въ дорогѣ (на догнѣхъ). — Протоіерей А. И. Парвовъ (съ портр.). — Протоіерей П. А. Смирновъ (съ портр.). — Гоголевскіе тѣмъ въ исполненіи артистовъ-малороссовъ (съ 3 портр.). — Электричество и колокольный звонъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.
Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Электричество и колокольный звонъ. Клавіатура, приводящая колокола въ дѣйствіе.

привѣдало и обучало ремесламъ въ состоящихъ въ его вѣдѣніи: хозяйственно-руководномъ для дѣ-

нунѣ освященія храма, когда пропитанная воспла-

НА РОСПИТАНІИ КУРТОРСТВО ВЪ ДВѢРЪ ВЪ
САДОВАЯ
 60. ТЕЛЕФОНЪ 1361. АДРЕСЪ РОСПИТАНІИ
 ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРОСИТЪ АМЕРИКА АКАДЕМІИ
 ЖЕЛѢЗОВАТЬ ЕМУ
НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО ВЪСТАНОВЛЕНІИ
 ВОСПИТАНІИ
 ВОСКРЕСЕНСКИЙ ШКОЛЫ
 500 СЛОВА
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

D.O.M + D.O.M
BENEDICTINE
 de de
 L'Abbaye Fécamp
 La Meilleure des Liqueurs Se trouve dans toutes les bonnes maisons de contrefaçons. Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville
 D.O.M + D.O.M

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ
 ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ
 ОВСЯНОЙ КРУПЫ
 ПРОДАЕТСЯ ВЪСЯДЪ.
С. СІУИ К.

КАЖДАЯ ДАМА, желающая быть одѣтой изящно и аккуратно, должна употреблять исключительно **"ИДЕАЛЬ"**, патентованную бархатную подшивку подъ подошв. Получать можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.

БУХГАЛТЕРІЯ.
 Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по преміерамъ. Бог. зол. медалью методу. С. Я. Дилленталь, Москва, Бутырки, № 49. Ц. № 10397 10-5

ЗАЯВЛЕНІЕ
 Изучится основательно въ специальномъ заведеніи Н. Ю. ЭРНСТЪ, для приходящихъ и пансионеровъ.
 Москва, Бол. Никитская, д. бывш. Чернева. Ручководство къ самоучебію 3 рубля

НОВОСТІ!
 Безъ кистей превращать фотограф. и рис. въ картин. масл. крас. Обучаю въ одинъ сеансъ даже не умѣющихъ рисовать. Взять письма, уроковъ достаточно приобрѣсти мой наборъ съ принадлежностями и самоучителемъ, чтобъ сейчасъ же раскрашивать. Удостоенъ награды, благод. и отмы. печатн. Цѣна 10 руб. С.-Петербургъ, Владимірская, 7, кв. 9. М. Машуринъ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
"БЛИККЕНСДЕРФЕРЪ"
 84 буквы и знака, прочность, скорость, писанное всегда видное. Маленькій размѣръ, легкій вѣсъ. Дешевое! 80 руб. только!
 Задатокъ 10 руб., остальное налж. плат. С.-Петербургъ, Караванка № 16.
Г. ПЕТО.

1200
 стилизован. узоръ для вышиванія, углубленной и рельефной рѣзбѣ, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки нѣтъ на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и материалы. Газета "Дилетантъ". Иллюстр. прейс-куррантъ высылаютъ за 30 пф. почт. марк. Mey & Widmayer, München.

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ
 по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.
 въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшения, какъ равно послѣднія извѣстныя и заграничныя. Любимыя елочницы въ каждой коллекціи! Кроме того исключительно къ моимъ коллекціямъ приложены оригинальныя китайскіе фонарики, и затѣмъ еще весьма практичныя и удобныя аппараты для замиганія и тушенія свѣчей, по вышеприведенному рисунку. Больше подробнаго свѣдѣнія благоволюте усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г. Высылка наложеннымъ платежомъ.
 ГЕРМАНЪ РѢЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 83.

Мѣха легіе подъ шапкы отъ 10 р. и роговды отъ 15 р. Пелерны отъ 30 р. Шади и воротн. отъ 6 р. Половнатымъ караку. отъ 15 р. Горжетк. съ головк. отъ 3 р. воротн. Муфты, шапки отъ 2 р. Boa отъ 15 р. Шкурки караку. отъ 4 р. Барашк. отъ 2 р. Тибет. и шкуры отъ 5 р. Бюври съ головаш отъ 20 р. Притогиваютъ шапкы изъ караку. отъ 160 р.; котиков. отъ 360 р. Мужскія шапелы, шубы, пальто, дохи и опуши и всевозможн. модныя мѣховыя вещи у СУРИНА Невск. пр., Гост. дворъ, Белзѣтаж, № 23.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
"ВОИНЪ ХРИСТОВЪ"
 По поводу стремленія народовъ къ миру и несомнѣнности войны съ христіанскимъ ученіемъ.
 Подполковника В. П. ГАМУЛЕЦНАГО.
 КНИГА ДОПУЩЕНА Учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ бібліотеки духовныхъ семинарій (Церков. Вѣд. 1897 г. № 10). Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ бібліотеки народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній (Журн. Минист. Народн. Просвѣд., мартъ, 1897 г.). Военно-Ученый комитетъ Главнаго Штаба не призналъ возможнымъ включить ее въ каталогъ книгъ, одобренныхъ въ обращенію въ войскахъ. (Распор. Главнаго Штаба отъ 4 іюня 1897 г. № 721). Доходъ съ изданія поступаетъ на благо: 1) пѣ Успенской г. Брянск. церкви и на нужды церковно-приходской школы. Цѣна книги 1 р. съ пересылкой. Можно и наложеннымъ платежомъ. Требования адресовать: Орловск. губ. г. Брянскъ, подполковнику Гамулецу.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незальтная и неослабляя.
ED. PINAUD.
 PARIS

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
 Г. ВАЛЬТЕРЪ (5)
 Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный каталогъ прейс-куррантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 годъ.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
 скоро и основательно изуч. всякаго посред. переп., вполнѣ зампн. усное препода. Услов. выс. безпл. А. П. Бобырь. Киевъ, Рейтарск., 23.

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.
 Доволю до свѣдѣнія почтенныхъ господъ заказчиковъ, что моя коллекція елочныхъ украшеній на 1897 г. въ настоящее время уже составлена и особенно выдѣлена своимъ изощрениемъ. Не перечисляя предметовъ, поименные въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ.
 5р., 10р., 15р., 25р., 50р., 75р. и 100р.
 причемъ долготѣ считаю уведомить, что даже 5-ти руб. коллекція удовлетворитъ самымъ изысканнымъ вкусъ.
 Въслѣдствіе большого накопленія заказовъ, обращаю особое вниманіе тѣхъ господъ заказчиковъ, которые проживаютъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ (напр. Акмолинская, Бакінская, Закаспійская, Томская, Ферганская и друг. губ. и области), дабы имъ не переиспачивать лишніе деньги за пересылку, своевременно прислать свои заказы, черезъ что представится возможность выслать товаръ по желѣзной дорогѣ, что гораздо дешевле, чѣмъ пересылка почтой. Гг. заказчиковъ, живущихъ дальѣ, чѣмъ 2000 верстъ, покорнѣе прошу высылать при заказахъ задатокъ для покрѣпленія расходовъ по отправки.
 Упаковки безплатно. **БАЗАРЪ МАРОКЪ.** С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій 20-31.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOUZE
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (104)
 Его избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ подѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

"ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ"
 наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, пріятнымъ тономъ, удобной игрой, новымъ патент. грифомъ и металл. углами у мѣховъ; однорядн. дамская 5 р.; обмѣновенн. 8, 10 и 14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.
"КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ"
 послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ, съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб.; двухрядная 16 и 20 р. Самоучитель Алексѣева 1 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова. Подробное описаніе и полный иллюстрир. прейс-куррантъ бесплатно. Ц. № 10537 6-1

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПУТЬ КЪ СЧАСТЬЮ.

Сост. Фрид. Кирхнеръ.

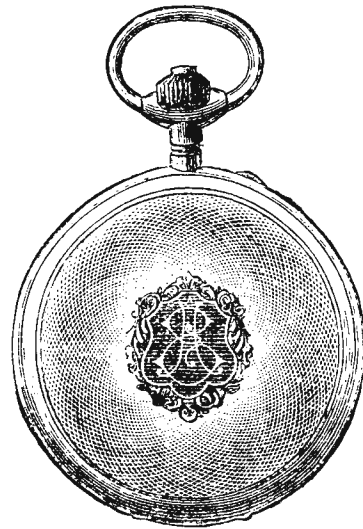
СОДЕРЖАНИЕ: Почему многие несчастны? Мировая скорбь и высшее счастье. Свобода совѣсти. Самовоспитаніе. Хвала одиночеству. Дружбѣ. Героизмъ. Трудъ и отдыхъ. Общенье съ природой. Идеалы и заблужденія. Любовь. Роль искусства въ жизни и пр. Цѣна 60 коп. № 10558

№ 4711. Кто любит запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711. Въ ОМНИКОМЪ магазинѣ.

№ 4711 du Rhin. No. 4711 Savon violette du Rhin.

Продается и парфюмер во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ въ моей Женевской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 июля с. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖСКОЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ на 28 казначъ, механикамъ самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. медалью на Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брегетомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настояще золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполнѣ вытѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же по положенномъ платежѣмъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Фабричный складъ Женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпль снабженъ пломбой фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10408 4—4

Изданія годъ 3-й. Подписной годъ начинается съ 15-го ноября.

Вновь подписавшіеся получаютъ журналъ съ № 1-го со всѣми приложениями. Отдается немного экземпляровъ. Продолжается подписка на 1897-й годъ на самый распространенный въ Россіи ежемѣсячный „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ безъ дост. 4 р., съ дост. впер. по всей Россіи 5 р., за границу 6 р. Допускается расписка.

музыкальный журналъ „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“ для пѣнія, одноголоснаго и хорового, фортепiano и другихъ инструментовъ. 1895-й годъ одобренъ Уч. Ком. при Св. Синодѣ для библ. духовн. семин., мужск. дух. и женск. еп. уч., одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для учен., средн. и стар. возр. биб. ср. уч. зав. мужск. и женск. Рекомендованъ Гл. Упр. Военно-Учебн. зав. кадетск. корп. для приоб. въ фонд. библ. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 стран. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составитъ болѣе 500 страницъ и дастъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальных произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Кромѣ того, бесплатное приложеніе: Нотная грамота. Опытъ самоученія пѣнію А. Н. Карасева. Выпущенъ № 12-й. Содержаніе: Отд. I: теорія: 1) XII международн. съѣздъ врачей. Доклады о пѣніи, пѣнцахъ и учит. пѣнія. 2) Благотворн. вліяніе пѣнія на здоровье. 3) Музыкальное око. Отдѣл II, пѣніе: 4) Бранскій, Н. П. Пущевая пѣсня для одноп. хора. 5) Оберъ, Д. Хоръ изъ оп. „Фенелла“ д. смѣш. хора. 6) Денца, Д. Южная ночь. Серенада на 1 гол. съ форт. Отдѣл III, легк. пѣсни для форт.: 7) Gurliit, C. Promenade. 8) Ego-je. Conte. 9) Lichner, H. Auf der Wiese. Отдѣл IV, пѣсемъ для форт. средн. трудности: 10) Funke, J. Ecoutez-moi! 11) Gillet, E. Loin du Val. 12) Ланге, Г. Осенняя пѣсня. 13) Ивановъ, М. М. Фантазія на стар. франц. пѣсни. 14) Суппе, Ф. Пиковая дама. Увертюра. Отдѣл V, для разн. instrum.: 15) Суппе, Ф. Пиковая дама; уверт. для скрипки съ форт. 16) Тоже. Для флейты съ форт. 17) Тоже. Для виолонч. съ форт. 18) Тоже. Для корнета съ форт. Эту увертюру можно исполнить какъ дуэтъ, трио, квартетъ и квинтетъ. 19) Приложение: Карасевъ, А. Н. Нотная грамота. Опытъ самоуч. пѣнію. 20) Объясненія. Цѣна пробнаго № 50 к. съ перес. 71 к., съ налож. плат. 81 к. Подробныя объясненія, содержанія первыхъ годовъ изданія и начала мелодій высылаются бесплатно. Открыта подписка на 1898-й годъ. Изданія годъ 4-й. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова. Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

Утренній напитокъ.

Для замѣны обыкновеннаго шоколада, бывающаго нерѣдко приторнымъ, можно приготовить себѣ чашку

ПРЕВОСХОДНАГО ЛЕГКАГО ШОКОЛАДА, разведя въ кипятокъ чайную ложку

какао Ванъ-Гоутена.

Для полученія шоколада на молокѣ, кинятку нужно взять только полчашки, а остальное долить молокомъ.

Какао Ванъ-Гоутена занимаетъ первое мѣсто въ ряду этого рода продуктовъ и своимъ неотъемлемымъ успѣхомъ обязано исключительно своимъ прекраснымъ качествамъ.

В. № 10149 2-2

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРИЕЖЪ ЗАКАЗОВЪ на МУЖСКИЯ И ДАМСКИЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ новѣйшихъ фасоновъ и изысканнаго покроя.

Новый ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ сезона 1897—1898 г. высылается бесплатно.

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и Гостиный Дворъ, № 58.

О С О Б О

УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩЕГОСЯ ПРОЧНОСТЬЮ ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЪ

БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА

ТОЛЬКО ВЪ СПЕЦІАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ БЪЛІЯ

Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго.

Крученіе въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. При выпискѣ необходимо: задатокъ, мѣра пояса и длины. Мѣнѣе 3-хъ не высылается.

ДЛЯ ТУАЛЕТА

ALCOOL DE MENTHE

ДЛЯ ЗУБОВЪ

DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромать.

Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканъ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

6-05 10108 1/2

ТОЛЬКО ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА:

СИМФОНІОНЪ

съ ручкой 4 р. 50 к. Пьесы по 2) к. Заводн. 40 тонн. 9 р. Пьесы по 20 к. Заводн. 60 тонн. 27 р. Пьесы по 45 к. Заводн. 84 тонн. 36 р. Пьесы по 60 к. Заводные 84 тонн. Sublime Harmonie 65 р. Пьесы по 75 к. Заводные Sublime Harmonie Piccolo 90 руб. Пьесы по 90 к.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 50 р. Ноты по 90 к., 1 р. 80 к. и дороже.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ цѣна 23 р. Ноты по 60 к.
ИНТОНА (малый фениксъ) цѣна 8 р. Ноты по 80 к.
ГЕРОФОНЪ съ приснос. для громкой и тихой игры 22 руб. Ноты по 45 к.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ цѣна 17 руб. Ноты по 45 к.
ДѢТСНІЙ АРИСТОНЪ цѣна 5 руб. Ноты по 15 к.

ПІАНО-МЕЛОДИНО (новый механич. инструментъ со струнами) очень пріятнаго тона, цѣна инструмента безъ нотъ 15 р. Ноты отдѣльно по 60 коп. за метръ (= 1 1/2 арш.).
САМОИГРАЮЩІЙ ПІАНО-ОРКЕСТРІОНЪ механическій музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цѣна безъ нотъ 200 и 250 р. Ноты по 80 коп. метръ.
Списки пьесъ бесплатно.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
По полученіи заказа приблизительно 1/2 стоимости требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

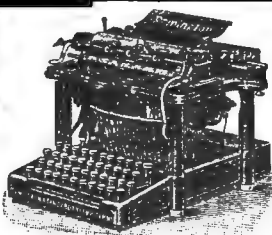
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. СКЛАДЪ НОТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились РАЗНЫЯ ПОДЪЛКИ, распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п.
Какъ единственныя представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами специально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество

Правленіе: Москва.

Отдѣленія

С.-Петербургъ, Киевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Нонандъ, Ростовъ и/Д.

М. Блок

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и злочно профессоръ именованн С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и База. ул., собственный домъ, № 28.
Условия и брош. (въ 33 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-7

Advertisement for perfume: НОВОСТЫ! духи ЛЕВКОЙ поставщиковъ Высочайшаго Двора А. Ралле и Ко. За флаконъ 1 руб. 25 коп.

Advertisement for medicine: КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

Advertisement for a sanatorium: Санаторія д-ра Ремплера для страдающ. грудными болѣзнями въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ СИЛЕЗИИ.

Advertisement for jewelry: ЖЕМЧУГЪ ХОРОШІЙ РОВНЫЙ ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ ПОКУПАЕТЪ 20-1 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ К. ФАБЕРЖЕ. Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Advertisement for watches: 400 до 1000 р.с. въ годъ можно заробот. работ. дома на пов. вязальн. машинѣ. Чудотъ выигреть въ 1/4 ча на с. Маш. оч. проста; даже ребен. мож. работ на ней. Имуть агентовъ. Корресп. и фразы, кѣм., англ., шведск. Подр. объявл. бесплатно. M. NAVY, 67 Southwark str. 67 LONDON. S. E.

Advertisement for a typewriter: Швейцарская машина „Гаммондъ“ предствительн. П.И.Тазенль. МОСКВА. Цѣна 295 р.

Advertisement for watchmaking: СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки ПЛОТЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Uland, Leipzig.

Advertisement for watchmaking: ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э БУРХАРДЪ, Снб. Мѣсяскіи просп. №6 противъ М. Морской Горькохвѣ ул. у Краснаго Моста №17.

Advertisement for pocket watches: Цѣны означены съ уплаченною пошлиною. „Реформъ“ часы звѣзда NORWICH WATCH COMPANY. Цѣны означаются съ оплаченною пошлиною.

Advertisement for pocket watches: Часы „Реформъ“ составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ действительныхъ золотыхъ часовъ. Имъ принимаемъ на себя за часы „Реформъ“ полнѣйшую гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ.

Advertisement for cigars: „ФИЛИГРАНЪ“ ИЗЪЛУЧШЕЙ СУММАТИ „САКАТЫКЪИКЪ“ МОСКВА

При этомъ не прилагается для гг. московскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Г. Е. Ефремова въ Бзуруитъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 44

выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежене. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 1 ноября 1897 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со-
держащихъ первое полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ
приложеній“, и пр., и пр.

Безъ до- ставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ достав- ки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г.
№№ „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. XI (Сборникъ «Нивы» за Ноябрь);
2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА НОЯБРЬ 1897 г. съ 23 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 25 рис.
руководящихъ работъ.

Переселенцы въ Западной Сибири. Въ пути. Видъ на рѣку Обь у Кривошеиновскаго переселенческаго пункта.
Съ фот. А. Кочешева въ Курганѣ, автогнѣна „Нивы“.

Удалъ.

Историческая повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

IX.

Фата и чарки.

Недѣлю спустя послѣ наводненія, которое на этотъ разъ было хотя и бурное, но скоро улеглось, не причинивъ особенно вреда, Иворъ Михайловичъ уже почти совсѣмъ оправился и сидѣлъ въ той своей горницѣ, гдѣ онъ во время голода впервые припаялъ Добрыню.

Онъ похудѣлъ, но былъ уже довольно бодръ. Наводненіе его нѣсколько взволновало, но ни самъ онъ, ни его люди не пострадали: всѣ успѣли во-время забраться на вышку дома. Вода же, побушевавъ въ нижнихъ этажахъ, кое-что унесла и испортила, разбила въ окнахъ нѣсколько нѣмецкихъ стеколъ; но все это было теперъ исправлено и возобновлено.

Такъ было и во всемъ Новгородѣ. Только бѣдняки еще покряхтывали въ своихъ опустошенныхъ лачугахъ; но они теперъ, по крайней мѣрѣ, не мерли съ голода. По повелѣнію Мстислава въ Новгородъ отовсюду везли хлѣбъ—изъ Владиміра, изъ Суздаля, изъ Пскова, изъ Юрева. Такъ что и бѣдняки не роптали. Все это радовало Ивора. Нанугала его, было, во время наводненія бѣда съ его любимицей Олексовой Оленушкой, которая, возвращаясь отъ подружки, чуть не потонула. Но и ту спасъ Добрыня.

Иворъ и теперъ еще улыбался, вспоминая, какъ они съ Олексой съ вышки увидали этого добра молодца съ Оленой, выливающаго на ушку въ полный воды дворъ Ивора. Они, собственно, и не боялись за Олену. Они думали, что она переждетъ наводненіе у подружки, дворъ отца которой стоялъ на высококомъ мѣстѣ и почти никогда не заливался водой. Они были поражены, увидѣвъ Добрыню и Олену на ушку. Когда же дѣло объяснилось, Олекса чуть не упалъ отъ прилива благодарности въ ноги молодому спасителю его дочери, да и взволнованный Иворъ, любившій дѣвушку, какъ второй отецъ, готовъ былъ сдѣлать то же.

Добрыня тогда очень скоро исчезъ на томъ же ушку съ ихъ двора, торопясь въ свой—посмотрѣть: не затопило ли совсѣмъ его близкое жидическое плесо. Его, конечно, и не удерживали. А потомъ, когда наводненіе спало, услышали, что Добрыня уѣхалъ въ свою, подаренную княземъ, землю въ Водской волости. И этому Иворъ не удивился. Молодому хозяину такъ и слѣдовало. Только обидно было немного, что передъ отъѣздомъ Добрыня не забѣжалъ проститься и посоветоваться по хозяйству. Да еще озабочивало то, что Олена до сихъ поръ не совсѣмъ оправилась отъ легкой простуды и испуга: была задумчива, блѣдна, молчалива, и явно похудѣла. Но и съ этимъ мирился Иворъ.

Понятно, что Добрыня было не до совѣтовъ и не до друзей при мысли, что вода затопила и его водскую усадьбу. Надо было поспѣшить узнать, что тамъ дѣлается. Что касается Олены, то еще бы! Смерти понюхала, скоро не оправилась—счастье, что хоть жива! Такъ хорошее настроеніе управляющаго отъ ушибовъ въ оврагѣ на Тунегѣ боярина окрашивало все въ свѣтлые оттѣнки. И онъ окончателно просіялъ, увидѣвъ вдругъ вошедшаго въ горницу Добрыню.

— А, воротился водской волостель! — воскликнулъ онъ, протягивая ему обѣ руки.

Но „волостель“ былъ блѣденъ и похудѣлъ за эту недѣлю, пожалуй, больше Олены.

— Что, на Води-то у васъ неладно что-ль? — озабоченно спросилъ Иворъ, замѣтивъ это.

— Ничего. Все ладно. Не топило,—отрывисто отвѣ-

тилъ Добрыня, избѣгая смотрѣть на Ивора своими, ввалившимися теперъ, глазами.

— Чего жъ это ты? Исчахъ-то? Болѣлъ? — спросилъ Иворъ. — Я вотъ такъ совсѣмъ недугъ-то съ плечъ стряхнулъ, — прибавилъ онъ, точно спѣша этимъ радостно похвастаться.

— Ничего. Не недужилъ! — опять отрывисто отвѣтилъ Добрыня, совсѣмъ опуская очи.

Онъ явно волновался. Даже губы его слегка дрожали.

„Ужъ не отъ князя ли ему намякло? — подумалъ безпокойно Иворъ. — Крутенекъ Удалой съ молодыми глудырями“.

— Князя видѣлъ? — спросилъ онъ громко и подозрительно.

— Когда жъ? Только приѣхалъ. Здоровъ ли онъ, осударь батюшка? — обезпокоился еще болѣе Добрыня и даже на мгновеніе вскинулъ на Ивора свои воспаленные глаза.

— Здоровъ, пошли ему Богъ, — весело отвѣтилъ Иворъ, обрадованный, что, очевидно, его любимцу „не намякло“ отъ князя. — Веселый такой, — продолжалъ бояринъ оживленно: — все о запасахъ для голытьбы хлопочетъ. Иззаботился. А все смѣется. Слышь ты, что онъ вымолилъ о разливѣ-то? Ничего, молъ, не бѣда, вода пришла и ушла, только пообмыда въ Новгородѣ слѣды Ярославовыхъ приспѣшниковъ. — Самъ такъ и молвилъ, Удалой-то! — И Иворъ залился раскатистымъ могучимъ смѣхомъ.

Хоть и безпокоилъ его видъ Добрыни, но сознаніе, что вода смыла даже слѣдъ Ярославовыхъ приспѣшниковъ, этихъ, ненавистныхъ Ивору, предателей Новгорода, заставило его забыть всѣ безпокойства. Но Добрыня даже не отозвался на его слова. Онъ мрачно сидѣлъ, опустивъ голову и потупивъ глаза въ полъ. Это ужъ окончательно смутило Ивора. Онъ пытливо молча уставился на Добрыню, сразу переставъ смѣяться, и сурово нахмурилъ густыя брови.

Но ему пришлось поднять ихъ въ сивномъ изумленіи. Добрыня вдругъ, не мѣняя положенія, отрывисто оборвавшимся голосомъ спросилъ:

— Бояринъ, продашь мнѣ Олену?

Иворъ помолчалъ, потомъ, какъ будто что-то сообразивъ, едва замѣтно ухмыльнулся.

— Съ Олексой что ли? — невозмутимо спросилъ онъ.

— Быть такъ, съ Олексой! — глухо отозвался Добрыня.

— Да нѣшь я кому продамъ Олексу? Да я безъ него, какъ безъ правой руки! Да и отъ отца имѣю завѣтъ: себя продай, Олексу береги! — отвѣтилъ Иворъ горячо, но и какъ будто слегка подсмѣиваясь надъ чѣмъ-то.

— Продай безъ Олексы, — совсѣмъ тихо, сказала Добрыня.

— Олену-то? — такъ же тихо, продолжая усмѣхаться, отозвался Иворъ.

— Олену-то, — почти прошептали губы Добрыни.

— Не могу, друже. Не въ волю! — жалобно насмѣшливо вздохнулъ Иворъ.

— Почто? — задрожалъ голосъ Добрыни.

— Олексу обидѣть не охота? Да нешто худо ей будетъ у меня? — проговорилъ онъ какъ бы возволнованно.

Иворъ видѣлъ, какъ все лицо его вспыхнуло.

— Пошто худо? Думаю, слаще не надо, — опять едва усмѣхнулся Иворъ. — Да только не въ волю моей, друже! — погладилъ онъ медленно бороду. — Олена-то вольная...

— Вольная!? — точно стрѣла взвился съ своего мѣста Добрыня.

Онъ стоялъ теперь, весь вытянувшись и впиваясь вспыхнувшими глазами въ глаза боярина.

— Вольная, друже! — со вздохомъ продолжалъ, будто сокрушаясь, но и посмѣиваясь Иворъ. — Вишь ты, какое дѣло. Она мнѣ еще и родня выходитъ дальняя... Была у отца родичка, по третьему колѣну. Жила въ домѣ у него по сиротству своему. Матери помогала. Вдовица была. Мужа-то, отца дружинника, убили о ту пору, какъ отецъ съ княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ, родителемъ-то Удалого, Чудь воевалъ. Вдовица-то осталась молодая. А Олекса о ту пору ужъ близъ отца служилъ. Ну и спознались, и оженились. Отецъ-то тоже пошумѣлъ. Да Офросинья-то, Оленина мать, кремень баба была. Такъ и говорила: пусть моль онъ рабъ, одерень. Олекса-то моль; дочери отъ меня, какъ отъ вольной, все одно, по обычаю, вольная будутъ, ну а сыны отъ меня родятся, ты, Михайло родичъ, ихъ и самъ ослобонишь, не обидишь... Офросинья-то, моль, родителю моему говорила. Оно и правда; по обычаю: отъ вольной жены дочери раба вольныя, все равно сыны вольнаго отца отъ жены-рабы — вольные. Искони таковъ обычай Великаго Новгорода, — будто убѣждалъ въ этомъ, степенно рассказывая, Иворъ Добрыню.

Но молодой боярскій сынъ точно и не слушалъ его. Онъ стоялъ счастливо потерянный. Глаза его свѣтились теперь мягкимъ радостнымъ сіяніемъ.

— Бояринъ! — вдругъ зазвенѣлъ, съ глубокой задушевностью, его голосъ. — Коль нельзя продать, — сосватай! — закончилъ онъ неожиданнымъ, какимъ-то растроганно-удалымъ, восклицаніемъ.

Теперь ужъ поднялся во весь ростъ и бояринъ Иворъ. Онъ подошелъ къ Добрынь, положилъ руку на его плечо и, глубоко заглядывая въ его глаза, вымолвилъ сдержанно, серьезно:

— Боялся, что раба?

— Боялся! — усмѣхнулся Добрыня. — Боялся, что не продашь! Купилъ бы, освободилъ бы, оженился!

— Ишь ты, какъ полюбила! — вырвалось не безъ удивленія у Ивора. — Слушай, братъ Добрыня, — она мнѣ ровно дочь, да и родичка, слышалъ? Одинъ я. И берегъ ее съ Олексой, какъ дочь. Берегъ, — да, было, не уберечь. Выходить, ты уберечь-то! Тебѣ ль не отдадимъ? Особенно, коли такъ полюбила! — совсѣмъ задрожалъ въ горячемъ волненіи голосъ Ивора.

Добрыня весь устремился къ нему, онъ хотѣлъ что-то сказать, но Иворъ остановилъ его.

— Постой, друже! Олекса! — загремѣлъ онъ громовымъ голосомъ и захопалъ въ ладоши. — Управитель сейчасъ же явился въ горницу.

— Родителю и матушкину чарки мнѣ! — еще громче повелѣлъ Иворъ.

Олекса, боготворя въ Добрынь любимца славнаго князя и своего господина, въ особенности же спасителя своей дочери, хотѣлъ-было восторженно поцѣловать руку гостя, котораго давно не видалъ. Но необычное требованіе боярина смутило его. То были чарки, которыми чокались при сговорѣ, по новгородскому обычаю, невѣстой и женихомъ, родители Ивора, и онъ самъ съ покойной женой, какъ невѣстой. Зачѣмъ эти заветныя чарки понадобились боярину теперь? — Но Иворъ не далъ старому слугѣ медлить въ этомъ недоумѣніи.

— Неси въ свою одрину эти чарки, Олекса! — громко и весело приказывалъ онъ. — Да скажи Оленѣ, пусть фату... фату накинетъ. Да налей въ чарки меду самаго стараго! Стараго да сладкаго! Жениха къ тебѣ веду! — и онъ, опять положивъ руку на плечо Добрыни, смотрѣлъ ликующими глазами на совершенно потерявшаго старика-управителя.

— Батюшка, Добрыня Данславичъ! — и въ потрясеніи и почти въ умиленіи всхлинулъ-было Олекса.

Добрыня протянулъ къ нему обѣ руки. Но Иворъ сталъ между ними и снова загремѣлъ, какъ тѣшачійся веселыми угрозами Перунъ:

— Олекса! Господинъ я твой или нѣтъ? Чтѣ я повелѣлъ?

И Олекса, весь сотрясаясь на ходу, бросился изъ горницы.

— Не рабъ, а братъ отца былъ! — крикнулъ въ полномъ восторгѣ вслѣдъ ему Иворъ. — Стой! Сейчасъ вернусь! Жди, не уходи! — крикнулъ онъ повелительно Добрынь, и скрылся также изъ горницы.

Добрыня большими шагами началъ ходить изъ угла въ уголъ. Грудь его высоко поднималась. Здѣсь ли, въ этой ли комнатѣ, хотѣлъ онъ идти въ одерни, въ рабы? И она — не раба! Не раба! — ликовало въ его груди. Всего разъ онъ видѣлъ Олену, но развѣ не узналъ онъ въ этотъ единственный разъ — чѣго ему недоставало среди новаго почета и достатка? Онъ попытался отдѣлаться отъ благи любовной. Бѣжалъ въ усадьбу. Но развѣ не бѣжала съ нимъ туда и Олена? Она стояла неотступно въ его глазахъ, когда онъ, въ деревенской глуши, шагаль по топямъ, по лѣснымъ пуцамъ. Она, какъ ясная заря, вспыхиваетъ въ его головѣ и теперь, когда онъ шагаетъ по горницѣ, ожидая Ивора.

Наконецъ, бояринъ явился. Онъ былъ одѣтъ въ новый кафтанъ темнозолотистой парчи, самое дорогое его платье. Онъ былъ радостенъ и величественъ въ этомъ одѣяніи.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ нетерпѣливо Добрынь. — Видишь: какъ надлежитъ свату! Не ударимъ лицомъ въ грязь!

И онъ быстро пошелъ изъ горницы на свой довольно обширный дворъ, обставленный избами и свѣтлицами для челяди.

Добрыня шелъ за нимъ точно въ какомъ-то огнистомъ туманѣ. Наконецъ, они вошли въ одрину управителя. Они шагнули въ первую горницу. У тяжелаго сосноваго стола стояла женская фигура. Широкая бѣлая фата падала съ ея головы почти до колѣнъ. Было замѣтно, какъ ея стройное дѣвичье тѣло тихо дрожало. На столѣ виднѣлись двѣ чарки, тяжелыя, золоченыя, съ черной, наполовненныя пѣнисто-янтарнымъ медомъ. Старый слуга, очевидно, не замедлилъ исполнить повелѣніе господина.

Самъ онъ, весь красивый и взволнованный, отошелъ поодаль; онъ ждалъ дорогихъ гостей, мигая глазами. Иворъ выступилъ впередъ и громко, весело заговорилъ:

— Олена Олексовна! Прости, съ однимъ тысяцкимъ, безъ дружекъ вершниковъ пришелъ къ тебѣ суженый. То не его вина. Моя вина, тысяцкаго. Больно торопливъ я, больно поспѣшенъ. Ну, да съ добромъ сѣйши, съ худомъ пиясь! Въ свое время все, какъ надлежитъ, будетъ. И дружекъ вершниковъ для почета тебѣ нагонимъ. Пока же... позволь свату тысяцкому, по обычаю дѣдовъ, прадѣдовъ, рѣчь держать. Родитель честной, не фату мы прѣхали смотрѣть, а невѣсту смотрѣть! — шумливо вызываяще крикнулъ Иворъ Олексе.

Олекса торопливо подбѣжалъ къ дочери и откинулъ дрожащими пальцами ея фату назадъ, за голову. Красное, какъ маковъ цвѣтъ, лицо молодой дѣвушки показалось изъ-подъ фаты. Глаза были опущены. Длинные рѣсницы трепетали. Да она и вся трепетала и вспыхивала.

— Гляди, бояринъ, любя ль невѣста-то? — весело крикнулъ Иворъ Добрынь.

Добрыня стоялъ, точно окаменѣвъ. Всего во второй разъ видѣлъ онъ это юное лицо. Тогда, въ челнѣ, блѣдное, какъ смерть, теперь, здѣсь, — обрамленное складками поднятой фаты, розовое, пылающее... Доб-

Переселенцы въ Западной Сибири. Общій видъ (съ высоты) Пѣтуховскаго переселенческаго пункта и Вознесенскаго поселка. Переселенцы Полтавской губ. 1895 г. Съ фот. А. Кочешева въ Курганѣ, автотипія „Нивы“.

Переселенцы въ Западной Сибири. Группа переселенцевъ за бесплатнымъ обѣдомъ на ст. Кургань. Съ фотогр. А. Кочешева въ Курганѣ, автотипія „Нивы“.

Переселенцы в Западной Сибири. На Кривошековском переселенческом пункте (левый берег р. Оби, станция западной сибирской ж. д.). Санитарный отряд из молодых врачей, студентов-медиков и фельдшерцев. Съе фотогр. автотипия „Нивы“.

Переселенцы в Западной Сибири. Группа переселенцев Полтавской губернии в Вознесенском поселке, Пытуховской волости, в ограде у старосты в праздник. Съе фотогр. А. Кочешева в Кургане, автотипия „Нивы“.

рыни никакъ не ожидалъ, что, при видѣ этого лица, послѣ недѣли разлуки, въ немъ загорится такая нѣжность къ этой дѣвушкѣ.

— Люба, любя, бояринъ! -- воскликнулъ онъ въ какомъ-то порывѣ, давшемъ его голосу чудную, задушевную мощь.

Дѣвушка вся дрогнула и ухватила даже за столъ. Но Иворъ, уже по обычаю, какъ тысящій, спрашивалъ ее:

— А тебѣ, лебедушка-невѣста, любовь ли суженый-то?

Закрытые до сихъ поръ глаза дѣвушки раскрылись, большіе, увлажненные счастливыми слезами, лучезарные. И съ губъ ея тихимъ шелестомъ слетѣло:

— Любовь!

— Оленушка! Разбойница! Да когда жъ ты его распознала? Всего разокъ и видѣлись! И то около смерти была!—зашумѣлъ бояринъ Иворъ.

— А она молодого боярина все въ окошечко въ свѣтлицѣ высматривала; бывало, идетъ Добрыня Давславичъ по двору, а Оленушка сейчасъ и къ окошечку. Запримѣтилъ я, запримѣтилъ!—радостно вмѣшался Олекса.

Его будто разомъ прорвало — заговорилъ.

— Батюшка!—воскликнула Олена, и закрыла лицо руками.

— Эхъ, всѣ-то вы! Обычая не знаете. И меня-то, тысяцкаго, сбили, спутали!—уже снова гремѣлъ Иворъ.— Не падо бы вамъ молвить, что любви другъ другу, а степенно другъ другу низкимъ поклономъ поклониться. А тебѣ, старина, ужъ совсѣмъ не слѣдъ съ дѣвичьими тайнами сонаться... Ну, да ужъ... не всяко лыко въ строку... Только ужъ по обычаю, такъ по обычаю, какъ изстари... Олекса! Еще двѣ чарки! Забылъ, старый!

Олекса заметался, точно не зная, что дѣлать, но скоро сообразилъ и досталъ съ поставца двѣ стопки изъ рога, оправленные въ серебро. Потомъ схватилъ липовый жбанъ съ медомъ, только-что имъ, вѣроятно, принесенный и стоявшій между первыхъ двухъ чаръ на столѣ. Изъ этого жбана онъ наполнилъ роговыя стопки медомъ.

— Олена Олексовна!—сказалъ Иворъ.— Обнеси батюшку съ тысящимъ!

Олена на мгновение ушла въ сосѣднюю каморку и, вернувшись оттуда съ небольшимъ серебрянымъ блюдомъ, поставила на него роговыя стопки. Съ низкимъ почтительнымъ безмолвнымъ поклономъ поднесла она медъ сперва Ивору, потомъ отцу. Оба залпомъ осушили стопки и облобызались съ невѣстой, потомъ другъ съ другомъ.

— Ну, а теперь бери чарку, подай жениху!—сказалъ Иворъ.

Олена вся вспыхнула, исполняя это. Руки ея сильно дрожали.

— Возьми свою чару, — продолжалъ учить неопытную молодежь Иворъ.

Олена взяла.

— А теперь чокайтесь, суженные, моими родителями чарами, да такъ, чтобы медъ изъ одной въ другую переплеснулся. И кто болѣе переплеснетъ въ чару другого, тотъ и голова будетъ въ дому!—торжественно докончилъ Иворъ.

Женихъ и невѣста чокнулись, потушивъ глаза. Олена такъ слабо коснулась твердо двинутой имъ чары Добрыни, что почти весь его медъ переплеснулся въ ея чару.

— Дѣльно! Быть мужу головой женушкѣ, ретивымъ!—весело одобрилъ Иворъ.—А теперь пригубьте. Да пей до доньшка каждая сторонушка!

Олена и Добрыня медленно, съ глубокой, благоговѣйной серьезностью, выпили чарки до дна.

— Ну, а теперь, — совсѣмъ ужъ весело закричалъ Иворъ:—можетъ, и не вовсе по обычаю, да, полагаю,

и не супротивъ его—подсластите-ка! Горьконько что-то! Хоть и не мужъ и жена—при пась, старикахъ, можно!

И когда молодые люди слились въ первомъ стыдливомъ поцѣлуѣ, оба какъ-то холодѣя отъ счастья, Иворъ подошелъ къ Олексѣ, и горячо, сильно прижалъ его къ своей груди. Старый рабъ плакалъ.

— Олекса, — воскликнулъ Иворъ: — вольная-то, вольная-то наша... боярыней будетъ!

— А одерень, одерень-то, было, мой...

И онъ, сотрясаясь отъ счастливаго смѣха, указывалъ пальцемъ на Добрыню. Но Добрыня не видѣлъ этого, не слышалъ его словъ. Держа обѣими руками руки невѣсты, слегка отклонившейся отъ него послѣ поцѣлуя, онъ смотрѣлъ въ ея полуопущенныя очи и не могъ насмотрѣться.

— Такъ, въ окошко на меня заглядывала?!—тихо произнесъ онъ, наконецъ, утоная взглядомъ въ ея взглядъ.

Олена совсѣмъ потупила очи.

Х.

„К а ш а“

Пиръ горой шелъ въ хоромахъ Ивора Михайловича. Онъ, какъ тысящій, давалъ „кашу“—свадебное угощеніе всѣмъ родичамъ и поѣзжанамъ молодыхъ.

Родичей у нихъ было мало: у Олены только отецъ да дальній родичъ—Иворъ; у Добрыни нѣсколько дальнихъ изъ материнаго рода Ольшаничей. Но поѣзжанъ и на свадьбу, и на послѣсвадебную „кашу“ у тысяцкаго собралось много: молодой воинъ, чтимый самимъ Удалымъ, оказавшій доблесть въ освободительной войнѣ за родину и одаренный отъ князя достаткомъ, начиналъ уже пользоваться почетомъ и имѣлъ не мало пріятелей изъ видной молодежи. Въ вершники-дружки къ нему на свадьбу пошли многіе знатные молодые витязи.

Но что всѣхъ радостно поражало—это появленіе на „кашѣ“ Ивора самого Удалого князя. Прослышавъ, что Добрыня женится на дальней родственницѣ Ивора, князь послалъ сказать ему, что будетъ посаженнымъ отцомъ и пошлетъ въ приданое невѣстѣ особую круту*); нѣсколько нарядовъ и, между прочимъ, убрूसъ, вышитый руками его дочери, — теперь соломенной вдовы Ярослава Городецкаго, которая тихо жила въ теремѣ отца, вся погруженная въ шитье и вышивание для церкви. Добрыня сейчасъ же пошелъ бить земно челомъ князю за его милость, а князь только посмѣивался да приговаривалъ, трепля его по плечу:

— Не мнѣ бей челомъ—удали своей бей челомъ, удали своей молодецкой спасибо молви!

Князь благословилъ Добрыню передъ вѣнчаніемъ образомъ Спаса, списаннымъ съ того, который въ 1169 г., оказавъ чудеса, избавилъ Новгородъ отъ полочанъ и муромцевъ. Въ храмѣ, по обычаю, князь, какъ посаженный отецъ, не былъ; послалъ сына, который сейчасъ послѣ вѣнчанія и молебна, тутъ же въ церкви поднесъ молодой убрूसъ, шитый его сестрой. Остальную круту, даръ Удалого, уже доставили на дворъ Добрыни. И вотъ теперь, даже не предупредивъ объ этомъ черезъ сына, князь верхомъ, съ двумя дружинниками, явился на дворъ Ивора. Его встрѣтили низкими поклонами и радостнымъ почтительнымъ безмолвіемъ. Собирались только что чествовать круговой чашей молодыхъ, явившихся изъ храма. Князь прямо подошелъ къ Оленѣ, откинулъ ея фату, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы и, доставъ изъ-за пазухи золотыя колтки, родъ серегъ, иноземной работы, вдѣлъ въ ея маленькія порозовѣвшія уши эти подвѣски, самъ же и вынувъ передъ тѣмъ серьги изъ ея ушей. Молодая хотѣла поклониться земно, но князь сильной рукой удержалъ ее—и весело воскликнулъ:

*) Приданое.

— Не осуди, Елена Олексовна, княжое дареньице. Носи съ честью, съ радостью. Подарилъ я, кажись бы, и немного дней тому назадъ, мужу твоему богоданному бердышъ воинскій. Уберегъ онъ его, зазубрилъ своей удалю. А ты убереги мое дареньице тихотю жениной, да заботой хозяйскою.

И опять крѣпко поцѣловалъ Олену въ губы, а потомъ и Добрыню. И, обернувшись къ Ивору, крикнулъ весело:

— Ну корми, корми кашей, тысяцкій дородный!

Молодые, по обычаю, скоро удалились. Побивъ земно челомъ князю, Ивору, а Елена—и Олексъ, который былъ уже не въ обыкновенной своей затрапезной управительской „мятели“, а въ новомъ кафтанѣ изъ шерстяной орницы пунцоваго цвѣта, молодые, въ сопровожденіи дружекъ-вершниковъ и главныхъ свакъ и подружекъ-поѣзжанокъ, поѣхали на дворъ Добрыни въ Людинъ конецъ.

А у Ивора пошелъ пиръ горой. Столы были завалены пшеничными калачами и уставлены жбанами и сулеями съ медомъ, брагой, ренскими и венецейскими винами; гостей обносили рыбой, мясомъ, птицей, хитро, точно живьемъ, уставленной на блюдахъ. Стояла на столѣ и всякая волога: масло, сметана, творогъ, а также овощи, огурцы, сладкая темномалиновая рѣпа. На свѣже-вырѣзанныхъ деревянныхъ кругахъ таялъ янтарный сотовый медъ. Около него лежали сочныя атлассисто-ноздраватыя ковриги ржаного хлѣба. Турьи рога на хитрыхъ бронзовыхъ подставкахъ, оправленные серебромъ, золоченые кубки и стопы—такъ и сверкали на столѣ.

Когда князь медленно съ достоинствомъ осушилъ первый кубокъ, поднесенный ему съ пизкимъ поклономъ самимъ Иворомъ, началось общее угощеніе. Всѣ сѣли за столъ на скамьи, обитыя краснымъ сукномъ, и на рѣзные табуреты ганзейскаго образца. Сперва изъ почтительности къ князю шумѣли мало, но онъ самъ первый, осушая кубки, громко шутилъ и подзадоривалъ гостей,—и вскорѣ все слилось въ общее веселье. Князь растегнулъ свой кафтанъ, подъ которымъ показалась шелковая косоворотка, и, вольно раскинувшись за столомъ, сіялъ очами и свѣтлой широкой улыбкой. Вдругъ онъ, обведя взглядомъ всѣхъ гостей, спросилъ:

— Тысяцкій, а гдѣ же родитель молодухи?

Олекса, таившійся въ сторонѣ, уже удалился въ свою одрину. Ему, какъ рабу, неловко было сидѣть за однимъ столомъ съ княземъ и боярами,—какъ отцу молодой, служить за столомъ. Они раньше сговорились съ Иворомъ относительно незамѣтнаго ухода. Иворъ было пошумѣлъ, увѣряя Олексу, что онъ сейчасъ же дастъ ему вольную, коли тому нельзя быть на кашѣ. Но Олекса сказалъ:

— Ужъ лучше убей меня, батюшка бояринъ! Не нудъ ты меня,—и такъ не по чину Господомъ Богомъ превозвышенъ. Дай ты мнѣ утаиться, ухититься, дома на лежанкѣ одному тихою радостью порадоваться.

Иворъ уступилъ. Но теперь, когда князь задалъ вопросъ,—Иворъ какъ будто потерялся. Онъ только сказалъ:

— Въ одригѣ утаился. Рабъ вѣдь онъ, княже!

— Рабъ! — воскликнулъ Удалой, стукнувъ крѣпко кубкомъ о столъ.—Аль рабъ не челоуѣкъ, не отецъ!? Чтoby былъ здѣсь!

За Олексой сейчасъ же побѣжали. Нашли старика, дѣйствительно, на лежанкѣ, тихо, наединѣ улыбающимся счастьемъ дочери. Когда ему передали требованіе князя, онъ весь затрясся, оправилъ одежду и покорно, по старчески сіменя ногами, торопливо побрелъ въ пирную хоромину.

— Какъ его по отцу-то, Иворъ? — спросилъ, между тѣмъ, въ ожиданіи, князь.

— Ондreichъ! — отвѣтилъ Иворъ.

И едва появился въ хороминѣ Олекса, князь всталъ съ мѣста, протягивая ему кубокъ.

— Олексѣй Ондreichъ! — сказалъ онъ.—Ты это чего же? Дочь твою съ мужемъ чествуемъ, а ты схоронился! Садись ъ-бокъ меня!

Трепетавшаго Олексу усадили рядомъ съ княземъ. Онъ трепеталъ не отъ робости, а отъ какого-то совѣмъ ему непонятнаго чувства.

— Олексѣй Ондreichъ,—говорилъ ему князь.—Исполать тебѣ. По любви отдалъ дочь Данславичу. Хорошо это, други, по любви. Вотъ отдалъ я Ярославу дочь за почетъ, за честь его княжескую,—а теперь коротаетъ моя уточка дни въ свѣтлицѣ безъ селезня!—Хорошо по любви! и во всемъ! Хотъ промежъ насъ князей! Роднимся, союзимся, а сколь свары, да обиды, да крови! Простите, други: не пирныя рѣчи повелъ. Вышьемъ-ка лучше чару въ честь Олексѣя Ондreichа, родителя счастливаго!—воскликнулъ Удалой, переходя на веселый ладъ, хотя въ большихъ глазахъ его осталось что-то хмурое и задумчивое.

И снова пошло веселье, шумъ, прибаутки. Къ Олексѣ тянулись всѣ чокаться кубками. Онъ же, блѣдный, потеряннй, только мигалъ глазами, да низко кланялся. Но князь недолго былъ на пиру. Онъ всталъ первый, облобызался съ Иворомъ, потомъ, чего ужъ никто не ожидалъ,—съ Олексой. Старикъ совѣмъ потерялся. А князь, уходя съ пира, въ сопровожденіи сына, вдругъ сказалъ Ивору, показывая на отца Олены:

— Видно, па волю-то не хочеть? Отпускаль?

— Отпускаль, княже, не идетъ! — отвѣтилъ Иворъ.

— Иди, Олексѣй Ондreichъ, — сказалъ князь: — на волю. Вольнымъ дѣдомъ вольному внуку будь!

— Отпущу, Олекса! — вдругъ закричалъ Иворъ, какъ будто что-то сразу понявъ.

Олекса только махалъ руками. Слезы такъ и катились изъ его глазъ. Ликующимъ крикомъ радости и любви проводили гости Ивора—князя, покидающаго пиръ.

А въ это время на Людиномъ концѣ, на дворѣ Добрыни, совершили ужъ всѣ постельные обряды, и поѣзжане снова вернулись на пиръ. Молодые остались вдвоемъ. Тихо приподнялъ Добрыня на этотъ разъ уже самъ фату Олены, роняя съ фаты золотистыя зерна, которыми ихъ только что осыпали въ входа въ опочивальню. Тихо вскинула Елена на него свои глаза.

— Такъ изъ свѣтлицы заглядывала на меня? — повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ то, что уже сказалъ ей въ день сговора.

— Я видѣла тебя тогда еще,—тихо вымолвила она и запнулась.

Добрыня сразу понялъ.

— Какъ впервые пришелъ къ Ивору? въ одерни отдаваться? Слышала про то? — дрогнулъ голосъ Добрыни.

— Слышала... отъ батюшки, — прошептала Елена, потупляя глаза. — Втапоры и любовь сталъ! — совѣмъ почти не слышно заключила она.

— Втапоры! Что же ты таилась? Ни единого разу на глаза не поналась? Нерѣдко вѣдь къ Ивору-то хаживаль.

— Пряталась я отъ тебя! Хотъ и вольная, а все—дочь раба... А любовь ты былъ мнѣ,—шептала Елена, и грудь ея высоко колыхалась.

— Боялась! Не будешь, моль, любя?.. Дочь, моль, одерня? А самъ-то и не шель въ одерни?! — воскликнулъ съ нѣжнымъ укоромъ Добрыня, обнимая впервые свою жену.

— Тогда-то и полюбился... кровью сердце тогда тебѣ облилось! — шептала, роняя голову на его грудь, Елена...

А веселая каша у Ивора шла своимъ чередомъ. Иворъ и Олекса уже сидѣли обнявшись. Гости, хорошо выпивъ,

каждый не замѣчалъ другого, каждый шумѣлъ точно въ одиночку, за себя и про себя. Слуги бѣгали, не успѣвая наполнять напитками жбаны и сулей.

— Моя-то, моя-то—вольная-то!—задыхаясь лепеталъ Олекса...

— А мой-то, мой-то, одерень-то, было...—раскатываясь счастливымъ хохотомъ, восклицалъ Иворъ,—самъ въ одерни не пошелъ, а тебя изъ одерней выдернулъ..

XI.

Счастье.

Вскорѣ послѣ свадьбы, Добрыня и Олена уѣхали въ Водскую волость, въ помѣстье, пожалованное Добрыней Мстиславомъ. Они звали съ собой и Олексу, которому Иворъ назавтра же послѣ свадебной „каши“ далъ вольную. Но Олекса сказалъ:

— Князю осударю и господину моему милостивому угодно было пожаловать меня волей. Бью имъ за то челомъ. А только покинуть господина своего не покину. Захочетъ прогнать, приду къ вамъ, дѣтки; а не прогнать,—умру въ его слугахъ.

И онъ попрежнему остался управителемъ у счастливаго этимъ Ивора.

Прибывъ на свою новую землю, молодые начали устраниваться. Земля эта и усадьба принадлежала прежде одному изъ Овстратичей, сторонниковъ Ярослава Городецкаго, бѣжавшихъ въ Переяславль во время похода Мстислава на Ярослава и Юрія. Теперь этотъ Овстратичъ неизвѣстно гдѣ скитался. Землю же его, послѣ побѣды, Мстиславъ отобралъ себѣ, а потомъ подарилъ Добрыней. Во время похода Мстислава, оставшись безъ призора и безъ хозяина, рабы Овстратича всѣ разбѣжались. Старая усадьба почти развалилась, поля были запущены, скотъ же частію околѣлъ, частію также ушелъ въ лѣсъ, въ топи.

И когда Добрыня приѣхалъ сюда, послѣ наводненія въ Новгородѣ, на недѣлю,—онъ замѣтилъ въ одной полуобвалившейся землянкѣ трупъ недавно умершаго стараго раба, да на поемномъ лугу, только что омытомъ водой разлива, бывшаго въ слабой степени и здѣсь,—единственную худую кроткую корову, которая дружелюбно захлопала хвостомъ по бокамъ, завидѣвъ живыхъ людей.

Добрыня привезъ тогда съ собой нѣсколько наемныхъ вольныхъ смердовъ. И пока они чинили усадьбу, хоронили стараго, брошеннаго всѣми раба и снова захламляли землю, устройвъ денникъ для коровы, онъ бродилъ съ лукомъ по своимъ лѣсамъ и топямъ. Но онъ и не охотился. Не замѣчалъ даже: попадалась ли ему дичь. Разъ только наткнулся на кабана, кото-

рый чуть-было не поднялъ разсѣяннаго охотника на влѣки. Но Добрыня успѣлъ ударить его топоромъ по черепу и положить на мѣстѣ.

Добрыня тогда только и думалъ о хололкѣ Оленѣ,—плѣннвшею его русалкѣ.

Теперь за молодыми пошелъ цѣлый обозъ. То были наwerbованные Добрыней поземщики. То были вольные

смерды, взявшіеся обрабатывать Добрынину землю за поземъ: часть добываемаго хлѣба, овоща и вскармливаемаго скота, которую они, какъ арендную плату, ежегодно обязались натурой уступать Добрыней. Добрыня раньше думалъ прикупить рабовъ, одерноватыхъ. Иворъ же ему ихъ и предлагалъ. Послѣ похода, къ Ивору,—одному изъ главныхъ воеводъ Мстислава, поступила порядочная доля плѣнныхъ владимірцевъ и другихъ, повернутыхъ въ рабы.

Но и тогда воспоминаіе, какъ онъ самъ чуть-было не пошелъ въ одерни, воспоминаіе боли, испытанной имъ при этомъ,

какъ-то мѣшало Добрыней воспользоваться предложениемъ Ивора, который, конечно, уступилъ бы ему рабовъ дешево. Въ концѣ концовъ онъ, разумѣется, отогналъ бы это самому ему непонятное сомнѣніе и купилъ бы рабовъ: обработка земли своими людьми была выгоднѣе, чѣмъ отдача ея въ поземъ. Но бракъ на вольной дочери раба, особенно же первая бесѣда въ опочивальнѣ съ женой — точно что-то перевернули въ Добрыней. Онъ наотрѣзъ отказался отъ услуги Ивора, на что бояринъ пожалъ плечами, какъ на блажь; Добрыня же „накликалъ“, какъ онъ самъ говорилъ, въ свою усадьбу вольныхъ поземщиковъ. Охотниковъ нашлось не мало среди обдѣннвшихъ послѣ недавняго голода новгородцевъ; пошли нѣкоторые и ратники Ивора полка, товарищи по боямъ Добрыни.

Въ усадьбѣ закипѣла работа. Вокругъ корчевали, запахивали, рыли канавы для осушки. Зданія усадьбы расширяли привезенные, также вольные плотники. Самъ Добрыня имъ охотно помогалъ, бѣгалъ съ топоромъ и правиломъ. Онъ вдругъ какъ-то сразу понялъ плотничье искусство, смотря на работу плотниковъ. Кроме того, онъ самъ хлопоталъ много съ лѣсомъ.

Лѣсъ онъ всегда любилъ, какъ созерцатель—охотникъ. А на его землѣ оказались густыя заповѣдныя липовыя, ольховыя рощи, кишѣвшія (теперь онъ это замѣтилъ; не то что въ первый пріѣздъ сюда) пчелами, пернатыми и иной дичью, а также и „пушпикой“.

Онъ отдѣлилъ и самъ нарубками на стволахъ отмѣтилъ тѣ лѣсные участки, которые не отдавалъ въ поземъ; самъ онъ завелъ самъ пасѣки и углубился въ пчело-

Переселенцы въ Западной Сибири. Временные стѣнные шалаши около станціи Исиль-Куль.

Съ фот. А. Кочешева въ Курганѣ, автотипія „Нивы“.

Переселенцы въ Западной Сибири. Временные шалаши и печь въ поселкѣ Гришинскомъ.

Съ фотогр. А. Кочешева въ Курганѣ, автотипія „Нивы“.

Подруги. Съ карт. Э. Миллеръ, грав. Блезингъ.

водство, выдалбиваль и окуриваль ульи самъ, подма- ниваль пчель, хлопоталь съ ними. Конечно, занялся и охотой, заботясь не бить птицу и звѣря, когда они еще не подняли дѣтенышей, слѣдя, чтобъ и другіе въ это время не били. На озерѣ, бывшемъ на его землѣ, овъ устроилъ ловлю рыбы, неводами, жерлицами; самъ то и дѣло ночами лучилъ рыбу.

Олена въ это время хлопотала по дому, особенно же по птичнику и скотному. Добрыня купилъ въ сосѣд- нихъ усадьбахъ скота, птицы, лошадей. За табу- нами и выѣздой жеребятъ наблюдалъ самъ. Ко- ровы же, овцы, птица попали въ заботливыя руки Олены. Старухъ-коровѣ, оставшейся отъ Овстратича, Олена оказывала какой-то особенный почетъ; даже сама ее доила. Точно въ глазахъ молодухи эта ко- рова была хранительницей хозяйственныхъ преданій этой усадьбы.

И, занятые всѣмъ этимъ, среди наступившаго, послѣ обильной весенней влаги, въ іюнѣ полнаго расцвѣта природы, молодые едва успѣвали провести часокъ, дру- гой наединѣ другъ съ другомъ. А ночи въ этой топ- кой, богатой всякой порослью землѣ приходили и ухо- дили полныя ароматовъ липы, дуба, полыни, осоки, аира, теплыя, размычивыя, пьянящія. Раннимъ утромъ, едва еще солнце брезжило, а влажный туманъ точно обнималъ еще благоухающую землю, покидали другъ друга молодые хозяева. И не хотѣлось имъ покинуть другъ друга. Но все звало ихъ къ себѣ — каждое де- рево, каждая пчела, каждая „животинка“. И они не медлили—расходились, хлопотали, до поздней ночи, которая, какъ темно-голубая атласная фата, усея- ная блестками небесныхъ свѣтилъ, ревниво покрывала отъ чужихъ глазъ ихъ молодое счастье.

Лѣто прошло почти незамѣтно. Къ осени Олена стала блѣднѣть и жаловаться на тошноту. Добрыня хотѣлъ ужъ везти ее въ Новгородъ къ нѣмцу-врачу съ нѣмецкаго торговаго двора, но странно, робко и счастливо глянувъ на него, она попросила подождать. А черезъ нѣсколько дней прилегла къ нему всей грудью и прошептала:

— Ахъ, Добрынюшка, тяжела никакъ я.

Добрыня весь захохоталъ и только молча прижалъ ее къ своей груди. Недомогала Олена лишь съ начала своей беременности. Вскорѣ она оправилась и какъ будто еще больше расцвѣла. Носила она ребенка легко и весело. Рукъ не покладала, работала, по усадьбѣ ходила легко и неустанно. Добрыня, не прекращавшій и своихъ хозяйскихъ дѣлъ, слѣдилъ за ней, не отры- ваясь, любовно-озабоченнымъ взглядомъ. Всѣ окружаю- щіе, наемная домашняя челядь, поземщички, замѣтивъ „тяжесть“ хозяйки, стали смотрѣть на нее съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Поземщички мало-по-малу устроились. Годъ былъ уро- жайный, „поземъ“,—свою часть съ ихъ доходовъ, Доб- рыня положилъ, на первое время, не великій; всѣ жили хорошо, полные надеждъ. Покосъ былъ ранній, обильный. Страда прошла, хотя и нѣсколько поздняя (посѣвы были сдѣланы поздно, ибо Добрыня только въ концѣ мая сталъ владѣть усадьбой), но плодотворная: зерна было много; вся ссыпь зерна поземной части въ пользу Добрыни оказалась порядочной. Олена, стоя въ закромахъ, когда ссыпали туда зерно, вся окруженная золотистой лучистой пылью, въ оранжевомъ свѣтѣ солнца, прокравшемся въ низкую отворенную дверь, сладостно шурилась; уже близилась и ея страда: „тяжесть“ ея все росла.

Добрыня почти не отходилъ отъ нея. Бабушка-пови- туха (жена одного поземщичка) нашептывала надъ ней и неожиданно прыскала на нее съ уголька. Наконецъ, пришли инеи, заморозки, кончили посѣвъ озимей. Въ домъ таскали съ пасѣкъ цѣлыя сукрой сотоваго меда и воска. Добрыня уже охотился по „порошѣ“. Поне- многу настала зима.

По первопутку—мягкому, словно бархатному, въ ти- хіе октябрьскіе дни и ночи, когда снѣгъ падалъ чуть замѣтными пушинками, перевезъ Добрыня жену въ Новгородъ, въ Людинъ конецъ, на свой дворъ. Иворъ и Олекса немедленно явились. Иворъ шутилъ надъ ти- жостью Олены. Олекса, смотря на нее, опасно взды- халъ и шепталъ молитву.

— Охъ, только бы не сглазили, Оленушка,—бормо- таль онъ.

Иворъ смѣялся надъ хозяйствомъ Добрыни, слушая его рассказы объ усадьбѣ.

— Эхъ, ты! черная поземщина! — назвалъ онъ его шути.

Богатѣй и потомокъ гостей-купцовъ, обширныя земли котораго обрабатывались невѣдомыми ему рабами, — онъ не понималъ деревенскихъ радостей Данславичей.

Зима настала вполне: тихая, мягкая. Въ Новгородѣ тоже все затихо. Каждый жилъ своей домашней жизнью. Порой устраивались „братчины“, „каши“ по разнымъ поводамъ. О войнѣ ни откуда не было слышно. Непосѣдливый Удалой князь, отлично ладившій съ пово- родцами, началъ уже слегка тосковать. Онъ изрѣдка посылалъ гонцовъ по Руси — пронюхать, провѣдать: нѣтъ ли гдѣ какой смуты, непорядка, гдѣ бы и его удали нашлась работа. Особенно онъ прислушивался къ вѣстямъ изъ Галича. Тамъ боялись нашествія вен- ровъ. Удалой, слыша это, призадумывался. Иногда онъ заглядывалъ къ своимъ дружинникамъ: поговорить, вы- пить браги.

— Эхъ, хорошо, други, покойно живемъ, да какъ будто начинаютъ плечи зудѣть,—говорилъ онъ, глади усы и прищуривая глаза.

Заходилъ онъ и къ Добрынѣ, и къ Ивору, и каждый разъ освѣдомлялся заботливо о тяжести молодухи. Видя ее самой, онъ ласково цѣловалъ ее въ лобъ и говорилъ:

— Родись мальчика, бердышъ на зубокъ ему по- дарю, какъ отцу его подарилъ. Много у меня берды- шей, которыми самъ рубился.

— А ежели дѣвочку, княже? — тихо спрашивала Олена, уже привыкшая къ Удалому.

— Дѣвочку? Подождетъ. Подрастетъ, за добра мо- лодца выйдетъ — мужу подарю. И вѣдь, Олена Оле- ксовна, долго проживу. Замирились что-то всѣ. А меня, кромѣ ратной, на полѣ, никакая смерть не возьметъ.

— Живи, княже, живи на радость слугамъ твоимъ, на охрану Новгороду Великому,—говорили ему Олена и Добрыня.

Встрѣчая Олексу, Мстиславъ всегда весело спраши- валь:

— Олекса Ондричъ! Вольный теперь?

Олекса только низко кланялся.

— Охъ, братъ, — продолжалъ шутивно, но не безъ задумчивости Удалой князь: — самъ-отъ я вольный, а видно плѣна понюхать охота. Тянетъ въ поле ратное. А отъ боя до неволи—плюнь, переплюнешь!

Такъ шутилъ князь, посѣщая Ивора и Добрыню.

А „тяжесть“ Олены все росла. Добрыня началъ ху- днѣть и часто бѣгалъ молиться къ святой Софіи. Но ходила все время Олена бодро и совсѣмъ не хворала. Однимъ раннимъ утромъ она, почти безъ крика, ро- дила мальчика, и сама, сѣвъ на постели, подала его мужу, который спалъ все время ея беременности крайне чутко и вскочилъ отъ шороха.

Добрыня не вѣрилъ своимъ глазамъ; они наполни- лись внезапными горячими, радостными слезами. Онъ взялъ краснаго, влажнаго, скорчившагося въ кулачокъ ребенка и не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Олена смо- трѣла на него, не понимая, что онъ не знаетъ, что дѣлать. И вдругъ оба засмѣялись глупымъ, безконечно счастливымъ смѣхомъ.

Послали за Олексой, за Иворомъ. Иворъ, взвѣсивъ ребенка на своей полной рукѣ, крикнулъ:

— Молодец баба! Ишь какого выносила! И не пикнула! а?!

Олека такъ и прилипъ къ внуку.

— А какъ обзовешь?—спросилъ Иворъ Добрыню.— На святѣмъ-то, моль, крещеніи какъ обзовешь?

У Добрыни и Олены это было уже давно рѣшено.

— Олексой, бояринъ!—отвѣтилъ Добрыня.

— Олексой?!—вскринулъ дѣдъ новорожденнаго.— По мнѣ, по мнѣ?—задрожали губы. И вдругъ онъ весь за-

трясся и какъ-то несвойственно ему испуганно крикнулъ:—А ежели бы... работъ я оставался... назвалъ бы по мнѣ?!

— Назвалъ бы, батюшка,—обнялъ его Добрыня.

Олека замеръ въ неподвижномъ счастьи. А Олена смотрѣла на отца и мужа глубоко просвѣтленными глазами, и то, что она переживала, было болѣе чѣмъ счастье.

(Продолженіе будетъ.)

Переселенцы въ Западной Сибири.

(Съ 7 рис. на стр. 1033, 1036, 1037 и 1040.)

„Сибирь — золотое дно“... Такъ думали еще въ былыя времена, когда Сибирь знали очень мало, когда пастъ свлязвали съ нею лишь желѣзные цѣпи каторжниковъ; такъ думаютъ еще болѣе теперь, когда она слитилась съ остальной Россіей стальными рельсовыми путями. Изъ множества городов и селеній, съ разныхъ концовъ Россіи устремляются въ Сибирь сотни тысячъ народа, мечтающаго тамъ получить все то, чего у нихъ нѣтъ на родинѣ—и готовыхъ, вспаханныхъ поля, и стада, и избы, и свободу отъ податей и повинностей, и въ придачу къ тому еще пособіи отъ казны. И вотъ въ надеждѣ на эти блага крестьянинъ продаетъ или бросаетъ за долги избы и все хозяйство и идетъ съ семьей на „новыя мѣста“.

Далеки эти „новыя мѣста“, и мало радостей видятъ на нихъ несчастные переселенцы. Болѣзнями, лишениями, страданіями ушибивъ ихъ дальній путь, и только безпросвѣтное горе и безысходная нужда толкаютъ на него нашего крестьянина. Несмотря на всѣ трудности пути, на всю трудность устремляться на „новыя мѣста“, эти потоки крестьянскаго люда все сильнѣе и сильнѣе устремляются за Уралъ.

Довольно сказать, что въ одномъ прошломъ году изъ Россіи пришло 200,000 душъ переселенцевъ. Желѣзные дороги не успѣвали перевозить эти полчища горемычныхъ бѣдниковъ, не хватало переселенческихъ чиновниковъ, чтобы во-время и вдосталь накормить ихъ и оказывать имъ врачебную помощь. Больше всего стекается переселенцевъ изъ Полтавской, Курской и Тамбовской губерній; особенно много переселается малороссовъ. Одинъ изъ поселковъ съ выходами изъ Полтавской губ. изображенъ здѣсь на стр. 1036. Не всегда ихъ судьба заноситъ туда, куда они желаютъ, но болѣею частью они направляются въ Томскую губернію, идутъ и дальше, вплоть до Амура.

Расходы на такомъ дальнемъ пути предстоитъ переселенцу огромные, и они сѣдаютъ у него значительную часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи родной земли, дома и хозяйства...

Отъ Полтавы, напримеръ, до Красноярска или отъ Чернигова до Кавказской округи Енисейской губерніи—4½ тысячи верстъ; бады будетъ больше 20 сутокъ, и переселенческая семья изъ 5 душъ должна нестратить на одинъ билетъ за проѣздъ около 70 р., кромѣ харчей да уплаты за багажъ. Самовольные же переселенцы, т. е. не имѣющіе разрѣшительнаго проходного свидѣтельства, не пользуются скидками, и имъ проѣздъ стѣбитъ вдвое. Кромѣ того, большинству переселенцевъ приходится дѣлать еще не малые концы на пароходѣ или на лошадахъ—все это стоитъ большихъ денегъ... Нерѣдко багажъ ихъ отстаетъ въ пути, и несчастнымъ бѣднякамъ приходится цѣлыми днями ждать и постепенно спускать послѣдніе гроши на харчи.

Эти долгія томительныя ожиданія въ дикихъ, чужихъ мѣстахъ—одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній переселенцевъ на пути въ Сибирь. Семьи раскидываются станомъ, разбиваютъ шиверскія палатки, такіа низенькія, что въ нихъ трудно помѣститься человѣку даже въ сидячемъ положеніи. Такое становище переселенцевъ подъ Тюменью характерно описываетъ одинъ изъ очевидцевъ, г. Телешовъ*), скитавшійся два года тому назадъ по Сибири и издавшій много грустныхъ картинъ походной жизни нашихъ подневольныхъ сибирскихъ колонизаторовъ. „Это было широкое поле, раскинувшееся верстахъ въ двухъ за городомъ. Если глядѣть на него издали, то можно было подумать, что оно покрыто почти сплошь бѣлыми овцами; на самомъ дѣлѣ это бѣлѣли низенькія палатки... это были даже не палатки, а груды тряпокъ, висѣвшія на шестахъ“. На этомъ переселенческомъ полѣ жило до 20,000 душъ. Только ночь да проливной дождь загнали этихъ грязныхъ, обносившихся людей въ ихъ палатки; во все же остальное время кто бродилъ по полю, кто стоялъ, сидѣлъ, лежалъ. Тутъ были по преимуществу малороссы, съ типичными загорѣлыми лицами, въ шапкахъ или широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ пестрыхъ жилетахъ поверхъ рубахъ; но рядомъ съ ними толпились и бородатые великороссы.

Были тамъ на полѣ устроены, правда, и бараки для жилья, съ кухней, гдѣ пекли хлѣбы и варили для переселенцевъ пищу;

дѣтямъ даже отпускали даромъ супа черпакомъ да фунтъ хлѣба, но всего этого не хватало на такую массу народа. Большинство перебивалось „хлѣбовомъ“ да сухарями и жило подъ открытымъ небомъ.

Эти бараки подъ Тюменью заслуживаютъ вниманія, такъ какъ представляли уже два года тому назадъ кое-какое убѣжище для переселенцевъ на случай болѣзни. Изъ трехъ дворовъ, на которые дѣлились бараки, „Новый дворъ“ былъ весь „больничныи“; тутъ были бараки: тифозный, оспенный, коревой, скарлатинный, хирургическій, два терапевтическихъ (мужской и женскій) и родильный покой; тамъ же отведено помѣщеніе для фельдшерницъ и медика-студента. Аптека, амбулаторія, баракъ для медиковъ, служащихъ и статистиковъ находились на „Старомъ дворѣ“, гдѣ было построено 16 мрачныхъ корпусовъ, съ нарами по стѣнамъ, и два холодныхъ грязныхъ барака, въ которыхъ могло помѣститься до 350 человѣкъ. Самый лучший былъ третій дворъ,—„Сибиряковский“, „воплѣ оирятный, съ новыми чистенькими постройками, рассчитанными на 60 человѣкъ въ каждомъ изъ четырехъ бараковъ“; тамъ же была устроена чайная и столовая, отпускавшая до 1,000 обѣдовъ ежедневно.

Эти врачевно-продовольственные пункты представляютъ огромное значеніе въ ходѣ переселенческаго дѣла, и мы подробно остановились на описаніи тюменскихъ баракковъ. Въ настоящее время правительство, воплѣ оцѣнивъ ихъ значеніе, сильно расширило сѣтъ этихъ пунктовъ во всей Сибири, начиная отъ Челябинска, по направленію Сибирской желѣзной дороги, на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ станціяхъ: Курганѣ (рис. на стр. 1036), Петропавловскѣ, Исиль-Куль, Омскѣ, Кайнскѣ, Кривошековѣ. Здѣсь, понятно, съ теченіемъ времени, дѣло уже обставлено лучше и не встрѣтишь такихъ сценъ, какъ были въ Тюмени. Кромѣ того, правительство съ этой цѣлью послало въ Сибирь особые санитарные отряды, состоящіе изъ молодыхъ врачей, студентовъ-медиковъ и фельдшерницъ и размѣщенные по переселенческимъ центрамъ (рис. на стр. 1037).

Точно также правительство пришло на помощь переселенцамъ и въ другой насущной нуждѣ ихъ: озабочилось о скорѣйшемъ передвиженіи переселенцевъ къ мѣстамъ ихъ водворенія; съ этой цѣлью были зафрахтованы для перевозки переселенческихъ изъ Тюмени, Омска и Кривошекова пароходы и баржи (рис. на стр. 1033), а также для желающихъ въ Тюмени, Омскѣ, Ачинскѣ были заготовлены лошади и телеги, которыя продаются переселенцамъ по заготовительной цѣнѣ.

Этимъ путемъ устранялись грустные, подчасъ раздражающія душу сцены при переѣздахъ переселенцевъ, при посадкѣ на переселенческую баржу, прекращались такъ-называемыя „залежи“ переселенцевъ. Эти „залежи“ доходили до того, что садившихся на баржи оставшіеся на берегу переселенцы называли счастливицами. Описаніе одной изъ переселенческихъ баржъ, стоявшихъ подъ Тюменью, на берегу рѣки, у переселенческаго поля, можетъ дать понятіе, каково живется этимъ „счастливицамъ“ и что ждетъ ихъ впереди. Это было судно, длиною въ 35 сажень и въ 5 сажень шириною, высланное прочными досками, въ видѣ пола. Здѣсь, на палубѣ, складывается багажъ переселенцевъ и покрывается брезентомъ. Тутъ же стоятъ чаны съ кипяченой водой, съ ковшами и кранами, здѣсь же настроены небольшіе домики, изъ которыхъ одинъ—для фельдшерницы, гдѣ помѣщается безплатная аптека и крошечная больница; въ другомъ домикѣ находится кухня съ плитой и тремя котлами... Нѣсколько люковъ съ деревянными лѣстницами ведутъ въ глубину баржи, на дно ея, въ „каюту“ для пассажировъ, называющихъ ее просто „люмой“. Въ этой каютѣ нѣтъ ни дверей, ни оконъ, ни перегородокъ; свѣтъ въ нее проникаетъ только черезъ верхніе четыре люка, да и тѣ въ настоящее время закрываются на-глухо. О доступѣ свѣжаго воздуха тутъ и говорить нечего...

Сколько нужно было перенести предварительно лишній, чтобы притерпѣться къ путешествію въ такой каютѣ да еще завидовать понавшимъ въ нее... Тяжелая перспектива—оставаться еще недѣли въ бездѣйствіи подъ открытымъ небомъ—превращала людей въ какихъ-то безсловесныхъ животныхъ,

*) Н. Телешовъ. „За Уралъ“.

Салонъ Елисейскихъ полей 1897 г. Прогулка по морю. Съ карт. Л. Вальдена, граф. Бодт.

Вилла Боргезе въ Римѣ. Сл. карт. Макса Редера, грав. Кирмае.

убивала даже врожденное каждому животному чувство при-
знаваемости къ своимъ дѣтямъ.

При пріемѣ на баржу каждый переселенецъ свидѣтель-
ствуется особой комиссіей, состоящей изъ „переселеннаго“
(чиновника по переселенческимъ дѣламъ), студента-медика и
двухъ-трехъ матросовъ со спискомъ и счетами въ рукахъ. Про-
вѣривъ всю семью переселенца по списку, каждого спраши-
ваютъ о здоровьѣ. Особенно тщательно свидѣлствуютъ дѣ-
тей: студентъ раскрываетъ имъ ротъ и осматриваетъ горло.
Только послѣ этого ихъ пропускаютъ. Страшные сцены раз-
игрываются при этомъ на берегу, когда большого ребенка не
пропускаютъ, и вся семья изъ-за него должна остаться и ожи-
дать его выздоровленія или смерти. Бываютъ случаи и болѣе
печальные, когда родители бросаютъ большого ребенка на про-
зволю судьбы, а сами уѣзжаютъ безъ него дальше. Желая
спасти отъ голода и нищеты остальную семью, они жертвуютъ
ребенкомъ, но ихъ мнѣнію, безнадежно больнымъ... Все равно,
дескать, ему погибать... Большею частью несчастныя сироты
дѣйствительно умираютъ если не отъ болѣзни, то отъ истоще-
нія, но бываетъ, что и выздоравливаютъ... Въ Сибири народъ
называетъ этихъ сиротъ—„Божьими дѣтьми“...

Несмотря, однако, на принимаемыя мѣры, болѣзни сильно
свиравствуютъ среди переселенцевъ во время пути, и перѣдко
баржа привозила къ мѣсту своего назначенія нѣсколько тру-
повъ. Понятно, больше всего мрутъ дѣти. Бывали случаи, что
крестьянинъ лишился въ пути всей семьи — и жены, и дѣтей,
и съ отчаянья бросалъ все и съ полнитои бѣжалъ назадъ изъ
страны, отнявшею у него и близкихъ, и послѣдній недостатокъ,
бѣжать съ отчаяніемъ на родину, чтобы хоть умереть тамъ,
на родной землѣ...

Но такихъ сравнительно не много. Большинство сознаетъ,
что дома ждетъ ихъ нищета и голодъ, и идетъ впередъ, на-
прягая послѣднія усилія, чтобы только добраться до „новыхъ
мѣстъ“. Известно уже давно, что сила нашего мужика въ тер-
пѣнн. И много онъ этой силы растрчиваетъ на безплодныхъ
равнинахъ Сибири.

Стремясь скорѣе добраться до мѣста, измученные губитель-
ными недѣльными остановками, многіе переселенцы вмѣсто
того, чтобы ѣхать на пароходѣ да на баржахъ, покупаютъ
себѣ лошадей, телги и тачки, и пускаются въ дальній путь
цѣлыми обозами. Тѣ же, кому не по силамъ купить лошадь,
вырываются въ телѣжки сами и тащутъ ихъ съ дѣтьми и по-
житками на своихъ плечахъ. Въ Сибири прозвали ихъ „само-
ходами“. Питаются они большею частью „Христовымъ име-
немъ“... И мыкаются такъ несчастные изъ селенія въ селеніе
тысячи верстъ...

Что же ожидаетъ переселенцевъ на мѣстѣ?

По большей части разочарованіе, полное разочарованіе въ
томъ, что ихъ поддерживало въ пути, что только свѣтило
имъ впереди путеводной звѣздой сквозь непроглядный мракъ
сибирскихъ скитаній.

Все встрѣчается ихъ непривѣтливо, даже враждебно—и при-
рода, и мѣстное населеніе, видящее въ нихъ обузу.

Свободной земли въ Сибири, конечно, еще много. Такъ, ко-
митетъ Сибирской желѣзной дороги намелъ за время съ
1893 по нынѣшній годъ болѣе 3 милліоновъ десятинъ свобод-
ной земли; управляющій дѣлами комитета статсъ-секретарь
А. Н. Куломзинъ, специально ѣздившій въ Сибирь для опре-
дѣленія количества мѣждоухъ еще пригодныхъ для сель-
скаго хозяйства земель, намелъ въ Тобольской губ. болѣе
4½ милліоновъ десятинъ изъ которыхъ не мало земли при-
годной подъ пашню; въ Томской же найдено всего до 130,000
десятинъ; Енисейская оказалась тоже значительно исчер-
панной, какъ и Томская. Только въ Канской округѣ най-
дено излишнихъ земель нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ;
не много имѣется свободныхъ пригодныхъ земель въ Ир-
кутской губерніи. Зато много надежды въ колонизаціонномъ
отношеніи возлагается на Акмолинскую область, въ которой
однако мало пригодной для питья воды. Въ заключеніе, статсъ-
секретарь А. Н. Куломзинъ говоритъ въ своемъ „Всеноддан-
нѣйшемъ отчетѣ“, что „на ближайшее время вполнѣ опредѣ-
лившейся земельный фондъ выражается 129,067 душевыми до-
лями, въ предѣлахъ которыхъ только и могутъ быть построены
всѣ расчеты по направлеию и водворенію въ 1897 г. и ближай-
шихъ годахъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Сибири“.

Но всѣ упомянутыя необъятныя пространства земли почти
совсѣмъ еще не исследованы, да покрыты болѣею частью
непроходимыми лѣсами или степью. Чтобы раздѣлать такіе
земли подъ пашню, нужны неимоверныя усилія, которые не
по плечу изможденнымъ дальнею дорогой, голодными пересе-
ленцамъ. Чтобы добиться на нихъ урожай, нужно ждать и
работать годы, а переселенецъ, растратившій весь свой до-
статокъ въ пути да на первое обзаведеніе, не можетъ ждать
и года. Обзаведеніе это обходится притомъ переселенцу очень
дорого: избы, лошади, коровы, всѣ предметы хозяйства доро-
жаютъ съ каждымъ годомъ, и притомъ цѣны на нихъ тѣмъ
выше, чѣмъ дальше мѣстности къ востоку, къ Амуру. Доста-
точно сказать, что простая рабочая лошадь стодитъ въ Тоболь-
ской губ. 20 рублей, а въ Енисейской — 35 р.; корова въ То-
больской—10—12 р., а въ Енисейской — всѣ 25. И несмотря

на такіе цѣны, скотъ въ Сибири хилый, лошади—слабосильны,
коровы мелкорослы и даютъ, напр. въ Енисейской губ., всего
5 бутылкокъ за 2 удоя лѣтомъ, а зимой — всего 3 бутылки мо-
лока. Много скота гибнетъ отъ чумы и сибирской явы, не
мало его задираютъ медвѣди да волки, а еще болѣе уводятъ
хищники-люди — конокрады. Избу поставить обходится тоже
не дешево. Четырехстенная изба стодитъ до 100 р.; въ степ-
ныхъ же да и безлѣсныхъ мѣстностяхъ ставить избы пересе-
ленцамъ и думать нечего—они просто покупаютъ старые са-
раны или телятники рублей за 40 — 70 да въ нихъ и ютятся.
Бѣдота, которая не можетъ заплатить такихъ денегъ, устраи-
ваетъ себѣ шалаши (рис. на стр. 1040) и землянки и живетъ
въ нихъ подолгу. Много тысячъ семей задыхается въ этихъ
затхлыхъ, земляныхъ конурахъ. Нерѣдко можно встрѣтить
такіе землянки даже у обжившихся переселенцевъ, добив-
шихся нѣсколькими годами неустанныхъ трудовъ кое-какого
достоянія, какъ это видно, напримѣръ, на рис. 1037.

Двинуться въ Сибирь безъ 300 — 400 рублей переселенцу
прямо-таки немислимо. По приблизительному расчету только
на первое обзаведеніе ему необходимо имѣть около 300 руб-
лей, изъ которыхъ на избу съ печью и всѣмъ обиходомъ жи-
лого дома онъ долженъ потратить 100—125 р., за пару лоша-
дей долженъ дать 70 р., за корову—20 р., за телгу и сани—
20—25 р., за сбрюю—16 р., соху—6 р., борону—3 р., орудія—
около 20 р., за домашнюю утварь—съ лишнимъ 15 р.

Первымъ дѣломъ принимается переселенецъ за раздѣлку
земли подъ пашню и сразу пятакнется на неимоверныя, со-
вершенно непривычныя ему затрудненія. Земля переселенцамъ
наибѣе теперь большей частью покрытая лѣсомъ, такъ
называемые „залогн“. Приходится работать цѣлыми семьями,
пока вырубимъ деревья да выкорчуемъ пни, и затѣмъ только
применятся пахать залогн. А въ степныхъ залогнахъ еще тя-
желе. Нерѣдко на 4—5 лошадей или на 4—5 паряхъ воловъ
еле-еле удается поднять цѣлину, да и то нужно топоромъ под-
соблять—корни растений обрубить.

Всѣ земледѣльческія работы не въ примѣръ трудны въ
Сибири, чѣмъ у насъ, по ею сторону Урала. Наша россійская
соха не беретъ твердую сибирскую почву. Тамъ пашутъ осо-
быми „сохами-колесухами“ и вырываютъ въ нихъ по меньшей
мѣрѣ пару лошадей; бороны тамъ желѣзныя, и пары въ Си-
бири пашутъ и забораниваютъ по крайней мѣрѣ по два раза;
подъ яровой же сѣвъ пары пашутъ и три раза, а иногда даже
четыре. Притомъ вспахивать и боронить приходится очень
глубоко, чтобы сѣмена вѣтромъ не выдуло и сорная трава
не задавила всходовъ. Съ сорными травами приходится въ
Сибири вести неустанную борьбу — иногда дѣло доходитъ до
того, что приходится полоть зерновое поле.

Много ходитъ по деревнямъ слуховъ про богатые сибирскіе
урожаи, про сплошныя черноземныя поля во всей Сибири.
Горько приходится разочаровываться въ этомъ тѣмъ, кто по-
вѣрилъ этимъ баснямъ, промыслился съ семей двѣ-три ты-
сячи верстъ да попалъ вмѣсто того на глинистую или неса-
нистую землю, а то и на мокрые и сухіе солонцы. Да и тамъ,
гдѣ есть хваленыя черныя земли, онѣ не тиснутъ силкомъ, а
прерываются полосами песку, глины, илу, или же попадаются
„пыхалки“ — слабый пухлый черноземъ, съ котораго только и
можно снять 3—5 хлѣбовъ, а потомъ ужъ приходится оста-
вить въ залежь.

Обыкновенные сибирскіе урожаи: пшеницы—20—25 пудовъ
съ десятины, ржи—40—45 пуд., овса—30—40 пуд.; въ нѣко-
рыхъ мѣстностяхъ бываетъ и больше, иногда вдвое, но зато
большая часть мѣстъ теперь страдаетъ отъ неурожаевъ, осо-
бенно въ Тобольской и Томской губ. Главный врагъ хлѣбовъ
въ Сибири климатъ, а въ союзѣ съ нимъ дѣйствуютъ „кобыл-
ка“, спорынья, ржавчина и т. д. Зима продолжительна и не
надолго прерывается весной, лѣтомъ и осенью. Есть мѣста,
гдѣ четыре пятихъ года стоятъ морозные дни. И хватаетъ
морозъ яровые посѣвы и пшеницу, темнѣющую и терпящую
зерна, высеваютъ овсы; а весной неожиданно налетаютъ мо-
розы на озимую рожь и губятъ ее въ концѣ.

Еще до сихъ поръ живы и справедливы слова Некрасова,
сказанныя имъ четверть вѣка тому назадъ въ „Русскихъ жен-
щинахъ“. Съ этими словами можно обратиться къ нашимъ
слабосильнымъ, непривычнымъ къ сибирскимъ условіямъ пере-
селенцамъ:

Ахъ! вамъ ли жить въ странѣ такой,	Непросыхающихъ болотъ
Гдѣ воздухъ у людей	Зловредные пары?
Не паромъ—пылью теляной	Да... страшный край! Оттуда прочь
Выходитъ изъ ноздрей?	Бѣжить и звѣрь лѣсной,
Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,	Когда сто-суточная ночь
А въ краткіе жары	Повиснетъ надъ страной...

Тяжело, очень тяжело приходится новоселу-переселенцу, ко-
гда достигнетъ его поля неурожай, но и не особенно сладко
бываетъ ему и въ случаѣ урожая. Только и прибылн будетъ
ему, что онъ самъ съ семей съѣтъ будетъ. А насчетъ того,
чтобъ устроиться получше насчетъ урожая, отъ продажи хлѣ-
бовъ,—и думать почти нечего. Въ урожайный годъ въ Сибири
хлѣбъ некуда дѣвать, и онъ очень дешевъ, а достается онъ
очень дорого, такъ что при сбитыхъ цѣнахъ выгода отъ про-
дажи оказывается небольшая. И вотъ небольшая вырученныя

отъ продажи денегъ идутъ на дорогую тамъ одежду и обувь, да на разные сборы и подати: казенные, волостные, земские, приходские и сельские. Въ среднемъ переселенцы Тобольской губернии платятъ 10 р. повинностей, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. — въ Иркутской — отъ 24 до 35 р. на рабочую душу. Новоселамъ дана, однако, льгота: первые три года они не платятъ казенныхъ податей совѣсьмъ, а второе трехлѣтіе по водвореніи — обязаны уплачивать половину.

Заработковъ добыть въ Сибири тоже очень трудно. За сельскія работы, при преобладаніи плохихъ урожаевъ, плата очень низка, а зимою доходить до того, что старожилы держатъ работниковъ за одинъ хлѣбъ. Обычныхъ же у насъ заработковъ въ Сибири совѣсьмъ нѣтъ; нѣтъ городовъ, нѣтъ и фабрикъ, и заводовъ... Только и могутъ кое-какъ перебиваться знающіе ремесло, — плотники, кузнецы и др. Большинство же голодаетъ и все жлетъ-падется на что-то лучшее.

Правительство оказываетъ имъ извѣстную помощь, но она такъ незначительна, что тонетъ въ этомъ безпредѣльномъ морѣ народной нужды. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ прошломъ году было ассигновано правительствомъ на выдачу ссудъ, подлежащихъ возврату, около двухъ милліоновъ рублей. Сумма сравнительно очень небольшая, если ее разверстать по числу нуждающихся. Въ разныхъ мѣстностяхъ и размѣрѣ ссудъ разный: въ Тобольской выдавали въ среднемъ на семью — 57,39 р., а въ Енисейской — 65,47, въ Акмолинской же — 46,75. Но и въ предѣлахъ одной и той же губернии выдачи сильно различались: въ первомъ участкѣ Тарской округи въ среднемъ выдавалось переселенцамъ на семью — 32,92 р., а въ первомъ участкѣ Ишимской округи — 72,83 р.

Ссуды эти не велики, но онѣ вмѣстѣ съ установленными еще правительствомъ другими небольшими пособиями, въ крайнихъ случаяхъ нужды, хотя немного поддерживаютъ бѣдника-новосела, такъ жестоко обманушагося въ своихъ надеждахъ, такъ безплодно убивающаго свои послѣднія силы.

Есть, однако, еще, къ сожалѣнію, огромный разрядъ переселенцевъ, совершенно отверженныхъ всѣми. Это самовольные переселенцы, пришедшіе по наслуху, безъ пропускнаго свѣдѣтельства. Правительство, понятно, всѣми силами старается умѣрить приливъ въ Сибирь „самовольныхъ“, и издаетъ относительно нихъ строгія постановленія, лишаетъ ихъ правъ на льготный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, не даетъ отсрочки по отбыванію воинской повинности, не избавляетъ ихъ, въ противоположность остальнымъ, отъ всѣхъ старыхъ недоимокъ, числившихся за ними на родинѣ и, наконецъ, теперь намѣрено даже не селить ихъ на казенныхъ земляхъ. Но они все же рѣшаются пускаться въ дальній путь, обрекаютъ себя на роль бездомныхъ, отовсюду гонимыхъ парій... Они-то и составляютъ главный контингентъ „самоходовъ“, бродящихъ по Сибири въ поискахъ земель, мрущихъ по дорогамъ отъ голода и разносильныхъ болѣзней. Сибиряки чужаются ихъ, точно моровой язвы, да перѣдко и съ большою основательностью. Рассказываютъ, что „самоходы“ въ холерный годъ бросали трупы прямо въ озера, а рубахи съ покойниковъ на себя надѣвали. Ужасно, дѣйствительно. Но что же было дѣлать этимъ несчастнымъ, когда, быть-можетъ, другой рубахи у нихъ не было...

Тысячи народа мрутъ такъ безъ толку въ непосильной борьбѣ съ природой и чужой непривычной обстановкой... Другія тысячи находятъ еще силу физическую и душевную, чтобы бросить только что заведенное хозяйство, уйти прочь изъ пустынного края и вернуться домой... По дома ихъ ждетъ такая же нищета, — земля продана или сдана въ аренду, домъ и хозяйство также проданы, только и остается идти съ семьей побираться „Христа ради“.

Положеніе страшное, безысходное, и помочь въ этомъ должны всѣ: — и правительство, и общество, и отдѣльные лица.

Правительство неуклонно и послѣдовательно дѣлаетъ свое дѣло. Оно признало за переселенческимъ вопросомъ „наиболѣе важное государственное значеніе“. Оно учредило для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ особое центральное управленіе въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. На это управленіе возложена задача упорядочить переселенческое дѣло. Мы уже выше указали цѣлый рядъ мѣръ, принятыя правительствомъ для облегченія участи переселенцевъ въ пути и при водвореніи на мѣстѣ. Укажемъ здѣсь еще на одну изъ признанныхъ управленіемъ полезной и дѣйствительно очень важную коренную мѣру — на предварительную отправку переселенцами особыхъ „ходоковъ“, которые должны присмотрѣть раньше мѣсто, собрать всѣ нужныя свѣдѣнія и, вернувшись на родину, своимъ указаніями придать переселенческому движенію болѣе сознательность. Такими „ходоками“ выдаются безпрятственно свѣдѣтельства на льготный проѣздъ въ Сибирь по желѣзнымъ дорогамъ туда и обратно (каждой семьѣ проѣздъ такого ходока будетъ стоить, напримеръ, отъ Полтавы до Красноярска всего 13 р. 42 к.); кромѣ того, ходоки получаютъ путевыя ссуды и, прибывъ на мѣсто, въ Сибирь, прямо могутъ зачислить за отправившими ихъ семьями выбранное ими и необходимое количество земли по числу мужского пола;

избранный ходокомъ земли будутъ считаться за этими семьями въ теченіе двухъ лѣтъ. Чѣмъ болѣе разовьется отправка такихъ ходоковъ, тѣмъ менѣе людей будетъ умирать съ голоду въ далекой Сибири, тѣмъ менѣе будетъ возвращаться оттуда людей разочарованныхъ, истощенныхъ и разоренныхъ въ крайнѣ, тѣмъ менѣе будетъ ходить въ народѣ нелѣпыхъ слуховъ. Быть-можетъ, тогда не малая часть крестьянъ, увѣрившись, что и въ Сибири не сладко живется, задумаетъ улучшить свою горькую долю у себя же на родинѣ, въ чемъ не откажетъ ему помочь и правительство, и общество.

Много пользы, ближайшей, практической, принесетъ переселенческому дѣлу еще комитетъ Сибирской желѣзной дороги съ управляющимъ дѣлами его во главѣ. Мы уже упомянули о поѣздкѣ въ Сибирь статсъ-секретаря А. Н. Куломзина. Цѣлью этой поѣздки было не только „ознакомиться съ характеромъ земель, на которыхъ въ настоящее время новоселамъ приходится создавать свое хозяйство, а равно и съ мѣстностями, могущими служить будущимъ колонизаціоннымъ фондомъ“, но и „выяснить въ причины, вызывающія уходъ переселенцевъ съ родины, и условія, которыми они были обставлены, выяснить нужды этихъ выходцевъ въ пути слѣдоваши, ознакомиться съ равнообразными сторонами первоначальнаго устройства и жизни ихъ на новой родинѣ“.

Картины, которыя пришлось увидѣть А. Н. Куломзину, такъ же безотрадные и ужасны, какъ и тѣ, которыя мы постарались набросать со словъ очевидцевъ...

А. Н. Куломзинъ говоритъ, что на каждомъ шагѣ онъ имѣлъ случай наблюдать, какъ часто, отъ безысходной нужды и по совершенному невѣдѣнію всѣхъ трудностей устройства на новыхъ мѣстахъ, въ Сибирь заходятъ люди маломощные, не имѣющіе никакихъ матеріальныхъ средствъ. Каждый день воочию онъ видѣлъ, сколько горя, страданій и вселенскихъ лишений вынадеваетъ на долю этихъ труженниковъ и ихъ семействъ. Вотъ пришла въ Тюкалинскій округъ семья харьковцевъ — мужъ, жена съ тремя малолѣтними дѣтьми. Бодро принялись переселенцы за дѣло, но не выдержало здоровье дѣтей, и они умерли на горе родителей; мать не перенесла испытаний, вскорѣ лишилась рассудка и была помѣщена въ больницу умалишенныхъ. А. Н. Куломзинъ припоминаетъ чуть не ежедневно въ каждомъ почти поселкѣ видѣныя имъ тяжелыя картины безотраднаго положенія овдовѣвшихъ семейныхъ переселенцевъ. Нѣтъ хлѣба, въ нихъ случаются нѣтъ и семейныхъ падѣловъ, и нѣтъ даже надежды на возможность какъ-нибудь устроиться, подняться. А пожары, неурожаи, непрекращающіеся въ Сибири эпидеміи сибирской язвы, уносящія тысячи головъ скота, главное богатство переселенцевъ! Онъ видѣлъ, какія тяжелыя, непосильныя бременемъ ложатся эти бѣдствія на молодое, бѣдное средствами хозяйство новоселовъ; онъ убѣдился, какъ пужна въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ быстрая помощь.

Для оказанія такой помощи иныя образованія съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, *три Комиссаріи Комитета Министровъ (С.-Петербургъ, Мариинскій дворецъ)*, специальный благотворительный фондъ.

Въ опубликованномъ во всѣхъ газетахъ воззваніи о помощи переселенцамъ, говорится между прочимъ:

„Много горя въ далекой Сибири, и много нужно силъ для борьбы съ этимъ горемъ. Недостаточно для этого казенныхъ ссудъ, отпускаемыхъ переселенцамъ: эти ссуды выдаются только въ опредѣленномъ размѣрѣ и только на нужды первоначальнаго устройства. Такимъ образомъ, самымъ несчастнымъ семьямъ, тѣмъ, у которыхъ нѣтъ ни работника, ни хозяйства, эти ссуды не достаются.“

„А между тѣмъ, каждый шагъ на панерти городской церкви счастливыя и богаче переселенческой семьи, которая, сопротивляясь на чужой сторонѣ, остается въ глуши безъ хлѣба и крова за сотни верстъ отъ ближняго города, за тысячи верстъ отъ родного села; она идетъ по льсамъ и болотамъ, отъ поселка къ поселку, и въ осенніе ливни, и въ зимній вьюги, идетъ просить подаянія подъ окна чужихъ людей, которымъ и самимъ часто нечего ѣсть, которые и сами не отъ радости, а отъ горя, пришли издалека въ сибирскую глушь.“

„Этимъ-то голоднымъ, больнымъ и бездомнымъ приходитъ на помощь благотворительный фондъ, раздавая имъ пособия черезъ мѣстные благотворительныя общества и отдѣльныхъ, заслуживающихъ довѣрія, лицъ. Но для того, чтобы дѣятельность фонда проникла въ самые глухие уголки Сибири, охвативъ ея огромныя пространства, для того, чтобы эта помощь не была калей въ морѣ, нужно, чтобы всѣ, кому близки чужія невзгоды, пошли навстрѣчу благимъ начинаніямъ, откликнувшись на великое дѣло любви и состраданія.“

Это воззваніе успѣло уже обойти всю Россію. Великій грамотный человекъ его уже прочелъ, и нужно ожидать, что на него откликнется вся Россія, отзовется дѣйствительно „каждый, кому близки чужія невзгоды“, и каждый изъ насъ постарается внести свою лепту для облегченія участи несчастныхъ переселенцевъ.

И. Эйзенъ.

Ящерица - плащеносецъ.

(Съ 3-мя рисунками.)

Это любопытное животное недавно было впервые вывезено из Австралии и доставлено в Европу в живых экземплярах. Ящерица-плащеносец обитает в северном тропическом районе Австралийского материка. Она была открыта уже давно, но, как и многие другие австралийские животные, подробному обследованию не подвергалась, благодаря своей редкости. Находка этих диковинных зверей, особенно же доставление их живыми в Европу составляет настоящий праздник для зоолога, крупное событие, о котором говорят во всех концах ученого мира.

Главная особенность этой породы заключается в том, что плащ или, лучше сказать, воротник, который покрывает шею и плечи животного и доходит почти до середины его спины. В состоянии раздражения, ящерица поднимает свой воротник и широко растопыривает его, так что он образует громадный зонтик вокруг головы. Механизм, поднимающий воротник, находится в связи с мускулатурой передних ног. Обыкновенно бывает так, что раздраженное членистоногое животное грозно вытягивается на своих передних ногах и, вместе с тем, тотчас же напружены мускулы, натягивающие воротник, который поднимается и обрамляет голову. Относительно

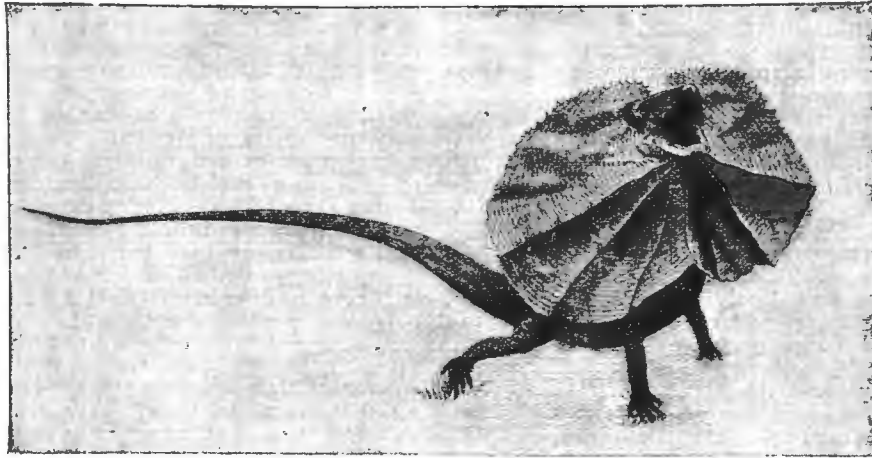

Рис. 1. Ящерица съ приподнятымъ плащомъ. Моментальная фотографія Савилль-Кента.

Рис. 2. Ящерица, бѣгущая на заднихъ ногахъ. (Снимокъ съзади.) Моментальная фотографія Савилль-Кента.

назначения этого чудовищного воротника до сих пор существуют только догадки. Так, высказывают мнение, что этот придаток не что иное, как неизменно разросшаяся ушная раковина. Такое толкование объясняется тем местом, которое занимает воротник. Обыкновенно как раз именно на этом месте у всех вообще ящериц помещаются ушные раковины. Но не замечено, чтобы животное тревожно двигало своим воротником при всяком шумѣ; а этот жест совершенно соответствовал бы тому настораживающему ушей, которое производится всеми животными, когда слух предупреждает их об опасности. Отсюда можно заключить, что он у него не играет роли внешнего уха. Как кажется, несколько ближе к истине будет другое толкование, по которому этот воротник рассматривается как устрашающий придаток. И в самом деле, животное пускает его в дело, то-есть грозно распускает, именно в моменты встречи с врагом (рис. 1). В таком случае этот воротник играл бы такую же роль, как всякого рода придатки в видѣ хохловъ, пучковъ, усевъ и т. п., которыми множество животных, птиц и насекомых

наделены природою, очевидно, съ цѣлю устрашения враговъ. Грей, которому случалось встрѣчать эту ящерицу на свободѣ, утверждаетъ, что когда ее преслѣдуютъ, то она останавливается на мѣстѣ, высоко поднимает переднюю часть туловища, вытягивает переднія лапы, вздуваетъ свой воротникъ и широко развѣваетъ ротъ. Въ сущности, это — животное до-вольно безвредное, т.-е., напримеръ, человеку оно не могло бы нанести ровно никакого чувствительного вреда. Но тотъ, кому случается видѣть эту ящерицу въ первый разъ, пожалуй, несомненно испугается ея страшной, бѣсноватой фигуры. Такъ что угроза, вь этомъ случаѣ совсѣмъ пустая и фальшивая, не пронадеваетъ однако даромъ; врагъ устрашается, что только и требуется.

Туземцы тѣхъ мѣстностей Австралии, гдѣ водится эта ящерица, рассказываютъ, что она можетъ будто бы ходить на однихъ заднихъ ногахъ (рис. 2 и 3). Это представлялось не лишнимъ фронтис, такъ какъ у животного переднія ноги, видимо, слабы, мало развиты. Фактъ удалось подтвердить вь натурѣ австралийскому натуралисту Савилль-Кенту. Онъ убѣдился вь томъ, что на свободѣ и вь спокойномъ состояннн духа эта ящерица вь самомъ дѣлѣ ходитъ на однихъ заднихъ ногахъ. Она держится при этомъ наподобіе птицы, съ которою ее и сравниваютъ по походкѣ наблюдательные австралийскіе туземцы. Сдѣлавъ такъ нѣсколько шаговъ, животное на минутку приостанавливается, какъ бы прислушиваясь, потомъ опять идетъ такъ же дальше. По временамъ она опускается на всѣ четыре ноги и ходитъ, какъ всѣ вообще четвероногія. Эта странная манера ходить не встрѣчается у современныхъ ящерицъ, но, повидному, она существовала у исчезнувшихъ породъ тѣхъ крупнѣйшихъ, имѣвшихъ вь длину по 10—15 сажень, ящеровъ, остатки которыхъ теперь поражаютъ наше воображеніе. О такой манерѣ движенія допотопныхъ ящеровъ можно судить по устройству ихъ костяка, свидѣтельствующему о явной слабости ихъ заднихъ ногъ, а также и по слѣдамъ, которые остались отъ ихъ ногъ вь горныхъ породахъ. Эти слѣды явно указываютъ на то, что животное двигалось на однихъ заднихъ ногахъ. Можно было бы подумать, что это слѣды какой-нибудь гигантской птицы, но этому противорѣчатъ отпечатки волоочащагося хвоста, часто находимые рядомъ со слѣдами ногъ. Во всякомъ случаѣ, ящерица-плащеносецъ принадлежитъ

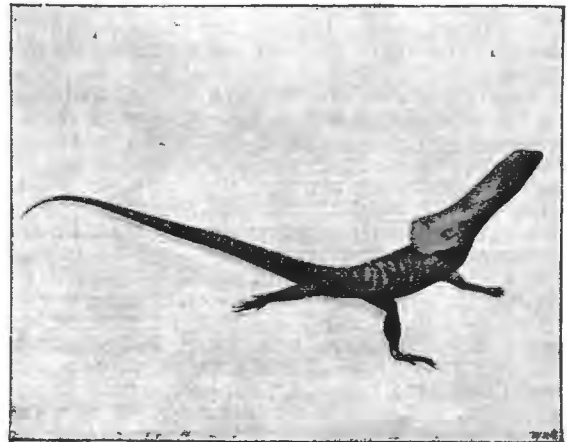

Рис. 3. Ящерица, бѣгущая на заднихъ ногахъ. (Снимокъ сбоку.) Моментальная фотографія Савилль-Кента.

къ числу самыхъ древнихъ формъ ящераго тина, связавшихъ видимымъ родствомъ съ представителями первобытныхъ мезельниковъ земного шара. Въ этомъ, впрочемъ, мало удивительнаго. Животное найдено вь Австраліи, а гдѣ же какъ не вь этой все еще болѣе или менѣе таинственной странѣ искать разныхъ диковинокъ животного и растительнаго царства?

Къ рисункамъ.

Художница Эмма Миллеръ изящной кистью набросала красивую группу двухъ подругъ. Въ своихъ будничныхъ скромныхъ костюмахъ и шляхахъ съ широкими полями, живописно отблещивающими ихъ молодые лица, обѣ дѣвушки такъ и дышатъ здоровой свѣжестью горныхъ уроженокъ Тироли. Одна съ вѣткой альпійской гвоздики задумчиво устремила взоръ въ безпредѣльную даль; другая — беззаботна и весела. Опершись рукою въ бокъ, она игриво поглядываетъ на васъ и посылаетъ вамъ шаловливый улыбки. Измѣнчивая судьба, кажется, еще не коснулась ея сердечныхъ струнъ.

Картина Вальдена „Прогулка по морю“, выставленная въ салонѣ Елисейскихъ полей въ текущемъ сезонѣ, несомнѣнно, обратитъ на себя внимание благодаря жизненности изображенныхъ на ней лицъ и художественно схваченной перспективѣ слегка волнующагося моря. Тема самого рисунка не сложная. Въ свободный воскресный день добродушный старикъ-рыболовъ рѣшилъ доставить удовольствіе знакомой дѣтвора и, посадивъ ее въ лодку, смѣло направился въ открытое море. Солнце еще высоко на небѣ, и ни одно темное облако не смущаетъ душу опытнаго приморскаго жителя, хорошо знакомаго со всѣми прихватами капризной погоды. Паруса лодки плавно развѣваются по вѣтру, и неуклюжее судно мчитъ, разсѣкая блестящія волны. Два мальчугана и двѣ дѣвочки пылко смотрятъ въ голубую даль, а третьему мальчугану, самому маленькому, не до крутоты природы; онъ опустилъ рука за бортъ и старается зачерпнуть воды. Старикъ съ отеческой лаской глядитъ на эту дѣтскую идиллію и радуется ихъ веселью. Вдали кое-гдѣ виднѣются паруса другихъ лодокъ и большое купеческое судно.

Родъ Боргезе—одинъ изъ славнѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ въ Римѣ. Многие изъ членовъ этого древняго рода занимали выдающееся положеніе, а одинъ изъ нихъ, Камилло Боргезе, вступилъ въ 1605 году на папскій тронъ подѣ именемъ Павла V. Нынѣшніе представители рода Боргезе — потомки брата папы Павла V, Франческо. „Дворецъ Боргезе“, — построенный въ концѣ XVI вѣка, — одинъ изъ роскошнѣйшихъ въ Римѣ. Онъ славится картинной галлерей, которая долгое время своимъ художественнымъ сокровищами соперничала съ галлерей Ватикана; въ 1888 году изъ нея вывезено было много очень цѣнныхъ картинъ, и галлерей утратила свое первостепенное значеніе. На ряду съ этой городской резиденціей рода Боргезе выдѣляется своей роскошью его загородный лѣтній дворецъ, такъ называемая **Вилла Боргезе**, находящаяся въ Римѣ же, у Porta del Popolo.

Вилла эта построена была кардиналомъ Счиціоне Боргезе и затѣмъ значительно расширена присоединеніемъ къ ней садовъ Джустиніани. Очаровательный, громадный паркъ, окружающій виллу и занимающій огромную площадь, представляетъ до сихъ поръ одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для гулянія мѣстныхъ жителей и одну изъ крупнѣйшихъ достопримѣчательностей. Паркъ этотъ представляетъ собою цѣлый лѣсъ, вѣчно зеленеющій итальянскій лѣсъ, съ мощными темнозелеными дубами, изрѣзанный очаровательными аллеями, испрепеченный таинственно нависающими въ даль тропинками, разбѣгающимися въ стороны, подѣ снѣжугрюмыхъ руинъ—старинныхъ часовенъ, храмовъ—и къ весело журчащимъ фонтанамъ. На картинѣ Макса Редера воспроизведенъ огромный „фонтанъ Вентура“ въ концѣ „Большой Аллеи“.

Паркъ Боргезе сильно пострадалъ въ 1849 г., во время осады Рима. Самый дворецъ виллы, такъ же, какъ и городской, славился въ былые времена своимъ художественнымъ сокровищами, но не избѣгъ той же печальной участи: большая часть, и притомъ, самыхъ лучшихъ его сокровищъ находится теперь въ Парижѣ. Въ настоящее время во дворцѣ виллы хранится еще значительное собраніе античныхъ статуй, нѣсколько выдающихся скульптуръ повѣйшихъ мастеровъ и много красивыхъ фресокъ работы Россини.

Шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ. (Портр. на этой стр.)

Надняхъ въ Императорскомъ географическомъ обществѣ извѣстный путешественникъ Свенъ Гединъ (d-r Swen Hedin) сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи на Памиры, въ Камгарію и на Лобъ-Норъ. Результатомъ этого замѣчательнаго путешествія, длившагося 3½ года, былъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ для науки открытій и, между прочимъ, рѣшеніе спорнаго вопроса о мѣстовахожденіи озера Лобъ-Норъ, а также богатѣйшія археологическія и ботаническія коллекціи, масса снимковъ и рисунковъ, представляющихъ обширный и весьма интересный матеріалъ для наученія этой дикой и малозвѣданной страны.

Подробное описаніе этого отважнаго путешествія мы надѣемся дать въ другомъ мѣстѣ, а пока ограничимся лишь сообщеніемъ краткихъ біографическихъ данныхъ о молодомъ ученомъ путешественникѣ.

Свенъ Гединъ—шведъ по происхожденію — родился въ Стокгольмѣ 19-го февраля 1865 г. По окончаніи мѣстной гимназій, онъ въ 1885 г. поступилъ въ стокгольмскій университетъ, но вскорѣ перешелъ въ унсалъскій университетъ, гдѣ и сдалъ экзаменъ на степенъ кандид.

Новое зданіе 3-го реального училища въ Петербургѣ. Съ фот. Каррика автотипія „Нивы“.

исхожденію — родился въ Стокгольмѣ 19-го февраля 1865 г. По окончаніи мѣстной гимназій, онъ въ 1885 г. поступилъ въ стокгольмскій университетъ, но вскорѣ перешелъ въ унсалъскій университетъ, гдѣ и сдалъ экзаменъ на степенъ кандид.

дата философии (въ 1888 г.). Съ первыхъ же лѣтъ сознательнаго ученія Свенъ Гединъ почувствовалъ особенную склонность къ географіи, а затѣмъ къ геологіи, всестороннему изученію которыхъ онъ и рѣшилъ посвятить всю свою жизнь. Не довольствуясь ученой степенью, Свенъ Гединъ рѣшилъ совершенствоваться дальше въ избранныхъ имъ наукахъ, для чего отправился въ Берлинъ, и затѣмъ въ Галле, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ.

Еще будучи на университетской скамьѣ, Свенъ Гединъ, удовлетворяя своей вражденной страсти къ путешествіямъ, успѣлъ совершить поѣздку по Кавказу, откуда черезъ Персію направился въ Месопотамію. Свои замѣтки, впечатлѣнія и самостоятельныя изслѣдованія названныхъ мѣстностей онъ издалъ въ отдѣльной книгѣ, которая обратила на себя серьезное вниманіе скандинавской прессы и спеціалистовъ, предсказавшихъ молодому путешественнику блестящую будущность. Тогда же на Свена Гедина обратилъ свое благосклонное вниманіе шведскій король Оскаръ II, всегда чуткій къ вопросамъ науки и искусства, и взялъ молодого путешественника подъ свое высокое покровительство.

Въ 1890 г. Свенъ Гединъ принялъ участіе въ посольствѣ короля Оскара II къ персидскому шаху Насръ-Эдину въ Тегеранъ, откуда онъ, съ разрѣшенія короля, отправился для научныхъ изслѣдованій въ Кашигаръ (въ 1891 г.) черезъ Туркестанъ и Хоросанъ. Появившееся, какъ результатъ этой поѣздки, подробное описаніе изслѣдованныхъ имъ мѣстностей дало ему ученую степень доктора философіи въ 1892 г. Въ этомъ же году д-ръ Свенъ Гединъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго географическаго общества.

Въ числѣ многихъ ученыхъ трудовъ молодого путешественника имѣется переводъ сочиненій Н. М. Пржевальскаго съ собственными комментаріями, за который онъ былъ награжденъ русскимъ правительствомъ орденомъ св. Анны. Въ послѣдней экспедиціи матеріальную поддержку Свену Гедину оказали: король Оскаръ II, Эмануилъ Нобель и нѣсколько стокгольмскихъ меценатовъ.

Для ознакомленія съ результатами своихъ изслѣдованій Центральной Азіи, нашъ недавній гость предпринимаетъ поѣздку по Европѣ, а именно въ Германію, Англію и Норвегію, гдѣ предполагаетъ сдѣлать рядъ сообщеній. Въ Петербургъ онъ явился изъ Копенгагена, гдѣ за труды свои на пользу науки былъ награжденъ мѣстнымъ географическимъ обществомъ золотой медалью.

Главнѣйшіе по научнымъ результатамъ моменты его послѣдняго путешествія заключаются въ слѣдующемъ: восхождение на памирскаго гиганта Мустая-Ата (въ переводѣ — отецъ ледяныхъ горъ), причемъ ему удалось достигнуть высоты 20,000 футовъ надъ уровнемъ моря и изслѣдовать въ научномъ отношеніи какъ самый массивъ горы, такъ и глетчеры; переходъ безводной пустыни Такъ-ла-Миханъ на разстояніи 300 верстъ, никѣмъ до сихъ поръ еще не пройденной; открытіе озера „Сѣверный Лобъ-Норъ“, существованіе котораго отрицалось нѣкоторыми учеными; открытіе новаго мощнаго горнаго кряжа въ сѣверномъ Тибетѣ и путешествіе вдоль этого

кряжа и, наконецъ, открытіе въ великой пустынѣ: слѣдовъ древней буддѣйской культуры (незавѣстнаго до сихъ поръ полудикаго племени) и дикихъ верблюдовъ.

Новое зданіе 3-го реальнаго училища.

(Рис. на стр. 1049.)

19-го октября, въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, товарища его Н. М. Анчикова, директора департамента народнаго просвѣщенія В. В. Латышева, вице-директора Н. Г. Дебольскаго, попечителя спб. учебнаго округа д. т. с. М. Н. Капустина, его помощника Л. И. Лаврентьева, всѣхъ окружныхъ инспекторовъ, всѣхъ директоровъ спб. казенныхъ и частныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, нѣсколькихъ профессоровъ спб. университета и технологическаго института и массы педагоговъ различныхъ вѣдомствъ, состоялось торжественное освященіе новаго зданія 3-го реальнаго училища. Молебствіе и освященіе совершалъ преосвященный епископъ нарвскій Іоаннъ, ректоръ духовной академіи, въ сослуженіи съ прот. Л. П. Петровымъ. Цѣль многочисленный хоръ учениковъ 1-го реальнаго училища, художественно исполнившіи концертное „Тебе, Бога, хвалимъ“. Послѣ окончанія молебствія въ актовомъ залѣ училища (директоръ его, т. с. Е. Х. Рихтеръ, прочелъ краткій историческій очеркъ его возникновенія и развитія. 3-е реальное училище обязано своимъ возникновеніемъ попечителю спб. учебнаго округа М. Н. Капустину, обратившему вниманіе г. министра на чрезвычайный наплывъ учащихся въ реальные училища и недостатокъ мѣстъ въ нихъ. Проектъ постройки третьяго реальнаго училища встрѣтилъ полное сочувствіе министерства. Въ 1894 г. было Высочайше утверждено положеніе о реальномъ училищѣ и была образована съ этою цѣлью особая строительная коммисія, подъ предсѣдательствомъ Е. Х. Рихтера. 19-го сентября 1895 г. состоялась закладка зданія, а осенью минувшаго года уже была открыта пріемъ учениковъ въ первые два класса. Постройка зданія была отдана съ подряда инженеру И. В. Смирнову, и приступлено было къ ней въ 1895 г. За вычетомъ стоимости участка земли (80,000 р.), постройка зданія обошлась около 250,000 р., но зато оно вышло дѣйствительно великолѣпнымъ. Выхода своими тремя оригинальными и красивыми фасадами на 6-ую и 7-ую ул. Песковъ и на Греческій проспектъ, оно въ своихъ трехъ этажахъ вмѣщаетъ: 2 обширныхъ гимназическихъ залы, нѣсколько рекреационныхъ, громадную актовую залу, кабинеты и классы — естественно-историческій, рисовальный и чертежный, физическій кабинетъ и лабораторію, бібліотеку, громадныя коридоры и во всѣхъ трехъ этажахъ свѣтлыя, просторныя и изящныя помѣщенія для классовъ. Отопляется зданіе нагрѣтымъ воздухомъ, для чего въ подвалахъ его установлены шесть калориферовъ, принимающихъ свѣжій воздухъ и передающихъ его затѣмъ, при помощи особаго аппарата, во всѣ этажи помѣщенія зданія уже согрѣтымъ. Въ настоящее время въ училищѣ насчитывается до 230 учениковъ, распределенныхъ по I, II и III классамъ, причемъ, въ виду большаго наплыва учащихся, для каждаго класса установлено параллельное отдѣленіе.

Искусство.

„Опричникъ“ Чайковскаго.

Нельзя не отмѣтить, что первой новинкой опернаго сезона была въ Петербургѣ опера Чайковскаго, не шедшая на Мариинской сценѣ двадцать три года. Это своего рода музыкальное событіе. Судьба „Опричника“ довольно любопытна; онъ вездѣ имѣлъ успѣхъ, вездѣ ставился и нигдѣ не удержался на репертуарѣ, а между тѣмъ изъ русскихъ драматическихъ оперъ „Опричникъ“, несмотря на нѣкоторые недочеты, безспорно долженъ занимать первое мѣсто по драматической музыкѣ, содержащейся въ немъ: въ этой первой оперѣ Чайковскій держался болѣе здравыхъ взглядовъ на драматическую музыку, чѣмъ въ дальнѣйшихъ („Орлеанская дѣва“, „Чародѣйка“ и „Пиковая дама“), въ которыхъ онъ испускалъ подъ то или другое господствовавшее вліяніе и теченіе. Въ „Опричникѣ“ молодой еще тогда Чайковскій ставилъ себя образцомъ величайшаго музыкальнаго драматурга Мейербера, но на почвѣ тенденціи основателя нашей оперы Глинки.

Вникая, однако, въ причины, почему „Опричникъ“, обладавъ такими достоинствами, не сдѣлался репертуарной оперой, нужно сказать, что главнѣйшая изъ нихъ, по всей вѣроятности, трудность ея исполненія; для первыхъ партій, Морозовой и ея сына Андрея, нужны исключительные голоса; далеко не всякіе меццо-сопрано и тенора могутъ браться за нихъ. Къ этому еще прибавилось распространившееся въ печати мнѣніе самаго автора, что онъ будто считаетъ разсматриваемую оперу своимъ „слабѣйшимъ произведеніемъ“ и намѣревается даже передѣлать ее. Насколько вѣрно было это свѣдѣніе, не знаемъ, но впечатлѣніе оно произвело сильное на публику, по большей части незнакомую съ „Опричникомъ“. Между тѣмъ опера включаетъ въ себя страницы, далеко не часто встрѣчающіяся въ музыкѣ Чайковскаго;

нашъ композиторъ занялъ въ „Опричникѣ“ такую же высоту относительно драматической музыки, какъ въ „Онигинѣ“ относительно лирической; такихъ страницъ, какъ сцена Морозовой съ сыномъ, сцена клятвы Андрея Морозова подъ жозами опричниковъ въ Александровской слободѣ, и сцена проклятій, мало не только у Чайковскаго, но и во всей русской драматической оперной музыкѣ. Прослушавъ теперь „Опричника“ снова два раза, мы не только не отказываемся отъ мнѣнія, высказаннаго во второй главѣ нашей монографіи, посвященной обзору композиторской дѣятельности П. И. Чайковскаго („П. И. Чайковскій“, изд. А. Ф. Маркса), но положительно подтверждаемъ его: „Опричникъ“ — лучшая драматическая опера его.

Интересъ идетъ все crescendo, достигая своего апогея въ самомъ концѣ, такое произведеніе есть плодъ цѣльнаго вдохновенія. Публикѣ слѣдуетъ побольше вслушиваться въ эту оперу, поближе познакомиться съ ея красотами, и тогда она ее справедливо оцѣнитъ. Во всякомъ случаѣ это одно изъ тѣхъ произведеній, которыя должны имѣть мѣсто въ репертуарѣ отечественной музыки.

Не касаясь подробно содержанія, будучи въ полной увѣренности, что читатели хорошо знакомы съ драмой Лажечникова того же названія, изъ которой либретто составлено. Также не входимъ въ подробности музыкальной оцѣнки, такъ какъ это нами сдѣлано въ вышеуказанной книгѣ. Намъ остается поэтому сказать только нѣсколько словъ объ обстановкѣ и исполненіи. Что касается первой, то она превосходна и по исторической вѣрности костюмовъ времени Грознаго, и по вѣрному богатству и блеску. Исполненіе же въ общемъ тоже весьма старательно.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

Стремленія Европы установить полное согласіе великихъ державъ на Востокъ не устраиваютъ, повидимому, недоразумѣній между участниками въ европейскомъ концертѣ, когда дѣло коснется чьей-либо сферы интересовъ въ другомъ пунктѣ земного шара. Въ настоящее время Африка съ каждымъ днемъ все болѣе становится ареной европейскаго соперничества. На ближайшемъ къ Европѣ африканскомъ побережьи, какъ извѣстно, твердой ногой стала Франція. Въ началѣ прошлаго сентября, между Франціей и Англійей подписано было соглашеніе, по которому Англія отказалась на вѣчныя времена отъ своего договора съ Тунисомъ, заключеннаго въ 1875 году; въ пользу англичанъ выговорено обязательство не облагать англійскихъ транзитно-бумажныхъ папѣлій пошлиной свыше 5% стоимости товаровъ, вѣсто вынѣшннго восьми-процентнаго обложенія. Несмотря, однако, на такое миролюбивое соглашеніе по тунисскому вопросу, соперничество въ Африкѣ между обѣими великими державами стало возрастать. Неожиданно обострился серьезный споръ изъ-за области Никки — въ бассейнѣ рѣки Нигера: французы считаютъ эту территорію входящею въ сферу вліянія Франціи, а англичане утверждаютъ, что она падаетъ въ сферу британскаго вліянія. Пока стороны спорятъ, изъ Лагоса двинулась къ области Никки англійская военная экспедиція, а изъ Порто-Нуово туда же — французская. Въ послѣднее время англійская печать заинтересовалась преимущественно этими африканскими дѣлами. По отзывамъ *Times'a*, въ то время, какъ Англія честно исполняетъ свои обязательства, Франція платитъ ей за это „черной неблагодарностью“; если Франція не прекратитъ политики, враждебной существеннымъ британскимъ интересамъ, Англія прибѣгнетъ къ такому же образу дѣйствія, хотя и не желала бы подражать Франціи не потому, что не увѣрена въ своихъ силахъ, а потому, что желаетъ исполнять свои обязательства относительно Франціи, и потому еще, что подражаніе повело бы „къ нежелательнымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія сохраненія мира съ Франціей“.

Для улаженія спора между сторонами начаты уже дипломатическіе переговоры. По этому поводу, какъ сообщаютъ изъ Парижа отъ 15-го октября, колоніальная группа французской палаты депутатовъ рѣшила просить г. Гавото энергично поддерживать права Франціи на области, лежащія къ сѣверу отъ Дагомен. Въ отвѣтъ на это газета *Times* напомнила французской колоніальной партіи, что „терриваніе Англіи исчерпано“; поэтому Англія отказывается въ вредъ отъ всякихъ договоровъ, изъ которыхъ одна Франція извлекаетъ выгоды. Тѣмъ не менѣе въ европейскихъ политическихъ кружкахъ ожидаютъ благоприятныхъ результатовъ отъ конференціи англійскихъ и французскихъ комиссаровъ, назначенныхъ для рѣшенія спорнаго вопроса.

Въ Германіи, по мнѣнію компетентныхъ кружковъ, ожидается острый конституціонный кризисъ. Въ интересахъ общественнаго спокойствія императоръ давно высказалъ желаніе ограничить свободу сходовъ и ассоціацій. Въ прошлую сессію

рейхстага законопроектъ въ этомъ направленіи былъ отвергнутъ; до этого рѣшенія рейхстага отклоненъ былъ проектъ, направленный противъ пропаганды идей, не соответствующихъ существующему государственному строю. Намѣренія императора добиться усиленія флота также встрѣтили упорное сопротивленіе парламента; императоръ хотѣлъ изъ общаго законодательства военно-уголовное судопроизводство, но парламентское большинство высказалось за преобразование военно-суднаго устава въ общеуголовномъ смыслѣ. Такъ создались борьба императора Вильгельма II съ прусскимъ сеймомъ и имперскимъ парламентомъ. Прусскій проектъ военно-уголовнаго кодекса, предусматривающій учрежденіе высшей имперской судебной инстанціи, вызвалъ иѣкоторое движеніе въ Баваріи, гдѣ произошли манифестаціи. Баварскіе юристы высказались за неприкосновенность баварскихъ правъ, обеспеченныхъ имперскимъ уложеніемъ. Реформа военно-уголовнаго судопроизводства также наткнулась на недоразумѣнія: пруссаки требуютъ закрытыхъ засѣданій военнаго суда, тогда какъ баварскіе военные процессы обыкновенно разбираются публично. По мнѣнію официознаго органа *Post*, Пруссія, увѣренная въ прочности хорошихъ отношеній между германскими государствами, надѣла ценительность союзниковъ, но рядъ недоразумѣній послужилъ-де поводомъ для партикуляристовъ создать кружки, не симпатизирующіе имперіи и враждебно относящіеся къ прусской гегемоніи; несмотря на это, партикуляристы „не рѣшатся разорвать версальскій трактатъ; тѣмъ не менѣе глухой антагонизмъ Баварій причинитъ имперскому правительству много заботъ и помѣшаетъ усиленію имперской солидарности“. Въ политическихъ кружкахъ возобновились толки объ отставкѣ имперскаго канцлера князя Гогенлоэ.

Въ Сербіи отъ новаго кабинета ожидаютъ мало хорошаго, до тѣхъ поръ, пока, по общему мнѣнію, въ дѣла королевства вмѣшиваются „злой геній Сербіи“ — ех-король Миланъ. Пошли слухи о предполагаемомъ продолжительномъ путешествіи короля, въ отсутствіе котораго Миланъ намѣренъ, будто бы, занять мѣсто „соправителя“. Какъ бы въ оправданіе своей программы, министерство разослало циркулярную ноту ко всемъ представителямъ Сербіи съ усноконительнымъ заявленіемъ, что оно намѣрено управлять страной миролюбиво и вполне самостоятельно, не подчинившись постороннему вліянію. Тѣмъ же духомъ проникнута была и здравница короля въ честь министровъ на придворномъ обѣдѣ, которыми они почтены были 20-го октября: король-де твердо рѣшился содѣйствовать министерству въ его задачѣ, надѣясь осуществить ее къ вышнему благополучію отечества и народа, выражалъ свое удовольствіе государственному совѣту за его службу. Министръ-президентъ благодарилъ за довѣріе, увѣрилъ короля въ горячемъ сочувствіи всей страны, преданной дому Обреновичей, вѣсѣтъ съ которыми она создала государство. Всѣми этими „увѣреніями“, однако, внесено мало успокоенія въ политическіе кружки Сербіи, усматривающіе въ присутствіи Милана начало новыхъ осложненій.

Разныя извѣстія.

— 19-го октября Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми изволили благополучно прибыть изъ-за границы въ Царское Село.

— 20-го октября, въ годовщину кончины въ Бозѣ починающаго императора Александра III, въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена придворнымъ духовенствомъ заупокойная литургія и послѣ нея панихиды, на которыхъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна, Ихъ Императорскія Высочества: великая княгиня Елизавета Мавриковна, великіе князья Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Сергій Михайловичъ, князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ августѣйшей супругою Ея Императорскихъ Высочествомъ принцессою Евгеньей Максимиліановною и сыномъ принцемъ Петромъ Александровичемъ и ихъ высочества герцоги Мекленбургъ-Стреліцкіе Михаилъ Георгиевичъ и Георгій Георгиевичъ. Послѣ панихиды Ихъ Величества отбыли въ Царское Село. Въ 2 ч. пополудни, въ этотъ же день, въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена панихиды высокопреосвященнымъ Палладіемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ, въ сослуженіи высокопреосвященныхъ Арсенія, архіепископа казанскаго и сѣвѣрскаго, Антонія, архіепископа финляндскаго, преосвященнаго Гурія, члена св. Синода, и Назарія, епископа ярославскаго. На богослуженіи присутствовали министры, члены Государственнаго Совѣта и другія высокопоставленныя лица. Въ этотъ же день панихиды были совершены во всѣхъ домовыхъ и приходскихъ церквахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

— 21-го октября, въ высочайшепрестольный день восточества на Всероссийскій Престолъ Его Величества Государя Императора, въ каведальномъ Исаіевскомъ соборѣ была совершена высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ, въ сослуженіи архіепископа финляндскаго и выборскаго Антонія,

епископа гдовскаго Назарія, шести архимандритовъ и соборнаго причта, божественная литургія. По окончаніи литургіи было отслужено торжественное молебствіе. На богослуженіи присутствовали Ихъ Императорскія Высочества великіе князья: Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Сергій Михайловичъ, князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій. Ихъ Высочества принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и герцоги Георгій Георгиевичъ и Михаилъ Георгиевичъ Мекленбургъ-Стреліцкіе, а также члены Государственнаго Совѣта, министры, почетные опекуны, сенаторы, придворные чины, лица свѣтъ Государя Императора и великіе князья и штабъ- и оберъ-офицеры. При провозглашеніи многолѣтня Государю Императору заремьялъ пушечный салютъ со стѣвъ Петропавловской крѣпости. Божественныя литургіи и молебствія совершены были въ этотъ день также во всѣхъ столпичныхъ храмахъ и въ домовыхъ церквахъ. Городъ съ утра былъ украшенъ флагами, а вечеромъ иллюминаціями.

— 19-го октября въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ председательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ А. Ф. Бычковымъ, былъ прочитанъ отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи пушкинскихъ премій. Два сочиненія: графа де-ла-Барта „Пѣсь о Роландѣ“ — переводъ разбѣромъ подлинника, и стихотворенія М. А. Лохвицкой (Жиберъ) удостоены каждое половинною пушкинскою преміей. Затѣмъ, почетнаго отзыва были удостоены редакторы: В. И. Шенрокомъ „VI и VII томы сочиненій Н. В. Гоголя“ (изд. А. Ф. Маркса), „Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній, десять автобіографическихъ разсказовъ“ В. П. Авераріуса и „Стихотворенія Е. А. Бекетовой“. (Слѣдующее присужденіе пушкинскихъ премій состоится въ 1899 году. Сочиненія могутъ быть представляемы до 29-го января 1899 г.

— Недавно умершій долго практиковавшій въ

Кронштадтѣ врачъ И. Н. Таировъ оставилъ, по словамъ *Новога Времени*, завѣщаніе, которымъ отказалъ женскому медицинскому институту на стипендію 16.000 р. Изъ остальнаго своего капитала 84.000 р. онъ отказалъ 18.000 р. московскому университету, завѣщая затѣмъ остальное своимъ прямымъ наследникамъ — сыну и дочери.

— Въ Москвѣ 6-го октября скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ Евгенийъ Феодоровичъ Коршъ, братъ известнаго журналиста и историка литературы В. Ф. Корша. Умеръ онъ 87-ми лѣтъ отъ роду, удалившись въ послѣднія пять лѣтъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ по бышему „нравственно-политическому отдѣленію“, Е. Ф. началъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1835 году онъ былъ приглашенъ московскимъ университетомъ занять должность бібліотекаря. Съ этого года началось его сближеніе съ московскими учеными и писателями. Съ 1843 по 1848 г. покойный редактировалъ *Московскія Ведомости*, затѣмъ переселился въ Петербургъ, служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, одновременно редактировалъ *Вѣдомости с.-петербургскаго городской палиціи* и былъ помощникомъ Надеждина по редактированію *Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ*. Однако Е. Ф. не долго прожилъ въ Петербургѣ. Съ 1856 года онъ жилъ почти безвыѣздно въ Москвѣ и въ первое время посвящая свою дѣятельность исключительно журналистикѣ. Сперва онъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника* М. Н. Каткова, затѣмъ въ 1858 г. предпринялъ собственное изданіе *Атеней* — журналъ критики, современной исторіи и литературы, которое однако скоро прекратилось. Когда въ 1862 г. открылись въ Москвѣ публичная бібліотека и Румянцевскій музей, Е. Ф. былъ приглашенъ занять должность бібліотекаря и не разстался съ тѣхъ поръ до 1892 года съ этими учрежденіями. Покойный пользовался заслуженной известностью одного изъ лучшихъ переводчиковъ. Между прочимъ, имъ переведены: „Гражданская община античнаго

мира" Фюстель де-Куланжа, "Руководство къ истори искусства" Кутлера, "Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры" Карьера, "Курсъ всеобщей исторіи" Вебера и многія другія произведе-

нія выдающихся западныхъ эстетиковъ и историковъ. Одновременно (о своей службѣ въ Румянцевскомъ музеѣ Е. Ф. Коршъ въ продолженіе многихъ лѣтъ завѣдывалъ издательскимъ дѣломъ Солдатен-

кова. Умеръ онъ, оставивъ по себѣ прекрасную память среди всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему встрѣчаться во время своей продолжительной и разнообразной дѣятельности.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 2 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Удалъ. Историческая повѣсть В. М. Михеева. (Продолженіе) — Переселенцы въ За-адной Сибири (съ 7 рис.). Ящерица плащеносецъ (съ 3 рис.). — Въ рисункахъ: Подруги. — прогулка по морю. — Вилла Боггезе въ Ри-ѣ. — Саенъ Гедимъ (съ портр.). — Новое зданіе 3-го реальнаго училища (съ рис.). — Искусство. „Опричникъ“ Чайковскаго. — Политическое обозрѣніе. — Газета и мѣстѣ. — О перемѣнѣ адреса. — Въ свѣдѣніи гг. подписчиковъ на „Исторію Искусствъ“. — Объявленія. При этомъ же прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. XI (Сборникъ „Нивы“ за ноябрь); 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за ноябрь съ 23 рис. и отд. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. вел. и 25 рис. руководственныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Семеновскій.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ на „Исторію Искусствъ“.

Считаемъ долгомъ сообщить, что 11-й выпускъ „Исторіи Искусствъ“ П. П. Гнѣдича выйдетъ въ свѣтъ и будетъ разосланъ подписчикамъ не въ началѣ мѣсяца, а около 15-го ноября. Запозданіе вызвано увеличеніемъ объема этого выпуска и включеніемъ въ него значительно большаго, чѣмъ предполагалось, количества рисунковъ, для воспроизведенія которыхъ потребовалось много лишняго труда и времени.

НИВА

дастъ въ теченіе
одного 1898 года
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложениями:
Безъ достав-ки въ СПБ. **5 р. 50 к.** Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи **7 р.**
Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к.** За границу **10 р.**
Безъ дост. въ Москвѣ, у Н. Печков-ской. **6 р. 25 к.** Разсрочка платежа въ 2 и 3 срока
Ихъ-отстроговъ объявленіе взыскивается безвзвѣтно.

Подписчики «НИВЫ» получаютъ въ 1898 г.:

12 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

2 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА, которое явится первымъ по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ Стихотворенія Тургенева, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, и будетъ отпеч. на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще болѣе четно, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ.

2 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).

По требованіямъ обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петерб., Малая Морская, 22

полное собраніе сочиненій

ТУРГЕНЕВЪ

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ руководственныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертж.)

12 №№ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатан. красками.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСПФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: ФРАНЦЪ-ЮСПФЪ, въ Булапештѣ.

ПРИМИТЕ КЪ СВѢДѢНІЮ!

Въ виду повившейся поддѣлки на мои capsules „ДЕЗОДОРАТЬ“ для уничтоженія зловонія въ комнатахъ, спальняхъ, и т. д., возгорѣше прошу обращать вниманіе на этикетъ, который снабженъ надписью Столкннда, и этикетъ замѣленъ въ денат-таментъ торговли и мануфактуръ. Я буду преслѣдовать закономъ не только поддѣлывателя, но и покупателей поддѣлки.

Ш. № 10578 2-1

Съ почтеніемъ Л. Столкнндъ.

Кашинская мѣста. Ист. рѣк. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 3 р. 30 к.; въ кол. пер. 3 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Знаменитыя пьесы иностранныхъ композиторовъ въ русскихъ дешевыхъ изданіяхъ.

Средней степені трудности для фортепіано въ 2 руки: Беръ. Концертъ гиткъ. Ц. 25 к. Bohm: Lawa-tennis. Ц. 25 к. Chaminade: Souvenance, Idylle по 25 коп. Eisenberg: Am Mahlbach. Ц. 30 коп. Ach bitte noch einen Kaiser. Ц. 30 к. Андалуская серенада. Ц. 40 коп. Gounod: Le ciel a visité la terre. Ц. 25 коп. Антрактъ и танцы изъ оп. „Филемонъ и Бавкида“. Ц. 25 коп. Keller-Bela: Ouverture romantique. Ц. 40 коп. Kral: Perle de Valence. Ц. 30 коп. Langre: Въ монастирскомъ саду. Ц. 30 коп. Веселая поѣздка. Ц. 25 коп. Серенада Гольдшера. Ц. 25 коп. La Jeune Fille de Pologne. Polonaise brillante. Ц. 30 к. Любимый гавотъ. Ц. 25 к. Im Lager. Polka. Ц. 25 к. Mazurka: He zaбудь меня. Ц. 25 коп. Marmontel: Arabesque. Ц. 25 коп. Schultze: Stille Nacht, Heilige Nacht. Ц. 30 коп. Trebde: O sancti-sima. Ц. 30 коп. Вагнеръ: Антрактъ и свадебный хоръ изъ оп. „Лоэнгринъ“. Ц. 30 к. Гг. загородные энsembles отъ издателя, присланы при заказѣ деньги или марки, за пересылку не платятъ. Каталогъ бесплатн. С.-Петербургъ, Садовая, 22, книжный и музыкальный магазинъ П. К. Солдатовскаго.

БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

ДЛЯ КАЖДАГО СЕМЕЙСТВА

имѣть у себя музыкальный инструментъ, на которомъ каждый, безъ предварительнаго обученія, можетъ играть неогранич. число пьесъ, какъ-то: разныя русскія народн. пѣсни, марши, польки, вальсы, мазурки, кадрили и пр. Такой инструментъ есть новый

ПАТЕНТОВАННЫЙ ОРГАНЪ-ИНТОНА,

прочный, пріятный и дешевый музыкальный инструментъ

Наилучшій подарокъ къ праздникамъ.

Наилучшій подарокъ къ праздникамъ.

УДОБНЫЙ ДЛЯ ТАНЦЕВЪ И ВЕЧЕРОВЪ,

почему заслуживаетъ быть приобретаемымъ въ каждомъ семействѣ, ибо ОРГАНЪ-ИНТОНА представляетъ одинаковый интересъ, какъ для молодыхъ, такъ и для старшихъ.

Органъ-Интона есть ручной механической органъ, играющій всевозможныя пьесы, посредствомъ металлическихъ не портящихся нотъ. Органъ прочной конструкции съ 16 стальными голосами, отполированъ подъ черное дерево.

Органъ-Интона отличается громкимъ и пріятнымъ звукомъ.

Органъ-Интона можетъ замѣнять небольшой оркестръ музыкантовъ.

Органъ-Интона исполняетъ неограниченное число пьесъ, какъ-то: новѣйшія польки, вальсы, мазурки, марши, оперы, кадрили, пѣсни и проч.

Органъ-Интона изъ-за дешевой цѣны доступенъ почти для всѣхъ.

Органъ-Интона изъ-за практичности и дешевизны, за короткое время, распространенъ въ количествѣ болѣе 30,000 штукъ. На Органъ-Интона можетъ каждый легко играть, безъ всякаго обученія, даже малолѣтній.

Цѣна Органа-Интона съ приложеніемъ 15 разныхъ нотъ только 15 руб. 50 коп.

А съ прибавленіемъ еще 6 нотъ для игры 6-фигурной кадрили (итого 21 нота) цѣна только 17 р. 50 к. Желающіе получить Органъ-Интона въ особо роскошной металлической отдѣлкѣ и съ прочнымъ предохранительнымъ футляромъ къ оному приплачиваютъ еще 3 рубля.

ОРГАНЪ-ИНТОНА высылается во всѣ мѣста Россійской Имперіи, на весьма выгодныхъ условіяхъ.

При заказѣ слѣдуетъ выслать только СЕМЬ (?) РУБЛ. задатку (изъ Кавказа 10 руб.), а остальная сумма вѣстѣ съ пересылочными уплачивается при полученіи Органа.

При требованіяхъ покорнѣе просить четкимъ почеркомъ обозначать подробный адресъ, куда и кому слѣдуетъ выслать органъ и ноты (указать ближайшую почтовую контору или почтовое отдѣленіе, а если нѣтъ—то и ближайшую желѣзнодорожную станцію).

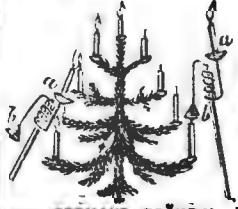
Требованія и задаточныя деньги слѣдуетъ посылать по слѣдующему адресу:

въ городъ НАРВУ, С.-Петербургской губерніи, въ Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

Веніамину Дэвидовичу МИХАЙЛОВСКОМУ.

НОВЫЯ ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УНРАШЕНІЙ
по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.

въ которыхъ заключены всѣ необходимыя украшения какъ равно послѣднія дѣлшія и заграничныя новосты. Любимыя хлопоты въ каждой коллекціи! Кроме того исключительно въ новыя коллекціи приложены оригиналы въ китайскія фонарики, и затѣмъ еще весьма оригинальный и удобный аппаратъ для замигания и тушения свѣчей, по вышеразведенному раскладу. Все въ подробныхъ свидѣніяхъ благополучно усмотрѣть въ № 41 журнала отъ 11 октября с. г. Выписка наложеннымъ платежомъ.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 92.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ ГОЛЛАНДСКІЙ

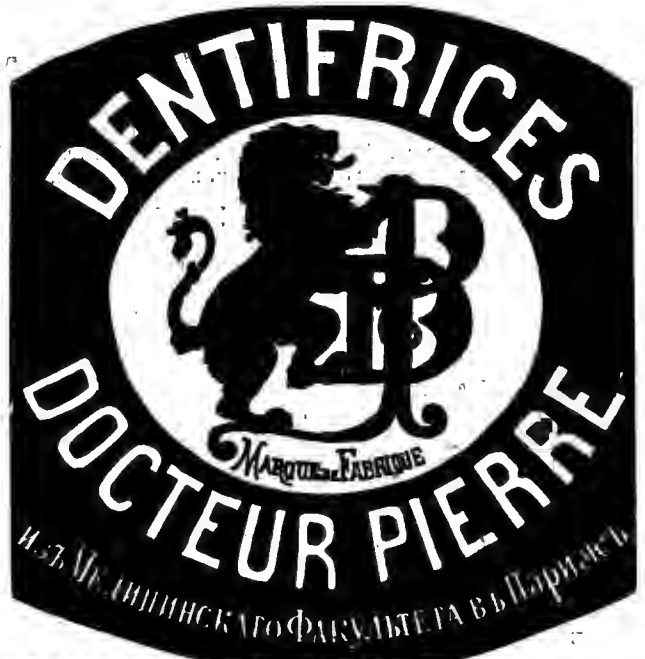
КАКАО ФЛИКЪ

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колониальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.

В. № 10486 15-7

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащія кислотъ.

СЛАВЕННЫЯ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ
 ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстная, единственно настоящія

Алициариновыя чернила
 для письма и копирования

(желтисто-орѣшковаго 1-го класса по отозванію Государственныхъ учрежденій), 20-19

ЛЕГКО - СТЕКАЮЩАЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и писемностей всякаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди
 въ Дрезденъ,
 изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.

ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОНЪ.

D.R.M.S. № 13867

Телеграммы: ЖУКОВСКОМУ.

Телефонъ № 2155.

РЕКОМЕНДУЮТСЯ
 не требующіе конки
ЖЕРНОВА ТРАПЦА
 горизонтальныя и вертикальныя.
 Усовершенствованныя
МУКОМЛЬНЫЯ ПОСТАВЫ.
ЛѢСОПИЛЬНЫЯ РАМЫ.
СТАНКИ
 для древесной шерсти.

ТЕХНИЧ. КОНТОРА И СКЛАДЪ МАШИИЪ

В. ЖУКОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 97.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И ПЕРЕУСТРОЙСТВО
ПАРОВЫХЪ и ВОДЯНЫХЪ

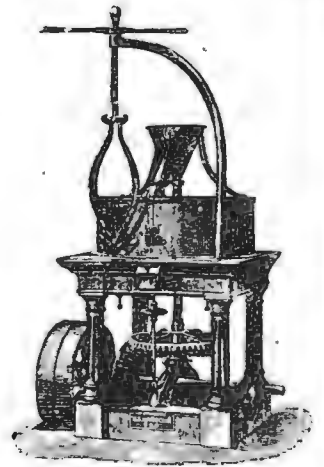
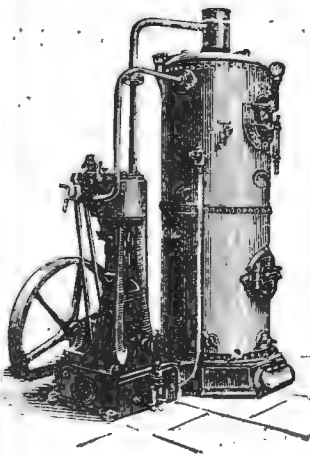
МУКОМОЛ. МЕЛЬНИЦЪ,
ЛѢСОПИЛЕНЪ,
КИРПИЧНЫХЪ

и т. п. сельско-хозяйственныхъ заводовъ.

Имѣются въ продажѣ: локомобили, турбины
 Джемса Леффеля, керосиновые двигатели, конные приводы и т. п.

Смѣты и иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

КРУГЛОПИЛЬНЫЯ и т. п. СТАНКИ.
 АМЕРИКАНСКІЯ КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ.
МАСЛОБОЙНЫЯ
 прессы и вальцы.
 РАЗНЫЯ НАСОСЫ,
 ПРОСОРОШКИ.
СУКНОВАЛКИ
 и т. п.

И. № 10580

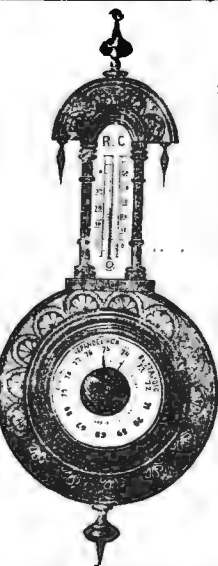
Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія ГЕМОРОЯ

патентованные пессарія д-ра мед. ШЕНЕ
специалиста по желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обращаться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же къ фабрикантамъ
УРШПРУНГЪ и К^о.
въ Барменъ, Германія.
Корреспонденція и на русскомъ языкѣ.

Ц. № 10596

6 1

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩИЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшего качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неалкогольная и неослабляемая.
ED. PINAUD
PARIS

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

проверенные, въ металлическихъ оправкахъ отъ . . . 3 р. 50 к.
Въ деревянныхъ оправкахъ отъ . . . 7 р.
БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 80 руб.
ОЧНИ и ПЕНСЭ съ лучшими стеклами, стальными . . . 1 р. 25 к.
Double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернющіе . . . 4 р.
ОЧНИ и ПЕНСЭ золотые 56 пробѣ отъ . . . 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ

3-1
преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**
Москва, Рождественка, д. № 5.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА!

Получены большой транспортъ новейшихъ фонографовъ и принадлежностей, всегда на складѣ до 2000 напѣтыхъ вальцовъ, воспринятыхъ новымъ способомъ, не извѣстнаго конкурента, по 2 р. 50 к. шт. Фонографы отъ 75 руб. Москва, Мясницкая, д. Тульского подворья.
Складъ **РИХАРДЪ ЯКОБЪ.**

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,

обучаю заочно кроить и шить по новейшей французской методѣ «ВОРТА».
Плата впередъ не взимается. По окончаніи условлены, смѣлѣе. Условія высылаются бесплатно.
Нѣвъ, Фундукоевская № 27.
Е. А. Ашарина.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
А. С. ИУИКЪ

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ
МЫЛО
МОЛОДОСТИ
МОСКВА. 20 коп. кув.

7 разъ удостоены первыя преміи, СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ и пр. воспроизведенны по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громадномъ выборѣ.
ЦЕЛТОРЪ-И.
всемірно-извѣстна по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Всѣ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются бесплатно.
Братья ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцнахъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
„ПРИЗЫВЪ“
литературный сборникъ
въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ.
Въ сборникѣ помѣщены свои произведенія выдающихся силъ литературы и науки и извѣстные артисты.
Остань о сборникѣ помѣщенъ въ библиографическомъ отдѣлѣ „Литер. прилож. Навы“ за октябрь с. г.
Издатель сборника
Д. Гаринъ-Виндингъ.
Цена 3 руб. 50 коп.

ПОЛЕЗНЫЯ
и необходимы вещи въ каждомъ хозяйствѣ найдете, если выпишете малюстр. прейсъ-курantzъ „торговой“ фирмъ
С. Черговъ,
Ростовъ н/д.,
который высылается за 4 семіи коп. марки, каковыя сумма возвращается при первомъ заказѣ на сумму не менѣе 3 руб.

НОВАЯ КНИГА: Ф. Вигуру.
„Руководство къ чтенію и изученію Библии.“
Общедоступный и изложенный въ связи съ новѣйшими научными изысканіями курсъ св. Писанія. Вѣтхій Заветъ. Томъ I. Съ иллюстраціями по напечатаніямъ. Переводъ съ французскаго В. В. Воронцова. Цена 2 р. 75 к. Обращаться къ издателю В. В. Воронцову, Москва, Пятницкая. Болвановскій пер., у церкви Преображенія. Пересылка бесплатная.

ВЫИГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, Спб. 11-8

внучается искій за чн
КРАСИВО (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
Методъ преподаванія к. Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10495 6-3
За 2 семікопѣчные марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семікопѣчные марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы пера и пера. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Олессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

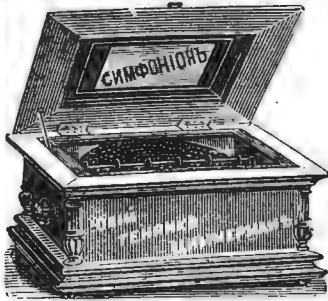
Въ старой Москвѣ.
Графа Е. А. САЛІАСА.
Историческій романъ времени восстанія на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ част. Спб. Цена 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коллѣкц. перепл. 2 руб. 75 коп., съ пересыл. 3 руб. 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.
О-де-Колонъ двойной О-де-Колонъ М-де-Колонъ тройной
МАГАЗИНЫ: С-Петербургъ, Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул. домъ № 44-52. НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 66.

1877 г. 1882 г. 1886 г. 1896 г.

Правленіе **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного товарищества
П. А. СМЕРНОВА, у Чугуннаго моста, въ Москвѣ, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на выставкѣ 1897 г. въ Стокгольмѣ (Швеція) за **ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО** очищеннаго столоваго вина, водокъ, ягодныхъ наливокъ и ликеровъ фирма наша удостоена высшей награды—
ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ.

ТОЛЬКО ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА:

СИМФИОНЫ

съ ручкой 4 р. 80 к. Пьесы по 20 к. Заводы. 40 тоны. 9 р. Пьесы по 20 к. Заводы. 60 тоны. 27 р. Пьесы по 45 к. Заводы. 84 тоны. 35 р. Пьесы по 60 к. Заводы по 84 тоны. Sublime Harmonie 65 р Пьесы по 75 к. Заводы по Sublime Harmonie Piccolo 90 руб. Пьесы по 90 к.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ очень удобенъ для танцевъ. Цена 50 р. Ноты по 90 к., 1 р. 80 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ цѣна 23 р. Ноты по 60 к.

ИНТОНА (шпалый фениксъ) цѣна 8 р. Ноты по 30 к.

ГЕРОФОНЪ съ присоед. для громкой и тихой игры 22 руб. Ноты по 45 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ цѣна 17 руб. Ноты по 45 к.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ цѣна 5 руб. Ноты по 15 к.

ПИАНО-МЕЛОДИКО

(новый механич. инструментъ со струнами) очень пріятнаго тона, цѣна инструмента безъ нотъ 5 р. Ноты отдѣльно по 60 коп. за метръ (= 1 1/2 арш.).

САМОИГРАЮЩІЙ ПИАНО-ОРКЕСТРІОНЪ

механическій музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цена безъ нотъ 200 и 250 р. Ноты по 60 коп. метръ.

Слѣски пьесъ безплатно. Заказы изъ провинці исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи отбѣтки приблизительно 1/3 стоимости требуемое высчитается съ положенными платежомъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. СКЛАДЪ НОТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

НОВОСТЫ!

Цѣтоточная вода

ЛЕВКОЙ

поставщикъ

Высочайшаго Двора

А. Ралле и Ко.

За флаконъ

60 к. и 1 р.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„СМИСЪ-ПРЕМЬЕ“

...арсть, прочность, долговѣрность, совершенство. Цена 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЪ“

Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цена 95 р. Полупроц. машинка по 10 р. Опасна и в разныя шрифты обиходнаго письма выставляются безплатно.

Оптика О. РИХТЕРЪ С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 2.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ОБУЧАЮ ЗАОЧНО

КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.

Доступная плата. Условія высчитаются немедленно. Москва, Малая Дмитровская, д. Базиліана, Е. И. Венедиктовой.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро обучаемъ въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Вѣнгерска. За дал. 7 коп. марки выслажу условія и пробныя письма. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Ф. Кошдакисъ. № 10511 10-2

УДОБНО ВЫГОДНО и ВКУСНО ЭКСТРАКТЫ ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНАГО ПРИГOTOВЛЕНІЯ СЛАДКИХЪ БЛЮДЪ: 1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ 2) КР. МЪ И 3) МОРОЖЕННОЕ СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ МОРОЖЕННИЦАМИ ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ Д. ВРАЙНИНЪ МОСКВА, Большая Лубянка 26.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА РЕМИНГТОНЪ

Общій сбытъ 200,000 — ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ въ Министерств. адм. Петербурга всего 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи *** ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОНЪ *** Единственный Складъ для всей Россіи Выс. Утвержд. Т-во Правленіе: МОСКВА М. Блок ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Николаевъ, Ростовъ и /Д.

43-1. МОРИСЪ 43-1. С.-Петербургъ, Невскій, уг. Троицкой. ПОСТОЯННО БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ готоваго мужского платья новѣйшихъ фасоновъ, а также матеріи послѣднихъ новостей для заказовъ. Цѣны дивныя! СПЕЦІАЛЬНОЕ ИЗГОТОВЛЕНІЕ форменнаго платья для гг. офицеровъ и для гг. гражданскихъ чиновъ всѣхъ министерствъ и ведомствъ, ГОТОВИМЪ и на ЗАКАЗЪ. Заказы по календарю выполняются въ 24 часа. При мастерской имѣется своя золотомойная. По требованію подробный прейс-курсъ высылается безплатно.

ДЛЯ ВХОДА ЗА ЖЕНЩИНЫ EAU DE LYS DE LOHSE Бѣлая и розовая вода для блондинокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптегъ и въ аптекахъ Россіи. № 5 21 11041

Понуйте только Продается вездѣ извѣстное своимъ качествомъ усовершенствованное ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО ТОВАРИЩЕСТВА БРОКАРЪ и Ко. SAVON GLYCERIN. ВЛОСАДЪ и ПА ВОСОКЪ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО БРОКАРЪ и Ко МОСКВА. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ПАМЯТЬ лишь кажд. возр. укрѣпить лично и заочно профессоръ именованн С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкиской и Ваз. ул., собственный домъ, № 28 Условія и бреш. (въ 33 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10431 20-8

„Ideal“. Каждая дама, желающая быть вполнѣ элегантною, безукоризненно аккуратною, употребл. для обихода подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой корбкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи. № 10426 26-9

ВИНО „SAINT-LÉON“ признано наилучшимъ изъ тоническихъ винъ. Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

П. № 10594 5-1 П. № 10547 19-3

БЕЗОПАСНАЯ Я БРИТВА
Роза
 ЛУЧШЕ ВСЕХ!
 ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК!

3 р. 50 к. омытый ножик 1 руб. 25 к.
 ПОЛНЫЙ ПРИВОРЪ 6 руб. 25 коп.

Все из золота 66-й пробы.

История ушная настоящих бирюзов, а при срыгах больш. искусств. бирюза османи вокруг настоящ. жемчугами.

- № 403. Браслетъ. 19 р. 51 к.
- № 302. Брошка. 13 р. 85 к.
- № 351. Серьги. Пара 9 р. 75 к.

Тутъ выставлены превосходные искусственные бриллианты безъ фольги, которые крайне трудно отличить отъ настоящихъ. Все изъ золота 66-й пробы.

- № 401. Браслетъ. 19 р. 75 к.
- № 306. Брошка. 10 р. 85 к.
- № 356. Серьги. Пара 13 р. 60 к.
- № 353. Серьги съ 1 брил. 4 р. 85 к.

ДРЕЗДЕНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Въ изящной манерѣ 12 картинъ кабин. вод., красиво опечатанныхъ разн. краск. Тутъ напр.: „Венера“ — Тициана, „Сусанна при купаньи“ — Веронезе, „Даная“ — Ванъ-Дика и пр. 1 колн. съ пересылкою 2 р. 80 к.

ЛАДШАДКА
 изящной парижской работы, усманная разноцветными камнями, съ цѣпочками для привешиванія 2 р. 85 к.

СТРАУСОВЫЕ ВЪЕРА
 съ 20 настоящими страусовыми перьями, съ черной деревянной ручкой, по 3 р. 60 к.

ДОМАШНИЙ ДРУГЪ.
 Приборъ, состоящій изъ 12 предметовъ, а именно: разн. оверла, буравчики, отвертки и проч., помѣщенные въ желѣзномъ футлярѣ, 1 р., болѣе изящные 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

МАГИЧЕСКОЕ ОГНЕВО.
 Заменяетъ спички и карманный фонарь.
 Изящно! практично! безопасно!
 Огняво съ 1000 зарядами 1 р. 85 к.

ПАРИЖСКАЯ КУКЛА
 кричащая „папа“ и „мама“, шт. по 4 р. 50 к. и съ тремя лицами: плачетъ, смеется и спитъ, но не кричитъ, по 4 р. 50 к.

ПРЯЖКИ ПОДТЯЖКИ
 замѣняютъ вполнѣ ремешъ и подтяжки. Удобно, красиво и практично. 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к.

ВАРОМЕТРЪ
РАДИСТЕНЪ
 на красивой раковинѣ изображены 2 дѣтскія фигуры. Платя ихъ ироничными химическими составомъ и мѣняютъ цвѣтъ по состоянью погоды. Шт. 75 коп.

Пересылка всѣхъ предметовъ наложеннымъ платеж. Гг. заказчики, проживающіе даже 1000 в. благоволятъ присылать при выжидъ заготовку въ размѣрѣ пересылочной стоимости.
 С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ** Невск. пр. № 20 31.

За 9 семивон. марокъ 4 книжки: Домашній вероучитель, Домашній маляръ, Столяръ-Самоучка и Товаръ-Самоучка. Адресъ: Вологда, Свящ. І. Амуреву.

Е. И. РОТЬ

ОБШИРНАЯ СЪМѢННАЯ ТОРГОВЛЯ.

Каталогъ иллюстрированный на 1898 г.

высылается бесплатно.

Москва, у Большого театра, д. Засѣцкой.

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго извѣстно.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
 ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранитель. марку портрета, которая неизменно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Для норм. приема достаточно 1/2 обьки. стакана.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

№ 10415 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-3
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА**

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
 Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО**

основанная въ 1811 году Сиб., Владимірская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 550 рублей **ПИАНИНО** въ 25, 200 и 450 р. Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Ют. Георг. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарыина; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: П. Т. Шугама; въ Баму: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Маршавианъ.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАТОКЪ

(С. Петербургъ, на углу Новосаганской ул. и Конногвардейскаго пер., № 24/4, кв. 1) рекомендуетъ наставницъ и учительницъ по языкамъ и предметамъ. Приемные часы ежедневно отъ 2-хъ до 5-ти, исключая вторника, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Кромѣ того доводится до свѣдѣнія публики, что ищущіе наставницъ и приходящихъ учительницъ могутъ обращаться за справки и рекомендаціями на Николаевскую 16, кв. 41, по вторникамъ и четвергамъ отъ 1-3 ч.

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ
DE RICQLÈS
 Сообщаетъ водѣ приятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоящій напитокъ.
 Фабр. въ Лионѣ. Дело въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12.
 Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОМЪ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
 ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года, требовать мусси съ этикеткой утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ. Желѣзна и патла уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ просто. Совершенно безвредно для тканей бѣлы. Удостоверенъ въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ для БАНИ. Продажа въездъ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка домъ № 2

НА РОСІИТАНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ БЕЗОПАСНОСТИ ВЪЗРАСТАЮЩИМЪ
СОЗДАЕТЪ
 60. ТЕЛЕФОНЪ 1560
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 ЖЕЛѢВЪТЬ
 ему
НЕУЖИВЪЩИ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО ВСТРѢЧКАМЪ СОСНИТАНІЕ 500 КАРТОНЪ ЗАГОРЬИИ № 13
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141

РУЖЬЯ
 и принадлежностей охоты по доступнымъ цѣнамъ предлагается.
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Я. ЗИМІНА вдова и К^о.
 Москва, Тверская, близъ Гаветнаго.
 Каталогъ бесплатно. 5-2

CREME SIMON
 (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Paris

Въ розницу продается у парфюмеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-3

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.

Нѣтъ ничего изящнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, издаваемому въ Парижѣ, и мѣ въ Вѣнѣ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ. За 1 р. 60 к. высылается наложеннымъ платежемъ послѣдній номеръ. Отдѣленіе конторы редакціи „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“: С. Петербургъ, Невскій. 80.

НОВОСТЬ!

Необходимо для всѣхъ носящихъ очки и пенсне.

ГЛАЗОЛИНЪ (паста).

Связанные этой пастой ОЧКИ НЕ ПОТЪЮТЪ ПРИ ПЕРЕХОДѢ ИЗЪ ХОЛОДА ВЪ ТЕПЛО, что очень важно для зимняго сезона, и кромѣ того стекла получаютъ особую прозрачность.

Цѣна 25 к. за жестянку.

Единственная продажа для всей Россіи:
А. БОЛЬТЪ и К^о.
 Москва, Ильинка. (2)

Получать можно въ каждомъ автокарскомъ и оптическомъ магазинѣ.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большемъ выборѣ и по умѣр. цѣнамъ всевозможн.

механическіе инструменты:
дѣтскій АРИСТОНЪ 5 р., ИНТОНА 8 р., ДОЛЬЩИНА 8 р.,
СЕРАФИНЪ 12 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р.,
НАЛИСТОНЪ 35 р., МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИКО 65,
70 и 85 руб., самоиграющіе съ моторомъ 200 р., ОРГАНЫ
съ деревянными флейтами.

МЕХАНИЧ. ПИАНИНО на которомъ можно играть ружьями и посредствомъ перченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНІОНЫ съ ручкой 4 1/2 руб., самоиграющіе въ 9, 17, 20, 27, 38, 65 и 90 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
МОСКВА. ПЕТРОВКА.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

◆ Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. ◆

СТОЛКИНДА МОСКВА
КАПСЮЛИ
ДЕЗОДОРАТЪ
ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ЗЛОВОНІА
въ ДѢТСКИХЪ СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ И Т. Д.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Аптекарская торговля Л. Столкинда, Лубянской пр. домъ Смольянинова.

Величкіи дѣлать наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 10481 6—3

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

КТО ХОЧЕТЪ РАЗЕОГАТѢТЬ долженъ купить книгу "Чревоощаніе, имитаторство, и дрессировка животныхъ" и издавать для продажи тѣ 20 новыхъ изобрѣтеній, которыя въ этой книгѣ предлагаются бесплатно каждому желающему. Только въ книжн. складѣ П. Краутицкаго, въ С.-Петербурге, за Нарвск. заст., Петергофск. шоссе, д. 29.31. К. 1 рубль съ перес.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА МУЖСКІЯ И ДАМСКІЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ новѣйшихъ фасоновъ и изящнаго покроя.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ зона 1897—1898 г. высылается бесплатно.

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и Гостиный Дворъ, № 58.

№ 4711. КТО любить запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711. да rhin.
№ 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

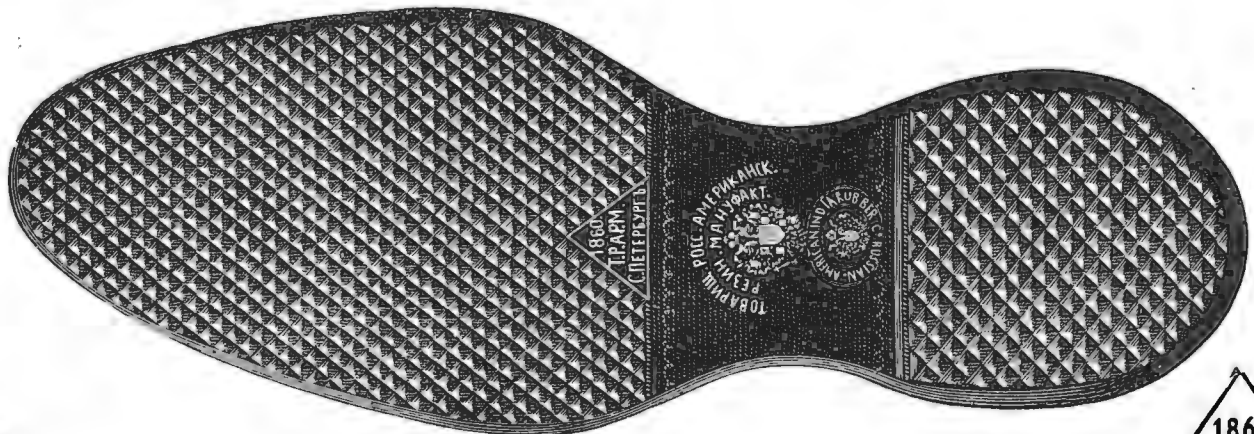
Продается и парюмер во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9 51 26 22

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІА ЕДИНСТВЕННО Товарищество „Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры“ удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Гербъ.

1898 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 59-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО И ДР. ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Съ 1-го января 1898 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 59-й годъ своего существованія со значительными улучшеніями какъ по выбору пьесъ, такъ и по разнообразію въ программахъ, при непосредственномъ сотрудничествѣ Э. С. Кабелла.

Цѣль изданія „НУВЕЛЛИСТА“ доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ большой выборъ новыхъ, лучшихъ музыкальныхъ сочиненій, по степени трудности доступныхъ для большинства.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ, какъ и прежде, выходить аккуратно перваго числа каждого мѣсяца.

ПРОГРАММА „НУВЕЛЛИСТА“.

- 1) САЛОННЫЯ ПЬЕСЫ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КОМПОЗИТОРОВЪ, въ двѣ и четыре руки.
- 2) ПЬЕСЫ ДЛЯ СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНА и др. инструментовъ, съ аккомпаниментомъ фортепиано.
- 3) РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.
- 4) ХОРОВОЕ ПѢНІЕ.
- 5) НОВЫЕ ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ.

ДѢТСКІЙ БѢДЪЛЪ.

- 6) ЛЕГКІЯ ДѢТСКІЯ ПЬЕСКИ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.
- 7) ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ ДЛЯ СКРИПКИ СЪ ФОРТЕПИАНО.
- 8) ДѢТСКІЯ ПЬСЕНКИ.

Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 страницъ большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ „НУВЕЛЛИСТЪ“ дастъ

ПРЕМІЮ

полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ и въ теченіе года ДВА художественно-исполненныхъ ПОРТРЕТА знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 5 руб. безъ доставки, 6 руб. съ доставк. и пересылкою.

За границу съ пересылкою 8 рублей.

Для Гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ. Разсрочные подписчики платятъ: городскіе—при подпискѣ 2 р., къ 1 юля 2 р. и къ 1 сентября 1 р.; иногородные—при подпискѣ 2 р., къ 1 юля 2 р. и къ 1 сентября 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26; — въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ № 10; — въ Казани, въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“; — въ Одессѣ, у Бальца; — въ Кіевѣ, у Л. Издиковскаго; — въ Варшавѣ, у Гебетнеръ и Вольфъ; — въ Тифлисѣ, Миримавіани; — въ Ростовѣ в/Д., Герпковичъ.

Редакторъ-издатель Р. Р. Голике.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ И ЗДѢШНИХЪ ФАБРИКЪ: Кнаусъ сыновья, Э. Зейлеръ, Гёрсъ и Кальманъ, Я. Бенкеръ, К. М. Шредеръ, Бр. Дидерихсъ и др.

ПРОКАТЪ И ПРОДАЖА.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

М. БЕРНАРДЪ, Большая Морская. д. 26.

СТРАНИЧКА ИЗЪ „НУВЕЛИСТА“

Andantino.
riten. a tempo

E. CABELLA Op. 79.

PIANO.

P con eleganza *cresc.*

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

f *m.g.* *dimin.*

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

f *m.g.* *f* *poco riten.* *m.g.m.d.*

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

sf *marcato* *p* *poco rit.* *a tempo* *cresc.*

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

f *rit.* *mf* *assai riten.* *dimin.* *a tempo* *p* *riten.* *pp*

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

P. 21 Г. N. 59.

XXVIII.

№ 45

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ, съ приложениемъ 12-ти еженеделныхъ книгъ „Сборника“, содержащихъ соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 8 ноября 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пр. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложениями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій **И. С. ТУРГЕНЕВА**, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями.

* * *

Если-бъ смерть была мнѣ мать родная,
Какъ больное, жалкое дити,
На ея груди заснулъ бы я,
И, о злобахъ дня позабывая,
О самомъ себѣ забылъ бы я.

Но она—не мать, она—чужая,
Грубо мститъ тому, кто смѣетъ жить,
Мыслить и мучительно любить,
И, покровы съ вѣчности срывая,
Не даетъ намъ прошлое забыть.

Я. Полонскій.

Осень. Съ карт. И. И. Шишкина, по фотогр. П. Чогакова, автотипія „Нивы“.

Удалъ.

Историческая повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

XII.

Черная смерть.

Прошло мѣсяца четыре. Маленькій Олекса подрасталъ. Мать кормила его грудью, обильной молокомъ. Отецъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ, созерцая эту картину въ какомъ-то умиленіи. Олена только мѣнялась въ такіе часы съ мужемъ долгими взглядами любви, полной удовлетворенія.

Собственно говоря, пора уже было двинуться въ Водскую волость, гдѣ неутомимо, посылая Добрынь доходы натурой, хозяйничала поземщина, а за угодами, оставленными Добрыней въ свое распоряженіе, наблюдалъ старикъ подсуздникъ: владѣлецъ, бокъ-о-бокъ съ землею Добрыни, небольшой, мало удобной землицы, жившій издивеніемъ Добрыни и за то присматривавшій за „добромъ“ сосѣда.

Раннія весеннія работы уже начались. Да и кромѣ того въ городѣ начали появляться особенныя заболѣванія. А въ ту пору всякія заболѣванія легко кончались эпидеміей. Тогда въ болѣзняхъ не лѣчились, а усиленно молились; о другихъ мѣрахъ противъ повѣтрій не могло быть и рѣчи. Больница же была одна, маленькая, да и то на нѣмецкомъ торговомъ дворѣ для нѣмцевъ. Дворъ этотъ открывался только днемъ, въ часы торговли, въ остальное время крѣпко зашпался цѣпями и ограждался отъ всякаго вторженія огромными заморскими псами. Да новгородцы и не повезли бы никогда больныхъ къ нѣмцамъ. Изрѣдка богатѣи совѣтовались съ нѣмцемъ-врачомъ, да и то осторожно, недоувѣрчиво, не безъ боязни осужденія отъ сосѣдей, полагавшихъ, что у нѣмцевъ-лѣкарей дѣло не безъ нечисти. Такъ что болѣзни быстро переходили въ повѣтрія, а повѣтрія—въ повальные моры.

У новгородцевъ была еще свѣжа память о страшной повальной „черной смерти“, которая меньше, чѣмъ два года назадъ, одновременно почти съ голодомъ, косила ихъ. Мать Добрыни, собственно, и умерла отъ этой болѣзни. Смерть ея была ему памятна. Поэтому едва онъ прослышалъ о нѣкоторыхъ случаяхъ хвори и смерти, какъ будто похожихъ на хворь и смерть его матери, онъ подумалъ, что надо увозить свое молодое счастье изъ Новгорода.

Дѣдушка Олекса, который именно и не пускалъ ихъ до сихъ поръ въ усадьбу, думая, что Оленя (онъ такъ прозвалъ внука, соединивъ въ этомъ ласкательномъ имени звуки именъ своего и своей дочери) еще не выдержитъ тяжелыхъ тогдашнихъ условій пути, былъ несовсѣмъ не правъ. Но Добрыня рѣшилъ, наконецъ, ѣхать. Отъѣздъ былъ назначенъ черезъ пять дней послѣ того, какъ маленькому Оленѣ минетъ ровно 4 мѣсяца.

Иворъ уже нѣсколько дней былъ на охотѣ съ княземъ Мстиславомъ. Вернувшись передъ вечеромъ на Прусскую улицу, какъ разъ на завтра послѣ этого мѣсячнаго дня рожденія Олены, онъ узналъ отъ нѣсколько испуганной челиди, что управитель Олекса у дочки, которой еще съ позавчера больно занедужилось. Иворъ озабоченно нахмурился и рѣшилъ, немного отдохнувъ, идти на Людинъ конецъ къ Данславичамъ. Онъ усталъ отъ „полеванія“ и, одѣвшись въ домашнюю „мятель“ изъ мягкой шерстяной матеріи, собрался прилечь на лежанкѣ. Вдругъ въ горницу, гдѣ онъ былъ, почти ворвался Добрыня, держа на рукахъ что-то завернутое въ мѣхъ. На немъ лица не было.

— Бояринъ! бери! въ усадьбу вези! Нонѣ же вези! Спаси мнѣ хоть сына!—закричалъ онъ, увидѣвъ Ивора.

Закричалъ и маленький Оленя (это онъ былъ заку-

танъ въ мѣхъ), котораго выхватили изъ рукъ его отца Иворъ. То былъ звонкій, сильный дѣтскій крикъ. Крикъ Олены всегда радовалъ Ивора. — „Лихо будетъ въ бою кличи выкликивать!“ — говорилъ бояринъ-воевода, слушая воли крѣпкаго ребенка. Но теперь было не до того. Онъ схватилъ Оленю, зажалъ ему ротъ и, едва удерживая ребенка, который брыкался, съ ужасомъ смотрѣлъ на Добрыню, не понимая еще въ чемъ дѣло.

— Слушай, бояринъ! — рѣзко, отрывисто говорилъ Добрыня, блѣдный какъ спѣгъ, — позатретьёвось занедужила Олена. Въ голову ей ударило. Ослабла. Жалуются мнѣ: — „Что это ровно разбило меня всю!“ Ну, думаю, переможеться. Липовымъ цвѣтомъ напоилъ ее. Въ баню хотѣлъ вести, попарить. Полежи, говорю, пока. А у самого въ груди ровно что оборвалось. Вчерась утромъ говорить она мнѣ: „глянь-ко, что это у меня подъ-мышкой“. — Ничего, говорю. Будто только чуть-чуть покраснѣло. — „Больно“, говоритъ. Смотрю—начинаетъ ее жаромъ палить. Да вдругъ какъ вспомню: матушка тоже перво-на-перво на подмышку жаловалась, — ровно оледенѣлъ я. Пойду, говорю, Олена, молебень отслужу. Поможетъ, молъ, Господь Батюшка. — „Ступай“, говоритъ. Забѣжалъ я за Олексой Ондриичемъ, послалъ его къ ней, а самъ на конѣ въ Хутины, къ гроднику. Десять верстъ проскакали, какъ не видалъ. Молебень-то дошѣли, а у меня ровно ногъ нѣтъ. Стану на колѣни-то, а подняться не въ мочь. Сталъ самъ пѣть молебень съ попомъ, обучень пѣть и матушкой стихирамъ-то этимъ. Ну, пою, пою, а на глазахъ, слышу, слезы. Полегчало мнѣ. Поскакалъ домой. А тамъ ничего, лежитъ она. Олекса Ондриичъ сидитъ. Только жаромъ ее палить. А я про подмышку и спросить боюсь. Рассказалъ ей, какъ пѣлъ да плакалъ за молебномъ. Она слушаетъ, да улыбается таково жалостно... Посидѣлъ я около нея. Опять липоваго цвѣту далъ. Брусничкой моченой голову обложилъ. А дѣдушка внукомъ занялся. А тутъ и ночь. Полегли мы. Дѣдушка у насъ ночевать остался. Только не спитесь мнѣ. Вдругъ, слышу, зоветъ она меня. — „Пощупай ты, говоритъ, у меня подъ-мышкой. Ровно орѣхъ тамъ“. Похолодѣлъ я: то же и матушка покойная говорила... Сунулъ руку-то подъ-мышку, а она какъ застонетъ, Оленушка-то... а тамъ и вправду ровно большой плоской орѣхъ. Вскочилъ я какъ полоумный! Помню про матушку-то. Разбудилъ дѣда. Сторожи, молъ, дочь, а самъ ночью-то на коня, да въ нѣмецкій дворъ. Какъ я себѣ головы не сломалъ, лечу въ темнотѣ, псы за мной такъ и рывкаютъ. И коня не осѣдлалъ, узду только надѣлъ. Прискакалъ къ нѣмецкому двору, давай въ ворота колотить. Съ коня-то соскочилъ. А псы-то эти нѣмецкіе на меня: ровно волки. Вижу — загрызутъ. Ухватилъ одного подъ глотку—задушилъ. Другого промежъ глазъ кулакомъ—повалился и тотъ. А тутъ, слышу, нѣмцы къ воротамъ бѣгутъ. Кричу имъ: „лѣкаря, нѣмцы! а то дворъ подожгу“. Слышу, зашумѣли во дворѣ за воротами, отворили калитку. Вылѣзъ нѣмецъ, а у самого топоръ въ рукахъ. — „Ну, я, говоритъ, лѣкарь—чего тебѣ?“ — Ахъ, говорю, лѣкарь, никакъ черная смерть у жены. Садись со мной на коня.—А онъ на собаку нальхъ смотритъ да дивится. Только какъ услышалъ про черную смерть—всположился. Полѣзъ со мной на коня. Ухватилъ я его, держу. Поскакали мы. Дорѣгой я ему все обсказалъ. Понимаетъ онъ по-нашему—лѣтъ 20 въ Новгородѣ. А вошли мы къ Оленѣ въ свѣтлицу—и такъ и ахнулъ. Лежитъ она, и ужъ ничего не помнитъ.

Вокругъ глазъ красно. Личико-то у ней ровно обгрызли. А по всему тѣлу ровно блохи накусали. Смотритъ она, глаза такъ и блестятъ, а ровно нѣту въ нихъ смысла-то... Посмотрѣлъ нѣмецъ, позеленѣлъ точно.— „Черная смерть, говорить... Нечего, говорить, лѣчить — двухъ дней, говорить, не проживеть. Отпусти, говорить, меня“. А самъ пятится. Какъ замахнусь я! Вышибъ его изъ двери на улицу, смотрю, упалъ старикашка, но вскочилъ, побѣжалъ, а я къ Оленѣ. Стою передъ ней, да руки ея ловлю! А пальцы-то ужъ синіе... И вся-то она синѣть начала... Дѣдушка скрючился на полу, да тихохонько и плачетъ. А тутъ разсвѣтъ въ окна. А я стою, стою, да и заговорю съ ней: — Оленушка, молю, Оленушка! — Слышу, заговорила и она. — „Русалка, говорить, я, а ты Садко гость, а онъ царь морской — на Олексу-то Ондreichа показываетъ... — Помнишь, говорить, напелъ ты меня на водѣ?..“ Вижу, не въ себѣ говорить. Вскочилъ я опять. Схватилъ ларецъ съ гривнами подъ мышку, опять на коня, опять въ Хутынъ, въ обитель. Прискакалъ, сую имъ ларецъ, а самъ, ровно полумный, кричу: стройте иноки храмъ Спасу Новгородскому. Всѣ деньги вамъ отдаю. Сбейте всѣхъ каменщиковъ. Пусть въ одинъ день выстраютъ. А то не проживетъ моя Олена! Побѣжали иноки за каменщиками. А я опять молебны, стихиры съ попомъ пѣть. Ползаю въ храмъ-то по полу, а слезы такъ и текутъ, мочать полъ-то. А потомъ вскочилъ опять на коня, домой... Прискакалъ. Пусто въ домѣ. Челядь въ одрины пряталась. И Оленьку бабы туда унесли. Прослышали про лѣкарево-то слово. Лежитъ въ домѣ Олена одна. Дѣдъ только съ ней. Сидитъ онъ на полу, молитвы бормочетъ, да плачетъ. А она, почитай, ужъ совсѣмъ синяя... въ пятнышкахъ, въ пятнышкахъ вся... Отъ блохъ, отъ блохъ ровно. Поплевать ей охота — кровка на губахъ. Ужъ и изъ носа сукровица пошла. И все она не въ себѣ. Головою мотаеъ, глухо такъ, неясно говорить. „Ты, говорить, не Садко гость, а ты, говорить, одурень, — а я, говорить, хоть и холопья дочь, а все же русалка — и воды-то, молю, воды-то сколько!..“ А я стою, смотрю на нее, слушаю и самъ не чую, бормочу: — Русалка, русалка ты моя!.. Да какъ повалюсь, да какъ зареву. А потомъ вскочу, да опять къ ней. А потомъ опять на коня, да опять въ Хутынъ... строятъ ли, молю, храмъ. А тамъ ужъ быть бутить, стѣны выводить. Да вдругъ смотрю я это на стѣны то эти, да какъ вспомню: А Оленя-то, молю, мальчикъ-то мой? — да на коня — да домой. Прямо во одрину челяди, вижу баюкаютъ его бабы. Схватилъ изъ зыбки, завернулъ въ лисью шкуру, — въ зыбкѣ для тепла лежала, — опять съ нимъ на коня и къ тебѣ, бояринъ. Прискакалъ да и вспомнилъ: на полеваніи ты. Да челядь твоя утѣшила. Приѣхалъ, молю. Только что разоболокел. Спаси, бояринъ, увези Оленю! Привязчива. Черная смерть. Будетъ моръ въ Новгородѣ!

И Добрыня во время своего долгаго, хотя и торопливаго разсказа, стоявшій на ногахъ, покачиваясь, какъ пьяный и ломая руки, упалъ на колѣни передъ Иворомъ. У него, очевидно, наболѣла въ душѣ жажда излиться, жажда пересказать другому все, что онъ такъ мучительно пережилъ, жажда столь свойственная наивнымъ, свѣжимъ натурамъ въ пору горькой невзгоды. Рѣчь его походила на бредъ, когда человѣкъ, переживая образы бреда, не можетъ удержаться, чтобы не говорить о нихъ, долго, горячо, беспорядочно. Иворъ ужъ давно рухнулъ, точно въ полномъ безуміи, на скамью, не замѣчая, что держитъ на рукахъ ребенка, который постепенно сперва затихъ, а потомъ и заснулъ.

— А теперь, теперь-то она?.. — могъ только беспорядочно пробормотать Иворъ.

— Лежитъ, синяя, не въ себѣ, — прохрипѣлъ Добрыня, не вставая съ колѣнъ и обводи потеряннѣмъ взгля-

домъ полъ. — Оленьку, Оленьку-то, бояринъ, увези! — опять повалился онъ головой на полъ.

— А ты то... Олекса-то? — бормоталъ Иворъ.

— Не отойдемъ мы отъ нея, не отойдемъ отъ нея. Говорилъ я ему... не пойду, говорить. Пусть, говорить, беретъ черная смерть! Пусть и меня беретъ, пусть и меня, бояринъ! Вотъ Оленьку-то, Оленьку-то — на тебя его оставляю! — въ мучительной тоскѣ твердилъ Добрыня.

Иворъ какъ будто только сейчасъ понялъ его вполнѣ. Онъ вдругъ поднялся во весь ростъ и закричалъ въ дверь:

— Людишки! челядь!

Множество слугъ давно ужъ толпилось у входа въ горницу, взбудораженное необычайнымъ появленіемъ Добрыни и обрывками его рѣчи, долетавшими до нихъ. Долетѣли и слова: черная смерть. Лица у всѣхъ были блѣдны, глаза испуганы.

— Готовъ обозъ! Въ отчину ѣду! въ усадьбу! Не медля! Послать какую-нибудь бабу мнѣ! Ребенка кормить! Коли нѣтъ кормилки, молоко и соску сдѣлать! — приказывалъ на всѣ стороны Иворъ, не выпуская маленькаго Олена, который опять проснулся и опять плакалъ.

Челядь забѣгала, засуетилась. Всѣ сразу поняли, что бояринъ бѣжитъ въ отчину отъ черной смерти; во всякомъ проснулась надежда, что его тоже возьмутъ въ усадьбу и увезутъ отъ мора. А Добрыня вдругъ вскочилъ съ колѣнъ, вырвалъ сына изъ рукъ Ивора, впился въ его сморщившееся отъ плача красное личико долгимъ поцѣлуемъ, потомъ, опять отдавая ребенка, который захлебнулся въ безсильныхъ всхлипываніяхъ, Ивору, крикнулъ:

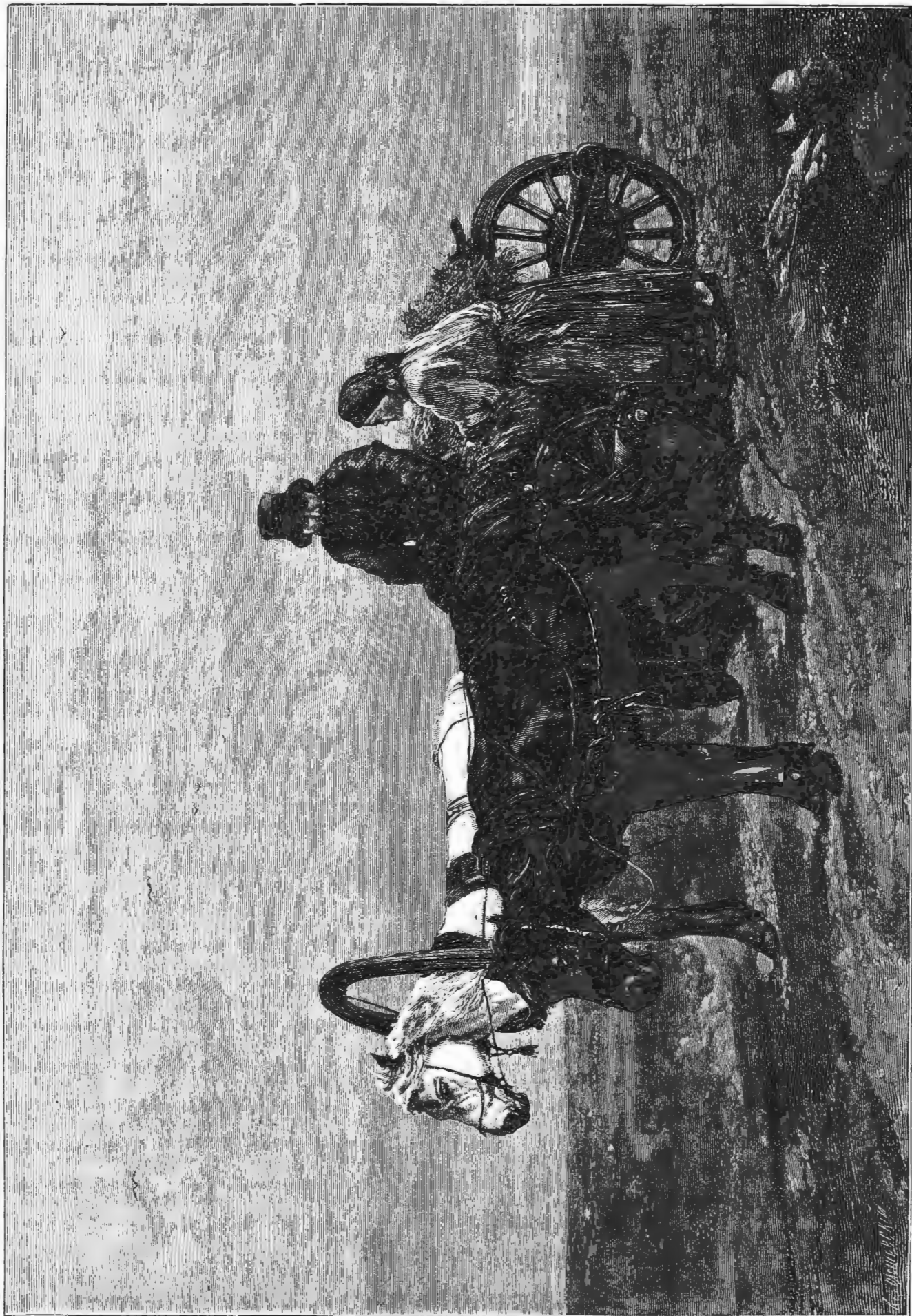
— Спасибо, бояринъ! Не забуду, коль живъ буду... А теперь къ ней, къ Оленѣ!

И онъ бросился вонъ на дворъ, гдѣ вскочилъ на своего измученнаго скачками и днемъ и ночью коня, который весь вздрогнулъ, когда Добрыня тронулъ его... И опять онъ мчался по улицамъ, какъ вихрь, на Людинъ конецъ къ умирающей женѣ. Когда онъ вѣхалъ на свою улицу, онъ замѣтилъ, что взволнованные улочане толпились и волновались, не подходя къ его дому. Вѣхавъ во дворъ, онъ бросилъ коня безъ привязи. Никто не вышелъ привязать лошадей. Она качалась и вся дымилась. Добрыня и не замѣтилъ этого. Онъ не подозрѣвалъ, что вся челядь разбѣжалась съ его двора.

Онъ вошелъ въ горницу, гдѣ лежала Олена. Но ея уже тамъ не было. Тамъ былъ Олекса, который теперь не плакалъ, сидя на полу, а водилъ потерянно совсѣмъ потухшими глазами и жевалъ старческимъ ртомъ, точно никакъ не могъ выплюнуть изъ этого рта что-то нестерпимо горькое. Тамъ, наконецъ, лежала женщина тихо и неподвижно, съ совсѣмъ чернымъ, какъ будто слегка вздувшимся, лицомъ — и такими же руками. Весенняя ранняя муха медленно ползла по ея раскрывшимся пепельно-темнымъ губамъ. Капли крови сохла въ углу этихъ губъ.

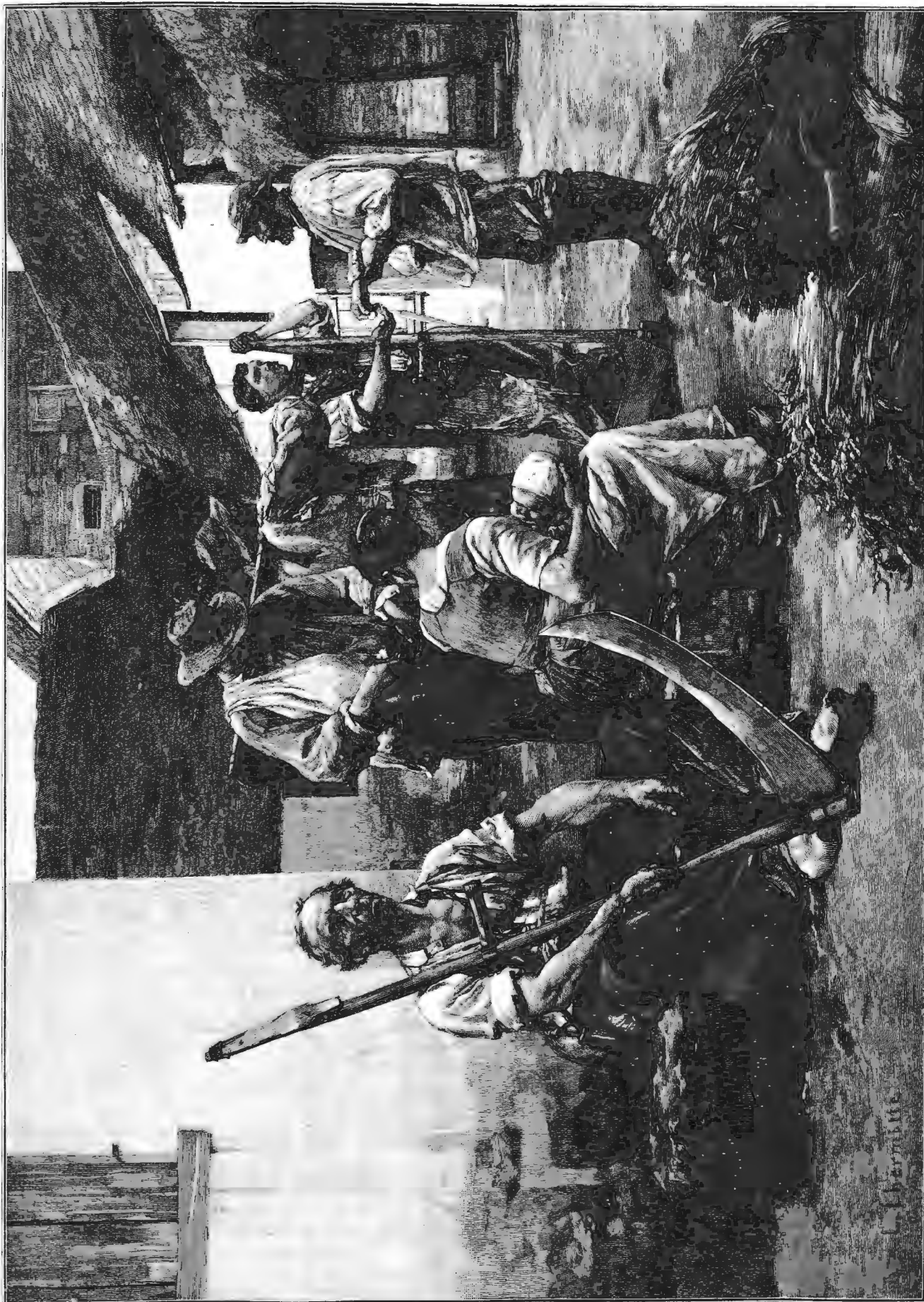
Добрыня остановился передъ тѣмъ, что еще нѣсколько мгновений назадъ было Оленой. Это конечно не она. Добрыня былъ странно спокоенъ. Онъ тихо смотрѣлъ на трупъ. Онъ отлично помнилъ лицо своей Оленушки, ясное, милое и постѣ материнства оставшееся какъ будто дѣвическимъ. То лицо все болѣе и болѣе вставало передъ нимъ теперь, точно желая закрыть собой это другое, черное, страшное.

И вдругъ острая боль молніей прошла по всему существу Добрыни. То, что въ его умѣ закрывало это темное мертвое лицо, уже не было лицо его счастливой хозяйки... — то было мертвенно-блѣдное лицо „русалки“, только что вытащенной имъ изъ воды и лежащей передъ нимъ на днѣ стараго ушка... Но

Дорожная встреча. Съ карт. баронессы Е. К. Врангель, гравир. К. Ольшевский.

Люксембургский музей. День расчёта. Сь карт. Л. Лерингта, грав. Шюблерь.

все понял, все вспомнил и, вскочив на ноги, закричал обрывающимся воплем:

— Оленушка, Оленушка!

— Олена твоя предстала предъ лицомъ Господа твоего. Не мятись, не вешцевай втуне! пути Господа неисповѣдимы, — не строго, но тихо и ясно сказалъ владыка, осѣняя Добрыню широкимъ, твердымъ крестомъ.

Добрыня на мгновение замеръ предъ Антоніемъ, потомъ вдругъ повалился передъ нимъ на колѣни и тихо, сильно зарыдалъ. Рыдалъ онъ долго, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, на полу у ногъ владыки. Антоній медленно, молча осѣнял его крестнымъ знаменіемъ. Мстиславъ стоялъ въ сторонѣ, угрюмый, съ понуренной головой. Онъ хмурился и гладил усы.

Наконецъ Добрыня затихъ, припавъ губами къ краю владычной рясы. Тогда владыка поднялъ его своей сухой, твердой рукою. Добрыня ловилъ его четки и цѣловалъ ихъ, поднимаясь съ полу.

— Умиралъ Господь твое сердце. Далъ слезамъ твоимъ силу дивную: въ воскрешеніе душу воскрешати и бѣса скорби обуздывати! — произнесъ тихо владыка, не снимая руки съ головы Добрыни, все еще склоненной передъ нимъ.

— Владыка! благослови меня въ чернецы, въ обитель, — трепетнымъ, полнымъ слезъ голосомъ сказалъ Добрыня.

— Молодъ, сыне. Князю своему нуженъ, сыну своему нуженъ. Божіе отъ тебя не уйдетъ, — говорилъ Антоній съ ласковымъ и какъ будто радостнымъ упрекомъ, — горе тебя въ обитель манить, а не духъ, Божіею правдою проникновенный.

— Погоди, погоди, Данславичъ! успѣешь, спасешься! А горе твое мы иначе уйдемъ. Слышно, нечистые венгры на мою вотчину Галичъ зубы точатъ. Пойду на нихъ ратью, тебя возьму. Размыкаемъ змѣю тоску удалю, ратной голубкою. Скоро Добрыня и въ походъ пойдемъ! — горячо сказалъ князь и, подойдя къ несчастному вдовцу, положилъ руку на его плечо.

Голосъ князя былъ глухъ и взволнованъ, но звучалъ одушевленіемъ, глаза его были, хотя и прищурены, но сверкнули какъ молнія.

— Княже! Владыка! — какимъ-то надорваннымъ стономъ вырвалось изъ глубины груди Добрыни: — не рати душа моя просить! Болитъ моя душа болью тяжелой.

Покаюсь вамъ! Убилъ я на Тунегѣ юношу-отрока суздальскаго — твоимъ бердышемъ, княже, убилъ!.. Является онъ мнѣ съ той поры. Лева мертвымъ увидѣлъ — явился онъ. Спасалъ жену, дѣвушкой, отъ потопленія, явился отрокъ, узрѣлъ ее мертвою — явился отрокъ. И не мало иначе являлся. Не подниметъ рука моя теперь оружія ратнаго. Послалъ мнѣ Господь испытаніе. Изболѣла моя удаля молодецкая... Разрѣши въ чернецы, благослови, владыко! — повалился онъ снова въ ноги Антонію.

— Посѣтило его душу нѣкое видѣніе, княже, — нерѣшительно началъ владыка, задумчиво перебирая четки.

— Данславичъ! — почти гнѣвно крикнулъ князь: — а сынъ твой, Олешекъ твой малый?!

— Поручилъ я сына, княже, боярину Ивору. Пуще меня соблюдетъ онъ Олѣню... Не гѣстунъ я сыну своему... Изболѣла моя любовь родительская! разрѣши, владыка, благослови въ чернецы! — и Добрыня снова земно билъ челомъ Антонію.

Владыка пересчиталъ всѣ темные шарики на своихъ четкахъ, потомъ твердо и спокойно обратился къ князю:

— Княже, перстъ Божій указываетъ ему. Намъ ли, человекамъ, соблазнять единаго отъ малыхъ сихъ, коли самъ Господь посылаетъ видѣніе, костенящее его руку ратную, посылаетъ и скорбь велию, мертвящую и заботу родительскую?

И Антоній долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ хмурые глаза Удалого.

— Твое дѣло, владыка, — сказалъ угрюмо Мстиславъ и, сдѣлавъ ему отрывисто низкій поклонъ, рѣзко пошелъ прочь изъ владычной хоромины.

Но Добрыня бросился къ нему.

— Княже, княже! — воскликнулъ онъ.

Мстиславъ остановился, опять положилъ руку на плечо своего несчастнаго дружинника, потомъ вдругъ, горько тряхнувъ головой, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ:

— Эхъ, Данславичъ! Богъ тебѣ судья. Я Его волѣ не супротивникъ! — и вышелъ изъ хоромины.

— Сынъ мой! Благословляю. Иди въ Антоніеву, ангела моего монашескаго, обитель, — сказалъ владыка, еще разъ осѣняя крестнымъ знаменіемъ Добрыню, который повалился опять ему въ ноги.

(Окончаніе будетъ.)

На Пескахъ.

Разсказъ А. Фромма.

На сѣверной окраинѣ хорошенькаго нѣмецкаго провинціального городка, на самомъ рубежѣ отлогого горнаго хребта справа, а слева — широкой равнины, тянется полоса совершенно несчастной почвы; трудно даже повить, какимъ образомъ эта сухая, безплодная полоса устроилась какъ разъ посрединѣ пышныхъ поёмныхъ луговъ, со стороны рѣки, и богато зрѣющихъ нивъ, золотистыми волнами взбѣгающихъ на горы, до опушки растущаго на вершинахъ лѣса. На этихъ „Пескахъ“ *) ютится одна бѣднота; обь этомъ ясно свидѣлствуютъ жалкія, полуразвалившіяся лачужки.

На томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній убогій домишко словно весь проваливается въ песокъ, простой дощатый заборъ огораживаетъ почти квадратный участокъ земли. Это — недавно устроенное кладбище для бѣдныхъ. На немъ видно пока еще немного рядовъ полуразвалившихся могильныхъ холмиковъ; кое-гдѣ видѣется на холмикѣ вѣшокъ изъ плота, убранный разноцвѣтными бузавными цвѣтами. Быть погребеннымъ на Пескахъ считается въ городѣ еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ жить на нихъ, и многіе бѣдняки подолгу отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы только эконоитъ извѣстную сумму, которая дастъ имъ и ихъ семьямъ возможность избѣжать позорнаго погребенія на Пескахъ. И никакія увѣщанія не помогаютъ: ни духовныя лица, ни свѣтскіе друзья бѣдныхъ не могутъ побороть этотъ предрасудокъ; кладбище для бѣдныхъ остается въ глазахъ населенія мѣстомъ позорнымъ.

Если встать лицомъ на юго-востокъ отъ этого проклятаго мѣста, въ глаза сейчасъ же бросится, по ту сторону городскихъ домовъ, куполь Марининской церкви, стоящей на холмѣ

*) Какъ это было еще не такъ давно и въ Петербургѣ.

и вздымающейся надъ вершинами густыхъ деревь. Вокругъ нея, по склону холма, стелются могилы Марининскаго кладбища, самаго большого и самаго стариннаго въ городѣ. И на немъ есть полуразрушенныя могилы, но большинство гробницъ сохранилось очень тщательно; многіи изъ нихъ окружены рѣшетками, а на золоченыхъ крестахъ и огнилованныхъ мраморныхъ плитахъ читаешь надписи съ именами людей, покоящихся здѣсь вѣчнымъ сномъ. Встрѣчаются и великолѣпные семейные склепы; одинъ изъ нихъ въ особенности выдѣляется строго выдержаннымъ благородствомъ стили: ни золота, ни какихъ-либо вычурныхъ украшеній; но зато портитъ выведенъ съ такою строгостью, что, кажется, можетъ простоять вѣчность; и въ самомъ дѣлѣ, склепъ этотъ относится къ такимъ временамъ, о которыхъ помнятъ лишь немногіе старожилы.

„Гробница семейства Эггератъ“, — прочелъ какой-то господинъ среднихъ лѣтъ. — „Она тутъ же, поблизости, гдѣ-то и живеть, какъ мнѣ говорили: Марининская улица, домъ восьмой“...

Онъ спустился по дорожкѣ къ восточнымъ воротамъ кладбища и вышелъ въ узенькій переулокъ, тѣсно застроенный маленькими домишками. Вотъ онъ остановился передъ однимъ изъ нихъ, самымъ плохенькимъ.

— Здѣсь живеть госпожа Эггератъ?

— Да, пожалуйста съ чернаго хода по лѣстницѣ, — отвѣчала женщина, сидѣвшая на порогѣ дома, и кивнула головой по направлению, куда слѣдовало идти.

Лѣстница, единственная въ домѣ и ведшая прямо подъ крышу, была и узка, и крута; гонимыя ступени подозрительно поскрипывали подъ ногами посѣтителя. Наверху, на маленькой площадкѣ, сидѣла на скамеечкѣ какая-то старушка и ста-

рательно чистила и разрѣзала рѣпу, ломтики которой тотчас же бросала въ стоявшій на полу горшокъ.

— Миѣ бы хотѣлось видѣть госпожу Эггерать, — обратился къ ней господинъ.

Старушка вопросительно вскинула на него быстрыми, темными глазами.

— Это я и есть, — спокойно произнесла она, поднялась съ мѣста, скинула съ себя грубый фартукъ и отворила дверь. — Войдите, пожалуйста.

Маленькая комнатка, куда вступилъ незнакомецъ, была убрана крайне бѣдно. Узенькая кровать въ углу, хромоногий столъ у окна, два соломенныхъ стула да маленький шкапчикъ — были бы на мѣстѣ въ самой убогой обстановкѣ. Что однако нисколько не паниковало о такомъ жильѣ, — такъ это чистый, свѣжій воздухъ, наполнявшій комнатку; да и въ самой хозяйкѣ, во всей ея фигурѣ, несмотря на ея темное ситцевое платье самаго простого покроя, несмотря на ея поглубинный отъ работы руки, чувствовалось какое-то особенное благородство. Любезно предложивъ гостю стулъ, она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

— Миѣ хотѣлось бы прежде всего привѣтствовать васъ, какъ родственницу. Я — Куртъ Вердеръ. Матушка моя — урожденная Рамзай, двоюродная сестра ваша.

— Клементина Рамзай, — перебила его старушка и усѣлась рядомъ съ нимъ. — Да, да, мы считались двоюродными сестрами, хотя родство и было немпожко отдаленное. Во всякомъ случаѣ, моя мать была тоже рожденная Рамзай. Ну, какъ же ваша матушка поживаетъ? Давно, ужъ сколько лѣтъ и о ней ничего не слыхала.

— Благодарю васъ; свѣжа и бодря, какъ дай Богъ всякому въ ея годы. Она шлетъ вамъ самый сердечный поклонъ. Она часто вспоминаетъ о васъ и о томъ времени, когда жила здѣсь.

— Вспоминаетъ? — живо переспросила старушка. — Какъ я этому рада! Если намъ пришлось разстаться... то такъ ужъ устроилъ Божій мѣръ. Значитъ, она не забыла обо мнѣ?

— Конечно; она мнѣ поручила даже справиться у васъ, помните ли вы еще ваши общія прогулки въ лѣсъ.

Эггерать весело разсмѣялась.

— Она, должно-быть, все такая же, по старому: добрая, но бѣдовая Клементина! Знаете ли, племянникъ, я вамъ по правдѣ скажу: я увѣрена, что сойдясь мы опять вмѣстѣ, матушка ваша да я, сейчасъ же, съ перваго же мгновенія такими же подружками стали бы, какъ прежде. А это самое главное. Ахъ, добрая моя Клементина!

Казалось, она видѣла ее теперь предъ собою.

— Меня очень радуетъ, — проговорилъ Куртъ Вердеръ: — что и у васъ сохранились о моей матери такіи теплыя воспоминанія. Миѣ будетъ легче теперь говорить о томъ, что привело меня сюда, такъ какъ просьба моя къ вамъ живо поддерживается и матушкой.

— Ко мнѣ просьба? Это любопытно!

Вердеръ еще разъ внимательно окинулъ взоромъ комнату и началъ:

— У насъ, въ N., — онъ называлъ одинъ изъ крупныхъ западныхъ городовъ: — уже съ давнихъ лѣтъ существуетъ Рамзаевское учрежденіе для недостаточныхъ престарѣлыхъ дамъ, въ которомъ имъ дается уютное, хорошее помѣщеніе и вполне приличное содержаніе. Каждая дама имѣетъ свою отдѣльную небольшую квартирку; лѣтомъ къ общимъ услугамъ садъ, а зимою — большая зала для общаго же пользованія. Всѣ живущія въ этомъ домѣ чувствуютъ себя прекрасно. Само собою разумѣется, что при приемѣ предпочтеніе прежде всего отдается лицамъ, состоящимъ въ какомъ-нибудь родствѣ съ учрежденіемъ его. Въ настоящее время тамъ освободилась одна вакансія, и вотъ мы... то-есть матушка и я... мы и подумали, что вѣдь вы находитесь въ возрастѣ уже преклонномъ... ну, и... знаете... обезпеченный уголъ... сосѣдство съ подругой дѣтства... никакнѣхъ заботъ...

Онъ совершенно сконфузился. Старушка сидѣла передъ нимъ такъ прямо, смѣло, съ такимъ очевиднымъ сознаніемъ своего превосходства надъ окружающею нищетою, что онъ еще болѣе смутился, покраснѣлъ и замолчалъ. Но она вывела его изъ смущенія.

— Не стѣсняйтесь, не стѣсняйтесь, — весело проговорила она. — Миѣ дѣйствительно семьдесятъ восемь лѣтъ, а что я чуть не нищая, такъ это вы своими глазами видите. Я молю Бога лишь объ одномъ, чтобъ миѣ не стать въ тягость другимъ. Ваше предложеніе очень мило и очень любезно; отъ всей души благодарю за него и васъ, и вашу матушку; но я никакъ не могу принять его.

— Вы вѣрно боитесь далекаго пути? — спросилъ онъ. — Но если вы позволите, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Это миѣ не помѣха, — отвѣчала она: — но... благодарю васъ, я не могу отсюда уѣхать.

— Но подумайте же: вѣдь вамъ здѣсь собственно нечѣмъ дорожить. Тамъ же у васъ будетъ моя матушка, а для нея — повторю это вамъ — не можетъ быть, въ ея преклонномъ возрастѣ, болѣе радости, какъ видѣть васъ около себя. Вѣдь здѣсь, насколько я знаю, вы совершенно одиноки.

— Совершенно одинока, — спокойно подтвердила она. — Впрочемъ, не хочу быть неблагодарной... У меня есть одинъ другъ. Онъ служилъ еще у моего отца; онъ такъ же бѣденъ и почти такъ же старъ, какъ и я. Но не это меня удерживаетъ, а вотъ, посмотрите-ка туда, — указала она рукой въ раскрытое окно. — Что вы тамъ видите?

— Маринское кладбище.

— Конечно; ну, а вонъ тамъ, направо? Это куполъ нашего склепа.

— Да, я его уже видѣлъ передъ приходомъ сюда.

— Тамъ я хочу быть похороненной, — сказала старушка и быстрымъ, какъ молнія, взглядомъ вскинула сначала на гостя, а потомъ опять туда, за окно. — Это единственное желаніе, которое у меня еще есть. Отъ прежняго нашего фамильнаго блеска не осталось ничего. Тамъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нашъ домъ, устроена теперь придельная фабрика; да если бы онъ даже и сохранился, миѣ все-таки не было бы въ немъ мѣста. Ну, такъ ужъ если я не могла жить попрежнему, то хотя въ могилу хочу сойти такъ, какъ сходили всѣ Эггераты; да, я хочу этого. Въ склепѣ нашемъ какъ разъ сохранилось еще одно мѣсто — единственное мѣсто во всемъ мѣрѣ, на которое и имѣю право, и я не позволю никому лишитъ меня его. Если я говорю, что я нищая, — продолжала она, все болѣе оживляясь, и морщишистыя щеки ея покрылись румянцемъ: — то это не вполнѣ вѣрно. Все, что я успѣла скопить за долгие годы, положено мною въ сберегательную кассу; и этого хватить на мое погребеніе. Меня не станутъ хоронить, какъ полунницю, хотя большую часть жизни я и бѣдствовала; нѣтъ, меня похоронятъ, какъ подобаетъ члену семейства Эггератовъ: на большихъ дрогахъ, въ дубовомъ гробу съ серебряными украшеніями, какъ и всѣхъ моихъ родственниковъ. Послѣ смерти отца никто еще не дожилъ въ нашъ фамильный склепъ; и если ему придется теперь открыться въ послѣдній разъ, то послѣдняя представительница фамилии не оспоритъ его; я войду въ него со всѣми почестями.

Вердеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту маленькую, хрупкую, нѣможденную старушку. Онъ видѣлъ, что рѣшеніе ея ненамѣнно. Онъ почтительно поцѣловалъ руку старушки, которая, высказавшись вполнѣ, опять вернулась къ своему спокойному тону. Поручивъ ему передать много поклоновъ своей милой Клементинѣ, она тихо и добродушно отпустила гостя.

По уходѣ его она снова принялась за свое прежнее занятіе, приготовила обѣдъ, поѣла, отдохнула съ четверть часа, посидѣла на стулѣ, и, надѣвъ большіе очки въ роговой оправѣ, занялась починой платя. Не успѣла еще она окончить работы, какъ на лѣстницѣ снова раздался скрипъ, и кто-то тихо по наступалъ въ дверь.

— Можно! — весело отвѣчала она на стукъ, узнавъ гостя по походкѣ.

Дверь отворилась, и на порогѣ появился сѣденькій, сторбленный старичокъ, очень бѣдно одѣтый.

— Добрый вечеръ, барышня! — привѣтствовалъ онъ ее. — Я вамъ ведро воды принесъ; думалъ: можетъ-быть, вамъ еще понадобится.

— Спасибо тебѣ, Баснеръ, — отвѣчала Эггерать. — Садись-ка. Только зачѣмъ же ты самъ трудился? Вѣдь тебѣ, голубчикъ, это тяжело. Виучка твоя, навѣрное, охотно сдѣлала бы это за тебя.

— Нельзя сегодня Маріи изъ дому выйти, — отвѣчала Баснеръ, садясь на стулъ въ почтительномъ разстояніи отъ барышни. — Около матери быть надо; той сегодня что-то опять очень плохо.

Оба оставались нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи. Она, поверхъ своего шитья, глядѣла въ окно, туда, на свое любимое мѣсто, а Баснеръ сидѣлъ, понуривъ голову и сложивъ руки, ладонями другъ къ другу, между колѣнъ.

— Подумай-ка, Баснеръ, — начала, наконецъ, Эггерать съ легкой улыбкой: — какой у меня сегодня неожиданный гость былъ.

— Гость? — вскинулъ на нее глазами старикъ, не мѣняя своего положенія.

— Да. Родственникъ одинъ издалика пріѣхалъ. Слышь бышей Клементинъ Рамзай. Помнишь ее?

— Этого дикаго шмели, какъ ее звали? — ухмыльнулся онъ. — Конечно!

— Она теперь, конечно, тоже старухой стала, а обо мнѣ все-таки не забыла. Ея сынъ и пріѣхалъ ко мнѣ съ предложеніемъ отъ нея и отъ своего имени... Да, Баснеръ, не догадаться тебѣ, что это за предложеніе. Миѣ стонитъ только «да» сказать, и до послѣднихъ дней своихъ проживу я въ довольствѣ и радости. Для этого миѣ нужно только уѣхать отсюда.

— Ну, и что же? — съ напряженнымъ вниманіемъ спросилъ Баснеръ.

— Я показала ему видъ изъ этого окна и объяснила, почему послѣднія Эггерать не можетъ уѣхать отсюда. Онъ человѣкъ хороший, и сразу меня понялъ.

— Вотъ это правильно! — воскликнулъ старикъ и ударилъ себя по колѣну. — Это вашъ долгъ и передъ самими собою, и передъ покойными господами моими.

Но вдругъ на лѣстницѣ раздался чѣмъ-то торопливые шаги,

Лакомна. Съ карт. Т. Груста, грав. Бонгъ.

кто-то постучал въ дверь, и не успѣлъ еще послѣдовать отвѣтъ, какъ она полуоткрылась и изъ-за нея показалось свѣжее, красивое лицо какого-то юноши.

— Извините, барышня, — произнесъ онъ: — здѣсь Баснеръ? Ахъ, вотъ онъ! Баснеръ, меня Мари за вами послала. Матушкѣ ужь очень худо стало.

— Пойдемъ, пойдемъ, Фрицъ, — перебилъ его старикъ. — Добрый вечеръ, барышня!

— Добрый вечеръ! — отвѣчала Эггератъ нѣсколько озабоченно и протинула старику руку. — Завтра утромъ я зайду посмотреть, какъ у васъ обстоятъ дѣла.

На другой день она сдержала слово. Но, по приходѣ къ Баснерамъ, ей ничего больше не оставалось, какъ утѣшать убитыхъ горемъ старика и Мари, дочку покойной.

— Слово свѣчка догорѣла она, — рассказывала старикъ Баснеръ. — Царствіе ей небесное!

— Царствіе ей небесное! — повторила за нимъ старая барышня и, сложивъ молитвенно руки, молча остановилась на нѣсколько минутъ передъ покойницей. — Такъ, значитъ, въ четвергъ будутъ похороны? Я непремѣнно буду на похоронахъ, старый пріятель.

Въ среду утромъ, наканунѣ похоронъ, къ старой барышни приблизилась какая-то дѣвочка.

— Мари Баснеръ проситъ васъ придти поскорѣе, — заявила она, заплакавшись. — Она не знаетъ просто, что съ дѣдушкой дѣлать.

— Неужели и старикъ заболѣлъ? — съ испугомъ спросила Эггератъ. — Сейчасъ иду... иду...

Недалеко ей было идти до узкаго переулка, въ которомъ жили Баснеры. Въ тѣсныхъ сѣняхъ старушка встрѣтила блѣдную, плачущую Мари.

— Слава Богу, барышня, что вы пришли! Дѣдушка, кажется, совсѣмъ помѣшался.

И не успѣла она добавить слова, какъ дверь изъ комнаты вдругъ быстро растворилась, и на порогѣ показался старикъ Баснеръ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и пламенно горящими глазами.

— А, вотъ и вы явились! — дико вскрикнулъ онъ.

— Дѣдушка, да вѣдь это барышня!

— А, барышня!

Онъ повернулся и вошелъ эпитъ въ комнату, а Эггератъ послѣдовала за нимъ.

— Баснеръ, старый ты мой Баснеръ, что съ тобой случилось?

— Не посмѣютъ они снести ее туда, куда я живъ на свѣтѣ!

И старикъ ударилъ кулакомъ по столу,

— Сидь-ка, сидь-ка, Баснеръ, — спокойно уговаривала его старушка: — и я около тебя присяду. Ну, вотъ, теперь и рассказали мнѣ, что ты такъ шумишь, когда у тебя покойница въ домѣ? Вѣдь ты у нея покой огнизаешь!

— Я? Нѣтъ, не я! Другіе огнизаютъ у нея покой. На Пескахъ хоронятъ ее хотѣтъ! Да, на Пескахъ, а не на Аннинскомъ кладбищѣ, гдѣ и мать, и братья, и сестры ея лежатъ! Нѣтъ, на Пескахъ! — взмахнулъ онъ въ отчаяніи руками по воздуху и прижалъ ихъ къ глазамъ.

— Другъ ты мой! — попробовала успокоить его старушка, сразу повившая его волненіе. — Что же подѣлаешь? Вѣдь ты же не хуже моего знаешь, что на Аннинскомъ кладбищѣ давно ужь никого не хоронятъ, потому что мѣста тамъ больше нѣтъ.

— Мѣста нѣтъ?! — заревѣлъ вдругъ старикъ. — Что же, земля тамъ, что ли, такая неглубокая, что нельзя вырыть ямы для одного человѣка? Нѣтъ, она будетъ лежать на Аннинскомъ кладбищѣ. Только подойди ко мнѣ кто-нибудь, чтобы нести ее на Пески, такъ я гутъ же его задушу.

Старушка тихо положила свою руку на плечо старика Баспера.

— Баснеръ! Соберись съ духомъ и перенеси мужественно это новое горе. Подумай: вѣдь земля вездѣ Божія. Твоя Августа такъ же мирно будетъ покоиться на Пескахъ, какъ и на Аннинскомъ кладбищѣ.

Дикимъ взглядомъ окинула ее старикъ.

— И это вы говорите? — насмѣшливо произнесъ онъ. — А у кого единственная мечта и желаніе быть похороненной непремѣнно вмѣстѣ со своимъ? Кто самъ еще недавно говорилъ объ этомъ? Или вы думаете, что если вы благородная особа, а Августа была простая бѣдная женщина, такъ и послѣ смерти она не имѣетъ одинаковыхъ съ вами правъ? Всѣ вы таковы, благородные! Бѣдная женщина, — такъ и тащи ее на Пески! Только бы госпожу Эггератъ похоронить со всею торжественностью въ фамильномъ склепѣ!

— Бога ради, дѣдушка! Что вы говорите? — воскликнула въ ужасѣ Мари.

А старая барышня не произнесла ни слова, даже когда онъ умолкъ. Рука ея неподвижно лежала на колѣняхъ, а сѣдая голова низко-низко поникла на грудь.

— Мари, — тихо произнесла она наконецъ: — выйди отсюда ненадолго. Мнѣ надо съ дѣдушкой поговорить наединѣ.

— Баснеръ, — обратилась она къ старику, когда дверь за дѣдушкой затворилась: — ты жестоко поступилъ сейчасъ со

мною, но и съ тобой судьба обходится не ласково. Я хотѣла бы сказать, что прощаю тебѣ, но къ сожалѣнію... къ сожалѣнію, ты правъ, и мнѣ прощать тебѣ нечего. Ты поднесъ мнѣ зеркало, и посмотрѣла въ него и узнала себя. Такъ выслушай же меня теперь спокойно, а потомъ можешь поступить, какъ хочешь. На Пескахъ, рядомъ съ твоею дочерью найдется еще одно мѣсто; тамъ еще много свободныхъ могилъ. Что, если и пойду и куплю тамъ для себя мѣсто, рядомъ съ нею... ты слушай внимательно! — если и откажусь отъ мѣста въ нашемъ склепѣ и велю похоронить себя тамъ, на Пескахъ, около нея... Согласишься ты тогда, чтобы твоя Августа покоилась на Пескахъ?

Вначалѣ онъ еле прислушивался къ ея словамъ, но потомъ уставился на нее съ разинутымъ ротомъ и широко открытыми глазами, дрожа всѣмъ тѣломъ и тяжело дыша.

— Клянусь тебѣ, — добавила старушка: — что я отсюда же прямо пойду и устрою все дѣло.

Старикъ обѣими руками схватилъ ея руку и горько заплакалъ.

— Можно мнѣ сейчасъ идти, Баснеръ, да? — нѣжно спросила она.

Онъ крѣпко прижалъ ея руку къ своей груди, потомъ къ губамъ.

— Да, да... — задыхаясь, отвѣчалъ онъ. — Вы... рядомъ съ нею...

— Такъ завтра, передъ похоронами, мы увидимся, — сказала она и вышла изъ комнаты.

— Поди къ дѣдушкѣ, — сказала она, встрѣтивъ Мари. — Онъ теперь совсѣмъ успокоился.

— Ну, покойницу нашу мы похоронили, — говорила Эггератъ на другой день, сиди послѣ похоронъ у своего друга: — а теперь надо намъ подумать о живыхъ. Кстати, мѣстечко тамъ мнѣ очень нравится; пожалуй, легче спаться будетъ подъ такимъ песчанымъ холмикомъ, чѣмъ подъ тяжелыми каменными сводами. Теперь предстоитъ мнѣ еще одно дѣло. Не всѣ мои сбереженія ушли на покупку, а похороны съ дороги да со всякой пышностью, — на что они мнѣ? Пусть меня закроютъ похоронять, какъ и всѣхъ тамъ, на Пескахъ. Ну, а остальные деньги мои пусть получаютъ Мари и ея женихъ, Фрицъ. Имъ эти деньги нужны. Доброй ночи, милый, старый мой Баснеръ; пошли тебѣ Богъ такой же мирный сонъ, какимъ и буду спать. Да, вотъ еще что: если ты не хочешь меня серьезно разсердить, такъ никогда ничего не говори объ этой исторіи, даже со мною. Помни это, Баснеръ!

Сама она, во всякомъ случаѣ, никогда объ этомъ не заговаривала; трудно было замѣтить, думаетъ ли она даже объ этомъ. Попрежнему продолжала она сидѣть въ своей комнатѣ съ видомъ на фамильный склепъ, и съ мужественнымъ спокойствіемъ переносила всѣ невзгоды дряхлѣющей старости. Только въ одномъ отношеніи она рѣзко переизмѣнилась: прежде она была самой усердной посѣтительницей Маринскаго кладбища, а теперь не показывалась тамъ вовсе.

Впрочемъ, однажды она все-таки явилась на кладбище. Одинъ изъ могильщиковъ видѣлъ, какъ она угалыми, заплетаящимися шагами прошла къ своему фамильному склепу и долго оставалась тамъ. Помогъ тѣмъ же медленными, слабыми шагами ушла она обратно. Это былъ послѣдній ея выходъ изъ дома; на слѣдующее утро она уже не вставала съ постели, а черезъ нѣсколько дней она скончалась.

Похоронили ее, какъ она сама назначила, на Пескахъ, въ простомъ, безъ всякихъ украшеній, гробѣ. И все-таки похороны эти прошли съ необычайной торжественностью. Весь бѣдный людъ со всего города пришелъ отдать ей послѣдній долгъ. И когда надъ покойницей воздвигли могильный холмъ, весь онъ покрылся вѣнками, простыми, быть-можетъ, очень нестранными, безвкусными, но принесенными отъ души, любящею рукою.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды на кладбище на Пескахъ прѣхалъ какой-то изящно одѣтый господинъ.

— Гдѣ тутъ погребена г-жа Эггератъ? — обратился онъ съ вопросомъ къ могильщику, работавшему невдалекѣ отъ входа.

— Вонъ тамъ, пониже, направо. Вы сразу замѣтите; на ея могилѣ больше всего цвѣтовъ, — объяснилъ могильщикъ и все-таки послѣдовалъ за господиномъ, который быстро намель, что ему было нужно.

— Тутъ всегда такъ, — рассказывала ему могильщикъ. — Просто и не поймешь, откуда столько цвѣтовъ берется. Каждый бѣднякъ, какъ только заведется лишній грошъ, такъ сейчасъ же для старой барышни вѣнокъ покупаетъ; а кто этого не можетъ, тотъ лѣтомъ въ поле или въ лѣсъ идетъ и сама для нея вѣнокъ срываетъ. Многие изъ приносящихъ сюда цвѣты и не знали ея никогда; знаютъ только, что она добровольно завѣщала похоронить себя здѣсь, на Пескахъ, хотя на Маринскомъ кладбищѣ у нея былъ свой семейный склепъ.

— Онъ былъ ей дороже всего на свѣтѣ, — перебилъ могильщикъ господина. — Это я самъ изъ ея собственныхъ устъ слышалъ.

— Она всегда бѣдныхъ жалѣла, — продолжалъ могильщикъ: — ну, и бѣдные платятъ ей теперь тѣмъ же. Вѣдь она это кладбище почетнымъ считала; прежде за стыдъ считалось быть здѣсь похороненнымъ, а теперь считается

честью похоронить родственника тамъ, гдѣ лежитъ старая барышня.

Вердеръ долго простоялъ въ раздумьи надъ могилкою. Раньше онъ думалъ заказать у садовника роскошный вѣнокъ и привезти его сюда, а теперь радовался, что пришелъ съ пустыми руками. На могилѣ уже было лучшее, достойнѣйшее украшеніе, какое ей приличествовало.

Новая Калифорнія.

(Съ 4 рис. на стр. 1070, 1072 и 1073).

Всѣхъ къ золоту влечетъ,
И къ золоту все льнетъ.
„Фаустъ“, Гете.

Въ одномъ юмористическомъ англійскомъ журналѣ помѣщена была недавно интересная карикатура: изображены оба земныхъ полушарія, и отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, бѣгутъ люди по направленію къ сияющему солнцу, на которомъ начертано: „золото“. Лученосищающее свѣтло полнѣею на томъ именно мѣстѣ земного шара, которое оно меньше всего грѣетъ,—на крайнемъ Сѣверѣ, почти подъ полярнымъ кругомъ, на пустынномъ полуостровѣ Аляскѣ, омываемомъ Беринговымъ моремъ. Ближе всѣхъ къ этому „солнцу“ живутъ сѣверо-американцы, и они-то явились дѣйствительно первыми аргументами.

Аляска — новая Калифорнія, переименованная къ сѣверному полюсу. Несмѣтные богатства открыты въ золотосырыхъ горахъ и долинахъ рѣкъ этого суроваго края, и вѣсть объ этомъ мигомъ облетѣла и взволновала всю „страну долларовъ“. Америку охватила такая же страшная „золотая лихорадка“, какъ и полвѣка тому назадъ, когда Маршаллъ открылъ золото въ Калифорніи. Едва прошло двѣ недѣли съ того момента, какъ прибылъ съ золотоносныхъ долинъ р. Юкона въ портъ Сіэтль первый пароходъ „Excelsior“ съ первымъ грузомъ золота, и уже десятки тысячъ людей—рабочіе, купцы, фабриканты, банкиры (о голытьбѣ и говорить нечего)—охваченные золотымъ азѣотомъ, побросали свои дѣла и занятія, подчасъ солидными и прибыльными, и ликвидировавъ по ничтожной цѣнѣ все свое имущество, устремились въ невѣдомый, дальній край въ погоню за легкой наживой. Всѣ почти американскія газеты,—начиная съ выходящихъ въ Санъ-Франциско и кончая нью-йоркскими и монреальскими,—съ свойственнымъ имъ умѣньемъ ловить моменты, непрерывно стараются извлечь изъ этой зловѣстной какъ можно больше пользы для себя: всѣ они полны телеграфныхъ извѣстій изъ страны золота. Даже въ такихъ серьезныхъ газетахъ, какъ „New York Sun“, „New York Times“, ежедневно цѣлые столбцы посвящены „золотому“ дѣлу. Громадными, четкими буквами нестроятъ въ нихъ слова „Юконъ“, „Клондейкъ“ (притоки р. Юкона, на которомъ найдены главнѣйшія мѣсторожденія золота), заманчивые заголовки: „Изумительныя золотыя мѣсторожденія“, „Миллионныя золотыя россыпи“ разжигаютъ страсти населенія. На улицахъ, въ клубахъ, пивныхъ, винныхъ лавкахъ, всюду только и рѣчи о „золотѣ“ въ Клондейкѣ.

Словно буря пронеслась по всему Союзу, и чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ этотъ золотой вихрь сильнѣе и губительнѣе. Кромя Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфій, Бостона, Сентъ-Луи, Санъ-Франциско, даже крупнѣйшіе города центральныхъ земледѣльческихъ штатовъ непрерывно другъ передъ другомъ огораживаютъ ежедневно партіи золотоскателей до полутораста человекъ въ каждой. На всѣхъ пароходахъ, совершающихъ рейсы на Аляску, законтрагованы мѣста на цѣлый годъ впередъ, ежедневно организовуются компаніи, снаряжающія спеціальныя пароходы на Аляску и наживающія огромныя деньги. Многие соединяются въ группы и сообща приобретаютъ суда. Такъ, въ Цинциннати за одну ночь компанія изъ ста человекъ собралась сто тысячъ долларовъ, приобрѣла по телеграфу въ Санъ-Франциско пароходъ и тотчасъ же двинулась въ путь. Нѣтъ ни одной гавани вдоль всего берега Тихаго Океана, гдѣ бы не снаряжалось судовъ для отправки въ Аляску. Еще большая лихорадка охватила побережье самой Аляски. Портровой городъ Сіэтль, конечный пунктъ пароходнаго сообщенія съ Аляской, больше всѣхъ пострадалъ отъ золотой горячки—онъ почти вымеръ; изъ 35.000 жителей въ немъ не осталось и 5.000; не только частныя лица, но вся полиція и пожарная команда забыли свой служебный долгъ и кинулись въ Клондейкъ, въ золотосырыя горы.

Единственное, что сдерживаетъ этотъ бурный потокъ алчности, эту „аигі саграм fatem“, это — дальность растоянія и невѣроятныя трудности пути. Эти двѣ причины, въ связи съ суровостью климата и полнымъ отсутствіемъ на мѣстѣ жваненныхъ приисловъ, уже нѣсколько лѣтъ удерживали очень многихъ отъ путешествія въ Аляску, гдѣ богатыя золотыя мѣсторожденія найдены еще въ 1892 году. Первыми открывшими эти золотыя мѣсторожденія въ прошломъ году были Джорджъ Макъ-Коркекъ и Робертъ Гендерсонъ, долго державшіе это тайну.

Вообще нужно сказать, что весь скалистый край вдоль побережья Тихаго океана, начинающій отъ Южной Америки, по всей

„Нужно только крестъ съ ея именемъ поставить, и больше ничего“,—рѣшилъ онъ.

Онъ обернулся на сѣверо-востокъ. Тамъ, подъ сѣнью деревъ, покоились въ своемъ роскошномъ склепѣ Эггераты. Но трогательнѣе и свѣщеннѣе показалась ему эта песчаная могила послѣдней изъ Эггератовъ.

Мексикѣ, Калифорніи, Орегону и вплоть до „ледника Соединенныхъ Штатовъ“ — Аляски, представляетъ сплошь золотыя россыпи. всюду тамъ находятъ этотъ благородный металлъ, но не вездѣ стоитъ его добывать. Золотоискатели уже давно рыщутъ тамъ въ горахъ; тамъ дѣйствуютъ даже спеціальныя компаніи для добычи золота, но только рѣдко послѣдніи превышаютъ обычную норму.

На Аляскѣ же золотыя мѣсторожденія давно отличались своимъ исключительнымъ богатствомъ. На минеральныя богатства Аляски указывали многие путешественники и геологи, начиная съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, но всѣ эти несмѣтныя сокровища лежали тамъ втѣчѣ, такъ какъ были почти недоступны.

Нужно знать тамошніи климатическія и географическія условія, чтобы понять этотъ продолжительный подневольный индифферентизмъ золотоскателей къ Аляскѣ.

Этотъ громадный полуостровъ, занимающій поверхность въ полтора милліона километровъ, слѣдовательно, равный по размѣрамъ Германіи, Франціи, Англии, Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи, взятымъ вмѣстѣ, ограничивается на сѣверѣ и западѣ двумя океанами — Ледовитымъ и Тихимъ, а на югѣ и востокѣ — Британскою Колумбіей, входящей въ составъ Канады. Въ настоящее время Аляска принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, а раньше, до 1867 г., принадлежала Россіи, продавшей ее Америкѣ поспѣши за „чечевичную похлебку“—за семь милліоновъ долларовъ. Слѣды недавняго русскаго владычества сохранились на Аляскѣ и нынѣ. На ней трудился много лѣтъ знаменитый архимандритъ, просвѣтитель алеутовъ Иннокентій, память котораго чествовали недавно по поводу исполнившагося столѣтія дни его рожденія. Главная гавань Аляски, Ситка (Ново-Архангельскъ), изображена у насъ и куполами своей церкви напоминаетъ, что когда-то это былъ уголокъ Россіи, лишившейся теперь несмѣтныхъ богатствъ (рис. на стр. 1073).

Природа Аляски поражаетъ своимъ суровымъ величіемъ, необятной длиною и шириною рѣкъ, высотой горъ, достигающихъ 5000 метровъ. Въ суровомъ безмолвіи громаздятся другъ на друга обледѣлыя горныя великаны, и выше всѣхъ устремляется въ сумрачное небо вся обтаята льдами гора св. Іліи на берегу Тихаго океана. Съ этой горы начинается граница между Аляскою и англійскою Канадой. Только пушиной звѣрь рыщетъ въ изобиліи въ этомъ пустынномъ краѣ, застуженномъ полярнымъ дыханіемъ океана, но на всѣхъ этихъ соболей, горностаевъ, бобровъ, лисичъ и куницъ почти нѣтъ тамъ охотниковъ, всѣ эти богатства пропадаютъ наравнѣ со скрытыми въ недрахъ земли и подъ ледянымъ покровомъ рѣкъ.

Рѣка Юконъ, самая большая рѣка не только на Аляскѣ: она — одна изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ, значителѣе больше Дуная, вдвое длиннѣе Рейна, количество же протекающей въ ней воды больше даже, чѣмъ въ Миссисипи. Начинается почти на 60-мъ градусѣ сѣверной широты въ Канадѣ, широкою лентою протекаетъ она по всей Аляскѣ, раздѣляя ее почти на двѣ равныя части, и затѣмъ, промчавшись 3½ тысячами километровъ, впадаетъ въ Берингово море. Въ средней своей части она протекаетъ нѣсколько сотъ километровъ у самой пограничной линіи Аляски, по территоріи Канады, и это-то странство и образуетъ золотосырный районъ Клондейкъ, привлекшій къ себѣ теперь вниманіе всего свѣта. Этотъ обширный районъ, расположенный по притокамъ Юкона, рѣкамъ Клондейкъ, Ствартъ и Пелли представляетъ площадь въ 100,000 километровъ, наполненную золотомъ.

Пограничное положеніе этой области вызвало уже споръ о правѣ собственности на нее между Соединенными Штатами и Канадой, и послѣдняя съ присущей англичанамъ безперемонностью и стремительностью, не ожидая разрѣшенія вопроса о правильности своихъ притязаній и соответственнаго разграниченія земель, захватила пока мѣста богатѣйшихъ золоторожденій.

Канадское правительство приняло, впрочемъ, уже навѣстныя мѣры къ водворенію своего вліянія въ этой новой Калифорніи. Такъ, оно устроило два своихъ форта на р. Юконѣ, которые вмѣстѣ съ прежде основаннымъ городкомъ Сиркль-Сити, служатъ пока единственными населенными центрами въ этой ледяной пустынѣ. Сиркль-Сити былъ до послѣдняго времени крупнѣйшимъ пунктомъ золотыхъ россыпей, разрабатываемыхъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ долинахъ многочисленныхъ притоковъ рѣки Юкона. Теперь на

Судьба первого воздушного шара. По рисунку А. Вальда, грав. Пэне.

Каракаль, отстаивающий свою добычу отъ шакаловъ. Рис. и грав. А. Шпехтъ.

ряду съ нимъ возникъ другой „золотой“ центръ, Даусонъ-Сити — въ 300 миляхъ отъ Сиркль-Сити (вверхъ по р. Юкону). Даусонъ-Сити самый близкій населенный пунктъ къ Клондейку и основанъ самими золотоискателями.

Произвольныя дѣйствія канадскаго правительства никакъ не сдѣлались до послѣдняго времени, такъ какъ на всю эту долину Соединенные Штаты не обращали до послѣдняго времени никакого вниманія и даже не имѣли тамъ своего представителя. Находясь лишь подъ номинальнымъ управленіемъ федеральнаго конгресса, весь Клондейкъ представляетъ оригинальную картину своеобразнаго государства, какой-то патриархальной республики, управляемой только взаимнымъ доверіемъ и обычаями. Тамъ нѣтъ ни властей, ни закона, тамъ есть только одна общая цѣль — добываніе золота и строго охраняемое всѣми обычное право, или вѣрнѣе знаменитое римское „jus primi occupantis“ — право перваго захвата. По-вѣрно, такой порядокъ вещей мыслится только при небольшой заселенности этой „золотой республики“ и при безпредѣльныхъ размахѣхъ золотоносныхъ земель.

Сильный притокъ новыхъ золотоискателей долженъ будетъ помѣнить этотъ порядокъ вещей, и какъ бы въ предупрежденіе междоусобицъ уже внесенъ въ федеративный конгрессъ проектъ учрежденія въ Сиркль-Сити specialнаго распорядительнаго органа — *Land office*, обязанность котораго заключается въ распредѣленіи и регистраціи золотыхъ росышей и рудниковъ по мѣрѣ ихъ открытія и заявленія со стороны владельцевъ.

Достигнувъ Клондейка можно двоякимъ путемъ — воднымъ и сухимъ, при чемъ, однако, оба сопряжены съ немалыми лишениями. Водный путь требуетъ меньшихъ усилій, но зато очень продолжителенъ. Нужно проѣхать моремъ до порта св. Михаила, находящагося на Беринговомъ морѣ, и отсюда на судахъ или, зимою, по льду, до устья р. Юкона (около 5,000 англійскихъ миль) и затѣмъ по р. Юкону до вышеупомянутаго гор. Сиркль-Сити (болѣе 2,000 миль). Помимо того, что эта ѣзда на морскихъ и рѣчныхъ пароходахъ стоить большихъ денегъ, извѣстная водный путь прѣзжаетъ обыкновенно тогда, когда благоприятное время для работъ уже кончилось, и они должны проводить зиму въ бездѣйствіи и продать свои послѣдніе припасы безъ всякой надежды получить хотя бы за высокую плату новые жизненные продукты. Къ этому прибавляются еще бѣдствія, которыя терпятъ въ своихъ жалкихъ налѣткахъ и шаламахъ пришельцы отъ страшныхъ холодовъ и снѣжныхъ вѣтровъ полярной зимы, длившейся непрерывно восемь мѣсяцевъ и сковывающей своими ледяными покровомъ рѣки и озера.

Поэтому большинство золотоискателей избираетъ второй, труднѣйшій путь, который короче. Пуститься въ этотъ путь, значитъ — въ полномъ смыслѣ слова предпринять полярную экспедицію. Достигнувъ моремъ города Джоно, золотоискатели направляются дальше на паровыхъ лодкахъ до порта Ды, находящагося у подошвы знаменитаго глетчера Мюира (*Muir Glacier*). Здѣсь начинается самая трудная часть пути. Чтобы достигнуть бассейна р. Юкона, нужно перевалить цѣлую цѣпь горъ. Наиболее опасный — Чилькутскій горный проходъ (рис. на стр. 1072). Весь онъ покрытъ снѣжной пеленой, скрывающей подъ собой страшные обрывы и пропасти. Идти самому безъ проводника-индѣйца значитъ обресть себя на вѣрную гибель. Высшая точка горы достигаетъ 1,200 метровъ надъ уровнемъ моря, и подъемъ на эту обледенѣвшую горную вершину не менѣе опасенъ, чѣмъ спускъ. Тутъ нѣтъ ни тропинки, ни даже возможности держаться за что-либо, кромѣ острыхъ ледяныхъ пиковъ, грозящихъ обрушиться вѣстеръ съ снѣжчавомъ, попадавшимъ на ихъ крѣпость... И болѣе десяти миль приходится идти по козлино въ снѣгу, подъ пронизывающимъ вѣтромъ, въ сильнѣйшій морозъ, отъ котораго колются всѣ члены, подъ неумолимыми снѣжными хлопьями, слѣпящими глаза и заметающими слѣды людей идущихъ впереди.

Индѣйцы-проводники служатъ при этомъ не только проводниками, но и вьючными животными: они тащатъ на своей спинѣ багажъ золотоискателей. Багажъ этотъ очень значите-

ленъ, такъ какъ включаетъ въ себя не только жизненные припасы, но крайшій мѣръ, на 8 мѣсяцевъ, но и всѣ принадлежности, хотя бы самаго примитивнаго хозяйства. Въ пустышномъ Клондейкѣ есть только одно золото, и приходится туда тащить съ собой не только орудія для его добычанія — топоры, лопаты, но и очагъ, посуду, налѣтку, ножи, теплую одежду и даже топливо.

Послѣ 15-ти-часового пути, открывается наконецъ область озеръ, соединяющихся другъ съ другомъ цѣлымъ лабиринтомъ рѣчекъ. Эти бурливыя, стремительныя рѣчки представляютъ также не малое затрудненіе на пути. Для путешествія по нимъ приходится занести челноками, на которые складывается и багажъ; но не вездѣ можно пробираться въ челнокахъ. Большую часть рѣкъ приходится переходить въ бродъ, и тогда кладъ является уже страшною обузой. Нередко можно тамъ наблюдать картины, въ родѣ изображенной на стр. 1072. Съ помощью проводниковъ, держась собои за длинныя шесты, одной силоченой стѣной движутся путешественники вперёдъ къ завѣтной цѣли, предшествуемые несколькими полярными собаками, истинными друзьями и помощниками сѣверянина во всѣхъ его дѣлахъ и трудахъ. Длинные караваны золотоискателей бредутъ такъ съ утра до ночи, не зная усталости, зимою — по глубокому снѣгу, а весной и осенью — по такимъ же непролазнымъ сугробамъ грязи, подъ пронизывающимъ до костей ливнями, еле волоча ноги и таща свои ручныя по-возки съ багажомъ.

Много людей изъ устремившихся въ Клондейкъ не выдержало всѣхъ этихъ лишеній и погибло или по несчастной случайности, вследствие паденія въ пропасть, или отъ холода и истощенія. Какъ велико это число жертвъ, можно судить по тому, что многие золотоискатели отправились въ путь безъ всякихъ припасовъ, увѣренные въ томъ, что они найдутъ ихъ на пути, гдѣ ихъ бросили погибшіе неудачники.

Очень поучительна въ этомъ отношеніи судьба семидесяти двухъ золотоискателей, спасшихся отъ голодной смерти только благодаря слѣпому случаю. Это были уже люди искушенные, —

испытавшие всѣ тягосты пути, истратившие уже не мало силъ и здоровья на работы въ золотоносныхъ горахъ. Въ награду за всѣ эти лишенія у нихъ было порядочный грузъ золота; но золото лишено было своей волшебной силы въ этой дикой пустышѣ; за кусокъ хлѣба они готовы были пожертвовать не однимъ золотымъ зерномъ; но припасовъ достать было не откуда, и, чтобы не умереть голодной смертью на мѣжахъ золота, они должны были бросить припасы и двинуться въ обратный путь. Направиться вверхъ по теченію р. Юкона и затѣмъ въ зимнюю пору перевалить черезъ Чилькутскій горный проходъ безъ проводниковъ — было немалымъ, и они рѣшились спуститься на челнокахъ внизъ по теченію р. Юкона, чтобы добраться до его устья, у порта св. Михаила. Этотъ продолжительный путь (1,500 миль), если не считать кое-какихъ приключеній, они совершили довольно счастливо и добралась-таки до берега моря. Но злоключенія ихъ этимъ не кончились. Они отказывали себѣ въ пищу, насколько могли. Все, что у нихъ было припасовъ, давно уже было раздѣлено на крохотныя папки, но и эти папки уже начали совершенно истощаться; новыхъ же продуктовъ нельзя было достать и въ порту ни за какія деньги, такъ какъ небольшое число живущихъ тамъ индѣйцевъ сами нуждались и не знали, какъ прожить продолжительную зиму. Путешественникамъ грозилъ неминуемая голодная смерть, но вдругъ совершенно неожиданно вдали мелькнула національная серебряная звѣзда на синемъ полѣ и пролила свѣтъ надежды въ душу несчастныхъ. Американское военное судно „Thetis“, шедшее подъ союзнымъ флагомъ и возвращавшееся изъ экспедиціи въ полярное море, направилось къ порту св. Михаила, чтобы спустить тамъ одного индѣйца-переводчика. Такъ было спасено 72 человекъ.

Этотъ случай съ 72-мя золотоискателями ничуть однако не охладилъ пыла американцевъ. Многие слѣпо надѣются и пускаются въ путь. Предпримчивые люди, впрочемъ, быстро нашлись и въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Много вытѣнанныхъ аме-

Новая Калифорнія. Становище золотоискателей въ Клондейкѣ.
По рис. П. Zeitung автотипія „Нива“.

риканских умов занялось вопросом, как бы облегчить и сократить тяжелый путь. И вопрос был решен очень быстро. Если так трудно добраться до Клондейка по морю и по суше, то почему не воспользоваться третьей стихией — воздухом? И вот сразу, с двух концов Нового Света, раздались два одинаковых предложения — отправиться в Клондейк на воздушном шаре.

Инженер Лео Стивенс изобрел шар, на котором может сразу подняться от 8 до 10 человек с кладью от трех до четырех тонн. Образовавшиеся уже для эксплоатации его идеи «общество воздушного транспорта», под названием *The Jacobs transportation Company*, рассчитало, что шар сможет пройти, при благоприятном ветре, все расстояние от Чилкутского прохода до берегов Клондейка — менее чем в 6 часов. Неизвестно еще, как осуществится это предприятие на деле, но пока акции его уже котировались на бирже, и предприниматели, в предвкушении необработанного золота в Клондейке, добывают уже готовые, отчеканенные доллары в Нью-Йорке.

Другой изобретатель — физик д-р Рэфус Велльс в Сев-Луи заявил также, что, благодаря поддержке многих капиталистов, он построит к весне будущего года гигантский воздушный шар, который будет совершать рейсы между Сев-Луи и Клондейком. Шар Велльса подымет сразу до 50 человек.

Эти два американских воздушных проекта рисуют в будущем очень соблазнительную картину, но пока золотоискателям приходится терпеть лишения, не только в пути, но и на месте золотоносных рудников. Поэтому гораздо практичнее этого «журавля в беду» — скромный плавзавод регулярной почты на оленях для подвозки в Клондейк жизненных припасов. Этим сравнительно гораздо более легким путем несчастные золотоискатели снабжены были бы по крайней мере от голода. При немовойной заработной плате на рудниках, достигающей 30 долларов в день, рабочий почти ничего не остается от своего поистине мнистерского жалования. Все съедают расходы на жилье и жизненные припасы: хлеб, чай, кофе. Так, например, мешок муки стоит там 100 долларов, фунт кофе и чай — 5—6 долларов. Золотоискатели ютятся в шалашах, тут же на своих участках, и ведут тяжелую походную жизнь, не добывая и не досыпая, забывая про голод, увлеченные одной только жаждой золота (рис. на стр. 1070).

Но это золото дается очень не легко. Добывать его приходится при совершенно исключительных условиях и с исключительными трудностями. Если кратко охарактеризовать работы золотоискателей, то можно сказать, что они «зиму — роют, а лето — коют». Нигде на золотых приисках всего земного шара не приходится старателям тратить столько сил и терпеть столько лишений, как здесь; но зато нигде и нет столько залежей золота, как в долинах Клондейка.

В течение тысячелетий смывалось там золото водными потоками с гор и сносилось в речные долины и реки, где оно оседало в почве и в песке, на глубинах нескольких метров. Благодаря страшным холодам, там замерзают не только реки, но и самые русла их, а также и сама почва совершенно обледеняется. Чтобы добраться поэтому до золота, нужно проникнуть через всю эту толщу замерзшей земли. Его не берет ни железо, ни сталь, и приходится прибегать к огню, постепенно растапливающему обледеневшие слои. Как только слой оттаивает, его быстро выкапывают лопатами, пока не наткнутся на следующую еще замерзшую слой; затем снова разводят сильный огонь и так продолжают, пока шахта не проникнет в глубь золотоносного слоя. Драгоценный песок этот, так называемый «Ray Dirt», насыпают в бочки и вытаскивают наверх, на свет Божий. Работы эти длятся всю зиму в страшнейшие морозы; целыми месяцами держится там температура в —40° К. В мае же и июне, когда реки вскрываются, сильные потоки тающего снега и воды заливают долины, а вместе с тем и вырытая зимой шахта, и этим сильно способствуют промыске золота. Промывка эта производится двойным способом: или на сковородах, в которых умещается две лопаты золотоносной земли и которые встряхивают под струей воды, так что тяжелые золотые зерна остаются на дне сковороды

в силу своей тяжести, а остальная земля смывается; или устраивают ряд деревянных жолобов, в которые накладывают золотосодержащую землю. Вода устремляется по этим жолобам и растворяет и уносит с собою песок и землю; золото же оседает на дне жолобов в виде блестящих крупинок.

Результаты этих тяжелых работ действительно богатейшие. Нередко в каждой такой промывной кастрюле оседало золота на несколько сот долларов. Неудивительно, что при таких добычах за один месяц золотоискатели становились богачами.

Среди нескольких сот первых золотоискателей было всего несколько женщин, решившихся следовать за своими мужьями, переносивших вместе с ними и голод, и холод, и вместе с тем тоже добывавших золото в свободное от хозяйственных работ время. В течение этого небольшого досуга некоторые из них сколотили себе, в буквальном смысле, очень порядочное состояние. Особенно прославилась в этом отношении мисс Берри, приехавшая на пароходе «Portland», пришедшем в Сигль вторым после «Excelsior». Она привезла с собою в банках из-под варенья золота больше, чем на 10,000 долларов, выработанного ею всего в течение трех месяцев в свободные от работы часы.

Упомянутые два парохода привезли уже из Клондейка золота на сумму более трех миллионов долларов, в песках и слитках. Среди этих сокровищ находится очень много самородков, ценою в сто-двести долларов каждый. Вернувшиеся на пароходе «Portland» 63 человека приехали только за жизненными припасами и инструментами для работ; у них остались в Клондейке свои прииски, и привезенные ими два миллиона долларов золота — только результат первой добычи.

Эта добыча золота на Аляске растет баснословно быстро и уже в июле превышала, по донесениям комиссара канадского правительства, десять миллионов долларов. Достаточно сказать, что в Клондейке не хватает посуды, куда класть золото, добытое за три месяца, — все заполнено им, даже жестянки из-под консервов и керосина. Характерную картину в этом отношении представляли каюты парохода «Portland» — все они были завалены мешками из-под муки, в которых намельченными хлебными зернами были замешены золотым песком и золотыми зернами-самородками. Следующий за «Portlandом» пароход, вышедший из порта св. Михаила неделией позже, привез уже четыре миллиона долларов золота.

Официально подтверждено правительством, что уже найдено и заявлено местному комиссару столько золотых приисков, что необходимо несколько десятков лет и десятки тысяч рабочих рук, чтобы разработать все эти богатства, обеспечивая среднюю добычу золота в 40—50 миллионов долларов в год, т. е. почти четверть всего количества золота, добываемого ежегодно на земном шаре.

Это извещенное окончательно переопределило чашу. После того вынулись туда действительно десятки тысяч народа. Всеми прельстившись этой золотой миражей, и даже разсудительные люди упустили из виду, что эти золотые прииски все равно, что лотерея, что исключительно дело счастья — попасть на богатый месторождения. Эти ослепленные миллионными цифрами люди забывают, какая дорогая ставка в этой золотой лотерее, т. е. их жизнь, которую они стремятся улучшить сразу, всего каким-нибудь месяцем труда... Они забывают о тех безмолвных жертвах, которые замерзают и погибают там в горах, на страшных перевалах, умирают от истощения и болваней на месте работ. Об этих несчастных не доходит слухи... А их огромное количество. И, чего доброго, даже те богачи, те счастливицы, которым все так виднётся, окажутся скоро несчастнейшими людьми... Клондейку грозит теперь страшный голод. Огрезанные от населенного мира зимним временем, водворившиеся там золотоискатели не имеют возможности достать новых съестных припасов, а между тем число их возросло очень значительно, и имеющихся запасов хватит не надолго. И вполне возможно, что теперь, в этом полнорном краю разыгрывается страшная драма, что там среди вечных снегов, в суровом безмолвии природы осуществляются грозные слова Мефистофеля: «Сатана устроил баял, люди гибнут за металл».

И. Эйзен.

Къ рисункамъ.

В настоящее время, когда все с напряженным вниманием следит за каждым сообщением, касающимся судьбы воздухоплавателя Андра, кстати будет припомнить судьбу первого воздушного шара, поднявшегося 5-го июня 1783 года. Попытки воздушных полетов производились и в еще более ранние века в Португалии и в Китае, но честь изобретения настоящего воздушного шара принадлежит, как известно, Францу и веразрывно связана с именами двух братьев — Жозефа и Этьена Монгольфьер, сыновей писчебумажного фабриканта в небольшом городке Аннонэ. После цѣлаго ряда предварительных опытов надъ маленькими мо-

делями, они спустили 5-го июня 1783 г. большой шар в 12 метров в диаметре и 219 килограммов вѣса, сдѣланный изъ полотна на бумажной подкладкѣ. Въ какихъ-нибудь десять минутъ онъ поднялся на очень большую высоту. Новое изобрѣтеніе братьевъ Монгольфьеровъ было встрѣчено съ восторженными удивленіемъ; въ парижскую академію былъ представленъ подробнѣйшій докладъ о полетѣ, и среди парижанъ возгорѣлось желаніе построить и у себя такой же шаръ. По частной подпискѣ собрали 10,000 франковъ и поручили устройство шара опытнымъ механикамъ братьямъ Роберамъ, подъ наблюденіемъ знаменитаго въ то время профессора

Шарль Шарль въ скоромъ времени былъ готовъ, и профессоръ Шарль рѣшилъ наполнить его водородомъ, такъ какъ Монгольфьеры держали въ секретѣ составъ своего газа. Наполнение шара, при отсутствіи въ то время усовершенствованныхъ снарядовъ для этого, продолжалось четыре дня. Наконецъ, въ ночь съ 27-го на 28-е августа 1783 г. наполненный шаръ былъ перевезенъ изъ мастерской Робертовъ на Марсово поле; наполнение его продолжалось еще и тутъ. Въ 5 час. вечера 28-го августа шаръ былъ наконецъ спущенъ и стремительно нависъ къ небу. Громадная толпа зрителей, свыше двухсотъ тысячъ человекъ, громкими криками восторга приветствовала это невиданное зрѣлище. Шаръ оказался, однако, черезчуръ переполненнымъ газомъ; напоромъ послѣдняго прорвало ткань, и черезъ три четверти часа аэростатъ опустился на землю въ пятиминутномъ разстояніи отъ Парижа. Онъ упалъ какъ разъ на толпу работавшихъ въ поле крестьянъ, которые, разумѣется, не имѣли ни малѣйшаго представленія о воздушномъ шарѣ и, конечно, страшно перепугались при видѣ его. Большинство изъ нихъ рѣшило-было, что это луна падаетъ съ неба на землю; но видя, что незнакомый, темный, круглый предметъ безпомощно крутится по землѣ, они побороли свой страхъ и набросились на шаръ съ вилами, лопатами, цѣпами, чтобъ уничтожить это чудовище и скрытую въ немъ нечистую силу. Въ нѣсколько минутъ аэростатъ, стоявшій на малыхъ грудкахъ и денегъ, превратился въ

Новая Калифорнія. Чилькутскій горный проходъ.
По рис. П. Zeitung автотипія „Нивы“.

вала на XXV юбилейной передвижной выставкѣ. Когда вы всмотритесь въ этотъ задумчиво-грустный ландшафтъ, на весь повѣтъ вдругъ знакомой поэзіей заброшеннаго уголка

изодранннй въ клочки ву-сокъ матеріи, а въ до-вершеніе всего его при-вязали къ хвосту лошади и протащили такъ нѣ-сколько верстъ. Прибыв-шій вскорѣ изъ Парижа Шарль нашелъ вмѣсто своего шара одну лишь грудку отрѣзковъ. Чтобы избѣжать на будущее вре-мя такого же дикаго обра-щенія народа въ аэроста-тами, правительство изда-ло пространное успокои-тельное объясненіе устройства воздушнаго шара. Наконецъ, 21-го октября того же 1783 го-да состоялся и давно жданный полетъ аэроста-та съ людьми; онъ былъ спущенъ изъ вѣрка Лю-Мюэттъ, въ окрестно-стяхъ Парижа; поднялись на немъ Пилатръ де-Розе и маркизъ д'Ар-ландъ; они поднялись до вольно высоко, пролетѣли значительное простран-ство и благополучно спу-стились на землю.

Каждая картина наше-го высокоталантливаго ху-дожника И. И. Шишкина обращаетъ на себя вни-маніе негипннхъ цѣнителей искусства. Глубокое знаніе природы и творче-ская кисть, дающая жизнь любому изъ его пейза-жей,—вотъ причина полно-нѣ заслуженной популяр-ности автора „Сосноваго лѣса“ и цѣлаго ряда дру-гихъ произведеній. Его все знаютъ, и всякая во-вал картина Шишкина составляетъ настоящее событіе. То же можно сказать и объ его „Осе-ни“, которая фигуриро-вала на XXV юбилейной передвижной выставкѣ. Когда вы всмотритесь въ этотъ задумчиво-грустный ландшафтъ, на весь повѣтъ вдругъ знакомой поэзіей заброшеннаго уголка

Новая Калифорнія. Переправа черезъ рѣку съ индѣйцами-проводниками. По рис. П. Zeitung автотипія „Нивы“.

и припомнится далекое-далекое время, когда вы юношей бродили съ ружьемъ за плечами въ родныхъ мѣстахъ у такого же болота, затеряшагося въ глуши... Нѣсколько деревьевъ и мелкихъ кустарниковъ, одиноко разбросанныхъ по берегу, придаютъ пейзажу меланхолическій оттѣнокъ...

*

Работала старуха въ полѣ и видитъ издали, что ѣдетъ знакомый мужикъ. Устала она, старал синая ноеть, да и покалякать хочется, и вотъ застѣнула она ногами, подбѣжала къ дорогѣ, остановила мужика и, ну, давай выкладывать деревенскія новости. Какія это новости?

Въ Ботовѣ валится скоть,
А у солдатки Аксиньи
Дѣвочку—было ей съ годъ—
Сѣбли проклятыя свиньи;
Въ Шаховѣ свекру сноха
Видами бокъ просадила—
Было, за что... Пастуха
Грономъ въ стадѣ убило.

крестьянникъ, котораго такъ мастерски описывалъ Монассанъ въ своихъ разсказахъ, грубый, нерѣдко жестокой, но больше изъ прирожденной ему расчетливости, доходящей до скаредиости, чѣмъ отъ злого сердца; напротивъ, онъ иногда способенъ и на доброе движеніе, и въ этомъ случаѣ его порывъ скажется въ такой же грубой формѣ, какъ грубъ и самъ онъ. Крестьяне у Лермитта крѣпкіе, мускулистые, здоровые. Его женщины такъ здоровы и сильны, что шути могутъ свалить дѣлный десятокъ болѣзненныхъ парижанъ, а его рабочіе — настоящіе геркулесы. Посмотрите на этого коренастаго, пожилого уже крестьянина, въ картинѣ „День расчета“; какое это заваленное въ трудѣ лицо, суровое, загорѣлое, почти мѣднокрасное отъ зноя и вѣтра, какія страшныя мускулистыя руки. А женщина съ ребенкомъ, сидящая около него и что-то говорящая рабочему, вѣроятно мужу, который считаетъ полученные деньги! Все это живыя фигуры, заставляющія забыть, что предъ вами картина, а не дѣйствительность.

*

Рѣзал дѣвочка-шалунья беззаботно играла куклой, катая

Новая Калифорнія. Городъ Ситка, столица Аляски. По рис. „London News“, авторства „Навы“.

Это ли не новости? И какъ онѣ гармонируютъ съ безотрадною природою, сѣрымъ небомъ, по которому летаютъ одиѣ только вороны съ пустынною мѣстностью, печальною погодою!.. Мужикъ слушаетъ всѣ эти новости, и скучно, тоскливо у него становится на душѣ. Старуха, облегчивъ душу, также охаетъ, чувствуя, что ничего веселаго ей не сообщить. Дорожная встрѣча увеличила тоску обоимъ. Рады ей только лошаденки, потому что могутъ съ полчаса отдохнуть. Изображены онѣ художникомъ очень удачно: это — настоящія крестьянскія лошадки, слабосильныя, измученныя. Чувствуешь, что онѣ заслужили отдыха, что отдыхать имъ приходится очень рѣдко, а голодать — часто.

*

Поэтъ сельской жизни, пѣвецъ сельскаго труда, сѣнокоса, жатвы, нѣвѣстный французскій художникъ Лермиттъ родился (въ 1844 г.) среди крестьянъ и выросъ въ деревнѣ. Онъ самъ ходилъ за плугомъ, самъ косилъ тѣ самыя поля, которыя впоследствии сталъ изображать въ своихъ картинахъ. Лермиттъ изображаетъ крестьянина такъ, какъ онъ его знаетъ и видитъ, безъ всякихъ прикрасъ, безъ малѣйшей поэзии, которая сглаживала бы нѣкоторую жесткость и грубость его натуры. Крестьянникъ Лермитта, это — тотъ самый французскій

ее въ деревянной тележкѣ, и оживленное дѣтское личико сіло такимъ заразительнымъ весельемъ, что со стороны любо было на него глядѣть. Но печально брошенный взглядъ далъ совершенно иное направленіе мыслямъ дѣвочки. Дѣтскій зоркій глазокъ замѣтилъ корягу, полную соблазнительныхъ яркихъ вишенъ. Въ ней сразу проснулась ламонна. Ставъ на цыпочки, она, не долго думая, подняла ручки, и замачиввыя агоды, очевидно, одна по другой станутъ переходить въ ротъ къ счастливой молодой хозяйкѣ. Если не войдетъ въ комнату пьяня, вишенъ значительно поубавится... Въ подвижныхъ чертахъ лица рѣваго ребенка столько наивной хитрости и детства, что картина невольно вызываетъ улыбку.

*

Степная рысь, носящая названіе „каракала“, красивое, подвижное и умное животное, водится въ очень многихъ мѣстностяхъ Стараго Свѣта. Желтовато-сѣрая шерсть его какъ разъ подходитъ къ цвѣту стеной почвы. Родина каракала — степи и пустыни Передней Азии, Индіи и Африки, а пищу онъ добываетъ себѣ охотой на маленькихъ степныхъ звѣрей и на птицъ, нерѣдко нападаетъ и на молодыхъ антилопъ. Но если при поискахъ за добычей ему всегда почти улыбается счастье, то при пользованіи ею сплосъ да рядомъ встрѣ-

чаются затруднения: более крупный хищный животные, в особенности же кровожадные шакалы, выслаживают каракала и порывают отнять у него часть добычи. Одно из таких столкновений каракала с шакалом в Нубийской пустыне и изображено на нашем рисунке. Сь каракалом шакалу справиться бывает обыкновенно очень трудно, так как тотъ если и не самый крупный и сильный, то во всякомъ случаѣ наиболѣе дикій и смѣлый представитель рысей породы.

А. И. Коробова. (Портр. на этой стр.)

20-го октября т. г. скончалась пионерка профессиональнаго женскаго образования въ Россіи, Александра Ивановна Коробова.

Въ настоящее время профессиональное женское образование развито довольно широко и, благодаря неустанному сочувствію общества, расширяется все болѣе и болѣе. Далеко не такъ относилось общество къ этой благой и плодотворной идеѣ 15—20 лѣтъ тому назадъ. Когда А. И. Коробова, задавшись цѣлью придти на помощь родителямъ, желавшимъ научить своихъ дочерей ручному женскому труду въ модныхъ магазинахъ, основала въ 1879 г. свою первую профессиональную школу, общество отнеслось къ этому дѣлу недоумчиво, и въ школѣ А. И. Коробовой обучалось въ первый годъ ея существованія только двѣ ученицы.

Считая задуманное дѣло безусловно полезнымъ и зная, какъ трудно прививается у насъ всякое даже явно благое новшество, А. И. Коробова рѣшилась поколебать это недоуміе общества энергичнымъ продолженіемъ своего дѣла и дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ его, путемъ постепеннаго увеличенія числа преподаваемыхъ предметовъ.

При своемъ основаніи школа г-жи Коробовой, раздѣлявшаяся на два отдѣла: кройки и шитья дамскихъ платьевъ и дѣтскаго, дамскаго бѣлья, — предназначалась исключительно для малолѣтнихъ, при чемъ были введены для нихъ и научные курсы въ рамкѣ курса правительственныхъ женскихъ прогимназій. Убѣдившись въ неотложной необходимости профессиональнаго образования и для взрослыхъ, А. И. Коробова ввела въ школу на ряду съ классами для малолѣтнихъ и курсы для взрослыхъ. Благодаря этому школа много выиграла въ популярности. Въ соотвѣтствіи съ приливомъ желающихъ обучаться женскимъ ремесламъ и постоянно нарождающимися новыми запросами практической жизни, А. И. дополнила курсы школы многими новыми предметами — изготовленіемъ шляпъ и разныхъ головныхъ уборовъ, искусственныхъ цвѣтковъ, вышивкой гладью и шелками, чистой кружевы.

Всѣ эти нововведенія и усовершенствованія оцѣнены были по достоинству, и число обучающихся въ школѣ росло съ каждымъ годомъ. Довольно сказать, что за первые десять лѣтъ существованія школа г-жи Коробовой выпустила до 350 ученицъ, давъ каждой изъ нихъ обеспеченный кусокъ хлѣба.

Но на этомъ труды и энергія А. И. Коробовой не остановились. Обеспечивъ ученицамъ своей школы возможность по окончаніи курса существовать трудомъ своихъ рукъ, А. И. Коробова желала еще развить вкусъ своихъ ученицъ, облагородить его путемъ ознакомленія съ художественными образцами искусства, главнымъ образомъ стариннаго національнаго. Эти стремленія ея нашли себѣ откликъ среди многихъ ея ученицъ, изъ которыхъ было не мало лицъ съ высшимъ образованіемъ. Съ этой цѣлью А. И. собрала громадную, очень интересную этнографическую коллекцію манекеновъ, одѣтыхъ въ оригинальные русскіе женскіе костюмы. Эта характерная коллекція, представляющая своего рода музей, даетъ возможность не только ознакомиться съ древне-русскимъ стилемъ, но и основательно изучить народныя одежды русской женщины разныхъ эпохъ.

Все это создало изъ школы г-жи Коробовой одно изъ крупнѣйшихъ профессиональныхъ учебныхъ заведеній въ столицѣ, пользующееся вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ горячимъ сочувствіемъ общества и правительства.

А. И. Коробовой удалось еще при жизни увидѣть блестящій расцвѣтъ задуманнаго ею благого дѣла. По стопамъ ея пошли сотни ея ученицъ, разнося по всей Россіи внушенную имъ въ школѣ любовь и преданность дѣлу, горячую готовность послужить бѣдной русской женщинѣ, обезпечить ея трудовую самостоятельность знаніемъ ремесла.

А. И. Коробова сама испытала на себѣ, какъ полезно женщинамъ знать какое-нибудь ремесло. Получивъ воспитаніе въ институтѣ, она вышла замужъ, но вскорѣ овдовѣла и осталась съ малолѣтними дѣтьми почти безъ средствъ, если не считать небольшой пенсін. И вотъ, благодаря знанію ручныхъ жен-

скихъ работъ, А. И. поступила въ 1869 г. учительницей рукодѣлія въ Маринскую и Екагерининскую женскія гимназій. Служба въ гимназій, давъ ей возможность существовать, однако далеко не вполне удовлетворила ея стремленію научить женскую молодежь ручному труду, такъ какъ ученицы нашихъ гимназій по большей части относятся очень небрежно къ урокамъ рукодѣлія. И вотъ, прослуживъ десять лѣтъ, А. И. Коробова вышла въ отставку и поступила на другую дѣйствительную службу — на широкое служеніе нуждамъ русской женщины. Три года тому назадъ, по поводу исполнявшагося 25-лѣтія педагогической и общественной дѣятельности А. И. Коробовой, она удостоилась торжественнаго чествованія и получила массу привѣтствій со всей Россіи. Теперь, когда А. И. Коробовой уже не стало, все русское общество не откажется ей въ глубокомъ сочувствіи. Созданное ею дѣло — лучший неизблѣмый памятникъ этой достойной русской женщины.

Л. С. Ауэръ. (Портр. на стр. 1076.)

На этихъ дняхъ исполнилось двадцать пять лѣтъ служенія наставнаго нашего скрипача и профессора консерваторіи Льва Семеновича Ауэра солистомъ въ оркестрѣ русской оперы. Г. Ауэръ живетъ въ Россіи почти тридцать лѣтъ, съ 1868 года, и за это время проявилъ свою плодотворную и выдающуюся дѣятельность на разныхъ музыкальныхъ поприщахъ: артистической въ тѣсномъ смыслѣ слова, педагогической, дирижерской и композиторской.

Родился онъ въ Венгріи въ 1845 г. Музыкальное образование получилъ въ пестской консерваторіи, затѣмъ годъ учился въ вѣнской консерваторіи и закончилъ свое ученіе у знаменитаго Іоахима, послѣ чего вскорѣ приглашенъ былъ къ участию въ лондонскихъ концертахъ 1862 года. Между этимъ временемъ и 1865 г. состоялъ концертмейстеромъ въ Дюссельдорфѣ, а слѣдующіе два года занималъ этотъ же постъ въ Гамбургѣ. Въ началѣ 1868 года Л. С. былъ вызванъ А. Г. Рубинштейномъ въ Петербургъ, и на нашихъ глазахъ проходитъ вся его послѣдующая дѣятельность.

Въ Петербургѣ онъ выступалъ въ качествѣ перваго скрипача въ квартетныхъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества, дирижера симфоническихъ собраній того же общества и педагога, воспитавшаго много выдающихся скрипачей, въ числѣ которыхъ есть и такіе, которые составили себѣ уже громкое имя у насъ и за границей, напри-

мѣръ профессоръ московской консерваторіи г. Кошлаковскій, профессоръ нашей консерваторіи и дирижеръ оркестра Александринскаго театра г. Галкинъ, г. Млынарскій, концертирующий съ большимъ успѣхомъ по Европѣ, г. Налбандьянъ г. Вальтеръ, концертмейстеръ Императорской русской оперы г. Крюгеръ, г-жа Гамоведка и др. Что касается г. Ауэра, какъ солиста, то едва ли есть надобность упоминать о безукоризненной его техникѣ, о чарующемъ его смычкѣ, о глубокомъ знаніи имъ скрипачной литературы, объ артистическомъ его вкусѣ, о музыкальной передачѣ и о прочихъ качествахъ, которыя всѣмъ, кто только его слышалъ, такъ хорошо извѣстны. Особенно важна его роль въ качествѣ квартетиста, способствующаго ознакомленію публики съ лучшими произведеніями классической и современной квартетной музыки. Онъ неоднократно объѣзжалъ главнѣйшіе музыкальные центры Европы, вызывая вездѣ восторженные отзывы специалистовъ и энтузиазмъ публики.

Памятникъ на могилѣ П. И. Чайковскаго.

(Рис. на стр. 1076.)

25-го октября, въ четырехгодовой день кончины нашего знаменитаго композитора П. И. Чайковскаго, на кладбищѣ Александровско-Невской лавры, гдѣ покоится прахъ его, состоялось торжественное освященіе памятника на его могилѣ. Почти вся память П. И. Чайковскаго явилась такая масса людей, что въ церкви Св. Духа, гдѣ служили заупокойную литургію и панхида, не хватало мѣста, и публика тѣснилась въ притворѣ, въ смежныхъ коридорахъ сосѣдней церкви, въ алтарѣ и даже на паперти. Среди почитателей покойнаго композитора присутствовали на торжествѣ представители музыкальнаго и артистическаго міра, литераторы и ученые и масса учащейся молодежи. Послѣ панхимиды состоялось освященіе памятника на могилѣ П. И. Чайковскаго.

Памятникъ представляетъ собою гранитную скалу, вершину которой увѣнчиваетъ бюстъ покойнаго композитора; у подножія скалы высится бронзовая фигура сидящаго ангела, обра-

А. И. Коробова († 20 октября 1897 г.).
Съ фот. грав. Шюлеръ.

тивнаго задумчивый взоръ въ раскрытыя передъ нимъ ноты. Съ правой стороны памятника у самого бюста П. И. стоитъ, обхвативъ невысокій металлическій крестъ, бронзовая фигура другого молящагося ангела съ устремленными на небо глазами. Посреди скалы, на мраморной доскѣ выгравирована надпись: „Петръ Ильичъ Чайковский, род. 25-го апрѣля 1840 г., скончался 25-го

октября 1893 г.“. Вокругъ памятника на тумбахъ цѣль изъ красной мѣды. Къ подножію памятника съ двухъ сторонъ ведутъ по три широкихъ ступени. Памятникъ изготовленъ по модели скульптора дирекціи Императорскихъ театровъ П. П. Каменскаго и сооруженъ родными и почитателями П. И. Чайковскаго.

Политическое обозрѣніе.

Положеніе англійскихъ дѣлъ въ Индіи приняло довольно серьезный характеръ. Вслѣдъ за безпорядками въ Пунѣ (см. *Нива* № 27) возбуждающія статья индійской печати, летучіе листки съ воззваніемъ къ цивилизованнымъ народамъ, всеобщія жалобы на непосильную тягость налоговъ въ Индіи, на полную зависимость ея торговой политики отъ интересовъ Англии, — все это создало необыкновенное броженіе умовъ, разрававшееся, наконецъ, открытымъ восстаніемъ племенъ, населяющихъ пограничныя съ Афганистаномъ области. Въ концѣ іюля министромъ для Индіи, лордомъ Гамильтономъ, сдѣлано было англійскому парламенту заявленіе о вспыхнувшихъ въ Читралѣ восстаніи подъ предводительствомъ фанатика муллы, провозгласившаго священную войну противъ „гиуровъ“. Вскорѣ восстаніе горныхъ племенъ привело къ нападенію нисургентовъ на англійскій лагерь въ Молокандѣ, въ долинѣ Свати — горной области, населенной воинственными племенами. Враждующихъ по большей части между собою горцевъ сплотила общая ненависть къ англичанамъ. Размѣры восстанія дали англичанамъ поводъ подозрѣвать подданныхъ афганскаго эмира и его правителей въ поддержкѣ восстанія. Дѣло въ томъ, что по англо-афганскому договору 1893 года Читралъ, Свати и другія области между Индіей и Афганистаномъ подчинены англійской администраціи. Затѣмъ рядомъ военныхъ экспедицій индійская граница приведена была въ соприкосновеніе съ Афганистаномъ, который оказался такимъ образомъ окруженнымъ цѣлью зависимыхъ отъ Англии областей. Такая граница мало выгодна для Афганистана, почему англичане и не могутъ ожидать со стороны эмира особенной предупредительности.

Прокламація фанатика муллы въ пограничныхъ областяхъ, проповѣди страстиующихъ муллъ изъ Афганистана, торжественный приемъ турецкаго посольства въ Кабулѣ и раздача оружія пограничнымъ съ Индіей афганскимъ племенамъ — всѣ эти событія заставили англичанъ подозрѣвать и самого эмира въ сочувствіи восстанію. Но эмиръ, неоднократно заявляя о своей лояльности, письмомъ къ вице-королю Индіи увѣрилъ англичанъ въ дружбѣ, выразивъ намѣреніе арестовывать зачинщиковъ восстанія и не доволять нашедшимъ убійца въ Афганистанѣ дѣйствовать противъ англичанъ. Доказательства дружбы эмира произвели на англичанъ самое пріятное впечатлѣніе, обративъ ихъ вниманіе исключительно на подавленіе восстанія.

Волненіе быстро охватило не только Пешаверь, но и окрестности Силмы, распространяясь по всей Кашмирской долинѣ. Къ границѣ двинуты были войска со всѣхъ концовъ Индіи, такъ что вскорѣ у сѣверо-западной границы сосредоточено было около сорока тысячъ войска. Кровавая расправа англичанъ въ Мохмадскихъ горахъ благополучно окончила дѣло и обезоружила мѣстныхъ жителей; но чрезвычайно жестокая экзекуція не воздѣйствовала на прочія племена:

поднялись афридіи — самое воинственное и безпокойное племя, опасное особенно въ горахъ. Соединившись съ ороскаями и образовавъ скопище, какъ полагаютъ, въ пятьдесятъ тысячъ, афридіи спустились съ Хайберскаго перевала и завладѣли двумя фортами въ Пешаверскомъ округѣ, затѣмъ начались довольно усильныя дѣйствія возставшихъ противъ англійскихъ войскъ, занявшихъ оборонительную линію въ 300 англійскихъ милъ.

Для англичанъ ухудшились съ каждымъ днемъ: афридіи завладѣли еще двумя фортами, и большая часть перевала очутилась въ рукахъ непріятеля. Въ началѣ октября, послѣ прибытія подкрѣпленій, началось энергичное наступленіе англійскаго тридцатитысячнаго отряда подъ начальствомъ генерала Локкарта. Выступивъ нѣсколькими колоннами, отрядъ встрѣтилъ необычайное сопротивленіе: каждую высоту пришлось брать съ боя; англійская печать отмѣчаетъ героическіе подвиги британскихъ войскъ, особенно шотландскихъ стрѣлковъ; командующія надъ долиною у подошвы Сафетъ-Кохскаго хребта позиціи взяты были штурмомъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, потеря англичанъ значительна, убито много офицеровъ. Главнокомандующій Локкартъ приказалъ сжечь всѣ деревни афридіевъ въ округѣ Мастура. Многія англійскія газеты заговорили о чрезвѣрной жестокости военныхъ дѣйствій, въ которыхъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, войска стрѣляли разрывными пулями. Въ связи съ этими извѣстіями пошли толки о проектѣ поголовнаго истребленія всего племени афридіевъ.

Эмиръ афганскій обратился къ своимъ подданнымъ съ воззваніемъ, въ которомъ сообщаетъ, что „бунтовщики обратились къ эмиру за помощью послѣ того, какъ испытали силу британскаго оружія“, но что онъ намѣренъ жить съ Англійей въ твердомъ согласіи, такъ какъ „заключилъ съ нею союзъ относительно политическихъ дѣлъ“; англичане не нарушили условій, поэтому и эмиръ не позволитъ себѣ нарушить ихъ; возставшія племена упустили-де моментъ исправить свою ошибку, пусть же платятся сами, раздѣливаясь съ бѣдой, какъ знаютъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, отъ 28-го октября, многія пограничныя племена изъявили покорность, но афридіи наносятъ англійскимъ войскамъ громадный вредъ неожиданными нападеніями на обозы и почту и разрушеніемъ телеграфа. Дальнѣйшее движеніе англійскихъ войскъ встрѣчаетъ значительное затрудненіе вслѣдствіе громаднаго наедажа вьючныхъ животныхъ. По мнѣнію компетентныхъ кружковъ, наступленіе зимы заставитъ британскія войска спуститься съ горъ въ долины. Такимъ образомъ, на сѣверо-западной границѣ Индіи у англичанъ оказалась серьезная война, которая не приняла грозныхъ размѣровъ, только благодаря тому, что, при вѣковой враждѣ мусульманъ съ индусами, англичане успѣваютъ подавлять восстанія, не задумываясь надъ мѣрами восстановленія своего престижа.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, 24-го сего октября, Высочайше повелѣть соизволилъ назначить члена совѣта торговли и мануфактуръ князя Вячеслава Тенишева — генеральнымъ комиссаромъ русскаго отряда на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ.

— Въ *Практическомъ Вѣстникѣ* опубликованъ отчетъ особой комиссіи, образованной для выясненія личности погибшихъ на Ходыньскомъ полѣ 18-го мая 1896 г. и раздачіи пособій семьямъ погибшихъ и пострадавшимъ изъ Высочайше пожалованныхъ суммъ. По даннымъ отчета, комиссія рассмотрѣла 1,379 заявленій о смерти погибшихъ на народномъ гуляньѣ; по сословіямъ въ томъ числѣ оказалось погибшихъ: дворянъ — 9, духовнаго званія — 9, почетныхъ гражданъ — 3, разночинцевъ — 37, купцовъ — 1, мѣщанъ — 151, ремесленниковъ — 28, крестьянъ 1,132; личности 9-ти погибшихъ не опредѣлены. По поламъ: мужчинъ — 774, женщинъ — 603; по лѣтамъ наибольшее количество погибшихъ, 246, принадлежало къ возрасту между двадцатью и тридцатью годами. При распределеніи пособій комиссія приняла за правило выдавать 1,000 руб. въ случаѣ смерти единственнаго въ семьѣ работника; выдавать въ случаѣ смерти погибшаго, бывшаго вторымъ работникомъ, 500 рублей, и семьямъ, гдѣ погибшіи былъ третьимъ работникомъ, — 350 рублей. Во многихъ случаяхъ комиссія признала наиболѣе правильнымъ выдавать не капиталъ, а назначать ежегодную пенсію, равную 40 и 24 рублямъ въ годъ. Въ распоряженіе комиссіи отпущено было всего 300,000 рублей, изъ нихъ выдано семьямъ погибшихъ 36,100 рублей и потраченнымъ — 9,480 рублей; за погребеніе умершихъ уплачено московской думѣ 11,631 рубль.

— 17-го октября состоялось открытіе московскаго отдѣленія общества для усиленія средствъ женскаго медицинскаго института. Въ собраніе явилось до 150 лицъ, вступившихъ въ члены общества. Много было профессоровъ университета и врачей, но главный контингентъ собранія составляли дамы столичнаго общества, среди которыхъ было не мало женщинъ-врачей. Собраніе было открыто рѣчью члена совѣта общества Л. А. Шаняевской, ознакомившей членовъ съ цѣлями и задачами общества. Г-жа Шаняевская обратилась ко всѣмъ просвѣщеннымъ и добрымъ людямъ Москвы съ просьбой о помощи и содѣйствіи дѣлу высшаго женскаго образованія въ Россіи, указавъ, что починъ созданія женскаго медицинскаго института принадлежитъ Москвѣ. Собраніе единогласно избрало г-жу Шаняевскую и А. Л. Шаняевскаго, какъ много уже потрудившихся надъ созданіемъ женскаго медицинскаго института, въ почетные члены московскаго отдѣленія общества. Профессоръ Чупровъ, избранный предсѣдателемъ въ первое общее собраніе, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что созданіе женскаго медицинскаго института есть обще-русское дѣло и оно должно найти себѣ поддержку среди всѣхъ русскихъ людей. Выступивъ съ тѣмъ, профессоръ выступилъ въ защиту женскаго медицинскаго образованія и рядомъ цифръ доказалъ, какъ малъ еще въ Россіи врачебный персоналъ. Рѣчи Шаняевской и Чупрова были покрыты дружными рукоплесканіями. Дамскій комитетъ XII-го международнаго съѣзда врачей пожертвовалъ отдѣленію оставшуюся сумму. Собраніе закончилось выборами членовъ отдѣленія, на который избрано нѣсколько профессоровъ и видныхъ благотворителей Москвы.

— 26-го октября, въ Петербургѣ, въ Галерной гавани, освѣщенъ новый „Домъ трудолюбія для дѣтей-подростковъ“. Подъ этимъ названіемъ съ прошлаго года существуетъ небольшая ремесленная мастерская для обученія мальчиковъ отъ 12 до 15 лѣтъ, которые по закону не могутъ быть приняты (въ этомъ возрастѣ) ни на фабрики, ни въ мастерскія, вслѣдствіе чего они волею-неволею обречены на праздную жизнь, обыкновенно на улицахъ, подвергаясь всѣмъ грустнымъ послѣдствіямъ праздности. Домъ предполагалось открыть на 10 мальчиковъ, но съ каждымъ днемъ число ихъ, по необходимости, увеличивалось. Въ виду, однако, недостатка средствъ, пришлось ограничить число прирѣзываемыхъ 25-ю. Въ настоящее время устроено для этой мастерской особое, довольно просторное помѣщеніе (на углу Косой линіи и Большаго проспекта, д. № 1—66), въ которомъ на ряду съ обще-образовательными классами преподаются ремесла: сапожное, портняжное, переплетное, слесарное, столярное и токарное, подъ руководствомъ специалистовъ этого дѣла — А. И. Брюккера. Въ настоящее время это безусловно-полезное и заслуживающее горячей поддержки со стороны общества учрежденіе сильно нуждается въ средствахъ, и каждый пожертвованный въ его пользу рубль поддержитъ это доброе дѣло.

— 26-го октября, исполнители и торжественно отпраздновано — 25-лѣтіе существованія с.-петербургскаго учительскаго института. Институтъ этотъ былъ основанъ въ 1872 году специально для созданія кадры учителей городскихъ училищъ. До настоящаго времени въ немъ окончилъ курсъ около 400 человекъ всѣхъ сословій, отъ дворянскаго до крестьянскаго; въ годъ основанія было принято лишь 25 человекъ

учащихся, въ текущемъ году такихъ учащихся имѣется 68 человекъ. Самая программа преподаванія по объему своему и характеру видоизмѣнялась въ теченіе минувшихъ 25-ти лѣтъ нѣсколько разъ, а въ 1884 году, по инициативѣ теперешняго директора института К. К. Сентъ-Илера, руководящаго институтомъ уже 20 лѣтъ, введены и занятия ручнымъ трудомъ по шведской системѣ, для чего министерство народнаго просвѣщенія ассигнуетъ ежегодно на мастерскія 5,000 р.; главный предметъ занятий въ мастерскихъ—токарное ремесло по дереву и металлу; обучаются этому въ лѣтнее время и учителя городскихъ училищъ другихъ округовъ, а также ученики городскихъ училищъ. Для желающихъ въ институтѣ введены занятия музыкой и изученіе нѣкоторыхъ иностранныхъ языковъ. Около семи лѣтъ тому назадъ при институтѣ же организовалось общество вспомоществованія бывшимъ его воспитанникамъ, имѣющее теперь значительный капиталъ и почти 300 человекъ дѣйствительныхъ членовъ. При институтѣ, въ годъ его основанія, было учреждено и первое городское училище, процвѣтающее донынѣ. Съ 1874 года впервые введены были испытанія по сокращенной программѣ на званіе учителей городскихъ училищъ. Уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ учительскій институтъ снабжаетъ учителями Прибалтійскій край, принимая также отсюда лицъ, готовящихся въ учителя, для усовершенствованія въ преподаваніи. За послѣдніе два года одинъ рижскій учебный округъ воспользовался отъ института 33 учителями.

— Бывшій въ Россіи въ прошломъ году извѣстный американскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія профессоръ Юсіа Х. Шинь, увлеченный еще на школьной скамьѣ изученіемъ исторіи громадной Россійской имперіи, въ настоящее время пишетъ „Исторію Россіи“. Въмѣстѣ съ этимъ, профессоръ І. Х. Шинь организовалъ въ Америкѣ цѣлую серію популярныхъ лекцій о Россіи, которая онъ читаетъ самъ. Лекціи пользуются необычайнымъ успѣхомъ, собирая десятки тысячъ слушателей. До сихъ поръ профессоромъ Шинь прочтены слѣдующія лекціи: о

Л. С. Ауэръ.

Съ фот. Е. Мрозовской автогипія „Нивы“.

Петрѣ Великомъ, преобразованіи Россіи императоромъ Петромъ, о молодомъ Императорѣ Нико-

лаѣ II, о государынь императрицѣ Маріи Феодоровнѣ—матери императора Александра I, объ императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II, Александрѣ III, объ организаціи русскаго флота, о русской литературѣ вообще и, въ особенности, о Ломоносовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ и гр. Л. Толстомъ, объ организаціи народнаго образованія, о народныхъ школахъ и о земствѣ. Въ настоящее время профессоръ Шинь готовитъ новую лекцію „Мирскій сходъ крестьянъ“.

— Императорская Академія Наукъ, празднующая въ будущемъ году столѣтіе своего существованія, намѣрена, по сообщенію газетъ, приступить къ изданію краткаго описанія исторіи академіи на 73 языкахъ и нарѣчійхъ. Этотъ проектъ будетъ выполненъ типографіей академіи, единственной по полнотѣ шрифтовъ въ Россіи.

— *Варшавскій Дневникъ* сообщаетъ, что И. Вавельбергъ пожертвовалъ 300,000 р. на устройство въ Варшавѣ домовъ съ дешевыми квартирами для рабочихъ и поденщиковъ, въ память 50-лѣтія существованія банкирскаго дома И. Вавельберга.

— По словамъ *Клязьмской Газеты*, скончавшійся А. М. Заржецкій отказалъ по духовному завѣщанію 90,000 руб. для разныхъ благотворительныхъ учрежденій, находящихся въ Клязьмахъ.

— Княгиня М. К. Тенишева, учредительница Талашкинскаго, въ Смоленской губерніи, сельскаго двухкласснаго училища съ курсомъ сельскаго хозяйства, обратилась въ департаментъ земледѣлія съ заявленіемъ, что въ виду отсутствія въ отечественной сельско-хозяйственной литературѣ руководствъ, которые могли бы служить къ распространенію между крестьянами какъ основныхъ положеній по сельскому хозяйству, такъ и въ особенности тѣхъ свѣдѣній, которые могутъ найти непосредственное примѣненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ и содѣйствовать его улучшенію, она жертвуетъ капиталъ въ 1,500 руб. на учрежденіе двухъ премій (въ 1,000 и 500 руб.) за составленіе подобнаго руководства для названныхъ школъ средней полосы Россіи.

Смѣсь.

Хирургія у индѣйцевъ. Одинъ ученый антропологъ сообщаетъ въ нью-йоркскомъ научномъ журналѣ *Science* чрезвычайно любопытный фактъ, свидѣлемъ котораго ему удалось быть во время пребыванія среди дикарей. Одинъ индѣецъ раздробилъ себѣ ступню. Произошло, вѣроятно, зараженіе крови, такъ какъ явилось сильное воспаленіе; опухоль нерешала выше, и вся нога совершенно отъѣбла. Старый знахарь-индѣецъ взялся произвести операцію и исполнилъ ее съ поразительною ловкостью. Прежде всего онъ надрѣзалъ главную рану ножомъ, выпустилъ изъ нея кровь, тѣмъ же ножомъ осклабилъ нагноенію во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ и все это обмылъ, въ заключеніе, обеззараживающею, будто бы, жидкостью, представляющею собою нечто иное, какъ отваръ ивоваго корня. Ни одинъ самый опытный врачъ не произвелъ бы этой операціи съ такою увѣренностью и, главное, съ такимъ

Памятникъ на могилѣ П. И. Чайковскаго. Съ фот. К. Булда автогипія „Нивы“.

благополучнымъ исходомъ: черезъ нѣсколько времени больной совершенно оправился и сталъ владѣть ногой попрежнему. Любопытнѣе всего, однакоже, тѣ соображенія, которыми руководствовался искусный операторъ, пользуя своего пациента. Прежде всего, видите ли, нужно было выгнать изъ ноги всю старую кровь, чтобы дать возможность образоваться новой; эта новая кровь создается, въ свою очередь, новыя здоровыя мускулы. Точно такъ же, какъ изъ крови создается мясо, сама кровь создается изъ воды, а кровью обуславливается вся жизнь. Поэтому-то и нужно промыть раны водою, чтобы ввести въ больную ногу новую кровь. А такъ какъ ива всегда почти растетъ около воды, то корни ея и содержать въ себѣ особенно много животворящихъ элементовъ. То обстоятельство, что отваръ ивоваго корня имѣетъ красноватый цвѣтъ, еще болѣе поддерживаетъ убѣжденіе, что изъ него образуется кровь. Нагноеніе было приписано дѣйствію червей, и осклабыванье имѣ-

ло дѣль удалить не только ихъ, но и положенныя ими въ тѣло яйца. Подъ конецъ же операціи было продѣлано самое главное: къ ранѣ приложили талисманъ, который долженъ былъ изгнать послѣдніе слѣды болѣзни. Весь этотъ разсказъ служитъ очень любопытнымъ примѣромъ того, какъ иногда самая нелѣпая, фантастическія представленія все-таки приводятъ въ концѣ концовъ къ совершенно разумнымъ дѣйствіямъ.

Самая старинная паровая машина, до сихъ поръ еще находившаяся въ дѣйствиіи, работаетъ, какъ оказывается, на одной изъ каменноугольныхъ копей близъ Бристола. Она построена еще въ 1745 году, по системѣ Ньюкемена и, слѣдовательно, на двадцать пять лѣтъ старше изобрѣтенія настоящей, повсюду употребительной машины Джемса Уатта. Въ теченіе слишкомъ полутора вѣка дѣтъ своего существованія она работаетъ вполне исправно.

НИВА

даетъ въ теченіе
одного 1898 года
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всеми приложеніями:
Безъ доставки въ СПБ. 5 Р. 50 К. Съ перес. во все города и мѣста. 7
Съ доставкой въ СПБ. 6 Р. 50 К. Россіи . . . 7
Безъ дост. въ Москвѣ, у Н. Печниковской. 6 Р. 25 К. За границу 10
Разсрочка платежа въ 2 и 3 срок
Иллюстриров. объясненіе высылается бесплатно

Подписчики «НИВЫ» получаютъ въ 1898 г.:

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И. С. ГУРГЕНЕВА, которое явится первымъ по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ „Стихотворенія“ Тургенева, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, и будетъ отпеч. на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще болѣе четко, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербург., Малая Морская, 2

полное собраніе сочиненій

ТУРГЕНЕВЪ

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).
12 №№ рундѣльныхъ и выпильныхъ работъ и вытравленъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертеж. СЪВѢТНОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатан. красками.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Я. Полонскаго.—Удаль. Историческая повѣсть В. М. Михеева. (Продолженіе).—На Песнѣхъ. Разсказъ А. Фромма.—Новая Калифорнія (съ 4 рис.).—Есть рисунки: Судьба перваго воздушнаго шара.—Осень.—Дорожная встрѣча.—День расчета.—Лаконка.—Маршалъ.—А. И. Коробова (съ портр.).—Л. С. Ауэръ (съ портр.).—Памятникъ на могилѣ П. И. Чайковскаго (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—О подписѣ на „Ниву“ 1898 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

САМОУЧИТЕЛЬ

кройки и шитья дамск., дѣтск. и верхн. вещей и бѣлья, безъ посторон. помощи. До 160 черт. и рис. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Прод. у пивовар. книгопродавцевъ. Вислм. налогъ плат. Складъ изданія: Москва, Гагаринской школа кройки Н. П. Готте. 2-1

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

„ОФИЦЕРЪ“ ТРАВА КУЗЬМИЧА во вновь открытомъ мною складѣ на мѣстѣ главнаго сбора (въ 70 вер. отъ г. Бузулука), подѣ моиѣ личнымъ наблюденіемъ. Цѣна: вышній сортъ боровой въ цѣвѣ и съ кореньями 5 руб. за фунтъ, второй сортъ отборная боровая въ 3 руб. за фунтъ. Съ требованіемъ прошу обращаться въ с. Сорочку, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губ., Татьянѣ Ефимовѣ Проничиной, въ д. Училищна. Требования исполняются правдиво и успѣшно. № 10620

БЕЗПЛАТНО

ВЫСЫЛАЕТЪ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ специальный магазинъ бѣлы Ю. Готлибъ. Владимирская, 2, уголъ Невскаго.

CREME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣстѣ Cold cream (кольдъкрема). Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-4

„Ideal“. Каждая дама, желающая быть вполне элегантною, безукоризненно аккуратной, употреби. для обивки подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ № 10426 нахъ Россіи. 26-1

ВѢДОМЫ ВСѢ дешовыя изданія русскихъ и иностр. фирмъ, для роли, пѣнья въ всѣхъ муз. инструментахъ высылаются СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ. При заказахъ свыше 1 руб. пересылка по почтѣ бесплатно. у Ю. ГИЛЬКЕНЕРЪ, Москва, Тверская д. Варгина, противъ д. Генералъ-Губерн. Требуется каталогъ нотъ.

ЖЕЛАЮЩИМЪ самолично построить дешовыя вътродвигательной копей сист., кот. не требуютъ башни, вмс. за 1 р. „Слутникъ“ съ 8 рид. для пред. озв. съ сист. Адр. В. I. Данъшевскому въ Вильнѣ, с. д.

ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ. БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА. Одинъ изъ большихъ американскихъ заводовъ издѣлалъ изъ бѣлаго металла „Британъ“ (British Silver), который по виду и по качеству нисколько не уступаетъ настоящему серебру, — вынужденъ былъ назначить окончательную распродажу всѣхъ своихъ товаровъ. Ликвидация находящагося въ Вѣнѣ склада этого завода поручена мнѣ. Поэтому желающіе могутъ получить отъ меня за ничтожную цѣну 12 руб., въ которую включена уплата пошамны, нижеслѣдующія вещи:

6	штукъ амер. патентов. (British Silver) столовыхъ ножей съ настоящими английскими клинками.
6	штукъ амер. патент. (Brit. Silver) столовыхъ ложекъ.
12	чайныхъ ложечекъ.
1	большая разливная ложка.
1	малая ложка.
2	подставки для яицъ.
6	английск. хрустальныхъ тарелокъ „Винторія“.
2	америк. патентован. столовыхъ подставочника.
1	стѣна-ложка для чая.
1	стѣна-ложка для сахара.

Всего 44 штуки; стоятъ только 12 руб. Желающихъ воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить послѣдовать своимъ заказамъ, ибо продажа будетъ производиться только покуда хватить наличнаго запаса товара. Съ требованіемъ можно обращаться на рускомъ языкѣ. Вещи высылаются по получении денегъ или наложеннымъ платежомъ. Адресовать письма просить: RIX. EXPORTHAUS, Wien, II, Fraterstrasse, 25. Всѣ вышеозначенныя 44 штуки стоятъ съ уплатою и съ уплаченною пошамною только руб. 12. № 10168 2-2

Для ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS** Для ЗУБОВЪ

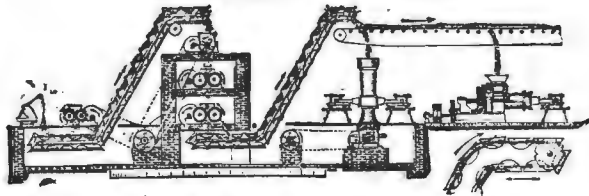
Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 11. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ
для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ

РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя въ Россіи, Германіи и друг. странахъ.

Нодельныя дѣли для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, известки, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительныя ремённые шкивы (патентъ во всѣхъ главнѣйшихъ промышленныхъ государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, вставляютъ.

Ручной прессъ для нечистыхъ ирраций (патентъ въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнизовыхъ ирраций. При двухъ опытныхъ рабочихъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ ирраций, гладкихъ или узорчатыхъ.

Крошъ того изобрѣта: кровельная черепица всякаго рода, глиняныя трубы разныхъ сортовъ; бетонныя издѣлія, брикеты, цѣпные кирпичи, плиты для колодезъ, глиняныя и цементныя.

Далѣе изобрѣта дѣлательныя и формочныя машины для кирпичей, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и мшиловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль
за Берлинскую промыш. выставку 1896 года.

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ

по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.

въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшения какъ равныя послѣднія издѣлія и заграничныя новости. Любимыя хлопоты въ каждой коллекціи! Кроме того исключительно въ этой коллекціи приложено оригинальное китайское фонарико, и заглавъ еще весьма практичный и удобный аппаратъ для зажигания и тушенія свѣчей, по вышеприведенному рисунку. Больше подробныя свѣдѣнія близолюдите усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г. Выписка наложеннымъ платежомъ.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВЫМИ ИЗДАНИЯМИ

знаменитыя танцы въ легкой аранжировкѣ для фортепіано въ 2 руки. Серия I: Вальсы Вальдгейфла: „Violette“, д. 20 к., „Romone“ (Успокой), д. 20 к., „Toutjours ou Jamais“, д. 20 к., „Dolores“ (Милая), д. 20 к., „Les Patineurs“ (Конькобѣжцы) д. 20 к., „L'est-diantina“ д. 20 к., „Любовь и Весна“ д. 20 к., Ивановичъ: „Дунайскія волны“ д. 15 к., Кутъ: Bris à Bras, полька д. 15 к., Делибъ: Коллея, мазура, д. 20 к. Въ 10 танцевъ въ одной тетради д. 1 р. 25 к. Серия II: Вальсомъ Вальдгейфла: „Золотой дождь“ д. 20 к., „Sirenenpauber“ д. 20 к., Ивановичъ: „Вдохъ“ д. 20 к., „Восточный романъ“ д. 20 к., Достяна: „Венеція“ д. 20 к., Metra, Echo de Paris: „Polka“ д. 20 к., Polka-Mazurka д. 20 к., Вальсъ (Les Roses, La Vague) д. 20 к., Бадриль д. 30 к., Kratzl: „Noch Wien“, вальсъ д. 20 к. Въ 10 танцевъ въ одной тетради д. 1 р. 25 к.

Гг. инородные въписывающіе отъ издателя, присылая при заказѣ деньги или марки, за пересылку не платятъ. Каталогъ бесплатно. СПб., Садовая, 22, Книжный и музыкальный магазинъ П. Н. СЕЛІВЕРСТОВА. № 10602

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (75)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEISCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

За 6 р. 50 к. **НОВОСТЫ!!!** За 6 р. 50 к.

часы „ЗВѢЗДА“.

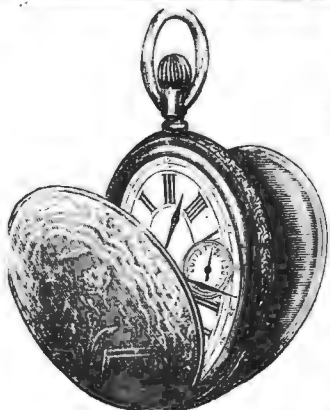
Прелестныя карманныя часы глухія, заводъ безъ ключа, 16 лин., всѣ три кришки наладнаго золота. Не отличить, даже специалистамъ, отъ настоящихъ дорого стоящихъ золотыхъ часовъ. Ц. № 10619 2—1

Механизмъ часовъ „ЗВѢЗДА“ усовершенствованъ и урегулированъ съ такой точностью, что могу ихъ смело рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ.

Каждымъ часамъ предлагается почетное ручательство на 4 года, въ продолженіе которыхъ починка ихъ производится въ моихъ мастерскихъ безвозмездно.

Инородцыя требованія выполняются немедленно по полученіи задатка, остальные положенныя платежи.

Прому адресовать: Въ часовое заведеніе **І. ВУЗЕРА**, Варшава, Грибная ул., № 6. Часы „ЗВѢЗДА“ считать настоящими только снабженные логотипомъ фирмы **І. В.**

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

прозрачныя, въ металлическихъ оправкахъ отъ . . . 3 р. 50 к.

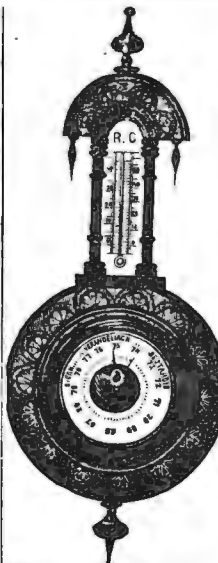
Въ деревянныхъ оправкахъ отъ . . . . . 7 р.

БИНОКЛИ для театра и полей, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 руб.

ОЧКИ и ПЕНСЭ съ лучшими стеклами, стальныя . . . . . 1 р. 25 к.

Double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе . . . . . 4 р.

ОЧКИ и ПЕНСЭ золотыя 56 пробъ отъ . . . 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ

преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**

Москва, Рождественка, д. № 5.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
обучаю заочно кроить и шить по новейшей французской методѣ «ВОРТА».

Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія выслушаются бесплатно.
Нievъ, Фундуклевская № 37.
Е. Д. Ашварина.

БУХГАЛТЕРІЯ.

Выслушаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по прѣписов. боа. зод. медалью методу. С. Я. Ліліанталь, Москва, Бутырскі, № 49.
Ц. № 10397 10—6

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семедени въ Киевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12—2

ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ!
дѣтская присылка
„ЗОИНЪ“.

Лучшее антисептическое средство отъ вѣрныхъ, кожныхъ болѣзненныхъ явленій и т. п., дѣтскаго запаха, присущаго новорожденнымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 6310.
Б. н. 30 н., мал. к. 20 н.
Ц. № 10609 Продажа вездѣ. 4—1
Главный складъ: торговый домъ Гофманъ и Деуэлъ, Харьковъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВЪ. Сост. Рибо.

Содержаніе: Введеніе. Физическое и нравственное страданіе: Удовольствіе. Болѣзненныя удовольствія и страданія. Природа душевныхъ движеній. Память чувствъ. Инстинкты самохраненія въ оборонительной и наступательной формѣ (страхъ и гнѣвъ). Символика и вѣжностъ. Половой инстинктъ. Соціальныя и нравственныя чувства. Религіозное, эстетическое и интеллектуальное чувство. Нормальныя и ненормальныя характеры. Разложеніе аффективной жизни. Цѣна 80 коп.

ОТГОЛОСКИ Цѣна на годъ **3 руб.** съ дост. и перес.

Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Открыта подписка на 1898-й годъ (3-й годъ изданія). Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10. Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но явномъ и общедоступномъ изложеніи и въ известномъ освѣщеніи, систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ журнальныхъ статьяхъ, лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ и вообще новинкахъ русской литературы, съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежеднечными журналами и разбираться въ массѣ даваемого ими матеріала.

Редакторъ-издатель **И. В. СКВОРЦОВЪ.**

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Я. В. Виталиевъ и И. А. Слоновъ.

Москва, Никольская ул., д. гр. Шереметева.

Снѣмъ объявляетъ, что имъ изготовлены и поступили въ продажу для гг. участниковъ первой всеобщей переписи населенія **БРЕЛОНИ-ЖЕТОНЫ**, золотыя и серебряныя визолоченныя, украшенныя трехцвѣтной эмалью, высокохудожественной работы; при семъ предлагается рисовать жетоны въ натуральную его величину, на оборотной сторонѣ коего выравриваются имя, отчество и фамилія заказчика.

№ 1. Жетоны серебряныя 84 пр. визолоченныя, украшенныя эмалью съ гравированной надписью, въ футлярѣ 4 р. с.
№ 2. Томе 88 пр., массивныя, съ эмалевой надписью, въ футлярѣ . . . . . 6 р. с.
№ 3. Томе золотыя 56 пр., украшенныя эмалью, съ гравированной надписью, въ футлярѣ . . . . . 12 р. с.
№ 4. Томе 56 пр., массивныя, съ эмалевой надписью, въ футлярѣ . . . . . 20 р. с.
При требованіи долженъ быть приложенъ задатокъ — одна треть всей суммъ, остальныя деньги уплачиваются по наклад. платежу, пересылка конкъ принимается за счетъ Торговаго Дома.
При одновременномъ требованіи 5 штукъ и болѣе скидка 10% съ рубля.
Принимаются заказы на изготовленіе юбилейныхъ жетоновъ, золотыхъ и серебряныхъ.

МУЗЫКА! ВСЯКАГО РОДА! МУЗЫКА!

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ. МОСКВА. ПЕТРОВКА.

Заказы исполняются по получении 1/2 стоимости наложеннымъ платежомъ.

Скрипки въ 2, 3, 4, 5, 8, 10, 15, 25 р. и до 100 р. Смычки для нихъ въ 50, 75 к., 1, 2, 3 р. и до 25 р. 1/2 и 3/4 скрипки въ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10 и 15 р. Мандолины въ 8, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. отъ 15 р. итальянской работы.

Цитры обыкновенныя концертныя и элекгичныя въ 8, 15, 20, 30, 45, 60, 75 и 100 р. Цитра „Эрато“ съ 36 аккордами въ 18 и 25 р. 48 35

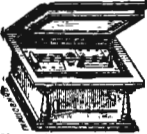
Самочтепель къ нимъ 50 коп. Корнеть-а-пистоны въ 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 руб.

Флейты отъ 2 р. Кларнеты отъ 6 р. Барабаны дѣтскіе, школьные, концертныя и военные. Вальдгорны, рожны, бубны и тарелки. Народныя цитры, на которыхъ въ теченіе 1 часа можно научиться играть, 6 и 8 р. Пьесы къ нимъ 14 альбомовъ по 50 коп.

Самограющіе и механическіе инструменты съ ручками.

Музыкальные ящики малые отъ 2 до 10 руб. средние въ 16, 20, 30 и 40 р. большіе въ 50, 60, 70 и 90 р. Такіе же съ колокольчиками 90, 100 и 130 р. и съ перекл. клавиш въ 150, 200 и 350 р.

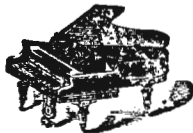
„СИМФОНИОНЫ“

№ 1. Съ ручкой 4 р. 50 к. Пьесы по 20 к. 8. Самоиграющій. 9 р. 20 к.

№ 11. Самоиграющій 40 тоновый.	17	30
2. 60 тоновый.	27	45
6. 84 тоновый.	36	60
8. Sublime harmonie	65	75
12. Piccolo 100 тоновый.	90	90
152. Вол. рѣз. издѣл. шкафа съ 164 тон. 300 р. Пьесы по 3 р.		
Часы съ музыкой 200 руб. Пьесы по 90 коп.		

Механическія пианино, на которыхъ можно играть руками какъ на обыкновенномъ, а также и посредствомъ верченія ручки 550, 600, 650 и 700 руб.

Лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрик. РОМЛИ отъ 550 руб. до 1000 руб. ПИАНИНО отъ 350 руб. до 700 руб.

Исполненіе всѣхъ заказовъ СКОРОЕ и ДОБРОСОВѢСТНОЕ.

Народныя цитры съ подкладными нотами 8 руб. Подкладные листы съ 2-мя пьесами по 30 коп.

Гитары:

Гитары отъ 7 р. съ машинкой для струнъ. Школа для гитары Сырцова ч. I и II по 9 р. 50 к. Любвиныя ч. I по 1 р. Балалайки въ 2, 3, 4, 7, 10 и 15 руб.

Ручныя гармоніи

накупчія въ настоящее время

„Прелестыя аккордеоны“. Двухрядныя въ 5 р., обыкновенныя разнѣр. 8, 10 и 14 р. Двухрядныя въ 20 и 30 р. Трехрядныя 40 р.

Кремона-аккордеоны:

Однорядныя въ 8, 10, 12 р. Двухрядныя 16 и 20 р. Гармоніи извѣстныя русскаго и итальянскаго строю.

Аристонъ дѣтскій. . . 5 р. Пьесы по 15 к. Органъ Дольчина . . . 8 „ 25 „ Иттона органъ . . . 8 „ 30 „ Серафинъ органъ . . . 12 „ 30 „ Аристонъ большій . . . 17 „ 45 „ Герофонъ большій . . . 22 „ 45 „ Каафонъ со стальными голосами 22 руб. Пьесы по 60 коп.

Каафонъ со стальными голосами съ барабаномъ и колокольчиками. 35 р. Пьесы по 80 коп.

Орнестръ Манопанъ 50 руб. Пьесы по 90 коп. ПIANO Мелодико въ 65 и 70 руб. Пьесы различной длины за то же форма стола 85 руб. одинъ метръ 60 коп.

То же самоиграющее въ 200 руб. ПIANO Мелодико концертное 150 руб. То же самоиграющее 400 руб. Пьесы за одинъ метръ 85 коп.

Фисгармоніи.

Американскія фабрики Стори и Кларкъ въ 180, 200, 250, 300, 400 и до 1000 руб. Нѣмецкія въ 90, 110, 130, 150, 200, 300 и 400 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ ц. № 10529 бесплатно. 3-2

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, Снб. Невскій просп. № 6 противъ М. Морской Горьковск. ул. у Краснаго Моста № 17. ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ. Высшая наложен. платежемъ. Иллюстр. Прейсъ-Куранты бесплатно.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ

Изобрѣтеніе холковника МАДИНОВСКАГО. Специальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ Москва, Арбатъ, д. 40. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами НАИСЛѢЙШАГО СВѢТА

АДЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинокъ, съ отрывками заказчиковъ и печати въ 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, 39, Невскій.

Спеціальное заведеніе по дѣленію ЗАКАЗАНІЯ Н. Ю. Эрнстъ, Москва, Бол. Никитская ул., д. бывш. Черныя, кл. 6. Ручководство къ самообученію 3 рубля

Санаторія д-ра Ремплера для страдающ. грудными болѣзнями ВЪ ГЕРБЕРСДОРФЪ, ВЪ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфскаго дѣтскаго, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользоваема слабыми болѣзнями воздухомъ, предоставляетъ самымъ благоприятнымъ условіямъ для дѣченія, за умеренныя цѣны. Объявленія высылаются бесплатно. Д-ромъ Ремплеромъ. R. № 10530 4-3

Открыта подписка на 1898 г. на ежедневную САМУЮ ДЕШЕВУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

РУССКОЕ СЛОВО

4-й г. изд.

4-й г. изд.

ВЪЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

ПРОГРАММА БОЛЬШОЙ СТОЛИЧНОЙ ГАЗЕТЫ.

Несмотря на крайне дешевую цѣну, газета будетъ заключать въ себя, съ достаточною полнотою, всѣ отдѣлы большихъ столичныхъ газетъ и постарается быть яркою отраженіемъ явленій нашей общественно-государственной — въ столицѣ и въ провинціи — жизни. Особое вниманіе редація отдастъ вопросамъ народнаго образованія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Событія международнаго характера и жизни иностранныхъ государствъ будутъ съ возможною полнотою отмѣчаться въ газетѣ. За успѣхами нашей общественности, за явленіями въ русской наукѣ и въ родной словесности „РУССКОЕ СЛОВО“ будетъ слѣдить съ особой внимательностью. № 10611 2-1

Срокъ выхода — ежедневный (кромя дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

ПОДПИСОНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкой: на 6 мѣс. 3 р. — к. 5 р. 3 1. 75. на ГОДЪ 5 р. 1. — 60.

Адресъ редакціи: Москва, Тверской бул., д. Яголковскаго.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

ТОЛЬКО 2 руб.

Дождевые непромокаемые двухслойныя плащи (накидки) съ брызжками изъ самаго лучшаго чернаго матоваго вѣсатина, всякой длины до 35-ти вершковъ, высылаются наложеннымъ платежомъ безъ задатка почтово или жел. дор.

Т. Я. ХАЙКЕВИЧЪ, г. Двинскъ.

При выпискѣ 10 (десяти) накидокъ — цѣна 18 руб. и высылаются только по полученіи задатка.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du rhin. № 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

В. № 10088

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Потребленіе какао Ванъ-Гоутена, какъ пріятнаго напитка, растеть съ каждымъ днемъ. Это—наилучшій шоколадъ для питья.

1877 г.

1882 г.

1886 г.

1896 г.

Правленіе **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного товарищества

П. А. СМІРНОВА,

у Чууннаго моста, въ Москвѣ,

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что фирма т-ва удостоена **ВЫСОКОЙ ЧЕСТИ** именоваться

ПОСТАВЩИКОМЪ

ко двору Его Величества Оскара II, короля Швеціи и Норвегіи.

Брошка „Надежда“
зол. 56 пр. 13 р. 85 к.

Брошка „Панцирь“
зол. 56 пр. 12 р. 45 к.

Браслетъ „Надежда“
зол. 56 пр. 19 р. 50 к.

Браслетъ „Панцирь“
зол. 56 пр. 37 р. 50 к.

Браслетъ „Бриллианты“
зол. 56 пр. 19 р. 75 к.

Браслетъ „Аметистъ“
зол. 56 пр. 39 р. 50 к.

Цѣпочка „Нанатъ“
французскаго зол. 5 р. 75 к.

Господа заказчики, проживающіе за 2000 верстъ, благоволятъ при заказѣ высылать задатокъ въ размѣрѣ стоимости пересылки.

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для Г. ГОРОДНЫХЪ СОСТАВЛЕНЫ КОЛЛЕКЦИИ:

ВЪ 5 Р. 10 Р. 15 Р. 25 Р. 50 Р. 100 Р.

Каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елки. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно рекомендуемъ для большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраний, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.

Покорнѣйше прому дать заказъ на эти коллекціи немедленно, дабы получить все потребное своевременно и дешево перес., т. е. жел. дор., а не почтой.

Цѣпочка двойной панцирь
франц. зол. 7 р. 85 к.

Кольцо бриллиантъ-солитеръ
4 р. 90 к.

Брошка „ПОЛНО“
зол. 56 пр. 6 р. 50 к.

Брошка „СОЛИТЕРЪ“
зол. 56 пр. 7 р. 55 к.

Брошка „БАНТИКЪ“
зол. 56 пр. 9 р. 95 к.

Браслетъ „ПРЯЖКА“
зол. 56 пр. 21 р. 50 к.

Цѣпочка французскаго зол.
4 р. 85 коп.

Браслетъ „ПАНЦИРЬ“
зол. 56 пр. 37 р. 50 к.

Брошка „НАДЕЖДА“
зол. 56 пр. 13 р. 85 к.

Брошка „ПАМЯТЬ“
зол. 56 пр. 12 р. 45 к.

Браслетъ „НАДЕЖДА“
зол. 56 пр. 19 р. 50 к.

Браслетъ „ПАМЯТЬ“
зол. 56 пр. 37 р. 50 к.

Браслетъ „БРИЛЛИАНТЫ“
зол. 56 пр. 19 р. 75 к.

Браслетъ „АМЕТИСТЪ“
зол. 56 пр. 39 р. 50 к.

Цѣпочка „НАНАТЪ“
французскаго зол. 5 р. 75 к.

Перес. вагономъ. и платжемъ.
Телеграмми исполн. немедленно.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

С.-Пет. рбургъ,
Невскій пр., № 20—31.

Парижская **КУХЛЯ** говоритъ на-ла и мама, плачетъ, спитъ и шибется 4 р. 50 к.

БРИТВА „РОЗА“
3 р. 50 к.

Портъ-сигаръ съ письменнымъ приборомъ 90 к.

Страусовый ВЪЕРЪ
3 р. 60 к.

Удивительн. новостъ воздушный шаръ АНДРЕ
10 шар. 15 к., 50 шт 70 к., 100 шт. 1 р. 25 к.

Шошелекъ заграничн раб. свѣтлой кожи
№ 1452 шт. 95 к.

СТАТУЭТКА на подставкѣ 95 коп.

БРЕЛОНЪ „НОЖКА“
1 р. 75 к.

ДЛЯБОМЪ для карточекъ 6 р. 65 к.

ПРИМИТЕ КЪ СВѢДѢНІЮ!

Въ виду повившейся поддѣлки на мои вансики „ДЕЗОДОРАТЪ“ для уничтоженія зловонія въ комнатахъ, спальняхъ, и т. д., покорнѣйше прому обратитъ вниманіе на этикетъ, который снабженъ надписью Столкнуна, и этикетъ заклеенъ въ департаментѣ торговли и мануфактуръ. Я буду преслѣдовать закономъ не только поддѣлывателя, но и продавца поддѣлки.

Ш. № 105782—2

Съ почтеніемъ **Л. Столкнуна.**

НОВОЕ ПРИМѢНЕНІЕ ЖЕНСКАГО ТРУДА.

Управленіе для Россіи Общества взаимнаго страхованія жизни „НЬЮ-ІОРКЪ“ снмъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія объ открытіи имъ особаго Отдѣленія со-трудницъ-женщинъ для распространенія страхованія жизни.

Особъ, желающихъ принять на себя это занятіе и узнать условія, проситъ обра-щаться въ Контору Управленія Общества „Нью-Йоркъ“.

В. № 10622 2—1

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 12.

Магазинъ художественныхъ принадлежностей А. Феттін, бнмъ. Р. Немель, Больш. Морская, 23, СПб. Краски отъ Leffranc, Winsor Newton, Lascroix, Mowes и др.; масл., аквар., фарф., альбумин. для fotogr., бронз., темпера, лакъ разн.; рисунки (modèles) для всякаго рода живописи въ больш. выборѣ; для гобеленовой живописи: холстъ, краски, рисунки и пр.; новосты: гобелен. холстъ, на которомъ уже нарис. извѣстн. рисунки; инструменты для тисненія по кожѣ, рѣзьбѣ по дереву и пр.; для фото-миниматоры ищются въ продажѣ только у меня всѣхъ прннад. отъ Delaguerre. Новосты: Парометръ, усовершенство. приборъ къ аппарату для выжиганія по дереву, картопу и пр. Постоянно ищется большой выборъ деревян. вещей для выжиганія. Серія отк. писемъ съ видами Петербурга и Петергофа: 42 шт. 2 р. Альбомы ящич. и прот.

Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія ГЕМОРОЯ

патентованные пессарія д-ра мед. ШЕНЕ

специалиста по желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обращаться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же къ фабрикантамъ

УРШПРУНГЪ и К^о.

въ Барменѣ, Германія.

Ш. № 10596

Корреспонденція и на русскомъ языкѣ.

6—2

О ПОДПИОНЪ НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ“

издаваемый състоящимъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ ЕИ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ БЕОДРОВНЫ Попечительствомъ о Дѣлахъ Трудолюбія и Работныхъ Дѣлахъ.

Журналъ имѣетъ свою задачу теоретическую и особенно практическую разработку вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ въ различныхъ формахъ ея, а также и другихъ вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ широкомъ смыслѣ.

Въ программу журнала войдутъ:

- 1) Указанія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. 2) Журналы Комитета Попечительства о Дѣлахъ Трудолюбія. Периодическія сообщенія Комитета о положеніи дѣлъ Попечительства, о новыхъ членахъ его, о пожертвованіяхъ и пр. Сообщенія о командировкахъ членомъ Попечительства для осмотра домовъ трудолюбія и результатахъ такихъ командировокъ. 3) Извѣстія изъ отчетовъ отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Сводныя данныя о дѣятельности домовъ трудолюбія. 4) Вопросы и отвѣты по различнымъ сторонамъ устройства и дѣятельности домовъ трудолюбія и другихъ учреждений трудовой помощи. 5) Статьи и замѣтки по вопросамъ трудовой помощи. 6) Статьи и замѣтки по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. 7) Статьи и замѣтки по вопросамъ, соприснающимся съ общественною благотворительностью. 8) Хроника. Обзоръ дѣятельности земствъ, городовъ, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ вспомоществованія бѣднымъ, преимущественно въ области трудовой помощи. Извѣстія о возникновеніи новыхъ благотворительныхъ предпріятій, о пожертвованіяхъ и т. д. 9) Иностранная гдѣль. Обзоръ иностраннаго законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Хроника дѣятельности иностранныхъ учреждений трудовой помощи и другихъ предпріятій въ области благотворительности. 10) Литературное обозрѣніе (русскія и иностранныя книги, брошюры и периодическія изданія). Въ случаѣ надобности, въ видѣ особыхъ приложений къ журналу, будутъ печататься оригинальныя и переводимыя труды по предметамъ, входящимъ въ программу журнала.

Въ журналѣ „Трудовая помощь“ будутъ принимать участіе: Н. Ф. Анненскій, проф. П. М. Георгіевскій, В. Н. Герардъ, проф. В. И. Герье, Д. А. Дриль, проф. М. В. Духовской, Г. Б. Иоллосъ, А. Ф. Кони, С. М. Латышевъ, Е. Д. Максимовъ, А. Г. Небоисинъ, П. И. Обнинскій, С. В. Сперанскій, проф. А. И. Чупровъ, акад. проф. И. И. Яннуль и другіе.

Первая книга журнала выйдетъ въ свѣтъ въ ноябрѣ 1897 года.

Журналъ будетъ выходить, безъ предварительной депюры, ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 7 листовъ. Въ теченіе перваго подписнаго года будетъ издано двѣнадцать книгъ—дѣвъ (ноябрь и декабрь) въ 1897 г. и десять книгъ въ 1898 г.

Подписная плата—три рубля въ годъ (но январь 1899 г.) съ доставкой и пересылкою. За границу—пять рублей.

Отдѣльныя книги журнала будутъ продаваться по 50 коп. Цѣна книгъ съ приложениями будетъ назначаться особо въ зависимости отъ размѣра приложений.

Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ чрезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ чрезъ Контору журнала—допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 руб. 50 коп., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 коп., каждый разъ.

Подписна принимается:

Въ С.-Петербургѣ: 1) въ Конторѣ журнала „Трудовая помощь“, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга, бывш. Мелье и № (Невскій, 20, у Пондѣйскаго жоста); 2) въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Невскій, 38), М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 лн., 28), Н. П. Карбасникова (Литейный, 46), фирмъ „Издатель“ (Невскій, 68).

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Неглинскій переул.) и Н. П. Карбасникова (Моховая, противъ Университета).

Иногородные и заграничные подписчики благоволятъ обращаться въ Контору журнала (Книжный магазинъ Цинзерлинга, Невскій, 20).

Адресъ редакціи:—С.-Петербургъ, Инженерная ул., д. 4.

Редакція для личныхъ объясненій открыта по вторникамъ и субботамъ отъ 3 до 5 ч. д. Рукописи статей, замѣтокъ, сообщеній и пр. должны быть направлѣны исключительно въ редакцію.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ оплачиваются по расчету 16 руб. за страницу и 50 коп. за строку. Книжные магазины за доставляемые ими объявленія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%.

Редакторъ журнала „Трудовая помощь“
Власиміръ Федоровичъ Дерюжинскій.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР-МЪ.
ДУХИ высшаго качества, самыя модныя:
Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
Новая Фалла Букетъ Флориды
пріятный и долго сохраняющійся запахъ.
МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ:
Вознесенскій пр-съ, уголъ Казанской ул., домъ № 32.
НЕВСКІЙ ПР-МЪ. НЕВСКІЙ ПР-МЪ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствію, способу изготовленія часовъ въ моея женевской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 іюля с. г. самыя элегантныя и прочныя МУНОНИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно различимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, —крытые анкеръ, механикамъ самой лучшей конструкціи (удостоенъ серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣстѣ 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящея золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство
на 6 лѣтъ.

Вышлю вполнѣ вышренныя часы по полученіи вадатка 2 р., остальное же наложенномъ платежемъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во изблѣженіе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментномъ торговлѣи мануфактуръ. Ц. № 10808

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неалкальная и неослабляя.
ED. PINAUD
PARIS

ELIXIR, POUFRE ET PÂTE
DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Soulac,
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS:
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
GRAND PRIX
Expos. Int. Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Expos. Int. Bordeaux 1895
EXIGER LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Maquelonne P. B.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ, распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п.
Ц. № 10532 12—3
Какъ единственныя предстватели завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, пріобрѣтенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами специально уполномоченныхъ.
ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество
Правленіе: Москва.
Отдѣленія
С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ, Ростовъ н/Д.
М. Блок

ТРЕБУЮТСЯ
ДѢЯТЕЛЬНЫЕ АГЕНТЫ
на весьма выгодныхъ условіяхъ. Обращаться въ типо-литографію и фабрику каучуковыхъ штемпелей М. С. Гринберга, въ Одессѣ, Риндзевская, 28. Условія, иллюстрированный каталогъ съ образцами и прѣсыл-куртатами высылаются за дѣль 7 коп. марки.
ТИПОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
СТУДИЯ
ФИЛИГРАНЬ
САКАТЫКЪ И К°
МОСКВА
НЕКРАСОВСКАЯ
УЛ. 65
ПРОДАНА БЕЗЪ
ЦѢНЫ

**НОВОСТЫ
ДУХИ
ЛЕВКОЙ**
поставщиков
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА.

Заводъ породистыхъ собакъ и торговля ими
ЦАНА, ВЪ ПРУССИИ.
Удостоены золотыхъ и серебряныхъ госу-
дарствъ, и другихъ медалей.

Для подарковъ къ предстоящему
РОЖДЕСТВУ
имѣются чистокровныя собаки
всѣхъ породъ: ульмскіе и датскіе доги,
горныя собаки, вьюфундленды, бойзми,
аляскинцы, таксы, пуделя, пинчеры, кинг-
чарльзы, болоны и проч., и проч.
Большой иллюстриров. прейсъ-курантъ
высылается бесплатно.

РУЖЬЯ
и принадлежности
охоты по доступ-
нымъ цѣнамъ
предлагаетъ
Торговый Домъ
Я. ЗИМША Вдова и Ко.
Москва, Тверская, близъ Газетнаго.
Каталогъ бесплатно. 3-3

**ТРЕБУЙТЕ
НА КАЖДОЙ МѢСТЯНКѢ**
АНТИПАРАЗИТЪ
отъ
КЛОПОВЪ
и
ПЛОСКОКОЖИХЪ
Л. СТОЛКИНДА
Продается вездѣ.
Главный складъ Москва
Лубянский проездъ д. Смольянинова
Нижегород. Ямарка. Главный домъ № 37
Л. Я. Столкинды.

Вышло новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ИСТОРИЯ СЕМЬИ.
Липперта

(автора "Исторія культуры"). Переводъ съ
нѣмецкаго. Цѣна 60 коп.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
**НЕВСКІЙ ПР.
№ 32.**
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
домъ
КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ
ПРОТИВЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Куръ высыл. безпл.

ГАРМОНИИ фабрики
1. Ф. Кальбе.
Однорядныя въ 3 1/2, 4 1/2, 5, 5 1/2, 6, 6 1/2,
7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18
и 20 руб.
Двурядныя въ 10, 12, 14, 15, 18, 20,
22, 25 и 35 р. и въиск. въ 20 и 50 р.
Трехрядныя въ 50 р. и въиск. въ 28,
45 и 70 р.
Самоучители для 1 и 2-хъ рядныхъ по
1 руб., а для 3-хъ-рядной 75 коп.
Прейсъ-курантъ безплатно.

ГИТАРЫ
въ
3,
5,
7,
10,
15,
20, 25, 30,
40, 50 р.
и дорожн.
Отъ 7 руб.
и дорожн.
съ меха-
низмомъ
для струнъ.
Школа-самоучитель 1, 1 1/2 и 3 руб.
**Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.**
Главное депо и фабрика
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПРЕЛЕСТНЫЕ ДУХИ
„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“.
НОВОСТИ!
ДУХИ: „OUILLET ROYAL“
„ВЕР. ЭСС. ВЮЛЕТЪ“
ТОВАРИЩЕСТВА
БРОКАРЪ и Ко
№ 10515 Остерегаться поддѣлокъ! 2-2

**БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
МЪХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.**
ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ
НА МУЖСКИЯ И
ДАМСКИЯ МЪХОВЫЯ ВЕЩИ
новѣйшихъ фасоновъ и
изящнаго покроя.
Новый иллюстрирован-
ный прейсъ-курантъ въ се-
зонъ 1897—1898 г. высы-
ляется бесплатно.
Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный дождъ, и
Гостиный дворъ. № 58.

**ТВОИМЪ
ШОКОЛАДЪ
КАКАО**
ВЕЗДѢ

ПАМЯТЬ
лицъ каждаго вѣра: укрѣпляетъ лично и
звучно профессоръ мнемоники С. Файн-
штейнъ. Одесса, ул. Пушкайской и Ва-
ул., собственный домъ, № 28.
Условия и бромъ. (въ 32 стран.) вы-
сыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-9

САВЕЯ
ТЕЛЕФОНЪ
1360
ТОПЕНИИ
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
АВТОРИТЕТЪ
ПРОСЛАВИТЬ
СЕБЯ
НЕУЖИВЪНЫЯ ВЕЩИ
АВТОНОМЪ
ТЕЛЕФОНЪ
1360
БОСНИАНЦЕ
500 ЛѢТЪ
СЕРБИЯ
ТЕЛЕФОНЪ
1141

ПЕЧЕНІЕ
Геркулесъ
ИЗЪ
АМЕРИКАНСКОЙ
ОВСЯНОЙ КРУПЫ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С. СІУИКО

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-2
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

ВЫГРЫШ.
НЬЕ 1, 2 и 3 вагны продаютъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СІП. 11-4

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (1)
Спеціалнсть хронометровъ.
СПбурзь, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Лубк. Вибліотеки.
Подробный мастер. прейсъ-
курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ мага-
зина. Ручательство на 2 года.
Точннчн прн одажа по фабричнымъ цѣнамъ.

**ВНИМАНИЕ
ОСОБЕННОЕ**
васлужили у публики сл. дучш. новнзтн
выпущенныя кондит. фабрикой
Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ
1. АНАНАШЪ (натур.) въ мармала. „ДВОРЯНСКІЙ“
и. ЗЕФИРЪ фруктов. „ДВОРЯНСКІЙ“
и. ДЕССЕРТЪ фрукт. „ВЫШНИЙ“
Продается въ лучшихъ
магаз. Россіи.

XXVIII г.

№ 46

Выданъ 15 ноября 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к. съ нр. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Дачковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За границу.	10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г. №№ „Нивы“ со всеми приложеніями.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за ноябрь 1897 г.

Въ осеннюю распутицу. Съ карт. (исключ. право воспроизвед. принадлеж. „Нивѣ“) Р. Френца, грав. Рашевскій.

У даль

Историческая повѣсть

В. М. Михеева.

(Окопчаніе.)

XIV.

Владычный судъ.

Тѣло Олены похоронили въ ту же ночь, по указу князя и владыки. Хлопоталь около тѣла и провожалъ его до могилы у приходской церкви только старикъ Олѣкса. Едва привели его на дворъ Ивора, онъ сразу опомнился. Точно та обстановка, въ которой онъ жилъ съ малолѣтства,—сейчасъ же отрезвила его отъ непосильнаго горя. Онъ только какъ будто сразу одряхлѣлъ, и глаза его все неудержимо слезились. Но онъ не медли, уже въ полной памяти,—опять побѣжалъ въ домъ Добрыни. Всѣ видѣли, что онъ опаматовался, и не мѣшали ему.

Тамъ онъ нашель дочь уже въ гробу, плотно закрытую покровомъ. Ипоки, съ толстыми оплывающими свѣчами желтаго воску въ рукахъ, окружали гробъ, готовые вынести его въ церковь на отпѣваніе. Олѣкса поплелся за гробомъ. Онъ сталъ какой-то совсѣмъ маленькій. Онъ дрожалъ и тихо неизякаемыми слезами плакалъ, особенно когда шѣли: „Надгробное рыданіе творяще пѣснь“. Послѣ похоронъ онъ долго сидѣлъ на могилѣ. Одинъ изъ иноковъ повелъ его почти насильно во дворъ Ивора: тамъ онъ легъ въ темнотѣ на лежанку и затихъ на всю ночь,—хотя вовсе и не спалъ.

Добрыня остался на владычномъ дворѣ. Онъ думалъ, что жену его уже похоронили. Никто и не вывелъ его изъ этого заблужденія, да онъ о женѣ ни съ кѣмъ и не разговаривалъ. Вообще ни о чемъ не заговаривалъ, а уйдя въ келью, указанную ему временно, до ухода въ обитель, келаремъ владыки, всю ночь въ ней молился, не вставая съ колѣнъ. На утро онъ пошелъ на могилу жены. Онъ земно поклонился ей, пролежалъ на ней нѣкоторое время неподвижно, прошелъ на свой дворъ, куда ужъ понемногу вернулись всѣ наймиты челядинцы, отпустилъ ихъ, кромѣ одного, котораго оставилъ стеречь дворъ до пріѣзда Ивора,—сходилъ на дворъ къ Ивору,—ни слова не говоря, обнялъ Олѣксу, который и самъ молчалъ и только весь сотрясаясь мелкой дрожью,—потомъ съ ларцомъ, гдѣ былъ вкладъ въ Антоніевъ монастырь, удалился въ эту обитель, одну изъ самыхъ древнихъ въ Новгородѣ.

Понемногу страхъ въ городѣ разбѣялся. Заболѣванія, подобныя хвори Олены, хотя продолжали повторяться среди „черныхъ“ людей Новгорода, но все рѣже и рѣже. Вѣроятнo, это была послѣдняя слабая отрыжка чумы 1215 г. Случай эти были уже спорадическіе, какъ теперь называютъ ихъ въ наукѣ. До Ивора, впрочемъ, успокоительныя вѣсти долго не доходили, и онъ жилъ съ Оленей въ своей вотчинѣ.

Новгородъ опять затихъ. Но затихъ на этотъ разъ какъ-то угрюмо, грустно. Начали ходить смутныя слухи о томъ, что новгородцамъ было не лучше чумы: венгры шли на Галичъ,—Мстиславъ былъ родичъ галицкихъ князей,—столь тамъ къ этому времени очистился, и Удалой князь, вѣстный непосѣда, собирался идти воевать себѣ Галичъ.

Но пока это были еще слухи. Князь сидѣлъ на княжемъ дворѣ хмурый, угрюмый, и его за это время рѣдко кто видѣлъ. Онъ только часто ходилъ въ храмъ святой Софійи и подолгу стоялъ на плитахъ, покрывающихъ прахъ его отца, Мстислава Храбраго,—стоялъ въ суровой, тихой думѣ.

Добрыня въ это время былъ уже послушникомъ Антоніева монастыря. Едва онъ надѣлъ подрясникъ, онъ весь ушелъ въ молитву, постъ и черную работу, кото-

рую на него возложили. Онъ пахаль на монастырской пашнѣ, рылъ гряды на огородахъ, таскалъ на себѣ навозъ и выгребалъ нечистоты изъ ямъ за оградой монастыря, дабы вываливать ихъ въ Ильмень-озеро. Не было труда, достаточно тяжкаго, достаточно грязнаго, чтобы умѣрить на самую малую долю рвеніе новаго инока. Что же касается молитвъ, бдѣнія и поста, то вся братія Антоніевой обители даже обижалась: Добрыня былъ новичокъ, пришлый, выскочка, а дерзнулъ превосходить всѣмъ этимъ самымъ чтимымъ въ обители монаховъ.

Но наибольшее тайное негодованіе поселилъ онъ въ душахъ братьевъ своимъ „молчаніемъ“. Онъ сдѣлался истиннымъ подвижникомъ, молчальникомъ. Братія, въ сущности, настоящіе новгородцы, живые, болтливые,—сразу почувствовали въ этомъ молчаніи Добрыни какую-то стѣну между нимъ и ею.

— Ишь, въ молчанку играетъ!—шипѣлъ келарь монастыря, старый солидный монахъ, съ перваго взгляда не влюбившій Добрыню.

Келарь этотъ былъ поставленъ еще владыкой Митрофаномъ, котораго смѣстилъ Мстиславъ и его приверженцы, замѣнивъ Антоніемъ Ядрейковичемъ. Келарь втайнѣ ненавидѣлъ теперешняго владыку и вздыхалъ объ изгнанномъ Митрофанѣ, сторонникѣ суздальскихъ князей. А въ монастырѣ было всѣмъ извѣстно, что Добрыня—любимецъ Мстислава и благословленъ на иночество Антоніемъ. Это и ненавидѣлъ въ немъ келарь.

— Играй, играй въ молчанку,—шипѣлъ келарь: — видно съ дьяволомъ-то языкъ намозолилъ.

Но съ одной стороны покровительство Антонія, а съ другой стороны—не только не общеніе съ дьяволомъ, а, наоборотъ, гдѣніе, посланное Господомъ, дабы подвигнуть Добрыню идти въ монастырь (слова его владыкѣ о явленіяхъ убитаго отрока-суздальца положили начало легендѣ о чудѣ въ его судьбѣ), и то, и другое усиливало, и при подавленномъ недоброжелательствѣ монаховъ къ Добрынѣ,—ихъ вѣшнюю почительность къ нему. Его не томили долгимъ искусомъ (подвижничество его было и безъ того явно), скоро постригли полнымъ постригомъ, наименовавъ Дороеемъ.

Онъ надѣлъ куколь іеромонаха (канону церковному учиться почти не пришлось Добрынѣ: съ молодыхъ лѣтъ, онъ, какъ и многіе „вящіе“ новгородцы, зналъ отлично всю церковную обрядность—въ этомъ была главная тогда наука тѣхъ, кто шелъ дальше простой грамоты). Надѣвъ же куколь іеромонаха, Добрыня,—теперь Дороеей,—сталъ еще смиреннѣе, молчаливѣе, прилежнѣе къ монашескому подвигу. Черныя работы съ него сняли, но онъ прибѣгнулъ къ веригамъ и нашель новый источникъ подвига въ томъ, что сталъ принимать на себя эпитемьи свѣтскихъ богомольцевъ монастыря.

Въ ту пору богомольные и усердные къ церкви новгородцы, по своей любви къ широкой, веселой общественной жизни, по своимъ еще не вполне зѣмершимъ инстинктамъ недавнихъ язычниковъ, часто открыто грѣшили, а, согрѣшивъ, порывисто шли каяться владыкѣ и въ монастыри. Владыка и игумены налагали эпитемьи, сообразно грѣху (относительно этого была выработана цѣлая система: за одно полагалось столько-то поклоновъ или молитвъ, или дней крайняго поста, за другое—столько-то). Но сластолюбивые и распущенные новгородцы, порывисто лица покаянія и даже самыхъ эпитемій, выполнять ихъ не любили и не выдерживали искуса. Отсюда выработался особый обычай, по

необходимости разрѣшенный и духовенствомъ, — взиманіе чужихъ эпитимій охотниками на свои плечи. Дѣлалось это и за деньги, и за дары, но бывали такіе охотники и изъ желанія подвига.

Такимъ подвигомъ скоро прославился инокъ Дорошей. Онъ жаждалъ этихъ эпитимій. Онъ искалъ наказанныхъ или грѣшниковъ, онъ ихъ съ жадностью разспрашивалъ о грѣхахъ, за которые слѣдовали эпитиміи, и, постясь, молясь, отбивая поклоны, искренно плакалъ объ этихъ грѣхахъ, точно самъ совершилъ ихъ.

Келарь злостовалъ и на это.

— Возмлей грѣхи міра! — шипѣлъ онъ, намекая на то, что Дорошей вздумалъ соперничать съ самимъ Христомъ.

Но Добрыня ничего не замѣчалъ. Душа его вся ушла въ религиозный экстазъ; змѣинный шипъ и скрытый ропотъ монаховъ былъ ему неизвѣстенъ. Кромѣ этого дѣятельнаго подвижничества, онъ ушелъ въ чтеніе житій святыхъ и нерѣдко надъ ними обливался слезами. Особенно возлюбилъ онъ житія Антонія — основателя обители, гдѣ жилъ Добрыня, и Алексія — основателя Хутынской обители, гдѣ на средства Добрыни выстроены были теперь храмъ; Алексій, въ началѣ своего подвижничества, также нѣкоторое время спасался въ Антоніевой обители.

Антоній, основавшій эту обитель, былъ чужеземецъ, римлянинъ. Богатый юноша, восемнадцати лѣтъ отъ роду, онъ сложилъ всѣ свои богатства въ бочку и, кипувъ ее въ море, на 20 лѣтъ ушелъ въ пустыню. Но римскій папа, завидуя его праведности, началъ гнать его и въ пустынь. Антоній спасся на отдаленный утесъ въ морѣ. Но утесъ этотъ оторвало бурей и посило до тѣхъ поръ, пока не унесло въ Ладожское озеро, а потомъ и въ Волховъ. Антоній, углубленный въ молитву, ничего не замѣчалъ. Въ Новгородѣ звонили къ заутренѣ. Этотъ звонъ вывелъ святого изъ молитвеннаго экстаза. Онъ пошелъ въ Новгородъ, гдѣ владыка Никита призналъ въ немъ великаго святого. Онъ тамъ и основалъ обитель.

Алексій, основатель Хутынскаго монастыря, былъ тоже богатый юноша, но уже природный новгородецъ. Онъ еще въ отцовскомъ богатомъ домѣ предался необыкновенному посту и кротости и, наконецъ, ушелъ на подвигъ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, въ эту самую обитель Антоніеву, потомъ уже основалъ Хутынскую.

Добрыня, читая эти житія, вспоминая, что оба святые попирали ту же почву, по которой онъ ходилъ, спасались въ этихъ же, хотя и обновленныхъ стѣнахъ, проникся глубокимъ умиленіемъ. Описаніе же молящагося Антонія, бросившаго сокровища отца въ море и носимаго безбрежной дикой стихіей на оторванномъ утесѣ, повергало Добрыню въ какой-то могучій экстазъ. Въ немъ прсыпалась жажда самому быть также носимымъ неукротимымъ моремъ. И вдругъ вспоминалось не море, а разливъ Волхова, ушкуй, дѣвушка, на днѣ его, въ обморокѣ и... призракъ юнаго суздальца. Страшно, какая-то посторонняя монастырю тоска вставала въ его груди, точно хотѣла оторвать его, какъ море — утесъ Антонія, отъ этой обители и унести во что-то безбрежное. И Добрыня опять хватался за свитки рукописей, добывая ихъ вездѣ, гдѣ только могъ: у бродячихъ паломниковъ, во владычномъ дворѣ, у ключника, монаха ученаго, собиравшаго духовныя книги и свитки.

Однажды одинъ бродячій монашекъ сунулъ Добрынѣ два свертка пергамента. Унеся ихъ въ келью, Добрыня увидалъ, что это уже не житія, а поученія — одно византійца Евстафія, другое — Хризомала, осужденнаго, при императорѣ Мануилѣ Комненѣ, за богумильскую ересь. Въ поученіи Евстафія жестоко критиковалось византійское духовенство и говорилось, что не въ ко-

лѣпопреклоненіяхъ спасеніе; можно молиться и стоя, во весь ростъ, лишь бы душа также во весь ростъ предстоила Богу. Тамъ же говорилось: „паче отшельническихъ слезъ — любовь къ горькому и нуждающемуся!“ Хризомаль же утверждалъ, что не въ крещеніи дѣтей дѣло, а въ пониманіи взрослыми религіи Христовой, ея истинъ. Онъ говорилъ, что даже и доброе дѣло только тогда спасеніе для души, когда душа проникается сознаніемъ этого добраго дѣла, а не случайнымъ порывомъ.

Добрыня-Дорошей чувствовалъ, что такія поученія близки къ ереси, но они странно захватывали его и будили въ его душѣ что-то новое, широкое. И не зная, ликовать или каяться въ этомъ, онъ шелъ въ храмъ и падалъ передъ излюбленнымъ имъ образомъ Богоматери. Этотъ образъ (подобіе знаменитой Феодоровской, прославившейся позже, въ XIV вѣкѣ, чудомъ во время татарскаго нашествія и находящейся въ Костромѣ) поразилъ его, при строгости и бѣдности очертаній, сухихъ и неправильныхъ, такую глубиной выраженія въ очахъ и устахъ Св. Маріи, что онъ часами, весь въ слезахъ, стоялъ передъ нимъ, колѣнопреклоненный.

Эти очи и уста Матери Дивнаго Страдальца, сидящаго на рукахъ Ея еще нѣжнымъ Младенцемъ, были полны такой сурово-мягкой проникновенной скорбью, что Добрынѣ казалось, при каждомъ взглядѣ на икону, будто Она только-что говорила съ нимъ, Добрыней, о будущихъ страданіяхъ и ученіи Сына и смотритъ теперь въ самую душу Добрыни, зная, что онъ повялъ Ея.

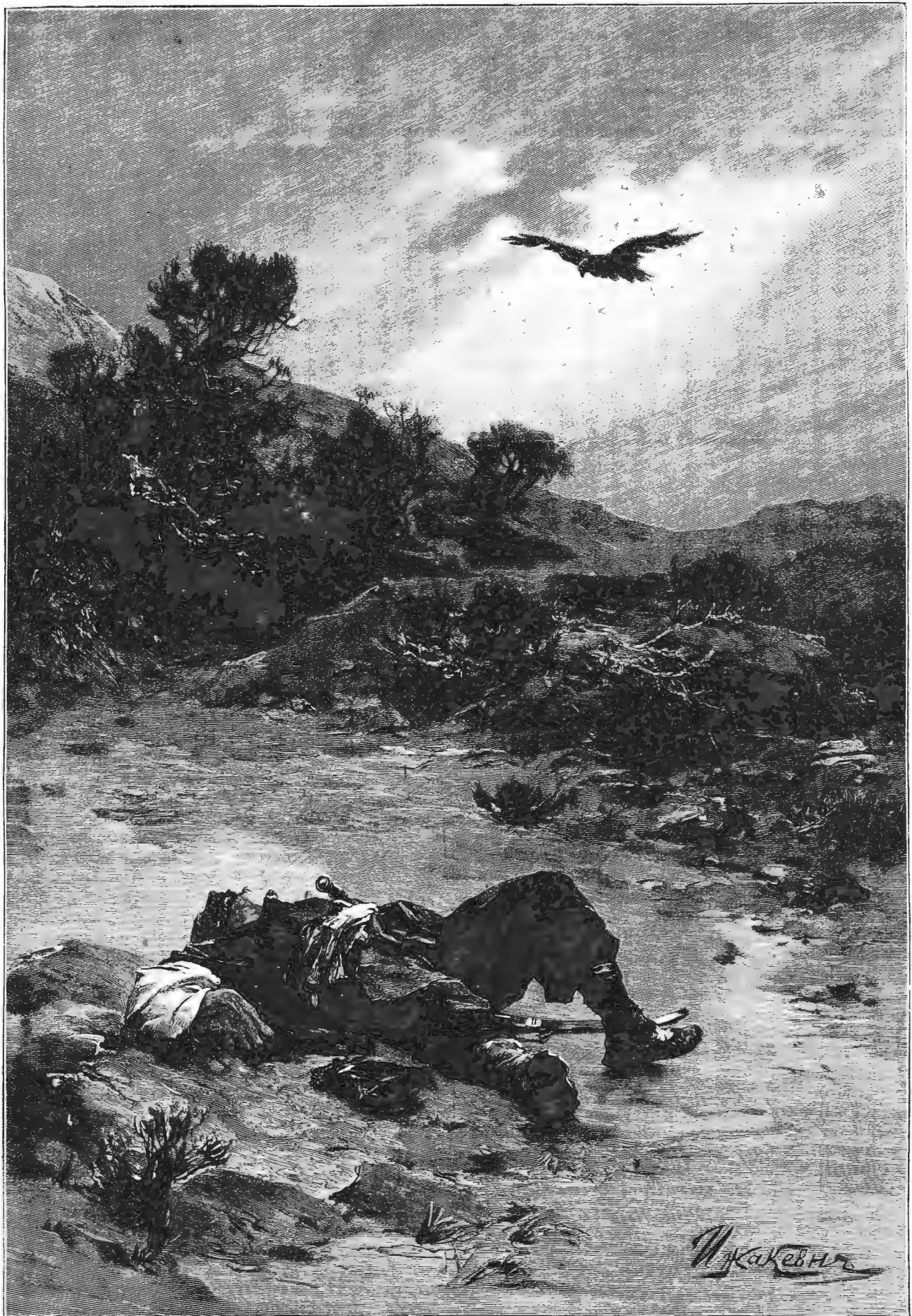
При видѣ Младенца вспомнилъ онъ о своемъ Олексѣ. Иворъ, успокоившись насчетъ заразы, уже вернулся въ Новгородъ, привезя маленькаго Олексу, съ которымъ теперь, сосѣмъ какъ старая нянька, потерявшая разумъ отъ горя, по ребячьи нянчился дѣдъ. Иворъ, пораженный иночествомъ Добрыни, но молча примирившійся съ этимъ, хотѣлъ привезти ребенка къ отцу въ обитель — показать. Но Добрыня наотрѣзъ отказался отъ этого. Онъ точно страшился, что видъ ребенка напомнитъ ему Олену, и разъяренный Волховъ, ушкуй, дѣвушка въ обморокѣ на днѣ лодки и суздальскаго отрока съ кровью подъ золотыми кудри.

Младенецъ на рукахъ Св. Маріи напоминалъ иногда Добрынѣ его сына, и дѣйствительно всплывали въ его душѣ Волховъ, ушкуй, убитый юноша... дѣвушка въ обморокѣ. Но онъ смотрѣлъ на очи и уста Богоматери, и жаркая молитва о душахъ Олены и суздальца (что бы далъ онъ теперь, чтобъ знать имя этого юноши и называть его въ своихъ молитвахъ!) наполняла его глаза слезами, укрощала и умиляла его душу. И все-таки онъ считалъ грѣхомъ то, что созерцаніе Св. Младенца напоминаетъ ему Оленю.

И въ пламенномъ раскаяніи онъ припадалъ къ землѣ и, цѣлуя ее, мысленно пробѣгалъ всѣ свои грѣхи. Экстазъ, овладѣвавшій имъ при этомъ, былъ ни съ чѣмъ не сравнимъ. Ему даже являлась мысль, что не надо каяться людямъ, хотя бы и іереямъ, а надо, сокрушаясь и рыдая, припадать къ мать-сырой землѣ, и она восприметъ и вознесетъ ко Господу покаяніе и слезы грѣшника. И Добрынѣ иной разъ казалось — утренній туманъ, золотисто-розовый въ первыхъ лучахъ солнца, и есть это вознесеніе человѣческихъ покаянныхъ слезъ къ Престолу Божію.

Вообще, въ немъ проснулась горячая любовь къ природѣ. Любилъ онъ ее и прежде, но какъ охотникъ, какъ коротатель почекъ съ женушкой-зайнобой. Теперь, стоя рано, еще до заутрени, у окошечка кельи, онъ открывалъ въ природѣ что-то тихое, чистое, безконечно грустное и вѣчно прекрасное. Онъ не могъ ужъ глядѣть безъ слезъ на ясныя зори, на нѣжныя почки деревьевъ, на тихія звѣзды, на цвѣты. Они ему почему-то

Сразили. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Жакевича, грав. Рашевский.

Эгентальская горная дорога и замок Нарнейдъ. Съ рис. М. Зепо-Димера, грав. Брендамуръ.

иногда напоминали и Олену, и отрока-суздальца, но напоминали тихо, мягко, точно то были не живые когда-то тѣла, а вѣчные духи съ этими хорошо знакомыми Добрынь образамъ.

И сердце его рвалось, и онъ запѣвалъ одинъ сладкогласные каноны. Пѣніе было его высшимъ наслажденіемъ, высшимъ проявленіемъ умиленія его въ монастырѣ. Онъ имѣлъ хорошей голосъ и еще мальчишомъ пѣлъ хорошо. Онъ всегда пѣлъ въ монастырскомъ хору. Въ ту пору „Отче Нашъ“ и „Символъ Вѣры“ не пѣли, а читали за литургіей, и Добрыня-Дороодей сокрушался, что ихъ не пѣли, о чемъ ужъ тогда заговаривали, споря и раздражаясь.

Добрыня продолжалъ быть по преимуществу молчаливникомъ. Но иногда проговаривался передъ иноками и о томъ, что вычиталъ у Евстафія, Хризомала, и о покаяніи матери-землѣ, и о пѣніи „Отче Нашъ“ и „Символа Вѣры“. Онъ не подозрѣвалъ, что изъ этого выйдетъ. Но однажды, уже почти послѣ года его пребыванія въ обители, келарь уговорилъ игумена запретить послушникамъ и вообще еще не принявшимъ полного пострига чтеніе всего, кромѣ книгъ, употребляемыхъ во время церковныхъ службъ. Добрыня это не касалось. Онъ былъ уже іеромонахомъ. Но игумень, зная, что онъ давалъ нѣкоторыя книги съ владычнаго двора даже служкамъ, счелъ нужнымъ объявить ему это при келарѣ.

Добрыня самъ не ожидалъ, что слова игумена такъ сильно его взволнуютъ. Что-то, давно уже спавшее, проснулось въ его груди, что-то закипѣло подобное тому, что нѣкогда вскипало въ немъ въ бою при лязгѣ оружія. Онъ вдругъ весь выпрямился и сказалъ:

— Чесо ради душу человѣческую запираете?

— Сблазна ради! Дьявола ради! — отвѣтилъ игумень строго.

И Добрыня вдругъ, точно воинъ, вызовъ котораго на поединокъ приняли, вспыхнулъ еще болѣе и отвѣтилъ текстомъ, вычитаннымъ имъ изъ одной рукописи съ владычнаго двора: „Воспоминанія къ своей душѣ“. Все въ человѣцѣ есть добро или зло. Богъ же ни къ добру нудитъ, ни ко злу влечетъ. Ни дьяволъ можетъ отъ добра отвести, ниже ко злу приволочить. Самовластно сотвори Богъ человѣка, по самовластію сотворить добро и зло... Ниже дьяволъ что можетъ дати на погибель—паче изменеженіе, либо невольное неразуміе! Въ неразуміе гоните!—закончилъ Добрыня этотъ текстъ, самъ не ожидая, что скажетъ все это.

— Ересь проповѣдуешь, Дороодей!—крикнулъ на него келарь.

Игумень нахмурился. Это возмутило Добрыню. Онъ считалъ келаря неискреннимъ, лицемернымъ.

— Человѣкъ, иже вѣшняго дѣланія проходя, кромѣ внутренняго храненія, подобенъ есть древу, имущему листіе зелено и красно, отъ плода же праздно есть!—кинулъ онъ другой рукописный, извѣстный ему текстъ, прямо въ лицо келаря.

Тотъ весь поблѣднѣлъ.

— Бойся дьяволовыхъ спонъ, Дороодей!—не выдержалъ и игумень, очевидно, мирволившій келарю.

Что-то совсѣмъ захватило Добрыню. Это киданіе ему въ лицо дьяволомъ точно отуманило его разумъ и убило его кротость.

— Не тебя ли эти споны опутали?—уже съ лютымъ гнѣвомъ сказалъ онъ игумену.—Когда Ярославъ морилъ Новгородъ Великій голодомъ, не ты ли, ставленникъ его ставленника Митрошки, молилъ у вѣща милости къ Ярославу? А когда люди мерли отъ голода да отъ хвори, училъ, что Господь караетъ за непочтеніе къ Ярославу? Видно, Богъ-то не по-твоему судилъ. Князя-то Мстислава не Богъ, что ли, послалъ?

Игумень даже затрясся, а келарь изступленно закричалъ:

— Еретикъ ты, еретикъ и есть.

И тутъ оказалось, что келарю извѣстно все, извѣстно и о покаяніи землѣ, и о пѣніи „Отче Нашъ“, и объ ученіяхъ Евстафія и Хризомала—все это онъ перечислялъ какъ ересь, сѣемую Дороодемъ въ обители.

— Будь здѣсь князь Ярославъ,—закончилъ онъ:—да владыка Митрофанъ, быть бы тебѣ заточену, аки Дмитрій-еретикъ былъ заточенъ Никитою митрополитомъ въ Синелець на Сулѣ.

— Заточенія ли побоюсь?—въ какомъ-то гнѣвномъ экстазѣ воскликнулъ Добрыня.—Али отъ Бога гдѣ заточишь?! Наложитъ печать на уста, не токмо дѣли на рудѣ—отъ Бога не заточишь! Вотъ ты и громко молишься,—а чего ты молишься? Воздуху молился—Богъ внимаетъ уму, а не словамъ, какъ люди.

— Дороодей!—остановилъ его также игумень.—О существѣ Божіемъ достойно толковать токмо владыкамъ. А заточенія не робѣешь—вратъ адовыхъ оробѣй. Во еретикамъ паче уготованы!

— Эхъ! отче!—вдругъ въ какомъ-то непоборимо-искреннемъ порывѣ вырвалось у Добрыни:—милостивъ Богъ, но мучать грѣшныя христіане!

Это переполнило чашу. Сомнѣніе въ адскихъ мукахъ не могло быть вовсе терпимо. Игумень вдругъ весь выпрямился и грозно, сдавленнымъ голосомъ, указывая врата обители, прохрипѣлъ:

— Иди отсюда! Наше мѣсто свято. Вышедши же вонъ да подымай мірскіе люди и мірскіе судьи на меня, игумена, и старцевъ нашихъ! Азъ же изгоняю тебя! Уходи!

— Изыди дьяволъ-молчалиникъ! Чувалъ я—съ нами молчишь, съ сатаною мелешь! Ясно теперь! Самъ не сокрылъ!—съ явнымъ злораднымъ торжествомъ воскликнулъ и келарь.

Добрыня не вѣрилъ ушамъ своимъ. Его изгнали изъ обители. На крикъ ихъ спора, который происходилъ послѣ обѣдни на паперти храма, сбѣжались иноки, послушники, служки. Они тѣснились къ паперти, любопытные, испуганные, иные лицомъ спокойно. Добрыня вдругъ оглянулся на старья и молодья измороженныя лица и, точно ради нихъ, бросился, дѣйствительно, изъ вратъ монастыря, восклицая:

— Изыду, изыду,—къ владычному суду! Есть владычный судъ!

Никто изъ монаховъ не тронулся за нимъ.

— Заприте врата и да не преступитъ пога еретика обитель сію!—торжественно воскликнулъ игумень, потрясая крестнымъ знаменіемъ надъ опущенными головами смущенныхъ монаховъ.

А Добрыня, дѣйствительно, шелъ быстрыми шагами на владычный дворъ. Внутри его что-то горѣло. Онъ не чувствовалъ ногъ подъ собой. На владычномъ дворѣ ему сказали, что Антоній съ княземъ у св. Софіи. Добрыня быстро пошелъ туда.

Онъ вошелъ въ неособенно большой темноватый храмъ. Между низкими толстыми колоннами, поддерживавшими куполь четырехъ его угловъ, виднѣлся на каменномъ выступѣ жертвенникъ-престоль. Иконостаса не было. Два столба, какъ бы отдѣлявшіе алтарь, были расписаны ликами святыхъ и спенами подвижничества ихъ до самаго низу. Въ узкія сводчатыя щели окопъ проникали длинными пыльными полосами солнечныя лучи, и, когда они падали на фрески—гармонія красокъ загоралась таинственно-причудливой красотой.

Подъ хорами, тянувшимися въ задней части храма, смутно виднѣлись высокая суровая фигура Антонія и широкоплечій коренастый станъ Мстислава. Добрыня прямо бросился къ нимъ, упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Отче святыи! Княже милостивый! судите, судите меня!

И не давъ имъ, обоимъ страшно пораженнымъ его

внезапнымъ появленіемъ, опомнится, онъ въ пламенной лихорадочной рѣчи разсказалъ до малѣйшаго слова, до малѣйшей черты роковую бесѣду на паперти монастыря. Едва онъ кончилъ, Удалой князь могучимъ жестомъ вскинулъ вверхъ обѣ руки, и голосъ его призывнымъ звукомъ боевой трубы загудѣлъ подъ темными сводами святой Софіи:

— Разстриги его, владыка! какой онъ монахъ! воинъ, а не монахъ! ишь какъ со старцами развоевался! Добрыня! ударилъ часъ! Галичъ иду отъ венгровъ добывать! Пришелъ сюда насъ на могилу родителя. Когда погребалъ его здѣсь Новгородъ Великій—плакали люди и говорили: „Господине князь! Вотъ ужъ не можемъ мы поѣхать съ тобой поработать чуждъ поганую! Дѣдь твой, Мстиславъ, освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ, а ты, господине, поревновалъ и наслѣдилъ пути дѣда твоего!“ Ну, а мы съ тобой, Добрыня, еще можемъ поѣхать гнать венгру поганую! Поревнуемъ и мы славы дѣдовъ, отцовъ! Наслѣдимъ и мы ее! Да не въ одномъ Новѣ-Градѣ великомъ, а вездѣ, гдѣ на Руси погань заведется! Ступай со мной. Со старцами еретикъ будешь,—со мной чести добудешь. Ратная душа у тебя! Разстриги его, владыка!

Голосъ Мстислава гудѣлъ все сильнѣе. Мощное одушевленіе его точно переполнило весь сумрачный храмъ. Но неподвижны были фигуры—одна, вытянувшаяся во весь ростъ фигура владыки новгородскаго, другая, колѣнопреклоненная—инока Антоніевой обители.

— Слышишь судъ княжой? — спросилъ, наконецъ, Антоній, какъ-то глухо. Голосъ его слегка вздрагивалъ.

— Владычнаго суда душа моя жаждетъ! — такъ же глухо вырвалось у Добрыни.

— Инокъ ты. Недостойтъ отказать тебѣ въ томъ судѣ,—тихо началъ Антоній, отвѣдя кверху большіе, темные глаза и утоная ими въ полумракѣ купола.— Правду молвилъ князь. Ратная душа въ тебѣ, Дорооей! Сними куколь, одѣнь шоломъ—омою я руки мои. Но доколѣ ты въ куколѣ—будетъ тебѣ владычній судъ! Какъ ты съ твоимъ игуменомъ говорилъ, чему ты въ бесѣдѣ твоихъ братьевъ училъ? Не ересь то, а души смущеніе! И своей, и брата своего! Изгоняю тебя изъ града сего! Иди въ міръ,—міряниномъ иль монахомъ,—не упреждаю судьбы твоей. И не наказую, а благо тебѣ творю. Юнь ты душою, Дорооей. Истомлевать сердце твое въ обители мирной среди старцевъ тихихъ. Трудовъ тебѣ надо. Подвига особливаго. Гляди на меня. Былъ и я юнь. И звался, какъ ты же, въ міру Добрынею. Горѣла душа моя о подвигѣ христіанскомъ. Но горѣла, а не аки лампада тихая теплилась, како въ обители мирной достойтъ. И шелъ я, испещъ изъ града своего, и совершилъ велій и трудный путь въ Царьградъ... И очистилъ свою душу трудомъ и испытаніемъ отъ горѣнія пламеннаго для свѣченія елейнаго! Такъ и тебѣ. Изгоняю, но не наказую. Вотъ мой владычній судъ! Не разстригаю, аки князь возгласивъ, не міряпиномъ на суету и кровь,—инокомъ честнымъ на искусь и трудъ прогоняю тебя! Широка Русь. Не одна въ ней обитель... Иди, потрудишься хожденіемъ великимъ. Вотъ тебѣ мой владычній судъ!—торжественно кончилъ свою рѣчь Антоній и посмотрѣлъ твердымъ, яснымъ, но и какъ бы вызывающимъ взоромъ на князя.

— Покоряешься? — кинулъ это слово Удалой князь чуть не пренебрежительно все еще колѣнопреклоненному Добрынь.

— Покоряюсь, княже! покоряюсь, отче! Ратная душа у меня, молвили вы. Ужели же въ мірѣ нѣтъ рати, опричь кровавой? Мудръ твой судъ, владыко, мудръ и милостивъ! Покоряюсь тебѣ. Бью челомъ за него!

И Добрыня, ударивъ челомъ въ плиты пола, всталъ, выпрямился во весь ростъ и медленно пошелъ изъ св. Софіи.

— Стой отче Дорооей!—задрожалъ вдругъ голосъ князя.—Такъ не позволишь быть разстригой? Не пойдешь сънова въ мою рать? Куда ты удалъ-то свою дѣнешь? Видишь: томить она тебя.

— Иной рати жажду, княже. Иную удалъ въ сердце обрѣлъ... А вырстетъ мой Олекса, будетъ онъ тебѣ слуга. Тебѣ или дѣтямъ твоимъ. Скажу завѣтъ сей боярину Ивору.

— Мнѣ, иль дѣтямъ моимъ!?—задумчиво произнесъ князь.

И вдругъ, опускаясь на колѣни на плиты, подъ которыми покоился прахъ отца его, Мстислава Храбраго, онъ голосомъ, дрогнувшимъ глубокою скорбью, произнесъ:

— Помолитесь со мною, иноки честные!

И оба инока, новгородскій владыка и изгоняемый имъ на страду паломничества чернецъ, преклонились и заплѣли литію по князю Мстиславѣ Ростиславовичѣ Храбромъ. И когда они дошли до словъ: „гдѣ же нѣсть печаль, ни воздыханія, но жизнь безконечная“, голосъ Добрыни могучими молодыми звуками вознесся въ куполь храма.

И каждый приникъ душою къ этому звуку, къ этому стиху: и удалой князь, замыслившій новые ратные подвиги, и новгородскій владыка, чующій, что съ уходомъ этого князя шапку архіепископа придется смѣнить на куколь отшельника гдѣ-нибудь въ Хутынѣ или Коневѣ, и молодой монахъ-паломникъ, готовый двинуться, съ словомъ вѣры Христовой въ сердце, въ невѣдомую, обширную, смятенную удѣльно-вѣчевую Русь.

XV.

Паломники.

Насталъ горькій день для Новгорода Великаго.

Удалой князь созвалъ вѣче, чтобы объявить, что онъ идетъ Галичъ воевать и покидаетъ новгородцевъ.

Толпы народа, какъ море въ мертвый штиль, идѣ тяжело нависшей тучей, обещающей бурю, плотно окружали вѣчевое возвышеніе. Гулъ колокола, слымая ихъ сюда, на этотъ разъ звучалъ имъ погребальнымъ благовѣстомъ. Онъ плылъ какъ-то медленно, мѣрно, уныло изъ пасти колокола. Вѣроятнѣе, это не только казалось новгородцамъ. Звонившій въ него княжой тѣнъ, дѣлалъ это вяло, неохотно, угрюмо.

Князь сошелъ на лобное мѣсто. Лицо его было уныло, сурово. Точно онъ самъ въ себѣ подавлялъ стыдъ передъ новгородцами за то, что вторично покидаетъ ихъ на произволъ ихъ прихотливой судьбы, столь чреватой бѣдами и опасностями. Въ толпѣ раздались какъ будто подавленные всхлипыванья. Всѣ уже знали, о чемъ заговоритъ князь. Мстиславъ перекрестился на св. Софію, низко поклонился народу на четыре стороны, медленно погладилъ усы и прищурилъ глаза. И вдругъ сурово, угрюмо, какъ и стихшій только что гулъ вѣчевого колокола, зазвучалъ его бархатно-властный голосъ:

— Бью челомъ св. Софіи и гробу родителя моего. Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Пошли Богъ лечь у св. Софіи, близъ отца моего! Въ князи же, если вы позволите, укажю родича моего, Святослава.

— Не волимъ Святослава! Тебя волимъ! — вдругъ застонала толпа со всѣхъ сторонъ.

— Не забуду и я васъ. Дай Богъ у св. Софіи лечь! — съ какой-то скорбной суровостью и настойчивостью повторилъ удалой князь, и медленно, кляпясь на всѣ четыре стороны, сошелъ съ вѣчевого возвышенія.

Онъ пѣшкомъ пошелъ на княжой дворъ. Точно хотѣлось ему еще чутъ подъ подошвами своими землю новгородскую. Толпы, какъ послѣ похоронъ, не зналъ, что дѣлать, когда всѣ заботы о покойникѣ кончены, молча побрели по всѣмъ концамъ Новгорода.

Побрели прочь съ вѣчевого мѣста и Иворъ, вслѣдъ за княземъ, мрачный и суровый, какъ самъ князь, и владыка Антоній, скорбный и покорный судьбѣ, и скрывавшійся въ самыхъ заднихъ рядахъ толпы монаховъ-паломникъ, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукѣ. То былъ изгнанный изъ Новгорода владычнымъ судомъ Дороеей. До этого дня онъ ютился въ кельяхъ владычнаго двора, устроенныхъ для странниковъ и путниковъ безъ крова—мирянъ и духовныхъ. Владыка прислалъ въ Антоніеву обитель десятильника (своего тѣна для сношеній съ его подвластными) сказать, что инока Дороею за непочтеніе къ игумену и смущеніе братіи онъ изгоняетъ изъ Новгорода.

— Не спасли молчальника дьяволы споны! — сказала, усмѣхнувшись, келарь, узнавъ это.

Когда десятильникъ пошелъ обратно на владычный дворъ, исполнивъ порученіе, игуменъ послалъ съ нимъ монаха свѣщегаса. Онъ понесъ владыкѣ найденныя въ кельѣ Дороеей книги и свитки. Владыка ихъ не отдалъ Дороею. Даже не послалъ сказать о томъ, что ихъ принесли. Но они уже были и не нужны Дороею. И слова Евстафія и Хризомала, и „Воспоминанія къ душѣ своей“, и многія иныя хранились крѣпко въ его умѣ и сердцѣ. Дороеей только ждалъ дня отъѣзда изъ Новгорода князи, чтобы и самому уйти въ этотъ день.

Онъ посѣтилъ на короткое время Ивора. При бояринѣ и тестѣ поцѣловалъ онъ испугавшагося его Олѣню, который закричалъ. Иворъ и его, вольный теперь, управитель, опекуны боярскаго сына Алексѣя Данславича, отчужденно смотрѣли на блѣднаго монаха. Иворъ почти гнѣвно хмурилъ брови. Олекса Одреевичъ опускалъ пропадавшіе въ морщинкахъ глаза. Когда, поклонившись имъ земно, Дороеей ушелъ, Иворъ сказалъ:

— Ишь, и про сына ничего не приказалъ. Видно, стыдъ долить. Видно, и вправду за ересь гонять.

Олекса Одреевичъ только потерянно мигалъ глазами. Но Дороею не стыдъ одолѣвалъ. Ему вдругъ все стало чуждо здѣсь. Даже незнающій его ребенокъ—сынъ. Это чувство отчужденности охватило его особенно на могилѣ Олѣны Данславичевой, куда онъ зашелъ. Точно и жертва черной смерти, спавшая вѣчнымъ сномъ подъ плитою известняка, была ему еще болѣе чужда, чѣмъ все остальное въ Новгородѣ. Съ тяжкимъ чувствомъ пустоты и раскаянья въ этой пустотѣ удалился инокъ Дороеей съ этой могилы.

Теперь же, съ вѣча, гдѣ Удалой прощался съ Новгородомъ, онъ шелъ въ тихихъ слезахъ: онъ оплакивалъ все, что оставалось за его спиной: и ту могилу, и Олѣню, и всего болѣе Удалого князи. Увидитъ ли онъ когда-нибудь ту плиту известняка, того кричащаго отъ испуга ребенка, этого князя съ орлиными очами и властно чарующимъ голосомъ? Нѣтъ, не увидитъ. Онъ зналъ это. Онъ и не будетъ стараться увидѣть. Онъ повернулся къ удали своихъ молодыхъ дней спиной и уже никогда не станетъ къ ней лицомъ... Онъ пошелъ лицомъ къ иному.

Онъ пошелъ прямо отсюда, съ вѣчевого мѣста, опираясь на посохъ паломника, сгибаясь подъ легкой котомкой, гдѣ лежало евангеліе, требникъ, да краюха ржаного хлѣба, пошелъ за городской валъ, на большую торную дорогу. Куда? Развѣ онъ зналъ? Когда онъ вышелъ за городъ, въ поле, на просторъ луговъ и лѣсовъ,—въ душѣ его стало странно тихо... И совсѣмъ блѣдныя, едва видныя, точно марево съ слабыми очертаніями, всплыли въ этой душѣ двѣ головы: жепская, съ золотыми косами, съ ясными, полными любви очами, и юношеская, златокудрая, орошенная алой кровью... Оба эти образа какъ будто слились, растаяли и исчезли. Исчезъ и инокъ Дороеей въ облакѣ пыли, поднятой его шагами и посохомъ, пыли, которая въ лучахъ заходящаго солнца и дѣйствительно

казалась золотисто-розовымъ облакомъ... Исчезъ для Новгорода, исчезъ навсегда...

А сыну его Олѣнѣ пришлось еще разъ горько заплакать, испугавшись мало знакомаго ему лица. Вечеромъ, покидая Новгородъ, князь Мстиславъ проѣзжалъ съ своими провожатыми мимо двора Ивора на Прусской улицѣ. Бояринъ на конѣ ждалъ его у своихъ воротъ, чтобы и въ свою очередь проводить любимаго князя до новгородскаго рубежа.

— Вынеси-ка мнѣ ребенка, — сурово сказалъ князь, остановивъ своего коня передъ Иворомъ.

Управитель Олекса, рядомъ со своимъ господиномъ, низко кланялся князю; онъ торопливо побѣжалъ въ домъ. Онъ весь радостно трясся отъ чести, оказываемой княземъ его впуку.

Онъ вынесъ изъ дому и подалъ ребенка князю. Сиди на конѣ, Удалой взялъ Олѣню. Онъ внимательно и сурово посмотрѣлъ на хорошенькое, начинавшее формироваться личико. Потомъ поцѣловалъ ребенка и, отдавая его, кричащаго отъ этого поцѣлуя, дѣду, тронулъ коня.

Онъ поѣхалъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ ждалъ его самъ владыка съ клиромъ и иконами, дабы благословить его на его княжеское боевое паломничество. Олекса же съ ребенкомъ на рукахъ долго смотрѣлъ мигающими глазами вслѣдъ княжескому поѣзду, который исчезалъ, какъ и инокъ Дороеей, въ золотистомъ, гораздо болѣе густомъ, но и менѣе воздушномъ облакѣ пыли.

Иворъ, вернувшись съ рубежа новгородскаго, съ проводовъ князи, назавтра уже увезъ и Олексу-младенца, и Олексу-старца въ Водскую вотчину Добрыни, перешедшую къ его сыну. Тамъ онъ весь ушелъ въ воспитаніе молодого Данславича, точно отвернувшись отъ Новгорода, гдѣ опять пошли смуты и буйства. Посадникъ Твердиславъ не поладилъ съ Святославомъ, указаннымъ Удалымъ княземъ. Произошли драки, рѣзни, свалка. Святославъ, хоть и уступилъ, но просидѣлъ недолго на новгородскомъ столѣ. Его замѣнилъ братъ его Всеволодъ. Но и этому новгородцы скоро сказали: „иди, куда хочешь“. Словомъ, въ теченіе 10 лѣтъ съ 1218 года, когда ушелъ отъ нихъ Удалой, до 1228, когда онъ умеръ въ Галичѣ, князь у нихъ перемѣнился не менѣе 10 разъ. Владыка Антоній также, послѣ безконечныхъ споровъ и столкновеній, вынужденъ былъ удалиться въ отшельничество въ Хутынскую обитель, уступивъ каѳедру архіепископа другому. Иворъ жилъ все это время въ Водской волости и, когда къ нему доходили слухи о Новгородѣ, только угрюмо качалъ головой. Олекса, его управитель и единственный собеседникъ, впасть въ дѣтство. Какъ ребенокъ, шамкая и весь трясясь, тѣшился онъ на глазахъ мрачнаго Ивора со своимъ внукомъ, который росъ и хорошеѣлъ.

Въ 1228 году и въ Водскую глушь дошли новыя слухи о дѣлахъ на Руси. Прознавъ ихъ, Иворъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и скорбно осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ.

Одиннадцатилѣтній мальчикъ, который сидѣлъ задумчиво у его ногъ, посмотрѣлъ участливо на него своими прекрасными глазами, — глазами покойной Олѣны.

— Бояринъ, занездоровилось, что ли? — спросилъ мальчикъ.

Бояринъ только встряхнулъ своими сильно посѣдѣвшими волосами, молча всталъ, досталъ изъ ларца жепскій убрусъ, серьги-колтки и два зазубренныхъ бердыша.

Клади все это къ ногамъ мальчика, онъ глухо сказалъ:

— Умеръ, Олекса Данславичъ, тотъ, кто подарилъ этотъ убрусъ и колтки твоей матери, чья дочь шила своими руками этотъ убрусъ, тотъ, кто далъ этотъ бер-

Соловей. Картина Габрієля Макса. Съ гравюры Вебера автотипія „Нивы“.

дышь тебѣ на зубокъ, а тотъ—твоему отцу — на ратный трудъ.

Иворъ умолялъ, погрузившись въ думу.

— Удалой князь?—тихо спросилъ мальчикъ, съ трудомъ поднимая одинъ изъ бердышей.

— Да, Удалой князь!—глубоко вздохнулъ Иворъ.— Помню я, какъ мы, грѣшные, не хотѣли, повздори, идти съ нимъ къ Смоленску, и не пошли бы, не образумь насъ посадникъ Твердиславъ! А вотъ теперь... не пришлось ему лечь у св. Софїи, у гроба родителя!

Ивору вспомнился случай во время одного изъ первыхъ походовъ Мстислава Удалого съ новгородцами.

Но Олѣня, взвѣсивая дѣтской ручонкой бердыши, почти не слушала его.

— Бояринъ! Которымъ бился батя?—вдругъ спросилъ онъ тихо опекуна.

Бояринъ молча указалъ.

— Удалой обоими ими бился, — прибавилъ опъ, вздохнувъ.

Но Олѣня и этого не слышала.

— Бояринъ... а гдѣ же батя?—почти шопотомъ спросилъ онъ.

— Гдѣ твой батя?—вздохнувъ, повторилъ его вопросъ Иворъ, и ничего не отвѣтилъ.

Кто могъ сказать, куда въ теченіе этихъ 10 лѣтъ забрался, среди Руси и смежныхъ весей, паломникъ Дороевъ?...

конецъ.

Рыжокъ и Бѣляшъ.

Рассказъ Жана Рамб.

(Съ 3 рисунками.)

I.

Лили, младшая дочь Тремула изъ Лакумера, была не изъ тѣхъ, что „въ рукавъ сморкаются“, какъ говорятъ въ Гасконіи. Она носила саночки на резинкахъ, носила митенки въ двадцать девять су пара, и прыскалась какой-то удивительной, пахучей водой, о которой мѣстные крестьянки и не слыживали.

Все бы это ничего — не даромъ отецъ ея, почтенный Тремула изъ Лакумера, имѣетъ двухъ коровъ, двѣ пары воловъ и сотню барановъ: худо только то, что дѣвчонка позволяла себѣ задавать тонъ старшимъ. Такъ наприимѣръ, изъ-за того, что у ней будто сердце не такое, какъ у другихъ, она блѣднѣла, когда мать ея рѣзала утокъ или отецъ кололъ поросенка.

Лили сама знала, что это большой недостатокъ, но ничего не могла съ собой подѣлать.

— Принцесса-недотрога!.. Погоди; я отучу тебя отъ этихъ глупостей! — ворчалъ отецъ, обстоятельный мужикъ, у котораго было жалости къ животнымъ столько же, сколько къ вязанкѣ хворосту.

И, чтобы отучить младшую дочь отъ этихъ нѣжностей, онъ заставлялъ ее топтать котятъ или убивать старыхъ доровыхъ собакъ.

Лили повиновалась со слезами. Бѣдные котята!.. Какія у нихъ хорошенькія мордочки!.. Какъ слышно они играютъ и какъ славно сосутъ, мурлыкая, свою матку... А собаки!.. Бѣдныя, старые собаки, съ ихъ грустными глазами!.. Какъ весело онѣ прежде прыгали вокругъ нея, какъ неусыпно стерегли своихъ хозяевъ!.. И не тяжело ли разбивать имъ черенъ киркой, чтобы потомъ зарыть ихъ подъ деревьями!..

Лили стыдилась недостатка храбрости: надъ ней смѣялись во всей округѣ. Что бы она дала, чтобы быть въ состояніи такъ же спокойно проливать кровь, какъ другія дочери фермеровъ!.. Но ужъ таковъ, видно, ея удѣлъ!.. Сердце ея, вмѣсто того, чтобы крѣпнуть, становилось все мягче и мягче.

Когда никто не видѣлъ, она шептала нѣжныя слова старой кобылѣ, которую собирались вести на ярмарку, или кролику, предназначенному на жаркое.

Однажды отецъ сказалъ ей:

— Собирайся, Лили! Ты поведешь Рыжка къ мяснику.

Рыжокъ былъ двухмѣсячный рыжий теленокъ съ добрыми, пре-

добрими глазами. Два раза въ сутки Лили водила его къ рыжей коровѣ—его матери—и надо было видѣть, какъ онъ жадно сосалъ ее!.. Надо было видѣть, какъ онъ дрожалъ отъ удовольствїя, толкалъ головой въ мя, чтобы лучше шло молоко!.. Надо было видѣть, какіе онъ дѣлалъ прыжки въ благодарность за полученное угощенїе!.. Лили очень любила рыжого теленка, и были минуты, когда ей хотѣлось поцѣловать его въ мокрую морду.

Приказанїе отца очень опечалило ее. Она проговорила жалобнымъ тономъ:

— Мнѣ нездоровится: пошли кого-нибудь изъ работниковъ!..

Но Тремула не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

— Пустяки, пустяки! — сказалъ отецъ. — Собирайся сейчасъ же! Передъ уходомъ дай теленку пососать, а у мѣстечка вапона его наъ ручья, что-

бы онъ вѣсилъ нѣсколько лишнихъ фунтовъ.

Лили оставалось только повиноваться. Она вымыла Рыжка и отвела его къ коровѣ. Какъ онъ сосалъ въ этотъ разъ!.. Съ какимъ удовольствїемъ шлепала губами по вымени!.. А мать нѣсколько разъ нѣжно лизнула его, кротко мыча. Лили была тронута. Если бы корова и теленокъ знали, что ихъ хотятъ разлучить навѣки!..

Молодая дѣвушка пошла въ свою комнатку и одѣлась по праздничному. Потомъ она навязала Рыжку веревку на шею и потащила его изъ хлѣва.

Но Рыжокъ упирался и не хотѣлъ идти. А корова смотрѣла на него своими добрыми глазами и жалобно мычала.

Лили отлично понимала, что хочетъ сказать корова, и

Рыжокъ и Бѣляшъ. Рыжокъ на водопоѣ.

сердце ея все болѣе сжималось отъ боли. Отецъ ждалъ ее на дворѣ.

— Ну, опять ты раскисла!.. — сказалъ онъ. — Дурочка ты, право! Ну, что такое теленокъ? Теленокъ—и больше ничего. Ты сама съ удовольствіемъ съѣшь потомъ кусочекъ телятинки! Скажи мяснику, чтобы онъ далъ тебѣ часть на ragu!.. А если онъ отдастъ деньги, смотри, не потеряй ихъ!.. Ну... иди вышея глотокъ вина: у тебя будетъ больше храбрости!..

Лили вышла полстакава бѣлаго вина, но не почувствовала себя храбрѣе.

Теленокъ не слушался ея. Онъ упирался и рвался назадъ въ коровникъ. Тремулэ пришлось вытолкать его. Онъ опуналъ Рыжка своими мозолистыми руками.

— Въ самый разъ!.. — проговорилъ онъ довольнымъ тономъ.— Будетъ вѣрныхъ семьдесятъ кило вѣсомъ—значитъ, семьдесятъ-восемьдесятъ франковъ!.. Ты не угружай его, Лили!.. А то онъ потеряетъ два, три фунта. Веди его потихоньку и ласково уговаривай его!.. Иди, Рыжокъ, иди!..

Тремулэ похлопала одной рукой о другую, чтобы стряхнуть приставшую шерсть, и пошла завтракать съ рабочими.

II.

Всю дорогу Лили ласково уговаривала теленка.

Рыжокъ пересталъ упрямиться. Не слыша призываго голоса матери, онъ шелъ послушно за хозяйкой и поглядывалъ удивленными глазами на дома, на лужайки, на канавы. Пучокъ травы подъ заборомъ илѣнилъ его, и Лили успѣшила удолетворить его желаніе.

Потомъ его испугало стадо гусей, съ шумомъ кунавшееся въ лужѣ. Рыжокъ остановился, посмотрѣлъ на гусей и спрятался за хозяйку, какъ испуганный ребенокъ.

— Полно, глупенькій; они не тронутъ тебя. Иди, иди!.. — говорила молодая дѣвушка, гладя теленка.

Успокоенный, Рыжокъ пошелъ дальше.

Чѣмъ ближе становились къ мѣстечку, гдѣ жилъ мясникъ, тѣмъ больше Лили замедляла шагъ. Она готова была вступать въ разговоръ со всѣми прохожими, готова была присаживаться на каждой кучѣ камней, чтобы какъ-нибудь отдалить моментъ смерти бѣднаго Рыжка.

Приди къ ручью, о которомъ говорилъ отецъ, Лили повела своего спутника на водопой. Вода была чистая, прозрачная, и Рыжокъ съ удовольствіемъ попилъ ея.

— Пей, пей еще, Рыжокъ!.. — убѣждала его молодая дѣвушка.

Но онъ не хотѣлъ больше. Онъ, прискакивая, вернулась на большую бѣлую дорогу.

Вдали, сквозь зелень деревьевъ, показались уже красныя крыши мѣстечка. Лили поблѣднѣла. Въ одномъ изъ первыхъ домовъ живетъ мясникъ.

Лили медленно двигалась по направленію красныхъ крышъ. Она опускала голову и закрывала глаза. Она не могла видѣть

кроткое, ни въ чемъ неповинное животное, которому сейчасъ перерѣжутъ горло.

— Вотъ, здѣсь, по этому мѣсту, Рыжокъ, — гозорила она, дотрогиваясь до его мягкой шеи.— Вотъ здѣсь будетъ больша красна рава!.. Ты будешь весь дрожать и смотришь затуманившимися глазами на человека, который будетъ убивать тебя!.. Рыжокъ, Рыжокъ мой!..

Лили боялась, что расплачется и что встрѣчные будутъ смѣяться надъ ней.

Чтобы не сликомъ растрогаться, она старалась вспомнить, какъ теленокъ лягулъ ее нѣсколько дней тому назадъ. Потомъ, въ другой разъ, онъ бросился на нее, и хотѣлъ забодать!.. Да!.. Еще хорошо, что у него нѣтъ роговъ, а то бы онъ

болдно забодалъ ее!.. Гадкій Рыжокъ!..

Дѣвушка ощутила приливъ твердости, вспомнивъ эти случаи; но не успѣла она сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ уже говорила себѣ:

— Бѣдный Рыжокъ!.. Вѣдь онъ играючи лягулъ меня!.. И мнѣ нѣсколько не было больно: у него ножки мягкія, какъ кошачьи лапки!.. А если бы у него и были рога, онъ не забодалъ бы меня!.. Онъ хотѣлъ только поугаать!.. Бѣдный Рыжокъ!..

И Лили гладила ему морду.

По сторонамъ большой дороги стали появляться дома. Начинаясь мѣстечко.

Сколько народу, сколько телѣгъ, сколько шуму!.. При видѣ всего этого, Рыжокъ, какъ деревенскій житель, очень испугался. Онъ началъ дрожать, глаза его широко раскрылись: онъ заложилъ назадъ уши и пугливо терся около своей хозяйки.

Лили дрожала почти такъ же, какъ теленокъ. Она не могла рѣшиться войти во дворъ мясника. Тамъ царилъ необыкновенное движеніе. Въ одномъ углу ждали крестьяне, съ какими же телятами, какъ Рыжокъ. Черезъ два два будетъ

деревенскій праздникъ, и мясникъ заготовлялъ цѣлыя гекатомбы мяса. Лили увидѣла его въ одной изъ группъ. Онъ стоялъ съ засученными рукавами и въ залитомъ кровью передникѣ.

— А, это ты!.. — сказалъ онъ, узнавъ молодую дѣвушку.— Тремулэ говорилъ мнѣ, что ты приведешь теленка. Садись, и сейчасъ возьму его. Надо только отпустить вотъ этого молодца: онъ ждетъ уже два часа!..

Лили присѣла на скамеечку. Рыжокъ дрожалъ возлѣ ея, поглядывая на стоящихъ рядомъ съ нимъ товарищей. Работникъ рѣзалъ животныхъ подъ наѣсомъ. Двое крестьянъ повели къ нему быка, у котораго видѣлись еще слѣды ярма на лбу. Присутствующіе разступились, чтобы дать ему дорогу; Лили еле дышала.

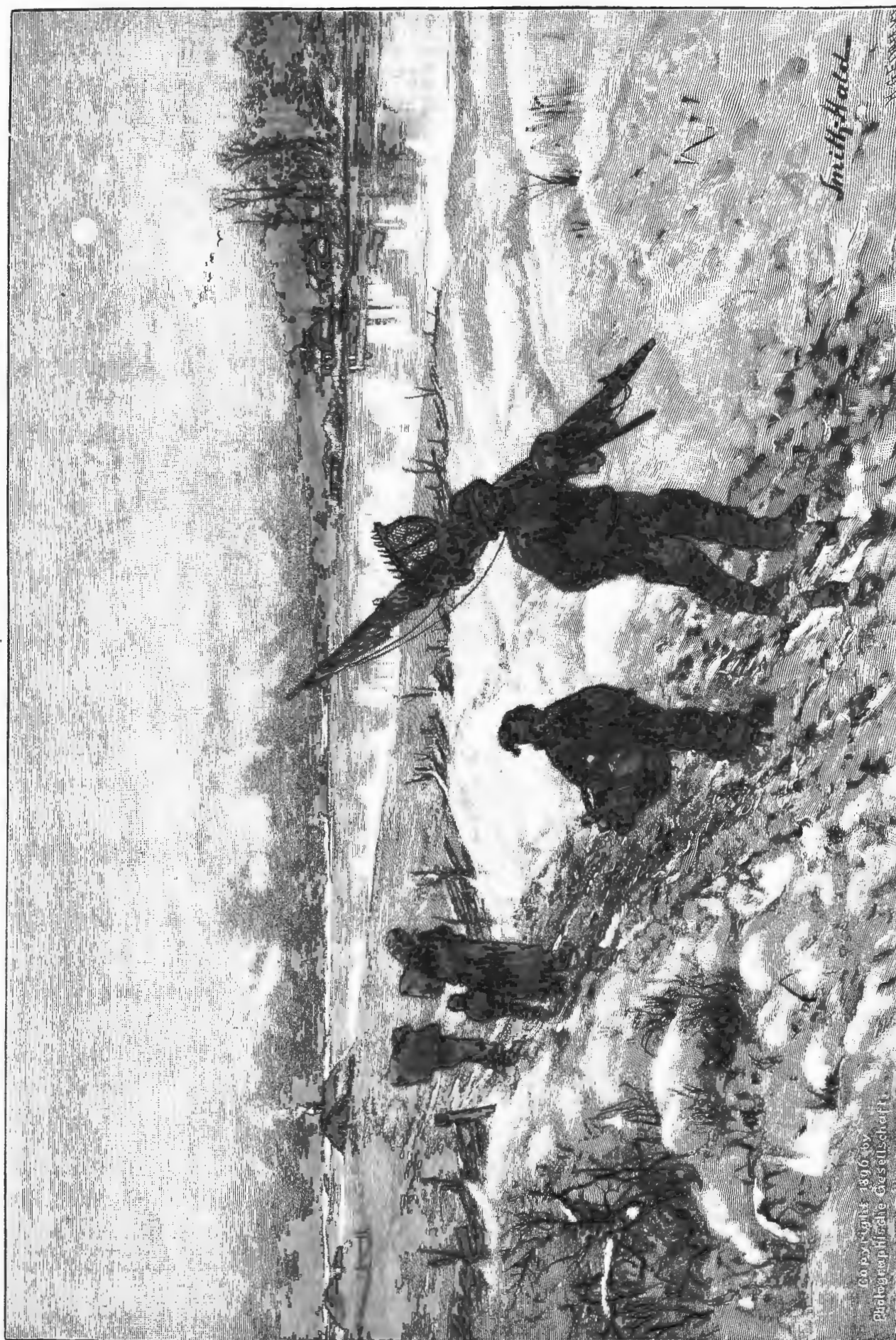
— Ты никогда не видѣла, какъ бьютъ скотину? — спросила ее кака-то крестьянка. — Пойдемъ, посмотримъ, это очень занятно.

Лили поблѣднѣла и не двинулась съ мѣста. Вдругъ она

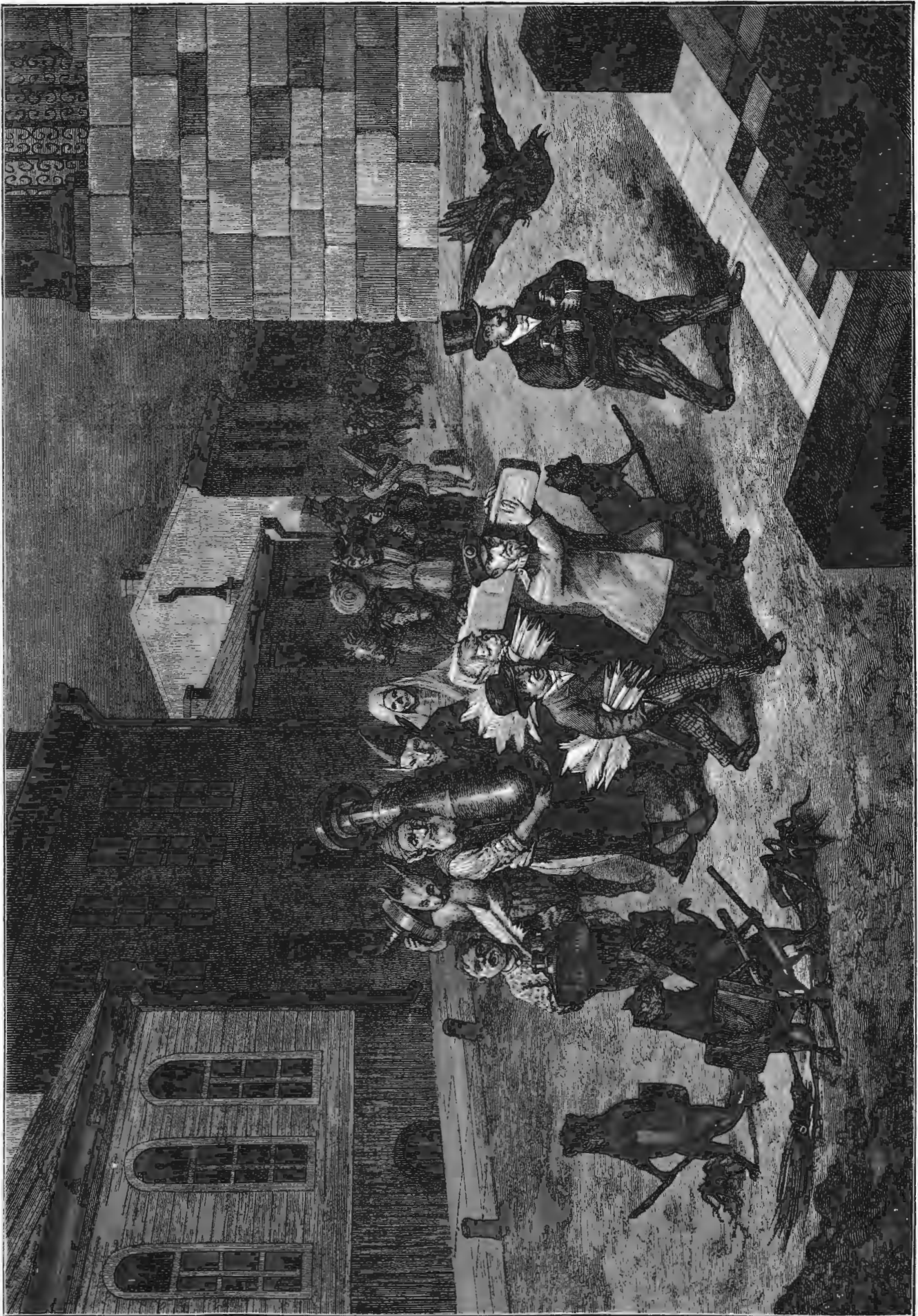

Рыжокъ и Бѣляшъ. Лили и ея крестный.

Рыбани. Съ карт. Ф. Смитъ-Галда, грав. Гедапъ.

Литературный альбомъ. „Бѣсы“. Украинская сказка Г. П. Данилевскаго. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Имзевича, грав. Хелмицкій.

услышала мычаніе, протяжное мычаніе, ужасный вопль почуявшего смерть животного. И Рыжокъ тоже замычалъ громко, испуганнымъ голосомъ, что есть силы питься назадъ.

Лили не выдержала. Она вскочила съ мѣста и потащила со двора теленка.

— Пойдемъ, Рыжокъ, пойдемъ!.. Тебя не зарѣжутъ!.. Пойдемъ скорѣй!..

Дѣвушка торопилась. Она вышла на большую дорогу, ведущую въ Лакумеръ. Теленокъ слѣдовалъ за нею, высоко поднимая хвостъ и весело припрыгивал, какъ школьникъ, возвращающійся домой.

— Нѣтъ, Рыжокъ, тебя не зарѣжутъ, ни сегодня, ни завтра, никогда, пока я жива!.. Вотъ вкусная травка: кушай!.. Вотъ вкусная вода, пей!..

Лили рвала теленку самую зеленую травку, давала ему пить изъ самыхъ чистыхъ лужъ, блестящихъ среди луговъ.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ дому, Лили замедлила шагъ. Она готова была заговорить со всѣми прохожими, готова была присаживаться на каждой кучѣ камней, чтобы только отдалить возвращеніе въ Лакумеръ.

— Что скажете отецъ? — шептала она про себя, низко наклоняя голову.

Сердце ей болѣзненно сжималось. Она знала, что отецъ будетъ неумолимъ; что онъ заставитъ ее идти обратно къ мяснику, и что всѣ сосѣди будутъ надирать съ нея, когда узнаютъ о новомъ подвигѣ младшей дочери Тремуэ.

Лили сѣла подъ заборомъ и задумалась.

„Не вынуститъ ли его? — раздумывала она, съ нѣжностью глядя на теленка. — Ему будетъ чѣмъ питаться въ лугахъ. Есть трава, есть вода, а отъ времени до времени я буду приносить ему корку хлѣба или горсточку манса. Отецъ не узнаетъ... Да!.. А семьдесятъ франковъ!.. Гдѣ я возьму ихъ?“

Лили ударила себя по лбу.

— Придумала, Рыжокъ, придумала!.. — воскликнула она, поднимаясь съ мѣста. — Пойдемъ скорѣй!.. Я получу семьдесятъ франковъ, и ты будешь живъ!..

Лили свернула съ большой дороги и пошла по тропинкѣ. Она шла долго-долго, лугами, дикими терновникомъ, сосновымъ лѣсомъ, и все улыбалась своей счастливой мысли.

— Не бойся, не бойся, они не тронуть тебя, — повторяла дѣвушка, когда стая гусей съ шумомъ шлепалась въ лужу и пугала Рыжка.

Теленокъ, успокоенный, весело шелъ за своей хозяйкой, приподнимаясь къ воздуху незнакомыхъ мѣстъ.

III.

Минуть черезъ сорокъ Лили подошла къ бѣлому домику, обсаженному чинарами. Тамъ жилъ съ крестный отецъ, старикъ Гуркадь, вѣчно занятый сниманіемъ гусеницъ въ своемъ огородѣ. Толстякъ очень любилъ крестницу. Онъ принималъ ей гостинцы каждый разъ, когда приходилъ въ Лакумеръ, и такъ какъ у него не было дѣтей, то въ округѣ говорили, что Лили унаследуетъ послѣ него бѣлый домикъ, обсаженный чинарами.

— Богъ въ помощь! — сказала дѣвушка, увидѣвъ Гуркада среди капустныхъ грядъ.

— А, это ты, крестница! — воскликнулъ старый крестьянинъ, вынимая изо рта черешневую трубку. — Какими судьбами, дѣвчушка?

Она подошла поближе и очень удивился, увидѣвъ теленка.

— Ты ведешь его на продажу? — спросилъ онъ.

— Да, крестный, — отвѣчала Лили, краснѣя.

— Куда же?

— Къ вамъ, крестный, если вы согласны.

— Какъ ко мнѣ? Ты шутишь?..

— Нѣтъ, крестный!

— Мнѣ не нужно теленка, совсѣмъ не нужно!

— О, крестный!.. Для меня!..

И съ этими словами Лили стала привязывать Рыжка къ стволу чинара.

Завязавъ веревку узломъ, она сѣла возлѣ крестнаго на скамеечку, окруженную штокомъ-розами, и принялась рассказывать, въ чемъ дѣло.

— Такъ вотъ что, крестный: отецъ всегда дразнитъ меня за то, что у меня такое чувствительное сердце. Вотъ и сегодня утромъ, чтобы наказать меня, онъ велѣлъ мнѣ вести Рыжка въ мѣстечко, къ мяснику. Я пошла... Вѣдь вы знаете, съ отцомъ пельзы шутить!.. Я пошла и дала себѣ слово, что буду тверда, что отдамъ Рыжка мяснику и спокойно, безъ слезъ, вернусь домой. Сначала все шло прекрасно; но когда я пришла къ мяснику и услышала, какъ мычалъ быкъ, котораго хотѣли рѣзать, у меня сердце дрогнуло!.. Я не могла остаться, не могла отдать Рыжка, и убѣжала влѣтъ съ нимъ. Не сердитесь, крестный. Вѣдь я не виновата, что у меня такое сердце!.. Рыжокъ смотрѣлъ на меня такими печальными глазами!.. Если бы вы только видѣли!.. Бѣдный Рыжокъ!.. Вѣдь вы спасете его отъ смерти, не правда ли? Вы оставите его у себя, онъ вырастетъ!.. У васъ есть лужокъ! Все равно лужокъ вамъ ни къ чему, крестный!.. Рыжокъ будетъ пасти васъ!.. Если бы вы знали, какъ мы оба будемъ любить васъ!.. Не правда ли, Рыжокъ! Вѣдь ты будешь любить крестнаго?

Старикъ тщетно отболтывался. Лили убѣждала такъ нѣжно, такъ ласкалась къ нему, что онъ долженъ былъ уступить.

— Ну, хорошо, хорошо, и возьму твоего теленка! — скажаль онъ, гладя шелковистые волосы своей крестницы.

— Спасибо, крестный, спасибо! А теперь.. дайте мнѣ семьдесятъ франковъ.

— Что такое?

— Ахъ, Господи!.. Не думаете ли вы, что я дарю вамъ Рыжка? Да вы и сами не захотѣли бы!

— Семьдесятъ франковъ? Ты говоришь, семьдесятъ франковъ! — воскликнулъ старикъ.

— Конечно, крестный! Неужели вы находите, что это дорого? Да это даромъ, крестный!.. Рыжокъ стоитъ вѣрныхъ сто франковъ!.. Вы только пощупайте его!.. Вы съѣдите его!.. Черезъ два года это будетъ чудный быкъ!.. Навѣрно!.. Да если бы я хотѣла продать его другимъ, неужели вы думаете, что я не нашла бы покупателей? Полноте! Я именно хочу, чтобы онъ росъ у васъ, чтобы вся выгода досталась моему крестному, моему милому, дорогому крестному, котораго я такъ люблю!

— Ахъ, дрянная дѣвчушка!.. — пробормоталъ крестьянинъ. — Какой бы назъ тебя вынелъ адвокатъ!.. Ты выиграла бы все дѣло въ городѣ, на судъ! Ну, иди сюда!

Гуркадь отсчиталъ крестницѣ семьдесятъ франковъ. Молодая дѣвушка прыгала отъ радости.

— Такъ ты будешь по крайней мѣрѣ навѣщать меня?

— Да, крестный, конечно!

— Меня или теленка?

— Обоихъ, крестный, обоихъ!.. Да развѣ вамъ не все равно? — спросила она со смѣхомъ. — Ну, до свиданія, крестный! Прощай, Рыжокъ!

Лили обняла обоихъ, начавъ съ Гуркада, какъ со старшаго, и пустилась бѣгомъ домой, чтобы поскорѣе вручить отцу полученныя деньги.

IV.

Рыжокъ сталъ пасти на лужкѣ Гуркада. Правда, трава не всегда приходилась ему по вкусу. Онъ былъ набалованъ. Но крестный давалъ ему отъ времени до времени литръ молока или фунтъ муки, разведенной водой, и теленокъ росъ на славу.

Лили навѣщала его нѣсколько разъ въ мѣсяцъ. Она приходила съ карманами, туго набитыми кукурузою, и Рыжокъ съѣдалъ все до чиста.

Лили каждый разъ восторгалась теленкомъ.

— Какой онъ дѣлается красивый, крестный!.. Посмотрите, у него растутъ уже рожки!.. Школьники начинаютъ бояться его!.. Онъ совсѣмъ взрослый!..

Но однажды Лили пришла совсѣмъ грустная.

— Что съ тобою? Что случилось? — спросилъ Гуркадь.

— У бѣлой коровы родился теленокъ... — отвѣчала дѣвушка, грустно опуская голову.

— Ну, такъ что-жъ? И слава Богу! Телятина теперь дорога. Тремуэ можетъ лишній разъ прогуляться въ берегательную кассу!..

Лили ничего не отвѣтила. Она была печальна, молчалива и не смѣялась, какъ обыкновенно.

Даже Рыжокъ своими прыжками не могъ развеселить ее.

Она скоро ушла съ поникшей головой и не являлась цѣлыхъ пять недѣль.

— Не заболѣла ли она? — безпокоился старикъ.

Онъ посылалъ справляться. Сказали, что дѣвушка совершенно здорова.

Однажды передъ бѣлымъ домикомъ раздалась чьи-то шаги. Гуркадь, снимавшій гусеницъ съ капусты, поднялъ голову.

— А, это ты, крестница!.. Наконецъ-то!.. Давненько тебя не видать!..

Но вдругъ онъ въ удивленіи поднялъ руки. Лили была не одна. Она вела на веревкѣ бѣлаго теленка, который испуганно прятался за свою хозяйку.

Гуркадь сердито вынулъ трубку изо рта.

— Это что такое? Я надѣюсь, что ты не продаваешь мнѣ его привезла?

Дѣвушка разразилась слезами.

— Крестный, крестный, онъ такой хорошенькій!.. Его зовутъ Бѣляшъ!.. Отецъ велѣлъ мнѣ отвести его къ мяснику, но у меня не хватило духу оставить его тамъ!.. Бѣдный Бѣляшъ!.. Онъ такой миленькій, такой миленькій!.. Крестный, у васъ была бы парочка!..

Но Гуркадь махалъ руками и ничего не хотѣлъ слышать.

— Нѣтъ, спасибо!.. Довольно и одного! Что ты, смѣешься, что ли, надо мной? Этакъ ты приведешь мнѣ цѣлую дюжину. Отдай его кому хочешь!..

— Крестный!..

— Оставь пожалуйста!

— Онъ будетъ такъ любить васъ!..

— Благодарю покорно!

— Онъ еще забавнѣе, чѣмъ Рыжокъ!..

— Все равно!

— Онъ гораздо породистѣе! Черезъ три года онъ будетъ стоить полтора эю!

— Темъ лучше для него!

Но Лили не сдавалась. Она преспокойно стала привязывать Бѣляна къ стволу чинары, какъ раньше привязала Рыжка.

Гуркадь продолжалъ шумѣть.

— Да я не хочу, слышишь ли!— кричалъ онъ.— Если ты не уберешь сейчасъ же теленка, я разскажу твоему отцу.

— Нѣтъ, крестный, вы не сдѣлаете этого!..

— Непремѣнно сдѣлаю!

— Отецъ прибѣдетъ мени!..

— Такъ тебѣ и нужно!

— Ну, хорошо!— сказала Лили, поднимаясь на ноги.— Если у васъ тоже нѣтъ сердца, если вы хотите причинить горе вашей крестницѣ, которая васъ такъ любила... прощайте!.. Я не стану больше надѣлать вамъ!..

Лили рѣшительно взялась за веревку и сдѣлала видъ, что хочетъ уйти.

Но старикъ уже расканвался.

— Этакая дѣвчонка!— проговорилъ онъ, стараясь смягчить свой голосъ.— Неужели ты никогда не поумнѣешь, Лили? Ну, слушай!.. Куда я дѣну твоихъ двухъ телятъ? Вѣдь рано или поздно ихъ придется продать!.. Такъ отчего же не сразу? Если ужъ ты такъ любишь своего Рыжка и Бѣляна, такъ выходи замужъ, арендуй землю и держи телятъ у себя.

Лицо молодой дѣвочки засвѣтилось радостью.

— Правда, крестный, правда! Я и не подумала объ этомъ!— воскликнула она, всплеснувъ руками.— Какія у васъ прекрасныя мысли!.. Я непременно выйду поскорѣ замужъ!.. А до тѣхъ поръ поберегите моихъ телятъ!

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Скоро будетъ семнадцать.

— Не много!

— Отчего же? Можно выйти и въ шестнадцать лѣтъ! Миѣ говорили въ школѣ!

— У тебя есть женихъ?

— Нѣтъ еще; но скоро будетъ.

— Когда же?

— Черезъ недѣлю, даю вамъ слово!

— Ну, хорошо! Недѣлю я могу поддержать обоихъ телятъ. Ищи себѣ жениха.

— Найду, крестный, будьте спокойны!..

Лили отвела Бѣляна на лугъ, гдѣ пасся Рыжокъ, и пошла домой веселая, счастливая, поглядывая на сторонамъ: не найдется ли гдѣ-нибудь незнакомецъ, за котораго она можетъ выйти замужъ изъ любви къ своимъ телятамъ.

(Окончаніе будетъ.)

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Очеркъ А. Ѡ. Шидловскаго.

(Портр. на стр. 1096.)

Всякому русскому человѣку, которому дорого просвѣщеніе его родины, должно быть памятно имя Шувалова,—одного изъ образованнѣйшихъ людей прошлаго вѣка. Оно связано съ основаніемъ перваго нашего университета, и въ лицѣ Шувалова первый русской ученый, Ломоносовъ, намель искренняго цѣнителя своего таланта. Пользуясь большимъ вліяніемъ при дворѣ Елизаветы и Екатерины, Шуваловъ не увлекался блескомъ придворной жизни, не искалъ почестей и отличій; онъ остался до своей кончины, со дни которой истекаетъ 15-го ноября т. г. 100 лѣтъ, покровителемъ наукъ и искусствъ; а такихъ лицъ на Руси у насъ очень мало. Остается пожалѣть, что до восточнаго времени мы не имѣемъ обстоятельной біографіи Шувалова; можно надѣяться, что годовщина его смерти вызоветъ на свѣтъ Божій новые источники, которые представили бы намъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка въ полномъ объемѣ.

Родъ Шуваловыхъ не принадлежитъ къ сановному русскому дворянству; имени ихъ мы не встрѣтимъ въ древнѣйшихъ актахъ. Шуваловы были люди новые, племцы Петра Великаго. О родителяхъ Ивана Ивановича мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что отецъ его, капитанъ гвардіи, служилъ при Минихѣ, былъ раненъ при взятіи Очакова и умеръ въ глубокой старости; мать его, Тагьяна, была изъ рода Ратиславскихъ. И. И. Шуваловъ родился въ Москвѣ 1-го ноября 1727 г.; чисто русское воспитаніе получилъ онъ дома на рукахъ нянекъ и малокъ, живя попеременно или въ Москвѣ у родителей, или въ деревнѣ своего дѣда. По свѣдѣтельству племянника его, кн. Ѡ. Н. Голицына, маленькій Шуваловъ учился въ Москвѣ у одного учителя съ А. В. Суворовымъ. Около этого времени совершился при дворѣ переворотъ, дѣятельное участіе въ которомъ принимали двоюродные братья Ивана Ивановича, Александръ и Петръ Шуваловы; на престолѣ вступила дочь Петра Великаго, Елизавета. Оба Шувалова были осмыслены милостями императрицы, и внослѣдствіи возведены въ графское достоинство. Пользуясь вліяніемъ, они не забыли своего родственника; въ 1749 г. Иванъ Ивановичъ былъ зачисленъ нажель, но оставаясь жить въ Москвѣ, продолжалъ начатое образованіе. Отличался красивою наружностью, молодой нажель обратилъ на себя вниманіе императрицы, которая приблизила его къ себѣ, назначивъ сначала камеръ-нажель, а вскорѣ послѣ этого камеръ-юнкеромъ; съ этого времени Шуваловъ оставался при дворѣ въ Петербургѣ, пользуясь до кончины монархини неизмѣнною милостію и такимъ довѣріемъ, что не разъ жена наследника престола, внослѣдствіи Екатерина Великая, прибѣгала къ содѣйствію Шувалова, когда нужно было ей о чемъ-нибудь просить императрицу. Въ концѣ царствованія Елизаветы ни одно важное государственное дѣло не миновало кабинета Шувалова, жившаго по дворцѣ; доклады и прошенія на Высочайшее имя проходили черезъ его руки. Къ чести И. И. Шувалова надо сказать, что онъ не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ; отличался полнымъ безкорыстіемъ, выдержаннымъ характеромъ, онъ не искалъ почестей, даже не хотѣлъ принять графскаго титула и, не будучи богатъ, отказывался отъ пожалованья помѣстьями. Племянникъ его, Голицынъ, такъ характеризуетъ своего дядю: „я увѣренъ, что рѣдко встрѣчался у двора человѣкъ столь добродѣтельный, и который притомъ велъ бы себя такъ скромно. Каждый просилъ допущать онъ до себя почти безъ доклада, выслушивалъ терпѣливо, огбиралъ бумаги; отвѣтъ они получали безъ всякой проволочки. Есть ли же онъ хоть мало между прибѣгающими къ нему примѣнить могъ недостаточнаго, то даже

и не спрашивая объ его состояніи, тотчасъ ему помогать. Мало кто, я думаю, видѣлъ въ свою жизнь столь щедрого человѣка“.

Какъ человѣкъ образованный и любитель чтенія, Шуваловъ конечно не могъ не обратить вниманія на талантливаго русскаго человѣка, изъ-подъ пера котораго выходили, неслыханныя дотолѣ, звучныя строфы; стихи Ломоносова самые образованные люди того времени заучивали наизусть, его цѣнили первые люди въ государствѣ: гр. Воронцовъ, гр. К. Г. Рауменскій. Уважая ученныя заслуги русскаго генія, они принимали и уважали Ломоносова; но покровительство это было вышнее; лишь въ лицѣ Ивана Ивановича Шувалова первый русской ученый намель искреннее участіе и справедливую оцѣнку.

Ломоносовъ присылалъ своему покровителю сочиненія, часто бывалъ у него въ домѣ, постоянно съ нимъ переписывался. Шуваловъ ѣздилъ нерѣдко изъ своего роскошнаго дворца на Невскомъ, близъ Полцейскаго моста, въ небольшой домикъ на Мойкѣ, гдѣ въ то время жилъ Ломоносовъ; объ этомъ разсказывала племянница Ломоносова въ 1828 г. Свиньину: „Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину“,—говорила она:—„мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченой каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боялся, какъ подѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ“. Обширная переписка Ломоносова съ Шуваловымъ показываетъ, что послѣдній не только поощрялъ перваго въ его литературныхъ трудахъ, но и поддерживалъ его матеріально. Въ домѣ Шувалова Ломоносовъ встрѣчался часто съ Сумароковымъ, который въ то время пріобрѣлъ уже большую извѣстность; но онъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ русскаго ученаго, и Шувалову приходилось нерѣдко уговаривать Ломоносова помириться съ Сумароковымъ.

Главною заслугою Шувалова въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія было основаніе университета; мысль объ этомъ, приведенная скоро въ исполненіе, родилась въ немъ вмѣстѣ съ обширнымъ планомъ народнаго просвѣщенія во всей Россіи. Онъ составилъ записку, въ которой считалъ необходимымъ въ центрѣ Россіи, Москвѣ, основать университетъ и двѣ гимназіи; равнѣ представленія въ Сенатъ, онъ послалъ ее къ Ломоносову, который, конечно, былъ въ восторгѣ, что и въ нашемъ отечествѣ скоро явится расадникъ образованныхъ людей. 12-го января 1755 г. государыня подписала проектъ университета, который былъ открытъ 26-го апрѣля того же года; Шуваловъ былъ назначенъ первымъ его кураторомъ.

Академія Художествъ также обязана своимъ основаніемъ Шувалову; по представленію его, 6-го ноября 1757 г. былъ подписанъ указъ Сенату о необходимости учредить въ Петербургѣ Академію, „костей плоды, когда приведутся въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранцы посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогащаются, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать...“

Просвѣщенная личность Шувалова была извѣстна также и за предѣлами Россіи; когда вышла книга философа Гельвеція: „Объ умѣ“, онъ началъ вести переписку съ ея авторомъ, ксторій между прочимъ писалъ ему: „я поздравляю васъ, по здравію вашихъ соотечественниковъ съ тою просвѣщенною ревностію, которую вы оказываете въ успѣхахъ наукъ и дарованій“. Но эта корреспонденція продолжалась не долго, такъ

как Шуваловъ по письмамъ философа догадывался, что Гельвецій заискиваетъ его расположенія изъ честолюбивыхъ видовъ. Гораздо дѣлательнѣе были сношенія Шувалова съ Вольтеромъ; въ это время знаменитый фернейскій отшельникъ задумалъ написать исторію Петра Великаго; Шуваловъ собиралъ матеріалы, необходимыя для этого, и посылалъ ихъ Вольтеру; послѣдній свои рукописи препровождалъ въ Петербургъ на просмотръ, просилъ Шувалова о присылкѣ новыхъ свѣдѣній для его историческаго труда о Россіи; различныя пвлеченія изъ русскихъ книгъ и нѣкоторыхъ старинныхъ памятниковъ переводились при содѣйствіи Ломоносова на французскій языкъ и посылались Вольтеру. Первый и второй томы сочиненія Вольтера были просмотрѣны и исправлены Шуваловымъ до выхода ихъ изъ печати.

Около этого времени при дворѣ совершались событія, которые готовили крупную перемену въ положеніи Шувалова; съ начала 1761 г. императрица Елизавета начала хворать; къ осени она немного поправилась, но къ концу декабря положеніе ея было безнадежно; въ день Рождества Христова она скончалась. Передъ своею кончиною она приказала перенести въ комнату Шувалова сундукъ съ драгоценностями, но какъ послѣдній при жизни монархини не искалъ богатствъ, такъ не хотѣлъ воспользоваться ими и послѣ ея смерти. По вступленіи на престолъ Петра III онъ объявилъ ему объ этомъ и возвратилъ ключъ вмѣстѣ съ сундукомъ государю.

Хотя юный императоръ послѣ своего воцаренія не переставалъ относиться съ уваженіемъ къ любимцу покойной государыни, однако Шуваловъ, очутившійся среди новыхъ лицъ, былъ слишкомъ дальновиденъ и уменъ, чтобы не понять, что роль его кончена. Желая остаться независимымъ, онъ постыжился удалиться отъ двора, къ которому привязывала его лишь личность императрицы Елизаветы. Давно уже зародилось въ немъ желаніе посмотреть чужіе края, побесѣдовать съ знаменитыми людьми Европы, съ которыми онъ велъ переписку; памятники искусства и древности, красоты природы — все это тянуло его за границу. Къ тому же подготовлялись событія при дворѣ, завершившіяся переворотомъ, конечнымъ результатомъ котораго были смерть Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II. Весною 1763 г. Шуваловъ, получивъ на время увольненіе отъ разныхъ должностей, выѣхалъ изъ Петербурга. Побывавъ у герцога Курляндскаго въ Митавѣ, онъ отправился въ Пруссію, гдѣ его особенно интересовали мѣры Фридриха Великаго, принятыя имъ къ восстановленію внутренняго благосостоянія страны, разоренной семилѣтней войной. Въ маѣ

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. (По поводу 100-лѣтія со дня кончины). Съ гравюры Ф. Юрдана (изъ собранія П. Я. Дашкова) автотипія „Нива“.

Шуваловъ былъ уже въ Вѣнѣ, затѣмъ отправился въ Парижъ, гдѣ прожилъ около года. Въ концѣ 1764 г. онъ намѣревался вернуться въ Россію, но случилось обстоятельство, которое долго задержало его въ чужихъ краяхъ. Случайно онъ узналъ, что Екатерина II дурно отозвалась о немъ въ письмѣ къ одному изъ иностранцевъ ея корреспондентовъ. Тогда онъ не просилъ продленія отпуска, на что и послѣдовало вскорѣ разрѣшеніе. Шуваловъ отправился въ Лондонъ, потомъ въ Италію. Проѣзжая черезъ Швейцарію, онъ постыжился Вольтера и прожилъ въ Ферней около двухъ недѣль; затѣмъ онъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ прожилъ до весны 1774 г., когда снова прибылъ въ Парижъ. Только въ 1777 г. онъ возвратился въ Россію, пробывъ за границею 14 лѣтъ. Императрица приняла его отлично; зналъ, что онъ не пользуется достаткомъ, она, разговаривая съ нимъ однажды, сказала: „Иванъ Ивановичъ, я знаю, ты не богатъ.“ — „Слова эти дѣлаютъ меня уже богатымъ“, — отвѣчалъ скромный Шуваловъ.

Государыня приказала выдать ему единовременное пособіе въ 10,000 р. и 6,000 руб. столовыхъ ежегодно. Назначенный потомъ оберъ-камергеромъ, онъ продолжалъ пользоваться милостью императрицы, оставаясь попрежнему кураторомъ московскаго университета; профессора и студенты послѣднего находили въ немъ самаго ревностнаго и сердечнаго покровителя.

Послѣдніе годы своей жизни, начиная съ 1787 г., Шуваловъ почти безвыѣздно провѣлъ въ Петербургѣ. Онъ жилъ въ богатомъ домѣ на Невскомъ проспектѣ вмѣстѣ съ сестрою своею, кн. Голлицыной, и ея семействомъ. Окруженный картинами, статуями, книгами, онъ принималъ у себя всѣхъ образованнѣйшихъ людей того времени. У него постоянно собирались кн. Дашкова, Завадовскій, А. С. Шишковъ, Оленинъ, Державинъ, Костровъ, Фонвизинъ, Богдановичъ, Херасковъ, Державинъ многими обязаны покровительству просвѣщеннѣйшаго изъ русскихъ людей того времени — Шувалова. Кончину императрицы Екатерины II онъ чисто сердечно оплакивалъ; но и его здоровье стало понемногу сла-

бѣть. Послѣ вступленія на престолъ Павла I, И. И. Шуваловъ прожилъ всего одинъ годъ и скончался 70 лѣтъ отъ роду. Государь приказалъ похоронить его со всѣми должными почестями; на другой день послѣ его похоронъ, проѣзжал мимо дома, гдѣ жилъ Шуваловъ, императоръ остановился, снялъ шляпу и низко поклонился, глядя на окна этого дома. Тѣло Шувалова предано землѣ въ Благотѣщеской церкви Александровской лавры. Имя его не можетъ быть забыто потомками; а памятникъ ему долженъ по всей справедливости быть воздвигнутъ передъ стѣнами московскаго университета.

Къ рисункамъ.

Осень хороша только въ самомъ началѣ, когда „прохладная краса“ отдѣвѣвающей природы точно желаетъ цѣлостью роскошью дорогаго наряда. „Пышное природы увиданье“ длится недолго, и наступаютъ затѣмъ скучные однообразные дни; голыя деревья уже не очаровываютъ глазъ, и „унылая пора“ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ зимней стужѣ. Въ осеннюю распутицу нѣтъ мѣста веселымъ мыслямъ, и печальныя думы одна за другой нагоняютъ тоскливое настроеніе. Эта безотчетная грусть сквозитъ и въ картинѣ художника Френца. Таящій снѣгъ, грязныя лужи, сѣрое небо и опушка чернѣющаго обнаженнаго лѣса — разкѣ этого не достаточно, чтобы зацепило сердце?.. Даже тройка почтовыхъ лошадей съ понурыми видомъ тащится влою рысцою, и въ ихъ бѣгѣ нѣтъ прежней удалы. Ящикъ подбавляетъ „голубчиковъ“ то кнутомъ, то теплымъ словечкомъ и, думая разогнать тоску, поминутно обращается къ пожилому сѣдоку, сидящему въ бричкѣ. Былъ ли онъ на охотѣ, ѣдетъ ли по дѣлу или домой?.. Онъ закутался въ шубу, продрогъ, и разговоръ бывающаго ящика мало облегчаетъ ему скучную дорогу. Рѣдко-рѣдко кто попадетъ на пути, развѣ какой-нибудь мужикъ на дровняхъ проѣдетъ навстрѣчу... Даль мутна... Нѣтъ конца дорогѣ.

Сразили!.. Какимъ трагизмомъ звучитъ это слово! Въ немъ и потеряныя надежды, и страданія жены, и невѣстное горе матери, и неотомщенный, скрывшійся убійца. Широкая воля казацкой жизни часто приводила храбрыхъ запорожцевъ къ

этому печальному концу. Кто убилъ украинскаго рыцаря набоговъ: проѣзжалъ ли татаринъ, свой ли человекъ — соперникъ, а можетъ-быть въ честномъ бою сложилъ онъ свою безалайную головушку?.. Съ радостью бросилъ онъ тишину и безопасность семейнаго очага, чтобы, отдавшись разгульному ширнеству съ братьями-товарищами, позабывъ опасность, броситься въ пылъ кровавой битвы. Его ничто не могло остановить, — ни чернобровая подруга, удерживающая за стремя его коня, ни престарѣлая мать, разливаяющаяся, какъ ручей, слезами (по образному выраженію Гоголя). Упрямый и непреклонный, онъ постыжился въ стѣну, въ вольницу товарищей, которая для него выше всего, сильнѣе любви... „Кто зна, чи живъ вернусь, чи живу на полѣ...“ Но подобныя мысли не смущаютъ его... И вотъ налетѣла бѣда: лежитъ онъ, сраженный, среди свѣжести дѣвственной природы. Въ безпредѣльной глубинѣ неба, омытаго тучами, уже вьется черныи воронъ и каркаетъ, чуя добычу. Реветъ вѣтеръ, гнется кустарникъ. Воронъ выключетъ сраженному очи, развѣютъ вѣтры его молодечіе усы, размоютъ дожди его раны, а стѣны бандуристы сплуютъ о немъ думу, — въ изиданіе молодымъ, въ утѣшеніе старымъ.

Въ разстояніи часа пути отъ Боцена, — одного изъ очаровательнѣйшихъ уголковъ южнаго Тироля, — ютится въ Альпахъ маленькая деревушка Кардаунъ, вся окруженная горными высотами, на одной изъ которыхъ громоздится оригинальный старинный замокъ Карнейдъ. Своими прямоугольными остро-

конечными бапнями, до сихъ поръ еще населенный, замокъ этотъ величественно паритъ надъ всей этой суровой дѣвѣю горъ. Прямо изъ деревушки Кардаунъ вѣтся проложенная въ горахъ дорога въ Эггенталя; съ обѣихъ сторонъ обступаютъ ее отвѣсными стѣнами скалы. Только благодаря обильнымъ горнымъ расщелинамъ удалось провести эту дорогу; но временамъ такъ и кажется, что горные великаны вотъ-вотъ обрушатся на нее и уничтожатъ плоды долгихъ и тяжкихъ тру-

Слушаетъ ангель, и, чѣмъ больше заливаеся соловей, тѣмъ ему ближе эти звуки, и онъ смутно чувствуетъ родство священныхъ райскихъ напѣвовъ съ сладковучнымъ гимномъ скромнаго лѣснаго пѣвца. Ангельскій ликъ очерченъ художникомъ съ большою пластичностью.

*
Картина „Рыбани“ норвежскаго художника, г. Смитъ-Гальда представляетъ прямую противоположность большинству кар-

Наводненіе 4 ноября т. г. въ Петербургѣ. Подворье Кіево-Печерской лавры на углу 15 линіи Вас. Остр. и Николаевской набережной. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

довъ человѣка. Въ двухъ мѣстахъ дорога проходить черезъ тоннели, пробитые въ скалахъ.

Въ ряду современныхъ нѣмецкихъ художниковъ Габріэль Максъ занимаетъ видное мѣсто. Страстный любитель музыки, онъ въ первый періодъ своей дѣятельности задался цѣлью выразитъ главныя идеи музыкальных произведеній Бетховена и другихъ композиторовъ кистью и издалъ рядъ рисунковъ этого рода. Впоследствии онъ сталъ писать въ сѣроватыхъ туманныхъ тонахъ картины меланхолическаго, сентиментальнаго, трагическаго и подчасъ таинственнаго содержанія. Максъ — въ высшей степени вдумчивый, иногда даже болѣзненно-

Наводненіе 4 ноября т. г. въ Петербургѣ. Набережная Невы на Васильевскомъ Острове, у Николаевского моста. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

тинъ, рисунковъ и эстамповъ, появившихся на послѣдней скандинавской выставкѣ въ Петербургѣ. Въ этой картинѣ нѣтъ ничего дѣланнаго, вымученнаго, раздражательнаго. Предъ нами простое воспроизведеніе дѣйствительности. Но какъ оно интересно, какъ хорошо знакомитъ насъ съ норвежскою природою и жизнью! Настала зима; солнце еле пробивается сквозь облачное небо и съ трудомъ освѣщаетъ застывшую, покрытую уже снѣгомъ землю. Въ тонахъ этого освѣщенія удивительно много поэзіи. Все видѣется въ какомъ-то полусвѣтѣ, нѣсколько рѣзче выступаютъ только фигуры рыбаковъ, возвращающихся послѣ удачнаго улова домой, въ одинъ изъ теплыхъ домиковъ, расположенныхъ по берегамъ фіорда. Тутъ есть и художествен-

Наводненіе 4 ноября т. г. въ Петербургѣ. 17-ая линія Васильевского Острова, сплошь залитая водою. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

нервный художникъ, стремящійся не столько создать сложную композицію, сколько воплотитъ въ живописи идеи, составляющія всецѣло достояніе поэзіи. То же можно сказать и о картинѣ его „Соловей“. Ангель слетѣлъ съ неба на землю. Въ тотъ самый мигъ, когда онъ приблизился къ „міру печали и слезъ“, къ нему донеслись сначала робкіи, точно зампрающія, а затѣмъ громкіи, властные трели соловьиной пѣсни.

Наводненіе 4 ноября т. г. въ Петербургѣ. Набережная Невы противъ 13 и 14 линій Вас. Острова. Пароходная пристань и склады грузовъ. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

ная красота, и близость къ дѣйствительной жизни. Вглядѣвшись въ фигуры рыбака со снастями, перекинутыми черезъ плечо, и слѣдующей за нимъ семьи, вы чувствуете, что онѣ не выдуманы, что таковы онѣ на самомъ дѣлѣ, хотя вы, быть-можетъ, никогда норвежскихъ рыбаковъ не видѣли. Таково дѣйствіе жизненной правды: она убѣждаетъ, дѣйствуетъ на васъ безъ всякихъ усилій со стороны художника, котораго ее вос-

производит; она въ то же время и интересна, и поучительна, потому что имѣть ничего интереснаго и поучительнаго самой жизни; она, наконецъ, сближаетъ насъ съ другими людьми, гдѣ бы они ни жили, и какъ бы различны ни были ихъ окружающія условія, потому что раскрываетъ намъ то, что у всѣхъ людей есть общаго, — въ данномъ случаѣ борьба съ природою для обезпеченія своего существованія, много лишений, немного радостей, въ томъ числѣ тѣ, которыя даетъ чистая совѣсть человѣку, упорнымъ трудомъ зарабатывающему насущный свой хлѣбъ.

Рисунокъ И. Ижакевича представляетъ характерную иллюстрацію къ одной изъ очень интересныхъ „Украинскихъ сказокъ“ Данилевскаго — „Бѣсы“. Содержаніе сказки слѣдующее: Богачъ судился съ „сиротою, убогой вдовою“, за него были „и почетъ, и пошайка, и дукаты“, за нее — „только слезы да горе“. И судьи рѣшили въ пользу богача. „Залилась сирота тутъ слезами... поклоуилась она низко судьямъ и пошла со двора безъ оглядки“. Но богачъ этимъ не удовольствовался и еще надеялся надъ нею. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился передъ нимъ „человѣчекъ, какъ уголь, весь черный, курьи ножки и хвостъ закоричкой“, и сталъ его усовѣщивать. Раскричался тутъ богачъ и кинулъ ему въ отвѣтъ: „Какъ ты смѣешь совѣтаться съ укоромъ? Да мое, слышь ты, правое дѣло такъ рѣшили закону и честно, что и чорту бѣ во снѣ не приснилось!“ Разсердился черный человѣчекъ, крикнулъ богачу, что напрасно онъ чорта вспомнилъ, шаркнулъ ножкой и пропалъ. „Скоро смерклося и всѣ улеглись“.

А въ глухую-то самую полночь —
 Расшвалясь всѣ окна и двери,
 Стали всѣ выбѣгать за ворота...
 Въ темнотѣ, межъ дворовъ, тихимъ шагомъ,
 Отъ конца до конца черезъ городъ,
 Показался невиданный поѣздъ:
 Поднямая десятки черныилицы
 И неся очиненныя перья,
 Вдоль по улицѣ двигались черти...
 И такія все рыла да хари:
 На одномъ былъ мундиръ полицейскій,
 На другомъ — канцелярскій фрачишка;
 По бокамъ науки, череныхи,
 На метлахъ съ прогоколами крысы;
 А сѣдые, столѣтніе бѣсы
 Съ сургутомъ и съ большою печатью.
 Въѣхалъ поѣздъ на главную площадь.
 Распахнулись въ судѣ настежь двери,
 Стали бѣсы входить по ступенькамъ;
 Они сѣли рядкомъ, засвѣтили
 Вкругъ стола погребальныя свѣчки
 И всю ночь напролетъ судъ судили;
 А наутро, предъ тою порою,
 Какъ кричать пѣтухамъ приходилось,
 Всей ордой на гербовой бумагѣ
 Черти свой приговоръ прописали,
 Приложили бѣсовскія ланы
 И опять черезъ городъ, попарно,
 Потянулись тѣмъ же порядкомъ...

Когда снова собрались въ судѣ судьи, на столѣ, по срединѣ, нашли они листъ гербовой бумаги съ слѣдующею подписью:

„Дшегубы и воры вы, судьи!
 Покрывали душой вы не мало;
 Воротите вдовѣ все, что ввали,
 За убытки-жъ ея и обиду,
 Всякъ имѣнемъ своимъ полатитесь...
 А не то — будетъ вамъ на орѣхи!“

Переглянулись другъ съ другомъ судьи и, сунувъ бѣсовские рѣшенье судью, „судить по мѣсталу вновь усѣлись“.

„Только глядь, а стряпня-то нечистыхъ
 На сукно вновь предъ ними ложится...
 И ужъ какъ они тутъ ни вертѣлись,
 А послушались воли бѣсовской“.

Наводненіе 4-го ноября въ Петербургъ.

(Съ 4 рис. на стр. 1097).

Кто не знаетъ знаменитаго Пушкинскаго описанія наводненія 1824 года... 4-го ноября шестидесяти года петербуржцамъ пришлось увидѣть вновь всѣ страшныя картины этого классическаго описанія. Такъ же, какъ и 73 года тому назадъ, „Нева всю ночь рвалась къ морю противъ бури“... Такъ же

Погода пуще свирѣѣла...
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Котломятъ влокала и клубяся —
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
 На городъ кинулась.

Вода прибывала быстро, неуключно. Первые тревожные пушечные выстрѣлы раздались изъ крѣпости въ 5-мъ часу утра, когда столица еще спала крѣпкимъ сномъ, а къ 10 часамъ утра всѣ рѣки и каналы катили уже свои волны въ уровень съ набережными.

Нева представляла собою грустное и въ то же время вели-

чественное зрѣлище. Сѣдые гребни воды, подымался все выше и выше, готовы были ежеминутно выйти изъ гранитныхъ береговъ. Дворниковъ мостъ поднялся на три фута, и вода по нему была прекращена. Съ жалобнымъ воемъ несся съ моря порывистый холодный вѣтеръ. Въ воздухѣ кружились сѣдая пыль, точно песокъ, рѣзавшая и засыпавшая глаза.

Въ началѣ же одиннадцатаго часа вода хлынула сразу въ такомъ громадномъ количествѣ, что о спасеніи различныхъ товаровъ, сложенныхъ на набережной, не могло быть и рѣчи. Вскорѣ вода вышла изъ береговъ и затопила набережную ниже Николаевского моста (рис. на стр. 1097). Сложенные боченки, тюки товаровъ, ящики, сходни и лодки — все это въ полнѣйшемъ безпорядкѣ поплыло по набережной. Стоявшіе у набережной огромные пароходы почти совершенно вышли на набережную (рис. на стр. 1097). Часть сложенныхъ на набережной товаровъ сильными порывами вѣтра унесло въ устье рѣки. Барки съ дровами были частью опрокинуты, частью выброшены на берегъ. Нашлись люди, которые вѣдали на лодкахъ и ловили дрова и боченки.

Университетская набережная была вся въ водѣ. Подвальный этажъ зданія Академіи наукъ былъ залитъ водою. Отъ сильнаго напора вода выступила изъ водопроводныхъ трубъ и залила весь Васильевскій островъ.

На углу 15-й линіи и набережной вода окружила подворье Кіево-Печерской лавры (рис. на стр. 1097). Начиная съ 17-й линіи и вплоть до Горнаго института вода залила почти всѣ линіи, отъ набережной до Большаго проспекта (рис. на стр. 1097). Смоленская рѣчка вышла съ утра изъ береговъ и разлилась на очень далекое пространство. Вода проникла на Смоленское кладбище, попортила тамъ много могилъ и разлилась по линіямъ вплоть до Малаго проспекта. По всѣмъ линіямъ сообщаться въ большинствѣ случаевъ приходилось на лодкахъ. Извозчики запрашивали немовѣрные цѣны за перевозъ на разстояніи нѣсколькихъ шаженъ.

По хуже и тяжеле всѣхъ пришлось несчастнымъ жителямъ Галерной Гавани, которая была сплошь залита водою. Толпы людей не въ состояніи были попасть въ свои жилища, чтобы снасти дѣтей и пожитки. Дѣти, возвращавшіяся изъ школы, легко одѣтыя и обутыя, плакали отъ страха и отчаянія, стоя въ пернѣнтельности передъ непроходимымъ моремъ отдѣлявшей ихъ отъ дома воды. Многие бросались съ пожитками въ вагоны конки, брали ихъ приступомъ, и конка отвозила ихъ на болѣе высокія мѣста, не взямая платы.

Въ полдень вода достигала высоты въ 8 ф. 5 дюймовъ. На улицахъ Гавани она достигала выше 2-хъ аршинъ. Нерѣдко можно было видѣть такія картины: черезъ улицу по колѣна въ водѣ шелъ мужичокъ, на плечахъ у него баба, а у бабы на рукахъ ребенокъ. По залитой водою улицѣ мужчины въ длинныхъ сапогахъ переносили на спицѣ женщины и дѣтей. Особенно много замѣтно было студентовъ, которые, горя желаніемъ помочь ближнимъ, всѣми силами старались проплыть въ самую Гавань и дѣйствительно оказали не мало пользы. Тутъ, въ общей паникѣ, была цѣнна каждая крѣпкая рука.

Не было ни одного дома, который не утопалъ бы на половину въ водѣ. Обитатели подваловъ и нижнихъ этажей, собравъ въ кучу свой домашній скарбъ, старались только укрыть его въ какое-нибудь болѣе надежное мѣсто, но такого почти не было. Все это происходило какъ-то молча, боролись гаванцы съ грозною стихіей безмолвно, безъ жалобъ. Видно, вѣчная, ежегодная борьба съ наводненіемъ закалила несчастныхъ, приучила ихъ къ безропотности. Рѣзко выдѣлился среди этого безмолвнаго гора громкій плачь дѣвочки лѣтъ семи, перешедшей вскорѣ въ хрипкое, едва слышное всхлипываніе. Дѣвочка эта, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, стояла на скамейкѣ у воротъ и взывала о помощи. Ребенокъ былъ въ одномъ платьицѣ и коченѣлъ отъ холода. Изъ разспросовъ любопытныхъ оказалось, что дѣвочка весь день была одна дома, что отецъ и мать ушли на работу, что живутъ они въ нижнемъ этажѣ, который весь залитъ водою.

А вотъ еще грустная сцена, подмѣченная однимъ корреспондентомъ на набережной Шкиперскаго канала. Изъ низенькаго деревяннаго флигелька нѣсколькими рабочими былъ вынесенъ умирающій мастеровой. Товарищи должны были перенести большаго въ сосѣдній двухъ-этажный домъ. Бродя по пою въ водѣ, они на плечахъ несли большаго, который не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Сильно пострадала отъ наводненія и Петербургская сторона. Центръ города не избѣгъ той же печальной участи, что и окраины. Пострадали не мало подвальные помѣщенія на Невскомъ, Гороховой, набережныхъ Фонтайки, Мойки и Екатерининскаго канала. На Гороховой всѣ подвальные помѣщенія были залиты водою. Большіе убытки понесли владѣльцы мелочныхъ лавокъ, гастрономическихъ магазиновъ и пекари. Между прочимъ одинъ трагикомическій случай произошелъ утромъ въ помѣщеніи пекари нѣкоего Власова, находящейся на углу набережной Фонтайки и Гороховой. Въ пекарнѣ, когда изъ дверей и оконъ шумнымъ потокомъ хлынула вода, никого не было, кромѣ двадцатилѣтняго парня — „подсыпальника“, спавшаго, послѣ ночной работы, богатырскимъ сномъ. Парень спалъ на лавкѣ возлѣ окна. Когда нахлынувшимъ потокомъ

воды его обдало съ головы до ногъ, бѣдняга, какъ ужасенный, вскопчилъ на ноги. Увидавъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водой, парень бросился къ печкѣ и хотѣлъ бы на нее взобраться, но въ ужасѣ долженъ былъ соскочить въ воду. На печкѣ его встрѣтили десятка два огромныхъ крысъ, которыя, сердито визжа, скалили зубы. Не помня себя отъ страха, молодой парень подбѣжалъ къ бадѣ, плававшей по пекарнѣ, залѣзъ въ нее и поплылъ по подвалу, который наполовину былъ уже наполненъ водой. Его отчаянные крики обратили вниманіе прохожихъ, и перепуганнаго, измокшаго парня съ трудомъ вытащили изъ окна.

Вся Коломна была залита. Начиная съ Офицерской улицы бѣхали на лодкахъ.

Всюду оказывалась своевременная помощь, и, благодаря этой распорядительности полиціи, достигнуто не малое сокращеніе убытковъ, которые однако громадны.

Г. градоначальникъ генералъ-майоръ Н. В. Клейгельсъ объѣзжалъ всѣ пострадавшія отъ наводненія мѣстности столицы и всюду отдавалъ лично распоряженія. По приказу градоначальника во всѣхъ частяхъ, казармахъ и частныхъ кухмистерскихъ, на счетъ генерала Н. В. Клейгельса, весь день готовился обильный обѣдъ, состоявшій изъ щей и каши, для всѣхъ пострадавшихъ. Для жителей Галерной Гавани такихъ обѣдовъ было приготовлено: на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ на 600 чел., на заводѣ бр. Брусиныныхъ на 400 и при Васильевской части на 300 человекъ. Для лишившихся крова было отведено помѣщеніе на 500 человекъ въ театрѣ „Аквариумъ“; также были предоставлены мѣста во всѣхъ частяхъ столицы и на Балтійскомъ заводѣ. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ полиціей къ спасенію людей, несчастныхъ случаевъ не произошло.

Кромѣ того, 100 дѣтей изъ Галерной Гавани нашли себѣ пріютъ въ „народномъ дѣтскомъ садѣ“ г-жи Калачовой (въ 5 линіи Вас. Остр., д. 54). Дѣтей привезла туда полиція голодными, оборванными, босыми, продрогшими отъ холода. Среди этихъ дѣтей есть двухлѣтніе малютки, а самымъ старшимъ—14 лѣтъ. Ихъ тамъ будутъ держать, пока не пройдетъ гроза и пока ихъ родители въ Гавани не оправятся. Въ теченіе этого времени, 2-хъ недѣль по крайней мѣрѣ, ихъ надо кормить и грѣть, но надо также и одѣть, и обувь. У пріюта, существующаго на пожертвованія и только что создаваемаго по почину и трудамъ г-жи Калачовой и ея дочерей, на это нѣтъ средствъ. Благой починъ въ этомъ добромъ дѣлѣ сдѣлалъ г. градоначальникъ, пожертвовавшій въ пользу дѣтей пострадавшихъ 600 р.

Больше всего пострадали отъ наводненія, понятно, обитатели подваловъ, и насколько велико число этихъ несчастныхъ можно судить по числу имѣющихся въ Петербургѣ подвальныхъ помѣщеній. По послѣдней переписи въ Петербургѣ насчитывалось около 8.000 подвальныхъ квартиръ, въ которыхъ ютились около 50.000 жителей.

Помощь этимъ несчастнымъ бѣднякамъ организовалась быстро. На помощь имъ явилось городское общественное управленіе, отпустившее на пособія 10.000 р. и открывшее въ пользу пострадавшихъ сборъ пожертвованій въ городской комиссіи по благотворительности (въ аданіи городской думы). Собираніемъ пожертвованій занялось и нѣсколько благотворительныхъ обществъ. Больше всего нуждаются жители Галерной Гавани. Горячо откликнулось къ безысходной нуждѣ этихъ бѣдняковъ, лишившихся крова, одежды, послѣднихъ пожигковъ, „Общество временной помощи бѣднымъ и ихъ семьямъ въ г. Петербургѣ“. Оно уже начало оказывать носильную помощь и выѣзъ съ тѣмъ обращается къ добрымъ людямъ съ просьбою пожертвовать, кто что можетъ и какъ можетъ: деньгами, съѣстными припасами, одеждою, обувью и т. п. Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Общества: Галерная Гавань, Малый пр., д. № 1.

Въ домѣ гаванскаго общества вспоможенія бѣднымъ прихода Троицкой церкви (Наличная, 5) организована была раздача пособій и открытъ приемъ пожертвованій.

Въ Галерной Гавани имѣется убѣжище общества „Дсли“, по помощь его въ значительной мѣрѣ парализована, потому что матери не могутъ приносить туда дѣтей, за немѣняемъ одеждою и обувью не только для дѣтей, но и для самихъ себя. Пожертвованія деньгами и вещами принимаются съ благодарностью у предсѣдательницы общества княжны Щербатовой (Надеждинская, 48) и у надирательницы убѣжища Е. И. Вирсановой, Вас. Остр., Большой просп., д. 76.

На помощь пострадавшимъ отъ наводненія явился с.-петербургскій комитетъ общества „Краснаго Креста“ для оказанія помощи увѣчнымъ воинамъ и ихъ семействамъ (пожертвованія принимаетъ предсѣдательница комитета, кн. М. А. Лобанова-Ростовская, Ковенскій пер., д. 29).

Этотъ комитетъ общества „Краснаго Креста“ пріютилъ въ день наводненія болѣе 50 бѣдняковъ. Это не были увѣчные воины, пострадавшіе на войнѣ, — это были несчастные, претерпѣвшіе отъ еще худшаго бѣдствія, отъ стихійнаго, противъ котораго борются почти немилосиво. Картина послѣдняго наводненія представляла страшное разрушеніе, ничуть не меньшее войны. Невольно припоминаются при этомъ слова импе-

ратора Николая I, сказанныя имъ 7-го ноября 1824 г., въ день страшнаго наводненія: „Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ битавъ, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбежный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; сіе ни съ чѣмъ не можетъ сравниться“.

Ничѣмъ наводненіе не можетъ сравниться, слава Богу, по своимъ послѣдствіямъ съ печальной памятью днемъ 7-го ноября 1824 г. Вода, простоявъ на высотѣ 18 часовъ, пошла на убыль, но бѣдствіе, причиненное ею, страшное. Помощь ему должны всѣ, и въ особенности люди, которые благодаря своему достатку обезпечены отъ подобныхъ бѣдствій. Широкая общественная помощь должна облегчить тяжелое горе многочисленныхъ бѣдняковъ.“

К. К. Гротъ. (Портр. на стр. 1100.)

30-го октября скончался, послѣ тяжелой болѣзни, одинъ изъ видныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, статсъ-секретарь Константинъ Карловичъ Гротъ, переживъ всего на четыре года своего брата, знаменитаго ученаго, академика Якова Карловича Грота.

Административная и государственная дѣятельность покойнаго Константина Карловича обнимаетъ собою 62-лѣтній періодъ времени. По окончаніи курса въ Царскосельскомъ лицейѣ онъ поступилъ на государственную службу въ 1835 г., занималъ очень разнообразныя должности и вездѣ оставилъ послѣ себя наилучшую память, какъ человекъ высокой чести и большихъ заслугъ передъ отечествомъ. Въ краткомъ некрологѣ мы не имѣемъ возможности подробно коснуться этихъ заслугъ; но и простое ихъ перечисленіе выяснитъ утрату, понесенную Россіей въ лицѣ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля.

Прежде всего скажемъ, что имя К. К. Грота тѣсно связано съ великими реформами Царя-Преобразователя. Еще въ концѣ царствованія императора Николая I, вмѣстѣ со своимъ сослуживцемъ Н. А. Милютинымъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи новаго городского общественнаго управленія. Подъ его руководствомъ состоялось устройство ремесленнаго и мѣщанскаго управленія при петербургской думѣ, и, по открытіи въ столицѣ новаго городского управленія, онъ продолжалъ руководить этою реформою, въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ. Его административныя способности обратили на себя вниманіе высшаго правительства, и въ 1853 г. ему уже довѣренъ былъ постъ начальника только что образованной новой губерніи—Самарской. Въ качествѣ губернатора онъ немедленно вступилъ въ рѣшительную борьбу съ обнаруженными имъ злоупотребленіями. Злоупотребленія эти проявлялись главнымъ образомъ на почвѣ откупной системы, и дѣятельность его въ этомъ отношеніи оказалась столь усѣбною, что заставила призадуматься надъ страшнымъ вредомъ откупной и приступить къ замѣнѣ ихъ новою системою,—акциною. Въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ отбѣвѣ откупной, замѣнѣ ихъ болѣе рациональною системою и оздоровленію нашей администраціи въ этой области, покойный К. К. несомнѣнно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Ему и поручены были всѣ распоряженія по новому управленію штепныхъ сборовъ, и вслѣдъ за тѣмъ онъ, какъ главный руководитель этой реформы, былъ назначенъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ.

Но этимъ далеко не ограничивается его участіе въ великихъ реформахъ 60-хъ годовъ. При освобожденіи крестьянъ онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина и выработавшей проектъ института мировыхъ посредниковъ и вообще учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и, кромѣ того, подавшей мысль о земскихъ учрежденіяхъ. Затѣмъ въ 1870 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ постоянно принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ законодательныхъ работахъ, сперва по департаменту государственной экономіи, а впоследствии по департаменту законовъ. Въ 1879 г., какъ извѣстно, въ составѣ Государственнаго Совѣта была образована особая комиссія о тюремной реформѣ, и предсѣдателемъ ея былъ назначенъ покойный Гротъ. Подъ его руководствомъ былъ составленъ обширный трудъ, въ которомъ каждое изъ существующихъ и изъ наказаній изслѣдовано въ историческомъ его происхожденіи, изучено современное состояніе карательной системы не только у насъ, но и за границей, и на подготовленной такимъ образомъ почвѣ проектирована новая лѣтница наказаній. Такимъ образомъ и тюремная реформа въ значительной степени обязана своимъ осуществленіемъ покойному Гроту.

Въ качествѣ предсѣдателя главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ онъ обратилъ особенное вниманіе на облегченіе участи солдатъ, потерявшихъ зрѣніе во время военныхъ дѣйствій. Въ этихъ видахъ онъ организовалъ особые отряды для годанія помощи больнымъ и учредилъ два убѣжища для слѣпыхъ,—въ Петербургѣ и Кіевѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ положено было начало попечительству

Императрицы Марии Александровны о слѣпыхъ. Продолжая свою дѣятельность въ этомъ направлеши, онъ основалъ въ Петербургѣ первое Александро-Маринское училище для слѣпыхъ и, не довольствуясь средствами, отпущенными казною, пожертвовалъ самыя значительныя суммы и устроилъ ремесленныя мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ; вообще дѣятельно заботился о благоустройствѣ глазныхъ лечебницъ и основалъ общество для принятія мѣръ къ предупрежденію слѣпоты.

Но не довольствуясь заботами о слѣпыхъ, онъ вообще распространилъ свои человеколюбивыя чувства на обездоленныхъ и, въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи, образованной для разработки вопроса о призаніи бѣдныхъ, много потрудился на этомъ поприщѣ.

Надо ли подводить итогъ его плодотворной дѣятельности: дѣла говорятъ громче великихъ словъ. Будучи внукомъ ученаго пастора, покойнаго Константина Карловича воспринялъ отъ своего дѣда глубокую любовь къ просвѣтительной дѣятельности въ духѣ человеколюбія и оказанія помощи ближнему. Его дѣдъ уже много потрудился въ Россіи на этомъ поприщѣ и внуку далъ широкое развитіе наслѣдію своего предка. Мы указали на его близкое участіе въ реформахъ Царя-Преобразователя, на его дѣятельность, направленную къ осуществленію такихъ реформъ, какъ городская, крестьянская, земская, на его борьбу съ злоупотребленіями откупщиковъ, на его заботы объ облегченіи участи обездоленныхъ судьбою бѣдныхъ, слѣпыхъ. Резюмируя дѣятельность покойнаго Грота, мы скажемъ, что онъ былъ стойкимъ, умѣлымъ и самоотверженнымъ борцомъ за общественную правду. Такіе дѣятели заслуживаютъ вѣчную благодарность потомства.

Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди.

(Портр. на этой стр.)

23-го октября минула годовщина смерти одного изъ величайшихъ композиторовъ — Феликса Мендельсона-Бартольди. Имя его популярно не только на родинѣ, но и во всемъ мірѣ. Кто не знаетъ его чудныхъ „Шесть безъ словъ“, кто не увлекался ими? Рѣдкій сборникъ музыкальныхъ пьесъ достигалъ такой популярности, какъ эти „Пѣсни“. Въ области церковной музыки Мендельсономъ созданы двѣ знаменитыя ораторіи „Elias“ и „Paulus“, внесшія послѣ Баха новое направленіе въ эту отрасль музыкальной композиціи. Сценическая музыка тоже не была чужда композитору. Если имя и не создано ни одной оперы, зато истинные перлы представляютъ его музыка къ Софокловой „Антигонѣ“ и къ Шекспировскому „Сну въ лѣтнюю ночь“. Во всѣхъ отрасляхъ оркестровой и камерной музыки, а въ особенности въ области пѣсни, имя оставлено глубокіе слѣды, а относительно развитія музыкальнаго дѣла въ Германіи за имя числится такая заслуга, какъ основаніе въ Лейпцигѣ консерваторіи — перваго въ Германіи высшаго музыкальнаго учебнаго заведенія.

Въ житейскомъ отношеніи судьба все время улыбалась талантливому композитору. Родился онъ 21-го января 1809 года въ Гамбургѣ. Дѣдомъ его по отцу былъ знаменитый философъ Моисей Мендельсонъ. Прибавивъ къ его имени „Бартольди“ была дана ему въ честь дяди, брата матери. Въ трехлѣтнемъ возрастѣ маленькій Мендельсонъ переехалъ съ семьей въ Берлинъ. Здѣсь, въ столицѣ, мендельсоновскій домъ служилъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ сколько-нибудь выдающихся силъ артистическаго міра. Музыкальныя занятія молодого Мендель-

сона начались въ очень раннемъ возрастѣ подъ руководствомъ Бергера и главнымъ образомъ профессора Цельтера, преподававаго ему теорію музыки. Послѣдній обратилъ вниманіе Гёте на крупный талантъ своего юнаго ученика, и великій поэтъ, прослушавъ игру мальчика, увлекся имъ. Между двѣнадцатилѣтнимъ пѣвцомъ и слыхомомъ семидесятилѣтнимъ поэтомъ завязались самыя теплыя отношенія, и Мендельсонъ прожилъ нѣкоторое время въ Веймарѣ, въ домѣ поэта.

Однажды у Гёте собрался довольно большой кружокъ гостей, и молодому виртуозу предстояло выступить исполнить нѣсколько очень трудныхъ вещей, какъ вдругъ маститый поэтъ обратился къ нему шутя: „Ну, ты до сихъ поръ игралъ все вещи, тебѣ хорошо знакомы. Теперь я тебѣ дамъ нѣчто такое, на чемъ ты споткнешься“. И съ этими словами онъ положилъ на пюпитръ какую-то рукопись, на которой съ трудомъ можно было разобрать, что это такое: ноты ли, или просто чернильные кляксы. Мендельсонъ засмѣялся было, но сейчасъ же принялъ серьезный видъ, какъ только услыхалъ возгласъ своего профессора Цельтера: „А! да это Бетховенъ! Онъ всегда пишетъ точно помеломъ, да потомъ еще рукою размажетъ!“ — „Ну, покажи же свое искусство“, — настоятельно попросилъ Гёте, и Феликсъ началъ. На первыхъ порахъ не обомлосъ, конечно, безъ нѣкоторыхъ паузъ, но во второй разъ пьеса была разыграна мастереки.

Въ послѣдній разъ Мендельсонъ посѣтилъ престарѣлаго поэта въ 1830 году, по пути въ Италію. При видѣ молодого друга онъ просто ожилъ. На просьбу Мендельсона, чтобы поэтъ попрежнему обращался съ нимъ на „ты“, Гёте отвѣчалъ, что ужъ отвыкъ отъ этого, а, чтобы вновь привыкнуть, надо, чтобы композиторъ погостилъ у него, по крайней мѣрѣ, хоть два

дня. Эти два дня превратились въ двѣ недѣли. Каждое утро маститый старецъ бралъ у Мендельсона урокъ музыки, т. е. заставлялъ своего друга играть передъ нимъ повѣйшія произведенія современныхъ композиторовъ и объяснять ихъ. О тѣхъ часахъ, которые оба друга проводили послѣ обѣда въ оживленной бесѣдѣ, Мендельсонъ до конца своихъ дней вспоминалъ съ чувствомъ благоговѣнія.

Три года спустя Мендельсонъ, совершивъ цѣлый рядъ артистическихъ путешествій по Италиі, Франціи и Англии, вернулся въ Германію и занялъ мѣсто дирижера въ Дюссельдорфѣ, а въ 1835 году переселился въ Лейпцигъ и сталъ тамъ руководить музыкальными собраніями въ знаменитомъ Gewandhaus'ѣ. Въ 1841 г. прусскій король вызвалъ его въ Берлинъ, но тамъ онъ оставался недолго и въ слѣдующемъ году снова вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ и оставался до конца жизни, хотя съ 1843 года и носилъ званіе главнаго королевскаго прусскаго музыкальнаго директора. Въ Лейпцигѣ онъ основалъ консерваторію, и въ этомъ же городѣ скончался.

Хоръ л.-гв. преображенскаго полка въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 1101.)

Въ настоящее время Парижъ горячо чествуетъ въ своихъ стенахъ хоръ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Въ непрерывномъ рядѣ овацій, начавшихся съ пріѣзда оркестра въ Парижъ и продолжающихся во все время его пребыванія тамъ, сказалось новое проявленіе горячихъ дружескихъ симпатій, связывающихъ Россію и Францію. Оркестръ выѣхалъ изъ Петербурга въ воскресенье, 26-го

К. К. Гротъ († 30 октября 1897 г.).
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди
(по поводу 50-лѣтія дня кончины).

октября. Въ Парижѣ гостей ждалъ на вокзалѣ отрядъ республиканской гвардіи, а также генералъ Фредериксъ, атаманъ русскаго посольства, директоръ городской полиціи Туви и нѣкоторые другіе. Когда поѣздъ остановился, слышались крики „Да здравствуетъ Россія!“ Дирижеръ оркестра республиканской гвардіи пошелъ навстрѣчу поручику Эттеру, сопровождавшему оркестръ преображенскаго полка, и передалъ ему снопы цвѣтовъ, перевитый трехцвѣтной лентой. Затѣмъ начались привѣтствія, рукопожатія. Когда экипажи двинулись, слышались снова крики: „Да здравствуетъ Россія!“, повторявшіеся затѣмъ на всемъ пути слѣдованія кортежа. Русскіе музыканты отвѣчали криками „ура!“ Когда они подъѣхали къ казармамъ Пенньюеръ, оркестръ 28-го французскаго полка исполнилъ маршъ преображенскаго полка, который русскіе выслушали съ обнаженными головами. Со всѣхъ

Послѣ каждой пьесы президентъ республики подавалъ сигналъ къ аплодисментамъ. Когда всѣ выставленныя въ программѣ пьесы были окончены, Феликсъ Форъ поднялся съ мѣста и, подойдя къ музыкантамъ, сказалъ по-русски: „Здорово, ребята!“ На это привѣтствіе преобразенцы отвѣчали: „Здравія желаемъ вашему высокопревосходительству“. Затѣмъ президентъ продолжалъ по-французски, предложивъ барону Эттеру перевести его слова: „Мы счастливы, что принимаемъ васъ у себя, и надѣемся, что вы увезете въ Россію доброе воспоминаніе о нашемъ приѣмѣ. Поздравляемъ васъ съ искусной игрою“. Музыканты отвѣчали по-русски: „Рады стараться, ваше высокопревосходительство.“

Затѣмъ былъ сервированъ завтракъ въ зимнемъ саду. Послѣ этого президентъ отправился на террасу, гдѣ оркестръ исполнилъ полонезъ изъ „Жизни за Царя“ и романсъ Чайковскаго.

Хоръ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка въ Парижѣ. По рис. М. П. авторнія „Нивы“.

сторонъ раздалось: „Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія!“ Но общій энтузіазмъ еще болѣе усилился, когда были исполнены „Боже Царя храни“, а затѣмъ „Марсельеза“.

Хоръ былъ приглашенъ въ Елисейскій дворецъ. Президентъ республики и г-жа Форъ разослали около пятидесяти приглашеній членамъ правительства и ихъ друзьямъ съ просьбою присутствовать въ Елисейскомъ дворцѣ на концертъ русскіхъ музыкантовъ. Въ числѣ гостей находились русскій посолъ баронъ Моренгеймъ съ супругою, г. Гирсъ и весь персоналъ русскаго посольства, супруга президента палаты Бриссона, Мелинъ, Барту, Билло, Лебонъ, графиня Монтебелло съ сыномъ, Ганото, персоналъ военнаго кабинета президента.

Игралъ только одинъ оркестръ преображенскаго полка.

По окончаніи концерта Феликсъ Форъ и присутствовавшіе устроили оркестру овацію.

2-го ноября хоръ преобразенцевъ, совмѣстно съ хоромъ музыки республиканской гвардіи, участвовалъ въ большомъ концертѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ театрѣ Большой оперы. Громадный залъ оперы былъ переполненъ публикой, сдѣлавшей преобразенцамъ горячую овацію. Успѣхъ обоихъ оркестровъ былъ огромный.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, предвидится отвѣтныи визитъ: хоръ республиканской гвардіи пріѣдетъ для концертовъ въ Петербургъ, и можно напередъ сказать, что онъ встрѣтитъ у васъ такой же горячей приѣмъ, какой встрѣтили наши преобразенцы въ Парижѣ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 года.

Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Австріи нѣмецкая оппозиція рейхсрата еще не сложила оружія передъ большинствомъ, продолжая тормозить парламентскую работу, и добилась-таки того, что ко дню возвращенія императора въ Вѣну проектъ австро-венгерскаго соглашения не могъ пройти, какъ ни стремилась къ этому министеръ-президентъ. Мало того борьба нѣмцевъ съ графомъ Бадени перешла за предѣлы габсбургской монархіи. Въ вліятельной вѣнской газетѣ появилось горячее воззваніе, приписываемое историку Момзену. Увѣряя австрійскихъ братьевъ, что „сердца германскихъ нѣмцевъ обливаются кровью“, воззваніе это напоминаетъ, что Тироль и Зальцбургъ всегда останутся нѣмецкими землями, а Дунай—нѣмецкой рѣкой, какъ Моцартъ, Шиллеръ и Гете—великими нѣмецкими дѣятелями; однако нѣмцы габсбургской монархіи должны бороться собственными силами, слюбившись и помня, что „первый ихъ долгъ оставаться нѣмцами до конца, и что на чеховъ нельзя дѣйствовать убѣжденіями, такъ какъ въ чешскую голову нужно вбивать здравый смыслъ ударами; борьба идетъ на жизнь и должна кончиться полнымъ торжествомъ нѣмецкой цивилизаціи“.

Тѣмъ временемъ въ Богеміи чешско-нѣмецкія пререканія достигли такихъ размѣровъ, что, по отзывамъ западно-европейской печати, можно опасаться серьезныхъ безпорядковъ. Въ сѣверныхъ богемскихъ городахъ нѣмцы-фабриканты нагоняютъ чеховъ-рабочниковъ; во многихъ мѣстностяхъ произошли кровавыя стычки.

Вожаки австрійскихъ нѣмцевъ возмущались было устроить въ Берлинѣ внушительную демонстрацію, по этому очень благоразумно воспротивилась берлинская полиція, заявивъ, что выпроводитъ почтенныхъ австрійскихъ гостей за предѣлы Пруссіи. Такое рѣшеніе блюстителей порядка мотивировано тѣмъ, что споръ о равноправности языковъ въ Австріи—внутренній вопросъ дружественнаго государства, въ дѣла котораго неумѣстно вмѣшиваться со стороны. Всеядъ за этимъ высказался и оффиціозный органъ *Post*, убѣждая оппозицію австрійскаго рейхсрата не тормозить намѣреній правительства, чтобы не заставить австрійской короны прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ.

Между тѣмъ рейхсратъ, послѣ припятія рѣшенія о вечернихъ занятіяхъ (см. *Нива* № 43), продолжалъ свои бурныя засѣданія съ скандальными инцидентами, затнувшими первое же непрерывное вечернее засѣданіе на 27 часовъ, изъ числа которыхъ 12 часовъ заняла монотонная рѣчь одного изъ ораторовъ оппозиціи. Подобною же парламентскою тактикою озна-

меновались и дальнѣйшія засѣданія рейхсрата. Наконецъ послѣ вѣчного засѣданія среди шума, непрестойныхъ выходовъ и рукопашныхъ схватокъ со стороны нѣмецкой оппозиціи, утромъ 24-го октября удалось провести въ первомъ чтеніи проектъ австро-венгерскаго соглашения и препроводить его въ бюджетную комиссію. Проведшіе всю ночь въ залѣ засѣданія министры и депутаты немного вздохнули, хотя проекту предстоитъ еще второе и третье чтеніе.

Обычныя засѣданія делегаціи австрійскаго и венгерскаго парламентовъ для разсмотрѣнія общенимперскаго бюджета на 1898 годъ открыты 4-го ноября. Президентъ делегаціи, упомянувъ о „гордости имперіи—храброй арміи“, указалъ на „прогрессъ Востинъ и Герцеговины“ и благодарилъ министра иностранныхъ дѣлъ за „великія услуги, оказанныя австрійской политикой на Востокѣ“. Прерываемый знаками одобренія, президентъ высказалъ увѣренность, что правительство, оставаясь вѣрными союзамъ, будетъ устанавливать дружественныя отношенія со всѣми державами; „счастливо достигнутое соглашеніе“ съ Россіей по восточному вопросу является „новой, радостной гарантіей мира“. Рѣчь свою президентъ закончилъ, при всеобщемъ восторгѣ, троекратнымъ „hoch!“ въ честь императора.

На пріѣздѣ делегаціи 5-го ноября, отвѣчая на вѣрноподапническія чувства, императоръ Францъ-Иосифъ заявилъ, что различныя опасенія на востокѣ устранены при единодушномъ образѣ дѣйствій державъ; европейскому концерту, оказавшемуся мощнымъ факторомъ въ дѣлѣ улаженія конфликтовъ, отнынѣ предстоитъ упорядочить и положеніе Крита; отношенія между державами наилучшія; вѣнзавѣною основою австрійской политики остается непрережимъ союзъ съ Германіей и Италіей; къ существовавшимъ гарантіямъ мира присоединились дружественныя отношенія къ Россіи; многократныя свиданія съ Императоромъ Всероссийскимъ, выяснивъ единодушіе нацианій, установили „связь, основанную на взаимномъ довѣрїи обихъ государствъ, упроченіе которой сулитъ отрадныя перспективы въ будущемъ“. Отозвавшись горячо о „недавнихъ визитахъ своего вѣрнаго друга и союзника“, германскаго императора, императоръ Францъ-Иосифъ съ благодарностью вспомнилъ также о своемъ прошлогоднемъ пребываніи въ Румыніи.

Не касаясь вовсе парламентской злобы дня, волнующей общественное мнѣніе Австріи, императоръ какъ бы далъ понять нѣмецкой оппозиціи рейхсрата, что положеніе кабинета графа Бадени достаточно прочно. При такой поддержкѣ министерству вѣроятно удастся преодолѣть всѣ препятствія.

5/0 вклада. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1839 г.

16 тиражъ 1-го ноября 1897 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ листовъ Дворянскаго съ выигрышами займа 1889 г.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

77	863	1426	2281	3402	4899	5523	6878	7717	8844	9962	10910	11847	12675	13800	14632	15320	15794	
153	913	1447	2487	3416	4462	5609	7079	7926	9085	10225	10980	11899	12874	13111	14713	15386	15815	15815
164	942	1519	2691	3440	4472	5636	7148	8086	9114	10228	11117	11106	12895	13857	14860	15413	15413	15413
278	962	1587	2764	3764	4588	5905	7191	8128	9245	10303	11166	12047	12936	13984	14893	15446	15874	15874
346	973	1668	2911	3807	4706	6091	7306	8178	9254	10305	11327	12206	12955	14019	14917	15464	15884	15884
374	981	1726	2969	3817	4901	6262	7312	8310	9265	10555	11417	12213	12958	14030	14942	15465	15889	15889
550	1116	1804	3005	3851	5151	6282	7347	8434	9350	10561	11564	12242	13081	14265	14990	15575	15905	15905
588	1143	1911	3007	3893	5204	6494	7390	8509	1577	10638	11610	12443	13097	14480	15005	15652	15932	15932
675	1217	1920	3097	3952	5246	6612	7513	8516	9641	10672	11618	12444	13101	14491	15114	15638	15638	15638
681	1260	2051	3138	4141	5305	6711	7565	8578	9687	10726	11695	12471	13535	14613	15182	15617	15617	15617
722	1367	2144	3217	4246	5434	6847	7579	8653	9821	10773	11724	12664	13610	14131	15227	15746	15746	15746
817	1417	2167	3270	4364	5473	6848	7682	8723	9833	10814	11820	12670	13615	14685	15271	15764	15764	15764

Всего 212 серій, составляющихъ 10,600 листовъ, на сумму 1,378,000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Удалъ. Историческая повѣсть В. М. Михеева. (Окончаніе).—Рымонъ и Бѣлишъ. Газсказъ Жана Раго. (Съ 5 рис.).—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Очеркъ А. Ф. Шидловскаго (съ портр.).—Къ рисункамъ: Въ осеннюю распутицу.—Сравнѣніи.—Дорога въ Эггенталь и замокъ Карнейдъ.—Соловей.—Рыбаки.—„Бѣсы“. Утра и сила сивака Г. П. Данилевскаго.—Наводненіе въ Петербургѣ 4 ноября 1897 г. (съ 4 рис.).—Н. Н. Гротъ (съ портр.).—Феликсъ Менделсонъ-Бартольди (съ портр.).—Хоръ лейбъ-гардинъ преобразеннаго полка въ Парижѣ (съ рис.).—О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Политическое обозрѣніе.—Тиражъ погашенія вклада. листовъ Дворянскаго съ выигрышами займа.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за ноябрь.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементовскій.

Казанская вѣства. Изд. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 3-е. П. 3 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ССУДНАЯ КАЗНА.

(КАЗЕННЫЙ ЛОМБАРДЪ.)
Казанская, д. № 7.

Выдача ссудъ подъ залогъ вещей изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней немедленно отъ 10 час. утра до 2 часовъ дня. Проценты за ссуды, изъ шеста годовыхъ (1/2 кол. съ оного руб. въ мѣсяцъ), взимаются при выкупѣ, или безъ залоговъ, причемъ за храненіе заложившихъ вещей никакой платы не взимается. По истеченіи 12 мѣсяцевъ со дня выдачи ссуды, можетъ быть произведено перезалогъ вещей; иногороднѣе вкладчики могутъ совершать перезалогъ почтою.

Аукціоны просроченныхъ залоговъ производятся по средамъ (золото, брилліанты и драгоценныя камни) и по пятницамъ (серебро, золото, брилліанты и драгоценныя камни).

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS** ДЛЯ ЗУБОВ

Сообщает волю приятную свежесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубов, рта и всех туалетных потребностей. Образуется также, посредством нескольких капель в стаканъ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоящій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12.

Во лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ПОДПИСКА, НА 1898 ГОДЪ, НА ЕЖЕДН. ГАЗЕТУ „ГЛАСНОСТЬ“ (г. II) И ЕЖЕМ. ЖУРНАЛЪ (г. XVII) „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ (Редакторъ-издатель А. П. ПЯТРОВСКИЙ).

Цѣна журнала: за годъ съ дост. и перес. нѣог. 12 р., за полгода 6 р., за три мѣс. 3 р. За гран. за годъ 14 р., за полгода 7 р.

Цѣна газеты: за годъ съ дост. и перес. 10 р., за полгода 5 р., за три мѣсяца 2 р. 50 к., за 1 мѣсяць 1 руб.

И журналъ, и газета будутъ выходить съ иллюстраціями.

Главная контора: СПБ. Пушкинская ул., № 8.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ. ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. № 9881 28-29

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

Ежедневная дешевая политическая, экономическая, общественная и литературная газета

съ портретами государственныхъ и обществ. дѣятелей.

НА 1898 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой на города:

на годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на мѣсяць 60 коп.

Съ 15-го сентября 1897 года газета выходитъ въ увеличенномъ форматѣ по едце-газетной программѣ.

Газета „Московский Вѣстникъ“ ставитъ себѣ задачей быть живымъ, разнообразнымъ органомъ и служить читателямъ вѣстникомъ событий и вопросовъ, какъ московской, такъ и общерусской и заграничной жизни.

Къ участию въ газетѣ привлечены наиболѣе популярныя и известныя сотрудники столичныхъ прѣвременныхъ изданій. Газета рассчитываетъ кромя того на постепенное расширение круга своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Подписка принимается: въ МОСКВѢ, въ конторѣ газеты, Петровна, Кузнецкій пер., домъ Арбатскаго.

Разсрочка не допускается.

Почтовые марки въ уплату не принимаются. Гг. годовые подписчики, подписавшіеся еще до 1 декабря текущаго года, будутъ получать газету до конца мѣсяца года бесплатно.

D.O.M + D.O.M

BENEDICTINE

de de L'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

Se defier des contrefaçons.

D.O.M + D.O.M

Изданія годъ 4-й. Подписной годъ начался съ 15-го ноября 1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г. на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ 1 р.

для пѣнія, одноголоснаго и хорowego, фортепiano и другихъ инструментовъ. 1895-й годъ Одобренъ Уч. Ком. при Св. Синодѣ для библ. духовн. семин., мужск. дух. и женск. еп. уч., Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для учен., среди и стар. возр., библ. ср. уч. зав. мужск. и женск. Рекомендованъ Гл. Упр. Военно-Учебн. зав. кадетск. морп. для проб. въ фонд. библ. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадными по 44 стран. большого формата. Годовой экземпляръ составитъ болѣе 500 страницъ и дастъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорочъ рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Кромя того, безплатныя приложенія: 1) Литургія св. Іоанна Златоуста, соч. проф. Юр. Арнольда (исполн. въ соборѣ Александровской лавры во вр. архіер. служ.). 2) Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію А. Нарасева. Вышелъ № 1-й. Содержаніе: Отд. 1 тематъ: 1) Звукъ и музыка. 2) Ф. Мендельсонъ, къ 50 л. со дня кончины. 3) Г. Донизетти, къ 100 л. со дня рожд. 4) Музыкальное эхо. Отдѣль II, пѣніе: 5) Бетховенъ. I. Гений музыки, на I, 2 и 3 гол. съ форт. 6) Казаченко, Г. А. Баркаротта, д. смѣн. хора. 7) Помазанскій, И. А. Тучки небесныя на I г. съ форт. 8) Павловъ, А. Она пѣла, на I г. съ форт. Отд. III, легк. пьесы для форт.: 9) Ладухинъ, А. Полонезъ. 10) Burgmüller, F. Confidence. 11) Его-же. Les perles. 12) Giese, Th. Chanson de la gr. mere. Отдѣль IV, пьесы для форт. среди трудн.: 13) Бахъ, Э. Пробужденіе весны. 14) Beethoven, L. Für Elise. 15) Ивановъ, М. М. Фантазія на фр. пѣсню. 16) Ганнъ, Л. Сладкія грезы. вальсъ. 17) Венгерка, современный танецъ. 18) Редеръ, О. Сладкія грезы. вальсъ. 19) Wacha, P. Gai laboureur. 20) Meyerbeer, G. Le Pardon de Plérmel. Bergsen. Для гармоніума или фортепiano. 21) Бахъ, Э. Пробужденіе весны, для гармон. съ форт. Отдѣль V, для разн. INSTR.: 22) Бахъ, Э. Пробужденіе весны, романсъ, для I-й или 2-хъ скрипокъ съ форт. 23) Тоже. Для I-й или 2-хъ флейтъ или гобоя, или кларнета съ форт. 24) Тоже. Для альтъ съ форт. 25) Тоже. Для виолонч. съ форт. Этотъ романсъ можно исполнять всѣми означен. INSTR., а также съ прибавл. баса, гармоніума и 2 сарабановъ по желанію. Приложены партія для INSTR. 26) Приложеніе: Карасевъ, А. Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. 27) Объясненія. Подробныя объясненія, содержащія нервыя годовыя изданія, начало мелодій, каталоги книгъ и нотъ высланы безплатно. Цѣна пробнаго № 50 к., съ перес. 71 к., съ налож. платж. 81 к. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.

Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРВА

В. № 10443 13-5

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1811 году СПБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы РОЯЛИ въ 1100, 930, 800, 730, 600 и 560 рублей ПИАНИНО въ 150, 800 и 450 р.

Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

Дено въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманянъ.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ азачию. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллинопа. За двѣ 7 коп. марки высылка условій и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Пранудовой, кв. 40. Проф. кал. Э. Кошидаръ.

для устройства и перестройки **КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ**

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Uhland, Leipzig.

Прейсъ-кур. высылаются безплатно.

КРЫСИННЫЙ и МЫШИНЫЙ ТИФЪ для уничтоженія крысъ и мышей. Фляжонъ по 1 р. 25 к. съ перес. Адр.: г. Курмышъ, Симб. г. Ветер. врачу М. Е. Тарноуроду.

На-дняхъ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ вынуждено новое изданіе **СОЧИНЕНІЙ Д. И. ПИСАРЕВА** (въ 6 томахъ). Цѣна каждого тома 1 рубль.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о.

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЬ

„Петроль“

№ 10542 3-2

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр. № 20-31.

РЕКОМЕНДУЕТЪ СВОИ

КОЛЛЕКЦІИ БЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ

5. 10. 15. 25. 50. 75 и 100 руб.

КОЛЛЕКЦІИ ХЛОПУШЕКЪ

съ сюрпризами: въ 1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р., 7 р. 50 к. и дороже; съ костюмами: 95 к., 1 р. 85 к., 3 р. 50 к., 5 р. 75 к. и дороже.

Затѣмъ получены слѣдующія новосты, подходящія для подарковъ: Парижскія кушанья, кричущіе „папа и мама“, съ 3 лицами: спитъ, смѣется и плачетъ 4 р. 50 к. Вязиющая собака 1 р. 50 к. Перламутровый портмоне 1 р. 35 к. Кошелекъ съ таинственнымъ замкомъ 1 р. 35 к. Ножики „Бульдозъ“ дамскіе 90 к. Кошелекъ „Солитеръ“ зол. 56 пробомъ 4 руб. 90 коп. Брелокъ „Винокъ“ съ портретами 2 руб. 45 коп. Брелокъ „Якорь“ зол. 56 пр. 4 руб. 95 коп., фр. зол. 1 руб. 40 коп. Винокъ „Лилипутъ“ 5 руб. 45 коп. Стрелков. пистол. 3 руб. 60 коп. „Вальсирини царя“, золотыя, 75 коп. Кольцо изъ жемчужн. 2 ряда 1 руб. 35 коп. Замочекъ для ключа 50 к. Коллекція фокусовъ 1 р., 2 р., 3 р. и др. Туалетная шкатулка съ парфюмерными принадлежностями 1 р. 90 к. Настольныя китайскія абжурки № 1557 шт. 50 к. Дорожная сумка № 1078 шт. 2 р. 75 к. Статуэтка на подножкѣ 95 к. Парижскіе шелковыя абжурки платочны 95 к., 1 р. 25 к. и 1 р. 70 к. Фитилевыя свѣчи 75 к. Вуашики 2 р. 25 к. и 3 р. 25 к. Портфели 7 р., 35 к. и 10 р. 75 к.

Гг. иногородніе, проживающіе далѣе 2000 в., благоволятъ при заказѣ высылать заказы въ размѣрѣ стоимости пересылки. Пересылка вложеннымъ платкомъ.

РУЖЬЯ

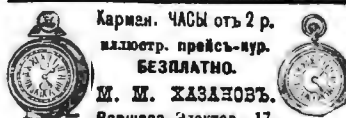
и принадлежности по доступнымъ цѣнамъ предлагаетъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Я. ЗИМНА вдова и К^о.

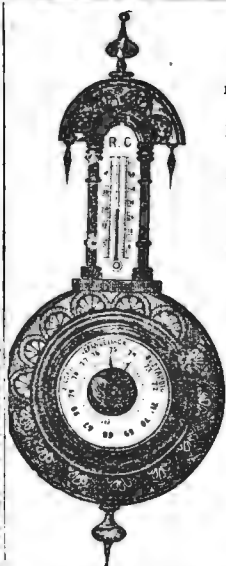
Москва, Тверская, близъ Газетнаго.

Каталогъ бесплатно. 5-4

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р. иллюстр. прейсъ-куръ БЕСПЛАТНО.

М. Ш. ХАЗАНОВЪ. Варшава, Электор., 17.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

профрѣнные, въ металлическихъ оправкахъ отъ . . . 3 р. 50 к.

Въ деревянныхъ оправкахъ отъ . . . . . 7 р.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 руб.

ОЧНИ и ПЕНСНЪ съ лучшими стеклами, стальными. . . . . 1 р. 25 к.

Double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе. . . . . 4 р.

ОЧНИ и ПЕНСНЪ золотые 56 пробомъ отъ. . . 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ

преемникъ КАРЛЬ БОРХАРТЪ

Москва, Рождественка, д. № 5.

АЛЪМАНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

88 печатныхъ листовъ, до 800 биографій съ портретами. СОДЕРЖАНІЕ: Особи Парствующаго Дома, члены Государственнаго Совета, сенаторы, министры, тов. министровъ, генералъ-губернаторы, команд. войсками и корпусовъ, начальники главн. управленій, высшее духовенство, дир. департаментовъ, губернаторы, губ. предводители дворянства и др.

Цѣна „АЛЪМАНАХА“ } Въ 1 томѣ, на хорошей бумагѣ, въ изящномъ перепл. . . 6 руб. безъ пересылки: } 2 том., въ веленой . . . . . 10 „

„АЛЪМАНАХЪ“ можно получить у издателя

Г. А. ГОЛЬДБЕРГА, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 94 (телефонъ 1079) и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Advertisement for 'ЭЙНЕМЪ' (EINEM) perfume, featuring a bottle illustration and text: 'Высоч. Угв. Топ. „ЭЙНЕМЪ“ въ Москвѣ. Собств. Паров. Фабрика въ Симферополѣ (въ Крыму). ПЮРЕТОМАТЬ. ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ.'

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE. БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (105)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.

Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія ГЕМОРОЯ

патентованные нессари д-ра мед. ШЕНЕ

специалиста по желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обращаться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же къ фабрикантамъ

УРШПРУНГЪ и К^о.

въ Барменъ, Германія.

Корреспонденція и на русскомъ языкѣ

П. № 10596

6-3

Американскія Фисъ-гармоніи

иѣются постоянно въ большомъ выборѣ въ слѣдующихъ магазинахъ: Въ Москвѣ: у главнаго представителя І. Ф. Мидлера, Петровка. С.-Петербургѣ: у П. Борнана, Вознесенскій проспектъ. Вильнѣ и Кононо: у І. Завадскаго. Ригѣ: у Эд. Цитомана. Мінскѣ: у Керитопфа и сынъ. Харьковѣ: у А. Гейкина. Поставѣ: у Т. В. Клякведы и сыновъ. Одессѣ: у Э. Витцмана. Ростовѣ н/д: у Л. Г. Адлера. Ю. и Я. Н. Гершиновичъ. Тифлисѣ: у А. Нопля. 6-2

Advertisement for 'ВЕЗДЪ ДѢТСКОЕ МЫЛО' (Vezdy Detskoe Mylo) soap, featuring a bar of soap illustration and text: 'ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДЪ ДѢТСКОЕ МЫЛО НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ. МОСКВА ЦѢНА 1/2 К. 50 К. 1/2 К. 30 К. СКАНДІЯ АПТЕКАРСК. ТОРГОВАЯ Л. Я. СТОЛКИНДА'

Advertisement for 'ЧАСЫ Вальтгамъ' (Chasy Valtgam) watches, featuring a pocket watch illustration and text: 'ИШ. № 10522 10-9. ЧАСЫ Вальтгамъ съ 4-хъ-лѣтней гарантіей: Золотыя мужскіе отъ 90, 95 и 180 р. Накладного золота 29, 33 и 50 р. Серебряные 16, 18 и 28 р. Золотыя дамскіе 40, 45 и 55 р. „Новость“ стальные 14, 16, 22 и 25 р. А также женевскихъ фабрикъ, 3 г. рур. Стальные дамскіе 8, 9, 10, 12, 15 и 20 р. Сребр. мужск. и дамск. 8, 9, 12, 15, 20 и 30 р. Будильники столовые отъ 3 до 20 р. Англійскій маг. часовъ А. Генри Майеръ. Толмазовъ пер. д. № 2, бл. Алекс. театра. С.-Петербургъ.'

ПОЛЕЗНЫЯ

и необходимыя вещи въ каждомъ хозяйствѣ найдутъ, если выпишете иллюстр. прейсъ-курантъ „торговой фирмы

С. Чертовъ,“

Ростовъ н/д.,

который высылается за 4 копейк. марку, каковая сумма возвращается при первомъ заказѣ на сумму не менѣе 3 руб.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемыя по тону и качеству, отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30-200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2-50 мар. Фугалы 3 1/2-40 мар. Цитры 16-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовныя инструменты. Иѣжная скрипка для учителя (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендация отъ Вильгельма, Саразате, Гора, Зингеръ и проч. Подлинная гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. В. № 10528 Крайндикъ. 5-1

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенция высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неваляющая и неослабляя.

ED. PINAUD
 PARIS

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.
 Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
 В. № 10486 15-4

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
 УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 1.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта. Зубные порошки. Зубная паста.

МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 Вознесенскій прудъ у угла Казанской ул. домъ № 24-50.
 НЕВСКІЙ ПР. № 27. НЕВСКІЙ ПР. № 66.

МАГАЗИНЪ въ МОСКВѢ на Космодемьянск. мѣстѣ дома № 117.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей Фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711 du rhin. No. 4711 Savon violette du rhin. Въсѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

лучшимъ САМЪ ПОЗОЛОТЧИКЪ съ помощью

ВОДНОЙ ПОЗОЛОТЫ.

Посредствомъ этой водной позолоты можно позолотить прочно и съ превосходнымъ глянцемъ различные комнатные предметы, игрушки, алебастровыя фигуры, рамы, люстры, лампы, корзиночки, вообще всѣ предметы изъ дерева, желѣза, бумаги, кожи и пр.

Ц. № 10639
 За флаконъ 30 коп., 50 коп. и 1 руб.
 За пересылку въ Европ. Россіи, ко всякому заказу до 5 р. присчитывается 40 к.; въ Азіатской Россіи по разстоянію.

Окладъ Техно-химическоя специальности
ГЕВГАРДА.
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96, уг. Надеждинской.

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА

мѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробѣ отъ 4/4 до 40 марокъ за бутылку доставляется по утвержденному княжеской Центральной администраціи прѣис-куртанту (вмыслимому по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Kh.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.
 обучая заочно кройкѣ и шитью по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».

Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылаются бесплатно.

Мѣсть, Фундуклевова № 27.
 Е. Д. Ашмарина.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прѣис-куртантъ высыл. по требован. бесплатно.

ПОТЫ Въсѣ дешевыя изданія русскихъ и иностр. фирмъ, для роли, пѣний и всѣхъ муз. инструментовъ высылаются **СЪ НАЛОЖНЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.** При заказѣ свыше 1 руб. пересылка по почтѣ бесплатно.

У Ю. ГИЛЬКНЕРЪ, Москва, Тверская, д. Варгина, противъ д. Генералъ-Губерн. Требуется каталогъ нотъ.

И. ВЕРНЕРЪ.

Москва, Петровскій линіи, д. Полякова, подъѣздъ, № 7.

Американскіе фонографы Эдисона отъ 50 до 400 р. Великии извѣсти. артистовъ. Синемаграфы равныхъ системъ отъ 500 р. Картины Люмьера всѣхъ новѣйшихъ событий. Въсѣ новости для публичной демонстраціи.

П. № 10626 6-1

НОВОЕ ПРИМѢНЕНІЕ ЖЕНСКАГО ТРУДА.

Управленіе для Россіи Общества взаимнаго страхованія жизни „НЬЮ-ЮРКЪ“ сямъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія объ открытіи имъ особаго Отдѣленія сотрудницъ-женщинъ для распространенія страхованія жизни.

Особъ, желающихъ принять на себя это занятіе и узнать условія, просить обращаться въ Контору Управленія Общества „Нью-Йоркъ“.

В. № 10622 2-2 С.-Петербургъ, Малая Морская, № 12.

НОВАЯ ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ
 по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.

въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшения, какъ равно и послѣднія издѣлія и заграничн. новосты. Любимыя хлопущимъ въ каждой коллекціи! Кромѣ того исключительно въ юмъ коллекціямъ приложены оригинальныя китайскіе фонарики, а затѣмъ еще весьма практичный и удобный аппаратъ для замангиванія и потушенія свѣчей. Волея подробныя свѣдѣнія благоволяете усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г.

Цѣны безъ пересылки. Уплатовна бесплатно. Всенна наложоннымъ платежомъ. **ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ**, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82. Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82.

Ц. № 10641 3-1

УДОБНО ВЫГОДНО И ВКУСНО

ЭКСТРАКТЫ
 для моментальнаго приготова сладкихъ блюдъ:

- 1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
- 2) КРЕМЪ И
- 3) МОРОЖЕННОЕ

Съ безплатными мороженницами требовать подписи **Д. ВРАЙНИНЪ** МОСКВА, Большая Лубянна 26.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 8-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

CREME SIMON
 (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольды крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-5

Открыта подписка на новое изданіе редакціи „Научнаго Обзорнія“

НАУЧНЫЙ СЛОВАРЬ
 подъ ред. д-ра философіи М. Филиппова. Словарь содержитъ объясненія важнѣйшихъ герминозъ по естеству, и социальн. наукамъ, а также географич. названій и историч. именъ. Изданіе будетъ выходить регулярными выпусками, начиная съ 20 янв. 1898 г., и будетъ закончено въ теченіе 18 мѣсяцевъ.

Подписная цѣна на словарь (большой томъ, свыше 600 страницъ оборотной печати): для подписчиковъ безъ пер. съ перес. „Научнаго Обзорнія“ 2 р. 3 р. для постороннихъ лицъ 4 р. 5 р.

По закрытіи подписки, цѣна будетъ повышена. Налож. платежомъ на 40 к. дороже.

Подписка принимается въ ред. „Научнаго Обзорнія“ С.ПБ., Екаторинск. ул., д. 6, кв. 8. „Научное Обзорніе“ на годъ (12 книгъ) 7 р.

БЕСПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
 ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.

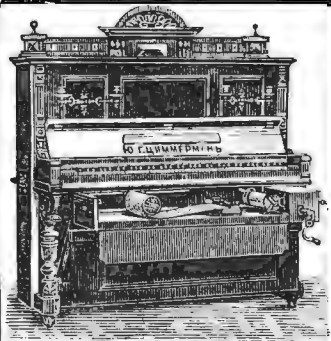
Доступная плата. Условія высылаются немедленно. Москва, Малая Дворянская, д. Базикина, **Е. И. Венедиктовой.**

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.

Нѣтъ ничего изыщнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, издаваемо-го въ Вѣнѣ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ. За 1 р. 60 к. высылаются наложеннымъ платежомъ послѣдній номеръ.

Отдѣленіе конторы редакціи „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“: С.-Петербургъ, Невскій, 80.

НОВОУЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО.

Играет посредством вертема ручки, а также можно играть как на обыкновенномъ пианино.

Цѣна 550, 600, 700 и 800 руб.

Ноги по 1 р. 25 к. за метръ (1 1/2 арш.). Списокъ пьесъ и прейсъ-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВЫЯ ПИЩУЩІЯ МАШИНЫ

— Общій сбытъ 200,000 —

ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ

въ Министерств. одного Петербурга больше 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи

*** ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛОЖЪ ***

Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во

Правленіе: МОСКВА

М. Блок

ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ, Ростовъ и / Д.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляеть лично и заочно профессоръ мнемоникъ С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Баа ул., собственный домъ, № 28. Условія и бромъ (въ 32 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10481 20—10

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ въ 6-мъ изданіи **новый самоучитель для 7 струн. ГИТАРЫ** по нотно-циферн. методѣ соч. **И. ДЕККЕРЪ-ШЕНКЪ**, по которому каждый можетъ въ самое короткое время безъ учителя и безъ знанія нотъ научиться играть. Цѣна 1 р. Продолженіе школы: Альбомъ романсовъ и пьесъ Петр. I и II по 1 р. Альбомъ оперъ 1 р. Альбомъ пѣсенъ и романсовъ 1 р. Альбомъ танцевъ 1 р. Издается издателя **Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ** СПб., Б. М. Морская, 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Высылка наложеннымъ платежомъ.

ВЫИГРЫШ- ные 1, 2 и 3 займа продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**, 59, Невскій, СПб. 11—5

ЖЕМЧУГЪ, ИЗУМРУДЫ, БРИЛЛІАНТЫ, РУБИНЫ и САФИРЫ покупаетъ по хорошей цѣнѣ ювелиръ **В. К. Эйзенротъ**, Москва, Камергерскій пер., д. Ланозова. 4—1

Нежность и Свѣжесть лица **Пуховка - Юности** КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ Заменить лучшую пудру, пуховку, пудреницу и зеркало

КРАСИВО пишется всѣмъ заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО**. Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10495 6—4 За 2 семиклѣбчима марки высылается пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣбчима марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерка. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

ПРИГЛАШАЮТЪ 11-5 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

САМОУЧИТЕЛЬ кройки и шитья дамск., дѣтск. и верхн. вещей и бѣлья, безъ поспор. попомки. До 160 черт. и рис. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Прод. у извѣст. книгопродавецъ. Высыл. калож. плат. Складъ изданія: Москва, Гатаринскій, школа кройки М. П. Готта. 2—2

НОВОСТЬ!

Цвѣточная вода

ЛЕВКОЙ

поставщиковъ Высочайшаго Двора

А. Ралле и Ко.

За флаконъ 60 к. и 1 р.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ **ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ** мыло **МОЛОДОСТИ** **А. С. ИУКЪ** МОСКВА. 20 коп. кув.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАНТОКЪ (С.-Петербургъ, на углу Новосааміевской ул. и Нонногардейскаго пер., № 24/4, кв. 1) рекомендуетъ наставницъ и учительницъ по языкамъ и предметамъ. Приемные часы ежедневно отъ 2-хъ до 5-ти, исключая вторника, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Кромѣ того доводится до свѣдѣній публики, что ищущіе наставницъ и приходящихъ учительницъ могутъ обращаться за справками и рекомендаціями на Николаевскую 16, кв. 41, по вторникамъ и четвергамъ отъ 1—3 ч.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ на МУЖСКІЯ И ДАМСКІЯ МѢХОВЫЯ ВЕЩИ новейшихъ фасоновъ и изысканаго покроя.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ зона 1897—1898 г. высылается бесплатно.

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 21, собственный домъ, и Гостиный Дворъ, № 58.

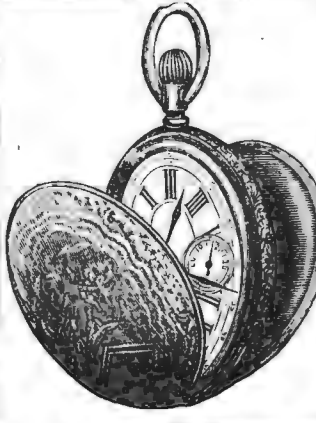

ПОПЕЧИТЕЛСТВО ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ желать ему **НЕУЖИВЪЯ ВЕЩИ**

АУКЦИОНЪ ПО СТРОИТЕЛЬНЫМЪ ВОСОИТАНІЯМЪ № 500 Санктъ-Петербургъ, ВОСОИТЕЛЬСКОГО ПЕР. № 13

ВИНО „SAINT-LÉON“ признано **наилучшимъ** изъ **тоническихъ винъ.** Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ВОЛИЦІЙ лечитъ нарушанія, внутреннія болѣзни электропр. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 10481 6—4

за 6 р. 50 к. **НОВОСТЫ!!!** За 6 р. 50 к. **часы „ЗВѢЗДА“.**

Прелестныя карманныя часы глухіе, заводъ безъ ключа, 16 лин., въ три прыжки наладочаго золота. Не отличить, даже спеціалистамъ, отъ настоящихъ дорого стоящихъ золотыхъ часовъ. Ц. № 10619 2—2

Механизмъ часовъ „ЗВѢЗДА“ усовершенствованъ и урегулированъ съ такой точностью, что могутъ ихъ смело рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ. Къ каждому часу прилагается печатное ручательство на 4 года, въ продолженіе которыхъ починка ихъ производится въ моихъ мастерскихъ безвозмездно. Иногородныя требованія выносятся немедленно по полученіи задатка, остальное наложеннымъ платежомъ. Прощу адресовать: Въ часовое заводеніе **ВУЗЕРА**, Варшава, Грибная ул., № 6. Часы „ЗВѢЗДА“ считать настоящими только снабженіе пломбой фирмъ **І. В.**

XXVIII г.
№ 47

Выходитъ еженедельно (съ 1-го въ годъ), съ приложениемъ 12-ти еженеб. книгъ „Сборника“, содерж. соч. и д. **ВУБЕРГИНА**, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII
1897

Выдава 22 ноября 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цена за годовое издание „Нивы“ со всеми приложениями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій **Н. С. ТУРГЕНЕВА**, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ 5 р. 50 к. { Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковской, Петровскія торговыя линіи. } 6 р. 25 к. { Съ доставкою въ Петербургѣ } 6 р. 50 к. { Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи } 7 р. { За границу } 10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1897 г. №№ „Нивы“ со всеми приложениями.

У пруда. Съ карт. Гуго Кенига, грав. Эдлеръ.

Въ осетинскихъ горахъ.

Посмертный рассказъ **В. П. Желиховской.**

I.

— Бессо! Бессо!.. Иди сюда. Скорѣе, Бессо... Скажи мнѣ, голубчикъ, не продана еще ваша корова, которую ты мнѣ такъ хвалилъ, — помнишь, когда мы на Алгеткѣ встрѣтились... Не продана?

Мальчишка-осетинъ, оборванецъ, нагруженный ворохомъ кузовковъ изъ древесной коры, полныхъ спѣлой, ароматной лѣсной земляники, подошелъ къ калиткѣ палисадника, гдѣ стоялъ юноша немного старше его, въ сѣрой блузѣ, перетянутой ремнемъ, и на вопросъ его завертѣлъ головой, отрицательно чмокнувъ, при чемъ блеснулъ своими необычайно бѣлыми и красивыми зубами.

— Пѣтъ?.. Такъ, Бессо, ты вѣрно знаешь, что мать продасть ее за двадцать рублей?

— Другомъ—нѣ прадасть, тебѣ—прадасть!—заявилъ Бессо, заодно съ бѣлизною зубовъ сверкнувъ чудесными черными глазами въ рамкѣ такихъ рѣсницъ, какими позадивовала бы любая красавица, даже не подрисовывающая природныхъ красотъ.

— Ну, такъ вотъ что, пріятель,—ты скоро свои ягоды продашь?

Осетинъ снова чмокнулъ, пожавъ плечами.

— Нѣ знаемъ!.. Можетъ—днѣ, можетъ—вечерь..

— Можетъ днемъ, а можетъ и вечеромъ?.. Ну, это, братъ, плохо!.. Ты постарайся скорѣй!.. Постой!.. Вотъ мама у тебя штучки двѣ возьметъ. А тутъ рядомъ съ нами дачу наняли Теръ-Богосовы,—знаешь? Богатые армяне. Неси къ нимъ скорѣй, пока у другого не купили. Одинъ лубочекъ не продавай,—мнѣ оставь на дорогу. А какъ продашь,—скорѣй приходи! Я тебя самъ накормлю, и идемъ, братъ, въ аулъ, коровку покупать.... Ты говоришь—не далеко?

— Нѣ далеко!.. Близко!.. Та гора, лѣсъ; еще гора, гора, еще лѣсъ—и аулъ!—махнулъ онъ вдаль рукою.

— Ишь ты! сколько горъ да лѣсовъ!.. Надо такъ, чтобъ не очень поздно домой!.. Положимъ, мѣсяць теперь всю ночь свѣтитъ, а все же... Мама боится будетъ,—самъ съ собой разсуждалъ русскій мальчикъ.— Ты сколько времени ходишь изъ дому, Бессо?.. Часъ? Два?.. Сколько часовъ?

— Нѣ знаемъ!—снова пожалъ плечами осетинъ.

— Эхъ ты, незнайка!.. Ну, хорошо, вотъ мама вышла... Такъ смотри-жь ты, скорѣй приходи. Я тебя ждать буду. Какъ придешь,—такъ и поидемъ!

— Куда—пойдемъ?—вприпрыжку подлетѣла къ брату дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.— И я съ тобой пойду, Володя!

— Ну, вотъ глупости. Я съ Бессо, къ нему въ аулъ... Въ гости къ его матери хочу идти. Куда жъ тебѣ съ нами?.. Мамочка, будешь покупать землянику?

Высокая и стройная, еще очень красивая, хотя блѣдная и съ виду болѣзненная женщина, мать обоихъ дѣтей, отозвалась, что много купить, если ягода хорошая: пора на пастилу ее теперь сушить.

— Ну, вотъ и чудесно. А я, мамочка, сегодня далеко пойду... Съ Бессо, вотъ. Хочъ въ ихъ аулъ побывать... Ты не безпокойся, если запоздаю.

Мать начала-было отговаривать, а Соня, ея балованная дочка, напротивъ, упрашивала, чтобъ братъ и ее взялъ.

Владиміръ боялся ей слишкомъ противорѣчить, чтобъ не обнаружить своего намѣренія идти далеко; быть-можетъ, за осетинскіе аулы, въ горы, „на кочевку“,—гдѣ лѣтомъ пасся крупный скотъ. Намѣреніе свое купить матери давно желанную ею горскую корову на свои трудовыя, заработанныя имъ уроками, деньги, юноша тайлъ. Это долженъ былъ быть сюрпризъ, къ 11-му іюлю, дню ея именинъ.

Рѣшено было идти, если Бессо освободится ранѣе трехъ часовъ. Ольга Михайловна разсудила, что если даже и не совсѣмъ вѣрить осетину, утверждавшему, что въ день можно четыре раза въ ихъ аулъ побывать и засвѣтло возвратиться, то все же въ теченіе семи часовъ, до девяти вечера,—одинъ-то разъ можно пройтись туда и обратно. Она не любила противорѣчить желаніямъ своего шестнадцатилѣтняго сына, не безъ основанія считая его разумнымъ мальчикомъ, самостоятельность котораго пусть скорѣй и полнѣй разовьется; это будетъ лучше для всѣхъ. Кононовы были люди бѣдные. Ольга Михайловна, овдовѣвъ двадцати пяти лѣтъ, жила съ четырьмя дѣтьми на очень небольшую пенсію своего мужа, убитаго во время русско-турецкой войны. Если они не бѣдствовали, то лишь потому, что она не боялась уронить своего достоин-

ства вдовы полковника и честно зарабатывала, что могла. Живя въ своемъ домикѣ, въ одной изъ кавказскихъ штабъ-квартиръ, она завела небольшое хозяйство, продавала птицъ, молочные сконы, варенья и соленья, которымъ находилъ хорошій сбытъ въ ближайшемъ городѣ и даже въ Тифлисѣ.

Старшій сынъ ея чуть не съ десяти лѣтъ былъ ей помощникомъ, сначала въ заботахъ о меньшихъ дѣтяхъ и домѣ; потомъ, когда пришлось уѣхать, т. е. когда онъ поступилъ въ гимназію, онъ съ четвертаго класса ужъ началъ давать уроки, помогая менѣе способнымъ товарищамъ. Возвращаясь же къ матери на каникулы, онъ занимался съ сестрой и братомъ; а когда и Соня поступила въ гимназію, онъ уже могъ взять на себя серьезную обязанность оплачивать уроками кровъ и столъ, который тетка давала его сестрѣ. И лѣто для него не проходило праздно, онъ всегда умѣлъ найти дѣло. Вотъ и теперь, получивъ мѣсячную плату за урокъ у богатыхъ сосѣдей, Володя второй день высматривалъ Бессо, съ которымъ заранѣе сговорился насчетъ покупки „настоящей осетинской, горной коровы“. Онъ зналъ, что мать его давно мечтаетъ о такомъ приобрѣтеніи для своего хозяйства.

Пока шли переговоры и покупка ягодъ, Соня все приставала то къ матери, то къ брату, чтобъ и ей позволили съ нимъ идти, чтобъ и ее Володя взялъ съ собой въ осетинскій аулъ...

— Послушай! Да будь же ты благоразумна, Софья,—угovarивала ее мать.—Ну, какъ же ты не понимаешь, что такую даль идти тебѣ невозможно?.. А если Володѣ тамъ заночевать придется? Ему—ничего! Ну, а ты, что же, также съ нимъ въ саклѣ, на полу, рядомъ со скотиной спать будешь?

Но тутъ Бессо, слѣдившій за разговоромъ блестящими глазами, улыбаясь во весь румяный ротъ, запротестовалъ:

— Спать?.. Зачѣмъ спать?.. Спать нѣ надо. Рано дома будешь... Солнце еще будетъ!

И онъ показывалъ высоко надъ западомъ, вертя головой, увѣренный въ своихъ показаніяхъ. Его увѣренность помогла исполненію Сонинаго желанія лучше ея просьбъ. Было рѣшено, что въ случаѣ если она устанетъ или погода испортится, то ее оставить на полдорогѣ,—по расчету Володи,—на хуторѣ хороши извѣстнаго отставного солдата Бургенко съ тѣмъ, чтобы ее сейчасъ отвезли домой.

„Какъ же! — рѣшила про себя Соня. — Вотъ ужъ этому не бывать!“—И побѣжала собираться въ дальнюю прогулку, которая вообще страстно любила, а ужъ съ братомъ, да „безъ мелюзги“,—какъ она презрительно называла меньшихъ сестру и брата,—тѣмъ болѣе.

Бессо управился, къ счастью, скоро; едва успѣли покончить ранній обѣдъ, какъ онъ явился за калиткой палисадника, размахивая весело порожними кузовками, вздернутыми на палку.

Его покормили и вышли, сопровождаемые шумными протестами меньшихъ дѣтей, завидовавшихъ и тоже просившихся съ ними, и напутствіями Ольги Михайловны, втайнѣ все же побаивавшейся этой затѣи.

II.

Весело, скорымъ шагомъ путники миновали штабъ-квартиру, офицерскіе домики съ садами и огородами, нарядный полковой домъ, церковъ, офицерскій клубъ и спустились въ оврагъ, за которымъ длинными улицами тянулось поселеніе, такъ-называемая отставная слободка, гдѣ жили отставные, семейные солдаты, обратившіеся въ крестьянъ. По дорогѣ они встрѣтили много знакомыхъ, и Соня всѣмъ объявляла съ восторгомъ:

— Прощайте! Прощайте!.. Мы далеко идемъ: въ осетинскіе аулы,—къ нему, вотъ, въ гости!

И она указывала на Бессо, сверкавшего на всѣхъ глазами и зубами, выступавшаго, впрочемъ, степенно, съ сознаниемъ собственнаго достоинства и значенія проводника. Владиміръ останавливалъ „ея прыть“, но безуспѣшно. Соня все время была впереди, забѣгала то и дѣло въ стороны за цвѣтами, да за грибами, для которыхъ захватила корзиночку; а когда миновали слободку и рошу и вошли подъ тѣнь настоящаго лѣса, брату то и дѣло приходилось призывать ее къ порядку. Соня страстно любила собирать грибы, а тутъ какъ на грѣхъ подъ каждой елью и сосенкой желтѣли масляники, герохомъ высыпавшіе послѣ недавняго проливнаго дождичка.

— Ну, нѣтъ, Софья Петровна! Извините, я васъ дальше хутора не беру! — пугаль онъ ее. — Одно изъ двухъ: или въ ауль, за дѣломъ спѣшить, или грибки собирать, никому не нужные!

Дѣвочка бросала сгибаться, спѣшила за опережавшимъ ее братомъ, но тотчасъ же забывалась, увлеклась „золотыми ковриками масляниковъ“. На бѣду Бессо тоже вздумалъ ей помогать, издали указывая ей на грибные всходы и со смѣхомъ бросаясь ихъ брать.

— Бессо! Бессо! — укоризненно взывалъ Володи. — Ну, что это такое?.. Этакъ мы никогда не дойдемъ!.. И зачѣмъ я тебя взялъ, Сонька, противная дѣвочка!.. Ну, гдѣ-жъ съ тобою дѣло сдѣлать!

Наконецъ, она обратила вниманіе на послѣднія слова его.

— Дѣло!.. Какое дѣло?.. Развѣ ты по дѣлу въ аулы идешь?

О, какъ радовалась Соня, когда Владиміръ ей объяснилъ цѣль путешествія!.. Покупать корову!.. Тихонько отъ мамы?.. Устроить ей сюрпризъ, чтобъ она, въ Ольгинъ день, войдя въ сарай, вмѣсто двухъ коровокъ нашла трехъ! Да еще горскую, осетинскую, которая даетъ вдвое противъ самой лучшей русской или грузинской коровы. — О, какое счастье!..

Она запрыгала и бросилась на шею брату, душа его въ объятіяхъ и разсыпая свои масляники, къ великому диву и потѣхѣ осетина, который стоялъ, глядя на эти шумныя изліянія, широко раскрывъ ротъ и вопрошалъ:

— В-ва!.. Эсъ рари?.. Что случилось?!

— Да ты зачѣмъ же, Володька, раньше мнѣ этого не сказалъ? — повторяла Соня. — Да я бы и не посмотрѣла ни на какіе грибы, — Богъ съ ними! Пойдемъ скорѣй!

И взмахнувъ корзинкой, она отбросила блестящіе грибки далеко въ ихъ родной лѣсъ, на новый урожай; а сама пошла степенно, ухватившись за руку брата и даже не обращая вниманія на раскатыстый смѣхъ мальчишки-осетина, очевидно, на нее дивившагося, какъ на существо крайне занимательное, но не совсѣмъ нормальное... Она разспрашивала Володю и слушала его съ интересомъ; а онъ рассказывалъ ей, что ужъ давно у него на примѣтѣ одна „буренушка“, которую онъ разъ, охотясь, повстрѣчалъ въ лѣсу: Бессо ее гналъ въ ауль, — она забрела далеко отъ стада. Коровка маленькая такая, съ хорошенькой мордой, крутыми рожками и добрыми-предобрыми глазами. Молоденькая совсѣмъ, но охотившійся съ нимъ хуторининъ сказалъ ему, что это самая лучшая осетинская порода...

— Я тогда же Бессо остановилъ и сталъ торговать. Но тогда у меня денегъ не было... Да и онъ не зналъ, захотятъ ли его отецъ и мать продать, — правда, Бессо?.. А послѣ они сами мамѣ предлагали, когда мама его сестренку вылѣчила, — помнишь? Маленькую дѣвочку, больную, къ намъ прошлый мѣсяцъ все носили изъ аула... Ну, вотъ теперь онъ говоритъ, что мать мнѣ ее за двадцать рублей отдастъ... Отдастъ, Бессо?

Осетинъ, вслушавшись, чтобъ уразумѣть не совсѣмъ

ему понятную русскую рѣчь, подтвердилъ, что отдастъ, и всѣ усердно, пичѣмъ болѣе не отвлекаясь, зашагали въ гору.

Шли, долго шли; чѣмъ выше, тѣмъ гуще становился боръ, круче подъемы. Вотъ, наконецъ, вышли изъ лѣсу въ чудесную горную долину, гдѣ картинно бѣлѣли двѣ-три хаты, а прозрачно-синій дымокъ изъ трубы медленно развѣивался клубами, тѣмъ на фонѣ темной зелени лѣсистыхъ горъ.

— Ну, вотъ и Бугренкинъ хуторъ! — сказалъ Владиміръ. — И тебѣ совѣтую, Сонюшка, здѣсь остаться. Ну, право же, ты устанешь! Вѣдь смотри, какъ ты вся горнишь, а еще и половины дороги нѣтъ... Вѣдь нѣтъ, Бессо?

Отрицательное чмоканіе мальчугана было краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

— Вотъ видишь?.. Оставайся, Соня, я тебя отведу, пойдемъ!

Продолжительный, протестующій визгъ барышни и ея усиленный бѣгъ впередъ, еще краснорѣчивѣй осетинскаго чмоканія выразили ея несогласіе на оскорбительное предложеніе.

Этотъ крикъ пробудилъ горное эхо и сторожевыхъ собакъ на хуторѣ. Первое разлилось въ тиши лѣсной, волнообразно замирал; а вторыя пробудили еще сильнѣйшіе отголоски неистово-хриплыхъ лаемъ.

Бессо, пораженный такимъ неожиданнымъ дивертисментомъ, сорвалъ съ себя войлочную шапочку, ударилъ ее объ землю, энергически перекувырнулся на воздухѣ, ее подымая, разразился разнеселымъ хохотомъ, еще увеличившимъ смятеніе звуковъ, и самъ побѣждалъ за Соней, одушевленными кивками приглашая и гимназиста слѣдовать за ними... Опъ такъ и сдѣлалъ. Да больше ему и дѣлать было нечего; разъ согласившись взять съ собой Софью Петровну, надо было нести послѣдствія своей снисходительности. Долго шли они опять дремучимъ боромъ. Потомъ вошли еще на одну высокую безлѣсную гору и пошли вдоль ея ребра, по путаницѣ тропокъ, расхлывшихся неровно выбитыми на травѣ узорами. Влѣло высились вершины, кое-гдѣ лишь покрытыя кустарникомъ; направо открывалась величественная панорама высотъ, горныхъ лѣсистыхъ пѣпей, или скалистыхъ кряжей, лѣсовъ, ущелій и долинь, съ разбросанными кое-гдѣ аулами, примѣтными лишь по дымкамъ, парившимъ надъ нѣкоторыми саклями, — иначе трудно было бы отличить эти полу-подземныя жилища отъ глины и камней. Кое-гдѣ высились башни, развалины заброшенныхъ крѣпостей и храмовъ; а за ближайшей панорамой разстилалась туманная даль равнины, по которой извивалась рѣка, мѣстами ослѣпительно сіяя на солнцѣ золотыми зигзагами.

Спускался отлого по открытой мѣстности, путники начали изнемогать.

— Ну, гдѣ-жъ твой ауль? Скоро придетъ?

На эти вопросы Бессо успокоительно кивалъ головой и, неопредѣленно махая вдаль рукой, говорилъ:

— Скоря! Скоря!..

Но вблизи аула примѣтно не было. Спустились по другую сторону горы. Бессо шелъ опять наперерѣзъ къ синему, дремучему бору.

— Да ты укажи, послушай, пока мы на открытомъ мѣстѣ, гдѣ твой ауль? — рѣшительно остановился Владиміръ.

— Ауль? — переспросилъ осетинъ. — Ауль — многа! Вонъ ауль!.. Вонъ ауль! — указывалъ онъ во всѣ стороны пальцемъ.

— Да твой ауль, гдѣ ты живешь. Какой глупый!

— Моя ауль?.. Да!.. Знаемъ, знаемъ. Вонъ тамъ!

— Какъ?.. Въ этомъ лѣсу?

— Нэ-этъ!.. Эта лѣсъ, за лѣсъ гора, — тамъ моя ауль. А тамъ, — онъ указалъ на далекія лѣсистыя горы: — тамъ кочевка. Тамъ корова!

Петръ Великій въ Вѣнѣ у императора Леопольда въ 1698 г.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Мультановскій.

Старинный способ наказания обманщиков-булочниковъ въ Мюнхенѣ. По старинному рисунку грав. Бонгъ.

— Какъ?!. Она не въ аулѣ?.. — удивилась Соня. — Неужели еще туда идти?

— Что ты, что ты, Бессо!.. Да это пятьдесятъ верстъ отсюда,—тѣ горы, которыя ты показываешь.

— Вѣдь ты говорилъ, что можно послать за ней въ стадо?—напали на мальчика братъ съ сестрой.

Бессо добродушно соглашался, кивая головой, успокоительно:

— Можно! Можно!.. Я пойдемъ!

— Да чего—пойдешь!.. Вѣдь если въ тѣхъ горахъ, такъ ты, дай Богъ, къ завтрашнему утру ее только пригонишь... Гдѣ-жъ я ее увижу? Не ночевать же намъ въ вашемъ аулѣ!

— На-эть! Зачѣмъ завтра?.. Я сейчасъ. Пойдемъ скоро!—предложилъ осетинъ, прибавляя шагъ.

— Пойдемъ!—пожалъ Владиміръ плечами. — Только знаешь что, Соня, — говорилъ онъ, сбѣгая съ ней съ горы, рука въ руку: — если черезъ полчаса мы не будемъ въ аулѣ, — я вернусь домой!.. Богъ съ ней и съ короной, — пусть ее къ намъ пригонять; а я маму пугать не стану.

Соня жалобно протестовала, доказывая, что теперь „только три часа“... Можно успѣть, даже если только въ четыре часа быть въ аулѣ. Бессо въ часъ-два сбѣгаетъ, они отдохнутъ тѣмъ временемъ, пойдя; ну, часовъ въ шесть назадъ выйдутъ,—къ девяти,—„самое позднее“ дома будутъ!.. А теперь ночи лунныя,—какъ днемъ свѣтло!.. Чего жъ бояться?

— Да, свѣтлая, на открытыхъ мѣстахъ, а не въ лѣсу! — задумчиво говорилъ Владиміръ, колеблясь между страхомъ запоздать и желаніемъ „покончить дѣло“.

Быстро сбѣжали они въ долину, покрытую такими высокими цвѣтами и травами, что Соня въ нихъ совсемъ исчезала. Это ужъ были вторые всходы: первый сѣнокосъ въ началѣ юня былъ уже убранъ.

— Какая прелесть! Ахъ, какая прелесть! — восклицала то и дѣло дѣвочка. — Если бы только не такъ жарко!.. Какіе бы здѣсь букеты можно нарвать!

— Ну, нѣтъ, благодарствуй!.. Теперь не до букетовъ!—увлекалъ ее за руку братъ, едва самъ поспѣвая за быстрымъ и легкимъ шагомъ осетина, не знавшаго устали.

— Да я знаю!.. Богъ съ ними, съ цвѣтами... А вотъ только пить хочется. За стаканчикъ бы водицы всѣ въ мірѣ цвѣты отдала.

— Ну, то-то же! А гдѣ ее теперь взять?.. Охъ ужъ! Зачѣмъ только я тебя взялъ, право!

— Ну, вотъ! Нельзя сказать?.. Потерплю... Въ аулѣ напьюсь... Или можетъ въ лѣсу ручей найдется.

— Постой,—вдругъ вспомнилъ Владиміръ:—у насъ вѣдь есть земляника! Цѣлый коробокъ. Бессо!.. Ягоды у тебя? Дай-ка сюда!..

— Ягода, ягода?.. Го! Го!.. Да, знаемъ: земляничка?..—сообразилъ осетинъ, извлекая одинъ нетронутый кузовокъ изъ среды ея пустыхъ сотоварищей.— Есть, есть земляничка!.. Кушай, кушай.

— Кушай, Соничка. Это утолитъ жажду,—подавъ ей лубочный коробъ Владиміръ.

Соня радостно накинулась на ароматныя ягоды.

III.

Вошли въ лѣсъ. Это былъ не боръ, а чудная листовенная и плодовая роща, перерѣзавшая долинку, за которой опять вздымались горы, темныя, мохнатыя, поросшія хвойнымъ лѣсомъ. Весною въ этой рощѣ цвѣли всевозможныя дикія фруктовыя деревья, фіалки и ландыши; позже, лѣтомъ, стоялъ въ ней одуряющій запахъ жасмина, желтыхъ и бѣлыхъ лилій; теперь они ужъ отцвѣли, но зато она была полна тонкаго аромата козьего листа въ полномъ цвѣту. Онъ вился вмѣстѣ съ дикимъ виноградомъ и хмѣлемъ, всползая по стволамъ старыхъ, развѣсистыхъ грушъ и яблонь; а ихъ

твердые еще, свѣтло-зеленыя плоды цѣлыми букетами лѣпились на фонѣ темной зелени.

— Господи, какъ здѣсь хорошо!—вырвалось невольное восклицаніе у Сони.—Вотъ бы гдѣ пикникомъ расположиться. Приѣхать бы съ самоваромъ, съ обѣдомъ... Правда, Володя?

— Правда, дружокъ. Славно бы чайку попить,—да нѣтъ его! А ты, бѣдняжка, какъ загорѣла, раскраснѣлась!

Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на хорошенькую сестренку, разрумянившуюся подъ цвѣтъ земляники, которую она пригоршнями посылала себѣ въ ротъ. Косы у Сони наполовину расплелись; какъ ни бодрилась она, какъ ни старалась не отставать, но было очевидно, что она сильно утомилась и съ трудомъ идетъ.

— Если-бъ знать, что близко аулъ, отдохнуть бы!.. Здѣсь такъ хорошо!

— Да ничего не добьешься отъ этого чумазаго!—почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Владиміръ, жалѣя сестру.—Послушай, Бессо! Гдѣ же аулъ?.. близко ли до твоего аула?.. За рощей этой, что ли?

— Близка! Близка!—повторялъ невозмутимо Бессо. Владиміръ тяжело вздыхалъ, таща за руку Соню.

Сзади нихъ послышался топотъ копытъ. Они оглянулись. Пожилой осетинъ ѣхалъ на лошади, нагруженной съ обѣихъ сторонъ ворохами пустыхъ коробовъ изъ-подъ ягодъ. Онъ удивленно оглядѣлъ ихъ. Бессо тотчасъ залопоталъ съ нимъ по-своему, а тотъ ему отвѣчалъ короткими междометьями, кивая головой, и вдругъ обернулся къ гимназисту, съ улыбкой:

— Баринъ! тѣбѣ корова нада?

Владиміръ объяснилъ, что надо и какую именно. Осетинъ одобрительно закивалъ ему и объяснилъ, что онъ ѣдетъ въ другой, дальній аулъ, откуда до „кочевки“,—то-есть до стада, угонаемыхъ выше въ горы, во время лѣтнихъ жаровъ—близко; оттуда обѣщалъ онъ прислать ему одну, а не то и двухъ-трехъ коровъ, на выборъ. Этотъ осетинъ говорилъ по-русски лучше. Онъ разсказалъ, что аулъ, гдѣ Бессо живетъ, не далеко, не болѣе версты; только надо за рощей перейти балку, — глубокой оврагъ; потомъ повернуть влѣво, по опушкѣ лѣса, и тутъ, сейчасъ и будетъ ихъ жильѣ.

— А въ балкѣ есть вода?—освѣдомилась Соня.

У нея, несмотря на освѣжившую ее землянику, пересохло въ горлѣ.

Осетинъ сказалъ, что вода есть хорошая, только ниже, не въ началѣ балки, гдѣ они ее перейдутъ, а гораздо глубже.

— Бессо вамъ принесетъ, — предложилъ онъ. — Вы его подождите тутъ, у мечетки,—онъ сбѣгаетъ и принесетъ.

Онъ сталъ опять что-то объяснять Бессо, который слушалъ и поддакивалъ: го! го!—что въ переводѣ означало: „да, да“. Оба осетина улыбались, глядя на брата и сестру; особенно на храбрившуюся, но очевидно выбившуюся изъ силъ Соню; старшій снялъ съ себя фляжку изъ сухой тыквы, какія обыкновенно употребляютъ туземцы для воды, и передалъ ее мальчику.

— Прощай! — кивнулъ онъ имъ головой. — Будетъ тебѣ вода.

Онъ тронулся, но, протрусивъ сажени двѣ, приостановился, обернулся и переспросилъ:

— Прислать корова аулъ?

— Прислать! Разумѣется, прислать!.. Какъ же! — въ одинъ голосъ подтвердили братъ съ сестрой.

Осетинъ мотнулъ головой, чмокнулъ языкомъ, ошашливо и на что-то указывалъ Бессо вверхъ, полоснулъ нагайкой лошадедку, и былъ таковъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—спросилъ Владиміръ.

— Онъ сказалъ: зачѣмъ пошолъ? — Бессо ткнулъ на Соню пальцемъ. — Усталъ!.. Неххарашо, када дождикъ падеть.

— Дождикъ?.. Какой дождикъ!.. Гдѣ онъ видитъ? Солнце такъ и жарить.

— Не знаемъ!—пожалъ плечами Бессо.

Деревья рѣдѣли. Они выходили изъ тѣнистой, прохладной рощи, а балки, о которой говорилъ осетинъ, все еще не было видно. Невдалекѣ начинались вновь горы; цѣлая цѣпь высокихъ, лѣсистыхъ горъ, поросшихъ соснами, словно щетиной. А вблизи, на плоскости, груды камней, большихъ плитъ и цѣлыя кучи валуновъ и бузыжниковъ, проросшихъ травами, расползлись вокругъ одинокихъ развалинъ. Этимъ каменнымъ грудамъ и дана на Кавказѣ русскими общая кличка „мечетокъ“. Разогрѣтыя припекомъ травы были пахучи, до одуренія; въ нихъ стояли неумолчные трескъ и звонъ, и жужжаніе; надъ ними трепетали мотыльки и бабочки, а ласточки, пролетая со щебетомъ, задѣвали ихъ острыми крыльями..

Парило отъ земли и припекало солнце, хотя и склонившееся низко къ западу, но все же ослабительное и жаркое до истомы.

— Уфъ! Господи, Боже мой! — вырвался у Сони тяжкій стонъ. — Ну, гдѣ жъ здѣсь балка?.. Что-жъ онъ павралъ?.. Какая тутъ вода!.. Господи, что за пекло!

— Ага! Вотъ то-то же, пекло!.. Чего было идти-то? — укорилъ Володи.

— Да, правда твоя... Кто же зналъ, что даль такая. Вѣдь мы, я думаю, верстъ двадцать прошли?

— Ну, ужъ и двадцать!.. И десяти не будетъ.

— Да я бы ничего, немножко бы только отдохнуть и нацѣться!.. Я бы тогда оянь хорошо пошла, а то ужъ и не знаю, какъ дотяну..

Она едва передвигала ноги.

— Ну, что же, сидемъ вотъ тутъ, подъ деревомъ. Отдохни хоть немножко,—сжалился Володи.

— Отдохни, баринъ! Садысь, я вода принесомъ!—вдругъ оживился Бессо, потрясая своей тыквенной флягой.

— Воды?! Гдѣ ты возьмешь воды?

— Тамъ! Въ балка!

Онъ махнулъ рукой въ сторону развалинъ.

— Садись, Соня! Садись, дружокъ. Онъ знаетъ же: вѣрно, близко,—уговаривалъ Владиміръ, усаживая сестру подъ развѣсистымъ дубкомъ, отдѣлившимся отъ рощи.—Принеси, голубчикъ, Бессо! Скорѣе принеси, молодець будешь!

Мальчикъ во всю прыть пустился къ мечеткѣ и вдругъ, по близости отъ нея, словно сквозь землю провалился,—исчезъ.

— Что это? Куда онъ дѣвался?

Владиміръ, заинтересованный, быстро пошелъ за нимъ и въ нѣсколькихъ шагахъ за развалинами этого заброшеннаго, но когда-то большого селенія, увидалъ въ чемъ дѣло. То, что они приняли за гладкую равнину, было ровнымъ берегомъ глубокой разсѣлины. Она начиналась невысокимъ обрывомъ въ каменный ровъ, и уходила дальше, постепенно углубляясь и расширяясь, въ оврагъ. Ребра провала исполосованы были вдоль и поперекъ трещинами, разсѣлинами, грядами паслоеній плитняка и глинистой почвы, испещренной булыжникомъ, между которыми вились узенькія, крутя тропинки; взбираться по нимъ легко было только прирожденнымъ горцамъ, какъ дикія козы, не знающимъ преградъ.

„Вотъ тебѣ разъ!—не безъ испуга подумалъ гимназистъ.—Ну, какъ тутъ Соню перетащить? Ахъ, ты Господи! Вотъ ужъ грѣхъ съ нею, право... Ужъ не бросить ли?.. Пусть напѣется, да, отдохнувъ, и пойдѣмъ назадъ... У Бугренки можно будетъ роспуски взять,—дождать“.

Въ глубокомъ раздумьѣ вернулся онъ къ сестрѣ.

Соня, растянувшись въ пахучей травѣ и закрывъ глаза, тяжело дышала.

— Ну, ты полежи себѣ, дружокъ, отдыхай, а я вернусь въ рошу, поищу тебѣ спѣлой алычи или кизилу... Или хоть ягоду, — земляники еще тебѣ свѣженькой наберу.

— Охъ, нѣтъ!—встрепенулась Соня.—Не уходи, Володя! Я боюсь одна... Это, кажется, кладбище?

— Чтѣ ты, Богъ съ тобою! Какое кладбище? Гдѣ?.. Просто развалины аула, разореннаго или заброшеннаго. Мало ли ихъ тутъ!.. Ужъ ты не фантазируй... И такъ наглупили. Повѣрили этому дурачку Бессо, что его аулъ — рукой подать... А знаешь что?.. Мы, кажется, отдохнемъ, напѣешься ты водицы, да покушаешь тартинокъ,—ты знаешь, вѣдь мама мнѣ въ баульчикъ мой тартинокъ разныхъ напихала. Закусимъ мы съ тобою—и домой!

— Какъ?.. А корова?—слабо протестуя, возразила Соня.

— Ну, чтѣ корова! Корову, — я ужъ говорилъ, — къ намъ они сами пригоняютъ... Еще, пожалуй, лучше: мама сама осмотритъ. А то вѣдь я такъ, сгоряча выдумалъ — „сюрпризомъ“. А чтѣ мы съ тобой понимаемъ?.. Еще надуютъ насъ, кто ихъ знаетъ! Подсунуть какую-нибудь дрянную коровенку, вотъ-те и выйдѣтъ сюрпризъ, — рассуждалъ Володи, сидя возлѣ сестры.

И вдругъ потянулся въ сторону, сорвалъ что-то въ травѣ и поднесъ къ пересохшимъ ей губамъ.

— Чтѣ это?—съ трудомъ приоткрыла глаза Соня и съ наслажденіемъ проглотила крупную спѣлую ягоду клубники.—Ахъ! Прелесть кака!

— Ага! То-то же, прелесть...—онъ добродушно улыбнулся и ласково посмотрѣлъ ей въ лицо.—Чтѣ, небось, сударыня, раскисли? Только дѣвчонкамъ и ходить по осетинскимъ нагорнымъ ауламъ, еще бы!.. А вотъ еще... Э! Да тутъ клубники множество.

— Неужели?.. Ахъ, какъ жаль, что я не могу собирать.

— Чтѣ? Невмоготу пришлось?.. А не хочешь ли оянь за грибочками да за цвѣточками побѣгать?.. Ну, ужъ лежи, лежи себѣ: я тебя покормлю... На-ко еще!

Онъ сталъ ползати въ травѣ на колѣнкахъ, собиравъ сочную, ароматную ягоду, и клалъ ее въ ротъ Сонѣ, пока не замѣтилъ, что она засыпаетъ. Тогда онъ самъ угостился нѣсколькими ягодами и растянулся рядомъ съ сестрой, подложивъ руки подъ голову и прищуриль глаза на густую листву дуба, сквозь которую тамъ и сямъ пробивались просвѣты ярко-голубого, неба.

„Однако, что-жъ это Бессо такъ долго возится?—сообразжалъ онъ.—А, впрочемъ, пусть себѣ!.. Пусть она, бѣдняжка, хорошенько отдохнетъ, — вѣдь все равно,—не пойдѣмъ мы дальше, въ этотъ аулъ, — ну его со всѣмъ!.. Пожалуй, еще лучше, что она заснула. А то вѣдь Бессо, навѣрное, принесетъ воду холодную, родниковую, а она такъ разгорячена. Еще, не дай Богъ, простудилась бы, какъ Вася Граблинъ прошлымъ лѣтомъ... Нѣтъ, не дай Богъ!.. Я вотъ покараулю лучше Бессо, чтобы онъ ее не разбудилъ... Вода тѣмъ временемъ согрѣется... А тамъ и... назадъ. Но куда это онъ запропастился?! Да, бѣдный Вася... воспаленіе легкиихъ, долго ли?.. И вотъ, нѣтъ его...“

Незамѣтно размышленія и воспоминанія о безвременной смерти любимаго товарища перешли въ дремоту, въ пестрыя сновидѣнія... Володя крѣпко заснулъ рядомъ съ сестрой.

(Окончаніе будетъ.)

Рыжокъ и Ёбляшъ.

Разсказъ Жана Рамб.

(Съ 5 рисунками.)

(Окончаніе.)

V.

На другой день Лили надѣла свои лучшія митенки, опрыскалась духами и пошла къ обѣднѣ. Она присматривалась ко всѣмъ молодымъ парнямъ своего прихода, но ни одинъ не понравился ей.

На слѣдующій день она пошла на рынокъ въ сосѣдній приходъ и опять присматривалась ко всѣмъ парнямъ, толпившимся на базарной площади или у трактировъ: ни одинъ не тронулъ ея сердца.

Одинъ былъ слишкомъ высокъ, другой слишкомъ малъ. Этотъ слишкомъ худъ, а тотъ слишкомъ толстъ. Не легко было угодить хозяйкѣ Рыжка и Ёбляша. Недѣля легко могла пройти, раньше, чѣмъ найдется женихъ.

Въ первое воскресенье, въ ближайшемъ городкѣ, былъ церковный праздникъ, и Лили рѣшила идти туда. Тамъ будутъ тысячи парней—и высокихъ и низенькихъ, и брюнетовъ и блондиновъ. Неужели между ними не найдется ни одного по ея вкусу.

Она надѣла свое лучшее платье и пошла въ городъ. На зерновомъ рынкѣ былъ большой балъ. Лили направилась туда. Она протиснулась черезъ толпу къ музыкантамъ и стала смотрѣть на танцующихъ.

Вдругъ сердце ея забилось сильнѣе.

Она замѣтила высокаго блондина съ золотистыми усами, въ соломенной шляпѣ. Онъ танцевалъ съ какой-то барышней. Должно-быть онъ и самъ баринъ и ужъ, конечно, не удостоитъ вниманія бѣдную Лили изъ Лакумера!

Дѣвушка печально глядѣла на него, задумчиво вертя въ рукахъ кончикъ розоваго галстучка. Каково же было ея удивленіе, когда красавецъ подошелъ къ ней и пригласилъ ее на кадрили!.

Лили покраснѣла, какъ ея галстучекъ. Возможно ли? Она не въ состояніи была произнести ни слова.

Ея руки невольно потянулись къ рукамъ кавалера, и оба закружились въ вихрѣ танца.

Лили кружилась счастливая, благоухающая и чувствовала по временамъ у себя на лбу мягкое, обняющее дыханіе. Она рѣшилась спросить его:

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Аристидъ. А васъ?

— А меня Лили!.

И оба продолжали кружиться.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три. А вамъ?

— А мнѣ скоро будетъ семнадцать.

Фигура контрданса прервала разговоръ.

— Вы изъ города?

— Да; а вы?

— А я изъ деревни.

Кадриль окончилась, и, такъ какъ Лили было очень жарко, Аристидъ угостилъ ее граватовымъ прохладительнымъ питьеомъ.

Сейчасъ видно, что баринъ.

Молодая крестьянка съ грустью смотрѣла на него. Ей хотѣлось задать ему дѣлую кучу вопросовъ. Чѣмъ занимаются его родители? Не собирается ли онъ жениться? Богатъ ли онъ?..

Но такіе вопросы невольно задать послѣ первой же кадрили. И Лили продолжала задумчиво теревить кончикъ своего розоваго галстучка.

Музыка заиграла снова, и Аристидъ опять пригласилъ ее танцевать. Они опять покружились нѣсколько минутъ, потомъ Лили замѣтила, что солнце уже низко, и объявила, что ей пора домой. Красавецъ Аристидъ былъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы пустить ее одну: онъ предложилъ проводить ее.

И молодые люди пошли подъ руку, близко наклоняясь другъ къ другу.

Солнце садилось; тропинки наполнялись тѣнями.

Лили собралась съ духомъ и спросила:

— А чѣмъ занимаются ваши родители?

— Они пахутъ землю.

Отвѣтъ этотъ привелъ ее въ восторгъ.

— А вы не подумываете о женитьбѣ?—спросила она, набиравая еще больше храбрости.

— Что?.. О женитьбѣ!.. Отчего же.. Подумываю иногда.. А вы?..

— А я подумываю уже недѣлю!.. Скажите, вы очень богаты?

— Нѣтъ, пока не богаты!.

— Значитъ, такъ же, какъ я!..

— А вы развѣ бѣды?

— Не то чтобы очень. У моего отца двѣ коровы, четыре вола и сотни барановъ, и онъ часто носитъ деньги въ сберегательную кассу. Но вѣдь и мадьян, знаете ли! Мой братъ пасѣдникъ. Почти все достанется ему. А я получу только пять тысячъ франковъ.

— Ну, что жъ!.. И это недурно!..

— Вы находите?

— Конечно!..

— Кроме того, мнѣ дадутъ хорошее приданое, мебель!.. Потому у меня будетъ два теленка!..

— Два теленка? Большіе?

— Одному теперь пять мѣсяцевъ, а другому два мѣсяца и три недѣли.

— Ну, что-жъ? Это тоже стодитъ сотни двѣ франковъ.

— Какъ вы хорошо знаете дѣны!..

— Еще бы!.. Это мой профессія!..

— Какъ? Развѣ вы?..

— Я живу въ ученикахъ у мясника!..

Дѣвушка еле устояла на ногахъ. Она отодвинулась подальше отъ своего кавалера и съ ужасомъ посмотрѣла на него.

— Извините!..—пробормотала она.—Извините!.. я не знала!.. я была далека отъ мысли!.. Забудьте все, что я сказала вамъ!.. Прощайте, спокойной ночи!..

И она хотѣла удалиться.

Но такъ не прощаются послѣ бала, когда столько танцевали вмѣстѣ! Аристидъ не согласился отпустить ее иначе, какъ крѣпко поцѣловавъ въ обѣ щеки.

Дѣвушка не противилась, чтобы поскорѣе развязаться, и пустилась бѣжать въ Лакумеръ, шепча про себя:

— Какая я несчастная!.. Вотъ, такъ не повезло, съ первого же разу!..

VI.

Лили принялась искать другого жениха. Но напрасно посѣщала она балы. Ни одинъ изъ кавалеровъ не могъ вытѣснить изъ ея памяти красавца Аристиды съ золотыми усами.

Она встрѣтила его въ посадѣ, въ базарный день, и, покраснѣвъ, опустила голову.

Онъ тоже казался взволнованъ, и хотя не былъ отъ природы болтливъ, но губы его зашевелились, какъ будто онъ хотѣлъ сказать что-то.

Лили быстро ушла прочь. Сердце ея сильно билось въ груди, въ глазахъ потемнѣло. Зачѣмъ онъ мясникъ? Что, если бы онъ пахалъ землю, какъ его родители!..

Казалось, и у него было что-то на душѣ. Онъ началъ всюду преслѣдовать Лили. Не могла дѣвушка пойти въ городъ; чтобы не встрѣтить его!.. Онъ попадался ей на большой дорогѣ; встрѣчался въ лѣсу. И какъ онъ смотрѣлъ на нее!.. Глаза у него такъ горѣли, что крестный Гуркадъ могъ бы закурить объ нихъ трубку!..

Взглядъ этихъ глазъ сильно волновалъ Лили, и она дѣлала надъ собою усиліе, чтобы повернуться къ Аристиду спиной.

Однажды вечеромъ она увидѣла молодого человѣка у самага сада въ Лакумерѣ; на этотъ разъ она ужъ не могла не подойти къ нему. Ей казалось, что какія-то невидимыя, шѣпчущія руки толкаютъ ее къ Аристиду.

Молодой мясникъ пошелъ къ ней навстрѣчу и увлекъ ее въ сосновую рощицу.

— Лили,—началъ онъ, слегка зашнырявъ:—вы тогда спросили меня, думаю ли я о женитьбѣ!.. Такъ вотъ!.. и думаю!.. Думаю все время, съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ васъ!.. А вы, если позволите спросить, вы подумываете еще выйти замужъ?

— О, да!.. Аристидъ,—вздохнула она, теребя кончикъ своей косынки.

— Ну, если мы оба подумываемъ, такъ знаете, что намъ надо сдѣлать? Намъ надо пожениться, вотъ что!.. У васъ пять тысячъ франковъ, а я хоть и не такъ богатъ, но все же буду имѣть кое-что. Мы откроемъ чудную мясную лавку съ зеркальными стеклами и двумя бычачьими головами надъ входомъ.

— Аристидъ, вы мнѣ очень нравитесь,—грустно проговорила крестьянка:—но я не могу выйти замужъ за мясника. Мнѣ надо выйти за землепашца.

— За землепашца? Это почему?

Лили отвернулась и не рѣшилась отвѣтить.

— Отчего же? Скажите!—настаивалъ Аристидъ.—Вы не хотите сказать мнѣ? У васъ отъ меня секреты?

Лили рѣшилась открыть свою тайну.

— Вотъ видите ли,—сказала она.—Я должна выйти за землепашца, потому что у меня есть два теленка, когорыхъ я очень люблю и которыхъ не хочу дать зарѣзать. Я хочу вырастить ихъ; а чтобы держать воловъ, надо имѣть землю!.. Ахъ, если бы у васъ была земля!..

Красавецъ Аристидъ съ удивленіемъ глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Что вы такое рассказываете?—воскликнулъ онъ.—У васъ два теленка, когорыхъ вы очень любите?

Амуръ въ дорогѣ. Съ карт. Жана Обера, грав. Веберъ.

- Да, Рыжокъ и Бѣляшъ.
- И вы не хотите, чтобы ихъ зарѣзали?
- Да, конечно!.. Мнѣ очень ихъ жаль!..
- Вотъ оно что!.. Неужели?..

И Аристидъ разочарованно глядѣлъ на молодую дѣвушку, какъ на слабоумную, отъ которой надо держаться подальше.

Лили угадала дурное впечатлѣнiе, произведенное на ухаживателя ея словами, и попробовала ослабить его. Она стала превозносить достоинства Рыжка и Бѣляша, стала рассказывать, при какихъ обстоятельствахъ она такъ сильно привязалась къ нимъ. Но чѣмъ больше она оправдывалась, тѣмъ ниже падала въ глазахъ красиваго парня. Правда, глаза его горѣли попрежнему, но мысль о женитбѣ, повидимому, вылетѣла у него изъ головы. По крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ больше никакихъ намековъ. Напротивъ, онъ вытаскивалъ свои никелевые часы и объявлялъ, что ему пора.

— До свиданья!..

— сказалъ онъ.

Кланяйтесь отъ меня вашимъ телятамъ!.. Нѣтъ, это удивительно!.. Если вы передумаете, то прошу васъ вспомнить обо мнѣ, Лили!..

И молодой мясникъ ушелъ, покручивая свои золотистые усы.

Онъ не показывался больше. Лили не встрѣчала его ни въ окрестностяхъ Лакумера, ни въ лѣсу, ни на большой дорогѣ. Она ходила на балы въ сосѣднія деревни и видѣла, какъ онъ танцевалъ съ другими крестьянками. Ей онъ посылалъ только короткiй поклонъ, какъ существу низшему, недостойному вниманiя. Когда онъ хотѣлъ быть особенно любезенъ, то спрашивалъ ее громко, такъ чтобы всѣ слышали:

— Что подѣлываютъ ваши телята? Здоровы ли они?

Лили краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Она чувствовала, что надъ нею смѣются. И потому она была ревнива. Да, ревнива! Вѣроятно, другiя дѣвушки не растятъ телятъ, — тѣ дѣвушки, съ которыми танцуетъ Аристидъ!.. Зато

онъ и водить ихъ подъ руку и намештываетъ имъ нѣжныя слова, провожалъ ихъ домой по тѣнистымъ тропинкамъ.

Лили смотрѣла на него издали, идя одна, совсѣмъ одна, и вздохами своими пугала кузнечиковъ, стрекотавшихъ въ верескѣ.

Она пошла навѣстить своихъ телятъ и нашла въ нихъ большую перемѣну. Какъ они подурнѣли!.. Бѣляшъ весь въ грязи; его слѣдовало бы чистить каждый день!.. А Рыжокъ совсѣмъ поглупѣлъ: даже не узналъ своей хозяйки!.. И рога вовсе не плутъ емѣ!.. Онъ входитъ въ неблагоприятный возрастъ!.. И за что она такъ любила его!..

Лили спросила крестнаго, хорошо ли ведутъ себя ея питомцы, и услышала ужасныя вещи. Одинъ вытопталъ горошекъ въ огородѣ, другой выломалъ двери. Ахъ, негодян!.. Но за шны были и другiе грѣшники: они стаскивали бѣлье съ веревокъ и елотали носовые платки, какъ бѣлый хлѣбъ. На-дняхъ еще, этого обжора Рыжокъ проглотилъ жилетку и сталъ задыхаться. Пришлось потомъ вытаскивать ее у него изъ пасти.

Гуркадъ горичился и бранился, рассказывая о подвигахъ Лилиныхъ питомцевъ.

— Обглядываютъ деревья, ломаютъ заборы, топчутъ поля!.. Весь домъ пошелъ вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ, какъ поселились здѣсь эти чертепята!.. Они вгоняютъ межи въ могилу раньше времени!.. По утрамъ Рыжокъ норовитъ забодать деревенскихъ ребятшекъ, когда они идутъ въ школу!..

— Неужели, крестный?

— Какъ неужели? Да онъ еще третьяго дня опрокинулъ одну изъ дѣвчонокъ въ канаву, и мнѣ пришлось идти къ родителямъ извиняться!..

— Негодий!..— проговорила Лили, строго смотря на Рыжка. Она не выказала особой нѣжности и къ Бѣляшу.

Это ужасно!.. Но еще хуже то, что они выставили ее, Лили, въ смѣшномъ видѣ передъ Аристидомъ. Этого уже нельзя ни простить, ни забыть!..

— А что телятина дорога теперь? — робко спросила она крестнаго.

— По франку кило!..

— Значитъ, теперь самое время продать ихъ?

— Конечно!.. А зачѣмъ ты спрашиваешь?

Лили покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— Неужели я угадаю, дѣвчурка?— радостно проговорилъ старикъ. — Ты хочешь разстаться со своими телятами? Хочешь наконецъ быть благоумною дѣвушкой?

Лили опять стала терзать кончикъ своего галстучка.

Да, она рѣшится продать телятъ!.. Если телятина стоить франкъ за кило, такъ вѣдь не-благоразумно же держать ихъ. Не правда ли?

Дѣвушка объявила, что придетъ на слѣдующiй день и поведетъ телятъ въ городъ.

„Бѣдишка!.. — и одумалъ крестный. — Значитъ, не нашла себѣ жениха.— дѣло ясное!..“

Нѣтъ, старина, дѣло вовсе не такъ ясно.

VII.

На слѣдующее утро, въ девять часовъ, Лили появилась во дворѣ благого дома, обсаженнаго чинарами. Ее сопровождалъ молодой пастухъ, съ двумя веревками въ рукахъ.

Гуркадъ съ восторгомъ отдалъ ей телятъ.

— Вотъ эту голову я покупаю,— сказалъ онъ, трогая Бѣляша за ухо. — Она будетъ очень красива на блюдѣ, съ петрушкой въ носу!..

Лили обѣщала. Она велѣла пастуху обмытъ обонихъ телятъ и привязала имъ веревки на шею.

— Наной ихъ въ ручѣ,— сказалъ Гуркадъ: — они будутъ вѣсить нѣсколько лишнихъ фунтовъ.

— Знаю, крестный, будьте покойны!..

Лили и пастухъ повели телятъ по дорогѣ въ городъ.

Дѣвушка хотѣла отвести ихъ непосредственно къ хозяину Аристиду, чтобы восстановить свою репутацію въ глазахъ молодого мясника. Она хотѣла доказать своему бывшему ухаживателю, что она такая же, какъ всѣ, и можетъ дать зарѣзать животное, а при случаѣ зарѣзать его и собственноручно.

Она храбро шла впередъ.

Телята по временамъ останавливались и тивулись къ пучкамъ сочной травы, росшей по сторонамъ дороги. Но Лили

«Рыжокъ и Бѣляшъ». Встрѣча Лили съ Аристидомъ.

«Рыжокъ и Бляшъ». Лили уводить своихъ любимцевъ на бойню.

и не думала рвать для нихъ траву. Она съ гордостью сознавала, какъ равнодушна она къ телятамъ, которые должны сейчасъ же умереть.

Да! Они должны умереть. Аристидъ вонзять имъ ножъ въ шею, вотъ вдѣсь, въ это пѣдное мѣстечко!.. Бѣдный Рыжокъ!.. Пожалуй, онъ заревеетъ, какъ тогда тотъ быкъ.

— На, на, Рыжокъ!.. Кушай, если тебѣ хочется, — сказала она и сорвала въ канавѣ пучокъ травы.

Потомъ дала траву и Бляшю, чтобы ему не было обидно.

До города было недалеко; съвозъ деревья видѣлись уже красныя крыши. Мясная лавка, въ которой жилъ Аристидъ, находилась во второй улицѣ налѣво. Лили замедлила шагъ. Она готова была болтать со всеми прохожими, присаживаться на каждой кучѣ камней!.. Тяжело, что и говорить!

Она приближалась къ берегу ручья. Пастухъ повелъ поить Рыжка и Бляша. Лили осталась на большой дорогѣ. Она не хотѣла видѣть, какъ телята пьютъ въ послѣдній разъ въ жизни.

Лили смотрѣла на нихъ и находила ихъ гораздо красивѣе, чѣмъ наканунѣ. Отчего это ей показалось, что рога не къ лицу Рыжку? Напротивъ!.. А какіе у него добрые глаза!.. Что же касается до Бляша, то это просто херувимчикъ!..

«Бѣдные! Бѣдные!..» — повторила про себя Лили.

И она принималась гладить ихъ.

По сторонамъ дороги стали появляться дома. Начинаясь городъ. Сколько народу, сколько телѣгъ, сколько шуму!.. Телита смотрѣли по сторонамъ испуганными глазами, а Бляшъ началъ мычать со страху, увидѣвъ велосипедиста.

— Иди, иди, глупенькій!.. Онъ не съѣстъ тебя!.. — проговорила Лили протяжно, какъ говорить съ дѣтми, и вспомнила, какъ Рыжокъ въ тотъ разъ испугался стада гусей. Отъ этого воспоминанія у нее подкосились ноги.

Она съ четверть часа разыскивала мясную лавку Аристиды, и, когда увидѣла ее, сердце ея чуть не разорвалось отъ острой боли.

Тѣмъ не менѣе она вошла. Ее встрѣтилъ самъ Аристидъ.

— Я пришла предложить вамъ моихъ двухъ телятъ, — проговорила она громкимъ

голосомъ, какимъ сообщаютъ о великомъ подвигѣ.

И она указала рукой на Рыжка и Бляша.

Бывшій ухаживатель очень удивился.

— Вашихъ телятъ? — повторилъ онъ. — Вы хотите продать ихъ?

— Да, Аристидъ!..

— Развѣ вы ихъ больше не любите?

— Нѣтъ, люблю... но только!..

Она не договорила. Однако красавецъ-мясникъ повидимому понялъ, въ чемъ дѣло, потому что началъ самодовольно крутить свои золотые усы.

— Я очень радъ, Лили, — сказалъ онъ: — очень радъ, что вы стали благоразумнѣе!.. Идите сюда, покажите вашихъ телятъ хозяину.

Лили пошла за своимъ ухаживателемъ и увидѣла толстаго мужчину, щекъ котораго готовы были лопнуть отъ здоровья. Толстикъ осмотрѣлъ телятъ. Рыжка онъ нашелъ старымъ и предложилъ за него самую ничтожную плату. Бляшъ, напротивъ, ему понравился, и онъ готовъ былъ дать за него хорошия деньги.

— У меня кстати вышла вся телятина, надо варѣзать его сейчасъ же, — объявилъ онъ, опуская своей огромной ладонью бока теленка.

Лили поблѣднѣла. Она едва слышала, что говоритъ мясникъ. Въ ухахъ у нея шумѣло, ноги подкашивались. Она почувствовала на рукѣ чье-то теплое дыханіе: это Бляшъ, бѣдняжка Бляшъ, испуганно прятался за своей хозяйкой. Какъ онъ дрожитъ!

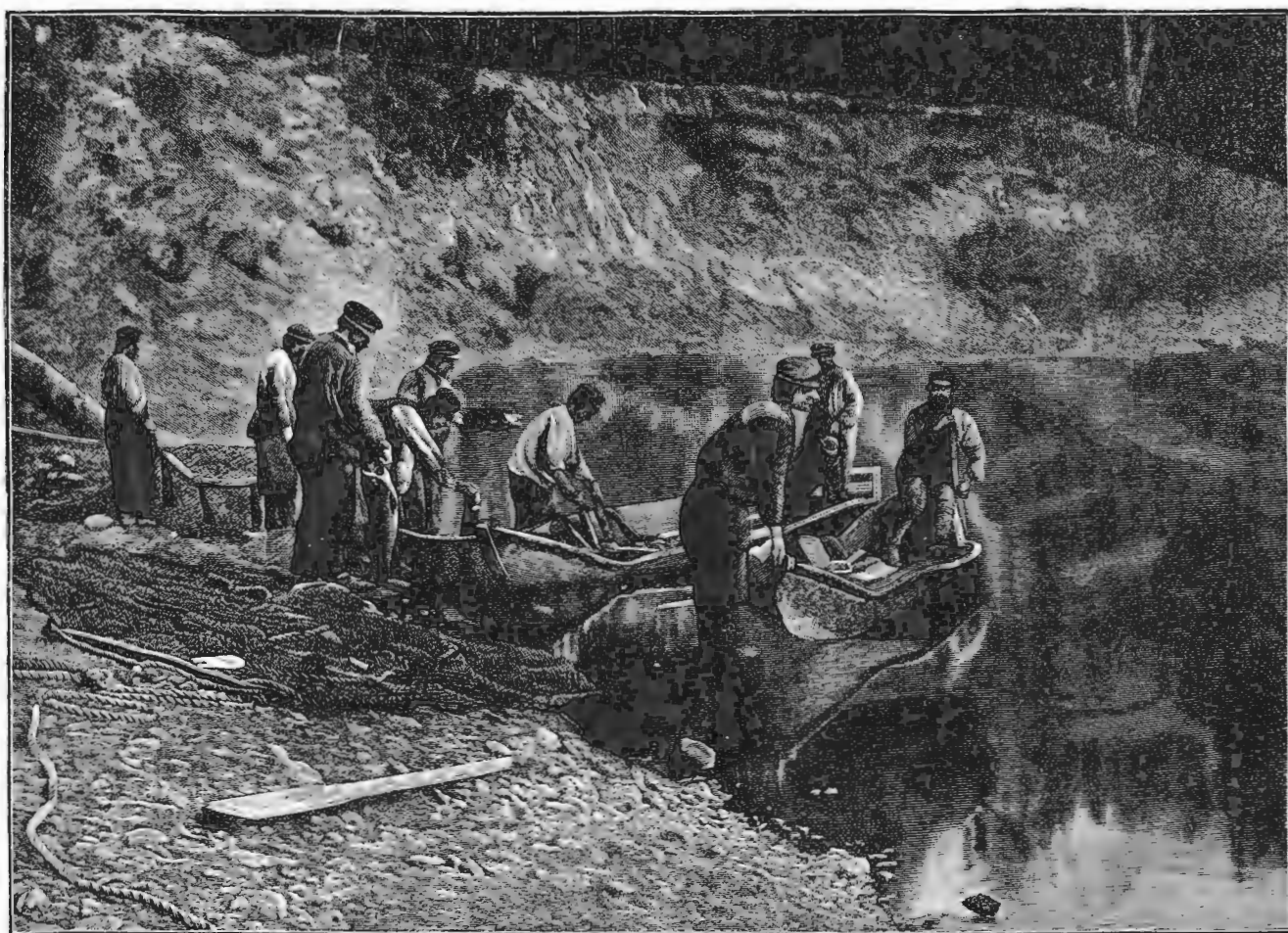

«Рыжокъ и Бляшъ». Лили въ обморокѣ.

«Рыжокъ и Бляшъ». Лили въ обморокѣ.

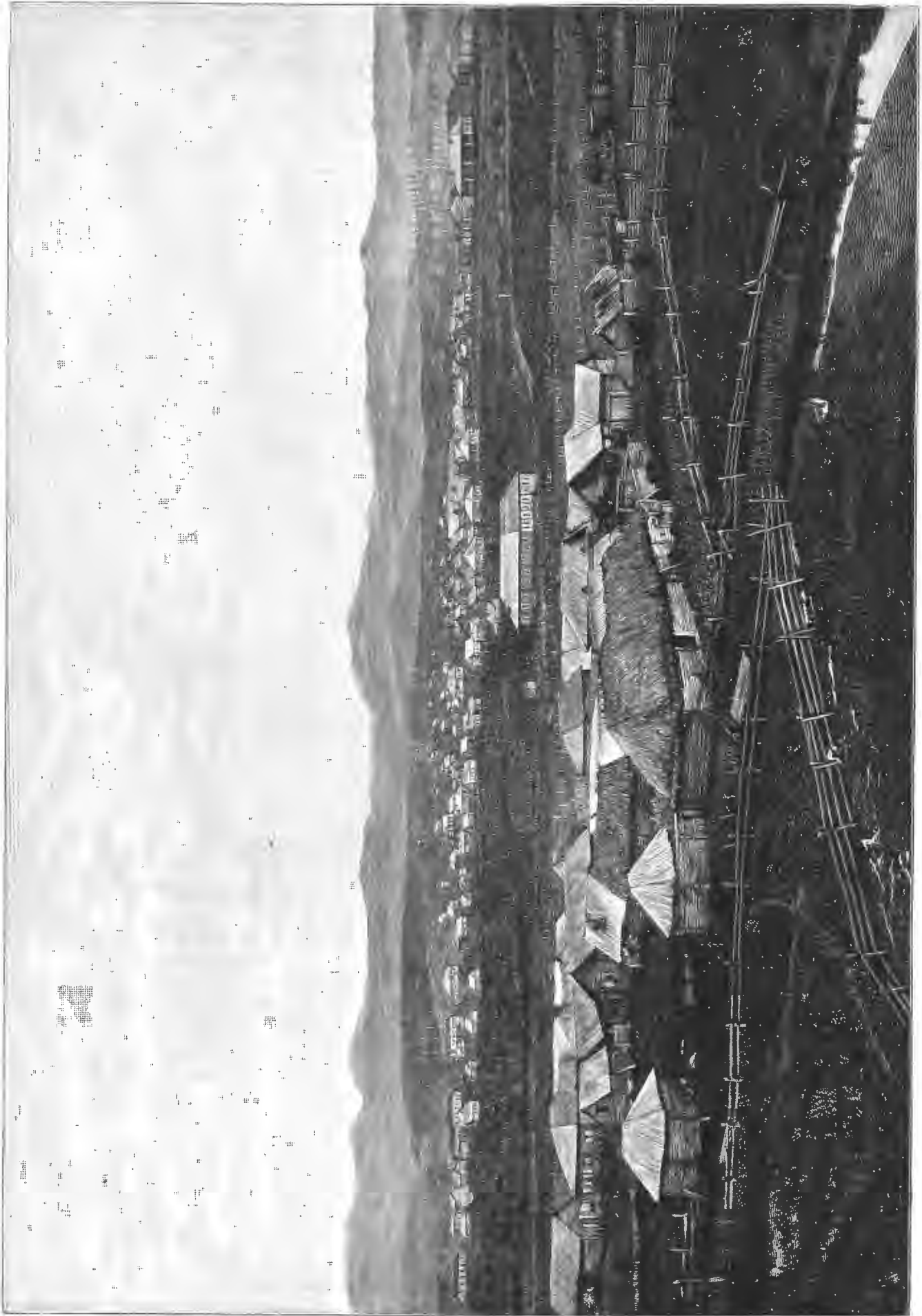

Островъ Сахалинъ. Посьтъ Дуэ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Островъ Сахалинъ. Ночной ловъ рыбы кэты на р. Тыми у поселка Дербинскаго для довольствія ссыльно-каторжннхъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Постъ Александровскій (въ Приморской области) противъ о. Сахалина. Съ фотогр. Супруненко, грав. Шилперъ.

Лили закрыла глаза. Штъг, она не въ силахъ... Она сейчас лишится чувствъ!.. Она не можетъ отдать на-смерть своихъ любимцевъ. Похолодвшими руками схватилась она за конторку и вдругъ услышала жалобное мычаніе. Это мычала Бѣлишь, котораго уводилъ Аристидъ!.

Лили поиробовала открыть глаза, но ей показалось, что все вертится вокругъ нея: стѣны, стулья, люди, и она упала.

VIII.

— Придите въ себя, Лили! Придите въ себя!.. Я не зарѣзалъ ихъ и не зарѣжу, они живы!..—говорилъ красавецъ Аристидъ, поднося къ носу молодой дѣвушки склянку съ уксусомъ.

Лили услышала его слова и открыла глаза.

— Я не стану рѣзать ихъ, если вамъ это неприятно, и мы все-таки поженемся!—продолжалъ парень, запечатывая звучащие поцѣлуи на щекахъ молодой крестьянки.

Лили думала, что это сонъ.

— О, Аристидъ!—вздохнула она:—вы смѣетесь надо мной!.. Вы въ самомъ дѣлѣ женитесь на мнѣ?

— Да, да, женюсь.

— А Рыжокъ, а Бѣлишь?

— Они будутъ у насъ пахать землю, когда вырастутъ.

— Какъ пахать землю? Вѣдь вы мясники!..

— Я не хочу больше быть мясникомъ. Я буду заниматься земледѣіемъ, какъ мои родители, если это вамъ приятно. Да ксати и дѣло-то это не очень прибыльно!..

Онъ замолчалъ поневолѣ. Лили обвила руками его шею и осыпала поцѣлуями его красивыя губы, отблещивши золотистыми усами.

— Такъ ты любишь меня?—прошептала Аристидъ.

— О, да!..

— Больше, чѣмъ телятъ?..

Онъ требовалъ можетъ-быть слишкомъ много, но Лили увидѣла его, что ему не придется раскаиваться.

Островъ Сахалинъ.

(Съ 4 рисунками.)

26-го октября во Владивостокѣ открытъ, по Высочайшему повелѣнію, памятникъ адмиралу Геннадію Ивановичу Невельскому, которому Россія въ значительной мѣрѣ обязана своимъ настоящимъ положеніемъ на дальнемъ Востокѣ. Невельскій первый доказалъ судоходность и доступность Амура съ моря, первый водрузилъ русскій флагъ на Сахалинѣ, первый разсвѣля въѣзное заблужденіе, убѣдившись, что Сахалинъ—островъ. Это повѣстіе являлось въ полномъ смыслѣ географическимъ открытіемъ, такъ какъ до Невельскаго о Сахалинѣ знали очень мало.

Первыя свѣдѣнія о Сахалинѣ получены почти 300 лѣтъ тому назадъ. Въ 1613 году была предпринята японцами древнѣйшая (изъ извѣстныхъ) экспедиція, съ цѣлью изслѣдованія Крафта,—такъ называли японцы Сахалинъ. Въ 1625 году голландецъ Фризь былъ первымъ европейцемъ, привезшимъ, хотя и довольно туманныя, свѣдѣнія о Сахалинѣ. Этотъ Фризь былъ посланъ, въ 1643 г., генераль-губернаторомъ Ост-Индіи, Антонио ванъ-Дименомъ, съ двумя кораблями въ Великій океанъ, къ берегамъ Японіи, для отысканія скачонныхъ острововъ Генсіма и Кенсіма, изобилующихъ будто бы серебромъ и золотомъ. Идя къ сѣверо-западу отъ сѣверо-восточнаго берега Иессо, онъ достигъ неизвѣстной земли, названной имъ Портландъ. Это былъ берегъ острова Сахалина въ заливѣ Анива, у рыбацкаго селенія Томари-Анива. Выйдя изъ залива, онъ поплылъ къ сѣверу, вдоль восточнаго берега до 49° сѣверной широты, гдѣ имъ были открыты заливъ и мысъ Терифія. Этимъ кончились всѣ его открытія на Сахалинѣ.

Съ половины XVII вѣка въ Европѣ стали появляться карты Азіи, на которыхъ были попытки показать страны, лежащія на сѣверѣ отъ Японіи; карты эти были совершенно невѣрны. Напримѣръ, Корея изображалась островомъ; Камчатка и островъ Иессо—совсѣмъ отсутствовали, а Татарскій проливъ отдѣлялъ Азію отъ Сѣверной Америки. Въ 1710 г. пекинскіе миссіонеры-іезуиты, получивъ приглашеніе богдыхана составить карту Татаріи, внесли на нее и островъ Sachalinen anga Nata. По повелѣнію того же богдыхана, на этотъ островъ посланы были манджуры, начавшіе торговлю съ туземцами, но отсутствіе жизненныхъ припасовъ заставило посланныхъ вскорѣ вернуться.

Въ 1743 г. русская экспедиція знаменитаго Витуса Беринга наноситъ на карту островъ Иессо и, какъ его продолженіе, островъ Сахалинъ. Но этой картѣ не было дано вѣры и, впоследствии, Сахалинъ начали наносить на карты полуостровомъ.

Въ 1787 г. французская экспедиція, подъ начальствомъ мореплавателя Лаперуза, находясь въ Восточномъ океанѣ, провела рядъ открытій какъ на Татарскомъ берегу, такъ и на островахъ. Подъ широтой 48° 35', плывя изъ бухты Суфренъ (на Татарскомъ берегу), Лаперузъ замѣтилъ большой островъ, образующій съ материкомъ уголъ въ 30°. Самая высокая гора, видная съ судна, получила названіе Pic Lamaron (теперь мысъ Стукамбисъ), какъ разъ у того мѣста западнаго берега, отсюда начинается суженіе. Продавъ вѣскольکو днечъ за туманомъ, Лаперузъ, наконецъ, бросилъ якорь въ бухточкѣ де-Лингъ (называвшій такъ въ честь командира втораго фрегата экспедиціи). Здѣсь Лаперузъ, 13-го іюля 1787 года, первый разъ намелъ кусочки угля.

Въ 1803—1806 гг. російско-американская компанія снарядила кругосвѣтную экспедицію на двухъ корабляхъ, подъ начальствомъ Крузенштерна, который много потрудился надъ описью береговъ Сахалина. Крузенштернъ рѣшилъ, что Сахалинъ—полуостровъ. Итакъ, уже третій извѣстнѣйшій мореплаватель призналъ Сахалинъ полуостровомъ, но эти результаты являлись одиѣмъ догадками, точныхъ свѣдѣній не было.

Такъ шло дѣло до 1849 года, пока нашъ извѣстный дѣятель на крайнемъ Востокѣ, Геннадію Ивановичъ Невельскій, не рѣшилъ спорнаго пункта безповоротно.

Изложивъ генераль-губернатору Восточной Сибири графу

Муравьеву всю важность изслѣдованія вопроса о судоходствѣ пролива и рѣшенія вопроса, островъ ли Сахалинъ или полуостровъ, капитанъ-лейтенантъ Невельскій въ 1849 г. отправился на военномъ транспортѣ „Байкаль“ въ эту трудную экспедицію. Описавъ восточный и сѣверо-восточный берега Сахалина, Невельскій обогнулъ мысъ Марин и пошелъ къ югу вдоль западнаго берега острова. Осмотрѣвъ заливъ Обманъ, открытый Гавриловымъ, Невельскій (назвавъ его въ честь транспорта—„Байкаль“) вошелъ въ лиманъ на глубинѣ 4½ саж. Изслѣдовавъ его, онъ двинулся на плюнкахъ къ узкому мѣсту и открылъ, вѣдето перешейка, найденнаго Лаперузомъ, Крузенштерномъ и др., проливъ, шириною около 7 верстъ. Такимъ образомъ, стараниемъ Невельскаго былъ возобновленъ интересъ къ Амуру и къ о. Сахалину. То обстоятельство, что входъ въ лиманъ изъ Татарскаго пролива черезъ проливъ Невельскаго доступенъ, но его изслѣдованіямъ, судамъ всѣхъ ранговъ, а изъ Охотскаго моря—судамъ, сидящимъ до 23 футовъ, и, наконецъ, то, что въ устьѣ Амура могутъ проходить изъ Татарскаго пролива суда съ осадкою до 15 футовъ, а изъ Охотскаго—до 12,—эти важныя открытія сразу выдвинули на очередь вопросъ о занятіи Сахалина.

Въ зиму 1851—1852 г. начальникъ амурской и сахалинской экспедиціи, Невельскій, получивъ случайна отъ гилевыхъ свѣдѣній, что на западномъ берегу Сахалина, у мыса Погоби, находятся цѣлыя горы „чернаго мягкаго камня“, вспомнилъ, что еще Лаперузъ находилъ его тамъ, и немедленно же командировалъ туда лейтенанта Бошняка, для проверки полученнаго важнаго извѣстія и для собранія свѣдѣній объ отношеніяхъ туземцевъ къ японцамъ. Бошнякъ замѣтилъ наибольшее обнаженіе пластовъ угля между р. Віахту и заливомъ Уанды, затѣмъ въ Мгачахъ и Дуэ. Послѣ этого началось серьезныя приготовленія къ занятію Сахалина. Описанъ былъ заливъ Дуэ и „пироготъ“ Віахту, всѣмъ туземцамъ было объявлено, что они принимаются подъ покровительство Россіи. Это произошло въ 1853 году. Въ этомъ же году послѣдовалъ Высочайшій приказъ занять на островѣ 3 пункта, насколько возможно южнѣе, не обижая при этомъ японскихъ рыбаковъ. Въ августѣ того же года Невельскій высадилъ 5 человекъ команды, съ Орловымъ во главѣ, на западномъ берегу Сахалина въ Бухтѣ подъ 5° с. ш., гдѣ и основанъ былъ Ильинскій постъ (Косунай). 20-го сентября Невельскій бросилъ якорь въ заливѣ Анива противъ селенія Томари-Анива и послѣ недолгихъ переговоровъ съ начальствомъ этого японскаго селенія водрузилъ русскій флагъ и поставилъ пушки на холмѣ, господствующемъ надъ селеніемъ. Такъ было совершенно неофициальное занятіе Сахалина, и мѣсто это получило названіе Муравьевскаго поста. Майоръ Буссе и лейтенантъ Рудановскій были оставлены въ этомъ посту для изслѣдованія южнаго Сахалина.

Итакъ въ 50-хъ годахъ начинается занятіе острова русскими, устройство на немъ русскихъ поселеній, а также изслѣдованіе его въ различныхъ отношеніяхъ. Морскіе офицеры Невельскій, Римскій-Корсаковъ, Рудановскій, Бошнякъ и др. изслѣдовали берега Сахалина и составили карту его.

Въ 1853 году главному управленію російско-американской компаніи было сообщено, что, по Высочайшему повелѣнію, компаніи предоставлено владѣніе островомъ Сахалиномъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она владѣетъ землями, упомянутыми въ ея привилегіяхъ. При этомъ правительство оставило за собою право, въ виду важнаго значенія открытыхъ на Сахалинѣ каменноугольныхъ мѣсторожденій, безвозмезднаго пользованія углемъ, при добычаніи его казенными средствами.

Наконецъ, въ 1853 же году, вслѣдствіе усиленныхъ ходатайствъ генераль-губернатора Восточной Сибири П. Н. Муравьева, Высочайше утверждены штаты амурской экспедиціи, въ задачу которой входило и занятіе острова Сахалина. Въ іюлѣ того же года капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ былъ занятъ Сахалинъ, и въ заливѣ Анива оставлена на зиму 1853 и 1854 гг. военная команда подъ начальствомъ майора Буссе.

Подшло время Крымской войны. Въ виду ожидания неприятельской эскадры, изъ Японіи прибылъ въ Императорскую гавань посланникъ графъ Путятинъ на вѣстномъ фрегатѣ „Паллада“. Команды сахалинскихъ постовъ были сосредоточены тамъ же на время войны, и самые посты были сняты. Послѣ войны (по симодскому трактату 1854 г.) Сахалинъ остался нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей.

Въ 1856 году былъ основанъ постъ Дуэ (около гиллцкой деревни того же названія) пароходомъ „Америка“, по приказанію графа Муравьева-Амурскаго. Въ 1865 г., въ виду успѣшнаго переселенія японцевъ въ заливъ Анива, съ виднымъ намѣреніемъ утвердиться на южномъ Сахалинѣ, русскимъ правительствомъ признано было необходимымъ, съ цѣлью лучшаго наблюденія за дѣйствіями японцевъ, занять военными отрядами южную часть острова, что и было исполнено въ 1867 г.

Около 1875 года было положено начало русскихъ поселеній на югѣ Сахалина прибывшими туда крестьянами Черниговской губерніи.

Положеніе Сахалина при устьѣ Амура, обиліе въ немъ каменнаго угля, годнаго на топку, какъ удостовѣрилъ командиръ шхуны „Востокъ“ Римскій-Корсаковъ еще въ 1854 году, дѣлали пріобрѣтеніе острова слѣшкомъ заманчивымъ, чтобы колебаться, и въ 1875 году по петербургскому трактату Сахалинъ отошелъ въ русское владѣніе, за что Японія уступила Курильскіе острова. Получивъ Сахалинъ въ полное свое распоряженіе, Россія прежде всего позаботилась о томъ чтобы воспользоваться его естественными богатствами.

Выше сказано, что въ 1852 г. найденъ былъ уголь; въ 1854 году командиръ шхуны „Востокъ“ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ (впоследствии извѣстный морской педагогъ и начальникъ морского училища, преобразованнаго имъ изъ морского корпуса) удостовѣрилъ въ полной пригодности угля Дуэ для паровыхъ судовъ и нѣсколько разъ бралъ уголь для командующей имъ шхуны. Вслѣдъ за этимъ, въ 1857 г. состоялась командировка горнаго инженера Носова на Сахалинъ, для изслѣдованія копей. Носовъ, обойдя пѣшкомъ почти половину Сахалина, нашелъ наилучшимъ залежи Дуэ.

Почти въ то же время, благодаря закрытію, по невыгодности, перчинскихъ сребросиновскихъ копей, масса арестантовъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, осталась безъ всякихъ работъ, заняться же разработкой угля въ Дуэ было некому, и потому рѣшено было въ 1868 г. занять этимъ въ полномъ смыслѣ „каторжнымъ“ трудомъ тѣхъ арестантовъ, которые лишены работъ въ рудникахъ.

Эти каменноугольныя мѣсторожденія, недавно открытыя тамъ нефтяныя источники, а также рыбныя ловли въ заливѣ Анива, дно котораго изобилуетъ водорослями, вѣстными подъ названіемъ морской капусты,—вотъ все, на чемъ зиждется экономическое значеніе Сахалина. Суровый климатъ на всемъ островѣ очень неблагоприятенъ для произрастанія хлѣббовъ. Всѣ эти причины дѣлаютъ Сахалинъ мало пригоднымъ для колонизаціи, но зато—вполнѣ подходящей пенитенціарной колоніей. Какъ мѣсто для ссыльно-каторжной колонизаціи, Сахалинъ очень пригоденъ потому, что 1) географическое положеніе острова сильно затрудняетъ побѣги, 2) по своей незаселенности и притогу обширности, онъ даетъ широкій просторъ дѣятельности каждому ссыльно-каторжному, рѣшившему начать новую трудовую жизнь; слѣдовательно, ссылка получаетъ характеръ исправительный, и 3) посредствомъ ссылки ссыльно-каторжныхъ происходитъ заселеніе острова, на что путемъ добровольной колонизаціи надежды было мало.

Впрочемъ, надо замѣтить, что инициатива тутъ принадлежитъ отцеубійцѣ Ивану Лашину, который, чувствуя потребность въ единеніи, трудѣ и молитвѣ, испросилъ въ 1858 г. разрѣшеніе поселиться на Сахалинѣ для работъ по добыванію каменнаго угля. Лашинъ велъ примѣрную жизнь, полную всевозможныхъ лишеній.

Послѣ него, время отъ времени, туда посылались небольшія партіи изъ ближайшихъ сибирскихъ остроговъ. Первая партія была послана въ 1861 году и состояла изъ 80 человекъ.

Съ 1879 года началась отправка ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ морскимъ путемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ вопросъ о безвозвратности для ссылаемыхъ, то-есть, что по окончаніи срока каторги, арестанты остаются на островѣ, на поселеніе, тогда какъ до того изъ оканчивавшихъ срокъ каторги, на островѣ на поселеніе оставались лишь желающіе, а остальные отправлялись на поселеніе въ Восточную Сибирь. Съ 1882 года, послѣ командировки на Сахалинъ начальника главнаго тюремнаго комитета, рѣшено было удвоить отправку на Сахалинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ того же 1882 г., для упроченія семейственности, было рѣшено отправлять туда каторжныхъ женщинъ и семейства, пожелавшія слѣдовать за преступниками.

Все это число ссылаемыхъ и поселяемыхъ располагается въ 3-хъ пунктахъ: въ Александровскомъ округѣ (постъ Дуэ), Корсаковскомъ (Корсаковскій постъ) и въ Тымовскомъ (Рыковское поселеніе).

Первый округъ находится по западную сторону главнаго хребта, проходящаго по Сахалину; второй—на средней части вос-

точной берега, и третій занимаетъ южную часть острова. До 1884 г. главное управленіе находилось въ Дуэ, и главный начальникъ былъ подчиненъ главному командиру портовъ Восточнаго океана и приморскому губернатору, а съ 1884 года островъ Сахалинъ выдѣленъ изъ Приморской области и составилъ отдѣльное управленіе островомъ Сахалиномъ съ начальникомъ острова, назначаемымъ изъ военныхъ генераловъ.

Въ помощь ему имѣется три начальника округовъ. Во всѣхъ трехъ округахъ числится болѣе 100 населенныхъ мѣстъ, изъ которыхъ менѣе всего—около 20—приходится на Тымовскій округъ. По даннымъ отчета начальника острова, къ 1-му января 1894 г. на Сахалинѣ было всего русскаго населенія: 17,156 мужчинъ и 5,124 женщины; изъ нихъ ссыльныхъ числилось 12,734 мужчинъ и 1,740 женщинъ, а свободныхъ—4,422 мужчинъ и 3,384 женщинъ.

Инородцевъ, обитающихъ на Сахалинѣ,—гиляковъ, тупгусовъ, ороочовъ и айновъ,—очень немного. Къ указанному выше времени ихъ было всего 4,318 душъ (2,371 м. и 1,947 ж.); изъ нихъ больше всего гиляковъ и айновъ; послѣднихъ было около 1,400 душъ. Типъ анна изображенъ на стр. 1120.

Безсемейностью ссыльнаго населенія на Сахалинѣ объясняется сравнительно небольшое число дѣтей. Всего на островѣ дѣтей ссыльныхъ разныхъ категорій числилось къ 1894 году—3,536; изъ нихъ въ школьномъ возрастѣ было 1,323. Для обученія дѣтей устроены на Сахалинѣ школы (въ 1894 г. было ихъ—11), въ которыхъ училось 595 дѣтей. Въ настоящее время школьное дѣло на островѣ значительно улучшено, благодаря значительной суммѣ, отпущенной для этой цѣли правительствомъ.

Не только устройство управленія островомъ и составъ его населенія, но и самыя промыслы и занятія жителей Сахалина опредѣляются его значеніемъ пенитенціарной колоніи. Всѣ старанія правительства направлены къ тому, чтобы ссыльные обзаводились хозяйствомъ и такимъ образомъ постепенно пріучались къ трудолюбивой и честной жизни.

Хотя, какъ уже было выше упомянуто, климатическія условія на Сахалинѣ не благоприятствуютъ землѣдѣлію и сельскому хозяйству,—тѣмъ не менѣе уже къ 1894 году занималось на островѣ сельскимъ хозяйствомъ болѣе 9,000 душъ или болѣе 3,500 отдѣльныхъ хозяевъ-ссыльно-поселенцевъ, при чемъ ихъ полевое хозяйство обнимало 4,655 десятинъ пахотной и усадебной земли. Сбюгъ тамъ зерновой хлѣбъ и овощи, при чемъ средней урожай озимой ржи—самъ 2,1; пшеницы—самъ 4,1; ярицы—самъ 4,8; ячмени—самъ 3,4; овса—самъ 4,4; картофеля—самъ 4,9. Занимаются еще жители скотоводствомъ, но въ очень небольшихъ размѣрахъ.

Что же касается не свободнаго населенія, подневольнаго,—то оно также занимается веденіемъ хозяйства, но уже пріуроченнаго къ тюрьмамъ, въ которыхъ оно содержится. Такъ, Рыковская, Дербинская и Мало-Тымовская тюрьмы въ Тымовскомъ округѣ и Александровская и Дуйская—въ Александровскомъ округѣ,—имѣютъ свое полеводство, животноводство и огородничество. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются при сахалинскихъ тюрьмахъ и особыя ремесленныя мастерскія. По даннымъ officialнаго отчета за 1893 г., содержащимся въ тюрьмахъ острова подневольными работниками были выработаны по мѣстнымъ цѣнамъ очень значительныя суммы: съ производительныхъ работъ было выручено 326,692 р. 99 к., съ хозяйственныхъ—196,694 р. 80 коп.

Работы, на которыя употребляются мѣстные арестанты: дорожныя и преимущественно въ каменно-угольныхъ копяхъ. За 1893 г. было добыто ими въ Александровскомъ рудникѣ—170,600 пуд. и въ Дуйскомъ—34,630 пуд. Значительная часть добытаго угля (117,665 пуд.) парасходована на самомъ островѣ, а 46,640 пуд. продано на пароходы, за что выручено 5,596 р. 80 к., т. е. по 12 к. за пудъ.

Каменный уголь является однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вывоза съ Сахалина. Такъ, въ 1893 г. было его вывезено 62,898 пуд. На риду съ этимъ казеннымъ грузомъ съ Сахалина вывезено и очень значительное количество частнаго, добытаго трудами ссыльно-поселенцевъ: морской капусты—73,786 пуд., рыбы и удобрительнаго тука—325,998 п. и ремесленныхъ издѣлій—142 мѣста.

Что касается приходящихъ на Сахалинъ судовъ и грузовъ, то они почти исключительно предназначаются для удовлетворенія насущныхъ потребностей острова и доставки арестантовъ.

Значительнымъ препятствіемъ къ оживленію сообщенія съ островомъ служатъ полное отсутствіе на немъ удобныхъ бухтъ и пристаней.

На помѣщаемомъ здѣсь рисункѣ (на стр. 1116) воспроизведенъ видъ рейда въ Дуэ,—рейда совершенно открытаго, какъ и всѣ рейды Сахалина. Грунтъ на рейдѣ каменистый; вѣтры обыкновенно разводятъ страшное волненіе и влетаютъ внезапно, почему и стоянка тамъ крайне опасна, а слѣдовательно и погрузки угля сопряжена съ рискомъ, что не можетъ не вліять на фрахтъ, а слѣдовательно и на цѣну угля на рынкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у береговъ очень часты сильныя туманы, бывающіе причиною гибели судовъ (такъ погибъ крейсеръ добровольнаго флота „Кострома“).

Дух.

Стихотвореніе В. В. Уманова-Наплуновскаго.

Свѣтъ прекрасный, безмятежный,
Животворный, тихій свѣтъ,
Утѣшительный и нѣжный
Посылаешь ты привѣтъ.
Ты спокойными лучами
Вдохновенныя мечты

Подымаешь, какъ крылами,
Въ міръ высокой красоты.
Возсіяй, не угасая,
И вовѣкъ надъ бездною тьмы
Пробуждай, какъ солнце мая,
Сномъ объятые умы!

Къ рисункамъ.

Талантливый живописецъ, профессоръ Гуго Кеннгъ, составилъ себѣ прочное имя, какъ современный выдающийся пейзажистъ. Особенно удаются ему художественные контрасты, которые на каждомъ шагу даютъ намъ явленія природы. Оставался вѣрнымъ дѣйствительности, Кеннгъ старается уловить эти рѣзкіе на первый взглядъ переходы красотъ природы, въ сущности нѣсколько не парующіе общей гармоніи. Картина „У пруда“ представляетъ ту же излюбленную имъ тему. Глухая осень уже вступила въ свои права, и еще не вполне успѣвшая природа напугаетъ послѣдніи усилія въ борьбѣ съ наступающей зимой. Травка кое-гдѣ пробивается; деревья обнажились; отъ пруда вѣетъ холодомъ морознаго утра. На сѣромъ фонѣ выдѣляются фигуры двухъ дѣвочекъ, маленькой и большой — новидимому, сестеръ. Старшая заботливо ведетъ младшую, старательно закутанную въ теплую одежду, и смотритъ на нее ласковымъ, добродушнымъ взглядомъ. Въ огорождѣ, около пруда, осталось еще нѣсколько штукъ рѣпы, которую надо выконать, чтобы окончательно не побилъ ее утренній морозецъ. Сестры бодро идутъ принять эту послѣднюю дань мпцованнаго лѣта.

Картина Н. Д. Дмитриева - Оренбургскаго „Петръ Великій въ Вѣнѣ въ 1698 г.“ — еще одно историческое напоминаніе о первомъ путешествіи Петра за границу, путешествіи столь плодотворномъ и памятнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Не слѣдуетъ забывать, что это путешествіе не было для Петра праздною затѣей, вызванной тѣмъ, что онъ захогѣлъ на людей посмотреть и себя показать; нѣтъ, это было выполненіе строго и разумно обдуманнаго плана, въ основу котораго положена была идея сближенія съ европейскими Западомъ вообще, но съ этой идеей были соединены весьма серьезныя дипломатическіе замыслы, которыми и опредѣлился самый планъ путешествія Царя по Европѣ. Поэтому онъ не поѣхалъ путешествовать открыто, съ опредѣленною свитой, а поѣхалъ инкогнито, подъ вымышленнымъ именемъ дворянина Петра Михайлова, включивъ себя въ составъ посольства, предназначеннаго для выполненія опредѣленныхъ инструкцій дипломатическихъ. Цѣль посольства были намѣчены переговоры съ Голландіей и Англіей, которыя Петръ хотѣлъ привлечь къ войнѣ съ Турціей, и переговоры съ Австріей, которую Петръ намѣренъ былъ отклонить отъ заключенія мира съ Турціей, такъ какъ онъ самъ былъ въ этой войнѣ союзникомъ императора австрійскаго. Потерпѣвъ полную неудачу въ Голландіи и Англіи и убѣдившись въ томъ, что объ эти націи хлопочутъ только о своихъ торговыхъ барышахъ, Петръ въ іюль мѣсяцѣ 1698 г. направился въ Австрію. Посольство русское торжественно вѣхало въ Вѣну 16-го іюня; но Царь, по обычаю своему, опередилъ его и пріѣхалъ въ Вѣну за-просто, на почтовыхъ. Тотчасъ по

пріѣздѣ онъ вступилъ въ переговоры съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ. Приемъ посольства императоромъ, въ торжественной аудиенціи, изображенный художникомъ, происходилъ черезъ нѣсколько дней послѣ вѣзда посольства въ Вѣну. Переговоры, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ, и уже начинали приходить къ нѣкоторому результату, когда Царь получилъ неприятныя вѣсти изъ Москвы. Онъ только еще успѣлъ осмотрѣть достопримѣчательности Вѣны, съѣздить въ Пресбургъ и Баденъ, только было задумалъ совершить поѣздку въ Венецію, какъ пришла изъ Москвы вѣсть о новомъ стрѣльцкомъ бунтѣ. Петръ быстро собрался въ путь и направился обратно въ Россію.

Островъ Сахалинъ. Типъ аина изъ села Тарайки.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

сѣбными припасами, уличенныхъ въ продажѣ заведомо недоброкачественнаго товара или въ обмѣрѣ, обвѣсѣ покупателя. Для большаго опозоренія провинившагося, наказаніе это приводилось обыкновенно въ исполненіе или въ водопойнѣ для скота, или въ томъ мѣстѣ, гдѣ покупаютъ лошадей. Эти средне-вѣковыя публичные позорныя наказанія налажались на виновныхъ въ Германіи еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ, въ 1810 году въ Мюнхенѣ было совершено подобное наказаніе булочника-обманщика, изображенное на нашемъ рисункѣ на стр. 1109. Понавишійся въ обманѣ булочникъ приговоренъ къ насильственному купанью, которому онъ подвергся въ одномъ изъ каналовъ Изара, гдѣ обыкновенно купали лошадей. Несчастнаго плута заперли въ тѣсную дубовую клѣтку, подвѣшенную на блокахъ къ чему-то въ родѣ висѣлицы, устроенной надъ водою. Каждый разъ, какъ отпускали веревку, клѣтка, при громкомъ смѣхѣ собравшейся толпы, летѣла внизъ и погружалась глубоко въ воду; ее сейчасъ же снова вытаскивали, чтобы опять опустить, и такъ нѣсколько разъ подъ-риды. Испуганная физиономія наказуемаго, боящагося каждую минуту захлебнуться, и его отчаянные крики еще болѣе усиливали смѣхъ толпы. Правительство однакоже мало-по-малу приняло къ сознанію, что такого рода арбаща не могутъ не отзываться дурно на нрав-

ственности толпы, и отмѣнило публичность такихъ пытокъ, а затѣмъ и самый способъ подобныхъ наказаній. Но память о нихъ до сихъ поръ еще жива. Въ баварскомъ національномъ музеѣ, въ Мюнхенѣ, до сихъ поръ хранится дубовая клѣтка, въ которой купали провинившихся.

*
Маленькому шалуну наскучило сидѣть на одномъ мѣстѣ, и онъ рѣшилъ пуститься въ путешествіе. Въ одно прекрасное утро онъ понялъ, что ему ничего другого не осталось, какъ отправиться въ чужіе края и искать новыхъ побѣдъ. Здѣсь на берегу этого спокойнаго моря онъ покори

Скандинавская художественная выставка. «Принцъ Евгенийъ шведскій». Картина г. Бьерка.

рилъ всѣхъ; еще вчера онъ мѣтко пустилъ двѣ тонко заостренныя стрѣлы и поздно вечеромъ, притаившись за бѣлой мраморной террасой виллы, очень хорошо видѣлъ, какъ отворилось окно, выходившее въ садъ, какъ выглянуло изъ него красивое личико

молоденькой дѣвушки. Она смотрѣла вдаль на серебрившееся при лунѣ море, и шалунъ отлично видѣлъ по блеску ея черныхъ глазъ, что его стрѣла не пропала даромъ. Онъ видѣлъ, какъ проходилъ мимо юноша, какъ подошелъ онъ къ окошку, слышалъ

робкій шопотъ. Его вторая стрѣла тоже не пропала даромъ. Они были его послѣдними жертвами; больше не за кѣмъ охотиться. Маленькій шалунъ забралъ все свое имущество, дуэль, стрѣлы и нѣсколько пудовъ рыжиковъ яда, секретъ котораго ему одному извѣстенъ, и уступилъ въ дорогу. Онъ нарочно собрался пораньше, чтобы его никто не замѣтилъ. Его однако замѣтили. „Амуръ въ дорогѣ! Куда, зачѣмъ?“ Странная дѣвушка: онъ такъ встревожился оттого, что ихъ хочетъ покинуть шалунъ, тотъ самый шалунъ, который нанесъ имъ такія жестокия, никогда не заживающія раны. Странная дѣвушка.

Научная экскурсія студентовъ с.-петербургскаго университета въ Великій Новгородъ. Группа участниковъ экскурси у новгородскаго городского музея. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Научная экскурсія студентовъ въ Великій Новгородъ.

(Рис. на стр. 1121.)

Научныя экскурсіи учащейся молодежи — явление у насъ, къ сожалѣнію, еще крайне не распространенное, несмотря на очевидную ихъ пользу. Одинъ изъ наиболее энергичныхъ поборниковъ ихъ научно-образовательнаго значенія — профессоръ петербургскаго университета Э. Ю. Петри, ежегодно предпринимавшій со своими многочисленными слушателями научныя экскурсіи, составляющія прекрасныя иллюстраціи къ его лекціямъ по антропологии.

Такъ, въ первыхъ числахъ октября, была совершена подъ руководствомъ проф. Петри экскурсія въ Великій Новгородъ, которую должно считать особенно удавшейся, благодаря предусмотрительности организаторовъ поѣздки и строгой обдуманности плана экскурсіи.

Заранѣе испрошенное разрѣшеніе Правительствующаго Синода широко раскрыло участникамъ экскурсіи двери въ сокровищницы древнихъ новгородскихъ церквей и монастырей, полныя глубокаго историческаго значенія, но, къ сожалѣнію, обыкновенно скрытыя для глазъ частныхъ посѣтителей. Содрѣбствіе же и вниманіе новгородскаго губернатора графа О. Л. Медемъ придало всей поѣздкѣ какъ бы официальный характеръ.

Главною цѣлью экскурсіи, кромѣ обзоренія самого Новгорода, было ознакомленіе съ обширными коллекціями археолога-любителя В. С. Передольскаго.

Это громадное, но пока еще мало извѣстное русской публикѣ, собраніе древностей замѣчательно по своему научному интересу, а также еще и потому, что составлено долготѣлными энергичными трудами и на средства *одного* частнаго лица безъ всякой посторонней помощи и какихъ-либо субсидій.

Большая и самая цѣнная часть этихъ коллекцій является результатомъ многолѣтнихъ археологическихъ раскопокъ громаднаго поселенія человека каменнаго вѣка до-ледниковаго періода, открытаго г. Передольскимъ въ мѣстечкѣ Коломцы, близъ Новгорода.

Много тысячелѣтій тому назадъ большая часть Россіи была одѣта сплошнымъ ледянымъ покровомъ, надвинувшимся съ скандинавскихъ горъ. Вообразите себѣ нашу родину безъ ея дремучихъ лѣсовъ, зеленыхъ луговъ, плодородныхъ долинъ, по которымъ извиваются серебристыя ленты рѣкъ, вообразите ее въ видѣ безконечной, пустынной, стѣмой, ледяной равнины — и вы получите картину эпохи этого великаго оледенѣнія. Долго ли продолжался ледниковый періодъ въ Россіи — не извѣстно, но въ концѣ концовъ климатъ смягчился, повѣло теплое, и ледникъ началъ отступать, оставляя послѣ себя глинистые и песчаные наносы, которые вмѣстѣ съ последующими геологическими напластованіями и захоронили подъ собою слѣды пребыванія на Руси первобытнаго человека. Слѣды его дѣятельности сохранились въ видѣ грубо обработанныхъ кремневыхъ и костяныхъ орудій: топоровъ, скребковъ, долотцевъ, наконечниковъ стрѣлъ и т. п. Тысячи этихъ предметовъ найдены въ Коломцахъ В. С. Передольскимъ въ отложенияхъ ледниковой эпохи вмѣстѣ съ костями тогдашнихъ животныхъ, иногда же съ костями самого человека. Вся эта, единственная въ Европѣ по богатству, коллекція хранится въ скромномъ помѣщеніи г. Передольскаго.

Тутъ же кромѣ того въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ можно найти памятники старины исторической: древнюю утварь, иконы, оружіе, различныя древнія писмена и множество реликвій и документовъ, имѣющихъ большое научно-историческое значеніе. Экскурсанты многому научились, много вынесли изъ обзоренія этихъ замѣчательныхъ коллекцій, уже давно обратившихъ на себя вполнѣ заслуженное вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ.

Остается лишь пожелать, чтобы подобныя содержательныя экскурсіи предпринимались возможно чаще и встрѣчались бы постоянно такое горячее содрѣбствіе административныхъ сферъ и искреннее сочувствіе общества, какое встрѣтили въ Новгородѣ участники описанной нами экскурсіи.

Помѣщенный въ настоящемъ номерѣ *Новыя* фотографическія снимки, сдѣланный однимъ изъ студентовъ, представляетъ группу участниковъ экскурсіи возлѣ новгородскаго городского музея во главѣ съ губернаторомъ, проф. Э. Ю. Петри съ ассистентами, городскимъ головой Г. М. Сметанинымъ и В. С. Передольскимъ.

А. Н. Толивѣрова-Пѣшкова. (Портр. на стр. 1124.)

31-го октября т. г. исполнилось и скромно отпраздновано въ тѣсной литературной семьѣ двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. Н. Толивѣровой-Пѣшковой.

Первымъ литературнымъ трудомъ г-жи Пѣшковой была статья „Между гарибальдийцами“, появившаяся въ 1872 г. въ *Недѣльн.*, на страницахъ которой помѣщались впоследствии и другія ея произведенія. Всецѣло посвятивъ себя литературному труду, г-жа Пѣшкова дѣятельно сотрудничала въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій: *Биржевыя Вѣдомостяхъ*, *Молютъ*, *Новомъ Времени*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Нивѣ*, *Пчелѣ*, *Живописномъ Обзореніи*, *Семь и*

Школь, *Дѣтскомъ Читеніи*, *Игрушечкѣ* и др. На ряду съ этимъ, начиная съ 1873 году, она издала рядъ дѣтскихъ сборниковъ и переводныхъ произведеній извѣстныхъ иностранныхъ авторовъ; изъ нихъ нельзя не указать на такіе крупныя труды, какъ „Бабушкины сказки“ Жоржъ-Зандъ, рассказы Додэ, Мюрже, Уоллеса „Естественный подборъ“, „Земля и ея народы“ Гельвальда.

Проявивъ въ цѣломъ рядѣ произведеній свое большое умѣнье писать для дѣтей, понимать ихъ душу и интересы „маленькаго народа“, г-жа Пѣшкова въ послѣдніе годы своей дѣятельности посвятила себѣ исключительно дѣтской литературѣ. Въ 1887 г. извѣстная дѣтская писательница Т. П. Пассекъ, умирая, передала ей свой журналъ *Игрушечку*, основанный въ 1880 г. Горячо принявшись за новое дѣло, г-жа Пѣшкова сумѣла за десять лѣтъ привлечь къ своему журналу симпатіи общества, литераторовъ и педагоговъ. Эти симпатіи ярко выразились въ томъ искреннемъ чествованіи, которое удостоилась г-жа Пѣшкова въ день своего юбилея. Лучшія силы нашей педагогической литературы устроили въ честь ея особый дѣтскій праздникъ въ залѣ городской думы, гдѣ читались дѣтямъ литературныя произведенія, главнымъ образомъ изъ числа помѣщенныхъ въ *Игрушечкѣ*, показывались тумашныя картины съ помощью волшебнаго фонаря, устроены были игры. Кромѣ того, извѣстный нашъ педагогъ профессоръ П. Ф. Лесафъ предпринялъ съ дѣтями образовательную прогулку въ Сосновку. Эти дѣтскіе праздники, привлечшіе тысячи дѣтей, доставившіе имъ много радостныхъ, счастливыхъ минутъ, обставленные умѣлою, опытною рукою, заслуживаютъ самой горячей симпатіи и въ то же время были лучшимъ, удачливѣйшимъ чествованіемъ писательницы, двадцать пять лѣтъ неустанно трудящейся для „малыхъ сихъ“.

Два юныхъ скрипача.

К. Думчевъ и Б. Губерманъ.

(Портреты на стр. 1124.)

Два юныхъ виртуоза, имена которыхъ мы выставили въ заглавіи, обратили на себя серьезное вниманіе нашей публики своей выдающейся игрой на скрипкѣ; оба они отираются концертировать по главнѣйшимъ городамъ нашего обширнаго отечества, и поэтому считаемъ безынтереснымъ познакомиться читателей съ ними. Это уже молодые люди, серьезно поработавшіе надъ своимъ талантомъ и являющіеся передъ публикой, вооруженные достаточной подготовкой къ своей артистической дѣятельности. Когда-то были вѣкъ „дѣтей-виртуозовъ“, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ рѣдко что выходило; теперь — вѣкъ скороспѣлыхъ артистовъ, достигающихъ въ юные годы замѣчательной зрѣлости; таковы пианистъ Гофманъ и виолончелистъ Жирарди; таковы же и наши концертанты, — Думчевъ и Губерманъ.

Константинъ Думчевъ имѣетъ отъ роду семнадцать лѣтъ; сынъ доискаго казака, онъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ блестящія способности къ музыкѣ и особенно къ скрипкѣ, и отецъ его положилъ всѣ свои старанія, чтобы талантъ сына не заглохъ. Лѣтъ 7—8 тому назадъ малолѣтній „Костя Думчевъ“ давалъ свои концерты въ Петербургѣ и Москвѣ, и тогда уже видно было, что при дальнѣйшемъ серьезномъ трудѣ изъ него выйдетъ выдающійся виртуозъ. Все это время онъ занимался у разныхъ профессоровъ и между прочимъ у извѣстнаго Томсона (въ Люттихѣ). Теперь онъ далъ у насъ два концерта, въ которыхъ познакомилъ публику со своимъ исполненіемъ, какъ классическихъ, такъ и современныхъ авторовъ, обнаруживъ обширное знакомство съ литературной скрипичной игрой: Паганини, Корелли, Баццини, Вьетанъ, Эрнстъ, Венявскій, Саразате, Томсонъ, Наме, — словомъ, онъ всѣхъ играетъ и, главное, передаетъ ихъ произведенія въ надеждащемъ духѣ; онъ играетъ съ большимъ чувствомъ. Въ области техники, — это готовый виртуозъ; правда, у него иногда попадаются lapsus manus (въ октавахъ, флажолетахъ и пр.), но это мелочи, и общій характеръ исполненія съ избыткомъ выкупаетъ эти случайныя „обмолвки“. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ у насъ.

Брониславъ Губерманъ выступилъ раньше Думчева въ симфоническомъ собраніи русскаго музыкальнаго общества и въ своихъ двухъ концертахъ. Первое его появленіе со скрипичнымъ концертомъ Мендельсона вызвало восторгъ всей публики, заставившей его играть три раза на bis. Прослушавъ игру Губермана, г. Ауэръ сказалъ намъ: „Онъ ни одной ошибки не сдѣлалъ; вѣтъ болѣе дѣтей“. Б. Губерману пятнадцать лѣтъ, а окончилъ онъ свое музыкальное образованіе (вѣрнѣе, скрипичное) у знаменитаго Іоахима. При безукоризненной техникѣ онъ обладаетъ удивительно пѣвчимъ смычкомъ и рѣдкой страстностью. Родился онъ въ Варшавѣ, по словамъ родителей, въ 1882 г., хотя и выглядить старше пятнадцати лѣтъ; но тутъ дѣло не въ двухъ-трехъ годахъ лишніхъ. Если бы ему было и 25 лѣтъ, то и тогда онъ не меньше восхищалъ бы публику и удивлялъ бы знатоковъ; это Божій даръ, доведенный до совершенства. Оба юные артиста уже много концертировали въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ; оба уже составили себѣ громкую извѣстность въ музыкальномъ мірѣ. В. Басинъ.

Скандинавская художественная выставка.

(Портр. на стр. 1121.)

Стокгольмская выставка, как известно нашим читателям, имѣла между прочимъ и художественный отдѣлъ. Скандинавскіе художники воспользовались этимъ случаемъ, чтобы ознакомить европейскую публику, на первый разъ русскую ея часть, съ произведеніями скандинавскаго художественнаго творчества. Петербургу выпала честь быть первою столицей, въ которой состоялась задуманная скандинавскими художниками специальная выставка ихъ произведеній.

Время для этой выставки было выбрано сравнительно удачное. Во второй половинѣ октября, такъ-называемый, весь-Петербургъ уже въ сборѣ. Кромѣ того, нельзя отрицать, что русская публика, за послѣднее время, проявляетъ большой интересъ къ скандинавскому художественному творчеству, по крайней мѣрѣ, въ области литературы. Имена Бьернсена, Ибсена и др. менѣе громкихъ писателей—у всѣхъ на устахъ. Многіе русскіе посетили лѣтомъ Стокгольмъ, и, такимъ образомъ, состоялось еще болѣе тѣсное сближеніе съвершнихъ государствъ Европы. Однако, выставка, устроенная скандинавскими художниками у насъ въ Петербургѣ, успѣха не имѣла. Чѣмъ же это объяснить? Отсутствиемъ ли значительныхъ художниковъ у нашихъ сосѣдей? Никто не рѣшится отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. По случаю скандинавской выставки, состоялся банкетъ въ честь одного изъ художниковъ, картины котораго фигурировали на выставкѣ, г. Андерса Цорна, и русскіе художники, устроившіе этотъ банкетъ, отнеслись самымъ восторженнымъ образомъ къ достоинствамъ кисти своего шведскаго собрата. Конечно, одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но кромѣ картинъ г. Цорна, на выставкѣ фигурировали картины и другихъ художниковъ, талантъ и мастерство которыхъ не подлежатъ сомнѣнію, въ томъ числѣ, наприимѣръ, картины такого замѣчательнаго художника, какъ датчанинъ Юліусъ Паульсенъ. Значитъ, успѣхъ скандинавской выставки не можетъ объясняться отсутствиемъ видныхъ дарованій.

Но, можетъ-быть, успѣхъ ея объясняется недостаткомъ сочувствія къ скандинавскимъ народамъ вообще? И этого, конечно, сказать нельзя. Русская публика проявляетъ такой живой интересъ къ скандинавскимъ художникамъ пера, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что она отнеслась бы съ меньшимъ интересомъ къ скандинавскимъ художникамъ кисти, если бы обстоятельства этому благопріятствовали. Слѣдовательно, успѣхъ выставки не можетъ обуславливаться и недостаткомъ сочувствія русскихъ къ скандинавскому художественному творчеству.

Но дѣйствительно ли мы имѣли на выставкѣ дѣло съ картинами, которыя, по справедливости, могутъ быть признаны выраженіемъ творчества скандинавскихъ народовъ? Вопросъ этотъ покажется на первый взглядъ страннымъ. Вѣдь выставили картины одни только шведы, датчане, норвежцы. Стоитъ только пробѣжать каталогъ выставки, чтобы убѣдиться, что на ней не было картинъ художниковъ, въ жилахъ которыхъ не течетъ скандинавская кровь. И тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ настаивать на своемъ вопросѣ, — продолжаемъ настаивать потому, что при оцѣнкѣ художественнаго творчества недостаточно имѣть въ виду происхожденіе художника, надо, кромѣ того, имѣть въ виду сюжеты картинъ, темы, воодушевляющія художника, — словомъ все то, что составляетъ душу его творчества. Съ этой точки зрѣнія можно безъ всякаго преувеличенія утверждать, что скандинавская выставка, какъ выраженіе національнаго творчества, представляла лишь очень слабый интересъ. Если на выставкѣ и фигурировали картины съ національными сюжетами, то онѣ не раскрывали намъ новыхъ сторонъ шведской, норвежской или датской жизни. Все, что представляла выставка въ этомъ отношеніи, было давно намъ знакомо по болѣе краснорѣчивымъ описаніямъ, по болѣе сильнымъ художественнымъ произведеніямъ. Допустимъ, что на выставкѣ попадались картины, въ родѣ: „Семейная жизнь въ Далекарліи“, „Улица Розенлундъ“, „Лунный свѣтъ на Катгата“, „Гора Борре на островѣ Тьернъ“, „Пейзажъ въ Телемаркенѣ“, что попадались портреты, болѣе или менѣе характерныя, или изображенія видныхъ скандинавскихъ дѣятелей. Но всѣ эти картины тонули въ морѣ картинъ другого рода, не имѣющихъ ничего общаго съ скандинавскимъ бытомъ, скандинавскою природою или скандинавскимъ національнымъ духомъ. Глядя на большинство картинъ, мы везольно спрашивали себя: какое, собственно, отношеніе имѣютъ онѣ къ скандинавской жизни. Видѣли ли вы пейзажъ, портретъ, даже жанръ, вы очень часто недоумѣвали, почему данная картина попала на скандинавскую выставку? Вы, конечно, отвѣчали себѣ: да потому, что она написана скандинавскимъ художникомъ, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ скандинавскою жизнью. Но дальѣе возникалъ вопросъ: къ чему удѣлять особенное вниманіе этой картинѣ, когда тотъ же сюжетъ мы уже много разъ видѣли въ исполненіи, несомненно болѣе удачнымъ; къ чему васъ звали смотрѣть „Восходъ луны“, „Ясный осен-

ній день“, „Лѣтнюю ночь“, „Дикихъ гусей или утокъ“, „Мартовскій вечеръ“, когда вы все это видѣли въ законченной формѣ, въ истинно-художественномъ исполненіи? Можетъ ли слабая копія васъ заинтересовать, когда у васъ живъ въ памяти блестящій оригиналъ? И вы равнодушно проходили мимо картины, убѣдившись, что выставка не даетъ вамъ того, чего вы отъ нея ожидали...

Въ этомъ заключается одна изъ причинъ неуспѣха выставки. Но есть еще и другая, болѣе серьезная и въ то же время поучительная. Въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала былъ затронутъ вопросъ о томъ, почему молодые русскіе художники избѣгаютъ нашей академіи и стремятся за границу, чтобы учиться у тамошнихъ мастеровъ? По свидѣтельству гг. Рѣпина и Антокольскаго, молодые русскіе художники ищутъ за границей „новыхъ вѣяній“ въ искусствѣ. Скандинавскіе художники эти вѣянія уже нашли, и выставка выполнила часть въ этомъ убѣдила. Импрессионизмъ, мистицизмъ, символизмъ имѣли очень многочисленныхъ представителей на выставкѣ, такъ что ихъ произведенія подавляли собою остальныхъ. Какія это произведенія? Объ этомъ и упоминать не стоить. Вы смотрите на картину и видите какое-то сплошное, желтое, зеленое, лиловое, фиолетовое или совсѣмъ черное пятно. Только сильно напрыгавъ зрѣніе и вниманіе, вы въ этомъ пятнѣ начинаете различать что-то неясное, неопредѣленное, расплывчатые контуры какого-нибудь человѣка, существа, строенія, цѣлаго пейзажа. Почему все это окрашено въ тогъ или другой цвѣтъ, — остается для васъ непостижимымъ. Очень часто вы наталкиваетесь на изображенія женщинъ съ распущенными волосами, въ болѣе или менѣе неестественныхъ позахъ. Одна почему-то сидитъ въ лѣсу, другая забралась даже на дерево, третья находится неизвѣстно гдѣ, потому что различить на картинѣ ничего нельзя. Вы переводите взглядъ и наталкиваетесь на сову. Каждый изъ насъ видѣлъ сову и знаетъ приблизительно ея размѣры. Но представьте себѣ сову, сидящую на опушкѣ лѣса, — оказывается, что она больше дерева, или другую сову, сидящую на утесѣ, и утесъ чуть ли не меньше ея. Вы, конечно, поскорѣе отвернетесь отъ этихъ чудовищныхъ совъ, но отъ этого вамъ не станетъ легче, потому что вы увидите уже чисто-сказочнаго грифона или голаго человѣка со шпитомъ и шлемомъ, чудовище, лежащее не то на морской поверхности, не то на паркѣтѣ. Такихъ курьезовъ или ужасовъ на выставкѣ не мало. Понятно, что они производятъ только комическое впечатлѣніе. А что сказать о картинахъ въ японскомъ вкусѣ? Ихъ тоже на выставкѣ было очень не мало. Скандинавскіе художники доходятъ до того, что рисуютъ даже своихъ народныхъ учителей въ японскомъ вкусѣ. Вы везольно недоумѣваете, какъ скромный датскій народный учитель могъ вдругъ очутиться въ чисто-японской обстановкѣ. Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить пристрастія скандинавскихъ художниковъ къ психонатамъ и чудосочнымъ субъектамъ. Они ихъ рисуютъ съ особенною любовью, подчиняясь, конечно, и въ этомъ отношеніи „новымъ вѣяніямъ“.

Всѣ курьезы, представляемые въ этомъ отношеніи выставкою, перечислить трудно. Только „новыми вѣяніями“ можно объяснить попытку изобразить осенній праздникъ слѣдующимъ образомъ. На балюстрадѣ сидитъ какой-то уродливый ребенокъ и держитъ въ рукахъ зеленый бумажный фонарикъ, придающій всему зеленую окраску. Вдали между деревьями видѣются такіе же два фонаря. Это почему-то названо „Осеннимъ праздникомъ“. Понятно, что зритель отходитъ отъ этой картины съ глубокимъ разочарованіемъ; а такихъ картинъ на выставкѣ очень много. Вотъ вторая, самая существенная причина ея неуспѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень поучительная сторона выставки. Наши молодые художники, ищущіе за границей „новыхъ вѣяній“, могли на выставкѣ во-очью убѣдиться, какъ русская публика относится къ этимъ „новымъ вѣяніямъ“, уже наглядно осуществленнымъ скандинавскими художниками. Обозрѣвая выставку, посетитель съ выраженіемъ скуки и разочарованія проходитъ мимо всѣхъ этихъ картинъ, очевидно, недоумѣвая, зачѣмъ и для кого онѣ выставлены. И вдругъ его лицо озаряется свѣтомъ внутреннего удовлетворенія. Онъ увидѣлъ настоящее небо, настоящую зелень, живого человѣка, хорошенькую бытовую сценку. Онъ быстро раскрываетъ каталогъ, чтобы узнать, кто ему доставилъ это неожиданный наслажденіе. Онъ, навѣрное, натолкнется на имена гг. Паульсена, Цорна или принца Евгенія, четвертаго сына короля Оскара II. Чѣмъ же дѣйствуютъ эти художники на посетителя выставки? Вычурностью сюжета или красокъ? „Новыми вѣяніями“? Нисколько. Напротивъ, когда тѣ же художники творятъ въ духѣ импрессионистовъ или символистовъ, они создаютъ картины болѣе или менѣе столь же безвкусныя и слывающіяся съ общею массою картинъ, порожденныхъ „новыми вѣяніями“. Странно сказать! Гвоздь выставки составлялъ портретъ датской четы, написанный мастерскою кистью г. Паульсена. Портретъ этотъ написанъ такъ просто, и изображенная на немъ чета принадлежитъ къ числу столь обыкновен-

венных людей, что, казалось бы, посетитель мог бы пройти мимо этой картины совершенно равнодушно, а между тем он надолго останавливается перед ней и не может оторвать от нее восхищенного взора. Чем же она привлекает его внимание? Да только тем, что вы видите перед собою двух людей, стоящих перед вами словно живые, родившихся и выросших в реальной обстановке, и потому сами реальные, жизненные, поражающие вас во всей их простоте необычайною типичностью. Художник далеко отошел на второй план: перед вами жизнь, и только, налюбовавшись вдоволь этим изумительным ее воспроизведением, вы в душе благодарите художника, доставившего вам такое высокое наслаждение.

Мы не можем остановиться, по недостатку места, на других, также очень интересных, картинах гг. Паульсена, Цорна или принца Евгенія, портретъ котораго, принадлежащій кисти г. Бьерна, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ *Нивы*. Но основную нашу мысль мы высказали. „Новый вѣяніи“ не помогли скандинавскимъ художникамъ обратить на себя вниманіе русской публики. Если она уходила съ выставки не окончательно разочарованною, то только благодаря тому, что нѣкоторые скандинавскіе художники продолжаютъ творить въ старомъ, но и вѣчно юномъ духѣ великихъ мастеровъ кисти, созавшихъ и воплотившихъ въ своихъ блестящихъ произведеніяхъ непреложные законы художественнаго творчества. С.

Политическое обозрѣніе.

Дѣла на Востоке, помимо ихъ общаго течения, регулируемаго европейскимъ концертомъ, вслѣдствіе усложняются неожиданными событіями, въ виду которыхъ самые прозорливые политическіе кружки становятся лицомъ къ лицу съ полною неопредѣленностью дальнѣйшихъ послѣдствій. Незначительный, повидимому, случай, происшедшій недавно въ Малой Азии, чуть было не выросъ до политическаго факта первостепенной важности. Въ г. Мерсинѣ турецкія власти подвергли административной высылкѣ агента австрійскаго „Ллойда“, обвиненнаго въ какихъ-то политическихъ промахахъ. На протестъ австро-венгерскаго посла въ Константинополь, Порты отвѣтила разрѣшеніемъ агенту вернуться въ Мерсину, но тамъ власти распорядились взять его подъ стражу изъ консульства, гдѣ агентъ находился подъ охраной австро-венгерскаго флага. Послѣдовало энергичное виѣщательство посла, барона Калице; когда же назначенное по его требованію слѣдствіе при участіи австро-венгерскаго представителя затнулось, по обыкновенію, посольство вручило 3-го ноября Портѣ ультиматумъ, въ силу котораго удовлетвореніе должно быть дано къ 6-му ноября, иначе посольство выѣдетъ изъ Константинополя. Виѣстѣ съ тѣмъ австро-венгерское правительство приступило къ необходимымъ приготовленіямъ для дальнѣйшаго образа дѣйствій относительно Турціи: у самой Мерсинны появились три броненосца, готовые къ непосредственному воздѣйствію. За нѣсколько часовъ до срока ультиматума, ночью, австро-венгерскій посольство получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Порты въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ и, такимъ образомъ, устранивъ были своевременно всякія нежелательныя послѣдствія. Въ виду многихъ вопросовъ, ожидающихъ своего разрѣшенія отъ переговоровъ державъ съ Турціей, энергичный тонъ Австро-Венгрии по отношенію къ Портѣ послужилъ поучительнымъ урокомъ для турокъ и, виѣстѣ съ тѣмъ, создалъ

надежный прецедентъ того приѣма относительно Турціи, къ которому державы могутъ прибѣгнуть, если переговоры по турецкимъ дѣламъ создадутъ крайнюю необходимость.

Въ виду точно опредѣлившагося направленія австро-венгерской вѣншей политики, особый интересъ приобрѣла рѣчь графа Голуховскаго, произнесенная имъ 8-го ноября въ коммисіи венгерской делегаціи по иностраннымъ дѣламъ: „тройственный союзъ получилъ въ Европѣ право гражданства, служить и будетъ служить основой австро-венгерской политики; къ укрѣпленію этого союза направлены усилія трехъ кабинетовъ; успешное взаимодѣйствіе съ Россіей въ греко-турецкомъ столкновеніи привело къ искреннему лояльному обмѣну взглядами, приведшему ко взаимному убѣжденію, что между обими сосѣдними имперіями не существуетъ разногласій; стремясь къ сохраненію statu quo и отвергая всякую мысль о завоеваніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, при твердой рѣшимости уважать независимость балканскихъ государствъ и при исключеніи всякаго преобладающаго вѣншаго вліянія, Россія и Австро-Венгрия сразу нашли почву для соглашенія, такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ выработалось сознание, что интересы обихъ имперій не скрещиваются, а наоборотъ—есть полное основаніе дѣйствовать сообща, устраняя безпорядокъ на Востоке; мѣшая великимъ переменамъ на Балканахъ и прекращая спекулятивныя агитаціи, направляющія обѣ имперіи другъ противъ друга; на этихъ началахъ существуетъ полная готовность Австро-Венгрии поддерживать съ Россіей самое тѣсное соглашеніе; по этому-то руководителю австро-венгерской вѣншей политики графъ Голуховскій „смотримъ на эти отношенія къ Россіи, такъ счастливо начатыя, съ довѣріемъ, какъ на новую мощную гарантію европейскаго мира“. Далѣе графъ Голуховскій отмѣтилъ наилучшія отношенія съ Франціей, интересы которой не сталкиваются съ австро-венгерскими, и указалъ на такія же дружественныя отношенія къ Англіи. При такомъ положеніи дѣлъ, Европа должна-де теперь обратить „самое тщательное вниманіе на великія задачи своего матеріальнаго развитія“.

На Дальнемъ Востоке политическія событія обогатились новымъ важнымъ фактомъ—также ультиматумомъ—Германіи къ Китаю. Въ одномъ изъ городовъ провинціи Шань-Тунгъ, недалеко отъ родины Конфуція, справлялся праздникъ, на который отправились вѣдѣнскіе миссіонеры. Подстрекаемая мандаринами чернь убила двухъ миссіонеровъ, третій пропалъ безъ вѣсти, а четвертый успѣлъ спастись въ домъ мѣстнаго жителя. По предъявленіи Китаю ультиматума, отправлена была въ Шань-Тунгъ въ бухту Кіао-Шау германская эскадра, состоящая изъ броненосца „Kaiser“ въ сопровожденіи трехъ крейсеровъ. Прибывъ къ мѣсту назначенія, суда приготовились открыть огонь. Форты надъ бухтою заняты были китайскимъ гарнизономъ въ 1,500 человекъ. Германскій адмиралъ потребовалъ очищенія фортовъ въ теченіе трехъ часовъ. Замѣтивъ на берегу появленіе десанта съ пушками, китайскія войска очистили позиціи, а китайскій генералъ остался въ городѣ Кіао-Шау, отдавшись съ семействомъ подъ защиту Германіи. Надъ фортами поднять германскій флагъ. По свѣдѣніямъ *Berlin. Tageblatt*, эскадры останутся въ бухтѣ до полученія отъ Китая вознагражденія за убійство миссіонеровъ. Это неожиданное событіе чрезвычайно поразило англичанъ, по мнѣнію которыхъ, Германія, помимо желанія добиться удовлетворенія, преслѣдуетъ политическія выгоды, предполагая занять господствующее

А. Н. Толстѣрова-Пѣшкова (по поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности).
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Брониславъ Губерманъ.

Константинъ Думчевъ.

Два юныхъ скрипача. Съ фот. автотипія „Нивы“.

щее положение въ этой части китайской территории, на которую, по увѣренію Times'a, Германия давно мѣтила. Англичане завидуютъ ловкости и рѣшительности нѣмцевъ: энергичное воздѣйствіе на Китай предоставило де въ руки Германии отличную гавань на Желтомъ морѣ, откуда Германия едва ли

выведетъ свои войска, даже добившись удовлетворенія. Опасенія Англіи нѣмлютъ извѣстное основаніе: по послѣднимъ извѣстіямъ формируется уже внушительная германская эскадра, раздѣленная на два отряда, для постоянного пребыванія въ восточныхъ водахъ.

Разныя извѣстія.

— Въ Олонекскихъ Губернскихъ Вѣдомствахъ напечатано:

«8-го октября, въ засѣданіи петрозаводскаго уѣзднаго земства, при обсужденіи вопросовъ народнаго образованія, директоръ народныхъ училищъ въ началѣ засѣданія обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой напомнилъ, что въ минувшемъ учебномъ году народное образованіе Олонекской губерніи снова удостоилось Всемилостивѣйшаго вниманія Его Императорскаго Величества. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ начальника губерніи за 1895 г., противъ того мѣста, гдѣ онъ свидѣтельствуетъ, что соединенными усиліями дирекціи, духовнаго вѣдомства, земства и сословныхъ учрежденій детально разработанный вопросъ о введеніи въ губерніи всеобщаго обученія уже близокъ къ осуществленію, Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать:

«Это Меня радуетъ, лишь бы нашлось достаточное число добрыхъ и честныхъ тружениковъ—учителей народной школы.»

— 3-го ноября открыты, въ Высочайшемъ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Царской Славянкѣ, близъ Павловска, С.-Петербургскій Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія основанъ Государемъ Императоромъ въ ознаменованіе рожденія

Ея Императорскаго Высочества великой княжны Ольги Николаевны, на Всемилостивѣйше пожалованнаго Ею Императорскимъ Величествомъ средства. Пріютъ имѣетъ цѣлью призрѣвать и приучать къ труду остающихся въ столицѣ безъ присмотра или пристанища дѣтей обоаго пола отъ 6 до 15 лѣтъ. Онъ рассчитанъ на призрѣніе 200 дѣтей, обучаемыхъ крестьянскимъ работамъ, преимущественно огородничеству и садоводству, и несложнымъ мастерствамъ и рукодѣліямъ. Съ 1-го ноября текущаго года въ пріютъ принято 64 дѣтей, въ томъ числѣ 34 мальчика и 30 дѣвочекъ; изъ нихъ 24 мальчика и 16 дѣвочекъ—старше 10 лѣтъ. Кромѣ того, въ видахъ скорѣйшаго осуществленія благихъ цѣлей пріюта до окончанія его постройки, въ январѣ текущаго года, по Высочайшей волѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Беодровны, въ Царскомъ Селѣ, въ зданіи Императорской фермы, учреждено временное отдѣленіе пріюта для малолѣтнихъ, въ которомъ призрѣваются въ настоящее время 12 мальчиковъ и столько же дѣвочекъ.

— 2-го ноября состоялся открытыя базара кустарныхъ издѣлій въ Соляномъ Городкѣ, въ присутствіи министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ и многихъ почетныхъ приглашенныхъ лицъ. Послѣ молебствія министръ подробно осматривалъ издѣлія

кустарей. Во время обзора министру было доложено, что продажа кустарныхъ издѣлій за этихъ ежегодныхъ двухмѣсячныхъ базарахъ за послѣднія пять лѣтъ возросла до 246,929 рублей. Въ первый годъ, когда подобный базаръ былъ устроенъ въ видѣ опыта, продажа на немъ не превысила 33,000 рублей. Быстрый ростъ спроса на кустарныя издѣлія объясняется тѣмъ, что кустари съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе совершенствовали свое производство, приравливая его къ вкусамъ покупателей. Открывшійся базаръ занялъ три обширные зала Императорскаго русскаго технического общества. Здѣсь, въ цѣломъ рядѣ витринъ, размѣщены разнообразныя кустарныя издѣлія, доставленныя или выписанныя изъ разныхъ губерній: Саратовской, Подольской, Ярославской, Пензенской, Оренбургской, Подтавской, Рязанской, Московской, Тульской, Пермской и многихъ другихъ. Многія изъ издѣлій отлщаются выдающимися качествами материала и работы и свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ объ успѣхахъ русскаго кустарнаго производства. Новинкою базара являються нѣкоторыя изъ экспонатовъ, а именно, кустарныя издѣлія, исполненныя по заграничнымъ образцамъ, которые и выставлены рядомъ съ ихъ копіями; улучшение рисунковъ и увеличеніе разнообразія весьма значительны.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 года.

Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ осетинскихъ горахъ. Посмертный рассказъ В. П. Мелиховской.—Рыжко и Бѣляшъ. Рассказъ Жана Рамо. (Съ 5 рисунками.) (Окончаніе).—Островъ Сахалинъ (съ 4 рисунками).—Лих. Стихотвореніе В. В. Уманова-Налуновскаго.—Къ рисункамъ: У пруда.—Петръ Великій въ Вѣнѣ въ 1698 г.—Наказаніе бучачина-обманщика въ Мюнхенѣ.—Амуръ въ дорогѣ.—Научная эскурсія студентовъ въ Великій-Новгородъ (съ рис.).—А. Н. Толмачева-Пѣшинова (съ портр.).—Два юныхъ скрипача. И. Думчевъ и Б. Губерманъ (съ 2 портр.).—Скандинавская художественная выставка (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Газетныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель: А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сомениновскій.

НОВЫЕ
Вальсъ „La Viennoise“
Маршъ „Bergues-Marsch“
СОЧ. И. ГОРНУНГЪ ПРОДАЮТ.
ВО ВСѢХЪ МУЗЫК. МАГАЗИНАХЪ.
СКЛАДЪ ИЗДАН. У АВТОРА
1-я Мѣшанск. д. 70 кв 20
МОСКВА

ФИЛИГРАНЪ
САКАТЫКЪ БИКЪ
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ПРОДАЖА БЕЗЪ
МОСКВА
10219 15 13

Швейная машина
„Таммонгъ“
Цѣна 925 р.
ПРЕДСТАВІТЕЛЬ
И. И. Тагень.
МОСКВА.
БОЛЬШАЯ ЛЕВЯЯКА № 2
10220 штукъ

30% ЭКОНОМІИ
кто желаетъ имѣть по оптовой цѣнѣ шв. машины системы Зингеръ, отправивъ во всѣ города съ провоз. ж. д. Иллюстр. прейсъ-кур. высыл. безпл. изъ центр. склада Симановъ. Москва, 1 Мѣшанская, д. 63. Фирм. сущ. съ 1887 г.

БУХГАЛТЕРІЯ.
Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по преміров. бол. зол. медалью методу. С. Я. Анзенталь, Москва, Бутырскіе, № 49.
Ц. № 10397 10—7

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
выучаю каждого посред. переписки, вполнѣ замятъ личное предпр., за что удост. массы благодар. и многие изъ моихъ учениковъ заняты должностями бухгалтеровъ, помощн. бух., кассировъ и т. п. Услов. высыл. безплатно.
Адресъ: Нѣвъ, Г. К. Бурино.

ГЛАВНЫЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Э. БУРХАРДЪ, Слѣ.
Нѣвскій просп. № 6 противъ М. Морской
Гороховая ул. у Краснаго Моста № 17.
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Высылаю наложен. платежѣмъ. Иллюстр. Прейсъ-Куранты безплатно

Варшавское часовое заведеніе
I. ВУЗЕРА
РЕКОМЕНДУЕТЪ
предельно металлическіе карманные часы, заводъ безъ ключа, наладного золота, въ нихъ цѣль того же металла и парижскій кожанъ въ изящномъ футлярѣ
за 4 руб. 50 коп., даъ шт. 8 руб. 50 коп.
Вышеупомянутыя часы выислаются тщательно проверенныя и прилагаются четкое ручательство на 2 года.
◆ Требования выполняются немедленно и безъ задатка. ◆
Прошу адресовать: въ ЧАСОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
I. ВУЗЕРА
Варшава, Грибная ул., 6.
Примѣчаніе. Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждое отпускаемое часмъ снабжается пломбой фирмы, утвержденной Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ.
Прейсъ-курранты безплатно.

РУЖЬЯ
принадлежности
охоты по доступнѣмъ цѣнамъ
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Я. ЗИМИНА вдова и Ко.
Москва, Тверская, близъ Газетнаго.
Каталогъ безплатно. 5—5

ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.
обучаю заочно кроить и шитью по новѣйшей французской методѣ «БОРТА».
Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленнаго свидѣтельства. Условія выислаются безплатно.
Нѣвъ, Фундукшевская № 27.
Е. Д. Ашмарина.

„МАЛО СЛОВЪ, НО МНОГО МЫСЛИ“—девятъ изданія.
Роскошное изданіе ОТКРЫТА ПОДПИСКА Дешевое изданіе
10 руб. за годъ. съ дост. и перес. безъ дост. 5 руб.
на 1898 г. на за годъ

ЖУРНАЛЬ ЖУРНАЛОВЪ
И
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
Новое иллюстрированное ежемѣсячное изданіе безъ предварительной цензуры, составленное отчасти по образцу иностранныхъ журналовъ Review of Reviews (англійскаго и американскаго), Revue des Revues и др.
Кромѣ оригинальныхъ статей, написанныхъ специально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранными, журналъ помѣщаетъ извлеченія или экстракты изъ статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати.
Въ программу журнала входятъ: науки естественныя, медицинскія, физико-математическія, исторія и общественныя науки, философія, метафизика и психологія, искусство и критика, обозрѣніе журналовъ, сѣбъ и проч.
Отдѣль науки естественныя и медицинскія будетъ выходить при ближайшемъ сотрудничествѣ и подѣ наблюдениемъ академика князя И. Р. Гурянова.
Отдѣль исторія и общественныя науки при сотрудничествѣ и подѣ наблюдениемъ В. Ф. Головачева.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ||| на роскошное изданіе за годъ съ дост. и перес. . . 10 р.
на дешевое . . . . . 8 р.
безъ дост. . . . . 5 р.
(Разсрочка на дешевое изданіе съ перес. и дост. допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 рубля въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ).
Издатель-редакторъ И. П. Комдыревъ.
Ментора и редакція въ С.-Петербургѣ, Гороховая, 13 (уг. Б. Морской).

Поступили въ продажу новыя книги В. П. АВЕНАРИУСА:
ГОГОЛЬ-СТУДЕНТЪ.
Исторія повѣсть изъ биографической трилогіи „Ученіческіе годы Гоголя“. Съ 12 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ папѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. 2 р. 25 к.
ЛІСТКИ ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.
0 автобиографическихъ рассказовъ. Изданіе 2-е. Съ 16 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ алѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. 2 р. 25 к. Съ пересылкой каждая книга на 5 к. дороже. Изданія книжнаго магазина П. В. Лукомникова, Спб., Дешуковъ пер. д. № 2.

БОЛѢЕ 20,000 ШТУКЪ

липушскихъ машинъ „Бамкенсдерферъ № 5“ проданы въ теченіе 3-хъ лѣтъ, что ясно доказываетъ ихъ превосходство. Ц. 1.0 р. Каталоги и об. лѣтъ писемъ безплатно.
Э. КИНКМАНЪ в. № С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

Открыта подписка на иллюстрированный журналъ
Издается съ 1885 г.

РУБЛЕЙ 6 РУБЛЕЙ 6 СЪ ДОСТ. и перес. РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. И. ПОЛОВИЦКАГО И ПРИ УЧАСТІИ
ОТЦА ЮАННА КРОНШТАДТСКАГО
52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ МОН. ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИЖЪ
каждый въ 16 стр. бол. форм. каждый обѣм. 120—180 стр.
и КРОМЪ ТОГО, БЕЗПЛАТНО, ИСПОЛНЕНАЯ ВЪ 12 КРАСОКЪ НА МЕТАЛЛѢ
размѣромъ 5x6 вершковъ, въ рельефной золоченой рабѣ,
КОПИЯ СЪ ЧУДОТВОРНОЙ ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 к. марку.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стрѣмянная ул., № 12, собств. домъ.
Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Ц. № 10645 3-1

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ, ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линиямъ, ихъ знакомыхъ.

Подготовивъ къ печати собиравшіяся въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ Мостромичей Юдиныхъ, оказавшіяся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу Чухломѣ до 1615 года, и желая возможныхъ отношеній, покорнѣе прошу всѣхъ любящихъ въ своемъ распоряженіи относиться къ названному роду писменности: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: „Изъ библиотеки Чухломскаго купечскаго сына Михайла Юдина“, равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали Юдины, или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желющіе уступить подлинныя документы и проч. въ нашу собственность приглашаются выстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ: въ г. Красноярскѣ, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что пѣкоторые томы предлагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступаютъ и предназначаются лишь для раздачи наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ. благосклонно способствовавшимъ издателю къ собранію фамиліальной старины.

Г. В. Юдинъ (Юдинъ).

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УВРАЩЕНІЙ по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.

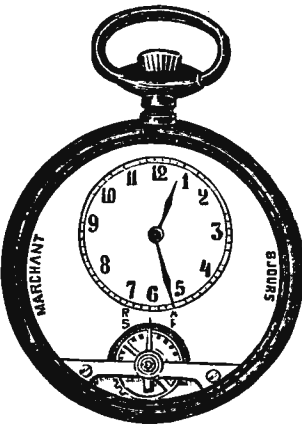
въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшенія, какъ равно и послѣднія издѣнія и заграничныя новосты. Любимыя хлопотки въ каждой коллѣкціи! Кромѣ того исключительно къ юнымъ коллѣкціямъ предложены оригинальныя китайскія фонарики, а затѣмъ еще весьма практичный и удобный аппаратъ для замиганія и потушенія свѣчей. Боле подробныя свѣдѣнія благоволяете усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г. Цѣны безъ пересылки. Упаковка безплатно. Высылка наложеннымъ платежомъ. **ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ**, Силадъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82. Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82. Ц. № 10641 3-2

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода салата тонкаго запаха. Растиральный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неалкогольная и неослабляющая.
ED. PINAUD
PARIS

Санаторія д-ра Ремплера для страдающ. грудными болѣзнями въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюденіемъ акадѣмца, Герберсдорфскаго лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія слабыми болѣзными воздухомъ, предоставляетъ самымъ благоприятнымъ условіямъ для лѣченія, за умеренныя цѣны. Объявленія высылаются безплатно д-ромъ Ремплеромъ. Р. № 10580 4-4

8-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г. „ЖУРНАЛЪ СПОРТА“** выходитъ **ЕЖЕНЕДЕЛЬНО**
Съ рисунками. Посвященъ исключительно вопросамъ по коннозаводству, коневодству, скаковому, рысистому и навалерійскому спорту. Въ „Журналѣ Спорта“ принимаютъ участіе многие извѣстные въ литературѣ по коннозаводству писатели. Въ видѣ приложенія къ „Журналу Спорта“ въ видѣ московскихъ скачекъ и бѣговъ (до 100 №№ въ годъ) будетъ выходить **„ЛИСТОКЪ СПОРТА“**. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 10 р., за границу—12 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Столешниковъ пер. д. де-Каррьеръ. Пробный № по требованію безплатно. Редакторъ-издатель В. А. Гиляровскій.

!!!НЕ НУЖНО БОЛЬШЕ ЗОЛОТА!!!

Изобрѣтенъ металлъ, вполне замѣняющій его. Небывалое до сихъ поръ осуществилось. Часы изъ новаго золота, вполне замѣняющіе дорого-стоющіе и не весьма доступныя золотыя часы. Изящныя и прочныя, карманныя, мужскія часы, глухіе, всѣ 3 кришки изъ американскаго золота, никогда не чернѣющіе, ремонтурныя, т. е. заводъ безъ ключа, ходъ на 15 камняхъ, мѣхалъ изъ вызолоченнаго, вмѣсто 12 р. и 14 р. **Всего только за 8 и 10 рублей.** Покупающимъ двѣ штуки сразу, дается скидка въ размѣрѣ одного рубля, такіе же дамскіе, на 1 руб. дороже. Ц. № 10669 4-1 **Письменное ручательство на 8 лѣтъ.** Часы, тщательно пробрѣнные, высылаются по полученіи 2 руб. задатка. АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ Б-въ Варновичныхъ, складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ ВАШАВѢ, ЗЕЛЬНАЯ, 41. Множество благодарств. писемъ и отзывовъ

ОСОБОВО

УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩІЕСЯ ПРОЧНОСТІЮ **ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА** только въ специальномъ магазинѣ бѣлья **Ю. ГОТЛИБЪ.** Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго. Крученые въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. При выпискѣ необходимо: ладатокъ, мѣра пояса и длины. Менѣе 3-хъ не высылаются.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:** ОБЩЕДОСТУПНАЯ **АНАТОМІЯ и ФІЗІОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА и ЖИВОТНЫХЪ** Э. Ретерера, профессора Парижскаго университета. Перевезъ со 2 франц. изданія д-ръ Г. А. Иалерна. Съ 380 рисунками въ текстѣ и 6 раскрашенными иллюстраціями. Цѣна 2 рубля.

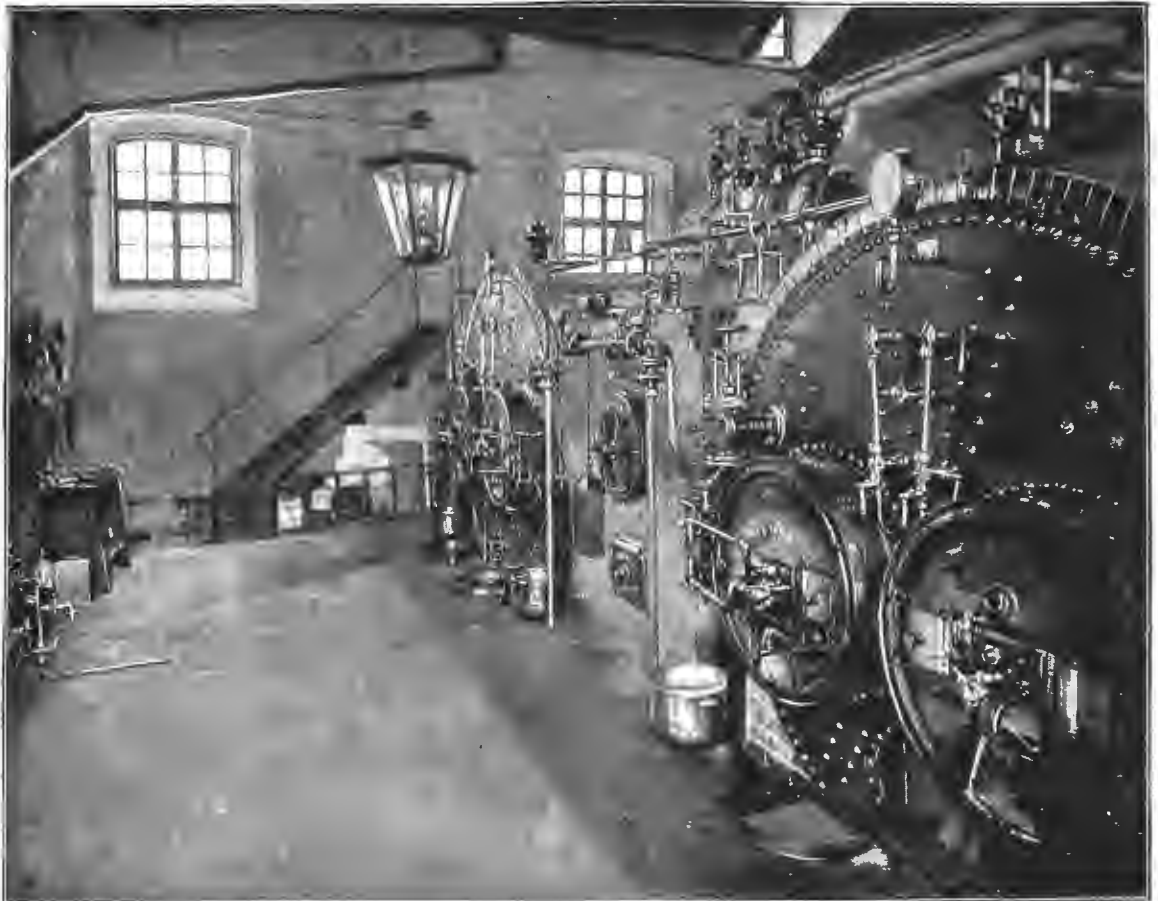
НОВАЯ КНИГА, 2-е ИЗДАНІЕ. Ж. Аннэ. Практическое руководство къ устройству электрическаго освѣщенія и уходу за нимъ. Съ 129 рис. в. 2 табл. Перев. подъ редакц. Мальцева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Складъ въ книжн. магазинѣ М. В. Клюкина, Москва, Моховая ул.

ДЛЯ ТУАЛЕТА **ALCOOL DE MENTHE** для ЗУБОВЪ **DE RICQLÈS**
Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуется также, посредствомъ несколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ. Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

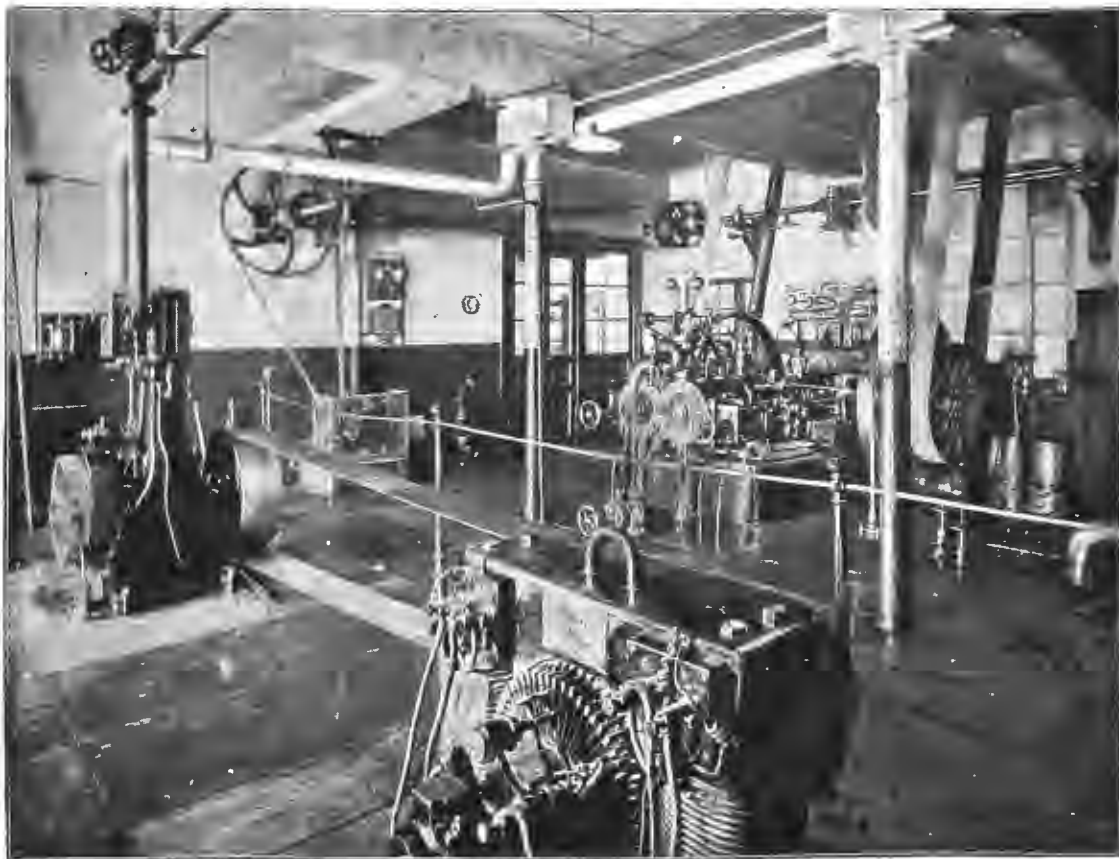
ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ **EAU DE LYS DE LONSE**
Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. **МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“** **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ**
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 512 (107)

ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ и К^о.
 ВЪ МОСКВѢ.

Въ 1843-мъ году покойнымъ Альфонсомъ Ралле было положено начало фирмѣ «А. Ралле и К^о» и вмѣстѣ съ тѣмъ новой для Россіи отрасли промышленности—парфюмерному производству. Съ первыхъ же лѣтъ своего существованія дѣло приобрѣло столь солидную репутацію, что уже въ 1846-мъ году доставило владѣльцу наименованіе фабриканта духовъ для Двора Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ съ правомъ изображенія государственнаго герба, а въ 1855-мъ году, по вошествіи нынѣ въ Божѣ почивающаго Императора Александра II на престолъ, званіе поставщика духовъ Двора Его Императорскаго Величества. Начатое въ скромныхъ размѣрахъ, предпріятіе неуклонно развѣвалось и въ свое болѣе чѣмъ полулѣтнее существованіе стяжало громкую и почетную извѣстность по всей Россіи, засвидѣтельствованную массою высшихъ наградъ на выставкахъ. Достаточно сказать, что ма-

Котельная.

Машинная.

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ и К^о. ВЪ МОСКВѢ.

нуфактурная выставка 1865 года и Всероссийская 1882 года были ознаменованы для фирмы полученіемъ двухъ государственныхъ гербовъ, а 1896 году, юбилейный для полученнаго полѣтка тому назадъ перваго герба, принесъ фирмѣ четвертый, присужденный на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На двухъ выставкахъ текущаго года, стокгольмской и кievской, «А. Ралле и К^о» получили наивысшія награды, какія только были въ распоряженіи экспертовъ.

Неизмѣнно поощряемая столь лестными знаками общаго вниманія и почета, фирма «А. Ралле и К^о» считала долгомъ стоять на высотѣ своей задачи и неукоснительно примѣняла всѣ выработанныя технику усовершенствованія и добытыя наукою данныя къ своему производству, достигшему, благодаря такой постановкѣ дѣла, возможнаго совершенства. Можно съ увѣренностью сказать, что имя

Ралле неразрывно связано со скромною, но поучительною исторіей русскаго парфюмернаго производства, обязаннаго ему своимъ возникновеніемъ и развитіемъ, и свидѣнія о старѣйшей изъ русскихъ парфюмерныхъ фирмъ были бы неполны безъ краткаго очерка условий, которыми опредѣлялся характеръ и ходъ этого производства въ Россіи.

Правильной оцѣнкѣ ихъ вліянія въ значительной степени препятствуетъ смѣшеніе публикою двухъ совершенно самостоятельныхъ отраслей парфюмеріи, стоящихъ между собою въ томъ же отношеніи, какъ, напримѣръ, обработка рудъ и изготовленіе художественныхъ предметовъ изъ металловъ: мы разумѣемъ добываніе благовонныхъ веществъ и собственно парфюмерное производство, т.-е. фабрикацію благовонныхъ товаровъ. Нерѣдко приходится слышать, что это производство состоитъ именно въ воздѣлываніи цвѣточныхъ плантацій и добываніи ароматовъ, а безъ этого дѣло сводится чуть ли не къ аптечной дозировкѣ готовыхъ матеріаловъ по общезвѣстнымъ рецептамъ.

Источникомъ такого заблужденія служить, конечно, малое знаком-

ственное приѣніе. Вообще же за своимъ важнѣйшимъ матеріаломъ — благовоніями — парфюмерія должна обращаться къ органическому міру: такъ, среди животныхъ, изъ кабарги извлекаютъ мускусъ, а кашалотъ даетъ драгоценную сѣрую амбру; въ царствѣ Флоры задача парфюмеріи — сохранять и сочетать, такъ щедро разлитые въ природѣ, ароматы, извлекая изъ растений различными способами эссенціи, которымъ растительный міръ обязанъ своимъ благоуханіемъ; большею частью онѣ представляютъ собою эфирныя масла. Неисчерпаемымъ источникомъ являются здѣсь, кромѣ цвѣтовъ, еще апельсины, померанцы и имъ подобные плоды, листья и стебли мяты, мирта, лавра, апельсиноваго дерева и т. п., древесины кедра и сандаловаго дерева, кора коричневаго дерева (корица) и пр.

Только немногіе изъ этихъ естественныхъ матеріаловъ, какъ, напр., мускусъ, ваниль, благовонныя древесины и смолы выдерживаютъ пересылку безъ вреда для ихъ аромата; всѣ же другіе должны обрабатываться на мѣстѣ въ свѣжемъ видѣ, такъ что вообще воздѣлываніе и обработка растений въ парфюмеріи недѣлимы, образуя вмѣ-

Стружечныя машины.

ство публики съ раздѣленіемъ труда въ парфюмеріи и характеромъ его въ каждой изъ ея обособленныхъ областей; поэтому мы считаемъ, нелишнимъ представить публикѣ краткій обзоръ современной парфюмеріи въ ея цѣломъ.

Великое раздѣленіе человѣческаго труда развитило всѣ отрасли промышленности, и строгое разграниченіе добыванія и обработки проходитъ черезъ всю парфюмерію. Искусство это, въ своемъ подражаніи природѣ, находится отъ нея почти въ полной зависимости и черезъ свою добывающую вѣтвь обильно питается ея живою струею. Благовонныя вещества принадлежатъ къ такъ-называемымъ органическимъ соединеніямъ и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не могутъ быть получены искусственно. Изъ немногихъ исключеній особеннаго вниманія заслуживаютъ ароматическія начала ванили и фиалки, ванилина и іонона, добытые чисто лабораторнымъ путемъ; но и эти продукты, въ особенности второй, не обладаютъ всею нѣжною природнаго запаха и потому имѣютъ сравнительно ограни-

ствѣ ея добывающую вѣтвь.

Добываніе эссенцій на плантаціяхъ представляетъ собою градацію самыхъ разнообразныхъ способовъ — отъ примитивныхъ приѣмовъ, извѣстныхъ, по всей вѣроятности, еще древнимъ, вплоть до остроумнѣйшихъ комбинацій, исчерпывающихъ всѣ ресурсы знанія и техники. Въ ряду матеріаловъ, доставляемыхъ растительнымъ царствомъ, благовонные плоды стоятъ особнякомъ, такъ какъ съ ними дѣло сводится, въ сущности, къ извлеченію сока. Плоды помѣщаютъ въ резервуаръ, снабженный внутри мелкими остріями, съ отверстиемъ внизу, затѣмъ аппарату придаютъ вращательное движеніе: отъ наколовъ изъ корки выступаетъ эссенція, стекающая черезъ нижнее отверстие по трубѣ въ приемникъ. Послѣ этого верхній слой корки гѣхъ же плодовъ соскабливается теркою, складывается въ волосяные мѣшки и прессуется, выдѣляя нижнюю по качеству эссенцію, смѣшанную съ водяными соками, которые, впрочемъ, отдѣляются отъ нея простымъ отстаиваніемъ жидкости. Такимъ, чисто механи-

(Продолженіе будетъ начато въ № 48-мъ.)

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ И К^О. ВЪ МОСКВѢ.

Народная ЦИТРА.

Очень любимая и легко изучаемый музыкальный инструмент.

В 1 часть можно выучиться играть. Звук очень мягкий и привлекательный. 7-мипедальная с приспособлен. для настройки только 6 руб. Лучшей работы и сильней в тонъ 8 р. Ноты—14 альбомов по 50 к., пересылка за 15 ф.

Корнетъ-а-пистоны и все другіе духовые мѣдныя и деревянные инструменты, а также **РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНІИ.**

Сирины отъ 2—100 р.
Гитары . . . 3—75 р.
Балалайки . . . 1—20 р.
Мандолины . . . 8—75 р.
Цитры . . . 8—75 р.

и все прочіе струнные а также и механическіе и самоиграющіе инструменты и принадлежности рекомендуютъ

І. Ф. МЮЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрир. прейсъ-курантъ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“.

Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствования. Цена 250 рублей и 275 рублей.

Пишущая машина „КОСМОПОЛИТ“.

Самый красивый шрифт. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цена 95 р. Полиров. шрифтъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обихихъ машинъ высылаются бесплатно.

Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

Нѣжность и Свѣжесть лица Пуховка-Юности

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
лучшій пудру, пуховку, губаренку и т. д.

КАРАМЕЛЬ изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ „КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени въ Киевѣ.
Цена коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12—3

Бруно Зенгеръ и Ко
С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (сторона Калашной)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк. Ресур. Контрабандитъ)

Лучшихъ заграничныхъ фабрикъ **ПИАНИНО**
Новыя отъ 425 р., малодерж. отъ 325 р.; новѣйшей конструкціи съ перекрестными струнами и метал. рамой имѣютъ сурдинку для тихой игры. Высл. съ налож. платеж по полученіи третьей части стоим. заказа у **Ю. ГИЛЬНЕРЪ** Москва, Тверская, д. Варгина (дѣл. Сіу).
Дела, купившія у него пианино, имѣютъ въ теченіе года бесплатный абонементъ нотъ.

БЫСТРО и ПРОСТО
получается чашка
САМАГО ЛУЧШАГО ШОКОЛАДА.
Нужно только облить кипяткомъ въ чашкѣ чайную ложку
КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА.

Чтобы получить шоколадъ на молокѣ, слѣдуетъ кипятку налить только полчашки, а остальную половину долить молокомъ.
Шоколадъ, моментально приготовляемый изъ какао Ванъ-Гутена, отличается пріятнымъ вкусомъ, очень крѣпко, богатъ питательными веществами.

В. № 10202 2-2

БАЛЬЗАМЪ ГОРБУНОВА
для наружнаго употребленія. Разрѣш. медицинскимъ совѣтомъ.
Главное дѣло у **Н. А. Горбунова**,
Петерб. стор., Кронверск. пр., 71, прот. Зоологич. сада въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз. Россіи. Флаконы съ настоящимъ бальзамомъ имѣютъ на этикеткахъ фабричное клеймо, что просиу замѣчать.
Цена флак. 1 рубль.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

УДОБОВАРИМОЕ ПИТАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО
для **СЛАБЫХЪ ДѢТЕЙ и ВЗРОСЛЫХЪ.**
ОТВѢЩЕННОЕ СОЛОДОВОЕ ПИВО
Пивовареннаго завода **Н. А. Брунса**, Стрѣльна.
Имѣть можно: въ С.-Петербургѣ, Т. Девятеръ и Ко и К. Ф. Девре.
Тулѣ, В. А. Бузоникинъ.
Ниж.-Новгородѣ, М. С. Развинкинъ.
Казани, А. В. Афанасьевъ.

Ц. № 10671

GRAND PRIX
Expos^{tion} Int^{ernationale} Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Expos^{tion} Int^{ernationale} Bordeaux 1895.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
l'Abbaye de Souillac,
Dom **MAQUELONNE**, Prieur.

Inventés en l'an **1373** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

EXPOSER LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Dom Maquelonne
S. Ois

ПАМЯТЬ
лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и злочно профессоръ именники С. Файштейнъ. Одесса, уг. Пушкннской и Ваз. ул., собственный домъ, № 28.
Условія и брош. (въ 32 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20—11

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЪ изъ **АМЕРИКАНСКОЙ**
ОВСЯНОЙ КРУПЫ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С. СІУИКО

НОВОСТЫ
ДУХИ
ЛЕВКОЙ
поставщиковъ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

Кадриль слонь и верблюдовъ для дѣтей
ЗАБАВНИКЪ
НОВОГО РОДА
Побѣды-курить
высѣляется бесплатно.
мастер. дѣл. игръ и забавъ
б. И. Шаповалова Свѣтлоласская.

Цена забавнику 2 р. 75 коп.
Томе забавные портреты или веселые лоты
ц. 1 руб. 50 коп.
№ ЕЛНѢ мастерской Шаповалова изготовлены 20 новыхъ изданій.
ТОРГОВЦАМЪ УТУПКА.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra
PARIS

Спеціальное заведеніе по леченію

ЗАКАНІЯ
Н. Ю. Эрнстъ, Москва, Бол. Никитская ул. д. бывш. Чернова, № 6.
Руководство къ самообученію 3 рубля
ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ!
дѣтская присыпка
„ЗОИНА“
Лучшее антисептическое средство отъ прѣнн, кожныхъ болѣзненныхъ явленій и т. н. „дѣтскаго занаха“, присущаго новорожденнымъ и подрастающимъ дѣтямъ. Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310. б. н. 30 л., мал. и 20 ф. 4—2
Ц. № 10609 Продажъ вездѣ.
Главный складъ: торговый домъ Гофманъ и Деуэль, Харьковъ.

ВНИМАНИЕ
ОСОБЕННОЕ
вас удивил у дубинки сабдуою, новости
выпущенныя кондит. фабрикой
Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ
I. АНАНАШЪ (натур.) въ мармел. „ДВОРЯНСКІИ“
II. ЗЕФИРЪ фруктовый „ДВОРЯНСКІИ“
III. ДЕССЕРТЬ фрукт. „ПЫШНЫЙ“
Продается въ лучшихъ
магаз. Россіи.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
СОВРЕМЕННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ
СТУПИНА НА 1898 Г.
съ рисунками и портретами русскихъ писателей, издѣние единственное по полнотѣ свѣдѣній, издѣние, съ картой Россіи и Сибирск. жез. дор. Ц. 15 коп., съ перес. заказн. банд. 28 и. На рубль высыл. 5 экз., на 2 р. 11 экз., на 3 руб. 18 экз. (Торговцамъ дѣляется уступка.)
Адресъ издателя: Москва, Николаевскій пер., А. Д. Ступина.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
ДОМЪ
КАТОЛИЧЕСК. ЦЕРКВИ
ПРОТИВЪ ДУМЫ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

МАГАЗИНЪ
П. Ф. МОСТОВСКАГО
б. Лубянка прот. Срѣтенск. мон. въ Москвѣ.
Складъ бумажекъ, бѣльи, оклеен. полотномъ, фабрики МЕЙ и ЭДИЛХЪ.
Замѣчательно удобно, красиво и прочно, является кладомъ для живущихъ въ провинціи, гдѣ нѣтъ хорошихъ крачекъ, а также для путешественниковъ.
Специально приспособленныя для при- стегиванья этого бѣльи ночныя сорочки отъ 90 к. шт.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Иллюстрир. преишь-курантъ безплатно.
Громадный и самый разнообразный выборъ письменныхъ принадлежностей и предметовъ для подарковъ, удовлетворяющій самому изысканному вкусу. Альбомы для фотографическихъ картъ, но небыло дешевой цѣны, мал. 60 к., средн. 1 р. 80 к. и больш. разм. отъ 2 р. 75 к. и дорожее. Заказъ исполняется немедленно по получении заказа.

И. ВЕРНЕРЪ.
Москва, Петровскія линіи,
д. Полякова, подъѣздъ, № 7.
Американскіе фонографы Эдисона отъ 50 до 400 р. Велики извѣстн. артистовъ. Синаматографы разныхъ системъ отъ 500 р. Картины Люмьера всѣхъ новѣйшихъ событий. Всѣ новости для публичной демонстраціи.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.
Письменное преподаваніе двойной и простой итальянской
БУХГАЛТЕРІИ.
Ручаются за отличное усиліе.
Проекты и пробныя письма высылаются **БЕЗПЛАТНО.**
Обратиться къ
Вас. Вас. Рауэру
въ ЛИБАВѢ.

Парижская хулка, съ 3 лицами, пла- щеть, смѣется, спитъ и говоритъ „папа“ и „мама“. 4 р. 50 к.
Безопасная бритва „Роза“. . . . . 3 „ 50 „
Страусовый па- рижск. вѣеръ. . . . . 3 „ 60 „
Дамская испанск. шаль. . . . . 4 „ 65 „
Жемчужн. кольцо въ 2 ряда. . . . . 1 „ 35 „
Бинокль „Лили- путъ“. . . . . 5 „ 45 „
Статуэтка на под- ставкѣ. . . . . 95 „

Теперь уже поступили въ продажу дешевыя, изящно и добросо- вѣстно составленныя коллекціи елочныхъ украшеній и хлопущень. Также большой выборъ красивыхъ, практичныхъ и изящныхъ, под- ходящихъ къ праздникамъ подарковъ.

КОЛЛЕКЦИИ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ

СОСТАВЛЕННЫ ВЪ
5. 10. 15. 25. 50. 75 и 100 р.

Коллекціи хлопущень съ сюрпризами 1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р., 7 р. 50 к., съ костюмами 95 к., 1 р. 85 к., 3 р. 50 к., 5 р. 75 к. и дорожее.
подарковъ для дѣтей 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р. 50 к. и 10 р.

- Изъ подарковъ рекомендую напр.:
- Альбомъ для кар- точекъ. . . . . 6 р. 65 к.
  - Увеличительн. стекла 1 р. 25 к. — 3 „ 25 „
  - Ножикъ „Буль- докъ“ дамскій . . . . . 90 „
  - Бѣгающая собака. 1 „ 50 „
  - Лазящая обезья- на . . . . . 95 „
  - Брелокъ „живая фотография“. . . . . 50 „
  - Волчокъ „Вальси- рующая пара“. . . . . 75 „
  - Брелокъ кораллов. 1 „ 75 „
  - Комнатные термо- метры отъ. . . . . 35 „
  - Портъ-сигаръ съ нисымен. приб. . . . . 90 к.
  - Парижская лам- падка съ камнями. 2 „ 85 „
  - Шелковыя подмаз- ки для дамъ . . . . . 95 „
  - Бинты для усовъ. . . . . 50 „
  - Подстака нинки брит. мет. . . . . 95 „
  - Альбомъ парижск. красав. . . . . 2 „ 90 „
  - Альбомъ Дрезден- ской галлерей . . . . . 2 „ 80 „
  - Объ альбомы болѣе для хо- димыхъ. . . . .
  - Магическое огниво съ 1000 зарядами.

Кромѣ вышеозначеннаго имѣется громадный выборъ разныхъ шутокъ для взрослыхъ и для дѣтей. Господъ илюстрированныхъ покупателей прому со своими заказами обращаться немедленно, дабы получить все желаемое своевременно и дешево пересылкой, т. е. гдѣ возможно по желѣзной дорогѣ, а не почтой. Тѣ же гг. заказчики, проживающіе даже 2000 в., благоволятъ при заказѣ высматривать задатокъ въ размѣрѣ не менѣе стоимо- сти пересылки.

Всѣ заказы высматриваются въ размѣрѣ не менѣе стои- мости пересылки.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20.

БАЗАРЪ МАРОКЪ.

№ 4711. Кто лю- бить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколь- кихъ недѣлей не вы- дыхающійся. № 4711 du rhin. Violette № 4711 Sachets violette. Всѣ одинаковаго качества.

На-дняхъ Ф. Павленковъ выпустилъ въ свѣтъ четвертое изданіе (15,000 экз.)

СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

Полное собраніе въ одномъ томѣ. Со статьей А. М. Скабичевскаго, портретомъ ав- тора и сценой дуэли поэта. Около 60 печатныхъ листовъ большаго формата въ два столбца. Цѣна безъ иллюстрацій 1 руб. 50 коп. Съ 70 иллюстраціями—2 руб. 50 коп.

ВЫИГРЫШ-
НМЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. 11-6

„Ideal“. Каждая дама, желающая быть виолнѣ элегантной, безукоризненно аккуратной, употреби. для обшив- ки подола исключительно „Иде- аль“, патентованную подшив- ку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой ко- робкѣ надпись „Идеаль“. По- лучить можно во всѣхъ прикладныхъ магази-
№ 10426 нахъ Россіи. 26-12

ЖЕМЧУГЪ, ИЗУМРУДЫ, БРИЛЛИАНТЫ, РУБИНЫ и САПФИРЫ
покупаютъ по хорошей цѣнѣ ювелиръ **В. К. Эйкертъ,** Москва, Камергерскій пер., д. Лянозова. 4-2

Новость.
КОШЕЛЬКИ „ПРОГРЕССЪ“
привилегія заявлена за № 610. Въ 2 недѣли продано 40,000 штукъ. Въ розницу продаются вездѣ по 10 к. штука.
Торговцы, при заказѣ не менѣе 100 штукъ, пользуются **БОЛЬШОЙ СКИДКОЙ.**
Для образца 10 шт. высылается по почтѣ за 1 рубль.
КАРТОНАЖНАЯ ФАБРИКА „Прогрессъ“ въ С.-Петербургѣ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (7)
Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Илл. Публ. Библиотекъ. Подробный каталогъ, преишь- курантъ въ востреб. безплатно. Пересылка на счетъ мага- зина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЖЕМЧУГЪ
хорошій ровный
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-3
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились **РАЗНЫЯ ПОДЪЛКИ**, распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п.
Какъ единственныя представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ уведомить, что наша гарантія распростра- няется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами специально уполномоченныхъ.
Ц. № 10532 12-4
ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество
Правленіе: Москва.
Отдѣленія
С.-Петербургъ, Мѣвъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конанды, Ростовъ и/д.
М. Блокъ

Существуетъ съ 1849 г.

Телефонъ № 1337.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ИВАНА ЕКИМОВИЧА

МОРОЗОВА.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, №№ 85, 86 и 87 (противъ Пажескаго корпуса).

**БРИЛЛИАНТОВЫЯ,
ЗОЛОТЫЯ**

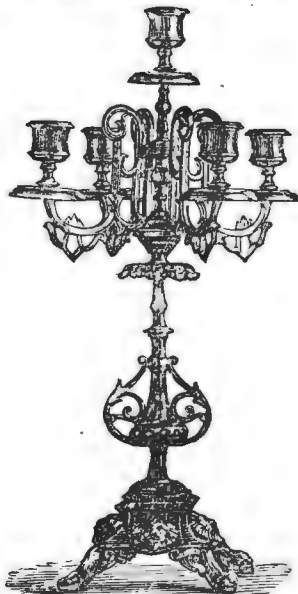
**И
СЕРЕБРЯНЫЯ
ВЕЩИ**

изготавливаются
въ собственныхъ мастерскихъ.

**МЕЛЬХИОРОВЫЯ
ВЕЩИ**

въ вольшомъ
выборѣ

**ЛУЧШАГО
посеребренія.**

БРОНЗОВЫЯ

въ громаднѣмъ выборѣ
издѣлїя
изготавливаются
въ собственныхъ мастерскихъ.

ЛАМПЫ

висячія,
столовыя,
половыя,

кабинетныя
и
стѣнныя.

изъ
БРОНЗЫ,
фарфора, майолики
и
композиціонныя.

В. № 10659 2-1

Постоянно громаднѣйшїй выборъ готоваго товара. Приемъ заказовъ.

Торговый домъ нашъ не имѣетъ никакихъ отдѣленій.

Подробные прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

При заказахъ слѣдуетъ высылать 1/3 стоимости товара.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ. ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ СЕБЕСТВО

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ**
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.

ЖИРНАЯ ПУДРА
БѢЛАЯ, РОЗОВАЯ и РАШЕЛЬ, 50 и, кор.
Пудра Велитинъ Пудра де Нинонъ
Пудра Донгола Бѣлая и Рушиа.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Вознесенскій пр. пр. уголъ Казанской ул. домъ № 24-52.
НЕВСКІЙ ПР. № 22. и НЕВСКІЙ ПР. № 66.

МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ: ул. Сретенка, № 10.

ТОЛЬКО 2 руб.

Дождевые непромокаемые двухшпанные плащи (накидки) съ башлыками изъ самаго лучшаго чернаго матоваго вискатина, всякой длины до 35-ти вершковъ, высылаются наложеннымъ платежомъ безъ задатка почтою или жел. дор. 5-3

Т. Я. ХАЙКЕВИЧЪ, г. Двинскъ.

При выпискѣ 10 (десяти) накидокъ — дѣла 18 руб. и высылаются только по полученіи задатка.

Необходимо асъ въ осен. мес. время.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА БЕРТЫ РИСЪ.

PASTA EUGÉNIE	к. 1 р. 60 к.	ПРИДАЮТЪ ЛІЦУ: КРАСОТУ, МЯГКОСТЬ, БѢЛИЗНУ, МЪЖНОСТЬ и СВѢЖЕСТЬ.
POUDRE EUGÉNIE	" 1 " 20 "	
ROUGE EUGÉNIE	" 1 " 50 "	
MURTHE EUGÉNIE	" 1 " 75 "	
ELIXIR MELANGE	" 2 " — "	

Можно получать во всѣхъ аптекарскихъ, парфюмерныхъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россійской имперіи.

ВѢНА, ЛАБОРАТОРИИ МОСКВА,
V. Laurenzgasse. **БЕРТЫ РИСЪ.** Н. Басманная, № 13.

**С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ**

**ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ**

освѣжаютъ ротъ уничтожаютъ дурной запахъ

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ВСѢХЪ ГЛАВН. СКЛАДАХЪ:

ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ и ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12.
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА ВАРШАВА, НОВ. СВѢТЬ, 37.

Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія

ГЕМОРОЯ

патентованные пессаріи д-ра мед. ШЕНЕ

специалиста по желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обращаться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же въ фабриканта

УРШПРУНГЪ и К^о.

въ Барменъ, Германіи.

Н. № 10506

Корреспонденція и на русскомъ языкѣ.

6-4

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40. ||| Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина.

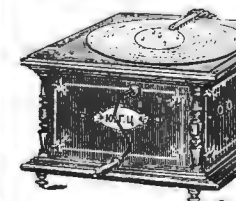
РЕКОМЕНДУЕТЪ
какъ пріятные и полезные подарки къ праздникамъ,
лучшаго качества, по дешевымъ цѣнамъ:

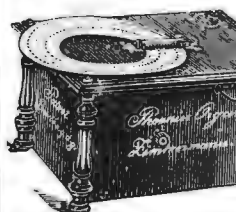
ИНСТРУМЕНТЫ очень удобные ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.

ОРГАНЪ ИНТОНА
съ 16 прочными стальными голосами. . . 8 р.
Ноты (металлическія) . . . . по 30 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ
съ 24 голосами . . . . 17 р.
Ноты . . . по 45 к.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
съ 24 прочными стальными голосами; можно играть громче, тише и съ трелью . . . 23 р.
Ноты (металлическія) . . . по 60 к.

ПІАНО-МЕЛОДИКО
Струнный инструментъ съ оригинально пѣвучими тонами, напоминаетъ оркестръ изъ мандолинъ 65 р.
Ноты по 80 коп. за метръ (около 1 1/2 арш.).

САЛОННОЕ ПІАНО-МЕЛОДИКО
похоже на предыдущее 85 руб.
Ноты по 60 к. за метръ (около 1 1/2 арш.).

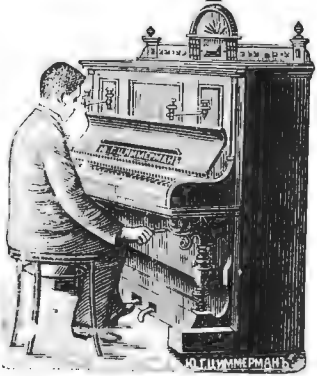

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

съ 78-ю голосами (39 двойныхъ) играетъ, кромѣ всѣхъ танцевъ, большіе поурри, увертюры и пр.; красивое исполненіе пьесъ. . . . . 80 руб.
Ноты по 90 к., 1 р. 80 к. и дороже.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ

приставляется къ любому піанино или роялю; вертя ручку можно красиво исполнять всѣ танцы, увертюры, поурри и пр. . . . . 175 руб.
Ноты по 2 р. 25 к и дороже.

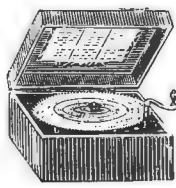

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

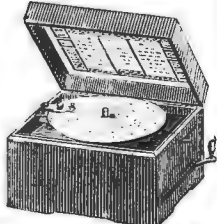
можно играть какъ на обыкновенномъ піанино, а также, только вертя ручку, хорошо исполнять всѣ танцы и другія пьесы. Очень красивая отчетливая игра, богатый репертуаръ.
Цѣна 550, 600, 700 и 800 руб.
Ноты по 2 руб. 25 коп. и дороже.

СИМФОНИОНЫ

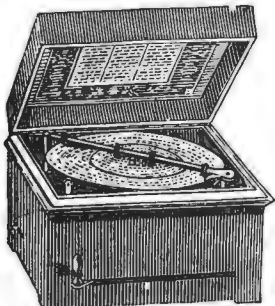
новые инструменты въ родѣ музыкальныхъ шкатулокъ, съ перемѣнными нотами:

Съ ручкой 40-тонный 4 р. 50 к.
Ноты по 20 коп.

Заводной 40-тонный 9 руб.
Ноты по 20 коп.

Заводной 60-тонный 27 руб.
Ноты по 45 коп.

Заводной 84-тонный 36 руб.
Ноты по 60 коп.

Заводной 84-тонный Sublime Harmonie 65 р.
Ноты по 75 к.
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo 90 р.
Ноты по 90 коп.

СПИСКИ НОТЪ БЕЗПЛАТНО.

При этомъ не прилагаются для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ редакціи газеты „Биржевыя Вѣдомости“ въ СПБ.

XXVIII г.

г. XXVIII

№ 48

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
Выходить еженедельно (52 № в год); съ приложением 1-го ежемес. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ Литературныхъ приложений, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

1897

Выдавъ 29 ноября 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложениями за 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставк. въ Петербургѣ.	5 р. 50 к.	Безъ доставк. въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За границу . . .	10 р.

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1897 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями.

Третьяковская галлерея. Церковный староста. Съ карт. И. Прянишникова, грав. И. Павловъ.

Въ осетинскихъ горахъ.

Посмертный рассказъ

В. П. Желиховской.

(Окончаніе.)

IV.

Прошло болѣе часа.

Бессо все еще не было. Солнце стояло уже низко. Тѣнь дубка сошла со спавшихъ, но они этого не чувствовали...

Съ востока къ солнцу неслась черная, грозная туча, давно тамъ показавшаяся и теперь подгоняемая вѣтеркомъ. Вдругъ пахнуло свѣжестью на размазанную жаромъ землю. Вѣтеръ пригнувъ высокія травы, зашуршалъ листвою въ рошѣ, загудѣлъ въ окрестныхъ лѣсахъ и заигралъ разметавшимися на Сониномъ лбу волосами. Во снѣ она потянула въ себя этотъ ароматный освѣжающій вѣтеръ; бѣдненькой представилось, что Бессо подаетъ ей холодную, чистую воду, что она съ наслажденіемъ къ ней припала и пьетъ.

Сумракъ сразу спустился отъ низко, грозно проплывавшей надъ долиной тучи, уже закрывшей краемъ садившееся солнце, быстрый его спускавшейся къ западу. На сѣверѣ и югѣ небо было чисто. Это была наносная, скоропроходящая грозная туча, до того тяжелая, до того черная, что переходила въ синеву, а клубившіеся края ея смотрѣли зловѣще, будто смрадный дымъ пожара, окрашенный багрянцемъ и золотомъ яркаго заката.

Жутко было всему на землѣ смотрѣть на черную, мощную силу, въ безмолвіи плывущую надъ ней, и ждать, чѣмъ она разразится, — благодатнымъ ли дождемъ или разрушительнымъ огнемъ, градомъ и ливнемъ...

Изъ маленькаго домика въ штабъ-квартирѣ встревоженная мать, спѣша запираетъ окна и двери въ предвидѣніи сильнаго удара молніи, со страхомъ смотрѣла на тучу, соображая, подѣ ли теперь ея дѣти или же они успѣли укрыться гдѣ-нибудь?.. Она рассчитывала, что они могли быть уже на обратномъ пути и укрыться въ хуторѣ Бугренки. Это бы всего лучше; оттуда, переждавъ дождь, ихъ довели бы благополучно. Ей и представиться не могло, что они спятъ въ открытомъ полѣ и въ глаза еще не видали цѣли своей прогулки.

Вдругъ зловѣщая черно-сизая туча разорвалась огненно-бѣлой змѣей, мгновенно вспыхнула, изнутри объята пламенемъ, и почти въ ту же секунду разразилась сухимъ трескомъ и оглушительной канонадой по горамъ и доламъ.

Братъ и сестра мгновенно привстали и осматривались, ничего еще не понимая.

Владимиръ, разумѣется, опомнился первый.

— Бессо!.. Гдѣ ты, Бессо?..

О Бессо не было ни слуху, ни духу. Въ отвѣтъ призыву его грянулъ второй ударъ грома, такой, что сама земля, казалось, содрогнулась, а ближнія и дальнія горы могучимъ эхомъ далеко разнесли эту угрозу неба.

„Боже мой! А мы—подъ деревомъ!“ сообразилъ гимназистъ.

И, схвативъ оторопѣвшую сестру за руку, бросился подальше отъ дуба.

Соня бѣжала, еще со сна ничего не понимая, только сердце ея стучало, будто выпрыгнуть хотѣло, и вся она дрожала внутренней, лихорадочной дрожью.

Что-то зашлепало по землѣ, а по грудамъ камней зацелкало что-то крѣпко, будто булыжники на нихъ падали. Володю ударило по головѣ, Соню — по плечу.

— Градъ! — вскричалъ Владимиръ. — Господи, какой страшный градъ!

— Побѣжимъ въ рошу! Подъ деревьями спрячемся, — предложила Соня.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Скорѣе въ мечетку!.. Крыша тамъ, кажется, не вся развалилась; а подѣ деревьями—молніи страшно. Господи! Да это камни падаютъ съ неба.

— А туча-то! Туча какая! Фиолетовая! Багровая! Я никогда такой не видала... Ой! Боже мой!

Новый страшный громовой ударъ разорвалъ небо пожаромъ надъ ихъ головами.

Взявшись за руки, спотыкаясь о камни, прикрывая руками головы отъ громадныхъ градинъ, падавшихъ все чаще и чаще, они вбѣжали въ развалину и пріютились въ глубинѣ, подѣ стѣнкой бывшаго алтаря, надъ которымъ куполь еще отчасти сохранился.

Частая трескотня, словно дробь барабана, забила вокругъ нихъ. Земля и небо слились, исполосованная бѣлою сѣтью града и дождя, все собою закрывшей. Эта однообразная, движущаяся пелена то и дѣло вспыхивала зловѣщими, синеватыми отблесками; а непрерывный рокотъ грома, сливаясь съ шумомъ града, по временамъ прерывался такими ударами, которые заставляли Соню невольно корчиться и присѣдать, прижимаясь къ брату, а тотъ каждый разъ крестился большимъ крестомъ, все время про себя молясь, чтобъ ихъ помиловалъ Господь.

Невообразимый хаосъ продолжался нѣсколько минутъ, но дѣтямъ онъ показался безконечнымъ. Они, къ счастью, преувеличивали. Эта страшная гроза разразилась въ полной силѣ въ горахъ, верстъ за двадцать отсюда, а ихъ районъ задѣла лишь мимоходомъ. Въ лѣсахъ, надъ которыми палъ весь ея градъ, не осталось ни листка: деревья обнажились, какъ зимою, а надъ заброшеннымъ ауломъ съ пріютившей ихъ мечеткой и рошей въ долинѣ слегка только порѣдѣла листва. Тѣмъ не менѣе, градины величиною съ куриное яйцо падали къ ихъ ногамъ. Соня могла бы теперь напиться, только руки подставивъ подѣ дождь, но она теперь и думать забыла о жадѣ; отъ страха ли или своемъ она у нея прошла, и дѣвочка ни о чемъ не помышляла, кромѣ страстнаго желанія попасть скорѣе домой... О, какъ далеко и какъ миль казался ей теперь бѣдный ихъ маленькій домикъ!

Вздрагивая при каждомъ ударѣ грома, она внимательно слѣдила за удаленіемъ грозы, за рѣдѣвшей сѣтью дождя и града, отъ времени до времени спрашивая брата:

— Кажется, свѣтлѣетъ, Володя?.. Кажется, проходить, разъясняется... Какъ ты думаешь, кажется, скоро ужъ можно будетъ идти?..

Вдругъ она вспомнила и тревожно вскричала:

— Господи! А гдѣ же Бессо?

— Не знаю... Онъ не вернулся. Можетъ, въ аулъ свой одинъ ушелъ. Рѣшительно не знаю!

— Не можетъ быть, чтобъ онъ насъ такъ бросилъ!.. Онъ, кажется, такой славный мальчикъ. А, послушай, — помолчавъ, спросила она испуганнымъ голосомъ: — какъ ты думаешь, его не убило громомъ?

Владимиръ пожалъ плечами, будто хотѣлъ сказать: „кто знаетъ?.. Все можетъ быть!“ — но, подумавъ, отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Гроза вѣдь только-что грянула, — ты спала долго, пока еще ясно было, — а Бессо не было!.. Ужъ я тогда думалъ, куда онъ запропастился?..

— А ты развѣ не заснулъ? — спросила Соня.

Владимиръ вынулъ часы, не сразу отвѣтивъ:

— Да... Кажется, и я задремалъ...

И вдругъ разсердился, взглянувъ на часы.

— Ну, я только знаю, что никогда, никогда въ жизни

больше не сдѣлаю такой глупости!.. Седьмой часъ!.. Я думала это отъ грозы такъ стемнѣло, а это просто ужъ сумерки. Значитъ, не за тучами солнце, а просто уже сѣло. Что мы теперь будемъ дѣлать?.. Когда въ темнотѣ, да по грязи дойдемъ домой?.. Бѣдная мама измучится!

Онъ чуть не плакалъ. Сонѣ на этотъ разъ пришлось его успокаивать увѣреніями, что дождь проходить, что большая часть дороги каменная,—грязи большой не будетъ; да вотъ и гроза уходитъ совсѣмъ въ другую сторону...

— А вотъ и мѣсяцъ!.. Смотри, какой чудесный всходить. Свѣтло будетъ, какъ днемъ... Да ужъ и проясняется!

Но, будто въ опроверженіе ея надеждъ, въ эту секунду грянулъ вновь сильный ударъ грома почти вслѣдъ за яркой молніей.

— О!!—вскричалъ Володя:—вотъ тебѣ, — проясняется!.. Нѣтъ ужъ, спасибо! Чтобъ я когда-нибудь съ тобой далеко пошелъ, да ни за что!

— Да я-то чѣмъ виновата, что пришла гроза?! — жалобно протестовала дѣвочка.

И хотя братъ ей сталъ доказывать, что она виновата не въ грозѣ, а въ промедленіи, что безъ нея онъ пришелъ бы раньше въ аулъ, покончилъ бы дѣло и даже если-бы на обратномъ пути промокъ, то это была бы не большая бѣда, но все же ему жаль ея стало... Онъ вспомнилъ, что бѣдняжка такъ и не пила и часовъ пять ничего не ѣла, а однако не жалуется, несмотря на усталость. Тутъ, кстати, вспомнились ему тартинки, лежавшія въ жестяномъ баульчикѣ его, и онъ предложилъ сестрѣ поѣсть.

— Воды теперь сколько хочешь! Я сейчасъ вонъ туда, на ту каменную плиту стаканчикъ мой поставлю, и самъ Богъ тебя, вмѣстѣ Бессо, напоитъ!—пошутилъ онъ, чтобъ ее утѣшить.

Они поѣли и напились, все время размышляя о томъ, какъ они вернутся домой и почему Бессо такъ внезапно исчезъ.

V.

Вдругъ топотъ конскаго галопа заставилъ ихъ обоихъ выглянуть изъ своего убѣжища. Отъ рощи, наискосокъ отъ нихъ, неслась лошадь, осѣдланная, по безъ сѣдока. Очевидно испуганная, она пронеслась, оглябая большую кругъ влѣво, чтобъ миновать оврагъ, а потомъ они опять ее увидели по ту сторону; она бѣжала вдоль лѣсной опушки, туда, гдѣ долженъ былъ находиться аулъ—недостигнутая цѣль ихъ злополучной прогулки.

Разумѣется, не обошлось, по поводу этой сорвавшейся лошади, безъ догадокъ и предположеній. Соня особенно ею интересовалась, предполагая тутъ и грабежъ, и убійство, и всякія драмы.

Черезъ полчаса, по минованіи грозы, братъ съ сестрой, скрѣпя сердца и вооружившись рѣшимостью претерпѣть всякія бѣды, но хотъ къ полуночи, да вернуться домой, шагали обратно въ рощу, не разбирая лужъ и покорившись необходимости промочить ноги.

Если-бы не полная луна, ужъ было бы совсѣмъ темно. Гроза унеслась дальше, но все же густыя тучи, скопившись на западѣ, затемняли свѣтъ вечерней зари, обыкновенно еще долго по заходѣ солнца красящей алымъ отблескомъ эти ранніе вечерніе часы. Теперь только красавица луна розовѣла, заливая востокъ нѣжнымъ свѣтомъ, отражаясь въ каждой лужицѣ и превращая каждый мокрый листокъ, каждую росистую былинку въ жемчугъ и самоцвѣтные опалы.

Громъ рокоталъ еще временами вдали, но надъ головами задумчивыхъ путниковъ небо было ясно; кое-гдѣ въ немъ зажигались блѣдныя звѣздочки. Оба шли молча, погруженные въ глубокія думы, въ соображенія,

близкія къ страху. Больше всего ихъ смущала неизвѣстность объ участи Бессо, но отчасти и боязнь далекаго пути по безлюднымъ горамъ и лѣснымъ дебрямъ, въ которыхъ—они прекрасно это знали—можно было и заблудиться, и ожидать всякой лихой встрѣчи со звѣремъ и съ недобрымъ человѣкомъ, особливо въ ночное время. Волковъ и медвѣдей было тутъ не мало... Владиміръ жалѣлъ, что не взялъ съ собою ружья.

Немного не дойдя до рощи, онъ остановился, что-то соображая.

— Что ты, Володя?.. О чемъ задумался?—спросила его сестра.

— А вотъ о чемъ,—отозвался онъ, подумавъ:—свернемъ-ка немножко лѣвѣе, тамъ навѣрное найдемъ колесную дорогу. Видишь, когда мы шли сюда, Бессо все бралъ ближайшія, пѣшеходныя тропки. Онъ насъ велъ примкомъ на балку, чтобъ по другую сторону подняться къ аулу. А между тѣмъ должна же къ нему быть другая дорога, хотъ для арбъ,—да мы и видѣли ее, помнишь?.. Какъ спустились съ горъ въ рощу, колени пошли направо, а мы имъ наперерѣзъ влѣво взяли!.. И лошадь давшинья тоже оттуда, отъ горы, изъ рощи бѣжала. Пойдемъ-ка туда. Иди по дорогѣ, не заблудимся по крайней мѣрѣ!

— Да, а вдругъ та дорога не туда, не къ намъ пойдетъ?.. А вдругъ еще мы тамъ увидимъ убитаго!

— Какого убитаго?

— Да чья лошадь бѣжала.

— Фу! Глупости какія!.. Вѣчно ты фантазируешь, Соня! Сбѣжала лошадь у какого-нибудь дурака съ привизи, а ты сейчасъ—убитый!.. Ужъ ты не боишься ли и на убійцъ его, разбойниковъ, набрести?.. Не поджидаютъ ли они и насъ съ тобою тамъ?—шутили несомнѣнно весело Владиміръ.

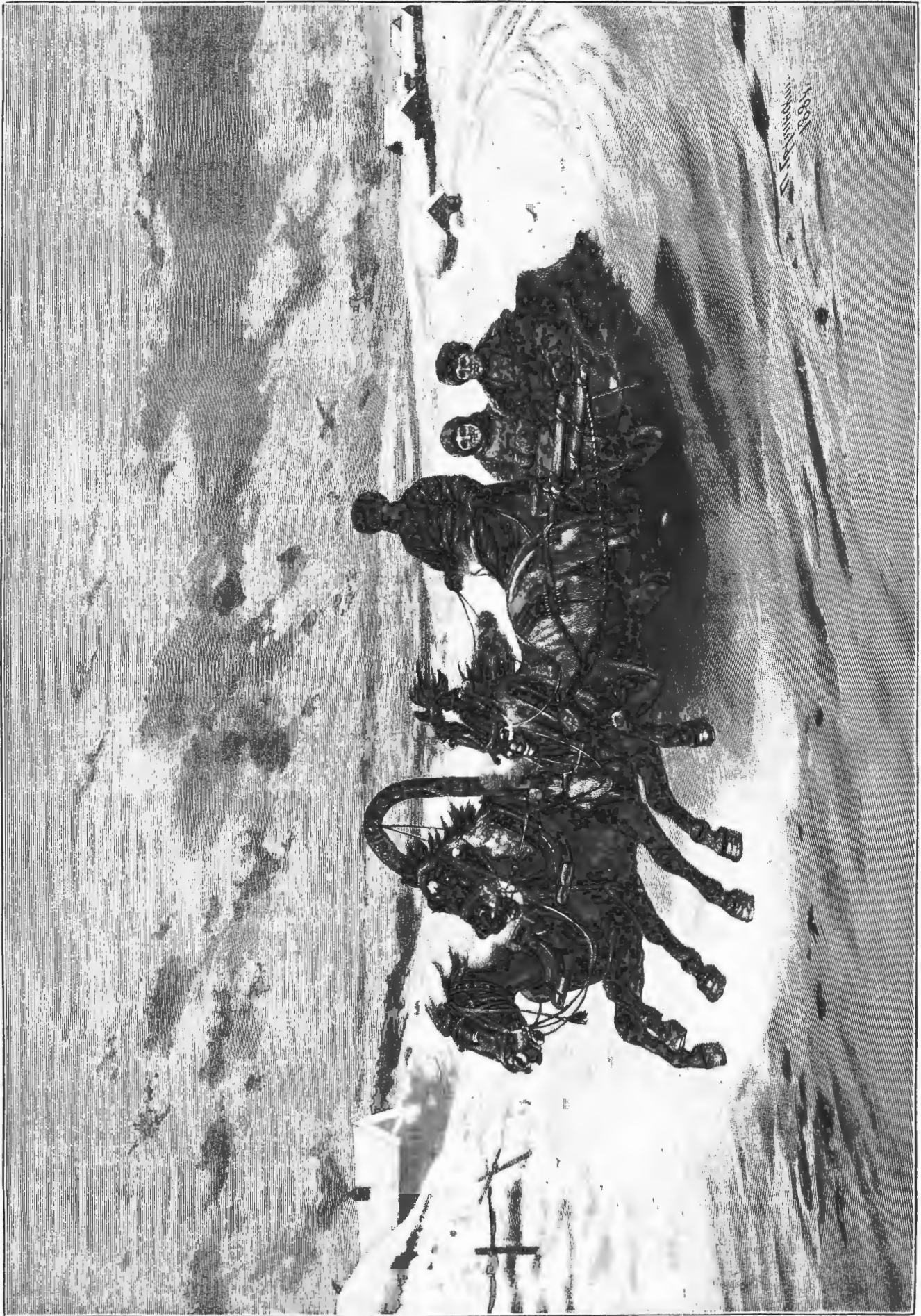
„А что-жъ! И очень можетъ быть!“ подумала Соня. Но вслухъ не сказала, а только плечомъ повела, чувствуя, какъ у нея мурашки забѣгали вдоль спины.

Они въ самомъ дѣлѣ нашли невдалекѣ нѣчто въ родѣ дороги. Глубокія колени и выбоины отъ арбныхъ колесъ изъ цѣльнаго дерева уходили въ рощу нѣсколько ближе къ горѣ; но зато здѣсь лѣсъ былъ гораздо выше и гуще, къ фруктовымъ деревьямъ и дубамъ примѣшивались сосны и ели. То были авангарды дремучаго бора, изъ ближняго ущелья раскинувагося на десятки верстъ по горамъ и доламъ.

Путники вошли въ темную сѣнь лѣса. Здѣсь луна не свѣтила, а, пробираясь лучами въ листьѣ, лишь падала кое-гдѣ яркими бликами, еще усиливавшими таинственную темь.

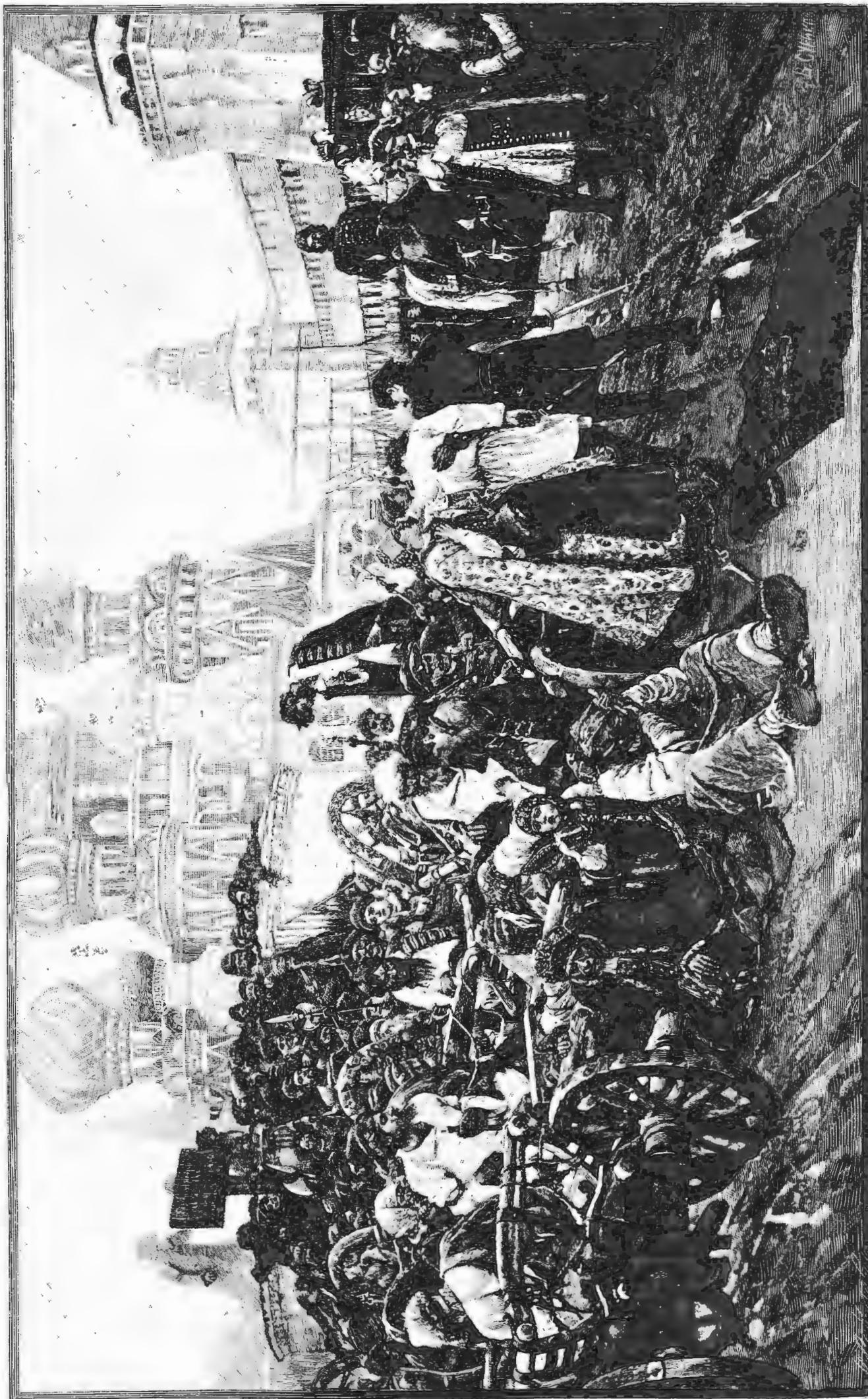
Братъ и сестра молча, склонивъ головы, шли по узкой дорогѣ, поросшей травой, стараясь не попадать въ колесныя, глубокія колени, сплошь свѣтившіяся водой. Соня все свое вниманіе сосредоточивала на томъ, куда ступать, отгоняя отъ себя всякія мысли, боясь смотрѣть по сторонамъ, стараясь всѣ помыслы сосредоточить на домѣ, на той безопасной, ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ теперь мать съ братомъ ея и сестрой собрались къ вечернему чаю, навѣрное тревожась и разговаривая о нихъ... А мысли какъ нарочно ея не слушались, возникая при малѣйшемъ звукѣ, при малѣйшемъ движеніи этой чаши, переполненной, казалось ей, подозрительными тайнами, зловѣщими умыслами противъ нихъ... Она то и дѣло вздрагивала и метала по сторонамъ испуганные взгляды, сдерживая голосъ до шопота, когда приходилось обмѣняться съ братомъ словомъ. Ей страшно было нарушать торжественную тишину лѣса.

Да и Владиміръ былъ не разговорчивъ. Всѣ его помыслы тоже сосредоточивались на домѣ, больше всего на матери. Ему такъ стыдно, такъ больно было сознавать ея тревогу, ея „мученія“ изъ-за нихъ!.. Она дѣйстви-

Тройка. Съ карт. П. Грузинскаго (собств. „Нива“), грав. Раппенснй.

Утро стрѣлцкой казни. Съ карт. В. Сурикова, грав. И. Павловъ.

тельно мучилась боязнью въ такихъ случаяхъ,—онъ это зналъ и не могъ просить себя, что причиняетъ ей излишнія страданія. Онъ не трусилъ, какъ Соня, разумѣется, однако не могъ быть и совершенно увѣреннымъ въ благополучномъ исходѣ ихъ запоздалой прогулки въ этихъ уединенныхъ, мало ему извѣстныхъ мѣстахъ.

„Только бы добраться до нашихъ мѣсть, до хутора: тамъ все равно, что дома... Я даже могъ бы оставить Соню у Бугренки, она могла бы тамъ и переночевать у жены его; если-бъ у нихъ не оказалось свободной лошади да роспусковъ, и-бъ одинъ живо сбѣгалъ и успокоилъ бы маму!“—размышлялъ онъ.

Вдругъ оба вздрогнули отъ неожиданности: ихъ озарилъ красноватый свѣтъ огня.

Соня прижалась къ брату, вѣдѣвшись въ его руку, и поблѣвшими губами отчаянно шептала:

— Костерь, Володя!.. О! Не пойдемъ туда! Свернемъ въ чащу, спрячемся!.. Это вѣрно они!

Они—были, разумѣется, разбойники; Владиміръ это понималъ и сталъ уговаривать сестренку „не глупить“.

— Какой вздоръ! Ну, пастухи какіе-нибудь... Или тоже запоздавшіе прохожіе... Ну, мало ли... Можетъ ужинать себя варить... Да нѣтъ, постой!—самъ себя прервалъ мальчикъ.—Это даже не костерь, это въ саклѣ огонь. Видишь? Двери растворены и подъ таганкомъ огонь разложенъ.

— Ну, такъ что-жъ? Ну, такъ тѣмъ хуже! Это ихъ притонъ... Тутъ вся шайка!—тянула его Соня въ лѣсную чащу.

— Ахъ, Соня! Ну можно ли быть такой трусишкой!.. Мало ли здѣсь по лѣсамъ осетинскихъ саклей разбросано?.. Стали бы твои разбойники располагаться у дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ полковой штабъ-квартиры, и открыто огни зажигать! Да ихъ бы въ одинъ день всѣхъ переловили и переѣшали, такихъ разбойниковъ-то!—смѣялся Володя.—Напротивъ, и вотъ думаю, не войти ли намъ, да не спросить, не найдется ли здѣсь какого-нибудь проводника до хуторовъ...

— Нѣтъ!—взвизгнула Соня.—Ни за что! Онъ еще убьетъ насъ. Ради Бога, уйдемъ!.. Ради Бога, Володячка, тихонько, скорѣе пройдемъ, чтобы насъ не замѣтили.

Она его тянула отчаянно въ чащу.

— Да посмотри же! Тамъ женщина! Старуха!

— Колдунья!—прошптала Соня, испугавшись еще больше.

Въ самомъ дѣлѣ черный силуэтъ старухи, вдругъ появившійся у огня, былъ очень похожъ на вѣдму. Изъ-подъ тряпокъ, обмотанныхъ, какъ чалма, вокругъ ея трясейся головы, по плечамъ разметались космы сѣдыхъ волосъ; она присѣла на корточки и кочергой или какой-то клюкою помѣшивала жаръ подъ чернымъ котелкомъ, висѣвшимъ на треножникѣ. Пламя вспыхивало, огненные искры разлетались фейерверкомъ, освѣщая ея сморщенное лицо, ея острый подбородокъ, ея губы, что-то шамкавшія, будто она и впрямь творила заклинанія надъ варевомъ какого-нибудь зелья.

Картина была оригинальна и очень эффектна. Среди этого дикаго, темнаго бора, въ эту лунную ночь, не проливавшую свѣта въ лѣсное затишье, а лишь разбрасывавшую брилліантовые искры и блестящіе танцственный мракъ, на фонѣ котораго огонь въ саклѣ выдѣлялся яркимъ пятномъ, бросая красные отблески на ближнія деревья и кусты, эта сакля была дѣйствительно похожа на притонъ бабы-яги.

— Уйдемъ, голубчикъ, Володя! Милый! Уйдемъ, ну ее совсѣмъ!—не унималась Соня. Она только тогда перевела духъ, когда ей удалось оттащить брата въ глушь и мракъ лѣсной чащи, казавшейся ей несравненно безопаснѣе свѣта того костра.

И вотъ они опять зашагали подъ сѣнью темныхъ

деревьевъ. Сначала Володя-таки поворчалъ на сестру, упрекая ее въ постыдной трусости, доказывая, что ей не слѣдуетъ никогда выходить дальше ихъ огорода и палисадника; но скоро уgomонился и смолкъ, опять погрузившись въ расчеты, когда они могутъ дойти? Долго ли еще его бѣдной матери мучиться.

Соня скоро опять стала уставать. Ея промокшая обувь казалась ей такъ тяжела, и такъ противно было ощущеніе набравшейся въ ботинки воды, бульбуль-кавшей, выжимаясь, при каждомъ шагѣ. Сырость ли, страхъ ли, по ей было холодно; она старалась скрыть, что у нея зубъ на зубъ не поадаетъ, но Владиміръ зналъ это, потому что ея мокрая ручонка была совсѣмъ ледяная. Онъ теперь ко всему боялся, чтобы она не простудилась, не заболѣла, особенно когда лѣсъ, наконецъ, началъ рѣдѣть и свѣжій вѣтерокъ пахнулъ изъ-за горы.

— Послушай, Сонюшка, ты вся мокрая! Это тебя поливало съ деревьевъ!—остановился онъ, ощупывая ея плечи и платье.—Знаешь что? Надѣнь-ка ты сверху мою блузу... Я сейчасъ сыму, а ты надѣнь. Миѣ совсѣмъ не холодно, а ты заоченѣла...

Но сестра и договорить ему не позволила, и слушать не хотѣла. Она пугнула его угрозой, что если онъ только вздумаетъ раздѣваться, —она сейчасъ бросится на землю, въ мокрую траву, и выкатается въ ней такъ, что нитки сухой на ней не останутся.

— Не смѣй и думать!—авторитетно прикрикнула она.—Я не мокрая и миѣ даже вовсе не холодно, а это такъ у меня дрожь отъ... отъ всего этого, просто!.. Сама не знаю.

— Отъ страха разбойниковъ и вѣдмъ, трусишка!.. Ну, вотъ что,—предложилъ онъ:—давай, пробѣжимся, чтобы согрѣться. Тутъ свѣтло, на полянкѣ этой... Давай, припустимся en pas de zouave, —какъ дядя говорить. Дай руку и скорымъ шагомъ маршъ!

И они пустились, чуть не бѣгомъ, по лужайкѣ къ темной полосѣ кустарника, за которой, къ великому облегченію Владиміра, высились, утоная въ лунномъ сіяньи, голыя, безлѣсные вершины. За ними начинались уже знакомыя ему мѣста.

Яркій свѣтъ и быстрый бѣгъ объ руку съ братомъ, придавъ храбрости и согрѣлъ Соню. Она до того расхрабрилась, что, ужъ не опасаясь пробудить вниманіе разбойниковъ, громко смѣялась, отпрашиваясь у брата:

— Будеть! Да будетъ же, Володя!

Но въ сущности ей было хорошо бѣжать съ братомъ, опираясь на его сильную руку. Онъ не давалъ ей ни времени, ни возможности упасть, такъ ловко умѣлъ онъ поддерживать ее и крѣпко вздергивать ея руку, когда она скользила.

Вотъ и кустарники... Кизиль, да сливныя, алычовыя деревца, да дѣвкія кущи ежевики. Мимо! Мимо!.. Правѣй,—къ той сторонѣ горы, откуда разстлается дальній чудный видъ, которымъ пять часовъ тому назадъ братъ и сестра такъ любовались. Теперь ужъ они не будутъ развлекаться красивыми видами, ни-ни!.. Скорѣй бы, скорѣй до хутора... Тамъ будутъ еще лѣса,—большой, темный боръ еще придется перейти... Ну,—Богъ милуетъ!.. Скорѣй, скорѣй!

И стройныя тѣни юноши и дѣвочки мелькаютъ по лужайкѣ, залитой сіяньемъ мѣсяца и бѣлыми испареніями, почти съ такой же быстротой, съ какой и мысли чередуются въ головахъ ихъ.

— Стой!.. Стой, Володя!

Сонино платье зацѣпилось за колючую вѣтвь ежевики. Оба стали, чуть не упавъ съ разбѣга; Соня нагнулась, но въ ту же секунду рванула платье и бросилась бы бѣжать еще быстрѣе, если бъ ноги у нея не подкосились и не захватило духъ отъ ужаса.

Шатаясь, она прислонилась къ брату и что-то указывала, не имѣя силъ произнести ни слова.

VI.

Владимирь обернулся и даже у него душа ушла въ пятки. Въ двухъ саженьяхъ отъ нихъ, въ тѣни кустарника, шевелилось какое-то мохнатое, неуклюжее животное на четверенькахъ, очевидно собираясь подняться на заднія лапы.

„Мы погибли! Медвѣдь!.. Медвѣдь!— сразу призналъ Володя. — Боже!.. Что же дѣлать?.. На дерево?.. Да вѣдь медвѣди лазятъ лучше людей по деревьямъ... Такъ что же? Погибать?.. Обоимъ?!“

Эти мысли вихремъ пронесли въ мозгу его.

Онъ схватилъ за плечи сестру, спрятавшую лицо на груди его, и съ силой вскричалъ, рѣшившись пожертвовать собою:

— Бѣги, Соня! Христа ради, бѣги! Медвѣдь!..

И онъ оттолкнулъ ее, собираясь преградить собою путь медвѣдю; но бѣдная, обезсилѣвшая дѣвочка не побѣжала, а молча свалилась на землю.

Медвѣдь между тѣмъ поднялся на ноги и, озираясь, спросилъ русскимъ языкомъ:

— Медвѣдь?.. Что вы?.. Гдѣ медвѣдь?

И плотный человѣкъ, обернутый въ мохнатый пледъ, вышелъ изъ тѣни на лунный свѣтъ.

Но братъ и сестра до того были поражены и до того прониклись убѣжденіемъ, что ихъ „часъ насталъ“, что они не сразу поняли, въ чемъ дѣло, а смотрѣли на словно изъ земли выросшаго господина, онѣмѣлые, неподвижные. Тотъ, между тѣмъ, басилъ, къ нимъ подходя:

— Извините! Это я, кажется, напугалъ васъ?.. Ха-ха-ха!

И толстякъ добродушно хохоталъ, протягивая руку Сонѣ, чтобы поднять ее, такъ какъ Володя все еще не приходилъ въ сознаніе.

— Эхъ, эхъ, барышня!.. Неужто-жъ я васъ до обморока перепугалъ?.. А я-то на васъ обоихъ дивился. Я тутъ сижу, ожидаю, вдругъ вижу—бѣгутъ... Бѣгутъ! И не осетины,—не мѣстное мужичье какое-нибудь,—а какъ есть барышня съ молодымъ человѣкомъ... И вдругъ—хлопсъ! Упали!

— Положимъ, я вовсе не падалъ,—наконецъ пробормоталъ задѣтый за живое гимназистъ.—Но только... Кто-жъ могъ думать? Вы тамъ, въ тѣни...

— Да, да! Ха-ха-ха!.. Вы, вѣроятно, разсудили: медвѣдь кизиломъ лакомится!.. Ха-ха-ха!.. Бѣдная барышня.

— И откуда вы взялись?.. Какъ сюда попали?—вдругъ разсердился Владимиръ на добродушный смѣхъ его.

— Я-то?... Гмъ, гмъ!.. Оно, то-есть, несравненно удивительнѣе, юноша, откуда вы, съ этой барышней, въ осетинскихъ горахъ среди ночи взялись? А я здѣсь, что-жъ! Я здѣсь часто, того, лѣтомъ бываю... Гербаризирую. Особые виды кавказской флоры, вотъ, собираю.

Владимиру стыдно стало своего неумѣстнаго гнѣва на этого добродушнаго господина. Онъ извинился... Ему начинало казаться, что онъ знаетъ это круглое, заросшее курчавыми волосами лицо, эту коренастую фигуру.

— Извините, пожалуйста... Я, кажется, васъ видѣлъ въ Тифлисѣ у кого-то... Кажется, у нашего директора?..

— Очень можетъ быть, молодой человѣкъ. Я въ Тифлисѣ многихъ директоровъ знаю. А вы куда-жъ это направляетесь?.. Далеко?.. Барышнѣ врядъ ли дойти куда-нибудь пѣшкомъ. Смотрите, — ее бьетъ, просто, лихорадка... А мы, вотъ что: мы сейчасъ ее окутаемъ, да коньяку капельку дадимъ пропустить... Да-съ!.. А тѣмъ временемъ мой кунакъ таратаечку мнѣ привезетъ... Шутъ его знаетъ, куда онъ запропастился?.. Я его ужъ давно въ аулъ послалъ...

Говоря все это, неизвѣстный господинъ заматывалъ усердно Соню въ свой теплый пледъ и, несмотря на ея сконфуженные протесты, заставилъ ее хлебнуть коньяку

изъ крышки своей походной фляжки. Онъ и Володю заставилъ выпить, приговаривая: „согрѣться нужно, необходимо согрѣться!“

— Ну-съ, а теперь пойдѣте.

Они послушно послѣдовали за „медвѣдемъ“, какъ во snѣ.

— Вотъ тутъ у меня подъ кустомъ, на сухихъ камешкахъ, видите ли, войлочекъ посланъ. Въ рошѣ-то ужъ больно мокро, такъ я своему Кайхосро сказалъ, что къ старухѣ его зайду, — видали? Въ саклѣ тутъ мать моего кунака, старушонка, живетъ... Такъ вотъ и у нея обсушился, чайку попилъ, съ нею тоже, патлатой... Волосы-то, чай, видѣли, какъ у нея патлами висятъ... Сказываетъ—по обѣту; а я такъ думаю, просто по неряшеству, не чешется, старая карга! Ну, сынъ ея въ аулъ пошелъ, за арбенкой какой-нибудь... Садитесь, барышня, садитесь,—на войлочкѣ сухо. Да!.. За таратайкой. Есть тамъ одна такал у другого моего приятеля; да такой глупый: не хотѣлъ на мою лошадь сѣсть,—пусть лучше она, говоритъ, отдохнетъ, на случай, какъ я ни арбы, ни телѣжки не найду, а я, говоритъ, мигомъ въ аулъ пѣшкомъ слетаю... Ну, привязала ее къ дереву, а она, все равно, оторвалась да побѣжала себѣ... Домой, вѣроятно. Я, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что домой благополучно прибѣжить... Ауль вѣдь здѣсь, за оврагомъ,—недалеко...

— Да, мы видали ее, — вашу лошадь, — наконецъ, промолвилъ Владимиръ. — Она осѣдланная бѣжала изъ роши за оврагъ и въ ту сторону, мимо дѣса.

— Ну, да! Ну, да!.. Она лошадь умная: прямо въ аулъ къ хозяину побѣжала... Шутъ ее знаетъ, чего она только всполошилась?.. Грома, что ли, испугалась?.. Не знаю—я въ саклѣ былъ. А лошадка хорошая!.. Только триская маленечко, и я себѣ погу нагерь. Ну, вотъ и вздумалъ, — дай, пошлю за таратаечкой... Чего вы, барышня? Чему это вы такъ покатываетесь?

Соня, дѣйствительно, покатывалась. Сидѣла она, сидѣла молчала-молчала; все соображала послѣднее приключеніе и вдругъ не выдержала,—силъ у нея не хватило сдержаться! Какъ фыркнетъ она, да закатится смѣхомъ, такъ долго прохохотала, — до того ей смѣшно оно показалось. Ужъ ее братъ останавливалъ, и сердился, боясь, чтобы новый ихъ знакомый не обидѣлся, но она не могла никакъ съ собой справиться: сидитъ и вся трясется,—хохочетъ.

А добродушный господинъ глядитъ на нее, да и самъ посмѣивается, нисколько не обижаясь.

Оказалось, что Володя точно его видалъ у директора своей гимназіи. Онъ, наконецъ, призналъ „медвѣдя“ за всему краю извѣстнаго ученаго, любителя естественныхъ наукъ, прозваннаго Робинзономъ Крузо за то, что онъ чуть не погибъ, забытый на какомъ-то островкѣ Каспійскаго моря, въ персидскихъ предѣлахъ.

Карлъ Марковичъ Бауэръ, руссакъ нѣмецкаго происхожденія,—звали его собственно Карлъ, но онъ изъ русскаго патриотизма скрывалъ это,—былъ когда-то учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій, но, получивъ неожиданное наслѣдство, рѣшился выйти въ отставку и путешествовать по бѣлу-свѣту, собирать коллекціи насѣкомыхъ, растений, птицъ, животныхъ,—всякой всячины, что и дѣлалъ съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ ему стало некуда дѣвать набранныхъ во всѣхъ странахъ свѣта сокровищъ. Тогда онъ сталъ дѣлаться ими, жертвуя свои коллекціи въ различныя научныя учрежденія, заботясь лишь объ ихъ сохраненіи, а нисколько не думая объ извѣстности. Но она пришла сама собой, вмѣстѣ съ различными официальными благодарностями и дипломами. Бауэръ, не думая и не гадая, сталъ почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Мало-по-малу изъ области естественныхъ наукъ, онъ перешелъ къ археологін, къ нумизматикѣ и сталъ почти такимъ же страстнымъ антикваріемъ, какъ и на-

туралистомъ. Въ послѣдніе годы, работая на Кавказѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ открытій при раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ; разобралъ нѣсколько надписей, которыя привели его къ самымъ оригинальнымъ заключеніямъ. Мало кто ему довѣрялъ, и всѣ считали его чудакомъ и фантазеромъ. Къ прозвищу Робинзона еще прибавилась кличка „ископаемаго Донъ-Кихота“. Но Бауэръ этимъ нисколько не смущался, продолжая всѣмъ и каждому рассказывать о своихъ открытіяхъ и повѣрять самыя смѣлыя соображенія и комбинаціи. Онъ былъ очень говорливъ, довѣрчивъ, общителенъ и очень неразборчивъ относительно слушателей, благо они находились во всѣхъ слояхъ общественныхъ, а лингвистическія познанія его давали ему возможность говорить со всякимъ народомъ. Понятно, что всѣ эти свойства, въ придачу къ врожденнымъ ему добродушію, невзыскательности и щедрости, создавали ему широкую популярность и всюду доставляли помощниковъ и друзей.

VII.

Разобравшись въ своихъ впечатлѣніяхъ, разузнавъ другъ о другѣ все, что было необходимо узнать, удовлетворившись, что у нихъ въ настоящую минуту одна цѣль—скорѣе добратся до штабъ-квартиры, гдѣ Бауэръ гостилъ у знакомыхъ, новые пріятели такъ разговорились, что Соня совсѣмъ позабыла свои безпокойства и усталость. Она отдохнула и отогрѣлась въ тепломъ плэдѣ, и ей казалось, что она теперь отлично дойдетъ домой; но Володя, у котораго изъ головы не выходила мать, боялся новыхъ осложненій, а Бауэръ рѣшительно запротестовалъ.

— Что вы это? Что вы, барышни? Или еще встрѣчи съ медвѣдемъ, да на грѣхъ съ настоящимъ и неученымъ, захотѣлось вамъ!.. Нѣтъ ужъ, извините: ученые медвѣди безопасны, но изъ лапъ добычи тоже не выпускаютъ!.. И я васъ не выпущу, пока, съ рукъ на руки, мамепкѣ вашей не отдамъ,—ужъ не взыщите!

— Ну, а какъ въ аулѣ никакой таратайки не окажется,—волновался Владиміръ:—а мы время теряемъ!

— Ну, что же-съ! Все же въ компаніи безопаснѣй. Тогда и я, и мой Кайхосро съ вами пойдемъ, ужъ тутъ лишній часъ—не расчетъ!—убѣждалъ ученый.—А вотъ я вамъ расскажу, какъ пришлось мнѣ, въ позапрошломъ году, одному плутать въ При-Рионскомъ краѣ. Вотъ набѣдовался-то!.. Лѣса тамъ,—какъ вотъ въ Южной Америкѣ,—сплошная заросль изъ вьющихся растений,—винограда, ползучихъ розъ, плюща,—ну вотъ что твои лѣаны тропическихъ лѣсовъ, да къ тому же болота сплошныя,—принялся онъ снова рассказывать, чтобы только выиграть время.—Вѣдь эти черноморскія окраины полны чудесъ! Тамъ не то, что остатки грековъ или римлянъ въ раскопкахъ пещерныхъ находятся, а отъ троглодитовъ сохранились слѣды. Ну право же! На озерѣ Палеостомѣ и теперь можете видѣть остатки свайныхъ построекъ, допотопнаго человечества, вотъ какъ-съ!.. Я видалъ своими глазами...

— Не такъ, какъ мы сейчасъ медвѣдя?—шаловливо перебила ученаго Соня и приснула опять со смѣха.—Я хочу сказать, вы не приняли что-нибудь другое за эти допотопныя жилища?

— Соня!—укоризненно вскричалъ Владиміръ, самъ прислушиваясь къ какому-то шороху и скрипу.

— Нѣту-съ, нѣту-съ, барышня!—хладнокровно опровергъ, посмѣиваясь, ученый и хотѣлъ было продолжать рассказъ, но и самъ остановился, слушая.—Ага!.. Вотъ, кажется, и нашъ экипажъ Ноевыхъ правнуковъ ѣдетъ. Слышите?.. Вы знаете, что все Закавказье заселено потомками Ноя, барышня?..

Но рассказывать долѣе Карпу Марковичу некому было; его слушатели оба вскочили, смотрѣли и радостно при-

слушивались. Изъ роши выѣхала повозка, нѣчто въ родѣ тачки на высокихъ колесахъ, а съ нею, кромѣ возницы, еще трусилъ верховой.

Оказалось, что верховой посланъ для розысковъ Володи и Сони Коноповыхъ. Это былъ тотъ самый пожитой осетинъ, который днемъ обогналъ ихъ въ рошѣ и брался доставить корову съ кочевки. Корова теперь точно была въ аулѣ, но напрасно тамъ ждали покупателей, изъ-за которыхъ Бессо переполошилъ всѣхъ своихъ родичей.

Разумѣется, Володи съ сестрой набросились на осетина съ разспросами: гдѣ же Бессо? Зачѣмъ ихъ бросилъ? Пошелъ воды принести, а самъ пропалъ? Ихъ бросилъ въ незнакомомъ мѣстѣ и одинъ возвратился въ аулъ?

— Т-съ, т-съ, т-съ!—во все время нападковъ на Бессо отрицательно цыкала осетинъ.—Нѣтъ, нѣ-этъ! Нѣ бросилъ, нѣ пропалъ, въ аулъ не пошелъ!—тянулъ онъ, качая головой.

— Какъ же не пошелъ? А гдѣ же ты его видѣлъ?

— Въ аулѣ. Толка Бессо бѣдни, Бессо болна!

— Бессо боленъ? Какъ? Отчего онъ заболѣлъ?

Осетинъ принялся рассказывать, что Бессо, желая скорѣй зачерпнуть воды и вернуться, не пошелъ тропкой, а пустился напрямки, прыгая съ уступа на уступъ, съ камня на камень, и сорвался. Камень подъ нимъ подвернулся, бѣдный мальчикъ упалъ съ большой вышины. Хорошо еще, что не убился, но ушибся сильно; особенно ногу себѣ повредилъ такъ, что никакъ одинъ идти не могъ. Принялся онъ кричать, звать на помощь. Къ счастью, были тутъ мальчишки неподалеку, услышали и побѣжали сказать въ аулъ, что Бессо лежитъ въ балкѣ и двинуться не можетъ.

Отецъ его и сосѣдъ одинъ на рукахъ привесли бѣдника домой; а онъ, какъ онемѣлся, такъ и сталъ просить, чтобы заблудившихся разыскать послали, да некого было. Братевъ его дома не было,—лѣтомъ аулы всегда пустыя; а старикъ-отецъ сердился. Увѣрилъ, что они навѣрное сами домой ушли. Пока онъ съ кочевки коровъ не пригналъ,—некому было пойти.

— Я туда, я сюда! На полѣ, на балка, на лѣсъ,—никуда вамъ нѣтъ!—энергично докончилъ осетинъ свое повѣствованіе.

Проводникъ Бауэра, между тѣмъ, хорошо говорившій по-русски, объяснялъ ему, что его сбѣжавшую лошадь благополучно поймали; что онъ промедлить оттого, что не нашелъ въ аулѣ ничего, а пришлось къ духанщику другого аула, съ версту еще пройти за этой повозкой; что, встрѣтившись съ человѣкомъ, посланнымъ на розыски верховъ, посоветовалъ ему освѣдомиться въ его саклѣ, не заходили ли господа просушиться? Не повстрѣчались ли съ его господиномъ?.. Мать его сказала, что нѣтъ, что она никого не видала.

— А вотъ оно такъ и вышло, что встрѣтились!—закключилъ онъ.

— Да, да, да! Теперь все хорошо,—согласился ученый.—Теперь мы больше терять времени не будемъ: возьмемъ у васъ таратайку и обѣихъ лошадей: я барышню самъ повезу, чтобы тяжело не было, а вы, молодой человѣкъ, верховъ садитесь... Они меня знаютъ: завтра придутъ за лошадьми... А не то, Кайхосро, иди теперь же, коли не усталъ. Все равно ты мнѣ завтра нуешь.

Бауэръ распорядился, какъ хозяинъ. Однако Кайхосро рѣшилъ, что придетъ утромъ, а теперь надо ему лѣсъ обойти. Онъ оказывался лѣннымъ сторожемъ.

— Видишь ты, — не воздержался Володя шепнуть сестрѣ, подсаживая ее въ повозочку: — сынъ твоей бабы-яги—лицо официальное!

— Молчи! Не дразнись, пожалуйста, — смѣясь, осадилъ его Соня: — самъ медвѣдя испугался... Ужъ нечего!

Посланіе отъ милаго. Съ карт. І. Клейншмидта, грав. Бонгъ.

— Спасибо, приятель! обратился Владимиръ къ своему осетину, пока Карпъ Марковичъ устраивалъ Сою и самого себя на „Ноевой колесницѣ“. — Вотъ тебѣ за лошадку твою, а вотъ это отдай отъ меня Бессо. Скажи, что мы очень, очень его жалѣемъ!. Если надо, я попрошу доктора со мной къ нему прѣхать.

— Не надо, не надо дохтуръ! — замоталъ осетинъ головою, принимая ослабившися двѣ рублевыхъ бумажки. — Завтра здоровъ будетъ! Мать ему такой трава давала... Спасибо!

Ну, дай Богъ! А вотъ что еще: коровку-то ты, пожалуйста, къ намъ пригони... Бессо тебѣ расскажетъ, гдѣ я живу.

Я знаемъ, знаемъ!.. Х-харашо! Х-харашо!

— А знаешь, такъ тѣмъ лучше. Смотри же, пригони!.. Прощайте. Спасибо вамъ.

— Прощай, Кайхосро. Да завтра не опоздай.

— Буду во время, Карпъ Марковичъ. Счастливо до-
ѣхать.

Затарахтѣла, поскрипывая плохо смазанными колесами, таратайка, затрусѣла рядомъ лошадка.

Братъ съ сестрой облегченно вздохнули, и оба вмѣстѣ подумали:

„Какое счастье, что мы повстрѣчались съ этимъ милѣйшимъ медвѣдемъ!“

— А вѣдь я, какъ только выѣдемъ изъ лѣсу, брошу васъ, Карпъ Марковичъ! — объявилъ Володя. — Поѣду поскорѣй бѣдную маму успокоить. Вѣдь она объ насъ измучилась!

— Да хоть сейчасъ уѣзжайте себѣ въ галопъ, молодой человекъ. На что вы намъ? Дорогу я знаю хорошо; дастъ Богъ ни разбойниковъ, ни другого медвѣдя не встрѣтимъ, и будетъ намъ съ барышней и безъ васъ очень весело!

Высоко забравшаяся луна ярко свѣтила теперь, проликая въ самую глушь лѣсную, будто насмѣшливо со своей вѣчной улыбкой заглядывала она въ лицо ночныхъ путешественниковъ; да и двое осетинъ, неподвижно стоя въ ея сѣнни, блстая ослабленными не безъ ироніи зубами, казалось, раздѣляли ея недоумѣніе: и охота-де барамъ да дѣтямъ слоняться по ночамъ въ дикихъ горахъ и лѣсахъ, вмѣсто того, чтобы дома спать спокойно!

КОНЕЦЪ.

Полярные льды.

Очеркъ В. Бердрова.

Къ числу интереснѣйшихъ и величественнѣйшихъ арѣлицъ, поражающихъ мореплавателя въ крайнихъ сѣверныхъ или южныхъ моряхъ, безусловно должны быть отнесены полярные льды, о которыхъ существуетъ столько устныхъ и письменныхъ разсказовъ.

Ледяныя массы, встрѣчающіяся въ сѣверныхъ широтахъ, — ничто иное, какъ плавучій, подвижной ледъ, который образуется въ огромномъ количествѣ въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и никогда не растаялъ бы, если бы оставался на мѣстѣ. Все море въ области сѣвернаго полюса давно уже превратилось бы въ сплошную, неподвижную ледяную равнину, если бы часть образовавшейся за зиму ледяной коры не уносила весной, лѣтомъ и осенью холодными полярными течениями къ югу. За послѣднее время, въ противоположность прежнимъ взглядамъ, пришли къ убѣжденію, что сѣверный полюсъ не примыкаетъ къ гренадскому или иному болѣе сѣверному матеріку, а покрытъ водой и плавучими льдами. Экспедиція Навесена, проникшая далѣе всѣхъ предшествующихъ въ арктической бассейны, установила даже, что море, покрывающее сѣверный полюсъ, гораздо глубже, чѣмъ предполагалось.

Главнѣйшимъ истокомъ арктическихъ льдовъ служитъ восточно-гренадское теченіе. Оно проходитъ между Грениадіей и Шницбергеномъ, имѣетъ отъ 400 до 800 километровъ ширины и освобождаетъ весной арктическія области отъ огромныхъ количествъ льда.

Однако, большихъ свободныхъ пространствъ въ морѣ почти не замѣтно. Полярное лѣто образуетъ лишь небольшіи трещины, разсѣлины и прогалны въ ледяномъ арктическомъ покровѣ. Но морозъ быстро заполняетъ и эти мелкія прогалны. Блестящіе кристаллы внезапно появляются изъ волнующейся поверхности моря; густая облака испареній поднимаются изъ воды; ледяныя нити прихотливо соединяются въ колоссальную сѣть, которая становится все гуще и плотнѣе. Кристаллическія нити завязываются вначалѣ съ такой быстротой, что не успеваютъ выдѣлать изъ себя морской соли, которая при болѣе медленномъ замерзаніи выступила бы въ твердомъ видѣ на поверхности. Поэтому ледяной покровъ остается гибкимъ и тягучимъ и, даже достигнувъ толщины въ палецъ, еще легко слѣдуетъ пульсаціи волнующейся воды. Лишь по прошествіи сутокъ, когда ледяная броня достигла толщины въ нѣсколько дюймовъ, начинается работа мороза снизу: соль начинаетъ выдѣляться и черезъ три дни покрываетъ ледъ на толщину дюйма. Впрочемъ, ледъ еще долго сохраняетъ свою тягучесть. При тридцати градусахъ мороза нога Вейпрехта утопала во льду, какъ въ мягкомъ коврѣ, оставляя на немъ слѣды. Только снѣгъ, въ соединеніи со слоемъ соли, образуетъ, наконецъ, твердую кору и набрасываетъ на старый и новый ледъ аршинные сугробы, въ то время какъ морозъ работаетъ снизу.

Однако, и такой покровъ не можетъ считаться совершенно неподвижнымъ. По временамъ вдругъ замѣчается шапоръ льда — страшнѣйшій врагъ затертаго сплошными льдами судна. Откуда возникаетъ этотъ шапоръ и чѣмъ онъ вызывается, — остается тайной. Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, раздается страшный трескъ и гулъ, ледяныя массы надвигаются одна на другую, медленно, дюймъ за дюймъ, но неуклонно, не-

преодолимо. Въ нѣсколько дней, а иногда и часовъ, поднимаются на сорокъ футовъ высоты ледяныя глыбы, которыя только что пластами лежали въ водѣ. Въ совершенно темную полярную ночь эта грандіозная картина кажется еще ужаснѣе. На палубѣ, среди страшнаго гула и треска кругомъ, царитъ мертвая тишина. Матросы стоятъ на таяхъ, готовые, при крушеніи судна, спустить шлюпки въ кипящую массу ледяныхъ обломковъ, которые, можетъ-быть, погнутъ ихъ въ порошокъ, раньше чѣмъ люди успеютъ выбраться на большую глыбу. Все тѣснѣе и тѣснѣе сжимается между тѣмъ ледяное кольцо; кажется, судно не можетъ выдержать долѣе, кажется, уже слышенъ его трескъ. И вдругъ, въ послѣднюю минуту, одна изъ глыбъ даетъ трещину, давленіе ослабѣваетъ; массы обломковъ отступаютъ и опускаются ниже; судно всплываетъ; на мгновеніе оно спасено. И такія сцены повторяются въ теченіе мѣсяцевъ.

Такъ возникаютъ цѣлыя ледяныя горы. И когда весной, вслѣдствіе бурь и наступившаго тепла, гдѣ-нибудь появится въ этихъ горахъ разсѣлина или щель, въ нее видны не гладкую ледяную равнину, а цѣлый хаосъ взгромоздившихся горъ и обломковъ. И вотъ эти горы-исполины начинаютъ гнать съ теченіемъ, гошмя, какъ парусами, вадмаюпшися на нихъ глыбами. Понавъ въ такое теченіе, пронеслась несчастная „Жаннетта“ въ полуторасти километрахъ отъ сибирскихъ береговъ. Такому движенію ледяныхъ глыбъ, какъ извѣстно, хотѣлъ довериться и Навесенъ на своемъ „Фрамѣ“, нарочно построенномъ такъ, чтобы противостоять давленію льда. Навесенъ предполагалъ сѣвернымъ теченіемъ, идущимъ отъ сибирскихъ острововъ, проникнуть въ область сѣвернаго полюса. Но, по возвращеніи Навесена, стало павѣстно, что теченія этого, по крайней мѣрѣ, въ предполагаемомъ направленіи, не существуетъ. Правда, льды, которые затерли „Фрамъ“ 10-го сентября 1893 года и удерживали его почти въ продолженіе трехъ лѣтъ, иногда подъ страшнымъ давленіемъ, въ общемъ приняли предполагаемое направленіе, но они на 400—500 километровъ не дошли до полюса и держались ближе къ Шницбергену, чѣмъ къ Грениадіи.

Не только полярный бассейнъ, но и прилегающіе къ нему моря, бухты и проливы заняты плавучими льдомъ, частью круглый годъ, частью въ нѣсколько мѣсяцевъ въ году. На самомъ полюсѣ падѣта какъ бы ледяная шапка, въ сорокъ, пятьдесятъ футовъ толщиной, занимающая отъ девяти до десяти милліоновъ квадратныхъ километровъ. Но и эту громадную плоскость далеко превосходитъ такая же шапка южнаго полюса, доходящая почти до полярнаго круга и слѣдовательно занимающая по крайней мѣрѣ двадцать милліоновъ квадратныхъ километровъ.

Куда же дѣвается вся эта масса льда? Какъ возникаетъ свободное пространство для новыхъ ежегодныхъ ледяныхъ образований? Посмотримъ, какъ описываетъ Вейпрехтъ разрушеніе льдовъ: „Мы видимъ, пишетъ онъ: — непрерывную, ожесточенную борьбу между льдомъ и водой. Гонимыя вѣтрами, кидаются волны на ледины. Крайнія глыбы являютъ мячами, которыми объ стихіи перебрасываются между собою. Глыбы эти разбиваются одна о другую и превращаются въ мелкія крохи“. Какъ ни незначительна

покажется такая работа волн, однако одной ее, вместе с небольшим количеством тепла полярного лета, достаточно, чтобы освободить море ото льда на несколько коротких летних месяцев. В Карском море, имеющем значение пути из Европы к устьям сибирских рек, между Новой Землей и Сибирью, достаточно бывает четырех месяцев, чтобы уничтожить весь образовавшийся за зиму ледяной покров, занимающий однако более 200,000 квадратных километров.

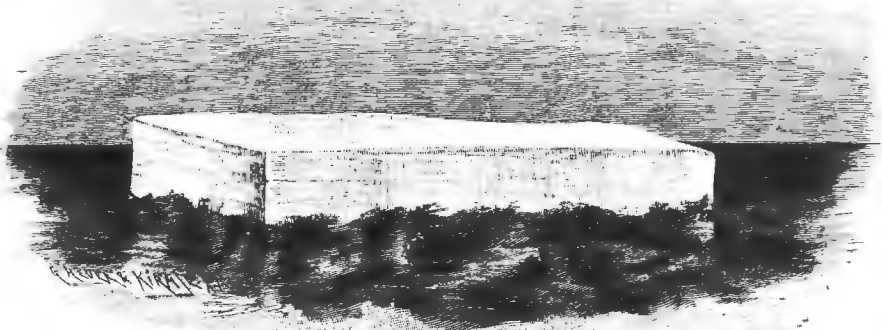
Так как Карское море с севера почти закрыто полярными льдами, то его можно, пожалуй, сравнить с мшиком, имеющим лишь с южной стороны несколько отверстий, из которых самое значительное — Карские Ворота, между остро-

зует. Родиной последних являются внутренние льды арктических гор, Шпицбергена, Земли Франца Иосифа и т. д., но в особенности тот ледяной покров, в несколько сот метров толщиной, который покрывает застывший материк Гренландии. Здесь из года в год падают на землю будущи ледяны горы, в вид маленьких снежинок; снег этого сотнями лет слеживается и сжимается, и на обрывистых, блестящих берегах можно проследить пласт ежегодных снежных образований. Здесь и берут начало те страшные ледяные исполины, которые мореплаватели встречают еще на сорок пятом и даже на сороковом градусе северной широты.

«Не те ли это хрустальные горы, о которых говорится в сказках?» восклицает один последователь. «Кругом тишина и безмолвие. Мы — один на нашем легком челноке. Любопытство гонит нас все вперед и вперед. По временам слышится какой-то гул, в роду отдаленного грома. В голубовато-зеленой воде скользят какие-то белые тины, точно плавающие русалки; море становится все светлее и светлее и наконец почти молочно-белым. Мы подошли к подошве ледяного исполина, которая лежит под нами; а наверху, фантастической формы руины и горы, такой вышины, что в них может легко войти и повернуться корабль. Настоящие сказочные чертоги. Но, пока мы любуемся удивительным зрелищем, начинается что-то страшное, таинственное... Вода у подошвы глетчера начинает ивнаться и клубиться;

поднимается рокот, похожий на раскаты грома; из глубины, качаясь на волнах, появляются ледяны горы. И вдруг, среди них, выдвигается какая-то исполинская масса, от которой отпадают огромны ледяны глыбы. Новорожденное чудовище долго колыхнется, перекашивается с боку на бок, наконец находит равновесие, — и все стихает: море становится гладким, гром вдали умолкает... И вот предь нами возвышается новая ледяная гора, готовая с первым течением покинуть свою колыбель и поплыть, медленно, но неуклонно, к далекому югу».

Собственно ледяны горы плывут, в отличие от плоского льда, главным образом вдоль западного берега Гренландии. Здесь, в мрачных пустынях арктической Канады с ее лабиринтом островов, мореплаватели встречают чудовищных исполинов северного полярного мира. Отсюда исходит, направляясь к югу, холодное лабдорское течение; здесь, в

Полярные льды. Пловучая ледяная глыба.

вами Новой Землей и Вайгачем. Зимой, почти весь мшинок наполнен льдом; летом же он освобождается, при чем высоки ледяны глыбы — торосы, как их называют в Сибири — разбиваются бурями одна о другую. Только через мелкие юго-восточные проливы, и прежде всего через Карские Ворота, выходит часть пловучаго льда, затрудняя и летом вход в Карское море.

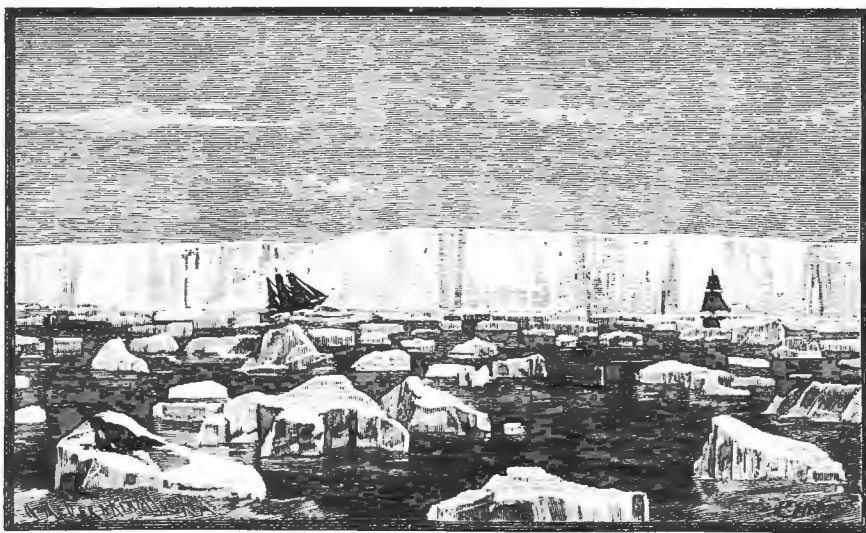
Таким же образом происходит сам собою исток льда и во всех крайних частях Северного Ледовитого Океана, где только летом тепло этому несколько способствует.

Но этот исток льда ничтожен в сравнении с тем грандиозным талием льдов, которое происходит каждое лето между берегами Норвегии и Гренландией. Уничтожение всей массы льда в какие-нибудь три месяца было бы однако невозможно, если бы на помощь не являлся грозный его враг — гольфстрем. Подобно тому, как в западной части моря арктическое течение направляется к югу, так, в восточной части, стремятся к северу широкие рукава того теплого течения, которому Норвегия обязана своими незамерзающими фиордами, а Западная Европа — своим климатом. Вряд ли можно найти, в другом каком-либо море, более грандиозную борьбу этих двух встречных течений, из которых одно — ледяное по температуре, с зеленой водой, покрытой ледяными глыбами, как бы несет к югу части северного полюса; тогда как другое, темно-голубое, с легкой зыбью, словно приносит к берегам дыхание экваториальных широт. Оба течения стараются избежать друг друга, словно два противника, навязавшие взаимные силы. Холодное течение направляется к западу, теплое — к востоку. Если бы было наоборот, мы увидели бы Скандинавию покрытую глетчерами, а в Гренландии поспевали бы хлеба и яблоки.

Но какое же страшное количество теплоты должен расходовать гольфстрем, чтобы пронавести этот громадный пролет таяния; каким запасом теплоты должен он обладать, чтобы, несмотря на все это, влиять еще на климат наших берегов!

Отметим при этом тесную связь между ледяными массами, выходящими из Полярного моря, и климатом северо-западных берегов нашего материка. Если ледяны массы уменьшаются, теплота гольфстрема в большей мере переносится на находящийся под его влиянием страны. Если, наоборот, гольфстрем парасоудет всю свою теплоту на ледяны горы, климат северо-западной Европы становится холоднее.

Все выше сказанное относится ко льдам, получившим начало в открытом море и в форме глыб, иногда значительной вышины, стремящимися исполнить свое назначение, то-есть растаять снова. Настоящих ледяных гор море не обра-

Полярные льды. Ледяная стена.

зтих поисках, пароходы, совершающие рейсы между Европой и Америкой, встречают каждую весну огромны массы льда.

Обратимся однако от северной части земного шара к южному полюсу, представляющему в настоящее время такую картину обледенения, какую может быть представлять и север в времена последнего ледяного периода. Если, несмотря на свою обширность, льды южного полюса исследованы гораздо менее северных, то это прежде всего происходит от того, что последний отделился более обширными морями от всех материков и лежит гораздо дальше от границы мировых сношений, чем северный полюс. В северном по-

Охотники за козами на Алтаѣ. Оргг. рис. (собств. „Нивы“) М. Вольскаго, автотипін Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Народные обычаи. Проводы „костромы“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Рашевскій.

лунарии всемирныя сношенія во многихъ пунктахъ переходятъ за полярный кругъ, тогда какъ въ южномъ торговля суда не выходятъ за широту, соответствующую Одессѣ или Бордо; широта же Лондона переступается въ южномъ полушаріи коммерческими судами лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ. Такими мореходными путями, ограниченными умеренными широтами, соответствуетъ и распространеніе льда. Если бы предположить соответственное распространеніе его на сѣверѣ, то Ганаганда и Гаммерфестъ, устья всѣхъ сибирскихъ рѣкъ и половина Канадскихъ острововъ были бы покрыты слоемъ вѣчнаго льда въ нѣсколько сотъ метровъ толщины.

Но эта разница въ протяженіи еще не столь удивительна, какъ разница въ самомъ строеніи южныхъ и сѣверныхъ льдовъ. Большой ошибкой было бы предположить, что достаточно ознакомиться съ сѣвернымъ полюсомъ, чтобы составить себѣ полное понятіе о южномъ. Южный полюсъ гораздо однообразнѣе и вѣстѣ съ тѣмъ несравненно величественнѣе и производитъ гораздо болѣе могучее впечатленіе. На сѣверѣ изслѣдователь находитъ море, окруженное землею. Земля эта на своихъ обширныхъ пространствахъ развиваетъ страшно низкую температуру, которая почти превращаетъ въ ледъ бушующія волны. Центръ антарктическихъ льдовъ, напротивъ, составляетъ огромныхъ размѣровъ материкъ, обнимающій по видимому и самый полюсъ. Вокругъ материка бушуетъ, гонимое почти непрерывными вѣтрами и бурями, открытое море, со всѣхъ сторонъ непосредственно примыкающее къ океанамъ умеренныхъ поясовъ, и потому далеко не столь холодное и спокойное, какъ арктическое море.

Первые научныя экспедиціи къ южному полюсу, давшія намъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о немъ, произведены были въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія. Форма южныхъ ледяныхъ горъ показала весьма своеобразную тѣмъ изъ моренплавателей, которые рѣже нѣблизъ случай видѣть сѣверныя ледяныя массы. Вѣсто зубцовъ, острійевъ и причудливыхъ формъ, составляющихъ отличительную черту сѣверныхъ льдовъ, антарктическіе льды являются всегда въ формѣ большихъ, плоскихъ ледяныхъ стѣнъ, и форма ихъ тѣмъ правильнѣе, а величина тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ полюсу. Такъ какъ эти ледяныя острова выступаютъ изъ воды на пятьдесятъ, а иногда и на восемьдесятъ метровъ, да къ тому же обладаютъ въ шесть или семь разъ болѣе толщиной подъ водою, то дѣло идетъ о цѣлыхъ ледяныхъ поляхъ въ 350—500 метровъ толщиною, которыя приходится измѣрять кубическими километрами. Ледяныя эти почти всегда покрыты землей и камнями, чѣмъ доказывается ихъ происхо-

жденіе отъ твердой земли. Замѣчено, что въ особенности находящаяся подъ водою плоскость густо устлана обломками скалъ, которые иногда, вслѣдствіе продолжительнаго оттаиванія ледяной глыбы, заставляютъ ее перевертываться вверхъ дномъ. Причина такого покрытія ледяныхъ горъ спуску землей и камнями въ настоящее время точно выяснена. Это почти инозъ, какъ находившіяся подъ глетчеромъ и сдвинутыя имъ въ море морены, которыя потомъ, вслѣдствіе таянія ледяной горы, отпадаютъ отъ нея и опускаются на дно.

Пройдя съ величайшей опасностью мимо такихъ глыбъ, изслѣдователи южнаго полюса въ концѣ-концовъ приходили къ высокой, гладкой, безъ расщелинъ, стѣнѣ изъ чистыхъ, про-

зрачныхъ вѣчныхъ льдовъ. Стѣна эта, измѣщая отъ пятидесяти до восьмидесяти метровъ высоты, кладетъ конецъ всѣмъ попыткамъ проникнуть далѣе къ полюсу. Шестидней плава Россъ въ январѣ и февралѣ 1841 года въ виду этой гладкой стѣны отъ Земли Викторіи на востокъ. 5-го февраля онъ прошелъ первую разсѣлину въ ней, и высота стѣны впервые опустилась до сорока шести метровъ, что позволило ему, съ верхушки самой высокой мачты, заглянуть на поверхность этой стѣны. Она оказалась совершенно ровной, необыкновенно величавой и ярко блестящей, какъ серебро. До два эти ледяныя массы, по видимому, не доходили, хотя несомнѣнно опускались на нѣсколько сотъ метровъ ниже поверхности воды.

Такимъ образомъ, южный полюсъ представляется взору изслѣдователя исполинскими материковыми горами, покрытыми во всю Африку, покрытыми горами и ледяными покровами въ 400—500 метровъ толщины, который спускается въ море не одиночными глетчерами, а

широкою, почти непрерывною ледяною каймою. Ледяныя горы поразительной высоты и мелкіе ледяные обломки окружаютъ на цѣлыя мили эту ледяную стѣну, составляющую вѣнчанный край антарктической ледяной шапки, а полярныя теченія уносятъ эти ледяныя массы въ другія широты, по мѣрѣ того, какъ глетчеры образуютъ новые обломки.

Въ общемъ можно сказать, что изъ морей всѣхъ широтъ только пространство отъ сорокового градуса сѣверной широты до тридцати пяти градуса южной остается почти совершенно недоступнымъ льдамъ; иначе сказать—не болѣе семидесяти пяти изъ 180 параллельныхъ круговъ, описывающихъ нашъ земной шаръ. Въ двадцати градусахъ широты лишь по временамъ, а въ сорока—каждую зиму полярный холодъ властно налагаетъ свое ледяное иго, и, наконецъ, сорокъ пять параллельныхъ круговъ онъ держитъ въ непрерывномъ мертвомъ оцѣнѣніи.

Полярные льды. Ледяной гротъ въ открытомъ морѣ.

Счастливы край.

Стихотвореніе В. Булгакова.

Среди мировъ, плывущихъ во вселенной,
Я вѣрю, есть счастливый уголокъ,
Куда не могъ проникнуть ни порокъ,
Ни гордой злобы крикъ надменный.

Тамъ далеко есть чудная звѣзда,
Тамъ мы съ тобой забудемъ всѣ невзгоды...
Мы здѣсь рабы,—рабы мы навсегда!
А тамъ... тамъ вѣчный день свободы!

Смотри, какъ міръ обширенъ и богатъ:
Не можетъ быть, чтобъ онъ—жилище Бога—
Быль, какъ земля, наполненъ весь тревогой,
Чтобъ ложь влила въ него свой ядъ...

Не можетъ быть! Я вѣрю въ край счастливый,
Сіяющій въ надзвѣздной вышинѣ!
Когда-бъ онъ былъ лишь счастья призракъ лживый,
То вѣры не было-бъ во мнѣ!

Къ рисункамъ.

Обѣдня близилась къ концу, пропѣли „Отче нашъ“, и церковный староста съ блюдомъ подошелъ къ царскимъ вратамъ; за нимъ слѣдовали—исаломнички въ подрясникѣ, мальчишкѣ съ кружкой и меланхолическая фигура бабы-прихожанки, добровольно взявшей на себя трудъ собиранія пожертвованій. Помолвившись передъ образами, староста торжественно двинулся, открывая шествіе. Какое у него выразительное чисто-русское лицо! Большая медаль, висящая на орденской лентѣ немного ниже окладистой сѣдой бороды, придаетъ ему внушительную осанность. Старый исаломнички скромно потупилъ глаза. Восковые свѣчи ярко горятъ передъ иконой Богоматери. Вдали—перспектива храма съ возмущающейся линіей молящихся и дымомъ отъ горящихъ лампадъ и свѣтильниковъ. Картина И. Приишниковъ, принадлежащая къ лучшимъ его произведеніямъ и находящаяся въ Третьяковской галлерей, исполнена съ рѣдкимъ талантомъ.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройна борзая бѣжитъ;
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Гаушъ и снѣгъ.. Облака мчатся и выюта по свиновому небосклону. Кони, какъ бѣшеные, скачутъ, вздымая снѣжную пыль, и фыркають, и хрипятъ, утомленные быстрымъ бѣгомъ. Ямщикъ поетъ, и

Что-то слышится родное
Въ долинахъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска..

Тройна приближается къ есу, и молодые лица ѣдущей парочки выражаютъ замѣтную радость при видѣ родныхъ мѣстъ. Подбодрился и ямщикъ, молодецки хлопая вожжами. Пристигши такъ и рвутся изъ вѣхъ силы, чувствуя конецъ дороги. Вотъ-вотъ скоро и укромный уголокъ съ теплымъ чаемъ и кипящимъ самоваромъ. Сѣрый дымокъ, вылетающій изъ трубы, показываетъ, что еще не снятъ въ избѣ, ожидающей гостей. Картина Грузинскаго представляетъ чудесный зимній пейзажъ, переносящій зрителя въ самую глубь необъятной Россіи, въ просторъ широкихъ полей, гдѣ безграничный кругозоръ терится далеко-далеко въ бѣлоснѣжной дали. Цѣлое море снѣгу.. Захватываетъ духъ при одномъ взглядѣ, какъ сами съ широкими полозьями, запряженные разудалой тройкой, закачываясь то вправо, то влѣво, летятъ „съ вихремъ спори, какъ въ волнахъ сѣдого моря“.

Картиною: „Первый день стрѣлечныхъ казней“, — картиною, полною страшной правды, В. И. Суриковъ (тогда еще молодой художникъ) составилъ себѣ имя: она и теперь еще—одно изъ украшеній Третьяковской галлерей, въ которой собраны всѣ перлы русской живописи школы. Сюжетъ картины — страшная, безомысленная расправа Петра со стрѣльцами, которые заблуждались въ отечестве его изъ Россіи, во время его перваго путешествія за границу. Извѣщенный объ этомъ бунтѣ боярами-правителями, оставленными въ Москвѣ, Петръ быстро перелетѣлъ изъ Вѣны въ Москву — и 26-го августа 1698 года вѣсть о его припадѣ разнеслась по Бѣлокаменной. Почти немедленно начались розски надъ стрѣльцами, уже переполненными всѣ тюрьмы въ Преображенскомъ и въ окрестностяхъ Москвы. Не жалѣли пытокъ и выказывали въ нихъ особенную изобрѣтательность, чтобы выудить у стрѣльцовъ болѣе полныя показанія. 30-го сентября 1698 г. происходила первая казнь. Стрѣльцовъ, въ числѣ 201 человека, повезли изъ Преображенскаго въ тѣлѣгахъ по-двое на каждой. Стрѣльцы, осужденные на казнь, ѣхали, по обычаю того времени, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Велѣдъ за тѣлѣгами, гурьбою, бѣжали жены, матери, дѣти—съ страшными, раздражающими душу воплями и причитаіями. У Покровскихъ воротъ, т. е. между церковью Василия Блаженнаго *) и Кремлевской стѣ-

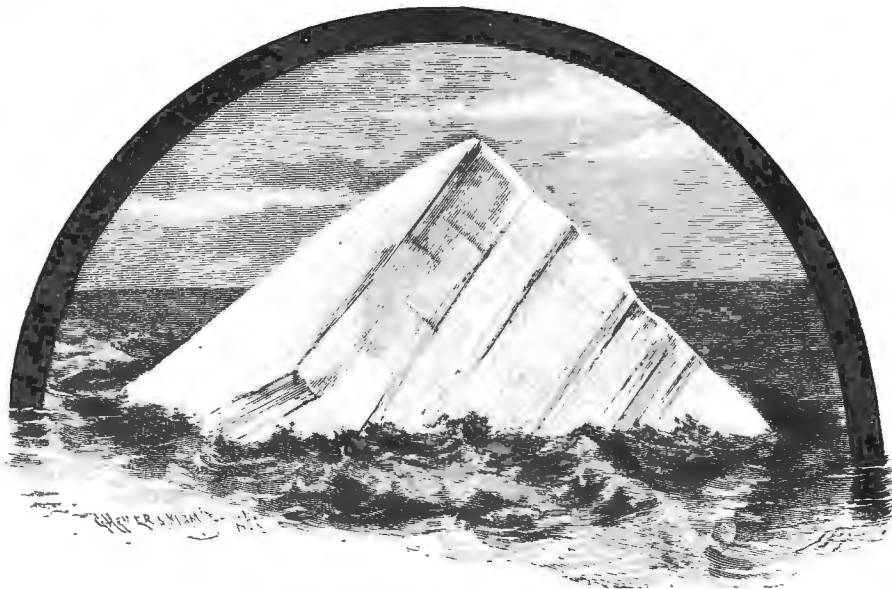
ной, установленъ былъ рядъ висѣлицъ. Здѣсь, передъ висѣлицами, стрѣльцамъ, въ присутствіи царя, прочитана такая „сказка“: „Въ распрое и съ пытокъ всѣ сказали, что было имъ придти къ Москвѣ и на Москвѣ, учиня бунтъ—бойр побить, Нѣмецкую свободу разворить и пѣмцевъ побить, и чернь вовмутить. Всѣмъ четыре полки вѣдѣли и умыслили. И за то наше воровство великій государь указалъ казнить смертью.“ По прочтеніи „сказки“ приступлено было къ исполненію приговора. Стрѣльцовъ вѣшали рядами на висѣлицахъ и вдоль стѣны Кремлевой. Вотъ эту-то страшную картину начала казни и изобразилъ талантливый художникъ; однихъ уже ведутъ на казнь, другіе прощаются съ женами, иные равнодушно и спокойно готовятся встрѣтить смерть послѣ испытанныхъ ими страданій. А грозный Петръ, верхомъ на конѣ, стоитъ неподль и наблюдаетъ за выполненіемъ его страшной, немолчливой воли. Не мѣшаетъ припомнить, что съ 30-го сентября по 20-е октября казнено было 1,112 стрѣльцовъ.

Письмо отъ милаго.. Какъ оно веселитъ женское сердце! Молодая служанка получила „широковѣщательное“ посланіе отъ своего жениха-солдата, и тотчасъ же съ захватывающимъ интересомъ принялась за чтеніе, забывъ все окружающее. Конечно онъ, какъ военный человѣкъ, не ударилъ лицомъ въ грязь и въ яркихъ краскахъ описалъ свою тоску по милой, украсивъ каждую строчку письма горячими эпитетами. Не обошлось, разумеется, и безъ прикрасъ въ изображеніи различныхъ эпизодовъ изъ походной жизни, особенно касающихся его личныхъ усѣховъ. Счастливая дѣвушка все принимаетъ за чистую монету и съ самодовольной улыбкой перечитываетъ строки, старательно выведенныя крупнымъ солдатскимъ почеркомъ.

Охота за козами на Алтаѣ—главное занятіе жителей этого Сибирскаго нагорья, широко раскинувагоса между истоками Иртыша и Байкальскимъ озеромъ. Охотятся на козъ верхомъ. Лошадь на Алтаѣ все: она дороже золота, которымъ Алтай богатъ, но котораго добывается тамъ, сравнительно, немного. Охота длится недѣлями, а то и мѣсяцъ, и весь запасъ на мѣсяць навѣзывается на лошаде: тутъ и крупа, и сухари, и мясо, и одежда, и охотничьи принадлежности, изъ которыхъ одно ружье перѣдко вѣсятъ до тридцати пяти фунтовъ. У большинства калмыковъ, обитателей Алтая, ружье самое первобытное: фитильное, на погнутыхъ сошкахъ, а въ ложѣ цѣлое помѣщеніе для фитиля, пуль и т. д. Одинъ стволъ такой ишани вѣситъ болѣе двадцати фунтовъ, но это не мѣшаетъ калмыку стрѣлять безъ промаха. Подъ такую тяжесть приходится лошади подниматься иногда часовъ пять, шесть на какой-нибудь „бѣлокъ“ — вершину горы, перѣдко и лѣтомъ покрытую снѣгомъ.

Охота производится, обыкновенно, сборищами, сообща. Одни поднимаются влѣво на перевалы, а другіе, взявшие на себя роль загонщиковъ, утрома, чуть свѣтъ, пока козы еще не залегли на дневной отдыхъ и легче поддаются гону, отправляются вправо и начинаютъ гнать по горнымъ склонамъ снизу вверхъ. Подниматься приходится очень высоко, и силою и рязомъ попадаются такіа мѣста, что, сдѣлавъ лошадь однимъ невѣрнымъ шагъ, — и костей не соберешь. Такой же осторожности требуетъ и самая охота, выслѣживаніе козъ, чуткихъ до невѣроятія. Много тутъ помогаютъ калмыку: зоркость глазъ— за триста шаговъ онъ въ состояніи замѣтить басующую въ высокой травѣ козу—и изумительная мѣткость. Добыча однако далеко не всегда вознаграждаетъ охотника за перенесенныя лишения и опасности. Почти всѣ части козъ употребляются калмыками въ пользу: при свѣжеваніи они осторожно вытягиваютъ сухожиліе изъ ноги и пользаются имъ вмѣсто нитокъ: всю кровь они собираютъ въ вынутый желудокъ, предварительно вытрихнувъ изъ него содержимое; кишки составляютъ лакомое блюдо, которое обыкновенно поѣдаютъ сейчасъ же на привалѣ; кожу же и мясо привязываютъ въ то рока и отвозить домой, какъ трофеи охоты.

*) Церковь Василия Блаженнаго прежде была известна подъ названіемъ Покровскихъ собора.

Полярные льды. Ледяная гора в морѣ.

Отъ сѣдой, до-христіанской старины сохранились въ различныхъ мѣстахъ Сѣверной Россіи многіе обычаи, обряды, причитанія и даже пѣсни, носящіе на себѣ слѣды несомнѣнной принадлежности къ языческой эпохѣ. Такіе остатки старины, главнымъ образомъ, группируются около Святыхъ, Масленой педѣли, встрѣчи и проводовъ зимы, вѣроятно, игравшихъ значительную роль въ томъ обожаніи Солица, которое составляло главную основу въ языческихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ. Зиму встрѣчаютъ и провожаютъ. Проводы зимы, во многихъ мѣстахъ Поволжья, и до настоящаго времени, совершаются такимъ образомъ: — соломенное чучело носятъ по деревнѣ, съ пѣснями и кликами, съ приплясываньемъ и различными шутовскими прибаутками, а затѣмъ, выносятъ на берегъ рѣки и сжигаютъ у воды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это чучело хоронятъ въ снѣгъ или топятъ въ проруби. Въ пѣсняхъ, которыми сопровождается этотъ символическій обрядъ, несомнѣнно языческаго происхожденія, чучело величается „костромой“ и „кострубою“; въ однѣхъ пѣсняхъ она плакивается горькая доля провожаемой „матушки-костромы“, въ другихъ, напротивъ того, ее осыпаютъ бранью и насмѣшками. Въ зимніе ненастные дни пріятно подумать о томъ, что зима пройдетъ, что настанетъ время, когда ее можно будетъ „проводить“. Известный композиторъ нашъ, А. Н. Сѣровъ, воспользовавшись этими народными обрядовыми пѣснями и обычаями въ своей прекрасной оперѣ „Вражья сила“ и художественно передалъ ихъ въ сценѣ проводовъ Масленицы. Существованіе подобнаго обычая въ нашемъ Поволжьѣ служитъ любопытнымъ доказательствомъ живучести народныхъ вѣрованій.

А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ. (Портр. на стр. 1145.)

Императорскій с.-петербургскій ботаническій садъ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу богатѣйшихъ садовъ въ Европѣ, а по нѣкоторымъ своимъ коллекціямъ воздушныхъ и оранжерейныхъ растений, по своему гербарію и библиотекѣ занимаетъ первенствующее положеніе. Полагаемъ поэтому, что читателямъ не безынтересно будетъ ознакомиться съ нѣкоторыми біографическими данными, касающимися новаго его директора — заслуженнаго ординарнаго профессо-

ра, тайнаго совѣтника Александра Александровича Фишера-фонъ-Вальдгейма.

А. А. москвичъ по рожденію и внукъ знаменитаго основателя Императорскаго московскаго общества испытателей природы, зоолога и палеонтолога и профессора московскаго университета, Григорія Ивановича Фишера-фонъ-Вальдгейма. Отецъ А. А., А. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, былъ почти сорокъ лѣтъ (съ 1826 г.) профессоромъ ботаники въ московскомъ университетѣ и директоромъ ботаническаго сада. Въ послѣднемъ родился А. А. и прожилъ въ немъ 25 лѣтъ. Съ ранняго возраста онъ увлекался естественными науками. Много способствовало этому общеніе въ домѣ дѣда и отца съ естествоиспытателями, изученіе флоры и фауны окрестностей Москвы, богатая бібліотека и другія пособія и руководительство отца.

Получивъ тщательное домашнее воспитаніе, онъ уже 16-ти лѣтъ поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ.

Окончивъ въ 1861 году курсъ наукъ въ университетѣ со степенію лѣкаря, онъ исключительно посвятилъ себя наученію ботаники. Черезъ два года, въ 1863 г., онъ сдалъ экзаменъ на степень магистра этой науки. Въ 1864 г.

работалъ весь лѣтній семестръ у боннскаго профессора Шахта и совершилъ большое заграничное путешествіе, войдя въ личныя сношенія со многими знаменитыми ботаниками.

Защитивъ въ 1865 г. диссертацию на степень магистра ботаники (подъ заглавіемъ „О развитіи споръ у напоротниковъ“), онъ въ томъ же году началъ свою педагогическую дѣятельность въ московскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента.

Полярные льды. Ледяныя горы у устья Рорезонскаго канала, въ Гренландіи.

Въ 1866 г. А. А. занимался спеціально изученіемъ паразитныхъ грибовъ у знаменитаго миколога профессора А. де-Бари, въ Фрейбургѣ (въ Баденѣ). Результатомъ этихъ занятій явился, на слѣдующій годъ, обширный трудъ—„Біологія и исторія развитія головневыхъ“, давшій ему степень доктора ботаники.

Кромѣ чтенія лекцій, А. А. почти ежегодно предпринималъ ботаническія экскурсіи по Россіи и за границей, дѣлалъ сообщенія въ различныхъ ученыхъ обществахъ и продолжалъ свою литературную дѣятельность.

Съ ноября 1839 г. и до конца 1896 г. А. А. посвятилъ всю свою дѣятельность варшавскому университету. Ему пришлось первому открыть въ немъ лекціи на русскомъ языкѣ. Въ продолженіе 9 лѣтъ онъ читалъ анатомію и физиологію растений, а съ 1878 г. и по конецъ истекшаго—систематику съ морфологіей и общій курсъ ботаники. Для преподаванія физиологической ботаники не было почти, въ то время, никакихъ приспособленій. Годовой бюджетъ, для приобрѣтенія необходимыхъ предметовъ, составлялъ только 200 р. Несмотря на это, А. А. удалось, чрезъ 3 года, открыть при университетѣ лабораторію физиологической ботаники, снабженную разными необходимыми для работъ и опытовъ инструментами, снарядами и другими предметами. Это была первая, въ то время, въ Россіи университетская ботаническая лабораторія, за исключеніемъ Петербурга, гдѣ она возникла благодаря щедрому содѣйствію частныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ произведенныхъ въ ней работъ были изданы подъ заглавіемъ „Труды ботанической лабораторіи Императорскаго варшавскаго университета“.

Когда освободилась кафедра систематической ботаники, А. А. занялъ ее, и ему пришлось опять явиться организаторомъ, съ одной стороны, университетскаго ботаническаго кабинета, а съ другой—варшавскаго ботаническаго сада, перешедшаго, въ 1878 г., въ его завѣдываніе. Послѣдній особенно нуждался въ коренномъ преобразованіи и многихъ улучшеніяхъ. А. А. удалось не только перестроить почти всѣ оранжереи и теплицы, но и придать всему саду другой, болѣе поучительный и современный характеръ, ввести многочисленныя новыя растенія и т. д.

но находится и въ личныхъ сношеніяхъ со многими спеціалистами, что имѣетъ существенное значеніе для такого учрежденія, какъ С.-Петербургскій ботаническій садъ.

Упомянемъ еще, что учено-литературная дѣятельность А. А. опредѣляется болѣе чѣмъ 70-ю трудами и сообщеніями по ботаникѣ, садоводству и сельскому хозяйству. Въ честь А. А. названы нѣкоторыя растенія его имени. Многочисленныя ученые общества избрали его въ свои почетные и дѣйствительные члены.

А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ.
Съ фотогр. авторіи „Нивы“.

Варшавское техническое училище Вавельберга и Ротванда.

(Рис. на этой стр.)

Благодаря умѣлой инициативѣ и щедрымъ пожертвованіямъ двухъ частныхъ лицъ, гг. Вавельберга и Ротванда, въ Варшавѣ окончательно организовано одно изъ лучшихъ среднихъ техническихъ училищъ имперіи. Въ наше время, когда и общество, и правительство, въ одинаковой мѣрѣ, сознаютъ громадную важность техническаго образованія для культурныхъ успѣховъ родины, возникновеніе образцовой технической школы заслуживаетъ особеннаго вниманія. Важно отмѣтить и то обстоятельство, что училище обязано своимъ возникновеніемъ и прекраснымъ устройствомъ усиленнымъ частнымъ лицъ, безъ всякой поддержки со стороны администраціи. Впрочемъ, и послѣдняя успѣшила признать пользу вновь возникшаго техническаго училища. Воспитанники его временно освобождены отъ исполненія воинской повинности, а торжество открытія училища, состоявшееся 16-го октября текущаго года, почтили своимъ присутствіемъ варшавскій генералъ-губернаторъ, кн. Имеретинскій, и предсѣдатель отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, г. Аноповъ, спеціально командированный съ этою цѣлью изъ Петербурга. Взглянувъ на нашъ рисунокъ, читатели убѣдятся, что внѣшній видъ училищнаго зданія очень внушителенъ. Оно теперь уже окончательно отстроено, и внутреннее его устройство вполне соответствуетъ внушительности его внѣшнего вида. Всѣ новѣйшія строительныя приспособленія нашли себѣ въ

Варшавское техническое училище Вавельберга и Ротванда. Съ фотогр. авторіи „Нивы“.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, а именно съ 1865 г., А. А. принималъ участіе почти во всѣхъ болѣе выдающихся международныхъ конгрессахъ по ботаникѣ и садоводству, въ международныхъ выставкахъ садоводства и изучалъ европейскіе ботаническіе сады и музеи. Благодаря этому, онъ не только приобрѣлъ обширныя познанія болѣе практическаго свойства,

но имѣетъ умѣлое примѣненіе. Вездѣ много свѣта и простора. Отопленіе и вентиляція не оставляютъ желать ничего лучшаго. Классныя комнаты, аудиторія, мастерскія, лабораторія устроены по примѣру лучшихъ заграничныхъ заведеній подобнаго рода. Училище имѣетъ задачу готовить техникувъ, т. е. помощниковъ инженеровъ и инженеръ-технологовъ, равно какъ

и самостоятельных хозяев второстепенных технических предприятий.

Собственно училище это возникло уже в 1895 г. Но оно не имело собственного помещения, а это отражалось очень невыгодно на преподавании, так как называвшиеся учащиеся были очень значительны. Уже в первом году своего существования училище насчитывало 82 учащихся, во втором—129, в третьем—172. Вместе с тем, конечно, увеличивалось и число учителей. Их было сперва 10, потом—15 и, наконец, 20. Училище распадается на 4 отдела. Ученики начинают с столярного и токарного ремесла, потом приступают к слесарному и кузнечному, наконец, приучаются орудовать разными машинами. Все это, понятно, требовало и соответственного обширного помещения с надлежащими вспомогательными средствами и приспособлениями. Вот почему при быстром росте училища, вызванного стремлением молодежи к техническому образованию, собственное помещение оказывалось более чем необходимым. Это препятствие теперь устранено.

Встретились, однако, и препятствия другого рода. Не хватало умелых учителей и удовлетворительных учебников. Благодаря, однако, ревностному содействию общества, специалистов, фабрикантов, училище в короткое время своего существования быстро преодолело все эти трудности, и теперь преподавание идет очень успешно. Существуют даже уже намерения расширить в будущем училище образованием нового его отдела—строительного, и трудно сомневаться, что это намерение осуществится при том громадном сочувствии, какое училище встречает со стороны общества и всех заинтересованных в деле лиц. Сочувствие это в то же время служит новым доказательством назревшей потребности в техническом образовании. Правда, Привислиньский край отличается особенным промышленным развитием, но и в остальной России сильно чувствуется потребность в подготовленных техниках, тем более, что и она имеет районы с чисто-промышленным характером. Кроме того, не все же молодые люди могут поступать в высшие специальные учебные заведения и находить себя заработок в тех сферах деятельности, к которым они подготовляют учащуюся молодежь. Нельзя отрицать и того факта, что до сих пор между техниками все еще значительный процент составляют иностранцы. Все это заставляет радоваться возникновению таких учебных заведений, как варшавское техническое училище, приветствовать их от души и пожелать, чтобы их народилось в нашем отечестве побольше.

Август Шерер-Кестнеръ. (Портр. на стр. 1148.)

Три года тому назад во Франции произвел большую сенсацию скандальный процесс капитана Дрейфуса, обвинявшегося в тяжком преступлении—государственной измене (продаже германскому посольству важных документов, касающихся французской армии,—именно секретов о французском вооружении); специальный военный суд из десяти офицеров признал капитана Дрейфуса виновным и осудил в каторжные работы. Вся Франция была до того возмущена этим преступлением, что в печати высказывалось даже сожаление, что по действующим законам преступление это не карается смертной казнью, а только ссылкой в каторжные работы. Вслед за осуждением, капитан Дрейфус был подвергнут "шельмованию": его лишили чинов и орденов и сорвали с него публично, во дворъ тюрьмы, погоньи и форменные пуговицы с мундира. Во время этой тяжелой процедуры, как и во все время процесса обвиненный громко заявлял о своей невиновности и даже воскликнул: "Через три года невиновность моя будет доказана предъ всемъ миромъ!"

Мало кто обратил тогда внимание на эти слова. Дрейфус был отправлен в Новую Гвинею, на самый пустынный Чортов остров, где он и доныне находится под строжайшим надзором; но слова его, сказанные три года тому назад, начинают оправдываться. Действительно теперь, вот уже второй месяц вся Франция вновь заволнована делом Дрейфуса. Началась агитация в пользу Дрейфуса. Влиятельная лида старается доказать его невиновность. Благодаря тому, что следствие по этому делу велось, как к сожалению обыкновенно бывает в таких случаях, тайно, и что дело разбиралось при закрытых дверях, в обществе легко могла возникнуть мысль о страшной судебной ошибке. Кроме того, важно, что убийственной уликой в деле Дрейфуса, приведшей его на каторгу, был документ, почерк которого только один из экспертов признавал принадлежащим Дрейфусу. Этим экспертом был знаменитый ученый Бергильон, остальные же три эксперта не решились утверждать этого. Был еще один документ, представленный суду в последний момент и окончательно будто бы убивший судей в виновности Дрейфуса, но этого документа, как сообщают, не показали даже защитнику обвиняемого.

Все это не могло не вызвать у многих безпристрастных людей сомнения в справедливости судебного решения. Но

публично высказать это сомнение было равносильно выражению известной симпатии к "презрительному шпиону, предавшему страну злейшему ее врагу", а на это решиться мог только человек очень самостоятельный во всех отношениях и горько убежденный в невиновности Дрейфуса. На такой подвиг решился один из самых видных французских политический деятелей, вице-президент сената, пожизненный сенатор Август Шерер-Кестнер. Он первый открыто высказал мысль о невиновности Дрейфуса и прямо обратился к военному министру с заявлением о том, что у него имеются фактически основания для признания Дрейфуса невиновным в измене и, следовательно, для пересмотра процесса. Министр посыпался на министра сенатора самыми гнусными обвинениями в подкупе (надо иметь в виду, что Дрейфус принадлежит к очень богатой семье, что в известной мере делает его преступление неправдоподобным), в сообщничестве с немецкими шпионами и т. д., но это ничуть не поколебало его энергии.

Заявление обществу было брошено, и оно само уже раздуло эту историю на степень крупного политического события, подобного которому еще не было во Франции со времен печальной памяти "буланжизма".

От г. Шерера-Кестнера потребовали фактов, документов. Он имел личные свидания с министром-президентом Мелином, а затем и с военным министром Бильо, показав ему документы, содержание которых пока еще неизвестно публике, но оставить их у министра он отказался.

Гг. Мелин и Бильо послѣ этого заявили, что все послѣдствия судебного приговора надъ Дрейфусомъ сохраняютъ свою силу до тѣхъ поръ, пока министру юстиціи не будутъ представлены такіе существенные факты или документы, которые не были известны военному суду.

Какъ бы въ отвѣтъ на это заявление, братъ осужденнаго, Матвій Дрейфусъ, прислалъ военному министру письмо, въ которомъ прямо указалъ истиннаго виновника, сгубившаго его брата—отставнаго майора французской службы графа Эстергази, написавшаго-де ту компрометирующую записку, на основании которой былъ осужденъ Дрейфусъ. Эстергази послалъ въ отвѣтъ на это обвинение письмо министру съ просьбой назначить следствие. Следствие было назначено, и хотя оно еще не вполне закончено, но личность Эстергази выясняется, по словамъ парижскихъ газетъ, въ очень странномъ свѣтѣ.

Это человекъ съ очень сомнительнымъ прошлымъ и очень незавиднымъ настоящимъ. Кроме того, следствиемъ найдены его письма, въ которыхъ онъ странно поноситъ французскую армию, считаетъ французскихъ генераловъ негодными, "которые кончатъ въ прусскихъ тюрьмахъ"; и наряду съ этимъ обнаружено его близкое знакомство и даже дружескія отношения съ германскимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, г. Шварцкопфеномъ. Этотъ агентъ, почему-то, какъ разъ передъ агитацией Шерера-Кестнера въ пользу пересмотра дела Дрейфуса, покинулъ свой постъ. Очевидно, онъ счелъ целовникомъ оставаться въ Парижѣ, чтобы въ его присутствии не обнаружилось, съ какими усѣбхомъ онъ исполнилъ свою миссію. Это сильно скомпрометировало г. Эстергази, противъ котораго представлена семей Дрейфуса такая наглядная улика, какъ его письма, почеркъ которыхъ сильно наводитъ, по словамъ 12 экспертовъ, почеркъ пресловутой записки, погубившей Дрейфуса.

Семья Дрейфуса удалось собрать целый рядъ писемъ Эстергази, такъ какъ она убеждена, что въ его лицѣ пала на истиннаго виновника всей этой скандальной исторіи. Въ рукахъ защитниковъ Дрейфуса имѣется даже, по словамъ газетъ, письмо императора Вильгельма II, гдѣ германскій императоръ заявляетъ, что Дрейфусъ невиновенъ, и высказываетъ свои симпатіи столь тяжело пострадавшей семьѣ.

Следствие по этому делу ведется самое тщательное, за нимъ слѣдитъ, съ помощью печати, вся страна. Многие изъ ее самыхъ выдающихся деятелей высказали уже свой взглядъ по этому делу; среди нихъ особенно выдѣляются, въ качествѣ защитниковъ Дрейфуса, известный историкъ Моно и Эмил Золя. Золя открыто высказалъ въ печати, что у него имѣется въ рукахъ важный документъ въ пользу Дрейфуса.

Предъ нами такимъ образомъ очень темная, запутанная исторія, съ каждымъ днемъ усложняющаяся и запутывающаяся, благодаря открытію все новыхъ и новыхъ причастныхъ къ делу лицъ. Нечего и говорить, какъ желательно въ интересахъ справедливости и внутренняго мира страны скорѣйшее разяснение этого дела. Основа его,—страшная лезва международныхъ отношеній, шпионство—не можетъ не возбуждать общаго негодованія; обстоительства же его настолько усложнились, что грозятъ внутреннему спокойствію страны, грозятъ стать орудіемъ политической борьбы, за которое съ рдостью ухватятся враги нынѣшняго правительства во Франціи, вынужденнаго отставать решеніе военнаго суда несмотря ни на что, до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено юридическаго основанія къ пересмотру дела. Это основаніе, какъ увѣряетъ печать, въ рукахъ сенатора Шерера-Кестнера. Его имя теперь можно сказать, у всѣхъ на устахъ въ Парижѣ, имъ заинтере-

составил весь мир, от него зависить, быть-можетъ, исправить страшную судебную ошибку.

Помѣщая здѣсь его портретъ, приводимъ поэтому въ заключеніе нѣсколько біографическихъ данныхъ о немъ. Августъ Шереръ-Кестнеръ родился въ Мюльгаузенѣ, въ Эльзасѣ, въ 1833 г. Происходя изъ богатой фамиліи, онъ обладаетъ крупнымъ состояніемъ: ему принадлежитъ одинъ изъ крупныхъ химическихъ заводовъ во Франціи. Политическимъ дѣятелемъ онъ сталъ въ шестидесятыхъ годахъ. Яркій республиканецъ, онъ открыто выступилъ противъ режима Наполеона III и за свои политическія брошюры, направленные противъ этого императора, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца и денежному штрафу въ 2000 фр. Во время войны 1870—71 г. онъ былъ назначенъ, въ качествѣ знатока химіи, начальникомъ протехническаго учрежденія въ Сеттѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Гамбетты и, избранный въ члены національнаго собранія, вышелъ изъ него вмѣстѣ съ нѣсколькими другими эльзасцами, послѣ принятія большинствомъ мирнаго договора и уступки Эльзаса и Лотарингіи Германіи. Въ томъ же году, денартаментъ Сены избралъ его депутатомъ, а въ 1875 г. онъ былъ назначенъ пожизненнымъ сенаторомъ. Во времена Гамбетты г. Шереръ-Кестнеръ стоялъ во главѣ одного изъ крупнейшихъ политическихъ органовъ печати—*Republique Française*.

Пожаръ въ лондонскомъ Сити. (Рис. на стр. 1148.)

Населеніе лондонскаго Сити подверглось 7-го ноября страшному бѣдствію. Такого пожара, какой случился въ этотъ день, не было съ 1666 года. Въ семи улицахъ сгорѣло до тла 300 товарныхъ складовъ. Убытки громады и по меньшей мѣрѣ составляють 3 милліона фунтовъ стерлинговъ, т. е. на наши деньги около 30 милліоновъ руб.

Пожаръ принялъ такіе грандіозные размѣры потому, что за-

горѣлся легко воспламеняющійся товаръ. Та часть лондонскаго Сити, гдѣ случился пожаръ, является средоточіемъ торговли перомъ, моднымъ, кожанымъ и мѣховымъ товаромъ. Кроме того, тутъ сосредоточивается много мастерскихъ, выдѣлывающихъ зонтики, соломенные шляпы, верхнее платье. Здѣсь же находятся склады иностраннаго моднаго товара. Все это сгорѣло. Несмотря на всѣ усилія пожарныхъ командъ, онѣ въ теченіе пяти часовъ не могли справиться съ огнемъ. Пришлось отставивать только сосѣднія улицы. Пожаръ всенхнулъ, къ счастью, днемъ, въ 2 часа пополудни, и съ необычайною быстротою распространился, какъ уже сказано, на семь улицъ. Продолжался онъ еще поздно ночью. Картина этого огненнаго моря была грандіозна, но въ то же время и ужасна. Сколько людей лишилось хлѣба, ввергнуто въ нищету! Правда, многое было застраховано, но далеко не все. Сильно пострадала почти всѣ страховыя общества, и поговариваютъ даже о несостоятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Торговые обороты приведены въ разстройство, и, конечно, лишь слабымъ утѣшеніемъ является то обстоятельство, что благодаря этому пожару можно, такъ сказать, очистить одну изъ самыхъ скученныхъ частей города и ввести разныя строительныя улучшенія, которыя предотвратятъ возможность такихъ страшныхъ пожаровъ въ будущемъ.

Былъ моментъ, когда огонь угрожалъ одной исторической достопримѣчательности Лондона, старинной церкви св. Эгидія. Въ церкви этой состоялось бракосочетаніе Кромвеля; въ ней похороны Мильтона и Фоксъ. Крыша церкви уже пала, но пожарнымъ удалось ее отстоять. Конечно, вода проникла въ церковь, и богослуженіе придется приостановить на нѣкоторое время. Могила Мильтона съ прекрасною миниатюрною статуею великаго поэта, однако, нисколько не пострадала.

Нашъ рисунокъ изображаетъ пожарище и даетъ наглядное представленіе о размѣрахъ катастрофы.

Политическое обозрѣніе.

Дѣла въ Австро-Венгріи развиваются за послѣднее время въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Внѣшняя политика имперіи Габсбурговъ достигла „блестящихъ результатовъ“. Въ обѣихъ делегаціяхъ принимаются единогласно всѣ требуемые правительствомъ кредиты, при безусловномъ одобреніи правительственныхъ мѣропріятій и особенно политики графа Голуховскаго, которому вопрована „приваительность за искусство и успѣшное веденіе внѣшнихъ дѣлъ“ вообще и въ особенности за установленіе вполнѣ дружественныхъ отношеній къ Россіи.

При такомъ прекрасномъ положеніи внѣшнихъ дѣлъ, представляеть позній контрастъ внутренняя государственная жизнь. Благодаря парламентскимъ неурядицамъ изъ-за борьбы національностей собственно Австріи, т. е. Цислейтаніи, проектъ соглашения съ трансильтанской частью имперіи едва ли пройдетъ законодательнымъ путемъ къ требуемому сроку, а подобное обстоятельство легко можетъ вызвать большія неожиданности, въ родѣ провозглашенія венгерцами полной самостоятельности ихъ королевства, связаннаго съ Австріей лишь уніей въ лицѣ императора Франца-Иосифа.

Бюджетная коммисія рейхсрата послѣ продолжительныхъ преній представила 8-го ноября свой докладъ: большинство коммисіи пришло къ убѣжденію, что дѣло о соглашеніи съ Венгріей касается важнѣйшихъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ имперіи и составляетъ дѣло чрезвычайной важности, предъ которыми всякія другія соображенія должны быть отодвинуты на второй планъ, почему коммисія и просила палату принять проектъ соглашения безъ измѣненія.

Въ то время, какъ офидіозная печать стала ожидать улаженія вопроса путемъ соглашения борющихся національностей въ Богеміи, вліятельные органы заявляли, что нѣмцы намѣрены всѣми силами продолжать борьбу съ правительствомъ на почвѣ австро-венгерскаго соглашения до тѣхъ поръ, пока не будетъ отгѣнено министерское распоряженіе о равноправности языковъ. Заявленіе графа Бадени о стремленіи правительства содѣйствовать соглашенію чеховъ съ нѣмцами, не произвело на послѣднихъ никакого впечатлѣнія, мало того, нѣмцы кружили были возмущены тономъ чешской печати, заговорившей о „побѣдѣ славянства надъ нѣмцами“. По отзывамъ богемскихъ нѣмцевъ, обструкціонизмъ въ рейхсратѣ долженъ продолжаться до устраненія вышней правительственной системы. Въ виду такого настроенія нѣмцевъ, дрғанъ младо-чеховъ—*Narodny Listy* сталъ упрекать графа Бадени въ „малодушіи“, а старо-чехи въ своемъ органѣ—*Politik* выражали удивленіе, что графъ Бадени не относится достаточно серьезно къ вопросу, отъ котораго зависить судьба монархіи.

Второе чтеніе проекта соглашения съ Венгріей поставлено было въ рейхсратѣ на очередь 12-го ноября. Засѣданіе открылось при возбужденныхъ пререканіяхъ между правой и лѣвой; начался сильный шумъ, среди котораго раздавались въ залѣ оскорбительныя восклицанія самаго низшаго разбора. Когда президентъ рейхсрата сталъ оказывать энергичный от-

поръ насилію оппозиціи, послѣдняя окружила президентскую трибуну и унесла президентскій колокольчикъ; началось разламываніе депутатскихъ креселъ и, наконецъ, шумѣть былъ въ ходъ даже ножъ; многіе члены оппозиціи были избиты. Прерванное засѣданіе было возобновлено, но, благодаря шумнымъ сценамъ, его пришлось снова закрыть, такъ какъ въ скандалѣ приняла участіе и публика съ галлерей. На другой день почти всѣ нѣмецкія газеты были конфискованы за рѣзкія статьи о рейхсратѣ.

По возобновленіи засѣданія рейхсрата одинъ изъ депутатовъ нѣмецкаго центра, въ виду бывшихъ возмутительныхъ сценъ и во избѣжаніе „повторенія позора“, предложилъ измѣнить парламентскій уставъ предостановленіемъ президенту права исключать „грубыхъ нарушителей парламентской благопріиспособности“ на три засѣданія послѣ двукратнаго призыва къ порядку, а палату—уполномочить исключать буяновъ на тридцать засѣданій; въ случаѣ неовиновенія, исключенный выводился изъ зала исполнительными органами правительства. Среди громкихъ протестовъ и сильнаго негодованія президентъ заявилъ, что предложеніе это слѣдуетъ считать „оплотомъ противъ уничтоженія парламентаризма и противъ парламентской революціи“, такъ какъ послѣ происшедшаго въ рейхсратѣ пренія въ палатѣ ставовится невозможными. Во время неистоваго шума президентъ по данному знаку успѣлъ пустить предложеніе на голосованіе и затѣмъ, при рѣвкихъ свисткахъ, оглушительномъ стукѣ крышками столовъ, объявилъ палатѣ, что предложеніе принято. Яростно направивъ на президента кучка нѣмцевъ заставила прервать засѣданіе. На слѣдующій день, до открытія засѣданія, въ залѣ поднялся по обыкновенію шумъ и дикій ревъ съ оскорбительными выраженіями по адресу президента, котораго оппозиціи успѣла грубо стащить съ его кресла при сочувственныхъ кликахъ публики. Въ залѣ вошло около ста полицейскихъ, прекратившихъ драку и удалившихъ публику; по удаленіи буяновъ, полицейскіе выстроились шпалерами вокругъ президентской трибуны.

Въ половинѣ перваго вошелъ президентъ Абрагамовичъ, встрѣченный шумомъ, свистками и хлопаньемъ юпитрами, и открылъ засѣданіе; неушимавшиеся вожаки оппозиціи были исключены президентомъ на три засѣданія; замѣстившій Абрагамовича вице-президентъ Крамаржъ тѣмъ же путемъ удалилъ изъ засѣданія около десятка буяновъ, которыхъ вывели полицейскіе, но шумъ продолжался, и засѣданіе было закрыто. Ночью начались уличныя демонстраціи противъ правительства, такъ что утромъ 15-го ноября улица отъ парламента къ университету занята была полицейскими отрядами, оцѣвившими университетъ и зданіе парламента; войскамъ давъ былъ приказъ быть въ казармахъ наготовѣ и запереть боевыми патронами; полиція разогнала толпу саблями на-голо; въ зданіи университета раздавались германскій гимнъ и нѣмецкія патриотическія пѣсни; около полудня между толпой и полиціей произошла схватка, при чемъ оказалось не мало раненыхъ.

Засѣданіе рейхсрата открылось въ началѣ одиннадцатаго

часа при пронзительных свистках и рѣзкихъ звукахъ игрушечныхъ трубъ оппозиціи. Осыпанный скожканными обрѣзками бумаги и разными мелкими вещами, президентъ долженъ былъ удалиться. Продолжать засѣданіе оказалось невозможнымъ, и вице-президентъ объявилъ его закрытымъ около полудня. Пошли слухи о закрытіи рейхсрата, о временной приостановкѣ засѣданій и о новыхъ выборахъ.

Бургомистръ Вѣны, указывая на критическое настроеніе столичнаго населенія, сталъ уговаривать графа Бадени подать въ отставку.

Послѣ аудіенціи, данной императоромъ графамъ Бадени и Голуховскому, 16-го ноября появился императорскій рескриптъ къ министру-президенту объ отсрочкѣ засѣданій рейхсрата впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ Вѣнѣ усилились волненія на улицахъ; двинуты были войска. Такія же волненія вспыхнули и въ другихъ городахъ съ значительнымъ нѣмецкимъ населеніемъ; произошли столкновенія съ войсками, при чемъ не обошлось безъ раненыхъ. По улицамъ Вѣны кавалерія разогнала толпу, которая снова собиралась. Движеніе затихло лишь къ вечеру, когда разнеслась вѣсть, что императоръ принялъ прошеніе объ отставкѣ кабинета графа Бадени, поручивъ сформированіе новаго министерства барону Гаучу, заппавшему въ увольненіи кабинетѣ постъ министра народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ пѣтцы восторжествовали, но положеніе дѣлъ отнюдь не улучшилось: если указъ о равноправности языковъ будетъ отмененъ, роль обструкціонистовъ перейдетъ къ чехамъ. Вотъ почему въ политическихъ кружкахъ преобладаетъ мнѣніе, что новое „дѣловое“ министерство едва ли сиривится съ существующими затрудненіями, унаследованными отъ графа Бадени, подавшаго, по утѣренію *Fremdenblatt*, въ отставку, чтобы „облегчить разрѣшеніе, согласно конституціи, законодательныхъ задачъ, стоящихъ въ связи съ государственными потребностями“.

Августъ Шереръ-Кестнеръ.
По рис. III. автотипія „Нивы“.

Смѣсь.

Гдѣ больше всего путешествуютъ? По статистическимъ даннымъ за минувшій годъ о количествѣ пассажирскихъ билетовъ, проданныхъ на всѣхъ европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ, оказывается, что болѣе всѣхъ другихъ народовъ путешествуютъ англичане. За годъ въ Англій продано 864½ миллиона пассажирскихъ билетовъ. Такъ какъ все населеніе ея, по послѣдней переписи, исчисляется цифрою 38 миллионъ, то на каждого жителя приходится въ среднемъ выводъ по двадцать три поѣздки по желѣзной дорогѣ въ годъ. На второмъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ Бельгія, въ которой всѣхъ поѣздокъ было 86½ миллионъ, что, при населеніи страны въ 6 миллионъ, составляетъ по 14—15 поѣздокъ въ годъ на каждого жителя. На третьемъ мѣстѣ слѣдуетъ Германія съ 483 миллионами поѣздокъ при 49 миллионѣхъ населенія, что даетъ около десяти поѣздокъ на душу. Въ Голландіи на каждого жителя приходится семь, во Франціи—шесть, въ Австріи—четыре, въ Венгріи—три и въ Италіи—два поѣздки. Менѣе всего ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ у насъ, въ Россіи: всего лишь одна поѣздка приходится на троихъ жителей. Впрочемъ, введенный съ прошлаго года удешевленный тарифъ уже и теперь возвысилъ число желѣзнодорожныхъ путешествій, а проведеніе цѣлой сѣти новыхъ линій еще болѣе будетъ содѣйствовать этому, и въ недалекомъ будущемъ намъ, несомнѣнно, предстоитъ передвинуться впередъ съ послѣдняго мѣста въ вышеприведенномъ спискѣ.

Работа пара. Англійскій статистикъ Мельголлъ выводитъ изъ собранныхъ имъ данныхъ, что со времени введенія въ дѣйствіе паровыхъ машинъ рабочая производительность отдѣльнаго человѣка увеличилась слишкомъ вдвое, т.-е. тамъ, гдѣ прежде требовалось одиннадцать человекъ рабочихъ, теперь, благодаря работающимъ паромъ усовершенствованнымъ машинамъ, достаточно пятирѣхъ. Вслѣдствіе этого, большая часть человѣческой рабочей силы остается совершенно ненужной для промышленности, такъ какъ

Пожаръ въ лондонскомъ Сити. По рис. Graphic автотипія „Нивы“.

хотя послѣдняя съ теченіемъ времени и усилилась, но зато вмѣстѣ съ нею возросла въ послѣднія 56 лѣтъ и численность населенія во всѣхъ странахъ (въ Россіи—на 92 проц., въ Германіи—на 75%, въ Англіи—на 63%, въ Италіи—на 48%, Австріи—на 45%, во Франціи—на 18%, въ Соединенныхъ Штатахъ—на 62% и въ британскихъ колоніяхъ—на 510%). Этого излишка человѣческой

силы уже не обращается болѣе къ промышленности, а расходуется на распространеніе продуктовъ послѣдней, т.-е. на торговлю. Такъ какъ Англія является самымъ крупнымъ торговымъ посредникомъ между всѣми націями, то и не удивительно, что четвертая часть всѣхъ богатствъ Европы находится въ ея рукахъ, хотя все населеніе ея и составляетъ лишь девятую часть населенія Европы.

Разныя извѣстія.

Именными Высочайшими Указами г. министру финансовъ повелѣно для облегченія расчетовъ золотую монетою выпустить въ обращеніе, сверхъ имперіальной и полумперіальной монеты, пятирублевою золотую монету достоинствомъ въ 1/2 часть имперіала, а также Высочайше повелѣно измѣнить надписи на вновь изготовляемыхъ государственныхъ кредитныхъ билетахъ слѣдующимъ образомъ: Въмѣстѣ существующаго текста на билетѣ изображается его достоинство и слѣдующая надпись: „Государственный Банкъ размѣняетъ кредитные билеты на золотую монету безъ ограниченія суммы (1 р.=1/2 имперіала, содержитъ 17,44 долей чистаго золота). Вмѣсто заголовка и пунктовъ перваго и втораго извѣщеній пзъ Манифеста, налагающихъ слѣдующія надписи: 1. Размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету обезпечивается всѣмъ достоинствомъ Государства; 2. Государственные кредитные билеты имѣютъ хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ золотомъ монетою. Пунктъ третій остается безъ измѣненія.“

16 ноября въ Москвѣ состоялось чествованіе известнаго писателя-народника Н. Н. Златовратскаго, по случаю исполнявшагося 35-ти-лѣтія литературной его дѣятельности. Юбилару поднесено болѣе 20 по-здравительныхъ адресовъ. Между прочими, его привѣтствовали: Общество любителей россійской словесности, редакція журналовъ и газетъ. Кругомъ фельдшерницъ поднесъ лиру изъ цвѣтовъ. Отъ русскихъ женщинъ поднесенъ адресъ, украшенный рисунками Мясоедова, изображающаго юбилара въ видѣ святаго. Празднованіе закончилось обѣдомъ.

15-го ноября исполнилось 25 лѣтъ ученой дѣятельности профессора петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскаго. По этому случаю юбилара поздравляли служившіе, студенты и его бывшіе ученики. Отъ сослуживцевъ маститый профессоръ удостоился получить привѣтственный адресъ.

11 и 13 ноября произошли двѣ страшныя железнодорожныя катастрофы—на харьково-николаевской и варшавской жел. дорогъ.

Первая катастрофа произошла 11 ноября, въ 2 часа ночи, на станціи Шаровка, харьково-николаевской жел. дороги, при чемъ жертвами катастрофы сдѣлалось нѣсколько человекъ. Слѣдовавшій изъ Харькова въ Николаевъ почтовый поѣздъ наскокнулъ на товарный, который стоялъ на запасномъ пути у ст. Шаровка. Пассажирскій поѣздъ вышелъ изъ Харькова утромъ, 11-го ноября, въ составѣ нѣсколькихъ вагоновъ 1 и 2 класса, вдвое большаго числа вагоновъ III кл., почтоваго вагона и нѣсколькихъ вагоновъ товарныхъ, находившихся у самаго тендера,

Къ 2 ч. ночи, поѣздъ по словамъ *Od. Вос.*, приближался къ станціи Шаровка, гдѣ долженъ былъ имѣть остановку въ нѣсколько минутъ. Подходя уже къ самой станціи, поѣздъ направился вдругъ по запасному пути и наскокнулъ, при уменьшенной скорости движенія, на стоявшій тамъ товарный поѣздъ. Трудно передать, что произошло въ эту минуту. Пассажиры въ ужасѣ вскочили со своихъ мѣстъ и бросились, кто успѣлъ раньше, къ выходу, а кто — къ окнамъ. Произошла страшная паника. Отъ сильнаго толчка многіе оказались сброшенными на полъ вагоновъ; женщины и дѣти молли о помощи; поѣздная прислуга въ первый моментъ точно ошалѣла и не знала, что предпринять. Пассажировъ, кстати сказать, было много. Скоро стало извѣстно, что есть жертвы, и эта вѣсть еще болѣе увеличила переполохъ. Паровозъ пассажирскаго поѣзда оказался сильно поврежденнымъ; ближайшіе къ паровозу вагоны—багажный, почтовый и 2 вагона III класса,—разбиты. Находявшіеся въ почтовомъ вагонѣ почтовый чиновникъ и почталіонъ были первыми жертвами столкновенія. Они получили очень тяжкія увѣчья и были найдены въ безсознательномъ состояніи. Жизнь ихъ въ опасности. Изъ пассажирск. III-го класса пострадало пять человекъ, получившихъ болѣе или менѣе значительныя ушибы. У одного оказалась переломъ лѣвой руки, у другого — разбитая голова. Раненыхъ на носилкахъ вынесли изъ вагоновъ. Въ товарномъ поѣздѣ разбито 9 вагоновъ, при чемъ ближайшіе къ пассажирскому поѣзду превратились въ щепы. О несчастіи немедленно дано было знать на ближайшую станцію „Знаменка“, откуда вскорѣ прибылъ вспомогательный поѣздъ съ желѣзнодорожными врачамъ. Раньше всего было приступлено къ оказанію помощи пострадавшимъ. Имъ были сдѣланы перевязки, послѣ чего ихъ перенесли уже въ стационныя помѣщенія. Спусти два-три часа всѣхъ пострадавшихъ отправили на ст. „Знаменка“ въ сопровожденіи врача. Поѣздъ былъ задержанъ на ст. „Шаровка“ въ теченіе шести часовъ. Разбитые и поврежденные вагоны были отбѣдлены, и при другомъ паровозѣ оставшіеся вагоны были переведены на другой путь. Въ Николаевъ поѣздъ прибылъ лишь въ 2 часа дня, вмѣсто 8 часовъ утра. Слѣдовавшая этимъ поѣздомъ почта, денежные кошельки, посылки и проч. въ Николаевъ не прибыли и неизвѣстно, гдѣ находится.

На Варшавской ж. д. катастрофа вызвана была тоже столкновеніемъ поѣздовъ и произошла на ст. Тлуць, въ 32-хъ верстахъ отъ Варшавы. Самое столкновеніе поѣздовъ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ Варшавы вышелъ рано

утромъ, по обыкновенію, мѣстный поѣздъ № 25, товаро-пассажирскій, совершающій поѣздки между Вѣдостокомъ и Варшавой. Въ 6 ч. 35 м. утра поѣздъ этотъ прибылъ на станцію Тлуць. Здѣсь онъ по расписанію долженъ былъ простоять 4 минуты. Вслѣдъ за поѣздомъ № 25 былъ отправленъ съ соѣдиненной станціи, спустя нѣкоторое время, товарный поѣздъ № 23. Дежурный стрѣлочникъ Юшукъ, по недосмотру, а можетъ быть и вслѣдствіе переутомленія, вмѣсто того, чтобы направить приближающійся къ станціи товарный поѣздъ на запасный путь, пустилъ его на путь, уже занятый товаро-пассажирскимъ поѣздомъ № 25. Товарный поѣздъ продолжалъ идти полнымъ ходомъ, такъ какъ мѣста остановки товарныхъ поѣздовъ у станціи Тлуць на ходится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго вокзала. Только этимъ и объясняется то, что столкновеніе оказалось очень сильнымъ. Голова поѣзда № 23 врѣзалась въ хвостъ поѣзда № 25. Изъ поѣздной прислуги, сопровождавшей товарный поѣздъ, никто не пострадалъ. Всѣмъ имъ удалось соскочить на ходу поезда. Стрѣлочника Юшукъ не удалось разыскать. Изъ 13 вагоновъ, составлявшихъ поѣздъ № 23, 6 разбиты вдребезги вмѣстѣ съ паровозомъ, остальные вагоны болѣе частью повреждены. Въ товаро-пассажирскомъ поѣздѣ разбиты два вагона 3-го класса, а остальные немного повреждены, при чемъ изъ прислуги пострадало тяжело поѣздной кондукторъ, стоявшій на тормозѣ, Некрасовъ и поѣздной смазчикъ Юліанъ Шпаковский. Изъ пассажировъ убито 11 человекъ, а болѣе или менѣе тяжело ранено 25 человекъ. Всѣ раненые были доставлены въ Варшаву и размѣщены частью въ Пражской больницѣ, частью въ больницѣ Иисуса. По доставленіи раненыхъ въ Варшаву, они были встрѣчены врачами, ожидавшими ихъ уже на вокзалѣ. Кромѣ того, были вызваны изъ ближайшихъ больницъ двѣ кареты, такъ-называемой, скорой помощи и 7 частныхъ волонтерскихъ каретъ. Въ мѣстечкѣ Тлуць раненымъ была подала первоначальная помощь оказавшимся въ поѣздѣ тремя врачами.

— Д. А. Деменкова пожертвовала 60,000 руб. на ремесленное училище въ гор. Старобѣльскѣ. Въ настоящее время училищу этому присвоено названіе имени жертвовательницы.

— По словамъ *Новой Времени*, скончавшася недавно въ Вѣнѣ вдова известнаго анатома Грубера, бывшаго профессора петербургской медико-хирургической академіи, отказала по духовному завѣщанію сто тысячъ гульденовъ медицинскимъ факультетамъ русскихъ университетовъ.

„НИВА“

даетъ въ теченіе
одного 1898 года
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложениями:	
Безъ достав-ки въ СПБ.	5р. 50к.
Съ доставкой въ СПБ.	6р. 50к.
Безъ дост. въ Москвѣ, у Н. Печковской.	6р. 25к.
Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи.	7р.
За границу	10р.
Разрочка платежа въ 2 и 3 срока.	

Изъятировъ обязаеніе высчитается бесплатно.

одписчики «НИВЫ» получаютъ въ 1898 г.:

2 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

2 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И. С. УРГЕНЕВА, которое явится первымъ по ОЛНОТѢ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ Стихотворенія Тургенева, не помѣщенные прежнихъ изданій, и будетъ отпеч. на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще болѣе четко, чѣмъ приложения предыдущихъ лѣтъ.

2 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).

ТУРГЕНЕВЪ

полное собраніе сочиненій

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ румодельныхъ и выпильныхъ работъ и выроекъ въ натуральную величину (около 600 рисункъ и чертежъ).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатан. красками.

въ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербург., Малая Морская, 22.

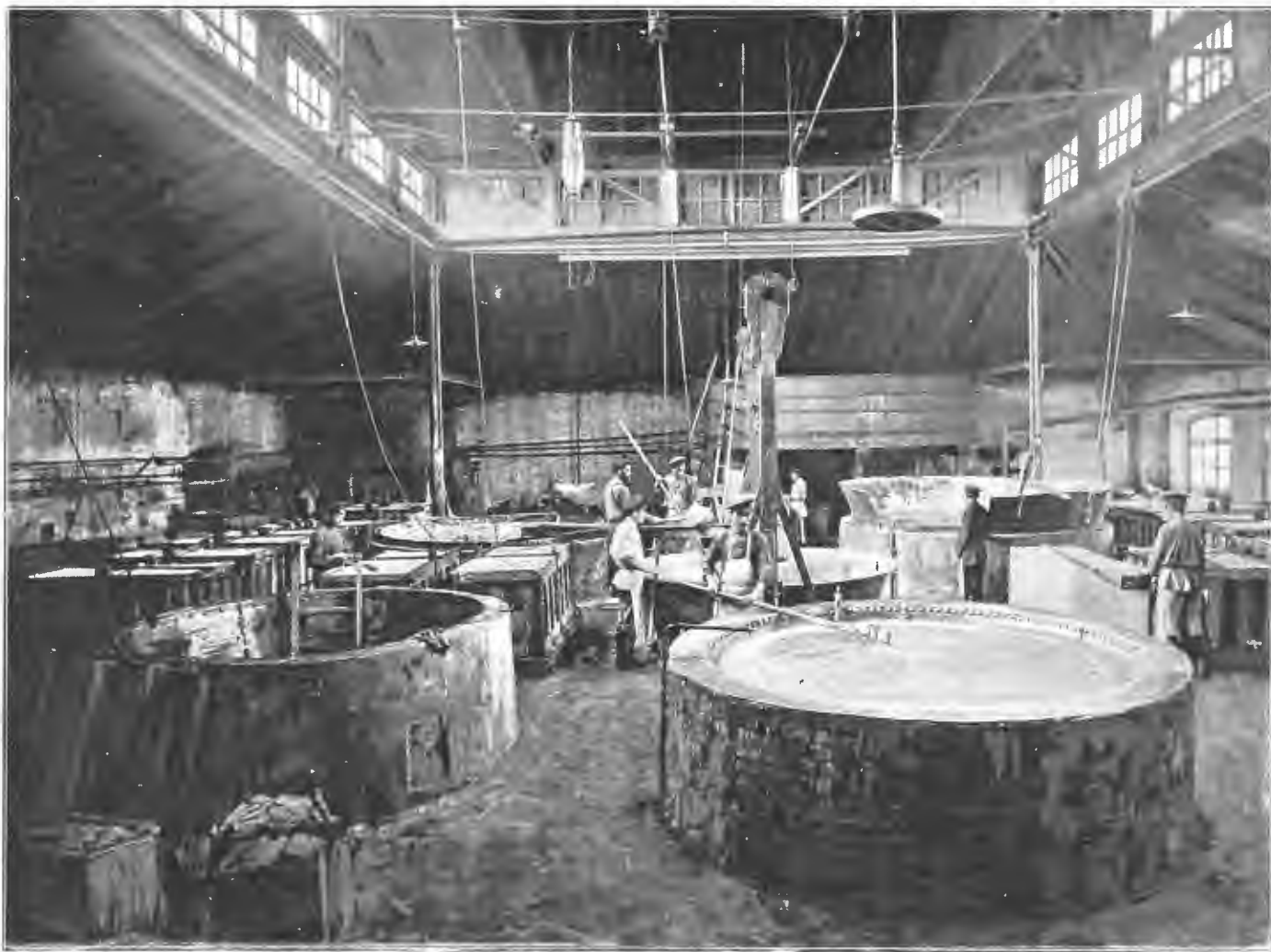
СОДЕРЖАНІЕ: Въ осетинскихъ горахъ. Посмертныя разсказы В. П. Мелиховской. (Окончаніе).—Полярные льды. Очеркъ В. Бердрова. (Съ 5 рис.).—Учтенный ирад. Стих. В. Бугакова.—Къ рѣсушкамъ Черныиной староста.—Тройна.—Первый день стрѣльбныхъ назней.—Письмо отъ илаго.—Охота за козлами на Алтаѣ.—Проводы „построшъ“.—А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ (съ портр.).—Техническое училище Вавельберга и Ротвианда въ Варшавѣ (съ рис.).—Августъ Шереръ-Нестеръ (съ портр.).—Пожаръ въ лондонской Сити (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—0 подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Обязанія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Р. И. Сементковскій.

исским, путем могут быть получены только фруктовые эссенции; для всех других требуются иные приемы, и здесь идеальным по простоте операций, качеству и количеству добываемых продуктов является изучаемый в настоящее время всемирно-известным именем Шириса в Грассе единообразный способ извлечения всех эссенций путем обработки пахучих частей растений химическими реактивами, имеющими свойство растворять эссенции при обыкновенной температуре и затем, испаряясь, отделяться от них. Таковы, напр., хлористый метил и сернистый углерод; последний, прочем, отчасти сообщает эссенции свой специфический запах, который потом приходится устранять щелочной промывкой. В новейшее время, стали почти исключительно пользоваться нефтяным эфиром, обобщающим окончательно вытеснить все другие растворяющие средства. Судя по результатам опытов, этот способ обещает вытеснить все остальные и имеет пред собою блестящую будущность; но пока он едва вышел из стѣн опытных

собой нежелательных химических реакций и значительную потерю эссенции через улетучивание, и явилась возможность распространить способ перегонки на некоторые растения, не выдерживающие разрушительного действия жара. Но кипячение было не единственным недостатком дистиллирного способа: в самой сущности его кроется несовершенство, не оставляющее надежды на его исключительное господство в будущем. Именно, запах каждого цветка представляет собою в сущности, употребляя технический термин парфюмерии, целый «букет», т. е. гармоническое сочетание различных благоуханий цѣлага ряда ароматических элементов, химической состав и свойства которых еще очень мало изучены. Но и теперь известно, что перегонка не извлекает всех составных ароматов, оставляя, например, нетронутым благовонный цветочный воск, и таким образом как бы разрознивает элементы природного запаха, а следовательно и воспроизводит его не вполне. Преимущество в этом отношении остается пока на стороне горячей обработки

МЫЛОВАРНЯ.

лабораторий и обычным, так сказать, фабричным, способом служить перегонка: выгнанный, вместе с водяным паром, эссенция отделяется затем, в силу разницы удельного веса, от воды, служившей при перегонке, простым отстаиванием и сливанием. Так, между прочим, обрабатываются роза и цветы апельсинового дерева, при чем царица цветов дает всем известное розовое масло, а эмблема невинности эссенцию «нероли»; это не единственная эссенция, даваемая собственно апельсиновым деревом; помимо его плодов: из его листьев гонят еще низшую эссенцию, известную под именем petit grain. Вода, оставшаяся от перегонки, имеет приятный, хотя, конечно, сравнительно слабый запах и поступает в продажу под именем «розовой», «флерь-д'оранжевой» и пр., смотря по ее происхождению. Но и в этой области в новейшее время произошел переворот, раздвинувший ее границы и возбудивший смелые ожидания, часть которых уже сбылась. Известно, что перегонка обуславливается разницею давлений, зависящей, в свою очередь, от разницы температур резервуара и приемника; прежде это достигалось нагреванием первого; теперь, оставляя резервуару его нормальную температуру, стали посредством машин, дающих искусственный лед, охлаждать приемник. Таким образом, устранено вредное влияние высокой температуры, влекущей за

жрами, дающей возможность, благодаря растворению восковых частей, подойти ближе к природе. По этому способу цветы смешивают с растопленным жиром, дают смеси остыть и затем выжимают из нее жир, который снова топится и смешивается со свежими цветами, пока, наконец, после многократного повторения этой операции с постоянно возобновляемыми цветами, не получат запаха требуемой силы.

Так как сколько-нибудь рациональные «холодные» способы, описанные выше, стали известны лишь в самое последнее время и не успели еще занять в промышленности подобающего им места, то для цветочных, не выдерживающих высокой температуры, как, например, жасмин и фиалка, и до наших дней сохранился первобытный способ, известный на юге Франции под именем epheutage. Он состоит в следующем: берут рамы, в родѣ оконных, стекла которых покрывают жиром с обеих сторон, на верхний жирный слой рамы насыпают только что сорванные цветы и затем накладывают рамы одна на другую так, чтобы каждый цветочный слой был заключен между двумя жирными поверхностями. Цветы постоянно мнутся, и, спустя более или менее значительное время, иногда через два-три месяца, жир приобретает цветочный запах. Благовонные жиры известны под именем «помады» и мо-

(Продолжение будет напечатано в № 50-м.)

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ И К^о. ВЪ МОСКВѢ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
самый дешевый политический, литературно-художественный
и сатирический съ карикатурами журналъ

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

40-й юбилейный годъ изданія.

Въ 1898 г. Развлечение на возвышая платы 6 р. даетъ подписчикамъ

50 №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 рисунковъ карикатуръ. Массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціи. Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей. Въ память 40-лѣтняго юбилея всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ юбилейный номеръ. № 10684 3-1

Въ 1898 году редакция устраиваетъ

КОНКУРСЪ

НА ЛУЧШІЕ ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗОРАЗЫ,
 за каковыя назначаются преміи въ 500 р., 300 р. и 100 р.
 и жетонъ именной золотой и серебряный.

Годовая цѣна журнала **шесть рублей.**

Пробный № высылается за три семикоп. марки.

Адресъ: Москва, Тверская, д. Чижова, редакция РАЗВЛЕЧЕНИЕ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНОВА:

ЗАЕМЪ, ЗАКЛАДЪ и ЗАЛОГЪ.

(№ 5 „Популярно-юридической библиотекѣ“). Составилъ Я. В. Абрамовъ.

Цѣна книги 25 коп.

Ц. № 10683

НЕ НАДО ПЛАТИТЬ

за покупку машинъ по 200 и болѣе рублей, такъ какъ теперь можно приобрести нов. констр. пиш. маш. „Блимендерферъ № 5“ за 100 р. съ ручательствомъ у

Ф. КИММАНЪ въ № С.-Петербургъ. Гороховая, 17.

ПОДПИСКА, НА 1898 ГОДЪ, НА ЕЖЕДН. ГАЗЕТУ

„ГЛАСНОСТЬ“ (г. II)

И ЕЖЕМ. ЖУРНАЛЪ (г. XVII)

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

(Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКИЙ).

Цѣна журнала: за годъ съ дост. и перес. вног. 12 р., за полгода 6 р., за три мѣс. р. За грам. за годъ 14 р., за полгода 7 р.

Цѣна газеты: за годъ съ дост. и перес. 10 р., за полгода 5 р., за три мѣсца 2 р. 50 к., а 1 мѣсяць 1 руб.

И журналъ, и газета будутъ выходить съ иллюстраціями.

Главная контора: СПб., Пумкинская ул., № 8.

Открыта подписка на иллюстрированный журналъ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издается съ 1885 г.
 5 РУБЛЕЙ
 безъ до-
 отаки.
 отъ доот. и
 перес.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО И ПРИ УЧАСТІИ

ОТЦА ЮАННА КРОНШТАДТСКАГО

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ МѢМЪ
 въ 16 стр. бол. форм.
 и КРОМЪ ТОГО, БЕЗПЛАТНО, ИСПОЛНЕННАЯ ВЪ 12 КРАСОКЪ НА МЕТАЛЛЪ

КОПИЯ СЪ ЧУДОТВОРНОЙ ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Полное объявленіе и пробный № высылаются за 7 к. марку.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стрѣмянная ул., № 12, собств. домъ

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ. Ц. № 10645 3-2

Открыта подписка на 1898 г. на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

12-й годъ изданія.

Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ, необходимое для техника, ремесленника, кустара, сельскаго хозяина, любителя ремесла, для школы и во всякой семьѣ.

Въ каждомъ № помѣщаются: советы, рецепты, указанія и понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и неразрушимымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастеровыхъ и хозяйства.

Каждый подписчикъ найдетъ въ „Ремесл. Газетѣ“ много такихъ указаній, которыя принесутъ ему значительныя выгоды. — Редакция сверхъ того оказываетъ возможное содѣйствіе гг. подписчикамъ отгѣтами на разныя ихъ запросы.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: 6 р. въ годъ съ перес. и доставкой, за 1/2 года 4 р.

„Ремесленная Газета“ рекомендована Министер. Нар. Просвѣщенія.

Редакторъ-издатель Учен. Инж.-Мех. К. А. Назначевъ.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. ЛЕЙНИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористический журналъ большого формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными).

52 №№ въ годъ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 6 р., на три мѣсца 3 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсца 2 р. 50 к. За границу на годъ 10 руб. Допускается разсрочка.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербурѣ, въ Спасской ул., д. № 17.

3-1 Редакторы-издатели: № 10681 Н. Лейнинъ и Р. Голикъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
 ЛАБОРАТОРИИ

„Сафо“ ДУХИ; „Сафо“ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
 „Сафо“ ПУДРА; „Сафо“ ТУАЛЕТНАЯ ВОДА
 ПРОДАЕТСЯ ВЪСЬДѢ.

Достоинство этихъ препаратовъ давно заслужившиширокую известность и полную одобреніе потребителей въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, КОЛОМЕНСКОЙ УЛИЦѢ, № 12
 МОСКВА НИКОЛАЕВЪ и ШЕРЕМЕТЬЕВА, ВАРШАВА ПЕРВАЯ ПЕРЕКРЕСТКЪ, 37.

Открыта подписка на 1898 годъ НА ТРИ ИЗДАНІЯ:

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА НОВОСТИ ДНЯ

XVI годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жизни, отбѣлая событія въ возможной полнотѣ, въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи ОТЪ СОВѢТЕННЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ изъ ПЕТЕРБУРГА, изъ ПРОВИНЦІИ и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ — изъ ПАРИЖА, БЕРЛИНА, ВЬННА, РИМА, ЛОНДОНА, НЬЮ-ІОРКА и друг. Ежедневно помѣщается балетристическій фельетонъ.

Кромѣ того, чтобы дать читателямъ иллюстраціи, редакция заботъ въ своемъ распоряженіи

ДРУГОЕ СВОЕ ИЗДАНІЕ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЕМЬЯ

VI годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ собою вполне изысканное изданіе, съ весьма разнообразными текстами и массой портретовъ (переходъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусства и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Возможность изданія журнала въ такомъ изящномъ и полномъ видѣ за 2 р. въ годъ составляетъ тайну редакціи.

Въ 1-мъ № „СЕМЬИ“ начнеть печататься новый романъ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНА „ВЕСЕЛЫЙ ЛЮДЬ“ (изъ московской жизни).

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ“ 8 р., а съ еженедѣльнымъ журналомъ „СЕМЬЯ“ въ годъ 10 р., на шесть мѣсцевъ — 6 р. 50 к., на три мѣсца 3 р., на одинъ мѣсяць — 1 р., „СЕМЬЯ“ отдѣльно въ годъ — 2 р.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

VIII годъ изданія.

Выходитъ еженеждѣльными книжками и даетъ въ русское переводъ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна на всѣ три изданія 12 руб.

За эту сумму подписчикъ, съдѣловательно, получаетъ: 1) годовую экземпляръ газеты „Новости Дня“, 2) ежемѣсячный журналъ „Новости Иностранной Литературы“, 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе „Семья“.

„Новости Дня“ и „Новости Иностранной Литературы“ въ годъ — 11 р. „Новости Дня“ и „Семья“ — 10 р.

Къ съдѣлію публикующихъ: „Новости Дня“ и „Семья“ печатаются въ количествѣ 35.000 экземпляровъ. Ц. № 10694 2-1

Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

Издатель А. ЛИПСКЕРОВЪ.

CREME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-8

Ц. № 10678 4-1

На 1898 г. ВЪСТНИЛЪ ТИРАЖЕЙ

помѣщаетъ всѣ тиражи таблицы, безусловно вѣрна, съ прибавлен. №№ непредвѣданныхъ къ оплатѣ. На годъ бѣтъ доставки . . . 4 р. . . съ дост. въ СПб. . . 5 р. . . во всѣхъ м. Импр. 6 р. Подписка въ Банкирскомъ домѣ Генриха Блоккъ. 59. Невскій, СПб.

7 разъ удостоены первыи премій. **СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ и пр.** неподражаема по тону и качеству. Старин. итальяскіе инструменты въ громадн. выборѣ. **ЦЕТРЫ**, всемирно-извѣстны по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Всѣ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются бесплатно. **Братья ВОЛЬФЪ.** Фабрика струнныхъ инструм. Крейцнахъ.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллионъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Пранудовой, кв. 40. Проф. кал. Ф. Нондарисъ.

БЕЗПЛАТНО высылаются программы и условія исполнѣ общедоступнаго звучнаго (путемъ перенесенія) преподаванія искусства укрѣпленія и изобрѣтенія памяти и устраненія расхлябанности (мнемоники). Память лицъ всякаго возраста укрѣпляетъ Мнемонистъ С. Берновичъ. Отличный успѣхъ гарантируется. Книга за 2 7-ми коп. марки. Адресъ: Въ контору издательства О. Н. Гольберга, Пушкинск. № 41, соб. домъ, въ ОДЕССѢ.

ОБШИРНЫЙ РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ А. Е. КУЛАКОВЪ
въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, 38.
поставщикъ экономич. общества офицеровъ гвард. корпуса.
Предлагаетъ лучшаго качества и по дѣйствительно дешевымъ цѣнамъ изъ своихъ складовъ въ громадн. выборѣ всевозможные музык. инструм.: скрипки, альты, гитары, цитры, мандолины, балалайки, струны, флейты, корнеты, самоиграющіе оркестріоны, концерто, піано-мелодико, піанно, гармоніумъ, полифонъ, симфоніоны, арфежіоны, мапонаны, герфоны, арстоны, феліксы, англ. концертно, вѣскія, вѣскокы и русскія гармоніи, и проч., и проч.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно; по полученіи задатка 20% требуемое высылаются наложеннымъ платежомъ на остальную сумму. Юбилейный русскоиыи мастерицъ. прейсъ-курантъ на 1896-97 г. всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ высылаются бесплатно.

НОВАЯ ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ по 4, 8, 12, 18, 25 и 40 руб.
въ которыхъ выключены всѣ необходимыя украшения, какъ равно и послѣднія здѣшнія и заграничныя новости. Любимыи клоуныи въ каждой коллѣкціи! Кроме того исключительно къ юмизъ коллѣкціямъ приложены оригинальные китайскіе фонарики, а затѣмъ еще весьма практичныи и удобный аппаратъ для зажиганія и потушенія свѣчей. Больше подробныи свѣдѣнія благоволяте усмотрѣть изъ № 41 журнала отъ 11 октября с. г.
Цѣны безъ пересылки. Упаковка бесплатна. Высылка наложеннымъ платежомъ. **ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ**, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій, 82. Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82. Ц. № 10641 8-3

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЪСДѢ

Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія ГЕМОРОЯ
патентованные пессаріи д-ра мед. ШЕНЕ
специалиста по мелкодочно-анемичнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обратиться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же къ фабрикантамъ **УРШРУНГЪ и К°.**
въ Барменъ, Германія.
Ц. № 10596 Корреспонденція и на рускомъ языкѣ. 6-5

№ 4711. Это любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.)
Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ цодѣлей не выдыхающійся.
№ 4711 du Rhin. Вѣсь одинаковаго превосходнаго качества.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ПАМЯТЬ
лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и значно профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинскій и Баз. ул., собственный домъ, № 28.
Условія и брош. (въ 32 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-12

НОВОСТЬ! Цветочная вода ЛЕВКОЙ
поставщикъ Высочайшаго Двора **А. Ралле и К°.**
За флаконъ 60 к. и 1 р.

1 р. 70 к.
крош 15 к. герб. марк. страхуетъ о. Янк. 98 г. Банкирскій домъ **ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.**
59, Невскій.

PASTA EUGÉNIE PAR BERTHA RIES.
Придаетъ лицу красоту, мягкость, бѣлизну, живность и свѣжесть. Ц. 1 р. 60 к. Можно получать въ худ. антек. и косм. магазинахъ.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
Лилипутъ
со шире. въ зашнеломъ кошель. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азиат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дорож. „Лилипутъ“ лучшій бинокль нашего времени, удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, болѣе и тяжелые бинокли.
Е. КРАУСЪ и К°.
Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ. СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2-1
Иллюстр. пр.-кур. высыл. за семи-коп. марку.

1200
стилизованныи узоры для выпилванія, углубленной и рельефной резьбы, выжиганія и живописи по дереву, и пр. и пр. Рисунки выжигаются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и материалы. Газета „Делетантъ“. Иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются за 30 цф. почт. марк. **Meu & Widmayer, München.**
Волонный дѣлать наружныи, внутреннии болѣзныи электрофор. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 10481 6-5

XXVIII г.

№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книг литературных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

Выданъ 6 декабря 1897 г.

Цена этого № 20 к., с пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цена годового издания „Нивы“ со всеми приложениями на 1898 г.: 12 книг Сборника „Нивы“, содержащих полное собрание сочинений И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книг „Литературных приложений“, и пр., и пр.

Без доставки в	5 р. 50 к.	Без доставки в	6 р. 25 к.	С доставкой	6 р. 50 к.	С пересылкою	7 р.	За	10 р.
Петербург.		чр. контору Н. Н. Печковской,		в Петербург.		в Москву и др.		границу.	
		Петровскія торговля линіи.				города Россіи . .			

Подписка на 1897 г. продолжается, и каждый новый подписчик получает все уже вышедшие в 1897 г. №№ „Нивы“ со всеми приложениями.

При сем прилагаются: 1) СОЧИНЕНИЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. XII (Сборникъ «Нивы» за Декабрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ 1897 г. съ 30 рис. и отдѣл. листъ съ 27 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 16 рис. вышивальныхъ работъ.

На медвѣдя. Съ карт. Р. Френца, грав. Цехомскій.

Новыя впечатлѣнія.

Разсказъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

I.

Курдюмовъ захлопнулъ за собой дверь и остановился передъ женой. Онъ первымъ жестомъ разстегивалъ воротникъ форменнаго сюртука. Вся его богатырская фигура вздрагивала отъ волненія. Жалко было смотрѣть на его добродушное, красивое лицо; такое несвойственное ему выраженіе безнадежнаго гнѣва читалось на немъ. Какъ всѣ полнокровные люди, сердился онъ до багроваго румянца, и воротъ душилъ его.

— Нечего сказать, сударыня! Хорошенькаго сына вы мнѣ приготовили! — наконецъ разразился онъ. — Въ 12-ть лѣтъ негодяй нервничаетъ, какъ старая кокетка, страдаетъ Weltschmerz'емъ, не желаетъ учиться и ищетъ новыхъ впечатлѣній. На что онъ годится? Кому онъ нуженъ? Погубили мальчишку своимъ дикимъ воспитаніемъ.

Анна Сергѣевна, опустивъ на колѣни работу, робко смотрѣла на мужа, часто-часто мигая свѣтло-голубыми глазами. Приѣздъ мужа ее не то смущалъ, не то беспокоилъ; она мысленно страдала за своего Дика, и думала:

„Нѣтъ у мужчинъ сердца! Несчастный ребенокъ такъ нервенъ, а онъ его совсѣмъ не жалѣетъ. Ужъ строилъ бы онъ свои дороги, — право, безъ него спокойнѣе было!..“

Дѣйствительно, когда пять лѣтъ тому назадъ Курдюмовъ уѣхалъ на дальній Востокъ, Анна Сергѣевна, хотя и очень много плакала, узнавъ о его рѣшеніи оставить ее и 6-лѣтняго Дика въ Москвѣ, на попеченіи бабушки, Лизаветы Романовны Сухоруковой, — но скоро и легко съ этимъ примирилась, и за пять лѣтъ освоилась со своимъ образомъ жизни настолько, что теперь перемѣна ее немного тяготила. У генеральши Сухоруковой былъ барскій особнякъ съ колоннами и тѣнистымъ садикомъ въ Сень-Жерменскомъ предмѣстїи Москвы — въ одномъ изъ переулочковъ между Арбатовъ и Пречистенкой. Тамъ она жила съ молоденькой воспитанницей и массой женской прислуги, жила чисто по-московски: съ пирогами по воскресеньямъ, баней по субботамъ и поѣздками къ Троицѣ по праздникамъ, съ ложей въ Маломъ театрѣ по понедѣльникамъ и съ массой французскихъ романовъ по всѣмъ угламъ. Она переѣхала туда съ Дикомъ и старой нянькой, снова заняла свою дѣвичью, обитую розовымъ кретономъ, комнатку — и жизнь у нихъ пошла тихо и мирно. Анна Сергѣевна никогда не любила особенно выѣздовъ и развлеченій, не была кокеткой; лѣтъ 18-ти у одной изъ тетюшекъ она встрѣтилась съ Курдюмовымъ, и, какъ часто бываетъ, этому мощному, жизнерадостному силачу понравилась робкая, эфирная блондиночка, носившая за генеральшей ея шали и флаконы, такъ невинно и скромно, какъ средневѣковая Гретхенъ.

Они обвѣнчались, а черезъ полгода имъ уже абсолютно не о чемъ было другъ съ другомъ разговаривать. Впрочемъ, жили они мирно и спокойно, — тѣмъ болѣе, что Анна Сергѣевна вся ушла въ своего единственнаго ребенка. У молодой женщины былъ до того нерѣшительный и слабый характеръ, что она невольно на рожденнаго ею въ мукахъ ребенка смотрѣла съ паивнымъ благоговѣніемъ, какъ на живое доказательство того, что и она способна на такой же подвигъ, какъ и другія женщины. И вся ея жизнь сосредоточилась въ мальчикѣ, такъ что отъѣздъ мужа не внесъ пустоты въ ея существованіе.

Дикъ былъ хорошенькій, крѣпкій и живой мальчикъ; но Анна Сергѣевна водила его до 8 лѣтъ въ длинныхъ платьицахъ, и сожалѣла объ одномъ, что онъ не родился дѣвочкой.

Помилуйте! Мальчиковъ неизбѣжно надо когда-нибудь отдавать въ гимназію; вообще, наступаетъ время, когда они ускользаютъ отъ вліянія и надзора матери; а тамъ... разные товарищи... куренье папирсъ тайкомъ... верховая ѣзда... разные специально мужскія развлеченія, отъ которыхъ не можетъ не страдать сердце матери...

Впрочемъ, утѣшала себя Анна Сергѣевна, ея Дикъ не такой, какъ всѣ другіе мальчики: онъ такъ съ ней откровененъ, всѣмъ дѣлится съ ней; и кромѣ того, онъ такъ развить, такъ уменъ! Онъ уже теперь отлично понимаетъ, что можетъ огорчить его мать.

И дѣйствительно, они удивительно „дружно“, жили съ Дикомъ.

Курдюмовъ часто писалъ ей, чтобы она взяла къ мальчику гувернера, но Анна Сергѣевна даже не принимала, зачѣмъ Дикъ нуженъ гувернеръ?

— Другое дѣло, если-бъ я была любительницей развлеченій, — говорила она. — Тогда, конечно, мой мальчикъ былъ бы постоянно одинъ, и ему понадобился бы гувернеръ. Но я для Дика отказываюсь и отъ знакомствъ, и отъ выѣздовъ, и отъ приемовъ; я сама его одѣваю и сама ему готовлю какао; я не бываю въ театрахъ, потому что онъ не заснетъ, пока я сама его не уложу и не сяду у его кровати. Я живу только Дикомъ и только для Дика, къ чему же ему надзоръ чужого человѣка?

Кромѣ того, Анна Сергѣевна рѣшительно противилась знакомству Дика съ другими дѣтьми.

— Богъ знаетъ, чему они его научатъ! Мальчики всѣ такіе шалуны; я не довѣрю чужому воспитанію. Дикъ гораздо безопаснѣе быть всегда при мнѣ.

И все общество Дика составляли мать, бабушка, Мери и нянька, если не считать стараго бабушкинаго „Молика“.

Анна Сергѣевна, по натурѣ необычайно робкая, отчасти робѣла и передъ своимъ сыномъ, когда онъ изумлялъ ее какими-нибудь выходками, обличавшими въ немъ курдюмовскую кровь. Смысленный ребенокъ инстинктомъ понималъ характеръ матери и сумѣлъ всецѣло себѣ подчинить ея созданную для подчиненія натуру. Ея безумная боязнь, чтобы ея Дикъ не уклонился отъ той теоріи воспитанія, которую она себѣ создала, заставляла ее пускаться на хитрость и стараться всячески задобрить Дика. По цѣлымъ днямъ она занималась тѣмъ, чтобы выдумать мальчику какое-нибудь интересное развлеченіе или забаву, вознаграждая его за отсутствіе общества. Но, несмотря на отчаянныя старанія Анны Сергѣевны, ни ея характеръ, ни доступныя ей понятія развлеченія — не гармонировали съ живымъ характеромъ Дика.

Мальчикъ читалъ, рисовалъ, красилъ, клеилъ корбочки, вырѣзалъ и одѣвалъ бумажныхъ куколъ, даже вышивалъ; когда подросъ, устраивалъ телефоны, фонографы, вертѣлъ аристокны, снималъ карманнымъ аппаратомъ фотографіи и т. п. Въ игрушечныхъ магазинахъ для него уже не было ничего новаго. Всѣ игры и игрушки его занимали на минуту и быстро надѣдали. Какъ своего рода Донъ-Жуанъ въ поискахъ за своимъ идеаломъ, искалъ этотъ одиннадцатилѣтній скептикъ чего-нибудь новаго — и не находилъ. Ему смутно хотѣлось чего-то другого, чего — онъ не зналъ; и потому онъ бродилъ сонный, разочарованный — и невыносимо скучалъ съ матерью. Съ бабушкой было не лучше. Бабушка только и дѣлала, что раскладывала пасьянсы, или совѣтовалась съ поваромъ насчетъ обѣдовъ; по утрамъ она ѣздила къ обѣднѣ, днемъ къ вечернѣ, а вечеромъ ко всенощной, а въ свободное время принимала докторовъ или знакомыхъ дамъ.

Ближе всѣхъ по возрасту къ нему подходила Мери; но, несмотря на свои 15 лѣтъ, эта блѣдная, хорошенькая дѣвица была въ высшей степени мечтательной и романтической особой. Гдѣ была Мери, тамъ были и раскрытыя книги, и мокрые носовые платки, такъ какъ ея чувствительное сердце доводило ее до слезъ. По цѣлымъ днямъ она читала на виду англійскіе романы, а тайкомъ отъ бабушки французскіе, поглощала невѣроятное количество шоколаду, а въ свободныя минуты писала у себя наверху что-то въ синей тетрадь, которую запирала на ключъ. Такимъ образомъ, и она представляла для Дика мало ресурсовъ.

Въ концѣ концовъ, интереснѣе другихъ была нянька. Стара она была до того, что уже получила отставку и доживала свой вѣкъ на покой. Дикъ любилъ слушать, какъ она молится. Молилась она очень подолгу, поминая сначала Богородицу.

— Помилуй насъ, Богородица Иверская!

— Помилуй насъ, Богородица Казанская!

Затѣмъ шли: Тихвинская, Черниговская, Утоли мои печали, Умягченія злыхъ сердець, Взысканія погибшихъ, Отъ бѣдъ страждущихъ, Всѣхъ скорбящихъ и т. д., и т. д., причемъ она наивно боялась пропустить которую-нибудь и обидѣть Божію Матерь.

Затѣмъ, она начинала поминать, сначала за здравіе, потомъ за упокой, всѣхъ своихъ родственниковъ, свойственниковъ, господъ и этихъ, и бывшихъ, всѣхъ поименно: Напраксиныхъ, раба Божія Федора, рабу Божію Елену и младенцевъ Алексѣя, Василия и Анну; причемъ, чтобы не произошло какого-нибудь недоразумѣнія, она прибавляла, шамкая и крестясь:

— „Здѣсь, въ Москвѣ, на Арбатѣ, въ собственномъ домѣ, въ собственномъ домѣ!“

Это ужасно правилось Дикю, а кромѣ того, она хорошо помнила много сказокъ, и когда Дикъ приходилъ къ ней, то она поила его чаемъ съ клюквенной пастилой и развлекала его праздную фантазію приключеніями Мальчика-кувшинчика, царевны Несмѣяны, лисицы и кота и т. п. Но съ теченіемъ времени Дикъ запомнилъ ея сказки лучше ея самой,—память у него была прекрасная,—и съ тѣхъ поръ онъ по цѣлымъ днямъ ходилъ и охаль:

— Господи! Что бы мнѣ дѣлать? Мама, да придумай, чѣмъ же мнѣ заняться?!

Мать, вся взволнованная, говорила:

— Дикъ, почитай!

— Я все перечиталъ, и у меня ужъ глаза болятъ отъ вашего чтанья!..

— Ну, порисуй...

— Что же мнѣ нарисовать?

— Ну, нарисуй человѣчка...

— Я уже всю тетрадь изрисовалъ человѣчками.

— Ну, домикъ... или лагерь... или замокъ...

„Художникъ въ погонѣ за сюжетомъ“ моталъ кудрявой головой и взывалъ отчаянно:

— Все надоѣло! Господи, что бы мнѣ дѣлать?!

— Ну, коробочки поклеить?

— Нѣтъ, скучно, скучно! — И ребенокъ чуть не плакалъ.

— Ну, пойдемъ къ бабушкѣ заказывать обѣдъ?

— Пожалуй, пойдемъ! — нехотя соглашался Дикъ; это все-таки было занятіе не безрезультатное; и они отправлялись къ бабушкѣ, призывался старый Михеичъ въ бѣломъ колпакѣ, и Дикъ съ тонкимъ знаніемъ гастронома отбѣивалъ курникъ съ рисомъ или заказывалъ котлетки изъ мозговъ съ шампиньонами. Желаніе его было закономъ,—и въ 11 лѣтъ у мальчика развивалась жадность.

Анна Сергѣевна приучала его еще интересоваться модами, костюмами, дамскими рукодѣльями и т. п. Въ немъ развивали „вкусъ“, и Дикъ кокетничалъ, какъ дѣвочка. Мать серьезно совѣтовалась съ нимъ насчетъ

своихъ туалетовъ и его костюмовъ; передавала ему свое серьезное отношеніе къ этому вопросу и гордилась тѣмъ, что одѣвается по „его вкусу“. Самъ онъ неохотно смѣнилъ, въ 8 лѣтъ, костюмъ дѣвочки на брючки; сапоги онъ ни за что не желалъ носить. Онъ ходилъ зимой въ бархатныхъ курточкахъ съ кружевными воротниками, въ черныхъ чулкахъ и желтыхъ туфляхъ; лѣтомъ у него были бѣлые матросскіе костюмы съ голубыми и розовыми воротниками. Иногда, Дикъ, смотря въ окно паниной комнаты на сосѣдній дворъ, видѣлъ тамъ толпу мальчиковъ—не похожихъ на него и безъ кружевныхъ воротниковъ; они играли въ спѣжки, бѣгали, прыгали, румяные, веселые, съ блестящими глазами.

Тогда у Дика являлось страшное желаніе посмотреть, какъ это они такъ весело играютъ, и, тоже съ блестящими глазами, онъ просилъ мать:

— Мама, пусти меня къ нимъ!

Но тутъ Анна Сергѣевна выказывала характеръ. Она ахала, вскрикивала:

— Несчастный ребенокъ! Играть на морозѣ, Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ какими-то уличными мальчишками, да мало ли что ты можешь у нихъ схватить: дифтеритъ, скарлатину, тифъ!..

Ея собственныя слова еще больше пугали ее, и она плакала, повторяя:

— Дикъ, Дикъ, ты меня убиваешь!..

Впечатлительный и въ сущности добрый Дикъ самъ чуть не плакалъ, видя ея слезы, и, цѣлуя ея руки, твердилъ:

— Мама, мама, я не буду, не буду больше, только ты не плачь!—и повторялъ часто слышанныя слова:

— Не волнуйся, не волнуйся, прошу тебя!—при чемъ самъ наливалъ ей валерьяновыхъ капель въ рюмочку, и они выходили къ обѣду, хотя еще вздыхая и съ красными глазами, но держа уже другъ друга за руки.

Въ концѣ концовъ онъ примирился со своимъ положеніемъ и даже не пробовалъ протестовать.

Учиться—даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ ему приходилось—было для Дика постоянное мученіе; онъ такъ привыкъ, чтобы все ему само шло въ руки, что не дававшаяся ему задача или диктовка заставляли его плакать; а, глядя на его плачущую физиономію, Анна Сергѣевна до того разстраивалась, что брала у него учебники и говорила:

— Отдохни, голубчикъ, не утомляйся. Ахъ, Боже мой, у тебя что-то головка горяча!.. Мама, да у него жарокъ! Дикъ, ангелъ мой, не хочешь ли принять... Тутъ Дикю что-то шепталось на ухо. Онъ морщился и кричалъ:

— Не хочу! Не хочу! Да что жъ это такое!..

— Ну, ну, не надо, голубчикъ, если ты не хочешь... Я такъ только, тебя вѣдь никто не заставляетъ.

Но Дикъ никакъ не могъ успокоиться и со стономъ повторялъ часто слышанныя слова:

— Ахъ, какъ ты меня разстроила, какъ разстроила!..

— Милый, дорогой мой, не волнуйся! — умоляла мать.—Ну, хочешь горячаго чайку... съ вареньемъ?

— Не хочу!

— Можетъ-быть покушаешь чего-нибудь? Хочешь, велю изжарить рябчика съ пикулями?

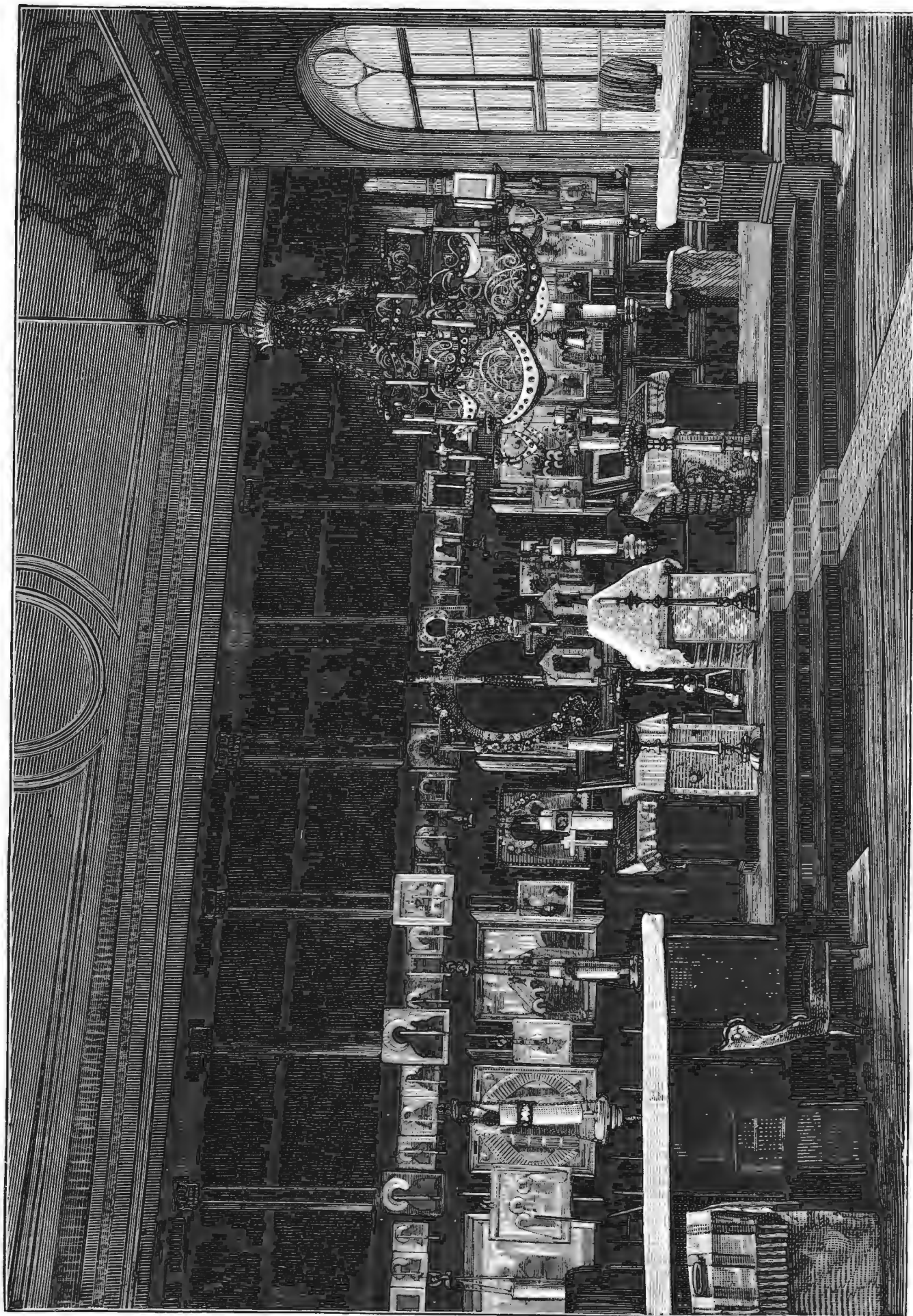
— Нѣтъ... вотъ что,—рѣшилъ Дикъ послѣ короткаго размышленія:—я, пожалуй, поѣмъ омаровъ.

— Вотъ и отлично!

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда вернулся домой Курдюмовъ.

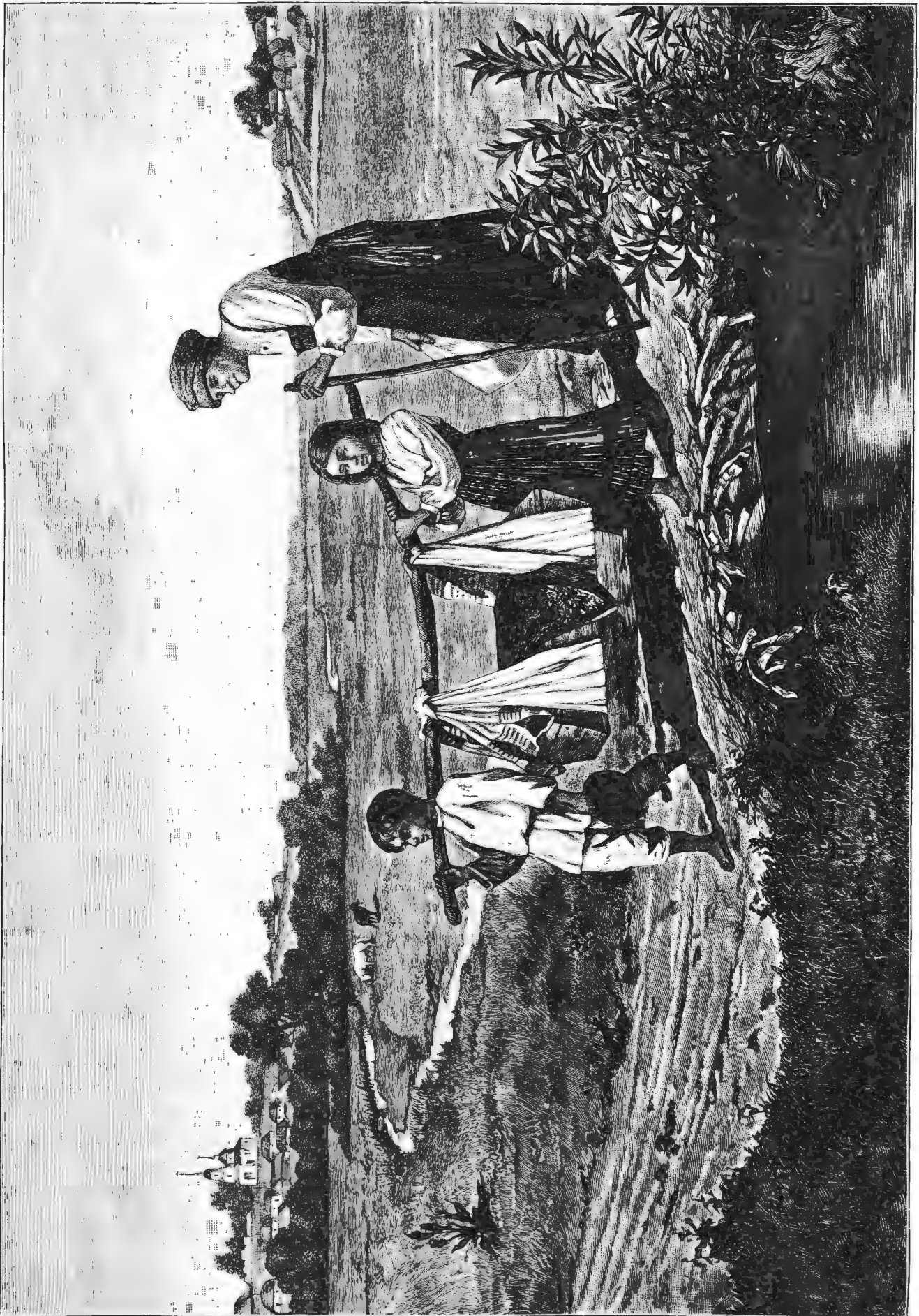
II.

Курдюмовъ привезъ пеструю атласную „курму“, вышитую бабочками, Аннѣ Сергѣевнѣ, креповую китайскую шаль генеральшѣ и шелковые платочки и остроносые туфельки Мери; для Дика въ его чемоданахъ

Старобрядческая молельня на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. Внутренній видъ молельни.
Съ фотогр. Вегингера грав. Рашевскій.

Похороны въ деревнѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) к. Трутовскаго, грав. Шюблеръ.

была масса китайскихъ игрушекъ, начинала съ соломенныхъ черепахъ и кончала арбалетомъ.

Дикъ поблагодарилъ съ небрежной граціей маленькаго принца, минутъ пять занялся игрушками съ снисходительной усмѣшкой—и оставилъ ихъ въ углу. Потомъ онъ началъ разспрашивать отца: вкусны ли ласточкины гнѣзда и супъ изъ черепахъ, и правда ли, что китайскія дамы не одѣваются по парижскимъ модамъ?

Мать и бабушка слушали эти разговоры съ горделивымъ восторгомъ, смотря на Курдюмова съ нѣмымъ вопросомъ въ глазахъ:—неправда ли, какъ онъ развитъ?

А Курдюмовъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, и уже не зналъ, смѣяться ли ему, или сердиться: вмѣсто здороваго сорванца, какимъ онъ надѣялся увидѣть сынишку, онъ видѣлъ изнѣженнаго, аффектированнаго мальчишку, которому не хватало только юбки для сходства съ барышней.

Послѣ обѣда Дикъ, между прочимъ, сообщилъ ему, что мама страдаетъ первами, и что они думаютъ въ этомъ году проѣхать на воды; затѣмъ любезно выразилъ надежду, что папа не будетъ съ ними скучать—въ Москвѣ такъ много развлеченій—и наконецъ замѣтилъ, что, впрочемъ, на Востокѣ очень интересно, такъ какъ тамъ масса, не похожаго на Россію.

Потомъ онъ уткнулся въ книгу, и вскорѣ въпустилъ съ Мери они проливали слезы: она—надъ несчастьями какой-то Белинды, онъ—надъ приключеніями Копперфильда. Когда онъ ушелъ спать вечеромъ, а Анна Сергѣевна собственноручно готовила мужу постель, пока въ кабинетѣ, и надѣвала кружевные наволочки на голубыя подушки, Курдюмовъ спросилъ ее:

— Скажи, пожалуйста, Анюта, что ты сдѣлала изъ Дмитрія?

— А что?—испуганно обратилась къ нему жена.— И ты тоже находишь, что онъ слишкомъ слабъ? Не даромъ я хотѣла его везти къ Захарьину!..

— Слабъ? Какого чорта слабъ? Онъ, слава Богу, въ отца пошелъ!—сказалъ Курдюмовъ, со своей высоты глядя на Анну Сергѣевну (которой онъ часто въ видѣ шутки говаривалъ, бывало: что, какъ тамъ у васъ внизу—дожди нѣту?).— Онъ здоровъ, какъ рыба; но отчего у него такія манеры невозможныя?

— У Дика плохи манеры?—съ изумленіемъ и возмущеніемъ вскрикнула жена.

— Ломается, какъ обезьяна на ярмаркѣ.

У Анны Сергѣевны уже дрожала голова.

— Отчего ты такъ несправедливъ къ бѣдному мальчику, Алексѣй Петровичъ? Ты находишь удовольствіе огорчать меня въ первый вечеръ своего пріѣзда?..

И крупныя слезы закапали на перину, которую она взбивала.

Курдюмову стало жаль жены:

— Ну, полно, Нюта,—проворчалъ онъ, начиная снимать сюртукъ.— Я вовсе не хотѣлъ тебя огорчать. Посмотримъ... что будетъ завтра?..

Прошло завтра, послѣзавтра,—цѣлый мѣсяцъ со дня пріѣзда Курдюмова. Они переѣхали въ домъ рядомъ съ бабушкинымъ; мало-по-малу исчезли обойщики и драпировщики, появилась вернувшаяся изъ складовъ мебель, въ гостиной поставили рояль и пальмы, въ столовой на стѣнахъ повѣсили nature-mortes, изображающіе дичь и фрукты; въ кухнѣ застучалъ ножами поваръ; горничныя забѣгали изъ людской въ кучерскую, и все начало входить въ обычную колею.

Анну Сергѣевну только, привыкнувъ къ монашеской жизни у бабушки, немного стѣсняло и хозяйство (такая отвѣтственность!), и присутствіе мужа, входившаго когда угодно въ ея спальню, наполнившего домъ мощнымъ голосомъ, смѣхомъ и запахомъ сigarъ.

Кромѣ того, ей пришлось перенести первое страшное горе, а поэтому и первую семейную сцену: Курдюмовъ перевелъ Дика изъ спальни жены въ отдѣльную дѣтскую.

Дикъ привыкъ къ маминой комнатѣ, къ большой орѣховой кровати съ стеганымъ одѣяломъ, куда онъ по утрамъ прибѣгалъ къ матери. Кромѣ того, онъ и боялся спать одинъ, и у него каждый вечеръ дѣлалась истерика, а за нимъ и у Анны Сергѣевны.

Наконецъ, Курдюмову надоѣло слушать рыданія, упреки жены и тещи въ безсердечіи и возгласы поэтической Мери, сравнивавшей его съ „тираномъ Борджіа“, исторію котораго она теперь глотала въ пересказѣ Дюма.

Онъ рѣшилъ выйти изъ этого положенія такимъ образомъ, что взялъ къ Дикѣ гувернера, тѣмъ болѣе, что мальчика надо было готовить въ гимназію. Для пригготовительнаго класса онъ былъ уже слишкомъ великъ, ему шелъ 12-й годъ, и отецъ думалъ подготовить его ко 2-му классу, попадѣвшисъ на „развитіе“ Дика.

Но если Дикъ и таскалъ у Мери романы Габоріо, то дальше его любознательность не шла; когда его начали рано поднимать съ постели, а въ комнатѣ у него появились учебники и синія тетради—тутъ пошла трагедія за трагедіей; гувернеръ могъ дѣлать, что ему угодно—Дикъ абсолютно не желалъ учиться.

Какъ-то Дикъ не вышелъ къ завтраку. На встревоженные вопросы Анны Сергѣевны, вставшей, чтобъ пойти за нимъ, мужъ отвѣтилъ ей:

— Семень Семеповичъ наказалъ Дика—онъ будетъ завтракать въ дѣтской.

Анна Сергѣевна вдругъ забыла всю свою робость; какъ разъяренная тигрица, она прыгнула съ мѣста и, стоя передъ мужемъ въ позѣ Ермоловой въ „Жаннѣ д'Аркъ“, провозгласила такимъ голосомъ, какого никто отъ нея не слышалъ:

— Моего сына наказывать никто не смѣетъ!

Потомъ она пошла въ дѣтскую, вся трепещущая, и привела Дика, на которомъ отъ понесенной обиды лица не было, въ столовую. Тутъ они упали другъ другу въ объятія и смѣшали слезы и восклицанія:

— Мама! о, мама!

— Дикъ, моя дѣточка!..

Курдюмовъ швырнулъ салфетку и уѣхалъ въ клубъ завтракать.

Гувернеру, по безапелляціонному заявленію Анны Сергѣевны, отказали; взяли другого; но и съ другимъ дѣло пошло не лучше. Просьбы, уговоры, угрозы отца—ничто не помогало, и, главное, отецъ встрѣчалъ отпоръ со стороны матери, которая въ сущности втайнѣ была очень рада неудачамъ гувернеровъ, такъ какъ гимназіи она боялась, какъ огня.

Выведенный изъ себя, Курдюмовъ, наконецъ, сказалъ Дикѣ:

— Послушай, Дмитрій! Всякій человѣкъ долженъ что-нибудь дѣлать. Если ты упорно не желаешь учиться, я тебя отдамъ въ сапожники.

Смышленный мальчуганъ, не задумываясь, отвѣчалъ неизвѣстно откуда взитымъ и гдѣ слышаннымъ аргументомъ:

— Что жъ такое, и графъ Толстой пьетъ сапоги!

Отецъ сначала даже не нашель, что ему отвѣтить; потомъ онъ промолвилъ:

— Хорошо, помни свои слова.

Послѣ завтрака Курдюмовъ сѣлъ въ пролетку и куда-то уѣхалъ. Возвратился онъ часа черезъ два въ неожиданно веселомъ настроеніи; носистывалъ, напѣвалъ, былъ очень любезенъ съ Анной Сергѣевной и улыбался, разговаривая съ генеральшей, обѣдавшей у нихъ.

На другое утро, часовъ въ 10, онъ предложилъ Дикѣ не учиться, а покататься съ нимъ. Анна Сергѣевна недоумчиво взглянула на мужа, по видя, что онъ не шутитъ, обрадовалась и отпустила мальчика. Они сѣли въ пролетку и укатили, а къ завтраку Курдюмовъ вернулся домой *безъ Дика*.

— Гдѣ Дикъ?!—вскрикнула перепуганная мать, вида мужа спокойнаго и веселаго.

— Дикъ?—невозмутимо отвѣтилъ тотъ. — Я его отвезъ погостить къ одному пріятелю; ты не безпокойся, ему тамъ побыть и полезно, и пріятно.

— Вы съ ума сошли!—задохнулась несчастная Анна Сергѣевна.—Вы обманываете меня! Отдайте мнѣ сына! Дикъ, Дикъ! О, мой мальчикъ! Что вы съ нимъ сдѣлали!..—и обезумѣвшая, она утала въ страшной истерикѣ на диванъ.

Въ домѣ началась суматоха. Горничная побѣжала къ кучеру:

— Арсентій Ивановичъ, куда вы съ бариномъ ѣздили? Сдѣлайте Божескую милость, скажите!..

Но кучеръ только ухмылялся себѣ въ бороду и отвѣчалъ:

— Неизвѣстно, Дарья Фаддеевна, баринъ мнѣ приказали ждать у Страстного монастыря, а сами пошли пѣшкомъ вверхъ по бульвару.

Видно было, что онъ больше ничего не скажетъ. Онъ ни за кѣмъ изъ горничныхъ не ухаживалъ, и надежды на успѣхъ не было. Даша махнула рукой и побѣжала дворомъ къ сосѣдямъ, сообщить генеральшѣ о происшествіи. Въ обоихъ домахъ поднялась кутерьма. Бѣгали съ водой, каплями, мокрыми полотенцами; гувернеръ полетѣлъ за докторомъ для Анны Сергѣевны, которая послѣ воплей и криковъ лежала въ полукалентическомъ состояніи; нянька позажигала всѣ лампы въ домѣ, и передъ каждой иконой выла въ голосъ и клала земные поклоны; отъ спальни до людской всѣ причитали.

Въ сосѣднемъ домѣ Мери бросила свои книги и, рыдая, говорила генеральшѣ:

— Маша, я только что прочла романъ „Le deux gosses“; тамъ онъ думаетъ, что его ребенокъ — не его ребенокъ, и самъ его отдаетъ жуликамъ, о, маша! А еще въ „Нищей отъ церкви св. Сульниціи“, тамъ преступленіе изъ-за наслѣдства; вспомните, маша, какъ онъ вчера глядѣлъ на васъ и все коварно улыбался!

Слово *преступленіе* коснулось ядовитымъ жаломъ до слуха генеральши:

— Мери, дитя мое! Что ты говоришь! Подай мнѣ скорѣй эвирю!

Попухавъ эвиру, бабушка надѣла накидку и поспѣшила черезъ дворъ, въ одной кружевной наколкѣ на сѣдыхъ трясущихся волосахъ.

— Гдѣ мой внукъ!—возопила она, стоя передъ Курдюмовымъ.

Курдюмовъ разсмѣялся:

— Тамъ, гдѣ ему очень хорошо, маменька!..

— О, палачъ! онъ еще смѣется!.. Гдѣ мой внукъ, говорите?..

— Простите, маменька, я не могу этого сказать! — твердо отрѣзалъ Курдюмовъ и вышелъ изъ комнаты.

Генеральша бросилась къ лежащей неподвижно дочери и призывала всѣ силы небесныя въ свидѣтели этого ужаснаго происшествія.

— О, моя страдалица! Моя кроткая голубка! Прости, прости меня, что я отдала тебя этому тигру!

Тутъ Мери не могла сдержать своего чувства и тоже упала въ кресло въ истерикѣ; потомъ съ ней сдѣлалось дурно. Опять по комнатамъ понеслись горничныя, нянька курила укусомъ на раскаленномъ кирпичѣ подъ носомъ у Мери, раздавались рыданія и стоны; у подъѣзда звонилъ докторъ.

А виновникъ всего этого ходилъ по кабинету, добродушно улыбаясь и напѣвая фразу изъ ему одному известной оперы:

Буду твердь, какъ скала!..

Буду твердь, какъ скала!..

Кучеръ Арсентій, однако, сказалъ правду. Дѣйстви-

тельно, въ достопамятное утро Курдюмовъ остановилъ его у Страстного монастыря, и пошелъ съ Дикомъ пѣшкомъ, вверхъ по бульварамъ.

Утро было чудесное. На блѣдно-голубомъ небѣ, чистого вымытомъ шедшимъ за ночь дождемъ, красиво рисовались розовыя очертанія монастыря; нѣжпал, еще не успѣвшая запылиться зелень деревьевъ напоминала о томъ, что и въ городѣ весна; весело чиркали воробьи и взапуски съ ними ребятишки на бульварахъ.

Курдюмовъ самъ былъ веселъ, оживленъ, рассказывалъ сыну о своихъ путешествіяхъ—такъ что Дикъ и не замѣтилъ, какъ они, пройдя около получаса, свернули влѣво и вошли во дворъ сѣраго деревяннаго домика.

Дворикъ заросъ свѣжей травой; отъ воротъ вели деревянныя мостки къ флигелю; двѣ-три развѣсистыя березы сверкали серебряной корой; въ непросохшихъ лужахъ пили куры, а на крылечкѣ сидѣлъ толстый сѣрый котъ и умывался лапкой, поджидая гостей. Надъ крыльцомъ висѣла вывѣска, какая именно—Дикъ не успѣлъ разобрать. Остановившись у крыльца, Курдюмовъ вдругъ обратился къ сыну попрежнему дружжелюбнымъ, но болѣе серьезнымъ тономъ:

— Послушай, братецъ, теперь я долженъ тебѣ сказать пару словъ. Видишь ли, я тебя просилъ учиться, усовершенствоваться, требовалъ, грозилъ — ты упорно учиться не хочешь. Ну, что же, очевидно, это не твое призваніе; я тебя принуждать не хочу. Но такъ какъ каждый что-нибудь да долженъ дѣлать—я рѣшилъ отдать тебя учиться сапожному ремеслу.

У Дика потемнѣло въ глазахъ, и сердце остановилось. Онъ взглянулъ на отца — и понялъ, что тотъ не шутитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Я полагаю, тебѣ это ремесло не противно—судя по твоимъ же словамъ, — продолжалъ Курдюмовъ совершенно серьезно.—Ты даже въ защиту его привелъ мнѣ примѣръ графа Толстого. Я не стану съ тобой спорить и доказывать, что графа Толстого знаетъ весь міръ не изъ-за сапоговъ, а изъ-за кое-чего поважнѣе. Фактъ тотъ, что тебѣ это дѣло по вкусу, и отлично—мнѣ пріятнѣе видѣть тебя порядочнымъ сапожникомъ, чѣмъ лѣпнымъ шелонаемъ. Но, къ сожалѣнію, дома учить тебя этому ремеслу не могу, мы ни учителя не найдемъ; ни приспособленій у насъ для этого нѣтъ,—такъ что тебѣ придется пожить пока здѣсь.

Дикъ не былъ въ состояніи вымолвить ни слова. Ему казалось, что это все сонъ, кошмаръ, и что, какъ во снѣ, ему довольно будетъ сдѣлать усиліе, чтобы подняться вверхъ и полетѣть, скрываясь отъ преслѣдованія.

Но его ноги твердо стояли на землѣ, а отецъ дернулъ за ручку проволочнаго звонка, и раздался громкій звонъ, зазвучавшій для мальчика страшнѣе погребальнаго колокола.

А сейчасъ же за этимъ имъ отворилъ дверь сѣдой старикъ съ бѣлымъ хохолкомъ на лбу, въ очкахъ, сдвинутыхъ на лобъ, и въ зеленомъ фартукѣ.

— Ach, Herr Курдюмофъ!—заговорилъ онъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ: — пожалуйста, пожалуйста, я васъ ждалъ. Вотъ молодой человекъ, который желаетъ шить сапоги? Schön, sehr schön! Dass freut mich. Это будетъ очень легко для такой умной молодой человекъ. Kommen sie nur, bitte, in's Wohnzimmer!

Они вошли въ маленькую комнату съ низкимъ потолкомъ. Дикъ съ боязливымъ удивленіемъ разглядывалъ, опять какъ во снѣ, совершенно новую для него обстановку: пузатую мебель, обитую черной клеенкой, громадные стѣнные часы, представляющіе Нюренбергскій соборъ, портретъ стараго императора Вильгельма на стѣнѣ, шифоньерку, гдѣ хранилась коллекція трубокъ и пивныхъ кружекъ въ видѣ головокъ, фруктовыя

и т. п., горшки съ зелеными растениями на низенькихъ окнахъ съ ослѣпительно чистыми занавѣсками; на одномъ изъ оконъ висѣла клѣтка съ трещавшими канарейками. Все было чисто, ни пылинки; крашеный полъ паролень, какъ зеркало, и по комнатѣ отъ дверей вела пестрая дорожка.

Онъ снялъ шапочку, озираясь кругомъ, а отецъ съ хозяиномъ очень серьезно переговаривались объ условьяхъ и т. д.

— Работать онъ долженъ начать сейчасъ же,—сказалъ Курдюмовъ.

— Versteht sich!—поддержалъ нѣмецъ:—молодой человекъ уже хорошаго возраста; учиться начинаютъ пораньше, мы будемъ торопиться. Отчего такъ запоздалъ молодой человекъ?..

Дикъ потупилъ глаза; губы у него дрожали. Курдюмовъ обратился къ нему и сказалъ:

— Я нарочно не предупредилъ мамѣ, ты знаешь ея нервы; она помѣшала бы намъ уѣхать, а такъ какъ мое рѣшеніе вполне серьезно,—я предпочелъ не прибавлять тебѣ неприятностей. Когда ты привыкнешь немного, ты будешь по праздникамъ ѣздить домой, а я къ тебѣ загляну черезъ недѣлку. Ну, пока, до свиданья, мальчуганъ; работай хорошенько и слушайся Богдана Карловича.

И онъ всталъ съ мѣста.

Тутъ у Дика пропало все граціозно-небрежное отношеніе къ отцу, которое онъ выказывалъ дома. Онъ мигомъ забылъ, что это тотъ господинъ, шумный и большой, который почему-то разыгрываетъ хозяина у нихъ

въ домѣ, разстраиваетъ нервы мамѣ и постоянно дѣлаетъ ему разныя неприятности.

Онъ понялъ, что это серьезно, и у него явилось сознание, что здѣсь это единственный близкій ему человекъ, его *papa*, и что онъ не на шутку хочетъ его бросить здѣсь одного, одного, въ этомъ гадкомъ домишкѣ, съ этимъ чужимъ старикомъ!..

И кинувшись къ отцу, уцѣпившись изо всѣхъ силъ за его большую, теплую, слегка заросшую волосами, руку, словно онъ въ ней видѣлъ свое спасеніе—трясаясь какъ въ лихорадкѣ, онъ безсвязно вскрикивалъ:

— Папа! Папа, папочка! Не бросай меня, папа!..

Отчаяніе мальчика до того было искренно, что Курдюмовъ побоялся не выдержать роли до конца. Онъ быстро высвободился изъ рукъ Дика и вышелъ изъ комнаты не оглядываясь, быстро заперевъ за собою дверь и только крикнувъ сыну на прощанье:

— Ну, ну, будь молодцомъ,—въ воскресенье приѣду.

Но на крыльцѣ онъ разстегнулъ воротникъ отъ волненія, онъ задыхался и отдувался,—наконецъ онъ сказалъ нѣмцу:

— Богданъ Карловичъ, я васъ знаю 20 лѣтъ,—я вамъ поручилъ мальчугана; я спокоенъ за него?..

И голосъ его слегка дрожалъ при этомъ вопросѣ, но нѣмецъ, глядя на него своими честными глазами и улыбаясь, успокоилъ его:

— Все будетъ, какъ вы сказали: сначала построже, und dann помягче, слово Богдана Шварца, вы можете быть ganz ruhig,—совершенно спокойны; jedenfalls вы будете заѣзжать каждый вечеръ.

(Окончаніе будетъ.)

Конецъ Трезора.

Рассказъ Б. П. Миконова.

I.

Однажды, будучи еще 15-ти-лѣтнимъ гимназистомъ, я гостилъ у своего дяди—въ его имѣніи „Луцилово“. Дядина дача пріютилась въ долинѣ среди бѣлаго горстаго крижа—въ лѣсу... На другой сторонѣ рѣки тянулись далекіе, почти безконечные залитые лугомъ, принадлежавшіе скорѣе восточной, чѣмъ средней Россіи: тамъ шла уже Уфимская губернія—съ ея широкими-башикирами, со стенами, съ кумысомъ, съ причудливой, своеобразной степной флорой.

Мой дядя былъ страстный охотникъ, потому что больше всего на свѣтѣ любилъ природу, а охота вызываетъ постоянное общеніе съ нею. Онъ постоянно дѣлалъ всевозможныя экскурсіи, а такъ-какъ я не менѣе его любилъ и природу, и охоту, то за все время моего пребыванія въ Луциловѣ, мы дома оставались лишь въ плохую погоду. Сопровождаемые дидиными собаками, мы цѣлыми днями и ночами скитались на Камѣ, за Камой и надъ Камой. Мы лазили по выступамъ и ущельямъ бѣлыхъ, мѣловыхъ утесовъ, охотились, ловили рыбу и собирали растенія... Дядя былъ женатъ, и его супруга, Дарья Петровна, престалъ и милая женщина, настолько свыклась съ привычками мужа, что нисколько, повидимому, не огорчалась своимъ одиночествомъ среди крижей и пустынного лѣса и объ одномъ лишь печалилась—какъ бы ея Алеша не сломалъ себѣ какъ-нибудь голову...

У дяди въ числѣ другихъ собакъ былъ старый, заслуженный сетеръ, Трезоръ, который къ описываемому времени совершенно одряхлѣлъ и уже не годился въ компаньоны. Онъ рѣдко отлучался со двора и лишь нарѣдка, когда мы подъ вечеръ отправлялись съ дидей къ рѣкѣ близъ самой дачи ловить рыбу, Трезоръ иногда сопровождалъ насъ, но совершенно пренебрегалъ обычными собачьими занятіями. Онъ вилло брелъ за дидей, покуривъ голову и не обращая никакого вниманія на своихъ коллегъ—двухъ другихъ собакъ, которые суетились вокругъ насъ: внюхивались въ воздухъ, замирали надъ почуйной въ травѣ перенелкой или, просто, летали, сломя голову, кругомъ, радуясь тому, что онѣ молоды, здоровы, сильны и могутъ продолжать все это. Когда мы располагались на берегу рѣки, Трезоръ съ мрачнымъ видомъ усаживался около дяди. Онъ подолагу вертѣлся на одномъ мѣстѣ; прилаживался, какъ бы поудобиѣ устроить свое старое тѣло: ложился, вставалъ, снова ложился и даже повизгивалъ: тѣло его стало дряхло, трава казалась жесткой. Онъ усталыми добрыми глазами поглядывалъ на насъ, а когда дядя заговаривалъ съ нимъ, онъ начиналъ моргать, дергаться съ ланы на лапу и повизгивать хвостомъ; и вся его повадка выражала одно: обезсиленъ, одряхлѣлъ несъ; не угнаться псу за молодежью; на покой пора!

— Что, братъ, Трезоръ, невеселый ты нынче какой!—говорилъ дядя, давалъ ему кость.—Совѣмъ раскисъ!

Трезоръ бралъ кость, вѣжливо вилялъ хвостомъ и, отходя въ сторону, клалъ кость на землю и возвращался на свое мѣсто.

— Плохъ, братъ, ты! Совѣмъ шкуда не годишься!—укорилъ его дядя.—Последнее дѣло, коли собака костей глотать не можетъ!..

II.

Когда мы однажды послѣ трехдневной экскурсіи вернулись въ Луцилово, Дарья Петровна сказала дядѣ, что у Трезорки дѣлается что-то нехорошее съ глазами. Дядя осмотрѣлъ его, махель, что у него гноится глаза, и что кромѣ того есть несомнѣнные признаки одной очень скверной собачьей болѣзни.

— Ну, этакъ онъ у меня всѣхъ собакъ перенортитъ!—сказала онъ.—Это болѣзнь заразительная... Надо убрать старика куда-нибудь!

И дядя, очевидно, цѣлый день думалъ объ этомъ.

— Куда мнѣ его дѣвать?—говорилъ онъ мнѣ, когда мы вечеромъ набивали патроны въ дровяномъ сараѣ и снаряжались на охоту.—Если увезти въ Теньки къ Федору, такъ Федору обуза: у него тоже собаки! Оставитъ за рѣкой—жалъ! Замучится несъ, покамѣстъ подохнетъ!..

— Пристрѣлить его... Ничего другого не остается!—замѣтилъ онъ про себя...

И я замѣтилъ, что такое рѣшеніе вопроса дядѣ очень не по сердцу.

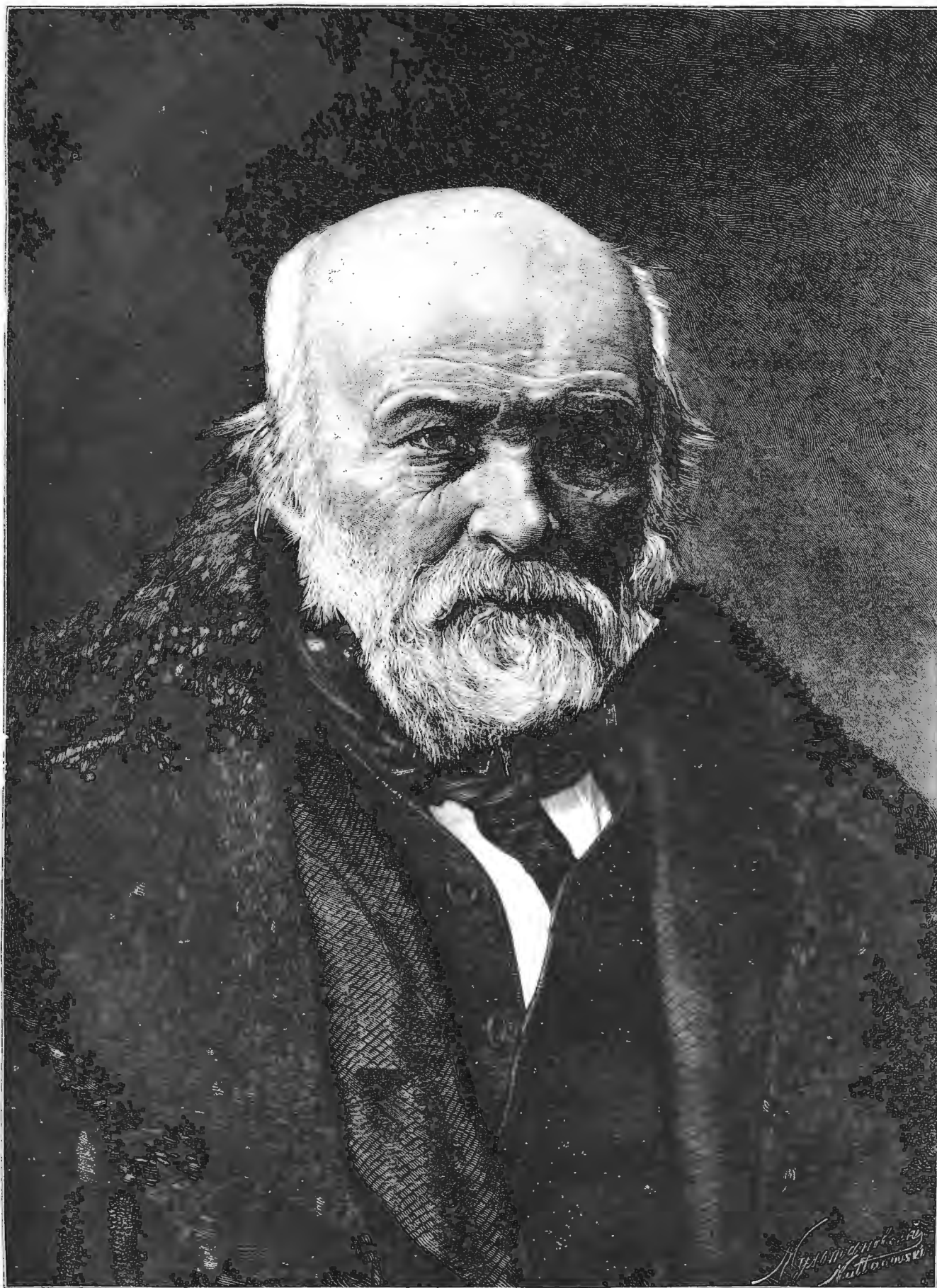
— Да, пристрѣлить! По крайней мѣрѣ сразу кончится, безъ мученій.

На этотъ разъ охота у насъ не клеилась, и мы рано вернулись домой. Дарья Петровна мнѣ, разумѣется, не сказала ни слова объ участи, готовившейся псу, чтобы не разстраивать ея загоды. Дядя рѣшилъ завтра угрозы, пораньше, захватить Трезора, уйти на берегъ и, покончивши съ нимъ, зарыть его тамъ.

Признаюсь, я плохо спалъ въ эту ночь. Трезорка вилло на дворѣ, можетъ-быть, предчувствуя свою гибель. Какъ ни старался я убѣдить себя, что для пса самый лучший конецъ—смерть отъ руки хозяина, который превосходно стрѣлялъ и не дастъ собакѣ зря мучиться, — все-таки мнѣ казалась тяжелой несправедливостью то, что мы собирались сдѣлать завтра утромъ.

Дядя со мной не говорилъ ни слова объ этомъ: мы точно сговорились не упоминать о Трезорѣ.

Едва показалось солнце, мы съ дидей встали. Онъ зарядилъ свою центральку, набилъ нортъ-сигаръ папирсами,—все это

Н. И. Пироговъ. Съ фотогр. грав. Мухоморовскій.

молча, не говоря ни слова со мной. Я понимал его чувство и из деликатности старался даже избегать его взгляда. Мы вышли на дворъ, и дядя, взявъ заступъ, крикнулъ Трезора.

Онъ появился отсюда-то изъ угла и, попури голову, подошелъ къ дядѣ. Дядя, непрежнему не говоря ни слова, поправилъ на немъ ошейникъ и хотѣлъ-было надѣть на него цѣпь, но я замѣтилъ, что Трезоръ пойдетъ и безъ цѣпи за нами. Дядя молча согласился — и мы пошли... втроемъ! Да, втроемъ, потому что съ нами шло рядомъ вѣрное и преданное существо, много лѣтъ жившее въ дядиномъ домѣ, связанное съ людьми почти что душевными узами... и шло оно на смерть! Эга мысль безпрестанно терзала меня.

Я могъ бы, конечно, не ходить съ дядей убивать Трезора, но мнѣ тогда было всего 15 лѣтъ, и я боялся выказать предъ дядей отсутствие мужества и твердости, необходимыхъ для охотнаго и закаленного охотника, какимъ я себя считалъ...

Утро было чудное! Солнце только что встало и пронизывало лѣсъ, но которому мы шли къ рѣкѣ, почти параллельными землѣ лучами, бросавшими красныя пятна свѣта на низъ стволы, на паротинникъ, на траву. Между вѣтками кустовъ протягивались, сверкая на солнцѣ, огненные нити паутинокъ. Было свѣжо и сыро отъ росы. Гдѣ-то разливалась вѣчная трель жаворонка. Сквозь деревья сверкала впередъ пелена Камы...

Мы вышли къ ней изъ лощины и пошли вдоль берега по усѣянному гальками и камнями высокому прибрежью. Лощина вскорѣ осталась за нами, а сбоку выросъ длинный, загибающийся по теченію рѣки, крутой мѣловой крижъ... Гдѣ-то стучалъ пароходъ — отчетливо и гудко. Рѣка чуть слышно шелестѣла у берега и играла миллионами огненныхъ искръ, пробѣжавшихъ мгновеньями всыхивающими по ослѣпительной водной ширинѣ. Солнце стояло надъ нею и обливало горячимъ свѣтомъ весь обрывъ, возвышавшійся надъ нами...

Мы шли по постепенно поднимавшейся тропинкѣ къ одной, извѣстной намъ площадкѣ, которую дядя набралъ мѣстомъ смерти Трезора. Трезоръ непрежнему тихо шелъ рядомъ съ нами. Я старался не смотреть на него: мнѣ думалось, что если я встрѣчусь съ его добрымъ взглядомъ, то прочту въ немъ тяжкій укоръ за то, что мы собирались съ нимъ сдѣлать. Но онъ еще не зналъ, куда и зачѣмъ его ведутъ, и спокойно шелъ, помахивая хвостомъ и поводи ушами на знакомое ему щебетанье стрижей, на плескъ воды и стукъ подхопившаго парохода... И неотступная мысль вертѣлась у меня въ головѣ: нехорошо, нечестно мы поступаемъ...

III.

Когда мы пришли на площадку, на которой бѣжали среди окружавшихъ ее слочекъ камни, дядя велѣлъ лечь Трезору и сталъ рыть яму, съ усиленіемъ налегая на заступъ, плохо входившій въ плотную, каменистую почву. „Могилу роетъ!“ пронеслось у меня въ головѣ. Трезоръ непрежнему безучастно поводиал ушами, лежа на твердой, успанной гальками землѣ. Кама сверкала подъ нами въ нѣсколькихъ саженихъ отъ площадки. Дальше — опять тянулась тропинка, все возвышаясь и выдѣляясь бѣлой полосой на зеленомъ берегу.

Мы молчали... Кругомъ не было ни души... Лишь стрижи безъ умолку щебетали, быстро шныряя около насъ и причась въ свои гнѣзда на склонахъ горы...

По вотъ яма готова. Дядя вынулъ изъ кармана цѣпь и хотѣлъ надѣть ее на Трезора.

— Какъ бы покрѣпче привязать его, чтобы не ушелъ? — спокойно произнесъ онъ послѣ раздумья.

— Да онъ и такъ не убѣжитъ! — чрезъ силу промолвилъ я, съ тоской глядя на бѣлое, развалившееся на солнцѣ тѣло собаки. — Убийство совершаемъ! — опять пронеслось у меня въ головѣ. — И не пошевельнетъ! — прибавилъ я.

Дядя бросилъ заступъ, вскинулъ за плечи ружье и, приказавъ Трезору лежать на мѣстѣ, отправился обратно по тропинкѣ. Я догадался, что онъ пошелъ къ камнямъ, — мѣсту, откуда можно было удобнѣе прицѣлиться! Но едва мы сошли съ площадки, какъ Трезоръ всталъ и, махая хвостомъ, побрѣлъ за нами.

— Трезоръ, купи! — крикнулъ дядя.

Трезоръ остановился. Но едва мы пошли, онъ опять побрѣлъ за нами.

— Трезорка! Лежи! Купи!..

Дядя вернувшись, уложилъ его, но когда мы опять тронулись — бѣдный песъ, очевидно чувствуя что-то неладное, снова всталъ на ноги.

— Ничего не подѣлаешь! Привязать надо! — сказалъ дядя.

Онъ вытащилъ цѣпь и, пока надѣвалъ ее на бѣднаго Трезора, пристраивая его къ слочкѣ, собака все время новизнивала и волиновалась, предчувствуя бѣду... Когда же мы стали уходить — онъ началъ врать. Но цѣпь крѣпко держала его — и бѣдника сталъ громко визжать и подвывать... Я шелъ впереди, не оборачиваясь и не глядя на дядю. Вскорѣ мы достигли камней. Дядя сталъ устраниваться съ прицѣломъ, а я улегся на землю, не желая видѣть Трезоркиной смерти и чувствуя, какъ мнѣ сжимаетъ горло спазма внезапно подступившей скорби.

— Что, братъ, раскисъ? — съ какинъ-то ласковымъ смущеніемъ въ голосѣ спросилъ меня дядя.

Я не отвѣчалъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — воскликнулъ онъ: — онъ все время вертится! Не могу я такъ стрѣлять.

Я выглянулъ изъ-за камня и, увидѣвъ вдаль что-то бѣлое и услыжавъ визгъ, вздрогнулъ, заткнулъ уши и улегся ничкомъ: я не могъ побороть охватившаго меня чувства тоски и ужаса предъ тѣмъ, что сейчасъ должно было совершиться. На мгновенье взглянувъ на дядю, я видѣлъ, какъ онъ, стоя на козлахъ, держалъ ружье на прицѣлѣ, какъ съ камня струился легкой потокомъ мѣловой пыли, и какъ дрожали у дяди руки... Я опять закрылъ глаза — и, несмотря на заткнутыя уши, услышалъ глухо и неслышно — дядинъ крикъ: „Трезоръ, купи!“ — а затѣмъ такъ же глухо и неслышно прогремѣли одинъ за другимъ два выстрѣла...

IV.

Я вскочилъ на ноги... Дядя съ крикомъ бѣжалъ по площадкѣ и что-то кричалъ... Я взглянулъ, увидѣвъ что-то бѣлое и съ ужасомъ, закрывъ глаза, опустилъ снова на землю...

— Иди же! — кричалъ дядя. — Скорѣ иди!

— Не могу! — крикнулъ я.

— Иди же, чортъ тебя возьми!.. Онъ бьетъ!.. Что я съ нимъ стану дѣлать?.. Неси свое ружье! Надо пристрѣлить его скорѣе!..

Но я такъ и не тронулся съ мѣста, охваченный ужасомъ... Я не видѣлъ, какъ дядя прикладомъ ружья ударилъ нѣсколько разъ Трезора, какъ онъ бросилъ его въ яму и нѣ-скоро, кое-какъ завалилъ комковатой, сухой землей.

Когда все уже было кончено и дядя подошелъ ко мнѣ, я думалъ, что онъ станетъ сердиться на меня или упрекать меня и звать „бабой“. Но онъ не сказалъ по поводу моей пассивности и трусовости ни слова; онъ самъ былъ странно раздраженъ и заволнованъ; у него тряслись руки, и я никогда еще не видѣлъ у него такого бѣднаго и искаженного лица... Я помню, что меня удивило тогда, почему онъ такъ скоро зарылъ Трезора, и, точно не додѣлавъ дѣла, убѣжалъ ко мнѣ; но лишь позднѣе я догадался, что дядю охватило то же самое чувство страха и смущенія, какъ и меня; выразилось же это чувство въ неодинаковой степени: я не могъ даже *видѣть* Трезоркиной гибели; дядя же, болѣе сильный и нервный, и характеромъ, *убилъ* своего любимаго пса, но у него уже едва-едва хватили силы бросить его въ яму и кое-какъ закидать землей. Съ искаженными лицомъ, съ трясущимися руками, онъ, положительно, убѣгалъ съ мѣста казни.

Мы торопливо зашагали вдоль берега, оба чувствуя себя виноватыми, оба потрясенные происшедшей отъ нашихъ рукъ смертью дотлѣ живого и преданнаго намъ существа.

— Да, братъ, какая это все-таки драма! — произнесъ дядя. — Всякая смерть — драма!

Онъ выразилъ эгими словами то, что еще вчера засѣло у меня въ головѣ... И, подходя къ дому, я живо почувствовалъ, что тамъ, за лѣсомъ, на берегу, полчаса тому назадъ произошло въ свѣжемъ воздухѣ лѣтняго утра тяжелое дыханіе смерти, что тамъ совершилось ужасное таинство смерти, и произошло оно отъ *нашихъ* рукъ, по *нашей* волѣ... И понялъ я, какое великое дѣло — жизнь, какъ велика власть одного существа надъ другимъ, и какъ не хорошо, стыдно и тяжело употребить эту власть въ дѣло...

Мы долго не могли рѣшиться рассказать Дарьѣ Петровнѣ о томъ, что Трезоръ пристрѣленъ. И когда, за завтракомъ, дядя все-таки сообщилъ ей объ этомъ, она заплакала и сказала, что мы поступили жестоко... Я въ душѣ соглашался съ ней, дядя же доказывалъ необходимость Трезоркиной гибели. Но Дарья Петровна, не запрая ни на какинъ доказательства, не на шутку разсердилась на него... А она вѣдь еще не знала подробностей!

Но драма эгима еще не закончилась.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда мы (по случаю дождя) сидѣли дома за чаемъ и работой, въ комнату внезапно влетѣла кухарка, испуганная и бѣдная.

— Барыня!.. Трезорка въ кухню пришла!.. Весь въ крови!.. Приползъ со двора!

Я не могу выразить, какой ужасъ охватилъ насъ при этихъ словахъ... Дарья Петровна кинулась бѣжать въ свою комнату и бросилась тамъ въ постель. Я заткнулъ уши, закрылъ глаза и буквально весь трясся... Я живо представилъ себѣ, какъ ползетъ по двору окровавленное, израненное существо — опять ползетъ къ тому очагу, гдѣ жило столько лѣтъ и гдѣ встрѣтило коварство и наглую того человѣка, которому служило вѣрой и правдой... Меня охватилъ паническій страхъ, точно будто къ намъ пришелъ убитый и погребенный нами человекъ, — пришелъ, чтобы укорить насъ за то, что мы его убили.

Дядя имѣлъ настолько характера, что вышелъ въ кухню и распорядился „убрать“ Трезора... Я же заткнулъ тогда уши, боясь услышать визгъ за дверью, закрылъ глаза, боясь увидать окровавленную, жалкую фигуру пса, вылезшаго изъ своей могилы и приполезнаго умереть на родномъ неслышнѣ... Когда дядя вернулся въ столовую, на немъ буквально лица не было. Трезора „убралъ“ дворникъ, у дяди же вторично на него руки не поднялись...

Дарья Петровна не могла уснуть во всю эту ночь, и я — тоже, несмотря на свои 15 лет и твердое убеждение в своей твердости и закаленности... Я все прислушивался, не раздастся ли визг, не послышится ли парпанье за дверями... И едва закрывал я глаза, как мнѣ начинала мерещиться бѣлая, окровавленная собака, ползущая съ визгомъ ко мнѣ подъ кро-

вать... Утромъ, проходя по кухнѣ, я вздрогнулъ, увидѣвъ на порогѣ двери пятна крови... А идти на берегъ Камы, на то мѣсто, гдѣ дяди разстрѣлялъ Трезора, я долго не могъ рѣшиться: мнѣ все казалось, что я увижу кровавые слѣды на тропинкѣ и на площадкѣ, среди развороченныхъ комьевъ земли...

Пироговскій музей въ Петербургѣ.

(Рис. на этой стр.).

26-го октября состоялось торжественное открытіе въ Петербургѣ „Пироговскаго музея“. Мысль объ устройствѣ этого анатомо-хирургическаго музея, увѣковѣчивающаго память знаменитаго нашего хирурга, явилась уже давно, почти съ момента возникновенія русскаго хирургическаго общества. Общество это давно уже мечтало о такомъ музеѣ, но не имѣло въ первые годы своего существованія возможности его построить за недостаткомъ средствъ, и только благодаря частному пожертвованію, сдѣланному по предложенію ученика Н. И. Пирогова, д-ра А. Л. Эбермана, явилась возможность осуществить эту прекрасную мысль. Жертвовательницей явилась Е. А. Мусинъ-Пушкина, завѣщавшая „Русскому хирургическому обществу Пирогова“ капиталъ въ 60.000 руб. и скончавшаяся въ 1886 г. Въ избранной для исполненія этого завѣщанія специальной комиссіи изъ членовъ хирургическаго общества, пропозировало разногласіе по вопросу, что строить: музей или лечебницу. Однако, въ засѣданіи 9-го марта 1894 года, по предложенію профессора Ратимова, общество пришло къ единогласному заключенію, что устройство анатомо-хирургическаго музея съ научно-образовательнымъ назначеніемъ наиболѣе отвѣчаетъ мысли объ увѣковѣченіи памяти знаменитаго нашего хирурга.

Тогда же рѣшено на капиталъ, пожертвованный Е. А. Мусинъ-Пушкиною и возросшій къ тому времени съ принадлежащими хирургическому обществу средствами до 90.000 руб., устроить въ С.-Петербургѣ, въ районѣ Императорской военно-медицинской академіи, какъ мѣстѣ ученой дѣятельности П. И. Пирогова, анатомо-хирургическій музей его имени, на подобіе существующихъ музеевъ Гюнтера въ Лондонѣ и Дюжонтрено въ Парижѣ. Музей долженъ служить намятникомъ историческаго развитія отечественной хирургіи, а также патологической анатоміи въ тѣхъ частяхъ ея, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ хирургіи. Преслѣдуя такіа дѣла, русское хирургическое общество Пирогова поставило себя обязанностью собрать, по возможности, всѣ предметы, относящіеся къ ученой и педагогической дѣятельности самого Пирогова. Общество справедливо предполагало, что открытіе хорошо организованнаго хранилища, съ начертаннымъ на знамени его славнымъ именемъ, къ тому же приуроченнаго къ кругу дѣятельности Императорской военно-медицинской академіи, вызоветъ сочувствіе товарищей-врачей и полную увѣренность ихъ въ прочной обезпеченности хранимыхъ препаратовъ, а въ этомъ заключается залогъ будущаго богатства музея. Кроме того, помѣщенія музея должны будутъ служить мѣстомъ для ученыхъ собраній различныхъ медицинскихъ обществъ Петербурга, въ томъ числѣ и военно-медицинской академіи. При музеѣ рѣшено было отвести помѣщенія какъ для собственной бібліотеки русскаго хирургическаго общества Пирогова, такъ и для бібліотекъ другихъ медицинскихъ обществъ.

Въ октябрѣ 1894 года русское хирургическое общество Пирогова обратилось съ просьбою объ уступкѣ въ собственность общества участка земли, пространнымъ, приближительно, около 1.000 кв. саж., находящагося на набережной рѣки Большой Невки, близъ клиническаго военнаго госпиталя и принадлежащаго Императорской военно-медицинской академіи и госпи-

тальному продовольственному магазину, вмѣстѣ съ однимъ изъ зданій магазина. Въ случаѣ согласія на отчужденіе земли и зданія, хирургическое общество, между прочимъ, обязывалось предоставить учащимся въ академіи и чинамъ учебнаго ея состава свободный доступъ въ музей и пользованіе имъ для учебныхъ дѣлей. Военное министерство согласилось уступить землю и зданіе не иначе какъ съ уплатою ему 30.000 р., — суммы, необходимой для постройки новаго зданія взаимѣнъ уступаемаго подъ музей. По ходатайству хирургическаго общества передъ министромъ финансовъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе уплаты этой суммы на счетъ Государственнаго казначейства.

13-го іюня 1895 г. отмежевана была земля и отведено зданіе подъ музей, и тогда же приступлено было къ подготовительнымъ работамъ по переустройству зданія. По окончательномъ разработаніи проекта рѣшено было устроить въ музеѣ два большіе зала въ два свѣта — одинъ для общихъ собраній, а другой — для помѣщенія анатомическихъ и хирургическихъ препаратовъ; въ центральной же части въ два этажа помѣстить: въ нижнемъ — малый залъ и кабинеты для демонстрацій, а въ верхнемъ — бібліотеку съ читальнымъ заломъ. Главнѣйшій фасадъ и входъ въ зданіе музей устроенъ съ набережной Невки. Для того, чтобы придать зданію больше красоты, устроенъ въ средней его части вестибюль восьмипугольной формы съ надстройкой въ пей третьяго этажа. Закладка зданія музея состоялась 14-го сентября 1895 г. Работы быстро подвигались впередъ, и зданіе было совершенно готово уже въ маѣ т. г. Несмотря на крайнюю экономію при постройкѣ музея, общій расходъ съ мебелировкой, освѣщеніемъ музея, устройствомъ сада и набережной, достигъ 85.000 рублей.

Зданіе музея дѣйствительно очень красиво. Музей украшенъ прекраснымъ портретомъ Н. И. Пирогова (работы И. Е. Рѣпина). Постепенно въ музеѣ сосредоточиваются различные памятники дѣятельности Пирогова. Такъ, еще въ концѣ прошлаго года совершилась передача изъ Императорской военно-медицинской академіи тѣхъ литографическихъ камней, съ которыхъ Пироговъ воспроизводилъ свой знаменитый атласъ топографической анатоміи. Въ музей поступили также собственноручныя письма Пирогова къ покойному I. В. Вертесону, завѣщанныя послѣднимъ хирургическому обществу вмѣстѣ съ его обширною медицинскою бібліотекою. На ряду съ послѣдней медицинская бібліотека музея обогатилась еще пожертвованными хирургическому обществу медицинскими бібліотеками умершихъ докторовъ Обермиллера и Буна.

Великія заслуги Н. И. Пирогова предъ наукою, государствомъ и обществомъ нашлѣ, наконецъ, себѣ увѣковѣченіе, но странной случайности, именно въ нынѣшнемъ году. Недавно состоялось открытіе памятника Пирогову въ Москвѣ (см. *Ниву* № 33); Пироговскій музей въ Петербургѣ является новымъ достойнымъ памятникомъ великому хирургу и педагогу, воевавшимъ близъ того мѣста, гдѣ болѣе всего поработалъ Пироговъ на пользу страждущаго человечества. Въ стѣнахъ медицинской академіи прошла большая часть его дѣятельности, здѣсь онъ лечилъ и училъ, отсюда вышли тысячи его учениковъ, свито помиланныхъ и исполнившихъ въ жизни одинъ изъ главныхъ его завѣтовъ: „служеніе наукѣ, вообще, великой, — не

Пироговскій музей въ Петербургѣ. Съ фот. К. Булла, автотипія „Нивы“.

Уличный писецъ въ Италиі. Съ карт. Э. Гадера, грав. Пэне.

Салонъ Елисейскихъ полей 1897 г. Молитва передъ обѣдомъ. Съ карт. I. Боке, грав. Бодъ.

что иное, как служение истины". Эти слова должны быть начертаны на стенах музея имени Пирогова.

В стенах музея будут собираться ученые общества для дружной советской работы на пользу медицинского дела; в нем будет собираться учащая молодежь для работ в кабинетах, библиотеках и слушания лекций; музей будет центром, куда будут стекаться все интересующиеся анатомией

и хирургией, все желающие работать для дела медицины с настойчивостью и самоотвержением того великого труженика, незабвенное имя которого носить этот музей. И с течением времени, несомненно, музей Пирогова, — как верно выразился на торжестве открытия его проф. Н. В. Склифасовский, — станет памятником русского народа, воздвигнутым в память и помыслах одного из лучших сынов его".

Два дня в Китаѣ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

И. В. Ингеницаго. (Съ 5 рисунками.)

Въ концѣ июля настоящаго года мнѣ пришлось среди своихъ разбѣдовъ по Степному краю Азиатской Россіи побывать въ пограничномъ „укрѣпленіи“ Бахты (Семирѣченской области). Эта небольшая переселенческая деревня, расположенная на почтовой дорогѣ, ведущей въ Китаѣ, находится въ 278 верстахъ отъ бывшаго города Сергіополя и въ 550 отъ города Семипалатинска, у подножія Тарбагатайскихъ горъ. Кроме низенькихъ казармъ небольшой мѣстной команды и аданіи таможен, ничто не говорило намъ о пограничномъ укрѣпленіи, отъ котораго черезъ 3—3½ версты начинается Китайская имперія, а въ 18 верстахъ находится ближайшій китайскій городъ Чугучакъ.

Быть въ Бахтахъ и не проѣхать въ Чугучакъ казалось мнѣ непростительнымъ — и въ первый же свободный день я, въ компаніи съ однимъ изъ представителей мѣстной администраціи, переѣхалъ китайскую границу въ обычномъ почтовомъ экипажѣ. При словѣ „граница“ у читателя, вѣроятно, возникнетъ представленіе о межѣ, кордонѣ или, по крайней мѣрѣ, какомъ-нибудь пограничномъ знакѣ и пограничной стражѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, внимательно всматриваясь впередъ, когда лихая тройка быстрыхъ стальныхъ лошадей мчала насъ по безплодной, солопчавой стени, поросшей высокими „чиремъ“. — „А вотъ и граница!“ — проанонсировалъ вдругъ мой спутникъ. Я попросилъ остановиться и выглянуть изъ экипажа посмотреть и посмотреть границу — но никакого слѣда ея не нашелъ; тогда спутникъ указалъ мнѣ на телеграфные столбы, между которыми мы остановились: на одномъ, оставшемся позади насъ, стояло $\frac{60}{M}$, а на другомъ, переднемъ — какой-то непонятный іероглифъ изъ китайскихъ буквъ. Между этими-то столбами и лежитъ, значитъ, граница двухъ громадныхъ имперій. Когда-то здѣсь было два пограничныхъ столба, но или время ихъ уничтожило, или они просто сожжены проѣзжающими на кострахъ. Согия казаковъ, охраняющихъ здѣсь границу, предпочитаютъ проживать въ Бахтахъ, чѣмъ безцѣльно разбѣзжать по пустынной границѣ. Да и что здѣсь стеречь — „все тихо и мирно — пустыню и глухо вокругъ“ — лишь безпокойныя кобылки стрекочутъ и прыгаютъ, не различая и не разбирая, по русской или по китайской землѣ онѣ прыгаютъ.

Версты черезъ 3—4 отъ границы мы напали на почтовую повозку и трехъ верховыхъ казаковъ; это была русская почта, которая разъ въ недѣлю приноситъ въ Чугучакъ письма и газеты. Каждый разъ, кроме почтальона, сопровождаетъ ее и маленький казачій конвой изъ Бахтовъ.

На холмѣ возлѣ горъ показались небольшой городокъ; но бокамъ дороги стали попадаться все гуще и гуще пашни съ протекающими по нимъ „арыками“, и вотъ, наконецъ, предъ нами глиняныя зубчатая стѣна китайской крѣпости (рис. 2). Первое, что бросается вамъ въ глаза — это мертвая тишина и отсутствие каравла даже при дверяхъ крѣпости; кое-гдѣ бродила, еле переступая съ ноги на ногу, какіе-то люди съ косами на головѣ, въ синихъ рубашкахъ и широкихъ брюкахъ, съ башмаками на ногахъ. Я сильно удивился, когда узналъ, что эти безоружные, слабые, худые люди были китайскіе солдаты. Въ лѣтнее время, оказывается, у нихъ отбираются ружья, и они предаются такимъ мирнымъ занятіямъ, какъ, напримеръ, культура мака

(для опиума), бахчи и т. п. Возлѣ стѣнъ крѣпости, дѣйствительно, ярко нестрѣли маковыя плантаціи и зеленѣли огороды съ садиками.

Проѣхавъ еще одну подобную крѣпость съ какими-то мачтами и нестами, возлѣ стѣнъ (что означало присутствіе въ ней начальства), мы вѣхали, наконецъ, въ такъ-называемую „русскую факторію“, то-есть ту часть города, гдѣ живутъ русскіе купцы и промышленники — главнымъ образомъ, сарты, татары и т. п. Это та самая факторія, которая въ 1855 году была сожжена китайскою чернью, возбужденною противъ русскихъ купцовъ. Низенькіе домики изъ сырцоваго кирпича и нѣсколько лавокъ и магазиновъ съ русскими вывѣсками безпорядочно расположились по узенькой улицѣ, ведущей къ русскому консульству. Помѣщеніе этого послѣдняго болѣе чѣмъ скромны и совсѣмъ не соответствуютъ тому значенію, которое имѣетъ здѣсь это „око Русскаго царя“. На рис. 4 (стр. 1168) снятъ консулъ, секретарь и начальникъ телеграфной китайской конторы во дворѣ консульства предъ флигелемъ, гдѣ живетъ секретарь. Немногимъ лучше, хотя и значительно больше, домъ консула, отличающійся такою ветхостью, что въ немъ, какъ говорить, даже опасно жить. По ходатайству консула въ настоящее время разрѣшена по-

„Два дня въ Китаѣ.“ Рис. 1. Во дворѣ телеграфной конторы. Съ фотогр. автотипія „Пивы“.

стройка новаго помѣщенія для консульства, но министерство иностранныхъ дѣлъ назначило на этотъ предметъ чрезвычайныя средства.

Но — „не красна изба углами, а красна пирогами“ — говоритъ русская пословица, — и незавидное снаружи консульство встрѣтило насъ съ чисто-русскимъ хлѣбосоольствомъ. Не буду, впрочемъ, объ этомъ распространяться, такъ какъ въ консульствѣ все русское, знакомое читателямъ, а перейду прямо къ описанію того, что мнѣ пришлось видѣть въ Чугучакѣ чисто-китайскаго.

Не выходя еще изъ двора консульства, я познакомился съ однимъ интеллигентнымъ китайцемъ, начальникомъ телеграфной конторы, который даетъ уроки китайскаго языка секретарю нашего консульства. Пользуясь ручною фотографической камерой, я снялъ этого китайца какъ на дворѣ консульства, такъ и въ комнатѣ секретари во время урока (при чемъ два громадныхъ тома китайскаго языка пришлось снять со стола, чтобы эти фоліанты не заслоняли учителя и ученика). Моему новому знакомому понравилось, повидимому, сниматься, и онъ просилъ снять его еще въ парадномъ костюмѣ, когда онъ скондитъ домой и переодѣнется. Я сказалъ, что съ удовольствіемъ зайдѣмъ къ нему, когда пойдемъ на базаръ въ въ крѣпость.

Послѣ завтрака мы отправились, съ консуломъ въ главѣ, осматривать городъ. По узкой и грязной улицѣ русской факторіи мы вышли къ главной городской крѣпости. Та же пустота и мертвенность, то же отсутствіе чего-либо воинскаго, какъ и въ предыдущихъ крѣпостяхъ: ни часовыхъ, ни ружей и сабелей я не видѣлъ здѣсь — распущенные и ведущи лини рованные солдаты бродили кое-гдѣ съ дьянами. При входѣ въ крѣпость бросается въ глаза какой-то низенькій сарайчикъ съ налками, заржавѣвшей сѣкирой на древкѣ и т. п. странными орудіями предъ входомъ; оказывается, это — своего рода китайскій гауптвахта и полицейское управленіе, гдѣ наказываются преступники. Самое обыкновенное наказаніе въ Китаѣ, какъ известно, удары налкой по обнаженнымъ плечамъ — и дѣйстви-

тельно, подобныя небольшие палки висѣли на видномъ мѣстѣ, у самой двери, гдѣ большими буквами было написано по-китайски: „кань-минь-тинъ“ (нужно ловить преступниковъ).

Тутъ же въ крѣпости, въ низенькомъ, маленькомъ домикѣ, находилась и телеграфная контора, гдѣ мы встрѣтили нашего знакомаго, ожидавшаго уже насъ въ полномъ парадномъ костюмѣ. Въ низенькой, устланной коврами и украшенной всевозможными бездѣлушками компактѣ встрѣтили мы еще помощника начальника телеграфной конторы—толстаго, постоянно улыбавшагося китайца въ подобной же парадной одеждѣ.

Снявши нѣсколько фотографій съ нихъ въ комнатѣ и во дворѣ передъ самой телеграфной конторой (рис. 1 и 3), мы отправились на базаръ. Какал сибѣсь одежда и лицъ! Какал пестрая картина въ этомъ муравейникѣ: желтолицыхъ китайцевъ, загорѣлыхъ киргизъ и черныхъ суровыхъ дунганъ! Мы сѣли въ ресторанъ, такъ какъ захватили съ собою коробку съ нѣсколькими экземплярами саранчи, желалъ посмотреть, какъ китайцы готовятъ этихъ пасѣкомыхъ въ пищу. Входя въ навѣсъ съ тремя легонькими стѣнками, гдѣ у всѣхъ на виду готовятся кушанья. Консулъ, отдавалъ повару коробку, заказываетъ „джамджу“ (такъ называется кушанье изъ саранчи). Два молодыхъ повара сейчасъ же принимаются за дѣло, хорошо имъ по-видимому знакомое: отрываютъ у саранчи крылья, отламываютъ голени заднихъ ногъ и бросаютъ одну за другой въ пустую фарфоровую чашку, гдѣ эти пасѣкомыя медленно падаютъ, пока ихъ не бросать въ кипятокъ. Вынувъ черезъ нѣсколько минутъ ихъ оттуда, поваръ налилъ въ кастрюлю коноплянаго масла, подогрѣлъ до кипѣнія и бросилъ туда саранчу; поджаривши немного и сливши масло, полилъ соленнымъ растворомъ и уксусомъ.

Сопровождавшій насъ начальникъ телеграфной конторы спокойно взялъ, по нашему предложенію, одно изъ такихъ пасѣкомыхъ и „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“ съѣлъ его. На нашъ вопросъ о вкусѣ, онъ отвѣтилъ, что онъ напоминаетъ вкусъ раковъ. Нѣкоторые китайцы изъ собравшейся около ресторана толпы тоже брали и тутъ же съѣдали саранчу. Особенно удивилъ меня одинъ высочій оборваннй малый, который быстро схватилъ предложенную ему саранчу и цѣликомъ ее бросилъ въ ротъ, шлокнулъ раза два зубами и—протинулъ уже руку за другой..

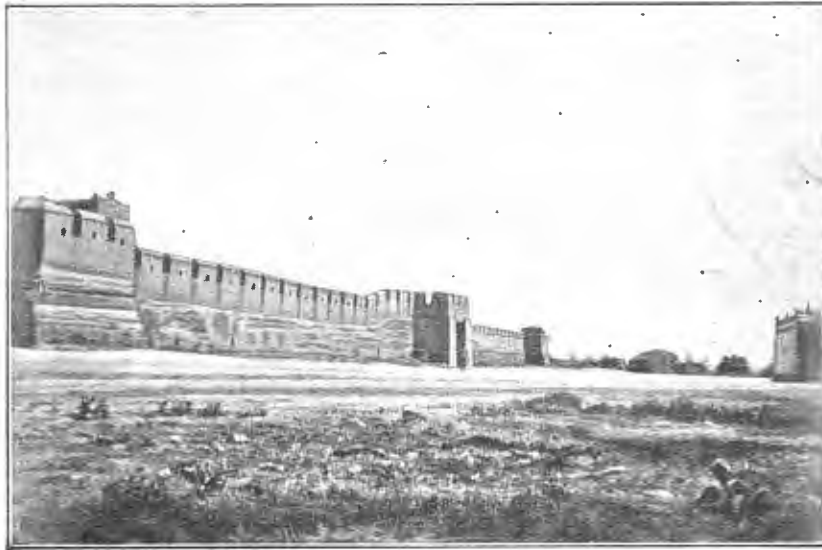
На второй день своего пребывания въ Чугучакѣ я отправился съ „джингтомъ“ консульства—бывшимъ между прочимъ ординарцемъ у Скобелева—въ китайскія кумирни. Низенькіе, одноэтажные храмы эти внутри почти сплошь заставлены различными „бурханами“, т. е. статуями боговъ. Что за нестрога красокъ, въ которыхъ окрашены эти бурханы, что за фанта-

стическое уродство! Вотъ, напримеръ, статуя какого-то чудовища въ человѣческой ростъ съ зелеными глазами, красивыми губами на лягушечьей физиономіи; вотъ на возвышеніи сидитъ равноцѣтный „бурханъ“ съ шестью руками (символь всемогущества и силы!), вотъ статуя съдовласаго старика съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ! Предъ „бурханами“ въ золѣ или нескѣ торчали соломинки и тоненькія камышинки съ кусточками воска на верху—это китайскія свѣчи, зажигаемыя во время праздничнаго идолопоклонства.

Во дворѣ одной изъ такихъ кумиренъ мнѣ пришлось увидѣть китайскій обѣдъ: за маленькимъ столикомъ у двери жилого помѣщенія сидѣли трое служащихъ при кумирнѣ и бѣли лапшу... тоненькими длинными палочками. Тутъ же стояла общалъ большая чашка съ вареными стручьими гороху и бобовъ; время отъ времени палочки обѣдающихъ вмѣсто лапши вытаскивали эти стручьи и ловко препровождали ихъ въ ротъ. Меня пригласили принять участіе въ обѣдѣ, но я, замѣтивъ возлѣ стола мѣдный чайникъ, попросилъ себя лучше чашку чая; не скажу, чтобы та мутная, грязно-коричневая жидкость, которую мнѣ подали китайцы въ плоской кругленькой чашкѣ, была очень вкусна, особенно, если принять во вниманіе, что сахаръ при чаепитіи у китайцевъ не употребляется. Только желаніе посмотреть китайскій обѣдъ побудило меня выпить эту горьковатую бурду. Повытаскавши палочками все, что можно было, изъ чашекъ, мои компаньоны подносили послѣдніи ко рту и медленно выпивали оставшуюся въ нихъ жидкую лапшу.

Не буду утомлять вниманіе читателей описаніемъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и слышать въ этотъ день, и перейду къ объясненію послѣдняго рисунка (на стр. 1168), представляющаго фотографическій снимокъ съ фантастическаго чудовища „танъ“. Въ городской крѣпости, о которой я упоминалъ выше, противъ воротъ главнаго военнаго начальника стоитъ каменная стѣна, шаговъ 30—40 длиною, и всю эту стѣну занимаетъ изображение какого-то невозможнаго звѣря: тѣло его покрыто спесью чешуею, маленькія толстыя ноги оканчиваются громадными копытами, а большой хвостъ развѣвается, какъ пламя. Съ раскрытою пастью это чудовище гонится за солнцемъ, стараясь проглотить его. По солнцу постоянно уходитъ, и только пярѣдка „тану“ удается схватить его, хотя бы отчасти и на короткое время, пока небесное свѣтло, вырвавшись изъ пасти чудовища, не уйдетъ впередъ. Такъ объясняютъ китайцы солнечныя затменія, и поэтому во время ихъ производятъ палубу, шумъ и крики, чтобы испугать „тана“ и отогнать его поскорѣе отъ солнца..

На третій день утромъ я покинулъ Чугучакъ.

„Два дня въ Китаѣ“. Рис. 2. Китайская крѣпость въ г. Чугучакѣ.
Съ фотогр. авторинія „Нива“.

Къ рисункамъ.

Двое охотниковъ выѣхали на медвѣдя. Это, конечно, опытные и смѣлые люди, хорошо знакомые съ условіями рискованной медвѣжьей охоты. Многие любители сильныхъ ощущений находятъ въ ней особенное удовольствіе. Благодаря этой охотѣ развился даже очень выгодный для крестьянъ промыселъ „облавыванья медвѣдя по сибѣгу“, или опредѣленія того мѣста, гдѣ онъ залегъ на зиму, и продажи права охоты. Всего чаще зимняя охота на медвѣдя производится „облавою“ съ медвѣжьими окладчиками—„сршани“, отваживающимися подходить къ залегшему звѣрю обыкновенно съ однимъ топоромъ. Гораздо опаснѣе охота „на берлогѣ“, когда охотники стрѣляютъ въ медвѣдя въ тотъ моментъ, когда собаки-лайки выгоняютъ его прочь, и самая опасная—„съ рогатиною“,—охота вдвоемъ, состоящая въ томъ, что напустивъ звѣря пага на 2—3, охотникъ сильнымъ ударомъ вонзаетъ въ грудь медвѣдя или подъ лопатку рогатину (шесть съ пасаженымъ обоюдоострымъ ножомъ) и прижимаетъ ее съ другимъ охотникомъ какъ можно ближе къ землѣ, пока звѣрь не издохнетъ.

Художнику Френцу прекрасно удалась на картинѣ перспектива чернѣющаго лѣса; подвыставшій сибѣгъ плотно улегся на дорожку. Это видно по рѣзкимъ слѣдамъ, сдѣланнымъ желѣзными

полозьями охотничьихъ сапогъ. Фигуры охотниковъ, допрашивающихъ лѣсничаго, наострившая уши лошадь и чуткія лайки, точно слѣдящія за разговоромъ, схвачены удивительно живописно. Морозный воздухъ—прозраченъ и ясенъ. При взглядѣ на картину, вы до нѣлювіи проникаетесь этимъ зимнимъ пейзажемъ, и васъ тянетъ на просторъ нѣтъ душиныхъ темныхъ комнатъ..

Старобрядцы появились въ Петербургѣ еще при Петрѣ Великомъ, когда въ новую столицу переводились на жительства обыватели не только отдѣльно, но цѣлыми селеніями. Имп-то и внесевъ расколъ въ столицу. Слободы Охта и Рыбацкая почти исключительно наполнились приплывшими раскольниками, которыми правительство въ 1762, 1784, 1789 и 1805 гг. начало отводить особыя мѣста какъ на самой Охтѣ, такъ и на Волковомъ полѣ для устройства раскольничьихъ кладбищъ. Волково всегда играло весьма видную роль въ исторіи петербургскаго раскола. Кладбище, учрежденное тамъ для раскольниковъ въ 1777 году, было вскорѣ украшено зданіемъ богадѣльни для мужицъ въ 1784 г. и для женщинъ въ 1807 г., а также двумя молельными при нихъ, гдѣ обосновались безноповцы еедосѣвскаго толка,—

„Два дня въ Китаѣ“. Рис. 3. Во дворѣ телеграфной конторы. Младше телеграфисты. Съ фотогр. автогипсия „Нивы“.

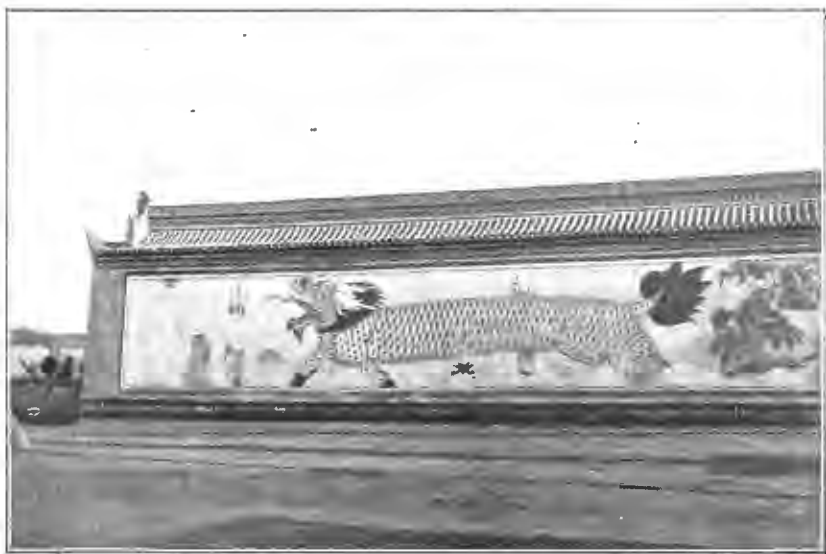
наиболѣе сильная и богатая секта раскольниковъ, вызванная къ жизни дѣлкомъ Крестецкаго Яна, Феодосіемъ Васильевичемъ.

До 1723 г. молеельный едосѣвцевъ, получившая названіе отъ имени купца Ф. Ф. Косцова, помѣщалась въ его домѣ у Чернышева моста, двѣ же волковскихъ молеельни устроились значительно поодаль, въ началѣ XIX столѣтія, съ закрытіемъ въ городѣ упомянутой молеельни Косцова. Онѣ существовали совмѣстно до 1853 г., когда одна изъ нихъ (мужская), по царскому приказу, была обращена въ православную Успенскую церковь.

Въ бывшей женской молеельнѣ, нынѣ перестроенной и расширенной, надъ которой поднята небольшая глава съ восьмиконечнымъ крестомъ, совершаются, съ Высочайшаго разрѣшенія, всенедельныя службы простецами-наставниками, замѣняющими священниковъ; въ ней же исполняются и другія церковныя требы, — погребеніе умершихъ, помяновеніе, панихиды, молебны, крещеніе мѣрныя. Эта молеельня находится въ концѣ Разстаннаго переулка и влѣсть съ богатырской скрыта отъ глаза темнымъ высокимъ зданіемъ, производящимъ своею массивностью и мрачностью подавляющее впечатлѣніе. Она посѣщается весьма состоятельными раскольниками и, благодаритъ ихъ пожертвованіямъ, имѣетъ всѣ средства къ благолѣпному содержанію. Впрочемъ, въ настоя-

„Два дня въ Китаѣ“. Рис. 4. Во дворѣ русскаго консульства. Съ фотогр. автогипсия „Нивы“.

„Два дня въ Китаѣ“. Рис. 5. Изображеніе чудовища «Танъ» на кръпостной стѣнѣ г. Чугучака. Съ фотогр. автогипсия „Нивы“.

щее время число прихожанъ значительно побавилось, въ прежнее же время о числѣ ихъ можно было приблизительно судить по суммѣ, выручаемой отъ продажи свѣчей въ пасхальную утреню, — такъ, напримѣръ, — въ 1883 году было продано свѣчей на 500 рублей.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самой старообрядческой молеельнѣ, внутренней видъ которой изображенъ на нашемъ рисункѣ. Молеельня помѣщается въ нижнемъ этажѣ, въ высокой односвѣтной комнатѣ съ четырехъяруснымъ иконостасомъ, отдѣленнымъ красивымъ деревомъ и сильно заставленнымъ образами въ дорогихъ ризахъ. Ни алтаря, ни царскихъ вратъ у безпоповцевъ не полагается, а, взявъ ихъ, посреди нижняго яруса иконостаса помѣщена икона Спасителя и влѣво — Божьей Матери. Тутъ же, посреди площадки, къ которой ведутъ три ступени, помѣщается престолъ, позади котораго прикрѣпленъ большой восьмиконечный крестъ, отдѣленный въ серебряную ризу, а по бокамъ — два небольшихъ образа. На самомъ престолѣ поставлено евангеліе, по обѣимъ же сторонамъ престола — другіе аналогъ съ образами въ честь какого-нибудь праздника или святого, смотря по дню, и съ богослужебными книгами. Кругомъ поставлены свѣтильники. Иконы двухъ первыхъ рядовъ иконостаса — въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, и передъ ними горятъ свѣчи и лампады. Посрединѣ молеельни спу-

скается паникадило. Полъ — паркетный съ ковриками.

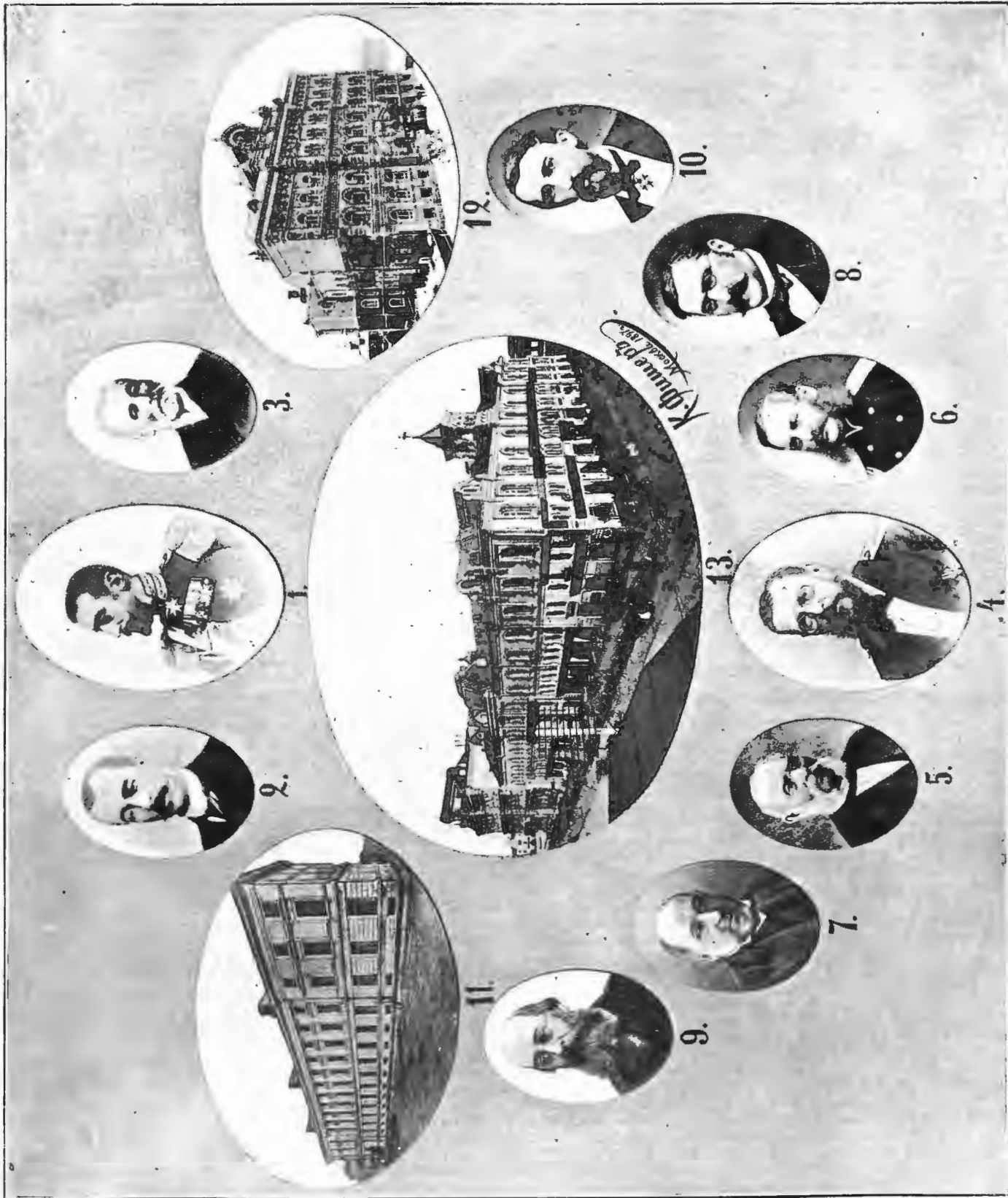
Въ молеельнѣ имѣется хорошо организованный хоръ и три наставника-простеца, пользующіеся готовымъ содержаніемъ отъ богатырской. Всѣмъ порядкомъ по времени молитвословія, которое отъ правляется вообще съ большою торжественностью, завѣдуетъ матушка-надзирательница, въ родѣ игуменьи, а клиросомъ — уставщица съ помощницей. Изъ такихъ надзирательницъ пользовавшаяся особенной извѣстностью покойная Ульяна Кондратьевна, знавшая весь едосѣвскій порядокъ, умѣвшая пѣть и читать, которая держала въ строгости стариковъ и умѣла обходиться съ кунечествомъ, за что и удостоивалась рѣдкаго почета и уваженія. „Самъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ“, говоритъ едосѣвцы: „не могъ сговорить съ ней“. Большинство пѣвицъ („блѣнчекъ“), исполняющихъ клиросныя обязанности, — изъ-подъ Москвы, частью же изъ Новгородской и Ярославской губерній. Навѣвъ ихъ сильно напоминаетъ деревенскія пѣсни, въ которыхъ свобода голоса не стѣсняется потными знаками и вся мелодія вращается въ предѣлахъ 3—4 тоновъ. Блѣнчки одѣты постоянно въ черное. Войдя въ молеельню, онѣ кладутъ поясные поклоны и, поклонившись наставнику, становятся на клиросъ, а въ положенное время возжигаютъ передъ образами свѣчи. Читаютъ въ молеельнѣ четко, неторопливо и замѣтно рѣдко

умѣше къ исполненію молитвеннаго труда, — выдержанность, чинность въ отношеніяхъ другъ къ другу, степенность въ движеніяхъ, скромность и однообразіе въ одеждѣ. Кушцы, прѣзжалъ въ большіе праздники изъ города, предъ входомъ въ модельню, переодѣваются въ скромныя одѣянія.

Безъ благословенія старой матушки ни старики, ни пѣвцы не смѣютъ начать никакой молитвы; только послѣ приказа: „Молись!“ наставникъ осмѣливается „замолитвовать“, до этого

*
Деревенскія похороны... Какал грустная картина!.. Талантливый художникъ выбралъ весьма оригинальный сюжетъ, хватающій за сердце своимъ глубокимъ драматизмомъ. Маленькое существо покинуло міръ печали и слезъ. Оно долго томилось на свѣтѣ и перешло за предѣлы земнаго бытія. Въ бѣдной одинокой семьѣ не было глубокаго горя, когда ребенокъ умеръ, какъ и при подвизеніи его не было

Къ 25-ти-лѣтію Политехническаго музея въ Москвѣ.

1) Почетный председатель комитета музея Его Имп. Выс. Величія Князь Константинъ Константиновичъ. 2) Товарищ почетнаго председателя въ Москвѣ, кн. В. М. Голицынъ. 3) Товарищ почетнаго председателя въ СПб., А. П. Рязанцовъ. 4) Первый почетный председатель, въ Бозѣ почивающій великій князь Константинъ Николаевичъ, и спонсоръ музея, кн. В. М. Голицынъ. 5) и 6) его сыновья, кн. В. М. Голицыны.

же возгласа онъ безмолвно стоитъ у праваго клироса. Молитвословія обыкновенно начинаются съ вечерни въ 4 ч., утрени — въ 1 часъ ночи, а потомъ читаются часы. Подъ великіе праздники совершается всеобщее бѣдніе (съ 10 ч. вечера до 6 ч. утра), а затѣмъ часы и молебенъ.
Хозяйствомъ молеельни съ богадѣльной завѣдуетъ комитетъ, набираемый изъ числа жертвователей. Оедосѣвскій толь насчитываетъ въ Петербургѣ до 6000 послѣдователей.

шумнаго веселья. Въ нищетѣ — и радости, и печали переносятся болѣе спокойно, чѣмъ въ зажиточномъ кругу, гдѣ людямъ есть время долго носиться съ личными чувствами. Дитя умерло; сколотили гробикъ; уложили въ него маленькое похолодѣвшее тѣльце; выбрали два лучшихъ вышитыхъ полотенца, которыми подвязали эту новую колыбель къ длинной палкѣ, — и похоронная процессія двинулась въ путь; мальчикъ и дѣвочка, братъ и сестра, понесли своего юнаго брата въ

ближайшее село къ приходской церкви, а старушка-бабушка, съ клюкой въ одной рукѣ, а въ другой съ тарелкой кутяи, завернутой въ платокъ, побрела сади, сосредоточенно глядя на своихъ смущенныхъ милыхъ внучатъ, еще не сознающихъ, что такое смерть. Вокругъ природа ликуетъ; въ воздухѣ—живительная вѣга тихого лѣтняго вечера, и журчащій ручей, протекающій по лужайкѣ, точно нашептываетъ вамъ: „мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“...

Уличные писцы составляютъ въ Италіи зауридное явленіе. Улицы и переулки переполнены этими страстующими грамотеями, которые за нѣсколько мѣдныхъ монетъ готовы настрочить цѣлое посланіе съ разными цитатами изъ современныхъ и старыхъ поэтовъ или жалобу въ судъ съ соответствующими ссылками на законъ, не всегда, впрочемъ, точными. Подчасъ, какъ настоящіе фигаро, они служатъ и посредниками въ сердечныхъ дѣлахъ, и хранителями всевозможныхъ тайнъ. На картинѣ Гадера представленъ одинъ изъ такихъ уличныхъ типовъ, слушающій „съ ученымъ видомъ знатока“ разглагольствованіе молодой римлянки, которая, проходя мимо его шпривизированной трибуны, тотчасъ же поставила корзину на провизію и припала за объясненіе, что бы она желала написать милому другу въ далекой край. Пока она это говорить, опытный писецъ незамѣтно уже набрасываетъ строку за строкой, и нисѣмъ любви загорается подъ его перомъ. Сколько такихъ объясненій пришлось ему написать на своемъ вѣку!.. Жгучее южное солнце способствуетъ его вдохновенью, а красивые глаза чувствительной римлянки превращаютъ утомительное занятіе въ приятное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что предвидится и нѣкоторое вознагражденіе.

Простая, но именно этому-то простотой и трогательная сцена изображена художникомъ Ж. Бокэ на его мастерской картинѣ „Молитва передъ обѣдомъ“. Бѣдная, но опрятная обстановка жилья какой-нибудь пощенницы или фабричной работницы. Грозоздалая печь, служащая и для стирки, и для отопленія комнаты, убрана запавѣской и полкою для ярко разрисованной, очевидно праздничной посуды. Старинные стѣнные часы только-что возвестили хриплымъ боемъ, что настала обѣденная часть. И вотъ, въ ту минуту, какъ бабушка, усѣвшись за столъ, благоговѣнно читаетъ вслухъ предобѣденную молитву, дочка ея, склонившись надъ внучкою, учитъ малютку повторять слова молитвы къ Тому, Кто намъ даетъ „хлѣбъ нашъ насущный“. Картина г. Бокэ принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которые ничего не подчеркиваютъ, но дѣйствуютъ неотразимо своею жизненною правдою...

Къ 25-лѣтію московскаго политехническаго музея прикладныхъ знаній. (Рис. на стр. 1169.)

Въ настоящее время, когда правительство и общество въ равной мѣрѣ сознаютъ пользу широкаго распространенія технического образованія, такія праздники, какъ 25-лѣтній юбилей московскаго политехническаго музея, должны возбуждать особенное сочувствіе. Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ *Нивы* общую группу, изображающую дѣятелей и зданіе политехническаго музея въ разное время его существованія. Наши читатели, такимъ образомъ, наглядно познакомятся съ постепеннымъ ростомъ этого учрежденія и съ его исторіей въ лицахъ. Но общія снмнатки, которыя оно возбуждаетъ, громадная польза, которую оно приноситъ, не позволяютъ намъ ограничиться однимъ рисункомъ и выѣсть съ тѣмъ побуждаютъ насъ вынести значеніе подобныхъ учреждений вообще и въ частности остановиться на значеніи московскаго политехническаго музея.

Музей этотъ принадлежитъ къ типу такъ-называемыхъ промышленныхъ музеевъ, т.е. постоянныхъ выставокъ образцовъ промышленныхъ издѣлій, сырыхъ матеріаловъ, полуфабрикатовъ, инструментовъ и машинъ. Нечего и поносить громадную пользу подобныхъ постоянныхъ выставокъ. Онѣ позволяютъ крупнымъ и мелкимъ промышленникамъ наглядно слѣдить за успѣхами промышленности, развиваютъ въ нихъ художественный вкусъ, столь необходимый для процвѣтанія промышленности, и кромѣ того путемъ публичныхъ чтеній и демонстраціи собранныхъ предметовъ содѣйствуютъ распространенію прикладныхъ знаній. Начало подобнаго рода музеевъ было положено на западѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Но настоящее свое распространеніе они получили лишь во второй половинѣ истекающаго столѣтія, благодаря почину Англіи, которая послѣ всемірной лондонской выставки 1851 г., опасаясь, что остальныя западныя страны затмятъ промышленные ея успѣхи и одержатъ надъ нею верхъ на всемірныхъ торговыхъ рынкахъ, основала знаменитый Кенсингтонскій музей, въ которомъ представлены всевозможныя отрасли прикладнаго искусства. Музей этотъ далъ могучій толчокъ успѣхамъ англійской промышленности и вызвалъ къ жизни 35 художественно-промышленныхъ музеевъ. О значеніи Кенсингтонскаго музея можно составить себѣ наглядное понятіе, при-

нивъ въ вниманіе слѣдующія цифры: ежегодный его бюджетъ составляетъ около милліона рублей, а посѣтителей бываетъ въ годъ до 2 милліоновъ.

По примѣру Англіи всѣ другія европейскія страны начали основывать у себя аналогичные музеи, и теперь нѣтъ въ Европѣ сколько-нибудь значительнаго центра, который не имѣлъ бы подобнаго учрежденія, содѣйствующаго промышленнымъ успѣхамъ путемъ образованія коллекцій образцовыхъ произведеній и распространенія прикладныхъ знаній.

У насъ, въ Россіи, первая мысль объ учрежденіи подобнаго музея была высказана еще въ 20-хъ годахъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ администраторовъ, покойнымъ княземъ Дмитриемъ Владимировичемъ Голицынымъ; она встрѣтила сочувствіе со стороны императора Николая I. Однако, она не осуществилась, и прошло почти полвѣка, прежде чѣмъ само общество признало ея плодотворность. Только въ началѣ 70-хъ годовъ мысль эта возродилась, и рѣшено было устроить въ Петербургѣ общій музей прикладныхъ знаній въ Соляномъ Городкѣ. Музей этотъ распался на два отдѣла: техническій и учебно-педагогическій. Второй, какъ извѣстно, получалъ широкое развитіе. Но первый, по различнымъ причинамъ, не могъ войти въ силу. Столь часто проявляющееся соперничество между Москвою и Петербургомъ проявилось и въ этомъ вопросѣ. Восторжествовала, однако, Москва, можетъ-быть, отчасти благодаря случайному обстоятельству. Дѣло въ томъ, что въ 1872 г. московское общество любителей естествознанія, антропологи и этнографы устроило въ первопрестольной столѣцѣ политехническую выставку. По окончаніи этой выставки возникъ вопросъ о томъ, куда дѣвать собранныя коллекціи. И вотъ, извѣстный намъ зоологъ и антропологъ проф. Богдановъ вновь возбудилъ мысль покойнаго князя Голицына и предложилъ организовать центральный музей прикладныхъ знаній для всей промышленной Россіи. Благодаря его энергіи и существованію коллекціи, мысль его на этотъ разъ не потерпѣла крушенія, и такимъ образомъ возникъ, наконецъ, иштинскій московскій политехнический музей, одинъ изъ самыхъ популярнахъ музеевъ въ Россіи, широко раскрывшій двери всѣмъ классамъ населенія, всѣмъ ищущимъ просвѣщенія въ области прикладныхъ знаній.

Напомнимъ теперь вкратцѣ 25-лѣтнюю исторію этого полезнаго учрежденія. Можетъ-быть и четверть вѣка тому назадъ мысль объ основаніи музея не осуществилась бы, несмотря на всю энергію проф. Богданова, еслибы она не встрѣтила горячаго сочувствія со стороны московскаго городского управленія, преимущественно въ лицѣ тогдашняго городского головы, кн. В. А. Черкаскаго. Городъ отвѣлъ для музея соответственное мѣсто на Лубянской площади. Кромѣ того, биржевой комитетъ и именитое купечество съ своей стороны оказали проф. Богданову всевозможное содѣйствіе, и въ концѣ концовъ рѣшено было ходатайствовать предъ правительствомъ объ устройствѣ музея. Царь-Преобразователь отнесся очень сочувственно къ ходатайству первопрестольной, и изъ государственнаго казначейства было ассигновано 500,000 р. на сооруженіе зданія музея. Въ сентябрѣ 1872 г. организованъ былъ комитетъ по устройству музея, и почетное предсѣдательство въ этомъ комитетѣ удостоились принять на себя покойный великій князь Константинъ Николаевичъ. Въ помощь ему были назначены два товарища: бывший предсѣдатель общества любителей естествознанія проф. Щуровскій и главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ; первый имѣлъ мѣстопробываніе въ Москвѣ, и фактически предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, а второй, живя въ Петербургѣ, состоялъ такъ-сказать при особѣ почетнаго предсѣдателя и въ значительной степени своею энергіею содѣйствовалъ окончательной организаціи музея.

Торжественное открытіе музея послѣдовало 30-го ноября 1872 г. Но музей тогда еще не имѣлъ собственнаго зданія и довольствовался частнымъ помѣщеніемъ на Пречистенкѣ. Благодаря щедрости правительства, однако, зданіе музея на Лубянской площади постепенно отстраивалось, и черезъ нѣсколько лѣтъ воздвигнута была средняя часть зданія, гдѣ и сгрушированы были коллекціи музея. Ассигнованныхъ средствъ, какъ можно было предвидѣть, не хватало. Пришлось обратиться къ содѣйствію частныхъ предпринимателей. Наиболее подходящими оказались предложенія инженерова г. Сытенко и покойнаго Обинна. Имъ и была предоставлена постройка второго корпуса музея съ торговыми помѣщеніями. Весь третій этажъ этого корпуса предпологалось отвести подъ расширенныя отдѣлы музея. Въ этомъ представлялась крайняя необходимость, такъ какъ коллекціи быстро обогащались новыми образцами. Въ прошломъ году, дѣйствительно, музей могъ уже располагать всѣми верхними этажами новаго корпуса, и теперь состоитъ изъ 16-ти специальныхъ отдѣловъ по разнообразнѣйшимъ прикладнымъ знаніямъ, а выѣсть съ тѣмъ служить источникомъ распространенія промышленныхъ успѣховъ; зданіе же его можетъ считаться однимъ изъ украшеній первопрестольной столѣцы.

Послѣ смерти перваго почетнаго президента музея и горячаго его защитника, великаго князя Константина Николаевича, музей очастливленъ былъ назначеніемъ поваго почетнаго

председателя въ лицѣ Его Высочества великаго князя Константина Константиновича, избравшаго себя товарищами въ Москвѣ князя Голицына, въ Петербургѣ—члена совѣта министра народнаго просвѣщенія г. Разцвѣтова. Дальнѣйшее существованіе музея значительно облегчено ежегодной субсидіей изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 23—25 тысячъ рублей, а сочувствіе, встрѣчаемое музеемъ со стороны общества, въ виду громадной его пользы, служитъ самымъ надежнымъ ручательствомъ обезпеченія его матеріальными средствами и дальнѣйшаго его развитія. Самые трудные свои годы музей уже пережилъ, и ему предстоитъ свѣтлое будущее, возможность съ каждымъ годомъ все шире и шире развивать свою дѣятельность на пользу русской промышленности и ея труженниковъ, число которыхъ такъ быстро теперь возрастаетъ.

В. Д. Левинскій. (Портр. на стр. 1172.)

Владиміръ Дмитриевичъ Левинскій родился въ 1849 г. въ Могилевѣ. Среднее образованіе получилъ въ Вильнѣ и Петербургѣ, а высшее—въ бывшей Петровской академіи въ Москвѣ. Еще будучи въ академіи (стипендіатомъ отъ министерства государственныхъ имуществъ), онъ былъ приглашенъ на политехническую выставку для объясненія публикѣ специальныхъ сельско-хозяйственныхъ коллекцій. Въ 1872 г. назначенъ хранителемъ (консерваторомъ) политехническаго музея. Сохранивъ эту должность, онъ въ 1883 г. избранъ единогласно въ секретари комитета и правленія музея и занимаетъ эти должности до сихъ поръ. Въ качествѣ секретаря музея, В. Д. въ теченіе 15 лѣтъ былъ исполнителемъ всѣхъ начертаній комитета и принималъ близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ по устройству и развитію музея. Какъ хранитель сельско-хозяйственнаго отдѣла, онъ написалъ популярную брошюру: „Молоко, сливки и масло“, изданную музеемъ въ 1882 г., и составилъ для музея учебно-научныя коллекціи по орогодичеству и пчеловодству, удостоенныя золотыхъ медалей—отъ московскаго общества любителей садоводства и отъ Императорскаго общества акклиматизаціи. За общую группировку коллекцій въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ музея, г. Левинскій награжденъ отъ Императорскаго общества любителей естествознанія большою именной серебряною медалью.

Сосредоточивая свою дѣятельность въ политехническомъ музеѣ, г. Левинскій участвовалъ также въ работахъ московскихъ ученыхъ обществъ, близкихъ его спеціальности. Такъ, начиная съ 1874 г. онъ состоялъ секретаремъ общества улучшенія скотоводства въ Россіи, редактировалъ его „Альбомъ домашнихъ животныхъ“ и составилъ брошюру „Индійскія куры“, изданную обществомъ. Въ Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства съ 1873 г. участвовалъ своими рефератами по комитету скотоводства, а главнымъ образомъ по комитету шелководства. Въ 1890 г. общество избрало г. Левинскаго постояннымъ членомъ. Въ комитетѣ шелководства онъ работалъ 18 лѣтъ: въ качествѣ товарища секретаря, секретаря и товарища директора комитета. При его содѣйствіи устроены были въ первый разъ въ Москвѣ публичныя выкормки шелкомоточныхъ червей, сопровождаемыя публичными чтеніями по шелководству. Первые выкормки и первые чтенія въ теченіе трехъ лѣтъ производилъ г. Левинскій, за что онъ былъ награжденъ комитетомъ шелководства золотой медалью. Во время всероссійской выставки въ Москвѣ въ 1882 году ему поручено было устройство на выставкѣ отдѣла шелководства, въ которомъ онъ состоялъ председателемъ. До выставки онъ былъ командированъ на средства министерства на югъ Россіи для изученія состоянія шелководства. Его отчетъ напечатанъ въ „Трудахъ комитета шелководства“ и въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*. Г. Левинскій устроилъ также отдѣлъ шелководства на харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ и на второй акклиматизаціонной выставкѣ въ московскомъ зоологическомъ саду. Въ 1889 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ комитета шелководства. Кроме того, онъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Покровской общины сестеръ милосердія въ Москвѣ, въ которой при его участіи возобновлена дѣятельность школы шелководства. Въ Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія г. Левинскій принимаетъ близкое участіе въ дѣлахъ съ 1875 г., какъ дѣйствительный и непрѣмѣнный членъ; шестое двухлѣтіе онъ состоитъ членомъ совѣта общества и принималъ близкое участіе въ устройствѣ въ Москвѣ антропологической выставки.

Въ Императорскомъ обществѣ акклиматизаціи животныхъ и растений г. Левинскій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ съ 1879 по 1891 годъ. Состоялъ председателемъ отдѣла скотоводства въ зоологическомъ саду, участвовалъ въ устройствѣ выставки пчеловодства въ измайловскомъ зѣтрищѣ и три двухлѣтія былъ избираемъ въ члены совѣта общества. Въ 1882 г., по приглашенію министерства государственныхъ имуществъ, г. Левинскій принялъ на себя должность помощника распорядителя III группы (сельскаго хозяйства) бывшей въ Москвѣ всероссійской выставки.

Съ 1876 г. г. Левинскій состоитъ членомъ правленія комиссіи по устройству въ Москвѣ народныхъ чтеній и заведующимъ народною читальней въ политехническомъ музеѣ. Онъ принималъ

близкое участіе въ устройствѣ почти всѣхъ народныхъ читаленъ Москвы и участвовалъ также въ организаціи „Дѣтскихъ утръ“ отъ комиссіи.

Довольно разнообразна и газетная дѣятельность В. Д. Левинскаго. Съ 1893 г. онъ состоитъ папательемъ-редакторомъ журнала *Будильникъ*.

Къ столѣтію Маринскаго института въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 1172.)

Въ декабрѣ т. г. предстоитъ торжественное празднованіе столѣтняго юбилея Маринскаго женскаго института, являющагося послѣ Суолянаго старѣйшимъ учрежденіемъ этого рода. Онъ былъ основанъ 26-го іюня, а открытъ 18-го сентября 1797 года въ Бозѣ почивающей императрицѣ Маріею Теодоровною, на личныя ея средства, для 40 сиротъ средняго сословія и для 10 дочерей служащихъ при дворѣ Ея Величества. Институтъ находился тогда на углу Мойки и Офицерской улицы и до 1800 года именовался училищемъ. Въ 1800 г. онъ былъ переименованъ по Высочайшему повелѣнію въ „институтъ“,—названіе, впервые присвоенное въ Россіи женскому учебному заведенію.

Институтъ находился въ непосредственномъ и ближайшемъ вѣдѣніи императрицы Маріи Теодоровны: пріемъ воспитанницъ и служащихъ лицъ происходилъ по ея усмотрѣнію, обо всемъ, происходившемъ въ институтѣ, подносились ей подробные отчеты и рапорты. До самой кончины императрицы институтъ существовалъ на ея личныя средства.

По кончинѣ императрицы Маріи Теодоровны (14-го октября 1828 г.), институтъ Высочайшимъ указомъ былъ признанъ государственнымъ учрежденіемъ, обезпеченъ капиталомъ и переведенъ подъ покровительство шевкетки покойной императрицы, великой княгини Елены Павловны, но до 1829 года находился въ вѣдѣніи императора Николая I. Въ 1829 г. институтъ перешелъ подъ покровительство великой княгини Елены Павловны, до самой кончины, въ продолженіе 42 лѣтъ, принимавшей самое близкое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ института. Въ это время институтъ достигъ наивысшаго своего развитія, какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. Въ ряду главнѣйшихъ преобразованій и нововведеній этого времени можно указать на замѣну должности директора должностью директриссы, распространеніе на Маринскій институтъ закона о домашнихъ наставницахъ и учительницахъ, разрѣшеніе принимать своекоштныхъ воспитанницъ и наконецъ на постройку въ 1837 г. новаго зданія института (на углу Таврической и Кирочной ул.).

Великая княгиня Елена Павловна обратила вниманіе и на неудобное во многихъ отношеніяхъ расположеніе учебнаго зданія въ институтѣ. При ней учебный курсъ былъ раздѣленъ на 7 классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, вмѣсто прежняго дѣленія на 5 классовъ съ курсомъ двухъ-годичнымъ. Выѣстъ съ тѣмъ и время выпусковъ воспитанницъ было перенесено съ декабря на іюнь.

Отличительною чертою Маринскаго института, которой онъ обязанъ своей высокой покровительницѣ, должно считать существованіе въ немъ ежесѣдѣльныхъ отпусковъ воспитанницъ домой.

Въ 1873 году, когда скончалась великая княгиня Елена Павловна, великая княгиня Екатерина Михайловна приняла институтъ подъ свое покровительство и продолжала дѣло своей августѣйшей матери. По желанію ея высочества были неоднократно учреждаемы комиссіи для лучшей выработки учебныхъ программъ, слѣдствіемъ чего было значительное расширеніе учебнаго курса института.

30-го апрѣля 1894 г. великая княгиня Екатерина Михайловна въ Бозѣ почилла, а 27-го іюня того же года Маринскій институтъ былъ переданъ въ вѣдомство Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, вступивъ такимъ образомъ въ новый періодъ своего существованія.

Примѣръ царственныхъ труженницъ, положившихъ на дѣло развитія и преуспѣянія Маринскаго института столько личныхъ трудовъ и попеченій, вдохновлялъ педагогическій персоналъ и не остался безъ вліянія на характеръ и строй заведенія. Чуждый формализма, институтъ устроилъ жизнь и отношенія своихъ членовъ въ семейномъ духѣ, который и до сихъ поръ составляетъ его отличительную черту и лучшее воспитательное средство.

Воспитавъ около 2,000 дѣвушекъ, институтъ сумѣлъ внушить имъ вмѣстѣ съ теплымъ чувствомъ къ нему и стремленіе навсегда оставаться членами его обширной семьи, лучшимъ доказательствомъ чего служатъ возникшее по поводу столѣтняго юбилея „Общество бывшихъ воспитанницъ Маринскаго института“; одною изъ главныхъ цѣлей этого общества, какъ гласитъ его уставъ, является сохраненіе связи воспитанницъ съ институтомъ.

Русскій домъ въ Меранѣ. (Рис. на стр. 1173.)

Небольшой, пріютившійся среди высокихъ горъ въ живописной мѣстности Южнаго Тироля (Австрія), городъ Меранъ уже

давно приобрѣлъ извѣстность, какъ одна изъ лучшихъ климатическихкихъ станцій, куда съѣзжаются съ разныхъ концовъ Европы люди, страдающіе грудными болѣзнями или разстроенные свои органы переутомленіемъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ русскіе, проживавшіе въ Меранѣ, составили небольшой кружокъ, которому удалось, хотя и на весьма скудные средства, образованный изъ частныхъ пожертвованій и членскихъ взносов, устроить въ пантеонѣ помѣщеніи небольшую русскую церковь, приглашать два раза въ годъ изъ Буда-Пешта русскій причтъ для совершенія богослуженія и даже оказывать иногда небольшую матеріальную поддержку русскимъ, не имѣвшимъ достаточныхъ средствъ, чтобы закончить начатое въ Меранѣ леченіе. Въ 1889 г. въ Ниццѣ скончалась молодая русская дѣвушка Надежда Ивановна Бородина, завѣщавшая 100,000 руб. на устройство въ Меранѣ пріюта или дешевыхъ квартиръ для небогатыхъ русскихъ, страдающихъ грудными болѣзнями и на устройство при этомъ пріюта православной русской церкви. Такъ какъ существовавшій уже въ Меранѣ русскій кружокъ не былъ признанъ формально ни русскимъ, ни австрійскимъ правительствомъ, душеприказчица покойной Бородиной должны были, до передачи завѣщаннаго капитала по назначенію, выработать уставъ и хлопотать объ утвержденіи его правительствомъ обѣихъ имперій. Въ 1895 году, немедленно по утвержденіи устава, душеприказчица переслала завѣщанный капиталъ въ Меранъ; а въ слѣдующемъ году комитетомъ былъ приобретенъ обширный участокъ земли въ наиболее здоровой части города и немедленно приступлено было къ постройкѣ пріюта и церкви. Въ настоящее время зданіе пріюта и церкви совершенно готово, отдѣлано и снабжено всѣмъ необходимымъ; и съ 3 (15) сентября этого года открытъ приемъ больныхъ. Пріютъ устроенъ пока для 27 больныхъ, обставленъ весьма комфортабельно,

В. Д. Левинскій (по поводу 25-лѣтія общественной дѣятельности). Съ фот. авторіи „Нивы“.

имѣть общую столовую, кабинетъ для чтенія, ванны, рояль, газеты и пр. Больные пользуются помѣщеніемъ, столомъ, медицинскими совѣтами—за сравнительно недорогой плато. Такъ плата за комнату колеблется отъ 10 до 25 гульденовъ (8—20 руб.) въ мѣсяцъ; въ эту плату включены: освѣщеніе, отопленіе, прислуга, постельное бѣлье, теплыя ванны и восемь докторскихъ консультацій домового врача М. И. Мессинга, говорящаго на русскомъ языкѣ. Плата за столъ (завтракъ, обѣдъ и ужинъ) тоже, сравнительно, недорога — 2 гульдена 10 крейц. (1 р. 70 к.) въ день. По уставу благотворительнаго общества въ русскій домъ принимаются „все маломужіе православные русскіе подданные обоаго пола, страдающіе грудными болѣзнями“, при чемъ предпочтеніе оказывается „лицамъ, оказавшимъ пользу отечеству на поприщѣ науки и искусства, какъ-то: докторамъ, юристамъ, артистамъ, художникамъ, профессорамъ, учителямъ, военнымъ и ихъ семействамъ“. Что касается семейства, то не лишнее указать, что въ домѣ имѣется только одна квартира въ 3 комнаты, которая можетъ быть предоставлена одному семейству, что болѣе двухъ отдѣльныхъ комнатъ вообще не дозволяется занимать членамъ одного и того же семейства, и что дѣти принимаются въ домъ лишь по достиженіи 7-лѣтняго возраста и „платить одинаковую цѣну за все, какъ и взрослые“.

Сезонъ продолжается съ 3-го (15) сентября по 3-е (15) іюня. Подробныя свѣдѣнія и справки можно получить или непосредственно изъ Мерана („Oesterreich, Tirol, Meran, villa Borodine“) или у душеприказчица покойной Бородиной, прис. повѣр. И. С. Бѣзавина (Москва, Фурманскій пер., домъ Лерейда).

Памятникъ Гюи де-Мопасану въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 1173.)

12-го октября т. с. въ Парижѣ состоялось скромное литератур-

Зданіе Маринскаго женскаго института въ Петербургѣ. (По поводу столѣтія со дня его учрежденія). Съ фот. К. Булла авторіи „Нивы“.

ное торжество — открытие памятника Гюи де-Мопасану. Памятник, воздвигнутый в одном из красивейших уголков Парижа, среди зелени и цветов, — в парке Монсо, поражает своей оригинальностью, такой же, какой отличалась вся жизнь и все произведение Мопасана. Значительная часть памятника отведена той, которая служила главной темой, которая была почти единственной вдохновительницей таланта знаменитого писателя — на первом плане изображена парижанка, сидящая в задумчивой позе, облокотив голову на руку и держа в другой руке книгу. Эта фигура главной героини произведений Мопасана и в то же время главной его читательницы прекрасно

удалась скульптору Раулю Верне и архитектору Генриху Деглоу. При взгляде на нее вспоминаются слова самого Мопасана, очевидно, вдохновившие скульптора. В одном из своих произведений: «Спльна, как смерть», Мопасан говорит своей читательнице: «Послушай, сядь там, возьми этот сборник стихов, открой 336-ю страницу, и ты найдешь на ней маленькое произведение: «Блудные люди». Старайся проникнуться им, читай его медленно, слово за словом, и попробуй его так, как стараются испробовать лучшее вино, и ты будешь охвачена им, восторгана. Слушай затѣм то, что тебе скажет твое сердце, и тогда закрой книгу, подними глаза, думай и мечтай». Точно живая, сидит она и думает, а над ней наизящном пьедестале высится мраморный бюст Мопасана.

Этот памятник, воздвигнутый в сердце Франции, воздана особенная честь Мопасану, самому младшему

Русский домъ имени Н. А. Бородинной въ Меранѣ. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Памятникъ Гюи де-Мопасану въ паркѣ Монсо, въ Парижѣ, открытъ 12-го октября т. г. По рис. Ш. автотипія „Нивы“.

„изъ сталъ славныхъ“ — Гюго, Бальзака, Флобера, еще не ожидавшихся памятника въ Парижѣ. Мопасанъ обязанъ выпавшею на его долю честью, главнымъ образомъ, никому иному, какъ своимъ же товарищамъ: литераторамъ и художникамъ, принявшимъ деятельное участие въ подпискѣ на сооружение ему памятника.

И общество парижскихъ литераторовъ, по праву, играло первенствующую роль на торжестве открытия. Анри Гуссе, председатель общества парижскихъ литераторовъ, рассылая приглашения на это торжество и первый пронаесть приветственную рѣчь. Вслѣдъ за нимъ отмѣтили въ своихъ рѣчахъ заслуги покойнаго писателя — Пюэнь (отъ имени членовъ муниципальнаго совета) и Анри Ружанъ, директоръ академіи художествъ (отъ имени правительства). Затѣмъ извѣстная французская артистка изъ Comédie Française, г-жа Бранде прочла стихотворение Жана Норманъ. Последнимъ говорилъ учитель и другъ покойнаго Мопасана, Эмиль Золя. Его содержательная рѣчь такъ ярко характеризуетъ талантъ Мопасана, что мы позволимъ себѣ привести изъ нея несколько выдержекъ.

„Я не болѣе какъ другъ, — началъ Золя: — я говорю просто отъ имени друзей Мопасана, не отъ имени незнакомыхъ и безчисленныхъ друзей, которыхъ ему приобрылъ его творение, — но отъ друзей, которые его знали, любили, сопровождали его въ его шествіи къ славі. Я его въ первый разъ встрѣтилъ именно здѣсь, по близости, уже болѣе четверти вѣка тому назадъ, у нашего добраго и великаго Флобера, въ той малень-

кой квартирѣ улицы Мурильо, окна которой выходили на лужайку этого парка.. И какъ странно, что слишкомъ двадцать пять лѣтъ спустя этотъ молодой человекъ, тогда невѣстный, оживаетъ, именно, адѣсь въ мраморѣ, и что именно миѣ выпадаетъ радость привѣтствовать здѣсь его бессмертіе!

„Во время нашей первой встрѣчи тамъ, наверху, въ кабинетѣ дораго и великаго Флобера, гдѣ все пламенѣло страстью къ литературѣ, Монсанъ только что сошелъ со школьной скамьи. Тамъ были Гонкуръ, Додэ, Тургеневъ, всѣ были старше его, и онъ при нихъ былъ такъ скромнѣе съ своей спокойной улыбкой, что никто изъ насъ тогда не предвидѣлъ его блестящаго и быстрого успѣха.

„Пошли затѣмъ годы дебютовъ. Тогда Монсанъ завязалъ другія дружескія связи и пошелъ покорять міръ вмѣстѣ съ Гюисмансомъ, Сеаромъ, Алексисомъ, Мирбо, Бурже и другими. Какой чудный праздникъ молодости! Какъ пылалъ умъ и какъ крѣпки оказались узлы нервовъ симпатій! Если жизнь позже сдѣлала свое дѣло, если она каждого увлекла по разнымъ

путямъ, то Монсанъ всегда оставался вѣрнымъ другомъ встрѣчая всегда своихъ старыхъ собратьевъ по оружію съ распростертыми объятіями и горячимъ сердцемъ.

„Явился успѣхъ, и слава грянула, какъ громъ. Монсанъ былъ счастливцемъ, если это слово можетъ-быть произнесено послѣ ужаснаго конца, его унесшаго. Съ первыхъ уже шаговъ онъ былъ прославленъ; немногіе друзья, которыхъ я только что называлъ, стали легионами; онъ покорила аристократическіе салоны, покорила предварительно салоны буржуазіи. И даже послѣ слава ему улыбается: вы видите, его память увѣковѣчивается въ этомъ граціозномъ памятникѣ съ символическимъ значеніемъ того, что женщина отдала ему свою душу, и мы адѣсь празднуемъ постановку его бюста въ то время,—какъ столько другихъ старшихъ и славныхъ еще ждутъ своей очереди!

„Дорогой Монсанъ, мой младшій братъ, котораго я любилъ, ростъ котораго я наблюдалъ съ братской радостью, я отъ имени всѣхъ преданныхъ, вѣрныхъ друзей рукоплещу твоему вступленію въ царство славы!“

Политическое обозрѣніе.

Открытие германскаго рейхстага состоялось 18-го октябрия. Въ тронной рѣчи императоръ настаивалъ на необходимости усиленія флота для увеличенія морскихъ силъ Германіи и ея престижа среди народовъ. Въ числѣ предстоющихъ законодательныхъ работъ упомянуты проекты объ улучшеніи почтово-пароходнаго сообщенія съ восточной Азіей и о реформѣ военнаго судопроизводства. Имперскому парламенту сообщается о высадкѣ германскаго войска на китайской территоріи съ цѣлью добиться „полнаго возмездія“ и обезпеченія противъ повторенія подобнаго прискорбнаго событія. Упомянувъ объ „отрадныхъ отношеніяхъ“ съ союзными и дружественными государствами, императоръ закончилъ свою тронную рѣчь заявленіемъ, что все даетъ право „надѣяться на продолженіе мирнаго развитія Европы и германскаго отечества“. Глубокое молчаніе рейхстага было нарушено возгласами одобренія послѣ словъ императора о событіяхъ на китайской территоріи.

Высказавшіяся взгляды парламентскихъ группъ на начинанія имперскаго правительства, еще задолго до открытія рейхстага, побудили императора, послѣ нынѣшней тронной рѣчи, напомнить депутатамъ о своей клятвѣ въ ихъ присутствіи—надъ священнымъ знаменемъ перваго гвардейскаго полка—„сохранить имперію такъ, какъ принялъ ее отъ дѣда, охранять и защищать ее цѣлѣ“. „Во имя имперіи“, сказалъ императоръ, „молю Всевышняго поддержать васъ въ вашей работѣ и помочь миѣ и впредь сохранять извѣстную честь имперіи, которую я такъ высоко цѣню, что не остановился предъ жертвою привлечь къ этому дѣлу единственнаго своего брата“.

Внесеннымъ въ рейхстагъ проектомъ по морскому вѣдомству испрашиваются кредиты на увеличеніе флота, составъ котораго предложено пополнить до 1904 года 16-ю новыми судами разнаго типа, причемъ расходы для осуществленія этой реформы должны быть разверстаны на семь лѣтъ—приблизительно отъ 121 милліона слишкомъ до 150 милліоновъ марокъ ежегодно. Такимъ образомъ серьезный вопросъ объ увеличеніи флота связанъ съ не менѣе важнымъ вопросомъ о „септенатѣ“, въ силу котораго, вмѣсто ежегоднаго вотированія морскаго бюджета наравнѣ съ кредитами прочихъ вѣдомствъ, рейхстагу предложено утвердить смѣту по морскому вѣдомству впредь на семилѣтній срокъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны оппозиціонной печати, по мнѣнію которой вопросъ о „септенатѣ“ является ограниченіемъ „бюджетныхъ правъ парламента“. Рейхстагъ же не долженъ отказываться отъ своихъ правъ ни при какихъ обстоятельствахъ; ошибка правительства сказалась въ томъ, что оно соединило возрастающія потребности флота и средства ихъ удовлетворенія въ одинъ вопросъ о септенатѣ, фактически упраздняя

шесть парламентское право вотированія бюджета до 1904 года и т. д.

Подобные отзывы оппозиціонныхъ органовъ печати указываютъ на предстоящую серьезную парламентскую борьбу. Оживленные пренія въ рейхстагѣ по морскому проекту начались 24-го ноября; прежде всего имперскій канцлеръ заявилъ, что для веденія мирной политики германскій флотъ долженъ быть факторомъ силы, обладающей достаточнымъ вѣсомъ въ глазахъ друзей и враговъ; затѣмъ морской министръ изложилъ техническія соображенія, требующія усиленія флота, а министръ финансовъ коснулся вопроса съ финансовой и экономической точки зрѣнія; наконецъ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, фонъ-Буловъ, упомянувъ о недоразумѣніяхъ съ Гаити и инцидентѣ въ Китаѣ, заявилъ, что Германія хочетъ поддерживать дружбу, но на почвѣ уваженія взаимныхъ правъ; не мѣшая другимъ великимъ державамъ и никого не отодвигая въ тѣнь, Германія требуетъ, чтобы и ея мѣсто осталось на солнцѣ. Въ настоящее время пренія о „септенатѣ“ въ полномъ разгарѣ; противъ проекта успѣли высказаться социаль-демократы и группа свободомыслящихъ.

Тѣмъ временемъ, по сообщенію *Nord. Allgem. Zeitung*, приняты энергичныя мѣры для улаженія недоразумѣній на дальнемъ Востоцкѣ: въ Кіао-Шау отправляется батальонъ морской пѣхоты въ составѣ 23 офицеровъ и 1200 нижнихъ чиновъ, рота морской артиллеріи съ 4 офицерами и 200 нижними чинами, съ полевыми орудіями и картечницами. Какъ извѣщаетъ *Berlin. Tageblatt*, Германія будто бы окончательно рѣшила занять портъ и бухту Кіао-Шау, такъ какъ императоръ полагаетъ, что присоединеніе этой территоріи должно служить вознагражденіемъ за службу Китаю въ японскую войну. По извѣстіямъ западно-европейской печати, Китай намѣревается предостаивть рѣшеніе „недоразумѣнія“ третейскому суду. Что же касается инцидента въ Гаити, то онъ сводится къ вопросу о выдачѣ вознагражденія германскому подданному, подвергнутому аресту, но вскорѣ освобожденному вслѣдствіе протеста Германіи. Два германскихъ крейсера, по свѣдѣніямъ отъ 25-го ноября, прибыли въ Гаити и предъявили ультиматумъ этой негринской республикѣ. Это событіе встревожило политическіе кружки Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ къ островамъ Гаити приимѣняется теорія Моурозъ, почему американцы и усмотрѣли въ дѣйствіяхъ Германіи „неприязненный актъ“; вообще, по мнѣнію янки, Германія ищетъ повода, чтобы осуществитъ давнишнюю свою мечту—стать твердой ногой въ Гаити. На этотъ разъ, поиндиному, инцидентъ будетъ нечерпавъ миролюбивымъ образомъ, такъ какъ о. Гаити, по послѣднимъ извѣстіямъ, согласился исполнить всѣ требованія Германіи.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1898 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 года.

Подписанная цѣна обозначена на 1-й страницѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: Новая впечатлительная. Рассказ Т. А. Щепиной Нуперник. — Нонецъ Трезора. Рассказ Б. П. Никонова. — Пароговскій музей въ Петербургѣ (съ портр. и рис.). — два дня въ Матаѣ. Изъ путевыхъ записокъ И. В. Ингенцига. (Съ 5 рисунками). — Къ рисункамъ: На медаль. — Старообрядческая молельня. — Деревенскіе похороны. — Уличный писецъ въ Итали. — Молитва передъ обѣдомъ. — Къ 25-лѣтію московскаго политехническаго музея прикладныхъ знаній (съ рис.). — В. Д. Левинскій (съ портр.). — Къ статію Маринскаго института въ Петербургѣ (съ рис.). — Русскій домъ въ Меранѣ (съ рис.). — Памятникъ Гюи-де-Мопасану въ Парижѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — О подпискѣ на "Ниву" 1898 г. — Объявленія. При этомъ не прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. XII (Сборникъ "Нивы" за декабрь); 2) "ПАРИЖСКІЙ МОДЫ" за декабрь съ 30 рис. и отд. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. вел. и 18 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель В. Ф. Маринъ.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАВИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и
интеркартъ магазинахъ Россіи и
Заграничьи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ
"ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ" въ Булаешть.

"Ideal". Каждая дама, желающая быть
виолитъ элегантной, безукоризненно
аккуратной, употребл. для обшив-
ки подола исключительно "Иде-
аль", патентованную подшив-
ку изъ бумажнаго бархата
(Вельветингъ). На каждой ко-
робкѣ надпись "Ideal". По-
лучить можно во всѣхъ
прикладныхъ магази-
нахъ Россіи.

№ 10426 пахъ Россіи. 26-11

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИШЕСТВА

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

СЪ СЫНОВАМИ

1896 ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

ИСПОЛЪЗУЙТЕ
ДУХИ, "Капризъ Жевы" нѣжны, пріятны и прочны

МЫЛО "Велютина Елизаветъ" пріятный АРОМАТЪ

ПРИДАЕТЪ КОЖЬ НѢЖНОСТЬ И БѢЛИЗНУ

ПРОДАЕТСЯ ВСЕГДѢ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ГЛ. СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, Д. № 12.
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ, Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ 37.

ПРИЛИЧНЫЙ ПОДАРОКЪ.
къ празднику

За 4 р. 25 к. высланъ наложен.
платежомъ полное
устройство электрич. звонковъ для квар-
тиръ изъ 2 комнатъ, слыше за каждую на
75 к. дор. Полное устройство телефон. отъ
30 р. Указанія и чертежи (безплатно), для
установки самому на мѣстѣ. Проводъ не
считъ заплата. Укладка бесплатно. Электро-
техническ. контора И. А. Грюнберга,
С.-Петербургъ, Фонтанка, № 52.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ЖУРНАЛА
"ОБРАЗОВАНИЕ"

высылаетъ всѣ имѣющіяся въ
продажѣ книги и принимаетъ
подписку на всѣ журналы и
газеты.

СПБ., Басковъ пер., 13.

И. ВЕРНЕРЪ.

Москва, Петровскія линіи,
д. Полякова, подъездъ, № 7.

Американскіе фонографы Эд-
сона отъ 50 до 400 р. Великія
знанія, артистич. симметро-
графы равныхъ системъ отъ
500 р. Картины Люмьера всѣхъ
новѣйшихъ событий. Всѣ новос-
ти для публичной демонстраціи.

П. № 10626 6-4

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкирскій домъ Герингъ
Блончъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
спеціальнаго магазинъ бѣля

Ю. Готлибъ.
Владимірская, 2, уголъ Невского.

ПРАВИЛЬНЫЯ
СКРИПКИ

въ 2 р., 2 р. 50 к., 4 р.,
5 р., 6 р., 8 р., 10 р.,
15 р., 20 р., 30 р., 40 р.
и дороже. Альты, виолон-
чели и контрабасы.

СТРУНЫ лучшаго
качества для всѣхъ ин-
струментовъ. С.-Петер-
бургъ, Караванная,
3-35. Скрипичн. мастеръ
Ф. Пасербскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на всѣ модные журналы
въ расрочку и съ наложен. платежомъ.
Москва, Мегалица, противъ Малаго театра.

Журналы послѣднихъ модъ

В. Н. Альшвангъ.
Каталогъ высылается безплатно.
Цѣны вы конкуренціи.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
"КЕТТИ БОССЪ"
В. Семидени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
15 коп.

Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи. 12-4

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЭТИКА.
(Ученіе о нравственности.)
Учашіе профессоръ Манензи. Переводъ
съ англійскаго. Цѣна 1 рубль.

ЛЕОНГАРДИ

ДОСТОИТЕЛЬНО-НАВѢСТНЫМЪ, ЕДИНСТВЕННО
НАСТОЯЩІМЪ

Алидариновыя чернила
для письма и копированія

(жѣлѣзисто-орѣшковаго 1-го класса по
отдѣламъ государственныхъ учре-
жденій), 20-20

ЛЕГКО - СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ
ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:
для книгъ, актовъ, документовъ и
письменностей всякаго рода, можно по-
лучить почти во всѣхъ магазинахъ кан-
целярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно
только съ сей
предохранитель-
ной маркой.

Авг. Леонгарди
въ Дрезденъ,
изобрѣтатель и единственный
фабрикантъ.
ИЗБѢГАТЬ ПОДѢЛКОМЪ.

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ.

Золотая медаль.

С.-Петербургъ,
9, Большая Морская.

Н.-Новгородъ.
Москва,
6, Кузнецкій мостъ.

Громадный выборъ ювелирныхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны.
Спеціальное изготовленіе жетоновъ Всероссийской выставки въ
Н.-Новгородѣ 1896 г., Съѣзда врачей въ Москвѣ 1897 г. и пр.
Иногороднымъ выслано вещи наложеннымъ платежомъ по полу-
ченіи задатка. № 10730 2-1

ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ
дѣтская присыпка
"ЗОИНЪ"

Лучшее антисептическое средство отъ прѣ-
вн. кожныхъ болѣзненныхъ явленій и т. п.
"дѣтскаго запаха", присущаго новорожден-
нымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310.
Б. к. 30 к., мал. и 20 к.
Ц. № 10609 Продажа вездѣ. 4-3

Главный складъ: торговый домъ Гофманъ и
Деуахъ, Харьковъ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.

Испытанные аппараты. Пр.-кур. безплатно.

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-4
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ

К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Семь разъ удостоены первыхъ награды
СКРИПКИ,
самыя лучшія и дешевыя въ настоя-
щее время, неподражаема по тону и ка-
честву, отъ 6-30 марокъ. знаменитыхъ
мастеровъ—отъ 30-200 марокъ. Альты,
виолончели, басы. Смычки 1 1/2-50 мар.
Футлары 3 1/2-40 мар. Цитры 16-300
мар. Гитары 6-50 мар. Превосход-
ныя струны. Всѣ духовые инструменты.
Измѣная скрипка для ученья (собств. изобрѣ-
тѣ). Мастерскія для починковъ. Реко-
мендациі отъ Вильгельма, Саразате,
Сора, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гаран-
тія. Прейсъ-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
В. № 10928 Крейцихъ. 5-2

ЕДИНСТВЕННО

Складъ Ивана Матвѣева въ Бу-
зулукѣ высылаетъ эфедру, траву
Кузьмича въ пергаментной бу-
магѣ и герметически закупорен-
ныхъ коробкахъ, чѣмъ предо-
храняется эфедра отъ порчи при
пересылкѣ ея въ кожаныхъ поч-
товыхъ сумкахъ.

Высшій сортъ бороваго въ цвѣтѣ
и съ кореньями по 5 р. } за фунтъ
2 сортъ бороваго " 3 р. } безъ пер.

Прилагается подробное на-
ставленіе.

Существуетъ съ 1849 г.

Телефонъ № 1337.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ИВАНА ЕКИМОВИЧА
МОРОЗОВА

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, №№ 85, 86, 87 (по Садовой улицѣ, противъ Пажескаго корпуса).

БРИЛЛАНТОВЫЯ,
ЗОЛОТЫЯ
и
СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ
ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ
въ собственныхъ мастерскихъ.

ЧАСЫ

карманные: золотые, серебряные и
стальные; также столовые и стѣнные

ОБРАЗА

живописные въ серебряныхъ ризахъ

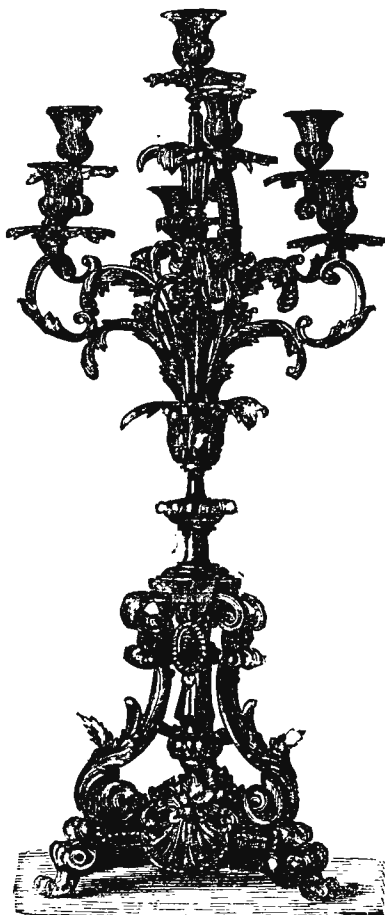
ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Постоянно громадный выборъ гото-
ваго товара.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НЕ ИМѢЕТЪ НИКАКИХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

При заказахъ слѣдуетъ высылать $\frac{1}{3}$ стоимости товара.

Подробные прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ

изъ серебра, бронзы и мельхиора.

БРОНЗОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ

въ громадномъ выборѣ
изготавливаются
въ собственныхъ мастерскихъ.

ЛАМПЫ

изъ бронзы, фарфора и маіоливы.

МЕЛЬХИОРОВЫЯ ВЕЩИ

въ вольшомъ выборѣ
лучшаго посеребрения.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Постоянно громадный выборъ гото-
ваго товара.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
на педагогическій и научно-популярный журналъ
„ОБРАЗОВАНИЕ“

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедогогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Изъ области знаній (научныя бесѣды), Изъ Запада. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей. — Письма изъ Германіи и Франціи отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). — Новости иностранной литературы. — Изъ иностранныхъ журналовъ. — Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе). — Журнальное обозрѣніе. — Письма изъ провинціи. — Хроника. — Статистика образованія.

Цѣна за годъ **5 руб.** съ перес.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Васковъ пер., 13.

Редакторъ-издатель **АЛЕКСАНДРЪ ОСТРОГОРСКИЙ.**
Подробное объявленіе высылается по первому требованію.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР. № 1.

С.-Д. Колонъ двойной, С.-Д. Колонъ № 1 экстрактъ, С.-Д. Колонъ тройной.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Воснесенскій просп. уг. Казанской ул. домъ № 24-524
НЕВСКІЙ ПР. № 32, и НЕВСКІЙ ПР. № 66.

МАГАЗИНЫ ВЪ МОСКВѢ: на Хлебной ул. вѣст. домъ № 11/12/13/14/15/16/17/18/19/20/21/22/23/24/25/26/27/28/29/30/31/32/33/34/35/36/37/38/39/40/41/42/43/44/45/46/47/48/49/50/51/52/53/54/55/56/57/58/59/60/61/62/63/64/65/66/67/68/69/70/71/72/73/74/75/76/77/78/79/80/81/82/83/84/85/86/87/88/89/90/91/92/93/94/95/96/97/98/99/100.

ЗАКАЗАТЬ ПОСПѢШИТЕ

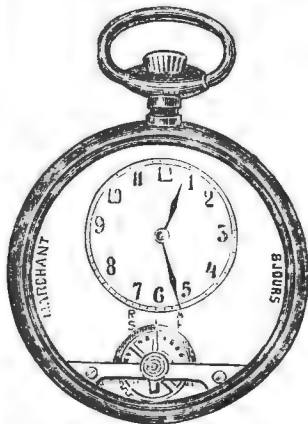
НОВЫЯ ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІИ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ
въ 4, 8, 12, 18, 25 или 40 р.

въ которыхъ включены всѣ необходимыя украшения, какъ равно послѣднія здѣшнія и заграничныя новости.
Исключительно къ новымъ коллекціямъ приложены любимыя хлопунши. Вѣтъмъ еще оригинальные китайскіе фонарики и практичный аппаратъ для замиганія и потушенія свѣчей.
Болѣе подробныя свѣдѣнія благоволите усмотрѣть изъ № 41 журнала „Нива“.

Цѣны безъ пересылки. Упаковка бесплатно.
Высылка наложеннымъ платежомъ.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.
Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82.

!!!НЕ НУЖНО БОЛЬШЕ ЗОЛОТА!!!

Изобрѣтенъ металлъ, вполнѣ замѣняющій его.
Небывалое до сихъ поръ осуществилось.
Часы изъ новаго золота, вполнѣ замѣняющіе дорого-стоящіе и не всѣмъ доступные золотые часы.

Изъятыя и прочныя, карманныя, мужскіе часы, глухіе, всѣ 3 крышки изъ американскаго золота, никогда не чернѣющіе, ремонтурныя, т. е. заводъ безъ ключа, ходъ на 15 камняхъ, механизмы вызолоченныя, вѣсто 12 р. и 14 р.
Всего только за 8 и 10 рублей.

Получающимъ двѣ штуки сразу, дается скидка въ размѣрѣ одного рубля, такіе же дамскіе на 1 руб. дороже. Ц. № 10669 4—8
Письменное ручательство на 8 лѣтъ.

Часы, тщательно прохрененыя, высылаются по полученію 2 руб. задатка.

АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ Б-въ Варювскихъ, складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ **ВАРШАВѢ, ЗЕЛЬНАЯ, 41.**
Множество благодарств. писемъ и отзывомъ.

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

Довожу до свѣдѣнія почтенныхъ госнодъ заказчиковъ, что моя коллекція елочныхъ украшеній на 1897 г. въ настоящее время уже составлена и особенно выдаются своимъ изощреніемъ. Не перечисляя предметы, помѣщенные въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, шлю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предъидущихъ годкахъ

5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р., 75 р. и 100 р.

прѣмъ долгомъ считаю уѣдѣнить, что даже 5-ти руб. коллекція удовлетворитъ самый изысканный вкусъ.

Вслѣдствіе большого накопленія заказовъ, обращаю особое вниманіе тѣхъ госнодъ заказчиковъ, которые проживаютъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ (напр: Акмолинская, Бакынская, Закаспійская, Томская, Ферганская и друг. губ. и области), дабы имъ не переплачивать лишнія деньги за пересылку, своевременно прислать свои заказы, черезъ что представится возможность выслать товаръ по желѣзной дорогѣ, что гораздо дешевле, чѣмъ пересылка почтой. Гг. заказчиковъ, живущихъ далѣе, чѣмъ 2000 верстъ, покорнѣйше прошу выслать при заказѣ задатокъ для покрытія расходовъ по отправки.

Упаковка бесплатно. **БАЗАРЪ МАРОКЪ.** С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій, 20—31.

ПАТЕНТЪ
Девисъ и Метнафъ
Ихжекторы
РАБОТАЮЩІЕ
МАТЪМЪ ПАРОМЪ.

Большая выгода при вѣствъ паровыхъ машинныхъ безъ коммематоровъ. Большая экономія топлива и питательныхъ маселъ. Завѣсна всѣхъ ихжекторовъ и питательныхъ маселъ въ котлы и топилва. Россия въ котлы.

Л. Ф. Пло
ВЪ МОСКВѢ, Маслицкая, № 17.

Ц. № 8750 4 4

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.)

№ 4711. Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711 du rhin, Violette du rhin. **№ 4711 Sachets violette du rhin.** **№ 4711 du rhin, Violette du rhin.** **№ 4711 du rhin, Violette du rhin.**

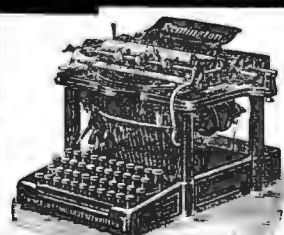
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ВЫГРЫШ.

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываютъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,** 50, Невскій, С.П. 11—7

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (8)
Спеціалістъ хронометровъ С.П.Буръ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотекъ. Подробный каталогъ, прѣдъкурантъ въ востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились **РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ,** распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п.

Какъ единственныя представителни завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ уѣдѣнить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами спеціально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество

Правленіе: **Москва.**

Отдѣленія

С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Николаевъ, Ростовъ н/Д.

М. Блокъ

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спбурга.
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Валата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛЮКИ

НОВОСТЫ
ДУХИ
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ОБШИРНЫЙ РУССКИЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ
 въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, 38.
 поставщикъ эконолич. общества офицеровъ гвард. корпуса.
 Предлагаетъ лучшаго качества и по дѣйствительно дешевымъ цѣнамъ изъ своихъ складовъ въ громадномъ выборѣ всевозможныхъ музык. инструм.: скрипки, алты гитары, цитры, мандолины, балалайки, струны, флейты, корнеты, самограмотные оркестріоны, концертно, піано-мелодико, піаніно, гармоніумъ, полифонъ, симфоніоны, арфеіоны, мапояны, горюфоны, арстоны, фенксы, алты, концертно, вѣтскія, нѣмецкія и русскія гармонія, и проч., и проч. № 10724 2-1
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно; по получени задатка 20% требуемое высылаются находящимся платежомъ на остальную сумму.
 Юбилейный русскоино иллюстрир. прейсъ-курантъ на 1896-97 г. всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ высылаются бесплатно.

CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)
 Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (вольды крема).
 Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.
J. Simon, 13, Rue Grange Paris
 Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
 Ц. № 10527 16-7

МАЛОСРОЧНОЕ ПОСРЕДСТВО
СЪАДКАЯ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПРОСИТЪ
 добрыхъ людей жертвовать ему
НЕОБХОДИМЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ
 ВОСПИТАНІЕ
 500 руб.
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

НОРМАЛЬНЫЯ ЗИМНЯЯ ШАПКИ
 д-ра НАНСЕНА.
 Наиболее эффектный и практичный подарокъ къ Рождеству.
 Съ откид. козыр., откидными наушниками и затыльникомъ. Защищ. глаза отъ вреднаго вліянія соля. лучей или блестяща свѣта, шею и уши отъ холода. Защищаютъ мѣхов. воротнички, шарфы и башмаки. Цѣна: на тепл. подолъ, драп. и сукон. 2 руб. 25 коп., 2 руб. 50 коп., съ опушк. черн. или сѣраго мерлушка 3 руб., 3 руб. 50 коп., съ мѣхов. опушк. пшеница (мѣхъ оленьихъ телъ, нѣжный, теплый и легкій) 5 руб., 6 руб., съ опушкой кеургу (пушистый, плотный и ровный мѣхъ, эффектно темновато-сѣраго цвѣта) 5 руб., 6 руб. Съ каракулевой опушкой 5 руб., 6 руб. Сообщить размѣръ (окружность) головы. Высл. наложен. платежомъ при задаткѣ 1/2. Спец. складъ бѣгов., охоты и парусн. нитъ **К. КОМЕТСА**. Контора, С. Петербургъ, Ждановская ул., 17 - 19 кв. 3. Наставленіе и прейсъ-курантъ бесплатно. Ц. № 10727 2-1

ЖЕМЧУГЪ, ИЗУМРУДЫ, БРИЛЛІАНТЫ, РУБИНЫ и САПФИРЫ
 покупаетъ по хорошей цѣнѣ ювелиръ **В. И. Эйкесиротъ**, Москва, Камергерскій пер., д. Липозова. 4-4

Больше депозитовъ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
ДОМЪ КАТОЛИЧЕСК. ЦЕРКВИ ПРОТИВЪ ДУМЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Прейсъ-Кур. Высыл. Беспл.

Только 3 руб. съ доставкой.
НИЧѢМЪ НЕЗАМѢНИМЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПОДАРОКЪ
 въ нынѣшнемъ году состоитъ изъ слѣдующихъ 10 картинъ, величиною 10 1/2 верш. ширины, 7 1/2 верш. вышины каждая.
 1) Вѣздъ Ихъ Величествъ въ Вѣну.
 2) Вѣздъ Ихъ Величествъ въ Парижъ.
 3) Императоръ Францъ-Иосифъ на парадѣ на Марсовомъ полѣ.
 4) Смотра Русскаго войска императоромъ Вильгельмомъ.
 5) Посѣщеніе короля Сiamскаго и Сiamскихъ принцевъ.
 6) Встрѣча президента Форя Государствъ Императоромъ.
 7) Закладка Троицкаго моста въ присутствіи Государя Императора и президента Форя.
 8) Г. Форъ на парадѣ въ Красномъ Селѣ.
 9) Его Величество пьетъ за здравіе Франціи.
 10) Прогулка президента Форя по городу и иллюминація С.-Петербурга.
НОВѢЙШЕЕ ДЕКОРАЦІОННОЕ УКРАШЕНІЕ СТЬЕНЪ и САЛОННАГО СТОЛА!
 ВСЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИ ВѢРНО.
 Цѣна всѣхъ 10-ти картинъ только 3 рубля.
ЭФФЕКТЪ ПОРАЗИТЕЛЕНЪ ВЪ ВИДУ ИХЪ ЦѢЛЮЩЕСТВА и ДЕШЕВИЗНЫ.
 Издатель худож. произв. С.-Петербургъ, Большая Морская, 49

ФАБРИКА и СКЛАДЪ
Бруно Земгеръ и Ко
 С. Петербургъ, Невскій Пр. № 55 (бывш. Казанскій)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
 Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатно.
 Ц. № 10688 3-3

НОВЫЯ КНИГИ д-ра мед. Фейгина.
 Привычные запоры и геморрой. Цѣна 50 к.
 Какъ должно кормить грудн. дѣтей, чтобы они были здоровы. Наставленіе матерямъ 50 к.
 Наставленіе кормилицамъ 15 к.
 Уходъ за больными, родильн. и повороджен. и первая помощь въ случ. грозныхъ жизни опасностей. Ц. 1 р. (Одобрена Мин. Внутр. Дѣлъ, Просв. и Ст. Судоужд.). Необходима въ каждой семьѣ. Привычные запоры и геморрой; ц 50 к.
 Предохранил. мѣры прот. зараженія венер. бол. и для всѣхъ доступный способъ ихъ лѣченія, при первоначальн. заболѣван. имѣ. Ц. 80 к.
 Выписыв. отъ автора за пересл. не платитъ
 Эртелевъ пер., № 6

БУХГАЛТЕРІЯ.
 Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по преміров. боа. зол. медалью методу. С. Я. Липозова, Москва, Бутырскіе, № 49.
 Ц. № 10897 10-8

Гильзы
ФИЛИГРАНЪ
САХАТЫКЪ И Ко
 Москва
 МЕХАНИЧЕСКАЯ
 ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
КАМО ГРЯДЕШИ
 Г. Сенкевича. Полный переводъ съ иллюстр. В. Табунина 484 стр. 80 коп. съ пересылк. 1 руб. Каталогъ книгъ-подарковъ бесплатно. С.-Петербургъ, Троицкая ул., 6. Складъ П. С. Аскаканова.

D.O.M + D.O.M
BENEDICTINE
 de l'Abbaye de Fécamp
 La Meillare des Liqueurs
 Se defier des contrefaçons
 Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville
D.O.M + D.O.M

ROYAL-MONDAIN
 EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
 Parfumeurs
 6, Avenue de l'Opéra, 6
 PARIS

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.
 Дѣтскіе арістоны, Арістоны-органы, Герофоны, Орфеіоны, Симфоніоны, съ ручк. и самогр., разныхъ цѣвъ. Гермоніонъ „Невскаго“ и заграничныя разныхъ цѣвъ ноты для роля и всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ.
у Ю. ГИЛЬКНЕРЪ,
 Москва, Тимонина и Радкина.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшего качества. Мыло. Туалетная вода самого тонкого запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Цисовая пудра негальтальная и неоглиемая.
ED. PINAUD
 PARIS

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ
ВОДЪ * П.Н.ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
 ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года.
 требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простаго. Совѣршенно безвредно для тканей бѣлья. Удостоверенъ за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

№ 10324 6-9-11

X-й
годъ изд.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

X-й
годъ изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
(10-й годъ изданія)

НА ВОЛЬШУЮ
ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„Русскій Листокъ“,

издаваемую съ 1897 г. безъ предварительной цензуры по новой расширенной программѣ, новыми издателями и подъ новой редакціей. Благодаря обширности своей программы, по внутреннему содержанию, по полнотѣ и свѣжести матеріала, по объему и формату равной съ большими столичными, дорогими изданіями газета „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ то же время является самой дешевой изъ нихъ. Кромѣ обычнаго содержанія всѣхъ газетъ, въ текстѣ нашей газеты будутъ помѣщаться портреты общественныхъ дѣятелей, рисунки, чертежи и планы; ежедневно два фельетона; въ однои помѣщаются романы, повѣсти, стихи и пр., въ другомъ—обозрѣнія московской („Улисъ“), петербургской („Архидій Восторговъ“), провинціальной (А. Павловъ), русской вообще (В. Грд.), иностранной жизни; научныя статьи въ общедоступномъ изложеніи и пр. Всѣ новости государственной жизни получаются телеграммами отъ собственныхъ корреспондентовъ и по новизнѣ своей опережаютъ всѣ московскія и даже петербургскія газеты. Желающимъ газета высылается для ознакомленія въ теченіе недѣли по полученіи 7 двухкопеечныхъ марокъ на пересылку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
6 р. на годъ съ доставкой и пересылкой **6 р.**
ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

на 6 мѣсяцевъ 3 рубля 50 копеекъ   на 3 мѣсяца 2 рубля — копеекъ.
 5   3   40
 4   2   25

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ—3 рубля и къ 10 апрѣля—3 рубля.
 Адресъ главной конторы: Москва, Никитскій бульваръ, домъ Шиндтъ.

Издатели: Н. Л. Назецкій и П. Х. Гензель.

За редактора Н. Л. Назецкій.

Ежедневная газета „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Ежедневная газета „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

X-й
годъ изд.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Ц. № 10728 2-1

X-й
годъ изд.

1865.

1870.

1882.

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

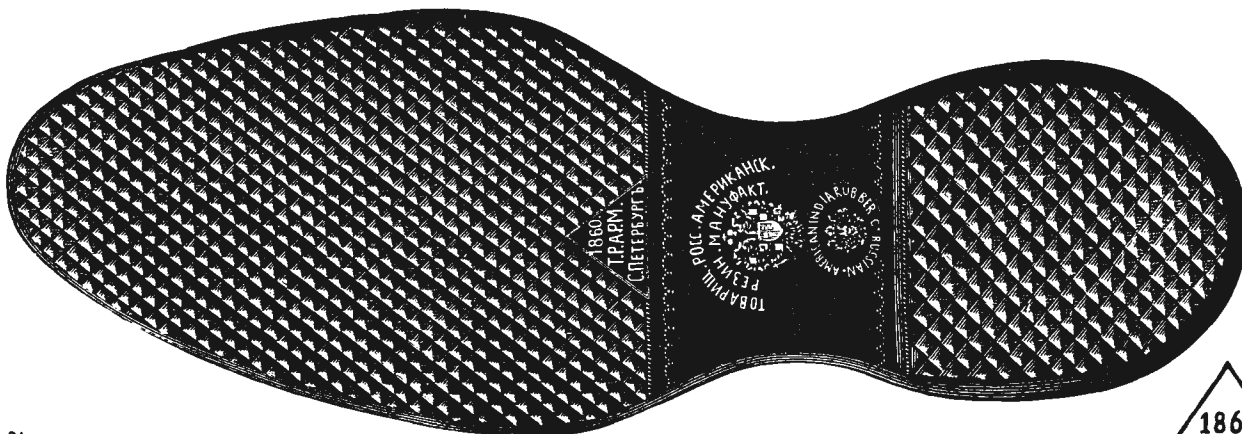
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ

обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9:51 26 24

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

1898 г.

О ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРИКАТУРАМИ

XX годъ.

„ШУТЪ“

XX годъ.

вступаетъ въ двадцатый годъ изданія. Годъ назадъ программа журнала «ШУТЪ» была измѣнена.

Избѣгая всего грубаго, могущаго оскорбить чувство изящнаго, журналъ «ШУТЪ», за этотъ годъ, заинтересовалъ наши гостиныя и появился въ семейныхъ домахъ.

Журналъ даетъ литературно-юмористическій и художественно-карикатурный обзоръ общественной жизни въ легкой юмористической прозѣ и стихахъ, отмѣчаетъ текущія злобы дня и рисуетъ настроеніе политическаго горизонта.

Одною изъ первыхъ задачъ журнала явилось желаніе ознакомить читающую публику съ произведениями нашихъ русскихъ художниковъ, благодаря чему журналъ обогатился приливомъ свѣжихъ художественныхъ силъ.

Иллюстрированіе произведеній русскихъ писателей, поэтовъ и стариннаго русскаго народнаго эпоса является основною цѣлью изданія, при чемъ рисунки печатаются красками съ сохраненіемъ факсимиле.

Туманныя представленія иноземцевъ о русской жизни и искусствѣ вызвали желаніе дать непосредственный матеріалъ русскаго художественнаго и литературнаго творчества, для чего параллельно съ русскимъ текстомъ печатается и текстъ на французскомъ языкѣ, признанномъ международнымъ.

Къ такому почину нашего журнала особенно сочувственно отнесся Парижъ. Органы французской прессы, какъ «Figaro», «Le Temps», «L'Etoile», «Le Monde moderne», «Revue du Cercle militaire» и другіе, посвятили сочувственныя статьи нашему предпріятію.

Въ заключеніе, всѣмъ развинтившимъ нервы, страдающимъ катарромъ и семейными сценами рекомендуемъ читать нашъ журналъ—онъ возстановляетъ жизненное равновѣсіе и развиваетъ оптимизмъ.

Пріемъ подписки въ С.-Петербургѣ: Контора редакціи, Б. Морская, д. 26.

Въ Москвѣ: Контора П. Печковской, Петровскія линіи. Paris: Vente: Boulevard des Capucines kiosque 10.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес. и дост.:

Безъ перес. и дост.:

На годъ.	7 р.	На годъ въ СПБ.	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	4 »	Въ Москвѣ.	6 » 75 »
На 3 мѣсяца.	2 » 50 к.	На 6 мѣсяцевъ	3 » 50 »
За границу.	10 »	На 3 мѣсяца.	2 »

Разрочка по соглашенію съ конторой.

Цѣна отдѣльнаго №—20 коп.

Редакторъ-издатель Р. Голіке.

Образцы страничныхъ рисунковъ журнала „Шутъ“ за 1897 годъ.
(Каждый рисунокъ уменьшенъ въ 16 разъ).

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
6	50	6	50	6	90
3	30	3	30	3	45
1	10	1	20	1	15

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевской пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непременномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невозврата денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб. № 1071 3—2

ОТГОЛОСКИ

Цѣна на годъ 3 руб. съ дост. и перес.

Еженедѣльная политическая, общественная и литературная газета. Открыта подписка на 1898-й годъ (3-й годъ изданія). Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10. Въ программу входятъ все общія газетныя отдѣлы. Подробное объявленіе см. „Нива“ № 45, „Новое Время“, „Бирж. Вѣдом.“, „Сынъ Отеч.“, „Русск. Вѣдом.“ и др. наиболѣе распространенныя изданія (за исключеніемъ „Недѣли“, „Родины“ и „Свѣта“, которыя, искони оберегая себя отъ конкуренціи дешевыхъ газетъ, отказались печатать объявленіе; см. № 98 „Отголоска“, ст. „Литературные страусы“).

Редакторъ-издатель И. В. СКВОРЦОВЪ.

Не опаздывайте подпиской на московскій юмористическій журналъ

Будильникъ

съ журналъ еженедѣльно съ „зубы дня“ политики, столицъ и провинціи. Въ теченіи года— ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ГОЛОВЪ. Иллюстрированныя юмористическіе рассказы. На 1898 г. выдается годовымъ подписчикамъ ПРЕМІЯ: № 10705 5—1

„СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО“

полный текстъ у комедія съ девятью фототипіями. На годъ съ преміей—10 р.; безъ преміи—9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупимъ—разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р.—1 юня 1898 г.

Подписку адресовать: Москва, редація „БУДИЛЬНИКА“.

!!!Возвратно!!!

Получаетъ во все казенныя учрежденія на испытаніе пиш. маш. „Бликендерферъ № 5“ и прод. съ ручат. по 100 р. Э. КИЖИМАНЪ и К. С.-Петербургъ, Горьковал, 17.

Для ТУАЛЕТА

ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS

Зубовъ

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Дене въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Открыта подписка на 1898 г. на ежедневную = САМУЮ ДЕШЕВУЮ = ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

РУССКОЕ СЛОВО

4-й г. изд. БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

♦ ПРОГРАММА БОЛЬШОЙ СТОЛИЧНОЙ ГАЗЕТЫ. ♦

Несмотря на крайне дешевую цѣну, газета будетъ заключать въ себѣ, съ достаточною полнотой, все отдѣлы большихъ столичныхъ газетъ и постарается быть вѣрной отразительницей явленій нашей общественно-государственной—въ столицѣ и въ провинціи—жизни. Особое вниманіе редація отвѣдетъ вопросамъ народнаго образованія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Событія международнаго характера и жизнь иностранныхъ государствъ будутъ съ возможною полнотой отмѣчаться въ газетѣ. За усиліями нашей общественности, за явленіями въ русской наукѣ и въ родной словесности „РУССКОЕ СЛОВО“ будетъ слѣдить съ особой внимательностью. № 10611 2—2

Срокъ выхода—ежедневный (кромя дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкой:	на 6 мѣс. 3 р. — к.	на 3 мѣс. 1.75	на 1 мѣс. .80

На ГОДЪ 5 р. — к.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Адресъ редакціи: Москва, Тверской бул., д. Яголковскаго.

Спеціальное введеніе по лѣченію

ЗАИКАНІЯ

М. Ю. Эрнстъ, Москва, Бол. Никитская ул., д. бывш. Чернова, кв. 6. Руководство въ самообученію 3 рубл.

1898 годъ

Осколки

Подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ карикатурами (въ краскахъ и чернилами).

52 №№ въ годъ.

Цѣна за журналъ:

съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. За границу на годъ 10 руб. Допускается разсрочка.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. „Осколка“ въ С.-Петербургѣ въ Спасской ул., д. № 17.

3—2 Редакторы-издатели: № 10681 Н. Лейкинъ и Р. Голине.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ Ф. А. ЮГАНСОНА

СЕВАСТЬЯНЪ КНЕЙПЪ.

Мое Водолѣченіе

вѣрнѣйшее средство къ излѣченію болѣзни и сохраненію здоровья. Переводъ съ послѣдняго изданія; около 400 страницъ, съ 27 рисунками. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп. Складъ въ Кіевѣ и Харьковѣ у Югансона.

Вѣрный способъ скорого и полнаго излѣченія

ГЕМОРОЯ

патентованные пессаріи д-ра мед. ШЕНЕ

специалиста по желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ въ Берлинѣ. Обращаться въ аптеки, аптекарскіе магазины, или же къ фабрикантамъ

УРШПРУНГЪ и К^о.

въ Барменѣ, Германія.

Ц. № 10596 Корреспонденціи и на русскомъ языкѣ. 6—6

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ КНИГА, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ

счастливые №№

ВЫГРЫШНЫХЪ ВИЛЕТОВЪ

1, 2 и 3 в. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп., съ налог. платеж. 1 руб. 30 коп. С.-Петербургъ, Вознесенскій, 37, кв. 32.

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

1 мая с. г. на докв. № 5 пало 249 выигрышей на сумму 520 1/2 тыс. руб.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ

вмучала каждого посред. переписки, выноса книгъ, личное преподав., за что удост. массамъ благодар. и многіе изъ моихъ учениковъ заним. отвѣт. должности бухгалтер., помощн. бух., кассировъ и т. п. Услов. высыл. бесплатно. Адресъ: Кіевъ, Г. К. Буренко.

ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,

обучаю заочно кройки и шитья по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».

Плата впередъ не принимается. По окончаніи установлены. смѣлительство. Условія высылаются бесплатно. Кіевъ, Фундуклевская № 27. Е. Д. Ашмарина.

Воззвание.

При нашемъ приходскомъ храмѣ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ селѣ Острицахъ, Гжатскаго уѣзда, стариннаго ветхала деревяннаго колокольни настолько обветшала, что настоятельно заставлятъ озаботиться выстройкою новой; для предотвращения опасности въ настоящее время колокола опущены на нижній ярусъ.

Въ заботахъ объ устройствѣ новой колокольни. Приходское попечительство, зная, что сооруженіе оной вызоветъ такіе расходы, которые для Острицкаго прихода, состоящаго только изъ крестьянскаго населенія, будутъ не по силамъ, обращается къ лицамъ радующимъ о благополучіи храмовъ Божіихъ съ усерднѣйшею просьбою не отказать предпринимаемому дѣлу въ послѣдней помощи. Всякая жертва благотворительной, большая и малая, явная и тайная, будетъ принята съ искренней признательностью. И Тотъ, во Имя Котораго мы просимъ и для Кого создается, воздастъ сторицею добрымъ и отзывчивымъ благотворителямъ.

Пожертвованія съ обозначеніемъ имени жертвователя просимъ адресовать на имя председателя Острицкаго приходскаго попечительства или Острицкаго церковнаго старосты, въ г. Гжатскъ, Смоленской губерніи.

ВНИМАНІЮ ДАМЪ,

Нѣтъ ничего изыщнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, издаваннаго мной въ Вѣнѣ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ

За 1 р. 60 к. высылается наложеннымъ платежомъ послѣдній номеръ.

Отдѣленіе конторы редакціи „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“: С.-Петербургъ, Невскій, 80.

XXIII годъ. ПОЗДРАВЛЯЕМЪ! XXIII годъ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ!
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРЕКОЗА“.

Недавно въ американской газетѣ „New-York-Herald“ помѣщенъ былъ небольшой разсказъ, подъ заглавіемъ: „Коробка спичекъ“. За него было уплачено гонорара 1000 долларовъ—приблизительно около 10 долларовъ, т. е. около 20 рублей за печатную строку. Но на этой коробкѣ спичекъ значилась всемирно-известная писательская фирма Марка Твэна. Знаменитый юмористъ, уѣзжая изъ Америки въ Европу на предстоящій зимній сезонъ, обязался передъ издателемъ Беннетомъ написать ему что-нибудь о первой коробкѣ спичекъ, которая будетъ подана ему для сигары въ Старомъ свѣтѣ—и блестяще исполнилъ свое обѣщаніе.

Про Марка Твэна всѣ слышали и онъ переведенъ на всѣ языки, но множество его прелестныхъ вещей, въ своемъ родѣ единственныхъ и неподражаемыхъ, по силѣ удивительнаго воображенія, по неистощимости замысловъ, по остротѣ, юмору, свѣжести мысли и по блеску изложенія, до сихъ поръ еще не усвоены нашему литературному.

Ихъ-то мы и собираемъ, какъ главное приложеніе къ нашему журналу на будущій 1898 г. Эти чудесныя бездѣлушки будутъ собраны въ три нарядныхъ томка,—съ портретомъ и биографіею короля всѣхъ юмористовъ и со множествомъ любопытнѣйшихъ рисунковъ въ текстѣ, исполненныхъ американскими и англійскими художниками,—и составятъ весьма компактное

1) „СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ МАРКА ТВЭНА“.

Примѣчаніе и наставленіе. Книги эти нужно будетъ читать непременно лежа,—чтобы удобнѣе было кататься со смѣху.

Вторымъ приложеніемъ къ „Стрекозѣ“ будетъ изданъ

2) КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ „СТРЕКОЗЫ“—

настоящій альбомчикъ авторитетическихъ снимковъ съ лучшихъ картинъ современныхъ европейскихъ художниковъ. Альбомъ будетъ подобранъ весьма разнообразно и будетъ сочетать въ своемъ содержаніи изящное съ интереснымъ и занимательнымъ.

Наконецъ, третье приложеніе къ нашему журналу составитъ

3) Иллюстрированный стѣнный календарь „СТРЕКОЗЫ“ на 1899-й годъ, въ видѣ изданнаго нами за послѣдніе два года.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ приложеніями:	ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ приложеній:
въ СПб.—гдѣ безъ доставки 8 р. 50 к.	въ СПб.—гдѣ безъ доставки. 4 р. 25 к.
съ доставкою 9 р. —	съ доставкою. 4 р. 50 к.
во всѣ города . . . . . 10 р. —	во всѣ города безъ приложеній 5 р. —
за границу . . . . . 12 р. —	за границу безъ приложеній 6 р. —

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться приложеніями, при подпискѣ на оба 1/2 годія доплачиваютъ по 50 к. за каждое.
 Редакція и Контора помѣщаются: Фонтанна, 80, въ СПб.

Издатель Г. Н. Корифельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Бука).

Открыта подписка на 1898 годъ НА ТРИ изданія:

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
НОВОСТИ ДНЯ
XVI годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ, въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо общій хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи ОТЪ СОБСТВЕННЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ изъ ПЕТЕРБУРГА, изъ ПРОВИНЦІИ и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ ПАРИЖА, БЕРЛИНА, ВѢНЫ, РИМА, ЛОНДОНА, НЬЮ-ІОРКА и друг. Ежедневно помѣщается беллетристическій фельетонъ.

Кромѣ того, чтобы дать читателямъ иллюстраціи, редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи

ДРУГОЕ СВОЕ ИЗДАНІЕ—ежедневный иллюстрированный журналъ

СЕМЬЯ
VI годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ собою вполнѣ изящное изданіе, съ весьма разнообразными текстами и массою портретовъ (герарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусства и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ ежедневныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Возможность изданія журнала въ такомъ изящномъ и полномъ видѣ

за 2 р. въ годъ составляетъ тайну редакціи.
 Въ 1-мъ № „СЕМЬИ“ начнется печататься новый романъ Вл. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКА „ВЕСЕЛЫЙ ЛЮДЬ“ (изъ московской жизни).

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ“ 8 р., а съ ежедневнымъ журналомъ „СЕМЬИ“ въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяць—1 р., „СЕМЬЯ“ отдѣльно въ годъ—2 р.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
VIII годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна на всѣ три изданія 12 руб.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты „Новости Дня“, 2) ежемѣсячный журналъ „Новости Иностранной Литературы“, 3) ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе „Семья“. „Новости Дня“ и „Новости Иностранной Литературы“ въ годъ—11 р., „Новости Дня“ и „Семья“—10 р.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „Новости Дня“ и „Семья“ печатаются въ количествахъ 35.000 экземпляровъ. Ц. № 10894 2—2

Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

Издатель А. Липснеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 Г. НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „РОДНАЯ РѢЧЬ“

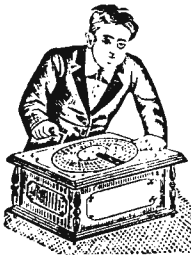
Въ журналѣ за дешевую цѣну предлагается тотъ же матеріалъ по изящной словесности, наукѣ и искусствамъ, который помѣщается на страницахъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ тою особенностію, что оныя печатаютъ произведенія только известныхъ русскихъ авторовъ.

Постоянные отдѣлы его составляютъ: романы, повѣсти, разсказы, очерки, басни, стихотворенія, жизнь въ городахъ и деревнѣ, мелкія историческія замѣтки; современные отголоски на злобу дня въ стихахъ и прозѣ; разныя известія (смѣсь). Рисунки, портреты, политичежкія, снимки съ картинъ, факсимиле.

Въ „Родной Рѣчѣ“ введенъ впервые въ Россію отдѣлъ, который распространитъ въ иностранной журналистикѣ, именно—содержаніе ежемѣсячныхъ книжекъ всѣхъ большихъ русскихъ журналовъ, и печатается все, что произошло за 2 недѣли въ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлахъ, а также въ Москвѣ. Поэтому „Родная Рѣчь“ можетъ замѣнить газету. Мы идѣмъ на встрѣчу и въ помощь тяжелою правду вѣка, что „орешки-деньги“, а потому рекомендуемъ журналъ тѣмъ, которые дорожатъ временемъ.

Годовые гг. подписчики получаютъ при этомъ: „Московский Кремль“, историческое описаніе памятниковъ, составленное И. С. Блѣяновымъ, съ рисунками. Журналъ выходитъ въ Москвѣ 2 раза въ мѣсяцъ книжками до 5 вѣст. л. 15 и 30 час. Цѣна на годъ съ доставкою по всей Россіи 3 руб., поглагода 1 руб. 75 коп. Пробная книжка за 28 к. марками.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ редакціи, Новинскій пер., д. 13/15. № 10687 2—2 Редакторъ-издатель И. С. Блѣяновъ.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большомъ выборѣ и по умѣр. цѣнамъ всевозможн.

механическіе инструменты:
 ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 5 р., ИТОНА 8 р., ДОЛЬЩИНА 8 р., СЕРАФИНЪ 12 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р., КАЛЛИСТОНЪ 35 р., МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИНО 65, 70 и 85 руб., самоиграющіе съ моторомъ 200 р., ОРГАНЫ съ деревянными флейтами.

МЕХАНИЧ. ПИАНО на которомъ можно играть руками и посредствомъ верченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.

СИМФОНІОНЫ съ ручкой 4 1/2 руб., самоиграющіе въ 9, 17, 20, 27, 36, 65 и 90 руб.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ. И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка. ♦ Иллюстрированный прейсъ-куррантъ бесплатно. ♦

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ самый дешевый политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карикатурами журналъ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

40-й юбилейный годъ изданія.

Въ 1898 г. Развлечение на возвышающія платы 6 р. даетъ подписчикамъ

50 №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 рисунковъ карикатуръ. Массу художественныхъ разсказовъ, спевъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціи. Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ известныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей. Въ память 40-лѣтняго юбилея всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ юбилейный номеръ. № 10684 3—2

Въ 1898 году редакція устраиваетъ

КОНКУРСЪ

НА ЛУЧШІЕ ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСАЗЫ, за каковыя назначаются преміи въ 500 р., 300 р. и 100 р. и жетонъ именной золотой и серебряный.

Годовая цѣна журнала 60 руб.

Пробный № высылается за три семкоп. марки.

Адресъ: Москва, Тверская, д. Чижова, редакція РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

Эссенція для завивки волосъ
ГРАЦИОЗА.

Самые красивыя и натуральныя локоны получаютъ посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и не влияющіе своей силой на отъ потѣны, ни отъ сырой погоды.

Флаконъ 60 к. и 1 р., съ наемскою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 1071, складъ техно-химическихъ спеціальностей ГЕБГАРДТА, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинскій.

Добрыи Читатель!

Въ Касимовскомъ уѣздѣ много татаръ, непроевѣданныхъ христіанствомъ, а поэтому съ нынѣшняго года здѣсь существуетъ противомухамеданская миссія для распространенія среди татаръ православія и пр. свѣдѣній ихъ. Существуетъ и Миссіонерское училище, при коемъ открытъ дѣтскій сиротскій пріютъ и открыта народная бесплатная библиотека. Миссія эта средствами очень и очень бѣдна и поэтому проситъ добрыхъ людей помочь ей въ дѣлѣ построенія миссіонерскаго храма во имя святителя Мелетія, архіепископа антиохійскаго, и въ дѣлѣ введенія профессиональнаго обученія въ училищѣ нашемъ. Съ увеличеніемъ средствъ миссія будетъ число питомцевъ въ пріютѣ увеличено, а теперь за бѣдностію миссія приходится отказывать многимъ въ пріемѣ нуждающимся дѣтямъ. Сотворите добрую милостыню, добрыи читатель. Въ какое дальнѣе благо. Доброхотнаго дателя любитъ Богъ. Рука дающаго не оскудѣетъ. Привозите въ намъ на помощь вашихъ добрыхъ семейныхъ, родныхъ и знакомыхъ, да благословитъ васъ за сія Богъ щедротами Своими.

Давнія свои просимъ адресовать или на имя Его Преосвященства, епископа рязанскаго Мелетія, или Рязань, Братство св. Василия на противомухамеданскую Касимовскую миссію, или же Касимовъ, миссіонеру священнику Василію Дорожнику.

Pearsall's ШЕЛКИ

ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ.

Pearsall's Filo-Floss.

(Фабричная марка).

Мягочь, не превосходящй по своему блеску и не линяющй. Во всѣхъ магазинахъ для вышивочкѣ. Фабричная марка на каждомъ моткѣ.

Оптовый складъ у Р. Lindhorst въ Берлинѣ

Pearsall's Filoselle.

Моется мыломъ и въ кипяченой водѣ. Не линяетъ. Во всѣхъ магазинахъ для вышиваній.

Оптовый складъ у Р. Lindhorst въ Берлинѣ

Pearsall's 'Mallard' Floss

(Фабричная марка).

Новый родъ крученого шелка для вышиванія. Приятенъ въ работѣ, прекрасно покрываетъ и обладаетъ необыкновеннымъ блескомъ. Всѣ цвѣта моются.

Оптовый складъ у Р. Lindhorst въ Берлинѣ

Pearsall's 'Cable' Silk.

Превосходенъ для большихъ узоровъ на жакеттахъ, портьерахъ и проч. Всѣ цвѣта моются. Во всѣхъ магазинахъ для вышиваній. Фабричная марка на каждомъ моткѣ.

Оптовый складъ у Р. Lindhorst въ Берлинѣ

Pearsall's 'Tussah' Silk.

Во всевозможныхъ восточныхъ цвѣтахъ съ великолѣпнымъ блескомъ. Моется. Продается во всѣхъ магазинахъ для вышивочкѣ.

Оптовый складъ у Р. Lindhorst въ Берлинѣ

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Э. БУРХАРДЪ, Спб.
Невскій просп. №6 противъ М. Морской
Гороховой ул. у Краснаго Моста №17.
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Высѣлка наложен. платежъ. Иллюстр. Прессъ-Курантъ бесплатно

ПЕЧЕНІЕ

ГЕРКУЛЕСЬ

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ СЪСАНОЙ КРУПЫ

С. С. УИСКЪ

УДОБНЫЙ ДЛЯ ТАНЦЕВЪ И ДОМАШНЯГО РАЗВЛЕЧЕНІЯ

ОРГАНЪ-ИНТОНА

патентованный, съ 16 прочными стальными головами, только 8 руб. Ноты къ нему металлическія только по 30 коп.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЪЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (106)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„НЬЮ-ЮРКЪ“

Общество взаимнаго страхованія жизни.

НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ

страхованія съ ежегоднымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ капитала.

Напр., лицо 30-ти лѣтъ заключаетъ страхованіе въ 2000 рубл. съ 20 лѣтъ платежъ премій съ условіемъ прогрессивнаго увеличенія капитала въ случаѣ смерти въ теченіе 20 лѣтъ и увеличиваетъ ежегодную премію въ р. 85.20. Въ случаѣ смерти въ концѣ

2-го года его наследники получаютъ	Р. 2170 40
7-го " " " " " "	" 2596 40
10-го " " " " " "	" 2852.—
15-го " " " " " "	" 3278.—
19-го " " " " " "	" 3618.80

Кромѣ того страхователь ПРИ ЖИЗНИ будетъ получать уже со ВТОРОГО ГОДА ДИВИДЕНДЫ, размѣръ коихъ также ежегодно увеличивается.

Послѣ трехъ лѣтъ полиса Общества становятся **ненарушимыми**, т. е. въ случаѣ прекращения платежа премій, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ, страхованіе продолжается безъ платежа премій, въ полной первоначальной суммѣ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ: отъ 2 до 20 и болѣе лѣтъ.

За подробными свѣдѣніями просятъ обращаться въ Главное управленіе для Россіи, С.-Петербургъ, Малая Морская, 12 или въ мѣстныя агентства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. № 10732 5-1

„Гуниади Янось“ представляетъ собою продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.

Для норм. приема достаточно 1/2 обмы. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владельцъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

№ 10415 ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ 12-4

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и значно профессоръ инженерии С. Фабриштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и База ул., собственный домъ, № 28. Условія и бромъ. (въ 33 стран.) почт. смл. за одну 7-ми коп. марку. № 10431 20-13

Полупайте только

Продается вездѣ извѣстное своимъ качествомъ усовершенствованное

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

ТОВАРИЩЕСТВА

БРОКАРЪ и К°.

Остерегаться поддѣлокъ.

ШКОЛА МУЗЫКАНТОВЪ

ЧТО ПОДАРИТЬ?

Изъ хорошаго — лучшее.

Новый сборникъ самыхъ любимыхъ и новыхъ легкихъ пьесъ и танцевъ разныхъ композиторовъ для фортеп. въ 4 рунъ арр. М. Липольдъ.

(Только что вышедшая изъ п. новосты!)

1 р. 50 к., въ роскошн. перепл. 2 р. и 2 р. 25 к.

Что новаго? Сборникъ 70 любимыхъ и нов. легк. пьесъ и танцевъ въ 2 рунъ. Арр. А. Шеферъ. 1 р. 50 к., въ роск. перепл. 2 р. и 2 р. 25 к.

Album amant, сох. нов. любимыя салонныя пьесы среди. трудн. въ 2 рунъ. 1 р. 50 к., въ роск. перепл. 2 р. и 2 р. 50 к.

Маленькій Штраусъ. Альбомъ модныхъ танцевъ, въ легк. ар. Н. Артемьева. 1 р., въ роск. перепл. 1 р. 50 к. и 1 р. 75 к.

Цыганскія ночи. 75 любимыхъ и нов. цыг. пьесъ для гитры съ фортеп. 3 части по 2 р. 50 к., въ роск. перепл. по 3 р. и 3 р. 50 к.

Маленькій Паганини. 100 легкихъ любимыхъ пьесъ и танцевъ арр. А. Бруннеръ. Для одной скрипки 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.; для скрипки съ форт. 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Волшебная флейта. 100 легк. любимыхъ пьесъ и танцевъ. Арр. Э. Келлеръ. Для одной флейты. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к., для флейты съ фортеп. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 50 к.

Современная опера за фисгармонией. I серия арр. В. Главачъ, сох. Фаустъ, Карменъ, Риголетто, Травата и др. II Серия арр. М. Эстенъ, сох. Гугеноты, Африканче, Миловина, Робертъ и др. Кажд. серия по 2 р., въ роск. перепл. по 2 р. 50 к. и 3 р.

И многие другіе сборники (каталогъ безплатно), оперы и класс. соч. Въ **ДЕШЕВ. ИЗД.** рекомендуютъ

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

СПб., Волыш. Морская, 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина. Висыдка съ наложен. платежъ.

Мушкетеръ машина

ЦѢНА 225 р.

Талмонъ

ПРЕСТАВЛЯЕТЪ

М. И. Тагень

МОСКВА.

БОЛЬШАЯ ЛУБЯНКА №2. (Самыя большыя машины)

1000 штукъ

До 450,000 руб. ПРЕДЛАГАЮТЪ ПОДЪ ДОМА. Письменныя предложенія подѣ шифр. Ф.Ф. Мошкоть пер. д. 3. Шы-Янгару.

XXVIII
№ 50

Выданъ 13 декабря 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (22 стъ въ году), съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БУДУРИКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII
1897

Цена этого № 15 к., съ пер. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подробности см. въ концѣ этого №.

Этюдъ. Съ карт. Ф. Андреотти по фот. „Берлинскаго фотогр. общества“ грав. Геданъ.

Новыя впечатлѣнія.

Разсказъ

Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

(Окончаніе.)

Вернувшись въ гостиную, Шварцъ засталъ мальчика лежащимъ на диванѣ. Онъ захлебывался отъ рыданій. Его длинныя локоны безпомощно рассыпались по подушкѣ, въ которую онъ уткнулся; все его тѣло и даже стройныя ножки вздрагивали. Шварцъ тихо вышелъ и наблюдалъ изъ сосѣдней комнаты минутъ съ пятнадцать. Всклипыванія сдѣлались рѣже, — мальчуганъ усталъ и обезсилѣлъ отъ слезъ. Тогда Шварцъ подошелъ къ нему и отечески потрепалъ его по плечу со словами:

— Ну, молодой человекъ, довольно плакать; вы уже мужчина, — развѣ вамъ не стыдно?.. Kommen sie mit mir, и покажу вамъ ваше мѣсто и ваше дѣло — надо приниматься за работу. Такъ желаетъ вашъ gnädiger Herr Papa. Kommen sie nur.

Въ его тонѣ была такая авторитетная, хотя и доброжелательная нотка, что не привыкшій къ этому Дикъ моментально всталъ и, весь еще вздрагивая и вздыхая протяжными, нервными вздохами, покорно, какъ загипнотизированный, пошелъ за своимъ „гюремшикомъ“, какъ онъ его мысленно окрестилъ.

Онъ не зналъ и даже приблизительно не могъ себѣ представить, что его ждетъ. Дѣтское воображеніе приводило ему на память сцены изъ романовъ Мери, и сердечко его билось, какъ у пойманнаго воробья.

Они прошли черный коридорчикъ. Дикъ ждалъ, что вотъ-вотъ „съ бряцаніемъ тяжелыхъ ключей“ отворится

дверь, и они „очутятся въ мрачной темницѣ съ каменными сводами, гдѣ единственный, блѣдный лучъ солнца, проникающій черезъ крошечное оконце наверху, освѣщала брошенную на полу связку соломы и глиняный кувшинъ съ водой“.

Но дверь отворилась, и ему представилась совершенно иная картина,—для него, впрочемъ, не менѣе непонятная и страшная.

Въ просторной и свѣтлой комнатѣ, вмѣсто всякой мебелировки установленной деревянными столами, лавками и табуретами, находилось около 10 человекъ разнаго возраста, страшныхъ, черныхъ, въ грязныхъ фартукахъ и съ ремнями на растрепанныхъ головахъ. Они были полу-ободранные и своимъ звѣрскимъ видомъ подходили на „Циклоповъ“ изъ иллюстрированной мнѳологии. Они кричали, пѣли, хохотали, но при входѣ Шварца всѣ стихли. Въ рукахъ у нихъ были: куски кожи, чьи-то ноги (какъ показалось Дикѣ), большія и маленькія, и какія-то странныя, острия металлическія орудія. Трещала какая-то машина и стучали молотки.

— Что это? Боже мой!

Дикѣ уже казалось, что эти кожи ничто иное, какъ индійскіе скальпы; но хозяинъ вывелъ его изъ ужасной неизвѣстности, сказавъ:

— So, mein Knabe, вотъ мастерская, гдѣ ты будешь учиться. Садись здѣсь, и я тебѣ дамъ работу.

Рабочіе, очевидно, были предупреждены, потому что не обратили никакого вниманія на Дика и продолжали свое дѣло, хотя его фигурка въ синемъ костюмчикѣ съ длинными локонами производила странное впечатлѣніе среди грязныхъ подмастерьевъ.

Только худенькій, замазанный мальчуганъ лѣтъ 11-ти, рядомъ съ которымъ посадили Дика, взглянулъ на него большими, свѣтло-голубыми глазами, бирюзовая чистота которыхъ странно выдѣлялась на выпачканномъ, почти черномъ лицѣ.

Шварцъ далъ Дикѣ въ руки маленькій кусокъ кожи и шило, и показалъ, что надо дѣлать. Но тутъ вся гордость Дика бросилась ему въ голову и, швырнувъ все это на полъ, онъ вскрикнулъ:

— Не стану этого дѣлать!

— О! — невозмутимо произнесъ Шварцъ. — So? Но тогда молодой человекъ останется безъ обѣда.

Съ этимъ онъ оставилъ Дика и, усѣвшись въ сторонѣ, взялся за розовую атласную туфлю, а Дикъ остался на мѣстѣ, весь дрожа—на этотъ разъ отъ гнѣва и оскорбленія. Его осмѣливаются наказывать! Его посадили рядомъ съ этимъ грязнымъ мальчишкой! Что бы сказала мама? Мама! Если-бъ она знала, что дѣлаютъ съ ея Дикомъ! Онъ хотѣлъ заплакать, но отъ гнѣва даже плакать не могъ; онъ сидѣлъ, сжавъ зубы и тяжело дыша.

Въ комнатѣ продолжался шумъ и смѣхъ. Кто-то высокоимъ, сладкимъ фальцетомъ выводилъ:

„Какъ по Питерской,
Да по Тверской-Ямской...“

Тикали часы, черезъ каждые полчаса они били: выходила кукушка и куковала, потомъ опять скрывалась въ будочку съ розами. Машинки и молотки мѣрно стучали; подмастерья переговаривались между собою.

Шварцъ невозмутимо работалъ.

Сидѣвшій рядомъ съ Дикомъ мальчуганъ шепнулъ ему:

— Что не шьешь-то? Мотри, заругается! Хозяинъ-то самъ добрый, а вотъ коли мастеръ до тебя доберется...

Этихъ словъ Дикъ даже не понималъ. Онъ покосился на говорившаго и продолжалъ со страхомъ и отвращеніемъ глядѣть на окружающихъ.

Вдругъ выскочила кукушка и прокуковала 12 разъ; въ это время дверь отворилась, и появились два новыхъ лица: чистенькая, толстая, розовая, какъ яблочко,

старушка, а за нею рябая, босая баба; онѣ песли грубую скатерть и тарелки въ рукахъ. При видѣ старушки, всѣ рабочіе повскакали съ мѣстъ и поклонились ей:

— Здравствуйте, Амалія Федоровна!

Старушка ласково кивала имъ всѣмъ и улыбалась, причѣмъ отъ глазъ ея морщинки шли, какъ лучи.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребятушки!.. Освободите столы поскорѣй.

Повторять приглашенія не пришлось; мигомъ столы были очищены и накрыты; старикамъ (которые, по нѣмецки, обѣдали тутъ же) поставлены лучшіе приборы, и кухарка внесла миску дымящихся щей и большой горшокъ каши.

Всѣ, крестясь, усѣлись.

Дикъ, отвернувшись, продолжалъ сидѣть на своемъ табуретѣ.

Хозяйка тихо по-нѣмецки спросила мужа, указывая глазами на Дика:

— Это онъ? Das ist der Knabe? Oh, was für ein Püppchen! Хорошенькій, какъ барашекъ. Ну, иди, Gottlieb, тебѣ я сдѣлала форшмакъ сегодня. Что же маленький не идетъ?

— Онъ наказанъ,—отвѣчалъ старикъ.

— О, Готлибъ!—умоляюще сказала старуха.— Ты потерялъ рассудокъ! Наказывать этого маленькаго принца!

— Bleib nur ruhig, Alte: я только исполню приказанія Herr Курдюмова.

— Какой странный человекъ Herr Курдюмовъ! Я бы не могла такъ поступить съ нашимъ Эмилемъ,—сказала нѣмка, поднимая къ небу добрые старые глаза.

— Однако, ты послала Эмиля въ Гамбургъ къ лядѣ Францу?

— Да, потому что это ему послужитъ на пользу.

— Почему ты знаешь, что этотъ урокъ не принесетъ пользу мальчику? Здѣсь ему не будетъ плохо: я обѣщала Herr Курдюмову ни на минутку не оставлять его одного въ мастерской и буду за нимъ слѣдить, какъ за своимъ сыномъ.

— Я тоже готова это дѣлать, Готлибъ.

— Я знаю, моя добрая старуха! Наконецъ, такъ хочеть Herr Курдюмовъ, и этого довольно; ты забыла, что если бы не покойный отецъ Курдюмова, нашъ Эмиль не-былъ бы въ коммерческомъ училищѣ и не имѣлъ бы теперь въ виду такой будущности?

— О, Готлибъ! Развѣ это можно забыть?

— Въ такомъ случаѣ мы должны помочь Herr Курдюмову. Если-бъ ты видѣла, какъ онъ былъ вчера разстроенъ, пріѣхавъ ко мнѣ. Онъ мнѣ сказалъ,—мнѣ, сапожнику Шварцу: „Шварцъ, вы—честный человекъ, и я вамъ довѣрю моего сынишку“. И пожалъ мнѣ руку, Амалія.

— Мой Готлибъ, мы сдѣлаемъ все, что надо!—сказала тронутая Амалія, и почтенная чета принялась за блюдо форшмака съ селедкой и картофелемъ.

Дикъ, между тѣмъ, взглянулъ на простыя купанья и гордо отвернулся: онъ этого все равно не сталъ бы ѣсть!

Остальные, вѣроятно, не сходились съ нимъ во взглядахъ, такъ какъ въ комнатѣ воцарилось полное молчаніе, нарушаемое только стукомъ ложекъ и чавканьемъ проголодавшихся ртовъ. Послѣ обѣда всѣ, вздыхая и помолвившись, поблагодарили хозяевъ и взялись снова за работу; для Дика время тянулось невыносимо. Слезы душили его. Онъ смотрѣлъ въ окно и задыхался отъ обиды.

Шварцъ съ женою куда-то вышли; въ это время сидѣвшій съ Дикомъ рядомъ мальчикъ сочувственно ему шепнулъ, подтолкнувъ его локтемъ:

— Мотри, паренекъ, безъ ужина останешься. И охота тебѣ голодать! Шей! Хошь покажу?

Но Дикъ громко отвѣтилъ ему, почти крикнулъ:

— Оставьте меня!

Онъ крикнулъ такъ громко, что другіе подмастерья

обернулись, а одинъ изъ нихъ, рыбой блондинъ съ злымъ лицомъ, крикнуть:

— Эй, ты, генераль, не больно-то покрикивай; смотри, какъ бы тебѣ спеси не посбавили!

Остальные захохотали.

Дикъ оцѣнилъ отъ изумленія и страха и съежился въ своемъ уголкѣ, не помня себя отъ отчаянія. Онъ даже обрадовался, когда вошелъ Шварцъ, потому что при немъ его не тронуть; а когда въ мастерскую опять зачѣмъ-то вошла Амалия Ѳеодоровна, то Дикъ захотѣлось броситься къ ней; она одна по крайней мѣрѣ не была ему чужой и страшной, потому что въ своемъ бѣломъ чепцѣ похожа была на его няньку. Но онъ гордо молчалъ; молчалъ и тогда, когда послѣ нѣсколькихъ часовъ, показавшихся ему вѣчностью, прокувала кукушка 7 разъ и начали собирать на столъ къ ужину.

Опять пришли старушка съ бабой и поставили на столъ миску подогрѣтыхъ щей и блюдо жаренаго картофеля.

Теперь запахъ жаренаго картофеля щекоталъ его поздри и не казался ему такимъ отвратительнымъ, какъ за обѣдомъ,—подъ ложечкой у него начинало сосать отъ голода. Но онъ рѣшилъ стерпѣть. Пошептавшись съ мужемъ, Амалия Ѳеодоровна позвала Дика.

— Иди ужинать, mein Knabe! Вотъ твой приборъ.

А Шварцъ прибавилъ сентенціозно:

— На этотъ разъ ты будешь ѣсть незаработанный ужинъ.

Дикъ сквозь зубы отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, я не хочу ѣсть.

И продолжалъ глядѣть въ окно.

Хозяйка обратила къ мужу безпомощный взглядъ.

— Wenn er nicht will, so will er nicht! — разсудилъ Шварцъ. — Если онъ не хочетъ, то значить онъ не хочетъ.

И они усѣлись за свой ужинъ.

Опять рабочіе ѣли въ сосредоточенномъ молчаніи съ тѣмъ же аппетитнымъ чавканьемъ, утоляя здоровый голодь. Дикъ мучительно завидовалъ имъ; стукъ ложекъ отдавался у него въ вискахъ. Во рту пересохло, его бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но онъ спартански глоталъ слезы и молчалъ. Послѣ ужина вскорѣ всѣ съ шумомъ и разговоромъ одѣлись въ свои жалкіе обноски и разошлись; остался только сосѣдь Дика, который тоже жилъ у Шварца.

Къ Дикъ подошла Амалия Ѳеодоровна и сказала ему:

— Пойдемъ, mein Knabe, и покажу тебѣ, гдѣ ты будешь спать.

Она повела его въ маленькую свѣтелку рядомъ съ кухней, гдѣ стояла узенькая кровать, застланная грубымъ, но чистымъ бѣльемъ, противъ нея лежалъ на полу сѣнникъ съ блинообразной подушкой и байковымъ одѣялишкомъ.

Амалия Ѳеодоровна наблюдала, какъ Дикъ раздѣвается: кое съ чѣмъ онъ еле самъ справлялся, напримѣръ, съ трудомъ могъ разстегнуть подтяжки, но изъ гордости онъ не просилъ помочь.

Когда онъ легъ, она взглянула на него. Ей захотѣлось поцѣловать эту бѣлокурую головку съ такими испуганными и несчастными глазами, но, помня наставленія мужа, она только промолвила:

— Schlaf gut, liebes Kind, — доброй ночи.

И вышла, унеся съ собою свѣчу.

Только когда Дикъ остался на жесткой кровати въ темнотѣ одинъ, мужество покинуло его, и онъ въ голодь зарыдалъ, всхлиывая и вскрикивая:

— Мама, мама, мамочка!

На этотъ разъ истерики у Дика не было, но настоящія, крупныя, жгучія слезы дѣтскаго горя катились по его щекамъ, страхъ терзалъ его маленькое сердце, усиливаемый темнотой, а голодь прибавлялъ отчаянія.

Вдругъ скрипнула дверь изъ кухни, послышались шаги босыхъ ногъ и кто-то шопотомъ окликнуть его:

— Барчукъ, а барчукъ!

— Кто тутъ? Кто? — вскрикнулъ въ еще бѣльшемъ испугѣ Дикъ.

— Не пужайся! — отвѣтилъ тихій голосокъ. — Это я — Ѳедька, я здѣсь съ тобой буду спать.

Послышался трескъ спички, вспыхнулъ синеватый огонекъ, а потомъ на минуту во мракѣ ярко освѣтилась чумаза, встрепанная головка съ вздернутымъ носомъ и добрыми голубыми глазами. Потомъ все опять скрылось въ темнотѣ, но Дикъ уже успѣлъ ободриться. Присутствіе человѣческаго существа успокоило его; оно ему было до того необходимо, что даже Ѳедька показался ему необыкновенно близкимъ и дорогимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый голосъ мальчика еще болѣе напомнилъ Дикъ о его горѣ, и онъ зарыдалъ безутѣшными, но на этотъ разъ тихими слезами.

— Послушай, не убивайся такъ-то! — шепталъ ему Ѳедька. — Какъ тебя звать-то?

— Дикъ... — всхлиывая, отвѣтилъ тѣтъ.

— Дикъ?... — переспросилъ тотъ. — Мудрено чтой-то. Что-жъ ты, некрещеный, что ли?

— Какъ это — некрещеный?

— Да какой же твой святой?

— Какой святой?

— Ну, крещеное имя! Вотъ меня, къ примѣру, Ѳедькой, значить, Ѳеодоромъ звать... — пояснилъ мальчикъ. — А тебя какъ же?

— А! — сообразилъ Дикъ. — Дмитриемъ.

— Митриемъ! Значить, Митей. Вотъ что, Митя, ты чай голоденъ; вотъ я тебѣ хлѣба краюшку припряталъ; поужуй, что ли?

И добросердечный самаритянинъ протянулъ внотьмахъ Дикъ большой ломоть чернаго хлѣба.

Дикъ былъ до того безумно голоденъ, что безпрекословно взялъ оцупью хлѣбъ и запустилъ въ него зубы.

— Какъ вкусно! — вырвалось у него вмѣстѣ съ еще не улегшимися всхлипываніями.

— Я посолилъ! — гордо сказалъ Ѳедька.

— А мнѣ не позволяютъ дома ѣсть черный хлѣбъ.

— О-о! Что-жъ ты ѣшь-то? — изумился Ѳедька.

— Какъ, что! — забывая слезы, въ свою очередь удивился Дикъ. — Бѣлый хлѣбъ... пирожки... цыплята... дичь... рыбу... кремъ... мало ли что!

— О-о! — съ почтеніемъ сказалъ Ѳедька. — Пожалуй, и говядину, скажешь, каждый день ѣлъ.

Дикъ засмѣялся.

— Понятно, каждый день.

Засмѣялся, въ свою очередь, и Ѳедька.

— Э, значить, хорошо тебѣ жилось! А чернаго хлѣба, говоришь, не ѣдалъ?

— Нѣтъ, но я вижу, что это очень вкусно.

— Еще бы не вкусно! Вотъ еще кабы съ лукомъ... да гдѣ его взять-то? Ты пожалуй и луку сколько хочешь дома ѣлъ?

— Какъ луку! Развѣ можно ѣсть лукъ? Мнѣ не даютъ!

— Чудно! Что-жъ тебѣ даютъ-то?..

— Я тебѣ говорю: мясо, пирожное, рыбчиковъ...

— Полно врать-то! Чего-жъ бы ты отъ эдакой жизни да въ ученье ушелъ?

— Я не ушелъ! — вспомнилъ Дикъ свое горе. — Меня отдали сюда.

И, не доѣвъ своего хлѣба, онъ опять заплакалъ.

— Чего-жъ тебя отдали?

— Оттого что... — Дикъ запнулся, но его честность взила верхъ. — Оттого что... я учиться дома не хотѣлъ.

— Что-жъ тебя очень больно били, что ли? — сочувственно заинтересовался Ѳедька.

Послѣ обѣдни. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Шюблеръ.

Переселенцы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижакевича, грав. Шюблерь,

— Били?! Какъ это били? — вскрикнулъ Дикъ. — Развѣ меня кто-нибудь смѣетъ бить? — И несмотря на свои слезы, онъ даже разсмѣялся. — Меня никогда не били.

— Ну, счастливъ твой Богъ! — серьезно сказала Ѳедька. — Меня такъ здорово били. Я прежде у Сидорова въ ученьи жилъ; вотъ лють былъ бить! И кулакомъ, и ремнемъ, и пражкой, и чѣмъ ни попало. Онъ мнѣ разъ колодкой голову разбѣкъ—я мѣсяцъ въ больницѣ провалялся. Ну, тогда меня мамка къ Богдану Карловичу отдала. Онъ, нѣмецъ-то, страсть добрый! Тотъ, песь его возьми, день-денской билъ да еще голодомъ морилъ; а у этого во щахъ каждый день кусище во-какой говядины, а по воскресеньямъ пироги; и не бьетъ! Такъ, иногда только подзатыльникъ дастъ, и то больше для формы.

Дикъ вслушивался въ совершенно новыя для него слова мальчика съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что началъ забывать о себѣ самомъ. Онъ чувствовалъ, что передъ нимъ открывается какой-то неизвѣстный міръ; онъ въ темнотѣ приподнялся на локтѣ, и спросилъ своего товарища, который уже укладывался, зѣвая и громко вздыхая:

— Господи помилуй и благослови!..

— Почему же тебя отдали въ ученье, если тебя тамъ такъ мучилъ этотъ гадкій человѣкъ?

— О-о!—позѣвывая отвѣчала тотъ. — Чего мучилъ? Ничего не мучилъ. Билъ, правда, — да гдѣ же безъ битья проживешь? Еще такого ученья, чтобъ безъ битья, никто не выдумалъ. А вѣдь пить-то, ѣсть—надо.

Оба помолчали. Головка Дика работала надъ всѣмъ слышаннымъ, наконецъ, онъ спросилъ:

— А развѣ у тебя нѣтъ папы и мамы?

— Мамка-то у меня въ деревнѣ, а отецъ пятый годъ какъ померъ...—полусоннымъ уже голосомъ отвѣчала Ѳедька.—Значить, въ семьѣ мужикъ-то одинъ я... Теперича-то я еще ничѣмъ не могу ей пособлять, а ужъ черезъ три года буду жалованье получать: сначала рубля по три положить, а тамъ глядишь и до восьми игоно. Тогда мамка вздохнетъ.

Его голосъ становился все невнятиѣе и переходилъ въ сонный шопотъ:

— А то все сама... мыкается - мыкается... и пахаты, и сѣять, и дрова рубить... А у нея болѣсть какая-то въ нутренностяхъ; иной разъ подступитъ, такъ пластомъ лежитъ и кричитъ пѣ-крикъ. Сестры-то еще махонькія... Эхъ, далъ бы Богъ мнѣ скорѣй подрасти, весь домъ на мнѣ будетъ... О-о...—и протяжнымъ зѣвкомъ онъ совсѣмъ смолкъ.

Дикъ окликнулъ его:

— Ты спишь?..

Отвѣтомъ было только ровное дыханіе умяившагося Ѳедьки.

Дикъ примостился поудобнѣе и укрылся съ головой. Ему не было уже страшно, потому что онъ чувствовалъ дружелюбную близость Ѳедьки. Въ его умѣ странно переплетались всѣ дневныя событія, новыя лица, новые разговоры; въ темнотѣ ярко выступило розовое лицо толстой старушки въ бѣломъ чепцѣ, потомъ чепецъ расплылся и отъ него во всѣ стороны поползли бѣлые лучи; пошли зеленяя и розовыя блестящія точки, много-много, и чьи-то мордочки; да, да, это все Ѳедьки, маленькіе, смѣшные Ѳедьки... Потомъ все покачнулось, такъ что Дикъ даже вздрогнулъ, и вдругъ все куда-то поплыло; такъ Дикъ и не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Его разбудилъ Ѳедька въ 6 часовъ.

Дикъ открылъ глаза и сразу не понялъ, гдѣ онъ и что съ нимъ; на него глядѣли обитыя тесомъ стѣны, маленькое слѣпое окошко и веселая рожица Ѳедьки, который трясъ его за плечо, приговаривая:

— Вставай скорѣй, а то намъ и чаю не достанется.

Дикъ вспомнилъ все, но къ собственному своему удивленію не захотѣлъ плакать. Въ окошко весело смотрѣло яркое солнце, Ѳедька смѣялся, — а кромѣ того въ Дикѣ пробуждалось свойственное всякому ребенку любопытство къ окружающей новизнѣ.

Ѳедька повелъ его умываться на дворъ; тамъ у крылечка привѣшенъ былъ жестяной умывальникъ съ носикомъ, изъ котораго лилась живительная струйка холодной воды; брызги летѣли во всѣ стороны и горѣли на солнцѣ радужными огоньками, какъ алмазы.

Вода освѣжила и укрѣпила мальчика моментально. Онъ съ интересомъ осматривался кругомъ—и невиданная обстановка понравилась ему.

Дѣйствительно, въ это весеннее утро чѣмъ-то идиллически-мирнымъ вѣяло отъ всего тихаго дворика, и не пахло Москвой! Казалось даже страннымъ, что здѣсь, такъ близко отъ миллионовъ, богатыхъ ресторановъ, тысячныхъ рысаковъ, электрическихъ фонарей, телеграфовъ и телефоновъ могъ существовать такой уголокъ,—кусочекъ глухой провинціи.

Солнце ярко пригрѣвало нѣжную весеннюю траву, мягкимъ ковромъ устилавшую дворикъ, и золотомъ закигало желтые цвѣты одуванчика, такъ же пѣжно лаская эти скромные цвѣточки, — цвѣты городскихъ, жалкихъ дѣтишекъ, цвѣты бѣдняковъ, — какъ дѣлало это за нѣсколько улицъ съ первыми гіацинтами въ богатыхъ садахъ. У вязанки дровъ подъ березами рылись въ землѣ куры подъ гордымъ надзоромъ огненнаго пѣтуха; два толстые щенка обнимались и боролись у черенка съ кашей. Изъ-за сосѣдняго забора свѣшивались грозди лиловой сирени изъ церковнаго сада и наполняли воздухъ сладкимъ запахомъ,—поэтизируя все вокругъ своей изящной красотой. За зеленою деревнею блестяли золотые кресты церкви и оттуда слышался звонкій, гулкій благовѣсть. Было весело, тепло и свѣжо, а вмѣстѣ съ двумя мальчиками, подставлявшими подъ блестящіе брызги воды свои головки: одну съ растрепанными темными вихрами, другую съ длинными, шелковыми локонами—картинка получалась премилая и могла бы соблазнить любого невзыскательнаго художника.

Когда они умылись, Ѳедька, какъ вѣрный чичероне, повелъ своего товарища въ мастерскую, гдѣ ему благосклонно кивнулъ головою Шварцъ, а толстая Амалія налила ему стаканъ чаю и спросила:

— Хорошо ты спалъ, mein Junge?

Вопросъ звучалъ такъ дружелюбно, что хорошо выспавшійся и отошедшій отъ перваго горя Дикъ любезно шаркнулъ ножкой и отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, прекрасно, а вы?

Шварцъ неволью улыбнулся, а старушка, разсмѣявшись, отвѣтила:

— О, я всегда сплю хорошо; цѣлый день работаю и къ вечеру устаю.

Несмотря на напоминаніе о работѣ, Дикъ съ аппетитомъ выпилъ свой чай и съѣлъ хлѣбъ. Когда онъ вставалъ дома въ 11 часовъ, у него такого аппетита не было.

Послѣ чаю всѣ принялись за работу, а Амалія Ѳедоровна отозвала Дика и повела его съ собой въ кухню, куда призывало ее хозяйство.

— Я хочу тебѣ сказать два слова, mein Kind,—начала добрая женщина, подвинувъ мальчику табуретъ и начинала чистить картофель.

Она дѣлала за разъ два дѣла,—и въ то время какъ изъ ея пухлыхъ рукъ падали въ стоявшее передъ ней ведро очистки картофеля, съ ея добрыхъ губъ слетали слова наивной философіи, долженствовавшей, по ея мнѣнію, попасть мальчику прямо въ сердце.

— Siebst Du, mein Kind, вчера Gottlieb тебя наказалъ, хотя и сдѣлалъ это противъ сердца; ни онъ,

пи и мы не любимъ наказывать, и намъ всегда очень жаль, если мальчики не послушны и не понимаютъ своей пользы. Но мнѣ кажется, ты доброе и разумное дитя, и я сказала сегодня Gottlieb: „Gottlieb, оставь меня поговорить съ маленькимъ, я увѣрена, что его не надо будетъ больше наказывать“. И Gottlieb согласился; ну видишь, что я тебѣ хотѣла говорить: на свѣтѣ всѣ должны что-нибудь дѣлать; всѣ должны работать. Чѣмъ труднѣе работа, тѣмъ за нее больше вознаграждение: твой Негг рара дѣлаетъ мосты и получаетъ тысячи рублей, а Gottlieb дѣлаетъ башмаки и получаетъ сотни копеекъ; но всѣ другъ другу одинаково важны: если бы докторъ пересталъ лѣчить, аптекарь продавать лѣкарства, мясникъ рѣзать говядину, лошадь возить — всѣмъ было бы очень неудобно. А такъ всѣ дѣлаютъ свое дѣло; судья судить, купецъ продаетъ, я вотъ здѣсь готовлю обѣдъ, корова даетъ молочко; а всѣ мы за это имѣемъ нашъ хлѣбъ. Если-бы ты хотѣлъ дома учиться, ты бы могъ сдѣлаться такимъ же ученымъ господиномъ, какъ Негг Курдюмовъ, но ты предпочелъ пить сапоги, — и это тоже тебѣ дастъ хлѣбъ; но если ты не будешь работать, тебѣ нужно или умереть съ голоду, или ѣсть незаработанный хлѣбъ; а развѣ честно, чтобы старший мой Gottlieb цѣлый день трудился, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ, а ты, здоровый и молодой мальчикъ, даромъ бы кушалъ этотъ его хлѣбъ? Скажи мнѣ по правдѣ, ты это находишь справедливымъ?

Дикъ, слушавшій ее въ молчаніи, невольно прошепталъ:

— Нѣтъ.

— Ну вотъ видишь! — торжествуяще вскричала добрая нѣмка. — Я знала, что ты доброе дитя. Но я тебѣ хотѣла еще сказать: если ты думаешь, что работать стыдно, то ты очень ошибаешься. Пойдемъ со мной, я тебѣ что-то покажу.

И, вытеревъ объ передникъ руки, старуха повела Дика въ свою спальню и тамъ подвела его къ висѣвшей на одной изъ стѣнъ „священной картинѣ“.

Это была копія съ старинной картины, гдѣ наивная рука мастера изобразила мастерскую плотника и стоящаго у стола старика съ добрымъ лицомъ, одѣтаго въ старый нѣмецкій костюмъ и въ кожаномъ фартукѣ ремесленника. Онъ показывалъ ремесло Отроку лѣтъ 12 въ свѣтломъ одѣяніи, съ длинными бѣлокурыми волосами; это дивное дѣтское лицо съ вдохновенными глазами и сіяніемъ вокругъ головы придавало прелесть картинѣ и заставляло забывать странности композиціи и деталей.

— Ты знаешь, Кто это? — благоговѣнно сложивъ руки, спросила нѣмка.

Дикъ сразу узналъ Отрока:

— Это Иисусъ Христосъ! — сказалъ онъ, не сводя взгляда съ прекрасной головки.

— Видишь — и Онъ работалъ! Святой Иосифъ училъ Его ремеслу плотника, и Его божественныя руки не гнушались касаться простой работы!.. — съ глубокой вѣрой сказала нѣмка. — Если послѣ этого ты будешь стыдиться работать — дѣлай, какъ хочешь; ты будешь получать обѣдъ и ужинъ и ничего не дѣлать, если тебѣ не стыдно будетъ; но я ручалась Gottlieb'у, что ты начнешь работать; а теперь иди, и поступай, какъ хочешь.

Съ этими словами она нагнулась и, поцѣловавъ мальчика, потрепала его по щекѣ:

— Geh, mein Kindchen.

Дикъ вернулся въ мастерскую и присѣлъ на свой табуретъ. Всѣ кругомъ работали. Шварцъ ожесточенно дошивалъ свою розовую туфлю.

„Старенькій онъ! — подумалъ Дикъ. — И она старенькая... старше бабушки... а все сами дѣлаютъ“.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ и усердно что-то тачалъ

Федька, — маленькій Федька.. у котораго „мамка“ больна и тоже все сама дѣлаетъ.. Ничего не дѣлали только толстый котъ, сидящій на окнѣ, и онъ, — Дикъ.

Дикъ перѣшитительно поднялся съ мѣста, — взявъ свой кусокъ кожи и подошелъ къ Федькѣ:

— Федька... покажи, какъ это дѣлается?

И вотъ двѣ дѣтскія головы, — голова жалкаго подмастерья и голова „маленькаго принца“ — съ одинаковымъ вниманіемъ склонились надъ однимъ кускомъ кожи. Шварцъ опустилъ свою розовую туфлю и съ добродушнымъ ворчаньемъ пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Aber die Alte hat immer recht! — Она всегда права.

Пошли дни ученья, во время которыхъ Дикъ нечувствительно для себя самого переживалъ большой кризисъ. Въ душѣ мальчика совершалась перемѣна, и его умственный горизонтъ расширился.

Отдавая его сюда, Курдюмовъ рассчитывалъ только на то, что матеріальныя лишенія отнимутъ у мальчика охоту капризничать и заставятъ его желать во что бы то ни стало вернуться домой. Но дѣло было не въ этомъ, и съ Дикомъ происходило нѣчто особенное.

Лишенія онъ чувствовалъ не такъ сильно; нѣмка не могла отказать себѣ въ удовольствіи побаловать мальчика, — онъ ѣлъ то же, что и она съ мужемъ: здоровую, питательную пищу, составлявшую для него даже нѣкоторое приятное разнообразіе отъ домашняго его стола. Кроме того, такъ какъ онъ рано вставалъ, то у него былъ чудный аппетитъ и здоровый сонъ; занять онъ былъ весь день и потому скуки не чувствовалъ. Въ свободное время онъ бѣгалъ на дворѣ съ Федькой и парой сосѣднихъ ребятишекъ и выучился до сихъ поръ неизвѣстнымъ, но удивительно интереснымъ вещамъ, какъ-то: игрѣ въ бабки, въ горѣлки, въ короли, словомъ — тѣмъ играмъ, которыя одинаково увлекаютъ и „кухаркиныхъ сыночекъ“, и „маленькихъ принцевъ“. Онъ узналъ, что каждая простая палка обладаетъ способностью превращаться то въ лошадь, то въ шнагу, то въ ружье; что три невинныхъ березы могутъ съ успѣхомъ замѣнить дремучій лѣсъ; что нѣтъ лучшаго дворца, чѣмъ старая бочка безъ днища, валиющаяся у дровяного сарая, и что военныя палатки ничто иное, какъ развѣшенные между двухъ угловъ забора простыни Амаліи Федоровны. Всѣ эти открытія мѣшали ему скучать по дому, и съ безсознательнымъ дѣтскимъ эгоизмомъ онъ все рѣже и рѣже вспоминалъ о своихъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ, глаза Дика открывались для новаго міра, и въ этотъ міръ вводилъ его все тотъ же его маленькій чичероне — Федька.

Обмѣниваясь по вечерамъ разсказами, мальчики передавали другъ другу всю свою прошлую жизнь, и если Федька наивно удивлялся разсказамъ Дика объ его игрушкахъ, его домѣ и т. д., и т. д., — Дикъ не меньше поражался разсказами Федьки.

Онъ начиналъ понимать, что такое холодъ, голодъ, нужда, побои. Онъ узнавалъ, что есть дѣти, которыя никогда ничего не ѣдятъ кромѣ сухого хлѣба, которыя носятъ одни и тѣ же лохмотья зимой и лѣтомъ, а иногда умираютъ отъ голода и холода, что есть не только нарядныя и красивые мамы въ плюшевыхъ капотахъ, но и худыя, оборванные женщины, протягивающія подъ окнами руку, чтобы поданнымъ имъ грошемъ напитать себя и своего ребенка. Узнавалъ онъ также, что только ученьемъ можно достигнуть всего, чего хочешь, — такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ его Федька, изумлявшійся тому, что онъ не хотѣлъ учиться, хотя его не били, не заставляли сидѣть по ночамъ и, въ видѣ наказанія, не выталкивали на морозъ, какъ прежде выталкивалъ Сидоровъ Федьку.

— Почему ты не хотѣлъ учиться? — допрашивалъ его Федька.

Дикъ хорошенько не зналъ, что отвѣтить.

— Лѣнь мнѣ было, — говорилъ онъ наконецъ.

— А сапоги шить нешто не лѣнь? — резонно замѣчалъ тотъ. — Да еще самъ говорилъ, что учиться-то не долго заставляли, а тутъ съ 7 до 8 работаешь.

Дикъ не могъ не согласиться съ его замѣчаніемъ.

— Эхъ ты, дуракъ, дуракъ! — сочувственно продолжалъ Федька. — Да кабы за меня кто платилъ, я бы во какъ учился! Вѣдь ты, скажемъ, до генерала могъ доучиться, а я, какъ ни бейся, все сапожникомъ останусь. Нѣтъ, просись у отца назадъ, да и учись, братецъ. Право слово, лучше!

Подобные разговоры часто повторялись между мальчиками, и Дикъ все яснѣе чувствовалъ, что гораздо пріятнѣе сидѣть въ своей большой свѣтлой дѣтской за красивымъ глобусомъ и запоминать, что на Цейлонѣ есть пальмы и бѣлые слоны, а на Колѣ — сѣверное сѣнное и бѣлые медвѣди, чѣмъ весь день просиживать въ душной мастерской, пропитанной запахомъ кожи, и учиться шить сапоги.

Когда Курдюмовъ (потихоньку отъ сына забѣжавшій каждый день) какъ-то на минуту зашелъ къ сыну — Дикъ бросился къ нему съ страстнымъ порывомъ. Онъ хотѣлъ все сказать ему, но отецъ только потрепалъ его по головѣ, сказалъ два слова и, не давъ ему времени опомниться — уѣхалъ.

Тогда у мальчика словно что-то порвалось въ груди.

На ночь онъ плакалъ и повѣрялъ свое горе Федькѣ.

— Папа мени навѣрно не простить!

Тотъ его утѣшалъ, насколько могъ, но Дикъ былъ нервень и возбужденъ до слѣдующаго пріѣзда отца. Тогда прошло уже двѣ недѣли съ его „поступленія въ ученіе“.

Когда отецъ вошелъ, мальчикъ прямо встрѣтилъ его словами:

— Папа, возьми меня отсюда! Я буду лучше учиться, папочка!

Курдюмовъ испытующе поглядѣлъ на сына.

— Дмитрій, такъ ты будешь учиться? Можешь ты мнѣ дать слово?

Голубые глаза мальчика прямо и открыто глядѣли па отпа.

— Даю тебѣ слово.

Спустя мѣсяцъ послѣ описанныхъ событій, на половинѣ Анны Сергѣевны сидѣла послѣ обѣда по обыкновенію, кромѣ самой хозяйки, генеральша.

Анна Сергѣевна лежала на кушеткѣ. Со времени исчезновенія Дика ея нервы никакъ не могли успокоиться, тѣмъ болѣе, что когда Дикъ вернулся и ей все рассказали, она во второй разъ заболѣла: она бы еще перенесла пансионъ, — но... и при одной мысли о томъ, что ея Дикъ побывалъ въ сапожной мастерской, съ ней дѣлалась истерика.

Въ большой комнатѣ толстый коверъ заглашалъ шаги; на лампахъ были темно-лиловые колпаки; пахло вальерьяновыми каплями и говорили вполголоса.

Обѣ дамы держали въ рукахъ книжки. Анна Сергѣевна — послѣдній томъ Прево: „Jardin secret“, и, сравнивая испытанія и горести молодой женщины послѣ 12-лѣтняго супружества, проливая тихія слезы. Генеральша перечитывала „Исторію бѣднаго молодого челоуѣка“ и время отъ времени глубоко вздыхала.

Эти эстетическіе вздохи и слезы не только не разстраивали ихъ, но, напротивъ, какъ-то и способствовали пищеваренію, и помогали убивать время.

Дверь отворилась и въ ней показался Курдюмовъ, но, увидѣвъ „слезополитіе“, онъ пріостановился.

— Я не мѣшаю?

Ему отвѣтила, утирая глаза, генеральша. Анна Сергѣевна все не могла простить мужа и почти не говорила съ нимъ, уйдя въ кроткое и тихое упрямство.

— Нѣтъ, мой другъ: мы читаемъ. Но это такъ трогательно...

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вошла Мери съ красными глазами и распухшимъ носикомъ. Она держала въ рукѣ мокрый платокъ и молча кусала его. Въ другой рукѣ у нея была растрепанная книжка.

— Что съ тобой, Мери, на тебѣ лица нѣтъ? — обезпокоилась генеральша, взглянувъ на дѣвочку, бросившуюся съ полнымъ отчаяніемъ на низенькое кресло.

Тутъ Мери не выдержала и разразилась рыданіями, повторяя:

— О, маман, маман! Они ее посадили въ сумасшедшій домъ. Несчастная, такая молодая, красавица... и вдругъ... и вдругъ...

— Кого? — не на шутку испугался Курдюмовъ. — Кого это, Мери?

— Адриенну де-Кардовилль! — рыдая отвѣчала дѣвочка.

Анна Сергѣевна отозвалась съ кушетки, оторвавшись на минуту отъ „Тайнаго сада“:

— Я теби понимаю, я сама страшно плакала надъ „Вѣчнымъ жидомъ“. Это такая книга!..

Курдюмовъ махнулъ рукой и хотѣлъ уйти.

Но въ эту минуту въ атмосферу лиловаго полусвѣта, запаха вальерьяны, тишины и журчанія слезъ, ворвалось ураганомъ маленькое созданье въ сѣрой блузѣ, съ круглой, какъ шарикъ, стриженной подъ гребенку головой. Оно безцеремонно расцѣловало охавшую Анну Сергѣевну, растрепало генеральшу, дернуло за косу Мери, наполнило комнату шумомъ и смѣхомъ и, наконецъ, вскокило на ручку кресла Курдюмова.

Этотъ ураганъ былъ Дикъ.

Онъ обхватилъ отца за шею и началъ быстро-быстро:

— Папочка, я шель къ тебѣ, — у меня къ тебѣ важное дѣло!

— О-о! Большое?

— Огромное! (Дикъ привыкъ теперь съ просьбами идти къ отцу, безпрекословно признавъ его авторитетъ). — Только ты позволи. Позволишь? Дай слово, что позволишь.

— Ну, ну, говори — если будетъ возможно, позволю.

— Да, да, возможно, значить позволишь. Я хочу давать уроки.

Анна Сергѣевна застонала, а генеральша уронила очки на полъ.

— Что ты мелешь такое? — съ удивленіемъ спросилъ отецъ.

— Ну да, папа, я ужъ большой — я хочу подготовить Федьку.

— Какого Федьку? — встрепенулась генеральша.

— Того Федьку, отъ сапожника, Богдана Карловича, знаешь? — смѣло заявилъ Дикъ.

Анна Сергѣевна протяжно вздохнула:

— Oh mon Dieu, mon Dieu! — и подняла глаза къ небу, призывая его въ свидѣтели своего безпомощнаго отчаянія.

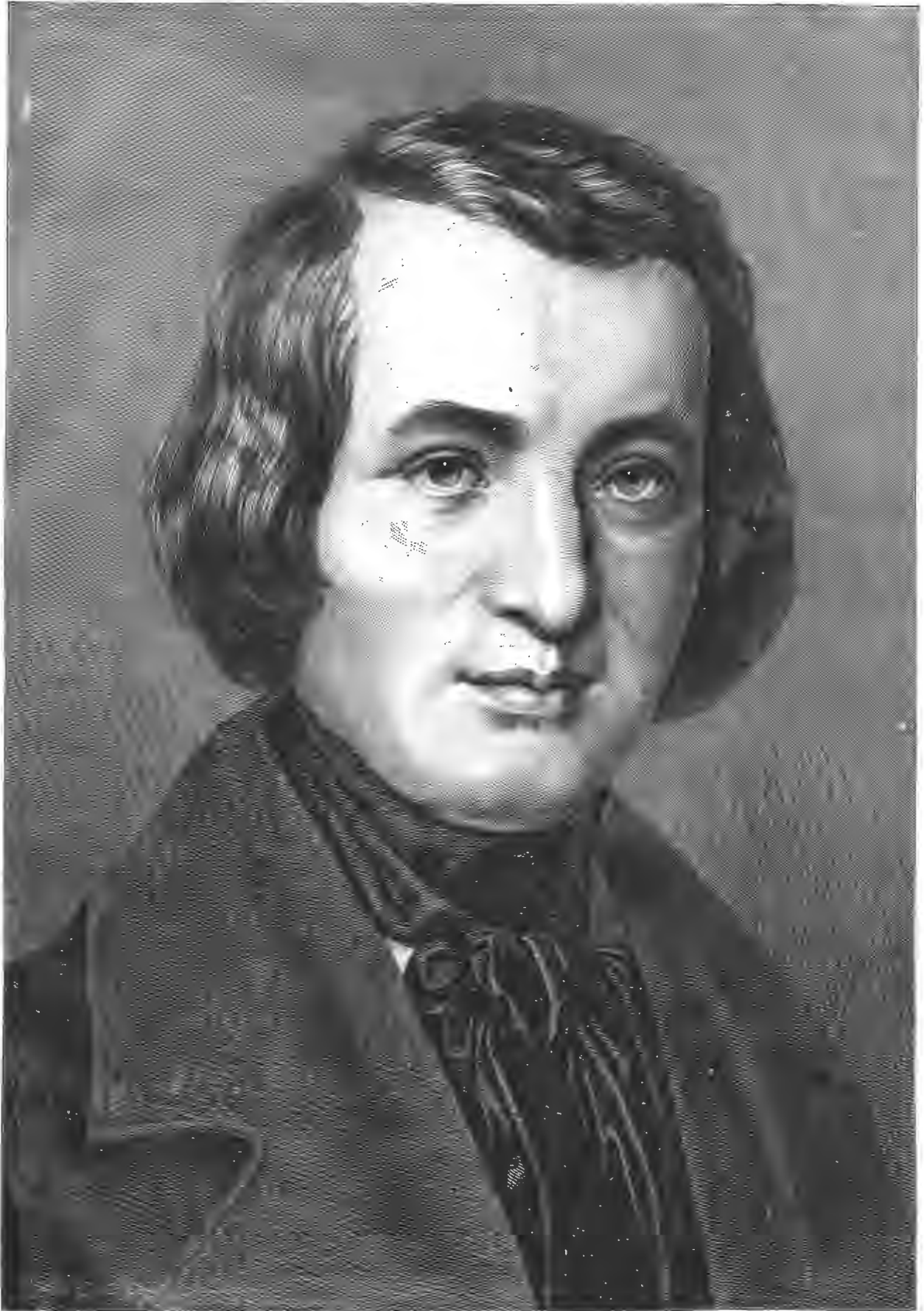
У генеральши начала дрожать на головѣ накладка.

Дикъ, не смущаясь, продолжалъ:

— Видишь, папа, его только надо подготовить. Онъ такъ хочетъ учиться! такъ завидуетъ мнѣ! Я ему, папа, общалъ, что я его готовлю.

— Когда же это ты успѣлъ ему общать, а?

— А когда онъ относитъ башмаки, такъ онъ всегда меня дожидается у гимназіи и провожаетъ домой, — объяснилъ Дикъ, не понимая, что такое онъ дѣлаетъ съ сухоруковскими принципами генеральши и боязнью Анны Сергѣевны.

Генрихъ Гейне. По поводу столѣтія со дня рожденія. Съ современ. портрета грав. Пэне.

Генеральша захохла, а Анна Сергѣевна не выдержала:

— Вотъ ваши идеи о свободѣ дѣтей и т. д. Я говорила, чтобы Иванъ провожалъ Дика и въ гимназію, и обратно,—теперь видите, что изъ этого выходитъ...

— Мальчикъ ходитъ Богъ знаетъ съ кѣмъ!..—возмущенно проговорила генеральша.

— Бабушка,—быстро повернулся къ ней Дикъ:—Федька не Богъ знаетъ кто, онъ очень хорошій мальчикъ—онъ черезъ 3 года будетъ кормить свою маму... она у него больная... и своихъ сестреночекъ; онъ одинъ мужикъ въ семьѣ, и онъ очень добрый.

Эта краснорѣчивая защита заставила генеральшу поднять руки къ небу.

Курдюмовъ кротко вмѣшался:

— Я имѣю честь знать Федьку en question, это дѣйствительно отличный малый,—такъ что вы не беспокоитесь, маман.

— Да, папа,—продолжалъ обрадованный Дикъ:—и онъ замѣчательно уменъ. Я тебѣ говорю, что онъ доучится до генерала!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго!—поддержала мальчика увлекательная Мери:—и Ломоносовъ, и Меншиковъ были простыми крестьянами.

— Да, да,—вскрикнулъ Дикъ:—и Ломоносовъ, и Меншиковъ, вотъ видишь, папа!

— Да ты знаешь ли еще, что это были за люди?—смѣясь спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, мы этого еще не учили, но все равно; ты увидишь, какъ онъ будетъ учиться, позволь только мнѣ его подготовить.

— Поймай, будемъ говорить дѣло: тебѣ его готовить некогда, тебѣ самому надо заниматься; но я могу попросить Семена Степановича его подготовить...

— Вотъ и отлично,—перебилъ Дикъ отца:—а ужъ тамъ я его устрою.

— Вотъ какъ?

— Да, видишь ли; ты вѣдь мнѣ даешь 1 рубль въ мѣсяцъ, и мама даетъ, и бабушка даетъ...

Курдюмовъ быстро поглядѣлъ на дамъ, но тѣ усердно читали свои книги.

— Я это все буду копить,—продолжалъ Дикъ:—я уже купилъ глинянаго Ваньку. Потомъ я отдамъ все инспектору, и вотъ—Федька будетъ въ гимназіи.

— Что жъ, мы потолкуемъ потомъ, какъ это сдѣлать; во всякомъ случаѣ я могу тебѣ обѣщать, что Федька твой попадетъ въ гимназію.

— „Ура! Ура! Ура!“—запѣлъ Дикъ изо всей мочи и такъ принялся скакать по кресламъ, что съ этажерки свалилась фарфоровая куколка, а всѣ китайскіе болванчики закачали головами такъ же жалобно и укоризненно, какъ и сама генеральша.

Анна Сергѣевна, съ рѣшимостью жертвы закрывъ глаза, сжимала виски ладонями и шептала:

— Боже, Боже! Несчастный ребенокъ!..

А генеральша едва вымолвила, презрительно покосившись на Курдюмова:

— Моя бѣдная Annette! У всякаго есть свой бичъ Божій!..

„Бичъ Божій“ смотрѣлъ въ это время на своего крѣпкаго, веселаго мальчугана, который разучился скучать, зато научился думать о другихъ,—и смѣялся. Онъ смѣялся, но въ его глазахъ былъ какой-то неуловимый отблескъ, показывавшій, что Дикъ невольно отплатилъ отцу той же монетой—заставилъ его испытать „новыл впечатлѣнія“—дорогія и незабвенныя впечатлѣнія тѣсной дружбы отца съ сыномъ.

И Курдюмовъ былъ счастливъ.

Да, хорошо тому, кто, уже спускаясь съ горы, встрѣчаетъ того, кто только начинаетъ подниматься по ней и долженъ будетъ идти по тому же пути. Одинъ советомъ и опытомъ предохранить другого отъ опасности, а тотъ своей полной надеждою юностью согрѣетъ его усталую душу. И нѣтъ отраднѣе минутъ, какъ тѣ, когда ихъ дороги идутъ еще рядомъ,—и хорошо имъ тогда, и не страшно имъ

„Въ степи людской, печальной и безбрежной!..“
конецъ.

Добрѣйшая.

Рассказъ Эрнста Ленбаха.

Нередко случается, что люди, въ видѣ дополненія къ своему имени, имѣютъ какое-либо странное прозвище, или, лучше сказать, кличку, которую приобрѣтаютъ не всегда по своей собственной винѣ: одни изъ-за какого-нибудь физическаго недостатка, въ родѣ длинныхъ, торчащихъ ушей или чрезвѣрно выдающагося носа, другіе, благодаря какой-нибудь отличительной чертѣ своего характера, третьи же потому, что постоянно, кстаи и нектати, употребляютъ какое-нибудь слово или фразу, которыя, своею неумѣстностью, алятъ или смѣшатъ окружающихъ до того, что эти же слова становятся кличкою лица, ихъ употребляющаго.

То же самое случилось и съ Маріей Гейдрихъ, вдовою доктора Гейдриха. Покойный супругъ ея былъ докторомъ философіи и старшимъ учителемъ въ гимназіи маленькаго германскаго городка. Благодаря ея привычкѣ называть всѣхъ друзей и знакомыхъ „добрѣйшій“ или „добрѣйшая“, это прилагательное осталось за нею самою и не разлучалось съ нею, какъ голландскій, клѣтчатый, прученой шерсти, плѣтъ, въ которомъ она цѣлолюла на ало всѣмъ измѣнчивымъ требованіямъ моды.

По этому прозвищу и клѣтчтому плѣду ее знали всѣ и боллись очень много. Когда ей случалось проходить мимо гимназіи, послѣ окончанія классовъ, выходящая изъ подъѣзда молодежь старалась вести себя какъ можно благоправнѣе, чтобы не попасть на языкочокъ высокой, сѣдой женщины, которой гимназисты боялись болѣе, чѣмъ всѣхъ учителей и классныхъ наставниковъ. Даже самъ директоръ терпѣлся, когда „добрѣйшая“ встрѣчала его слѣдующими словами:

— Ну добрѣйшій... то-есть, господни директоръ, хотѣла я сказать, вана старшая дочь синла-таки себѣ кофточку! красную, какъ макъ! не правда ли? Жаль только, что дѣвочка такъ бѣдна; вамъ, право, слѣдуетъ наблюдать, чтобы она больше ѣла и меньше играла бы на роляхъ.

Если ей случалось встрѣтить въ курятной лавкѣ молодую жену учителя гимназіи, покушающую гуся, то она считала долгомъ замѣтить:

— Послушайте, добрѣйшая, этого гуся вамъ и во вѣкъ не дожарить. Какъ вамъ не стыдно, добрѣйшій Миллеръ, навязывать начинающей хозяйкѣ такого Маеусама? Развѣ можно такъ злоупотреблять неопытностью?

Неудивительно послѣ этого, что молодая жена учителя скажетъ, что „добрѣйшая“—невѣжливая особа. Въ послѣднемъ, впрочемъ, съ нею согласится вся прекрасная половина обитателей городка, несмотря на часто испытанную готовность „невѣжливой особы“ помочь советомъ и дѣломъ. Добрѣйшая, несомнѣнно, могла считаться авторитетомъ по части воспитанія дѣтей и владѣла нестерпимымъ запасомъ кухонныхъ рецептовъ и домашнихъ средствъ противъ всякихъ болѣзней; но за нею водилась неприятная привычка приправлять свою любовь правдоученіемъ, поэтому всѣ молодыя хозяйки избѣгали ея.

Добрѣйшая все еще продолжала жить въ форштадтѣ, въ маленькомъ домѣ съ большимъ садомъ, гдѣ она лѣтъ сорокъ тому назадъ справляла свадьбы, а лѣтъ десять, какъ овдовѣла. Рядомъ съ ея домомъ была прекрасная вилла, принадлежавшая къ владѣніямъ князей Розенштейнъ-Вальдау, въ которой, съ давнихъ поръ, жилъ только старый дворецкій. Запущенная терновалъ изгородь раздѣляла оба сада. По одну сторону, между липочками, усыпанными красными пескомъ дорожками, цвѣли роскошныя цвѣты, а по ту сторону Добрѣйшая развела свой огородъ, гдѣ выращивала салатъ и огурцы, левкой и гелотропъ, а главнымъ образомъ—своихъ куръ. Послѣдній былъ ея гордостью. Когда она хвалилась своими, дѣйствительно замѣчательными, успѣхами по этой части хозяйства, то даже вдавалась въ поэзію.

— Домашнее, свѣжее, изъ-подъ курицы, яйцо равняется хорошему куску телятины,—говорила она:—а когда курица перестанетъ вестись, то она, все-таки, годится въ супъ. Вы, конечно, умѣете варить супъ изъ курицы, моя добрѣйшая? Подумайте только, если вдругъ, чего Боже сохрани, захворалъ бы вашъ мужъ, какъ захворалъ господни Шнейдеръ, который живетъ теперь у меня въ мезонинѣ. Мой супъ только и поставилъ его на ноги.

У старушки постоянно жилъ кто-нибудь изъ молодыхъ учителей. Имъ жилось у нея, какъ нельзя лучше. Вообще, если кто-нибудь изъ нихъ уживался съ нею, то оставался у нея подолгу и научался многому, чему бы ему не научиться ни въ одной гимназии и что все-таки могло ему принести пользу, какъ воспитателю юношества.

Однажды, весной, важная новость распространилась по гимназии и по виляѣ, рядомъ съ домою Добрѣйшей. Вилла наполнилась всякаго рода рабочими и прислугою, привозилась новая мебель и въ такомъ количествѣ, что, по мнѣнью Добрѣйшей, была совершенно излишнею для хорошаго, разумнаго хозяйства, а въ конференціонномъ залѣ гимназии директоръ собралъ всѣхъ учителей для установленія основныхъ принциповъ, которые, не унижая общаго достоинства, слѣдовало положить въ основу воспитанія юнаго отпрыска владѣтельныхъ князей Розенштейнъ-Вальдау:—его свѣтлость изволила поступить въ 4-й классъ гимназии.

Вскорѣ послѣ того, прѣѣхала сама княгиня со своимъ сыномъ и большимъ штатомъ, приняла визитъ директора гимназии и отдала его, затѣмъ снова уѣхала. Молодой князекъ остался въ виляѣ подъ надзоромъ элегантнаго гувернера, и гимназическій курсъ открылся при триста шестидесяти обыкновенныхъ и одномъ свѣтлѣйшемъ ученикѣ.

Тѣмъ временемъ, Добрѣйшая наблюдала не только за своими курами, но и за кое-чѣмъ другимъ, и многое ей не понравилось.

— Такъ вотъ какова маленькая свѣтлость, добрѣйшій,— сказала она своему жильцу, нѣсколько дней спустя, послѣ начала курса, и безцеремонно указала рукою на сосѣдній садъ, гдѣ гулялъ худощавый мальчикъ съ господиномъ въ элегантномъ, черномъ костюмѣ. — Смѣшно право! А это рядомъ съ нимъ, вѣроятно, гувернеръ его, докторъ Вексельрейсъ. Его-то я уже давно знаю. Вѣдь его отецъ былъ понамаремъ въ той деревнѣ, гдѣ мой братъ былъ вегетинаромъ. Въ то время это былъ пренегадный, продувной мальчишка, даже вороватый. Я не разъ давала ему здоровые затрепщину, въ особенности, помню, когда онъ собрался привязать къ хвосту старой кобылы моего брата охапку чертополоха. По-настоящему, онъ по старой дружбѣ и новому сосѣдству, долженъ былъ бы сдѣлать мнѣ визитъ. И такой-то человекъ избранъ теперь въ воспитателя къ князьку? Да, никто не можетъ предвидѣть, что выйдетъ изъ цыпленка, послѣ того, какъ онъ вылупится изъ яйца! А княгиню я также отлично помню; помню, когда она еще не была княгиней. Она нѣкогда жила тутъ по близости съ матерью, вдовою полковника, и ея фамилия была Шнейдеръ, какъ ваша, мой добрѣйшій. Это были очень порядочные люди, и я отъ души радовалась за дѣвушку, когда узнала, что она дѣлаетъ такую блестящую партію. Я говорю о матеріальной сторонѣ брака, такъ какъ князь Теодоръ былъ уже далеко не молодъ и такъ непреставителенъ, что навѣрное потонулъ бы въ латахъ своихъ предковъ, если бы ему вздумалось примѣрить ихъ. Вотъ что! а теперь взгляните-ка на мальчика? Говорятъ, въ немъ течетъ синяя кровь, но, по моему, въ немъ нѣтъ никакой, и на что ему его военные предки, когда у него даже нѣтъ порядочныхъ икръ? Ну, а вы, добрѣйшій, довольны ли своимъ новымъ ученикомъ? Вѣдь и на вашу долю выпала честь воспитывать его.

Шнейдеръ покраснѣлъ и смѣшался, вспоминая нѣсколько замѣчаній, слышанныхъ имъ въ конференціонномъ залѣ, по поводу страннаго сосѣдства Добрѣйшей съ княжеской виллою.

— Гм, — сказала она: — до сихъ поръ князекъ ведетъ себя молодцомъ. Онъ нѣсколько неуверенно отвѣчаетъ устные уроки—вѣроятно, отъ непривычки къ классу, но письменныя задачи, которыя онъ приготовляетъ дома, очень не дурны.

— Что же тутъ удивительнаго! — замѣтила старушка. — Трудно повѣрить, сколько бѣдному мальчику приходится трудиться, чтобы оказаться достойнымъ своихъ предковъ. Впрочемъ, вчера я видѣла, что онъ даже принимаетъ визиты нѣкоторыхъ товарищей. Но, знаете что? Выберитесь-ка для него въ товарищи нѣсколько неотесанныхъ мальчишковъ, которые умѣютъ хорошо драться. А то вчера, напримѣръ, мальчики, носѣтлившіе его, имѣли видъ, какъ будто пришли по приказу поиграть съ молодымъ князькомъ.

— Приглашать къ нему мальчишковъ не все дѣло. Это дѣло предоставлено доктору Вексельрейсу,—возразилъ молодой учитель, посмотрѣвъ на часы.

— Вотъ какъ! — сказала Добрѣйшая. — Впрочемъ, очень рада. Во всякомъ случаѣ, въ одномъ изъ мальчишковъ онъ ошибся. Это сынъ портнаго Гирамава, чдъ у рынка,—тотъ съ говоромъ. Въ прошломъ году я его за уши стащила съ своего грушеваго дерева, и съ тѣхъ поръ мы съ нимъ друзья-приятели. Вѣдь не шутка вѣзять на такое дерево безъ лѣстницы.

Шнейдеръ еще разъ посмотрѣлъ на часы и вспомнилъ, что ему давно пора идти. Добрѣйшая пошла въ садъ къ своимъ курамъ.

Нѣсколько дней спустя, съ Добрѣйшей случилась неприятная исторія. Загнавъ куръ, рывшихъ у изгороди, она, нечаянно, спугнула одну изъ нихъ такъ неловко, что та, хлопча, вмѣсто двора, попала черезъ отверстие въ сосѣдній садъ, гдѣ на скамьѣ сидѣлъ князекъ и читалъ книгу.

— Эй! послушай-ка, мальчикъ! Прогони-ка мою курицу обратно! — воскликнула Добрѣйшая.

Мальчикъ смѣрилъ старую даму далеко не дружелюбнымъ, не дѣтскимъ взглядомъ и съ достоинствомъ сказалъ:

— Я—князь Альфонсъ-Теодоръ фонъ-Розенштейнъ-Вальдау. — Скажи-ка на милость, какое у тебя прекрасное имя! — замѣтила Добрѣйшая. — А я знала одного мальчика, который по-просту назывался Ванькою Миллеромъ и бѣгалъ босикомъ, но онъ не отказывался загнать курочку, разъ его о томъ просила старая дама.

Мальчикъ сильно покраснѣлъ и принялся гонять курицу, но такъ безомощно, что та со страхомъ металась изъ стороны въ сторону.

— Ахъ, ты, Господи! Мальчуганъ, да гдѣ это ты научился такъ обращаться съ курами? — воскликнула Добрѣйшая. — Прогони-ка ее къ этому отверстию, а я поманю ее: цыпъ, цыпъ! Вотъ видишь? Такъ всегда нужно дѣлать. Вотъ мы ее и поймали, видишь, дружокъ мой!

Мальчикъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ черезъ изгородь.

— Однако, сколько у васъ курочекъ, сударыня, — сказала она. — Неужели всѣ онѣ несутъ яйца?

— Маленькія, конечно, не несутся! — объяснила ему Добрѣйшая и, увлекшись своею любовною темою, начала представлять ему по-очереди всѣхъ своихъ куръ. Вдругъ посреди самаго интереснаго объясненія о качествахъ золотистой кохинки, она была прервана появленіемъ ливрейнаго лакея, который, съ удивленіемъ взглянувъ на происходившее, почтительно доложилъ князю:

— Ваша свѣтлость, карета подана.

Вслѣдъ за тѣмъ князекъ, обратясь къ своей собесѣдницѣ, отвѣсилъ ей такой ловкій, свѣтскій поклонъ, что у нея отъ ужаса слово замерло на губахъ.

Въ слѣдующую субботу у маленькой свѣтлости снова собралась товарищи по гимназии или вѣрнѣе явились по приказу поиграть съ князькомъ, какъ выразилась Добрѣйшая. Ваня Гирзманъ былъ также въ числѣ приглашенныхъ.

Въ воскресенье утромъ, при выходѣ изъ церкви, съ нимъ встрѣтилась Добрѣйшая и спросила:

— Эй, послушай-ка, мальчуганъ! Отецъ уже слылъ тебѣ длинный сюругъ съ желтыми пуговицами?

— Какой сюругъ? — спросилъ мальчикъ, неприятно пораженный.

— Нѣтъ! Я такъ только спросила, — уклонилась она. — Я вчера наблюдала, какъ вы обращались съ маленькимъ княземъ, и подумала, что скоро и вамъ сошьютъ такіе же длинные сюруги, какъ у лакея, подававшего вамъ кофе.

Мальчикъ вытаращилъ на нее глаза и, покраснѣвъ, какъ ракъ, носившіи ступешаться, а Добрѣйшая отправилась домой, съ сознаниемъ человека, вполне заслуживающаго свой праздничный отдыхъ.

Въ слѣдующую субботу у молодого князька собранія не было, зато къ жильцу Добрѣйшей явился гость, докторъ Вексельрейсъ. Молодой, элегантный ученый явился, какъ онъ объявилъ, по крайне щекотливому, чтобы не сказать, неприятному дѣлу, къ объясненію котораго онъ приступилъ только послѣ продолжительныхъ ужимокъ и потиранія рукъ.

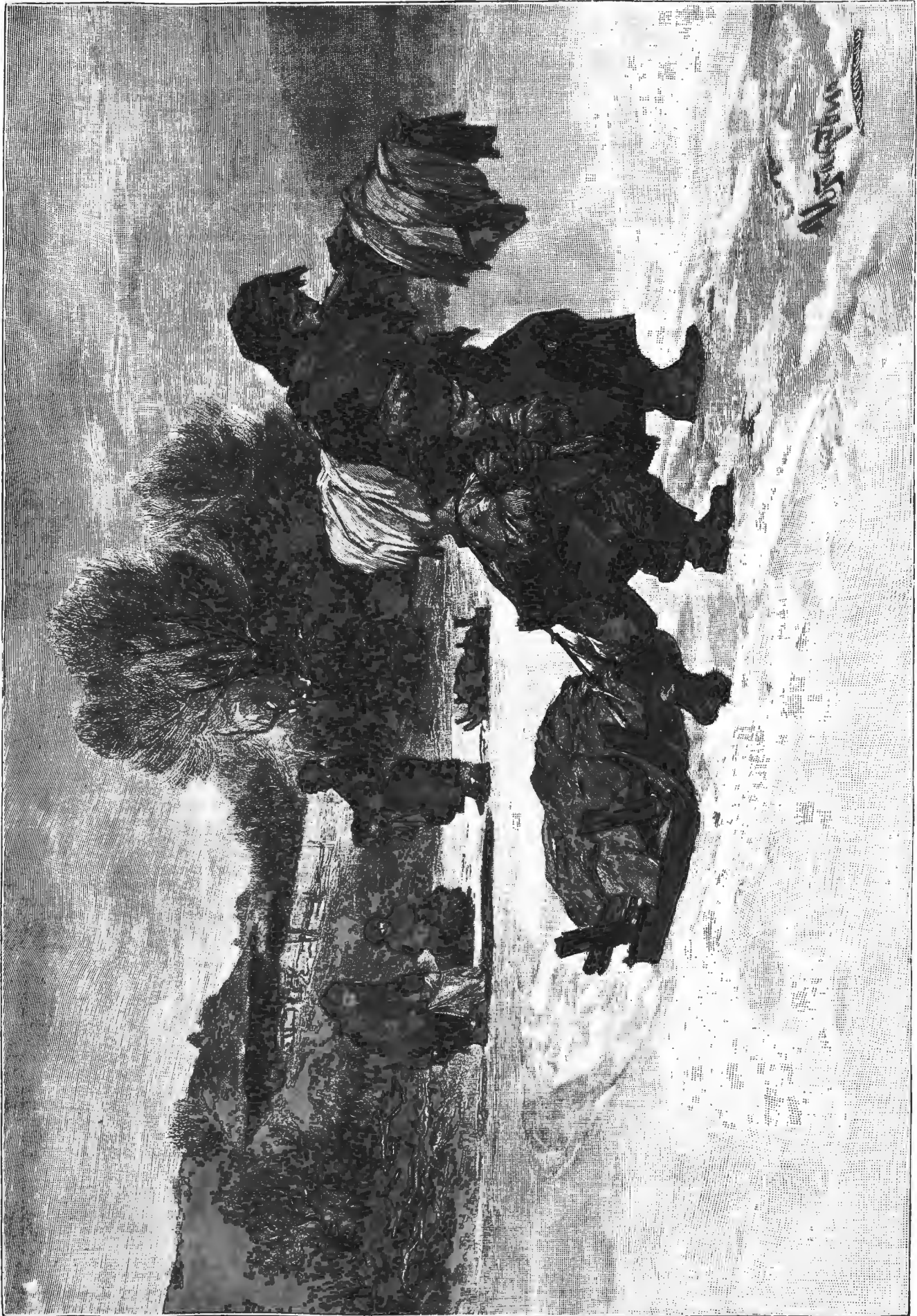
— Ваша достопочтенная хозяйка, господинъ докторъ, безспорно прекрасна, гм! уважаемая старая дама, но... гм! Но, право, не знаю, подходитъ ли ей особа для того, чтобы имѣть вліяніе на моего сѣтельного питомца, то-есть, въ духѣ ея свѣтлости княгини. Да... я говорю не о пріятномъ во всѣхъ отношеніяхъ сосѣдствѣ... гм!.. но... черезъ изгородь, такъ сказать... Что отъ самой достопочтенной дамы, посредствомъ сдержаннаго обращенія... гм! или иначе... зависитъ совершенно прекратить это сообщеніе... потому что, видите ли... не знаю, какъ бы лучше объяснить это вамъ... изъ-за этого произошло нѣкоторое недоразумѣніе въ средѣ товарищей молодого князя, по гимназии... товарищей, избранныхъ или, лучше сказать, удостоенныхъ чести быть принятыми въ домѣ ея свѣтлости... Мальчики вздумали предписывать условія, подѣ которыми соглашались пользоваться такой честью... Однимъ словомъ, они вовсе не понимаютъ, что ихъ этымъ отличаютъ... Между мальчиками по этому поводу поднялись споры, появились разныя взгляды, изъ-за которыхъ естественно положеніе князя въ классѣ со временемъ можетъ сдѣлаться крайне неприятнымъ. Я имѣю полное основаніе предпологать, что дѣло это не обошлось безъ вліянія на родителей мальчишковъ вашей уважаемой хозяйки... Поэтому я бы попросилъ васъ, многоуважаемый господинъ Шнейдеръ, употребить нѣкоторое стараніе съ вашей стороны, чтобы, по возможности, устранить вмѣшательство почтенной особы... Я, къ великому моему сожалѣнію, не имѣю чести лично быть знакомымъ съ нею, но...

Въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошла сама Добрѣйшая въ кухонномъ передникѣ и съ тарелкою горячихъ блинчиковъ въ рукахъ.

— Ахъ, простите пожалуйста! — сказала она. — Я думала, вы ушли погулять и хотѣла васъ по возвращеніи поразить новымъ произведеніемъ своего кулинарнаго искусства, а вмѣсто того поражена сама. Господинъ докторъ Вексельрейсъ, не такъ ли? Вы, вѣроятно, и мнѣ собираетесь сдѣлать визитъ, чтобы возоб-

Фальшивая нота. Съ картины Г. Моитте, австрия Альбергъ.

СЪ РЪЧНИ. Орлг. рис. (собств. „Нивы“) И. Имановича, грав. Цехолскій.

новить старую дружбу? Но, как видите, я очень занята. Не желаете ли и вы отвѣдывать этихъ блинчиковъ, господинъ докторъ Вексельрейсъ? Я пекла ихъ точь-въ-точь по тому же рецепту, какъ тогда, въ деревнѣ, когда вы стащили у меня три шугачи съ тарелки и получили отъ меня хорошую трешку, какъ за воровство, такъ и за ложь. О! я отлично помню, какой вы были негодный, продувной мальчишка. А теперь— скажите пожалуйста! Вы стали элегантнѣмъ бариномъ и, того и гляди, мѣтите въ надворные совѣтники!.. Да! нечего сказать! Никогда не слѣдуетъ топить щепка! Почему? знать, что изъ него можетъ выйти. Такъ какъ же? Желаете отвѣдывать моихъ блинчиковъ?

Докторъ Вексельрейсъ, все время то краснѣвшій, то блѣднѣвшій, улыбулся крайне принужденно.

— Дѣйствительно, сударыня...— бормоталъ онъ. — Я крайне польщенъ, но я, право, не могу... Коллега, простите, что такъ долго злоупотреблиял вашимъ драгоценнымъ временемъ... Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, сударыня!

— Знаете, хозяйка, — сказала Шнейдеръ, проводивъ гостя: — этотъ господинъ, въ сущности, приходилъ сюда просить меня кое-что передать вамъ, но я, право, не знаю, какъ за это ваяться.

— Тогда бросьте и думать объ этомъ, добрѣйшій, — отвѣчала старая дама. — Лучше воспользуйтесь свободнымъ вечеромъ и напишите письмо вашей милой невѣстѣ и кстати поклонитесь ей отъ меня.

Докторъ Вексельрейсъ больше не показывался. Зато въ слѣдующій поведѣльникъ, около изгороди появились каменщики и шугачуры и начали соорудить стѣну, чтобы защитить садъ отъ непрошеннаго вторженія сосѣднихъ куръ и... ихъ хозяйки. Добрѣйшалъ изъ своего окна смотрѣла на ихъ работу, самодовольно улыбался, а докторъ Вексельрейсъ дѣлалъ то же самое, корня надъ конспектомъ первой части своего сочиненія: „Исторія княжескаго дома Розенштейнъ-Вальдау“.

Въ среду утромъ ограда была окончена. Рабочіе, внаки поклонившись молодому князю, который нѣкоторое время съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ихъ работою, отирались спрыснуть послѣднюю въ сосѣдній кабачокъ, оставивъ на мѣстѣ всѣ свои инструменты.

— И это-то называется оградой противъ моихъ куръ? — презрительно замѣтила Добрѣйшала. — Прекрасная ограда! Тутъ даже цыпленку ничего не стоитъ перелетѣть.

— Не сдѣлать ли намъ ее повыше? — спросилъ князекъ и наклонился поднять кирпичъ. — Тутъ еще кирпичу много, да и инструменты остались.

— Мнѣ все равно, мальчуганъ... Впрочемъ, скажи-ка, пожалуйста, какъ называютъ тебя учителя въ гимназіи?

— Въ гимназіи меня зовутъ Альфонсомъ, — сказалъ князекъ.

— Прекрасно, — замѣтила Добрѣйшала. — А знаешь ли ты, кто я?

Мальчикъ въ замѣшательствѣ улыбулся.

— Если позволите... я слышалъ, что васъ называютъ... Добрѣйшалъ.

— Этого совершенно достаточно, — возразила она. — Но послушай-ка, Альфонсъ, развѣ такъ строить? Кирпичъ нужно класть на половину кирпича, а не другъ на дружку, вотъ такъ. И хорошенько промазать его глиною. Посмотри, такъ! Появля?

Въ то время, когда они вмѣстѣ работали, князекъ сказалъ:

— Я сейчасъ только кочвалъ письмо къ мамашѣ.

— А гдѣ же твоя мамаша?

— Въ Вѣнѣ.

— Что она тамъ дѣлаетъ?

— Она хлопочетъ насчетъ вашихъ владѣній въ Богеміи, — отвѣчалъ мальчикъ. — Намъ приходится изъ-за нихъ вести процессъ съ дядей Рудольфомъ, который хочетъ оттягать ихъ, потому что у мамына не... не равнаго съ отцомъ происхожденія.

Онъ сильно покраснѣлъ и замолчалъ.

„Боже мой!“ думала Добрѣйшала, съ ожесточеніемъ стуча по кирпичу: „даже и это сочли нужнымъ сообщить ребенку“. Затѣмъ спросила:

— А гдѣ же твой гувернеръ?

— Господинъ докторъ пишетъ свой докладъ мамашѣ. Когда онъ кончитъ, я, при его помощи, напишу свое латинское сочиненіе, заданное въ гимназіи. Сегодня это пойдетъ быстро, потому что у него еще не мало собственнаго дѣла.

— Вотъ какъ? — проворчала Добрѣйшала и начала прислушиваться. Въ одномъ изъ угловъ ея сада громко кудахтала курочка.

— Она, вѣрно, съела яичко? — спросилъ князекъ.

— Ну, это еще вопросъ, — возразила старая дама, пристально глядя въ глаза мальчику. — Нѣкоторые кричатъ только, а другія несутъ яйца. Знаешь что, Альфонсъ, это напоминаетъ твое латинское сочиненіе.

Едва только она успѣла сдѣлать это замѣчаніе, какъ изъ-за угла появился докторъ Вексельрейсъ и, увидѣвъ интересную группу, остановился, разинувъ ротъ отъ удивленія.

— Здравствуйте, добрѣйшій! — сказала она. — Мы тутъ поработали, и теперь предоставляемъ вамъ начать вашъ урокъ.

На слѣдующій день, Альфонсъ явился къ учителю латинскаго языка до начала урока. Онъ былъ замѣтно взволнованъ,

его сильно лихорадило, а голосъ его звучалъ такъ хрипло, что учитель испугался.

— Господинъ учитель, — сказалъ онъ такъ, что товарищи могли его слышать: — мой гувернеръ, сегодня утромъ, прислалъ вамъ записку, въ которой сообщилъ вамъ, что я, по нездоровью, не успѣлъ хорошо написать своего сочиненія. Но это невѣрно, хотя теперь я, дѣйствительно, чувствую себя не хорошо. Я раньше, при всѣхъ письменныхъ работахъ, прибѣгалъ къ его помощи, но теперь не захотѣлъ больше дѣлать этого и одинъ написалъ сочиненіе, поэтому оно, вѣроятно, и вышло очень скверно. Прощу васъ извинить меня!

При послѣднихъ словахъ, онъ горько заплакалъ. Учитель сказалъ ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе, затѣмъ отправилъ его домой на возничкѣ, такъ какъ карета его еще не прѣѣхала, и далъ ему въ провожатые двухъ товарищей. Мальчикъ, очевидно, былъ серьезно боленъ. Весь классъ проводилъ его удивленнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сочувственнымъ взглядомъ.

— Прескверная исторія, — сказали директоръ, узнавъ объ этомъ. — Впрочемъ, этого слѣдовало ожидать. Мальчикъ съ характеромъ; во всякомъ случаѣ, я очень радъ за него. Но, какъ хотите, а и здѣсь не обошлось безъ вмешательства Добрѣйшей.

Двѣ недѣли спустя, красивая княгиня Розенштейнъ-Вальдау сидѣла въ одной изъ гостинныхъ своей виллы, а около нея — Добрѣйшалъ. Она такъ боялась за жизнь сына, что ея щеки поблѣдѣли и глаза потускнѣли; но она теперь снова ожила отъ радостнаго сознанія, что онъ спасенъ.

Когда княгиня, по настоятельной телеграммѣ гувернера, пришла къ сыну, она нашла уже ири немъ сидѣлку. Добрѣйшалъ вызвался ухаживать за больнымъ мальчикомъ съ тою же неустрашимостью, съ какой разрушала козни и причуды людскаго тщесавія. Объ опасности заразиться она думала столько же, сколько о пассивномъ сопротивленіи доктора Вексельрейса, или о похвалѣ стараго городского врача, который признавалъ ея уходъ за больнымъ образцовымъ и, главнымъ образомъ, приписывалъ ему выздоровленіе ребенка. Она, дѣйствительно, не щадила себя ни днемъ, ни ночью. Теперь, когда, по ея мнѣнію, мальчику нуженъ былъ только „кряквій, хорошей супъ изъ курицы, чтобы онъ скорѣе всталъ на ноги“, она снова сдѣлалась Добрѣйшей и переменилась съ княгиней не больше, какъ съ простою смертною.

— Вотъ видите, ваша свѣтлость, — говорила она: — ужъ не стану упоминать объ обычныхъ упрекахъ совѣсти, которыми всѣ матери осыпаютъ себя въ подобныхъ случаяхъ, когда имъ приходится сидѣть у постели опасно больного сына; теперь вашъ мальчикъ, слава Богу, внѣ опасности, поэтому поговоримъ серьезно. Знаете ли, я помню васъ еще дѣвучкой, помню, когда у васъ было всего два ситцевыхъ и одно хорошее полушелковое платье для выхода. Вы были славной дѣвучкой, вносили достойной того высокаго положенія, котораго достигли. Говорятъ, вы были хорошей женою, а что вы хорошая мать, въ этомъ я сама убѣдилась. Но умною матерью вы считаться не можете. Въ вашей головѣ все ужасно перепуталось. Еще бы! У мальчика нашего такой-то и такой-то высокопоставленный крестный, который современемъ выведетъ его въ люди, а теперь хочетъ, чтобы онъ поступилъ въ гимназію, какъ и другіе мальчики. Ну, въ гимназію — такъ въ гимназію. Его тигуль и, простите меня, добрѣйшала, можетъ-быть, опасеніе, что люди могутъ прослышать о недворинскомъ происхожденіи матери, заставили васъ окружить его всевозможными излишествами, въ родѣ шата и гувернера. Послѣднего рекомендовало вамъ доверенное лицо, потому что вы сами въ этомъ дѣлѣ испуганы, и вы совершенно положились на него. Вы отдали ребенка въ полное распоряженіе незнакомаго гувернера, а сами? — Вамъ некогда. Вамъ нужно хватъ въ Вѣну и мало ли куда, чтобы снасти для князька нѣсколько лишнхъ помѣстій отъ ачности родныхъ покойнаго мужа... Но Боже мой! что помогутъ мальчику лишніи помѣстія? Ему нужна мать! Мальчикъ вашъ хилый, слабый. Ему, какъ вѣжному цыпленку, нужно тепло, то-есть любовь, а на это у него есть мать — то-есть вы! Отправляйтесь-ка съ нимъ въ одно изъ вашихъ помѣстій, дайте ему вволю надыхаться чистымъ деревенскимъ воздухомъ, дайте ему, какъ деревенскому мальчишкѣ, побѣгать, новозиться, подрагаться, дайте ему даже полазать по деревьямъ, чтобы онъ окрѣпъ и развился физически. А тамъ, иринците ему хорошаго учителя — свѣтила для этого не нужно — но пусть онъ вполнѣ понимаетъ, что значить быть воспитателемъ чистой, неспорченной дѣтской души. Тогда вы сдѣлаете изъ мальчика здороваго, разумнаго, жизнерадостнаго человека, а это ему не помѣшаетъ быть и княземъ. Будьте увѣрены, что при такихъ условіяхъ вы дождетесь отъ него больше радости, нежели отъ тщедушнаго, слабосильнаго человека, даже если бы у него на часовой цѣпочкѣ, въ видѣ брелоковъ, висѣла сотня богемскихъ помѣстій!

Княгиня слушала старушку, опустивъ голову. Когда Добрѣйшала смолкла, она протянула ей руку и горячо пожалала ее.

— Благодарю васъ отъ всей души! — сказала она. — Богъ дастъ, память о васъ никогда не выгладится въ нашемъ домѣ... Вы спасли мнѣ сына, спасли въ полномъ смыслѣ н...

я постараюсь воспитать его въ вашемъ духѣ. Даю вамъ честное слово!

— Прекрасно!—сказала Добрѣйшая, съ материнскою ласкою

глядя книжку по рукамъ.—Тогда намъ и разсуждать болѣе не о чемъ... Да кстати, мнѣ давно пора отправиться посмотрѣть, что дѣлаютъ мои курочки.

Летающіе раки.

(Съ 4 рисунками.)

Человѣчество, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, не перестаетъ трудиться надъ разрѣшеніемъ задачи — какъ достигнуть возможности свободно двигаться по воздуху. Едва оно нашло способы быстро передвиженія по сушѣ и водѣ, какъ у него явилась мысль подчинить себѣ и окружающую насъ атмосферу; и вотъ началось изобрѣтеніе и постройка болѣе или менѣе остроумныхъ воздухоплавательныхъ приборовъ. Кромѣ аэростата, однако, на которомъ человѣкъ вполнѣ предоставляет себя произволу вѣтра, всѣ попытки въ этомъ направленіи принесли до сихъ поръ мало результатовъ. Но человѣкъ не унываетъ и не теряетъ надежды достигнуть завѣтной своей цѣли.

Не эта ли инстинктивная надежда и возбуждаетъ въ человѣкѣ глубокой интересъ къ летающимъ животнымъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые по организаціи своей принадлежатъ къ сухопутнымъ или воднымъ?

До недавняго времени, кромѣ птицъ и насекомыхъ, было извѣстно нѣсколько животныхъ, которые, благодаря устройству той или другой части своего тѣла, могутъ летать или, по крайней мѣрѣ, держаться на воздухѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Таковы среди млекопитающихъ летучія мышь и летучая мышь (породы *Pteromys Fr. Cuvier*), среди пресмыкающихся — летучій драконъ (*Draco volans*), а среди рыбъ — такъ-называемая морская ласточка (*Exocoetus volans*) и другіе виды. Всѣ эти животныя принадлежатъ къ разряду позвоночныхъ.

Но вотъ недавно удостовѣренъ фактъ существованія подобныхъ же явленій среди другихъ животныхъ, — фактъ, показывающій, что насекомыя — не единственный безпозвоночный, обладающій способностью носиться по воздуху; эта же способность наблюдалась недавно и у одного ракообразнаго животнаго, въ ростомъ, ни въ какихъ формахъ не напоминающаго всѣмъ извѣстнымъ рака и омара, а скорѣе похожаго на бабочку, — у такъ-называемой бабочки-рака (*Notopterophorus papilio*, рис. 1).

Натуральн. г. Остроумовъ, заведывающій биологической станціей въ Севастополѣ, совершалъ прошлымъ лѣтомъ морскія экскурсіи вдоль береговъ Крыма. Однажды утромъ, при совершенно тихомъ морѣ и ясномъ, голубомъ небѣ, г. Остроумовъ замѣтилъ цѣлыя тучи какихъ-то маленькихъ существъ, порхавшихъ, словно мошки, надъ зеркальною гладью моря. Приблизившись нѣсколько, г. Остроумовъ, его сынъ и сопровождавшій ихъ мальчикъ со станціи увидѣли слѣдующую картину: каждое изъ маленькихъ животныхъ принимало свачала удобное положеніе на поверхности воды, какъ будто собиралась съ силами, затѣмъ дѣлало прыжокъ, описывало въ воздухѣ большую дугу и снова падало въ воду. Поймать нѣсколько такихъ животныхъ и изслѣдовать ихъ подлунно — было дѣломъ минуты; и каково же было удивленіе ученаго, когда онъ убѣдился, что летающія животныя — ничто иное, какъ довольно распространенное въ Черномъ морѣ мягкокожее ракообразное (*Entomostraca*), принадлежащее къ семейству понтеллидъ (*Pontellina mediterranea*) изъ рода циклоповыхъ (*Copepoda*).

Видъ этихъ „летающихъ раковъ“ очень оригиналенъ, и мы

приводимъ здѣсь изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Calocalanus ravo (рис. 2) довольно часто встрѣчается въ Средиземномъ морѣ; тѣло его прозрачно, а на концѣ туловища — восемь симметрично расположенныхъ перышекъ золотисто-желтаго цвѣта.

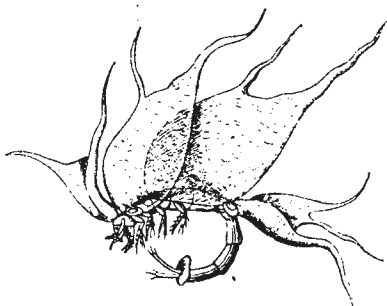
Другой ракъ изъ рода циклоповыхъ, *Copilia vitraea Haeckel* (рис. 3), имѣетъ такіе же придатки на тѣлѣ, но уже болѣе развитые. Это — страннаго вида животное, съ прозрачнымъ тѣломъ, снабжено на каждой лапкѣ густымъ вѣромъ микроскопическихъ перьевъ кирпично-краснаго цвѣта.

Наконецъ, третій видъ, почти не отличающійся отъ того, который наблюдался г. Остроумовымъ, представляетъ *Pontellina plumata Dana* (рис. 4). Изслѣдуя его при увеличеніи развѣ въ 40—50, видишь множество волосковъ и перышекъ, украшающихъ его лапы и конецъ туловища, въ просторѣ чинъ называемый у раковъ хвостомъ. Волоски эти, нерѣдко расположенные пучками, выделяются своимъ яркимъ оранжевымъ цвѣтомъ на синемъ туловищѣ и прозрачныхъ конечностяхъ животнаго. Нѣтъ сомнѣній, что многочисленныя волоски и перышки со-

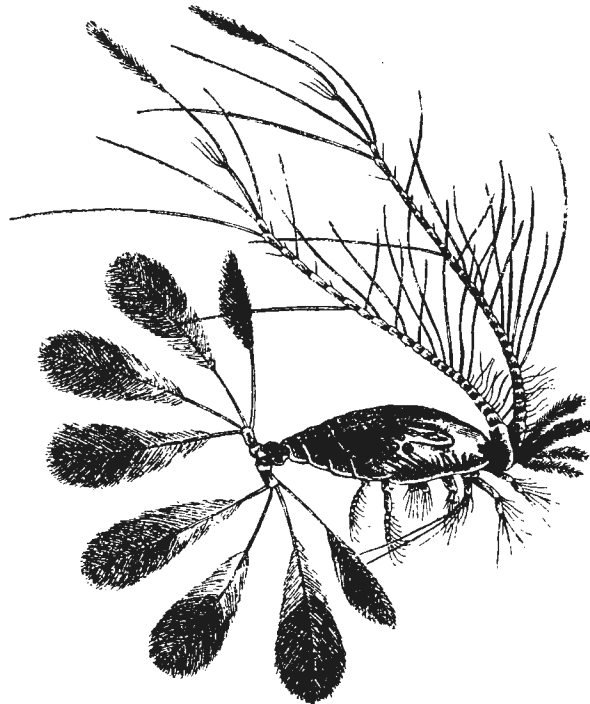
дѣйствуютъ этому раку въ его воздушныхъ экскурсіяхъ и поддерживаютъ его, когда онъ сдѣлалъ прыжокъ. Описанные нами выше два рака, благодаря своимъ крупнымъ перовиднымъ перышкамъ, могутъ, понятно, еще съ большимъ успѣхомъ держаться на воздухѣ.

По мнѣнію г. Остроумова, напечатаннаго отчетъ о своихъ наблюденіяхъ въ издающемся въ Лейпцигѣ „Зоологическомъ Указателѣ“, полеты понтеллидъ имѣютъ, вѣроятно, связь съ периодомъ линія животнаго; они значительно облегчаютъ понтеллидѣ этотъ процессъ, всегда мучительный для нея. По крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторые другія ракообразныя изъ отряда мягкокожихъ (*Entomostraca*), какъ, наприямѣръ, *Evadne*, *Pleopsis* и др., всегда во время линіи держатся на поверхности воды и даже нѣсколько надъ водою, благодаря тому, что старая, отдѣлившаяся, но еще не опанная кожа, поддуваемая вѣтромъ и въ концѣ концовъ срывающаяся ивъ, образуетъ нѣчто въ родѣ крыльевъ.

Какъ бы то ни было, но открытіе способности нѣкоторыхъ ракообразныхъ къ полету, служитъ новымъ доказательствомъ, до какой степени природа варьируетъ свои приемы, чтобы привести къ одной и той же цѣли. У млекопитающихъ и пресмыкающихся способность къ полету обуславливается присутствіемъ или перепонкой между пальцами, или перепонкою между боками, между конечностями, кожей; у рыбъ и насекомыхъ она является вслѣдствіе перерожденія членовъ (плавниковъ у рыбъ и придатковъ на верхней части боковъ груди у насекомыхъ) въ перепончатые крылья; наконецъ у птицъ и ракообразныхъ полетъ совершается посредствомъ аппарата, состоящаго изъ перьевъ (крылья и перистые придатки). Наука, однакоже, еще не сказала своего послѣдняго слова, и возможно, что современнымъ у животныхъ будутъ открыты какія-нибудь другія средства къ передвиженію по воздуху, помимо тѣхъ, которые мы перечислили.

Летающіе раки. Рис. 1. Бабочка-ракъ. (*Notopterophorus papilio*). Въ натуральн. величину 4 милим.

Летающіе раки. Рис. 2. *Calocalanus ravo*. Увеличено въ 20 разъ.

Къ рисункамъ.

Въ ряду современныхъ итальянскихъ художниковъ Андреотти выделяется какъ тонкостью рисунка, такъ и остроуміемъ, и изяществомъ набранныхъ сюжетовъ. Въ этомъ-то и кроется

тайна его возрастающаго успѣха передъ всѣми остальными, не менѣе, впрочемъ, талантливыми соотечественниками Андреотти. Взглянемъ на одинъ изъ его этюдовъ женской головки, ко-

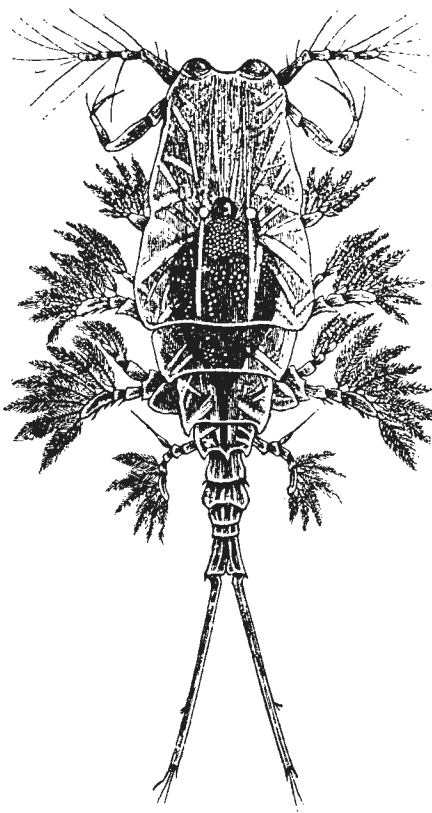
торый хотя и не представляет по замыслу ничего оригинального, тем не менее поражает зрителя экспрессией лица. В лѣтней шляпкѣ съ длинной вуалью, небрежно брошенной на плечи и отбѣивающей густые темные волосы, съ букетомъ душистыхъ розъ, молодая женщина смотритъ сосредоточеннымъ взоромъ вдаль, и смутныя впечатлѣнія отражаются на ея блѣдныхъ чертахъ, носящихъ слѣды пережитой сердечной муки. Описанный эююдъ заставляетъ задуматься, а слѣдовательно, достигаетъ художественной цѣли.

Послѣ обѣдни... Знакомал, но всегда трогательная картинка! Нѣтъ почти ни одной церкви, у выхода изъ которой не ютились бы нищие. Практика жизни сдѣлала ихъ психологами. Самый черствый человѣкъ смягчается душою въ храмѣ Божьемъ, соединяющемъ всѣхъ людей въ одну пастуху: бѣдность, страданія умиляютъ душу, ливаютъ собою подвигъ жизни, и, выходя изъ храма, люди все еще продолжаютъ жить подъ впечатлѣніемъ этого свѣтлаго, хорошаго чувства, и одухотворенные имъ, считаютъ своимъ долгомъ, своей священной обязанностью помочь нуждающемуся... Быть-можетъ, многие, по пословицѣ, сознаютъ, что „милостыня передъ Богомъ оправдываетъ“, и творятъ ее больше изъ эгоистическаго чувства, чѣмъ по велѣнію высшей евангельской любви... Но и въ этомъ чувствѣ, право, много хорошаго. Въ немъ есть стремленіе къ Богу, желаніе оправдаться передъ Нимъ — добрымъ дѣломъ. А доброе дѣло съ социальной точки зрѣнія остается добрымъ дѣломъ.

Картина И. Ижакевича „Переселенцы“ можетъ служить иллюстраціей къ статьѣ И. М. Эйзена „Переселенцы въ Западной Сибири“, помѣщенной въ № 44 *Новы*. Это — яркая картина тѣхъ страданій и мытарствъ, которыя выносятся эти несчастные въ пути къ новымъ мѣстамъ, гдѣ ихъ ждутъковыя лишения. Тысячи такихъ подневольныхъ странниковъ, въ зной и дождь, въ бурю и непогоду тянутся изъ средней и южной полосы Россіи на дальнюю окраину, за Уралъ. Художникъ очень удачно изобразилъ одну изъ такихъ группъ переселенцевъ. Предъ нами цѣлая семья. На первомъ планѣ ребятишки, бабы, старикъ-дѣдъ — обуза семьи, а настоящій кормилецъ только одинъ. Онъ идетъ рядомъ съ главнымъ богатствомъ и опорой всей семьи — лошадью и домашнимъ скотомъ. На лицахъ видно только горе и присущая нашему крестьянину покорность судьбѣ. Низко пригнула ихъ нужда къ землѣ и въ такомъ положеніи, уныло и молча, идутъ они тысячу верстъ, съ одной только мыслью — какъ бы добраться до мѣста... А потомъ, потомъ... что Богъ дастъ!

1-го (13) декабря т. г. минуло ровно 100 лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ лириковъ нашего вѣка, Генриха Гейне. Кто не читалъ его то воздушныхъ и граціозныхъ, то насмѣшливыхъ, то граничащихъ съ отчаяніемъ стиховъ? Подъ легкую, словно эфирною формою скрывается скелетизмъ; пропія прикрываетъ ирачвое отчаяніе, подчасъ смертную тоску. Потомъ снова живая радость беретъ верхъ, и поэтъ наливается передъ міромъ въ дивныхъ пѣсняхъ, неподражаемо воспеваая природу и любовь. Быть-можетъ, многое изъ литературнаго наслѣдія, оставшагося нѣмецкимъ поэтомъ, будетъ со временемъ забыто, быть-можетъ, эта участь постигнетъ то, чѣмъ такъ сильно восхищались его современники и ближайшее ихъ потомство: его публицистическія и критическія или философскія статьи, его трагедіи и намфлеты; но его лирика, его стихи, восторгавшіе и восторгающіе людей въ теченіе многихъ десятилѣтій, переживутъ XIX в. и будутъ встрѣчены отдаленнымъ потомствомъ, какъ одно изъ цѣнныхъ его наслѣдій и лучшихъ украшеній.

Мы почтили память поэта воспроизведеніемъ его портрета и цемными строками. Это очень слабая дань,—но такіе писатели, какъ Гейне, не нуждаются въ многословныхъ похвалахъ: имя его въѣтъ навѣчно, стихи его читаются или распеваются во всемъ мірѣ, и нѣтъ человѣка, съ ними знакомаго, который не увлекался бы ими и не благодарилъ поэта за доставленные высокія минуты художественнаго наслажденія, за чувства, которыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ своею лирою.

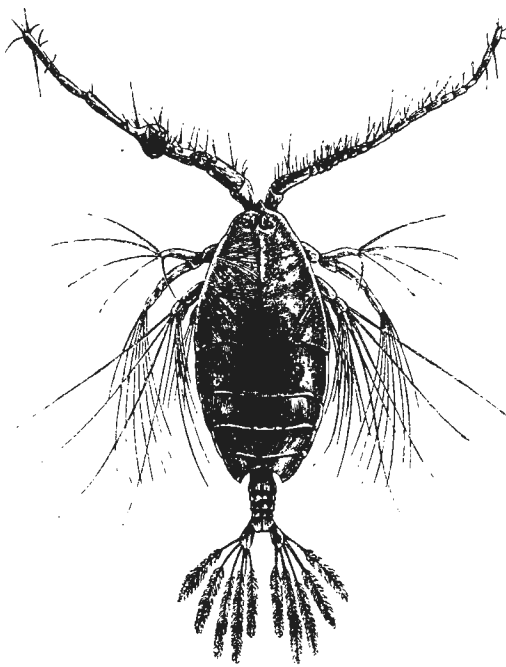

Летающіе рани. Рис. 3. *Coptilia vitrea* Hæckel.
Увеличено въ 20 разъ.

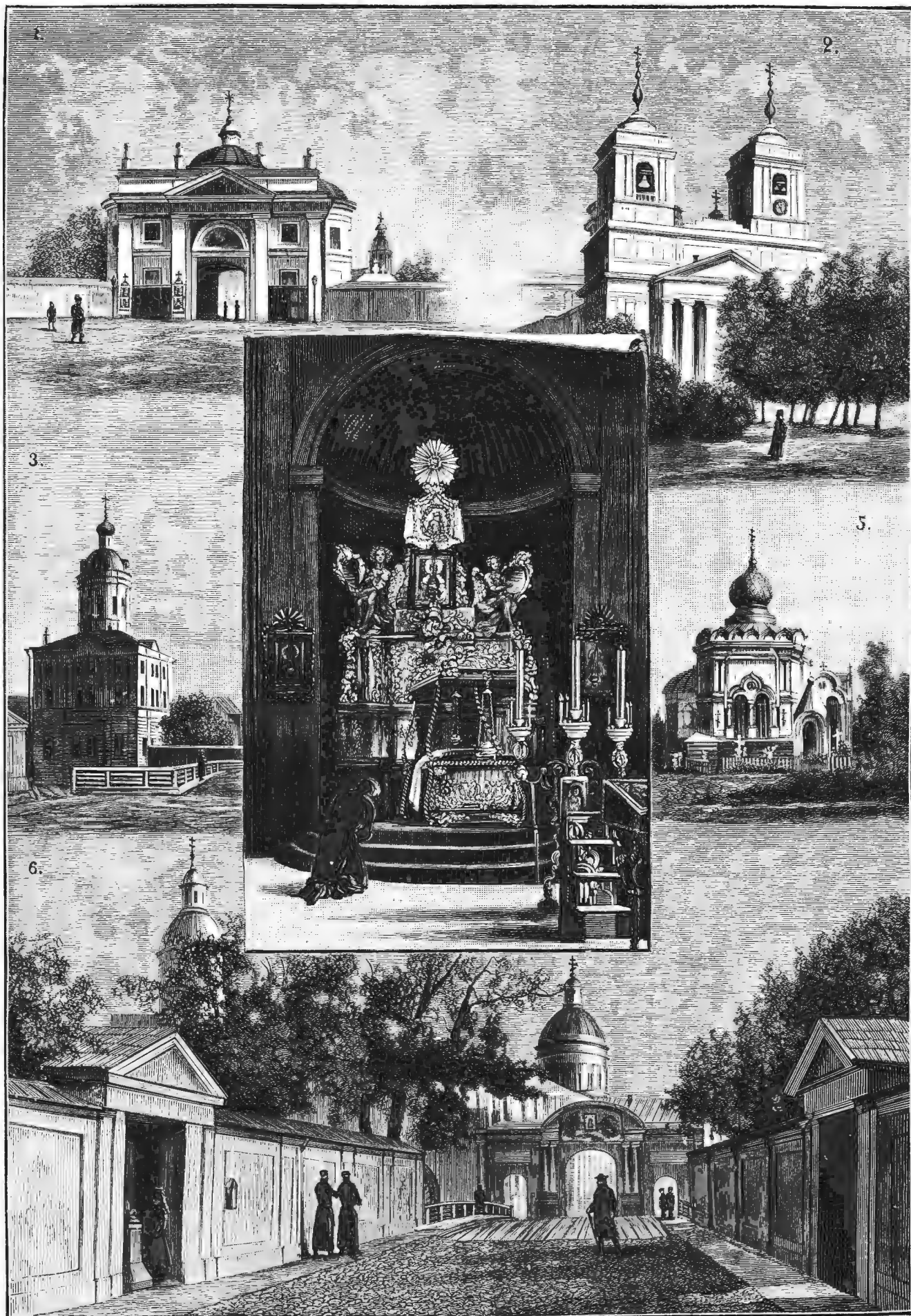
и вернулся на стулъ, чтобы взглянуть насмѣливо на жалкаго пѣвца; но послѣдній совершенно не замѣчаетъ движенія въ публикѣ и, увлеченный силой своего голоса, продолжаетъ въ томъ же родѣ. Среди присутствующихъ развѣ только одна счастливая парочка не слышитъ фальшивыхъ нотъ и, занятая собственными интересами, нашенгиваетъ другъ другу болѣе сладкія мелодіи, въ которыхъ нѣтъ, кажется, никакого диссонанса. Картина Монтегаццы полна жизни и невольно заставляетъ улыбнуться.

На дворѣ морозъ, жестокій, острый; онъ жжетъ лицо, кусаетъ руки. Снѣгъ по дорогѣ затвердѣлъ, и сазки тащить трудно; деревья, кусты заиндѣвѣли и покрылись какъ будто колючими иголками. А бабы съ самаго утра, когда еще почти ничего не видно было, только верхушки деревьевъ заблѣли, сидятъ уже у проруби. Имъ нельзя разбираться, холодно или тепло на дворѣ: сегодня стирка и надо идти къ проруби. Ноги коленѣютъ, руки перестали уже чувствовать ледную воду; онѣ со всѣмъ отбѣгли. Скорѣе бы кончить и идти отогрѣться. Вотъ одна баба тронулась съ рѣчки, ваваливъ на плечи коромысло съ бѣльемъ; рядомъ съ ней потащилъ сынишка санки. Онъ помогаетъ матери, насколько хватаетъ силъ. Бѣдный мальчикъ, бѣдная мать! За всѣ труды скудное вознагражденіе, жизнь впроломъ.

Но и эта жизнь кажется заманчивою теперь, когда приходится жить и голодать, работать до послѣдняго изнеможенія. Вечерѣтъ. Снѣгъ скрипитъ подъ ногами, санки шумятъ и не хотаятъ скользить по затвердѣвшей дорогѣ. Скорѣе бы добраться до дому; тамъ ждетъ уживъ, не спрашивайте какой, — ждетъ тепло, но надолго ли?..

Летающіе рани. Рис. 4. *Pontellina plumata* Dana.
Увеличено въ 30 разъ.

Къ столѣтнему юбилею Александрo-Невской Лавры. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Рашевскій.
 1) Главнѣйшій входъ въ Лавру. 2) Троицкій соборъ. 3) Александровская церковь. 4) Серебряная рака съ мощами Св. Александра Невскаго. 5) Частная кладбищенская церковь Русанова. 6) Входъ въ Св. ворота.

Къ 100-лѣтнему юбилею Александро-Невской лавры. (Рис. на стр. 1193.)

Александро-Невская лавра, празднующая въ нынѣшнемъ году столѣтнюю годовщину со времени наименованія ея, по указу Павла I отъ 13-го декабря 1797 г., „лаврою“, принадлежитъ у насъ къ числу тѣхъ четырехъ монастырей, называемыхъ тоже лаврами (Троице-Сергіева, Киево-Печерская, Александро-Невская и Почаевская), которые, находясь въ непосредственной подчиненіи Синоду, пользуются свободой внутренняго самоуправленія независимо отъ мѣстной епархіальной власти.

Основана она почти одновременно съ Петербургомъ. Въ 1703 году Петръ Великій основалъ новую столицу, а въ слѣдующемъ году назначилъ инокъ Феодосія архимандритомъ будущаго Невскаго монастыря. Въ 1710 году по личному его усмотрѣнію выбрано было мѣсто для новаго монастыря, называвшееся тогда „Викторомъ“, — вѣроятно въ честь побѣды Александра Невскаго надъ шведами, — а черезъ три года здѣсь выстроена была первая церковь — Благовѣщенская (гдѣ теперь кладбищенская Лаваревская церковь); тогда же были построены первыя келіи и началось инокское общежитіе. Въ 1717 году заложенъ былъ главный соборъ, а съ 30-го августа 1824 года изъ г. Владиміра перенесены были въ монастырь мощи Александра Невскаго и въ память этого установленъ праздникъ 30-го августа. Петровскія постройки до нашего времени не сохранились. Главный Троицкій соборъ въ его настоящемъ видѣ построенъ при Екатеринѣ, по проекту архитектора Старова и подъ наблюденіемъ м. Гавриила.

Мѣсто, гдѣ находится лавра, при Петрѣ было далеко за городомъ. Дорога къ нему вела по „Большой перспективѣ“ (теперешній Невскій проспектъ), черезъ лѣсъ и болота, и была крайне неудобна; мостъ у монастыря черезъ Черную рѣчку требовалъ постоянного ремонта. Тѣмъ не менѣе какъ самъ Петръ, такъ и его преемники почти ежегодно посѣщали лавру, оказывая ей самые теплые знаки своего участія и вниманія. Особенно почастливалось лаврѣ въ этомъ отношеніи при Екатеринѣ II и въ нашемъ столѣтіи, когда въ царствованіе трехъ императоровъ — Александра I, Александра II и Александра III, главный праздникъ лавры совпадалъ съ царскими днями, въ который лавру обязательно посѣщали если не самъ государь, то непременно кто-нибудь изъ царствующей фамиліи.

Въ настоящее время въ лаврѣ, кромѣ главнаго собора, имѣется 10 церквей. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе Благовѣщенская, налѣво отъ входа, — одна изъ самыхъ старинныхъ, — замѣчательная тѣмъ, что она въ первое время своего существованія служила усыпальницею царственныхъ особъ. Здѣсь погребены: сестра Петра I, царица Наталья Алексѣевна, царица Наталья Петровна, царица Прасковья Федоровна и многіе другіе. Тутъ же находится и могила Суворова, съ краткою, но краснорѣчивою на ней надписью: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

Къ числу достопримѣчательностей лавры, кромѣ ея свиты и рѣдкихъ иконъ-картинъ, среди которыхъ есть картины Рубенса („Воскресеніе Христова“ и „Святіе со креста“) и Ванъ-Дика („Благословляющій Спаситель“), принадлежатъ: великокняжеская корона св. Александра Невскаго, трость и маршальскій жезлъ Петра I, трость янтарная Екатерины II, деревянная модель лаврскаго собора, кровать Петра I, на которой онъ отдыхалъ въ дни говніи въ лаврѣ на Страстной недѣлѣ, крестъ, найденный на Куликовомъ полѣ, серебряныя наконечники къ палкѣ, относимый ко временамъ Митридата, медаль въ память воссоединенія униатовъ въ 1839 г. и нѣсколько старинныхъ монетъ. Замѣчательны также и лаврскія кладбища, гдѣ находится много дорогихъ для каждаго русскаго могилъ великихъ русскаго народа. Кладбищъ три; на первомъ изъ нихъ, Лаваревскомъ, налѣво отъ входа, — могилы Ломоносова и Фонвизина, на второмъ — Тихвинскомъ, направо, — могилы Крылова, Гвѣдича, Жуковскаго, Баратынскаго, Сперанскаго, Достоевскаго, Глинки, Даргомыжскаго, Строва, Борсдина, Мусоргскаго, Чайковскаго, и на третьемъ, Никольскомъ, — могилы Колювача, Рубинштейна, Микѣшина и мн. друг. Здѣсь же находится и кладбище студентовъ с.-петербургской духовной академіи.

Отъ всѣхъ этихъ кладбищъ лавра извѣстна громадныи доходъ, который увеличивается еще сдачей въ аренду такъ-называетъ

мыхъ „лабазовъ“, громадныхъ амбаровъ, находящихся вдоль Невы на лаврской землѣ, такъ что въ настоящее время лавра принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей.

На лаврской же землѣ по Обводному каналу расположены три духовно-учебныхъ заведенія: академія, семинарія и училище, съ просторными и тѣнистыми при нихъ садами.

Въ заключеніе, не лишне будетъ упомянуть о лаврскомъ богослуженіи, которое въ настоящее время, благодаря чудному лаврскому хору (болѣе 80 человекъ), отличается необыкновеннымъ благолѣніемъ и торжественностью. Соборъ всегда бываетъ полонъ молящихся, а особенно въ день лаврскаго праздника, 30-го августа, когда здѣсь поетъ хоръ придворной капеллы. Въ нынѣшнемъ же году, въ виду наступающаго столѣтняго юбилея, народу было такъ много, что для простыхъ смертныхъ лаврскій соборъ былъ почти недоступенъ.

Л. Б. Бертенсонъ. (Портр. на этой стр.)

Л. Б. Бертенсонъ. По поводу двадцатипятилѣтняго
врачебной дѣятельности.
Съ фот. Мрозовскія автотипія „Нивы“.

16-го декабря исполнится двадцатипятилѣтне врачеваніе дѣятельности почетнаго лейбъ-медика Двора Его Императорскаго Величества Льва Бертенсона. Въ ряду практикующихъ въ Петербургѣ врачей Л. Б. Бертенсонъ считается однимъ изъ наиболее извѣстныхъ. Вся врачеваніе дѣятельность Л. Б. Бертенсона цѣлкомъ протекла въ нашей столицѣ, и широкая популярность, слава знатока внутреннихъ болѣзней давно уже упрочилась за нимъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества, начиная съ высшихъ, придворныхъ круговъ, и вплоть до самыхъ низшихъ; всюду, и въ палатахъ богачей, и въ конурахъ столичной бѣдности Л. Б. одинаково отдаетъ себя служенію страждущимъ, являясь истиннымъ врачомъ въ полномъ значеніи этого слова, широко, безкорыстно отдавая свои выдающіяся знанія, свой многолѣтній опытъ, все свое время и трудъ людямъ, обращающимся къ нему за врачеваніемъ и совѣтомъ.

Въ Петербургѣ Л. Б. Бертенсонъ живетъ съ 1867 г.; родился же онъ въ Одессѣ 29-го іюля 1850 г.; тамъ же онъ получилъ среднее образованіе сначала въ одесской 2-й, а затѣмъ въ Ришельевской гимназіи, въ которой однако не окончилъ курса, а держалъ въ 1867 г. прямо экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ петербургской ларинской гимназіи и, затѣмъ, выдержавъ его, въ томъ же году поступилъ въ медицинско-хирургическую академію. Окончивъ успѣшно курсъ академіи въ 1872 г., Л. Б. Бертенсонъ прикомандированъ былъ для усовершенствованія къ клиническому военному госпиталю, гдѣ работалъ въ клиникахъ профессоровъ Эмбля и Эйхвальда въ качествѣ ординатора и ассистента.

Профессоръ Эйхвальдъ, привлекавшій къ себѣ въ ассистенты выдающихся молодыхъ врачей, обратилъ вниманіе на Л. Б. Бертенсона и сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Быть ассистентомъ у Эйхвальда считалось огромною честью для врача и вѣрнѣйшей ступенью къ извѣстности. Ни къ одному терапевту, кромѣ Боткина, не обращалось за помощью столько больныхъ, какъ къ Эйхвальду. Дни въ клиникѣ, а вечера вплоть до глубокой ночи проходили у покойнаго Эйхвальда въ приѣмѣ больныхъ. И эту жизнь тяжелаго, непосыльнаго одному человеку труда раздѣляли съ покойнымъ нашимъ клиницистомъ его достойные ассистенты. Это была тяжелая, но великая школа для молодыхъ врачей, подъ неослабнымъ наблюденіемъ и руководствомъ самого Эйхвальда, провѣрявшаго каждый діагнозъ, каждое мнѣніе своего ассистента тутъ же на больномъ. Это было тяжелое, но полезное испытаніе, и мы видимъ дѣятельно, что выдержавшіе его молодые врачи постепенно завоевали себѣ славу прекрасныхъ діагностовъ-терапевтовъ, явились достойными учениками и продолжателями дѣятельности своего учителя.

Л. Б. Бертенсонъ пробылъ въ этой „школѣ“ 6 лѣтъ и по праву считается однимъ изъ достойнѣйшихъ учениковъ Эйхвальда. Нельзя также не указать, что покойный Эйхвальдъ всѣми силами старался пролагать дорогу своимъ ассистентамъ, оказывалъ имъ содѣйствіе, пользовалъ своимъ значеніемъ въ вліятельныхъ кругахъ, главнымъ образомъ передъ великой княгиней Еленой Павловной, очень высоко ставившей покойнаго клинициста. Благодаря лестной рекомендаціи со стороны проф. Эйхвальда, великая княгиня особенно милостиво относилась и къ Л. Б. Бертенсону, пригласила его сопровождать ее въ предпріимыи ея за-

граничною путешествіи и предложила ему работать при ея дворѣ.

Семнадцать лѣтъ, съ 1875 года, Л. Б. прослужилъ въ с.-петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ сначала въ качествѣ младшаго, затѣмъ старшаго ординатора и, наконецъ, консультанта по внутреннимъ болѣзнямъ.

На ряду съ этой практической служебной дѣятельностью шла и преподавательская. Л. Б. Бертенсонъ въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ преподавалъ діагностику и внутреннія болѣзни въ состоящемъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы училищѣ лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ.

Въ 1887 г. бывший министръ государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь М. Н. Островскій предложилъ Л. Б. Бертенсону сопровождать его на Кавказъ для участія въ трудахъ по переустройству минеральныхъ водъ. Л. Б. Бертенсонъ, пользовавшійся уже тогда извѣстностью, въ качествѣ практическаго врача, былъ въ значительной мѣрѣ подготовленъ для этой новой роли, такъ какъ не мало поработалъ надъ изученіемъ минеральныхъ водъ, плодомъ котораго было его извѣстное сочиненіе, составленное въ сотрудничествѣ съ покойнымъ докторомъ Н. А. Воронихинымъ: „Минеральныя воды, грязи и морской купанья въ Россіи и за границей“, выдержавшее уже три изданія. Л. Б. Бертенсонъ былъ назначенъ председателемъ специальной комиссіи, выработавшей проектъ переустройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ, который до сихъ поръ служитъ основой для ихъ уурядоченія. Со времени командировки на Кавказъ, Л. Б. Бертенсонъ принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ министерства по устройству русскихъ минеральныхъ водъ и напечаталъ нѣсколько статей по этому вопросу въ „Трудахъ общества охраненія народнаго здравія“.

На ряду съ Кавказскимъ, Л. Б. посѣтилъ и изслѣдовалъ и другія минеральныя воды: Бусскія, Друскеннскія, Липецкія и Сергіевскія и также не мало содѣйствовалъ ихъ уурядоченію.

Всестороннее, глубокое знакомство Л. Б. Бертенсона съ современнымъ состояніемъ отечественныхъ водъ и курортовъ доставило ему навѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Такъ, на послѣднемъ международномъ бальнеологическомъ конгрессѣ въ Клермонъ-Ферранѣ, на которомъ Л. Б. Бертенсонъ представленъ былъ очень обстоятельный докладъ, онъ былъ избранъ почетнымъ председателемъ. Такой же почетный постъ (по бальнеологической секціи) занималъ Л. Б. Бертенсонъ на съѣздѣ естествениспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ въ 1890 г.

Въ 1890 г. учено-литературная дѣятельность Л. Б. Бертенсона получила новое направленіе, сосредоточившись въ горномъ вѣдомствѣ. За семь лѣтъ этой дѣятельности, Л. Б. Бертенсонъ, состоя членомъ горнаго ученаго комитета, и принимая горячее участіе въ занятіяхъ особаго присутствія по горно-заводскимъ дѣламъ при горномъ департаментѣ, сдѣлалъ очень много для уурядоченія врачебно-санитарной части на горныхъ заводахъ и промыслахъ и, особенно, много содѣйствовалъ улучшенію быта горнозаводскихъ рабочихъ. Объявивъ лично, по порученію министерства, заводы Урала, Южной Россіи, замосковныхъ губерній, Царства Польскаго и Олонецкаго горнаго округа, Л. Б. Бертенсонъ убѣдился на мѣстѣ во всѣхъ несовершенствахъ санитарно-врачебнаго дѣла на этихъ заводахъ, и въ цѣломъ рядѣ трудовъ-отчетовъ вывелъ ихъ на свѣтъ Божій, указавъ пути къ уурядоченію этого дѣла и благодаря своему вліянію и стараніямъ въ значительной мѣрѣ достигъ уже этой благой цѣли. Продолженіемъ трудовъ Л. Б. въ этомъ направленіи явился его послѣдній трудъ: „О нефтяномъ производствѣ въ санитарно-врачебномъ отношеніи“—отчетъ его ученой командировки на Бакинскія заводы и промыслы, представленный имъ на послѣднемъ международномъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ представителемъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и однимъ изъ почетныхъ председателей секціи гигиены. О достоинствахъ этого труда было уже сказано нами нѣсколько словъ въ отдѣлѣ „Библиографіи“ („Лит. Прил.“ № 11).

Являясь, въ силу своего положенія, какъ бы завѣдующимъ врачебно-санитарной части горнаго вѣдомства, Л. Б. Бертенсонъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько очень полезныхъ нововведеній. Такъ, по его инициативѣ введено преподаваніе „Поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ“ въ горныхъ училищахъ, а также и въ горномъ институтѣ, гдѣ онъ былъ даже первымъ преподавателемъ этого предмета. Кроме того, по его же мысли вводится въ горномъ институтѣ преподаваніе профессиональной гигиены и устраиваются музеи профессиональной гигиены и предметовъ поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ.

Изъ другихъ крупныхъ общественныхъ заслугъ Л. Б. Бертенсона нельзя не отмѣтить его дѣятельности (въ качествѣ члена общества охраненія народнаго здравія) въ особой комиссіи по работѣ мѣропріятій, касающихся предупрежденія бугорчатки среди населенія и въ учрежденіи при министерствѣ финансовъ совѣщанія по работѣ законопроекта о нормировкѣ рабочаго времени.

Выше мы упоминали о дѣятельности и популярности Л. Б.

Бертенсона въ качествѣ вольнопрактикующаго врача, указали лишь на нѣсколько его ученыхъ трудовъ по медицинѣ и гигиенѣ, число которыхъ въ общемъ достигаетъ 26-ти. Но этимъ дѣятельность его не исчерпывается: онъ состоитъ директоромъ с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, членомъ русскаго литературнаго общества, минералогическаго общества и мн. др. Какъ человекъ, Л. Б. Бертенсонъ пользуется совершенно исключительной популярностью.

В. В. Вурмъ. (Портр. на стр. 1196.)

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ артистической дѣятельности извѣстнаго виртуоза на корнетѣ-а-пистонѣ, солиста двора Его Величества, г. Вурма. Василій Васильевичъ Вурмъ родился 25-го августа 1826 г. въ Брауншвейгѣ, гдѣ отецъ его состоялъ капельмейстеромъ черныхъ егерей великаго герцога Брауншвейгскаго. Первоначальное музыкальное образованіе получилъ онъ у отца своего, а затѣмъ въ брауншвейгскомъ музыкальномъ училищѣ. Въ 1847 году онъ прибылъ въ Россію, гдѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ концертировалъ въ разныхъ центрахъ, пользуясь всегда большимъ успѣхомъ. Особенно памятны его артистическія поѣздки въ сообществѣ съ покойнымъ Давыдовымъ и г. Ауэромъ; эти концерты были цѣлымъ рядомъ триумфовъ для всѣхъ названныхъ артистовъ. Съ 1890 г. нашъ юбиляръ уже больше не появляется на эстрадѣ. Но не въ одной концертной и вообще артистической дѣятельности заключаются заслуги г. Вурма.

Съ 1867 г. онъ состоитъ профессоромъ консерваторіи и подъ его руководствомъ вышелъ рядъ артистовъ, составившихъ себѣ прочное имя въ нашемъ музыкальномъ мѣрѣ; назовемъ среди его учениковъ гг. Армсгеймера, Гордона, Садовскаго и Югансена, состоящихъ членами оркестровъ Императорскихъ театровъ. Въ числѣ его учениковъ было много лицъ, принадлежащихъ къ нашему высшему обществу. Онъ же удостоился счастья преподавать игру на корнетѣ-а-пистонѣ въ Бозѣ почившему императору Александру III. Г. Вурмъ много писалъ для своего инструмента, обогативъ такимъ образомъ литературу его; къ произведеніямъ его относятся: школа для корнета, этюды, переложенія, дуэты, марши для духовыхъ инструментовъ и пр. Въ теченіе двадцати лѣтъ (1869—1889) онъ состоялъ главнымъ капельмейстеромъ всѣхъ военныхъ оркестровъ гвардіи, и тутъ весьма цѣнны заслуги его по реорганизации военной музыки въ Россіи. Къ сказанному остается прибавить, что г. Вурмъ состоитъ директоромъ с.-петербургскаго филармоническаго общества уже тридцать три года и председателемъ вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ съ 1885 г. при с.-петербургской консерваторіи).
В. Басинъ.

Бурное засѣданіе австрійскаго рейхсрата.

(Рис. на стр. 1196.)

Читатели уже знаютъ изъ нашихъ „Политическихъ Обзорѣній“ о крупныхъ безпорядкахъ, которыми сопровождалось подъ рядѣ нѣсколькихъ засѣданій австрійскаго рейхсрата. Помѣщая въ этомъ номерѣ *Нивы* изображеніе одной изъ бурныхъ сценъ въ палатѣ, позволимъ себѣ вкратцѣ привести подробности всей этой скандальной исторіи.

13-го ноября во время обсужденія предложенія одного изъ депутатовъ объ удаленіи изъ засѣданій рейхсрата лицъ, нарушающихъ порядокъ, оппозиціонныя партіи подняли страшный шумъ, еще болѣе усилившійся, когда оказалось, что упомянутое предложеніе принято. Засѣданіе пришлось прервать до слѣдующаго дня. Въ тотъ же вечеръ всѣ главари различныхъ нѣмецкихъ партій пришли къ соглашенію — всѣми силами воспротивиться такому, по ихъ мнѣнію, противозаконному постановленію. Предвидя новыя безпорядки, на утро слѣдующаго дня у всѣхъ входовъ въ рейхсратъ и на дворѣ его расставлены были полицейскіе. Въ 11¼ час. въ переполненной депутатами залѣ появился на своихъ мѣстахъ президентъ палаты Абрагамовичъ и министры. Вдругъ вся лѣвая сторона вскакиваетъ, какъ одинъ человекъ, съ мѣсто и кричитъ, разражаясь ругательствами. Президентъ звонитъ, но въ отвѣтъ на это двое социалистовъ-депутатовъ перескакиваютъ черезъ барьеръ къ президентскому мѣсту и огниваютъ у Абрагамовича звонокъ и портфель. За ними слѣдуютъ другіе депутаты, тоже по преимуществу социалисты. Начинается рукопашная свалка со сторожами. Президенту приходится сойти съ трибуны, присгнутомъ взятой буйными депутатами. Но вотъ отворяется дверь, и появляется полицейскій комиссаръ во главѣ шестидесяти полицейскихъ нижнихъ чиновъ. „Это — нарушеніе конституціи!“ — галдятъ представители лѣвой, но комиссаръ невозмутимо дѣлаетъ свое дѣло: онъ окружаетъ трибуну цѣною полицейскихъ, а сторожа сталкиваютъ съ нея внизъ, въ залу, взобравшихся на нее депутатовъ. По командѣ комиссара, полицейскіе группируются главнымъ образомъ передъ скамьями лѣвой, и Абрагамовичъ снова занимаетъ председательское мѣсто. Крики опять возобновляются, и председатель, пользуясь установленнымъ на каунѣ закономъ, удаляетъ тронхъ депутатовъ: Вольфа, Шенерера и Дажинскаго; удалить ихъ приходится силою, съ по-

мощью полиции, причём д'вал, конечно, неустово протестует. Публику съ галлерей также приглашают удалиться. Мѣсто Абрагамовича занимает вице-президент Крамарж, но скоро и онъ вынужденъ прекратить засѣданіе. На слѣдующій день, 14-го, повторяется то же самое: у всѣхъ входовъ стоятъ полицейскіе, а передъ подъѣздомъ, ведущимъ на галерею,—нетерпѣливая толпа жаждущихъ попасть на засѣданіе. Въ четверть одиннадцатаго въ залѣ засѣданія показываются Абрагамовичъ и министр-президентъ Бадеи, и бурная демонстрація повторяется еще съ большею, чѣмъ наканунѣ, силой. Засѣданіе приходится приостановить. И вдругъ въ залѣ появляется депутатъ Вольфъ, исключенный и слѣдовательно не имѣвшій права входа. Д'вал встрѣчаетъ его прѣвѣтственными криками, но немедленно появившійся комиссаръ съ восьмью полицейскими схватываетъ нарушителя порядка и насильно удаленъ его изъ зала. Немного спустя, засѣданіе пришлось закрыть.

Международная выставка художественныхъ афишъ.

(Съ 4-ми рисунками на стр. 1197.)

Въ половинѣ ноября, въ залахъ Общества поощренія художниковъ открылась въ Петербургѣ оригинальная выставка — выставка художественныхъ афишъ, по преимуществу иностранныхъ.

Афиша, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ способовъ рекламы, давно уже получила въ Западной Европѣ и Америкѣ самое широкое распространеніе. Афиша тамъ приравнена къ газетному объявленію, и часто весьма удачно съ ними конкурируетъ, вѣроятно оправдывая надежды лицъ, тратящихъ на ея изданіе иногда огромныя суммы денегъ.

Не надо забывать, что уличная жизнь во Франціи, Италіи, Испаніи, даже въ Англіи и Германіи развита гораздо болѣе, чѣмъ у насъ. Путешественникъ, впервые покінувшій Россію, поражается, подъѣзжая къ Берлину, чудовищными вывѣсками, распластавшимися по стѣнамъ домовъ, громадящимися на вершинахъ крышъ и башенъ, иногда представляющими собою цѣлыя сооруженія. Въ Лондонѣ огненные вывѣски кажутся фантастическими буквами, начертанными въ воздухѣ: онѣ то загораются, то пропадають, мѣняя цвѣта, переливаясь всѣми отгѣнками радуги. Въ Америкѣ объявленія помѣщаются на неприступныхъ скалахъ, — и ихъ читають издали, несясь на поѣздѣ, со скоростью 100 километровъ въ часъ.

Но, афиша — это, такъ сказать, подвижная вывѣска. Отпечатанная въ сотняхъ экземпляровъ, она появляется одновременно на разныхъ концахъ города, извѣщая о какой-нибудь преходящей новинкѣ: о боѣ бы-

ковъ, новой пьесѣ, вновь изобрѣтенной молочной мука и пр. Задача издателя афиши — сдѣлать ее замѣтной и оригинальной, заставить остановиться прохожаго и прочесть ее. Для этого нужно искусно скомбинировать цвѣта, сдѣлать интересный рисунокъ, который во что бы то ни стало приковалъ бы вниманіе прохожаго. И вотъ, обращаются къ извѣстнымъ художникамъ, и они вырабатываютъ совершенно новую отрасль искусства: уличную стѣнопись, которая является декоративнымъ произведеніемъ, иногда новымъ своеобразнымъ прелестію. Создаютъ извѣстные законы письма афишъ: берется въ расчетъ перспективное впечатлѣніе, точка зрѣнія снизу или сбоку, пестрота или однотонность окружающихъ стѣнъ, вырабатывается размѣръ афишъ, иногда громадный, — и хорошо составленная такая вывѣска вѣрнѣе оплачивается почтеннымъ гонораромъ. Художники не брезгаютъ такой работой: они принципиально вѣрятъ въ то, что искусство должно служить массѣ, и что тѣ произведенія искусства, которыя постоянно находятся на глазахъ толпы, и должны отличаться самой высокой художественностью, потому что на нихъ развивается и воспитывается эстетическій вкусъ народа.

Въ дѣлѣ афишъ — Франція опередила всѣ другіе народы. Если бы у нея былъ одинъ только Муха (Moucha), то и тогда, благодаря его оригинальному таланту, всѣ остальные страны отстали бы отъ нея. А во Франціи есть цѣлый цикль отличныхъ художниковъ, разнообразныхъ, чуткихъ къ колориту, богатыхъ фантазій. Гюго д'Алеси (Hugo d'Alési) специально дѣлаетъ объявленія для путешественниковъ. Жюль Шере (Jules Chéret) пишетъ рекламныя афиши для увеселительныхъ заведеній и для всевозможныхъ водокъ, пуши и пр. Муха (Moucha) работаетъ специально для театровъ; его объявленіе о представленіи пьесы „Дорензаччо“, съ изображеніемъ артистки Сары Бернаръ въ главной роли, — въ своемъ родѣ chef d'oeuvre (рис. 2). И надо правду сказать, на нашей выставкѣ Муха представленъ блистательно. Даже какіе художники, какъ Пювисъ де-Шаванъ (Puvis de Chavannes) — и тѣ не пренебрегаютъ афишей.

Въ Бельгіи чувствуется подражаніе французамъ, хотя и тамъ есть такой талантъ, какъ Креспинъ (Crespin) (рис. 4). Германія гораздо самостоятельнѣе. Но въ Германіи, въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ афишныхъ рисунковъ. Они, въ большинствѣ случаевъ, такъ же выдѣланы и закончены, какъ любой рисунокъ изъ иллюстраціи: нѣтъ той свободы, того размаха, что во Франціи. Но нѣкоторыя работы очень смѣлы, оригинальны и безукоризненно напечатаны.

Исланды — очень красочны и пестры, но это идетъ къ ихъ солнечной странѣ и

В. В. Вурмъ. По поводу 50-лѣтія артистической дѣятельности. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Бурное засѣданіе австрійскаго рейхсрата. По рис. I. Z. автотипія „Нивы“.

Рис. 1. Афиша Грабаря (Россия).

Рис. 3. Афиша Маталони (Италия).

Рис. 2. Афиша Муха (Франция).

пестрому населенію. Итальянцы въ своихъ афишахъ пластичны, —бьютъ на эффектъ граціозныхъ позъ и полу-прикрытаго тѣла (рис. 3). Американцы часто преднамѣренно вдаются въ карикатуру, и иногда чрезвычайно удачно.

У насъ, въ Россіи, афишное дѣло находится въ совершенно зачаточномъ состояніи. Тѣ афиши, что собраны и развѣшаны по стѣнамъ настоящей выставки, представляютъ небольшіе сравнительно листы, съ тщательно парисованными, совсѣмъ не декоративными фигурами. Только одна работа художника Соломка (объявленіе о выставѣ афишъ),—достигая четы-

рехъ аршинъ, подходит по типу къ иностраннымъ объявленіямъ, и заслуживаетъ вниманія, какъ первая попытка въ своемъ родѣ—напечатать въ литографіи, въ нѣсколько красокъ, на одномъ листѣ болѣе чѣмъ саженную афишу. Но въ художественномъ отношеніи рисунки Галкина, Андреева, Порфирьева, Богданова и другихъ—исполнены прекрасно. Обращаетъ на себя вниманіе и объявленіе о *Нивѣ*, съ рисункомъ художника И. Грабаря (рис. 1).

Рис. 4. Афиша Креспена (Бельгія).

Международная выставка художественныхъ афишъ. Съ литографіи Р. Голике (назъ каталога выставки) автот. «Нивы».

Весьма было бы желательно, чтобы выставка подвинула у нас развитие афиш и внушила нашим художникам, что не брезгать надо трудом расписывания афиш, а по мѣрѣ силъ стараться о ихъ распространеніи, какъ объ одномъ изъ самыхъ сильныхъ способовъ проведенія художественныхъ

образовъ въ массу. Но, понятно, одни художники тутъ безсилны: надо, чтобы ихъ трудъ оплачивался, другими словами, чтобы заводчики, фабриканты и вообще крупные предприниматели обращались къ нимъ съ заказами на составленіе афишъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Австріи, какъ показали послѣднія событія, нормальное теченіе государственной жизни возможно въ томъ лишь случаѣ, если враждующія національности будутъ относиться съ большимъ интересомъ къ своимъ взаимнымъ правамъ. По отзывамъ, однако, *Narodny Listy*—органа младочеховъ, каковы бы ни были послѣдствія, большинство рейхсрата рѣшило дѣйствовать единодушно: чехи будутъ продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока не побѣдятъ окончательно. По мнѣнію *Politik*, славяне слишкомъ близко подошли къ завѣтной цѣли, чтобы отказаться отъ результатовъ, достигнутыхъ путемъ чрезвычайныхъ усилій. Съ своей стороны, нѣмцы заявили, что ни на какия уступки не пойдутъ, и—пока торжествуютъ побѣду рядомъ манифестацій. Вслѣдъ за этимъ произошли контр-манифестаціи славянъ, такъ что борьба перекочевала изъ парламента на улицу, куда устремился взрывъ народныхъ страстей. Благодаря вызывающему поведенію нѣмцевъ, чрезвычайное возбужденіе чеховъ сопровождалось въ Прагѣ разгромомъ нѣмецкихъ магазиновъ и столкновеніемъ народной массы съ полицейскими, завершившимся перестрѣлкой, давшей въ результатъ нѣсколько жертвъ убитыми и ранеными; такіе же безпорядки произошли и въ другихъ городахъ Богеміи. Постановленіемъ совѣта министровъ 20-го ноября въ Прагѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ объявлено осадное положеніе и приняты мѣры къ восстановленію порядка и безопасности. Въ Прагѣ безпорядки прекратились, послѣ того какъ вызваны были войска и по городу стали расхаживать военные патрули.

Въ виду этихъ осложненій, венгерское правительство, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ высшими кружками Вѣны, позаботилось о дѣлахъ Венгрии: 24-го ноября глава венгерскаго министерства Банфи предложилъ парламенту временное урегулированіе таможеннаго и банковаго дѣла съ Австріей, сохранивъ экономическія отношенія неизмѣнными до 31-го декабря 1898 г.; если затѣмъ до 1-го мая будущаго года не воспослѣдуетъ соглашенія съ Австріей, правительству предлагается предложить парламенту окончательное рѣшеніе этого вопроса.

По свѣдѣніямъ отъ 27-го ноября, послѣ неудачныхъ переговоровъ австрійскаго правительства съ вождями парламентскихъ группъ, императоръ велѣлъ барону Гаучу объявить, что въ виду невозможности добиться какого-либо компромисса между нѣмцами и чехами для утвержденія временнаго австро-венгерскаго соглашенія, императоръ, въ силу 14 статьи конституціи, указомъ продлилъ существующія между Австріей и Венгріей отношенія до 31-го декабря 1898 года, опредѣливъ при этомъ доли участія обѣихъ половинъ монархіи въ имперскихъ расходахъ; этимъ же порядкомъ будетъ утвержденъ бюджетъ на будущій годъ и опредѣлится численность предстоящаго военнаго набора.

Такимъ образомъ острый кризисъ въ государственной жизни Австріи, повидному, временно улаженъ. Но возрастающее ожесточеніе національностей въ ихъ взаимной борьбѣ за равноправность въ имперіи Габсбурговъ все болѣе и болѣе свидѣтельствуеетъ о необходимости реформы государственнаго строя Австріи.

Въ Испаніи послѣ смерти Кановаса (см. *Нива* № 33), консервативный кабинетъ уступилъ мѣсто либераламъ съ Сагастою во главѣ. Смѣна министерства вызвана была войною на Кубѣ, давно занявшею первенствующее мѣсто въ политической жизни Испаніи; кризисъ наступилъ послѣ того, какъ Соединенные Штаты адресовали испанскому правительству нѣчто въ родѣ „ультиматума“ или „дружескаго содѣйствія“ для улаженія этого жгучаго вопроса. Проводя новую политику относительно Кубы, либеральный кабинетъ занялся прежде всего улаженіемъ конфликта съ Соединенными Штатами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ испанское правительство отвѣтило Штатамъ заявленіемъ, что „намѣрено замѣнить непопулярнаго Вейлера другимъ генераломъ и даровать Кубѣ автономію, поставивъ Штатамъ на видъ нарушеніе международнаго права экспедиціями флибустеровъ, отправляющихся на Кубу.“

Новый главнокомандующій на Кубѣ генералъ Бланко, встрѣченный въ Гавани восторженными кликами автономистовъ острова, оповѣстилъ жителей, что прибились даровать автономію и подтвердить верховныя права Испаніи, а потому долгъ его—слѣдовать политикѣ великодушнаго забвенія и дарованіемъ свободы возстановитъ спокойствіе и миръ, удовлетворивъ законные интересы, оказывая должную справедливость, чтобы возстановить благосостояніе прекрасной страны, процвѣтанію которой Испанія много содѣйствовала.

Тѣмъ временемъ затруднительное положеніе Испаніи усугубилось восстаніемъ на Филиппинскихъ островахъ, гдѣ давно обнаружился интриги Японіи. Изъ-за удаленія Вейлера и дарованія автономіи возникли неудовольствія въ высшихъ сферахъ и особенно въ консервативной партіи. Къ счастью для мадридскаго кабинета, дѣла съ усмиреніемъ возставшихъ колоній стали улучшаться, а въ отношеніяхъ къ Соединеннымъ Штатамъ наступилъ отраднѣйшій поворотъ. Въ посланіи президента Макъ-Кинлея къ конгрессу, отъ 24-го ноября, главнымъ образомъ обращено вниманіе на отношенія Штатовъ къ испанской политикѣ на Кубѣ: Испаніи поставлено на видъ, что содѣйство съ Антильскими островами и интересы американоцевъ представляютъ собою условія, при которыхъ отъ Штатовъ можно требовать лишь выжидательной политики въ теченіе нѣкотораго времени, достаточнаго для успокоенія Кубы; не предлагая никакихъ рѣшеній, оскорбительныхъ для чести и достоинства Испаніи, Штаты ожидаютъ отъ Испаніи скорѣйшаго возстановленія мира на Кубѣ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1898 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложениями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со- держащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ до- Безъ достав- Съ достав- Съ пересылкою За ставки въ 5 р. 50 к. чр. контору Н. Н. Печниковой, 6 р. 25 к. кою въ Пе- 6 р. 50 к. въ Москву и др. 7 р. гра- 10 р. Петербургъ. Петровскія торговая линія, тербургъ . города Россіи . ницу.

СОДЕРЖАНІЕ: Новая впечатлѣнія. Разсказъ Т. Л. Щепиной Куперникъ. (Окончаніе).—Добрѣшая. Разсказъ Эриста Ленбаха.—Летающіе раки. (Съ 4 рисунками).—Къ рисункамъ: Этюдъ.—Послѣ обѣдин.—Переселенцы.—Генрихъ Гейне. По поводу столѣтія со дня рожденія.—Фальшивая нота.—Съ рѣчки.—Къ 100-лѣтнему юбилею Александровской лавры (съ рис.).—Л. Б. Бертенсонъ (съ портр.).—В. В. Вурмъ (съ портр.).—Бурное засѣданіе австрійскаго рейхсрата (съ рис.).—Международная выставка художественныхъ афишъ (съ 4 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Объявленія.

(Начало см. въ предыдущихъ №№ 47 и 48-мъ).

гутъ, конечно, употребиться какъ обыкновенная помада, но, по своей дороговизнѣ, идутъ въ первоначальномъ своемъ видѣ только на отдушивание сала при фабрикаціи помады на продажу. Отдушивание жировъ, во всѣхъ его разновидностяхъ, имѣетъ существенный и неустранимый недостатокъ, именно: невозможность получить эссенціи въ свободномъ состояніи, готовыми для всякаго употребленія. Мы увидимъ дальше чрезъ какія подготовительныя манипуляціи «спомады» проходятъ при фабрикаціи духовъ.

Сдѣланное нами обзоріе, практикуемыхъ въ настоящее время, способовъ, ознакомивъ насъ съ ихъ преимуществами и недостатками, позволяетъ намъ въ полной мѣрѣ оцѣнить выдающіяся достоинства метода растворенія, которымъ мы начали. Только онъ даетъ надежду на воссозданіе гармоническаго единства природнаго запаха путемъ извлеченія всѣхъ ароматическихъ элементовъ въ полной неприкосновенности и въ той самой пропорціи, какъ они сочетаются природой, и едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что дальнѣйшій прогрессъ парфюмеріи на пути подражанія природѣ сводится къ изученію и, будемъ надѣяться, открытію энергичнѣйшихъ растворяющихъ средствъ, которые, по цѣнѣ и химическимъ свойствамъ, могли бы быть предметомъ обширнаго практическаго приложенія.

Культура прихотливыхъ любимцевъ природы для специальныхъ

выхъ наблюденій на мѣстѣ. А между тѣмъ отъ этихъ мелочей часто зависитъ исходъ дѣла и репутація марки. Вотъ почему парфюмерамъ-фабрикантамъ приходится выписывать эссенціи со всѣхъ концовъ міра—гераниую съ о-ва Соединенія и, высшаго качества, изъ Алжира, розовое масло изъ Румеліи, илангъ-плангъ изъ Маниллы и пр.; замѣна одной марки другою въ благоустроенномъ домѣ неудобна, такъ какъ неминуемо отразилась бы на достоинствѣ всѣхъ произведеній, въ составъ которыхъ входитъ данная эссенція.

Изъ всего сказаннаго, полагаемъ, достаточно выяснился характеръ парфюмеріи въ ея добывающей отрасли. Затрата значительныхъ капиталовъ, долгие и убыточные годы опытовъ и ожиданій, невозможность точно взвѣсить шансы успѣха—вотъ непобѣдимыя условія пересадки ея на новую почву, и уже, конечно, не скромному труженнику, каковымъ началъ свою карьеру покойный Ралле, было мечтать о чемъ-либо подобномъ. Тѣмъ не менѣе его дѣятельность на поприщѣ парфюмернаго производствъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ есть первый и рѣшительный шагъ къ созданію чисто русской парфюмеріи вообще. Прімеръ нашихъ южныхъ виноградниковъ и чайныхъ плантацій позволяетъ надѣяться, что при поддержкѣ правительства и участіи крупныхъ капиталовъ, знакомыхъ съ постановкою парфюмернаго дѣла во Франціи, гдѣ оно получило наибольшее свое развитіе, русскому югу удастся современемъ отвоевать у райскихъ уголковъ

О т д ѣ л о ч н а я д у х о в ѣ .

цѣлей парфюмеріи сопряжена и на благословенномъ югѣ съ серьезными трудностями. Успѣхъ дѣла обставленъ цѣлымъ рядомъ трудно совмѣстныхъ условій, которыя сочетаются въ той или другой мѣстности лишь благодаря счастливой случайности и часто не могутъ быть воспроизведены полностью болѣе ни гдѣ. Характеръ и сила аромата растений зависятъ частью отъ климатическихъ особенностей, порою ускользающихъ отъ всякаго изученія, но, главнымъ образомъ, отъ свойствъ почвы, и здѣсь новымъ плантаторамъ приходится бороться съ тѣми же, иногда непреодолимыми, препятствіями, какъ и винодѣламъ. Одна плантація приобретаетъ мировую павѣстность за «марку» своихъ эссенцій, другая, насажденная и воздѣлываемая при тождественныхъ, повидному, условіяхъ, обманываетъ ожиданія своего владѣльца и нерѣдко разоряетъ его. Предпріятые съ большимъ затратами опыты культуры въ Калифорніи и Луизианѣ окончились полною неудачей и надолго затормозили дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Притомъ же уходъ за плантаціями требуетъ тѣхъ специальныхъ, нерѣдко крайне мелочныхъ, познаній, которыя въ павѣстныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Провансѣ, копились цѣлыми поколѣніями и частью держатся въ строгомъ секретѣ, частью, именно по своей мелочности и кажущейся незначительности, обратились въ привычку, отошли, какъ говорить, въ область безсознательнаго, и могутъ быть усвоены другими только путемъ долгихъ и кропотли-

Прованса часть его фіалковыхъ полей, апельсинныхъ роцъ и садовъ жасмина; честь истиннаго почина здѣсь останется все-таки за насадителемъ въ Россіи обрабатывающей вѣтви парфюмернаго производствъ, обезпечившей заранѣе сбытъ эссенціямъ мѣстной выдѣлки и подготовившей вопросу, такимъ образомъ, твердую практическую почву.

Но, скромная вначалѣ, русская парфюмерная фабрикація неуклонно шла по пути развитія и совершенствованія, и мало-по-малу разрослась и окрепла настолько, что въ настоящее время можетъ служить для изученія современнаго состоянія парфюмернаго производствъ вообще; и всякому непредубѣжденному наблюдателю, при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ производствомъ, становится ясно, что добываніе эссенцій вообще, за немногими исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже, не можетъ быть введено въ кругъ его вѣдѣній безъ нарушенія стройной экономіи цѣлаго, и должно остаться цѣлью иныхъ усилій и предметомъ особыхъ предпріятій. Мы не будемъ распространяться объ оборотахъ фирмы Ралле: нѣтъ, кажется, уголка въ Россіи, куда не проникли бы ея произведенія, и внушительная цифра, миллионъ рублей золотомъ (1,500,000 рублей серебромъ)—такова капиталъ товарищества—говоритъ сама за себя. Мы предпо- читаемъ отослать читателя къ рисункамъ, которые наглядно показываютъ, какую двигательную силу располагаетъ фирма въ своихъ котельномъ и машинномъ отдѣленіяхъ, и какіе размѣры приняла

(Продолженіе будетъ напечатано въ № 51-мъ.)

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ И К°. ВЪ МОСКВѢ.

ИЗЯЩНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

13-е изданіе, въ пяти томахъ (2730 стран.), дополненное составленною В. И. Шенрокомъ биографіею Н. В. Гоголя, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравиров. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двухъ автографовъ и нѣсколькихъ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. СПб. 1896 г.

Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к., а въ 5-ти роскошн. коленкор. переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛЪСКОВА.

Новое, 2-е изданіе въ 12-ти томахъ (6646 стран.), съ критико-биографіею, очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ прилож. пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравиров. на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Цѣна 15 р., съ перес. 17 р., а въ 12 роск. коленик. перепл., тисненыхъ золотомъ и краскою, 20 р., съ перес. 23 р.

22-го декабря сего 1897 г. поступить въ продажу ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1897 г. СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

собранія романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА въ 12-ти томахъ.

Въ номерахъ „Нивы“ 1897 г. помѣщено множество художественно исполненныхъ гравюръ, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ, представляющихъ собою копии съ наиболѣе выдающихся картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ или иллюстрирующихъ болѣе или менѣе крупныя событія текущей жизни. Литературный матеріалъ, занимающій болѣе 1500 столбцовъ текста, состоитъ изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, научныхъ статей, биографій, характеристикъ и проч.

Къ тому „НИВЫ“ за 1897-й г. приложено:

1) Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, избранныхъ изъ числа лучшихъ его произведеній и представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано имъ въ послѣдніа 25 лѣтъ, начиная съ появленія его извѣстнаго романа „Китай-городъ“, — въ 12-ти томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, съ приложеніемъ портрета съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

2) 12 книгъ «Ежемесячныхъ Литературныхъ Приложеній», содержащихъ въ себѣ цѣлый рядъ произведеній выдающихся авторовъ: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярно-научныя статьи по естествознанію, исторіи, искусству, критическіе очерки и проч.

Цѣна тому „НИВЫ“ за 1897 г. со всеми приложеніями безъ пересылки 5 руб. За ящикъ и упаковку взимается 75 коп. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ благоволятъ сверхъ того прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“ — 1 р. 50 к., за 6 перепл. на 12 книгъ соч. Боборыкина — 2 р. 50 к. и за 3 перепл. на 12 выпусковъ „Литературныхъ Приложеній“ — 1 р. Пересылка — транспортомъ, съ уплатою ея стоимости на мѣстѣ, или почтою (прилагать за 27 фунтовъ по разстоянію).

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и зночно профессоръ гигиены С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкнской и Баз. ул., собственный домъ, № 28. Условія и брощ. (въ 32 стр.) ич. смл. за одну 7-ми коп. марку. № 10431 20—13

Понуйте только Продается вездѣ извѣстное своимъ качествомъ усовершенствованное ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО ТОВАРИЩЕСТВА БРОКАРЪ и К^о.

Остерегаться поддѣлокъ.

„ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ“.

Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Въ популярномъ изложеніи П. П. ГНѢДИЧА.

Въ трехъ объемистыхъ томахъ: около 2000 страницъ, болѣе 2000 гравюръ и около 50 хромолитографій (печат. въ 18—25 красокъ) и отдѣльныхъ рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ. Цѣна 16 р., въ 3 прочныхъ и изящныхъ переплетахъ 20 р. Имѣется также особо роскошное изданіе на слоеной бумагѣ, цѣною 50 р., въ переплетѣ — 55 р. За ящикъ 75 к. Пересылка транспортомъ или почтою (за 27 ф., въ перепл. за 30 ф., а на слоеной бумагѣ за 37 ф., въ перепл. за 40 ф. по разстоянію).

„ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ“

Поэма ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Большое роскошно-иллюстрированное изданіе in folio. Съ пятьюдесятью превосходно исполненными картинами Густава Дора. Изданіе второе. Переводъ съ англійскаго А. Шульговскаго, вновь изданный и дополненный многими примѣчаніями, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ и съ биографіею Мильтона. Цѣна 12 р., а въ богатомъ переплетѣ 16 р. За ящикъ и упаковку — 75 к. Пересылка транспортомъ или почтою (за 25 фунтовъ по разстоянію).

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“.

Соч. проф. ОСКАРА НЕГЕРА.

Переводъ подъ редакціею П. Н. Полевого. Роскошное иллюстрированное изданіе, въ 4-хъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ 2615 страницъ большаго 8^о, 946 художественно-исполненныхъ гравюръ въ текстѣ, 81 отдѣльное приложеніе, отпечатанныя золотомъ, серебромъ, черными и цвѣтными красками, и 41 историческую карту. Цѣна 16 р., въ 4-хъ прочныхъ коленк. перепл. съ кожан. корешками — 20 р. За ящикъ и упаковку — 75 к. Перес. транспортомъ или почтою (за 16 ф., а въ перепл. за 20 фунт. по разстоянію).

Большое роскошно-иллюстрированное изданіе in folio.

Сочиненіе ГЕТЕ

„ФАУСТЪ“.

Обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами, гравированными на мѣди, и 132-ми гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙВЕРТА, исполнен. знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Аль-эйеромъ, Зигле и др.

Классически образцовый переводъ А. ФЕТА передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) объясненіями всѣхъ трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Цѣна изданія въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золот. обрѣзомъ и въ футлярѣ, 40 рублѣй. За ящикъ — 75 к. Пересылка — транспортомъ или почтою (за 35 фунтовъ по разстоянію).

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

Г. Э. ЛЕССИНГА.

Съ 11 эстампами и 35 рисунками. Переводъ В. А. Крылова.

Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библиографич. указателемъ. Роскошное изданіе на слоеной бумагѣ, 404 стр., въ 4 д. л. Цѣна 6 руб., съ пересылкой 7 руб., въ изящномъ переплетѣ — 7 р. 50 к., съ перес. 9 р., а съ эстампами, отпечатанными на китайской бумагѣ, — 15 р., съ перес. 17 р., въ переплетѣ — 16 р. 50 к., съ перес. 18 р. 50 к.

Историческіе рассказы и повѣсти

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Съ 24-ми эстампами на мѣди и множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вѣнкетовъ художника К. В. Лебедева. Цѣна этой книги, несмотря на значительный объемъ и роскош. изданіе, названнаго весьма умѣренная: 5 руб., съ пересылкою 6 руб. 80 коп., въ красномъ переплетѣ 6 руб., съ пересылкою 7 р.

„СКАЗКИ“

бр. Я. и В. Гриммовъ.

Переводъ подъ редакціею П. Н. Полевого. Со множествомъ иллюстрацій П. Гротъ-Догана и Р. Лейнебергера. Изначно изданный томъ въ 8-ую долю листа, на превосходной бумагѣ, заключающій въ себѣ болѣе 560 страницъ и 240 художественныхъ рисунковъ и вѣнкетовъ. Цѣна изданія въ изящномъ коленкорномъ переплетѣ 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 75 коп. Имѣется также особо роскошное большое изданіе въ 4-ю д. л., цѣною безъ перес. 12 р., въ перепл. 14 р. Пересылка — транспортомъ или почтою (11 фунтовъ).

„По Сѣверу-Западу Россіи“.

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ XX—XXII+1064 стр. болѣе 8^о, съ 2-ми картами сѣвернаго и западнаго края (печат. въ 6 красокъ) и съ 305-ю рисун. Книга содержитъ въ себѣ разнообразный и обширный матеріалъ историч., географич., этнографическаго и т. п. содержания и иллюстрирована множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей. Цѣна за оба тома 7 р., съ перес. 8 р., а въ 2-хъ изящн. переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Въ 2-хъ томахъ, 1272 стр., въ 4-ю д. л. СПб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ 2-хъ переплетахъ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошн. изданія, на лучшей голландской слоеной бумагѣ, въ 4-хъ томахъ — 5 р., съ перес. 6 р.; въ 4-хъ переплетахъ — 7 р., съ перес. — 8 р.

„Путеводитель по небу“.

К. Д. ПОКРОВСКАГО.

Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой. 2-е дополненное изданіе. Съ 5 картами звѣднаго неба, картой луны, 104 рисунками и 2 хромолитографіями (затмѣніи и карта Марса по наблюденіямъ Скиапарелли). Изданіе изданныя книга, 290 стр. in 8^о. СПб. 1837 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Ш. Морская, № 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ во всѣхъ больш. книж. магазинахъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ,
ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ
ДѢЯТЕЛЕЙ.

на 1898 г. открыта подписка на 1898 г.

на годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на мѣсяць 60 к.

Разсрочка не допускается.

Газета „Московский Вѣстникъ“ ставитъ себѣ задачей быть живымъ, разнообразнымъ органомъ и служить читателямъ вѣстникомъ событій какъ московской, такъ и общерусской и заграничной жизни.

Редакція газеты обращаетъ особое вниманіе на постановку и развитіе мѣстнаго отдѣла. Кромѣ ежедневной московской хроники, въ газетѣ ежедневно помѣщаются фельетонныя обзорѣнія московской жизни подъ рубриками „Отголоски дня“ и „Между прочимъ“. Кромѣ того, еженедѣльно печатается обзорѣніе „За недѣлю“.

Провинциальная жизнь, кромѣ корреспонденцій и сообщеній изъ многочисленныхъ городовъ нашего отечества, будетъ отражаться также въ еженедѣльномъ фельетонѣ изъ провинциальной жизни „Провинциальныя картинки“.

Газета имѣетъ своихъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Будапештѣ и другихъ выдающихся городахъ Западной Европы.

Къ участию въ газетѣ привлечены наиболѣе популярныя и извѣстныя сотрудники столичныхъ временныхъ изданій. Газета рассчитываетъ, кромѣ того, на постепенное расширеніе круга своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ МОСКВѢ, въ конторѣ газеты, Петровка, Кузнецкій пер., д. Арбатскаго.

Гг. годовые подписчики, подписавшіеся на 1898 г. до 1 января будущаго года, будутъ получать газету со дня подписки.

Открыта подписка на 1898 годъ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Девятый годъ изданія.

Выходить въ Москвѣ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1898 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній и т. п.), приобретены, между прочимъ, неизданныя письма Аксаковыхъ, Н. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Глгрова-Платонова, Н. С. Кожановской, А. Н. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць—1 руб. 25 коп. За границу съ пересылкой 18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб. За границу 15 руб. съ пересылкой.

Годовая подписка на журналъ принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просить адресовать исключительно въ контору журнала:

Москва, Тверской бульварь, д. Яголкинскаго.

Редакторъ-издатель Анатолій Александровъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ К.

ВЫСТАВКА

ПОДАРКОВЪ

къ предстоящимъ праздникамъ
въ большомъ выборѣ.

НОВОСТИ! ПАРФЮМЕРІЯ

„ШИПРЪ“—духи, мыло и пудра.

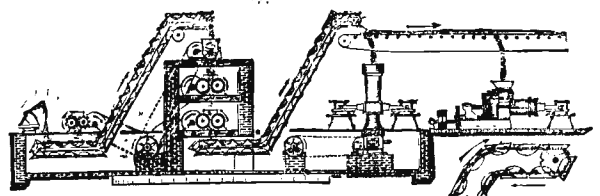
Новости! Новости!

Во всѣхъ магазинахъ въ Москвѣ и
С.-Петербургѣ.

= Невскій, 30. =

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика
машинъ
для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго
производства

РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.

Подъемныя цѣпи для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительныя ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленныхъ государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.

Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнишныхъ изразцовъ. При двухъ опытныхъ работникахъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.

Кромѣ того имѣются: кровельная черепица всякаго рода, глиняныя трубы разныхъ сортовъ; бетонныя издѣлія, брикеты, цѣпные кирпичи, плиты для половъ, глиняныя и цементныя.

Далѣе имѣются дымовыя и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль
за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Предворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5197 (108)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
самый дешевый политический, литературно-художественный
и сатирический съ карикатурами журналъ

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

40-й юбилейный годъ изданія.

Въ 1898 г. Развлечение не возвышая платы 6 р. даетъ подписчикамъ

50 №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 рисунковъ карикатуръ. Массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціи. Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ известныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей. Въ память 40-лѣтняго юбилея всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ юбилейный номеръ. № 10684 3-3

Въ 1898 году редакция устраиваетъ

КОНКУРСЪ

НА ЛУЧШІЕ ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАССКАЗЫ,
 за коковыя назначаются преміи въ 500 р., 300 р. и 100 р.
 и жетонъ именной золотой и серебряный.

Годовая цѣна журнала **шесть рублей.**

Пробный № высылается за три семикоп. марки.

Адресъ: Москва, Тверская, д. Чижова, редакция РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
6	50	6	50	6	90
3	30	3	30	3	45
1	10	1	10	1	15

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць—1 руб. № 10701 3-3

Только 3 руб. съ доставкой.

НИЧѢМЪ НЕЗАМѢНИМЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПОДАРОКЪ

въ нынѣшнемъ году состоитъ изъ слѣдующихъ 10 картинъ, величиною 10 1/2 вершк. ширины, 7 1/2 вершк. вышины каждая.

- 1) Вѣздъ Ихъ Величествъ въ Вѣну.
- 2) Вѣздъ Ихъ Величествъ въ Парижъ.
- 3) Императоръ Францъ-Иосифъ на парадѣ на Марсовомъ полѣ.
- 4) Смотровъ Русскаго войска императоромъ Вильгельмомъ.
- 5) Посѣщеніе короля Сіамскаго и Сіамскихъ принцевъ.
- 6) Встрѣча президента Форя Государемъ Императоромъ.
- 7) Закладка Троицкаго моста въ присутствіи Государя Императора и президента Форя.
- 8) Г. Форъ на парадѣ въ Красномъ Селѣ.
- 9) Его Величество пьетъ за здравіе Франціи.
- 10) Прогулка президента Форя по городу и иллюминаціи С.-Петербурга.

НОВѢЙШЕЕ ДЕКОРАЦИОННОЕ УКРАШЕНІЕ СТѢНЪ И САЛОННАГО СТОЛА!

ВСЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИ ВѢРНО.

Цѣна всѣхъ 10-ти картинъ только 3 рубля.

ЭФФЕКТЪ ПОРАЗИТЕЛЬНОМЪ ВЪ ВЗДУ ИХЪ ИЗЯЩЕСТВА И ДЕШЕВИЗНЫ.

Яковъ Шницеръ. Издатель худож. прован. С.-Петербургъ, Большая Морская, 49.

ПОДПИСКА, НА 1898 ГОДЪ, НА ЕЖЕДН. ГАЗЕТУ

„ГЛАСНОСТЬ“ (г. II)

И ЕЖЕМ. ЖУРНАЛЪ (г. XVII)

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

(Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**).

Цѣна журнала: за годъ съ дост. и перес. иког. 12 р., за полгода 6 р., за три мѣс. 3 р. За тран. за годъ 14 р., за полгода 7 р.

Цѣна газеты: за годъ съ дост. и перес. 10 р., за полгода 5 р., за три мѣсяца 2 р. 50 к., за 1 мѣсяць 1 руб. № 10630 3-3

И журналъ, и газета будутъ выходить съ иллюстраціями.
 Главная контора: СПб., Пушкинская ул., № 8.

ХОДЯЧІЯ И МѢТКІЯ СЛОВА.

М. И. Михельсона.

Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Второе пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.

„Первое изданіе этого сборника не осталось незамѣченнымъ въ русской печати и разошлось въ первые три мѣсяца по выходѣ изъ свѣта.“

Въ настоящемъ, пересмотрѣнномъ и значительно пополненномъ, изданіи обращено особенное вниманіе на русскія пословицы съ указаніемъ ихъ мѣтологическаго, историческаго или юридическаго источника и разъясненіемъ ихъ или же приведеніемъ соответствующихъ имъ иностранныхъ, откуда они заимствованы, а также на особенно типичныя пословичныя выраженія, входящія въ составъ нашей фразеологіи, и на отдѣльныя слова, употребленныя въ переносномъ смыслѣ, съ разъясненіемъ и указаніемъ ихъ этимологическаго происхожденія. Сюда же относятся историческія и мѣтологическія имена, употребленныя иносказательно въ качествѣ нарицательныхъ.

При объясненіи всѣхъ ходячихъ выраженій и составленіи ихъ съ соответственными иностранными (откуда они иногда заимствованы), приводятся также разныя примѣры въ видѣ цитатъ писателей, у которыхъ встрѣчаются эти слова, что имѣетъ съ тѣмъ наглядно знакомить съ особенностями ихъ слога. Такимъ образомъ этотъ сборникъ употребительнѣйшихъ ходячихъ цитатъ и ходячихъ выраженій заключаетъ въ себѣ то, что народами древними и новыми и мудрыми представителями ихъ было сказано и написано выдающагося по содержанию и мѣткости языка (въ оригиналѣ, на семъ языкѣхъ). Иностранныя ходячія слова, которыя не могли быть приурочены къ русскому отдѣлу, составляютъ особый отдѣлъ, въ которомъ читатель найдетъ разъясненіе ихъ.

Сборникъ этотъ своего рода толковый словарь, который, даявъ объясненіе ходячихъ и мѣткимъ словамъ, служитъ необходимымъ дополненіемъ обыкновеннаго словаря, и незамѣнимъ какъ справочная книга. Несмотря на строго научный характеръ этой книги, въ ней (по содержанію остроумныхъ словъ) красной нитью проходитъ нѣкоторый юмор, и сборникъ, лишенный обычной сухости такихъ книгъ, читается съ истиннымъ удовольствіемъ. Этотъ первый и въ своемъ родѣ единственный у насъ сборникъ, конечно, будетъ настоятельной книгой всякаго образованнаго человѣка. Изданіе малое и весьма подходящее для праздничнаго подарка.“

Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 2-е изданіе сочиненія М. И. Михельсона „Ходячія и мѣткія слова“ одобрено для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно для раздѣла учебнымъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды. Оно одобрено для полковыхъ библиотекъ и удостоено почетнаго отзыва Императорской Академіи наукъ.“
 Въ книгѣ 38 листовъ большого лексиконаго формата въ два столбца убористой печати. Цѣна безъ переплета 5 р., въ переплетѣ полушпательномъ 5 р. 75 к., въ тисн. золотомъ (для подарковъ) 6 р. Пересылка за три фунта. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также у автора въ С.-Петербургѣ, Мойка, 81.

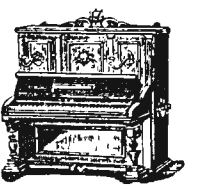
на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

В. № 10443
13-7

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО
 основанная въ 1810 году
 Спб., Владимирская, № 8,
 рекомендуетъ превосходнаго
 тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 730,
 600 и 650 рублей.
ПИАНИНО въ 650, 500 и 450 р.
 Прейсъ-курранты высылаются
 бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина;
 въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бакѣ: Ф. И. Шрейберъ;
 въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманянъ.

XXIII годъ. ПОЗДРАВЛЯЕМЪ! XXIII годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ!
 ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОВА“.

Первый русскій юмористическій журналъ по богатству наизысканныхъ рисунковъ и разнообразію текста веселаго содержанія. Неисчерпаемый кладъ русскаго остроумія въ стихахъ и прозѣ, перомъ и карандашомъ.

Постоянно совершенствуясь и расширяя свою программу, журналъ „Стрекова“ достигъ въ настоящее время такого распространенія, что имъ съ гордостью можно считать себя первымъ юмористическимъ журналомъ въ Россіи.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ назначаются приложенія

- 1) **Собраніе сочиненій МАРКА ТВѢНА.**
 Эти чудесныя бездлушки будутъ собраны въ три карандашныя томка, — съ портретомъ и біографіею короля всѣхъ юмористовъ и со множествомъ любознательныхъ рисунковъ въ текстѣ, исполненныхъ американскими и англійскими художниками.
- 2) **КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ „СТРЕКОВЫ“** — настоятельный альбомчикъ авторитетныхъ снимковъ съ лучшихъ картинъ современныхъ европейскихъ и преимущественно англійскихъ художниковъ.
- 3) **Иллюстрированный стѣнной календарь „Стрековы“ на 1899-й годъ,** въ видѣ изданнаго нами за послѣдніе два года. № 10741 2-1

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ приложеніями:	ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ приложеній:
въ С.-Петерб. безъ дост. . . 8 р. 50 к.	въ С.-Петерб. безъ дост. . . 4 р. 25 к.
съ доставк. . . 9 " "	съ доставк. . . 4 р. 50 к.
во всѣ города . . . 10 " "	во всѣ города безъ прилож. . . 5 " "
за границу . . . 12 " "	за границу безъ прилож. . . 6 " "

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться приложеніями, при подпискѣ на оба 1/2 годія доплачиваютъ по 50 к. за каждое.
 Редація и Контора помѣщаются: Фонтанна, 80, въ СПб.
 Издатель Г. И. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Булка).

ВОЛИЦНИЙ двѣтъ наружнихъ, внутреннѣхъ болѣзней электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 10481 6—8

**ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
СОВРЕМЕННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ
СТУПИНА НА 1898 Г.**

съ рисунками и портретами русскихъ писателей, изящное и единственное по полнотѣ свѣдѣній изданіе, съ картой Россіи и Сибирск. жел. дор. Ц. 15 коп., съ перес. казан. банд. 28 к. На рубль высл. 5 экз., на 2 р. 11 экз., на 3 руб. 18 экз. (Торговымъ дѣлается уступка.)
Адресъ издателя: Москва, Николаевская, А. Д. Ступинъ.

**CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)**

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служить для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
Ц. № 10527 16—8

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ВСѢ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ
въ разсрочку и съ наложной платажомъ.**
Москва, Неглянная, противъ Малаго театра.
„Журналы послѣднихъ модъ“
В. Н. Альвангъ.
Каталогъ высылается бесплатно.
Цѣны вышъ конкуренціи.

**СТО
ВИЗИТНЫХЪ КАРТОЧЕКЪ**
изящно отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, (имя, отчество, фамилія, чинъ или должность и адресъ) 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к. Москва, Малая Дворянская, д. Базякина, В. В. Венедиктовъ.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ азучно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдвингоу. За двѣ 7 коп. мурки высылаю условія и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Палудовой, кв. 40. Проф. кал. Э. Конидарисъ.

**КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ЖУРНАЛА
„ОБРАЗОВАНИЕ“**
высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги и принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты.
СПБ., Васковъ пер., 13.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 10635
4—8
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Мгсва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечнаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАЮВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый малюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

Открыта подписка на 1898 годъ. X г. изд.

„МОДИСТКА“, 1898

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
МОДЕЛЕЙ ШЛЯПЪ, ГОЛОВНЫХЪ УБОРОВЪ И УКРАШЕНІЙ.

МОДИСТКА выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца и даетъ въ теченіе года болѣе 150 раскрашенныхъ моделей шляпъ послѣдней парижской моды съ описаніемъ отдѣлки ихъ и, крокъ того, до 200 нераскрашенныхъ рисунковъ головныхъ уборовъ, украшеній и формъ шляпъ, рисунки вѣровъ, цѣптовъ и проч.

Подписная цѣна журнала „МОДИСТКА“:

Въ С.-Петербургѣ:	Безъ доставки . . . . . 6 р.	Безъ доставки . . . . . 7 р.
	Съ доставкой . . . . . 7 р.	Съ перес. во всѣ города Россіи . . . . . 8 р.

Въ Москвѣ подписка безъ доставки принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ **А. Ланга**, Кузнечій мостъ, № 15, 2) въ конторѣ **Н. Н. Печкооской**, Петровскій линія, и 3) въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**, Моховая, противъ университета.
Въ Одессѣ: въ отдѣленіи конторы, при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія“ **В. Е. Таирова**, Канатная, 13.
Въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**, Новый Свѣтъ, 69.

Главная контора журнала „Модистка“: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій „Книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ“ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

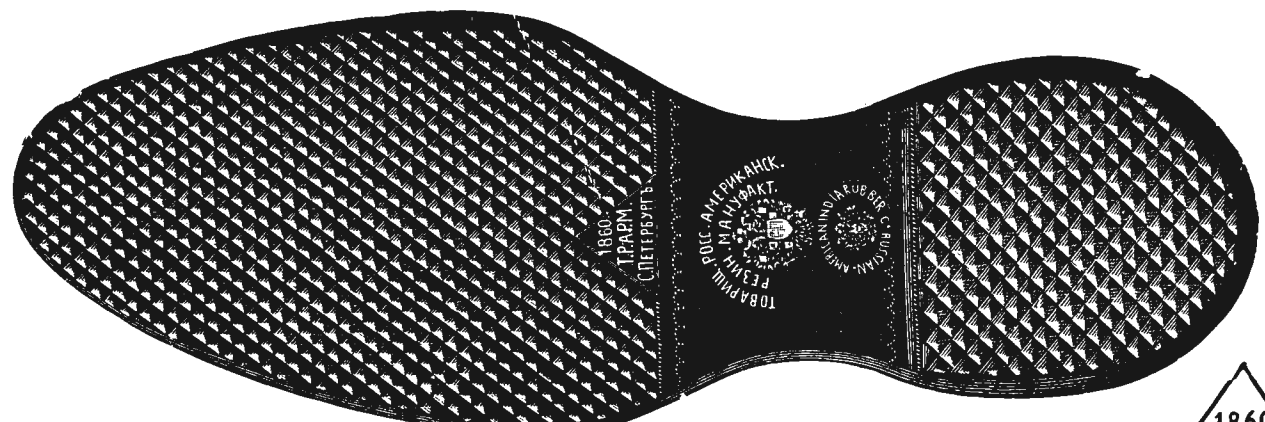

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9551 26 25

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,

въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО** Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Гербъ.

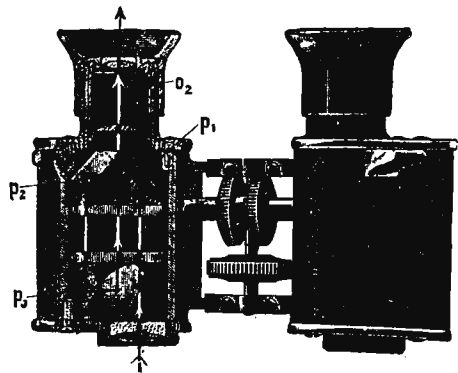

ТОВАРИШЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Сибуртъ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Валага. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОКЪ!
 Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIEDER-BINOCLE

1/2 натур. воелт.

Составленныя и фабрикуемыя нами подъ названіемъ „Биноклей-Триедеровъ“ двойныя зрительныя трубки значительно превосходятъ въ оптическомъ отношеніи всѣ до сихъ поръ употребляемыя трубки галилейской конструкции (театральныя, полевые бинокли и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ сильнѣе, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ болѣе обширное поле зрѣнія. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ незаменимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на сначкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16-1

Цѣна: увелич. въ 3 раза—63 руб.; въ 6 разъ—75 руб.; въ 9 разъ—88 руб.; въ 12 разъ—100 руб.

ПОДРОБНЫЯ ОПИСАНІЯ УСТРОЙСТВА И ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Оптическое заведеніе
 New-York, 52, East Union Square.

C. P. GOERZ

Berlin-Schöneberg.
 Haupt-Strasse, 140.
 Paris, 22 Rue de l'Entrepôt

Брошка „Надежда“
 зол. 56 пр. 18 р. 85 к.

Браслетъ „Надежда“
 зол. 56 пр. 19 р. 50 к.

Браслетъ „БРИЛЛІАНТЫ“
 зол. 56 пр. 19 р. 75 к.

Господа заказчики, и прежнія и новыя за 2000 верстъ, благоволятъ при заказѣ высылать задатокъ въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Брошка „Панцырь“
 зол. 56 пр. 12 р. 45 к.

Браслетъ „ПАНЦЫРЬ“
 зол. 56 пр. 37 р. 50 к.

Браслетъ „АМЕТИСТЪ“
 зол. 56 пр. 39 р. 50 к.

Цѣпочка „КАНАТЬ“
 французскаго зол. 5 р. 75 к.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

для ГОРОДСКИХЪ СОСТАВЛЕННЪ КОЛЛЕКЦІИ.

Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

Каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елки. Коллекціи въ 25, 50 и 100 руб. особенно рекомендуемъ для большаго семейства, школы, приютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.

Покорѣнше просимъ дать заказъ на эти коллекціи немедленно, дабы получить все потребное своевременно и дешево пересл., т. е. жел. дор., а не почтой.

Цѣпочка двойной панцырь
 франц. зол. 7 р. 65 к.

Кольцо брилліантъ-солитеръ
 4 р. 90 к.

Брошка „ПОЛНО“
 зол. 56 пр. 6 р. 50 к.

Брошка „СОЛИТЕРЪ“
 зол. 56 пр. 7 р. 55 к.

Брошка „БАНТИКЪ“
 зол. 56 пр. 9 р. 95 к.

Браслетъ „ПРЯЖКА“
 зол. 56 пр. 21 р. 50 к.

Портъ-сигаръ съ письменнымъ приборомъ 90 к.

Страусовый ВЪЕРЪ
 3 р. 60 к.

СТАТУЭТКА на подставкѣ
 95 коп.

БРЕЛОНЪ „ВОЖКА“
 1 р. 75 к.

Перес. наложен. влаетомъ. Телеграммъ испокон. немедленно. **БАЗАРЪ МАРКЪ** С.-Пет. бургъ, Невскій пр. № 20—31.

Парижская КУКЛА говоритъ на нѣм. и франц. языкахъ, плачетъ, спитъ и съѣдаетъ 4 р. 50 к.

БРИТВА „РОЗА“
 3 р. 50 к.

ДОМАШНІЙ ДРУГЪ
 съ 12 приборами 1 р., илліа. 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

Комнатные ТЕРМОМЕТРЫ отъ 35 к.

Удивительн. новост. воздушный шаръ АНДРЕ
 10 шар. 15 к., 50 шт. 70 к., 100 шт. 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ
 Немецк. загранич. раб. свѣтлой кожи № 1432 шт. 95 к.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

отъ фабрикантовъ папиросныхъ гильзъ
 Торговаго Дома Н—ковъ ВИКТОРСОНЪ Старшаго
 ГРОМАДНЫЙ СПРОСЪ НА НАШЕ

ГИЛЬЗЫ ОБРАЗЦОВЫЯ МЕХАНИЧЕСКІЯ БЕЗЪ КЛЕЯ

благодаря ихъ беспорочно высокому качеству, вызвали въ послѣднее время массу подражаній въ выработкѣ ихъ. Поэтому покорѣнше просимъ гг. потребителей при требованіи нашихъ „образцовыхъ механическихъ гильзъ“ обращать вниманіе на фирму и годъ основанія 1863.

Этикетъ нашъ утвержденъ Департам. Торговли и Мануфактуръ.

Испробованъ и наиденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колониальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
 Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
 В. № 10486 15-6

СЕКРЕТЪ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ

А. СІУИКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Souillac,
Dom **MAQUELONNE**, Prieur.

Inventés en l'an **1873** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

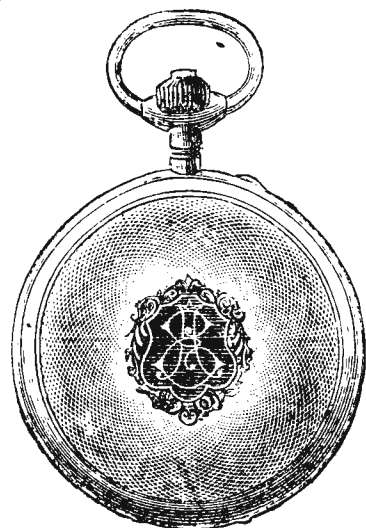
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos. Int^l Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^l Int^l Bordeaux 1895.

EXIGEZ LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Dom *Maquellonne*

Ц. № 10669 14-4

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованию, способу изготовления часовъ въ моей женевской фабрицѣ, я имѣю возможность продавать съ 1 июля с. г. самыя легальныя и прочныя **МУМОНІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механикамъ самой лучшей конструкции (удвоен. серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ бракокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, имѣютъ 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вѣдѣныя настоящіе золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Вислываю вполнѣ вымѣрныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. **АДРЕСЪ:**

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

♦ Множество благодарствъ, писемъ и отзывомъ. ♦
Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпль снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10745

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —
ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ
въ Министерств. одного Петербурга болѣе **1000** РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи
* ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ *
Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во
Правленіе: МОСКВА

М. Блок

ОСОБЫЯ ЛЬГОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ

ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Нюмандъ, Ростовъ н/Д.

Ц. № 10647 12-5

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе вѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du Savon violette
№ 4711 Sachets violette

Всѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ парюмерныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Ц. № 10609 14-10

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

MARQUE DE FABRIQUE

изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

СЛАВЕННЫМИ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. Ц. № 9861 26-25

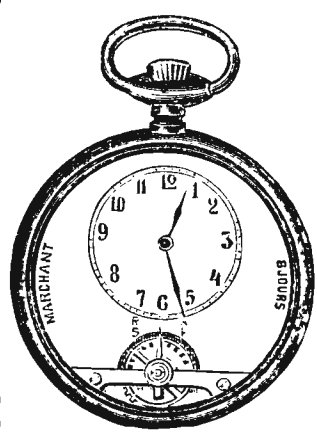
ДЛЯ ГУАЛЕТЪ **ALCOOL DE MENTHE** ДЛЯ ЗУБОВЪ

DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромать. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ гуалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ мяскожлнхъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стояющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Деле въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 11. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Ц. № 10108 20-16

!!!НЕ НУЖНО БОЛЬШЕ ЗОЛОТА!!!

Изобрѣтенъ металлъ, имѣющій замѣняющій его. Невывало до сихъ поръ осуществилось.

Часы изъ новаго золота, аподѣ замѣняющіе дорого-стоящіе и не всѣмъ доступные золотыя часы.

Намѣны и прочныя, карманныя, мужскія часы, глухіе, всѣ 3 крышки изъ американскаго золота, никогда не чернѣющіе, ремонтурныя, т. е. заводъ безъ ключа, ходъ на 15 камилхъ, механизмъ вызолоченный, имѣютъ 12 р. и 14 р.

Всего только за 8 и 10 рублей.

Покупающимъ двѣ штуки сразу, дается скидка въ размѣрѣ одного рубля, такіе же дамскіе на 1 руб. дороже. Ц. № 10669 4-4

Письменное ручательство на 8 лѣтъ.
Часы, тщательно проверенные, вислываютъ по полученіи 2 руб. задатка.
АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ Б-въ Варшавскихъ, складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ **ВАРШАВѢ, ЗЕЛЬНАЯ, 41.**
Множество благодарствъ, писемъ и отзывомъ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“
 Сварсть, прочность, удобство. (Последній усовершенствованіи).
 Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“.
 Самый красивый шрифт. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами.
 Цѣна 95 р. Полнрор. личикъ къ ней 10 р.
 Описание и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Овтъкъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербург. Адмиралтейскій просп., № 4.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 ввучивается исклѣи заочн (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалі.
 № 10495 6 - 6
 За 2 семиклѣтныя марки высылаются пробныя письмо и условия, а за 4 семиклѣтныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условия и образцы испралаенія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дербасовская. д. № 19.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. В. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII вѣка
 Время паденія Биропа и подаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р 50 к. въ роскошн. колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

„КОНЫКИ“
 по указанію лучшихъ конкоблѣдцевъ.
Жаксона Гейнца
 отъ 6 руб. до 12 руб.
 Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
А. О. Брабець
 С.-Петербургъ, Больш. Морская, 40.

„ЗФЕДРУ“ (ТРАВУ КУЗЬМИЧА)
 смолисто-бальзамическаго свойства: борозу съ цѣлкомъ, агодомъ и ворнами, въ личкахъ выше котораго сорта не существуетъ—8 р безъ цѣфта и гюдъ 1 р. фунтъ, съ прило настай. Налож. платеж. до 3 фунт. Пр требованіи 5 фунт. скидки 20%—10 ф. 40¢, съ рубля. Высылаеть главный складъ „Хвойника“ М. М. Новикова, въ г. Бузулукъ. Сам. и Фирма существуетъ съ 1885 г.

И. ВЕРНЕРЪ.
 Москва, Петровскія линіи, д. Полякова, подъѣздъ, № 7.
 Американскіе фонографы Эдисона отъ 50 до 400 р. Самые извѣстн. артистовъ. Синемаграфы разныхъ системъ отъ 500 р. Картины Люмьера всѣхъ новѣйшихъ событий. Всѣ новости для публичной демонстраціи.
 П. № 10626 6—5

ВИНО „SAINT-LÉON“
 признано наилучшимъ изъ тоническихъ винъ.
 Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ Г. СЕНКЕВИЧЪ.
 Полное собраніе сочиненій. „Безъ догмата“, „Огнемъ и Мечемъ“, „Потопъ“, „Ланъ Володѣевскій“, „Письма изъ путешествія“, „Quo Vadis“, „На Свѣтломъ берегу“, „Крестовщины“, „Семейство Половецкихъ“. Всѣ эти романы стоятъ въ отдѣльн. продажѣ 25 р. Подписная цѣна 5 р., съ перес. 6 р. Выслать деньги до 1 Февраля за переводомъ не платятъ. Изданіе будетъ окончено въ февралѣ мѣсяцѣ.

ВЫИГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Цесскій, С.П.Б. 11—8

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
 ЛИЛИПУТЬ
 Безъ фармы и фарбики. Малѣнькая подальникъ.
 со шнурк. въ замшевомъ кошелкѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дороже.
 „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени. Удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поа, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелыя бинокли.
К. КРАУСЪ и Ко.
 Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.
 СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССИИ
 С.-Петербургъ, Мойна, 42. 2—2
 Иллюстр. пр.-кур. высыл. за семи-коп. марку.

ЮВЕЛИРЪ В. К. ЭЙКВИРОТЬ.
 Заготовленъ въ зимнему сезону большой выборъ брилл., золот. съ драгоцѣн. камнями вещей. Принимаю въ обмѣнъ старое золото и камни на новыя вещи. Заказы исполняются въ собств. мастерской.
ПОКУПАЮ ПО ХОРОШЕЙ ЦѢНѢ жемчужныя нитки, изумруды, рубины и брилланты.
 Москва, Камергерскій пер., д. Ланозова.

ВЪ УЧЕБНОЙ МАСТЕРСКОЙ ЛИТЕЙНО-ТАВРИЧЕСКАГО КРУЖКА
 Кирочная, № 30,
 прибавлено пять пансіонерскихъ вакансій, плата 120 р. въ годъ, и полупансіонерскихъ—70 р. въ годъ. Поступающіе должны быть не моложе 12 лѣтъ и грамотны. Въ мастерской обучаютъ: бѣловшейному, портняжному, чулочному мастерствамъ, шитью верхнихъ одеждъ, вышиванью, кройкѣ бѣлья и платьевъ. Учебные предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, исторія и географія, рисованіе, чистоиспаніе, церковное хоровое пѣаніе.
 Въ пріютъ, открытый въ Райволовѣ, принимаютъ дѣвочекъ 5—8 лѣтъ съ платой 70 р. въ годъ. Даровныя вакансіи замѣщаются исключительно круглыми сиротами.

„Ideal“. Каждая дама, желающая быт вполнѣ элегантною, безукоризненно аккуратною, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вѣдьветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.
 № 10626 нахъ Россіи. 26—1

„ЭЙНЕМЪ“ въ МОСКВѢ.
 Высоч. Утв. Т. И.
 Собств. Царов. фабрика въ СѢМФЕРОПОЛѢ (въ Крымѣ).
ПЮРЕ ТОМАТЪ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ
КОМПОТЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 годъ на педагогическій и научно-популярный журнал „ОБРАЗОВАНИЕ“.
 Кроме статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячныя отдѣлы: Изъ области знаній (научныя безъды). Изъ Западн. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей). — Письма изъ Германіи) Фраціи отъ настоящихъ корреспондентовъ журнала). — Новости иностранной литературы. — Изъ иностранныхъ журналовъ. — Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе). — Журнальное обозрѣніе. — Письма изъ провинціи. — Хроника. — Статистика образованія.
 Цѣна за годъ 5 руб. съ перес.
 Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Васковъ пер., 13.
 Редакторъ-надеждъ АЛЕКСАНДРЪ ОСТРОГОРСКІЙ.
 Подробное объявленіе высылается по первому требованію.
 № 10731 2—3

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27.
ХИМНАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.
 С.-ПЕТЕРБ. ВРАЧЕБ. УПРАВЛ. ИСПОЛН. И ПРОДАЖА ВЫШЕ-ОЗНАЧЕННОЙ ВОДЫ КАКЪ НЕ СОДЕРЖ. въ себѣ составъ вредныхъ веществъ, развѣвъ на оснѣ, основан. торг.
 Вода Филлдоръ, Шампунь (Мыльн. эссен.)
 Тоническая вода. для мытья головы.
 МАГАЗИНЫ: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул., домъ № 24—26. НЕВСКІЙ ПР. № 28. НЕВСКІЙ ПР. № 29.
 МАГАЗИНЫ въ Москвѣ: на Козловкѣ, въ мѣстѣ бывш. Угрюмовъ.

СПИСОКЪ РУССКИХЪ МОНЕТЪ
 ВЪЗНУМЪ ОБЪЯВЛЕНЪ А ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ТОРГОВЛѢ
 Фирмы „В. Г. БѢЛИНГЪ“.
 Телефонъ № 25. СЛОВОДЪ № 25. Телефонъ № 442.
 МѢДНЫЯ
 СЕРЕБРЯНЫЯ
 ПЛАТИНОВЫЯ.
 ЗОЛОТЫЯ.

№ 10 51

Юлий Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ.

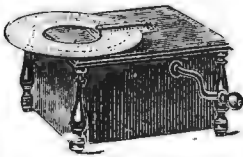
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40. ||| Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

какъ пріятные и полезные подарки къ праздникамъ,

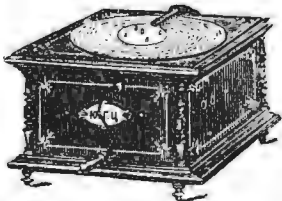
ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ:

ИНСТРУМЕНТЫ ОЧЕНЬ УДОБНЫЕ ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.

ОРГАНЪ ИНТОНА

съ 16 прочными стальными голосами. . . 8 р.
Ноты (металлическія) . . . . . по 30 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

съ 24 голосами . . . . . 17 р.
Ноты . . . . . по 45 к.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

съ 24 прочными стальными голосами; можно играть громче, тише и съ трелью . . . 23 р.
Ноты (металлическія) . . . по 60 к.

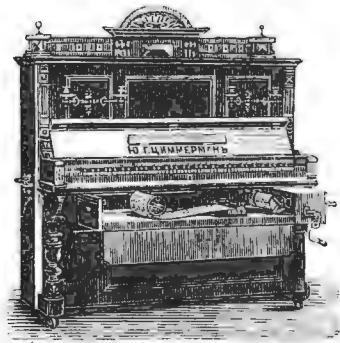
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

съ 78-ю голосами (39 двойныхъ) играетъ, кромѣ всѣхъ танцевъ, большіе попури, увертюры и пр.; красивое исполненіе пьесъ. . . . . 50 руб.
Ноты по 90 к., 1 р. 80 к. и дороже.

ПИАНО-МЕЛОДИКО

Струнный инструментъ съ оригинально пѣвучимъ тономъ, напоминаетъ оркестръ изъ мандолинъ 65 р.
Ноты по 80 коп. за метръ (около 1 1/2 арш.).

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО

можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а также, только вертя ручку, хорошо исполнять всѣ танцы и другія пьесы. Очень красивая отчетливая игра, богатый репертуаръ.
Цѣна 650, 600, 700 и 800 руб.
Ноты по 2 руб. 25 коп. и дороже.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ

приспосабливается къ любому пианино или роялю; вертя ручку, можно красиво исполнять всѣ танцы, увертюры, попури и пр. . . . . 176 руб.
Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Списки нотъ бесплатно.

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

НОВОСТЬ!
Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
поставщикова
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

за 8 рубля

фунтъ съ персидской
ЛЕКАРСТВЕННУЮ
ТРАВУ КУЗЬМИЧА
ЭФЕДРУ

высылать изъ Бугуруслана, Самарск. губ.
склада Павла Капитоновича КОНОРЕВА.

При этомъ не прилагаются для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленія: 1) отъ Ф. А. Югансона въ Кіевѣ и для гг. московскихъ подписчиковъ отъ В. Е. Грачева въ СПб.

MONACHORUM D.O.M + D.O.M MONACHORUM

BENEDICTINE

de de
l'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

Se defier des contrefaçons.

D.O.M + D.O.M

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10-5

вѣстнаго разлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробкѣ отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляетъ по утвержденному княжеской Центральной администраціей прейс-куранту (включенному по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Rh.

ПАМЯТЬ

внѣзъ вѣкъ, возр. укрѣпляетъ лично и значно профессоръ мѣмодики С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Бах. ул., собственный домъ, № 28.
Условия и брош. (въ 32 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-14

СЪМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. Грачева

С.-Петербургъ, Дрозданя, соб. д., 7.
Продажа сѣмянъ, картошки и картофеля.

1 р. 70 к.

кромѣ 15 к. герб. марк. страхового о. Янк. 98 г. Банкирскаго дома
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, Невскій.

XXVIII г.

г. XXVIII

№ 51

выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежене. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкрокъ.

1897

Выданъ 20 декабря 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за декабрь 1897 г.

* * *

Вопросъ не новъ,—задача нелегка:
 Присущъ намъ Божій духъ или природа звѣря?
 Евангелія мы въ средніе вѣка
 Не понимали и жестоки были,—вѣря.
 Теперь мы думаемъ, что поняли Христа;
 Но рѣже сходить къ намъ молитва на уста,
 Безъ благодати и безъ вѣры;

И въ храмѣ дразнить насъ мечта о суетахъ;
 Возвышенные на словахъ,
 Всѣ принижаемъ мы—и льстимъ, какъ лицемѣры...
 Ужели людямъ не дано
 И понимать и вѣрить за одно?!

Я. Полонскій.

Рождество. Дѣтское веселье. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюблеръ.

Послѣдній пиръ.

Рождественская картинка
Н. Н. Каразина.

Въ зимнюю стужу глухимъ сибирскимъ лѣсомъ — тайгою, напрямикъ, безъ дороги, шли три человѣка.

Печальный видъ представляли собою эти путники: тряпье вмѣсто одежды — не разберешь даже, что такое надѣто, — ноги обернуты древесною корою и мохомъ, обвязаны лыкомъ, суковатыя палки въ рукахъ, а лица у всѣхъ трехъ, подъ слоемъ коночи костровъ и грязи, исхудалыя, изможденныя, одно на другое, словно родные братья, похожи. Такъ ихъ сравнили безконечная путевая страда, голодъ и стужа.

Слѣдъ по глубокому снѣгу за ними тянулся, путь ихъ выдавалъ, да и слѣдъ-то былъ особенный, словно даже не человѣчій: взрытый, развороченный, — какъ будто люди не шли, а ногами пахали... По такому слѣду опытный промышленникъ-сибирякъ сразу видитъ: „идутъ, молъ, пока, да недалеко уйдутъ, съ ногъ сбились, притомились въ конецъ, скоро свалятся...“

А дѣло было къ ночи. Морозъ крѣпчалъ, и уныло завывалъ холодный вѣтеръ, стрихивая съ обледѣлыхъ сосновыхъ вѣтвей тяжелыя комья пушистаго снѣга...

Шли они молча... знать, уже обо всемъ переговорили... Шли гуськомъ, одинъ за другимъ, пытались въ слѣдъ попадать другъ другу...

Куда шли?.. Прежде каждый хорошо зналъ — куда, и это „куда“ представлялось имъ яснымъ, заманчивымъ, страстно желаннымъ... А теперь все перепуталось, все затянуло туманомъ, слилось въ одномъ помышленіи: гдѣ бы тепло раздобыть, хлѣба кусокъ, да покойнаго отдыха, — сна, не на одинъ глазъ, а на оба, безъ злѣяго страха за невольное пробужденіе... Откуда шли?.. Тоже почти-что забыли, конечно, только отъ еще худшаго: отъ хорошаго не пойдешь, — извѣстное дѣло.

Вышло ихъ въ походъ десять человѣкъ — это они почему-то помнили. Трехъ изъ нихъ буряты подстрѣлили, маленькими пуляками, звѣробоями, прямо въ лобъ, должно-быть, чтобы одежды не портить; двоихъ медвѣди съѣли — тоже припоминали, а еще двое когда отстали — совсемъ ужъ позабыли... да, вотъ, и еще одинъ — тоже скоро, пожалуй, отстанетъ, далеко позади бредеть, останавливаясь даже нѣсколько разъ и горстью снѣгъ въ ротъ закидывая...

Степнѣло совсемъ, вьюга завывла грозвѣ... Волки въ чащѣ ей вторили... Трое все шли да шли, — только когда звѣри почуяли или передній придержался, или задній, отсталый, надалъ ходу — сдвинулись всѣ плотнѣе, въ кучу, тревожно въ чащу взглядываясь: не видать пока звѣри, а слышно, какъ зубами ляскаютъ...

— Хоть бы смерть скорѣе Господь послалъ! — вымолвилъ одинъ.

— Помереть хорошо бы, — прошепталъ другой.

— А я уже померъ! — простоналъ третій и разомъ присѣлъ на землю, прямо такъ въ сугробъ и сунулся... Другіе двое присѣли рядомъ.

— Только смотри, братцы, не спать! — сказалъ одинъ, что передомъ шелъ. — Заснешь чуть — померешь сразу... То сами смерть звали, то сна испугались.

— Чу, ребятки... пѣтухъ!

— Огонь замаячила... Эво-на, межъ сосенъ!

Одинъ услышалъ пѣтуха, другой огонь зашримѣтилъ, а третій ничего не видалъ и не слышалъ, а сразу повѣрилъ обоимъ и первый вскочилъ на ноги...

— Чу-кось... опять! Ахъ, Боже ты мой!

— Разгорается!.. Владычица, Царица небесная!..

— Хлѣбомъ печенымъ потянуло... горяченькимъ...

— Идемъ, что ли!

— Извѣстно, идти надо!

Пошли.

Только пошли они теперь чудно какъ-то: ноги представляютъ шибко, стараются, а мало впередъ подаются... Вонъ, правѣе, сосна стоитъ корявая, во всѣ стороны лапы, вѣтви, растянула, словно поймать, задержать хочетъ путниковъ-страдальцевъ... Стоитъ она, извѣстно, на одномъ мѣстѣ, а наши никакъ обойти ея не могутъ... А что имъ за дѣло до сосны, когда огонь все ярче да ярче, ближе да ближе, пѣтухъ запѣлъ звончѣе, а хлѣбомъ запахло такъ, будто вотъ тутъ, передъ самымъ посомъ, свѣжеиспеченый коровой широкимъ ножомъ распахнули на-двое...

Ворота!

И впрямь — ворота высокія, на конькѣ крестъ, подъ конькомъ — навѣсъ, подъ навѣсомъ — святая икона, а передъ иконою лампадка теплится.. и видать эту лампадку сквозь бахрому ледяныхъ сосулечъ. Словно изумрудъ дорогой искрится ярко-зеленое стеклышко. А отъ воротъ, вправо и влѣво, заостренный частоколь стѣною тянется, съ лѣсомъ сливается... Да и высока же стѣна, высоки и сугробы снѣжные, что на нее надвинулись... Тяжелый запоръ на воротахъ, не собьешь, не сломаешь: силою не ворвешься... Да-ко-си постучимъ!..

Застучали, заерзали по воротамъ исхудалыя, окостенѣлыя отъ холода руки съ обмороженными пальцами, а толку нѣтъ, сами даже ничего не слышать...

— Во имя Христова, отворите, православные!

Тихо все... нѣтъ отвѣта... И собаки даже не залаили... Есть же во дворѣ собаки, нельзя безъ нихъ, а не чуютъ...

Передъ ними молчаливая, не отзывчивая на ихъ страданія преграда, а сзади бѣда близится; волчья стал полукругомъ обступаетъ, да близко такъ, — того и гледи, — за трипье зубами ухватятся, рвать начнутъ...

— Отворите, Христовымъ именемъ!

Сами собою распахнулись ворота, приняли путниковъ и съ громомъ сомкнулись снова, уже за ними... Не слышны волки... не слышно даже завыванія ночной мители; тепло такъ стало въ жилищѣ затишьѣ... Изба во дворѣ стоитъ новая, и всѣ три окна яркимъ, веселымъ огнемъ свѣтятся... На порогѣ двери, на верхней ступени крыльца, стоитъ старикъ благообразный, въ длинной одеждѣ; борода у него сѣдая, курчавая, глаза ласковые, и говоритъ имъ старецъ:

— Милости просимъ, пожалуйста, гости дорогіе... Давно васъ ждутъ здѣсь... Входите, многострадальныя.

Вошли въ избу: чистота, просторъ, тепломъ такъ и обдало... Въ переднемъ углу образа — иконотаса въ цѣлѣй церковный — такъ и горять золотомъ и камнями цвѣтными. Столъ сосновый, бѣлый, крытъ скатертью узорчатой, на столѣ — коровай, что конна на полѣ, солонка съ коньками до-верху насыпана, а тутъ, въ другомъ углу, и печь трещить, жарко истопленная, а въ ней горшки да чугуны стоятъ пузатые, клубами паръ отъ нихъ валить. Въ одномъ, знать, щи мясныя... по духу слышится, въ другомъ, должно полагать, похлебка рыбная съ картофелемъ и лукомъ, въ третьемъ — никакъ каша пшеничная, бѣлая пузырится... А у печки, на полу, около липовой кади, самоваръ закипаетъ, — какъ жаръ горять его мѣдные бока...

Досталъ свѣтлый старикъ-хозяинъ съ поставца посудину стеклянную, полную, съ казенною печатью, самъ на гостей весело поглядываетъ:

— Что-жъ, по одной можно... съ устатку-то!

Умилились наши душою, совѣстно стало имъ, грязнымъ такимъ, да къ такой чистотѣ подступать.

— Въ баньку бы спервоначала, а то будто бы...—пачаль, запинаясь, одиць.

— Это точно что... правильно,—подтвердилъ другой.

Явите Божескую милость... Тѣло все изныло... нечистью избѣдено...

— Можно и баньку,—ласково промолвилъ хозяинъ.— Готово! Пожалуйте вотъ сюда, въ эту дверь, я самъ и попарю, пожалуй.

Вошли наши въ баню... Господи Боже Ты мой! что такая только за баня: полки высокіе, скатные, мыло желтое, казанское, душистое, вѣники березовые. Какъ ошпарили ихъ крутымъ кипяткомъ, такъ по всей банѣ смоляною весной потянуло.

Посдирали наши свое тряпье истлѣлое... Только хозяинъ гостепримный головою покачалъ грустно. И какъ только въ тѣлѣ такомъ душа могла держаться!.. кости да кожа, все язвы да язвы, рѣбды да ссадины. Тѣло просто многострадальное...

— Душу свою скорбью великою очистили,—проговорилъ онъ, обѣнивъ гостей крестнымъ знаменіемъ:—омывайте плоть свою,—въ двойной, значить, чистотѣ за трапезу, вамъ Христовымъ именемъ уготованную, возсядете.

Сказалъ это старикъ и вышелъ. Стали наши вдосталь париться.

— Го-го-го!.. Любо! — въ волнахъ ароматнаго пара, подъ самымъ потолкомъ слышится.

— Братцы... хорошо!.. родные мои!.. во-какъ хорошо!

— Вода-то, вода какаа, чистая, мягкая...

Мылись да парились, парились да мылись, что мыла только дорогого извели!.. Стали окачиваться...

А тутъ хозяинъ опять появился: принесъ рубахи холщевыя, чистыя, принесъ полушубки, новые дубленые, мягкіе такіе, валенки теплыя, подборы кожаные, кушаки красные, шерстяные, и по платку каждому ситцевому, съ узоромъ цвѣтами по зеленому полю.

Одѣлись, сѣли за трапезу, помолясь передъ иконами. Для порядка по стаканчику имъ поднесли, начали со щей мясныхъ. Тѣли, тѣли, а все наѣсться не могутъ.

Хозяинъ не скупъ, весело посмѣивается, потчуетъ да въ общую чашку прибавки подплескиваетъ... Перешли на кашу. И что такое за каша!—масло янтарное такъ и проступаетъ, гдѣ только нажмешь ложкою... Покончили съ кашею, подали похлебку рыбную... Ну, такую похлебкою только и можно потчивать развѣ самого архіерея-владыку... а то какъ будто черному человѣку и не по чину. За похлебкой... вотъ уже не ждали никакъ!—кисель сладкій, да еще и съ медомъ...

Всталъ одиць изъ-за стола, бухъ въ ноги хозяину.

— За что только ублаговворяешь насъ, недостойныхъ, отче?

А тотъ въ отвѣтъ:

— За постъ вашъ долгій, да великій—за это самое.

Наѣлись вволю, дѣ-сыта, къ самовару подсеѣли... сахаромъ прикусываютъ, чашечку за чашечкою опрокидываютъ, полушубки распоясали давно уже, и новыми платками, дареными, потъ съ лица вытирають.

Никому и въ голову не приходитъ спросить хозяина: гдѣ, молъ, они пріютъ нашли, гдѣ такъ пируютъ-угощаются, какъ хозяинъ величать падо по имени, по отчеству?

И ихъ хозяинъ не пытается,—ни кто они, ни откуда.

Спать пора. Глаза сами собою слипаются, вѣки отяжелѣли, словно свинцовыя стали... Глянуть,—а уже постели приготовлены: сѣна мягкаго наслано — гора-горою, ковромъ цвѣтнымъ покрыто, а поверхъ ковра—простынями холщевыми, одѣяла стеганыя ватныя, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшитыя, господскія въ родѣ,—ужъ на что лучше!

Хозяинъ молитву сталъ читать по книжкѣ съ золотыми застѣжками, а гости на колѣни стали, вслѣдъ за своимъ мѣстѣмъ, да и повалились, словъ послѣднихъ не дослушали...

Крѣпкій, сладкій сонъ овладѣлъ ими разомъ, сонъ вѣчный и безпробудный...

А волки выли и все ближе да ближе подступали къ тремъ неподвижнымъ уже тѣламъ, трунамъ, наполовину занесеннымъ снѣжнымъ сугробомъ...

Къ звѣздамъ.

Рождественскій разсказъ

В. Я. Свѣтлова.

I.

— Господи Иисусе!.. Господи Иисусе!.. — шептала Провъ, изглядывая на крошечное окошко, почернѣвшее отъ пыли внутри и занесенное снѣгомъ снаружи.—Ну ужъ и погодка. Волкъ ее зашь...

Погода была ужасна. По улицамъ проносился вѣтеръ, да такой сильный, что на нихъ стоялъ стоиць. Съ утра шель снѣгъ, падая на землю огромными хлопьями, кружившимися въ воздухѣ и походившими на бѣлыхъ бабочекъ. Къ вечеру улицы покрылись толстымъ слоемъ снѣга, точно вымытою скатертью, но вѣтеръ не стихъ, а крѣпчалъ; небо проявилось, морозъ становился жестокимъ.

Вѣтеръ превратился въ ураганъ; на перекресткахъ улицъ онъ вздымалъ тучи снѣга, не успѣваго еще хорошенько примерзнуть.

Казалось, стѣны убогой каморки, въ которой сидѣлъ Провъ, дрожали отъ бѣшеныхъ порывовъ вѣтра, точно стучавшагося въ окошко и въ плохо прилаженную дверку, и Провъ подумалъ, что ураганъ рѣшилъ воротаться къ нему, чтобы съ какой-то непоптайной ему злобой заморозить его и его больного сына Петрушку.

— Ахъ, дьявольщина! ахъ, дьявольщина! — восклицалъ Провъ. Потомъ онъ подымалъ зачехлѣвшую руку и истово крестился: въ рождественскую ночь не годится поминать дьявола.

Утромъ, когда еще было темно, онъ стащилъ во дворѣ пару полѣньевъ и затопилъ печь. Дрова были черныя, мокрыя, шипѣли, испускали пѣну, и кора на нихъ извивалась и криво-

чила, точно отъ боли. Они напустили дыму и угару, потому что вѣтеръ выдувалъ огонь изъ трубы.

Но съ утра прошло много времени, и злой вѣтеръ выгналъ изъ каморки и то, что только казалось теплоты.

Невидимыя ледяныя струйки ходили по каморкѣ, студили ноги, захолаживали грудь Прова, сидѣваго въ одномъ «спинжакѣ»—вытертомъ отъ времени и сдѣлавшемся тонкимъ—«что твой ярославскій холстъ».

— Ахъ ты жисть!..—хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ и хотѣлъ прибавить ругательство, которое все-таки облегчило бы ему душу, но во-время удержался.

Провъ, впрочемъ, не желалъ ничего особеннаго. Развѣ лечь только на убогую деревянную кровать, укрыться «пальтомъ», такимъ же протертымъ и тонкимъ, какъ и его «спинжакъ». Но кровать занята его больнымъ сынишкой, да и пальто онъ отдалъ ему же. Развѣ вотъ что? Вытащить изъ-подъ Петрушки соломенный тюфякъ — грязный, какъ половая тряпка, и плоскій, какъ блинъ? Но укрыться-то все равно будетъ печѣмъ, а сверху того, Петрушку станеть продувать снизу.

— Нѣтъ ужъ!.. Пущай!.. И себя не согрѣешь, и его застудишь... Ничего! Ежели до сей поры не умеръ, авось не умру. А и умру — такъ что-жъ? Чтѣ жить такъ-то, чтѣ умереть... пожалуй, умереть лучше!—убѣжденно рѣшаетъ онъ безъ малѣйшаго горькаго чувства или злобы.—«Вотъ только Петрушки жалко...» думаетъ онъ, робко изглядывая въ уголь каморки, гдѣ, на кровати, разметавшись въ бреду, лежитъ его «парень».

Рождественская ночь. „Проходила Лучезарная лѣсами дремучими...“

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Н. Каразина, автотипія „Нивы“.

Рождественская ночь. „Пронеслась Благодатная надъ океанами бездонными...“
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Н. Каразина, автотипія „Нивы“.

Голова Петрушки покоится на какомъ-то узелкѣ, почти черномъ отъ покрывшаго его грязнаго сала: руки Петрушки повисли плетями, пальто съѣхало на ноги. Худъ онъ, «какъ свѣчка», а ноги похожи на спички; но на ввалившихся щекахъ горѣлъ яркій горячечный румянецъ. Подъ глазами, плотно сомкнувшимися, лежали темные круги, губы запеклись, потрескались, и кожа виситъ на нихъ кусочками. Уши тонки и прозрачны, будто съдѣланы изъ воска. Изъ плотно сжатыхъ губъ вырывается иногда стонъ, иногда вздохъ, иногда непонятное, странное слово...

Жаль Прову сыпшику. Надо бы встать, поправить сползшее съ Петрушки пальто. Но двигаться не хочется: пока сидишь—все еще переносно, а какъ только шевелинешься—обдастъ такимъ холодомъ, что зубы застучатъ другъ объ дружку.

Однако жалость беретъ верхъ: Провъ встаетъ съ лавки и идетъ къ кровати.

У кровати Петрушки Прова забираетъ зависть. «Ишь горитъ какъ! Ровно въ печи лежитъ! Ему ништо! Жарко—воиъ разметался-то какъ...» И Прову хотѣлось бы, чтобы и его забрала горячка—тогда хоть на улицѣ лежи—ништо! И не почувствуешь...

Онъ поправляетъ пальто, натягиваетъ его на худое тѣло Петрушки, на его остроконечные козѣли, на его впающую, съ трудомъ поднимающуюся, грудь. Но ежели прикрыть грудь—не хватаетъ на ноги, а ежели прикрыть ноги—не хватаетъ на грудь. Одну минуту Прову приходитъ въ голову стащить съ себя «спинжакъ»: но эгоизмъ побѣждаетъ, и зависть опять подымается въ Провѣ.

— Ладно и такъ, — стуча зубами, бормочетъ онъ. — Ишь вѣдь разлегея, точно принцъ какой... — И онъ вспоминаетъ то время, когда они спали вдвоемъ на этой самой кровати, укрывшись этимъ самымъ «пальтомъ». Тепло тогда было... А теперь Петрушка забралъ одинъ ихъ общую кровать и покрышку.

Въ Провѣ начинается подыматься злость: злое чувство къ тѣмъ, у кого есть на «кажнаго кровать» и «на кажнаго по пальту для покрывающаго»; злое чувство къ тѣмъ, у кого есть цѣльные сапоги, а не такіе дырявые, какъ у него, сквозь которые забирается морозъ и щиплетъ за пальцы—«точно песь кусаетъ». И ему вспоминается то время, когда онъ былъ сапожникомъ. Вспоминается ему одна барыня, которая ужасно капризничала съ своими ботинками: и то не такъ, и это не такъ; въ подъемѣ жметъ и каблукъ не похожъ на англискій; ежели сапогъ легкій, то почему легкій—будетъ непрочень, а ежели тяжелъ, то зачѣмъ тяжелъ—нога устаетъ. И непременно, чтобы на ранту, а не на гвоздяхъ, а цѣна чтобы была одна и та же. А ежели все исполнишь какъ слѣдуетъ, то, все равно, найдешь что-нибудь, «абы сдѣлать ему неприятность»: и опять «матальжку» жметъ, «гүля» очень выдается... Ахъ волкъ ихъ заѣшь! Отъ сытости, да отъ тепла все это. Только чтобы надъ бѣднымъ человѣкомъ покуражиться, да поломаться... Небожь не носила сапоговъ, которые каши просятъ...

Провъ возвращается на свою лавочку, весь трясая отъ холоду, съ поспившимъ лицомъ.

И опять ему приходитъ на память неслучайная дама. Съ послѣдней парой сапогъ такъ она извела его, что онъ подалъ на нее къ мировому. Она не хотѣла ихъ брать и, когда онъ принесъ ей ихъ на примѣрку, она швырнула ихъ ему «чуть не въ морду». Ну тогда, натурально, онъ разозлился: сколько товару попорчено, сколько труда положено, сколько времени «страчено». И хоть мировой присудилъ ей сапоги, а ему деньги, однако цѣлу спльно сбавилъ. И ему былъ прямой убытокъ.

Вернулся онъ домой, засѣлъ за работу. Да какъ вопзнулъ себѣ шило подъ нготъ лѣваго большого пальца, такъ и свѣту не взвидѣлъ. Въ глазахъ пошли зеленые круги, въ головѣ зашумѣло, сердце ёкнуло. Палецъ вздуло, точно слпву. да и цвѣтомъ онъ сдѣлался похожъ на нее; рука вспухла повыше локтя. Ну, свезли въ больницу. Въ одной отказали, въ другой не приняли, въ третью однако легъ. Доктора во-

зился долго. Одинъ говорплъ—«нокоть снять», другой—«палець отсѣчь», третій—всю руку. А рука-то пухла и чернѣла, пошли красныя жилки—«аккуратъ мраморъ». Словомъ—вылущили два пальца, да и сказали: «Провъ Ивановъ Зерновъ—вы вылѣчены, пожалуйста тапера на выходъ».

И онъ вышелъ.

«Веселые люди...»—съ озлобленіемъ думаетъ онъ.

А вѣтеръ, точно желая поддразнить его, кружилъ и кружилъ по двору и, точно схватывая невидимыми руками стѣны, трясъ ихъ, испытывая прочность постройки, и искалъ лишнюю щель, въ которую бы могъ войти...

Прову кажется, что тамъ, за окномъ, стоитъ въ образѣ вѣтра его врагъ, который ищетъ, подстерегаетъ его, вопить отъ злости, крутится вихремъ, взлетаетъ подъ крышу, неистово трясетъ желѣзныя водосточныя трубы, шатаетъ домъ, чтобы его разрушить; и чѣмъ больше вѣтеръ шумитъ, тѣмъ злوبيе становятся думы Прова.

Вотъ онъ сидитъ въ подвалѣ и замерзаетъ отъ стужи, а тамъ, наверху, въ этомъ самомъ домѣ, есть квартиры, жарко натопленныя, въ которыхъ можно ходить «хоть въ рубашкѣ, все одно, что лѣтомъ...» И сытость тамъ, и довольство, и «на кажнаго по пальту, чтобы укрыться...»

И вездѣ елки... пахнетъ смолой и воскомъ. Любитъ онъ запахъ воска—это напоминаетъ ему то далекое уже время, когда онъ вошилъ пилки, которыми тачалъ сапоги, а по табуретамъ лежали сафьяны, щегрени, опойки и выростки... И на «кажной елкѣ, на вершинѣ, по золотой звѣздѣ».

Онъ тоже дѣлалъ когда-то елку Петрушки. Радовался малый сусальнымъ орѣхамъ и расписнымъ праникамъ. Что-жъ его было не побаловать! Достатокъ былъ, да и не дорого это стоило...

А вѣтеръ все реветъ и свищетъ и трясетъ... И домъ дрожитъ, точно объятый трепетомъ... и гудитъ водосточная труба, и плыветъ сальный огарокъ въ горлышкѣ бутылки, поставленной на крышку давно пустаго сундука.

Пламя вздрагиваетъ, колеблется, дрожитъ, когда по комнатѣ, точно воръ, проносится невидимо и неслышно струйка ледянаго вѣтра; толстый, черный фитиль трещитъ, какъ-то жалобно скрючившись на бокъ.

Пламя вытягивается все выше и выше, и—по стѣнѣ бѣжитъ тѣнь отъ Петрушки, причудливая тѣнь, которая перегибается на низенькій потолокъ и качается на немъ, «точно русалка надъ водою».

И тогда Прову становится не то страшно, не то до боли жутко. И чудится ему, что это рождественскій вѣтеръ забрался, наконецъ, въ его каморку, обернулся въ тѣнь и нагнулся надъ убогой кроватью сына и качается надъ его тѣломъ и дышитъ на хвораго ледянымъ дыханіемъ, чтобы вовсе застудить, заморозить его...

II.

Прову дѣлается грустно, такъ грустно, что хочется заплакать, и онъ пробуетъ плакать, но слезы не пдутъ, а вмѣсто того на лицѣ появляется горькая улыбка.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему начинается хотѣться ѣсть. Утромъ онъ пожевалъ кусочекъ зачерствѣвшей корки, да и то немного, потому что оставшіяся кусочки нужно было размочить въ водѣ и накормить сына. И вчера онъ почти не ѣлъ. Если бы не Никандра, котораго онъ встрѣтилъ съ педѣлю тому назадъ, послѣ долгой разлуки, на улицѣ, въ толпѣ, ожидавшей впуска въ ночлежный домъ,—Провъ съ сыномъ и вовсе бы умеръ отъ голода.

Когда-то они съ Никандрой работали у хорошаго мастера, имѣвшаго свой магазинъ и «золотую вытѣску». Но, вишь, захотѣлось самимъ стать хозяевами! Они бросили нѣмца Шварца—ужъ не за то ли Богъ караетъ его теперь!—и принялись сами за работу. И дѣло, нельзя сказать, чтобы не пошло. Но Никандра сталъ пить. Въ компанію такую попалъ, что ли! Пилъ онъ безбожно; пропивалъ заработокъ, а потомъ обокралъ Прова и вовсе скрылся.

Провъ остался одинъ и продолжалъ дѣло. Но ему съ тѣхъ поръ стало не везти. Жена его, Матрена, слушала на хор-

шесть мѣстѣ, въ кухаркахъ. Стоя у раскаленной плиты, въ маленькой кухнѣ, она обливалась потомъ, поминутно выбѣгая на лѣстницу «для освѣженія». Схватила жестокой «ревматизмъ», слегла въ больницу, да и отдала Богу душу.

И осталась Провъ безъ жены, безъ товарища, съ Петрушкой на рукахъ и съ никандровскими долгами на шеѣ. Однако онъ «оправдалъ» Никандру передъ заказчиками, такъ что никто не жаловался, а все остались напротивъ довольны.

Вотъ этого самаго Никандру онъ и встрѣтилъ у воротъ ночлежнаго дома. Никандра какъ-то опухъ—раздуло его отъ водки. На немъ была поношенная солдатская шинель, безъ пуговиць, а на босыхъ ногахъ опорки. Никандра первый узналъ Прова.

Они разговорились и повѣдали другъ другу свои невзгоды. Никандра заявилъ, что ему придется «какъ слѣдуетъ быть». «Фатера» у него казенная, и онъ «каждый день чай лакаетъ». И стоитъ все это удовольствіе пятакъ.—«А пятакъ-то откуда берешь?»—спросилъ его Провъ; но Никандра протяжно свистнулъ, неопредѣленно заявилъ, что «мало ли пятаковъ на свѣтѣ», и хрипло засмѣялся.

Дня черезъ два Никандра отыскалъ его и принесъ ему поѣсть.

Провъ былъ голоденъ, и они съ Петрушкой поѣли.

Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, и Никандра не являлся болѣе...

— Ахъ, закляю тебя муха! — вдругъ озлобленно шепчетъ Провъ, переставая думать о пищѣ и вспоминая сегодняшнее утреннее посѣщеніе. Въ ихъ убогую каморку вошла дама, въ сопровожденіи лакея. Важный такой, лакей-то, ливрейный и съ «котлетными баками». Дама оказалась экономкой у графини—хозяйки дома, въ подвалѣ котораго жилъ Провъ съ Петрушкой. Графиня занималась благотворительностью и устраивала нынче ввечеру елку для дѣтей своихъ бѣдныхъ жильцовъ.

Провъ встать, шатаясь. Въ каморкѣ было темно, но онъ узналъ въ дамѣ свою бывшую заказчицу, съ которой судился у мирового.

Охъ, и захотѣлось же ему выругать ее. Но онъ сдержался.

— Хоть вы и неисправный жилецъ, судя по докладу управляющаго, — сказала ему дама: — и недавно перешли въ нашъ домъ, но графиня, ради великаго праздника, зоветъ вашего сына на елку. По черной лѣстницѣ, въ пустой квартирѣ второго этажа, будетъ елка. Вашъ сынъ получить теплые валенки, гарусный шарфъ, рукавицы и игрушку, кромѣ сластей...

Но Прова вдругъ начинаетъ душить злоба. Онъ рѣшилъ «оборвать» даму.

— Нешто не узнаете меня, сударыня?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, а кто вы?

— А я тотъ самый саножникъ, котораго вы съ мировымъ облапошили.

— Ахъ, Боже мой!—испуганно заметалась дама, отыскивая глазами дверь.—Онъ пьянъ, онъ пьянъ!.. Отъ него разитъ водкой!.. Игнатій,—обратилась она къ лакею:—ты видишь, онъ пьянъ... Мы вамъ денегъ не дадимъ.—вдругъ прибавила она, торопливо выбираясь изъ каморки:—вы все равно пропѣте, а сына вашего присылайте на елку...

— Пьянъ!! — вдругъ дико зарычалъ Провъ, давая волю своему накипѣвшему гору.—Да я два дни не жрамши сижу, а ты — пьянъ!! Ахъ пропасти на васъ нѣту... Маковой росинки... не то, чтобы что... Петрушку на елку... ахъ, шутъ тебя возьми! Петрушка безъ заднихъ ногъ лежить, Петрушка издыхаетъ, а она на елку...

Но дама давно уже исчезла изъ каморки, въ которой было такъ темно, что она не разглядѣла Петрушки. Межкими шагами бѣжала она черезъ дворъ и въ уяѣ готовила грозный докладъ графинѣ о выселеніи изъ дому Прова.

А Провъ, несмотря на холодъ, на голодъ, на тоску, продолжалъ неистово ругаться и не замѣчалъ, что Петрушка съ самаго прихода дамы проснулся, приподнялся на локтѣ и смотрѣлъ на все происходившее широко раскрытыми глазами.

— Батка, а батка... — слабымъ голосомъ проговорилъ онъ, и Провъ пересталъ ругаться.

— Чево тебѣ?

— На елку-то пойдешь, что ли?

— Пуцу, — сказалъ Провъ, чувствуя, какъ ему «подступаютъ» къ горлу.

— Пусти. Мнѣ бы пряникъ крашеный. Валенковъ мнѣ не нужно. И такъ жарко... словно лѣтомъ. Валенки себѣ возьми... озябъ ты... и шарфъ гарусный и рукавицы... А мнѣ пряникъ... пряникъ...

Петрушка ослабъ и упалъ головой на грязный узелъ. Онъ еще бормоталъ что-то, но что именно — Провъ уже не разобралъ. Въ горлѣ его щекотало, и, наконецъ, горячая слеза покатилась по его посинѣвшей щекѣ.

И опять Провъ усѣлся на лавочку, да такъ и просидѣлъ до самаго вечера. И теперь, ввечеру, какъ вспомнить онъ объ этой дамѣ, да о лакеѣ, сопровождавшемъ ее, такъ-то ему становится жутко, что, казалось, задушилъ бы онъ и даму, и ливрейнаго лакея съ его «сытой харей», и самоѣ графиню.

III.

А Петрушка уснулъ и видѣлъ сонъ.

Метался онъ, раскидавшись на кровати, въ жару, въ бреду, весь горя, какъ въ огнѣ. И не то на яву, не то въ тяжеломъ кошмарѣ онъ видѣлъ передъ собой крашеный пряникъ, зеленую елку, желтые огни, кругами ходившіе передъ его глазами, золотую звѣзду, красные и синіе фонари. И откуда-то неслись чистые, звонкіе, могучіе голоса. Онъ не узналъ ихъ сначала, но потомъ, употребивъ нѣкоторое усиліе, вспомнилъ. Вѣдь это звонятъ колокола!

Мечтой всей петрушкиной жизни было сдѣлаться звонаремъ. Когда онъ ходилъ еще по улицамъ, то вѣчно задиралъ голову и любовался колоколами на высокихъ колокольняхъ; онъ наткался на прохожихъ, разъ чуть было не попалъ подъ конку, а однажды сшибъ съ ногъ даже самого городского, стоявшаго на посту, за что и получилъ здоровенный щелчокъ по затылку.

Петрушка любилъ колокола за ихъ металлическій звонъ, за то, что они такъ красиво раскачиваются на сѣромъ небѣ, за то, что голосъ ихъ не боится вѣтра и пересиливаетъ его.

Петрушка ненавидѣлъ вѣтеръ. Еще бы! Зимомъ, съ растрескавшимися щеками, съ окоченѣвшими руками, со стучающими другъ объ дружку зубами, бѣгалъ онъ по улицамъ города, а вѣтеръ забирался ему въ рукава, подъ полы его пальтишка. А въ рукахъ нужно было нести пару сапогъ и некуда было спрятать окоченѣвшихъ рукъ... И вѣтеръ ненавидѣлъ Петрушку: онъ какъ будто изъ-за угла подстерегалъ его и съ яростью накидывался на мальчишку, старался его опрокинуть, онъ съ озлобленнымъ свистомъ пронесился мимо него, и, встрѣтивъ его на другомъ какомъ-нибудь углу, точно взвизгивалъ: «Ахъ, какъ я радъ тебя увидѣть» — и опять старался повалить его.

И Петрушкѣ казалось, что колокола сочувствуютъ ему.

— Петя здѣсь, Петя здѣсь... Петя, Петя, Петя здѣсь... — звонили они радостно, и Петрушка улыбался во весь ротъ, прислушиваясь къ ихъ ритмическимъ голосамъ. Въ особенноти онъ любилъ густой, глубокой звукъ большого колокола и наблюдалъ, какъ его огромный языкъ шевелится и испускаетъ громовые звуки.

Вотъ и теперь, лежа въ бреду на своей убогой кровати, онъ прислушивается къ звукамъ колоколовъ; но ему кажется, что голоса ихъ потускнѣли, устали, ослабли, что они несутся къ нему издали, точно со dna волшебнаго озера. И ему кажется еще, что каждый вырвавшийся на волю звукъ застываетъ въ морозномъ воздухѣ и превращается въ маленькаго сахарнаго ангела, и тысячи тонкихъ голосковъ, переключаясь другъ съ дружкой, поютъ:

— Петя спитъ, Петя спитъ... Петя, Петя, Петя спитъ...

И ему хочется крикнуть:

— Врете вы, ангелы... Я вовсе не сплю, а просто боленъ.

— Ббу-ди! Ббу-ди! — глухо ударяетъ большой колоколъ, его любимецъ, звуки котораго тоже застываютъ въ воздухѣ и

превращаются въ огромный коричневый пряникъ, на которомъ нарисованъ трубочистъ.

— Не сплю я!—сердится Петрушка на трубочиста.—Ахъ, какіе вы всё несносные... Я боленъ, а не сплю. И все вижу, и все слышу. Вотъ слышу, вы опять заколочили: «Петя спитъ, Петя спитъ»... Ну васъ совѣмъ!..—обиженно прибавляетъ онъ, принимая все это за насмѣшку, и хочетъ махнуть рукой; но рука его безпомощно свѣшивается съ кровати.

Кошмаръ продолжается, и Петрушка видитъ, какъ сахарные ангелы и пряничный трубочистъ дѣлаются прозрачными, хрустальными, «точно ледяныя сосульки». Ангелы все тѣснѣе и тѣснѣе окружаютъ его кровать и несутъ что-то въ рукахъ. Это елка. Настоящая елка, съ гирляндами, орѣхами, фонариками и свѣчами. Наверху звѣзда... А нѣ, вѣтвяхъ — гарусный шарфъ, рукавицы, валенки... Но крашеная пряника нѣтъ. Въмѣсто него картонная церковь, съ настоящими стеклами, за которыми горитъ огонь, съ высокой колокольней, на перекладинѣ которой висятъ колокола изъ серебряной бумаги! «Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ... это все тебѣ, тебѣ»...—звонятъ колокольчики...

Затѣмъ все исчезаетъ: и елка, и ангелы, и церковь, все... И свѣтъ, который они внесли съ собой въ комнату, меркнетъ. Одинъ за другимъ таятъ въ воздухѣ сахарные голоса... Остается одинъ голосъ большого колокола. Но и тотъ гудитъ глухо, тревожно, медленно, замирая. И вдругъ, голосъ-пряникъ падаетъ на полъ, превращается въ уродца и катится, катится въ уголъ каморки. Тамъ, забившись въ уголъ, темный клубокъ сидитъ съжившись и смотритъ на него такъ настойчиво, что Петрушку бросаетъ въ холодъ. И вотъ этотъ клубокъ растетъ, растетъ, злобно, неимоვნно растеть, катится по каморкѣ, наполняетъ ее всю собою и наваливается на Петрушку всею своею тяжестью, душитъ его и, надъ самымъ его ухомъ, шепчетъ ему: «Ббу-ди! Ббу-ди!»

Петрушка слышитъ, какъ дверь въ каморкѣ открывается, и кто-то входитъ. Раздаются голоса, и онъ просыпается.

Въ каморку вошелъ Никандра. Что-то похожее на горшочекъ, обернутый въ тряпки, было у него въ рукахъ.

— Здоровъ, Провъ,—сказалъ онъ, войдя.

— Здоровъ.

— Что, братъ, холодно, голодно?

— И холодно, и голодно.

— И плакать не велятъ? — насмѣшливо проговорилъ Никандра, издавъ хриплый звукъ, оказавшійся смѣшкѣмъ. Провъ молча махнулъ рукой.

— А я, братъ, тебѣ съ парнишкой жратвы принесъ.

— Правда?—боясь обмануться въ надеждахъ, спрашиваетъ Провъ.

— Коли неправда! Угадай—что?

Провъ пощупалъ горшочекъ и ощутилъ пріятную теплоту въ пальцахъ. Нюхнулъ тряпку, повелъ носомъ.

— Неужто печенка?—вскрикнулъ онъ.

— Она,—утвердительно кивнулъ головой Никандра.— Съ картофелью. Насытайся!

Онъ снѣлъ съ горшка тряпки, и Провъ сталъ насыщаться. Но ѣсть онъ отвыкъ и съ первыхъ же двухъ кусковъ почувствовалъ сытость. Онъ хотѣлъ покормить Петрушку, но тотъ чувствуя отвращеніе къ пищѣ, притворился спящимъ.

— Ну, ничего, — успокоительно заявилъ Никандра: — на завтра оставишь.

— Гдѣ взять?—спросилъ его Провъ, указывая глазами на горшочекъ.

— А гдѣ взять, тамъ ужъ его болѣе нѣту, — неопредѣленно отвѣтилъ Провъ.—Купилъ.

— А деньги гдѣ взять?—еще разъ полюбопытствовалъ Провъ.

— Денегъ на свѣтъ много,—еще загадочнѣе проговорилъ Никандра.—А ты что-жъ, помирать собрался?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Разсчитывалъ,—просто отвѣтилъ Провъ.— Да вотъ ты же помѣшалъ, накормилъ, спасно тебѣ.

— На здоровье. Не за что благодарствовать: ты меня вы-

ручилъ, когда я отъ тебя сбѣгъ, я—тебя. Квиты. А только я не къ тому. Я къ тому, что глупъ ты, Провъ.

— Какъ, тонсъ, глупъ?

— Очень даже просто. И себя уморить вздумалъ, и ребенка. Слушай,—таинственно прошептала Никандра, наклонившись къ его уху.—Я, братъ, состою главнымъ смотрителемъ надъ вещами, которыя, значить, плохо лежатъ. Ну, и... тово... Высмотрѣлъ одно мѣстечко... Ежели умненько обдѣлать нынче ночью... сытъ и пьянъ будешь, да и сынишку вызволишь...

— Красть, значить?—прошептала Провъ.

— Красть, красть... — передразнилъ его Никандра, и хотѣлъ придумать какое-нибудь болѣе мягкое слово, но ничего не придумалъ, а только озлобился отъ бесплодныхъ потугъ, покраснѣлъ и хрипло крикнулъ:—а хонь бы и красть?! Не клади плохо. А къ тому же и ураздникъ — всякому повеселиться хочется.—И, увлекаясь своей мечтой, онъ продолжалъ взволнованно:—Это ничего, что ты безпалый... на одной рукѣ утащишь. Будеть у тебя завтра и тепло, и сытно... И Петрушкѣ купишь лѣкарства и игрушку, что ли...

— Вотъ игрушку, это дѣйствительно... — раздумчиво проговорилъ Провъ, чувствуя какъ передъ его глазами встаетъ образъ ненавистной ему дамы, посѣтившей его поутру. И въ его головѣ, въ свою очередь, зрѣетъ планъ, въ которомъ выгода соединяется съ мстествомъ, отчего планъ этотъ кажется ему вдвое заманчивѣе.

— Да, Петрункѣ... игрушку... Лѣкарства не надо, все одно не выкарабкается... А игрушку... это дѣйствительно... пусть позабавится передъ смертью.

Петрушка все слышитъ. Онъ уже давно не спитъ. Ему хочется крикнуть: «Батька, что ты дѣлаешь? Не надо мнѣ игрушки, ну, е!.. Не ходи, батька, Богъ накажетъ!..» — но у него ничего не выходитъ, и изъ запекшихся губъ вырывается только первое слово:

— Батька!..

Пріятели понижаютъ голоса. Провъ говорить:

— Ничего, это онъ бредитъ, — и сообщаетъ Никандрѣ о посѣтившей его утромъ дамѣ, о елкѣ въ пустой квартирѣ второго этажа, по черной лѣстницѣ, о подаркахъ, о томъ, какъ онъ хотѣлъ бы отмстить своей погубительницѣ.

— Подарки, это что! — сочувственно отвѣчаетъ ему Никандра.—А шубы—это точно... Снять, значить, въ передней, по шубѣ да и квитъ. И дрова на завтрава будутъ, и тово... и волка...

Оба умоляютъ. Провъ раскидываетъ въ умѣ: стѣитъ ли братъ грѣхъ на душу?

— Никандра,—говоритъ онъ.— А вѣдь грѣхъ? Какъ же съ грѣхомъ-то быть?

— Грѣхъ, точно...—успокоительно соглашается Никандра.— Въ нашемъ званіи безъ грѣха не прожить. Покаешься попу на духу—только всего...

Никандрѣ этотъ планъ больше нравится, чѣмъ то, что онъ придумалъ. И ближе, и скорѣе, да и шубъ много. А по его плану надо бы идти чуть не на окраину города.

— Ну, шевелись, — говоритъ онъ твердо и встаетъ съ лавки, которая покачнулася.—Айда!

Провъ подымается, надѣваетъ картузъ, валившійся въ углу, дуетъ на свѣчу и молча, покорно, плетъ за Никандрой. Всѣ возраженія, которыя у него были, онъ высказалъ. Больше онъ ничего придумать не въ состояніи. Однако, у порога онъ останавливается, и у него мелькаетъ мысль, не лучше ли «просто съдохнуть».

— Батька!—шепчетъ Петрушка, и Провъ вздрагиваетъ.

— Что тебѣ, мальченка? — спрашиваетъ Провъ, но Петрушка ничего не можетъ больше сказать, а только шепчетъ что-то сухими губами.

— Бредитъ, — успокоиваетъ Прова Никандра и выталкиваетъ его изъ каморки.— Надоть походить еще вокругъ да около.—говоритъ онъ на ходу:—не вдругъ: высмотрѣть надо... съ полчаса пройдетъ...

IV.

Но скользкой, темной лѣстницѣ карабкается со ступеньки на ступеньку, ошупывая дрожащими пальцами стѣну, Пе-

Рождество. Съ рождественскими игрушками. По рисунку Ф. Тоинсэ, грав. Бодъ.

трушка. Какъ только Провъ и Никандра вышли изъ каморки, онъ почувствовалъ въ себѣ силу, спустился съ кровати, сунулъ босыя ноги въ драныя резиновыя калоши, натянулъ на себя пальто, чуть-чуть не упалъ при этомъ, и направился къ двери. Проходя мимо угла, онъ боязливо покосился—ему показалось, что коричневый комокъ все еще тамъ: только онъ сдвинулся теперь опять маленькимъ, какъ горошинка. Но изъ тьмы свѣтился острый, какъ сталь, взоръ невѣдомаго чуднца. Петрушку качнуло въ сторону, онъ схватился за косякъ двери, и на порогъ упалъ.

Онъ чувствовалъ, какъ его ноги дрожатъ, подкашиваются, какъ по жиламъ его течетъ раскаленная, тяжелая, точно свинецъ, кровь, какъ въ голову его ударяютъ молотками и ему кажется, что коричневый комокъ сѣлъ ему на шею и душитъ его.

Однако, на дворъ Петрушка почувствовалъ себя лучше. Вѣтеръ точно обрадовался ему, какъ старому знакомому, и охватилъ его со всѣхъ сторонъ, и, на этотъ разъ, ему это даже понравилось: не такъ было жарко. По привычкѣ онъ задралъ голову. Нѣтъ, колоколовъ не слышать; зато вверху, на черномъ небѣ, горятъ звѣзды. И Петрушкѣ кажется, что это все золотыя елочные звѣзды, прикрѣпленные на верхушкахъ деревьевъ, тысячами не видимо стоящихъ на землѣ въ эту ночь. Онъ даже отстраняетъ рукой вѣтку, которая, какъ ему чудится, колетъ его щеку. «Сколько елокъ!»—мерещится ему... И во всѣхъ пяти этажахъ, выходящихъ окнами на дворъ, тамъ и сямъ, мелькають желтые огоньки... «Все елки, все елки...»—проносится въ головѣ Петрушки.

Какъ онъ попалъ на лѣбтницу—онъ не знаетъ. Но что-то толкаетъ его, гонитъ впередъ. И онъ собираетъ послѣднія силы и подымается по ступенямъ. Порой ему кажется, что онъ видитъ какого-то притаившагося человечка, который уступаетъ ему дорогу, или что коричневый комочекъ со свѣтлыми глазами соскочилъ съ его спины и катится передъ нимъ по ступенямъ. И дрожь ужаса охватываетъ его. Голова у него кружится, ноги подгибаются, и ему кажется, что вотъ-вотъ—онъ полетитъ внизъ.

Коричневый комочекъ вкатился на порогъ полуоткрытой двери и остановился на немъ. И вотъ, онъ опять начинаетъ расти, расти, расширяться, наполняетъ собою все отверстіе двери... Въ глазахъ Петрушки темнѣетъ. Онъ силится переступить черезъ огромный, темный комъ. Кажется, ему это удастся, но онъ теряетъ сознание и падаетъ въ сѣняхъ, слыша еще, какъ отдаленное эхо, гулъ дѣтскихъ голосовъ.

Потомъ сознание къ нему возвращается. Кто-то возится надъ нимъ, кто-то подымаетъ его.

— Елена Прохоровна,—смутно слышитъ онъ чей-то взволнованный голосъ.—Куда его положить?

— Положите въ сосѣднюю комнату... куда шубы навѣсили... тамъ тепло. Да укройте его. Гдѣ вы его нашли?

— Въ сѣняхъ. Я чуть не упалъ. Лежитъ, бѣдняга, поперекъ. Я еще снизу слышала, какъ кто-то возится у двери. Надо бы напоить его чаемъ. Бѣдный мальчикъ...

Петрушку несутъ въ слѣдующую комнату. Тутъ по стѣнамъ, на гвоздяхъ, висятъ шубы, шинели, дѣтскія пальтишки, дамскія ротонды. Жаръ снова охватываетъ Петрушку, и ему кажется, что онъ попалъ въ самое некло. И опять тысячи голосовъ поютъ ему:

— Петя спитъ, Петя спитъ; Петя, Петя, Петя спитъ...

Но онъ уже съ ними не споритъ. У него не хватаетъ силъ спорить, хотя онъ сознаетъ, что колокола врутъ, потому что ему спать вовсе даже не хочется и онъ думаетъ о невидимыхъ елкахъ, уперевшихся вершинами въ самое небо, которое онъ освѣтили своими еусальными звѣздами: ему хочется по этимъ вѣткамъ добраться до неба.

А тамъ, за стѣной, раздается говоръ, слышится веселый дѣтскій смѣхъ; хлопають хлопушки съ сюрпризами, раздается топотъ дѣтскихъ ногъ, и онъ вдыхаетъ ароматъ воска, смѣшанный съ запахомъ снѣга.

Кто-то поитъ его горячимъ чаемъ, но Петрушкѣ не хочется чаю—и безъ того ему жарко,—и онъ отворачивается съ недовольнымъ видомъ. Его оставляютъ въ покоѣ, и вотъ,

онъ лежитъ одинъ и прислушивается къ дѣтскимъ голосамъ, перебиваемымъ тонкими и высокими звуками воображаемаго колокольнаго звона. Теперь уже ему и на снѣ не хочется, да и вообще ничего не хочется: не прельщаетъ его и крашеный прыяникъ, потому что онъ боится, что этотъ прыяникъ превратится въ отвратительный коричневый комокъ съ острыми, свѣтлыми глазами: надоѣли ему и назойливые колокола, которые металлическими голосами дразнятъ его. Ничего ему не хочется, кромѣ отдыха, покоя... чтобы никто его не тревожилъ, никто съ нимъ не говорилъ, ни о чемъ его не спрашивалъ. Теперь его заводить сонъ: онъ пробуетъ уснуть, но не можетъ. Онъ ждетъ чего-то...

Онъ слышитъ мягкіе, глухіе шаги по комнатѣ. Лѣбно открываетъ Петрушка сначала одинъ глазъ, потомъ оба и, наконецъ, широко раскрываетъ ихъ, силясь своимъ взоромъ побѣдить полутьму комнаты. И онъ узнаетъ въ этихъ двухъ, прокраившихся сюда тѣняхъ своего батьку и «дядю Никандра». Батька здоровой рукой снимаетъ съ гвоздя шубу и надѣваетъ ее на себя. Дядя Никандра слѣдуетъ его примѣру.

И вдругъ, волнение овладѣваетъ Петрушкой; что-то встряхиваетъ его и, собравъ всѣ оставшіяся въ немъ еще силы, онъ неистово кричитъ:

— Батька! Батька! Не надо... не надо... батька!

Никандра дрожитъ отъ неожиданности, роиаетъ шубу и съ налитыми кровью глазами кидается на Петрушку, схватываетъ его за горло и начинаетъ его душитъ. Петрушка не барахтается, не сопротивляется—гдѣ ему! Ему становится только невыносимо жарко, и глаза его точно кипяткомъ наливаются. Онъ хрипитъ. Провъ, обезумѣвъ, кидается на Никандру, который въ дикомъ изступленіи все сильнее сжимаетъ Петрушкино горло и бормочетъ:

— Молчи, молчи, шепокъ... Молчи, подлець... молчи, мерзавецъ...

И Петрушкѣ кажется, что это колокола разсердились на него за давнинее его невниманіе къ нимъ и теперь уже не насмѣхаются надъ нимъ, а бранятся и ругаются.

Начинается свалка, возня на полу. Провъ сѣдился съ Никандрой...

Въ комнату входятъ. Мужчины кидаются на пойманныхъ мазуриковъ, дамы кричатъ; раздается дѣтскій плачь.

— Это онъ, это пьяница-сапожникъ, я его узнала!—слышитъ Петрушка торжествующій голосъ дамы.—Отведите ихъ въ участокъ... Вотъ до чего доводитъ водка... вотъ до чего, вотъ до чего...

Прова съ Никандрой уводятъ дворники. На порогъ Провъ оборачиваетъ голову назадъ и шепчетъ:

— Прощай, Петрушка... не помниай лихомъ... Хошь бы тебя-то призрѣли... не загубили...

Но дворникъ толкаетъ Прова въ спину, и онъ уходитъ изъ комнаты. Больше Петрушка ничего не видитъ и теряетъ сознание.

Но вотъ онъ опять просыпается уже одѣтымъ и обутымъ, какъ тѣ дѣти, которыя рождаются уже одѣтыми и обутыми, какъ ему казалось, когда онъ встрѣчалъ на улицахъ расфранченныхъ дѣтей. И онъ идетъ среди густого очарованнаго лѣса елей: каждая ель вдѣлана въ крестообразную деревянную подставку. Надъ Петрушкой висятъ, на словыхъ вѣтвяхъ, зблочки, груши, орѣхи, хлопушки. Новыше мелькають желтенькіе огоньки—не то фонарики, не то звѣзды. Петрушкѣ ни жарко, ни холодно, а въ самый разъ. Ему кажется, что вокругъ него совершается какой-то безмолвный праздникъ, и онъ не знаетъ, видитъ ли онъ все это во снѣ или на яву. А вверху, тамъ, гдѣ горятъ яркія, еусальные звѣзды, праздникъ гораздо оживленнѣе. Петрушка задираетъ, по обыкновенію, голову и любитъ, сквозь вѣтви, звѣздами и видитъ опять хрустально-сахарныхъ ангеловъ, похожихъ на бѣлыя пушинки снѣга. Пушинки растутъ и превращаются въ длинныя, бѣлыя призраки, высокіе и тонкіе, съ огненными головами: они идутъ по нѣскольку въ рядъ, то подымаются, то спускаются—цѣлая лѣбтница огней по зеленой хвостѣ. И они киваютъ ему. Теперь ему чудится, что, можетъ-быть, это и не ангелы, и не колокольные звуки, а оживившіяся восковыя свѣчи—ро-

жественские огни слепи... а, может-быть, это души усопших в эту святую ночь, которые потянули в саванах съ погоста и стремятся къ звѣздамъ сквозь зеленую чашу очарованнаго лѣса. Может-быть, даже и онъ ужъ не Петрушка, а такая же тоненькая восковая свѣча съ огненной головкой... Сверху несется звуки:

— Петя живъ... Петя живъ... Петя. Петя. Петя живъ...

Ахъ, это опять колокола, милые, старые, добрые колокола, и они перестали уже дразнить его!

— Живъ, живъ...— вторитъ онъ имъ.

— Хочешь быть звонаремъ?— слышится ему.

— Конечно, хочу.

— Схватись за нижнюю вѣтку... Подымайся по вѣтвямъ къ самой верхушкѣ, къ самой звѣздѣ... Здѣсь ты будешь ближе къ Богу и можешь звать ему вѣчную славу, и далеко будетъ слышенъ твой голосъ, по всему городу, подобно нашимъ голосамъ.

Петрушка схватывается за нижнюю вѣтку и чувствуетъ какъ что-то приподымаетъ его!

Но онъ быстро выпускаетъ изъ рукъ вѣтку.

— Безъ батьки не хочу.— заявляетъ онъ.

— Тащи и батьку.

И вотъ Петрушка схватываетъ лѣвой рукой батьку, а правой—вѣтку. Опять его что-то приподымаетъ.

— Не дотащить тебѣ батьку.— шепчетъ ему кто-то.— Тяжесть у него на совѣсти и не справишься тебѣ съ этой тяжестью...

«Вреге вы»... — думаетъ Петрушка, карабкаясь все выше и выше: «это онъ съ голоду ...»

Вверху мелькаютъ звѣзды: онъ подымается къ нимъ. Вотъ ужъ низы елей виднѣются далеко подъ нимъ, полернутые голубымъ туманомъ, а наверху все больше и больше звѣздъ, и Петрушка тянется къ черному полю, усеянному звѣздами, и звѣзды киваютъ ему дружелюбно...

Вотъ онъ уже близокъ къ самой яркой звѣздѣ, но вдругъ чувствуетъ страшную тяжесть въ рукѣ... Онъ смотритъ внизъ: за батьку уцѣпилъ Никандра и тащится за нимъ. Петрушка не выдерживаетъ тяжести, рука его дрожитъ отъ ужасныхъ усилий, которыя онъ дѣлаетъ, чтобы удержать батькину руку... Онъ дѣлаетъ послѣднее напряженіе... но Никандра съ батькой стремительно летятъ въ пропасть, головами внизъ...

Въ глазахъ Петрушки темнѣетъ, голова его кружится... Однако онъ опять подымается къ звѣздамъ, и онъ ярко свѣтятъ ему, почти ослѣпляютъ его, а небесные голоса поютъ ему, какъ когда-то пѣли колокола:

— Батька придетъ, придетъ, придетъ...

Вернулся!

Рождественскій рассказъ Рене Базена.

I.

Сегодня Жанъ Фово рано забрался въ свою комнатку подъ крышей. Да что ему и оставалось дѣлать послѣ того, какъ тракторная хозяйка объявила ему вечеромъ, что желаетъ провести канунъ Рождества въ своей семьѣ.

— Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? — ворчалъ онъ, выходя изъ плохенькаго трактора, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ дома. — Чѣмъ канунъ Рождества отличается отъ другихъ вечеровъ!

Обыкновенно молодой наборщикъ оставался въ тракторѣ до ночи, болтая съ хозяйкой или посетителями за скромнымъ ужиномъ. Его мансарда не была ни тепла, ни уютна въ эту ледяную зимнюю ночь, когда по Луарѣ шелъ ледъ, земля была покрыта снѣгомъ, а съ крыши свѣшивалась бахрома ледяныхъ сосулекъ.

Жанъ Фово подошелъ къ окну, выходившему на Луару и Нантскую набережную. Мутно-сѣрая рѣка, сжатая гранитными берегами, то сверкала огненными струйками, то подергивалась легкой рябью. На пей, выстроившись въ рядъ, дремали темныя барки. На противоположномъ берегу видѣлись верфи, крыши низенькихъ домиковъ Прери-о-Дюкк; за ними — далекія поля, соседнія съ Вандеями.

Нѣтъ, Жанъ Фово ошибался, этотъ вечеръ не походилъ на другіе. Грохотъ телегъ рано смолкъ; прохожихъ было меньше, чѣмъ обыкновенно, и ихъ лица не выражали, какъ всегда, озабоченности; во многихъ лавкахъ наполовину закрыты ставни, за много миль отъ города, и звонъ ихъ, ослабленный расстояніемъ, походилъ на жужжаніе мошекъ лѣтнимъ вечеромъ въ вѣтвяхъ дерева. Онъ говорилъ, этотъ звонъ: «Придите встрѣчать великое событіе, которое обрадовало смиренныхъ много, много лѣтъ тому назадъ. Придите, угнетенные, ибо родилась справедливость. Придите, страждущіе, ибо явилась надежда. Придите, уставшіе отъ жизненной борьбы, ибо взошла заря вѣчнаго мира!»

Рождественская ночь! Жанъ Фово задумался... И вдругъ, къ равномерному дыханію южнаго вѣтра, будто ласкавшаго землю, примѣшался отдаленный звонъ колоколовъ. То колокола его родины, Вандей. Они звонили съ невидимыхъ колоколенъ, за много миль отъ города, и звонъ ихъ, ослабленный расстояніемъ, походилъ на жужжаніе мошекъ лѣтнимъ вечеромъ въ вѣтвяхъ дерева. Онъ говорилъ, этотъ звонъ: «Придите встрѣчать великое событіе, которое обрадовало смиренныхъ много, много лѣтъ тому назадъ. Придите, угнетенные, ибо родилась справедливость. Придите, страждущіе, ибо явилась надежда. Придите, уставшіе отъ жизненной борьбы, ибо взошла заря вѣчнаго мира!»

Прислонившись лицомъ къ оконнымъ стекламъ, которыя дрожали подъ напоромъ вѣтра, какъ струны скрипки, онъ вспоминалъ родину, гдѣ въ глубинѣ безчисленныхъ овраговъ поютъ ручьи, гдѣ зеленеютъ роицы и зрѣютъ пышные нивы, гдѣ каждая усадьба живетъ общими интересами со всѣми остальными, когда приходятъ пора полевыхъ работъ, и пахарь на парѣ воловъ проводить борозду за бороздой, медленно подвигаясь съ одного конца поля на другой, навстрѣчу другому пахарю, или когда въ золотистой шеницѣ мелькаютъ съ дѣтства знакомыя другъ другу лица жнецовъ. Земля тамъ жестка и трудно поддается обработкѣ; головы упрямы и не внимаютъ никакимъ увѣщаніямъ. Отчего ушелъ съ родительской усадьбы этотъ паренъ, сохранившій еще подъ одеждой городскаго рабочаго

деревенскія заманки, мечтательное выраженіе глазъ и усеянное веснушками розовое лицо, наслѣдіе покойной матери, уроженки Вандей? Вотъ потому-то онъ и ушелъ, что мать умерла, и изъ-за наслѣдства разыгралась ужасная сцена. Онъ, тогда еще шестнадцатилѣтній юноша, рослый и стройный, съ золотистыми волосами и открытымъ лицомъ, по съ необузданной волей предковъ, осмѣлился однажды вечеромъ заявить отцу:

— Я и сестра Жюстина наслѣдники послѣ матери; я требую свою часть!

Неслыханная дерзость! Спрашивать отчета, требовать наслѣдство! Отецъ, которому послѣ раздѣла пришлось бы плохо, несмотря на то, что онъ работалъ, не покладая рукъ, отецъ, ставившій свою родительскую власть выше закона и не признававшій другой воли, кромѣ своей, подиался съ привычнаго мѣста у камина и, какъ собаку, выгналъ изъ дому свое непокорное дѣтище, осмѣлившееся пресупить обычай старины.

Они больше не видѣлись. Жанъ пошелъ въ городъ и поступилъ сначала ученикомъ, потомъ рабочимъ въ типографію одной газеты, ежедневно, какъ заведенная машина, работалъ по восьми часовъ въ низкой темной наборной, подъ шумъ машинъ, при свѣтѣ газовыхъ рожковъ, которые зажигались задолго до наступленія сумерекъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что покорился своей судьбѣ, даже сжился съ новой жванью. Такъ провелъ онъ восемь долгихъ однообразныхъ лѣтъ; теперь ему двадцать четыре года. Но бѣда въ томъ, что послѣ двухлѣтней воинской службы, особенно послѣ лагернаго приволья, городской воздухъ кажется ему тяжелѣе прежняго, рабочий день длиннѣе... Не разъ съ тѣхъ поръ хотѣлось ему повидать сестру Жюстину и родную кровлю съ поднимавшимся надъ нею дымкомъ между двумя вязами, такими же старыми, какъ проѣзжая дорога, какъ все кругомъ; что касается отца—между ними все было кончено, и конечно навсегда!

Колокола Вандей продолжали звонить, слышалъ приходящій къ рождественской службѣ...

Должно-быть, она постарѣла, сестра Жюстина, за тѣ долгіе годы, что онъ не встрѣчалъ взгляда ея сѣрыхъ глазъ. Она была похожа на отца: такая же высокая, какъ онъ, съ короткой талией, продолговатымъ строгимъ лицомъ и упрямымъ характеромъ въ домашнемъ быту. Зато что за золотыя руки! Она справлялась съ большею частью работъ, кормила скотину, правила лошадей не хуже любого мужика и могла при случаѣ замѣнить въ полѣ работника; а хозяйка она была такая, что молодыя дѣвушки съ соседнихъ дворовъ приходили у ней учиться. Кто лучше ея умѣлъ отжимать масло и выдѣлывать изъ него красивые твердые бруски съ оттискомъ листа вереска наверху? Гдѣ можно было получить хлѣбъ бѣлье того, который она мѣсила и пекла каждую недѣлю? А въ страдную пору, когда косари къ полудню чуть не надаютъ отъ усталости, какалъ хозяйка аккуратно ея появлялась въ полдень на краю луга, съ полными руками, крича: «Отецъ, Жанъ! Вотъ супъ, вотъ сидръ!» И въ салфеткѣ, окутывавшей суповую миску, почти всегда лежала золотистая лепешка, которую проворная дѣвушка успѣвала рано утромъ замѣсить и испечь.

Рождество. Хлопушки. По рисунку А. Форестье, грав. Пэне.

Рождество. Въ сторожкѣ лѣсничаго. По рисунку Блуме-Зибера, грав. Пэне.

Правда, она не любила, когда в ее дела вмешивались, ворчала, когда отец или брат в мокрой куртке слишком близко подходили к ее скамьям, блестящим, как новая медь. Но под наружной неприветливостью скрывалось нежное, любящее сердце. Когда отец хворал, а в особенности когда хворал Жань, нужно было видеть выражение ее глаз, в которых обычная озабоченность уступала место состраданию. Ах, Жюстина, Жюстина, сколько раз в полку и в типографии вспоминавшие о тебе скрашивало одиночество Жана Фово, как воспоминание о единственной привязанности, безупречной и неизменной!

Набережная почти опустела; над равниной восходила луна: свет в ее лучах серебрился нежной, почти воздушной, пеленою. Ветер стихал; казалось, он отступал перед властным напыльем лунного света.

В этот час в отцовской усадьбе дверь плотно закрыта и зажжена свеча. Если отец не изменил своим привычкам, он теперь чистит камнаны, сидя у камина; он мало говорит и только иногда поднимает глаза на стальные часы, тикающие возле окна, между тем как Жюстина и рабочий грются по другую сторону камина, — он, ничего не делая, а она, конечно, сшитые в руках, погруженная в думы. Какое место в этих замкнутых сердцах занимал еще сын, брат? Да и занимал ли? Как отрадно было бы очутиться невидимкой в этой комнате, посмотреть на них и унести с собою уверенность, что еще принадлежащий к этой семье, что связанный с нею узам, хоть и ослабленным, но все же еще не порванным.

Чем больше он думает, тем соблазн становится сильнее. Наконец, Жань сказала себе: „Я пойду, попробую позволения только взглянуть на них. Пойду с ними в церковь, но не сяду на их скамью: ведь отец меня выгнал. Потом вернусь в город, хорошенько посмотрю на них и они увидят, как я изменился. — Не то наши воспоминания друг о друге скоро совершенно изгладятся.“

Он вышел из мансарды, бросил ключ под рогожу и побжал на вокзал, сел на поезд, отходивший в Вандею.

II.

После часовой езды он вышел на полустанке, затерянном среди полей, — единственный путешественник, очутившийся в этот поздний час в самом захолустье Вандеи, на пути к отцовской усадьбе. Он узнавал эти обсаженные деревьями дороги, вписывая мимо поблудивших пашень. Вершины деревьев так густо сгущались ветвями, что под ними было темно. Тонкий лед в выбоинах дороги трещал под ногами и как-то жутко ступало одинокому путнику среди мертвой тишины позднего вечера. Колокола смолкли. На перекрестках, где деревья рдели, Жань останавливался и полной грудью вдыхал воздух родины, от которого, казалось, кровь быстрее текла в жилах. Он радостно озирается кругом, с удивлением узнавая давно знакомые картины. Он называл имена владельцев каждого луга, каждой заливной или вспаханной полосы, каждого паз домика, сливавшихся теперь, своими занесенными снегом крышами, с неровностями почвы.

О, как медленно подвигается Жань, каждую минуту замедля шаг! Над ним гигантский шатер неба расцвтился миллиардами звезд; он собрался в группы, перемешался, и, куда бы воор не обратился, всюду сверкало золото, пробивающееся каплями сквозь темную лазурь. Но для кого все это великолепие? Мало кто из людей поднимал теперь взоры к небу. Недалеко отсюда море, — только оно отражало эти миллиарды звезд, а струившийся по каменистому дну урага поток, еще не скованный льдом, влился и лезил в своих струйках отражение одной трепещущей звездочки... В этот таинственный час ночи, накануне Рождества, как говорить деревенские старушки, но земля ходит, расточая благословения, святые покровители Вандеи. Воздух трепещет, будто разбрасываемый невидимыми крылами. Ничто не движется, земля словно опустела; но на темноте, кто умилению смотреть вверх, нисходит благодать, и душа их наполняется миром и спокойствием. Много малюток в колебелках пристально смотрят в окно и улыбаются кому-то. Много матерей, вышедших из сил, качая их, говорят: „Вот, смотрите, не спит, да и только! Не знаю, что с ним делается.“ То проходят святые.

Жань Фово говорил про себя: „Я никогда бы не подумал, что возвращаться на родину так отрадно. Как у нас хорошо!“

И он снова замедляет шаг, хотя и стремился скорее увидеть отчий дом. Но очутившись к одиннадцати часам перед входной его дверью, под старыми визами, сквозь ветви которых сверкали звезды, он содрогнулся от страха:

„Отец! Что-то он скажет! Он там, за этой дверью. Вот он выйдет с молитвенником в руке и в восьмой раз отправится без сына, один с дочерью, к рождественской всенощной в деревенскую церковь. Без сомнения, он еще срададет при воспоминании обо мне, но вражда его все та же...“

В смежном с домом хлеве послышалось мычанье. Жань отступил от входной двери и пошел в хлев. Воли лежали темными массами, тяжело соя, и глаза их туго устремились на вошедшего; но они не пошевелились, очевидно, почитая по походке мужика. А он, обрешенный этим спокойствием, напомнившим ему прежние времена, чувствовал себя меньше чужим среди этой деревенской обстановки. Сбравшись с духом, он быстро прошел хлев, непосредственно сообщившись с домом, и вот он у входа в избу, выдвигая своей рослой фигурой на темном фоне незакрытой двери. Там ярко пылали камин.

Раздался женский крик:

— Ах, Господи, да это Жань!

Жюстина вскочила со стула, проворная, как мать. Она первая услышала его шаг, первая угадала в темноте его, которого ждала целых восемь лет. Она стояла, схватившись рукой за спинку стула, тяжело дыша, с лицом, преображенным радостью. Ее глаза, отражавшие пламя очага, говорили: „Приди!“ Но она не смела двинуться, заговорить, и молча ждала, что скажет отец, от которого она зависела, как некогда зависела Жань, как зависеть работник, окаменевший от удивления на своем стуле, как волк, как все, решительно все на ферме. А он, от которого все зависело, не переменил позы, не произнес ни слова и только векинул глазами на дверь. Сидя спиной к камину, у самой топки, со сложными на коленных руках, он был весь ярко освещен огнем, но глаза его оставались холодными и безразличными, как всегда. Старческая немощ не сломала свитившейся в них железной воли. Короткие баки, обрамлявшие его щеки, совсем поседели. Времени и горе наложили неизгладимую печать на это осунувшееся угловатое лицо. Но озлобление против сына не смягчилось, и ни один мускул не дрогнул в лице старика, ничто не выдало его волнения, когда он увидел Жана. Взгляд его говорил: „Помню все. Ты прогваанный, неблагодарный Жань. Если ты пришел не с тем, чтобы просить прощения, то стоило ли приходить?“

Жань молчал. Жюстина, съ минуту перфильная, видя, что ни один из них не говорит, пошла, что брат пришел к ней одной и ждет только позволения войти. Тогда протянув к отцу руки с нежной мольбой о жалости, по крайней мере, к ней, она подошла к двери, обняла брата и положила его непокорную блочурную голову на покрывавший ее грудь черный платок, в котором она походила на вдову: „Ты здешь, ты здешь!“ — шептала она. Потом, тихонько высвободившись из его объятий, она взяла его за руку и пошла через комнату к камину. Отец все время не смущался глаз с приближавшего сына; Жань под этим взглядом еще ниже опустил голову, — он заплакал бы, если бы не стыдился отца, так упорно на него смотрившего.

— Отец, — сказал он, — у нас завтра не работают; и приехали, если позволите, провести здесь праздник.

Ждал ли старик чего-нибудь другого? Он ничего не ответил; после довольно продолжительного гробового молчания, во время которого колокольный звон возобновился, он протянул руку и указал на стул по другую сторону камина, возле работника.

Позволение было получено, но жест был так величав и властен, что дти, забыв свой возраст, не осмелились сказать слова. Однако, мало-помалу, Жюстина, севшая рядом с Жаном, решилась заговорить; она говорила шепотом, короткими фразами, стараясь разглядеть в этом городском рабочем прежнего деревенского парня.

— У нас здесь мало перемены, — шептала она. — Завтра днем ты увидишь всю деревню. Представь себя, большая рыба сна сломана бурей, — помнишь ту рыбку, что давала такие сочные ягоды?

— Помню, — отвечал Жань, — там, на выгонке, возле ворот, которые с таким трудом открывались.

— О, они давно сгнили и заменены новыми. А помнишь живую изгородь между нашими полями? Отец велел ее срубить, и пшеница отделяется от овса только межою. В хлев, конечно, также есть перемены: воли за это время часто сменились новыми; но это все та же порода вандейских волов с кривыми рогами, очень выносливых в работе, — вот ты увидишь...

— Я не успею увидеть многого, Жюстина.

— Да, правда, тебе некогда. Ах, этот город, город!

Она вздохнула и прибавила:

— Ты увидишь в источке новый дом, выстроенный арендатором Гютро, прежним, помнишь? Еще у него под горою виноградник!

Прижавшись друг к другу и тихонько небрасываясь фразами, прерываемыми молчаем, брат и сестра переживали вновь общую жизнь, от которой один из них добровольно оторвался. Их шепот меньше нарушал глубокую тишину дома, чем порыв ветра за дверью, треск сухих сучьев в камин, тиканье стальных часов. Они болтали возвысить голос; когда же отец стучал своими подкованными башмаками, видно было, напротив, что ему все позволено, что он — хозяин дома.

Старикъ чистилъ для рождественскаго ужина варенье каштановъ; или уже до половины наполнилась глиняная миска; но со времени появленія сына онъ ихъ больше не пробовалъ, какъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать; его ухватывали руки, непривычныя къ мелкимъ работамъ, ни на минуту не отдыхали. Казалось, онъ былъ равнодушенъ къ присутствію Жана. Изрѣдка только онъ поднималъ свою сѣдую голову и прислушивался къ возобновившемуся вдали колокольному звону.

Была, должно быть, половина двѣнадцатаго, когда онъ поднялся съ мѣста и прошелъ въ другой конецъ комнаты со словами: „Пора“.

Жанъ былъ пораженъ его высокими ростомъ. Онъ остался сидѣть у очага передъ огнемъ, въ которомъ съ двухъ концовъ загоралась новая визанка хворосту, подброшенная работникомъ.

Можетъ-быть, онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ отца, старикъ одѣвался въ углу избы и смотрѣлъ на своего блуднаго сына, теперь такого смиреннаго и униженнаго; можетъ-быть, въ глубинѣ души старикъ звалъ его тѣмъ нѣмымъ зовомъ, который раздастся въ душѣ между оторванными другъ отъ друга близкими существами...

Жанъ страдалъ и угадывалъ страданіе въ тишинѣ комнаты. Отецъ надѣлъ шилку, снялъ съ гвоздя палку съ мѣдными набалдашникомъ. Жюстина, насыпавъ въ передникъ зеренъ, пошла черезъ хлѣвъ въ птичникъ. Слышно было, какъ проснувшіеся вольты терлись рогами о доски яслей. Послышались испуганные крики утокъ, дышать и гусей, заматавшихся въ узкомъ пространствѣ птичника, и вслѣдъ затѣмъ Жюстина вернулась въ залу, встряхивая передникъ.

— Ну,—весело сказала она:—и нанесутъ же онъ мнѣ яичъ въ этомъ году! Поминишь, Жанъ, повѣрие, что когда куръ и утокъ въ эту ночь хорошо накормить, онъ несутся, не переставая, круглый годъ?

Жанъ узыбнулся, припоминая единственный, вполнѣ невинный, предразсудокъ сестры. Она и въ прежніе годы, даже когда не шла къ всеобщей, не забывала вставать ночью и задавать птицѣ рождественскій кормъ.

— Жанъ,—раздался твердый и ласковый голосъ отца:—ты можешь остаться здѣсь или идти въ церковь, какъ хочешь. Работникъ стережетъ домъ.

Онъ пошелъ впередъ, Жанъ съ сестрой за нимъ. Воздухъ сталъ мягче, чувствовалось приближеніе оттепели. Теперь ночь, казалось, жила какою-то широкой таинственной жизнью. Изъ каждой избы выходили молчаливыя группы прихожанъ; шли веренищей, избѣгая обледѣвшихъ выбоинъ, суживавшихъ дорогу. Свѣтъ скрипѣлъ подъ ногами прохожихъ; собаки заливались звонкимъ лаемъ. Встрѣчные обмѣнивались привѣтственными, неторопливо, серьезно, какъ люди, созвучіе важности минуты. Женщины старались идти ближе одна къ другой, мужчины чинно шагали гуськомъ, будто за плугомъ. Впереди всѣхъ шелъ отецъ Жана, и луна серебрила его развѣвавшіеся изъ-подъ шляпы сѣдые волосы...

III.

По возвращеніи изъ церкви, Жанъ Фово отиралился спать на сѣновалѣ. Онъ бросился на сѣно недовольный, пристыженный тѣмъ, что чувствовалъ себя вездѣ чужимъ. Въ родномъ домѣ его приняла тепло только сестра; въ церкви онъ не рѣшился сѣсть на скамью отца изъ боязни скандала въ томъ случаѣ, если бы отецъ сказалъ громко—чего отъ него можно было ожидать: — „Не входи сюда, останься на паперти съ нищими, съ бездомными бродягами.“ И онъ остался между батраками и калѣками, стоявшими у входа, за толпой людей жалочныхъ и почтенныхъ. Но даже и тамъ его чуждали; дѣвушки отворачивались отъ него, спрашивая другъ друга: „Эго онъ?“ Жанъ читалъ поистинную его оналу въ пренебрежительныхъ взглядахъ стариковъ, которымъ онъ съелъ умѣстнымъ поклоненіемъ при выходѣ изъ церкви и которые отвѣчали на его поклонъ кивкомъ головы, не приподнимая шляпы, какъ на поклонъ перваго встрѣчнаго.

Теперь онъ короталъ остатокъ ночи на сѣновалѣ, недовольный своимъ прїѣздомъ на родину, негодую на жизнь, такую суровую къ нему. При всемъ томъ, онъ рѣшилъ взглянуть на свои поля; потомъ онъ уйдетъ.

Съ наступленіемъ дня онъ тихо выскользнулъ изъ дому. Южный вѣтеръ сдѣлалъ свое дѣло. Свѣтъ вездѣ таилъ, и предметы мало-по-малу теряли свой фантастическій характеръ. Жанъ заматалъ по рыхлой нашинѣ, вдоль изгородей, отдѣлявшихъ одно поле отъ другого. На каждомъ шагу, казалось, изъ этихъ безлистныхъ изгородей вставали переднимъ воспоминаніямъ дѣтства. Вотъ тутъ онъ находилъ птичьи гнѣзда, здѣсь насъ гусей, пономъ—коровъ; подъ этимъ кустомъ свистѣлъ въ самодѣльную дудку, подмашивая дроздовъ, ставилъ силки и тебета. — день за днемъ онъ переживалъ свое дѣтство. Здѣсь его мать въ послѣдній разъ сбѣла ишеницу, и ея рука раскрывалась для каждой горсти сѣмянъ такъ матерински-заботливо, какъ если бы то были младенецъ, участь котораго внушаетъ опасеніе; тамъ, въ этомъ кустѣ остролистника, онъ вырѣзалъ свою послѣднюю палку для воловь; немного подальше онъ впервые взялся за плугъ, когда захворалъ отецъ,

а здѣсь—это было какъ-то зимою—онъ выкорчевывалъ пни и сажалъ яблони. Какъ эти яблони выросли за восемь лѣтъ! Ихъ вѣтви раскинулись зонтикомъ, и трава была гуще тамъ, куда падала ихъ тѣнь. А какъ хороши озимые выходы на пустоши, дававшей прежде такой скудный урожай!

Онъ былъ одинъ въ полѣ, вкусная праздничная покой. Исколесивъ вдоль и поперекъ землю, воздѣлываемую отцомъ, онъ захотѣлъ осмотрѣть соседніе участки. Такъ бродить онъ до самаго вечера, охваченный воспоминаніями, подаваясь очарованію этой глухой деревни. Онъ уносилъ на своихъ саноггахъ понемногу земли съ каждаго поля и съ удовольствіемъ чувствовалъ свои ноги отяжелѣвшими отъ приставшаго къ подошвамъ липкаго чернозема.

Уставъ и продрогнувъ, онъ вернулся домой, когда вечерній сумракъ окутывалъ синевой низменные луга и очертаніи рововъ. Отецъ сидѣлъ на верхнемъ концѣ стола, работникъ немного поодаль, а Жюстина, стоя, прислушивалась имъ. Супъ дымился, парѣзанное ломтями сало аппетитно шипѣло на сковородѣ. Сальная свѣча освѣщала снизу почтенное лицо старика, на которомъ можно было прочесть всю его многотрудную жизнь, всю скрытую мощь характера, побѣждающую усталость жизни. Недаромъ старикъ пользовался такимъ уваженіемъ во всей округѣ, набравшей его своимъ старинной.

Лицо его, ближе всѣхъ къ свѣчѣ, было первымъ, которое Жанъ увидѣлъ, войдя въ комнату. Ему показалось, что взглядъ отца теперь будто смягчился; изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ свѣтлалась жалость.

— Жанъ, — сказалъ отецъ:—ты должно-быть усталъ; сидь сюда, если ты голоденъ, и поѣшь съ нами.

Онъ не прибавилъ ни слова больше. Жанъ взялъ поданную ему Жюстиной ложку и принялся черпать супъ послѣ отца и работника, съ той развѣренностью, къ какой пріучаетъ крестьянъ совѣтская молотьба. Онъ кончилъ раньше другихъ: у него уже не было аппетита этихъ людей, работающихъ цѣлый день на воздухъ и не оставляющихъ миски до тѣхъ поръ, пока въ ней остается хоть одинъ листикъ канусты или ломоть хлѣба.

Когда онъ всгалъ изъ-за стола, отецъ спросилъ:

— Ты не ѣдешь сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, завтра съ первымъ поѣздомъ. Я хотѣлъ посмотрѣть наши поля. Тамъ кое-что измѣнилось, но все въ отличномъ порядкѣ.

При этихъ словахъ, затрогивавшихъ свитая свитыхъ крестьянской души, старикъ, направившійся уже къ своему любимому мѣсту у очага, остановился и съ грустной улыбкой оглядѣлъ запачканные въ грязи саногы сына.

— Земля хороша и благодѣ Господь,—сказалъ онъ:—но я старѣюсь; Жюстина не захотѣла выйти замужъ, а я меньше до року усадьбой, потому что мнѣ некому ее оставить.

Онъ прибавилъ, сдерживая готовый вырваться вздохъ:

— Ну, доброй ночи. Если ты будешь прїѣзжать сюда разъ въ восемь лѣтъ, то слѣдующій разъ меня уже не застанешь. Но я не хочу, чтобы ты почевалъ на сѣновалѣ; тебѣ нужно хорошо выснаться. Ложись на кровать моего втораго работника, который нанесъ себѣ въ прошломъ мѣсяцѣ другое мѣсто.

Оба замолчали. Жанъ Фово пошелъ спать въ каморку за хлѣбомъ и бросился на постель; но волненіе долго не давало ему уснуть, несмотря на усталость. Ночь разстилалась надъ клубами бѣлесоватаго тумана, подъ теплою лаской котораго тайлъ свѣтъ. Съ крыши падали капли; оттепель усилилась.

IV.

На зарѣ, еще до вѣтхуховъ, въ комнату проникъ свѣтъ фанари, и Жанъ увидѣлъ Жюстину, совершенно одѣтую, плотно закутанную въ тотъ самый черный платокъ, который она надѣвала въ торжественные дни, когда шла въ церковь и на базаръ. Она поставила фонарь на пустой боченокъ въ углу каморки, сбѣла въ ногахъ постели и сказала:

— Я провожу тебя до станціи, братецъ; вѣдь я такъ давно тебя не видѣла. Когда-то еще увидимся! Вставай, не то опоздаешь. Отецъ еще спитъ.

Но онъ, не двигаясь, смотрѣлъ на нее съ нѣжностью, тронувшей и нѣсколько удивившей ее, и молчалъ.

— Ты вѣрно не совсѣмъ еще проснулся, Жанъ? — сказала она.—Я уйду, а ты скорѣе вставай.

Но Жанъ не торопился. Онъ гладилъ ея руку, которую она не отнимала, и послѣ продолжительной паузы спросилъ:

— Жюстина, отчего ты не вышла замужъ?

— Отчего я не... Господи Іисусе, тебѣ-то что до этого?

Она вздрогнула отъ неожиданности вопроса, потомъ смущенно пролепетала, опуская глаза:

— Потому что мнѣ никто не нравился.

— Жюстина, ты говоришь неправду. Ты вчера покрасѣла, когда отецъ сказалъ, что ты не вышла замужъ. Отчего?

Она не отвѣчала, только грудь ея тяжело выдымалась подъ чернымъ платкомъ. Жанъ угадалъ, что она могла разрыдаться.

— Ты не вышла замужъ изъ-за меня, сказала она.

— О, Жань!
— Знаю, знаю! Ты боялась, что другой займет мое место. Бѣдная моя! Святая ты моя сестричка.

Легкій крикъ Юстины подтвердилъ ему, что онъ не ошибся. Вѣсь себя отъ волненія, она старалась высвободить свою руку и убѣжать поближе къ отцу, туда, гдѣ тайны такъ хорошо сохранились, что о нихъ никто и не подозрѣвалъ.

Но братъ тихо, хотя и съ тою твердостью, которая отличала старыхъ вандейскихъ вождей во время войны, уже принялъ повелительный тонъ:

— Юстина, есть въ домѣ еще та куртка, которую я надѣвалъ, когда ѣздилъ съ отцомъ на ярмарку?

— Да, я ее сохранила.

— Принеси ее сюда. А мои деревянные башмаки?

— Я ихъ подарила, но у меня есть пара новыхъ, купленныхъ для работника.

— А моя палка?

— Которую я украсила для тебя, мой Жань, золочеными гвоздиками? И она припрятана.

— Юстина, принеси мнѣ все это сюда, только не дѣлай шума.

— А зачѣмъ, братецъ?

— Я остаюсь,—сказалъ онъ. — Я попрошу прощенья у отца, а какъ—ты это увидишь.

Радость зажглась въ глазахъ дѣвушки. Она встала безмолвно, восторженная, какъ тѣ героини, которые доставляли вѣсти съ поля битвы, и о мужествѣ которыхъ подѣ скромной внѣшностью крестьянки можно было догадаться лишь по сверкающей глазѣ.

Она выскользнула изъ комнаты, и не слышно было, ни какъ она двигалась, ни какъ открывала шкапы, въ которыхъ хранились ея реликвии—вещи брата. Тиньшу предразсвѣтной поры парушало только пѣніе плѣтучковъ да шумъ нававшихъ съ крыши канель. Юстина вложила всю свою пѣвность сестры въ исполненіе приказанія брата.

И вотъ, подѣ низкой кровлей хлѣба, Жань стоитъ рядомъ съ ней, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ покинулъ родину. Вдвоемъ, они, то плача, то смѣясь, принимаютъ тысячи предосторожностей, чтобы не шумѣть, отвязали четырехъ воловъ, вывели ихъ во дворъ и вырвали двумя парами въ ярмо. Покончивъ съ этимъ, они погнали воловъ по дорогѣ, которая вела сначала въ гору, потомъ круто спускалась, заворачивая въ сторону.

Отецъ, выглянувъ въ окно, подумалъ, что идутъ въ поле коровы.

Волы и погонявшіе ихъ братья съ сестрой шагали по грязной

дорогѣ между черныхъ пзгородей, оставляя за собой паръ горячихъ дышаний, цѣлое облачко, уносившееся въ воздухѣ вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ туманомъ.

А отецъ одѣвался, горестно размышляя о Жанѣ, который прѣхалъ и опять уѣхалъ.

Жанъ и Юстина открыли ведущую въ поле загородку, за которой вытоптанные овцами сухая трава мѣстами была совершенно пририта къ землѣ, мѣстами торчала высокими жесткими стеблями въ ростъ пятилѣтняго ребенка. Юстипа ваяла въ руки палку Жана и, заставъ въ выжидательной позѣ, устремила глаза на послѣдній поворотъ дороги. Братъ ея вырвалъ обѣ пары воловъ въ плугъ, который оставался въ полѣ съ кануна Рождества, въ ожиданіи предстоящихъ работъ, выровнялъ упряжь и также остановился въ ожиданіи, опершись обѣими руками на деревянные рукоятки, готовый управлять лемехомъ, какъ только волы потянутъ плугъ.

Братъ и сестра не обмѣнивались ни единымъ словомъ. Сѣрое туманное утро медленно прояснилось. Отецъ, опустивъ голову, шелъ къ нимъ по дорогѣ съ самѣреннѣею статью за плугъ и въ увѣренности, что работникъ съ волами уже въ полѣ.

У Жана и Юстины сердце билось учащенно. Отецъ приближался; онъ должно-быть уже поравнялся съ рябиною, тамъ, возлѣ поворота.

Наконецъ, онъ показался между пзгородницъ, въ десяти шагахъ отъ загородки. Онъ пристально смотрѣлъ на дорогу изъ-подъ опущенныхъ полей пшеницы. Казалось, онъ считалъ придорожные камни или, можетъ-быть, житейскія свои горести. И, лишь почувствовавъ на своихъ ногахъ спутанные жесткіе стебли травы, которую поросло оставленное подѣ паромъ поле, онъ выпрямился, чтобы посмотреть, гдѣ провести первую борозду.

Тогда онъ увидѣлъ передъ собой дочь, державшую въ рукахъ палку, сына за плугомъ и четырехъ воловъ, которые сошли, опустивъ морды вровень съ старыми бороздами.

У него опустились руки, онъ поблѣднѣлъ.

— Батюшка! — крикнулъ сынъ, свинимъ пшеницу. — Куда держать плугъ,—на пень вяза или на рябину?

Съ минуту отецъ не могъ говорить; крупная слеза выкатилась изъ его глазъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою.

— Держи на рябину, Жань, и иди все прямо!

Юстина положила рогатину поперекъ синихъ передней пары воловъ. Утренній воздухъ огласился окрикомъ молодого счастливаго голоса, оповѣстившаго Вандео, что одинъ изъ ея сыновъ вернулся: „Эй вы, миленькіе, впередъ!“

И волы послушно потащили плугъ къ рябинѣ.

Къ рисункамъ.

Праздникъ Рождества.

(Рисунки на стр. 1201, 1204, 1205, 1209, 1212, 1213, 1217.)

Первый рисунокъ въ настоящемъ номерѣ *Нивы* (на обложкѣ) изображаетъ шестикрылаго серафима, ангела высшаго чина, ближайшаго къ престолу Господню, пламеннѣющаго любовью къ Богу и воспламеняющаго ее въ другихъ. Онъ выступаетъ изъ мрака и обдаетъ все вокругъ свѣтосозарными лучами вѣры, держа въ рукахъ символъ того таинства, которое приобщаетъ человека къ небесному Его Учителю, рожденному въ Вифлеемѣ въ эти торжественные дни.

Маститый поэтъ, возвышенное стихотвореніе котораго читатель найдетъ на первомъ мѣстѣ, жалуется, что „въ храмѣ дразнить насъ мечта о сугахъ“, и съ тревогою спрашиваетъ себя:

Ужели людямъ не дано

И понимать, и вѣрить за одно?!

Передъ его духовнымъ окомъ проходитъ вся исторія человечества, онъ вспоминаетъ, что люди, „вѣры, были жестоки“ и что теперь, когда думаютъ, что „поняли Христа“, они все рѣже молятся съ благодарностью.

Но стихи маститаго поэта въ своемъ сѣтованіи заключаютъ и призывъ къ вѣрѣ, къ любви. Если бы вѣра и любовь ушли изъ міра, поэтъ не ставилъ бы вопроса, присутствіи ли намъ „Божій духъ или природа звѣра?“ Ставить этотъ вопросъ значитъ уже допускать, что человѣку можетъ быть присущъ „Божій духъ“. И въ дни столь торжественные, какъ праздникъ Рождества Христова, сильнѣе чувствуется, какъ въ человѣкѣ „природа звѣра“ исчезаетъ, какъ взоры людей обращаются къ Тому, Кто научилъ насъ высшей заповѣди, совѣщающей въ себѣ и любовь, и вѣру,—заповѣди, новелѣвающей намъ положить душу за ближняго. Да, въ эти дни „Божій духъ“ проносится надъ землею. Эта ночь, когда родился Спаситель,—ночь мира, благодати, спасенія душъ человѣческихъ. Проносится надъ міромъ „Божій духъ“ и его воплощеніе—только-что родившійся великій нашъ Учитель, на рукахъ у Богоматери. Проходитъ она, лучезарная, изъ конца въ конецъ по всему свѣту. Проходитъ лѣсами дремучими, надъ океанами бездонными, надъ пустынями, заходитъ въ города и

сеза, посѣщаетъ дворцы великихъ, хижины малыхъ,—и всюду съѣтъ миръ и благоволеніе, отираетъ слезы, уголяетъ скорбь и печали, гонитъ злобу, уныніе, отчаяніе. Нѣтъ, вѣра не угадала въ насъ, и пѣсношійше ангеловъ съ каждаымъ годомъ все болѣе оправдывается:—„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Христосъ родился въ вертепѣ; ежегодно Онъ благодатно возрождается въ вертепѣ сердецъ нашихъ. Его образъ и ученіе очищаютъ наши сердца, наполняютъ ихъ чувствомъ состраданія и любви къ ближнему. Въ рождественскіе дни всякій стремится забыть о себѣ, думать о другомъ, придти, чѣмъ можетъ, на помощь ближнему. Праздникъ Рождества—мирный праздникъ, праздникъ благоволенія и невольно зарождающагося желанія утѣшить скорбящаго, поддержать слабого, посѣять вокругъ себя веселье и радость. Быть-можетъ, потому-то онъ и превратился въ праздникъ дѣтскій по преимуществу. Воспоминаніе о младенцѣ Иисусѣ, родившемся въ вертепѣ, соединилось съ желаніемъ придти на помощь самымъ слабымъ существамъ въ мірѣ,—дѣтямъ, а непосредственное, искренное, задумевное ихъ веселье служить лучшимъ украшеніемъ торжественныхъ рождественскихъ дней. Эмблема непрерывающейся жизни, вѣчно зеленеющая ѣлка, дополняетъ у сѣверныхъ народовъ мирный праздникъ. Зеленеетъ, горитъ и блеститъ ѣлка, радостью и весельемъ озаряетъ лица дѣтей, и отрада проникаетъ въ душу взрослыхъ; большіе и малые слышатся въ одномъ чувствѣ: доброта оживляетъ лица, наполняетъ сердца, и дѣтское веселье, приготовленія къ ѣлкѣ съ ея подарками, желаніе порадовать дѣтвору становится душою праздника.

Но нигдѣ приготовленія къ декабрьскимъ празднествамъ не обставляются такой обрядностью, какъ въ Малороссіи, этой колыбели старинныхъ преданій и предразсудковъ. Въ ней все дѣлается согласно обычаямъ, завѣщаннымъ дѣдами и прадедами, и малѣйшее отступленіе отъ нихъ равносильно измѣнѣ родному дѣлу. Это, несомнѣнно, глубоко симпатичная черта въ характерѣ малоросса. На рисунокѣ художника Ижакевича изображенъ одинъ изъ такихъ обрядовъ, именно процессъ обжиганія набана, который обыкновенно совершается утромъ въ рождественскій сочельникъ и заклю-

Наканунѣ Рождества. Обжиганіе борова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижаневича, грав. Шюблеръ.

чается въ слѣдующемъ: женщина, мальчикъ и старикъ выносятъ изъ хаты кабана или свинью, оханку соломы, ведро, вилы и лопатку, отправляются къ ближайшей проруби, къ колодедю или вообще къ мѣсту, гдѣ имѣется вода, и приступаютъ къ обжиганью. Мальчикъ обкладываетъ тушу убитаго животного соломой и затѣмъ зажигаетъ ее, чтобы спалить шерсть. Солома быстро сгораетъ, и сверху кладутъ новую, которую поливаютъ водой, а старикъ садится между тѣмъ поочередно на обожженные мѣста, чтобы свинная туша какъ можно скорѣе „отпотѣла“. Послѣ этой операціи старикъ остается только взять острую лопатку и поскоблить кожу, которая дѣлается потомъ нѣжной и бѣлой. Такъ заканчивается самый процессъ обжиганья. Тушу несутъ обратно въ хату, разрѣзываютъ, солятъ сало и готовятъ окорока.

Въ то время, когда хозяева занимаются приготовлениями къ празднику, молодое поколѣніе живетъ и дышитъ одними надеждами на елку; дѣти, какъ водится, стараются изъ всѣхъ силъ быть послушными и заслужить эту ожидаемую цѣлый годъ радостную награду. Какой восторгъ! Какъ оживляются ихъ юныя лица при видѣ горящей огнями стройной ели, прицѣненной добрымъ рождественскимъ дѣдушкой, который такъ любитъ послушныхъ и умихъ дѣтей!.. На деревѣ виситъ много соблазнительныхъ вещей и сладостей: тутъ и куклы, и золотые орѣхи, и красныя яблоки, и серебряныя рожки, и длинныя цѣпи, сияющія разноцвѣтными искрами... Чего только здѣсь нѣтъ! Но дѣтвора набрасывается на коробку съ излюбленными хлопотунами,—предметъ постоянныхъ забавъ мальчишковъ и дѣвочекъ. Живо окружаютъ они свое сокровище и начинаютъ весело похлопывать, вынимая изъ нихъ сюрризмы. Смѣхъ и веселье не унимаются. Цѣлая дѣтская война изъ-за хлопотунокъ!

Но всему бываетъ конецъ: кончается и веселый вечеръ. Дѣти расходятся на покой, чтобы во снѣ вновь переживать впечатлѣнія, связанныя съ елкой. Всѣ уже уснули, только маленькой рѣзвой дѣвочки не спится. Думаетъ она о полученныхъ подаркахъ, и страстно желаніе увидѣть ихъ возлѣ себя дѣлаетъ ее храброй. Забѣгивъ, что старушка-няня давно вздремнула, прикурнувъ къ подушкѣ, она рѣшительно соскакиваетъ съ кровати и босикомъ, въ длинной ночной рубашкѣ мячится въ ту комнату, гдѣ елка еще такъ недавно сверкала волшебными огнями. Захвативъ лошадку, яапка, кисейную барыню въ локоняхъ, говорящую „мама“ и „папа“, даже скакалку-шнуръ, дѣвочка съ разгорѣвшимися глазами и восторженнымъ личикомъ тѣмъ же путемъ возвращается въ дѣтскую, укладываетъ все это въ кровать и рядомъ съ рождественскими игрушками тотчасъ же погружается въ глубокой сонъ невнятнаго младенца. Снятся ей золотые сны, навѣянные ангеломъ-хранителемъ, мѣръ сказочныхъ фей и сады чародействъ...

Но не всѣмъ праздникъ въ праздникъ! На свѣтѣ много бездомныхъ бѣдняковъ, совершенно одинокихъ людей, которымъ не съ кѣмъ провести „святой вечеръ“ и согрѣть душу теплой бесѣдой, ласковымъ взоромъ, а между тѣмъ никогда сердце не ищетъ такъ дружеской поддержки, какъ въ этотъ праздникъ, когда, будучи ребенкомъ, выѣшній горемыка находился въ кругу близкихъ, чувствовалъ нѣжность участія и незаботился о своей судьбѣ, которая сулила ему одно хорошее. Художникъ Блуме-Зибертъ далъ интересную иллюстрацію встрѣчи рождественскихъ праздниковъ въ сторожѣ лѣсничаго, забытаго, одинокаго человѣка. Ему не съ кѣмъ подѣлиться мыслями, некому повѣрить грустныя думы, и онъ рѣшился разогнать тоску, устроивъ елку для своихъ единственныхъ друзей, для кошки, собаки и птички-голосистки. Бѣдный старикъ забылъ на минуту печаль одиночества. Но пройдетъ мимолетное развлеченіе, и снова потекутъ длинныя однообразныя дни...

Не забудемъ же въ торжественный праздникъ Рождества Христова о сирыхъ, убогихъ, одинокихъ. Постараемся придти имъ на помощь, чѣмъ только можемъ, чтобы „духъ Божій“ проносился надъ землею, наполняя сердца миромъ и благоволеніемъ.

Рождественская ночь въ лѣсу.

(Къ рисунку Н. Н. Каразина.)

Недвижно дремлетъ сонный лѣсъ
Подъ снѣжной мглой морозной ночи,
И звѣздъ мечтательныя очи
Глядятъ съ померкнувшихъ небесъ.
Ночь бездыханна и сурова,
И жизнь, и счастье гонитъ прочь.
И горе, кто, лишенный крова,
Въ снѣгахъ блуждаетъ въ эту ночь.
Но есть надежда горемыкамъ,
И есть Заступница земли,
Она, предъ Чьимъ смиреннымъ ликомъ
Волхвы къ Спасителю пришли.
И въ эту ночь, въ пустынныхъ чашахъ,

Бѣлѣй снѣга, свѣтлѣе мгла,
Она, Владычица скорбящихъ,
Въ лѣсу видѣнемъ проплыла.
Лучистый паръ сбѣжалъ туманомъ
Съ ея летучихъ покрывалъ;
Счастливый лѣсъ затрепеталъ,
И гулъ промчался по полянамъ;
Съ обледенѣлыхъ вѣтокъ снѣгъ
Упалъ весеннихъ капель глуше...
И замедляютъ зайцы бѣгъ,
Настороживъ пугливо уши.
И все вокругъ въ лѣсу глухомъ
Святую ночь благословило,
И небо землю осѣнило
Неизреченнымъ торжествомъ!

К. Фофановъ.

Альфонсъ Додэ. (Портр. на стр. 1219.)

4-го декабря истекающаго года европейская литература лишилась одного изъ видныхъ своихъ представителей, Альфонса Додэ. Мы въ правѣ говорить въ данномъ случаѣ объ европейской литературѣ, потому что покойный французскій писатель переведенъ на всѣ языки, и нѣтъ образованнаго человѣка, который не былъ бы знакомъ съ его произведеніями.

Въ краткомъ некрологѣ нельзя, конечно, дать сколько-нибудь обстоятельной его биографіи. Къ тому же внѣшняя его жизнь, какъ жизнь большинства писателей, не отличается богатствомъ содержанія. Онъ родился 1-го мая 1840 г. въ городѣ Нимѣ, окончилъ курсъ въ лионскомъ лицей и, какъ многіе гимназисты, началъ уже въ гимназій писать стихи; но окончаніи курса учительствовалъ, затѣмъ въ концѣ 50-хъ годовъ его погнала въ Парижъ, гдѣ онъ всецѣло отдалъ себя литературѣ, много бѣдствовалъ, много страдалъ, терпѣлъ горькія разочарованія, поступалъ на службу, чтобы бороться съ денежною необезпеченностью, но въ концѣ концовъ слава ему улыбнулась, и онъ могъ осуществить свою мечту — жить исключительно литературою и для одной только литературы. Когда надъ его отечествомъ стряслось великое бѣдствіе, и нѣмцы осадили Парижъ, онъ, исполняя долгъ патриота, зачислился въ ряды защитниковъ Франціи, участвовалъ во многихъ стычкахъ, и оказался и на этомъ поприщѣ достойнымъ сыномъ своего отечества. Занимая должность личнаго секретари герцога де-Морни, всемогущаго государственнаго человѣка второй имперіи, онъ приходилъ въ соприкосновеніе со многими выдающимися дѣятелями того времени. Такимъ образомъ кругъ его наблюдений значительно расширился. Затѣмъ, послѣ паденія имперіи, онъ уже весь отдался литературѣ, сдѣлался чисто-кабинетнымъ человѣкомъ, писателемъ, вся внѣшняя жизнь котораго исчерпывается послѣдовательными появленіемъ задуманныхъ трудовъ. Умеръ онъ, какъ, дай Богъ, всякому умереть, безъ страданій, внезапно; только что разговаривалъ и смѣлся, а черезъ минуту уже не стало писателя, совершившаго все, что онъ могъ совершить.

Что же онъ совершилъ? Альфонсъ Додэ причисляется къ новѣйшей натуралистической или реалистической школѣ, къ которой принадлежатъ и Эмиль Золя. Дѣйствительно, оба писателя, если хотите, стараются изобразить жизнь такъ, какъ она есть; но если было бы достаточно для опредѣленія значенія писателя причислить его къ реалистической школѣ, то мы не могли бы провести рѣзкаго различія между двумя самыми выдающимися французскими беллетристами второй половины XIX вѣка. А между тѣмъ всякій, кто читалъ Золя и Додэ, чувствуетъ, что между ними существуетъ громадное различіе, и если спросить читателя, въ чемъ заключается это различіе, то онъ, не умѣя точно формулировать свою мысль, отвѣтитъ: Альфонсъ Додэ отличался удивительною симпатичностью, не какъ человѣкъ, — потому что большинство, конечно, мало знакомо съ жизнью Додэ, — а именно какъ писатель. Стоитъ раскрыть любую изъ его книгъ, нѣсколько углубиться въ ея содержаніе, и, несмотря на весь натурализмъ Додэ, несмотря на различіе описываемой имъ среды, личность автора обрисовывается передъ вами, — личность необыкновенно даровитая, милая, симпатизирующая всему хорошему, скорбящая надъ всѣми несовершенствами индивидуальной и общественной жизни. Связь между авторомъ и читателемъ никогда не прерывается, и несмотря на тонокость, а подчасъ глубину наблюдений Додэ, на всѣ тѣ его дарованія, которыя сдѣлали изъ него выдающагося писателя, съ громкимъ европейскимъ именемъ, онъ, какъ человѣкъ, остается близкимъ читателю, и всякое его произведеніе окружено въ глазахъ послѣдняго обаяніемъ не только крупнаго таланта, но и свѣтлой, крайне симпатичной личности. Описываетъ ли онъ намъ французскаго южанина съ его самохвальствомъ („Aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon“), бессердечную хищницу, какиахъ создаетъ лихорадочный водоворотъ жизни большого города („Fromont jeune et Risler aîné“), неудачниковъ отбросовъ современной культуры („Jack“), глубоко

развращенные нравы второй империи („Le Nabab“), падших монархов нашего времени („Rois en exil“), карьеристов, преуспевающих в борьбе за существование („Numa Roumetan“), падшую женщину („Sapho“) или одного из „бессмертных“ французской академии („Immortel“), мы ведем, во всех этих, начерченных с изумительным мастерством, тчпахъ на одну секунду не забываемъ объ отношеніи къ нимъ самого автора. Додэ любитъ или ненавидитъ своихъ героевъ. Онъ живетъ одною съ ними жизнью, и въ этомъ отношеніи онъ является весьма сомнительнымъ представителемъ такъ-называемой натуралистической или реалистической школы, если къ послѣдней вообще можно относиться серьезно, т. е. допустить, что авторъ, дѣйствительно, создаетъ художественныя произведенія помимо личныхъ своихъ симпатій или антипатій.

Съ конца 80-хъ годовъ критика стала отыѣчать несомнѣнный упадокъ таланта Додэ. Онъ исчерпалъ запасъ своихъ богатыхъ наблюдений и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ балетриста превратился въ моралиста. Послѣднія его произведенія не отличались уже сочностью красокъ, непосредственностью чувства: разсудочность взяла рѣшительно верхъ надъ силою впечатлѣнія. Но и эти произведенія представляютъ большой интересъ въ смыслѣ характеристики душевнаго настроенія автора: они подчеркиваютъ то, что чувствовалось въ болѣе блестящихъ его произведеніяхъ, — возвышенный душевный складъ, теплое сочувствіе къ ближнему, несчастному, обездоленному, горячее стремленіе указать тотъ путь, который вывелъ бы человечество изъ хаоса современныхъ ненормальныхъ отношеній, подготовилъ бы ему лучшую будущность. Такимъ образомъ и ослабѣвшее уже рукою Додэ рисовалъ картины, свидѣтельствовавшія объ избыткѣ добрыхъ, симпатичныхъ чувствъ, лежавшихъ въ основѣ всей его писательской дѣятельности. Къ горю Франціи, вызванному его утракою, присоединится и вся образованная Россія: въ лицѣ Альфонса Додэ она хоронитъ не только дѣятеля, чрезвычайно заслуженнаго предъ литературою братскаго народа, но и писателя родного ей по духу и стремленіямъ.

Князь Л. П. Урусовъ.

(Портр. на стр. 1220.)

Высочайшимъ указомъ 19-го ноября т. г. чрезвычайный посолъ и полномочный министръ при дворѣ его высочества короля бельгійцевъ, гофмейстеръ двора Его Величества князь Левъ Павловичъ Урусовъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при французскомъ правительствѣ, вмѣсто барона А. П. Моренгейма, назначеннаго членомъ Государственнаго Совѣта.

Преемникъ бар. А. П. Моренгейма на одномъ изъ самыхъ видныхъ и отвѣтственныхъ дипломатическихъ постовъ, князь Л. П. Урусовъ давно уже пользуется выдающеюся извѣстностью на дипломатическомъ поприщѣ, на которомъ онъ неустанно работаетъ уже болѣе тридцати лѣтъ. Болѣе видная дѣятельность кн. Л. П. Урусова началась въ шестидесятыхъ годахъ, когда онъ послѣдовательно занималъ должности секретаря миссіи въ Неаполь, затѣмъ въ Римѣ и Туринѣ. Первый посольскій постъ — постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при князѣ румынскомъ — былъ имъ полученъ въ 1870 году. Такимъ образомъ уже болѣе четверть вѣка занимаетъ кн. Л. П. Урусовъ выдающіеся, самостоятельные посты. При румынскомъ князѣ, а съ 1881 г. при румынскомъ королѣ, пробылъ онъ представителемъ Россіи шестнадцать лѣтъ, а съ 1886 года по нынѣшній занималъ постъ посланника при королѣ бельгійскомъ.

Кн. Л. П. Урусовъ родился въ 1839 году и воспитаніе получилъ въ нажескомъ Его Величества корпусѣ. Отецъ кн. Л. П. Урусова былъ генералъ-адъютантомъ при покойномъ императорѣ Александрѣ II, а мать его, урожденная княжна Радзивилъ, по своему происхожденію принадлежала къ высшей польской аристократіи. Супруга кн. Л. П. Урусова — дочь покойнаго министра финансовъ А. А. Абазы.

Тина ди-Лоренцо. (Съ портр. на стр. 1220.)

Въ настоящее время гастролируетъ въ Россіи извѣстная итальянская артистка Тина (Концеттина) ди-Лоренцо. Гастроли ея возбудили много толковъ въ печати и сопровождаются шумнымъ успѣхомъ среди любителей театра. Это очень молодая артистка (она родилась въ декабрѣ 1872 года), красивая, стройная, съ прекрасными черными глазами и бархатымъ голосомъ, которымъ она владѣетъ превосходно. Репер-

туаръ ея — современные жанровыя комедіи и драмы: „Фру-Фру“, „Дама съ камеліями“, „Родина“, „Въ царствѣ скуки“ и проч.

Нѣтъ ничего несправедливѣе сравненій. Газетная критика стала почему-то сравнивать Тину ди-Лоренцо съ Дузе, Бернарть и Режанъ. Но что можетъ быть общаго между молодой 24-хъ-лѣтней артисткой, только что начавшей свою карьеру, — и артистками, составившими себѣ громкую извѣстность не только въ Европѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ? Дузе — колоссальный талантъ, совершенно законченная, первая артистка, возвышающаяся иногда до гениальнаго перевосхожденія въ изображаемое лицо. Бернарть и Режанъ — актрисы, имѣющія за собой многолѣтній опытъ, помимо безспорнаго, хотя и нѣсколько своеобразнаго таланта. Ди-Лоренцо нельзя сравнивать и съ нашими талантливыми артистками: Ермоловой и Савиной, — между ними двадцать лѣтъ разницы. Вопросъ въ томъ, какъ тѣ же роли играли въ ея годы Дузе, Савина и пр., и насколько пониманіе и разработка тѣхъ же ролей была высока въ свое время у этихъ талантливыхъ предшественницъ.

Ди-Лоренцо, несомнѣнно, восходящее свѣтло. Но несомнѣнно также и то, что она не вполнѣ готовая артистка для гастролей, — хотя разработка деталей у нея достигаетъ строго-художественной высоты. Лучшее, что есть въ ди-Лоренцо — это простота и естественность, тотъ реализмъ, который теперь составляетъ отличительную черту итальянскаго искусства, и который отсутствуетъ во французскомъ театрѣ, гдѣ условная сценичность и до сихъ поръ преобладаетъ въ ущербъ правдѣ. Чтеніе монолога на сценѣ — труднѣйшій техничскій приемъ — передается ею съ тою жизненностью, до которой возвышаются очень немногіе артисты первой величины: она не докладываетъ его въ публику, не смотритъ въ это время на зрителей, а какъ бы снова передумываетъ его про себя. Она, не стѣняясь, ведетъ многія сцены въ самой глубинѣ, червѣдко на авансценѣ долго остается повернутой спиной къ публикѣ, но, когда наступаетъ извѣстный моментъ, — ни одна черта ея мимики не пропадаетъ для зрителя.

У этой молодой артистки многому могутъ поучиться наши русскія артистки: главное, вдумчивому отношенію къ роли и блестящей разработкѣ подробностей.

Мать Тины — тоже артистка — Амелія Колонелло де-Козенцо, уже оставившая сцену; отецъ — Коррадо-ди-Лоренцо, изъ рода маркизовъ Костеллаччо. Она — уроженка Туринна.

Новый балетъ „Дочь Микадо“.

(Съ 2 рис. на стр. 1221.)

9-го ноября, на сценѣ Императорскаго Мариинскаго театра въ Петербургѣ, былъ поставленъ, въ первый разъ, новый балетъ г. Лангаммера — „Дочь Микадо“, сюжетъ котораго заимствованъ изъ старинныхъ народныхъ легендъ Японіи. Занимательное содержаніе, мелодичная музыка бар. Врангеля, великолѣпная декорация гг. Аллегри и Левота, изящно и съ рѣдкимъ вкусомъ поставленные г. Ивановымъ танцы, роскошные костюмы по рисункамъ художника г. Пономарева, — все это привлекло въ театръ многочисленную публику и сдѣлало успѣхъ балету. Японская легенда, давшая содержаніе балету, заключается въ томъ, что дочь Микадо, Готару-Гиме, носватанная сыну даймію (князю) Юришомо, похищается въ вечеръ свадебнаго пира дракономъ, называющимся „Ужасомъ Добрыхъ Людей“. Старшая дочь приближеннаго Микадо, Иппеиды, призываетъ изъ ревности къ Готару-Гиме страшное чудовище въ парадный залъ дворца, которое и уноситъ повобрачную на пустынный островъ. Здѣсь, на островѣ, превращенная въ скалы, томится многочисленная жертва дракона. Женскіе похищенной, потерпѣвъ крушеніе, подплываетъ къ острову на обломкѣ мачты, обиваетъ дракона, обрызгиваетъ его кровью окрестныя скалы, послѣ чего онѣ оживаютъ и возвращаютъ заключеннымъ въ нихъ людямъ жизнь. Женскіе освобождаютъ свою, прикованную къ скалѣ, невѣсту. Мрачный островъ превращается въ цвѣтущій садъ, среди котораго таицуютъ освобожденные. Затѣмъ новобрачные садятся на плоть и отплавываютъ въ столицу. Въ 3-мъ дѣйствіи происходитъ народный праздникъ, среди котораго поивляются спасенные. Обрядованный Микадо благословляетъ новобрачныхъ, и они принимаютъ участіе въ общемъ веселіи. Этотъ послѣдній актъ даетъ блестящую картинку Японіи легендарныхъ временъ.

и, съ этой точки зрѣнія, очень интересенъ по своимъ подробностямъ, сценкамъ, рисующимъ народный бытъ, аксессуарамъ, шестивямъ, костюмамъ, народнымъ и фантастическимъ танцамъ.

Наши рисунки изображаютъ два момента балета: свадебный пиръ перваго дѣйствія, во дворцѣ Микадо, до появленія дра-

кона, и пустынный островъ втораго акта, — мѣстопробываніе дракона, приковавшаго Готару-Гиме къ одной изъ скалъ. Женскія дочери Микадо только что убили дракона и выносятъ изъ пещеры его отрубленную голову — это моментъ превращенія угрюмаго острова въ цвѣтущій, роскошный садъ.

Политическое обозрѣніе.

Всю Европу облетѣла вѣсть, что русская эскадра изъ Нагасаки перешла на зинию стоянку, съ согласіемъ китайскаго правительства, въ Портъ-Артуръ, господствующій надъ входомъ въ Печилійскій заливъ. Послѣ занятія пѣвцами Кіао-Шау англійскіе политическіе кружки высказали взглядъ, что раздѣлъ Китая неизбеженъ, приглашая британское правительство серьезно заняться этимъ вопросомъ и войти въ соглашеніе съ заинтересованными державами на Дальнемъ Востоцѣ. Когда же надъ Портъ-Артуромъ явился русский флагъ, въ Англии энергично захопотали о компенсаціи со стороны Китая и, въ виду важности наступившихъ событій, англичане стали даже обсуждать отсрочку военныхъ дѣйствій въ центральной Африкѣ. Настроеніе британскихъ политическихъ кружковъ таково, что, по общему мнѣнію, отъ Англии можно ожидать выходы въ британскомъ вкусѣ, т. е. неожиданнаго захвата какой-нибудь части китайской территории, вопреки существующему положенію вещей и несмотря на то, что русская эскадра заняла Портъ-Артуръ съ добровольнаго согласія дружественнаго намъ Китая.

Какъ справедливо выразилась *Kölnische Zeitung* отъ 8-го декабря, входъ русской эскадры въ Портъ-Артуръ не является неожиданностью для германской политики: въ Германіи давно известно, что Владивостокъ болѣе не соответствуетъ русскимъ требованіямъ, какъ пунктъ опоры для русскаго флота; занятіе Россіей китайскаго порта, не имѣя наступательнаго значенія, составляетъ-де продолженіе совмѣстнаго русско-германскаго дѣйствія въ восточной Азій.

Наканунѣ отплытія германской эскадры въ китайскія воды подъ начальствомъ принца Генриха Прусскаго, императоръ Вильгельмъ обратился 3-го декабря къ брату своему съ востолною рѣчью, привлекая вниманіе всѣхъ политическихъ кружковъ Европы: глубокое чувство, волновавшее императора въ этотъ пріѣздъ его въ Киль, вытекало, по словамъ царственнаго оратора, изъ сознанія важности возлагаемой на принца Генриха задачи и лежащей на императорѣ ответственности. Долгъ повелѣваетъ-де продолжать дѣло, завѣщанное предшественниками. Предстоящая задача — логическое послѣдствіе того, что создано съ политической точки зрѣнія дѣломъ и его канцлеромъ и что закрѣлено на полѣ битвы мечомъ отца: дѣло идетъ о первомъ проявленіи за дальними морями вліянія, подобающаго возстановленной Германской имперіи. Расширившіеся торговые интересы Германіи и долгъ ей повелѣваютъ слѣдить за развитіемъ и преуспѣваніемъ новой нѣмецкой „Ганзы“, которая въ правѣ ожидать этого отъ имперіи и императора. Подъ сѣнь императорской защиты поставили себя нѣмецкіе братья — служители церкви въ чужихъ далекихъ странахъ; теперь рѣчь идетъ о вѣчномъ обезпеченіи безопасности и защиты этихъ братьевъ; предпріятіе принца Генриха, нося характеръ покровительственный, а не наступательный, имѣетъ целью настоять на обезпеченіи за нѣмецкою торговлею, коммерсантамъ и судамъ преимуществъ, предоставленныхъ всѣмъ прочимъ національностямъ, такъ какъ преуспѣвающая изъ года въ годъ германская торговля можетъ прочно развиваться только при условіи полной безопасности.

Германская эскадра, усиленная дивизіей принца Генриха, проливитъ свое дѣйствіе, пребывая въ дружественномъ согласіи съ прочими флотами, для энергичной защиты национальныхъ ин-

тересовъ Германіи противъ всякаго, кто вздумаетъ затронуть нѣмцевъ, покусаясь на ихъ неотъемлемыя права. Пусть всѣмъ и каждому будетъ ясно, что украшенный имперскимъ орломъ щитъ окажетъ свое покровительство всѣмъ обращающимся къ нему — священнику, коммерсанту и промышленнику, за которыми защита имперіи будетъ обезпечена навѣки; тому же, кто нарушитъ германское доброе право или причинитъ ему ущербъ, — принцъ Генрихъ долженъ „пригрозить одѣтымъ въ броню кулакомъ и, если Богу угодно, обвить лаврами свое молодое чело“.

По отъезду вліятельной газеты *Morning Post*, отъ 5-го декабря, отплытіе германской эскадры въ китайскія воды „обозначаетъ эпоху въ исторіи Германіи, начало новой эры“, такъ какъ имперія отнынѣ будетъ пользоваться на морѣ болѣе значительнымъ вліяніемъ, чѣмъ до сихъ поръ. Тотъ же взглядъ держатся и другіе авторитетные органы англійской печати.

Съ такою же серьезностью отнеслась къ новѣйшему фазису германской политики и французская печать. По мнѣнію газеты *Liberté*, которую считаютъ органомъ министра Ганото, во вѣншей политикѣ наступаетъ новая эра для Германіи, стремящейся къ завоеваніямъ, отвѣчающимъ матеріальнымъ интересамъ. Выросшая за послѣднее двадцатипятилѣтіе въ грозную военную державу, Германія въ то же время сдѣлала поразительные успѣхи въ экономической области, удачно конкурируя даже съ промышленной Англійей, откуда и вытекаетъ необходимость усиленія ея морского могущества; для Франціи, однако, это обстоятельство не имѣетъ-де тревожнаго характера, такъ какъ направлено главнымъ образомъ противъ Англии.

Окончательный мирный договоръ между Греціей и Турціей наконецъ подписанъ сторонами, принятъ аѳонскимъ парламентомъ, а 7-го декабря пополудни состоялся въ Константинополѣ общій ратификацій этого договора. Злосчастная для Греціи война велась съ 6-го апрѣля по 8-е мая, предварительные переговоры о мирѣ тянулись послѣ этого до 6-го сентября, а затѣмъ понадобилось два съ половиною мѣсяца на соглашеніе сторонъ. Мирный договоръ оформилъ условія предварительнаго мира, выработанныя великими державами, такъ что окончательный договоръ нисколько не снягчилъ тяжести для Греціи условій. Не удивительно, что греки отнеслись къ договору довольно равнодушно. Вопросы о греческихъ поданныхъ въ Турціи, о наваніи греческихъ судовъ въ турецкихъ водахъ и т. п. подробности, касающіяся интересовъ Греціи, составляютъ предметъ дальнѣйшихъ частныхъ соглашеній между сторонами. На очереди теперь стоитъ сдѣлка съ кредиторами Греціи, упорядоченіе финансовъ королевства и уста-

новленіе международнаго контроля надъ ними, затѣмъ уплата Турціи первой части контрибуціи и наконецъ очищеніе турками Фессалии. Такимъ образомъ европейская дипломатія, сдавъ въ архивъ греческій вопросъ, должна будетъ приступить къ дальнѣйшему распутыванію турецкихъ дѣлъ и, прежде всего опредѣлить окончательно положеніе острова Крита.

Новый русскій посолъ въ Парижѣ, кн. А. П. Урусовъ.
По рис. III. автотипія „Нива“.

Итальянская драматическая артистка
Тина ди-Лоренцо.
Съ фот. автотипія „Нива“.

Новый балет «Дочь Микадо» на сценѣ Маринскаго театра. Дѣйствіе II. Пустынный островъ. Женихъ дочери Микадо выносить изъ пещеры отрубленную голову дракона. Ориг. рис. Л. М. Антокольскаго автотипія «Нивы».

Новый балетъ «Дочь Микадо» на сценѣ Маринскаго театра. Дѣйствіе I. Свадебный пиръ во дворцѣ Микадо. Ориг. рис. Л. М. Антокольскаго автотипія «Нивы».

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1898 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

НИВА

даеѣ въ теченіе

одного 1898 года

своимъ подписчикамъ

БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всеми приложениями:		
Безъ доставки въ СПб.	5 р. 50 к.	Съ перес. во весь городъ и мѣст. Россіи . . . 7 р.
Съ доставкой въ СПб. . .	6 р. 50 к.	За границу 10 р.
Безъ дост. въ Москвѣ, у Н. Печковской . . .	6 р. 25 к.	Разсрочка платежа въ 2 и 3 срока
Ил. истрзров. объявленіе высылается б. платно.		

Подписчики «НИВЫ» получаютъ въ 1898 г.:

12 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

2 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА, которое явится первымъ по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ Стихотворенія „Тургенева, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, и будетъ отпечатанъ на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще болѣе четко, чѣмъ приложения предыдущихъ лѣтъ.

2 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

полное собраніе сочиненій

ТУРГЕНЕВЪ

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертеж.).

СТВЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатан. красками.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.—Послѣдній пиръ. Рождественская картинка Н. Н. Каразина.—Нѣ звѣздамъ. Рождественскій рассказъ В. Я. Свѣтлова.—Вернулся! Рождественскій рассказъ Рене Базена.—Къ рисункамъ. Праздникъ Рождества (съ 7 рис.).—Рождественская ночь въ лѣсу. Стих. К. Фофанова.—Альфонсъ Додэ (съ портр.).—Князь Л. П. Урусовъ (съ портр.).—Тина ди-Лоренцо (съ портр.).—Новый балетъ „Дочь Минадо“ (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Объявленія.

При этомъ № предлагается выпускъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за декабрь.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

(Начало см. въ предыдущихъ №№ 47, 48 и 50-мъ).

еперь отдѣлка фабрикованнаго товара въ специально-отдѣлочныхъ отдѣленіяхъ.

Не имѣя возможности дать въ немногихъ строкахъ полную картину этого дѣла, мы ограничимся наиболѣе интересными деталями, руководясь данными фабричной практики старѣйшей русской парфюмерной фирмы, и начнемъ съ операций, служащихъ какъ бы связующимъ звеномъ между добычаніемъ растительныхъ эссенцій и собственно парфюмерною фабрикаціею.

Мы уже видѣли, что нѣкоторыя ароматическія вещества, какъ напримеръ, мускусъ, ваниль, благовонныя древесины и пр., могутъ быть пересылаемы на дальнія разстоянія безъ ущерба для запаха; изъ всѣхъ этихъ веществъ А. Ралле и К^о предпочитаютъ готовить спиртовые растворы эссенцій сами, наставляя ими спиртъ при обыкновенной температурѣ. Настой постоянно взбалтывается въ резервуарахъ, которымъ машинами придается непрерывное, иногда очень сложное, движеніе: въ одной изъ новѣйшихъ системъ резервуары размѣщаются по окружности горизонтальнаго колеса, которое быстро поворачивается взадъ и впередъ на небольшой, сравнительно, толь; въ результатъ для каждаго резервуара получается непрерывная энергическая встряска содержимаго, и спиртъ, по истеченіи юльѣ или менѣе продолжительнаго времени, насыщается эссенціей въ желаемой степени.

«Помады», какъ мы уже говорили, не могутъ прямо употребляться для изготовленія духовъ; но такъ какъ онѣ, при соблюденіи известнѣхъ предосторожностей, не портятся отъ пересылки и сохраняютъ всѣ свои качества довольно долго, то спиртовую обработку ихъ, въ видахъ полученія растворовъ эссенцій для фабрикаціи духовъ, А. Ралле и К^о производятъ въ Москвѣ и именно слѣдующимъ образомъ. Помада и спиртъ помѣщаются въ цилиндрической резервуаръ, внутри котораго проходитъ стержень, снабженный нѣсколькими лопастями; цилиндру придается вращательное движеніе, и одновременно съ этимъ стержень ходитъ, какъ поршень, вверхъ и внизъ; отъ непрерывнаго

взбалтыванія, помада пристаеѣ къ лопастямъ и мало-по-малу сообщеѣетъ свой запахъ спирту. Обыкновенно не ограничиваются одною промывкой, но, само собою разумѣется, повтореніе этой операціи даеѣт все болѣе и болѣе слабыя растворы. Въ полученныхъ такимъ образомъ растворенныхъ эссенціяхъ всегда остается нѣсколько жира; но такъ какъ онѣ обращаются въ твердое состояніе лишь при очень низкой температурѣ, то, подвергавъ жидкость дѣйствию умѣреннаго холода, можно заморозить однѣ частицы жира, которыя потомъ легко устранить фильтрованіемъ. Отъ несоблюденія этой предосторожности спиртовые растворы эссенцій и приготовленные изъ нихъ духи въ холодное время года мутнѣютъ.

Духи есть не что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ эссенцій, растворенныхъ въ чистомъ спиртѣ. Хотя при сочетаніи эссенцій и руководятся нѣкоторыми теоретическими соображеніями, тѣмъ не менѣе здѣсь открывается почти безпредѣльное поле опытности и личному вкусу парфюмера, главная задача котораго получить сложный и въ то же время недѣлимый, какъ музыкальный аккордъ, запахъ, такъ-называемый «букетъ»: интригующее многихъ названіе запаха Эссенс-Букетъ, есть ничто иное, какъ сокращеніе Essences Bouquet, букетъ эссенцій. Замѣтимъ, что духи съ запахомъ сирени и ландыша представляютъ собою именно такіе букеты, и первые дома Европы соперничаютъ между собою въ усиліяхъ воспроизвести разнообразнѣйшими сочетаніями различныхъ ароматовъ благоуханіе любимыхъ цвѣтговъ, не выдающихъ секрета своего запаха ни одной изъ известнѣхъ системъ извлеченія эссенцій; впрочемъ, описанный нами способъ растворяющихъ реактивовъ позволяетъ надѣяться, что разгадка—вопросъ времени. Но и въ настоящихъ попыткахъ парфюмеры въ сущности слѣдуютъ пути, указанному природой; мы говорили уже, что цвѣточный запахъ представляетъ собою именно совокупность различныхъ ароматическихъ элементовъ. Послѣднимъ успѣхомъ русской парфюмеріи, въ лицѣ фирмы Ралле, на этомъ пути было воспроизведеніе аромата левка во всей его нѣжности: востор-

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ И К^о. ВЪ МОСКВѢ.

женный приемъ, оказанный публикою интересной новинкѣ, избавляетъ насъ отъ необходимости рекомендовать ее любителямъ здѣсь.

О-де-колонъ обыкновенный и цвѣточный и туалетныя воды отличаются отъ духовъ особымъ типомъ запаха и еще тѣмъ, что въ ихъ составъ входитъ менѣе крѣпкій спиртъ. Въ недавнее время А. Ралле и К^о завершили цѣлый рядъ долгихъ подготовительныхъ работъ и изслѣдованій выпускомъ изобрѣтенной ими «Цвѣточной Воды», замѣняющей по нѣжности аромата духи и въ то же время доступной по цѣнѣ каждому.

Изъ другихъ примѣненій эссенцій въ парфюмеріи наибольшій интересъ представляетъ отдушивание туалетнаго мыла. Только нѣшіе сорта мыла окрашиваются и парфюмируются въ самыхъ котлахъ, гдѣ его варятъ (см. рисунокъ); болѣе цѣнные эссенціи не могутъ быть подвергнуты дѣйствию высокой температуры безъ ущерба ихъ достоинству и значительной потери отъ улетучиванія, такъ что при изготовленіи ихъ приходится отдушивать уже затвердѣвшую мыльную массу, и для этого требуется цѣлый рядъ машинъ и особыхъ приспособленій. Сначала мыльные глыбы поступаютъ въ машину, которая ихъ расплющиваетъ и рѣжетъ на небольшія тонкія плитки; эти послѣднія сушатся и уже только тогда смѣшиваются съ красками и эссенціями. Другая машина перетираетъ эту смѣсь цѣлой системой валовъ; съ послѣдняго вала приставшій къ нему тонкій мыльный

первый неуверенныхъ шаговъ этихъ производствъ, вопреки ихъ очевидной возмужалости. Парфюмеріи, стоящей нѣсколько въ сторонѣ отъ насущныхъ потребностей публики, въ особенности много приходится терпѣть отъ ея капризнаго и предубѣжденнаго вкуса, и нужны были французскія имена Ралле и его продолжателей и послѣдователей, чтобы пріучить—странно сказать!—Россію къ русской же парфюмеріи. Но и теперь нельзя сказать, чтобы эта упорная борьба съ предрассудками публики увѣчалась полнымъ успѣхомъ: русскій рынокъ все еще наводненъ массою заграничныхъ парфюмерныхъ издѣлій, стоящихъ при равномъ достоинствѣ вдвое и втрое дороже русскихъ. Непоколебимое пристрастіе извѣстной части публики ко всему иностранному не оставляетъ русскимъ парфюмерамъ другого пути къ завоеванію ея симпатій, какъ полученіе надеждаго аттестата за границею въ видѣ признанія и подобающей оцѣнки ихъ издѣлій вершительницею судебъ эlegantнаго міра—Франціей. Многимъ читателямъ покажется несбыточною мысль о конкуренціи съ французами въ ихъ собственной странѣ на поприщѣ, граничащемъ съ ихъ заповѣдною областью предметовъ роскоши. Мы предоставимъ фактамъ разубѣдить невѣрующихъ, а пока ограничимся простымъ замѣчаніемъ: случая заграничныя и русскія парфюмерныя фабрикаты при условіяхъ, не позволяющихъ отгадать текстъ сорванныхъ ярлычковъ, строгіе «цѣнители и судьи» обыкновенно колеблются... Зрѣлость

О т д ѣ л о ч н а я м ы л а .

слой снимается рядомъ ножей въ видѣ безконечныхъ, не толще листа писчей бумаги, лентъ, называемыхъ «стружками» и имѣющихъ уже довольно однообразную окраску и опредѣленный запахъ; тѣмъ не менѣе эти стружки пропускаются общемою массою чрезъ ту же машину еще три или четыре раза, чѣмъ достигается безукоризненная ровность цвѣта и запаха по всей ихъ длинѣ. Стружечныя машины представлены на рис. въ дѣйствиіи. Наконецъ, стружки всыпаютъ въ новую машину, которая прессуетъ ихъ въ компактную массу и въ такомъ видѣ выталкиваетъ въ отверстіе, представляющее поперечный разрѣзъ будущаго куска мыла, безконечнымъ брускомъ, извѣстнымъ на фабрикахъ подъ прозаическимъ именемъ «колбасы». Колбаса спеціальною машиною рѣжется поперекъ на куски желаемаго вѣса; штампомъ имъ придается окончательная форма и вытисняется названіе мыла и имя фабриканта. Благодаря всѣмъ этимъ манипуляціямъ, удается достигнуть того, что крошечный обмылокъ сохраняетъ цвѣтъ и запахъ цѣлаго куска.

Мы уже сказали, что исторія русской парфюмеріи при всей своей скромности не лишена поучительности, и эта мораль послужитъ наилучшимъ заключеніемъ нашего краткаго очерка. Многія производства въ Россіи постигла участь пророковъ въ ихъ отечествѣ, которую еще Гете объясняетъ тѣмъ, что они тамъ родились и росли. На глазахъ публики народились и выросли цѣлыя отрасли промышленности, позволяющія Россіи занять подобающее ей мѣсто на мировомъ рынкѣ; но—увы!—у русскихъ потребителей все еще свѣжа память

русской парфюмеріи стоять внѣ всякаго сомнѣнія для каждого непредубѣжденнаго спеціалиста, и это такое вѣское «за» въ пользу завоеванія для нея новаго рынка, что является надежда на устраненіе нѣсколькихъ «противъ», особенно въ виду ихъ, такъ сказать, случайнаго характера. Дѣло въ томъ, что вывозъ русскихъ парфюмерныхъ издѣлій за границу встрѣчаетъ въ настоящее время два препятствія: во-первыхъ, туалетныя мыла подчинены провозному тарифу № 1, такъ что по своей тяжести могутъ прибыть на мѣсто составанія только безнадежно «гандикапированными», какъ говорятъ англичане, дорогимъ провозомъ; что же касается духовъ, для которыхъ, въ виду ихъ сравнительной легковѣсности, это неудобство не такъ ощутительно, то на нихъ всею тяжестью ложится акцизъ на спиртъ; по самому смыслу этого налога онъ взимается съ внутренняго потребленія, но тѣмъ не менѣе при вывозѣ непотребленнаго внутри за границу возврату, къ сожалѣнію, не подлежитъ. Мы надѣемся, что въ интересахъ дальнѣйшаго преуспѣванія русской промышленности будетъ обращено вниманіе на эти препятствія, мѣшающія русской парфюмеріи найти за границею должное признаніе: недавнее правительственное распоряженіе о порядкѣ вывоза за границу русскаго о-де-колона съ возвратомъ акциза позволительно считать первымъ шагомъ на этомъ пути.

Въ благосклонномъ приемѣ нашихъ за-рейнскихъ друзей мы не сомнѣваемся: они сумѣютъ отблагодарить Россію за гостепримство, оказанное ею полѣвка тому назадъ Альфонсу Ралле.

ФАБРИКА ПОСТАВЩИКОВЪ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА А. РАЛЛЕ И К^о. ВЪ МОСКВѢ.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спбурѣ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Валата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ^{подъ} ^{фирмою:} „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОКЪ

№ 10765 3-1

Ц. № 10011 15-12

„НЬЮ-ЮРКЪ“

Общество взаимнаго страхования жизни.

НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ

страхованія съ ежегоднымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ капитала.

Напр., лицо 30-ти лѣтъ заключаетъ страхованіе въ 2000 рубл. съ 20 лѣтъ. платежъ премій съ условіемъ прогрессивнаго увеличенія капитала въ случаѣ смерти въ теченіе 20 лѣтъ и уплачиваетъ ежегодную премію въ р. 85.20 (по тарифу съ возвратомъ премій). Въ случаѣ смерти въ концѣ

2-го года его наследники получаютъ Р.	2170.40
7-го " " " " " "	2596.40
10-го " " " " " "	2852.—
15-го " " " " " "	3278.—
19-го " " " " " "	3618.80

Кромѣ того страхователь ПРИ ЖИЗНИ будетъ получать уже со ВТОРОГО ГОДА ДИВИДЕНДЫ, размѣръ коихъ также ежегодно увеличивается.

Послѣ трехъ лѣтъ полиса Общества становятся **ненарушимыми**, т. е. въ случаѣ прекращенія платежа премій, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ, страхованіе продолжается безъ платежа премій, въ полной первоначальной суммѣ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ: отъ 2 до 20 и болѣе лѣтъ.

За подробными свѣдѣніями просятъ обращаться: въ Главное управленіе для Россіи, С.-Петербургъ, Малая Морская, 12 или въ мѣстныя агентства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. № 10722 3--2

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА БЕРТЫ РИСЪ.

PASTA EUGÉNIE ц. 1 р. 60 к.	ПРИДАЮТЪ ЛЕДУ: КРАСОТУ, МЯГКОСТЬ, БЛѢЗНУ, НѢЖНОСТЬ и СВѢЖЕСТЬ.
POUDRE EUGÉNIE " 1 " 20 "	
ROUGE EUGÉNIE " 1 " 50 "	
MURTHE EUGÉNIE " 1 " 75 "	
ELIXIR MELANGE " 2 " —	

Можно получать во всѣхъ аптекарскихъ, парфюмерныхъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россійской имперіи.

ВВНА, ЛАБОРАТОРИИ МОСКВА,

V. Laurenzgasse. БЕРТЫ РИСЪ. н. Басманная, № 13.

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

Довожу до свѣдѣнія почтенныхъ господъ заказчиковъ, что моя коллекція елочныхъ украшеній на 1897 г. въ настоящее время уже составлена и особенно выдаются своимъ изъяснительнымъ. Не перечисляя предметы, помѣщенные въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ

5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р., 75 р. и 100 р.

причемъ долгомъ считая увѣдомитъ, что денежъ 5-ти руб. коллекція удовлетворитъ самый изысканный вкусъ.

Вслѣдствіе большого накопленія заказовъ, обращаю особое вниманіе тѣхъ господъ заказчиковъ, которые проживаютъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ (напр. Акмолинская, Бакниская, Закаспійская, Томская, Ферганская и друг. губ. и области),

дабы имъ не переплачивать лишніе деньги за пересылку, своевременно прислать свои заказы, черезъ что представится возможность выслать товаръ по желѣзной дорогѣ, что гораздо дешевле, чѣмъ пересылка почтой. Гг. заказчиковъ, живущихъ далѣе, чѣмъ 2000 верстъ, покорнѣйше прошу высказать при заказѣ заготовъ для покрытій расходовъ по отправкѣ.

Упаковка безплатно. **БАЗАРЪ МАРОКЪ.** С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій. 29-31.

ЖЕМЧУГЪ

ХОРОШІЙ РОВНІЙ
 ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
 ПОКУПАЕТСЯ 20-5
 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ

К. ФАБЕРЖЕ.

Москва, Кузнечій мостъ, № 4.

ЛУЧШИХЪ ЗАРУБІЖНЫХЪ ФАБРИКЪ ПИАНИНО

Новыя отъ 425 р. Малодержаннія отъ 325 р. Новѣйшей конструкціи съ перекрестными струнами и металлической рамой. Имѣютъ струны для тихой игры. Высылаются съ залогомъ. платожемъ по полученіи третьей части стоим. заказа.

у Ю. Гилькнеръ Москва, Тверская, д. Варгина (гѣл. Сіу).

Лица купившія у меня пианино имѣютъ въ теченіе года безплатный абонементъ нотъ.

1897

„НИВА“
Рождественский

Овца.

Рождественскій очеркъ.

И. Н. Потапенко.

Ученикъ богословскаго класса, Лука Колупненко, остался въ семинарскомъ корпусѣ совершенно одинокъ. У всякаго нашлись какіе-нибудь родственники, хоть самые дальніе, а у него не нашлось никого. Было еще нѣсколько первоклассниковъ и второклассниковъ, которые побоялись ѣхать къ родителямъ, чтобы ихъ во время пути не занесло сибѣромъ. Но это была такая мелюзга, что съ ними Колупненко, здоровому плечистому малому съ взривной черной бородой и съ цѣлой копной кудрявыхъ волосъ на головѣ, являться было совѣстно.

И вотъ ужъ два дня, какъ онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать. Темъ въ глубинѣ длиннаго семинарскаго коридора, гдѣ помѣщаются младшіе классы, была возня: мальчуганы боролись, дрались, пѣли неслыми козыми голосами, кричали по-пѣтушиному, а Колупненко буквально два дня ходилъ по пустому классу, натыкаясь на парты и скамьи и не зная, къ чему себя пристроить.

На немъ были длинный черный сюртукъ и большіе, сильно стучащіе, казенные сапоги. Вообще на немъ все было казенное, и на казенный счетъ онъ третьяго дня сходилъ въ баню. И самъ онъ чувствовалъ себя какъ бы казеннымъ человѣкомъ.

И не было въ жизни Луки Колупненка такого момента, когда бы онъ не чувствовалъ себя казеннымъ человѣкомъ. Воспоминанія его о временахъ минувшихъ были самыя смутныя. Кажется, когда-то у него были родители, гдѣ-то въ глухой деревнѣ: кажется, было у него дѣтство. Но ничего этого навѣрно онъ не знаетъ.

Маленькимъ мальчикомъ привезли его въ бурсу и сейчасъ же стали бить, за что—неизвестно. Было начальство, были ученые и старшіе классы—огромные бородачи, говорившіе басомъ, были товарищи—такіе же маленькіе, какъ и онъ. И должно-быть, отъ этого самаго онъ сдѣлалъ такимъ смиреннымъ—мирнымъ, что его прозвали «овцой» и очень рѣдко называли по фамилии.

Но затѣмъ вдругъ перестали бить, можетъ-быть, потому что онъ тоже вдругъ и какъ-то для себя неожиданно выросъ и сдѣлался большимъ бабосомъ и у него стала расти борода; а, можетъ-быть, потому что вообще все въ бурѣ сверху до низу измѣнилось и даже самой бурсы не стало, а на ея мѣстѣ учредился семинарскій корпусъ.

Но все равно, какъ въ бурѣ, такъ и въ корпусѣ, онъ остался казеннымъ человѣкомъ, ни разу за всю жизнь нигуда не уѣзжалъ на праздники и продолжалъ оставаться смиреннымъ и носить прозвище «овца». Учился онъ плохо, и его нѣсколько разъ оставили въ томъ же классѣ, но, во вниманіе къ тому, что у него не было ничего, а еще главнымъ образомъ, потому что онъ былъ смиренъ, какъ овца, его не лишили казеннаго кошта, и такимъ образомъ онъ дошелъ до послѣдняго богословскаго класса, въ качествѣ казеннаго человѣка.

Наконецъ, Колупненко надобно ходить, и онъ сѣлъ. Но сѣлъ не просто, а какъ-то свирѣпо, какъ никогда еще въ жизни не случалось. Можетъ-быть, голова его закружилась оттого, что онъ два дни ходилъ вокругъ партъ, какъ лошадь на кружчатой мельницѣ. Но несомнѣно, что въ его головѣ въ эти минуты все было не такъ, какъ бывало всегда. Мысли и образы, скромные и несложные мысли и образы, какіе только могутъ быть въ головѣ овцы, прошедшей почти полный семинарскій курсъ, стояли въ этой головѣ вверхъ ногами или пошатывались, какъ пьяные...

Но вдругъ онъ рѣшительно поднялся, ударилъ кулакомъ по партѣ и сказалъ самому себѣ:

«Нѣтъ, я болѣе не желаю! Не желаю я быть овцой, не хочу служить отцу-инспектору и ходить на заднихъ лапкахъ передъ отцомъ-ректоромъ. Не хочу я быть смиреннымъ! Я сдѣлаю что-нибудь такое... Я не знаю, что сдѣлаю! Миѣ это надобно. Миѣ э-т-о надобно-б-л-о!»

И, рѣшивъ такимъ образомъ, Колупненко всталъ и опять началъ ходить по классу.

Съ виду ничто не перемѣнилось. Колупненко попрежнему ходилъ по классу и попрежнему натыкался на парты и скамьи. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности произошла странно важная перемѣна. Колупненко рѣшилъ, что «болѣе не желаетъ» и, кромѣ того, онъ вознамѣрился сдѣлать что-то такое... Онъ самъ еще не знаетъ, что именно. А потому и все послѣдующее, хотя оно, какъ двѣ капли воды, походитъ на предыдущее, надо разсматривать, какъ нѣчто совершенно новое.

Въ это самое время на маленькой колокольнѣ семинарскаго коридора раздались званья.

«Ага, — сказалъ Колупненко: — это къ вечернѣ звонятъ... Ну, пусть звонятъ, если имъ угодно. А я въ церковь не пойду... Помилуй Богъ! Я четырнадцать лѣтъ каждую субботу и каждый канунъ праздника исправно хожу къ вечернѣ... Такъ можно же, я думаю, миѣ одинъ разъ не пойти... Да просто я не хочу — и только... Ну, вотъ не хочу, да и не хочу!»

И онъ подошелъ къ окну, сѣлъ на высокой подоконникъ, скрестилъ на груди руки и смотрѣлъ на стеклянную дверь. Мимо двери прошли оставшіеся ученики перваго, потомъ втораго, третьяго, а потомъ и четвертаго класса. Вышли двое изъ дверей напротивъ, гдѣ помѣщались первыя богословскія классы, и тоже направлялись въ церковь, а Колупненко все сидѣлъ и сидѣлъ, скрестивъ на груди руки.

Наконецъ показалась смѣшная фигура помощника инспектора, — небольшого господина съ брющкомъ и съ острокопечной головой, котораго называли «рѣдкой». Появился Рѣдка и заглъ нулъ въ старшій богословскій классъ.

У Колупненка почему-то руки опустились, и самъ онъ какъ-то сплзъ съ подоконника. Но это произошло не по его вниѣ, а какъ-то само собой.

Рѣдка нажалъ ручку двери, и острый конецъ его головы просунулся въ классъ.

— А вы, Колупненко, развѣ не хотите идти въ церковь?—спросилъ помощникъ инспектора.

«А, разумеется, не хочу! Ну вотъ не хочу да и только... Ну, что ты со мной подѣлаешь, Рѣдка?».. И посмотрю, что ты со мной сдѣлаешь»..

Это Колупненко не сказалъ, а только подумалъ, а вслѣдъ затѣмъ отвѣтилъ помощнику инспектора:

— Я, Архидіонъ Орестовичъ, сейчасъ иду. Я сію минуту...

— А, ну, хорошо... Такъ иди же, Колупненко, а то вѣдь уже началось»..

«Ну, вотъ... Скажите пожалуйста!.. Началось! Что-жъ такое, что началось? А если я, напримеръ, не желаю... Ну, вотъ не желаю да и только».. — подумалъ Колупненко и при этомъ подошелъ къ другому окну, на которомъ лежалъ его картузь, черный, въ видѣ блина, съ чернымъ плюсовымъ околышкомъ, тоже казенный, и, взявъ его, тихими покорными шагами направился къ двери.

Рѣдка удлился въ коридоръ. Колупненко поспѣловалъ за нимъ, и оба они вошли въ церковь. Въ маленькой семинарскаго церкви было немного народа, а семинаристовъ почти не было видно, такъ ихъ мало осталось. Дьяконъ уже читалъ молитву, а отецъ-ректоръ, архимандритъ, стоялъ въ алтарѣ, въ облаченіи, и оттуда видѣлся его величественная сѣдая борода.

Колупненко пошелъ, поклонился, какъ полагается, и ощутилъ въ своей головѣ слѣдующія мысли:

«Ну, хорошо. Въ церковь я, положимъ, пришелъ. Ладно. Но стоило ссориться съ Рѣдкой. Рѣдка человѣкъ хороший; для чего съ нимъ ссориться? Но если онъ думаетъ, что и пойду на кпирсы и буду пѣть въ хорѣ, такъ это напрасно. Съ какой стати? Потому что у меня басъ, такъ я непременно долженъ горло драть?.. Не желаю... Почему я долженъ всю жизнь горло драть? Когда были маленькимъ, пѣлъ дискантомъ, а потомъ выросъ и сталъ пѣть басомъ. Съ какой стати? Вотъ не желаю и не пойду... Пусть-ка онъ меня заставитъ. Не раздеретъ же онъ миѣ ртл, когда я не захочу...»

И, думая такимъ рѣшительнымъ образомъ, Колупненко прошелъ черезъ всю церковь, поднялся на одну ступеньку, отвѣсилъ низкій поклонъ передъ Архангеломъ Гавриломъ, потомъ повернулъ направо, гдѣ нѣсколько семинаристовъ пѣли вечерню, и, поймавъ на лету начатое уже пѣснопѣіе, подхватилъ на полусловъ довольно густымъ, хотя и не выходящимъ изъ предѣловъ благоговѣія, басомъ: «и святому ду-ху»..

А потомъ вошли другія пѣснопѣіи, все очень хорошо ему знакомы, и онъ пѣлъ ихъ вмѣстѣ съ другими, всякій разъ слушая предварительно тонъ, который задавалъ регентъ, — семинаристъ, на два класса младшій его, стывшій первымъ слѣва и ежеминутно кусавшій зубами свой камертонъ и подносившій его къ правому уху.

Колупненко смотрѣлъ на него и думалъ:

«И чего это ты свой камертонъ къ уху подносишь? Скажите пожалуйста — тонъ задаетъ. Очень миѣ нужно слушать твой тонъ... Все равно, сколько ни задавай, а я не буду пѣть въ тонъ... Надобно миѣ это. Надобно миѣ пѣть въ тонъ! Четырнадцать лѣтъ пою въ тонъ. Вѣдь надобно же когда-нибудь! Вотъ возьму и рѣзану поперекъ... Вотъ тогда и злись и кусай губы»..

А въ это время регентъ кусалъ не губы, а камертонъ, а потомъ тихонько напѣвалъ: «м-гу-гу-гу-гу»..

И Колупненко пренеправно удовольствіе изъ этихъ «гу» именно то, которое годилось для баса, и стройно вступалъ въ общій аккордъ.

Такимъ образомъ пропѣлъ онъ всю вечерню. Когда вышли изъ церкви и весь посторонній народъ удалился изъ предѣловъ семинарскихъ, въ глубинѣ коридора раздались очень звучный звонки. Въ это время уже стемнѣло, и наступилъ вечеръ.

«Ага,—мысленно сказалъ Колупненко.—Это зовутъ на вечерю. То же вѣдъ съ затѣмъ: кутья и взваръ будутъ! какъ жъ! Миѣ говорилъ экономъ, что это приготолено! Кутья, должно-быть, на патоцѣ, а взваръ изъ какихъ-нибудь прогнившихъ, не добденныхъ червями, грушъ и сливъ. И чтобы я сталъ ѣсть эту гадость! Да ни за что. Гм... тоже! Экономъ! Рыжая собака! На каждомъ бурсакѣ полсотни цѣлковыхъ наживаетъ. Знаю я. Въ банкъ у него тысячи лежатъ... знаю, дъ молчу. Молчу потому, что я смиренный, потому что я овца. И съ отцомъ-инспекторомъ пополамъ дѣлается. И это тоже знаю... Все знаю хорошо. Все. Не даромъ я четырнадцать лѣтъ терплю бурсакскую жизнь. Все узнать досконально. Ытъ, Ытъ, четырнадцать лѣтъ великую дрянъ Ытъ. Господи, чего только не пришлось ѣсть, чѣмъ только не кормили меня? И гнилымъ мясомъ, и червяками сухарями, и протухлой крупой, а я все Ытъ, и удивляться надо, какъ вынесъ, какъ живъ остался... Ну, а теперь вотъ на меня пало... И

я не желаю.. Вотъ не желаю... Просто пойду на улицу да въ герзый поарешійся домъ зайду и скажу: вотъ я бѣдный, несчастный бурсакъ, который четырнадцать лѣтъ подъ рядъ безъ передышки Ытъ отъ руки рыжакъ эконома тухлымъ крупу... А нынче вотъ праздникъ, такъ ради праздника посадите меня за свой столъ... Ытъ, погоди... Я прежде вотъ что сдѣлаю. Вотъ тамъ, въ концѣ коридора, какъ разъ онъ и стоитъ — отецъ-инспекторъ и рыжій экономъ. Вотъ я подойду къ нимъ и скажу: ахъ, вы, сякіе и такіе! вы думаете, что я стану ѣсть вашу тухлую крупу? Какъ бы не такъ... Ытъ я ее четырнадцать лѣтъ... И ничего не говорилъ, а нынче на меня шаю... Э, вы думаете, что Колупненко овца? Ну, да, какъ же. Вотъ вы сейчасъ узнаете, какал я овца. Не овца я, а...»

— Эй, Колупненко, ты что тамъ замѣшкался? Иди въ столовую. Но ждаты же тебя...

Это кричалъ ему отецъ-инспекторъ съ другаго конца коридора.

— Я сейчасъ, отецъ-инспекторъ! я сію минуту!—отвѣтилъ Колупненко и, скромно опустивъ голову, пошелъ въ столовую.

А въ столовой, гдѣ въ проходѣ между двумя столами ходилъ Рѣдка, онъ съ величайшимъ усердіемъ истребалъ и скверную кутью, и подозрительный взваръ, и еще какіе-то пироги съ горохомъ. А Рѣдка, какъ на зло, еще взялъ и подошелъ къ нему и спросилъ:

— А что, Колупненко, вамъ, кажется, не нравится пироги?

— Пироги?—голосомъ, полнымъ смущенія, отвѣтилъ Колупненко:— нѣтъ... что-жъ, пироги хорошіе... Отличные пироги, Ардазыонъ Орестовичъ!

«Не стойте съ нимъ ссориться, не стойте!» думалъ въ это время Колупненко: «вотъ ужъ послѣ ужина удеру съ ними штуку, какой они отъ меня и не ждали... А, ну, такъ что-жъ, что не ждали? Все равно, удеру штуку и еще какую штуку! Я возьму да и пойду со двора... Ну, да, эка важность, что отецъ-инспекторъ велѣлъ ворота и калитку запретить!.. Эка важность, скажите пожалуйста!.. Точно я не могу и черезъ стѣнку перелѣзть! Тамъ въ саду есть каменная ограда, а въ одномъ мѣстѣ даже желобки бурсаками продѣланы, чтобы удобнее было перелѣзть... И многе перелѣзали и уходили ночью, куда имъ хотѣлось... Положимъ, я, Колупненко, ни разу этого не дѣлалъ, потому что я былъ овца и еще потому, что если бы перелѣзъ, то миѣ некуда было бы идти... Родни у меня нѣтъ, знакомыхъ ни души, а денегъ никогда ни одной копейки не было... Ну, а все-таки я перелѣзу... Сегодня уже непременно перелѣзу и пойду... Куда я пойду? Ну, да ужъ пойду. Эка важность, что миѣ некуда идти, что у меня нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ и что денегъ тоже нѣтъ... Эка важность, что денегъ нѣтъ!.. А я вотъ безъ денегъ приду въ трактиръ—ну, да, въ трактиръ, что жъ такое? Многе бурсаки ходятъ въ трактиръ и говорятъ, что тамъ весело—ну, приду въ трактиръ и скажу: дайте миѣ стаканъ вина, а только у меня денегъ нѣтъ, но у меня деньги будутъ потомъ, когда я кончу семинарію и женюсь, и буду попомъ. Я отдамъ вамъ, да. И миѣ дадутъ вина, и я напиюсь. Ага! А что? А что, Рѣдка? А что, отецъ-инспекторъ? А что, даже самъ отецъ-ректоръ, отецъ-архимандритъ? Не ожидали? Вѣдь говорили: овца Колупненко! Покажу я вамъ, какал я овца. А вѣдь я женюсь когда-нибудь... правда! Вѣдь правда, въ самомъ дѣлѣ, женюсь. Ужъ этого миѣ не можетъ запретить ни Рѣдка, ни отецъ-инспекторъ, ни даже самъ отецъ-ректоръ»..

Но эти размышленія были прерваны благодарственной молитвой, которую читалъ одинъ изъ младшихъ воспитанниковъ. Колупненко, поспѣшно прожеывая еще пироги съ горохомъ, которымъ былъ наполненъ его ротъ, всталъ и началъ креститься по направлению къ углу, гдѣ была пририта икона.

Всѣ вышли изъ столовой. Изъ другой двери появился отецъ-инспекторъ и, поровнявшись съ Колупненко, сказалъ очень любезно:

— Что это у тебя, Колупненко, такой недовольный видъ, какъ будто ты собираешься поджечь семинарію?

«Ага! Вотъ такъ штука!—подумалъ Колупненко:—хорошая мысль—поджечь семинарію! Вотъ бы въ самомъ дѣлѣ! Ай-ай-ай!—и Рѣдка сторѣлъ бы! Вотъ такъ штука!»

— Нѣтъ, отецъ-инспекторъ, это вамъ показало!—кроткимъ голосомъ отвѣтилъ Колупненко.— Это, должно-быть, оттого, что я очень наѣлся.

— А; наѣлся. Это хорошо! Пироговъ съ горохомъ? Хе-хе? Ну, только смотри, Колупненко, чтобы тебѣ что-нибудь страшное не пришло! Отъ пироговъ съ горохомъ это бываетъ! Ну, иди же теперь на молитву да и спать ложись. Завтра рано къ заутренѣ, и скажу говлится. Отецъ-экономъ отличныхъ колбасъ закупилъ, прекрасныя колбасы, я ихъ видѣлъ. А ты любишь колбасу, Колупненко?

— Люблю, отецъ-инспекторъ! Очень люблю!—отвѣтилъ Колупненко и при этомъ радостно улыбнулся.

Онъ въ самомъ дѣлѣ до страсти любилъ колбасу.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ завтра будешь ѣсть колбасу. А теперь иди спать!

«Не пойду я спать... Не хочу я спать. Что въ самомъ дѣлѣ? Четырнадцать лѣтъ каждый вечеръ гонять тебя спать. Это, наконецъ, можетъ надоесть... Нѣтъ, я знаю, куда пойду... Гм... Поджечь семинарію! А оно бы хорошо! Ей-ей хорошо! Отлично бы!»

Такъ думалъ Колупненко, направляясь въ общую залу, гдѣ происходила уже вечерняя молитва. Отецъ улавъ молитву, на которой былъ Рѣдка, онъ вмѣстѣ съ другими, подъ предводительствомъ Рѣдки, поднялся во второй этажъ, гдѣ была спальня, раздѣлся и улегся.

Рѣдка ушелъ. Огни загасли. Стало совсемъ темно. Вотъ тутъ-то и произошло нѣчто такое, чего не ожидали не только Рѣдка, отецъ-инспекторъ и отецъ-ректоръ, архимандритъ, но и никто на свѣтѣ. Колупненко тихонько поднялся и осторожно, чтобы не слышала ни одна душа, напялилъ на себя казенные штаны, казенный сюртукъ, казенный картузь и казенные сапоги и при этомъ почему-то удивительно ияственно чувствовалъ, что это не столько штаны, сюртукъ, картузь и сапоги, сколько именно казенные, что все это казенное; а затѣмъ на цыпочкахъ вышелъ и спустился по лѣстницѣ внизъ.

Вотъ онъ идетъ по коридору, а въ коридорѣ ярко горятъ лампы, и навстрѣчу ему бредетъ Рѣдка.

— Какъ,—говоритъ Рѣдка:— это Колупненко? Это овца? Почему же ты не въ церкви? Въ церкви совершается всенощное бдѣіе, а ты здѣсь, а?

— Эге, — отвѣтилъ онъ: — я, конечно, дѣйствительно Колупненко. это вы правду сказали, госпожа Рѣдка, только уже я не овца. Нѣтъ, и далеко не овца. И вотъ вы скоро это узнаете...

И, сказавъ это, онъ идетъ дальше и втрѣчается эконома, но только по странной случайности онъ не дыкаетъ, какъ это было въ дѣйствительности, а архимандритъ: на немъ высокая монашеская шапка и идилный клобукъ, изъ-подъ котораго торчатъ золотисто-рыжая борода.

— А,—сказалъ ему Колупненко.— Это ты, эконома! Ты думаешь, я испугался твоей рыжей бороды? Какъ бы не такъ! Ты воображаешь, что я буду ѣсть твои пироги съ тухлымъ горохомъ? Какъ бы не такъ! Ты думаешь, что я до сихъ поръ овца? Какъ бы не такъ! Вотъ я вамъ всебъ покажу, какал я овца. Я вамъ покажу! Я вамъ покажу!.. Четырнадцать лѣтъ не показывалъ, а теперь покажу. Вы думаете, что я смиренный, такъ ужъ ничего никогда и не покажу? А вотъ увидите, въгъ увидите!..—И Колупненко пошелъ дальше.

Но тутъ уже произошло нѣчто необыкновенное. Какъ это все случилось, этого даже профессоръ философіи и психологъ, который всегда говорилъ, что только для дурана существуютъ необъяснимыя вещи, а человѣкъ съ умомъ и съ философскимъ взглядомъ всегда и все можетъ объяснить,—такъ даже и онъ не объяснилъ бы.

Прежде всего онъ отправился въ садъ и по тѣмъ самымъ желобкамъ, которые продѣлали семинаристы, перелѣзъ черезъ стѣну и очутился на улицѣ. Ну, въ трактирѣ онъ зашелъ такъ себѣ, мимоходомъ, и тоже мимоходомъ вынулъ цѣлое ведро водки, да, цѣлое ведро.

Онъ первый разъ въ жизни пробовалъ этого напитка и нашелъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ воды, и ему даже страннымъ показалось, что онъ такъ много дурного слышалъ про водку; ничего въ ней дурного нѣтъ.

А выпивъ ведро водки, онъ пошелъ и женился...

Да, вотъ въ томъ-то и штука, что женился; взялъ, пошелъ и женился. И никогда въ жизни онъ не могъ бы объяснить и разсказать, какъ это произошло; но только это не подлежитъ сомнѣнію: онъ женился и теперь онъ женатъ. Такъ что-жъ изъ этого? Эка важность, что онъ—семинаристъ и что семинаристамъ жениться не позволено! Эка важность, скажите пожалуйста! Довольно того, что онъ четырнадцать лѣтъ не женился, а тутъ вотъ взялъ и женился...

Кого ему еще болѣе? Можетъ-быть, отца-инспектора или отца-архимандрита? Или чего добраго—ха-ха-ха — Рѣдки? Ну, вотъ, скажите пожалуйста... Да онъ не только ихъ не боится, но даже звать не хочетъ.

И чтобы разомъ, навсегда, покончить съ этимъ дѣломъ, онъ взялъ, зажегъ свичку и поднесъ ее къ самому фундаменту семинарскаго зданія. Зданіе въ одно мгновение вспыхнуло и горитъ, горитъ, горитъ...

Батюшки! Отецъ-рхимандритъ горитъ! Отецъ-инспекторъ горитъ!.. А вотъ изъ пламени торчитъ голова эконома и потрясаетъ своей рыжей бородой. Рѣдка горитъ! Ахъ, какъ жаль, какъ жаль, что Рѣдка горитъ! Вѣдь онъ хороший человѣкъ. Это ничего, что у него голова острокопечная, и что онъ отъ этого похожъ на рѣдку... Что-жъ тутъ удивительнаго, если Рѣдка похожъ на рѣдку... А жаль. Право, жаль... Онъ-таки дѣйствительно хороший человѣкъ...

А пламя подымается все выше и выше, и по всему городу идетъ звонъ... звонитъ на всѣхъ колокольняхъ, звонитъ на полнейскихъ казанкахъ, пожарные мчатся со всѣхъ концовъ и колокольнями, подвизанные къ дышаламъ, тоже звонитъ, звонитъ, звонитъ...

— Длинъ-длинны-длинны!..

— Да вставай же, Колупненко! Эй! ты какой! И во снѣ все время разговариваетъ. Вотъ говорилъ я тебѣ вчера, что отъ пироговъ съ горохомъ бываютъ страшные сны. Ну, вставай же!.. Съ праздникомъ тебя поздравляю, съ Рождествомъ Христовымъ!

Колупненко схватился, вкочилъ на ноги, тряхнулъ головой и съ успіемъ открылъ глаза. Внизу служитель усиленно звонилъ, призывая семинаристовъ къ заутренѣ.

Подавленный, смущенный, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ сталъ ралси разглядѣть, кто передъ нимъ стоитъ и поздравляетъ его, и, наконецъ, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Я... я сейчасъ... Я сію минуту, отецъ-инспекторъ...

Въ это время изъ-за снныи отца-инспектора выглянула острокопечная голова Рѣдки, и Колупненко тогда окончательно понялъ, что это былъ сонъ, что во всемъ виноваты пироги съ горохомъ, что слава Тебѣ, Господи, Рѣдка не сторѣлъ, а онъ Колупненко, остался овцой... И это уже—на вѣчныя времена.

XXVIII г.

№ 52

Выданъ 27 декабря 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. п. д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № прилагается Оглавленіе „Нивы“ за 1897 г.

Праздничный визитъ. Съ карт. Ф. Зимма грав. Р. Эдлеръ.

Солидный подарокъ.

Святочный рассказъ
княгини Маріи Волконской.

I.

Урокъ былъ конченъ. Зимнее, сѣрое, отяжелѣвшее отъ снѣговыхъ тучъ небо виднѣлось изъ оконъ бѣлой съ золотомъ залы, и хотя на улицахъ, покрытыхъ недавно выпавшимъ снѣгомъ, было еще свѣтло,—въ залѣ наступали уже сумерки.

Въ одномъ углу зала, положивъ ручонку на край клавиатуры, стояла у концертнаго рояля маленькая дѣвочка и большими, задумчивыми глазами поглядывала и на небо, и на тяжелыя штофныя портьеры, и на высокія пальмы посреди залы, и на молоденькую англичанку-гувернантку, присутствовавшую на урокѣ, и на учителя музыки—старога француза, съ длинными, зачесанными à l'artiste, сѣдыми волосами и длинными же сѣдыми усами.

Учитель этотъ сидѣлъ теперь у рояля, собирався сыграть что-нибудь въ награду ученицѣ, и хотя онъ часто расточалъ подобныя награды,—дѣвочка ими особенно дорожила.

Сегодня, впрочемъ, когда учитель присѣлъ у рояля, она словно отсутствовала, и, видя, что онъ взялъ стаканъ въ вызолоченномъ серебряномъ подстаканникѣ и, помочивъ сухарь, съ наслажденіемъ чавкала и чмокала беззубымъ ртомъ, стала пить чай, она опустила глаза.

Ей невольно вспомнилось все то, что отецъ, смѣясь и дурачась, рассказывалъ при ней за обѣдомъ объ ея учителѣ, объ его безмянственности и пр., вспомнились и

уговариванья матери „перестать“, и гримасы старшей гувернантки, и вдруг ей стало больно, стыдно и неловко. За кого больно: за отца, за учителя — она не знала. Только было неловко и больно.

— *Tout à l'heure*, Долли,—проговорилъ вдругъ французъ, замѣтивъ опущенный взглядъ своей маленькой ученицы и не понимая причины ея явнаго смущенія.— Сейчасъ, мое дитя. — Чай очень вкусенъ, когда холодно! Очень вкусенъ! Къ несчастью, не всѣ могутъ изѣть вкусный чай, когда имъ этого хочется. О, нѣтъ!

Онъ вздохнулъ.

Дѣвочка взглянула на него и тотчасъ опять задумалась.

Въ душѣ ея происходила сложная, ставшая ей непонятной лишь впоследствии, внутренняя работа.

— *Eh, bien, Dolly,—que faut-il jouer?*—черезъ минуту окликнулъ ее учитель.

Онъ выпилъ чай, поставилъ пустой стаканъ на роуль и, вынувъ платокъ, сталъ обсасывать вымоченные въ чаѣ и сливкахъ густые усы и утирать ихъ платкомъ. Щечки дѣвочки снова порозовѣли.

— Мосье Братъ, хотите еще чаю? — нерѣшительно проговорила она, когда французъ свернулъ патъ въ комочекъ и сунулъ его за жилетъ.

— Хотите? — тверже и громче повторила она, пристально глядя на старика. — Вы говорите, сегодня холодно?.. Да!..

И, избѣгая взгляда англичанки, боясь ея нѣмого укора, дѣвочка вдругъ быстро прошла къ противоположной стѣнѣ и позвонила.

Мосье Братъ былъ видимо тронутъ. Чахоточное жалкое лицо его приняло умиленное и вмѣстѣ откровенно-печальное выраженіе.

— *Ah, mon enfant, mon enfant!* — проговорилъ онъ, вздыхая, и вдругъ простодушно улыбнулся. — *Eh bien, en attendant nous allons jouer!*—сказалъ онъ, и, видя, что дѣвочка смутилась и ножкой стала водить по полу, онъ ласково погладилъ ее по длиннымъ распущеннымъ волосамъ.

— *C'est le Carillon, n'est ce pas qu'il faut jouer, n'est ce pas?*—спросилъ онъ, замѣтивъ появившуюся на лицѣ дѣвочки улыбку, онъ переглянулся съ англичанкой и прошепталъ: *j'en étais sûr!* Затѣмъ онъ какъ-то особенно щелкнулъ ногтемъ по крышкѣ роуля и, поднявъ брови, сталъ съ изумительнымъ мастерствомъ паигрывать пьеску на самыхъ верхнихъ клавишахъ роуля „*pianissimo*“, подражая музыкальному ящичку.

Дѣвочка словно застыла, ножка ея такъ и осталась приподнятой, но ротикъ полукоткрылся, глаза засвѣтились, и не то лукавая, не то блаженная улыбка озарила ея личико.

„А каково?.. Хорошо?..“ говорилъ ей взглядъ, обращенный на гувернантку. Въ эту минуту она видимо гордилась своимъ учителемъ.

Вдругъ изъ передней, черезъ запертыя двери послышались шумъ, голоса, тяжелые шаги. Голоса то приближались, то отдалялись, гдѣ-то хлопнула дверь, и тотчасъ чѣмъ-то громоздкимъ задѣли, „смазали“ съ наружной стороны стѣну.

— Пора кончать! — прошептала англичанка. — Я боюсь, мистеръ Буришовъ вернется и будетъ недоволенъ, заставъ насъ въ залѣ. Сегодня и такъ мы опоздали.

— *Oh, tout à l'heure!* — сказалъ мосье Братъ, попявъ, въ чемъ дѣло.

Онъ кончилъ играть и съ доброй улыбкой поглядывая на дѣвочку, погтемъ опять щелкнулъ по крышкѣ роуля; это значило, что валикъ въ ящикѣ пересталъ вертѣться, и, кривляясь, чтобы вызвать улыбку у ученицы, наклонилъ корпусъ и голову къ пиюитру.

Дѣвочка, ожидая, что учитель сейчасъ встанетъ,

дѣйствительно улыбнулась, но тотчасъ же напряженно стала прислушиваться къ голосамъ, кричавшимъ: „тише!.. осторожнѣй!.. вали, вали, вали, дѣвѣй же, забрай!..“. Но мосье Братъ не всталъ. Во всей его фигурѣ вдругъ сказалось тоскливое утомленіе, тѣло его какъ-то безжизненно опустилось, лобъ уперся въ пиюитръ, волосы сдвинулись на лицо.

Прошла минута.

Долли вопросительно поглядѣла на англичанку. Англичанка слегка пожала плечами.

— Мосье Братъ! А у васъ будетъ сегодня ёлка? — спросила вдругъ дѣвочка, придавая голосу нѣжную интонацію. — Да?.. А у насъ будетъ, большое-большое дерево... Это его, вѣрно, сейчасъ пронесли въ ту залу... Вы слышали, какъ по стѣнѣ оно сдѣлало шрррр... Иванъ мнѣ сказалъ, дерево громадное, — добавила дѣвочка, обращаясь уже къ англичанкѣ и разводя ручонками, чтобы показать, какое, по ея понятіямъ, должно быть дерево.

— *Eh bien, mon enfant, au revoir!*—сказалъ вдругъ мосье Братъ, выпрямляясь и движеніемъ головы закидывая назадъ свои длинные, прямые волосы. — *Non, je suis trop vieux, pour un arbre de Noël, trop vieux,* — повторилъ онъ:—у меня не будетъ ёлки.

Долли взглянула на мосье Братъ. Его слова и интонація его голоса произвели на нее особенное впечатлѣніе.

Сердце ея сжалось.

„Безъ ёлки, бѣдный!“—подумала она, и ей тотчасъ захотѣлось приласкать, приголубить, обрадовать чѣмъ-нибудь старика.

— *Et le thé, какъ же чай-то? Miss Harrison!*.. — сказала она, когда учитель, прощаясь, взялъ ея маленькую ручку и, какъ у взрослой, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Молоденькая англичанка, боявшаяся получить замѣчаніе отъ старшей гувернантки, нахмурилась, взглядами стараясь дать понять воспитанницѣ несвоевременность ея вопросовъ, но Долли не унималась:

— Отчего онъ не идетъ?.. Вѣдь я позвонила!—говорила она про лакея, волнуясь.—Отчего?..

— О, теперь слишкомъ поздно, дитя мое,—проговорилъ мосье Братъ, кротко улыбаясь.—Въ другой разъ, мой дѣвочка, въ другой разъ!

Долли замолчала, будто соображая что-то запутанное, и, ухватившись обѣими руками за огромную костлявую, тяжелую руку прощавшагося француза, стала переводить глаза съ него на англичанку и опять на него.

— Такъ у васъ, правда, не будетъ сегодня ёлки? — проговорила она, наконецъ, задумчиво.—Правда?.. Ну, такъ вотъ что... Приходите къ намъ, на нашу ёлку. Мама будетъ рада, я знаю... И приходите пораньше, прямо къ обѣду. У насъ большой будетъ обѣдъ сегодня. Много гостей...

Долли не договорила. На ея лицѣ выразился и ужасъ, и стыдъ, и смущеніе. Яркая краска залила ей лобъ, щеки, уши. Она умоляюще взглянула на англичанку, какъ бы ища помощи и поддержки, но на лицѣ гувернантки она увидѣла тотъ же испугъ, удивленіе и смущеніе.

— *Oh, mon enfant, je vous remercie...* — началъ французъ, обрадовавшись приглашенію. — *Je viendrai absolument pour voir votre bel arbre...* — продолжалъ онъ, красиво картавя.

Но дѣвочка уже не слушала его.

Она вырвала у него руку и, потупившись, стояла, отвернувшись отъ него.

Въ душѣ ей было до боли досадно за вырвавшіяся у нея слова, и за то, что „онъ“ принялъ приглашеніе; ей хотѣлось плакать, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее невольно радовало, что она доставила мосье Братъ удовольствіе.

II.

— О, Долли, Долли, что вы сдѣлали? — произнесла миссъ Гаррисонъ, какъ только мосье Братъ вышелъ за дверь, и съ жестомъ отчаянія подняла обѣ руки и прижала ихъ къ вискамъ.

Долли молчала. Она сама понимала отлично, „что“ она сдѣлала.

— Пойдемте къ мамѣ. Ей надо покаяться; только и остается!.. А то, что будетъ!.. Вы знаете, у папѣ сегодня званый обѣдъ, знаете, кого ждутъ—(миссъ Гаррисонъ назвала высокопоставленнаго гостя), — а вы!.. Ахъ, да какъ вамъ вообще пришло въ голову приглашать кого-нибудь безъ позволенія?.. Я стояла, слушала васъ и просто ушамя своимъ не вѣрила... Ахъ, и мнѣ за васъ достанется!..

Долли, пунцовая, сконфуженная, не шевелилась, не произносила ни слова.

— Пойдемте!—проговорила наконецъ миссъ Гаррисонъ.—Вы сами должны будете покаяться мамѣ, сами все расскажите... Я не могу...

Англичанка взяла за руку дѣвочку и повела черезъ длинный рядъ парадныхъ комнатъ въ жилия.

— Миссисъ Бурнашовъ, это мы, позвольте войти? — черезъ нѣсколько минутъ вкрадчиво проговорила она, подойдя къ запертой двери, переглядываясь съ Долли и стуча въ дверь.

— Войдите!—послышался въ отвѣтъ женскій голосъ.

Миссъ Гаррисонъ отворила дверь и ввела дѣвочку въ будуаръ.

Въ будуарѣ, на низкомъ шелковомъ креслѣ-раквинѣ сидѣла молодая женщина передъ небольшимъ „несгораемымъ ящикомъ“, поставленнымъ на столикъ, и съ серьезнымъ лицомъ вынимала изъ этого ящика большіе и маленькіе футляры, раскрывала ихъ и разсматривала шары.

— Что случилось?—ласково спросила она, держа въ лѣвой, вытянутой рукѣ голубой футляръ съ жемчужнымъ уборомъ и переводя глаза съ убора на вошедшихъ и особенно на дѣвочку.—О, Долли, неужели ты сегодня напроказничала? — Неужели, дѣвочка моя?— и въ голосѣ ея зазвучало такое неподдѣльное огорченіе и такая нѣжность, такая любовь, что сердце Долли еще болѣе сжалось.

— Говорите, говорите же!—прошептала ободряюще миссъ Гаррисонъ. — Вы должны сами рассказать!—и миссъ Гаррисонъ, взявъ Долли за плечи, подвела ее къ матери; но Долли хотѣла говорить и не могла. Языкъ ей не повиновался.

— Что случилось? — уже съ тревогой переспросила мать, и лицо ея, какъ у всѣхъ нервныхъ людей, сразу измѣнилось. Она покраснѣла и тотчасъ же поблѣднѣла.

— Мама... я...—начала Долли, но силы ей измѣнились.

Она бросилась къ матери, обвила ея шею руками и прильнула мокрымъ лицомъ къ ея плечу.

Разсказывать пришлось миссъ Гаррисонъ.

— А-а-а-а! — испуганно прошептала Екатерина Николаевна, когда англичанка кончила. — Какъ же ты это?!.. А-а!.. Папѣ знаетъ?.. Нѣтъ!.. Но Братъ, вѣрно, понялъ, что это приглашеніе въ счетъ не идетъ?—продолжала Екатерина Николаевна, обращаясь уже исключительно къ гувернанткѣ.—Вы ему сказали, кто у насъ сегодня будетъ?.. Нѣтъ, отчего?.. Надо было сказать!..

Бѣдная миссъ Гаррисонъ начала оправдываться.

Вдругъ веселый голосъ раздался въ комнатѣ:

— Что за сборище такое? Мамаша съ дочкой такъ заняты, что отца не замѣчаютъ... Хорошо! Нечего сказать!.. Ну, выбрала ты себѣ брошь? — обратился красивый, изящный господинъ лѣтъ сорока, подходя къ женѣ и мимоходомъ весело здоровался съ англичанкой.—Да что это за слезы?..

— Вотъ я думаю эту, — сказала Екатерина Николаевна, показывая мужу сапфировую брошь, съ круп-

ными брильянтами.—Эта хороша будетъ... къ темно-синему бархату!.. — И, будто не придавая особенной важности своимъ словамъ, она добавила: — Да! Вотъ слезы! Представь себѣ, — бѣду натворила, да еще какую!.. Это она передъ тобой виновата... Я надѣюсь, впрочемъ, что все обойдется благополучно. Представь... она пригласила сегодня къ обѣду и на ѣлку Братъ! Наступило молчаніе.

Бурнашовъ, не на шутку удивленный, взглянулъ на жену, потомъ на дочь.

Миссъ Гаррисонъ безшумно вышла изъ комнаты.

Долли, невыразимо страдая, крѣпче и крѣпче прижималась къ плечу матери, удерживая слезы и не замѣчая тѣхъ взглядовъ, которыми обмѣнивались родители, и той улыбки, которая появилась на губахъ Екатерины Николаевны.

— Какъ же это ты? — раздался наконецъ голосъ Бурнашова. — Развѣ дѣти смѣютъ приглашать безъ позволенія?.. А-а?.. Что-о?.. Нѣтъ, то-то нѣтъ!.. Взгляни на меня, нечего портить платье матери!.. Да какъ тебѣ это на умъ пришло?.. Non, et toi tu souris! — обратился Бурнашовъ къ женѣ. Онъ, видимо, начиналъ раздражаться.—C'est vraiment impossible!.. И какъ это Гаррисонъ допустила! А тѣ гдѣ?.. Алида?.. Двѣ гувернантки!.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Это невозможно!..

Бурнашовъ въ досадѣ наморщилъ лобъ и махнулъ рукою.

Екатерина Николаевна безпомощно пожала плечами. Улыбка исчезла съ ея губъ.

— Ну, что-жъ, ему объяснили?.. Я не могу его допустить!.. Да и мѣста нѣтъ за столомъ!..—продолжалъ Бурнашовъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.—Это Богъ знаетъ что!.. Надо послать къ нему!.. Напиши письмо... Вотъ я всегда говорилъ, что твоя Алида ни за чѣмъ не смотреть!.. Кто тамъ? — крикнулъ онъ съ сердцемъ, слыша стукъ въ дверь и прерывая начавшую что-то объяснять жену.

— Алексѣй Степановичъ, вамъ письмо отъ... (послышался голосъ камердинера, и камердинеръ пазвалъ, отъ кого было письмо.)

Бурнашовъ не то вздрогнулъ, не то встрепенулся всѣмъ существомъ. Письмо было отъ того, для кого дѣлался обѣдъ.

„Отказъ!.. Не пріѣдетъ!..“ мелькнула у него та же мысль, какъ и у жены, и онъ, невольно переглянувшись съ Екатериной Николаевной и потомъ тщательно избѣгая встрѣтиться съ нею глазами, старался казаться равнодушнымъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и взялъ у человѣка конвертъ.

— Кто принесъ?.. Дворецкій?.. Пусть подождетъ!..

— Слушаю-съ,—послышался голосъ, и затѣмъ раздался удалявшіеся скрипящіе шаги лакея.

Бурнашовъ подошелъ къ окну, разорвалъ конвертъ и сталъ читать письмо.

Екатерина Николаевна съ безпокойствомъ, зная, какъ отказъ повліяетъ на мужа, глядѣла на него, а Долли, почувствовавъ, что происходитъ нѣчто особенное, что мать ея, за минуту вся поглощенная ея продѣлкой и желаніемъ спасти ее отъ гнѣва отца и наказанія, — теперь точно забыла и ее, Долли, и ея вину, и озабочена чѣмъ-то другимъ,—приподняла голову и однимъ глазкомъ стала смотрѣть на отца. Лицо его было непроницаемо.

Казалось, онъ умышленно томилъ кого-то (Долли смутно догадывалась *кого*) неизвѣстностью.

— Прочти! — наконецъ проговорилъ онъ отрывисто, подавая письмо Екатеринѣ Николаевнѣ и стараясь даже интонаціей не выдать того, что онъ чувствовалъ.

Екатерина Николаевна нервно, быстро схватила письмо и углубилась въ него. Долли вновь уткнулась лицомъ въ плечо матери. Передъ глазами ея мелькнулъ только красивый, черный съ золотомъ гербъ.

Крещение франкского короля Хлодвига I в Реймсе, в день Рождества 496 г. Сь карт. А. Цивка грав. Унионъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, и вдругъ надъ самымъ ухомъ дѣвочки раздался голосъ Бурнашова:

— Ну-съ, а ты что это тутъ, матушка, матери читать мѣшаешь? Принцесса Юркская!.. А-а! Подыми голову!.. Я ужъ тебѣ говорилъ, что ты матери платье портишь!.. Ты слыхала?.. А-а? Что-о?.. Подыми голову!.. Семилѣтняя хозяйка!.. Я вотъ тебѣ дамъ въ другой разъ приглашать къ обѣду... А сегодня бери Братъ къ себѣ и корми его своимъ супомъ и котлеткой!.. Что-о?—Не хочешь?.. Ну, и маршъ изъ комнаты, а Братъ жди къ себѣ обѣдать... Слышишь, герцогиня Кентербрийская!..

Долли, давно, по приказанію отца, поднявъ голову, видѣла, что онъ полу-шутитъ съ ней, что онъ чѣмъ-то ужасно доволенъ, и видѣла, что его удовольствіе передалось и ей матери; но и удовольствіе, и шутливый тонъ были такъ неожиданны, что дѣвочкѣ вдругъ почему-то стало ужасно жаль себя.

— Что-жъ ты стоишь?!..—продолжалъ между тѣмъ Бурнашовъ.—Маршъ, маршъ, въ дѣтскую! Ну, мигомъ, ступай, ступай,—да по дорогѣ не пригласи еще кого-нибудь!..—крикнулъ онъ уже совсѣмъ весело и засмѣялся.

Долли взглянула на отца, потомъ на мать, прочла въ ея глазахъ любовь и нѣжность, въ глазахъ отца—удовольствіе, и, вся красная, выбѣжала изъ будуара.

III.

— Няня, а ты меняпустишь?.. Душечка, только на хорыпусти!—говорила Долли, вечеромъ того же дня, русской, уже не молодой, нянѣ, одѣвавшей ее къ ѣлкѣ въ бѣлое кружевное платьице.—Аница,пусти, милая! Я только посмотрю, гдѣ онъ сидитъ... Вѣдь ты „взаправду“ говоришь, что онъ пришелъ?

Няня молчала.

— Ну, „взаправду“, нянечка? Ну, такъпусти, золотая,—повторила Долли и повернула къ нянѣ умоляющее лицо.

— Ну, что смотришь-то, милая,—отозвалась, наконецъ, няня.—Увидятъ васъ снизу Алида Федоровна, и только и будетъ, что разсердятся. А сидитъ онъ себѣ за столомъ, какъ всѣ люди сидятъ, и кушаетъ.

Лукаво-радостная улыбка по обыкновенію сморщила губы дѣвочки.

„Сидитъ и кушаетъ.“—мысленно повторила она съ восторгомъ.

— Аница, а съ кѣмъ онъ сидитъ рядомъ?

— Ну, милая, я и не разсмотрѣла. Видѣла, что сидитъ, а съ кѣмъ,—Богъ его вѣдаетъ! Только видѣла, что тамъ онъ.

Няня замолчала и стала завязывать дѣвочкѣ широкий, свѣтло-розовый, шелковый поясъ.

Долли стояла, не шевелясь.

Самыя разнородныя мысли и мечты тѣснились въ ея дѣтской головкѣ.

— Няня, а отчего дверь въ класснуюзаперта?

Эта дверь,запертая съ утра, весь день интересовала и мучила дѣвочку, вызывая въ ея головѣ самыя пещыточныя предположенія.

— Развѣ тамъ будетъ елка?

— Ну,какая тамъ елка!.. Сами знаете, что елка внизу...

— А что тамъ, няня? Скажи! Ну, скажи, нянечка! Ты вѣдь знаешь!..

Няня Афимья или Аница, какъ въ младенчествѣ прозвала ее Долли, замахала руками.

— Не скажешь?—щуря свои длинноватые глаза,спросила Долли, заливаясь тихимъ, шаловливымъ смѣхомъ.— Не скажешь?.. (Она повернулась и стала гладить и нѣжно хлопать няню по щекамъ.) Тогда... Я тебѣ сама скажу! Тамъ...

Но Долли вдругъ смутилась и замолчала. Она не

могла рѣшиться выговорить то, что представлялось тамъ ей воображенію. А представлялось ей тамъ разложенное на стульяхъ „солидное“, т.-е. великолѣпное, темно-малиновое, шелковое платье, покрытое тончайшими кружевами шантильи. Такое платье было у ея матери на послѣднемъ балу, и отецъ при ней сказалъ (это отлично помнила Долли), что оно—вещь солидная. Такое именно платье Долли и надѣялась получить въ подарокъ потому, что когда отецъ передъ Рождествомъ спросилъ ее, что она хочетъ на праздники, она, вся зардѣвшись, но не смутившись, отвѣчала: „солидное“. Отецъ тогда почему-то очень смѣялся ея словамъ. А теперь дверь въ классную былазаперта, значитъ...

И самыя „розовыя“ мечты пронеслись въ головкѣ Долли.

Черезъ нѣсколько минутъ, она, совсѣмъ одѣтая, шла съ няней по коридору въ игрушечную, гдѣ дожидалась ее миссъ Гаррисонъ.

— Няня,—уже подходи къ комнатѣ, прошептала вдругъ Долли, прижимаясь головкой къ старухѣ.— Няня! Пусты, золотая, меня на хоры, однимъ глазкомъ на него посмотрѣть... Пустышь, да? Тамъ темно. Алида Федоровна снизу ничего не увидитъ. А я буду стоять тихо-тихо... Я такъ люблю смотрѣть съ хоръ, и на маму хочется посмотреть... Пустышь?

По лицу няни пробѣжала какаятотѣнь. Она начала сдаваться.

— Ну, хорошо. Если можно будетъ—пуцу,—отвѣчала она тоже шепотомъ.—Только вы, матушка, сидите въ дѣтской смирно. Слушайтесь миссъ. Не шалите, платья не мните... А я ужъ постараюсь...

Долли весело закивала головой, поцѣловала въ шею, въ лицо нагнувшуюся къ ней няню и степенно вошла въ игрушечную.

Миссъ Гаррисонъ, кончавшая Доллинъ подарокъ бабушкѣ, подняла голову, оглядѣла дѣвочку, заставила ее повернуться во всѣ стороны и велѣла ей присѣсть къ столу.

Няня, значительно взглянувъ на Долли, вышла.

Долли сѣла. Мысли ея опять разбѣгались. То она видѣла „солидное“ платье и себя въ немъ, то ее начинало тревожить, что нѣсколько рядовъ въ подаркѣ „бабушкѣ“ еще не кончены, а скоро позовутъ на елку, и какъ же тогда?.. То начиналъ мучить вопросъ, поведетъ ли ее няня на хоры или обманетъ, то приходило въ голову, „а какъ же куклы-то въ классной, не разбили ли ихъ, когда раскладывали платье на стульяхъ“, и было жаль куколъ.

Прошло минутъ десять, показавшихся дѣвочкѣ вѣчностью.

Миссъ Гаррисонъ все такъ же шила и вышивала, изрѣдка давая наставленія и спрашивая то о томъ, то о другомъ,—вдругъ дверь изъ коридора пріотворилась, и няня, въ ея гладкомъ коричневомъ шелковомъ платьѣ и черной шелковой мантильѣ съ бахромой, показалась на порогѣ.

— Долли, подите сюда, на минутку,—подмигивая дѣвочкѣ, позвала она самымъ спокойнымъ голосомъ.

Долли быстро прыгнула со стула, и, не спросясь, побѣжала къ нянѣ.

— Dolly!—пѣвучимъ тономъ окликнула ее было молоденькая гувернантка, но, видя, что дѣвочка выходитъ уже изъ двери, вдругъ передумала и вмѣсто того, чтобы вторично кликнуть ребенка, погрузилась въ свою работу.

А Долли между тѣмъ, замирая и волнуясь, бѣжала на цыпочкахъ вслѣдъ за няней по коридору.

Добѣжавъ до хоръ, она схватила няню за платье и, слыша снизу, черезъ запертыя на хоры двери, таинственный гулъ, смѣхъ и говоръ голосовъ,—уткнулась въ это платье лицомъ.

Няня подождала немного, погладила дѣвочку по го-

ловѣ, потомъ безшумно отворила дверь на темные хоры, безшумно ввела въ нихъ Долли и затворила дверь.

Гулъ, смѣхъ и говоръ въ это мгновеніе уснулились, и, какъ что-то страшное, поразили слухъ Долли.

Нѣсколько секундъ она стояла смущенная, ничего не понимая, ничего не отличая.

Внизу, въ парадной столовой, черезъ сквозныя перила хоръ, она увидѣла въ яркомъ свѣтовомъ пятнѣ столъ, уставленный вазами, серебромъ, цвѣтами, канделябрами, фарфоромъ, и вокругъ этого стола много незнакомыхъ людей въ темныхъ фракахъ, мундирахъ съ золотомъ и серебромъ и цвѣтныхъ платьяхъ, съ ярко освѣщенными лицами и руками.

— Ну, вотъ видите его? — слышала черезъ нѣсколько мгновеній Долли.

— Гдѣ? — вопросительно прошептала дѣвочка.

Она никого еще не отличила и съ трудомъ разыскивала глазами и не находила мать.

— Мамашу-то видите? — спросила няня. — Да вотъ, вотъ онъ!.. Вы не туда смотрите. Вотъ поближе... Тише!.. Не шумите... Видите?

Минуты черезъ три Долли освоилась и съ темнотою хоръ, и съ ярко освѣщеннымъ пятномъ внизу, и съ красновато-розовыми лицами и руками, и по этимъ рукамъ отыскала глазами и свою мать, съ ея высокопричесанной, темной головкой, въ сапфирового цвѣта бархатномъ платьѣ съ крупной брильянтовой брошью и крупными брильянтами-солитерами въ ушахъ, и отца, и высокопоставленную особу, и дальше, дальше старшую гувернантку, а рядомъ съ ней и — *его*.

Долли чуть не засмѣялась, увидѣвъ его.

Онъ сидѣлъ въ новой, туго-накрахмаленной, казавшейся бумажной, манишкѣ, въ своемъ поношенномъ фракѣ и старой, очень открытой жилеткѣ, „прибранный“, какъ говорила няня, т. е. очевидно побывавшій у куафѣра, и старался показать, что то общество, въ которомъ онъ находится, ничуть его не смущаетъ, свободно говорилъ что-то Алидѣ Федоровнѣ, занималъ ее, какъ свою даму, и весь сіялъ отъ удовольствія. Подавали ему, — Долли это замѣтила, — послѣднему, но онъ не обращалъ на это вниманія, бралъ себѣ большія порціи и ѣлъ за двоихъ.

Долго стояла Долли и съ улыбкой, переглядываясь съ няней, молча смотрѣла на „обѣдъ“.

Потомъ няня тихонько взяла ее за руку и привела къ миссъ Гаррисонъ.

Бабушкина подушечка была уже копчена и вмѣстѣ съ другими подарками, предназначавшимися родителямъ и родственникамъ, лежала на столѣ.

Долли поглядѣла на подарки: они казались ей необыкновенно изящными; она хотѣла, но въ то же время боялась дотронуться до нихъ, и стала ожидать ѣлку.

IV.

Елка — огромное шести-аршинное густое дерево — блестѣла огнями. Всѣ подарки были уже розданы.

Бурнашовъ, веселый и довольный, съ ножницами въ рукахъ, въ сопровожденіи постоянно ѣвшаго и пившаго у него въ домѣ полковника, начиналъ срѣзывать украшенія, бонбоньерки, мандарины, розмариновые яблоки, *rommes d'Arі* и раздавать ихъ приглашеннымъ.

Дѣти съ пунцовыми щеками и блестящими глазами или стояли группами, разглядывая и сравнивая свои подарки съ подарками другихъ дѣтей, или въ одиночку ходили вокругъ дерева и высматривали то, что на немъ имъ нравилось больше всего и что они хотѣли бы получить. Въ залахъ и гостиныхъ сидѣли и ходили, разговаривая и смѣясь, нарядныя дамы и мужчины.

Мосѣ Братъ нѣсколько разъ подходилъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ и, сіяя радостью, что-то оживленно ей говорилъ, а разъ даже (Долли видѣла это) взялъ руку

Екатерины Николаевны въ обѣ свои и, будто благодаря за что-то, долго трясъ эту руку и подъ конецъ разговора поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Сама Долли, счастливая, радостно-взволнованная, то подбѣгала къ матери и прижималась къ ней, то, по приказанію отца, переходила отъ одного маленькаго гостя къ другому, надѣялась всѣхъ бонбоньерками и фруктами, стараясь угодить каждому, то разговаривала съ ласкавшими ее взрослыми, то издали кивала „своему“ гостю. Въ душѣ ей было очень весело: ей подарили все, что она желала: и куклу, и кукольную колясочку, и ящикъ съ музыкой, и книги на всѣхъ языкахъ. Даже отъ высокопоставленнаго лица получила она дорожную бездѣлушку. Но тревожило дѣвочку, — гдѣ же солидное платье? Зачѣмъ же заперли на ключъ классную, если тамъ ничего нѣтъ. Развѣ для того только, чтобы обмануть ее, Долли?..

Выбравъ свободную минуту, дѣвочка развѣ даже стрѣлой пробѣжала наверхъ и подергала ручку двери, желая войти въ классную; но комната оказалась попрежнему запертой, и войти въ нее не было никакой возможности.

Стояла отъ любопытства, чувствуя, какъ громко говорила о чемъ-то таинственномъ, прекрасномъ тишина, царствовавшая наверху (классная, какъ и всѣ жилыя комнаты, помѣщалась во второмъ этажѣ), Долли вернулась къ гостямъ и бросилась къ матери. Но мать не удовлетворила ея любопытства. Екатерина Николаевна была занята, и, положивъ руку на плечо дѣвочки, легкимъ движеніемъ показала ей, чтобы она шла къ дѣтямъ и къ отцу, все еще срѣзавшему украшенія съ елки.

Только послѣ двухчасоваго ожиданія, Долли наконецъ почувствовала, что близится конецъ ея терзанія, предположенія и радостно взволнованному настроенію. Бурнашовъ, раздавъ всѣмъ угощенія и подарки, проводивъ нѣкоторыхъ важныхъ гостей и усадивъ другихъ за карточные столы, подзвалъ ее къ себѣ и, улыбаясь, сказалъ что-то насчетъ того, что она ужъ большая; затѣмъ онъ взялъ ее за руку и повелъ въ классную.

У Долли захватило духъ. Подымаясь по лѣстницѣ, она уже представляла себѣ, какъ на нее надѣнутъ малиновое шелковое платье съ длиннымъ шлейфомъ, и какъ она сойдетъ въ немъ внизъ къ удивленію и восхищенію другихъ дѣтей... Только на верхнихъ ступенькахъ нашло на нее вдругъ сомнѣніе въ возможности осуществленія желанія и вмѣстѣ съ тѣмъ такого великаго, какъ ей казалось тогда, счастья. Она совсѣмъ застыдилась, опустила глаза и попыталась, вызвавъ удивленный вопросъ отца:

— Что такое?.. Что?

Глядя на нее, Бурнашовъ отворилъ въ классную дверь и, выпустивъ руку дѣвочки, остановился на порогѣ.

Долли исподлобья быстро оглядѣла комнату (въ ней, у окна, стояла кучка людей, глядѣвшихъ въ сторону ея, Долли), — увидѣла, что ни трюмо съ зажженными свѣчами, ни покрытаго кружевами платья, разложеннаго передъ нимъ на стульяхъ, не было, и, услышавъ слова отца: „ты хотѣла солидное: вотъ тебѣ вещь на всю жизнь“, — взглянула на эту вещь и, закрывъ лицо руками, залилась горькими слезами.

У противоположной двери стѣпы темнымъ пятномъ выдѣлялся силуэтъ кабинетнаго рояля.

Бурнашовъ, ожидавшій совершенно иного эффекта, поглядѣлъ на дѣвочку съ недоумѣніемъ.

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, всполошились. Екатерина Николаевна приблизилась къ дочери и съ досадой стала спрашивать ее: „что съ нею?“ Алида Федоровна, находившая, что этотъ подарокъ — непростительное баловство, съ неудовольствіемъ оглядывала неразумныхъ ро-

дителей. Мосьё Братъ басомъ увѣрялъ всѣхъ, что это слезы d'émotion et de joie; кака-то старушка вторила ему, покачивая утвердительно головою, а Долли плакала и плакала, прижимаясь къ матери.

— Э-э, мой другъ,—проговорилъ, наконецъ, Бурнашовъ.—Я думалъ, ты, правда, большая, а оказывается...

Онъ не докончилъ, повернулся и пошелъ изъ комнаты.

— Ай, Долли, Долли, какъ тебѣ не стыдно! Ты обидѣла отца!—заговорили всѣ.—Бѣги, проси прощенія!

Но Долли и сама чувствовала это. Она бросилась за отцомъ, поймала его въ коридорѣ и, схвативъ его руку, стала порывисто ее цѣловать...

V.

— Eh bien, eh bien, mon enfant!—говорилъ мосьё Братъ, когда всѣ взрослые вслѣдъ за Бурнашовымъ ушли, и онъ, выйдя вмѣстѣ съ другими, вернулся изъ коридора и остался одинъ съ Долли, старавшейся проглотить свои слезы, чтобы, согласно приказанію Екатерины Николаевны, идти внизъ.—Mais qu'est ce qui vous fait pleurer de cette manière?.. Hein?.. Voyons, voyons!

Улыбаясь своей грустной улыбкой, старикъ подошелъ къ дѣвочкѣ и такъ же, какъ днемъ, сталъ гладить ее по длиннымъ, распущеннымъ волосамъ.

— Voyons, dites-moi—est ce que vous n'aimez pas la musique? Eh?..

Долли и хотѣла отвѣчать, и не знала, что.

— Нѣтъ, я люблю музыку,—пролепетала она, наконецъ.

— Такъ что же, что же? Что заставляетъ васъ такъ плакать. Вы хотѣли другого подарка? Eh?.. Voyons, voyons...

Старикъ сѣлъ и, приблизивъ къ себѣ дѣвочку, поставилъ ее между своихъ колѣнъ.

— Voyons, dites-moi; autre chose? Oui?... А я уже представлялъ себѣ,—продолжалъ онъ, видя, что голова Долли еще ниже поникла при его послѣднихъ словахъ:—я представлялъ уже себѣ, какъ чьи-то маленькіе пальчики будутъ бѣгать по этой клавиатурѣ и играть Милинору... Да! А другіе чьи-то длинные пауки будутъ играть Carillon и не будутъ бояться, что имъ скажутъ: „довольно“, какъ сегодня... Помните?.. И второго стакана чаю я такъ и не получилъ!.. Да!

Долли подняла голову и сквозь слезы стала прислушиваться къ болтовнѣ старика.

— А тутъ,—продолжалъ мосьё Братъ:—тутъ моя маленькая Долли будетъ угощать меня чаемъ каждый урокъ... И намъ будетъ такъ хорошо... А, кстати, сыграть имъ тамъ, Carillon?—спросилъ онъ вдругъ, мѣняя голосъ.—Вѣдь меня пригласили во дворецъ на квартетные вечера... Вы слышали?.. Oui! И сама маленькая Долли не знала, да!.. она не знала, та petite Dolly, — онъ полузакрывъ глаза:—къ чему поведетъ ее приглашеніе, къ какимъ послѣдствіямъ...

Долли, не понимая всей важности рассказываемаго факта, все же почувствовала, что случилось что-то хорошее для Братъ, и улыбнулась.

— Да!—мотнувъ головой, сказалъ французъ, открывая глаза, и, взявъ платокъ дѣвочки, онъ осторожно

сталъ вытирать ей глаза и мокрыя стъ слезъ щеки.— Да!..—онъ тихо засмѣялся.—Eh bien, oui, je leur jouerai ça, ma mignonne... А вотъ пока я вамъ хотѣлъ не сыграть, а подарить кое-что на память, моя маленькая Долли... C'est un souvenir que vous aurez de moi, когда меня ужъ больше не будетъ...

Мосьё Братъ засунулъ руку за жилетъ, лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и онъ сталъ доставать оттуда какой-то предметъ. Руки его дрожали, и вдругъ, видимо, его охватило волненіе.

— Tout à l'heure, mon enfant,—прошамкалъ онъ:—tout à l'heure... Я хотѣлъ бы, чтобы вы... чтобы вамъ... понравился мой подарокъ... Вотъ, вотъ...

Онъ остановился, передохнулъ и, откинувъ назадъ длинныя, сѣдые волосы, послѣ долгихъ усилій досталъ изъ внутренняго кармана старый, большой, черной кожи, бумажникъ и открылъ его.

Долли внимательно смотрѣла на него. Слезы ея высыхали. Лицо свѣтилось любопытствомъ.

— Вотъ... это благословеніе моей матери...—торжественно началъ опять мосьё Братъ, порывшись въ бумажникъ и доставая оттуда четырехугольную, старелькую, полуразорванную, полунислѣвшую на углахъ бумажку.

Онъ развернулъ бумажку и осторожно вынулъ изъ нея стрѣльчатой формы фарфоровую дощечку съ нарисованной на ней акварелью головой Спасителя Гвидо Рэни; потомъ опять глубоко вздохнулъ, беззубый ротъ его полукриво улыбкой, и онъ протянулъ дѣвочкѣ свой подарокъ.

— Voilà... C'est ma mère, quand je quittais la France...

Мосьё Братъ остановился, нѣжно, задумчиво улыбнулся, и потомъ продолжалъ...

Богъ знаетъ, была ли правда то, что онъ говорилъ; но въ эту минуту онъ самъ, очевидно, искренно вѣрилъ въ свои слова, и самъ былъ ими глубоко растроганъ.

Много и долго говорилъ онъ. Говорилъ и о своей матери, и объ ея благословеніи, и о Франціи, и о рождѣ, и о Долли, и о бѣдныхъ, и о богатыхъ, и даже о Томъ, о Которомъ онъ врядъ ли много думалъ всю свою жизнь, а Долли, переводя глаза съ него на Спасителя Гвидо Рэни, стояла между его колѣнъ и, внимательно слушая его, видѣла его волненіе, и на душѣ ея становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе: горечь разочарованія таяла, уходила куда-то, и вмѣсто нея какія-то новыя, неясныя, но добрыя нѣжныя чувства зарождались въ пей. Ей было невыносимо жалко Братъ, и вдругъ дѣвочка вскинула свои тонкія руки, обвила ими жилистую шею старика и крѣпко приложилась своимъ свѣжимъ нѣжнымъ ротикомъ къ его худой, желтой щекѣ.

— Oh, mon enfant!—проговорилъ Братъ, и обнялъ дѣвочку.

Въ эту минуту оба они,—и бѣдный старый французъ, и богатая маленькая Долли поняли другъ друга: онъ, не вѣрующій, мысленно помолился о пей и благословилъ ее на жизненный ея путь. Она инстинктивно, своей дѣтской душой поняла, что сегодня получила „солидный“ подарокъ на всю жизнь.

Молодость графа Аракчеева.

Очеркъ С. Н. Шубинскаго

Дѣятельность графа Аракчеева и преобладающее вліяніе его на государственныя дѣла и императора Александра I, особенно въ послѣдніе годы царствованія этого государя, довольно подробно описаны и оцѣнены въ нашей исторической литературѣ. Не менѣе ярко описанъ и его характеръ, главными чертами котораго, по свидѣтельству современниковъ, были: точная и педантичная пунктуальность, доходившая до совершеннаго уничтоженія собственной воли и мысли передъ высшими, требованіе того же отъ подчиненныхъ и низшихъ, жестокость, холодность и безсердечіе въ

сношеніяхъ съ людьми, даже близкими; лживость и грубость въ шуткахъ и разговорахъ, скудность въ образѣ жизни, непомѣрное тщеславіе, преданность наружнымъ обрядамъ, доходившая до ханжества, смѣшаннаго съ суевѣріемъ, и трусливость въ виду опасности. Известно, какое вліяніе оказываютъ на развитіе характера первоначальное воспитаніе и впечатлѣнія, полученныя человѣкомъ въ дѣтствѣ. Поэтому, намъ кажется не лишнимъ интереса ознакомиться съ той обстановкой, среди которой вращался Аракчеевъ въ молодые годы. Къ сожалѣнію, свидѣнія объ этомъ очень ограничены и

Царица бала. Съ карт. I. Копия грав. Бонгъ.

отрывочны; тѣмъ не менѣе, мы попытаемся свести ихъ въ предположеніи, что, можетъ-быть, они дадутъ намъ кое-какія данныя для объясненія многихъ чертъ характера временщика, оставившаго по себѣ такую недобрую память.

I.

Отецъ Аракчеева, Андрей Андреевичъ, служилъ въ Преображенскомъ полку и, послѣ манифеста 1762 года, освобожденнаго дворянъ отъ обязательной службы, вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и поселился въ своемъ небольшомъ помѣстьи, сельцѣ Гарусовѣ, состоявшемъ всего изъ 20 душъ крестьянъ и находившемся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, Елисаветѣ Андреевнѣ Витлицкой, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Алексѣя, родившагося 23 сентября 1769 года, Петра (род. въ 1776 г.) и Андрея (род. въ 1778 г.).

Андрей Андреевичъ Аракчеевъ былъ человекъ простой и добрый, но ограниченный, лѣнивый, тяготившійся заниматься даже своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Въ противоположность ему, жена его отличалась энергіей, настойчивостью и необычайной аккуратностью. Она хлопотала съ утра до вечера, держала своихъ крестьянъ въ еловыхъ рукавицахъ и вела хозяйство въ такомъ порядкѣ, а домъ въ чистотѣ, что сосѣди называли ее, въ шутку, „голландкой“. Она берегла каждую копейку, входила сама во всѣ мелочи, и, благодаря этому, Аракчевы, несмотря на крайнюю скудость доходовъ, не терпѣли нужды. Старшій сынъ Аракчевыхъ, Алексѣй, какъ первенецъ и долгое время единственный, былъ любимцемъ и отца, и матери. Елисавета Андреевна воспитывала сына въ строго-религіозномъ духѣ; она сама учила его молитвамъ и заставляла каждое утро повторять ихъ; возила съ собою въ церковь, не пропуская ни одной обѣдни и вечерни; постоянно внушала ему бережливость въ одеждѣ и обуви и преслѣдовала всякую попятку къ налостямъ или непочтительности. Отецъ попробовалъ-было самъ преподавать ему грамоту, но очень скоро соскучился и передалъ сына дячку, который взялся, за годовую плату по три четверти ржи и овса, обучить его читать и писать и четыремъ правиламъ ариѳметики. Дячокъ былъ права крутого, обращался съ своимъ воспитанникомъ сурово и о каждомъ его шагѣ доносилъ матери. „Былъ у меня учитель сердитый,—говорилъ впоследствии Аракчевъ,—все меня „иниошилъ“ и ни въ чемъ спуска не давалъ“. Мальчикъ занимался прилежно и особенно пристрастился къ ариѳметикѣ. Онъ самъ задавалъ себѣ такія большія числа для умноженія, что дячокъ не могъ ихъ выговорить; не умѣлъ выговорить ихъ и ученикъ; по это не мѣшало ему множить и тѣшиться, когда повѣркою дѣленія получалось вѣрное исчисленіе. У Аракчевыхъ былъ въ Москвѣ родственникъ, служившій въ какой-то канцеляріи, который обѣщалъ имъ опредѣлить сына на службу, когда тотъ кончитъ домашнее ученье. Поэтому отецъ обращалъ внимание преимущественно на каллиграфію, и малые успѣхи въ ней Алексѣя смущали его. — „Какой же ты будешь канцелярскій чиновникъ,—твердилъ онъ,—когда пишешь, точно мухи бредутъ.“ Но дячокъ писалъ не много лучше ученика. Чтобы помочь горю, старикъ Аракчевъ отобралъ изъ свѣязки сохранившихся имъ служебныхъ бумагъ, тѣ, которыя отличались почеркомъ, заставлялъ сына копировать ихъ и этимъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ. „Изъ меня хотѣли сдѣлать подьячаго,—разказывалъ потомъ Алексѣй Андреевичъ,—то есть доставить мнѣ средства синексывать пропитаніе перомъ и крючками, и не имѣлъ понятія ни о какой службѣ, а потому отцу не прекословилъ...“ Впрочемъ, будущему всеильному вельможѣ и любимцу Александра I пришлось бы коротать свой вѣкъ въ неизвѣстности, за чернильной работой въ какомъ-нибудь судѣ, если-бъ не случилось неожиданнаго обстоятельства, извѣстнаго рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Объ этомъ событіи сохранился разказъ самого Аракчеева, записанный Михайловскимъ-Данилевскимъ.

„Пріѣхали въ наше сосѣдство, въ отпускъ, два брата Корсаковы, кадеты артиллерійскаго кадетскаго корпуса,—разказывалъ Аракчевъ.—Мы съ отцемъ поѣхали къ ихъ родителямъ въ гости. Тамъ только я увидѣлъ Корсаковыхъ въ красивыхъ мундирахъ съ черными лацканами и обшлагами, сердце мое разгорѣлось. Я не отходилъ ни на минуту отъ кадетъ, наблюдалъ каждый ихъ шагъ, каждое движеніе, не пропуская ни одного слова, когда они разказывали объ ученицѣ, о лагеряхъ, о пальбѣ изъ пушекъ. Возвратясь домой, я былъ въ лихорадкѣ. Нѣсколько дней сряду кадеты днемъ и ночью видѣлись мнѣ, и, наконецъ, я не могъ преодолѣть себя, бросился отцу въ ноги и, рыдая, сказалъ, что умру съ горя, если онъ не отдастъ меня въ кадеты. Отецъ выслушалъ меня, подилъ, посадилъ возлѣ себя и сказалъ:

„— Я не прочь; да какъ понасть въ Петербургъ, какъ опредѣлить тебя? У меня нѣтъ ни денегъ, ни покровителей!

„— Позвольте мнѣ идти пѣшкомъ,—возразилъ я:— я дойду какъ-нибудь, брошусь въ ноги государынь, и она вѣрно скажется надо мной. Види мнѣ стоголы разказывали о ея благодати.

„— Итъ, если ужъ идти пѣшкомъ, такъ идти вмѣстѣ, да и терпѣть вмѣстѣ,—сказалъ мой добрый отецъ, заплакавъ и прижалъ меня къ сердцу.

„Продавъ все, что можно было продать, и занесясь нужными бумагами, отецъ мой отправился со мною, на долгихъ, въ Петербургъ. Я былъ въ восторгѣ, и тогда только призадумался, когда пришлось прощаться съ моей доброй матерью. Рыдая, благословила она меня образомъ, который пошу до сихъ поръ, и который не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе: молиться и шадѣться на Бога. Всю жизнь мою слѣдовалъ я ей совѣту“.

Въ январѣ 1783 года, Аракчевы пріѣхали въ Петербургъ и остановились въ Ямской, на постояломъ дворѣ, гдѣ наняли уголь за перегородкой. Знакомый ихъ квартирнаго хозяина, солдатъ Архангелогородекаго пѣхотнаго полка, Моховъ, нанялъ имъ на двухъ-копеечномъ гербовомъ листѣ просьбу, и они, отслуживъ въ ближайшей церкви молебень, отправились въ корпусъ, на Петербургскую сторону. Отыскавъ канцелярію, они обратились къ какому-то писарю, который сначала отнесся къ нимъ привѣтливо, но, узнавъ, что просьба уже написана, нахмурился и сказалъ, что теперь поздно и чтобы они пришли въ другой разъ раньше.

Горькіе дни пришлось испытать Аракчеву при первыхъ столкновеніяхъ своихъ съ служебнымъ міромъ. Дней десять сряду являлись они съ отцомъ въ корпусъ, пока добились, что просьба ихъ была принята, а затѣмъ почти ежедневно дежурили на парадной лѣстницѣ въ ожиданіи директора корпуса, генерала Мелиссено, чтобы безмолвно поклониться ему и напомнить о себѣ. Проходили недѣли, мѣсяцы, а дѣло ихъ не подвигалось: Мелиссено не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а въ канцеляріи имъ говорили, что прошеніе ихъ лежитъ у директора, и надо ждать его резолюціи. Между тѣмъ, денежные средства Аракчевыхъ таяли; для уменьшенія расходовъ они ѣли только разъ въ день; наконецъ, были истрачены послѣднія копейки, и они очутились въ безвыходномъ положеніи. Узнавъ отъ кого-то, что тогдашній митрополитъ Гавріилъ помогаетъ бѣднымъ, Андрей Андреевичъ, побуждаемый крайностью, рѣшился обратиться къ нему за милостыней.

„Мы отправились въ лавру,—разказывалъ Аракчевъ Михайловскому-Данилевскому.—Множество бѣдныхъ стояли вокругъ крыльца. Отецъ мой просилъ доложить высокопреосвященному, что дворянинъ желаетъ видѣть его. Намъ впустили. Отецъ мой разказалъ о несчастіи своемъ положеніи и просилъ помощи. Высокопреосвященный отправилъ насъ къ казначею, и намъ выдали рубль серебромъ. Выйдя на улицу, отецъ мой поднесъ этотъ рубль къ глазамъ, сжалъ его и горько заплакалъ. Я также плакалъ, смотря на отца. Однимъ рублемъ мы прожили девять дней. Не стало и рубля. Мы пошли опять на Петербургскую сторону и снова помѣстились на директорской лѣстницѣ. Вышелъ Мелиссено. Я не далъ отцу ному говорить, выступилъ впередъ и въ отчаяніи сказалъ:

„— Ране превосходительство! Примите меня въ кадеты! Мы ждать болѣе не можемъ потому, что намъ придется умереть съ голоду. Всю жизнь буду благодаренъ вамъ и буду молиться за васъ Богу. Ватюшка мой не вытеритъ и умереть здѣсь, а я за нимъ!“

„Слезъ градомъ полились у меня. Мелиссено посмотрѣлъ на меня пристально. Я рыдалъ, а отецъ мой также утиралъ слезы въ безмолвіи. Мелиссено спросилъ меня, какъ фамилія и когда подана просьба? а потомъ вернулся въ комнаты, велѣвъ намъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вышелъ и, подавая мнѣ записку, сказалъ:

„— Ступай съ этимъ въ канцелярію. Ты принятъ въ корпусъ.“

„Я бросился цѣловать его руки, но онъ ускользнулъ, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Прежде, тѣмъ идти въ канцелярію, мы пошли съ отцомъ въ церковь и, не имѣя, на что поставить свѣчу передъ образомъ, помолились Богу съ поклонами и вышли изъ церкви съ радостнымъ сердцемъ. На другой день я былъ принятъ въ корпусъ. Истари говорятъ, что счастье и несчастье приходитъ всегда со свитомъ своимъ. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтился съ однимъ родственникомъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы съ туго набитымъ кошелемъ и давнимъ ему денегъ на проѣздъ въ деревню. Богъ помиловалъ насъ! Этотъ первый урокъ бѣдности и безпомощнаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня“.

II.

Поступивъ въ корпусъ, Аракчевъ скоро заслужилъ репутацію отличнаго кадета, какъ по наукамъ, такъ и по поведенію. Не имѣя особенной склонности къ наукамъ словеснымъ, онъ отличался успѣхами преимущественно въ наукахъ военно-математическихъ и хорошо усвоилъ языкъ французскій и нѣмецкій. Умный и способный отъ природы, онъ смотрѣлъ на Мелиссено не только какъ на благодѣтеля, но и какъ на избавителя, и бился изъ всехъ силъ, чтобы угодить ему. Оставшись, послѣ отъѣзда отца, безъ покровителей, безъ знакомствъ, безъ денегъ, не получая даже деревенскихъ гостинцевъ для воспитателей и угощенія товарищей, Аракчевъ вынолъ испытывать безотрадную долю одинокаго новичка, на каждомъ шагу подвергаясь униженіямъ и оскорбленіямъ не только со стороны кадетъ, но и служителей. Когда онъ явился въ цейх-

гаузы, чтобы надеть столь желанное кадетское обмундирование, ротный капрал, не получив гостинца, далъ ему старый, изношенный мундиръ, короткіе рукава котораго долго служили общимъ посмѣищемъ. При такихъ условіяхъ, учение было единственнымъ его утѣшеніемъ, а внушенія съ дѣтства безпрекословное повиновеніе волѣ старшихъ и пунктуальность во всемъ,—единственнымъ средствомъ выйти въ люди.

Дѣйствительно, успѣхи его были необыкновенно быстры. Черезъ семь мѣсяцевъ онъ перешелъ уже въ верхніе классы и велѣдъ затѣмъ произведенъ сперва въ канралы, а потомъ въ фурьеры и сержанты. Въ то время, офицеры должны были жить вмѣстѣ съ кадетами; они раздѣлялись на ротныхъ, которыхъ обязанность состояла въ надзорѣ за поведеніемъ и строевымъ образованіемъ, и репетиторовъ, бывшихъ воспитанниковъ, которые, по производствѣ въ офицеры, въ ожиданіи учительскихъ вакансій, должны были наблюдать за занятіями кадетъ, отвѣчалъ за ихъ успѣхи. Аракчеевъ сдѣлался неотъемлемымъ человекомъ для офицеровъ. Они поручали ему слабыя какъ по фронту, такъ и по наукамъ, и подъ его суровымъ и безпощаднымъ руководствомъ неуклюжіе и пениво-роглыя превращались въ ловкихъ, а лѣнтяи и малоспособные утверждали свои уроки. Съ пятнадцатилѣтняго возраста, Аракчеевъ, учась самъ, училъ другихъ и облегалъ службу офицеровъ и репетиторовъ, снискавъ полное ихъ расположеніе. Они могли поручать ему что угодно: надзоръ за порядкомъ, за утверживаніемъ уроковъ, строевое ученье,—и уходить въ увѣренности, что все будетъ исполнено точно, безъ малѣйшихъ послабленій и уклоненій. Одинъ изъ современниковъ, знавшихъ его по корпусу, даетъ о немъ такой отзывъ: „Аракчеевъ былъ сержантомъ въ корпусѣ и отличался какъ своимъ успѣхамъ въ наукахъ, такъ и въ особеннсти своею ревностью ко всемъ военнымъ порядкамъ. Онъ обладаетъ замѣчательными способностями, познаніями и усердіемъ; но нестерпимаго вѣрства (*d'une brutalité révoltante*), которое уже выказывалъ надъ кадетами“.

Въ 1787 году, Аракчеевъ былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ поручика арміи и оставленъ репетиторомъ съ назначеніемъ учителя ариѳметики, геометріи и артиллеріи. Съ обыкновенною ревностю, онъ весь отдавалъ своимъ обязанностямъ и, когда, въ 1788 году, при объявленіи войны Швеціи, въ корпусъ была прислана особая команда для обученія артиллерійскому дѣлу, Аракчеевъ не сходилъ съ плаца, училъ стрелу, лабораторному искусству и стрѣльбѣ и для скорѣйшаго обученія людей, бывшихъ болѣею частью грамотными (изъ церковныхъ служителей), составилъ „Краткія артиллерійскія записки въ вопросахъ и отвѣтахъ“. Въ награду за это онъ былъ переименованъ въ подпоручики артиллеріи.

Въ 1790 году, управившимъ военнымъ департаментомъ, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ обратился къ Мелиссино съ просьбой порекомендовать ему офицера для преподаванія сыну артиллеріи и фортификаціи. Мелиссино рекомендовалъ Аракчеева. Для бѣднаго подпоручика уроки въ домѣ такого вельможи являлись величайшимъ благополучіемъ. Кромѣ матеріальной поддержки, они вводили его въ высшее общество и приобрятали ему сильнаго покровителя. Аракчеевъ сумѣлъ заслужить расположеніе Салтыкова и его жены. Довольные успѣхами сына, они выхлопотали учителю кратковременный отпускъ въ деревню, о которомъ онъ тѣтно просилъ Мелиссино, а графиня, сверхъ того, подарила ему золотыя, карманные часы. Съ восторгомъ встрѣтили родители своего первенца. Андрей Андреевичъ долго любовался его красивымъ мундиромъ и, замѣтивъ часы, спялъ ихъ и повѣсилъ у своей кровати. Прошло нѣсколько дней, а часы продолжали висѣть на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, наступило время отъѣзда, а часы все не возвращались ихъ владѣльцу. Онъ считалъ ихъ уже потерянными для себя, когда, передъ самымъ разставаніемъ, отецъ отдалъ ему часы съ словами: „возьми часы; я дарю тебѣ ихъ; знай и помни, что ты мнѣ ими обязанъ; не помѣти и тебѣ въ корпусѣ, ты не училъ бы у Салтыковыхъ и часовъ бы не имѣлъ“. Впоследствии, рассказывая о выходкѣ отца лядомъ, пощипавшимъ его въ Грузинѣ, Аракчеевъ показывалъ имъ часы и прибавлялъ: „я храню ихъ, какъ отцовскій подарокъ“.

По возвращеніи изъ отпуска, Аракчеевъ узналъ, что при Мелиссино открылась вакансія старшаго адъютанта. Это знаніе давало не только самостоятельное положеніе, но и чинъ капитана. Послѣ нѣкотораго колебанія, Аракчеевъ рѣшился на довольно смѣлый шагъ,—онъ попросилъ Салтыкова похлопотать за него у Мелиссино. Ходатайство Салтыкова было не совсѣмъ пріятно Мелиссино. Онъ подбиралъ себѣ въ адъютанты людей свѣтскихъ, богатыхъ, съ громкими фамиліями, а ему навязывали человека, хотя и дѣльнаго, но неумяного и не представительнаго. Однако, онъ не посмѣлъ отказать сильному вельможѣ, и Аракчеевъ получилъ желаемое мѣсто.

Повѣстись о такомъ повышеніи сына, родители Аракчеева рѣшили его повѣстить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поблагодарить Салтыкова за все его милости. Елисавета Андреевна осталась очень довольна, найдя въ квартирѣ сына образцовый порядокъ и чистоту; но Андрей Андреевичъ, увидя письменный столъ, покрытый сукномъ и уставленный кое-какими вещами, комодъ крас-

наго дерева, диванъ и кресла, нахмурился и, отведя сына въ сторону, спросилъ: „послушай, Алексѣй, скажи мнѣ прямо, безъ утайки, не воруетъ ли ты, или не берешь взятокъ?“

Съ назначеніемъ Аракчеева адъютантомъ, обращеніе съ нимъ Мелиссино измѣнилось. Онъ сталъ относиться къ нему холодно и держалъ, какъ говорителъ, въ черномъ тѣлѣ. Въ такомъ неловкомъ положеніи Аракчеевъ пробылъ около года, когда опять счастливый случай неожиданно измѣнилъ его карьеру.

Въ 1792 году великій князь Павелъ Петровичъ, желая сформировать при своихъ гатчинскихъ войскахъ артиллерійскую роту, обратился къ Мелиссино съ просьбой прислать въ Гатчину нѣсколько орудій и свѣдущаго офицера, который могъ бы пробыть тамъ нѣкоторое время, для образованія артиллеристовъ. Мелиссино обрадовался возможности сбыть неподходящаго адъютанта и посмѣшилъ указать на Аракчеева. Великій князь встрѣтилъ его сдержанно и сухо, но вскорѣ, удивившись, что онъ знатокъ своего дѣла, началъ выказывать ему расположеніе, пригласилъ ежедневно являться за-просто къ обѣду, а затѣмъ объявилъ, что переводить его въ свои гатчинскія войска, причѣмъ пожаловалъ его чиномъ капитана и назначилъ командиромъ артиллерійской роты. Смѣтливый Аракчеевъ скоро понялъ характеръ великаго князя и его желанія. Сосредоточивъ все свои помыслы на однозѣ — угодить Павлу Петровичу, онъ приводилъ въ исполненіе все его требованія безпрекословно, не жалѣя себя и не оказывая жалости и состраданія къ другимъ. А требованія Павла Петровича были тяжелы и невыносимы. Презрительно относясь къ военной системѣ, установившейся при Екатеринѣ, цесаревичъ готовилъ изъ своихъ гатчинскихъ войскъ школу для задуманныхъ имъ въ будущемъ преобразованій. Поклошникъ прусскихъ порядковъ, онъ заимствовалъ изъ нихъ все тонкости той мертвящей формальности, которая превращала солдата въ бессознательную машину. Замкнутый въ Гатчинѣ и сгорая жаждой дѣятельности, Павелъ поневолѣ находилъ выходъ для своей кипучей энергіи въ военныхъ экзерциціяхъ и муштровкахъ. Въ четыре часа утра онъ уже находился на плацу и производилъ ученье, продолжавшееся иногда, почти безъ перерыва, по двѣнадцати часовъ. Для успѣшнаго обученія пускались въ ходъ все, издавна усвоенныя въ Пруссіи, средства: трости, тесаки, множили, шиндрутены; вскальчивыи цесаревичъ, при малѣйшей несправности или противорѣчій, выходилъ изъ себя, и не только солдаты, но и офицеры подвергались посѣдствіямъ его необузданнаго гнѣва. Ученье, маневры, караулы, внезапныя тревоги, составленіе новыхъ уставовъ для строевой, караульной и лагерной службы, положеній для хозяйственнаго управленія и т. п. отнимали у офицеровъ все время, такъ что имъ часто приходилось не раздѣляться по два и по три дня, не досыпать, не доѣдать, и за всякое ничтожное униженіе подвергаться оскорбленіямъ, аресту, разжалованію. Но зато неуклонное исполненіе уставовъ, ревнѣе, безпрекословная покорность вызывали со стороны цесаревича знаки милостиваго благоволенія.

„Въ Гатчинѣ служба была тяжела, но пріятная, — рассказывалъ Аракчеевъ, — потому что усердіе всегда было замѣчено, а знаніе дѣла и исправность отличены. Наслѣдникъ меня жаловалъ, но иногда журилъ крѣпко, всегда почти за несправности другихъ. Однажды, когда мнѣ крѣпко досталось за униженіе по службѣ караульнаго офицера, я побѣжалъ, съ горы, въ церковь, сталъ молиться, класть земные поклоны; чувствовалъ свою безвиность, но думалъ, что лишился навсегда милости наследника цесаревича, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ пономаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались за мной шаги и звукъ иноръ. Я вскопчилъ, утеръ слезы, оглинулся и вижу наследника престола.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ онъ меня ласково.

— Мнѣ больно лишиться милости вашего императорскаго высочества.

— Да ты вовсе не лишился ея, — промолвилъ наследникъ, положивъ мнѣ руку на плечо, — и никогда не лишишься, если будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись Богу и служи вѣрно; ты знаешь, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадетъ!..

„Я бросился на колѣни передъ наследникомъ и въ избыткѣ чувствъ воскликнулъ:

— У меня только и есть, что Богъ и вы!“

„Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою изъ церкви. Я шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ, онъ остановился, быстро посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ступай домой... со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человека!“

Павелъ Петровичъ сдержалъ свое обѣщаніе. Съ той минуты Аракчеевъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему людей. Въ теченіе трехъ лѣтъ, 1793—1796 гг., онъ получилъ чины майора, подполковника и полковника, сдѣлалъ командантомъ Гатчины и, сверхъ того, назначенъ инспекторомъ пѣхоты гатчинскихъ войскъ. 6-го ноября 1796 года императоръ Павелъ воцарился, и въ первомъ же приказѣ, отданномъ имъ 7-го ноября, имя Аракчеева стояло первымъ. Онъ былъ на-

Потѣха въ теремѣ XVII
арлицы, дурки, горбуны. Орл. рис. (собств. „Цивил“) П. Малескаго, авторитетія Демчидскаго.

Великий князь Василій Костромской и Галицкій во время охоты въ лѣсу находить на большой соснѣ икону Федоровской Божіей Матери. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кошелева, автотипія Апгерера и Гешла въ Вѣнѣ.

значитъ комендантомъ Петербурга и произведенъ въ генераль-майоры.

Съ этой минуты счастливая вѣзда Аракчеева засіяла, разгораясь, къ несчастью для Россіи, все ярче и ярче и, нако-

нецъ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, затмивъ всѣ другія звѣзды, блестяшія у трона, одиноко мерцала среди того мрака, которымъ себя окружила.

Арнольдъ Бёклинь.

(По поводу 70-лѣтія со дня рожденія.)

Недавно вся художественная Германія праздновала семидесятилѣтіе со дня рожденія одного изъ крупнѣйшихъ ее художниковъ — Арнольда Бёклина. Со всѣхъ концовъ Германіи неслись привѣтствія въ мѣстечко Санъ-Доменико, близъ Флоренціи, гдѣ художникъ поселился недавно въ собственной новоотстроенной виллѣ. Такое вниманіе служитъ достаточно яснымъ свидѣтельствомъ его значенія. Дѣйствительно, чтобы хоть приблизительно опредѣлить размѣры его таланта, къ Бёклину нельзя подойти иначе, какъ съ тою же мѣркою, какою измѣряются великіе мастера эпохи Возрожденія. Въ самомъ дѣлѣ, глубиною мысли, проникающей его картины, онъ близокъ къ Дюреру, живостью и фантастичностью своихъ произведеній напоминаетъ Рембрандта, жизнерадостностью — Рубенса, а выпуклою человѣческаго тѣла — великаго мастера этого дѣла, Микеланжелло, колоритностью своихъ картинъ Бёклинь близокъ къ Тициану, а внутреннее настроеніе ихъ такъ и навѣваетъ воспоминанія о Боттичелли или Джорджоне. Но, для полнаго уразумѣнія значенія Бёклина, надо взглянуть на него не въ связи съ старинными мастерами живописи, — передъ которыми онъ, кстати сказать, является не робкимъ, покорнымъ ученикомъ и послѣдователемъ, а равноправнымъ соперникомъ, могущимъ смѣло протянуть имъ руку, — а въ связи съ тѣмъ временемъ, въ которое онъ родился и сложился, какъ художникъ. Подобно тому, какъ Гёте сосредоточилъ въ себѣ всѣ отдѣльныя черты духовной жизни восемнадцатаго вѣка, чтобы передать ихъ въ наслѣдство дальнѣйшимъ поколѣніямъ, — Бёклинь сосредоточилъ въ себѣ все, въ чемъ выражались упованія, стремленія и требованія нѣмецкаго искусства за его время. Въ художественной области онъ является лучшимъ выразителемъ своего времени и тѣхъ теченій, которыя колеблютъ искусство; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда шелъ въ искусствѣ впередъ времени. Когда никто еще и не помышлялъ о той новой живописи, которая теперь служитъ предметомъ всеобщаго вниманія, онъ уже создавалъ ее: тѣ пути, по которымъ теперь стремятся идти художники новаго направленія, тѣ дѣла, которыя они преслѣдуютъ, тѣ приемы, къ которымъ прибѣгаютъ, — все это было осуществлено Бёклиномъ еще въ первыхъ его произведеніяхъ. Но если у новыхъ художниковъ этого направленія примѣняется какал-то болѣзненность, то у Бёклина не замѣчается и слѣда ей; напротивъ того, во всѣхъ произведеніяхъ его такъ и сквозитъ здоровье — качество, которое, къ сожалѣнію, все рѣже и рѣже проявляется у художниковъ конца вѣка.

Остановимся теперь на біографіи художника. Арнольдъ Бёклинь родился въ Базелѣ, въ купеческой семьѣ, члены которой вообще отличались художественными наклонностями. Получивъ образованіе въ мѣстной гимназій, онъ въ 1846 году, девятнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, отправился въ Дюссельдорфъ, поступилъ тамъ въ ученики къ пейзажисту Ширмеру и ревностно занялся изученіемъ природы. По совѣту учителя, онъ уѣхалъ вскорѣ въ Брюссель, куда въ то время вниманіе художниковъ сильно привлекалось бельгійскою историческою живописью. Но вся эта живопись дала Бёклину немного; мастерскія художниковъ не могли приковать къ себѣ его вниманія; его тянуло въ музеи, къ картинамъ старинныхъ

мастеровъ. Не удовольствовавшись въ этомъ отношеніи однимъ Брюсселемъ, онъ ѣдетъ въ Парижъ, къ такой сокровищницѣ, какъ Луврскій музей. Въ Парижѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ кровавой революціонной борьбы 1848 года. Въ то же время исполненіе воинской повинности потребовало его возвращенія на родину, въ Базель. Едва успѣвъ отбыть военную службу, Бёклинь въ 1850 году сѣдѣлъ въ Римъ, и тамъ, подлѣ благодатнымъ южнымъ небомъ, найдя то, чего давно искалъ. Случай свелъ его здѣсь съ Ансельмомъ Фейербахомъ, съ писателемъ Паулемъ Гейзе, впоследствии его горячимъ поклонникомъ, и здѣсь же, въ Римѣ, встрѣтилъ онъ, въ лицѣ Анжелины Паскуччи, олицетвореніе своего идеала красоты и свою будущую супругу. Итальянскій ландшафтъ производилъ на него неотразимое впечатлѣніе; тѣ представленія о красотѣ, которыя до сихъ поръ таились въ глубинѣ его художественнаго воображенія, воочию встаютъ теперь передъ нимъ. Цѣлый рядъ чудесныхъ картинъ складывается у него въ головѣ и мало-по-малу, среди нужды и житейскихъ заботъ, переносится на полотно. Первое изъ его римскихъ полотенъ изображало лежащаго въ травѣ Пана, приманивающаго свистулькой дрозда. Фавны и нимфы, тащущія вакханки — вотъ преимущественно персонажи его картинъ этого періода. Написавъ большую картину: „Охота Дианы“, окончательно упрочившую его художественное имя, Бёклинь покинулъ Римъ и два года прожилъ въ Мюнхенѣ, гдѣ тамъ много заказовъ отъ извѣстнаго любителя и покровителя искусствъ графа Шака.

Изъ Мюнхена, два года спустя, Бёклинь, вмѣстѣ съ Ленбахомъ и Рейнгольдомъ Бегасомъ, былъ приглашенъ профессоромъ въ Веймарскую академію художествъ. Но не по сердцу пришла ему сфера дѣятельности преподавателя; пробывъ всего два года профессоромъ, Бёклинь снова ѣдетъ подлѣ благодатное небо Италіи — въ Римъ, Неаполь, на Помпейскія раскопки. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ пребыванія въ Италіи, затѣмъ съ 1866 по 1871 г. въ Базелѣ, гдѣ

онъ расписываетъ фресками стѣны художественнаго музея и даже является себѣ прекраснымъ скульпторомъ, вылѣпивъ для фасада того же музея нѣсколько фантастическихъ масокъ, полныхъ самаго тонкаго юмора, наконецъ, въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ пребыванія въ Мюнхенѣ, — во все это время Бёклинь создаетъ цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, собранныхъ въ галлерей графа Шака. Попренебрегая героями его картинъ служатъ нимфы, фавны, тритоны, переиды, Папы и другія міологическія существа, подлѣ его кисти не представляющіяся чѣмъ-то искусственнымъ, а служащія какъ бы воплощеніемъ силъ природы. Нейзажъ у него доведенъ до совершенства и по временамъ доходитъ, если такъ можно выразиться, до музыкальности: въ знаменитой его „Виллѣ у моря“ такъ и слышится жалобный шумъ морского вѣтра въ вершинахъ могучихъ, высокихъ прибрежныхъ кипарисовъ.

Италія, гдѣ впервые во всей своей силѣ развернулся талантъ Бёклина, все время не переставала тянуть его къ себѣ. Много разъ жила въ онъ тамъ еще наѣздами и, наконецъ, на склонѣхъ лѣтъ, окончательно поселился въ собственной виллѣ въ Санъ-Доменико.

Арнольдъ Бёклинь. По поводу 70-лѣтія со дня рожденія. По рис. I. Z. автотипія „Пива“.

Древнѣйшіе самовары.

(Съ 2 рис. на стр. 1239.)

Самоваръ, самая распространенная, самая необходимая хозяйственная утварь у насъ, въ Россіи; за границей же до сихъ поръ еще является рѣдкою новинкой. Вообще этотъ приборъ, остроумнымъ образомъ сохраняющій значительную долю теплоты, терпимой при обыкновенномъ кипеніи воды, считается изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени. Но оказывается, что

тотъ же самый принципъ, на которомъ построены у насъ самовары, былъ извѣстенъ еще древнимъ римлянамъ и осуществился ими если не совсѣмъ въ такой формѣ, какъ наша, то во всякомъ случаѣ въ очень къ ней близкой. Доказательствомъ тому послужили послѣднія познейшія раскопки, при которыхъ найдены очень схожіе съ нашими самоварами со-

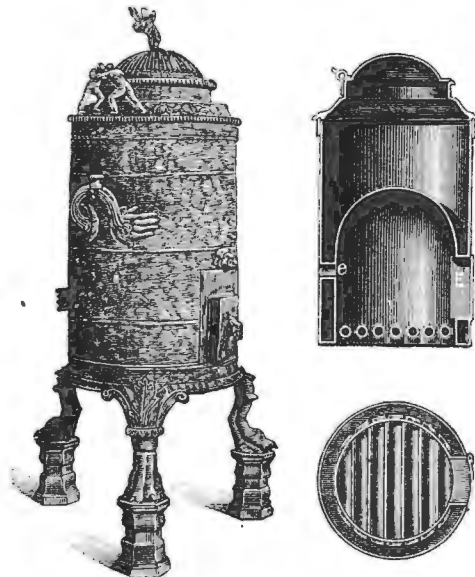
суды, несомненно также предназначавшиеся для нагревания воды в больших семьях и в гостиницах. Как видно из помещенных здесь рисунков, сосуды эти изготовлялись двоякого рода. Первый (рис. 1), изображенный с внешней стороны, в продольном разрезе и в поперечном, по решетке, сильно напоминает обычный у нас тип самовара. Внутри круглого, продолговатого и выпуклого посредней резервуара для воды идет воронкообразная труба, в которую и вкладывались раскаленные угли. Снизу уголья эти поддерживались решеткой, сквозь отверстия которой с одной стороны вышасяли лишние дымовые газы, а с другой — действовал непрерывный приток воздуха, необходимый для горения угля. Для большего усиления тяги в трубе, древнейшие самовары, точно так же, как и наши современные, устраивались на низких ножках. С нашими самоварами сплоск и рядом случается, что решетка в них, от долгого употребления, перегорает, и приходится заменять ее новой. Римляне сумели предотвратить это неудобство, устроив решетку из полых внутри металлических трубочек, соединенных с резервуаром, а потому и наполненных водою. Этим не только достигалось предохранение решетки от перегорания, но эксплуатировалась и теплота, отдаваемая угольями решетке. В нашем самоваре, как общеизвестно, идет прямая труба к самому верху, а для выпуска воды устроен край; в нем это необходимо, так как он предназначается не для нагревания, а именно для кипячения воды. Римлянам крана не требовалось; они, повидному, пользовались из своего самовара и кипятком, и просто горячею, и даже теплою водою.

Древнейшие самовары. Рис. 1.

Известно, что верхние слои воды нагреваются быстрее нижних, а потому и понятно, почему римляне не удались в край, а лили воду из самовара через край. Но при таких условиях трубу нельзя было устраивать прямо; надо было искривлять ее и выводить отверстие сбоку самой урны, как это видно на рис. 1. При таком устройстве, взяв самовар за уши, можно было опорожнить его до капли, не выронив при этом из трубы ни одного уголька.

Другого рода самовар, найденный также в Помпеи, построен на совершенно таком же принципе, но рассчитывался, повидному, на то, чтобы воду брать из него разливательной ложкой. У него тоже трубчатая решетка, но топка устроена не трубой, а куполообразно, что давало значительно большую площадь нагрева. Для укладки угольев и для поддержания горения, сбоку устроено было отверстие E (рис. 2), представляющее собою точную копию с обычной печной дверцы в миниатюрном размере. Образующиеся при горении угли газы улетучивались через продлинное с противоположной стороны отверстие e, которое, все время можно, соединялось посредством трубки с камином.

Древнейшие самовары. Рис. 2.

Только что описанные предметы несколько обращают внимание на ту ловкость в разрывшей технической вопросах, которую отличались древнейшие римляне. Устройство их самоваров ясно указывает на глубокое понимание ими всех физических явлений горения и на умение их разумно пользоваться каждою, даже малейшею долей развиваемой при этом теплоты.

Только что описанные предметы несколько обращают внимание на ту ловкость в разрывшей технической вопросах, которую отличались древнейшие римляне. Устройство их самоваров ясно указывает на глубокое понимание ими всех физических явлений горения и на умение их разумно пользоваться каждою, даже малейшею долей развиваемой при этом теплоты.

Пѣсни любви.

Если ты молодъ, и нѣга ласкаетъ
Сердце, а пламя пылаетъ въ крови, —
Пусть къ твоему изголовью слетаютъ
Грезы любви.

Если ты любишь взаимной любовью,
Жадно минуты блаженства лови!

Тихо слетитъ къ твоему изголовью
Радость любви...

Если дни знойнаго лѣта промчались,
И обманули надежды твои, —
Помни, что бѣдному сердцу остались
Пѣсни любви.

Осипъ Яковлевъ.

Къ рисункамъ.

Современный австрийский художник Зиммль пишет исключительно маленькими кабинетными вещичками из эпохи империи в веселом жанре картин Ватто. Тонкие, прозрачные тоны, нарядные костюмы, изысканные манеры светских людей — вот отличительные черты его картин, всегда исполненных изящной кистью настоящего мастера. Взглянем хотя бы на его картину: «Праздничный визит»... Вы видите, как чудно блестят нарядный пол в этом будуар-бомбоньерке молодой, красивой женщины, привыкшей к роскоши, к поклонению, к владычеству над сердцами счастливых и несчастных воздуходелателей. Сегодня она принимает только интимных друзей. Вчерашний бал так утомил ее, и она не может сидеть в гостиной и разговаривать с безконечной вереницей обычных поздравителей. Здесь, в укромном уголке, за художественным вышиванием и время пройдет скорей, и бедня потекут более приятно. Вошедшая камеристка, тоже милостивая, как фарфоровая статуэтка, доложила о приходе одного из поклонников обладательницы этого уголка. По тому выражению лица молодой хозяйки и по той испрогнутой почтительной позе, с какою появившийся кавалер приложился к ее выхоленной ручке, можно подумать, что они — большие друзья и, конечно, не проскачут вместе, так как визит, вѣроятно, затянется. Любопытная камеристка, очевидно, знакома с характеристикой каждого гостя, не могла отказать себя в удовольствии еще раз взглянуть

въ дверяхъ на влюбленную парочку... Да, влюбленную... съ этимъ всякій согласится.

Картина художника Цика, изображающая момент крещения франкского короля Хлодвига I в Реймсе в день Рождества 496 года, по экспрессии и удачной группировке действующих лиц, положительно может считаться образцом исторической живописи. Великое франкское государство, как известно, было основано со вступлением на престол (20-го января 481 г.) сына Хильдериха, Хлодвига, жадного и властолюбивого человека, имевшего по отношению к провинциям распавшейся римской империи такое же важное значение, как лангобард Альбоин и король остготской Теодорих Великий. Съ первых же лет своего правления он стал стремиться к увеличению владений франков и, наконец сначала на Сягрии, одержал над ним блистательную победу при Суассонѣ (486 г.), причем плѣнный король, предательски выданный Аларихом II, был тайно умерщвлен по приказанию Хлодвига. Сдѣлавшись, таким образом, властелином обширнаго государства, Хлодвиг принудил Гундобальда выдать за себя замуж племянницу, дочь бургундскаго короля, Клотильду, ревностную последовательницу христианства. Остававшая язычницею, она позволила, однако, крестить своего перваго сына, но когда послѣдній умер, приписавъ его смерть совершенному надъ ним таинству и съ большим трудом со-

гласился на крещение второго сына. Вскорѣ и самъ Хлодвигъ перешелъ въ христіанство, когда въ 496 г., по настоянію жены, далъ обѣтъ креститься, если христіанскій Богъ даруетъ ему побѣду надъ алеманнами. Въ рѣшительной кровопролитной битвѣ при Цюльнхъ оузъ, дѣлствительно, одержалъ верхъ и въ томъ же году съ тремястами франковъ былъ крещенъ въ Реймсъ епископомъ Ремигіемъ, причемъ его примѣру послѣдовали и всѣ подданные. Переходъ франковъ въ христіанство, помогшій въслѣдствіи римской церкви подавить движеніе арианства, украшается различными легендарными преданіями позднѣйшаго времени. Между прочимъ, какъ гласитъ преданіе, при совершеніи священнаго обряда, блѣосѣбный голубь, посланный небесъ, принесъ въ церковь сосудъ съ миромъ, который показывали затѣмъ въ Реймсъ при коронаціи французскихъ королей. Замѣна языческихъ обрядовъ христіанскими, конечно, не оказала существеннаго вліянія на переѣбу взглядовъ и нравственности франкского народа, и Хлодвигъ оставался такимъ же грубымъ и жестокимъ, какъ и прежде. На картинѣ Дика выдвигается на первый планъ козлюпопреклоленная фигура короля франковъ передъ Ремигіемъ, преступившимъ къ таинству миропомазанія возлѣ купели; свади и по бокамъ стоитъ группа церковно- и священнослужителей, читающихъ молитвы и помогающихъ епископу. На лѣвой и правой сторонѣ картины—женщины и мужчины, желающіе креститься. Ихъ лица полны восторга и благоговѣнія, смѣшаннаго съ любопытствомъ и страхомъ. Толпа тѣснится въ восторженіи, и въ ней выдвигается фигура сурового, борода-таго воин-язычника, который съ ненавистью отворачивается отъ короля-отступника. Середина картины занимаетъ алтарь въ видѣ двоякаго слугъ, сжигающихъ у подножія старья франкскія знамена съ языческими изображеніями кабана. Римская базилика и вообще внутренность храма, построеннаго въ византійскомъ стилѣ, выписаны художникомъ съ большою тщательностью.

*

„Танцы, балы, маскарады, собранья...“ Душа дѣвочки-подростка и молодой женщины, уже распустившейся изъ пѣршиной почки въ пышную розу, одинаково любитъ этотъ вихрь шумнаго веселья, когда подъ звуки штраусоваго вальса или страстной мазурки мчатся пары за парами точно въ чаду, щеки разгораются, влажные глаза всхливаютъ огоньками, первы приносятся, сердце замираетъ въ сладкой истомѣ... Всѣ мимолеглыя печали и тревоги пережитаго дня забываются „середь шумнаго бала“, точно ослѣпленные яркимъ свѣтомъ горящихъ люстръ, точно заглушенные звуками военнаго оркестра. Хорошо танцевать, но еще лучше быть царицей бала. Дальше идти женскому самолюбію, кажется, некуда. Это предѣлъ желаній молодой дѣвушки. Посмотрите, съ какой ослѣпляющей улыбкой бросаетъ она взоръ изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, выбирая себѣ достойнѣйшаго кавалера! Какъ не вспомнить при этомъ чудныхъ стиховъ Пушкина:

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ,
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.

На одномъ она уже почти остановилась и въ перѣшительности пускаетъ лежестокъ насмѣлка. „Да, да, конечно, оны!“ моліей проносится въ ея головѣ, и вотъ черезъ мигъ котильонный жезлъ царицы съ изображеніемъ палца въ букетѣ изъ васильковъ перейдетъ въ руки избраннаго рыцаря. Картина Кошная проникнута поэзіей молодости и производитъ очень милое впечатлѣніе.

„У каждаго своя утѣха“—такъ гласитъ старинная русская поговорка, къ которой смѣло можно добавить, что каждый „по себѣ“ утѣху ищетъ. Вотъ почему лучшею характеристикой и отдѣльными личностями, и цѣлыхъ эпохъ могутъ служить тѣ утѣхи и увеселенія, тѣ игры и зрѣлища, которыми люди забавлялись, которыми старались въ извѣстное время развлекать себя, въ которыхъ искали отдыха отъ трудовъ и невзгодъ жизни. Шумный, роскошный и праздный Римъ жаждаль кровавыхъ зрѣлищъ цирка; чопорное и воинственное рыцарство среднихъ вѣковъ находило себѣ наслажденіе въ воинскихъ играхъ турнировъ; древняя Русь выразилась въ удачныхъ кулачныхъ бояхъ „стѣнъ-на-стѣну“... Но были и такія бабы, такія утѣхи, которыя оказывались удивительно живучими, и, несмотря ни на какія переѣбы въ нравахъ, обычаяхъ, возрѣлищѣ, переживали вѣка, и проявлялись одинаково, почти не утрачивая своего значенія, и при дворѣ римскихъ императоровъ, и въ средневѣковыхъ замкахъ, и въ роскошныхъ палатахъ эпохи Возрожденія, и въ русскихъ боярскихъ хоромахъ XVII вѣка. Мы говоримъ о шутахъ и шутовскихъ играхъ, которыя много вѣковъ подъ тѣшлимъ человѣчествомъ, то въ видѣ ателлановъ и ихъ грязныхъ, безнравственныхъ представлений, то въ видѣ легкой и веселой арлекинады, то подъ маскою и пестрыми лохмотьями придворныхъ шутовъ, то подъ дурацкимъ колпакомъ шутовъ, шутихъ, дѣрковъ и карликовъ, столь обычныхъ и многочисленныхъ въ боярскихъ домахъ добраго стараго времени на Руси...

Трудно было бы опредѣлить, въ какое время появились у насъ шуты и шутихи въ домашнемъ быту княжескомъ и боярскомъ. Достаточно припомнить, что уже на древнихъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора мы видимъ шутовъ и скomorоховъ; а первое упоминаніе о шутовскихъ и скomorохскихъ играхъ встрѣчаемъ еще въ житіи преподобнаго Феодосія, который всталъ князя Святослава Ярославича ширующимъ и любующимся играми шутовъ и скomorоховъ, плясавшихъ и игравшихъ передъ нимъ на разныхъ инструментахъ. Въ царскомъ быту XVI и XVII вѣковъ шуты, дѣрки и уродливыя карлицы были въ домашнемъ быту явленіемъ весьма обыкновеннымъ, даже и въ то время, когда Стоглавъ громилъ скomorохскія игры и Уложеніе накладывало на нихъ суровыя кары и запреты. Шуты, дѣрки, карлы и карлицы пережили всѣ эти строгости и перешли даже въ XVIII вѣкъ, въ которомъ и при дворѣ Петра, и при дворахъ его ближайшихъ преемниковъ (особенно Анны Иоанновны) многіе изъ нихъ играли выдающуюся, историческую роль. Изъ-за шутовъ и карликовъ часто ссорились между собою крупные русскіе сановники, и люди, искавшие ихъ милостей, часто добивались того, ударивъ боярина челомъ и приносилъ „въ даръ карлика или карлицу“... Исторія многихъ подобныхъ случаевъ сохранила намъ историческими архивными документами...

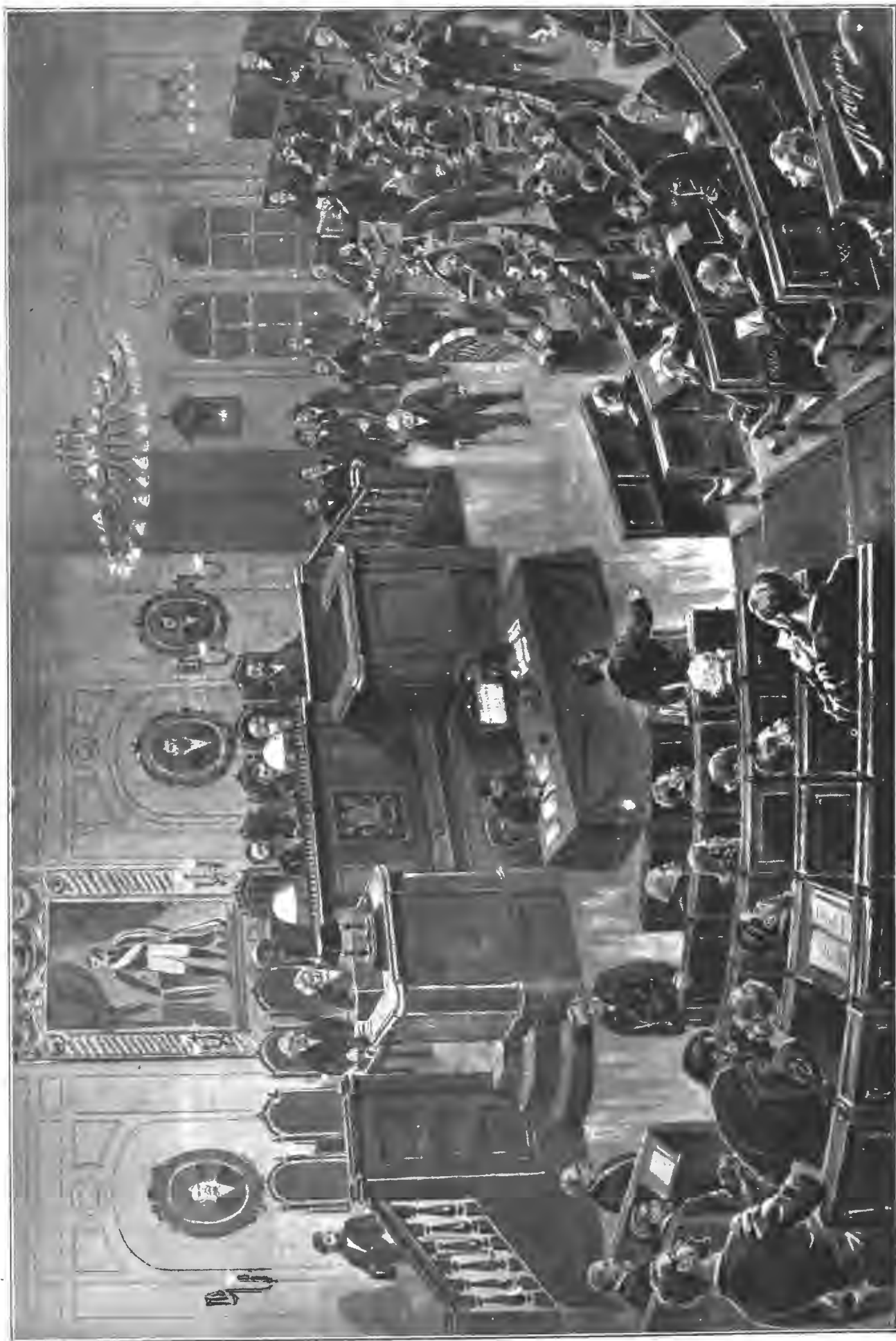
Отчасти не трудно уяснить себѣ то значеніе, которое шуты, дѣрки и карлики должны были играть въ скудной, замкнутой жизни нашихъ теремныхъ ватворницъ, боярынь и боярышень. Эти потѣшники, эти люди, веселые по обязанности, вынужденные дурачиться, плясать и ходить колесомъ по первому приказу, подъ грозой суровой кары за всякое неповиновеніе должны были развлекать своихъ суровыхъ, праздныхъ и скучающихъ господъ своими шутками и вычурными выходками. Шумъ, гамъ, пѣсни, завыванія и крики, которыми ихъ игры сопровождалось,—все это на время отвлекало скучающихъ ватворницъ отъ тяжелаго однообразія ихъ печальной жизни, и на мгновеніе уносило ихъ въ міръ разгульнаго веселья, который былъ имъ совершенно недоступенъ. Отсюда понятно, что многіе изъ этой „веселой братіи“, мало-по-малу, втирались въ близость къ своимъ господамъ, приобретали ихъ довѣріе и даже пользовались въ боярскихъ домахъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Не даромъ шуты и дѣрки удержались въ нашихъ барскихъ домахъ не только въ продолженіе всего XVIII вѣка, но даже и въ теченіе первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, и упоминаніе о нихъ сохранилось даже въ бессмертномъ произведеніи Грибоедова. П.

*

Въ костромскомъ Успенскомъ соборѣ находится чудотворная икона Федоровской Божіей Матери, прославившаяся древнѣйшихъ временъ многими чудесами и глубоко почитаемая народомъ, который стекается къ поклоненію ей съ разныхъ концовъ Россіи. О происхожденіи иконы сохранилось слѣдующее лѣтописное сказаніе:

16-го августа 1272 года, великій князь Василій Ярославичъ Костромской, отличавшійся своимъ благочестіемъ и добротой, отправился „веселиться“ на охоту въ окрестности Костромы, изобиловавшей тогда дремучими лѣсами, тлнувшими на далекое пространство. Едва только собаки были пущены въ лѣсъ, какъ послышался ихъ лай. Великій князь послѣдилъ къ нимъ, предполагая встрѣтить медведя, но, прискакавъ къ мѣсту, съ изумленіемъ увидѣлъ, что собаки окружаютъ огромную сосну, къ вѣтвямъ которой прилепена икона Богоматери. Оны слѣлъ съ коня и хотѣлъ взять икону, но она поднялась выше, такъ что оны не могъ ее достать. Великій князь унять на коѣпни, со слезами сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и вторично пробовалъ взять икону; но и на этотъ разъ безуспѣшно. Тогда оны вернулся въ городъ, собралъ священниковъ, приказалъ имъ облачиться, взять кресты и хоругви и возвратился вмѣстѣ съ ними и въ сопровожденіи народа къ мѣсту явленія иконы. Послѣ молебствія, икона далась въ руки священнослужителей, была торжественно принесена въ Кострому и поставлена въ соборной церкви великомученика Федора Стратилата. На мѣстѣ явленія иконы великій князь повелѣлъ построить церковь и учредить монастырь, которому отнеслъ много вотчинъ. Въ скоромъ времени сдѣлалось извѣстнымъ, что икона эта находилась въ городѣ Городиѣ и исчезла оттуда въ тотъ день, когда Городиѣ была выита и разграблена татарами. „По сему же, —говоритъ лѣтописецъ:—быша многога чудеса и въ градѣ Костромѣ отъ иконы той: дважды бо церковь сторѣ, икона же оная невредима пребысть отъ огня. Потомъ же приидоша поганіе татарове на градъ Кострому и великій князь Василій поиде противу ихъ, икону же тую Богородици повелѣлъ предъ собою нести. И тогда видѣши поганіи отъ иконы лучи огненныя и видѣши смутнишиа и на бѣжаніе устремнишиа. Князь же великій гнаше велѣлъ ихъ и многихъ поби и живыхъ поима. И потомъ великій князь повелѣлъ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвѣтыи Богородици, честнаго и славнаго ея успенія; Федора же Стратилата церковь повелѣлъ князь устроить въ предѣлѣхъ въ соборныи церкви и отголѣ нача именоваться икона Пречистыи Богородици Федоровская и многія чудеса творить съ вѣрою приходящимъ къ пречистому Ея образу“.

Заль засѣданій городской думы въ С.-Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, авторилліи „Нивы“.

Заль засѣданій городской думы въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 1241.)

Съ начала и почти вплоть до конца шестидесятого мѣсяца населеніе столицы было охвачено „избирательной горячкой“. Въ настоящемъ году эта борьба партій еще болѣе обострилась въ силу того, что состоявшіеся недавно выборы гласныхъ на боевое четырехлѣтіе были признаны неправильными и кассированы, и теперь предстояло городскимъ избирателямъ рѣшить, какой партіи они отдадутъ предпочтеніе, отъ какой ожидаютъ болѣе ревностной службы на пользу города, — отъ представителей ли старой думы, зарекомендовавшихъ себя прежней долготѣйшей дѣятельностью, или отъ такъ называемой новодумской партіи, представившей до сихъ поръ оппозицію, горячую оппозицію всему косному, недвижимому, несправедливому. Судя по ходу выборовъ, впервые произведенныхъ по участкамъ, т. е. по каждой полицейской части отдѣльно, перевѣсъ оказался на сторонѣ оппозиціонной новодумской партіи. Въ этой горячей избирательной борьбѣ партій сказались очень отрадный фактъ — проявленіе со стороны населенія огромнаго интереса къ ходу выборовъ, заботы о томъ, что за люди попадутъ въ „отцы города“. Понятно, что успѣхъ или неуспѣхъ, правильность или неправильность дѣятельности городской думы, зависить главнымъ образомъ отъ состава ея членовъ — гласныхъ, и чѣмъ болѣе среди нихъ будетъ людей интеллигентныхъ, независимыхъ, выше всего ставящихъ интересы городского благоустройства и дѣйствующихъ сообща во имя идеи, тѣмъ выше будетъ начало самоуправленія, тѣмъ благотворнѣе оно будетъ отражаться на дѣятельности думы. Населеніе, очевидно, вполне провинилось этимъ взглядомъ, и приняло, дѣйствительно, дѣятельное участіе и въ выборѣ кандидатовъ въ гласные, и въ избраніи изъ числа ихъ наиболѣе достойныхъ занять мѣсто гласныхъ въ думѣ.

На думскихъ засѣданіяхъ, однако, бывають только гласные и представители печати; наиболѣе же заинтересованными въ дѣлахъ думы лица, — само населеніе — почти не посѣщаетъ засѣданій, несмотря на то, что доступъ всегда открытъ и устроены спеціальныя мѣста для публики — на хорахъ. Публика предпочитаетъ ознакомиться съ думскими дѣлами изъ газетъ. Поэтому, полагаемъ, для многихъ не можетъ не представлять интереса рисунокъ художника В. А. Табурина, представляющій одно изъ засѣданій петербургской городской думы. Тутъ изображены всѣ болѣе или менѣе выдающіеся городскіе дѣятели. На особомъ возвышеніи возсѣдаетъ посредникъ городской головы В. А. Ратьковъ-Рожновъ, рядомъ съ нимъ, слѣва — члены городской управы, справа — городской секретарь, а затѣмъ въ расположенныхъ амфитеатромъ мѣстахъ для гласныхъ — наиболѣе вѣстные и дѣятельные представители послѣднихъ. Тутъ же, внизу, за особымъ столомъ, сидятъ два стенографа, записывающіе пренія. Художнику удалось уловить даже портретное сходство нѣкоторыхъ наиболѣе вѣстныхъ гласныхъ.

В. А. Латышевъ. (Портр. на стр. 1244.)

Директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губ., В. А. Латышевъ, родился въ 1848 г. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ, онъ поступилъ преподавателемъ математики въ с.-петербургскій учительскій институтъ, гдѣ создалъ школу преподавателей элементарной математики; этого же предметъ онъ преподавалъ въ 5-й и 3-й гимназіяхъ, въ земской учительской школѣ. Въ теченіе 10-ти лѣтъ В. А. былъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта покровской женской гимназіи. Онъ постоянно принимаетъ дѣятельное участіе въ педагогической литературѣ, преимущественно занимается вопросами, касающимися народнаго образованія, въ теченіе 18-ти лѣтъ издаетъ журналъ *Русскій Начальный Учитель*; его книги: „Объяснительный курсъ ариметики“, „Учебникъ ариметики“ и „Руководство къ преподаванію ариметики“, талантливо освѣщающія темные вопросы теоріи ариметики и методики ея преподаванія, весьма цѣнятся въ педагогическомъ мѣрѣ. Во время его директорства, благодаря его энергіи и любви къ дѣлу, школьное дѣло въ губерніи значительно оживилось: открыто 5 новыхъ городскихъ (по уставу 1872 г.) училищъ въ Петербургѣ, нѣсколько женскихъ двухклассныхъ училищъ въ столицѣ и въ уѣздныхъ городахъ, для учащихся читаются въ университетѣ курсы по разнымъ предметамъ, ежемѣсячно устраиваются собранія учащихся для обсужденія вопросовъ, выдвигаемыхъ текущей школьной жизнью, по его почину основано общество взаимной помощи учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи и общезнѣтѣ для обучающихся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей сельскихъ учителей. В. А. Латышевъ пользуется извѣстностью въ разныхъ кругахъ общества. Въ день его 25-лѣтняго юбилея

явилось съ поздравленіями нѣсколько сотъ лицъ, между ними товарищъ министра нар. просв. Н. М. Анничковъ, помощникъ попечителя слѣб. учебн. округа Л. И. Лаврентьевъ, А. Г. Небольсинъ, Я. Г. Гуревичъ, А. Н. Острогорскій, И. Ф. Аппенскій, В. К. Сентъ-Илеръ и мн. др.; адресъ, поднесенный ему, имѣетъ до 400 подписей, между которыми много именъ извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ; среди множества телеграммъ, полученныхъ юбиляромъ, есть привѣтствіе отъ августѣйшаго президента Академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича.

Для образованія фонда имени В. А. Латышева при общезнѣтѣ для дѣтей сельскихъ учителей собрано ко дню юбилея свыше 1200 руб.

Н. А. Некрасовъ. (Рис. на стр. 1244.)

День выхода этого номера *Нивы* совпадаетъ со днемъ смерти одного изъ выдающихся русскихъ поэтовъ. Ровно 20 лѣтъ тому назадъ, 27-го декабря 1877 г., скончался Некрасовъ, музу котораго обыкновенно называютъ музою „мести и печали“. Онъ и самъ такъ ее называлъ. Но теперь, на разстояніи 20 лѣтъ, видишь, въ чемъ была сила Некрасова, и что дало ему право на вѣчную благодарность потомства... Онъ былъ печальникомъ и заступникомъ русскаго народа. Никогда его стихъ не звучалъ болѣе мощно и вдохновенно, чѣмъ тогда, когда онъ воспеивалъ русскій народъ. Какъ только мысль его направлялась къ народу, лира его издавала звуки, къ которымъ мы и теперь не можемъ прислушиваться безъ душевнаго трепета. Любовь къ родннѣ и въ ней любовь къ главному ея работнику и кормильцу была тою силою, которая включила Некрасова въ число первоклассныхъ русскихъ поэтовъ. Онъ самъ говорилъ о своей пѣснѣ:

Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона.
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вини, о, родина, прости!..

Надо ли напоминать читателю о такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Морозъ Красный-Носъ“, „Коробейники“, „Кому жить на Руси хорошо“, „Власть“, „Школьникъ“ и т. д. Эти стихотворенія будутъ жить, пока живетъ русская рѣчь, ибо никто такъ глубоко вѣрно и съ такою силою не воспеивалъ русскаго народа, какъ Некрасовъ, никто изъ поэтовъ лучше его не понималъ народную печаль и никто, быть-можетъ, не вѣрилъ такъ въ русскій народъ, какъ тотъ поэтъ, у котораго вылились стихи:

Ты и убогал,
Ты и обильнал,
Ты и могучая,
Ты и безсилая,
Матушка Русь.

или:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тунныхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

Вспомнимъ Некрасова, молящагося въ деревенскомъ храмѣ:

И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомя,
Чтобы простилъ, чтобы заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Да, Некрасовъ былъ печальникъ и заступникъ русскаго народа, и даже еслибъ онъ ничего не написалъ, кромѣ своихъ вдохновенныхъ пѣсней о немъ, его имя навѣки было бы занесено въ число славныхъ русскихъ поэтовъ и тѣхъ „добрыхъ, благородныхъ“, русскихъ людей, которыхъ онъ возвеличилъ своею „любящей душой“.

Нашъ рисунокъ изображаетъ памятникъ, воздвигнутый Некрасову на его могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На этой могилѣ будетъ сегодня не мало молящихся, и всѣ они помолятся за того, кто самъ въ такихъ дивныхъ стихахъ умѣлъ молиться за „скорбящихъ“, „за поколѣнія, предстоящія предъ скуднымъ деревенскимъ алтаремъ“.

Политическое обозрѣніе.

Восстановленіе нормальныхъ отношеній между Греціей и Турціей, послѣ ратификаціи мирнаго договора, дало возможность европейскимъ державамъ приступить къ окончательному

рѣшенію вопроса о Критѣ, такъ какъ Турція, благодаря своимъ побѣдамъ надъ греками, обнаружилла стремленіе сохранить свои отношенія къ Криту почти неприкосновенными.

Когда несколько критских мусульман за разные преступления были преданы международному суду, Порты протестовала против нарушения верховных прав султана; но этот протест, подобно многим другим, оставлен был представителями держав без всякого внимания. Затѣмъ главнокомандующій турецкими войсками на Критѣ Джевад-паша пытался было войти въ сношеніе съ критскимъ собраніемъ, засѣдавшимъ въ Меллиотамъ, но получил категорическій отвѣтъ критскихъ депутатовъ, что всякія сношенія критянъ съ нами являются неумѣстными, въ виду предстоящей автономіи, получаемой изъ рукъ европейскихъ державъ.

Непрекращавшееся предъявленіе турками правъ на Критъ, какъ на неотъемлемую часть Оттоманской имперіи, побудило европейскія державы въ прошломъ мѣсяцѣ предоставить критскій вопросъ рѣшенію пословъ въ Константинополѣ, и одновременно выставлена была кандидатура на постъ критскаго генералъ-губернатора—люксембургскаго полковника Шеффера, состоявшаго на службѣ англичанъ въ Египтѣ. Порты, однако, исходя изъ оцѣнки прежней службы этого полковника, энергично опротестовала его кандидатуру. Возраженія противъ этой кандидатуры оказались, повидимому, серьезными, потому что люксембургскаго полковника вскорѣ постигла участь одного изъ предшествовавшихъ кандидатовъ—швейцарца Дроза.

По отзывамъ западно-европейской печати, кандидатура Шеффера встрѣтила поддержку французской дипломатіи, а потому иностраніе этого кандидата не могло быть пріятнымъ Франціи. Какъ сообщили газеты, нашему новому послу въ Константинополѣ г. Зиновьеву удалось въ Парижѣ разсѣять неудовольствіе г. Ганото и убѣдить его, что генералъ-губернаторомъ Крита должно быть лицо православнаго вѣроисповѣданія, а потому Россія официально-де предложила державамъ трехъ православныхъ кандидатовъ: черногогорскаго воеводу Божицара Петровича и двухъ турецкихъ дипломатовъ—Маврочені-бея и Каратеодори-эфенди. На основаніи свѣдѣній изъ Парижа, *Politische Correspondenz* утверждала недавно, что, повидимому, всѣ кабинеты расположились признать кандидатомъ на постъ критскаго генералъ-губернатора—воеводу Божицара Петровича Нѣгюна, опытнаго администратора и воина, двоюроднаго брата князя Николая черногорскаго; кандидатъ этотъ занимаетъ въ Черногоріи постъ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ.

Тѣмъ временемъ съ Крита стали получать неблагоприятныя извѣстія: между инсургентами и турецкимъ гарнизономъ въ Киссимо произошла продолжительная перестрѣлка; въ округѣ Кандіи инсургенты пытались угнать скотъ мусульманъ, а въ Скакійскомъ округѣ нѣсколько тысячъ инсургентовъ, мстя за какое-то убійство, осадили христіанское село, словомъ—кровавыя расправы возобновились съ прежнимъ ожесточеніемъ,

причемъ непрерывные пожары стали во многихъ мѣстностяхъ неотвратимымъ бѣдствіемъ для разореннаго въ концѣ населенія острова.

Затянувшійся жгучій вопросъ о положеніи острова сталъ предметомъ серьезнѣйшаго обсужденія между послами великихъ державъ. Въ турецкихъ дипломатическихъ кружкахъ установился взглядъ, что, такъ какъ державы не могли столковаться въ теченіе года слишкомъ относительно формы правленія на Критѣ, проще всего оставить островъ за Турціей, сдѣлавъ при этомъ христіанамъ Крита всевозможныя уступки. Къ сожалѣнію, точка зрѣнія турокъ имѣетъ нѣкоторое основаніе въ дѣйствительномъ положеніи дѣла: прежде всего нелегко дожидаться окончательнаго соглашенія державъ относительно личности генералъ-губернатора, затѣмъ—автономія едва ли возстановитъ полный порядокъ, если бы даже державы предоставили въ распоряженіе генералъ-губернатора международныя войска, продолживъ оккупацию Крита; также мало поможетъ успокоенію страстей населенія и вновь организованная полиція съ иностранными офицерами во главѣ.

Новыя убійства въ Канѣ вызвали взрывъ ненависти къ мусульманамъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, совѣщанія пословъ въ Константинополѣ ведутся въ строжайшей тайнѣ; тѣмъ не менѣе въ англійскую печать проникли свѣдѣнія, что державы, принявшія безповоротное рѣшеніе о дарованіи Криту широкой автономіи, до сихъ поръ, однако, не могли придти къ соглашенію относительно личности генералъ-губернатора и финансовъ разореннаго острова. Въ полной надеждѣ сохранить за собою Критъ, турки не поступились пока ни однимъ пунктомъ своего проекта замиренія острова. Переговорами у старѣйшаго члена дипломатическаго корпуса, австрійскаго посла барона Калице, окончательно будто бы выработанъ проектъ временнаго положенія Крита, составляющій переходъ отъ турецкаго режима къ полной автономіи. Одновременно съ врученіемъ этого проекта Портѣ начнутся переговоры о назначеніи временнаго генералъ-губернатора и о критскомъ займѣ. Выборъ великихъ державъ остановился будто бы на Божицарѣ Петровичѣ, какъ на болѣе всего подходящемъ кандидатѣ, хотя, по свѣдѣніямъ газеты *Temps*, эта кандидатура создала кое-какія разногласія, почему въ политическихъ кружкахъ распространился слухъ, будто намѣченный кандидатъ самъ отказался отъ предложенія державъ.

Такимъ образомъ, критскій вопросъ далеко еще не рѣшенъ. Остается надѣяться, что великія державы, вызванныя за дѣло водворенія порядка на островѣ, не уступятъ напору неблагоприятныхъ обстоятельствъ, а, въ интересахъ общаго мира, доведутъ начатое до конца, обезнечивъ за критскимъ населеніемъ пользование правами культурнаго человѣчества подѣл покровительствомъ всей Европы.

Библиографія.

Почитать быль. Разказы и стихотворенія для дѣтей. Н. И. Познякова. Съ рисунками. СПб. Изданіе (3-е) А. Ф. Девриена. Цѣна 1 р. 75 к.

Имя Н. И. Познякова одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ обширной „литературѣ маленькаго народа“. Простотой и незатѣйливостью темъ, яснымъ, красивымъ языкомъ, сердечностью тона разказы г. Познякова выдѣляются изъ ряда многихъ современныхъ произведеній для юношества и дѣтей. Въ лицѣ автора этой книги соединяется опытный, старый педагогъ и даровитый писатель, и благодаря этому каждая его книга встрѣчаетъ самый радужный приемъ, и со стороны непосредственныхъ его читателей—дѣтей, и со стороны родителей, смѣло могущихъ дать въ руки ребенку каждую книгу, на которой значится имя Н. И. Познякова, всегда стремящагося будить лучшія чувства въ сердцахъ своихъ юныхъ читателей. Настоящая книга одобрена для учебныхъ библиотекъ и вышущена уже третьимъ изданіемъ, значительно дополненнымъ; мы съ своей стороны можемъ только пожелать ей дальнѣйшаго распростиранія. Изящная внѣшность ея—прекрасная бумага, четкій шрифтъ, красивый переплетъ, рисунки,—представляющая вообще отличительную черту изданій А. Ф. Девриена, дѣлаютъ эту книгу хорошимъ праздничнымъ подаркомъ для дѣтей.

Рейнеке-лисъ-хитродумъ. Передѣлано съ нѣмецкаго Н. И. Позняковымъ. Съ 7-ю хромолитографіями и 29 политипажамъ въ текстѣ по рисункамъ Хр. Фомшелера. СПб. Изданіе А. Ф. Девриена. Ц. 2 р.

Знаменитая сказка Гѣте о продолжкахъ Рейнеке-лисы—одно изъ классическихъ произведеній всемірной литературы. Г. Позняковъ прекрасно изложилъ ее примѣнительно къ русскимъ юнымъ читателямъ. Рисунки красками и политипажомъ исполнены великолепно.

Мала быльница, да вынослива. Повѣсть для юношества В. П. Желиховской. Съ рисунками. Изданіе А. Ф. Девриена. СПб.

Покройная В. П. Желиховская обладала исключительнымъ даромъ писать занимательно; и въ обыкновенной беллетристикѣ, и въ своихъ разказахъ для юношества и дѣтей, она умѣла захватывать читателей фавбулой разсказа, всегда интересной и оригинальной. Горячая любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе ихъ не тронутой, но весьма сложной души—отражаются въ каждой ея произведеніи. Повѣсть „Мала быльница, да вынослива“ отличается тѣми же достоинствами, что и ея предыдущія многочисленныя произведенія для юношества.

Геніальный поморъ. А. В. Круглова. Съ 10 рисунками Н. Ольшанскаго. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. Москва. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

„Геніальный поморъ“—прекрасный очеркъ жизни, дѣятельности и литературныхъ, ученыхъ и общественныхъ заслугъ М. В. Ломоносова, написанный А. В. Кругловымъ. И герой очерка, и имя его автора вполне говорятъ за интересъ этой книжки, изданной, кстати, очень изящно (при ея недорогой цѣнѣ) и снабженной очень недурными рисунками.

Библиотека маленькаго читателя. Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Книжка 1-я. Составилъ В. Калмыковъ. Изданіе В. С. Спиридонова. Съ рис. Москва. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Въ этой маленькой книжкѣ собрано нѣсколько небольшихъ, вполне доступныхъ для дѣтей, разказовъ нашихъ лучшихъ писателей: Тургенева, Григорovichа, Майкова, Полевого, Короленко, Фета, Тютчева, Никитина. Издана книжка очень чисто.

Библиотека маленькаго читателя. Оюма-дурани. Разказъ Анны Догановичъ. Москва. Цѣна 20 к., въ папкѣ 30 к.

Авторъ этого разсказа много уже поработалъ въ дѣтскихъ журналахъ и издалъ нѣсколько своихъ разказовъ для дѣтей отдѣльно. „Оюма-дурани“—тепло написанный разказъ о заглавному мальчуганѣ, котораго пожелать сердце каждаго маленькаго читателя.

Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растений Павла Вольногорскаго. Съ 137 рисунками въ текстѣ и раскрашенной таблицей. СПб. Изданіе А. Ф. Девриена.

Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества Марла Крелелина. Перев. съ нѣм. проф. М. А. Холодковскій. СПб. Изданіе А. Ф. Девриена.

Оба эти произведенія, роскошно изданныя и прекрасно иллюстрированныя, составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу популярно-научную литературу для юношества. Въ интересной увлекательной формѣ излагаются наиболее выдающіе факты естественной исторіи, которые, постепенно обогащая умъ юнаго читателя массой полезныхъ свѣдѣній, дадутъ ему возможность сознательно съмотрѣть на мѣръ и на окружающую его природу.

Современный календарь на 1898 годъ. Изданіе А. Д. Ступина. Годъ 9-й. Москва. Цѣна 15 к.

Календарь А. Д. Ступина успѣлъ за нѣсколько лѣтъ заслужить извѣстность, благодаря не только обилію сообщаемыхъ въ немъ полезныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, но и весьма толковому ихъ изложенію и очень опрятной внѣшности, выдѣляющимъ его изъ ряда другихъ дешевыхъ календарей того же типа. Календарь снабженъ рисунками и портретами, воспроизведенными довольно отчетливо; кромѣ того, къ нему приложенъ стѣнной календарь и карта Европейской Россіи (съ картой Сибирской жел. дор.).

Крестный календарь на 1898 г. Изданіе В. Гатцуца. Годъ 33-й. Москва. Цѣна 15 коп.

За тридцать два года существованія „Крестнаго календаря“ содержаніе и планъ его настолько опредѣлились, что совершенно излишне о нихъ распространяться. По примѣру прошлыхъ лѣтъ въ немъ помѣщено много рисунковъ и портретовъ, приложены стѣнной календарь, а также карты Европейской Россіи и Азии и схематическая карта желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1898 г. Изданіе М. А. Глешки. Годъ 24-й. СПб. Цѣна 15 коп.

St.-Petersburger deutscher Familien-Kalender für das Jahr 1898. Verlag von M. Gläschky. Jahrgang 30. St. Petersburg. Preis 15 Kop.

Цѣль издатели этихъ календарей—дать практичный дешевый карманный календарь-справочникъ—вполнѣ достигающій; въ этихъ календаряхъ мы находимъ, кромѣ мѣсяцеслова, всѣ необходимѣйшія въ обиходѣ справочныя свѣдѣнія, сжато изложенныя и удобно размѣщенныя. Одно изъ достоинствъ календарей г. Глешки, чистый, опрятный внѣшній видъ—бумага и печать вполне приличны.

На будущій 1898 годъ вышущены въ свѣтъ издаваемые уже 26 лѣтъ Эдуардомъ Гоппе на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ отрывные календары тройкаго рода:

Календарь-ежедневникъ (годъ XXVII) съ двумя бесплатными приложениями: справочной книжкой и табель-календаремъ. Цѣна 75 коп., съ пер., ес. 1 р. 25 коп.

Календарь для хозяевъ (годъ XVI) съ 2-мя бесплатными приложениями: поваренной книжкой „Нашимъ экономнымъ хозяйкамъ“, содержащей болѣе

400 рецептов скоромного и постного семейного стола, и табель-календарем, при чем на оборотной стороне каждого отрывающегося листка напечатано меню на следующий день. Цена 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Большой еженедельник (годъ X), содержащій въ себѣ тѣ же свѣдѣнія и снабженный тѣми же приложеніями, что и „Календарь-еженедельникъ“, но превосходящій его вдвое большимъ форматомъ. Цена 1 р. 25 к., пересылка за 4 фунта.

Всѣ эти календари въ отношеніи полноты и вѣрности свѣдѣній давно уже пользуются популярностью; что же касается ихъ внѣшнего вида, то они изданы и на будущій годъ съ обычнымъ изяществомъ и прилежны къ красивымъ папкамъ въ русскомъ стилѣ по рисункамъ художника К. Врожа.

Разныя извѣстія.

— Ея Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ великою княжною Ольгою Александровною, 3-го декабря, въ 5 час. пополудни, выехала прибыть съ Кавказа, изъ Абастумана, въ Гатчину.

— Совѣтникъ посольства въ Парижѣ, въ должности гофмейстера Двора Ея Величества Николай Гирсъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Дворѣ ея величества короля бельгийцевъ и при велико-герцогскомъ люксембургскомъ дворѣ, съ оставленіемъ въ должности гофмейстера.

— Недавно закончила свои занятія, по словамъ *Нос. Др.*, комиссия, образованная для разсмотрѣнія вопроса о расширеніи с.-петербургскаго и харьковскаго технологическихъ институтовъ и московскаго техническаго училища. Единновременный расходъ на расширеніе и улучшеніе всѣхъ трехъ заведеній исчисленъ въ 1,570,000 рублей: на с.-петербургскій технологическій институтъ потребуется 670 тыс., на харьковскій технологическій—250 тыс. и на московское техническое училище—650 тыс. Въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ будутъ устроены новыя химическая лабораторія, электро-техническая мастерская и физическая аудиторія, расширены механическая лабораторія и мастерская, аудиторія, чертежные залы и пр. Одновременно съ этимъ будутъ произведены затраты на улучшеніе вообще зданія при помощи устройства лучшей вентиляціи учебныхъ помѣщеній, расширенія лестницы и т. д. Въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ будутъ устроены двѣ большія аудиторіи для младшихъ курсовъ и расширены чертежные залы. Въ московскомъ техническомъ училищѣ обращено особенное вниманіе на необходимость значительно увеличить число учащихся на химическомъ отдѣленіи. Съ этою цѣлью будутъ устроены новыя химическая и техно-химическая лабораторіи. Кроме того, будутъ вновь устроены механическая лабораторія и электро-техническая мастерская, улучшены нынѣшнія механическія мастерскія, расширены аудиторія и чертежные залы. Ежегодный дополнительный отпускъ на содержаніе всѣхъ трехъ учебныхъ заведеній рѣшено увеличить на 170 тыс. руб.; нынѣ расходуетъ 631 тыс. руб. Норма учащихся будетъ доведена въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ съ 500 до 1,200 учащихся, въ харьковскомъ—съ 500 до 1,000 и въ московскомъ училищѣ—съ 500 до 900. Усиленный приемъ будетъ открытъ съ начала предстоящаго учебнаго года.

— По словамъ *Варшавскаго Дневника*, въ послѣднемъ выпускѣ новаго варшавскаго изданія „Библиотека избранныхъ произведеній“ напечатана часть „Записокъ охотника“ И. С. Тургенева въ очень удачномъ и близкомъ къ подлиннику переводѣ Клеменса Юноши. Обложка журнала украшена портретомъ и факсимиле нашего знаменитаго писателя.

— Потомственная почетная гражданка В. А. Морозова передала въ городскую управу 20,000 р., предназначенные на нужды женскаго медицинскаго института.

В. А. Латышевъ (по поводу 25-лѣтія педагогической дѣятельности). Съ фот. автогипія „Нивы“.

— У отдѣлъ Императорскаго русскаго технического общества устраиваетъ въ 1898 году пятую фотографическую выставку въ С.-Петербургѣ—съ цѣлью выяснитъ успѣхи, сдѣланные фотографіей въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Выставка откроется 8-го февраля и продолжится отъ 6-ти до 8-ми недѣль. Къ участию въ выставкѣ приглашаются русскіе экспоненты. На выставку принимаются всѣ предметы и принадлежности, касающіеся фотографіи. Лучшія изъ выставленныхъ произведеній будутъ награждаться медалями отъ имени Императорскаго русскаго технического общества. Устройство выставки, приемъ и расположеніе выставленныхъ предметовъ и вообще распоряженіе всѣми дѣлами выставки и всѣмъ хозяйствомъ ея возложено на порядительный комитетъ. Желающіе участвовать могутъ получать подробныя правила, касающіяся выставки, для чего слѣдуетъ обращаться письменно въ распорядительный комитетъ V фотографической выставки (СПБ., Пантелеймоновская ул., № 2).

— Религиозно-нравственный журналъ *Русскій Ломоносовъ*, издающійся уже 13 лѣтъ и совершенствующійся съ каждымъ годомъ, разошелъ своимъ подписчикамъ въ концѣ текущаго года, на ряду съ XI-й книжкой ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений „Свѣтъ Азии. Распространеніе христіанства въ Сибири“, цѣнное художественное приложеніе—икону новоявленнаго чудотворца, святителя Феодосія, архіепископа черниговскаго. Икона эта выдѣляется тѣмъ, что отпечатана красками не на бумагѣ, въ видѣ хромолитографіи, но на металлѣ и снабжена изощрою золоченой ризою. Слѣдуетъ отмѣтить, что эта художественно исполненная икона изготовлена у насъ же, въ Россіи,—фирмой Жако въ Москвѣ. Кроме этого приложенія, журналомъ *Русскій Ломоносовъ* разосланъ еще альбомъ „Въ память франко-русскаго союза“, текстъ и рисунки котораго посвящены описанію посѣщенія Ихъ Величествами Франціи и президентомъ Форомъ Россіи; въ концѣ альбома помѣщено описаніе послѣднихъ дней жизни творца франко-русскаго союза—въ Возѣ почившаго императора Александра III.

— 30-го ноября состоялось торжественное празд-

нованіе 25-лѣтія московскаго политехническаго музея, дѣятельности котораго посвящена была специальная статья въ № 49 *Нивы*. Торжество происходило въ зданіи музея, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича и почетнаго предсѣдателя комитета политехническаго музея великаго князя Константина Константиновича. На торжество собрались многіе представители администраціи, ученыхъ учреждений и ученыхъ обществъ. Когда Ихъ Высочества, по прибытіи въ большой залъ музея, заняли мѣста въ креслахъ передъ эстрадою, товарищъ почетнаго предсѣдателя комитета музея князь В. М. Голицынъ произнесъ рѣчь, посвященную общему историческому обзору возникновенія музея и его двадцати-пятилѣтней дѣятельности. Затѣмъ, второй товарищъ почетнаго предсѣдателя А. П. Развѣтовъ, по порученію министра финансовъ, приветствовалъ комитетъ съ 25-лѣтнемъ существованія музея, послѣ чего секретарь комитета В. Д. Левинскій прочиталъ краткую очеркъ дѣятельности комитета и музея. Затѣмъ кн. В. М. Голицынъ, прочтя приветственныя телеграммы, сообщилъ, что, съ разрѣшенія почетнаго предсѣдателя комитета музея, великаго князя Константина Константиновича, открыта подписка для образованія капитала съ цѣлью учрежденія двухъ премій имени скончавшихся инициатора музея—заслуженнаго профессора А. П. Богданова и товарища почетнаго предсѣдателя комитета—Д. А. Наумова. До настоящаго времени подписка эта дала 4,539 р. 90 к., изъ которыхъ 4,000 руб. хранятся въ московскомъ купеческомъ банкѣ до пополненія ихъ до 10,000 р., такъ, чтобы каждая премія состояла изъ процентовъ съ капитала въ 5,000 руб. Комитетъ, не дожидаясь окончанія подписки, объявляетъ одну премію въ 1898 году на проценты съ 4,000 руб. за на-

Памятникъ на могилѣ Н. А. Некрасова въ Новодвѣвичьемъ монастырѣ (по поводу 20-лѣтія его кончины). Съ фот. Насѣтвеннаго грав. Шублякъ.

учное сочиненіе по прикладнымъ знаніямъ. Избрана специальная коммисія для выработки правилъ присужденія преміи имени А. П. Богданова въ слѣдующемъ году за научный трудъ по прикладному естествознанію и особенно зоологіи и для присужденія въ 1898 году преміи имени Д. А. Наумова за сочиненіе по сельскому хозяйству. Затѣмъ проф. В. К. Цераскій прочиталъ сообщеніе „О значеніи фото-

графіи для изученія солнца и звѣздъ“, а директоръ отдѣла прикладной физики музея А. Х. Реиманъ— сообщеніе „О приборѣ Маркони“ (телеграфъ безъ проводовъ).

— С.-петербургскимъ комитетомъ россійскаго общества Краснаго Креста, для оказанія помощи увѣчнымъ воинамъ и ихъ семействамъ, устраивается выставка художественно-ремесленныхъ и кустар-

ныхъ издѣлій. Выставка принята подъ покровительство его великогерцогскаго высочества герцога Михаила Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго. Выставка откроется въ четвергъ на первой недѣлѣ Великаго поста, т. е. 19-го февраля 1898 года. Согласно разрѣшенію министра финансовъ, къ участию въ выставкѣ будутъ привлечены французскіе ремесленники и кустари.

Нашимъ читателямъ.

Прошелъ еще одинъ годъ въ упорномъ трудѣ надъ постепеннымъ совершенствованіемъ „Нивы“. Прощаясь съ нашими читателями въ истекающемъ году, мы надѣемся встрѣтиться съ ними и въ наступающемъ 1898 году. Надежда эта основана не только на неусыпныхъ нашихъ заботахъ объ улучшеніи журнала, но и на томъ духовномъ единеніи, которое съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпнетъ между тружениками, работающими на пользу „Нивы“, и ея многочисленными читателями.

Насъ объединяетъ одно великое чувство: любовь къ родинѣ, и одно непоколебимое убѣжденіе,—что эта любовь плодотворна только тогда, когда она идетъ рука-объ-руку съ просвѣтительными задачами. Видѣть родину просвѣщенною — значитъ видѣть ее процвѣтающею. „Нива“ всѣми доступными ей средствами примыкаетъ къ этой великой задачѣ, и это устанавливаетъ самую надежную связь между нею и ея читателями.

За нами двадцать восемь лѣтъ упорнаго труда въ этомъ направленіи. Мы всегда старались придерживаться возвышеннаго правила, такъ краснорѣчиво выраженнаго поэтомъ, память котораго чествуется въ день выхода послѣдняго нумера „Нивы“ въ этомъ году. Единеніе, установившееся между „Нивою“ и ея читателями, служитъ намъ лучшимъ доказательствомъ, что желаніе „сѣять разумное, доброе, вѣчное“ дѣйствительно даетъ право на „спасибо сердечное“.

Мы вступаемъ въ новый годъ съ твердою рѣшимостью ни на шагъ не уклоняться отъ избраннаго пути. Онъ ясно намѣченъ въ нашемъ объявленіи о подпискѣ на 1898 годъ („Нива“ № 40). Всѣ отдѣлы журнала ведутся въ этомъ духѣ: словомъ и рисункомъ, выборомъ литературныхъ произведеній, популярно-научными статьями, освѣщеніемъ текущихъ событій, распространеніемъ трудовъ нашихъ лучшихъ писателей мы стараемся приблизиться все къ той же великой цѣли. Немногіе изъ русскихъ писателей служили ей съ такимъ воодушевленіемъ и успѣхомъ, какъ незабвенный **И. С. Тургеневъ**. Въ наступающемъ году мы поставлены въ возможность дать, какъ бесплатное приложеніе къ журналу, всѣ его сочиненія, впервые нами собранныя воедино для нашихъ подписчиковъ.

Неусыпно заботясь о постепенномъ своемъ совершенствованіи, „Нива“ бодро вступаетъ въ новый, двадцать девятый годъ своего служенія тому просвѣтительному дѣлу, которое доставило ей прочное мѣсто среди другихъ органовъ русской печати.

СОДЕРЖАНІЕ: Солодныи подарокъ. Святочный разсказъ княгини Маріи Волконской. — Молодость графа Аракчеева. Очеркъ С. Н. Шубинскаго. — Арнольдъ Бѣлинъ (съ портр.). — Древнѣйшіе самовары (съ 2 рис.). — Пѣсни любви. Стих. О. Яковлева. — Къ расужкамъ: Праздничныи визитъ. — Крещеніе Франкскаго короля Хлодвига I въ Реймъ въ день Рождества 496 года. — Царица бала. — Потѣха въ теремѣ XVII вѣка. Карлицы, дурки, гсрбуны. — Великій князь Василій Костромской и Галицій въ время охоты въ лѣсу. находить на большой соснѣ икону Федоровской Божіей Матери. — Залъ засѣданій городской думы въ Петербургѣ (съ рис.). — В. А. Латышевъ (съ портр.). — И. А. Некрасовъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныи извѣстія. — Нашимъ читателямъ. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объявленія.

При этомъ № прилагается Оглавленіе „Нивы“ за 1897 г.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе неудовольствія и нареканій на замедленіе въ полученіи первыхъ номеровъ журнала, контора „Нивы“ считаетъ долгомъ заявить, что на печатаніе и провѣрку адресовъ и на сдачу номеровъ Почтамту требуется не мало времени, и что требованія исполняются конторою журнала по очереди ихъ поступленія, а потому гг. подписчики, какъ иногородніе, такъ и городскіе, желающіе получить, по возможности, своевременно первые номера журнала, благоволятъ поспѣшить возобновленіемъ подписки на „Ниву“ 1898 года.

**НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
горькая вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.**

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булапеттѣ.

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Гигиенна пудра негальтманъ и мюсллавма.
ED. PINAUD
PARIS

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій
КАКАО ФЛИКЪ.
Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.
Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
В. № 10486 15-7

**ВЫШЕЛЪ ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ АЛЬБОМА
„25-лѣтіе Товар. передв. худож. выст.“**

изд. худож. фотот. Н. А. Фишеръ (подъ непосредств. надб. Ком. Товар.) Всѣхъ будетъ 6 выпусковъ по 30 лист. въ quarto, содерж. 270 разм. сним., съ прич. назв. и именъ автор., на русск. и французск. языкахъ. При послѣднемъ выпускѣ общее оглавление карт. съ обозначеніемъ ихъ разм., года нанис. и мѣста находж., краткій очеркъ давн. выст. за 25 лѣтъ и планка для помѣщ. всей коллекціи.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
Цѣна на все изданіе, безъ пересылк. 12 руб., съ пересылк. 15 руб. (можно съ наложеннымъ платежомъ). По выходѣ VI вып. цѣна на альбомъ возвысится. № 10811 2-1
Складъ изданія: Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
MARQUE FABRIQUE
ВЪ МЕДИЦИНСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ ВЪ ПАРИЖѢ

**ЗНАМЕНАТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.**

А. № 9861 26-26

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖЕНАГО ТОВАРИТЕЛЬСТВА
КОНЬЯКЪ ШУСТОВА
1896 ВЪСЮЩАЯ НАГРАДА ГОДА
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.
СЪ СЫНОВЬЯМИ

Не опаздывайте подпиской на московскій юмористическій журналъ
Будильникъ
Въ журналѣ еженедѣльно всѣ „злобы дня“ политики, столицъ и провинціи. Въ теченіи года — ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ГОЛОВЪ. Иллюстрированные юмористическіе рассказы. На 1898 г. выдается годовымъ подписчикамъ ПРЕМІЯ: № 10705 5-
„СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО“, полный текстъ съ девятью фотографіями. На годъ съ преміей — 10 р.; безъ преміи — 9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупнымъ — разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. — 1 іюня 1898 г.
Подписку адресовать:
Москва, редація „БУДИЛЬНИКА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 24 ТОМА „ИСТОРИИ РОССИИ“
Въ составъ первыхъ 12 томовъ войдетъ полностью „Исторія государства Россійскаго, Карамзина“ (безъ примѣчаній), остальные тома будутъ служить этому труду продолженіемъ. Всѣ 24 тома такимъ образомъ составятъ полную „Исторію Россіи“ отъ начала Руси до воцаренія Императора Александра III, и будутъ заключать въ себѣ до 400 печатныхъ листовъ формата in 8vo или болѣе 8000 стран. Подписная цѣна: безъ доставки 4 р. 50 к., съ доставкой и пересылк. 6 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., по полученіи 6 го т. 2 р. и по полученіи 12-го т. 2 р.; по выходѣ 8-го тома подписная цѣна повзысится. Вышли изъ печати первые 4 тома и высылаются немедленно, слѣдующіе печатаются и высылаются по мѣрѣ выхода. Подробныя объявленія высылаются бесплатно. Подписка принимается въ Конторѣ изданія, С.-Петербургъ, Литейный пр., 33, кв. 13. Издатель В. Максимовъ.

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ НА ЕЛКУ:
Зол. очки, пенснэ, лорнеты, бинокли, барометры, готовальни, стереоскопы и пр. по удешевленнымъ цѣнамъ.
Оптикъ Г. ШТРАУСЪ,
Больш. Морская, № 27.
◆◆ Сокращенные прѣсы-курранты безплатно. ◆◆

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.
на большую ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни
„КУРЬЕРЪ“.
Газета „КУРЬЕРЪ“ издается въ форматѣ и объемѣ большихъ столичныхъ газетъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ доставкой и пересылкой
на 1 годъ . . . 6 р. — н. на 3 мѣс. . . . 2 р. — н.
„ 1/2 года . . . 3 „ 50 „ „ 1 мѣс. . . . — „ 75 „
Главная контора и редація помѣщаются въ Москвѣ, на Петровскомъ бульв., д. Натуаръ.
Телефонъ № 2262. Ц. № 10780 2-2

